

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ФОНД «ЕВРАЗИЙЦЫ – НОВАЯ ВОЛНА»
МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ»

РОССИЯ СЕГОДНЯ

На разрыв аорты:

*история российской
журналистики
в произведениях и лицах*

Международная медиаконференция

«Современные медиа: новые вызовы и риски»

25 ноября 2014 года

МОСКВА-БИШКЕК - 2014

УДК

И

Авторы-составители: докт. филол. наук, профессор А. С. Кацев,
канд. филол. наук, доцент Н. Л. Слободянюк

Рецензенты: канд. филол. наук Б. Т. Койчугев,
канд. филол. наук А. Т. Омурканова

Рекомендовано к изданию
Кафедрой международной журналистики КРСУ,
Ученым советом ФМО КРСУ

И История российской журналистики в лицах и произведениях. Учебник-хрестоматия. /Сост. А. С. Кацев, Н. Л. Слободянюк; авт. пред. А. С. Кацев; авт. вступ. статьи Н. Л. Слободянюк – Бишкек: КРСУ, 2015; Т/О "Neformat"

Предложенная вниманию читателя хрестоматия представляет собой результат долгой кропотливой работы по отбору произведений и имен российской журналистики от времени ее зарождения до наших дней. Каждый текст представляет собой маленький штришок российской действительности за последние почти четыре века, а собранные вместе они создают представление о развитии общественной мысли, о становлении гражданского общества в России, о быте и нравах «старых» и «новых» россиян. Вчитываясь в тексты прошлых времен и в современные тексты, начинаешь осознавать: «Каждый народ имеет ту журналистику, которую заслуживает».

Хрестоматия адресована читателю интересующемуся историей общественной мысли , а также преподавателям и студентам – журналистам, культурологам, историкам и др.

©Составители А. С. Кацев,
Н. Л. Слободянюк, 2015

Содержание

Предисловие. Мелодия бубенцов почтовой тройки

Введение. Российская журналистика от рассвета до заката...?

Русская и российская журналистика от начала до Октябрьской революции

Феофан Прокопович

О персоне

Слово на погребение Петра Великого

Яков Синявич

О персоне

А. Мальшинский. Первый русский репортер

Михаил Ломоносов

О персоне

Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии

Екатерина II Великая

О персоне

"Всякая всячина"

Поздравление с Новым годом

Ко читателю

Николай Новиков

О персоне

О характере сатиры в журналах "ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА" и "И ТО И СЁ"

Каким должен быть автор еженедельных сочинений

Трутенъ. *Еженедельное издание на 1769 год месяц май*

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЛИСТ XXI. СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ

ЛИСТ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Трутенъ. *Еженедельное издание на 1770 год*

ЛИСТ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ

В НОВЫЙ ГОД НОВОЕ СЧАСТИЕ

ЛИСТ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ

ЛИСТ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ

ЛИСТ XI. МАРТА 16 ДНЯ

ЛИСТ XII. МАРТА 25 ДНЯ

ЛИСТ XIII. МАРТА 50 ДНЯ

ЛИСТ XIV. АПРЕЛЯ 6 ДНЯ

ЛИСТ XV. АПРЕЛЯ 15 ДНЯ

Александр Сумароков

О персоне

Предложение разумным россиянам о принятии нового исчисления времени

О пребывании в Москве Монброна

Слово о любви ко ближнему

Блохи

Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства ея императорского величества 1759 года

Иван Пнин

О персоне

Письмо к издателю

Вопль невинности, отвергаемой законами

Александр Куницын

О персоне

Послание к русским

Корреспонденции о военных действиях

Изображение взаимной связи государственных сведений

Михаил Достоевский

О персоне

Стихотворения А. Н. Плещеева

Виссарион Белинский

О персоне

Н. Страхов. Заметки о белиснком

Голос в защиту от «Голоса в защиту русского языка»

Журнальная заметка

Николай Страхов

О персоне

Тяжелое время (Письмо в редакцию «Времени»)

Нечто о характере нашего времени.(Несколько слов по поводу одной журнальной статьи)

Василий Курочкин

О персоне

Русский разговор петербургских дам

"Искра" 1870 года

Письма доброжелателей "Искры"

Письмо с того света

Ответ на письмо с того света

Письмо подозрительного радикала

Ответ «Искры»

Анонимное письмо

Ответ на анонимное письмо

Педагогическое нововведение (Письмо в редакцию в стихах и прозе)

Влас Дорошевич

О персоне

Из книги «Сахалин. Каторга»

Прибытие на остров-тюрьму

Первые впечатления

Лазарет

Каторжное кладбище

День в тюрьме

Тюрьма кандалная

Вольная тюрьма

Мастерские

Околоток

Женская тюрьма

Карцеры

Укрощенный хам

Два одессита

Супружеская чета убийц

Отчаявшийся тихоня Гребенюк

Беспощадный и нежный Паклин

Когда начинается каторга

В XX веке.

Стенько-разинщина

К общественной совести

Человек, которого интервьюировали

Владимир Гиляровский

О персоне

Репортажи

Орехово-Зуево

Страшная катастрофа на курской железной дороге

С места катастрофы на курской железной дороге

Катастрофа на фабрике Хлудова

Подземные работы в Москве

Ловля собак в Москве

Солнечное затмение под Москвой

Редакторы

Казенные газеты

Цензура и цензоры

Московские газеты в 80-х годах

Алексей Суворин

О персоне

М. В. Ганичева. Русский издатель Алексей Суворин

"Маленькие письма"

Журналистика советского периода

Лев Троцкий

О персоне

Их мораль и наша

Михаил Кольцов

О персоне

Корреспонденции. Репортажи. Очерки

А. Зорич (Василий Тимофеевич Локоть)

О персоне. В. Л. Сосновский. А. ЗОРИЧ (Василий Тимофеевич Локоть)

Редактор

В алтарях

Трудный случай

Петух

Общий знакомый

Лев Сосновский

О персоне

Автобиография

Смагин

Рыцарь пера

В гостях у советского «Робинзона»

Илья Ильф и Евгений Петров

О персоне

Сделал свое дело уходи

Пятая проблема

Детей надо любить

Бродят по городу старухи

Журналист Ошейников

Евгений Петров. Фронтовые корреспонденции

Командир и комиссар

Москва за нами

Что такое счастье

Катя

Севастополь держится

Михаил Зощенко

О персоне

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"

Фельетоны

Письма в редакцию

Щедрые люди

Опасная пьеска

Психологическая история

На краешке стола. Маленькие фельетоны

И так и этак
Землетрясение в Ленинграде
Баюшки-баю
Берегите карманы

Юрий Олеша (Зубило)

О персоне
Первый блогер Юрий Олеша
Я увидел столб в шубе
Называтель вещей
Фрагменты из «Книги прощания»
Речь на 1 всесоюзном съезде советских писателей

Михаил Булгаков

О персоне
Из "Письма правительству СССР" Михаила Булгакова от 28 марта 1930 года
Незаслуженная обида
Крысиный разговор
Банное послесловие
Допрос с беспристрастием
Как бороться с «Гудком»
 Переписка насчет грязи
 2000 зубов
 Кружки на привязи
Под мухой
Игра природа

Мариэтта Шагинян

О персоне
Качество продукции
Коротко об Уилки Коллинзе

Илья Эренбург

О персоне
Фашистские мракобесы
Убей!
Душа народа
Военные репортажи
 3 июля 1941 года
19 июля 1941 года. Упорные бои
14 января 1942 года
19 января 1943 года
18 июля 1944 года
27 апреля 1945 года

Татьяна ТЭСС

О персоне
Ф. Г. Раневская- журналистке Татьяне ТЭСС

Мадонна Литта
Как прожили жизнь два солдата
Внучка Джамбула

Анатолий Аграновский

О персоне
Вашу руку, Иван Иванович!
Открытие доктора Федорова

Валерий Аграновский

О персоне
Говорят бывшие нарильчане
Зряплата

Василий Песков

О персоне
«Голых девиц фотографировать неинтересно»
Русаки на Аляске
Дезертир

Фарид Сейфуль-Мулюков

О персоне
«Все, с кем я встречался, были мне интересны»
Мы работали в трудных условиях, но использовали все возможности для
своевременного освещения событий
Журналистика вчера и сегодня

Игорь Фесуненко

О персоне
Интервью
В Буэнос-Айресе
Любой режим нуждается в пропаганде

Валентин Зорин

О персоне
Валентин Зорин, проповедник. В гостях у ветерана холодной войны
«Силы, стоящие за убийством Кеннеди, и сегодня очень могущественны»
У нашего поколения есть свои идеи и идеалы

Александр Каверзнев

О персоне
Последняя командировка Александра Каверзнева
«Эффект Каверзнева»
Афганский дневник

Александр Бовин

О персоне
Интеграция в свободу
Я вообще ничей человек
«В приемной Андропова не было дверей. Чтобы попасть к шефу КГБ, следовало
зайти в один из шкафов, стоявших вдоль стены»

Генрих Боровик

О персоне

«Хемингуэй бросил фразу: «Мужчина не имеет права умереть в постели — либо в бою, либо пуля в лоб»

Голливуд как инструмент пропаганды. Из книги Генриха Боровика «Контора на улице Монтэра» (1978)

Валентин Игнатенко

О персоне

Современная российская журналистика

Дмитрий Холодов

О персоне

Сухумский апокалипсис

Павел (Пол) Хлебников

О персоне

Из книги «Разговор с варварами»

Кто такой Хожа Нухаев?

Разборка с Отариком

Когда позволено убивать?

В защиту нового варварства

Леонид Парфенов

О персоне

«Самый проклятый русский вопрос – почему Россия не Финляндия?»

Мы недостойны звания европейского народа

Владимир Познер

О персоне

Реплики: О негативной информации в СМИ

Времена. Дорога – это жизнь. 27 октября 2007 года

«Кто сказал, что происходящее на Украине — это демократия?»

Сергей Доренко

О персоне

Расшифровки «Программ Сергея Доренко»

Программа 29.04.2000

Программа 27.05.2000

Программа 08.04.2000

Телевидение - это искусство для бедных, необразованных женщин

Александр Невзоров

О персоне

Дмитрий Быков Александр Невзоров: Человек – тупиковая ветвь эволюции

Борис Бабанов. «600 секунд» – это ошибки молодости

Программа А. Невзорова «600 секунд»

Матвей Гонопольский

О персоне

О своих впечатлениях от жизни в Америке
Медведев в заложниках?
Русские, заткните свои поганые пасти
"Я предлагаю Алексею Навальному немедленно покинуть Россию! Потому что он
сядет в тюрьму на три года"
Место для совести
Европейский кондоминимум: ужасы римского городка

Алексей Митрофанов

О персоне
О российском героизме питья
Москва: город или деревня?
Миссионерство по-африкански

Николай Сванидзе

О персоне
«Народ у нас бедный и закомплексованный»
"ТВ - шутка поверхностная"
«Заткнут рот – уйду из профессии»

Алексей Венедиктов

О персоне
"Эхо" для чуткого уха. Радиостанции "Эхо Москвы" - 21 год
Без посредников(Авторская передача)

Дарья Асламова

О персоне
Женщина, рожденная для войны и секса
Почему чеченцы теперь больше патриоты России, чем иные москвичи
Война на Украине разбудила русских
Цыганские Штаты Европы. За что цыган нигде не любят, а в Болгарии бьют?
(репортаж)

Дмитрий Быков

О персоне
«Наша пресса у нас действительно несвободна»
"Без Ксении Собчак святость Чулпан Хаматовой была бы не так ослепительна"
Кока-кома
Прогресс вручную
Округ Россия
«Россия – это болото. Но оно не горит»
«Лучше быть толстым, но сообразительным»

Александр Гордон

О персоне
Разнимать дерущихся в студии не буду
«Я приветствую необразованность аудитории»
«Все устали от болезни постмодерна»
"Телевидение - низкий жанр"

"Гордон Кихот" - борьба двух чудовищ, второе из которых - это я"

Гордон Кихот: Гордон и Задорнов

В программе `Гордон Кихот` Виктор Ерофеев выглядел потерпевшим

Михаил Леонтьев

О персоне

Газета "Сегодня" вчера и сегодня

Для Германии нынешний Евросоюз — это «Четвертый рейх»

Материалы авторской программы «Однако»

Большой финансовый коллапс. 27 октября 2008

Повелитель мух. 18 июля 2009

Об идеальном клоуне Обаме. 18 июля 2009

Сдаваться легко. Европа капитулирует перед долларом. 26 мая 2010

Нелюбимая. 23 февраля 2011

Павел Гусев

О персоне

«Отношение к свободе слова у журналистов меняется. Многие из них не хотят быть быдлом. Не хотят быть в стаде при ком-то – и это радует»

«СМИ в России стали «инструментом власти»

“Нас пиплметром не измерить“

Александр Проханов

О персоне

Москву ожидает судьба Кабула

В XXI век – без демократов

Телевизионное мясо

Мессианство Путина

Светоносный Лермонтов

Бирюлевский взрыв. Реплика Александра Проханова

Сергей Минаев

О персоне

Сергей Минаев о своем новом телеканале «Я не хочу делать междусобойчик на кухне для людей, которые сидят в «Бонтемпи» с айпэдами»

Тётя Ася идёт в жопу! (Манифест новых медиа)

«Честный понедельник» с Сергеем Минаевым. Россия - светское государство

Владимир Соловьев

О персоне

Опасность политических нулей

Машины против пешеходов, чиновники против всех

Владимир Соловьев о программе "Поединок"

Ток-шокер — Владимир Соловьев о гражданской миссии журналиста на ТВ

Владимир Мамонтов

О персоне

Владимир Мамонтов: "Известия" — не дубина в руках власти!"

Не дай Бог, погром и революция

Особое мнение. Владимир Мамонтов. Время выхода в эфир: 2007-01-08 17:10

Алексей Пушкин

О персоне

«Ждать победы на поле боя»

«Политкорректность всегда что-то скрывает». Телепрограмме «Постскриптум»
исполняется тринадцать лет. 29.06.2011

Пусть каются побеждённые в той войне. А мы - победители

Дмитрий Киселев

О персоне

Интервью с Дмитрием Киселевым

«Поведение Запада граничит с шизофренией»

Украина – это Азия

Во время Второй мировой УПА против немцев не воевала

Евгений Киселев

О персоне

Здесь просто вольница, разгул демократии

За 20-летие НТВ я не выпью, а вот за первые 6,5 лет выпью с удовольствием

«Подсчитывать баланс мнений в новостях – это профессиональная мастурбация»

Леонид Млечин

О персоне

Интервью с Л. Млечиным в программе «Особое мнение»

«Если бы не Сталин, Израиль мог не появиться на карте мира»

" Вы все – москаль, империалисты, вы нас всех душили"

«Все наши представления о Гражданской войне - ложь!»

Ксения Соколова

О персоне

Трудно быть телкой

О русском народе

«Пользуясь служебным положением, я хочу познакомить читателей с Прохоровым»

Кира Прашутинская

О персоне

«Люди должны быть свободными в своих идеях»

«Считаю, что старость унижительна»

Почему народ достоин лучшего телевидения

Свобода стоит дорого

Всеволод Богданов

О персоне

Мы не вправе вступать в «Народный фронт»

«Журналисты в России больше не четвертая власть»

«Хорошая пресса у нас есть»

Путь в журналистику. Беседа с председателем Союза журналистов России

Всеволодом Богдановым

Олег Кашин

О персоне

Болотное дело: умри ты сегодня, а я завтра

Почему Андрей Норкин выступил против «Дождя»

Россия – уродливое детище Беловежского договора

Сергей Капков и возвращение Булата Окуджавы

Артем Боровик

О персоне

Как я был американским солдатом

Маргарита Симонян

О персоне

Претензии Ofcom к RT — попытка надавить на нас

Австрийский Profil. Смешной австрийский журналист

Я не согласна с Вдовиным, но готова отдать жизнь за его право высказывания

С виду нормальные люди

Михаил Гусман

О персоне

Мирового правительства не существует

Каддафи – мой самый сложный собеседник

«О чем не сообщил ТАСС, того не существует в природе»

У каждого свой неповторимый путь наверх

«Вся моя жизнь в России посвящена укреплению российско-азербайджанских отношений»

Лица российской современной ТВ-журналистики

Марианна Максимовская

Андрей Малахов

Алексей Пиманов

Эвелина Закамская

Игорь Покопенко

Аркадий Мамонтов

Ксения Собчак

Сергей Брилев

Михаил Зеленский

Мария Ситтель

Борис Берман, Ильдар Жиндарев

Светлана Сорокина

Петр Толстой

Ирада Зейналова

Иван Ургант

Екатерина Андреева

Юлия Меньшова

Александр Любимов
Леонид Закошанский

Предисловие

Мелодия бубенцов почтовой тройки

История обозначается много позже происшедшего, поэтому нередко разнятся отечественные истории с мировой историей в той или другой области знаний. Если учесть, что мы все мыслим мифологемами, контрастирующими на том или другом этапе друг с другом, то говорить об объективности трансформации отдельных фактов в исторический процесс невозможно, т.к. ракурс определяет приоритеты пишущего историю.

Хорошо известно, что журналистика как информационно-коммуникационное пространство имеет наидревнейшее происхождение, о чем свидетельствует характеризующее ее определение: «вторая древнейшая профессия». И если вести отсчет от появления первых свидетельств ее функционирования до настоящего времени, то можно наметить закономерности проявления того, что называется «журналистика» (сфера творчества, возникшая на заре становления личности и общественных отношений, но получившая это название сравнительно недавно).

Написать «всеобщую историю журналистики» невозможно, т.к. большая ее часть приходится на «устный период», после которого остались своеобразным эхом лишь общие представления о том, какими были предтечи, как, например, «узун кулак» в азиатском горном и степном культурно-коммуникационном пространстве.

Подобные «отпечатки» передают наше понимание, моделирующее те процессы, позже оформившиеся, как предыстория журналистики – особого искусства слова (в фольклоре объектом изображения становится человек, в «устной журналистике» – событие, предстающее или как новость, или как сплетня, как правило, эти два аспекта предстают в едином контексте и оказывают воздействие на ее позднейшее развитие).

Национальные истории журналистики отличаются своеобразием, вобравшим генезис национального образа мира.

Так, русская журналистика в своем профессиональном воплощении имеет позднее происхождение. Связано это, как ни парадоксально с тем, что почтовые станции на

огромных просторах страны появились сравнительно поздно и доставка корреспонденции «стала осуществляться» тогда же.

С этого момента можно вести отсчет формированию и распространению периодической печати.

Этот малый отрезок истории журналистики, созданный по градации XIX века репортерами и литераторами с эпохи русского Просвещения и до наших дней в произведениях и лицах предстает на страницах этого издания.

За многообразием авторских индивидуальностей, как в переводных картинках, проступают эпохи со своими приоритетами, с именами и произведениями, волнующими умы, не оставляющих современников равнодушными свидетелями больших и малых событий эпохи, которые трансформируются в журналистские тексты.

А.С. Кацев

Введение

Российская журналистика от рассвета до заката...?

По накалу страстей сюжет развития российской журналистики не уступает культовому триллеру Роберта Родригеса и квинтина Торантино. Для справки: «Триллер (от [англ. Thrill](#) — трепет, волнение) — жанр произведений [литературы](#) и [кино](#), нацеленный вызвать у зрителя или читателя чувства тревожного ожидания, волнения или [страха](#)». За более чем четыре века существования в русской журналистике было все: и борьба за власть, и убийства, противостояние всем и вся, предательство и гражданский подвиг, торжество интеллекта и апофеоз безвкусицы и глупости. Российская журналистика принимала самые различные формы – в лучших традициях оборотничества – от изысканной литературной дискуссии до площадного стеба, от навязчивого монотонного официоза до лебединой песни свободолюбивой интеллигенции. В этой книге представлены материалы и лица, демонстрирующие русскую журналистику во всех ее проявлениях. Это напоминает езду на американских горках, вызывает самые противоречивые ощущения: от гнева и возмущения до восторга и восхищения... Но это и есть история.

Возникает русская журналистика как дело государственной важности. Заниматься ею не гнущались монархи и первые лица государства. Все начинается с самой первой русской – московской газеты. Это была предшественница знаменитых печатных «Ведомостей», которые начали выходить по указу Петра I в самом начале XVIII века – рукописные «Куранты». Ее первые выпуски появились в июне 1600 года. Зарождалась газета в Посольском приказе, ставшем к середине XVII века не только ведомством внешней политики, «оком всей великой России», но и своего рода культурным центром страны. Предназначались «Куранты», говоря современным языком, для информирования

царя и боярской думы о событиях иноземной жизни. Дополнительными сведениями служили также письма русских людей, находящихся за рубежом, и отчеты послов, так называемые статейные списки. Вначале поступающие в Посольский приказ зарубежные газеты, журналы и ведомости переводились на русский язык, затем из них отбирались важнейшие материалы о «европейских поведениях». Выходила она на протяжении восьмидесяти лет под разными названиями: «Куранты», «Ведомости», «Вестовые письма», «Вести». Окончательно упорядочил выпуск «Курантов» в 1660-1670 годах выдающийся государственный деятель боярин Посольского приказа А. Ордин-Нащокин, личность весьма примечательная. Он получил хорошее образование, знал иностранные языки, риторику, любил математику. Как государственный деятель, активизировал внешнюю политику русского государства, был ревностным сторонником прогрессивного преобразования страны в экономической и военных областях. Именно по его инициативе была организована почтовая связь между Москвой, Ригой и Вильно, благодаря чему газеты и донесения из-за рубежа поступали в столицу гораздо быстрее, чем прежде. При нем же пополнилась библиотека Посольского приказа. Высокообразованными людьми были и другие руководители этого ведомства — А. Матвеев и В. Голицын. «Курантельщики» — редакторы, правщики, переводчики приводили в порядок собранные материалы, «переводили» их на язык читателя. Хотя и эта газета не обходилась без сенсаций. Одно из извести гласило: «В галанской земле рыбники видели чудо в море — голова у него человеческая, да ус долгой, а борода широкая. Чудо под судно унырнуло и опять вынырнуло. Рыбники побежали на корму и хотели его ухватить, и он опрокинулся. И они видели у него туловище, что у рака, а хвост у него широк...»

Вот документ, дающий яркую картинку этой работы: «Государю царю... Алексею Михайловичу холопи твои Ивашко Репнин, Сенька Углецкой челом бьем. В нынешнем в 1664 году августа 29 сказывал нам, холопам твоим, переводчик Лазарь Циммерманов, прислал де к нему, к Лазарю, из Пскова переводчик Ефим Рентуров куранты о вестях, и мы холопи твои велели те куранты ему перевести, а по переводу те куранты печатаны в Прусской и в Амбургской землях, и те куранты и с них перевод, запечатав твоею, великого государя новгородскою печатью, послали к тебе, великому государю, к Москве мы холопи твои с новгородским стрельцом с Яшкой Савельевым того же числа. А на Москве, государь, велели мы, холопи твои, ему, Яшке, явиться и отписку и куранты и перевод подать в Посольском приказе дьякам думным Лариону Лопухину со товарищи».

Так, Смутное время, необходимость утверждение новых принципов устройства государства, необходимость определения русского государства в историческом процессе Нового времени рождает русскую журналистику.

Следующей вехой для журналистики становится снова судьбоносный, поворотный момент в истории России — новый монарх Петр 1 и его ломка существующего уклада с последующим установлением нового государственного устройства. Государство вооружается не только пушками и флотом, но и журналистикой. Петр сам лично не гнушается ролью репортера, преследуя высокие государственные цели.

Судя по этому документу, в начале 17-го века в Москве появились первые газеты. Они назывались «Куранты» и «Ведомости». В начале 17-го века в Москве появились первые газеты. Они назывались «Куранты» и «Ведомости».

Ведомости московские

Ведомости московские — это первая русская газета. Она была издана в Москве в 1660-1670 годах. В ней сообщалось о событиях в России и за рубежом.

«Ведомости», первая русская газета.

Следом за прагматичной политикой Петра 1 наступает период «застоя» - набравшая скорость журналистика стремительно несется вниз... И потом вновь взлет! На российский престол восходит очередной новатор – Екатерина Великая. Перед ней стояли задачи не столько практические, сколько информационные – слишком много «почему?» возникало в связи с началом ее правления. Понадобилось быстро конструировать новую идеологию: новую идею русского народа, новую идею монархии, ну, и конечно же, не дурно было бы поработать на собственном имидже в глазах европейских соседей-монархов. Главным оружием вновь становится слово – литература, в первую очередь. Но литература с ее медлительностью, обстоятельностью, регламентированностью не могла уже полностью удовлетворить всех нужд царицы-идеолога. И, вот он – очередной звездный час журналистики, хотя литература пока еще считалась мощным средством воспитания подданных и пропаганды политики властей, и инструментом собственного пиара. Можно поставить себя на одну ступень с великими – переписка с Вольтером и французскими энциклопедистами. Мы то помним закон ПР: «Рядом – значит вместе». Можно поддеть монархов-конкурентов: Екатерина разрешает перевод скандально известного романа французского писателя Марменталя «Велизарий» - сильный ход, возможность заявить прсвещенной Европе – а мы-то попросвященнее будем! Но уже не доставало литературе динамики! Журналы – вот решение вопроса! В 1769 г. Екатерина II инициировала издание журнала «Всякая всячина», призванного высмеивать мелкие недостатки воспитания, необразованность средних кругов общества, погоню за модами и т.д. Следовать своему примеру она призвала и других писателей, разрешив всем желающим выпускать аналогичные журналы. В 1769 г. Один за другим появляются журналы: «И то и се» автора сказочных повестей и собирателя народных песен М Д. Чулкова; «Не то ни се в прозе и стихах» поэта В. Г. Рубана; «Адская почта, или Переписка хромого беса с кривым» романиста Ф. А. Эмина; «Поденщина», включавшая короткие анекдоты и истории, рассказанные от имени маляра, лекаря, ремесленника. Эти и другие журналы вели забавную полемику друг с другом. Журналисты использовали жанры сатирических рецептов, объявлений, писем, высмеивая современные нравы и своих литературных противников. Авторы скрывались под различными псевдонимами и смешными прозвищами. Но накал страстей был не шуточный: дух захватывает от пикировки великой монархини – Екатерины и великого мыслителя – Новикова о судьбах российского государства, хотя величие вовсе не мешало переходить на личности... Но история расставляет все на свои места: Великая французская революция, «русские бунты, бессмысленные и беспощадные», необходимость вести всякого рода войны, требующие средств и человеческих жертв, заставляют правителей отдавать предпочтение административным ресурсам, а не работе с общественным мнением. Государыни постепенно утрачивают интерес к журналистике. В ней наступает эра литераторов,

интеллектуалов, философов. Ее наполняют высокие идеи и идеалы оппозиционеров, заговорщиков, диссидентов – слова тогда такого не было, но сами диссиденты уже были. И журналистику уже нельзя просто игнорировать – ее надо контролировать.

Уже при Павле I, по существу, впервые устанавливалась официальная правительственная цензура в городах Петербурге, Москве, Риге, Одессе и пограничном местечке Радзивилово. Были назначены цензоры, выделено соответствующее помещение и штаты. Руководили цензурой по-прежнему чиновники из управы благочиния, т.е. полицейские. С приходом на престол Александра I (взошел на престол в 1801 г., скончался в 1825 г.) в общественной жизни России наблюдается некоторое оживление. В это время несколько смягчается положение прессы и литературы. Облегчаются цензурные правила. Вновь разрешается ввоз книг из-за границы, снимается запрет на открытие частных типографий. Цензура была передана министерству просвещения, точнее – университетам, и цензорами стали профессора Московского и других университетов. В 1804 г. Был принят цензурный устав, который устранял предварительную цензуру, но разрешал, например, спорные места истолковывать в выгодном для автора смысле.

В результате этих мер и некоторого смягчения общего положения образованного общества увеличивается количество периодических изданий в стране, хотя в большинстве своем они по-прежнему остаются недолговечными: за 10 лет появилось более 70 изданий. В их число входят журналы и газеты на иностранных языках как средство официозной внешнеполитической контрпропаганды.

Но срабатывает старая как мир формула: «Если нельзя, значит – надо». Указ Александра I об «обуздании печати» от 1811 г., вместо того, чтобы обуздать печать ставит ее на дыбы. Хотя и здесь российская журналистика стремится играть в обществе роль не совсем для нее характерную, во всяком случае в западных системах журналистики, даже во Франции журналисты более сдержаны в высказывании своих идей. Русская же журналистика того времени это микс философии, литературы, политики – она все еще далека от своего идеала – «беспристрастного информирования читателя». В печати ведутся споры о том кааим быть русскому языку, о том каким быть русскому государству, в конце концов каким быть русскому человеку – русская журналистика того времени мечтательными глазами заглядывает в будущее, не особенно заботясь о настоящем. Она, как и ее творцы – декабристы, по выражению не популярного ныне классика, «бесконечно далека от народа». Хотя справедливости ради, надо отметить, что существует и «охранительная», официозная печать – например, издание Греча, но это скорее объект для насмешек, чем влиятельные официозные издания. Из этого литературно-философского ряда выделялась разве только газета с говорящим названием «Русский инвалид» - она имела свою аудиторию, свою задачу – сбор денег ветеранам войны.

В 20-30-е гг. журналистика все еще не может определиться что она: литература или нечто иное. Ею занимаются преимущественно писатели, поэты или близкие к ним люди, которые опять через литературу и окололитературную полемику решают, как показывает история вечный русский вопрос: «Куда смотреть: на Восток или на Запад?». Как показывает практика и нынешняя журналистика занята примерно тем же. И сейчас российское информационное поле бороздят новые Чаадаевы и современные Шишковы.

Только в 1865 году в России принимается закон о печати. Он отменял

предварительную цензуру для столичных журналов и газет, книг объёмом более 10 печатных листов. Очевидно прототипом было французское законодательство, где, правда, под цензуру не попадали издания объёмом более 20 печатных листов. Похоже, что этот закон был отчасти данью – «европейским принципам». Это новшество не распространялось на сатирические издания с карикатурами и всю провинциальную печать. Установилась ответственность печати перед судом. Однако административные преследования были удобнее для правительства и поэтому были более распространены.

Основной целевой аудиторией руссокой журналистики того времени становится интеллигенция – публика немногочисленная и, отчасти маргинальная. Приобладают общественно-политические и литературные издания, выходящие, как правила не чаще одного раза в месяц. Сферой интересов этих изданий становится общественно-философская мысль, вопросы нравственно-религиозного характера. Хотя и наблюдается некоторая «профессионализация» этих журналов: увеличивается коллегиальность в руководстве, и несмотря на то, продолжает сохраняться персональная роль лидеров, так напоминающая французский персональный журнализм, эти издания уже больше похожи на современный журналистский «продукт». Подходит к концу время (хотя все возвращается, как показывает история), когда группа интеллигентов писала для группы интеллигентов, о том, что говорили интеллигенты. От «интеллектуального междусобойчика» российская журналистика медленно разворачивалась к коммерции и массовой аудитории. Во второй половине XIX века появляются дешёвые издания для простонародья. Массовая аудитория вызвала к жизни различные еженедельники, а также развлекательные и коммерческие издания, которые стали появляться благодаря надвигающемуся капитализму после реформ шестидесятых годов.

Продолжается количественный рост прессы, появляются новые типы периодической печати. Наблюдается рост провинциальной частнособственнической газетной печати, дальнейшее увеличение числа различных еженедельников, в том числе иллюстрированных.

Среди «толстых» русских журналов появляются журналы по интересам. Получают развития и духовно-религиозные и деловые издания. Газеты обзаводятся приложениями, практикуются вторые выпуски газет. Растет тираж. В 1894 появляется первое информационное агентство.

Журналистике конца XIX приходится уже не просвещать, а развлекать, но она еще недостаточно поворотлива, а коммуникации все еще в эмбриональном состоянии, чтобы она смогла полноценно начать информировать. И это обстоятельство опять не дает ей уйти далеко от литературы – меняется исключительно жанровый состав, с учетом изменившихся запросов аудитории, но, к сожалению (или к счастью) не меняется суть. В таком виде российская журналистика подходит к началу нового XX века.

В журналистику проникают принципы предпринимательства – лидирующей персоной становится издатель-собственник, журналисты, редакторы – наемные служащие, для которых царь и бог – собственник издания, а для него «царь и бог» – аудитория, покупающая его газету или журнал. Журналистика становится массовой во всех смыслах этого слова. Конечно, никуда не исчезает интеллигентская печать, но претендовать на большие тиражи она не может.

Самоопределению российской журналистики помогла революция 1905—1907 годов. В противостоянии правительству она осознала себя третьей силой, со своими специфическими задачами: информировать население о происходящих событиях,

отражать настроения общества, а не только участвовать в революции на стороне одной из борющихся сил.

Но... Российская журналистика как-будто находится на кончике маятника. 1917 год – Великая Октябрьская революция или большевистский переворот 25 октября (История ютится вместе с журналистикой на том самом маятнике и степень объективности у них примерно одинакова). Журналистике приходится создавать себя заново, точнее за нее это снова делают государственные лидеры. В течение года были закрыты практически все старые русские периодические издания. На третий день после победы большевиков (взятия большевиками власти) начали появляться первые советские газеты. Они носили соответствующие названия, такие как «Голос трудового крестьянства», «Гудок». Это были газеты, учрежденные официальными органами, они информировали население о деятельности новой власти в различных областях жизни страны. После переезда правительства в Москву в 1918 году, издается газета «Беднота», рассчитанная на полуграмотных и вовсе неграмотных в своей массе читателей-крестьян. Она значительно отличалась от других центральных газет и формами подачи материала, и краткостью, популярностью их изложения. С первых же номеров редакция стремилась установить тесные связи с читателями. Их письма полностью занимали всю вторую полосу. В 1918 году было создано первое советское новостное агентство — Российское телеграфное агентство. Это агентство также занималось подготовкой журналистских кадров, изданием газет и журналов для самих журналистов и литературных работников.

Пресса, а к газетам и журналом добавляется более эффективное радио становятся инструментом пропаганды. Как известно, самая лучшая пропаганда – это пропаганда через образ – вновь литераторы становятся ключевыми фигурами в журналистике. Наиболее яркий пример – советская публицистика ведущей газеты страны «Известий» — второй половины 50-х — начала 80-х. Она многое унаследовала от ведущих очеркистов, фельетонистов, репортеров тридцатых годов и послевоенных лет, не говоря уже о писательской публицистике Второй мировой войны. Постановка острых проблем, глубокое знание материала, высокое художественное мастерство — все это было присуще газетно-журнальной публицистике. Примечательно, что полное равноправие приобрела журнальная публицистика, являвшаяся до сего времени лишь «петитной гостьей» на их страницах. Для публицистики этого периода стало характерным, что очеркисты к явлениям жизни подходили не только как писатели, но, прежде всего, как учёные-экономисты. Среди известных публицистов тех времен — Татьяна Тэсс, Александр Васинский.

В 1970-е и 1980-е годы появляется и развивается самиздат, подпольные газеты, которые издают представители столичной интеллигенции — советские диссиденты, что приводит к формированию так называемой «альтернативной прессы» - один из характерных примеров — радикальная антисоветская газета «Свободное слово», издававшаяся с 1988 года.

В 1990-е годы принимаются различные законодательные акты, отменившие цензуру. Принимается закон о печати. В конце 1991 года бы ликвидирован Главлит.

Что происходит в современной (постсоветской) российской журналистике, разобраться еще сложнее. Она напоминает взрывоопасный коктейль из пиара, политтехнологий и бульварной прессы в перемешку все с той же литературой, в котором нет-нет да блеснет золотое зерно настоящей качественной журналистики. Как охарактеризовал ее новое начало исполнительный директор ИД «Собеседник» Сергей Цыганов: *С 1991 г. В стране началось «обыдливание» читателя: слишком быстро все стало доступно, после того как долгие годы находилось под запретом. В итоге на*

рынок хлынула желтая пресса. Неслучайно бульварностью переболели или продолжают болеть многие известные газеты.

Появление в жизни обычного человека Интернета вновь меняет до неузнаваемости лицо журналистики. Журналистика блогов, социальные сети лишают некоего ореола профессию журналиста. Им может почувствовать себя и троечник пятиклассник и иминитый писатель, которго стала подзабывать публика. Этих персонажей многое роднит: желание быть услышанным, известным, почувствовать себя исключительным, заработать, наконец. И насколько их желания будут воплощены зависит от количества просмотров, а смотреть будут, возможно даже прочтут, если будут две «фишки»: эпотаж и скандал... Причем сейчас намечается знак равенства между этими понятиями и журналистикой. Пример, «Мобильный репортрер» на «России».

Что же это закат российской журналистики или начало нового взлета? На этот вопрос предстоит ответить каждому из нас. И, надеюсь наша книга в этом будет ценным помощником...

Слободянюк Н.

Русская и российская журналистика от начала до Октябрьской революции

Феофан Прокопович

Родился в семье киевского мещанина, рано осиротел, образование получил в Киево-Могилянской академии, затем учился в Риме, в коллегииуме. По возвращении на родину принимает монашество и поступает в Киевскую академию в качестве преподавателя. Писатель-публицист горячо поддерживал все начинания Петра. 1709г – похвальное слово, посвященное Полтавской битве.

«Слово о пользе путешествий» (1717)-Ф.П. доказывает необходимость заграничных путешествий с образовательной целью и резкое осмеяние тех, кто препятствовал отправке молодых людей в чужие края. Победа над шведами, подтвердившая необходимость создания в России могучего флота, вызвала появление «Похвального слова о флоте российском» (1720).

Слова Ф. Не только произносились в церкви, но и печатались. Жанр – проповедь. Слова были написаны ясным слогом, без лишней риторики, ритмически построены. Отличались глубиной содержания и литературными достоинствами.

В своих произведениях Ф. нередко выступает как памфлетист и сатирик. «Слово о власти и чести царской» (1718) – он резко обличает реакционных церковников, сгруппировавшихся вокруг царевича Алексея. Рисуя сатирический образ такого церковника, Ф.П. сравнивает его с саранчой, у которой «чревище великое, а крыльца малые, и не по мере тела: вздохнется полететь, да тотчас и на землю падает». Другой сатирический памфлет «Духовной регламент, или устав Духовных коллегий» (1721), в кот. Резкой критике подвергаются старые церковные порядки, сатирически изображаются жадные попы и др., которые видят в просвещении опасность распространения ересей. Он отвергает слепую веру в писания «отцов церкви», считая для себя обязательной только веру в Библию.

«Слово на погребение Петра Великого» (1725) – скорбь, призывание продолжать начатое царем правое дело после его смерти. П. – идеальный монарх. Трактат 1722 года «Правда воли монаршей» - Ф.П. утверждает неограниченную власть царя, подлежащего единому суду – суду перед богом.

В слове «О великих творческих силах человека» автор пишет, что человек, по своей натуре подверженный душевным и телесным страданиям, очень сильный, не ослабевает, не унывает. Он пишет: «Но зри, что не творит? Коих тяжких случаев чрез себе не пропускает? Коих отовсюду окрестных обстояний не сносит?.. Словом: всегдашний подвиг, ни единого покоя, внеуду брани, внутрьуду боязни...»

«О зарождении Русской земли». Как внезапно выросла Россия! Так вот растет человек, растет дерево, но мы не можем усмотреть этого роста! «...а мир весь ясно видел, как народ Российский, когда весьма ему исчезнути мнози провещали, возрастал высоко...» «Что бо была Россия прежде так недолго времени? И что есть ныне?» Уже наука, философские науки, политически книги, архитектура... все растет и процветает.

Федор Поликарпов – первый редактор Ведомостей, директор Печатного Двора.

Феофанъ Прокопович.

¹ «Ученый Богословъ и природный Ораторъ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтовъ краснорѣчія, хотя слоги ихъ не чисты и, можно сказать, непріятенъ. Мысль, что ПЕТРЪ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ которымъ онъ говоритъ о великихъ дѣлахъ Его, обращаясь лично или къ Нему самому, или къ Его знаменитымъ сотрудникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щастливья, живья черты, вдохновеніе истиннаго Генія: вотъ магія Феофановыхъ рѣчей, которая никогда не

¹Пантеонъ Рускихъ Авторовъ.// "Вѣстникъ Европы", 1802, No 20

потеряет силы своей для Русаго сердца! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, читая слово о незабвенномъ торжествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха изъ чужихъ земель къ поданнымъ и дѣтямъ своимъ. Когда же Риторъ, въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца, восклицаетъ: что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!... и теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдаютъ съ нимъ! Преданіе говоритъ, что Теофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ продолжать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго стенанія.

«Щастливый вѣкъ Поэзіи и Риторства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезень!

«Въ Теофанъ сіяетъ уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы быть нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

«Имъ сочинены многія Богословскія, нравоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благоразумный Политикъ и любимецъ ПЕТРА, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодаго Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ темъ писалъ стихи: два человекъ, съ которыми, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и учености!

«Теофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованіяхъ и въ Теологіи; но въ царствованіе ли ПЕТРА Великаго могло быть опасно такое злословіе?»

Слово на погребение Петра Великого²

Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтаніе ли се? Не сонное ли нам привиденіе? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключеніе! Виновникъ бесчисленныхъ благополучи нашихъ и радостей, воскресившій аки от мертвыхъ Россию и воздвигшій в толикую силу и славу, или паче, рождшій и воспитавшій прямой сый отечества своего отецъ, которому по его достоинству, добрии российсти сынове бессмертну быть желали, по летамъ же и состава крепости многолетно еще жить имущего вси надеялися,-- противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь и – о лютой нам язвы! – тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, беспокойствахъ, печалехъ, бедствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ жить нечто начиналъ. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойныхъ и бедныхъ нас! О греховъ нашихъ безмерія! Не видяй сего слепъ есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердїи своемъ окаменей есть. Но что намъ умножать жалобы и сердоболія, которые утѣлять елико возможно подобаетъ. Какъ же то и возможно! Понеже если великіе его таланты, дѣйствія и дела воспомянемъ, еще 23урра утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргомъ 23урра, 23урра смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно.

² Текст печатается по изданію: Западовъ В. А. Русская литература XVIII вѣка, 1770-1775. Хрестоматія М., "Просвѣщеніе", 1979.

Кого бо мы, и какового, и коликого лишились? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе мог явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную³ адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание корабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так выше удивления вся селенная, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоя, до предел, правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимые оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит⁴ и под ним главные и частные правительства, от него учрежденные! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистину оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаемь, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидимь был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от господи смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданские, и честные образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутри и отаве, несравненно, от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российской, и Давид и Константин. Его дело – правительство синодальное, его попечение – пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликие ревности на суеверия, и лестнические притворы, и раскол, гнездящийся в вас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящего в чине пастырском искусства, пряместого в народе богомудрия и изряднейшего во всем исправления!

Но о многоименитого мужа! Кратким ли словом обьемем бесчисленные его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и

3 Имя "Петр" происходит от греческого "камень".

4 Речь идет о правительствующем Сенате.

тогда пространнее о делах и добродетелях его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а и ныне, кратко 25урра25нтирова и аки бы токмо воскрилий риз его касающесе, видим, слышателие, видим, беднии мы и несчастливи, кто нас оставил и кого мы лишились.

Не весьма же, россиане, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тале своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сырых. 25урра25н весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобонравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, разиоличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил⁵. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь! Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери⁶ и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же 25урра и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана сынове российсти, верностью и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархине вашей 25урра25н, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси господеву нашему, тако посетившему нас, да яко бог щедрот и отец всякия утехи ее величеству самодержавнейшей государыне нашей и ее дражайшей крови – дщерам, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимые слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

⁵ Екатерина была коронована 7 мая 1724 г., "наследницей" она была объявлена по смерти Петра (умер 28 января 1725 г.).

⁶ Цесаревна Наталья Петровна умерла в шестилетнем возрасте, 4 марта 1725 г. Петр и его дочь были погребены в один день, 8 марта.

Яков Синявич

А. Мальшинский. Первый русский репортер⁷

Историческая справка

*Первая русская газета была казенною, как и вся современная ей наша светская печать и ея «гражданский шрифт. Ведомости, т. Е. известия, отпечатанные во всеобщее сведение в форме листков или тетрадок, носивших название «курантов»⁸, выходили сначала в Москве, а потом в обеих столицах попеременно и в неопределенные сроки, единственно в видах ознакомления общества с теми действиями правительства и его отношениями к иностранным державам, которых выставляли государственную власть, по ея мнению, в наивыгоднейшем свете. Было строжайше запрещено выносить сор из избы не только в силу довода: *tel est notre plaisir*, но и в угоду лучшим и благонамереннейшим людям того времени. Посошкову, например, не нравилась учрежденная еще в царствование Алексея Михайловича иностранная почта, и он предлагал в письме к боярину Федору Алексеевичу Головину «загородить ту дыру накрепко и отставить ее, дабы вести не разносились». Обидным казалось его национальному самолюбию, если «что (неладное) в нашем государстве не зделается, то во все земли разнесется»⁹. И Петр приказывал: «дабы никто дерзал из государства... кроме о своих торгах и к ним принадлежащих делех, никогда же ни о малейших делех писать, еже кому не принадлежит, под потеряннем имения и пожитков, и по изобретении вины — наказанием тела и живота, егда грамотки в Риге, Курляндии или в Пруссиях распечатываются, и что заказанное в них найдется»¹⁰. При*

7 Мальшинский А.П. Первый русский репортер. (Историческая справка). // Исторический вестник, 1886. – Т. 24. - № 5. – С. 387-391.

8 Указ о печатании курантов последовал 16 декабря 1702 года. Полн. Собр. Зак., IV, № 1,921. Первый лист вышел в Москве 2 января 1703 года.

9 Сочинения Посошкова, издание Погодина, I, 273 и 274.

10 Заметка, относящаяся к 1716 году, в каб. делах, II.

таких условиях было немыслимо существование в газете отделов хроники и внутренних корреспонденций. Отмечая различные моменты в движении общественной жизни, хотя бы только с одной внешней ее стороны, заносая в хронику уличныя происшествия и события дня, извещая всех и каждого о происходящем или ожидаемом в различных местностях и в средоточии государственнаго управления, газета прямо расширяла бы ту «диру», загородить которую усердно хлопотал Посошков. Но сторожевыя вехи официального дозора обыкновенно недолго удерживают любопытных от заглядывания в запретную область. Повременная печать, как показывает ее история, с самых пеленок обнаруживает стремление проникнуть в середину круга общественной деятельности и успевает в этом как бы роковым образом, силою своей органической природы, не смотря ни на какия внешняя давления. Так случилось и у нас.

Директор петербургской типографии Михаил Петрович Аврамов, человек отсталых понятий и с таким необыкновенным упорством стремившийся просвещать народ по старине, что его не могли сломить ни многолетния заключения и ссылка, ни розыски в застенках, — этот человек находил, что казенная газета не должна довольствоваться выборками из иностранных журналов да реляциями должностных лиц или правительственными объявлениями. И вот, 15 июля 1719 года, он пишет к кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову: «Куранты печатаются, и первые до вас, моего милостиваго, пред сим отправил по почте, и при сем оныя ж повторительно прилагаю и раболепно прошу, изволь ко мне, мой государь, отписать: одни ль печатать чюжестранныя ведомости (т. Е. известия), которыя из курантов (т. Е. газет) и присылают из посольской канцелярии, или сообщать со оными, и о своих публичных делах и о строениях, которых здесь довольно? И ежели позволит (царь), то извольте отписать до графа Ивана Алексеевича (Мусина-Пушкина, тогдашняго главнаго начальника печати и монастырскаго приказа), чтобы в сенат и в коллегии о том от себя писал, дабы о публичных делах в типографпо приобщали, понеже по словесным моим запросем ничего не успею»¹¹

Формальным ответом на это ходатайство был царский указ (последовавший, вероятно, немедленно же), о котором упоминается в наказе, или «Подробном предписании о должностях», иностранной коллегии, составленном 11 апреля 1720 года. В этом наказе изложено:

«Понеже его ц—ское в—ство указал в типографии давать ведомости (т. Е. известия) публичныя, також и к министрам о всем давать здешнем (т. Е. относящемся до жизни и деятельности русскаго и в частности местнаго столичнаго общества), то к тому определяется переводчик Яков Синявич, который те ведомости, по данному ему образцу, сочинять и в посылку к министрам, и в отдаение потребнаго в печать исправлять и старание в том прилагать имеет. И когда изготовит показывать советникам и стараться ему проведывать о таких публичных ведомостях».

Сделанныя мною пояснения я основываю на следующих доводах. Если бы в наказе речь шла об обнародовании сведений из дел (как значитя в письме Аврамова) в

11 Там же, № 40.

канцелярском смысле слова, т. Е. из дел, производившихся в правительственных установлениях, то Синявичу, очевидно, было бы не о чем проведывать, да еще прилагать к тому старание, стало быть, под выражениями «ведомости публичныя» и «о всем здешнем» едва ли возможно разуместь что либо иное, кроме новостей общественной жизни и столичных происшествий. С другой стороны, иностранная коллегия потому именно и поручила проведывание особому лицу, что требуемая известия не имели официального характера и могли быть добыты не путем сношений с присутственными местами, а лишь непосредственными наблюдениями, и вообще частною деятельностью человека, вращавшагося в обществе и способного выбрать и отметить заслуживающее внимания из всего им виденного или слышанного. Но, чтобы в куранты не проникло что либо недостаточно проверенное, легкомысленное или неудобное для правительства, для этого поручалось посольским советникам предварительно просматривать составленные ведомости, самому же составителю вменялось в обязанность очищать их от всего «непотребного» для «отдания в печать»; к министрам ведомости посылались без исправления, т. Е. без утайки чего либо из собранных известий. Фактическим подтверждением небезосновательности сделанных пояснений служит то обстоятельство, что еще до составления наказа иностранной коллегии, именно через месяц после письма Аврамова к кабинет-секретарю, в курантах появляются довольно обстоятельные и далеко не лишены общего интереса сведения об успехах русской промышленности между которыми находятся и провинциальные известия о технических улучшениях заводского производства. Жалуемый царем за свою деловитость, Аврамов сам интересовался подобными сведениями.

На коротких помочах казенного «образца», в руках целой коллегии нянек стал учиться ходить первый русский репортер. Просматривая после того куранты, легко убедиться, что помочи в данном случае равносильны тормазам. Был год (1724), в течение котораго в курантах не помещено ни одного известия, относящегося до России. За предшествовавший год внутренним событиям посвящено лишь описание въезда в Петербург персидскаго посла и церемониала данной ему «отпускной аудиенции», да в номере, вышедшем в Москве 8 февраля, напечатано, что, по полученным из Берлина сведениям, туда прибыли посланные царем «12 человек, вышиною в 8 футов и 2 дюйма, которым быть в больших гренадирах короля прусскаго». Зато отведено много места перечню иностранных сочинений, составленных в памфлетическом духе на европейския события и против некоторых западных правительств¹². Не раз встречаются и географическия пояснения в роде того, что «Лисбон стольный город королевства португальскаго, на р. Таже, лежит он в Европе».

Для плодотворности всяких изысканий необходима значительная доля самостоятельности в труде, а ею вовсе не пользовался Синявич. Она была у него

12 Перечень в рукописи правлен самим царем. Характеристичны некоторые поправки; например: вместо «царь московский, венчаный в императора российскаго», написано: «венчание царя российскаго в императоры»; вместо торговых «голов» (города Парижа) написано: «управителей»; вместо римской «короны» поставлено «пурпуры».

отнята de jure и не могла быть удержана им фактически, так как главная ответственность за обнародование тех или других новостей падала на посольских советников, которые, остерегаясь сурового наказания за оплошность, ревниво охраняли свое право предварительной цензуры и естественно были склонны вычеркивать из ведомостей все, что, по их мнению, могло подать повод к неудовольствиям. В 1721 году, к печатной гласности была приставлена еще новая нянька, в лице протектора типографии, архимандрита Гавриила Бужинского, менее всего расположенного давать волю занятиям суетою мирскою. В такой обстановке складывались порядки более стеснительные, чем было нужно для того, чтобы всякия вести оглашались не прежде, как пройдя канцелярское чистилище, и покуда они существовали, репортерское дело не могло развиться ни вширь, ни вглубь; тем не менее оно получило правительственную санкцию, признано полезным в принципе, наперекор господствовавшему предубеждению в его несовместимости с национальным достоинством.

За свой труд provedчика новостей и составителя письменных о них докладов, Синявич получал вознаграждение, вероятно, одинаковое со всеми другими посольскими переводчиками, к числу которых он принадлежал. Из просьбы его сослуживца, Бориса Волкова, поданной царю в конце 1720 года¹³, видно, что окладного жалованья переводчикам полагалось 230 рублей в год; кроме того, некоторым выдавали квартирныя деньги и делали «прибавки к окладу по заслуге». На такое вознаграждение сетовать не приходилось: его размер соответствовал нарицательной ценности 307 рейхсталеров¹⁴ — сумме довольно скромной по-нынешнему, но тогдашняя ее вещная ценность, по крайней мере, впятеро превосходила нынешнюю, если принять в соображение, что четверть ржи стоила тогда дешевле рубля¹⁵.

Об образе жизни, дальнейшей служебной карьере и вообще о личности Якова Синявича мы не имеем никаких сведений; можно думать, однако, что его репортерская деятельность прекратилась с упразднением, в 1727 году, главной столичной типографии, в которой печатались куранты, и с появлением в свет «С.-Петербургских ученых Ведомостей».

11 апреля текущего года исполнилось 166 лет учреждению русского репортерства, но едва ли можно насчитать более четверти века со времени постановления его на свободную почву, если не в юридическом, то, по крайней мере, в хозяйственном отношении. След старого казенного репортерства сохранился еще в порядке доставления газетам полицейских сведений об увечьях, насильственной смерти, пожарах, кражах и т. П. несчастий с городскими жителями, но и здесь произошло существенное изменение: означенныя сведения уже не собираются непосредственно должностным лицом, особо для того назначенным, а лишь

13 Подлинная просьба Волкова извлечена П. Пекарским из бумаг московского архива министерства иностранных дел.

14 Из письма Шумахера к Вольфу, во второй половине 1722 года, видно, что 2,400 рублей равнялись тогда 3,200 рейхсталерам. (П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, I, 35).

15 В конце XVII столетия она стоила в Москве всего 50 коп. (А. Г. Брикнер. Медныя деньги в России).

составляются им чисто канцелярским способом, по донесениям, поступающим в центральное ведомство. Частное репортерство, к сожалению, до сих пор остается у нас как бы случайным промыслом и слабо организовано, а, казалось бы, пора ему проникнуться серьезностью своей задачи вполне добросовестного служения обществу, и с этой именно целью, при поддержке со стороны ежедневных газет, организовать на подобие артели, с нравственною гарантией и контролем товарищей. Такая организация содействовала бы и более правильному распределению занятий между отдельными тружениками, в настоящее время нередко предающимся излишествам соперничества во вред себе и в ущерб успехам, иногда же и достоинству гласности.

Михаил Васильевич Ломоносов

Ломоносов оказал значительное влияние на отечественную журналистику. В 1741-1742 гг., приехав из Германии и дожидаясь назначения в Академию наук, Ломоносов работал в «Примечаниях» к газете «Санкт-Петербургские ведомости» и в самой газете в качестве автора и переводчика вне штата, получая по 10–15 рублей «на пропитание».

В мае 1748 года Канцелярия Академии наук поручила Ломоносову, уже профессору, «переводы править и последнюю оных ревизию отправлять» для газеты «Санкт-Петербургские ведомости». И за этот «излишний сверх должности его труд» ему собирались выплачивать «кроме» жалования, в награждение по двести рублей в год. Эта единственная тогда в России газета состояла в основном из переводных заметок и рекламных объявлений. Ломоносов отвечал за содержание пяти-шести полос газеты из восьми, отбирал статьи из иностранных газет для перевода, редактировал их. Фактически он выполнял обязанности редактора газеты. Он очень ответственно подходил к этой работе, увеличил количество научных сообщений, улучшил и упростил язык газеты. В 1751 году после нескольких конфликтов с Канцелярией Академии наук Ломоносов подал прошение «об увольнении от редакторских обязанностей», объясняя эту просьбу большой занятостью.

В 1755 году по инициативе Ломоносова был создан журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Этот «ученый журнал» издавался Академией наук. Ломоносов находил время для того, чтобы следить за научными публикациями в печати, заботился о приоритете русской науки, предлагал создать и другие научные журналы для популяризации достижений учёных.

В 1752 г. Лейпцигский журнал «Записки об успехах естественных наук и медицины» и в 1754 г. «Гамбургский корреспондент» напечатали критические статьи о трудах Ломоносова. Отвечая заграничным рецензентам, учёный сформулировал свои представления о профессиональной этике журналиста в статье «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии».

В этой статье Ломоносов как член Академии касается прежде всего освещения журналистами научных вопросов. Напоминая, что главная задача Академии наук – своими «усердными трудами и учеными работами» просвещать, он считает, что и журналисты могут внести в это свой вклад: «Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний». Однако такое важное дело накладывает на журналиста определённые моральные требования. Нельзя превращать сочинение «в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины».

Идя непростым путём первопроходца в науке, встречая много преград на своём пути, в том числе от коллег-учёных, Ломоносов на собственном опыте знал, как важно соблюдение норм профессиональной этики. Он подчёркивал, что задача журналиста – честно, непредвзято и правдиво писать, уважая труды и мысли других людей и не присваивая себе ничего из их трудов. «Нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из братьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе», – писал Ломоносов. «Силы и добрая воля – вот что от них [журналистов] требуется», – эти слова Ломоносова актуальны и сейчас.

Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии¹⁶

Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскание истины. Отсюда проистекает столько рискованных положений, столько странных систем, столько

¹⁶ Текст приводится по изданию М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 3. — М.-Л.: Из-во АН СССР, 1952.

противоречивых мнений, столько отклонений и нелепостей, что науки уже давно задохлись бы под этой огромной грудой, если бы ученые объединения не направили своих совместных усилий на то, чтобы противостоять этой катастрофе. Лишь только было замечено, что литературный поток несет в своих водах одинаково и истину и ложь, и бесспорное и небесспорное, и что философия, если ее не извлекут из этого состояния, рискует потерять весь свой авторитет,— образовались общества ученых и были учреждены своего рода литературные трибуналы для оценки сочинений и воздания должного каждому автору согласно строжайшим правилам естественного права. Вот откуда произошли как академии, так — равным образом — и объединения, ведающие изданием журналов. Первые — еще до того, как писания их членов выйдут в свет — подвергают их внимательному и строгому разбору, не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательства, а старое — за новое. Что же касается журналов, то их обязанность состоит в том, чтобы давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах.

Не к чему указывать здесь, сколько услуг наукам оказали академии своими усердными трудами и учеными работами, насколько усилился и расширился свет истины со времени основания этих благотворных учреждений. Журналы могли бы также очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступить надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти. Те, кто, не имея этих талантов и этих склонностей, выступают в качестве журналистов, никогда не сделали бы этого, если бы, как указано, голод не подстрекал их и не вынуждал рассуждать и судить о том, чего они совсем не понимают. Дело дошло до того, что нет сочинения, как бы плохо оно ни было, чтобы его не превозносили и не восхваляли в каком-нибудь журнале; и, наоборот, нет сочинения, как бы превосходно оно ни было, которого не хулил бы и не терзал какой-нибудь невежественный или несправедливый критик. Затем, число журналов увеличилось до того, что у тех, кто пожелал бы собирать и только перелистывать «Эфемериды», «Ученые газеты», «Литературные акты», «Библиотеки», «Записки» и другие подобного рода периодические издания, не оставалось бы времени для чтения полезных и необходимых книг и для собственных размышлений и работ. Поэтому здравомыслящие читатели охотно пользуются теми из журналов, которые признаны лучшими, и оставляют без внимания все жалкие компиляции, в которых только списывается и часто коверкается то, что уже сказано другими, или такие, вся заслуга которых в том, чтобы неумеренно и без всякой сдержки изливать желчь и яд. Ученый, проницательный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса.

Доказывая то, что я только что высказал, я испытываю затруднение скорее вследствие обилия примеров, чем их недостатка. Пример, на который я буду опираться в

последующей части этого рассуждения, взят из журнала, издаваемого в Лейпциге и имеющего целью давать отчеты о сочинениях по естественным наукам и медицине.

Среди других вещей там изложено содержание «Записок Петербургской Академии». Однако нет ничего более поверхностного, чем это изложение, в котором опущено самое любопытное и самое интересное и одновременно содержатся жалобы на то, что академики пренебрегли фактами или свойствами, очень хорошо известными специалистам; между тем выставлять их напоказ было бы просто смешно, особенно в предметах, не допускающих строгого математического доказательства.

Одно из самых неудачных и наименее сообразных с правилами здоровой критики извлечений — это извлечение из работ г-на советника и профессора химии Михаила Ломоносова; в нем допущено много промахов, которые стоит отметить, чтобы научить рецензентов такого сорта не выходить из своей сферы. В начале объявляется о замысле журналиста; оно — грозное, молния уже образуется в туче и готова сверкнуть. «Г-н Ломоносов, — так сказано, — *хочет дойти до чего-то большего, чем простые опыты[†]*». Как будто естествоиспытатель действительно не имеет права подняться над рутинной и техникой опытов и не призван подчинить их рассуждению, чтобы отсюда перейти к открытиям. Разве, например, химик осужден на то, чтобы вечно держать в одной руке щипцы, а в другой тигель и ни на одно мгновение не отходить от углей и пепла?

Затем критик старается высмеять академика за то, что тот пользуется принципом достаточного основания и, по его выражению, истекает потом и кровью, применяя этот принцип при доказательстве истин, которые он мог бы предложить сразу как аксиомы. Во всяком случае, он говорит, что сам он принял бы их за таковые. Однако в то же время он отвергает самые очевидные положения, считая их чистым вымыслом, и тем самым впадает в противоречие с самим собой. Он издевается над строгими доказательствами там, где они необходимы, и требует их там, где они излишни. Пусть философы, желающие избежать столь разумных насмешек, подумают, как им взяться за дело, чтобы ничего не доказывать и в то же время все-таки доказывать.

Движение колоколов — предмет, который журналист подвергает критике, лишенной всякой основательности. Он упрекает Ломоносова в том, что тот не дает правильного представления об этом вопросе. Но можно ли судить с большей дерзостью? Когда говорят таким образом, то что это: недостаток ума, внимательности или справедливости? Критик смешивает внутреннее движение колокола с его движением в целом, хотя это две совершенно разные вещи, и никто не может принять дрожания колокола за его внутреннее движение, после того как академик так определенно сказал в § 3 своей работы, что внутреннее движение состоит в изменении положения нечувствительных частиц. Раскачивается ли колокол, совершает ли он вращательное движение, передвигается ли он из одного места в другое, — все эти движения не будут иметь ничего общего с его внутренним движением и, следовательно, не могут рассматриваться как причина теплоты. Действительно, когда колокол дрожит, части колеблются вместе с целым. Дело обстоит так же, как в целом теле, совершающем поступательное движение: все частицы также движутся вместе; но тут совсем нет внутреннего движения; так же обстоит дело и в случае дрожания колокола. Пусть же рецензент узнает, что при дрожании внутреннее движение происходит лишь в том случае,

когда частицы колеблющегося тела изменяют свое взаимное расположение в течение неуловимого промежутка времени (§ 3, б) и, следовательно, очень быстро воздействуя друг на друга и друг другу противодействуя. Это, однако, может происходить лишь в таком теле, которое свободно от сцепления частей; так, разумеется, ведут себя частицы воздуха при изысканиях, имеющих своим предметом их упругость. Пусть тот же рецензент узнает отсюда, что никто в большей степени, чем он, не нарушает закона, который он хочет установить для других: хорошо развертывать первые основания, служащие для объяснения какого-нибудь предмета.

Поступательное движение или дрожание не могли бы быть причиной внутренней теплоты; критик не имел бы возможности упорствовать в своем заблуждении по этому поводу, если бы он знал, что колокола, когда они звонят и раскачиваются с наибольшей силой, тем не менее остаются холодными. Таким образом, он сам ничего не смыслит и совсем некстати силится быть любезным, приписывая автору утверждение, будто вращательное движение частей есть причина теплоты.

Не более основательно — в его рассуждении о § 14 работы г-на Ломоносова — мнение, будто математики никогда не применяют способа *a posteriori* для подтверждения уже доказанных истин. Разве не достоверно, что как в элементарной, так и в высшей геометрии пользуются числами и фигурами для того, чтобы объяснять теоремы и в некотором смысле представлять их наглядно, и что затем в приложении математики к физике постоянно пользуются опытами для обоснования доказательств? Этого не будут отрицать те, кто имеет хотя бы самое поверхностное знакомство с математикой. Г-н Вольф сделал из этого даже закон в своей «Арифметике» (§ 125). Стыдно судье не знать такого закона или пренебрегать им.

Журналист более прав, когда он отрицает возможность вращательного движения частиц, не обладающих сферической формой. Но именно в этом он одного мнения с автором. Ведь это с его стороны недобросовестная придирка, когда он говорит, что автор не высказал прямо этого утверждения, тогда как последнее вытекает как самое непосредственное следствие из учения, изложенного в § 13, и не может быть и тени сомнения в том, что, раз доказано вращательное движение, производящее теплоту в собственной материи тел, частицы этой материи неизбежно должны быть сферическими. К тому же перворазрядные философы обычно рассматривали первичные частицы вообще как сферические и, мне думается, они правы. Ибо, если придавать какое-нибудь значение аргументам, основанным на аналогии, — нельзя встретить примера более разительного, чем тот, который имеет место в разбираемом вопросе. Природа заметно предпочитает круглую форму как для самых больших, так и для самых малых вещей; это можно наблюдать, начиная с громадных и целостных тел вселенной и кончая маленькими шариками, плавающими в крови. Есть ли в различных частях животных и растений, в яйцах, плодах, семенах какая-либо фигура, которая встречалась бы чаще, чем круглая? А что касается жидких тел, не исключая и расплавленных металлов, то они постоянно принимают форму шаровидных капель — тем более круглых, чем размеры их меньше. Этого было бы достаточно, чтобы подкрепить предположение о том, что элементарные частицы — тоже шаровидные, но у нас нет недостатка и в более сильных доводах, делающих это еще более очевидным. Нас не должно останавливать опасение, что

бесконечное разнообразие вещей было бы невозможным, если мы не допустим разнообразия в их основах, — ибо разная величина, положение, место достаточны для объяснения этого различия. Однако я отнюдь не намерен давать здесь уроки физики судье; я хочу лишь предупредить его о том, что, раз он выполняет эту должность, он не должен торопиться выносить свой приговор без основательного допроса подсудимых и увлекаться выискиванием вины там, где ее совсем нет.

Примираются ли, например, ученые, занимающиеся ныне изучением природы, со следующим постановлением, исходящим от его трибунала? Будто ныне благоразумные физики не гонятся за точным знанием фигуры частиц. Бесспорно, это не пришлось бы по вкусу Роберту Бойлю, который сказал, что познание частиц столь же необходимо для наук о природе, сколь сами частицы — для образования тел в природе. Все более или менее видные физики, появившиеся после этого знаменитого англичанина, не расходились с ним во мнениях. Они и не могли бы сделать это иначе, как открывая двери для самых странных последствий. Это все равно что сказать, будто можно уметь читать, не зная букв алфавита, или определять астрономическое состояние неба без всякого предварительного изучения геометрии. Поэтому исследование, имеющее целью дойти до более точного познания фигуры частиц, всегда считалось очень важным. И даже тогда, когда успех не оправдывал ожиданий полностью, проявлялось гораздо больше снисхождения, чем это делает наш критик, у которого что ни слово, то приговор и проскрипция.

Неизвестно, приснилось ли журналисту или он злобно выдумал то, что он, давая отчет о «Рассуждении об упругости воздуха», приписывает автору: будто корпускулы воздуха *гладкие*; у автора нельзя найти ни малейшего следа такого выражения. Не спутал ли он слово *levitas*, имеющееся в § 11 и означающее легкий удельный вес, со словом *laevitas*, имеющем смысл *гладкий*! Если человек так плохо читает, то ему не следовало бы писать отчетов о прочитанном, а еще меньше говорить высокомерным тоном: *Jam particulae hae non politae sunt, sed aliquanulum scarbae* [Но эти частицы — не гладкие, а насколько шероховатые]. Вольно Зоилу сражаться против этих гладких корпускул, но он должен помнить, что он схватился с самим собой и что подобные химеры представляют собой чистую его выдумку.

Перейдем к другой диктаторской замашке, настолько смешной, что она едва ли заслуживает быть отмеченной. «Это вращательное движение каждой частицы в направлении, противоположном направлению другой, — говорит критик, — представляет собой одно из самых произвольных предположений и вполне походит на сказку, придуманную ради забавы». Но что означает эта галиматья? Разве непозволительно предлагать частные примеры для иллюстрации всеобщих законов? В § 16 г-н Ломоносов приводит случай, хотя и редко встречающийся при столкновении атомов воздуха, но тем не менее вполне реальный; бывают и другие случаи, когда происходит то же самое, именно все те случаи, когда смежные поверхности двух корпускул стремятся с одинаковой скоростью в одном и том же направлении. Что же касается других видов столкновений, то чем дальше они от упомянутого, тем большей силой они обладают для того, чтобы произвести взаимное отталкивание частиц. Однако бешеная страсть критиковать и осуждать не покидает журналиста, и он продолжает в следующих выражениях: «Если все частицы весомы и если они падают под влиянием тяжести, то никогда не может случиться,

чтобы одна ударила другую, падая на нее, потому что тяжесть придаст всем одну и ту же скорость, и приходится придумывать другую силу, ускоряющую движение верхних или замедляющую движение нижних.»[‡] Можно сказать, что здесь критик теряет почву под ногами и уходит в область чистого воображения. Что касается нас, то мы, не желая покидать поверхности нашего шара, твердо знаем, что атмосфера окружает эту поверхность и давит на нее. Поэтому самые нижние частицы воздуха не в состоянии опускаться дальше, так как атмосфера препятствует их падению. Эти частицы, со своей стороны, сопротивляются частицам, лежащим на них, и последовательно вступают с ними в столкновение в пространстве — до поверхности атмосферы. Нет надобности напрягать свое воображение, придумывая новую силу, замедляющую движение частиц, когда они падают из воздуха. Просвещенные и справедливые судьи не нуждались бы в таком предупреждении, но нашему судье надо разъяснить все.

Он хочет вывести из предложенной академиком теории упругости еще одну воображаемую нелепость, которая состоит в том, будто все жидкости не менее упруги, чем воздух. И он добавляет — тоже произвольно, — что у автора остается одно только средство: считать элементы воды и неупругих жидкостей (так ему угодно называть их) чрезвычайно малыми и таким образом спасти одну гипотезу при помощи другой. Странная проницательность человека, который гоняется за самыми незаметными мелочами и не видит самых очевидных вещей, которые находятся у него перед глазами. Он не соблаговолил уделить ни малейшего внимания упругим парам воды и других жидкостей, а также сцеплению между их частями. Между тем каждодневный опыт доказывает всякому, кто хочет с ним считаться, что вода не проявляет упругости, подобной упругости воздуха, — до тех пор, пока продолжается взаимное сцепление ее частей, то есть пока отталкивающие силы не превзойдут силы сцепления. Но так как вращательное движение непрерывно возрастает, отталкивание, наконец, преодолевает сцепление, и вода переходит в чрезвычайно упругие пары. Это ясно показал г-н Ломоносов в своем «Рассуждении о причине теплоты» (§ 23), но торопливость рецензента не позволила ему заметить это место. Вот откуда следует, согласно теории автора, что шероховатые частицы могут входить в состав не только воды и других жидкостей, но и в состав упругих паров; напрасно рецензент превращает их в крайне легкие частицы.

Наконец, он выставляет свои батареи против рассуждения, касающегося вопроса о действии химических растворителей. И тут, не взвешивая доводов и не делая никаких последовательных выводов, он изощряется вкривь и вкось. Из его молчаливого признания в том, что он не заглядывал в § 28, в котором заключается вся суть работы, достаточно ясно видно, как плохо он умеет читать и схватывать сущность читаемого. Действительно, если бы он был знаком с этим параграфом, мог ли бы он сказать: «Автор должен был бы учесть, что растворитель, выставленный на воздух, прижат к металлу давлением атмосферы, тогда как действие этой последней силы совершенно прекращается в пустоте воздушного насоса» и т. Д.[‡] Но нет ничего более ясного, чем содержащееся в вышеупомянутом параграфе описание растворения меди в крепкой водке, произведенного не в пустоте, а на открытом воздухе. Что же касается опыта, описанного в § 29 то, хотя он и был произведен в пустоте, однако заметная разница в количестве растворившегося металла укрепляет теорию автора против нападков рецензента, — тем

более, что в конце того же параграфа находится и объяснение этой разницы.

До сих пор приводились бесспорные доказательства неспособности и крайней небрежности журналиста. Но вот место, где под большим подозрением его добросовестность и где он, по-видимому, решительно задался целью ввести в заблуждение мир, полагая, должно быть, что «Записки императорской Петербургской Академии» — книга редкая, к которой не всякий имеет возможность обратиться. Уверенный в этом, он осмеливается приписывать академику невежество, доходящее до отрицания существования воздуха в порах соли, тогда как даже новички в физике не могут не знать этого. Нет никакой возможности вывести что-либо подобное из рассуждений автора даже путем любого насилия над ними; отсюда вытекает вполне естественный вывод. Ведь следующие слова § 41-го не могут подать к тому повода: «... воздух, рассеянный в воде, не входит в поры соли». Слово «входит» не было никогда синонимом слова «содержаться». Академик хочет сказать и не может хотеть сказать что-либо другое как только то, что воздух не входит из воды в соли, которые в ней растворяются, и непонятно, как можно переделать это утверждение в другое: «Поры солей совсем не содержат воздуха».

Большого труда стоит журналисту признание, что г-н Ломоносов дал очень удачное объяснение движения воздуха в рудниках; он вынужден согласиться с этим против своей воли. Он все-таки думает, что в некоторых отношениях оно еще страдает недостатками. Вот две вещи, которые он отмечает. Прежде всего, он полагает, что нельзя допустить, чтобы в глубине шахт температура воздуха долго оставалась одинаковой. Он прав, если он понимает под этим температуру, одинаковую в строгом смысле слова. Однако он должен знать, что к такого рода случаям неприменима строгая точность геометрических измерений, которая здесь не может и не должна иметь места. Таким образом, автор был вправе предположить, что человек, пребывающий в рудниках, продолжает очень долго не замечать перемен, происходящих во внешнем воздухе. Рецензент говорит далее, что другие лица, дававшие ему сведения о том же явлении, сообщали ему, что перемены, происходящие в воздухе рудников, не имеют никакой связи со сменой зимы и лета и зависят единственно от разницы в давлении атмосферы в течение одного и того же времени года. Что касается этого последнего вопроса, то всякий, знакомый с законами аэростатики и гидростатики, что бы ему ни говорили, никогда не поверит, что когда-либо были произведены подобные наблюдения. Ибо когда тяжесть атмосферы возрастает или убывает, увеличение или уменьшение давления оказывается равным и одновременным на таком небольшом расстоянии, какое бывает между двумя шахтами. Или же, если бы действительно была какая-нибудь разница во времени или в давлении, то она будет столь малой и столь кратковременной, что не повлечет за собой расстройства движения воздуха в рудниках. Но если в летние дни наступит холод, приближающийся к зимнему, или в зимние дни — летняя погода, то, вполне естественно (и никто не станет удивляться этому), что резкая перемена, произошедшая во внешнем воздухе, будет менее ощутимой в глубине рудников, как это уже заметил Агрикола. Ввиду того, что разумные люди могут очень легко представить себе все это, не было надобности выдвигать вперед подобные трудности и стремиться к такой степени точности, которая в настоящем случае не имеет никакого значения и о которой было бы бесполезно создавать себе представление в

теории, если приходится отказаться от нее на практике.

Не следует упускать из виду еще одного, последнего, признака той спешки, которую наш судья считает возможным сочетать со своей строгостью, хотя они и несовместимы. Он воображает, будто г-н Ломоносов в своем *«Прибавлении к размышлениям об упругости воздуха»* имел главным образом в виду исследовать *«то свойство упругого воздуха благодаря которому его сила пропорциональна его плотности»*. Он ошибается и обманывает других, высказывая такое суждение. При несколько большей внимательности он увидел бы и прочитал бы, что дело идет здесь именно о противоположном и что утверждается необходимость — для уплотнения воздуха — наличия сдавливающих сил в тем более значительной степени, в чем более узкие пределы заключен этот воздух; отсюда следует, что плотность не пропорциональна силам.

Разве не это называется самой настоящей уликой, изобличающей все недостатки, из-за которых журналист может потерять авторитет и доверие, которые он намерен приобрести у публики? Может ли кто-либо, обладающий хотя бы тенью стыда и остатком совести, оправдывать подобные приемы? Давая таким способом отчет о сочинениях людей науки, человек не только наносит вред их репутации, на которую он не имеет никаких прав, но и душит истину, представляя читателю мысли, совершенно с ней не сообразные. Поэтому естественно всеми силами бороться против столь несправедливых приемов. Если продолжать обращаться таким образом с теми, кто стремится приносить пользу республике наук, то они могут впасть в полное уныние, и успехи наук потерпят значительный урон. Это было бы прежде всего полным крушением свободы философии.

Для подобных рецензентов следует наметить надлежащие грани, в пределах которых им подобает держаться и ни в коем случае не переходить их. Вот правила, которыми, думается, мы должны закончить это рассуждение. Лейпцигского журналиста и всех подобных ему просим хорошо запомнить их.

1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая — те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и

благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых естественно должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить то, что скажешь, для того чтобы быть в состоянии, если потребуются, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, то малейшие упущения и невнимательность могут довести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергать в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, — хотя не в этом заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уже он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценности своих суждений. Ввиду того, что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно неправ, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставлять на свет его несостоятельность.

Екатерина II Великая

Первый лист (т. Е. номер) еженедельного журнала появился в первых числах января 1769 г. И раздавался бесплатно. Условия подписки на «Всякую всячину» были опубликованы 6 января, в No 2 «Санктпетербургских ведомостей». Имена издателя, редактора и сотрудников журнала объявлены не были, большинство статей анонимно либо опубликовано под псевдонимами или инициалами (реальными или условными). В части расписок фактора типографии Академии наук, где печаталась «Всякая всячина», указано, что деньги за издание журнала вносил Григорий Васильевич Козицкий (ок. 1725–1775). Украинец по происхождению, он учился в Киевской духовной академии, затем в Бреславльской гимназии и Лейпцигском университете. По возвращении в Россию Козицкий в 1756 г. Служил учителем академической гимназии, в 1759 г. Получил звание адъюнкта Академии наук, с 1763 г. Стал одним из секретарей графа Г. Г. Орлова, а с 1768 г.—одним из статс-секретарей Екатерины II. Как и И. П. Елагин, Козицкий правил черновики указов, публицистических и литературных произведений императрицы. Сам он сотрудничал как переводчик и публицист в журналах «Ежемесячные сочинения», «Трудолюбивая пчела» и т. Д. Через посредство Козицкого обращались с прошениями к императрице Новиков, Сумароков, Попов и другие писатели, получавшие от Екатерины значительные суммы на свои издания. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков писал о Козицком: «Слог его чист, важен, плодовит и приятен; по сему-то некоторые и заключают, что «Всякая всячина», еженедельное сочинение 1769 года, приобретающее толикую похвалу, есть произведение его пера».

По-видимому, именно благодаря Козицкому во «Всякой всячине» сотрудничали,

хотя и эпизодически, такие литераторы, как Сумароков, Фонвизин, А. О. Аблесимов. Однако большинство сотрудников журнала составляют лица, в большей или меньшей степени близкие ко двору: И. П. Елагин, А. П. Шувалов, Т. И. Остервальд, А. С. Строганов и др. Судя по обилию и резкости нападок на В. И. Лукина со стороны прогрессивных журналов, какую-то роль во «Всякой всячине» играл и он (впрочем, не исключено, что, высмеивая Лукина, сатирики метили в его высокопоставленных покровителей – статс-секретаря императрицы Елагина и саму Екатерину). Наконец, в 1863 г. П. П. Пекарский, разбирая бумаги Кабинета Екатерины II, обнаружил черновики четырех небольших статей из «Всякой всячины», написанных рукой самой императрицы. Так впервые обнаружилось, что определенную роль в издании журнала играла сама Екатерина. Последующие поколения исследователей из этого частного факта сделали ряд далеко идущих выводов: Екатерине стали приписывать чуть ли не большинство опубликованных во «Всякой всячине» материалов, ей, а не Козицкому, отвели роль главного редактора и издателя журнала и т. П. Утверждалось, что издатели и сотрудники других журналов знали об участии Екатерины во «Всякой всячине», и любой выпад Чулкова, Рубана, Эмина, Новикова, направленный против «Всякой всячины», стал истолковываться как выступление лично против императрицы.

Все это, безусловно, не соответствует истине. Екатерина действительно играла руководящую идейную роль в журнале и сама сотрудничала в нем, однако современники об этом не знали. Не только писатели XVIII в., но и крупнейшие историки литературы и библиографы начала XIX в. (Евгений Болховитинов, В. Г. Анастасевич, Д. И. Хвостов и др.), все исследователи сатирических журналов 1769 г., вплоть до А. Ы. Афанасьева и Н. А. Добролюбова, даже не подозревали о личном участии Екатерины во «Всякой всячине». Но издатели прогрессивных журналов 1769 г. Прекрасно понимали, что «Всякая всячина» – издание официальное, проправительственное, «политическое» (Ф. А. Эмин). Это было ясно и по именам известных сотрудников (Козицкий, Елагин, Лукин и др.), и по активной защите журналом В. Петрова и В. Лукина – литераторов, которых поддерживало правительство, и по яростным нападкам на Сумарокова, нелюбимого императрицей и ее приближенными (особенно Елагиным), и по характеру материалов, разъяснявших политику правительства по тому или иному вопросу (см., например, сказку о мужичке и кафтане).

Поэтому борьба просветительских сатирических журналов Новикова и Эмина («Трутень», «Смесь», «Адская почта») против «Всякой всячины» была борьбой против правительственной, екатерининской политики в области литературы и общественной мысли, и это для судеб русской литературы имело неизмеримо более принципиальный, глубокий и серьезный смысл, чем мнимые нападки на личность государыни.

В этой борьбе «Всякая всячина» потерпела поражение, и хотя издание журнала продолжалось в 1770 г. Под названием «Барышек Ваяния всячины» (т. Е. остаток, избыток «Всякой всячины»), тираж его сокращался, и к маю 1770 г. Журнал был закрыт.

«Всякая всячина»¹⁷

Сии листом бью челом; а следующие впредь изволь почитать.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ

Тысяча семьсот шестьдесят девятый год отменно счастливо начинаем (если бы не предстояла война¹⁸, но даром: на начинающего вить бог). Всякая всячина всегда с нами пребывала, но ни который год не мог похвалиться иметь оную напечатанную. До сих пор она была в действиях, во словах, в мыслях, и везде оказывалась; но ныне она положена на бумагу и увидит свет. О, коль сей год отличен от прошедших! Происхождения были во свете все те же; нового ничего нет; но ныне оные можно будет читать. День, гонимый днем, уже с собою в вечное забвение не вовлечет здесь записанных достопамятных происшествий. Достойны быть поздравлены все те, кои дожили до сего отличного дня, в который они, может статься, увидят себя не только снаружи в зеркале, но еще и внутренние свои достоинства, начертанные пером. О, коль счастливо самолюбие ваше в сей день, когда ему новый способ приискался смеяться над пороками других и любоваться собою.

О год, которому прешедшие и будущие будут завидовать, если чувства имеют! Каждая неделя увидит лист; каждый день приготовит оный. Но что я говорю? Мой дух восхищен до третьего неба: я вижу будущее.. Я вижу бесконечное племя «Всякия всячины». Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкус и здравое рассуждение, кои одною рукою прогоняют дурачество и вздоры, а другою доброе поколение «Всякия всячины» за руку ведут. Но пора мне проснуться. Я сам себя поздравляю, что мне судьбина определила говорить с вами, любезные мои сограждане, целый год. Но как всякая вещь должна быть взаимна и я свою работу не почитаю вам быть эпитимьею или наказанием, то и вас поздравляю, что вы со мною будете иметь дело; а для чего? Вы увидите из моего сочинения. Я давно читал, что весьма прилично писателям, не все прописывая, оставлять кое-что на острую догадку читателям,-- и для того прощайте на сей случай.

КО ЧИТАТЕЛЮ

Любезный читатель, предприял я сообщить вам все то, что мне за благо рассудится, безо всякого порядка. Иногда дам вам полезные наставления; иногда будете смеяться. Будут и такие времена, в которые ожидаю от вас удивления, также и попреканий; но на сии последние воистину не буду глядеть. И подобно как редкая плотина может остановить быстрое течение большой реки, так-то никакая препона не может меня отвратить от великого сего моего предприятия. Мне сказали мама {Кормилица.} и няня, как я был шести лет, что я умею; у меня есть ласкатели, кои то же

17 Западов В. А. Русская литература XVIII века, 1770-1775. Хрестоматия. - М., "Просвещение", 1979.

18 Речь идет о русско-турецкой войне 1768--1774 гг. Турция объявила войну России осенью 1768 г.; начало действий русской армии планировалось на весну 1769 г., однако в связи с нападением крымских татар военные действия открылись в январе.

ныне подтверждают,-- ибо не у одних князей и бар, да у двора, найти сих животных можно. Сверх ума моего я заподлинно из опытов уверен, что у меня сердце доброе. Итак, надейтесь, господин читатель, что, куля мой труд, вы не вовсе потеряете свои деньги. Не вздумайте же впрямь, что мне нужда в ваших деньгах: я, право, дважды в день сыт, и еще остается столько, что и вас накормить можно. Я знаю, что все сие отправляется на чужий счет, ибо доход мой есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего; а я то проживаю без толикого труда в часто без благодарности к ним, в чем уже друзья мои часто мне попрекали, говоря, что стыдно в том быть не признательну и что я равных себе мало уважаю, хотя во мне спесь и не велика. Я сей свой порок приписываю дурному воспитанию и хулительному тех людей, с коими обращаются, примеру, а отнюдь не своей гордости.

Прощай, господин читатель; чрез сии строки мы довольно спозналися. Каково жить будем вместе, время окажет; все сие зависит ото нрава так, как и в женитьбе.

Государь мой!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому; насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем нраве, когда говорю, что я смешлив; но выслушайте, чему я намнясь {Намедни, недавно.} смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит¹⁹; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения,-- и так клал все на счет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит; да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая, терпеливо и молча, поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: «Государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом; не того ли и вы мнения?» Наш рассказчик сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстями своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз,

19 Это программное письмо "Всякой всячины", направленное против сатиры вообще, имеет и конкретного адресата: в нем высмеиваются взгляды, сочинения и манера поведения крупнейшего сатирика эпохи А. П. Сумарокова.

бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно {Очевидно, вероятно.}, от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после, размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб люден совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости в снисхождении. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во «Всякой всячине». Я же есмь

ваш покорный слуга
Афиноген Перочинов.

Р. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить.

60

Господин сочинитель!

Думаю, что у такого автора, как вы в сочинении «Всякия всячины» ежедневно упражнятесь, надлежит быть великой вивлиотеке, из которой вы толь пространные и разные материи на листах ваших изображаете.

Прошу потрудиться и выписать для меня из оной, буде найдется, такой эксперимент, коим бы можно перевести подьячих, которые до третьего градуса привели меня во изнеможение.

Я старался и тем от них избавиться способом, которым переводят клопов, блох и всех кровососных насекомых, однако ничем не мог оборониться; но, истоща весь свой дом на то, и ныне стражду от сих кровососов.

Вычитал было я у Поливия²⁰ таковую махину, которая по тысяче и больше в день неприятелей побивала, но недостаток мой оную построить не дозволил; и для того ища легчайшего способа, к вам с прошением о том прибегаю и, прося вашей помощи и ответа, с почтением пребываю

ваш усердный слуга
Занапрасно Ободранный.

Ежели ж вашей помощи не получу, то больше не останется способа, как петь только по-книжному:

«Ты господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего и во век»²¹.

Подьячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны; но статья может, что тот или другой из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без урода, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умалилася ли бы тогда и на них жалоба. Но чтоб удовольствовать

²⁰ Полибий -- древнегреческий историк II в. до н. э.

²¹ Цитата из псалтыри.

писателя вышеставленные грамоты в его требованиях, как перевести обычай, чтоб подьячие не приводили никого в изнеможение, в ответ ему скажу, что сие весьма легко. Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем любовно миритесь без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот.

Все сказки, кои мне сказывали с ребячества, начинаются: «Жил да был царь». Мне сие начало наскучило, и для того начну свою сказку так:

Жил да был мужичок. С молодости он казался слаб; ибо как он имел весьма великую живность, коя разделяла его мысли, то он сам с собою никогда не был согласен. Сия разделенная его мысль так много действовала над его сложением, что он весьма ослабел. Врачи, кои его лечили, замучили его пуще еще лекарствами и не позволяли ему долго вставать с постели. Но с годами выросло его рассуждение. Он единожды осмелился, вскоча с кровати, выгнать врачей из дома. Сделав такое сильное движение, почувствовал он великую охоту есть. Он ел; и хотя он от того не окрепчал, но, однако ж, толще становился час от часа. Кафтан ему стал узок, а достаток не позволял часто делать новый. Пошел к приказчику, стал просить: «Господин приказчик, прикажи кафтан сшить. Видишь, каков я толст! Сам не смогу сшить: недостаток не позволяет». Приказчик был человек свирепый; сказав: «Тотчас»,--приказал принести плетей, да ну сечь мужика. Мужик оттерпелся; пошел домой, говоря: «Бог милостив! Авось-либо хозяин, увидя, что приказчик все себе собирает да нас бьет, умиосердится, определит другого». Погодя сменили приказчика, послали нового. Сей, осматривая село, увидел на улице мужика претолстого, на коем кафтан, у которого все швы треснули; кликнул его и приказал для него шить кафтан, но от скорости не молвил, кому и из чего шить мужику кафтан. Приказчик между тем уехал. Погодя сделался хлеба недород и скотский падеж, и уже никому шитье кафтана и в мысль не приходит. А мужик что более работает, то более ест; и чем более кушает, время от времени все становится толще, а кафтан его старее и негоднее; нагишом же ходить нельзя, и не велят. Заплатами зачал зашивать. Что более зашивает, то более дерется. По смене разных приказчиков сыскался один добрый человек, велел шить мужику новый кафтан. Шили до зимы. Как пришло надеть кафтан – не лезет: позабыли мерку снять. На тот случай приехал дворецкий заготовить все к хозяйскому приезду; увидел мужика почти нагишом, осведомлялся, что тому причиною; услыша, послал сыскать сукна. Привезли сукно, собрали портных. Портные зачали спорить о покрое, а мужик между тем на дворе дрожит, ибо тогда случились крещенские морозы. Принесли образцовый кафтан, положили на стол. Иной говорит: «Хозяин наш желает видеть на своих мужиках кафтаны немецкие». Другой: «Нам велено шить кафтан,-- а о рукавах мы приказания не имеем». Третий сказал, что, не видав, какие будут пуговицы, нельзя кроить. Четвертый молвил, что такому толстому мужику половинки сукна мало, надобно две. Наконец, кое-как зачали кроить в запас, пока дворецкий разрешит спор. Вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и с холода помирали. Дворецкий приказал им тут же помогать портным. Сии мальчики умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали кричать и шуметь. Один из них говорит: «Шить не хочу, я призван глядеть». Другой: «Вить я не дурак: мы знаем, что вы хотите шить не кафтан, но мешок, в который нас посадя кинете в воду». Третий стоял у порога и, не вразумясь, говорил: «Нас в воду кинуть хотят? Сем-ка мы остережемся; я

первый ни с места не пойду». Четвертый не хотел говорить, но три первых толкнули его в бок, и тот зачал; а что говорил, никто не понял, ибо он сам не знал, что говорил; но на конец раскрыл нагольную шубу и окончил сими словами: «Пускай мужик нагишом ходит; мы сами наги, ибо шубы мы носим на голом теле: изнашивали кафтаны; просим вам отдать те, кои у пас были, как мы были пяти лет,-- мы в них очень нарядны будем; нам теперь пятнадцать лет». Портные сего мальчика сочли за безумного, но, услыша такой необычайный крик и видя сих неугомонных мальчиков дерзость, 4бурра4бнтиро свой спор и зачали их унимать, говоря им, что дурно им быть так непризнительным; что они пришли в изодранной рубашонке, а ныне уже у них шуба есть; что пятилетние кафтаны на пятнадцатилетних не лезут, да и черт знает, где те ветошечки, ибо мальчики недавно к хозяину пришли; что они должны слушаться дворецкого; что они лгут, будто их топить хотят и для того заставляют шить мешок, а не кафтан; что сами видят, что мужик без кафтана на улице почти замерз; что, шив мужику кафтан, и они могут надеяться на малость хозяина, что одеты будут; только им наперед ту милость заслужить должно, а не попустому упорствовать²².

*Продолжение впредь сообщу*²³.

На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым отделением, мы ответственность не хотим, уничтожая²⁴ оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потатчиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше

22 {"Сказка" в иносказательной форме объясняет с правительственных позиций причины созыва и неудачного хода работы Комиссии по составлению нового Уложения (свода законов). Смысл иносказаний: мужичок -- русский народ, хозяин -- Российская империя; изнашившийся кафтан -- устаревшее Уложение Алексея Михайловича 1649 г.; свирепый приказчик -- по-видимому, намек на правление царевны Софьи; новый приказчик -- Петр I, при котором было сделано три безрезультатных попытки составить новый свод законов; добрый человек -- Елизавета Петровна, при которой была создана новая комиссия, составившая часть свода законов (результат работы не утвержден императрицей); дворецкий -- Екатерина II; портные -- депутаты Комиссии для сочинения нового Уложения, созданной в 1767 г.; образцовый кафтан -- "Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения", сочиненный Екатериной; споры портных -- дебаты в Комиссии между представителями разных сословий и различных группировок; четыре мальчика -- представители четырех областей, вошедших в состав России в конце XVII -- начале XVIII вв.: Лифляндии, Эстляндии, Малороссии (Правобережной и Слободской Украины), Смоленщины, которые требовали сохранения их старинного местного самоуправления ("пятилетних кафтанов").}

23 18 декабря 1768 г. было объявлено, что в связи с началом войны с Турцией Комиссия распускается впредь до созыва вновь.}

24 Уничтожая, презирая. Автор ответного письма в "Трутне" сделал вид, что слово употреблено в значении "превращая в ничто".

любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

81

Из письма, писанного к господину сочинителю «Трутня» от Тихона Добросоветова, а к нам по несыскании его присланного для напечатания чрез его приятеля, не подписавшего имени, мы здесь только издаем во свет правило, в оном предписанное всем сочинителям, которое гласит тако: «Добросердечный сочинитель, во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества; но, располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова; присовокупляет к тому пользы, из того истекающие, и сладкое сие удовольствие, какое чувствует хранящий добродетель в том, что ни раскаяние, ни угрызение совести в сердце такового человека места не имеют. Вот славный способ исправляти слабости человеческие! При чтении такового сочинения каждый чувствует внутреннее восхищение, прилепляется к добродетели, не имея ни к себе, ни к сочинителю отвращения; сам без обличителя оуждает пороки, которым следовал от безрассудности. Злонравного же человека есть предмет из всего составляти ближним поношение, к порокам их присовокупляти свои собственные, бранити всех и улаждаться, других уязвляя».

Мы и сами сему правилу будем стараться последовать, и других к тому, почитая оное весьма справедливым, приглашаем. Что же касается до остального содержания того письма, то или писатель оногo, или приятель его могут к господину сочинителю «Трутня» идти, который, думаем, укажет, где его найти можно, и поступит с оным по своему произволению,

1769

Николай Иванович Новиков

Дата рождения — 08 августа — 1744 Дата смерти — 12 августа — 1818 Русский просветитель, писатель, журналист, издатель 27 апреля (8 августа) 1744 – Николай Новиков родился в родовом имении Тихвинское-Авдотьино Московской губернии, в дворянской семье. 1755-60 – учится в гимназии при Московском университете. 1762 – поступает на службу в Измайловский полк. 1767 – Новиков попадает в число молодых людей, которым поручено ведение протоколов в Уложенной комиссии по составлению нового проекта обустройства России; считая это делом высокой важности, императрица предписывает «к держанию протокола определить особливых дворян с способностями».

Участие в работах комиссии позволяет Новикову ознакомиться со многими важными вопросами русской жизни и с условиями русской деятельности, а также делает его лично известным Екатерине. 1768 – Новиков подает в отставку и решает полностью посвятить себя литературной и журналистской работе. 1769 – начинает издавать еженедельный сатирический журнал «Трутенъ», в котором выступает против галломании, злоупотреблений властью, против неправосудия и взяточничества и т. Д., вступает в полемику с журналом Екатерины «Всякая Всячина» о смысле сатиры. 1770 – Новиков вынужден прекратить [издание](#) «Трутня». 1772 – новый сатирический журнал «Живописец», проводящий те же идеи, что и «Трутенъ»: в ряде статей, из которых одни принадлежали И. П. Тургеневу, другие приписывались Радищеву, содержатся выступления против крепостного права. 1773 – после вынужденных уступок в остроте сатиры Новиков прекращает [издание](#) «Живописца». 1774 – издает журнал «Кошелек», направленный против галломании. Выходит 9 номеров. 1772 – «Опыт исторического словаря о российских писателях». 1773 – «Древняя Российская Идрография» (9 т.; [описание](#) московского государства, составленное при Феодоре Алексеевиче). 1773-75 – С одобрения Екатерины II, открывшей ему доступ к архивам, издает «Древнюю Российскую Вивлиофику» – сборник древних актов и летописей. 1775 – вступает в масонскую ложу «Астрея». 1776 – «Повествователь древностей Российских, или Собрание достопамятных записок по Истории и Географии Российской» (материалы из него вошли потом во 2-е изд. «Вивлиофики») Тогда же выходят «История о невинном заточении боярина А. С.

Матвеева» и «Скифская история из разных иностранных историков, паче же из Российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными трудами сложенная и написанная лета 1692», изданная, как и «Идрография», с целью «обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времени Петра Россия не имела никаких книг, кроме церковных». 1777 – Новиков выпускает 22 номера «Санкт-Петербургских Ученых Ведомостей». 1777-1780 – выходит ежемесячный масонский журнал «Утренний Свет». Здесь печатаются переводы Юнга, Паскаля, из немецких писателей, моралистов и мистиков. «Утренний Свет» издается Новиковым при содействии кружка единомышленников, в числе которых М. Н. Муравьев и И. П. Тургенев, и с благотворительными целями: весь доход с издания предназначается на устройство и содержание в Петербурге народных училищ. 1779 – после 1779 г. Предложения куратора Московского университета Хераскова взять в аренду университетскую типографию и издание «Московских Ведомостей» Новиков переезжает в Москву. 1781 – Новиков издает продолжение «Утреннего Света» под названием «Московского ежемесячного издания». 1782 – журнал «Вечерняя Заря». Помимо журналов, Новиков издает множество книг, большинство из которых не масонского содержания (в их числе труды по отечественной истории, сочинения русских авторов и переводы лучших современных западно-европейских писателей, сочинения по философии (Вольтер, Локк, Бем, Лессинг, Паскаль), книги по педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей, самоучителей языка и др.), занимается образовательной деятельностью (готовит учителей, открывает школы и первую в Москве библиотеку и т. д.) и благотворительностью. 1784 – комиссия народных училищ предъявляет Новикову претензию за перепечатку некоторых изданных ею учебников. Несмотря на то, что это перепечатка делалась по распоряжению московского главнокомандующего Чернышева и не для прибыли, а для того, чтобы в продаже было достаточно дешевых учебных книг; Новикову приходится выплатить комиссии значительные деньги. Вскоре Новиков издает историю иезуитов, в которой не слишком лестно о них отзывается. Императрица, покровительствующая иезуитам, запрещает издание. 1784-1785 – Новиков издает журнал «Покоящийся Трудолюбец». 1785 – следует повеление составить опись изданий Новикова и передать их на рассмотрение московского архиепископа Платона, который должен также испытать в вере самого Новикова. Несмотря на положительный отзыв Платона, гонения на Новикова продолжаются. Ему разрешается продолжить издательскую деятельность, но часть книг опечатывается. 1789 – после Великой французской революции и восстания Е. И. Пугачева размах общественной деятельности Новикова, продолжавшего «разливать свет образования в своем отечестве» (В. Г. Белинский) и сумевшего собрать вокруг себя единомышленников, вызывает еще более настороженное внимание к нему Екатерины II. У Новикова конфискуют типографию. 1792-1796 – Новиков заключен в Шлиссельбургскую крепость. 1796 – после входа на свободу постоянно живет в своем родовом имении. 31 июля (12 августа) 1818 – Новиков умер в Тихвинском-Авдотьино Московской губ. Воззрения Новикова в целом соответствовали духу европейского Просвещения: ярко выраженный антропоцентризм (человек – «цель всех вещей мира»); рационалистический этицизм

(«просвещенный разум», позволяющий индивиду усвоить «истинное нравоучение» и, следуя по пути добродетели, достичь, в итоге, «небесного блаженства»); критика «невежества» как «причины всех заблуждений». В то же время в его мировоззрении присутствовали мотивы, связанные с его масонством. Живописец1773
4Пустомеля17702Кошелек1774 5Трутень17703Полемика с Екатериной II в 1769 г.1769 6

«Трутень» – первый сатирический журнал Новикова. Выходил с 5 мая 1769 года по 27 апреля 1770 года. Был закрыт в результате прямых полицейских гонений Екатерины II. В качестве эпиграфа Новиков взял стих из басни Сумарокова – «Они работают, а вы их труд ядите». Используя аллегорию Сумарокова, Новиков наполнил ее новым политическим содержанием: «они» – крепостные крестьяне, «вы» – трутни, помещики-дворяне. После начавшейся полемики с правительственным журналом «Всякая всячина» Новиков подвергся преследованиям, о чем немедленно дал знать публике, переименовав эпиграф с десятого листа на новый – «Опасно наставленья строго, где зверства и безумства много» (Сумароков). Новиков был издателем, редактором-организатором и автором многих статей своего журнала. К участию в «Трутне» были привлечены также Эмин, Попов, Аблесимов, Майков и другие писатели, то есть прежде всего участники новиковского кружка в Комиссии по составлению нового Уложения.

Первая писательская и общественная декларация Новикова. В «Предисловии» сформулирован центральный тезис новиковского понимания общественного дела литературы и гражданского долга писателя: независимость от вельмож, двора и правительства. «Предисловие» биографически точно передает новиковское отношение к официальной службе. С военной, где он служил по воле отца, он в 1769 году уходит в отставку. Придворную он с презрением отвергает, приказная – чрезвычайно выгодная по тем временам – возмущает его. Новиков начал свою литературно-общественную деятельность с публичного заявления о нежелании служить самодержавию, с утверждения невозможности для писателя сохранить независимость, состоя на официальной службе. Это заявление хорошо запомнила Екатерина. Во время следствия, в 1792 году, в ответ на вопросы Шешковского о прохождении службы Новиков подтвердил эту свою позицию, на что Екатерина в своих замечаниях записала: «Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долга служением ни государю, ни государству».

Характерная для Новикова защита «простых» людей, показ талантливой работы русских ремесленников, мастеров и художников. Вдохновленная речами демократических депутатов Комиссии, эта заметка была в то же время направлена против русского космополитствующего дворянства.

После прекращения выхода всех журналов «поколения» 1769 года Новиков единственный, несмотря на преследования, решает продолжить издание «Трутня». В плане смелого издателя было намерение продолжить прежде всего свою сатирическую деятельность и изложение своих просветительских воззрений. Последнее намерение в известной мере удалось осуществить в статье, напечатанной

в двух первых номерах журнала под названием «В новый год новое счастье». Статья эта представляет собой попытку Новикова систематически изложить просветительские представления о человеческом счастье, об общественных обязанностях человека. Воззрениям Новикова этой поры свойственна и просветительская слабость и дворянская ограниченность. В последующем Новиков сумеет преодолеть многие черты своей классовой ограниченности (см. вступительную статью). Здесь же ограниченность и слабость мировоззрения русского просветителя сказались и в сохранении им сословных устоев России, и в стремлении каждому сословию дать моральное наставление, и в боязни коснуться принципа крепостного права. Поэтому, желая счастья всем сословиям, он желает поселянам не вольности, а лишь того, чтобы помещики исполнили перед ними свои обязанности и были им «отцами» Оттого и появилась формула, характеризующая воззрения Новикова этой поры: «чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Программу сатиры Новикову не удалось осуществить на страницах «Трутня» 1770 года – тому причиной непрерывные полицейские гонения, которым подвергался журнал. Именно вследствие этого отсутствует в журнале сатира на власть и дворян-рабовладельцев. Что в намерении Новикова было касаться именно этих двух тем, мы узнаем из двух статей. Так, в статье, напечатанной в шестом листе, сообщалось о том, что письмо Правдулюбова (главного полемиста с Екатериной II в 1769 году) не будет напечатано именно потому, что оно задевает «Всякую всячину». В восьмом листе читателям было обещано сочинение молодого путешественника, видимо посвященное теме крепостного права. Но это сочинение также не было напечатано. Важно отметить, что то, что не удалось напечатать в «Трутне» 1770 года, Новиков осуществит в своих последующих журналах: в «Пустомеле» даст оценку «Всякой всячине», в «Живописце» напечатает сочинение «Отрывок путешествия».

Большая часть новиковских сочинений в «Трутне» 1770 года посвящена теме удушения журнала правительством. Из номера в номер печатает Новиков так называемые письма в редакцию и ответы на них, содержанием которых было сообщение об очередных гонениях, которым подвергается издатель. «Расставание, или последнее прощание с читателем» завершает этот цикл статей. Острие данной сатиры направлено вновь против правительства, против Екатерины, против ее лживо-либеральной политики. Так и в новых условиях Новиков сумел направить сатиру против Екатерины, показывая на реальном примере полицейского преследования его журнала, какова цена легенды о будто бы просвещенном характере русского самодержавия.

О ХАРАКТЕРЕ САТИРЫ В ЖУРНАЛАХ «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА» И «И ТО И СЁ»

Господин издатель!

Хочу вас уведомить о двух великих важностях, огромные несчастья в себе заключающих. Ужас поразил мое сердце, как только я перо взял в руки для уведомления вас об оных.

Крепись, г. Издатель, не допускай к сердцу твоему отчаяния, оно слабым только душам прилично. Теперь приуготовь твой дух ко вниманию лютейшего несчастья. Еще вторично прошу: укрепи твое сердце и внимай: Бургомистр города Б... весьма разгневался на своего короля. Другое злополучие еще хуже того: Некто в Москве, на некотором мосту прежде стихи свои продававший, сюда прибыв, ваши листки называет безделицами, в себе ни разума, ни забавы не имеющими. Ах! Его критика столько разумна и вам вредна, сколько бургомистров гнев королю опасен! Счастье, на которое как-то он налез, так его ослепило, что ныне равного себе в разуме не видит. Однакож некоторые на рифмах бредни, им из разных чужих лоскутков сшитые, многие похваляют, может статься не приметив, что в них ни цвет к цвету, ни мысль к мысли, ни разум к делу не подобраны. Кто хочет увидеть сию правду, тот пусть прочтет Пегасу прекрасный, нашим стихотворцем сочиненный, дифирамб.

Я не знаю, как то здешний воздух весьма противен аглинскому. Там умные люди с ума сходят, а здесь рассудка не имеющие разумными представляются. Кто может на рифмах сказать байка, лайка, фуфайка, тот уже печатает оды, трагедии, элегии и проч., которые, а особливо трагедию Г*, недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто принимал рвотное лекарство и оно не действовало. Здесь лягушка, надувшись, может говорить слону, что он ростом весьма мал. Подобное сему я нашел в некотором журнале в 24 и 25 неделе. В сем журнале не знаю кто-то такой сердится, что много журналов печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает; однакож говорит про других, что они, не зная, что писать, чужие журналы повторяют. При всем том он на вас гневаться немалую имеет причину. Ваши журналы сделали то, что его листочков теперь почти никто не покупает, а ему на новый разжив деньги надобны.

В упомянутом журнале еще при досуге некто бредит следующее: отец многих имеет детей, однако не всех равно любит, и что подобным образом и журналы публикою равно любимы быть не могут. Он отчасти сказал правду, узнав оную из опытов на свой счет; однако из того сравнения заключать не надлежит, что когда его и матери его журналы явились в свет, то другим оных издавать не надлежало. Я уверен, что он сам своему нравоучению не последует, и ежели будет иметь от жены своей одного или двух любезных сынков, то, наверно, тем не будет доволен, но станет стараться и о сочинении других. Теперь увидите, г. Издатель, как за сие письмо господа критики своими сатирами на нас вооружатся; но я сего не опасуюсь, да и вам бояться не советую.

Слуга ваш *N. N.*

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АВТОР ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Самое негодное дело быть автором ежемесячных или еженедельных сочинений: я не говорю о тех почтенных авторах, которые за свои сочинения заслужили вечную похвалу; но о сих марателях, которые, следуя пословице, не учась грамоте, становятся попами. Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правила почитают за стыд.

Сими-то примерами по несчастью завлечен я в неисходимый авторства ров.

С начала моего издания думал и я так, как многие господа сочинители, что ничего легче нет, как сочинять, но в продолжение узнал, что ничего труднее нет, как писать с рассуждением. Не успел я отпечатать первого месяца моего сочинения, как уже сам стал находить в нем погрешности; стал бояться, что он читателям не понравится, что станут меня за то критиковать; но что ж из сего вышло? Рассуждение изволило замолчать, а самолюбие торжествовало и в знак своей победы вместо трофеев выдало в свет первый месяц «Пустомели». Он показался и заслужил от некоторых благоволение; я сам слышал похвалы моему сочинению от людей знающих, не будучи им известен: они говорили, этот человек подает надежду быть хорошим писцом; слог его чист и плавен, продолжали они; но надобно ему побольше упражняться.

Слыша сие, самолюбие шептало мне в уши: ты еще и большей достоин похвалы, но рассуждение кричало: неправда; однакож я этого не слыхал. Не столько радуется мать, когда слышит похвалу своему любезному и избалованному сынку; не столько восхищается любовник, когда по трех годах бесплодного своего старания и страдания противу чаяния от любовницы своей услышит: и я тебя люблю; не столько веселится и щеголиха, когда удастся ей сделать платье по вкусу и удачно одеться и когда ей все мужчины кричали: мила, как ангел! А она, приехавши домой, станет перед зеркалом и переговаривает те же самые слова: мила, как ангел! Короче сказать, радости моей ни сравнить ни с чем, ни изъяснить невозможно. Г. Читатель, ежели ты автор и ежели тебя когда-нибудь хвалили, так спроси ты у себя, сколь велика была моя радость. В другом месте услышал: надобно этому автору, говорили мои судьи, надобно ему побольше просвещения, в прочем пишет он не худо. Третьи хвалили предисловие, но недовольны были сказкою. Иные хвалили сказку, но недовольны были предисловием. Еще были люди, которые говорили, на что ему мешаться в политические дела, мало ли в городе новостей, которыми бы он читателям своим гораздо больше сделал угождения, нежели как ведомостями о политических делах. Иные по известному своему добросердечию ругали мои загадки, говоря, что это не загадки, но наглый вздор.

Такие разные рассуждения и толки привели меня в замешательство и дали рассуждению на несколько минут торжествовать над самолюбием. Надобно угодить всем читателям, размышлял я; но что такое им сообщать? И достанет ли к тому сил моих? – Нет, нет, это невозможность. Сто раз принимался я писать и опять вычеркивал; что понравилось бы, по моему мнению, одним, то, заключал я тотчас, не понравится другим читателям. Горестное состояние! Глупое упражнение! Бесполезный и ненавистный труд быть автором без достоинств или не иметь довольно бесстыдства все написанное предлагать, одобрять и превозносить еще больше славных сочинений! Тут-то я узнал, что не всякий может быть хорошим писателем, кто только писать имеет охоту; так, как не всякий тот хороший имеет в напитках вкус, кто только пить хочет: пьяница и простое вино хвалит лучше шампанского, а самолюбивый автор и прескверное свое сочинение ставит лучше чужого совершенного. Несносное, не имеющее среднего пути, состояние! Надобно быть или хорошим писателем и быть из зависти поминутно критиковану, или скверным и быть посмешищем всего города; слыть ругателем или дураком. Вот два награждения, которые авторы получают за свои труды. Я бесился, рвал бумагу, ломал перья: но они ли

виноваты? Проклинал ту несчастную минуту, в которую в первый раз написал: «Пустомеля».

Словом сказать, если когда-нибудь тебе, читатель, случилось быть в беседе с пустомелею, который беспрестанно болтает, а сам никого не слушает; или с престарелою кокеткою, которая рассказыванием старинных своих любовных дел, себя утешая, наводит скуку другим и слушателей отягощает; или с трусом, который на военной своей лире напевает все свои походы, осады городов, сражения, превозносит свою храбрость до небес, описывает робость других и удивляется нынешним обрядам; или со школьным педантом, который иначе не умеет говорить, как силлогизмами, и без ерго ни единого не выговорит слова; или с ветреным молодчиком, который опричь из романов о любви вытверженного ничего говорить не может; или с судьбою, приказным крючком, который и с девицами ничего иного не говорит, как о указах, приказных крючках и пытках; или, наконец, со стихотворцем, который равняет себя со славными российскими писателями и говорит только о чищении русского языка, похвалу себе и хулу другим, и которое чищение разумные люди называют порчею русского без порчи прекрасного наречия; итак, если г. Читатель с сими людьми когда-нибудь бывал, так ты знаешь, каковы они несносны, таков-то несносен был я сам себе, или еще столько, сколько несносны Талии Л** комедии. Вот в каком был я тогда состоянии; но в самое сие время вошел ко мне незнакомый человек. Во время моего с ним разговора беспокойствие мое уменьшалось, а по выходе его и совсем успокоился. Я стал на авторство смотреть другими глазами, после того взял перо, написал, предаю тиснению и оставляю горестные авторские минуты позднейшим моим потомкам: пусть будут они со временем трудиться узнать, подлинно ли был я в таком жестоком состоянии или только выдумал; чистосердечно ли я сам про себя это написал или целил на известное мне какое-нибудь лицо; пусть будут делать заключения, какие им угодны; а я между тем опишу разговор мой с незнакомым человеком и читателю моему сообщу, только не теперь, а со временем.

Трутенъ²⁵

Еженедельное издание на 1769 год месяц май

Они работают, а вы их труд ядите.

Г. Сумар. В XLIII притче, I книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож, верно, не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей частной; что человек, обладаемый сим пороком, недостойн соболезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок

²⁵ Воспроизводится по изданию: Н.И. Новиков. Избранные сочинения. М.; Л. 1951.

сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее; но меня к тому лень не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным; но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно; но лень препятствует: словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лени и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома. Для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что лень не допускает. От лени никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануто, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: «Дай за работу»; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желанья; а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или лень, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? *Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением: но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием «Трутня», что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, но исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-

то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможенне присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут {Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет: ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет; против последних же двух, без сомнения, благопристойность писать запретит.} в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: «Г. Издателю «Трутня». Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. Читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ЛИСТ XXI. СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ

Г. Издатель!

Я не знаю, отчего во многих вкралось предрассуждение, что русские ничего так хорошо делать не могут, как иностранные. Я видал, как многие, в прочем разумные, люди, рассматривая разные вещи, русскими мастерами деланные, хулили их для того только, что они не иностранными деланы мастерами. А незнающие и иностранные вещи, когда скажут им нарочно, что они русские, без всякого знания, по одному только предрассуждению, или еще и по наслышке хулят. Намедни сие случилось, и я вам это сообщаю для напечатания; пусть увидят все, до какой глупости иногда пристрастие нас доводит. Одному моему приятелю надобно было шить платье; мы ему советовали, чтобы он на то платье взял сукна Ямбургской фабрики, уверяя его, что те сукна в доброте и в цветах ничем аглинским сукнам не уступают, не говоря, что они аглинских ценою дешевле: но он и слушать того не хотел, чтобы русские сукна были добротою равны аглинским. Он был тогда не очень здоров и для того просил меня, чтобы съездил я на гостиный двор и взял ему образцы аглинских сукон. Я поехал, и как мне сие предрассуждение всегда казалось смешным, то захотелось мне уверить моего приятеля в его несправедливости. Я взял образцов аглинских сукон и ямбургских и, положи в одну бумажку, показал моему приятелю, сказав, что это аглинские сукна; он выбрал ямбургские и, любуюся их добротою, шутил надо мною, говоря, что он ямбургские сукна тогда покупать будет, когда они таковы же будут добротою, как аглинские. Послали за весьма искусным портным, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказал, что тут одни аглинские, а другие ямбургские, чтобы он выбрал из них аглинские. Портной, рассматривая белое и палевое ямбургское сукно, сказал, что они аглинские. Я внутренно радовался их ошибке, и после, взяв ямбургское сукно, отдал портному. Портной через два дни принес платье; приятель мой оно надел и был весьма доволен. Наконец я ему объявил его ошибку; портной сказал, что сии сукна между собою добротою так близки, что и различить почти невозможно, а приятель мой тому верить не хотел. Я отдал ему излишние деньги: ибо ямбургские продаются по 3 руб. по 75 копеек, а аглинские той же доброты по 5 рублей. Приятель мой наконец согласился поверить, но после сказал: «Ямбургские сукна хотя и хороши, однакож столько не проносятся».

Г. Издатель! Сколько нашей братья, которые по наслышке о вещах судят. Желательно бы было, чтобы сие предрассуждение искоренилось и чтобы наши русские художники и ремесленники были одобрены и равнялись во всем с иностранными, чему примеров мы уже видели довольно.

Слуга ваш **.

ЛИСТ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Г. Издатель!

За что вы на нас прогневались, что целые четыре недели не видали мы ни одного листа. Если вы на кого осердились, так чем же виноваты мы прочие? И за что нас беспричинно лишать удовольствия читать ваши листы. Пожалуйте прервите свое молчание и начните попрежнему свой журнал издавать, вы многим сделаете удовольствие, а особливо мне.

Г. Издателя покорный слуга
Беспристрастный читатель.

* * *

Г. Беспристрастный читатель, признаюсь, что я пред вами неправ и слова своего, чтобы всякую неделю издавать листы, не сдержал: но я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но для избежания хлопот я о том умалчиваю; во удовольствие ваше листы попрежнему издаются: впрочем, для меня весьма лестно слышать, что беспристрастному читателю мое издание угодно и приносит удовольствие.

ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1770 год

Опасно наставленья строго,
Где зверства и безумства много.

Прит. Г. Сумар.

ЛИСТ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ В НОВЫЙ ГОД НОВОЕ СЧАСТИЕ

Присловица старинная, но и поныне у всех на языке. Все счастья ищут, редкие находят, а прочие сетуют. Всякий представляет его себе во особливом виде. Жидомор ищет оного в великом богатстве, Пышен в великолепии, Горд в раболепстве ему подчиненных, Влюбленной во своей любовнице, и проч.: я сообщу моим читателям несколько примеров.

Прост воспитан худо, но природа одарила его изрядным понятием. В юных летах он читал премножество любовных романов и набил ими свою голову. Прост влюблен и думает, что он счастливейший человек из всех смертных, ежели любовница его подобным

же горит к нему пламенем. Всякая ласка, приятный взгляд его восхищают: словом, Прост все счастье полагает во своей любовнице. Сие счастье не может быть долговременно, и Прост, конечно, обманывается. Нынешняя любовь весьма далека от любви наших предков. Многие женщины нашего века не почитают преступлением одного любить и шестерых обманывать и говорят, что истинная любовь требует от любовника веры, или слепой доверенности, то есть видеть и быть слепу. Модные любовники так и поступают: они притворяются, будто во всем верят своим любовницам, хотя думают совсем противное. Они иногда попускают себя, так, как искусные министры, обманывать для того только, чтобы способнее изведывать обстоятельства. Откуда произошло основание сих правил, я не ведаю, но знаю только то, что от подобных происшествий вошло в обыкновение говорить, что женщины гораздо хитрее мужчин. Я оставляю господам читателям решить, тот ли хитрее, кто думает, что обманывает, и обманывается, или тот, который попускает себя обманывать и обманывает; а только то скажу, что Прост в городе счастлив не будет, пусть ищет он своего счастья в отдаленных от городов обиталищах.

Жидомор произошел от благородной крови, а имеет в себе кровь в тысячу раз подлее всех подлых крестьян, по мнению некоторых. Он был судьбою в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительствы и взятки почитались подарками; следовательно, разоряя многих, нажил он довольно имение и умножил бы оное, так, как и стон бедных и беспомощных людей, еще более, ежели бы сияющая во всю пространную Россию на престоле истина не извергла сего бездельника с места, определенного правосудию; его отрешили от оногo: но он еще нашел способ утеснять сограждан своих. Начал незаконно нажитые им деньги отдавать займы и собирать незаконные проценты, поставляя свое счастье во умножении богатства, несмотря, что он не имеет ближних наследников и что сам он не проживает ни десятой доли получаемых ежегодно процентов. Словом, ежедневно прилагая беззаконие к беззаконию, часто жалуется на правление за то, что запрещено брать проценты выше указных. Жидомор счастье нашел, но незаконно; следовательно, всякий честный человек оному завидовать не будет.

Пышен имеет великое богатство, но употребляет его весьма худо. Вместо вспоможения бедным и других христианских заповедей, требующих исполнения, покупает ежегодно премножество дорогих карет, имеет премножество лошадей, лакеев, экипажей и проч. Стол ежедневный у него бывает на 40 приборов, а садятся за стол по 15 человек. Пышен всем, что имеет, недоволен: он свое счастье полагает в том, чего иметь не может. Желание непозволенное и невозможное редко исполняется! Пышен для придания себе большей пышности хотел бы иметь богатство всего света. Сего счастья иметь он не может; а я ему желаю, чтобы он научился пользоваться тем, что имеет, он бы, конечно, был счастлив.

Сутяга непозволенными средствами при откупках и подрядах нажил довольно имение. Умирая за копейку, по всякий день умножает свое стяжание: но притом поминутно вздыхает и говорит, что он несчастлив, что детям его останется весьма мало, что он обижен и что все бездельники счастливы, а несчастлив только он один. Сутяга счастлив быть не может, затем что он, имея счастье в руках, не умеет им пользоваться.

Но можно ли исчислить все желания! Всякий желает счастья по своим склонностям. Большая половина того желает, чего никогда получить не могут; они не будут счастливы.

Наслаждаются счастьем только те, кои довольны тем, что они имеют; желания их ограничены. Они желают того, что нужно к их благоденствию, а не к удовольствованию их прихотей. Надобно желать, чтобы они были удовольствованы, например: Честен получает тысячу рублей годового дохода, проживает 750, а остальные употребляет в пользу бедных. Ежели Честен желает большего стяжания, то желает для того только, чтобы больше мог делати добра другим.

Наконец, следуя обыкновению, пожелаю я моим читателям в новый год счастья.

ВЕЛЬМОЖАМ

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом. Располагайте свои поступки и дела так, чтобы они почитали вас предстателями в их нуждах и заступниками, а не считали бы вас тиранами, отъемлющими их благоденствие тогда, когда с престола истины щедроты на них реками изливаются. Будьте добродетельны, тогда вы бедных утешать не помыслите: делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию, и пекитесь о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщевая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утешают, а утешаемые почитают то ударом руки вашея. Они вам говорят, что вы добродетельны. Лгут они сами за глаза, больше других поносят: сказывают, что все удивляются вашей щедроте, что вы не отказываете в их нуждах, они вас обманывают и называют дураками. Убегайте их, они яд, они желчь, наполняющий горестию сладкую вашу жизнь.

Будьте сами судьями своих поступок: весьте свои дела на весах беспристрастия, вы увидите, сколь они бесстыдны и сколько вы обманываетесь. Вот ваше счастье! Добродетельный человек вашего звания, конечно, назовет себя счастливым, если он сие исполняет; а исполнять вам сие нетрудно: ибо бедный человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

СРЕДОСТЕПЕННЫМ

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; и так первым говорите всегда правду, без грубости; показывайте им погрешности их, отдавайте почтение их добродетелям, а не чинам, и справедливость их поступкам. Не поносите их за невинные проступки: ибо слабость свойственна человекам. Не льстите им никогда и чрез то не старайтесь входить в их милость: таковое счастье долговременно быть не может. Низкостепенным напоминайте их должности и поощряйте ко исполнению оных своим примером. Наконец, приуготовляя себя к вышним степеням, приуготовляйте и добродетели, нужные сему состоянию. Весьте свои способности справедливо и потому желайте высших достоинств. Приучайте себя заранее сносить тягость знатной степени. Она блистательна снаружи и потому-то вас прельщает. Будьте искренны и с первыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании, но таких, которые бы и по получении вами знатных достоинств необиновенно всегда говорили вам правду; чтобы они были столько добродетельны, чтобы вы могли от них заимствовать: если ж вы не сыщете таких, то не сыщете счастья, хотя и будете на вышнем степени: ибо знатный редко имеет верного

друга.

МЕЩАНАМ

Желаю трудолюбия и праводушия.

БЕДНЫМ

Добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастье!

ПОСЕЛЯНАМ

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здоровья и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастье ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новый год нового счастья. Чего ж я пожелаю? Г. Читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастья моим согражданам было им угодно; чтобы издание мое принесла пользу и чтобы меня не ругали.

ЛИСТ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ

Г. Издатель!

Не поверишь, радость, в какой ты у нас моде. Ужесть как все тебя хвалят, и все тобою довольны. Я сама много раз от московских наших щеголих слыхала, что тебе пред всеми дают преимущество; а я твоего Трутня ни на какие книги не променяю. После покойного старичка, моего батюшки, досталось много книг очень много, только, по чести, я ни одной не беру в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью: об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги? – все Феофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Летописцы и всякий эдакий вздор. Честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела. Один раз развернула Феофана и хотела читать, но не было мочи: не поверишь, радость, какая сделалась *теснота в голове*; {Модное слово.} а что принадлежит до твоего Трутня, то, по чести, я никогда не устаю его читать: ужесть как хорош! Теперь я все сказала, что надлежало до тебя: выслушай же, радость, и мою просьбу.

Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу: у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся: уморишь, радость! Я принуждена была смотреть за курами – ты хохочешь: потерпи, пожалуй – за курами, за гусями и деревенскими бабами – ха! Ха! Ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью. Я не к тому рождена: но батюшка мой, покойный старичок, все-таки на своем поставил. Он воспитал меня так худо, как хуже трудно и придумать. Я знала только, как и когда хлеб сеют; когда садят капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику, -- ужасное знание! А того, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная

б1урра. Я не умела ни танцевать, ни одеваться и совсем не знала, что такое *мода*. Вот до какой глупости отцы, подобные моему, детей своих доводят! Поверишь ли, г. Издатель? – мне стыдно тебе признаться: -- я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша, -- рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала карнеты, скидывала, опять надевала; разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употреблению опахала, смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивляешься, как могла я в такое короткое время всему, да еще сама, научиться? Я тебе это таинство открою, послушай: по счастью, попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она еще до просьбы моей предложила мне свои услуги: рассказала мне, в каком я нахожусь невежестве и что она в состоянии из меня сделать самую модную щеголиху. Вот какое из нас французы делают превращение! Из деревенской б1урра в три месяца сделать модную щеголиху для человека невозможность, а французы делают. Какую благодарностью должны мы французам: они нас просвещают и оказывают свои услуги и тогда, когда их не требуем.

Лишь только вышла я из рук моей учительницы, то и показалась в собрание. На меня уже другими глазами смотрели: я познакомилась со многими девицами и науку мою совершенно выучила. Скоро после того услышала, что и меня называют модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась! Уморить ли тебя? – В тысячу раз больше, как радовался батюшка мой, получая в году тысячу четвертей хлеба с своего поместья. Тогда-то узнала я, что мы и с хлебом и с деньгами нашими без французов были бы дураки. Они еще дешево продают о нас свои попечения. Услыша лестное о себе мнение, не пропускала я тогда ни комедии, ни маскарадов, ни гульбищей: везде я попевала. Ты, радость, можешь рассудить, что девка осьмнадцати лет, которая от всех слышит: *мила, как ангел!* Тотчас наживет себе завистниц; со мною точно так и сделалось. Меня стали снова пересмеывать; но уж из зависти, видя, что молодые мужчины толпами за мною бегают. На всю злость московских щеголих и ласки молодых мужчин смотрела я с холодностию. Многие молодчики в любви мне открывались: но я смеялась – я еще больше делала: сказать ли? – я дурачила их, сколько хотела, а они не сердились. Наконец попался мне молодчик, хорош, как ангел, умен, и притом щеголь. Он в меня влюбился до безумия; и я к нему почувствовала не знаю что-то отменное от прочих. Я восхищалась, видя его на маскарадах: он летал, как ветер, когда он танцевал; и везде, где я ни бывала, находила тут и его. Несколько времени было это мне приятно, а после безотвязности своею он мне и наскучил, Я вознамерилась его позабыть: и слово свое сдержала. После сего молодчиков с десяток пробовали свое счастье: но я и с ними точно так же поступила. Вот обстоятельства, в которых я нахожуся. Дай, радость, мне хорошенький совет: так ли мне поступать, как начала, или и самой в кого-нибудь влюбиться. Пожалуй, ангел мой, напиши мне поскорее ответ, да не умори меня; я его с нетерпеливостию буду дожидаться; и прежде, пока его не получу, не скажу тебе, кто я такова. Мне хочется и тебя помучить. Прости, радость!

P. S. Ужесть как хочется, чтобы совет твой поспел к нашим маскарадам.

В Москве, ноября 25 дня,
1769 года.

* * *

Государыня моя! Я человек чистосердечный, и так не прогневайтесь, ежели скажу, что поступки ваши совсем мне не нравятся. Послушайте искреннего совета! Оставьте их, они унижают вашу красоту. Начто прелестное ваше лицо: я разумею из письма вашего. Начто его различными намазывать красками? Глаза ваши блистают, может быть, огнем: начто вы их коверкаете? – *мода* и тут замешалась! Еще вас прошу, оставьте сие не свойственное вам искусство: прекрасного не можно прекраснее сделать, но разве безобразнее: превеликую делаете вы честь своей учительнице! Если все они ту только делают пользу, так они совсем для нас не нужны. Оставьте все искусство и дайте в себе удивляться делам природы. Вы не захотите, может быть, следовать моему совету для того, что боитесь скуки: не опасайтесь, сударыня, г. Сочинитель «Всякия всячины» обещался предписать вам упражнения; следуйте только им: вы скуки чувствовать не будете. Наконец, советую вам читать и хулимые вами книги, хотя изредка. Советую также побольше иметь почтения к памяти вашего родителя. Впрочем, за хорошее ваше о Трутне мнение я бы вас благодарил, если бы похвала сия была умеренна и справедлива; но вы предпочитаете моего Трутня таким славным сочинителям, у которых *недостойн я отрешить ремень сапог их*; и так от принятия сей похвалы прошу меня уволить.

ЛИСТ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ

Г. Издатель!

Я приметил, что все наши молодые дворяне, путешествующие в чужие земли, привозят только известия, как там одеваются, пространное делают описание всем увеселениям и позорищам того народа: но редкий из них знает, на какой конец путешествие предприниматься должно. Я почти ни от одного из них не слыхал, чтобы сделали они свои примечания на нравы того народа или на узаконения, на полезные учреждения и проч., делающее путешествие толико нужным. Мне это совсем не нравится: лучше совсем не ездить, нежели ездить без пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества. Для сей-то самой причины вознамерился я путешествовать во своем отечестве, дабы прежде узнать обычаи своих единоплеменников. Я недавно был в двух наших городах и сделал на оные примечания; если будут они вам угодны, то я к вам для на печатания их сообщу, а теперь ожидаю, как вы на то отзоветесь.

Ваш покорный слуга
Путешественник.

* * *

Г. Путешественник! Если примечания ваши могут принести пользу читателям, то с удовольствием помещены будут в моих листах. Я ожидаю их с некоторою надеждою.

ЛИСТ XI. МАРТА 16 ДНЯ

Г. Издатель Трутня!

Нет средства, чтоб не писать сатир на подъячих: сия тварь весьма несносна честным людям. Самое бездельное дело наделало мне множество хлопот: нужда мне была, чтоб в Москве в ***** подписали мою подорожную. Я, изготовясь совсем к отъезду, зашел туда, думая, что в четверть часа могу быть отправлен; однако весьма обманулся в своем чаянии. Пришед в коллегию, спросил, у кого такие дела: сторож, отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замазаны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков; подъячих оборванных и напудренных, то есть разного рода, человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись. Столь странное зрелище привело меня в удивление: я спрашивал, зачем тут такая драка, и насилу мог доведаться, что так наказывали приказных служителей за разные их несправности.

Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела, он мне гордо сказал: «Подождите, не бывал дежурный». Я говорил: «Мне сказали, что это вы, сударь». Он засмеялся и сказал мне: «Я дневальный, это правда, однако дневальный и дежурный не все одно». Наконец после многих насмешек научили меня, что дневальный есть канцелярист, а дежурный регистратор: теперь я это знаю, а прежде не ведал ни об одном из сих животных. Дожидался дежурного, который сказал, что о сем-де надлежит учинить представление господам присутствующим, и как они соблаговолят. Дожидался и присутствующих и, ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные *завтра*, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могши без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам.

Прости, г. И., я отправился в свой путь, сделав клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия.

Слуга ваш *Н. Н.*
Из Москвы. Февраля 9 дня,
1770 года.

ЛИСТ XII. МАРТА 25 ДНЯ

Господин издатель Трутня!

Я влюблена в ваш журнал: он мне ужесть как мил! Разумеете ли вы меня?.. статья не может, чтоб вы не разумели, я об вас всегда лучше думаю: вы причиною, что я тружусь

над сочинениями; а старание мое в том от того только происходит, чтобы войти к вам в любовь. Нет больше для меня удовольствия, как читать ваши листы. Поверишь ли, радость! Сколько повстречалось мне того, что случилось незадолго пред концом нынешнего десятилетия. Всего больше приятны мне ваши *портреты*: представить себе не можешь, сколько иные похожи на людей, мне знакомых; я их при них читала: как же они бесились!.. и сколько я хохотала!.. Дорого бы я заплатила, чтобы все ваши листы наполнены были такими портретами и чтобы стихов в них совсем не было: стихи мне не нравятся; я не касаюсь чести господ сочинителей, не говорю, что они дурны; но похвалить их не могу, потому что я женщина: боюсь погрешить против справедливости. Как же жалки мне бедняжки мелкие стихомаратели! Они карабкаются туда же, куда идут и славные стихотворцы. По грехам нашим они нынче расплодился так, как в пустом саду крапива. Все называют крапиву корнем подъячих: но по справедливости и стихотворцев можно уподобить сей траве. Не дотрогивайся до крапивы, она обожжет: не сердди стихотворца, он напишет сатиру. Эту тварь надобно всегда ласкать, как человека нужного, угождать, как человеку больному: а иногда и объявление их любви принимать без огорчения.

Признаюсь, радость, что я заслуживаю стихотворческую ненависть; но меня обнадеживает только то, что они обо мне не узнают, кто я такова; да пусть бы и узнали, пускай пишут, что угодно, я сама скажу им мои пороки. Я не скромна, ветрена, люблю все новые моды, страстна к театральным позорищам, а больше еще к маскарадам: и ужесть как ненавижу беседы; несносны они мне для того, что наши сестры переговорищицы только и делают, сошедшись вместе, что кого-нибудь пересуждают, несмотря, что они сами заслуживают осмеяние; а я этого терпеть не могу. Ненавижу также скупость, мотовство, зависть, карточные игры, ревнивых мужей, неверных жен, ветреных любовниц и любовников: ужесть как гадки мне все те, кои много о себе думают. Я знаю много таких людей, и они-то подали мне материю сочинить исторические картины: я написала сперва две, а теперь, радость, уже их у меня целые шесть написаны. Ты скажешь, можно бы в это время сочинить и больше: это правда; да подумай, ведь я женщина, так довольно, что я и столько могла сделать. Я не знаю, как и с теми показаться, посылаю и робею: боюсь, что с таким сочинением не понравлюсь – ужесть как это воображение меня мучит. Я не могу себе представить, как я перенесу противный от вас отзыв: он мне всякого отказа страшнее... Ах! Не умори меня! И не отыми надежду в молодой сочинительнице.

P. S. Нет сомнения, чтобы почерк женских рук вам не примелькался; но мой вы еще в первый раз теперь видите, так, может быть, чего и не разберете; об этом вас прошу прилежнее постараться: но не переправлять ничего, что, может быть, покажется вам нескладным; пусть эта погрешность останется на моей стороне.

КАРТИНА I

Сия картина изображает мужчину низкого происхождения, который нашел случай приплестись в родню знатной фамилии. На правой стороне видны все нажиточные места, вокруг которых он по милости своих родственников терся. На левой его кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкафами и мешками с деньгами: он наполнил ее всякими непозволенными средствами, а именно грабил и захватывал насильно чужое

добро, брал на сохранение и не отдавал назад; а паче всего нажил он то лихоимством. Тут еще изображается несколько вдов, сирот и беспомощных: они его просят с заплаканными глазами и с распростертыми руками; и кажется, что они все хотят вымолвить: «Помилуй, покажи правосудие!» Но он со спокойным видом всегда говорит им *завтре*. Над кладовою его надпись: «Сие добро посредством моего умишка мне бог дал». Живописец, писавший сию картину, не позабыл вдали изъяснить брошенные на пол изломанные весы, означающие правосудие и также истину поверженную.

КАРТИНА II

Представляется вдовушка лет двадцати – ужесть как недурна! Наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшийся старик в виде любовника: он изображен отягченным подагрой, хирагрой, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальня и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для облегчения старости своего возлюбленного.

КАРТИНА III

На оной означен Худосмысл, имеющий знатный чин, довольный достаток, не велик только ростом и не тонок, летами около шестидесят. На одной стороне означается его служба, где видно самых младых лет непрерывное его за красным сукном заседание, под сим надпись: «Худой был человек, худой есть судья, и умрет еще худшим». На другой стороне картины означается приезд к нему гостей и вид внутренних его покоев: покои сии наполнены почти ломберными столами, за коими хозяин с гостями играет в карты, над ним надпись: «Не умом, да деньгами». Вдали от сего виден Худосмысл между своими служителями; один из них стоит перед ним с сердитым лицом, изображающим непослушание; другой скидает с него платье с пренебрежением; а поодаль сего означен вид управительских двух покоев; в них видно богатство, состоящее в сундуках с деньгами, в шкапах с серебряною посудой и столиках с фарфором, часами, табакерками и тому подобным. Надлежит заметить, что в покоях помещичьих ничего подобного сему не означено.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Худосмысл господин над людьми своими, а господа над ним его люди; всякий лакей смеет ему противуречить, отговаривать и доводить до того, чтобы он был всегда в их повелениях, только что они не секут его, да и он их сечь не смеет, а для сего подлый народ Худосмысла и называет: «То-то господин, то-то отец, люди у него как в раю живут!..» Только Худосмысл у людей своих живет как на каторге.

КАРТИНА IV

Маска представляет женщину тихую, добродетельную, показывающую жалость об всяком пришедшем в несчастье человеке. Чувствительность ее о бедных видна тем больше, что при слушании о несчастных катятся ручьями слезы у нее; а в прямом виде изображается эта женщина самолюбивою и сребролюбивою; ее окружают несколько человек в разных видах. Она на неимущих взирает гордо, а раболепствует ничего не значащим, будучи сама чиновна. К одной стороне надпись: «Сия женщина ко умножению своей славы всем бедным помогать берется, а не собою, да знатными, кои ей знакомы: она выпрашивает у них на дворянок неимущих платье и деньги, чего, однакож, никому никогда не отдает». А под сим видно, как она жалуется тем бедным вместо выпрошенного платья свои ветхие обноски, ставя их в цену, а деньги дает им в долг и берет с них обязательство. Здесь означается, как она запрещает накрепко тем бедным ходить в те дома, где она платье и деньги на них получила. {По левую сторону сей картины оставлено место на другую половину истории, коя еще сочиняется.}

КАРТИНА V

В худоубранном платье представлен мужчина, не имеющий никаких достоинств или такого, что бы притягало искать его дружбы, кроме что он человек. Тут сотовариществуем ему его знакомые и несколько домашних. Речь его к ним следующая: «Не могу от знакомств отбиться! Они мне даже что в тягость! Все во мне ищут, все меня почитают, все ласкаются быть мне друзьями!.. А господин С... О! он для меня все сделает, что бы я ни сказал ему; он меня отменно любит»... Позади же сего видно, как сей высокомысл сам во всех ищет; а об нем все думают так мало, как не можно меньше.

КАРТИНА VI

Между множеством обоего пола людей видна женщина лет около пятидесят; однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается; а к мужчинам всякого сорту показывает ласку, дает им знак, чтоб они подошли к ней, и досадует, что они противятся. Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова.

Ну, радость, вот сочинения моего картины; каковы они? Скажи мне?.. Нет, не говори лучше ничего, ежели они дурны.

* * *

Госпожа Молодая сочинительница! Боязнь ваша в рассуждении отсылки вашего письма ко мне была напрасная. Ваше сочинение так хорошо, что я бы желал таковые получать чаще; но, по несчастию моему, редко сие случается. Если вы будете ко мне и впредь подобные сему сообщать сочинения, то я вам буду весьма за то благодарен. Впрочем, я

бы желал, чтобы вы к молодым стихотворцам имели побольше снисхождения. Наконец, должен я перед вами извиниться, что не совсем вашу просьбу исполнил. Несколько причин с моей стороны меня бы в том оправдали; но я о них умолчу: вы сами догадаетесь.

Г. Издатель!

Есть люди, которые говорят, что Трутень 1770 года нерадивее Трутня 1769. В прошлом годе он не только что издавал отборные пиесы, но и присылаемые к нему исправлял и своим хорошим вкусом и остроумием из худых писателей делал хороших авторов. А ныне все соболезнуют, все рыдают и вопиют: о плачевная премена! Трутень, славный Трутень! Стал нерадив, не смотрит за наборщиками, лютыми врагами всех авторов. Они так портят письма, попадшие к ним в руки, что читатель, потя и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора. А бедный автор, как чадолюбивый отец, терзается досадою и разрывает родительское сердце, взирая на безобразие своих трудов, любезных чад своих.

ЛИСТ XIV. АПРЕЛЯ 6 ДНЯ

Господин издатель Трутнев!

Я ужесть как на тебя зла: я тобой взбешена, ах! Радость, какой ты несносный человек; па чести етова я не вображала, вазможнали, што тебя ништо не может удержат а т такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женьщину, из наших сестер: неуймешь какетку от амуров, манерщицу от нарядов; а тебя от переправок чужих сочинений. Ето, радость, очень гадка! Простила бы я твою переправку, когда бы ею сочинение мае было исправлено; а то позволь себе сказать: оно испорчено! Ты, радость, невыразумел мысли живаписицы: она в первай картине изобразила толька пранырства подлова человека, какой, может, не выше секлетаря был, а ты ево пажаловал судьею. Другая испорченаж, да еще таки с милости. А в третей у ней представлен Худасмысл с надписью: каков был с молоду худой резолют в делах приказных, таков по ныне, такаву, видна, и умереть ему, што и есть пряма Худасмысл. А ты ево назвал: худым человеком и худым судьею; из чево разуметь можна: бессовеснова, грабителя и неправосуднова... Худасмысл правда что судья; да он толька ета имя на себе носит; а дела делает ево секлетарь и другие судьи таварищи. Ты, радость, поумничал, да не к статье. А ином уж я и не гаворю: што из женскава слога сделал ты подьяческой, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы едаких речей ничуть не пишем, у мущин они в употреблении; а у женщин нет. А, я чаю, как в паследних трех картинах, так и падавно нечева ждать доброва, каких, я думаю, наставил ты там жучек в епанечках. В етам письме нет прежней мае ласки; да кто виноват, ты своими переправками сделал ету во мне перемену. Уймись, радость! В противном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей прабабке.

* * *

Государыня моя, госпожа Молодая сочинительница!

Ежели бы получил я ваше письмо вчерась, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того, я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы и вам сделал грубый ответ, чего по справедливости вы и достойны. Но нынче я весел, и ваше письмо попалося мне в добрый час, и так читайте следующий ответ.

Я, сударыня, не ведал, что вы самолюбивы, хотя и ведал из письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и так за нужное почел малые ваши погрешности исправить. Вы жалуетесь, что я женский ваш слог испортил и сделал подъяческий. – Уведомьте меня, сударыня, что вы разумеете под словом *женский слог*; то ли, что женщинам и в писаниях погрешности прощать надлежит, или только то, что ваше письмо написано слогом женщины, неправильно говорящей и, с позволением вашим, свойств и правил русского языка не знающей. На то вам скажу: что вы, поразгорячась, сказали лишнее. Другое ваше письмо я издаю в печать точно так, как его получил. Наконец, сказываете, что я лишился вашей ласки. – Неудивительно, сударыня я знаю ваш пол. Есть между вами особливый род, называемый *кокетки*: они, сударыня, поминутно, -- нет, не скажу. Вы, конечно, их сами знаете. Я опасаюсь, не из числа ли их и вы: ибо никто так скоро рассердиться не может, как *кокетка*, когда при ней другую женщину хвалить станут или скажут, что она не к лицу одета. И так, сударыня, ежели вы из числа их, то я, лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончание вашего письма состоит в угрозах, что вы, написав на меня сатиру, будете жаловаться моей прабабке, -- но у меня ее нет; а если написать вам будет нужно, то сообщите ко мне, я ее, верно, напечатаю.

ЛИСТ XV. АПРЕЛЯ 15 ДНЯ

Господин Трутень!

Кой чорт! Что тебе сделалось? Ты совсем стал не тот; разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелось послушать, как станем бранить? Так послушай. – Ну, да полно, шутки в сторону. Пожалуй скажи, для какой причины переменил ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения? Ежели для того, как ты сам жаловался, что тебя бранили, так знай, что ты превеликую ошибку сделал. Послушай ныне: тебя не бранят, но говорят, что нынешний Трутень прошлогоднему не годится и в слуги; и что ты ныне так же бредишь, как и другие. Надобно знать, что хулы есть разные; одни происходят от зависти, а другие от истины; и так я советую лучше терпеть первые, нежели последние. Что тебе нужды смотреть на то, что говорят другие; знай только сам себя. Пожалуй, г. Новый Трутень, преобразись в старого и будь любезным нашим увеселением; ты увидишь, что и тебе от того больше будет пользы: а то ведь, я чаю, ты бедненький останешься в накладе. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего. Пожалуй послушайся меня и многих со мною; а буде не так, так прощай, Трутень, навсегда.

Тот, кто написал.

Апреля 6 дня,

1770 года.

В Санктпетербурге.

Господин издатель Трутня!

Мне кажется, что тебя избаловали похвалами; почему ты и вздумал, будто всякий вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием Трутня, то примется читателями, равно как и хорошие сочинения, в нем напечатанные. Ежели ты так думаешь, так поверь, {Я не скажу *радость*: для того, что тебя ныне приличнее назвать *печалью*; ты, мой свет, очень достоин, чтобы хорошенько побранить тебя; ни, однакож, я еще потерплю.} что ты много ошибаешься. В прошлогоднем твоём Трутне большая часть сочинений были очень хороши, и им отдавали справедливость, например «Ведомости», «Портреты», «Рецепты»; твой Демокрит, некоторые пиески в стихах, также и многие письма в прозе, заключающие в себе сколько остроты и соли, столько хорошего вкуса, здравого рассуждения и чистоты русского языка. Нет нужды, и боже меня сохрани, чтобы я стала говорить, будто ты целил в них на известные тебе лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсем не было подобных прежним сочинениям и в нынешнем твоём Трутне; но скажу по чести, что они в нем так редки, как были редки в прошлогоднем худые. Этого, кажется, довольно, ты видишь, что я говорю искренно; и так не сомневаюсь, что ты воспользуешься моим советом и будешь в выборе пиес поразборчивее. Прости, г. Издатель!

Услужница ваша
Не отгадаешь кто.

Господин издатель!

Давно хотелось мне с тобою познакомиться, но недосуги мои не допускали; а ныне привлекает к тому необходимость. Мне нужны твои советы. Пожалуй будь со мною откровенен; я малый, право, добрый, и со мною ужиться в согласии очень легко. А ты хотя и не совсем мне понравился, однакож приметить я мог, что ты человек добрый. Много ты имеешь слабостей, да и я также; а может быть, еще и одинакие; как же быть, ведь мы человеки, часто случается, что делаешь то, чего бы и не хотел сделать: но оставим это. Я приступлю к делу. Я вознамерился в нынешнем году издавать «Модное ежемесячное сочинение» и посвятить его красавицам. Но прежде захотел спросить у тебя совета искреннего; ты уже другой год около этого промысла трешься, так, конечно, все узнал; и так пожалуй скажи мне, не хлопотно ли это и не надобно ли мне будет с кем-нибудь ссориться. Это меня пуще всего страшит: ибо я до ссор не охотник. Совет твой решит мое сомнение; а я буду либо настоящим издателем, или останусь только вашим слугою и будущим издателем «Модного сочинения».

* * *

Господин будущий издатель «Модного сочинения»!

Я вам не могу дать иного совета, как только, чтобы вы о будущем своём издании посоветовали сами с собою. Хлопот издателям довольно, и еще и заботы, а временем и

убытка: но заглавие вашего издания от последнего вас, конечно, избавит; ссоры также бывают: впрочем, ежели вы такой добрый человек, то я бы хотел вас иметь своим товарищем; может быть, вы своим заглавием периодические сочинения опять введете в моду у читателей.

ЛИСТ XVII АПРЕЛЯ 20 ДНЯ

Господин издатель!

«Всякая всячина» простилась, «И то и сё» в ничто превратилось, «Адская почта» остановилась, а Трутню также пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в тягость и не наскучить своими рассказами. Что за вздор! Долго ли и впрямь читать одно да одно? Все Трутня да Трутня! Сколько денежек ни выдавай, а другого не ожидай: как посмотришь на листок, так все заглавие одно носит имя. Что нужды до содержания, когда не разное именование; вы бы все, сколько вас ни было, старались лучше о выдумках, чтоб по крайней мере каждый месяц... Нет, долго, каждую неделю переменить именование своего издания. Удивительно право, как вы по сие время еще не переняли поступки красавиц, которые бы вам хорошим образцом в таком случае служить могли. Представьте себе только, сколь тонок их вкус; они никогда не делают то, что с переменою не сопряжено: так как же такое бесконечное племя издания читать без скуки, которое свое звание не переменяют. Нет, я вам чистосердечно признаюсь, что я давно об них и слышать не хочу. Сперва я было таки листков с десятков без тройкого прочтения не оставлял, да и во сне про них видал; а ныне ужесть как несносны, да и скучно об них ведать, что они в свете есть. Ну, прости, мне недосуг больше писать, пора мне ехать в ряды и купить... я сам не знаю что.

Ваш покорный слуга
Вертопрах.

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. АПРЕЛЯ 27 ДНЯ

Г. Издатель Трутня!

Я и многие со мною имеем справедливую причину на тебя, да еще на г. Издателя «Смеси» жаловаться. Вы своими шутками причиняете нам убыток: не подумайте, чтобы я жалел о тех деньгах, которые платил за ваши листы: боже меня сохрани от такой несправедливости! Я всегда скажу, что мы за оные платили деньги с превеликим удовольствием, ибо получали от того пользу и увеселение. Выслушайте ж мою жалобу, она истинно справедлива: вы критиковали не знаю какого-то стихотворца: может быть, и весьма справедливо; да дело-то в том состоит, что вы его, как говорится, задели за живое. Он на вас разгневался, как раздраженный стихотворец, пылал яростию и желал отмстить свою обиду. По несчастию общему всех читателей, это случилось в то самое время, когда сей стихотворец издавал в печать книгу своего перевода. Тут-то он себя удовлетворил: ибо к книжке, состоящей менее трех листов, написал на четырех листах предисловие, в

котором пространно утверждал, что критикующие люди злые, а критики их неосновательные; что они в силу указов дарованную вольность умам употребляют во зло, осмелясь критиковать человека, достоинства свои совершенно знающего; что он те критики, яко неистояробеснующихся молодичей, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острого разума воспроизжелавших посверкать, соблаговоляет уничтожать и презирать и что он на них ни единого не будет ответственать слова: но, забывшись, исписал целые четыре листа, 71урра71нт из предсердия его исходящим ругательством, не позабыв притом прикрыть сие завесою благочиния. А все это почти за одно словцо: *рыгать*. Вам шутки, а нам убыток: ибо за двадцатипятикопеечную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копеек. Словцо это показалось и в новом вашем Трутне, что все предвещает, что мы опять напрасный убыток нести будем, а книгопродавец без предисловия той книжки не продает. И так прошу вас, г. Издатель, пожалуйста оставьте его в покое, не рыгайте новоизобретенными его нелепыми изречениями и тем не причиняйте нам убытка. О сем просит

покорный ваш слуга

Я в своем доме.

Москва,

1770 года,

в апреле месяце.

Александр Сумароков

Сумароков (Александр Петрович) – известный писатель. Родился в 1718 г., в Финляндии, близ Видьманстранда. Отец его, Пётр Панкратьевич, крестник Петра Великого, был человеком по тому времени образованным, в особенности по части литературы, и принадлежал к искренним сторонникам реформаторской деятельности Петра. По заключении Ништадского мира он сам занялся воспитанием своих детей и пригласил к ним иностранца Зейксна (бывшего одно время учителем императора Петра II), для преподавания «общей словесности», 14-ти лет Сумароков был отдан в Сухопутный Шляхетный корпус, только что устроенный по прусскому образцу Минихом. Здесь Сумароков вскоре выделился серьёзным отношением к научным занятиям и в особенности влечением к литературе.

Первыми произведениями Сумарокова, написанными ещё в корпусе, были

переложение псалмов, любовные песни и оды; образцами для них служили французские поэты и вирши Тредьяковского. Систематического знакомства с французской литературой у Сумарокова не было; даже Расина он прочёл уже по выходе из корпуса. Воспитанники корпуса читали друг другу свои сочинения и переводы. Из них Сумароков образовал «общество любителей российской словесности»; в числе участников его были известные впоследствии И. П. Елагин, И. И. Мелисисно, А. П. Мельгунов. Сочинённые Сумароковым в это время сентиментальные песни были положены на музыку Белиградским и имели большой успех даже при дворе. К этому же времени относятся и первые драматические опыты Сумарокова. Впечатления театра были знакомы Сумарокову ещё в раннем детстве; по его словам, когда ему не было ещё и двенадцати лет, он «бывал на комедиях», исполнявшихся заезжими актёрами немцами. Не заявив, по окончании ученья, желанья служить в полку, Сумароков был сначала причислен к военной канцелярии графа Миниха, со званием адъютанта, затем продолжал службу у гр. Г. И. Головкина и графа А. Г. Разумовского и дослужился до чина бригадира.

Служба при графе Разумовском доставила Сумарокову возможность бывать в высшем обществе столицы и привела к знакомству с наиболее выдающимися лицами того времени. Но честолюбие Сумарокова было направлено в иную сторону: он неумолимо работал на литературном поприще. В октябре 1747 г. Сумароков обратился к президенту канцелярии академии наук, брату своего начальника, графу К. Г. Разумовскому, с просьбой о разрешении напечатать трагедии «Хорев». Уже в этом прошении определённо высказана мысль об общественном значении его авторства: «к тому, чтоб она была напечатана» – говорит Сумароков – «меня ничто не понуждает, кроме одного искреннего желанья тем, чем я могу, служить моему отечеству». Трагедия была напечатана в том же году. Успех, выпавший на её долю, содействовал распространению в русском обществе более правильного взгляда на театральное искусство и оказал несомненное влияние на основание постоянного русского театра. Приглашению в Петербург знаменитой ярославской труппы предшествовала постановка пьес Сумарокова в корпусе и во дворце: в 1750 г., кроме «Хорева» – трагедий «Гамлет», «Синав и Трувор», «Артистона», комедии «Чудовищи», «Трессотинеус», в 1751 г. – «Семира»; актёрами являлись кадеты. Существование театра было упрочено указом императрицы сенату 30 августа 1756 г., и тогда же Сумароков был определён директором его. Для облагораживания в глазах малообразованной публики звания актеров он выхлопотал последним дворянское отличие – право носить шпагу. Иногда придирчивый в своих требованиях, он с любовью следил за развитием талантов и навыков к сцене и был искренним другом талантливейших представителей своей труппы; известна, например, его трогательная элегия на смерть Шумского и Троепольской.

Несмотря на недоброжелательство литературных противников Сумарокова, старавшихся подорвать значение Сумарокова как драматурга, слава его росла с каждым новым произведением. Постоянный театр, с актёрами, смотревшими на сцену как на своё единственное и высокое призвание, дал новую пищу творчеству

Сумарокова, встречавшему, притом, неизменное одобрение со стороны императрицы. Продолжая работать для театра, он в тоже время писал многочисленные оды, элегии, басни, сатиры, притчи, эклоги, мадригалы, критические статьи и т. Д., стараясь завоевать прочное положение во всех родах и видах русской литературы.

В 1759 г. Сумароков основал журнал «Трудолюбивую пчелу», наполнявшуюся большей частью произведениями своего издателя. Он имел успех, но скоро прекратился по недостатку средств.

В 1755 г. Сумароков поставил на сцену первую русскую оперу: «Цефал и Прокриса», музыка к которой была написана, в лирическом духе, придворным капельмейстером Арайя. К 1757 г. Относится драма Сумарокова «Пустынник», к 1758 г. – трагедия «Ярополк и Димиза», где двое из действующих лиц носят имена «Крепостата» и «Силотела», по-видимому имевшие целью сообщить трагедии отсутствовавший в ней национально-исторический колорит. Quasi-исторические сюжеты имеют и следующие трагедии Сумарокова: «Вышеслав» – (1768), переносящий действие в языческую старину Новгорода, «Дмитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774). К 1768 г. Относятся комедии Сумарокова «Опекун», «Лихоимец», «Три брата совместники», «Ядовитый», «Нарцис», к 1769 г. – «Пустая ссора», «Рогоносец по воображению», «Мать совместница дочери». Сумароков сочинял и балеты, в которые вводил драматический элемент и намеки на современные события. Изящные декорации, музыка, пение, фантастическая обстановка – всё это обеспечивало успех таким аллегорическим пьесам Сумарокова, как «Новые лавры» (на победу над Фридрихом 1759 г.) или «Прибежище добродетели», или таким операм, как «Альцеста» (1759), с музыкой Раупаха. Быстрота, с которой Сумароков создавал свои произведения, может быть охарактеризована его пометкой на комедии «Трессотиниус»: «зачата 12 января 1750 г., окончена января 13-го 1750».

Крайне самолюбивый и строптивый нрав Сумарокова служил источником бесконечных ссор и столкновений, даже с ближайшими его родными. Подорвать литературный авторитет Сумарокова врагам его не удавалось, но в отношениях к нему многих лиц из высшего и литературного круга было немало несправедливого. У вельмож его дразнили и потешались его бешенством; Ломоносов и Тредьяковский донимали его насмешками и эпиграммами. Они жестоко напали на И. П. Елагина, когда тот в своей «сатире на петиметра и кокеток» обратился к Сумарокову в таких выражениях:

«Наперсник Буалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель, бич пороков.»

Сумароков, с своей стороны, не оставался в долгу: в своих вздорных одах – он пародировал высокопарные строфы Ломоносова, а Тредьяковского изобразил в «Трессотиниусе», в лице тупого педанта, то читающего неуклюжие и смешные стихи, от которых все бегут, то рассуждающего о том, какое «твердо» правильные – о трёх-ли ногах или об одной. Противниками Сумарокова на литературном поприще были ещё Эмин и Лукин, но Херасков, Майков, Княжнин, Аблесимов склонялись перед его авторитетом и были его друзьями.

С цензурой Сумароков вёл постоянную борьбу. В большинство случаев

непримиримость Сумарокова объяснялась его неуклонным стремлением к истине, как он её понимал. С сильнейшими вельможами своего времени Сумароков так же спорил и горячился, как и с своими братьями по перу, и ни шутком у них, ни льстецом не мог быть уже по самой своей натуре.

Отношения Сумарокова к И. И. Шувалову были проникнуты искренним и глубоким уважением. Сумароков управлял театром не особенно долго: из-за каких-то в точности неизвестных столкновений с артистами и недоразумений или, вернее, интриг, Сумароков был, в 1761 г., уволен от звания директора театра. Хотя это не охладило в нём страсти к сочинительству, но он был очень огорчён и с особенной радостью встретил воцарение Екатерины II. В похвальном слове, написанном по этому поводу, он в сильных выражениях нападал на невежество, укреплённое пристрастием и силой, как на источник неправды в жизни; он умолял государыню исполнить то, что смерть помешала исполнить Петру Великому – создать «великолепный храм ненарушимого правосудия». Императрица Екатерина знала и ценила Сумарокова и, не смотря на необходимость подчас делать этой «горячей голове» внушения, не лишала его своего расположения. Все сочинения его печатались на счёт Кабинета. Любопытно и для характеристики времени и нравов, и для определения взаимных отношений Сумарокова и императрицы, дело его с содержанием московского театра Бельмонти, которому он запретил играть свои произведения. Бельмонти обратился к главнокомандующему Москвы, фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову, и тот, не вникнув хорошенько в дело, разрешил ему играть произведения Сумарокова «Мои трагедии – писал по этому поводу Сумароков – моя собственность... Я уважаю фельдмаршала, как знаменитого градоначальника древней столицы, а не как властелина моей музы; она не зависит от него. По чреде, им занимаемой, я его почитаю; но на поприще поэзии я ставлю себя выше его». Вместе с тем Сумароков пожаловался императрице на Салтыкова. «Вы лучше всех знаете – отвечала ему Екатерина, - какого уважения достойны люди, служившие со славой и убелённые сединами. Вот почему советую вам избегать впредь подобных прений. Таким образом вы сохраните спокойствие души, необходимое для произведений вашего пера, а мне всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели в ваших письмах». Этот ответ немало подбавил горечи к последним годам жизни Сумарокова, омрачённой периодами тяжкого запоя.

Враги смеялись над ним, дирекция театра отказывала ему в праве иметь бесплатное место на представлениях его пьес, сочинения его перепечатывались с целью искажения. Богач Демидов преследовал его по долговому обязательству в 2000 руб. и забавлялся его стеснённым положением, требуя уплаты не только капитала, но и неустойки за просрочку. Не был счастлив Сумароков и в семейной жизни. Он был женат три раза. Из четырёх сыновей один умер в молодости; трое других утонули, стараясь спасти друг друга.

С 1771 г. Сумароков жил то в Москве то в деревне, изредка наезжая в Петербург, по делам или по вызову императрицы. Сумароков умер в Москве, 59 лет от роду, и похоронен в Донском монастыре.

При всех слабостях и странностях, Сумароков имел доброе сердце и готов был

последним поделиться с бедняком. Он никогда не упускал случая заступиться за гонимого, выразить резкий протест против поругания человеческого достоинства в крестьянине. Самолюбие его было чрезвычайно велико: он называл Вольтера единственным, вместе с Метастазием, достойным своим совместником.

Стихотворения Сумарокова вышли в свет в 1769 г.; затем все сочинения его были изданы Н. И. Новиковым дважды, в 1781 и 1787 гг.

Всего больше выдаются из них драматические произведения, которыми Сумароков стяжал у современников славу «отца русского театра» и «северного Расина». Конечно, серьёзно сравнивать Сумарокова с французским трагиком нельзя; он уступал ему и по силе таланта, и по оригинальности. Образцом для Сумарокова служили Расин и Вольтер. Его трагедии отличаются всеми внешними свойствами ложно-классической французской трагедии – её условностью, отсутствием живого действия, односторонним изображением характеров и т. д. Сумароков не только перерабатывал, но прямо заимствовал из французских трагедий план, идеи, характер, даже целые сцены и монологи. Его Синавы и Труворы, Ростиславы и Мстиславы были лишь бледными копиями Ипполитов, Британников и Брутов французских трагедий. Современникам трагедии Сумарокова нравились идеализацией характеров и страстей, торжественностью монологов, внешними эффектами, яркой противоположностью между добродетельными и порочными лицами; они надолго утвердили ложно-классический репертуар на русской сцене. Будучи лишены национального и исторического колорита, трагедии Сумарокова имели воспитательное значение для публики в том отношении, что в уста действующих лиц вливались господствовавшие в то время в европейской литературе возвышенные идеи о чести, долге, любви к отечеству и изображения страстей облекались в облагороженную и утонченную форму. О характере переделок Сумарокова может дать понятие хотя бы следующее место из «Гамлета», где датский принц говорит:

Я бедствием своим хочу себя явить,
Что над любовью могу я властен быть.
Люблю Офелию; но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть пленно, хоть свободно...

В 1-м явл. II действия Клавдий восклицает:

Когда природа в свет меня производила,
Она свирепствы все мне в сердце положила.
Во мне искоренить природное мне зло,
О воспитание! И ты не возмозгло,
Се в первый раз во мне суровый дух стонает
И варварством моим меня изобличает...

Интересен разговор Полония и Гертруды, в котором поставлен и разрешён в духе времени вопрос о царской власти.

Полоний.

Кому прощать царя? – народ в его руках.

Он Бог, не человек, в подверженных странах.

Когда кому даны порфира и корона,

Тому вся правда власть, и нет ему закона.

Гертруда.

*Не сим есть праведных наполнен ум царей:
Царь мудрый есть пример всей области своей;
Он правду паче всех подвластных наблюдает,
И все свои на ней уставы созидает,
То помня навсегда, что краток смертных век,
Что он в величестве такой же человек,
Рабы его ему любезные суть чады,
От скипетра его лиется ток отрады.*

Комедии Сумарокова имели меньший успех, чем трагедии. И они, большей частью, переделки и подражания иноземным образцам; но в них гораздо больше сатирического элемента, обращённого к русской действительности. В этом отношении комедии Сумарокова, из которых лучшая – «Опекун», вместе с сатирами, баснями и некоторыми эклогами, представляют богатый материал для изучения духа эпохи и общества. Цель комедии Сумароков определил в одном из своих стихотворений; ее назначение – «издѣвкой править нрав; смешить и пользоваться прямой её устав». В его комедиях богатейший подбор «презрительных вещей», которые безобразили русскую жизнь и происходили или от невежества, или от ложно понятого, поверхностно усвоенного европейского образования. Не стесняясь в выражениях падал Сумароков и на тёмные стороны старого русского общества – на дворянскую спесь, ханжество, бездельничанье, самовластие помещиков, любовь к угодничеству и лести. Особенно же досталось от Сумарокова «крапивному семени», «хамову отродью», как он называл подъячих и судей: их он без пощады преследовал за лицепрятие, взяточничество, казнокрадство. Сам Сумароков много страдал от подъячих, ещё в детстве ему пришлось однажды лично отвезти одному из них взятку в 50 руб., и он на всю жизнь не мог отделаться от впечатления этого визита. «Слово чернь – говорит он в одной из своих филиппик против московской публики – принадлежит низкому народу, а не слово подлый народ, ибо подлый народ суть каторжники и прочие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы. У нас сие имя всем тем даётся, которые не дворяне. Дворянин! Великая важность! Разумный священник и проповедник величества Божия, или кратко богослов, естество слов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и проч. По сему глупому положению члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрения! Истинная чернь суть невежды хотя бы они и великие чины имели, богатство Крезово и влекли бы свой род от Зевса и Юноны, которых никогда не бывало». Большую часть своих комедий Сумароков написал в Москве, и нападки его на современные нравы относятся преимущественно к московской публике. По его выражению, невежеством в Москве «все улицы вымощены толщиной аршина на три». Для исправления своего Москва не одного, а «ста Мольеров требует», - писал он Екатерине.

Во всяком случае, общественная и критическая мысль Сумарокова шла впереди поэтического чувства: в его поэзии гораздо более рассудочного элемента, чем

истинного вдохновения. Лучшая из его песен – та, где нашло себе выражение опять-таки сатирическое чувство автора: «Хор к превратному свету». Оды Сумарокова напыщенны, вялы и лишены, в противоположность одам Ломоносова, исторического и общественного содержания. Но в баснях и эпиграммах живая, насмешливая, задорная натура Сумарокова сказалась вполне; не отличаясь высоким художественным достоинством, они любопытны по тем бесчисленным штрихам живой современности, которые рисуют эпоху ярче самых обстоятельных описаний. Новиков считал басни Сумарокова «сокровищем российского Парнаса». Забота о внешней форме и об аллегории стояла в них на последнем плане; мораль также отступала перед широким сатирическим содержанием, взятым из условий окружающей жизни. Крылов не только знал и изучал басни Сумарокова, но иногда заимствовал основные черты их сюжетов. Ябеды и крючкотворства Сумароков не мог не задать даже в своих эклогах, посвящённых «прекрасному российскому народу женскому полу», где, в духе Фонтенеля, изображал перипетии сентиментальной любви, на лоне природы, при участии Аврор и Диан, нимф и зефиров. К эклогам близки идиллии Сумарокова, в которых воспеваются тоска любовников, изнывающих друг по другу. Те же мотивы и в песнях романсах Сумароков, которые он тщетно пытался подделать под народный лад.

В тяжёлые минуты душой Сумарокова овладевало религиозное чувство, и он искал утешение от скорбей в псалмах; он переложил псалтырь в стихи и писал духовные сочинения, но в них столь же мало поэзии как и в его духовных одах.

Его критические статьи и рассуждения в прозе имеют в настоящее время лишь историческое значение.²⁶

Предложение разумнымъ Россіянамъ о принятіи новаго исчисленія времени.

Солнце въ 365 дней въ 6 часовъ и нѣсколько минутъ шаръ земный обтекаетъ. Изъ 6 часовъ въ 4 года составятся сутки, ради того здѣланъ высокосной годъ съ приложеніемъ дня въ концѣ Февраля: ибо Февраль послѣднимъ мѣсяцомъ числился, и столько же по правилу естественному, сколько по установленію, ибо и установленіе положено на естество. Январь учиненъ перьвымъ мѣсяцомъ ради ближайшаго времени ко дню рождества, хотя бы и отъ Марта по прежнему числить было можно; два мѣсяца не много еще отошли отъ 25 декабря; вить мы 6 дней оставили жъ мѣсяца Декабря старому году. Сентябрь былъ у насъ Россіянь перьвымъ мѣсяцомъ, и почитали мы его перьвымъ отъ созданія мира, хотя и не извѣстно въ которомъ мѣсяцѣ свѣтъ созидаемъ былъ; но сентябрю въ протчемъ перьвымъ мѣсяцомъ 77урра пристойняе нежели Январю; всѣ труды сельскія въ Августѣ свершаются: пріятство лѣтнее окончевается; и такъ Сентябрь могъ и по естеству въ нѣкоторомъ разумѣніи положиться перьвымъ. А январь по среди зимы, кромѣ того, что онъ перьвый по Декабрѣ, ни какова не имѣлъ бы права 77урра перьвымъ. И отъ Марта исчисленіе отвѣчало бы сему намѣренію, дабы время отъ избавленія рода челоуческаго новое начало воспріяло. Мартъ нашей Гемисферѣ, столько пристоеень 77урра главизною года, сколько другой Гемисферѣ Сентябрь; ибо онъ отдѣляя Солнце отъ

Екватора починаєть приготавливать намъ вѣсну, лѣто и долгоденствіе. Но какъ то ужъ ни есть: скажемъ мы то: Государь ПЕТРЪ Великій желая во всемъ преобразити Россіянъ во протчихъ Европейцовъ, наименовалъ 78урра началу года съ 1 Января. Отъ сего ни какова раскола непроизошло: а расколы отъ премѣны прежняго сложенія пальцевъ произошли: а не отъ единыя премѣны словъ во Псалтырѣ: безъ той премѣны сія не имѣла бы силы. Да у насъ же не старовѣры обществу вредны, но другія заблужденники, кои были бы, хотя бы и старовѣровъ не было; ибо тѣхъ основаніе не суетвѣріе, но бездѣльство начальниковъ ихъ и ихъ собственное легкомысліе. Старовѣры не скрываются, а сіи плуты какъ воры и разбойники безбожничаютъ потаенно; ибо законы основанныя на бесчестности всегда кроются. Нынѣ вся Европа время исчисляетъ по новому складу, составя изъ лишнихъ отъ Рождества минутъ одиннатцать дней; мы только различествуемъ со всею Европою: а Государь ПЕТРЪ Великій того то и не хотѣлъ; но въ ево время Англія и Швеція держалася еще того-же стараго склада, котораго мы еще и по нынѣ держимся; имѣя и въ перепискахъ и въ историческихъ дѣлахъ и въ воображеніи себѣ къ бесполезному отношенію мыслей, крайнее затрудненіе. А потомки наши чрезъ три тысячи лѣтъ лѣтній Николинъ день зимою праздновати стануть, не вѣря тому что во времена предковъ ихъ сей Николинъ день былъ, когда погода не препятствовала жаромъ. Раскола ото введѣнія новаго склада быть не можетъ: а мы и сами освободимся отъ трудности, и другихъ Европейцовъ освободимъ, поелику они съ нами сообщеніе имѣють. Я удостоенъ 78урра члѣномъ Ученаго Лейпцигскаго собранія въ день рожденія тогдашняго ихъ Курфирста, яко въ день торжественный: а вылилося что я удостоенъ 78урра члѣномъ онаго собранія въ день тезоименитства нашей Монархини, Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ Петровны. Католики получивъ во единый съ нами день, какую нибудь радость, тому святому празднують а мы другому. Ежели подумати то, что бывшія дни постныя будутъ скоромными; такъ не говоря что въ Камчаткѣ еще великая 78урра78н а въ Петербургѣ уже свѣтлое Воскресенье; въ Москвѣ цѣлое полчася еще Стратная а въ Петербургѣ уже Свѣтлая недѣля. Всево бы лутче отрѣзать конецъ Декабря, но потому что и все время отъ Рождества новое начало получило, етова здѣлать не лзя; ибо день Рождества въ Декабрѣ; такъ можно отрѣзати ни отъ другога мѣсяца, но такъ дабы не отрѣзалися церковныя ни свѣтскія праздники на цѣлый годъ. А когда чернь ко прибавочному дню чрезъ четыре года привыкла; такъ и къ 11 днямъ привыкнуть можетъ: а особливо по тому что крестьяня почти всѣ грамотъ не знаютъ. Я не предвижу отъ сего ни расколовъ ни негодованія. Я сложеніе и черни нашей знаю, и вѣдаю то что они негодуютъ или правильно или неправильно на какое нибудь кажущееся имъ отъ начальниковъ утѣсеніе: а премѣна во складѣ исчисленія времени ни какова, какъ я думаю, негодованія произвести не можетъ: а ежели бы нѣкоторыя глупцы и стали негодovati, такъ ихъ негодованіе столько маловажно, сколько презрительно. А въ окончаніи скажу я еще нашу пословицу: Когда дрязгу бояться; такъ и въ лѣсъ ийти невозможно. Должна повиноваться начальникамъ чернь, а не начальники черни: свобода прехвальна, а своевольство и невольничества гаже.

О пребываніи въ Москвѣ Монброна

Пребываніе въ Москвѣ, отселѣ недавно отѣхавшаго для показанія своихъ въ другихъ мѣстахъ, дерзновеній, дурачества, и бездѣльствѣ, нѣкоего шалуна называемаго Монброна, описалъ бы я обстоятельно, есть ли бы онъ того стоилъ, но для такъ не почитаемаго автора, я ни многова труда, ни многова времени потерять не намѣренъ. Только о немъ скажу: какъ скоро Монбронъ въѣхалъ въ Москву, неумолчно сталъ кричать: 1. Что господинъ Вольтеръ, не доброй человекъ, а доказывалъ тѣмъ, что онъ ево не знаю, при которомъ дворѣ хотѣлъ здѣлать Кавалеромъ, почиталъ, ласкалъ ево, будто опасаяся себѣ удара отъ превращенія Генріяды, а потомъ не только не исполнилъ своего обѣщанія, но и знать ево пересталъ. Однако прочеть превращенную Генріяду, кто автора ея почитать станеть? 2. Что г. М. Даржансъ крайней невѣжа, и здраваго разсужденія не имѣеть, и о всѣмъ разсуждаетъ столько по наслышкѣ. 3. Что у г. Даржанса дурная жена. 4. Что у г. М. Даржанса есть большой и нечистой зубъ. 5. Что въ Россіи нѣтъ хорошева Бургонскаго вина. 6. И самое главное, что нѣтъ на свѣтѣ честности, ибо де я ее не имѣю, По прибытіи своемъ въ Москву, былъ онъ удостоенъ быть въ загородномъ домѣ его Сіятельства Оберъ-егеръ-мейстра Г * * * Р * * * и былъ принятъ ото всѣхъ съ принадлежащею иностраннымъ людямъ учтивостію, а я имѣя честь быть подѣ повелѣніемъ Е * * * С * * * такъ же всѣ вежливости, сколько могъ, ему показывалъ, и увѣрялъ ево что Бургонское вино въ Россіи, не такъ дурно, какъ онъ о немъ проповѣдывалъ, и опытами то ему доказывалъ. О Бургонскомъ винѣ мнѣніе онъ перемѣнилъ; однако о честности остался онъ съ тѣмъ же мнѣніемъ, съ которымъ онъ за поношеніе оныя и за новое нравоученіе готовится, гдѣ прилучится, быть повѣшенъ. Большая часть вракъ ево, въ которыхъ ево состояли разговоры, была о бездѣльствахъ г. Вольтера и г. Маркиза Даржанса и о невѣжествѣ послѣдняго. А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною, думая искоренить мое къ г. Вольтеру и къ г. Даржансу почтеніе. А не збивъ меня съ моей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что г. Вольтеръ окрадываетъ Стихотворцевъ, чево онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подражаніе ни которому Стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнелія не таясь заимствовалъ, что и изъ одной моей Трагедіи, которая на Французской перевѣдена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ г. Вольтера Трагедій, съ одной моей Трагедіею очень сходна. Изъ сего неслѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ г. Вольтера, котораго Трагедіи по достоинству ихъ, похвалу себѣ у всей Европы заслужили. Съ загороднаго Ево Сіятельства двора ѣхалъ Монбронъ въ моей коретѣ, свѣлъ со мною дружбу, которой я никогда не хотѣлъ, хотѣлъ меня посѣтить, но я отъ посѣщенія ево избавился ссорю, которую онъ ни къ какой стати зачалъ въ покояхъ Ево Превосходительства И * * * И * * * Ш * * * человека весьма много любящаго и покровительствующаго науки. Вотъ за что Монбронъ на меня разгнѣваться изволилъ: привязался онъ къ нѣкоторому разговору, которой былъ на Русскомъ языкѣ, и не зная нашего языка, подумалось ему, что я въ разсужденіи нѣкоторой Особы соплетая лесть, слѣдую страсти свойственной Монброну и подобнымъ ему, потому что онъ Монбронъ ни лести ни грубости за пороки не почитаетъ, сталъ меня называть льстецомъ, уповая, можетъ быть, что я гнусному ево нравоученію зачинаю повиноваться, а когда я сталъ ево просить, что бѣ онъ меня изъ числа скарденныхъ людей которыя соплѣтають лести выключилъ, онъ вступилъ; въ грубости, на которыя ему я ни чево не отвѣчая, сказалъ только то, что бѣ онъ оставилъ меня въ покоѣ, а когда ему

осталось лишнее время, такъ что бѣ онъ пошелъ и прочелъ свою превращенную Генріяду. Монбронъ по сихъ моихъ словахъ, позабылъ то что онъ во Д * * * и между многихъ знатныхъ людей, надѣясь на то только, что въ такъ освященномъ мѣстѣ бить ево не можно, вступилъ изъ разума, ежели онъ ево имѣлъ, сталъ говорить такія непристойности, какія толь почтенному автору, какъ онъ о себѣ думаетъ, и которой во всѣхъ рѣчахъ на свои книги какъ на божественное посылается писаніе, ни мало не свойственны. Это правда, что отъ автора превращенной Генріяды, хотя бы онъ и не критиковалъ писемъ на тѣхъ языкахъ которыхъ онъ трехъ словъ не знаетъ, хотя бы онъ и новаго не проповѣдывалъ нравоученія, больше разума и лутчаго повѣденія, и ожидать было не возможно.

СЛОВО

О любви ко ближнему

Якоже хотите, да творятъ вамъ челоѣцы, и вы творите имъ такожде.

Въ сихъ заключается словахъ поручаемая намъ отъ Бога добродѣтель, и слово сіе еще важняе изрѣченія: чего не хочешь ты себѣ, того не желай и другому. Похвально не желати ближнему нещастія; но еще похвальняе желати ему щастія: а еще похвальняе 80урра руководцемъ щастія ближнему. Симъ паче всего уподобляемся мы Богу; ибо Вышній ни о чемъ толико не пѣчется, какъ о нашемъ благоденствіи: наша на истиннѣ основанная польза, славы Создателя есть отрасль; ибо мы ради того созданы, дабы пользуясь жизнію своею прославляли Создавшаго насъ. И ежели будемъ мы разрушати благоденствіе ближняго; такъ симъ будемъ мы противиться намѣренію Вышняго, и стараться разрушити славу его. И хотя мы ущерба славы его и не учинимъ; однако толико же согрѣшимъ, какъ мы то исполнили, имѣвъ устремленіе противиться волѣ его и данной душамъ нашимъ совѣсти. О семъ пѣкутся намѣстники Божіи, носящія къ пользѣ рода челоѣческаго вѣнцы и скипетры: о семъ пѣчется наша Всепресвѣтлѣйшая Вѣнценосица Великая ЕКАТЕРИНА, всѣми помышленіями Своими и всею Своею премудростію, благодѣтельствуя порученному Ей отъ Бога народу. Подражайте собранныя слышатели въ руководство блаженства ближняго Великой нашей Монархинѣ! Подражайте сыны отечества добродѣтели Матери отечества! Соглашайтесь съ намѣреніемъ Божіимъ и его Намѣстницы. Уподобляйтесь добродѣтелию сею Обладателю подсолнечныя! Уподобляйтесь добродѣтелию сею Обладательницѣ Россіи; да симъ подражаніемъ будемъ достойны имени подданныхъ Великой ЕКАТЕРИНѢ, и имени созданныхъ челоѣковъ по образу и по подобію своего Создателя, дабы мы во временной жизни могли взирати безъ трепета ко правосудію Богомъ вѣнчанной Императрицы, и въ жизни вѣчной ко правосудію Божію; да симъ подражаніемъ будемъ достойны предстати предъ лице Монарше и предъ лице Божіе. Таковымъ подражаніемъ данное намъ на земли время препроведемъ мы безъ мучительнаго угрызения совѣсти: безъ ужаса приблизимся ко гробу, и безъ трепета услышимъ трубный гласъ, когда возвѣстится намъ второе на землю Божіе низшествіе. А что воскресеніе мертвымъ конечно будетъ, о томъ не можемъ сумнѣваться, хотя бы насъ и Священное Писаніе въ томъ не утверждало; ибо сходно ли то съ милосердіемъ Божіимъ, дабы насъ создати на одну пылинку вѣчности, и что бы мы для славы Божіей на самое краткое время изъ небытія въ бытіе вошли, и получивъ ненасытное желаніе пребывать,

горькую вкусили смерть, и вѣчно въ небытіе возвратилися. Сіе не сходно бы было и съ ограниченнымъ милосердіемъ. Ежели же кто симъ попротивурѣчитъ, будто Богу не удобно было создати насъ вѣчными; такъ было ли бы то сходно со всемогуществомъ его? И такъ когда мы не вѣчны въ мирѣ семъ; такъ конечно есть другая жизнь, которая никогда не окончится. Что выше нашего понятія, то быть можетъ: а что противъ нашего понятія, того быть не можетъ; вѣчная наша жизнь есть выше нашего понятія, а вѣчная наша смерть есть противъ нашего понятія: а изъ сихъ едино непременно 81урра должно; слѣдственно въ надеждѣ воскресенія и вѣчнаго съ Богомъ пребыванія не могли бы мы сумнѣваться, ежели бы мы и откровенія не имѣли. Надѣйтесь собранныя слышатели, надѣйтесь твердо и не сумнѣнно, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, и слѣдственно и воздаяніе и наказаніе, и брегитесь день и ночь уготованныя злодѣямъ муки: а паче и того брегитесь, раздраженіемъ ближняго, раздражати Бога; кто только вѣчныя муки опасаяся убѣгаетъ беззаконія, не имѣя къ Богу любви, тотъ еще не усыновляется Создателю своему. Сверхъ того, не возможно ради единого страха, исполняти волю Божию: и ежели кто симъ страхомъ не будетъ участникомъ злодѣянія; такъ будетъ участникомъ зломышленія, что хотя и меньше злодѣянія, но добродѣтелию никогда не нарѣчется: такой человекъ подобенъ окованному звѣрю не вредящему препятствіемъ оковъ. И тако должны мы не дѣлати ближнему зла, не для того, что за то вѣчная мука предписана, но для того, что мы повинемся, очистивъ сердца наши, добродѣтели и любя Бога, любимъ и ближняго; приучивъ душу свою къ жалости и человекѣлюбію. Не обижайте ближняго; обижая его, устремляете вы досаждати Богу, а не возмогши учинити ему зла обижая ближняго, злодѣйствуете себѣ того ради: *Якоже хотите, да творять вамъ человекѣцы; и вы творите имъ такожде.* Не приучивъ души ко человекѣлюбію, трудно то творити другимъ, чево мы себѣ желаемъ, и весьма то легко тому исполнити, кто любитъ Бога. Творите благо ближнему; а симъ благомъ содѣлаете благо Богу: а инаго блага мы ему учинить не можемъ. Кроме сего, какія дары мы ему принести можемъ? Вся вселенная его и нѣтъ у насъ иныя Богу жертвы, кромѣ любви ко ближнему: сего единого онъ отъ насъ требуетъ, и снабдивъ насъ свободою душъ, единого сего отъ нея желаетъ. Весь законъ заключается по словамъ нашего Законодавца Христа Спасителя въ любви къ Богу и ближнему. А сіе исполнити не трудно и не ложны слова сіи: иго мое благо и бремя мое легко есть. Не тяжекъ намъ законъ нашъ, но тяжки намъ испорченныя наши сердца; такъ не законъ, но сердца наши исправленія требуютъ: а такового закона отъ начала мира ни гдѣ не бывало, гдѣ бы было предписано, обманывать, красть, грабить и убивать; ибо такой скаредный законъ былъ бы къ погубленію рода человекѣческаго, а нашъ установленъ законъ ко блаженству человекѣческаго рода. Сія вліянная въ насъ Богомъ искра, которую мы совѣстію называемъ, всегда злодѣянію прекословитъ: и сей дарованный намъ отъ Бога ко управленію жнтія нашего талантъ, купно доказываетъ и то, что есть и Богъ и то, что должна 81урра добродѣтель, и что есть и воздаяніе и наказаніе по смерти. Благоденствующій въ сей жизни злодѣй и злоденствующій праведникъ, безъ будущаго воздаянія и наказанія 81урра81 бы были правосудія: а того быть не можетъ; ибо есть Богъ: а о томъ, что есть Богъ, не сумнѣвается ни кто изъ человекѣвъ чистосердечныхъ и благоразумныхъ. А сумнѣваются о немъ и не познавають его только одни не просвѣщенныя умствователи, отторженныя злосердіемъ и коркою науки отъ добродѣтели и отъ естественныя простоты,

показуючія намъ довольно бытіе Божіе, и не углубившіяся въ изслѣдованіе премудрости Божіей, уподобляяся мореплавателямъ, не видящимъ ни того берега, отъ котораго они отплыли, ни того, къ которому мчатся. А просвѣщенные наукою люди, чѣмъ болѣе въ ней углубляются, тѣмъ болѣе ко утвержденію и наконецъ ко ясному о пребываніи и вѣлчествѣ Божіемъ приходятъ понятію. Не пустившіяся въ море отъ берега люди видятъ единый берегъ: достигшія другога берега люди знаютъ оба берега: а посреди водъ безъ кормила носимыя бурей не видятъ ни единого берега, и заблуждаяся по глубинѣ морской, о перьвомъ берегѣ не мыслятъ, а другога не знаютъ, и плывя безъ кормила ждутъ сжеминутно своей гибели. Не странно ли, что безбожники беззаконствуютъ; то странно, что познавающіи Бога то же дѣлаютъ: а таковыхъ людей беззаконія всемогущаго Обладателя вселенныя еще больше раздражаютъ, познавающихъ Бога ради того единого, чтобы его прогнѣвлять, уподобляяся діаволу и ангеламъ его; ибо и они знаютъ о вѣлчествѣ Божіемъ. Извиняются злодѣи сими словами: единъ Богъ безъ грѣха; но здѣсь не о согрѣшеніяхъ нашихъ рѣчь, но о погубляющихъ ближняго нашихъ беззаконіяхъ, и что многія творятъ людямъ то, чѣво они себѣ не желаютъ. Разбойники убиваютъ; тати окрадываютъ; хотятъ ли они того себѣ? Сіи злодѣянія очень ясны; но не ясны они тогда, когда они въ пущей своей важности, пріемля и другой цвѣтъ и отъ того и другое названіе, претящее намъ по ослѣпленію самолюбіемъ, разсмотрѣти то, что мы дѣлаемъ. Убіеніе и оскорбленіе добродѣтели, и лишенія жизни зляе еще, а особливо зляе еще тогда, когда оно некимъ притяженіемъ исполняется. Проповѣдующій безбожіе и сѣя беззаконіе гнусный и лишенный и здраваго разсудка и добродѣтели всеминутно изобличаемый совѣстію Атеистъ, или невѣжу или младаго челоука ко своему притянувъ на единомъ бездѣльствѣ основанному мнѣнію, болѣе еще согрѣшаетъ, нежели мучитель, принуждающій челоука отрещися истиннаго Бога, и влечетъ бѣднаго челоука ко злодѣянію собственнымъ онаго челоука соизволѣніемъ, и свою обиду и ево по раскаяніи горестъ увеличивая. Таковой проповѣдникъ омрачаетъ совѣсть ученика своего, и приводитъ ево на пути развращенія, къ оскорбленію ближнему; но хочетъ ли онъ отъ такового развращенія оскорбленія себѣ? А не редко въ другихъ обманахъ во лжесвидѣтели зовутъ безсовѣстныхъ законопреступники и самага Бога; что тяжче сего злодѣянія? И что большаго достойно наказанія? Не вѣрити что есть Богъ, и основываяся на таковыхъ развращенныхъ мысляхъ, 82урра злодѣемъ, почитая ложное свое мнѣніе истиннымъ, и приводити другихъ ко мерзкой своей мысли, есть пагубно: а вѣрити тому что есть Богъ, и обманывати челоука, есть еще пагубнае. Уговаривающіяся, продающія, и во всякія вступая обязательства, давая Бога порукою, не редко сего призваннаго великаго поруку оставляютъ; но могутъ ли таковыя злодѣи называться тварію созданною къ чести своего Создателя, толикое учиняя Создателю своему воздаяніе? А приводящія подъ видомъ добродѣтельныхъ челоуковъ на развращенныя ближняго дѣла лицемѣря и свидѣтелемъ призывая Бога сще и сихъ хуже. Горе челоуку, имъ же соблазнъ приходитъ: Горе тѣмъ, которы въ соблазнѣ образцемъ бывають; но тѣмъ еще и зляе будетъ, которыя въ соблазнѣ руководствуютъ, и зляе всѣхъ тѣмъ, которыя руководствуя въ ономъ утверждаютъ рѣчи свои и обѣщанія клятвами и свидѣтельствомъ самага Бога. А Богъ насъ конечно къ чести своей и къ пользѣ нашей создалъ. Но польза ли то мнѣ, когда я погубляю свою душу. Аще кто и весь миръ приобрящеть, но душу свою осквернить, ничто есть. Не

прикасайтесь чести, жизни и имѣнію ближняго: и мало еще того; но соблюдайте честь, жизнь и имѣніе ближняго: тогда вы исполните сіе: яко же хотите да творятъ вамъ челоуѣцы; и вы творите имъ такожде. Симъ будете вы любезны Богу, и будете сопричастниками его радости. Великій Боже! Вкорени сіе Евангельское слово въ сердца слышателей и да не погибнетъ сіе имъ мое поминовение по изшествіи ихъ изъ храма твоего, но да будетъ имъ памятно во всѣ дни живота ихъ, и да безъ трепета престанутъ предъ лице твое, и съ тобою будутъ наслаждаться неизреченнымъ веселіемъ, во вѣки вѣковъ.

Блохи

Кто блохъ терпѣть не можетъ, тотъ не можетъ быть и Авторомъ. Ежели кто Авторомъ 8Зурра способность имѣетъ, и въ томъ упражняться станеть, тово во всю ево жизнь блохи беспокоятъ, а кто сей способности не имѣя Авторомъ станеть противъ воли Музъ и Аполлона, оный самъ блохою будетъ, и вѣчно другихъ станеть беспокоить. Въ блохъ они претворяются нѣсколько волею, а больше неволею. Неволею, отъ того, что не имѣя силы всполсти на Парнассъ, не могутъ побѣдить они страсти отомщенія Аполлону и Музамъ, поставляя ихъ неспособности восхожденія своего на Парнассъ виновниками. Востаютъ на ихъ наперсниковъ и любимцовъ, симъ образомъ, которымъ востаютъ діаволы на родъ челоуѣческой, отомстити Выщнему сверженіе свое. Волею, отъ того, что они почитаютъ больше древность рода нежели достоинство; не было еще ни Орфея ни Амфіона, а блохи уже прыгали и кусали. Предки нынѣшнихъ блохъ не такъ жестоки были и какъ ихъ потомки, ибо въ прежнія времена меньше было школъ и слѣдственно меньше невѣжества; школы главная причина нашего заблужденія. О ежели бы меньше школъ и больше хорошихъ учителей, меньше учениковъ и больше разумныхъ учениковъ было, и чтобы Виргилій, Овидій, Цицеронъ, Титъ Ливій, не за то почитаемы были, что писали по Латински; да за то что хорошо писали! Блохъ досаждающихъ Авторамъ два рода: Переученія и Недоученія: а чтобы яснае себѣ вообразить, которыя изъ сихъ гадовъ лучше, вообразите себѣ двое щи, одни пересолены, а другія недосолены, и обои здѣланы только изъ одной воды и капусты, худымъ поваромъ, и обои холодни: которыя щи лутче? Мнѣ думлется, обои равны, въ одни надобно только прибавить соли а въ другія воды. Переученые блохи во всей Европѣ называются: блохи Латинскія, а Недоученія называются по имени страны той въ которой они рождаются. Латинскія блохи цвѣтомъ черны; ибо они отъ самага младенчестза питаются чернилами, и начинаютъ жалить Авторовъ уже тогда, когда не только вся ихъ кожа и тѣло но и сердца – почернеютъ. По совершенствѣ своемъ, зачинаютъ сіи блохи питаться кровью Авторовъ, а на нихъ брызжутъ чернилами; однако чернилы, переваряся въ желудкахъ гадинъ сихъ, черноты своей лишаются и Автора вымарать не могутъ, Русскія блохи на противъ того, чернилъ отъ рожденія своего не пьютъ, и только вѣдають по слуху что чернилы на свѣтѣ есть, сіи гадины отъ Авторской крови цвѣтъ имѣють красной, а въ 8Зурра83 они набиты вѣтромъ, иныя Русскимъ а иныя Французскимъ. Еще въ нашемъ Государствѣ есть блохи, которыя Нѣмецкими называются; а я вѣроятно ставлю гадинъ сихъ блохами Финскими, и они только въ сихъ мѣстахъ держатся, гдѣ Ингрія съ Финландіею граничитъ; ибо во всей

Германіи нѣтъ и подобій блохъ сихъ, и что кромѣ Петербурга ихъ нѣтъ нигдѣ, ни въ самой Финландіи; и потому должно ихъ называть блохами Невскими. Щастливы Авторы потомковъ нашихъ; они сею гадиной мучимы не будутъ, ибо по осушеніи здѣшнихъ болотъ сія тварь больше не рождается: тѣ только рода сего блохи шурмуютъ, которыя въ началѣ Петербурга завелися, и по дни нынѣшнихъ несчастныхъ Авторовъ еще не исчезли: тѣ только мучатъ Русскихъ Авторовъ, препятствуя Словеснымъ Наукамъ и очищенію нашего прекраснаго языка, который они зловоніемъ своимъ совершенно обезобразили. Сія гадина не кусаетъ; по тому что не имѣетъ жала; но стократно больше вреда приноситъ; нежели Латинскія и Русскія блохи. Впрыгиваютъ они къ Авторамъ въ уши и до тѣхъ поръ у Автора въ ухѣ шевелятся, покамѣстъ они множествомъ лѣкарствъ не выгонятся. Авторъ тогда беснуется, отъ Чухонской блохи, какъ отъ нечистаго духа. О чада любезнаго моего отечества, старайтесь освободить Россійскій Парнасъ отъ сея гадины! На что намъ Чухонскія блохи? У насъ и своихъ довольно.

**Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом,
сочиненное ко дню тезоименитства ея императорского
величества 1759 года²⁷**

Торжествуй, Россія, день имени твоя обладательницы, возыграйте, Невские берега, возрадуйтесь, обитатели Петрова града, и возвеселитесь, все повинующиися воле ея насаенные по Северу народы. Слава сего имени со славою имени Петрова к чести нашего народа, к чести нашего века вечно в потомстве греметь будет. Жестокосердые люди наполняют сердца легкомысленныхъ людей единымъ страхомъ и уменьшаютъ должную къ человеколюбивому Создателю любовь и грозного только в немъ судію устрашенному духу представляютъ, хотя все свойство Божества и основание всехъ действий его есть едино милосердіе. Начертанный в сердцахъ нашихъ законъ и той же законъ, изображенный во Священномъ Писании, не тягостенъ добродетельной душѣ, и жестокосудія в немъ не видно. Казни за беззаконія суть орудія, привлекающіе насъ на пути добродетели. Воздаяніе и наказаніе праведнаго судіи не превосходятъ меръ заслугъ и преступленія. Слабости препятствуютъ милосердію и покоряются ему, беззаконія супротивляются милосердію и 84урра84нтиро противъ него. Слабости человечествомъ извиняются, беззаконія и зверствомъ самимъ извиниться не могутъ. Праведный судія рачительно и тонко рассматриваетъ действия наши и действиями нашими входитъ во внутренности сердецъ нашихъ. Симъ образомъ судитъ Богъ, симъ образомъ судити долженъ царь. Тако царствовалъ надъ нами великій Петръ, тако царствуешь надъ нами и ты, великая Елисавета. Истиною и милосердіемъ получаютъ государи любовь отъ подданныхъ своихъ. Не страхъ, но любовь народа есть ограда престола и украшеніе величества. Взоры царствующаго тирана ужасаютъ подданныхъ, слова его в трепетъ приводятъ, действия благополучіе отъемлютъ. Твои взоры, милосердая государыня, увеселяютъ насъ, твои слова ободряютъ насъ, твои действия благополучіе подаютъ. Подражай, великая государыня, подражай всегда великому твоему родителю, основателю нашего счастья, основателю нашей славы, на всякой часъ нами воспоминаемаго, о делахъ котораго

27 Трудолюбивая пчела. 1759. Октябрь. С. 579-592.

я теперь говорить покушаюсь. Не ожидайте от меня новости в проповедывании дел великого мужа: дела его всему миру известны. Малые вещи сокровенны быть могут, а великие – никогда. Лестию соплетенные скипетродержателям похвалы с сими венценосцами и со лъстецами исчезают и вечному предаются забвению, подобием на кратчайшее время возженного пламени, которого лучи в узком распространяются объятии – солнце всегда горит и по всей вселенной простирает неугасающие лучи свои. Нет ничего нового о Петре Великом; слава его, по всей простираясь подсолнечной, всему миру известна. Проповедыватели имени его не о размножении славы его пекутся, но только о возобновлении оных в памяти слышателей. Сие есть мое намерение.

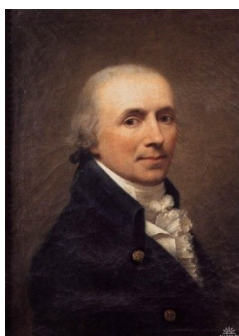
До времен Петра Великого Россия не была просвещенна ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением; разум наш утопал во мраке невежества, искры остроумия угасали и воспламениться не имели силы. Вредительная тьма разума приятна была, и полезный свет тягостен казался. Родился Петр, наступило его младенчество. Взошла на мрачный горизонт предвестница Солнца, багряная Аврора. Возрадовалась истина, и ужаснулося суетумудрие. Суетверы, почитая просвещение разума путем, отвращающим нас от познания Божества, кричали: «Предвещается падение благочестия!», и паки: «Со младенчеством сего царевича страх наш минется, освещение исчезнет и почтенное наше невежество, поддерживающее нас на пути истины, не разрушится». Возмужал великий Петр, взошло Солнце, и мрак невежества рассыпался. Обманулися невежи и упрямыцы с суетверами, возбуждителями своими, в мерзкой своей надежде. Но прежде прибегают к оружию вредоносных человеков; мздою, пьянством и суетверием ослепляют их, и возмущают войско. Улицы, дома, двор царский, храмы Божие обагрятся невинною кровию; из царских чертогов свойственники Петра Великого на копья низвергаются. Сама царица, мать Петра Великого, трепещет и единоутробного своего брата отдает на смерть руками своими преступникам законов царских, законов естественных, законов Божиих. «Прости, -- говорит она, -- прости любезный брат; умирай за вину мою, за сию вину, что я родила Петра и России сладчайшую произнесла надежду». Едва выговорила царица слова сии, стрельцы свергли на копья брата ея и многократно на остроте копий в верх его метали. Тако утверждалось невежество под именем благочестия. Властолюбие и лихоимство бессовестных людей прибегали к суетверию, суетверие – к варварству; ибо варварство во все времена паче всего суетверию повиновалось. В перемене одеяния и в бритии бород не было бы Петру Великому ни малейшая нужды, ежели бы старинное платье не покрывало старинного упрямства, а борода в подлых головах не умножала гордости. Сия есть первая ересь просвещающемуся веку от суетверов налагаемая. Младый царевич заводил новое и порядочное войско, предвозвещающее ограду престола, безопасность отечеству и страх неприятелям. Новость и порядок, по рассуждению ослепленных стариною и праздностию людей, суть тяжкие грехи: вторая ересь. Учиться языкам народов не православного закона почиталось суетверами учиться безбожию, а во дни Петра Великого латинский язык, который суетверами для разделения Римской с Греческою церковью проклятым почитался, сами духовные, зная и помощь оною в учении просвещаясь, посреди храмов Вышнего слово Божие проповедывали; но кто все мнимые их ереси исчислить может! Все то, что было ново, было ересь, а ново было только то, что похвально. Нагое благородство было главное достоинство того века, а

украшение благородства – гордость. Восприяли стрельцы достойную казнь и исчезли. Заградили суевры мерзкие уста свои и бессильный яд в скаредных своих сердцах заключили. Полезно было падение суевров, полезно было падение стрельцов. Первых падением воссияло благочестие в полной истине, и стрелы ненасытная злобы, покрывающиеся именем ревности ко православию, притупились; сии стрелы, защищающие невежество, корысть тунеядцов, легкомыслие тщетных людей, сии стрелы, устремляющиеся против учения и премудрости, противу свободы разума и совести, противу благополучия подданных и против законной власти обладателей. Вторых падением воссияло оружие в полной силе. Вы, Полтавские поля, тому свидетели! Вы тому свидетели, во времена и по временах Петра Великого многократно российским оружием одержанные победы! Самые вязкие блата, самые густые леса, самые высокие горы и безводные степи не могли препятствовати твоему, великий Петр, оружию. На сих днях, на сих последних днях твоим оружием дочь твоя над сильным неприятелем две преславные победы одержала. Бегут, о, Фридерик! Рассыпанные твои войски, от победоносного оружия Елисаветы, спасая только жизнь. Артиллерия твоя остается, знамена валяются. Тако побеждал Петр, тако побеждает Елисавета. Мужество твое, великий муж, воинство твое, великий вождь, скипетр твой, великий император, разум твой, великий Петр, положили благополучию России вечное неколебимое основание. Подражайте, будущих веков монархи российские, делам его сим образом, которым ему Елисавета подражает! Подражайте, потомки наши, верности предков ваших, верности нашей! Живите для отечества, умирайте за отечество! Воззри, Россия, на Финский понт, покровенный твоими кораблями! Сии по водам летающие здания, попирающие морские волны и презирающие бурю и пучину, до времен Петровых тебе и известны не были. Ты, великий император, положив скипетр, не погнушался 8бурра8бн секиру и в созидании кораблей сам трудиться, чтоб точно и подробно исследовать сие искусство. Тебе твоя секира больше приносила славы, нежели многим монархам их скипетры. Не в великолепии ищут великие государи величества, не в великолепии искал его и ты, великий государь. Твое великолепие было попечение о государстве, едино украшение и сияние венца; ибо все прочее – пустой только блеск. Гражданский суд и расправу в лучшее привел он состояние и привел бы к совершенству, ежели бы век его продлился. В какое краткое и в какое браноносное время создал он сей град, сей великолепный град, ты о том, вся Россия, ведаешь, ведаешь о том ты, вся Европа, ведаешь о том ты, вся подсолнечная. На горах Киевских Проповедыватель новыя благодати водрузил Крест и начертал на нем: «На сем месте Православие будет». На брегах Невских кровию 8бурра8бнтирова против нас неприятелей Александр побеждая, предвозвестил будущие Петровы победы и создание Санкт-Петербурга и будто рек: «На сем месте поставлен великий град будет, и все силы человеческие не преодолют его». Рем за малое почел стенки нового городка, и перескочил через них, поругавшись брату своему. Кто из недалновидящих людей не мог за малое почеть первый дом в Петербурге, первое морское судно, первое, из рабятки состоящее, войско Петра Великого? Ромулов городок стал мира всего повелителем, Петрова хижинка стала Северным Римом, Петров ботик стал отцом великого флота, Петрово потешное войско стало страхом сильнейших России неприятелей. Величайся, великолепный град, красуйся своим местоположением; блата, творящие его к поселению

неспособным, осушены, и чего ему в одарении природы не доставало, тем его искусство снабдило и к обиталищу великого монарха способным учинило. Брега Невские, верей врат Балтийского моря! Вы ради того блатом покровенны были, чтоб и в том великий Петр явил дело к умножению многочисленных чудес своих. О, врата, врата Балтийского моря! Отверзающие нам легкие пути ко многим областям, врата к России, которыми входит и умножается богатство ея, величайтесь пользоприношениями великой империи, величайтесь престолом великия императрицы, величайтесь именем великого Петра! А ты, о море, ликовствуй, видев на грозных валах пучины своя российского императора, российским и еще тремя флотами правяща, и с радостию омывай стены увеселительного жилища Петрова, его повелением поставленного и им самим его «утешением» нареченного, отколе взирал он с утешением на плывущие ко прекрасному Невскому амфитеатру и возвращающиеся корабли. Тамо видят обольщенные очи изображение погибшего вертограда, где Тигр с Евфратом соединяются. Когда вы тамо, ниспадающие потоки, бегущие с высоких гор, и вы, кверху биющие ключи, взор и слух наш увеселяете, вы воспоминаете: мы тем мужем произведены, которым твое, Россия, счастье произведено; мы того мужа увеселяли, которым ты увеселялася, Россия. Ходы прохладных рощей, дороги приятнейшего сада! Вы возвещаете: здесь часто гуливал Петр Великий, здесь часто размышлял он о твоём, Россия, состоянии, о твоём, Россия, прославлении и радовался, твердо уповая, что ты его вовеки не забудешь. Ежели забудем тебя, Петр Великий, забвенна буди пред Господом десница наша; ежели не вспомынем тебя, вещая о благополучии Отечества, прильпни язык наш гортани нашей. Сие место, где в Петрополе науки возрастают, и сие почтенное место тобою основано. Довольно бы для другого было обладателя стараться только о введении наук и художеств в области свои, а ты, великий государь, старался, вводя их, и о возвращении оных. Проник ты до самого жертвенника славы и благополучия нашего, и олтари премудрости воскурились. Путешествия всегда полезны, а российскому народу тогда были они еще полезнее. Монарх наш не пропустил того и благоволил посылать молодых дворян снискати для них самих и для Отечества сию пользу, чтобы они, в юности своей увидев разные области и познав разные нравы и разные обычаи, удобнее могли отринуть вкорененные невежеством, упрямством и стариною утвержденные грубости и подражати благопристойным поведением, избирая лучшие. Сам путешествовал. Германия, Франция, Англия и Голландия! Многое тогда видел у вас Петр Великий; но вы тогда еще более видели: видели Петра Великого. А ты, о, Швеция, видела Петра Великого на полях Полтавских. Конечно, Россия, конечно, ради того провидение Божие против Петра – Карла, против Елисаветы – Фридерика, против тебя – храбрые их войски восстати попустило, чтобы твоими победами над таковыми великими вождями и над таковыми мужественными войсками явити миру силу и славу твою, к умножению славы и твоего императора, и твоея императрицы. Много пользы принесли тебе и твоей империи, великий император, путешествия по чужим областям, но не меньше подали пользы путешествия и по собственным твоим областям. Тамо собирал ты плоды – и удивил Россию, здесь собирал ты плоды – и удивил Европу. Путешествия Россию обогащали, брани укрепляли ее безопасность. Взята Ливония и часть Финския земли, брега Невские и брег Каспийского моря; тряслася Персия, ужасалася Хина и потряслася бы Отоманская Порта, ежели бы многие противности не воспрепятствовали

успехам нашего монарха. Велик был Петр во время брани, велик во время мира, велик в обстоятельствах благополучных, велик и в противных. Строг противу злодеев, щедр ко почитателям добродетели, правосуден и милостив. Не упустил беззаконий без наказания, заслуг без воздаяния. Искусный мореплаватель, искусный полководец, искусный муж в делах государственных, премудрый законодатель и отечества своего преобразитель. Доколе будет солнце освещати вселенную, слава твоя, Петр Великий, во вселенной пребудет. А ты, Россия, радуйся и благодари Вышняго, видя на твоём престоле дочь Петра Великого, и проси всемогущего Создателя, чтоб дал он ей многия лета и чтобы кровь Петра Великого тобою обладала вовеки.²⁸

Иван Пнин

[1773-1805] – поэт и публицист. «Незаконный» сын крупного крепостника 88у. Н. В. Репнина (отсюда фамилия Пнин, усеченная Репнин), П. получил хорошее для своего времени образование в московском университетском благородном пансионе и в Артиллерийском инженерном кадетском корпусе. Был на военной службе, потом перешел на положение мелкогражданского чиновника. Лит-ая деятельность П. началась довольно рано, но систематический характер она приобрела только в конце 90-х гг. П. этого времени – поэт широкого диапазона как в смысле богатства жанров (ода, другие лирические стихи, басни), так и тематики – от философских размышлений до эротики. В своих философских и публицистических стихотворениях Пнин выступал последователем французского материализма XVIII века, в частности Гольбаха, сторонником политического равенства, хотя и осуществляемого неревolutionными методами. Эта идеология политического радикализма, гораздо менее четкого, чем у Радищева, под влиянием к-рого она складывалась, была

28 "Слово" было закончено не ранее конца лета 1759 г. (на что указывает упоминание летних побед) и, возможно, готовилось Сумароковым к ежегодной ассамблее Академии наук (которая проводилась, как правило, в связи с днем тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны -- 5 сентября), где он надеялся его произнести (указанием на это могут служить строки об Академии наук: "Сие место, где в Петрополе науки возрастают, и сие почтенное место тобою основано..."). Однако "Слово" произнесено не было, а его печатание вызвало протест академической цензуры. Замысел "Слова" относится, возможно, к 1755 г. и связан со "Словом похвальным блаженным памяти государю императору Петру Великому..." Ломоносова. Почти буквальное совпадение отдельных мест "Слова" со строками "Оды на государя Петра Великого" и с надписью "К домику Петра Великого" позволяет предполагать, что либо первые наброски "Слова" делались Сумароковым уже в 1755--1756 гг., либо собственная ода и надписи использовались им как своего рода конспект в его первом, а потому несомненно трудном опыте похвального слова. Неискусностью Сумарокова в риторском жанре объясняются отсутствие ритма, бедность выражения, неумелая стилизация под высокий (риторский) стиль, достигаемая с помощью церковнославянизмов, не всегда оправданных (например, насеянные вместо рассеянные, покушаюсь вместо отваживаюсь, секира вместо топор).

характерна для целой группы дворянской интеллигенции конца XVIII века, шедшей навстречу капиталистическому развитию страны.

Первый выход Пнина на широкое публицистическое поприще был осуществлен им в основанном в 1798 совместно с его другом и единомышленником А. Ф. Бестужевым (отцом четырех декабристов) «Санктпетербургском журнале».

Расцвет лит-ой деятельности Пнина относится к первым годам XIX в., когда молодые радищевцы активно выступали на государственной службе и в лит-ре, особенно в возникшем в 1801 «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств», председателем которого П. был в 1805. К этому периоду относятся важнейшие оды П. – «Человек», «Бог», «На правосудие» и др. – и основные его публицистические произведения – «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1803; опубликовано впервые в «Историческом вестнике», 1889, № 1) и «Опыт о просвещении относительно к России» (СПб, 1804). В «Опыте» П. выступил непримиримым врагом крепостного права, для борьбы с которым он нашел сильные и страстные выражения. Это послужило основанием запрещения «Опыта» к повторному изданию. В ряде других вопросов это важнейшее произведение П. лояльно по отношению к царской власти: «Просвещение в настоящем смысле приемлемое, - писал П., - состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании он ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности, т. е. когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной ему власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения». «Вопль невинности» – протест против бедственного положения «незаконнорожденного» – было точно так же произведением большой социальной остроты, хотя оно касалось и частного факта. Нельзя переоценивать радикализм этих сочинений П., как это делала либеральная историография, но прогрессивный их характер совершенно бесспорен.

Поэзия П., несмотря на всю связь ее с «витийственной» поэзией классицизма, несет в себе элементы ее разрушения. Содержание его стихов, в особенности од, часто противопоставлено классической и сентиментальной лит-ре. Такова напр. явно направленная против державинской оды «Бог» ода П. «Человек», где утверждается право человека быть свободным, а не рабом.

Тематика од П. вообще очень характерна. Оды посвящены высоким философским и политическим вопросам: «Человек», «Бог», «Правосудие», «Время», «Слава» и пр. П. являлся последовательным сторонником идейной поэзии. Принципиальное значение ее П. обосновывал в «Послании к некоторым писателям», где писал, что «цель полезная» оправдывает даже сочинение, которое «слишком худо написано». В отношении жанровом и языковом П. в противовес господствовавшей сентиментальной литературе преимущественно опирался на гражданскую лирику классицизма, деформируя ее в соответствии с содержанием своего творчества в сторону агитационной выразительности. П. в своей поэтической деятельности был не одинок. Его творчеству созвучно творчество целого ряда поэтов – членов упомянутого «Вольного общества» – Востокова, Григорьева, Борна и др.

Идейное содержание поэзии П. делает его наряду с другими писателями

«Вольного общества» лит-ым продолжателем дела Радищева, учеником к-рого П. был и в общественной своей деятельности, и предшественником последующей гражданской поэзии декабристов – Рылеева, Раевского и др.

В 1805 г. В Петербурге «Вольное общество» начинает издавать «Журнал российской словесности». Здесь помещались статьи и политического характера.

Особое значение имеет участие в журнале Ивана Петровича Пнина — лидера «Вольного общества». В первом номере журнала помещена его ода «Человек» — гуманистическое и глубоко атеистическое произведение. Пнин утверждает, что человек есть не что иное, как создание природы. Он, а не бог, создатель всех ценностей на земле. Человек создал себя, мудрость сыскал через труд и опыт. Человек «на земле, что в небе бог!». Ода Пнина направлена против угнетения человека, против превращения человека в раба.

В журнале были напечатаны также «Ода на правосудие», притча «Царь и придворный» Пнина и др. В номере 12 за 1805 г. Посмертно (Пнин умер очень рано) был напечатан памфлет Пнина «Сочинитель и цензор», в котором, обращаясь к общественному мнению, поэт проводит мысль, что царская цензура – препятствие для развития прогрессивных идей, помеха для истины.

После его смерти журнал поместил статью «О Пнине и его сочинениях», в которой поэт охарактеризован как «защитник угнетенных».

Письмо к издателю²⁹

Милостивый государь мой!

На сих днях нечаянно попалась мне в руки старинная манжурская рукопись. Между многими мелкими в ней сочинениями нашел я одно весьма любопытное по своей надписи: «Сочинитель и цензор». Немедленно перевел оное и сообщаю вам, милостивый государь мой, сей перевод с просьбою поместить его в вашем журнале.

СОЧИНИТЕЛЬ И ЦЕНЗОР
(Перевод с манжурского)

Сочинитель

Я имею, государь мой, сочинение, которое желаю напечатать.

²⁹ Напечатано в "Журнале российской словесности" 1805 г., ч. III, No 12, стр. 161--168, со следующим примечанием издателя (Н. П. Брусилова): "Вот одно из последних сочинений любезного человека, которого смерть похитила рано и не дала ему оправдать на деле ту любовь к отечеству, которая пылала в его сердце. Счастлив тот, кто и за гробом может быть любим!" В этом памфлете Пнин высказался против предварительной цензуры, введенной новым уставом 9 июля 1804 г., доказывая, что ответственность за пропущенное в печать сочинение должен нести не цензор, а сам автор (см. об уставе 1804 г. у М. И. Сухомлинова -- "Исследования и статьи по русской литературе и просвещению", т. I, 1889, стр. 404--415). В памфлете, повидимому, нашло отражение собственное цензурное дело Пнина -- запрещение второго издания "Опыта о просвещении", и конфискация нераспроданных экземпляров первого издания (ср. выше, стр. 274). "Письму к Издателю", несомненно, подражал А. Е. Измайлов в своей сценке). "Цензор и сочинитель" (см. "Полное собрание сочинений А. Е. Измайлова", т. I, 1890, стр. 284--288).

Цензор

Его должно наперед рассмотреть; а под каким оно названием?

Сочинитель

Истина, государь мой!

Цензор

Истина? О! ее должно рассмотреть и строго рассмотреть.

Сочинитель

Вы, мне кажется, излишний берете на себя труд. Рассматривать истину? Что это значит? Я вам скажу, государь мой, что она не моя и что она существует уже несколько тысяч лет. Божественный *Кун* {Конфуций.} начертал оную в премудрых своих законах. Так говорит он: «Смертные! Любите друг друга, не обижайте друг друга, не отнимайте ничего друг у друга, просвещайте друг друга, храните справедливость друг к другу, ибо она есть основание общежития, душа порядка и, следовательно, необходима для вашего благополучия». Вот содержание моего сочинения.

Цензор

Не отнимайте ничего друг у друга! Будьте справедливы друг к другу!.. государь мой, сочинение ваше непременно рассмотреть должно. *(С живостию)* Покажите мне его скорее.

Сочинитель

Вот оно.

Цензор

(развертывая тетрадь и пробегая глазами листы)

Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого... этого... никак пропустить нельзя! *(Указывая на места в книге).*

Сочинитель

Для чего же, смею спросить?

Цензор

Для того, что *я не позволяю* – следовательно, это не позволительно.

Сочинитель

Да разве вы больше, г. Цензор, имеете права не позволить печатать мою *Истину*, нежели я предлагать оную?

Цензор

Конечно, потому что я отвечаю за нее.

Сочинитель

Как? Вы должны отвечать за мою книгу? А я разве сам не могу отвечать за мою *Истину*? Вы присваиваете себе, государь мой, совсем не принадлежащее вам право. Вы не можете отвечать ни за образ мыслей моих, ни за дела мои; я уже не дитя и не имею нужды в дядьке.

Цензор

Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель

А вы, г. Цензор, не можете заблуждаться?

Цензор

Нет, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочинитель

А нам разве знать это запрещается? Разве это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я делаю.

Цензор

Если вы согласитесь (*показывая на книгу*) выбросить сии места, то вы можете книгу вашу издать в свет.

Сочинитель

Вы, отнимая душу у моей истины, лишая всех ее красот, хотите, чтобы я согласился в угождение вам обезобразить ее, сделать ее нелепою? Нет, г. Цензор, ваше требование бесчеловечно; виноват ли я, что истина вам не нравится и что вы ее не понимаете?

Цензор

Не всякая истина должна быть напечатана.

Сочинитель

Почему же? Познание истины ведет к благополучию. Лишать человека сего познания значит препятствовать ему в его благополучии, значит лишать его способов сделаться счастливым. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляют непрерывную цепь. Исключить из них одну значит отнять из цепи звено и ее разрушить. Притом же истинно великий муж не опасается слушать истину, не требует, чтоб ему слепо верили, но желает, чтоб его понимали.

Цензор

Я вам говорю, государь мой, что книга ваша без моего засвидетельствования *есть и будет ничто*, потому что без оно не может она быть напечатана.

Сочинитель

Г. Цензор! Позвольте сказать вам, что *Истина* моя стоила мне величайших трудов; я не щадил для нее моего здоровья, просиживал для нее дни и ночи, словом, книга моя есть моя собственность. А стеснять собственность, как говорит премудрый *Кун*, никогда не должно, ибо чрез сие нарушается справедливость и порядок. Впрочем, вернее, засвидетельствование ваше можно назвать ничего не значащим, ибо опыт показывает, что оно несколько не обеспечивает ни книги, ни сочинителя. Притом, г. Цензор, вы изъясняетесь слишком непозволительно.

Цензор (*гордо*)

Я говорю с вами, как цензор с сочинителем.

Сочинитель (*с благородным чувством*)

А я говорю с вами, как гражданин с гражданином.

Цензор

Какая дерзость!

Сочинитель

О Кун! Благодетельный Кун! Если бы ты услышал разговор сей, если бы ты видел, как исполняют твои законы, если бы ты видел, как наблюдают справедливость, если бы видел, как споспешествуют тебе в твоих божественных намерениях, тогда бы... тогда бы справедливый гнев твой... Но прощайте, г. Цензор, я так с вами заговорился, что потерял уже охоту печатать свою книгу. Знайте, однакож, что *Истина* моя пребудет неизменно в сердце моем, исполненном любви к человечеству и которое не имеет нужды ни в каких свидетельствах, кроме собственной моей совести.

Вопль невинности, отвергаемой законами

Всемиловитивейший государь!

Пред троном я твоим сей повергаю труд
Возмездье мне – твой взор; мой лавр – твой
будет суд.

Но ежели снищу твое благоволенье,
Вот все – монарх! Прочти ты сам сие творенье
1802 года.

Наконец, воцарились милость и правосудие! Голос бедного услышан на престоле! Заслуги награждены, собственность вступила в свои права, добродетель уважена! Наконец, настали сии счастливые времена! Природа восторжествовала; талант восстал из пыли, в которой доселе пресмыкался, и истина везде без страха уже показываться может. Человек сделался человеком; священное чувство человечества возвратило душе его ее благородство и ее величие. О Александр! Добродетели твои воздвигли уже твердые памятники в сердце твоего народа! Отзыв его восторгов, отзыв искренних его о тебе молений громко раздается в мирном селении Петра и Екатерины. Они взирают на тебя, наблюдают все твои движения и с сердечным, умилением к тебе рекут: «Царствуй, Александр, гений кротости и мира! Да блаженствуют народы под скипетром твоим, да будешь отцом их». Но ты и так уже поступаешь с ними, как с детьми своими; терпеливо выслушиваешь их жалобы, без гнева прощаешь их заблуждениям. Цари, конечно, во власти своей подобны богам: для них нет ничего невозможного, особливо для царей добродетельных. Милость во всем успеваешь, все обезоруживаешь, все ей покоряется, и жертвы, курящиеся на алтарях ее, еще сильнее возгораются в вечности. Государь, предки твои были законодатели. Ты наследовал их великий дух, тебе предлежит бессмертная слава довершить ими начатое. Само время, кажется, единственно только для тебя сберегало оную. Да основание народного блаженства утвердится на законах, из природы

извлеченных, и да царствование твое как для настоящего, так и для предбудущих веков изобразит истинную науку законодательства.

Прости, государь, дерзновению моему. Я, может быть, первый отважился излить пред престолом твоим чувствования отверженной природы; но я – россиянин, молод и невинно-несчастлив. – Вот причины, которые, кажется, довольно достаточны для возбуждения к себе твоего внимания.

Я должен откровенно говорить с моим монархом; чистосердечие есть дань верноподданного доброму царю. Государь, я один из числа тех несчастных, которых называют незаконнорожденными. Брошенный на сей свет с печальною печатью своего происхождения, в сиротстве, не находя вокруг себя кроме ужасной пустоты; лишенный выгод, с общественною жизнью сопряженных, встречая повсюду преграды, поставляемые предрассудками, на коих самые законы основаны; и в том обществе, которого я часть составляю, в котором, равное с прочими имея право на мой покой и на мое счастье, не находить кроме горести и отчаяния и быть в непрерывной борьбе с общим мнением, есть, государь, самое тяжкое наказание, достойное одного только злейшего преступника. Поставленный однажды в сем мире, уже ли я и мне подобные должны в оном страдать, не видя для себя никакой отрады? Если никто не воспротиворечит мне, что я существую, что также имел некогда родителей и что глас, могущественнейший глас природы дает мне название сына, то для чего же, когда на один шаг приступаю к правам сыновним, тогда законы государственные меня отвергают и не признают меня таковым? Если не одобряют они такого происхождения, то для чего же терпят, когда преступление сие делается гласным? Для чего сии толь важные по последствиям случаи оставляют без малейшего внимания? Для чего законодательство столь далеко отдалилось здесь от природы? Уже ли сын должен во всю жизнь свою наказываться за пороки своего отца? Сие, государь, осмеливаюсь я отдать на суд собственному твоему сердцу; оно лучше решит, должен ли сын отвечать: по законам ли он рожден или нет, и чрез то лишиться всех сыновних прав, отказываемых ему законом *уже до его рождения*? Какой из таковых младенцев захотел бы вступить в сей свет, если бы только мог знать, какая участь его в оном ожидает? Нет, государь, он, конечно, не вышел бы из утробы своей матери, он сделал бы ее своим гробом.

Если отец, заглушив чувства свои, не хочет видеть плода не позволенной законами страсти, не внемлет первым крикам младенца, возвещающим ему об обязанностях, к которым природа его призывает, отдает его в *учрежденное для сего место* {Человечество не престанет благославлять имя человеколюбивой учредительницы воспитательных домов! Сколько сохранено сим жертв, долженствовавших погибнуть без сего благодетельного убежища!}, в таком случае младенец, не зная, кому обязан он своим рождением, ничего чрез то не претерпевая, питает сыновнюю привязанность к тому месту, которое пришло к нему и воспитало. Но чему не подвержены бывают те, которые, возрастая в очах своих родителей и достигши таких лет, в которые рассудок, открывая им, кому одолжены они бытием своим, тем живее дает им чувствовать их несчастье; ибо что может быть, государь, *95урра95н* сей несправедливости, прискорбнее для нежного сына, как, зная своего отца, не смеет назвать его сим именем. И когда отец, стараясь скрывать от общества, что он его сын, под личиною друга человечества, дает ему

название *воспитанника*, название, которое в такое вошло употребление, что сии великодушные люди с величайшим успехом научились пользоваться оным на счет пощущения закона. Иные, вменяя ни во что самым священнейшим залогом жертвовать преступному своему тщеславию, утешаются гласностию, что имеют столько-то несчастных жертв, с которыми поступают они наравне с своими слугами. Не редко случается, что брат наследует своего брата, что сестра наследует сестру свою, то есть так называемые незаконные дети делаются собственностью, делаются крепостными людьми законных детей, несмотря, что те и другие суть дети одного отца. Природа! Что стало с тобою! Куда девались права твои! Во что обратилось твое святилище, сие сердце, которое вложила ты в грудь родителей и которое каждым биением своим наносит новый тебе удар!

Но если есть еще честные люди, которые, поступая согласно с совестью, почитая наравне с убийством отказаться от детей, данных им природою в награду их страсти и в большее утверждение их союза, и которые, прилагая для воспитания их все попечения, каковые только горячность нежного отца к детям внушить может; то видим, когда судьба, позавидовав счастью таковому, пресекает их дни, а с оными и все виды, которые во время жизни своей простирали они на пользу своего семейства; тогда пораженная таковым ударом мать впадает с невинными жертвами своими в бездну зол. Чей долг в сем случае призреть их? К кому прибегнуть они должны? – К законам? Они не примут их жалобы. К наследникам? Хорошо, если найдут в них человек. – Но печальный опыт доказывает, что сии несчастные существа, лишенные всякой помощи, чаще всего влачат горестную жизнь, претерпевая язвительные насмешки, довершающие их нищету и отчаяние.

Какое сердце не тронется, смотря на сии ужасные картины, посрамляющие человечество! Ужели вопль невинности будет только разноситься в воздухе, и никакая благодетельная рука не исторгнет у развращения кинжалов, острым им на ее погубление! О государь! Доброта твоя души, согласенная с мудрою твоею деятельностью, коея повсечасно даешь ты нам сладчайшие вкушать плоды, составляет единственную надежду, что ты склонишь человеколюбивый слух свой к сим невинно-несчастным и даруешь им принадлежащие им права. Великая и по делам своим бессмертная Екатерина II, по законам и сердцу которых ты следуешь, чувствуя всю важность сего предмета, в премудром Наказе своем, данном ею Коммиссии о сочинении проекта Нового Уложения, предписала для сих несчастных *сделать потребные узаконения; ибо родившийся*, говорит она, *требует призрения* {Часть вторая. О праве особенном. Стр. 199.}. Так рекла Екатерина, и божественная душа ее, блистая в чертах сих, являет миру, сколь мысль сия достойна человеколюбивых государей. Тебе, монарх, остается совершить оную. Лавры, венчающие главу героев, увядают скоро на развалинах, кровию человеческою дымящихся; одна лишь память царей добродетельных, царей законодателей благословляется потомством, и слава их, стареясь, расцветает.

Источник сего нравственного зла происходит сколько от неуважения, столько и презрения к супружеству, сему священному постановлению, долженствующему составлять душу государственного тела, быть основанием общественного здания, без чего не будет оно твердо, рушится, и великие потребны уже будут пожертвования для восстановления оною. Древность, обильная опытами, подтвердит сию истину. Не видим ли мы, как, с одной стороны, многие государства процветали и восходили на высочайшую

степень могущества, когда супружество, сохраняя свою силу, было уважено. Не видим ли, с другой стороны, как погибали они под собственными своими развалинами, когда оно ослабевало и преставало быть стражем общественных законов. Супружество, назидая, берегает нравы, нравы берегают законы, законы берегают свободу. Вот священный характер, супружество изображающий! Оно, сохраняя тишину и согласие в недрах семейств, утверждает чрез то мир и спокойствие общественное; оно образует юные сердца детей, последующих обыкновенно во всем своим родителям, которые тем сильнее понуждаются помышлять о своих должностях, ибо обязаны в том бывають своим примером. Но если, несмотря на все сии виды, толикие общественные пользы в себе заключающие, если вопреки природе, вопиющей противу несправедливости, некоторые отцы, делаясь сугубо преступными как чрез нарушение законов честности, так и чрез небрежение прижитых ими детей, смеются над сими обязательствами; тогда закон, орудие правосудия, долженствующий без лицепрятия осуждать подобный поступок и порочную связь таковых родителей, *обратя на них весь стыд и поношение*, как справедливое возмездие за предосудительное их поведение, да не ограничит себя сими только исследованиями, но да прострет оные и на их детей, которым, кажется, для того только даровали они жизнь, чтоб о них совсем не думать. Уже ли сии невинно-несчастные, которые суть также, государь, твои подданные, *должны исключительно оставаться без всякого права, без всякого закона, на который могли бы они опереться, и который бы под эгидом своим мог в случае спасти их невинность?*

Человеколюбие твое, государь, ободряя меня в моем предприятии, внушило мне смелость всеподданнейше представить в рассуждении сего то, что, может быть, при первом взгляде поразит воображение и покажется странным; но которое, тем не менее, справедливо, ибо основано на самой природе. Мой долг есть изобразить истину в настоящем ее виде, и тщетны бы в сем случае были усилия искусства, старавшегося под пленительными красками истины представить ложь; ибо она никак не скрывала бы от прозорливой мудрости моего монарха, коего беру я смелость просить прочесть меня до конца.

- 10 Если законы природы существовали прежде законов человеческих, если они одни только постоянны, то законы общественные тогда лишь только назваться могут справедливыми, когда с оными бывають согласны. Если отец, приживши непозволенным образом детей, нарушил чрез то законы гражданственные, то какому бы он ни подвергал себя за то осуждению, со всем тем не может, без нарушения справедливости, лишен быть права признать их своими, ибо он есть отец, ибо право сие предоставляется ему законом природы. Следовательно, та же самая справедливость требует, чтобы таковые дети поступали в число законных детей.

Примечание. Сколько страждущих жертв чрез позволение сего воскреснут, монарх, изпод бремени теснящего их закона! Сколько детей возвращено будет чрез сие отцам их, которые, может быть, терзаясь грызением совести и желая от всего сердца признать их своими, лишены днесь сего естественного права!

II. Если кто от незаконно прижитых им детей своих отречься станет, а матери их или и сами дети, что он отец их, в том доказать могут; тогда справедливость обязывает его признать их своими: почему сии дети входят также во все права законных детей.

Примечание. Но сие божественное благодеяние может только простираться на будущие роды; то есть о того времени, как законодатель заблагорассудит учредить таковое постановление. Детям же, находящимся ныне в равных сему случаю обстоятельствах, да определится законом часть из имени отцов их. Сим образом, по крайней мере, обеспечится их состояние и защитится их невинность.

III. Если же матери или незаконно прижитые их дети, кто суть были отцы их, доказать не могут, в таком случае та же самая справедливость ограничивает право сих детей одною только свободою избирать себе род состояния, какой они пожелают.

Примечание. Право сие может действовать на все времена, как на прошедшие, так и на настоящие и будущие. И хотя сей закон, по некоторым отношениям, существует, но он, как видеть можно, есть только *последствие* двух выше сего приведенных мною пунктов, из которых, выключая первого по ясному в нем изображению сущности самого дела, как сей так и второй пункты требуют особенного исследования.

Люди, не имеющие нравственности, люди, почитающие честность химерою, не видящие никаких препон в последовании внушению постыдных своих страстей, конечно, в случае ни во что поставят отречься от детей своих, особливо если могут еще надеяться укрыться от очей закона, *долженствующего на сей конец* сделать положительное определение, *какие именно доказательства* со стороны матерей и детей в рассуждении их отцов им принимаемы быть могут, дабы всякой, имея в виду сие постановление, мог по оному предпринимать свои меры. Чрез это пресекутся все затруднения в разбирательствах, число дел нимало не умножится, потому что течение оных будет свободно.

Но если, относительно к третьему пункту, не все дети равно будут счастливы в отыскании своих родителей, то, по крайней мере, получают все на оное равное право. Сим образом облегчится жребий их, и закон, оградя невинность сих несчастных, поставит их на одну черту с прочими сынами отечества, которое, открыв им свои недра, утешит их и успокоит. Они не столько будут сожаления достойны, что отцы их остались от них в неизвестности, сколь несчастны они теперь, будучи лишены прав потребовать их пред судилище законов и спросить их: скажите, нечувствительные, пред зеркалом истины, обнаружьте сердца свои! Почто вы нас отвергнули? Почто скрывали себя от нас, скрывали, что вы виновники нашего бытия? Почто еще гнушаетесь нами? Разве мы сего достойны? Разве препятствовали вам в ваших наслаждениях? Скажите, что могло вас таким образом противу нас вооружить? Почто вы нас не любите? Или сего чувства не дала вам природа, или, ввергнув нас в поношение и отчаяние, тайно наслаждаетесь нашею горестию и нашими слезами? – Отцы! Отцы! Если глас совести может еще сколько-нибудь быть внятн для сердец ваших; если природа может еще в вас пробудиться, о, сколь были бы велики,

если бы могли сделаться теперь справедливыми! Если хотите избежать раскаяния, непременно постигнуть вас долженствующего, то способы к тому еще вам открыты. Теките к престолу добродетельнейшего из царей, повергните себя перед оным. Александр примет просьбы ваши, ваш долг оправдать перед ним невинность ваших детей и возратить им то, чего вы их лишаете.

Наконец, остается рассмотреть: не ослабнет ли чрез сии постановления супружество и не увеличится ли еще более зло предупредить желаемое? [sic]. – Я буду в сем случае руководствоваться опытом.

Если возьмем мы теперь супружество в том состоянии, в каком оно есть, а не в том, в каком быть должно, и как выше сего мною представлено; то увидим, что оно большею частию не иное что изображает, как подлый торг богатства и тщеславия, как совокупление имений, а не союз людей. Чего можно ожидать от таковых браков? Ничего более, как величайших и беспрерывных зол. Супруги, таким образом соединенные, без взаимного почтения, без взаимного дружества, без взаимного желания нравиться, как могут наслаждаться тем счастьем, которым природа награждает только сердца, любовию сопряженные. Нет, такое соединение супругов есть не иное что, как заговор противу общества, противу добродетели и нравов. Кажется, что жена не мужу своему принадлежит, но тому, кто только пожелает над нею победы. Печальная истина! Почто являешься ты мне между моими соотечественниками! Но ты, чтобы еще более поразить меня, представляешь мне зрелище, возмущающее природу, унижающее человечество! Там жестокая мать приносит в жертву корыстолюбию и тщеславию невинность и честь своих дочерей и, ввергнув их в поношение и несчастье, сама украшается таковыми трофеями!.. Здесь безрассудный, подлый муж, гоняясь за бессловием, ведет с веселым лицом жену свою на ложе сладострастного вельможи, дабы сей, в толпе его окружающей, взглянул на него с улыбкою и пожал у него руку. Я вижу сих супругов, которые, по взаимной ненависти, пренебрегая домашнюю жизнь, в недрах коея образовались в Риме достойные сыны отечества, ищут удовольствий вне своего семейства, предаваясь дорогим издержкам и веселостям, по большей части в разорение их приводящим. Привыкшие к толь пагубной рассеянности, вид собственного их семейства делается уже для них тягостным; они скучают детьми своими, священную должность свою, в рассуждении их воспитания, поручают наемникам, которые, будучи у них в унижении, могут ли воспитанникам своим внушить желание славы, благородное соревнование, великодушные чувствования, которые суть источником всех полезных государству дел? Могут ли поселить в них любовь к отечеству, любовь к общему добру и научить их познанию должностей человека и гражданина? Наконец, когда, допуская к себе детей своих, с коими редко бывают вместе, сии невинные существа, ласкаясь вокруг них, восхищают сердце постороннего человека, тогда холодность и равнодушие оттеняют на лицах их родителей ту нечувствительность, которая обыкновенно сопутствует повреждению нравов. Вот источник зла, наводняющего общество! Вот где кроются семена разврата и порока! Обычай взял верх над законами; законы уступили ему владычество над собою, и сей колосс, пред коим все раболепствуют, для которого никаких не щадят жертв, если только получит *должное направление*, тогда все воспримет настоящий вид, все преобразуется, закон вступит в свое место, нравы возникнут и утвердятся. Обычай

довершил беспорядки, в супружествах существующие. Обычай поставил ни во что нарушение сего священного союза. Прелюбодейство не возбуждает никакого стыда, ибо роскошь, волокитство и кокетство, сделавшись стихиею обществ, занимают мужчин и женщин, несмотря ни на их лета, ни на их возрасты, ни на их состояния. Святые храмы превратились в место их свидания и переговоров; святые храмы сделались торжищем их преступных чувствований. Волокитство, поступая в число достоинств, паче прочих усовершенствованное, подобно будучи хамелеону, очаровывая все своею волшебною наружностью, скрывая под оною черные свои виды и сыпля цветы по нечистому пути своему, обольщает, ловит неопытную невинность, которая потом, в свою череду, начинает ловить другие жертвы, и таким образом сии две пагубные страсти, 100урра100нт от благородной цели своей и истинного своего источника, повредили сердца людей, а с оными развратили общества. Честная любовь сделалась редкою вещию; ибо язык прямой любви не может быть внятн для сердец развращенных; потому что любовь не может быть постоянною страстию, если чувствительность ее не истекает из добрых нравов. – Но сего не довольно. Обычай простер власть свою даже до того, что вероломные супруги, явным образом предаваясь склонностям своим, выключая законного семейства, имеют еще по несколько незаконных семейств, которые, будучи жертвою несчастного своего рока, не смеют жаловаться на судьбу свою, потому что судьба их зависит совершенно от сих прелюбодеев, которые, не отдавая никому в таковых делах своих отчета, поступают с ними, как хотят; в их воле призреть их или бросить. И хотя многоженство законом не позволяется, но в самом деле оно существует.

Равным образом безбрачные, не видя для себя ни малейших принуждений, предпочитая свободу узам супружества и имея безбедное состояние, не находят довольно побудительных причин, чтобы жениться; ибо, не подвергая себя нисколько бесславию, могут открытым образом жить с любовницами, имея детей, и переменять их по своему желанию. Закон молчит перед таковым обычаем. Он молчит – будучи в сем случае подобен умершему благодетелю человечества, над прахом коего тщетно плачут несчастные, тщетно желают изобразить ему всю трату души их, тщетно просят еще от него помощи. Распростертый пред ними труп не внемлет их рыданиям; благодетельный дух его оставил оный на веки! – Мертв и тот закон для общества, коего не видит оно благотворительного действия!

Вот общие картины супружества и безженства! Женатые и холостые, каждый из сих состояний, последуя своим обычаям, кажется, спорят между собою в преимуществе приносимого ими обществу вреда, а вместе показывают, сколь мало те и другие чувствуют цену пользы нравов. Итак, толь предосудительный образ жизни сего рода требует *непременного обуздания*. Но какие меры, какие постановления нужны для совершения толь великого предприятия? – Бессмертная Екатерина II в премудром Наказе своем {Глава VII. О законах подробно. § 77.} определяет следующие средства, говоря о сем роде преступлений: поелику «оныя суть нарушение чистоты нравов или общей всем, или особенной каждому, то есть всякие поступки против учреждений, показующих, каким образом должно всякому пользоваться внешними выгодами, естеством человеку данным для нужды, пользы и удовольствия его. *Наказание сих преступлений* должно также производить из свойства вещи. Лишение выгод, от всего общества присоединенных к

чистоте нравов, денежное наказание, стыд или бесславие, принуждение скрываться от людей, бесчестие всенародное, изгнание из города и из общества, словом: все наказания, зависящие от судопроизводства исправительного, довольны укротить дерзость обоюго пола. И воистину сии вещи не столько основаны на злом сердце, как на забвении и презрении самого себя. Сюда принадлежат преступления, касающиеся только до повреждения нравов, а не те, которые вместе нарушают безопасность народную, каково есть похищение и насилдование; ибо сии уже вмещаются между преступлениями четверного рода, которым и определяет она казнь наказанием.

Но как главнейший предмет мудрого законодателя должен состоять в предупреждении действия страстей; ибо обширная, беспредельная мысль его должна обнимать будущее, равно как объемлет она настоящее и прошедшее; ибо законодатель исполнит одну только половину своей должности, если ограничит усилия свои поражением и наказаниями. Следовательно, он беспрестанно заниматься должен предупреждать пороки, отъемля у них их пищу и их выгоды, сколько общественный порядок и внушение природы позволить могут. Но чем предупредить преступления? Тем ли, когда некоторое число людей не более будет щадимо, как все люди вообще или каждый из них особенно; тем ли, когда никто никогда не будет бояться другого гнева, кроме гнева закона; тем ли, когда науки распространятся и просветится разум; тем ли, когда, поощряемые к работе, люди убегают будности как источника их развращения; тем ли, когда попечительное воспитание с самого детства побуждать станет к патриотизму и добродетели; тем ли, когда добродетель сия иметь будет свои награждения; тем ли, когда найдут великую выгоду быть добрым, честным и благоразумным; тем ли, наконец, когда не допустят никого любить порок и уступать оному? Ах! Если однажды вкрадется он в душу, тогда жар благородных чувствований гаснет, и тот человек не далек уже от преступлений, которые, ничем не будучи воздерживаемы, оставаясь без всякого взыскания, усиливаются и совершаются с некоторым еще тщеславием.

Рим во время блистательного своего величия, когда вселенная покорствовалась его оружию, Рим во внутренности стен своих занимался тогда начертанием тех законов, которые, устроив благоденствие его граждан, достигли, наконец, до нас и послужили основанием для всех европейских законов. – Я никак не могу умолчать о тех превосходных и предмету моему соответствующих постановлениях, которые, дабы побудить римлян к супружеству, предоставляли женатым людям следующие исключительные права: «Отец семейства, имевший более детей, был всегда предпочитаем как в искании чинов, так и в самом отправлении оных. Консул, имевший более детей, брал первый пучок {Имеется в виду пучок ликтора. – *Ред.*} и мог выбирать себе провинции; сенатор, который более имел детей, писался первым в списке сенаторов и первый подавал мнение свое в сенате. Также можно было прежде назначенных лет поступать в судии, потому что на каждое дитя причитывалось по году заслуги {Монтеский, Разум законов.}.

«Неженатые у римлян не могли ничего получать по завещанию посторонних; а женатые, но бездетные, больше половины не получали.

«Выгоды, которые могли иметь муж и жена по взаимным друг от друга

завещаниям, были ограничены законом. Они могли, если у них детей не было, наследовать друг от друга только десятую часть имущества; если же имели детей от первого брака, то могли давать друг другу столько раз десятую часть, сколько имели детей.

«Если муж отсутствовал от жены своей для другой какой причины, не по делам, до общества касающимся, то не мог он быть ее наследником». {Наказ великия Екатерины. Глава XII, ї 283, 284, 285.}

Вот каким образом законодатели Рима старались приводить супружество в уважение, зная, что чрез сие могли они только достигнуть предположенные ими цели как к сохранению нравов, так и размножению народа. Следовательно, тем не менее снисходили к нарушителям сего союза, и наказания их в рассуждении сего хотя были уже слишком строги, но которые если будут основаны на свойстве преступлений и не превзойдут своих мер, тогда, конечно, несомненную принесут пользу. Ибо если наказания не могут образовать нравов народных, то, по крайней мере, могут способствовать к сбережению чистоты оных. Разврат тогда только становится общим, когда частное развращение избегает строгости законов, принужденных попускать оное. Не цензура произвела в Риме людей добродетельных, но без нее добродетель блистала бы в оном менее времени. Цель сего судейства состояла не в том, чтобы рождать героев, но дабы воспрепятствовать, чтобы они не развратились. Вот какое влияние наказательные законы имеют на нравы общественные. Итак, они должны, дабы сохранить нравы, наказывать преступления, противные воздержности общественной и частной, то есть противные благоустройству, учрежденному в государстве, каким образом наслаждаться чувственными удовольствиями.

Я бы привел некоторые узаконения в рассуждении прелюбодейства и любодеяния, существовавшие в Риме и существующие ныне в некоторых европейских державах; но кровавые эшафоты и пылающие костры, воздвигнутые ими на погубление сих несчастных жертв, не достойны быть представленными пред взоры кротости и человеколюбия! Законы Миносовы, законы Августовы, законы Солоновы в сем случае соответствовали лучше свойству преступлений и достойны внимания законодателя. «Самое надежное обуздание от преступлений, -- говорит великая Екатерина, -- есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан». {Наказ. Глава X. О обряде криминального суда. Ї 222.}

Итак, если преступления будут предупреждаемы, если кроткие, но нелицеприятные законы не будут прощать преступников; если приведенные выше мною способы, премудрой законодательницею Севера предписанные, согласены будут с приличными сему предмету узаконениями законодателей древних и новейших времен и какие пронизательностью твоею, монарх, избраны будут полезные к сему средства; тогда несомнительный успех увенчает сие благодетельное, сие великое предприятие, ибо стремительные желания ищущих себе жертв соблазнительей, которые не по природе, но по одному только обычаю сделались таковыми, получают тогда благороднейшее направление. Мысль о могущих произойти от того последствиях будет сильна удерживать их от их намерения. Владычество разврата, конечно, истребится, ибо кто захочет быть врагом своей чести, быть врагом самому себе? Кто захочет вступить тогда в порочную связь, зная, что преступное наслаждение производит законный плод, который при самом появлении

своем вступает под охранительную сень законов, не теряя никогда своих прав? Какая женщина захочет принести себя в жертву развратителю, когда презрение других будет возмездием за такое ее поведение? Жить с любовницами выдет из обычая, следовательно брачный узел необходимо укрепится, и связь супружества, обняв все, что только входит в состав общественного благополучия, тем сильнее утвердит и продлит свое существование. Невинность, извлеченная из небытия, не будет более жертвою поругания, сия невинность, лишенная даже *средств к своему защищению*, и против коея *прошедшие времена* не устыдились *вооружить самые законы*. Но как все, проходя чрез горнило времен, очищается и усовершенствуется, следовательно многое из того, что для наших предков, по тогдашним обстоятельствам и образу мыслей того века, казалась лучшим средством, превосходнейшим постановлением, было бы, в отношении к нам, не только бесполезно, но даже несправедливо. За временами варварства, в котором посредством мучительнейших пыток думали узнавать правду, следовали времена не столь грубые. Просвещением озаренные умы увидели, что пытки не суть к тому способы, что чрез оные не столько узнавали природу, сколько открывали терпения. И подлинно, что может быть несправедливее и 10Зурра103н, как мучить человека, о преступлении которого еще сомневаются; и почему бы боль могла заставить говорить лучше правду, нежели ложь? – Наконец наступило благополучное для нас время! Просвещенная милость, сокруша скипетром своим сей презрительный памятник бесчеловечной инквизиции, изгладила на веки самое название оно, и история золотым пером изобразит благодеяние сие между теми добрыми делами, о которых с душевным удовольствием и признательностью не престанет вспоминать человечество. Итак каждый век образуется в чреду, каждый народ образуется по воле его правителей. Между всеми твоими, государь, в пользу подданных твоих попечениями, во дни кроткого и справедливого твоего правления, уже ли предрассудок, владычествовавший в невежественные времена наших предков, сей общества тиран, сие чудовище, которое, подобно минотавру, пожирает невинных детей, приносимых ему в жертву нечувствительными отцами, будет и между нас сохранять свое владычество? Нет, государь, сие не может быть совместно с твоею благостию. Руководствуемый любовью к своему народу, имея целию его блаженство, любя простоту, истребляя роскошь, водворяя нравы, из всех сих истинно великих видов, дух твой занимающих, нельзя, чтобы и сей предмет сердца твоего не коснулся. Спасти невинность, оградить ее законами, обуздать своеволие, воздержать от развращения, заставить свято сохранять союз супружества и, наконец, употребить все нужные для достижения сея великия цели меры – без сомнения, достойно твоего внимания. Нумы, Ликурги, Солоны, Конфуции, равно как и обожаемые Севером имена Петра и Екатерины, все сии законодатели, украшающие летописи мира, уступят тебе, монарх, первенство над собою; ты станешь превыше их, когда поправленные права вопиющей невинности, которой стоны сама вечность заглушить не может, под скипетром твоим восстанут из своего ничтожества; ибо никакое царство, никакое правительство, от самых первоначальных времен мира до настоящих дней, в рассуждении сего предмета, не представляет истинных законоположений, основанных на природе и одобряемых разумом.

Александр Куницын

Куницын, Александр Петрович – выдающийся русский юрист (1783 – 1841). Получил образование в главном педагогическом институте; подготовлялся к профессуре в Геттингене и Гейдельберге, преподавал в Царскосельском лицее нравственные и политические науки. Успех, каким он пользовался среди слушателей лицея, засвидетельствован Пушкиным в «Лицейской годовщине 19 октября 1825 г.»: «Куницыну дань сердца и вина! / Он создал нас, он воспитал наш пламень, / Поставлен им краеугольный камень, / Им чистая лампада возжжена». Курс наук, читавшийся Куницыным в лицее, обнимал собою всего 12 предметов. «Этот профессор был один из даровитейших в лицее и владел словом. Излагая нравственную философию, он оживлял преподавание рассказами, сравнениями, в которых проявлял живое воображение. Перейдя к наукам юридическим, он стал остывать к своему делу» (Гаевский «Пушкин в лицее», I, 135). В 1817 г. Куницын был определен профессором по кафедре общих прав в главный педагогический институт, переименованный в 1819 г. в Петербургский университет. В состав этой кафедры общих прав входили естественное право, частное, общественное, государственное и народное, в смысле общей теории или философии права. За издание книги «Право естественное» (СПб., 1818 – 1820) Куницын был уволен от преподавания в университете по постановлению главного управления училищ, признавшего книгу эту «противоречащей явно истинам христианства и клонящейся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных». Труд Куницына был составлен под сильным влиянием Руссо и Канта; в нем проводилась мысль о необходимости ограничения всякой власти, как общественной, так и родительской; иначе власть превращается в тиранию и несправедливость. Власть учреждается не в пользу властителей, а в пользу подданных и подчиненных; посему только власть, проявляемая в целях охраны прав и интересов населения, общества и детей, может быть признана властью законною и справедливою. Книга Куницына, напечатанная в количестве 1000 экземпляров, была отобрана у автора и из всех заведений министерства народного просвещения, и даже самое естественное право, как наука, сделалось предметом усиленных преследований вплоть до издания университетского устава 1835 г. В 1828 – 1829 годах Куницын, перешедший на службу в комиссию для составления законов (2-е Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии), читал лекции прав избранникам духовных академий, подготовлявшимся к званию профессоров законоведения. Другие его труды: «Изображение взаимной связи государственных сведений» (СПб., 1817) и «Историческое изображение древнего судопроизводства в России» (разрешено цензурой в 1825 г., но издано только после смерти Куницына, в 1843 г.). Последнее произведение представляет собой лишь часть задуманного обширного труда, который должен был

быть посвящен истории всего нашего древнейшего права от возникновения России до XVI века, и обнаруживает в авторе замечательные для того времени историко-юридические сведения и воззрения. А. Г.

Послание к русским

Доселъ мы были удалены отъ кроваваго зрѣлища войны; гласъ брани не поражалъ нашего слуха, и звукъ оружія не достигалъ мирныхъ жилищъ обитателей Россіи; одинъ только громъ побѣдъ раздавался въ предѣлахъ нашихъ. Прежде мы были окружены дружественными народами, которые, подъ эгидою Рускаго Царства, наслаждались тишиною, и отдѣляли насъ отъ западныхъ варваровъ. Долго прикрывала Россія малодушныхъ народовъ щитомъ своимъ, но для нихъ было ужасно даже самое зрѣлище ея противоборства: неминуемое рабство предпочли они сомнительной побѣдѣ; въ знакъ позорной неволи повергли къ стопамъ завоевателя свои мечи, которые онъ превратилъ въ оковы, и обременилъ руки, нѣкогда его ужасавшія. Невольнымъ подданствомъ хотѣли они склонить его къ милосердію, но тѣмъ усугубили его алчность и отяготили судьбу свою. Нынѣ не смѣютъ они даже потрясать цѣпями, ихъ удручающаго ихъ тирана. Тихіе, умирающіе стоны сихъ произвольныхъ страдальцевъ достигаютъ до нашихъ предѣловъ и призываютъ ко мщенію.

Упоенный успѣхами врагъ покоился окруженный добычею; насытая гортань его поглощала плоды трудовъ чуждыхъ, исторгнутые остриемъ меча изъ устъ народовъ поработенныхъ. Но вскорѣ новая алчба терзаетъ его утробу, новая злоба возгарается въ его сердцѣ. Такъ покоится тигръ среди смрадныхъ остатковъ растерзанныхъ имъ животныхъ, и когда оскудѣваетъ кровавая его жертва, съ новою яростію устремляется на ловитву.

Западный тиранъ, сей кровожадный звѣрь, посланный на землю въ образѣ человека, снова замышляетъ убійство и втайнѣ изощряетъ смертоносныя стрѣлы. Для кого еще готовить онъ сіи роковыя орудія? На кого еще вознесетъ святотатственную руку? На васъ, сыны Сѣвера, на васъ, великодушные Россы! Быстро устремился онъ противу Отечества нашего, и уже простираетъ хищныя руки свои на злачныя долины и на плодоносныя поля наши. Полчища его протекаютъ наши области, подобно стаду гладныхъ насѣкомыхъ, и своими злодѣйствами оскверняютъ Рускую землю, освященную памятниками неослабнаго мужества, любви къ Отечеству и преданности Царямъ и повелителямъ, Москва, древняя столица Сѣвера, испытала ихъ неистовство, Ея великолѣпіе возбудило жадность тигра, но не удовлетворило его алчности; нечестивые уста его изрекли: *разрушеніе!* И она воспылала; несчастные, безутѣшные ея жители, отыскивая слѣды прежнихъ жилищъ своихъ, подобно блѣднымъ тѣнямъ, скитаются нынѣ на пожарищахъ, орошаютъ пепель горькими слезами и призываютъ Небо во свидѣтели неслыханнаго варварства.

Но сіи нещастія не должны ослабить нашего великодушія. Пусть нивы наши порастутъ терніемъ, пусть села наши опустѣютъ, пусть грады наши падутъ въ развалинахъ; сохранимъ единую только свободу, и всѣ бѣдствія прекратятся. Соберемся подъ знамена законныхъ вождей нашихъ, и кровію враговъ удобримъ опустошенную ими землю. На развалинахъ градовъ великолѣпныхъ построимъ бѣдныя хижины; -- наша доблесть просіяетъ и подъ соломеннымъ кровомъ. Путникъ иноплеменный посѣтитъ страну

Ироевъ, и подивится – не красота зданій, не богатству искусствъ? Не пышности и великолѣпію, но нашему единомудушію и мужеству при всеобщихъ бѣдствіяхъ. Огромныя развалины великолѣпныхъ чертоговъ – слѣды злодѣйства, вооруженнаго пламенемъ – возбуждаютъ въ немъ горькое чувство негодованія, а на скромныя жилища наши воззреть онъ съ благоговѣніемъ. Гробы воиновъ, почившихъ на полѣ бранномъ, поселятъ томную задумчивость въ его воображеніи, и сладкое умиленіе разольется въ душѣ его. Дрожащею рукою пожнетъ онъ сельный цвѣтъ, украшающій могилу ратника, сохранить сей символъ обновленія, для воспоминанія своихъ чувствованій, и для удостовѣренія своихъ соотчичей, что онъ былъ въ Царствѣ народа великодушнаго, видѣлъ гробы доблестныхъ сыновъ Отечества.

Такъ, Россіяне! Мы должны испить чашу бѣдствій; ибо нѣтъ другаго средства облегчить нашу участь. Тщетно будемъ смягчать гордость врага умѣренностію; онъ ищетъ владычества и такого мира, которой бы велъ къ скорому порабоженію; его дружество опаснѣе войны самой бѣдственной; ибо оно влечетъ за собою неминуемое лишеніе свободы. Мы видимъ плачевное состояніе покоренныхъ имъ народовъ; заградивъ источники промышленности, онъ отнимаетъ у нихъ послѣднее достояніе, расточаетъ ихъ сокровища въ странахъ чуждыхъ, отводитъ ихъ юношей въ отдаленные края Европы, для закланія подъ именемъ союзниковъ. Насильства, грабежи и убійства называетъ онъ средствами правленія. Страшно подвергнуться его власти. Новый рабъ бываетъ посмшищемъ даже равныхъ ему невольниковъ. Если мы покоримся злобной его волѣ, то подвергнемся поруганію даже тѣхъ народовъ, которые предупредили насъ принятіемъ поноснаго ига.

Тогда-то они намъ посмѣются и съ укоризною скажутъ: безразсудные! Вы хотѣли спасти другихъ, не имѣя силы и мужества защищать собственную безопасность. Мысль ужасная! Какой Россіянинъ захочетъ пережить сіе время поруганія?

Вы, которымъ благоденствіе и слава Отечества, драгоцѣнны, мужайтесь! Испанцы, безъ правительства, при одной только помощи великодушныхъ союзниковъ, освободили страну свою отъ ига иностраннаго. Разсѣянныя дружины патріотовъ истребили стройныя Гальскіе легіоны; Испанцы, народъ не столько многочисленный, рассыпали грозное ополченіе тирана. Но мы, при благоустройствѣ правительства, наслаждающіеся еще истинною свободою и будучи изобильны Ироеями, уже ли уступимъ врагу нашему землю, которая насъ родила и воспитала? Уже ли Россіянинъ нѣкогда признаетъ владыкою гнуснаго Корсиканца, или какое нибудь исчадіе сего низкаго племени? Если Небо пребудетъ непреклонно въ судьбахъ своихъ, то пусть земля, которую наши руки защититъ не въ состояніи, будетъ намъ общею могилою; но мы умремъ свободными отъ свободномъ отечествѣ!

Сограждане! Конечно мы сражаемся съ многоглавою гидрою; падетъ одна глава, и тысячи другихъ разверзаютъ ужасныя пасти; но быстрое возрожденіе сего змія не должно устрашать насъ; кровь его льется, и съ послѣднею каплею мгновенно закроются всѣ его смертоносныя гортани.

Да не подумаетъ кто, что французы столько же храбры, какъ и развратны: они болѣе дерзки, нежели отважны, болѣе стремительны, нежели 10бурра10бнтиро; успѣхъ дѣлаешъ ихъ буйными и безчеловѣчными, и сіе-то служитъ вѣрнымъ признакомъ подлаго ихъ

малодушія. Ошибки другихъ народовъ и несогласіе воевавшихъ противу ихъ союзниковъ, утвердили ихъ славу. Коварный вождь ихъ увѣренъ въ сей истинѣ болѣе нежели они сами. Зная легковѣрный и мечтательный характеръ своихъ воиновъ, онъ назвалъ ихъ непобѣдимыми, и они чистосердечно повѣрили льстивому изрѣченію боготворимаго ими кумира, изрѣченію толико пріятному для ихъ самолюбію; но обманы сего кровожаднаго лжепророка откроются, коль скоро единомушіе, мужество и благоразуміе противопоставлены будутъ непостояннымъ его поклонникамъ.

Все благопріятствуетъ нащему оружію, все предвѣщаетъ гибель врагамъ нашимъ. Французы сражаются въ отдаленіи отъ своего Отечества, гдѣ ихъ родственники и единоплеменники проклинаютъ варварство тирана, и безуміе соотечественниковъ; ибо нѣтъ большаго безумія, какъ стремиться на погибель въ чужія страны, не имѣя въ виду благородной цѣли. Мы сражаемся въ родной сторонѣ, наши войска прикрываютъ мирныя хижины, въ коихъ жены, дѣти и старцы преклоняютъ колѣна предъ Создателемъ и просятъ гюбды и избавленія. Французы проливаютъ кровь свою за дѣло ихъ тирана, мы сражаемся за наше собственное.

Съ трепетомъ обозрѣваютъ они неизвѣстное имъ небо, и ужасное предчувствіе поражаетъ сердца ихъ. Мрачные лѣса и быстрыя рѣки, останавливая опустошительное ихъ стремленіе, содѣствуютъ ихъ гибели. Провидѣніе предало ихъ намъ, для совершения давно уже заслуженной ими казни. Мстители Европы и Отечества! Исполните правосудный приговоръ Неба. Уже враги поколебались; они ищутъ удобнаго пути для постыднаго бѣгства. Да возвратятся они, обремененные не корыстями, но ранами; пусть одно безчестіе достанется имъ въ добычу. Предшествуемые позоромъ, сопровождаемые проклятіемъ, да узрятъ они въ своихъ единоплеменцахъ и союзникахъ непримиримыхъ враговъ своихъ!³⁰

А. Куницынъ.
Царское село.
Октяб. 28 1812.

Корреспонденции о военныхъ действиях³¹

Пишутъ изъ армии, что несколько казаковъ, стоявшихъ на часахъ при опушке леса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарникомъ. Откуда ни взялись французскіе гусары, бросили оружіе и начали делить барана. В ту же минуту казаки выскочили изъ засады и забрали ихъ в плен безъ всякаго труда. При другомъ случае, когда казаки наши ударили на отрядъ французской конницы, одинъ гусаръ соскочилъ съ лошади и пустился бежать. Схвативъ его, начали спрашивать, по какой причинѣ онъ оставилъ лошадь. Не удивляйтесь, -- сказалъ онъ, -- я болѣе надеюсь на свои ноги, чемъ на ноги моего коня; уже давно наши лошади съ мѣста не двигаются, и я затѣмъ только на нее влезъ, чтобы, сидя повыше, издали васъ завидеть».

³⁰ Сынъ Отечества. Часть первая. No V. 1812

³¹ Русская журналистика XVIII-XIX веков. Тексты Под редакціей Б. И. Есина

(Сын отечества, 1812, No 3, ч. 1)

Говорят, что во время пребывания французов в Москве небольшой их отряд с одной пушкой отправлен был на Калужскую дорогу для сожжения одной деревни. Солдаты заблагорассудили прежде исполнения сего приговора разграбить деревню и, оставив пушку на поле, бросились по домам *за контрибуцией*. Один крестьянин, выбежав из деревни, увидел, что при пушке нет никого, сел на нее верхом, ударил по всем по трем и прискакал с нею в русский лагерь. Главнокомандующий наградил его, сказывают, знаком отличия военного ордена.

(Сын отечества, 1812, No 5, ч. 1)

После дела при Дашковке {Где генерал-лейтенант Раевский отличился своим геройством, бросившись на батареи неприятельские с детьми своими (*примеч. Редактора «Сына отечества»*)} вынесен был с места сражения гренадер, раненный в грудь пулей, оставшейся в нем. Когда лекарь, худо говоривший по-русски, стал его осматривать, то, разглядев рану в груди и желая знать, где пуля остановилась, стал щупать спину, воин, ослабленный, истекший кровью и едва дышавший, сказал бывшим тут офицерам: «Ваше благородие! Скажите лекарю, к чему он щупает мне спину? Ведь я шел грудью!»

(Сын отечества, 1812, No 8, ч. II; Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. I. М., 1952, с. 110)

Изображение взаимной связи государственных сведений

В грубом состоянии общества связи люден были малочисленны, единообразны и просты. Средства для достижения цели гражданского соединения основывались на тех правилах, которые руководствовали человека в случае законной обороны, когда он был в состоянии внеобщественном. Споры между частными гражданами о принадлежности прав разбираемы были по укоренившимся в течение времени обычаям, а еще чаще по здравому смыслу и по благоусмотрению главы общества, которому право судить и рядить по общему согласию принадлежало. Поколикую должности общественные столь были просты, то и отправление оных так было легко и удобно, что человек, обыкновенными только способностями ума одаренный, успешно мог отправлять оные без всякого предварительного к тому приуготовления. Потому владельцы государств необразованных сами занимались отправлением всех должностей общественных. Они были военачальниками во время войны, законодателями и судьями во время мира, нередко даже исполнителями собственных приговоров.

С возрастанием государств и успехами народа в образовании связи граждан учинились многообразнее, открылись новые потребности общества, к удовлетворению коих прежние средства оказались недостаточными. Напоследок количество дел общественных и трудность в отправлении оных до того возросли, что бремя правления для одного лица учинилось тягостным. Тогда правители государств принуждены были поручить некоторые права своего самовластия лицам, доверие их заслужившим, или вовсе уступить оные народу, дабы вместе с оными уменьшить и число своих обязанностей. Отсюда произошло

разделение общественных дел на разные ветви, которое распространялось более и более по мере настоявшей в том потребности. Должности, кои прежде одному лицу вверяемы были, впоследствии времени разделились между многими. Состав гражданского общества оттого учинился многосложнее, но отправление отдельных должностей сделалось легче, ибо ум, обращенный на одно занятие, лучше объемлет все части и подробности оною. Однако ж по причине тесной связи и взаимного общественных дел одного на другое влияния государственный человек должен иметь ясное и основательное понятие о всех ветвях правления гражданского общества, дабы согласно с оными отправлять должность, собственно ему порученную. Но частная опытность, даже самая продолжительная, не может доставить ему таковых сведений. Здесь открывается для него необходимость пользоваться опытностию других. События в нравственном мире суть не что иное, как опыты, в чине государственного управления и благоустройства произведенные. Многократные наблюдения оных доставили возможность составить общие правила, по коим разрешаются все случаи, в делах общественных открывающиеся.

Таким образом, по различию ветвей государственного управления составились различные науки, приготавливающие человека к общественному служению. Предмет сего краткого сочинения состоит в том, чтобы показать их взаимную связь и влияние одной на другую.

ОСНОВАНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ НА РАЗНЫЕ ЧАСТИ

Государственные сведения должны состоять между собою во взаимной связи, ибо они относятся к одному предмету, т. е. благоустройству общества человеческого. Чтобы открыть такую связь, надлежит обратить внимание на цель государства, ибо науки, составляющие круг государственных сведений, суть не что иное, как исследование средств, которыми цель государства достигается или может быть достигнута.

Но при сем изыскании должно сообразоваться с общими началами права, не принимая в рассуждение положительных постановлений, ибо первые проистекают из общего источника – разума человеческого, следовательно, сами себе противоречить не могут, между тем как последние зависят от случая, обстоятельств и нередко от частного произвола, а потому и находятся часто в прямой между собою противоположности. Следовательно, по свойству оных не можно означить существенной цели гражданского общества.

Рассмотрение природы человека открывает нам те предметы, которых ему желать свойственно, и вместе показывает цель самого общественного соединения. Каждый человек по силе побуждения природы стремится к благополучию, избирает к тому средства и желает, чтобы в употреблении оных другие люди ему не препятствовали. Хотя разум признает таковое его требование справедливым, но опыт доказывает, что люди отвергают внушения разума и вредят друг другу, коль скоро нет силы, которая бы удерживала их от взаимных нападений и заставляла поступать честно и справедливо. Конечно, в естественном состоянии разум представляет каждому право принуждения для отвращения нападений других людей, но оное крайне недостаточно, ибо сила не всегда соответствует праву и по большей части бывает превосходнее со стороны оскорбителя.

Потому бытие человека в состоянии внеобщественном не иначе можно представить, как крайне бедственным. По самому природному побуждению он должен был стараться улучшить оное. В течение времени опыт доказал ему, что соединение с другими есть деятельнейшее средство противу опасностей всякого рода.

Первое соединение людей для взаимной безопасности называется *оборонительным союзом*. Договор, на котором оное учреждается, заключает в себе два существенных условия: I. Никто из сочленов оного не должен вредить другому. II. Каждое нападение на все общество или на кого-либо из сочленов отвращать совокупными силами.

Хотя по сему договору каждый обязался содействовать цели общества, но в оном нет условий, на которых должны быть избираемы средства; никто из граждан не обязался следовать воле других в избрании оных. Большинство голосов только по причине предшествовавшего условия имеет свою силу, потому если бы некоторые члены захотели принудить других согласиться на избранные ими средства, то они поступили бы противу права. Сие затруднение принудило членов оборонительного союза учредить верховную власть, которая бы избирала средства для достижения цели общества и приводила оные в исполнение.

Поколик люди желали быть безопасными для того, чтобы удобнее достигать благополучия, то верховная власть не может опустить без внимания и сей цели; она должна содействовать гражданам в достижении оной там, где частные их усилия к тому недостаточны.

По сему изображению весь круг государственных сведений разделяется на три главные части. В первой рассматривается *состав гражданского общества*, т. Е. учреждение верховной власти и ее отношения к подданным. Во второй объясняются средства, которые верховная власть имеет право и обязанность употреблять для охранения частной и общей безопасности. В третьей части определяется мера содействия верховной власти к частному и общему благосостоянию и самые средства, к оному служащие.

ЧАСТЬ I

О составе гражданского общества

Состав гражданского общества рассматривается или I. По одним только началам естественной справедливости, не принимая в уважение обстоятельств места, времени, лиц и разных событий в вещественном и нравственном мире, или II. При суждении об оном принимаются в уважение как опытность протекших времен, так и различные положения, в которых частные лица и целое общество могут находиться.

- 11 Поколик люди суть существа нравственные, то соединение их в общество не иначе можно представить, как произвольным, следовательно, и самое подчинение верховной власти имеет свое основание в их добровольном на то согласии. Если всякий договор, заключенный по принуждению, не действителен, хотя бы он предписывал единовременные только услуги или преходящие обязанности, то тем более требуется согласие граждан на вечное подданство. Насилие может соединить людей в общество, но не в состоянии навсегда обеспечить существование оного. Кто несправедливо терпит угнетение, тот чувствует побуждение сопротивляться оному и неоспоримое имеет на то право. Поэтому общество, принужденно

составленное, в самом существе своем содержит семя своего разрушения.

Но, предполагая вступление людей в государство произвольным, должно заключить, что они подчинили себя верховной власти на известных условиях, ибо человеку не свойственно поверять себя слепо воле других и, пренебрегши собственное благополучие, унижаться до простого орудия чужих прихотей. Условия, заключающиеся в договоре подданства, определяют права и обязанности верховной власти и ее подданных. Систематическое исследование оных по общим началам составляет науку *права государственного*.

II. В сущности своей все государства одинаковы: везде находится власть повелевающая и сила повинующаяся. Но по некоторым случайным определениям они различаются между собою, а именно:

12 По числу лиц, отправляющих верховную власть.

II. По способу, которым верховная часть приобретаетя.

III. По пространству времени, в которое она принадлежит одному лицу – физическому или нравственному.

IV. По кругу деятельности верховной власти.

V. По обширности прав, предоставляемых подданным. Отсюда проистекает бесчисленное множество отчасти действительных, отчасти возможных образов правления. По общим началам тот из оных есть лучший, который надежнее ведет к цели общества, но в частных случаях умозрение не может решить сей задачи толико важной для рода человеческого. Исследование различных образов правления по вышепоказанному разделению составляет теорию государственного права.

Лицо, которому вверяется верховная власть, не может отправлять всех общественных должностей, а потому отдельные ветви гражданского управления вверяются частным членам общества, которые занимаются исполнением оных по силе данного им поручения и состоят в ответственности верховной власти, именем которой действуют. Все участвующие в управлении общества называются *государственными чиновниками*. Они образуют цепь пружин, которыми верховная власть действует, и составляют правительство. Исследование порядка в постепенном разделении общественных должностей составляет *теорию гражданского правительства*.

ЧАСТЬ II

О средствах для частной и общей безопасности

Гражданам государства предстоит опасность: I. От врагов внутренних, или злонамеренных сограждан, также от действий самой природы; П. от врагов внешних, или несправедливых и хищных соседственных народов. Посему науки, излагающие средства для общей и частной безопасности, составляют, собственно, два отделения. В первом излагаются средства для внутренней, а во втором – для внешней безопасности. Но поелику употребление оных средств сопряжено с издержками, которым правительство не иначе удовлетворить может, как на счет доходов частных граждан, то к означенным двум отделениям присовокупляется третье, в котором рассуждается о пожертвованиях частных граждан для достижения общей безопасности.

Отделение I

О средствах для внутренней безопасности

Дабы права граждан могли быть охраняемы, к тому требуется, чтобы они были определены и приведены в известность. Права людей рассматриваются или по одним только законам естественной справедливости, или с теми ограничениями, которые верховная власть производит в них для общей пользы.

13 В уединенном состоянии человек может следовать одной только естественной свободе, т. Е. исполнять все то, что приносит ему удовольствие. Но в состоянии общежития, или прикосновения с другими, он может исполнять то только, что не вредит другим, ибо если бы он стал нарушать права других людей, то тем самым подал бы им повод поступать и с ним таким же образом. От сего взаимного противодействия естественной свободы люди не могли бы жить вместе. Разум предлагает общие начала, которым человек должен подчинить свой произвол, дабы другие люди свободно подле него существовать могли. Систематическое исследование условий, при которых общежитие людей как существ нравственных возможно, составляет науку *права естественного*.

II. Потребности общества могут побудить верховную власть в условных правах и обязанностях людей произвести разные перемены. Должности и права, не совершенные по воле законодательной власти, могут быть переменены в совершенные, если цель общества по его обстоятельствам того непременно требует. Исследование постановлений законодательной власти, определяющих права и взаимные обязанности граждан, составляет *теорию гражданского законодательства*.

Права частных лиц и всего общества, несмотря на определение оных силою закона, могут быть нарушены. Для удержания граждан от взаимных обид, законодательная власть издает особенные постановления, которыми объявляет всякое действие, вредное другому, преступлением и соединяет с оным злые последствия для виновника, дабы посредством сего угрожения обуздать произвол граждан и удержать их в пределах законной свободы. Такие постановления называются *уголовными законами*. Исследование существа оных составляет *теорию уголовных законов*.

Но дабы законы, как гражданские, так и уголовные, имели свою силу, для того требуется образование особенной власти, которая бы разбирала распри о праве, наказывала виновных за преступления и каждому воздавала должное. Власть сия называется *судебною*, исследование же законов, на которых она основывается, составляет *теорию образования судебной власти*.

Свобода граждан требует, чтобы не только их права и деяния преступные, но и самый способ применять частные случаи к существующим узаконениям основывался на точных правилах, дабы судебная власть была только орудием закона и чтобы гражданин отвечал за свои поступки не частному произволу судьи, но самому закону. Для сего верховная власть определяет судебные обряды положительными предписаниями. Совокупность постановлений, до суда и расправы относящихся, называется *судопроизводством*, а исследование существа оных составляет *теорию судопроизводства*.

Закон, карая виновных за содеянные преступления, не может удержать каждого гражданина от покушений на подобные поступки. Самое угрожение физическим злом за

будущие преступления не всегда бывает в состоянии уничтожить в развращенном духе человека злые помыслы и противозаконные намерения. Зло за зло, причиняемое карательными законами, часто не вознаграждает обиженного. Потому во всяком благоустроенном обществе принимается за правило: «Лучше удержать злонамеренного гражданина от преступления, нежели наказать его за учинение оногo». Следовательно, в государстве кроме судебной должна еще существовать такая власть, которая бы сохраняла законы от нарушения. Круг ее деятельности состоит в том, чтобы пресекать гражданам пути к преднамеренным преступлениям, останавливать физическую силу, управляемую злою волею, наблюдать поступки граждан, одних удерживать, других охранять от обиды. Когда же при всей ее бдительности злодеяние исполнено, то отыскивать укрывающегося виновника, собирать доказательства, его обличающие, и с оными представлять судебной власти, а потом исполнять приговоры, ею произнесенные. Все сии занятия составляют предмет полицейской власти или управы благочиния. Опасность частным гражданам и целому обществу нередко причиняется самою природою. Наводнения, пожары, голод, моровые язвы и проч. Суть опасные враги человека. Охранение граждан от вредных действий природы и употребление нужных к тому средств вверяется также полицейской власти. Хотя сии занятия от вышепоказанных различны, но по принятому в новейшие времена практическому разделению образуют с оными одну ветвь государственного управления. Исследование правил, по коим учреждается и действует полицейская власть, составляет *теорию гражданского благочиния*.

Отделение II

О средствах для внешней безопасности

Государство как нравственное лицо имеет свои права и обязанности в рассуждении других народов. Дабы обеспечить свои права, оно должно свято наблюдать свои обязанности, ибо, по правилам естественной справедливости, кто нарушает чужие права, тот подает справедливую причину другим не щадить права, ему принадлежащие. Потому государство, нападая на другие народы, удаляется от главной своей цели в двояком отношении. Во-первых, поступая противу законов разума, оно делается существом не нравственным, а чрез то лишается всех прав своих, следовательно, и права на безопасное существование. Во-вторых, несправедливые поступки его с другими народами понуждают их к законной обороне, т. е. к отражению силы силою, следовательно, нанося другим опасность, само подвергается оной. Систематическое исследование условий, при которых общежитие государств независимых возможно, называется *правом народным естественным*.

Но правила естественной справедливости не всегда достаточны для решения споров между народами. Они могут быть отвергаемы отчасти по недоразумению, отчасти по умыслу и своекорыстию. Почему от долговременных сношений народов происходят между ими условия, соглашения и договоры, посредством которых права их становятся известнее, а исполнение обязанностей – надежнее. Собрание сих положительных постановлений, определяющих взаимные связи народов, образует науку *права народного положительного*.

Благоразумное поведение в рассуждении других народов и даже строгое наблюдение как правил естественной справедливости, так и положительных постановлений не всегда

могут предохранить государство от несправедливых нападений его соседей. Страсти, возмущающие общежитие частных граждан, такое же имеют влияние на людей государственных. Преимущество выгод возбуждает зависть, превосходство силы подстрекает к насилию. Поколик же народы не имеют над собою верховной власти, которая бы решила между ими распри, то в случае несправедливого нападения они должны прибегать к средствам естественной обороны. Почему учреждение войска есть необходимая потребность общества. Сведения, до сего предмета относящиеся, составляют *теорию образования военных сил*.

Хотя охранение внешней безопасности требует, чтобы государство находилось в беспрестанной готовности к войне, но гораздо выгоднее для него верный мир, нежели ожидаемая победа. Война, приводя силы народа в напряженное состояние, неминуемо влечет за собою ослабление оных. Нередко самое счастливое окончание военных действий причиняет государству величайшие бедствия. Потому всякое благоустроенное правительство признает право войны за одно только право необходимости и предпочитает оному всякое другое законное средство к поддержанию свободы и независимости государства. Внимание его преимущественно на то обращается, чтобы отвратить случаи к распрям с другими народами, возникшие же споры прекратить дружественными совещаниями. Правильностию в поступках, законностию своих требований и строгим наблюдением прав соседственных народов оно возбуждает к себе их общее доверие и в то же время увеличивает в их мнении понятие о своей силе и могуществе. Но дабы не подвергнуть государство внезапной и неожиданной опасности, тем не менее старается проникать намерения других народов и, предвидя издалека опасность, приготавливает для отвращения оной надежные средства. Единство выгод привлекает на его сторону другие народы, с коими дружественные союзы доставляют ему существенные средства обороны и силу мнения обращают в его пользу. Для отправления всех означенных занятий в государстве находится особенная власть, которая под именем *Отделения иностранных дел* занимается исключительно сношениями с иностранными народами. Сведения, до сего предмета относящиеся, называются *иностранною политикою* или познанием управления сношений с иностранными державами.

Отделение III

О пожертвованиях граждан для цели общества

Достижение внутренней и внешней безопасности сопряжено с великими издержками. Для удовлетворения оным верховная власть имеет право требовать от подданных пожертвований из их частного достатка; на сем основывается учреждение податей в государстве. Как безопасность есть общая цель граждан, то и в податях все они должны участвовать. Количество издержек, потребных для внешней и внутренней безопасности, определяется количеством пожертвований частных граждан. Все, что сверх сей меры требуется от народа и не для общественной нужды употребляется, есть произвольный сбор, условие общественного союза нарушающий. Правила, по коим определяются подати, и способ собирания и надлежащего употребления оных для нужд общественных составляют *науку о государственных доходах*»

ЧАСТЬ III

О содействии верховной власти к народному благосостоянию

Народное богатство, многочисленность граждан, по крайней мере до известной степени, их образованность и просвещение суть признаки и вместе составные части благосостояния государства.

14 Народное богатство истекает из трех главных источников, кои суть:

15 сельская промышленность, занимающаяся произращением и добыванием грубых произведений;

b) городская промышленность, занимающаяся отделкою и улучшением плодов сельского трудолюбия;

c) торговля, или мена произведений того и другого рода.

Когда гражданское общество достигнет внутренней и внешней безопасности, то от сего уже должно последовать обогащение народа, ибо тогда граждане беспрепятственно будут пользоваться] означенными источниками избытка и наслаждения. Посему промышленность есть дело частного занятия граждан. Правительство только наблюдает ход ее и отвращает препятствия, останавливающие успехи частных предприятий, или заводит такие учреждения, которые частными лицами устроены быть не могут. Потому оно содействует к народному обогащению более отрицательным, нежели положительным, образом. Правила, определяющие существо и происхождение народного богатства, равно как влияние правительства на успехи ононого, составляют *науку государственного хозяйства*.

II. Хотя по мере избытка в продовольствии число народа должно увеличиваться, но нередко встречаются тому препятствия частью в самых общественных постановлениях, частью в различных предрассудках и злоупотреблениях, существующих в государстве. Отвращать оные и благоприятствовать народонаселению есть обязанность верховной власти. Сведения, до сего предмета относящиеся, составляют *теорию народонаселения*.

III. За умножением народного богатства последует также образованность и просвещение, ибо граждане, обезопасив себя со стороны продовольствия, неминуемо обратят внимание на те сведения, которые предлагают средства или к облегчению их механических занятий, или к умножению выгодностей жизни, или, наконец, к усовершенствованию и украшению ума человеческого.

Образование граждан зависит также от их частных усилий, но правительство как по обязанности своей содействовать благу подданных, так и потому, что просвещение усугубляет вещественные силы государства, должно облегчить способы, ведущие к сей цели, учебными заведениями, или избранием лиц, которые бы, распространяя свет учения, могли действовать на нравы народа и общественное мнение благодетельным образом. Познание способов к просвещению народа составляет *теорию парадного образования*,

Прикладная часть государственных сведений

Умозрительные государственные сведения предлагают общие правила для суждения о делах общественных, а потому и служат введением к самому делопроизводству. Действительное же отправление общественных должностей требует познания положительных государственных узаконений, на коих основывается безопасность, благоустройство и порядок общества. По различию предметов положительного

законодательства разделяется оно на разные ветви, коих взаимное соотношение явствует из тех же оснований, по которым определяется связь между умозрительными государственными сведениями,

Михаил Достоевский

Михаил Михайлович Достоевский – брат [Федора Михайловича Достоевского](#), журналист (1820-1864). В 1842 году он уже женат и имеет сына, а в 1849 году проживает в Петербурге как отставной прапорщик и занимается литературой. В 1848 году Михаил Достоевский напечатал в «Отечественных Записках» повести «Дочка» (№ 8), «Господин Светелкин» (№ 9), «Воробей» (№ 12) и в «Пантеоне» (№ 3) критическую статью «О новейших русских писателях»; в 1849 году повесть «Два старичка» («Отечественные Записки», №11) и в 1850 году «Пятьдесят лет» (в № 7 того же журнала), в 1851 году «комедию «Старшая и меньшая» (там же, в № 6) и в 1852 году в «Пантеоне» (№ 6) критическую статью о [Жуковском](#). В то же время Михаил Достоевский занимался переводом классических произведений иностранных поэтов; в «Отечественных Записках» за 1848 год (томы 56 и 57) помещен его перевод «Рейнеке Лис» [Гете](#) и в «Библиотеке для Чтения» за тот же год (№№ 2-5) перевод «Дон-Карлоса» [Шиллера](#). Михаил Достоевский был в то время фурьеристом, но ограничивался теоретическим усвоением учений французских социалистов, пользуясь, однако, тайной библиотекой кружка Петрашевского. В числе других петрашевцев Михаил Достоевский был арестован, но выпущен через 2 месяца. По возвращении брата из ссылки Михаил Достоевский предпринимает, при ближайшем участии брата, издание журнала «Время», в 1883 году запрещенного, в 1864 году возобновившегося под заглавием «Эпоха». Своими первыми беллетристическими опытами Достоевский обратил на себя внимание, но, не удовлетворенный сам размерами своего дарования, бросил писать самостоятельно, справедливо придавая, большее значение тому таланту переводчика-поэта, который он проявил в воссоздании на русском языке «Рейнеке-Лиса».

Стихотворенія А. Н. Плещеева³²

Книжка г. Плещеева является въ самое неудобное для стиховъ время. Въ нашей литературѣ въ числѣ многихъ дикихъ выходовъ чуть-чуть что не возникаетъ вопросъ о томъ, что обиліе стиховъ въ литературѣ означаетъ ея упадокъ и мельчаніе. Право, мы не шутимъ. Ничего не можетъ быть серьёзнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ нашихъ наиболее – не скажемъ, читаемыхъ или любимыхъ, но вообще изъ наиболее толстыхъ журналовъ, выразилъ въ своемъ февральскомъ номерѣ мысль, что обиліе стиховъ въ литературѣ знаменуетъ упадокъ ея. Онъ даже опирается на подобную же мысль, когда-то высказанную Веневитиновымъ. Правда, почтенный журналъ прибавляетъ, что это онъ говоритъ о стихотвореніяхъ безъ поэзіи; но этимъ ограниченіемъ, по нашему мнѣнію, странность этой мысли нисколько не уменьшается. Стиховъ безъ поэзіи всегда и во всякой литературѣ, бываетъ больше чѣмъ съ поэзіей. Да и опредѣлить извѣстную дозу поэзіи въ стихотвореніи дѣло довольно тонкое и щекотливое. Ужъ лучше бы почтенному журналу прямо объявить, что у себя стихотвореній онъ болѣе помѣщать не будетъ. Какъ нарочно въ томъ же номерѣ почтеннаго журнала не было никакихъ стиховъ, даже и стиховъ г. Розенгейма. И точно, стихи вещь мудреная. Они могутъ обличить недостатокъ критическаго такта въ журналѣ. Въ прозѣ что ни помѣсти – сойдетъ съ рукъ. Не всѣ же сотрудники геніи, а журналъ долженъ выходить къ извѣстному числу. Если читать ужъ будетъ не въ мочь тяжело, то пожалуй еще скажутъ, за то учености много, оттого и тяжело, а такой упрекъ всегда лестенъ. Стихи же другое дѣло: вещь кажется и легкая: вся-то соткана изъ чего-то воздушнаго, неуловимаго, изъ звуковъ, изъ риѣмъ, изъ мимолетныхъ впечатлѣній, изъ чувствъ тонкихъ и подъ-часъ неопредѣленныхъ, а главное вещь необязательная, въ томъ смыслѣ, что никто и не требуетъ, чтобъ въ каждой книгѣ журнала были стихи. Безъ прозы обойдтись нельзя, безъ стиховъ можно. Но зато всякій требуетъ того, что если помѣщать стихи, то помѣщать хорошіе. Всякій требуетъ, чтобъ въ помѣщенныхъ стихахъ была поэзія, это нѣчто, такое неуловимое, что его никакою ученостью не отыщешь, никакимъ умомъ не узнаешь и не отличишь.

Теперь представимъ себѣ редактора – не редактора наиболее толстаго журнала, а такъ какого-нибудь редактора, совершенно небывалаго, совершенно фантастическаго редактора. Пусть этотъ редакторъ будетъ милъ, любезенъ, уменъ, пусть будетъ онъ украшенъ всевозможными добродѣтелями, пусть будетъ онъ прекраснымъ семьяниномъ и, къ довершенію всѣхъ преимуществъ, пусть будетъ онъ богатъ, чиновенъ, со связями, однимъ словомъ, пусть будетъ онъ перломъ редакторовъ, находкой-редакторомъ, однимъ словомъ фантастическимъ редакторомъ. Но вмѣстѣ со всѣми этими прекрасными качествами и добродѣтелями, пусть будетъ онъ одаренъ или лучше сказать обездаренъ отъ природы отсутствіемъ всякаго пониманія поэзіи. Пусть понимаетъ онъ акціи, учеты, дивиденды, дисконты; пусть жизнь онъ знаетъ какъ Фаустъ, архитектуру какъ бобръ, откупа какъ Кокоревъ, науку какъ Гёте, но поэзію знать, какъ Гёте, пусть ему не будетъ дано отъ природы. Извѣстно, что природа всегда въ чемъ-нибудь да откажетъ. Есть много такихъ людей: все знаютъ, но въ дѣлѣ поэзіи ничего не смыслятъ.

Пусть также этотъ редакторъ печатаетъ стихотворенія въ своемъ журналѣ.

Вотъ цѣлое положеніе или ситуація, какъ говорятъ романисты и драматурги.

Конечно такой идеальный редактор бросится на имена. Флаг прикрывает товар. Громкое имя само за себя отвѣчает, а я тутъ въ сторонѣ, разсуждаетъ редакторъ и разсуждаетъ весьма благоразумно. И вотъ вслѣдствіе такого разсужденія стихотвореніе, подписанное именемъ, онъ печатаетъ; безыменные же или съ неизвѣстными именами лежатъ въ *портфеляхъ* редакціи, какъ выражаются теперь редакторы. Такихъ портфелей съ такими стихотвореніями со дня основанія журнала должно накопиться десятки пудовъ, а не портфелей.

И вотъ является книга его журнала съ стихами, подписанными извѣстными именами, и на другой же день являются къ нему разные сотрудники п почти каждый изъ нихъ говоритъ, ну положимъ хоть слѣдующія фразы: «Ну, Афанасій Афанасьевичъ, какую же вы дрянъ напечатали!» – Какъ, дрянъ, возражаетъ редакторъ, да вѣдь это написано такимъ-то, посмотрите вотъ и на оберткѣ стоитъ. – «Все-таки дрянъ, хоть и стоитъ на оберткѣ!..» и ну, доказывать милѣйшему и добродѣтельнѣйшему изъ редакторовъ всю негодность помѣщенныхъ стихотвореній. Что послѣ этого прикажете дѣлать? Даже и имена не спасаютъ. А ну васъ и со стихами, говоритъ возмущенный редакторъ. Стихи въ журналъ показываютъ упадокъ въ литературѣ. Правду говоритъ въ февральскомъ номерѣ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ журналовъ. Не стану помѣщать стиховъ. Только мѣсто занимаютъ.

А мѣста стихи занимаютъ всего четверть печатнаго листа изъ 35 или 40 листовъ, изъ которыхъ состоитъ обыкновенно книга журнала.

Это напоминаетъ намъ одного господина, который жаловался, что мухи занимаютъ у него много мѣста въ тарантасѣ.

Какъ же теперь не сказать, что стихотворенія г. Плещеева являются не во-время. Говорятъ, что «С. Петербургскія Вѣдомости» слѣдую внушенію своего тарантаса, въ которомъ мухи занимаютъ такъ много мѣста, уже успѣшили отозваться о книжкѣ г. Плещеева очень – неблагоклонно. Вольно же поэту ничего не печатать въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Самъ виноватъ. Его бы тогда хвалили.

Но что бы ни говорили «Отечественныя Записки» съ своею крѣпостною газетою, а есть много людей, любящихъ стихи и понимающихъ поэзію. Есть довольно ушей тонкихъ и сердець чуткихъ, и для нихъ-то собственно и пишутъ поэты. Для нихъ-то и мы во «Времени» будемъ всегда помѣщать стихи, которые по крайнему нашему разумнію найдемъ хорошими и преимущественно будемъ стараться знакомить публику съ новыми талантами. Да какъ же и проявятся они иначе какъ не въ журналахъ. Въ журналахъ совокупилась вся наша текущая литература. Издателей-книгопродавцевъ у насъ еще до сихъ поръ нѣтъ, въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, какъ они есть напр. Въ Англіи или въ Германіи. У насъ надо прежде прославиться, пріобрѣсти всѣмъ извѣстное имя, чтобъ найти для себя издателя. Наши издатели издають книги или съ спекулятивною цѣлью, какъ напимѣръ, разные сонники, разныя гадательныя книжонки, разныя «средства отъ болѣзней» и сами придумываютъ заманчивыя заглавія для своихъ сонниковъ и «средствъ», или сочиненія уже извѣстныхъ писателей, или наконецъ, книги научнаго содержанія, обещающія вѣрный успѣхъ. Да и много ли такихъ издателей?

Но обратимся къ стихотвореніямъ г. Плещеева.

Г. Плещеевъ въ одной небольшой, но и не совсѣмъ маленькой книжкѣ, собралъ

все лучшее, написанное имъ стихами во все продолженіе его литературнаго поприща. Мы прочли его книжку, хотя и признаемся, что это былъ трудъ ужасный, мучительный. Не потому ужасный и мучительный, чтобъ стихи были плохи; спѣшимъ оговориться: совсѣмъ напротивъ. Г. Плещеевъ хорошій поэтъ, и стихи его большею частью прекрасные стихи. Но мы не понимаемъ одного: какъ ни одинъ критикъ, ни одинъ рецензентъ, писавшій о собраніи лирическихъ стихотвореній, не высказалъ еще ни разу подобной мысли, т. е. той мысли, что прочесть уютный томикъ мелкихъ стихотвореній, составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ нравственный подвигъ. Каждое стихотвореніе поэта есть непременно плодъ или его мысли или его впечатлѣній; каждое стихотвореніе написано имъ подъ вліяніемъ минуты, большею частью совершенно противоположной по своему настроенію той минутѣ, подъ вліяніемъ которой было написано предыдущее. Такъ что одно стихотвореніе составляетъ часто совершенную противоположность другому, которое однако, напечатано съ нимъ рядомъ. Поэтъ переживаетъ подобныя плодоносныя минуты въ теченіе года, а иногда и многихъ лѣтъ, между-тѣмъ какъ критикъ по обязанности своей долженъ погружаться въ нихъ въ очень короткій промежутокъ времени. Нравственное состояніе, которое онъ испытываетъ невыразимо. Одно стихотвореніе погружаетъ его въ элегію, а другое, слѣдующее, можетъ возбудить въ немъ хохоть, если оно комическаго содержанія или негодованіе, если въ немъ преобладаетъ сатира. Одно полно нѣги и любви, другое караетъ взятки, третье даетъ образъ сытаго жуира и возбуждаетъ смѣхъ. Читатель, купившій книгу нашего поэта – а мы совѣтуемъ ему купить его книжку, потому что въ ней найдетъ онъ много хорошаго – читатель прочтетъ ее иначе чѣмъ критикъ. Ему некуда торопиться. Онъ прочтетъ въ ней то, что ему понравится въ извѣстную минуту настроенія его души и отложитъ ее въ сторону до другой минуты, въ которую онъ прочтетъ другое.

Но мы прочли стихотворенія г. Плещеева и нѣкоторыя даже по нѣскольку разъ, чтобъ выяснитъ себѣ тѣ впечатлѣнія, которыя ему наиболее дороги, которыя наиболее дразнятъ его *жалостливую* музу. Мы удерживаемъ за нею это прилагательное. Она же такъ любитъ откликаться у него на современные вопросы. Поклонники «искусства для искусства» терпѣть ихъ не могутъ и рѣшительно утверждаютъ, что эта вопросанія губить у насъ не одно поэтическое дарованіе. Мы не приверженцы «искусства для искусства» въ томъ смыслѣ какъ понимаютъ эту теорію ея ярые адепты. Мы думаемъ и совершенно серьезно, что поэзія можетъ быть и въ этихъ вопросахъ точно также какъ въ любви, въ красотахъ природы, даже въ лунѣ, про которую такъ много воспѣвали минувшіе поэты, даже въ ней, которую не позабываютъ и настоящіе. Поэзія, по нашему, таится во всемъ: въ отвлеченномъ, сухомъ какомъ-нибудь фактѣ, точно также какъ въ самомъ яркомъ образѣ дѣйствительности. Поэзія во всемъ, потому что она въ сердцѣ поэта. Отъ него зависитъ превратить самую скучнѣйшую прозу жизни въ обаятельнѣйшій поэтическій міръ, самый отвлеченный вопросъ въ жгучее впечатлѣніе. Какъ это онъ дѣлаетъ, это его тайна.

Но почему же такъ скучны у насъ тѣ поэты, которые затрогиваютъ современные вопросы? Почему, на примѣръ, такъ ужасенъ для насъ г. Розенгеймъ съ откупамъ, съ таксой и тому подобными тѣмами?

Конечно ужъ не отъ тѣмъ. Можетъ быть, еслибъ онъ писалъ только къ *ней*, къ лунѣ, воспѣвалъ бы одни весеннія впечатлѣнія, можетъ-быть тогда онъ былъ бы еще ужаснѣе?

Истинный поэт, чѣмъ бы онъ ни вдохновился, всегда сдѣлаетъ такъ, что его вдохновеніе будетъ законно. Предметъ, на которомъ онъ остановитъ свое вдохновеніе, непременно пройдетъ у него путемъ таинственной метаморфозы и въ результатъ выйдетъ достойнымъ поэзіи. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на бѣольшую часть стихотвореній Некрасова, стихотвореній прелестныхъ и въ высшей степени поэтическихъ, несмотря на всю сухость и, такъ сказать, дѣловитость вопросовъ, которымъ посвящены эти стихотворенія.

Дѣловитость направленія теперь въ большемъ ходу въ нашей литературѣ. Принимаются только за нее большею частью вовсе не художники, не поэты. Мы говоримъ это безъ всякаго сожалѣнія. Если не берутся, значить она ихъ не вдохновляетъ, значить еще эта дѣловитость не настолько созрѣла, чтобъ глубоко язвить поэтическія сердца и исторгать изъ нихъ истинно-поэтическіе вопли. Въ свое время явятся поэты и этого направленія. Да ужъ и явились: Некрасовъ можетъ служить блестящимъ примѣромъ нашей мысли. Вотъ истинный поэтъ этого направленія, вотъ поэтъ, котораго, не говоримъ до боли, но до истинной поэзіи язвятъ нѣкоторые недуги наши.

Г. Плещеевъ тоже любитъ откликаться на современные вопросы и, по нашему мнѣнію, часто весьма, но не всегда удачно. Они у него не всегда проходятъ путемъ той метаморфозы, о которой мы говорили. Выпишемъ для примѣра, хоть *десятое* стихотвореніе перваго отдѣла:

Я у матушки выросла въ холѣ...

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ ставитъ передъ нами громаднй соціальнй вопросъ, -- участь дѣвушки, соблазненной и покинутой.

Вотъ это стихотвореніе:

Я у матушки выросла въ холѣ
И кручины не вѣдала злой.
Да счастливой дѣвической долѣ
Позавидовалъ недругъ людской.
Рѣчи сладкія сталъ онъ, лукавый,
Мнѣ нашоπτывать ночью и днемъ.
И наскучили смѣхъ и забавы,
И наскучилъ мнѣ матери домъ.
Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть.
Подымалась подѣ тонкой рубашкой
Высоко моя бѣлая грудь.
Я вставала съ постели босая,
И бывало всю ночь напролетъ,
Подѣ окошкомъ кого-то ждала я --
Всѣ казалось мнѣ, кто-то идетъ...
Два прелестные станса:
Я ждала и дождалась милѣва --
И ужъ какъ полюбился онъ мнѣ;

Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во снѣ. –
Очи карія бойко глядѣли
На меня изъ-подъ черныхъ бровей.
Допытать они видно хотѣли –
Что въ душѣ затаилось моей.
Допытали они, что готова –
Хоть на гибель для нихъ – я была...
И за милымъ, изъ дома роднова
Я какъ малый ребенокъ пошла.
Былъ онъ баринъ богатый, и гдѣ-то
Всѣ въ далекихъ краяхъ проживалъ.
Слышь лечился – и только на лѣто –
Онъ въ помѣстья свои наѣзжалъ.
Только лаской его и жила я;
Бѣлый свѣтъ съ нимъ казался милѣй.
Ни почему было мнѣ, что дурная
Шла молва про меня у людей.
Да не думала я, не гадала
Что любви его скоро конецъ.
Вдругъ постыла милому я стала –
И съ другой онъ пошелъ подъ вѣнецъ.
Не пригожимъ лицомъ, -- не красою –
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною –
Много взялъ онъ за нею всего.
Съ той поры будто солнышка нѣту,
Всѣ глухая, осенняя ночь.
Какъ не жди – не дождешься разсвѣту;
Какъ не плачь, а бѣдѣ не помочь.
И съ красой я своей распрощалась,
Не узнала бѣ теперь меня мать.
Ни кровинки въ лицѣ не осталось, --
Словно зелья мнѣ дали принять.
Ахъ! Измѣной своей – не отравой –
Онъ съ лица мнѣ румянецъ согналъ...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мнѣ лѣтней шепталъ!

Что это стихотвореніе носить въ себѣ такъ называемую *идею*, о томъ свидѣтельствуется весь томикъ стихотвореній г. Плещеева. Рѣдкое изъ оригинальныхъ стихотвореній его не вызвано какою-нибудь современною мыслью. Переводныя же почти всѣ отзываются тѣмъ, что въ послѣднее время у насъ привыкли

называть стихами съ направлєнемъ. Мы ничего не имѣемъ противъ этого и даже рады, что міросозерцаніе нашего поэта, не замкнуто въ тѣсный кругъ мимолетныхъ впечатлѣній или маленькихъ, частныхъ явленій природы. Намъ кажется только, что вопросъ иногда суживается въ стихахъ г. Плещеева, что поэзія должна бы была поставить и обработать его иначе, чѣмъ обыкновенное разсужденіе. Хоть бы вотъ и этотъ вопросъ. По нашему, ужь лучше вовсе не задаваться имъ, чѣмъ подвергать его такой обработкѣ. Говоримъ здѣсь о поэтической обработкѣ, потомучто о другой тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ вопросѣ таятся цѣлыя драмы, драмы ужасныя: таятся самоубійства, дѣтоубійства, безуміе, мало ли какихъ ужасовъ не таится въ немъ! А въ этомъ стихотвореніи на что жалуются покинутая дѣвушка? На то, что разлюбилъ ее ея милый. Но это въ природѣ вещей – любовь не продолжается вѣчно. Еслибъ не онъ разлюбилъ ее, она можетъ быть сама бы его разлюбила. На то, что онъ женился на богатомъ уродѣ? Но это ужь его дѣло, если онъ разлюбилъ. Мы довольны, что все по крайней мѣрѣ такъ благополучно кончилось, что кромѣ блѣдности и нѣкоторой утраты красоты (будемъ надѣяться, что не надолго), никакихъ другихъ несчастій не случилось съ покинутой. Но можетъ быть мы видимъ вопросъ, идею тамъ, гдѣ поэтъ и не думалъ ни о вопросѣ, ни объ идеѣ? Можетъ быть мы все это ему навязали? Можетъ быть. Но въ такомъ случаѣ стихотвореніе теряетъ всякое достоинство и становится еще блѣднѣе. Намъ уже болѣе нравится старинный романсъ Пушкина, написанный имъ при самомъ началѣ его поэтическаго поприща и такъ опошленный лакейскимъ и фабричнымъ пѣніемъ:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ...

Но такихъ стихотвореній, какъ вышеприведенное, у г. Плещеева мало. Мы нарочно остановились на самомъ слабѣйшемъ, чтобъ показать разомъ главный недостатокъ его поэзіи. Впрочемъ и въ этомъ родѣ у него есть стихотворенія прекрасныя; вотъ, на примѣръ хоть это:

ОПУСТѢВШІЙ ДОМЪ

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой;
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворець забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибарить.
Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ;
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.
Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно;
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ торговатый,
Въ чужихъ краяхъ живутъ наслѣдники давно.

Стоить уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рублищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилежъ
И думаетъ: когда бѣ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

Такихъ прекрасныхъ стихотвореній мы много могли бы выписать у г. Плещеева. Ему ненависты всякая ложь и несправедливость. Онъ съ болѣзненнымъ участіемъ смотритъ на всѣхъ обдѣленныхъ въ мірѣ, на всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. И это главное достоинство его поэзіи. И это главная черта, заставляющая симпатизировать его благородной музѣ. Онъ всегда откровененъ и простосердеченъ въ стихахъ своихъ, а это большое достоинство. Онъ самъ говоритъ въ стихотвореніи: *лунной ночью*.

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей,
Такъ много грезъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!
Когда лучи его дрожали
На влагъ дремлющей рѣки –
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.
И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.
Прошли неясныя стремленья,
И поэтическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.
Досадно мнѣ, что такъ безстрастно
Съ недостижимыхъ высотъ,
Глядитъ она на міръ несчастный,
Гдѣ лжи и зла повсюду гнѣтъ; --
Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ.
Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ.

Или в другомъ стихотвореніи, обращаясь къ призракамъ, онъ восклицаетъ:

Исчезните – зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу –
Что озарить нашъ міръ, любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь – какъ въ морѣ капля – значу,
Но каждый честный бой – оставить долженъ слѣдъ.
Исчезните! А вы святые звуки –
Вы силу новую въ мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь одни сулила муки –
Я бодро встрѣчу ихъ – благословивъ свой путь!

Изъ приведенныхъ отрывковъ и пьесъ читатель видитъ какими мыслями вдохновляется муза г. Плещеева. Выборъ его переводовъ еще болѣе подтверждаетъ наше опредѣленіе. По нашему крайнему убѣжденію г. Плещеевъ въ переводахъ еще болѣе поэтъ, чѣмъ въ оригиналахъ. Переводчикъ онъ превосходный, и мы совѣтовали бы ему обратить вниманіе на эту яркую сторону его таланта. Для переводовъ своихъ онъ выбираетъ не однихъ только первоклассныхъ поэтовъ. И прекрасно дѣлаетъ. Въ иностранныхъ поэтахъ онъ ищетъ прежде всего своей мысли и беретъ свое добро, гдѣ бы оно ни было. Найдеть онъ это добро у Макса Вальдау, онъ и у Макса Вальдау возьметъ его. Встрѣтитъ свою мысль у Роберта Прутца, онъ и изъ него ее вытащитъ. Даже какого-то Чарльза Ламбы онъ не оставилъ въ покоѣ: зачѣмъ онъ воруетъ плещеевскія мысли? А Анастасій Грюнъ, Оскаръ Радвицъ и Карлъ Бекъ очевидно для того только и существуютъ на свѣтъ, чтобъ выразить на нѣмецкомъ языкѣ одну какую-нибудь завѣтную мысль г. Плещеева и потомъ отдать ее ему, да не просто отдать, а съ процентами, потому что мы увѣрены, что въ переводѣ г. Плещеева эти мысли выражены лучше.

Замѣтили мы также въ талантѣ г. Плещеева струйку ироніи и даже нѣкоторой веселости, которою онъ кажется пренебрегаетъ. А между тѣмъ въ этомъ родѣ у него есть нѣсколько прелестныхъ стихотвореній. Упомянемъ изъ нихъ о стихотвореніяхъ: *Счастливецъ* и *Мой знакомый*. А одну переводную его пьеску мы даже выпишемъ: такъ она хороша по своей веселости и ироніи. Это изъ Гейне:

ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ ФОНЪ ГУДЕЛЬСФЕЛЬДЪ

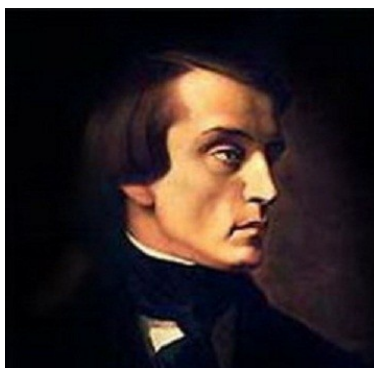
Преклоняются всѣ, о графиня,
За червонцы твои предъ тобой.
В раззолоченной пышной каретѣ,
Запряженной четверкой лихой,
Ты на герцогскій балъ покатила.
Тамъ огни и оркестръ ужь гремитъ,
И по мраморнымъ, гладкимъ ступенямъ
Длинный шолковый шлейфъ твой шумитъ.
А вверху галуны и ливреи,
И кричатъ великаны лакеи:
C'est m-me la comtesse Gouldefeld.
Въ дорогихъ кружевахъ, въ брилліантахъ,

По сіяющимъ заламъ дворца,
Гордо, съ вѣромъ ты выступаешь,
И не сходитъ улыбка съ лица.
Такъ высоко отъ радости дышетъ,
Грудь твоя и полна и бѣла;
Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня –
Сага міа тебя назвала.
Вальсируютъ съ тобой камергеры.
Превозноситъ самъ герцогъ манеры
De m-me la comtesse Gouldefeld.
Но бѣда, если денегъ не будетъ!
Всѣ къ тебѣ повернутся спиной.
Сага міа презрительно взглянетъ,
И ни слова не скажетъ съ тобой.
Длинный шлейфъ твой оттопчутъ лакеи,
Не пойдешь съ камергеромъ плясать;
И любезностей ты не услышишь,
Только будешь обиды глотать.
Даже герцогъ съостритъ герцогинѣ:
Какъ несешь чеснокомъ отъ графини,
Отъ m-me la comtesse Gouldefeld.

Вообще мы думаемъ, -- и да простить намъ нашъ милый поэтъ, съ которымъ насъ связываетъ давнишнее знакомство – вообще мы думаемъ, что онъ пренебрегаетъ многими сторонами своего таланта ради другихъ, которыя въ немъ не такъ сильны и ярки. Напримѣръ: г. Плещеевъ пишетъ не одни стихи: онъ и прозаикъ. Онъ пишетъ повѣсти и романы, и иногда премилыя повѣсти. Самыя лучшія изъ нихъ тѣ, въ которыхъ онъ беззавѣтно, безъ претензіи предается своей врожденной веселости, и какъ-будто стыдясь этого, отдаетъ въ журналъ не такъ распространенный въ публикѣ. По нашему мнѣнію, самыя лучшія его прозаическія вещи напечатаны были въ журналъ самомъ распространенномъ въ тогдашнее время, но это случилось въ началѣ его литературнаго поприща, именно въ «Отеч. Зап.». Это было уже очень давно, когда г. Плещеевъ только начиналъ писать, и эти лучшія вещи назывались: *Енотовая шуба* и *Папироска*. Въ прошломъ году онъ написалъ тоже одну *лучшую* (подчеркиваемъ) свою вещь и отдалъ ее уже не въ «Современникъ» и даже не въ «Отеч. Зап.», а въ «Библіотеку для чтенія». Это были небольшія сцены изъ чиновничьяго быта. Не помнимъ ихъ названій. Самыя неудачныя, по нашему *искреннему* мнѣнію, онъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», хотя мы увѣрены, что онъ потому-то тамъ ихъ и напечаталъ, что считалъ ихъ самыми лучшими. Такое непониманіе своей силы мы могли бы указать во многихъ поэтахъ, и въ современныхъ и въ давно уже почившихъ. Мы не понимаемъ отчего наши писатели такъ боятся предаваться всей искренности своихъ талантовъ. Неужели не надоѣла имъ еще эта рутина, эти старые мотивы, которые когда-то имѣли большой смыслъ – смыслъ противодѣйствія романамъ тридцатыхъ годовъ, романамъ съ небывалыми лицами, съ

невозможными приключениями, съ разными deus ex machina и т. П. вещами. Въдь всегда тянуть прежнюю канитель скучно, а между тѣмъ мы видимъ, что не только г. Гончаровъ, но и новые писатели – гг. Потанинъ, Родіоновъ, Помяловскій (всѣ они болѣе или менѣе съ дарованіемъ и нѣкоторые даже съ большимъ), тянуть ее преусердно. Но объ этомъ мы собираемся поговорить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Времени», а теперь, оканчивая разборъ нашъ, который вышелъ длиннѣе, чѣмъ мы предполагали, не можемъ не сказать, что чувствуемъ большую симпатію къ стихотвореніямъ г. Плещеева и желаемъ имъ не залежаться въ книжныхъ лавкахъ. Въ этомъ, впрочемъ, мы увѣрены. Что бы ни говорили «Отеч. Зап.», а любителей стиховъ у насъ много.

Виссарион Белинский

Русский критик и публицист. Виссарион Григорьевич Белинский родился 11 июня (по старому стилю - 30 мая) 1811 года в крепости Свеаборг (Финляндия), в семье флотского врача, а позднее - уездного лекаря. Мать Белинского была типичной провинциальной кумушкой, а отец, человек не без дарований, опустил под влиянием провинциальной жизни. Дедом его был священник, отец Никифор, по семейным преданиям - праведник-аскет и подвижник. Характеры отца и матери отразились и на сыне. Темперамент матери, резкость и прямота отца проявились уже в юности писателя.

В 1816 году семья переехала в город Чембар (позднее был переименован в город Белинский) Пензенской губернии. В 1820 году поступил в уездное училище, а с 1825 года учился в пензенской гимназии. Не кончив учения в гимназии, в 1828 году Белинский решил поступить в Московский университет. В конце 1829 года ему удалось стать студентом Московского университета: будущий писатель поступил на словесный факультет. С юных лет он пробовал писать, сочинять баллады, рассказы и считал себя, по его словам, "опасным соперником Жуковского". В конце 1830 года он начал писать драму в прозе "Дмитрий Калинин", направленную против крепостного права. В это время Белинский был казенно-коштным студентом, но относился к этому "казенному кошту" с ненавистью. В конце 1830 года, когда в Москве свирепствовала холера, в университете был карантин, и студенты были заперты в нем в течение трех осенних месяцев. Закончив трагедию, он представил ее в университетскую цензуру. Произведение "признано было безнравственным, бесчестящим университет", профессора-цензоры пригрозили Белинскому ссылкой в Сибирь, каторгой или солдатчиной. Это так потрясло юного писателя, что он в тот же день слег в больницу. В сентябре 1832 года Белинский был исключен из университета под

предлогом "слабого здоровья и ограниченности способностей".

Осенью 1836 года в "Телескопе" было помещено знаменитое "философическое" письмо Чаадаева, за что журнал был разгромлен, а Белинский подвергнут обыску. С весны 1838 года ему удалось вернуться к журнальной работе: его друзья стали издавать журнал "Московский Наблюдатель", в котором Белинский был не только литературным критиком, но и редактором.

В конце 1836 года безденежье и неудачная любовь к Александре Бакуниной (сестре Михаила Бакунина) довели Белинского до болезни, и весной 1837 года, на средства друзей, ему пришлось уехать лечиться на Кавказ. В конце 1839 года он переехал из Москвы в Петербург, где его ждала работа в журнале "Отечественные Записки", продолжавшаяся до начала 1846 года. На этот период пришелся расцвет критической деятельности Белинского и самого журнала. Начиная с 1841 года он стал помещать в "Отечественных Записках" ежегодное обозрение русской литературы. В середине 1841 года Белинский "познакомился с сен-симонистами", через два-три месяца - уже с учением социализма и с 1842 года стал его проповедником.

Летом 1843 года Белинский, гостивший в то время в Москве у Боткина, встретился со своей будущей женой, Марией Васильевной Орловой, классной дамой московского института и немолодой уже женщиной. В ноябре 1843 года Белинский женился. Брак этот, по-видимому, не был особенно удачным.

В 1844 году у писателя обострилась чахотка, и с мая по октябрь московские друзья устроили ему поездку: знаменитый актер Щепкин собирался на гастроли по России, и Белинский отправился с ним. В начале 1847 года доктора посоветовали ему путешествие на воды, в Силезию, и снова средства для поездки достали друзья. Умер Виссарион Григорьевич Белинский от чахотки 7 июня (по старому стилю - 26 мая) 1848 года в Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище. По словам Грановского, Белинский умер "вовремя", потому что вскоре в руки жандармов попало его письмо к Гоголю, распространенное в списках и за одно чтение которого Ф.М. Достоевский был приговорен к смертной казни. В 1849 году управляющий III отделением канцелярии Его Величества (позднее департамент полиции) Дубельт "яростно сожалел" о смерти Белинского: "мы бы его сгноили в крепости".

Н. Страхов ЗАМЕТКИ О БЕЛИНСКОМ

Споры и пререкания из-за Белинского. -- "Воспоминания" г. Тургенева. -- Вопрос о невежестве Белинского и о недоучках в нашей литературе. -- О влиянии немецкой философии на Белинского. -- Суждения об этом предмете Ап. Григорьева. -- Разговор г. Тургенева с Писаревым. -- Нечто о прогрессе

Самый знаменитый из наших западников, наиболее сделавший, наиболее имевший влияния и всего яснее отразивший на себе свойства и судьбу этого направления, есть Белинский¹.

О нем много говорилось у нас в последнее время, но, к сожалению, говорилось не по интересу к самому Белинскому, а по другим, более современным побуждениям. Подобно тому, как недавно памятью Грановского² воспользовались отчасти и для того, чтобы

бросить несколько упреков славянофилам и другим современным деятелям, так и память Белинского была употребляема, как полемическое орудие, которым враждующие стороны старались уязвить друг друга. Орудие было направлено против двух редакторов, у которых работал Белинский, против г. Краевского и г. Некрасова³. Одни повторили уже давно известные упреки г. Краевскому за усиленную работу, которую он возлагал на Белинского, и за малую плату, которую он ему давал; другие на основании новых опубликованных писем Белинского доказали, что г. Некрасов поступил с ним в известном отношении еще хуже и несправедливее, чем г. Краевский.

Обвинения против г. Некрасова составляют совершенную новость, так как раздалась только в нынешнем году, -- и ранее о них никто и не подозревал. Обвинения эти раздалась с двух сторон, со стороны г. Тургенева, бывшего некогда усердным вкладчиком журнала г. Некрасова, и со стороны одного журнала, называемого "Космос" и основанного некоторыми из бывших присяжных сотрудников г. Некрасова в "Современнике". Вражда отставных сотрудников со своим бывшим редактором обнаруживается не в первый раз; со стороны г. Тургенева мы помним весьма язвительную заметку, напечатанную им по поводу заявления "Современника", будто бы этот журнал сам отказался от сотрудничества г. Тургенева. Со стороны гг. Антоновича и Жуковского еще недавно была написана целая книжка против г. Некрасова -- те "Материалы для характеристики современной русской литературы"⁴, с которыми знакомы читатели "Зари". Ныне та же вражда к г. Некрасову и с тех же самых сторон -- избрала Белинского орудием для новых ударов бывшему редактору "Современника".

Да не подумает читатель, что мы, указывая на прежние отношения к г. Некрасову нынешних его противников, желаем заподозрить их искренность и добросовестность; вообще говоря, нет никакой причины полагать, что вражда, возникшая после долгих и близких сношений с известными лицами, непременно несправедлива. Скорее можно думать противное. Мы хотели только заметить, что все это дело имеет отчасти личный характер, что каковы бы ни были чисто литературные побуждения противников, как бы сильно ни участвовало здесь различие мнений, обнаружившееся несогласие в убеждениях, -- личная сторона дела все-таки входит в него существенным образом. Эта личная сторона, конечно, есть предмет очень важный, очень любопытный. Но, признаемся, мы не чувствуем в себе большой охоты заниматься личностями и желали бы предоставить это занятие, как говорится, беспристрастному потомству. Быть судьей своих ближних, произносить приговоры над их нравственными качествами, по нашему мнению, дело трудное и ответственное. Гораздо легче, проще, яснее -- оставаться в чисто литературной сфере, где налицо все документы дела, подлежащего обсуждению, -- где каждый может проверить справедливость ваших суждений. Между тем, в сущности, ведь это приводит к той же цели; в сущности, нравственный суд невозможно отделить от суда литературного, так как нравственный элемент есть одна из неотъемлемых и существенных сторон литературных явлений. Зачем вы хотите доказывать какими-нибудь частными фактами, что такой-то стихотворец -- плут и мошенник? Разберите лучше то, что составляет его силу, в чем заключаются его права на

внимание общества, т.е. его стихотворения. Если это человек мелкой и дурной души, то в его стихах неизбежно обнаружится фальшь, неизбежно проявится недостаток истинной чистоты чувства и мыслей. Такой разбор будет несравненно более полезным и плодотворным делом, чем если вы станете доказывать, что этот стихотворец у такого-то, в таком-то году украл известную сумму денег.

Точно так же, например, не стоит, собственно, никакой надобности доказывать, что Пушкин был человек честный и благородный. Его лирические стихотворения до такой степени ясно выражают душу, исполненную чувств чистых и высоких, отличающуюся необыкновенной теплотой и красотой во всех своих движениях, что с этим невозможно соединить представление какого-нибудь низкого или злого поступка.

Но обратимся к Белинскому. Из-за споров и препираний, касавшихся современных лиц, был вовсе упущен из виду вопрос о его значении, как писателя; говорилось о его личных свойствах, но говорилось не ради того, чтобы показать их обнаружение в его литературной деятельности, а только чтобы уколоть того или другого из его бывших редакторов. Между тем, был повод поговорить и о литературном значении Белинского. Толки поднялись по поводу новых сведений о Белинском, появившихся в двух местах: в апрельской книжке "Вестника Европы" (1869) явились "Воспоминания о Белинском" И. С. Тургенева, и в "С.-Петербургских Ведомостях" (№№ 187 и 188) было напечатано "Письмо Белинского к его московским друзьям" от 4, 5 и 8 ноября 1847 года. В "Воспоминаниях" сообщены некоторые указания, неблагоприятные для г. Некрасова, с чего и началось все дело; но вообще г. Тургенев не ограничился одними рассказами о личных свойствах и отношениях Белинского, а постарался также определить его значение в нашей литературе, изложить существенные черты его деятельности. Вот на этих-то вопросах и суждениях мы и остановимся в наших заметках.

Нас поразило -- скажем прямо -- некоторое высокомерие, с которым г. Тургенев трактует Белинского и его деятельность, -- высокомерие, конечно, совершенно невольное и бессознательное (так как оно противоречит прямому желанию автора -- выставить в ярком свете лучшие стороны Белинского), но, тем не менее, сказавшееся довольно ясно.

Укажем на то место, где г. Тургенев говорит о малой образованности Белинского.

Всем известно, что Белинский был человек малосведущий, не знал языков, и т.п. Обыкновенно об этом говорят с сожалением, как о явном недостатке, и стараются показать, что наш критик возмещал этот недостаток необыкновенным критическим чутьем, необыкновенной способностью из вторых рук и с чужих слов получать более ясное понятие о предметах, чем люди, изучавшие их непосредственно. Еще недавно мы читали в одном ученом журнале замечание, что Белинский будто бы не мог быть знаком с немецкой философией, потому что не знал-де по-немецки. Подобные рассуждения совершенно несправедливы. Не зная по-немецки, Белинский все-таки мог иметь гораздо живейшее и яснейшее представление о немецкой философии, чем множество людей, в совершенстве знающих по-немецки, но лишенных от природы философских способностей. Совершенно другой вопрос, -- действительно ли он имел такое представление. Как бы то ни было, невежество Белинского все-таки было

препятствием к развитию его деятельности, -- препятствием, которое могло быть побеждено его дарованием, но которое неизбежно было вредно для этой деятельности.

Несколько иначе рассуждает г. Тургенев: "Сведения Белинского, -- говорит он, -- были не обширны; он знал мало, и в этом нет ничего удивительного.

Но скажу более: именно это недостаточное знание является в этом случае характеристическим признаком, почти необходимостью. Белинский был тем, что я позволю себе назвать центральной натурой; он всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне, и с хороших, и с дурных его сторон. Ученый человек, не говорю "образованный" -- это другой вопрос, -- но ученый человек именно в силу своей учености не мог бы быть в 40-х годах такой русской центральной натурой; он не вполне соответствовал бы той среде, на которую ему пришлось бы действовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармонии бы не было, и, вероятно, не было бы обоюдного понимания. Вожди своих современников в деле критики общественной, эстетической, в деле критического самосознания (мне кажется, что мое замечание имеет применение общее, но на этот раз я ограничусь одной этой стороной), вожди современников, говорю я, должны, конечно, стоять выше их, обладать более нормально устроенной головой, более ясным взглядом, большей твердостью характера; но между этими вождями и их последователями не должно быть бездны.

Смею надеяться, что мне не станут приписывать желание защищать и как бы рекомендовать невежество: я указываю только на физиологический факт в развитии нашего сознания. Понятно, что какой-нибудь Лессинг для того, чтобы стать вождем своего поколения, полным представителем своей народности, должен был быть человеком почти всеобъемлющей учености; в нем отражалась, в нем находила свой голос, свою мысль Германия: он был германской центральной натурой. Но Белинский, который до некоторой степени заслуживает название русского Лессинга, Белинский, значение которого по смыслу и влиянию своему действительно напоминает значение великого германского критика, мог сделаться тем, чем он был, и без большого запаса научных понятий" (стр. 701 и 702).

Вопрос очень любопытный и относится к факту, который давно был замечен и не раз подвергался обсуждению. Русским Лессингом, по мнению г. Тургенева, быть гораздо легче, чем быть Лессингом немецким. Россия -- страна необразованная, и потому для плодотворной деятельности в ней высокое образование не только не нужно, но может быть даже помехой. И таким образом, для России люди с малыми сведениями будто бы могут сделать то же самое, для чего в других странах требуется почти всеобъемлющая ученость.

Так весело разрешается тот грустный вопрос, который нередко задают себе русские люди, а именно: отчего у нас в литературе играют такую огромную роль недоучки? Отчего писатели, подобные Белинскому, Добролюбову, Писареву, имеют у нас величайший успех, почти господствуют в литературе, тогда как люди несравненно более образованные, несравненно более глубокие и проницательные проходят почти без всякого влияния на главную массу читателей, на большинство? Отчего не имели

успеха славянофилы: Хомяков, Киреевский, К. Аксаков, мнения и сочинения которых лишь постепенно и медленно набирают себе поклонников? Отчего не увлек читателей Ап. Григорьев, человек с огромным образованием?⁵

Мы совершенно признаем решение, предложенное г. Тургеневым: именно то, что эти люди не соответствовали той среде, на которую им пришлось действовать, что у них не было гармонии и общих интересов с этой средой, а потому не было и обоюдного понимания. Но, признавая это, мы признаем виноватыми не наших образованных деятелей, а ту среду, среди которой они действовали; мы думаем, что это была среда никуда не годная, неспособная понять и оценить истинно-глубокие и важные явления нашей умственной жизни. Так следует судить, если мы станем ценить писателей не по одному успеху, а читателей не по одной их многочисленности, -- если к тем и другим приложим мерку внутреннего достоинства.

Г. Тургенев жестоко ошибся, принимая среду, в которой имел успех Белинский, за целый русский народ; он упустил из виду давно уже сделанное и многократно поясненное различие между главной массой русского народа, живущего крепкой своеобразной жизнью, и тем наружным и незначительным слоем нашего общества, который, по выражению Н. Я. Данилевского, выветрился и оторвался от своего внутреннего ядра, от родной почвы. В этом-то слое, имеющем притязание на образованность, но в сущности ложно-образованном, так как этому образованию не достаёт действительных корней, -- в этом-то слое и имел успех Белинский. Об этом слое можно сказать, что Белинский всем существом стоял близко к его сердцевине, воплощал его вполне, и с хороших и с дурных его сторон; но никак нельзя сказать, что Белинский стоял в таком отношении к целому русскому народу, как это утверждает г. Тургенев. Отсюда объясняется его успех, и в этом же причина, почему его деятельность не могла иметь более глубокого и долговечного значения, для которого потребовались бы силы гораздо больших размеров.

Странная мысль! В воображении г. Тургенева русский народ как будто является столь малым, что для него нужны и деятели несравненно меньшего размера, чем для других народов. Как будто можно измерить и взвесить силы и способности народа! Для наших западников, конечно, может казаться, что духовные силы русского народа пропорциональны тому количеству европейской образованности, которое он успел в себя принять. Но мы позволяем себе питать более высокое мнение о своем народе. Нам кажется, что как бы глубоко ни был развит отдельный человек, как бы ни велика была его ученость, какого бы роста ни достигли его умственные силы, -- он все-таки никогда не перерастет своего народа, а проявит только часть тех задатков, которые лежат в народном духе. Это справедливо и в отношении к нам, русским.

Многое можно было бы сказать по этому поводу. Иметь успех иногда бывает хуже, чем не иметь никакого успеха, точно так, как иная похвала бывает хуже брани. Вопрос о Белинском -- дело сложное, так как за ним числятся несомненные и положительные заслуги русской литературы. Но во многих отношениях он такой же вождь русского народа, как следовавшие за ним Добролюбов и Писарев, точно так же имевшие успех, но оказавшие нам одни отрицательные услуги, т. е. представившие пример того, до чего у нас могут заблуждаться люди искренние и даже талантливые,

но не имеющие настоящего образования и правильных основ для своей мысли.

Итак, нам кажется, что г. Тургенев объяснил успех и значение Белинского вовсе не лестным образом ни для России, ни для самого Белинского. То же невольное высокомерие мы находим в вопросе первостепенной важности, именно о том, какое влияние имела на деятельность Белинского философия Гегеля. Известно, что именно это влияние было сильнейшее из тогдашних влияний на нас Запада, и что Белинский есть один из главных представителей людей, умственная жизнь которых сложилась под этим влиянием.

По этому предмету мы вот что находим в "Воспоминаниях" Тургенева:

В 1859 году г. Тургенев читал где-то лекцию о Пушкине. В этой лекции, часть которой приведена в "Воспоминаниях", он говорил:

"Белинский был идеалист, в лучшем смысле этого слова. В нем жили предания того московского кружка, который существовал в начале 30-х годов, и следы которого так заметны еще донныне. Этот кружок, находившийся под сильным влиянием германской философской мысли (замечательна постоянная связь между этой мыслью и Москвой), заслуживает особого историка. Вот откуда Белинский вынес те убеждения, которые не покидали его до самой смерти {Это неверно. Многие из этих убеждений были покинуты Белинским раньше смерти. Вообще, г. Тургенев почти не различает разных эпох в деятельности Белинского, тогда как это различие есть предмет очень важный и поучительный.} -- тот идеал, которому он служил. Во имя этого идеала провозглашал Белинский художественное значение Пушкина и указывал на недостаток в нем гражданских начал; во имя этого идеала приветствовал он и лермонтовский протест, и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушал он старые авторитеты, наши так называемые славы, на которые он нигде не имел ни возможности, ни охоты взглянуть с исторической точки зрения..."

Итак, вся деятельность Белинского как будто имела своим источником германскую, и именно гегелевскую философию. Так говорил г. Тургенев в 1859 году; но в "Воспоминаниях", писанных в 1869 году, мы вовсе не находим развития этой мысли. Рассказ о влиянии философии на Белинского ограничивается двумя-тремя заметками, представляющими это влияние скорее в комическом, чем в серьезном свете. О начале этого влияния г. Тургенев рассказывает так:

"Вскоре после моего знакомства с Белинским его снова стали тревожить те вопросы, которые, не получив разрешения или получив разрешение одностороннее, не дают покоя человеку, особенно в молодости: философические вопросы о значении жизни, об отношениях друг к другу и к Божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т.п. Не будучи знаком ни с одним из иностранных языков (он даже по-французски читал с великим трудом) и не находя в русских книгах ничего, что могло бы удовлетворить его пылкость, Белинский поневоле должен был прибегать к разговорам с друзьями, к продолжительным толкам, суждениям и расспросам. Таким именно путем он еще в Москве усвоил себе между прочим главные выводы и даже терминологию гегелевской философии, беспрекословно царившей тогда в умах молодежи. Дело не обходилось, конечно, без недоразумений, иногда комических; друзья-наставники Белинского, передававшие ему всю суть и весь сок западной науки, часто

сами плохо и поверхностно ее понимали; но уже Гете¹¹ сказал, что

*Ein guter Mann in seinem dunklen Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst*.*

* "Доблестный человек и в неясном своем стремлении всегда имеет чутье верного пути".

а Белинский был именно *ein guter Mann* -- был правдивый и честный человек" (стр. 699).

Затем г. Тургенев рассказывает два анекдота, один о комическом недоразумении наших поклонников Гегеля, а другой о том, с какой силой занимали Белинского философские вопросы.

Первый анекдот:

"Много хлопот тогда наделало в Москве известное изречение Гегеля: "Что разумно, то действительно, что действительно, то разумно". С первой половиной изречения все соглашались, но как было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало в России, за разумное? Толковали, толковали и порешили вторую половину изречения не допустить! Если бы кто-нибудь шепнул тогда молодым философам, что Гегель не все существующее признает за действительное -- много бы умственной работы и томительных прений было сэкономлено; они увидели бы, что эта знаменитая формула, как и многие другие, есть простая тавтология и в сущности значит только то, что *opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva*, т.е. опиум заставляет спать по той причине, что в нем есть снотворная сила (Мольер⁶)".

Вот образчик влияния философии, приводимый г. Тургеневым, и, конечно, едва ли могущий дать высокое понятие об этом влиянии. Другой анекдот состоит в том, что однажды Белинский ни за что не хотел прервать философского разговора с г. Тургеневым, и когда тот напомнил, что пора обедать, сказал ему с горьким упреком: "Мы не решили еще вопроса о существовании Божьем, а вы хотите есть!".

Этот анекдот показался г. Тургеневу до того способным возбудить насмешку над Белинским, что он чуть его не вычеркнул. Затем г. Тургенев заключает так:

"Со мной Белинский говорил особенно охотно потому, что я недавно вернулся из Берлина, где в течение двух семестров занимался гегелевской философией и был в состоянии передать ему самые свежие, последние выводы. Мы еще верили тогда в действительность и важность философических и метафизических выводов, хотя ни он, ни я -- мы нисколько не были философами, не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на немецкий манер... Впрочем, мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления" (стр. 701).

Очевидно, г. Тургенев не только дает понять, что знакомство Белинского с гегелевской философией было слабое и неправильное, но сверх того прямо утверждает, что самая вера в "важность философических выводов" была заблуждением, увлечением молодости.

Какой же был результат этих убеждений? Как отразилась гегелевская философия в критической деятельности Белинского? Об этом г. Тургенев говорит только в одном

месте следующим образом:

"Лучшие статьи Белинского были написаны им в начале и перед концом его карьеры; в середине проскочила полоса, продолжавшаяся года два, в течение которой он, начинившись гегелевской философией и не переварив ее, всюду с лихорадочным рвением пачкал ее аксиомы, ее известные тезисы и термины, ее, так называемые, Schlagwörter⁷. В глазах рябило от множества любимых тогдашних оборотов и выражений! Надо же было и Белинскому заплатить дань своему времени! Но эта волна скоро сбежала, оставив за собою хорошие семена, и снова явился во всей своей мужественной и бесхитростной простоте русский язык Белинского, славный язык, ясный и здравый".

Вот как пренебрежительно, небрежно и темно рассказывает о влиянии гегелевской философии тот, кто сам пережил его вместе с Белинским, сам был проводником, через который проходило это влияние на Белинского. Кроме еще одного анекдота, который мы опускаем, ничего более не говорит об этом предмете г. Тургенев. Ни единым словом не упоминает он своих занятий философией, как будто они не оставили в нем никакого следа, как будто он может только подсмеиваться над ними, как над грехом своей юности.

Странная судьба наших западников! Они так крепко веруют в прогресс, так любовно ему подчиняются, что постоянно вынуждены осмеивать и презирать тот путь, по которому только что сами прошли. Даже ругая Гегеля и всячески отрицаясь от него, они, сами того не сознавая, крепко держатся той теории гегельянцев, по которой все прошедшее есть только подмости для настоящего, не имеющие никакой другой цены и потому откидываемые прочь без всякого сожаления.

Вот почему не следует верить словам западников, когда они нам рассказывают свою собственную историю; есть основание думать, что эта история несравненно поучительнее, несравненно больше содержит смысла, чем сколько они видят в ней. Если поверить, например, Добролюбову и Писареву, то можно подумать, что вся русская литература была только приготовлением к появлению их статей, -- что нет в ней ничего пригодного кроме того, что так или иначе согласно с их мнениями и было некоторого рода их предвозвещением. Отсюда -- неминуемая вражда к русской литературе, постоянное обличение всех ее писателей в отсталости и обскурантизме.

Мы имеем более высокое понятие о нашей литературе и считаем делом легкомысленным неуважительное отношение к ней, при котором она подводится под узкие мерки или рассматривается с точки зрения потребностей минуты. Точно так и на Белинского, и на влияние на него гегелевской философии мы смотрим отнюдь не так высокомерно, как г. Тургенев. По случаю его "Воспоминания" мы желаем напомнить читателям, что есть у нас писатель, который лучше всех других говорил о Белинском. Этот писатель -- Аполлон Григорьев. Кто желает найти правильную и точную оценку Белинского, тот должен обратиться к статьям Ап. Григорьева⁸. Никто лучше Григорьева не был знаком с внутренним духом и смыслом деятельности Белинского; никто так ясно не различал ступеней развития, через которые проходил Белинский; никто так не восхищался светлой стороной этой деятельности и так

глубокомысленно и метко не указывал на ее больные места. Оценить Белинского -- дело нелегкое; но эта оценка уже сделана со всей пронизательностью, какой требовал предмет. Вся беда только в том, что этой оценки приходится искать во множестве статей Григорьева, где рассеяны его замечания о Белинском, часто отрывочные и лишь взаимно дополняющие друг друга.

Для примера приведем несколько мест из статьи, которая не подписана именем Григорьева и потому может быть пропущена читателями. Эта статья называется: "Знаменитые европейские писатели перед судом нашей критики"⁹.

"Было время, -- начинает Ап. Григорьев, -- что критика наша стояла во главе всего нашего развития; мы разумеем, конечно, критику литературную.

Эта роль принадлежала критике в то время, когда в литературе, -- и притом исключительно в литературе, -- совмещались для нас все серьезные духовные интересы, -- когда критик, не переставая ни на минуту быть литературным критиком, в то же самое время был и публицистом, -- когда его художественные идеалы не разрознивались с идеалами общественными. Этим -- кроме своего огромного таланта -- был так силен Белинский; в его эпоху все другие убеждения, кроме его убеждений, и все другие взгляды, кроме его взгляда, не считались и не могли считаться благородными и современными убеждениями и взглядами. Кто не видел в Пушкине, Гоголе, Лермонтове того, что видел в них Белинский, -- попадал неминуемо в число ограниченных, отсталых людей и мраколюбцев.

И тогда это было совершенно нормально, потому что литература была тогда все для нас, и двух убеждений в отношении к высшим литературным явлениям быть не могло. Уровень единства литературного взгляда проводим был с беспощадной последовательностью, но, вероятно, ни у кого язык не повернется даже и теперь назвать эту беспощадную последовательность, этот деспотизм мысли -- несправедливым.

Идея изящного тесно сливалась тогда с идеями добра и правды, или, лучше сказать, идея правды и идея добра не имели возможности проявляться иначе, как через идею изящного.

Белинский был поставлен в такие же условия борьбы, как Лессинг. Пламенно толкуя Пушкина, пламенно выдвигая Лермонтова, пламенно ратоборствуя за Гоголя и т.д., он был, в то же самое время, главным общественным двигателем нашим и великим глашатаем истины. Весь умственно и нравственно пропитанный философской системой, до наших времен еще не смененной никакой другой, он проводил ее в жизнь через орган литературной критики. Его противоречия и изменения мнений могли казаться противоречиями и изменениями мнений только людям действительно ограниченным в его эпоху. Для него самого, для его учеников, т.е. для всех нас более или менее, -- это были моменты развития, моменты стремления к истине.

Белинский стоял впереди умственного прогресса и смело вел вперед поколение.

В высочайшей степени одаренный художественным пониманием, способный трепетать, как пифия, от всего прекрасного, переживавший с каждым великим явлением нравственного мира всю жизнь этого явления: чистую ли поэзию Пушкина, злую ли скорбь и иронию Лермонтова¹⁰, карающий ли смех Гоголя, мучительную ли игру

Мочалова¹¹ и т.д., -- отзывавшийся на все с необыкновенной чуткостью, он, однако, как человек стремления и прогресса, не задумывался заменять явления явлениями, когда одни казались ему ближе к истине, т.е., по его верованию, ближе к последнему слову прогресса, чем другие. Своего рода террорист литературный, он приносил жертвы за жертвами, хотя, конечно, едва ли бы принес в жертву Пушкина и его значение в нашей жизни.

Дело нравственного возбуждения, совершенное в лице его нашей критикой, было велико и благотворно по своим последствиям" (стр. 35, 36 и 37).

Вот верное указание на то, в чем заключалась сила Белинского, как она вытекала из тогдашнего положения нашей умственной и общественной жизни и из необыкновенных дарований самого Белинского, и какую важную роль играла в этом деле философия Гегеля. Она была орудием или формой, в которую облекалось содержание этой деятельности. Но в широких формулах этой философии было свое, особенное содержание, которое обнаружило, наконец, свое влияние ко вреду дела. О гегелизме Белинского Григорьев далее говорит следующее:

*"Фазис развития, в который вступали тогда все мы вместе с Белинским, был гегелизм в его первоначальной, таинственно туманной и тем более влекущей форме, в форме признания разума тождественным с жизнью, и жизни тождественной с разумом. Этот таинственный гегелизм, на первый раз миривший со всем историческим, обещавший всему существующему в наших верованиях, нравственных убеждениях и даже просто обычаях оправдание и примирение, казался нам всем, и всех более Белинскому, -- совершеннейшим *Idealen, Reich*, в котором, по слову великого поэта:*

*Wort gehalten wird in jenen Raumen
Jedem schonen glaubigen Gefühl¹²*

Этот гегелизм был уже не просто раздражающее веяние, как шеллингизм Киреевского и Надеждина¹³; он становился для всех адептов его -- (а кто же из мыслящих людей не вступил тогда в ряд его адептов? кто из впечатлительных людей не шел по слуху за адептами?) -- становился верою.

*Вера требовала жертв, как всякая вера. Принцип тождественности разума и действительности -- на первый раз становился враждебно против всякой вражды и протеста, был сам протестом против протеста. Да и как же иначе? Мир и жизнь -- по крайней мере на первый раз -- представлялись стремящемуся духу гармоническими, вполне замиренными, и конечный стремящийся дух (я употребляю религиозные термины эпохи), отрешаясь от своей конечности, плавал торжественно в безграничности, сливался с "*Unendlicher Geist*"¹⁴, переходил в него и с высоты смотрел на разумно-гармоническое мироздание.*

Вера, ибо именно такого рода гегелизм, как нечто таинственное, был верою, -- требовала жертв от сознания и чувства, и в этом случае жрецом и жертвоприносителем явился, конечно, прежде всех Белинский.

Ясное дело, что принципу примирения с действительностью принесено было в

жертву все тревожное в литературах Запада, так недавно еще возбуждавшее восторг и поклонение. Маркой всего стала одна художественность: под художественностью же разумелась только объективность" (стр. 45 и 46).

"Зеленый Наблюдатель был кратковременной ареной различных жертвоприношений абсолютному духу¹⁵, художественной объективности, и проч.

На момент примирения с действительностью Белинский остановиться не мог. Перейдя в "Отечественные записки", он в 1839 году, в конце, дошел смело до крайних абсурдов примирения в статьях, возбудивших даже негодование во многих из его друзей и почитателей, и затем поворотил круто не по страху перед порицавшими, а по глубокому внутреннему убеждению, как всегда.

Для него зажглись новые светила: Гоголь, Лермонтов, Занд¹⁶. Гоголю сначала поклонялся он за объективность же, но потом разъяснил все его великое отрицательное значение в нашей жизни. Для Лермонтова и Занда нашлось новое слово объяснения: пафос -- и пафос заменил объективность" (стр. 48).

Таким образом, деятельность Белинского можно разделить на четыре периода:

1) Первоначальный, когда он еще не был под влиянием гегелизма. Остальные уже проходили под этим влиянием.

2) Второй период имел своим лозунгом объективность.

3) Третий -- пафос.

4) Четвертый, о котором Григорьев не говорит в приводимой нами статье, уже не давал искусству никакого самостоятельного мерила, а подчинял его требованиям минуты.

Общая характеристика Белинского, как нам кажется, всего яснее выражается в следующих словах Григорьева:

"Белинский был прежде всего доступен, -- даже иногда неумеренно доступен всякому новому проявлению истины. Можно без особенной смелости предположить, что в 1856 году он стал бы славянофилом.

Во все истинное и прекрасное он влюблялся страстно глубоко. Именно -- влюблялся, -- это настоящее слово для правильного определения отношений этой могущественной и вместе по-женски впечатлительной натуры к истине, добру и изящному... Увлеченный страстью, он готов был тотчас же сжигать "корабли за собой", разрывать все свои связи с прошедшим, если прошедшее мешало настоящему. Вина его не его вина, а вина гегелизма, которого одной стороны был он самым сильным у нас толкователем, -- стороны исключительной веры в прогресс, в последнюю минуту, как в самую истинную, в этого страшного, всепожирающего Gott im Werden¹⁷, свергающей оболочку за оболочкой" (там же, стр. 47).

Мы выписали из Григорьева лишь те места, где он самым сжатым образом указывает главные черты деятельности Белинского. В той же статье и во многих других находятся более подробные указания, тонкая и верная характеристика тех отношений, в которых критика Белинского находилась в разное время к различным писателям, -- и русским, и западным. Нашими выписками мы хотели бы хотя отчасти уравновесить то впечатление, которое оставляют после себя "Воспоминания" г. Тургенева. Мы хотели бы раздражить любопытство тех читателей, которые,

прочитав эти "Воспоминания", научатся из них только подсмеиваться над гегельянскими терминами, встречающимися в статьях Белинского...

Мы коснулись предмета слишком важного и слишком мало о нем сказали; но наша цель именно была только показать важность предмета, а не исчерпать его. Повторяем -- мы получили бы самую лучшую характеристику Белинского, если бы соединили в одно целое все то, что сказано о нем Аполлоном Григорьевым.

Перейдем к каким-нибудь темам не столь трудным.

Г. Тургенев принадлежит к числу самых ревностных поклонников прогресса. Требования минуты у него всегда стоят на первом плане. Это он доказывает и всеми своими художественными произведениями, и теми взглядами, которые он изредка высказывает помимо этих произведений. Любопытный пример этого поклонения прогрессу мы находим в "Воспоминаниях о Белинском". Г. Тургенев рассказывает, что его особенно возмутили статьи о Пушкине покойного Писарева, с которым вообще он во многом не соглашался, хотя читал его с интересом. Когда Писарев в 1867 году посетил г. Тургенева, тот откровенно высказал ему свое мнение. Это мнение весьма замечательно; г. Тургенев приводит свои слова, сказанные им в защиту Пушкина; эти слова были следующие:

"Вы (начал г. Тургенев) втоптали в грязь, между прочим, одно из самых трогательных стихотворений Пушкина (обращение его к последнему лицейскому товарищу, долженствующему остаться в живых: "Несчастный друг" и т.д.). Вы уверяете, что поэт советует своему приятелю просто взять да с горя нализаться. Эстетическое чувство в вас слишком живо: вы не могли сказать это серьезно -- вы это сказали нарочно, с целью. Посмотрим, оправдывает ли вас эта цель. Я понимаю преувеличение, я допускаю карикатуру, -- но преувеличение истины, карикатуру в дельном смысле, в настоящем направлении. Если бы у нас молодые люди теперь только и делали, что стихи писали, как в блаженную эпоху альманахов, я бы понял, я бы, пожалуй, даже оправдал ваш злобный укор, вашу насмешку; я бы подумал: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, в кого вы стреляете? Уже точно по воробьям из пушки! Всего-то у нас осталось три-четыре человека, старички пятидесяти лет и свыше, которые еще упражняются в сочинении стихов; стоит ли яриться против них? Как будто нет тысячи других, животрепещущих вопросов, на которые вы, как журналист, обязанный прежде всех ощущать, чуютъ насущное, нужное, безотлагательное, -- должны обращать внимание публики? Поход на стихотворцев в 1866 году! Да это антикварская выходка, архаизм! Белинский -- тот никогда бы не впал в такой просак! Не знаю (заключает г. Тургенев), что подумал Писарев, но он ничего не отвечал мне. Вероятно, он не согласился со мною" (стр. 706 и 707).

Итак, уж на что был прогрессивный человек Писарев, а г. Тургенев оказался еще прогрессивнее и нашел возможность укорять его в отсталости. Он нашел неизвинительным, что Писарев еще обращал внимание на каких-то старичков лет пятидесяти и свыше, до которых не должно быть никакого дела молодому поколению. Говорить о Пушкине в 1866 году, по мнению г. Тургенева, есть для журналиста непростительный архаизм, -- дело, не представляющее никакого насущного, живого

интереса. Г. Тургенев не видит никакой цели, которая могла бы оправдать толки о таком древнем писателе, как Пушкин, и о такой ненужной и ненасущной вещи, как поэзия.

Попробуем вступить за Писарева. Г. Тургенев слишком поспешно вывел заключение, будто Писарев писал не то, что думал, -- будто он нарочно, ради известных целей втаптывал в грязь вещи заведомо хорошие, заведомо достойные уважения. Такой способ писаний, сочинение статей несправедливых, но полезных, г. Тургенев вполне одобряет, -- и конечно это самый прогрессивный способ, -- тот способ, при котором ради требований настоящей минуты попирается всякая правда и совлекается в грязь всякая красота. Но Писарев, к его счастью (как нам кажется), вовсе не был столь ярким прогрессистом. Можно много сделать, если писать не то, что думаешь, а что нужно для известной цели, но для сколько-нибудь прочного и глубокого литературного успеха, по нашему мнению, необходима искренность, некоторая доля действительного увлечения. Писарев был обязан своим успехом положительно своей искренности. Мнения, которые г. Тургеневу показались столь неявными, что он счел их высказанными нарочно, с полным сознанием их нелепости, -- это мнение Писарев высказывал вполне искренно, и только в силу этой искренности они так заразительно действовали на среду его читателей, находившую в них отзыв на свои собственные мысли и вкусы. В этой среде, о значении которой мы уже говорили, статьи о Пушкине имели большой успех, так что Писарев, не угодивший г. Тургеневу, как видно, очень хорошо угодил на вкус и потребности тех, для кого писал.

Что касается до нас, то мы искренно радуемся, что толки о Пушкине были возможны и уместны даже и в 1866 г., да вероятно не скоро еще утратят свою возможность и уместность. Оказывается, что наш прогресс вовсе не так быстр и силен, как многие воображают, что он не может вполне поглотить прошедшее так, чтобы от него не осталось никакого следа, не может с каждым годом вызывать все новые вопросы, перед которыми старые теряли бы всякое значение. Духовные потребности русского общества, умственный склад его уже давно получили некоторую определенность, имеющую глубокое основание в особенностях наших духовных сил, в степени нашего развития и в нашем отношении к Западу. Мы движемся вперед, но не иначе, как все яснее и яснее разрешая для себя все те же существенные, коренные, постоянно насущные вопросы, а не заменяя их непрерывно одни другими. Таков, например, вопрос о Пушкине. Для каждого поколения и для каждого направления нашей мысли это будет всегда настоящий и важный вопрос.

И в этом отношении у нас совершается прогресс явный и несомненный. Несмотря на всевозможные кривотолкования, несмотря на появление всяких "новых и насущных" интересов, имя Пушкина -- в силу естественного хода вещей, в силу неминуемого раскрытия качеств всякой вещи с течением времени, -- приобретает все больший и больший вес. Лермонтов, Гоголь постепенно отодвигаются на задний план, -- и чем дальше, тем яснее выступает перед нами несравненное величие нашего первого поэта, действительного основателя русской литературы. Говорить о русской литературе -- значит непременно говорить о Пушкине, и если мы вздумаем даже отрицать всякое достоинство и значение поэзии, то, прежде всего и настоятельнее

всего, нам явится надобность -- отрицать Пушкина, как самый огромный факт нашей поэзии, как лучшее ее воплощение. Так и поступил Писарев.

Прогресс -- вещь хорошая; подражая г. Благосветлову¹⁸, который некогда объявил, что уж конечно не он будет против прогресса, мы могли бы тоже завить, что приняли намерение со своей стороны содействовать прогрессу, и что главная наша забота состоит в том, чтобы ускорить ход человечества вперед, который ныне столь медленный и вялый. Но мы этого не объявляем, потому что всяким рассуждениям о прогрессе предпочитаем рассуждения о деле, о самом предмете, подвергающемся прогрессу. Бросим всякие мысли о старом и молодом поколении, о людях отсталых и передовых, об интересах современных и несовременных, а будем просто разбирать, что хорошо и что дурно, чему следует поклоняться, как прекрасному и великому, и что следует презирать и отвергать, как ложное и низкое. Будем прогрессивны не в смысле новости, а в смысле большей глубины и зрелости. Тогда нам не придет и в голову прислушиваться с особенным вниманием к тому, что толкует молодежь, и относиться с пренебрежением к тому, что говорят и делают старички лет пятидесяти и свыше. Дело должно говорить само за себя. Нам странно, что г. Тургенев, ссылаясь притом на Белинского, давал Писареву такой опасный для самого себя совет. Ведь он сам, г. Тургенев, есть старичок лет пятидесяти или свыше. Неужели же он желал, чтобы наша литература оставила его без всякого внимания? Неужели поклонение прогрессу дошло в г. Тургеневе до самоотречения и самопожертвования?

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по: Н. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. третья. Изд. 3-е. -- Киев, 1897, стр. 275-296.

¹ Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) -- русский литературный критик, публицист радикально-западнического направления.

² Грановский Тимофей Николаевич (1813-1855) -- русский историк, публицист либерально-западнического направления.

³ Репутация Андрея Александровича Краевского (1810-1889) и Н. А. Некрасова как редакторов была двойственной: с одной стороны, их считали незаурядными организаторами, немало сделавшими для русской культуры, с другой, -- стяжателями, эксплуатировавшими своих литературных сотрудников.

⁴ В 1868 Н. А. Некрасов взял у А. А. Краевского в аренду журнал "Отечественные записки". Здесь сотрудничали Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826-1889), Григорий Захарович Елисеев (1821-1891), Дмитрий Иванович Писарев (1840-1868), Александр Николаевич Островский (1823-1886), Федор Михайлович Достоевский (1821-1881), Петр Лаврович Лавров (1823-1900), Федор Михайлович Решетников (1841-1871). Максим Алексеевич Антонович (1835-1918) и Юлий Галактионович Жуковский (1833-1907), бывшие сотрудники "Современника", которых Н. А. Некрасов не пригласил в новый журнал, обрушились на него с памфлетом "Материалы для характеристики

современной русской литературы", содержащие обвинения в измене принципам "Современника". К ним присоединился Иван Сергеевич Тургенев (1818-1883), доказывавший в "Воспоминаниях о Белинском", будто Некрасов с начала издания "Современника" стремился устранить Белинского. Некрасов "прямо-таки заболел, -- вспоминал Николай Константинович Михайловский (1842-1904). -- Но самое поразительное состояло в том, что он как-то странно заикаясь и запинаясь, пробовал что-то объяснить... и не мог: не то он признавал справедливость обвинений и каялся, не то имел многое возразить, но, по закоренелой привычке таить все в себе, не умел". -- См. статью "Некрасов" В. С. Лазурина // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 4. -- М., 1999, стр. 277.

⁵ Формировался литературный критик почвеннического направления Аполлон Григорьев в романтическую эпоху гипертрофированного субъективизма 30-х гг. XIX в. Сильное влияние этой эпохи Григорьев испытывал даже в те времена, когда господствовал реализм, что породило у него чувство трагического одиночества "последнего романтика" в условиях реформаторства 60-х гг. От романтизма Григорьев унаследовал открытость всему миру, всем векам и народам (отсюда его внимание и уважение к "чужим" культурам) и европейскую образованность. С юности Григорьев серьезно занимался философией. Свободное владение четырьмя иностранными языками позволяло ему читать в подлиннике произведения европейских мыслителей: Гегеля (1770-1831), Гете (1749-1832), Канта (1724-1804), Карлейля (1795-1881), Ренана (1823-1892), Шлегеля (1772-1829) и др. Из кружка Михаил Васильевич Петрашевского (1821-1866), который Григорьев (а также Н. Я. Данилевский и Ф. М. Достоевский) некоторое время посещал, он вынес увлечение органическими идеями социалиста-утописта Сен-Симона (1760-1825), но ненадолго. Если в своем творчестве В. Г. Белинский двигался от Шеллинга к Гегелю, а затем к Фейербаху и французским утопистам, то Григорьев, пережив юношеское увлечение гегельянством, навсегда оставался приверженцем Шеллинга (1775-1854).

⁶ Мольер Жан Батист (1622-1673) -- французский драматург, театральный деятель эпохи классицизма.

⁷ Schlagwörter -- меткие слова (нем.).

⁸ О стадиях развития творческой деятельности В. Г. Белинского см. статью Ап. Григорьева "Белинский и отрицательный взгляд в литературе".

⁹ Журнал "Время". 1861, No 3.

¹⁰ Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841) -- русский поэт.

¹¹ Мочалов Павел Степанович (1800-1848) -- русский актер.

¹² Из "Коринфской невесты" Гете.

¹³ И. В. Киреевский почти весь 1830 и отчасти 1831 провел в Европе, где слушал в Берлине лекции "первоклассных умов Европы". В Мюнхене он охотно проводил вечера в семье русского дипломата и поэта Федора Ивановича Тютчева (1803-1873), бывал в гостях у Шеллинга, слушал его лекции. Специалист по романтической поэзии Николай Иванович Надеждин (1804-1856), также исповедовавший в юности идею шеллингианства, считал философию истории "наукой об общих законах человечества". Закономерности истории (единство человеческого рода,

совершенствование, соотношение свободы и необходимости, законосообразность и др.) носили у него провиденциальный характер. В истории культуры Надеждин выделял этапы первобытной нерасчлененности, односторонней материальности античности, односторонней духовности Средневековья и постепенного синтеза этих начал. Если в Германии Шеллинг имел весьма ограниченное число сторонников, ибо друзья и противники мыслителя усматривали в его философии лишь красивую схему, то в России шеллингианство, по более позднему определению Ап. Григорьева, было "веянием, уносившим за собою все, что только способно было мыслить".

¹⁴ *Unendlicher Geist* -- бесконечный дух (нем.).

¹⁵ Цвет обложки зачитываемого до дыр журнала "Московский Наблюдатель" был зеленым, поэтому критики почвеннического направления Ап. Григорьев и Страхов называли его "зеленым Наблюдателем".

¹⁶ Занд Жорж (1804-1876) -- настоящее имя Аврора Дюпен -- французская писательница.

¹⁷ *Gott im Werden* -- Бог будущего (нем.).

¹⁸ Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824-1880) -- журналист, сотрудник журнала "Русское Слово" (с 1859), а затем и его редактор (1860-1866), с сентября 1866 и до самой смерти он редактировал новый журнал "Дело".

Голос в защиту от "Голоса в защиту русского языка"

War'der Gedank'nicht so verwiinscht gescheidt,
Man war'versucnt, ihn herzlich dumm zu nennen.

Schiller ("Wallenstein")

(Если бы этот замысел не был столь дьявольски продуман, то его можно было бы назвать просто дурацким

(Шиллер. Валленштейн) (нем.)

Но умысел другой тут был:

Хозяин музыку любил...

Крылов ("Музыканты")

Должно, однако ж, заметить, что литературные несогласия того времени были не иное что, как рыцарские поединки, в которых действовали одним законным и честным оружием; тогда искали торжества мнению своему, хотели выказать искусство свое, удовлетворить некоторой удалости ума, искавшего в подобных сшибках случайностей гласности и блеска. По вышеприведенному замечанию, что у нас тогда было более аматёров, нежели артистов, следует, что и в сих распрях выходили друг против друга добровольные, бескорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуют из денег, нападают сегодня на того, за которого дрались вчера, торгуют равно и присягою и оружием своим, и за бессилием своим в бою начистоту готовы прибегать ко всем пособиям предательства. Убегая с открытого поля битвы, поруганные и уязвленные победителем, они не признают себя побежденными: если стрелы их не метки и удары не верны, то они имеют в запасе другое оружие, потаенное, ядовитое, имеют свои неприступные засады, из коих поражают противников своих на верное.

Князь Вяземский ("Библиографические и литературные записки о Фонвизине и его времени", помещенные в "Утренней заре" 1841 года)

Все согласны в очевидности успехов нашей литературы. Каждая эпоха ее имела своих достойных представителей; настоящая имеет своих, и в этом отношении ей нечем гордиться перед своими предшественницами. Но она имеет полное право гордиться перед ними своею зрелостью. С годами она стала мужественнее, опытнее, умнее. И если она пережила не слишком много годов, зато в пережитые ею немногие годы подверглась многим неожиданным изменениям, перепробовала много новых путей мысли и формы; это принесло ей ту великую пользу, что "новость" мысли или формы она уже не принимает больше за достоинство этой мысли или за достоинство этой формы. С литературою, естественно, возмужала и публика. Теперь посредственность тщетно стала бы рядиться в павлиньи перья изысканной оригинальности, ложного пафоса, блестящей фразеологии: время успехов ее миновало. Расчетливое корыстолюбие, в связи с добродушною ограниченностью, тщетно стало бы теперь надевать на себя маску исступленного фанатизма: оно никого не уверит в глубокости своих убеждений, в которых все увидят одно только низкое лицемерие. Старый, выписавшийся сочинитель может теперь сколько ему угодно нападать на талант и гений, на убеждение и заслугу и хвалить самого себя и свои сочинения: от этого ни ему, ни его сочинениям не будет лучше, так же как не будет хуже ни таланту, ни гению, ни убеждению, ни заслуге. Имена потеряли теперь все свое очарование. Публика восхищается сочинениями, а не именами. Кто бы ни издал для нее сборник хороших статей, - если статьи хороши, она раскупает сборник, хотя бы его издатель был вовсе ей неизвестен; если статьи плохи, она не покупает сборника, хотя бы его издатель был знаменитое лицо в литературе и под статьями сборника тоже выставлены были громкие имена. Если бы гениальный писатель вдруг издал что-нибудь недостойное его таланта и имени, это сочинение без всяких обиняков было бы названо всеми посредственным или плохим. Новый талант, великий или обыкновенный, может теперь смело выходить на литературное поприще без журнальных и всяких других протекций: он сейчас же будет признан за то, что он есть в самом деле, и его успех всегда будет более или менее соответствен его степени. Направление современной литературы русской носит на себе отпечаток зрелости и мужественности. Литература наша с недоступных высот великих идеалов, которых осуществлений никто не видал и не встречал на земле, спустилась на землю и принялась за разработку современной действительности, представляемой толпою. Этим из предмета праздной забавы она сделалась предметом дельного занятия. В ней теперь утвердились два великие элемента - стражи здравого эстетического вкуса против всего фразерского, натянутого, неестественного, слабого, сентиментального, ложного: мы говорим об *иронии* и *юморе*. С ними открыт для нашей литературы прямой, широкий и надежный путь к истинным, плодотворным успехам в будущем.

Но главная, существенная сторона успехов современной русской литературы заключается, конечно, в том, что теперь широк и легок путь для таланта, узок и труден для посредственности, невозможен для бездарности. Но из этого самого прогресса вышло не совсем отрадное следствие, как бы для доказательства того, что, если справедлива поговорка: нет худа без добра, видно, правда и то, что не бывает и добра без худа.

Посредственность и бездарность всегда были завистливы, беспокойны и раздражительны, но теперь неудачи доводят их до готовности пользоваться всеми средствами для поддержания своего падшего кредита, для поражения всех и каждого, кто с большим или меньшим успехом действует на литературном поприще. Журнальная полемика - не новость в нашей литературе. Почти все записные читатели на святой Руси до страсти любят полемические статьи, - и в то же время почти все любят бранить полемику. Многие из них точно так же от всей души убеждены в страшном вреде полемики для нравов, как и в великой пользе для тех же нравов от преферанса, сплетен и зевоты. Что до нас, - мы убеждены, что в благоустроенном обществе нестерпимы злоупотребления полемики, то есть дурной тон, площадная резкость выражений, личности; но что в полемике, умеющей держаться в пределах чисто литературных вопросов и выражаться прилично, нет никакого вреда, а, напротив, есть много пользы, потому что такая полемика дает литературе жизнь и движение. Если бы иногда полемика и позволяла себе немного забываться и проговариваться, - большой беды в этом нет, и такого рода промахи должны подлежать суду общественного мнения. Назад тому лет двенадцать полемика наводняла собою все журналы, и нельзя сказать, чтоб иногда она не грешила против хорошего тона; но зато и нельзя сказать, чтобы позволяла себе такие странные выходки, которые скорее можно назвать "юридическими", нежели "литературными".

Недавно в одном петербургском журнале, одним очень уважаемым лицом в нашей литературе, была высказана следующая дельная мысль: "У нас есть уже что-то похожее на школы, на партии в науке и литературе; бывают споры, хоть не совсем за идеи, а за самолюбие и карманы, однако ж в них сверкают иногда искры идей, как крупинки золота в глыбах рудокопной грязи. Все это производит какую-то игру в обществе, хотя не шумную и не богатую выигрышем, но показывающую по крайней мере уже замечательное развитие понятий, некоторую самостоятельность умов". Действительно, в этих словах заключается очень верная характеристика журнальной стороны современной русской литературы. К сожалению, у нас не во всех "глыбах рудокопной грязи" сверкают искры идей, но есть глыбы, в которых все - грязь и ни одной искорки. А между тем теперь нет ни одной "глыбы", которая не претендовала бы на идеи, не кричала бы о глубоком убеждении; некоторые из этих глыб даже решились говорить темным мистическим языком и не шутя обещают изменить весь мир к лучшему, изгнать из него пороки и водворить в нем добродетель, для чего и советуют миру - не жалеть денег, подписываясь на них, то есть на глыбы-то... Разумеется, подобные странности не могут получить никакого успеха, на чем бы они ни опирались - на искреннем убеждении или на расчете. Но, во всяком случае, неуспех раздражает самолюбивую посредственность и лицемерную расчетливость. Надобно бороться против всего, в чем есть истина и талант; но с ними не ровен бой для лжи и бездарности: надобно изобрести другое оружие. И оно изобретено и действует, если пока и неуспешно, зато неутомимо и с большими надеждами на будущее. Как бы то ни было, но несомненно одно - что с некоторого времени сделались довольно частыми и обыкновенными полемические статьи, в которых автор сперва очень вежливо отдает справедливость своему противнику, начинает с литературного вопроса, а потом незаметно переходит к патриотизму и т. п., тонко намекая, что его противник так или сяк грешит против того и другого... Вы принимаетесь за статью, по заглавию которой думаете,

что в ней идет дело о весьма невинных предметах, например, грамматике, риторике какого-нибудь литературного произведения - повести, романа, водевиля, - и вдруг видите, что это вовсе не литературная статья, а что-то вроде *proces verbal*... (протокола (фр.)) Если б вы, читатель, были ирани, то, прочтя такую статью, невольно воскликнули бы: "Бисмиллях! это что за известие?" - положили бы в уста своего понятия палец удивления и, за невозможностию решить задачу, возложили бы упование на аллаха... Просим извинить нас за эти *восточные* фразы: мы недавно вновь прочли "Мирзу Хаджи-Бабу Исфагани", на днях вышедшего вторым изданием, и как-то невольно исполнились восточного духа: перед нашими глазами так и вертятся то муфтии, готовые обвинить правоверного в нерадивом выполнении ежедневного *намаза*, то грозные *ферраши*, всегда готовые, по манию *кадия*, повалить правоверного на спину, вставить его ноги в *фелек* и бить по пятам палкою до тех пор, пока сердце его не обратится в *кебаб* (мелко рубленное жаркое), мозг не засохнет в костях, чрева не обратятся в воду и душа не выскочит из всех отверстий его тела...

В одиннадцатой, то есть *ноябрьской*, книжке "Москвитянина" за прошлый, 1845 год, благополучно достигшей берегов Невы в *январе* благополучно наступившего 1846 года, есть статья: "Голос в защиту русского языка". Она начинается так:

В 8 N "Отечественных записок" за А(а)вгуст *сего* (то есть 1845) года, в отделе "Библиографической хроники" помещена особенно замечательная статья, разбор книги: "Грамматические разыскания В. А. Васильева". Она замечательна не потому, что сочинение г, Васильева удостоивается (*где? в чем?*) особенной похвалы, не потому, что отдается должная справедливость знаменитому труду о. П(п)ротоперея Павекого, и не потому только, что возвещает любителям отечественного языка, что "последняя, шестая, часть "Филологических наблюдений" приводится к окончанию автором и вместе с четвертою и пятою не замедлит поступить в печать". - Статья сама по себе замечательна *субъективно и объективно*. Первое, по тону рецензента и его способу изложения; второе, потому что главный предмет ее - параллель Р(р)усского языка с Ф(ф)ранцузским. Последний безусловно восхваляется,

А России - Боже мой! -
Таска... да какая!

Машаллах, иншаллах! это что за "буква"? Таска - да еще какая! и кому же? России!!!... Мы сейчас покажем, в чем угодно было "Москвитянину" увидеть нашу (с позволения сказать!) таску России; но сперва ответим на вступительные пункты "Голоса" "Москвитянина". Почтенный журнал продолжает:

У нас с некоторого времени Ж(ж)урналы, *по праву сильного завладения*, почти исключительно поставили себя стражами, законодателями и оракулами в науках и словесности. Огромное влияние их на *сию последнюю* производится не отдельными статьями, сообщаемыми и подписанными кем-либо из сотрудников Ж(ж)урнала или посторонних его вкладчиков. Такие статьи составляют не более (,) как голос или мнение кого-нибудь одного: а одному не всегда и не скоро удастся сделаться главою школы. Главное сосредоточие этого влияния - два особые отдела, собственно "Критика" и

"Библиографическая хроника", никем не подписываемые. - Этот обязанный, периодический труд постоянных рецензентов Ж(ж)урнала есть голос редакции, которая за него стоит круговой порукой, голос самого Ж(ж)урнала, проявление его духа и направления, которое тем более распространяется, чем более Ж(ж)урнал имеет подписчиков и читателей. И в этом отношении "Отечественным запискам" неоспоримо принадлежит преимущество перед всеми другими Ж(ж)урналами нынешнего времени.

Журналы, видите ли, *по праву сильного завладения*, поставили себя стражами, законодателями и оракулами в науках и словесности! Нет, господин "Москвитянин", это не так! Журналы у нас судят о предметах науки, искусства и литературы не по праву *сильного завладения*, а по изволению высшей власти, со времен Петра Великого и до настоящего мгновения содействующей и благотворящей успехам просвещения и образованности в России. Было время, когда великая монархиня была участницею журнала в качестве писателя. Теперь журналистика сделалась потребностью образованной части русского общества, вошла, так сказать, в его привычки и нравы, именно вследствие этого деятельного покровительства свыше. Что теперь есть (как и были прежде и, к сожалению, будут всегда) журналы, которые добиваются попасть в законодатели и оракулы наук и словесности, - это правда; но правда и то, что именно этого-то рода журналы и не успевают никогда в своем намерении, потому что успех всегда остается на стороне журналов, которые без претензий, но зато с талантом и знанием дела, объявляют свое мнение о предметах, *законно* подлежащих их суждению, то есть о науке, искусстве и литературе. Что хороший журнал должен иметь определенное мнение, быть верным однажды принятому им направлению, под опасением оказаться плохим и кануть в Лету или едва влачить свое чахоточное существование, - в этом нет ничего предосудительного. Подписываются или не подписываются критические и библиографические статьи в журнале, - это решительно все равно и нисколько не изменяет сущности дела. Когда журналист - человек без мнения, журнал его будет бесцветен и мертв, хотя бы его сотрудники и не подписывали под статьями своих имен. Когда же журналист знает свое дело, - статьи множества его сотрудников, с подписью их имен, всегда будут согласны с его мнением, потому что он не допустит до участия в своем журнале людей разномыслящих, о которых можно сказать:

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова!

Вот, например, в "Москвитянине" все критики и рецензии подписываются или полными именами, или хоть заглавными буквами имен, и все эти статьи толкуют о чем-то об одном, кажется, о словенстве или славянстве, или о чем-то этаким; но - странное дело! - во всех этих статьях, толкующих об *одном*, именно *одного-то* и нет, оттого ли, что гг. сотрудники не совсем понимают, о чем сами говорят, или оттого, что не могут согласиться друг с другом, - от той или другой причины, или по обеим вместе, только в "Москвитянине" часто выходит разногласие. За доказательством недалеко ходить. Г-н Шевырев, разбирая "Мертвые души", до небес превознес их автора; а "Голос в защиту русского языка" очень немного хорошего видит в Гоголе. Неужели такое разноречие одного и того же журнала об одном и том же писателе - есть достоинство, заслуга? И неужели говорить всегда одно и то

же, не противореча самому себе, есть больше, чем недостаток журнала? Что за странная логика у "Москвитянина"!., Но послушаем его дальше:

Не сочувствуя духу и направлению "Отечественных записок", нельзя однако же, отказать в справедливом уважении, на которое им дают право, во-первых, постоянная и строгая исправность их выхода: во-вторых, кроме *здоровой толщины* (слова "Отечественных записок") книжек, точное выполнение многосторонней программы Ж (ж) урнала. Переводные статьи, иногда заключающие в себе целые книги, непременно новы и большею частью хорошо переведены. В "Критике" иногда встречаются статьи (,) писанные бойким пером мастера. Материальная часть всегда в порядке относительно исправности печати и даже рассылки книжек. Вообще видна какая-то постоянная внимательность к читателям, заботливость сделать их довольными, которая заставила бы думать, что удовлетворение вполне их ожиданиям и вместе огромное влияние на мнение публики суть две единственные цели Ж(ж)урнала ж что за ними, уже как неминуемое последствие, приходит сама собою дань нескольких тысяч подписчиков; но "Отечественные записки" сами открывают совсем другое, усиливаясь доказать, даже с некоторою досадою, что в журнальном, так же как в мануфактурном и торговом производстве, деньги суть и цель и средство.

Благодарим за похвалы нашему журналу, как кажется, не совсем незаслуженные; но и не попустим неправды, совершенно незаслуженно на него взводимой. Да будет известно "Москвитянину" и всем, кому нужно это знать, что "Отечественные записки" никогда не говорили, что будто бы в журнальном производстве деньги суть и цель и средство. "Москвитянин" ссылается, в доказательство справедливости своего обвинения, на следующие строки "Отечественных записок";

С появления "Библиотеки для чтения" литературный труд сделался капиталом... Много было тогда об этом споров, и многие видели в этом унижение литературы, литературное торгашество. Рыцари литературного бескорыстия, или, лучше сказать, литературного донкихотства, не замечали, что в их пышных фразах больше ребячества, нежели возвышенности чувства. В наше время, когда небогачам жить так трудно и жить можно только трудом, в наше время не ценить литературы на деньги значит не ценить ее ни во что, не признавать ее существования. Действительно, можно ли предполагать богатую литературу там, где книги - не товар и где говорят: "Все товар - и битое стекло, и мусор, и песок; но книга - не товар"? Можно ли предполагать действительное существование литературы там, где может жить своим трудом и поденщик, и разносчик, и продавец старого тряпья и битой посуды, и тем более писец, - но где не может жить своим трудом писатель, литератор? Что бы ни говорили, но аксиома неоспоримая, что нельзя в одно и то же время быть вполне и хорошим чиновником и хорошим литератором: чиновник непременно будет мешать литератору, а литератор чиновнику. Чтоб быть ученым, поэтом или литератором вполне, необходимо видеть в науке, в искусстве или в литературе свое исключительное призвание, свое, так сказать, ремесло, свой род промышленности, говоря языком политической экономии.

Где ж тут сказано, что деньги - и цель и средство в литературе? После этого все поэты и художники нашего времени - торгаши, работающие *только* для денег? И из всех поэтов Байрон особенно должен быть обвинен в торгашестве, потому что, получив богатое

наследство, он все-таки брал с Муррая страшные суммы за свои поэмы. Пушкин получал от книгопродавца за каждый стих свой по червонцу: торгаш, для которого в поэзии деньги были и средством и целью! Сколько нам известно, знаменитый наш живописец К. П. Брюллов никому не дает даром своих картин, но берет за них хорошие деньги: торгаш, для которого, в живописи, деньги суть и средства и цель!.. Кто же не торгаш?.. Позвольте: что это напечатано на задней обложке "Москвитянина"? А! объявление о продолжении "Москвитянина" на 1846 год, с кратким, но красноречивым извещением, что "подписная цена за 12 книг, *большого формата, в большую осьмушку, на лучшей белой бумаге* (,) 40 рублей, с пересылкою 45 рублей ассигнациями"... Но, может быть, "Москвитянин" хотел этим намекнуть, что бывают-де на свете *бескорыстные* журналы, которые ничего не платят своим сотрудникам и вкладчикам? Действительно, бывают, - и стоит только перелистовать хоть одну книжку такого журнала, чтоб убедиться в том, что он ничего не платит за статьи: они так плохи, что у читателя невольно рождается подозрение, уж не платят ли сотрудники журнала за помещение в нем своих сочинений... Впрочем, это не больше, как подозрение, в которое может впасть только неопытный читатель: опытным известно, что такие сердобольные журналы - род литературных богаделен, где призируются все литературные недужные и калеки, все убогие и нищие умом и дарованием. Бескорыстный журналист не всегда бывает в накладе от своего серболюбия: ничего не платя своим сотрудникам, он тем более получает сам - для доказательства, что деньги есть только средство, а не цель в литературе... Бесплатные журналы издавать легко: на них нужно такое небольшое количество подписчиков, какое всегда найдется, при известной ловкости, - и издатель поэтому всегда будет с барышом, небольшим, но верным... Вот отчего иногда тянется столько лет сряду иной журналец, которого почти нигде не видно и которого, по-видимому, никто не читает...

Обвинив "Отечественные записки" так основательно в явном проповедовании мысли, будто в журнальном деле деньги не только средство, но и цель, "Москвитянин" пускается в рассуждения о том, что прежде труднее было сделаться критиком, нежели теперь, после чего вдруг переходит к статье "Отечественных записок", возбудившей его негодование, и смущается духом от слов "Отечественных записок", что первым критиком на Руси был Карамзин, а после него - Жуковский и Мерзляков. Что же тут не понравилось "Москвитянину", что смутило его так? А то, что, видите ли, и прежде Карамзина были критики. Действительно были, хотя и до того плохие, что о них не стоит и упоминать. Не всякий тот критик, кто пишет критики, так же как не всякий тот поэт, кто пишет стихи. Критик - тот, чьи мнения имеют вес и принимаются публикою, кто, следовательно, имеет большее или меньшее влияние на развитие и направление вкуса в обществе. Чтоб быть таким критиком, вовсе не нужно представить заранее "собственные произведения, если не в образец, то в оправдание своих мнений", как утверждает "Москвитянин". Чтоб быть хорошим критиком, вовсе не нужно быть поэтом, так же как для того, чтоб быть хорошим поэтом, вовсе не нужно быть критиком. Винкельман не был скульптором и не представил ни одной статуи, "если не в образец, то в оправдание своих мнений", - и тем не менее он - Винкельман, а не "Москвитянин". Что Карамзин, будучи хорошим для своего времени критиком, был вместе и таким же поэтом и писателем, - это делает ему двойную честь и славу; но нет ни малейшей нужды делать из этого примера общее правило. "Рецензент

может быть автором одних рецензий, и те писать языком небрежным, неправильным", - говорит "Москвитянин". Это еще что за новость? Писать одни рецензии, а не писать вместе с ними, например, хоть рецептов, значит впасть вдвину? Да, сочинитель этой удивительной статьи должен быть человек весьма оригинальный и вместе с тем непомерно строгий! Он напоминает нам доктора Франца, который чуть не повесил парагвайского сапожника за то, что тот не умел починить седла. Какое для нас счастье, что мы не парагвайцы: худо было бы нам!.. Касательно же того, что рецензент теперь может писать рецензии языком небрежным и неправильным, - это не новость, и дивиться тут нечему: все рецензенты, критики, поэты, словесники искони веков пользовались правом писать таким языком, каким они умеют, каким они в силах писать. Исключение остается, кажется, только за китайскими сочинителями, потому что в Китае, под опасением ста ударов бамбуком по ушам, по носу, нельзя писать, не получив на это права от палаты десяти тысяч церемоний. Оттого так и процветает литература Срединной империи! Во всех других странах мира это делается совсем иначе: всякий может писать как умеет. У нас тоже. Понятия о небрежном и неправильном языке условны: одному кажется так, другому иначе. "Москвитянину" язык "Отечественных записок" кажется небрежным и неправильным, а нам язык "Москвитянина" кажется еще хуже, нежели небрежным и неправильным. Вот для образчика несколько строк из "Москвитянина": "Конечно, из всей громады мыслей и чувств, волнующих славянское племя, возникающее из праха и отряхающее вековой сон с отяжелевших вежд, из всех стремлений, переходящих в *быти*, наибольшее наше участие должна возбуждать жизнь единоверных сербов, связанных с нами крепче других узами православия, братской любви и сильнейшим предчувствием, что опора и надежда их самостоятельности заключается в России". Что это такое - *громада мыслей и чувств*? Что такое - *стремления, переходящие в быти*? Что такое: "главное *огнище* священного огня к родине" в той же статье ("Письмо из Вены о славянских новостях" г-на Ригельмана, стр. 37 и 41)?.. Может быть, все это - образчики правильного, обработанного языка русского? Может быть! Не спорим - на вкус товарища нет! Выражения в статье "Голос в защиту русского языка" вроде: *на сию последнюю* не обнаруживают, по нашему мнению, умения хорошо писать. Правда, г. Д. (под статью "Москвитянина" подписана буква Д.) пишет довольно *правильно*; но чтоб он писал *хорошо* - это другой вопрос, который он решает по-своему, мы тоже по-своему, и которого настоящим решителем может быть только публика... Продолжая свои нападки на рецензента нашего времени, или - сказать прямее - на рецензента "Отечественных записок", "Москвитянин", или его сотрудник г. Д., говорит, что для него, рецензента нашего времени, нет законов, а он сам закон для всех, что он неумолим, как *fatum* (рок (лат.)) древних, изрекает свои приговоры без разысканий и доказательств, на основании собственного произвола, уверен в своей непогрешительности. Из чего все это следует? Бог весть! Из того, вероятно, что рецензент нашего времени решается "сметь свое суждение иметь", - между тем как г. Д., сколько заметно по тону статьи его, явно выдает произвол своих мнений за высшую инстанцию решения литературных вопросов.

Достигши своей главной цели, то есть обвинения "Отечественных записок" в разных небывалых, но тем не менее важных недостатках, "Москвитянин", или его сотрудник г. Д., переходит к своей побочной цели - к разбору рецензии "Отечественных записок" на

книжку г. Васильева "Грамматические разыскания" (том ХLI, "Библиографическая хроника", стр. 51 - 61). Он делает из нашей статьи длинные выписки, заключая каждую из них коротким замечанием собственной работы. Мы не можем и не хотим перепечатывать вновь своей статьи и потому постараемся изложить как можно короче ее содержание, подавшее повод к таким нападкам со стороны "Москвитянина", и главные пункты этих нападков.

В нашей статье было сказано, что русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий, в доказательство чего указано было на то, что в русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов. Выше мимоходом было замечено, что русский язык способен к воспроизведению изящной эллинской речи. Теперь прибавим к этому, что последнее свойство из новых европейских языков, кроме русского, принадлежит только немецкому и всего менее французскому, на котором нет никакой возможности читать Гомера, как бы перевод ни был хорош. Между тем в статье нашей было сказано, что русский язык еще не развился, не обработан, грамматика его не установилась; что наш письменный и разговорный язык тяжел, книжен, беден словами и оборотами; что наше длинное местоимение *который* и длинные причастия, действительные и страдательные, делают нашу речь неуклюжею, растянутою, тяжелою и книжною. При этом замечено о превосходстве французского языка для легкой литературы, для писем и для разговора в обществе. Замечено, что новые европейские языки, происшедшие от латинского, получили от него богатое наследие слов, выражающих глубоко рациональные понятия, выработанные древнею цивилизациею. Это признано нами, как и прежде нас признано целым светом, за великое преимущество новейших европейских языков перед русским, который поэтому необходимо должен испещряться иностранными словами.

Вот в сущности все содержание статьи "Отечественных записок", возбуждавшей негодование "Москвитянина". Не понимаем что в ней оскорбительного для нашего национального чувства? После этого как же прикажете исследовать предметы науки, искусства и литературы? После этого отдать итальянскому климату преимущество пред петербургским - значит ни больше ни меньше, как *таска России?*.. Что русский язык - один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения. Но при этом не должно забывать исторического развития России и быстрого оборота, произведенного в нем реформою Петра Великого. До Петра Великого русский язык вполне соответствовал нравственному состоянию Руси и был больше, чем только достаточен для выражения всего круга понятий того времени. Но с реформою Петра Великого, отворившею двери России дотоле чуждым ей понятиям, русский язык по необходимости должен был подвергнуться наводнению чужестранных слов и даже оборотов, а высшее общество по необходимости должно было предпочесть чужой язык своему родному. Теперь, когда у нас есть уже литература и когда самый язык подвергся большим изменениям, эта необходимость не существует более и для высшего общества. Но, несмотря на то, еще не близко время окончательного установления русского языка, и чем оно отдаленнее, тем больше надежды на более богатое развитие нашего языка.

Еще раз спрашиваем: что обидного в наших словах для чести русского языка или русской

национальности? Может быть, наше мнение неверно, ошибочно, даже вовсе ложно? Положим, что так; но неужели право ошибаться есть чье-нибудь исключительное право? Ведь "Москвитянин", верно, не считает же себя непогрешительным? Если наше мнение о русском языке показалось ему ошибочно или ложно, он мог сделать свои замечания на наше мнение, опровергнуть его, но не должен, не вправе был приписывать нам по этому поводу намерений, которых у нас вовсе не было. К чему такая нетерпимость к чужому мнению, и в ком же? - в журнале, который беспрестанно рассуждает о добродетели, кротости, смирении, любви!..

Но взглянем на доводы "Москвитянина". Первый запрос его нам состоит в том, зачем, говоря о влиянии на русский язык наших знаменитейших светских писателей, умолчали мы о влиянии на него писателей духовных? Отвечаем: журнальная рецензия - не диссертация, не ученая книга, где предмет сочинения исчерпывается по мере возможности весь, до дна. Явится другая книжка, вроде сочинения г. Васильева, мы, разбирая ее, скажем то, чего не досказали по поводу первой; явится третья - опять найдется что сказать по ее поводу о том же предмете. Сверх того, мы были, как говорится, в своем праве, говоря о влиянии на русский язык только светских писателей, так же как всякий другой был бы в своем праве, говоря о влиянии на наш язык только духовных наших писателей. Тут все многозначительные вопросы - *зачем* и *почему*, не имеют места, и на них один ответ: потому что так хотели мы.

Второй запрос состоит в том, зачем "Отечественные записки" не показали влияния на язык нашего юридического красноречия? "Или (многознаменательно и чисто юридически замечает рецензент) эта отрасль языка у народа, имеющего гражданское устройство, так ничтожна, что не заслуживает и упоминения?" Отвечаем на это: мы вовсе не знакомы с русским судебным красноречием, потому что, как замечает сам судья наш, произведения этого рода не напечатаны. А о том, что не напечатано, журнал не имеет права и судить. Рецензент "Отечественных записок" нисколько не сомневается, что рецензент "Москвитянина" знает все науки и что ему в особенности знаком язык юридический, как это доказывает, статья его: тем лучше для него, - ему и книги в руки!

Третий запрос: почему рецензент "Отечественных записок", говоря о Пушкине как преобразователе языка, останавливается на повести "Арап Петра Великого" и не говорит ни слова об "Истории Пугачевского бунта"? Ответ: рецензент забыл и охотно признает свою забывчивость непростительною, а третий запрос дельным.

Четвертый запрос: почему рецензент "Отечественных записок" не упоминает, например, о "Письмах русского офицера" Ф. Глинки? Ответ: оттого, что не считает их стоящими упоминения. Может быть, рецензент "Отечественных записок" в этом случае ошибается, но "ошибки суть свойственны человеку" - *errare humanum est*. Почему же он не упомянул о других, действительно важных произведениях, упоминаемых ниже рецензентом "Москвитянина", - причина та, что он писал не диссертацию, а рецензию.

Что касается до стихов Кольцова, приведенных в рецензии "Отечественных записок" как пример живописности русского языка в изображении предметов природы, они действительно выражаются таким слогом, который очень естествен в произведении, написанном в духе народной поэзии.

Но вот самый страшный запрос: где рецензент "Отечественных записок" изучал русский

язык - в пословицах, в песнях, в исторических актах? Потом, именно где и в чем изучал он - в своем кабинете, в бархатных сапогах, или в других каких-нибудь местах и в других сапогах? На это рецензент "Отечественных записок" имеет честь ответить рецензенту "Москвитянина", что бархатных сапогов он не носит, что русский язык изучал он больше всего в сочинениях русских писателей и в образованном обществе; с пословицами знаком; сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, знает чуть не наизусть; читывал не без внимания и другие сборники произведений народной поэзии; к русскому народу прислушивался... Во всяком случае, с отроческих лет по страсти занимаясь русской литературой и русским языком и лет около пятнадцати действуя на литературном поприще с такою удачею, что сам "Москвитянин" признал некоторые критические статьи его в "Отечественных записках" писанными бойким пером мастера, рецензент "Отечественных записок" думает, что в деле русской литературы и русского языка он что-нибудь знает, - может быть, не так много, как рецензент "Москвитянина", г. Д., но ведь не всем же быть генералами, то есть полководцами; для многих и офицерский чин - недостижимая высота: овому талант, овому два...

Далее рецензент "Москвитянина" делает нам запрос: в каких салонах *au Marais*, *a la Chaussee d'Antin* (Марэ, Шоссе д'Антен (фр.)) или в предместьях *Saint-Germain* (Сен-Жермен (фр.)) случалось нам слышать слова *substance*, *absolu*, *abstrait*, *concret* (субстанция, абсолютный, абстрактный, конкретный (фр.)), и есть ли во французском словаре Академии слова: *indifferentisme* и *obscurantisme* (индифферентизм, обскурантизм (фр.))? Ответ: рецензент "Отечественных записок" не был во Франции, и ему мало нужды до того, какие употребляют или не употребляют слова салоны *au Marais*, *a la Chaussee d'Antin* и в предместьях *Saint-Germain*. Прошло уже то время, когда свет образования был монополиею этих трех пунктов Парижа; он теперь во всем Париже, везде, где сходятся образованные люди. Слово *substance* имеет не одно философское значение, но и житейское: оно означает и припасы (съестные), и материю, и сущность; *absolu* - самое употребительное слово, особенно в приложении к словам: *gouvernement*, *puissance*, *monarchie* (правительство, держава, монархия (фр.)): может ли быть оно неупотребительным в простом разговоре там, где все помешаны на политике? Слово *individu* (индивидуум, личность, человек (фр.)) самое простое: его встретите и в романе, и в комедии, и в водевиле. Есть ли слова: *indifferentisme* и *obscurantisme* в словаре Французской академии издания 1835 года, не можем сказать, за неимением под рукою этого словаря; но, в утешение рецензента "Москвитянина", скажем, что они есть не только в "Dictionnaire general et grammatical des dictionnaires francais" ("Всеобщий и грамматический словарь французских словарей" (фр.)) Наполеона Ланде, изданном в 1843-м году*, но даже в "Словаре" Татищева, изданном в 1839 - 1841 годах. Впрочем, до словарей нам дела нет: с нас довольно и того, что эти слова встречаются даже в романах и повестях лучших французских писателей, которые не следуют примеру немцев, пишущих книжным или темным языком.

* "Indifferentisme, subst. et adj. des deux genres, partisan de Vindij-ferentisme" (tome II, стр. 66). - "Obscurantisme, subst. mas., secte, systeme des obscurants" (ibid., стр. 278) ("Индифферентизм, существ. и прилаг. обоих родов, сторонник индифферентизма" (том II,

стр. 66). - "Обскурантизм, существ, м. рода, секта, учение обскурантов" (там же, стр. 278) (фр.)).

Теперь мы дошли до такой мысли "Москвитянина", которая, по самой оригинальности своей, весьма замечательна. Рецензент "Отечественных записок" назвал слова: *фабрика, губерния, маляр, кучер, мастер, мастерство, подмастерье, смастерить* - иностранными, вошедшими в состав русского языка. Рецензент "Москвитянина", прибавив к ним, как он говорит, и старших их братьев азиатского происхождения: *ясак, ерлык, аргамак, халат*, изъявляет свое согласие признать все эти слова не русскими, а иностранными, но не просто, а на том условии, чтоб рецензент "Отечественных записок" доказал ему, что "те, чьи предки выехали в XIV столетии *от немец* и из Золотой орды к Димитрию Иоанновичу Донскому, и доселе не русские, а иностранцы, хотя 500 лет исповедают (псповедывают?) православную веру, говорят русским языком, служат и пользуются всеми правами гражданства". Рецензент "Отечественных записок" решительно отказывается доказывать такую странность; а что касается до помянутых слов, он также признает их не русскими, а иностранными, как русских людей иностранного и притом древнего происхождения признает совершенно русскими, а не иностранцами, - и основывается на том, что национальность человека способна к перерождению физическому и нравственному и что слова не исповедывают никакой веры, не женятся и не родят.

Особенное негодование возбудило в "Москвитянине" мнение "Отечественных записок" о непереводаемости на русский язык французского слова *charite*, которого значение не вполне передается русским словом "милосердие". "Москвитянин" почел долгом воспользоваться этим случаем. Он приводит тексты из апостола Павла на французском, русском, церковнославянском и немецком языке, из которых видно, что французское слово *charite* по-русски и по-немецки заменены словом *любовь*. Не явное ли это доказательство, что у французов словом больше против русских и немцев, потому что, кроме слова *amour* (любовь), у них есть еще и слово *charite*, которое означает деятельную, практическую любовь, обнаруживающуюся стремлением облегчать страдания ближнего. Мы не думали доказывать, что отсутствие этого слова у народа может служить признаком отсутствия и выражаемого им понятия. Нет, отсутствие слова *charite* дает слову *любовь* только обширнейшее значение, а у французов оно служит признаком филологического, а отнюдь не христианского преимущества перед нами. Поэтому совершенно неуместны следующие фразы "Москвитянина": "Жалок тот народ, не совсем полудикий, который живет и не имеет в своем языке слова, для выражения вполне понятия (,) заключающегося в слове *charite*", и что "этот народ - русский". Хорошее ли дело произвольно приписывать другим подобные мысли?..

Затем в статье "Москвитянина" следует длинный ряд фигур единоначатия, начинающихся фразой: "Не верим рецензенту "Отечественных записок"". Действительно, рецензент "Москвитянина" так же ни в чем не верит рецензенту "Отечественных записок", как рецензент "Отечественных записок" ни в чем не верит рецензенту "Москвитянина". Дело очень простое и естественное: зачем же делать из него что-то важное? Вот и оказалось, кто считает себя непогрешительным, кто неумолим, как *fatum* древних, кто

изрекает свои приговоры без разыскания и без доказательств или с весьма бездоказательными доказательствами, на основании своего собственного произвола: рецензент ли "Отечественных записок" или рецензент "Москвитянина"? Слово: "не верим" не есть еще приговор; вы не верите другим: другие в том же не поверят вам. "Москвитянин" уверяет, что "нашлось возможным передать на нашем языке философию, *даже (?) Шеллинга и Окена*". А кто же говорил, что они непереводаемы по-русски? Мы говорили только, что их *невозможно* перевести, не испещрив русского перевода множеством иностранных слов, и повторяем это теперь. Если некоторые пуристы слова: *индивидуум* и *факт* заменяют словами *неделимый* и *быть*, так это только смешно, а ничуть не доказательно. Что французский язык был разработан и развит два века назад, - это факт, несмотря на все цитаты "Москвитянина". Тут невозможны никакие параллели с русским языком. Не говоря уже о превосходстве гения, сравните по чистоте языка - Расина (и даже Корнеля) с Озеровым, - и вы увидите, что тут неуместны все сравнения; а между тем это писатели XVII века, Озеров же - писатель XIX века. Тут нечего восклицать: "Этому ли богатству нам завидовать?" Именно этому! Что Вольтер жаловался на бедность французского языка, - это не доказывает богатства русского; это доказывает только, что Вольтер не принадлежал к числу тех посредственностей, которые способны остановиться на чем-нибудь и удовлетвориться чем-нибудь. Сверх того, никакой язык ни в какую эпоху не может быть до того удовлетворительным, чтоб от него нечего было больше желать и ожидать. Что же касается до Фонвизина, с его неестественными, безличными и скучными резонерами, вроде Стародумов, Софий, Милонов (а не Милоновых) и Правдиных, до Грибоедова и Гоголя, - мы отказываемся от всякого спора с рецензентом "Москвитянина": все доказывает, что судить о поэзии вовсе не его дело... Если он в чем силен, так это в юриспруденции... - О языке Карамзина и теперь подтверждаем наше мнение, считая его столько верным, сколько "Москвитянин" считает его ошибочным...

Наконец, рецензент "Москвитянина" наполняет свою статью с лишком тремя печатными листами выписок из "Слов и речей" преосвященнейшего Филарета, митрополита московского. Очень любопытен этот оборот. Рецензент "Отечественных записок" сказал, что годовой бюджет нашей литературы так беден, что публике нашей почти нечего читать. Рецензент "Москвитянина" объявляет это мнение тем разительнее неосновательным, что в тех же "Отечественных записках", месяца за четыре назад, извещалось о выходе из печати "Слов и речей" преосвященнейшего Филарета, митрополита московского. Где ж тут разительная неосновательность? Мы говорили о светской литературе, о романах, повестях, стихотворениях, драмах и т. п.; по ни слова не говорили ни о богатстве, ни о бедности теологической литературы...

В одном мы совершенно согласны с рецензентом "Москвитянина": именно - в его мнении о высоком достоинстве "Слов и речей" преосвященнейшего Филарета, как со стороны глубокости их содержания, так и со стороны красноречивого изложения. И рецензент "Москвитянина", наполнив большую часть своей статьи выписками из этих "Слов и речей", имеет полное право сказать, что в его статье есть много мест, исполненных высокого красноречия, хотя и принадлежащих не его, а чужому перу.

Царство веры не от мира сего. Церковь, для ее действия, не нуждается в

обыкновенных средствах. Для ее вечных, непреходящих и неизменных истин всякий человеческий язык был, есть и будет достаточен и богат. Проповедь требует больше любви и убеждения от проповедника, нежели богатого развития от языка, на котором говорит проповедник. Первые апостолы были рыбаки, которые, в простоте сердечного убеждения, прозрев духовно, увидели больше мудрых Мира и сделались *ловцами человеков*... Короче: мы думаем, что история духовного красноречия должна быть изучаема и излагаема отдельно от истории светской литературы. Это дело людей, посвятивших себя изучению богословия. Говоря о духовных витиях, нельзя же ограничиться одною внешнею стороною их "слов" и "речей", то есть одним красноречием, но невольно коснешься и содержания, с которым оно связано и от которого оно получает свою силу. А это значит войти в сферу теологии... О предметах теологических должны рассуждать теологические, а не литературные журналы, наполняемые стишками, сказками, всякою мирскою суетою, а иногда - что греха таить! - и спорами, которые порождаются не совсем христианскими чувствами...

Вот другое дело, если мы скажем, что словесность как наука выдумана педантами, что риторика и пиитика - вздор, а рецензент "Москвитянина" объявит, что он в этом нам "не верит": об этом можно спорить и важно, и шутя... Мы представили, в оправдание своего мнения о словесности как науке, о риторике и пиитике, целую статью, с посильными доказательствами и доводами; а рецензент "Москвитянина" без всяких доказательств, одним "не верю", напоминающим самовластное "veto" (запрещаю (лат.)), думает порешить вопрос... Так решать легко!

Но такие решения не стоят ни внимания, ни опровержения. Нас совсем другое заставило взяться за перо: это вовсе не литературные обвинения, взводимые на нас "Москвитянином" уже не в первый раз. Без них мы и не упоминали бы никогда об этом журнале, но при них мы не считаем себя вправе оставлять его без ответа. Думаем, все благомыслящие люди согласятся с нами, что молчать в подобных случаях не годится...³³

Журнальная заметка

Коробкин (*продолжая читать*). "Какой-то судья Ляпкин-Тяпки, ужасный мове тон"... (*останавливается*). Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит. Еще хорошо, если только мошенник, а может быть и того еще хуже.

"Ревизор". *Комедия Гоголя*

В нашей литературе, именно журнальной, и особенно петербургской, так много удивительного для нас, москвичей, что мы уже потеряли способность удивляться. Например, там есть престранный обычай: разберяют московский журнал или московского литератора да и заключат желанием, чтобы московская журналистика и московские

литераторы оставили дурную привычку браниться... Это очень мило -- не правда ли?

В 140 Но "Северной пчелы" напечатана шумливая выходка иротив "Наблюдателя"¹. Она подписана буквами Ф. Б., этими буквами, которые так нежданно слетели с "Сына отечества" вместе с "Северным архивом"². Поэтому имя Фаддея Венедиктовича, знаменитого автора "Выжигиных"³, нас очень удивило, снова появившись в "Северной пчеле". Но ничему не должно удивляться:

Чудес на сей земле рассеяно без счету,
Да не везде их всякий примечал⁴.

Главная нападка устремлена на "Наблюдателя" за употребление новых и непонятных для г. Булгарина слов, каковы: *конечность, прозрачность, действительность, просветление, субъективность, объективность*. Г-н Булгарин сперва заметил мимоходом, и очень остроумно, что при "Наблюдателе" апрельские моды приложены к мартовской книжке, а мартовская книжка вышла в мае; но так как обвинение и остроты по этому поводу стали уж слишком однообразны и стары, то мы и не возражаем на них, отдавая, впрочем, полную справедливость остроумию автора такого множества юмористических статей и сатирических романов. Итак, г. Булгарин не понимает слов: *прекраснодушие, субъективность, объективность, конечность, прозрачность, просветление, действительность* и пр. Что он их не понимает -- в этом мы ему охотно верим: но чем же мы виноваты, что он не понимает? Есть люди, которые находят *для себя* непонятными даже "Московские ведомости", самый доступный журнал⁵, а те, которые никогда не учились читать, не понимают ничего писаного и печатного, но они, вероятно, винят в этом не писаное и печатное, а самих себя; если же они поступают наоборот, то кладут на себя желтый шар в лузу, говоря биллиардным выражением одного известного литератора⁶. Г-н Булгарин не понимает, что такое *внутреннее распадение и внутренняя разорванность*, и мы несколько не удивляемся, что он не понимает этого. Слово есть выражение, выговаривание чего-нибудь существующего, как явление, и чтобы выговорить или назвать явление, надо иметь это явление в созерцании, чувственном или внутреннем, духовном. У кого есть во лбу два здоровые глаза, тот легко может созерцать явления, подлежащие чувственному созерцанию; чтобы созерцать явления духа, для этого надо иметь дух, богатый явлениями. Мы не раз уже повторяли, что сознавать можно только существующее и что существующее для одного есть часто призрак для другого. Отчего поэтов любят и непоэты, отчего одного поэта любит целый народ, а иногда и целое человечество? Оттого, что в духе такого поэта происходят *все* явления, которые *порознь* происходят в каждом из членов народа и человечества. Жизнь духа есть бесконечная лестница, и каждый человек стоит на известной ступеньке этой великой лестницы. *Распадение и разорванность* есть момент духа человеческого, но отнюдь не каждого человека. Так точно и *просветление*: оно есть удел очень немногих, и даже в самых этих немногих является в бесконечно различных степенях. Царство духа подлжит тем же законам, как и царство природы: и в нем есть и растения, и полипы, и инфузории, и, наконец, минералы.

Чтобы понять значение слов *распадение, разорванность, просветление* надо или

пройти через эти моменты духа, или иметь в созерцании их возможность. Кто же не проходил через них и не имеет в созерцании их возможности, тому нет никакой возможности растолковать их.

Что такое *конечный рассудок*?-- спрашивает г. Булгарин, показавши сперва, что он понимает немецкую философию и глубоко уважает ее. Что такое *конечный рассудок*, спрашивает он -- и решает этот вопрос новым вопросом: "Не тот ли, что комар вынес на *кончике* своего носа, как говорится в солдатских поговорках?" Вы угадали, Фаддей Венедиктович,-- именно тот самый. Всем известно, что наши храбрые солдаты *тоже* понимают немецкую философию и глубоко уважают ее.

Г-н Булгарин очень вежливо, совершенно европейски называет нас *шарлатанами*, которые коверкают чужие мысли, чтоб прослыть учеными {В другом месте своей статьи г. Булгарин, выписав из "Наблюдателя" фразу⁷, говорит: "Ей-богу, это *субъективная* и *объективная* галиматья, отрицательный абсолюте = 0". Не правда ли, что это образец журнальной и литературной вежливости!}. На это мы ничего не возражаем: это не наш язык. Если бы г. Булгарин настоятельно потребовал от нас объяснения на этот счет, то мы выставили бы, за себя, на диспут с ним, таких людей, которые не принадлежат к литературному миру, точно так же, как слова г. Булгарина не принадлежат к литературному языку.

Домашние наши *новомыслители*, которых деятельность начинается с покойной "Мнемозины" и продолжается сквозь ряд покойных журналов в нынешнем "Московском наблюдателе", беспрестанно придумывают *новые* слова и выражения, *чтоб выразить то, чего они сами не понимают*⁸. Сперва они выезжали на чужеземных выражениях: *абсолюте*, *субъективе (?)* и *объективе* и пр. Теперь они прибавили к чужеземщине множество русских слов, дав простому их значению *таинственный* смысл. Любимые их слова теперь: *конечность*, *призрачность*, *просветление*, *действительность*; но настоящий фаворит -- *призрачность*.

Так говорит г. Булгарин. Что все это остроумно и вежливо -- в этом нет сомнения: г. Булгарин давно уже приобрел себе громкую известность остроумием и вежливостью своих журнальных статей; это было замечено еще г. Косичкиным по поводу одного петербургского литератора, у которого мизинец заключал в себе больше ума, нежели головы всех московских литераторов⁹. Что же касается до того, что г. Булгарин называет наш журнал продолжением "Мнемозины", то мы принимаем это обвинение за комплимент и чувствительно благодарим за него, если только г. Булгарин смотрит на "Мнемозину" как на такой журнал, предметом которого было -- искусство и знание¹⁰. Что касается *досубъектива* и *объектива* -- то на этот раз г. Булгарин сам увлекся страстию нововведения и выдумал два таких слова, которых в русской литературе никогда не было. Чтобы не повторять одного и того же, скажем однажды навсегда, что употребление новых слов без расчетливой осторожности точно может повредить их успеху, и мы решились употреблять их не иначе, как с объяснением, и -- пока они не утвердились -- как можно меньше. Но беда не велика, если вначале было поступлено не так: все ложные, то есть ненужные, слова уничтожатся сами собою, а удачно составленные и придуманные

удержатся, несмотря на все остроумие ожесточенных гонителей всего нового, оригинального, всего выходящего из рутины посредственности, всего носящего на себе характер самобытности и силы. Когда М. Г. Павлов, начавший свое литературное поприще в "Мнемозине" и первый заговоривший в ней о *мысли* и *логике*¹¹ -- предметах, о которых до "Мнемозины" русские журналы не говорили ни слова,-- когда М. Г. Павлов начал употреблять слово *проявление*, то это слово сделалось предметом общих насмешек, так что антагонисты почтенного профессора называли его, в насмешку, "господином, который употребляет слово "проявление"", а теперь всем кажется, что будто это слово всегда существовало в русском языке.

Г-н Булгарин сердится на нас за то, что мы Пушкина называем *великим* поэтом: что делать?-- это *наше* мнение, которое мы имеем полное право выговаривать, и еще тем смелее, что оно утверждено целым народом. Еще раз просим извинения у г. Булгарина в нашей слабости любить и дорожить дарованиями, делающими честь *нашему* отечеству. Пушкин великий поэт, и поэт русский, русский и по душе и по крови. Мы, впрочем, понимаем, как трудно сойтись нам с г. Булгариным во мнении о Пушкине, который, без сомнения, и по очень понятной причине, имеет для нас несравненно высшее значение, нежели Мицкевич¹².

Г-н Булгарин сердится на нас еще за то, что мы первым русским прозаиком почитаем г. Гоголя;¹³ этого мало -- мы почитаем его еще и *великим поэтом*. Конечно, это не может быть приятно г. Булгарину; но это не одному ему неприятно: за это на нас многие негодуют. Посредственность -- везде посредственность!

В нашем журнале про Пушкина было сказано, что в "Сказке о рыбаке и рыбке" он возвысился до совершенной *объективности*, а г. Булгарин говорит, будто мы сказали, что он возвысился тут до совершенной *субъективности*. Мы слишком далеки от мысли, чтобы г. Булгарин с умыслом заменил слово *объективность* словом *субъективность*. Нет! тысячу раз нет! Он сделал это совершенно добросовестно: в отношении к этим словам он поступает точно так же, как наш добрый простой народ в отношении к европейцам: будь италиянец, будь англичанин, будь испанец, а у него всё немец! Уверяем г. Булгарина, что мы нисколько не сердимся на него за это: добродушное незнание *достолюбезно*, но ничуть не обидно. Но вот против чего мы не можем не возразить: г. Булгарину показалось, будто мы под *субъективностью* разумеем *грубость*, *нехудожественную естественность* или попросту *мужиковатость*, и что будто бы, по нашему мнению, этими достоинствами отличается "Сказка о рыбаке и рыбке" Пушкина. И это г. Булгарин вывел из того, что мы игру г. Ленского в роли Хлестакова находим субъективною и потому отличающеюся нехудожественною естественностию и грубостию. Чтобы вывести Булгарина из заблуждения, поспешим растолковать ему, что значит *субъективность*. *Субъект* есть мыслящее существо (человек); *объект* -- мыслимый предмет. Чтобы мышление было верно, надобно, чтобы понятие субъекта об объекте было тождественно с объектом. Истинному познанию предметов нам часто мешает наша субъективность, вследствие которой мы, вместо того чтобы определить то значение, которое именно выражает предмет нашего суждения, придаем ему наше значение и тем из предмета делаем призрак, то есть совсем не то, что он есть в самом деле, а то, чем он нам кажется. Сквозь зеленые очки все предметы кажутся зелеными. У души человека есть свои очки,

которые снимают с нее знание и разумный опыт жизни. Объясним это примером. Христианские народы отличаются терпимостью всех религий, магометане ненавидят и преследуют все, что не магометанство. В первом случае видно умение перенестись в чуждую сферу и понять чуждое себе явление -- это объективность; во втором случае видна чистая субъективность. Но вот пример еще ближе к делу. Шиллер был субъективен в своих первых произведениях: он изображал в них людей не такими, каковы они суть и какими, следовательно, должны быть, но такими, какими они ему представлялись или какими он хотел, чтоб они были. Но субъективность отнюдь не есть мужиковатость, хотя и может быть мужиковатостью по свойству субъекта: это мы сейчас докажем. Шиллер велик в самой своей субъективности, потому что его субъективность есть субъективность гения. Он создал себе идеал человека и осуществил его в маркизе Позе¹⁴. Теперь, в противоположность Шиллеру, возьмем вас, почтеннейший Фаддей Венедиктович: в бесподобном романе своем "Иване Выжигине" вы изобразили Вороватиных и Ножатиных, истинных негодяев и извергов, но вы их и называете негодьями и извергами -- это объективное изображение. Но вы же в своем Иване Выжигине были творцом чисто субъективным, потому что силились выразить в нем ваш идеал человека. Конечно, ваш Выжигин -- человек очень добрый и почтенный, но далеко не идеал человека.

Потом г. Булгарин грозно обвиняет нас в несправедливом отзыве о петербургских артистах -- гг. Каратыгине и Сосницком. Не хотим повторять без нужды уже сказанного нами об этих артистах, а скажем только, что на этот раз г. Булгарин вполне нас понял и вполне развил мысль, слегка нами высказанную. Нам остается только благодарить его за это¹⁵.

Что Скриб выше Гюго и Ламартина -- это наша мысль, и мы снова повторяем ее; но Ламартина, вместе с Шатобрианом, мы относим к школе идеальных, а не неистовых поэтов юной Франции: к неистовым принадлежат Гюго, Дюма, Бальзак и пр.¹⁶

Г-н Булгарин обвиняет нас за помещение повести "Одни сутки из жизни старого холостяка"¹⁷. Повесть ему не нравится, а нам очень нравится, без чего мы, разумеется, и не поместили бы ее. О вкусах спорить трудно, особенно там, где вкусы диаметрально противоположны. Нам самим не нравится многое, что восхищает г. Булгарина, и мы очень понимаем возможность ошибки с нашей стороны. Не все обладают критическим талантом г. Косичкина, который умел помирить двух врагов и соперников, отдавши каждому должное -- у одного похваливши элемент философский, а у другого поэтический¹⁸.

Как милости, просим у "Московского наблюдателя" порицать и объявлять дурным, негодным все, что мы ни напишем, и за это обещаем примерную благодарность. Если б нас похвалили в "Московском наблюдателе", тогда мы *сокрушили бы* перо свое и, произнося с *сокрушенным* сердцем: "mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa" {"моя вина, моя вина, моя большая вина" (лат.). -- Ред.} (латинское выражение -- по-французски оно значит pardon, по-польски *padam do nog*, а по-русски -- вперед не буду), навеки бы замолчали¹⁹.

У страха глаза велики -- говорит русская пословица. Нет, г. Булгарин, не бойтесь и пишите на здоровье: даем вам слово не бранить ничего, что вы напишете. И зачем это и к чему

это! Всякий писатель оканчивает свое поприще тем, что его перестают наконец бранить, потому что все убеждаются, что или он точно велик, или лучше не будет и писать не перестанет. Что же до того, чтобы хвалить вас... если только вы сдержите ваше обещание... нам так хотелось бы оказать русской литературе такую великую услугу... обольщение велико -- но -- пишите, пишите, г. Булгарин, а у нас нет сил на такой подвиг!..

После этого милости просим верить журнальным суждениям, объявлениям и декламациям! После этого просим гневаться на публику за то, что она не поддерживала и не поддерживает журналов, издававшихся и издающихся в духе "Московского наблюдателя".

На это мы заметим только то, что "Сын отечества" издавался совсем не в духе "Московского наблюдателя", а между тем публика так слабо поддерживала его, что нужен был московский литератор, чтобы спасти этот журнал от смерти, и еще нужно было из двух журналов сделать один и исключить имя одного из двух редакторов²⁰.

В заключение, просим всех любителей русской словесности читать "Московский наблюдатель", потому что это лучшее средство для оценки литераторов, принадлежащих к двум литературным мнениям.

Странное заключение! Как противоречит оно духу и содержанию всей статьи!

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Белинский, АН СССР -- В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., тт. I-- XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953-1959.

"Белинский и корреспонденты" -- В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1948.

Белинский. Письма -- Белинский. Письма. Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, тт. I--III, СПб., 1914.

"Воспоминания" -- В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1962.

ГБЛ -- Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

КСсБ -- В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I--XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859--1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КСсБ, Список I, II...-- Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное изд. "по незначительности своей".

ЛН -- "Литературное наследство". М., Изд-во АН СССР.

Панаев -- И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПссБ -- Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (тт. I--XI) и В. С. Спиридонова (тт. XII--XIII), 1900--1948.

Пушкин -- А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М.--Л., Изд-во АН СССР, 1962--

1965.

Станкевич -- Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830--1840. М., 1914.

Журнальная заметка (с. 331--336). Впервые -- "Московский наблюдатель", 1838, ч. XVII, май, кн. 1, "Смесь", с. 144--156 (ц. р. 11 июня; вып. в свет 27 июля). Подпись: *Московский наблюдатель*. В оглавлении журнала подзаголовок: "Ответ г-ну Фаддею Булгарину". Вошло в КСБ, ч. II, с. 461--470.

"Журнальная заметка" произвела сильное впечатление на современников. И. И. Панаев писал Белинскому из Петербурга 11 октября 1838 года: "Отповедь ваша Фаддею -- усладительна, эпиграф бесподобен" ("Белинский и корреспонденты", с. 199). Эпиграф взят из "Ревизора" Гоголя (д. V, явл. 8).

¹ Фельетон Ф. Булгарина "Журналистика" в "Северной пчеле" (1838, No 140, 23 июня, с. 557--559) представлял собой резкую критику, граничащую с доносом, первого номера реорганизованного "Московского наблюдателя" и был направлен в основном против предисловия М. А. Бакунина к "Гимназическим речам" Гегеля и четырех рецензий Белинского: "Литературная хроника", "Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета", "Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего", на комедию-водевиль Н. Соколова "Невеста под замком".

² Журнал "Сын отечества" в 1812--1824 гг. издавался и редактировался Гречем, с 1825 г. -- Булгариным и Гречем. Булгарин в 1822--1828 гг. издавал и редактировал журнал "Северный архив". В 1829 г. оба журнала объединяются -- начинает выходить "Сын отечества и Северный архив" под общей редакцией Греча и Булгарина. В 1837 г. Булгарин и Греч передали издание журнала А. Ф. Смирдину, оставляя за собой редакторские функции (Греч -- редактор, Булгарин -- его помощник). Смирдин, намереваясь оживить журнал, осенью 1837 г. в качестве неофициального редактора (точнее, редактора литературно-критических отделов) приглашает Н. А. Полевого. В марте--апреле 1838 г. журнал сохраняет прежнее наименование и редакторами названы Н. Греч и Ф. Булгарин. С мая журнал начал выходить под названием "Сын отечества" и на титуле значилось: "Редактор -- Греч". Полевой продолжал оставаться неофициальным редактором "Сына отечества" до 1840 г.

Газету "Северная пчела" Булгарин и Греч редактировали совместно с 1831 г.; первые полтора месяца 1838 г. редактором литературной части газеты был Н. А. Полевой.

³ Имеются в виду романы: "Иван Выжигин" (СПб., 1829) и "Петр Иванович Выжигин" (СПб., 1831).

⁴ Неточная цитата из басни Крылова "Лжец".

⁵ Именованное "журналом" всех видов периодических изданий (в том числе и газет) обычно для того времени.

⁶ Этим выражением воспользовался Булгарин в статье "Исторические пояснения на замечания Н. А. Полевого о соч. Ф. Булгарина "Россия": "...вашиими выходками против меня вы кладете на себя желтый шар в лузу (см. правила биллиардной игры) и доставляете мне случай выиграть партию" ("Библиотека для чтения", 1838, т. XXVIII, приложение к No 6, с.

8).

⁷ Булгарин выписал фразу из рецензии Белинского "Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего".

⁸ Курсив Белинского.

⁹ Белинский напоминает памфлет Пушкина (опубликованный под псевдонимом "Феофилакт Косичкин") "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем".

¹⁰ "Мнемозина" -- московский альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского; вышло четыре книжки: три в 1824 г. и одна в 1825 г. Будучи изданием декабристской ориентации, "Мнемозина" сыграла большую роль в утверждении нового направления литературы -- романтизма. Белинский хорошо знал содержание "Мнемозины", ее борьбу с изданиями Булгарина, высоко ценил роль этого "журнала-альманаха" в развитии русской философской и эстетической мысли, научной терминологии.

¹¹ Мысли и логике большое внимание уделено, в частности, в статье М. Г. Павлова "О способах исследования природы" ("Мнемозина", ч. IV. М., 1825, с. 1--41), в которой автор доказывал преимущества "умозрительного" научно-философского метода исследования перед "эмпирическим".

¹² Булгарин возмущался тем, что "Московский наблюдатель" пишет о Пушкине, "прилагая каждый раз при его имени прозвание *великого*". Отвечая Булгарину (и упоминая Мицкевича), Белинский намекает на нерусское (точнее, польское) происхождение своего злобного противника.

¹³ Булгарин писал: "А кто у нас в России первый прозаик? Отгадайте! По мнению "Московского наблюдателя" -- это Гоголь!!!" Булгарин имел в виду высказывание о Гоголе Белинского в "Литературной хронике" (см. наст. т., с. 268--269, 274).

¹⁴ *Маркиз Поза* -- герой трилогии Шиллера "Дон Карлос".

¹⁵ Излагая мнения Белинского о Каратыгине в заметке "Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета" и о Сосницком в заметке "Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего", Булгарин еще более заострил отрицательное суждение Белинского о петербургских артистах, что вполне устраивало Белинского.

¹⁶ В рецензии на комедию-водевиль Н. Соколова "Невеста под замком" Белинский писал: "...Беранже и Скриб, в наших глазах, выше Гюго, Ламартина и всей компании неистовых и идеальных гениев, известных под фирмою *la jeune France*" (Белинский, АН СССР, т. II, с. 362).

Это высказывание Белинского Булгарин также представил неверно: не соглашаясь с Белинским, что "Скриб *выше* Виктора Гюго и Ламартина", Булгарин одновременно приписал ему заявление, что "Ламартин принадлежит к *неистовой* школе во Франции". Свое понимание двух школ во французской поэзии 1830-х гг. -- идеальной и "неистойой" -- Белинский подробно изложил в рецензии на "Краткую историю Франции до Французской революции..." (см. наст. т., с. 337--341).

¹⁷ Повесть П. Н. Кудрявцева; была напечатана в "Московском наблюдателе", 1838, ч. XVI, март, кн. 1 за подписью: А. Н.

¹⁸ Белинский напоминает о памфлете Пушкина "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов". Здесь под видом "ученого" рассуждения добродушного, не искушенного в литературе Феофилакты Косичкина Пушкин дает убийственную по своей

иронии сравнительную характеристику романов (и вообще литературной деятельности) Булгарина и третьесортного московского сочинителя А. А. Орлова. Сопоставив "сии два блистательных солнца нашей словесности", Косичкин заключил: "Фаддей Венедиктович более философ; Александр Анфимович более поэт".

¹⁹ Курсивы принадлежат Белинскому.

Николай Страхов

Родился 16 октября 1828 г. В Белгороде, Курской губернии; сын магистра Киевской академии, протоиерея и преподавателя словесности Белгородской семинарии. Рано лишившись отца, Страхов был взят на воспитание братом матери, ректором Каменец-Подольской, а затем Костромской семинарии. Окончив курс в последней, Страхов в 1845 г. Поступил на математический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 1848 г. Перешел на естественно-математический разряд Главного педагогического института, где окончил курс в 1851 г. Был учителем физики и математики в Одессе, потом преподавал естественную историю во 2-й Санкт-Петербургской гимназии. В 1857 г. Защитил диссертацию на степень магистра зоологии «О костях запястья млекопитающих». Диссертация имеет научные достоинства, но на диспуте не обладавший даром слова магистрант защищался неудачно, вследствие чего при замещении зоологической кафедры в Петербурге и Москве ему предпочли других кандидатов, а приглашения в Казань он принять не захотел. В 1858 г. Уже и раньше кое-что печатавший Страхов выступил в «Русском Мире» с «Письмами об органической жизни». Они обратили на себя внимание и сблизили автора с Аполлоном Григорьевым, дружба с которым имела решающее значение в истории литературного мирозерцания Страхова. В 1861 г. Он оставил службу и стал ближайшим сотрудником журнала братьев Достоевских «Время» (VI, 369). В этом органе той разновидности славянофильства, которая приняла название «почвенников», Страхов преимущественно выделялся как полемист. Под псевдонимом Н. Косица он написал ряд нашумевших в свое время статей, направленных против Чернышевского, Писарева и др. В 1863 г. Страхов, под псевдонимом «Русский», напечатал в апрельской книге «Времени» статью «Роковой вопрос», посвященную русско-польским отношениям. Казалось бы общее направление выступавшего всегда во имя русских начал журнала освобождало его от подозрения в сочувствии польскому восстанию, но уклончивый стиль Страхова, его манера сначала как будто вполне

сочувственно изложить критикуемую систему с тем, чтобы потом ее тем вернее разбить, привели к тому, что появившаяся в печати первая половина «Рокового вопроса» имела и роковые последствия. Только что вступивший на новую дорогу Катков напечатал громовую статью, в которой обвинял журнал в государственной измене. Имевшее большой круг подписчиков «Время» было запрещено навсегда. Ошибка вскоре разъяснилась, издателю «Времени» Мих. Достоевскому было разрешено с 1864 г. Издавать журнал под аналогичным названием «Эпоха», где Страхов опять явился ближайшим сотрудником; но разрешение было получено только перед самой подпиской, журнал не имел никакого успеха и скоро прекратился. Оставшись без постоянной работы, Страхов в 1865 – 1867 гг. жил исключительно переводами, которыми он охотно занимался и позднее. С любовью и очень хорошо он перевел «Историю новой философии» Куно Фишера, «Бекона Веруламского», того же автора, «Об уме и познании» Тэна, «Введение к изучению опытной медицины» Клода Бернара, «Жизнь птиц» Брэма, «Историю материализма» Ланге, «Вольтера» Штрауса (уничтожен цензурой), «Воспоминания» Ренана (в «Русском Обозрении» 1890-х годов). Кроме того, нуждаясь в заработке, он, по заказу фирмы Вольфа и др., перевел множество популярных и учебных книг. В 1867 г., по смерти Дудышкина, Страхов редактировал «Отечественные Записки», а в 1869 – 1871 гг. был фактическим редактором и главным сотрудником погибшей в борьбе с равнодушием публики «Зари» (XII, 313), где, между прочим, были напечатаны его статьи о Толстом. В 1873 г. Страхов вновь поступил на службу, библиотекарем юридического отдела Публичной библиотеки. С 1874 г. Состоял членом Ученого комитета Министерства Народного Просвещения. В 1885 г. Оставил Публичную библиотеку и несколько месяцев служил в Комитете иностранной цензуры. В 1890-х годах состоял членом-корреспондентом Академии Наук, которая неоднократно поручала ему разборы представляемых на Пушкинскую премию стихотворных произведений. Умер 26 января 1896 г. Счастливейший период личной жизни Страхова (старого холостяка, жившего только умственными интересами, среди огромной библиотеки, которую с любовью собирал в течение всей жизни) относится к 80-м и 90-м годам. До тех пор он был известен большой публике преимущественно по полемическим статьям своих влиятельных противников в радикальной журналистике; теперь же, когда в обществе наступила реакция и временно ослабело обаяние идей 60-х годов, Страхов приобретает все больший и больший круг поклонников. Он начинает собирать свои статьи в небольшие книжки, которые имеют успех и выдерживают по 2 и 3 издания. Постепенно вокруг него лично и в печати образуется ряд молодых поклонников – Говоруха-Отрок (Николаев), В.В. Розанов, Ф. Шперк, Б.В. Никольский и др., - старающихся создать Страхову репутацию одного из крупнейших русских мыслителей вообще и выдающегося критика в частности. О работах Страхова в области отвлеченного мышления сказано дальше. Значение Страхова как критика, требует весьма существенных оговорок. Ничего цельного Страхов, за исключением статей о Толстом, не оставил, а статьи о Толстом представляют собой пример одного из самых выдающихся критических фиаско. Критическое наследие Страхова количественно очень невелико; кроме статей о Толстом и Тургеневе, оно состоит почти

исключительно из небольших заметок, касающихся обыкновенно только отдельных сторон деятельности рассматриваемого писателя. Наиболее типичными из них являются его очень известные «Заметки о Пушкине». Написанные в разное время, в течении 15 лет, эти 12 заметок, к которым отнесены даже три «письма» об опере Мусоргского, «Борис Годунов» и мало говорящее о самом Пушкине описание открытия Пушкинского памятника, в общем, занимают меньше 100 стр. журнального формата. Здесь совершенно конспективно намечено несколько особенностей Пушкинского творчества, вроде того, что собственно новой литературной формы Пушкин не создал, что он был очень переимчив, но не просто подражал, а органически перерабатывал, что он был замечательно тонкий пародист и, наконец, был очень правдив. Все эти вполне верные, подчас даже банальные истины представляют собой как бы простую запись мелькнувших в голове критика мыслей, без всякой детальной разработки. Любимый прием Страхова – выписать стихотворение и снабдить его строчкой разъяснения в таком роде: «здесь тоже простота и отчетливость, но стих получил несравненную, волшебную музыкальность». В стиле «Заметок» о Пушкине написаны и заметки Страхова о других поэтах. Любимцу своему, Фету, Страхов посвятил три небольшие заметки. Из таких же маленьких, а иногда и совсем крошечных заметок состоит и самый объемистый из сборников Страхова «Из истории литературного нигилизма». В общем значительная часть критических статей Страхова производит впечатление листков из записной книжки или программы будущих статей. Из литературно-критических сборников Страхова наименьшее значение имеет книга «Из истории литературного нигилизма» (Санкт-Петербург, 1890). Сплошь полемическая, она состоит из потерявших уже теперь всякий интерес мелких заметок, и притом по поводу явлений второстепенного значения. Сущность нигилизма, в состав которого Страхов включает все вообще движение 60-х годов, осталась в стороне; человек, который захотел бы ознакомиться с ним по книге Страхова, совершенно не поймет, чем же однако было вызвано такое, во всяком случае крупное историческое явление. Гораздо выше по литературному интересу «Заметки о Пушкине и других поэтах» (Санкт-Петербург, 1888 и Киев, 1897). При всей конспективности и отрывочности тут есть очень тонкие и верные замечания, свидетельствующие о глубоком, продуманном изучении Пушкина. В сборнике «Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом» (Санкт-Петербург, 1885, 1887 и 1895) статьи, посвященные Тургеневу, лишены единства и полны внутренних противоречий. В свое извинение сам критик ссылается на то, что он в начале своей литературной деятельности еще не так ясно видел, что движение шестидесятых годов не заключало в себе «никаких семян мысли» и «приписал сперва Тургеневу силу, которой у него не было...» Статьи о Толстом составляют основу известности Страхова как критика и действительно занимают первое место в ряду его критических исследований: тут дана цельная характеристика и сделана попытка обрисовать писателя во весь рост. При более внимательном изучении и эти статьи, однако, требуют больших оговорок. Прежде всего должно быть признано литературной легендой весьма распространенное мнение, что Страхов первый поставил Толстого на надлежащую высоту. Ни один писатель не был так

восторженно, верно и единодушно понят и принят при начале своей литературной деятельности, как Толстой. Статьи Чернышевского и Дружинина (середина и конец 1850-х гг.) являются пророчествами для всего хода литературной карьеры Толстого – и сам Страхов весьма добросовестно признал за этими статьями честь первого истолкования. В первой же статье о «Войне и мире» он говорил: «Наша критика некогда внимательно и глубокомысленно оценила особенности этого удивительного таланта». После первых дебютов Толстой действительно перестал занимать критику, но и самого Страхова он страстно захватил только после появления «Войны и мира» – произведения, которое, тоже по свидетельству самого Страхова, сразу имело успех колоссальный. Сразу, как он сердито констатирует, образовалось «ходячее мнение, заключающееся в том, что это произведение очень высокое по своим художественным достоинствам, но будто бы не содержащее глубокой мысли, не имеющее большого внутреннего значения». Таким образом существенная часть славы статей Страхова о Толстом – честь первого признания его великим художником – отпадает. Остается затем честь истолкования. В эпоху появления статей Страхова (1870) союз консервативного публициста и «борца с Западом» с Толстым во имя преклонения перед принципами, отвергнутыми «западничеством» и «нигилизмом», мог казаться естественным; но в наши дни статьи Страхова являются одним из наиболее ярких эпизодов того ложного освещения, в котором до 80-х гг. многим представлялась деятельность Толстого. Конечно, у Страхова немало верных отдельных замечаний, верен даже общий вывод, что идеал, пронизывающий творчество Толстого, есть «идеал простоты, добра и правды»; но при более детальном определении элементов «правды» Толстого оказывается, что у него нет «дерзких и новых тенденций», что его главная задача – «творить образы, воплощающие в себе положительные стороны русской жизни», что характерная черта толстовского «чисто-русского идеала» – «смирение», что главный предмет «Войны и мира» – не борьба с Наполеоном, а «борьба России с Европой», что в лице Толстого восстал «богатырь и сверг либерально-европейские авторитеты, под которыми мы гнемся и ежимся». При таком понимании неудивительно, что в предисловии к сборнику статей о Тургеневе и Толстом Страхова, сравнивая «неисцелимо зараженного верой в процесс» Тургенева с Толстым, приходит к тому общему выводу, что первого «можно назвать западником, другого славянофилом». Очевидно, у Страхова не было ни малейшего предчувствия того, в каком виде вскоре обрисуетя общий духовный облик Толстого. Он совершенно проглядел тот всеразрушающий анализ, который, составляя основу безгранично-искренних порывов Толстого к свету и истине и, не испугавшись даже обаяния европейской мысли и культуры, вдруг почему-то должен был успокоиться на идеализации нашей жалкой общественности. Сопоставляя «славянофила» Толстого семидесятих годов с Толстым, каким он ярко и ясно обрисовался позднее, нельзя, конечно, всецело винить критика, хотя Н.К. Михайловский всего несколькими годами позже и задолго до появления «Исповеди» и позднейших аналогичных произведений Толстого сумел же указать в нем те основные черты, при наличии которых ни о каком «переломе», ни о какой «эволюции» в духовном облике Толстого не может быть и речи. Ошибка

Страхова не была бы так решительна, если бы, как это совершенно ошибочно думают, Страхов был только «эстетик» и поклонялся бы Толстому лишь как великому художнику. На самом деле Страхов непременно хотел видеть в Толстом опору в своей борьбе против идей 60-х годов. Об общих взглядах Страхова на искусство сложилось неверное представление. Благодаря его борьбе с критиками-утилитаристами 60-х годов, горячей защите Пушкина, Фета и «истинной поэзии», на него многие смотрят как на защитника «искусства для искусства» даже как на «эстетического сладострастника». Это находится в полном противоречии и с прямыми заявлениями Страхова, и с общим смыслом всей его деятельности. Отвечая некоторым из напавших на него на чрезмерный эстетизм, он делает такое заявление: «Меня бранят эстетиком, то есть (на их языке) человеком, который вообразил, что художественные красоты могут существовать отдельно от внутреннего, живого, серьезного смысла и который гоняется за такими красотами и наслаждается ими. Вот какую непомерную глупость мне приписывают» («Статьи о Тургеневе и Толстом», стр. 391). В другом месте, прямо касаясь вопроса об «искусстве для искусства», он восклицает: «Сохрани нас Боже от той чисто немецкой теории, по которой человек может разбиваться на части, и в нем спокойно должны уживаться всякие противоречия, по которой религия сама по себе, государство само по себе, поэзия сама по себе, а жизнь сама по себе» («Заметки о Пушкине», 175). В сущности Страхов ценил произведения искусства лишь постольку, поскольку они отражали те или другие идеалы. Если больше всего он преклонялся перед Пушкиным и Толстым, то потому, что в них видел наиболее яркое отражение русского «типового» начала и русского мировоззрения. К литературно-критическим работам Страхова, кроме названных сборников, относятся еще обширная биография Достоевского (при первом посмерт. Изд. Соч.), «Толки о Толстом», в сборнике Страхова «Воспоминания и отрывки» (Санкт-Петербург, 1892) и издание первого тома сочинений Аполлона Григорьева (Санкт-Петербург, 1876). Григорьева Страхов считал своим литературным учителем, постоянно цитировал его и притом чрезвычайно удачно; вообще он много сделал для популяризации имени и идей этого мало читаемого большой публикой критика. Переходом от статей критико-публицистических к философским являются три книжки Страхова под общим заглавием: «Борьба с Западом в нашей литературе» (1-я книжка, Санкт-Петербург, 1882 и 1887; 2-я, Санкт-Петербург, 1883, 1890 и Киев, 1887; 3-я, Санкт-Петербург, 1886). Можно подумать по заглавию, что это обзор учений славянофильского характера, но в действительности большая часть статей посвящены разбору взглядов Милля, Ренана, Штрауса, Дарвина, Тэна, Парижской коммуне и т. Д., и таким образом являются только борьбой самого автора с западноевропейскими учениями. Из литературных очерков «Борьбы с Западом» наибольший интерес представляет статья о Герцене. Это до последней степени тенденциозная попытка привлечь к своей борьбе человека, несомненно тоже боровшегося с «Западом», несомненно разочаровавшегося в «Западе», потому что даже «Запад» не оправдал его ожиданий, но с тем большим ужасом отворачивавшегося от того Востока, куда звал Страхов. С. Венгеров.

В Страхове, по-видимому, соединились все данные для того, чтобы написать крупное философское произведение: обширное и разностороннее образование, критическое дарование, вдумчивость и методическое мышление, которое он чрезвычайно высоко ценил; ему не хватало лишь истинного творчества, благодаря которому создается новое. Поэтому именно с точки зрения философии, к которой Страхов чувствовал всегда склонность, труднее всего характеризовать его: слишком разнообразны влияния, отразившиеся на мышлении Страхова и вызывавшие в нем сочувствие. Можно, однако, подметить главнейшие принципы, которых он постоянно держался. Все, что имеет отношение к философии в сочинениях Страхова, перечислено в «Материалах для истории философии в России» Я.Н. Колубовского (см. «Вопросы философии»). Сюда относятся следующие сборники: «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (Санкт-Петербург, 1865), «Мир как целое, черты из науки о природе» (Санкт-Петербург, 1892, 2 изд.), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (Санкт-Петербург, 1894, 2 изд.) и «О вечных истинах» («Мой спор о спиритизме», Санкт-Петербург, 1887). Влияние Гегеля и вообще немецкой идеалистической философии не мешало Страхову признавать заслуги за эмпиризм; так он перевел книгу Тэна об интеллекте и в введении к ней указал на заслуги эмпиризма; в критике книги Троицкого об английской психологии он признает до некоторой степени заслугу за английской ассоциационной психологией, которая отнюдь не вяжется с гегельянством. В основных понятиях психологии он стоит на точке зрения Декарта и старается выяснить значение декартова *cogito, ergo sum* для современной философии. В философии Гегеля Страхов ценил умение ставить и развивать понятия. На гегелевскую философию Страхов смотрел, как на завершение того мышления, которое стремится к органическому пониманию вещей. Гегель «возвел философию на степень науки, поставил ее на незыблемом основании, и если его система должна бороться с различными мнениями, то именно потому, что все эти мнения односторонни, исключительны». Несмотря на это, Страхова нельзя назвать гегельянцем в тесном смысле этого слова: он преклонялся перед немецкой идеалистической философией вообще, в которой видел синтез религиозного и рационалистического элементов. Диалектический метод он ценил весьма высоко, видел в нем истинно научный метод, но опять-таки и в диалектике он не слепо следовал за Гегелем, а смотрел на нее, как на путь развития априористических элементов в душе человека. Один из критиков, старавшийся определить значение Страхова, говорит, что центральной его идеей была религиозная, около которой располагаются две других – идея рационального естествознания и идея органических категорий. Страхов считал такое определение своего значения правильным. Следует заметить, однако, что Страхов, хотя и стремился к религиозным вопросам, но своих религиозных взглядов не излагал. Быть может, он понимал религию более умом, чем сердцем, более желал быть религиозным, чем был им на самом деле; в этом, кажется, внутренняя причина его разрыва с Вл. Соловьевым. Во всяком случае, критические дарования преобладали в нем над всеми остальными; поэтому он и не высказал ни разу своего полного *profession de foi*. К положительным взглядам Страхов пришел лишь относительно некоторых частных, весьма существенных, впрочем, философских

вопросов. Так, например, весьма замечательна его критика атомистической теории, приведшая его к положительным взглядам относительно сущности материи. От атомистики Страхов перешел к динамическому мировоззрению, которое ему легче было связать с его преклонением перед идеализмом. К отчетливому пониманию природы духа Страхов стремился в своих «Основных понятиях психологии и физиологии». «Вещество, - говорит он, - есть чистый объект, т. Е. нечто вполне познаваемое, но нимало не познающее; дух, напротив, есть чистый субъект, т. Е. нечто познающее, но недоступное объективному познанию; дух не имеет в себе ничего внешнего, в нем все внутреннее, субъективный и объективный миры строго разграничены, но второй служит для выражения первого. Наше «я» – субъект, который никогда не может стать объектом; эмпирическая психология ошибается, подводя наше «я» под то понятие, под которым рассматривает все другие исследуемые ею явления, т. Е. под понятие идеи, представления». «Все так называемые теории познания в конце концов приходят к отрицанию того понятия, которое они хотят построить и объяснить». В «Основных понятиях физиологии» Страхов доказывает, что физиология, как наука о жизни, необходимо должна иметь в виду то, что составляет жизнь по преимуществу, т. Е. психические явления. Так или иначе, но все ее исследования должны со временем слиться в одно целое с психологическими исследованиями, ибо мы предполагаем в организме глубочайшее единство и соподчинение явлений. С этой точки зрения Страхов осуждал тенденцию современной ему физиологии сводить явления жизни к физико-химическим процессам. В споре с Бутлеровым и Вагнером (о спиритизме) Страхов стоял за существование непреложных истин, в признании которых он видел оплот против эмпиризма; «полный эмпиризм есть в сущности дело ужасное... Сколько бы ни искал человек истины, как бы строго ни наблюдал действительность, как бы долго ни уяснял свои понятия, новый факт, по учению эмпиризма, может ниспровергнуть все это до основания. Но ведь есть дорогие убеждения, есть взгляды, определяющие для нас достоинство и цель всей жизни. Неужели же и за них люди осуждены на веки бояться? Если наши понятия вполне связаны с какими-нибудь совершенно частными явлениями, с известным местом или временем, то положение человека, искренне желающего руководиться истинной, было бы жестоко» («О вечных истинах», стр. 100). В Страхове была двойственность ума и сердца, которую ему не удалось примирить. Его критическое дарование ясно указывало ему на ограниченность рационализма и на необходимость искания иных начал. Он неоднократно говорил о границах рационализма, но выйти за эти границы ему не удалось. Потому-то его психология остановилась на голом признании непознаваемости субъекта. Он, правда, говорит, что в субъекте мы имеем непосредственную действительность: «жизнь души есть для нас непосредственная действительность». О самой душе Страхов, однако, ничего не сказал, потому что сознавал недостаточность рационализма, но не умел указать иного пути. В полемике, которые ему пришлось вести со спиритами, с дарвинистами (проф. Тимирязевым), с западниками (Вл. Соловьевым, из-за книги Данилевского «Россия и Европа») он выступал именно в защиту рационалистических принципов. Значение Страхова в философии определяется временем, когда он писал. Специалист не будет

обращаться к нему с целью поучения; но педагогическое значение философские сочинения Страхова сохраняют надолго. Для введения в круг философских понятий, для обучения правильному методическому мышлению, анализу понятий, книги Страхова могут оказать весьма существенную помощь. Сочинения Страхова появлялись в эпоху увлечения материалистическими теориями; Страхов твердо стоял за принципы идеализма, и хотя его сочинения и не лишены противоречий, но, как критика материализма, они сохраняют значение. О Страхове писали Э. Радлов «Несколько замечаний о философии Н.Н. Страхова» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1895); А.И. Введенский «Значение философской деятельности Страхова» («Образование», март, 1896); Б. Никольский «Н.Н. Страхов. Критико-биографический очерк»; Н.Я. Грот «Памяти Н.Н. Страхова» («Вопросы философии и психологии», 170у. 32); В.В. Розанов («Вопросы философии и психологии», 170у. 4); «Общий смысл философии Н.Н. Страхова» (Москва, 1897, без имени автора). Э. Р.

Тяжолое время (письмо въ редакцію «Времени») ³⁴

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинь

Помните ли вы, милостивый государь, тотъ номеръ «Гудка», гдѣ между другими совѣтами дѣлается также увѣщаніе г. Страхову прекратить со мною знакомство? Признаюсь вамъ, что увидѣвъ эти коварныя строки, я пришолъ въ большое смущеніе. Давно уже замѣчалъ я, что г. Страховъ неблагосклонно смотритъ на мои письма къ вамъ; несмотря на довольно короткое знакомство со мною, онъ или вовсе не говорилъ объ нихъ, или же отзывался какими-то очень неопредѣленными фразами. А что, подумалъ я, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ послушается совѣта «Гудка»? Вѣдь нынче, говорятъ, печать имѣеть страшную силу. Не долго думая, я бросился къ г. Страхову.

Дорога была не близкая. Должно быть было грязно, тряско, холодно; но ничего этого я не помню. Дѣло въ томъ, что мало-помалу, меня начинала угрызать совѣсть. Я ѣхалъ, глубоко задумавшись. Сталъ я припоминать, въ чемъ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня назвали *мрачнымъ*; въ другомъ еще лучше – *лишоннымъ гуманности* (причемъ въ примѣръ гуманности мнѣ былъ поставленъ П. Л. Лавровъ), въ третьемъ наконецъ меня назвали *свирѣпымъ*; вспомнилъ я, что меня пространно упрекали въ злости, да еще въ какой! Въ чистой злости для злости, подобной чистому 170урра170нти для 170урра170нти. Неужели, думалъ я, эта нерадостная репутація имѣеть какое-нибудь основаніе? Знаю я, очень хорошо знаю, что не могу я равняться гуманностію съ П. Л. Лавровымъ; но чѣмъ выше эта гуманность, тѣмъ больше степеней отдѣляетъ ее отъ злобы. Ужели я стою ниже всѣхъ этихъ степеней? Ужели во мнѣ есть искра злобы, которой я не замѣчаю по

34 "Время", No 10, 1862. // <http://smalt.karelia.ru/~filolog/vremja/1862/Octobr/tyazhvr.htm>

самообольщенію и которая противъ моей воли проглянула въ моихъ письмахъ? Не можетъ-быть! Въ этихъ письмахъ я кажется занимался самымъ невиннымъ дѣломъ: я наблюдалъ, сравнивалъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы; я строжайшимъ образомъ держался логики и стремился къ дѣйствительности... Гдѣ же злоба?

Волнуемый такими мыслями я вошелъ къ г. Страхову. По обыкновенію онъ переводилъ Куно Фишера. Думалъ ли онъ о *жителяхъ планетъ*, -- какъ это постоянно утверждаютъ журналы, не могу сказать навѣрное. Тутъ произошолъ между нами разговоръ, который глубоко поразилъ меня и который, съ его позволенія, я передамъ вамъ, какъ фактъ весьма по моему мнѣнію любопытный для наблюдателя и дѣписателя нашей словесности.

-- Вотъ, сказалъ я ему, подавая сѣренькій номеръ «Гудка»: -- посмотрите-ка что здѣсь написано. Я надѣюсь, продолжалъ я, запинаясь, что вы однакоже... тѣмъ не менѣе не послѣдуете этому совѣту. Но... я рѣшился по этому случаю все-таки спросить васъ окончательно: какого вы мнѣнія о моихъ письмахъ въ редакцію «Времени»?

-- Если вы уже такъ настоятельно требуете, отвѣчалъ онъ, то такъ и быть скажу вамъ прямо мое мнѣніе. Я не считаю вашихъ писемъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или вреднымъ. Но признаюсь, я все-таки ими недоволенъ и недоволенъ по причинѣ, которая по моему очень важна: я думаю, что они бесполезны. По моему мнѣнію, они не могутъ производить никакого дѣйствія, ни дурного, ни хорошаго.

-- Какъ? Воскликнулъ я. Почему же такъ? Вы полагаете, вѣроятно, что они дурно написаны, сбивчивы, неосновательны, вялы...

-- Нисколько, нимало! Въ нихъ нѣтъ большихъ недостатковъ этого рода, но зато есть недостатокъ, который несравненно хуже и котораго, какъ я вижу, вы и не подозреваете. Неправда ли, что въ нихъ вы главнымъ образомъ стараетесь быть логичнымъ, употреблять строгіе, научные приемы, дѣлать точные выводы?

-- Конечно, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ изумленіемъ, хотя не безъ самодовольства. Но какой же тутъ недостатокъ?

-- Да такой, что его трудно чѣмъ-нибудь поправить. Такъ какъ вся сила и вся сущность вашихъ писемъ заключается въ логикѣ, то они не имѣютъ почти никакой силы и даже можно сказать никакой сущности.

-- Какъ так? Я васъ не понимаю. Развѣ логика чему-нибудь можетъ помѣшать? Вѣдь масло каши не портить. Кажется, это вѣрно!

-- Вѣрно, да не совсѣмъ. Скажите, развѣ когда-нибудь люди руководствовались чистою логикою? Развѣ она когда-нибудь имѣла господствующее значеніе? Всегда и вездѣ истина въ ея строгой и чистой формѣ была доступна немногимъ; всегда она была трудна для пониманія, распространялась и дѣйствовала медленно...

-- Экую премудрость вы мнѣ проповѣдуете, сказалъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. -- Слышали мы это и прежде васъ. Чтоже повашему -- сложить руки и молчать?

-- Кто же вамъ мѣшаетъ говорить? Пишите все что вамъ угодно. Я говорю только, что ваши писанія не будутъ имѣть никакого значительнаго вліянія. Для этого нужно употреблять другія средства.

-- Какія же это, позвольте спросить?

-- Странно, если вы ихъ до сихъ поръ не знаете. Развѣ вы не замѣтили еще, что именно имѣетъ вліяніе и пріобрѣтаетъ значеніе? Дѣйствительную, жизненную важность

преимущественно имѣть то, что болѣе или менѣе уклоняется отъ формы чистой мысли; на примѣръ страсть, одностороннее увлеченіе, фанатическое, слѣдовательно преувеличенное, неправильное, несоразмѣрное поклоненіе какой-нибудь идеѣ. Чтобы заинтересовать людей, чтобы ихъ увлечь, мысль должна непременно воплотиться, должна отказаться отъ своего невозмутимаго спокойствія и прозрачнаго теченія. Вотъ почему также производятъ такое обширное дѣйствіе прекрасная музыка, романъ, сценическое представленіе; все это, какъ вы видите, очень далеко отъ чистой логики.

-- Положимъ такъ, сказалъ я, приходя въ раздумье. – Но вѣдь я не претендую на какое-нибудь важное значеніе моихъ писемъ; вы знаете, до какой степени я дѣйствительно скромнень. Все-таки я не могу рѣшиться считать ихъ бесполезными. Я согласенъ, что логикой взять много нельзя. Но неужели же вы въ самомъ-дѣлѣ держитесь такого обиднаго мнѣнія, что логика вовсе неумѣстна въ нашей журналистикѣ?

Такой прямой вопросъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько затруднилъ г. Страхова.

-- Какъ вамъ сказать? Уклончиво отвѣчалъ онъ. – Можетъ быть менѣе уместна, чѣмъ многое другое. Посмотрите въ самомъ-дѣлѣ, какъ некстати вы дѣйствуете во многихъ случаяхъ! Гдѣ надобно кричать, -- вы рассуждаете; гдѣ нужно браниться, -- вы дѣлаете точные анализы; гдѣ нужно смѣяться, -- вы подводите силлогизмы. Что же изъ этого выходитъ? Васъ не слушаютъ, а тѣ, кто кричитъ, бранится, смѣется, -- достигаютъ своей цѣли.

-- Знаете ли, сказалъ я съ нѣкоторымъ уныніемъ. – Я наконецъ былъ бы радъ, еслибы вы были вполнѣ правы, то-есть еслибы мои письма въ самомъ-дѣлѣ не возбуждали никакого вниманія. Но дѣло кажется гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Почему-то, право не знаю, меня ославили какъ человѣка злобнаго и видятъ въ моихъ письмахъ одно порожденіе моей злости и свирѣпости.

-- Неужели! Воскликнулъ г. Страховъ.

Тутъ я расказалъ ему всѣ тѣ печатныя заявленія, по которымъ я убѣдился въ своей позорной репутаціи.

-- Сдѣлайте милость, сказалъ я въ заключеніе: -- объясните мнѣ, отчего это такъ вышло, и какимъ образомъ мое пристрастіе къ логикѣ привело меня къ такому великому бѣдствію?

Выслушавъ меня очень внимательно, г. Страховъ задумался и какая-то двусмысленная улыбка показалась на его губахъ.

-- Это интересно, заговорилъ онъ. – Признаюсь я не ожидалъ, чтобы ваши письма возбудили какой-нибудь отзывъ; но если они произвели дѣйствіе, то именно такое, какого должно было ожидать. Вы, какъ я вижу, очень наивно и простодушно смотрите на свое дѣло. Вы дивитесь, что въ логикѣ нашли злость? Но логика по сущности дѣла свирѣпа и никогда не была милостивою и снисходительною. Снисходительною можетъ быть жизнь, а не логика. Неужели вы не знали, съ какимъ опаснымъ оружіемъ вы обращаетесь? Если такъ, то недурно васъ предупредить. До сихъ поръ, сколько могу судить, вы не надѣлали еще никакой бѣды; но съ вашимъ пристрастіемъ къ логической строгости, съ вашимъ отвращеніемъ отъ логической нечистоплотности вы можете впасть въ большую опасность.

-- Вы шутите! Воскликнулъ я. – Какая же можетъ быть опасность въ строгихъ выводахъ и правильныхъ заключеніяхъ?

-- Не въ этомъ дѣло! Говорю вамъ серьезно. Не смотрите на вещи такъ легкомысленно. Легко можетъ случиться, что вы натолкнетесь на великій талантъ и великое сердце, однимъ словомъ на огромную духовную силу, и вмѣсто того, чтобы понять ее, взять ее въ ея цѣлости и глубинѣ, станете капризно прикидывать къ ней мѣрку вашихъ точныхъ силогизмовъ. Вы пуститесь проповѣдывать, какъ это было съ вами до сихъ поръ, что люди не индюшки, что Гегель былъ не помѣшанный, что нельзя уничтожить на свѣтѣ ни глупыхъ книгъ, ни глупыхъ людей, и т. П. и конечно вы будете совершенно правы; но вмѣстѣ съ тѣмъ на васъ ляжетъ великая вина, что вы не поняли всего объема той духовной силы, о которой рѣшились говорить. И тогда – горе вамъ! Чѣмъ яснѣе будутъ ваши аргументы, чѣмъ свирѣпѣе будетъ ваша логика, тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ тяжелѣе ваша вина. Жизнь отмститъ вамъ за то, что вы не прислушивались къ ея голосу, что отвернулись отъ нея, что вздумали наслаждаться чистымъ и яснымъ мышленіемъ, когда ей было не до того!

Съ ужасомъ выслушалъ я эти слова, и признаюсь въ ту минуту не нашолся что возразить. Невольная тоска закралась въ мою душу. Я поспѣшилъ проститься и поѣхалъ домой. Давно уже была ночь, и въ темнотѣ Петербургъ имѣлъ самый гнусный видъ. Туманъ стлался по пустымъ и пустынно-широкимъ улицамъ. Фонари глядѣли сквозь него тускло и кроваво. Кое-гдѣ на перекресткахъ, какъ огромныя статуи, стояли городовыя. И вотъ все яснѣе и яснѣе я сталъ чувствовать, среди какой жизни мнѣ привелось жить, какою атмосферою я дышу, какой городъ меня окружаетъ. Давно уже знакомъ мнѣ Петербургъ. Сталъ я припоминать тысячи рѣчей и мнѣній, которыя мнѣ случалось слышать, всѣ эти убѣжденія и руководящія мысли, возбуждавшія споры, служившія предметомъ горячаго проповѣдыванія. Какой страшный хаосъ! Какія изумительныя уродливости недоросшей, подавленной, изгибающейся мысли! Какія дикія, невѣроятныя формы! Какія антилогическія сплетенія и сочетанія! Но въ тоже время я чувствовалъ, что чѣмъ безобразнѣе этотъ міръ тѣмъ кажется несправедливѣе прилагать къ нему мѣрку правильной и чистой мысли. Припоминая людей, которымъ принадлежали эти рѣчи, я невольно вспомнилъ, какъ часто они обнаруживали чистыя, благородныя чувства, какъ часто отъ нихъ вѣяло сердечной теплотою; передо мною какъ-будто мелькнули эти одушевленные лица, мелькнуло пламя этихъ глазъ, которыя я видѣлъ, и я понялъ, что въ глубинѣ этого туманнаго міра безобразныхъ мыслей все-таки скрываются горячіе источники жизни. Если же присутствіе этихъ источниковъ не обнаруживается правильными и чистыми явленіями, то виноваты не они, а та атмосфера, которая ихъ окружаетъ, гнетущая, смрадная, удушающая творческія біенія жизни. Вотъ отчего и литература, вмѣсто того, чтобы производить на своей почвѣ стройныя и красивыя растенія, пораждаеть множество уродливыхъ и извращенныхъ формъ. Безумецъ тотъ, кто приступилъ бы къ этому міру съ требованіемъ правильныхъ формъ и мыслей, кто думалъ бы, что живя въ немъ, онъ можетъ наслаждаться такими формами и мыслями! Но еще болѣе безумецъ тотъ, кто сталъ бы упрекать этотъ міръ за его безобразіе, и вмѣсто сожалѣнія и сочувствія, казнилъ бы его сарказмомъ и презрѣніемъ!

Можетъ быть вы найдете, милостивый государь, что я употребляю нѣсколько рѣзкія выраженія, но таковы именно были мысли, которыя овладѣли мною, когда я возвращался отъ г. Страхова. Я пришолъ тогда въ то печальное расположеніе духа, которое съ нѣкотораго времени все чаще и чаще находить на меня. Вы помните конечно мое

прежнее спокойное настроеніе, всегдашнюю ясность моего характера. Увы! Едвали имъ вернуться когда-либо! Меня глубоко поразили нѣкоторыя событія, всѣмъ памятыя. Первый ударъ моему счастливому настроенію былъ нанесенъ закрытіемъ двухъ журналовъ – «Современника» и «Русскаго Слова». При моей извѣстной вамъ любви къ чтенію, при моей страсти къ литературнымъ наблюденіямъ, отсутствіе двухъ журналовъ не могло не показаться лишеніемъ. Но кромѣ того я былъ повергнутъ въ такое недоумѣніе, что долго не могъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ (я не найду лучшаго сравненія), что на глазахъ астронома вдругъ исчезла бы комета или планета, исчезла бы въ то самое время, когда онъ внимательно наблюдалъ ее въ телескопъ. Что долженъ бы почувствовать въ этомъ случаѣ астрономъ? Онъ вдругъ и самымъ очевиднымъ образомъ увидѣлъ бы, что онъ обманывался во всѣхъ своихъ расчетахъ и соображеніяхъ. Я такъ и подумалъ. Я призналъ, что мои статьи не имѣютъ никакого правильнаго значенія, я отказался отъ своихъ прямыхъ наблюдательныхъ приемовъ и зачеркнулъ свои наблюденія, какъ ни къ чему пока не ведущія. На сей разъ я поступилъ логически; я, милостивый государь, логикъ и слѣдовательно во всемъ ищу сущности; вы понимаете теперь, что я не могъ не отказаться отъ своихъ заключеній какъ скоро увидѣлъ, что сущность не въ нихъ. Боюсь одного, что въ настоящее время никакія усилія моей логики уже не могутъ открыть мнѣ существенной стороны дѣла.

Такое жестокое пораженіе моей логики не могло не огорчить меня. Но этимъ не кончилось. Послѣ того, какъ изъ солнечной системы нашихъ журналовъ исчезли двѣ планеты, я предполагалъ, что равновѣсіе остальныхъ планетъ будетъ нарушено. Я внимательно наблюдалъ ихъ и чтоже? Не обнаружилось ни малѣйшаго признака нарушенія равновѣсія. Все было тихо и перемѣна произошла совершенно незамѣтно. Новый ударъ моей логикѣ! Я принужденъ былъ убѣдиться, что наши журналы или вовсе не образуютъ системы, или составляютъ какую-то особенную систему безъ общаго центра тяготѣнія, странную систему, -- въ которой есть планеты, но нѣтъ солнца. И въ самомъ дѣлѣ, что всего удивительнѣе, въ журнальномъ мірѣ понемножку послышались даже звуки какого-то музыкальнаго согласія, чего-то вродѣ гармоніи міровъ, звуки, своею монотонностью наводящіе непреодолимую тоску. Присутствіе этой гармоніи положительно было заявлено многими; всего яснѣе ее замѣтилъ чуткій слухъ Н. Ф. Павлова. «Въ литературѣ и въ настроеніи общества», говоритъ онъ въ своемъ объявленіи, «произошла перемѣна». «Теперь въ нашемъ смыслѣ (т. Е. въ смыслѣ Н. Ф. Павлова) говорятъ столько голосовъ, что мы боимся остаться назади и уступить имъ въ рвеніи».

Послѣ такихъ уроковъ, надѣюсь, вамъ будетъ понятно, что мною овладѣло уныніе. Разговоръ съ г. Страховымъ довершилъ его. Я сталъ мягкимъ и робкимъ и пришолъ въ необыкновенно мирное расположеніе духа до того, что даже насмѣшки на мой счетъ, попадавшіяся мнѣ въ журналахъ нетолько не раздражали меня, но даже приводили въ нѣкоторое умиленіе.

Не будемъ ссориться, думалъ я, не станемъ раздражаться одинъ противъ другого! Къ чему приступать другъ къ другу съ строгими, тяжолыми требованіями? Къ чему мѣрять нашу умственную жизнь слишкомъ большими мѣрками, которыя къ ней вовсе не идутъ? Положимъ, что мы очень дурно разсуждаемъ; зато мы прекрасно чувствуемъ. Пусть умъ

нашъ производить уродливыя несообразности; зато сердце наше пламенѣеть любовью къ добру. Изъ-зачего же намъ расходиться? Не лучше ли соединиться какъ возможно тѣснѣе, пренебrecь своими спорами и разногласіями и стремиться къ существенному – къ образованію одной великой нравственной силы?

Такъ думалъ я, и въ этихъ мирныхъ мысляхъ сталъ совершенно другими глазами смотрѣть на наши литературныя явленія. Я чувствовалъ къ нимъ нѣжность, которая переходила даже въ страхъ, въ боязнь, что я не сумѣю оцѣнить въ нихъ хорошую сторону. Съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ брался я за каждый листокъ газеты, за каждую книжку журнала. Въ самой жестокой брани я видѣлъ слѣды тайной гуманности автора. Въ величайшихъ нелѣпостяхъ я умѣлъ находить самую незамѣтную черту добраго чувства, которое ихъ внушало. А вѣдь вы знаете, милостивый государь, что когда-то нелѣпость была для меня вещь жестокая, нестерпимая, непереваримая никакими средствами. Но тутъ я помирился и съ нелѣпостью. Вездѣ я слѣдилъ ту сокровенную живую силу, которая такъ или иначе но все-таки двигаетъ нашу литературу. Они не умѣютъ рассуждать, они ничего не знаютъ, часто думалъ я, но зато какъ много чувствуютъ!

Въ такомъ настроеніи духа я даже благополучно перенесъ статью «Современнаго слова»: *Кто виноватъ?* Я нашолъ, что въ этой статьѣ много правды, что она недурно написана; я твердо вѣрилъ, что она имѣетъ благороднѣйшую цѣль. И однакоже каждый разъ, когда я читалъ ее (она появилась въ четырехъ нумерахъ газеты), глубокой стыдъ овладѣвалъ мною и я краснѣлъ до корня волосъ. Скажу прямо – я очень радъ, что эта статья написана и однакоже я кажется низачто бы не рѣшился самъ написать ее. Какъ объяснить вамъ это? Представьте себѣ оскорбленіе, которое почувствовалъ бы астрономъ, увидѣвши, что одинъ изъ его собратій играетъ роль астролога, и вмѣсто научныхъ наблюденій, составляетъ гороскопы. Или нѣтъ, еще хуже. Представьте себѣ съ какимъ чувствомъ можно смотрѣть на человѣка, который бы по принужденію и ради достиженія извѣстной цѣли, рѣшился бы публично бить по щекамъ свою мать. Положимъ что онъ билъ бы только для виду; положимъ, что многіе понимали бы, что онъ дѣйствуетъ по принужденію и что такое дѣйствіе необходимо; все-таки зрѣлище было бы отвращающее и тяжелое.

Вы можетъ-быть опять найдете, что я употребляю слишкомъ рѣзкіе образы; но таково именно было мое впечатлѣніе при тогдашнемъ чувствительномъ настроеніи. Я старался однакоже пересилить чувство униженія, которое возбуждала во мнѣ эта тройная или четверная уродливость и наконецъ помирился со статьею, предполагая, что не легко было и тому, кто ее писалъ.

И вообще я сталъ больше жалѣть, чѣмъ осуждать. Поэтому я преимущественно сочувствовалъ мрачному тону; мнѣ нравилось все, въ чемъ проглядывала горькая иронія; и даже въ случаѣ веселыхъ разглагольствій я любилъ предполагать, что у автора тѣмъ неменѣе скребуть кошки на душѣ. Увы, милостивый государь, вы понимаете, что подобное самообольщеніе не могло не нарушиться. Скоро я сталъ замѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ дѣятелей въ сущности чувствуютъ себя очень хорошо и многіе очень довольны собою; что они позволяютъ себѣ презирать другихъ и обходиться съ другими съ наглостью, а между тѣмъ ихъ презрѣніе основано только на дикой самоувѣренности и ихъ наглость на слѣпомъ самодовольствѣ. Я сталъ замѣчать, что у

многихъ умъ вовсе не томится и не тревожится, а напротивъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя сытымъ; что вмѣсто неправильнаго и уродливаго, но все-таки живого движенія впередъ, онъ предпочитаетъ сидѣть неподвижно тамъ, куда его толкнула случайность, или кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ котенокъ за своимъ хвостомъ. Однимъ словомъ мнѣ начала открываться обратная сторона дѣла. Вмѣсто живыхъ, хотя и извращенныхъ явленій, я увидѣлъ просто фальшивыя явленія, которыхъ источникъ не въ умѣ и сердцѣ, а въ лакейскомъ лицемѣрїи, въ раболѣпномъ подражанїи чужому уму и сердцу. И когда я замѣтилъ, что эти явленія имѣютъ однакоже силу, что они образуютъ авторитетъ, внушаютъ самодовольство, то мое мирное расположеніе духа опять поколебалось и во мнѣ опять стала пробуждаться моя старинная свирѣпость.

Такимъ образомъ, милостивый государь, во мнѣ постоянно происходитъ тягостная борьба между умиленіемъ и свирѣпостью. И я не вижу ей исхода и окончанія. Есть люди, которые въ этомъ хаосѣ, именуемомъ россійской словесностью, плаваютъ свободно, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ, чувствуютъ себя хорошо какъ рыба въ водѣ. Я не принадлежу къ этимъ счастливымъ и постоянно наталкиваюсь на случаи, приводящіе меня въ уныніе и недоумѣніе. Расскажу вамъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ кажется вполне, подтверждающіе правильность и законность моихъ колебаній.

Въ 39 N «Дня», г. Аксаковъ отнесся къ Петербургу и санктпетербургской литературѣ съ великой свирѣпостью и безъ малѣйшаго умиленія. Понятно что сначала я долженъ былъ почувствовать припадокъ нѣжности къ Петербургу и вооружиться противъ московскихъ нападокъ. И въ самомъ дѣлѣ, послушайте, что пишетъ г. Аксаковъ:

«Санктпетербургскія газеты толкуютъ много о либерализмѣ и демократизмѣ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онѣ, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесень Петербургомъ въ дѣло нашего просвѣщенія и развитія, угнетаютъ насмѣшками, грубыми нападками, постоянными оскорбленіями самыя святыя чувства русскаго народа, свободу его вѣрованія, обычая, жизни. Ихъ либерализмъ является насиліемъ и тираніей въ отношеніи къ русскому народу. Для нихъ нѣтъ ничего завѣтнаго въ русской исторїи до Петра, въ этой «дикой Азїи нашего прошедшаго», какъ выражается «Современное слово». Все это очень естественно и понятно: иначе санктпетербургскія газеты и думать не могутъ; въ противномъ случаѣ они бы противорѣчили своему призванію, отрицали бы свой собственный принципъ, которому санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, такъ вполне вѣрна, такъ храбро служить!»

Сначала я оскорбился этими рѣчами и готовъ былъ отвѣчать на нихъ такъ: «О какомъ деспотизмѣ вы говорите? Не разумѣете ли вы подъ этимъ словомъ силу европейскаго знанія, авторитетъ науки? Такъ знайте же, что это власть законная, непрерываемая, святая, на которую никто не имѣетъ права жаловаться. Вы говорите объ угнетеніяхъ и насмѣшкахъ; но естественно, что наука не даетъ покоя невѣжеству, что насмѣшки колятъ въ глаза наше безобразіе. Этому нужно радоваться а не печалиться! И о какомъ либерализмѣ вы говорите? Либерализмъ санктпетербургской прессы есть отголосокъ европейскаго либерализма, того великаго либерализма, принципы котораго тамъ въ Европѣ нашли во многихъ случаяхъ свое осуществленіе и на которомъ мы всѣ воспитаны, на которомъ воспитаны вы сами, закоренѣлый и непоколебимый славянофиль!»

Такъ думалъ я отвѣчать, но подумалъ и раздумалъ. Такъ можетъ отвѣчать только тотъ,

кто смотритъ на вещи поверхностно и видитъ ихъ въ общихъ чертахъ. Я же къ несчастью слишкомъ подробно изучалъ петербургскую прессу, чтобы удовольствоваться такимъ общимъ взглядомъ. Къ несчастью мы не имѣемъ права говорить во имя науки и европейскаго либерализма, потому что у насъ очень мало и того и другого, а есть у насъ въ изобиліи самобытные плоды, принесенные наукою и европейскимъ либерализмомъ на нашей петербургской почвѣ. Вкусъ и запахъ этихъ плодовъ я знаю, и вижу совершенно ясно, что слова г. Аксакова на этотъ разъ относятся именно къ этимъ плодамъ. Невольно мнѣ пришло на память множество случаевъ, множество подробностей – и я принужденъ былъ согласиться съ г. Аксаковымъ и рѣшилъ печально умолкнуть.

Я и молчалъ бы, еслибы г. Аксаковъ въ своей статьѣ не сказалъ далѣе жестокаго слова, которое показало мнѣ, какой слѣпой гнѣвъ имъ обладаетъ.

«Изъ всего сказаннаго ясно, -- говоритъ онъ въ заключеніе, -- что истинный либерализмъ и русское народное чувство невозможны для санктпетербуржца, если онъ санктпетербуржецъ не по одному мѣсту жительства, а по принципу имъ ясно сознаваемому.»

«Это быloby *contradictio in adjecto*, одно исключаетъ другое. Поэтому мы съ своей стороны нетолько не даемъ никакой цѣны либерализму санктпетербуржской прессы, но положительно ему не вѣримъ, точно также какъ и благоволенію санктпетербуржскихъ газетъ къ русской народности...»

Вотъ упрекъ, котораго снести невозможно и который возмущаетъ своею жестокостью. Г. Аксаковъ *не вѣритъ* искренности нашихъ петербургскихъ убѣжденій! Его собственныя убѣжденія кажутся ему дотога святыми, что онъ не вѣритъ никакой святости другихъ убѣжденій; наши петербургскія убѣжденія кажутся ему до того нелѣпыми, что онъ не вѣритъ возможности держаться ихъ искренно и честно. Какой фанатизмъ! Какое непониманіе жизни! Не вѣритъ г. Аксаковъ! Но онъ забываетъ, что дѣло нимало не измѣняется отъ того, вѣритъ онъ или не вѣритъ. Онъ забываетъ, что закрыть глаза еще не значить уничтожить предметы, которые стоятъ передъ глазами. Г. Аксаковъ не можетъ *не знать* того, чему онъ старается *не вѣрить*. Это странное невѣріе можно сравнить только съ тѣмъ случаемъ, когда тотъ же г. Аксаковъ, ревнуя о православной вѣрѣ, пришолъ къ заключенію, что евреи не могутъ быть у насъ терпимы какъ члены гражданскаго общества. Какъ тогда онъ отлучалъ евреевъ, такъ теперь, ревнуя о народномъ духѣ, онъ отлучаетъ насъ, отлучаетъ петербургскую прессу.

Это ужасно, неправда ли? Но что вы скажете, милостивый государь, если я замѣчу, что санктпетербургская пресса не уступитъ московской въ ревности и слѣпотѣ? Вѣдь и у насъ нетерпимость считается похвальнымъ признакомъ опредѣленности направленія; если г. Аксаковъ не признавалъ евреевъ согражданами, то вѣдь и мы ставили г. Аксакова на одну доску съ г. Аскоченскимъ; если г. Аксаковъ не вѣритъ искренности нашихъ убѣжденій, то вѣдь и мы прямо и криво и всячески взводили на него упреки въ разныхъ противугражданскихъ свойствахъ. Такъ что собственно говоря, намъ обижаться нечѣмъ. Мы заранѣе и съ избыткомъ отплатили ему за его высокомеріе и невѣріе.

Таковы черты того удивительнаго расположенія умовъ, въ которомъ мы находимся. Москва и Петербургъ одинаково щеголяютъ взаимнымъ непониманіемъ и взаимною враждою. Кто изъ нихъ лучше, рѣшить трудно; что касается до меня, то какъ я вамъ писалъ

еще въ первомъ своемъ письмѣ, я несмотря ни на что, не теряю надежды на Петербургъ. Петербургъ мнѣ всегда представляется хаосомъ, въ которомъ бродятъ безчисленные элементы; онъ подобенъ планетѣ, которая быстро развивается и до времени покрыта странными чудищами. Москва же есть нѣчто пришедшее въ порядокъ; она подобна планетѣ, которая уже вполнѣ развилась, и потому вполнѣ довольна собою и своими обитателями.

Такъ какъ я стою за Петербургъ, то мнѣ всегда бываетъ прискорбно, когда онъ что-называется срамить себя передъ Москвою. Теперь вышелъ именно такой случай. Едва г. Аксаковъ успѣлъ произнести свое отлученіе надъ петербургскою литературой, едва я успѣлъ проникнуться надлежащимъ гнѣвомъ противъ такого отлученія, какъ въ «Искрѣ» явилась статья, которая огорчила меня до глубины души и чуть ли не вполнѣ оправдала г. Аксакова. Эта статья называется «Балаганчики Дня». Изобразить всю странность, всю хаотическую нескладицу этой статьи, я рѣшительно отказываюсь. Остановлюсь только на одномъ вопросѣ, который столь интересенъ самъ по себѣ, что трудно умолчать о немъ.

Въ 38 N «Дня» г. Аксаковъ сказалъ нѣсколько теплыхъ и свѣтлыхъ словъ о милостынѣ. Главная мысль статьи, по моему мнѣнію, необыкновенно правильна. Она состоитъ въ томъ, что истинная благотворительность, по самой сущности, должна быть дѣйствиємъ свободнымъ, которое совершается съ личнымъ участіемъ, потому что только въ такомъ случаѣ она будетъ дѣйствиємъ нравственнымъ, будетъ вполнѣ удовлетворять идеѣ нравственности. На этомъ основаніи г. Аксаковъ замѣчалъ, что какъ скоро *помощь бѣднымъ* не совершается свободно и сознательно, какъ скоро она производится административнымъ порядкомъ, посредствомъ подати и регламентаціи, она теряетъ часть своего нравственного достоинства, хотя можетъ быть очень полезною. И на оборотъ дѣйствія безполезныя или можетъ-быть даже вредныя, какъ напримѣръ раздача милостыни, имѣютъ однакоже большое значеніе, потому что носятъ на себѣ нравственный характеръ благотворительности. Раздача милостыни, совершаемая на всемъ пространствѣ Руси, есть одно изъ средствъ, которымъ народъ удовлетворяетъ свою потребность чисто нравственныхъ дѣйствій.

При этомъ, само собою разумѣется, г. Аксаковъ не могъ не впасть въ нѣкоторыя увлеченія. Онъ вовсе не обращаетъ вниманія на вопросъ, не вредны ли для общества всякія чисто-нравственныя дѣйствія; если не вредны, то необходимо ли они нужны и не можетъ ли общество обойтись безъ нихъ? Такіе вопросы вѣроятно кажутся ему оскорбительными, и онъ говоритъ такимъ тономъ, какъ-будто хочетъ сказать: нравственныя дѣйствія должны быть совершаемы ради нравственности; а что изъ этого будетъ, все равно, хотя бы разрушился міръ!

Благородное увлеченіе! Но нѣтъ ли здѣсь неправильнаго энтузіазма, который фальшивить, потому что въ немъ вовсе нѣтъ нужды? Зачѣмъ напрасно геройствовать, мечтая о разрушеніи міра, когда міръ и не думаетъ рушиться? Чисто-нравственныя дѣйствія, какъ прямое слѣдствіе самой природы человѣка, никакимъ образомъ не могутъ быть ни неизбѣжно вредными, ни совершенно лишними для общества людей. Напротивъ идеаль благополучнаго общества можно себѣ представить иначе, какъ предполагая, что всѣ отношенія членовъ этого общества превратились въ чистонравственныя отношенія. Когда разсуждаютъ объ обществѣ, то многіе представляютъ себѣ, что оно сложено изъ

людей такъ, какъ зданіе изъ камней. Если зданіе красиво и держится крѣпко, то это не зависитъ отъ кирпичей, изъ которыхъ оно состоитъ, а только отъ архитектора. Онъ расположилъ камни такъ, что каждый изъ нихъ крѣпко опирается на однихъ и самъ служить прочною опорой для другихъ, а всѣ вмѣстѣ образуютъ правильное цѣлое. Поэтому камни не имѣютъ никакой заслуги, а вся заслуга принадлежитъ архитектору. Вотъ отчего въ такую славу вошли многіе архитекторы, составлявшіе красивые планы для общества. Но почетъ, имъ оказываемый, нѣсколько преувеличенъ: эти строители все-таки люди, а не особыя существа. И матерьяль, изъ котораго они брались строить, напрасно былъ разсматриваемъ такъ презрительно: этотъ матерьяль не камни, не кирпичи, а люди. Поэтому общественное зданіе должно представлять себѣ не иначе, какъ предполагая, что каждый камень въ немъ сохраняетъ за собою достоинство человѣка. Слѣдовательно каждый камень самъ занимаетъ свое мѣсто и держится на немъ сознательно, а не вслѣдствіе цемента и давленія. Если же такъ, то чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ каждый членъ общества въ отношеніи къ другимъ, тѣмъ оно будетъ крѣпче и правильнѣе, тѣмъ меньше будетъ опасности, что какой-нибудь камень изъ него выпадетъ и разобьется. Только при общемъ сознательномъ взаимодействіи возможно благоустройство между людьми. Тотъ оскорбляетъ человѣческую природу, кто воображаетъ, что можно устроить благополучное человѣческое общество, безъ содѣйствія его сознанія и свободы; а не это ли обидное предположеніе дѣлаетъ тотъ, кто говоритъ, что развитію благополучія въ обществѣ нужно предпочитать развитіе нравственности?..

Но, мнѣ кажется, я увлекся; я вѣдь хотѣлъ 179урра179нтир вамъ про статью «Искры». Вы меня извините, что я нѣсколько распротранюсь объ ней. Я знаю, что противъ «Искры» существуетъ предубѣжденіе: ей не отвѣчаютъ, и ея статьи не считаются подлежащими разбору. Но мнѣ мало до этого дѣла: случай вышелъ слишкомъ любопытный и я чувствую въ себѣ безпощадное расположеніе къ анализу.

Уже во вступленіи статья беретъ фальшивыя ноты, которыя подѣйствовали на меня раздражительно.

«День», говоритъ она, -- продолжаетъ открывать давно открытую Америку, т. Е. наивно выдавать за что-то новое вопросы, давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные, или берется за перевершеніе вопросовъ науки, рѣшонныхъ умами первой величины, не примѣчая того, что онъ вовсе не перевершаетъ этихъ вопросовъ, а только путаетъ дѣло.»

Быть можетъ вы найдете, что это очень простыя слова; но я вамъ скажу, что на первой страницѣ «Искры» они имѣютъ видъ возмутительный, почти преступный. Замѣчу вообще, что всякій разъ, когда я встрѣчаю въ нашихъ журналахъ ссылку на науку, я прихожу въ невольное безпокойство. Здѣсь же я сейчасъ готовъ приступить къ строжайшему допросу. Чѣмъ это вы насъ пугаете, достопочтенная «Искра»? Что это за вопросы *давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные*? Что это за умы *первой величины*, которыхъ касаться воспрещается умамъ второй и всякой другой величины? Что касается до вопросовъ, *давно рѣшонныхъ*, то чѣмъ давнѣй они рѣшены, тѣмъ хуже для нихъ. Что касается до вопросовъ, рѣшеніе которыхъ всѣмъ извѣстно, то я позволю себѣ вовсе усомниться въ существованіи такихъ вопросовъ, особенно же для васъ. Наконецъ что касается до умовъ *первой величины*, то я требую, чтобы умъ, который мнѣ указываетъ на такіе умы, самъ бы не былъ какой-нибудь сто-двадцатой или сто-тридцатой величины, а

иначе я отправлю его куда-нибудь подальше, вмѣстѣ съ его указаніями. Рѣшонные вопросы! Великіе умы! Такъ вотъ за какія оружія берется нынче «Искра»? Кто бы могъ ожидать, что она начнетъ наконецъ проповѣдывать поклоненіе авторитетамъ и возставать противъ непокорности, которую имъ оказываютъ!

Между тѣмъ дѣло дѣйствительно такъ.

«Г. Аксаковъ – пишетъ она – отстаиваетъ ту московскую благотворительность, которая раздачею мѣдныхъ пятаконъ и грошей нищимъ на улицахъ поддерживаетъ тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество. Такъ какъ современная, экономическая наука всѣми силами вооружается противъ подобнаго неразумнаго деморализированія общества, то г. Аксаковъ стремится потрясти основы самой науки. Вотъ онъ каковъ!»

Вы видите (признаюсь вамъ, это глубоко меня возмущаетъ), что наука здѣсь служить прямо авторитетомъ, что ея имя произносится здѣсь съ такимъ же удареніемъ и вѣсомъ, какъ еслибы говорилъ самъ «Русскій Вѣстникъ». Вотъ неожиданное совпаденіе!

За этимъ въ «Искрѣ» слѣдуетъ выписка изъ «Дня», которую, ради достоинства самого отрывка, я приведу цѣликомъ, безъ урѣзокъ, сдѣланныхъ «Искрою».

«Практикъ Іуда, -- какъ гласитъ евангельское сказаніе, съ такою властью живущее и такъ неослабно-благоухающее въ душевной памяти каждаго, кто бы онъ ни былъ, если только читалъ онъ евангеліе, -- практикъ и политико-экономъ Іуда, видя святой порывъ Маріи, съ стремительностью женскаго сердца отдавшей любви къ божественной истинѣ, и расточительно изливавшей дорогое міро на ноги Учителя, сдѣлалъ замѣчаніе совершенно практическаго и политико-экономическаго свойства. Онъ выразилъ мнѣніе, повидимому совершенно справедливое, что подобная трата многозначительной цѣнности вовсе не производительна; онъ основательно доказалъ, что міро, будучи проданнымъ, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть съ немалою пользою употреблена на нищихъ. Кажется, чѣмъ же неправъ былъ Іуда Искаріотъ (въ душу котораго, вспомнимъ, еще не входилъ тогда умысль предательства), Искаріотъ, напоминавшій о бѣдныхъ, противопоставлявшій неосмотрительнымъ движеніямъ умиленнаго сердца логическіе выводы разсудка и безрасчетной благодати соображенія пользы и практической благотворительности?.. Христосъ однако не отвергъ приношеній Маріи, не отнялъ у нея свободы въ выраженіяхъ вѣры и радости, и повидимому безцѣльная, безрасудная расточительность чистой, святой, пламенѣющей любви, тѣсняемая отовсюду расчетами житейской мудрости, нашла себѣ убѣжище у ногъ Христа, подъ покровомъ его милосердія...»

«Намъ часто приходится на память этотъ практицизмъ Іуды, въ наше практическое время. Нельзя не поразиться сходствомъ вышеприведенныхъ соображеній павшаго апостола съ ученіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ политико-экономовъ, которые всѣ нравственныя побужденія человѣка переводятъ на языкъ математическихъ формулъ, всякое добро опредѣляютъ вѣсомъ и мѣрой, не признаютъ никакого другаго двигателя въ человѣчествѣ, кромѣ выгоды, и подчиняютъ (въ теоріи) этому кумиру всѣ произволенія нравственной природы человѣка. По доктринѣ Мальтуса, Смита и другихъ выходитъ, что не благоустроенное хозяйство существуетъ ради человѣка, а наоборотъ человѣкъ, со всѣми своими нравственными запросами, приносится въ жертву отвлеченному принципу и имѣетъ значеніе только какъ рабочая сила, какъ часть благоустроеннаго механизма.»

Нельзя не согласиться, что сравнение, выбранное г. Аксаковым мѣтко, рѣзко, что вопросъ рисуется въ немъ выразительно и глубоко. И вы ясно видите какъ смотритъ г. Аксаковъ на милостыню. Онъ вовсе не безусловный ея защитникъ. Онъ сравниваетъ ее съ міромъ Маріи, онъ называетъ ее *безцѣльною, безрасудноюрасточительностью*, но онъ оправдываетъ ее, когда она есть *неосмотрительное движеніе умиленнаго сердца*, когда она служитъ выраженіемъ *чистой, святой любви*.

Что же отвѣчаетъ на это «Искра»? На этотъ разъ она сочла удобнымъ сдѣлать голую ссылку на авторитеты и, вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ, начинаетъ говорить о политико-экономахъ.

«Ожидали ли – пишетъ она – Мальтусъ, Смитъ и другіе политико-экономы, посвятившіе свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человѣчества, что найдется когда-нибудь литераторъ, не изъ дерзкихъ, недоучившихся юношей, а литераторъ вполнѣ доучившійся, снабженный многочисленными дипломами, который поставитъ ихъ на одну доску съ Іудею Искаріотомъ?»

«Читатель видитъ – побѣдоносно продолжаетъ «Искра» – сколько въ этомъ сопоставленіи безобразія, натянутости, пустого словоизверженія».

Покажѣте я думаю, читатель ровно ничего не видитъ, кромѣ громкихъ словъ, кромѣ безцеремонно-явнаго желанія запугать именами и фразами всякаго, кто рѣшился бы

...Смѣть

Свое сужденіе имѣть.

Глубоко огорчаютъ меня подобныя вещи, милостивый государь. Чистосердечное раболѣпство передъ именами, передъ авторитетами въ наукѣ и въ чемъ бы то нибыло, еще можетъ быть прощено слабости человѣческой; но раболѣпство *злостное*, но употребленіе *всуе* именъ *великихъ умовъ, служенія наукъ* и т. Д., есть дѣло никакъ непростительное.

Вы можетъ быть спросите, почему я такъ думаю; вы можетъ быть возразите, что авторъ разбираемой мною статьи написалъ предъидущія строки совершенно искренно, что онъ вѣроятно глубоко изучилъ Смита и Мальтуса, питаетъ величайшее уваженіе къ наукамъ вообще и къ политической экономіи въ особенности, что онъ обидѣлся сравненіемъ ученыхъ съ Іудею Искаріотомъ можетъ быть даже потому, что и самъ онъ *желаетъ посвятить свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человѣчества?*

Счастливы вы, отвѣчу я вамъ, если можете еще питать такія смѣлыя и пріятныя предположенія. Что касается до меня, то я считаю болѣе основательнымъ предполагать, что автору, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе неизвѣстны какія бы то нибыло научныя изслѣдованія, относящіяся къ настоящему вопросу. Доказательствомъ этому служитъ то, что ни въ предъидущихъ, ни въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ о милостыни нѣтъ ни одного изъ тѣхъ доводовъ, которыя противъ нея приводятся въ наукѣ. Ссылаясь на Смита и Мальтуса, онъ самъ не знаетъ на что ссылается, -- таково мое печальное заключеніе. Дальше, какъ вы увидите, онъ старается привести доводы противъ милостыни, но то, что онъ говоритъ, не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ и не можетъ быть судимо съ научной точки зрѣнія. Какъ я уже говорилъ, науки у насъ нѣтъ, или очень мало; и то, что я буду сейчасъ разбирать, есть не научныя, не политико-экономическія или какія-нибудь

другія мнѣнія, а просто петербургскія, или если хотите санктпетербургскія разсужденія, то-есть образчикъ тѣхъ плодовъ, какіе принесли сѣмена европейскихъ книгъ на нашемъ родимомъ ингерманландскомъ болотѣ.

Съ вашего позволенія я возьму всю аргументацію «Искры» цѣликомъ.

«Дѣйствительно ли, (такой вопросъ задаетъ себѣ статья) *ручная* благотворительность, состоящая въ раздачѣ таскающимся по улицамъ нищимъ пятаконъ и мѣдныхъ грошей, (каково опредѣленіе! И вы могли подумать, что это лежало подлѣ Мальтуса и Смита!) возбуждаетъ чувство, поражаетъ, по выраженію г. Аксакова, процессъ нравственныхъ ощущеній, переживаемый какъ дающимъ, такъ и принимающимъ даянія, *благотворныхъ для обоихъ, очищающихъ душу, хотя бы и на время, вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благодію, зиждущемоу міръ?*»

Чтобы доказать, что нѣтъ, статья разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Если вы человекъ нѣсколько развитый и встрѣчаете на улицѣ нищаго – полубосого, полуодѣтаго, голоднаго, можете ли вы успокоиться, сунувъ ему въ руку мѣдный пятакъ или грошъ?»

Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ читатель, пораженный трогательною картиною. Я не могъ бы успокоиться и тогда, еслибы онъ былъ не полубосой, а въ крѣпкихъ сапогахъ, еслибы я не сунулъ, а вѣжливо подаль ему, и не мѣдный грошъ, а блестящій двугривенный послѣдняго чекана. Но постарайтесь, милостивый государь, соблюсти нѣкоторое хладнокровіе. Замѣчаете ли вы куда мы заѣхали съ перваго шагу? Вопросъ «Искры» предлагается людямъ развитымъ и вѣроятно, какъ мы дальше увидимъ, богатымъ. А развѣ о нихъ было дѣло? Г. Аксаковъ говорилъ о милостыни, которую подаетъ *народъ*, т. Е. эти десятки миліоновъ, которые за малыми исключеніями и не развиты и не богаты; онъ говорилъ напимѣръ о тѣхъ подаяніяхъ, которыя дѣлаются ссыльнымъ и арестантамъ; вотъ въ этихъ-то сердцахъ г. Аксаковъ ручался за присутствіе нравственнаго 182урра182нт, а не въ сердцахъ развитыхъ *людей*, довольствующихся раздачею пятаконъ. Простому человеку простительно не знать ни Мальтуса, ни Смита, и онъ конечно можетъ успокоиться, подавая нищему можетъ-быть свой послѣдній грошъ, послѣднюю лишнюю копѣйку. Но о такихъ случаяхъ «Искра», какъ видно и думать не хочетъ. Чтобы судить о нравственныхъ явленіяхъ, она непременно беретъ людей развитыхъ; а у неразвитыхъ, помилуйте, какая же тамъ нравственность, какіе нравственные 182урра182нт!

И вотъ обращаясь къ развитымъ людямъ, «Искра» держитъ такую рѣчь:

«Вѣдь этотъ нищій – говоритъ она – вашъ братъ, членъ одного съ вами общества. Онъ имѣетъ полное право быть и сытымъ, и одѣтымъ, и обутымъ какъ и вы.»

Что значить развитые люди! Какими сладкими рѣчами они угощаютъ другъ друга! Что касается до неразвитыхъ, то тамъ подобныя рѣчи показались бы можетъ-быть слишкомъ наивными и простыми. Они, эти неразвитые, давно и крѣпко знаютъ, что всѣ люди братья: у нихъ никто другъ за друга не смотритъ особенно свысока, и у всѣхъ равныя права. Тамъ нищаго не презираютъ, а обходятся съ нимъ какъ съ ровнею. Тамъ именно существуетъ мысль, что съ точки зрѣнія любви – всѣ равны и милостыня дается не только бѣднымъ, но и преступникамъ, убійцамъ.

Посмотримъ, какъ должны поступать люди развитые.

«Если ваше участіе къ нему (къ нищему, подробно описанному выше) не припадокъ

пустого тщеславія, не прихоть играющаго въ гуманность барства, а истинно-человѣческое чувство, -- вы увидѣвъ его разъ на улицѣ, не можете оставить тутъ. Вы должны ввести его въ свой домъ, одѣть его, обуть, дѣлать съ нимъ вашъ столъ дотолѣ, пока вы поставите его въ возможность имѣть все это самому.»

Вотъ она – истинная гуманность! Даже на бумагѣ читать это очень пріятно, а не только видѣть на самомъ дѣлѣ. Одно жаль – бѣднымъ людямъ плохо приходится. Дать грошъ или пятакъ – запрещается; не позволять пожалуй и цѣлковый рубль. Сейчасъ скажутъ – *припадокъ тщеславія, прихоть играющаго въ гуманность барства!* А *ввести въ свой домъ, одѣть, обуть*, -- вѣдь это не всякій можетъ. Иному самому едва въ силу прокормиться и одѣться.

Чтоже касается до насъ съ вами, милостивый государь, то мы обязаны замѣтить, что «Искра» очевидно витаетъ въ облакахъ. Она вообразила, что проповѣдуетъ какую-то неслыханную, высокоразвитую мораль, а между тѣмъ эта самая мораль исполнялась и исполняется у насъ въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ древности богатые люди у насъ не только раздавали деньги нищимъ, но вводили ихъ в свои дома, кормили ихъ, поили и одѣвали. Еще недавно не было почти ни одного достаточнаго дома, гдѣ бы не жили нахлѣбники и приживальщицы. Только чтоже изъ этого выходило? Разумѣется тоже, что и изъ раздачи денегъ, такъ какъ это было продолженіе одной и тойже системы. Принятіе нищихъ въ домъ, держаніе нахлѣбниковъ и приживальщицъ было точно также вредно, какъ и уличная раздача денегъ; говоря словами «Искры», оно *поддерживало тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество*. Употребляя выраженіе г. Аксакова, это была *безразсудная расточительность*, въ которой результаты не соответствовали намѣренію и въ которой намѣреніе заслуживаетъ бѣлаго почтенія и искупаетъ собою результаты.

Чтоже такое послѣ этого предлагаетъ намъ «Искра»? Ужь не скрывается ли въ ея словахъ какой-нибудь высшій смыслъ? Повидимому нѣтъ; повидимому она находитъ великую разницу между *введеніемъ въ домъ* и подачею пятака и думаетъ, что въ этомъ весь секретъ.

«Сунуть нищему – говорить она – мѣдный грошъ или пятакъ и затѣмъ уйти отъ него, бросивъ его на улицѣ, значить не имѣть не только никакого истинно-человѣческаго чувства къ нему, а просто – насмѣхаться надъ его положеніемъ.»

Если эти слова относятся дѣйствительно къ милостынѣ, то они очень дики. Но авторъ говоритъ одно, а на умѣ у него совсѣмъ другое. Слѣдите прилежно за игрою его воображенія. Ему кажется представляется милонеръ, котораго умоляютъ о помощи и который подаетъ грошъ.

«Развѣ – продолжаетъ «Искра» – пришедши разъ въ нищенство, онъ (нищій) вашимъ пятакомъ или даже двадцатью пятаками, которые онъ получить въ день отъ подобныхъ вамъ милосердыхъ людей, можетъ поправиться и прійти въ прежнее независимое положеніе? Если же вы не имѣете въ виду привести его въ это положеніе, то что же по вашему мнѣнію всякій нищій? Субъектъ, назначенный вамъ вѣчною благодатью для упражненій вашихъ въ добродѣтели милосердія?»

Эхъ баринъ! Сказаль бы я думаю на это иной простой человекъ. Больно ужъ вы высоко берете, больно ужъ разносились съ вашимъ *независимымъ положеніемъ*. Тутъ иногда

думаешь о томъ, какъ бы человекъ не умеръ съ голоду, не замерзъ съ холоду, а вамъ вотъ непременно подавай независимое положеніе. И за что вы меня корите и стыдите? Съ чего вы взяли, что я ему не желаю этого положенія, что я *не имѣю этого въ виду*? Я радъ бы всею душою. Понять не могу, чѣмъ помѣшалъ тутъ мой пятакъ. Что его мало – я самъ знаю; но у насъ говорится: съ міру по ниткѣ – голому рубашка. Потому я и подаю грошъ или пятакъ, что знаю – весь міръ подастъ и нищій будетъ на это сытъ. И самъ нищій это знаетъ и не обижается моимъ трудовымъ грошомъ. По вашему это и выходитъ *общественная благотворительность*, почти таже подать, только собираемая безъ писарей и становыхъ, а съ крестомъ и молитвою. Не я одинъ кормлю нищаго: его кормить міръ. Ему оттого легче, чѣмъ еслибы кто одинъ помогаль ему; тотъ пожалуй попрекаль бы его каждой коркой хлѣба. А что мірское подаеніе скудно, такъ и это не всегда правда; бывали нищіе, которые набирали тысячи и десятки тысячъ рублей.

Мы съ вами, милостивый государь, разумѣется будемъ говорить иначе. Мы примемъ во вниманіе спутанность мыслей автора и постараемся открыть, что за идея смутила его воображеніе. Повидимому онъ желаетъ, чтобы каждый имѣлъ независимое положеніе; онъ хочетъ чтобы нищему не давали денегъ, или хлѣба, или чего другого, а постарались бы привести его въ *независимое* положеніе. Вот наконецъ, скажете вы, гдѣ авторъ явно приближается къ доктринѣ Мальтуса и Смита. Не думаю, чтобы такъ. Едвали напримѣръ онъ знаетъ, что для того, чтобы каждый былъ въ независимомъ положеніи, лучшее средство – устроить общество такъ, чтобы безъ независимаго положенія не было возможности и жить на свѣтѣ. Пусть тѣ, кто потерялъ независимое положеніе, подвергаются величайшимъ лишеніямъ и опасности умереть съ голоду. Тогда и только тогда всѣ будутъ изо всѣхъ силъ стараться пріобрѣсти и сохранить это положеніе. Такъ думаютъ многіе политико-экономы и въ этихъ мнѣніяхъ есть своего рода смыслъ. Они не безъ основанія говорятъ, что если вы дадите людямъ возможность существовать внѣ независимаго положенія, то сейчасъ же найдутся люди, которые воспользуются этою возможностью. Политико-экономы того мнѣнія, что люди, вообще говоря, большіе подлецы и всегда готовы пожить на чужой счетъ. Они утверждаютъ, что если вы усилите частную благотворительность, то вмѣстѣ увеличите число лицъ, которые будутъ ею жить, а если учредите общественную благотворительность, то ею воспользуются еще легче, еще охотнѣе, на томъ самомъ основаніи, по которому украсть изъ казны не считается такимъ грѣхомъ, какъ украсть у частнаго человека. Слѣдовательно чѣмъ больше будетъ благотворительность, тѣмъ меньше будутъ люди дорожить независимымъ положеніемъ. И вотъ почему политико-экономы, тоже полагающіе свой идеалъ въ независимомъ положеніи, отвергаютъ всякую благотворительность.

Мнѣ кажется они послѣдовательны. Благотворительность по самой сущности дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ человекъ принимаетъ на себя трудъ, необходимый для другого, слѣдовательно люди при этомъ неизбѣжно приходятъ въ зависимое положеніе. Такимъ образомъ благотворительность и независимое положеніе суть вещи, вытекающія изъ совершенно различныхъ источниковъ. Стремленіе къ благотворительности основывается на любви и довѣріи, стремленіе къ независимому положенію – на эгоизмѣ и опасеніи. Если главною пружиною общества, главнымъ двигателемъ въ человекѣ признается эгоизмъ, то благотворительность должна быть отвергнута, потому что цѣль

благотворительности не может состоять въ развитіи эгоизма. Нельзя сказать: благотворите, т. Е. доставьте каждому возможность жить эгоистомъ, независимо отъ другихъ. Гораздо послѣдовательнѣе политико-экономы; они говорятъ: не благотворите и тогда всѣ будутъ эгоистами.

Нашъ авторъ очевидно и не подозрѣваетъ, что политико-экономы отвергають не одну частную благотворительность; онъ не подозрѣваетъ, что они гораздо послѣдовательнѣе и строже его въ своихъ выводахъ и что вслѣдствіе этой болѣе строгой послѣдовательности они отвергають *всякую благотворительность безъисключенія*. Этой точки зрѣнія для него, какъ кажется, и несуществуетъ.

«Возьмемъ дѣло, пишетъ онъ, съ другой стороны. Какой человекъ, если он только немножко развитъ и привыкъ жить своимъ трудомъ, можетъ безъ чувства самаго тяжелаго униженія, безъ внутренняго содроганія, безъ краски на лицѣ протянуть руку, чтобы принять милостыню?»

Ну, сейчасъ видно, что бѣлоручка! Жить на чужой счетъ, ему ничего; а руку протянуть – стыдно. Препустой народъ!

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтите милостивый государь, что картина опять перемѣняется. Прежде авторъ сдѣлалъ благотворителя человекомъ развитымъ, теперь онъ дѣлаетъ развитымъ и нищаго, и слѣдовательно заставляетъ просить развитого человека у развитого же. Ужасная картина! Представьте себѣ, что человекъ развитой, привыкшій жить въ независимомъ положеніи и пользоваться правомъ точно также ѣсть, пить и одѣваться, какъ и вы, протягиваетъ руку къ вамъ, къ человеку развитому, но не потерявшему своего богатства. Вы имѣете возможность вдругъ, сейчасъ привести его въ независимое положеніе, такъ что онъ попрежнему будетъ жить своимъ трудомъ. И вдругъ вы суете ему мѣдный пятакъ! Ужасная картина! Сколько злобы въ этомъ пятакѣ! Какая ехидная насмѣшка! Какое униженіе!

«И при подобныхъ неестественныхъ, нечеловѣческихъ отношеніяхъ дающаго и принимающаго, восклицаетъ «Искра», какого можно ожидать въ нихъ 185урра185нт нравственныхъ ощущеній, очищающихъ душу, и вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благостію, зиждущею міръ? Тутъ напротивъ одинъ играетъ роль палача, а другой жертвы.»

Вотъ оно куда пошло! Трагедія да и только!

Но куда же наконецъ мы заѣхали? Въ какой-то очарованный міръ, въ которомъ всѣ развиты, всѣ привыкли къ независимому положенію, всѣ могутъ взять нищаго къ себѣ въ домъ и такъ или иначе привести его снова въ независимое положеніе, и проч. И проч. Пусть въ этомъ мірѣ совершаются чудеса нравственности, пусть въ немъ милостыня есть стыдъ и преступленіе. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что мы, живущіе совсѣмъ не въ такомъ мірѣ, уже вовсе лишены нравственности? Развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ нашемъ народѣ, въ дѣлахъ его благотворенія невозможенъ никакой *процессъ нравственныхъ ощущеній?*

А между тѣмъ вѣдь этого, а не какого другого заключенія добивается «Искра!»

«Только при варварствѣ и грубости человѣческаго рода, заключаетъ она, при общемъ неустройствѣ его общественной жизни могъ возникнуть подобный (т. Е. *ручной*чтоли?) способъ благотворительности.»

Хоть этого вы намъ недоказали нисколько, ни на одну іоту, положимъ однакоже, что такъ. Положимъ, что современемъ онъ замѣнится какимъ-нибудь неизмѣримо

превосходнѣйшимъ способомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ древнемъ способѣ милостыни нѣтъ нравственнаго начала и есть хотя бы тѣнь безнравственности?

Этимъ я и кончу.

Замѣьте, милостивый государь, съ какою поразительною ясностію здѣсь обнаруживается безобразіе извѣстнаго, очень распространеннаго направленія мыслей. Еслибы авторъ нападалъ на нелѣпость народныхъ понятій, еслибы онъ не признавалъ ничего свѣтлаго въ народномъ міросозерцаніи, -- это было бы понятнѣе; еслибы онъ не сумѣлъ найти никакого достоинства въ произведеніяхъ народного творчества, въ народной музыкѣ, поэзіи и проч., это было бы простительнѣе. Но отвергать нравственный элементъ въ народной жизни, но не видѣть его въ такомъ простомъ и чистомъ явленіи, какъ милостыня, -- хуже этого ничего не можетъ быть. Дальше этого въ презрѣніи или лучше сказать въ легкомысліи къ народу идти нельзя.

Повидимому подобная статья способна возбудить величайшее негодованіе. Но авторъ такъ ужъ хватилъ черезъ край, что скорѣе заслуживаетъ сожалѣнія. Что до меня, то я былъ бы очень непослѣдователенъ, еслибы не простилъ его отъ всей глубины души. Нужно судить его съ той самой точки зрѣнія, съ которой мы судили о милостыни, нужно цѣнить не столько самое дѣло, сколько доброе намѣреніе. А что намѣренія автора были прекраснѣйшія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Вѣдь онъ сострадательно думалъ о нищихъ! Онъ желалъ того блаженнаго состоянія, когда ихъ вовсе не будетъ! О прекрасный, чувствительный, гуманный человѣкъ!

Я поэтому именно и выбралъ эту статью для письма къ вамъ, что она показалась мнѣ разительнымъ примѣромъ того, какъ прекраснѣйшія намѣренія соединяются съ самымъ плохимъ исполненіемъ. Примѣръ же нуженъ потому, что подобныхъ статей, подобныхъ разсужденій, подобныхъ авторовъ у насъ великое множество.

Будемъ же благодушны, какъ благодушенъ русскій человѣкъ, подающій милостыню всѣмъ: и правымъ и виноватымъ; положимъ, что нѣкоторые изъ этихъ авторовъ не говорятъ ни одного путнаго слова, все-таки скажемъ имъ спасибо за ихъ доброе желаніе, простимъ имъ много, потомучто они много возлюбили!

Въ частности, что касается до «Искры», то я не имѣю противъ нея ничего, сколько-нибудь враждебнаго. Говорю это не изъ боязни ея насмѣшекъ. Помилуйте! Прекрасный журналъ! Приносящій весьма много пользы! Имѣющій хорошее направленіе! «Гудокъ» конечно острѣе, но и «Искра» хороша! Очень хороша! Укажу хоть на пародіи на князя Вяземскаго: онѣ доставили мнѣ величайшее удовольствіе!

Если же несмотря на то, иногда очень грустно читать наши журналы, какъ грустно иногда дѣлается при видѣ нищихъ у церквей, или гдѣ-нибудь на большихъ дорогахъ и въ далекихъ селахъ, то причина этому не въ томъ, чтобы милостыня была безнравственна или чтобы у насъ не было журналовъ съ прекрасными намѣреніями.

Н. КОСИЦА

Нѣчто о характерѣ нашего времени. (Нѣсколько словъ по поводу одной журнальной статьи)³⁵

«Вѣкъ безъ идеаловъ – таковъ приговоръ нашему времени».

«Вѣкъ безъ идеаловъ, вѣкъ безъ будущности, безъ имени, какое-то тусклое пятно въ исторіи».

Эти печальныя слова взяты нами изъ *Русскаго Вѣстника* нынѣшняго года (см. *іюль*, стр. 427). И сужденіе это произнесено не мимоходомъ, а составляетъ едва ли не главную тему нѣсколькихъ статей, въ которыхъ оно поясняется разборомъ современныхъ произведеній русской литературы и повторяется въ различныхъ формахъ и развитіяхъ. «Недугъ безъидеальности, беспринципности, страшный упадокъ умственнаго и нравственнаго уровня», -- выраженія, которыя тутъ встрѣчаются на каждой страницѣ, какъ характеристика нашего времени. Приведемъ еще одно особенно настойчивое мѣсто изъ послѣдней книжки:

«Отсутствіе идеаловъ, ненависть къ идеаламъ, протестъ противъ духовнаго неравенства, протестъ ординарныхъ умовъ противъ болѣе развитыхъ организацій – вотъ исходный пунктъ броженія, грозящаго обществу общимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго уровня. Дѣйствительно, подъ видимыми успѣхами того матеріальнаго прогресса, которымъ такъ кичатся ординарные, средніе умы, наше время таитъ въ себѣ симптомы внутренняго упадка» (*Русск. Вѣстн.* 1873, августъ, стр. 829).

Такія мнѣнія стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться; они безъ сомнѣнія составляютъ выраженіе того чувства, которое давно знакомо многимъ, и не разъ было выражаемо, но которому суждено все больше и больше распространяться, -- чувства, что люди потеряли руководящую нить своего прогресса, что въ наше время происходитъ крушеніе старыхъ началъ жизни и не видно нарожденія новыхъ. Сознаніе того, что въ такомъ именно положеніи находится дѣло человѣческаго развитія, по немногу пробивается вездѣ, и нѣкоторыя черты этого положенія уже очень ясны.

Во первыхъ ясно, что прежнія начала утрачены не въ какомъ нибудь отдѣльномъ обществѣ, не въ отдѣльной странѣ или литературѣ, а во всемъ просвѣщенномъ мірѣ. Внутреннее разложеніе той цивилизаціи, которая одну себя считаетъ за цивилизацію, то есть западной или европейской цивилизаціи – вотъ явленіе, о которомъ первая мысль принадлежитъ нашимъ славянофиламъ, но которое потомъ, послѣ 1848 года, все чаще и яснѣе сознается самою Европою. Объ этомъ много и вѣско сказано у Герцена, Прудона, Ренана, Карлейля.

Что же касается до насъ, русскихъ, то въ нашей литературѣ и въ нашемъ умственномъ настроеніи только отразилось состояніе духовной жизни Европы. Вліяніе Европы на насъ всесильно, въ особенности на тѣхъ изъ насъ, кто неспособенъ къ большой самостоятельности, слѣдовательно на массу, на большинство, почти на всѣхъ. За немногими исключеніями, которыя за то тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ рѣже, мы слѣпо движемся по тому направленію, куда гонитъ насъ примѣръ Европы. И такъ разложеніе старыхъ началъ въ Европѣ должно было отразиться у насъ какъ бы съ физическою неизбѣжностію. Если это не такъ замѣтно съ перваго взгляда, то причина въ особенныхъ обстоятельствахъ маскирующихъ явленіе. Наша литература и наше общество почти сплошь состоятъ изъ западниковъ, но разумѣется большая часть ихъ не представляетъ ничего яснаго и опредѣленнаго; безтолковая путаница идей, самая пестрая сочетанія разнородныхъ понятій – вотъ обыкновенное состояніе нашихъ умовъ. Но если взять людей болѣе послѣдовательныхъ и нѣсколько серьезно вдумывающихся въ свои

убѣжденія, то и тутъ нужно различать два разряда. Одни – западники послѣдовательные, съ жаромъ и смѣлостію принимающіе идеи Европы; такіе умы непременно приходятъ къ большому или меньшему нигилизму, то есть повторяютъ въ себѣ духовное состояніе Европы, давая ему только рѣзкія и даже своеобразныя черты въ силу того возбужденія, которое свойственно неофитамъ. Другіе – западники непослѣдовательные, старовѣры, медлители, западники на манеръ сороковыхъ годовъ. Эти люди, не имѣя жара и смѣлости нигилистовъ, стараются за то опереться на обширныя и основательныя познанія, и сюда принадлежатъ многіе люди, отличающіеся большимъ образованіемъ. Они упорно отвергаютъ нигилизмъ, упорно преклоняются передъ Западомъ, и не смотря на то ихъ мысли и убѣжденія остаются на степени очень смутныхъ надеждъ и стремленій. Они любятъ, какъ говорится, *все прекрасное и высокое*, но поражены бываютъ страннымъ безсиліемъ, непреодолимымъ раздумьемъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Голоса этихъ людей иногда раздаются очень громко, но ничего цѣлаго и связнаго не выходитъ изъ этихъ отдѣльныхъ умныхъ рѣчей. Очень часто эти разумные и просвѣщенные люди стыдятъ нашу литературу ея глупостями и настойчиво указываютъ на Западъ, въ которомъ, имъ кажется, есть какія-то твердыя начала. Между тѣмъ что мы видимъ на опытѣ, на фактѣ? Люди съ оттѣнкомъ нигилизма не только указываютъ на Западъ, но и подражаютъ ему въ своихъ писаніяхъ, усердно переводятъ его книги, горячо проповѣдуютъ его ученія. Напротивъ западники умѣренные, несмотря на свою ученость и тонкое развитіе своей мыслительной способности, не знаютъ что имъ дѣлать, не умѣютъ держать долгой проповѣди, даже не знаютъ, какія бы книги перевести для просвѣщенія русской публики. Такимъ образомъ въ то время, какъ литература нигилистическаго оттѣнка непрерывно нарастаетъ, всѣ другія направленія существующія въ нашемъ умственномъ мірѣ работаютъ разрозненно, изрѣдка и съ большими перерывами. У нихъ очевидно нѣтъ настоящаго воодушевленія и они не видятъ передъ собою прямого, яснаго пути.

Выходитъ такъ, что защитники того, что обыкновенно называется идеалами, не имѣютъ достаточно энтузіазма, тогда какъ противники идеаловъ оказываются величайшими энтузіастами. Въ этомъ случаѣ нужно ясно различать между цѣлью человѣческаго стремленія и самымъ стремленіемъ. Цѣль можетъ быть очень ничтожна и безсодержательна, а стремленіе не смотря на то можетъ отличаться большимъ благородствомъ, чистымъ сердечнымъ увлеченіемъ. Человѣкъ есть существо религіозное, то есть такое, которое расположено жить идеями и ради ихъ жертвовать всѣмъ остальнымъ. Этотъ идеализмъ можетъ быть никогда еще не былъ такъ силенъ въ людяхъ, какъ въ настоящее время, хотя именно теперь идеалы утрачиваютъ свое содержаніе и исчезаютъ. У очень многихъ религіи нѣтъ, а религіозная потребность жива. Люди обеспеченные матеріально, огражденные отъ всѣхъ опасностей, тонко развитые, но не видящіе передъ собою ничего святаго, чему бы можно принести въ жертву свои силы и свою жизнь, начинаютъ мучиться страшнымъ душевнымъ голодомъ, который до тѣхъ поръ не даетъ имъ покоя, пока они не возведутъ чего-нибудь въ идеаль, не дадутъ исхода своей потребности энтузіазма и самопожертвованія. Такимъ образомъ въ нашъ вѣкъ происходятъ огромныя и постоянныя волненія, страстныя, пламенныя, кровавыя, а между тѣмъ дѣйствительные идеалы все тускнѣютъ и тускнѣютъ.

Если возьмемъ самага ординарнаго образованнаго человѣка нашего времени, то мы

найдемъ въ немъ стремленія, которыя иногда очень воодушевляють его и замѣняютъ ему цѣль жизни, заступаютъ мѣсто всякихъ идеаловъ. Таковы: 1) разрушеніе предрасудковъ, 2) распространеніе грамотности, чтенія и вообще просвѣщенія, 3) возможно-большая свобода, 4) устраненіе болѣзней и другихъ физическихъ бѣдствій, 5) нарощеніе матеріальнаго благосостоянія, 6) болѣе равномерное его распредѣленіе, и т. Д. Всѣ эти идеи относятся къ *заботѣ объ общемъ благѣ*, и потому каждая можетъ стать предметомъ безкорыстнаго увлеченія, можетъ внушать почти религіозный фанатизмъ, которымъ и питаются души человѣческія. Между тѣмъ обманъ, посредствомъ котораго въ этихъ случаяхъ заглушается голодъ сердца, часто очень ясно видѣнъ. Тотъ, кто разрушаетъ предрасудки, обыкновенно не понимаетъ ихъ смысла и не знаетъ, что поставить на ихъ мѣсто. Кто хлопочетъ о школахъ и просвѣщеніи, большею частію не знаетъ, чему учить въ этихъ школахъ и чтò должно составлять основу просвѣщенія. Заботящіеся о свободахъ даже не думаютъ, для чего имъ нужна свобода, куда и на что ее слѣдуетъ употреблять. Люди, ревностно спасающіе другихъ отъ болѣзней и смерти, не умѣютъ ничего сказать на вопросъ, какая же цѣль жизни и здоровья, о которыхъ они такъ хлопочутъ. И тѣ, которые заботятся о матеріальномъ благосостояніи и его равномерномъ распредѣленіи, часто собственнымъ поведеніемъ доказываютъ, что они презираютъ матеріальное благосостояніе, что ограничиться заботами о немъ для себя они считали бы величайшимъ стыдомъ; для нихъ непременно нужна прекрасная роль жертвы, и они никакъ не догадываются, что и каждый изъ тѣхъ, кого они стремятся облагодѣтельствовать, тоже пожелаетъ чего-нибудь лучшаго, что не о хлѣбѣ единомъ живѣ будеть человѣкъ.

Такимъ образомъ въ наше время цѣль, дѣйствительное благо, смѣшивается со средствами, и люди, не видя цѣли, къ которой могли бы стремиться съ религіознымъ энтузіазмомъ, переносятъ этотъ энтузіазмъ на средства, которыя почему-нибудь имъ кажутся непременно способствующими цѣли, преимущественно на средства отрицательныя, на устраненія помѣхъ къ неизвѣстному и все больше исчезающему въ туманѣ благу.

Понятно, что изъ такого смѣшенія понятій и стремленій должно выйти много дурнаго, что дурное въ концѣ концовъ даже непременно должно перевѣсить хорошее. Если неясна общая и главная цѣль, то частныя стремленія непременно войдутъ въ противорѣчіе съ нею, да не могутъ примириться и между собою, такъ какъ примиреніе ихъ возможно только въ болѣе высокомъ и господствующемъ началѣ. Просвѣщеніе нарушаетъ равенство, равенство не согласуется съ свободою, свобода противорѣчитъ равномерному распредѣленію благосостоянія, на мѣсто старыхъ предрасудковъ являются новые, вмѣсто суевѣрія преданій является суевѣріе науки, и обыкновенно противники фанатизма сами суть ярые, слѣпые фанатики.

Если мы скажемъ, какъ признаетъ, хотя и непослѣдовательно, Джонъ Стюартъ Милль, что *душевное благородство* есть высшая цѣль чловѣка, то ясно увидимъ, что современные идеалы ведутъ къ безпрестанному нарушенію этого благородства. Нѣтъ преступленія или обмана, для которыхъ нынѣшняя Европа не находила бы извиненія, когда они совершаются не ради личной цѣли. Общественная совѣсть, чувствуя свою собственную слабость, оправдываетъ самыя крайнія злодѣйства, если они совершены подъ вліяніемъ политическаго или соціальнаго фанатизма. Общая норма осталась таже:

фанатизмъ до самопожертвованія, до мученичества – признается благороднымъ дѣломъ, но такъ какъ нѣтъ ясныхъ цѣлей для такого религіознаго настроенія души, то и извиняются всевозможныя его блужданія и искаженія.

У насъ эта болѣзнь духовнаго развитія отражается можетъ быть яснѣе, чѣмъ она видна въ самой Европѣ, ея источникъ. Нашъ нигилизмъ имѣетъ явнымъ образомъ религіозное, пуританское, даже прямо аскетическое настроеніе. У насъ не существуетъ развратной литературы, воспѣвающей роскошь и распутныя наслажденія. Наши нигилистки обрѣзываютъ себѣ волосы, надѣваютъ черное платье и кожаный поясъ, точно онѣ поступаютъ въ монахини. И если при слабости нашихъ умовъ, при нашемъ маломъ просвѣщеніи исповѣдуются и дѣлаются величайшія дикости, то покорность идеѣ во всякомъ случаѣ должна быть признана чистою, благородною чертою. Эти малыя и темныя души, очевидно, любятъ свѣтъ и готовы ему слѣдовать. Но понятно, какой просторъ въ этихъ потемкахъ можетъ явиться и для дурныхъ влеченій, и сколько извращенія можетъ быть порождено правиломъ, что *цѣль освящаетъ средства*, -- истиннымъ правиломъ всякаго фанатизма.

Н. Страховъ.

Василий Курочкин

[28.VII(9.VIII).1831, Петербург – 15(27).VIII.1875, там же] – поэт, переводчик, журналист. Родился в семье чиновника, бывшего крепостного, получившего потомственное дворянство. Воспитывался в доме отчима, полковника Е. Т. Готовцева. В десятилетнем возрасте был отдан в 1-й Кадетский корпус, продолжил образование в другом военно-учебном заведении – Дворянском полку, откуда в 1849 г. Был выпущен прапорщиком. Жизнь офицера тяготила К., и, добившись в 1853 г. Отставки, он перешел на статскую службу, а с 1857 г., отказавшись и от карьеры чиновника, посвятил себя исключительно литературному труду.

В детстве и юношестве К., по словам его брата, «буквально целые дни проводил за чтением книг», следил за журнальной беллетристикой, пробовал сочинять (Курочкин Н. С. В. С. Курочкин // Курочкин В. С. Собр. стихов.–М.; Л., 1934.–С.

523). Его литературное дарование дало о себе знать уже в годы учебы: по свидетельству однокашника, стихи К. открывали рукописный сборник, составленный воспитанниками Дворянского полка; сохранились упоминания о его сатирических произведениях тех лет.

В периодической печати К. начал сотрудничать с 50 гг. Его повести, стихотворения, фельетоны появлялись в «Сыне отечества» и «Пантеоне», а позднее и в ведущих журналах тех лет – «Современнике», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике». Однако его путь в литературу вовсе не был гладким: многие произведения отвергались редакциями, мизерные гонорары вынуждали к писанию водевилей-однодневок, к работе на издателей бульварной продукции. В те годы он «находился в полном разочаровании самим собою, считал себя беловиком...», вспоминал писатель С. В. Максимов (Максимов С. В. Литературные путешествия, – М., 1986.–С. 76). Стремясь к серьезной литературной деятельности, К. много переводил западноевропейских писателей – Мольера, Мюссе, Бернса и др. Именно как переводчик он и обратил на себя общее внимание; подлинную известность – а вместе с ней и перелом в литературной биографии – ему принесли переводы из Беранже, поразившие современников «легкостью, смелостью и блеском стиха, удачной передачей духа подлинника, считавшегося непереводаемым», вспоминал П. Ефремов, библиограф и друг К.

Песни Беранже на русском языке стали делом жизни поэта. Начиная с первого, имевшего громадный успех сборника его переводов из Беранже (1858) и вплоть до шестого, последнего прижизненного издания книги (1874), К. не переставал пополнять ее состав новыми стихотворениями. Некоторые из них, не пропущенные цензурой, получали широкое хождение в списках. Так, в апреле 1858 г. Т. Г. Шевченко, только что, приехавший из ссылки в Петербург, вписал в свой дневник «прекрасное и меткое», по его словам, стихотворение «Навуходоносор» (опубл. В герценовской «Полярной звезде на 1861 год»), насыщенное в переводе К. намеками на жестокий режим Николая I: «Наш царь бодается, так что ж, / И мы топтать народ здоровы,-- / Решил совет седых вельмож.-- / Да здравствуют рога царицы!» Именно Российскую империю (на гербе которой изображен двуглавый орел) имел в виду переводчик и в стихотворении «Добрая фея» (1856), пронизанном горькой иронией: «Нас в нашем царстве орлином / Холят, как птичек в гнезде...» Приближение песен Беранже к российской действительности – источник исключительной популярности переводов К. Их читали и в среде разночинной интеллигенции, и в аристократических салонах, и в купеческих домах; сочиняли к ним музыку; декламировали с эстрады на литературных вечерах (не случайно одно из них цитирует Актер в пьесе М. Горького «На дне»). По словам Д. Д. Минаева, самые популярные переводы К. («Знатный приятель», «Как яблочко румян», «Барышни») «сделались даже народными нашими песнями» (Дело.–1869.–Но 5.–III пагинация.–С. 33). Их быстрому усвоению способствовали куплетная форма, бойкие – порой веселые, порой ироничные – припевы, несложный ритмический рисунок, звучные рифмы.

К., называвший себя «переводчиком-поэтом», а свои переводы – «переделками», обычно довольно свободно обращался с текстом оригинала, смело вносил изменения.

Одним критикам это представлялось вопиющим произволом, другим – превосходной находкой, позволившей органично вписать песни французского поэта в русскую стихотворную традицию и донести до русского читателя дух поэзии Беранже. Хотя, по мнению Добролюбова, К. не всегда удачно «дает мысли Беранже свой, самостоятельный оборот», тем не менее его «переделки», считал критик, «верно воспроизводят то общее впечатление, какое оставляется в читателе пьесой Беранже» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т.–М.; Л., 1962.–Т. 3.–С. 454). К. удалось воссоздать жизнеутверждающую тональность, демократизм и бунтарский пафос французского поэта.

Еще более значительный общественный резонанс получила журналистская деятельность К. С 1859 г. Совместно с художником-карикатуристом Н. А. Степановым (а с 1865 г.–самостоятельно) он издавал еженедельный сатирический журнал «Искра», завоевавший в 60 гг. колоссальный авторитет. «Искру» выписывали и в столице, и в провинции, читали «и друзья, и враги» (Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке.– Спб., 1907.–С. 152); боялись «Искру» все, кто мог «попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков» (Вейнберг П. И. Безобразный поступок «Века». Из моих литературных воспоминаний // Исторический вестник.– 1900.–Но 5.–С. 476). Несмотря на цензурные преследования, журналу удавалось оперативно и остроумно реагировать на злоупотребления и упущения в самых разных сферах жизни, обрушиваясь с революционно-демократических, просветительских позиций не только на ретроградов, но и на либералов. Как редактора «Искры» К. называли «всероссийскою грозой» (Скабичевский А. М. Первое 25-летие моих литературных мытарств // Исторический вестник.–1910.–Но 2.–С. 443), «председателем суда общественного мнения» (Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русская мысль.–1891.–Но 3.–II пагинация.–С. 205). Именно благодаря К. (члену центрального комитета тайной организации «Земля и воля») и его ближайшим помощникам (брату Н. В. Курочкину, Г. З. Елисееву, Д. Д. Минаеву) «Искра» была одним из самых прогрессивных изданий русской подцензурной печати. В годы наивысшего успеха журнала расцвел и сатирический талант самого К. Почти в каждом номере он выступал как поэт, пародист, фельетонист, прикрываясь обычно псевдонимами, служившими ему своеобразными сатирическими масками. К. обращался к читателям от лица созданных его воображением благонамеренных литераторов – Пр. Знаменского (складывалось впечатление, что в органе революционной сатиры сотрудничает протоиерей), Бориса Фаддеева (контаминация имен Фаддея Булгарина и поэта Бориса Федорова) и др. В их уста он вкладывал высказывания многочисленных противников «Искры», пародийно развивая при этом, взгляды своих оппонентов, доводя порой враждебную идеологию до абсурда. Так, Тарах Толерансов (одна из излюбленных масок К.), полностью солидаризуясь с Катковым, «невольное шаржировал его выступления в печати и – как бы защищая – самим изложением катковской общественной позиции разоблачил ее: «Бог журналистики! Не дай душе моей / Дух озлобления, змеи сокрытой сей, / Дух отрицания неправды, нигилизма, / Но вознеси меня во области лиризма, / Где жизнь прелестною является для глаз / Всеобщей формулой, потоком громких фраз, / Неприменимою к отечеству доктриной В

соединении с любезной нам рутинной» («Казацкие стихотворения», 1862). В этом фрагменте, основанном на ритмико-синтаксической, лексической, композиционной структуре стихотворения Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...», как и во множестве др. своих произведений, К. переделал классическое произведение, насытив его остролюбодневным содержанием. За подобными переделками закрепилось название «перепевы». И. Г. Ямпольский, анализируя его «перепевы», отметил их важнейшую особенность: неожиданное применение освященных поэтической традицией словесных формул и сюжетных схем к явлениям текущей действительности рождало комический эффект, направленный, однако, не на классические образцы, а на темные стороны жизни. Так, в стихотворении «В ресторане» (1860) К. высмеивал вовсе не лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...», а жизненную философию сановной бюрократии: «Уж от жизни и от службы, видно. / Ничего мне не осталось брать; / Пообедать я б хотел солидно / И солидно за обедом врать». К. «перепевал» не только лирические произведения. В 1862 г. Появились его «сцены из современной комедии» «Цепочка и грязная шея» – своеобразная переделка «Горя от ума». К. перенес героев Грибоедова в 60 гг. и заставил их грибоедовским стихом говорить о том, что волновало современников К. «Перепевы» были для К. мощным средством журнальной полемики. При этом особый комический эффект создавался благодаря возникавшему стилистическому разнобою; элегическая лексика совмещалась с прозаизмами и церковнославянизмами, высокий стиль, поэтические штампы – с бойким, «барабанным» размером.

К. называл себя «газетным человеком», способным в серой повседневности разглядеть значительный факт и придать ему общее освещение. Журналистскую оперативность и злободневность К. перенес в поэзию, развивая тем самым открытия Некрасова, подорвавшего традиционные представления о поэтическом. Прозаичность сюжетов и образов, своеобразие жанрового репертуара (стихотворные фельетоны, «перепевы», водевили, «куплеты»), приближение к стихии разговорной и народной речи (что открыло поэту путь к освоению фольклорного стиха в кукольной комедии «Принц Лутоня») – все это дает основание исследователям рассматривать творчество К. в рамках поэтической школы Некрасова.

Издатель «Искры» и переводчик Беранже был в нач. 60 гг. «одним из самых популярных людей в России» (Михайловский Н. К. Записки профана // Отечественные записки.–1875.–№ 9.–II пагинация.–С. 89). Симпатии демократической интеллигенции вызывали не только политические взгляды, но и личные качества поэта. Сотрудники «Искры» вспоминали позднее о его бескорыстном энтузиазме, юношеской горячности, товарищеском отношении к авторам, бескомпромиссности. К. был «вполне сын 60-х гг., их создание и воплощение» (Скабичевский А. М. Цит. Соч.–С. 442). Неудивительно, что ему было крайне трудно работать в обстановке общественного спада: к 70 гг. продуктивность поэта заметно уменьшилась, в его стихах все чаще стали звучать скептические ноты. «Невозможно на Руси Беранжерам быта»,-- с горькой улыбкой подводит он жизненный итог (письмо П. А. Ефремову, 1873). «В том обществе, где более уж нет / На прежние стремления ответа» («Реальные сонеты», 1873), постепенно теряла свое значение «Искра», которой трудно было, кроме всего прочего,

противостоять цензурным репрессиям (закрыта правительством в 1873 г.).

К., до середины 60 гг. лишь изредка печатавшийся за пределами своего журнала (в «Иллюстрации», «Веке», «Современнике»), отныне: начал довольно регулярно сотрудничать в некрасовских «Отечественных записках», где помещал театральные обзоры и переводы, в газете «Биржевые ведомости», где появлялись его фельетоны и сатирические стихи, в газетах «Новое время», «Неделя». Как и в молодости, иной раз ему приходилось не без труда пристраивать свои переводы, ради заработка переделывать французские водевили и оперетты («Фауст наизнанку», 1869; «Дочь рынка», 1875, и др.). К. тех лет остался в памяти мемуаристов «рассеянным, желчным, недовольным» (Засодимский П. Из воспоминаний.—М., 1908.—С. 306). Безвременная гибель поэта, случайно принявшего смертельную дозу лекарства, получила слабый отклик в печати, за его гробом шли лишь самые близкие. Однако уже авторы некрологов, а вслед за ними и литераторы новых поколений писали о К. как о ярчайшем выразителе своей эпохи и единодушно выделяли – в качестве самой притягательной черты поэта – верность убеждениям молодости, идеалам 60 гг.

О. Сергеева

Русский разговор петербургских дам³⁶

Я был в Михайловском театре и наслаждался высокохудожественною игрою Ристори, не понимая ни слова по-итальянски. Кресло мое приходилось как раз возле бенуаров – эти боковые кресла обыкновенно занимают фельетонисты, мои старшие по ремеслу братья. Возле меня, в бенуаре, сидели две молодые дамы; если я скажу – они были прекрасны, -- я ничего этим не скажу. Они были более чем прекрасны: в их лицах я заметил то умное, чисто русское выражение, которое представляется мне в идеальных лицах будущих русских женщин, когда я дремлю после обеда, убаюканный патристическими грезами газеты «День». Одеты они были очень просто: одна в тифтиковсм, другая в альбакасовом платье, и эта простота еще более возвышала их красоту.

В антракте эти дамы разговаривали, не громко, но, однако, так, что мне было слышно каждое их слово. Считаю себя обязанным поделиться с читателями тем высоким наслаждением, которое я вынес из этого разговора.

Герой на сцене закалывается; занавес падает.

Альбакас (опуская бинокль). Ристори мне надоела. Русская лицедейка Владимирова больше говорит сердцу.

Тифтик. Вы совершенно правы. Слышали новость? Наш знаменитый личник Бурдин вернулся из-за границы.

Альбакас. Да, мне говорил об этом сочинитель, который пишет под *потайником* Квасова. Он говорил, что нашего дорогого личника восторженно приняли: *ладошниками ихлопушами* были даже все дамы.

³⁶ Василий Курочкин. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. - М., ГИХЛ, 1957

Тифтик. Правда ли, что этот знакомый ваш сочинитель намерен издать *полетник*?

Альбакас. Как же. Он даже хочет поместить в нем *краестишие*, которое написал мне; но я, разумеется, его от этого отговариваю. (*Тихо, указывая на меня*). Посмотрите, как этот *белявый* смотрит на вас в *двуглазку*.

Тифтик. Он не на меня смотрит, а на мой наручень.

Альбакас. Безобразник! Какие у него гадкие *Щекобрады!*

Я встаю с кресла и, продолжая слушать, навожу свой бинокль в противоположные ложи.

Тифтик. Вообразите, *мой* тоже отпустил себе *бокоуши*.

Альбакас. Нынче они все обросли *бурдами*.

Молчание. Я сажусь, несколько успокоенный.

Альбакас. Скажите, вы не читали в временниках – хорошо ли в Дурацком городище идет подписка на *книжницу*?

Тифтик. Нет, известия неутешительные. В Дурацком городище и Глупове играют в карты, в лото... для них высшее счастье, когда выиграют на *двоюху*...

Альбакас. Но в Верхне-Кундрюченске, говорят, дело народного образования пошло очень успешно и быстро.

Продолжительное молчание.

Тифтик. Скажите, пожалуйста, поправилась ли ваша золовка?

Альбакас. Нет, все еще лежит. *Родопомощница* не помогла ни на волос; да и *бабич* отчаивается. Можете представить, сколько денег пошло на одну *зельницу* – просто ужас!

Тифтик. Да, я это хорошо знаю: когда болен был муж, *снадобница* нам тоже обошлась в копейку.

Альбакас. Полноте! Ваш муж так много получает с своего *общества на делянках*,

Тифтик. Нет, нынче дела идут плохо. Передайте, пожалуйста, *сластничку*.

Альбакас передает бонбоньерку; Тифтик рассматривает ее.

Тифтик. Какая хорошенькая *лакомка*. (*Берет конфекты.*) Прощайте, вот идет муж... Сейчас кончится *меженица*.

Альбакас. Как идет к вашему мужу эта *плетеница* из золотых снурков.

Тифтик. Прощайте! Мне бы гораздо приятнее было оставаться здесь с вами, но муж непременно хочет ехать в цирк смотреть на какого-то *весопляса* вроде Леотара. Никак не могу сделать его серьезным. Приезжайте часов в одиннадцать: будет Акулина Пахомовна, знаете – муж которой служит в *письмоскладе*. Завтра пойдем вместе смотреть восковых *самодвиг* и *живулей*. Прощайте, Марья Ивановна.

Альбакас. До свидания, Дарья Петровна.

«Какое отрадное явление! – думал я, выходя из театра, -- эти дамы прочли первый выпуск «Толкового словаря живого русского языка» только на Аз и на Буки и уже не употребляют в разговоре иностранных слов».³⁷

37 Русский разговор петербургских дам. Впервые -- в "Искре", 1861, No 45, стр. 661--662, подпись: Тарах

«Искра» 1870 года³⁸

«Искра» существует не со вчерашнего дня. Читатель знает ее давно и знает, что было время, когда в жизни ее и деятельности были *хорошие*, памятные всем дни.

Конечно, потом все пошло прахом, но прахом пошло не в одной «Искре», а везде. Полоса такая настала. Когда начиналась «Искра», в русском обществе стояли светлые, прекрасные дни. То была пора самых светлых надежд и упований, пора увлечений, может быть юных, незрелых, но увлечений чистых, бескорыстных, полных самоотвержения, проникнутых одною целию – целию общего добра и счастья, и единомудушных. Все лучшее общество жило одними и теми же идеалами, если и неопределенными в подробностях и не всегда ясно сознаваемыми, то несомненно одинаковыми в их общей основе; оно признавало и выражало их, как один человек. Литература несла общее, дорогое всем знамя. Она несла его грозно и честно – и этим создала себе высокое значение и необыкновенную силу в обществе. Мы думаем, что нисколько не преувеличим заслуг литературы того времени, если скажем, что все, что в настоящее время остается лучшего, живого, плодотворного в начинаниях и действиях общества, было насаждено ее трудом, привито ее заботами и стараниями. Но при этом мы могли бы сказать вместе с Гете, что когда теснящиеся в душу образы прошедшего «приносят с собою картины светлых дней, то вместе с ними появляется из него много дорогих теней, -- и делается болезненнее старая скорбь, начинает вновь сильнее чувствоваться досада на ход жизни, запутывающий людей в их пути, подобно лабиринту; в памяти оживают имена тех добрых спутников, которые исчезли в прекрасные часы, обманутые счастьем».

А счастье действительно было обманчиво. Давно уже наступила и стоит другая полоса. Определенная действительность сменила прежние неопределенные идеалы. Она внесла рознь и разлад в единомудушное до сих пор общество. При виде добычи забыты были

Толерансов. Фельетон высмеивает стремление консервативных кругов изгнать из русского языка заимствованные слова, даже прочно утвердившиеся в нем. Борьба с иностранными словами издавна была связана с неприятием того прогрессивного, что шло в Россию из Европы. *Ристори* -- см. стр. 629. *"День"* -- славянофильская газета. *Лицедейка* -- артистка. *Владимирова Е. В.* -- в 50--60-е годы артистка Александрійского театра. *Личник* -- артист. *Бурдин* -- см. стр. 683. *Потайник* -- аноним; в фельетоне употреблено в значении: псевдоним. *Ладошники, хлопуши* -- те, кто аплодируют. *Полетчик* -- альманах. *Краестишие* -- акростих, стихотворение, в котором начальные буквы стихов составляют какое-нибудь имя, слово. *Белявый* -- блондин. *Двуглазка* -- бинокль. *Наручень* -- браслет. *Щекобрады, бокоуши, бурды* -- бакенбарды. *Дурацкое городище* и *Глупов* -- из цикла Щедрина "Сатиры в прозе". Впоследствии Глупов явился местом действия "Истории одного города". *Книжница* -- библиотека. *Родопомощница* -- акушерка. *Бабич* -- бабник, волокита, *Зельница, снадобница* -- аптека. *Общество на полянках* -- акционерное общество. *Сластничка, лакомка* -- бонбоньерка, изящная коробочка для конфет. *Меженница* -- антракт. *Плетеница* -- аксельбант. *Весопляс* -- акробат, *Леотар* -- гимнаст и эквилибрист, выступавший в петербургском цирке. *Письмосклад* -- архив. *Самодвига, живуля* -- автомат. -- Все разъясненные выше слова взяты из упомянутого в конце фельетона "Толкового словаря" В. И. Даля. При всех несомненных заслугах Даля перед русской культурой ему были свойственны указанные выше консервативные тенденции. Прекрасно знавший живую русскую речь и собравший многие ее богатства, Даль создал, однако, не словарь русского литературного языка, а, по словам В. И. Ленина, "областнический словарь" (письмо к А. В. Луначарскому от 18 янв. 1920 г. -- Сочинения, т. 35, стр. 369). Нередко Даль и сам придумывал слова.

38 Василий Курочкин. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. - М., ГИХЛ, 1957

возвышенные цели и мечты. Многие увидели, что действительность точно будет создана в их личных интересах; другие нашли, что она очень близко подходит к их интересам и стоит только немножко поправить ее, чтобы сделать вполне удобною, третьи... Но, одним словом, многое множество из образованного общества поняло, что им, старшим братьям русского народа, может быть тут очень хорошо. Вопрос для каждого пошел о том, как бы половчее пристроиться к добыче и как бы поделить ее с большею выгодой для себя. В этом состоит существо различных партий или, точнее сказать, клик в современном русском обществе. Литература, в значительной и сильнейшей части своей, сделалась служебным орудием в руках различных претендентов на добычу. То, что не участвует в дележе, что стоит за общий интерес страны, или вовсе не представлено в ней, или представлено очень бледно и слабо. Причина этого последнего обстоятельства заключается в том, что давно уже существует печальное недоразумение между властью, охраняющею общие интересы, и прогрессивною партией общества. Претенденты на добычу ловко пользуются таким положением дела. Под видом охранения безопасности и спокойствия отечества они пугают всех красными призраками. Все, что бы ни случилось нарушающего общественный порядок и от кого бы это ни происходило, они стараются всячески связать с действиями либеральной прессы и вину всего взвалить на последнюю. Появление либеральной газеты, которая бы пользовалась настолько же свободою мысли, насколько пользуются ею газеты quasi {Якобы (*лат.*)} консервативные, а в сущности более всего подкапывающие общественный порядок, -- давно уже сделалось невозможно. Этого мало: даже в наших ежемесячных журналах, слишком мало касающихся политических вопросов, каждая более свободная и правдивая статья подвергается презренному литературному фискальству. Инсинуация, донос сделались в литературе самым обыкновенным, нормальным явлением. Никогда еще наша литература не доходила в своих приемах до такого унижения и распутства.

Все это мы говорим к тому, чтоб читатель, благосклонный к «Искре», памятуя ее хорошее прошедшее, не преувеличивал своих надежд на ее будущее потому только, что «Искра» будет пользоваться теперь свободою слова. Наша свобода есть только свобода от предварительной цензуры, но не действительная свобода мысли: каждое более свободное движение мысли стережется бесчисленною ордою литературных и нелитературных претендентов на дележ, пролазов, холопов, -- и тайными нашептываниями кому следует и публично в печатном слове выдается за несомненное появление красного призрака.

В виду такого трудного положения нашей литературы мы не можем обещать благосклонному к нам читателю, что будем в состоянии удовлетворить его, может быть, слишком возбужденным требованиям. Мы можем обещать ему только одно, что мы постараемся идти тем же путем, каким шли в наше лучшее время. Мы будем

1) разоблачать хищников общественного достояния; развратителей общественной мысли,

2) защищать друзей общего интереса, и вообще

3) не робеть.³⁹

39 "Искра" 1870 года. Впервые -- в "Искре", 1870, No 1, стб. 1--4, без подписи. Согласно закону о печати 1865 г. столичные периодические издания освобождались от предварительной цензуры; это не касалось,

Письма доброжелателей «Искры»⁴⁰

I

ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Господин издатель!

Известись от вновь прибывших к нам с вашего света сочинителей, что отныне вы станете выдавать повременное ваше сочинение «Искра», как они объяснили мне, «без предварительной цензуры» и грыдированных вензет, но со внесением знатной суммы 2500 серебряных рублей {Знатно, что у вас теперь серебра больше, чем в наше время, когда от денежного оскудения в первый раз ассигнации завели и медную монету с нарочитым усердием бить почали.} (на ассигнации-то, поди, до 10 000) залога, как бы в наше время при подрядах на поставку муки или чего подобного, хотя и не уразумел, в чем вы для себя прибыль обретете, ибо оттиснутые листы продавать будете «с указного дозволения», как и мы у переплетчика Веге дельвали, -- Всю же, государь мой, так как вы сему радуетесь, поздравляю вас. Знатно вам, что ныне вот уже год, как столетие минуло со дня выпуска мною перьвого листа сатирического повременного издания «Трутенъ», который по чести перьвым в России считать надлежит, а не «Всякую всячину», эту ведунью лягушачья языка, как оттиснул в своем сочинении «И то и сіо» Михаил Чулков, что я издателю оной господину статс-секретарю Козицкому говорил уже на сем свете. «Трутенъ» мой, как ваша «Искры» прародитель, неукоснительно вам советы свои преподает.

Мы в свое время критики друг на друга писывали, тщася уразуметь, в чем сатире состоять надлежало. «Мое мнение весьма с вашим согласно, -- писал мне Правдулюбов (зри «Трутенъ» 1769 г., лист XXV), -- что критика на лицо больше подействует, нежели, как бы она писана на общий порок. Меня никто не уверит в том, чтобы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок». От себя к этому присовокуплю, что многие осмеянные по справедливости в нашем веке на лицо, в вашем суть уже общие подлинники лихоимцев, худых сочинителей и невеждов.

Памятуя однако, что и в вашем веке многие, как вы называете ныне, рецензенты превратное о критике понятие имеют, превыше самой правды ставя называемые

однако, иллюстрированных изданий, в том числе сатирических журналов с карикатурами. Опыт редактирования "Искры" в 1868 и начале 1869 г. и сравнение с положением других периодических изданий окончательно убедили Курочкина, что нужно во что бы то ни стало добиваться освобождения журнала от предварительной цензуры, поскольку оно все же несколько расширяло возможности журнала и облегчало борьбу с цензурным ведомством. Хлопоча об этом еще осенью 1865 г., он стремился сохранить хотя бы в замаскированном виде, в виде приложений к "Искре", столь существенный для нее отдел карикатур. Теперь Курочкин пришел к мысли совсем пожертвовать ими, только бы сбросить с плеч каждодневную цензурную опеку. После длительных и настойчивых хлопот ему удалось добиться этого. Передовая статья ""Искра" 1870 года" и стих. "Надолго ли?" напечатаны в первом номере "Искры", вышедшем без предварительной цензуры. В них -- особенно отчетливо в статье -- Курочкин недвусмысленно заявил, что "Искра" осталась верна революционным взглядам, но принуждена говорить о них вполголоса. Слова Гете, которые цитирует Курочкин, -- из "Посвящения" к "Фаусту".

40 Василий Курочкин. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. - М., ГИХЛ, 1957

эстетические умствования (мы ведь об таких и не слыхивали!), что вы, без сомнения, лучше моего знаете и что мне из книги г. Афанасьева «Русские сатирические журналы» ведомо стало, ибо сей сочинитель, многое об нас и о нашем веке дельно и со знанием изобразивший, разбирая оное рассуждение Правдулюбова, говорит уж совсем не дельно, якобы Правдулюбов «слишком уже расширяет значение сатиры» (Афанасьев. «Русские сатирические журналы», стр. 46), которое, на мой взгляд, и в вашем веке не так чтоб уж весьма расширилось: памятуя притом, что когда так умствуют изрядные ваши сочинители, то как мыслить должны подвергающиеся таковой критике лихоимцы, мздоимцы, также худые сочинители – такальщики знатных господ и вольнослушатели, не лишним считаю преподать вам советы благоразумия.

А для сего выпишу вам из VIII листа «Трутня», что писал ко мне Чистосердов, когда «Трутеня» многие уже потерпел невзгоды, хоть бы, на приклад, за ведомость об одной знатной боярыне, спрятавшей в лавке гостиного двора под асалопа два мотка золотых сеток, как она потом челобитную ей подавшему купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетью спустила: «Остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; искореняйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных. Тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. Я слыхал следующие рассуждения: в положительном степене или в маленьком человеке воровство есть преступление противу законов; в увеличивающем, т. е. среднем степене или средостепенном человеке, воровство есть порок, а в превосходительном степене или человеке, по вернейшим математическим новым исчислениям, воровство не что иное, как слабость».

Вы вольны, государь мой, вместе с читателями вашими смеяться над моими советами и похваляться вашими новыми порядками, судами, освобождением крестьян и пр. Взятков у нас нет, правда у нас водворилась, спать можем спокойно. Спору нет: слава и честь вашему времени за сии два истинно великие и для всех человеков благодетельные события. В ваше время *прогресс*, коего и имени мы не слыхивали. Но ведь и на солнце есть пятна; может, сочинители ваши их не замечают, может, не хотят замечать; нам же, как душам бесплотным, виднее все, что у вас на том свете творится. Ведь и мы полагали в наше время не без основания, что «мысли и умы, долго быв угнетены под тяжестью тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались» («Собеседник любителей российской словесности», ч. II, стр. 157); ведь и мы о тогдашних судах говаривали: «Отверзаются врата фемидина храма, вступают в него минервины дружки, корыстолюбивый и незнающий судья трепещет, а достойный готовится к новому торжеству своих подвигов»; и у нас, даже после закрепления малороссийских крестьян, в 1786 году, то есть за восемьдесят лет до освобождения крестьян нынешним монархом, Капнист возвещал в своей оде на истребление в России звания раба: «Россия! Ты свободна ныне!» Ныне уж у вас дети смеются над нашими одами и эклогами – эй! Чтобы и над вами не посмеялись потомки.

Все сие отписал вам к тому, чтоб советы мои принесли вам пользу, ибо люди и в ваш век не суть ангелы, а между сочинителями есть такие, что и чертей хуже. Мы в наше время обзывали в критиках наших друг друга и ослами и дураками, запросто, а ваши так пошли писать инсинуациями... тьфу ты, господи, и не выговоришь! Сколько ни писал на меня критик статс-секретарь Козицкий во своей «Всякой всячине», он моего «Трутня» так не мог повредить, как у вас, слышно, от господина Каткова многие сочинения повреждены. Он же, господин Катков, и у нас от множества прибывающих с вашего света сочинителей не, весьма одобряется, хотя слывет за великого ведуна лягушачья языка.

Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде, и чтобы издание ваше не только простым и средостепенным людям, но и знатым господам так нравилось, как мой «Трутенъ» нравился семерым знатым боярам, которых знал и помянутый Чистосердов. Сии господа читать сатиры были великие охотники и, читая оные, никогда не краснели, для того что никогда не делали того, для чего, читая сатиры, краснеть должно. Не мало вам пользы принесет также, если вы, хоть на двенадцатом году вашего издания, посвятите его какому-либо меценату, что я рассудил за благо сделать при втором тиснении «Трутня» 1769 года, посвятив его генерал-порутчику Льву Александровичу Нарышкину и при таковом же 1770-го, посвятив оный г-ну обер-прокурору Всеволодскому. Сими мероприятиями нарекания и гонения многих невеждов избежать можете. Впрочем, остаюсь ваш охотный доброжелатель.

Н. Новиков.

Там, где я нахожусь.

Января 1-го дня 1870 года.

P. S. Слышал я, что у вас в апреле 1868 года один мой доброжелатель отписал в ведомости, что, мол, стыдно, что сочинители наши не справят хоть пятидесятилетней памяти дня моей (Новикова) смерти, так как, мол, в столетие его рождения (1744 года) об нем мало кто и знал в просвещенном обществе, а многие, даже из знатных обоего пола особ, до днесь не ведают. Поблагодарите сего моего доброжелателя за его обо мне память, да за одно уж и просвещенное российское общество, так как, благодаря сей забывчивости, обо мне не было говорено столько дичи, сколько об Ломоносове на столетнем о кончине его торжестве. У меня с Михайлой Васильевичем от сего со смеху три дня бока болели.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Многоуважаемый Николай Иванович.

Ответом на ваше любезное письмо может послужить статья, напечатанная в начале этого нумера, который и будет препровожден к вам тем непостижимым для живых людей способом, которым вы доставили мне ваше письмо. {Только не распространяйте этого способа, а то, по новым порядкам, придется платить страховые.} Благоволите только сами прислать за ответом, потому что я недоумеваю, как все это произошло, хотя и радуюсь, что это произошло. «Искра» будет постоянно вам посылаться; вы, хоть время от времени, не оставляйте ее вашими статейками, всегда для нее полезными... Не прибавляю никаких

любезностей, потому что мертвые, вероятно, разочарованы в людях более, чем живые, и, наслышавшись того, что говорили про них даже у смертного одра, самое искреннее слово правды принимают за лесть. Также прошу вас передать как вашим современникам и приятелям, так вообще великим и замечательным людям, которых так много на том и так мало на этом свете (чуть ли уж не все на тот свет отправились), чтобы и они присылали в «Искру» свои статьи, мемуары, афоризмы и пр., что им угодно, не опасаясь нисколько за свою добрую память в потомстве, потому что ведь положительно никто из живущих не поверит, что они действительно ведут с «Искрой» корреспонденции, хотя большинство, из рода в род по целым тысячелетиям, верит нелепостям еще более очевидным. Вам, впрочем, в вашем страдательном положении, это более, чем мне, известно. Я желал вам только выразить, что с мертвыми несравненно более удобно вести истинно человеческие сношения (конечно, если возможно), чем с живыми, потому что от сих последних, сколько ни хлопотал я, я не мог никогда добиться правды.

Когда вы прочтаете передовую статью, вам станет ясным, каким из ваших советов «Искра» последует; тем не менее она вам за все благодарна. Размышления о современном прогрессе, о старых и новых людях, также «о веке нынешнем и веке минувшем» в след<ующих> нумерах раскроют вам дело со всех сторон. Так что здесь я ограничусь кратким ответом, и то только на последний пункт вашего письма.

Во-первых, позвольте усомниться в удостоверении вашем насчет семерых знатных бояр, «читавших «Трутень» и никогда не делавших того, для чего, читая сатиры, краснеть должно». Меня тут интересует вопрос: почему вы знаете, что только семь, и неужели только семь? В наше время несравненно большее количество знатных бояр читают «Московские ведомости» – и тоже не краснеют. Когда я узнаю наверное, какому количеству знатных бояр нравится «Искра», не премину вас уведомить. Это будет зависеть, впрочем, от свойств сатиры «Искры», а свойства сатиры «Искры» будут взаимно зависеть от свойств этих самых знатных бояр.

Очень сожалею, что не считал знатных бояр, которым нравится «Искра», с самого ее основания, а то бы я непременно воспользовался вашим советом касательно посвящения ее какому-либо меценату. Теперь затрудняюсь, кому бы ее посвятить. Пожалуй, к такому сунешься, что только беды наживешь. Позвольте, я посчитаю, как в арифметике говорится – *в уме*. Раз... нет, этому не посвящу... Два... этому и подавно... Три... этот скажет, пожалуй, что «Искра» его компрометирует... Четыре... этот сам компрометирует все, что только к нему подходит... Пять...

Нет, Николай Иваныч, не посвящу никому... потому что другие, прочитав в «Искре» посвящение *Такому-то*, примут самое посвящение прямо за сатиру *на лицо*, а вы мне советовали печатать сатиры на лицо с осторожностью.

Кстати: объясните, как это у вас, бесплотной души, *бока* болят от смеха; вероятно, это не более как искусственный оборот речи, свойственный вам как сатирику по пословице: *каков в колыбельке, таков и в могилке*. Потому спрашиваю вас об этом, что у нас есть некто Аскоченский, который непременно отметит в вашем письме это место красным карандашом. По своим знакомствам он на том свете страшнее, чем на этом.

Примите и пр.

Издатель.

P. S. Относительно 31-го июля 1868 года спешу вас уведомить, что в этот день тесный кружок людей, помнящих ваши заслуги, почтил вашу память в дружеской беседе об вас, за стаканом вина, без всяких тостов и спичей.

II

ПИСЬМО ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО РАДИКАЛА

Милостивый государь!

Я убежден, что вы струсите на первом же номере вашего журнала без предварительной цензуры. Знаете ли, чего ждет от «Искры» публика – а? Знаете ли, какие ей нужны статьи – а? Нужны статьи, от которых бы сыр-бор загорелся. Нужно, чтоб «Искра» обратилась в пламя и охватила всю Русь православную, с ее иноязычными окраинами. Вы боитесь предостережений – да ведь предостережения дают силу журналу. Сделайте так, чтобы вам за первый же номер было дано предостережение, и тогда успех журнала будет обеспечен. Пусть за второй номер дадут второе – об «Искре» тогда все кричать будут. Поверьте мне, я ведь сам в некотором роде сочинитель.

Хотите, я вам, не выходя из комнаты, составлю для первого No две корреспонденции – одну из Западного края, другую из остзейских губерний; статьи эти, положим, не принесут никому ни малейшей пользы, в них не будет ничего, кроме общих мест, они не прибавят ни одного факта к тому, что уже всем известно, но они будут забористые, зажигательные, задирательные, -- скандал произойдет великий. Пусть сразу захлопнут журнал, вам-то что; зато все об вас говорить будут. Слава, черт возьми, а! Знаете французскую поговорку: *après moi le déluge!* {После меня хоть потоп! (франц.).}

Ваш доброжелатель.

P. S. Я бы вообще желал с вами познакомиться и обменяться мыслями. Я к тому же веселый собеседник, знаю несколько европейских языков и все славянские. Со жмудью и латышами объясняюсь так, что они меня за своего брата считают. Какие я знаю анекдоты про польских панов, про ксендзов, про немцев-колбасников, про жидов с пейсами. Главное: у меня душа нараспашку,-- я ненавижу абсолютизм, и, скажу вам откровенно – я красный. Жду и от вас полной откровенности.

ОТВЕТ «ИСКРЫ»

Милостивый государь!

Оставайтесь при вашем убеждении, что мы струсим на первом же номере без предварительной цензуры. Публика ждет от «Искры» сатирического журнала. Статьи, от которых бы сыр-бор загорался, никому не нужны, да и сыр-бор от наших статей не загорится. «Искра» в пламя обратиться не может и не желает конкурировать с копеечной свечкой перед ликом г. Каткова, от которой, впрочем, ныне уж и Москва что-то не загорается. Предостережений мы не боимся, когда дело идет о проведении в общественное сознание мысли, которую мы считаем полезною, но добровольно наклеивать на себя предостережения, для ради мнимого успеха, считаем шарлатанством, недостойным честного журналиста. Верим, что вы сочинитель в некотором роде...

Корреспонденции нам нужны – не от вас только – и не только из Западного края и остзейских губерний, а также с северной, восточной и южной России, только нам нужны корреспонденции, которые бы приносили обществу пользу, в которых ни под каким видом не заключалось бы общих мест и которые именно вносили бы новые сведения, необходимые для уразумения Современного положения того или другого края, преимущественно с его темных сторон. Подобные статейки по самому существу своему не могут быть, как вы выражаетесь, забористыми, именно чтобы не производить суетного скандала и не подвергать бесполезному риску журнал, в котором они помещаются. Что же касается до предлагаемой вами славы, то мы предпочитаем короткое знакомство читателей с нашим журналом как в хорошие его дни, так и в дурные, и не позволим себе, ради пустого эффекта, жертвовать интересами подписчиков «Искры». – Знаете, как отвечают по-французски на предложения, подобные вашим: «Parlons bas, parlons bas! Ici près j'ai vu Judas». {Тише, тише! Поблизости Иуда (франц.).}

Готовая к услугам

«Искра».

P. S. Кажется, мы достаточно познакомились и обменялись мыслями. Затем, ваши анекдоты об немцах-колбасниках, жидах и поляках Приберегите для тех газет, которые ими не погнушаются, и так как вы объявили, что вы красный – покраснейте еще, если можете.

III

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Милостивый государь, господин редактор!

Один доброжелательный голос хотел давно вам высказать следующее: {Письмо это получено нами еще в сентябре прошлого года. Оно *анонимное*. В заголовке его значится: «20 сентября 1869 года, Москва без золотой маковки за снятой главой с Ивана Великого. Приберегите это письмо, когда-нибудь автор напомнит Вам о себе при удобном случае». (Извольте-с, прибережем.) После первых двух строк, приведенных выше, выпускаем ненужное начало письма и переходим прямо к делу. Так же точно и далее выпущенные нами места из письма означены точками.}

..... вы начнете выпускать «Искру» без политипажей и без предварительной цензуры, но что выйдет из этого после, знаете ли вы? То, что журнал ваш не будет охотно читаться публикою, привыкшею видеть его иллюстрированным, печатной же э(е)рунды и без того довольно, и кого вы надеетесь заинтересовать одним текстом своим. Неужто вы думаете, что большинство ваших читателей – *читало* {Слова, отличенные в подлиннике, подчеркнуты.} действительно «Искру» когда-нибудь и находило ее занимательной с литературной стороны? Какое заблуждение! *Картинки, карикатуры и подпись* подними: -- вот на что бросалась масса публики, развертывая ваш журнал, за столом в трактире, в вагоне железной дороги и дома – после обеда, да перед ночным сном в постеле(и)... Это раз, что, отнявши картинки, нравящиеся(я) детям (читай – русская публика). Вы отними(е)те главнейший интерес у вашего журнала, именно карикатурной части всего более обязанного успехом своим...

Потом, разве можно издавать в России сатирический журнал без предварительной цензуры вообще {Выпущено более страницы.} Надо признаться, заклятый враг не мог бы придумать более верной меры погубить Вас, какую Вы сами изобрели для себя, выходя из-под предварительной цензуры. Удивительно, как непрактичен литературный круг вообще, да будьте же людьми улицы, площади, людьми толпы, одним словом, а не высиженными яйцами на литературной наседке...

Ваш искренний доброжелатель, временно пребывающий в Москве.

ОТВЕТ НА АНОНИМНОЕ ПИСЬМО

Милостивый государь!

Анонимные письма вообще рвутся; иногда, если содержание их особенно важно, их принимают к сведению, иногда они поступают в коллекции курьезов; вообще же их принято считать подозрительными, потому что, согласитесь, люди, являющиеся под масками с заявлениями и сообщениями, иногда очень важными, не могут внушать к себе полного доверия, хотя бы на масках их и было написано: искреннее доброжелательство, неллицемерная преданность и т. П.

Я бы не отвечал и на это ваше письмо, хотя бы и мог с некоторою достоверностью обратиться именно в ту сторону, откуда оно исходит, судя по некоторым, не приведенным здесь местам письма и по напоминанию вашему о знакомстве со мной в первые года издания «Искры» (для читателей это не занимательно), если бы та часть письма вашего, которая здесь напечатана, не представляла некоторого интереса для публики, именно для публики «Искры».

Не давая развития своим догадкам, так как я, может быть, ошибаюсь, а потому вообще не позволяя себе сомневаться в искренности вашего доброжелательства, буду вообще отвечать вам только на эту часть вашего письма.

Вы, милостивый государь, принимаете на себя роль депутата, со стороны большинства читателей «Искры». Закрыв свое собственное лицо непроницаемою маскою, вы докладываете от лица этого большинства, что оно никогда не читало «Искры» и, *не читая*, находило ее не занимательною с литературной стороны; далее, расширяя ваше представительство, вы утверждаете, что *масса* публики бросалась только на картинки и подписи в «Искре», и, наконец, все-таки не снимая маски, провозглашаете, что я теперь отнял главнейший интерес у журнала и при этом обвиняете в ребячестве всю публику поголовно.

Вы придали такой общий характер вашему заявлению, что я счел обязанностью его напечатать.

Да, милостивый государь, я отнял главнейший интерес у своего журнала для той публики, которая, как вы несколько необдуманно выражаетесь, никогда не читала «Искры» и при этом находила ее с литературной стороны не занимательною, для той публики, которой нужны картинки и подписи под ними, каковы бы ни были и те и другие, и которой совершенно неизвестно, какое значение имеет политическая карикатура в Европе и в каком положении вследствие разных причин находится у нас вообще

карикатура как отрасль искусства. Этой публике, разумеется, нечего объяснять, что в России политики Домье положительно невозможны, юмористы Камы что-то не часто встречаются, а грациозные Гревэны вовсе не существуют, эта часть публики (заметьте: часть) действительно обретается в младенчестве, и если я, может быть, и был для нее, против своей воли, игрушечных дел мастером, то сознательно быть таковым не желаю.

Но есть, милостивый государь, другая публика, которая со времен императрицы Екатерины II читала сатирические журналы, в которых не было никаких картинок, следовательно, ровно сто лет тому назад уже не была ребенком, а теперь, надо думать, порядком-таки возмужала, для которой «Трутни» и «Живописцы» печатались вторыми изданиями, которая в позднейшие царствования, когда не было сатирических журналов, действительно прежде всего бросалась в тогдашних повременных изданиях на статьи сатирического характера, которая, тринадцать лет тому, в громадном количестве подписывалась на «Весельчак», полагая найти в нем потребную времени сатиру, и на следующий же год от него отшатнулась, встретив на страницах его одно балагурство, хотя картинки «Весельчака» выполнялись весьма добросовестно лучшими нашими художниками. Эта публика, отшатнувшись от «Весельчака» с его художественными картинками, обратилась к «Искре» и донесла ее не оставляет своим вниманием; эта публика зачитывалась «Свистком» Добролюбова; эта публика в нынешних толстых журналах прежде всего разрезывает статьи современных сатирических писателей, понимая сатиру в ее серьезном значении, и этой-то публике будет служить «Искра», насколько хватит ее сил и умения.

Как бы сознавая несостоятельность ваших доводов, вы спрашиваете далее: разве можно издавать в России сатирический журнал без предварительной цензуры? Отчего же нет, милостивый государь? Если можно печатать сатирические очерки, стихотворения и фельетоны в бесцензурных газетах и журналах, я не вижу, почему нельзя издавать журнал, весь составленный из таких очерков, стихотворений и фельетонов. Я вам опять-таки сошлюсь на екатерининский век, когда не существовало предварительной цензуры, и сатирические журналы процветали, а в некоторых даже участвовала сама императрица и лица к ней приближенные. Не допускаю также и мысли, чтобы кто-нибудь задавался мыслью погубить «Искру», тем более что еще очень недавно один из журналистов, не особенно расположенный к ней, издателя ее назвал «добродушнейшим из журналистов». А насчет того, чтобы сделаться людьми улицы, площади – упаси господи, милостивый государь! Что мы станем делать на площади, мы, кабинетные труженики, скромные юмористы скромной русской литературы. Последней вашей укоризны мы даже не понимаем.

Благодарим за ваше доброжелательство.⁴¹

41 Письма доброжелателей "Искры". Впервые -- в "Искре", 1870, No 1, стб. 5--16. Авторство Курочкина определяется подписью "Издатель" под ответами на письма; до июля 1870 г. в конце номеров "Искры" значилось; "За редактора издатель В. Курочкин". I. Письмо с того света. *Без предварительной цензуры...* См. предыдущее примечание. *Новиков Н. И.* -- передовой общественный деятель, писатель и журналист второй половины XVIII в.; издатель сатирических журналов "Трутень", "Живописец" и др.; в 1792 г. по приказу Екатерины II был арестован и просидел в Шлиссельбургской крепости до конца ее царствования. *Со внесением знатной суммы... залога.* Согласно закону о печати 1865 г. периодические издания, освобожденные от предварительной цензуры, вносили денежный залог. *Ведунью лягушачья языка.* В No 78 "Всякой всячины" была напечатана статья о "разговорах" лягушек в саду и об одной "большой надутой

**Педагогическое нововведение
(Письмо в редакцию в стихах и прозе⁴²)**

Мм. ГГ.!

Почтительнейше прошу пустить в свет в повременном вашем сочинении прилагаемую правдивую басню и самое письмо, к каковому она принадлежит. Желательно было бы видеть как то, так и другое помещенным в отделе «Хроника прогресса». Вознаграждения никакого не требую, ибо и небольшим жалованьем доволен; славы тоже не желаю, ибо в сочинители не лезу. Написал же я эту басню из желания токмо общей пользы; родителям

лягушке", которая, из гордости и равнодушия к общей пользе, молчала, "когда другие изо всей мочи кричали". Ответом на эту статью было письмо за подписью "Д. П." в No 28 журнала М. Д. Чулкова "И то и се". По предположению П. Н. Беркова ("История русской журналистики XVIII века", М.--Л., 1952, стр. 231) статья "Всякой всячины" была направлена против А. П. Сумарокова. *Издателью оной...* Долго считалось, что редактором "Всякой всячины" был один из секретарей Екатерины II литератор Г. В. Козицкий, но на самом деле журнал выходил под негласным руководством самой императрицы. *В чем сатире состоять надлежало.* См. вступит, статью, стр. XL--XLI. *Правдулюбов* -- псевдоним Новикова. *Гарпагон* -- герой комедии Мольера "Скупой". *Что мне из книги г. Афанасьева... ведомо стало.* Афанасьев А. Н. -- фольклорист и историк литературы. Его книга "Русские сатирические журналы 1769--1774 годов" вышла в 1859 г. и послужила поводом для известной статьи Добролюбова "Русская сатира в век Екатерины". Являясь одним из первых исследований о сатирических журналах XVIII в., до сих пор не потерявшим известного значения, книга Афанасьева отразила вместе с тем либеральные тенденции ее автора. Так, Афанасьев на первой же странице восторженно отзываясь о "блистательном царствовании" Екатерины II, которое оказало "благотворное влияние на развитие отечественной литературы и журналистики". Это убеждение Афанасьева не раз сказывается при характеристике сатирических журналов. *Такальщики знатных господ* -- льстецы, поддакивающие знатным людям. *За ведомость об одной знатной боярыне.* Имеется в виду заметка "Из гостиного двора" в No 4 "Трутня". *Асалоп* -- салоп. *Ведь и мы полагали в наше время...* Далее следует не совсем точная цитата из "Былей и небылиц" Екатерины II, печатавшихся в издававшемся при ее ближайшем участии журнале "Собеседник любителей российского слова". *Ведь и мы о тогдашних судах говаривали.* Далее следует цитата из издания Василия Новикова "Театр судоведения или чтение для судей", т. 4, 1791. И эта и предыдущая цитаты приведены в статье Добролюбова. *Капнист В. В.* -- драматург и поэт, автор комедии "Ябеда". *Катков* -- см. стр. 642. *Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде и т. д.* -- несколько измененная цитата из письма Чистосердова в No 8 "Трутня". *Там, где я нахожусь* -- цитата из того же письма. *Один мой доброжелатель отписал в ведомости...* Речь идет о статье "Напоминание о Н. И. Новикове", появившейся в No 116 газеты "Голос" за 1868 г. *На столетнем о кончине его торжестве.* См. стр. 650. *Статья, напечатанная в начале этого номера* -- ""Искра" 1870 года" (см. стр. 599). *Век нынешний и век минувший* -- цитата из "Горя от ума", слова Чацкого. II. Письмо подозрительного радикала. *Вы боитесь предостережений.* Согласно закону о печати 1865 г., периодические издания, освобожденные от предварительной цензуры, были подчинены судебной и административной ответственности; за "предосудительное" направление министерство внутренних дел объявляло им предостережения; после третьего предостережения издание временно приостанавливалось или совсем прекращалось. *Après moi le déluge!* (После меня хоть потоп!). Слова "Après nous le déluge! (После нас хоть потоп!) приписывались французскому королю Людовику XV. *Parlons bas...* -- цитата из стих. Беранже "Monsieur Judas"; см. на стр. 360 перевод Курочкина "Господин Искаротов". III. Анонимное письмо. *Домье О., Кам* (псевдоним А. де Ноэ), *Гревен А.* -- французские художники-карикатуристы. "Весельчак" -- легковесный юмористический журнал, издававшийся в 1858--1859 гг. "Свисток" -- сатирическое приложение к "Современнику". *Мы, кабинетные труженики...* Разумеется, это сказано иронически.

42 Василий Курочкин. Стихотворения. Статьи. Фельетоны. - М., ГИХЛ, 1957

и наставникам в назидание, малым детям на поучение, себе, старику, в утешение.

Основа моей басни – быль, почерпнутая мною из недавно в свет вышедшего отменного сочинения «Основные законы воспитания». Таковое вкратце изложено для семейства и школы ученым сочинителем Миллером-Красовским, кандидатом С.-Петербургского университета по факультету историко-филологических наук и классного надзирателя при гатчинском николаевском институте, как оно в заглавии обозначено. Книга нарочито полезная, и я не премину доставить вам извлеченные мною из оной афоризмы, обще с мыслями, приходившими мне разновременно в голову в долголетних моих по житейскому морю плаваниях, так как заметил я, что подобные афоризмы вы на страницах вашего повременного сочинения охотно тиснению предаете. Нельзя не возблагодарить господ, что еще являются у нас такие, как г-н Миллер-Красовский, сочинители, и ежели все его товарищи по университету и институту были бы одним с ним духом проникнуты (чего, к сожалению, незаметно), то с уверенностью можно бы поручать им детей, ибо научат их токмо хорошему и утвердят в правилах благочестия.

Должно, мм. Гг., к стыду нашему сознаться, что в других повременных сочинениях умная книга встретила отзывы неодобрительные и недоброжелательные. Не стану вам говорить о «С.-Петербургских ведомостях» и «Современнике»; даже в «Русском слове», вместо того чтобы отдать сочинителю справедливость, токмо над этою книгою поглумились, хотя названное «Русское слово» издается иждивением графа Кушелева-Безбородко, сего покровителя и двигателя российского просвещения.

По причинам, выше изложенным, не решился я отдать правдивую басню в иное сочинение, кроме вашего. В «Северной пчеле», полагать должно, оную басню перепечатают, на что я даю заранее полное свое согласие. Можно бы еще пустить ее в сочинение «Орел», да я незнаком с сочинителем оною, г-ном Балашевичем.

Не лишним считаю просить вас, мм. Гг., дабы вы тиснули предварительно самую «Быль», рассказанную г-ном Миллером-Красовским. Я старался во всем подражать оной, и насколько успел, предоставляю вашему, мм. Гг., судительству, убежден будучи, что вы взглянете на нее с отличающим вас снисходительным беспристрастием, как смотрели на драматические опыты барона Розена и других достопочтенных авторов, не угодивших вкусу теперешних верхоглядов-сочинителей. Манерою изложения и самым слогом я подражал знаменитому баснописцу и моему тезке г-ну Борису Федорову, также и свою фамилию подписываю из уважения к нему через *ф* (ферт.)

Примите и пр.

Борис Фаддеев.

БЫЛЬ

В семье отец и мать часто давали детям своею неладицею соблазнительные примеры. Не то чтобы старики вечно ссорились; этого не было. Но отец, бывало, придет домой из должности и начнет ворчать на детей и на жену; то не хорошо, третье, десятое. Дети, разумеется, привыкли бояться вечно недовольного отца и мало-помалу потеряли любовь к нему, ласкали одну свою нежную, добрую мать. Редкий день не проходил без отцовского наказания, а дети как были ленивые, задорные, так и оставались. Когда отец

умер, для матери уж трудно было мудро и твердо править своим царством. Один из мальчиков в особенности много озабочивал ее, два года в классе сидел и все не знал таблицы умножения. Тут надобно было препоручить его опытному человеку, что и сделали. Учитель слегка начал свое дело, приходил в дом только на два часа, был добр, мягок, ласков, как следует; поэтому мальчик скоро привык к порядку, хорошо занимался. Но увы! Через месяц старинное упрямство опять появилось: сынок попрежнему не слушается матери, спит сколько угодно, на каждое замечание возражает матери, просто не боится. Эта комедия продолжалась неделю; мать не хотела жаловаться учителю, надеясь, что ее наставления вразумят упряма. Однажды учитель приходит на урок в 10 часов утра и застаёт все семейство еще за *208урра208*, кроме Пети. Мать посылает за Петей, -- Петя не идет, не хочет *208урра*. Учитель сам наконец требует чрез меньшого брата *Пети к столу*, ему приносят ответ, что *Петя не идет и баста*. Все замолкло, -- мать и дети покраснели, -- учителю также неловко стало. Как тут быть. -- Случай необычайный, а между тем и для других дурной пример. Учитель *хотя нехотя* отправляется в комнату Пети, все надеясь еще, что грешник сконфузится, покорится ему. Не тут-то было. «Зачем ты к *208урра* не явился?» -- «Я, я не хочу!!» -- «Как ты не хочешь?? *Вот тебе!*» -- *Петя с такою быстротою получил три пощечины, что совсем растерялся, заплакал и давай просить у матери прощенья*. Нужно заметить, что он прежде не умел каяться. Покоренный витязь весь день плакал, хныкал; но дело было кончено. Петя познал, что вдаваться в новую борьбу с ласковым наставником ему не по силам, и пошел себе хорошо, стал любезным, прилежным воспитанником, нежно любящим сыном. Если бы же употребили розгу, что берет больше времени, чем скорая, *ОСТОРОЖНАЯ* пощечина, то мальчик 12 лет имел бы время собраться духом, вынес бы казнь и остался бы упрямым. Прежние частые отцовские побои вбили в Петю упрямство; благоразумный, беспристрастный наставник же основательно вылечил Петю тремя пощечинами.

«Основные законы воспитания»

Н. А. Миллера-Красовского.)

БЫЛЬ

* (Правдивая басня)*

Я правду о тебе порасскажу такую,

Что хуже всякой лжи.

* *

Грибоедов.

В семье отец и мать детям своим давали

Пример весьма дурной.

Не то чтоб ссорились; нет, ссор они не знали --

Но чуть придет отец из должности домой,

Сейчас пойдет, ворчать

На деток и на мать.

Привыкли деточки отца весьма бояться,

А посему,
Уж стали не к нему,
А к нежной матери ласкаться.
Отец исправно сек малюток каждый день.
Хоть были тяжелы отцовские уроки,
Но в детях все росли ужасные пороки –
И своеволие и лень.
Скончался папенька, осиротели дети,
И стала ласковая мать
(Хоть было трудно ей) всем царством управлять,
И слушались ее все дети, кроме Пети.
Два года в классе он сидел,
И, несмотря на все внушенья,
Лентяй не знал – и знать как будто не хотел
Таблицы умноженья!!!
Тут было надобно учителя нанять,
В котором долгий опыт
Умел бы обуздать
Греховной воли ропот.
Учитель нанятый сначала ласков был
И нежной кротостью малютку вразумил
И с корнем вырывал в нем терние дурное.
Прошел и месяц так; но новый наступил –
Увы!
Опять попрежнему ленился сын вдовы
И стал упрямей втрое.
Однажды поутру (учитель был сердит)
Сидят за *коффием*¹ с родительницей дети.
Учитель, вежливо раскланявшись, глядит –
Нет Пети!
Где Петя? Пети нет!
Мать шлет к нему слугу и видимо хлопочет.
И что ж? Слуга принес решительный ответ,
Что Петя *кофию* не *хочет*!!!
Тогда учителей раздался зычный глас:
«Прокоофий,
Сходи к строптивому – и чтоб он шел сейчас
Пить коофий!»
От голоса его
Внезапно все умолкло:
Малютки все до одного
Покрыты бледностью, дрожат в окошках стекла,²
Мать в страхе тянется к своим птенцам младым,

Меж тем чело ее подернулося тучей...
Необычайный случай!
Как быть? Пример другим!
Надеясь, что смирится
Строптивное дитя,
Пошел учитель сам, чтоб с ним распорядиться
*Хоть нехотя хотя.*³
Не тут-то было!
«Зачем ты к коффию, мальчишка, не пришел?» –
Учитель спросил его с сугубой силой.
«Я... я... я не хочу...» – «Не хочешь? Произвол!!!»
Учитель заревел как вол
И мальчику, что было духу,
Дал плюху,
За нею две вlepил и – если то возможно –
Предание гласит, что дал их *ОСТОРОЖНО*.
Мальчишка присмирел и мягок стал как шелк.
Какой же в басне толк?

Толк этой басни тот, что также б не мешало
Смирять пощечиной и взрослого нахала,
Да не слегка
(Особенно когда болван учить берется),
А со всего плеча, уж как ни размахнется
Здоровая рука.

1859

¹ Я позволил себе, *пиитической вольности ради*, некоторое отступление от указанной г-м Миллером-Красовским орфографии и пишу вместо за *210урра210*, как он пишет, -- *закоффием*, чтобы слово вполне рифмовало с *Прокоффием*, что, как усмотрит далее читатель, необходимо для плавного изложения вымысла.

² Здесь я позволил себе некоторую картинность в описании, на которую у г-на Миллера-Красовского встретил только намек. Мне хотелось показать значение голоса в воспитании. В слове *Прокофий* и *кофий* учитель сделал *протяжное* ударение на слоге *ко*, отчего я и поставил в обоих случаях по два о. С Петею, как читатель увидит далее, учитель говорит иначе. Ссылаюсь опять на вдохновившего меня автора. Вот что он, между прочим, говорит о голосе: «От краткого и от протяжного ударения на гласные буквы зависит характеристика слова. Так, напр., «иди сюда» – может обозначать самые разнообразные оттенки наших чувств: величайшее различие будет между «иди сюда», сказанным госпожою служанке и матерью своему дитяти, когда она завидела какую-либо опасность для ребенка».

³ Желая выдержать всю силу и оригинальность выражения были, послужившей мне канвою для пиитического воспроизведения, я старался сохранить слова *хотя нехотя*, но

условия стихосложения потребовали вставки частицы *хоть* и перестановки частицы *не*; зато я не отделил этих слов от главного предложения запятыми, так же как и г. Миллер-Красовский.⁴³

Влас Дорошевич

Русский журналист, публицист, театральный критик, один из виднейших фельетонистов конца XIX, начала XX века.

Работу в газетах начал, ещё будучи учеником московской гимназии. Был репортером «Московского листка», «Петербургской газеты», писал юмористические статьи в «Будильнике». Известность его началась со времени работы в 1890-х годах в одесских газетах. Дорошевич обратил на себя внимание остроумными, хлесткими

43 Педагогическое нововведение. Впервые -- в "Искре", 1859, No 25, стр. 237--242, подпись: Борис Фаддеев. Стихотворение, с рядом исправлений, вошло в изд. 1869 г. В своей книге "Основные вопросы воспитания" (1859) реакционный педагог, впоследствии цензор Н. А. Миллер-Красовский ратовал за воспитание в строго религиозном духе и беспрекословное повиновение детей. "Быль" о "благоразумном, беспристрастном наставнике", которую Курочкин высмеял в фельетоне, приведена Миллером-Красовским в подтверждение того, что лучший способ сломить "молодую грешную волю" -- "сильное моментное потрясение", каким и является "скорая осторожная пощечина". Книга Миллера-Красовского вызвала резкие отзывы в печати -- не только в "Современнике" (1859, No 6), где появилась рецензия Добролюбова, но и в "С.-Петербургских ведомостях" (1859, No 110), "Русском слове" (1859, No 6), "Библиотеке для чтения" (1859, No 9). Всюду была перепечатана или пересказана "быль" о "благоразумном" наставнике. В более поздней рецензии на ту же книгу, напечатанной в "Журнале для воспитания" (1859, No 9; Полное собр. соч., т. 3, М., 1936, стр. 522), Добролюбов упоминает о стихотворении Курочкина. Упоминает о нем также и цитирует последние строки автор рецензии в "Библиотеке для чтения". "Хроника прогресса" -- отдел "Искры" или, вернее, цикл передовых статей, начатый в No 5 за 1859 г. Слово "прогресс" и в заглавии цикла и в тексте статей употреблено иронически, так как речь идет в них о враждебных прогрессу явлениях общественной жизни и литературы. В цикле "Хроника прогресса" помещен и фельетон Курочкина "Педагогическое нововведение". Кушелев-Безбородко Г. А. -- меценат, издатель, беллетрист; в 1859--1862 гг. -- издатель журнала "Русское слово". "Северная пчела" -- см. стр. 652. В "Северной пчеле" (1859, No 142) был помещен ответ Миллера-Красовского на рецензию "С.-Петербургских ведомостей". Балашевич А. Ф. -- редактор-издатель журнальчика "Орел", выходившего в 1859 г.; в "Орле" находим ряд нападок на "Искру. Как смотрели на драматические опыты барона Розена. Розен Е. Ф. -- поэт, драматург и критик; политический и литературный реакционер. Здесь имеется в виду статья "Цифра 7, или счастливая суббота" ("Искра", 1859, No 5), в которой высмеян Розен. Федоров Б. М. -- мелкий литератор реакционного лагеря, автор доноса на "Отечественные записки" и Белинского; насмешливо упомянут здесь как автор многочисленных назидательных произведений для детей, в которых прославлялись послушание, угодливость и пр. Псевдоним "Борис Фаддеев" является контаминацией имен Бориса Федорова и Фаддея Булгарина. *Через ф (ферт)* -- то есть через "ф", а не фиту; ферт -- старинное название буквы ф.

фельетонами на местные темы. Внешней особенностью его статей была «короткая строчка». Он ввел в дореволюционную печать стиль короткой, не знающей дополнительных предложений, афористической фразы. Нападая на провинциальные власти, Дорошевич никогда не поднимался выше умеренного либерализма, в политике всегда был обывателем. Хлесткая фраза составила ему репутацию смелого обличителя провинциальных нравов, власти смотрели на него как на опасного публициста.

В 1897 Дорошевич предпринял путешествие на Восток. Очерки Сахалина впервые открыли перед читателем картину каторжных тюрем на этом острове. Но наблюдения Дорошевича были поверхностны, и книга, на шумевшая во время своего появления (изд. 1-е, М., 1903; изд. 3-е, М., 1905), была скоро забыта. В 1899 Дорошевич вместе с Амфитеатовым и Сазоновым предпринял в Петербурге издание большой политической газеты — «Россия». При внешней шумливости газета соединяла беспринципный либерализм с национализмом и шовинизмом.

Резкие фельетоны Дорошевича против отдельных министров были не столько радикальны по существу, сколько вызывающе дерзки. Но уже в это время сказалась слабая сторона Дорошевича как фельетониста: его многословие. Отдельные сильные и меткие строки терялись среди массы пустых фраз. Иногда его фельетоны по силе обличения подымались до памфлета. Большею частью это была остроумная болтовня.

Дорошевич имел много поклонников среди буржуазной читательской публики и много последователей среди провинциальных фельетонистов. При отсутствии остроумия и литературного блеска «короткая строка» превращалась в невыносимую трескотню и открывала дорогу в газету бездарным и неграмотным людям, прикрывающим короткострочием свое неумение владеть словом. В этот период Дорошевич много шумел кампанией по делу братьев Скитских, неправильно осужденных полтавским судом. Разоблачая судебные порядки того времени, Дорошевич добился пересмотра дела и оправдания Скитских.

В 1902 «Россия» была закрыта за фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы». Дорошевич перешел на работу в московскую газету Сытина «Русское слово», редактором которой оставался до закрытия этой газеты в 1918. При Дорошевиче «Русское слово» получило огромное распространение, а Дорошевич стал любимым фельетонистом московского купечества и мещанства.

Из путешествий по Востоку Дорошевич вывез обильный запас преданий, легенд и сказок и заполнял ими подвал «Русского слова». Радикальная фраза постепенно выветрилась. Меткие, сильные фразы реже встречаются среди безбрежного моря афористической пошловатой болтовни.

Его выручал большой житейский опыт, знание купеческой среды, сохранившаяся наблюдательность. Иногда фельетоны Дорошевича вспыхивали былой остротой, заставляли о себе говорить. По общему правилу, они уже были вне большой газетной политической литературы.

Как и «Русское слово», Дорошевич имел правокадетский облик, но в борьбу партий не вмешивался. Поэтому его роль в печати после 1905 незначительна. Его

фельетоны выходили отдельными изданиями: «Папильотки» (М., 1893); «Одесса, одесситы и одесситки» (изд. 2-е, Одесса, 1895); «Легенды и сказки Востока» (М., 1902); «Восток и война» (М., 1905) и др.

Из книги «Сахалин. Каторга»

ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ-ТЮРЬМУ

Это было 16 апреля.

Дул порывистый, холодный, пронизывающий норд-вест, пароход валяло с бока на бок.

Я стоял на верхней палубе и всматривался в открывающиеся суровые, негостеприимные, скалистые, покрытые еще снегом берега.

Первое впечатление было безотрадное, тяжелое, гнетущее.

Словно какое-то чудовище, с покрытой буграми спиной, вытянулось, замерло и выжидает добычи.

- Вон место, где погибла "Кострома", - указывает мне капитан.

Я спускаюсь на нижнюю палубу. Около иллюминаторов на палубе сменяются лица арестантов.

Смотрят, точно вглядываются в берега острова, где придется кончать свой век. Замечания краткие, мрачные:

- Сахалин!

- Зима еще!

- Дай поглядеть!

- Не на что и глядеть. Все под снегом.

Качка усиливается. Мы идем Лаперузовым проливом.

Налево - Крильонский маяк. Направо - кипят и пенятся валуны, покрывая Камень Опасности. Впереди надвигается полоса льда. Льдины застилают весь горизонт.

Право, это звучит горькой насмешкой.

Провезти людей чуть не кругом света. Показать им мельком уголок земного рая - пышный, цветущий Цейлон, дать взглянуть одним глазом на Сингапур, этот роскошный, этот дивный, этот сказочный сад, что разросся в полутора градусах от экватора, дать полюбоваться на чудные, живописные берега Японии, при входе в Нагасаки, - на берега, от которых глаз не оторвешь, - для того, чтоб привезти после всего этого к скалистым, суровым берегам, покрытым снегами в половине апреля, в эту страну пурги, штормов, туманов, льдин, вьюг, - и сказать:

- Живите!

Сахалин...

"Кругом - вода, а в середине - беда!" "Кругом - море, а в середине - горе!" - так зовут его каторжные.

"Остров отчаянья". "Остров бесправия". "Мертвый остров!" - так называет его служащие на Сахалине.

Остров - тюрьма.

Если вы взглянете на карту Азии, то увидите в правом уголке вытянувшееся вдоль берега,

действительно, что-то похожее на чудовище, раскрывшее пасть.
Извивалась спина "чудовища". Гигантскими волнами колебалась земля. Волны шли с северо-востока на юго-запад.
Недаром сахалинские горы похожи, действительно, на огромные застывшие волны, а долины, - или пади, как их здесь называют по-сибирски, - напоминают собою пропасти, что разверзаются между волнами во время урагана.
Ураган кончен. Чудовище стихло и лишь по временам слегка вздрагивает - то там, то здесь. Это - остров-нелюдим.
Он отделен от земли Татарским проливом, самым вспыльчивым, самым буйным, своенравным, злобным проливом в мире.
Проливом, где зимой зги не видно в снежной пурге, а летом штормы сменяются густыми туманами, настолько густыми, что среди этой белой пелены еле мерещится верхушка мачты собственного парохода.
Идя этим проливом, штурманскому офицеру приходится спать урывками по четверти часа, не раздеваясь.
Здесь штиль сменяется свирепым штормом в пять, десять минут.
Полный штиль, - вдруг засвистело в снастях, - поднимай, а то и руби якоря и уходи в море, если не хочешь быть вдребезги разбитым о камни.
Здесь море - предатель, а берег - не друг, а враг моряка. Здесь надо бояться и моря и земли.
Сахалин не любит, чтобы останавливались у его крутых, обрывистых, скалистых берегов. На всем западном Побережье - ни одного рейда. Дно - гладкая и ровная плита, на которой вас не удержит в шторм ни один якорь.
И сколько пароходов пошло ко дну, похоронено в этом проливе!
Сахалин - суровый и холодный остров.
Его скалистый берег лижет холодное, северное течение, в незапамятные времена прорвавшееся Татарским проливом.
Здесь суровая, лютая зима. Здесь неделями продолжается пурга, крутит огромные смерчи, по крышу засыпает дома.
Здесь безрадостная весна похожа на осень.
Короткое, холодное, туманное лето.
И только осень еще похожа на что-нибудь.
20 мая я приехал в Онор - дальнее поселье в самом центре острова, а 21, проснувшись утром, увидел ясное, свежее, прекрасное зимнее утро.
За ночь выпал снег. Снежная пелена, в пол-аршина, покрывала все - крыши и землю, тюрьму и поселье. Снег продержался два дня и сошел только 23 мая. Вот то, что называется на Сахалине "климатом".
Извилистая спина чудовища, словно дыбом вставшими иглами, покрыта густой хвойной тайгой.
Высокий, обрывистый, отвесный, неприступный берег, по которому зигзагами идут желтые пласты глины, дымчатые - угольного сланца, белые - песчаника. Кое-где проступает ржавчина железной руды.
А наверху - тайга.

Ели и сосны, оголенные, совсем лишённые ветвей с наветренной стороны. Они растут в одну сторону. Вершины сосен вытянулись по ветру, словно дым от паровой трубы. Словно эти великаны-деревья, вытянув руки, бегут от этого ужасного берега, от этого сурового, холодного жестокого моря и ветра.

Заберитесь вглубь.

Мертвая тишина. Только валежник хрустит под ногами. Остановишься, - и ни звука. Ни птичьей песни, ни писка...

Жутко становится, как в пустой церкви.

Молчанье сахалинской тайги - это тишина заброшенного, оставленного храма, под сводами которого никогда не раздаётся шепота молитвы.

Глубже в эту страну вечного молчания.

Вот уж и света не видно. Тьма кругом.

Словно огромный баобаб стоит на своих десятках стволов.

Это ветер сбил вершины сосен в одну огромную шапку, скотил их ветви и иглы.

Образовалась плотная крыша, по которой, кажется, можно ходить!

Здесь давит. Здесь тяжело.

Здесь тяжело даже деревьям. Здесь больны даже эти гиганты. Их стволы искривлены огромными болезненными наплывами.

Вот вам картина природы северного Сахалина.

27 лет тому назад (эти строки писаны в 1895 году, когда Транссибирская железная дорога еще не работала) здесь бродили медведи да гиляки - жалкие, несчастные дикари, вряд ли в умственном и нравственном отношении стоящие многим выше своих товарищей по тайге.

Недаром же гиляки верят, что у медведя такая же точно душа, как у гиляка, что душа медведя точно так же идет после смерти к "хозяину", богу тайги, жалуется ему на гиляков, и хозяин судит их как равных. Что медведь даже "женат на гилячке"! До того эти жалкие дикари ставят знаки духовного равенства между собой и медведями.

Теперь в этой стране медведей и гиляков кое-где разбросаны поселья.

Жалкие, типичные сахалинские поселья.

Дома, построенные только для того, чтобы иметь право получить крестьянство, брошенные, разоренные, полуразрушившиеся.

И здесь ни звука. То же вечное молчание.

- Да есть ли живой человек?

В двух - трех домах еще живут. Остальные - пустые.

- Ну, что? Как живете?

- Какая уж жизнь! Маемся.

- Садите, сеете что?

- Что здесь растет! Одна картошка, да и то с грехом пополам.

Живут молча, угрюмо, каждый уйдя, замкнувшись в себя, тоскливо выжидая, когда кончится срок поселенья, можно будет получить крестьянство и уйти "на материк".

Дальше, дальше от этой безотрадной стороны.

Тараторят, заливаются, стонут звонки под дугой.

Тройка низкорослых, приземистых, коренастых, крепких, выносливых, быстрых

сахалинских лошадей с горки на горку, из пади в падь несет нас вдоль острова к югу.

- Вот здесь застрелили Казеева (один из убийц Арцимовичей, об этом см. очерк "Жалостливый злодей" в последнем томе), - показывает вам ямщик. - Здесь в пургу занесло снегом женщину с ребенком... Сюда я намеренно возил доктора - поселенца с дерева снимали... Повесился... Здесь в прошлом году зарезали поселенца Лаврова...

Обычная сахалинская дорога.

Картина природы меняется.

Безотрадная северная сахалинская сосна и ель уступают место веселой, приветливой лиственнице, начинающей уже покрываться своей мягкой, нежною, пахучею хвоей. Кое-где попадаетесь невысокий кедр.

Забелели местами березовые рощицы. Березы еще не собираются распускаться, но их беленькие стволы так весело, нарядно, чистенько выглядят после суровой темно-зеленой одежды хвойного леса.

Ива, гибкая и плакучая, наклонилась над речкой, словно хочет рассмотреть что-то в ее быстрых струях.

По оврагам еще лежит снег, а по холмам, где пригревает солнышко, уж пышно распустился лопух.

И горы пошли более пологие, и пади шире.

Это уж не ущелья, не огромные трещины среди гор, а равнины, от которых веет простором.

И поселенья встречаются все крупнее и крупнее. Величиной в хорошее торговое село.

И чаще на вопрос: "Ну, как живете?" - слышится ответ:

- Живем кое-как. Лето только больно коротенько. По пути попадаются волы, запряженные в плуги. В каждом селенье найдете двоих, троих, а то и больше, зажиточных хозяев.

Это Тымовский округ - картина среднего Сахалина.

Дальше начинается тундра, - тундра, как ее зовут сахалинцы.

Колеса вязнут, еле ворочаются в торфяной массе.

Ямщик слез и идет рядом, чтобы легче было лошадям.

Двигаемся еле-еле. От лошадей валит пар.

Пахнет вереском. От его удушливого, тяжелого запаха, похожего на запах кипариса, начинает болеть голова.

Вся тундра сплошь покрыта его красными кустиками. Словно кровь запеклась.

Тундра и тайга. И снова ни звука. Только дятел простучит, да кукушка прокукует вдали.

Тоска, ноющая, щемящая, забирается в душу. Чем-то безотрадным веет кругом.

И не верится даже, что где-то на свете есть Италия, голубое небо, горячее солнце, что есть на свете и песня и смех... И все, что приходилось видеть раньше, - все это кажется таким далеким, словно происходило где-то на другой планете, кажется сном, невероятным, несбыточным.

Океан тундры и тайги. И в этом океане, как крошечные островки, - кусочки твердой земли.

На этих островках прилепились было поселья. Люди попробовали жить, побороться, - не смогли и ушли.

Унылые, брошенные поселья. Так до Онора.

А дальше уж совсем идет топь, трясина, по которой еще проезжают на собаках зимой и

нет возможности пробраться летом...

За этой полосой начинается Корсаковский округ - южный Сахалин.

Разнообразие лиственных древесных пород. Климат сравнительно мягче.

Здесь все же легче дышится, живется.

Если вы взглянете на подробную карту, весь юг Сахалина испещрен черными точками - все поселья. Здесь все-таки можно стать ногой на твердую почву.

Здесь труд тяжелый - немножко окупается.

Здесь уж ранняя весна.

Тянут вереницами на север красавцы-лебеди.

Белая полоса тянется по морю версты на две от берега, словно молочная река, идет, трется в водорослях и мечет икру сельдь.

Птицы свистят и перекликаются в тайге.

Здесь все-таки жизнь, все-таки солнце, все-таки свет.

Вот вам картины Сахалина.

Здесь воздух напоен тяжелыми вздохами. Здесь в ночном крике птицы чудится стон. Здесь много пролито крови этими несчастными, которые режут друг друга из-за грошей.

Здесь что ни уголок - то страшное воспоминание.

Здесь все дышит страданием. Здесь много было преступленья и труда.

Здесь все нужно взять с боя. Сахалинская почва ничего не родит, если на нее не капнут пот и слеза.

В глубине Сахалина таится много богатств. Могучие пласты каменного угля. Есть нефть. Должно быть железо. Говорят, есть и золото.

Но Сахалин ревниво бережет свои богатства, крепко зажал их и держит.

Он прекратит ваш путь непроходимой тайгой, он утопит вас в трясине своих тундр. Железом и огнем приходится здесь пробивать себе путь человеку, потом, кровью и слезами сдабривать почву, половину жизни отдавать на то, чтоб другую половину прожить хоть чуть-чуть сносно.

Вот, что такое этот остров-тюрьма.

Природа создала его в минуту злобы, когда ей захотелось создать именно тюрьму, а не что-нибудь другое.

Трудно представить себе лучшие тюремные стены, чем Татарский и Лаперузов проливы.

Правда, бегают и через тот и через другой. Но разве есть на свете такая тюремная стена, через которую не перешагнул бы человек, ставящий волю выше жизни?

Однако природа была слишком жестока, создавая этот остров-тюрьму.

Идти в ясную погоду по берегу постылого острова и ясно видеть через пролив противоположный берег, который дразнит и манит, уходя вдаль своими голубоватыми очертаниями.

Сознавать, что это так близко и так недостижимо...

Какую муку создала сама природа!

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Первое впечатление всегда самое сильное.

И, конечно, я никогда не забуду этой минуты, когда ранним утром, на зыбком, с бока на бок переваливающемся паровом катере, я подъезжал к пристани Корсаковского поста.

На берегу копошились люди.

Еще несколько шагов, - и я погружусь в это море, которое мне так страстно, так мучительно хочется знать. Море чего?

Странное дело, от двух впечатлений я никак не мог отделаться в течение трех с половиной месяцев, которые я провел среди тюремной обстановки. Два впечатления давили, гнили, свинцом лежали на душе. Давят и гнетут еще и теперь.

Одно из них касается, собственно, самого пути до Сахалина.

Я никак не мог отделаться от этого сравнения. Наш пароход, везший каторжников из Одессы, казался мне огромной баржей, какие обыкновенно употребляются в приморских городах для вывозки в море отбросов. А эти, серевшие на берегу сахалинские посты и поселья казались мне просто-напросто колоссальными местами свалок.

И тяжело становилось на душе при мысли о том, что там, внизу, в трюме, под вашими ногами, что рядом с вами окончательно перегнивает все человеческое, что еще осталось среди этих отбросов.

Второе впечатление касается, собственно, Сахалина.

С первых же шагов, при виде этого унылого, подневольного труда, этого снимания шапок, мне показалось, что я перенесся лет за 50 назад.

Что кругом меня просто-напросто крепостное право.

И чем больше я знакомился с Сахалином, тем это впечатление все глубже и глубже ложилось в мою душу, это первое сравнение казалось мне все вернее и вернее.

Тот же подневольный труд, те же люди, не имеющие никаких прав, унижительные наказания, те же дореформенные порядки, бесконечное бумажное производство всяких дел, тот же взгляд на человека, как на живой инвентарь, то же распоряжение человеком "по усмотрению", те же сожительства, заключаемые как браки при крепостном праве, - не по желанию, не по влечению, а по приказу, тот же взгляд многих на каторжного, как на крепостного, - все, кончая декоративной стороной крепостного права - обязательным "ломаньем шапки", - все создавало полную иллюзию отжитого времени.

И как тяжело дышалось, как тяжело, если бы вы знали! Желание исполнено.

Пройдя пристань, я очутился в толпе каторжных. На берегу шли работы.

Человек семьдесят каторжников, кто в арестантской, кто в своей одежде, спускали в море баржу для разгрузки парохода.

Пели "Дубинушку", - и под ее напев баржа еле-еле, словно нехотя, ползла с берега.

Рядом с ней, на другой барже, стоял запевала, мужичонка в рваной арестантской куртке, всклокоченный, встрепанный, жалкий, несчастный, и надтреснутым, дребезжащим тенорком запевал "Дубинушку", говорившую о необычайной изворотливости, сверхъестественной находчивости его цинизма. Какой-то цинизм, доходивший до виртуозности.

Все это било, конечно, на то, чтобы вызвать смех. И никто не улыбался.

Слушали равнодушно, даже скорее вовсе не слушали, пели припев, кричали "ух" как-то лениво, нехотя, словно и это тоже была подневольная работа.

Потом я по привычке, но первое впечатление подневольного труда - впечатление тяжелое, гнетущее.

Рядом вытаскивали невод.

Тащили тяжело, медленно, нехотя.

В вытащенном неводе билась, прыгала, трепетала масса рыбы.

Чего, чего там не было! Колоссальные *бычки*, которых здесь не едят, продолговатые с белым, словно белилами покрытым брюшком *гlossы*, которых тоже здесь не едят, извивающиеся, как змеи, *миноги*, которых здесь точно так же не едят, и мелкая дрянная рыбешка, которую здесь едят.

Все стояли кругом невода, а двое или трое отбирали годную рыбу от негодной с таким видом, словно они ворочали камни.

Всю дорогу от пристани до поста, вдоль берега моря, навстречу попадались поселенцы, машинально, как-то механически снимавшие шапки.

Рука уставала отвечать на поклоны, и я был искренно признателен тем дерзунам, которые не достаивали мою персону этой каторжной чести.

Поселенцы бродили, как сонные мухи. Бродили, видимо, безо всякой цели, безо всякого дела.

- Так, мол, пароход пришел. Все-таки люди.

Если там, у рабочих, на лицах читалась какая-то тяжесть, то здесь была написана страшная, гнетущая, безысходная скука.

Тоска.

Такое состояние, когда человек решительно не знает, что ему с собой делать, куда девать свою особу, чем ее занять, и провожает глазами все, что мелькнет мимо: муха ли большая пролетит, человек ли проедет, собака ли пробежит.

Посмотрит вслед, пока можно уследить глазами, и опять на лице тоска. Песня?..

Дрожки, на которых я еду, поворачивают в главную улицу поста и огибают наскоро сколоченный дощатый балаган (дело происходило на Пасхе).

Рядом пустые, какие-то ободранные качели.

У входа, вероятно, судя по унылому виду, - антрепренер.

Около - толпа скучающих поселенцев, без улыбки слушающих площадные остроты ломающегося на балконе намазанного, одетого в ситцевый балахон клоуна из ссыльнокаторжных.

Из балагана слышится песня.

Нестройно, дико орет хор песенников.

Зазвенели кандалы. Мимо балагана проходят арестанты кандалной тюрьмы под конвоем...

Мы въезжали в главную улицу поста.

С первого взгляда Корсаковск, всегда и на всех, производит подкупающее впечатление.

Ничего как будто похожего на каторгу.

Чистенький, маленький городок.

Чистенькие, приветливые чиновничьи домики словно разбежались и со всего разбега двумя рядами стали по высокому пригорку.

Выше всех взбежала тюрьма.

Но тюрьма в Корсаковске не давит.

Она - одноэтажная, невысокая и, несмотря на свое возвышенное положение, не кидается в глаза, не доминирует, не командует над местностью.

В глубину двух оврагов, по обоим бокам холма, словно свалились лезшие по косогору, да недолезшие туда домики.

Это - слободки поселенцев.

В общем, во всем этом нет ничего ни страшного, ни мрачного.

И вы готовы прийти в восторг от благоустройства, проезжая главной улицей Корсаковска, готовы улыбнуться, сказать:

- Да все это очень, очень, как нельзя более мило... Но подождите!

Сахалин - это болото, сверху покрытое изумрудной, сверкающей травой.

Кажется, чудный лужок, - а ступили, и провалились в глубокую, засасывающую, липкую, холодную трясину.

Не успело с ваших уст сорваться "мило", как из-за угла зазвенели кандалы.

Впрягшись в телегу, ухватившись за оглобли, каторжные везут навоз.

И что за удручающее впечатление производят эти люди, исполняющие лошадиную работу.

Ваш путь идет мимо тюрьмы, - из-за решеток глядят темные, грязные окна.

Впереди - лазарет, и как раз против его окон - покойницкая.

ЛАЗАРЕТ

Затем, в Александровске, в Рыковском я видел вполне благоустроенные больницы для каторжан; но что за ужасный уголок, что за "злая яма" Дантовского ада - эта больница в Корсаковском посту.

Я знаю все сахалинские тюрьмы. Но самая мрачная из них - Корсаковский лазарет.

Чесоточный, больной заразительной болезнью, которую неприятно называть, и хирургический больной лежат рядом.

Около них бродит душевнобольной киргиз Наур-Сали.

Как и у большинства сахалинских душевнобольных помешательство выражается у него в мании величия.

Это - протест духа. Это - благодеяние болезни.

Всего лишенные, бесправные, нищие, - они воображают себя правителями природы, несметными богачами, - в крайнем случае, хоть смотрителями или надзирателями.

Киргиз Наур-Сали принадлежит к несметным богачам.

У него неисчислимы стада овец и верблюдов. Он получает несметные доходы... Но он окружен врагами.

Тяжелая, угнетающая сахалинская обстановка часто развивает манию преследования.

Временами Наур-Сали кажется, что на его стада нападают стаи волков, что в степном ковыле подползают хищники. Что стада разбегаются. Что он близок к разорению. Тогда ужас отражается на перекошенном и беспрестанно дергающемся лице Наур-Сали (он эпилептик и страдает Виттовым плясом), он мечется со стороны в сторону, с криком бежит по палатам, залезает под кровати больных, сдергивает с них одеяла, - ищет своих овец. И я прошу вас представить положение больного с переломленной, положенной в лубки ногой, когда сумасшедший Наур-Сали с воем сдергивает с него одеяло.

- Почему же их не разместят?

- Да куда же я их дену?! - с отчаянием восклицает молодой, симпатичный лазаретный врач Кириллов.

В лазарете тесно, в лазарете душно.

За неимением места в палатах, больные лежат в коридорах. Приемный покой для амбулаторных больных импровизируется каждое утро. В коридоре, около входной двери, ставится ширма, чтобы защитить раздевающихся больных от холода и любопытства беспрестанно входящих и выходящих людей.

- Вообразите себе, как это удобно зимой, в мороз, смотреть больных около входной двери, - говорит доктор.

Да оно и весной недурно.

Вся обстановка Корсаковского лазарета производит удручающее впечатление. Грубое постельное белье невероятно грязно. Больным приходится разрешать лежать в своем белье.

- На казенные рубахи полагается мыло, но я руку даю на отсечение, что они его не видят! - с отчаянием клянется доктор.

Вентиляции никакой. Воздух сперт, душен, - прямо мутит, когда войдешь. Я потом дня два не мог отделаться от этого тяжелого запаха, которым пропиталось мое платье при этом посещении.

О какой-нибудь операционной комнате не может быть и помина. Для небольших операций больных носят в военный госпиталь. Для более серьезных - отправляют в пост Александровский, отрезанный от Корсаковского в течение полугода. Представьте себе положение больного, которому необходимо произвести серьезную операцию в ноябре, - первый пароход в Александровск, "Ярославль", пойдет только в конце апреля следующего года!

Когда я был в Корсаковском лазарете, там не было... гигроскопической ваты.

Для перевязки ран варили обыкновенную вату, просушивали ее здесь же, в этом воздухе, переполненном всевозможными микробами и бациллами.

- Все, чем мы можем похвалиться, это - нашей аптекой. Благодаря заботливости и настояниям заведующего медицинской частью, доктора Поддубского, у нас теперь богатый выбор медикаментов! - со вздохом облегчения говорит доктор.

Вернемся, однако, к больным.

Что за картины, картины отчаянья, иллюстрации к Дантовскому чистилищу.

С потерявших свой первоначальный цвет подушек смотрят на нас желтые, словно восковые лица чахоточных.

Лихорадочным блеском горящие глаза.

Вот словно какой-то гном, уродливый призрак.

Лицо - череп, обтянутый пожелтевшей кожей. Высохшие, выдавшиеся плечевые кости, ключицы и ребра, и неимоверно раздутый голый живот. Белье не налезает.

Страшно смотреть.

Несчастный мучается день и ночь, не может лечь, - его заливают. Чахотка в последнем градусе, осложненная водянкой.

И столько муки, столько невыносимого страдания в глазах.

Несчастный, - это тонущий в воде скелет, - что-то шепчет при нашем проходе.

- Что ты, милый? - нагибается к нему доктор.

- Поскорей бы! Поскорей бы уж, говорю! Дали бы мне чего, чтобы поскорее! - едва можно разобрать в лепете этого задыхающегося человека.

- Ничего! Что ты! Поправишься! - пробует утешить его доктор.

Еще большая мука отражается на лице больного. Он отрицательно качает головой.

Тяжело вообще видеть приговоренного к смерти человека, а приговоренного к смерти здесь, вдали от родины, от всего, что дорого и близко, здесь, где ни одна дружеская рука не закроет глаза, ни один родной поцелуй не запечатлеется на лбу, - здесь вдвое, вдесятеро тяжелее видеть все это.

Вот больной, мужчина средних лет, ранняя просесть в волосах. Красивое, умное, интеллигентное лицо. Чем он болен?

Не надо быть доктором, чтобы сразу определить его болезнь по лихорадочному блеску глаз, по неестественно-яркому румянцу, пятнами вспыхивающему на лице, по крупным каплям пота на лбу.

Это - ссыльнокаторжный из бродяг, *не помнящий родства*, учитель из селения Владимирович

- Вы и в России были учителем?

- Был и учителем... Чем я только не был! - с тяжелым вздохом говорит он, и печаль разливается по лицу.

Тяжко вспоминать прошлое здесь...

А вот продукт каторжной тюрьмы, специальный "сахалинский больной".

Молодой человек, казалось бы, такого здоровенного, крепкого сложения.

У него скоротечная чахотка от истощения.

Перед вами *жиган* - каторжный тип игрока. Игра - его болезнь, больше чем страсть, единственная стихия, в которой он может дышать.

Его потухшие глаза на все смотрят равнодушным, безразличным взглядом умирающего и загораются лихорадочным блеском, настоящим огнем только тогда, когда он говорит об игре.

Он проигрывал все: свои деньги, казенную одежду. Его наказывали розгами, сажали в карцер, - он играл. Он проигрывал самого себя, проигрывал свой труд и нес двойную каторгу, работая и за себя и за того, кому он проиграл.

Он месяцами сидел голодный, проиграв свой паек хлеба чуть не за год вперед, и питался жидкой похлебкой - *баландой* без хлеба.

Его били жестоко, неистово: чтобы играть, он воровал все, что ни попадало.

В конце концов, он нажил истощение, скоротечную чахотку.

Он и тут, в лазарете, играл с больными, проигрывая свою порцию, но его скоро накрыли и игру прекратили. Если бы не было за ним особого надзора, - он проиграл бы даже свои лекарства.

Сахалинским больным все кажется, что им жалеют лекарства и дают слишком мало. Они охотно покупают лекарства друг у друга.

А кругом этого несчастного такие же больные, умирающие, которые не прочь у умирающего выиграть последний кусок хлеба.

Вот отголоски "зимнего сезона".

Люди, отморозившие себе кто руки, кто ноги, иные на работах в тайге, другие во время *бегов*.

Они разматывают свое тряпье, - и перед нами засыпанные йодоформом руки, ноги без

пальцев, покрытые мокнувшими ранами, покрывающиеся струпьями.

Их стоны, когда приходится ворочаться с бока на бок, смешиваются с бредом, идиотским смехом, руганью умалишенных.

Вот интересный больной, Иоркин, бывший моряк, эпилептик, он татуирован с головы до ног.

На его груди выгравировано огромное распятие. Руки покрыты рисунками якорей и крестов, символами надежды и спасения, текстами Священного Писания.

У Иоркина религиозное помешательство, соединенное, по сахалинскому обыкновению, с бредом величия.

- Мне недолго здесь быть, - говорит он, и глаза его горят экстазом. - Меня ангелы возьмут и унесут.

А вот жертва лишения семьи.

Карпов, донской казак, из Новочеркасска. Сегодня он что-то весел, все время улыбается, и с ним можно говорить.

Он говорит охотно только на одну тему - о своей, оставленной на родине семье. О братьях, матери, отце, жене. Как они живут, про их хозяйство. Говорит с увлечением, весь сияя от этих воспоминаний. Это - самые светлые для него минуты. Обыкновенное же его состояние - состояние тяжелой хандры, задумчивости. Он меланхолик.

Он боится нападения чертей, которые хотят соблазнить его на нехорошее поведение. Он воздержанник и "соблюдает себя" для семьи, - а по ночам ему снятся женщины, которые являются его прельщать. Их посылают черти.

- Тут много чертей, - выкрикивает он своим тоненьким, пронзительным голосом и лезет под кровать посмотреть: нет ли их там?

- Есть! Есть! Вот они! Начинается припадок.

Берегите ваши карманы. Около все время трется Демидов, клептоман, один из несчастнейших людей на каторге.

Его били смертным боем товарищи и секло начальство. А он все продолжал оставаться неисправимым. Ему еще недавно дали 52 лозы, как вдруг, к общему изумлению, доктор Кириллов взял этого "неисправимого негодяя" в лазарет.

- Ах, вон оно что! - ахнули все. - Он сумасшедший! А мы-то его исправляли.

А вот жертва наших больниц, жертва их страсти к поспешной выписке. Это - бродяга немой.

- Семен Михайлович! Как поживаешь? - спрашивает доктор.

Семен Михайлович улыбается бессмысленной улыбкой и смотрит куда-то в угол.

- Да он что? Действительно, немой?

- Нет, он страдает одной из форм афазии, он не может говорить, не в состоянии отвечать на вопросы.

И он только улыбается своей бессмысленной, беспомощной, жалкой, страдальческой улыбкой.

В одну из минут просветления, когда к нему ненадолго вернулась способность речи, - он рассказал доктору свою историю.

Он не бродяга. Он крестьянин Новгородской губернии, Семен Михайлович Глухаренков. У него на родине есть семья. Жил он в Петербурге на заработках, заболел тифозной

горячкой, лежал в больнице. Из больницы его выписали слишком рано, чересчур слабым. Денег не было ни гроша, паспорт был отослан на родину менять, приходилось идти пешком. Едва выйдя за заставу, он потерял сознание, а затем с ним "это и случилось". Его держали в полиции, судили, - на все вопросы он молчал. И пошел на полтора года в каторгу, а затем на поселение на Сахалине, как Бродяга Немой.

Вот та маленькая повесть, которую успел рассказать Семен Глухаренков доктору в минуту просветления, - и снова погрузился в молчание, снова на его лице заиграла эта тихая, скорбная улыбка.

Над всем этим - над трагическим молчанием Бродяги Немого, над тихими стонами, вырывающимися из глубины души, над тяжкими вздохами, перебранкой больных, над рассказами *жигана* об игре, над звуками удушливого кашля чахоточных, - звуками, в которых вы слышите, как у людей на куски разрываются легкие, над бредом и идиотским смехом помешанных, - над всем этим царит вечный, непрестанный крик сумасшедшего старого солдата.

В Корсаковском лазарете нет места, где бы до вас не достигал этот ужасный, все нервы выматывающий крик.

Он отравляет последние минуты умирающих в маленькой отдельной каморке.

Зайдем туда.

На постели лежит человек... тень, призрак человека... Не бледное, а белое, словно молоком вымазанное лицо. Дыхание с хрипом и свистом вырывается из груди. Он задыхается.

Доктор, дававший мне объяснения по поводу каждого больного, тут сказал только:

- Сами видите!

- Доктор... доктор... - еле переводя дух, говорит больной, и в самом тоне его просьбы звучит что-то детское, беспомощное, жалкое, хватающее за душу, - доктор... выпиши ты, ради Господа Бога, мяты... С мяты я поправлюсь.

- Хорошо, хорошо, голубчик! Выпишу тебе мяты, - успокаивает его доктор.

- То-то!.. С мяты... я... живо... К вечеру он умер.

Из каморки умирающего мы проходим узеньким коридорчиком к сумасшедшему солдату.

В коридорчике при нашем проходе звенят кандалы. Со скамьи встают двое кандалных.

- Что такое? Больные?

- Никак нет. Для освидетельствования на предмет телесного наказания! - рапортует надзиратель.

В маленьком изоляторе доживают свой век двое. Старый каторжник из солдат, который на вопрос, сколько он в своей жизни получил плетей и розог, отвечает:

- 72 миллиона, ваше сиятельство!

Он воображает себя то фельдфебелем, то фельдмаршалом, и вся его жизнь отражается в его мрачном помешательстве.

Он только и делает, что приговаривает людей к смерти или к плетям.

- Вот этот, - кричит он, указывая на служителя и вытаскивая изодранную "сумасшедшую рубаху", - связать меня хотел! Повесить его в двадцать четыре часа! А этому смерть отменяется - 60 тысяч плетей без помощи врача! Живо!

На другой кровати, скорчившись, спит единственное существо, которое не приговаривает

ни к смерти, ни к плетям, - старый, свирепый солдат, - зовут его Чушка.

Слепой, слабоумный старик.

- Чушка, вставай! - кричит солдат и выщипывает у Чушки несколько волосков из бровей.

Чушка взвизгивает, просыпается и открывает свои ничего не видящие глаза.

- Чушка, жрать хочешь? Но Чушка не отвечает.

Услышав голос доктора, он что-то соображает.

- Доктор, а доктор!

- Что тебе?

- Сделай мне новые глаза.

- Хорошо, сделаю!

- Сделаешь? Ну, ладно.

И Чушка снова засыпает сном слабоумного старика.

- Не хочешь жрать, Чушка? Это он при надзирателе не хочет! Повесить его сию минуту!

Становь виселицу! Палача! Плетей! - вопит старый солдат.

Перейдем в женское отделение. Тут несколько чище.

- Все-таки женщины! - объясняет акушерка. Родильницы лежат с двумя идиотками, которые улыбаясь говорят о женихах.

Обычный женский бред на Сахалине. К доктору подходит душевнобольная, молоденькая бабенка, Ненила, прифранченная, нарядно одетая.

- Доктор, скоро меня выпишешь-то?

- Тебе зачем?

- Боюсь, как бы надзиратель-то другую не взял.

- А ты что прифрантилась?

- Да к нему идти собралась! Ненила смеется.

- Никакого у нее надзирателя нет. Бред! - потихоньку объясняет мне доктор. - Ты вот лучше, Ненилушка, расскажи барину, за что сюда попала? Ему хочется знать.

Лицо Ненилы сразу становится грустным.

- Впутали меня, ох, впутали! Все он впутал, изверг, чтоб вместе шла! Впутал, а потом, где он, ищи его! И должна я одна быть...

Ненила начинает плакать.

- Да ты не плачь. Расскажи, как было!

- Как было-то, обнаковенно было! Купец-то, сидел, вот так-то. Пьяный купец-то. Борода-то на столе! - Ненила смеется. - Я-то около купца, все ему подливаю: "Пей, мол, такой-сякой, намазанный!" А он-то, он сзади подкрадывается... Подкрался к купцу, - пьяный, препьяный купец! Я его за руки поймала, держу. А он его за бороду хват, - назад оттянул, - да как по горлу как чирк! Ай!

Ненила вскрикивает. Быть может, в эту-то страшную минуту и потеряла равновесие ее психика.

- Кровь-то в стенку, в меня полилась, полилась... Корчился купец-то жалостно так... Жалостно...

Ненила начинает хныкать, утирать рукавом слезы, - и вдруг разражается смехом.

- Чего ж я реву-то, дура? Вот дура, так дура! И самой смешно. Реву, девоньки, и сама не знаю о чем! Доктор, пустите меня к надзирателю.

- Дай ты мне капелек-те, от зубов-те! - подходит к нам другая душевнобольная. Несчастливая, сосланная в каторгу за мужеубийство. Она потеряла психическое равновесие в первую брачную ночь.

- С женщинами это бывает... Рано замуж отдали... Может быть, муж спьяна обошелся очень уж грубо, - поясняет доктор.

- Спортили на! - жалобно рассказывает она. - Взяли да в постелю кровящи налили. Я как увидела, он мне и отошнел... Отошнел, я его и зарезала.

Во всей ее позе что-то страдальческое, угнетенное.

У нее, в сущности, не болит ничего. Но все-таки остаток сознания требует отчета, почему она в таком угнетенном состоянии. И несчастная сама выдумывает причины: то жалуется на зубную боль, то через пять минут начинает жаловаться на боль в пояснице.

- Третий день разогнуться не могу! Болит!

- А зубы?

- Зубы ничего. Поясница вот!

- Видите, при каких условиях приходится работать, - со вздохом говорит доктор.

Я не думаю, чтобы доктора Кириллова надолго хватило на борьбу с разными сахалинскими, истинно "каторжными" условиями.

Очень уж у него в несколько месяцев расхотелись нервы.

Сколько народу бежало отсюда, народу, приходившего сюда с горячим желанием принести посильную помощь страдающим!

И это будет очень жаль.

Такие люди, люди знания, люди дела, люди просвещенные, люди гуманные, люди честные, с чуткой, доброй, отзывчивой душой, - такие-то люди и нужны Сахалину.

Людей плохих много и в парходном трюме каждый год присылают.

КАТОРЖНОЕ КЛАДБИЩЕ

От Корсаковского лазарета недалеко до кладбища. Проедем "к маяку" - кладбище расположено на горе, около Корсаковского маяка.

- Нет уж, ваше высокое благородие, видать, мне к маяку пора! - говорил один тяжкий больной утешавшему его доктору.

Что это за странная процессия взбирается по косоугору?

Десяток каторжных, уцепившись за оглобли, подталкивая сзади, тащат телегу, на которой лежит большой, неуклюжий белый некрашенный фоб и лопата.

Сзади со скучающим видом идет посланный смотреть за каторжниками надзиратель, с револьвером на шнурке.

Вот и вся похоронная процессия.

- Ну! Ну! Наддай! - покрикивают каторжные. Вот и все похоронное пение.

Что-то щемящее, что-то хватающее за душу есть в этой картине сахалинских похорон... Эта телега, этот надзиратель, эти серые куртки...

Единственное лицо, которое могло бы проводить покончившего свои дни несчастного в место последнего успокоения, - тоже лежит в могиле.

Хоронят поселенца.

Из ревности он зарезал сожительницу и сам убежал из дома и отравился борцом. Его труп уж через несколько дней нашли в тайге.

Борец - ядовитое растение, растущее в Корсаковеком округе, на юге Сахалина. Корень борца там имеется "на всякий случай" у каждого каторжного, у каждого поселенца. Мне показывали этот корень многие.

- Да на кой вам шут держать эту дрянь?

- Такое уж заведение... На всякий случай... Может, и понадобится! - отвечали поселенцы с улыбкой, какой не дай Бог чтобы улыбался человек.

Сойдем, проводим.

Телега медленно вползла на гору.

Ее подвезли к первой выкопанной могиле. На веревках опустили гроб. Достали с телеги лопаты, поплевали на руки, - и застучала земля по гробовой крышке.

Застучала сильно: здесь почва глинисто-каменистая. Не земля, а словно какой-то щебень, битый кирпич навален около вырытых могил.

Глуше и глуше шумит земля... Маленький холмик вырос над могилой. В него воткнули наскоро сколоченный из двух планок некрашенный крест без надписи.

Кто перекрестился, а кто и нет, - и взялись за телегу.

- Теперича ходчее пойдём! Пошли бегом и скрылись за спуском.

- Тише, черти! - доносится отчаянный голос запыхавшегося надзирателя.

- Легче! Легче!.. - слышится под горой. Мы - среди безыменных могил.

- Что это? Неужели в лазарете так много покойников? - с изумлением смотрю я на массу вырытых ям.

- Никак нет! - снимая шапку, отвечает кучер-каторжный.

- Да надень ты шапку, Бога ради! На кладбище все равны.

- Никак нет, ваше высокоблагородие. Это про запас ямы приготовлены. Делать-то было нечего, пароходы не приходили, - вот и посылали ямы копать. А то горячка пойдет, люди на работы нужны будут, - не до ямы!

Что за унылая картина!

Маленькие холмики, на которых торчат только какие-то палки вместо крестов. Почти ни на одной могиле цельного креста.

А на большинстве и совсем ничего нет.

- Кто это?

- Поселенцы на подтопку таскают. Кому же больше? В тайгу-то идти лень. Вот отсюда и тащат.

Вот могила, - хоронила все-таки, должно быть, заботливая, может быть, родная рука. В крест был вделан образ.

Крест уцелел, а образ выломан.

И молится теперь перед этим выломанным из могильного креста образком какой-нибудь поселенец в грязной, темной, пустой избушке.

- Может, кто выломал да в карты спустил. Копейках в двух крест пошел! - словно угадывая ваши мысли, говорит кучер.

И над всеми этими маленькими, безвестными, безыменными могильными холмами царит, возвышается за высокой оградой массивный чугунный крест над высокой, камнем обделанной могиле купца Тимофеева.

- Зарезали его! - поясняет кучер.

- За что зарезали?

- За деньги.

И, подумав, объясняет более пространно.

- Деньги у него, сказывают, были. За это самое и зарезали. Здесь это не долго...

Уйти бы поскорее с этого безотраднейшего и во всем мире и даже на Сахалине кладбища.

Но тут должна быть одна "святая могила".

Могила Наумовой, молодой девушки, учительницы, основательницы Корсаковского приюта для детей ссыльнокаторжных.

Она училась в Петербурге, бросила все и приехала сюда, увлеченная святой мыслью, горя великим, святым желанием отдать жизнь на служение, на помощь этим бедным, несчастным, судьбою заброшенным сюда детям преступных отцов.

У нее были широкие планы, она мечтала о ремесленных классах для детей, о воскресных школах для каторжных, о чтениях...

Она работала всей душой, энергично, горячо отдаваясь делу. Ей удалось кое-что сделать. Корсаковский приют ей обязан своим возникновением.

Но слабой ли девушке было бороться с сахалинской черствостью, с сахалинской мертвечиной, с сахалинским равнодушием к страданиям ближнего.

Молодая девушка не вынесла борьбы со служащими, враждебно смотревшими на ее затеи, не вынесла тяжелой атмосферы каторги и застрелилась, оставив две записки.

Одну: "Жить тяжело". В другой просила все ее скудные достатки продать и деньги отдать на ее детище - на приют.

Их прибыло одновременно три, - три подруги, увлеченные идеей принести посильную помощь страждущим; одна застрелилась, другая сошла с ума, третья... вышла замуж за бывшего фельдшера, из ссыльных. Так разное и в сущности одинаково кончили все три. Да и трудно было устоять в непосильном труде!

Корсаковская интеллигенция устроила Наумовой торжественные похороны, хотя сахалинская сплетня, сахалинская клевета, уж никак не могущая понять, что можно жизнь свою отдавать какой-то каторге - даже в могиле не пощадила покойной страдальцы.

Эта могила... Она должна быть здесь... Но где она?

Искал, искал, - не нашел.

- Должно быть, там! - говорили мне господа "интеллигенты".

А ведь со смерти Наумовой прошло еле-еле два года!

Приамурский генерал-губернатор прислал на могилу Наумовой чудный металлический венок с прекрасной надписью на медной доске.

Этот венок висит... в полицейском управлении.

Повесить нельзя. Украдут!

Да и где бы они могли его повесить?

Такова "долженствующая быть" святая могила среди безвестных грешных могил.

ДЕНЬ В ТЮРЬМЕ

Тюремный день начинается с вечера, когда производится наряд - распределение рабочих на работы. Так мы и начнем наш "день в тюрьме".

Наряд

Тюремная канцелярия. Обстановка обыкновенного участка. Темновато и грязно.

Писаря из каторжных скрипят перьями, пишут, переписывают бесконечные на Сахалине бумаги: рапорты, отношения, доношения, записи, выписи, переписи.

При входе смотрителя тюрьмы все встают и кланяются.

Старший надзиратель подает смотрителю готовое уже распределение назавтра каторжных по работам.

- На разгрузку парохода столько-то. На плотничьи работы столько-то. На таску дров... В мастерские... Вот что, паря, тут Икс Игрекович Дзэт просил ему людей прислать, огород перекопать.

- Людей нет, ваше высокоблагородие. Люди все на расходе.

- Ничего. Пошли шесть человек. Показать их на плотничьих работах. Да, еще Альфа Омеговна просила ей двоих прислать. Отказать невозможно. А тут этот контроль теперь во все суется: покажи ему учет людей. Просто, хоть разорвись! Ну, да ладно, - пошли ей двоих, из тех, что на разгрузку назначены...

Наряд кончен.

Начинается прием надзирателей.

- Тебе что?

- Иванов, ваше высокоблагородие, очень грубит. Ты ему слово, он тебе десять. Ругается, срамит!

- В карцер его. На три дня на хлеб и на воду. Тебе?

- Петров опять буйнит.

- В карцер! Все?

- Так точно, все-с.

- Зови рабочих.

Входит толпа каторжных, кланяются, останавливаются у двери. Среди них один в кандалах.

- Ты что?

- Подследственный. Приговор что ли объявлять звали.

- А! Ступай вон к писарю. Васильев, прочитай ему приговор.

Писарь встает и наскоро читает, бормочет приговор.

- Приамурский областной суд... Принимая во внимание... самовольную отлучку... с продолжением срока... на 10 лет! - мелькают слова. - Грамотный?

- Так точно, грамотный!

- Распишись.

Кандалный так же лениво, равнодушно, как и слушал, расписывается в том, что ему прибавили 10 лет каторги.

Словно не о нем идет и речь

- Уходить можно? - угрюмо спрашивает кандалный.

- Можешь. Иди.

- Опять убежит, бестия! - замечает смотритель.

По правилам каторги порядочный каторжник всякий приговор должен выслушивать спокойно, равнодушно, словно не о нем идет речь. Не показывая ни малейшего волнения. Это считается хорошим тоном. В случае особенно тяжкого приговора, каторга разрешает, пожалуй, выругать суд. Но всякое жалостливое слово вызвало бы презрение у каторги. Вот

откуда это равнодушие к приговорам. В сущности же, эти продления срока за отлучки их сильно волнуют и мучат, кажутся им чересчур суровыми и несправедливыми. "За семь дней - до 10 лет!" Я сам видал каторжника, только что преспокойно выслушавшего приговор на 15 лет прибавки. Разговаривая вдвоем, без свидетелей, он без слез говорить не мог об этом приговоре: "Погибший я теперь человек! Что ж мне остается теперь делать? Навеки уж теперь". И столько горя слышалось в тоне "каналы", который и "глазом не моргнет", слушая приговор.

- Тут еще приговор есть. Федор Непомнящий кто?

- Я! - отзывается подслеповатый мужичонка.

- Ты хлопотал об открытии родословия?

- Так точно.

- Ну, так слушай!

Писарь опять начинает бормотать приговор.

- Областный суд... заявления Федора Непомнящего... осужденного на четыре года за бродяжество... признать его ссыльнопоселенцем таким-то... принимая во внимание несходство примет... глаза у Федора Непомнящего значатся голубые... а у ссыльнопоселенца серые... нос большой... постановил отклонить... Слышал, отказано?

- Носом, стало быть, не вышел? - горько улыбается Непомнящий. - Выходит теперь, что и я не я!..

- Грамотный?

- Так точно, грамотный. Только по вечерам писать не могу. Куриная слепота у меня. Меня и сюда-то привели.

- Ну, ладно! Завтра подпишешь! Ступай.

- Стало быть, опять в тюрьму?

- Стало быть.

- Эх, Господи! - хочет что-то сказать Непомнящий, но удерживается, безнадежно машет рукой и медленно, походкой слепого идет к толпе каторжных.

Ни на кого ни приговор, ни восклицание не производят никакого впечатления. На каторге "каждому - до себя".

- Вы что? - обращается смотритель к толпе каторжных.

- Срок окончили.

- А? На поселение выходите? Ну, паря, до свиданья. Желаю вам. Смотрите, ведите себя чисто. Не то опять сюда попадете.

- Покорнейше благодарим! - кланяются покончившие свой срок каторжане.

- Опять половина скоро в тюрьму попадет! - успокаивает меня смотритель. - Тебе чего?

Толпа разошлась. Перед столом стоит один мужичонка.

- Срок кончил сегодня, ваше высокоблагородие. Да не отпускают меня. С топором у меня...

- Топор у него пропал казенный, - объясняет старший надзиратель.

- Пропил, паря?

- Никак нет. Я не пью.

- Не пьет он! - как эхо подтверждает и надзиратель.

- Украл у меня топор-то.

- Кто же украл? Ведь знаешь, небось? Мужичонка чешет в затылке.

- Нешто я могу сказать, кто. Сами знаете, ваше высокоблагородие, что за это бывает, кто говорит.

- Ведь вот народец, я вам доложу! - со злостью говорит смотритель. - Воровать друг у друга - воруют, а сказать - не смей! Что ж, брат, не хочешь говорить, - и сиди, пока казенный топор не найдется. Большой срок-то у тебя был?

- Десять годов!

- Позвольте доложить, - вступается кто-то из писарей, - деньги тут у него есть заработанные, немного. Вычесть, может, за топор можно.

- Так точно, есть, есть деньги! - как за соломинку утопающий, хватается мужичонка.

На лице радость, надежда.

- Ну, ладно! Так и быть. Зачтите за топор. Освободить его! Ступай, черт с тобой!

- Покорнейше благодарим, ваше высокоблагородие! И напутствованный таким образом мужичонка идет "вести новую жизнь".

Его место перед столом занимает каторжник в изорванном бушлате, разорванной рубашке, с подбитой физиономией.

- Ваше высокоблагородие! Явите начальническую милость! Не дайте погибнуть! - не говорит, а прямо вопиет он.

- Что с ним такое?

- Опять побили его! - докладывает старший надзиратель.

- Вот не угодно ли? - обращается ко мне смотритель. - Что мне с ним делать, - куда ни переведу, везде его бьют. Прямо смертным боем бьют.

- Так точно! - подтверждает и надзиратель. - В карцер, как вы изволили приказать, в общий сажал, будто бы за провинность*. Не поверили, - и там избили. На работы уж не гоняю. Того и гляди, - совсем пришьют!

* Это делается часто; доносчиков, "для отвода глаз", подвергают наказанию: будто он в немилости у смотрителя. Часто доносчики, заподозренные каторгой, просят даже, чтобы их подвергли телесному наказанию, "а то убьют".

Человек, заслуживший такую злобу каторги, заподозрен ею в том, что донес, где скрылись двое беглых.

- А полезный человек был! - потихоньку сообщает мне смотритель. - Через него я узнавал все, что делается в тюрьме.

И вот теперь этот "полезный человек" стоял перед нами избитый, беспомощный, отчаявшийся в своей участи.

Каторга его бьет. Те, кому он был полезен, - что они могут поделаться с освирепевшей, остервенившейся каторгой?

- Наказывай их, пожалуй! А они еще сильнее его бить начнут. Уходят еще совсем!

- И уходят, ваше высокоблагородие, - тоскливо говорит доносчик, - беспрерывно они меня уходят.

- Да хоть кто бил-то тебя, скажи? Зачинщик-то кто, по крайней мере?

- Помилуйте, ваше высокоблагородие, - да разве я смею сказать? Будет! Довольно уж! Да мне тогда одного дня не жить. Совсем убьют.

- Вот видите, вот видите! Какие нравы. Какие порядки! Что ж мне делать с тобой, паря?

- Ваше высокоблагородие! - и несчастный обнаруживает желание кинуться в ноги.

- Не надо, не надо!

- Переведите меня куда ни на есть отсюда. Хоть в тайгу, хоть на Охотский берег пошлите. Нет моей моченьки побои эти неистовые терпеть. Косточки живой нет. Лечь, сесть не могу. Все у меня отбили. Ваше высокоблагородие, руки я на себя наложу!

В голосе его звучит отчаяние и, действительно, решимость пойти на все, на что угодно. Смотритель задумывается.

- Ладно! Отправить его завтра во второй участок. Дрова из тайги будешь таскать.

Это одна из самых тяжелых работ, - но несчастный рад и ей, как празднику, как избавленью.

- Покорнейше вас благодарю. Ваше высоко...

- Что еще?

- Дозвольте на эту ночь меня в карцер одиночный посадить! Опять бить будут.

- Посадите! - смеется смотритель.

- Покорнейше благодарю.

Вот человек, вот положение, - когда одиночный карцер, пугало каторги, и то кажется раем.

- Все?

- Так точно, все.

- Ну, теперь идемте в тюрьму, на перекличку, молитву, - да и спать! Поздно сегодня люди спать лягут с этой разгрузкой парохода! - глядит смотритель на часы. - Одиннадцать. А завтра в четыре часа утра прошу на раскомандировку.

Тюрьма ночью

Холодная, темная, безлунная ночь. Только звезды мерцают.

По огромному тюремному двору там и сям бегают огоньки фонариков.

Не видно ни зги, - но чувствуется присутствие, дыханье толпы.

Мы останавливаемся пред высоким черным силуэтом какого-то здания; это часовня посредине двора.

- Шапки долой! - раздается команда. - К молитве готовьсь. Начинай.

- "Христос воскрес из мертвых"... - раздается среди темноты.

Пюют сотни невидимых людей. Голоса слышатся в темноте справа, слева, около, где-то там, вдали!..

Словно вся эта тьма запела.

Этот гимн воскресенья, песнь торжества победы над смертью, - при такой обстановке! Это производило потрясающее впечатление.

Невидимый хор пропел еще несколько молитв, и началась поверка.

За поздним временем обычной переклички не было, просто считали людей.

Подняв фонарь в уровень лица, надзиратели проходили по рядам и пересчитывали арестантов.

Из темноты на момент выглядывали старые, молодые, мрачные, усталые, свирепые, отталкивающие и обыденные лица - и сейчас же снова исчезали во тьме.

В конце каждого отделения фонарь освещал чисто одетого старосту.

- Семьдесят пять? - спрашивал надзиратель.

- Семьдесят пять! - отвечал староста.

Старший надзиратель подвел итог и доложил смотрителю, что все люди в наличии.

- Ступай спать!

Толпа зашумела. Тьма кругом словно ожила. Послышался топот ног, разговор, вздохи, позевывания.

Усталые за день каторжники торопливо расходились по камерам.

- Кто идет? - окрикнул часовой у кандалной тюрьмы. - Кто идет? - уже отчаянно завопил он, когда мы подошли ближе.

- Господин смотритель, что орешь-то?.. - мы прошли под воротами.

Загремел огромный замок, клуб сырого, промозглого пара вырвался из отворяемой двери, - и мы вошли в один из номеров кандалного отделения.

- Смирно! Встать!

Наше появление словно разбудило дремавшие кандалы.

Кандалы забренчали, залязгали, зазвенели, заговорили своим отвратительным говором.

Чувствовалось тяжело среди этого звона цепей, в полумраке кандалной тюрьмы. Я взглянул на стены. По ним тянулись какие-то широкие тени, полосы. Словно гигантский паук заткал все какой-то огромной паутиной... Словно какие-то огромные летучие мыши прицепились и висели по стенам.

Это - ветви ели, развешанные по стенам для освежения воздуха.

Пахло сыростью, плесенью, испариной.

Кандалных перекликали по фамилиям.

Они проходили мимо нас, звеня кандалами, - а по стене двигались уродливые, огромные тени.

В одном из отделений было двое *тачечников*. Оба - кавказцы, прикованные за побеги.

Один из них, высокий, крепкий мужчина, с открытым лицом, смелыми, вряд ли когда отражавшими страх глазами, - при перекличке, громыхая цепями, провез свою тачку мимо нас.

Другой лежал в углу.

- А тот чего лежит?

Тачечник что-то проговорил слабым, прерывающимся голосом.

- Больна она! Очень шибко больна! Слаба стала! - объяснил татарин-переводчик.

Во время молитвы он поднялся и стоял, опираясь на свою тачку, охая, вздыхая, напоминая какой-то страдальческий призрак, при каждом движении звеневший цепями.

Вы не можете себе представить, какое впечатление производит человек, прикованный к тачке. Вы смотрите на него прямо с удивлением.

- Да чего это он ее все возит?

И воочию видишь, и не верится в это наказание.

По окончании проверки кандалные пели молитвы.

Было странно слышать: в номере - 40 - 50 человек, а поет слабенький хор из 7 - 8.

Остальные - все кавказцы...

Меня удивляло, что в кандалном отделении не пели "Христос воскрес".

- Почему это? - спросил я у смотрителя.

- А забыли, вероятно!

Люди, забывшие даже про то, что теперь пасхальная неделя!..

Раскомандировка

5-й час. Только-только еще рассвело.

Морозное утро. Иней легким белым налетом покрывает все: землю, крыши, стены тюрьмы.

Из отворенных дверей столбом валит пар. Нехотя, почесываясь, потягиваясь, выходят невыспавшиеся, не успевшие отдохнуть люди; некоторые на ходу надевают свое рваньё, другие торопятся прожевать хлеб.

Не чувствуется обычной свежести, бодрости трудового, рабочего утра.

Люди становятся шеренгами: плотники - к плотникам, чернорабочие - к чернорабочим.

Надзиратели по спискам выкликают фамилии.

- Здесь!.. Есть!.. - на все тоны слышатся с разных концов двора голоса, то заспанные, то мрачные, то угрюмые.

- Мохаммет-Бек-Искандер-Али-Оглы! - запинаясь читает надзиратель. - Ишь, черт, какой длинный.

- Иди, что ли, дьявол! Малайка*, тебя зовут! - толкают каторжные кавказца, за три года каторги все еще не привыкшего узнавать своего громкого имени в безбожно исковерканной передаче надзирателя.

* Название всех молодых кавказцев. Старые зовутся Бабаями.

Над всем этим царит кашель, хриплый, затяжной, типичный катаральный кашель.

Многих прохватывает на морозце "цыганский пот". Дрожат, еле попадают зуб на зуб.

Ждут не дождутся, когда крикнут:

- Пошел!

Еще очень недавно этот ранний час, час раскомандировки, был вместе с тем и часом возмездия.

Посредине двора ставили "кобылу", - и тут же, в присутствии всей каторги, палач наказывал провинившегося или не выполнившего накануне урока.

А каторга смотрела и... смеялась.

- Баба!.. Заверещал как поросенок!.. Не любишь! - встречали они смехом всякий крик наказуемого.

Жестокое зрелище!

Иногда каторга экзаменовала своих, стремившихся заслужить уважение товарищей и попасть в *Иваны*, в герои каторги.

На кобылу клали особенно строптивного арестанта, клявшегося, что он ни за что "не покорится начальству".

И каторга с интересом ждала, как он будет держать себя под розгами.

Стиснув зубы, подчас до крови закусив губы, лежал он на кобыле и молчал.

Только дико вращавшиеся глаза да надувшиеся на шее жилы говорили, какие жестокие мучения он терпел и чего стоит это молчание пред лицом всей каторги.

- Двенадцать! Тринадцать! Четырнадцать! - мерно считал надзиратель.

- Не мажь!.. Реже!.. Крепче!.. - кричал раздраженный этим стоическим молчанием

смотритель.

Палач бил реже, клал розгу крепче...

- Пятнадцать... Шестнадцать... - уже с большими интервалами произносил надзиратель.

Стон, невольный крик боли вырывался у несчастного. Срезался! Не выдержал! Каторга отвечала взрывом смеха. Смотритель глядел победоносно:

- Сломал!

Иногда каторга ждала раскомандировки просто как интересного и смешного спектакля.

- Смотрите, братцы, какие я завтра курбеты буду выкидывать, как меня драть будут. Приставление! - похвалялся какой-нибудь *жиган*, продувший в карты все, до казенной одежды и пайка включительно, питающийся крохами со стола каторги и за это разыгрывающий роль шута.

И каторга ждала "представления".

Помирая от внутреннего, еле сдерживаемого смеха, смотрела она на курбеты, которые выделял *жиган*.

Многие не выдерживали, прыскали от смеха, на землю приседали от хохота: "Не могу, братцы вы мои".

А несчастный *жиган* старался.

Падал перед смотрителем на колени, клялся, что никогда не будет, просил пощадить его, "сироту, ради деточек малых".

Не давался положить на кобылу, кричал еще тогда, когда палач только замахивался.

- Ой, батюшки, больно! Ой, родители, больно!

- Крепче его, шельму! - командовал взбешенный смотритель.

А *жиган*, лежа под розгами, прибирал самые смешные восклицания.

- Ой, бабушка моя милая! Родители мои новопреставленные!

И кровью и телом расплачивался за те крохи, которые бросала ему со своего стола каторга.

Наказанье кончалось, и *жиган*, часто еле-еле, но непременно с деланной, натянутой улыбкой, подходил к своим.

- Ловко?

Еще недавно, выйдя ранним морозным утром на крыльцо, можно было слышать вопли и стоны, несшиеся с тюремного двора

Но *tempora mutantur* (времена меняются)... Веяния нашего великого гуманного века все же сказались и на Сахалине.

И смотритель Корсаковской тюрьмы горько жаловался мне, что ему не дают теперь "исправлять" преступников.

Эти утренние расправы, экзамены и спектакли для каторги составляют сравнительно редкость.

Раскомандировка происходит и кончается тихо и мирно.

Переключка кончена.

- Ступай!

И каторжане, с топорами, пилами, веревками, срываются с места, бегут вприпрыжку, стараясь согреться на ходу.

ТЮРЬМА КАНДАЛЬНАЯ

Кандалной называется на Сахалине тюрьма для наиболее тяжких преступников - официально "тюрьма разряда испытуемых", тогда как тюрьма "разряда исправляющихся" - для менее тяжких или окончивших срок "испытваемости" - называется *вольной* тюрьмой, потому что ее обитатели ходят на работы без конвоя, под присмотром одного надзирателя.

- Кандалная тюрьма у нас плохая! - заранее предупреждал меня смотритель. - Строим новую, да никак достроить не можем.

И чтобы показать мне, какая у них плохая тюрьма, смотритель ведет меня по дороге в пустое, перестраивающееся отделение.

- Не угодно ли? Это стена? - смотритель отбивает палкой куски гнилого дерева. - Да из нее и бежать-то нечего! Разбежался, треснулся головой об стену - и вылетел насквозь. Воздух скверный. Зимой холодно, - вообще дрянь.

Гремит огромный, ржавый замок.

- Смирно! - командует надзиратель. Громыхают цепи, и около нар вырастают в шеренгу каторжане.

На первый день Пасхи из кандалной тюрьмы бежало двое, - несмотря на данное всей тюрьмой "честное арестантское слово", - и теперь, в наказание, закованы все.

Сыро и душно; запах ели, развешанной по стенам, немножко освежает этот спертый воздух.

Вентиляции - никакой.

Пахнет пустотой, бездомовьем.

Люди на все махнули рукой, - и на себя.

Никаких признаков, хоть малейшей, хоть арестантской домовитости. Никакого стремления устроить свое существование посноснее.

Даже обычные арестантские сундуки, - редко, редко у кого.

Голые нары, свернутые комком соломенные грязные матрацы в головах.

По этим голым нарам бродит, подняв хвост, ободранная чахлая кошка и, мурлыкая, ласкается к арестантам.

Арестанты очень любят животных: кошка, собака - обязательная принадлежность каждого номера. Может быть, потому и любят, что только животные и относятся к ним, как к людям.

Посреди номера стол, - даже не стол, а высокая, длинная узкая скамья. На скамье налито, валяются хлебные крошки, стоят неубранные жестяные чайники.

Мы заходим как раз в тот номер, где живут двое "тачечников".

- Ну-ка, покажи свой инструмент! Несмазанная тележка визжит, цепи громыхают, прикованный тачечник подвозит к нам свою тачку.

Тачка, - весом пуда в два, - прикована длинной цепью к ножным кандалам.

Раньше она приковывалась к ручным, но теперь ручные кандалы надеваются на тачечников редко, в наказание за особые провинности.

Куда бы ни шел арестант, - он всюду везет за собой тачку.

С нею и спит, на особой койке, в уголке, ставя ее под кровать.

- На сколько лет приговорен к тачке? - спрашиваю.

- На два. А до него на этой постели спал три года другой тачечник.

Я подхожу к этой постели.

У изголовья дерево сильно потерто. Это - цепью. Пять лет трет это дерево цепь...

- Дерево, и то стирается! - угрюмо замечает мне один из каторжников.

Наказание тяжкое, - оно было бы совсем невыносимым, если бы тачечники изредка не давали сами себе отдыха.

Трудно заковать арестанта наглухо. При помощи товарищей, намазав кандалы мылом, - хоть и с сильной болью, они иногда снимают на ночь оковы, а с ними освобождаются и от тачки, отдыхают хоть несколько часов в месяц.

Бывают случаи даже побегов тачечников.

- Работают у вас тачечники?

- Я заставляю, - а в других тюрьмах отказываются. Ничего с ними не поделаешь: народ во всем отчаявшийся.

Кругом угрюмые лица. Бездна надежностью светящиеся глаза. Холодные, суровые, озлобленные взгляды, - и злоба и страдание светятся в них. Вот-вот, кажется, лопнет терпение этих людей.

Никогда мне не забыть одного взгляда.

Среди каторжных один интеллигентный, некто Козырев, москвич, сосланный за дисциплинарное преступление на военной службе.

Симпатичное лицо. И что за странный, что за страшный взгляд!

Такой взгляд бывает, вероятно, у утопающего, когда он в последний раз всплывет над водой и оглянется, - ничего, за что бы ухватиться, ниоткуда помощи, ничего, кроме волны, кругом. Безднажно, с предсмертной тоской взглянет он кругом и молча пойдет ко дну, без борьбы.

- Поскорей бы!

Тяжело и глядеть на этот взгляд, а каково им смотреть? Среди кандалных содержатся беглые, рецидивисты и состоящие под следствием.

- Ты за что?

- По подозрению в убийстве.

- Ты?

- За кражу.

- Ты?

- По подозрению в убийстве.

"По подозрению" ... "по подозрению" ... "по подозрению".

- Ты за что?

- За убийство двоих человек! - слышится прямой, резкий ответ, сказанный твердым, решительным голосом.

- Поселенец он! - объясняет смотритель. - Отбыл каторгу и теперь опять убил.

- Кого ж ты?

- Сожительницу и надзирателя.

- Из-за чего ж вышло?

- Баловаться начала. С надзирателем баловалась. "Пойду да пойду к надзирателю жить, что мне с тобой, с поселенцем-то каторжным?" - "Врешь, - говорю, - не пойдешь". Просил ее, молил, Господом Богом заклинал. И не пошла бы, может, да надзиратель за ней

пришел - и взял. "Я, - говорит, - ее в пост поведу. Ты с ней скверно живешь. Бьешь". - "Врешь, - говорю, - эфиопская твоя душа! Пальцем ее не трогаю. И тебе ее не отдам. Не имеешь никакого права ее от меня отбирать!" - "У тебя, - говорит, - не спрашивался! Одевайся, пойдём, - чего на него смотреть". Упреждал я: "Не делай, мол, этого, плохо выйдет". - "А ты, - говорит, - еще погрози, в карцере, видно, давно не сиживал. Скажу слово - и посидишь!" Взял ее и повел...

Передергивает поселенца при одном воспоминании.

Повел ее, а у меня голова кругом. "Стой", - думаю. Взял ружье, - ружьишко у меня было. Они-то дорогой шли, - а я тайгой, тропинкой, вперед их забежал, притаился, подождал. Вижу, идут, смеются. Она-то зубы с ним скалит... И прикончил. Сначала его, а потом уж ее, - чтоб видела!

Прикончив, поселенец жестоко надругался над трупами. Буквально искромсал их ножом. Много накопившейся злобы, тяжкой обиды сказалось в этом зверском, циничном издевательстве над трупами.

- Себя тогда не помнил, что делал. Рад только был, что ему не досталась... Да и тяжело было.

Поселенец - молодой еще человек, с добродушным лицом. Но в глазах, когда он рассказывает, светится много воли и решимости.

- Любил ты ее, что ли?

- Известно, любил. Не убивал бы, если б не любил...

- Ваше высокоблагородие! - пристаёт к зрителю, пока я разговариваю в сторонке, пожилой мужичонка. - Велите меня из кандальной выпустить! Что ж я сделал? На три дня всего отлучился. Горе взяло, - выпил, только и всего. Достал водки бутылку, да и прогулял. За что ж меня держать?

- Врешь, паря, убежишь!

- Господи, да зачем мне бежать? Что мне, в тюрьме что ли не хорошо? - распинается беглец. - Сами изволите знать, было бы плохо, - взял борцу, да и конец. Сами знаете, лучше ничего и не может быть. Борец - от каторги средство первое.

- Долго ли меня здесь держать будут? - мрачно спрашивает другой. - Долго ли, спрашиваю!

- Следствие еще идет.

- Да ведь четвертый год я здесь сижу, задыхаюсь! Долго ли моему терпению предела не будет? Ведь сознаюсь я...

- Мало ли что ты, паря, сознаешься, да следствие еще не кончено.

- Да ведь сил, сил моих, говорю, нету.

- Ваше высокоблагородие! Что ж это за баланду дали? Есть невозможно! Картошка нечищенная! На Пасху разговляться, - и то рыбу дали!..

Мы выходим.

- Выпустите вы меня, говорю, вам...

- Ваше высокоблагородие, долго ли?.. Ваше... Надзиратель запирает дверь большим всячим замком. Из-за запертой двери доносится глухой гул голосов. Корсаковская кандальная тюрьма - одна из наиболее мрачных, наиболее безотрадных на Сахалине.

Быть может, ее обитатели произвели на вас не только неприятное, - отталкивающее

впечатление?

Милостивые государи, вы стоите рядом с человеческим горем. А горе надо слушать сердцем.

Тогда вы услышите в этом "зверстве" много и человеческих мотивов, в "злобе" - много страдания, в "циничном" смехе - много отчаяния...

По грязному двору кандалной тюрьмы мы переходим в "отделение исправляющихся".

ВОЛЬНАЯ ТЮРЬМА

Люди на работах.

В тюрьме остались только староста, *каморщики*, то есть уборщики камер, парашечники, вообще *чиновники*, как их насмешливо называет каторга.

Метут, скребут, чистят, прибирают.

Везде белят.

Из ельника делают очень живописные узоры и убирают ими стены.

Ждут приезда начальства, - и, конечно, тогда тюрьма не будет иметь того вида, какой она имеет теперь, в своем обычном, повседневном, будничном уборе.

Вольная тюрьма - и Корсаковская и всякая другая на Сахалине - производит впечатление, просто-напросто, ночлежного дома.

Очень плохого, очень грязного, где собираются самые подонки городской нищеты.

Где никто не заботится ни о воздухе, ни о чистоте, ни о гигиене.

Пришел, выспался - и ушел!

- Пропади она пропадом!

Грязные, тусклые окна пропускают мало света.

Нары - посреди каждого номера - скатом на две стороны. Нары вдоль стен.

Грязь - хоть ножом отскабливай. Мылом никаким не отмоешь.

Когда моют полы, поднимают одну из половиц, и грязь просто-напросто стекает под пол.

Мы застаем как раз такую картину.

- Ах, свиньи, свиньи! - качает головою смотритель, словно в этом виноваты одни "свиньи".

Пробую палкой, - палка чуть не на пол-аршина уходит в жидкую грязь в подполице.

На этом-то болоте из грязи стоит тюрьма. Этими испарениями дышат люди.

- Очень, очень скверная тюрьма! - подтверждает смотритель. - Теперь еще ничего, только сыро. А зимой - холод. Скверно, очень, очень скверно.

Почти во всякой тюрьме, в каком-нибудь номере, вы непременно увидите скрипку. Она висит обыкновенно на передней стене, где висит все, что есть наиболее ценного у тюрьмы, - образ, лубочные картины, какие есть, лучшее платье. Около этой стены стоит обыкновенно и отдельная, сравнительно чистая постель всегда чисто одетого в свое платье старосты.

Скрипка - любимый инструмент каторги.

Помню, я рассказал кому-то из каторжных ту сцену из "Мертвого дома", где Достоевский описывает, как загулявший каторжанин нанимает скрипача и тот целый день ходит за ним и пищит на скрипке.

Мой собеседник даже словно обрадовался.

- Вот, вот, - для этого самого! Загуляет кто! Это господин, про которого вы изволите говорить, верно описал.

- Да ведь он описывал давнишнее время.
 - Все одно, - и теперь. Скрипка - первая штука, ежели гулять. Веселый инструмент.
- В одной из камер на стене висели самодельные картины одного из каторжных, Бабаева. Картины изображали скачущих верхами генералов.
- А где сам художник?
 - На гауптвахте сидит. В одиночке содержится.
 - Вот что, я возьму одну картину, - на тебе рубль, передай Бабаеву. Ему, чай, на табачишко, на сахар нужно! - дал я нарочно, чтобы испытать, передаст ли человек деньги своему еще более страждущему товарищу.
 - Смотри же, передай!
 - Помилте!

Деньги переданы не были.

МАСТЕРСКИЕ

Корсаковские мастерские - столярная, слесарная, токарная, сапожная, швальная, кузница - работают недурно.

И у господ служащих, и даже во Владивостоке у многих можно видеть очень приличную мебель работы корсаковских мастерских.

Мастерские расположены здесь же на тюремном дворе.

Многие мастеровые в них и ночуют. Как-то легче на душе становится, когда после тюремной оголтелости и голой нищеты вступишь в мастерские.

Здесь хоть чуть-чуть да пахнет в воздухе достатком, у всякого есть хоть что-нибудь и лишнее.

Люди имеют кое-какой посторонний заработишко, - по праздникам, во время, полагающееся для отдыха.

У кого есть кроватишка, у кого хоть какое-нибудь лишнее тряпье.

Да и лица не такие уж каторжные, - труд все-таки кладет на них благородный, человеческий отпечаток.

Труд подневольный, барщина, - но если вы хотите видеть, как может работать арестант, с какой охотой, как старательно он работает, если хоть чуть-чуть заинтересован в труде, - похвалите работу.

- Отличные, мол, *коты* (арестантские башмаки). Видно, хороший мастер. Тонкую работу исполнять можешь.

Доброе слово на каторге - радость.

Доброе слово, непривычное, производит на каторжного больше впечатления, чем привычная розга.

От похвалы лицо рабочего распухнет в улыбку, - он непременно достанет из укладки и похвастается работою "на сторону".

И что за тщательная, что за любовная работа! Подошва у другого, и та вся выстрочена какими-то рисунками.

Не то, чтоб ему за это заплатили дороже, а любит он "свою" работу, старается над ней, отделявает сапог какой-нибудь, словно художник-ювелир гранит редкий, ему самому нравящийся бриллиант.

И недаром люди, хорошо знающие каторгу, говорят, что, если бы ее хоть чуть-чуть

заинтересовать материально в труде, каторга меньше давала бы лентяев, игроков, рецидивистов, - меньше народу падало бы в ней окончательно.

Но довольно философии.

Перед нами опять - мрачная, каторжная картина. Молодой парень сколачивает большой, неуклюжий фоб. Другой, уже оконченный, стоит тут же на полу.

- Покойники разве есть?

- Нет. Да из лазарета присылали сказать: будут. Ну, и готовим.

Парень со злостью заколачивает гвоздь.

- Возись с чертями! Хороший, природный столяр был, у Файнера, в Киеве, мастерским служил, может, изволите знать, первый магазин, - а теперь вот гроба сколачивай! Тьфу!

- А за что пришел?

- В Киевском университете за убийство.

- С грабежом?

- С ним. Много награбили, держи карман шире!

- А надолго?

- Без срока.

Неподалеку старичок в очках, низко нагнувшись, мастерит *коты*, тщательно заколачивает гвоздики.

- Давно здесь, дедушка?

- Недавно, милостивый государь мой, - приветливо говорит он, - недавно.

- А за что?

- Старуху свою убил.

- Жену?

- Нет, так. Полюбовница была. Десять лет душа в душу выжили... И этакий грех вышел!

- Что же случилось?

- Сдурела старая. В Феодосии мы жили, я хорошим мастером слыл, жил скромно, деньжонки имел. На них-то она и зарилась. "Умрет, мол, сам, все родные отберут! Отравлю да отравлю и деньгами воспользуюсь". А тут еще путаться с молодым начала. "Отравлю!" - да и все. Замечаю я. Живем, как два волка в клетке, друг на друга зубами щелкаем. Мне ее боязно, - того и гляди, отравит; она меня опасается, - потому видит, что замечаю. Так тяжело в те поры было, так тяжело... Не выдержал... убил.

Каких, каких только драм здесь нет.

ОКОЛОТОК

Корсаковский тюремный околоток, это - тот же лазарет по назначению, та же тюрьма по характеру.

Околоток, это - место, куда кладут не особенно тяжелых больных, нуждающихся в отдыхе.

Здесь же живут и *богодулы*, богадельщики, старики и молодые, неспособные, вследствие болезни или увечья, к работе.

В околотке только одно удобство - у всякого своя постель. Воздух такой же спертый и душный, как в тюрьме.

Околотком заведует врач Сурминский, старый сахалинский служака, про которого мне с восторгом говорил смотритель.

- Вот это доктор, так доктор! Не нынешним, не молодым чета! У него слабых арестантов не бывает почти, все полносилые, все годятся в работу. Пришел к нему арестант, жалуется, - "врешь!" Не то, что нынешние!

О том, что это за доктор, вы можете составить себе понятие по следующему.

Наш матрос, с парохода "Ярославль", обварил себе в бане кипятком голову.

Ожог был страшный: лицо, голова вся напоминала какую-то сплошную, бесформенную массу.

Послали больного к доктору Сурминскому.

- Пусть везут на пароход! У них на пароходе свой врач есть!

И пришлось везти несчастного на пристань, ждать добрый час, пока вернется катер, везти больного в сильное волнение на зыбком, качающемся катере, версты за полторы от берега, на пароход...

После этого станут понятными все рассказы, которые ходят в каторге про доктора Сурминского.

В разговоре с ним меня очень удивило его нежное, почти любовное отношение к телесным наказаниям.

- Взбрызнут - и все.

Словно о резеде какой-то шла речь. И он с таким смаком говорил это "взбрызнут". Но Господь с ним! Займемся лучше тюремными типами.

Вот чисто, даже щеголевато одетый пожилой человек. Он нарочно прожигает себе небо папиросой и растревляет рану, чтобы лежать в околотке.

- Работать что ли не хочет?

- Какое там! - смеются больные. - Старостой был в номере, за воровство прогнали. Вот теперь и стыдно в номер глаза показать. То все спал на своей наре, а теперь пошел на общую. Был староста, начальство, чиновник, а теперь - такой же каторжный.

Каторга смеется.

Бедняга, видимо, сильно страдает от уязвленного самолюбия.

- Ты что, старина?

- Богодул я, вашескородие! Ни к чему не способный человек!.. Всем и себе лишний. Так вот, живу только, паек ем!

- А много лет-то?

- Лет-то не так, чтоб уж очень много, да побоев многонько. Из бродяг я, еще в Сибири ходил бродяжить. Участь хотел переменить. Споймали, так били, - сейчас отдает. Ни лечь ни встать. Нутра, должно уж, у меня нет. Тяжко здесь сидеть-то, ох, как тяжко! Ну, да теперь уж недолго осталось... Теперь недолго...

- Срок скоро кончается?

- Нет. Помру.

Рядом хрипит чахоточный.

- На ту бы сторону мне. Я б и поправился...

- А ведь ему ужасно в этом воздухе быть, доктор?

- Да... Да... Ну, да что же делать!

ЖЕНСКАЯ ТЮРЬМА

Она не велика.

Всего один номер, человек на десять. Женщины ведь отбывают на Сахалине особую каторгу: их отдают в сожительницы поселенцам.

В тюрьме сидят только состоящие под следствием.

При нашем появлении с нар встают две.

Одна - старуха-черкешенка, убийца-рецидивистка, ни звука не понимающая по-русски.

Другая - молодая женщина. Крестьянка Вятской губернии. Попала в каторгу за то, что подговорила кума убить мужа.

- Почему же?

- Неволей меня за него отдали. А кума-то я любила. Думала, вместе с каторгу пойдём. А он его в одно место, а меня в другое.

Здесь она совершила редкое на Сахалине преступление.

С оружием в руках защищала своего сожителя.

Он поссорился с поселенцем. На него кинулось девять человек, начали бить.

Тогда она бросилась в хату, схватила ружье и выстрелила в первого попавшегося из нападавших.

- Что ж ты, полюбила его, что ли, сожителя?

- Известно, полюбила. Ежели бы не полюбила, разве стала бы его собой защищать, - чай, меня могли убить... Хороший человек, думала, век с ним проживем, а теперь на-тко...

Она утирает набежавшие слезы и принимается тихо, беззвучно рыдать.

- Ничего ей не будет! - успокаивает меня смотритель. - Осудят, отдадут на дальнейшее поселение опять к какому-нибудь поселенцу в сожительницы... Женщины у нас, на Сахалине, безнаказанны.

Действительно, с одной стороны - как будто безнаказанность.

Но какое наказание можно придумать тяжелее этой отдачи другому, отдачи женщины, полюбившей сильно, горячо, готовой жертвовать своей жизнью.

Не пахнуло ли чем-то затхлым на вас? Отжитым временем? Крепостным правом, когда так спокойно отдавали, играя чужой жизнью и сердцем?

Изо всех тюрем, которые мы только что обошли с вами, эта маленькая производит самое тяжелое впечатление.

КАРЦЕРЫ

Сыро, тяжелый, зловонный, невыносимый воздух, но довольно светло.

Таково общее впечатление корсаковских одиночных карцеров при гауптвахте.

Здесь содержатся одиночные подследственные и наиболее провинившиеся каторжные.

Вот - Авдеев.

Юноша, с неприятным лицом, отталкивающим взглядом.

Необыкновенно циничный.

Он производит впечатление волчонка, затравленного и злобного.

Словно для дополнения сходства, он постоянно стоит около окошечка в двери и грызет дерево. Отгрыз уж порядочно, как будто точит зубы.

Авдееву теперь около 19 лет, а в пятнадцать он был уж признан неисправимым преступником.

Авдеев приговорен к вечной каторге.

В 14 лет он совершил тягчайшее преступление: убил отца и мать.

- За что же ты их убил?

- За что убивают? За деньги!

Его коротенькая жизнь - целый роман. Его незаконный отец - офицер. Мать - пленная турчанка.

Отец сошелся с ней во время последней войны и привез, вместе с прижитым ребенком, в Россию.

Ни отец, ни мать не любили этого несчастного малыша.

Довольно состоятельные люди, они совсем забросили ребенка. Авдеев еле умеет читать.

- Известно, если бы хорошо со мной обращались, - не зарезал бы!

О своем преступлении Авдеев говорит спокойно, хладнокровно, цинично.

- Деньги были хорошие, - тридцать тысяч. Удрал бы за границу, - и все! Да нет, пьянствовать начал! Известно, мал был, глуп еще!

В каторге Авдеев выходит из карцера, чтобы лечь на кобылу, под розги, - и встает с кобылы, чтоб сесть в карцер.

Он упорно отказывается работать. Пробовал бежать, - поймали.

За время каторги он успел получить 500 - 600 розог. И об этом говорит так же спокойно, хладнокровно и цинично.

- Да почему же ты отказываешься работать?

- А так! Не хочу - и не стану.

- Да ведь что же впереди? Задерут!

- Задрать не смеют.

- Да ведь больно?

- Больно, - терпеть нужно.

- Неужели же это лучше, чем работать?

- Известно, лучше. Отдерут, - да перестанут. А работа-то с утра до ночи, каждый день.

- Ну, а в карцере сидеть разве приятно?

- Ничего! Сидят люди!.. А только я вам прямо говорю: работать не буду! Положите, дерите хоть до смерти, - не буду!

Он производит тяжелое впечатление. На меня лично он произвел впечатление задерганной лошади.

Лошадь, которую сильно дергали и нахлестывали, которая остановилась и упрямо ни за что не сделает ни шагу вперед, как бы ее ни били.

В таких случаях мало-мальски опытные кучера дают лошади просто немного передохнуть.

И мне кажется, что хорошая доза бромистого калия оказала бы куда больше действия, чем розги, на этого болезненно-раздраженного, со взвинченными нервами, отвратительного и глубоко несчастного юношу.

Рядом с ним - бывалый каторжник Бабаев.

Армянин Эриванской губернии.

С симпатичным лицом, на котором во время разговора играет добрая, заискивающая, вкрадчивая улыбка.

Масленистые глаза, вечно как будто покрытые влагой.

Мягкий, приятный голос.

Он говорит так мягко, нежно, вкрадчиво.

Бабаев не лишен артистической жилки.

Он очень любит рисовать и постоянно рисует одно и то же: генералов с грудью колесом, которые скачут на конях тоже с грудью колесом. Этими картинками увешана вся его камера.

Самый лучший подарок для него - ящик с красками.

Тогда в его глазах светится столько счастья...

Его специальность - убивать товарищей.

Во вновь прибывшей партии он высматривает новичков с деньгами и соблазняет бежать.

Описывает ужасы каторги и легкость бегства.

Обещает достать паспорт и быть преданным товарищем.

И нет ничего удивительного, что новички верят доброму, ласковому тону его голоса, вкрадчивой улыбке, такому симпатичному лицу.

Где-нибудь, в глухой тайге, он убивает товарища, отбирает деньги и возвращается в тюрьму.

На эти деньги он живет, лакомится, покупает себе краски и рисует свои любимые картинки.

Каторга обвиняет его в шести убийствах. Официально он обвиняется в двух.

Погоня, отправленная ему вдогонку при последнем бегстве, - они бежали вдвоем, - наткнулась сначала на один труп, потом - на другой, - и по этому страшному следу добралась до Бабаева.

Вот человек, "приговоренный к жизни".

Следствие о нем тянется, по сахалинскому обычаю, несколько лет; и самая страшная для него минута, это - когда следствие кончится и его переведут из одиночного заключения в общую тюрьму.

Об этой минуте он боится и подумать.

Арестанты его убьют.

О, Боже! Что за жалкое, за презренное существование, которое он влачит и которое он предпочитает смерти.

Вечная мысль о мести со стороны арестантов развила у него манию преследования.

Он никуда не выходит из карцера, отказывается даже от прогулок.

Он боится выйти даже в сопровождении солдат.

- Бросится кто-нибудь и убьет.

И когда он говорит это, он бледнеет, судороги пробегают по лицу, а глаза полны такого страха, словно над ним уже занесен нож.

Такое выражение лица, вероятно, бывает у человека, когда он лежит уже на земле и ждет смертельного удара.

Он, вероятно, сойдет с ума от этой мысли, - и... это, быть может, будет лучше для него.

Лучше безумие, чем это сознание, вечный трепет, вечная дрожь.

УКРОЩЕННЫЙ ХАМ

- Хе-хе! Это - человек, которого лишили невинности, - сказал мне о нем один из сахалинских чиновников.

Человек, с которым случилось это странное происшествие, - Балад-Адаш, горец, осужденный за убийство.

Человек феноменальной силы, вероятно когда-то такой же отваги, решительный и гордый. Он был "нетерпим на каторге".

Он не отказывался работать, но если ему или кому-нибудь из его товарищей назначали работу не по правилам, он протестовал тем, что бросал работать.

Он был вежлив и почтителен, но, если его ругали, он поворачивался и уходил.

Если делали замечание зря, не за дело, он возражал.

Ему - слово, а он - десять.

Он был прямо помешан на справедливости. И водворял ее всюду, как мог.

- Словно не мы его, а он нас исправлять сюда приехал! - обиженно рассказывал мне о нем чиновник.

К тому же он не давал пороть себя за свои дерзости.

- Его на кобылу класть, а он драться. "Не позволяем меня розгам трогать! Себе, другим, каким попало, резать будем! Не трогай лучше!" - кричит. Что с ним поделаешь?!

- Связать бы да выдрать хорошенько! - перебил кто-то, присутствовавший при разговоре.

- Покорнейше благодарю. Сегодня его свяжешь и выдерешь, а завтра он тебе нож в бок. С этими кавказцами шутки плохи.

В это время на Корсаковский округ налетел, - именно не приехал, а налетел, - новый смотритель поселений.

Человек вида энергичного, силы колоссальной, нрава крутого, образа мыслей решительного: "Какие там суды? В морду, - да и все".

К нему-то и отправили для укрощения Балад-Адаша.

Отправили с ответственным предупреждением, что это за экземпляр.

Весь округ ждал.

- Что выйдет?

Но пусть об этом рассказывает сам энергичный смотритель.

- Выхожу из канцелярии. Смотрю, стоит среди арестантов тип этакий. Поза свободная, взгляд смелый, дерзкий. Глядит! Шапки не ломает. И все, сколько здесь было народу, уставились: "Что, мол, будет? Кто кого?" Самолюбие заговорило. Подхожу. "Ты что, мол, такой-сякой, шапки не снимаешь? А? Шапку долой!" Да как развернусь, - с ног!

Балад-Адаш моментально вскочил с земли, "осатанел", кинулся на смотрителя: "Ты драться?"

- Я развернулся - два. С ног долой, кровь, без чувств унесли.

Поединок был кончен. Балад-Адаш укрощен.

- Думали потом, что он его зарежет. Нет, ничего, обошелся, - рассказывали мне другие чиновники.

- Плакал Баладка в те поры шибко. Сколько ден ни с кем не говорил. Молчал, - рассказывали мне арестанты.

Я видел Балад-Адаша. Познакомился с ним.

Балад-Адаш действительно исправился.

Его можно ругать, бить. Он дается сечь, сколько угодно, и ему частенько приходится испытывать это удовольствие: пьяница, вор, лгун, мошенник, доносчик; нет гадости, гнусности, на которую бы не был способен этот "потерявший невинность" человек.

Лентяй, - только и старается, как бы свалить свою работу на других.

Он пользуется презрением всей каторги и принадлежит к "хамам" - людям, совсем уж без всякой совести, самому презренному классу даже среди этих подонков человечества.

Я спрашивал его, между прочим, и об укращении.

Балад-Адаш чуть-чуть было нахмурился, но сейчас же улыбнулся во весь рот, словно вспоминая о чем-то очень курьезном, и сказал, махнув рукой:

- Сильно мене мордам бил! Шибко бил!

Таков Балад-Адаш и его исправление.

ДВА ОДЕССИТА

Одесса дала Корсаковской тюрьме двух представителей.

Верблинского и Шапошникова.

Трудно представить две большие противоположности.

Если собрать все, что в каторге есть худшего, подлого, низкого, дать этому отстояться, взять подонки, потом выжать их, - вот эта-то квинтэссенция каторги и будет Верблинский.

С ним я познакомился на гауптвахте, где Верблинский содержится по подозрению в убийстве, с целью грабежа, двух японцев.

Верблинский клянется и божится, что он не убивал. Он был свидетелем убийства, при нем убивали, он получил свою часть за молчание, но он не убивал.

И ему можно поверить.

Нет той гнусности, на которую не был бы способен Верблинский. Он может зарезать сонного, убить связанного, задушить ребенка, больную женщину, беспомощного старика. Но напасть на двоих с целью грабежа - на это Верблинский не способен.

- Помилуйте! - горячо протестует он. - Зачем я стану убивать? Когда я природный жулик, природный карманник! Вы всю Россию наскрозь пройдите, спросите: может ли карманник человека убить? Да вам всякий в глаза расхохочется! Стану я японцев убивать!

- Имеешь, значит, свою специальность?

- Так точно. Специальность. Вы в Одессе изволили бывать? Адвоката, - Верблинский называет фамилию когда-то довольно известного на юге адвоката, - знаете? Вы у него извольте спросить. Он меня в 82-м году защищал, - в Елисаветграде у генеральши К. 18 тысяч денег, две енотовые шубы, жемчуг взял. 800 рублей за защиту заплатил. Вы у него спросите, что Верблинский за человек, - он вам скажет! Да я у кого угодно, что угодно, когда угодно возьму. Дозвольте, я у вас сейчас из кармана что угодно выйму, - и не заметите. В Киеве на 900-летие крещения Руси, у князя К., - может, изволили слышать, - крупная кража была. Тоже моих рук дело! В тоне Верблинского слышится гордость.

- И вдруг я стану каких-то там японцев убивать! Руки марать, - отродясь не марал. Да я захотел бы что взять, я и без убийства бы взял. Кого угодно проведу и выведу. Так бы подвел, сами бы отдали. Ведь вот здесь в одиночке меня держат, - а захотел я им доказать, что Верблинский может, и доказал!

Верблинский объявил, что знает, у кого заложена взятая у японцев пушнина - собольи шкурки, - но для того, чтобы ее выкупить, нужно 52 рубля и "верного человека", с которым бы можно было послать деньги к закладчику.

Смотритель поселений господин Глинка, производивший следствие по этому делу, поверил Верблинскому и согласился дать 52 рубля.

- Сами и в конверт заклейте! Глинка сам и в конверт заклеил.

Верблинский сделал на конверте какие-то условные арестантские знаки.

- Теперь позвольте мне верного человека, которого бы можно послать, потому по начальству я объявлять не могу.

Ему дали какого-то буряты. Верблинский поговорил с ним наедине, дал ему адрес, сказал, как нужно постучаться в дверь, что сказать.

- Смотри, конверт не потеряй!

И Верблинский сам засунул буряту конверт за пазуху.

- Выходим мы с гауптвахты, - рассказывал мне об этом Глинка, - взяло меня сомнение. "Дай, - думаю, - распечатаю конверт". "Нет, - думаю, - распечатаю, тот узнает, пушнины не даст". Или распечатать, или нет? В конце концов не выдержал, - распечатал.

В конверте оказалась бумага. Верблинский успел *передернуть, сделал вольт* и подменил конверт.

Бросились сейчас же его обыскивать: 42 рубля нашли, а десять так и пропали, как в воду канули.

- За труды себе оставил! - нагло улыбается Верблинский. - За науку! Этакое маху дали! А? Я и штуку-то нарочно подстроил. Мне не деньги нужны были, а доказать хотелось, что я, в клетке, взаперти, в одиночке сидючи, их проведу и выведу. И вдруг я этакую глупость сделаю, - людей резать начну!

- Да ты видел, как резали?

- Так точно. Видел. Я сторожем поблизости был. Меня позвали, чтоб участвовал. Потому иначе донести бы мог. При мне их и кончали.

- Сонных?

- Одного, чей труп нашли, - сонного. А другой, которого не нашли, он в тайге зарыт, - тот проснулся. Метался очень. Его уж в сознании зарезали.

- Отчего ж ты не открыл убийц? Ведь самому отвечать придется?

- Помилуйте! Разве вы каторжных порядков не знаете! Нешто я могу открыть? Убьют меня за это.

Верблинский - одессит. В Одессе он имел галантерейную лавку.

- Для отвода глаз, разумеется! - поясняет он. - Я, как докладываю, по карманной части. Или так, - из домов, случалось, хорошие деньги брать.

Он не говорит "красть". Он *брал* деньги.

- И много раз судился?

- Раз двадцать.

- Все под своей фамилией?

- Под разными. У меня имен-то что было! Здесь даже, когда взяли, два паспорта подложных нашли, - на всякий случай, думал, - уйду.

Это - человек, прошедший огонь, воду и медные трубы. Все тюрьмы и остроги России он знает, как какой-нибудь турист первоклассные отели Европы. И говорит о них, как об отелях.

- Там сыровато... Там будет посуше. В харьковском центре пища неважная, очень стол плох. В московском кормят лучше - и жить удобнее. Там водка - дорога, там - подешевле.

На Сахалин Верблинский попал за гнусное преступление: он добился силой того, чего обыкновенно добиваются любовью.

Его судили в Киеве.

- Не то, чтоб она уж очень мне нравилась, - а так, недурна была!

В его наружности, - типичной наружности бывалого прожженного жулика, в его глазах, хитрых, злых, воровских и бесстыдных, - светится душонка низкая, подлая, гнусная.

Шапошников - тоже одессит.

В 1887 или 88-м году судился в Одессе за участие в шайке грабителей под предводительством знаменитого Чумака. Где-то в окрестностях, около Выгоды, они зарезали купца.

Попав в каторгу, Шапошников вдруг преобразился.

Вид ли чужих страданий и горя так подействовал, - но только Шапошников буквально отсекся от себя и из отчаянного головореза превратился в самоотверженного, бескорыстного защитника всех страждущих и угнетенных, сделался "адвокатом за каторгу"...

Как и большинство каторжных, попав на Сахалин, он прямо-таки помешался на справедливости.

Не терпел, не мог видеть равнодушно малейшего проявления несправедливости. Обличал смело, решительно, ни перед кем и ни перед чем не останавливаясь и не трусая.

Его драли, а он, даже лежа на кобыле, кричал:

- А все-таки вы с таким-то поступили нехорошо! Нас наказывать сюда прислали, а не мучить. Нас из-за справедливости и сослали. А вы же несправедливости делаете.

- Тысяч пять или шесть розог в свою жизнь получил. Вот такой характерец был! - рассказывал мне смотритель.

Как вдруг Шапошников сошел с ума.

Начал нести какую-то околесицу, чушь, делать несуразные поступки. Его отправили в лазарет, подержали и, как "тихого помешанного", выпустили.

С тех пор Шапошников считается *дурачком*, - не наказывают и на все его проделки смотрят, как на выходки безумного.

Но Шапошников далеко не дурачок.

Он просто переменял тактику.

- На кобылу устал ложиться! - как объясняет он. Понял, что плетью обуха не перешибешь, - и продолжает прежнее дело, но в иной форме.

Он тот же искренний, самоотверженный и преданный друг каторги.

Как *дурачок*, он освобожден от работ и обязан только убирать камеру.

Но Шапошников все-таки ходил на работы, и притом на наиболее тяжкие.

Увидав, что кто-нибудь измучился, устал, не может справиться со слишком большим "уроком", Шапошников молча подходит, берет топор и принимается за работу.

Но беда, если каторжник, по большей части новичок, скажет по незнанию:

- Спасибо!

Шапошников моментально бросит топор, плюнет и убежит.

Бог его знает, чем питается Шапошников.

У него вечно кто-нибудь "на хлебах из милости".

Он вечно носит хлеб какому-нибудь проигравшему свой паек, с голоду умирающему *жигану*.

И тоже не дай Бог, если тот его поблагодарит.

Шапошников бросит хлеб на пол, плюнет своему обидчику в лицо и уйдет.

Он требует, чтобы его жертвы принимались так же молча, как он делает.

Придет, молча положит хлеб и молча стоит, пока тот не съест.

Словно ему доставляет величайшее удовольствие смотреть, как другой ест.

Если, - что бывает страшно редко, - Шапошникову удастся как-нибудь раздобыть деньжонок, он непременно выкупает какого-нибудь несчастного, совсем опутанного тюремными ростовщиками-татарами.

Свое заступничество за каторгу, свою обличительную деятельность Шапошников продолжает по-прежнему, но уже прикрывает ее шутовской формой, маской дурачества.

Он обличает уже не начальство, а каторгу.

- Ну, что ж вы? - кричит он, когда каторга, на вопрос начальства: "Не имеет ли кто претензий?" - сурово и угрюмо молчит. - Что ж примолкли, черти! Орали, орали, будто *баланда* (похлебка) плоха, *чалдон* (смотритель), мол, мясо дрянное кладет, такой, дескать, *баландой* только ноги мыть, а не людей кормить, - а теперь притихли! Вы уж извините их! - обращается он к начальству. - Орали без вас здорово. А теперь, видно, *баландой* ноги помыли, попростудились и поохрипли! Вы уж с них не взыщите, что молчат. Или такая сцена.

- Не имеет ли кто претензий? - спрашивает зашедший в тюрьму смотритель.

- Я имею! - выступает вперед Шапошников.

- Что такое?

- Накажите вы, ваше высокоблагородие, этих негодяев! - указывает Шапошников на каторгу. - Явите такую начальническую милость. Прикажите их перепороть. Житья от них нет! Ни днем ни ночью покоя. Орут, галдят! А чего галдят? Хлеб, вишь, сыр. Врут, подлецы! Первый сорт хлеб! - Шапошников вынимает кусок действительно сырого хлеба, выданного в тот день арестантам, и тычет в него пальцем, - мягкий хлеб! Отличный! Я из этого хлеба каких фигур налепил! Чудо! А они, вишь, есть его не могут. Свињи!

Особенно не любит этого дурака доктор Сурминский, в свою очередь, не любимый каторгой за его черствость, сухость, недружелюбное отношение к арестантам.

- Ваше высокоблагородие, - обращается к нему Шапошников в тех редких случаях, когда Сурминский обходит камеры, - и охота вам ножки свои утруждать, к этим идолам ходить! Стоят ли они этого? Они вас доктором Водичкой зовут, врут про вас, будто вы только водой их и лечите, а вы об них, негодях, заботитесь, к ним ходите. Плюньте вы на них, на бестий.

- Пшел прочь! - шипит доктор.

Выходит ли что-нибудь из этих протестов? Но каторга довольна хоть тем, что ее обиды не остаются без протеста.

И стонать при боли - облегчение.

Я много говорит с Шапошниковым.

Это - нестарый еще человек, которого преждевременно состарили горе и страданья, свои и чужие.

Среди чудаческих выходок он много сказал и горького и дельного.

- Меня здесь полоумным считают! - улыбнулся он. - Ополоумеешь! Утром встану, ищущу

голову, - где голова. Нет головы! А голова в грязи валяется! Ха-ха-ха!.. Голову иной раз теряешь, это верно. Да и трудно не потерять. Кругом что? Грязь, горе, страдания, нищета, разврат, отчаяние. Тут потеряешься. Трудно человеку против течения плыть. Шибко трудно! Тонет человек, - а как тонет, тут его всякий по башке и норовит стукнуть. Тонущего-то ведь можно. Он не ударит, у него руки другим заняты, он барахтается. Ха-ха-ха! По башке его, по маковке! А утонет человек совсем - говорят: "Мерзавец!" Не мерзавец, а утонувший совсем человек. Вы в городе Париже изволили бывать?

- Был.

- Ну, вот я в книжках читал, - не помню чьего сочинения, - дом там есть, Моргой прозывается, где утопленников из реки кладут. Вот наша казарма и есть Морга. Иду я, - гляжу, а направо, налево, на нарах опухшие трупы утонувших лежат. Воняет от них! Разложились, ничего похожего на человека не осталось, - и не разберешь, какая у него раньше морда была! А видать, что человек был! Они говорят: "Мерзавцы", - не мерзавцы, а утопленники. Видит только это не всякий, а тот, кто по ночам не спит. Днем-то свои, а по ночам чужие думы думает. Чужие болячки у него болят. А вы знаете, барин, кто по ночам не спит?

- Ну?

- Я да мышка, а потому всему разговору крышка! И Шапошников запел петухом и запрыгал на одной ножке.

Такие странные, бесконечно симпатичные типы создает каторга наряду с Верблинским. К сожалению, редки только эти типы, очень редки. Так же редки, как хорошие люди на свете.

СУПРУЖЕСКАЯ ЧЕТА УБИЙЦ

- Душка, а не выпила ли бы ты чайку? Я бы принес.

- Да присядь ты, милый, хоть на минутку. Устал!

- И, что ты, душка? Серьезно, я бы принес. Такие разговоры слышатся за стеной целый день. Мои квартирные хозяева, ссыльнокаторжные Пищиковы, - преинтересная парочка.

Он - Отелло. В некотором роде даже литературная знаменитость. Герой рассказа Г.И.Успенского - "Один на один". Преступник-палач, о котором говорила вся Россия.

Его дело - отголосок последней войны. Его жертва была, как многие в то время, влюблена в пленного турка. Он, ее давнишний друг, добровольно принял на себя из дружбы роль посыльного у любовников, *postilion d'amour*. Носил записки, помогал сближению. Мало-помалу они на этой почве сблизились, больше узнали друг друга... Он полюбил ту, которой помогал пользоваться любовью другого. Она полюбила его. Турок был забыт, - уехал к себе на родину. Они повенчались, лет шесть прожили мирно и счастливо. Он был уже отцом четверых детей. Она готовилась вскоре подарить его пятым.

Как вдруг в нем проснулась ревность к прошлому.

Этот турок, мимолетный гость ее сердца, забытый, исчезнувший с горизонта, - призраком встал между ними.

Мысль о том, что она делила свои ласки с другим, терзала, мучила, жгла его душу.

Ужасные, мучительные подозрения вставали в расстроеном воображении.

Подозрения, что она любит *того*. Что, лаская его, она думает о другом.

Что дети, - его дети, - рождены с мыслью о другом.

Эта страшная, эта патологическая душевная драма закончилась страшной же казнью "виновной".

Пищиков привязал свою жену к кровати и засек ее нагайкой до смерти. Мучился сам и наслаждался ее мучениями. Истязание длилось несколько часов... А она... Она целовала в это время его руки.

Любила ли она его так, что даже муки готова была принять от него с благодарностью? Или прощения себе молила в эти страшные минуты, - прощенья за те душевные пытки, невольной виновницей которых была она...

Таков он - Пищиков. Он осужден в вечную каторгу, но, за скидкой по манифестам, осталось теперь 4 года.

Она, - теперешняя жена Пищикова, - тоже "вдова по собственной вине".

Ее процесс, хоть и не столь громкий, обошел в свое время все газеты.

Она - бывшая актриса, убила своего мужа, полковника, вместе с другом дома и спрятала в укромном месте. Труп был найден, преступление раскрыто, ей пришлось идти в каторгу на долгий срок.

Шаронихе, как ее звали в каторге, пришлось вытерпеть немалую борьбу прежде, чем удалось отстоять свою независимость, спастись от общей участи всех ссыльнокаторжных женщин.

Первым долгом, на Сахалине ее, бойкую, неглупую, довольно интеллигентную женщину, облюбовал один из сахалинских чиновников и взял к себе в кухарки, - со всеми правами и преимуществами, на Сахалине в таких случаях кухаркам предоставляемыми.

Но Шарониха сразу запротестовала.

- Или кухаркой, или сударкой, - а "смешивать два эти ремесла есть тьма охотниц, - я не из их числа".

И протестовала так громко, энергично, настойчиво, что ее пришлось оставить в покое.

Тут она познакомилась с Пищиковым; они полюбили друг друга, - и пара убийц повенчалась.

Пара убийц... Как странно звучит это название, когда приходится говорить об этой милой, бесконечно симпатичной, душа в душу живущей, славной парочке.

Их прошлое кажется клеветой на них.

- Не может этого быть! Не может быть, чтобы этот нежный супруг, который двух слов не может сказать жене, чтоб не прибавить третьего - ласкового, чтоб он мог быть палачом. Не может быть, чтоб эти вечно работающие, честные, трудовые руки были обгарены убийством мужа!

Крепко схватившись друг за друга, они выплыли в этом океане грязи, который зовется каторгой, выплыли и спасли друг друга.

Не отсюда ли эта взаимная, трогательная нежность?

Он служил смотрителем маяка и в канцелярии начальника округа, - он, правая рука начальника, знает и отлично, добросовестно, старательно ведет все дела.

Он, как я уже говорил, добрый, славный муж, удивительно кроткий, находящийся даже немножко под башмаком у своей энергичной жены.

Ничто не напоминает в нем прежнего Отелло, Отелло-палача.

Только раз в нем проснулась старая болезнь - ревность.

Его жена до сих пор вспоминает об этом с ужасом. Он достал бритву, наточил, заперся и... сбрил свою огромную окладистую бороду и усы. "Страшно было взглянуть на него!"

- И не подходи ко мне после этого! - объявила госпожа Пищикова.

Он долго просил прощения и ходил с виноватым видом. Больше он уже не ревновал.

Она... Нет минуты, когда бы она не была чем-нибудь занята. То солит сельди, то делает на продажу искусственные цветы, работает в своем отличном, прямо образцовом огороде, шьет платья корсаковской интеллигенции.

И берет... 1 рубль за фасон.

- Что так дешево? - изумился я. - Да ведь это даром! Вы бы хоть два!

Она даже замахала в испуге руками.

- Что вы?! Что вы? Ведь ему осталось еще четыре года каторги. Четыре года над ним все могут сделать! На меня рассердятся, а на нем выместят. Нет! Нет! Что вы?! Что вы?!

Надо видеть, как говорит о своем муже эта женщина, слышать, как дрожит ее голос, когда она вспоминает, что ему осталось еще четыре года каторги... Сколько любви, тревоги, боязни за любимого человека слышится в ее голосе.

Я познакомился с ней еще на пароходе. Она возвращалась из Владивостока, где ей делали трудную операцию, опасную для жизни.

Едва корсаковский катер пристал к пароходу, на трап первым взбежал мужчина с огромной бородой - ее муж.

Они буквально замерли в объятиях друг друга. Несколько минут стояли так.

- Милый!

- Дорогая! - слышалось сквозь тихие всхлипывания. У обоих ручьем текли слезы.

Вспоминают ли они о прошлом? И он и она от времени до времени запивают. Может быть, это дань, которую они платят совести? Совесть ведь берет и водкой...

ОТЧАЯВШИЙСЯ ТИХОНЯ ГРЕБЕНЮК

Бродя по Корсаковской слободке, вы непременно обратите внимание на этот маленький домик, удивительно чистенький, аккуратно сделанный, щеголеватый: имеется даже терраса.

Во дворе этого дома вы вечно увидите кого-нибудь за работой.

Или пожилая женщина задает корм чушкам, или высокий, сгорбленный, болезненного вида мужик что-нибудь рубит, строгает, пилит.

Пол, как стол, - чистоты невероятной. От двери к лавке положена дорожка.

На окнах - пышно разрослась герань.

Стены, потолок - все это тщательно выскоблено, вычищено, выстрогано.

Каждое выстроганное бревнышко по карнизу обведено бордюриком.

В этом маленьком домике я провел несколько хороших часов. Здесь я отдыхал душой от сахалинского смрада, от сахалинского бездомовья, повального разорения, каторжной оголтелости. Здесь дышалось легко. От всего веяло трудом, любовью, к труду, маленьким, скромным достатком.

Когда вы не знаете, куда в этом вылощенном домике деть окурок, - Гребенюк идет к резному ящику и, бережно, словно драгоценность какую-то, не без гордости несет оттуда фаянсовую пепельницу.

- У нас и это есть. Сам-то я не занимаюсь, - ну, а придет кто, все-таки надоть!

К своему дому, к своему хозяйству Гребенюк относится чрезвычайно любовно.

- Ведь я здесь каждое бревнышко по имени-отчеству знаю! - с доброй улыбкой, с какой-то прямо нежностью, оглядывается он кругом. - Каждое сам в тайге выискал, вырубил, своими руками сюда притащил. Сам каждое прилаживал, - по праздникам, а то в обеденное время бегал сюда, работал.

И вы видите, что ему, действительно, знакомо и дорого каждое бревнышко. С каждым соединено воспоминание о том, как он, Гребенюк, "человеком делался".

Гребенюк - мастер на все руки и работает он от зари до зари не покладая рук.

Он и цирюльник, и плотник, и столяр, - всему этому выучился в каторге, - имеет огород, разводит чушек.

- Курей тоже много есть. Баба за ними ходит. Овец две пары.

Гребенюк еще каторжный. За хорошее поведение ему разрешено жить вне тюрьмы, на вольной квартире. На тюрьму он "исполняет урок": столярничает несколько часов в сутки, а остальное время работает на себя.

- Скоро и каторге конец; на двадцать я был осужден: с манифестами да с сокращениями - через четыре месяца и совсем конец. Выйду в поселенцы, тогда уж только на свой дом стану работать.

Не в пример прочим, Гребенюку "выдана сожительница", несмотря на то, что он еще каторжный и на такую роскошь не имеет права.

Пожилая женщина пришла "за мужа", то есть за убийство мужа; она гораздо старше Гребенюка, некрасивая.

- Ну, да я ее уважаю, и она меня уважает. Хорошо живем, нечего Бога гневить!

Это, действительно, сожительство, скорее основанное на взаимном уважении, чем на чем-нибудь другом. Гребенюк ее взял за старательность, за хозяйственность. Она в работе не уступает самому Гребенюку.

Гребенюк попал в каторгу "со службы".

- По подозрению осужден? - задал я ему обычный сахалинский вопрос.

Гребенюк помолчал, задумался.

- Нет, уж если вы, барин, так до всего доходите, так вам правду нужно говорить. За убийство я пришел. Барина мы убили... С денщиком мы его порешили.

- С целью грабежа?

- Нет. Из-за лютости. Лют был покойник, - ах, как лют. Бил так, - у меня и до сих пор его побои болят. Нутро все отшиб, - так бил. За кучера я у него был, лошади у него хорошие были. В ногах я у него сколько раз валялся, сапоги целовал: "Отпустите вы меня, барин, ежели я такой дурной и никак на вас угодить не могу".

"Разве я, - говорит, - тебя держу, тебя лошади держат".

От природы у меня эта склонность была, - за лошадьми ходить. Лошади у меня завсегда в порядке были... Да шибко вот бил, покойник! И теперь вспомнить, - мутит. Тяжко!

Было это в 85-м году, 29 сентября, в городе Меджинбоже, Подольской губернии - может, изволите знать? Барин был с денщиком в Киеве, а я при лошадях оставался. Приезжает барин домой и сейчас в конюшню. За-место того чтобы, как следует, сказать: "Здравствуй, мол, дьявол!" или что, - прямо на меня.

"Это что, - говорит, - ты мне, подлец этакий, над лошадьми сделал? А? Совсем худые стоят

лошади! Что над ними, подлая твоя душа, сделал?"

А у лошадей без его мыт был.

Я ему докладую: "Помилуйте, барин, лошади мытились, оттого и с тела спали. Я вам об этом, сами изволите знать, телеграмму бил!"

"Врешь, - кричит, - подлец! Овес крал!" Да меня наотмашь.

А у меня в те поры ухо шибко болело. Я это ладонью ухо-то закрываю, а он, нет, чтобы по другому бить, - а руку мою отдирает, и все по больному-то, по больному. Свету не взвидел. Вижу, нет моей моченьки жить. Я и говорю денщику: "Беспременно нам его убить надо. Потому, либо нам, либо ему, а кому-нибудь да не жить".

А он мне: "Я и сам об этом тебе сказать хотел".

Так и сговорились. В тот же вечер и кончили.

Гребенюк помолчал, собрался с воспоминаниями:

- Было так часов в одиннадцать. Я на кухне сидел, ждал. А денщик к нему пошел посмотреть, "спит ли, нет ли?" Приходит, говорит: "Можно, спит!"

Выпили мы тут бутылку наливки для куражу, - денщик с вечера припас, - разулись, чтоб не слышать было, и пошли... В спальне у него завсегда ночник так вот горел, а так он лежал. Не видать. Руки у него на грудях. Спит. "Валяй, мол". Кинулись мы к нему. Денщик-то Царенко его сгрудил, а я петлю на шею захлестнул да и удавил.

- Сразу?

- В один, то есть момент. И помучить его не удалось, - в голосе Гребенюка послышалась злобная дрожь, - и помучить не удалось, потому за стенкой тоже барин спал, услышать мог, проснуться.

- Что же он-то, проснулся?

- Так точно, в этот самый момент проснулся, как его сгрудили. Только голоса подать не успел. Руку это у Царенки вырвал, да к стенке, - на стенке у него револьвер, шашка, кинжалы висели, ружье. Да Царенко его за руку поймал, руку отвел. А я уж успел петлю сдавить. Посмотрел только он на меня... Так мы его и кончили.

Гребенюк перевел дух.

- Кончили. "Теперь, мол, концы прятать надоть". Одели мы его, мертвого, как следует, пальто, сапоги с калошами, шапку, - да на речку под мостом и бросили. "Дорогой, дескать, кто прикончил". Вернулись домой.

"Теперича, - говорит Царенко, - давай деньги искать. Деньги у него должны быть. Что им так-то? А нам годятся".

Я: "Что ты, что ты? Нешто затем делали?"

"Ну, - говорит, - ты как хошь, а я возьму".

Взял он денег там, сколько мог, за печкой спрятал чемодан с вещами, рубахи там были новые, тонкого полотна - к бабе к одной и поволок. Баба у него была знакомая. Через это мы и засыпались...

У бабы-то у этой в ту пору еще другой знакомый был, тоже у другого барина служил. Он и видел, как Царенко вещи приносил. Как потом, на другой день, нашли нашего покойника, ему и вдомек, - то-то, мол, Царенко вещи приносил. Пошел об этом слух. Дошло до начальства, Царенку и взяли.

Он ото всего отперся: "Знать, мол, ничего не знаю, задушил Гребенюк где-то под мостом, а

пришел, не велел никому сказывать и чемодан сказал отнести, спрятать. Я с испугу и послушался".

Взяли тут и меня. Я долго не в сознании был: "Знать, мол, ничего не знаю". А потом взял да все и рассказал.

- Совесть, что ли, мучила?

- Нет, зачем совесть? Зло больно взяло. Сидим мы с Царенкой на гауптвахте по темным карцерам. Часовой тут, - хоть и запрещено, а разговаривает. Свой же брат, жалеет. Слышу я, Царенко ему говорит: "Вот, - говорит, - должен через подлеца теперь сидеть, безвинный".

Так меня от этого слова за сердце взяло, - я и вскричал: "Ведите, - говорю, - меня к следователю, всю правду открыть желаю". Повели меня к следователю, - я все как есть и объявил, как было: как душили, как уговор был, где Царенко деньги сховал. Ему присудили на вечную, а мне дали 20 лет. Так вот и живу.

- Тяжело, поди?

- Трещусь, пока в силах. Вы обо мне у кого угодно спросите, вам всякий скажет. Десять лет, одиннадцатый здесь живу, - обо мне слова никто не скажет. Не только в карцере или под розгами - пальцем меня ни один надзиратель не тронул. При каких смотрителях работал! Ярцев тут был, царство ему небесное. Лютый человек был. Недраного арестанта видеть не мог. А и тот меня не только что пальцем не тронул, - слова мне грубого никогда не сказал. Трудился, работал, делал, что велят, из кожи вон лез. Бывало, другие, после обеда спать, - а я топор за пояс, - да сюда: постукиваю, домишко лажу... Ничего, хорошо прожил. Здоровье вот, точно, худо стало, надорвался.

Гребенюк и вид имеет надорванный, - с виду он худой, куда старше своих лет.

- Ну, а насчет прошлого как?.. Жалко тебе бывает его, того, что убили? Не раскаиваешься?

- Жалко?.. Вот вам, барин, что скажу. Как хотите, так уж и судите: хороший я человек или негодный. А только я вам по совести должен сказать, как перед Истинным. Вот встань он из могилы, сюда приди, - я бы его опять задушил. Десять раз бы ожил, - десять бы раз задушил! Каторга! Вам тут будут говорить, что трудно да тяжело, - не верьте им, барин. Врут все, подлецы! Они настоящей-то каторги не видели. Здесь я 10 лет прожил, - что! Там вот три года, - вот это была каторга, так каторга! Здесь я только и свет увидел!

- Постой, постой! Да ведь и здесь тяжкие наказания были!

- Да ведь за дело. Оно, конечно, иной раз и безо всякого дела, понапрасну. Да ведь это когда случится? В месяц раз... А там день-дневской роздыху не знал. Ночи не спал, плакал, глаза вот как опухли. Вы не верьте, барин, им: они горя настоящего не видели. Потому так и говорят.

И в словах и в лице Гребенюка, когда он говорил о своей жертве, столько злобы, столько ненависти к этому мертвецу, - словно не 12 лет с тех прошло, а все это происходило вчера. Тяжела вина Гребенюка, слов нет, тяжело совершенное им преступление, возмутительно его сожаление о том, что "не удалось помучить", - но ведь и довести же нужно было этого тихого, смиренного человека до такого озлобления.

Я спросил как-то у Гребенюка о Царенке: где тот?

- В Александровске. Говорят, шибко худо живет. Пьет. Убить все меня собирался, зачем выдал. Пусть его!

БЕСПОЩАДНЫЙ И НЕЖНЫЙ ПАКЛИН

Убийца и поэт. Беспощадный грабитель и нежный отец. Преступник и человек, глубоко презирающий преступление. Из таких противоречий создан Паклин.

Он только что был у меня, и я спешу набросать эти строки, чтоб из них не исчез тот "запах преступления", которым веет от Паклина.

Час тому назад я получил записку:

"Достопочтеннейший господин писатель! Простите мою смелость, что я посылаю Вам свои писанья. Может быть, найдется хоть одно слово, для вас полезное. А ежели нет, - прикажите Вашему слуге выкинуть все это в печку. Я жилец здесь не новый, знаю все вдоль и поперек и рад буду служить Вам, в чем могу. Чего не сумею написать пером, то на словах срублю, как топором. Еще раз прошу простить мою смелость, но я душою запорожец, трусом не бывал и слышал пословицу, что смелость города берет. Еще душевно прошу Вас, не подумайте, что это делается с целью, чтобы получить на кусок сахара. Нет, я бы был в триста раз больше награжден, если бы оказалось хоть одно словцо для вас полезным. Быть может, когда-нибудь дорогие сердцу очи родных взглянули бы на мои строки, - хоть и не знали бы они, что строки эти писаны мной. *Тимофей Паклин*".

В кухне дожидался ответа невысокий, плотный, коренастый, рыжий человек.

Он казался смущенным и был красен, - только серые, холодные глаза смотрели спокойно, смело, отливали сталью.

- Это вы принесли записку от Паклина?

- Точно так, я! - с сильным заиканьем отвечал он.

- Почему же Паклин сам не зашел?

- Не знал, захотите ли вы принять каторжного.

- Скажите ему, чтоб зашел сам. Он помолчал:

- Я и есть Паклин.

- Зачем же вы мне тогда сразу не сказали, что вы Паклин? - спросил я его потом.

- Боялся получить оскорбление. Не знал, захотите ли вы еще и говорить с убийцей.

"Паклин" - это его не настоящая фамилия. Это его "nom de la guerre" фамилия, под которой он совершал преступления, судился в Ростове за убийство архимандрита.

Зверское убийство, наделавшее в свое время много шума.

Передо мной стояла, в некотором роде, знаменитость.

Тот, кто называет себя Паклиным, - родом казак и очень гордится этим.

По натуре, это - один из тех, которых называют врожденными убийцами.

Он с детства любил опасность, борьбу.

- Не было выше для меня удовольствия, как вскочить на молодого, необъезженного коня и лететь на нем; вот-вот сломаю голову и себе и ему. И себя и его измучаю, - а на душе так хорошо.

Самоучкой выучившись читать, Паклин читал только те книги, где описывается опасность, борьба, смерть.

- Больше же всего любил я читать про разбойников. Свою преступную карьеру Паклин начал двумя убийствами.

Убил товарища "из-за любви". Они были влюблены в одну и ту же девушку.

Свое участие в убийстве ему удалось скрыть, - но по станице пошел слух, и однажды, в

ссоре, кто-то из парней сказал ему:

- Да ты что? Я ведь тебе не такой-то! Меня, брат, не убьешь из-за угла, подлец!

- Я не стерпел обиды, - говорит Паклин, - ночью заседлал коня, взял оружие. Убил обидчика и уехал из станицы, чтоб срам не делать родным.

Он пустился бродяжить и тут-то приобрел себе фамилию Паклин.

Его взяла к себе, вместо без вести пропавшего сына, - одна старушка.

Он увез ее в другой город и там поселился с ней.

- Я ее уважал, все равно как родную мать. Заботился об ней, денег всегда давал, чтобы нужды ни в чем не терпела...

- Где ж она теперь?

- Не знаю. Пока в силах был, - заботился. А теперь - мое дело сторона. Пусть живет, как знает. Жива, - слава Богу, умерла, - пора уж. Деньжонки, которые были взяты из дома при бегстве, иссякли. Тут-то мне все больше и больше и начало представляться: займусь-ка грабежом. В книжках читал я, как хорошо да богато живут разбойники. Думаю, чего бы и мне? Досада меня брала: живут люди в свое удовольствие, а я как собака какая...

В это время от Паклина веяло каким-то шиллеровским разбойником, своеобразным Карлом Моором.

- Я у бедных никогда ни копейки не брал. Сам, случалось, даже помогал бедным. Бедняков я не обижал. А у тех, кто сами других обижают, брал, - и по многу, случалось, брал.

Паклин, впрочем, и не думает себя оправдывать. Он даже иначе и не называет себя в разговоре, как "негодяем". Но говорит обо всем этом так спокойно и просто, как будто речь идет о ком-нибудь другом.

Как у большинства настоящих, врожденных преступников, - женщина в жизни Паклина не играла особой роли.

Он любил ими развлекаться, бросал на них деньги и менял беспрестанно.

Он грабил, прокучивал деньги, ездил по разным городам и в это время намечал новую жертву. Под его руководством работала целая шайка.

Временами на него нападала тоска:

- Хотелось бросить все, сорвать куш, - да и удрать куда-нибудь в Америку.

Тогда он неделями запирался от своих и все читал, без конца читал лубочные "разбойничьи" книги.

- И бросил бы все и ушел бы в новые земли искать счастья, - да уж больно был зол я в то время.

Паклин уж получил известность в Ростовском округе и на Северном Кавказе.

В Екатеринодаре его судили сразу по семи делам, - но по всем оправдали.

- Правду вам сказать: мои же, подставные свидетели меня и оправдали. По всем делам доказали, будто я в это время в других местах был.

За Паклиным гонялась полиция. Паклин был неуловим и неуязвим. Одного его имени боялись.

- Где бы что ни случилось, все на меня валили: "этого негодяя рук дело". И чем больше про меня говорили, тем больше я злобился. "Говорите так про меня, - так пусть хоть правда будет". Ожесточился я. И чем хуже про меня молва шла, тем хуже я становился. Отнять -

прямо удовольствие доставляло.

Специальностью Паклина были ночные грабежи.

- Особенно я любил иметь дело с образованными людьми: с купцами, со священниками. Тот сразу понимает, с кем имеет дело. Ни шума, ни скандала. Сам укажет, где лежат деньги. Жизнь-то дороже! Возьмешь, бывало, да еще извинишься на прощанье, что побеспокоил! - с жесткой, холодной, иронической улыбкой говорил Паклин.

- А случалось, что и не сразу отдавали деньги? Приходилось к жестокостям прибегать?

- Со всячинкой бывало! - нехотя отвечал он. Нахичеванский архимандрит оказался, по словам

Паклина, человеком "непонятливым".

- Как зашли мы к нему с товарищем, - заранее уж высмотрели все ходы и выходы, - испугался старик, затрясся. Крикнуть хотел, - товарищ его за глотку держит. Как отпустит, он кричать хочет. С час я его уговаривал: "Не кричите лучше, не доводите нас до преступления, покажите просто, где у вас деньги..." Нет, так и не мог уговорить. "Режь!" - сказал я товарищу. Тот его ножом по горлу. Сразу! Крови что вышло...

Рассказывая это, Паклин смотрит куда-то в сторону. На его неприятном, покрытом веснушками лице пятна ми выступают и пропадают румянец, губы искривились в какую-то неестественную, натянутую улыбку. Он весь как-то поеживается, потирает руки, заикается сильнее обыкновенного.

На него тяжело смотреть.

Наступает длинная, тяжелая пауза.

Их судили вчетвером: двоих невиновных Паклин выгородил из дела.

- Об этом и своего защитника просил, - чтоб только их выгораживал. А обо мне не беспокоился. Не хотел я, чтобы невиновные из-за меня шли. Молодец он, постарался!

Перед судом Паклин одиннадцать месяцев высидел в одиночном заключении, - досиделся до галлюцинаций, но "духа не потерял".

Когда любимый всей тюрьмой, добрый и гуманный врач К. из ростовской тюрьмы не поладил с тюремной администрацией и должен был уйти, Паклин поднес ему икону, приобретенную арестантами по подписке.

- В газетах тогда об этом было!

- Еще один вопрос, Паклин, - спросил я его на прощанье. - Скажите, вы верите в Бога?

- В Бога? Нет. Всякий - за себя.

На каторге Паклин вел себя, с первого взгляда, престранно. Нес самую тяжкую, двойную, так сказать, каторгу. И по собственному желанию.

- Полоумный он какой-то! - рассказывал мне один из корсаковских чиновников, хорошо знающий историю Паклина. - Парень он трудовой, примерный, ему никто слова грубого за все время не сказал. К тому же он столяр хороший, - в тюрьме сидя, научился, мог бы отлично здесь, в мастерской, работать, жить припеваючи. А он "не хочу", Христом Богом молил, чтобы его в сторожа в глушь, на Охотский берег послали. Туда, в наказание, самых отъявленных посылают. Там по полгода живого человека не видишь. Одичать можно. Тяжелей каторги нет! А он сам просился. Так там в одиночестве и жил.

- Почему это? - спросил я у Паклина.

- Обиды боялся. Здесь прежде как бывало - ни за что ни про что накажут. Ну, а я бы тогда

простого удара не стерпел, не то что розги, - скажем. От греха, себя зная, и просился. Гордый я тогда был.

- Ну, а теперь?

- Теперь, - Паклин махнул рукой, - теперь куда уж я! Затрещину кто даст, - я бежать без оглядки. Оно, быть может, я бы и расплатился, да о детях сейчас же вспомню. Сожительница ведь теперь у меня, за хорошее поведение, хоть я и каторжный, дали. Детей двое. Меня ругают, - а я о детях все думаю. Меня пуще, - а я о детях все пуще думаю! - Паклин рассмеялся. - С меня все, как с гуся вода. Бейте, - не пикну... Чудная эта штука! Вот что в нем, кажись, а пискнет - словно самому больно!

И в тоне Паклина послышалось искреннее изумление. Словно этот человек удивлялся пробуждению в нем обыкновенных человеческих чувств.

Я был у Паклина в гостях.

У него дом - лучший во всем посту. Чистота - невероятная.

Его жена, молодая, красивая бабенка, так называемая скопческая "богородица"*, присланная на Сахалин за оскотление чуть не десятка женщин.

* Этим девушкам не скопят; на их обязанности лежит только совлекать в секту других.

Каких, каких только пар не сводит вместе судьба на Сахалине!

Паклин живет с нею, что называется, душа в душу. На всякий лишний грош покупает или ей обнову, или детям гостинца.

Своих двоих крошечных бутузов он показывал мне с нежностью и гордостью отца:

- Вот какие клопы в доме завелись!

В последней части этой книги, говоря о поэтах-убийцах, я приведу стихи Паклина, не особенно важные, но любопытные.

Он имеет небольшое представление о стихосложении. Но в его неправильных стихах, грустных, элегических много чувства... и даже сентиментальности...

Его записки о дикарях-айнцах, которых он наблюдал, живя сторожем на Охотском берегу, показывают в нем много наблюдательности, умения подмечать все наиболее типичное.

Специальность Паклина - работа шкатулок, которые он делает очень хорошо.

Я хотел купить у него одну.

Но Паклин воспротивился изо всех сил:

- Нет, нет, барин, ни за что. Даром вы не возьмете, а продать, - вы подумаете, что я и знакомство с вами свел, чтоб шкатулку вам продать. Не желаю!

- Скажите, Паклин, - спросил я, когда он провожал меня с крыльца, - для чего вам понадобилось знакомиться со мной? Почему вам хочется, чтоб о вас написали?

- Для чего? - Паклин грустно улыбнулся. - Да вот, если человека взять да живым в землю закопать. В подземелье какое, что ли. Хочется ему оттуда голос подать или нет? Жив, мол, я все-таки...

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ КАТОРГА

- К вам там поселенцы пришли! - в смущении, почти в ужасе, объявила квартирная хозяйка.

- Так нельзя ли их сюда?

- Что вы! Куда тут! Вы только взгляните, - что их! Выхожу на крыльцо. Толпа поселенцев - человек в двести, - как один человек, снимают шапки.

- Ваше высокоблагородие! Явите начальническую милость...

- Что вам?

- Насчет пайков мы! Способов никаких нет...

- Стойте, стойте, братцы! Да вы за кого меня принимаете? Я ведь не начальство!

- Точно так! Известно нам, что вы писатель... Так уж будьте такие добрые, напишите там, кому следует... Способов нет. Голодом мрем! Пришли сюда с поселений, думали работишку найти, - все подрядчики японцами работают! Пайков не дают, на материк на заработки не пускают. Помирай тут на Сахалине! Что ж нам теперь делать?

- А сельское хозяйство?

- Какое ж, ваше высокоблагородие, наше хозяйство! Не то что сеять, - есть нечего. У кого были семена, - съели. Скота не дают. Смерть подходит!

- Барин! Господин! Вашескобродие! - протискивается сквозь толпу невзрачный мужичинишка.

Мужичинишка - тип загулявшего мастерового. Хоть сейчас пиши с него камаринского мужика: "борода его всклокочена, вся дешевкою подмочена". Красная рубаха от ветра надулась парусом, полы сюртучишка так ходуном и ходят.

Голос у мужичинишки пронзительный, с пьяной слезой, из самых недр его пьяной души рвущийся.

Первым долгом он зачем-то изо всех сил кидает об пол картуз.

- Господин! Ваше сиятельство! Дозвольте, я вам все разъясню, как по нотам! Ваше сиятельство! Господин благодетель! Это они все правильно! Как перед Господом говорю, - правильно! Потому способов нет! Сейчас это приходит ко мне, к примеру скажем, он: "Мосей Левонтич, способов нет". Я ему: "Пей, ешь, спасай свою душу!" Потому я для всякого... Правильно я говорю аль нет? - вдруг с каким-то ожесточением обращается он к толпе. - Правильно аль нет? Что ж вы, черти, молчите?

- Оно действительно... Оно конечно! - нехотя отвечает толпа. - Ты про дело-то, про дело.

- Потому я для всякого! На свои, на кровные! Вон они кровные-то! - мужичинишка разжимает кулак, в котором зажато семь копеек. - Вон они! Обидно!

Мосей Левонтич бьет себя кулаком в грудь. В голосе его все сильнее и сильнее дрожит слеза.

- Правильно я говорю ай нет? Что ж вы молчите? Я за вас, чертей, говорю, стараюсь, а вы молчите!

- Оно конечно... Оно верно... Да ты про дело-то, про дело! - уж с тоской отвечает толпа.

Но Мосей Левонтич вошел в раж, ничего не слышит и не слушает.

- Какой есть на свете человек Мосей Левонтич?! Сейчас мне поселений смотритель лично известен. Призывает. "Можешь, Мосей Левонтич, бюсту для сада сделать". Так точно, могу, - потому я скульптор природный. Природный!

Природный скульптор начинает опять усиленно колотить себя в грудь и утирает слезы.

- Не какой-нибудь, а природный! Из Россеи еще скульптор. "Можешь?" - "Могу". - "На тебе две записки на спирт". Обидно! Что я с ними, с записками-то, делать буду? Куда денусь? Ежели у всякого свои записки есть? Правильно я говорю ай нет? Что вы, черти...

- Ну, слушай! - перебиваю я его, видя, что красноречию скульптора конца не будет. - Я вижу, что ты человек серьезный. Мы с тобой в другой раз поговорим. А теперь дай мне с народом покончить. Поотодвиньте-ка его, братцы.

Десяток рук берется за природного, но огорченного скульптора, - и его тщедушная фигурка исчезает в толпе. Положение тягостное.

- Что ж я для вас могу сделать? Я ничего не могу.

- Так! - уныло говорит толпа. - К кому ни пойдешь, все ничего не могут? Кто ж может-то? Делать-то теперь что же?

- Этак в тюрьме лучше!.. Куда! Не в пример!.. Там хошь работа, да зато корм!.. А здесь ни работы, ни корма. Что ж теперь делать? Одно остается: убивать, грабить! Пуцай опять в тюрьму забирают. Там хошь кормить будут! Больше и делать нечего: хватил кого ни попадя! - раздаются озлобленные голоса.

Тут-то мне в первый раз пришел в голову афоризм:

- Каторга начинается тогда, когда она кончается - с выходом на поселение.

Афоризм, который повсюду на Сахалине имел одинаковый успех, где я что ни говорил.

- Это действительно. Это правильно. Это слово верное! - говорили каторжане и поселенцы.

- Это истинно, так точно!

- Совершенно, совершенно справедливо! Именно, именно так! - подтверждали в один голос чиновники.

И даже те, кому, казалось бы, следовало именно заботиться, чтобы это было не так, - и те только вздыхали.

- Вы это напишите! Непременно напишите. Это правда, глубокая правда. Ужас, ужас!

В XX веке⁴⁴

Немцы, которые "никого не боятся, кроме Бога", боятся маленького мальчика, когда он молится по-польски.

Можно подумать, что они разделяют трогательную и наивную веру познанских крестьян:

-- Господь Бог и все святые говорят по-польски.

И опасаются, что Господь Бог, услышав польскую молитву маленького мальчика, вспомнит о Познани.

И немцам тогда придётся "бояться Бога".

Отсюда эта война, которая ведётся против женщин, и поражения, которые наносятся детям.

И блестящие реляции:

-- Женщины разбиты на голову.

-- Дети потерпели страшный урон.

Немецким газетам, требующим репрессалий, репрессалий и репрессалий для Познани, остаётся завести корреспонденции с театра военных действий.

-- 10-летний неприятель не сдаётся. Но его надеются взять голодом, для чего матери взяты в плен и посажены в тюрьму.

-- Захвачена ещё одна, страшно опасная, -- но тринадцатилетняя девочка.

44 Дорошевич В. М. Собрание сочинений. Том V. По Европе. -- М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. -- С. 3

Будущий историк с изумлением остановится на этих реляциях:

-- Что это за упорный "десятилетний" противник?

-- Ему отроду десять лет!

У Германии есть свой Трансвааль, с десятилетними бурами.

Мучительство матерей, мучительство детей.

И всё это после стольких веков христианства, после стольких великих людей и учителей, после стольких успехов знания и морали.

Интересен разговор, который ведут между собой две нации.

Одна, которая считается самой культурной, и другая, которая считается самой философской.

Самая философская говорит самой культурной:

-- Негодяи! Разбойники! Палачи! Это казнь, а не война. Вы расстреливаете людей, которые виновны только в том, что защищают свою родину! На ваших руках кровь, но это не кровь на руках воина. Это кровь на руках палача, совершившего казнь.

Самая культурная нация отвечает самой философской:

-- Потихе, приятельница! 77-й год не так уж далёк. Ещё живы семьи расстрелянных. Гордо выпятив грудь, украшенную орденами за доблесть, разгуливают ещё "ветераны", расстреливавшие беззащитных.

Лужайки лондонского Гайд-парка, это -- трибуна, с которой взывают к справедливости и человечности.

Можно подумать, что эти лужайки ближе к справедливости, как Сион ближе к небесам.

Где бы ни притесняли, кого бы ни притесняли, во имя чего бы ни теснили.

Если на лужайках Гайд-парка не кривляется "Армия спасения", они отдаются на воскресенье под митинги протеста.

И, может быть, в одно из ближайших воскресений в Гайд-парке состоится огромный митинг протеста против немецких изувёрств в Познани.

-- Преступления против детей! Преступления против женщин!

Немецким газетам останется ответить;

-- А заморенные в "концентрационных лагерях" бурские женщины и дети?!

-- Палач!

-- Сам в палачах был!

-- Что детей загубил!

-- Сам, брат, ребятишек истязал!

Разговор, достойный сахалинской кандалной.

Так поступают две просвещённейшие нации.

Что ж остаётся прочим?

Культура, прогресс.

Слова -- пустые, как звон.

Культура, прогресс.

Самое прочное, что они создали, -- пристяжные воротнички.

Всё остальное -- вздор. Лак, очень дешёвый и быстро портящийся.

Он не выдерживает первой пробы.

Вспыхивает война в Китае, -- массовые, зверские убийства, грабежи, жгут библиотеки,

разрушают храмы.

Весь лак, покрывавший варварство Европы, сразу, моментально полопался, сошёл.

Самое совпадение китайских событий с парижской выставкой -- ироническая улыбка судьбы.

В то самое время, как в Париже мир праздновал пышный праздник внешней культуры, на другом конце материка он показывал себя таким же грубым, жестоким, варварским, каким был много сот лет тому назад.

Самое выражение "двадцатый век" -- анахронизм.

Много ли народу живёт действительно в XX веке?

Горсть учёных, мыслителей, теоретиков, далёких от жизни, поэтов, мечтателей.

Всё остальное только носит фо-коли XX столетия.

Век, когда, ведя войну, состязаются в варварстве и зверстве, когда мучение женщин и детей составляет государственное дело, -- почему это двадцатый, а не один из самых мрачных, зверских, затхлых и удушливых средних веков?

Вот задача для философа истории:

-- На основании фактов китайской войны, на основании действий англичан в Трансваале и подвигов немцев в Познани, определить, в каком столетии умственно и нравственно живёт сейчас Европа?

Стенько-Разинщина

I

Ленин -- это в наших глазах творимая легенда.

Ленин -- это, конечно, самое любопытное, что есть сейчас в Петрограде.

Люди, приезжающие на съезды, интересуются "посмотреть Ленина".

Писателя. Учёного. Теоретика. Энтузиаста. Пророка новой жизни.

Послушать.

И слышат одно:

-- Захватывай!

Немедленно!

Лови момент. Пользуйся случаем.

Хватай всё, что плохо лежит.

А нынче всё "плохо лежит". Всё лежит, ничем, в сущности, неохраняемое.

Ничем, -- кроме, до сих пор, здравого русского смысла.

-- Захватывай землю. Каждая десятая захваченной земли важнее статьи по земельному вопросу.

-- Захватывай банки, фабрики.

-- Захватывай власть!

Что будет после этого завтра, -- какое дело!

Что будет с государством? Что будет с Россией?

Какое там государство! Какая там Россия.

Валяй! Хватай! Бери!

И люди с изумлением слушают, смотрят на этого энтузиаста в захватном экстазе.

Это писатель? Учёный? Теоретик? Пророк новой, -- новой! -- жизни?

Позвольте! Позвольте!

Да тут не новое. Совсем не новое.

Тут что-то старое, очень старое слышится.

Словно откуда-то из далёкой-далёкой могилы, с кладбища семнадцатого века доносится...

Да это же:

-- Сарынь на кичку!

II

Гайда!

Это что? Банк?

-- Сарынь на кичку банк!

-- Сарынь на кичку фабрики, заводы!

-- Сарынь на кичку власть!

-- Сарынь на кичку землю!

Хватай всякий, что может.

На шарап!

Ребята на шарап!

На шарап всю Россию!

Тащи, кому что подвернётся под-руку.

Одни -- власть. Другие -- фабрики. Третьи -- банковские деньги. Четвёртые -- землю.

Ничего не дожидаясь!

Чего там ждать?

Можно, -- и валяй!

На "ура" её, Россию! На шарап!

Стоило быть теоретиком!

Какое "пророчество новой жизни"!

III

Ленин -- это легенда семнадцатого века, капризом взвинченной фантазии перенесённая в двадцатый.

Это:

-- Игра в Стеньку Разина.

Потому что Стенька Разин в воздухе двадцатого века жить не может.

Потому что Степан Тимофеевич, живи он в двадцатом веке, был бы не тем, не Стенькой семнадцатого века.

Это -- игра.

В Стеньку Разина с обстановкою двадцатого века.

Вместо узорчатого струга -- plombированный вагон немецкого экспресса.

Степан Тимофеевич Ленин.

С есаулом Апфельбаумом.

И так как легенда для полноты требует женщины, то вместо персидской княжны -- генеральша Коллонтай.

Тоже, как видите, знатная дама.

Щеголиха и модница, одевающаяся у лучших парижских портных, -- у Пакена, у Дуссе.

"Модель от Пакена", кричащая:

-- Сарынь на кичку!

Quel chic, madame! Toutes mes felicitations! [*Какой шик, мадам! Все мои поздравления! - фр.*]

Какой снобизм!

Какой, чёрт возьми, шикарный снобизм!

Великая социальная революция в кружевах.

На митинги генеральша является, вероятно, без этих "фру-фру".

Персидская княжна тоже, ведь, одевалась по-русски, когда тешила вольницу, плясала перед ней.

Теперь она, кажется, катается на финляндском пароходике в Гельсингфорсе.

"Струг" двадцатого века!

Это -- удобнее.

IV

Оставим в стороне поездку в запломбированном струге по немецким железным дорогам.

Но самый приезд удалого добра-молодца в Петроград!

Какое молодечество! Какое озорство!

Приехал и сразу созорничал.

Выбрать для себя "дворец" Кшесинской!

Чем, кроме озорства, могло быть это продиктовано?

Что такое "дворец" г-жи Кшесинской в глазах г-на Ленина? Чем он должен быть в глазах революционера? Чем он не может быть в глазах сурового вождя революции?

"Дворец" от щедрот царских и великокняжеских.

Приют бывшей царской и великокняжеской метрессы.

Это был грандиозный игорный дом для "избранного Петрограда".

Жадного и расточительного.

Наживавшего и бросавшего бешеные деньги.

Для тех, чей покой, чью безнаказанность, чью корысть хранила стоящая напротив Петропавловская крепость.

Эти будуары держались казематами.

Недаром "дворец" Кшесинской, так же как Зимний дворец, расположен напротив Петропавловской крепости.

Под крылышком!

Словно окна этих обоих дворцов всё время как большие испуганные глаза смотрели на свою "хранительницу":

-- Здесь ли она? Стоит ли на нашей страже?

И крепость отбивала четверти их счастливых часов, часов страданья всей страны, часов умирания замурованных мучеников.

И в полночь куранты успокоительно играли:

-- Коль славен!

Будьте спокойны!

Мы здесь. Мы здесь.

На страже вашей безнаказанности и покоя.

-- Мы здесь! Мы здесь! -- доносились в бое этих курантов стоны умирающих в казематах защитников родины, её чести.

И те, кто в это время во "дворце" Кшесинской "метал" русские деньги, спокойно думали:

-- Мы здесь! Мы здесь! Мы крепко здесь!

Г-жа Кшесинская была прима-балериной нашей артиллерии.

Она была виртуозкой.

Делала "32 фуэте по диагонали", и, Боже, какие антраша делали у неё казённые заказы!

Великая жрица Терпсихоры и Беллоны!

Балерина от артиллерии!

В её "дворце" нужные люди встречались с людьми необходимыми.

Здесь как в "Прекрасной Елене" Оресты пели:

"Ведь, платит Греция за нас!"

И открывали девятки России.

Здесь проигрывались десятки тысяч в покер, в "тётку", сотни тысяч в "железную дорогу".

Тут, в этой пародии на "дворец", всё полно не следов бывшего величия и тирании как в настоящих дворцах, -- а только что пережитым позором.

Есть такая французская пьеса "Никиш". В ней бывшая куртизанка, потом жена посла, возвращается с другим в свою бывшую квартиру и с нежностью оглядывает обстановку.

-- Вот эта кушетка...

Друг спешит вскочить с кушетки, на которую было сел.

-- Это кресло...

Друг поспешно снимает с кресла свою шляпу.

Какое чувство в демократе, в суровом революционере могли возбуждать удобства "дворца" Кшесинской?

Как он, -- революционер, -- мог смотреть на этот дворец?

Для кого, для кого, а для него это был:

-- Луизнар.

И, приехав в Петроград, из всех домов остановиться на "луизнаре"!

Г-жа Кшесинская была более высокого мнения о русской революции, чем г-н Ленин.

В 1905 г. она дрожала, была уверена, что революция первым делом разнесёт её дом.

Разнесёт от негодования. Не оставит камня на камне. Сотрёт с лица земли как позорное пятно позорного прошлого.

Но чтоб революция переехала к ней на квартиру, -- этого даже г-жа Кшесинская не предполагала.

Великая французская революция казнила Дюберри, метрессу короля Людовика XV.

Но ни Робеспьеру, ни Марату не пришла бы в голову мысль лечь спать на её кровати.

-- Мягко!

Это у Стеньки, Стеньки семнадцатого века, могла явиться "азорная блажь":

-- Повалиться на пуховиках у воеводиной любовницы!

До чего доводит вас ваш озорной экстаз, желание быть удалым, добрым молодцем,

Степан Тимофеевич двадцатого века!

Вы -- человек образованный и должны знать:

-- Никогда не повторяйте истории.

Исторические пьесы играют только раз.

То, что раз прошло на исторической сцене в виде трагедии, -- при повторении превращается в фарс.

И в очень неприличный фарс.

V

-- Сарынь на кичку!

Это крик семнадцатого века.

Но в семнадцатом веке не было фабрик.

-- Бери на шарап!

Но что же именно взять?

Голые стены?

А завтра?

Откуда взять оборотный капитал, чтоб эта фабрика двигалась и давала работу?

На что купить топливо? Сырья?

Когда сработаются машины, -- какая "заграница" отпустит в долг новые предприятию без капитала, без кредита?

Требуйте, чтоб курица несла яйца для вас.

Пусть она несёт вам золотые яйца.

Вам, а не одним предпринимателям.

Но не режьте курицы.

Вы будете сыты один, только один день.

А затем -- голод.

Кажется это ясно, просто, понятно.

Для всякого, кто не находится в экстазе, в трансе, в горячке, среди которой он вообразил себя Стенькой Разиным и вопит-вопит обезумевшей от отчаяния массе:

-- Сарынь на кичку!

Давайте -- переведём.

В семнадцатом веке это называлось "сарынь на кичку", сейчас -- "захватывай". В переводе на обыкновенный:

-- Грабь!

Кого? Россию?

Нетрудно всех сделать нищими.

И предпринимателей, и рабочих.

Но...

Свобода умирает с голоду, равенство по нищете, Каиново братство.

Какие лозунги! Какие цели для революции!

VI

-- На шарап!

Вам нужны деньги?

-- Берите банки!

Отчаявшейся, не знающей толпе кажется, что банки действительно ломаются от денег. Если бы они ломались, они давным-давно бы лопнули!

Г-ну Ленину, интеллигенту, экономисту, ведь хорошо известно, что в банках "несметных денег" нет.

Что банки денег держат у себя как можно меньше.

Ведь, банки сами должны платить проценты вкладчикам.

На кой же, спрашивается, шут они будут держать без дела деньги?

Ведь, деньги, от того, что они лежат в кассе, процентов не приносят.

Какие же идиоты будут платить за деньги вкладчикам, а сами держать эти деньги в кассе? Из чего они будут тогда платить вкладчикам эти самые проценты?

Нетрудно взять на шарап банки.

-- Сарынь на кичку!

Но в банках вы найдёте векселя капиталистов, предпринимателей, заводчиков, фабрикантов, найдёте заложенные и принадлежащие банку ценные бумаги, по большей части акции тех же фабрик, заводов, предприятий.

Не капиталистов вы лишите капиталов. Их векселя уже не будут стоить ни гроша!

Фабрики, заводы, предприятия вы отберёте. Их акции не будут стоить ни копейки. Стены ими оклеивать!

Вы схватите, правда, огромные богатства.

Но в эту минуту, как вы их схватите, они превратятся в мусор, в пыль, в труху.

VII

По стенько-разински всё просто.

Как в XVII веке.

-- Посадить в тюрьму сто капиталистов. Пусть скажут как наживают деньги.

Что может быть проще?

Подержать, и скажут всё, что знают.

Позвольте, это уж давно и не из Стеньки Разина!

В экстазе, в трансе можно договориться и до того, чтобы вешать людей за ребро и ставить на правёж, -- но давайте рассуждать здраво.

Посадить в тюрьму зачем? Чтобы судить?

Нет, чтоб только "узнать правду".

Посадить человека в тюрьму -- значит ли учинить над ним физическое насилие?

Конечно!

И очень сильное.

Причинять ему, таким образом, мучение?

Несомненно. В тюрьме всякий человек мучается.

Как же это называется:

-- Причинить человеку мучения, чтобы он "сказал правду" или "открыл всё"?

Ведь, это называется:

-- пыткой.

Это уж не от Стеньки Разина.

Это от Сквозник-Дмухановского.

Это Сквозник-Дмухановский говорил купцу Абдулину:

-- Бить я тебя не буду, потому что это запрещено. А вот посажу и накормлю селёдкой, -- тогда запоёшь голубчик!

Купец Абдулин остался купцом Абдулиным. Но вот уж никак не думали, чтоб революционный вождь превратился в Сквозник-Дмухановского.

"Новая жизнь", основанная на пытке.

Революция, которая стремится ввести пытку.

Боже мой! Да тогда ищите Глинку-Янчевского! Где этот Гарибальди! Почему он не издатель "Земщины"?

Ведь, он -- первый революционер.

Он -- тоже энергичный "правдолюбец". Он в "Земщине" проповедовал ещё раньше введения пытки для "узнавания истины".

Венчайте его лавровым листом, поселите во "дворце" Кшесинской.

А с ним как обошлись?

В первые дни революции взятых с оружием городских поместили в редакции "Земщины" и... в публичном доме.

За что же? За что?

VIII

-- Хватай!

Действительный способ для разрешения экономических вопросов.

Но тут уж "Стенька Разин" получает сходство с совершенно неожиданными особами.

Был такой решительный "хвतालщик" Вячеслав Константинович фон Плеве.

В 1902 году он пригласил к себе старика Суворина:

-- Алексей Сергеевич! Скажите прямо, откровенно, между нами, ничего не опасаясь: что, по вашему мнению, необходимо для России?

-- Конституция и коренные реформы.

Плеве помолчал.

-- Аресты идут энергично. Все организации прослежены. Вот арестуем последнего революционера, -- и можно будет приступить к реформам.

Вячеслав Константинович Ленин надеется:

-- Арестовать последнего капиталиста!

И тогда все экономические задачи будут решены.

Из недр ползет уголь, из земли -- хлеб, "больные вагоны сразу выздоровеют", паровозы сами подчинятся, подправятся и быстрым ходом побегут к столицам.

Ах, Вячеслав Константинович! Мечтатель "хватания"!

Был в Индии такой великий могол Хан Джехан.

Он вёл дневник.

И меланхолично писал про провинцию Дели:

-- Мой отец повесил в этой провинции 500.000 человек. Я в прошлом году ещё повесил двести тысяч. Сто -- просто, сто -- вверх ногами. И странно! Неудовольствие в этой провинции не прекращается.

Он очень много думал об удовольствии своей страны!

Я очень боюсь, -- что если Хан Ленин, великий могол стенько-разинства, повесит для общего удовольствия всех фабрикантов просто, а всех банкиров, -- для моего

удовольствия, -- вверх ногами, то и тогда:

-- Неудовольствие в России не прекратится.

Фабрика не будет работать без сырья и топлива от того, что её фабрикант не сидит, а висит.

И кредита в банке под фирмою:

"За ноги повешенный банкир"

она не получит. Не получит, потому что и в самом банке-то ничего не будет.

IX

-- На шарап!

-- Хватай!

Для полноты стенько-разинства ещё и крик:

-- Жги!

-- Мы хотим зажечь пожар на весь мир!

А потому... подожжём свою собственную страну.

-- Авось перекинёт!

Очень соблазнительно.

Думаю, однако, что всё произойдёт не так, как в "Записках сумасшедшего".

Русские люди не окажутся "народом довольно умным" и "не полезут на стену, чтобы исполнить монарше повеление" Фердинанда Ленина.

Вряд ли найдётся на Руси много людей, злобно-сумасшедших или одержимых, -- которые стали бы поджигать свою собственную избу в надежде:

-- Спалить соседей.

Нет, господин хороший, у нас в деревнях, в случае пожара, ходят кругом своего дома с Неопалимой Купиной, машут рукой в сторону соседей и простодушно молятся:

-- Отнеси, Господи, от нас на вас!

X

Г-н Ленин рекомендует всей России:

-- Повторить опыт парижской коммуны.

Г-н Ленин сделал бы хорошо, если бы пояснил ещё своим слушателям, что такое была парижская коммуна.

А то как же повторять опыт, когда не знаешь в чём он состоял?!

У нас, и среди интеллигенции-то мало что знают про парижскую коммуны.

А среди слушателей г-на Ленина, наверное, нет ни одного, кто о ней бы слышал.

Кто знал бы, что парижская коммуна родилась среди отчаяния и утонула в крови.

Что жизнь её была светла только от зарева пожаров, была полна нищеты и страданий.

Что зародилась она от патриотического отчаяния, от того, что "сдали Париж".

Что она оставила по себе память своими "петролейщицами", которые обливали керосином и поджигали общественные здания.

Что она сожгла Тюльерийский дворец, неизвестно зачем повалила Вандомскую колонну.

Что это было безумие отчаяния.

Что коммуна ни за что, ни про что расстреляла несколько сот ни в чём не повинных людей, просто взятых заложниками.

И кончилась тем, что были расстреляны сорок тысяч коммунаров.

Что она оставила до сих пор незаживающую рану в сердце Франции. И что её кровавый рубец -- та стена на кладбище Пер-Лашез, около которой расстреливали коммунаров.

Красная от красных венков стена.

Хорошая история! Весёлая история!

Соблазнительный пример!

Увлекательный опыт!

Был у нас на Руси, хоть и князь, но умный человек.

Владимир. Русский народ его не не любит. И прозвал "Красное солнышко".

Пришли к нему разных вер люди, соблазнять перейти каждый в свою.

Каждый хвалил своего Бога.

И евреи.

Владимир выслушал их со вниманием и спросил:

-- А где же земля ваша?

-- Разгневался на нас Бог наш, отнял у нас землю и рассеял нас по всему свету.

Владимир сказал:

-- Что же вы хотите, чтобы и с нами ваш Бог поступил так же?

И не захотел "повторять опыта".

Отпустил послов без особой чести.

Хорошо, что отпустил!

Будьте добры, расскажите сначала вашим слушателям историю парижской коммуны.

А потом уж и предлагайте им:

-- Повторить опыт!

XI

Враг войны, г-н Ленин рекомендует немедленно прекратить войну и... начать новую.

Бросить западный фронт на произвол и идти на Восток:

-- Освобождать угнетённые народы!

-- "Это действительно"! -- как говорит у Толстого тот же мужик, который говорит:

-- "Этот прокормит"!

Не стоит воевать из-за России. Но из-за Индии? Почему же?

Конечно, стоит! Какой разговор.

На кой нам чёрт наша свобода! Была бы свободна Индия!

Прах сумасшедшего Павла I, наверное, вздрогнул от радости в Петропавловской крепости:

-- Наконец-то, нашёлся в России человек как я!

Индийский исход была его мечта.

Мысль соблазнительная. Война увлекательная до последней степени.

Взять армию, измученную, исстрадавшуюся за 3 года войны и бросить её в среднеазиатские пустыни, на зной, на жажду и на голод.

Заставить её, -- после трёх лет! -- делать самый трудный поход, какой только можно выдумать.

Удобство этой "освободительной" войны заключается особенно в том, что её театр еле еле соединён с Россией тонкой железнодорожной ниточкой.

Так что продовольствовать целую армию не будет никакой возможности.

И кроме зноя, среди песков, кроме жажды в безводных пустынях, кроме голода, -- сколько радостей у нас впереди!

Какие встречи со стороны населения!

Во-первых, мы придём в Афганистан.

Афганцы, храбрые, воинственные люди, никогда не слышавшие ни о революции, ни даже о г-не Ленине, никого не пускающие к себе, боящиеся как огня России.

С какими жертвами мы будем брать каждый горный проход, как будем гибнуть на узеньких тропинках, пробираясь по одному над пропастями.

Какой "освободительный спорт".

А там магометанское население Северной Индии.

Тоже мало осведомлённое об идеях г-на Ленина.

Которое примет нас, прежде всего, за "врагов Ислама".

-- Раз пришли с оружием в землю правоверных, -- значит, враги Ислама!

"Священная война"...

Но, однако, не довольно ли г-на Ленина?

Мы с вами маленькие люди.

Мы не Петроград, чтоб так много заниматься г-ном Лениным.

И его опытами воскресить стенько-разинство в двадцатом веке.

XII

Да, есть у волжского народа предание, что "хозяин", как зовут Степана Тимофеевича на Дону, не умер.

Что спит он свинцовым сном в дремучем бору.

И хранит его богатырский сон непроходимую чащею бор.

Не человек, не зверь к нему не проберутся.

И так будет спать "хозяин" до того дня, как "исчезнет вся правда со святой Руси".

А как исчезнет она, и дойдут через бор стоны и плач "детушек", -- проснётся тогда Степан Тимофеевич.

Встанет. И пойдёт по Руси.

Пойдёт.

А не приедет в заплombированном вагоне, не поселится из мальчишеского озорства у танцовщицы в доме, не станет он жечь свою Русь в надежде соседей поджечь, не станет говорить: "Чужих не замай, своих только бей!" -- и в двадцатом веке не крикнет для разрешения всех вопросов:

-- Сарынь на кичку!

Потому что Степан Тимофеевич не истеричная баба, а здоровый, крепкий здоровым смыслом, разумом русский человек.

И корчить из себя на него посмешище, господин, не пристало.⁴⁵

К общественной совести

В мрачном зале петербургского окружного суда кончилась одна из сессий присяжных заседателей.

45 Дорошевич В. М. При особом мнении. -- Кишинёв: Издание товарищества "Бессарабское книгоиздательство", 1917. -- С. 83.

Сессия была не из важных.

Колода без козырей.

Ни одного крупного процесса, которые останавливают общественное внимание. Так, уголовный мусор, уголовный хлам, уголовная мелочь.

Дела о третьей краже, о мелких подлогах, мошенничествах.

Там, где улики подтверждались, присяжные говорили:

-- Да, виновен.

Где собранные "улики" оказывались на суде пустяками, присяжные оправдывали.

При чём часто защитники, выпрашивая оправдание или снисхождение, говорили:

-- Он столько-то просидел в предварительном заключении!

Сроки всё очень большие, потому что следователей "по преступникам" очень мало, и следствия затягиваются надолго.

Итак, напоставляв приговоры, присяжные закончили свою сессию.

Но тут произошло нечто необычайное. По окончании последнего дела старшина присяжных встал и обратился к председателю не с обычной благодарностью:

-- За беспристрастное и внимательное ведение дела, благодаря которому мы, присяжные, могли со спокойной совестью постановлять наши приговоры!

Он сказал:

-- Совесть присяжных заседателей неспокойна. Мы оправдывали людей, впавших в грех только вследствие крайней нужды и несчастья. Людей не дурных. И отпускали их на волю. Куда? Куда пойдёт человек без поддержки, находящийся в крайней нужде, обесславленный своей "подсудимостью"? Какой другой путь, кроме пути преступления, открыт ему среди его нищеты, позора и беспомощности? Многие на суде оказывались невинными. Но до суда они уж отбыли тяжёлое наказание, предварительное заключение. Почему? Только потому, что у них нечем было внести за себя залог, часто грошовый, ничтожный. Всё это глубоко волнует нас, представителей общественной совести. Нам, представителям общества, кажется, что общество сделало не всё, что оно обязано было сделать по отношению к этим несчастным, только отпустив их с миром, после долгого сиденья в тюрьме. Необходимо, кажется нам, создать попечение о тех, кто находится под предварительным следствием, и о тех, кто выходит из суда оправданным, но безо всего. Вот что подсказывает нам наша совесть, и мы обращаемся к вам, г-да судьи, не найдёте ли вы необходимым взять вместе с нами инициативу в учреждении такого попечительства?

Весть о необычном обращении старшины присяжных к председателю обежала суд и встретила у судей живейшее сочувствие.

Это было именно то, что тревожило часто и совесть судей, которым в их тяжёлом деле чаще приходится сталкиваться с несчастьем, чем с пороком.

Покойный И. Ф. Горбунов в шутовском письме к одному из своих московских приятелей писал:

"Петербург город большой, и воров в нём много. А которого вора поймают, того вора посадят и, подержав, отпустят. И опять тот вор воровать учнёт".

Эта поимка воров, сажание и потом опять отпуск, -- всё, в чём и состояло до сих пор дело правосудия, что-то вроде толчения воды в ступе.

-- И опять тот вор воровать учнёт.

Но почему учнёт?

Злая ли воля руководит человеком, когда он, выпущенный из тюрьмы, "опять ворует" от голода?

Это вопросы не только милосердия, но и общественной безопасности.

Если вы возьмёте все почти убийства с целью грабежа, -- вы увидите, что "зверские" герои их начинали с маленького.

Кража -- тюрьма. По выпуске из тюрьмы, по необходимости, -- новая кража. И так выше, выше по "лестнице преступлений".

И общество, в интересах не только милосердия, но и собственной безопасности, должно заботиться о том, чтобы человек, случайно впавший в преступление, затем силою обстоятельств не превращался в опасного злодея.

Подавая руку помощи человеку, совершившему кражу из нужды и отбывшему наказание, вы, быть может, спасаете общество в будущем от убийства целой семьи с целью грабежа.

Закон говорит:

"Если человек, который может быть отпущен под залог или поручительство, залога не вносит и поручительства не представляет, -- он должен содержаться до суда под стражей".

Закон написан в ограждение общества. И долг не только милосердия, но и справедливости -- избавить от ненужного мученья человека, пребывание которого в обществе сам закон не считает опасным.

Зачем, почему должен подвергаться, ещё без суда, ещё до суда, тяжкой каре? Только потому, что у него нет денег на грошовый залог?

Теперь в законодательном порядке разрабатывается гуманный проект. О приостановке наказания до выздоровления тех, кто заболевает во время отбывания наказания.

Их будут отпускать на попечение родных или попечителей.

Это справедливо и гуманно.

Больных, конечно, не наказывают.

Ну, а те больные, у кого нет родных, нет людей, которые взяли бы их на своё попечительство?

Они будут отбывать наказание и больные.

За что же? Только за то, что у них нет родных?

Там человек сажается в тюрьму, ещё неизвестно, виноватый или не виноватый, только потому, что у него нет денег на залог. Здесь больной подвергается наказанию только потому, что он одинок.⁴⁶

Человек, которого интервьюировали

(Петербургский тип)⁴⁷

Как это случилось в первый раз, Иван Иванович даже не может дать себе отчёта.

Это произошло вечером, в полумраке кабинета. Дрожали красные, синие, жёлтые пятна,

46 Дорошевич В. М. Собрание сочинений. Том IX. Судебные очерки. -- М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1907, с. 195.

47 Дорошевич В. М. Собрание сочинений. Том VII. Фельетоны. -- М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1906. -- С. 185

которые бросал разноцветный фонарик. Молодой человек сидел перед Иваном Ивановичем, наклонившись, с жадно раскрытыми глазами, засматривая ему в глубину очей, казалось, страдал и млел и только иногда шептал:

-- Дальше... дальше...

Ивану Ивановичу казалось, что молодой человек гипнотизирует его своим взглядом. У него слегка кружилась голова. Он был в каком-то опьянении. Его охватывало волнение. Он говорил, говорил, говорил... и когда кончил, молодой человек поднялся и поклонился.

-- Это всё, что мне было нужно. Вы интервьюированы!

Иван Иванович почувствовал, что он летит в пропасть.

Он словно пробудился от сладкого сна. Его охватил ужас.

Он хотел крикнуть вслед уходившему молодому человеку:

-- Стойте!.. Стойте!..

У него даже мелькнула в голове мысль:

-- Убить его и спрятать труп.

Но было поздно. Тот ушёл.

Иван Иванович остался недвижимый в кресле. Голова кружилась. Под ложечкой тоскливо сосало. Кости ныли, словно Ивана Ивановича кто-то исколотил.

И одна только мысль, не шевелясь, сидела в мозгу:

"Вот меня и интервьюировали!"

Ему вдруг захотелось кислой капусты.

-- Что это я? -- опомнился Иван Иванович и приказал сделать постель.

-- Никого не принимать, и я никуда не поеду. Мне что-то не по себе.

Он с наслаждением зарылся в свежее, чуть-чуть надушенное бельё, свернулся клубочком в холодном полотне, задул ночник и долго лежал с открытыми глазами.

Ему было страшно и приятно.

Он старался думать о том, что произошло, с отвращением и не мог: против воли воспоминания наполняли его блаженством.

-- А ловко я мысль об учреждении института экзекуторов пропустил... Прямо против Василья Васильича... Пусть съест! Хе-хе!..

Он заснул поздно, среди какого-то блаженного бреда, и спал тревожно, -- его мучили кошмары.

Он кричал во сне и метался.

Ему снились народные толпы. Они смотрели на него с изумлением, с благоговением.

-- Ах, какие у вас взгляды! Какие мысли! Какой ум!..

Подходили ближе, ближе и вдруг, подойдя совсем вплотную, показывали на него пальцем, кричали:

-- Человек, которого интервьюировали!

Хохотали и разбегались.

И так раз восемьдесят.

Иван Иванович проснулся в холодном поту, с лёгкой головной болью. Одеяло, простыни были скомканы, подушки валялись на полу.

Он взялся за газету и почувствовал, что у него отнимаются руки и ноги. На первой странице крупным шрифтом чернело:

"О реформах наших департаментов. Интервью с его превосходительством Иваном Ивановичем Ивановым".

Каждое слово, которое он сказал вчера, стояло теперь чёрным по белому, выделялось, кричало. Тысячи, десятки тысяч людей теперь читали то, что он думал.

Иван Иванович чувствовал себя так, словно с него на Невском на солнечной стороне в два часа дня упала часть туалета и все увидели его сокровенное.

Ему было стыдно и -- удивительно! -- приятно.

"Что ж, дай Бог всякому!" подумал Иван Иванович, перечитав свои мысли.

Мысль о департаменте, однако, наполнила душу Ивана Ивановича ужасом.

-- Читал! -- почувствовал Иван Иванович, когда швейцар отвернулся, снимая с него шубу, и у него ёкнуло сердце.

Он пошёл на цыпочках вдоль стенки и в эту минуту отдал бы всё своё жалованье, чтоб только его никто не заметил.

При входе Ивана Ивановича всё стихло. Мелкие чиновники глубже ушли в бумаги. Средние начали вдруг все почему-то рыться в столах. Покрупнее, подавая руку, старались не глядеть Ивану Ивановичу в глаза и говорили что-то нескладное:

-- Какой сегодня на дворе великолепный театр... Скоро ли будет числовое двадцато?..

"Словно по-сербски", тоскливо подумал Иван Иванович.

-- Все прочли... Все знают...

Только один Степан Степанович глядел на него из своего угла прямо и пристально.

Степан Степанович потому и сидел в самом углу, что он имел неизлечимую болезнь интервьюироваться. Редкий день в газете не появлялось интервью с Степаном Степановичем. От Степана Степановича сторонились; Степана Степановича чуждались, с ним избегали говорить, особенно при посторонних:

-- Ну его! Ещё возьмёт да в интервью вставит: "хотя некоторые из моих товарищей и полагают так-то, но я нахожу этот взгляд неосновательным". Да в виде "неосновательного взгляда" ваше мнение и выведет.

Степан Степанович и сам понимал, что ведёт себя предосудительно, держался в уголке, ни с кем не заговаривал, ни на кого не смотрел, руку подавал робко, словно успокаивал:

"Не бойтесь! Не бойтесь! Ведь я не заражу вас своим прикосновением. Отнеситесь же ко мне хоть немножко по-человечески, не отказывайте подать руку!"

Теперь Степан Степанович смотрел на Ивана Ивановича прямо и смело. Словно радостно, как будто слегка насмешливо.

"Старая кокотка так смотрит на начинающую!" пришло вдруг в голову Ивану Ивановичу отвратительное сравнение, и ему сделалось так нехорошо, что он даже вышел не надолго.

Его место было по самой середине комнаты, и Иван Иванович сидел ни жив ни мёртв, боясь поднять глаза. Куда бы он ни повернул голову, все в той стороне моментально низко склонялось над бумагами, словно даже бумаги -- и те становились неразборчивыми от взгляда Ивана Ивановича, или начинало рыться в столах, или смотрело в окна, на стены в величайшем смущении.

Иван Иванович попробовал было рассеять эту тяжкую атмосферу томительного молчания.

Помолился в душе и громко сказал:

-- Читали вы, господа...

Но сам не узнал своего голоса.

Да и кругом всё взглянуло на него с таким испугом, что Иван Иванович почувствовал, как у него отнялись ноги и язык.

Было тяжело, мучительно тяжело.

Ивану Ивановичу вспомнилась одна пьеса, которую он видел когда-то у мейнингенцев. Из древнегерманской жизни. Римские солдаты, остановившиеся в германской деревне, совершили гнусное преступление над германской девушкой.

И вот ночью сбегаются жители деревни. Сцена, при мерцающем свете факелов, наполняется страшным, леденящим душу шёпотом. "Об этом" никто не решается сказать громко. Вводят девушку, и гасят все факелы, чтоб никто не видел её лица...

"Словно я германская девушка!" с тоскою думал Иван Иванович и в первый раз перевёл дух, когда в половине третьего стемнело и комната департамента погрузилась во мрак.

Но самое страшное было, когда один из вызвавших его просителей начал свою речь к Ивану Ивановичу так:

-- Прочитав сегодня в газетах ваши просвещённые взгляды, осмеливаюсь...

Иван Иванович схватился за притолоку:

"Все знают... все" ...

Безумные мысли закружились у него в голове:

"Убить просителя и спрятать труп".

Но голос благоразумия взял верх:

"Всех не перебьёшь... Всех перебить невозможно"...

Да к тому же в его ушах прозвучал в эту минуту, словно труба архангела, страшный голос курьера:

-- Вас к директору!

Шатаясь, Иван Иванович вошёл.

В кабинете было полутемно.

-- А, это вы... -- сказал директор, отвернулся и подал ему руку, как показалось Ивану Ивановичу, нерешительно.

Подал и сейчас же отдёргнул.

"Убить директора и спрятать его труп?". мелькнула в голове Ивана Ивановича опять та же безумная мысль, и ему вдруг мучительно, страстно, болезненно захотелось, чтобы в эту минуту случилось светопреставление.

Директор смотрел в сторону, барабанил пальцами, видимо, хотел что-то сказать, но говорил совсем другое.

-- Какая хорошая погода! -- сказал директор.

Иван Иванович шевелил сухими губами.

-- На улице ездит много извозчиков! -- сказал директор и, не получая ответа, добавил: -- Вообще на улицах завелось что-то слишком много извозчиков...

Иван Иванович от этих странных фраз директора ещё больше страдал. Наконец он облизнул сухим языком сухие губы, собрал все силы и воскликнул:

-- Пётр Петрович... Ваше превосходительство...

Его голос пересёкся и зазвенел как оборванная струна.

В кабинете послышались тихие всхлипывания.

Директор заговорил. В голосе его тоже послышались слёзы:

-- Иван Иванович... Успокойтесь... Не надо... Ведь я же не зверь, я понимаю... Ничего особенного... Даже очень дельно... Но только отчего же вы всего этого мне на словах не сказали, а так, вдруг, в газете?..

Всхлипывания раздались сильнее.

-- Ну, ну!.. Не буду... Не надо... Я не спрашиваю, как это случилось! Не надо!.. Не рассказывайте!.. Я знаю, вам больно... Но, Иван Иванович, дорогой мой... Одна просьба!.. Ну, случился грех, с кем не бывает... Но вперёд не впадайте... Затягивает это... Я знаю... Вон посмотрите, Степан Степанович...

-- Пётр Петрович, -- воскликнул Иван Иванович, -- да неужели я Степан Степанович?..

И рыдания хлынули из его груди...

Сравнить его со Степаном Степановичем! Это было уж слишком.

"Вот когда я погиб! -- вспоминал потом Иван Иванович. -- Убил он меня, назвав Степаном Степановичем".

Директор даже испугался.

-- Да я не сравниваю... Что вы?.. Иван Иванович!.. Я предупреждаю только... Отчески предупреждаю... Ведь "они" начнут теперь шлаться... Ах, Господи! Командировку, что ли, вам дать куда-нибудь, чтобы вы проветрились?!

В горле Ивана Ивановича высохли слёзы.

-- Нет-с, ваше превосходительство, никакой командировки на надо... Никуда я не поеду... Я останусь тут бороться. Пусть ко мне ездят, пусть искушают... Борьбой, борьбой со страстями я искуплю невольное падение... Искуплю и восторжествую!

И, сделав поклон, он шатающейся походкой пошёл к двери.

-- Бог вам да поможет в вашем подвиге! -- напутствовал его вслед директор, а когда Иван Иванович выходил из двери, он слышал, как директор говорил экзекутору:

-- Вот и ещё одного чиновника мне испортили!

В коридоре Ивана Ивановича, оказывается, поджидал Степан Степанович.

-- Хотите, батюшка, я вам одного репортёра пришлю! -- страстно прошептал Степан Степанович, -- Как, шельма, интервьюирует!!!

Иван Иванович даже отпрянул в ужасе и воскликнул:

-- Отойди от меня, сатана!

Темно было в департаментах, а на улице было ещё достаточно светло, и Иван Иванович, возвращаясь домой, узнал на встречном лихаче того самого молодого человека, который его вчера интервьюировал.

Молодой человек ликовал. Иван Иванович считался самым неприступным из действительных статских советников, и за интервью с ним молодому человеку заплатили в редакции по двойному тарифу.

Молодой человек радостно закивал Ивану Ивановичу.

У Ивана Ивановича кровь бросилась в голову, ему захотелось вдруг остановить извозчика, закричать:

-- Стой! Городовой! Держи его! Взять! Он развращает действительных статских советников!

Но лихач уже промелькнул и затерялся в толпе экипажей.

Вернувшись домой, Иван Иванович объявил, что никуда не поедет.

-- Куда ни поедешь, везде "про то" говорить будут!

Он даже в клуб не отправился обедать. Просидел, не евши, и, быть может, слабостью вследствие голода и объясняется то, что случилось.

В семь часов в кабинет вошёл другой молодой человек, с беспокойно ласковым взглядом, сел против Ивана Ивановича и, нежно наклонившись к нему, мягко спросил:

-- Что вы думаете о резиновых калошах?

Иван Иванович хотел вскочить, крикнуть прислугу, приказать избить ласкового молодого человека резиновыми калошами, но сам не знает, как вместо всего этого сказал:

-- Думаю, что резиновые калоши полезны вследствие только дешевизны, но в смысле сохранения пальцев на ногах предпочитаю кожаные...

И пошёл...

На следующий день с Иваном Ивановичем в департаменте даже не все поздоровались, экзекутор сухо сказал:

-- По распоряжению г. директора, из вашего ведения будут изъяты все дела, не подлежащие оглашению.

Но Ивану Ивановичу -- странное дело, он даже сам удивлялся своему равнодушию -- было всё как с гуся вода. В эти ужасные минуты его волновала только одна мысль:

"Нет, что же он, подлец, про буквы металлические ничего не напечатал. Ведь я говорил, что металлические буквы в калошах вредны, ибо портят сапоги. Забыл, должно быть! Надо будет за ним послать!"

Степан Степанович подлетел к Ивану Ивановичу уже смело, утащил его в угол и шёпотом сказал:

-- Читал. Хорошо. Но всё-таки не так, как мой, с которым я интервьюируюсь. Вот, подлец, умеет. Всю подноготную переберёт. До души доходит. Хотите, пришлю разочка на два. Пусть интервьюирует. Удовольствие получите!

Иван Иванович прошептал:

-- Пришлите!

Степан Степанович рассмеялся и по плечу его похлопал:

-- Так-то! А то "сатаной" вчера назвали! День только потеряли.

И Иван Иванович, к удивлению, за такую фамильярность не только не послал Степана Степановича к чёрту, а, напротив, позвал в трактир обедать.

И вечер они провели в трактире, в пьянстве и разговорах:

-- Как лучше интервьюироваться?

После обеда они ездили к каким-то интервьюерам, пили с ними пиво, кажется, танцевали, и на утро Иван Иванович прочёл в пяти газетах пять интервью с ним:

"О нормальной длине юбочек у балетных танцовщиц".

"Брать ли нам Герат?"

"О мерах к предупреждению наводнений".

"О лучшей закуске к водке".

"Что, по его мнению, сделалось с Андре".

Что произошло дальше?

Об этом грустно и рассказывать.

В один хмурый, ненастный день директор, -- даже не лично, а через экзекутора -- объявил Ивану Ивановичу свою волю:

-- Подавайте прошение.

И Иван Иванович не только не смутился, но даже громко спросил:

-- За что?

Экзекутор даже не нашёлся ответить, да Иван Иванович и не ожидал ответа. Смело и вызывающе глядя всем в глаза, он кинул, словно вызов:

-- За то, что я интервьюируюсь?

Все были в ужасе. Он ещё бравировал этим!

-- А Степан Степанович? -- вызывающе бросил Иван Иванович.

Это уж было чересчур! Экзекутор сделал самое суровое лицо и отвечал, отчеканивая каждое слово:

-- Даже Степан Степанович не доходил до такой распущенности. Степан Степанович интервьюируется постоянно с одним. А вы с кем ни попадя. Ни одного дня ни одной газеты не выходит без интервью с вами. Прощайте.

И даже Степан Степанович не подал ему руки и отвернулся, когда Иван Иванович выходил из канцелярии.

Переступая в последний раз порог канцелярии, Иван Иванович чувствовал, что для него всё гибнет, и какое-то дикое, весёлое отчаяние охватило его. Какое-то бесстыдство овладело им. Ему захотелось бесстыдничать, приводить всех кругом в ужас, негодование, пить чашу презрения.

На пороге он обернулся и крикнул на всю канцелярию:

-- Хотите я к вам, ко всем, интервьюеров пришлю?! Ах, хорошо, подлецы, интервьюировать умеют!

Он ожидал воплей негодования, угроз, криков: "вывести его!"

В ответ было гробовое молчание.

И среди гробового молчания Иван Иванович, бледный, шатающийся, вдруг обессиленный, вышел из канцелярии. Даже швейцар не надел ему в рукава, а набросил на плечи шинель.

-- Погиб, погиб! -- шептал Иван Иванович, идя домой пешком.

А вечером в его квартире шёл дым коромыслом. Иван Иванович... праздновал своё изгнание в кругу репортёров, пил, плясал для них русскую и кричал:

-- Выгнали! Слава Богу! Теперь я свободен! Теперь я ваш! Интервьюируйте меня по 24 часа в сутки! Пусть публика знает все мои мысли! Ничего сокровенного у меня нет!

И отвечал сразу на шесть вопросов по шести разным предметам.

Даже репортёры изумлялись откровенному бесстыдству его ответов.

И вот потянулись ужасные дни.

В кабинете Ивана Ивановича, обыкновенно чистом, слегка благоухающем, запахло какой-то казармой, типографской краской, промозглым пивом, много ношенными сапогами, скверными папиросами.

И Иван Иванович ходил по белому когда-то, теперь насквозь проплёванному ковру, отбрасывал ногой валявшиеся окурки и олово от пивных бутылок и с удовольствием

втягивал в нос острый запах скверных папирос.

-- Эх, здорово репортёром пахнет... Хоть бы пришёл кто из них!

Утром, едва Иван Иванович брался за газеты, у него просыпался какой-то зуд:

-- Хорошо бы по этому вопросу мнение высказать... Ах, и по этому бы и по этому...

И он с трепетом ждал, когда вздрогнет звонок, сам выбегал в переднюю, сам снимал с вошедшего пальто и говорил, почти задыхаясь:

-- Интервьюируйте меня! Интервьюируйте! Чем вы меня сегодня? Иностранной политикой долбанёте?

-- Нет. На очереди стоит вопрос: как лучше солить огурцы?

И он интервьюировался, интервьюировался, интервьюировался с каким-то бешенством, говорил обо всём: о Чемберлене, огуречном рассоле, древних языках, о том, что знал, и с особым наслаждением о том, чего вовсе не знал.

Но вот звонки в квартире Ивана Ивановича стали раздаваться всё реже и реже...

Редакторы более не принимали интервью с Иваном Ивановичем:

-- Надоел! Во всех газетах!

Репортёры развращали других действительных статских советников и даже на улице, при встрече с Иваном Ивановичем, вскакивали на первого попавшегося извозчика и уезжали, крича:

-- Поскорее!

Потянулись истинно тяжкие дни. Иван Иванович, говорят, перестал курить свои гаванские сигары и курил самые скверные папиросы.

-- Репортёром пахнет!

Это создавало бедняге иллюзию. Целые дни, говорят, он сидел один, разговаривая вслух сам с собою, задавая сам себе нелепые вопросы и давая на них самые нелепые ответы.

-- А как вы думаете, ваше превосходительство, может Патти ещё раз выйти замуж? -- спрашивал он себя, слегка изменив голос, и отвечал своим собственным голосом:

-- Отчего бы и нет? Думаю, что может!

Это заключилось катастрофой.

На днях Ивана Ивановича судили у мирового за избивание некоего мещанина, занимающегося литературным трудом.

Из протокола выяснилось, что городской, стоя вечером на углу безлюдной площади, услышал безумные вопли, летевшие откуда-то из сугроба снега. Прибежав на место происшествия, он увидел известного ему литературного мещанина, на котором сидел верхом Иван Иванович, тузил молодого человека кулаками, по чем ни попадя, и кричал:

-- Нет, ты будешь меня интервьюировать, будешь!

Свидетели-репортёры показали, что Иван Иванович положительно не даёт им прохода. Одного прищучил у Доминика, когда тот хотел уходить, не заплатив за пирожки:

-- Интервьюируй меня или буфетчику скажу!

Другого семь дней ждал у выхода из редакции, так что тот должен был уходить в трубу.

Третьего настиг в глухом переулке и грозил застрелить, если тот его тут же не будет интервьюировать по вопросу об употреблении мелинита при осаде крепостных бастионов. Репортёры просили мирового судью оградить их от приставаний Ивана Ивановича:

-- Нас другие действительные статские советники, желающие интервьюироваться, ждут. Мировой судья приговорил Ивана Ивановича на две недели ареста. Нам будет очень прискорбно, если этот фельетон попадёт в руки Ивана Ивановича. Горько зарыдает бедняга:
-- Изъинтервьюируют, да ещё насмехаются!

Владимир Гиляровский

Владимир Алексеевич Гиляровский (1853(55) – 1935) – русский журналист, прозаик, поэт. Родился 26 ноября (8 декабря) 1853 (по др. сведениям 1855) в семье помощника управляющего лесным имением в Вологодской губернии. Потомок запорожских казаков. В 1860 Гиляровские переехали в губернский город Вологду, где Владимир поступил в гимназию.

Мать умерла, когда Гиляровскому было 8 лет, и это определило раннюю самостоятельность и привычку к труду. Отец был дружен с ссыльными революционерами-народниками. Не окончив гимназию, Гиляровский на 10 лет «ушел в народ». За это время был бурлаком на Волге, крючником, пожарным, рабочим на заводе, объездчиком диких лошадей, циркачом, актером. Когда началась русско-турецкая война 1877–1878, Гиляровский добровольно стал солдатом.

В 1881 приехал в Москву, остановился в номере гостиницы Голяшкина (на углу Тверской улицы и Газетного переулка). Познакомился с актёром В.Н. Андреевым-Бурлаком, который жил при первом частном московском драматическом театре А.А. Бренко, и год с небольшим служил в этом театре. Здесь бывали Ф.М. Достоевский, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, И.С. Тургенев, А.Н. Островский.

Расставшись с театром, Гиляровский переселился в меблированные комнаты «Англия» в доме Шаблыкина на Тверской. К этому времени относится начало его дружбы с А.П. Чеховым и И.И. Левитаном.

Начал печататься еще во время своих скитаний, но профессиональным литератором стал, поселившись в Москве. Около года писал статьи для различных периодических изданий, с 1882 сотрудничал как журналист в газете «Московский листок», а в 1883–1889 – в «Русских ведомостях». Печатался в газетах «Русская

мысль», «Петербургский листок», «Новое время», в «Муравье», «Осе», «Русском слове» и других изданиях. В 1889–1891 году числился штатным сотрудником в газете «Россия».

Гиляровский стал одним из лучших репортеров столичной прессы, его «коньком» были уголовная хроника и репортажи, он писал о самых заметных и нашумевших событиях, его называли «королем репортеров». Вершиной его репортерской деятельности стал очерк о Ходынской катастрофе 1896. Гиляровский был самым известным и признанным знатоком Москвы. Это проявлялось на всех уровнях: писатель блестяще знал историю города и его современность, архитектуру и географию, высший свет и московское «дно» – Хитровку, приток нищих, босяков и отщепенцев. Воображение современников поразило описание Гиляровским хитрованских притонов. Гиляровский одним из первых открыл московское «дно».

Гиляровский был живой легендой. С его именем связывались самые невероятные истории и происшествия. Известна, например, история о том, как он послал письмо в Австралию по вымышленному адресу. Письмо вернулось к Гиляровскому, и он демонстрировал его своим друзьям, поражаясь обилию штемпелей и почти сказочному пути, которое проделало письмо. Ходили легенды и о физической силе «дяди Гиляя»: он мог пальцами согнуть медный пятак, завязать узлом кочергу. Современники, отмечая разносторонние дарования Гиляровского, одним из самых заметных его талантов считали талант общения. Его друзьями были многие знаменитые современники: Чехов, Бунин, Куприн, Шалапин и многие другие литераторы, художники, актеры.

В 1900, работая над статьей «В гоголевщине» и очерком «На родине Гоголя», Гиляровский смог уточнить место и дату рождения великого писателя. Первыми рассказами Гиляровского были «Человек и собака» и «Обреченные» (1885). В 1887 по совету Г.И. Успенского и настоянию Чехова собрал и напечатал первые рассказы под названием «Трущобные люди». Гиляровский довольно быстро стал необыкновенно популярной личностью. Не было в Москве улицы, переулка, дома, где бы не знали «дяди Гиляя».

Главной темой сборника было превращение людей в обитателей «дна». Цензура запретила книгу, тираж ее был уничтожен. Но рассказы из нее вошли в более поздние сборники писателя «Негативы» (1900) и «Были» (1909). В 1894 вышел первый стихотворный сборник Гиляровского «Забывшая тетрадь». И в последующие годы на протяжении всей жизни Гиляровский не оставлял занятий поэзией. Наиболее известна поэма «Стенька Разин» (отд. Изд. 1922), в которой автор выразил свое понимание русской души. Во время Первой мировой войны вышли три поэтических сборника на патриотическую тему, не имевшие успеха. Та же участь постигла поэму «Петербург» (1922), в которой прослеживается влияние «Двенадцати» Блока. Чехов однажды в шутку сказал Владимиру Алексеевичу Гиляровскому: «Ты – курьерский поезд. Остановка – пять минут. Буфет».

Это не было чистой метафорой, потому что курьерские поезда действительно наложили заметный отпечаток на образ жизни знаменитого московского репортера и писателя. Сегодня здесь, завтра там... Сам Гиляровский писал о себе так: «У репортера тех дней не было прочных привязанностей, не могло быть...».

Знаменитый чеховский «железнодорожный» рассказ «Злоумышленник» написан во многом благодаря Гиляровскому. Чехов приезжал к Гиляровскому на дачу в Красково. На берегу пруда они увидели рыбака, который мазал илом загноившуюся ногу. «Медицинское» сердце Антона Павловича не выдержало этой варварской картины. Он осмотрел ногу мужика (его звали Никита) и прописал ему мазь. Очевидно, тогда же Чехов заметил на сетях у Никиты странные грузила. Гиляровский пояснил, что это гайки, которые рыбак отвинчивает от железнодорожных рельсов.

Косвенным подтверждением того, что тема «Злоумышленника» подсказана Чехову именно Гиляровским, является рассказ самого Гиляровского «Доморощенный Треф» (1912). Жандарм Федот Зюзя, служащий на заброшенном полустанке, прочитал в газете про знаменитого полицейского пса Трефа, с помощью которого нашли убийцу. «В конце заметки было сказано, что околочный, который привел своего Трефа, получил награду и повышение по службе». Зюзя с грустью смотрит на своего пса Волчка, который, по словам жены жандарма Степаниды, «только жрет дарма» да бегаёт в соседнюю деревню к собаке Жучке. Но однажды на полустанок приезжает ревизия из Петербурга. Ее никто не боится, потому что «в этом мертвом углу без пассажиров и груза» воровать было нечего, но один чиновник вдруг спрашивает: «А старые шпалы налицо?» Выясняется, что гнилых шпал сложено в штабеля у платформы раза в четыре меньше, чем положено. Их, как отлично знал Зюзя, перетаскал к себе на омшаник крестьянин Ванька Глупых из соседней деревни, хозяин собаки Жучки. «Протокол за растрату шпал», – сверкнул очами генерал». Тут Зюзе приходит в голову повторить подвиг околочного, хозяина знаменитого Трефа. Он заявляет, что его пес может найти расхитителя шпал, и пускает Волчка «по следу». Тот приводит жандарма и ревизоров к сараю Ваньки Глупых, где за шпалами, прислоненными к стене, обитала Жучка...

Не обходил своим вниманием «чугунку» Гиляровский и как журналист. В 1892 году произошла железнодорожная катастрофа на станции Кукуй. Особая комиссия по выявлению причин аварии работала в условиях строгой секретности, так как и без расследования были очевидны просчеты путевой администрации. Посторонние не допускались. Гиляровский спрятался в уборной вагона, а потом незаметно присоединился к комиссии, члены коей не знали хорошенько друг друга. Четырнадцать дней он посылал разоблачительные корреспонденции в «Московский листок».

В 1899 году Гиляровский опубликовал в газете «Россия» очерк «Железная горячка», имеющий безусловную историческую ценность. Он вообще не о железной дороге, а об иностранном капитале, эксплуатирующем природные богатства России, но написан с точки зрения пассажира поезда, путешествующего по югу Малороссии. «Объем иностранных инвестиций» чувствуется уже по национальному и социальному составу пассажиров. Харьков – Екатеринослав: «Рядом со мной занимают купе четыре француза, болтающие всю дорогу. Купе по другую сторону занято двумя англичанами, которые все время молча курят сигары и читают гид». Екатеринослав – Кривой Рог: «Третий класс – битком: едет много рабочих – главным образом, орловских – копать руду в Кривом Роге. Второй класс – тоже битком. Едут французы 2-го разбора и маклера. В первом классе тесно: французы 1-го разбора... В третьем классе –

радужные надежды на заработок восьми гривен в день. Во втором гудит какой-то рой пчел: (...) пять тысяч в разведку, 2 копейки попудно, двадцать миллионов в год, сто тысяч за усадьбы... В первом классе – все молчат».

Гиляровский описывает не только пассажиров, но и то, что видит из окна поезда: «А Нижне-Днепровск, несколько лет тому назад пустырь, – теперь громадная станция, окруженная на несколько верст всевозможными заводами. Здесь заводы вагоностроительный, трубопрокатный, механический и другие. Громадные здания, электричество. И все до одного заводы, весь этот громадный и драгоценный город, выросший, как в волшебной сказке, – все принадлежит иностранцам, и все создано только ими». Разумеется, и все доходы уходили на Запад: «Неудержимо плывут отсюда русские денежки за границу». Эксплуатация природных недр России велась практически бесконтрольно: «Горное управление Южной России находится в Екатеринославе и делится на 5 округов, в состав которых входит 9 губерний. В Кривом Роге добывается около 200000000 пудов и не имеется ни одного постоянно живущего представителя горного надзора...» Нынче многие грезят у нас об увеличении иностранных инвестиций и продаже иностранцам «нерентабельных предприятий», считая, что это вложение денег в Россию, а не утечка капиталов на Запад. Но это смотря с какой точки зрения. Если с точки зрения очерка Гиляровского, то это будет просто более изощренной формой утечки капиталов... Пафос «Железной горячки» в том, что надо самим выгодно эксплуатировать свои недра.

Непосредственно проблемам железной дороги посвящен очерк Гиляровского «Труженики», так и не напечатанный при жизни писателя. Речь шла о Владикавказской железной дороге, имевшей в 1900-х годах особый статус среди других – казенных и частных – дорог России. Ее, как и знаменитую лесную концессию по реке Ялу, ставшую одной из причин злосчастной Русско-японской войны, трудно было с определенностью назвать казенной или частной: «Хозяевами дороги состоят петербургские сановники, владеющие акциями». С мая по сентябрь они приезжали по своей дороге отдыхать на кавказские курорты, а подчиненная им администрация пути с ног сбивалась, чтобы их ублажать. «Инженеров этой дороги то и дело видишь на всех курортах то кого-нибудь сопровождающих в курзалах «по делам службы», а то с кем-нибудь пирующих, когда на огромной линии идет перемена шпал – самые горячие летние работы». Это, по мнению Гиляровского, и являлось главной причиной 18 крушений в год на Владикавказской дороге. «Не могут же они (начальство и инженеры. – А.В.) одновременно быть и на курортах, и наблюдать за кладкой шпал, и уследить, чтобы шпалы все подряд, где нужно, клались новые, а не одна новая на десяток старых. Именно это указание приходится делать потому, что пассажиры, привезшие с прошлого крушения гнилые шпалы, рядом с ними находили и новые».

Гиляровский был одним из первых в России мастеров газетных сенсаций. Венцом его репортерской деятельности стало путешествие в поезде, в котором машинист А.В.Ухтомский, эсер, вывозил под огнем правительственных войск дружинников из Москвы в декабре 1905 года. Об этом – очерк Гиляровского «В вихре» (1907). Тогда же он записал рассказ железнодорожника Т.В.Голубева о карательной экспедиции полковников Мина и Римана на Московской железной дороге, опубликованный лишь в 1925 году. Это

образец честной журналистской работы. Повстанцы, в которых прямо из окон вагонов, с площадок стреляли семеновцы, изображены отнюдь не ангелами: поезд Римана застиг многих из них за мародерством и грабежом станционных складов. Но бессудная расправа всегда страшна и надолго остается в памяти народа. Мы знаем, чем закончилось обоюдное озлобление в 1917 году.

Гиляровский дружил или был близко знаком с Л.Н. Андреевым, А. Белым, А.А. Блоком, В.Я. Брюсовым, И.А. Буниним, М. Горьким, М.Н. Ермоловой, С.А. Есениным, В.И. Качаловым, Куприним, К.Г. Паустовским, И.Е. Репиним, А.К. Саврасовым, Скитальцем, К.С. Станиславским, Ф.И. Шаляпиним, Т.Л. Щепкиной-Куперник и др.

Помимо того что Гиляровский имел репутацию «короля московских репортёров», он был действительным членом Общества любителей российской словесности, членом-учредителем первого русского гимнастического общества и почётным пожарным Москвы.

В 1914 Гиляровский получил предложение издать свои сочинения. Работа над семитомным собранием была прервана первой мировой войной. После революции Гиляровский печатался в газетах «Известия», «Вечерняя Москва», «На вахте», в журналах «Рампа», «Красная нива», «Художественный труд», «Огонёк»

Визитной карточкой Гиляровского для современного читателя является его книга «Москва и москвичи» (1926), в которой писатель подробно, правдиво и увлекательно рисует жизнь Москвы 1880–1890-х годов: рынки и трущобы, книжные магазины и трактиры, улицы и бульвары, людей искусства, торговцев, чиновников и т.п., второе издание (1931) носило название «Записки москвича». В 1926 вышла книга «От Английского клуба к Музею революции».

Среди произведений Гиляровского, посвящённых Москве, — книги «Друзья и встречи» (1934), «Москва газетная» (опубликована в 1960), «Люди театра» (издана в 1941) и др.

В конце жизни Гиляровский обратился к мемуарам, вспоминая о своих многочисленных встречах с великими людьми в книгах «Мои скитания» (1928), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934).

Гиляровский прожил долгую жизнь. Он скончался 1 октября 1935 года в возрасте 82 лет. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Репортажи⁴⁸

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

(От нашего корреспондента)

1 июня

28 мая, в половине двенадцатого часа ночи, в спальном корпусе No 8, где находились

48 Гиляровский В. А. Собрание сочинений в 4 томах. М.: 1999. Том 2.

денные рабочие с семьями, а равно семейства отсутствовавших, вспыхнул пожар и в одно мгновение охватил все здание. Люди в страшном испуге бросились к выходу, но немногие успели спастись этим путем. Остальные начали бить и ломать оконные рамы и бросаться с высоты второго этажа на землю. Ужасную картину представляло горящее здание: в окнах, из которых, прорываясь в разбитые стекла, валил дым и языками поднималось пламя, зажигая наружную часть стены, металась рабочая, тщетно стараясь выбить крепкие, наглухо заделанные рамы... Вот в одном из окон, на виду всех, высокий мужчина отчаянно бьет самоваром по раме, но тщетно! Несчастный задыхается в дыму и падает мертвым... Огонь окончательно охватил окно... В другом окне появилась женщина с грудным ребенком на руках... волосы и платье ее пылают... Ей успели подать лестницу, спасли ее, и всю обожженную отправили в больницу вместе с ребенком... Это жена крестьянина Сычевского уезда Смоленской губернии Сорокина. Муж ее в это время лежал без чувств на руках своего сына, только что возвратившегося со смены. Сорокин тоже обезображен донельзя... На лице и руках у него кожа и мясо болтались лохмотьями. Дочери его, Марфы, одиннадцати лет, и до сих пор найти не могли. Из одного окна отец бросил свою малолетнюю дочь, которая была поймана кем-то на руки и осталась невредимой, а вслед за ней, весь в огне, прыгнул и сам несчастный... Лестниц было немного, да и те не имели никакого значения, потому что окна были забиты, не отворялись, и выбить их было чрезвычайно трудно, так как здание было новое. К счастью, быстро прибывшая фабричная пожарная команда с паровыми трубами отстояла соседние казармы и бараки, или, вернее сказать, темные чуланы, где помещались рабочие, и жертвою пламени сделался только один верхний этаж корпуса No 8.

Вот как рассказывает жена рабочего Кулькова о начале пожара:

-- Спали мы в чулане, сзади казармы, а проснувшись, отправились на смену, часу в двенадцатом. Только что я вышла – вижу, в окне третьей каморки, вверху, огонь и дым валит. Максим! – мужа зову,-- гляди-ка, никак пожар? Он вышел из чулана, и мы побежали в корпус – вещи наши там были. Только прошли через кухню в коридор, а уж огонь-то в нем. Крикнули: «Спасайтесь, горим!» Ну, народ начал выбегать, а уж коридор сразу со всех сторон горел. Как я выбежала на двор – не знаю – муж мой из окна выскочил, скамьей его вышиб и кричит, помощи просит... Народ из окна лезет, падает, кричит. Казарма уж сразу вся в огне была...

Действительно, корпус загорелся сразу, и к утру весь второй этаж представлял из себя развалины, под которыми погребены были тела погоревших. В субботу найдены были трупы, обуглившиеся, потерявшие человеческий вид; некоторые из них валялись сверху обломков, а некоторые под ними. Особенно трогательную картину представлял труп женщины с двумя обгорелыми детьми на руках. Это жена сторожа, разрешившаяся в момент пожара... Далее были найдены еще два ребенка, сын и дочь отставного солдата из Динабурга Иванова. Сам же Иванов, получивший страшные обжоги и ушибы, лежит в больнице.

В груде пепла и обломков найдено пока одиннадцать трупов, которые и похоронены в тот же день. Детей клали в один гроб по несколько человек. Похороны представляли печальную картину: одиннадцать гробов были положены в простые телеги и отезены на кладбище!.. Обломки на пожарище не все разобраны. Предполагают, что найдутся

сгоревшие, так как, по словам рабочих, несколько человек недостает.

Причины пожара объяснить никто не может, но ввиду того, что громадная казарма, имеющая семнадцать окон по фасаду в каждом этаже, вспыхнула моментально, загоревшись в разных концах, предполагают поджог, тем более что, по уверению фабричных, все лестницы в корпусе были облиты керосином.

Получивших обжоги и ушибы при прыжках со второго этажа насчитывают до тридцати человек, из которых большая часть находится в больнице...

Пожар навел страшную панику на рабочих. Так, например, в понедельник, 31 мая, в казарме No 5 при раздавшемся крике «горим! Пожар!» произошел не поддающийся описанию переполох, но тревога оказалась напрасной—пожара не было. Теперь рабочие, для безопасности, привязывают у окон веревки, чтобы избежать страшного несчастья быть заживо поджаренными.

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

4 июня

Упавшую крышу и обгорелые бревна на погоревшем корпусе Морозовской фабрики сняли, но до сих пор не разрывают землю, свалившуюся с накатов и покрывшую уцелевший пол второго этажа здания. Между рабочими носятся упорные слухи, что под этой землей есть еще трупы сгоревших. В больнице из числа помещенных туда обожженных шесть человек умерли и были похоронены на так называемом Мызинском кладбище. Кладбища здесь два: одно около церкви, близ села, называемое Ореховское, а другое Мызинское. На первом хоронят только жителей известных деревень и сел или тех умерших, для которых откупят место, а на другом всех без исключения. Мызинское кладбище находится в полуверсте от церкви в небольшом сосновом лесу, на песчаном кургане. Тут же похоронены и одиннадцать человек сгоревших. На днях еще привезли из больницы несколько человек на кладбище, но на вопросы: «что это, из числа пострадавших?» ответ последовал отрицательный. И уже потом выяснилось, что «запрещено» говорить, что умирают погорельцы. Вообще происшедшую катастрофу и все ее последствия здесь хотят прикрыть почему-то непроницаемой завесой...

Так, например, желая узнать и проверить ранее добытые нами из уст посторонних и пострадавших фабричных известия, мы обратились с этой целью к местному надзирателю, старику, получающему жалованье от Морозовской фабрики, но от него получили полнейший отказ сообщить нам необходимые сведения.

Не добившись ничего от блюстителя порядка, мы обратились к фабричному врачу. Но и этот последователь Эскулапа настолько пропитался тем же фабричным духом таинственности, что решительно отказался отвечать на наши вопросы.

-- Скажите, по крайней мере, доктор, сколько у вас в больнице обгоревших? – спросили мы.

-- Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь или в контору, или, самое лучшее, к следователю,-- был ответ.

-- Не можете ли вы сказать, удовлетворительно ли их здоровье, поправляются ли они после обжога?

-- Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь в контору, или...

-- Но скажите, пожалуйста, умер кто-нибудь из них? Ведь это же не секрет!

-- Ничего-с, ничего-с, ничего-с не могу сказать! Обратитесь лучше...--и, не кончив речи, врач ретировался.

Между тем, несмотря на молчание врача, известно, что в больницу после пожара труднобольных поступило 29 человек. Но сколько из них поправилось и сколько умерло – неизвестно.

В настоящее время на фабрике идут переделки. К не-растворяющимся рамам начали приделывать петли, по стенам казарм наставили несколько деревянных лестниц... и только! Почти все корпуса, и даже самый громадный – прядильный, снабжены лишь старыми деревянными лестницами, снаружи, да и то по одной или по две... Вообще нельзя не сказать, что г. Морозову, считающему у себя на фабрике до 15 000 рабочих, следовало бы серьезнее позаботиться о них. Нелишне было бы, например, посократить усилившиеся за последнее время штрафы, подумать о предупредительных мерах на случай пожара и распорядиться, чтобы по ночам в коридорах корпусов дежурили сторожа, а в «каморках» спали бы не по 15 и 17 человек, как это делается теперь,-- а поменьше, сообразно величине этих «каморок».

СТРАШНАЯ КАТАСТРОФА НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Сильный дождь, продолжавшийся в Москве целый день во вторник, 29 июня, лил и в отдаленных от нее Тульской и Орловской губерниях и при этом сопровождался там страшной бурей. Поэтому к вечеру на многих местах полотно Московско-Курской дороги было размывто, и рельсы или разошлись, или совсем свалились. Оказалось это близ станций Сергиево и Скуратово, но в третьем месте, именно, не доезжая 1 ½ версты до станции Чернь, ночью повреждения не заметили. Между тем это место, окруженное болотистой трясиной (285–86 верст от Москвы), одно из опаснейших на всей дороге. Ночью, в третьем часу, на этом месте встречаются почтовые поезда; идущий из Москвы, No 3, и из Курска, No 4. В эту ночь с 29 на 30 июня почтовый поезд, шедший из Курска, благополучно прошел над этой трясиной в 2 часа 32 минуты ночи; спустя лишь четверть часа подошел встречный ему почтовый поезд, шедший из Москвы. Машинист и поездная прислуга ни о какой опасности на предыдущей станции, Крестцах, предуведомлены не были, поэтому поезд шел очень быстрым ходом. Между тем за эту четверть часа насыпь от сырости опустилась, рельсы разошлись одна от другой, и вот здесь-то почтовый поезд потерпел страшное крушение. Десять вагонов с пассажирами разбились вдребезги, четыре вагона, в том числе и почтовый, оторвались и уцелели. Страшное зрелище представляли эти обломки поезда и массы убитых и тяжело израненных! Поездная прислуга убита почти вся. По первому исчислению, более 50 пассажиров убиты и до 80 человек искалечены так ужасно, что многие едва ли останутся в живых. К утру приехали

врачи из Черни и из Тулы, а в 3 ½ часа дня с почтовым поездом отправлены врачи из Москвы. Это небывалое еще у нас в железнодорожной хронике несчастье случилось в 2 часа ночи, а депеша правлением дороги получена была только в 10 часов утра: ее задержала гроза. Поезда, шедшие к Москве, были задержаны.

С МЕСТА КАТАСТРОФЫ НА КУРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

(От нарочного корреспондента)

15 июля

К утру 14 июля раскопки в жерле могилы были окончены, трупы и части вагонов вынуты; докопались до самого грунта. Оставалось поднять три колена трубы, попавшие в глубокую, выбитую водой яму. Это стоило громадных усилий, так как каждое колено (звено) весит до 160 пудов. Наконец, с помощью нескольких сот рабочих, под песню традиционной «Дубинушки», колено это вытащили. Прокурор палаты С. С. Гончаров, лично осмотрев это место, отправился далее, вниз по дну оврага и по течению соседнего ручья, производить окончательный осмотр местности. При осмотре присутствовали: инспектор дороги г. Шуберский, тульский губернский инженер Иванов, инженер Б. Домбровский и Клемчицкий, товарищ прокурора Федотов-Чеховский, судебный следователь г. Висневский и местный исправник г. Козловский.

На расстоянии 120 сажен в сторону от места катастрофы была сплошь перекопана вся наносная земля, осмотрено каждое место, где можно предполагать присутствие трупов. К 10 часам утра все было кончено, и С. С. Гончаров, честно выполнивший свою задачу, отправился в Москву.

В тот же день, к вечеру, по распоряжению чернского исправника было произведено сожжение морга и всех удобосгораемых вещей, оставшихся после адской катастрофы; земля насквозь пропитана дезинфекционными средствами и засыпана толстым слоем извести. Теперь уже все замолкло, никого нет на этой ужасной могиле... Нет ни инженеров, мечущихся по насыпи и орущих на рабочих, в грязных рубахах, с лопатами и тачками в руках, нет разнокалиберной публики, нет и помещиц – барынь и барышень, разодетых в богатые пестрые, не вяжущиеся с общей грустной картиной костюмы. Нет и родственников, горько плачущих по убитым... никого нет... Пусто и безлюдно на этом отныне увековеченном адском месте...

Дальше же внизу, справа и слева, продолжают другие работы: постройка насыпи обходного пути... Работа идет быстро. На дне проклятого оврага начинают уже класть трубы, которые уцелели после катастрофы...

Проходя по мостику, устроенному для перехода пассажиров, я увидел несколько железнодорожников из мелких служащих, ведших между собой следующий разговор:

-- Да вот опять на работу сейчас, и отдохнуть не дадут, анафемы! – промолвил один из них...

-- Куда это еще? – спросил другой, одетый в синюю блузу.

-- Да гробы перетаскивать...

-- Какие гробы? С ума сошел? Вчера последнее тело отправили...

-- Да не тела, а гробы, тут вон дорогих свинцовых гробов по случаю закупили, тел-то мало оказалось, а гробы остались...

-- Куда же их теперь, дяденька? На что покупали? – обратился молодой, почти мальчик, рабочий к старику, стоявшему рядом.

-- Куда?! Ты думаешь, зря их покупали... Начальство-то, брат, знает, что делает,-- вот трубы-то старые ставят, а гробы-то новые... Смекнул?!

Далее я не мог расслышать разговора, так как в это время мужики, накатывающие трубы под насыпью, затянули «Дубинушку»...

Ой, робя, ворочай туже, Видны косточки наружи!.. Ой, дубинушка, ухнем...

КАТАСТРОФА НА ФАБРИКЕ ХЛУДОВА

Во всех слоях егорьевского общества только и разговору, что о катастрофе 9 января. Толпы горожан стремятся на фабрику, но туда не пускают, и редко кому удается прорваться сквозь цепь сторожей-церберов в эту окруженную стенами крепость, куда в обыкновенное время даже местная полиция неохотно допускается. Нам удалось осмотреть местность, разрушенное здание и последствия катастрофы и узнать все подробности ее на другой день частью от пострадавших лиц, частью от многочисленных очевидцев, которые говорили под свежим впечатлением виденного и испытанного, нисколько не стесняясь и не скрывая самых малейших обстоятельств.

В обществе же рассказы всех были тождественны. Из виденного и слышанного нами мы сообщаем следующее: на фабрике, между прочим, имеется высокий, старый четырехэтажный корпус, часть которого занята сортировочным отделением, где сортируется хлопок, лежавший во всех этажах в день катастрофы в количестве около 6 тыс. пудов. Масса хлопка в кипах от 15 до 20 пудов каждая хранилась на четвертом этаже. В семь часов утра, во время разборки хлопка и спуска его сверху по особым деревянным трубам, послышались крики «пожар», и густой едкий дым от горевшего хлопка наполнил весь корпус и повалил из окон. Упавший по трубе воспламенившийся хлопок зажег на одной из женщин платье, опалил ее и еще двух ее товарок. У всех троих ожоги были настолько сильны, что их отправили в больницу при фабрике. Сила огня была вскоре прекращена прекрасной паровой фабричной пожарной трубой. Хотя, благодаря близости воды, в горящее здание было налито ее огромное количество, но тем не менее огонь все-таки временами прорывало и снова приходилось его гасить. Этим бы по-настоящему и кончилось все, но администрация фабрики распорядилась иначе. Дело в следующем: спустя часов пять после окончания пожара администрация фабрики командировала 50–60 человек рабочих под надзором почтенного человека, общего любимца всей фабрики, приказчика сортировочного отделения Михаила Титова, человека пожилого, прослужившего 33 года на этой фабрике, для скидывания с четвертого этажа вниз тяжелых кип с хлопком. Титов отправился в верхний этаж через чесальное отделение, и рабочие, долго боявшиеся вступить на качающийся пол четвертого этажа и побуждаемые

администраторами с угрозой «отказаться от места» и т. П., наконец решились, скинули шесть кип, стоявших наверху, вниз и сбросили на пол седьмую. В этот-то самый момент раздался страшный грохот от падающих масс, от которого, по словам очевидцев, «земля дрогнула», и все четыре потолка четырех этажей с массой хлопка, намокшего во время тушения огня, и работавшими людьми рухнули вниз. Затем все на момент смолкло, и потом раздались стоны раненых и изувеченных людей. Окна нижнего этажа, заложённые кирпичами, начали разламывать, затем приставили лестницу ко второму этажу (лестниц железных у этого корпуса нет), и рабочие поместились на окнах. А внизу, под ними, откуда слышались стоны, среди массы обломков и груд хлопка, еще местами курившегося, торчали – там голова, там нога, там человек, засыпанный по пояс и взывающий о помощи. Некоторые были стиснуты обломками бревен и не могли пошевелиться. Молодой парень из деревни Холмов, прядильщик Семен Петров, зацепившись фартуком за какой-то обломок у чугунной колонны, висел в ужасном положении между этажами на высоте нескольких сажен и молил о помощи. А помощь было подать опасно: потолок и висевшие груды обломков могли уничтожить, задавить своей массой смельчака. Тем не менее такие нашлись между рабочими: какой-то молодой парень привязал себя веревкой за пояс, перекрестился и спрыгнул вниз. За ним другой, третий... Принялись кое-как с невероятными усилиями освобождать несчастных, из которых некоторые лишились чувств, некоторые невыносимо стонали. Освобожденных или клали в корзины и в них вытаскивали наружу, или прямо привязывали под мышки веревками и вынимали. Долгое время старались рабочие вынимать несчастных и отправляли их в больницу при фабрике. Искали Титова, но ни между живыми, ни между ранеными его не оказалось. Нашли труп какого-то рабочего... Наконец из-под грязи и песку блеснуло что-то. Это оказался золотой перстень, надетый на руке, с которым Титов не расставался, и вскоре был вынут его труп, снаружи не изуродованный, но раздавленный между массами кип хлопка. Еще два трупа нашли в этот день: а на другой еще два. Все шесть трупов положили в квартиру фельдшера на пол, в здании больницы, рядом с палатой больных. 11 числа, т. Е. через два дня, мы видели эти трупы на том же месте, грязные, необмытые, изуродованные и уже издающие легкий трупный запах. Пять трупов лежали в этой комнате, а труп Титова – в другой. Станным кажется, по чьему «разумному» распоряжению трупы несколько дней лежат в больнице, рядом с палатами, переполненными больными и изувеченными, а не в часовне при больнице.

Всего в больнице находилось 11 января 19 человек, в том числе 3 пострадавших от пожара женщин и 16 раненых и изувеченных при катастрофе. Найденные более здоровыми не были положены в больницу. Так, например, на улицах города нам пришлось встретить хромавшего и согнутого от невыносимой боли спины и шеи Семена Петрова, того самого, который, как выше сказано, висел на колонне.

На месте происшествия 11 января, утром, в присутствии местного исправника, начали растаскивать кипы хлопка и обломки внутри здания и разыскивать трупы, но к 12 часам дня эта работа была прекращена ввиду могущего случиться несчастья. Обрушившаяся внутренность здания представляет нечто ужасное, но вместе с тем эффектное: это громадные, высокие четыре стены, освещенные светом, падающим из закоптелых выбитых окон, усыпанных ледяными сосульками, горящими разными огнями при

дневном свете. Наверху этого здания навис обитый изнутри листовым железом, каким-то чудом держащийся на чугунных колоннах потолок, ежеминутно грозящий рухнуть. Половина здания до самого верха загромождена стоящими, лежащими и висящими переломанными балками, деревянными решетками, кусками железа, сплошь, как толстым слоем битого стекла, покрытыми блестящей ледяной корой, переходящей на краях каждого предмета в каемку из ледяных сосул, между которыми сверкают обледенелые серебристые волокна белого хлопка...

А внизу, под этими ледяными сталактитами, образовавшимися от обильного поливания водой, груды хлопка, грязи, песку, смешанного с водой, и, по общему мнению, есть еще трупы, так как некоторых из рабочих недосчитываются.

В больнице лежат трупы: Михаила Титова, 45 лет, оставившего после себя жену, мать и восемь человек детей. По словам знающих эту семью, «у них нет денег на фунт восковых свечей для панихиды». Затем трупы крестьян деревни Голубевой: Михаила Петрова, 20 лет, Егора Петрова, 20 лет, оставившего жену и двоих детей, Василия Алексева, 23 лет, мещанина города Егорьевска Василия Яковлева, лет 35, и Василия Степанова из деревни Ширяевой, оставившего в крайней бедности троих детей. По случаю катастрофы в Егорьевск приехал из Зарайска товарищ прокурора и приезжал 11 января чиновник из Рязани от губернатора, но уехал в тот же день...

ПОДЗЕМНЫЕ РАБОТЫ В МОСКВЕ

Как уже известно нашим читателям, в Москве производятся подземные работы по переустройству Неглинного канала. Сильные дожди, не раз затоплявшие водой мостовую Неглинного проезда от Трубной площади до Кузнецкого моста, в особенности страшные ливни в 1861, 1870 и 1883 годах, когда мостовая была заливаема до 2 ½ аршин, убедили в несостоятельности Неглинного канала как водоотвода, а также и в необходимости или переустройства этого канала, или изобретения каких-либо других средств против затопления мостовой Неглинного проезда и прилегающих к нему местностей.

С этой целью производились городом не раз нивелировки и обмеры бассейна, а также и исследования самого канала, и результат этих работ выяснил, что площадь всего бассейна Неглинного канала равняется в круглых цифрах 1324 десятинам, из которых 1 125 000 квадратных сажень, составляющих загородную часть бассейна и проезда по Камер-Коллежскому валу, совершенно не замощены и с малыми уклонами; 810 000 квадрат. сажень, от проезда по Камер-Коллежскому валу до верхней самотецкой трубы, мало застроены, мало замощены и также с незначительными уклонами, и остальная часть бассейна, от верхней самотецкой трубы до Москвы-реки, в 1242 000 квадратных сажень сплошь замощена и застроена и имеет местами уклоны, доходящие до 0,03. Самый Неглинный канал получил свое название от речки Неглинной, русло которой и есть самый канал. Речка Неглинная начинается за Камер-Коллежским валом, невдалеке от Бутырской заставы, имеет на протяжении своего течения до Самотеки несколько прудов. Около трех верст она протекает в собственных берегах по огородам, затем около версты до

Самотецкого пруда по замощенной местности, по деревянным лоткам и в каменных трубах и здесь, в Екатерининском парке, в нее впадает ручей Напрудный, берущий свое начало за Марьиной рощей и также имеющий на протяжении своем несколько прудов. От Самотеки до Москвы-реки Неглинка уже течет по подземному каналу, начало постройки которого относится к концу прошлого столетия.

В 1878 году при очистке Неглинного канала ряд осмотров, произведенных особыми комиссиями, показал, что стены канала находятся большею частью в удовлетворительном виде, за исключением нескольких поперечных трещин. Свод трубы довольно хорошо сохранился, но в нем местами имеются продольные трещины, особенно большие под Театральным проездом и близ сандуновского фонтана, на протяжении 60 сажен. Местами же свод осел и сузил канал. Канал суживается также сетью газовых и водопроводных труб, пересекающих его. Канал имеет на своем протяжении извилины и крутые повороты, особенно частые на пути от Малого театра до театрального бассейна. Здесь канал проходит под зданием Малого театра и д. Челышева. Стены канала имеют толщину 4 кирпича, а свод – 2 кирпича. Пол состоит из двойного ряда досок, настланных вдоль канала. Стены канала лежат своим основанием на трех рядах свай, а пол укреплен на поперечных бревнах, врезанных концом в эти сваи. Пол местами сгнил; доски его отрываются течением и загромождают канал. Высота канала до настоящего времени была не одинакова. Местами человек высокого роста мог идти свободно по дну канала, местами же, благодаря заносам, почти невозможно было проползти лежа. Из всех этих данных причины затоплений Трубной площади сводятся к следующему: 1) неправильность уклона дна канала с существованием даже обратных уклонов; 2) недостаточность поперечного сечения; 3) дощатый половой настил, способный делать запруды; 4) скорость гниения этого настила, зависящая от того, что местами, когда нет дождей, настил этот не покрывается водой; 5) невыгодная форма дна и поперечного сечения и отсутствие отстойных колодцев.

Для устранения этих причин могло быть выбрано два средства: или устройство нового канала, или же приспособление существующего ко всему бассейну Неглинной. По составленным сметам устройство нового канала обошлось бы по 375 рублей за погонную сажень, а приспособление старого – по 138 рублей за сажень. Следовательно, разница в стоимости равна 237 рублей на сажень. Считая же на все протяжении 1524 сажени, общая экономия равняется 361 000 рублей. Приспособление старого канала заключается в увеличении сечения канала, углублении его дна, с подводом стен снизу, выставке обратного свода на всем протяжении канала из тарусского камня и отштукатурки стен свода. Лучшим временем для этих работ можно считать зиму, когда воды в канале бывает очень мало даже в банные дни. Работы, начавшиеся осенью прошлого года, поручены инженеру Н. М. Левачеву. Все расстояние канала последний разделил на три участка, из которых на каждом для производства работ поставил своих помощников, инженеров. Первый участок, от Самотеки до Кузнецкого моста, поручен Ф. В. Данилову, второй – Н. Г. Шилову и третий – г. Сергалеву. Для удобства работ в каждом из трех участков сделано по 12 отдушин, для чего разобраны свод канала и мостовая на две сажени в длину. Для безопасности движения по улице экипажей и прохожих, а также для сохранения инструментов и защиты рабочих в непогоду над каждым разобранным местом свода

устроены деревянные бараки. Всех их 36. Так как канал, особенно при начале осенних работ, переполнялся зловонной водой, поступающей в него из всех решеток по его протяжению и боковых труб, посредством которых спускаются банная вода и нечистоты из многих домов, то вода была отведена и дно канала осушено. Для отвода воды устроены были на всем протяжении канала деревянные, обшитые железом, с непроницаемым дном, лотки. Лотки эти подвешены на проволоках аршина на $1\frac{1}{2}$ выше дна канала, и посредством насосов, поставленных в каждом из 36 барачков, со дна канала перекачивалась вода и текла по лоткам до самой Москвы-реки. Едва ли не самым трудным для рабочих было устройство лотков. В продолжение с лишком месяца им приходилось работать то по колено, а то и да пояс в зловонной воде, пока были устроены лотки. Каждая сажень лотка ставилась под наблюдением г. Левачева или его помощников, почти не выходивших в это время из канала.

Рабочих постоянно, считая в том числе земляников, плотников, каменщиков и возчиков, работает около 1000 человек в день. Впрочем, количество их меняется, смотря по степени надобности, равно как меняются и ча-сы работы. Надо, впрочем, заметить, что большинство времени переустройства канала работы производились день и ночь и рабочие делились на две смены – дневных и ночных. Во время очистки насосов в канале попадает масса битой посуды, перержавевшие ножи, перегнившие кости, обрывки платья, трупы собак. Встречались и более интересные находки: так, близ Цветного бульвара найдены были очень старинной работы граната и бомба, находились также старые монеты и кости, похожие на человеческие.

ЛОВЛЯ СОБАК В МОСКВЕ

По обязательным постановлениям городской думы, напечатанным в No 147 «Ведомостей московской городской полиции» за 1886 год, разрешается водить собак по улицам и другим местам, находящимся в общественном пользовании, при условии, чтобы собаки были в ошейниках и на привязи. Собаки же, появляющиеся на улицах, бульварах и других местах, находящихся в общественном пользовании, считаются бродячими и подлежат уничтожению по распоряжению полиции.

Городская дума на этот предмет отпустила московскому обер-полицмейстеру 1000 рублей, и последний предложил содержателю живодерни в деревне Котлах, за Даниловской слободой, Грибанову, принять на себя обязательство ловли и уничтожения бродячих собак, причем Грибанову были предписаны следующие условия: с 21 июля 1886 г. Грибанов будет производить ловлю бродячих собак по улицам, бульварам и в др. местах общественного пользования через нанятых им для этого людей и собственными его сетями и другими снарядами, не допуская никакой жестокости с собаками. Ловля будет производиться ежедневно от часа ночи до 6 утра, пойманные собаки в сырейное заведение Грибанова в дер[евню] Котлы будут отправляться в клетках и содержаться на его счет трое суток, с тем, что если кто-либо из владельцев собак пожелает получить свою собаку, то должен за каждый день прокорма собаки уплатить по 25 к. с, по истечении же

трех суток собаки возвращаемы не будут, а поступают в собственность Грибанова. Грибанов накануне дня ловли уведомляет запиской пристава 2-го уч[астка] Серпуховской части о той местности, где на другой день намеревается производить ловлю, и участковый пристав в свою очередь сообщает телеграммой приставу того участка, где будет производиться ловля. Делается это для того, чтобы «по получении означенных телеграмм вменить в обязанность полицейским чинам оказывать ловцам всякое содействие, ограждать от могущих возникнуть с чьей-либо стороны помех и столкновений; наблюдать, чтобы ловцы не обращались с собаками жестоко и чтобы отнюдь не касались собак, находящихся во дворах и вообще в местах, не подлежащих общественному пользованию».

Ловля, содержание и откуп собак производятся следующим образом: около 11 часов ночи из деревни Котлы в Москву выезжают две запряженные клячами грязнейшие фуры, с зловонными клетками в них, сопровождаемые оборванцами самого зловещего вида. Это – помощники Грибанова по ловле собак. Хотя по приказу г. Московского обер-полицмейстера и полагается ловить собак, не употребляя жестокостей, в том только участке, о коем заявлено Грибановым накануне, но это не исполняется, и ловчие продолжают ловить собак на пути «ходом»: для этого они, заметив собак, расставляют, перегораживая улицу в двух местах, сети и гонят в них собак, стараясь, чтобы последние не ушли на какой-нибудь двор.

Когда собака попадает в сеть, они особого рода железным хватом прижимают собаку самым безжалостным манером к земле и усаживают в клетку. При этом ловчие стараются поймать всегда хорошую, породистую собаку, а не действительно бродячую, которую они обязаны ловить и которую никто не выкупит. Чтобы уловить породистую собаку, ловчие не брезгают никакими средствами; они выманивают собак со дворов различными способами, то прикармливая их, то прямо выгоняя, для чего ловчим приходится забегать во двор. При этом не обходится иногда и без неприятностей: если дворники заметят, то непрошенных гостей бьют, как это было, например, в прошлом году на Арбате, в доме Львовой, но ловчие «за тычком не гонятся». Ловчие измыслили еще более ловкий способ выманивания собак – «подлаиванием». С этой целью в деревне Котлах они ежедневно практикуются в лаянии, и некоторые из них действительно лают не хуже звукоподражателя Егорова, лающего, как говорят, «лучше собак». Ловчие употребляют, впрочем, и более бесцеремонные способы для добывания ценных и породистых собак: таков был случай, как сообщалось уже газетами в прошлом году, на Никитском бульваре, где ловчие, увидав дорогого пойнтера, бежавшего за дамой, шедшей в мясную лавку к Арбатским воротам, несмотря на протесты дамы, насильно отняли у нее собаку и увезли в фуру, в Котлы, в свое заведение, удачно названное «собачьей морильней». Прославленные Котлы находятся за Даниловской слободой, верстах в двух от нее. Здесь, невдалеке от зловоннейших боен, стоит и живодерня Грибанова: обширный грязный двор, где под навесом на шестах просушиваются окровавленные, вонючие шкуры убитых на живодерне или павших животных. Тут же и квартира Грибанова, в которую приходится обращаться владельцу пропавшей собаки, совершившему десятиверстное путешествие, а то и далее, из Москвы в Котлы.

Но здесь собаки нет, и ищущего ведут на гору, к развалине какого-то завода, где на

широком, поросшем бурьяном дворе есть длинный узкий дощатый сарай, при одном приближении к которому со свежим человеком может сделаться дурно от зловония. Около двери сарая трава и стена покрыты бурыми, жирными пятнами крови, и тут же стоит толстая окровавленная дубина: это место, где бьют собак, и орудие, чем их бьют. Непородистых, никому не нужных собак выводят из фур, надевают им петлю на шею и душат, а если собака очень сильна и живуча, то бьют ее палкой по переносью и с полуживой еще тут же сдирают шкуру, которую сушат и продают от 6 до 12 коп. за штуку. Как видно, доход от бродячих собак не велик, а хлопот с ними много: поймать, убить, шкуру содрать и продать. Зато породистые собаки выручают. Они содержатся в этом зловонном сарае, в вонючих, грязных, с постоянно мокрым полом клетках. В сарае только два выхода, узенькие двери и ни одного окна. Тут же, на голой земле, валяются рогожи и полушубок – это постель, одеяло и подушка неотлучно находящегося при собаках сторожа, молодого парня, занимающегося кормлением, убиением и продажей собак и спокойно живущего в зловоннейшем сарае. Впрочем, здесь не всегда содержатся хорошие, породистые собаки. Прежде, при начале деятельности Грибанова, сарайчик этот был переполнен догами, пойнтерами, сеттерами и т. П., а теперь большинство собак, содержащихся в сарайчике, принадлежат к неаристократической породе «дворняг».

При моем посещении заведения Грибанова я заявил, что у меня пропала собака, и меня привели в этот сарай, где я мог выбрать любую из собак, даже чужую, и, заплатив за нее, сколько потребует доверенный Грибанова, получить ее. При подобном способе получения действительные владельцы собак ничем не гарантированы. Книжки о том, где и когда и какая именно собака поймана, не ведется. В три дня – срок выкупа собаки, назначенный полицией, – владелец пропавшей собаки едва ли, если он человек занятой, успеет совершить путешествие в «Котлы»; а между тем по прошествии трех дней, согласно условию с полицией, собака делается собственностью Грибанова. Кроме того, в соседнем «с морильней» трактире всякий, отыскивающий собаку, может, если тихо поведет разговор, узнать, что хорошие собаки, которых невыгодно отдать за 75 коп. владельцу, т. Е. за содержание трех дней по 25 коп. в день, и не попадают вовсе в «морильню», а каким-то манером попадают к собачьим барышникам, занимающимся покупкой «случайных» собак. Тут же в трактире можно узнать, что хорошую собаку у Грибанова, пожалуй, не всегда достанешь и надо идти к барышнику, и при этом указывают на стоящую под горой отдельную хижину, невдалеке от трактира. Хижинка эта окружена забором, за которым на привязи и так ходит с лаем и визгом масса других, породистых собак всех возможных пород, от болонки до громадного дога включительно. Барышник предлагает купить собаку и продает их разно: и дешево, и дорого, кто как сумеет купить. Откуда эта масса собак у гриба-новского соседа – с достоверностью неизвестно, хотя есть слухи, что ловчие лучших собак продают подобным барышникам за бесценок и что последние, не решаясь выводить их на рынок, держат в глухих местах, вроде Котлов, и особенно охотно сбывают приезжим из других городов покупателям.

(От наших корреспондентов)

Клин. 7 августа

К вечеру 6 августа сотни москвичей наполнили Николаевский вокзал. Обыкновенно пустующий в это время года дорогой курьерский поезд наполнился пассажирами, взявшими билеты до Клина, одного из лучших пунктов для наблюдения солнечного затмения. Но далеко не все поместились в вагоны. И после отхода поезда все столы громадной буфетной залы были заняты, нигде было найти места сесть. Следующий, пассажирский, поезд также битком был набит пассажирами: даже дамы стояли на платформах, к крайнему удивлению поездной прислуги. Пришлось собрать еще экстренный поезд до Завидова, и в этом только нашлись места для всех желающих наблюдать затмение. Поезд отошел около половины двенадцатого и часа через три был в Клину. Я с трудом нашел место в одном из вагонов, битком набитых публикой. Уснуть, даже прилечь, места не было, и пришлось целую ночь не спать. Наконец, поезд остановился в Клину. Большинство пассажиров вышли, остальные уехали на следующую станцию, Завидово.

Я вошел в вокзал. Кругом стоял гомон невообразимый: стук шагов, движение мебели, бряцание посуды, разговоры – все это слилось в один общий гул. Около столов места брались с бою: если кто-нибудь вставал с места и уходил, оставляя на стуле свою вещь, -- вещь эта сбрасывалась, и место бесцеремонно занималось. Измученные, сбитые с ног лакеи не успевали исполнить требований и половины пассажиров. Последние сами с тарелками в руках шли на кухню, заказывали себе кушанье и собственноручно приносили его в зал.

В самый разгар этого ужина-завтрака кто-то громко крикнул, что «шар готов», и толпа начала понемногу сбывать. Вслед за другими я отправился к шару. Было около трех с половиной часов, еще довольно темно. Впрочем, на востоке небо было чисто и виднелись розовые золотистые отблески зари на узких грядках легких облаков. Перейдя полотно железной дороги, вправо от линии есть пустырь, между линией дороги, станцией и Ямской слободой гор. Клина. Этот пустырь, посередине которого имеется прудик, называется Ямским полем. Подле прудика в виде огромной круглой массы, слегка движущейся, покачивался чуть заметно во тьме воздушный шар, напоминавший собой издали голову в «Руслане и Людмиле». Чем ближе мы подходили к шару, тем выше и выше он вырастал перед нами.

Вокруг него стояла загородка, а с правой стороны, с юга, его защищал от ветра занавес, из брезентов. На противоположной стороне стояли аппараты для приготовления водорода для наполнения шара. Это целая баррикада. На платформе из старых шпал установлено три чана для смеси серной кислоты с водой. На чанах помещается холодильник для охлаждения газа и рядом с ним два химических сушителя, наполненные хлористым калием. Внизу платформы расположено 5 медных генераторов, наполненных железными стружками. От них прокопана канава, по которой стекает в яму железный купорос. На платформе стоят человек десять солдат в прожженных кислотой рубахах и мундирах. Солдаты работают частью около котлов, частью накачивают насосом воду из пруда. Газ, идущий из генераторов в холодильники, поступает потом в сушитель, а оттуда уже по

резиновому шлангу, совершенно сухой и холодный, поступает в шар. Шар привезен сюда со станции еще накануне, рано утром, и с 11 часов утра 6 августа наполняется газом под руководством механика г. Гарута при помощи нескольких солдат гальванической учебной роты. Весь день вчера и начало ночи на сегодня шар наполняется неудачно. Мешал ветер, ударявший шар о землю и выбивавший из него газ, и мелкий дождь, намачивавший материю. Лишь с 12 часов ночи шар начал наполняться как следует, и, **когда** я пришел, **был** уже почти полон. Только нижняя часть его лежала на земле, раздуваемая ветром, и держалась на веревках от сетки, прикрепленных к мешкам с балластом.

Становилось светлее, и шар ясно был виден.

Он напоминал собой по цвету и форме огромный, желтый бычачий пузырь, оплетенный веревочной сетью. Низ все еще не наполнился газом. С одной стороны шара крупными буквами написано «Русский», с другой мелко: Paris Lachambre. Как мы уже сообщали, шар сделан из бумажной материи, пропитан не льняным маслом, как это делалось прежде, а гуттаперчевым лаком. Он имеет 640 кубических метров емкости и может поднять, считая собственный вес, балласт и сидящих, до 50 пудов, если сух и хорошо наполнен. Около шара стояла плетенная из камыша корзина для воздухоплавателей, с обручем сверху, к которому прикрепляются веревки сети. На корзине прикреплен железный якорь – «пятилапая кошка», сделанная по системе г. Кованько. Собравшаяся публика с любопытством толпилась около шара. Часов с четырех публика все продолжала прибывать с вокзала из города и соседних слобод и деревень. Ямское поле, всегда пустынное, обратилось в какой-то табор. Вокруг шара – густое кольцо народа, далее, группами, зрители расположились по пригоркам и на поляне, разместясь на скамьях и стульях, которые то и дело возами подвозили из города и слобод. Владельцы скамей умело воспользовались моментом и уступали скамьи на время затмения по рублю и более за штуку. Еще далее, кольцом же, кругом публики стояло множество экипажей, на которых сидели разряженные дамы и кавалеры. Это – подгородные помещики и купцы. Около них стояло три-четыре столика с самоварами, с молоком и водами. На возвышениях со всех сторон шара фотографы расставили камеры, стояли телескоп и подзорные трубы, обращенные к востоку. Приехали 6 членов московского Общества велосипедистов-любителей, сделав накануне все расстояние между Москвой и Клином, 84 версты, на велосипедах.

Публика была, видимо, не весела, молчалива. Кое-где слышались отрывочные слова. Особенно удрученное состояние духа замечалось между крестьянами и клинскими мещанами. Как говорили, многие из них накануне исповедались в грехах, надели чистое белье и приготовились к смерти, ожидая светопреставления или землетрясения. Все молчало. Оживлял сцену лишь бегавший с прибаутками торговец трубками для наблюдения затмения, появляющийся всюду и кричавший: «Покупайте, господа, торопитесь, затмение будет через минуту!» Его появление вызывало улыбку, и он торговал прекрасно. Да еще солдаты местной команды развеселили, или скорее удивили на момент публику: во время тишины, в исходе пятого часа, вдруг послышалась солдатская песня. Это шла местная команда и отхватывала лихую песню...

Наконец половина шестого. Солнце давно уже взошло, но его все не видно за туманом, который все становится гуще и гуще. Подул с востока ветерок, туман слегка начал

исчезать, показались яснее избы Ямской слободы, и публика как будто повеселела. Но признаков, солнца не было... Стали даже сомневаться, полетят ли Менделеев и Кованько в шаре.

Чувствуя, что погода не прояснится, надежды всех обратились на шар.

Наконец явился г. Кованько. Это молодой, высокого роста красивый поручик, в форме лейб-гвардии саперного батальона. Он подошел к шару и приказал крепить корзину. Было 6 часов утра.

-- Сдавай! – раздалась звучная команда, и человек десять солдат взяли за балластные мешки, державшие шар на земле.

-- Шаг вперед!

Солдаты сделали шаг вперед, шар качнулся в воздухе и рванулся кверху.

-- Два шага вперед! – и еще выше рванулся шар. Балласт и солдаты уже очутились под шаром, поднявшимся сажени на две. Еще десять солдат ухватились за боковые веревки наружной сети, за «оттяжки». Начали прикреплять корзину. В нее положили инструменты: барограф, два барометра, бинокли, спектроскоп, электрический фонарь, сигнальную трубу и другие вещи, необходимые для наблюдений. На шаре предполагалось зарисовать корону солнца, наблюсти движения тени и произвести спектральный анализ.

К 6 часам 20 минут шар совершенно готов, хотя видно, что он намок, тяжел, несмотря на двойное количество (1200 куб. метров) против требуемого потраченного газа.

Становится темнее. Пошел мелкий, чуть заметный дождь; начался ветер, красиво покачивавший шар.

Ждали профессора Менделеева. В 6 часов 25 минут раздались аплодисменты, и из толпы к шару вышел высокого роста, немного сутулый, с лежащими по плечам волосами, с проседью и длинной бородой человек, с симпатичным, располагающим лицом. Это и был профессор. Он одет в широкополую шляпу, длинном, подпоясанном драповом коричневом пальто, в охотничьих сапогах. Он поздоровался с Кованько и Гарутом и начал готовить инструменты.

-- Деша получена? – спросил он одного из присутствовавших, члена технического Общества.

-- Да, сегодня ночью; вот она.–И спрашиваемый прочел следующую депешу из главной Петербургской физической обсерватории: «На прояснение надежда слаба. В Псковской губернии стационарный минимум. Ветер ожидается южный. Срезневский».

Шар так и рвался под ветром. Гг. Менделеев и Кованько сели в корзинку, попробовали,-- шар не поднимается, он слишком намок.

Тогда профессор Менделеев предложил подняться один, видя, что двоих шар не поднимет. Публика была поражена предложением почтенного профессора, отваживающегося совершить свое первое воздушное плавание без управителя шаром.

Г. Кованько был принужден согласиться на предложение профессора, вышел из корзины и передал г. Менделееву тоненькую бечевочку от клапана шара.

Последний раз три попробовал бечевку, выслушал объяснение Кованько, как управлять шаром, и начал прощаться. Первым подошел к нему профессор Краевич. Они поцеловались. Затем подошли дети профессора. Потом стали подходить знакомые, все жали руки. Профессор улыбался и был, по-видимому, спокоен. Он попросил перечесть

опять телеграмму и крикнул; «Дайте мне нож!» Ему Кованько подал складной ножик.

-- До свиданья, друзья! – попрощался профессор, громко скомандовал «прочь», и шар, отпущенный солдатами, плавно поднялся вверх и полетел на север, при громком «ура» и аплодисментах присутствующих.

В это время стало более и более темнеть.

Шар поднимался серой массой, как в густом тумане.

Видно было затем, как воздухоплаватель начал высыпать быстро один за другим мешки балласта, и шар, освобожденный от груза, ринулся вверх и исчез в темноте, в тени затмения.

Это было в 7 часов 46 минут.

Не более минуты шар был виден; полное затмение наступило вдруг.

И неожиданный полет г. Менделеева одного, без управителя шаром, и трогательная сцена прощания с ним, и исчезновение шара в темноте, и мрак, моментально охвативший землю, удручающе подействовали на всех.

Как-то жутко стало.

С несколькими дамами сделалось дурно.

Толпа крестьян, за минуту перед тем мне в лицо говоривших с усмешкой, что «уж господа больно хитры, раньше знают про затмение, и что никакого затмения не будет», ринулась почему-то бежать от места, где был шар, к деревне.

Смолкло все. Лошади стояли смирно и продолжали по-прежнему жевать траву. На собак тоже мрак не произвел никакого действия. Они были спокойны.

Я оглянулся по направлению станции. Там горели огни платформы и паровозов ярко, как в темную ночь. Потом огни начали краснеть, исчезать, забелелся дневной свет и так же быстро день сменил ночь, как ночь сменила день.

Все молчали. Прошло не менее 10 минут, как начали расходиться. День продолжался серый, туманный.

РЕДАКТОРЫ⁴⁹

В начале моей литературной работы в Москве прочных старых газет было только две. Это «Московские ведомости» – казенный правительственный орган, и либеральные «Русские ведомости». Это были два полюса.

Таковы же были и два московских толстых журнала – «Русский вестник», издававшийся редактором «Московских ведомостей» М. Н. Катковым, и «Русская мысль» В. М. Лаврова, близкая к «Русским ведомостям». А потом ряд второстепенных изданий.

Оглядываясь на свое прошлое теперь, через много лет, я ищу: какая самая яркая бытовая, чисто московская фигура среди московских редакторов газет конца прошлого века? Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков? – Вечная тема для либеральных остряков, убежденный слуга правительства. Сменивший его С. А. Петровский? – О нем только говорили, как о счастливом игроке на бирже.

И. С. Аксаков – редактор «Руси». Не популярен со своим славянофильским журналом.

В. М. Соболевский – «Русские ведомости» – был популярен только между читателями

49 Из книги «Москва газетная»//Гиляровский В. Собр. соч. в 4 Тт., Т. 3. – М., 1986.

этой газеты – профессорами, земцами, молодыми судебскими и либеральными думцами. Но вся Москва его не знала.

Н. П. Гиляров-Платонов – ученый, был неведом для публики, ибо он никогда не выходил из своего кабинета, а некрупная популярность его «Современных известий» была создана только обличителем-фельетонистом.

П. Н. Ланин – прекрасный заводчик шипучих искусственных минеральных вод и ничемный редактор либерально-шипучего «Русского курьера», совсем не принятого Москвой.

Об остальных изданиях и говорить не приходится: уж очень незаметны они были.

Среди этого вырисовывается благодаря своей бытовой яркости и неповторимости только одна фигура создателя «Московского листка» Н. И. Пастухова, который говорил о себе:

-- Я сам себе предок!

Только единственная яркая бытовая фигура: безграмотный редактор на фоне такой же безграмотной Москвы, понявшей и полюбившей человека, умевшего говорить на ее языке.

Безграмотный редактор приучил читать свою безграмотную газету, приохотил к чтению охотнорядца, извозчика. Он – единственная бытовая фигура в газетном мире, выходец из народа, на котором теперь, издали, невольно останавливается глаз на фоне газет того времени.

Издали виднее: через три года по выходе «Московского листка» Н. И. Пастухов печатал сорок тысяч экземпляров газеты.

У полуторастолетних «Московских ведомостей», у газеты политической, к которой прислушивалась Европа, в это время выходило четыре тысячи номеров, из которых больше половины обязательных подписчиков. «Русских ведомостей» в. Этот же год печаталось меньше десяти тысяч, а издавались они в Москве уже двадцать лет.

«Московские ведомости» были правительственной газетой, обеспеченной обязательными казенными объявлениями, которые давали огромный доход арендатору их, но расходились они около трех-четырёх тысяч, и это было выгодно издателю, потому что каждый лишний подписчик является убытком: печать и бумага дороже стоили.

Газету выписывали только учреждения и некоторые отставные сановники, а частных подписчиков у нее никогда почти не было, да и было тогда не модно, даже неприлично, читать «Московские ведомости». На редактора газеты М. Н. Каткова либеральные газеты и петербургские юмористические журналы, где цензура была насчет его слабее, положительно «вешали собак» за его ретроградство.

Так, Д. Д. Минаев напечатал в сборнике своих стихов следующее:

С толпой журнальных кунаков Своим изданьем, без сомненья, В России заменил Катков С успехом третье отделение. В доносах грязных изловчась, Он, если очень злобой дышит, Свою статью прочтет подчас И на себя донос напишет.

Из московских изданий позволяли себе полемизировать с М. Н. Катковым только «Русские ведомости» да иногда «Русский курьер» в первые три года издания, пока его редактировал В. А. Гольцев.

В московских юмористических журналах: «Будильнике», «Развлечении», а особенно в «Зрителе» – цензура вычеркивала всякое упоминание о М. Н. Каткове.

Помню, в 1882 году я дал четверостишие для «Будильника» по поводу памятника Пушкину: на Тверском бульваре, по одну сторону памятника жил обер-полицмейстер генерал Козлов, а по другую, тоже почти рядом, помещались «Московские ведомости» и квартира М. Н. Каткова:

...Как? Пушкин умер? Это вздор.

Он жив! Он только снова

Отдан под надзор

Каткова и Козлова.

Редакция «Будильника» четверостишие даже и в набор не сдала. М. Н. Катков был священной особой для московского цензурного комитета, потому что все цензоры были воспитанниками Каткова и сотрудничали в «Московских ведомостях», чем были сильны и неприкосновенны. Их, как древних жрецов, писатели и журналисты редко лицезрели.

Первая встреча с сотрудником «Московских ведомостей» и одновременно цензором останется для меня навсегда незабвенной. На какой-то большой пирушке у Н. И. Пастухова, после обеда, за кофе с ликерами, я сидел рядом с сумским гусаром Н. П. Пашенным, совсем юношей, лихим наездником и лихим спортсменом, впоследствии знаменитым драматическим актером Роциным-Инсаровым.

Подле него, красавца в полном смысле слова, поместился низенького роста неуклюжий рыжебородый человек в черном мешковатом сюртуке и, тыкая пальцем веснушчатой, покрытой рыжими волосами руки в грудь Н. П. Пашенного, ему что-то проповедовал.

Это был цензор Сергей Иванович Соколов, бывший семинарист, личный секретарь М. Н. Каткова.

-- Вот эта рука десять лет работает под руководством самого Михаила Никифоровича Каткова.

Н. П. Пашенный, продолжая сидеть, ловким взмахом вольтижера положил свою ногу, в малиновых рейтузах и сапогах со шпорами, сверх руки С. И. Соколова, прижавши ее к столу, и, хлопая по колену, сказал:

-- А эта нога три года работает под руководством полковника Клюге фон Клюгенау – первого наездника русской армии.

Горько заплакал личный секретарь М. Н. Каткова, цензор и постоянный сотрудник «Московских ведомостей». Потом дело кончилось миром.

Кроме своей газеты и «Московского листка», благодаря старому знакомству с Н. И. Пастуховым, цензор С. И. Соколов все остальные газеты считал вредными, а сотрудников их – врагами отечества.

Эта сцена мне памятна потому, что в тот вечер я воочию увидел первого сотрудника «Московских ведомостей» и первого живого цензора. Да и негде было видеть сотрудников «Московских ведомостей» – они как-то жили своей жизнью, не знали с сотрудниками других газет, и только один из них, театральный рецензент С. В. Флеров (Васильев), изящный и скромный, являлся на всех премьерах театров, но он ни по наружности, ни по взглядам, ни по статьям не был похож на своих соратников по изданию, «птенцов гнезда Каткова» со Страстного бульвара. Самого же М. Н. Каткова я так ни разу в

жизни не видал. Он умер в 1887 году. После него стал редактором Петровский, очень друживший с супругами Витте и, кажется, больше интересовавшийся биржей, падением и повышением бумаг, чем газетой и политикой.

Газета помещалась на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара и печаталась в огромной университетской типографии, в которой дела шли блестяще, была даже школа наборщиков.

Первый «студенческий бунт» был вызван «Московскими ведомостями». До того времени Москва этого слова не знала и не слыхала. Если и бывали студенческие беспорядки, всегда академического характера, то они происходили только в стенах университета. Первые беспорядки, прогремевшие в Москве, были вызваны новым уставом, уничтожившим профессорскую автономию и удвоившим плату за слушание лекций, что оттесняло бедноту от слушания лекций, а тут, вслед за уставом, грянул циркуляр о введении обязательной для каждого студента новой формы: мундиры со шпагой, сюртуки, тужурки и пальто со светлыми гербовыми пуговицами и синими выпушками – бедноте не по карману!

Осенью 1884 года запылали студенческие беспорядки, подогретенные еще рядом статей в защиту правительства и обычными доносами «Московских ведомостей».

Под влиянием всего этого студенческие беспорядки в первый раз вырвались на улицу.

На сходке студенты постановили устроить демонстрацию газете. К семи часам вечера студенты кучками неожиданно с разных сторон пришли на Страстной бульвар и устроили грандиозный кошачий концерт перед окнами квартиры редактора М. Н. Каткова с разбитием в них стекол. Явилась полиция и конный жандармский дивизион. Это был в Москве первый случай такого выступления конных жандармов. Жандармы с нагайками носились по бульвару и обоим проездам, разгоняя демонстрацию. Попадало всякому – и студенту и нестуденту. Били кого попало и как попало. На мостовой валялись избитые в кровь. Жандармов сбивали с лошадей, и лошади носились без всадников.

Как сейчас помню высокого студента-кавказца, когда он вырвал жандарма из седла, вмиг очутился верхом и ускакал. На помощь жандармам примчалась сотня 1-го Донского казачьего полка, выстроилась поперек проездов и бульвара и, не шелохнувшись, стояла, а жандармы успели окружить толпу человек в двести, которую казаки и конвоировали до Бутырской тюрьмы.

В газетах на другой день появились казенные заметки, что студенты пошумели на Страстном бульваре и полтора десятка из них было забрано и отведено в Бутырки.

Позднее во время всяких студенческих беспорядков обязательно хоть пару стекол разбивали в «Московских ведомостях», а в Татьянин день повторялись перед редакцией кошачьи концерты мирного характера.

КАЗЕННЫЕ ГАЗЕТЫ⁵⁰

«Студент 3-го семестра утешает вдов и разводит сирот. Согласен за стол и квартиру. Б. Бронная, д. Чебышева, студенту Андрееву».

Эти строки единственные остались у меня в памяти из газеты, которая мозолила мне глаза десятки лет в Москве во всех трактирах, ресторанах, конторах и магазинах. В доме

⁵⁰ Из книги «Москва газетная»//Гиляровский В. Собр. соч. в 4 Тт., Т. 3. – М., 1986.

Чебышева, на Большой Бронной, постоянном обиталище малоимущих студентов Московского университета, действительно оказались двое студентов Андреевых, над которыми побалагурили товарищи, и этим все и окончилось.

Эту газету получали все учреждения, потому что обязаны были получать и непременно держать ее на виду.

Программа этой газеты, утвержденная правительством, была шире всех газетных программ того времени. Ей было разрешено печатать «все, что интересно читать и потребно обывателю». Так и написано было в разрешении, которое мне показывал сам редактор, маленький чиновничек, назначенный из канцелярии обер-полицмейстера.

Он имел шикарную квартиру при редакции и жил так, как полагается жить человеку, занимающему подобную квартиру.

Редактор никогда не читал своей газеты, имевшей свою хорошо оборудованную типографию. Газету вообще никто не читал, а меньше всего подписчики.

Интересовались ею только самые злополучные люди, справлявшиеся о том, какого числа будет продаваться за долги их обстановка, да еще интересовались собачьи воры, чтобы узнать, по какому адресу вести украденную ими собаку, чтоб получить награду от публикующего о том, что у него пропала собака. Эти лица, насколько я знаю, читали газету, а кто были остальные читатели, если только они были, -- неизвестно.

Меня вопросы об аукционах не интересовали, а если у меня пропадала породистая собака, что было два раза в моей жизни, то я прямо шел на Грачевку, в трактир Павловского, разыскивал Александра Игнатьева, атамана шайки собачьих воров, -- и он мне приводил мою собаку.

Цензурный комитет в глаза не видал этой газеты, в которой печатались обязательные постановления Городской думы касательно благоустройства города, краткие сообщения из полицейских приказов и протоколов о происшествиях и список приехавших в столицу и выехавших особ не ниже пятого класса.

Кроме того, в газете «припечатывались» казенные и частные объявления, и на квитанциях писалось: «За припечатание сего объявления получено 33 копейки серебром».

Частные лица редко сдавали сюда торговые объявления, и называлась эта газета «Ведомости московской городской полиции».

Распространение газеты зависело от энергии участкового пристава и характера участка, которым пристав этот ведал. Так, в Арбатской и Пречистенской частях этой газеты и не увидишь, хотя каждый домовладелец обязан был на нее подписываться. Эти два участка были населены дворянством, которое гнало полицейских, приходивших с подписной книгой на газету. Зато в некоторых более подходящих участках были приставы, ревностно заботившиеся о доходах газеты, причем, конечно, не забывали и о своем кармане.

В 1881 году московская полиция была преобразована: прежнее административное деление столицы на кварталы было уничтожено, и Москва была разделена на 40 участков.

Квартальных переименовали в участковые пристава и дали им вместо старых мундиров со жгутиками чуть ли не гвардейскую форму с расшитыми серебряными воротниками и серебряными погонами с оранжевым просветом.

Пузатые, небритые квартальные надели почти что гвардейские мундиры, и только некоторые из молодых побрились и стали лихо закручивать усы.

Некоторые из них отпустили бороды по примеру царского двора, где бакенбардисты превратились в бородачей: царь носил бороду.

Квартальные, ставши приставами, конечно, заважничали и подняли тариф: теперь фунтом чернослива или ногой телятины торговцы уже не отделялись – гони наличные, купить сами умеем.

В это время я написал для «Будильника» четверостишие, которое мне показали, тоекратно и зло зачеркнутое красными чернилами, да еще с цензорской добавкой: «Это уж не либерально, а мерзко!»

Четверостишие было такое:

Квартальный был – стал участковый, А в общем та же благодать: Несли квартальному целковый, А участковому – дай пять!

В числе таких квартальных, переодевшихся в почти гвардейский мундир, был капитан Змеев – щеголь и козырь вовсю.

Он в это время был приставом на Тверской-Ямской, где улицы и переулки были населены потомками когда-то богатого сословия ямщиков и вообще торговым, серым по тому времени, людом.

Поручил собрать подписку околоточным, но безуспешно. Ответы были такие:

-- На кой она нам!

-- Мы люди неграмотные, газетов отродясь не читали!

В одно из воскресений, после обедни, на обширный двор участка были согнаны все домовладельцы, трактирщики и лавочники – хозяева.

Поддевки, длинные сюртуки ниже колен, смазные сапоги и картузы, как у Дикого из «Грозы», наполнили Двор. Вынесли стол с книгой подписки на газету.

Вышел на крыльцо грозный пристав Змеев:

-- Здравствуйте, почтенные!

-- Здравствуйте, вскорodie!

-- Кто у вас на «Полицейские ведомости» подписался, руку подними.

Поднялись две руки: трактирщика Осипова и лавочника Луки Прокофьева.

-- Выходи сюда. Подошли без шапок, дрожат.

-- Ну, спасибо вам, молодцы! Можете идти домой! – даже руку им подал на прощанье.

Затем обратился к писарю и приказал каждому раздать по газете, кому хватит.

-- Здесь, вот видите, на первой странице высочайшие приказы и обязательные постановления напечатаны. Их обязан знать каждый обыватель. Берите газету, располагайтесь на травке и выучите наизусть пока первую страницу. Да чтоб без ошибок было! А кто выучит – пусть доложит мне, я проэкзаменую сам.

И крикнул городовым:

-- Никого не выпускать со двора!

Городовые заперли ворота. Пристав важно ушел в свой кабинет.

Ошалелые обыватели бросились к писарю. Некоторые стали по складам читать газету и заучивать.

Писарь предложил желающим подписаться и с квитанцией идти к приставу в канцелярию. Подписка была четыре рубля за год. Конечно, сдачи с пяти рублей не давали. Брали квитанции, шли в канцелярию и исчезали.

Некоторые, упорные, пробовали учить заданное, но ничего не выходило.

В результате весь участок Змеева подписался на «Полицейские ведомости», а выходявшие из кабинета с аудиенции через парадный ход участка прямо на улицу почесывали затылок:

-- Н-да! Что ловко, то ловко!

В Москве была еще такая же газета с обязательной подпиской, но той в столице не видали.

Она выходила раз в неделю, посылалась в провинцию почтой, где ее сваливали, не распечатывая бандероли, в архив присутственных мест уездных городов. Оттуда она поступала в конце концов через сторожей в соседние лавочки на оклейку стен или употреблялась на курево.

В ней печатались циркуляры, еще ранее разосланные по уездам почтой, и «припечатывались» объявления о пропавших коровах и забеглых лошадях, о потерях документов и разных находках.

Я в первый раз познакомился с этой газетой, носившей громкое название «Московские губернские ведомости», в начале 80-х годов, на охоте под Коломной, где в сельской лавочке в половину этой газеты мне завернули фунт мятных пряников.

На привале в лесу я стал смотреть газету и среди объявлений о пропажах и находках наткнулся на такое сообщение:

«В лесу близ Черкизова найдены неизвестно кому принадлежащие кандалы с потертыми подкандалниками. Владельца просят явиться, с доказательствами принадлежности в Московское губернское правление, в стол находок».

ЦЕНзуРА И ЦЕНзОРы⁵¹

Самым глухим и трудным временем для печати было, пожалуй, десятилетие с 1881 по 1891 год, сменившее время «диктатуры сердца» и либеральных веяний, когда печать чувствовала себя относительно свободно. Это жесточайшее время реакции отразилось первым делом на печати: получить разрешение на газету или журнал было почти невозможно. Зато правительство легко закрывало издания или умело сводило на нет при всяком удобном случае негодные ему. Любопытно, что одним из первых во время наступившей реакции пострадал цензор Никотин, просматривавший журнал Н. А. Пушкирева «Свет и тени». Он пропустил карикатуру, не разгадавши ее смысла. Пострадал за нее и автор-художник, тогда еще студент-медик, М. М. Чемоданов.

Во всю страницу журнала «Свет и тени» летом 1881 года появился рисунок: стоят прямо воткнутые в две чернильницы по сторонам стола два гусиных пера, а через них была перекинута в виде вьющейся линии надпись: «Наше оружие для разрешения современных вопросов».

Перья и надпись изображали, если всмотреться, два столба с перекладиной. Перекладина-надпись была сделана почерком с росчерками, и один из росчерков, как раз посередине перьев, походил на висящую петлю.

Публика сразу узнала виселицу, и номер журнала был у всех в руках. Хватились испуганные власти, стали отбирать журнал, закрыли розницу издания и уволили цензора.

51 Из книги «Москва газетная»//Гиляровский В. Собр. соч. в 4 Тт., Т. 3. – М., 1986.

Уцелевшие у газетчиков номера продавались нарасхват по 5 рублей из-под полы. Вылетел со службы цензор Никотин, в общем очень милый и образованный человек, лучший из цензоров того времени.

Его увольнение больше всего отозвалось на цензорах, и они зло набросились на печать, и осторожность их доходила до абсурда.

Привыкай к пеленанью, мой милый, Привыкай, не шутя говорю, Подрастешь да исполнишься силой, Так и мысль спеленают твою.

Этими строчками заканчивалось стихотворение «Ребенок», сданное мною, вскоре после опубликования рисунка М. М. Чемоданова, в «Будильник».

Оно было послано в гранках цензору Егорову, лучшему из оставшихся цензоров, свободомыслящему и притом дружившему с редактором «Будильника» Н. П. Кичеевым, которому он и сказал, указывая на эти строчки:

-- Николай Петрович, да разве можно? Вы хотите, чтоб и меня в отставку, как Никотина, выгнали?

-- За что же?

-- Да за то, что я допустил намек!

Эта знаменательная беседа с цензором, рассказанная Н. П. Кичеевым своим товарищам, повторялась во всех редакциях и повисла грозной тучей над изданиями.

«Намек» дал тон всей тогдашней литературе, которая в ответ цензуре заговорила эзоповым языком и приучала читателя разыскивать и разгадывать «намек» даже там, где их не было. И разгадывали и находили, хотя это часто походило на сплошной анекдот.

Что, кроме анекдота, могло явиться в печати под «пятой» правительства, боявшегося даже намек, и какая могла быть печать, если газеты и журналы разрешались только тем, на кого твердо надеялось правительство, уверенное в том, что оно разрешает только тому право на издание, у кого и мысли о каком-нибудь неугодном властям намеке в голову прийти не могло, и разве такой издатель в свою газету и журнал мог пригласить редактора, который был бы способен пропустить какой бы то ни было намек?

Это было время, когда только в подпольной печати были рыцари без страха и упрека.

В легальной печати было два лагеря: в одном – «рыцари» со страхом и намеком, а в другом – «рыцари» без страха и намека. Во главе первых в Москве стояли «Московский телеграф», «Зритель» Давыдова, «Свет и тени» Пушкирева, ежемесячная «Русская мысль», «Русские ведомости», которые со страхом печатали Щедрина, писавшего сказки и басни, как Эзоп, и корреспонденции из Берлина Иоллоса, описывавшего под видом заграничной жизни русскую, сюда еще можно было причислить «Русский курьер», когда он был под редакцией В. А. Гольцева, и впоследствии газету «Курьер».

Ко второй категории можно отнести было: «Московские ведомости», «Московский листок», «Русский листок», «Русское слово», тогда еще не перешедшее к И. Д. Сытину, которые все кормились и не рассуждали, будучи бесцензурными, а «Новости дня» были безопасны вследствие предварительной цензуры.

В такие времена задумалось издание детского журнала «Ласточка», в котором поэт из народа И. А. Белоусов являлся издателем, а я редактором.

Приложив к прошению законное количество гербовых марок, я послал его в главное управление по делам печати, ходатайствуя о разрешении журнала. «Скоро сказка

говорится, дело мешкотно творится» – есть поговорка. Через долгое время я получил ответ из главного управления о представлении документов о моем образовательном цензе.

Во время затей с «Ласточкой» одновременно я был уже редактором «Журнала спорта», который был разрешен тем же самым главным управлением по делам печати.

В моем ответе, указав на этот факт, я дополнил, что, кроме того, я имею честь состоять «действительным членом Общества любителей российской словесности при Императорском московском университете» и работаю в журналистике более 20 лет.

Начальником главного управления по делам печати в эти времена был профессор Московского университета Н. А. Зверев, который сам был действительным членом Общества любителей российской словесности и, конечно, знал, что в члены Общества избираются только лица, известные своими научными и литературными трудами.

В ответ на это мне главным управлением сообщалось, что всего этого недостаточно для утверждения меня редактором детского журнала, а необходим гимназический аттестат. Гимназического аттестата, да и вообще никаких бумаг, кроме указа об отставке с перечислением сражений, в которых я участвовал, полученного мной после турецкой войны, тогда у меня не было: все их растерял во времена моей бродяжной юности.

Так и пришлось прекратить все хлопоты о детском журнале!

Вскоре после этого Н. А. Зверев приехал в Москву и потребовал к себе всех московских редакторов. Пошел и я. Он собрал редакторов в кабинете цензурного комитета и начал увещевать, чтобы были потише, не проводили «разных неподходящих идей», и особенно набросился на своего бывшего товарища по профессуре В. А. Гольцева, редактора «Русской мысли», и В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей».

Надо заметить, что это было в начале японской войны и как раз в тот день, когда было напечатано сообщение об успехах наших войск, взявших Путиловскую сопку.

-- А вам, господа,-- сказал Н. А. Зверев, обращаясь к В. А. Гольцеву и В. М. Соболевскому,-- я особенно удивляюсь. Что это вам далась какая-то конституция! Что это, господа? В такое время! Или у вас нет тем? Писали бы о войне, о героических подвигах. Разве это не тема, например, сегодняшний факт – сопка с деревом!

Беседа кончилась как-то юмористически. Когда вышли из кабинета, я резюмировал зверевскую беседу так:

Вот вам тема – сопка с деревом,

А вы все о конституции...

Мы стояли перед Зверевым

В ожиданьи экзекуции...

Ишь какими стали ярыми

Света суд, законы правые!

А вот я вам циркулярами

Поселю в вас мысли здравые.

Есть вам тема – сопка с деревом:

Ни гу-гу про конституцию!

Мы стояли перед Зверевым

В ожиданьи экзекуции...

Дождались конституции, грянула свобода печати, стали писать по-новому. Забыли «сопку с деревом», доставление документов об образовательном цензе, стали выходить издания явочным порядком. Стали писать все что угодно, никакой цензуры, казалось, не было, но оказалось – ненадолго.

Стали опять поговаривать о «свободе печати», той печати, которая свободно припечатывала бы каждое свободное слово, воскресла цензура и принялась «припечатывать»!

Для редакторов открылись двери тюрем, на издателей посыпались денежные штрафы, сажали редакторов и прикрывали газеты. Нужно было или платить штраф, сохраняя издание, или на место посаженного редактора выставлять нового, запасного. Таких явилось сколько угодно.

-- Ответственный редактор!

-- Редактор для отсидки!

Цены на таких редакторов были разные: от 15 рублей на хозяйских харчах в месяц и выше – до сотен рублей. Был случай, напечатанный в газетах, что двенадцать редакторов одного и того же петербургского издания одновременно отсиживали в тюрьме трехмесячный стаж.

Такие «редакторы» вербовались издателями среди безработных или лиц, ничем не рискующих, так как жалование им шло и во время заключения.

Свободе «печати», припечатывавшей «свободное слово», стало трудно бороться с этим, надо было находить и выдумывать что-то новое. Был выдвинут новый проект устава о печати, в котором, между прочим, имелся 45-й параграф, предусматривающий особый образовательный ценз для ответственного редактора, вроде диплома об окончании курса в среднем учебном заведении. Этот 45-й параграф уже заставил многих издателей, особенно провинциальных, задуматься. Как-то я получил от одного из них письмо, в котором он, между прочим, обращается с просьбой:

«Подыщите мне, пожалуйста, парочку, а то и троечку, на всякий случай, подходящих редакторов, но непременно с гимназическим дипломом, на жалование от 40 до 50 рублей. Сначала пришлите одного, а другие двое чтобы были наготове, когда потребуется. Вы знаете, что статья 46-я нового устава о печати для нас, глухой провинции, прямо зарез, здесь трудно найти ответственного редактора с гимназическим образованием. У вас же в Москве, взять хоть Хитров рынок, ими хоть пруд пруди. Ведь обязанности никакой: сиди пей водку дома да только подписывай газету. Конечно, справиться надо, не судившийся ли, а все остальное ничего, у меня тесть содержит лечебницу для алкоголиков. Только главное – аттестат и благонадежность. Пожалуйста, присмотрите парочку...»

Я прочел это письмо и подумал: догадайся я раньше найти на Хитровом рынке такого редактора, давно бы издавал детский журнал.

Когда я редактировал коннозаводческий «Журнал спорта», московская цензура тоже меня нередко тревожила и ставила иногда в ужасное положение. Так, в 90-х годах прошлого столетия я как-то напечатал воскресный номер и выпустил его, не дождавшись цензорских гранок. Сделал я это вполне сознательно, так как был более чем уверен, что ровно никаких противоцензурных погрешностей в номере нет.

В 8 часов вечера, в субботу, я роздал номер газетчикам и послал к цензору за гранками. Каково же было мое удивление, когда посланный вернулся и уведомил, что номер выпускать нельзя, так как цензором сделаны вымарки. Номер я уже роздал весь и уехал на поезде, а вернувшись в понедельник, отправился в цензурный комитет, куда были доставлены и цензорские гранки. Оказалось, что вычеркнуто было только одно слово: «казенная».

Слово это находилось в отчете о скачках, на которых участвовали лошади казенного Деркульского завода, и было, между прочим, написано: «Хотя казенная кобыла и была бита хлыстом, но все-таки не подавалась вперед».

Слово «казенная» было вычеркнуто, и номер задержан. Цензурный комитет помещался тогда на углу Сивцева Вражка и Б. Власьевского переулка. Я вошел и попросил доложить о себе председателю цензурного комитета В. В. Назаревскому, которым и был приглашен в кабинет. Я рассказал о моем противоцензурном поступке, за который в те блаженные времена могло редактору серьезно достаться, так как «преступление» – выпуск номера без разрешения цензуры – было налицо.

-- Что же, я поговорю с цензором. Это зависит только от него, как он взглянет, так и будет,-- сказал мне председатель цензурного комитета.

В разговоре В. В. Назаревский, между прочим, сказал:

-- А знаете, в чьем доме мы теперь с вами беседуем?

-- Не знаю!

-- Это дом Герцена (Позднее я выяснил, что В. В. Назаревский ошибся: дом А. И. Герцена был не здесь, а в Старо-Конюшенном переулке.) Этот сад, который виден из окон,-- его сад, и мы сидим в том самом кабинете, где он писал свои статьи.

-- Бывает! – сказал я.

-- Да-с! А теперь на месте Герцена сидит председатель московского цензурного комитета.

На столе В. В. Назаревского лежала пачка бумаги. Я взял карандаш и на этой пачке написал:

Как изменился белый свет! Где Герцен сам в минуты гнева Порой писал царям ответ,-- Теперь цензурный комитет Крестит направо и налево!..

В. В. Назаревский прочел и потом перевернул бумагу.

-- Это прекрасно, но... вы написали на казенной бумаге.

-- Уж извините! Значит – последовательность. Слово «казенная» не дает мне покоя. Из-за «казенной» лошади я попал сюда и испортил «казенную» бумагу...

-- Вы так хорошо испортили «казенную» бумагу, что и «казенную» лошадь можно за это простить. Не беспокойтесь, за выпуск номера мы вас не привлечем. Я поговорю с цензором, а эти строчки я оставлю себе на память.

Так А. И. Герцен выручил меня от цензурной неприятности.

* * *

Что бы, кажется, могло быть бесцензурного в «Журнале спорта», где разбирались только одни коннозаводские вопросы? Но тем не менее то и дело цензура прикладывала к нему свою руку.

Большие номера журнала выходили по воскресеньям, печатались в субботу и к газетчикам поступали или поздно вечером, или в четыре часа утра.

Статьи для цензуры посылались в пятницу, а хроника и отчеты – в субботу, после четырех часов дня, то есть когда верстался номер. Бывали случаи, что уже наступал вечер, а цензурных гранок не приносили. Приходилось иногда ехать самому к цензору на квартиру вручать материал.

Приедешь. Отпирает кухарка:

-- Тебе чего?

-- Кто дома есть?

-- Никого нетути! Уехадши в киятры!

-- Цензурные гранки не оставлены?

-- Дранки? Вот они лежат, да отдавать не приказано, в понедельник в комитет пойдут.

Дверь захлопывается – положение невеселое: или номер не выпускай, или рискуй закрытием журнала за бесцензурный выход. Тогда все это было возможно в административном порядке.

Приходилось в одиннадцать часов ночи посылать секретаря дежурить у подъезда цензора и ждать его возвращения из театра, чтобы получить гранки.

Иногда эти гранки отдавались, нецензурные недоразумения улаживались – и номер выходил беспрепятственно. Иногда же я выпускал номер на риск, и приходилось ездить с объяснениями в цензурный комитет. Все это стоило времени и трепало нервы.

Иногда дело передавалось в суд и кончалось рублевым штрафом, но до суда я старался никогда не доводить, чтобы не обозлить цензуру, которая все-таки имела возможность всегда зарезать издание тем или другим путем.

Такие цензоры, как С. И. Соколов и С. В. Залетов, относились ко мне хорошо, доверяли выпускать текущий дневной материал без просмотра. Такое доверие давало мне возможность раньше выпускать номер,-- но тут бывали курьезные недоразумения.

-- Что же это вы нас подводите? Мы вам доверяем, а вы подводите-с!

-- Что? Где?

-- Читайте: «Гнедой жеребец Патриарх покрыл мадам Анго». Да разве это можно! Патриарх... да еще мадам Анго?

-- Это лошадь иностранная, разве я виноват, что у нее такое имя!

-- Ну так пусть пишут иностранцы, а нам не подобает. За это нам...

-- Да ведь вот и в казенном журнале «Коннозаводство», издающемся в Петербурге при Главном управлении государственного коннозаводства, так же написано. Я показал цензору казенный журнал, откуда была сделана перепечатка о Патриархе.

-- Безобразники! А еще государственное коннозаводство! – вздохнул цензор и успокоился.

Во времена, когда я был мало известен цензуре, хроника в журнале часто черкалась цензором и происходили недоразумения и объяснения в цензурном комитете.

Был задержан однажды выпуск номера за заметку в хронике такого содержания:

«Ф. Ф. Достоевский купил у Л. Ф. Грабовского двух кобыл – Лютеранку и Круцятку».

В среду я был вызван в цензурный комитет к моему цензору.

-- Это кобыла-то у вас лютеранка? Да что вы это? Я этого пропустить не могу. Ведь вы

этак, пожалуй, напишите, что я – жеребец... или еще что в этом роде. Здесь я усматриваю оскорбление религии!

Конечно, все разъяснилось, уладилось и «антирелигиозная» заметка о кобылах была благосклонно пропущена.

Труднее мне пришлось отстаивать заметку под заглавием «Продажная скачка».

-- То есть позвольте, как это продажная? Это уж оскорбление императорского общества! Разве допустимы продажные скачки?! – набросился на меня цензор.

-- Да ведь «продажная» – это название приза. Это значит, что выигравшая приз лошадь обязательно продается с аукциона тотчас же после скачки...

-- Я не позволю!

Пришлось дойти до председателя цензурного комитета, представить ему скаковую афишу, где скачка была озаглавлена «продажная».

МОСКОВСКИЕ ГАЗЕТЫ В 80-Х ГОДАХ⁵²

Вот я и думаю: какая самая яркая бытовая фигура из московских редакторов газет 80-х годов прошлого века? Перебираю.

Редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков. Вечная тема для либеральных остряков.

Сменивший его С. А. Петровский. О нем говорили только, что он наживал огромные деньги игрой на бирже на акции.

И. С. Аксаков – редактор «Руси». Но, впрочем, это был журнал, а не газета.

В. М. Соболевский со своими «Русскими ведомостями» был популярен только среди профессоров, судейских, земцев и либеральных думцев, но для Москвы не представлял из себя ничего характерного. Писал прекрасные передовые статьи.

Была еще «Русская газета», издавал ее книжник И. М. Желтов, но она скоро кончилась. Да был еще «Московский телеграф» – большая, хорошая газета, но через полгода ее закрыла цензура.

Н. П. Гиляров-Платонов был неведом для публики, ибо он никогда не выходил из своего кабинета, а популярность его «Современных известий» составляли только два обличителя-фельетониста.

Н. П. Ланин – прекрасный заводчик шипучих вод и никчемный редактор либерального, но скучного «Русского курьера», совсем непопулярного в Москве.

Н. И. Пастухов, который говорил о себе: «Я сам себе предок»,-- самая яркая фигура. Безграмотный редактор на фоне безграмотной Москвы, понявшей и любившей человека, умевшего говорить на ее языке. Безграмотный редактор приучил читать безграмотную свою газету, сделал многих грамотными, приучил к чтению Охотный ряд, лавочника, извозчика, посетителя трактиров. Он единственная яркая бытовая фигура в газетном мире того времени, почему я с него и начинаю.

«Московский листок» издавал Н. И. Пастухов – крестьянин полуграмотный, державший в 60-х годах кабак у Арбатских ворот. Кроме извозчиков, мастеровых и бродяг в его кабаке имела пристанище группа бездомных студентов университета, которым Пастухов покровительствовал, поил, кормил и давал ночлег. В числе этой группы студентов были

⁵² Из книги «Москва газетная»//Гиляровский В. Собр. соч. в 4 Тт., Т. 3. – М., 1986.

двое, которые перевернули судьбу Пастухова и из кабатчика сделали потом редактора.

Эти двое были: филолог Жеребцов, работавший в «Русских ведомостях», в то время еще маленькой газетке, издававшейся П. С. Скворцовым и выходившей три раза в неделю, а потом уже сделавшейся ежедневной,-- и второй – Ф. Н. Плевако, дававший тогда хронику, впоследствии знаменитый адвокат. Пастухов гордился, что у него бывают писатели, которые, набросав заметки, посылают его относить их в редакцию. Он бегал и относил. Присмотревшись, Пастухов сам стал узнавать происшествия, описывать их, давать свои безграмотные рукописи Жеребцову или Плевако, которые выправляли их и сдавали в печать сначала от своего имени. Студенты кончили курс – Жеребцов уехал в провинцию учителем, Плевако стал адвокатом, а Пастухов кабатчик-меценат прогорел и волей-неволей стал кормиться около газет, сделавшись репортером. До конца своей жизни он был безграмотным, но по добыванию сведений не было ему равного.

Кроме «Русских ведомостей», он работал в «Современных известиях», которые издавал около 20 лет известный публицист и ученый Н. П. Гиляров-Платонов, бакалавр духовной академии, славянофил, сотрудник И. С. Аксакова.

«Современные известия» – как значилось в программе, политические, общественные, церковные, ученые, литературные и художественные, -- были тогда самой распространенной газетой и весьма своеобразной: с одной

стороны, они блистали яркими политическими статьями, с другой – с таким же жаром врывались в общественную и городскую жизнь. То громили «коварный Альбион», то бочки отходников, беспокоившие по ночам Никиту Петровича, жившего на углу Знаменки и Антипьевского переулка в нижнем этаже, окнами на улицу.

Это был человек именно не от мира сего.

Он спал днем, работал ночью. Редко кого принимал у себя, кроме ближайших сотрудников, да и с теми мало разговаривал. Я только раз был у него, в мае месяце. Он по обыкновению лежал на диване в теплой шапке и читал гранки. Руки никому никогда не подавал и, кто бы ни пришел, не вставал с дивана.

Газета шла хорошо, денег в кассе бывало много, но Никита Петрович мало обращал на них внимания. Номера выпускал частью сам (типография помещалась близко, в Ваганьковском переулке), частью второй редактор, его племянник, Ф. А. Гиляров, известный педагог и филолог. Тоже не от мира сего, тоже не считавший денег.

И шло бы все по-хорошему, да вдруг поступила в контору редакции на 18 рублей жалования некая барынька, Марья Васильевна,-- и фактическое распоряжение кассой оказалось в руках у нее. К Никите Петровичу она вхожа стала и его к рукам прибрала. Но надо сказать, что о любовных делах здесь и помину не было. Когда же касса опустела, Марья Васильевна исчезла.

Ее место заступил управляющий Кац, на которого друзья и сотрудники жаловались Никите Петровичу и советовали его учитывать, но Никита Петрович отвечал всем одно и то же: «Ах, оставьте, как это все противно!» И, наконец, кажется в 1887 году «Современные известия» закрылись от запутанных дел. Хотя газета еще шла, но «Московский листок» ускорил ее кончину.

«Московский листок», во главе которого встал Пастухов, вскормлен «Современными известиями».

Пастухов в «Современных известиях» под псевдонимом Старый Знакомый каждую субботу писал московский фельетон, где, как тогда говорилось, «прохватывал и протаскивал» купца и обывателя, не щадя интимной жизни.

Москва читала эти фельетоны всасос.

А по воскресеньям такие же фельетоны, еще более хлесткие, писал под псевдонимом Берендей некто П. А. Збруев, полицейский чиновник.

И эти два фельетониста создавали успех газеты.

Пастухов, кроме того, писал фельетоны с нижегородской ярмарки, где в 1880 году познакомился с гр. Н. П. Игнатьевым, который и разрешил ему, человеку без всякого ценза, за разные услуги, газету.

И еще за полгода почти до выхода «Листка» в «Будильнике» появилась карикатура: едет Пастухов на рысаке, в шубе, на санках. На лошади надпись: «Московский листок», а внизу подпись: «На своей собственной».

И 1 августа 1881 года Н. И. Пастухов выехал.

На своей собственной! Вышел 1-й номер «Московского листка». Фактическим редактором был Н. П. Кичеев, редактор «Будильника», старый литератор, чистый и изящный человек.

На другой день, 2 августа, он меня в саду театра А. А. Бренко, у которой я служил, познакомил с Пастуховым, а тот пригласил меня сотрудничать, и в номере от 4 августа я дебютировал театральными анекдотами, под псевдонимом Театральная Крыса.

Газета печаталась в типографии Погодина на Софийской набережной, близ Б. Каменного моста.

Владелец дома и типографии, маленький человек с большой бородой и в черном сюртуке, Дм. Мих. Погодин, отрекомендовался мне при встрече:

-- Дмитрий Погодин. Сын знаменитого историка.

Производил впечатление недалекого, ограниченного человека. Он то и дело прибегал в редакцию, удирая от своей властной жены, которой боялся.

Пока первые дни «Листок» издавался опрятно. Но вдруг Пастухов завел отдел: «Советы и ответы».

Это нечто неслыханное. Например: «Купцу Ильюше. Гляди за своей супругой, а то она к твоему адвокату ластится: ты в лавку – и он тут как тут... Поглядывай». Или: «Васе из Рогожской. Тухлой солониной торгуешь, а певице венгерке у Яра брильянты даришь. Как бы Матрена Филиппьевна не прознала». И весь город грохотал: и Вася и Матрена Филипповна были действительно, их знали и проходу им не давали зубоскалы-купцы, пока сами не попадались в «Советы и ответы».

А попадались очень многие.

После первого же такого появления «Советов и ответов» Кичеев отказался от редактирования, и его место временно занял Игнатий Герсон, маленький сотрудник, у которого визитные карточки были таковы: «Игнатий Герсон. Прозаическое заведение и рифмоплетня». Талантливый автор сценок, но больше юморист, чем редактор.

Герсона вскоре сменил Ев. Ал. Балле. Газета шла ходко, сообщая всякую московскую новость раньше всех других. Репортаж под руководством Н. И. Пастухова был поставлен блестяще. Он облюбовал меня и целыми днями и вечерами, а то и до утра, возил с собой

всюду, со всеми знакомил и учил, как и что писать и как добывать сведения. Эта работа увлекла меня, и в первый же год я сделал большую услугу «Листку».

29 июня 1882 года на 296 версте Московско-Курской железной дороги провалился в размытую ночным ливнем насыпь почтовый поезд, и трупы откапывали с глубины 14 сажень.

Я в тот же день был на месте катастрофы, дал на другой день раньше всех газет целый фельетон с подробностями, поразившими Москву, и две недели я прожил в этой могиле, ежедневно посылал корреспонденции о кукуевской катастрофе. Она была под Мценском, в пяти верстах от Спасского-Лутовинова И. С. Тургенева, там жил на даче в это время Я. П. Полонский с семьей и гостил Ев. М. Гаршин, который, приехав на место катастрофы, увидел меня и увез к Я. П. Полонскому, где я иногда и ночевал, а утром уезжал на работу.

Розница газеты возрастала тысячами.

А еще, когда в Орехово-Зуеве сгорела у Викулы Морозова рабочая казарма с народом, я, переодевшись рабочим, два дня пробыл на фабрике и дал две корреспонденции со всеми подробностями и именами погибших, что старались скрыть администрация фабрики и полицейские власти.

И газета получила известность в фабричных районах. Купцы дрожали и трепетали Пастухова.

Потом явился вместо Валле-де-Бара выпускающим номера Ф. К. Иванов, который до самого конца издания, до 1917 года, и был редактором уже измененного тогда «Листка».

Одновременно с Ивановым прибыл из Великого Села, Ярославской губернии, новый сотрудник, сельский учитель А. М. Пазухин, и предложил писать повести и рассказы.

А в это время в Москве издавалась Н. П. «Паниным, гласным Думы и владельцем знаменитого завода шипучих вод, газета «Русский курьер». Газета чистая и самая либеральная. В ней работали В. А. Гольцев и Вл. И. Немирович-Данченко, А. О. Лютецкий и другие либералы того времени.

Пастухов в своей газете жестоко ругал своего конкурента, называя Ланина кислещейным фабрикантом и «Русский курьер» кислещейной газетой.

«Русский курьер» кто-то подвел, напечатав под другим заглавием какое-то известное классическое произведение, а потом П. И. Кичеев, старый журналист, написал и послал, конечно, от чужого имени либеральное стихотворение, которое «Русский курьер» напечатал,-- и оно оказалось акростихом «Ланин – дурак».

И «Московский листок» до того был аккуратен, боясь быть одураченным, что когда Пазухин принес в первый раз в редакцию свою повесть, то побоялись ее взять: вдруг краденая!

-- А может быть, ты откуда-нибудь ее украл! – так и сказал ему при нас Пастухов.

И заставили его тут же, в редакции, написать на заданную тему рассказ. И он написал «Приезд сельского учителя», который и был напечатан. А затем Пазухин написал сотни сенок и десятки романов из купеческого и крестьянского быта, где всегда правда и добро торжествовали. Его читатели любили – и вторники и пятницы с романами Пазухина печатали газеты больше. По воскресеньям сценки писал И. Ш. Мясницкий (И. И. Барышев, управляющий издательством и домом К. Т. Солдатенкова).

Больше пазухинских романов имел успех только пастуховский «Разбойник Чуркин».

История такова: в Гуслицах, а именно в селе Запонорье, проживал разбойник Василий Чуркин. Дело о нем, довольно большое, находилось в уездном полицейском управлении, и исправник Афанасьев, приятель Пастухова, дал ему это дело на дом как материал для очерка. И вот Пастухов затеял написать роман, хотя самый Васька Чуркин далеко не был разбойником, а просто грабил на дорогах, воровал из вагонов и шантажировал угрозами пожаров местных мелких фабрикантов. Он был сослан в Сибирь, бежал, опять принялся за разбой и был убит местными крестьянами в болоте около деревни Заволенье. А Пастухов сделал из него героя-разбойника, так что генерал-губернатор В. А. Долгоруков запретил печатать роман. Я несколько раз по просьбе Пастухова ездил для проверки фактов и для описания местности в Гуслицы, и когда говорил Пастухову, что Чуркин вовсе не интересный тип, он злился и все-таки писал свое.

Особенно подробно давались в «Листке» отчеты из окружного суда. Впоследствии их давала Козлянинова, а в начале издания А. Я. Липскеров, бывший судебный стенограф «Московских ведомостей», тоже человек малограмотный, писавший, например: «одна ножница», «пара годов» и т. П. И Липскерову выхлопотал М. Н. Катков свою газету «Новости дня» в 1883 году.

Пастухов обозлился на нового конкурента и ругательски ругал его, а если кто из сотрудников уходил в «Новости дня», то делался врагом его. Зато было полное ликование, если сотрудник из «Новостей дня» переходил в «Листок». Когда В. М. Дорошевич, почему-то поссорившийся с Липскеровым, пришел к Пастухову, то он такой гонорар ему дал, о каком в России не слыхивали. Впрочем, ненадолго: Дорошевич уехал в Одессу.

Я в 1884 году перешел в «Русские ведомости», и Пастухов дулся на меня, но почему-то все-таки относился ко мне прекрасно и всегда приглашал меня к себе и на свои ежедневные обеды у Тестова.

Впрочем, я давал ему кое-какие мелочи, а когда сотрудничал в «Новостях дня», работал главным образом в журналах: в «Будильнике», «Развлечениях», «Осколках», «Зрителе», а впоследствии печатался и в толстых журналах,-- и все-таки с Пастуховым дружил и любил его: безусловно, добрейшей души был человек, готовый помочь нуждающемуся, кто бы он ни был. И помогал не мелкими подарочками, а прямо жизнь человеку устраивал, особенно семейным людям. И все это делал так, чтобы никто ничего не знал. Я мог бы привести десятки случаев, мне известных. И что бы про Н. И. Пастухова не говорили, а я скажу одно при воспоминании о нем:

«Жил-был на свете добрый человек!»

В 1883 году я начал работать по репортажу для «Русских ведомостей». Редакция тогда помещалась в доме

Мецгера в Юшковом переулке по Мясницкой. Как раз в том доме, на котором переламывается этот искривленный переулок. Во дворе – типография, а в фасадном корпусе – редакция. Солидная обстановка с огромными, зеленым сукном крытыми, столами, с единственным портретом основателя газеты Н. С. Скворцова.

Тогда уже редактором был В. М. Соболевский, заведующим редакцией был добрейшей души человек В. С. Пагануцци, присяжный поверенный, а в хозяйственном отделе принимал участие его друг А. А. Никольский, которому, собственно говоря, газета и была обязана своим существованием и благосостоянием. После кончины Н. С. Скворцова дела

газеты шли туго, она, как говорится, дышала на ладан и погибла, бы, если бы Никольский, юрисконсульт железных дорог, не нашел мецената в лице В. К. фон Мекка, председателя правления Московско-Рязанской железной дороги. Тот сыпнул деньгами, и газета пережила тяжелое время, а там помогла ее дальнейшему успеху В. А. Морозова – и газета расцвела. Вскоре долги все были уплачены и даже приобретены газетой дом и собственная типография.

Еще солиднее обставлена была редакция с рядом отдельных кабинетов и большой редакционной приемной, где перед громадным библиотечным шкафом стоял огромный зеленого сукна стол, на одном конце которого важно заседал заведующий московским отделом А. П. Лукин, а в уголке – секретарь редакции, где и принимал он. Посетителей. Для вящей торжественности А. П. Лукин над книжным шкафом водрузил большой гипсовый бюст Зевса, найденный на чердаке вновь купленного дома, и, сидя против него, вдохновлялся величию громовержца.

Кроме «Русских ведомостей», где он писал и фельетоны за подписью Скромный Наблюдатель, Лукин вел фельетоны в «Новостях», но только под псевдонимом «ХII». Именно двенадцать. Он сам писал их мало, а заказывал разным сотрудникам кусочки фельетонов по разным вопросам и сшивал их вместе, составляя фельетон. Я много зарабатывал у него этим путем, получая 5 копеек за строку.

В московском отделе главными силами были: милейший Ф. Н. Митропольский, ведший заседания Думы и земства, добрейший и невозмутимый неповоротливый толстяк, которого звали «Недвижимое имущество «Русских ведомостей», и я, в противоположность ему носивший прозвание «Летучий репортер». И ту и другую кличку дали нам остроумцы в типографии. Я вел городские происшествия и, в случае катастроф, эпидемий или лесных пожаров, командировался «специальным корреспондентом» на место происшествий, иногда очень далеко, даже на Кавказ, на Волгу и пр. Увлечшись этим живым делом, я не жалел сил и достиг того, что перебивал славу репортеров «Московского листка» и портил спортсменскую кровь Пастухова, набрасывавшегося на стаю своих репортеров при всяком случае, когда появившееся у меня сенсационное известие просыпал «Листок». Вторым редактором «Русских ведомостей» был незабвенный, милый П. И. Бларамберг. Добрейший человек, прекрасный редактор и известный композитор. Одна из его опер «Тушинцы» шла в Большом театре в 1845 году. «Шестидесятник-идеалист» – так озаглавлен был его некролог в «Историческом вестнике» в 1907 году.

Помню такой случай. Из дома Корзинкина в фирме Бордевилль украли двадцатипудовый несгораемый шкаф с большими деньгами. Кража, выходящая из ряда обыкновенных: взломали двери и увезли шкаф из Столешникова переулочка – самого людного места – в августе месяце.

Полицию поставили на ноги, сыскнушка разослала агентов всюду, дело вел знаменитый в то время следователь по особым делам В. Ф. Кейзер, который впоследствии вел дело Ходынки, где нам опять пришлось с ним встретиться.

И никаких результатов!

Прошло недели три – дело замолкло.

Выхожу я как-то вечером из дома – я жил в доме Вельтищева, на Б. Никитской, -- а у

ворот встречает меня известный громила Болдоха, не раз бегавший из Сибири, громила по специальности.

-- Я к вам! Пропишите их, подлецов, господин Гиляровский, в газете.

И рассказал он мне в подробностях до мелочей всю кражу у Бордевиля, как при его главном участии увезли шкаф, отправили его по Рязанской дороге в город Егорьевск, оттуда на лошади в Ильинский погост в Гуслицы, за 12 верст от станции, и по дороге к Запонорье, в кустах, взломали шкаф и сбросили его в речку Гуслицу, у моста, в глубокое место под ветлами. Денег там нашли около 15 тысяч рублей, поделили и поехали обратно, а потом дорогой Болдоху опоили «малинкой», обобрали и в бесчувственном состоянии сбросили с поезда, думая, что он мертвый. Когда же он вернулся на Хитров к организатору кражи, съемщику-капиталисту Золотому, тот сказал, что ничего знать не знает, что все в поезде были пьяны и не видели, как и куда Болдоха скрылся. Свалился, должно, пьяный с поезда, а мы знать не знаем!

И на следующий день в «Русских ведомостях» я напечатал подробнейший рассказ Болдохи с указанием места, где лежит шкаф. Болдохе я верил безусловно.

Через день особой повесткой меня вызывают в сыскную полицию. В кабинете сидят помощник начальника капитан Николас и Кейзер. Набросились на меня, пугают судом, арестом, высылкой, допытываются, а я смеюсь:

-- Мои агенты лучше ваших! Кейзер из себя выходит.

-- Если это неправда, мы вас привлечем по статьям...

-- Пошлите вы прежде ваших агентов в Гуслицы за шкафом.

-- А если его там нет, то вы будете под судом.

Я ушел домой, а через два дня мне сообщили, что сыщик Рудников, ездивший в Гуслицы, привез шкаф, и последний находится, взломанный, в сыском отделении.

Кейзер приезжал в редакцию, но меня не нашел. Уже зимой Болдоха, арестованный на месте преступления, указал всех участников, и дело Золотого разбиралось в окружном суде и кончилось каторгой.

Болдоха успел бежать.

Редакция платила мне 5 копеек за строку, отдельные расходы и 100 рублей в месяц.

Самая первая моя работа, давшая мне успех и положение в «Русских ведомостях», была напечатана в 1886 году. Это очерк из жизни рабочих на белильных заводах под заглавием «Обреченные». В 1873 году я был рабочим на белильном заводе Сорокина в Ярославле, и там на клочках бумаги, на нарах, в свободные часы я записывал впечатления. Эти клочки послал моему отцу, и они у него долго хранились. Ими-то я и воспользовался для этого правдивого очерка.

Никогда не позабыть мне пережитой мной, начинающим еще литератором, одной беседы в редакции за чаем и вином, где Н. К. Михайловский и А. И. Чупров говорили, что в России еще не народился пролетариат, а в ответ Г. И. Успенский привел в пример моих «Обреченных» и доказал, что первое гнездо российского пролетариата – это белильные заводы. И тогда, рассказывая им свои впечатления из заводской и бурлацкой жизни, я был центром внимания этих крупных людей. И в тот же день мы выпили на брудершафт и подружились с Глебом Ивановичем, с которым я был знаком раньше. А познакомились мы в Чернышах.

Так назывались номера на Тверской в доме Олсуфьева, против Брюсовского переулочка. Это, можно сказать, было отделение «Русских ведомостей»: в верхнем этаже этих меблирашек я жил в 1882–83 гг., а рядом со мной жил писатель М. И. Орфанов (Мишля). Живали здесь Ф. Д. Нефедов, Н. М. Астырев, С. А. Приклонский и Г. И. Успенский, и негласно пребывал, ночуя то у Мишлы, то у меня, Петр Григорьевич Зайчневский, тогда только что вернувшийся из каторги, автор знаменитой прокламации в 1862 году, призывавшей идти на Зимний дворец и истребить живущих там.

Еще тогда я водил Глеба Ивановича по трущобам Хитрова рынка – мы ходили вдвоем, и Глеб Иванович, издававший виды в «Растряевой улице», приходил в ужас от виденного...

Тогда «Русские ведомости» были более демократичны, чем стали впоследствии, с переходом в свой дом. Подробности – в юбилейном издании «Русских ведомостей», где изложена вся история этой газеты, всегда воевавшей с «Московскими ведомостями». «Московские ведомости» была газета слишком известная по своему направлению, и сотрудники ее держались там скрытно и особняком, что из всех их только и появлялся в обществе, т. е., вернее, в театрах и на первых представлениях, лучший критик того времени С. В. Флеров (Васильев). Остальных никто и не видал и не знал. Разве только тогда, когда они появлялись в цензурных комитетах в качестве душителей всякого свободного слова в должности цензоров.

Они-то у меня и сожгли мою первую книгу «Трущобные люди».

Были еще газеты – «Русский листок», начавший издаваться, кажется, Миллером, под названием «Русский справочный листок», потом перешедший к присяжному поверенному, гласному Думы Н. Л. Казецкому и впоследствии переименованный название на «Раннее утро».

Начал я с Пастухова и кончу им.

Раскаиваюсь и сожалею, как я раз обидел Николая Ивановича, и настолько жестоко, что у него слезы на глазах появились.

Н. И. Пастухов, издавая «Московский листок», одновременно во время ярмарки в Нижнем издавал «Нижегородскую почту». Как-то в «Осколках» Лейкина я напечатал шутку: «Цитаты из «Ревизора» нашим газетам». Против «Нижегородской почты» стояло: «Родная сестра тому кобелю, которого вы, наверное, знаете».

Встретил меня у Тестова Николай Иванович, вынул из кармана «Осколки», указал эти строки, подчеркнутые красным карандашом, и спросил:

-- Ты?

-- Я! Что же, это шутка.

-- Шутка. Стало быть, моя «Почта» – сука, «Листок» – кобель, а я-то кто же буду?.. Стыдно, Володя, за хлеб, за соль так...–Слезы на глазах.

-- Николай Иванович, я не хотел вас обидеть...

-- Знаю, ради красного словца и себя облаешь... Идем селянку хлебать!

Были еще в Москве «Полицейские ведомости», которых никто не выписывал и не покупал.

В 1881 году в Москве была преобразована полиция. Уничтожили прежние кварталы и разделили Москву на 40 участков.

Квартальных переименовали в участковых приставов и дали им вместо старых мундиров

со жгутиками чуть ли не гвардейскую форму с расшитыми серебряными воротниками и серебряными погонами с оранжевым просветом.

Это было после 1 марта 1881 года, когда все тщетно ждали реформ.

И по Москве заходили четыре стишка:

Мы все надеждой запаслись –
Вот-вот пойдут у нас реформы.
И что же. Только дождались
Городовые новой формы.

И действительно только. Переоделись старые городовые в новую форму.

Пузатые, небритые квартальные надели почти что гвардейские мундиры, и только некоторые, из молодых, побрились и стали лихо закручивать усы.

Некоторые отпустили бороды по примеру царского двора, где из бакенбардов стали все бородасты: царь носил окладистую бороду.

И, конечно, ставши приставами, квартальные заважничали и подняли тариф: теперь фунтом чернослива или ногой телятины не отделаешься.

-- Гони наличные, купить сами умеем!

Отдал я тогда в «Будильник» четверостишие, которое мне показали троекратно и зло зачеркнутым красными чернилами, да еще с цензорской добавкой: «Это уже не либерально, а мерзко!»

А четверостишие было такое:

Квартальный был, стал участковый, А в общем та же благодать. Несли квартальному целковый – А участковому дай пять.

И вот в числе таких квартальных, переодевшихся в гвардейский мундир, был капитан Змеев – щеголь и козырь.

В это время издавались «Полицейские ведомости», в которых только публиковалось о торгах и о пропавших собаках, да еще о сдаче квартир, и которых, конечно, никто не выписывал и не читал.

И вот приставам было приказано понажать на обывателей, особенно на домовладельцев, чтобы они обязательно подписывались.

Капитан Змеев в это время был приставом на Тверской-Ямской, где, особенно переулки, были населены потомками когда-то богатого сословия ямщиков, и вообще торговым, серым по тому времени, людом.

Он поручил собрать подписку околоточным, но безуспешно. Ответы были такие:

-- На кой она нам!

-- Мы люди неграмотные, газетов отродясь не читали! – и т. П.

И вот в одно из воскресений, после обедни, чуть ли не с городовыми на обширный двор участка были согнаны все домовладельцы.

Поддевки, длинные сюртуки ниже колен, смазные сапоги и картузы – как Дикой из «Грозы» – наполнили двор. Вынесли стол с книгой подписки на газету.

Вышел на крыльцо грозный и блестящий пристав.

-- Здравствуйте, почтенные.

-- Здравствуйте, вскорodie...

-- Кто у вас на «Полицейские ведомости» подписался, руку подними.

Поднялись две руки: трактирщик Осипов и лавочник Прокофьев.

-- Выходи сюда. Пошли без шапок, дрожат.

-- Ну, спасибо вам, молодцы! Можете идти домой! – Даже руку им подал на прощанье.

Обратился к писарю и приказал каждому раздать по газете – кому хватит.

-- Здесь, вот видите, на первой странице высочайшие приказы и обязательные постановления напечатаны. Их обязан знать каждый обыватель. Берите газету, располагайтесь на травку и выучите наизусть пока первую страницу. Да чтобы без ошибок был! А кто выучит – пусть доложит мне, я проэкзаменую сам.–И крикнул городовым: -- Никого не выпускайте со двора.

Городовые заперли ворота. Пристав важно ушел в канцелярию. Ошалелые обыватели бросились к писарю. Некоторые стали по складам читать газету и заучивать. Писарь предложил желающим подписаться и с квитанцией идти к приставу в канцелярию. Конечно, сдачи с пяти рублей не давал. (Газета стоила 4 рубля в год.) Брели квитанции, шли в канцелярию и исчезали. Некоторые, упорные, пробовали учить заданное, но ничего не выходило. В результате весь участок Змеева подписался на «Полицейские ведомости», а выходявшие из аудиенции через парадный ход участка прямо на улицу почесывали затылок.

-- Н-да... Что ловко, то ловко, а четвертной в кармане нет.

Помню, и мне, журналисту, раз пришлось участвовать в полицейской взятке.

Приставом 3-го участка Тверской части был долгое время Замайский. Большой театрал, меценат отчасти и очень любезный с представителями печати, которых побаивался.

Было в Большом театре сотое представление «Демона», причем дирижировал сам Рубинштейн. «Русские ведомости» выдали мне 5 рублей на билет и просили дать отчет об этом спектакле. Нечего говорить, что за 5 рублей никакого билета достать было нельзя. Но все же я вошел в театр, где меня знали даже все капельдинеры, и первое действие простоял в проходе при входе. К концу действия вошел Замайский и стал рядом со мной.

-- Что же вы не сидите?

-- Места нет – не мог билета купить.

-- Н-да.

Акт кончился, публика хлынула к выходу, и я тоже. Но Замайский меня остановил:

-- Погодите!

Я в недоумении остановился.

Замайский зорко оглядывал проходящих и вдруг поманил пальцем высокого молодого человека, шикарно одетого, в черном сюртуке. Тот вытянулся перед ним.

-- Что прикажете, Станислав Фомич?

-- В каком ряду сидишь?

-- В пятом-с.

-- Давай билет.

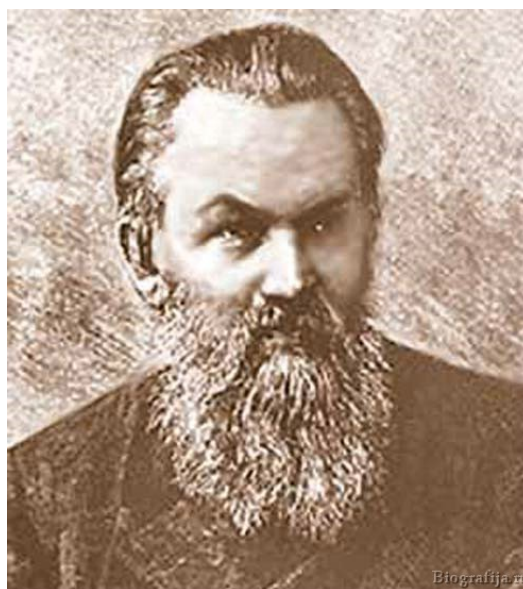
Франт передал билет приставу.

-- П-шел, мерзавец.

Тот нырнул к выходу, а пристав ко мне.

-- Вот садитесь, место хорошее, пятый ряд. Я стоял в недоумении.
-- Возьмите и садитесь. Будьте спокойны, билет правильный. Берите,-- и сунул мне билет в руку.
-- Как же это? – удивляюсь я.
-- Да вот так!.. Вы знаете, кто этот мерзавец? Карманник это, Пашка Рябчик.
И отчет о спектакле появился только благодаря этому случаю.

Алексей Суворин

А. С. Суворин – известный журналист, писатель, издатель и редактор влиятельной газеты «Новое время», работал в русской периодике 50 лет. В 60–70-х годах был известен под псевдонимом Незнакомец, считался одним из самых талантливых памфлетистов.

В 1876 году по совету Н. А. Некрасова купил газету «Новое время», во главе которой стоял 36 лет. А. С. Суворин в конце XIX – начале XX века считался в передовых общественных кругах проводником взглядов русского правительства, его газету М. Е. Салтыков-Щедрин назвал «Чего изволите?», его самого называли «флюгером». Газету обвиняли во многих грехах, все ругали и... все читали. А. С. Суворин создал одну из первых в русской прессе информационную газету, которую называл «парламент мнений». Кроме того, А. С. Суворин основал один из передовых в России концернов по изданию периодики.

А. С. Суворин много писал в свою газету, кроме большого количества неподписанных статей он печатал в «Новом времени» постоянный «Маленький фельетон». Таких фельетонов им опубликовано около 400. Несмотря на то что взгляды А. С. Суворина были достаточно консервативными, талант журналиста и организатора в этом человеке несомненен.

Ниже печатается одно из «Маленьких писем», написанное после начала первой русской революции 9 января 1905 года.

А. С. Суворин — редактор и издатель Политическая и литературная газета «Новое время» была основана в 1868 г. А. Киркором и Н. Юматовым. Поиск названия («Переход», «Новое время», «Санкт-Петербург»), изменения периодичности

(еженедельно, пять раз в неделю, ежедневно), не устоявшаяся программа издания, внутриредакционные конфликты, смена руководства привели к тому, что в 1869 г. Газета имела наименьшее число подписчиков среди петербургских изданий — 1352.

В 1874 г. У «Нового времени» было всего 1100 подписчиков. В марте 1874 г. За статьи о земском самоуправлении, недостатках женского образования и плохом состоянии институтов «Новому времени» было дано третье предостережение с приостановкой его на полгода.

В ноябре 1874 г. Право издания газеты было продано известному газетному предпринимателю К. В. Трубникову. Возобновленное «Новое время» (издатель К. В. Трубников, редактор М. П. Федоров) вышло в увеличенном формате с 1 декабря 1874 г. Первоначально дела газеты пошли хорошо, чему способствовали подписчики «Санкт-Петербургских ведомостей», которые, после отказа В. Ф. Коршу в изда325ур, перешли на 1875 г. В «Новое время». Но дважды в 1875 г. — в июле и октябре — газете была воспрещена розничная продажа. И Трубников снял с себя издательские обязанности.

23 февраля 1876 г. Разрешение на издание газеты от министра внутренних дел получил губернский секретарь А. С. Суворин. С «Новым временем» связана вся дальнейшая жизнь А. С. Суворина. Здесь ярко проявился его издательский и редакционный талант.

М.В. ГАНИЧЕВА. РУССКИЙ ИЗДАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ СУВОРИН

*«Я вообще того мнения,
что выдающиеся люди должны
обращать на себя внимание печати.
Что же страна без них?»
Из письма А.С. Суворина к В.В. Розанову*

Имя Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912), журналиста, издателя, писателя, владельца крупнейшей национальной общерусской газеты «Новое время», удачливого предпринимателя, главы театрального товарищества, всегда вызывало много толков и пересудов, суждений и мнений, которые, будь он участником этих дискуссий сегодня, сумел бы сам всенепременно высмеять, объяснившись со своими нынешними гонителями свойственным ему беспощадным словом. Между тем его можно считать настоящим типом русского человека, выдающегося и своими способностями, и, что важнее, своим многогранным даром умения служить России не за страх, а за совесть. Причем любовь его к России была не умозрительна, не афористична, не эфемерна, а просто деятельна, во всю широту его недюжинной натуры. Потрудиться Алексей Сергеевич Суворин, мужицкий сын мужицкой России, умел и любил. «Я считаю особенно грешными только тех, которые ничего не делали, а я целую жизнь работал, как превосходный работник, и думаю, что за это Бог мне кое-что простит». И добавлял недоброжелательному корреспонденту: «А не простит, значит он с Вами согласен, и Вы к нему ближе».

И внешне – весь он был сын мужицкой, солдатской России.

«Очень русское было у него лицо<...>, русское м у ж и ц к о е лицо<...> Не то, что грубое,

и сказать, что в Суворине оставалась мужиковатость, - никак нельзя. Но неуловимая хитринка сидела в нем; и черты, и весь облик его – именно облик умного и хитрого русского мужика. Седоватая борода не коротко пострижена; глаза из-под густых бровей глядят весело и лукаво; зачесанные назад волосы (прежде, верно русые) еще не поредели, только зализаны на лбу. Оттого, что высок, - сутулится, голова немного уходит в плечи» (З.Н. Гиппиус).

Канва жизни А.С. Суворина начиналась в самой центральной, срединной России – в селе Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии, где еще сохранился и действует храм Вознесения, в котором его крестили, где до недавнего времени, до 70-х годов нашего века в здании четырехклассной школы, построенной на его средства в 1907 году, учились дети.

Алексей Сергеевич Суворин, родился в 1834 году в семье бывшего участника Бородинского сражения, государственного крестьянина, дослужившегося до капитана, что дало возможность поступить Алексею в Михайловский воронежский кадетский корпус, а затем в Константиновское военное училище.

Начало жизни – это быт семьи, ничем не отличавшийся от окружавшего крестьянского, 9 детей, чай – по праздникам, обувка – тоже, а в корпусе деревенский выговор и смех товарищей, в совершенстве владевших французским. «Единственная книга, которая была у нас, - это Евангелие на русском языке, издание Библейского общества». «До 14 лет... не читал ни одной детской книжки и не знал об их существовании. До 14 лет... не имел понятия о том, что такое театр. Пушкин мне попался в руки, когда мне было лет 15. О газете и журнале я узнал гораздо позже».

Конец жизни – богатство, известность, авторитет и в мире капитала, и среди художественной интеллигенции России. Авторитет несомненный, хоть и нередко со знаком «минус». Менялись вехи биографии, менялось лицо на фотографиях и портретах, от восторженного мальчика к хитрому старику с живыми и лукавыми глазами. Крамской, хорошо знакомый с Сувориным, дважды с разрывом в десять лет писавший его портреты, четко уловил в этой натуре изменчивость, живость и лукавство, переходящее в хитрость. И, конечно, энергия, неумная энергия провинции.

Военного из Суворина не получилось, было желание продолжать учение в университете, но средств не оказалось, и он вернулся в Воронеж, учительствовать. Суворин преподает историю и географию в Воронежском уездном училище, в двух женских пансионах и имеет частные уроки. Судьба ли, литературные ли увлечения, но в Воронеже составилась постепенно кружок, душой которого стал преподаватель русского языка М. Ф. Де-Пуле и поэт И. С. Никитин, с которым Суворин видится ежедневно в его магазине, просматривая книжные новинки столиц.

Благословенна русская провинция и молодые люди, рвущиеся из нее. Да, порою грязь и невежество, да, жизнь, полная сплетен и дрызг, но и вечное стремление не опоздать за столицей. Да и что такое Россия, как не провинция, как не та благодатная почва, бесконечно дающая соки столицам? Свежая жизненная струя ветра на столичных улицах, раскованность в мыслях и скромность, даже зажатость, неловкость в поведении, неумение вовремя раскланяться и шаркнуть ножкой, но и желание каторжно трудиться и получать гроши – лишь бы в литературе, лишь бы во имя

идеалов, лишь бы покорить столицы. Сколько смелости и таланта нужно для всего этого.

Итак, в воронежском литературном кружке составляют сборник «Воронежская беседа». Суворин поместил в нем рассказ «Гарибальди», который впоследствии имел большой успех благодаря Прову Садовскому, изумительно читавшему его на публичных чтениях и при высочайшем дворе, и повесть «Черничка». Сборник был замечен, Никитин поместил в нем «Записки семинариста» (в них входило и знаменитое «Вырыта заступом яма глубокая») и поэму «Тарас». Окрыленный успехом Суворин посылает рассказ «Солдат и солдатка» в «Современник», а когда приезжает в Петербург за гонораром, знакомится с Чернышевским за несколько дней до ареста последнего. Кроме того, он пишет корреспонденции в еженедельную «Русскую речь», они замечены, и графиня де Салиас, владелица газеты и литературное имя, приглашает его в Москву. Это было начало. Москва встретила хорошо новообращенного журналиста: «Это было началом моей журнальной деятельности и моих знакомств в литературном мире». В московской жизни круг его новых знакомств впечатляюще серьезен. Здесь и Лесков, с которым они вместе пришли в «Русскую речь», вместе работали, дружили на протяжении всей жизни, хотя и неровно, и Слепцов, Левитов. У А. Н. Плещеева, привечавшего все новое, молодое, он знакомится с Л. Н. Толстым, А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым, Н. А. Некрасовым. Плещеев же устроит потом Суворина, не имевшего средств, в почтовый вагон и даст ему свое пальто, чтобы тот смог доехать до Петербурга. В Толстом Суворин сразу же почувствовал отличие от всех независимостью убеждений, которые вовсе не подходили к общему тону, и эта смелость в нем ему чрезвычайно понравилась. У И. С. Аксакова он видел весь славянофильский кружок и приезжавших из Царства Польского и Литвы, у графини Салиас познакомился с И. С. Тургеневым. Все складывалось удачно, много печатается в «Русской речи», помещает повесть «Аленка» и рассказ «Отверженный» в «Отечественных записках» (1863 г.).

«Русская речь» кончилась с первым номером 1862 года, и начались первые трудности, в это время Алексей Сергеевич и откликается на предложение Общества для распространения полезных книг написать исторические рассказы. Так появляется «Боярин Матвеев», «Ермак Тимофеевич». Л.Н. Толстой в это же время обращается к нему с просьбой написать биографию Никона для его книжной серии «Ясная Поляна». В конце 1862 года Суворин переезжает в Петербург, работает в «Санкт-петербургских ведомостях» В.Ф. Корша. Долгое время газета была заполнена учеными и профессорскими именами, но постепенно Корш сумел сделать из нее рупор либеральной политической оппозиции. Сам Корш, родственник и ученик Кавелина, был членом кружка Грановского и всю свою жизнь посвятил отстаиванию тех принципов, которые лежали в основе Великой реформы 1861 года.

Увлечение литературой в русском смысле – это особая статья, особая тема. Русский человек всегда с благоговением относится к печатному слову, и желание не просто высказаться, а всенепременнейше изменить нечто несправедливое, дурное, не просто сказать, а сделать словом – вот главное направление русской словесности. А. С. Суворин, человек деятельный, напористый, решает издавать свою собственную

газету, и отныне его имя в русской истории будет всегда связано с «Новым временем».

Алексей Сергеевич приступает к работе в своей уже газете как раз тогда, когда разразилась русско-турецкая война, и сразу же отправляется на театр военных действий, его корреспонденции снискали популярность и его газете: живо, образно, с болью за судьбы славянства, считая славянский вопрос русским вопросом и связывая освобождение славян с освобождением России, -- вот главное содержание того, что писалось им. При «Новом времени» создаются славянские комитеты, фонды помощи славянам, бьет ключом суворинская энергия. Патетика призывов к России выполнить свою историческую миссию освобождения славян, впрочем, была созвучна и настроению всего российского общества. Газета быстро набирала обороты, как из-за своей мобильности, умело подхватывая звучащее у всех на устах, так и из-за хлестких фельетонов и передовиц Суворина и Буренина. Действительно, как выражался современник, провидение, похоже, специально подготовило эту войну для «Нового времени», которое к концу ее стало одним из наиболее распространенных периодических изданий в империи.

Суворин, бойкий газетчик, имел нечто большее в своей предприимчивой натуре, чем только журналистский нюх. Чувство инициативы, любовь к нововведениям, умение «сделать» журналиста, чутье на газетного человека – вот его качества как редактора. Один из его сотрудников в начале века писал, что главным талантом его была «особенная способность или искусство делать журналистов. Именно делать, а не только отыскивать». И далее продолжал: «Теперь каждый гимназист 4-го класса искренне уверен, что он может писать что угодно и о чем угодно. Теперь каждый помощник провизора, или биржевой заяц, или товарищ Иван из рабочей среды, или выгнанный статист, или сиделец из казенной винной лавки, или вообще кто угодно – глубоко и вполне чистосердечно убеждены, что они могут не только писать статьи, но и редактировать газету». Воистину так. Нам, издателям, людям, знающим хитрости нашей профессии, известно, как важен такой человек рядом, кто мог бы научить и показать, нащупать в тебе то, о чем ты сам и не подозревал. А уж тем более во времена первых номеров «Нового времени», когда надо было умело писать между строк и когда редактор находился под страхом запрещения розничной продажи номера или лишения права публиковать объявления за бойкую статью, что вело нередко к разорению. Так что открыть газету тогда, как и сейчас, было делом нехитрым, -- важно было удержаться на волне успеха и денежной отдачи.

Особая атмосфера царила в редакции «Нового времени», когда еще Суворин был в силах. Алексей Сергеевич говорил: «Настоящий редактор не должен покидать газету ни на минуту», «дверь редакторского кабинета должна быть всегда открыта для кого угодно». И действительно: все, что приходило в редакцию, -- все неизменно и внимательно прочитывалось, более того, был принят хороший литературный стиль (это шло от Суворина), и все тщательно исправлялось перед набором. Случались и курьезы: однажды, придя вечером в редакцию, Алексей Сергеевич видит, что нахмуренный субредактор Россаловский исправляет какую-то заметку, Суворин наклоняется, смотрит, и вдруг на всю редакцию раздается: «Послушайте, голубчик Россаловский, вы лучше бросьте. Ведь Лев Толстой, ей-Богу, лучше нас пишет».

Журналистский азарт и пристрастие питал Суворин к литературным новостям, слухам и скандалам. Как-то это уживалось в нем одновременно: хороший литературный вкус (это отмечали все, даже недоброжелатели из демократов) и страсть к скандальному факту из области литературных кулуаров. У нас все больше любят, если выбрал героя – нарисовать его либо черным, либо белым, трудно, видимо, описать человека со стороны, либо любишь – и тогда он хорош, либо не любишь – и тогда он плох. Так получилось и с Сувориным. Была, была в Алексее Сергеевиче этакая любовь к столоначальникам, да он от нее и не отказывался. Но мог он и бросить все, плюнуть и со слезами идти за гробом Чехова, нежно и трогательно им любимого. И Лесков, его давний друг еще по Москве, начинавший в «Русской речи», писал, упрекая: «Зачем все известия о приезде «действительных статских советников» печатаются, а непристойным считается известить о приезде Чехова? Это уже Ваше, редакторское пренебрежение. Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента. Прикажите быть к ним внимательнее,-- это даст тон и другим, не умеющим ничего придумать. Вам это часто удавалось». «Вам это часто удавалось» ведь тоже было в Суворине, и не уйти от этого.

Особенно трогательные отношения сложились у Суворина с Чеховым. В течение жизни они много переписывались, и Чехов искренне высказывался в письмах обо всем, что делал и писал Суворин, о его пьесах, из которых более всего ценил «Татьяну Репину» и «Вопрос», считая, что жизненного материала и чувства слова у Алексея Сергеевича хватит и на роман, и всячески советовал ему писать крупную вещь.

Как и многие литераторы, он был обязан Суворину тем, что тот поддерживал его в финансовых неурядицах. Одним из первых Суворин угадал в Чехове крупную величину в литературном мире и начал печатать его рассказы на страницах «Нового времени» без ограничений и жестких рамок времени. И даже в то время, когда Чехов был не согласен с позицией газеты (конец 90-х годов), он писал Суворину: «У деловых людей есть поговорка: живи – дерись, расходись – мирись. Мы расходимся мирно, но жили тоже очень мирно, и, кажется, за все время, пока печатались у Вас мои книжки, у нас не было ни одного недоразумения. А ведь большие дела делали. И по-настоящему то, что Вы меня издавали, и то, что я издавался у Вас, нам следовало бы ознаменовать чем-нибудь с обеих сторон».

Для Чехова Суворин был исключительно интересным собеседником: его необыкновенная начитанность, интерес к литературной и театральной деятельности, философический склад ума не могли не привлекать к себе. Но при этом он всегда отделял Суворина-газетчика от Суворина-литератора и Суворина-издателя, делающего великое для России дело. Обсуждая в переписке издательские дела или «Маленькие письма» (под таким названием печатались в «Новом времени» передовые статьи Суворина на злобу дня), Чехов как бы не замечал других сотрудников «Нового времени», а уж если поминал кого, то недобрый словом.

Либеральное направление и умение возбуждать общественное мнение, слушать его пульс – вот то, за что ценил Чехов Суворина-журналиста, но умение угодить властям предрежающим редко находило в нем отклик, о чем он и отзывался в письмах честно и нелицеприятно: «Либеральное вам всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь

проводить какие-нибудь консервативные выражения (вроде «к подножию трона»), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещина, производящая фальшивый звук». И после смерти Чехова старик Суворин по мере сил ре оставлял семье его; некоторое время должность управляющего контрагентства железных дорог занимал брат Антона Павловича – Михаил, успешно справлявшийся со столь запутанными финансовыми делами конторы.

Вообще финансовая и организаторская сторона издательского конгломерата была крайне сложной. Она немало мешала Суворину как литератору: необходимость все время следить за подпиской, держать нос по ветру, уметь определить читательский интерес раньше его рождения – вот что такое популярность «Нового времени». И как бы его ни бранили на всех углах и перекрестках, строгий принцип «газеты для всех» (так незаслуженно перевернутый Салтыковым-Щедриным в «чего изволите?») осуществлялся всегда, даже тогда, когда Суворин фактически отошел от дела. Набравшая 15 тысяч подписчиков в годы русско-турецкой войны, газета неизменно держалась в лучшие свои годы 35 тысяч. А это что-нибудь да значило в то время.

Трагедия семьи Суворина, его сложные отношения с сыновьями и их паразитирование на теле газеты фактически погубило «Новое время», что бывало не раз в России, где многие хозяйские сынки, вступавшие в дело лишь благодаря своему рождению и наследованным правам, благополучно уничтожали все сделанное отцами. Самый талантливый сын Суворина, Алексей, вконец поссорившийся с отцом и основавший другую газету, «Русь», писал об этом поистине трагическом положении дел: «Для того чтобы получать десятки тысяч дохода, надо иметь в себе нечто другое, кроме убеждения, что газета – это лабаз, а редактор – наследственный лабазу хозяйский сын». Газета при Суворине держалась на умении привлечь таланты и заставить их работать на себя, на непризнании узких партийных рамок, недаром он называл свою газету «парламентом» и не стеснял сотрудников «направлением», отчего на ее страницах нередко возгорались ожесточенные споры даже между постоянными сотрудниками. Газета держалась и на хлесткой литературной, театральной критике, и на отклике на любой мало-мальски скандальный повод, и на самом Суворине-журналисте с его «Маленькими письмами»-передовицами, и на организованной внелитературной среде. В эту среду входили и заключенный контракт с железными дорогами на продажу газет и книг, и объявления, приносящие стабильный доход (к ним особенно имела претензии демократическая пресса), и особые магазины по стране, и организация Товарищества с кредитами крупнейших банков и вкладами солидных пайщиков, и хорошо поставленное типографское дело с новейшими печатными машинами, выписанными из-за границы, и даже то, что Суворин редко когда экономил на гонорарах.

Так, только благодаря умело организованному типографскому производству удалось Суворину не только печатать свою газету с приложениями, но и приступить к выпуску книг, что позволило в дальнейшем профессору Кирпичникову назвать его «Наполеоном книжного и издательского дела России». При типографии была открыта первая в России частная школа типографского дела, в курс которой входили и иностранные языки. За весь период существования, с 1884 по 1911 год, школа выпустила 320

учеников, многие из которых влились в ряды служащих типографии. Особо отметим социальные гарантии, принятые для тех, кто работал над газетой: служащие типографии, магазина и конторы «Нового времени» образовали в 1898 году Ссудно-сберегательные и Взаимно-вспомогательное товарищество, похоронную кассу, основной капитал для которых был дан Сувориным. Кроме того, для них была построена бесплатная амбулатория с выдачей лекарств.

Особую любовь питал Алексей Сергеевич к книжному делу. Страстный собиратель книг, он сумел создать у себя хорошую библиотеку, которая после его смерти была передана в Румянцевский музей. Многие писатели пользовались ею, и он никогда не отказывал в нужной книге любому. Кроме того, в его собрании были и запрещенные книги, с которыми, например, он знакомил А.П. Чехова. Самостоятельным издателем он становится в 1872 году, когда выпустил первый «Русский календарь», издававшийся впоследствии ежегодно и так горячо любимый публикою. Просьба выслать очередной выпуск этого справочника знаний о России присутствует во многих письмах писателей.

К газете были присовокуплены и еженедельные литературные приложения, сначала «Еженедельное Новое время», «Литературный журнал», а впоследствии их заменил журнал «Исторический вестник», издаваемый с 1880 года С. Н. Шубинским.

Журнал этот был знаменит, а Алексей Сергеевич, несмотря на то, что во многом расходился с Шубинским, всегда ценил его и полностью доверял его знаниям и вкусу.

Книжные магазины Суворина находились в Петербурге, Москве, Саратове, Харькове, Ростове-на-Дону и Одессе. Кроме того, Суворин, как уже говорилось, приобрел в 1883 году за 10 000 рублей железнодорожное контрагентство, которое позволяло продавать продукцию его типографии по Николаевской, Варшавской и Нижегородской железным дорогам. Именно это было тем могущественным рычагом, который позволял А. С. Суворину и его продукции обращаться к огромному количеству читателей.

Среди книжных изданий А. Суворина особую и самую большую часть составляли книги известной на всю Россию «Дешевой библиотеки». По сведениям на 1910 год, в ней вышло 366 названий тиражом более 5 миллионов экземпляров. Самым значительным событием было издание к 50-летию смерти Пушкина 10-томного Собрания сочинений великого русского поэта тиражом 100 тысяч экземпляров. Так читающая Россия смогла получить в свою домашнюю библиотеку собрание любимого поэта. Буквально в первые же месяцы после выхода оно было распродано. Французские газеты этого времени писали, что «это дешевое издание не дает прибыли: это роскошь, которую позволяет себе издатель-патриот». Вспоминались и эпизоды, когда «толпа в день поступления в продажу этого издания, торопясь заполучить его, ворвалась в книжный магазин и невольно причинила его владельцу значительные убытки».

Кроме этой серии, Суворин основал еще «Научную дешевую библиотеку» и «Новую библиотеку». Пристрастие к истории и забота о распространении исторических знаний, особенно об истории своего Отечества, сказались и на обилии исторических исследований и романов, издаваемых А. С. Сувориным. Среди них почти все ценные сочинения иностранцев о Древней Руси, иллюстрированные истории Петра Великого и

Екатерины II Брикнера, «Император Александр I», «Император Павел I», «Император Николай I» Шильдера. Кроме дешевых изданий массового тиража, печатались и уникальные художественные издания, роскошные по тем временам «Дрезденская галерея», «Лондонская галерея», «Императорский Эрмитаж», Рембрандт, «Историческая портретная галерея», «Палестина» сына Суворина, Алексея.

Гордость Суворина составляли и справочные издания, выходившие ежегодно и являвшие собой серьезное подспорье деловому Петербургу и Москве –

«Весь Петербург», «Вся Москва», «Вся Россия» и уже упоминавшийся «Русский календарь».

И, конечно, многое было сделано Алексеем Сергеевичем для русской литературы, для знакомства с ней именно широких слоев русской публики. Он издавал произведения Апухтина, Баратынского, Белинского, Валишевского, Веневитинова, Гнедича, Гоголя, Грибоедова, Григоровича, Данилевского, Дельвига, Достоевского, Жуковского, Загоскина, Капниста, Карамзина, Кольцова, Костомарова, Крылова, Кукольника, Лермонтова, Ломоносова, Лескова, Максимова, Одоевского, Плещеева, Радищева, Рылеева, Сологуба, Сумарокова, Л. Н. Толстого, Фонвизина, Чехова, Языкова. И это лишь выборочный список, но каков охват!

Кроме журналистики и издательской деятельности, Суворин имел и особую страсть к театру, которая обнаружилась еще во времена юности, во время работы в «Петербургских ведомостях», где среди прочих репортерских заметок он нередко писал и о театре, был знаком со многими петербургскими актерами, дружил с ними. С 1895 года он становится во главе Литературно-художественного общества (Малый театр), как всегда развивая кипучую деятельность, добивается от цензуры разрешения постановки драматических произведений, которые были долгое время под строгим запретом, таких, как «Власть тьмы» Л. Н. Толстого. При этом, как всегда, он не забывает и себя. Ставит на этой сцене свои пьесы – драму «Медея», написанную совместно с В. П. Бурениным, «Татьяну Репину», «Вопрос», ряд водевилей и пятиактную драму «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения». Смутное время вообще привлекало его особое внимание, он считал тождество царевича Дмитрия с Лжедмитрием несомненным и написал об этом историческое исследование. Занимался он и литературоведческой работой, как знаток творчества Пушкина разоблачил подделку «Русалки», появившуюся на страницах «Русского архива».

Долго собирался Суворин написать крупную вещь, но, кроме «Всяких», романа «В конце века. Любовь», осталось после него лишь то, что каторжным трудом журналиста он писал многие годы на страницах своей газеты. Пробуждение русского самосознания, гордость за то, что ты русский человек, -- вот что долгие годы составляло заботу Суворина. Мало кто мог бы его упрекнуть в нежелании пользы России, как он ее понимал. И даже его идейные, политические враги ценили в нем эту упрямую стойкость и прямоту стояния за Россию.

«Я разбираю себя строго в последнее время, -- писал Суворин художнику Крамскому, -- я хочу в своем уме подвести итоги того, что я такое. Конечно, никто самому себе не судья. Однако никто себя так не знает, как сам же человек. Есть черты дурные, есть черты и хорошие. Дурные все от бесхарактерности, от отсутствия выдержки, от

какой-то задней мысли, которая мешает быть вполне искренним... В литературной деятельности я никому не изменял, но моя смелость зависела от атмосферы... Кто поставлен был в такие тиски, как современный журналист, тот едва ли выйдет сух из воды. Провинность я за собой чувствую, как журналист, но если я удостоюсь того, что моя деятельность будет когда-нибудь оценена беспристрастно, то я уверен, что в результате будет плюс. Как издатель, я оставляю прекрасное имя. Да, прямо так и говорю. Ни одного пятна. Я издал много, я никого не эксплуатировал, никого не жал, напротив, делал все, что может делать хороший хозяин относительно своих сотрудников и рабочих. Тут судите человека, у которого есть сердце, есть доброта и простота даже. Рабочие типографские, которых больше 200 человек, поставлены в хорошие условия, такие, какие едва ли в какой типографии существуют. Я завел типографскую школу бесплатно, которая отлично идет и которая стоит мне до 3000 в год. Газета дает до 600 тысяч в год, а у меня кроме долгов ничего нет, то есть нет денег. Есть огромное дело, которое выросло до миллионного оборота, но я до сих пор не знал никакого развлечения, никаких наслаждений, кроме труда самого каторжного. Расчетлив я никогда не был, на деньги никогда не смотрел, как на вещь, стоящую внимания...

Никому другому, кроме Вас, я бы этого не написал. Если в моем сердце есть частица добра, она должна быть и в физиономии».

Каторжный труд А.С. Суворина так до основания еще не понят и не разобран потомками. Это еще предстоит сделать, сделать с любовью к личности крупной, объемной, а не так, как это сегодня сделано во многих изданиях, посвященных ему.

Сам Суворин предчувствовал, что его будут трудно публиковать и принимать. «Я тороплюсь, очевидно, перед смертью, после которой забудут все, что я писал. Мне и хочется оставить книжки. Они останутся в каталогах, и если в каталогах будут жить, или, вернее, прозябать, то и это утешительно» (1906). Действительно, только «Дневник» его, числа «обличительным», удостоили публикации трижды, все же остальное не посчитали заслуживающим внимания. А между тем ждут еще своего издателя в полном объеме его «Маленькие письма», есть еще и театральное наследие, и литературоведческое, и эпистолярное... Все это еще впереди...

«Маленькие письма»⁵³

В Москве открылась еженедельная трибуна «Русское дело». На ней стоит известный публицист г. Шарапов, бывший противник С. Ю. Витте как министра финансов. В финансовые «комбинации» г. Шарапова я никогда не верил, а теперь не верю и в его политические «комбинации». Вернувшись из Петербурга напуганным и возмущенным «мятежом», он написал несколько горячих строк против Петербурга и возложил надежды

53 "Новое время", 16 (29) января 1905 г.

на Москву, которая, по его выражению, «хранит и бережет русское государство». В исторически сложившуюся способность Москвы хранить и беречь если не русское государство, то первопрестольную столицу можно верить тем охотнее, что Москва – торговый город, город именитого и богатого купечества, которое доказало, что оно не только умеет накапливать богатства, но и развило в себе способность управлять широкими делами. Однако г. Шарапов совершенно забыл историю Москвы, ибо напечатал следующие строки:

«Спасет ли нас не только парламентаризм, но даже и Земский собор, о котором говорит в последнем «Маленьком письме» А. С. Суворин? Не будет ли этот Земский собор тем же, чем стала наша нынешняя печать?.. Нет, избави нас, наконец, Господи, от лжи, в какую бы форму она ни облекалась и какие бы громкие имена себе ни присваивала. Нынешняя Россия еще долго не может дать Земского собора. Дай Бог, чтобы она дала теперь несколько на что-нибудь похожих земских областных собраний».

Думаю, что эти строки, полные скороспелого отчаяния, соединенного с уверенностью в непогрешимости своих выводов, продиктованы последователю славянофилов, каким считал себя г. Шарапов, крайней растерянностью и легкомыслием. Можно с клятвой утверждать, что ничего подобного, ни при каких политических обстоятельствах, не сказал бы И. С. Аксаков, поклонник самодержавия, укрепляемого представительством Земского собора. На страницах истории Москвы написаны деяния Земских соборов, которых было в течение 150 лет 32. Эти соборы давали дельные советы московским царям; смутное время, можно сказать, полно было ими, хотя они не записаны и происходили по разным городам; в безгосударное ими же держалась русская земля; Земский собор, самый полный из всех, ибо в нем участвовали и «уездные люди», т. е. крестьяне, избрал на царство Михаила Феодоровича Романова, и он же содействовал юному и неопытному царю в разоренном, обедневшем и расшатанном государстве устроить порядок и освободить Россию от внешних врагов и внутренних. Первый император покончил с ними. Первый император старался вдвинуть Россию в Европу. Его гению все было возможно. Он мог повторить слова Гёте: «Невозможное возможно только человеку». Он сделал так много, что Россия и теперь еще живет положенными им началами. Но он же создал у нас и бюрократию по европейскому образцу. Он же внушил и уверенность бюрократии, что она всё может, что она всесильна, что своим трудом и властью она может продолжать созидание и утверждение государства, не обращаясь к содействию представителей народа. Его гениальная способность к творчеству, его несокрушимая энергия увлекли бюрократию на самостоятельный путь одиночного строительства. Сильная его духом, она поверила в свои силы и ревниво стала оберегать свою власть. Но Екатерина Вторая снова прибегла к Земскому собору, ибо созданная ею законодательная комиссия была не что иное, как Земский собор. Земские соборы не повторяли друг друга своим составом и задачами, а сообразовывались с современными нуждами, с взаимными отношениями сословий...

Что император Александр III сочувствовал идеалу самодержавия, стоящего в тесном единении с представителями народа, доказывается тем, что именно ему, когда он был наследником престола, принадлежит незабвенная заслуга обнародования работ екатерининской комиссии, которые держались целые сто лет в секрете, под замком. Что с

его стороны это было не любопытством только к важному историческому документу, ясно из того, что он готовился собрать Земский собор. Он стремился обновить самодержавие, sprysnut' его живой водой единения с подданными, которому мешало «средостение» – так называли тогда бюрократию. Проект выработывался в Министерстве внутренних дел нарочито приглашенным туда Голохвастовым, который занимался русской историей, но не принимал участия в проведении проекта. Было несколько заседаний министров, обсуждавших этот проект. Но оказалось, что само Министерство внутренних дел так плохо знало историю этого учреждения, его личный состав, его права и обязанности, что не могло защищать своего проекта с тем авторитетом, который требовался для такого серьезного дела...

Я писал уже недавно, что в апреле 1902 г. Я говорил о Земском соборе В. К. Плеве, но он находил его несвоевременным. Я всегда оставался неизменным поклонником этого родного учреждения и остаюсь им и ныне. Я убежден, что новый порядок не должен прерывать своей связи с историей, я знаю, что французские историки указывают на то, что Франция в 1789 г. Сделала непоправимую ошибку, создав свое национальное учреждение – генеральные штаты, не сзывавшиеся уже 175 лет, обратилась вслед за тем вследствие хитрого маневра слишком многочисленного третьего сословия к образованию Национального собрания, потом учредительного и к английской конституции и тем порвала совсем со своим прошлым. Конституции следовали за конституциями (целых девять с 1791 по 1875 г.) и заставили государство пережить чрезвычайно тревожный и неустойчивый век. Английская конституция – родное учреждение. Она не существует в виде «хартии» или особого основного закона, организующего власти и основания публичного права. Она образовалась постепенно и вошла в нравы страны. Правда, Кромвель собирался написать ее, но она так и осталась неписаной и остается самой прочной в Европе, Конечно, существуют знаменательные акты, по которым можно проследить постепенное развитие конституции. Но ни один из них не выдавался правительством как нечто новое. Напротив, постоянно повторялось с настойчивостью, почти курьезною, что ничего нового не давалось, а это все старые права, которыми английский народ постоянно пользовался.

Я желал бы, чтобы и мы делали так. Дело не в канцелярских бумагах, не в параграфах, которые легко изменяются, а в сущности жизни, в ее свободе. Нам надо то, чем пользовались наши предки. Само 19 февраля было совсем не ново. Оно было возвращением к старым формам, которые должны были раздвинуться, чтобы обнять новую жизнь, новые русские души. Рядом с сильной властью, непременно сильной, которая не дала бы себя обмануть или провести, могут существовать такие учреждения, как Земский собор – как опора этой самой власти и ее свободный союзник, критик и работник для развития родины.

Обвиняют в смуте печать, обвиняют ее в измелечании, в пошлости, в подстрекательстве. Но на что же может опереться печать, когда она не имеет под собой твердой почвы? Она может быть правдива только тогда, когда она представляет общественное мнение рядом с представительством, которое может руководить ею и направлять ее. Почему она выражает голос страны, когда сама страна его не выражает? Почему она имеет это преимущество перед страной, которая представителей печати не выбирала? А эти

неизбранные представители печати обсуждают важнейшие вопросы. Почему бюрократия может выделять из себя способных и талантливых людей для управления, а общество не может, ибо оно в этом направлении не воспитывается? Я вовсе не принадлежу к ненавистникам бюрократии, я знаю, что бюрократия сделала много полезного и прочного, что без нее обойтись никак невозможно, но я думаю, что она не в силах более справиться с тем громадным организмом, в который обратилась наша Империя. Всякой силе, всякой способности положен предел, и этот предел настал уже явно для всех с началом великой реформы 19 февраля. Бюрократия была так завалена громадностью работы, что не могла ее выполнить. Сами реформы останавливались от этого бессилия «обнять необъятное». Вращаясь в своем заколдованном круге, она не может обновиться и не обновиться, пока не явится обновление делом призыве народных сил, о котором я говорю. Отрицающие Земский собор журналист говорит, как власть имеющий, говорит приказательным тоном, как говорил он о финансах, к которым потом, однако, прибег. Приказательного тона довольно. Он нужен для служебной дисциплины, но он ровно ничего не дает для блага родины в тех сложных и тяжелых условиях, которые мы переживаем. Я обратился к истории, я имею за собой массу русских людей, которые думают так же, как я, у которых, может быть, еще больше, чем у меня, веры в историческую преемственность родных учреждений. Земский собор не значит собор из земских собраний, из председателей земских управ и гласных. Земство имеет в себе до 70 процентов дворянства и не может, не имеет права считать себя выразительницей Империи.

У нас есть сословия: дворянство, духовенство, купечество (в широком практическом составе), крестьянство. Хоть по сто человек от каждого сословия, но все они должны быть представлены в той или иной пропорции. Это дело разработки серьезной и внимательной, в которой должны принять участие люди науки. Я этими многими строками отвечаю тем, которые почему-то связывают Земский собор с тем законом, установленным земством, которое и существует только в 34 губерниях.

Надоедает критика, одна критика существующего порядка, переходящая к явлениям революционного порядка; дикие отбросы толпы городской, не имеющие ничего общего с рабочим классом, готовые принять участие во всяком беспорядке и довести его до ужасов бессмысленного бунта, мы их теперь видели. Этого не могут хотеть добрые граждане, все те, кто работает и хочет работать. В души многих закрадывается страх за будущее, и началось то шатание, которое может обратиться в смуту. Хотят порядка... чтоб можно было свободно и спокойно работать. Хотят школы государственного управления, чтобы люди из общества могли проходить ее и работать на пользу страны вместе с правительством... Хотят, чтобы к царскому престолу доходил голос страны в своем искреннем, правдивом выражении. Хотят, чтобы пред государем стояла вся страна, покорная его державной власти и готовая стоять на страже внутреннего законного порядка и упрочивать его до полной гармонии с характером русского народа и до красоты великолепного русского богатыря, сильного благородной и честной любовью к царю и Родине, сильного разумом и свободой духа.

Журналистика советского периода

Лев Троцкий

Троцкий (наст. Фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940), политический и государственный деятель. В социал-демократическом движении с 1896, с 1904 выступал за объединение фракций большевиков и меньшевиков. В 1905 в основном разработал теорию перманентной (непрерывной) революции; В ходе революции 1905-07 годов проявил себя незаурядным организатором, оратором, публицистом; председатель Петербургского совета рабочих депутатов, редактор его «Известий». Принадлежал к наиболее радикальному крылу в РСДРП. В 1908-12 редактор газ. «Правда». В 1917 председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1917-18 нарком по иностранным делам; в 1918-25 нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики; один из создателей Красной Армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны, широко использовал репрессии. В 1920-21 врио наркома путей сообщения. В 1925-28 председатель Концессионного комитета, начальник электротехнического управления и председатель научно-технического управления промышленности ВСНХ. Член ЦК в 1917-27, член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1919-26. Острая борьба Троцкого с И.В. Сталиным за лидерство закончилась поражением Троцкого – в 1924 взгляды Троцкого (т.н. троцкизм) объявлены «мелкобуржуазным» уклоном в РКП (б). В 1927 исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 – за границу. Подверг резкой критике сталинский режим как бюрократическое перерождение пролетарской власти. Инициатор создания 4-го Интернационала (1938). Убит в Мексике агентом НКВД Р. Меркадером. Автор работ по истории революционного движения в России, литературно-критических статей, воспоминаний «Моя жизнь» (Берлин, 1930).

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба Давидович) родился 25 октября (7 ноября) 1879 г. В селе Яновка под Херсоном в семье крупного земельного арендатора-еврея Давида Леонтьевича Бронштейна, арендовавшего 400 десятин земли. Жили Бронштейны в еврейской колонии Громоклей. Отец и мать Льва Троцкого были людьми малограмотными, и свое состояние нажили тяжким трудом. У Левы было две сестры, Елизавета и Ольга (будущая жена Льва Каменева), и брат Александр. Родители стремились дать своим детям хорошее образование, обеспечивающее их будущее. В 9 лет Лев Троцкий пошел учиться в 6-классное Одесское реальное училище, поэтому для окончания реального училища и поступления в 7 класс ему пришлось переехать в г. Николаев. Еще в младших классах проявился его бунтарский, неумных характер. Он

был верховодом у сверстников, часто имел стычки с учителями. Ну и учился Лев хорошо, был первым учеником, писал стихи, много читал, издавал рукописный журнал «Капля».

В Николаеве Лев Троцкий увлекся революционными идеями. Сильно повлиял на становление его мировоззрения в это время чех Франц Швиговский, организовавший небольшую коммуны. Здесь Лев познакомился со своей первой женой Александрой Соколовской. Собственно, она и вовлекла Троцкого в эту организацию. Коммунары выделялись в городе своей экстравагантностью, что особенно нравилось Льву Троцкому. Они носили синие блузы, соломенные шляпы, ходили с черными палками. Обеспокоенные родители попытались было принудить Льва бросить политику и налечь на учебу, но неукротимый характер будущего Демона революции уже сформировался. Он предпочел разругаться с родителями.

После окончания реального училища Лев Троцкий переехал в Одессу и начал посещать лекции математического факультета местного университета. Но революционная деятельность уже полностью захватила Льва Троцкого. Он бросил университет и вернулся в Николаев. Тем более что за ним уже следила одесская полиция. Троцкий совместно с Александрой Соколовской и ее братьями организовал подпольные рабочие кружки и руководил одним из них. В 1897 г. Он принял участие в создании «Южнорусского рабочего союза». Причем Лев Троцкий стал инициатором создания союза, написал его устав и стал его неформальным лидером. Молодые подпольщики печатали листовки, выпускали газету, распространяли нелегальную литературу, выступали перед рабочими. Но российская полиция не дремала, и в 1898 г. Его, как и других членов союза, арестовывали. Он около двух лет провел в тюрьмах, где много читал и занимался самообразованием. «Тюремные университеты» и сделали Троцкого рьяным марксистом. Суд приговорил Троцкого к ссылке в Восточную Сибирь, под Иркутск, куда его и отправили вместе с Александрой Соколовской. В московской пересыльной тюрьме Лев Троцкий и Александра Соколовская, которая была старше Льва на 7 лет, обвенчались.

В ссылке Троцкий продолжал много читать, заниматься самообразованием, начал писать и публиковать статьи в иркутской газете «Восточное обозрение». Перо его оказалось легким, острым, образным и точным. Сказалось влияние его любимого писателя Глеба Успенского. Гонорары за статьи стали существенной прибавкой к семейному бюджету, тем более что в семье родились две дочери.

В 1902 г. Лев Бронштейн по фальшивому паспорту на имя надзирателя одесской тюрьмы Николая Троцкого бежал из ссылки за границу. Эта выбранная будущим Демоном революции фамилия и стала его революционным псевдонимом, а затем всемирно известной фамилией. Жена и две его малолетние дочери Зина и Нина остались в Сибири. Александра Соколовская поддержала побег мужа, хотя это и предрекало долгую с ним разлуку. Троцкий, разумеется, не бросил своих дочерей, как об этом писали некоторые советские историки. Во время событий 1905-07 гг. их забрала к себе в Яновку мать Троцкого, с которой они и жили до ее смерти. В последующие годы Лев Троцкий редко встречался с первой женой, но они на всю жизнь сохранили идейную близость и остались друзьями. Личные письма Троцкого Александре Соколовской

свидетельствуют о его трогательной любви к дочерям. Бежал Троцкий из ссылки 22 августа 1902 года. Он добрался за плату на крестьянской повозке до железной дороги, где его уже ждали с одеждой и паспортом соратники-социалисты.

Троцкий обосновался в Самаре, где находился штаб газеты «Искра». Он съездил по заданию самарского штаба «Искры» в Харьков, Полтаву, Киев, а затем нелегально выехал за границу и отправился по приглашению Ленина в Лондон, где проживали в это время Ленин и Надежда Крупская. Два самых ярких будущих вождя российской большевистской революции, Троцкий и Ленин, познакомились в октябре 1902 г. Знакомство это началось с того, что Троцкий, обобранный контрабандистами при переходе границы, попросил у Ленина денег, чтобы расплатиться с привезшим его на встречу извозчиком.

Троцкий энергично включился в организационную работу для «Искры». Ленин сразу оценил его незаурядные способности и постарался загрузить работой, которую сам не любил. Троцкий сновал по городам Европы, выполняя ленинские поручения, выступал с докладами и лекциями, в дискуссиях. Ленин высоко оценил лекцию (реферат) Троцкого «Что такое исторический материализм и как его понимают социалисты-революционеры». Он предложил переработать этот материал для статьи в журнале «Заря». Троцкий, однако, отказался, посчитав сие преждевременным. Между прочим, данный отказ является характерным штрихом к портрету Троцкого. Он достаточно трезво оценивал свои возможности и в данном случае посчитал себя пока еще недостаточно подготовленным для начала публицистической деятельности рядом с Плехановым, Лениным и Мартовым. Но он очень много работал и вскоре преодолел этот свой временный недостаток, превзойдя большинство своих учителей в мастерстве владения пером. Недаром он получил псевдоним «Перо». Уже с ноября 1902 года Лев Троцкий стал писать для «Искры».

Ленин, считая Троцкого своим долгосрочным сторонником, предложил включить его в редакцию «Искры», но это предложение не поддержал Плеханов. С последним у Троцкого не сложились отношения с первых же встреч. Патриарх российской демократии, образно говоря, с первого взгляда не взлюбил заносчивого и неуступчивого молодого социалиста. Георгий Плеханов привык к определенному пиетету по отношению к себе, что было органически чуждо Льву Троцкому (как и Ленину).

Троцкий, однако, вскоре разочаровал Ленина, надеявшегося надолго заполучить его в свою команду. На II съезде РСДРП они уже разошлись. Троцкий видел роль партии в организационном и идейном воспитании ее членов и рабочих, а не как инструмент захвата власти (по Ленину). Лев Троцкий оказался вполне самостоятельным человеком, имевшим свои твердые собственные взгляды и убеждения. В социал-демократическом движении он поначалу был ближе к Мартову и Аксельроду, но потом занял центристские позиции между меньшевиками и Лениным. До самой Октябрьской революции Троцкий держался независимо, в отдалении от Ленина, чем вызывал яростный гнев и нападки вождя большевиков.

В эмиграции Троцкий вторично женился на дочери купца первой гильдии Наталье Ивановне Седовой, с которой познакомился в Париже в 1902 году. С этого времени он

получил возможность полностью посвятить себя литературной и революционной работе, не заботясь о деньгах. В браке с Седовой у Троцкого родились два сына, Лев Седов и Сергей Седов.

После II съезда РСДРП Лев Троцкий начал играть заметную самостоятельную роль в российском социал-демократическом движении. Его выдвинули в ЦК РСДРП сторонники Мартова и Аксельрода, однако он не прошел. Большинством голосов в ЦК были избраны главным образом сторонники Ленина (они получили историческое название «большевики»). Меньшевики (сторонники Мартова, Аксельрода, Потресова, Дана) собрались на отдельное совещание и избрали свои руководящие органы, оформив тем самым раскол РСДРП. В бюро партии меньшевиков вошли Мартов, Дан, Потресов, Аксельрод и Троцкий. Из перечисленных меньшевистских лидеров этого времени только Троцкий в 1917 г. Вошел в партию большевиков вместе со своими сторонниками и сыграл одну из главных ролей в Октябрьском перевороте и гражданской войне.

В дальнейшем, поссорившись лично с Даном, а также по идейным причинам, Лев Троцкий отошел от меньшевиков, и занял, как уже отмечалось выше, независимую центристскую позицию.

В феврале 1905 г. Троцкий вернулся одним из первых политэмигрантов в Россию с паспортом на имя отставного поручика Арбузова и принял активное участие в событиях 1905-07 гг. Революционный напор рабочих захватил Троцкого и его идейные позиции приблизились к большевистским. При помощи большевика Красина он перебрался в Петербург, но вскоре явки провалились, последовали аресты, и он вынужден был скрыться в Финляндии. В октябре Троцкий вернулся в Петроград. Царский манифест теперь позволил социал-демократам легально работать в России. В Петербурге был создан Совет рабочих депутатов, в котором Троцкого избрали заместителем председателя Г.С. Носоря (псевдоним – Хрусталева). Благодаря своей энергии, ораторскому таланту, блестящему перу и организаторским способностям Троцкий быстро стал фактическим руководителем Совета. Ни один вопрос не решался без его участия и указаний. А в ноябре 1905 г. Его уже избрали председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. На этом посту он пробыл всего несколько дней, но успел проявить себя находчивым и мужественным человеком. 3 декабря в зал заседания явился жандарм, чтобы арестовать депутатов. Едва он открыл рот, как председательствующий Лев Троцкий резко оборвал его: «Кто вы такой?! Почему выступаете без разрешения собрания?». Жандарм оторопел, а Троцкий тем временем обратился к залу за разрешением дать жандарму слово. Все это выглядело комично и немало повеселило зал. Жандарм растерянно доложил залу о решении правительства арестовать депутатов. Троцкий невозмутимо предложил депутатам принять это заявление к сведению. Затем он потребовал от жандарма незамедлительно покинуть собрание, что тот, вконец растерявшись, и исполнил. Через несколько минут жандармы, опомнившись, вернулись и арестовали депутатов, включая и Троцкого. Находчивое и мужественное поведение Льва Троцкого на этом заседании произвело огромное впечатление на депутатов. Оно, несомненно, высоко подняло его авторитет среди видных социал-демократов и рабочих.

Льва Троцкого и 14 его товарищей в октябре 1906 года осудили на вечное поселение в

Сибири. До военно-полевого суда они провели время в тюрьмах, где Троцкий по-прежнему много читал и писал. Либеральные порядки в царских тюрьмах помогли многим социалистам, в том числе и Льву Троцкому, стать высокообразованными людьми. На суде присутствовали мать и отец Троцкого, явно гордившиеся своим ярким и неустрашимым сыном. Попутно они снабдили сына немалыми деньгами. Эти деньги и помогли Троцкому бежать по пути в ссылку (в ночь с 19 на 20 февраля 1907 года из г. Березова). При этом он проехал за неделю около 700 километров на оленях, ведомых местным аборигеном, до Урала, до железной дороги. По прибытию в Петербург Троцкий при помощи товарищей по партии сразу уехал в Финляндию. 30 апреля 1907 года он принял участие в V съезде РСДРП, где вопреки давлению Ленина вновь занял центристскую позицию, выступая за компромисс между большевиками и меньшевиками и единство социал-демократов России.

Начиная с 1908 года, Троцкий сблизился с австрийскими и германскими социал-демократами, вступил в австрийскую социал-демократическую партию. Он в это время печатался в немецкой социалистической печати, издавал в Вене с октября 1908 года газету «Правду». Так что газету социалистического толка под знаменитым названием «Правда» первым начал издавать Лев Троцкий. Газета представляла украинских социал-демократов и издавалась в течение 3,5 лет. Напомним, что это было время разгрома внутреннего российского социалистического движения, время уныния, апатии и шатаний российских революционеров. Лев Троцкий сумел привлечь в газету очень сильных социал-демократов: М. Урицкого, А. Иоффе, В. Коппа, М. Скобелева и других. Он продолжал развивать свои идеи о необходимости терпимого, товарищеского отношения в среде социал-демократов к различным мнениям, гипотезам и программам, о необходимости компромиссов, об организационном единстве социал-демократов разных оттенков. Все это противоречило стремлению Ленина либо подмять под себя всю партию, либо полностью разорвать отношения с инакомыслящими. Отношения Троцкого и Ленина обострились до предела. Ленин написал заметку с характерным названием «О краске стыда у Иудушки Троцкого», но заметку эту он не опубликовал. Опубликовали ее только в 1932 году при Сталине в «Правде», чтобы дополнительно опорочить Троцкого. Ленин в заметке резко критиковал Троцкого за его склонность работать со всеми фракциями и группами социал-демократов: ликвидаторами, впередовцами и другими. Как раз с подобными проявлениями откровенной нетерпимости в идейной полемике и призывал в это время бороться Лев Троцкий. После опубликования заметки Ленина советские историки поспешили приклеить ко Льву Троцкому ярлык «Иудушка». Сам Троцкий в книге «Сталин» критически оценил свои попытки объединения различных идейных групп социал-демократов в годы после революции 1905-07 гг. (т.н. годы реакции). Он фактически признал правоту действий Ленина на создание идейно монолитной партии с жесткой дисциплиной, как инструмента захвата власти.

Во время первой мировой войны Троцкий, как и большевик Владимир Ленин, отчасти меньшевик Юлий Мартов и эсер Виктор Чернов, страстно выступал против войны, за поражение России. Он много писал для левосоциалистической газеты «Наше Слово», с которой сотрудничали многие социал-демократы-интернационалисты. За

антивоенную деятельность Троцкого преследовали в Австрии, Франции, Испании. Правительства воюющих стран рассматривали эту деятельность как вражескую пропаганду. Поэтому Троцкий вынужденно покинул Европу и уехал с семьей в декабре 1916 года за океан, в Соединенные Штаты.

К 1917 г. Лев Троцкий по-прежнему оставался одним из независимых лидеров социал-демократии. Он занимал свою нишу в этом движении. Февральская революция позволила ему 4 мая 1917 г. Вернуться на родину. Возвращение не прошло гладко. В канадском порту Галифакс Троцкий был арестован вместе с несколькими товарищами и их освободили только под сильным давлением новых российских властей. В Петрограде он стал лидером межрайонной объединенной организации РСДРП, занимавшей промежуточные позиции между меньшевиками и большевиками. В число межрайонцев входили многие видные интеллектуалы социал-демократического движения России. По предложению межрайонцев и большевиков Троцкий был введен в исполком Петросовета. Его позиция по отношению к власти все больше сближалась с ленинской.

После выдачи в июле 1917 г. Временным правительством ордеров на арест Ленина и других большевиков Троцкий публично объявил о своей поддержке плана вооруженного восстания большевиков. Он публично потребовал своего ареста: «Граждане министры! Я знаю, что вы решили арестовать товарищей Ленина, Зиновьева, Каменева. Но ордер на арест не выдается на меня. Поэтому я считаю необходимым обратить ваше внимание на следующие факты. Я в принципе разделяю позицию Ленина, Зиновьева, Каменева и отстаиваю ее во всех моих публичных выступлениях...». Временное правительство незамедлительно исполнило его просьбу. Он был арестован 22 июля и заключен в тюрьму. Разногласия в этот период времени между Лениным и Троцким были меньшими, чем, скажем, между Лениным и Каменевым. Ленин и Троцкий полностью сошлись в главном – в необходимости скорейшего вооруженного захвата власти.

На VI съезде РСДРП(б) Троцкий (заочно, поскольку находился в тюрьме) и другие межрайонцы (Иоффе, Луначарский, Урицкий, Мануильский, Юренев и др.) были приняты в ряды партии большевиков. Троцкий и Урицкий были избраны в ЦК партии. За избрание Ленина в ЦК проголосовало 133 делегата (из 134), за Зиновьева – 132, за Каменева и Троцкого – по 131. Эти цифры свидетельствуют о высоком авторитете Льва Троцкого среди старых большевиков.

2 сентября Троцкий вместе с другими большевиками вышел из тюрьмы под залог в 3 тысячи рублей после неудачного выступления генерала Корнилова. Теперь Ленин и Троцкий действуют полностью заодно. По поручению ЦК Троцкий выступил 21 сентября с докладом на заседании большевиков, участвовавших в Демократическом совещании, созванном по инициативе Временного правительства, эсеров и меньшевиков. Он призвал бойкотировать Предпарламент, создаваемый по решению Демократического совещания. Не смотря на полную солидарность с ним Ленина, это предложение не получило большинства голосов. Но Ленин и Троцкий все-таки добились своего: 5 октября ЦК партии большевиков приняло решение не участвовать в Предпарламенте.

25 сентября (8 октября) 1917 г. Льва Троцкого избрали председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (как и в 1905 г.).

Во время Октябрьского переворота (и до него при его подготовке в течение всего 1917 года) Троцкий, наряду с Лениным, был его главным организатором, мотором. Блестящий оратор, выдающийся революционный агитатор, он неустанно сновал по заводам и воинским частям, вербуя все новых сторонников большевикам. Историческая возможность реализовать на практике свои революционные планы заставила Ленина и Троцкого отбросить в сторону идейные прошлые разногласия. Они забыли о спорах и публичных взаимных оскорблениях (особенно со стороны Ленина). Троцкий и Ленин прекрасно дополняли друг друга. Ленин был неоспоримым духовным лидером и вождем большевиков, предпочитавшим, однако, кабинетную работу. Ну а Лев Троцкий с его неумной двигательной энергией, с его готовностью в любую минуту появиться в любом необходимом месте и разрешить любую практическую проблему стал вторым, после Ленина, человеком в партии большевиков, ее вторым вождем. Слаженная совместная деятельность Ленина и Троцкого свидетельствовала о том, что все их прошлые дореволюционные разногласия и споры носили, в большей степени, личностный характер, а не идейный. Ленин создавал партию большевиков под себя, будучи в ней, по-существу, диктатором. А Троцкий по своему независимому характеру не мог быть ведомым и кому-либо слепо подчиняться. В этом и лежал главный корень их прошлых разногласий.

Сам Лев Троцкий довольно своеобразно оценил свою роль в Октябрьской революции. Он заявил, что свершить ее могли только два человека – Ленин и он, Троцкий. Но это заявление Троцкого только отчасти соответствует действительности. Троцкий, сделав свой вывод, забыл о громадной работе Ленина по созданию партии большевиков. Только Ленин сумел создать профессиональную революционную партию, которая не имела аналога в России, да и во всем мире. Без этого «ордена меченосцев» невозможен был бы Октябрьский переворот и тем более последующее удержание власти во время гражданской войны. Лев Троцкий же к созданию партии большевиков не имел никакого отношения. Но в октябре 1917 г. Он сыграл, конечно, вторую роль после Ленина. За это он и получил громкое название в исторической литературе – Демона революции.

Луначарский написал о Троцком:

«Главными внешними дарованиями Троцкого являются его ораторский дар и его писательский талант. Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени. Я слышал на своем веку всяких крупнейших парламентских и народных трибунов социализма и очень много знаменитых ораторов буржуазного мира и затруднился бы назвать кого-либо из них, кроме Жореса (Бибеля я слышал только стариком), которого я могу бы поставить рядом с Троцким». Анатолий Луначарский поставил Троцкого как вождя большевиков рядом с Лениным, хотя и чуточку ниже последнего.

Статья Луначарского о Троцком увидела свет в 1919 году, когда Троцкий находился в зените своей славы военного вождя Красной Армии. Впоследствии Анатолий Луначарский за столь лестную оценку Троцкого попал у Сталина в долгую опалу, и его

счастье, что он умер в 1935 году, еще до начала массового уничтожения старых большевиков.

Приведем характеристику другого очевидца Троцкого, Бориса Бажанова, технического секретаря Политбюро.

«...Он был превосходным оратором, но оратором типа революционного – зажигательно-агитаторского. Он умел найти и бросить нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал аудиторию. Но он умел вполне владеть своим словом, и на заседаниях Политбюро, где обычно никакого пафоса не полагалось, говорил сдержанно и деловито.

У Троцкого было очень острое перо, он был способный, живой и темпераментный публицист.

Он был человеком мужественным и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью...

Благодаря темпераменту Троцкого, его мужеству и его решительности, он был, несомненно, человеком острых критических моментов, когда он брал на себя ответственность и шел до конца. Именно поэтому он сыграл такую роль во время Октябрьской революции, когда он был незаменимым исполнителем ленинского плана захвата власти: Сталины куда-то попрятались, Каменевы и Зиновьевы перед риском отступили и выступили против, а Троцкий шел до конца и смело возглавил акцию...

Но здесь надо указать и на один важный недостаток Троцкого. Он был слишком человеком позы...».

Другим, пожалуй, самым главным недостатком Льва Троцкого и одновременно его силой, источником его мужества было то, что он, как и многие другие большевики, был типом верующего догматика. Раз и навсегда поверив в некоторые положения марксизма, в выводы своих теоретических работ, он никогда больше не сомневался в их исторической правильности. Если для Сталина марксизм-ленинизм был лишь хорошей ширмой для продвижения к абсолютной власти, то Троцкий убежденно верил в те догмы, которым прослужил всю свою сознательную жизнь. Это отсутствие гибкости мышления наряду с определенной чистоплотностью и послужили одной из причин его поражения в борьбе со Сталиным за власть.

В первом правительстве большевиков, созданном Владимиром Лениным практически на второй день после переворота, Троцкий получил важный портфель наркома по иностранным делам. Отметим, что Троцкий не сразу согласился стать наркомом, сославшись на свое еврейское происхождение, и принял предложение Ленина только под его нажимом. Все члены этого большевистского правительства, за исключением умерших естественной смертью до 1935 года, были расстреляны во время массовых репрессий.

И после Октябрьского переворота Троцкий остался надежным партнером Ленина. Только что созданное правительство большевиков попало в кризис: Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и другие видные члены ЦК и правительства (всего 15 членов ЦК) подали в отставку. Они потребовали включения в правительство представителей других партий социалистической направленности. Ленин, однако, при полной поддержке Троцкого выдвинул для меньшевиков и правых эсеров заведомо неприемлемые условия.

Тем самым, Ленин и Троцкий сорвали возможность создания однородного социалистического правительства.

Лев Троцкий, как нарком иностранных дел, совместно с Лениным с декабря 1917 года руководил делегацией большевистского правительства на переговорах с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией в Брест-Литовске. По приезду делегации в Брест-Литовск был подписан договор о перемирии сроком до 12 января 1918 г. И с возможностью его автоматического продления. В решающий момент после первого перерыва в переговорах Троцкий сам возглавил советскую делегацию в Брест-Литовске. На переговорах Троцкий действовал по плану, составленному совместно с Лениным. В соответствии с этим планом он больше выступал с пропагандистскими речами, чем продвигал переговоры. Немцы предъявили претензии на Польшу, Литву, часть Украины, Белоруссии и Латвии. Тогда Троцкий с согласия Ленина покинул переговоры, сославшись на необходимость перерыва. Троцкий рассчитывал, что немцы не решатся разорвать временный договор о перемирии, и поэтому при предъявлении ими ультиматума он отказался подписывать унизительный по территориальным потерям для России мирный договор, выдвинув лозунг «Ни войны, ни мира». Против подписания мира с Германией и ее союзниками на продиктованных ими условиях был также Николай Бухарин и некоторые другие видные члены ЦК («левые коммунисты»). «Левые коммунисты» и Троцкий рассчитывали на поддержку германских рабочих, на скорую мировую революцию и поддержку мирового социалистического движения. Предложение Троцкого «объявить о прекращении войны, армию демобилизовать, но мир не подписывать» было принято большинством ЦК (9 голосами против 7), и он выполнил его решение. Но прогноз Троцкого не оправдался. Немцы не испугались протестов немецких рабочих и перешли в наступление, а Троцкий продолжал упорствовать. Поэтому Ленину пришлось приложить громадные усилия для того, чтобы преодолеть сопротивление Троцкого и «левых». Немцы, тем временем, перешли в наступление и захватили дополнительные территории. Мирный договор пришлось подписывать уже на еще худших условиях. Тем не менее, действия Льва Троцкого на переговорах в Бресте были одобрены ВЦИК и VII экстренным съездом партии большевиков. При голосовании по новому варианту договора (ленинскому) в ЦК Троцкий воздержался вместе с Дзержинским, Крестинским и Иоффе. Подчеркивая свое несогласие с предложениями Ленина, 24 февраля Троцкий заявил о сложении с себя полномочий наркоминдела. Подписали Брестский договор Григорий Сокольников и новый нарком иностранных дел Георгий Чичерин. В 1918 году в одном из своих публичных выступлений Лев Троцкий признал ошибочность своей позиции по Брестскому договору. Во время гражданской войны Троцкий стал главным военным руководителем Красной Армии. Он занимал посты наркома по военным (13 марта 1918 г.) и морским делам (6 апреля 1918 г.) и председателя Реввоенсовета Республики (2 сентября 1918 г.). Военным наркомом Лев Троцкий был назначен постановлением Совнаркома от 13 марта 1918 года, которому предшествовало соответствующее решение ЦК. Стал военным руководителем Троцкий вынужденно. Прапорщик царской армии Н.В. Крыленко, бывший советским главкомом, и народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский не справились с руководством войсками во время наступления немецких

армий, которые едва не взяли Петроград. Большевистское правительство вынуждено было срочно перебраться в Москву, в Кремль, и объявить ее столицей. Главком Крыленко упорно отказывался работать с бывшими царскими генералами и полковниками, без помощи которых невозможно было создать профессиональную армию. Пришлось его перевести на другую работу (председателем Верховного Трибунала, прокурором РСФСР). Ленин предложил возглавить наркомат по военным и морским делам Троцкому, но тот поначалу отказался и согласился только после серьезных усилий со стороны Ленина.

Во время вооруженного выступления левых эсеров, последовавшего после убийства 6 июля 1918 г. Германского посла графа Мирбаха, Троцкий повел себя очень решительно и беспощадно, чем заслужил дополнительное уважение Ленина и старых большевиков. Они убедились, что Троцкий в качестве военного руководителя на своем месте.

Революционный военный совет Республики был создан постановлением ВЦИК от 2 сентября 1918 года. Председателем РВСР стал Лев Троцкий, членами – К.Х. Данишевский, П.А. Кобозев, К.А. Мехоношин, Ф.Ф. Раскольников, И.Н. Смирнов, А.П. Розенгольц и Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики был И.И. Вацетис. Вскоре в РВС были введены Подвойский Н.И., Аралов С.И., Склянский Э.М., Юренев К.К. и Сталин И.В. В таком широком составе РВСР практически не собирался, и 8 июля 1919 года его сократили до 6 человек. В него вошли: Троцкий (председатель), Склянский (заместитель), Рыков А.И., Гусев С.И., Смилга И.Т. и новый главком Каменев С.С.

Троцкий при неизменной поддержке Ленина довольно быстро создал дисциплинированную и сильную Красную Армию. Он принял непопулярное среди старых большевиков решение о массовом привлечении бывших генералов и офицеров царской армии (военных специалистов) в качестве командиров Красной Армии. 17 октября 1918 года Пленум ЦК РКП(б) проголосовал за предложение Троцкого освободить из тюрем офицеров-заложников, пожелавших служить в Красной Армии, и отправить в его распоряжение. Более 80 процентов командующих армиями и фронтами и около 76 процентов всех командиров и управленцев Красной Армии к концу гражданской войны были военспецами (Кораблев Ю.И. РВС Республики. М. Изд. Полит. Лит. 1991.). Троцкий восстановил смертную казнь на фронте, распространил институт заложников, введенный 5 сентября 1918 г. Приказом наркома внутренних дел Г.И. Петровским, на офицеров и членов их семей. Если офицер переходил на сторону белых, то члены его семьи подлежали аресту. Троцкий твердо защищал свою позицию по военспецам от нападок старых большевиков публично в печати и своими решениями военного наркома. Ленин неизменно поддерживал усилия Троцкого по созданию профессионального костяка Красной Армии. А противодействие им оказывалось серьезное. Сложилась даже «военная оппозиция», включавшая многих старых большевиков. Это было звездное время Льва Троцкого. Демон революции вновь окунулся в свою родную стихию. Он проявлял свои лучшие качества организатора, трибуна, полководца.

Стратегией гражданской войны из кремлевского кабинета руководил, в большей степени, Ленин. Но Троцкий вновь, как и во время Октябрьского переворота, прекрасно дополнил Ленина на фронтах войны. Троцкий непрерывно мотался по фронтам в

своем шикарном поезде наркома. Это был фактически бронепоезд с легкой пушкой, двумя пулеметами, со своей электростанцией, автомобилями, телеграфом, радио, типографией, в которой издавалась газета «В пути» и печатались листовки. В поезде находился также вещевой и продовольственный склад для снабжения частей, в которые он прибывал. В этом поезде Лев Троцкий провел практически всю гражданскую войну, совершив 36 рейсов и проехав около 100 тысяч верст. Поезд Троцкого многократно попадал в переделки (у наркома было всего около 100 бойцов охраны), за ним охотились белые, но Троцкий неизменно выходил из вооруженных стычек сухим из воды, проявляя мужество, решительность и отвагу.

Троцкий решительно принимал порой жестокие, но единственно необходимые решения на поле боя о расстрелах провинившихся, по его мнению, комиссаров и командиров. Он создал заградительные отряды, расстреливавшие красноармейцев, дезертировавших с поля боя. Он принял решение о приставлении комиссара с наганом к каждому командиру. Приведем один из суровых приказов Троцкого:

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета

Республики войскам

и советским учреждениям Южного фронта

№ 65

24 ноября 1918 г.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.
2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.
3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.
4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.
5. Все местные советы и комитеты бедноты обязуются со своей стороны принимать меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.
6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.
7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению. Смерть шкурникам и предателям! Смерть дезертирам и красновским агентам.

Председатель Революционного

Военного Совета Республики

Народный Комиссар

по Военным и Морским Дела

Л. Троцкий.

После захвата Казани войсками сторонников Учредительного собрания сложилась

критическая ситуация на Восточном фронте, усложнившаяся предательством ряда высших командиров Красной Армии. Для исправления ситуации в г. Свияжск под Казанью прибыл на бронепоезде Лев Троцкий. По его приказу расстреляли каждого десятого бойца из сбежавшего с позиций полка, включив в их число комиссара и командира (20 человек). Суровыми мерами Троцкий прекратил панику в советских войсках и навел порядок. Вскоре Красная Армия отбила у противника Казань.

Троцкого справедливо называли в литературе Демоном революции, т.е. слугой дьявола, не останавливавшегося ни перед чем для решения возникавших проблем. На даже в условиях жестокой гражданской войны Троцкий требовал от подчиненных и комиссаров совершения расстрелов дезертиров и предателей только по решениям полевых трибуналов. Он своим приказом «строжайше» запретил расстреливать рядовых казаков. Сам Лев Троцкий был человеком дисциплинированным, собранным и подтянутым и требовал того же от подчиненных. А среди его подчиненных было полным полно старых большевиков-подпольщиков, привыкших к партизанщине и болтовне. Поэтому немало врагов нажил среди них Лев Троцкий своими жесткими требованиями точных и неукоснительных исполнений его приказов. Впрочем, среди видных большевиков Троцкий выделялся еще и тем, что сам стал большевиком только в 1917 году, и потому не был стеснен в своих отношениях с комиссарами прошлыми неформальными отношениями. По иному он относился к профессионалам, людям знавшим свое дело, но временно терпевшим неудачи. Вот его письмо в период отступления Красной Армии под натиском войск адмирала Колчака Михаилу Тухачевскому, молодому, честолюбивому и талантливому командующему 1-ой армией:

«т. Тухачевскому

Пишу Вам неофициально, - как революционеру и партийному человеку. Наши неудачи на Волге и Урале создают тягчайшее положение для революции. Еще неделя пассивности и отступлений, - и немцы начнут наступать на Москву и Петроград. Мы окажемся меж двух жерновов – вопрос жизни и смерти для революции. Т. Юренев отправляется к Вам, чтобы поддержать Вас во всей Вашей работе как ответственного командарма, авторитетом нар. Комиссара по военделам. Сил у нас достаточно для победы. Нужна воля к победе. Соберите партийные элементы, разъясните им положение и ударьте на врага. Вы обязаны победить.

Ваш Троцкий».

Письмо сквозит уважением к молодому командарму, уверенностью в его будущих военных успехах. Троцкий хорошо разбирался в людях (недаром специально изучал психологию военных) и знал, кто был достоин уважительного к себе отношения даже в черные для него дни, а кто нуждался во взбучке, в наказании.

Ленин и Троцкий – вот две главные фигуры, которые смогли свершить революцию и победить в жесточайшей гражданской войне. Ни в одной партии, ни в одном движении России того времени не было равных им по таланту и сверхъестественной силе воли политических деятелей. Причем основатель большевистской партии Ленин весьма уважительно относился к деятельности Троцкого на посту военного руководителя, полностью доверял ему, пресекал наскоки на него старых большевиков на Пленумах ЦК. Ленин не скрывал того очевидного факта, что равной фигуры по военно-

административному таланту Льву Троцкому в рядах большевиков (и в рядах их противников) не было. Троцкий умело подбирал себе и надежных помощников. В частности, отметим, что основную черновую работу по руководству военными ведомствами хорошо выполнял заместитель председателя РВС Республики Э.М. Склянский.

Во время войны с Польшей весной-летом 1920 года Троцкий склонялся к принятию ноты министра иностранных дел Великобритании Керзона о перемирии. Однако Ленин провел через ЦК свое предложение о продолжении наступления на Польшу. В результате Красная Армия потерпела жестокое поражение и большевикам пришлось подписать не менее позорный, чем Брестский, мирный договор с Польшей.

После окончания гражданской войны Ленин и Троцкий стали неоспоримыми, почти равными вождями партии и страны. Ленин решил загрузить Троцкого хозяйственной работой, которой сторонился Демон революции. Ленин поручил Троцкому наркомат путей сообщения, без нормального функционирования которого не могло произойти оживление экономики огромной по территории страны. После некоторого сопротивления Лев Троцкий неохотно согласился возглавить этот наркомат, но только на временной основе.

Троцкий энергично взялся за работу. Он издал патетический приказ N 1042 «Товарищи железнодорожники! Страна и революция гибнут от развала транспорта. Умрем на нашем железнодорожном посту, но пустим поезда!». Но железнодорожникам надо было не умирать попусту, а кормить свои семьи и самих себя. Советская же власть теперь, в лице Троцкого, платила им нищенские деньги, на которые совершенно невозможно было прожить. Лозунги в суп не положишь, да и успели за время правления большевиков по привычке к ним рабочие люди. Тем не менее, определенный порядок на железных дорогах, и, особенно, в ремонте паровозов Лев Троцкий навел.

Удобным поводом для ухода Троцкого с поста наркома путей сообщения послужила начавшаяся война с Польшей. Поняв, что изнурительная хозяйственная работа не для него, он стал тяготиться обыденной текущей работой по восстановлению разрушенной экономики страны. По своей натуре и способностям он не был черновой лошадкой. Он был народным трибуном, лидером, вождем, сильным теоретиком коммунизма, талантливым литератором. И он предпочитал, за неимением лучшего, удовлетворять свое немалое честолюбие за столом с ручкой в руках, нежели в решении нудных хозяйственных вопросов. По поводу своих взаимоотношений с Лениным сам Троцкий довольно метко написал: «Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился».

Лев Троцкий пока еще оставался почитаемым в народе вождем революции, вождем Красной Армии, но его влияние в элите партии неуклонно падало. В значительной степени этому поспособствовала развернувшаяся дискуссия о профсоюзах. Дело в том, что Лев Троцкий придавал первостепенное значение военно-административным методам руководства всеми сферами жизни страны, в том числе и профсоюзами. Ленин и его сторонники выступали за более демократические методы влияния на профсоюзы. Дискуссия приобрела весьма острый характер. На X съезде партии в марте 1921 г. Троцкий и его сторонники потерпели поражение. Правда, следует учесть, что в

это время Троцкому было не до дискуссий. Он непосредственно, прибыв в Петроград, руководил подавлением восстания моряков Кронштадта. При выборах в ЦК за самого Троцкого на X съезде было подано 452 голоса из 479 (за Ленина все 479). Впереди Троцкого оказались по голосам 8 человек. В состав ЦК не избрали видных сторонников Троцкого – Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского, Л. П. Серебрякова – бывших секретарей ЦК, И.Н. Смирнова. Секретарем ЦК был избран В.М. Молотов, в ЦК вошли Ворошилов, Орджоникидзе и другие сторонники Сталина (и противники Троцкого). Таким образом, еще при работавшем Ленине секретариат ЦК уплыл из рук Троцкого в руки Иосифа Сталина. Дискуссию о профсоюзах выиграл Ленин, а все дивиденды за победу достались Сталину.

Лев Троцкий в советской литературе представлялся главным идейным противником новой экономической политики, к которой понемногу склонился Ленин. А между тем, Троцкий первым предложил заменить губительную для крестьянства и новой власти продразверстку процентным налогом. Но уступки крестьянам и предпринимателям он считал временными, необходимыми лишь для накопления капитала, который подлежал дальнейшей экспроприации. Сталин так и поступил, прекратив в 1928-29 гг. нэп, разорив и физически уничтожив крепких крестьян (кулаков). Да и между Лениным и Троцким не существовало принципиальных разногласий в отношении нэпа. По крайней мере, не осталось документов, свидетельствующих о подобных разногласиях.

Ленин тонко и умело вел в это время свою идейную полемику с Троцким (и с другими членами Политбюро). Он очень высоко ценил Троцкого, и не вступал с ним в прямые личные конфликты, а, при необходимости, использовал для полемики с ним Зиновьева, Каменева, Сталина, Молотова и Бухарина. Если же ему самому приходилось выступить против Троцкого, то делал он это тактично и сдержанно, оставляя место компромиссам. Что касается репрессий по отношению к политическим противникам, то тут Ленин и Троцкий действовали на редкость слаженно и едино. Так они действовали при разгромах партий эсеров и меньшевиков, изгоне российских интеллектуалов за границу, при подавлении восстания моряков Кронштадта, крестьянских восстаний, при экспроприации имущества православной церкви, в отношении преследования православных священников. Противники Троцкого (среди них первые – Сталин и Зиновьев) старались бросить тень на отношения Ленина и Троцкого. В сталинские времена с этой целью переписали даже воспоминания видных деятелей партии большевиков. В пяти первых изданиях статьи Максима Горького «Ленин» был такой абзац о разговоре с Лениным о Троцком:

«Да, да, - я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему...

Ударив кулаком по столу, он сказал: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть»».

Этот абзац заменили следующим:

«А все-таки он не наш. С нами, - а не наш...». Эту фразу в советские времена стали считать солью взаимоотношений Льва Троцкого и Владимира Ленина.

Троцкий был одним из первых членов Политбюро, кто понял безнадежность выздоровления Ленина. Об этом его проинформировал лечивший Ленина врач Ф.А.

Гетье. Троцкий никогда не был по-человечески близок к Ленину. Два медведя в одной берлоге не уживаются. Да и Ленин всегда помнил о прошлых разногласиях и спорах с Троцким. В своем знаменитом «Письме к съезду» он охарактеризовал Троцкого как самого талантливого члена Политбюро, выдающегося человека, бесспорного лидера. Однако Ленин добавил в бочку меда ложку дегтя, указав на склонность Троцкого к администрированию, на его «хватаящую самоуверенность», что, впрочем, соответствовало действительности.

Тем не менее, Ленин осенью 1922 года в беседе наедине предложил Троцкому второй пост в государстве – должность первого заместителя председателя Совнаркома, т.е. своего первого заместителя. Это случилось после первого удара, произошедшего с Лениным в мае 1922 г. Пообщавшись со Сталиным, Ленин уже понял на кого он оставляет созданное им государство. Проявила в этом плане инициативу и Надежда Крупская, в большей степени доверявшая воспитанному Троцкому, нежели грубому и невежественному Сталину. Но Лев Троцкий отказался от роли прямого помощника Ленина. Он привык работать самостоятельно.

Троцкий осознавал свое интеллектуальное превосходство над другими членами Политбюро. Он считал самонадеянно некоторое время, что функции духовного вождя партии за ним сохранятся автоматически. Ну, а к государственной власти, управлению страной он и не рвался. Он не суетился, не бегал к больному Ленину. Он не занимался организацией, как принято сейчас говорить, системы сдержек и противовесов. Он некоторое время вообще игнорировал внутрипартийные интриги. До тех пор, пока своими критическими наскоками Зиновьев и Каменев, а затем и Сталин непомерным усилением своей власти и хамством ни вынудили его начать борьбу за собственное выживание. Вероятно, немалую роль в конечном поражении Троцкого в борьбе со Сталиным сыграла и его хроническая болезнь, съедавшая силы Демона революции в решающие 1923-24 гг. Н.А. Васецкий называет эту болезнь разновидностью эпилепсии (Н.А. Васецкий. Троцкий. М. Изд. «Республика». 1992.). В самые неподходящие моменты борьбы за власть, за умы большевиков болезнь проявляла себя, заставляя Троцкого вести кабинетный образ жизни или уезжать на лечение, как это случилось в день смерти Ленина.

Врожденное высокомерие Троцкого отталкивало от него людей. В Политбюро он оказался в гордом одиночестве. Все другие члены Политбюро сговорились за спиной Троцкого о его полной изоляции. Больше всех выигрывал от изоляции Троцкого в Политбюро Иосиф Сталин. Почти единственным человеком после смерти Ленина в Политбюро и партии, способным в это время остановить продвижение его к власти, человеком, обладавшим не менее сильной волей и более высоким авторитетом, был Лев Троцкий. Вторым подобным человеком среди старых большевиков мог стать Михаил Фрунзе. Но Фрунзе вошел в большевистскую элиту несколько позже, когда Сталин уже набрал силу.

В обыденной жизни и в общении с товарищами Лев Троцкий слыл неплохим человеком. Он никогда не предавал своих товарищей и единомышленников. Он был прекрасным семьянином и любил своих детей, которые платили ему полной взаимностью. Дети беззаветно любили своего отца и гордились им. Его единомышленник А.А. Иоффе, член

ВЦИК и кандидат в члены ЦК, в знак протеста против исключения Троцкого из партии покончил жизнь самоубийством. Иоффе оставил трогательное посмертное письмо Льву Троцкому, в котором призвал его продолжать свою твердую политическую линию. Вокруг Льва Троцкого после смерти Ленина сгруппировались лучшие интеллектуальные силы партии из старых большевиков. Но их было немного. Сталин разбавил старых большевиков сотнями тысяч новых членов партии из рабочих. Они смутно представляли задачи партии и проблемы, стоявшие перед страной. Вторым интеллектуальным центром в партии из молодых ее членов формировался вокруг Николая Бухарина.

Троцкому часто ставят в вину его изначальную пассивность в борьбе за власть со Сталиным, нежелание использовать в этой борьбе Ленина, неумение (или нежелание) организовать широкую коалицию и т. д. Однако, истина, вероятно, состоит в том, что воспитанный и высокообразованный Троцкий был слишком чистоплотен для грязной внутривнутрипартийной борьбы, развязанной Зиновьевым и Сталиным. Он и до 1917 г. Был среди социал-демократов скорее одиночкой. Троцкий всегда имел лишь небольшое число сторонников, но высокообразованных и талантливых. Как-то в ссылке в Алма-Ате ему задали вопрос: чем закончится его противостояние со Сталиным? «Мокрым делом, ничем иным Сталин кончить не сможет», - ответил Троцкий. Он просто брезговал связываться со Сталиным, для которого все средства для достижения цели были хороши. Троцкий долгое время считал подобную борьбу недостойной для себя. Да и не был он настолько властолюбив, как Ленин, Сталин или Зиновьев. Тщеславным и честолюбивым он, несомненно, был, но не был властолюбивым. Пожалуй, этим и объясняется его длительное игнорирование политической борьбы в Политбюро и за его пределами. Не последнюю роль в этом сыграла и его хроническая болезнь. На заседаниях Политбюро после его изоляции он обычно демонстративно читал иностранные газеты. Троцкий вступил в решительную борьбу со Сталиным только у последней черты. Но не прекратил ее до самой своей гибели.

Лев Троцкий, в силу своего воспитания и внутренней культуры, был способен на жесточайшие решения и поступки во время вооруженной борьбы. Он был жесток и беспощаден в борьбе со своими политическими врагами во имя победы идей, в которые он свято верил. Он неистово сражался за эти идеи. Но ему претила подковерная грязная борьба за власть.

Элита большевиков делилась на выходцев из буржуазного и дворянского сословий, таких, как сам Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Дзержинский, Красин, Луначарский, Тухачевский и другие. Эти люди обеспечили свершение революции и победу в гражданской войне. Затем их сменили по «законам» революции выходцы из низов – Сталин, Калинин, Ворошилов, Каганович, Киров, Орджоникидзе, Буденный и др. Последние безжалостно уничтожили своих учителей.

В отношениях между Сталиным и Троцким с первой их встречи «пробежала кошка». Троцкий намеренно не замечал недостаточно грамотного сухорукого грузина. Он считал его заурядным боевиком партии. Злопамятный и мстительный Сталин навсегда запомнил это высокомерие Троцкого. Он затаил ненависть к нему и, в конце

концов, жестоко свел с ним счеты, лишив родины и подослав убийцу.

Ленин, разумеется, знал о взаимной неприязни Сталина и Троцкого (как и все в партии). И он прозорливо опасался ее негативных последствий для судьбы партии. Во время гражданской войны Ленин сделал попытку примирить их. Но ничего из этого не вышло. В тройке Ленин, Троцкий и Сталин все трое обладали фантастической силой воли. Но только Ленин дополнительно обладал почти гипнотической способностью влиять на людей. Даже высокомерный и талантливый Троцкий признавал превосходство над собой Ленина. Но Ленин в душе недолюбливал самонадеянного и независимого Троцкого, хотя и уважал его. После гражданской войны он чаще поддерживал лояльного к нему, по-восточному хитрого Сталина. До тех пор, пока сам не столкнулся с неприкрытым хамством генерального секретаря по отношению к его жене Надежде Крупской. Но больной Ленин к этому времени уже находился в таком состоянии, когда не мог что-то кардинально изменить. Да и не знал он, кого из соратников можно было бы рекомендовать на должность генсека взамен Сталина.

Близкие к Ленину члены Политбюро Зиновьев, Каменев, кандидат в члены политбюро Бухарин опасались лидерства в партии Льва Троцкого. Демон революции «умел» задевать самолюбие людей, превращая их в своих недоброжелателей, а то и врагов. Напомним, к примеру, что Георгий Плеханов до конца своих дней очень плохо относился к Троцкому. Коля Балаболкин – так пренебрежительно Троцкий окрестил Николая Бухарина еще в дореволюционные годы. Не считал Троцкий серьезными и самостоятельными теоретиками и Зиновьева с Каменевым. И вроде бы все по делу: Бухарин вырос в сильного советского экономиста и политолога лишь к концу 20-х годов, а до этого был поверхностным компилятором чужих работ. Григорий Зиновьев в элиту большевиков попал лишь благодаря личной дружбе с Лениным, да незаурядным популистским ораторским способностям. Не блистал в теории марксизма и Лев Каменев. Но при Ленине и Зиновьев, и Бухарин, и Каменев, да и Сталин числились духовными вождями партии и рабочего класса. И это их высокое положение могло существенно измениться при Троцком, ставшем первым вождем партии. Поэтому Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков и многие другие лидеры большевиков предпочли поддержать серого «азиата» Сталина, как они его называли за глаза, нежели иметь во главе партии и страны блестящего, но высокомерного Троцкого. Они рассчитывали с помощью Сталина лишь нейтрализовать Троцкого, который, впрочем, и не помышлял о захвате власти. Поначалу и Троцкий не принимал всерьез Сталина в качестве возможного вождя партии и лидера страны. Просчитались все они жестоко. Скрытный и немногословный кавказец с чисто восточным терпением отыграл отведенную ему роль. Затем он продолжил свою собственную дьявольскую роль в истории, вдоволь поиздевавшись над своими бывшими недалёковидными сподвижниками.

Между прочим, отсутствие у Троцкого стремления любыми средствами стать государственным лидером страны, стать диктатором прямо доказывает приведенный выше факт, что он отказался от предложения Ленина занять пост первого заместителя председателя Совнаркома – заместителя Ленина по правительству и по партии. Этот пост занял Каменев и стал в отсутствие Ленина

вести заседания Политбюро. Вероятно, Троцкий хорошо знал и свои достоинства, и свои недостатки. Он понимал, что рваться любыми способами на пост главы государства ему не нужно.

Больной Ленин попытался проводить свои идеи в Политбюро и ЦК с помощью Троцкого (вопрос о защите монополии внешней торговли, «грузинский» конфликт). Ленин прямо писал, что Троцкий сумеет доложить эти вопросы в ЦК, на съезде не хуже его самого. Однако Троцкий в это время и сам сильно недомогал, и поэтому недостаточно энергично выполнял просьбы Ленина. Более того, он подписал вместе с другими членами Политбюро и членами Оргбюро закрытое письмо в губкомы партии, в котором указывалось, что Ленин по болезни отошел от дел.

Лев Троцкий претендовал на роль, по крайней мере, второго после Ленина идеолога партии и государства, духовного наследника Ленина. Его сторонники еще при жизни Ленина массированно опубликовали ряд статей, беззастенчиво славивших его (Радек, Ярославский, Луначарский и другие). Позже, в период культа Сталина Карл Радек и Ярославский будут с тем же неистовством клеймить Троцкого и его сподвижников. Именно из-за претензий на роль главного идеолога большевизма у Троцкого произошло первое серьезное столкновение с Григорием Зиновьевым, слабым, но очень амбициозным «теоретиком» большевизма. Претендовали на роль ведущих теоретиков партии также более талантливые Лев Каменев и Николай Бухарин (особенно Бухарин).

Троцкий одним из первых увидел опасное сосредоточение аппаратной власти в руках генсека Сталина. 8 октября 1923 г. Он направил в ЦК письмо, в котором обратил внимание на то, что секретарей областных партийных комитетов перестали избирать. Их стали назначать сверху из секретариата. Таким образом, Сталин с помощью подконтрольного ему секретариата и аппарата партии спешно формировал «ручной» ЦК. Вслед за этим письмом в ЦК поступило аналогичное по содержанию письмо 46-ти старых большевиков. Собравшийся по этому поводу Пленум ЦК осудил оба письма. Чуть позже в январе 1924 г. Состоялась партийная дискуссия, в которой Троцкий и его сторонники потерпели поражение.

Если обратить внимание на даты отправки в ЦК писем Троцкого, письма 46-ти большевиков, дискуссии по ним, Пленума ЦК, партийной конференции, то оказывается, что наибольшее ожесточение борьба за лидерство в партии приобрела в последние недели жизни Ленина и сразу после его кончины. Вождь угасал на глазах, и его сподвижники ринулись в борьбу за власть.

В январе 1924 года Троцкий вынужденно выехал по рекомендации врачей на лечение в Сухуми (Обострилась хроническая болезнь. Борьба с «товарищами» по партии потребовала от Демона революции большей нервной энергии, нежели революции и гражданская война.). На вокзале в Тифлисе он получил телеграмму о смерти Ленина с ложной датой его похорон (26 января). Похороны прошли 27 января, и Сталин не хотел, чтобы Троцкий на них присутствовал (к 26-му Троцкий не успевал вернуться в Москву). Так в борьбе с Демоном революции Сталин, Каменев и Зиновьев получили еще один весомый аргумент - «не уважает, не чтит Ленина».

В борьбе с Троцким особенно усердствовал Григорий Зиновьев, ставший после смерти

Ленина на короткое время неофициальным идеологическим лидером партии. Зиновьев претендовал на роль духовного вождя партии – преемника Ленина. Зиновьев и Каменев настаивали в Политбюро еще в 1923 г. При тяжело больном и недееспособном Ленине на исключении Троцкого из партии за его фракционную борьбу. Сталин с пользой для себя разыграл в этот момент роль «объективного» арбитра. Он не допустил исключения из партии Троцкого и даже вывода его из Политбюро. Уход из партии Троцкого в это время означал бы усиление позиций Зиновьева и Каменева. Они пока еще представляли опасность для Сталина в борьбе за власть.

Собственно, платформа, с которой выступал в партийной дискуссии Троцкий и его немногочисленные, но влиятельные сторонники (Серебряков, Преображенский, Крестинский, Пятаков, Осинский, Радек, Антонов-Овсеенко, Иван Смирнов, Федор Раскольников, Муралов, многие военачальники) была по-существу верной (насколько слово «верная» вообще применимо к идеям и теориям большевиков). Он ратовал за демократизацию внутривнутрипартийной жизни, возможность проведения открытых партийных дискуссий по спорным проблемам, за возможность существования внутривнутрипартийных групп с разными идейными платформами.

Зиновьев и Каменев подняли вопрос об исключении Троцкого из партии и на XIII партийной конференции в январе 1924 г. Но Сталин вновь провел решение о возможности продолжения сотрудничества с Троцким. Попутно Сталин нанес несколько чувствительных ударов и по Зиновьеву и Каменеву – по своим временным союзникам. Роль миротворца по отношению к Троцкому помогла ему напомнить Зиновьеву и Каменеву кисловодское «пещерное» совещание. Напомнить публично вождям партии их «платформу», когда они предлагали ограничить роль секретарей ЦК. Сталин заявил: «Это, значит, руководить партией без Калинина, без Молотова. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией в данный момент невозможно». Сталин одной только этой фразой обвинил Зиновьева и Каменева в наличии «платформы», т.е. в запрещенной уставом партии фракционной деятельности, в беспринципности. Заодно Сталин умело противопоставил им набиравших силу и авторитет Калинина и Молотова.

Основным результатом XIII партийной конференции большевиков стали еще больший поворот в сторону бюрократизации партийной жизни, усиление партийной дисциплины, «чистка» рядов партии. Было исключено из партии большевиков около 40 тысяч человек. Занимались «чисткой» ЦКК и ГПУ.

На XIII съезде с докладом, направленным против Троцкого, выступил тщеславный и недалекосидный Григорий Зиновьев. Ну а терпеливый Сталин только с удовлетворением потирал руки. Его главные соперники Зиновьев и Троцкий сами, почти без его участия, публично уничтожали друг друга и себя как вождей. Впрочем, Троцкий несколько умерил свой полемический пыл на съезде, видя явный перевес сил противника. Снизил он свою активность и в ЦК. Зато в ответ на свое шельмование на съезде и в печати Троцкий опубликовал серию статей: «Новый курс», «О Ленине», «Уроки Октября», в которых изложил свои взгляды на нэп, рассказал о взаимоотношениях с Лениным, изложил свое видение истории подготовки и проведения Октябрьского

переворота. Троцкий понял, что выступать перед тщательно отобранными сторонниками Зиновьева и Сталина на организованных секретариатом партийных тусовках занятие и неблагодарное, и бесполезное. А вот удары печатным словом очень весомы. Тем более что для старых большевиков и образованной молодежи Троцкий пока еще оставался после смерти Ленина главным идеологическим вождем. В статье «Уроки Октября» он выпукло напомнил о разглашении Зиновьевым и Каменевым в октябре 1917 г. Плана большевиков о вооруженном восстании. Троцкий больно ударил их, заявив, что они «сдрейфили» тогда, «сдрейфят» и сейчас. Троцкий как в воду глядел. Вскоре они, забыв о самолюбии и гордости, примкнули к нему. А затем вновь убегают к Сталину замаливать «грехи». Ни Зиновьев, ни Каменев, конечно, не обладали мужеством необходимым для жестокой борьбы, не обладали силой воли Ленина и Троцкого, коварством и силой воли Сталина и не являлись серьезными противниками для подминавшего под себя власть Иосифа Сталина.

Зиновьев и Каменев, заявив о своей верности ленинизму, обвинили Троцкого во фракционной деятельности, в создании им в партии особой фракции, стоявшей на платформе «троцкизма». Это было очень тяжкое, по понятиям большевиков, обвинение. И оно в значительной степени соответствовало действительности. Троцкий обвинялся в подрыве единства партии. И он, действительно, не желал полного идейного единства со Сталиным, с «Колей Балаболкиным» (Бухариным), с Зиновьевым и Каменевым. Получив тяжелые удары блестящим словом Троцкого, распавшаяся было «тройка» временно сплотилась. Зиновьев, Каменев, Сталин в своих выступлениях и статьях напомнили о дореволюционной идейной борьбе Троцкого и Ленина, о троцкизме, якобы противостоящем ленинизму. Точная и продуманная аргументация Троцкого мало ему помогала. Его читатели-большевики в своей массе плохо разбирались в марксизме и знали его лишь по звонким лозунгам. А Сталин выкопал из прошлого (точнее ему выкопали) довольно резкие высказывания Троцкого в адрес работ и деятельности Ленина, поэксплуатировал понятие троцкизма и умело противопоставил Троцкого канонизированному вождю большевиков. В итоге Троцкий и его сторонники под градом обвинений в небольшевизме вновь проиграли. Зиновьев и Каменев в пылу борьбы даже потребовали ареста Троцкого.

Сталин из борьбы между собой Зиновьева и Троцкого извлек максимум дивидендов. В январе 1925 г. На Пленуме ЦК Троцкого сместили с должностей Председателя Реввоенсовета Республики и наркома по военным и морским делам. Но пока он был оставлен в составе Политбюро. На эти должности по настоянию Зиновьева назначили Михаила Фрунзе, первого заместителя Троцкого. Сталин не был доволен назначением Фрунзе. Михаил Фрунзе не был его человеком. Но это для него было лучшим вариантом, чем присутствие Троцкого на высших военных постах. По некоторым сведениям, на Пленуме не прошло предложение Льва Каменева о назначении на эти посты Сталина. Слепленные борьбой с Троцким друзья-соратники Зиновьев и Каменев совсем потеряли политическое чутье. А невозмутимый Иосиф Сталин попутно еще раз продемонстрировал Зиновьеву и Каменеву собственную возросшую силу. Он не позволил им преждевременно для него расправиться с Троцким. Сталину удалось, одновременно, и унижить Троцкого. Демону революции Пленум сделал

предупреждение о том, что в случае продолжения фракционной борьбы он будет выведен из состава ЦК. Этим решением пленума Сталин подвешивал Троцкого на крючке. Более того, решением пленума Троцкий был назначен на довольно-таки второстепенные и унижительные для него, должности: члена президиума ВСНХ (под начало председателя ВСНХ Дзержинского), председателя Главного концессионного комитета, председателя Научно-технического отдела ВСНХ и председателя особого совещания при ВСНХ по качеству продукции. Лев Троцкий на этом Пленуме не присутствовал, сославшись на болезнь. В заявлении в ЦК от 15 января 1925 г. Он пояснил, что не хотел своим выступлением усугублять полемику и обострять вопрос. Теперь недавний второй политический вождь партии и страны должен был заключать договора с иностранными предпринимателям, контролировать в стране качество продукции, заниматься научно-техническим прогрессом. Это назначение произошло, разумеется, по соглашению со Сталиным. Оставшийся не у дел после поражения Троцкий уже был согласен на любую приличную работу, надеясь на восстановление нормальных отношений со Сталиным и другими членами Политбюро. Даже Демон революции под давлением создаваемой сталинской машины репрессий отступил и временно прекратил борьбу с ней. От политики он пока вынужденно отстранился и энергично взялся за новое для себя дело. Привычка к творческой работе подтолкнула Троцкого к анализу работы промышленности России в 1925-26 гг. Сделал он это как всегда очень талантливо. Результатом этой работы стала брошюра «К социализму или капитализму», вызвавшая огромный интерес как внутри страны, так и за рубежом. Троцкий не только точно уловил основные тенденции развития промышленности страны, но и сделал несколько фундаментальных прогностических выводов, в частности, о необходимости использования лучших научно-технических достижений капиталистических стран («продвигаться с международным счетчиком»), предложил поднимать советскую экономику через импорт лучших зарубежных технологий и оборудования и экспорт сырья. В то же время Троцкий вновь выступил против частного крестьянского хозяйствования, усмотрев в нем угрозу социализму.

Постепенно Троцкий своей активной работой почти восстановил свой авторитет в партии. Он вновь активизировался в Политбюро и ЦК, что, конечно, не могло понравиться Сталину. Генсек в это время боролся с «новой оппозицией», возглавляемой Зиновьевым и Каменевым. В этой борьбе Троцкий занимал нейтральную позицию. На XIV съезде партии в декабре 1925 года Зиновьев и Каменев потерпели сокрушительное поражение. Лев Троцкий с усмешкой и удовлетворением лишь наблюдал за жалкими увертками своих врагов, недавно требовавших его ареста.

Ну а Иосиф Сталин, покончив с Зиновьевым и Каменевым, взялся за своего главного врага – Льва Троцкого. Перемирие между ними закончилось. Троцкий, разумеется, это предвидел и покинул в январе 1926 г. ВСНХ, работа в котором стала для него бессмысленной. На апрельском Пленуме он выступил с ожесточенной критикой доклада Алексея Рыкова о перспективе экономического развития страны. Рыков предлагал в докладе постепенную индустриализацию страны без ограбления крестьян. Троцкий высмеял предлагаемые Рыковым, Бухариным и другими «черепашьи»

темпы развития индустрии и настаивал на необходимости ускоренного развития промышленности за счет изъятия «накоплений» в сельском хозяйстве (т.е. ограблении крестьян) и продажи за рубеж сырья. Разногласия вроде бы не особо принципиальные – лишь в темпах развития промышленности да в отношении к крестьянству, но на практике «сверхиндустриализация», реализованная Сталиным по Троцкому и Преображенскому, привела к насильственной коллективизации, уничтожению самых хозяйственных мужиков на селе, к крестьянским восстаниям, повальному голоду в сельских районах, ограничению в правах селян, строительству экологически грязных предприятий, засилью предприятий ВПК и т.д. и в итоге – к низкому уровню жизни населения, превращению промышленных районов в экологически грязные зоны.

Троцкого на Пленуме поддержали Зиновьев и Каменев. Так фактически и оформилась «объединенная левая оппозиция». Идею борьбу с «объединенной левой оппозицией» возглавили Бухарин, Рыков, Томский, Рудзутак, Дзержинский, Сокольников.

Иосиф Сталин временно поддержал Бухарина, Рыкова и их сторонников в борьбе против Троцкого, Каменева и Зиновьева, хотя ему были ближе идеи Троцкого. Но он вновь занял удобное место где-то над схваткой. Сталин выжидал подходящий момент для окончательного разгрома Троцкого и его группы. Ну а потом следующий черед был «правой оппозиции» - Бухарина, Рыкова, Томского, Сокольникова.

Сталин после смерти Ленина отчетливо понимал, что основным его противником в партии был Троцкий. И после того, как в первой половине 1926 г. К Троцкому примкнули два других признанных вождя партии Каменев и Зиновьев, Сталин немедленно начал активные действия по разгрому своих противников, продолжавших борьбу в областных, районных и низовых партийных организациях. Состоявшийся 23 октября 1926 г. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) освободил от обязанностей члена Политбюро Льва Троцкого и от обязанностей кандидата в члены Политбюро Льва Каменева. Зиновьева сняли с поста председателя Исполкома Коминтерна. А из состава Политбюро Григорий Зиновьев был выведен еще на предыдущем Пленуме в июле 1926г. (за участие в тайной маевке в лесу, направленной против Сталина).

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Евдокимов, Смилга, Муралов, Преображенский, Мрачковский и их сторонники использовали последнюю для себя возможность продолжения борьбы со Сталиным и пошли в низовые партийные ячейки, в рабочие коллективы. В ответ Сталин поспешил добить своих противников. Последняя схватка в ЦК между «объединенной левой оппозицией» и большинством ЦК произошла на Пленуме 23 октября 1927 г. Иосиф Сталин выступил с речью и потребовал вывести Троцкого из ЦК партии. Генсек тщательно готовил свои выступления. Закончил он доклад эффектно, процитировав посвящение Троцкого одной из первых его книг меньшевику Павлу Аксельроду. Раздались разнзуданные крики: «Скатертью дорога к Аксельроду! Меншевик!» Затем выступил и Троцкий, но его уже никто не слушал. Кубяк бросил в него стаканом, Ярославский запустил в докладчика подшивку бумаг, Шверник – книгу. Кто-то попытался стащить Троцкого с трибуны. Сталин в душе ликовал, внешне спокойно наблюдая за хулиганскими издевательствами над своим врагом, недавним кумиром этого же зала. Бывшие члены «военной оппозиции» Ворошилов и Подвойский поспешили обвинить Троцкого в расстрелах коммунистов

(вспомнили гражданскую войну, когда Троцкий отдал приказ о расстреле дезертиров, в том числе и коммунистов). Троцкий не выдержал и взорвался. Посыпались взаимные оскорбления. В итоге, на этом Пленуме Сталин решил свой главный вопрос. Пленум вывел Троцкого и Зиновьева из состава ЦК «за нарушение Устава партии, фракционную деятельность, попытку создания второй партии».

В годовщину Октябрьской революции «левая оппозиция» пошла на последний отчаянный шаг. В Москве и Ленинграде были организованы демонстрации в поддержку Троцкого, Зиновьева, Каменева и против нэпа. Лозунги на плакатах и транспарантах были по-большевистки приличны: «Против оппортунизма, против раскола – за единство ленинской партии», «За ленинский ЦК ВКП (б)», «Ударим по кулаку, нэпману, бюрократу», «Выполним завещание Ленина». Последний плакат косвенно призывал к смещению Сталина с поста генсека. Произошли столкновения демонстрантов с коммунистами, возглавляемыми секретарями ряда райкомов (в частности Рютиным), с красноармейцами и сотрудниками ОГПУ. Были жестоко избиты Смилга, Преображенский, комдив Мальцев и др. А организаторы шествий Троцкий и Каменев едва унесли ноги. Демонстрантов было немного, никакого влияния на события они не оказали, но дали повод для исключения Троцкого и Зиновьева из партии (14 ноября), из ЦК – Каменева, Смилгу, Раковского, Авдеева, из ЦКК – Муралова, Бакаева, Шкловского, Петерсон, Соловьева и Лиздиня. Троцкому пришлось и освободить кремлевскую квартиру. Он поселился у своего сторонника Белобородова, одного из главных организаторов злодейского убийства семьи Николая II.

2-19 декабря 1927 г. Прошел XV съезд, на котором около 98 сторонников Троцкого были исключены из партии.

Вскоре Зиновьев и Каменев поспешили явиться в ЦКК с покаянием, но пока безрезультатно. Троцкий же написал статью-инструкцию «На новом этапе» для своих сторонников, давшую точные рекомендации для их действий и поведения в новых условиях. Именно себя и своих сторонников он видел продолжателями курса Ленина, обвиняя Сталина, Рыкова, Бухарина и других членов Политбюро в капиталистическом перерождении (основной аргумент – предложение «правых» об отмене государственной монополии во внешней торговле).

24 января 1928 г. К Троцкому домой пришли сотрудники ОГПУ и предложили ему немедленно собраться для высылки в Алма-Ату. Троцкий отказался подчиниться, и тогда чекисты вынесли его на руках. Сталин лично из своего кабинета контролировал эту операцию. Следом за Троцким выслали в различные города, якобы для усиления местных кадров, всех активных членов «левой оппозиции» (44 человека).

Троцкий и в ссылке продолжил свою борьбу со Сталиным. Его все еще поддерживала в этом неравном противоборстве примерно половина большевиков с дореволюционным стажем. Лозунги борьбы с нэпом и его буржуазными элементами были им близки и понятны. Троцкий много работал, вел интенсивную политическую переписку со своими сторонниками. Большую помощь в этом ему оказывал сын Лев. Сталина бесила активность Троцкого, и он распорядился всячески затруднить любое общение своего противника. В декабре 1928 г. К Троцкому пришел работник ОГПУ и потребовал

прекращения политической деятельности. Он угрожал ссылкой в еще более отдаленные места. Троцкий только рассмеялся ему в лицо, напомнив, что он уже все это проходил до революции. Сталин окончательно понял, что Троцкого простыми методами не сломить. Решиться же на его физическое уничтожение он пока опасался. Ленинская «гвардия» была еще жива и уважала Троцкого. Да и не хотел он раньше времени снимать с себя маску справедливого и объективного вождя партии. В партии было слишком хорошо известно о взаимной неприязни Сталина и Троцкого.

Тем временем в рядах сторонников Троцкого начались шатания, вызванные тем, что Сталин покончил с нэпом и фактически принял экономическую программу левой оппозиции. «Покаялись» и вернулись в Москву вначале Антонов-Овсеенко и Пятаков, затем Сафаров, Радек, Смилга, Преображенский и другие видные «троцкисты». Видел резкий поворот Сталина влево и Лев Троцкий, однако он из-за личной неприязни к генсеку не спешил публично поддерживать переход Сталина к политике массовой коллективизации и сверхиндустриализации страны. Для него при живом Сталине места в стране не было.

Заметался под прессом Сталина-Молотова и их кампании «правый оппортунист» Николай Бухарин. Он опрометчиво было дернулся к почти сломленному Льву Каменеву, а затем решился связаться со Львом Троцким в надежде на союз с Демоном революции против Сталина. Но для Льва Троцкого как раз Николай Бухарин и его сторонники Рыков и Томский были и оставались главными идейными противниками. Троцкий по-прежнему в личной переписке называл уничижительно Бухарина «Колечкой Балаболкиным» и злорадствовал над его шараханьями и бедами. А Сталин тем временем деятельно уничтожал политически и правых, и левых, и всех прочих своих противников и соперников в борьбе за власть.

20 января 1929 г. Троцкий был извещен о принятом Особым совещанием решении о высылке его за границу (решение об его высылке было принято Политбюро). Его обвинили в антисоветской деятельности и организации нелегальной партии. 10 февраля спецпоездом Троцкого с женой и старшим сыном доставили в Одессу и далее пароходом отправили в Турцию.

Любопытно, что Троцкий вывез с собой весь свой литературный багаж (около 30 ящиков), о чем потом не раз сожалел Сталин. Троцкому, военному вождю революции, позволили вывезти все, что он пожелал. Военные и чекисты его по-прежнему уважали. А Сталин пропустил это важное лишь для него обстоятельство.

За рубежом Троцкий продолжил свою идейную борьбу со Сталиным. Он постоянно публиковал антисталинские статьи и книги, издавал журнал «Бюллетень оппозиции». Однако существенного влияния на положение в СССР и на коммунистическое мировое движение, финансируемое СССР, он уже не оказывал. Самые стойкие его друзья и соратники в СССР сидели по тюрьмам и лагерям, а остальные покаялись и перешли на «службу» к Сталину. Репрессивная машина Сталина их последовательно уничтожала физически. Сам Троцкий и его сын Лев Седов были лишены в 1932 г. Советского гражданства.

До 1933 года семья Троцкого проживала в Турции на острове Принкипо, поскольку бывшего вождя большевиков, бывшего военного руководителя ненавистной на Западе

Красной Армии не допускали в ведущие европейские страны. Но в 1933 году во Франции победили социалисты, и их правительство разрешило Троцкому и его семье проживание в этой стране. Троцкий немедленно перебрался во Францию, в один из центров политической жизни мира, и поселился в городке Барбизон в 2-х этажной вилле неподалеку от Парижа, затем после протестов правой прессы – под Греноблем. Литературные заработки и поступления от спонсоров позволяли Троцкому и его семье жить безбедно.

Троцкий публиковал открытые письма-статьи к членам ЦК, в Президиум ЦИК СССР, в которых клеймил Сталина и «сталинщину». Но обращался он в пустоту и ответов на свои острые и злободневные работы не получал. СССР уже переполнился «сталинщиной», а клеймо «троцкист» стало смертным приговором. Покаялся и отрекся от Демона революции даже последний его самый стойкий соратник – Раковский. Это известие потрясло Троцкого. Он записал в дневнике: «После его капитуляции не осталось никого».

Троцкий активно откликнулся на репрессии в СССР, последовавшие после убийства Сергея Кирова. Сам факт убийства Кирова, одного из сподвижников Сталина, Троцкий воспринял равнодушно и даже с некоторым удовлетворением. Но он одним из первых понял далеко идущие планы Сталина по использованию этого убийства для развертывания массовых репрессий.

25 июня 1935 г. Троцкий с женой переехал по рекомендации врачей в Норвегию, где ему разрешили поселиться в деревушке Вуксхолл.

Во время первого открытого сталинского суда-фарса над Зиновьевым, Каменевым и другими большевиками Троцкий был поражен и возмущен прозвучавшими в его адрес дикими клеветническими обвинениями из уст прокурора Вышинского и подсудимых. Его обвиняли в самых фантастических преступлениях. В том числе и в шпионаже в пользу фашистской Германии. И его бывшие революционные соратники, старые большевики покорно повторяли на процессе перед журналистами этот нелепый бред. Они признавали невообразимые собственные преступления и свою связь через них с Троцким. Для Троцкого, отлично знавшего Сталина, стало ясно, что тот проделал в застенках НКВД со старыми большевиками. Троцкий решил разоблачить в печати грубую фальсификацию подручными Сталина этого процесса. Сталин, узнав об этом, пригрозил Норвегии, где проживал в это время Троцкий, бойкотом ее торгового флота. Угроза возымела действие. Троцкого с женой власти поместили под домашний арест в сельском двухэтажном доме в местечке Сундби.

Лишь 9 января 1937 г. Он вновь обрел свободу. На борту норвежского танкера Троцкий прибыл в Мексику, где ему предоставили политическое убежище. Здесь он продолжил свою яростную борьбу против сталинских сфабрикованных процессов. По его предложению была создана авторитетная международная общественная комиссия для расследования законности московских процессов. Троцкий заявил, что отдаст себя в руки НКВД, если комиссия признает его виновным в предъявленных ему обвинениях. Авторитетная международная комиссия признала Троцкого невиновным, а московские процессы сфабрикованными.

Троцкий и Сталин были ровесниками. Тем самым, во времени история отвела им

равные шансы и роли непримиримых врагов. Сталин стал диктатором огромной страны, а Лев Троцкий – его злейшим личным противником за пределами СССР. Собственно глубоких идейных разногласий между Троцким и Сталиным не было, поскольку Сталин воспринял основные положения теоретических изысканий Демона революции и «успешно» воплотил их в жизнь. Но воплощал Сталин идеи Троцкого в жизнь варварскими, «фашистскими» методами, как не преминул подчеркнуть это сам Троцкий. Последний писал: «сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собой симметричные явления».

Лев Троцкий ненавидел и одновременно презирал лично Сталина за то, что тот лишил его родины, оклеветал, убрал из истории революции, гражданской войны, партии. Демон революции люто ненавидел Сталина за массовые убийства его революционных товарищей. Ну а по-восточному мстительный Сталин внимательно следил за публикациями Троцкого, которые ему доставляли спецрейсами. Читал он их в полном одиночестве.

Сталин приказал наркому внутренних дел Лаврентию Берия физически уничтожить Троцкого. Генсек торопился. Троцкий уже написал несколько глав книги «Сталин» и собирался опубликовать ее большим тиражом в США, Англии и других странах. Интерес к этой книге на фоне альянса Сталина с Гитлером был огромен. Кто как ни Троцкий мог объяснить всему миру братание советских коммунистов с немецкими фашистами. Поэтому Сталин не желал выхода в свет книги Троцкого о себе. Операция по убийству Демона революции готовилась НКВД тщательно. Первая попытка убить Троцкого чекистам не удалась. На дом в Койоакане, где проживали Троцкий и Седова, напали более 20 человек в военной и полицейской форме. Напавшие разоружили охрану и открыли ураганный огонь по спальне Троцкого. Однако Наталья Седова успела столкнуть мужа на пол, и это спасло его. Пули пролетели мимо. В покушении принял участие известный художник Сикейрос, оставивший воспоминания об этом эпизоде своей жизни. Затем работниками НКВД был подготовлен специальный агент – испанец Рамон Меркадер. Представившись почитателем учения Демона революции, Меркадер сумел втереться в доверие к Троцкому. Он несколько раз приходил к нему в дом. Меркадер хорошо подготовился к убийству. Он имел в день убийства при себе револьвер, кинжал и альпинистский ледоруб (агент был опытным альпинистом).

Меркадер принес Троцкому на прочтение свою статью, а когда тот склонился над ней, нанес страшный удар ледорубом по голове. Троцкий вскрикнул. На крик прибежали охранники. Меркадер был схвачен и приговорен к двадцати годам тюрьмы. После отсидки полного срока он жил в СССР под именем Рамона Лопеса. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Затем некоторое время он жил на Кубе, но в итоге был похоронен в Москве.

Агония умирающего Троцкого продолжалась сутки. Его прооперировали, но это не помогло. Он скончался в возрасте шестидесяти двух лет.

Не оставил без внимания Сталин и близких родственников Троцкого. Погибла в лагере его первая жена Александра Соколовская. Не выжили и обе дочери от первого брака. Нина умерла в 1928 году от туберкулеза в Москве, а Зина позже покончила жизнь самоубийством в состоянии депрессии за границей. Мужа Нины репрессировали, он

погиб. Дочь Нины бесследно исчезла. Муж Зины был расстрелян. Старшего сына Троцкого от второго брака Льва Седова, верного помощника отца, по всей видимости, убили чекисты в Париже. В феврале 1938 года ему сделали операцию в больнице, и когда все трудности со здоровьем остались позади, он внезапно умер. Младший сын Сергей, хотя и ушел из политики, погиб в сталинском ГУЛАГе. Сестру Ольгу, жену Льва Каменева, расстреляли в 1941 году. В курской тюрьме в 1937 году был убит старший брат Александр. Сына Александра убили в том же году. И только вторая жена, Наталья Седова, прошла рядом со Львом Троцким всю его беспокойную жизнь, пережила его и скончалась в 1953 году, в год смерти Иосифа Сталина.

Лев Троцкий оставил заметный след в российской истории. Демон революции, ее мотор, второй человек в партии в годы гражданской войны был оттеснен от власти незаметным Сталиным, а затем выслан из страны и физически уничтожен. Трагедия Троцкого и его семьи наложила отпечаток на память о нем как о несгибаемом борце со Сталиным и сталинизмом. Однако повторимся, что работы Троцкого в годы его жизни за рубежом свидетельствуют о том, что боролся он лично со Сталиным, а не с созданной им Системой. Троцкий сам принимал деятельное участие в создании этой Системы и ее идейном обосновании. И Система была создана во многом по его рецептам. Фундамент сталинской тоталитарной системы был заложен Владимиром Лениным и Львом Троцким. Сталин лишь довел эту систему до своеобразного совершенства. Троцкий погиб последним из членов «ленинского» Политбюро, полностью уничтоженного Сталиным (за исключением кандидатов в члены Политбюро Михаила Калинина и Вячеслава Молотова). Дожил до естественной смерти из его состава лишь сам Сталин.

Своеобразие Троцкого-революционера и Троцкого-человека довольно точно характеризует следующий отрывок из его воспоминаний, в котором Троцкий описал свой разговор со Свердловым по приезду с фронта в Москву после падения Екатеринбурга:

«Разговаривая со Свердловым, я спросил между прочим:

- Да, а где находится царь?

- С ним покончено, - ответил он. – Он расстрелян.

- А где семья?

- И семья вместе с ним.

- Все? – спросил я с явным изумлением

- Все! – повторил Свердлов. – Ну и что? – Он ожидал моей реакции. Я не ответил.

- А кто принял такое решение? – задал я вопрос.

- Решение было принято здесь. Ильич посчитал, что нельзя оставлять белым живое знамя, вокруг которого они объединятся, особенно в нынешних трудных условиях...

Больше вопросов я не задавал. В конце концов, решение это было не только целесообразным, но и необходимым. Жестокость этого акта правосудия показала миру, что мы будем продолжать борьбу без всякой жалости, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запугать, устрашить и обескуражить врага, но и для того, чтобы также встряхнуть наши собственные ряды, показать, что возврата к прошлому нет, что впереди – либо

полная победа, либо полное поражение».

Их мораль и наша

ИСПАРЕНИЯ МОРАЛИ

В эпохи торжествующей реакции господа демократы, социал-демократы, анархисты и другие представители «левого» лагеря начинают выделять из себя в удвоенном количестве испарения морали, подобно тому, как люди вдвойне потеют от страха. Пересказывая своими словами десять заповедей или нагорную проповедь, эти моралисты адресуются не столько к торжествующей реакции, сколько к гонимым ею революционерам, которые своими «эксцессами» и «аморальными» принципами «провоцируют» реакцию и дают ей моральное оправдание. Между тем есть простое, но верное средство избежать реакции: нужно напрячься и нравственно возродиться. Образцы нравственного совершенства раздаются желающим даром во всех заинтересованных редакциях.

Классовая основа этой фальшивой и напыщенной проповеди: интеллигентская мелкая буржуазия. Политическая основа: бессилие и растерянность перед наступлением реакции. Психологическая основа: стремление преодолеть чувство собственной несостоятельности при помощи маскарадной бороды пророка.

Излюбленным приемом морализирующего филистера является отождествление образа действий реакции и революции. Успех приема достигается при помощи формальных аналогий. Царизм и большевизм – близнецы. Близнецов можно открыть также в фашизме и коммунизме. Можно составить перечень общих черт католицизма, или уже: иезуитизма, и большевизма. Со своей стороны, Гитлер и Муссолини, пользуясь совершенно тем же методом, доказывают, что либерализм, демократия и большевизм представляют лишь разные проявления одного и того же зла. Наиболее широкое признание встречает ныне та мысль, что сталинизм и троцкизм «по существу» одно и то же. На этом сходятся либералы, демократы, благочестивые католики, идеалисты, прагматисты, анархисты и фашисты. Если сталинцы не имеют возможности примкнуть к этому «Народному фронту», то только потому, что случайно заняты истреблением троцкистов.

Основная черта этих сближений и уподоблений в том, что они совершенно игнорируют материальную основу разных течений, т.-е. их классовую природу и, тем самым, их объективную историческую роль. Взамен этого они оценивают и классифицируют разные течения по какому либо внешнему и второстепенному признаку, чаще всего по их отношению к тому или другому абстрактному принципу, который для данного классификатора имеет особую профессиональную ценность. Так, для римского папы франкмасоны, дарвинисты, марксисты и анархисты представляют близнецов, ибо все они святотатственно отрицают беспорочное зачатие. Для Гитлера близнецами являются либерализм и марксизм, ибо они игнорируют «кровь и честь». Для демократа фашизм и большевизм – двойники, ибо они не склоняются перед всеобщим избирательным правом. И так далее.

Известные общие черты у сгруппированных выше течений несомненны. Но суть в том, что развитие человеческого рода не исчерпывается ни всеобщим избирательным

правом, ни «кровью и честью», ни догматом беспорочного зачатия. Исторический процесс означает прежде всего борьбу классов, причем разные классы во имя разных целей могут в известных случаях применять сходные средства. Иначе, в сущности, и не может быть. Борющиеся армии всегда более или менее симметричны, и, если б в их методах борьбы не было ничего общего, они не могли бы наносить друг другу ударов.

Темный крестьянин или лавочник, если он, не понимая ни происхождения ни смысла борьбы между пролетариатом и буржуазией, оказывается меж двух огней, будет с одинаковой ненавистью относиться к обоим воюющим лагерям. А что такое все эти демократические моралисты? Идеологи промежуточных слоев, попавших или боящихся попасть меж двух огней. Главные черты пророков этого типа: чуждость великим историческим движениям, заскорузлый консерватизм мышления, самодовольство ограниченности и примитивнейшая политическая трусость. Моралисты больше всего хотят, чтоб история оставила их в покое, с их книжками, журнальчиками, подписчиками, здравым смыслом и нравственными прописями. Но история не оставляет их в покое. То слева, то справа она наносит им тумачи. Ясно: революция и реакция, царизм и большевизм, коммунизм и фашизм, сталинизм и троцкизм – все это двойники. Кто сомневается, может прощупать симметричные шишки на черепе самих моралистов, с правой и с левой стороны.

МАРКСИСТСКИЙ АМОРАЛИЗМ И ВЕЧНЫЕ ИСТИНЫ

Наиболее популярное и наиболее импонирующее обвинение, направленное против большевистского «аморализма», находит свою опору в, так называемом, иезуитском правиле большевизма: «цель оправдывает средства». Отсюда уже нетрудно сделать дальнейший вывод: так как троцкисты, подобно всем большевикам (или марксистам), не признают принципов морали, следовательно, между троцкизмом и сталинизмом нет «принципиальной» разницы. Что и требовалось доказать.

Один американский еженедельник, весьма вульгарный и циничный, произвел насчет морали большевизма маленькую анкету, которая, как водится, должна была одновременно служить целям этики и рекламы. Неподражаемый Г. Дж. Уэльс, гомерическое самодовольство которого всегда превосходило его незаурядную фантазию, не замедлил солидаризироваться с реакционными снобами из «Коммон Сенс». Здесь все в порядке. Но и те из участников анкеты, которые считали нужным взять большевизм под свою защиту, делали это, в большинстве случаев, не без застенчивых оговорок: принципы марксизма, конечно, плохи, но среди большевиков встречаются, тем не менее, достойные люди (Истмен). Поистине, некоторые «друзья» опаснее врагов.

Если мы захотим взять господ обличителей всерьез, то должны будем прежде всего спросить их, каковы же их собственные принципы морали. Вот вопрос, на который мы вряд ли получим ответ. Допустим, в самом деле, что ни личная, ни социальная цели не могут оправдать средства. Тогда нужно, очевидно, искать других критериев, вне исторического общества и тех целей, которые выдвигаются его развитием. Где же? Раз не на земле, то на небесах. Попы уже давно открыли безошибочные критерии морали в божественном откровении. Светские попики говорят о вечных истинах морали, не называя свой первоисточник. Мы вправе, однако, заключить: раз эти истины вечны, значит они должны были существовать не только до появления на земле полуобезьяны-

получеловека, но и до возникновения солнечной системы. Откуда же они собственно взялись? Без бога теория вечной морали никак обойтись не может.

Моралисты англосаксонского типа, поскольку они не ограничиваются рационалистическим утилитаризмом, этикой буржуазного бухгалтера, выступают в качестве сознательных или бессознательных учеников виконта Шефтсбюри (Shaftesbury), который в начале 18-го века! – выводил нравственные суждения из особого «морального чувства» (moral sense), раз навсегда будто бы данного человеку. Сверх-классовая мораль неизбежно ведет к признанию особой субстанции, «морального чувства», «совести», как некоего абсолюта, который является, ничем иным, как философски-трусливым псевдонимом бога. Независимая от «целей», т.-е. от общества, мораль, - выводить ли ее из вечных истин или из «природы человека», - оказывается, в конце концов, разновидностью «натуральной теологии» (natural theology). Небеса остаются единственной укрепленной позицией для военных операций против диалектического материализма.

В России возникла в конце прошлого столетия целая школа «марксистов» (Струве, Бердяев, Булгаков и другие), которая хотела дополнить учение Маркса самодовлеющим, т.-е. над-классовым нравственным началом. Эти люди начали, конечно, с Канта и категорического императива. Но чем они кончили? Струве ныне – отставной министр крымского барона Врангеля и верный сын церкви; Булгаков – православный священник; Бердяев истолковывает на разных языках апокалипсис. Столь неожиданная, на первый взгляд, метаморфоза объясняется отнюдь не «славянской душой», - у Струве немецкая душа, - а размахом социальной борьбы в России. Основная тенденция этой метаморфозы, по существу, интернациональна.

Классический философский идеализм, поскольку он, в свое время, стремился секуляризовать мораль, т.-е. освободить ее от религиозной санкции, представлял огромный шаг вперед (Гегель). Но, оторвавшись от неба, мораль нуждалась в земных корнях. Открыть эти корни и было одной из задач материализма. После Шефтсбери жил Дарвин, после Гегеля – Маркс. Апеллировать ныне к «вечным истинам» морали значит пытаться повернуть колесо назад. Философский идеализм – только этап: от религии к материализму или, наоборот, от материализма к религии.

«ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА»

Иезуитский орден, созданный в первой половине 16-го века для отпора протестантизму, никогда не учил, к слову сказать, что всякое средство, хотя бы и преступное с точки зрения католической морали, допустимо, если только оно ведет к «цели», т.-е. к торжеству католицизма. Такая внутренне-противоречивая и психологически немислимая доктрина была злонамеренно приписана иезуитам их протестантскими, а отчасти и католическими противниками, которые не стеснялись в средствах для достижения своей цели. Иезуитские теологи, которых, как и теологов других школ, занимал вопрос о личной ответственности, учили на самом деле, что средство, само по себе, может быть индифферентным, но что моральное оправдание или осуждение данного средства вытекает из цели. Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребенку, - благо; выстрел с целью насилия или убийства, - преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели

сказать. Что касается их практической морали, то иезуиты вовсе не были хуже других монахов или католических священников, наоборот, скорее возвышались над ними, во всяком случае, были последовательнее, смелее и проницательнее других. Иезуиты представляли воинствующую организацию, замкнутую, строго централизованную, наступательную и опасную не только для врагов, но и для союзников. По психологии и методам действий иезуит «героической» эпохи отличался от среднего кюре, как воин церкви от ее лавочника. У нас нет основания идеализировать ни того, ни другого. Но совсем уж недостойно глядеть на фанатика-воина глазами тупого и ленивого лавочника. Если оставаться в области чисто-формальных или психологических уподоблений, то можно, пожалуй, сказать, что большевики относятся к демократам и социал-демократам всех оттенков, как иезуиты – к мирной церковной иерархии. Рядом с революционными марксистами, социал-демократы и центристы кажутся умственными недорослями или знахарями рядом с докторами: ни одного вопроса они не продумывают до конца, верят в силу заклинаний и трусливо обходят каждую трудность в надежде на чудо. Оппортунисты – мирные лавочники социалистической идеи, тогда как большевики ее убежденные воины. Отсюда ненависть к большевикам и клевета на них со стороны тех, которые имеют с избытком их исторически обусловленные недостатки, но не имеют ни одного из их достоинств.

Однако, сопоставление большевиков с иезуитами остается все же совершенно односторонним и поверхностным, скорее литературным, чем историческим. В соответствии с характером и интересами тех классов, на которые они опирались, иезуиты представляли реакцию, протестанты – прогресс. Ограниченность этого «прогресса» находила, в свою очередь, прямое выражение в морали протестантов. Так, «очищенное» им учение Христа вовсе не мешало городскому буржуа Лютеру, призывать к истреблению восставших крестьян, как «бешеных собак». Доктор Мартин считал, очевидно, что «цель оправдывает средства» еще прежде, чем это правило было приписано иезуитам. В свою очередь, иезуиты, в соперничестве с протестантизмом, все больше приспособлялись к духу буржуазного общества и из трех обетов: бедности, целомудрия и послушания, сохраняли лишь третий, да и то в крайне смягченном виде. С точки зрения христианского идеала, мораль иезуитов падала тем ниже, чем больше они переставали быть иезуитами. Воины церкви становились ее бюрократами и, как все бюрократы, – изрядными мошенниками.

ИЕЗУИТИЗМ И УТИЛИТАРИЗМ

Эта краткая справка достаточна, пожалуй, чтоб показать, сколько нужно невежества и ограниченности, чтоб брать всерьез противопоставление «иезуитского» принципа: «цель оправдывает средства», другой, очевидно, более высокой морали, где каждое «средство» несет на себе свой собственный нравственный ярлычок, как товары в магазинах с твердыми ценами. Замечательно, что здравый смысл англосаксонского филистера умудряется возмущаться «иезуитским» принципом и одновременно вдохновляться моралью утилитаризма, столь характерной для британской философии. Между тем критерий Бентама – Джон Милля: «возможно большее счастье возможно большего числа» («the greatest possible happiness of the greatest possible number») означает: моральны те средства, которые ведут к общему благу, как высшей цели. В своей

общей философской формулировке англосаксонский утилитаризм полностью совпадает, таким образом, с «иезуитским» принципом «цель оправдывает средства». Эмпиризм, как видим, существует на свете для того, чтоб освободить от необходимости сводить концы с концами.

Герберт Спенсер, эмпиризму которого Дарвин привил идею «эволюции», как прививают оспу, учил, что в области морали эволюция идет от «ощущений» к «идеям». Ощущения навязывают критерий непосредственного удовольствия, тогда как идеи позволяют руководствоваться критерием будущего, более длительного и высокого удовольствия. Критерием морали является, таким образом, и здесь «удовольствие» или «счастье». Но содержание этого критерия расширяется и углубляется, в зависимости от уровня «эволюции». Таким образом, и Герберт Спенсер, методами своего «эволюционного» утилитаризма, показал, что принцип: «цель оправдывает средства» не заключает в себе ничего безнравственного.

Наивно, однако, было бы ждать от этого абстрактного «принципа» ответа на практический вопрос: что можно и чего нельзя делать? К тому же принцип: цель оправдывает средства, естественно, порождает вопрос: а что же оправдывает цель? В практической жизни, как и в историческом движении цель и средство непрерывно меняются местами. Строящаяся машина является «целью» производства, чтоб, поступив затем на завод, стать его «средством». Демократия является, в известные эпохи, «целью» классовой борьбы, чтоб превратиться затем в ее «средство». Не заключая в себе ровно ничего безнравственного, так называемый, «иезуитский» принцип не разрешает, однако, проблему морали.

«Эволюционный» утилитаризм Спенсера также покидает нас без ответа на полпути, ибо, вслед за Дарвином, пытается растворить конкретную историческую мораль в биологических потребностях или в «социальных инстинктах», свойственных стадным животным, тогда как самое понятие морали возникает лишь в антагонистической среде, т.е. в обществе, расчлененном на классы.

Буржуазный эволюционизм останавливается бессильно у порога исторического общества, ибо не хочет признать главную пружину эволюции общественных форм: борьбу классов. Мораль есть лишь одна из идеологических функций этой борьбы. Господствующий класс навязывает обществу свои цели и приучает считать безнравственными все те средства, которые противоречат его целям. Такова главная функция официальной морали. Она преследует «возможно большее счастье» не большинства, а маленького и все уменьшающегося меньшинства. Подобный режим не мог бы держаться и недели на одном насилии. Он нуждается в цементе морали. Выработка этого цемента составляет профессию мелкобуржуазных теоретиков и моралистов. Они играют всеми цветами радуги, но остаются в последнем счете апостолами рабства и подчинения.

«ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА МОРАЛИ»

Кто не хочет возвращаться к Моисею, Христу или Магомету, ни довольствоваться эклектической крошкой, тому остается признать, что мораль является продуктом общественного развития; что в ней нет ничего неизменного; что она служит общественным интересам; что эти интересы противоречивы; что мораль больше, чем

какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер.

Но ведь существуют же элементарные правила морали, выработанные развитием человечества, как целого, и необходимые для жизни всякого коллектива? Существуют, несомненно, но сила их действия крайне ограничена и неустойчива. «Общеобязательные» нормы тем менее действительны, чем более острый характер принимает классовая борьба. Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами.

В «нормальных» условиях «нормальный» человек соблюдает заповедь: «не убий!». Но если он убьет в исключительных условиях самообороны, то его оправдают присяжные. Если, наоборот, он падет жертвой убийцы, то убийцу убьет суд. Необходимость суда, как и самообороны, вытекает из антагонизма интересов. Что касается государства, то в мирное время оно ограничивается легализованными убийствами единиц, чтобы во время войны превратить «общеобязательную» заповедь: «не убий!» в свою противоположность. Самые «гуманные» правительства, которые в мирное время «ненавидят» войну, провозглашают, во время войны, высшим долгом своей армии истребить как можно большую часть человечества.

Так называемые, «общепризнанные» правила морали сохраняют, по существу своему, алгебраический, т.-е. неопределенный характер. Они выражают лишь тот факт, что человек, в своем индивидуальном поведении, связан известными общими нормами, вытекающими из его принадлежности к обществу. Высшим обобщением этих норм является «категорический императив» Канта. Но, несмотря на занимаемое им на философском Олимпе высокое положение, этот императив не содержит в себе ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания.

Причина пустоты общеобязательных форм заключается в том, что во всех решающих вопросах люди ощущают свою принадлежность к классу гораздо глубже и непосредственнее, чем к «обществу». Нормы «общеобязательной» морали заполняются на деле классовым, т.-е. антагонистическим содержанием. Нравственная норма становится тем категоричнее, чем менее она «общеобязательна». Солидарность рабочих, особенно стачечников или баррикадных бойцов, неизмеримо «категоричнее», чем человеческая солидарность вообще.

Буржуазия, которая далеко превосходит пролетариат законченностью и непримиримостью классового сознания, жизненно заинтересована в том, чтоб навязать свою мораль эксплуатируемым массам. Именно для этого конкретные нормы буржуазного катехизиса прикрываются моральными абстракциями, которые ставятся под покровительство религии, философии или того убожества, который называется «здравым смыслом». Аппелляция к абстрактным нормам является не бескорыстной философской ошибкой, а необходимым элементом в механике классового обмана. Разоблачение этого обмана, который имеет за собой традицию тысячелетий, есть первая обязанность пролетарского революционера.

КРИЗИС ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

Чтоб обеспечить торжество своих интересов в больших вопросах, господствующие классы вынуждены идти во второстепенных вопросах на уступки, разумеется, лишь до тех пор, пока эти уступки мирятся с бухгалтерией. В эпоху капиталистического подъема,

особенно в последние десятилетия перед войной, эти уступки, по крайней мере, в отношении верхних слоев пролетариата, имели вполне реальный характер. Промышленность того времени почти непрерывно шла в гору. Благополучие цивилизованных наций, отчасти и рабочих масс, поднималось. Демократия казалась незыблемой. Рабочие организации росли. Вместе с тем росли реформистские тенденции. Отношения между классами, по крайней мере, внешним образом, смягчались. Так устанавливались в социальных отношениях, наряду с нормами демократии и привычками социального мира, некоторые элементарные правила морали. Создавалось впечатление все более свободного, справедливого и гуманного общества. Восходящая линия прогресса казалась «здравому смыслу» бесконечной.

Вместо этого разразилась, однако, война, со свитой потрясений, кризисов, катастроф, эпидемий, одичания. Хозяйственная жизнь человечества зашла в тупик. Классовые антагонизмы обострились и обнажились. Предохранительные механизмы демократии стали взрываться один за другим. Элементарные правила морали оказались еще более хрупкими, чем учреждения демократии и иллюзии реформизма. Ложь, клевета, взяточничество, подкуп, насилия, убийства получили небывалые размеры. Ошеломленным простакам казалось, что все эти неприятности являются временным результатом войны. На самом деле они были и остаются проявлениями империалистского упадка. Загнивание капитализма означает загнивание современного общества, с его правом и моралью.

«Синтезом» империалистской мерзости является фашизм, как прямое порождение банкротства буржуазной демократии перед лицом задач империалистской эпохи. Остатки демократии продолжают держаться еще только в наиболее богатых капиталистических аристократиях: на каждого «демократа» в Англии, Франции, Голландии, Бельгии приходится некоторое число колониальных рабов; демократией Соединенных Штатов командуют «60 семейств» и пр. Во всех демократиях быстро растут, к тому же, элементы фашизма. Сталинизм есть, в свою очередь, продукт империалистского давления на отсталое и изолированное рабочее государство, своего рода симметричное дополнение фашизма.

В то время, как идеалистические филистеры, - анархисты, конечно, на первом месте, - неумолимо обличают марксистский «аморализм» в своей печати, американские тресты расходуют, по словам Джона Люиса (C.I.O.), не менее восьмидесяти миллионов долларов в год на практическую борьбу с революционной «деморализацией», т.е. на шпионаж, подкуп рабочих, фальшивые обвинения и убийства из-за угла. Категорический императив выбирает иногда обходные пути для своего торжества!

Отметим, для справедливости, что наиболее искренние и, вместе, наиболее ограниченные мелкобуржуазные моралисты живут и сегодня еще идеализированными воспоминаниями вчерашнего дня и надеждами на его возвращение. Они не понимают, что мораль есть функция классовой борьбы; что демократическая мораль отвечала эпохе либерального и прогрессивного капитализма; что обострение классовой борьбы, проходящее через всю новейшую эпоху, окончательно и бесповоротно разрушало эту мораль; что на смену ей пришла мораль фашизма, с одной стороны, мораль пролетарской революции, с другой.

«ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ»

Демократия и «общепризнанная» мораль являются не единственными жертвами империализма. Третьим пострадавшим является «общечеловеческий» здравый смысл. Эта низшая форма интеллекта не только необходима при всех условиях, но и достаточна при известных условиях. Основным капитал здравого смысла состоит из элементарных выводов общечеловеческого опыта: не класть пальцев в огонь, идти по возможности по прямой линии, не дразнить злых собак... и пр., и пр. При устойчивости социальной среды здравый смысл оказывается достаточен, чтоб торговать, лечить, писать статьи, руководить профессиональным союзом, голосовать в парламенте, заводить семью и плодить детей. Но когда тот же здравый смысл пытается выйти за свои законные пределы на арену более сложных обобщений, он обнаруживает себя лишь, как сгусток предрассудков определенного класса и определенной эпохи. Уже простой капиталистический кризис ставит здравый смысл в тупик; а пред лицом таких катастроф, как революции, контрреволюции и войны, здравый смысл оказывается круглым дураком. Для познания катастрофических нарушений «нормального» хода вещей нужны более высокие качества интеллекта, философское выражение которым дал до сих пор только диалектический материализм.

Макс Истмен, который с успехом стремится сообщить «здравому смыслу» как можно более привлекательную литературную форму, сделал себе из борьбы с диалектикой нечто вроде профессии. Консервативные банальности здравого смысла в сочетании с хорошим стилем Истмен всерьез принимает за «науку революции». Поддерживая реакционных снобов из «Common Sense», он с неподражаемой уверенностью поучает человечество, что, если б Троцкий руководствовался не марксистской доктриной, а здравым смыслом, то он... не потерял бы власти. Та внутренняя диалектика, которая проявлялась до сих пор в чередовании этапов во всех революциях, для Истмена не существует. Смена революции реакцией определяется для него недостаточным уважением к здравому смыслу, Истмен не понимает, что как раз Сталин оказался, в историческом смысле, жертвой здравого смысла, т.е. его недостаточности, ибо та власть, которою он обладает, служит целям, враждебным большевизму. Наоборот, марксистская доктрина позволила нам своевременно оторваться от термидорианской бюрократии и продолжать служить целям международного социализма.

Всякая наука, в том числе и «наука революции», проверяется опытом. Так как Истмен хорошо знает, как удержать революционную власть в условиях мировой контрреволюции, то он, надо надеяться, знает также, как можно завоевать власть. Было бы очень желательно, чтоб он раскрыл, наконец, свои секреты. Лучше всего это сделать в виде проекта программы революционной партии, под заглавием: как завоевать и как удержать власть. Мы боимся, однако, что именно здравый смысл побудит Истмена воздержаться от столь рискованного предприятия. И на этот раз здравый смысл будет прав.

Марксистская доктрина, которой Истмен, увы, никогда не понимал, позволила нам предвидеть неизбежность, при известных исторических условиях, советского Термидора, со всей его свитой преступлений. Та же доктрина задолго предсказала неизбежность

крушения буржуазной демократии и ее морали. Между тем доктринеры «здорового смысла» оказались застигнуты фашизмом и сталинизмом врасплох. Здравый смысл оперирует неизменными величинами в мире, где неизменна только изменяемость. Диалектика, наоборот, берет все явления, учреждения и нормы в их возникновении, развитии и распаде. Диалектическое отношение к морали, как к служебному и преходящему продукту классовой борьбы, кажется здравому смыслу «аморализмом». Между тем нет ничего более черствого, ограниченного, самодовольного и циничного, чем мораль здравого смысла!

МОРАЛИСТЫ И ГПУ

Повод к крестовому походу против большевистского «аморализма» подали московские процессы. Однако, поход открылся не сразу. Дело в том, что в большинстве своем моралисты, прямо или косвенно, состояли друзьями Кремля. В качестве таковых, они долго пытались скрыть свое изумление и даже делали вид, будто ничего особенного не произошло.

Между тем московские процессы отнюдь не явились случайностью. Раболепство, лицемерие, официальный культ лжи, подкуп и все другие виды коррупции начали пышно расцветать в Москве уж с 1924-1925 г.г. Будущие судебные подлоги открыто готовились на глазах всего мира. В предупреждениях недостатка не было. Однако, «друзья» не хотели ничего замечать. Не мудрено: большинство этих господ, в свое время непримиримо враждебных Октябрьской революции, примирялось с Советским Союзом лишь по мере его термидорианского перерождения: мелкобуржуазная демократия Запада узнавала в мелкобуржуазной бюрократии Востока родственную душу.

Действительно ли эти люди верили московским обвинениям? Верили лишь наиболее тупые. Остальные не хотели себя тревожить проверкой. Стоит ли нарушать лестную, удобную и, нередко, выгодную дружбу с советскими посольствами? К тому же – о, они не забывали и об этом! – неосторожная правда может причинить ущерб престижу СССР. Эти люди прикрывали преступления утилитарными соображениями, т.-е. открыто применяли принцип «цель оправдывает средства».

Инициативу бесстыдства взял на себя королевский советник Притт, который успел в Москве своевременно заглянуть под хитон сталинской Фемиды и нашел там все в полном порядке. Ромен Ролан, нравственный авторитет которого высоко расценивается бухгалтерами советского издательства, поспешил выступить с одним из своих манифестов, где меланхолический лиризм сочетается с сенильным цинизмом. Французская Лига прав человека, громившая «аморализм Ленина и Троцкого» в 1917 г., когда они порвали военный союз с Францией, поспешила прикрыть преступления Сталина в 1936 г., в интересах франко-советского договора. Патриотическая цель оправдывает, как известно, всякие средства. «Nation» и «New Republic» закрывали глаза на подвиги Ягоды, ибо «дружба» с СССР стала залогом их собственного авторитета. Нет, всего лишь год тому назад эти господа вовсе не говорили, что сталинизм и троцкизм – одно и то же. Они открыто стояли за Сталина, за его реализм, за его юстицию и за его Ягodu. На этой позиции они держались так долго, как могли.

До момента казни Тухачевского, Якира и др. крупная буржуазия демократических стран, не без удовольствия, хоть и прикрытого брезгливостью, наблюдала истребление

революционеров в СССР. В этом смысле «Nation» и «New Republic», не говоря уж о Дуранти, Луи Фишере и им подобных проститутках пера, шли полностью навстречу интересам «демократического» империализма. Казнь генералов встревожила буржуазию, заставив ее понять, что далеко зашедшее разложение сталинского аппарата может облегчить работу Гитлеру, Муссолини и Микадо. «Нью-Йорк Таймс» начал осторожно, но настойчиво поправлять своего собственного Дуранти. Парижский «Тан» чуть-чуть приоткрыл столбцы для освещения действительного положения в СССР. Что касается мелкобуржуазных моралистов и сикофантов, то они никогда не были чем-либо иным, как подголосками капиталистических классов. К тому же после того, как Комиссия Джона Дюи вынесла свой вердикт, для всякого мало-мальски мыслящего человека стало ясно, что дальнейшая открытая защита ГПУ означает риск политической и моральной смерти. Только с этого момента «друзья» решили извлечь на свет божий вечные истины морали, т.-е. занять вторую линию траншей.

Не последнее место среди моралистов занимают перепуганные сталинцы или полусталинцы. Юджин Лайонс в течение нескольких лет отлично уживался с термидорианской кликой, считая себя почти-большевиком. Отшатнувшись от Кремля – повод для нас безразличен, - он, разумеется, немедленно же очутился на облаках идеализма. Листон Оок еще недавно пользовался таким доверием Коминтерна, что ему поручено было руководство республиканской пропагандой в Испании на английском языке. Это не помешало ему, разумеется, отказавшись от должности, отказаться и от азбуки марксизма. Невозвращенец Вальтер Кривицкий, порвав с ГПУ, сразу перешел к буржуазной демократии. По-видимому, такова же метаморфоза и престарелого Шарля Раппопорта. Выбросив за борт свой сталинизм, люди такого типа – их много – не могут не искать в доводах абстрактной морали компенсацию за пережитое ими разочарование или идейное унижение. Спросите их: почему из рядов Коминтерна и ГПУ они перешли в лагерь буржуазии? Ответ готов: «троцкизм не лучше сталинизма».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАССТАНОВКА ФИГУР

«Троцкизм – это революционная романтика, сталинизм – реальная политика». От этого пошлого противопоставления, которым средний филистер вчера еще оправдывал свою дружбу с термидором против революции, сегодня не осталось и следа. Троцкизм и сталинизм вообще больше не противопоставляются, а отождествляются. Отождествляются по форме, но не по существу. Отступив на меридиан «категорического императива», демократы продолжают, фактически защищать ГПУ, только более 373апрограмиро и вероломно. Кто клеветает на жертву, тот помогает палачу. В этом случае, как и в других, мораль служит политике.

Демократический филистер и сталинский бюрократ являются, если не близнецами, то братьями по духу. Политически они во всяком случае принадлежат к одному лагерю. На сотрудничестве сталинцев, социал-демократов и либералов основана нынешняя правительственная система Франции и – с присоединением анархистов – республиканской Испании. Если британская Независимая рабочая партия выглядит столь помятой, то это потому, что она за ряд лет не выходила из объятий Коминтерна. Французская социалистическая партия исключила троцкистов из своих рядов как раз в тот момент, когда готовилась к слиянию со сталинцами. Если слияние не осуществилось, то не

из-за принципиальных расхождений, - что осталось от них? – а лишь вследствие страха социал-демократических карьеристов за свои посты. Вернувшись из Испании, Норман Томас объявил, что троцкисты «объективно» помогают Франко и этой субъективной нелепостью оказал «объективную» услугу палачам ГПУ. Этот праведник исключил американских «троцкистов» из своей партии, как раз в тот период, когда ГПУ расстреливало их единомышленников в СССР и в Испании. Во многих демократических странах сталинцы, несмотря на свой «аморализм», не без успеха, проникают в государственный аппарат. В профессиональных союзах они отлично уживаются с бюрократами всех других цветов. Правда, сталинцы слишком легко относятся к уголовному уложению и этим отпугивают своих «демократических» друзей в мирное время; зато в исключительных обстоятельствах, как указывает пример Испании, они тем увереннее становятся вождями мелкой буржуазии против пролетариата.

Второй и Амстердамский Интернационалы не брали на себя, конечно, ответственности за подлоги: эту работу они предоставляли Коминтерну. Сами они молчали. В частном порядке, они объясняли, что, с точки зрения морали, они против Сталина, но с точки зрения политики – за него. Только когда Народный фронт во Франции дал непоправимые трещины и заставил социалистов подумать о завтрашнем дне, Леон Блюм нашел на дне своей чернильницы необходимые формулы нравственного негодования.

Если Отто Бауэр мягко осуждает юстицию Вышинского, то лишь для того, чтоб с тем большим «беспристрастием» поддержать политику Сталина. Судьба социализма, по недавнему заявлению Бауэра, связана с судьбой Советского Союза. «А судьба Советского Союза – продолжает он – есть судьба сталинизма, пока (!) внутреннее развитие самого Советского Союза не преодолееет сталинской фазы развития». В этой великолепной фразе весь Бауэр, весь австромарксизм, вся ложь и гниль социал-демократии! «Пока» сталинская бюрократия достаточно сильна, чтоб истреблять прогрессивных представителей «внутреннего развития», до тех пор Бауэр остается со Сталиным. Когда же революционные силы, вопреки Бауэру, опрокинут Сталина, тогда Бауэр великодушно признает «внутреннее развитие», - с запозданием лет на десять, не больше.

Вслед за старыми Интернационалами тянется и Лондонское бюро центристов, которое счастливо сочетает в себе черты детского сада, школы для отсталых подростков и инвалидного дома. Секретарь Бюро, Феннер Броквей, начал с заявления, что расследование московских процессов может «повредить СССР» и, взамен этого, предложил расследовать... политическую деятельность Троцкого, через «беспристрастную» комиссию из пяти непримиримых противников Троцкого. Брандлер и Ловстон публично солидаризировались с Ягодой: они отступили только перед Ежовым; Яков Вальхер, под заведомо ложным предлогом, отказался дать комиссии Д. Дюи свидетельское показание, неблагоприятное для Сталина. Гнилая мораль этих людей есть только продукт их гнилой политики.

Но самую плачевную роль играют, пожалуй, анархисты. Если сталинизм и троцкизм – одно и то же, как твердят они в каждой строке, почему же испанские анархисты помогают сталинцам расправляться с троцкистами, а, заодно, и с революционными анархистами? Более откровенные теоретики безвластия отвечают: это плата за оружие. Другими

словами: цель оправдывает средства. Но какова их цель: анархизм? Социализм? Нет, спасение той самой буржуазной демократии, которая подготовила успехи фашизма. Низменной цели соответствуют низменные средства.

Такова действительная расстановка фигур на мировой политической доске!

СТАЛИНИЗМ – ПРОДУКТ СТАРОГО ОБЩЕСТВА

Россия совершила самый грандиозный в истории скачок вперед, в котором нашли себе выражение наиболее прогрессивные силы страны. Во время нынешней реакции, размах которой пропорционален размаху революции, отсталость берет свой реванш. Сталинизм стал воплощением этой реакции. Варварство старой русской истории на новых социальных основах кажется еще отвратительнее, ибо вынуждено прикрываться невиданным в истории лицемерием.

Либералы и социал-демократы Запада, которых Октябрьская революция заставила усомниться в своих обветшавших идеях, почувствовали ныне новый прилив бодрости. Нравственная гангрена советской бюрократии кажется им реабилитацией либерализма. На свет извлекаются затасканные прописи: «всякая диктатура заключает в себе залог собственного разложения»; «только демократия обеспечивает развитие личности» и пр. Противопоставление демократии и диктатуры, заключающее в себе, в данном случае, осуждение социализма во имя буржуазного режима, поражает, с теоретической точки зрения, своей неграмотностью и недобросовестностью. Мерзость сталинизма, как историческая реальность, противопоставляется демократии, как надысторической абстракции. Но демократия тоже имела свою историю, в которой не было недостатка в мерзости. Для характеристики советской бюрократии мы заимствуем имена «термидора» и «бонапартизма» из истории буржуазной демократии, ибо – да будет известно запоздалым либеральным доктринерам, – демократия появилась на свет вовсе не демократическим путем. Только пошляки могут удовлетворяться рассуждениями на тему о том, что бонапартизм явился «законным детищем» якобинизма, исторической карой за нарушение демократии и пр. Без якобинской расправы над феодализмом немыслима была бы даже и буржуазная демократия. Противопоставление конкретных исторических этапов: якобинизма, термидора, бонапартизма, идеализованной абстракции «демократии», столь же порочно, как противопоставление родовых мук живому младенцу.

Сталинизм, в свою очередь, есть не абстракция «диктатуры», а грандиозная бюрократическая реакция против пролетарской диктатуры в отсталой и изолированной стране. Октябрьская революция низвергла привилегии, объявила войну социальному неравенству, заменила бюрократию самоуправлением трудящихся, ниспровергла тайную дипломатию, стремилась придать характер полной прозрачности всем общественным отношениям. Сталинизм восстановил наиболее оскорбительные формы привилегий, придал неравенству вызывающий характер, задушил массовую самодеятельность полицейским абсолютизмом, превратил управление в монополию кремлевской олигархии и возродил фетишизм власти в таких формах, о каких не смела мечтать абсолютная монархия.

Социальная реакция всех видов вынуждена маскировать свои действительные цели. Чем резче переход от революции к реакции, чем больше реакция зависит от

традиций революции, т.-е. чем больше она боится масс, тем больше она вынуждена прибегать к лжи и подлогу в борьбе против представителей революции. Сталинские подлоги являются не плодом большевистского «аморализма»; нет, как все важные события истории, они являются продуктом конкретной социальной борьбы, притом самой вероломной и жестокой из всех: борьбы новой аристократии против масс, поднявших ее к власти.

Нужна поистине предельная интеллектуальная и моральная тупость, чтоб отождествлять реакционно-полицейскую мораль сталинизма с революционной моралью большевиков. Партия Ленина не существует уже давно: она разбилась о внутренние трудности и о мировой империализм. На смену ей пришла сталинская бюрократия, как передаточный механизм империализма. Бюрократия заменила на мировой арене классовую борьбу классовым сотрудничеством, интернационализм – социал-патриотизмом. Чтоб приспособить правящую партию для задач реакции, бюрократия «обновила» ее состав путем истребления революционеров и рекрутирования карьеристов.

Всякая реакция возрождает, питает, усиливает те элементы исторического прошлого, которым революция нанесла удар, но с которыми она не сумела справиться. Методы сталинизма доводят до конца, до высшего напряжения и, вместе, до абсурда все те приемы лжи, жестокости и подлости, которые составляют механику управления во всяком классовом обществе, включая и демократию. Сталинизм – сгусток всех уродств исторического государства, его зловещая карикатура и отвратительная гримаса. Когда представители старого общества нравоучительно противопоставляют гангрене сталинизма стерилизованную демократическую абстракцию, мы с полным правом можем рекомендовать им, как и всему старому обществу, полюбоваться собою в кривом зеркале советского Термидора. Правда, ГПУ далеко превосходит все другие режимы обнаженностью преступлений. Но это вытекает из грандиозной амплитуды событий, потрясших Россию, в условиях мировой империалистской деморализации.

МОРАЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Среди либералов и радикалов есть немало людей, которые усвоили себе приемы материалистического истолкования событий и считают себя марксистами. Это не мешает им, однако, оставаться буржуазными журналистами, профессорами или политиками. Большевик немислим, разумеется, без материалистического метода, в том числе и в области морали. Но этот метод служит ему не просто для истолкования событий, а для создания революционной партии пролетариата. Выполнять эту задачу нельзя без полной независимости от буржуазии и ее морали. Между тем буржуазное общественное мнение фактически полностью господствует ныне над официальным рабочим движением, от Вильяма Грина в Соединенных Штатах, через Леона Блюма и Мориса Тореза во Франции, до Гарсиа Оливера в Испании. В этом факте находит свое наиболее глубокое выражение реакционный характер нынешнего периода.

Революционный марксист не может даже приступить к своей исторической миссии, не порвав морально с общественным мнением буржуазии и ее агентуры в пролетариате. Для этого требуется нравственное мужество другого калибра, чем для того, чтобы широко разевать на собраниях рот и кричать: «Долой Гитлера!», «Долой Франко!». Именно этот

решительный, до конца продуманный, непреклонный разрыв большевиков с консервативной моралью не только крупной, но и мелкой буржуазии смертельно пугает демократических фразеров, салонных пророков и кулуарных героев. Отсюда их жалобы на «аморализм» большевиков.

Факт отождествления ими буржуазной морали с моралью «вообще» лучше всего, пожалуй, проверить на самом левом фланге мелкой буржуазии, именно на центристских партиях, так называемого Лондонского Бюро. Так как эта организация «признает» программу пролетарской революции, то наши разногласия с ней кажутся, на поверхностный взгляд, второстепенными. На самом деле их «признание» не имеет никакой цены, ибо ни к чему не обязывает. Они «признают» пролетарскую революцию, как кантоницы признают категорический императив, т.-е. как священный, но в повседневной жизни неприменимый принцип. В сфере практической политики они объединяются с худшими врагами революции (реформистами и сталинцами) для борьбы против нас. Все их мышление пропитано двойственностью и фальшью. Если центристы, по общему правилу, не поднимаются до внушительных преступлений, то только потому, что они всегда остаются на задворках политики: это, так сказать, карманные воришки истории. Именно поэтому они считают себя призванными возродить рабочее движение новой моралью.

На самом левом фланге этой «левой» братии стоит маленькая и политически совершенно ничтожная группка немецких эмигрантов, издающая газету «Neuer Weg» («Новый Путь»). Нагнемся пониже и послушаем этих «революционных» обличителей большевистского аморализма. В тоне двусмысленной полупохвалы «Нейер Вег» пишет, что большевики выгодно отличаются от других партий отсутствием лицемерия: они открыто провозглашают то, что другие молча применяют на деле, именно, принцип: «цель освящает средства». Но, по убеждению «Нейер Вег», такого рода «буржуазное» правило несовместимо «со здоровым социалистическим движением». «Ложь и худшее не являются дозволенными средствами борьбы, как считал еще Ленин». Слово: «еще» означает, очевидно, что Ленин только потому не успел отречься от своих заблуждений, что не дожил до открытия «нового пути».

В формуле «ложь и худшее» второй член означает, очевидно: насилия, убийства и пр., ибо, при равных условиях, насилие хуже лжи, а убийство – самая крайняя форма насилия. Мы приходим, таким образом, к выводу, что ложь, насилие, убийство несовместимы со «здоровым социалистическим движением». Как быть, однако, с революцией? Гражданская война есть самый жестокий из всех видов войны. Она немыслима не только без насилия над третьими лицами, но, при современной технике, без убийства стариков, старух и детей. Нужно ли напомнить об Испании? Единственный ответ, который могут дать «друзья» республиканской Испании, будет гласить: гражданская война лучше, чем фашистское рабство. Но этот совершенно правильный ответ означает лишь, что цель (демократия или социализм) оправдывает, при известных условиях, такие средства, как насилие и убийство. О лжи нечего уж и говорить! Без нее война немыслима, как машина без смазки. Даже для того, чтоб предохранять заседание Кортесов (1 февраля 1938 г.) от фашистских бомб, правительство Барселоны несколько раз намеренно обманывало журналистов и собственное население. Могло ли оно действовать иначе? Кто

принимает цель: победу над Франко, должен принять средство: гражданскую войну, с ее свитой ужасов и преступлений.

Но все же ложь и насилия «сами по себе» достойны осуждения? Конечно, как и классовое общество, которое их порождает. Общество без социальных противоречий будет, разумеется, обществом без лжи и насилий. Однако, проложить к нему мост нельзя иначе, как революционными, т.е. насильственными средствами. Сама революция есть продукт классового общества и несет на себе, по необходимости, его черты. С точки зрения «вечных истин» революция, разумеется, «анти-моральна». Но это значит лишь, что идеалистическая мораль контрреволюционна, т.е. состоит на службе у эксплуататоров. «Но ведь гражданская война, - скажет, может быть, застигнутый врасплох философ, - это, так сказать, печальное исключение. Зато в мирное время здоровое социалистическое движение должно обходиться без насилия и лжи». Такой ответ представляет, однако, ни что иное, как жалкую уловку. Между «мирной» классовой борьбой и революцией нет непроходимой черты. Каждая стачка заключает в себе в неразвернутом виде все элементы гражданской войны. Каждая сторона стремится внушить противнику преувеличенное представление о своей решимости к борьбе и о своих материальных ресурсах. Через свою печать, агентов и шпионов капиталисты стремятся запугать и деморализовать стачечников. Со своей стороны, рабочие пикеты, где не помогает убеждение, вынуждены прибегать к силе. Таким образом, «ложь и худшее» являются неотъемлемой частью классовой борьбы уже в самой элементарной ее форме. Остается прибавить, что самые понятия правды и лжи родились из социальных противоречий.

РЕВОЛЮЦИЯ И ИНСТИТУТ ЗАЛОЖНИКОВ

Сталин арестовывает и расстреливает детей своих противников после того, как эти противники уже сами расстреляны по ложным обвинениям. При помощи института семейных заложников Сталин заставляет возвращаться из-за границы тех советских дипломатов, которые позволили себе выразить сомнение в безупречности Ягоды или Ежова. Моралисты из «Нейер Вег» считают нужным и своевременным напомнить по этому поводу о том, что Троцкий в 1919 г. «тоже» ввел закон о заложниках. Но здесь необходима дословная цитата: «Задержание невинных родственников Сталиным – отвратительное варварство. Но оно остается варварством и тогда, когда оно продиктовано Троцким (1919 г.)». Вот идеалистическая мораль во всей ее красе! Ее критерии так же лживы, как и нормы буржуазной демократии: в обоих случаях предполагается равенство там, где его, на самом деле, нет и в помине.

Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г. Вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело в конце концов не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. Я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы – оправдание декрета, как и всей вообще гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать «отвратительным варварством».

Предоставим какому-нибудь Эмилю Людвигу и ему подобным писать портрет

Авраама Линкольна с розовыми крылышками за плечами. Значение Линкольна в том, что для достижения великой исторической цели, поставленной развитием молодого народа, он не останавливался перед самими суровыми средствами, раз они оказывались необходимы. Вопрос даже не в том, какой из воюющих лагерей причинил или понес самое большое число жертв. У истории разные мерилы для жестокостей северян и жестокостей южан в гражданской войне. Рабовладелец, который при помощи хитрости и насилия заковывает раба в цепи, и раб, который при помощи хитрости или насилия разбивает цепи – пусть презренные евнухи не говорят нам, что они равны перед судом морали!

После того, как парижская Коммуна была утоплена в крови, и реакционная сволочь всего мира волочила ее знамя в грязи поношений и клевет, нашлось немало демократических филистеров, которые, приспособляясь к реакции, клеймили коммунаров за расстрел 64 заложников, во главе с парижским архиепископом. Маркс ни на минуту не задумался взять кровавый акт Коммуны под свою защиту. В циркуляре Генерального Совета Первого Интернационала, в строках, под которыми слышится подлинное клочкотание лавы, Маркс напоминает сперва о применении буржуазией института заложников в борьбе против колониальных народов и собственного народа и, ссылаясь затем на систематические расстрелы пленных коммунаров остервенелыми реакционерами, продолжает: «Коммуне не оставалось ничего другого для защиты жизни этих пленников, как прибегнуть к прусскому обычаю захвата заложников. Жизнь заложников была снова и снова загублена продолжающимися расстрелами пленников версальцами. Как можно было еще дальше щадить их после кровавой бойни, которой преторианцы Мак-Магона ознаменовали свое вступление в Париж? Неужели же и последний противовес против беспощадной дикости буржуазных правительств – захват заложников – должен был стать простой насмешкой?». Так писал Маркс о расстреле заложников, хотя за спиной его в Генеральном Совете сидело немало Феннер Броквеев, Норман Томасов и других Отто Бауэров. Но так свежо еще было возмущение мирового пролетариата зверством версальцев, что реакционные путаники предпочитали молчать, в ожидании более для них благоприятных времен, которые, увы, не замедлили наступить. Лишь после окончательного торжества реакции мелкобуржуазные моралисты, совместно с чиновниками тред-юнионов и анархистскими фразерами, погубили Первый Интернационал.

Когда Октябрьская революция обороняла себя против объединенных сил империализма на фронте в 8.000 километров, рабочие всего мира с таким страстным сочувствием следили за ходом борьбы, что пред их форумом было слишком 379 программ обличать «отвратительное варварство» института заложников. Понадобилось полное перерождение советского государства и торжество реакции в ряде стран, прежде чем моралисты вылезли из своих щелей... на помощь Сталину. Ибо если репрессии, ограждающие привилегии новой аристократии, имеют ту же нравственную ценность, что и революционные меры освободительной борьбы, тогда Сталин оправдан целиком, если... если не осуждена целиком пролетарская революция. Ища примеров безнравственности в событиях русской гражданской войны, господа моралисты оказываются, в то же время, вынуждены закрывать глаза на тот факт, что

испанская революция тоже возродила институт заложников, по крайней мере, в тот период, когда она была подлинной революцией масс. Если обличители не посмели обрушиться на испанских рабочих за их «отвратительное варварство», то только потому, что почва Пиренейского полуострова еще слишком горяча для них. Гораздо удобнее вернуться к 1919 г. Это уже история: старики успели забыть, а молодые еще не научились. По той же причине фарисеи разной масти с таким упорством возвращаются к Кронштадту и к Махно: здесь полная свобода для нравственных испарений!

«МОРАЛЬ КАФРОВ»

Нельзя не согласиться с моралистами, что история выбирает жестокие пути. Но какой отсюда вывод для практической деятельности? Лев Толстой рекомендовал опроститься и усовершенствоваться. Махатма Ганди советует пить козье молоко. Увы, «революционные» моралисты из «Нейер Вег» не так уже далеко ушли от этих рецептов. «Мы должны освободиться – проповедуют они – от той морали кафров, для которой неправильно лишь то, что делает враг». Прекрасный совет! «Мы должны освободиться...». Толстой рекомендовал заодно освободиться и от грехов плоти. Однако, статистика не подтверждает успеха его проповеди. Наши центристские гомункулусы успели подняться до сверх-классовой морали в классовом обществе. Но уже почти 2000 лет, как сказано: «любите врагов ваших», «подставляйте вторую щеку»... Однако, даже святой римский отец не «освободился» до сих пор от ненависти к врагам. Поистине силен дьявол, враг рода человеческого!

Применять разные критерии к действиям эксплуататоров и эксплуатируемых значит, по мнению бедных гомункулусов, стоять на уровне «морали кафров». Прежде всего вряд ли приличен под пером «социалистов» столь презрительный отзыв о кафрах. Так ли уж плоха их мораль? Вот что говорит на этот счет британская энциклопедия: «В своих социальных и политических отношениях они обнаруживают большой такт и ум; они замечательно храбры, воинственны и гостеприимны, и были честны и правдивы, пока, в результате контакта с белыми, не стали подозрительны, мстительны и склонны к воровству, усвоив, сверх того, большинство европейских пороков». Нельзя не придти к выводу, что в порче кафров приняли участие белые миссионеры, проповедники вечной морали.

Если рассказать труженику-кафру, как рабочие, восставшие в любой части нашей планеты, застигли своих угнетателей врасплох, он будет радоваться. Наоборот, он будет огорчен, когда узнает, что угнетателям удалось обмануть угнетенных. Не развращенный до мозга костей миссионерами кафр никогда не согласится применять одни и те же абстрактные нормы морали к угнетателям и угнетенным. Зато он вполне усвоит себе, если разъяснить ему, что назначение таких абстрактных норм в том и состоит, чтоб мешать угнетенным восстать против угнетателей.

Какое поучительное совпадение: чтоб оклеветать большевиков миссионерам из «Нейер Вег» пришлось заодно оклеветать и кафров; причем в обоих случаях клевета идет по линиям официальной буржуазной лжи: против революционеров и против цветных рас. Нет, мы предпочитаем кафров всем миссионерам, как духовным, так и светским! Не надо, однако, ни в каком случае переоценивать сознательность моралистов из «Нового Пути» и из других тупиков. Намерения этих людей не так уж плохи. Но вопреки своим

намерениям, они служат рычагами в механике реакции. В такой период, как нынешний, когда мелкобуржуазные партии цепляются за либеральную буржуазию или за ее тень (политика «Народных фронтов»), парализуют пролетариат и прокладывают путь фашизму (Испания, Франция...), большевики, т.-е. революционные марксисты, становятся особенно одиозными фигурами в глазах буржуазного общественного мнения. Основное политическое давление наших дней идет справа налево. В последнем счете совокупная тяжесть реакции давит на плечи маленького революционного меньшинства. Это меньшинство называется Четвертым Интернационалом. *Voila l'ennemi! Вот враг!*

Сталинизм занимает в механике реакции многие руководящие позиции. Помощью его в борьбе с пролетарской революцией пользуются, так или иначе, все группировки буржуазного общества, включая и анархистов. В то же время одним за преступления своего московского союзника, мелкобуржуазные демократы пытаются, хоть на 50%, перекинуть на непримиримое революционное меньшинство. В этом и состоит смысл модной ныне поговорки: «троцкизм и сталинизм – одно и то же». Противники большевиков и кафров помогают, таким образом, реакции клеветать на партию революции.

«АМОРАЛИЗМ» ЛЕНИНА

Самыми нравственными людьми были всегда русские эс-эры: они в сущности состояли из одной этики. Это не помешало им, однако, во время революции обмануть русских крестьян. В парижском органе Керенского, того самого этического социалиста, который был предтечей Сталина в отношении подложных обвинений против большевиков, другой старый «социал-революционер», Зензинов, пишет: «Ленин, как известно, учил, что ради достижения поставленной цели, коммунисты могут, а иногда и должны «пойти на всяческие уловки – на умолчание, на сокрытие правды»...» («Новая Россия», 17 февраля 1938 г., стр. 3). Отсюда ритуальный вывод: сталинизм – законное дитя ленинизма.

К сожалению, этический обличитель не умеет даже честно цитировать. У Ленина сказано: «Надо уметь... пойти на все и всякие жертвы, даже – в случае необходимости – пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу». Необходимость уловок и хитростей, по объяснению Ленина, вызывалась тем, что реформистская бюрократия, предающая рабочих капиталу, подвергает революционеров травле, преследованиям и даже прибегает против них к буржуазной полиции. «Хитрость» и «сокрытие правды» являются в этом случае лишь средствами законной самообороны против предательской реформистской бюрократии.

Партия самого Зензинова когда-то вела нелегальную работу против царизма, а позже – против большевиков. В обоих случаях она прибегала к хитростям, уловкам, фальшивым паспортам и другим видам «сокрытия правды». Все эти средства считались не только «этическими», но и героическими, ибо отвечали политическим целям мелкобуржуазной демократии. Но положение сразу меняется, когда пролетарские революционеры вынуждены прибегать к конспиративным мерам против мелкобуржуазной демократии. Ключ к морали этих господ имеет, как видим, классовый характер!

«Аморалист» Ленин открыто, в печати, подает совет насчет военной хитрости

против изменников-вождей. А моралист Зензинов злонамеренно урезывает цитату с обоих концов, чтоб обмануть читателя: этический обличитель оказывается, по обыкновению, мелким плутом. Недаром Ленин любил повторять: ужасно трудно встретить добросовестного противника!

Рабочий, который не утаивает от капиталиста «правду» о замыслах стачечников, есть попросту предатель, заслуживающий презрения и бойкота. Солдат, который сообщает «правду» врагу, карается, как шпион. Керенский ведь и пытался подкинуть большевикам обвинение в том, что они сообщали «правду» штабу Людендорфа. Выходит, что даже «святая правда» – не самоцель. Над ней существуют более повелительные критерии, которые, как показывает анализ, носят классовый характер.

Борьба на жизнь и смерть невысказана без военной хитрости, другими словами, без лжи и обмана. Могут ли немецкие пролетарии не обманывать полицию Гитлера? Или может быть советские большевики поступают «безнравственно», обманывая ГПУ? Каждый благочестивый буржуа аплодирует ловкости полицейского, которому удастся при помощи хитрости захватить опасного гангстера. Неужели же военная хитрость недопустима, когда дело идет о том, чтоб опрокинуть гангстеров империализма?

Норман Томас говорит о той «странной коммунистической аморальности, для которой ничто не имеет значения, кроме партии и ее власти» («that strange Communist amorality in which nothing matters but the Party and its power» – «Socialist Call», March 12, 1938, p. 5). Томас валит, при этом, в одну кучу нынешний Коминтерн, т.-е. заговор кремлевской бюрократии против рабочего класса, с большевистской партией, которая представляла собою заговор передовых рабочих против буржуазии. Это насквозь нечестное отождествление достаточно уже разоблачено выше. Сталинизм только прикрывается культом партии; на самом деле он ее разрушает и топчет в грязь. Верно, однако, то, что для большевика партия – все. Салонного социалиста Томаса удивляет и отталкивает подобное отношение революционера к революции, ибо сам он – только буржуа с социалистическим «идеалом». В глазах Томаса и ему подобных партия – подсобный инструмент для избирательных и иных комбинаций, не больше. Его личная жизнь, интересы, связи, критерии морали – вне партии. Он с враждебным изумлением глядит на большевика, для которого партия – орудие революционной перестройки общества, в том числе и его морали. У революционного марксиста не может быть противоречия между личной моралью и интересами партии, ибо партия охватывает в его сознании самые высокие задачи и цели человечества. Наивно думать, что у Томаса более высокое понятие о морали, чем у марксистов. У него просто более низменное понятие о партии.

«Все, что возникает, достойно гибели», говорит диалектик Гете. Гибель большевистской партии – эпизод мировой реакции – не умаляет, однако, ее всемирно-исторического значения. В период своего революционного восхождения, т.-е. когда она действительно представляла пролетарский авангард, она была самой честной партией в истории. Где могла, она, разумеется, обманывала классовых врагов; зато она говорила трудящимся правду, всю правду и только правду. Только благодаря этому она завоевала их доверие в такой мере, как никакая другая партия в мире.

Приказчики господствующих классов называют строителя этой партии «аморалистом». В глазах сознательных рабочих это обвинение носит почетный характер.

Оно означает: Ленин отказывался признавать нормы морали, установленные рабовладельцами для рабов, и никогда не соблюдаемые самими рабовладельцами; он призывал пролетариат распространить классовую борьбу также и на область морали. Кто склоняется перед правилами, установленными врагом, тот никогда не победит врага!

«Аморализм» Ленина, т.-е. отвержение им надклассовой морали, не помешало ему всю жизнь сохранять верность одному и тому же идеалу; отдавать всю свою личность делу угнетенных; проявлять высшую добросовестность в сфере идей и высшую неустранимость в сфере действия; относиться без тени превосходства к «простому» рабочему, к незащищенной женщине, к ребенку. Не похоже ли, что «аморализм» есть в данном случае только синоним для более высокой человеческой морали?

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЗОД

Здесь уместно рассказать эпизод, который, несмотря на свой скромный масштаб, недурно иллюстрирует различие между их и нашей моралью. В 1935 г., в письмах к своим бельгийским друзьям, я развивал ту мысль, что попытка молодой революционной партии строить «собственные» профсоюзы равносильна самоубийству. Надо находить рабочих там, где они есть. Но ведь это значит делать взносы на содержание оппортунистического аппарата? Конечно, отвечал я, за право вести подкуп против реформистов приходится временно платить им дань. Но ведь реформисты не позволят вести подкуп? Конечно, отвечал я, ведение подкупа требует мер конспирации. Реформисты – политическая полиция буржуазии внутри рабочего класса. Надо уметь действовать без их разрешения и против их запрещения... При случайном обыске у т. Д., в связи, если не ошибаюсь, с делом о поставке оружия для испанских рабочих, бельгийская полиция захватила мое письмо. Через несколько дней оно оказалось опубликовано. Печать Вандервельде, Де-Манна и Спаака, не пощадила, конечно, молний против моего «макиавеллизма» и «иезуитизма». Кто же эти обличители? Многолетний председатель Второго Интернационала, Вандервельде, давно стал доверенным лицом бельгийского капитала. Де-Манн, который в ряде тяжелых томов облагораживал социализм идеалистической моралью и подбирался к религии, воспользовался первым подходящим случаем, чтоб обмануть рабочих и стать заурядным министром буржуазии. Еще красочнее обстояло дело со Спааком. Полтора года перед тем этот господин состоял в левой социалистической оппозиции и приезжал ко мне во Францию советоваться о методах борьбы против бюрократии Вандервельде. Я излагал ему те же мысли, которые составили впоследствии содержание моего письма. Но уже через год после визита, Спаак отказался от терниев для роз. Предав своих друзей по оппозиции, он стал одним из наиболее циничных министров бельгийского капитала. В профессиональных союзах и в своей партии эти господа душат каждый голос критики, систематически развращают и подкупают более выдающихся рабочих и столь же систематически исключают непокорных. Они отличаются от ГПУ только тем, что не прибегают пока к пролитию крови: в качестве добрых патриотов, они берегут рабочую кровь для ближайшей империалистской войны. Ясно: нужно было быть исчадием ада, нравственным уродом, «кафром», большевиком, чтоб подать революционным рабочим совет соблюдать правила конспирации в борьбе против этих господ!

С точки зрения законов Бельгии, письмо мое не заключало, разумеется, ничего

криминального. Обязанностью «демократической» полиции было вернуть письмо адресату с извинением. Обязанностью социалистической партии было протестовать против обыска, продиктованного заботой об интересах генерала Франко. Но господа социалисты отнюдь не постеснялись воспользоваться нескромной услугой полиции: без этого они не имели бы счастливого повода обнаружить лишний раз преимущества своей морали над аморализмом большевиков.

Все символично в этом эпизоде. Бельгийские социал-демократы опрокинули на меня ушаты своего негодования как раз в то время, когда их норвежские единомышленники держали меня и жену под замком, чтоб помешать нам защищаться против обвинений ГПУ. Норвежское правительство отлично знало, что московские обвинения подложны: об этом открыто писал в первые дни социал-демократический официоз. Но Москва ударила норвежских пароходовладельцев и рыботорговцев по карману, - и господа социал-демократы немедленно опустили на четвереньки. Вождь партии, Мартин Транмель, не только авторитет в сфере морали, но прямо праведник: не пьет, не курит, не вкушает мясного и купается зимой в ледяной проруби. Это не помешало ему, после того, как он арестовал нас по приказу ГПУ, специально пригласить для клеветы против меня норвежского агента ГПУ, Якова Фриза, буржуа без чести и совести. Но довольно...

Мораль этих господ состоит из условных правил и оборотов речи, которые должны прикрывать их интересы, аппетиты и страхи. В большинстве своем они готовы на всякую низость – отказ от убеждений, измену, предательство – во имя честолюбия или корысти. В священной сфере личных интересов цель оправдывает для них все средства. Но именно поэтому им необходим особый кодекс морали, прочной, и в то же время эластичной, как хорошие подтяжки. Они ненавидят всякого, кто разоблачает их профессиональные секреты перед массами. В «мирное» время их ненависть выражается в клевете, базарной или «философской». Во время острых социальных конфликтов, как в Испании, эти моралисты, рука об руку с ГПУ, истребляют революционеров. А чтоб оправдать себя, они повторяют: «троцкизм и сталинизм – одно и то же».

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЦЕЛИ И СРЕДСТВА

Средство может быть оправдано только целью. Но ведь и цель, в свою очередь, должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, который выражает исторические интересы пролетариата, цель оправдана, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком.

Значит, для достижения этой цели все позволено? Саркастически спросит филистер, обнаружив, что он ничего не понял. Позволено все то, ответим мы, что действительно ведет к освобождению человечества. Так как достигнуть этой цели можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет, по необходимости, революционный характер. Она непримиримо противостоит не только догмам религии, но и всякого рода идеалистическим фетишам, этим философским жандармам господствующего класса. Она выводит правила поведения из законов развития общества, следовательно, прежде всего, из классовой борьбы, этого закона всех законов.

Значит, все же, в классовой борьбе с капиталистами дозволены все средства: ложь,

подлог, предательство, убийство и прочее? – продолжает настаивать моралист. Допустимы и обязательны те и только те средства, отвечаем мы, которые сплачивают революционный пролетариат, наполняют его душу непримиримой враждой к угнетению, научают его презирать официальную мораль и ее демократических подголосков, пропитывают его сознанием собственной исторической миссии, повышают его мужество и самоотверженность в борьбе. Именно из этого вытекает, что не все средства позволены. Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая революционная цель отвергает, в качестве средств, все те низменные приемы и методы, которые противопоставляют одну часть рабочего класса другим его частям; или пытаются осчастливить массу, без ее участия; или понижают доверие массы к себе самой и к своей организации, подменяя его преклонением перед «вождями». Прежде всего и непримиримее всего революционная мораль отвергает сервилизм по отношению к трудящимся, т.-е. те качества, которые насквозь пропитывают мелкобуржуазных педантов и моралистов.

Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики. Правильный ответ на эти вопросы дает живой опыт движения в свете теории.

Диалектический материализм не знает дуализма средства и цели. Цель естественно вытекает из самого исторического движения. Средства органически подчинены цели. Ближайшая цель становится средством для более отдаленной цели. В своей драме, «Франц фон Сикинген», Фердинанд Лассаль влагает следующие слова в уста одного из героев:

«Укажи не только цель, укажи и путь.

Ибо так нерасторжимо вырастают друг в друга путь и цель,

Что одно всегда меняется вместе с другим,

И путь иной порождает иную цель».

Стихи Лассалья весьма несовершенны. Еще хуже то, что в практической политике Лассаль сам отклонялся от выраженного им правила: достаточно напомнить, что он докатился до тайных сделок с Бисмарком! Но диалектическая взаимозависимость между средством и целью выражена в приведенных четырех строках вполне правильно. Надо сеять пшеничное зерно, чтоб получить пшеничный колос.

Допустим или недопустим, например, индивидуальный террор с «чисто моральной» точки зрения? В этой абстрактной форме вопрос совершенно не существует для нас. Консервативные швейцарские буржуа и сейчас воздают официальную хвалу террористу Вильгельму Теллю. Наши симпатии полностью на стороне ирландских, русских, польских или индусских террористов в их борьбе против национального и политического гнета. Убитый Киров, грубый сатрап, не вызывает никакого сочувствия. Наше отношение к убийце остается нейтральным только потому, что мы не знаем руководивших им мотивов. Если б стало известно, что Николаев выступил сознательным мстителем за попираемые Кировым права рабочих, наши симпатии были бы целиком на стороне убийцы. Однако, решающее значение имеет для нас не вопрос о субъективных мотивах, а вопрос об объективной целесообразности. Способно ли данное средство действительно вести к

цели? В отношении индивидуального террора теория и опыт свидетельствуют, что нет. Террористу мы говорим: заменить массы нельзя; только в массовом движении ты мог бы найти целесообразное применение своему героизму. Однако, в условиях гражданской войны убийства отдельных насильников перестают быть актами индивидуального терроризма. Если бы, скажем, революционер взорвал на воздух генерала Франко и его штаб, вряд ли это вызвало бы нравственное возмущение даже у демократических евнухов. В условиях гражданской войны подобный акт был бы и политически вполне целесообразен! Так, даже в самом остром вопросе – убийство человека человеком, – моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка, вместе с политической, вытекает из внутренних потребностей борьбы.

Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих. Нет, поэтому, большего преступления, как обманывать массы, выдавать поражения за победы, друзей за врагов, подкупать вождей, фабриковать легенды, ставить фальшивые процессы, – словом, делать то, что делают сталинцы. Эти средства могут служить только одной цели: продлить господство клики, уже осужденной историей. Но они не могут служить освобождению масс. Вот почему Четвертый Интернационал ведет против сталинизма борьбу не на жизнь, а на смерть.

Массы, разумеется, вовсе не безгрешны. Идеализация масс нам чужда. Мы видели их в разных условиях, на разных этапах, притом в величайших политических потрясениях. Мы наблюдали их сильные и слабые стороны. Сильные стороны: решимость, самоотверженность, героизм находили всегда наиболее яркое выражение во время подъема революции. В этот период большевики стояли во главе масс. Затем надвинулась другая историческая глава, когда вскрылись слабые стороны угнетенных: неоднородность, недостаток культуры, узость кругозора. Массы устали от напряжения, разочаровались, потеряли веру в себя и – очистили место новой аристократии. В этот период большевики («троцкисты») оказались изолированы от масс. Мы практически проделали два таких больших исторических цикла: 1897-1905, годы прибоя; 1907-1913, годы отлива; 1917-1923 г.г., период небывалого в истории подъема; наконец, новый период реакции, который не закончился еще и сегодня. На этих больших событиях «троцкисты» учились ритму истории, т.-е. диалектике борьбы классов. Они учились и, кажется, до некоторой степени научились подчинять этому объективному ритму свои субъективные планы и программы. Они научились не приходить в отчаяние от того, что законы истории не зависят от наших индивидуальных вкусов или не подчиняются нашим моральным критериям. Они научились свои индивидуальные вкусы подчинять законам истории. Они научились не страшиться самых могущественных врагов, если их могущество находится в противоречии с потребностями исторического развития. Они умеют плыть против течения в глубокой уверенности, что новый исторический поток могущественной силы вынесет их на тот берег. Не все доплывут, многие утонут. Но участвовать в этом движении с открытыми глазами и с напряженной волей – только это и может дать высшее моральное удовлетворение мыслящему существу!

Л. Троцкий.

Койоакан, 16 февраля 1938 г.*1

/*1 Статья была вчерне закончена 16 февраля. При окончательной обработке автор

включил в текст несколько более свежих примеров.

P. S. – Я писал эти страницы в те дни, когда мой сын, неведомо для меня, боролся со смертью. Я посвящаю его памяти эту небольшую работу, которая, я надеюсь, встретила бы его одобрение: Лев Седов был подлинным революционером и презирал фарисеев.⁵⁴
Л. Т.

Михаил Кольцов

Полтора десятилетия – от середины двадцатых годов – он занимал в СССР место журналиста № 1. Каждый день, раскрывая «Правду», «За рубежом», «Огонек» и еще великое множество изданий, читатель прежде всего искал имя Михаила Кольцова, самого осведомлённого и самого остроумного автора. Обсуждать и пересказывать кольцовские очерки и фельетоны – бессмысленно. Классика.

Однако доверчивый подписчик советской прессы вряд ли подозревал, что биография его кумира – не сплошь прозрачная и лучезарно-советская. В февральские дни 1917 года петроградский студент Фридлянд (будущий Кольцов) просто обожал Временное правительство и даже лично А.Ф. Керенского, о чем свидетельствует опрометчиво изданная брошюрка «Как Россия освободилась». От последующих советских неприятностей автора уберег забытый потом псевдоним – Мих. Ефимович.

С конца 1917 года Кольцов занимает экзотическую должность инструктора-организатора съемок кинохроники одной благотворительной фирмы, а с весны 1918-го возглавляет отдел кинохроники государственного Московского кинокомитета. Тут с бывшим студентом начинают твориться странные вещи. Он сперва тихо вступает в большевистскую партию, а потом громко из нее выходит – открытым письмом в «Киногазете» объясняет, что ему не по пути с советской властью и ее комиссарами. На отступничество Кольцова резко откликается в «Известиях» писатель-коммунист

54 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). N 68-69. // <http://www.komintern-online.com/trotm436.htm>

А.С. Серафимович. Тем не менее уже через несколько недель Кольцов (опять большевик?) оказывается в оккупированном немцами Киеве – и не как-нибудь, а в составе советской дипломатической миссии.

Видимо, его нелады с большевистской властью были фиктивными, а его услуги чекистам и разведчикам – реальными.

Сразу после Гражданской войны Кольцов опубликовал сильный, темпераментный очерк о Льве Троцком – тоже очевидный повод для последующих страхов, особенно в тридцатые годы.

Сталин Кольцова не любил: слишком прыток, слишком много знает и понимает. Талантлив. Не вписывается в новую, окаменевающую политическую систему. Особенно ясно это стало вождю после гражданской войны в Испании, где Кольцов исполнял далеко не только журналистские обязанности. В романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» Кольцов выведен под именем Каркова, и намеки на причастность героя к усилиям спецслужб вполне вняты.

В дополнительном томе второго издания Большой советской энциклопедии обозначен год смерти Кольцова – 1942-й. На самом деле его расстреляли в Лефортовской тюрьме 2 февраля 1940 года. На слушание «дела» понадобились стандартные 20 минут.

Его Сталин так любил, что его же и убил

Михаил Кольцов был весьма одаренным человеком. Если бы он не стал самым известным в СССР журналистом и лицом, приближенным к вершинам власти, он наверняка реализовал бы свои таланты в другой области. Многое из того, о чем пойдет речь ниже, не имеет документального подтверждения. Однако, следуя неумолимым законам логики, можно попытаться приоткрыть завесу тайны, окружающей Кольцова, который известен современникам как гениальный пропагандист и исполнитель тайных заданий Иосифа Сталина. До сих пор непонятна его роль в событиях гражданской войны в Испании.

Михаил Кольцов (Фридлянд) родился в 1898 году в Киеве. В 1915 году поступил в Психоневрологический институт в Петрограде. С 1916 года начал работать журналистом. Принимал активное участие в Февральской и Октябрьской революциях. Вступил в РКП(б) в 1918 году, служил в Красной Армии, с 1920 года работал в отделе печати Наркомата иностранных дел, быстро поднимаясь по карьерной лестнице. Многолетний корреспондент газеты «Правда», основатель и редактор популярных журналов «Огонек», «Крокодил» и «Чудак». Лично был знаком со всеми вождями СССР. Считаясь самым известным журналистом в СССР и личным приближенным Сталина, занимал пост руководителя иностранного отдела в Союзе писателей СССР. В 1937 году назначен депутатом Верховного Совета СССР.

Летом 1936 года Кольцов едет в Испанию, где является политическим советником Коминтерна при республиканском правительстве. Участвует в массовых репрессиях против граждан Испании, а также против троцкистской партии ПОУМ. В 1938 году, когда поражение Второй Республики стало очевидным, Кольцова отозвали

из Испании. 14 декабря того же года он был арестован. На следствии Кольцов подвергся пыткам, после чего оговорил более 70 своих знакомых. 1 февраля 1940 года приговорен к смерти по обвинению в шпионаже, однако точная дата смерти неизвестна.

Прежде чем начать разговор о тайной деятельности Кольцова, необходимо провести небольшой исторический экскурс. Как известно, гражданская война в Испании продолжалась с июля 1936-го по апрель 1939 года. В то время в СССР существовали две известные спецслужбы и одна неизвестная. Две известные — это НКВД и Разведуправление РККА (с 1942 года — ГРУ). Деятельность этих ведомств в Испании и их роль в разжигании войны до сих пор мало изучена.

Но гораздо интереснее и таинственнее самая загадочная спецслужба СССР под названием Госконтроль (Народный Контроль), подчиняющаяся лично Сталину. Собственно, Госконтроль являлся целым министерством с немалым количеством «служащих». Чем занималось министерство, можно только догадываться. Известно, например, что у всех без исключения значительных партийных и советских деятелей сталинской эпохи в секретариате работали молодые симпатичные девушки, которых было невозможно уволить. Роль этих девушек, служащих Госконтроля, в первую очередь сводилась к наблюдению за работой высоких начальников.

Также стоит вспомнить о массовых арестах в 1938 году верхнего аппарата НКВД во главе с Николаем Ежовым, который сам оказался в тюрьме только в 1939 году. До ареста Ежова некие могущественные силы обезвредили тех, кто сам до этого осуществлял чистки. Некоторые историки считают, что бесшумная и быстрая операция была проведена работниками Госконтроля. Из этих двух примеров можно сделать вывод, что главной функцией министерства было наблюдение за НКВД и другими силовыми и партийными органами СССР. Однако никаких документальных свидетельств пока не найдено, и вряд ли это произойдет в будущем.

В середине 30-х годов главой Госконтроля стал Николай Ежов, позже эту должность занял Лев Мехлис. Оба эти человека были близкими знакомыми Михаила Кольцова. Особенно заметную роль в жизни Кольцова сыграл Лев Мехлис (1889—1953). С 1940-го по 1950 год он занимал пост главы Госконтроля СССР. Сразу после смерти Сталина в марте 1953 года министерство было упразднено. Однако важным моментом для нашей истории является тот факт, что значительное число работников Госконтроля одновременно занимали должности в других госструктурах.

Вероятно, одним из таких высокопоставленных работников был Михаил Кольцов. Он выполнял разведывательные задания Сталина в Германии, Италии, Франции, Чехословакии и Испании. Это не мешало его работе в качестве журналиста, известного всей стране своими хлесткими фельетонами. Интересно, что многолетний глава Народного контроля Мехлис также являлся обладателем сразу нескольких важных должностей. Во время гражданской войны в Испании он занимал пост начальника Главного управления пропаганды РККА и являлся главным редактором «Правды» — в качестве корреспондента этой газеты Кольцов приехал в Испанию в августе 1936 года. По слухам, арест Кольцова 14 декабря 1938 года состоялся в кабинете все того же Мехлиса — и это также косвенно свидетельствует о работе

Кольцова в Госконтроле. Сотрудники министерства были «неприкасаемыми» для НКВД, а значит, арест проводился самими работниками Госконтроля.

«Сталин всегда прав». Он принимал непосредственное участие в разгроме троцкистской оппозиции, объяснял советским гражданам необходимость коллективизации, нападал на политических соперников Сталина в СССР и за рубежом, пел дифирамбы палачам и убийцам, контролировал писателей и многое другое. Постоянные поездки за границу, недоступные не только простым советским гражданам, но и большинству партийных деятелей той эпохи, несомненно, объяснялись наличием тайных заданий лично от Сталина или по линии Госконтроля. В общем, Кольцов был фанатичным исполнителем воли Сталина. Как свидетельствует писатель [Луи Арагон](#) в своей книге «Гибель всерьез», при их последнем разговоре в [Париже](#) Кольцов заявил: «Запомните последние слова, которые вы слышали от меня. Запомните, что Сталин всегда прав».

Изучая жизнь «журналиста» Кольцова, поражаешься его тайному влиянию на политику. Во многих секретных постановлениях ЦК мелькают фразы «поручить тов. Кольцову». Но этот человек по своей должности не имеет права прикасаться к столь важным государственным секретам! Объяснение только одно — Кольцов тайно работал в Госконтроле. Если принять эту версию, то все становится на свои места. В том числе и обычная для Кольцова деятельность — наблюдение за зарубежными писателями, считавшимися «друзьями СССР». Это [Лион Фейхтвангер](#), Анри Барбюс, [Ромен Роллан](#), [Бернард Шоу](#) и другие известные личности.

Он брался за любую грязную работу. Например, 8 марта 1938 года Кольцов опубликовал в «Правде» статью о Николае Ежове, где с пафосом характеризовал его как «чудесного несгибаемого большевика, который, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора». Даже за считанные часы до своего ареста Кольцов выступал в клубе писателей с докладом о «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он рассказывал, как именно в будущем в стране будет происходить переход от социализма к коммунизму. Сначала якобы отменят плату за проезд в общественном транспорте. Потом хлеб станет бесплатным. Затем и продукты будут выдаваться по потребности в обмен на добросовестный труд, а не на деньги. В общем, даже подобных фактов достаточно, чтобы не записывать Кольцова в «невинные жертвы репрессий», а характеризовать его как человека, отдавшего свой талант на службу Сталину. Теперь пришло время обратиться к испанскому периоду жизни Кольцова, не слишком длинному, но насыщенному разными событиями.

Преступления и наказание. Об одной из сторон деятельности Кольцова до сих пор мало что известно, особенно о его роли во время испанской гражданской войны. Обычно вспоминают об обороне Мадрида осенью 1936 года и уничтожении в Барселоне активистов партии ПОУМ в 1937 году. Но есть предположение, что Кольцов не только был личным представителем Сталина в Испании, но и осуществлял практическое политическое и военное руководство так называемыми советскими «добровольцами». Более того, власть этого человека простиралась настолько далеко, что он вполне мог влиять на жизнь многомиллионной республики.

Многие его современники, в том числе родной брат, известный карикатурист Борис Ефимов, не понимали причин ареста Кольцова спустя десять месяцев после возвращения из Испании. Выдвигались версии о том, что Кольцов «не вписался» в империю Сталина, что он «слишком приткий» и прочее. На самом деле причины падения Кольцова очевидны. Если принять версию, что он являлся центральной фигурой среди советских граждан в Испании, то его вина становится понятной. Республиканцы проиграли войну — вот причина ареста и казни Кольцова. Кроме того, он являлся нежелательным свидетелем тайных операций советских спецслужб в Испании, грязные детали которых по большей части неизвестны. Сталин не любил проигравших и умел хорошо замечать следы. Известный советолог Вадим Роговин писал: «По-видимому, арест Кольцова, действовавшего в Испании в качестве сталинского эмиссара, объяснялся тем, что он слишком много знал о преступлениях, чинимых там сталинской агентурой».

Причины поражения и роль Кольцова. Как уже говорилось, роль Кольцова в событиях гражданской войны явно недооценена российскими и испанскими историками. Зато современники догадывались о многом. Очевидец Илья Эренбург писал: «Трудно представить себе первый год испанской войны без Михаила Кольцова». А Борис Ефимов объясняет читателям своей книги «Десять десятилетий»: «Самоотверженно сражался за Испанскую республику спецкор «Правды» Михаил Кольцов. Конечно, он, согласно своей природе и своему характеру, сразу вышел за пределы чисто журналистской деятельности». Однако в империи Сталина действовала четкая система подчинения, подобные выходки не прощались и жестоко пресекались. Но не в случае с Кольцовым, за спиной которого стояла могущественная спецслужба и личное задание Сталина.

На торжественном приеме в Кремле после первомайской демонстрации в 1938 году Климент Ворошилов произнес тост, в котором были такие слова: «И я предлагаю поднять бокалы за присутствующего здесь представителя советских людей в Испании — товарища Михаила Кольцова!». В Испании воевало много высокопоставленных военных и чекистов, но Ворошилов называет «представителем» СССР корреспондента газеты «Правда», что достаточно странно, если верить формальной табели о рангах.

На том же приеме произошла другая известная сцена, объясняющая приближающийся провал советской политики в Испании: «Подойдя чокнуться со Сталиным, Кольцов позволил себе заметить: «Если бы у них было больше порядка, товарищ Сталин...». На что Сталин хмуро сказал: «Слабые они, слабые...».

«Слабостью» у товарища Сталина называлось нежелание большинства испанцев проливать море чужой крови ради химеры коммунизма. За редким исключением массовые казни политических «преступников» во время гражданской войны на территории республиканцев были инспирированы советскими «добровольцами». Сам Кольцов также совершил многочисленные преступления против испанского народа. Одно из них описано в книге Сергея Данилова «Гражданская война в Испании».

7 ноября «в честь 20-летия Октябрьской революции» в Мадриде прошли

погромы в буржуазных районах города. Число убитых и раненых исчислялось тысячами. В тюрьмах испанской столицы, к которой приближались войска националистов, ожидали своей участи около 8 тысяч политических заключенных. Кольцов принял самое активное участие в их уничтожении — людей вывезли за город, расстреляли и закопали в общей могиле. Руководили операцией 20-летние лидеры «социалистической молодежи» Хосе Касорла и Сантьяго Каррильо. Но вдохновителями были советские граждане Михаил Кольцов, Ян Берзин и Александр Орлов. Последний позже бежал в США, где в 1953 году опубликовал книгу «Тайная история сталинских преступлений». Данилов пишет: «Характерной чертой явилось нежелание самих испанцев без суда перебить 8000 безоружных и не приговоренных к смерти граждан — понадобилась инициатива иностранцев».

Человек в маске. В работе разведчика очень важно умение перевоплощаться. Кольцов мастерски владел этим искусством. Даже в своих многочисленных фельетонах он легко превращался в чиновника, крестьянина или таксиста. В Испании Кольцов носил одну из многочисленных масок, представляясь собеседникам «журналистом» по имени Мигель.

Всю свою жизнь он выполнял преступные приказы. Его поездка в Испанию с августа 1936-го по февраль 1938 года не была исключением. Но действительно ли Кольцов под прикрытием «советника» и «журналиста» не просто руководил советскими гражданами в Испании, а являлся сотрудником Госконтроля и личным эмиссаром Сталина? Очевидно, это так. Есть и доказательства, их множество — стоит только присмотреться. Вот один характерный случай.

В 1937 году Михаил Кольцов познакомил писателя [Хемингуэя](#) с диверсантом Хаджи Мамсуровым, который под видом «добровольца» воевал на стороне Второй Республики. Хаджи Мамсуров — личность легендарная. Близкий друг и подчиненный маршала [Георгия Жукова](#), в 1957 году он принимал активное участие в закулисных интригах против Хрущева и готовился к государственному перевороту. Но в последний момент он предаст Жукова, покается перед Хрущевым, чем спасет свою карьеру. Вот отрывок из воспоминаний Мамсурова об Испании: «Еще в Мадриде Кольцов сказал, что хочет познакомить меня с большим американским писателем. «А на кой черт он мне нужен?» — должен признаться, что фамилию Хемингуэй я слышал впервые. «Он хочет посмотреть отряды, расспросить тебя», — объяснил Кольцов. — Это мне совсем не понравилось, поскольку я строжайше соблюдал конспирацию. Однако Кольцов настаивал...»

Дальше идет рассказ о встрече принципиального трезвенника Мамсурова с пьяным писателем, итоги которой вошли в известный роман «По ком звонит колокол». Таким образом, Мамсуров грубо нарушил правила конспирации, что грозило немедленным арестом и отправкой в СССР. Но ничего не произошло — это означает, что Кольцов не попросил, а приказал, и у него было достаточно власти. Вообще, читая воспоминания современников о Кольцове, поражаешься тайному могуществу этого человека. «Журналист» отдает приказы чекистам и политикам, военным и штатским, советским и испанским гражданам. Перед ним открываются любые двери — не слишком ли для простого «советника»? Это власть высокопоставленного

представителя могущественной спецслужбы. У Хаджи Мамсурова просто не было выбора — приказы не обсуждаются.

Прямых и косвенных доказательств тайных полномочий Кольцова немало. Например, после приезда из Испании Кольцов выехал в Прагу и снова под обычным прикрытием — в качестве корреспондента «Правды». В западной прессе это событие было расценено однозначно — после [Мюнхенского соглашения](#) это был явный признак готовящегося сопротивления Чехословакии нацистской Германии. И если бы тогда война началась в Чехословакии, скромный журналист и тайный разведчик Михаил Кольцов руководил бы очередными советскими «добровольцами», как делал это в Испании во время гражданской войны...

Хорхе КОСТАС⁵⁵

Корреспонденции. Репортажи. Очерки.⁵⁶

23 мая

Никого не было на маленьком вокзале. Даже единственный носильщик и тот ушел в бар пропустить стаканчик. Курьерский поезд стоит здесь одну минуту и большей частью зря. Фрау Марта взялась нести чемодан. И даже Фейхтвангер протянул к нему руку. Это было уже слишком.

— Умоляю вас, оставьте! Я понесу сам.

— Пустяки, он у вас совсем легкий. Очень милый чемодан. Беленький.

— Он очень недорогой. Имитация свиной кожи. Такой же из свиной кожи стоит в четыре раза дороже, но по существу разницы никакой. Все-таки дайте я понесу сам.

— Нет, не отдам. Он легкий как перышко. Ведь я спортсменка. Мы плохо вас принимали, признайтесь. Как глупо, что мы отпустили кухарку именно перед вашим приездом! Воображаю, что вы думаете о моей стряпне!

Она была очень красива, высокая, бронзовая, в белом полукостюме, в купальных туфлях.

— Вы лучшая в мире кухарка и лучший шофер. Эти два дня были для меня раем. Это я должен извиниться, что помешал. Во сколько страниц «Иосифа» обошелся вам мой визит?

— В семнадцать. Не обижайтесь. Я так же честно скажу вам, что очень рад этим двум дням. Они меня встряхнули. Веселее писать о развалинах иерусалимской крепости, зная, что в наши дни люди штурмуют стены фашистского Алькасара.

— Они еще не заработали себе «стенного венца».

— Он будет у вас у всех. Мне иногда становится завидно и невтерпеж сидеть в этом тихом литературном гнезде...

— Наивная зависть артиллериста к пехоте. Из своей укрытой батареи он стреляет дальше и сильнее, чем десять стрелков со своими винтовками.

55 ["Киевский Телеграф"](#) 4 - 10 сентября 2009 №36 (486)

56 Кольцов М. Е. Испания в огне. Т. 2. Испанский дневник. Кн. 2 (1 янв. — 10 апр. 1937 г.). Кн. 3. Корреспонденции. Репортажи. Очерки. — М.: Политиздат, 1987. — 302 с. / Тираж 200 тыс. экз. // Составитель, автор комментариев Е. М. Тепер.

— Успех боя решает все-таки пехота и не... и не библиотечная пушка. Вот идет поезд. Он опоздал на две минуты тридцать секунд. И еще двадцать секунд, пока он остановится. Счастливого пути! Очень вам благодарен!

— Это вам спасибо!

Фейхтвангеры были видны еще один миг. Я остался с проводником в пустом вагоне.

— У вас билет до Эндейи. Вы едете в Бургос?

— О нет! В Бильбао.

— Это у кого — у правительственных или у националистов?

— У правительственных.

— Тут все больше едут в Бургос. Этот поезд идет из Италии. Но конечно, можно ехать и в другое место. Каждый едет куда ему нужно. На то, собственно, и существуют железные дороги.

Кондукторская философия... Ладно, послезавтра я буду в Бильбао.

24 мая

Перпиньян застыл и онемел в знойной истоме. Старожилы дремлют с открытыми глазами на террасах провинциальных баров. Ослы и мулы медленно тянут тяжелые повозки. Рынок благоухает горами овощей, фруктов, мяса, рыбы. Верно ли вообще, что тут, рядом где-то, есть война, голод, смерть?

Но на днях эскадрилья итальянских самолетов прилетела сюда. Она бомбардировала Сербер, сорок пять километров отсюда. Были разрушены дома, убиты и ранены люди, граждане Французской республики, убиты и ранены иноземными, итальянскими, военными летчиками.

Из Перпиньяна в Сербер приехали районный прокурор с помощником. Они обошли все разрушения, присутствовали на похоронах погибших от взрывов, беседовали с ранеными и с очевидцами. После этого перпиньянский прокурор начал следствие против неизвестного, бомбардировавшего Сербер.

«Неизвестные» очень чувствуются на крайнем юге Франции. Еще недавно эти места считались глубоким тылом Франции в случае войны. Теперь здесь реют крыльями «неизвестные».

Франко-испанская граница растянулась примерно на пятьсот километров. Она начинается здесь, вблизи Перпиньяна, у морского берега, взбирается к крохотной республике Андорра, переходит в снеговые вершины Восточных Пиренеев и Верхних Пиренеев, сбегает зелеными откосами Атлантических Пиренеев.

Граница мира и войны, мягкой тишины и орудийного грохота. Посредине она разделяется. Восточная половина принадлежит испанскому правительству, западная — в руках у мятежников.

Вот здесь, на середине, дремлет уютный городок Тарб. Среди ярких цветов и знаменитых местных вин, в старом, но отлично сохранившемся замке расположился датский полковник Лунн, начальник международного контрольного кордона.

Настоящий большой штаб, по крайней мере с виду: военные карты, схемы, машинистки, ординарцы, телефонный коммутатор, срочные разговоры с Лондоном, Парижем, Женевой, с пограничными пунктами и полевыми жандармериями. Сам полковник Лунн приветлив, но строг, любезен с журналистами, но преисполнен важности и

ответственности своей задачи. В его распоряжении сто пятьдесят офицеров из пятнадцати европейских армий, — когда и кому с наполеоновских времен доводилось руководить таким военным созвездием!

Полковник разъясняет, он разделил всю франко-испанскую границу на пять участков: Перпиньян, Фуа, Сен-Годен, Тарб и По. Начальниками участков назначил шведского, норвежского, финского, латвийского и голландского офицеров. Им подчинены остальные военные контролеры, которые в свою очередь наблюдают за пограничной стражей. Работа очень трудная и, конечно, не целиком удастся. Без сомнения, считает полковник, отдельные лица, добровольцы, могут ночью перебраться — и с оружием — в Испанию. Но переход больших групп, переправа транспортов оружия — нет, полковник считает это сейчас невозможным.

Верны ли заявления многих южнофранцузских газет, что в западной части, против мятежного лагеря, граница охраняется и контролируется менее строго, а в восточной, правительственной, части более строго?

Полковник отрицает такую возможность. Конечно, трудно уравнивать и даже уточнить квалификацию и работоспособность господ офицеров разных стран, находящихся на разных пунктах контроля. Но в основном — нет, полковник ручается, что контроль проводится точно в соответствии с позицией Лондонского комитета... Видимо, соблюдая лондонский же стиль, господин Лунн именует фашистских мятежников «испанскими националистами».

25 мая

С вокзала в Байонне, оставив чемодан на хранение, я пешком пошел через мост в центральную часть города. Нужно было отыскать представительство басков. Расспрашивал прохожих — они не знали. Наконец один, равнодушно любезный, сказал: «Идите на авеню Маршала Фоша, там у большого дома стоит большая очередь. Это оно и есть». На авеню Фоша у магазинного помещения выстроились в очередь женщины в черном. Они казались беднее и простонароднее француженок-прохожих. Они подходили к двум окошкам: к одному — за беженским пособием, к другому — за справками о мужьях и сыновьях. Представитель басков в Байонне, господин Оруэсабала, оказался симпатичным и беспомощным молодым человеком. Он никак не мог помочь мне перебраться в Бильбао, от него ничего не зависело. В самолет попасть совсем нетрудно, сказал он, здесь есть общество «Пиренейский воздух», курсируют регулярно самолеты между Байонной и Бильбао. Больше мне, собственно, ничего и не нужно было. Оруэсабала вызвался показать мне дорогу к конторе «Пиренейского воздуха». Я стал протестовать против такой несоразмерной любезности баскского представителя, но он настоял на своем. По всему видно было, что он просто рад был поводу уйти и отдышаться от беженских слез, от напряжения, от тяжелой, на столетия рассчитанной мраморной вывески с золотыми буквами: «Делегация автономного правительства Страны Басков».

Больше ста лет, со времени наполеоновских войн, городок спал, забытый миром. Недавно его всколыхнуло, вытолкнуло в центр мировых дрязг: сначала дело Стависского — ведь именно здесь, при байоннском ломбарде, разыгралась последняя и самая грандиозная афера знаменитого жулика — и сейчас гражданская война в Испании со всеми ее зарубежными отражениями.

Байонна — основной перекресток, международный наблюдательный пункт. Здесь сидят журналисты, англичане и американцы, которые вот уже десять месяцев шлют отсюда ежедневные телеграммы о ходе военных действий. Корреспонденты ни разу не переезжали границу — подлинными героями своей безопасности!

Кроме представителя басков есть еще испанский правительственный консул. Но эти два бюро — только крохотные островки. Байонна захлестнута испанскими фашистами. Они прямо-таки определяют стиль города — заполняют все столики кафе, галдят на бульварах, чванливые, вырожденческие морды, спесивые бачки, толстые перстни на пальцах. Они толпятся у киосков, расхватывают свежую сан-себастьянскую газету и тут же, громко, не стесняясь, ее декламируют. Газета передает сногшибательные новости, рубит, колет, режет республиканцев... Свежий обзор германской и итальянской печати, берлинская и лиссабонская спортивная хроника. Очередная пьяная болтовня генерала Кейпо де Льяно, но она уже надоела, ее помещают на последней странице. На первой же странице, на почетном месте газеты, заявление Троцкого о том, что дни Коминтерна и Советского Союза сочтены. В фашистском газетном оркестре визгливый фагот Троцкого исполняет все более ответственные, сольные арии.

Не случайно чувствуют себя испанские мятежники в Байонне как дома. Город во власти французских фашистских лиг. Формально они распущены, фактически всемогущи здесь. Весь юго-запад, район курортов, туризма, иностранцев и паразитов вокруг них, густо оплетен фашистской сетью. В руках фашистов здесь руководящие, административные посты. В небольшом городке целых три фашистских газеты. Впрочем, четвертая газета, левая, по тиражу превышает первые три. Ее охотно читают байонские рабочие, рыбаки, служащие. Тон газеты оппозиционный, атакующий, осуждающий местные порядки, гневный. И в самом деле, здесь, в Байонне, в Биаррице, никак нельзя поверить, что во Франции правительство, опирающееся на партии Народного фронта. Сюда его влияние не доходит.

...»Пиренейский воздух» оказался крохотным магазинчиком, зажатым между ателье дамских шляп и табачной лавочкой. За прилавком виднелись весы, сидела не очень молодая красивая дама. Она выразила сожаление: очередной самолет только час назад отошел на Бильбао, следующий будет только завтра утром. Это в самом деле было очень огорчительно. Но делать нечего, я купил себе место на завтрашний самолет. Билет был большой, красивый, целая художественно отпечатанная грамота с фирмой общества «Пиренейский воздух». Мадам увела меня за прилавок и взвесила на весах. Количество килограммов отметила в билете и у себя. Кроме того, я обещал завтра утром дать взвесить свой чемодан. Все, что будет свыше десяти, надо оплатить багажным сбором. «Бомбы весят немного, мадам», — пошутил я. Она вежливо улыбнулась. «Это меня не касается. За этим смотрит Комитет по невмешательству. Его представитель проверит ваш багаж». Я подписал также, на отдельной бумаге, гарантию, что в случае чего-нибудь ни моя вдова, ни другие родственники или душеприказчики не будут предъявлять к обществу «Пиренейский воздух» никаких материальных претензий.

Очень обидно потерять сутки, но в конце концов этот вечер, прохладный, тихий, в одиночестве, успокоил меня. На террасе пустого кафе маленькая компания ремесленников долго играла в домино, потом они разошлись. Стало совсем тихо и

безлюдно. Я пошел в гостиницу спать. Завтра я буду далеко от этой тишины, внутри пламенеющего, овеянного дымом и грохотом оборонного пояса Бильбао.

26 мая

В девять утра, как условлено, я стоял у двери «Пиренейского воздуха». Магазины были закрыты, полутонный «пикап» оставлен без шофера. Тревожась и сердясь, я прождал до одиннадцати. Наконец, пришла мадам и еще два человека с ней, чем-то озабоченные. Они стали шептаться в углу помещения. Мадам сказала мне, что самолет из Бильбао еще не вернулся, придется еще подождать.

— А разве этот самолет у вас единственный?

— Нет, не единственный, но остальные все в ремонте.

— Все в ремонте?

— Да, все в ремонте.

Появился еще один господин, весь в черном, с черной шляпой, с перчатками и тростью в руках, в штіблетях на пуговицах и с белыми гетрами, с седыми закрученными усами и розеткой Почетного легиона. Он тоже о чем-то пошептался с мадам и величественно удалился, посмотрев на меня как на неодушевленный предмет. Точно такого я видел в Астрахани, в городском театре, в мелодраме из французской жизни.

— Когда же я полечу, мадам?

— Трудно сказать. Наведайтесь под вечер или завтра утром.

— Почему так поздно? Ведь самолет может вернуться каждую минуту, не так ли?

Она замаялась:

— Вряд ли он вернется так скоро. Погода испортилась...

Делать нечего. Я пошел завтракать. На пороге ресторанчика «Попугай» купил свежую, с поезда, парижскую газету, и тут все разъяснилось. Телеграммы сообщали, что вчера, во столько-то часов, гражданский самолет линии «Пиренейский воздух» был в полете между Бильбао и Францией атакован фашистскими истребителями и сбит, причем пилот Гали и пассажиры тяжело ранены.

Позавтракав, я тотчас вернулся в контору линии. Она была заперта. Я ждал, пока не вернулась мадам. Спросил ее, каковы перспективы.

— Я, право, не знаю, мсье... Погода сегодня вряд ли улучшится. Имейте в виду: наша компания возвращает пассажиру стоимость билета, если полет не мог состояться в течение двадцати четырех часов.

— Мадам, я не беспокоюсь о деньгах. Вы видели — я подписал бумагу и за себя и за свою вдову. «Пиренейский воздух» еще никогда не имел более скромного пассажира. Мадам, будемте говорить как мужчина с женщиной. Бедняга Гали, надеюсь, выживет, но полетит не так скоро. Какие у вас виды на другого пилота и на другой самолет?

Она сразу потерялась и даже всплакнула. Она, право, была очень мила в эту минуту. Я хотел уже погладить ее по плечу или по голове, — когда женщина в слезах, кто бы она ни была, она воспринимает это как должное.

— Ах, мсье, мне так трудно! Мой муж в Париже, никак не может разделаться с формальностями, а тут сейчас все так ужасно! Сыщики, шпионы, репортеры, провокаторы, «Боевые кресты» — все вьется кругом. Я теряю голову!

Она объяснила, что воздушный флот, которым располагает компания «Пиренейский

воздух», никак нельзя назвать могучим. Кроме хорошей, мощной машины, которую вчера подбили фашисты, есть еще только старый «Локхид», одномоторный, небольшой. Он нес вспомогательную службу — от Парижа до Байонны. На нем летает пилот Лапорт. И это все. Дирекция, то есть муж, закупает новый английский «эйр-спид», не подожду ли я, пока его перегонят сюда. Это чудесный самолет.

— Да, мадам, я знаю, «эйр-спид» отличный самолет. — Я вздохнул.

— Вы хотите сказать, что слишком долго дожидаться?

— Вы читаете мои мысли, мадам!

— Что же делать?

— А «локхид» с пилотом Лапортом?

— Это очень рискованно. Ведь лететь надо морем, берег почти до самого Бильбао занят мятежниками. Это старая машина, да и Лапорт, не знаю, согласится ли. Бедный Гали, он так храбро летал по этой линии! Фашисты несколько раз предупреждали, что подстрелят его. Негодяи, они добились своего!

— Не переговорить ли мне с вашим Лапортом?

— О нет! Он вас не знает, он вам не доверится. Я поговорю сама. Может быть, он сделает хотя бы один рейс, пока не прибудет «эйр-спид». Конечно, я ему предложу другие условия — те же, на которых летал Гали. Он должен согласиться. Компания в трудном положении, он обязан выручить, заменить раненого товарища. Сверх условий Гали его можно еще премировать. Лишь бы он полетел. Конечно, это зависит от храбрости. Подстрелив Гали, они предупреждают всех прочих. Но мы еще посмотрим! В отсутствие мужа я здесь директор, Лапорт обязан меня слушать!

Сейчас она была особенно мила. Не больше двадцати пяти лет на вид. Ей и не к лицу быть моложе.

— Бедные баски, у меня накопилось столько почты! Медикаменты, марля для госпиталей — все лежит, дожидается отправки, очереди. Раненые в Бильбао ждут. Я заставлю Лапорта лететь!

— Мадам, это прекрасно, все то, что вы говорите.

— Приходите вечером, к семи часам. Если будут новости до этого, я пошлю шофера за вами в отель.

— Мадам, вы настоящая француженка!

— О...

Я хотел добавить еще многое, но в дверях показался благородный отец из астраханского городского театра. Теперь все. Его внимание было обращено именно в мою сторону. Он простер обе руки, одну — с тростью и перчатками, другую — с черной шляпой.

— Мсье, я уже искал вас в отеле! Инстинкт и профессиональный опыт направили меня сюда. Поздравляю вас со счастливым спасением!

Он был безупречен, минус перхоть на воротнике черного жакета.

— Мсье имеет в виду меня?

— Да, да, мсье, конечно, вас, именно вас! И кого же другого? Как представитель агентства Гавас, я рад случаю поздравить уважаемого коллегу с избавлением от огромной опасности и, быть может, смерти. Поистине рука судьбы заставила вас опоздать вчера на один час к отлету аэроплана, ныне сбитого при столь трагических обстоятельствах. Я думаю, что

небольшое интервью о впечатлениях, пережитых вами...

— Я ничего не переживал. Я никуда не улетал. Вы ошиблись, мсье. У меня нет никаких впечатлений.

— Мсье, вы слишком скромны. Это делает вам честь, но не избавляет меня, старого байоннского журналиста, от приятной необходимости запечатлеть на бумаге мысли и чувства, возникшие у иноземного коллеги в драматический момент, когда он...

— Простите, мсье, но я очень спешу. До свидания, мадам, мсье!

Бегство вышло, может быть, даже слишком поспешным. Но оно пошло на пользу всем. И «Пиренейскому воздуху», и мне, и самому благородному отцу. Воображаю, какой нагоняй получил бы старик от своего начальства, если передал бы по телеграфу мои мысли и чувства по поводу нападения фашистов на французский гражданский самолет!

27 мая

Мадам оказалась настоящим молодцом. Она нашла механиков и рабочих, которые просмотрели «локхид» и подвинтили в нем гайки, она разыскала Лапорта и убедила его сделать один рейс — в Бильбао и обратно. Не знаю, чем она его околдовала, может быть, пятью тысячами франков премии. Впрочем, Лапорт сказал, что он летит не ради денег — никакими деньгами не оплатишь опасность, которой он подвергается. Он полетит потому, что он француз и ему ничего не страшно. Поскольку фашисты подбили его товарища по работе, он принципиально и в интересах фирмы «Пиренейский воздух» заменит его на посту. В самолете полечу я и марля. Двадцать кип марли по восемь кило, да я — шестьдесят пять кило, да ящик с медикаментами — двадцать кило, да мой чемодан — двенадцать кило — итого двести пятьдесят семь кило.

Мадам сказала, заедет за мной лично, без шофера, в три часа утра в отель. Оттуда мы заедем за финляндским офицером, представителем Комитета по невмешательству, оттуда на аэродром. Вылетать надо не позже пяти часов утра, пока спит начальник аэродрома. Не дай бог, если он узнает об отлете хотя бы за полчаса!

— Разве мы делаем что-нибудь противозаконное? Разве «Пиренейский воздух» нелегальная организация?

— О мсье! Не в этом дело! Начальник аэродрома — фашист, член лиги «Боевых крестов». Формально он не может нам препятствовать, потому что наша компания всюду зарегистрирована и имеет патент. Но он вредит и портит как может. Все рабочие, аэродрома на нашей стороне, они сочувствуют республиканской Испании и помогают нам. Они точно установили, что Гали погубил начальник аэродрома. Он живет при аэродроме, и каждый раз, когда самолет нашей линии стартовал с курсом на Бильбао, служанка начальника бегала в аэродромный буфет, оттуда из кабинки звонила в Биарриц, на виллу «Фрегат» — местожительство испанского графа де Лос Андес. Там есть радиопередатчик, фашисты вызывали истребителей навстречу нашей машине. Несколько раз удавалось с ними разминуться, а вот третьего дня сигнализация удалась. Мерзавец, предатель, убийца французских летчиков — и это называется француз!.. На аэродроме находится так называемый «Баскский аэроклуб», по сути дела, военная летная школа испанских фашистов. Но я думаю, на этот раз вы проскочите. Этот прохвост думает, что мы напуганы и не станем пока летать на Бильбао. Ремонт «Локхида» мы объяснили его отлетом в Париж. При старте будут присутствовать только двое рабочих. Вы полетите без

бортмеханика. Конечно, он может проснуться от шума мотора, но тогда уже будет поздно. Он не рискнет посылать служанку среди ночи звонить по телефону, да и буфет закрыт.

— Наивный вопрос: разве он не может позвонить просто из своей квартиры?

— У него только добавочный телефон. Телефонистка за Народный фронт, а ночью по коммутатору соединяет дежурный механик. Мы ведь все-таки в провинции, мсье.

— Хитро. Ну, еще один, последний вопрос. Представитель Комитета по невмешательству — он будет знать?

— Он уже знает. Я предупредила, что мы ночью заедем за ним. Нельзя же к нему ломиться без предупреждения. Но... нет... я не думаю! Он ведь нейтрален. Он ведь офицер финляндской армии.

— Финляндской?

— Да, финляндской.

Я вздохнул еле слышно.

— Вам все-таки кажется, что...

— Вы читаете мои мысли, мадам!

Остаток дня провел как праздный турист. Осмотрел музей французских басков и музей художника Бонна, местного уроженца. Молодец художник! Богатый человек, он построил прекрасное здание, накупил картин лучших мастеров, подарил все это своим землякам. Среди картин лучших мастеров он повесил и свои собственные, очень неважные. Но кто станет обижаться на такую мелочь! Посетители подолгу стоят у полотен лучших мастеров, но поглядывают благосклонно и на полотна Бонна.

На лугу, на окраине, целым городком палаток и фургонов расположился знаменитый цирк Медрано. Прекрасный укротитель зверей, чех, по фамилии Трубка, всемирно известные, очаровательные клоуны Фрателлини, чемпион мира бегун Ладумег. Оглушительная реклама, плакаты по всей Байонне и всему Биаррицу. Цирк дает на оба города только два спектакля, в субботу и в воскресенье. И все-таки зал наполовину пуст. Молодой человек во фраке вывел застенчивого Ладумега и разъяснил его заслуги. Публика ответила жидкими хлопками. Бегун сбросил костюм, остался в трусиках и полотняных туфлях, он показал свою утреннюю физическую зарядку. Зрители наблюдали упражнения равнодушно; у нас это вызвало бы огромный интерес, споры, критику, энтузиазм... Затем Ладумег взобрался на сложное сооружение внутри вертящегося барабана-колеса. Конферансье объяснил, с какой скоростью движется барабан. Эта скорость равна рекордной скорости, которая дала Ладумегу звание чемпиона мира, — таким образом, уважаемая публика будет, не выходя из цирка, присутствовать на стадионе при выигрыше мирового первенства по бегу. Колесо завертелось, человек внутри быстро и мерно задвигался. Полминуты прошло, проступил пот и сразу, в лучах прожекторов, отлакировал каждое закругление, каждую мышцу прекрасного, элегантно худого, мужественного тела. Быстро и все быстрее бежали ноги, длинные, пластически сухие, совершенной формы ноги, чуть подрагивали плечи, внутри дурацкого железного электрического барабана действовала одухотворенная, тончайше выверенная машина — человек. Божество спорта во всем своем блеске и обаянии, плененное и посаженное в клетку. Белка в колесе! Ладумегу сейчас негде больше выступать, его спортивная работа никем не поддерживается, никем не оплачивается, не имеет во Франции спроса. Он может жить, только выступая в цирке, только бегая в колесе.

Ладумег, тебе некуда бежать. Беги к нам!

Колесо остановилось, музыка заиграла вальс; под легкие аплодисменты, на ходу кивая публике головой, чемпион побегал за кулисы. Ему подали мохнатое полотенце. Он, видимо, устал.

На секретность отлета рассчитывать не приходится — кругом все кишит фашистами, шпионами, о моем пребывании знает весь городок, одно это черное пугало из агентства Гавас взбаламутило всех и вся. Офицер финляндской армии... Дежурный на коммутаторе... Баскский аэроклуб... Буфет... Служанка... Никому здесь верить нельзя, кроме мадам и самого Лапорта.

Но если никому не верить, не надо лететь. А я хочу лететь — и полечу. Надо быть нахалом, во всяком случае на войне. Еще ни в одной войне от сотворения мира не побеждали тихие, задушевные, уступчивые люди. Не было такого случая. Конечно, я полечу, мне надо быть завтра в Бильбао, и я буду завтра в Бильбао или нигде не буду.

28 мая

Мадам приехала ровно в три часа утра. Я поставил чемодан в ее маленький «рено». Мы подъехали затем к небольшой красивой вилле в глубине сада. По гудку вышел финляндский офицер, в пиджачке, в пенсне, похожий на бухгалтера. В автомобиле мы вежливо разговаривали о Финляндии, об озерах, о водопадах. Водопад Иматра в Финляндии. Водопад Кивач в России. Водопад Ниагара в Америке. Водопад Виктория, кажется, в Южной Африке. Да, да, в Африке, в Экваториальной.

Аэродром Парм, на полпути между Байонной и Биаррицем. Темные ангары, трава, роса, несколько теней вокруг самолета. Вот летчик Лапорт, без шляпы, молодой человек, молчит; он, кажется, в плохом настроении.

Представитель комитета осмотрел самолет и отметил в акте, что машина гражданская. Проверил бумаги, пилота и мои. Посветил фонариком на чемодан.

— Простите, но формально я обязан...

— Пожалуйста, пожалуйста, будьте любезны...

— Мерси. Я вижу. Я и не сомневался... Можно закрыть. Никогда не думал, что буду исполнять обязанности таможенника... Очень милый чемодан. Белый.

— Недорогой. Имитация свиной кожи. Такой же из свиной кожи стоит в четыре раза дороже, но по существу разницы никакой.

Сел в самолет. Начали грузить марлю. Большие кипы, без всякой упаковки, уже слегка запыленные. Их привезли слишком много, три кипы лишние. Жалко оставлять, в Бильбао, говорят, совсем нет перевязочного материала для раненых. Я сказал — выгрузить чемодан и взять две кипы.

— Оставляю у вас на хранение, мадам. На обратном пути возьму.

— Он будет в полной сохранности. Вы очень милы. Я должна буду вам вернуть за багаж, который вы оплатили.

— Это пустяки!

Завели мотор. Лапорт сел в пилотское кресло и долго смотрел на приборы, как если бы он их видел в первый раз. Я хотел помахать рукой мадам, но провожающие не были видны в темноте.

Пилот протянул левую руку вверх и нажал костяную кнопку. В ящичке забурчало, красная

лампочка на щитке засветилась. Он попробовал еще раз. Опять то же самое. Еще раз. Еще. Винт работал прекрасно. Уже можно было стартовать. Лапорт, однако, упорно и нескончаемо долго испытывал добавочную батарею. Он качал головой и все нажимал на костяную кнопку. Батарея не работала.

— Зачем это вам нужно?

Он обернулся, хмуро посмотрел и ответил после паузы:

— Чтобы менять шаг винта.

— Ладно, обойдемся.

— Это дает добавочную скорость.

— Я знаю, но нам лететь самое большее полтора часа, разница небольшая.

— Это особенный полет.

— Да, я знаю. Особенный — и потому давайте стартовать. К дьяволу нам нужно менять шаг винта! Ну, действуйте! Уже рассветает.

Он ничего не ответил и стал вылезать из самолета. Я остался сидеть демонстративно и безнадежно. Было совершенно понятно, что эта скотина не полетит. Это было ясно с того момента, когда он сел за штурвал. Какая скотина! Какой трус! Какой жалкий предлог он выдумал! Ну и скотина!

Кто-то подошел к дверце и предложил мне выйти.

— Самолет не пойдет. Батарея разряжена. Чтобы зарядить ее, нужно двенадцать часов.

— Но это ерунда, можно отлично долететь и не меняя шага винта.

Все были согласны с этим, но никто не брался уговаривать пилота. Все-таки это особенный полет, пусть Лапорт сам решает. А он уже решил. Он сказал поставить аккумулятор в зарядку. Он готов полететь в семь часов вечера. А как же конспирация, начальник аэродрома, шпионы, истребители? Мадам спросила меня, не лучше ли будет отложить до завтрашнего утра. Она совсем растерялась.

— Нет. В семь так в семь. В любой час, когда Лапорт полетит, я лечу с ним. Днем так днем, в семь так в семь, в девять так в девять. Но я не верю, что он полетит. Он трус, ваш Лапорт. Хоть и француз, а трусливая скотина.

— Бывают и французы трусы.

— Видимо, бывают, мадам.

Слонялся весь день по городу, съездил на трамвае в Биарриц, бродил по пустому пляжу, купил у какого-то жулика на улице бинокль «по случаю» вместо тысячи франков за четырехста. Бинокль оказался дерьмо, он не стоит и полтора ста. Пришли парижские газеты — правительство не предприняло ничего в связи с разбойничьим нападением на французский гражданский, почтовый самолет. Более того, правые газеты заявляют, что «Пиренейский воздух» — подозрительная организация, что правительство должно ее обследовать и закрыть.

Оказывается, испанские фашисты в Байонне несколько раз приходили к Гали с предложением: сделать по пути в Бильбао посадку, якобы вынужденную, на сансебастьянском аэродроме. Они обещали изъять из самолета только пассажиров и почту, а пилота отпустить дальше. За это они предлагали ему двести двадцать пять тысяч франков — из них сто тысяч тут же, в Байонне, а остальные на аэродроме в Сан-Себастьяне.

Параллельно французской воздушной линии через территорию Франции же проходит германская линия Штутгарт — Бургос, формально именуемая «Штутгарт — Лиссабон». Каждый день германские фашистские самолеты, прилетая из Штутгарта, делают посадку в Марселе, затем летят через весь пограничный юг Франции, проходят над Биаррицем и Эндейей, спокойно садятся в Сан-Себастьяне или прямо в Бургосе. Никто не чинит им никаких препятствий или задержек. А если кто-нибудь и попробовал бы, германские фашисты добились бы охраны своих интересов большей, чем пользуется «Пиренейский воздух». Терпеть столько не стали бы.

В шесть часов я самосильно приехал на аэродром. Там были все в сборе — и мадам, и финляндский офицер, и корреспондент агентства Гавас, и сам начальник аэродрома, и еще куча народу. Не было только одного — самого Лапорта. Я стоял как последний дурак у самолета, у своего идиотского белого чемодана; было совершенно очевидно, что Лапорт не появится, а я все-таки стоял. Кто-то позвонил и сообщил, что Лапорт поехал в Сен-Жан-де-Люз встречать раненого Гали, которого доставил английский миноносец. В восемь мы разъехались. Лапорт после свидания с Гали окончательно отказался лететь в Бильбао. «Не будь самоубийцей, — сказал ему Гали. — Ты летишь безоружный и беззащитный. Твое собственное правительство тебя не обороняет и даже не протестует против твоего убийства. Платят, правда, хорошо, но башка стоит дороже. Ради чего же ее терять?»

Этот разговор мне передала мадам, я ее видел в десять часов. В конце концов, они по-своему тоже правы — и Гали, и эта скотина Лапорт.

— У меня нет больше пилотов, — сказала мадам. — Линия прерывает свою работу. Они добились, чего хотели.

— Кажется, я найду вам пилота, — сказал я.

— Он француз?

— Да, француз. Бывают французы — храбрые люди, мадам.

Мы распрощались с ней, по-видимому в последний раз. Я не улетел в Бильбао. Я вряд ли доберусь туда, хотя попробую еще и еще. Пятнадцатого июня в Валенсии открывается Международный конгресс писателей, надо быть там за несколько дней, где же тут успеть к баскам! А Бильбао окружено уже почти со всех сторон. Людям там тяжело. Меня там нет. Я не попал в Бильбао. Я не нахал. Я слишком много о себе воображаю.

29 мая

Байонна сейчас главный центр помощи северным районам территории Франко.

Из Байонны направляется мощный поток продовольствия, людей, оружия. Конечно, еще более удобно делать это через Португалию. Более удобно, но дольше. А война требует спешки. Есть предметы, которые слишком долго возить в обход.

В Байонне — база. В Биаррице, Эндейе, Беобии — передаточные пункты. Кроме того, есть «Начо Энеа». Магические слова!

Они всплывают здесь во всей приграничной полосе, как только разговор заходит о контроле границы, о добровольцах, о снабжении Франко оружием, обо всем, что касается фашистско-испанской территории.

— Этот человек связан с «Начо Энеа»...

— Стоит только обратиться в «Начо Энеа»...

— Эти сведения — из «Начо Энеа»...

— Остерегайтесь, «Начо Энеа» обратило на вас внимание!..

Никто не поверит, что не знаешь о «Начо Энеа» и где оно находится. Конечно, в Сен-Жан-де-Люз!

Я поехал искать «Начо Энеа».

Сен-Жан — маленький, накаленный солнцем городок. Одна сторона его — простонародная, рыбацкая. В бухте сотни баркасов, пахнет смолой, пенькой, рыбой. Из лодок пересыпают в мокрые корзины серебристый тяжелый улов. Здесь важнейшие сардинные промыслы Франции. С другого края, у пляжа, несколько кварталов эlegantных аристократических вилл. На рейде тихо колышутся серые громады военных кораблей — британских, французских, американских.

На зеркальных окнах справочного киоска заманчивые надписи: «Посетите Испанию, край чудесной природы и людей, отдохните на ее летних и зимних курортах». Конечно, надписи сделаны давно. Ну а сейчас барышня в киоске спокойно разъясняет: сейчас проехать в Сан-Себастьян нельзя. Нет сезона. Ввиду войны. А на три дня?

Нет, и на три дня нельзя. Война, невмешательство, контроль. Туризм временно прекращен. Ведь мсье турист? Конечно, теперь ведь все туристы...

Обмен улыбками.

— Мсье турист из...

— Из Голландии, конечно.

Барышня смеется.

— Почему обязательно из Голландии? Есть и такие, которые прямо из Германии. Но вы ведь, наверно, знаете, куда вам надо обращаться.

— Я забыл... Какие-то непонятные два слова.

Барышня кокетливо строга:

— Если вы забыли, я вам напоминать не стану. Надо было записать. Это направо, за «Баскским баром», и потом вверх по аллее, вдоль парка.

На площади, чтобы не заблудиться, спрашиваю у полицейского «Начо Энеа».

— Вверх, за «Баскским баром», по аллее.

Велосипедист, нянька с колясочкой и бровастая дама любезно направляют туда же. Испанский священник на тот же вопрос коротко отвечает:

— Идите за мной. Я направляюсь туда.

У самого входа, несмотря на знойный полуденный час, оживление, стоят пять машин; из одной люди выходят, в другую усаживаются. На воротах лаконическая надпись: «Начо Энеа». По-баскски это значит: «У себя». За каменной стеной, в глубине сада, спрятан большой дом, стрелки и надписи ведут к нему. В доме обитают не баски, а испанские фашисты. Но они здесь у себя.

Внутри дома настоящая посольская или консульская канцелярия. В приемной куча ожидающих, на стенах фашистские, монархические плакаты и флаги, кружки для пожертвований на мятежную армию и «Испанскую фалангу», проспекты сан-себастьянских, севильских, бургосских гостиниц. Над камином пришпилена инструкция по переходу границы. Нужно: 1) иметь выездную или транзитную французскую визу, 2) получить разрешение военных властей, 3) дать просмотреть багаж на таможне, 4) пройти пешком мост...

Секретарь с кучей бумаг шныряет туда и обратно. С некоторыми посетителями он объясняется сам, других пропускает за плотно закрытую дверь, к высшему начальству... С меня хватит и секретаря.

— Что вам угодно?

— На несколько дней в Сан-Себастьян. Из Голландии.

Секретарь интересуется паспортом, но я предпочел забыть его в гостинице.

— А как с выездной французской визой? Есть она у вас?

— Пока нет.

Секретарь размышляет.

— Тогда обратитесь к господину Беренвилю. Вы найдете его в «Баскском баре», в конце аллеи, внизу. Возьмите с собой анкетный листок. Верните его заполненным.

Анкета содержит обычные в таких случаях вопросы и адресована командиру 6-й дивизии в Бургосе.

Покидаю «Начо Энеа» с легким чувством разочарования. Никакой таинственности! Просто-напросто посольство фашистских мятежников на французской территории.

«Баскский бар» оказывается шикарным французским кабаком-дансингом. Такие учреждения обычно открыты только по ночам. Но нет, здесь и сейчас есть публика. За двумя столами оживленно пьют пиво и болтают на берлинском диалекте здоровенные молодые люди. Типичная стрижка рейхсвера: кругом головы под машинку, на макушке — намасленный пробор. Явные туристы. Бесспорно из Голландии...

Официант у стойки понимает, что я пришел сюда в час дня не танцевать.

— Вам, наверно, нужно мсье Беренвиля? Он в «Начо Энеа», вернется с минуты на минуту. Эти господа его тоже ждут.

— Нет, я уж зайду в другой раз.

Господин Беренвиль — лидер местных фашистов и руководитель переправы к Франко. «Баскский бар» — его приемная. Это все в порядке вещей. Гораздо более трогательно другое. В трехстах шагах от «Начо Энеа», в другой вилле, проживает безвыездно с начала фашистского мятежа господин Жан Эрбетт, числящийся до сих пор послом Франции при республиканском испанском правительстве.

...Отсюда недалеко до Беобии. Вот Беобия. Река, пограничный, или, как его здесь называют, интернациональный, мост. У моста — французская таможня, жандармы, полиция, контрольно-пропускная будка. Изредка подъезжают автомобили, из них выходят богатого вида господа, на секунду заглядывают в будку и сейчас же идут по мосту на испанскую сторону.

Пограничники рассказывают:

— Третьего дня сюда опять перебежал унтер-офицер из фашистской армии. Ну и стрельбу же открыли они по нему! Прямо чудо, что никого из нас не убили!

— Неужели так и стреляли по французской стороне?

— А как же! Из пулеметов. Посмотрите сами.

В самом деле, стены домов, обращенные к границе, изрыты пулями. Несколько пуль попали даже во французский пограничный знак, сбили с него эмаль.

— И вы ничем не ответили?

— У нас не было приказа.

— В вас стреляют из пулеметов через границу — и вы ничем на это не реагируете?

Офицер-пограничник грустно разводит руками:

— Поверьте, если бы нам дали возможность, мы показали бы, что можем охранять честь французской границы.

— А органы международного контроля?

— О, их это трогает меньше всего! Их задача — обеспечить невмешательство туда. Насчет вмешательства сюда — они правы, когда говорят, что Франция могла бы сама обеспечить себя от этого.

...В Эндейе главный перевалочный пункт между Францией и лагерем Франко. На пограничном мосту движение как на бульваре. В будке должен быть контролер, голландский офицер. Должен быть, но его нет. Пограничники объясняют: он обедает.

— Он обедает с утра до поздней ночи. Вы найдете его в ресторанчике около вокзала. До установления международного контроля мы не знали, сколько способен выпить в день один голландец. Чем дольше живешь, тем больше узнаешь интересных вещей.

На другом конце моста неподвижно стоят жандармы генерала Франко. Все те же черные лакированные королевские треуголки, те же лимонного цвета ремни. Вдруг они вытягиваются, берут на караул. Через мост на нашу сторону катит щегольской автомобиль. Рослый мужчина развалился на заднем сиденье, снисходительно машет рукой французской страже и, не останавливаясь, удаляется по шоссе. Кто это? Майор Тронкосо, военный комендант мятежного Ируна.

— И часто он сюда приезжает?

— По несколько раз в день. Он пользуется правом беспрепятственного проезда туда и обратно. Ведь у него масса дел тут, во Франции.

На станции пробую разыскать представителя международного контроля. Это очень легко — все знают, где обедает голландец. Вот и он: салфетка узлом обвязана вокруг шеи, чтобы не упасть, на столе батарея бутылок. Стараюсь вступить в разговор, но, увы, бравый представитель голландской армии не вяжет лыка. Где же тут контроль, хоть бы из-за стола суметь встать!

В Эндейе тоже вчера составлен протокол об обстреле границы неизвестными лицами с испанской территории.

«Неизвестный» обрушивает с борта военных самолетов тонны взрывчатых веществ на французские города. «Неизвестный» обдирает пулеметным огнем французские пограничные знаки.

«Неизвестный» топит британские торговые пароходы. «Неизвестный» вмешивается всей силой своего могущественного оружия во внутренние дела Испании, в борьбу ее народа с фашистскими мятежниками. Не слишком ли далеко зашел этот уже всякому ребенку известный «неизвестный»? Не нарушены ли им все границы терпения? Не слишком ли уж тесно стало в мире от его безнаказанных, все более яростных и дерзких бросков и прыжков?

...Поздно вечером приехал в Тулузу. Тотчас же позвонил в Париж, к знакомым, с просьбой разыскать летчика Абея Гидеза, если он в Париже. Сказать ему только одно: что я прошу его срочно приехать в Тулузу, чтобы поиграть в теннис и вообще отдохнуть.

30 мая

Совершенно пустой день. Пыль, жара, духота. Здесь нет даже цирка Медрано. «Депеш» помещает длинные столбцы телеграмм об обороне Бильбао. Главная надежда атакуемых басков — это «железный пояс» укреплений, который они воздвигли вокруг своей столицы. Уничтожение Герники не запугало, а ожесточило их. Они хотят держаться и удержаться. «Депеш» — единственная здесь и во всей Франции буржуазная газета, которая сочувственно и правдиво пишет о борьбе испанского народа.

Вечером опять говорил с Парижем. Ура, Гидеза нашли! Он сказал, что готов выехать сегодня в Тулузу, но, поскольку речь идет об игре в теннис и отдыхе на лоне природы, он должен перерегистрировать свое пилотское свидетельство, срок которого истек. На это уйдет два дня, третьего он будет в Тулузе. Ну что за милый парень!

31 мая

Еще в Байонне мадам называла имя некоего Янгваса — испанца, «дикого» пилота, воздушного извозчика-одиночки, некооперированного кустаря. У него есть патент, и он летает там, где другие не берутся. Возит не по счетчику, цена по соглашению. Искал Янгваса в Тулузе, — нет, он уже две недели как не появлялся. В отеле, где он всегда останавливается, обещали сообщить тотчас же, если он приедет. Для верности я перебрался в этот же отель.

Еще один бессмысленный, пустой день. Терпение, выдержка! Хорошо, выдержка, но если она пропадет зря? До конгресса в Валенсии осталось пятнадцать дней. Можно ли рисковать забираться на это время в Бильбао, — как и когда выберешься?

А. Зорич (Василий Тимофеевич Локоть)

ЗОРИЧ А. [1900—] — псевдоним современного советского журналиста. Начал печататься с 1919 в украинских провинциальных газетах, последнее время сотрудничает в ряде центральных изданий. Преобладающая тема фельетонов и очерков З. — провинциальная косность и деревенская темнота, унаследованные революцией от царской России. Преодоление их дается низовым работникам с огромным трудом: на основе темноты и бескультурья пышно расцветают головопьяство и вредительство присосавшихся к власти людей, показанных З. с большой убедительностью и хорошим знанием "типажа". Последняя группа фельетонов З., отличающаяся резко выраженным публицистическим заданием, посвящена связанным с деревней незаметным героям и энтузиастам Октября. Хорошо зная деревенский быт, З. схематическую фельетонную форму насыщает

всевозможными бытовыми аксессуарами, местным лексическим материалом. З. выступает одним из убежденных сторонников необходимости так называемых "красок" в фельетоне — литературных отступлений и художественного вымысла (см. его теоретическую статью в "Журналисте", 1926, кн. XI). Изобилующие художественными деталями, облеченные в оправу новеллы, сказа и т. д. фельетоны З. обычно легко отделяются от газетного листа и близки к жанрам художественной лит-ры.

В. Л. Сосновский. А. ЗОРИЧ (Василий Тимофеевич Локоть)
(Глава из "Записок")

Школьники собирали макулатуру. Как во всем при советской власти, между классами было объявлено соцсоревнование - кто натащит больше бумаги - не важно, какой. А с детским энтузиазмом - что сравнишь? Что только не несли! От каких-то ветхих книг и журналов, ведомостей до... Полной медицинской энциклопедии - клянусь! Были там и классики русской и зарубежной литературы, и справочники, и чего только не было! И страшно жалко было, что ни дети, ни их воспитатели, выполняя чьи-то указания, - не понимали ценности того, что обрекали на уничтожение. И ведь не в одной, во всех школах города! Что там - по всему Союзу! Многие из тех куч - у каждого класса куча своя, - нашло бы место в библиотеках или архивах. Но выбрать что-нибудь себе - "не этично"... Впрочем, маленький бельгийско-русский и русско-бельгийский словарь дореволюционного издания я подобрал - для городского музея.

А вот подмоченные, растрепанные, пожелтевшие страницы журналов. И надо же - распахнуты именно на той странице, где я увидел такое знакомое имя: А. Зорич. Я порылся в куче, нашел еще три его фельетона. Это были страницы "Огонька" за 1926 год. Я спросил учительницу литературы, надзирающую за "субботником" - знает ли она такого автора? Конечно, нет. Ибо после 1937 года А. Зорич был включен в списки, по которым из библиотек и читальных залов изымались сотни книг "антисоветских" и "враждебных" авторов... А. Зорич - псевдоним Василия Тимофеевича Локтя, популярнейшего журналиста и публициста 20-х и 30-х годов.

- 65 -

А. Зорич (Локоть) родился в Евпатории в 1899 г., русский, Из служащих, б/п, образование среднее, литературный сотрудник газеты "Известия", жил в Москве... Арестован 22 августа 1937 г. Приговорен к расстрелу 15 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. ("Расстрельные списки. Москва. 1937-1941 г.г. "Коммунарка", Бутово).

А. Зорич был талантливым журналистом и публицистом, как и многие, погибший в той страшной мясорубке. Расстрелян в тот же день вынесения приговора. Уже в черниговской гимназии, которую он кончил в 1918 г., Василий был связан революционной молодежью. И первую свою статью, которая была опубликована в одной киевской газете - написал еще в гимназии. С самого детства у него был костный туберкулез ноги - всю жизнь он был обречен ходить с костылями, что, конечно, сильно омрачало его жизнь. Может, еще и это подтолкнуло его к литературным занятиям.

Совсем молоденьким двадцатилетним юношей Василий приезжает в Москву и вскоре его статьи, фельетоны, очерки появляются в "Правде", в журналах "Огонек", "Прожектор" и других изданиях. Позже выходили и отдельные его книги.

Некоторое время он работает в бюро расследований реакции "Правды", которым руководила Мария Ильинична Ульянова, - ответственный секретарь редакции. Большую помощь оказывал ему один из популярнейших журналистов тех лет, сотрудник "Правды" с 1912 года и одно время соредактор "Правды" - Л.С. Сосновский, признательность к которому Зорич сохранил на всю жизнь.

"В своих рассказах и фельетонах А. Зорич всегда выступал, как боевой агитатор. О людях революции он говорил с подъемом, с пафосом и восторгом. О честных незаметных труженниках, зачастую отсталых, но всей душой тянущихся к новой

- 66 -

жизни - с сердечным сочувствием, лиризмом и порою с добрым юмором. О врагах же, бюрократах, самодурах, захребетниках, стяжателях, тунеядцах он говорил с гневом и ненавистью, не жалея на них сатирического бича", - пишет биограф Зорина Н. Атаров, - "очень много бичует он всяческое мещанство, обывательщину, всяческие отрицательные явления и поступки людей".

Конечно, болезнь, хромота, необходимость не расставаться с громоздкими костылями - сильно затрудняло работу журналиста, требующую ходить, ездить, бывать в разных уголках страны - и тем не менее в книге "В горах Дагестана" и других его работах были плоды его длительных путешествий. Побывал он и в Карелии, на Волховской гидроэлектростанции, участвовал в автопробеге Москва - Севастополь, добирался и до российской глухомани, дальних деревень. В конце 20 - х или в самом начале 30-х Василий Тимофеевич находит выход - покупает "Шевроле" (что было тогда редкостью), овладевает шоферской профессией, это избавляет его от многих затруднений. Жена его, Фанни Марковна Маковская, тоже была газетным работником и его верным спутником и помощником - их дружба началась еще в Чернигове, в ранней молодости, где были они товарищами в революционных кружках.

С первых лет журналистской работы Василий Тимофеевич был связан узами дружбы с семьей своего старшего и по возрасту, и по опыту, и авторитету товарища - моего отца, одно время соредактора "Правды" и главного редактора "Бедноты" - была такая очень популярная газета, ее тираж был больше, чем у "Правды", и еще газеты "Коммунист". (В середине 20 -х годов статьи и фельетоны Сосновского были изданы четырехтомником "Дела и люди", правда, два последних тома вышли небольшими. За журналистской работой

- 67 -

Л.Сосновского внимательно следил В.И. Ленин, порою давал ему поручения, ссылаясь на него).

Прямой, бескомпромиссный, А. Зорич иногда обрушивал свой сатирический бич на какого-нибудь высокопоставленного туза, за что не раз жестоко платился: его переставали печатать, надолго отстраняли - по указанию "сверху" - от газетной

работы, он глубоко переживал эти несправедливости, но приспособливаться не умел.

Насилий Тимофеевич - "дядя Вася" и Фанни Марковна были самыми близкими друзьями нашей семьи. Обрушившиеся на нас репрессии их не оттолкнули. Когда наш отец, после алтайской ссылки, был осужден на тюремное заключение, где находился пять лет в одиночке политизолятора, а мама с тремя детьми (младшему три года) вернулась в Москву, где мы долго не могли добиться ни квартиры, ни средств, ЗОРИЧИ, как мы называли их, помогали маме.

Здесь вспоминаю забавный эпизод. Я шел в школу, может быть, в 4 или в 5 класс, и у меня оторвалась от штанов какая-то ответственная пуговица. Пришлось вернуться с полдороги, сделать прогул. Василий Тимофеевич, посмеявшись, использовал этот сюжет, только в его фельетоне такую аварию терпит директор швейной фабрики по дороге на работу.

Однажды находящийся в тюрьме папа попросил надзирателей купить ему в тюремном магазинчике селедку. Ему принесли ее, завернутую в страницу из какого-то журнала (в то время на обертку шла любая периодика). По привычке папа читает этот без начала и конца текст, а там история директора швейной фабрики! Конечно, папа узнал по стилю руку Василия Тимофеевича, а так как мы писали ему о моем приключении с пуговицей, он понял, кто подал фабулу фельетона... Когда в феврале 1934 г. отец освободился, первыми пришли и его и нас поздравить, конечно, Зоричи.

- 68 -

Вскоре Бухарину, бывшему в это время главным редактором "Известий", "сверху" разрешили принять папу на работу в редакцию. Казалось, наша жизнь начала налаживаться. Но тут грянуло ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ - был убит С.М. Киров. Папа от редакции вылетел в Ленинград и вернулся на завтра чернее тучи. Я думал, что он так переживает только из-за Сергея Мироновича, которого хорошо знал. Но папа-то уже понял, что это убийство - провокация и начало большого террора. Тем более, что в тот же день (!) вышло постановление о мерах самой беспощадной борьбы с террором. В убийстве Кирова были обвинены Зиновьев и Каменев. Отец-то понимал, что они не причастны. С нами, конечно, об этом он не говорил. А народ верил, проклинал убийц и предателей, на предприятиях проходили митинги, все требовали расстрела... Пошли аресты, аресты, аресты. И громкие - на весь мир - процессы. 23 октября 1936 г. дошла очередь и до нашего папы. Через восемь месяцев следствия его расстреляли, мы этого не знали... Нам многого не говорили.

Фанни Марковна была в страшном волнении. Из отрывков их разговоров с мамой я понял, что Василий Тимофеевич в ужасном состоянии, на грани психического помешательства и покушался на самоубийство. Фанни Марковна выкрала у него пистолет и принесла нашей маме. Конечно, ничего нелепей и опасней придумать было нельзя: отец сидит на Лубянке, в любой день, ночь могут постучать с обыском - и постучали. В июле 1937 г. арестовали и маму. А тогда мама не хотела принять пистолета, и они впервые поссорились. Мама понимала, чем это ей грозит. По другой версии - нам, детям, ведь ничего не говорили - мама отнесла пистолет в милицию. Конечно, еще нельзя было предположить, что позже и маме предъявят обвинение в

террористическом заговоре и расстреляют... Но я не знаю, как было на самом деле. Фанни Марковна восприняла отказ мамы как преда-

- 69 -

тельство. Так прервалась столь долголетняя дружба. Я лишь понимал, что между двумя домами пробежала черная кошка.

Мне было шестнадцать лет. и мною владело сильнейшее увлечение волейболом, в те времена самой народной игрой. Это была страсть. Как ни кажется невероятным, все удары судьбы не смогли ее погасить. А может, волейбол помогал мне на какое-то время забыться, обезболить душу.

Однажды шел я из Марьиной рощи по Октябрьской улице и услышал удары мяча. Играли во дворе дома N 4, где, я помнил, жили Зоричи. И я забыл, куда и зачем шел, свернул в ворота на звук мяча. На обшарпанном, пыльном, без единого деревца дворе между двух столбов была натянута сетка. Наверное, был выходной день: кроме двух игравших команд вокруг толпились еще несколько человек. Играли, по тогдашнему обычаю, "на вылет" - проигравшая команда выбывает, ее заменяют следующие игроки. Недолго было снять ботинки - и вот я уже в команде.

И тем не менее я не забывал, что я во дворе дома наших недавних самых дорогих друзей, всю мою жизнь близких мне, как родня. И в паузах игры краем глаза я вижу, что Фанни Марковна вышла на балкон и смотрит на игру. Их корпус был на порядочном расстоянии от площадки, в дальнем конце двора, но, по-видимому, она меня разглядела. Когда я снова в паузу игры посмотрел в ее сторону, на балконе был и Василий Тимофеевич, он смотрел в бинокль, потом передал его жене. Я стал волноваться, делать ошибки в игре. Обулся и ушел. Больше я Зоричей никогда не видал.

Как знаю я теперь из Книги памяти, Василия Тимофеевича арестовали через месяц после мамы - в августе 1937. Прах его, как я узнал теперь, лежит в безымянной могиле на полигоне "Коммунарка", там же, где и моя мама. О судьбе Фанни Марковны до сих пор ничего не знаю.

- 70 -

В 1975 г. младший брат подарил мне вышедшую во время недолгой хрущевской "оттепели" книжечку А. Зорича "Самое главное". Дорогой подарок! И в ней самая лучшая фотография автора, с добрыми, умными глазами, когда-то у нас в дома стояла такая в рамке.

"Основную роль моих разоблачительных статей, - пишет Зорич, - я в том именно понимаю, чтобы... у тысяч и десятков тысяч людей, которые эти фельетоны прочтут, они вызывали бы боль за те уродства, которые сохранились еще в нашей жизни и стремление эти уродства пресечь и уничтожить"!

"Мало привести отрицательный факт, нужно рассказать о нем так, чтобы рассказ этот взял читателя за живое". Дела это Василий Тимофеевич талантливо. Читатель, развертывая "Известия", искал глазами, есть ли там фамилия А. Зорича. Увы, сегодня даже профессиональные журналисты в большинстве не знают этого имени...

Каждый невинно осужденный, каждая замученная жертва в любом уголке земного шара достойна того, чтобы о ней кто-то вспомнил, чтобы имя ее бередило чью-то совесть.

РЕДАКТОР

Редактором он был только во-первых. Во-вторых же, в-третьих, пятых и десятых - он замещал не существующего в природе завагитпропа, заведовал наробразом, партийной школой, отделениями РОСТА и Госиздата одновременно, в четырех комиссиях председательствовал, в восьми состоял неременным членом и был обязательным участником и неизменным докладчиком пленумов, собраний и совещаний, которым не было тогда естественного числа. Словом, что же говорить о нагрузке - в те годы она была известная: человек тащил вдвое больше того, что может тащить лошадь.

Недавно в одном из наших юмористических журналов я видел рисунок: слева загруженный до макушки партиец, справа лошадь, которая валится, изнемогши от тяжести, в оглоблях.

Партиец говорит:

- Я же вам не лошадь, товарищи, помилосердствуйте! Лошадь резонно возмущена:
- Куда грузите, я же вам не партейная!

Партийные люди, как сказано, тащили тогда на себе вдвое больше, чем беспартийные лошади; этих последних, дополнительно к соломенной резке, изредка подкармливали все же овсом, наш же ответственный и трижды усиленный паек, с четвертушкой мякинного хлеба, был строго ограничен микроскопической щепоткой камсы, одной коробкой безусловно тлеющих спичек "марксист" и двумя костяными пуговицами в день. Эти пуговицы мы собирали всю неделю; по воскресеньям на базаре бабы давали за них по три яйца за дюжину. Однажды, в дополнение к пуговицам, выдали по паре носков из губодежды. Носки были загадочны. В левом - отверстие приходилось, как надобно, против пятки, в правом же оно находилось в самой пятке: бабы покупали только левые, по пониженной, ввиду брака, цене.

Жить было трудно, нужно было устраиваться, чтобы не голодать, и писать в опродкомгуб секретные дружеские записки. Иные писали записки, другие получали камсу и пуговицы в шести местах одновременно, третьи внезапно заболели трудно излечимыми болезнями, при которых показан длительный курс соляных ванн: соль ценилась, как известно, на вес благороднейшего металла.

Жилин - его звали Алексей Ильич - этого не умел, и ему попросту некогда было болеть соляною болезнью и писать продовольственному комиссару записки о снабжении. По профессии он был токарь, токарный мастер с крупнейшего приднепровского завода на юге страны; он прожил тяжелое сиротское детство в нищете и колотушках и тяжелую, полную лишений и обид, тюремных отсидок и гонений за образ мыслей и беспокойный характер жизнь. Эта жизнь воспитала в нем ненависть пролетария к людям, на протяжении десятилетий угнетавшим обездоленный и приниженный народ, и сделала из него закаленного партийного бойца; странным образом в нем сочетались наряду с этим исключительная мягкость и задушевность, скромность и конфузливость человека,

относительно которого никак нельзя было подумать, что за плечами его повис такой огромный и тяжелый жизненный груз, такой груз страданий, способных опустошить человеческую душу и без остатка выхолостить человеческое существо. Он был отзывчив к чужому горю, необычайно как-то ласков и внимателен к людям и расточал последние крохи вконец расшатанного здоровья, последние крохи убывавших, кончавшихся сил; как свеча, на глазах он таял в работе, горел в работе, как в лихорадке, наш милый товарищ, наш редактор Алексей Ильич. Когда-то на сходке у Днепра казаки прикладами отбили ему легкое, он часто кашлял, мучительно захлебываясь и держась руками за грудь, и больно было смотреть на бескровное его, покрывавшееся влажной испариной лицо.

- Вам отдохнуть надо, вы сдаете, - говорили товарищи. На секунду он задумывался, улыбался милой своей, ласковой и точно сконфуженной улыбкой.

- Да, конечно, всем надо. Вот перемелется немножко, войдем в русло, а сейчас... Кстати(!), бюро сегодня в шесть? Я заспешил...

Спешил он, кажется, всегда. Во время русской революции земля продолжала вращаться, к сожалению, с той же неумолимой педантичностью, что и до нее, и сутки по-прежнему насчитывали двадцать четыре точнейших часа; это был явный и досадный недочет, потому что суток хронически не хватало. Шутя редактор говорил, что он удлиняет их, вставая ежедневно на час раньше; жадно и безжалостно он резал минуту за минутой от положенных на еду и отдых скудных часов, на ходу жуя хлебную свою осьмушку и частенько коротая остаток ночи на ящике в типографии, где приходилось после часу, когда гас свет в городе, руками вертеть тяжелое и немазанное машинное колесо; вертел частенько и он. Помнится, все мечтал этот славный, родной человек о времени, когда стряпня заменится калорийными питательными пилюлями, и о будущем веке электричества, в котором по декрету упразднен будет сон: иссякла энергия, сейчас зарядят тебя из какого-нибудь такого аккумулятора или коммутатора - и прыгай до следующего сеанса! Но аккумуляторов и пилюль не было, и не было шрифтов и бумаги в типографии, чернил в партийной школе и азбук в наробразе, не было денег, не было хлеба, не было людей и помощников. С юга наступали тогда деникинцы, каждый день нес дурные вести, и каждый лишний день взваливал на его покорные плечи все новый и новый груз, все новые обязанности, заботы и огорчения. С изумительным, прекрасным упорством он поднимал и нес эту непосильную ношу: вот перемелется, тогда отдохнем, а сейчас... Кстати, где гранки листовки для села?

Поражала нас всех его волнующая страстная любовь к печатному слову, к газетному, оттиснутому на синей сахарной бумаге листу. Он дрожал над этими синими аршинными срывами, он выходил из себя, когда бабы на базаре заворачивали в последнюю информацию сельди, и мучился каждым маленьким промахом, каждой ничтожной, мелкой опечаткой. Помню как сейчас, неизвестно отчего особенно досаждала нам буква "м". Подлая согласная лезла не к месту во все колонки, возбуждая общую дружную неприязнь. С дрожью в голосе Алексей Ильич говорил, тыча карандашом в испещренный отметками лист:

- Ну, что это такое? Что это такое, скажите на милость? Флегматичный корректор невозмутимо отвечал:

- О це? Це буква "мы".

- Не мы, а позор, позор!

Каждую пустую брошюрку, которая попадала в руки, он оборачивал старательно, по-детски неумело загибая поля, в чистый лист, вытирая пальцы платком, чтобы не пачкать страницы, и сам, бывало, подшивал занятыми у сторожихи нитками небрежно сброшюрованные, выпадающие листы. Он говорил, что первый признак некультурности - небрежное отношение к книге, которая есть средство объединения всех народов.

У него были жена и чудесный голубоглазый сынишка Шурка, который занимал, согласно собственной квалификации, довольно загадочный пост в губернии: он был редактор губтопа и охотно выписывал нам, когда приходил в редакцию, ордера на дрова.

Он важно, животом вперед, проходил в редакторский кабинет и взгромождался отцу на колени:

- Папа, позвони! Папа, распишись. Да папа же! Жена говорила редактору:

- Леша, ты опять не ночевал дома, на что это похоже, правда? Опять в типографии?

Она безнадежно махала рукой, доставала из кошель обернутый платком горшочек с кашей, которая называлась "шрапнель". Он ел наспех, она начинала всегда один и тот же неизменный разговор.

- Леша, поедем опять на завод. Я смотреть на тебя не могу... Он вставал и прикрывал дверь. Потом они выходили, и жена вспоминала на пороге:

- Ну, как же с ботинками? Ну, я ничего, а Шурка студится. Осень, холодно.

Жилин краснел, смущенно тер переносицу и говорил секретарю:

- Да, вот, ботинки... Может быть, вы того... Устройте ботинки?

Секретарь был аккуратен и точен, как маятник часов. Он смотрел на Шуркины стоптанные и дырявые, взбухшие от воды башмаки и отворачивался к окну.

- Да, я устройю, конечно.

- Ну, вот и прекрасно, прекрасно. Шурка, слышишь? Будешь в ботинках редактировать твой губтоп. Ну, я заспешил...

...Поздней осенью, когда пошло уже сало по реке, и замерзала рябина на деревьях, и крутился в воздухе сухой вьюжный снег, мы эвакуировались из города, сдерживая у мостов наступающую белую бригаду.

В сумерках за редактором приехала телега: в ней сидели уже и ждали его жена и ребенок. И тогда же из ревкома сообщили, что газета, во избежание паники в городе и частях, должна выходить до последней минуты. Алексей Ильич, уже в валенках и полушубке, топтался на пороге, растерянно разводя руками: не было сил выйти к ожидавшей в телеге жене.

Она ничего не сказала, заплакала тихонько. Шурка, сынишка, захлебываясь в крике и слезах, повис у него на шее. Редактор взволнованно говорил:

- Ну, не плачь, не плачь же, милый Шурка, дорогой мой мальчик. Я же приеду, я обязательно приеду...

Телега, прогромыхав, повернула за угол. Редактор в кабинете сел править телеграммы; у него дрожал подбородок, и карандаш, прыгая в руке, чертил на листе нелепые завитушки. Он выправил телеграммы как всегда, как всегда их снесли в типографию, но за рекой трещали уже пулеметы, над мостами рвалась с противным визгом шрапнель, и наборщики разбегались из типографии, снуя торопливо между застывших машин. Мягкий,

конфузливый и деликатный Жилин в дверях вынул револьвер:

- Я вас перестреляю!

Газета вышла.

Жилин погиб. Он погиб в типографии, наш Алексей Ильич, у верстального стола, с корректурными гранками в руках: ведь газета должна была выходить до последней минуты. И она выходила, конечно. Каратели зарубили его, отрезали ему уши, и эти уши на грязном шпагате вывесили над входными типографскими дверьми.

... Я бываю иногда в этом городке над речкою в лозах, захожу на братскую могилу, которая стоит одиноко у вала, где кончается шумный городской сквер. Трава на ней выцвела, глиняный памятник осел, сохся, и уже не разобрать на нем когда-то написанных о нашем редакторе слов. Скоро, скоро забываются люди...

В алтарях

Верующие деревни Вятские Поляны недовольны своим церковным причтом и попом. Они жаловались сарапульскому архиепископу, указывая, что их поп -- скрытый обновленец.

Признаков этого обновленчества указано было три: во-первых, поп обстриг волосы, во-вторых, он ворует деньги из церковной кружки, и, в-третьих, удаляясь во время службы за ворота царства, он неизменно вступает с дьячком в алтаре в мирские споры, употребляя при этом выражения, отнюдь не располагающие к смиренномудрию и душевной кротости православных христиан. Так, например, упрекая дьячка в покраже моркови с церковного огорода, он обзывает его рябой мордой и грозит лишить ангельского чина. Дьячок же утверждает, напротив, что сам поп гусиным пером вылавливает деньги из кружки, что он обмерял огород иудиной саженью и что вообще вместо того, чтобы носить крест и рясу, ему давно пора бы уже с бритой башкой возить землю в тачке на злой каторге. Диалоги их бывают явственно слышны и в церкви и неизменно заканчиваются тем, что дьячок, вооружась крестом и став в боевую позу, вызывающе говорит попу из притвора:

-- А чи не пойдете вы, отец Гавриил... знаете куда?

Тогда поп хватает чашу с телом и кровью христовыми, и они начинают возиться, срамя звание и божье место, вокруг святого престола.

Псаломщик тщетно пытается скрыть это от взоров прихожан, задерживая рваненькую занавеску на райских воротах...

Сарапульский архиепископ, которому была подана жалоба, ответил, однако, что он не усматривает еще в этих прискорбных фактах признаков пагубного обновленчества, и в просьбе о смещении священника отказал. Частным же образом, через третьих лиц, церковному старосте Полянкой церкви стало известно о некоторых интимных отношениях сарапульского владыки с легкомысленной супругой суетного обновленца.

Тогда староста собрал церковный актив и поставил вопрос о кумовстве и протекционизме, разъедающих засоренный аппарат епархии. Именно так и было сформулировано! Обсудив вопрос о язвах церковного строительства, актив постановил придать этому делу общественную огласку, опубликовав материалы в... центральном органе партии -- в "Правде" и в "Крокодиле".

Самокритика! Невзирая на лица! Пусть живой контроль масс оградит от

бюрократического загнивания епархиальный аппарат! Пусть решительное вмешательство здоровых церковных низов положит предел разложению оторвавшейся от паствы архиерейской верхушки! Левым ревизионистам евангельского наследия и закомиссарившимся бюрократам надо дать по рукам!

"...Приход просит "Правду", одновременно доводя об изложенном до сведения митрополита Петра, дать накачку кому следует, а также продуть сарапульского архиепископа и попа Гавриила в "Крокодиле". Иначе религия в нашей волости, и без того малая, рухнет окончательно. Архиепископ толстый, с большой пузой, который ужасно любит поповских жен; поп ростом высок, худощав, ходит как козлице; председателя церковного совета и секретаря, каковые держатся также точки архиепископа, рисовать в ветхой одежде и пьяными под забором. Номера газет и журнала выслать по адресу..."

Интересен здесь не живописный поповский быт, конечно. Кто же не знает его, пьяненького, лживого, грязного, убогого, жадного и трусливого сельского попа? Преподобные лесковские старички священники, которые так искренне и твердо верили в божье произволение, что брали с собой зонтик и калоши, отправляясь молебствовать о дожде, давно перевелись на Руси. Нынешний поп не верит сам и никого не может заражать верой; он просто торгует нехитрым семинарским умением бубнить славянские тексты с амвона. Народ давно разгадал и презирает его лживую сущность, утверждая, что "поп и цыган живут обманом".

Интересно даже и не то, что церковный актив пытается открыть дискуссию по "большим вопросам церкви" в органах Коммунистической партии.

Замечателен новый язык, которым начинают говорить церковники, те чисто советские методы, к которым они обращаются, пытаясь оживить агонизирующий церковный организм. И попы и прихожане всячески ищут путь, на котором удалось бы сблизить церковь с жизнью, незаметно и постепенно внедрить ее, видоизменяя, в советский быт. Не так давно в газетах сообщалось, что съезд духовенства в Сибири обязал всех отцов этого края в кратчайший срок проштудировать... Маркса и Ленина. Вероятно, вскоре им придется сдавать политграмоту в особой епархиальной комиссии: что вы можете сказать, отец Елпидифор, об эпохе "Звезды" и "Правды"?.. В последнюю годовщину Октябрьской революции в Орше, в соборе, был отслужен "красный молебен"; попы молились о всех... "созидающих социализм" и вначале хотели даже предать анафеме шахтинских вредителей. Потом их заменили просто "злостствующими" и "недругами". И мы не удивимся, если попы в Орше станут прорабатывать с амвона правый и левый уклоны и контрольные цифры Госплана.

Трудный случай

Изложенное ниже отнюдь не является выдумкой; в этих строках почти буквально передан эпизод, имевший место с месяц тому назад в одном специальном лечебном заведении Москвы.

Некий молодой советский писатель, полное собрание сочинений которого недавно

выпущено Госиздатом, обратился за советом и с просьбой о помощи к видному столичному психиатру.

-- Мое обращение покажется вам, вероятно, странным и необычным, профессор, -- сказал он, -- но не можете ли вы посредством гипноза повысить мою способность к письму?

-- Простите, не понимаю.

-- Я писатель. Но, видите ли, пишу я как-то механически, без подъема, что ли. Мы, конечно, подобно Анатолю Франсу, отрицаем вдохновение. Существует только умение приводить себя в рабочее состояние. Но вот это-то, понимаете, никак мне не удастся. Сколько ни сижу, сколько ни пишу -- не удастся. Все дело ведь в том, как расставить слова. И вот, не расставляются, проклятые, как надо!

-- Вы давно пишете?

-- Три с половиной года.

-- И много написали?

-- Шесть томов, сорок два листа.

-- Гм... порядочно.

-- И все неудачно.

-- Неудачно?

-- Представьте.

-- И все-таки продолжаете писать?

-- Откровенно скажу как врачу: пережевываю старое!

Профессор подумал с минутку, побарабанил по столу пальцами и осторожно сказал:

-- Так, может быть, вам лучше бросить? Счесть, так сказать, эксперимент неудавшимся?

-- Но ведь я писатель.

-- Что ж, иногда приходится менять профессию. К тому же это все-таки не то, что землемер или часовой мастер. К этому надо иметь особую способность, особый психический, интеллектуальный склад.

-- Но меня печатали!

-- И много?

-- Все.

-- И неудачное тоже?

-- Тоже.

-- И жеваное?

-- И жеваное.

Профессор посмотрел в окно и в раздумье почесал переносицу.

-- Видите ли, то умение расставлять слова, о котором вы изволили сказать, иногда называется также талантом. Насколько я понимаю, вы хотите, стало быть, чтобы я внушил вам талант?

-- Таланта не существует, профессор. Это отжившее слово.

-- Ну, все равно. Умение... Э-э... Как вы сказали?

-- ...расставлять слова.

-- Предположим. Как же вы себе реально это представляете? Надо сказать, практическая медицина не знает таких прецедентов.

-- А как вообще лечат гипнозом? Ну, я лягу на кушетку, вы проделаете надо мной пассы, или как уж там это полагается, и станете внушать: "С этих пор ты пишешь иначе, с этих пор ты правильно расставляешь слова, с этих пор..."

-- Гм. По этой теории, под гипнозом можно обучить и строить железнодорожные мосты, например, и пломбировать зубы.

-- Ах, доктор, это же совсем другое. Здесь ведь высшая сфера психики.

Профессор встал и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

-- Послушайте, -- сказал он вдруг, -- а зачем, собственно, это вам нужно? Талант, то бишь... умение расставлять слова? Ведь, вы говорите, вас и так печатают?

-- Да, но ведь это не вечно! Откровенно скажу как врачу: я и сам считаю это недоразумением. В один прекрасный день кто-нибудь да увидит же, что и слова не так расставлены, да и все это вообще не то. Нет, уж вы не отказывайтесь, доктор. Я буду благодарным пациентом. Хе-хе... Вам будет посвящена первая же повесть, написанная после всех этих штучек...

-- Штучек?

-- Сеансов, я хотел сказать.

Профессор в упор посмотрел на него. Он не опустил честных, голубых, наивных глаз.

-- Вот что, -- после некоторой паузы сказал профессор. -- Принесите мне что-нибудь из того, что у вас напечатано. К сожалению, нет, знаете ли, времени следить за беллетристикой. То да се...

-- Я понимаю.

-- Принесите и зайдите через недельку. Я ознакомлюсь, и тогда поговорим.

И писатель прислал пятый том своих сочинений, и зашел через неделю.

-- Я прочел вашу книгу, -- сказал профессор, -- и отметил некоторые места. Например, вы пишете: "Смычка -- так звали дочь старого политкаторжанина Еремина -- блистала зубами, ослепительными, как янтарь". А янтарь желтый. Значит, она блистала желтыми зубами?

-- Ну, это поэтическая вольность.

-- Ну, не знаю. Или вот: "Дом и мебель были в стиле боярина XVII века с витыми ножками". У кого же витые ножки? У боярина, у дома или у мебели?

-- Ну, профессор, это детали.

-- Да, а вот еще: "Он постепенно вскрыл пинцетом выпершую кость". Во-первых, костей не вскрывают, а во-вторых, пинцетом вообще нечего делать. Вы спутали пинцет с ланцетом. Потом вы пишете: "У мечети заржала кобылица, голубая лазурь которой сияла на солнце". Как же это так -- голубая кобылица?

-- Мечеть, а не кобылица.

-- А сказано -- кобылица.

-- Профессор, право же, все это частности, давайте ближе к делу.

-- Извольте. Я уклоняюсь от... лечения.

-- Почему?

-- Случай слишком трудный.

-- Вы считаете науку бессильной?

-- Я считаю, что, поскольку существуют школы второй ступени, -- внушать посредством гипноза, что корова не пишется через и с точкой, нет никакой надобности.

-- Однако, доктор, я попросил бы вас выбирать выражения. У меня имя. Я сорок два листа написал.

Профессор вскочил вдруг и закричал, потрясая пятым томом сочинений клиента:

-- Дрова пошли бы пилить! Арбузы на баржах грузить! Асфальт в котлах месить! Стыдитесь! Голубая кобылица! Янтарные зубы! Подъезжая к станции и высунувшись в окно... Учиться надо! Грамматике учиться, а не гипнозы выдумывать!..

...Одеваясь в передней, писатель бормотал обиженно, долго шаркая в полутьме ногами и никак не попадая в галоши:

-- Раскричался, скажите пожалуйста! Дрова пилить! Асфальт мешать! Сам иди мешай, старая песочница! Назло тебе, дураку, еще сорок листов напишу. И напечатают! Ну пинцет, ну янтарные зубы, ну ошибся... Подумаешь, художественный театр!..⁵⁷

Петух

Отдавая должное блестящим достижениям нашего кино, создавшего "Встречный" и "Чапаева", хочется рассказать, тем не менее, об одной маленькой истории. Рассказать, ибо у нас ложка дегтя бочки меда не портит: она только побуждает еще тщательнее очищать продукт.

Итак, в одном сценарии, который принят был к постановке крупной провинциальной кинофабрикой, в качестве действующего лица оказался выведенным петух. По сценарию этому получалось, что кулак, бежавший из колхоза, заплетает потом сложную сеть интриг, но в последнюю минуту погибает, сам став жертвой ловушки, которую готовил другим, более симпатичным героям. И в этот момент, чтобы дать бодрую зарядку зрителю, появляется и трижды поет петух, символизируя, по мысли резвого автора, зарю новой жизни, расцветающей на руинах вышеназванного кулака.

Чтобы дать петуха на основах высокой техники, решили пригласить для звука специального имитатора, а снимать с подвижного чучела.

Вызвали имитатора. Это был имитатор-виртуоз, почтенный старичок, так сказать, заслуженный деятель петушиного крика, подвизавшийся на этой скромной ниве уже около сорока лет и имевший даже печатный труд собственного издания с датой прошлого столетия и под названием: "Всевозможные модуляции в крике петухов брачного периода". Он пришел, заложил какую-то бляшку под язык, прокукарекал для пробы, и как будто получилось очень неплохо, но в среде консультантов возникли разногласия о классовом содержании издаваемых им звуков.

Одни говорили, что хоть модуляции и имеют натуральный характер, но это голый техницизм, лишенный идеологической сердцевины; другим казалось, напротив, что социальных мотивов тут достаточно, но старичок кукарекает без учета специфики коллективного хозяйства, имитируя скорее петуха частного сектора, нежели петуха обобществленного. В общем же, поспорив, все сошлись на том, что модуляции лишены верной политической целеустремленности и нужных здоровых эмоций не вызывают.

-- Вам необходимо пересмотреть творческие позиции! -- сказал имитатору-виртуозу один из консультантов.

-- Меньше объективизма, больше классовой насыщенности. Вы задумываетесь над тем, почему именно кричит в этом месте петух и в чем смысл его высказываний? Он кричит, чтобы опровергнуть клевету взбесившихся мелких буржуа о недостаточных темпах развития птицеводства в стране. Тут должен чувствоваться пафос созидания, апофеоз пятилетки в четыре года. А у вас получается беспартийный фотографизм. Это не заряжает. Это не вызывает ответных откликов.

-- Так кому ж тут откликаться? -- удивился старичок, оглядев собрание и даже посмотрев под стол: не посажено ли туда что-нибудь рябенькое. -- Тут квохтать некому! А вот дайте я во дворе пропою, ни одна курица на шестке не усидит, до того психологично.

Видать было, что этот человек отсталый, поросший мхом гнилостного прошлого и неспособный уже перестроиться и шагать в ногу с веком. С ним тщетно возились целый день, всячески стараясь его переключить, заставляя кукарекать на все лады и добиваясь эпохиальных мотивов в модуляциях. Но он только моргал растерянными глазами, охрип, весь покрылся испариной и под конец до того запутался, что вместо петуха неожиданно забормотал вдруг индюком.

А потом консультанты, анализируя его творческий метод, заспорили между собой, и один, в порыве запальчивости, сказал другому:

-- А вы знаете, чем это пахнет? Это пахнет переверзевщиной.

Значение этого слова старичок не знал, но понял его по-своему так, что тут, в конце концов, что-то сверзится, -- и ему стало совсем уж не по себе и жаль своей тихой старости. Он вынул бляшку изо рта и твердо объявил, что не хочет зла ни себе, ни другим и, если пошли разные угрозы, больше кукарекать вообще не будет. Слава богу, он свое откукарекал, пускай теперь кукарекают молодые. Они ученые, они все знают, им карты в руки. Секрет он готов показать, а самому ему уж поздно разбираться, какой петух за какой сектор кричит.

Мысль о молодых показалась удачной. Ибо поскольку проблема животноводства серьезно поставлена в порядок дня, кто знает, -- не займет ли петух вообще в числе прочей живности постоянного места на экране, вытеснив беспринципных деляг типа Миа Май и Гарольда Ллойда? И уместно ли тут кустарничать вместо того, чтобы сразу широко поставить вопрос о новых кадрах?

Идея была подхвачена, и тут же решили, привлекая в этому делу старичка-виртуоза с его бляшкой, создать соответствующие краткосрочные курсы. Сокращенно их назвали Киможис -- курсы имитации объектов социального животноводства.

Для организации Киможиса создали особую комиссию из шести человек, которой поручено было подработать программу, увязав все возникшие тотчас же спорные моменты. По какой системе вести, например, преподавание? По системе ли Станиславского, с анализом петушиных переживаний и психологии, или по Мейерхольду, на базе биомеханики, условности и новаторства?

Ограничиться ли только дисциплинами самого кукареканья, ориентируясь на узких специалистов, или, напротив, ввести зоологию, диамат и специальный триместр о классовом характере крика петухов в историческом разрезе? Ведь одно дело какой-

нибудь евангельский петух, возвестивший предательство Иуды, или петух галльский, и совсем другое -- петух планового хозяйства, утверждающий своим бодрым криком зажиточную жизнь для колхозного крестьянства.

Ввиду сложности дела комиссия постановила кооптировать ряд специалистов по разным отраслям, сама разбилась на три подкомиссии -- академическую, организационную и особую подкомиссию содействия двум предыдущим, -- и работа закипела.

* * *

В аппарате фабрики выделили завхоза, одного из тех людей, которых Островский определял как мужчин с большими усами и малыми способностями. Развив неистовые темпы, с утра и до ночи, помахивая пустым портфельчиком, он стал носиться в окрестностях, чего-то комбинируя с кредитами, размещая оптовые заказы на бляшки среди кустарей и закупая всяческий мелкий инвентарь для Киможиса: комиссионные стулья, урны, плевательницы, номерки для вешалок и самоварный уголь для буфета.

В пристройке, отведенной под курсы, специально приглашенный консультант по акустике спешно начал монтаж рабочей лаборатории, и вызывая недоумение посетителей и тираня сердца домовых кур, старичок-имитатор полным голосом кукарекал там все присутственные часы, проверяя, насколько отражают звук обтянутые тяжелым драпри стены.

Рядом консультант по зоопсихологии форсированными темпами приступил к сооружению уголка экспонатов, и туда в несметных количествах свозили на такси и на подводах чучела всяческих минорок и плимутроков. В конце концов их собралось столько, что, придя в состояние полнейшего ажиотажа, местные коты организовали ночью форменную атаку на этот птичник, но были отбиты хромым сторожем Анемподистом, который лишился в бою одного уха и впоследствии предъявил к тресту иск, ссылаясь на то, что как сторож без уха он потерял 50 процентов трудоспособности.

Непрерывно стучали ремингтоны, печатая груды всяческих учебных программ, конспектов и анкет, возникла оживленная переписка со смежными учреждениями об обмене опытом, трещали телефоны, неумоимо заседали подкомиссии, -- и все пошло, словом, под знаком ударного настроения.

Вскоре начали прибывать и курсанты. Главным образом это были молодые низколобые люди неопределенного социального положения, изгнанные уже поочередно из всех других студий города, но неукоснительно продолжавшие тяготеть, несмотря ни на что, к искусству. В графе анкеты, где спрашивалось, почему именно они идут в Киможис, чтобы кукарекать затем в сценах массового животноводства, они писали: "По призванию и убеждениям". В их число попал, правда случайно, и один комсомолец, который, спутав имитацию с акклиматизацией, решил, что тут организуется нечто вроде мичуринского питомника по скотской части. Когда недоразумение выяснилось, он попытался удрать, заявив, что не может признать кукареканье ведущей профессией пятилетки, но его не выпустили и закрепили, чтобы создать партийную прослойку.

Наконец после месяца тяжелых хлопот все было кончено, -- деньги истрачены, курсы оборудованы и укомплектованы и намечен уже даже день и церемониал открытия.

Но в последний момент кто-то из консультантов, просматривая вновь сценарий, эффектная финальная сцена которого породила Киможис, обратил вдруг внимание на то,

что сцена эта происходит на новостройке и кулак гибнет, охваченный бодрим пламенем задутый сверх плана доменной печи. Консультант встал втупик: если это домна, то откуда же, собственно, в домне взяться петуху, хотя бы он и возвещал зарю новой жизни?

Конечно, пойдя по пути условностей, можно допустить, что его пронес в цех под полой какой-нибудь юный энтузиаст подсобного хозяйства; но поскольку все же в широких масштабах куроводство в домнах не практикуется, это явно пойдет вразрез с принципами социалистического реализма. Стало быть, петух тут вообще неуместен, а других сценариев, где намечено было бы вытеснить этой птицей деяг Гарольда Ллойда и Миа Май, в портфеле пока нет, -- и тогда для чего же, спрашивается, вообще, организуется Киможис?

* * *

Открытие отложили и стали гадать, как же быть? Хотели было перенести финальную сцену из доменного цеха на трудовую колхозную ниву, но оказалось, что уже сделан макет завода и придется ломать весь план. Хотели было заставить автора заменить металлургический завод гигантским инкубатором, где петух, вылупившийся из яйца, прокричал бы здравницу окрепшей легкой промышленности, но автор, и без того сделавший уже 116 поправок, забронировался к этому времени бумажкой от врача, что заболел острой формой психостении с бредом на темы кинофикации, нуждается в абсолютном покое при холодных компрессах на темени, и выбить его из этого теста тоже не удалось.

И, в конце концов, петуха решили изъять, Киможис поставить на консервацию, а курсантов переключить отчасти на массовые сцены из жизни обобщественного сектора, отчасти же на прополку самодеятельных огородов месткома фабрики в пригородных местностях.

Все это никого не удивило, потому что к таким историям в сфере Великого Немого все давно привыкли, и только курсант-комсомолец подал заявление с просьбой разъяснить, не резоннее ли сначала читать сценарии, а потом их ставить, нежели держаться обратного порядка?

Но ему объяснили, что в условиях специфики кино, при тех сложных интеллектуальных процессах, в которых протекает творчество, холодный и трезвый расчет не всегда бывает возможен, и инцидент сочтен был исчерпанным...

Общий знакомый⁵⁸

...Значок с красной розеткой на груди - это только жетон общества по охране караса во внутренних водоемах, но выглядит, как орден, и можно лезть с передней площадки; кустики подстриженных усов на губе - как будто капнуло из носу и это так и оставили вместо того, чтобы вытереть платком; длинный ноготь на мизинце, которым попеременно ковыряются в зависимости от потребностей момента, то в зубах, то в ухе, то в носу; язык, засоренный всеми вульгаризмами псевдосоветского жаргона, всеми этими "пока", "от той

58 Общий знакомый. Впервые опубликовано в газете "Известия" 24 мая 1934 г.

мамы", "на ять", "на це", "с покрывшей", "с присыпкой", "с накладкой". Где только ни встретишь, где только ни увидишь и ни услышишь этого человека, этот сложный, модернизированный гибрид невежества, пошлости, лицемерия, мещанства, житейской ловкости и чудовищного себялюбия?

Вот он сидит в театре или на концерте - на концерте обязательно с закрытыми глазами, чтобы каждый видел, что он благоговеет. Как же - Лист, Чайковский, Бетховен! Он растроган, он парит в высотах, он потрясен. Но не верьте! Ничего он не потрясен, а просто, томясь от скуки, подсчитывает мысленно и на пальцах, сколько дано на базар и почему мало сдачи, а выйдя, обязательно скажет жене за вашей спиной, когда в ушах у вас и в сердце будет звучать еще трепетная мелодия:

- Да, прекрасно! Какая мощь, какая экспрессия, какая глубина! Но я хочу спросить, милая, вчера на обеде подавали потроха, и было пять пупков. Два мы съели, а где же остальные три? Надо, милая, смотреть за Дашкой: она объедается, как на беконной фабрике...

Нигде он не парит, и если идет "Вишневый сад", и вы почувствуете, как защекочет у вас в горле, когда Фирс бросит свою потрясающую фразу: "Человека забыли!", он зевнет рядом, прикрыв рот программкой:

- Да, это - пьеса! Современным драматургам и не понять, пожалуй, как это можно: четыре акта и ни одного выстрела, и ни одного бранного слова. Ах, Чехов, Чехов, Антон Павлович! Какой талант! Хотя, с другой стороны, смотришь и думаешь: чего, собственно, люди тоскуют? Отчего страдают? Яички у них есть, говядина есть, в молоке хоть купайся... Чего же им еще надо?..

Ничего он не благоговеет и, придя домой, прямо после Бетховена поставит сейчас же "Гоп со смыком" и долго будет, наслаждаясь, причмокивать и подпевать: "Гоп со смыком, это буду я!" А потом оглядит стол, потрет руки и скажет: - Огурчики малосольные? О, це дило треба разжувати! Ударим, ударим по огурчикам!

Это тоже его любимое словечко: "ударим по бульончику", "ударим по фрикаделькам"... А ударивши, погладит живот, зевнет и скажет:

- Ну-с, а теперь и храповицкого задать можно.

И ляжет, и захрапит, но как захрапит! С присвистами, с рула-Дами, с вариациями, как будто у него целый джаз в носоглотке Разместился. И, если жене станет невыносимо и она растолкает его, удивится: "Милочка, но что же тут такого? Храпел даже Игорь Северянин".

А вот он ходит по выставке, завернув туда, потому что это делают все и не побывать неудобно, ходит и громко изливает свои чувства, и блещет вслух эрудицией знатока перед каждой картиной. Послушать его, так кажется, будто это, по крайней мере, Игорь Грабарь со значком карасинового ударника на груди. Но не верьте! О, да о чем бы ни зашла речь, у него всегда есть в запасе десяток готовых заученных общих фраз, которыми он прикрывает свое невежество, как фокусник прикрывает салфетками сосуд, чтобы скрыть его пустоту. Искусство? Как же, как же! Репин, например, - помните убийство царевича Ивана? Как гениально раскрыта драма личности! А Серов? Вот кто нашел настоящие краски в тоскливой русской природе! А Куинджи? Вот кто заставляет содрогаться перед лирическим пейзажем! Литература? Как же, как же, Фет, например: "Шепот, робкое дыханье, трели соловья..." Вот она, настоящая романтика бытия! Разве нынешние так

пишут? Философия? Ах, как гениально сказал Розанов⁵⁹: "Я не ищу истины, я ищу покоя". О, это навсегда останется близко каждому во все эпохи...

Но на самом деле - какие там чувства, какая эрудиция! И перед картинами он стоит холодным, как пороссячий студень, все это вычитано из справочника по Третьяковской галерее; и в действительности больше всего он любит цветную картинку из старой "Нивы"⁶⁰ с надписью "Купающаяся нимфа" - берете в руки, имеете вещь. И в области философии он искренне убежден, что Розанов, который написал трактат о цели человеческой жизни, и Владимир Николаевич Розанов, который режет аппендициты, исправляет грыжи в Боткинской больнице, -- одно и то же лицо, и если что ему близко тут, так это единственно гоголевский философ Хома Брут, который никогда науками себя не изнурял, но преимущественно курил тютюн и ходил в гости к булочнице. И из всех писателей нынешних он не читал кроме Зощенки - как в бане у кого-то номерок с ноги сперли, а в кухне подрались из-за ежика и нервного инвалида стукнули по кумполу. По кумполу! Над этим он хохотал до упада, и это - единственный образ, который пленил его во всей современной литературе. Да, впрочем, и у Фета-то, кроме этих двух строк, он ничего не знает, старых не читал точно так же, как и новых, и его настоящий вкус - это книжечки, которые продавались раньше из-под полы на Петровке: "Что делает жена, когда мужа дома нема"...

Его невежество прямо поразительно для человека наших дней. Ведь это именно о нем рассказывают, что, когда в его присутствии прочли однажды из Пушкина: "Судите сами, какие розы нам заготовит Гименей" - и речь зашла о том, кто же такой этот Гименей, он высказался, что, поскольку тот заготавливает розы, очевидно, это садовник из Лариных. И если имя нерусское как будто - так, очевидно, немца выписали. И это именно он ответил, когда у него спросили, почему пустыня Сахара называется Сахарой: - Наверно, там сахар делают.

- Да нет, там песок!

- Ну, а я разве сказал, что рафинад?

Он вездесущ, он настигает вас всюду, он неумолимо вторгается в поле вашего зрения, ваших мыслей, ваших чувств на каждом шагу, где бы вы ни были, чем бы вы ни занимались.

Вот вы пришли утром на работу, вы развернули свежий газетный лист. Он уже ждет вас и говорит, жуя бутерброд с кетовой икрой: - Привет, привет. Ну, как жизнь молодая? Читали последнюю сводку о вспашке под зябрь? Миллион гектаров! О, это увлекательно, как роман, это упоительно, как сказка! Новая деревня может волновать, как мечта!

Ведь он - сочувствующий, и это все должны знать, и он не упустит ни одного случая, когда это можно лишний раз подчеркнуть. Но, конечно, в своем сочувствии он напоминает того исторического исправника из Елабуги, который в дни Февральской революции послал телеграмму Родзянке⁶¹: "Двадцать два года состоял скрытым

59 *Розанов Василий Васильевич* (1856-1919) - русский писатель, публицист, философ.

60 *"Нива"* - еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, издавался в Петербурге в 1870-1918 гг.

61 *Родзянко Михаил Владимирович* (1859-1924) - один из основателей и лидеров партии октябристов, крупный помещик. Председатель III и IV Государственных дум, в 1917 г. - Временного комитета Государственной думы. С 1920 г. в эмиграции.

республиканцем, честь имею в нынешние светлые дни поздравить ваше превосходительство". Он сочувствует, но попробуйте-ка отправить его в эту новую деревню, которая упоительна, как мечта! С каким бешенством встретит он это известие, посягающее на его покой, на его квартиру, на его плюшевый зеленый гарнитур "от той мамы", на его двуспальную довоенную никелевую кровать, на которой можно "задавать храповицкого". Как будет возмущаться и негодовать, как неистово будет шипеть:

- Но с какой стати! Но почему именно я? Но по какому праву?

Он поднимет на ноги всех и вся, целую неделю он без устали будет носиться по всем инстанциям, всем надоест, всех измучит, и конечно, в конце-концов его никуда не пошлют. О, он не из тех, которые поступаются собственным комфортом во имя торжества идей...

Или в какой-нибудь одуряющий весенний день вы выбрались посмотреть восход солнца на Воробьевы горы. Конечно, и он уже там - ведь солнце всходит здесь на большой с присыпкой. И в самую чудесную минуту, когда скользнут первые розовые лучи по застывшей воде и сверкнет первая росистая паутинка на ветвях деревьев, в самую замечательную минуту, когда у вас дрогнет от восторга и радости все существо, он громко скажет сбоку своей спутнице:

- Кр-расота, кто понимает! А вот нарисуй художник, никто и не поверит. Вы любите природу?

Потом заложит уши ватой, чтобы не продуло ветром, и предложит пойти к сторожике в лес, заказать молоко с коржами и яичницу-глазунью. Ударим по глазунье! И, уходя, непременно оставит на ближайшем дереве или скамейке имена для потомства. Не просто какая-нибудь Ольга Павловна или Павел Иванович, нет! Ему нравится, чтобы любимая называла его козлик или пужик, а сам он именует любимую -- Люлю, птичка или киска. И напишет: "Люлю и козлик. Июнь 1934". Пусть весь свет знает, что он - романтик и весной наслаждается здесь лицезрением зари!

Или вы вышли погулять в парк - и вот он стоит с компанией где-нибудь в самом людном месте, у фонтана, и, щурясь, оттопырив губу и подрыгивая ногой, раздевает глазами каждую проходящую девушку. О, в своем мужском кругу и внутри себя он никогда не подумает и не скажет о женщине - умна она или глупа, добра или черства, развита или пустовата. Это для него и неважно, и неинтересно. Зато какие у нее ноги, грудь, спина, бедра, это разбирается, это смакуется, это обсуждается со всех сторон, как стать лошади, на которую делается ставка. Он твердо убежден, что нет женщины, от которой в течение недели нельзя было бы добиться взаимности и которая устояла бы перед парой шелковых чулок. И если ему сказать, что женщина, на которую он сощурился, - идеалистка, например, или ей противны пятиминутные адюльтеры, или она верна человеку, которого любит, он только пожмет плечами:

- Что же, если верна, тогда нужно две пары.

Его вкус - это, собственно, парикмахерские гризетки, у которых низкие лбы, шиньоны на висках, которые любят, чтобы мужчины смотрели на них бараньими, ословелыми глазами, жали им ноги, одевая ботинки, и в патетические минуты говорят, закрывая глаза:

- Как ты красив, проклятый!..

Но это необязательно, и по злой иронии жизни и судьбы большей частью в орбиту его попадают женщины, которые в душевном смысле стоят на десять голов выше его.

Вот они встретились, познакомились, и уже через день он начинает говорить, что стосковался по жизненной красоте, по любви, которая полна духовной близости, и жаждет окунуться в нирвану⁶² и видеть небо в алмазах, а жена у него мещанка и, несмотря на все его усилия, не подыметя выше интересов кухни и старого тряпья. Конечно, он врет! Какие там усилия, какая там нирвана!

Достаточно послушать сцены, которыми сопровождает он каждую пережаренную котлету, каждый незаштопанный носок. Глаза у него делаются в эти минуты круглые и злые, голос визгливый, и от волнения он свистит и шипит передним зубом:

- Кажется, я просил! Кажется, я заслуживаю! Или, вы думаете, я женился для того, чтобы наживать изжогу и ходить в носках без пяток?..

Потом, наскоро покончив с духовной нирваной, он переходит к делу и уже говорит волнуящим, вкрадчивым шепотом, что в глазах ее есть что-то вакхическое и, когда он смотрит в них, у него начинает кружиться голова, уже философствует, что жизнь коротка и надо ловить мгновенья и уже цитирует с манерой скверного провинциала-любownika стишки: "Хочу быть дерзким, хочу быть смелым, хочу одежды с тебя сорвать!" Но какая там дерзость! Да он, когда купается, сначала полчаса мочит подмышками, а, увидев в комнате мыш, вспрыгивает на диван или на стол. И голова у него не кружится, потому что слова эти он говорил уже десятки раз, и в эту минуту, наверно, обдумывает, где бы половчей достать боны, или соображает, что сказать жене, если откроется это очередное похождение. Впрочем, тут у него раз и навсегда установлен удобный стандарт, в котором он не трудится даже варьировать ни одной детали. - Но, милая, разве это важно? - говорит он каждый раз, уличенный в обмане. - Биологическое отправление и больше ничего. А сердце бьется в унисон только с твоим, а святая святых всегда будет только в тебе!

И если сказать ему, что так нельзя, что в это надо вкладывать душу, потому что иначе получается свинство, он только усмехается:

- Душа? Дорогой мой, а что есть душа? Пар, коллоидное вещество, и не больше. Об этом даже у Малашкина⁶³ сказано...

Если стишки не помогают, срочно изменив тактику, он объявляет вдруг, что безумно хочет иметь ребенка. Дети - цветы бытия, дети - это наше будущее, и, боже мой, всю жизнь он мечтал иметь ребенка! О, он хорошо знает эту струну в душе женщины, на которой можно играть! Но вот это случается, его случайная подруга расскажет ему и вдруг увидит с отчаянием, рухнув сразу с алмазного неба в грязь, как растерянно и блудливо забегают у него глаза, ей станет сразу холодно, и все опустится внутри...

- Да, - скажет он, - конечно... но, знаете ли, нынешние условия... Теснота, шесть долгих и двадцать два коротких, пеленки по талонам дают... Пожалуй, мы и не подумали в те чарующие минуты... Я рад, я растроган, это - мечта всей моей жизни, но имеем ли мы право быть эгоистами? Но будет ли счастливо это дитя, которое я уже люблю?

И опять он врет, потому что у него не шесть долгих и двадцать два коротких, а прекрасная квартира в Арбатском переулке, и не пеленки по талонам, но отличный распределитель с грушами и сигаретками на витрине. Почему, за что, как это удастся

62 *Нирвана* - центральное понятие буддизма и джайнизма, высшее состояние совершенной удовлетворенности и самодостаточности, абсолютной отрешенности от внешнего мира.

63 *Малашкин Сергей Иванович* (1890-1988) - советский писатель.

устраивать? Он ничем не заслужил этого, он не несет никакой большой работы, он не нуждается в этом по здоровью и не имеет на это никаких прав, но у него всегда есть все, что обеспечивает покой, удобства, комфорт. О, это поразительное искусство брать от жизни все, ничего не отдавая взамен! О, это удивительное умение нырять мгновенно в каждую щель, которая хоть на миг откроется глазам!

Этот человек не уступит нигде и ничего, за что можно ухватиться и что может обеспечить лишнюю крупицу благополучия в жизни. Даже пяти минут времени в очереди, сквозь которую он всегда лезет вперед, жонглируя своим карасиным значком, даже место в трамвае, которое предназначено для инвалидов и в которое он вращается мгновенно, точно припаянный оловом.

- Уступите, гражданин, больному. Ведь человек на костылях.

- Ну, знаете, у меня у самого мозоли.

И не уступит, и еще попросит не толкать костылями, и будет сидеть так, с видом человека, для которого единственно и создан мир, пока не доедет до службы, до кино, до магазина, до стадиона, до одного из тысячи мест, где каждый видит изо дня в день эту мелькающую фигуру...

Ибо он - везде, втираясь ужом, он проникает частицами своей поганой философии и своего морального уродства во все поры нашей жизни, оскверняя дыханием старого все, к чему бы он ни прикоснулся. И, сталкиваясь с ним, хочется сдернуть мишуру его внешних покровов и на глазах у всех посветить ему, по выражению Гейне, в лицо: "Смотрите, вот он каков, пошляк и шельма наших дней!" ...⁶⁴

Лев Сосновский

Автобиография

Род. В 1886 г. В гор. Оренбурге. Самые ранние воспоминания рисуют небольшую переплетную мастерскую, где верстаки до потолка загружены книгами, отданными в переплет. Я, маленьким мальчиком лет семи, забрался с ногами на верстак и, усевшись поближе к окну, жадно читаю книги. В переплетной причудливо смешивались книги

64 Самое главное. Рассказы. Очерки. Фельетоны. М., 1961-- http://evartist.narod.ru/text/01_06.htm

самого разнообразного содержания. В этом беспорядочном разнообразии я их и читал. Спросить совета было не у кого, да и в голову не приходило, что читать можно по выбору. Впрочем, некоторый выбор я производил сам. Пробежал несколько страниц в начале, затем в конце, потом из середины и, если находил что-нибудь занятное, читал всю как следует. Затем о многих авторах приобретал уже отчетливое представление. Так я перечитал и полюбил крепкой любовью всех русских классиков, затем авторов романов и повестей с приключениями, исторических романов и т. П. Собственно детскую литературу я узнал уже взрослым человеком. В детстве она мне или не попадалась, или не производила впечатления. Братья мои, переплетчики, косо смотрели на мою привязанность к книгам. Они еще с грехом пополам терпели чтение книг не переплетенных, по отгоняли от книг переплетенных, еще сыроватых. Если свежепереплетенную книгу читать, она начинает топорщиться, крышки расходятся, книга разбухает. А по обстоятельствам дела приходилось нарушать их указания. Помню, что некоторые сочинения Достоевского я начал читать непереплетенными, продолжал дочитывать, когда они были в шивальном станке (очень неудобная процедура) и доканчивал уже в переплетенном виде. Так как я читал очень много и зрительная память у меня оказалась острая, то едва научившись писать, я писал столь же безошибочно правильно грамматически, столь же правильно ставил знаки препинания, как впоследствии, ставши журналистом. Это мое «достижение» пригодилось, как увидим далее, моему отцу в его профессии. Теперь немного о семье. Отец, отставной николаевский солдат, прошедший горькую долю кантониста и чуть не 25 лет солдатчины, был еще маленьким мальчиком насильственно отнят у родителей и облачен в шинель. Что такое николаевская солдатская служба и особенно кантонисты, я узнал уже будучи взрослым и не от отца. Отец же в редкие минуты своих рассказов о прошлом особенно отчетливо говорил о том, как жестоко и много его били. Рассказывал, как его побоями, истязаниями и даже пыткой заставляли перейти в православие. Загоняли даже в реку и грозили утопить, если не окрестится. Многие его сверстники стали православными, он же как-то остался евреем. Он показывал мне на базаре стариков-лавочников с истинно русскими фамилиями, но с истинно еврейскими носами и бородами, и пояснял, что это были кантонисты, розгами и кулаками приведенные к пониманию истинности православной веры. Биография отца и матери мне почти не известна. Они не рассказывали, а я не спрашивал. После солдатской службы отец, насколько я помню, попал в кабатчики к откупщику. Из казармы – в кабак. О кабацком периоде его жизни мне ничего не известно. Разве только то, что отец здорово пил и мог выпить большое количество водки не поморщившись. Я могу припомнить уже не кабацкий, а трактирный период жизни отца. В трактире «Саратов» поблизости от базара отец проводил целые дни. Там была его приемная, там он практиковал как «аблакат». Человек он был малограмотный. Как он там адвокатствовал, не знаю. Но знаю одно. Когда мне стало лет 9, отец заставлял меня переписывать начисто те прошения и жалобы, которые он составлял для своих клиентов. Писал я в 9 лет лучше своего отца. Отец строго следил только за тем, чтобы я правильно расположил титул на бумаге, оставил надлежаще широкие поля и не делал клякс. Во все прочее он вникал мало. Он знал, что

пишу грамотно, запятые и точки ставлю где следует, и только. Одно из дел в адвокатской практике отца я помню потому, что оно стало рубежом в жизни и быте нашей семьи. В Оренбурге умерла какая-то бездетная богатая купчиха, старообрядка. Отец взялся разыскать и утвердить в правах наследства ее дальних родственников, которых еще только надлежало разыскать. Он рыскал по дальним губерниям, обшаривал церковные записи и в конце концов вернулся с наследниками. Я помню красивые благообразные лица привезенных им владимирских мужиков. Он их действительно сделал наследниками богатств, за что и ему перепала какая-то сумма. По тогдашнему нашемуубедному состоянию эта сумма была, вероятно, большой, но в общем едва ли превышала пару тысяч рублей. Из кустарей-ремесленников мы превращались в предпринимателей уездного масштаба. Братья сначала были рабочими в оренбургской типографии, потом самостоятельными кустарями, и теперь мы переехали в гор. Троицк, где появилась маленькая типография в компании с другим человеком. Кончился адвокатский и трактирный период в жизни моего отца. В моей жизни тоже кончился босоногий период уличных игр, целодневных утех на берегу тихого обмелевшего Урала. Я стал гимназистом. Вскоре отец не поладил со старшим братом, и семья разделилась. Я же остался у старшего брата типографа. Сказать о гимназическом периоде что-нибудь отрадное довольно трудно. Мне почему-то кажется, что я тоже был в кантонистах, только более смягченного цивилизованного типа. Бездушие школьного режима, запуганность учеников, бесталанность педагогов, зубрежка, скука. Светлым пятном мелькнула фигура учителя русского языка Баврина, который за короткий период (какой-нибудь год-два) влюбил меня в русскую литературу, привязал меня горячей любовью к Пушкину и Лермонтову. От бавринского периода протянулись какие-то нити к моей начитанности детского периода. Баврин точно полил живительной влагой посеянные засохшие семена. Оказалось, что я для своего возраста дьявольски много читал, знаю и понимаю. Уже тогда я стал обнаруживать некоторые, как бы сказать, «сатирические» наклонности. Мы стали издавать рукописный ученический журнальчик, где я в стихах вышучивал кое-каких педагогов. Стихи были, конечно, неважные. Чем быстрее я рос умственно, тем нестерпимее казалось мне пребывание гимназии. Главное, угнетала приниженность, несправедливость, постоянное ожидание какой-нибудь грубости, издевательства, наказания. В журн. «Прожектор» за 1926 г. Я написал статью «Письмо на родину», где бегло нарисовал кусочек школьной моей жизни и переживаний. Я стал рваться из школы на волю. Родные не препятствовали, и я в один прекрасный майский день почувствовал себя свободным от школы. Около этого времени умерла моя мать. Умерла она в больнице для душевнобольных. Это была тихая, болезненная женщина, забитая отцом и, в сущности, им же сведенная в сумасшедший дом. На ее глазах он путался с кухарками, кухарки издевались над матерью, глумились над ее религиозными чувствами. Самым ярким проявлением болезни матери была боязнь, что ей в комнату хотят насильно повесить иконы. «Снимите иконы!» – вопила она, кидаясь к пустым углам больничной палаты. Некоторую роль в болезни матери сыграло одно семейное событие. Кажется, в год моего рождения из дома нашего убежала сестра, приняла православие и постриглась в

монашенки. Мать была надолго потрясена этой историей, небывалой в еврейском мире. Иногда маленьким мальчиком я посещал сестру в монастыре. А недавно она почти старухой приезжала ко мне. Монастырь закрыт, и ей надо начинать после 40 лет монашества новую жизнь. Начались первые годы моей самостоятельной жизни. Вполне самостоятельной ее нельзя было назвать. Правда, я избавился от гимназической казенщины и попал в поток вольной жизни. Но я еще не мог зарабатывать себе самостоятельно кусок хлеба. Поступил в Самаре учеником в аптеку. На первых порах бесплатно, по заведенному тогда порядку. Работа была тяжелая. И рабочий день был длинен, и в праздники приходилось работать наравне с буднями, пользуясь только выходными днями. А кроме длинного рабочего дня, скоро появились ночные дежурства. День и ночь. Хозяин аптеки был суровый немец, грубо к нам, ученикам, относившийся. Он, правда, давал прекрасную школу своего дела. Он учил работать быстро, чисто, аккуратно, четко, внимательно. В позднейшее время я уже не встречал такой аккуратной работы, как у него. Но был он груб, с презрением относился к русскому народу, беспрестанно упоминал в разговоре со своими немецкими приятелями о «русских свиньях», что меня крайне возмущало. Однажды он ударил одного ученика, и мы из солидарности забастовали. Забастовки нашей он даже не заметил, ибо нашего брата было – хоть пруд пруди. Зато я обогатился здесь новым ощущением – желанием дать отпор эксплуататорам и угнетателям, издевающимся над работниками. Мы вдохновили одного товарища написать в местную самарскую газету статью под названием «Белые рабы» – жизни работников аптеки. Статья была напечатана. Около этого же времени я познакомился с людьми, которые ввели меня в социал-демократический кружок. Там нам рассказывали о златоустовском расстреле рабочих, там мы начали читать «Искру». Я стал оказывать посильные слуги (технического характера) партии. С этого времени (1903 г.) я и считаю себя членом партии. После Самары начался период скитания по аптекам (Обоянь, Челябинск), закончившийся Екатеринбургом (1904 г.). Здесь я скоро познакомился с большевиками. Сначала меня использовали только технически. Аптека, где я служил, была очень удобна и для хранения всякой нелегальщины, и для встреч с нелегальными работниками. На мое имя получалась переписка из-за границы и иная. Приезжавшие из разных мест партийные работники являлись в аптеку и от меня получали адреса явок. Вскоре я познакомился и с видными уральскими партийными работниками. Однажды я решил сам пойти по одному из тех адресов, куда направлял других. Там я познакомился с Марией Оскаровна Авейде (весной 1919 г. Расстреляна Колчаком за подпольную работу) и высказал ей мое желание более близко связаться с организацией и войти в кружки для изучения программы партии. Авейде направила меня к Клавдии Тимофеевне Новгородцевой (позже Свердловой, жене Я. М. Свердлова). Не помню точно в какой последовательности, но к весне 1905 г. Я познакомился с тогдашними руководителями большев. Организации на Урале и стал своим человеком. Появился М. М. Свердлов, который сразу меня очаровал как тип настоящего революционера. Стал я посещать собрания и массовки. Печатал на гектографе прокламации. Выполнял разные мелкие поручения. Так подошли события осени 1905 г. Организация располагала крупными силами. Свердлов, Чуцкаев, Сыромолотов и многие другие товарищи были опытными

твердыми большевиками, и мы могли у них учиться. Октябрьские дни 1905 г. Пахнули на нас дыханием настоящей борьбы. 19 октября на наш митинг напала черносотенная организация. Несколько человек было ранено (в том числе Минкин). Но через пару дней организация подготовилась к отпору и сделала вызов черной сотне. В городском театре под охраной боевой дружины большевиков состоялись многолюднейшие митинги, где с исключительным успехом выступал Свердлов. Помню ночи, когда группа большевиков в ожидании нападения ежечасно готова была дать вооруженный отпор. Это были отличные ночи, поистине спаивавшие людей боевой спайкой. К этому времени относится небольшой эпизод моей жизни. Как я уже говорил, на мой адрес в аптеке получалась комитетская корреспонденция. Из аптеки я ушел, а с переменной адреса переписки кто-то медлил, и письма продолжали приходить. Иногда адрес на конвертах искажался до крайности. «Вознесенская аптека» и только. А кому – не написано. Хозяин однажды вскрыл такой конверт и обомлел от страха: на тоненькой бумажке – нелегальщина. Аптекарь раскричался и стал угрожать, что передаст жандармам, что он не хочет пострадать из-за негодяев. Узнав от сослуживцев об этих разговорах хозяина, я пошел к нему выручать пакет. Он стал осыпать меня оскорблениями. Тут я не выдержал. Хозяин получил от меня несколько пощечин, конверт я у него насильно вырвал, и на том разговор был покончен. Впоследствии мы шутили, что я еще в 1905 г. Начал практиковать террор против буржуазии. В ноябре мне посоветовали поехать в Златоуст, где господствовали социалисты-революционеры. Я отправился туда, хотя и чувствовал себя очень слабо подготовленным большевиком. В Златоусте я первым делом постарался поступить на завод. Уже был принят обрубщиком, но администрация хитро спланировала: врачебным осмотром я был забракован. Я ходил по заводу, вел маленькую работу, участвовал в стычках с эсерами, где снова и снова убеждался в своей неподготовленности к пропаганде, особенно по аграрному вопросу. В Златоусте же мне пришлось впервые выступать на громадном рабочем митинге по случаю годовщины расстрела рабочих Златоуста царскими палачами на площади. Был страшный мороз. И без того перехватывало дыхание. От мороза и от волнения я дрожал. В свою краткую речь я вложил столько ненависти к царизму, что даже мои приятели потом удивлялись моему ораторскому таланту и предвещали мне будущее оратора. Скоро, однако, через Урал потянулась карательная экспедиция одного из кровавых генералов. Пришлось убираться. В пустом товарном вагоне в страшный мороз пробирался я из Златоуста в Самару, в надежде найти там кого-нибудь из знакомых партийцев. Еле живой добрался туда. В Самаре никого не нашел. Отправился в Одессу, добыв туда несколько адресов. И там не повезло. Тогда я решил удрать за границу, в надежде там поучиться марксизму, поглядеть заграничное рабочее движение и просто подышать свободным воздухом. После ряда неудач с попытками уехать я наконец решил ехать так, как ездили герои читанных мною каких-то романов. Забрался в трюм первого попавшегося парохода, не справившись даже, куда он идет. За Константинополем вылез из трюма и был поставлен капитаном на черную работу. В Алжире (Сев. Африка) я с парохода удрал, так как капитан угрожал предать меня в Англии суду за самовольное проникновение на судно. С тремя рублями

начал жизнь эмигранта. Работал на табачной фабрике, в аптеке, пока удалось добраться до Парижа. В Париже я вел около года жизнь эмигранта. Безработный, часто бездомный, голодный, я жадно вбирал в себя впечатления новой для меня обстановки. Посещал лекции, диспуты, занимался в библиотеках, посещал собрания профсоюзов Парижа, попал даже на конгресс профсоюзов Франции в Амьене (1906 г.). Париж мне дал очень много, но я начал томиться тоской по России и жаждой работать. Побывав еще в Женеве и Вене, я твердо решил возвратиться в Россию. И вернулся. Попал в Ташкент, где поступил наборщиком в местную буржуазную газету «Турк. Курьер». Организовал союз печатников. Изредка сотрудничал в местной соц.-дем. Газете, которую издавал там старый товарищ М. В. Морозов. Хозяин моей типографии, он же редактор газеты, он же раввин Кирснер, раскусив меня, поспешил уволить. Союз объявил забастовку. В ту же ночь мы были арестованы. Союз продолжал стачку до нашего освобождения. Пришлось тому же Кирснеру выручать меня из тюрьмы. Вскоре я поступил конторщиком-корреспондентом в ташкентскую фирму Дружкиных. Братья Дружкины, молодые люди, ставшие наследниками большого состояния, разыгрывали из себя очень передовых людей. Глава фирмы учил меня стилистике: как писать поставщику, с которым рвешь отношения, и другому, с которым рвать не собираешься; как писать брату-студенту, который прокучивает сверх полагающихся сумм (по семейному решению сонаследников); как писать управляющим разными отделениями фирмы. Он браковал мой стиль. Но стилистические занятия были прерваны забастовкой, которую мы организовали в ответ на беспричинные увольнения служащих. Полиция снова стала меня искать, и я вынужден был покинуть Среднюю Азию. В Ташкенте я участвовал в выборах в 2-ю Государств. Думу. От Ташкента был избран в Думу депутатом наш кандидат, интереснейший из людей, каких я встречал, -- генерал В. П. Наливкин. Очень оригинальная личность. Седой благообразный старик, участвовавший в походах по покорению Средней Азии царизму еще со Скобелевым, проделавший большую военную и административную карьеру (военный губернатор), он к старости выработал себе своеобразные оппозиционно-революционные взгляды на существующий строй. Взгляды эти были смесью марксизма с каким-то культурническим анархизмом. Он в особенности внимательно стал относиться к национальному вопросу на Востоке, изучил чуть ли не все туземные языки и наречия, открыл школу для детей туземцев, самолично издавал газету на одном из местных языков, написал большой труд о положении туземного пролетариата и т. д. К моменту выборов он согласился выставить свою кандидатуру от социал-демократов и прошел в Думу. Популярностью он пользовался громадной за свою личную обаятельность и глубокий демократизм. Знакомство с ним ввело меня в не известный мне раньше круг людей. Чтобы покончить с ташкентским периодом – несколько слов о Дружкине. Это имя оказалось неразрывно связанным с кровавым преступлением английского империализма – с убийством 26 бакинских комиссаров. Дружкин был правой рукой англичан во время их кратковременного господства в Закаспии. Вместе с ними он скрылся с горизонта. Мастер коммерческого стиля – он оказался мастером разбоя и белого террора. По пути из Ташкента я пытался обосноваться в Оренбурге. Там меня застал разгон 2-й

Гос. Думы и начавшаяся еще более ожесточенная расправа царизма с революционными работниками и рабочим классом. По некоторым сведениям ярче всего тлелся еще революционный огонь на Кавказе, куда меня и потянуло. Я очутился в Баку. Жил там нелегально, работал сначала конторщиком в ресторане-гостинице, созерцал разгул бакинских купчиков. Потом перешел на службу в аптекарский магазин. Скоро удалось найти связи с организацией через Семкова, с которым мы подружились еще в Париже. В Баку я прошел большую школу. Крупная промышленность, разноплеменный состав пролетариата, особое положение нефтяной промышленности, позволявшее рабочим и партии дышать куда свободнее, чем в остальной России. Там открыто действовали массовые профессиональные союзы, выходила рабочая печать. То и дело пролетариат прорывался внушительными политическими и экономическими выступлениями. Капиталисты вели с рабочими союзами переговоры о заключении коллективного договора. Словом – классовая борьба в самых разнообразных формах и в широком размахе. Возможности пропаганды и агитации были неизмеримо шире, чем в других местах России. Комбинация легального и подпольного революционного движения здесь позволяла развернуть работу очень широко. За время пребывания в Баку я последовательно был и районным организатором (подпольным) партийной организации, и секретарем профсоюза деревообделочников и строителей, и участником клубной работы и кооперативной. Работа кипела, захватывая всего, но арест помешал. Однако через несколько дней мне удалось бежать, и я укрылся в нефтяном районе – Балаханах. Там я сблизился с очень интересным, высокоталантливым рабочим-большевиком И. П. Самарцевым (настоящая его фамилия Шитиков), который был организатором профсоюза, проявлял громадную энергию в создании мощной классовой организации. Одно время он вышел из партии, но впоследствии вернулся. Он склонялся к синдикализму французского типа, который тогда был в расцвете, и заинтересовал своей борьбой с реформизмом и выродившимся парламентаризмом правых социалистов. В Балаханах жил у рабочих, с ними переживал все события местной жизни. Поступил чернорабочим на промыслы Ротшильда, откуда был уволен. Работал с Самарцевым в артели безработных по прокладке труб. Тяжкая, а временами и смертельно опасная работа (когда линию приходилось вести через нефтяное озеро-болото). После Баку перебрался в Москву с паспортом Николая Краюшкина (бакинский рабочий-металлист, давший мне свой паспорт). Стал работать секретарем двух профсоюзов: текстильщиков и кожевников. Оба союза имели общее помещение в крохотной комнатке у одной портнихи в Замоскворечье. В сущности, это была не столько организационная, сколько агитаторская работа. Под видом общих собраний членов союза совершенно легально собирались рабочие собрания, где в легальных формах велась соц.-дем. пропаганда и агитация. Мы учились обходить царские законы. При всей свирепости своей царская полиция была довольно глуповата. Так, например, в то время правительством подготавливался законопроект о государственном страховании рабочих. Ясно, что это было за страхование. Деньги с рабочих брать, а к управлению их не допускать – вот краткий смысл всего проекта. Мы проводили десятки многолюднейших собраний, и в присутствии полиции самым спокойным тоном, без единого крепкого слова начисто разделявали хитрую механику

царизма, его политику в отношении рабочих. Кроме явной полиции, на собраниях бывали и тайные агенты, более грамотные. По их доносам нам скоро перестали разрешать постановку вопроса о государственном страховании. Тогда мы не упоминали в повестке ни слова – государственное, ни слова – страхование. Говорилось об «обеспечении больных рабочих». В дальнейшем – «о помощи больным членам союза». Но суть речей была одна и та же: разве это правительство может заботиться о рабочем? Доклады производили громадное впечатление. Рабочие записывались в союз. Мы проникали в фабричные казармы («спальни»), отбирали наиболее активных, живых ребят, втягивали их в союзную, а через союз – и в партийную работу. Работа в союзе была, конечно, связана с опасностью вылететь за ворота фабрики, а то и попасть в каталажку. Тем не менее всегда находился такой слой рабочих, который шел на работу, невзирая на риск. Собрания устраивались большей частью в зданиях чайных-столовых и народных домах «Попечительства о народной трезвости», разбросанных по всем районам. Главой этого попечительства был тогдашний московский губернатор Джунковский. Без его разрешения нельзя было получить помещения под собрание. Приходилось мне, нелегальному революционеру, являться в блестящую приемную губернатора в качестве крестьянина Николая Краюшкина на прием. Выходил лоценый красавец в мундире, такой элегантный и внешне любезный, принимал от меня прошение, задавал несколько незначущих вопросов и давал милостивое разрешение. За ним следовала свита разных секретарей и адъютантов. Являлся я в синей или черной блузе, почему сходил за фабричного. Джунковский не подозревал, что за преступная личность стоит перед ним. В то же время я принимал в Москве некоторое участие в работе литературной. Тогда большевиками в Москве выпускался политически-профессиональный журнал. Его закрывали, и он вновь выходил под новыми названиями («Рабочее Дело», «Вестник Труда» и др.). Там работали М. И. Фрумкин, Скворцов-Степанов и др. Зимой 1909 г. Я бы арестован. Благодаря курьезно-печальному совпадению меня снабдили паспортом на имя Тимофея Куранова (паспорт Краюшкина к тому времени просрочился, и надо было достать другой). А оказалось впоследствии, что этим же паспортом на имя Куранова пользовался в Харькове некто, стрелявший в полицию при попытке ареста и скрывшийся от полиции. Меня по паспорту приняли за него и потащили в Харьков. Допросы, очные ставки, жуткое сидение в строжайшей изоляции и в ожидании плохого конца. Хотя дело и обошлось благополучно, но пришлось пережить довольно тягостные, неприятные минуты. Однажды поздней ночью меня разбудили и повезли из харьковской тюрьмы в жандармское управление. Помню эту ночь. Могильная тишина в огромных пустых комнатах жандармского управления. Долгое томительное ожидание, тревожная дремота и борьба со сном. Вдруг распахиваются двери и с двух сторон пускают целую толпу людей, которым приказывают внимательно смотреть на меня. Потом всех уводят и вводят каждого поодиночке. «Узнаете ли в этом человеке того, кто стрелял в околоточного надзирателя?» Долгое томительное молчание. Как-то вспышкой в голове проносится сцена из «Джунглей» Киплинга: «Смотрите внимательней, о волки!» Это – ночная сцена в джунглях, когда волчье племя производит испытание молодым волкам на предмет установления их зрелости и пригодности для самостоятельной волчьей

жизни. «Смотрите внимательней, о волки!» И тут жандармский офицер возглашает: «Смотрите внимательнее на этого человека». Один, другой, третий свидетель заявляют: «Нет, не тот». А четвертый, какой-то облезлый шпик, гнусавенько спешит заявить: «Как же-с, он самый. Очень даже узнаю». Но на жандарма это не производит впечатления. Он больше интересуется мнением старичка (как я потом узнал – квартирного хозяина, где происходило накрытое полицией собрание и где некто стрелял в надзирателя). Старичок долго колеблется, но потом как-то со вздохом заявляет: «Нет, не он». На рассвете меня везут безлюдными сонными улицами в тюрьму. Всю дорогу я думал: «А что, если бы старичок признал во мне разыскиваемого субъекта? Не миновать бы виселицы. Нечего сказать, наградили меня друзья паспортом!» Отправили меня обратно в московскую тюрьму. А в Москве охранники вдруг вспомнили, что за мной числится должок правительству – не отбытая воинская повинность. Злорадно потирая ручки, какой-то охранник хихикнул: «Это вам будет похуже ссылки, в казарме вам покажут». Тюрьма, этапное путешествие, лазареты, освидетельствования – и я в Екатеринбурге, в солдатской шинели, на правах поднадзорного «защитника царя и отечества». После нескольких месяцев строгого надзора я начал вылезать из казармы и разыскивать старых друзей по 1905 г. Кое-кого к великой радости нашел. Стал получать вышедшую тогда газету «Звезда» и кое-какую нелегальщину. Потянуло на волю. Под меня подстраивали мину наиболее подлые и реакционные офицеры (подбрасывались устарелые прокламации и т. П.). Я собирался было удирать и переходить на нелегальное положение, как добрые люди посоветовали: сунуть «барашка в бумажке» врачу и откупиться от солдатчины. На второй год солдатчины это удалось осуществить, и я освободился, заодно и легализовался. В маленьком уездном степном городке мой старший брат издавал газетку «Степь», в которую я и поехал работать. Обычно газета при всей ее левизне редко выходила за пределы местных тем. Мое пребывание в газете совпало с сильным неурожаем в крае. И тут, наблюдая деятельность царских правительственных органов в борьбе с последствиями неурожая, наблюдая воровство, бездарность, бюрократизм, бездушное отношение властей к голодающему населению, мы стали разоблачать начальство ядовитыми фельетонами. Посыпались штрафы, конфискации газеты. Наконец мне было дано понять, что и до меня добираются. Тут появилась на свет газета «Правда». Получив первые 10–20 номеров, я стал подумывать о Петербурге. Связей у меня в столице не было, но я двинулся на авось. Через несколько месяцев мытарств я нашел пути в «Правду» и с упоением стал в ней работать. Одновременно начал вести полулегальную работу в рабочих клубах и профсоюзах. Принимал участие в сокрушении меньшевистского влияния в союзе металлистов и в некоторых клубах (например, «Общество Образования» за Московской заставой, где пришлось «вышибать» матерого меньшевика Абросимова, впоследствии оказавшегося провокатором). Весною 1913 г. Я был арестован и после нескольких месяцев пребывания в «предварилке» освобожден без всяких последствий. Разумеется, немедленно вернулся в «Правду». Вскоре вместе с другими товарищами стали организовывать рабочий журнал «Вопросы Страхования», в котором и был секретарем до вторичного ареста, осенью 1913 г. На этот раз, перезимовав в

«предварилке», я был выслан в Челябинск. В Челябинске по возможности проводил влияние «Правды» в рабочую массу, вербовал подписчиков и корреспондентов, проникал в кооперативы, союзы, пользовался всякими возможностями легального и отчасти нелегального порядка. С объявлением войны я был по распоряжению из Петербурга арестован и просидел несколько месяцев в такой изоляции, что только по выходе узнал, кто и с кем воюет. В 1915 г. Был еще раз арестован, но не надолго. За это время удалось связаться с товарищами, жившими в других городах Урала. Состоялось в Екатеринбургe небольшое партийное совещание по вопросу об отношении к войне, на котором участвовали Крестинский, Севрук (тогда большевик), я и др. Еще не имея никаких документов от ЦК партии об отношении к войне, лишённые информации, мы, однако, чутьем заняли правильную позицию, и резолюция наша, помещенная впоследствии в заграничном «Соц.-Демокр.», получила одобрение ЦК как один из первых по времени откликов с мест от партийцев. С окончанием срока ссылки я перебрался на жительство в Екатеринбург. На пропитание зарабатывал себе сотрудр. В местной газете «Уральская Жизнь», которая по тому времени была относительно довольно радикальной. Так, например, во время выборов в военно-промышленные комитеты нам удалось в осторожной форме вести в газете агитацию за бойкот, что соответствовало нашей партийной линии. Это не мешало газете вести в общем оборонческую линию. Понемногу стала сколачиваться крепкая большевистская группа работников, которая вела легальную и нелегальную работу. Незадолго до Февральской революции часть работников была арестована, а у остальных производились обыски, и была установлена тщательная слежка. Я убрался на Саткинский завод (Южный Урал), где нашлось для меня место в конторе. Но едва распаковал чемодан, как вести о падении царизма заставили вернуться в Екатеринбург, где прямо с вокзала попал на большой митинг в городском театре. С февраля до октября незабываемого 17 г. Работал в Екатеринбургe. Больше всего, в сущности, работал как агитатор, журналист и редактор, но приходилось заниматься всем. С самого возникновения совета занимал в нем руководящие места (тов. Председателя совета, председатель областного совета Урала, председатель областного совета профсоветов Урала, член областного комитета партии и т. Д.). За несколько месяцев 1917 г. Пришлось вынести такую агитационную работу по городу и по району, что не оставалось предприятия или казармы, где бы не приходилось выступать, не говоря уж о заседаниях совета и общегородских митингах. Само собой разумеется, фамилия стала довольно известной на Урале. Степень ее известности можно измерить след. Фактом. В мае месяце екатеринбургский совет, небольшевистский по партийному составу, но большевистский по духу, был окружен воинскими частями под руководством эсеров и разогнан. В это время все руководители большевистской организации выехали на съезд в Пермь, чем и воспользовались противники. Начались новые выборы, на которых должны были победить социал-предатели. Рабочих голосов им получить так и не удалось, зато всю энергию они направили на обработку солдатских масс. Поднята была бешеная травля против большевиков. То, что произошло в Питере в июле 1917 г., мы в Екатеринбургe пережили в мае. Офицерство пустило в ход всяческую клевету на нашу партию, чтобы оторвать от нас солдат. Один солдат описывал такую сценку.

Офицер, именующий себя социалистом-революционером, убеждает солдатское собрание, что большевики – шпионы немецкого императора Вильгельма, продажные шкуры и т. Д. Поэтому – ни одного голоса за большевиков. «Поняли, ребята?» – «Поняли!!!» – «Согласны вы, что большевиков выбирать нельзя?» – «Согласны!!!» – «Ну, хорошо, кого же мы теперь выберем в совет?» И вдруг неожиданный ответ хором: «Сосновского!!!» Степень бешенства противников можно еще иллюстрировать тем фактом, что перед Октябрьским переворотом один офицер, тоже из эсеров, прапорщик Мялицын, член президиума совета, за одну мою речь в совете прислал мне через секунданта вызов на дуэль. Секунданта я выгнал, а дело получило огласку в местной печати. В декабре 1917 г., выбранные по списку большевиков в члены Учредительного Собрания, мы с Крестинским покинули Урал и отправились в Петроград. Однодневная учредилка скоро скончалась, и меня оставили для работы в столице. Питерский совет решил выпускать массовую популярную газету для рабочих. Это было поручено Володарскому и мне. Так родилась «Красная Газета». Володарский был больше меня занят партийной (преимущественно агитаторской) работой и появлялся в редакции только к ночи, чтобы написать боевую передовую статью на острую тему дня. Я же проводил целые дни в редакции, подбирая сотрудников для нового типа газеты и просматривая весь материал. Одновременно приходилось выступать на больших рабочих и солдатских собраниях, сражаясь с меньшевиками и эсерами. С переездом центрального правительства в Москву переехал и я, будучи в то время членом президиума ВЦИК (в этом звании был до 1924 г.). В Москве на меня возложена была задача создания массовой крестьянской газеты. Пришлось слить существовавшие в то время газеты партии «Дерев. Беднота» (Петроград) и «Дерев. Правда» (Москва). Весной я начал выпускать газету «Беднота», редактором которой был свыше 6 лет. Работа в «Бедноте», чтение массы крестьянских и солдатских писем впервые сблизили меня с крестьянскими делами. В 1918 г. По жалобе одного крестьянина на безобразия местных властей я был командирован в Бежецкий уезд Тверской губ. Для расследования. Поездка в сопровождении замечательно талантливого партийца-крестьянина А. Г. Панкова меня очень многому научила, заставила продумать многое в отношении деревенских дел. Летом 1919 г. Я был в числе других работников командирован в провинцию для инструктирования и выправления партийной политики мест и попал с тем же Панковым в ту же Тверскую губ. Проехав несколько уездов, разбирая всевозможные жалобы, выступая на множестве крестьянских собраний, я продолжал учиться этому сложному и ответственному делу, ранее мне не известному, -- политике партии в деревне. Незадолго до этого мне пришлось принять участие в новом интересном деле: организации агитационно-инструкт. поездов и пароходов ВЦИК. Я был назначен ответственным руководителем этой организации, где фактическое повседневное руководство принадлежало Бурову. С первым организованным поездом я поехал сам вдоль западных границ республики. Это была очень интересная и плодотворная работа. С освобождением Урала от колчаковщины туда была направлена Центр. Комитетом группа работников, по преимуществу старых уральцев, в том числе и я. Я был назначен председателем губернск. Революц. Комитета в Екатеринбурге. Шла

восстановительная советская работа после года белогвардейской диктатуры. К зиме 1919–20 гг. я получил назначение в Харьков, только что освободившийся от Деникина. В Харькове пришлось поработать только около 3-х месяцев в качестве председателя губкома партии. По возвращении в Москву я стал работать в Главполитпути (организация, проводившая политическую работу на транспорте). Там я предложил Троцкому, тогда народному комиссару путей сообщения, издавать массовую газету рабочих-железнодорожников. Получив его согласие и одобрение ЦК, я организовал газету «Гудок», редактором которой и был первые месяцы. В 1921 г. Я был назначен заведующим Агитпропа ЦК РКП. В 1922 г. Участвовал в работе советской делегации на Генуэзской международной конференции. Поездка дала мне возможность немножко присмотреться к жизни современной Европы после 1905 г. Из дальнейших этапов остается отметить разве назначение членом коллегии Наркомзема, в котором, впрочем, работы я почти не вел, занимаясь, главным образом, журналистской работой. Основной моей работой за годы революции была именно журналистская. С весны 1918 г. И до сего дня я был постоянным работником «Правды», совмещая эту работу с разными другими, но никакой другой не отдавая столько сил, сколько «Правде». Мне пришлось протаптывать дорогу советскому фельетону. Первые месяцы и годы революции кроме меня и Д. Бедного фельетонов почти и не писал никто. Потом появился В. Князев, за ним другие. Некоторые фельетоны были изданы в двух томах под назв. «Дела и Люди» (1-й том – «Рассея», 2-й – «Лед прошел»). Кроме того, вышли небольшие книжечки статей в разных издат.: «Советская Новь», «О музыке и о прочем», «Больные вопросы», «Дымовка», «О культуре и мещанстве» и др. Если подвести некоторый итог литературной деятельности за годы революции, то содержание ее можно свести к следующему. Первое время – боевые статьи против социал-предателей разных оттенков и против белогвардейщины. Затем появляются фельетоны, отображающие действительность, -- нечто вроде бытописательства. В то время (1918–1919 гг.) литература, изображающая революцию, еще не появлялась, и фельетон частично заменял ее. Далее открывается фронт внутренний. Борьба с непорядками, разоблачения, критика. Типичным и наиболее острым моментом этой полосы можно считать «Дымовку», т. Е. громкое дело – убийство селькора Григория Малиновского в селе Дымовке на Украине. Этот частный случай был широко освещен в печати, поставлен в связь с ненормальностями партийно-советского руководства в деревне. Пришлось, помимо статей в газете, выступить также на самом процессе в качестве общественного обвинителя от «Правды». После «Дымовки» приходилось освещать ряд аналогичных дел (дело селькоров Лапицкого в Белоруссии, Куприка на Дону и др.). Время от времени писал статьи на литературные темы, например о Демьяне Бедном, против футуристов, против упадочных произведений литературы вроде Есенина, против извращения советской действительности Пильняком и т. П. Особое место в литерат. Деятельности моей занимают выступления на темы о сельском хозяйстве. Для нашей печати это было новшеством: боевые фельетоны в партийном органе на темы – о животноводстве, о культуре корнеплодов, о новых сортах пшеницы, о новой культуре – кенафе. В особую рубрику можно поставить статьи, которые можно бы объединить заглавием одного фельетона из этой серии –

«О культуре и мещанстве», -- об уродливостях нашего переходного ломающегося быта. И, наконец, наброски портретов наших современников – живых и отошедших. Некоторые фельетоны были переведены на немецкий и, кажется, другие языки, в том числе первый том сборника «Дела и Люди». Один сборничек вышел на языке эсперанто с иллюстр.

Смагин⁶⁵

Умер рабочий Смагин. Скромный беспартийный труженик, пламенный энтузиаст труда и порядка, воодушевленный идеалист, замечательный самородок.

Умер Смагин. Такой подвижный, жизнерадостный, энергичный, толкавший других к работе, к творчеству.

Я не знаю подробно его биографии, не знаю даже имени и отчества этого человека. Только теперь придется этим заняться, ибо после него осталась без средств к жизни семья в 5 человек где-то в деревне.

Но сам он с первой встречи очаровал меня.

Однажды в редакции «Правды» Н.И. Бухарин попросил меня познакомиться с неким рабочим Смагиным.

Скоро Смагин был у меня. Высокий малый, неуклюжий, с огромными руками, грубым лицом и замечательными глазами.

- Главная беда, - говорил Смагин, - инструкций нет. Обязательно нужны инструкции на всякое дело. Без этого не пойдет Россия.

- Какие же инструкции, Смагин?

- Всякие. Допустим, я, Смагин, служу механиком в советской прачечной. Вижу я, что слесарь или истопник не так и не то делает, что следует. Я ему указываю. А он мне отвечает: «Я не хуже тебя знаю». И портит дело. Действительно, так нельзя. Сегодня механиком в прачечной я, дело знающий и любящий. А завтра я умер, и вместо меня другой неопытный механик. Он не знает, как распорядиться. Надо, чтобы инструкция была.

- Какая инструкция?

- Вот такая. Есть в прачечной истопник. Обязанность его такая-то. С утра делает одно, после – другое, затем – третье. Кочегара обязанности такие-то, делает свое дело так-то. И на каждое дело инструкция. Тогда – лучше ли, хуже ли начальник – машина вертится, каждый свое дело знает. Всякого вновь поступающего ознакомить с инструкцией, растолковать. После он будет работать толково и продуктивно. А так у нас одна бестолковщина. Если же мы заведем на всякое дело хорошие инструкции, Россия разбогатеет.

- Вот, например, есть у нас какой-то научно-технический комитет. Ну, скажите, что они там делают и какая от них народу польза? Сидят-сидят, пишут-пишут, а что, к чему? Самой простой вещи сделать не могут. Деревня во вшах пропадает. Тиф, эпидемия, смерть...

⁶⁵ Источник текста: *Дела и люди: В 4 кн. Кн. 1. Рассея. М.; Л., 1924. Смагин. Впервые опубликовано в газете "Правда" 20 ноября 1921 г.*

Мыла нет. А в любой деревне посмотри – падали валяется сколько! Ведь из нее можно мыло сделать. Столько мыла, что грязи и вшей не будет. А как сварить простейшим способом мыло в любой деревне, чтобы не пропал материал? Разве мужик это умеет? Вот и нужна инструкция. Вы печатаете и расклеиваете на выборах воззвания и манифесты насчет Врангеля⁶⁶ или Керзона⁶⁷. Это хорошо. Это тоже инструкция, только политическая. Теперь напечатайте инструкцию такую: как простейшим способом из падали сделать в деревне мыло. Да напечатайте побольше, чтобы в каждой деревне получили. Тогда вшей не будет в России.

- Про мыло я сказал. То же и с кожами. Портят мужики кожу в кадушках. Никто путем не умеет использовать. Гибнет драгоценное сырье. Наши заводы все равно кожу и не соберут, и не обработают: то продовольствия нет для рабочих, то топлива, то денег. А вы научите мужика, как это сделать. Он сам обуетса немного и на базар принесет, и сырье не погибнет. Опять, значит, инструкция нужна. И так во всяком деле.

- Возьми хлеб. Дрожжей теперь нет. Хлеб не пекут, а портят в деревне. Изводят муку, а едят черт знает что. Надо напечатать инструкцию, как делать в деревне простейшим способом пригодные дрожжи. Люди будут есть хорошо испеченный хлеб. Меньше болезней, смертей.

- Возьмите городскую промышленность. Вот я, Смагин, чумазый рабочий, изобрел топку для нефтяных паровозов. Моя топка экономнее многих других. Ее испытывали специалисты и признали, что она хороша, дает столько-то процентов экономии. А ходу ей нет. Только на одной дороге она пошла. А почему? Надо издать инструкцию для всех дорог. Раз топка хороша и дешева – сейчас же разослать инструкцию по дорогам.

- Это раньше, при буржуях, частный интерес мешал. Теперь Советская власть может распорядиться.

- Вот уже полтора года хожу я по большевикам, пороги обиваю. Прошу заняться инструкциями. Ребята надо мной смеются. Дурак ты, - говорят, - Смагин. Ну, что ты подметки треплешь. Ты бы часа два поработал в мастерской, починил велосипед, керосинку, швейную машину – вот тебе на пуд хлеба хватит. А ты инструкций у большевиков ищешь. Не будет никаких инструкций для слесарей и мыловаров. Брось ты свои глупости.

- А я им говорю: будут инструкции. Недавно мне т. Бухарин дал книжечку, вот она: руководство для токаря по металлу. Напечатана по советскому заказу в Берлине, с рисунками. Вот тебе первая инструкция. Теперь я до научно-технического комитета добрался. Только работа у них тихая, ленивая. Туда бы надо трех спецов, а к ним хоть бы меня, Смагина, да еще пару таких рабочих. Я бы с них работу спросил. Почему не готова инструкция? Много ли сделано? Покажи-ка? Не работаешь – долой! А то он сидит над бумагами и время ведет.

- Уговорите вы товарища Ленина, чтобы он да еще Бухарин, Троцкий, да еще кто-нибудь из вас, большевиков, устроили из себя такую ячейку, куда я, Смагин, мог бы прийти и

66 Врангель Петр Николаевич (1878-1928) - барон, генерал-лейтенант. Один из организаторов Добровольческой Армии во время гражданской войны. В 1920 г. - главнокомандующий русской армии в Крыму. С 1920 г. в эмиграции.

67 Керзон Джордж Натаниел (1839-1925) - министр иностранных дел Великобритании (1919-1924), консерватор. Один из организаторов антисоветской интервенции.

полезное предложение сделать. Что я буду с этими вицмундирами из спецов толковать!

- А ведь нас, Смагиных, дураков таких же, как я, - множество. Вот мы бросаем свои личные дела, семейные, заработки свои и ходим, рвем сапоги, добиваемся, чтобы сделать как можно лучше для России. Кликните клич, созовите съезд рабочих-изобретателей и практиков и выставку их предложений и изобретений, прислушайтесь к ним. Они вам помогут вытянуть Россию из нищеты. Они бескорыстные.

И Смагин загорался воодушевлением.

То он приходил грустный: не подвигается в научно-техническом комитете. То звонил веселый, бодрый: дело сдвинулось. Его, Смагина, научно-технический комитет привлек к сотрудничеству.

А то уж он решил прибегнуть к наивному плутовству.

- Знаете что, тов. Сосновский, вы напишите мне бумагу (но посерьезней), что секретарь Совнаркома, тов. Горбунов, перед отъездом, будто бы, поручил вам следить за выработкой инструкции о мыловарении, дрожжах и кожевенного дела. А вы приказываете мне узнать, в каком положении дело, и угрожаете строго взыскать: с меня, мол, требуют. А иначе они со мной не будут считаться: ходит какой-то чудак и больше ничего.

Я убедил его, что плутовать не стоит, что можно дело сдвинуть прямыми путями. И перед смертью он радовался, что дело пошло.

Смагин был выдающимся рабочим-изобретателем, которого Россия не использовала и в сотой доле его способностей.

Но интересен он был не только как изобретатель, а как самобытный, бескорыстный искатель лучших путей для хозяйства страны.

- Почему вы беспартийный, Смагин?

- Некогда мне путаться с этим делом. Мне по хозяйству надо работать, а вы с Бухариным политикой занимаетесь.

Из разговоров с ним я узнал, что революция «по ошибке» помяла ему бока. Он жил в деревне, бежав туда от столичного голода. Крестьяне ему предложили, как хорошему механику, пустить в ход стоявшую мельницу, устроить ремонтную мастерскую и т.п.

Так он и сделал. Но однажды к нему, как к мельнику, обратились за взяткой маленькие местные власти. Смагин, как беспартийный, как бессребреник, стоял около хлеба и был без хлеба. Во взятке отказал. Тогда на него ополчилась местная власть.

- А я еще им чем досаждал. Придет из Москвы газета, где напечатано, как Советская власть расправляется с примазавшимися прохвостами. Я ее на сходке прочитаю вслух. И крестьяне понимают, к чему это клонится, и местная власть чует, про кого речь. Ну, конечно, навалились они на меня. Боже мой, что тут было! И арестовывали, и ребро сломали, и разорили всю мастерскую – ну, прямо начисто.

- Позвольте, как же так ребро сломали?

- Да так, по ошибке это вышло, между прочим, - незлобиво улыбается Смагин, - но только этих людей потом судили. Крепко засудили.

- Однако это выходит печально: мы с Бухариным статьи пишем, а вам за чтение их ребра ломают. Вы, пожалуй, должны были возненавидеть большевиков?

- Ну, что об этом толковать. В большой суматохе, на пожаре и не то бывает. А ненавидеть

большевиков – что вы, что вы! Да кто же, кроме большевиков, Россию в порядок привел и на полный ход поставил? Нет, я в большевиков крепко верю. Только надо поскорее порядок устраивать. Чтобы каждое дело шло правильно, по инструкции.

Смагин удивился, когда я ему показал книгу Тэйлора⁶⁸. «От директора-распорядителя до рассыльного», доказывающую необходимость каждую функцию в хозяйстве тщательно изучить и каждую обязанность точно определить карточкой-инструкцией.

Фанатик инструкций дошел до своеобразного тэйлоризма особым, самобытным путем. Это – большой оригинальный ум, золотые руки и редкой настойчивости характер.

Теперь он умер. Заболел, подвергся операции, перенес ее, но через несколько дней умер.

И перед глазами он стоит живой, подвижный, резко жестикулирующий длинными неуклюжими руками и настойчиво убеждающий:

- Уговорите тов. Ленина, чтобы он с Бухариным, Троцким и еще с какими-нибудь большевиками устроили ячейку, куда всякий Смагин может прийти со своими предложениями или изобретениями. Знайте: нас, Смагиных, много. Только кликните клич.

И над могилой этого славного чудесного пролетария хочется крикнуть партии:

- Товарищи, берегите Смагиных. Это – лучшее, что есть в народных массах, ее мятущиеся души, ее праведники. Берегите Смагиных, пока они живы. Внимательнее к ним относитесь, окружайте их заботой и поддержкой, хотя бы и с нарушением всяких формальностей. Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя.

Рыцарь пера⁶⁹

Мы, советские журналисты, имеем основание торжествовать: в нашей среде нашелся человек, которого представили к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Мы так мало избалованы знаками внимания и поощрения, что, поистине, можем все до одного праздновать это событие. Наконец-то работа пером приравнена к работе винтовкой или молотом, а фронт газетный – к фронту труда или гражданской войны. Вернее сказать, в газете сливаются оба фронта: войны и труда. И жертв этот объединенный фронт уносит тоже немало. Гибель тов. Спиридонова [*московский рабкор*] – еще у всех на памяти. А подлое ночное нападение на сотрудника «Раб. Москвы» (рабочего трамвайного парка) учинено уже после убийства Спиридонова.

Фамилия награжденного журналиста – тов. Рогозовский. Истории угодно было улыбнуться и остановить свой выбор на журналисте из незабвенного гоголевского города Миргорода.

При Гоголе в Миргороде не было ни газет, ни редакторов, - иначе в архивах сохранились бы номера газет со следами деятельности миргородских деятелей – Довгочхуна и Перерепенки.

68 Тейлор Фредерик (1856-1915) - разработал систему капиталистической организации производства, цель которой - получение максимальной прибыли путем максимальной интенсификации труда.

69 Источник текста: Дела и люди. В 4 кн. Кн. 1. Рассея: М., Л., 1924. Рыцарь пера. Впервые опубликовано в газете "Правда" 22 ноября 1922 г.

При Советской власти в Миргороде есть газета, и редактирует ее тов. Рогозовский. Нынешнего Миргорода вообще нельзя сравнить с гоголевским. Там, где, по Гоголю, в центре города была лужа, а в луже копошилась всякая живность (свиньи, гуси и пр.), ныне там обнаружены мощные целебные источники, даже радиоактивные. И Миргород собирается, приумывшись и причесавшись, стать всесветным курортом.

Темп жизни в Миргороде тоже изменился. Если прежде ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем из-за «гусака» длилась чуть не годы и составляла главнейшее событие «общественной жизни» Миргорода, то теперь миргородские жители привыкли к другой скорости и другому размаху. За 2-3 года на глазах Довгочунов и Перерепенек сменилось не меньше дюжины властей. Красные, белые, жовтоблакитные, розовые, черные – всякие войска взад и вперед топтали мирную миргородскую землю. И когда шум последнего военного марша затих, миргородцы окончательно поняли, что они – советские граждане, и начали приспособляться к новому порядку.

Рогозовский стал редактировать местную советскую газету, а какой-то из потомков Довгочуна сел на кресло председателя исполкома.

Собственно говоря, слово «редактировать» не совсем точно определяет работу тов. Рогозовского. Человек он простой, не очень грамотный. Простой наборщик. Сначала он только набирал газету. Потом как-то случилось, что редактор газеты не то уехал, не то заболел, и газета должна была умереть. Рогозовский решил спасти газету. Не покидая поста наборщика, он принялся за работу редактора. Сам писал статьи и заметки, сам редактировал, сам корректировал, сам набирал и сам распространял.

Помимо этого, как хороший коммунист, он исполнял и все другие обязанности. Ездил по уезду проводить перевыборы, агитировать по продовольственной части, учить крестьян, как строить жизнь по-новому, не по-гоголевски, а по-советски.

Разумеется, на время выездов тов. Рогозовского из города прерывался и выход газеты. Крестьяне приезжали в Миргород и, видя, что на окнах не вывешен плакат «Роста» с последними новостями, сразу догадывались: значит, Рогозовского в городе нет.

А когда Рогозовский в городе, не только газета, но и радиовестники исправно выходят. В редакции у Рогозовского всегда полно народу. То селяне приходят к справедливому коммунисту искать совета и правды. Может быть, и не совсем это правильно, что идут не в исполком, а к редактору, да что же поделаешь с упрямыми дядьками и дидусями – верят справедливому коммунисту больше всяких исполкомов («хай им...»).

Однажды над редактором стряслась беда. Узнал он, что местная уездная власть теснит стариков, у которых дети героями погибли на красном фронте. Взял и написал в московскую «Правду». А в «Правде» какой-то чужак переслал письмо Рогозовского полтавскому губисполкому. А полтавский губисполком – миргородскому исполкому. А тут уж какой-то Довгочун без долгих размышлений поволок редактора в тюрьму.

- Позвольте, товарищ, у меня номер не закончен... От этого международная и внутренняя политика могут пострадать. Дайте хоть номер выпустить...

- Р-разговаривать тут. Одевайсь...

Постарадала ли международная политика, почувствовала ли Антанта передышку от трехмесячного отсутствия Рогозовского на газетном фронте – неизвестно. Но Рогозовский, во всяком случае, отсидел три месяца в тюрьме.

Прямо из тюрьмы примчался т. Рогозовский на всероссийскую конференцию журналистов в Москву. После моего доклада о тяжелом положении печати Рогозовский прислал мне письмо, где в выражениях и трогательных, и наивных описывал свою многострадальную редакторскую жизнь.

Но за всем тем был бодр и возвращался к себе в Миргород, полный всяких проектов и планов и уж, во всяком случае, без нытья, без тени уныния и отчаяния. От него веяло украинским черноземом, украинским юмором, украинским «хохлацким» упорством.

Все хорошо, что хорошо кончается. Короткая телеграмма в «Известиях» гласит:

«Редактор миргородской уездной газеты т. Рогозовский, издававший газету в необычайно тяжелых условиях, сам набиравший и сам распространявший ее среди населения уезда, представлен уисполкомом к ордену Трудового Знамени как герой красной печати».

Братья-журналисты, склоните перья перед истинным рыцарем пера, в далекой глуши героически стоявшим на посту красного журналиста. Пусть злорадствуют враги над советской печатью. Таких Рогозовских буржуазная печать не знает. К буржуазному журналисту крестьяне не пойдут за советом и поддержкой, да и буржуазный журналист не тем занят. А среди нас Рогозовских много. Этим и сильна красная журналистика при всех ее слабостях.

В гостях у советского «Робинзона»⁷⁰

Не без колебания назову я имя и адрес человека, о котором идет речь. Боюсь, что волны хаоса и рутины не раз яростно лизнут его за то, что он выдвинут над ними. Сам он – человек скромный до крайности. Если бы он не был решительным бойцом, я бы не решился называть его печатно: заклюют, затюкают. Но он парень мужественный. Устоит.

Прихватил с собой товарища из редакции «Правды» и поехал на «хозразведку» в Иваново-Вознесенскую губернию, Юрьевский уезд, Парскую волость (близ Родников). Раньше уезд входил во Владимирскую губернию. Я кое-что слышал о работе в этой волости партийного товарища В.А. Красильникова, известного мне по работе в Екатеринбурге в 1919 году. Хотелось увидеть своими глазами.

Все слышанное и виденное складывается в следующую историю. Тов. Красильников – из беднейших крестьян Парской волости. Мать последнее время в деревне жила милостыней, и умерла нищенкой, оставив в наследство сыну то, что может остаться после таких «завещателей», то есть ничего. Красильников работал на ткацкой фабрике Анны Красильщиковой в Родниках, научился сборке машин. В партии стал принимать участие с 1908 г. В годы революции был на разной мирной, но больше на военной работе. В последний период гражданской войны на польском фронте Красильников был комиссаром дивизии.

По нашим положениям, комиссар имел права не меньшие, чем начальник дивизии. А начальник дивизии, если перевести на старые чины, всегда имел генеральский чин. Так вот, советский генерал Красильников воевал на фронте, мать его в это время побиралась по деревне, а жена с детьми бедствовала так, как редко бедствовала семья простого

70 Источник текста: Дела и люди: В 4 кн. Кн. 2. Лед прошел. М.; Л., 1924. В гостях у советского «Робинзона». Впервые опубликовано в газете «Правда» 7 ноября 1923 г.

красноармейца. Достаточно сказать, что ребенок Красильникова попросту замерз и умер от холода, ибо квартиру жене не дали и ей пришлось зимовать чуть не в амбаре. В хрупком теле этой слабой молчаливой интеллигентки поместился, должно быть, сильный, мужественный и гордый дух.

С фронта Красильников писал мне иногда о бедственном положении семьи, опасался, что погибнут от мороза и ребенок, и жена. Но с еще большей тревогой писал, что заморозили фабрику б. Кра-сильщиковой. Убеждал меня, что это – замечательно хорошо и экономно оборудованная фабрика, что ее спецы из ВСНХ заморозили, тогда как поблизости «дырявое решето» работает, не имея у себя железнодорожной ветки, терзая крестьян гужевыми перевозками, а у Красильщиковой ветка ведет прямо во двор. Просил меня вступить за фабрику, не допустить позора.

К одному из писем Красильникова приложены были красноармейские штаны, сшитые, словно насмех, на 12-летнего мальчишку. И такие штаны временами посылали из центра на фронт воинским частям. Красильников просил ткнуть этими штанами кому следует в физиономию, чтобы не питали контрреволюционных настроений в армии, и без того голодной, разутой и уставшей.

И видно было, что судьба боевой позиции на фронте, судьба фабрики в Родниках, судьба его близких – все слилось в один клубок чувств и мыслей, владеющих его душой. Человек, гражданин, боец.

Наконец, в мае 1921 года он демобилизован. Является в губком. Там нашего «генерала» увольняют «с мундиром и пенсией». Выдают ему на руки 2 фунта селедок и 2 фунта хлеба и отпуск – на все четыре стороны. Куда пойти, чем жить, с чем прийти к семье? Просить должность? Как-то совестно, точно богадельщик, в партию идти за прокормлением...

Отправился в деревню. Просил у общества земли, какой угодно, хоть заболоченной. Отказали. Жадность на землю у мужиков. «Ишь, новый пахарь явился. И без тебя тут тесно». Просил хоть усадьбу под жилье отвести, раз пашни не дают. Дали за деревней усадьбу. Взял в ссуду 5 пуд овса и посеял на усадебной земле. Мужики явились и со зла распахали его посев. Посеял турнепс, снял осенью 90 пудов.

А до осени как? Продавали с себя последнюю одежонку. Жену посылали за грибами, а сам... (пусть меня простит тов. Красильников за нескромность!) сам генерал лазил по огородам, брюкву воровал. Грибы варили, брюкву «парили» в костре. Тем и питались. Тем и спасались до осени.

В сентябре Красильников сговорился с местной артелью плотников, работающих по деревням. Плотничать он не умел, но топором владел и кое-какую помощь мог в работе оказать: бревно обчистить, подготовить, отпилить и т.п. За это ему артель кое-что давала. Да и подучился плотничать.

Тем временем удалось выхлопотать у волостного совета участок земли. Три десятины вырубленного леса и вообще дикой земли. К весне на новом участке с помощью той же артели плотников выстроил домик не домик – вроде баньки, об одном окошечке. Весною поселился в этом «генеральском» помещении. Все-таки свой угол. Начали с женой хозяйство. Ни лошади, ни коровы, ни собаки. Точно робинзоны на острове среди моря мужицкого недоброжелательства.

До чего недоброжелательны были мужики к новому согражданину, видно из того, что

однажды ввалились к нему с обыском. Чего искали – неизвестно. Все как-то подозрительно казалось им. Старый коммунист, большую должность занимал – и вдруг на мужицкое положение пожаловал. С чего бы это? Не иначе как нагребил там и сюда прятать добро приехал. Порылись, порылись – ни синь-пороха не нашли.

А робинзон, поселившись на будущем хуторском участке с осени, когда еще жилья не было, для пробы посеял один фунт озимой пшеницы. Собрал на следующий год 120 фунтов (3 пуда). Кое-чего приметил в этой механике.

С весны начал сеять овес. Лошади нет, плуга нет. Пни еще не выкорчеваны. Так, между пнями мотыгой основательно разработал землю и посеял овес. Да посеял раньше всех. Только-только снег сошел. Мужики плевались: «Подохнешь ты на своем хуторе». Однако не подох. Овес вырос на удивление всем. Клевер посеял (тоже между пнями). На скошенный клевер выменял и купил поросенка, пару уток, козу. На берегу речки посеял овощи и корнеплоды, не в грядках, а прямо в грунте. Всего уродилось по здешним местам очень большое количество. Наконец, завел пчелок. Этому искусству, между прочим, когда-то Красильникову довелось обучиться на краткосрочных курсах.

Попутно расчищали территорию хутора от пней и готовили материал для постройки избы. Бревна приходилось таскать на себе из лесу. Лошади ведь нет и нанимать не на что. Снявши урожай, вздохнул немного и принялся с помощью той же артели строить себе настоящее жилье.

Тем временем море хаоса и рутины вокруг него тоже не дремало. «Всколыхалось сине море», как говорится в сказках, и выплеснуло судебный процесс по обвинению Красильникова и волостной земельной комиссии в порче будущего(!) леса и превращении его в пашню. И нашелся в России суд, который судил и осудил Красильникова и волостную земкомиссию за разработку 3 десятин вырубленного уже леса.

Бездельник лесничий прокурорствовал: «Помилуйте, от этого леса, когда он вырастет, государство могло доход получать, а вы его в пашню превращаете. Леса надо беречь»... и понес, и понес.

Красильников ему отвечает: «Государство получит от этого леса доход только через 50 лет и то при условии, что вы оградите молодняк от скота и потравы. А мне при культурном хозяйстве этот участок будет давать минимум 1500-2000 рублей в год (золотом). Так за 50 лет государство сколько пользы получит с этих трех десятин? Кроме того, я берусь разбить по вашему указанию питомник и ежегодно выпускать столько саженцев, чтобы в несколько лет облесить гораздо большую площадь».

Ничего не помогло. Осудили. Якобы берегут народное достояние. А по дороге из Родников на хутор мы видели, что весь лес завален гниющими сваленными деревьями, вершинами срубленных деревьев, сучьями, и все это гниет, гниет, и ждет только спички, чтобы вспыхнуть зловещей иллюминацией. И никакой лесничий с этим не борется. А лесничеств в этом районе понасажали вдвое больше, чем было при старом режиме. И живут лесничие большими боярами. Жалованья государство им платит мало, да они не жалуются. В пору, чтобы наше бедное государство с них жалованье брало в виде процентов с их «доходишков».

Я специально собирался навестить ревностного лесничего, побеседовать с ним,

посмотреть, как он живет и чем дышит. Да не пришлось из-за недомогания. Надеюсь до него добраться в другой раз.

Колыхнулось море и с другой стороны. Пока Красильников, как затравленный зверь, метался по пням и лесам, спасая себя и семью от голодной гибели и создавая на глазах у крестьян на голом диком месте культурное хозяйство, партком вычистил его из партии, перевел в кандидаты.

Надо сказать, что даже в самые лютые дни голода и робинзонады Красильников вел политическую работу в своей округе. Выступал с докладами, проводил конференции, выполнял поручения партии в разных агиткампаниях.

Зато у крестьян начало складываться о нем другое мнение. Видя, как он, безлошадный бедняк, бьется вместе с женой-интеллигенткой вокруг пней, как работает большевистский генерал и за хлебороба, и за лошадь, и за агитатора, крестьяне изменили свое отношение к нему и выразили это в такой формулировке:

- По всему ты коммунист, а по рукам не коммунист.

Другими словами, в коммунистах тамошние крестьяне привыкли видеть белоручек, администраторов, умеющих приказывать, но не работать, а если работать, то хуже других. Красильников за 2 года (1921-1923) ужасной работы и ужасных душевных испытаний показал крестьянам, что такое настоящий коммунист.

Теперь уж к нему обращаются за советом и с просьбами. Заглядывают на его огород, посев, пчельник. Дивятся, как он выхаживает поросенка. Свистнет, так поросенок за ним, как собачка, идет в деревню, где его взвешивают, и обратно. Берут у него семена огородных растений. Одним словом, вынуждены признать, что их, природных землеробов, перегнал в хозяйстве за два года бедняк-коммунист, не имеющий ни лошади, ни коровы, а вначале не имеющий даже избушки.

В нынешнем году мы застали на хуторе у Красильникова следующую картину. Скошенный и связанный овес превосходного качества. Снопы достигают человеческого роста. Посеяв между пнями на пространстве около $\frac{1}{2}$ десятины всего 4 пуда, Красильников собрал около 90 пудов. Такого урожая – «сам-22» – никогда не видала округа. Секрет урожая Красильников объясняет, помимо сортировочных семян и раннего сева, еще следующим приемом. Он с осени покрывал назначенное к посеву овса место слоем всякого мусора, сухими листьями, сучьями, стружкой и т.д.

Точного научного объяснения Красильников дать не может (он ведь не агроном), а результат двухлетнего опыта налицо – сам-20 с лишком.

Клевер дает прекрасные укусы и служит предметом обмена. Заодно клевер выполняет за Красильникова часть корчевальных работ, ибо, по уверению товарища, после трехлетнего пребывания вокруг пней, клевер подпаривает их корни, ослабляет их и позволяет потом легко извлечь их из земли.

Хорошо работают и «летучие коровы» Красильникова – пчелки. Он имеет, кажется, шесть ульев и каждый улей дает 2-2^{1/2} пуда меду, всего, значит, около 15 пудов, на сумму 15 червонцев. Если принять во внимание, что продналога в той местности ложится на двор не более 20-30 пудов (брат Красильникова, крестьянин соседней деревни, обложен всего около 10 пудов), то доход с одного улья покроет полностью весь продналог. А за остальной мед можно купить и корову, и лошадь.

Вот вам и ключ к легчайшему подъему безлошадной бедноты: свиноводство, пчеловодство и огород на усадебной земле. Это доступно всякому бедняку, и, в крайности, на эти нужды они должны найти минимальный кредит в комитете взаимопомощи, объединяясь в артель пчеловодов, пользуясь содействием земотдельского инструктора. Это доступно даже инвалидам.

Далее, он получает овощи. С 70 квадратных саженей – 100 пудов корнеплодов (морковь, репа, свекла, брюква), то есть, - из расчета на десятину – 3400 пудов с десятины. Это полевым посевом, без грядок.

Капуста тем же способом со 100 кв. саженей – 75 пудов, то есть с десятины 1800 пудов.

И, кроме того, с избытком картошки, гороху, луку и т.п.

Затем, очень ценные семена собственных семенников. Далее, 13 уток, свинка (или две, забыл уже).

Построен и почти закончен светлый, удобный домик, небольшой амбарчик и т.д.

Минувшей весной Красильников партком назначил заведующим рабочего клуба при фабрике. Подчинился Красильников. Начал развертывать работу. Ухитрился бегать на хутор (верст 7-8) и вовремя быть на своем месте. Квартиру ему не могли дать. Ютилось в одной комнатке шесть душ. В конце концов задохся без воздуха, захворал и умер второй ребенок. Это было как раз во время моего пребывания там. Без восклицаний, без вздохов отвез товарищ вечером тело ребенка к себе на хутор. А рано утром в одном уголке хутора сами вырыли могилку, сами положили ребенка, сами закопали. Весною обсадят могилку душистыми цветами и для памяти о тяжелых годах притащат из речки тяжелый камень вместо памятника. Вот вам и новый для деревни быт.

Умершие дети, как две вехи, отметили две полосы в жизни товарища. Холод и духота. Без тепла и без воздуха. Но такова уж пролетарская доля.

Едва Красильников развернулся было на клубной работе, как секретарь райкома (человек в партийном отношении совсем новый) снял Красильникова с работы в клубе и в довольно оскорбительной форме стал намекать, что Красильников должен бросить свое хозяйство. Почему? Почти половина родниковских рабочих имеют такое же хозяйство и даже более крупное, имея 1-2 коровы. Имеют хозяйство и коммунисты-рабочие.

Красильников напомнил, что он неоднократно предлагал нескольким коммунистам образовать вместе с ним коммуну, взяв в качестве фундамента его хутор. Но те не пошли. Ему некуда было деваться.

Он не оставлял работы среди крестьянства словом и делом, главное – делом. Завоевал доверие крестьянства ближайших волостей. Завоевал доверие враждебного раньше учительства и был избран в председатели районного отделения просвещенцев. Чего от него хотят? Возложили бы на него работу в 2-3 ближайших волостях, обязали бы его поставить на ноги кооперацию, народный дом сельскохозяйственного товарищества, политрабоду и требовали бы практических результатов. Либо, оторвав от деревни, дали бы работать в фабричном клубе, но уже не дергали бы хоть с годик. И, во всяком случае, отнеслись бы с некоторым интересом к той работе, которую он на диком месте проделал на виду у крестьян, подняв в их глазах престиж коммуниста как строителя нового культурного хозяйства.

Чем все это сейчас закончилось – еще не знаю. Красильников, утром похоронив ребенка,

вечером ехал вместе со мной в Москву хлопотать по крестьянским делам своего района: насчет плугов, насчет пальмового дерева для кустарей, насчет передвижного кинематографа, насчет картофелетерочного завода и маслоделки. Он засуетился тут по крестьянским делам, я – по своим, и мы потеряли из виду друг друга. А переписываться некогда. Последнее письмо он мне прислал, когда вернулся с крестьянами с выставки. По его инициативе группа передовых крестьян постановила начать у себя проведение плана обновления всего хозяйства на новых началах. Прислали мне этот интересный план.

Илья Ильф и Евгений Петров

Ильф Илья (наст. имя Файнзильберг Илья Арнольдович) (1897-1937)

Российский писатель-сатирик. Илья Ильф родился 15 октября (по старому стилю - 3 октября) 1897 в Одессе, в семье банковского служащего. В 1913 окончил техническую школу. Работал чертежником, телефонным монтером, токарем, статистиком, бухгалтером, был сотрудником Югроста и газеты "Моряк", редактором юмористического журнала "Синдетикон", в котором публиковал свои стихи под женским псевдонимом. Тогда же, в Одессе, появился псевдоним Ильф. С 1923 Илья Ильф жил в Москве, занимаясь литературным творчеством. В 1925 - командировка в Среднюю Азию. В 1925, работая в редакции газеты "Гудок" (издавалась ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта СССР), познакомился с Евгением Петровым. С 1926 началась совместная работа Ильи Ильфа и Евгения Петрова: сочинялись темы для рисунков и фельетонов в журнале "Смехач", обрабатывались материалы для газеты "Гудок". По одной из версий, идея совместного творчества Ильфа и Петрова принадлежала брату Евгения Петрова - В.П. Катаеву. В 1928 в журнале "30 дней" была опубликована первая значительная работа Ильфа и Петрова - роман "Двенадцать стульев", имевший большой успех у читателей и довольно холодно встреченный литературными критиками. Еще до первой публикации цензура изрядно сократила роман; процесс "чистки" продолжался еще десять лет и, в итоге, книга уменьшилась почти на треть. В 1935-1936 Илья Ильф и Евгений Петров совершили путешествие по США, результатом которого явилась книга "Одноэтажная Америка". Умер Илья Ильф от туберкулеза 13 апреля 1937 в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Среди произведений Ильи Ильфа - стихи, фельетоны, очерки, рассказы, повести, романы: "Москва - Азия" (серия очерков), "Двенадцать стульев" (1928; роман; в соавторстве с Евгением Петровым), "Светлая личность" (1928), "1001 день, или Новая Шахерезада" (1929), "Золотой теленок" (1931; роман; в соавторстве с Евгением

Петровым; новые похождения героя "Двенадцати стульев"), "Черный барак" (1933; киносценарий; в соавторстве с Евгением Петровым), "Одноэтажная Америка" (1936; в соавторстве с Евгением Петровым), "Однажды летом" (1936; киносценарий; в соавторстве с Евгением Петровым), "Записные книжки" (1925-1937; изданы после смерти); фельетоны и очерки для журналов "30 дней", "Железнодорожник", "Смехач", газет "Вечерняя Москва", "Правда", "Литературной газеты": "Меблировка города", "Кандидаты", "Метрополитеновы предки", "Любимый трамвай", "Записки провинциала", "Блудный сын возвращается домой", "Веселящаяся единица". По произведениям Ильфа и Петрова поставлены фильмы "Золотой теленок" (1968, режиссер М.А. Швейцер), "Двенадцать стульев" (1971, режиссер Л.И. Гайдай), телефильмы "Ехали в трамвае Ильф и Петров" (1971), "12 стульев" (1976, режиссер М.А. Захаров).

Петров Евгений (наст. имя Катаев Евгений Петрович) (1903-1942)

Российский писатель-сатирик. Евгений Петров родился 13 декабря (по старому стилю - 30 ноября) 1903 в Одессе, в семье учителя истории. Брат Валентина Петровича Катаева. В 1920 окончил классическую гимназию. Работал корреспондентом Украинского телеграфного агентства, позднее - инспектором уголовного розыска. В 1923 Евгений Петров переехал в Москву, где продолжил образование и занялся журналистикой. Жил в Кропоткинском переулке (квартира Петрова описана в "Золотом теленке" под названием Вороньей слободки). В 1925, работая в редакции газеты "Гудок" (издавалась ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта СССР), познакомился с Ильей Ильфом. С 1926 началась совместная работа Ильи Ильфа и Евгения Петрова: сочинялись темы для рисунков и фельетонов в журнале "Смехач", обрабатывались материалы для газеты "Гудок". По одной из версий, идея совместного творчества Ильфа и Петрова принадлежала брату Евгения Петрова - В.П. Катаеву. В 1928 в журнале "30 дней" была опубликована первая значительная работа Ильфа и Петрова - роман "Двенадцать стульев", имевший большой успех у читателей и довольно холодно встреченный литературными критиками. Еще до первой публикации цензура изрядно сократила роман; процесс "чистки" продолжался еще десять лет и, в итоге, книга уменьшилась почти на треть. В 1935-1936 Илья Ильф и Евгений Петров совершили путешествие по США, результатом которого явилась книга "Одноэтажная Америка". После смерти Ильи Ильфа (1937) Евгений Петров написал ряд киносценариев (совместно с Г.Н. Мунблитом). В 1940 вступил в КПСС. В 1941, с первых дней войны, стал военным корреспондентом "Правды" и "Информбюро". 2 июля 1942 Евгений Петров погиб, возвращаясь самолетом из осажденного Севастополя в Москву. Награжден орденом Ленина и медалью.

Среди произведений Евгения Петрова - фельетоны, юмористические рассказы, повести, романы, пьесы, киносценарии: "Двенадцать стульев" (1928; роман; в соавторстве с Ильей Ильфом), "Светлая личность" (1928), "1001 день, или Новая Шахерезада" (1929), "Золотой теленок" (1931; роман; в соавторстве с Ильей Ильфом; новые похождения героя "Двенадцати стульев"), "Черный барак" (1933; киносценарий; в

соавторстве с Ильей Ильфом), "Одноэтажная Америка" (1936; в соавторстве с Ильей Ильфом), "Однажды летом" (1936; киносценарий; в соавторстве с Ильей Ильфом), "Музыкальная история" (1940; киносценарий; в соавторстве с Г.Н. Мунблитом), "Антон Иванович сердится" (1941; киносценарий; в соавторстве с Г.Н. Мунблитом), "Воздушный извозчик" (фильм вышел в 1943; киносценарий), "Остров мира" (пьеса опубликована в 1947), "Фронтовой дневник" (1942). По произведениям Ильфа и Петрова поставлены фильмы "Золотой теленок" (1968, режиссер М.А. Швейцер), "Двенадцать стульев" (1971, режиссер Л.И. Гайдай), телефильмы "Ехали в трамвае Ильф и Петров" (1971), "12 стульев" (1976, режиссер М.А. Захаров). По мотивам пьесы Евгения Петрова "Остров мира" снят мультфильм "Мистер Уолк" (1950).

СДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО И УХОДИ

Вы никогда не задумывались над тем, кто первый провозгласил поражающее своей краткостью и довольно-таки грубоватое изречение:

"Не курить, не плевать"

Кто выдумал все эти категорические, повелительные надписи:

"Вход воспрещается"

"Без дела не входить"

"Спускай за собой воду"

Откуда все это? Что это? Народная мудрость? Или беззаветная любовь к порядку? Или попросту полезное административное мероприятие?

Однако все приведенные тексты и заповеди, несомненно, вызваны необходимостью и не нуждаются в подкреплении доказательствами. В самом деле, если бы в московском трамвае курили бы! Да еще плевали бы! - совсем бы скучная была езда! Или, положим, входит в учреждение человек, а зачем пришел и сам не знает, без дела. Такого не грех пугнуть надписью. Или - вошел, сделал свое дело и не уходит. Сидит как проклятый. И, наконец, есть такие вурдалаки, которые стараются увильнуть от заповеди насчет опускания воды. Как быть с ними?

Нет. Положительно все эти надписи нужны. И интересует нас не их содержание, а самый стиль. У кого это так счастливо отлилась столь молодецкая безапелляционная форма? Кто он, создатель комхозовских афоризмов?

Сейчас, кажется, все сомнения разрешены.

Путем длительного и всестороннего исследования нам удалось найти автора, проследить его литературный путь и ознакомиться с его последними произведениями.

Обеспечив нашу страну изречениями, кои вывешиваются в местах общего пользования, и создав на прощание такие шедевры стиля как "Соблюдай очередь" и "Не задавай кассиру вопросов", автор увидел, что создал все потребное в этой области, и быстро переключился на работу критика-искусствоведа.

Он не изменил себе. Он по-прежнему краток, сохранил трамвайную категоричность и административную безапелляционность. И по-прежнему считает излишним подкреплять свои молодецкие афоризмы доказательствами.

Местом своей деятельности он избрал журнал "Бригада художников" и тотчас же (в э 5-6) разрешил все вопросы советской архитектуры. Сделано это в подписях к снимкам новых зданий.

Итак, фотография.

Подпись: "Клуб "Красный пролетарий". Производит впечатление приморского ресторана. Специфичность рабочего клуба не выявлена совсем".

Это все о здании клуба "Красный пролетарий". Больше ничего не сказано.

Никаких доказательств! "Производит" и "не выявлено". А почему? Неизвестно! Просто: "Не курить, не плевать".

Еще фотография. Еще подпись:

"К. Мельников. Клуб "Свобода". Очередной трюк "отца" советского формализма - цистерна, зажата между пилонами".

Ну, хорошо. Отец так отец. Очередной трюк? Верим на слово! (Кстати, по фотографии судить нельзя, показан не весь клуб, а только его часть.) Давайте же бороться с "отцом" советского формализма! Но хотелось бы получить хоть какое-нибудь обоснование для предстоящей тяжелой борьбы с "отцом". Но обоснования нет. Критик, очевидно, не имеет никаких мыслей по этому поводу. Иначе, если бы они шевелились в его голове, он бы их высказал, вместо того чтобы безобразно и повелительно орать:

- Вход воспрещается!

Дальше изображен Дом правительства в Москве, сфотографированный так, что на переднем плане оказался фонарь с площадки бывшего храма Христа.

Подпись:

"Дом Правительства на Берсеневской набережной. Фонарь в стиле "ампир" хорошо гармонирует с домом, показывая неприемлемость данного объекта для искусства СССР".

Точка. Объект неприемлем. Обвинение тяжелое. Мы готовы даже допустить, что справедливое, предварительно узнав, в чем дело. Но положение безнадежное. "Не задавай кассиру вопросов".

После такой лаконичной и беспардонной критики обаянному архитектору остается одно - снять лиловые подтяжки и повеситься на том самом фонаре в стиле "ампир", который "так хорошо гармонирует с домом". Хорошо, что фонарь снесли уже вместе с храмом, и жизнь архитектора покуда в безопасности.

Иногда, очень редко, критик хвалит. Но хвалит он как-то противно и бездоказательно, по той же форме э 1 - "Соблюдай очередь".

"Дом Стройкома на Гоголевском бульваре. Фасад с переулка. Стекланные стаканчики приятно акцентируют высокий фасад, лишая его элементов корбюзиянизма".

Зная тяжелый характер критика, не будем задавать ему надоедливых вопросов - "почему да почему", почему "приятно", почему "лишают"? От него толку не добьешься.

Обратимся прямо к редакции.

- Товарищи редколлегия, дорогие товарищи (по алфавиту) Вильямс, Вязьменский, Дейнека, Кондраков, Малкин, Моор, Мордвинов, Новицкий, Перельман, Соколов-Скала и Точилкин! Не считаете ли вы, что критик уже сделал свое дело и ему давно пора уйти из журнала? Не бойтесь! Вперед! Ведь вас много (если считать по алфавиту), а

он один. Его очень легко взять врасплох. Подстерегите его, когда он будет сочинять очередные трамвайно-архитектурные выпады, схватите его (вас так много!) и унесите из редакции.

И, главное, не забудьте проследить, чтобы он обязательно спустил за собой воду. Так теперь принято в новых домах, будь они со стеклянными стаканчиками или в виде цистерны, сжатой между пилонами.⁷¹

1932

Пятая проблема

Есть неумирающие темы, вечные, всегда волнующие человечество.

Например, наем дачи или обмен получулана без удобств в Черкизове на отдельную квартиру из трех комнат с газом в кольце «А» (телефон обязательно), или, скажем, проблема взаимоотношений главы семейства со свояченицей, или покупка головки для примуса.

И никак нельзя разрешить все эти важные проблемы. Дачник всем сердцем стремится на Клязьму, поближе к электропоезду, а дачный трест грубо посылает его на реку Пахру, в бревенчатую избушку, добраться до которой труднее, чем до Харькова. Горемычный хозяин получулана никак не может сговориться с обитателем отдельной квартиры в кольце «А», хотя переговоры с необыкновенным упрямством ведутся через «Вечернюю Москву». Что касается свояченицы, то половые разногласия здесь настолько велики, что их не удастся разрешить даже отдельным представителям ВАПП1. А головка для примуса – это вообще глупая фантазия домашней хозяйки, которой кооперация дает вежливый, но чрезвычайно холодный отпор.

Несколько лет назад к даче, получулану, свояченице и примусным частям прибавилась новая неразрешимая проблема – кинохроника.

Это была странная проблема. Вокруг нее было много шума. Но никогда она не вызывала споров. Напротив, трудно найти проблему, по поводу которой существовало бы столь редкое единодушие.

Все были за кинохронику.

«Давно пора», – писала пресса.

– О, – говорили председатели киноправлений, – кинохроника!

– Жизнь отдам за кинохронику, – обещал директор фабрики.

Консультанты тоже были за и даже без оговорок, что с их стороны нельзя не признать большой жертвой.

Об операторах и говорить нечего. Они рвались в бой.

Зрители же вели себя выше всяких похвал. Они требовали хронику. Они стучали ногами, свистели, писали письма в редакции газет, посылали делегации.

Одно время казалось, что в результате всех этих усилий стране грозит опасность наводнения хроникой. Боялись даже, что кинохроника вытеснит все остальные жанры киноискусства.

71 Сделал свое дело и уходи. - Впервые опубликован в газете "Советское искусство", 1932, э 6, 2 февраля. Подпись: Ф.Толстоевский. Фельетон не переиздавался. Печатается по тексту газеты "Советское искусство".

Однако обнаружилось, что эти жанры благополучно существуют. Афиши бесперебойно объявляли о новых художественно-показательных боевиках с минаретами, медвежьими свадьбами, боярышнями и хромами барами.

А хроники не было. А годы шли.

Стали искать врага хроники. Раздавались голоса, что не худо бы дать кой-кому по рукам. Впопыхах дали по рукам какому-то кинодеятелю в расписной заграничной жилетке, случайно проходившему по коридору Союзкино. Но тут же выяснилось, что это страшная ошибка, что человек в жилетке всей душой за хронику, в доказательство чего он представил пятнадцать собственных статей и еще большее количество протоколов на папиросной бумаге.

Тогда набросились на администрацию кинотеатров. Ее обвинили в том, что из вредного коммерческого расчета она тормозит дело показа кинохроники.

Но администраторы в тот же день доказали, что именно они и являлись главными борцами за кинохронику и даже застрельщиками всего этого дела.

– Ничего не понимаю, – сказал новый председатель правления. – И мой предшественник, и я, мы оба всегда были горячими защитниками хроники. А ее нет.

– Ведь я жизнь обещал отдать за кинохронику, – удивлялся директор фабрики, – и вот на тебе!

Правда, это был не тот директор, а пятый по счету, но он уже в день приема дел обещал отдать жизнь.

– По линии хроники, – печально говорили консультанты, – у нас большое отставание. Но мы не виноваты. Мы всегда были за.

И они привезли на трех извозчиках такую кучу оправдательных документов, что правление ахнуло и с перепугу перевело этих консультантов в высший разряд тарифной сетки.

Даже те отдельные работники кинематографии, которых судебные органы на некоторое время изолировали от общества за различные плутни, – и те из своих жилищ, снабженных на всякий случай решетками, слали письма:

«Что было, то было. Но чего не было, того не было. Мы всегда были горой за хронику».

Все стало как-то так непонятно и удивительно, что о хронике на время даже перестали говорить. Иногда вдруг на экране проскакивали кусочки хроники. А потом и это прекратилось.

И так как все были за, то оказалось, что бороться не с кем и можно перейти к очередным делам. Остались только горячие доклады и протоколы на папиросной бумаге.

Сейчас в кинопрессе снова раздался трезвый голос:

– Товарищи, где же все-таки кинохроника? И мы уже знаем, что будет. Начнется суета, пойдут клятвы, обнаружится полное единодушие, и все это закончится тем, что хроники никто не увидит.

А работу надо поставить так: бросить разговоры о хронике и начать ее делать. Это, конечно, странно, непривычно и, может быть, на первый взгляд даже диковато.

Но другого средства нет.

Если же продолжать систему болтовни вхолостую, то хроника по-прежнему останется в ряду «вечных проблем», вроде найма дачи или обмена плохой квартиры на хорошую, с

уплатой какой-то подозрительной задолженности и с согласием идти на какие угодно варианты.⁷²

1932

Детей надо любить

Вечер и ветер. У всех подъездов прощаются влюбленные. Они прощаются бесконечно долго, молчаливо, нежно. Это весна. И когда влюбленные наконец расстаются, она подымается к себе в бедную комнату (так принято по литературной традиции), а он, поправив на голове фуражечку с лакированным козырьком, бредет домой, и губы его по забавной инерции все еще сложены для поцелуя (это уже новость! Как говорит Олеша, распад романной формы).

На мокрых садовых скамейках, где перочинным ножом вырезаны сердца, пробитые аэропланскими стрелами, сидят окаменевшие парочки. Как их много! Они сидят на ступеньках музеев, на гранитных бортах тротуаров, в трамвайных павильонах. И в тишине по всему городу слышится мерное причмокивание, как будто бесчисленные извозчики подгоняют своих лошадок.

И в эти весенние минуты особенно горько думать о детской литературе.

Что ожидает детей, которые, надо полагать, рождаются в результате таких вот законных действий населения?

Что они будут читать? Как они начнут познавать мир? Что предложит им чадолюбивый Огиз?

Сейчас папа сажает на колени дошкольное чадо (пусть знают холостые редакторы и авторы, что дошкольное чадо – очень маленькое чадо) и говорит:

– Ну, пигмей, я купил тебе книжку про пожарных. Интересно. Правда? Пламя, факелы, каски. Слушай.

И он, сюсюкая, начинает:

– «Пожарное дело в СССР резко отличается от постановки пожарного дела в царской России...» Ай, кажется, я совсем не то купил. Почему же в магазине мне говорили, что это для пятилетнего возраста?

Родитель ошеломленно смотрит на обложку. Он ожидает увидеть марку Учтехиздата, фирмы солидной, известной изданием специальных трудов. Но нет. «Молодая гвардия». Да и по картинкам видно, что книжка для детей. Пожарные нарисованы в виде каких-то палочек, а из окон горящего здания высовывается желтое пламя, имеющее форму дыни.

Между тем чадо ждет. Оно хочет познать мир.

И, странно улыбаясь, папа откладывает книжку в сторону и быстро произносит старое, проверенное веками заклинание:

– Жилбылубабушкисеренькийкозлик.

Услышав про козлика, дитя смеется каким-то вредным биологическим смехом и машет пухлыми ручонками (не сердитесь на пухлые ручонки – литературная традиция).

72 Пятая проблема. - Впервые опубликован в "Киногазете", 1932, э 11, 6 марта. Подпись: Ф.Толстоевский. С подзаголовком "Роман-хроника". Печатается по тексту Собрания сочинений в четырех томах, т. III, "Советский писатель", М. 1939.

Папа чувствует, что творит какое-то темное дело, что воспитывает не в том плане. Он начинает исправлять сказочку кустарным образом:

– Видишь ли, пигмейчик, эта бабушка не простая. Она колхозница. И козлик тоже не простой, а обобществленный.

Однако в душе папа знает, что козлик старорежимный, может быть даже с погонями. Но что делать? Не читать же сыну тяжеловесный доклад о пожарном деле.

– Теперь про котика, – неожиданно требует чадо.

Тут папа шалееет. Что это еще за котик? Какими словами говорить о котике? Обобществленный котик? Это уже левый загиб. Просто котик? Беспредметно. Бесхребетно. Непедагогично.

Ужасно трудно! Ужасно!

Или попадется вдруг весело раскрашенная книжонка, где большими детскими буквами напечатано:

Не шалите, ребятишки,
Уважайте тракторишки.
Трактор ходит на врага,
Обрабатывает га,
Га, га.
Га, га, га!
Вот так штука,
Ха, ха, ха!

Так как будто все хорошо. Современная тематика. Призыв беречь механизмы («уважайте тракторишки»). Указание на соотношение сил в деревне («трактор ходит на врага»). Новая терминология («обрабатывает га», а не десятину). Есть даже элементы направленного детского веселья («вот так штука, ха-ха-ха»). Не к чему придраться.

А все же почему так совестно читать это ребенку вслух? И если даже прочтешь, почему ребенок из всего стишка запоминает только «га, га, га, га», что и выкликает, как гусь, несколько дней подряд?

Конечно, стихотворная техника шагнула вперед, например: «врага» и «га». Раньше бывало хуже.

Жил когда-то в Одессе цензор Сергей Плаксин, который по совместительству баловался стихами. Печатался он по табельным дням в газете «Ведомости одесского градоначальства» и на правах цензора писал совсем уже просто:

Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас?
В блестящем мундире папаша,
Не ходит брат Митенька в класс.

Он рифмовал «папаша» и «мамаша». Кто ему мог запретить эту шалость пера, если сам автор был цензор, редактор – представитель отдельного корпуса жандармов, читатели –

сплошь городские, а стихи посвящены трехсотлетию дома Романовых?

А как поступать, когда читаешь изданную в 1931 году книгу для детей, где автор рифмует «мосты» и «холмы», «спешит» и «кипит»? Это хуже, чем «папаша» и «мамаша». Это уже разбойное нападение на детей, подпадающее под действие 2-го пункта 184-й статьи Уголовного кодекса: нападение, сопряженное с физическим или психическим насилием.

Это насилие психическое. А «га, га, га» – даже физическое.

Кому подсовывают все эти художественные произведения? Детям или взрослым? Сначала кажется, что детям, а потом видишь, что взрослым. Ведь у нас в издательствах дети не работают. Уж будьте покойны, заведующий отделом «Хороводов у костра» не маленький, не дитя. Да и начальница младенческого журнала «Догонялочка-перегонялочка» (бывшая «Палочка-выручалочка») – тоже не грудной ребенок.

Как же все это произошло? Несомненно, что когда создавался детский питательный продукт – «Пожарное дело в СССР резко отличается от...», то позаботились обо всем: чтоб не было мистики, чтоб не было биологии, взятой изолированно от прочих факторов, чтоб не было голого техницизма, упадочничества, шулятиковщины, упрощенства. Учли положительно все, кроме возраста читателя.

И получилось произведение, которое можно прочесть разве только на конгрессе теоретиков пожарного дела. Да и то старые брандмейстеры покачают обгоревшими головами и скажут:

– Установка правильная, но уж слишком как-то учено. Для нас, огнеработников, надо бы попроще.

Иногда же заведующий «Хороводами у костра» вспоминает, с кем, собственно говоря, имеет дело. Может быть, он уступил в трамвае место женщине с ребенком и сам растрогался, а может быть, просто получил какую-нибудь бумажку с печатью, где указывалось, напоминалось и даже предлагалось. Одним словом, он вспоминает о детях.

И тогда начинается громчайшее «га, га, га», будто бы на современную тематику. Впопыхах проскакивает и голый техницизм, и фетишизирование вещей, и проклятая биология, взятая изолированно.

Между тем на бульварах, которые являются главными детскими магистралями, галдят и смеются маленькие читатели. Их много и становится все больше (пора уже ставить для них специальные детские светофоры). Они роют в песке каналы, катаются на верблюде, на боку которого написано «ГОМЭЦ», играют в «учреждение» и прыгают через веревочку.

Они хорошие. Их не надо обижать.

Употребим очень осторожные слова:

– Отдельные авторы отдельных книг, в единичных случаях изданных отдельными издательствами! Любите детей! Уважайте их! Ничего, что они маленькие. Они заслуживают хорошего обращения. Любите, не бойтесь, тут нет биологии!⁷³

1932

Бродят по городу старухи

⁷³ Впервые опубликован в "Литературной газете", 1932, 19, 23 апреля, под рубрикой "Уголок изящной словесности". Подпись: Холодный философ.

Авторы вынуждены обнажить перед общественностью некоторые интимные черты своего быта.

Они хотят рассказать, какое письмо пришло к ним на днях.

Принято думать, что писатели завалены любовными секретками от неизвестных поклонниц. «Вчера я увидела вас на трамвайной подножке, и вы пленили бедное сердце. Ждите меня сегодня в пять у ЗРК. № 68, у меня в руках будет рыба (судак). Ида Р.»

Может быть, Зощенко, как жгучий брюнет, и получает такие нежные записки, но мы лишены этой радости. Нам по большей части несут совсем другое – приглашение на товарищеский чай с диспутами или счета за электричество; бывает и просьба явиться на дискуссионный бутерброд, который имеет быть предложен издательством «Проблемы и утечи» по поводу зачтения вслух писателем Хаментицккм своей новой повести; бывают и письма читателей, где они предлагают сюжеты или просят указать, в чем смысл жизни.

А совсем недавно взобралась на шестой этаж старуха, маленькая старуха курьерша с розовым носиком и с глазами, полными слез от восхождения на такую высоту, и с полупоклоном вручила письмо.

И опять это не было любовное письмо от неизвестной трудящейся красавицы. Это не было даже приглашение почавкать за чайным столом на литературные темы.

Письмо было гораздо серьезнее. Оно будило, звало куда-то в голубые дали.

«Уважаемый товарищ, шлем вам план (схематический) январского сборника „Весна“ (приложение к журналу „Самодеятельное искусство“).

Рассчитываем, товарищ, на ваше участие. Деревня ждет высококачественного репертуара. Отклик остро необходим».

В комнате на шестом этаже стало тихо. Как говорится, ворвалось дыхание чернозема, встала во весь рост проблема решительного поворота к деревне, которая правильно ждет высококачественного репертуара. Одним словом, захотелось включиться.

Уж рисовались перед авторами различные картины их будущей деятельности. Они едут в деревню, изучают быт и сдвиги, следят за ломкой мирозерцаний, наполняют записные книжки материалами, вообще ведут себя, как Флоберы или Иваны Сергеевичи Тургеневы. И наконец, через год или два, произведение написано и сдано в сборник «Весна» (приложение к журналу «Самодеятельное искусство»). Вот как рисовалась авторам их деятельность по освоению деревенской тематики.

Но уж приложенный к письму план сборника одним махом разрушил чудный воздушный замок, возведенный по методу социалистического реализма.

Оказалось, что никуда не надо ехать, что литература совсем не такая сложная штука, как до сих пор предполагали, что Флобер с Тургеневым были какие-то водевильные дурни и делали совсем не то, что нужно; оказалось, что все гораздо проще.

Это ясно было из плана, в котором излагались требования и пожелания редакции:

1. За сжатые сроки сева (монолог).
2. Тяговая сила. Меньше нагруженности зимой, мобилизация кормов (сценка).
3. Тракторы. Заблаговременный ремонт, запасные части, горючее, смазка (обозрение).
4. Семена, зерно, картофель и т. д. (пьеса). Общественное питание, бронь продуктов к севу (куплеты).

На создание всей этой пролетарско-колхозной литературы давался штурмовой срок – пятнадцать дней. Пришлось укладываться, впихиваться в эти тесные рамки. Деревня ждала, надо было торопиться.

– Успеем?

– Очевидно, редакция находит срок достаточным. Им виднее. Они все-таки ближе к земле.

– Что ж нам взять? Меня, например, волнует пункт четвертый. Пьеса. «Семена, зерно, картофель и т.д.». Прекрасная тема.

– Сомневаюсь. Чего-то тут не хватает. Зерно! Картофель! Какая тут может быть коллизия?

– А «и т.д.»? В этом «и т.д.» что-то есть. Тут кое-что можно построить. Если не пьесу, то драматический этюд.

– Но, позвольте, редакция не хочет этюда. В этой теме она видит пьесу. А нам надо с ними считаться. Они все-таки ближе к земле.

– Да, они ближе – это верно.

– Вот пункт второй – это типичная пьеса – «Тягловая сила». Тут чувствуется что-то драматургическое. «Меньше нагруженности зимой, мобилизация кормов». МХАТ! Метерлинк! Пять актов с соевым апофеозом!

– Чувствуется-то оно чувствуется. Но люди просят сценку, а не драму. Ведь они знают, что надо деревне. Они ближе к земле.

– Да. Плохо. Они ближе. А мы дальше.

– Может, напишем обозрение по пункту третьему? Название, как в циркуляре – «Тракторы». Да и акты уже размечены, ничего не надо придумывать. Акт первый – «Заблаговременный ремонт». Акт второй – «Запасные части». Акт третий – «Горючее и смазка».

– А не лучше ли сделать из этого водяную пантомиму? Не придется писать диалоги, не так совестно будет. А? Ей-богу, сделаем водяную!

Незаметно для самих себя авторы (еще полчаса назад честные и голубоглазые) заговорили ужасающим языком халтурщиков. А еще немножко позже, хихикая и радуясь тому, что дело можно будет сварганить не в пятнадцать дней, а в полчаса, они налегли на пункт четвертый, любезно предложенный редакцией «Самодеятельного искусства» – «Общественное питание, бронь продуктов к севу (куплеты)».

Заготовил Митька бронь,

Митька бронь,

Митька бронь,

Будет сыт у Митьки конь,

Митькин конь,

Митькин конь.

– Теперь давай отрицательного типа!

– Вот это правильно. После положительного полагается отрицательный.

– А не наоборот? Кажется, после отрицательного положительный?

– Все равно. Если им понадобится, они переставят. Они ближе к земле.

Не готов Егорка к севу,
Не подвез продуктов к хлеву,
Зацепился за овин –
Бронь рассыпал, сукин сын.

Дело ладилось. Сейчас даже пьеса «Семена, зерно, картофель» не казалась уже такой туманной, как раньше. А «Тяговая сила» так и просилась в сценку.

Авторы на глазах превращались в труху.

Уже почти готов был высококачественный репертуар для деревни, как вдруг они остолбенело уставились друг на друга и, не сговариваясь, изорвали в клочки бронь-куплеты. Потом, также не уславливаясь, потянулись к змей-искусительному плану и снова стали в него вчитываться.

Нет! Все верно. Официальное учреждение в документе, напечатанном на папиросной бумаге, предлагало срочно изготовить халтуру, ибо что же другое можно написать в штурмовой срок на тему: «Годовой производственный план. Производственные совещания между колхозами, реальный документ борьбы за урожай, севооборот и расстановка рабочей силы».

Решительно можно сказать, что на этом месте письмо теряет значение интимной черты из быта авторов. Оно делается гораздо серьезнее. Это сигнал бедствия в литературе.

По всему городу бродят старушки с разносными книгами. Они взбираются на этажи и с полупоклонами вручают литераторам ведомственные циркуляры, долженствующие вызвать расцвет отечественного искусства.

Кто может поручиться, что не сидит уже за колеблющимися фанерными стенками своего кабинета какой-нибудь чемпион – администратор среднего веса и не сочиняет гадкий меморандум:

«Писатель, стоп! Комсомол ждет высококачественного репертуара. Штурмуй молодежную тематику! Срок сдачи материала двадцать четыре часа.

План.

1. За многомиллионный комсомол (балет).
2. Вопросы членства и уплата взносов (опера).
3. Освоение культурного наследия прошлого (куплеты).
4. Организационная схема взаимоотношений обкомов ВЛКСМ с райкомами ВЛКСМ (скетч на десять минут)».

И куплет, в котором организованный Лешка усвоил наследие, а недопереварившийся в котле Мотыка такового недоусвоил, будет изготовлен в аварийном порядке не в двадцать четыре часа, а в три минуты, потому что этим путем халтура легализуется, поощряется и даже пламенно приветствуется.

И плетутся по городу старушки, кряхтя, поднимаются они на этажи, двери перед ними распахнуты, уже готовы перья и пишущие машинки, и чадные ведомственные розы расцветают в садах советской литературы.⁷⁴

74 Впервые опубликован в газете "Комсомольская правда", 1933, э 140, 18 июня.

Журналист Ошейников

Поздно ночью журналист Ошейников сидел за столом и сочинял художественный очерк. Тут, конечно, удобно было бы порадовать читателя экстренным сообщением о том, что мягкий свет штепсельной лампы бросал причудливые блики на лицо пишущего, что в доме было тихо, и лишь поскрипывали половицы, да где-то (далеко-далеко) брехала собака.

Но к чему все эти красивые литературные детали? Современники все равно не оценят, а потомки проклянут.

В силу этого будем кратки.

Тема попалась Ошейникову суховатая – надо было написать о каком-то юбилейном заседании. Развернуться на таком материале было трудно. Но Ошейников не пал духом, не растерялся.

«Ничего, – думал он, – возьму голой техникой. Я, слава богу, набил руку на очерках».

Первые строчки Ошейников написал не думая. Помогали голая техника и знание вкусов редактора.

«Необъятный зал городского драматического театра, вместимостью в двести пятьдесят человек, кипел морем голов. Представители общественности выплескивались из амфитеатра в партер, наполняя волнами радостного гула наше гигантское театральноеместилище».

Ошейников попросил у жены чаю и продолжал писать:

«Но вот море голов утихает. На эстраде появляется знакомая всем собравшимся могучая, как бы изваянная из чего-то фигура Антона Николаевича Гусилина. Зал раздражается океаном бесчисленных аплодисментов».

Еще десять подобных строчек легко выпорхнули из-под пера журналиста. Дальше стало труднее, потому что надо описать новую фигуру – председателя исполкома тов. Чихаева. Фигура была новая, а выражения только старые. Но и здесь Ошейников, как говорится, выкрутился.

«За столом президиума юбилейного собрания энергичной походкой появляется лицо тов. Чихаева. Зал взрывается рокочущим прибоем несмолкаемых рукоплесканий. Но вот kloкочущее море присутствующих, пенясь и клубясь бурливой радостью, входит в берега сосредоточенного внимания».

Ошейников задумался.

«Входит-то оно входит, а дальше что?»

Он встал из-за стола и принялся нервно прогуливаться по комнате. Это иногда помогает, некоторым образом заменяет вдохновение.

«Так, так, – думал он, – этого Чихаева я описал неплохо. И фигура Гусилина тоже получилась у меня довольно яркая. Но вот чувствуется нехватка чисто художественных подробностей».

Мысли Ошейникова разбредались.

«Черт знает что, – размышлял он, – второй год обещают квартиру в новом доме и все не

дают. Илюшке Качурину дали, этому бандиту Фиалкину дали, а мне...»

Вдруг лицо Ошейникова озарилось нежной детской улыбкой. Он подошел к столу и быстро написал:

«По правую руку от председателя собрания появилась уверенная, плотная, крепкая бритая фигура нашего заботливого заведующего жилищным отделом Ф.З. Грудастого. Снова вскипает шум аплодисментов».

– Ах, если бы две комнаты дал! – страстно зашептал автор художественного очерка. – Вдруг не даст? Нет, даст. Теперь должен дать.

Для полного душевного спокойствия он все-таки вместо слов «шум аплодисментов» записал «грохот оваций» и щедро добавил:

«Тов. Грудастый спокойным взглядом выдающегося хозяйственника обводит настороженно притихшие лица первых рядов, как бы выражающие общее мнение: „Уж наш т. Грудастый не подкачает, уж он уверенно доведет до конца стройку и справедливо распределит квартиры среди достойнейших“.

Ошейников перечел все написанное. Очерк выглядел недурно, однако художественных подробностей было еще маловато.

И он погрузился в творческое раздумье. Скоро наступит лето, засверкает солнышко, запоют пташки, зашелестит мурава... Ах, природа, вечно юная природа... Лежишь в собственном гамаке на собственной даче...

Ошейников очнулся от грез.

«Эх, и мне бы дачку!» – подумал он жмурясь.

Тут же из-под пера журналиста вылились новые вдохновенные строки:

«Из группы членов президиума выделяется умный, как бы освещенный весенним солнцем, работоспособный профиль руководителя дачного подотдела тов. Куликова, этого неукротимого деятеля, кующего нам летний, здоровый, культурный, бодрый, радостный, ликующий отдых. Невольно думается, что дачное дело – в верных руках».

Муки художественного творчества избороздили лоб Ошейникова глубокими морщинами.

В комнату вошла жена.

– Ты знаешь, – сказала она, – меня беспокоит наш Миша.

– А что такое?

– Да вот все неуды стал из школы приносить. Как бы его не оставили на второй год.

– Стоп, стоп, – неожиданно сказал журналист. – Это очень ценная художественная деталь. Сейчас, сейчас.

И в очерке появился новый абзац.

«Там и сям мелькает в море голов выразительнее лицо и внушающая невольное уважение фигура заведующего отделом народного образования тов. Калачевского. Как-то мысленно соединяешь его фигуру с морем детских личиков, так жадно тянущихся к культуре, к знанию, к свету, к чему-то новому».

– Вот ты сидишь по ночам, – сказала жена, – трудишься, а этот бездельник Фиалкин получил бесплатную каюту на пароходе.

– Не может быть!

– Почему же не может быть? Мне сама Фиалкина говорила. На днях они уезжают. Замечательная прогулка. Туда – неделю, назад – неделю. Их, кажется, даже будут кормить

на казенный счет.

– Вот собака! – сказал Ошейников, бледнея. – Когда это он успел? Ну, ладно, не мешай мне со своей чепухой.

Но рука уже сама выводила горячие, солнечные строки:

«А вот нет-нет да мелькнет из-за любимых всеми трудящимися спин руководителей области мужественный и глубоко симпатичный анфас начальника речного госпароходства Каюткина, показывающего неисчерпаемые образцы ударной, подлинно водницкой работы».

– Что-то у меня в последнее время поясница поламывается, – продолжала жена. – Хорошо бы порошки достать, только нигде их сейчас нет.

– Поламывается? – встрепенулся очеркист. – А вот мы сейчас тебе пропишем твои порошки.

Ошейников вытер пот и, чувствуя прилив творческих сил, продолжал писать:

«В толпе зрителей мелькает знаменитое во всем городе пенсне нашего любимого заведующего здравотделом...»

Под утро очерк был готов. Там были упомянуты все – и директор театра, и администратор кино «Голиаф», и начальник милиции, и даже заведующий пожарным отделом («...чей полный отваги взгляд...»). Заведующего очеркист вставил на случай пожара.

– Будет лучше тушить, – сладострастно думал он, – энергичнее, чем у других.

В свое художественное произведение он не вписал только юбиляра.

– Как же без юбиляра? – удивилась жена. – Ведь сорок лет беспорочной деятельности в Ботаническом саду.

– А на черта мне юбиляр? – раздраженно сказал Ошейников. – На черта мне Ботанический сад! Вот если бы это был фруктовый сад, тогда другое дело!

И он посмотрел на жену спокойным, светлым, уничтожающим взглядом.⁷⁵

1933

Евгений Петров. Фронтовые корреспонденции

Командир и комиссар

Когда наступила тишина и адъютант доложил генералу, что части пошли в наступление, мы уселись в свой автомобиль и поехали вперед. Снова была дорога, и снова лес, и снова овраги и небольшие подъемы. Лесные дороги, наскоро проложенные проходившими войсками, были грязны. Во многих местах их успели замостить тонкими стволами деревьев. Иначе невозможно было бы проехать. Автомобиль тархтел по ним, как тарантас. В лесах была осень. Но на полевых дорогах еще стояла глубокая, летняя пыль.

Тишина продолжалась недолго. Снова стала бить артиллерия. О приближении линии фронта мы судили по характеру огня. Когда на наблюдательном пункте генерала мы наблюдали действие артиллерийской подготовки, тяжелые орудия стреляли позади нас. Тотчас же за выстрелом мы слышали над головами визг снаряда, и потом он долго еще летел туда, к немцам, и сначала мы видели разрывы, а уже после слышали их звук. Звук

⁷⁵ Впервые опубликован в "Литературной газете", 1937, э 25, 10 мая. Написан в 1933 году. Фельетон не переиздавался.

выстрела был сильнее, чем звук разрыва. Теперь визг пролетающего снаряда слышался раньше всего. Потом долетал слабый выстрел, и мгновенно за ним сильный разрыв. Потом через головы стали летать снаряды легкой артиллерии, и время от времени очень громко били пулеметные очереди. Они били так громко, как будто стрельба происходила над самым ухом. Но до первой линии оставалось еще километра полтора.

Шофер въехал задним ходом в лес, остановился рядом с большим танком и накрыл машину ветвями. Дальше надо было идти пешком. В лесу сидели шоферы с танкистами и, прислонясь к танку, ели из алюминиевых котелков кашу с салом. Кроме того, у них было много сладкого чая. Наш шофер был тотчас же приглашен к столу. Шоферы совсем как масоны. Они мгновенно узнают друг друга и сходятся так, будто знакомы добрый десяток лет. Танкистов они охотно считают своими и любят их, но с несколько покровительственным оттенком. Так умудренный опытом, умный папа относится к своему отчаянно храброму сыну. Шоферы и танкисты ели кашу с очень серьезными лицами. По лицам людей всегда видно, в каком месте фронта ты находишься. Нет такой линии, которая отделяла бы тыл от фронта. Но она существует и может быть с полной точностью определена по лицам людей. Здесь люди делают серьезное мужское дело. Движения их неторопливы и очень четки. И что бы человек ни делал: вел коня на водопой, ел кашу, писал донесение, копался в моторе танка или даже улыбался чему-нибудь, у него совсем не то выражение, какое бывает у него же в двух-трех километрах ближе к тылу.

Мы пошли пешком прямо через поле спутанной, поникшей, погибающей ржи (ее уже никто не сможет убрать), и ее было жалко, как живое существо. Было жалко человеческого труда и баснословного урожая, какой бывает едва ли раз в десять лет. Мы поднялись на пригорок, и здесь надо было бежать метров четыреста до наблюдательного пункта командира части, так как местность была открытая и простреливалась противником. И мы побежали, униженно пригибаясь и гремя амуницией. Командир части, громадный человек, с толстой шеей и добрым круглым лицом, сидел в блиндаже у телефонного аппарата и хрипло кричал что-то в трубку. Комиссар сидел снаружи, среди вороха ржи, свесив ноги в яму, в которой была вырезана лестница, и смотрел в бинокль. Иногда командир и комиссар переговаривались о чем-то, хорошо им знакомом, что происходило впереди. Иногда командир уговаривал комиссара спуститься вниз. «Ты мне всю маскировку портишь», — сердито говорил он. Но комиссар только посмеивался, показывая свои сверкающие зубы, особенно белые на темном, запыленном лице. «Когда ты сидел здесь, — отвечал он, — я тоже все время звал тебя вниз, и ты не хотел идти».

Для того чтобы понять, что такое комиссар на фронте, надо прежде всего запомнить одно: комиссар и командир — почти всегда друзья. Их содружество естественно и гармонично. Один замещает другого, если того убьют. Это высшая форма братства. Такая может родиться только на войне. Я посетил много частей и подразделений Красной Армии и всюду наблюдал эту крепкую, простую, мужскую дружбу.

Часть прошла уже две линии немецких полевых укреплений и окопалась под сильным минометным огнем. Этот бой будет продолжаться весь день, возобновится ночью и потом опять возобновится завтра утром.

Командир и комиссар знают, как тяжела и кровопролитна эта война. Они ведут ее с первого дня вместе. Вместе они переживали гнетущие дни отступления, хотя это

отступление было правильным и единственным выходом в то время. Вместе они выходили из окружения и блестяще выполнили этот труднейший маневр, прорвав немецкую блокаду и выведя всю свою часть. Вместе они были в Смоленске, отстаивая каждый дом. Теперь вместе на крепком, установившемся фронте они крепко бьют немцев. Эти два месяца боев стоят двадцатилетней дружбы. Теперь оба, дополняя друг друга, они рассказывают мне о капитане, командире разведывательного батальона. Капитан совершил подвиг, о котором будут складываться песни через сотни лет. Он вел разведку всем батальоном и устроил свой наблюдательный пункт на колокольне церкви в маленьком покинутом жителями селе. Командир и комиссар попеременно разговаривали с ним по телефону. Он давал замечательные указания артиллерии. Его батальон вел бой по сторонам от села. Неожиданно в село прорвалась большая колонна немецких танков. Танки заполнили всю сельскую площадь. Капитану немцы предложили сдаться. Герой вместе со своим связистом ответил выстрелами. Капитан сразу понял, какая опасность угрожает не только его батальону, но всему стоящему позади соединению и, может быть, даже фронту. И он немедленно скомандовал в трубку:

— Огонь по мне!

Ориентир — церковная колокольня — был идеальный, площадь была забита немецкими танками.

— Прощайте, товарищи! — сказал он в трубку.

И на него обвалился шквал артиллерийского огня.

1941

Москва за нами

Последние пять дней я провел на Можайском и Волоколамском направлениях. Здесь защищают грудь Москвы от прямого удара в сердце.

Мы выехали на шоссе, которое начинается еще в городе и представляет собою одну из лучших улиц новой Москвы. Здесь еще осталось несколько ветхих деревянных домишек былой, запущенной окраины. И они очень выразительно контрастируют с длиннейшей перспективой громадных новых домов, выстроенных за последний год. Некоторые из них еще не закончены. Здесь осуществлено то, о чем мечтал Ленин. Окраины больше нет. Нет убогих лачуг, где в былое время ютилась нищета. Дома новой улицы выстроены со вкусом и даже известным великолепием. Они выстроены из хороших материалов. Многие отделаны мрамором и гранитом. За последним домом с золоченой вывеской кондитерского магазина сразу начинается поле. Еще весной этого года по Можайскому шоссе мчались автомобили дачников. Сейчас оно перегорожено баррикадами и противотанковыми заграждениями.

Кажется, что с мирного времени прошло не пять месяцев, а триста лет; так это было давно.

Мы проехали холм, до половины срезанный широкой автострадой. Это — Поклонная гора, хорошо известная в истории русского государства. Отсюда в 1812 году Наполеон впервые увидел Москву. Здесь, сидя на барабане, он ждал, когда бургомистр принесет ему ключи от города. Но он не дождался. Русские не приносят ключей от своих городов.

Мы ехали часа полтора, обгоняя обозы военных грузовиков. Все меньше становилось мирных жителей и все больше военных.

Последние жители, которых мы видели, шли и ехали нам навстречу со своим имуществом. Некоторые тащили его на санках. Старики и женщины гнали коров по обочинам дороги. Все ближе становится гул артиллерии и минометов. Люди уходили с насиженных мест, боясь нашествия немцев.

Скоро уже невозможно было встретить штатского человека.

Это был фронт.

Западный фронт, который я помнил в августе и сентябре накануне великих и кровавых боев за столицу, крепкий, но все же беспечный фронт, уже не существовал. Но не потому, что был начисто уничтожен, как это с обычным своим нахальством утверждает немецкий генеральный штаб. Люди остались те же, если не считать погибших. Были те же дороги, и те же леса, и те же бревенчатые деревушки, и те же танки, и тот же одуряющий запах отработанного бензина, смешанный с запахом пожарища — запах современной войны, — и простреленные каски, и закоченевшие трупы с согнутыми коленями, и обгорелые машины на обочинах дорог.

Но все было не то.

Тогда начиналась осень. Сейчас была злая, колючая, небывало ранняя зима. Оголенные лиственные леса оледенели. Деревья казались дорогими и тонкими изделиями из серебра. Отчетливо была видна каждая веточка. Хвоя была покрыта крепким промерзшим инеем только с северной стороны. С юга она оставалась зеленой. Земля стала крепкой, как дерево. Погода — идеальная для действия крупных танковых соединений. В такую погоду танки могут пройти решительно в любом месте. И этой погодой воспользовались немцы, чтобы произвести новое решительное наступление на Москву.

Но изменилась не только природа. Танки, приспособляясь к ней, покрылись белой краской. На красноармейцах и командирах появились теплые меховые шапки из голубоватого меха, ватники и безрукавки, которые отлично греют под шинелями. Сейчас светает только к семи часам утра, а к пяти часам дня уже начинает темнеть. Боевой день стал страшно короток и поэтому особенно напряжен. И потому еще фронт стал совсем другим, что приблизилась Москва. Тогда, сражаясь за Москву, люди знали, что позади еще большая территория, что если немцы не будут отогнаны сегодня, они будут отогнаны завтра. Сейчас Москва за самой спиной, на некоторых участках всего лишь в шестидесяти километрах. И остановить немцев нужно именно сегодня. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что на фронте нет ни одного человека, который поверил бы, что Москва может пасть. Люди хорошо вооружены. У них есть танки (их, правда, не много), отличная артиллерия, пулеметы, автоматы, минометы. Но если придет такая минута, русские люди будут перегрызать фашистам горло зубами. Потому что за спиной самое дорогое, что есть у русского человека, — Москва.

Как полагают здесь, немцы убедились, что взять Москву фронтальным ударом, действуя по сходящимся к столице магистралям, чрезвычайно трудно и сопряжено с грандиозными потерями. Поэтому, судя по нынешнему сражению, немецкое командование делает новую и, очевидно, генеральную попытку обойти Москву с флангов.

Как всегда, немцы ищут стыков между крупными соединениями, ищут слабых мест. Как

всегда, они отходят там, где натыкаются на сильное сопротивление, и предпринимают все новые и новые маневры.

Бои идут очень серьезные. Но на фронте, от переднего края до штабов, люди полны уверенности. Тогда на Западном фронте, в августе и сентябре, тоже была уверенность. Но то была уверенность гордой нации, сопряженная с известным добродушием. Звучит это несколько странно, но это именно так — с добродушием мирных людей, для которых убийство, даже на войне, даже самое справедливое из справедливых, — занятие малопривлекательное. Нужно знать характер русского человека. Это очень добрый человек. Он вспыльчив, но отходчив, и нужно много времени, чтобы он озлобился по-настоящему. Сейчас люди озлобились до такой степени, что не могут слышать слова «немец». Ненависть к захватчикам сделала каждого бойца крепким, как оледеневшая почва, на которой он стоит. Сейчас люди черпают уверенность в своей ненависти.

Вчера вступило в бой танковое соединение, состоящее из английских танков. И английские машины, и советские танкисты, управлявшие ими, шли в бой впервые. И те и другие экзамен выдержали. Танкисты отзываются о танках хорошо. Если бы машины могли говорить, они еще больше хвалили бы танкистов.

Идти в бой в первый раз в жизни — нелегкая штука. Сколько было случаев, когда люди, дрогнувшие в первом бою, оказывались потом героями. Танкисты нового соединения сразу повели себя героями. Потому что за спиной — Москва.

— Знаете, буквально приходится их удерживать, — сказал командир батальона.

И по той нежной и в то же время мужественной улыбке, с которой он сказал это, было видно, что удерживать своих бойцов — задача хотя и не легкая, но приятная.

Мы сидели в бревенчатой комнате, только вчера покинутой хозяевами. Танкисты помогли хозяевам эвакуироваться — дали им грузовик. Старуха хозяйка не знала, как поблагодарить. И когда уже все было собрано и погружено, она отозвала начальника штаба и, значительно поджимая губы, зашептала:

— Тут я оставила в погребе бочонок с солеными огурцами. Все лето солила. Ешьте, милые, на здоровье. И оставляю вам еще гитару. Будет свободное время — играйте, веселитесь.

И уже трудно поверить, что еще только вчера шла в этом домике хорошо налаженная, привычная жизнь и чирикала в клетке канарейка, стояли на подоконниках горшки с геранью, за маленьким окном с резными наличниками играли снежинки, и только лай собак да пенье петухов нарушали деревенскую тишину.

Сейчас в комнате царили полевой телефон и карта. Пахло сапогами и овчиной. Невдалеке шел бой. Казалось, что за стеной, непрерывно стуча сапогами, сбегают по деревянной лестнице какие-то люди. В деревне есть уже разрушенные дома, и явственно чернеют на снегу следы разорвавшихся мин.

В комнату стремительно вошел лейтенант, огромного роста молодой человек с прекрасным курносым лицом и широко расставленными глазами, сверкавшими отчаянной радостью.

— Разрешите доложить! — крикнул он, вытянувшись перед командиром.

Было ясно, что он собирается доложить нечто чрезвычайно важное.

— Докладывайте, — сказал командир.

Лейтенант оглянулся, потом махнул рукой и, уже не в силах сдержать возбуждения,

выпалил:

— Немцы прорвались на Бараки.

И, ожидая ответа, он в нетерпении стал переминаться с ноги на ногу. Он был еще совсем мальчик. Командир стал что-то соображать, глядя на карту. «Ну что же ты медлишь? — думал, вероятно, лейтенант в эту минуту. — Ведь сейчас все решается: и судьба Москвы, и твоя судьба, и моя судьба».

На его лице появилось выражение мольбы. А командир все еще смотрел на карту. Он смотрел на карту страшно долго, катастрофически долго — минуты две.

— Послать в Бараки третью роту танков, — тихо, но твердо сказал он наконец.

— Есть! — гаркнул лейтенант.

Он обвел всех счастливыми глазами, хотел что-то сказать, потом рванулся к двери, потом остановился и спросил: «Разрешите идти?» — и, получив разрешение, выбежал с таким грохотом, что после его ухода некоторое время звучала гитара на стене.

— В первый раз идет в бой, — сказал командир. — А хорош!

Да, танкисты шли в бой, как на парад. Потому что за спиной была Москва.

Уже было совсем темно, когда получили донесение, что пункт Бараки отбит и немцы отброшены в исходное положение.

26 ноября 1941 г.

Что такое счастье

Мы любили говорить о счастье будущих поколений, о счастье наших детей, наконец о нашем общем счастье, когда через пятнадцать лет мы построим коммунистическое государство, где всего будет вдоволь для всех. Но мы редко говорили о нашем сегодняшнем счастье. И никогда не думали о нем. Человеку свойственно сетовать на свои, даже самые маленькие, несчастья и в то же время не замечать, когда он счастлив.

Очень часто я встречаю людей, которых не видел с начала войны. И, обсудив предварительно все военные вопросы, включая последнюю речь Черчилля, и не забыв о положении на острове Гуам, мы начинаем вспоминать, где встречались в последний раз.

— Ну, конечно же, в Ялте. Я еще жил в санатории ВЦСПС и еще, дурак, жаловался, что там плохо кормят. Помните, мы встретились на набережной? Вы еще шли купаться, а я еще сказал: «Ну кто купается в мае! Вот в июне...». А в июне-то...

— М-да. Хорошо было.

— Здорово жили. Ничего не скажешь.

Или:

— Позвольте, позвольте! Ну конечно! На этом самом месте! Вы шли по улице Горького с женой и детьми. Помните, вы еще жаловались, что просто ума не приложите, куда отдать сына после окончания десятилетки. Вы хотели в политехникум, жена — в театральное училище, а сам мальчик хотел в летную школу.

— Уже летает. На Юго-Западном.

— Истребитель?

— Бомбардировщик. Два месяца нет писем. Жена каждый день шлет мне телеграммы. Не знаю, что и отвечать.

— А она где?

— Она с маленьким в Сибири. А девочка с пионерским лагерем в Средней Азии. А мою тетушку помните? Старушку? Она сейчас у немцев, в Днепропетровске. Что с ней — не знаю. Ведь и жила она только на то, что я ей посылал.

— М-да. Жили — не думали.

— Ничего не скажешь. Хорошо жили.

Мы хорошо жили на нашей советской земле. Но все ли мы понимаем это? И не было разве среди нас людей, которые не только не понимали этого, но, напротив, твердо считали, что они недостаточно счастливы, что для их счастья чего-то не хватает?

Мы ехали по лесной дороге ночью, в полной тишине. В белом свете автомобильных фар лес выглядел, как оперная декорация, очень странная, потому что мы никогда не видим оперных декораций без музыки. А сейчас была тишина. Очень странная тишина, потому что мы ехали в прифронтовой полосе, где, казалось, должен был бы стоять грохот. Но на фронте даже во время самого интенсивного наступления бывает какое-то время тишина. Я не знаю более полной, абсолютной тишины, чем фронтовая.

По этому лесу прошел медведь войны. Он ободрал металлическими боками стволы деревьев, выломал сучья и раскидал их, протащился вперед и в стороны своим тяжелым телом, взрывая землю и вытаскивая с корнем кусты.

Потом почти целые сутки шел снег.

Медведь войны ушел на запад. Снег закрыл страшные раны, нанесенные войною природе.

Природа сопротивляется войне. Подпиленное и сваленное на дорогу громадное дерево лежит, как гладиатор, который под ударом врага упал на руки, но еще надеется подняться. Природа сопротивляется войне как может. Когда же сопротивление сломлено, она гибнет горделиво, как храбрый солдат. Нетронутая — она вызывала восхищение, она была красива. Изломанная, побежденная — она величественна и вызывает уважение.

Немцы, отступая, минировали дорогу. Саперы осторожно выбирали мины. Наш караван автомобилей ехал за ними, останавливаясь через каждые пять минут. Это было, как в минированном море, когда эскадра движется за тральщиками.

Мы ехали очень долго, часов двенадцать. Мы объезжали брошенные немцами грузовики и куски разорванных минами лошадей. Иногда мы останавливались в деревнях. Там немецких машин было еще больше, чем по пути. Мы узнавали дорогу и двигались дальше.

В деревню, где мы собирались остановиться, мы приехали часа в два ночи. Это была деревня, где не пели петухи и не лаяли собаки.

Тут уцелело много домов. Сохранилось и несколько семейств. Днем они возвратились из лесу, где жили, как звери, в ямах, и теперь устраивались в своих пустых, загрязненных немцами домах. Немцы не оставили им ничего — ни одной крупинки еды, ни одного лоскута материи.

На печи сидела старуха и смотрела, как в избе возятся красноармейцы. Печь хорошо натопили, Старухе было тепло, и она все время улыбалась, ожидая вопросов.

— Ты что, бабка, тут развалилась? — сказал ей маленький, веснушчатый красноармеец строгим голосом. — Не видишь, готовим избу для высшего начальства? Шла бы себе в лес ночевать.

— Так вот взяла да и пошла, — ответила старуха радостно.

— Небось когда немец был, ты и в избу боялась взойти, не то что на печь лезть в присутствии высшего командования.

— Что, бабушка, — спросил я, — надоел немец?

— Совсем, думали, пропадем, — быстро и оживленно ответила старуха, которая ожидала этого вопроса. — Как пришел, так сразу: «Иди, иди, говорит, в ямцы». В ямы, значит. А сам все чисто забрал. Ничего не оставил.

— Кто теперь тебя, такую, замуж возьмет без приданого? — заметил веснушчатый красноармеец.

— Да ну тебя совсем! Привязался! — сказала старуха, делая вид, что замахивается на веснушчатого Красноармейца.

Между ним и старухой явно устанавливались приятельские отношения.

В избу вошел командир. Он снял ремни и положил на стол трофейный немецкий автомат, потом посмотрел на печь.

— А! — сказал он. — Ты еще жива, моя старушка?

— Не хочет больше в лес идти, товарищ старший лейтенант. Все за печку держится, — почтительно доложил веснушчатый красноармеец.

— Накормили старуху?

— Точно.

Старший лейтенант некоторое время глядел на старуху улыбаясь.

— Что это ты такая веселая, бабушка? — спросил он. — Уж, кажется, и натерпелась ты от немцев, и ограбили тебя всю как есть, и внука убили. А ты веселая.

— На вас гляжу — веселюсь, — ответила старуха. — Веселюсь, что русские пришли. Что хозяйство! Даст бог, опять подыдемся. А мне думалось, еще разок на своих посмотреть. А там и помирать не жалко.

На другое утро я был в Волоколамске.

Там я видел старика крестьянина, видно зажиточного, в хорошей бараньей шапке, в исправных валенках с калошами. Он быстро шел по развороченной снарядами, покрытой глубоким снегом улице. В руке у него была веревка. В морозном воздухе резко звучала пулеметная стрельба: бой шел еще в двух километрах от города.

— Куда, дедушка?

— Да вот корову ищу! — крикнул старик. — Я сам из деревни...

Он назвал одну из бесчисленных Покровок или Петровок. Перед приходом немцев, когда многие колхозники уходили, он считал, что все обойдется, что «немец — тоже человек». Ему повезло. Деревушка его далеко от шоссейной дороги, и немец так до нее и не дошел. Старик единоличник прожил два месяца не плохо. Заявились к нему немцы только перед своим уходом, когда он уже надеялся, что нелегкая вывезла. Это были отступающие немцы. Старик вовремя успел убежать в лес. Избу немцы разграбили и увели корову. Теперь он ее искал.

— У нас так люди говорят, — сказал он, — что немцев в Волоколамске окружили, я и пришел. Думал, найду мою корову. Ан, оказывается, окружение-то вышло неполное.

— Да они, дедушка, наверно, уж съели твою корову.

— Нет, — сказал старик убежденно, — они ее на Берлин погнали, в Германию. Пойду

поищу, может, где-нибудь здесь бросили. Смотри, сколько машин покидали! Ишь бежали, черти! — добавил он с ненавистью.

Он быстро пошел вверх по улице. Потом остановился и, обернувшись ко мне, закричал тонким голосом:

— Что же вы, товарищ командир? Окружать их надо, гадов! Окружать! Так их окружать, чтоб... Эх!

Он махнул своей веревкой и побежал дальше.

Уже много писалось о том, каких дел натворили фашисты в Волоколамске, как изломали, пожгли, загадили милый городок, как повесили они там восемь советских патриотов и не снимали их с виселицы сорок пять дней. И когда бы ни вышел волоколамский житель на улицу и куда бы он ни пошел, он никуда не мог уйти от этого страшного зрелища.

Я зашел в один из домов, в котором расположился штаб нашей части.

В клетушке, примыкавшей к большой комнате, где за картой сидели командиры, я увидел двух женщин и маленькую девочку.

Мы разговорились. Я заметил, что люди, избавившиеся от немецкой власти, становятся очень разговорчивы, как будто хотят сразу выговорить все, что собралось у них на душе. Во время разговора одна из женщин, видно, когда-то полная, а теперь дряблая сорокапятилетняя женщина в кофейного цвета платочке, несколько раз принималась плакать. Фашисты застрелили ее сына, четырнадцатилетнего парнишку, когда он пытался проскочить в ближайшую деревню, где стояли тогда передовые части Красной Армии. Женщина обстоятельно перечислила, что забрали у нее немцы. Я занес в блокнот этот список: корова, 8 овец, 2 свиньи, 26 породистых кур, 40 пудов овса, много муки, крупы, сала и масла. Это только продукты. Кроме того, немцы вынесли решительно все вещи, которые были в доме. А их, по рассказу женщины, было немало.

— Каждую тряпочку смотрели на свет и, если сгодится, брали. Елочные игрушки — и те взяли. Воя для нее берегла.

И женщина кивнула на свою дочурку, которая за время разговора успела взгромоздиться на колени начальника штаба, водила пальчиком по карте и с уважением спрашивала:

— А это что, дяденька?

— Ну, ну, девочка, спокойненько. Не мешать дяде, — отвечал начальник штаба рассеянно.

— За людей нас не считали, — сказала женщина. Она вытерла платком глаза, потом высморкалась. — Их у нас тут в доме много перебивало, немцев-то. Что ребенок? Кому он может помешать? А немец идет по комнате и никого не видит. Наткнется на ребенка, — ребенок в сторону летит. А немец даже не оглядывается. Не замечает.

— Вот! Будешь в другой раз знать! — крикнула вдруг вторая женщина, очевидно соседка, маленькая, простоволосая, с решительным морщинистым лицом. — Будешь теперь знать! Будешь теперь знать, какие твои немцы! Все ходила, все говорила: «Врут газеты, немец нам зла не сделает». Не сделает, не сделает! Дождалась! Тьфу!

— Все сделал, как в газете, — сказала первая женщина. — А я думала, немец культурный! Теперь одно остается — бить немца!

Я уже не в первый раз слышал эту фразу: «Немец все сделал, как в газете». Она очень характерна для тех людей, которые думали, что немец не может быть таким чудовищным зверем, как об этом пишут в газетах.

— Бить его! — повторила женщина. — Так бить, чтоб ни один живым не ушел!
Теперь эти люди многое поняли. Женщина из Волоколамска, у которой при советской власти было довольно большое имущество, думала, что она недостаточно счастлива при советской власти.

А на самом деле она была очень счастлива! Ей очень хорошо жилось в чистеньком волоколамском домике, в тепле и довольстве. Но она не ощущала своего счастья.

Она ощущает его сейчас, когда у нее в доме ничего не осталось. Она счастлива лишь тем, что ушли немцы, что не будут больше висеть под окнами восемь повешенных, что никогда больше не услышит она грохота немецких сапог.

Нет счастья без родины, свободной, сильной родины.

Нет и не может быть.

Люди, которые не понимали этого, поняли это сейчас. Жизнь научила их.

6 января 1942 г.

Катя

Катя Новикова — маленькая толстенькая девочка с круглым румяным лицом, светлыми, по-мужски подстриженными волосами и черными блестящими глазами. Я думаю, что когда она начала свою фронтовую жизнь, военная форма топорщилась на ней и девочка выглядела неуклюжей и комичной. Сейчас это подтянутый, бравый солдатик в больших, не пропускающих воды сапогах и в защитной гимнастерке, которая заправлена в широкий кожаный пояс опытной рукой. На боку у толстенькой девочки потертая кобура, из которой выглядывает выдавший виды пистолет. На красных петлицах у толстенькой девочки четыре красных треугольника, что означает звание старшины. В иностранных армиях это звание соответствует чину фельдфебеля.

Я слышал ее историю еще задолго до того, как с ней увиделся. Слышал ее от очевидцев. И сейчас мне интересно было, как она сама расскажет о себе. Мои предположения оправдались. Катя Новикова была истинная героиня и, как все истинные герои, с которыми мне приходилось разговаривать, отличалась большой скромностью. Я неоднократно пытался проникнуть в природу этой скромности, понять ее сущность. Ведь скромность истинных героев представляет собою не менее удивительное явление, чем их героизм. И я понял. Это не ложная скромность, родная сестра лицемерия. Это сдержанность делового человека, который не любит распространяться о своих делах, так как считает, что дела эти — не более чем самая обыкновенная будничная работа, правда очень тяжелая работа, но никак не исключительная, а следовательно, лишенная, на их взгляд, интереса для посторонних. Протаранить самолет противника, направить свой горящий самолет на вражеские цистерны с бензином, забраться в тыл противника и взорвать там мост — да, это все исключительные поступки, о них стоит рассказать. А вот то, что делала на фронте Катя Новикова и что делают многие тысячи русских юношей и девушек, — это, как они считают, обыкновенная будничная работа. И в таком вот простом понимании своей великой миссии и заключается истинный героизм.

Двадцать первого июня в одной из московских школ состоялся выпускной вечер. Девочки и мальчики праздновали свое превращение в девушек и юношей.

— Это был очень хороший вечер, — сказала Катя, — и мне было очень весело. Мы все

тогда мечтали, кем мы станем, обсуждали, в какой университет пойдём учиться. Я всегда хотела быть летчицей и несколько раз подавала заявления в летную школу, но меня не принимали, потому что я очень маленького роста. И вот в тот вечер ребята надо мной подшучивали, что я маленького роста. И нам было очень весело.

Когда в ту ночь счастливые дети, ставшие вдруг взрослыми, спали своим первым взрослым сном, на страну, которая их вырастила и воспитала, обрушились сотни тысяч тонн бомб, сто восемьдесят отборных немецких дивизий с тысячами танков устремились на мирные города, над которыми подымался тёплый дым очагов; посыпались с неба парашютисты с гангстерскими пистолетами-пулеметами — началась война.

В то же утро Катя Новикова со своей подругой Лелей побежали в военный комиссариат записываться добровольцами в армию. Они бежали, сжимая свои маленькие кулачки, и, когда они стояли у стола регистрации, они сразу не могли говорить, потому что задыхались от быстрого бега и волнения. Их не приняли в армию и посоветовали им продолжать учиться. Тогда девушки записались в отряд молодежи, который был послан копать противотанковые рвы и строить укрепления. Когда отряд прибыл на место работ, немцы уже подходили к Смоленску. Недалеко остановился полк, который следовал на передовые позиции. Очевидно, этот полк входил в резерв командования Западным фронтом. Был конец июля. Катя и Леля не оставили своей идеи попасть в армию. Они выжидали, ища удобного случая. Они постоянно разговаривали с красноармейцами и все старались выяснить у них, где расположен штаб полка. Девушки надеялись, что там их без долгих формальностей примут в полк. Но ни один боец не рассказал им, где штаб, потому что это военная тайна. Тогда девушки пустились на хитрость. Они направились прямо в расположение полка. Часовой окликнул их. Они не ответили. Он окликнул их во второй раз. Они снова не ответили и продолжали быстро идти вперед. Тогда их задержали и как подозрительных людей отвели в штаб. Изобретательность девушек, решившихся во что бы то ни стало проникнуть на фронт, рассмешила командира полка. Он посмеялся, потом стал серьезным, подумал немного и записал их в свой полк дружинницами. Им выдали обмундирование и санитарные сумки с красным крестом. На другой день полк выступил на фронт, и уже через несколько часов девушкам пришлось приступить к исполнению своих обязанностей. Колонну на марше атаковали немецкие пикирующие бомбардировщики.

— Мне было очень страшно, — сказала Катя, — и мы с Лелей побежали в поле и легли, потому что все так делали. Но потом оказалось, что это не так страшно, потому что во всей колонне было только несколько раненых. Мы с Лелей еще в школе обучались стрелять из пулемета и перевязывать раненых. Но командир полка сказал, чтобы о пулемете мы и не думали. И когда мы стали перевязывать раненых, мы увидели, что обучаться — совсем не то, что делать это на войне. Мы с Лелей такие, в общем, не сентиментальные девушки. А тут мы увидели раненых и так их пожалели, так пожалели, что сами перевязывали, а сами плакали и плохо видели из-за слез. Потом мы тоже всегда жалели раненых, но, когда перевязывали, уже не плакали. Только иногда мы с Лелей плакали тихо, ночью, чтобы никто не заметил, потому что мы видели столько страданий, что иногда, понимаете, просто нужно было поплакать.

И началась жизнь Кати Новиковой на фронте, на самом страшном фронте, который когда-

либо был на земле. Она была приписана к одному из батальонов и непрерывно находилась с ним в бою. Она ползла вместе с пехотой, когда пехота шла в атаку, ходила с бойцами в глубокую разведку. Дважды она была легко ранена и осталась в строю. Так прошел месяц. Она свыклась со своей работой и стала, в сущности, отличным бойцом. Девушек полюбили в полку.

— Все нас звали к себе, — сказала Катя и засмеялась. — Минометчики говорили: «Идите к нам, девушки, мы вас на миномете обучим». Артиллеристы тоже постоянно звали. Танкисты тоже. Они говорили: «Будете с нами в танке ездить, все-таки приятней». А мы с Лелей отвечали: «Нет, мы уж будем в пехоте».

Девушкам очень хотелось получить оружие. И вот однажды раненый лейтенант, которого Катя вытащила из боя, подарил ей пистолет и три обоймы.

— Но потом была большая неприятность, — объяснила Катя. — Был один раз тихий день, и мы с Лелей пошли в воронку попробовать пистолет. Была у нас такая большая, очень большая воронка от крупной фугасной бомбы. И мы, значит, залезли в эту воронку, чтоб никто не видел, поставили бутылку и стали в нее стрелять. И мы так увлеклись, что выпустили все три обоймы. Ну, тут, понимаете, началась тревога, потому что думали, что это подобралась немцы. Мы, конечно, осознали свою ошибку. Но командир полка так пушил нас, так пушил! Ужас! И он отобрал у меня пистолет и сказал, что в другой раз демобилизует.

Однажды во время атаки командир полка был серьезно ранен в правую руку. Он потерял сознание, и Катя вытащила его с поля боя. Потом ей поручили отвезти его в Москву, в госпиталь. Она сдала его и вышла в город. Она горделиво шла по родной Москве в полной военной форме и только подумала, что хорошо бы встретить кого-нибудь из друзей, как тут же и встретила подругу Люсю.

— А Люся все время мечтала попасть на фронт и, как только меня увидела, так прямо задрожала вся. «Ты, говорит, как попала на фронт?» Я ей рассказываю, как попала, и как воевала, и как привезла сейчас раненого командира полка, и что со мной легковая машина с шофером, и что завтра я возвращаюсь обратно в часть. А Люся говорит: «Катя, ты должна взять меня с собой». А сама просто не может стоять на месте. Она не такая, как я. Она такая высокая, тоненькая, красивая девушка. Такая нежная. И она гораздо старше меня. Ей уже было лет двадцать, и она кончала университет. Я говорю: «Люся, как я тебя возьму, чудачка ты? Ты что думаешь: на фронт так легко попасть? По дороге, говорю, двадцать раз будут проверять документы». А потом мы думали, думали и сделали так: пошли в госпиталь к нашему командиру полка и стали его просить. Ну, он, конечно, понимал, что мы, девушки, не плохо работали у него в полку. И он тогда левой рукой, потому что правая у него была раненая, написал, что принимает Люсю в полк дружинницей. И наутро мы с ней выехали, и так было весело, что мы все время пели.

Теперь в полку были три дружинницы, и их распределили по трем батальонам. Они пропахли дымом и порохом, их руки загубели. Шли августовские наступательные бои, и полк каждый день, прогрызая оборону немцев, продвигался на несколько сот метров. Они выполняли свою обычную работу: переползали от бойца к бойцу и перевязывали раненых. Иногда раздавался крик: «Санитара!» Они искали, кто крикнул, и ползли к нему. Девушки были так заняты, что почти не встречались.

— И вот как-то, — сказала Катя, — привезли в полк подарки, и мы встретились возле командного пункта полка. Нам на троих пришлось одно яблоко, правда громадное. Вот такое. И одна пара тоненьких дамских чулок со стрелкой. Знаете, есть такие. Мы, конечно, друг дружке не говорили, но каждая, безусловно, хотела надеть такие чулки, потому что ведь мы девушки. И мы держали в руках эти тоненькие шелковые чулки со стрелкой, и нам как-то смешно было на них смотреть. Я говорю: «Возьми их себе, Люся, потому что ты самая старшая и самая хорошенькая». А Люся говорит: «Ты, Катя, наверно, сошла с ума. Их нужно просто разделить». Мы похохотали тогда и разрезали их на три части, и каждой вышло по паре носков, и мы их стали надевать под портянки. А яблоко мы тоже разделили на три части и съели. И потом мы весь вечер провели вместе и вспоминали всю нашу жизнь. Люся сказала тогда: «Давайте, девочки, поклянемся, что каждая убьет по пять немцев, потому что я уверена, что мы в конце концов станем бойцами». Мы поклялись и на прощанье расцеловались. И хорошо сделали, потому что я Люсю больше не увидела. На другой день полк пошел в атаку, и Люся была убита. Ее сильно ранило миной. Ее унесли метров за пятьсот в тыл. И вот тогда она пришла в себя и увидела, что вокруг стоит несколько санитаров (ее очень жалели все). Она посмотрела на них и крикнула: «Вы что стоите здесь? Там бой идет. Идите работать!» И умерла. Только мне об этом рассказали потом. А тогда был такой день, когда моя судьба совсем перевернулась.

Вот что произошло с Катей в тот день. На правом фланге наступающего батальона был установлен наш пулемет, который прочесывал лес, где сосредоточились немецкие автоматчики. Неожиданно пулемет замолчал.

— Ну, я, конечно, поползла к нему, думала, что пулеметчик ранен. Подползаю и вижу, что он убит, приткнулся к пулемету и сжимает ручки. Я тогда оторвала его пальцы от пулемета и сразу приладилась стрелять. Подползает командир батальона. «Ты что, говорит, делаешь, Катя?» Я испугалась, думала, не даст мне стрелять. И говорю: «Я, товарищ капитан, еще в школе обучалась пулемету». А он говорит: «Ну, ладно, давай, Катюша, стреляй, прочесывай лес». Я говорю: «Это как раз я и хочу делать». — «Правильно, говорит, валяй! Будешь теперь бойцом. Дай им жизни!» Мы тогда выбили немцев из леса. Наш полк здорово наступал. Заняли село. И там, на старом сельском кладбище, немец нас сильно обстрелял из орудий. Такой обстрел был! Я такого не помню! Все перерыл. Разрывами выбрасывало мертвых из могил, и даже нельзя было понять, кто когда умер — раньше или теперь. Я тогда спрятала голову под пулемет. Ничего, отлежалась. Потом мы опять пошли вперед. Только тяжело было везти пулемет с непривычки. Потом я привыкла. Пулеметчицей Катя пробыла больше месяца и значительно перевыполнила план, предложенный Люсей. Она была очень хорошей пулеметчицей, с прекрасным глазомером и выдержкой.

В сентябре Катя была тяжело контужена, и ее отправили в Москву в госпиталь. Она пролежала там до ноября. А когда вышла, ей дали бумажку, что для военной службы она больше не годится и направляется для продолжения образования.

— А какое может быть образование, пока мы не побии немцев? — сказала Катя, холодно усмехаясь. — Я ужасно загрустила. Даже не знала, где мой полк стоит. Что было делать? Я походила, походила и записалась в отряд парашютистов-автоматчиков.

— Как же вас приняли, Катя, — спросил я, — раз у вас такая бумажка из госпиталя?

— А я им не показала этой бумажки. Я им показала совсем другую бумажку — из полка. Я посмотрел ее. Это была очень хорошая бумажка. Там говорилось, что Катя — храбрый боец-дружинница, а потом пулеметчик, что она представлена к ордену. Когда я читал эту бумажку, Катя немного покраснела и потупилась.

— Одним словом, приняли, — сказала она. — Теперь проходим специальное обучение. Говорят, скоро на фронт.

1942

Севастополь держится

Прошло двадцать дней, как немцы начали наступать на Севастополь. Все эти дни напряжение не уменьшалось ни на час. Оно увеличивается. Восемьдесят шесть лет назад каждый месяц обороны Севастополя был приравнен к году. Теперь к году должен быть приравнен каждый день.

Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история. Территория, обороняемая нашими моряками и пехотинцами, невелика. Каждый метр ее простреливается всеми видами оружия. Здесь нет тыла, здесь есть только фронт. Ежедневно немецкая авиация сбрасывает на эту территорию огромное количество бомб, и каждый день неприятельская пехота идет в атаку в надежде, что все впереди снесено авиацией и артиллерией, что не будет больше сопротивления. И каждый день желтая, скалистая севастопольская земля снова и снова оживает и атакующих немцев встречает ответный огонь.

Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домами и железными балкончиками, которые каждую весну красили голубой или зеленой краской. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои. И если мне хочется привести несколько случаев героизма людей, то потому лишь, что эти случаи типичны.

В одной части морской пехоты командиры взводов лейтенант Евтихеев и техник-интендант 2-го ранга Глущенко получили серьезные ранения. Они отказались уйти с поля сражения и продолжали руководить бойцами. Им просто некогда было уйти, потому что враг продолжал свои атаки. Они отмахнулись от санитаров, как поглощенный работой человек отмахивается, когда его зачем-нибудь зовут.

Пятьдесят немецких автоматчиков окружили наш взвод, где засела горсточка людей. Но эти люди не сдались, они уничтожили своим огнем тридцать четыре немца и стали пробиваться к своим только тогда, когда у них не осталось ни одного патрона. Удивительный подвиг совершил тут краснофлотец Полещук. Раненный в ногу, не имея ни одного патрона, он пополз прямо на врага и заколол штыком двух автоматчиков.

Краснофлотец Сергейчук был ранен. Он знал, что положение на участке критическое, и продолжал сражаться с атакующими немцами. Не знаю, хотел ли он оставить по себе память или же просто подбодрить себя, но он быстро вырвал из записной книжки листок бумаги и написал на нем: «Идя в бой, не буду щадить сил и самой жизни для уничтожения

фашистов, за любимый город моряков — Севастополь».

Вообще в эти торжественные и страшные дни людей охватила потребность написать хоть две-три строки. Это началось на одной батарее. Там кто-то написал, что готов умереть, но не пустить немцев в Севастополь. Он подписал под этими строками свою фамилию, за ним то же самое стали делать другие. Они снова давали родине клятву верности, чтобы сейчас же, тут же сдержать ее. Они повторяли присягу под таким огнем, которого никто никогда не испытал. У них не брали присягу, как это бывает обычно. Они давали ее сами, желая показать пример всему фронту и оставить память своим внукам и правнукам.

В сочетании мужества с умением заключена вся сила севастопольской обороны лета 1942 года. Севастопольцы умеют воевать. Какой знаток военно-морского дела поверил бы до войны, что боевой корабль в состоянии подвезти к берегу груз, людей и снаряды, разгрузиться, погрузить раненых бойцов и эвакуированных женщин и детей, сделав все это в течение двух часов, и вести еще интенсивный огонь из всех орудий, поддерживая действия пехоты! Кто поверил бы, что в результате одного из сотен короткого авиационного налета, когда немцы сбросили восемьсот бомб, в городе был всего один убитый и один раненый! А ведь это факт. Севастопольцы так хорошо зарылись в землю, так умело воюют, что их не может взять никакая бомба.

Только за первые восемь дней июня на город было сброшено около девяти тысяч авиационных бомб, не считая снарядов и мин. Передний край обороны немцы бомбили с еще большей силой. Не знаю точно, сколько было сброшено бомб и сделано выстрелов по Севастополю и переднему краю за все двадцать дней штурма. Известно только, что огонь беспрерывно возрастает и каждый новый день штурма ожесточеннее предыдущего.

Немцы вынужденно пишут сейчас, что Севастополь неприступная крепость. Это не восхищение мужеством противника. Гитлеровцы не способны на проявление таких чувств. Это примитивный прием фашистской пропаганды. Если им удалось бы взять Севастополь, они заорали бы на весь мир: «Мы взяли неприступную крепость!» Если они захлебнутся, не смогут войти в город, они скажут: «Мы говорили, что эта крепость неприступна».

На самом деле Севастополь никогда не был крепостью со стороны суши. Он укрепился с волшебной быстротой уже во время обороны. Восьмой месяц немцы терпят под Севастополем поражение за поражением. Они теряют людей втрое, впятеро больше, чем мы. Они обеспокоены и обозлены — Севастополь уже давно обошелся им дороже самой высокой цены, которую они сочли бы разумным за него заплатить. Теперь каждый новый день штурма усугубляет поражение немцев, потому что потери, которые они несут, невозместимы и рано или поздно должны сказаться.

Двадцать дней длится штурм Севастополя, и каждый день может быть приравнен к году. Город держится наперекор всему — теории, опыту, наперекор бешеному напору немцев, бросивших сюда около тысячи самолетов, около десяти лучших своих дивизий и даже сверхтяжелую 615-миллиметровую артиллерию, которая никогда еще не применялась.

Самый тот факт, что город выдержал последние двадцать дней штурма, есть уже величайшее военное достижение всех веков и народов. А он продолжает держаться, хотя держаться стало еще труднее.

Когда моряков-черноморцев спрашивают, может ли удержаться Севастополь, они хмуро отвечают:

— Ничего, держимся.

Они не говорят: «Пока держимся». И они не говорят: «Мы удержимся». Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнет они или спасутся. Они просто отстаивают корабль всей силой своего умения и мужества.

Действующая армия

24 июня 1942 г.

(По телеграфу)

Михаил Зощенко

1894 — 1958

Писатель. В рассказах 20-х годов преимущественно в форме сказа создал комический образ героя-обывателя с убогой моралью и примитивным взглядом на окружающее. "Голубая книга" (1934 — 35) — цикл сатирических новелл о пороках и страстях исторических персонажей и современного мещанина. Повесть "Мишель Синягин" (1930), "Возвращенная молодость" (1933), повесть-эссе "Перед восходом солнца" (ч. 1, 1943; ч.2 под названием "Повесть о разуме", опублик. 1972). Интерес к новому языковому сознанию, широкое использование форм сказа, построение образа "автора" (носителя "наивной философии"). Произведения Зощенко подверглись уничтожающей критике в постановлении ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград"" (1946) как клевета на советскую действительность.

Родился 29 июля (10 августа н.с.) в Полтаве в семье художника. После окончания гимназии в Петербурге в 1913 поступил на юридический факультет Петербургского университета. Начавшаяся мировая война прервала обучение. В 1915, закончив ускоренные военные курсы, Зощенко ушел на фронт. Участвовал во многих боях, был ранен и отравлен газами. Имел четыре боевых ордена.

В 1915 — 1917 занимал разные военные должности, а после Февральской революции был комендантом Главного почтамта и телеграфа Петрограда. После Октябрьской революции вступил в Красную Армию и служил в пограничных войсках в Кронштадте, затем перевелся в действующую армию и до весны 1919 был на фронте. В апреле 1919 был демобилизован по болезни сердца и начал службу следователем в Уголовном надзоре. В 1920 поступил в Петроградский военный порт делопроизводителем, с этого времени стал заниматься литературной деятельностью. В 1922 вышла первая книга рассказов М. Зощенко "Рассказы Назара Ильича, господина Синябряхова", затем следует целый ряд сборников рассказов: "Сентиментальные повести" (1923 — 36), "Голубая книга" (1935), "Исторические повести" и др. Всего с 1922 до 1946 насчитывается 91 издание и переиздание его книг.

Значительное место в творчестве Зощенко занимают фельетоны, представляющие собой прямые отклики на "сообщения с мест" и письма читателей. Работал писатель в ленинградских газетах, на радио и в журнале "Крокодил".

С начала Великой Отечественной войны был в эвакуации в Алма-Ате (работал в сценарной студии "Мосфильма"). Весной 1943 вернулся из эвакуации в Москву, был членом редколлегии журнала "Крокодил".

В этом же году закончил повесть "Перед восходом солнца", которая подверглась самой резкой критике.

В 1944 — 1946 много работал для театров. Две его комедии были поставлены в Ленинградском драматическом театре, одна из которых — "Парусиновый портфель"— выдержала 200 представлений за год.

В августе 1946, после постановления ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград", творчество Зощенко было избрано главным объектом нападок, и он был исключен из Союза писателей. Повод для нападок был ничтожным — рассказ для детей "Приключения обезьяны" (1945).

В период 1946 — 1953 писатель главным образом занимался переводческой деятельностью.

В июле 1953 Зощенко был вновь принят в Союз писателей. В последние годы жизни печатался в журналах "Крокодил" и "Огонек".

Умер М. Зощенко в Ленинграде 22 июля 1958, похоронен в Сестрорецке.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"

14 августа 1946 г.

э 274. п. 1г - О журналах "Звезда" и "Ленинград". ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы "Звезда" и "Ленинград" ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале "Звезда" за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой "Звезды" является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции "Звезды" известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко "Приключения обезьяны" ("Звезда", э 5-6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц "Звезды" таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции "Звезда" хорошо известна

физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь как "Перед восходом солнца", оценка которой, как и оценка всего литературного "творчества" Зощенко, была дана на страницах журнала "Большевик".

Журнал "Звезда" всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, "искусстве для искусства", не желающей идти в ногу со своим народом наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зощенко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среде ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада. Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в э 1 за 1946 г. и т.д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами ("Дорога времени" Ягдфельдта, "Лебединое озеро" Штейна и т.д.). Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала.

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал "Ленинград", который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. Как и редакция "Звезды", редакция журнала "Ленинград" допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений ("Случай над Берлином" Варшавского и Реста, "На заставе" Слонимского). В стихах Хазина "Возвращение Онегина" под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале "Ленинград" помещаются преимущественно бессодержательные низкопробные литературные материалы.

Как могло случиться, что журналы "Звезда" и "Ленинград", издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности? В чем смысл ошибок редакций "Звезды" и

"Ленинграда"? Руководящие работники журналов и, в первую очередь, их редакторы гг. Саянов и Лихарев, забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, - его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности.

Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, "искусства для искусства" чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Недостаток идейности у руководящих работников "Звезды" и "Ленинграда" привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика. Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов "Звезда" и "Ленинград" не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки в руководстве журналами.

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель гг. Тихонов, не приняли никаких мер к улучшению журналов "Звезда" и "Ленинград" и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его "творчеству", Ленинградский горком (гг. Капустин и Широков), не имея на то права,

утвердил решением горкома от 28.1. с.г. новый состав редколлегии журнала "Звезда", в который был введен и Зоценко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. "Ленинградская правда" допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зоценко в номере от 6 июля с.г.

Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала "Звезда", Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зоценко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала "Ленинград", сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала "Звезда".

3. В целях наведения надлежащего порядка в работе редакции журнала "Звезда" и серьезного улучшения содержания журнала, иметь в журнале главного редактора и при нем редколлегию. Установить, что главный редактор журнала несет полную ответственность за идейно-политическое направление журнала и качество публикуемых в нем произведений.

4. Утвердить главным редактором журнала "Звезда" тов. Еголина А.М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

5. Поручить Секретариату ЦК рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редколлегии.

6. Отменить решение Ленинградского горкома от 26 июня с.г. о редколлегии журнала "Звезда", как политически ошибочное. Объявить выговор второму секретарю горкома тов. Капустину Я.Ф. за принятие этого решения.

7. Снять с работы секретаря по пропаганде и заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома тов. Широкова И.М., отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б).

8. Возложить партруководство журналом "Звезда" на Ленинградский обком. Обязать Ленинградский обком и лично первого секретаря Ленинградского обкома и горкома тов. Попкова принять все необходимые меры по улучшению журнала и по усилению идейно-политической работы среди писателей Ленинграда.

9. За плохое руководство журналом "Ленинград" объявить выговор тов. Лихареву Б.М.

10. Отмечая, что журнал "Звезда" выходит в свет со значительными опозданиями, оформляется крайне небрежно (обложка имеет неприглядный вид, не указывается месяц выхода очередного номера), обязать редакцию "Звезды"

обеспечить своевременный выход журнала и улучшить его внешний вид.

11. Возложить на Управление пропаганды ЦК (т. Александрова) контроль за выполнением настоящего постановления.

12. Заслушать на Оргбюро ЦК через 3 месяца отчет главного редактора "Звезды" о выполнении постановления ЦК.

13. Командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б).⁷⁶

Фельетоны

В этом отделе собраны мои фельетоны. Они печатались в разных юмористических журналах за время 1923-1929 гг.

Подписывал я их обычно псевдонимом "Гаврила", а позже - "Гаврилыч".

В этих фельетонах нет ни капли выдумки. Здесь все - голая правда. Я решительно ничего не добавлял от себя. Письма рабкоров, официальные документы и газетные заметки послужили мне материалом.

Мне кажется, что именно сейчас существует много людей, которые довольно презрительно относятся к выдумке и к писательской фантазии. Им хочется настоящих, подлинных фактов. Им хочется увидеть настоящую жизнь, а не ту, которую подают с гарниром товарищи писатели.

В этих моих фельетонах есть драгоценное свойство - в них нет писателя. Вернее: в них нет писательской брехни.

А живые люди, которых, быть может, я здесь пихнул локтем - пуцай простят меня.

Впрочем, в последний момент у меня дрогнула рука, и я, по доброте душевной, слегка изменил фамилии некоторых героев, чтобы позор не пал на ихние светлые головы.

Так вот - читатель, который захочет прикоснуться к подлинной жизни, - пуцай прикасается. Здесь все голая правда.

Письма в редакцию

1. Прелести НЭПа

Уважаемый товарищ редактор! В трамвае No 12 некоторые из буржуев прут что слоны через трудовую публику и пихаются локтями. Так что мне наступили на ногу, вследствие которой образовался нарыв, и я принужден на службу манкировать.

⁷⁶ Опубликовано с незначительными изъятиями: Правда. 21 августа 1946. Выверено по изданию: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) - ВКП (б), ВЧК - ОГПУ - НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н.Яковлева. Сост. А.Н.Артизов, О.В.Наумов. М.: Международный фонд "Демократия", 1999.

Семен Каплунов

Вниманию милиции

Пароходное движение имеет свои печальные стороны. Я ехал на Васильевский остров, воспользовавшись хорошей погодой, на палубе. Подъезжая под мост Лейтенанта Шмидта, сверху кто-то плюнул. Последний попал какой-то даме на шляпку, которая не заметила.

Я потребовал у шкипера легкового пароходства немедленно остановиться, чтобы словить виновника, а шкипер начал выражаться по-фински и дал свисток.

Воспользовавшись этим, плюнувший хулиган скрылся.

Пора бы оградить пассажиров от плевков злоумышленников.

Конторщик Ив. Лермонтов

Глас вопиющего

Группа интеллигентных служащих просит ответить редакцию: где купить гроб честному служащему, если он не вор и не спекулянт?

Пепо открывает разные гастрономические лабазы и торгует краковской колбасой, тогда как самый простой гроб без кистей и без ручек не по карману служащим.

Необходимо, чтобы Пепо открыло отделение, где бы каждый служащий мог купить себе недорогой гроб, хотя бы без кистей и без ручек.

Группа интеллигентных служащих

4. Барон

У всех врачи как врачи, а у нас в Нюхательном тресте из бывших барончиков. Ходит он всегда чисто, за дверную ручку голой рукой не берется - брезгует - и после каждого большого ручки свои в растворах моет.

Давеча я пришел в приемный покой, говорю: "Болен". Стал этот барон меня слушать, а после и говорит вроде насмешки: "Не дыши".

Я говорю: "Не имеете права требовать - не дыши... Если я, вообще, через биржу, тоя должен дышать".

А он говорит: "Пошел вон, дурак!" И на "ты" назвал.

Я говорю: "Не имеете права на "ты" выражаться. За что боролись?"

А он трубку, через что меня слушал, наземь бросил и разорался. А трубка, товарищи, народное достояние.

Василий Пинчук

Театральная жизнь

Вчера, будучи в государственном драматическом театре, я был поражен представившейся мне картиной. Бис хлопают. Это значит - довольна публика.

Теперича спрашивается, кто на бис вылезает. На бис вылезают артисты и актрисы тоже. А теперича спрашивается, что же скромные труженики сцены делают, например, суфлеры, плотники и пожарники? А они в тени, в полной забывчивости.

Неправильно. Которая публика, может, и им бис хлопала. Я, например, им хлопал, а вылезают не те.

Теперича еще картина. Заплачено мной за восьмой ряд деньги, а не щепки по курсу дня. А теперича спрашивается, что я видел? А видел я дамскую спину, которая, будучи высокого роста, вертелась в переднем ряду как черт перед заутреней.

На спину я могу смотреть и дома, а в театре позвольте мне искусство, за которое заплачено. Пущай бы плакат на стену привесили, дескать, воспрещается публике вертеться с момента поднятия занавеса. Или пущай администрация пересаживает публику по ранжиру: высоких взад, которые низенькие, пущай вперед садятся.

Гр. Палкин

Панама

Нам прислали 50 пар ботинок. Стали выбирать, кому какие, а инженер и говорит: "Даровому коню в зубы не смотрят, подходи, братишки, получай без выбору".

А сам, между прочим, выбрал себе самый большой размер, да еще примерил, собачий нос.

А когда я подошел, то, здравствуйте, - остался мне один сапог, а другого не было. Может, это инженер для своей любвишки припрятал, а по этому случаю я ходи в одном сапоге.

Вот так интеллигенция!

Чижиков

Голос прохожего

На днях я проходил вместе с женой, но вдруг на площади Восстания бросились в меня из открытого окна отбросами.

В довершение всего, моя жена, будучи на третьем месяце и не имея средств произвести аборт вследствие невыплаты жалованья, испугалась.

Спрошенный мною дворник этого дома - могут ли вверенные ему граждане бросаться отбросами, - пусть ответит, как администрация, - нахально ответил: не знаю. За что мной и привлечен к ответственности.

Вообще, это недопустимое явление, чтобы среди бела дня бросались отбросами в то время, когда дорог каждый сознательный служащий.

Бухгалтер Цыганков

Щедрые люди

На пивоваренных заводах рабочим для поддержания здоровья выдают по две бутылки пива.

Ну что ж, пущай выдают. Мы не завидуем. Мы только несколько удивлены постановкой этого дела. Оказывается, на некоторых ленинградских заводах пиво выдается особенное - брак. В этом специальном пиве попадают: щепки, волоса, мухи, грязь и прочие несъедобные предметы.

Любопытная картиночка нам рисуется.

Рабочий варочного отделения Иван Гусев получил две бутылки пива, сунул их в карман и, весело посвистывая, пошел домой.

"Все-таки не забывают нашего брата, - думал Гусев. - Все-таки про наше рабочее здоровье стараются. Ежели, например, цех у тебя вредный - получай, милый, для поддержки две бутылки бесплатно. Ах ты, щедрые люди какие! Ведь это выходит шесть гривен в день... А ежели в месяц - пятнадцать рублей... Ежели в год - двести целковых набегает".

Сколько набегает в десять лет, Гусев не успел высчитать.

Дома Гусева обступили родные.

- Ну что, принес? - спросила жена.

- Принес, - сказал Гусев. - Очень аккуратно выдают. Стараются про наше рабочее здоровье. Спасибо им. Жаль только, пить его нельзя, а то совсем бы хорошо.

- Может, можно? - спросила жена.

- Да нет, опять чего-нибудь в ем плавает.

- А чего в ем сегодня плавает? - с интересом спросил Петька, сын Гусева.

- Сейчас смотреть будем.

Гусев открыл бутылку и вылил пиво в глиняную чашку. Все домочадцы обступили стол, вглядываясь в пиво.

- Есть, кажися, - сказал Гусев.

- Есть! - вскричал Петька с восторгом. - Муха!

- Верно, - сказал Гусев, - муха. А кроме мухи еще чево-то плавает. Сучок, что ли?

- Палка простая, - разочарованно сказала жена.

- Палка и есть, - подтвердил Гусев. - А это что? Не пробка ли?

Жена с возмущением отошла от стола.

- Все ненужные вещи для хозяйства, - сердито сказала она. - Палка, да пробка, да муха. Хотя бы наперсток дешевенький попал или бы пуговица. Мне пуговицы нужны.

- Мне кнопки требуются, - ядовито сказала тетка Марья. - Можете обождать с вашими пуговицами...

- Трубу хочу, - занял Петька. - Хочу, чтоб труба в бутылке...

- Цыц! - крикнул Гусев, открывая вторую бутылку.

Во второй бутылке тоже не было ничего существенного: два небольших гвоздя, таракан и довольно сильно поношенная подметка.

- Ничего хорошего, - сказал Гусев, выливая пиво за окно на улицу.

- Ну, может, завтра будет, - успокоила жена.

- Рояль хочу, - захныкал Петька. - Хочу, чтоб рояль в бутылке.

Гусев погладил сына по голове и сказал:

- Ладно, не плачь. Не от меня это зависит - от администрации. Может, она к завтрашнему расщедритя насчет рояля.

Гусев спрятал пустые бутылки за печку и грустный присел к столу.

А за окном тихо плакал прохожий, облитый густым баварским пивом.

Опасная пьеска

Нынче все пьют помаленьку. Ну и артисты тоже, конечно, не брезгают.

Артистам, может, сам Госспирт велел выпить.

Вот они и пьют.

Во многих местах пьют. А на Среднем Урале в особицу.

Там руководители драмкружка маленько зашибают. Это которые при Апевском рабочем клубе.

Эти руководители как спектакль, так обязательно даже по тридцать бутылок

трехгорного требуют. В рассуждении жажды.

Ну а раз дорвались эти артисты до настоящей пьесы. Там по пьесе требуется подача вина.

Обрадовались, конечно, артисты.

- Наконец-то, говорят, настоящая художественная пьеса современного репертуара!

Потребовали артисты у клуба сорок рублей.

- Потому, говорят, неохота перед публикой воду хлебать. И вообще, для натуральности надо обязательно покрепче воды. Так сказать, для художественной правды.

Выдал клуб от чистого сердца двадцать целковых.

Артисты говорят:

- Мало. Для наглядности не менее как сорок требуется.

И приперлись эти артисты на спектакль со своими запасами. Которые горькую принесли, которые - пиво. А некоторые и самогону раздобыли.

Вот спектакль и начался.

Мы-то на этом спектакле не были. И потому не можем описать в подробностях. Но один знакомый парнишка из зрителей сообщает нам с явным восхищением и завистью:

По ходу пьесы спиртные напитки подавались в таком огромном изобилии, что к концу второго действия все артисты были пьяны вдребезги.

И еще, спасибо, благородные артисты оказались. Другие бы, наклюкавшись, стали бы в публику декорациями кидаться. А эти - ничего. Эти тихо и благородно, без лишних криков и драки опустили занавес и попросили публику разойтись от греха. Публика, конечно, и разошлась. Гаврила предлагает в срочном порядке и вообще поскорей снять эту современную пьеску с репертуара, как явно опасную и несозвучную с эпохой.

1920-е гг.

Психологическая история

Очень интересная психологическая история произошла на этой неделе.

Один наш знакомый, слесарь Василий Антонович К. (не будем называть его фамилию), задумал развестись со своей супругой.

Он прожил с ней, что ли, три или четыре года и, значит, что будет. А то он, видите ли, начал скучать в ее обществе. Ну, вообще остыл к ней. Разлюбил ее.

И вот, значит, берет он своего приятеля Федю Т., заходит с ним после работы в портерную, выпивает пару пива и с ним советуется. Он беседует с Федей по текущему вопросу - как ему быть: сразу ли супруге сказать, мол, развожусь, или подготовить, чтоб ей удара не было. Или, может быть, просто в загс зайти и им поручить уведомление, чтоб самому не заиметь разных мещанских сцен, дамских воплей и так далее и тому подобное.

Приятель говорит:

Да уж наилучше всего прийти домой и сразу наотрез сказать ей, чтоб ни случилось. А

то чего там канитель тянуть и только себя беспокоить. Иди сейчас и выложи. Только, говорит, конечно, дельце это нелегкое. Некоторые супруги в этот момент пуще всего звереют и черт знает на что решаются. Другие падают в обморок. Третьи, наиболее отсталые, кислотой обливают. Так что, говорит, я тебе не особо завидую. Но только идти надо. А я с тобой пойду. Подожду тебя у дверей. В случае чего, ежели понадобится моя помощь, ты меня кликнешь.

И вот идут они оба-два на квартиру.

Подходят они к своему, то есть, к слесареву, дому и поднимаются по лестнице.

Они поднимаются по лестнице и вдруг встречают супругу, эту самую злополучную слесареву супругу - Анну Николаевну, Аню.

Они поднимаются по лестнице, а она вниз сбегает. Она быстро сбегает вниз в своих желтых туфельках. Очень такая нарядная, завитая, вспыльчивая и хорошенькая.

Слесарь, конечно, остановился и удивленно на нее глядит. А она слегка краснеет и, значит, хочет идти дальше.

Слесарь спрашивает:

Ты, говорит, куда?

Я, говорит, туда... Вообще, по своим делам.

По каким делам? Какие у тебя дела?

А я, говорит, тебе не намерена отвечать.

Тут они начинают бурно разговаривать, а она ему говорит:

Вот, говорит, чего, Василий Антонович. Я тебе давно хотела сказать: ты мне надоел со своим характером, и я с тобой разводиться думаю.

Слесарь так и обомлел.

То есть как разводиться?

А так, говорит. Ты скучаешь в моем обществе, и мне, говорит, с вами тоже интерес небольшой. Я долго сдерживалась про этого говорить, но теперь определенно рада, что сказала. Я с тобой развожусь!

Слесарь ее за руки хватает. Воскликает:

Ах так! У тебя небось любовник! Ты меня опутала своей любовью. Аня, говорит, Анечка!

Его приятель Федя Т. моргает ему: мол, дурак, сам же ты хотел развестись, а теперь назад ручку крутишь.

А слесарь восклицает:

Анечка, подумай малость. Не разводись!

И сам ее обнимает, и шляпку с нее снимает, и каждую минуту за ручки берет.

А Федя Т. стоит обалдевший и глазам своим не верит.

После Федя махнул ручкой и ушел. Так что чем кончилось объяснение на лестнице - неизвестно. Известно только, что слесарь с женой не развелся и, кажется, разводиться не намерен. Наоборот, после работы слесарь бежит прямо домой, не заходя в пивную.

Как понять этот случай? В чем тут запятая? Почему слесарь вдруг переменялся? Нет ли тут низменных чувств? Нет ли мещанского уклона? Нет ли собственничества?

Автор, утомленный своей литературной работой, не может сразу разобраться в этой сложной психологической канители. Пущай читатели сами разбираются! Нельзя же

все разжевывать и в рот класть. А ну, поработайте сами!..

1930-е гг.

На краешке стола Маленькие фельетоны

И так и этак

Многие сейчас заняты вопросом насчет мещанства.

Пишут, рассуждают, лекции читают, а сговориться никак не могут. Не могут решить -- чего такое мещанство и где оно начинается, и где оно кончается, и жил ли Христос в свое время.

Дозвольте мы попытаемся разрешить этот наболевший вопрос...

Жил такой передовой товарищ Бабушкин. Работал он много. Жил скромно. Спал на корзине. И тут же шамал. И тут же гостей принимал. Одним словом, никакой у него лишней мелкобуржуазной обстановки не было, окромя одной электрической лампочки.

И вот пришли раз однажды до этого Бабушкина гости. Может, его дальние родственники или знакомые. Пес их разберет. Одним словом, пришли и ахнули про себя. Скупердй, думают, этот чертов Бабушкин! Передовой товарищ, а живет в какой мещанской обстановке! Небось, копит свои мещанские излишки. Ну и ну.

Испугался тогда товарищ Бабушкин. Никак, думает, они меня за товарища Плюшкина приняли. Взял тогда Бабушкин -- раскачался и купил кой-какую мебелишку. Разные там стульчики, кресла, диван. И обставил этим движимым барахлом свою квартиру. И зажил.

И пришли тогда снова до этого Бабушкина его знакомые или родственники -- пес их разберет. Пришли, перемигнулись между собой. Эва, думают, обрастает человек. Началось. Недавно ничего не было, а теперича -- глядите, люди добрые! Ах, ты мещанская личность! Посидели, перемигнулись и ушли.

Вот мы и говорим... Собственно говоря, ничего не говорим. И так ясно.

МИХАИЛ МИХАЛЫЧ

Землетрясение в Ленинграде

Ученые профессора с ног сбились. Черт знает, что происходит! Землетрясение в Туркестане, в Крыму, на Кавказе. В Ленинграде, опять же, подозрительные явления.

Правда, ученые аппараты и препараты насчет Ленинграда никаких отклонений не отметили, а, между прочим, явные признаки землетрясения есть.

Тожe нельзя всецело доверять ученой эрудиции! Ерунда собачия. Ерундияция.

Давеча проходим по улице -- черт знает, что делается -- сила землетрясения достигла, по крайней мере, 9 баллов. Почва разворочена. Всюду провалы.

Дома, даже новые, во многих районах дали трещины. Покривились. Ужасно!
Население, не поддаваясь никакой панике, ночует под открытым небом.
Можно наблюдать трогательные, геройские картины. Мужчина прикрывает собой горячо любимую женщину -- не дает ей, так сказать, погибнуть за три копейки.
Некоторые геройские молодые люди проваливаются. Жалко ведь. Молоденькие. ВУЗа еще не увидели и провалились в тартарары.
Толчки в Ленинграде до сих пор не утихли. Почва под ногами, особенно в часы выхода жителей из увеселительных мест, заметно колеблется.
Открылся новый "Вулкан", тектонического происхождения с подачей крепких напитков. Черт знает, что делается!
А ученые профессора молчат. Сидят на своих сейсмографах. Тьфу, ей-богу!

М. З.

Баюшки-баю

Которые борются с алкоголем, те, конечно, надо полагать, сами не выпивают и по этой грустной причине в отделениях милиции не ночуют. И не знают, как там бывать.
А чтоб узнать, как и что -- делают обследование.
Вот Василеостровское общество, например, сделало такое обследование. Поглядело, как алкоголикам приходится.
Поглядело и ужаснулось.
И в газетах напечатало резкую отповедь. Дескать, которые алкоголики попадают в отделение, те ночуют на грязном полу, как сукины дети. Дескать, это нехорошо и так далее. Дескать, дома лучше и все такое.
А мы совершенно поддерживаем эту отповедь.
Пора алкоголикам за свои деньги спать на кроватях.
Милиция, за вами слово. Установите в крайнем случае в своем аппарате порядочные кровати для вытрезвляющихся.
Пущай мягкие пружины и матрацы навевают сладкий сон.
Нехудо бы установить такие приличные кровати с балдахинном.
Такие кровати установят -- пожалуй, и отбою не будет от желающих алкоголиков.

ГАВРИЛЫЧ

Берегите карманы

Воровство, товарищи, это -- настоящий бич трудящихся граждан. Уже, знаете, на улице не моги высунуть из карманов руки. Уже не можно со свободной душой проехаться на трамвае, -- воруют. И не то что воруют только у нэпманов, воруют у каждого честного пролетария! А это всецело нарушает классовый принцип.
Ныне мы предлагаем вниманию граждан несколько смелых проектов, которые смягчат создавшееся острое положение.

1. Этот способ наиболее позволяет сезон, ложите в этим самым вы будете неприятностей со стороны волей это средство не наводит на пивные размышления алкоголя.

простой и дешевый. Когда каждый карман по раку и застрахованы от ближних. Людям со слабой рекомендуется. Ибо рак и толкает на скользкий путь

2. Между прочим, для артельщиков рак малодейственен. Для артельщиков требуется более могучее средство. Наиболее выгодно -- обмотаться проводом и включиться в общую трамвайную сеть.

Рака же можно сварить и скушать с хлебом.

3. Но иногда и ложь во спасение. Можно, например, сварганить специальный плакат с трогательной надписью -- "Денег нет!! И даже напротив сам могу забраться" -- и с этим плакатом ходить по улице. Но этот способ рассчитан на грамотных интеллигентных бандитов с высшим образованием.

МИХАИЛ МИХАЛЫЧ

Юрий Олеша (Зубило)

Олеша Юрий Карлович (19.02(03.03).1899 - 10.05.1960), русский советский писатель. Учился на юридическом факультете Новороссийского университета (1916 - 1918). Начал печататься в 1918. С 1922 жил в Москве. Работал в газете "Гудок" (1923-29), выступая со стихотворными фельетонами под псевдонимом "Зубило". В 1924 Олеша написал роман-сказку "Три толстяка" (одноименный фильм, 1967). Роман "Зависть" (1927), сделавший известным имя Олеша-романиста, отразил бурную эпоху ломки старого и созидания нового общества; при этом писателя волновал вопрос о том, не обеднит ли "индустриальный" век духовный мир человека. В 1931 вышел сборник "Вишнёвая косточка", объединивший рассказы разных лет, а на сцене Театра

им. Вс. Мейерхольда состоялась премьера пьесы "Список благодетелей". В 1934 Олеша закончил кинопьесу "Строгий юноша". Выступал со статьями на литературные темы, с очерками, воспоминаниями. В 1958 Театр им. Евг. Вахтангова поставил его инсценировку романа Ф. М. Достоевского "Идиот". После смерти Олеша вышла его книга "Ни дня без строчки" (1961; 2 изд., 1965) - сплав дневниковых и автобиографических записей, которую сам писатель замышлял как роман о своей жизни, целые разделы здесь посвящены теме искусства. Повествовательная манера Олеша отличается причудливым сочетанием красок, неожиданностью ассоциативных сближений. Произведения Олеша переведены на многие иностранные языки. С о ч.: Избранное, М., 1936; Избр. соч. [Предисл. В. Перцова], М., 1956; Повести и рассказы. [Предисл. Б. Галанова], М., 1965; Пьесы. Статьи о театре и драматургии. [Вступ. ст. П. Маркова], М., 1968. Лит.: Луначарский А., "Заговор чувств", в кн.: А. В. Луначарский о театре и драматургии, т. 1, М., 1958; Чудакова М., Мастерство Юрия Олеша, М., 1972; Русские советские писатели-прозаики. Библиографический указатель, т. 3, Л., 1964.

родился 3 марта (19.02 ст.с.) 1899 г. в Елисаветграде (ныне — Кировоград, Украина) в обедневшей дворянской семье. Отец, разорившийся польский дворянин, был акцизным чиновником. Благодаря матери атмосфера в семье была проникнута духом католицизма.

В 1902 г. семья переехала в Одессу. В воспоминаниях Олеша писал: «В Одессе я научился считать себя близким к Западу. В детстве я жил как бы в Европе». Насыщенная культурная жизнь города способствовала воспитанию будущего писателя. Еще учась в гимназии, Олеша начал писать стихи. Стихотворение «Кларимонда» (1915) было опубликовано в газете «Южный вестник». По окончании гимназии в 1917 поступил в университет, где в течение двух лет изучал юриспруденцию. В Одессе двадцатилетний Олеша вместе с В. Катаевым, Э. Багрицким, И. Ильфом образовал группу «Коллектив поэтов», а также был одним из самых активных сотрудников «Бюро украинской печати».

В годы Гражданской войны Олеша оставался в Одессе, где в 1919 г. пережил смерть любимой сестры Ванды. В 1921 г. уехал из голодной Одессы в Харьков, где работал журналистом и печатал стихи в периодической печати. В 1922 г. родители Олеша получили возможность эмигрировать в Польшу, но сам Юрий остался и переехал в Москву, где работал в железнодорожной газете «Гудок», с которой в то время сотрудничали М. Булгаков, В. Катаев, И. Ильф, Е. Петров и др. писатели. Тогда его стихотворные фельетоны, выходившие под псевдонимом «Зубило», почти каждый день печатались в «Гудке». Работая в газете, он много ездил, повидал многих людей, накопил большой запас жизненных наблюдений. Фельетонист «Зубило» очень помог писателю Олеше.

В тоже время Олеша начал писать свое первое прозаическое произведение – роман-сказку «Три толстяка», ночуя в редакции, на листах газетной бумаге. Написал за восемь месяцев. Его музой стала 13-летняя девочка Валя Грюнзайд. Он увидел ее на балконе, читающей Андерсена, и влюбился. Когда вырастет, она прочтет мою книгу и станет моей женой — решил писатель. Но замуж она вышла не за Олешу, а за Евгения

Петрова. Женой Олеси стала Ольга Суок, которой автор и посвятил свою сказку.

В 1924 Олеша дописал «Трех толстяков» (опубликовал в 1928, иллюстрации М. Добужинского). Сказка была проникнута романтическим отношением автора к революции. Восприятие революции как счастья свойственно в «Трех толстяках» всем положительным героям – циркачке Суок, гимнасту Тибулу, оружейнику Просперо, доктору Гаспару Арнери. Сказка вызвала огромный читательский интерес и одновременно скептические отзывы официальной критики («призыва к борьбе, труду, героического примера дети Страны Советов здесь не найдут»). Дети и взрослые восхищались фантазией автора, своеобразием его метафорического стиля. В 1930 по заказу МХАТа Олеша сделал инсценировку «Трех толстяков», которая до наших дней успешно идет во многих театрах мира. Роман и пьеса переведены на 17 языков. По сказке Олеси поставлен балет (муз. В. Оранского) и художественный фильм (реж. А. Баталов).

В это же время писатель публикует в журнале «Красная новь» роман «Зависть» (1927), который вызвал полемику в печати. Главный герой романа, интеллигент, мечтатель и поэт Николай Кавалеров, стал героем времени, своеобразным «лишним человеком» советской действительности. В противоположность целеустремленному и успешному колбаснику Андрею Бабичеву, неудачник Кавалеров не выглядел проигравшим. Нежелание и невозможность преуспевать в мире, живущем по античеловечным законам, делали образ Кавалерова автобиографическим, о чем Олеша написал в своих дневниковых записях. В романе «Зависть» Олеша создал метафору советского строя – образ колбасы как символ благополучия. В 1929 автор написал по этому роману пьесу «Заговор чувств».

Автобиографичен и образ главной героини пьесы «Список благодарений» (1930) актрисы Елены Гончаровой. В 1931 переделанную по указанию цензуры пьесу начал репетировать Вс. Мейерхольд, однако спектакль вскоре был запрещен. «Список благодарений» фактически был «списком преступлений» советской власти, в пьесе было выражено отношение автора к окружающей его действительности – к расстрелам, к запрету на частную жизнь и на право высказывать свое мнение, к бессмысленности творчества в стране, где разрушено общество и т.п. В дневнике Олеша записал: «Все опровергнуто, и все стало несерьезно после того, как ценой нашей молодости, жизни – установлена единственная истина: революция».

В 1930-е годы по заказу МХАТа Олеша писал пьесу, в основе которой лежала владевшая им мысль об отчаянии и нищете человека, у которого отнято все, кроме клички «писатель». Попытка выразить это ощущение была сделана Олешей в его речи на Первом съезде советских писателей (1934). Пьеса о нищем не была завершена. По сохранившимся черновикам режиссер М. Левитин поставил в 1986 в московском театре «Эрмитаж» спектакль «Нищий, или Смерть Занда».

В 1931 г. вышел сборник «Вишневая косточка», объединивший рассказы Олеси разных лет. Киноповесть «Строгий юноша» была опубликована в 1934 г., после чего имя Олеси встречалось в печати только под статьями, рецензиями, заметками, очерковыми зарисовками, иногда — рассказами. Он написал воспоминания о современниках (В. Маяковском, А. Толстом, И. Ильфе и др.), этюды о русских и

зарубежных писателях, чье творчество особенно ценил (Стендале, Чехове, Марке Твене и др.).

В дальнейшем Олеша не писал цельных художественных произведений. В письме жене он объяснил свое состояние: «Просто та эстетика, которая является существом моего искусства, сейчас не нужна, даже враждебна – не против страны, а против банды установивших другую, подлую, антихудожественную эстетику». О том, что дар художника не был им утрачен, свидетельствуют многочисленные дневниковые записи Олеша, обладающие качествами подлинно художественной прозы.

В годы сталинских репрессий были уничтожены многие друзья Олеша – В. Мейерхольд, Д. Святополк-Мирский, В. Стенич, И. Бабель, В. Нарбут и др.; сам он чудом избежал ареста. В 1936 на публикацию произведений Олеша и упоминание его имени в печати был наложен запрет, снятый властями только в 1956, когда была издана книга «Избранные сочинения», а также переизданы «Три толстяка».

Во времена отлучения Олеша работает сценаристом. Виктор Шкловский, разбирая бумаги автора, нашел завязки для более трехсот пьес. Но вышли только три фильма. Один из них — «Строгий юноша» режиссера Абрама Роома — о музыке, женской красоте и богатстве. И еще о том, что музыка ценнее любого богатства, а женская красота важнее самой гениальной музыки. Разумеется, фильм запретили и положили на полку лет на сорок. Также по сценариям Олеша были поставлены фильмы «Болотные солдаты» и «Ошибка инженера Кочина»; для театра им. Е. Вахтангова Олеша инсценировал роман «Идиот».

В годы войны Олеша был эвакуирован в Ашхабад, затем вернулся в Москву. Писатель с горечью называл себя в послевоенные годы «князем «Националя», имея в виду свой образ жизни. «Невроз эпохи», который остро ощущал писатель, выразился в неизлечимом алкоголизме. Тематика его дневников в 1950-е годы очень разнообразна. Олеша писал о встречах с Пастернаком, о смерти Бунина, об Утесове и Зощенко, о собственной ушедшей молодости, о гастролях «Комеди Франсез» в Москве и т.д. Главным делом в последний период жизни считал работу, которую вел изо дня в день, придумав условное название «Ни дня без строчки», предполагая позднее написать роман.

Книга «Ни дня без строчки. Из записных книжек» собрана из записей Юрия Олеша Виктором Шкловским и опубликована после смерти писателя в 1965 году. В 1999 году вышло дополненное издание под названием «Книга прощания» (1999). Эта книга необычна. Это и автобиография, и размышления автора о себе и о происходящем вокруг. Он начинает с того, что сам рассказывает о возникновении книги: «Книга возникла в результате убеждения автора, что он должен писать... Хоть и не умеет писать так, как пишут остальные». Он так и объяснял, что должен писать, поскольку он писатель, но именно этого ему и не дают делать.

Литературная поденщина давала заработок, но не моральное удовлетворение. Это стало для талантливого писателя причиной творческого бесплодия и развития алкоголизма. Его часто можно было видеть в Доме литераторов, но не выступающим в залах, а внизу в ресторане, где он просиживал со стаканом водки. Денег у него не было, удачливые советские писатели почитали за честь угостить истинного

писателя, прекрасно осознавая его огромный талант и невозможность реализации его. Однажды, узнав, что существуют разные категории похорон советских писателей, он поинтересовался, по какой категории похоронят его. Его хоронили бы по самой высшей, самой дорогой, категории — не за служение родной коммунистической партии, а за истинный талант писателя. Олеша на это спросил фразой, вошедшей в историю Дома литераторов: нельзя ли похоронить его по самой низкой категории, а разницу вернуть сейчас? Так было нельзя.

Юрий Карлович Олеша скончался от инфаркта 10 мая 1960 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

Первый блогер Юрий Олеша

«Ни дня без строчки» - названное так редакторами собрание заметок Юрия Олеша, сделанных в самый трудный, молчаливый период его жизни, можно считать наиболее точным прообразом современного интернет-журнала.

Хотя многие его записи датированы, они, по сути, не являются дневниковыми. Описания встреч, людей, каких-то житейских событий возникают не тогда, когда они произошли, не под собственной датой, а тогда, когда они уже забылись и вспомнились вновь, когда, повинувшись неким внутренним ритмам, эмоциональным параллелям, подсознание художника извлекло их из памяти, чтобы в отвлеченной картине, не имеющей напрямую отношения к данному мгновению (художественный образ), выразить свое сегодняшнее, сиюминутное состояние. Типичный олешинский импрессионизм.

Таким образом, не стенографируя глобальные общественные или относящиеся исключительно к частной жизни события, Юрий Олеша фиксирует свое отношение к ним. Это те самые круги на воде чувств и сознания, которые распространяются от камня, брошенного жизнью в реку дня. В этих кругах и неприятие, и конфликт, и надежда, и раздражение, и интерес, и досада.

Практически любой писатель, который ведет дневник, предполагает, что рано или поздно написанное будет опубликовано. После появления «Ни дня без строчки» возникла даже мода (при чем не столько в России, сколько в Европе) складывать разрозненные заметки для позднейшего опубликования.

Кардинальное отличие Олеша в том, что, оставаясь незавершенными, эскизными, его записи им самим (и, соответственно, читателем) воспринимаются как законченное высказывание. Даже в том случае, когда записан всего лишь набросок сюжета будущего рассказа. Рассказа не будет! Этот набросок и есть рассказ, он выражает все, что необходимо было сказать. Если бы рассказ на самом деле был нужен, именно он и был бы написан! И, самое главное – это трудно доказать, поскольку всего лишь ощущение, - финальная точка в обрывочной записи означает для Олеша публикацию. Текст, какой бы он ни был, написан для того, чтобы его прочитали именно сегодня! Он интересен и сам по себе, и, главное, во взаимодействии с тем, что принес именно сегодняшний день. Проблема одна – нет технических средств, контекста и традиций для его опубликования.

Технические средства, контекст и традицию обеспечили интернет и блоги.

Еще одно (это наблюдение надо бы как-то включить в текст до двух

предшествующих абзацев). Сам подход к записям у Олеша не дневниковый. Он не заправляет ручку чернилами, не раскрывает толстую тетрадь и не замирает над ней в раздумьях: что бы такое теперь написать. Идея записи, ее диаграмма, стилистическое решение, предчувствие кульминации складываются у него до того, как он садится писать. Его письмо – это реализация задуманного, творческое воплощение уже созревшего замысла. Ну, а этим все сказано.

Конечно, то, что Юрий Карлович Олеша первым, по крайней мере, в России реализовал идею блоггового письма, не оправдывает существование живого журнала и его нынешних авторов.

Во-первых, Олеша был первым.

Во-вторых, это был Олеша.

Я увидел столб в шубе

Я так опустил, что мне ничего не стоило, подойдя к любому знакомому на улице, попросить у него три рубля, которых было достаточно, чтобы выпить, скажем, в забегаловке пива.

Надо заметить, что я просил без какой-нибудь наглости. Наоборот, я старался быть простым, скромным. Это мне удавалось по прирожденному актерству. Я был даже изысканно простым. Давши десятку, знакомый быстро уходил. Я видел, как он поправляет головной убор, утверждает более крепко портфель под мышкой,— я понимал, что этому человеку неловко.

Я и остановлюсь на одном морозном дне, когда я подошел к одному из таких знакомых. Это был известный режиссер, осатаневший от успеха своей деятельностью, не стоящей гроша ломаного и возникшей в результате проявленного им умения втирать очки, подлец, да просто столб, я бы сказал, столб в шубе. Если говорить художественно, то передо мной стоял столб в шубе, лица которого я даже не различал. Прекрасная шуба с расшевеленным ветром красивым меховым воротником.

— Дайте мне три рубля,— сказал я.

— Боже мой! Может быть, вам десятку?

— О, это прекрасно! — воскликнул я, уже повторяя себе, уже научившийся всяким приемам по части этого попрошайничества у знакомых.— А это не ударит вас по бюджету?

— Ну, что вы, Юрий Карлович!

Он снял перчатку и вдвинул руку за борт шубы. Там, в боковом кармане, как оказалось, стояли пачкой новые десятки. Он отъединил одну из пачки, и она протянулась ко мне, твердая и как бы даже звенящая в морозном воздухе.

— Спасибо! Я вам отдам! Я скоро буду богат! Очень богат!

И я сказал ему то, что говорил всем, у кого брал деньги,— что пишу замечательную пьесу, которая скоро будет готова и тогда...

— Пора, Юрий Карлович, пора,— сказал он. Это был известный театральный режиссер, знатный человек, лауреат Сталинской премии, награжденный званиями и орденами.

Разумеется, он не верил, что я пишу пьесу; вернее, в этом смысле я не представлял для него интереса. Его интересовало, что я опустил, прошу деньги. Он, хотя я стоял

лицом к нему, увидел бахрому на моих штанах... Я не мог в точности знать, конечно, что он думает сейчас обо мне, осуждает ли, жалеет ли, но мне с убедительностью представилось, что, кроме всех чувств, он испытывал еще...

Уходя от него, я оглянулся и увидел, что он стоит и смотрит мне вслед. Я помахал ему рукой, он кивнул мне. По всей вероятности, он думал о том, что вот, мол, бывает с человеком — известный, смотрите, писатель, а вот спился, побирается. Я заметил, что он кивнул мне не просто приветственно, а с каким-то оттенком, я бы сказал, назидательности: хорошо, я тебе кивну, но что из того, ты пойдешь и напьешься.

Я еще раз оглянулся, он шел, унося длинную под волнами коричневого сукна спину.

Называтель вещей

«Нельзя строить государство, одновременно разрушая общество»

17 Апреля 1930 г. На похоронах Владимира Маяковского. Трое в центре -- Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Юрий Олеша. Фотограф - Илья Ильф

3 марта (по новому стилю) 1899 года родился Юрий Олеша – возможно, самый недооцененный гений советского времени. Он более всего известен как автор «Трех толстяков» и романа «Зависть», а также как персонаж множества анекдотов: мол, сидел такой великий спившийся писатель в столовой Дома литераторов, пил водку и говорил всякие занятные вещи... На «Частном корреспонденте» – дневник Олеша.

Олеша – фигура во многом трагическая, а его тексты – для его времени были типичной неудобной литературой. Хотя первые же его книги, вышедшие в конце 20-х, принесли ему славу, в дальнейшем он просто не находил себе места, был буквально выдвин на литературную обочину... По этому поводу он писал жене: «Просто та эстетика, которая является существом моего искусства, сейчас не нужна, даже враждебна — не против

страны, а против банды установивших другую, подлую, антихудожественную эстетику». После смерти писателя, в 1960 г. вышла книга под названием «Ни дня без строчки». По сути, это тот же самый текст, который почти сорок лет спустя появился под заголовком «Книга прощания» (М.: «Вагриус»), дневниковые записи, которые, на самом деле, не что иное как еще один роман Олеша (он пишет и постоянно делает оговорку – вроде бы хотел писать роман, а пишу дневник!). Но в советское время книга была сильно порезана цензурой, а вагриусовское издание воспроизвело нам ее полностью.

«Частный корреспондент» публикует несколько фрагментов «Книги прощания», дающих представление о том, насколько блестящ и сложен был этот человек. И насколько актуальными многие из его размышлений остаются в наше время.

Юрий Олеша. Фрагменты «Книги прощания»

* * *

«Вообще же в послевоенной советской литературе внимание на время и память первым обратил тот же Олеша, заговорив о «бессмысленном ожидании пропуска в ту страну, которая существует не в пространстве, а во времени, — в прошлое, в молодость».

(Валентин Катаев: паркур в катакомбах)

Вместо того чтобы начать писать роман, я начал писать дневник. Читатель увлекается мемуарной литературой. Скажу о себе, что и мне гораздо приятней читать мемуары, нежели беллетристику. (Последнюю ненавижу.) Зачем выдумывать, «сочинять»? Нужно честно, день за днем записывать истинное содержание прожитого без мудрствований, а кому удастся — с мудрствованиями. Пусть пишут дневники все: служащие, рабочие, писатели, малограмотные, мужчины, женщины, дети — вот клад для будущего! Мы, живущие в эпоху основоположения нового человеческого общества, должны оставить множество свидетельств. У нас есть кино! Как было бы замечательно, если бы имелись кинохроники Великой Французской революции... Есть, между прочим, дагерротипы времен Парижской коммуны. Я видел дагерротип, изображающий Гоголя среди друзей в Риме. Фотография Гоголя! Считаю необходимым бросить беллетристику, да здравствует мемуарная литература! Гниет беллетристика! Как пекут романы! Как противно стало читать эти романы! Неделя проходит со дня объявления очередной кампании, и будьте любезны — появляется серия рассказов с сюжетом, с героем, с типами — с чем угодно: колхозное строительство, чистка, строительство нового города. Необходимо, мол, литературе отражать современность... Но современна ли такая форма отражательства. Рассказ? Поэма? Роман? Другое представляется мне более полезным и ценным: ничего нельзя синтезировать в течение недели, это антинаучно, а смысл искусства — в синтезе... Следовательно, не лучше ли (и не интересней ли) — вместо того, чтобы писать о том, как чистился вымышленный герой, сохранить записи любого из тех, кто подвергся чистке.

Да здравствуют дневники! (Беллетристика становится легким хлебом.) Я начал дневник. Я начал его, собственно говоря, не сегодня, 5 мая 1930 г., а 13 апреля того же года вечером. На другой день утром застрелился Владимир Маяковский. Я ни строчки с тех пор не

написал в дневнике. Он остановился как раз тогда, когда совершилось событие такого большого эпохального значения. Я ничего не смог написать о смерти Маяковского.

Начинаю дневник вторично. Иногда мне кажется, что писание дневника просто хитрость, просто желание оттолкнуться от какого-то необычного материала для того, чтобы найти форму романа, т.е. вернуться к беллетристике. Я нарочно стараюсь писать как можно лапидарней, чтобы вытравить из себя беллетристическое... А может быть, я уже разучился писать. «Клей эпоса не стекает с моего пера». Я пытался начать роман, и начал с описания дождя, и почувствовал, что это повторение самого себя, и бросил, придя в уныние и испугавшись: а вдруг «Зависть», «Три толстяка», «Заговор чувств», несколько рассказов — это все, что предназначено мне было написать.

«Да, в поле коллективистского тяготения Олеша не дает торжествовать блеску Ивана Бабичева — духовного пастора эгоиста Кавалерова: искусство Ивана не выходит за границы развлекательности (довольно “низкие” границы) — Иван Бабичев работает эстрадником. Да, в своем просоциализме Олеша привел Кавалерова к моральному краху. Да, сознание и душа Олеша тянутся к коллективизму. Но сердце Олеша, рожденного в старом мире, не поспекает за его душой и сознанием». **(Почему не плодит был Олеша?)**

Я очень органический писатель. Сажусь писать — ничего нет. Абсолютно ничего! Потом расшевеливается что-то неизвестно где, в самой глубине мозга — совершенно неведомыми и не поддающимися никакому прочувствованию путями выходит из физиологии моей знание о том, что мне нужно и что мне хочется написать. Торжественно: творчество — акт физиологический. (Давно уже известно это, разумеется, давно подвергалось обсуждению, подчинялось формулярному определению — книги, наверное, написаны об этом, — зачем же повторять это!)

Прервал писание, отправившись принимать ванну. Трудно в дневнике избежать розановщины. В ванне. Жарко, страх умереть, прислушиваюсь: сердце, что-то с мозгом делается — не делается ли с мозгом — а? Очень много думаю о смерти. По почерку моему какой-то старичок определил, что я много думаю о смерти. Я слишком часто (почти постоянно) думаю о смерти болезненно! Это противно, хочу отделаться от этого. Дальше будет о болезни сердца (болен ли серьезно, не знаю, не хожу к врачам). Страх перед врачом. А вдруг скажет: Э, батенька... — и откроется вся катастрофичность моего состояния. Откроется, не откроется — неизвестно, и вот, думая о страхе перед врачом, к врачу не хожу, и мучаюсь уже много лет, порчу и здоровье, и нервы, и самочувствие, и теряю молодость и ощущение наслаждения существованием — этой постоянной мыслью о том, что болен — смертельно болен. Во всяком случае, чувствую себя неважно. Об этом после.

Додумался до вывода: единственная реальная вещь в мире — моя смерть. Остальное случайно, может быть, а может и не быть — призрак, а смерть моя будет обязательно.

Как трудно живет тридцатилетний интеллигент в эпоху великой стройки. Надоело быть интеллигентом, гамлетизм надоел. Профессия виновата — писательская. Ее существо

субъективистическое: копаться в себе. Вероятно, и тягостность отсюда.

Видел в парикмахерской человека, каким хотелось бы самому быть. Его брили. Очевидно, крестьянин. Лицо солдата, лет сорока, здоровый, губы вроде как у Маяковского, блондин. Это то лицо, которое хотелось бы назвать современным, интернационально мужским: лицо пилота — современный тип мужественности. Такой человек стоит где-то между храбростью, великодушием и техникой. Перелетает через океан, любит мать, удерживает за колесо автомобиль, скатывающийся в реку, появляется при падении электрического провода на улице и оказывается в резиновых перчатках на вершине приехавшей лестницы. Кто был этот клиент в парикмахерской?

«Так, талантливый Юрий Олеша пишет в 1937-м: «...Грустный писатель! Как много он говорит о смерти. Мы можем его пожалеть. Пожалеть эту умную голову, бьющуюся над разрешением вопросов, которые нам ясны... Нужно пожелать этому писателю идти по тому пути, который блеснул перед ним во мраке капиталистической ночи. Он любит жизнь, видит вещи, мир. Он только должен всем сердцем понять, что мир, действительно, прекрасен и что не тень смерти делает его страшным, а условия капитализма, ещё более страшные, чем сама смерть». **(Хэмингуэй: перевод с американского)**

Вероятно, бывший командарм, ныне работающий дипкурьером. Европейское платье, элегантный (откуда? от воинскости?). Брил его, очевидно, тоже крестьянин, только похуже: кулацкого вида, карикатурно почтенный. Думаю: мужик мужика бреет. Мужик вымыл мужику голову и затем взял электрическую штуку для просушки (нечто алюминиевое, с виду — пистолет). Думаю: мужик мужику сушит волосы электричеством, данным человечеству на службу Эдисоном. Приятно мечтать, умиляться, вызывать в спине дрожь эстетического свойства. Эдисон! Восемьдесят лет Эдисону. То есть он родился тогда, когда жил Гоголь. То есть — освобождали крестьян, убили Александра II, Нечаев сидел в бастиионе, Гаршин падал в пролет лестницы, Тургенев писал, Достоевский, Толстой были молоды — сколько всего, какая давность! — сколько начал и крахов, сколько исторических линий, какая архитектура истории, история всей русской интеллигенции — и затем дальше — вот уже последние годы: Ленин, революция, смерть Есенина и смерть Маяковского — опять грандиозный камень этой архитектуры — и все время живет и работает Эдисон — живет весь век Эдисон, давший всему миру — от Александра II до Маяковского, который застрелился, — электрическую лампу, телефон, трамвай...

Мы были Гамлетами, мы жили внутри; Эдисон был техник, он изобретал — всему миру, всем одинаково, вне обсуждения правильности или неправильности наших взглядов на жизнь, не замечая нас, не интересуясь нами.

Кому же он принадлежит, какому классу? Как характеризуется его деятельность? Кто он? Бог века? Гений. Скажем: величайший человек века, его хозяин — если наш век — изобретательский век, техники... Платон (черт его знает!), может быть, подозревал, что существует сила электричества. Спустя века Эдисон заставил ее служить человечеству. И по телефону, изобретенному Эдисоном, разнеслась весть о смерти Маяковского, который погиб от той путаницы (какую пошлость пишу я), о которой размышлял тот же Платон.

Что же изменилось и что не изменилось? Что же призрачно и что реально? Почему же электрическая лампа не внесла никакого порядка в человеческую душу? Сколько же надо времени — веков! — чтобы техника изменила психику человеку, если она вообще может ее изменить, как говорят об этом марксисты!

* * *

Позавчера во время репетиции моей пьесы «Три толстяка» во МХАТ-1 сломалась конструкция и три актера, изображавшие толстяков, — Ливанов, Кедров, Орлов — упали с четырехаршинной высоты. У всех ушибы. У Ливанова легкое сотрясение мозга. У Орлова (туберкулезного, целый год лечившегося в Крыму) началось кровохаркание. У Кедрова какое-то повреждение в плече, еще не могут определить.

Три артиста, получающих мизерное жалованье, трое хороших, фанатически преданных делу, исполнительных и честных людей страшно пострадали, учась играть выдуманные мною роли. Я умственно огорчен, сочувствую, жалею. В душе — холод. Подлый эгоизм. Это только во мне он? Или все такие же? Если только во мне — значит, я чудовище и мне надо замкнуться, и молчать, и таить, — если такие все, то как же жить? Как относиться к человечеству? Значит, хорошо только то, что хорошо мне? Такие вопросы задает себе человек, живущий в эпоху пересоздания человеческой морали. Новая мораль должна создаваться! Какие заготовки есть у нас для шитья этой новой морали? (Закрадывается мысль: никакого не произошло изменения в человеке. Найти нового человека! Где он? Вот тот-то мужик в европейском платье, который брился вчера вместе со мной. Боюсь, что внутри его то же, что было, скажем, в Тушине толстовском.)

Кончаю. Ночь. Спать. Иногда я вижу такие сны, после которых следовало бы умереть: трудность их физиологическая, ах, — думаешь, просыпаясь, — ну разве может жить долго человек, если ему снятся такие сны, — а вот живу! Работает во сне сознание. И вдруг видишь непередаваемый сон, который нельзя себе представить созданным в результате жизненной работы сознания. Откуда приходят эти сны? Будь они прокляты.

Скучный дневник, самокопание, гамлетизм — не хочу быть интеллигентом.

Происходит странная вещь: массы консервативны в своих художественных вкусах. Казалось бы, массы должны тяготеть к так называемому левому искусству, — в действительности требования их простираются не дальше «передвижничества». Может быть, потому, что так называемое левое искусство является порождением упадочности дореволюционной интеллигенции? А между тем в «передвижничестве» таится яд застывания, успокоенности, оппортунизма.

Я хочу написать пьесу, в которой было бы изображено современное общество: ряд современных типов, та среда, которая перестала быть буржуазией и еще продолжает ощущать себя влиятельным слоем.

Когда ныне говорят «общественность», то под этим словом понимают профсоюзы, газеты, пролетарские организации — словом, понимают — пролетариат, правящий класс, потому

что иная общественность в пролетарском государстве влиятельной быть не может. Между тем помимо вышеуказанной общественности параллельно, рядом существует общественность, с которой не считаются, но которая слагается из мнений и взглядов того огромного количества людей, которые, не имея права голоса в управлении и регулировании общей необходимости, продолжают участвовать в жизни страны тем, что работают в государственных предприятиях, на строительстве, всюду. Эта общественность никем не регулируется, она живет по каким-то внутренним законам, возникающим помимо профсоюзов, газет и т.п., и видоизменяется, и дышит чуть ли не в зависимости от устойчивости цен на свободном рынке, — без внутреннего сговора она покоится на пружинах, очень могучих и всеми ощущаемых, и эти пружины приходят в действие сами по себе, хотя никто не стоит у рычага, чтобы нажимать его, — даже неизвестно, где и в чем заключен рычаг. Эта вторая общественность, это второе мнение, существующее в советском государстве, и является материалом, на котором хотел бы я построить свою пьесу.

Темой одного из героев этой пьесы должно быть следующее положение:

«Нельзя строить государство, одновременно разрушая общество».

Это герой — вычищенный при чистке учреждения, в котором он служил.

Другой герой — вернее, героиня — мечтает о Европе, о заветном крае, где можно проделать «прыжок от пишущей машинки в звезды ревью», где можно стать знаменитой и богатой в один день.

Третий герой ненавидит себя за свою интеллигентность, за «гамлетизм», за раздвоенность.

Четвертый хочет вступить в партию для карьеры, для утирания кому-то носа — для удовлетворения тщеславия. Пятый ощущает конец жизни, стареет, разрушается в тридцать лет, чувствует отсутствие жизненной воли, определяя себя нищим, лишенным всех внутренних и материальных богатств.

Целая серия характеров, вернее носителей мнений, представляется мне возможной для воплощения в персонажах современной советско-человеческой комедии.

Фон — строительство социализма в одной стране. Конфликт — двойное существование, жизнь собственного Я, кулачская сущность этой жизни — и необходимость строить социализм, долженствующий раскулачить всякую собственническую сущность.

Вот о чем хочу я написать. Писать я буду в реалистической манере — бытовую пьесу!

Однажды показалась мне литература чрезвычайно легким хлебом. Я понял, что быть литератором — стыдно, потому что легко; я увидел позор в том, что столько внимания уделяется у нас писательскому труду.

Итак, значит: в тридцатые годы двадцатого века некоторые писатели стали задумываться

над сущностью своей деятельности в том смысле, что деятельность эта бесполезна и паразитирующая.

Вот эта фраза уже есть чистое сочинительство, и то, что я сейчас собираюсь написать, могло бы отлично без этой фразы обойтись.

Все дело в разбеге руки. Нельзя удержать руку, и затем возникает то, что называют ритмом.

Рассказ начинается так:

«Командарм умер в среду».

Это будет солидный рассказ, вполне почтенных особенностей, рассказ для любого ежемесечника.

Командарм умер в среду. Его молодое тело, ставшее тяжелым и неподвижным, положили в желтый полированный ящик...

* * *

В день двенадцатилетия революции я задаю себе вопрос о самом себе. Я спрашиваю себя: ну, русский интеллигент, кем ты стал? Что стало с тобой?

Мне тридцать лет. Когда произошла революция, Мне тридцать лет. Когда произошла революция, мне было восемнадцать. Тот аттестат зрелости, который получил я, еще был припечатан орлами. В последний раз выдавались такие аттестаты. В последний раз заказывали студенческие фуражки. Никто из нас еще не знал, что раз этот — последний.

Сорок лет чужой судьбы — как это много!

Сколько лет Достоевскому? Вот он сидит на портрете, покручивая хвостик бороды, плешивый, с морщинами, похожими на спицы, — сидит во мраке минувшей судьбы, как в нише.

Сколько лет этому старику?

Под портретом написано, в каком году запечатлен. Высчитываю — выходит, старику сорок лет.

Какой емкий срок, какая глубокая старость — сорок лет Достоевского!

Между тем мне только девять осталось до сорока. Тридцать один собственный год — как это мало!

Теперь я думаю о том, что вот уже нахожусь я в том возрасте, когда все герои классиков оказываются моложе меня.

Сколько лет Онегину? Года двадцать два. А давно ли воспринимался он как взрослый господин — с бачками, с лакеем, с пистолетом?

<...>

Почему же такими старыми представлялись они нам?

Мы брали возраст эпохи, покоившейся в учебниках истории и руководствах по русской словесности, — и, множа его на трудность ее изучения, заключенную в долгих годах гимназического курса, получали бесконечно переросший нас возраст героев, известных еще четырем поколениям до нас.

Когда-то, читая «Анну Каренину» и установив, что Стиве Облонскому тридцать один год, я подумал о себе, что мне только пятнадцать. Ага, подумал я, значит, все впереди у меня... очень долгая жизнь, — вернее, очень долг еще разбег к жизни, если Стива Облонский, который вдвое старше меня, называется молодым человеком.

Теперь мне столько лет, сколько Стиве Облонскому.

Тогда казалось мне невероятным, было окутано туманами то, что произошло теперь: я стал старше всех героев литературы, я, маленький, нуждавшийся в усиленном питании, похожий на маму.

Я перерос героев великой литературы. Стоит ли мне читать после этого? Могу ли я учиться у более молодых, могу ли подражать героям, которые моложе меня? Читать было интересно постольку, поскольку книги каким-то боковым образом говорили мне о будущем. Это было в ранней юности. Тогда я читал вперед. Теперь я читаю назад. Тогда, читая, я находился в будущем времени — и это было легко! Теперь, читая, я сползаю в прошлое — и это мучительно, трудно...

И между тем, несмотря на то, что мне тридцать один год, что уже замечаю я на себе и в себе физические признаки постарения, — тем не менее до сих пор я ни разу не почувствовал себя взрослым.

Все время кажется мне, что взрослость где-то там, что она еще наступит. В чем причина такого состояния? О нем говорят многие, от многих я слышал такие же признания: мы не чувствуем себя взрослыми.

Взрослость в том смысле, как понималось это в буржуазном воспитании, — означала утверждение в обществе и большей частью — через овладение собственностью. У нас уничтожили собственность. Что такое теперь — положение в обществе? В каком обществе? Из каких элементов складывается современное общество?

Вряд ли кто-нибудь из тридцатилетних чувствует себя взрослым.

Наши отцы были лиричней и традиционней, чем мы. Они Ценили дружбу, культивировали ее эстетику. После выпускных экзаменов возносилась клятва: помнить друг друга, не терять друг друга из виду в житейском море, каждые пять лет собираться всем, кто будет жив, в городе юности, чтобы поднять бокалы в ее честь.

А мы не успели поклясться.

Мы разошлись без шума. Некоторые ушли раньше, чем наступила традиционная весна выпуска. Они поступили в артиллерийские школы, чтобы успеть на войну. На войну они не успели, потому что началась революция.

<...>

Вот теперь, через многие годы, постаревший и набрякший, писатель, — заглядываю я с Садовой улицы в гимназический двор. Сумерки в августе. Какие сны клубятся там, где в углу сгруппировались акации, под которыми сидела бабушка, пока я держал экзамен в подготовительный класс.

Неповторяемая, чистая жизнь мальчика, воспоминания о которой говорят мне, что детство есть гордость, за одну каплю которой я отдал бы все завоевания зрелости.

Пишу эти строки в Одессе, куда приехал отдыхать от безделья, от толкания за кулисами театров и в кулуарах бывшего МодпиКа, состоящих из лестницы и подступов к уборной, от литературных споров на террасе Дома Герцена, от бодрости Луговского и собственной упадочности.

Отдыхать, если речь идет о писателе, живущем на даче, не лучше ли всего таким способом, чтобы можно было перемежать работу за столом с выбеганием в сад или за калитку, перед которой степь. Чем лучше получается строка или целый кусок, тем немедленной хочется выбежать. Есть — для меня лично — какой-то закон: когда работа удастся, усидеть на месте трудно. Странная неусидчивость заставляет встать и направиться в поиски еды или к крану, напиться воды, или просто поговорить с кем-нибудь. Потом возвращаешься к строке и видишь, что оживление было ложным: строка плохая. Через секунду, впрочем, начинаешь думать, что все-таки строка не слишком плохая. Тогда вновь выходишь из комнаты уже в унынии, опять — кран и вода, но желудок оказывается переполненным ею, как в пытке, и, не отправив глотка внутрь, выпускаешь его вялой и тяжелой, как плеть, дугой. При этом наблюдаешь, как попадает вода на куст и как отмахиваются от нее листья.

Наступает уныние, которое нельзя излечить ничем. Страница перечеркивается, берется новый лист и в правом углу пишется в десятый раз за сегодняшний день цифра 1.

Был также такой Пушкин, который писал эпические поэмы и шуточные стихи и послания, и был поэт трагический и, кроме того, писал повести и критические статьи и песни, и был редактор. Ему можно завидовать более, чем кому-либо другому, потому что он, когда ему было двадцать четыре года, написал трагедию «Борис Годунов».

Он был картежник и веселый человек, и в такой молодости, как двадцать четыре года, создал произведение, сказанную трагедию, которая достигает такого совершенства, какого ни до него, ни после него не бывало.

Этому человеку, искуснейшему во всех видах поэзии, принадлежит изречение, что нужно быть в просвещении с веком наравне, каковое изречение он на себе доказал, потому что когда он умер молодым, то после него осталась библиотека в пять тысяч книг, где каждая

книга была им прочтена с превеликой внимательностью, ибо на каждой странице этих пяти тысяч книг имелись пометки, сделанные его рукой.

Это тем удивительнее, что общество было дикое и никакого образования от него и не требовалось, потому что он мог прожить как все аристократы, каковым он был, веселясь, играя в карты и прожигая жизнь.

Был еще писатель, граф, по имени Лев Толстой. Этот человек был так велик и такое сознавал в себе превосходство, что не мог мириться с тем, что в мире и в жизни могут существовать какие-нибудь другие великие люди или идеи, с которыми он не мог бы помериться силами и не победить их. Он выбрал себе самых могущественных соперников, и только тех, перед которыми человечество простиралось ниц: Наполеон, смерть, христианство, искусство, наука, самая жизнь, — потому что написал «Крейцерову сонату», где призывал людей к отказу от размножения. Этот человек в семьдесят пять лет научился ездить на велосипеде. Ему завидовать нельзя, потому что он был, как бывают явления природы — звезды или водопады, и нельзя стремиться стать водопадом, или звездой, или радугой, или способностью магнитной стрелки всегда лететь на север. Я всем завидую и признаюсь в этом, потому что считаю, скромных художников не бывает, и если они притворяются скромными, то лгут и притворяются, и как бы своей зависти ни скрывали за стиснутыми зубами — все равно прорывается ее шипение. Каковое убеждение чрезвычайно твердо во мне и никак не угнетает меня, а, напротив, направляет мысль на спокойное рассуждение, что зависть и честолюбие есть силы, способствующие творчеству, и стыдиться их нечего, и что это не черные тени, остающиеся за дверью, а полнокровные, могучие . сестры, садящиеся вместе с гением за стол. И тем более теперь...

Довольно копаться в себе.

Никому нет дела до твоей души.

Ад души.

Превалирование мира внутреннего над внешним. Укрепить внешний мир.

Я как художник должен синтезировать. Но сам я частный случай, и очень тяжелый.

Помогите мне утвердить внешний мир.

Прикрепили ударника.

Он отравил его.

Это рассказ о литературе. Об отношении к литераторам, самоуверенным людям.

Вы должны делать биографию.

Не умею делать биографию.

А тот молодой человек делал чужие биографии.

Я понял, что только литература может меня вознаградить.

Теперь, когда прошло двенадцать лет революции, я задаю себе вопрос: кто я? кем я стал?

Я русский интеллигент. В России изобретена эта кличка. В мире есть врачи, инженеры, писатели, политические деятели. У нас есть специальность — интеллигент. Это тот, который сомневается, страдает, раздваивается, берет на себя вину, раскаивается и знает в точности, что такое подвиг, совесть и т.п.

Моя мечта — перестать быть интеллигентом.

Я расту маленького; туловище, впрочем, годилось бы для человека большого, но коротки ноги, — потому я нескладен, смешон; у меня широкие плечи, низкая шея, я толст. Никогда не предполагал, что буду толстым, лет с двадцати пяти начал толстеть, и теперь, когда мне тридцать, я маленький толстячок, набрякший, с ощущением ошейника под затылком и подбородком, с гудением в ушах, с глазами, которые краснеют после сна и после того, как я нагибаюсь, и от холода...

У меня мясистый, сравнительно приличной формы нос, узкие губы, выдающийся подбородок, глаза сидят глубоко, очень глубоко, как-то смертно. Лицо мое рассчитано на великую биографию.

Рот у меня нечист, много испорченных, коричневых зубов, толстый в нем, белесый, немолодой язык.

Я неопрятен. Одежда моя быстро разрушается. Когда я снимаю пиджак, я кажусь себе униженным, юмористическим папашкой. Как-то особенно по-толстячки складывается на животе рубашка, выпячиваются округлости крупа, живот, которому хочется вывалиться. Тогда я думаю о том, что мужское счастье недоступно мне — без червоточинки. Иногда, впрочем, возникают и такие мысли: это все от образа жизни, от российского, от наплевательства, — и все могло бы быть иначе, если взять себя в руки... Если бы другая квартира, скажем, ванна, душ, большое зеркало, коробочки для запонок, галстуков... Гимнастика, раннее вставание... Или заграничная поездка... взгляд на европейца... Это могло бы изменить.

Но дело запутывается, и я не беру себя в руки...

Раннее вставание, легкая пища...

Я писатель и журналист. Я зарабатываю много и имею возможность много пить и спать. Я могу каждый день пировать. И я каждый день пирую. Пируют мои друзья, писатели. Сидим за столом, пируем, беседуем, острим, хохочем. По какому поводу? Без всякого повода. Никакого праздника нет, ни внутри, ни снаружи, — а мы пируем. В консервных коробках — коричневые жижи; коричневые жижи на тарелках.

Несут коричневую жижу, делят, клубится пар; вылавливают грибы в коричневых жижках. Как милы все! Как приятны! Как приятно пить, закусывать, общаться...

Я переполнен коричневыми жижами.

На рассвете я возвращаюсь домой, валюсь в одежде на кровать и засыпаю. Спящего мучат меня приступы изжоги, и во сне приступ становится группой гостей, избегающих ко мне по лестнице, врывающихся в двери с криками и взмахами и внезапно исчезающих.

В коридоре висит телефон. Я лежу и жду. Каждое утро. Должна позвонить. И не позвонит. Я буду ждать до...

Я болен.

И часа в три дня я просыпаюсь. Я лежу одетый, укрытый пальто, в воротничке и галстук, в ботинках, гетрах, — пиджак не расстегнут. Я чувствую нечистоту рта, дыхания, пищевода. Я чувствую печень, которая лежит во мне, как тяжелое мокрое животное, почти ворочается.

Я хочу жить с женщиной.

Пюре. Нужно питаться одним пюре. Если я скажу: я хочу есть пюре — засмеются и скажут: так и ешьте, кто же вам мешает.

И действительно, никто не мешает. Надо купить картошки и попросить соседку сварить мне пюре. Или пойти в вегетарианскую столовую. Да, наконец, и пируя, можно заказать пюре.

Эксцентрично — но это так: я мечтаю о пюре! Я не хочу коричневых жиж. Но ведь это гнусное барское рассуждение. Ведь есть же множество мечтающих о мясе... Я пресытился. У меня тугой кошелек. Я могу выбирать. Значит, нужно выбросить кошелек, перестать зарабатывать, — может быть, это путь к чистоте, которая в мыслях моих аллегорически существует в виде пюре?

Я пишу стихотворные фельетоны в большой газете, за каждый фельетон платят мне столько, сколько получает путевой сторож в месяц. Иногда требуется два фельетона в день. Заработок мой в газете достигает семисот рублей в месяц. Затем я работаю как писатель. Я написал роман «Зависть», роман имел успех, и мне открылись двери. Театры заказали мне пьесы, журналы ждут от меня произведений, я получаю авансы.

И вот в каком-то невидимом дневнике я делаю запись: слишком много пиров в моей жизни. Верните мне чистоту, я набряк... я найду чистоту мою, утраченную неизвестно где и когда... жизнь моя безобразна... я стану нищим... Я ухвачу кончик нити и распутаю клубок....

Не звонит. В два часа дня я подхожу к телефону и вызываю ее. И происходит разговор.

К тридцати годам, в пору цветения молодости, я, как это бывает со всеми, окончательно установил для себя те взгляды на людей и жизнь, которые считал наиболее верными и естественными. Выводы, сделанные мною, могли равно принадлежать как гимназисту, так и философу. О человеческой подлости, эгоизме, мелочности, силе похоти, тщеславия и страха.

Я увидел, что революция совершенно не изменила людей...

Мир воображаемый и мир реальный. Смотря как воображать мир. Мир коммунистического воображения и человек, гибнущий за этот мир. И мир воображаемый — индивидуалистическое искусство.

Литература окончилась в 1931 году. Я пристрастился к алкоголю.

Прихожу в Дом Герцена часа в четыре. Деньги у меня водятся. Авторские за пьесу. Подхожу к буфету. Мне нравятся стаканчики, именуемые лафитниками. Такая посудинка особенно аппетитно наполняется водкой. Два рубля стоит. На буфете закуска. Кильки, сардинки, мисочка с картофельным салатом, маринованные грибы. Выпиваю стаканчик. Крякаю, даже как-то рукой взмахиваю. Съедаю гриб величиной в избу. Волшебно зелен лук. Отхожу.

Сажусь к столу.

Заказываю эскалоп.

Собирается компания.

Мне стаканчика достаточно. Я взбодрен.

Я говорю: «Литература окончилась в 1931 году».

Смех. Мои вещания имеют успех.

Нет, товарищи, говорю я, в самом деле. Литература в том смысле, в каком понималось это в мире, где...

Ах, какое большое несчастье надвигается на меня! Вот я иду по улице, и еще моя жизнь нормальна, еще я — такой, как был вчера, и на прошлой неделе, и долгое время, такое долгое время, что я уже забыл, когда оно началось.

Я слишком привык к благополучию.

И теперь я буду наказан за то, что жил...

Я оказался дилетантом. О себе,
Что пережил, сумел лишь написать.
За тридцать лет как мало я успел!
А уж стареть я начал, увядать.
Еще не лыс, но волосы редуют
И как-то ослабели — ах, как жаль!
Одну лишь книгу, тощую...
Листов печатных в «Зависти» лишь пять.

А Гёте если взять? Или Толстого?

Те, правда, жили каждый по сто лет.

Так, значит, я не гений?

Надоело быть самим собой. Я хочу быть другим. Можно даже физически измениться. Я разжирел. Разве нельзя подтянуться? Следует меньше есть и ни капли не впускать алкоголя. Почему я не занимаюсь гимнастикой? Как будто нет у меня возможности предоставить себя в распоряжение врачей, массажистов.

Надоело писать о себе.

Буду писать о другом. Например, о саде, который открывается передо мною в окне. Растет дуб. Прямой дуб с темно-зеленой листвой.

Я не могу быть беллетристом. Не знаю, что предпринять!

Одесса, август.

Сажу в тени платанов на бульваре имени Фельдмана.

Одесса!

Воздух родины!

Здесь начиналась жизнь.

Здесь был у меня ранец. В ранце, за спиной, носил я учебники, тетради и пенал. Да, — пенал. Из далекого прошлого появляется слово: пенал. Это был продолговатый деревянный ящик, плоский — с выдвигной крышкой. Крышка пенала. Она имела углубление для нажима большим пальцем при выдвигании, и само это углубление блестело, как ноготь. Лакированную поверхность крышки украшали переводными картинками. Переводные картинки. Они были непрочны и вскоре исчезали, оставляя на деревяшке мерцающий след, похожий на крыло бабочки.

Детство было наполнено страхами.

За что его называли золотым?

Страхи.

Внезапные ночные пробуждения. Ну да, ясно: кто-то ходит по коридору. Крадется. Вор!! Тише. Холодею, я прислушиваюсь. Тихо. Но ведь только что трещал пол. Ведь я, спящий, слышал треск. Это он, этот тихий треск, оторвал меня от подушки и посадил на постели среди тишины и темноты.

«Эй!» — кричу я во всю мочь, но безгласно, — кричу страшным немим криком головы. «Эй, кто там?! Почему ты затих?! Объявись! Входи! Вор! Вор! Входи! Убивай!»

Тишина.

Иногда приходит в голову мысль, что, возможно, страх смерти есть не что иное, как воспоминание о страхе рождения. В самом деле было мгновение, когда я, раздирая в крике рот, отделился от какого-то пласта и всунулся в неведомую мне среду, выпал на чью-то ладонь... Разве это не было страшно?

Сперва меня вообще не было, потом я был некоей точкой, возможно, не больше тех, которые извиваются на светящемся поле микроскопа.

Из такой точки я стал чем-то вроде сардинки, вернее, ее скелета с какими-то перышками. Спустя еще немного я представлял подобие толстого, как бы сделанного из теста, вопросительного знака — вот именно, из теста, поскольку лежал, свернувшись калачиком.

Все это время я питался и дышал, ничего о себе не зная, — не зная, что я, где я, не зная, что такое знать и что такое быть. Тем не менее был.

И что самое удивительное — это не осознаваемое мною бытие состояло из движения солнц и их спутников, то есть из движения галактик, таких же гигантских, как те, которые я вижу теперь в небесах.

* * *

Я не хочу быть писателем. Быть человеком искусства, художником — большое несчастье. Это проклятье, и ни богатство, ни слава, ни удовлетворение не искупают беспокойства, оторванности от обыкновенных людей и постоянной устремленности в себя, которая обязательно приводит к мысли о смерти, к страху смерти и желанию поскорей избавиться от этого страха, - т.е. к пуле в лоб.

* * *

Я твердо знаю о себе, что у меня есть дар называть вещи по-иному. Иногда удается лучше, иногда хуже. Зачем этот дар — не знаю. Почему-то он нужен людям. Ребенок, услышав метафору, даже мимоходом, даже краем уха, выходит на мгновение из игры, слушает, а потому одобрительно смеется. Значит, это нужно. Мне кажется, что я называтель вещей. Даже не художник, а просто какой-то аптекарь, завертыватель порошков, скатыватель пилюль. Толстой, занятый моральными, или историческими, или экономическими рассуждениями, на ходу бросает краску. Я — все направляю к краске.

Я помню, Катаев получал наслаждение от того, что заказывал мне подыскать метафору на тот или иной случай. Он ржал, когда это у меня получалось.

РЕЧЬ НА 1 ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не поверю, что возможен человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника. В художнике это проявляется особенно ярко, и в этом — одно из удивительных свойств художника: испытать чужие страсти.

В каждом заложены ростки самых разнообразных страстей — и светлых, и черных. Художник умеет вытягивать эти ростки и превращать их в деревья. Если наиболее дорогие цветения в Льве Толстом — Платон Каратаев и капитан Тушин, то не менее легко вырастают в душе Толстого-художника и с полной чувственностью переживаются такие страшные картины, как соблазнение отца Сергия коротконогой дурочкой Марией. Нельзя описать третье лицо, не сделавшись хоть на минуту этим третьим лицом. В художнике живут все пороки и все доблести.

Очень часто спрашивают художника: «Откуда вы знаете? Это вы сами выдумали?» Да, художник все выдумывает сам. Конечно, нельзя ничего выдумать того, чего нет в природе. Но отношения у художника с природой такие, что она ему открывает некоторые свои тайны, она с ним более общительна, чем с другими. Образ труса я могу создать на основе чрезвычайно ничтожных воспоминаний детства, при помощи памяти, в которой сохранился намек, след, контур какого-то, может быть только начавшегося действия, причиной которого была трусость.

Можно написать книгу под названием: «Машина превращений», в которой рассказать о работе художника, показать, как те или иные жизненные впечатления

превращаются в сознании художника в образы искусства. Это неисследованная область, область, которая кажется таинственной, потому что она еще не постигнута.

Работа этой машины — машины превращений — весьма чувствительна для всего организма. Движения ее не обходятся для организма даром, а отсюда — трудность быть художником.

Отношения с хорошим и плохим, с пороками и добродетелью у художника чрезвычайно непростые. Когда изображаешь отрицательного героя, — сам становишься отрицательным, поднимаешь со дна души плохое, грязное, то есть убеждаешься, что оно в тебе — это плохое и грязное — есть, а следовательно, берешь на сознание очень тяжелую психологическую нагрузку.

Гете сказал однажды: «Я хотел еще раз прочесть „Макбета“, но не рискнул. Я боялся, что в том состоянии, в каком я тогда находился, это чтение меня убьет».

Образ может убить художника.

Шесть лет назад я написал роман «Зависть». Центральным персонажем этой повести был Николай Кавалеров. Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип является автобиографическим, что Кавалеров — это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежали мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, были вынуты из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений.

Как художник проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу, силу первой вещи, силу пересказа первых впечатлений. И тут сказали, что Кавалеров пошляк и ничтожество. Зная, что много в Кавалерове есть моего личного, я принял на себя это обвинение в ничтожестве и пошлости, и оно меня потрясло.

Я не поверил и притаился. Я не поверил, что человек со свежим вниманием и умением видеть мир по-своему может быть пошляком и ничтожеством. Я сказал себе — значит, все это умение, все это твое собственное, все то, что ты сам считаешь силой, есть ничтожество и пошлость. Так ли это? Мне хотелось верить, что товарищи, критиковавшие меня (это были критики-коммунисты), правы, и я им верил. Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета.

Так у меня возникла концепция о нищем. Я представил себя нищим. Очень трудную, горестную жизнь представил я себе жизнь человека, у которого отнято все. Воображение художника пришло на помощь, и под его дыханием голая мысль о социальной ненужности стала превращаться в вымысел, и я решил написать повесть о нищем.

Вот я был молодым, у меня были детство и юность. Теперь я живу, никому ненужный, пошлый и ничтожный. Что же мне делать? И я становлюсь нищим, самым настоящим нищим. Стою на ступеньках в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка «писатель».

Это ужасно умилительная для самого себя история, ужасно приятно жалеть самого себя.

Опустившись на самое дно, босой, в ватном пиджаке, иду я по стране и прохожу ночью над стройками. Башни строек, огонь, а я иду босой. Однажды в странное утро, в

чистоте и свежести утра я прохожу мимо стены. Бывает иногда, что в поле, недалеко от заселенной местности, стоит полуразрушенная стена. Луг, несколько деревьев, чертополох, кусок стены, и тень от стены на лугу, еще более четкая, прямоугольная, чем сама стена. Я начинаю идти от угла и вижу, что в стене арка — узкий вход с закругленной в виде арки вершиной, как это бывает на картинах Возрождения. Я приближаюсь к этому входу, вижу порог. Перед ним ступеньки. Заглядываю туда и вижу необычайную зелень... Может быть, здесь ходят козы. Я переступаю порог, вхожу и потом смотрю на себя и вижу, что это молодость, вернулась молодость.

Ко мне вдруг, неизвестно почему, вернулась молодость. Я вижу молодую кожу рук, на мне майка, я стал молод — мне 16 лет. Ничего не надо; все сомнения, все страдания прошли. Я стал молод. Вся жизнь впереди.

Я хотел написать такую повесть. Я думал над ней. Я делал выводы, и я понял, что главная моя мечта — мечта сохранить право на краски молодости, главная моя мечта — сохранить правоту молодости, защитить мою свежесть от утверждения, что она не нужна, от утверждения, что свежесть есть пошлость, ничтожество.

Я не виноват, что моя юность проходила в условиях, когда мир, окружающий нас, был страшен.

Я понял, что причиной такой концепции есть желание доказать, что во мне имеется сила красок, и что будет нелепостью, если краски не будут использованы. Я этой повести о нищем не написал. Тогда я не понимал, почему это происходит, почему я не мог ее написать. Я это понял позже. Я понял, что дело не во мне, а дело в том, что окружает меня. Свою молодость я не утратил. Мне не надо думать о ее возвращении потому, что я художник. Но каждый художник может написать только то, что он в состоянии написать.

В то время как я продумывал тему нищего, искал молодости, страна строила заводы. Это была первая пятилетка создания социалистической промышленности. Это не было моей темой. Я мог поехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было моей темой, не было темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания. Я не был в этой теме настоящим художником. Я бы лгал, выдумывал; у меня не было бы того, что называется вдохновением. Мне трудно понять тип рабочего, тип героя-революционера. Я им не могу быть.

Это выше моих сил, выше моего понимания. Поэтому я об этом не пишу. Я испугался и стал думать, что никому не нужен, что мои особенности художника не к чему приложить, и поэтому вырос во мне ужасный образ нищего, образ, который меня убивал.

А в это время молодела страна. Уже есть юноши, которым 17 лет и которые ни одной своей мыслью не принадлежат старому миру.

Тогда, сочиняя «Нищего», я заглядывал в волшебную арку и не понимал главного, не понимал, что я верю в молодость страны, что не свою молодость я хочу вернуть, а хочу увидеть молодость страны, то есть новых людей.

Теперь я их вижу. И у меня есть гордая мысль считать, что их начинающаяся молодость есть до известной степени возвращение моей молодости. Самое страшное — это унижать себя, говорить, что я ничто по сравнению с рабочим или комсомольцем. Как можно так говорить и продолжать жить и работать? Нет, во мне хватает гордости сказать, что, несмотря на то, что я родился в старом мире, во мне, в моей душе, в моем

воображении, в моей жизни, в моих мечтах есть много такого, что ставит меня на один уровень и с рабочим, и с комсомольцем. И принимая от рабочего и комсомольца пожелания, как я должен жить и работать, я знаю, что это не есть тот разговор, когда один говорит, а другой молчит и слушает, а разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход.

Много было такого в моей юности, в моих мечтаниях, в моих отношениях к миру, что и теперь я могу изобразить в произведении как принадлежащее человеку нового мира, молодому комсомольцу и рабочему. Мир стал моложе. Появились молодые люди. Я стал зреее, окрепла мысль, но краски внутри остались те же. Так произошло чудо, о котором я мечтал, заглядывая в арку. Так ко мне вернулась молодость.

Это, конечно, торжественное, фигуральное выражение.

Дело гораздо проще. Дело в том, что люди, которые строили заводы, герои строительства, те, которые коллективизировали деревню, делали все то, что казалось мне непонятным и превращающим меня в нищего, эти люди — слава им! — всей своей удивительной и прошедшей мимо меня деятельностью создали государство, социалистическую страну, родину!

В этом государстве растет первое молодое поколение, растет советский молодой человек. Как художник я бросаюсь на него: «Кто ты, какие ты видишь краски, снятся ли тебе сны, о чем ты мечтаешь, как ты ощущаешь себя, как ты любишь, какие у тебя чувства, что ты отвергаешь и что признаешь, какой ты, что в тебе преобладает — чувство или рассудок, умеешь ли ты плакать, нежен ли ты, все ли ты понял из того, что пугало меня, чего я не понимал, чего я боялся, какой ты, молодой человек социалистического общества?» Я не могу писать, не найдя между собой и тобой аналогии.

Я хочу создать тип молодого человека, наделив его лучшим из того, что было в моей молодости.

Я считаю, что историческая задача для писателя — создать книги, которые вызывали бы в нашей молодежи чувство подражания, чувство необходимости быть лучше. Нужно выбрать все лучшее в себе, чтобы создать комплекс человека, который был бы образцом. Писатель должен быть воспитателем и учителем.

Я лично поставил себе задачей писать о молодых. Я буду писать пьесы и повести, где действующие лица будут решать задачи морального характера. Где-то живет во мне убеждение, что коммунизм есть не только экономическая, но и нравственная система, и первыми воплотителями этой стороны коммунизма будут молодые люди и молодые девушки.

Все свое ощущение красоты, изящества, благородства, все свое видение мира — от видения одуванчика, руки, перин, прыжка, до самых сложных психологических концепций — я постараюсь воплотить в этих вещах в том смысле, чтобы доказать, что новое социалистическое отношение к миру есть в чистейшем смысле человеческое отношение. Таково возвращение молодости. Я не стал нищим. Богатство, которым я обладал, осталось; богатство, выражающееся в знании, что мир с его травами, зорями, красками прекрасен, и что делала его плохим власть денег, власть человека над человеком. Этот мир при власти денег был фантастическим и превратным. Теперь, впервые в истории культуры, он стал реальным и справедливым

Михаил Булгаков

Русский писатель. Михаил Афанасьевич Булгаков родился 15 мая (по старому стилю - 3 мая) 1891 года в Киеве, в семье доцента Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны Булгаковой (в девичестве - Покровской). Имя старшему сыну и будущему писателю было дано в честь хранителя города Киева архангела Михаила. Позднее в семье родились: Вера (1892), Надежда (1895), Варвара (1895), Николай (1898), Иван (1900), Елена (1902).

18 августа 1900 года Михаил Булгаков поступил в подготовительный класс Второй киевской гимназии, а 22 августа 1901 года - в первый класс Первой киевской мужской Александровской гимназии. 14 марта 1907 от нефросклероза умер отец Михаила. В мае 1909 года будущий писатель окончил Первую Александровскую гимназию, а 21 августа был зачислен студентом медицинского факультета Киевского университета.

26 апреля 1915 года в Киево-Подольской церкви Николая Доброго состоялось венчание Михаила Булгакова с Татьяной Николаевной Лаппа, дочерью управляющего Казенной палаты, с которой Михаил познакомился еще в 1908 году (саратовская гимназистка приезжала в Киев на каникулы).

Еще летом 1914 года, после начала 19 июля Первой мировой войны, Булгаков принял участие в организации лазарета для раненых при Казенной палате в Саратове и работал там врачом. В апреле - мае 1915 года он подал прошение о службе врачом в морском ведомстве, однако был признан негодным к несению военной службы по состоянию здоровья. После получения разрешения ректора университета, 18 мая Михаил поступил на работу в Киевский военный госпиталь на Печерске. В мае - сентябре 1916 года работал врачом в прифронтовых госпиталях Каменец-Подольска и Черновиц. 16 июля был зачислен "врачом резерва Московского военно-санитарного управления" для откомандирования в распоряжение смоленского губернатора с целью работы в земствах. 31 октября 1916 года в Киевском университете Михаил Булгаков получил диплом об утверждении "в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными".

С лета 1917 началось регулярное употребление Булгаковым морфия: после того, как он вынужден был сделать себе прививку от дифтерита, опасаясь заражения вследствие проведенной трахеотомии у больного ребенка, начавшийся сильный зуд стал заглушать морфием; в результате употребление наркотика вошло в привычку.

18 сентября 1917 года, получив удостоверение Сычевской уездной земской управы о том, что "зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником", был переведен в Вяземскую городскую земскую больницу заведующим инфекционным и венерическим отделением.

Осенью 1917 года Михаил Булгаков начал работу над циклом автобиографических рассказов о медицинской практике в Никольской больнице. В декабре 1917 года впервые приехал в Москву, остановившись у своего дяди, известного московского врача Н.М. Покровского (прототип профессора Преображенского из повести "Собачье сердце"). 19 февраля 1918 года был освобожден от военной службы по болезни и в конце месяца вернулся с женой в Киев. Весной 1918 года, с помощью второго мужа матери - врача Ивана Павловича Воскресенского, Михаил Булгаков избавился от морфинизма и открыл частную практику как венеролог.

В начале февраля 1919 года, как военный врач, был мобилизован в армию Украинской Народной Республики, а в ночь на 3 февраля, при отступлении украинских войск из Киева, успешно дезертировал. В конце августа 1919 года, по одной из версий, был мобилизован в Красную Армию в качестве военного врача; 14-16 октября вместе с частями Красной Армии вернулся в Киев и в ходе уличных боев перешел на сторону Вооруженных сил Юга России (по другой версии - попал к ним в плен) и стал военным врачом 3-го Терского казачьего полка. В ноябре, в качестве военного врача 3-го Терского казачьего полка, принимал участие в походе на Чечен-аул и Шали-аул против восставших чеченцев. С начала декабря работал в военном госпитале во Владикавказе.

В конце декабря Булгаков оставил службу в госпитале и прекратил занятия медициной. С этого момента он начинает профессионально заниматься литературой - работает журналистом в местных газетах ("Кавказская газета", "Кавказ"). Первая публикация состоялась 26 ноября 1919 года в газете "Грозный" (фельетон "Грядущие перспективы" был опубликован с инициалами М.Б.).

В 1921 году Михаил Булгаков переехал в Москву. Служил секретарем Главполитпросвета при Наркомпросе. В 1921-1926 годах сотрудничал с московской редакцией берлинской газеты "Накануне", помещая в ней очерки о жизни Москвы, с газетами "Гудок", "Рабочий", журналом "Медицинский работник" (напечатал "Записки юного врача"), "Россия", "Возрождение" (опубликовал "Записки на манжетах" и роман "Белая гвардия"). Первый сборник сатирических рассказов "Дьяволиада" (1925 год) вызвал споры в печати. В 1926 году во МХАТе была поставлена пьеса "Дни Турбиных", в 1926-1929 годах в Театре-студии Евгения Вахтангова шла пьеса "Зойкина квартира", в 1928-1929 в Московском Камерном театре репетировался "Багровый остров".

Литературная критика конца 20-х годов отрицательно оценивала творчество Михаила Булгакова. К 1930 году его произведения не печатались, пьесы были сняты из репертуара театров. В 1930 году писатель работал в Центральном театре рабочей молодежи (ТРАМ), в 1930-1936 годы - во МХАТе в качестве ассистента режиссера, на сцене которого в 1932 году инсценировал "Мертвые души" Н.В. Гоголя. С 1936 года - в Большом театре как либреттист и переводчик. Умер Михаил Афанасьевич Булгаков 10 марта 1940 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Из "Письма правительству СССР" Михаила Булгакова от 28 марта 1930 года

("Письмо Сталину")

"Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных - было 3, враждебно-ругательных - 298. [...] Писали "о Булгакове, который чем был, тем и останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы" ("Комс. правда", 14/X-1926г.). [...] Я не доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать. И я заявляю, что пресса СССР совершенно права. [...] Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ. Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу. Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера. Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе о командировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг [...] Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр - в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя - я прошусь на должность рабочего сцены. Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, - нищета, улица и гибель."

Среди произведений Михаила Булгакова - пьесы, романы, повести, рассказы, фельетоны, очерки

НЕЗАСЛУЖЕННАЯ ОБИДА

Заведует железнодорожной школой при ст. Успенская Екат. дороги учитель Николай Гаврилович Кириченко. 7-го мая он устроил в помещении успенского сельбудинка спектакль (играли ученики), сбор которого шел в пользу школы.

Спустя четыре дня после спектакля получил учитель от местной ячейки комсомола записку, которая, как он сам пишет, "перевернула ему все нутро".

И, действительно, можно перевернуть:

Завшколой тов. Кириченко.

После постановки вашего спектакля вы не позаботились привести сцену в

порядок, а потому просим сегодня же привести в надлежащий вид, в крайнем случае уборка будет произведена за ваш счет.

За секретаря ячейки...

Следуют подписи.

Крайнего случая не произошло: не пришлось за счет учительских грошей производить уборку, потому что учитель сам взялся за метлу и убрал со сцены сор, набросанный, главным образом, самими же комсомольцами.

Но покончив с обязанностями уборщицы, учитель взялся за перо (оно ему свойственно более, чем метла) и написал: "Я приходил к комсомольцам в сельбудинок безвозмездно читать лекции и политбеседы и часами в холод поджидал, пока соберутся комсомольцы.

Я сам приносил им в клуб географические карты и гвозди и этими гвоздями карты прибивал.

Устраивал бесплатные спектакли, причем сам устанавливал декорации и убирал сцену.

Работал и по праздникам и по ночам.

Словом, никаким трудом не пренебрегал и за это получил обиду. Не важно, что пришлось подметать пол, а важно то, что молодые ребята приказывают мне делать то, что я вовсе не обязан, да еще в обидном недопустимом тоне. На ружейный выстрел не захочешь после такого отношения к учителю подойти к сельбудинку и что-нибудь сделать для него".

Крыть в ответ нечем. Успенские комсомольцы! Поступили вы с учителем нехорошо, неаккуратно: обидели его, а за что - совершенно неизвестно.

Всякую культурную силу, работающую в нашей школе, нужно беречь и уважать.

Вывод тут один: если обидели, нужно извиниться перед учителем и добрые отношения с ним восстановить.

Это вам настойчиво советует "Гудок".

М.Б.⁷⁷

КРЫСИНЫЙ РАЗГОВОР

Крысы не могут разговаривать, вы скажете? Ну, это как когда!

На ст. Скобелев Средне-Азиатской дороги у полуразрушенного здания ТПО собралась целая компания и начала стрекотать!

- Что это ты, мать моя, такая кислая?

- Пудры нажралась, будь она проклята! Тошнит меня от пудры.

- Как же это ты так?

- Да за муку приняла. Понимаешь... белая, сыплется... Мы и думали, что крупчатка. Начали лопать... Фу, пакость! Фиалками пахнет, а сытости никакой, кроме того, понос третий день.

- Это что, - запищал юркий крысенок, - а вот мой дядя вчера начал мундир жрать

на заведующем ТПО, - да пуговицу и проглотил. Стала пуговица в горле колом и ни взад, ни вперед! Так и подох, царство ему небесное, без покаяния.

- Я больше кожаные фуражки обожаю, - сказал солидный крысиный молодой человек, - от них польза, а вреда нету. Налопаясь кожи, и сыт два дня.

- А где они лежат, фуражки-то?

- А это сейчас, как пролезешь в дыру в капитальной стене, так направо, пройдя мягкую мебель, одним словом - там, где фартуки лежат.

- Что ты его путаешь? Капитальная стена еще вчера рухнула. Еще крысией свояченице лапу перебило. Они как раз и лезли заведующего лопать.

- Вкусный?

- Ну, как сказать... средний. Да, главное, сгнил уже.

- Гнилятину вредно!

- Пустяки! Помощник его совсем зеленый стал, а крысин выводок с разъезда пришел, ноги вместе с сапогами отлопали. За милую душу!

- Разъездových в шею гнать надо. С какой радости! Это наш помощник, пуцай к себе лаят..

- Чего это народ собрамши, - подлетел молодой человек с хвостом.

- Да понимаешь, заперли помещения ТПО вместе с продуктами на замок да и бросили на произвол судьбы, а там, понимаешь, и фартуки, и фуражки, и чего только нету! Ну, нам теперича раздолье.

- А что ж это про заведующего говорят?

- Да говорят, что и заведующего там забыли в складе вместе с помощником, а стена рухнула и их засыпала.⁷⁸

Михаил Б.

БАННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Халатное отношение администрации к банным неурядицам опирается, очевидно, на летнее время.

Зачем, дескать, баня теперь?

Помылся в речке или в пруду - вот и чист! Вот и правила гигиены и санитарии соблюдены!

Чтобы рассеять это вредное заблуждение, мы дадим небольшую справку из области медицины.

Наше тело дышит не только при помощи легких. Дыхание совершается и через кожу - через бесчисленное множество пор. Через поры же удаляются в виде пота все ядовитые вещества, выделяемые нашим организмом.

Что же наблюдается, если происходит закупорка пор?

Ответом на это служит такой случай.

В средние века, в Риме для украшения одного праздника взяли мальчика и сделали из него золотую статую - позолотили всю поверхность его тела.

И что же? Через некоторое время несчастливый мальчик умер в страшных мучениях. Позолота всей кожи закупорила поры и остановила кожное дыхание и

⁷⁸ "Гудок", 11 апреля 1924 г.

выделение ядовитых веществ организма.

Грязь тоже забивает поры, и выделяемый пот остается там же. Здоровью наносится незаметный, но тяжкий ущерб.

И только горячая вода может восстановить нарушенное кожное дыхание, холодная вода жирного пота не смывает.

Поэтому сторонники холодной воды, они же - банные волокитчики - должны с этим считаться и принять все меры, чтобы рабочие могли пользоваться банями.⁷⁹

М. Мишев

ДОПРОС С БЕСПРИСТРАСТИЕМ

Польские газеты пытаются доказать, что налет повстанцев на Столбцы произведен красноармейцами. (Из газет)

Тщетно пытались защищаться окруженные со всех сторон повстанцы.

Польская жандармерия навалилась дружно, раздавила, и началась расправа и следствие.

- Тю! Бей его! Заходи слева. Хватай. Отрывай ему, сукину сыну, голову.

Держи его. Ага! Главарь попался! Ура, ура, ура! Признавайся, зараза, как фамилия?

- Моя-то фамилия? - спросил повстанец, удушенный проворными руками. - Моя фами... пусти глотку... фамели... Хрр... Хрюсский...

- Врешь!

- Хрюсский.

- Врешь! Врешь!

- Не бей безоружного, - просипел повстанец, - говорю: Хрюсский.

- Признавайся, дьявол, ты из Красной армии?

- Здешний я... да не бейте же, говорить не могу... Из-под Столбцов...

- Вре-е-ешь! Ты из Минска!

- Ничего подобного... в живот не бей...

- Из Минска, пся крев!

- Ну, шут с вами, Панове... Хоть из преисподней...

- Ага, заговорил, заговорил! Ты у меня заговоришь.

- Ккк... как же я заговорю, когда ты мне рот кула... кулаком заткнул.

- Убью!! Сколько вас, красноармейцев?

- Да не было их...

- Не было?! Не было?! Не было?!

- Бы... бы...

- Пишите, пан хорунжий: главарь шайки сознался, что в налете участвовали красноармейцы из Минска. Сколько вас было?

- Трах, трах, трах!

- Ух... тр...тр...

79 "Гудок", 9 июля 1924г.

- Тридцать?
- Пишите - триста. Или лучше для ровного счета - три тысячи.
- Буденный участвовал? Молчишь, к-каналья?!
- А вы его шомполом по башке. Сразу заговорит.
- Ух... б... у...

- Ну, вот видите, участвовал. Пишите по показаниям повстанцев, руководил налетом сам Буденный. Эге?! Да, может быть, и Троцкий руководил?

Не иначе, Троцкий. Что-то тут сильно Троцким пахнет. Отвечай!!

- ...

- Не отвечает, негодяй.
- А вы шомпо...
- Пробовал, не помогает.
- Мерзавец! Назло умер. Ну, ладно, убрать его. Давай следующего!

х х х

Телеграмма в польской газете:

"По показаниям пленных повстанцев, налетом на Столбцы руководили большие красноармейские отряды из Минска под начальством самого Буденного. Есть основания полагать, что план налета разработан самим Троцким, который на аэроплане прилетел в Минск".⁸⁰

Эм.

КАК БОРОТЬСЯ С "ГУДКОМ",

ИЛИ ИСКУССТВО ОТВЕЧАТЬ НА ЗАМЕТКИ
Краткое руководство для администрации

ПЕРЕПИСКА НАСЧЕТ ГЯЗИ

Что отвечать, если напишут, что на каком-нибудь вокзале очень грязно?

Отвечать нужно так, как ответил санитарный врач 1-го района Моск.-Казанской ж. д.:

"Понятие о грязи субъективное, и хотя вследствие многих дефектов еще недостроенного вокзала нельзя утверждать о его действительной чистоте, то до грязи, с моей точки зрения, еще далеко".

Когда в "Гудке" получили этот ответ, то двух сотрудников сразу хватил паралич, так что они больше писать ничего не будут.

Оставшиеся в живых создали общее собрание для решения следующих вопросов:

1. С какого момента кончается грязь "субъективная" и начинается грязь вокзальная с плевками, похожими на двугривенные, и с окурками и всякой

⁸⁰ "Гудок", 9 августа 1924г.

слякотью?

2. На какую высоту напакостить на вокзале, чтобы санитарный врач убедился, что "до грязи", с его точки зрения, "близко":

- а) по щиколотку
- б) по колено
- в) или по пояс.

Этих вопросов так и не решили. Вся надежда на санитарного врача, что он сообщит.

2000 ЗУБОВ

Написали в "Гудке", что железнодорожнику Кузнецову, несмотря на постановление зубкомиссии, зубы не вставляют.

Что бы такое в ответ написать?

Дозрав Моск.-Казанской ответил:

"Кузнецову постановлено вставить искусственные зубы во вторую очередь".

Ликуй, Кузнецов! Будешь ты с зубами. Посто... постой, Кузнецов, постой... Плачь, Кузнецов! Дальше вот что написано: "Кроме того, дозрав считает необходимым сообщить, что протезирование ограничено 500 зубами при наличии нуждаемости на первое августа в 2000 зубов".

ПИРОЖОК НИ С ЧЕМ

Напишут, например, что какая-нибудь работа на дороге не производится, волокита, то да се, вообще - неприятная заметка.

Орлово-Витебская служба администрации на такие заметки хорошо умеет отвечать:

"Хотя в настоящее время на эту работу кредит получен, но так как он деньгами не обеспечен, то фактически ничего пока сделать нельзя".

Да, на такой ответ крыть нечем.

Кредит без денег все равно что пирожок ни с чем.

- Знаете что, орлово-витебские? Постарайтесь получить кредит с деньгами.

КРУЖКИ НА ПРИВЯЗИ

Один корреспондент занялся вопросом о том, почему на станции Люблино-Дачное нету кружек для воды.

Ответ пришел "тридцать три моментально", как говорил Антон Павлович Чехов:

"Хозяйственно-материальный отдел не имел запаса кружек с цепочками, а без цепочек кружек оставлять нельзя".

Вы заведите цепочки, братцы!

"ДС Люблино получил три кружки с цепочками".

Ура, ура, ура. Пейте на здоровье. М.

"Гудок", 20 августа 1924г.

ПОД МУХОЙ

(Сцена с натуры)

На станции N открывали красный уголок. В назначенный час скамьи заполнились железнодорожниками. Приветливо замелькали красные повязки работников. Председатель встал и торжественно объявил:

- По случаю открытия Уголка, слово предоставляется оратору Рюмкину. Пожалуйте, Рюмкин, на эстраду.

Рюмкин пожаловал странным образом. Он качнулся, выдрался из гущи тел, стоящих у эстрады, взобрался к столу, и при этом все увидели, что галстук у него за левым ухом. Затем он улыбнулся, потом стал серьезен и долго смотрел на электрическую лампу под потолком с таким выражением, точно видел ее впервые. При этом он отдувался, как в сильную жару.

- Начинайте, Рюмкин, - сказал председатель удивленным голосом.

Рюмкин начал икать. Он прикрыл рот щитком ладони и икнул тихо. Затем бегло проикал 5 раз, и при этом в воздухе запахло пивом.

- Кажись, буфет открыли? - шепнул кто-то в первом ряду.

- Ваше слово, Рюмкин, - испуганно сказал председатель.

- Дара-гие граждане, - сказал диким голосом Рюмкин, подумал и добавил:

- А равно и гражданки... женска...ва отдела.

Тут он рассмеялся, причем запахло луком. На скамейках невольно засмеялись в ответ.

Рюмкин стал мрачен и укоризненно посмотрел на графин с водой. Председатель тревожно позвонил и спросил:

- Вы нездоровы, Рюмкин?

- Всегда здоров, - ответил Рюмкин и поднял руку, как пионер. В публике засмеялись.

- Продолжайте, - бледнея, сказал председатель.

- Прадал... жать мне нечего, - заговорил хриплым голосом Рюмкин, - и без продолжения очень... хорошо. Ик! Впрочем... Если вы заставляете... так я скажу... Я все выскажу!!! - вдруг угрожающе выкрикнул он. - По какому поводу вообще собрание? Я вас спрашиваю? Которые тут смеются? Прошу их вытьтуть! Гражданин председатель, вы своих обязана... зяби... зана...

Гул прошел по рядам, и все стали подниматься. Председатель всплеснул руками.

- Рюмкин! - в ужасе воскликнул он, - да вы пьяны?

- Как дым! - крикнул кто-то.

- Я? - изумленно спросил Рюмкин. Он подумал, повесил голову и молвил: - Ну и пьяный. Так ведь не на ваши напился...

- Вывести его!

Председатель, красный и сконфуженный, нежно подхватил Рюмкина под руку.

- Руки прочь от Китая! - гордо крикнул Рюмкин. Секретарь поспешил на помощь председателю, и Рюмкина стали выводить.

- Из союза таких китайцев надо выкидывать! - крикнул кто-то.

Собрание бурно обсуждало инцидент.

Через 5 минут все успокоились; сконфуженный председатель появился на эстраде и объявил:

- Слово предоставляется следующему оратору.⁸¹

Игра природы

А у нас есть железнодорожник с фамилией Врангель...

Из письма рабкора

Дверь, ведущую в местком станции М., отворил рослый человек с усами, завинченными в штопор. Военная выправка выпирала из человека.

Предместком, сидящий за столом, окинул вошедшего взором и подумал: «Экий бравый»...

— А вам чего, товарищ? — спросил он.

— В союз желаю записаться, — ответил визитер.

— Тэк-с... А вы где работаете?

— Да я только что приехал, — пояснил гость, — весовщиком сюды назначили.

— Тэк-с. Ваша как фамилия, товарищ?

Лицо гостя немного потемнело.

— Да фамилия, конечно... — заговорил он, — фамилия у меня... Врангель.

Наступило молчание. Предместком уставился на посетителя, о чем-то подумал и вдруг машинально ощупал документы в левом кармане пиджака.

— А имя и, извините, отчество? — спросил странным голосом.

Вошедший горько и глубоко вздохнул и вымолвил:

— Да, имя... ну, что имя, ну, Петр Николаевич.

Предместком привстал с кресла, потом сел, потом опять привстал, глянул в окно, с окна на портрет Троцкого, с Троцкого на Врангеля, с Врангеля на дверной ключ, с ключа косо на телефон. Потом вытер пот и спросил сипло:

— А скудова же вы приехали?

81 "Гудок", 15 ноября 1924 г.

Пришелец вздохнул так густо, что в предместкоме шевельнулись волосы, и молвил:

— Да вы не думайте... Ну, из Крыма...

Словно пружина развернулась в предместкоме.

Он вскочил из-за стола и мгновенно исчез.

— Так я и знал! — кисло сказал гость и тяжело сел на стул.

Со звоном хлопнул ключ в дверях. Предместком, с глазами, сияющими как звезды, летел через зал 3-го класса, потом через 1-й класс и прямо к заветной двери. На лице у предместкома играли краски. По дороге он вертел руками и глазами, наткнулся на кого-то в форменной куртке и ему взвыл шепотом:

— Беги, беги в месткоме дверь покарауль! Чтоб не убеги!..

— Кто?!

— Врангель!..

— Сдурел!

Предместком ухватил носильщика за фартук и прошипел:

— Беги скорей, дверь покарауль!..

— Которую?!

— Дурында... Награду получишь!..

Носильщик выпучил глаза и стрельнул куда-то вбок... За ним — второй.

Через три минуты у двери месткома бушевала густая толпа. В толпу клином врезался предместком, потный и бледный, а за ним двое в фуражках с красным верхом и синеватыми околышами. Они бодро пробирались в толпе, и первый звонко покрикивал:

— Ничего интересного, граждане! Попрошу вас очистить помещение!.. Вам куда? В Киев? Второй звонок был. Попрошу очистить...

— Кого поймали, родные?

— Кого надо, того и поймали, попрошу пропустить...

— Деникина словил месткомщик!..

— Дурында, это Савинков убеги... А его залопали у нас!

— Я обнаружил его по усам, — бормотал предместком человеку в фуражке, — глянул... Думаю, батюшки — он!

Двери открылись, толпа полезла друг на друга, и в щели мелькнул пришелец...

Глянув на входящих, он горько вздохнул, кисло ухмыльнулся и уронил шапку.

— Двери закрыть!.. Ваша фамилия?

— Да Врангель же... да я ж говорю...

— Ага!

Форменные фуражки мгновенно овладели телефоном.

Через пять минут перед дверьми было чисто от публики и по очистившемуся пространству проследовал кортеж из семи фуражек. В середине шел, возведя глаза к небу, пришелец и бормотал:

— Вот, Твоя воля... замучился... В Херсоне водили... в Киеве водили... Вот горе-то... В Совнарком подам, пусть хоть какое хочут название дадут...

— Я обнаружил, — бормотал предместком в хвосте, — батюшки, думаю, усы! Ну, у нас это, разумеется, быстро, по-военному: р-раз — и на ключ. Усы — самое главное...

* * *

Ровно через три дня дверь в тот же местком открылась и вошел тот же бравый. Физиономия у него была мрачная.

Предместком встал и вытаращил глаза.

— Э... вы?

— Я, — мрачно ответил вошедший и затем молча ткнул бумагу.

Предместком прочитал ее, покраснел и заявил:

— Кто ж его знал... — забормотал он... — гм... да, игра природы... Главное, усы у вас, и Петр Николаевич...

Вошедший мрачно молчал...

— Ну что ж... Стало быть, препятствий не встречается... Да... Зачислим... Да, вот, усы сбили меня...

Вошедший злобно молчал.

* * *

Еще через неделю подвыпивший весовщик Карасев подошел к мрачному Врангелю с целью пошутить.

— Здравия желаю, ваше превосходительство, — заговорил он, взяв под козырек и подмигнув окружающим, — ну, как изволите поживать? Каково показалось вам при власти Советов и вообще у нас в Ресефесере?

— Отойди от меня, — мрачно сказал Врангель.

— Сердитый вы, господин генерал, — продолжал Карасев, — у-у, сердитый. Боюсь, как бы ты меня не расстрелял. У него это просто, взял пролетария...

Врангель размахнулся и ударил Карасева в зубы так, что с того соскочила фуражка.

Кругом засмеялись.

— Что ж ты бьешься, гадюка перекопская? — сказал дрожащим голосом Карасев. — Я шутю, а ты...

Врангель вытащил из кармана бумагу и ткнул ее в нос Карасеву. Бумагу облепили и начали читать:

«...Ввиду того, что никакого мне проходу нету в жизни, прошу мне роковую фамилию сменить на многоуважаемую фамилию по матери — Иванов...»

Сбоку было написано химическим карандашом «удовлетворить».

— Свинья ты... — заныл Карасев. — Что ж ты мне ударил?

— А ты не дражни, — неожиданно сказали в толпе. — Иванов, с тебя магарыч!⁸²

Мариэтта Шагинян

Шагинян Мариэтта Сергеевна (21 марта (2 апреля) 1888, Москва — 20 марта 1982, Москва), русская советская писательница, поэтесса, историк и журналист.

Мариэтта Шагинян родилась в интеллигентной мелкобуржуазной семье. Ее отец был врачом, приват-доцентом Московского университета. Мариэтта Шагинян получила отличное домашнее образование. Затем она продолжила обучение в частном пансионе, а потом в одной из лучших московских гимназий.

Мариэтта Шагинян начала печататься с 1903 года. Ее первый сборник стихотворений «Первые встречи» вышел в 1909 году. Ранние стихотворения имели религиозно-мистический характер с экзотическими и эротическими оттенками. Они выражали идеологию буржуазной интеллигенции периода реакции. Мариэтта Шагинян в своем раннем творчестве немного останавливалась на критике капитализма, но основой ее поэзии было идеалистически-религиозное мировоззрение.

В 1912 году Мариэтта Шагинян окончила историко-философский факультет Высших женских курсов. В этом же году она побывала в Санкт-Петербурге. Там Мариэтта Шагинян сблизилась с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Она интересовалась философией символизма. Влияние символистов отразилось в книгах 1912–1914 годов «О блаженстве имущего. Поэзия З.Н. Гиппиус» и «Две морали».

Затем Мариэтта Шагинян уехала учиться в Германию, вернувшись на родину во время войны. На ее творческое развитие существенно повлияла поэзия Гете. В 1913 году вышла книга Мариэтты Шагинян «Orientalia», которая сделала ее известной.

С 1915 по 1918 год Мариэтта Шагинян жила в Ростове-на-Дону. Она работала преподавателем в консерватории, преподавала историю искусств и эстетику. В это время она сотрудничала с газетами «Приазовский край», «Кавказское слово» и «Баку», освещая там события художественной и литературной жизни страны. Работа в этих газетах сыграла большую роль в формировании Мариэтты Шагинян как писательницы.

В 1916 году Мариэтта Шагинян написала книгу «Своя судьба», посвященную критике таких качеств дореволюционной интеллигенции, как безволие, безличие, мелочный индивидуализм, неумение следовать своему слову. Способом оздоровления общества писательница считала религию, христианскую любовь.

Тем не менее Мариэтта Шагинян была в числе первых писателей, поддержавших революцию и обратившихся в сторону пролетариата. Она с энтузиазмом встретила Октябрьскую революцию, которая принесла ей новые темы для литературного творчества. Мариэтта Шагинян много писала, используя самые

разные жанры, от очерков, публицистических статей до авантурных романов и других своеобразных произведений.

В 1919 году Мариэтта Шагинян организовала первую прядильно-ткацкую школу на Дону. Об этом она писала в очерке «Как я была инструктором ткацкого дела»

В 1922–1923 годах Мариэтта Шагинян написала повесть «Перемена», которая была посвящена революционным событиям на Дону. В 1923–1925 годах Мариэтта Шагинян опубликовала ряд агитационно-приключенческих повестей «Месс-Мэнд» под псевдонимом Джим Доллар.

В 1925 году В. Ходасевич, который познакомился с Мариэттой Шагинян еще в 1906 году, написал о писательнице мемуарный очерк. Были в нем такие слова: «Мне нравилась Мариэтта. Это, можно сказать, была ходячая восемнадцатилетняя путаница из бесчисленных идей... В идеях, теориях, школах, науках и направлениях она разбиралась плохо, но всегда был чем-нибудь обуреваема. Так же плохо разбиралась и в людях, в их отношениях, но имела доброе сердце и, размахивая картонным мечом, то и дело мчалась кого-нибудь защищать или поражать...» Эти черты характера Мариэтта Шагинян сохраняла всю жизнь.

В 1925 году Мариэтта Шагинян издала очерки «Фабрика Торнтон» и «Невская нитка», посвященные ленинградским текстильным фабрикам.

В 1928 году она опубликовала литературное произведение своеобразного жанра «роман-комплекс» под названием «Кик». В этом романе были объединены разнообразные жанры, «от поэмы до доклада».

В 1930–1931 годах Мариэтта Шагинян написала роман «Гидроцентральный», который стал итогом ее впечатлений от строительства гидроэлектростанции в Армении. Это произведение является образцом социалистического реализма.

В 1931 году вышла книга «Советское Закавказье», в которую вошли статьи Мариэтты Шагинян о социалистическом строительстве.

В 1932 году она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В эти годы Мариэтта Шагинян окончила Плановую академию Госплана, где изучала энергетику, минералогию и прядильно-ткацкое дело. Она работала инструктором по ткацкому делу, лектором, статистиком, историографом. Творчество Мариэтты Шагинян отличалось политической целеустремленностью, практическим жизненным опытом, знанием процессов социалистического строительства. Она постоянно училась, как теории, так и на практике.

Во время Великой Отечественной войны Мариэтта Шагинян была на Урале в качестве корреспондента газеты «Правда». С 1942 года она являлась членом КПСС.

В 1946 году Мариэтта Шагинян защитила диссертацию и получила степень доктора филологических наук. В 1950 году она была избрана членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР.

После войны Мариэтта Шагинян продолжала писать путевые очерки о своих поездках. За книгу «Путешествие по Советской Армении», вышедшую в 1950 году, еще через год она была награждена Сталинской премией.

Много лет Мариэтта Шагинян писала литературные портреты своих знакомых (С. Рахманинова, Н. Тихонова, В. Ходасевича), а также тех, чье творчество

она любила (Гете, И. Крылов, Т. Шевченко).

Также Мариэтта Шагинян занималась переводами. В частности. Перевела известный роман У. Коллинза «Лунный камень».

В литературной деятельности Мариэтты Шагинян особое место занимают ее романы-хроники о В.И. Ленине, за которые в 1972 году она получила Ленинскую премию. Это книги «Семья Ульяновых» и «Первая Всероссийская», над которыми она работала много лет. Мариэтта Шагинян одной из первых приступила к написанию историко-биографических книг о Ленине. В результате длительной работы в архивах она обнаружила, что отец Ленина имел калмыцкие корни, а дед по матери был евреем. На тот момент эти материалы были компрометирующими и вызвали огромное недовольство Сталина. Но благодаря личному расположению Сталина к писательнице все ограничилось предупреждением. В 1936 году книга «Семья Ульяновых» была внесена в список запрещенных. Осуждалось и поведение Крупской, которая рассказывала Шагинян о жизни семьи Ульяновых «без ведома и согласия ЦК ВКП(б)».

Известно, что до революции национальная принадлежность определялась по вере и языку человека. Ленин, выросший в православной семье, считал себя русским и был им по языку и воспитанию. Но для Сталина были важны этнические факторы. Он считал, что вождь мирового пролетариата должен считаться в глазах населения безоговорочно русским человеком. А нежелательные факты биографии Ленина, по мнению Сталина, следовало замалчивать. К числу таких фактов относились не только этнические корни, но и отношения с Инессой Арманд, и факт венчания Ленина и Крупской в церкви.

В 1956 году вышло постановление ЦК КПСС «О порядке изданий произведений В.И. Ленина», которое отменило запрет на книгу «Семья Ульяновых», установленный в 1936 году.

Даже после семидесятилетия Мариэтта Шагинян оставалась активной и энергичной. Она могла даже перебить Хрущева, когда он выступал. В газетах Мариэтта Шагинян публиковала критичные статьи о промышленных проектах и их недостатках, после чего проектировщикам приходилось их исправлять.

В 1967 году Мариэтта Шагинян побывала в Италии на автомобильном заводе концерна ФИАТ. После этого она опубликовала статью в газете «Известия» об организации производства в концерне. Владельцам концерна ФИАТ понравилась эта статья, и вскоре был подписан контракт о строительстве завода по производству легковых автомобилей по итальянским технологиям в СССР.

В 1976 году Мариэтта Сергеевна Шагинян получила звание Героя Социалистического Труда. Она была награждена орденом Ленина и золотой медалью «Серп и молот».

В последние годы жизни Мариэтта Шагинян не публиковала масштабных работ. Была опубликована только публицистическая книга «Столетие лежит на ладони». Возраст и здоровье не позволяли ей много работать. Последние годы она провела в небольшой двухкомнатной квартире, расположенной на первом этаже обычного дома. Изысканной обстановки и роскоши не было, за исключением пианино. С молодости, после тяжелой болезни у нее был снижен слух, что усугубилось к старости. Не

расставаясь со слуховым аппаратом, Мариэтта Шагинян очень любила классическую музыку и часто посещала концертные залы. Она много писала, несмотря на плохое зрение. Ей было о чем рассказать читателям, ведь она была участницей и свидетельницей множества событий, которые происходили в России в XX веке.

Мариэтта Сергеевна Шагинян скончалась 20 марта 1982 года за две недели до своего 94-летия. Она похоронена в Москве, на Армянском кладбище.

Сейчас мало кто помнит Мариэтту Шагинян. Лишь небольшая часть ее творческого наследия перечитывается. Это связано с потерей интереса ко многим поднятым ею темам. Она написала много публицистических произведений, привязанных к конкретной ситуации в обществе. Сейчас они уже давно потеряли актуальность.

Современники относились к Мариэтте Шагинян по-разному. Ее любили, ненавидели, над ней смеялись и рассказывали о ней анекдоты, но равнодушных не было. В юности она общалась лично и переписывалась со многими известными на сегодня личностями: А. Белым, З. Гиппиус, Д. Мережковским, С. Рахманиновым. Но свой архив и воспоминания она долго не могла опубликовать из-за цензуры, требующей приспособлять книги к эпохе. Даже последняя автобиографическая книга Мариэтты Шагинян «Человек и время: История человеческого становления», опубликованная в 1980 году, содержит много умолчаний и обходов рискованных мест.

Качество продукции

Зубной врач Тарасенко, шедший на амбулаторный прием, — а кто станет спешить на амбулаторный прием? — ноги передвигал медленно, глядел вокруг внимательно, энергию расходовал экономно. Взглянув себе на сапоги, он заметил, что они грязны.

«Надо почистить», — подумал он, главным образом, потому, что это отодвигало на десять минут амбулаторию.

— Ну-ка, восточный человек, зарабатывай гривенник!

Восточный человек молча указал на деревянную подставку. Зубной врач поставил на нее сапог и от нечего делать стал наблюдать. Черномазый чистильщик сидел на скамеечке, имея возле себя шкафчик и вешалку. На вешалке было аккуратно развешано множество шнурков разного цвета; в шкафчике вдоль по полкам стояли банки с кремом, вакса, резиновые кружки, стельки, инструменты. Чистильщик не спеша открыл ящик и вынул из него метелку. Обчистил сапог, скovyрнул, где грязь затвердела, поднял носок и заглянул даже на подошву. Поискал между баночками, открыл одну-две-три, — выбрал из них самую подходящую, мазнул в нее щеточкой и принялся смазывать сапог с таким вниманием, словно от этого зависело спасение его жизни.

«Ишь орудует, — завистливо подумал Тарасенко, — должно быть, гривенник для него огромные деньги; небось мази промажет не меньше чем на пятачок».

Чистильщик и впрямь мазал не жалеючи, но, однако, не зря. Он со вкусом покрыл ваксой весь сапог, вплоть до голенища, и с тем же удовольствием принялся орудовать над вторым сапогом. Потом пошла пляска первой пары щеток, потом второй, более мягкой, для особого глянца.

— Кончай скорее!

Но чистильщик покачал головой. Из ящика показался кусок красного плюша. Ловко схватив его за концы, мальчик стал отполировывать сапог, да так быстро, что любо-дорого было смотреть.

Неизвестно почему, но зубной врач разозлился. Он едва дождался, покуда черномазый свернет свой плюш, и быстро отошел от чистильщика. Пройдя шагов двадцать, он вдруг вспомнил, что забыл заплатить, и повернул обратно.

Чистильщик был погружен в уборку. Выдвинул ящики, рассовывал туда баночки, обтирал щетки, смывал спиртом ваксу. Заметив своего клиента, он сперва поглядел ему на сапоги, потом на лицо и только потом — на протянутую ладонь, где блестел гривенник.

— Га, — пробормотал мальчуган не без конфуза, взял деньги и бросил их в коробочку на медяки...

Чистильщик позабыл об этом гривеннике!

Зубной врач отошел от него в полном бешенстве.

— Болван! Забыл заработанные деньги. Мазал, точно массажистка. Идиот! С какой стати... С какой стати можно было так стараться за гривенник и вдобавок забыть его получить?

Это было выше разума Тарасенко, шедшего сейчас в амбулаторию, где он принимал двадцать человек в день за девяносто рублей в месяц и считал себя в праве презирать и свое дело, и своих пациентов, и свои щипчики за то, что получает гроши. Скинув пальто, он с шумом хлопнул дверью, прошел в свою приемную, надел фартук, повязался... Странное дело. Из памяти его не выходили ловкие, искусные, уверенные движения чистильщика. Невольно и не без удовольствия он выдвинул ящик и перебрал свои винтики точь-в-точь таким жестом, каким мальчуган искал баночку. Это было приятно. Было приятно поискать, прищуриться, прикинуть, найти самое подходящее. Между тем первый пациент Тарасенко вошел в комнату и бочком сел в кресло, пряча руки в карманы штанов.

«Настоящий сапог», — мелькнуло в голове у врача.

И действительно, ткач Вахромеев, посланный сюда из-за невыносимой зубной боли, как был, с фабрики, напоминал своим видом, взъерошенной щетиной, измученным лицом, грязной тряпкой вокруг щеки, гнилыми зубами заплатанной курткой — ни дать ни взять — замурзанный сапог.

Тарасенко почувствовал небывалое удовольствие от этого сходства. Он снял аккуратным движением, без всякой брезгливости, грязную тряпку. Осмотрел зубы. Промыл и прочистил больному рот. Потом, все более и более увлекаясь не своим привычным делом, а бессознательным процессом подражания, заимствованным у чистильщика, стал обдуманно орудовать винтиками и щипцами.

«Ишь как зудит в ём, — сердито думал ткач, смотря на стеклянную пластинку, где Тарасенко что-то аппетитно растирал палочкой, — и чего старается, коли тут бесплатно. Может, думает, я пятак за усердие прикину. Эх ты, лекариха».

Но зубной врач так увлекся, что не видел Вахромеевых злобных глаз. Зацепив на ватку крохотный кусочек полученного лекарства, он осторожно закрыл больной зуб, сказал «через два дня в это же время» и живо собрал с груди пациента обмоточки марли, вату, крошинки мази.

Ткач Вахромеев встал, чувствуя себя обчищенным, выпотрошенным, укрощенным. Зуб

больше не болел. Он угрюмо шагнул к двери, нарочно не сказал «спасибо» и вышел, оставив зубного врача в совершенном удовольствии перемивающим свои щипцы.

Придя на фабрику, Вахромеев долго злился, неизвестно почему. Наступил на ногу проходившей пропыльщице, нагрубил мастеру, не ответил соседу. Станок его стоял заправленный. Амбулатория отняла у рабочего дня два с четвертью часа.

«Растяпа, — подумал ткач, глядя на своего соседа Егорку, медленно втыкавшего в челнок шпулю, — остановит стан почем зря и мух в небе считает. А пусти его работать по сдельной, так такой даст кусок, что потом штопальщицы чинить отказываются. А скажешь ему слово, — мол, ассортимент виноват».

Егорка заправил челнок, пустил машину и отошел в сторону.

«Эх ты, — продолжал про себя Вахромеев, — темнота твоя деревенская. В сторону отошел. Дело-то глаз требует. Там люди образованные задарма стараются, а ты...»

Егорка поворотил голову и встретил сердитый взгляд Вахромеевых глаз. Но как только ткач заметил, что привлек Егоркино внимание, он нажал рукоятку, пустил станок и весь ушел в стрекочущую, бодрую, знакомую музыку старого добкросса. Странное дело. Сходства хоть и не было, а музыка эта, челкочившая взад и вперед челноком, бывшая батаном, гудевшая вверху проводами, напоминала ему чем-то жужжание сверлильного аппарата, стоявшего в приемной у зубного врача. И незаметно для себя, любовным жестом, точь-в-точь как зубной врач, нажавший ногою педаль, а рукою осторожно поднявший сверлильный винтик, — ткач Вахромеев положил пальцы на бегущую полосу ткани, любовно и ловко выравнивая ее напор. Щелк! — автоматически остановился стан. Запыхавшийся челнок замер на месте: оборвалась нитка. Сколько раз у Вахромеева обрывалась нитка в основе, и он ее... гм... гм. Штопальщицы-то ведь тоже не зря деньги получают. Разве можно сдать кусок без брака? Но сегодня Вахромеев под удивленным взглядом Егорки так вкусно, так жадно исправил беду, так скоро пустил стан, что мальчишки уличные, наверное, сочинили бы, глядя на его аппетитные действия, особую игру в ткачи. У Егорки появилось в глазах что-то вроде зависти. А дядя Вахромей распался чем дальше, тем больше. И немного прошло, а уж он ушел с головой в поставленную себе самому задачу: сдать кусок без брака.

Мутный серый день тоже доделал свое дело, поворотя к вечеру. Подождал, пока люди зажгут фонари, и сполз на покой за горизонты. Зубной врач Тарасенко возвращался домой веселый, как никогда раньше. Если бы его остановить и спросить: «Чем ты, братец, доволен?», и если бы он мог разобраться в самом себе так же аккуратно, как в своих винтиках и щипчиках, он ответил бы:

— Чем я доволен? А тем, братец ты мой, что я устал... — И добавил бы: — Устал не зря.⁸³

1926

Коротко об Уилки Коллинзе

Вильям Уилки Коллинз родился 8 января 1824 года в Лондоне, в семье известного пейзажиста Вильяма Коллинза. Двенадцатилетним мальчиком он вместе с семьей на три года уехал в Италию. Книги его впоследствии отразят эти первые яркие итальянские

⁸³ Впервые в журн. «Экран», 1925, № 34; затем в сб. «Три станка». М., «Огонек», 1926

впечатления. По возвращении в Англию и окончании средней школы, уступая воле отца, Коллинз, подобно множеству английских молодых людей, начинает заниматься «деланием денег» (to take many) на службе в крупной чайной фирме. Но торговля не привлекает его. Влюбленный в Италию по воспоминаниям детства, подогретым чтением Бульвера Литтона, он пишет первый свой рассказ и показывает его отцу. Художник, почувствовав талант в своем сыне, дает ему возможность завершить образование в Линкольн-Инне [Одна из четырех старинных лондонских корпораций юристов, дававших теоретическую и практическую подготовку своим членам для ведения судебных дел], откуда Уилки Коллинз в 1851 году выходит со званием стряпчего.

Профессия юриста не одному только Уилки Коллинзу, но и множеству других английских писателей дала огромный материал для романов. В Линкольн-Инне Коллинз впервые столкнулся с особенностями английского законодательства, с курьезами его, с устаревшими формами майоратного права. При нем еще был в полной силе в действии так называемый «шотландский брак» со всеми его последствиями. Если венчанье происходило в Шотландии, то брак был недействителен в Англии; если влюбленные ехали в Шотландию, останавливались в одной гостинице и проводили ночь под одной крышей – они считались законными мужем и женой. Сколько тем для своего творчества почерпнул Коллинз из этих уродливых проявлений местного права! Тут и «двоеженство», и насильственная связь с нелюбимым и нелюбящим человеком, и несчастная судьба детей, лишенных имени; каждую из этих коллизий Коллинз разработал в совершенстве и довел до крайней драматической остроты.

В год окончания Линкольн-Инна он встретился с Чарльзом Диккенсом, который был старше его на 12 лет [Чарльз Диккенс родился в 1812 году и умер в 1870 году, на 19 лет раньше Уилки Коллинза]. Знакомство это крепнет и в 1853 году переходит в дружбу, которая становится все более и более тесной. Сначала Диккенс и Коллинз совершают совместную поездку в Булонь, Швейцарию и Италию. Потом, в 1855 и 1856 годах, оба они живут в Париже; в 1857 году, после короткой совместной поездки по северу Англии, они пишут вместе книгу «Ленивое путешествие двух досужих подмастерьев». Сохранились письма Диккенса к Коллинзу, необычайно теплые и сердечные, показывающие не только их взаимную привязанность, но и творческое содружество.

В дальнейшем их сердечная связь перешла и в родственную: младшая дочь Диккенса вышла замуж за брата Коллинза.

Встреча с Диккенсом определила жизненный путь Коллинза, как романиста. Правда, еще до нее, в 1848 году, он выпустил большой труд, двухтомную биографию своего, только что скончавшегося, отца. За нею в 1849 году последовал исторический роман «Антонина или падение Рима». Но только Диккенс помог ему найти себя в литературе и стать одним из своеобразнейших писателей Англии. Диккенс издает журналы, в которых Коллинз неизменно принимает участие. Ряд лучших романов Коллинза, в том числе «Женщина в белом», появился в журнале «Круглый год» и в других журналах Диккенса. Многие вещи Коллинза были им написаны совместно с Диккенсом, начиная с пьесы «Маяк», имевшей огромный успех; пролог к ней принадлежит перу Диккенса. Об этом говорит письмо Диккенса от 14 октября 1862 года. Узнав, что друг его плохо себя чувствует (Коллинз с самой юности был слабого здоровья и часто хворал), Диккенс с трогательной

заботливостью предлагает приехать и помочь ему в работе.

Коллинз не раз принимал участие в театральных затеях Диккенса, ставил у него в доме пьесу для детей. В Париже он написал драму «Замерзшая глубина» (Frozen Deep), в постановке которой участвовал и Диккенс. Сохранилась длинная программа первого спектакля, где среди участников значится два мистера Чарльза Диккенса, отец и сын. По собственному признанию Диккенса, замысел «Повести о двух городах» зародился у него в то время, как он играл в этой пьесе. Таким образом характерная для Коллинза напряженная драматическая коллизия нашла свое отражение и в творчестве Диккенса.

Начиная с 1860 года, выходят из печати один за другим романы Уилки Коллинза. Они имеют успех не только среди широкой публики; у них появляются поклонники среди мастеров искусства, серьезные и постоянные читатели из среды ученых.

За «Женщиной в белом» (1860) – страшной историей о «незаконнорожденном» – последовали: «Без имени» (1862) – о последствиях «шотландского брака», первый вариант этой темы; «Армэдель» (1866) – о влиянии «наследственности» и «роковой женщины» на судьбу человека; «Лунный камень» (1866); «Муж и жена» (1870) – второй вариант темы о «шотландском браке»; «Бедная мисс Финч» (1872) – об успешной операции при слепоте, считавшейся безнадежной; «Новая Магдалина» (1873) – история проступка и раскаяния «падшей женщины», – очень сильный и смелый вызов английскому лицемерию; «Закон и жена» (1875) – повесть о женщине, выступившей на защиту несправедливо обвиненного мужа, и ряд других романов, качество которых с годами заметно снижается, а форма становится все схематичнее и безжизненней. После смерти Диккенса Уилки Коллинз все более и более обособляется от общества и замыкается в одиночестве. Умер Уилки Коллинз в Лондоне 23 сентября 1889 года [См. статью о Коллинзе в «Словаре национальных биографий»].

При всей популярности романов Коллинза очень мало было написано о нем самом. Кроме десятка-другого маленьких заметок в словарях, читатель находит лишь несколько страниц о его творчестве в книге Суинберна [Swinburne. Studies in Prose and Poetry]. Уилки Коллинза можно назвать основоположником детективного романа в Англии.

Роман Коллинза «Лунный камень», который мы предлагаем нашему читателю, интересен для нас не только своим захватывающим сюжетом, но и реалистическим изображением отрицательных сторон английского общественного быта, сочным юмором и острой сатирой на английское лицемерие и фарисейство, остроумной критикой ханжеской буржуазной «благотворительности».

«Лунный камень» был знаком русскому дореволюционному читателю в двух переводах 80-х и 90-х годов. Эти старые переводы не точны, иногда содержат сознательные искажения и значительные пропуски. В основу нашего перевода взят последний из них, вышедший в качестве приложения к журналу «Северное сияние» в 90-х годах прошлого века. Он был мною сличен с английским изданием «Лунного камня» Таухнитца «Wilkie Collins «The Moonstone» in two volumes. Bernard Tauchnitz (1868)», являющимся точной копией первого лондонского издания 1866 года. В результате пришлось его в корне переработать и восстановить около 80 пропущенных мест. Таким образом читателю предлагается уже новый перевод, с сознательно сохраненной мною от прежнего лишь некоторой старомодностью синтаксиса, соответствующей английской речи 60-х годов

прошлого века.

Илья Эренбург

Родился 14 (26 н.с.) января 1891 года в Киеве в семье инженера. Пять лет спустя семья переехала в Москву, где его отец, Г. Г. Эренбург, некоторое время занимал должность директора Хамовнического пивоваренного завода. Илья учился в 1-й Московской гимназии, из шестого класса которой был исключен за революционную деятельность. Был активным участником ученической большевистской организации, среди его товарищей по организации были Н. И. Бухарин и Г. Я Сокольников. В январе 1908 года арестован, в августе того же года освобожден до суда под надзор полиции, а в декабре по ходатайству отца получил разрешение под денежный залог выехать за границу на лечение.

Поселился в Париже, где встречался с В.И. Лениным, А.В. Луначарским и другими видными большевиками. Короткое время работал в Вене под началом Л.Д. Троцкого, затем вернулся в Париж, где начал писать стихи и отошел от революционной деятельности. Некоторое время жил в гражданском браке с Екатериной Шмидт (впоследствии – жена его друга Т.И. Сорокина), у них родилась дочь Ирина (Ирина Эренбург, 1911–1997, писательница, переводчица, была замужем за писателем Б.М. Лапиным, погибшим в 1941 году).

В 1910 году за свой счет издал первую книгу стихов (которая так и называлась – «Стихи»), затем издавал книги стихов практически ежегодно. Эти сборники были

замечены критиками и известными поэтами (в частности, В.Я Брюсовым). В эти годы Эренбург познакомился и подружился со многими впоследствии известными писателями, поэтами (М.А. Волошин, А.Н. Толстой, Г. Аполлинер) и художниками (Ф. Леже, А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Ривера), он был завсегдатаем кафе «Клозери де лиля» и «Ротонда» на бульваре Монпарнас.

После начала Первой мировой войны Эренбург попытался вступить иностранным добровольцем во французскую армию, но был признан негодным по состоянию здоровья. Патриотический пыл его быстро угас, и он начал писать о войне критические стихи. Тогда же началась его публицистическая деятельность: в 1915–1916 годах он публиковал статьи и очерки в газете «Утро России» (Москва), а в 1916–1917 – в газете «Биржевые ведомости» (Петроград).

В июле 1917 года Эренбург вернулся в Россию. Октябрьскую революцию он не принял, писал резко критические стихи и статьи. После кратковременного ареста в сентябре 1918 года уехал в Киев, который поочередно захватывали петлюровцы, красные и белые. Там Эренбург женился на художнице Любове Козинцевой, старшей сестре будущего кинорежиссера Г.М. Козинцева, с которой прожил до конца своей жизни. После очередного захвата Киева белыми они в ноябре 1919 года уехали в Коктебель к М.А. Волошину.

В январе 1920 года Эренбург написал стихотворение «России», где в свойственной ему манере признал революцию:

«Не в пене моря, не в небесной синеве,
На темном гноище, омытый кровью нашей,
Рождается иной, великий век».

Осенью 1920 года с женой через независимую Грузию вернулся в Москву. Здесь он был арестован, но вскоре освобожден под поручительство Н.И. Бухарина. В Москве работал заведующим детской секцией Театрального отдела Наркомпроса (отделом руководил В.Э. Мейерхольд).

В марте 1921 года Эренбург получил разрешение выехать за границу в «художественную командировку» и вместе с женой уехал в Париж, сохранив советский паспорт. С этого момента и вплоть до 1940 года он большую часть времени жил на Западе, однако часто приезжал в СССР, выступал с лекциями, участвовал в 1934 году в Первом съезде писателей СССР; большая часть написанных им произведений публиковалась в СССР.

Из Франции он вскоре после приезда был выслан за просоветскую пропаганду. Летом 1921 года в Бельгии написал свой первый роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито...» (опубликован в 1922 году), в котором подверг беспощадной сатире как буржуазное общество и развязанную им Мировую войну, так и бюрократическую и репрессивную советскую систему. Многие фрагменты романа оказались пророческими.

Одна из глав была посвящена В.И. Ленину, которого Эренбург уподобил Великому Инквизитору Ф.М. Достоевского. Впрочем, Ленину роман понравился.

В 1921–1924 годах Эренбург жил в основном в Берлине; после прихода в 1924 году во Франции к власти «Левого блока» получил разрешение жить во Франции, и с этого времени жил преимущественно в Париже. До 1923 года еще продолжал писать и публиковать стихи, затем полностью переключился на прозу.

В 1920-е годы написал более двух десятков книг, в которых преобладал критический (а зачастую и остросатирический) взгляд как на буржуазное, так и на советское общество. Критике первого посвящены романы «Трест Д. Е. История гибели Европы» (1923), «Любовь Жанны Ней» (1924) и повесть «Лето 1925 года» (1926). В сборнике рассказов «Неправдоподобные истории» (1922) Эренбург продолжил критиковать бюрократизацию и репрессивный характер советского режима, в романах «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1923), «Рвач» (1924) и повести «В Проточном переулке» (1927) он критически описывает жизнь во времена НЭПа. В некоторых произведениях, особенно в сборнике новелл «Тринадцать трубок» (1923), критическая направленность сочетается с попыткой философского осмысления жизни. Хотя многие его произведения позитивно оценивались рядом советских писателей и критиков, среди советских критиков преобладала точка зрения на Эренбурга как на «нигилиста», «циника» и «представителя новобуржуазного крыла литературы».

В 1928 году Эренбург написал роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», героя которого критики прозвали «еврейским Швейком». В романе вновь сатирически изображены как буржуазное, так и советское общество, в то же время произведение пронизано еврейскими философскими притчами. Роман не удалось опубликовать в СССР, он был напечатан в нашей стране только в 1989 году. Неудача с изданием романа в СССР в значительной степени способствовала перелому в творчестве писателя.

В период Великой депрессии Эренбург создал серию романов и очерков под общим названием «Хроника наших дней» («Единый фронт», «10 л.с.», «Фабрика снов» и др.), в которых в художественной форме описал механизмы, движущие капиталистическим производством.

В 1932 году Эренбург стал парижским корреспондентом газеты «Известия». В том же году он посетил Кузнецк и другие «стройки пятилетки»; результатом этой поездки стал роман «День второй» (1933). Стараясь не приукрашивать действительность со всеми ее сложностями и проблемами, Эренбург тем не менее написал вполне «советский» роман об энтузиазме «строителей новой жизни», и после этого романа был фактически принят в ряды советских писателей. Советская критика восприняла роман неоднозначно, но положительные оценки преобладали. После поездки в 1934 году по северу страны Эренбург написал роман «Не переводя дыхания» (1935), который был чрезвычайно благожелательно принят советской критикой, но сам автор счел его неудачным.

Приход в 1933 году к власти в Германии фашистов окончательно сделал Эренбурга «советским». Он был одним из организаторов Международных конгрессов писателей в защиту культуры, которые прошли в 1935 году в Париже и в 1937 году в Мадриде. Написал несколько циклов антифашистских очерков, статей и памфлетов, описывал борьбу с фашизмом во Франции, Австрии, Испании и других европейских странах, где бывал в качестве корреспондента.

В период Гражданской войны в Испании 1936-1939 годов Эренбург большую часть времени находился в этой стране, написал множество статей и очерков, а также роман «Что человеку надо» (1937). Помимо журналистской работы он выполнял также ряд дипломатических поручений. В 1938 году, после пятнадцатилетнего перерыва, Эренбург вернулся к поэзии и продолжал писать стихи до конца жизни.

Эренбургу удалось уклониться от участия в кампании по шельмованию «врагов народа», чему во многом способствовало его отсутствие в СССР большую часть периода репрессий. Тем не менее, он находился в Москве с декабря 1937 года по апрель 1938 года, присутствовал на процессе «правотроцкистского блока» (где одним из обвиняемых был его друг Н.И. Бухарин), но отказался писать об этом процессе.

После захвата Франции немцами в 1940 году Эренбург окончательно вернулся в СССР. Он начал писать роман «Падение Парижа», в котором показывал Францию 1936–1940 годов и обличал французскую элиту, приведшую страну к поражению. Однако из-за антифашистской направленности роман встретил трудности при публикации (статьи Эренбурга перестали печатать еще в 1939 году, перед подписанием «Пакта Молотова – Риббентропа»). Первая часть романа вышла в начале 1941 года, но с публикацией второй возникли проблемы. Однако 24 апреля 1941 года Эренбургу позвонил И.В. Сталин, одобрил первую часть романа и в ответ на высказанное писателем опасение, что продолжение не будет напечатано, пошутил: «А Вы пишете, мы с Вами постараемся протолкнуть и третью часть». Сам Эренбург воспринял этот звонок как предупреждение о неизбежности войны СССР с фашистской Германией. Окончание работы над романом и его полная публикация пришлось на 1942 год. В том же году роман был удостоен Сталинской премии.

С начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Эренбург – корреспондент газеты «Красная Звезда». За годы войны он написал более полутора тысяч статей, которые публиковались не только в «Красной Звезде», но и в других газетах – центральных и дивизионных, а также за рубежом. Эти статьи вдохновляли бойцов, прививали им ненависть к врагу, морально поддерживали в тяжелые периоды. Статьи и их автор пользовались огромной популярностью: сохранились свидетельства, что газетные листы со статьями Эренбурга (в отличие от всех остальных) запрещалось пускать на куреве. Важное значение имели и статьи, написанные для зарубежного читателя, которые способствовали поддержке СССР в мире. Одновременно Эренбург продолжал писать и публиковать стихи и поэмы. Однако публикации его статей прекратились после выхода 14 апреля 1945 года в газете «Правда» статьи Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает», где он был обвинен

в разжигании ненависти к немецкому народу.

В 1946–1947 годах Эренбург написал роман-эпопею «Буря», действие которого охватывало события Второй мировой войны во Франции, Германии, СССР и ряде других стран. Роман встретил у критиков неоднозначную реакцию, в частности, автора упрекали в том, что французы выглядят симпатичнее советских людей. Тем не менее в 1948 году роману была присуждена Сталинская премия.

Когда в 1942 году был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), Эренбург стал его активным членом. В 1943 году он возглавил литературную комиссию ЕАК по подготовке «Черной книги», в которой должны были быть собраны факты уничтожения немцами евреев. В 1945 году из-за конфликта с руководством ЕАК он вышел из состава комиссии, и эту комиссию возглавил В.С. Гроссман. Однако в 1948 году издание «Черной книги» было запрещено, а ее набор – рассыпан; рукопись однако сохранилась и была впервые издана на русском языке в Иерусалиме в 1980 году. В 1948 году Эренбург по заданию партийного руководства написал для газеты «Правда» статью «По поводу одного письма», в которой выступил против эмиграции евреев в Израиль (а фактически косвенно предостерег советских евреев от необдуманных действий в момент начала антисемитской кампании); одновременно он заклеил антисемитизм. В ноябре 1948 года ЕАК был ликвидирован, а против его руководителей начался процесс, завершившийся лишь в 1952 году. Эренбург фигурировал в материалах дела, однако его арест не был санкционирован И.В. Сталиным.

Тем не менее Эренбурга в феврале 1949 года перестали печатать, а в марте зам. Зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ф.М. Головенченко публично объявил, что «арестован космополит № 1 Илья Эренбург». В ответ Эренбург написал письмо И.В. Сталину, после чего его вновь стали печатать, а Головенченко сняли с работы в ЦК. В апреле 1949 года Эренбург стал одним из организаторов 1-го Всемирного конгресса сторонников мира, с 1950 года он был вице-президентом Всемирного Совета Мира. Его деятельность во многом способствовала созданию положительного образа СССР в глазах западной интеллигенции.

В 1950–1952 годах Эренбург написал роман «Девятый вал», который по форме был продолжением «Бури». Действие романа происходило в СССР, США, Корее, Франции, других европейских странах. Главным содержанием романа стала «борьба за мир», которая была в те годы основным занятием писателя. Роман был безоговорочно положительно оценен советской критикой, а сам автор счел его неудачным.

В конце 1952 года Эренбургу первому из советских людей была присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами». Данное событие практически совпало с разоблачением «врачей–убийц». Вскоре после этого по указанию И.В. Сталина было подготовлено «Письмо в редакцию газеты «Правда», которое должны были подписать несколько десятков именитых евреев. В нем, помимо проклятий в адрес «убийц в белых халатах», содержалось утверждение, что «у некоторой части еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-

националистические настроения». По сути это письмо должно было послужить обоснованием для депортации евреев в отдаленные районы. Эренбург был одним из немногих, кто отказался подписать данное письмо. Вместо этого он 3 февраля 1953 года написал письмо Сталину, убеждая того в том, что публикация «Письма в редакцию газеты «Правда» нанесет непоправимый вред «движению за мир». Позже в беседе с главным редактором «Правды» Д.Т. Шепиловым он настоял, чтобы письмо было передано Сталину. После ознакомления с письмом Эренбурга Сталин изменил свою позицию. Был подготовлен новый текст «Письма в редакцию газеты «Правда», где не только не было обвинений в адрес советских евреев, но и подчеркивалась дружба между русским и еврейским народами, а весь пафос был направлен против «международного империализма» и «реакционных заправил Израиля». Это письмо Эренбург был вынужден подписать, однако оно не было опубликовано (вероятно, помешала смерть Сталина).

В 1954 году Эренбург написал повесть «Оттепель», в которой попытался передать свои ощущения «оттаивания» человеческих сердец и отношений между людьми. В повести отсутствовала сколько-нибудь серьезная критика сталинского режима, однако его неприятие и надежда на позитивные перемены чувствовались «между строк». Повесть была подвергнута резкой критике. Многие литературоведы и позднее считали «Оттепель» слабой в литературном отношении, но признавали ее важную роль в пробуждении общества. Не случайно этот период советской истории получил наименование «хрущевской оттепели».

Много сил Эренбург посвятил ознакомлению русских читателей с западной культурой. Еще в 1910-х годах он начал переводить на русский язык французских поэтов: средневековых (Ф. Вийон, П. Ронсар, И. Дю Белле), символистов (П. Верлен, А. Рембо) и своих современников (Г. Аполлинер, Ф. Жамм), а также средневековых испанских поэтов. Позднее он переводил стихи латиноамериканских поэтов (П. Неруда, Н. Гильен). В 1920-е годы Эренбург пропагандировал передовое западное искусство (литературу, живопись, кино) в своих лекциях. В 1956 году он добился проведения в Москве первой выставки П. Пикассо.

В 1955–1957 годах Эренбург написал ряд литературно-критических эссе о французском искусстве под общим названием «Французские тетради». Эти эссе и ряд других статей Эренбурга, посвященных искусству, были по заданию Отдела культуры ЦК КПСС подвергнуты в советской печати разгромной критике.

Эренбург неизменно поддерживал талантливых писателей и художников. В 1962 году на выставке в Манеже он позволил себе открыто спорить с Н.С. Хрущевым, защищая художников. После этого он был подвергнут жесткой критике не только в печати, но и со стороны Хрущева и секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева. В очередной раз Эренбурга на некоторое время перестали печатать. В 1966 году Эренбург вместе с рядом других писателей подписал письмо в защиту А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля.

В конце 1950-х годов Эренбург начал работу над книгой мемуаров «Люди. Годы.

Жизнь». Изданная в 1960-е годы, она включала шесть частей; седьмая часть (незаконченная) была опубликована только в 1987 году. В книге описано значительное число событий первой половины XX века, даны литературные портреты многих выдающихся личностей: ученых (А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри), русских писателей и поэтов (И.Э. Бабель, К.Д. Бальмонт, А. Белый, В.Я. Брюсов, М.А. Волошин, В.С. Гроссман, С.П. Гудзенко, С.А. Есенин, М.Е. Кольцов, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, А.М. Ремизов, А.Н. Толстой, Ю.Н. Тынянов, А.А. Фадеев, М.И. Цветаева), зарубежных писателей и поэтов (Г. Аполлинер, Ж.Р. Блок, Р. Деснос, А. Жид, М. Залка, П. Истрати, А. Мачадо-и-Руис, В. Незвал, П. Неруда, Й. Рот, Э. Толлер, Ю. Тувим, Э. Хемингуэй, Н. Хикмет, П. Элюар), художников (П.П. Кончаловский, Р.Р. Фальк, Ф. Леже, А. Марке, А. Матисс, А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Ривера), режиссеров (В.Л. Дуров, В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров), советских дипломатов (А.М. Коллонтай, М.М. Литвинов, Я.З. Суриц, К.А. Уманский), французских политиков (И. Фарж, Э. Эррио) и др.

Публикация мемуаров проходила в тяжелой борьбе с редакторами и цензорами. Эренбург не отрицал, что его книга субъективна и отстаивал свое право на субъективные оценки людей и событий. Он описывал в том числе и те события, и тех людей, которых в советской печати того времени было не принято упоминать. Мемуары подвергались острой критике с двух сторон – как представителями консервативных сил, так и теми, кто надеялся увидеть в них «всю правду». Эренбург признавал, что пишет «не всю правду», но оправдывался тем, что хотя бы часть правды немедленно узнают миллионы людей. И действительно, его мемуары сыграли важную роль в становлении мировоззрения «шестидесятников».

Умер Эренбург 31 августа 1967 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.⁸⁴

Фашистские мракобесы⁸⁵

Немецкий фашизм не захотел ограничиться казармами и концентрационными лагерями. Он создал свою «философию». Конечно, для заправских погромщиков, которые начали свою политическую карьеру в чадных пивнушках, а кончают ее грабежом чужих земель, думать – дело трудное. Но Гитлер приказал, чтобы была философия. Погромщики попотели и придумали несколько «теорий».

Основная идея фашистов – это превосходство германской расы над другими расами. Они составили описание образцового представителя германской расы. Так составляют описание чистокровного быка или породистого кобеля. По словам «ученых» фашизма, чистый германец отличается стройностью, высоким ростом, светлой окраской кожи и волос, удлиненной формой головы. Нужно сказать, что три вожака фашистов мало подходят к перечисленным приметам. Гитлер — брюнет среднего роста, Геринг — чрезвычайно тучное существо. А [Геббельс](#) вообще мало похож на человека — германского или не германского — это обезьяна крохотного роста, уродливая и вертлявая. Наружность

84 [Любарев](#) Аркадий. Илья Эренбург. //http://www.fantlab.ru/autor4598

85 "[Красная звезда](#)", СССР (№151 [4906]). 29 июня 1941 года.

вожаков не мешает фашистам упорствовать в возвеличении германской расы.

Достаточно посмотреть на книги, выпущенные фашистами, чтобы понять направление их мыслей. Вот несколько названий: «Гигиена расы и стерилизация», «Череп северной расы», «Краткое руководство по распознаванию рас», «Кто твои предки?», «Расовые нечистоты» и пр.

Конгресс фашистских «ученых-философов», заседавший в Магдебурге, принял резолюцию: «Назначение германской философии доказать господствующую роль Германии, которая является единственно чистой в мире, состоящем из людей смешанных рас».

Правда, «доказывать» миру господство Германии Гитлер поручил не философам, а [танкистам](#), которых воспитывают в духе мракобесия и невежества, вдалбливают им в головы, что их танки — проводники высшей германской «философии».

Людей фашисты превратили в животных, и сложный мир человеческих чувств заменили учебником племенного скотоводства.

Фашисты считают низменными негров, славян, французов называют «негроподобными». Они утверждают, что в жилах каждого француза течет негритянская кровь. Поэтому Франция должна быть страной, подчиненной Германии.

Предки теперешних немецких фашистов заявляли: «[Славяне](#) — это только удобрение для германской расы». Фашисты подхватили столь «умную» мысль. Славян они считают «второстепенной расой, созданной для земледельца, для танцев или хоровых песен, но абсолютно непригодной для городской культуры и для самостоятельного государственного существования».

[Русские](#), по словам фашистских «ученых»: «помесь монголов и славян, созданных для жизни под чужим руководством».

Кроме расовой теории, фашисты ухватились за культ смерти — это помогает им оправдать политику войн и погромов. Они говорят: «Война — естественное состояние человека». В фашистском фильме «Утренняя заря» герой-гитлеровец восклицает: «Смысл жизни — это смерть». Один из вожаков этой банды убийц, Геббельс, заявил: «Война — самая простая форма утверждения жизни. Нельзя уничтожить войну, как нельзя уничтожить феномен рождения».

Конечно, если бы подобные вещи вздумал говорить обыкновенный человек в обыкновенном обществе, его посадили бы в сумасшедший дом, как буйно помешанного.

Уничтожив культуру у себя дома и воспитав целое племя тупых послушных держиморд, гитлеровцы начали истреблять культуру в [Европе](#). Первой их жертвой была Испания.

Потом они «мирно» ворвались в Чехию, Геббельс тогда сказал: «Чехи — дикари»... Чехия была одной из самых передовых стран Европы, с превосходными школами, с высокими тиражами книг, с богатыми книгохранилищами и музеями. Немецкие фашисты закрыли высшие школы. Они отправили свыше восьмидесяти тысяч учителей начальных и средних школ на полевые работы. Они опустошили библиотеки, разгромили издательства.

Настал черед других стран и в первую очередь Франции. С помощью французских фашистов, предавших свою родину, армия Гитлера ворвалась во Францию. Немецкие фашисты уничтожили много памятников страны.

Во Франции, оккупированной фашистами, замерла культурная жизнь. Студенты попытались протестовать против присутствия представителей фашистской полиции на занятиях. Студентов разогнали, многих посадили в концлагери, все высшие школы закрыли. В начальных школах и в лицеях (средние школы) живут [фашистские солдаты](#). Многие профессора арестованы, среди них выдающийся ученый, известный всему миру Поль Ланжевен. Писатели обречены на голодную смерть — фашисты издают только свои погромные брошюры. В квартире Ромена Роллана устроен военный постой — там поселились фельдфебели, и знаменитый писатель находится под домашним арестом. В лучшем театре Парижа играет берлинская труппа — для оккупантов. Театров больше нет — только мюзик-холлы с голыми девушками для [фашистских офицеров](#).

Так фашисты ведут себя и в других захваченных странах. Так вели себя некогда дикие кочевники, врываясь в культурные страны.

Фашисты ненавидят культуру, хотя они часто говорят: «Мы, защищаем немецкую культуру». От кого только эти погромщики ни защищали культуру! От своих ученых и писателей, от [коммунистов](#), от евреев, от французов, от испанцев, от чехов, от англичан, от американцев. Теперь они «защищают» культуру от русских! Однако, когда на них находит откровенность они говорят другим языком. Тот же [Геббельс](#) признался: «Когда при мне заводят разговор об интеллекте, мне хочется выхватить револьвер». Директор имперского факультета физической культуры доктор Бодэ сказал: «Новый германский человек отличается не глубиной мысли, но пламенным сердцем». Конечно, доктор Бодэ напрасно настаивал на выражении «глубина мысли» — образцовый фашист отличается отсутствием вообще какой-либо мысли. Фашистские вояки горделиво заявляют: «Немецкий солдат [никогда не думает](#)».

В начальных школах фашисты ввели телесные наказания: бьют линейкой по щекам, секут. Дети, после того как их высекли, должны кричать «Хайль Гитлер!».

Даже в арифметику фашисты внесли свой [варварский дух](#). В журнале для учителей задолго до войны были напечатаны задачи. «54 бомбардировщика бомбят вражеский город. Каждый самолет взял 500 зажигательных бомб, помимо фугасных. Вес каждой зажигательной бомбы — 1 килограмм 500 граммов. Принимая во внимание, что 70% бомб упадут за чертой города и только 20%, упавших в черте города, произведут нужное действие, определить, сколько в городе вспыхнет пожаров и какое количество килограммов бомб требуется повезти, чтобы вызвать каждый очаг огня».

Фашисты боятся, как огня, образования. Они ограничили доступ к экзаменам на аттестат зрелости нормами 1908 года. Население Германии с тех пор сильно возросло; но фашисты хотят, чтобы в Германии было поменьше людей с высшим образованием. Впрочем, в университетах налегают отнюдь не на науку. Так, для студентов юридического факультета устроены рабочие лагеря, причем начальник лагеря в циркуляре сообщает: «Книг в лагерь не брать».

Немецкую науку, стоявшую на одном из первых мест, фашисты уничтожили. Самых крупных ученых они выгнали из страны или обрекли на голод. Среди них создатель теории относительности Эйнштейн, химик Гелер, автор «Термодинамики» Планк, десятки ученых с мировым именем.

Германия справедливо гордилась печатной техникой. Что принес фашизм книге?

Прежде всего смерть. Приход к власти фашисты ознаменовали кострами, на которых они сожгли миллионы книг. Из библиотек, из книжных магазинов, из частных домов тащили на костры «преступные» сочинения. Никогда, даже в самые мрачные дни инквизиции не было такого гонения на человеческую мысль. Фашисты выпустили список запрещенных книг — это была об'ёмистая книга. Кого только не было в списке! Рядом с Марксом — Дарвин, с Гейне — [Горький](#), рядом с Томасом Манном — Ромен Роллан.

Фашисты остались верны своей традиции: жечь книги. Когда они заняли Прагу, они тотчас отправились в библиотеки — уничтожать книги. В оккупированном Париже они занялись тем же делом — выпустили «список Отто»: перечень книг, подлежащих уничтожению. Французы должны были топить немецкие печи сочинениями Вольтера и Анатоля Франса, Барбюса и Мальро.

Писателей в Германии не осталось. Застрял только престарелый Гауптман. Фашисты его едва терпят; теперь они возмущены, что Гауптман не проявляет достаточно восторга по поводу бомбардировок Лондона. Все другие писатели были вынуждены покинуть Германию. Многие из них перед этим ознакомились с концентрационными лагерями.

Кто же [представляет фашистскую литературу](#)? Во главе ее стоит старый автор порнографических романов Ганс-Гайнц Эверс. До воцарения Гитлера Эверс писал непристойные книги о различных любовных извращениях и называл себя «сатанистом» (последователем сатаны). После воцарения Гитлера этот субъект стал последователем Гитлера.

Другим маститым автором современной Германии является Иост. Он написал пьесу, посвященную авантюристу Шлагеттеру, который был агентом по меньшей мере трех контрразведок.

Трудно себе представить всю злобную пошлость, всю кровожадную глупость фашистских песен. Их издают в миллионах экземпляров. Достаточно привести несколько цитат, чтобы понять, что эти песни не для человеческого голоса, но для лая гиен или для мяуканья мартовских котов:

«Когда гранаты начнут грохотать, сердце будет в восторге смеяться. Вот что значит маршировать, когда нас ведет Гитлер!»

«Если железо заржавело, мы его очистим французской кровью».

Фашисты изготавливают и кинокартины. Они снимают эффекты воздушных бомбардировок. Смотрят и радуются. Они засняли развалины французских городов и показывали картины французам: «Радуйтесь, как мы вас здорово уничтожили!».

Фашисты упоены своими победами: они захватили чуть ли не всю Европу. Но если приглядеться к этим «победам», они окажутся не столь блистательными. Можно ли всерьез говорить о победах над безоружными маленькими странами, как Голландия, Дания, Бельгия, Норвегия? Франция была предана своей фашистской бандой — «Пятая колонна» сидела в штабах и в министерствах. Страну сдали без настоящего боя. Во главе Югославии стояли прислужники Гитлера. Этих предателей народ прогнал всего за несколько дней до нападения Германии. Югославия была не готова к обороне, ее застали врасплох, она не сумела даже провести мобилизацию.

Однако, как только фашисты нарываються на отпор, кончаются победные марши.

В истории человечества кровавый фашизм останется одной из самых мрачных

страниц. Историки опишут, как в стране с передовой технической цивилизацией родилось движение, поставившее своей целью заменить человека смертоносным мотором. Человечество не повернет назад, но историк отметит, сколько жизней, сколько труда погубили эти сумасшедшие честолюбцы во главе с Гитлером.

Слов нет, страшная вещь – тонны бомб в руках первобытного существа. Нужно будет много мужества, много выдержки, много самоотверженного труда, чтобы разбить военную машину Гитлера. Но ее нужно разбить, иначе нет на земле мирной, спокойно жизни. И она будет разбита.

Убей!⁸⁶

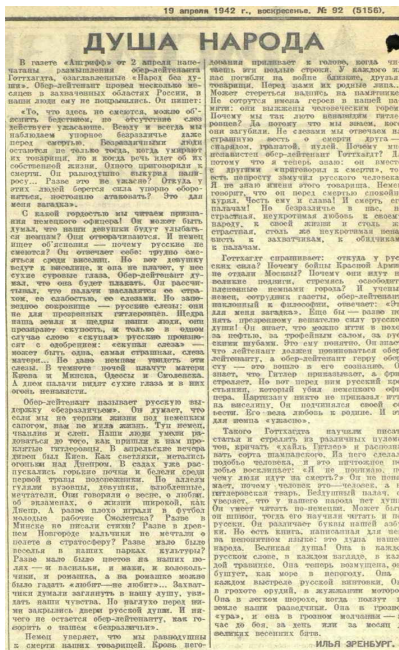
Вот отрывки из трех писем, найденных на убитых немцах:

Управляющий Рейнгардт пишет лейтенанту Отто фон Шираку: «Французов от нас забрали на завод. Я выбрал шесть русских из Минского округа. Они гораздо выносливей французов. Только один из них умер, остальные продолжали работать в поле и на ферме. Содержание их ничего не стоит и мы не должны страдать от того, что эти звери, дети которых может быть убивают наших солдат, едят немецкий хлеб. Вчера я подверг лёгкой экзекуции двух русских бестий, которые тайком пожрали снятое молоко, предназначавшееся для свиных маток...»

Матеас Димлих пишет своему брату ефрейтору Генриху Цимлиху: «В Лейдене имеется лагерь для русских, там можно их видеть. Оружия они не боятся, но мы с ними разговариваем хорошей плетью...»

Некто Отто Эссман пишет лейтенанту Гельмуту Вейганду: «У нас здесь есть пленные русские. Эти типы пожирают дождевых червей на площадке аэродрома, они кидаются на помойное ведро. Я видел, как они ели сорную траву. И подумать, что это – люди...»

Рабовладельцы, они хотят превратить наш народ в рабов. Они вывозят русских к себе, издеваются, доводят их голодом до безумия, до того, что умирая, люди едят траву, червей, а поганый немец с тухлой сигарой в зубах философствует: «Разве это люди?..» Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

В газете «Ангрифф» от 2 апреля напечатаны размышления обер-лейтенанта Готтхагдта, озаглавленные «Народ без души». Обер-лейтенант провел несколько месяцев в захваченных областях России, и наши люди ему не понравились. Он пишет:

«То, что здесь не смеются, можно объяснить бедствием, но отсутствие слез действует ужасающе. Всюду и всегда мы наблюдаем упорное безразличие даже перед смертью. Безразличными люди остаются не только тогда, когда умирают их товарищи, но и когда речь идет об их собственной жизни. Одного приговорили к смерти. Он равнодушно выкурил папиросу... Разве это не ужасно? Откуда у этих людей берется сила упорно обороняться, постоянно атаковать? Это для меня загадка».

С какой гордостью мы читаем признания немецкого офицера! Он, может быть думал, что наши девушки будут улыбаться немцам? Они отворачиваются. И немец ищет объяснения — почему русские не смеются? Он отвечает себе: трудно смеяться среди виселиц. Но вот девушку ведут к виселице, и она не плачет, у нее сухие суровые глаза. Обер-лейтенант думал, что она будет плакать. Он рассчитывал, что палачи наслаются ее страхом, ее слабостью, ее слезами. Но заповедное сокровище — русские слезы: они не для презренных гитлеровцев. Щедра наша земля и щедры наши люди, они презирают скупость, и только в одном случае слово «скупая» русские произносят с одобрением: «скупая слеза» — может быть одна, самая страшная, слеза матери... Не дано немцам увидеть эти слезы. В темноте ночей плачут матери Киева и Минска, Одессы и Смоленска. А днем палачи видят сухие глаза и в них огонь ненависти.

Обер-лейтенант называет русскую выдержку «безразличьем». Он думает, что если мы не терпим жизни под немецким сапогом, нам не мила жизнь. Туп немец, чванлив и слеп. Наши люди умели радоваться до того, как пришли к нам проклятые гитлеровцы. В

апрельские вечера дивен был Киев. Как светляки, метались огоньки над Днепром. В садах уже распускались горькие почки и белели среди первой травы подснежники. По аллеям гуляли вузовцы, девушки, влюбленные, мечтатели. Они говорили о весне, о любви, об экзаменах, о жизни широкой, как Днепр. А разве плохо играли в футбол молодые рабочие Смоленска? Разве в Минске не писали стихи? Разве в древнем Новгороде мальчишки не мечтали о полете в стратосферу? Разве мало было веселья в наших парках культуры? Разве мало было цветов на наших полях — и васильки, и маки, и колокольчики, и ромашка, а на ромашке можно было гадать «любит—не любит»... Захватчики думали заглянуть в нашу душу, увидеть наши чувства. Но наглухо перед ними закрылись двери русской души. И ничего не остается обер-лейтенанту, как говорить о нашем «безразличьи».

Немец уверяет, что мы равнодушны к смерти наших товарищей. Кровь негодования приливает к голове, когда читаешь эти подлые строки. У каждого из нас погибли на войне близкие, друзья, товарищи. Перед нами их родные лица... Может стереться надпись на памятнике. Не сотрутся имена героев в нашей памяти: они выжжены человеческим горем. Почему мы так люто ненавидим гитлеровцев? Да потому что мы знаем, кого они загубили. Не слезами мы отвечаем на страшную весть о смерти друга — снарядом, гранатой, пулей. Почему мне ненавистен обер-лейтенант Готтхагдт? Да потому что я теперь знаю: он вместе с другими «приговорил к смерти», то есть попросту замучил русского человека. Я не знаю имени этого товарища. Немец говорит, что он перед смертью спокойно курил. Честь ему и слава! И смерть его палачам! Не безразличие в нас, но страстная, неукротимая любовь к своему народу, к своей жизни и столь же страстная, столь же неукротимая ненависть в захватчикам, к обидчикам, к палачам.

Готтхагдт спрашивает: откуда у русских сила? Почему бойцы Красной Армии не отдали Москвы? Почему они идут на великие подвиги, стремясь освободить плененные немцами города? И ученый немец, сотрудник газеты, обер-лейтенант, наклонный к философии, отвечает: «Это для меня загадка». Еще бы — разве понять презренному вешателю силу русской души! Он знает, что можно идти в поход за нефтью, за трофейным салом, за русскими шубами. Это ему понятно. Он знает, что лейтенант должен, повиноваться обер-лейтенанту, а обер-лейтенант герру оберсту — это вошло в его сознание. Он знает, что Гитлер приказывает, а фриц стреляет. Но вот перед ним русский крестьянин, который убил немецкого офицера. Партизану никто не приказал идти на виселицу. Он подчинялся своей совести. Его вела любовь в родине. И это для немца «ужасно».

Такого Готтхагдта научили писать статьи и стрелять из различных пулеметов, кричать «хайль Гитлер» и распознавать сорта шампанского. Из него сделали подобье человека, и это ничтожное подобье восклицает: «Я не понимаю, почему люди идут на смерть?» Он не понимает, почему человек это — человек, а не гитлеровская тварь. Бездушный палач, он уверяет, что у нашего народа нет души. Он умеет читать по-немецки. Может быть он шпион, тогда его научили читать и по-русски. Он различает буквы нашей азбуки. Но есть книга, написанная для него на непонятном языке: это душа нашего народа. Великая душа! Она в каждом русском слове, в каждом взгляде, в каждой травинке. Она теперь возмущена, она бушует, как море в непогоду. Она в каждом

выстреле русской винтовки. Она в грохоте орудий, в жужжании моторов. Она в легком шорохе, когда ползут по земле наши разведчики. Она в грозном «ура», и она в грозном молчания — за час до боя, за день или за месяц до великих весенних битв.

Военные репортажи⁸⁸

3 июля 1941 года

Стоят невыносимо жаркие дни. Люди одеты по-летнему, и Москва кажется большой дачей. Днем можно забыть о войне. На Пушкинской площади, как всегда, продают цветы. Напротив Кремля есть кафе с террасой: красноармейцы, девушки, служащие в майках с портфелями едят мороженое.

У домашних хозяек много новых забот: затемняют дома, оклеивают оконные стекла матерчатыми полосками. Повсюду занятия противовоздушной обороны. Почтенные мамы учатся тушить зажигательные бомбы, которые молоденькие инструкторы сокращенно и презрительно называют «забами». Вечером в переулках все сидят или стоят возле домов: обсуждают различные слухи. А слухов много: дурных и хороших. Один рассказывает, что [Красная Армия](#) подошла к Варшаве, другой, что немцы возле Москвы...

В школах — на призывных пунктах — молчаливые, серьезные люди. Вокруг школ — женщины: матери, жены; на войну уходят без бравады и без страха. Поражает ранняя суровость на молодых, еще не затвердевших лицах.

Отдельные командиры, приезжающие на несколько часов с фронта, рассказывают о драме [пограничных](#) гарнизонов. Немцы напали исподтишка. Была ночь на воскресенье. В клубах танцевали. Наши части оказывают ожесточенное сопротивление, но немцы продвигаются вперед. Все дороги загромождены беженцами. Еще не обстрелянные бойцы с тоской говорят о немецких танках. Возле редакции «Известий» — большая карта театра военных действий. Стоят люди, смотрят и молчат. Где сейчас немцы?.. В сводке сказано: «превосходящие силы противника»...

Москва еще не понимает опасности. Здесь все смешалось: и уверенность в победе, и беспечность, сила и слабость.

Телефонный звонок разбудил меня в 4 часа утра: вызвала редакция — «слушайте радио». Я догадался, кто будет говорить. Речь [Сталина](#) потрясла всех. Она была глубоко человеческой. Каждый почувствовал, что Сталин обращается именно к нему, с первой же фразы: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» Сталин сказал об опасности: нужны большие жертвы и большое мужество.

19 июля 1941 года. Упорные бои

Крупный командир, только что приехавший с Псковско-Порховского направления, рассказывает о напряженном характере боев. Немцы не берегут своих людей. Их танки и мотоциклы несутся по своим же раненым. Чувствуется нервность — противник торопится, во что бы то ни стало он хочет добиться решительных успехов. Его колонны, просачиваясь

88 Из книги Илья Эренбург "Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет", составитель Л. Лазарев, М., "Советский писатель", 1983 г.

вперед, образуют глубокие клинья. Нередко части Красной Армии пересекают дороги, по которым прошли немецкие танковые колонны.

Красноармейцы уже разгадали немецкую тактику, основанную на психическом воздействии. С треском несутся мотоциклисты, стреляют куда попало из автоматических пистолетов. Против них необходимо одно – спокойствие. Стрелки, не поддаваясь панике, аккуратно сбивают одного мотоциклиста за другим.

Противотанковые орудия русских оказались превосходными, и потери противника в танках очень велики. Среди подбитых танков много трофейных – польских, французских, сербских. Противник кинул на наш фронт все, что имел.

Русские части настроены стойко, воюют с отчаянной отвагой...

Напрасно немцы надеются на малодушие русских солдат. Со смехом красноармейцы читают листовки, сбрасываемые противником. Передо мной один из таких листов. Он написан в псевдонародном стиле на дурном русском языке. Начинается словами: «Какого хрена вам эта война» – и кончается: «С революционным приветом». Близ Порхова наши солдаты узнали, что такое «революционный привет» [Гитлера](#), – к ним приполз солдат, у которого фашисты отрезали бритвой нос.

Население всячески помогает армии. Недавно школьники Порхова поймали трех парашютистов. Бородатый деревенский дед, вооруженный колом, пригнал диверсанта, одетого в зеленый мундир «революционного» лесничего, который оказался немецким лейтенантом. Крестьяне угоняют скот. Горят хлеба – в этом году они вышиной чуть ли не с человека. Во всей стране баснословный урожай. Но в Псковском районе хлеб не успели убрать, и крестьяне его сожгли.

Все время идут атаки, потом контратаки. Потери с обеих сторон велики. Эти потери, однако, страшнее для немцев, которые должны либо добиться результатов, либо признать себя побежденными. Просачивающиеся колонны захватывают тот или иной город, но живая сила советской армии остается непораженной.

Вчера на этом фронте все бойцы узнали о героизме одного из танкистов. Остался один водитель. Весь расчет погиб. Танк загорелся. Тогда водитель врезался горящим танком в два неприятельских танка и взорвал их. Такие эпизоды происходят ежедневно. Отвага и боеспособность нашей армии растут с каждым днем. Бойцы хотят отомстить за разрушенные города, за уничтоженные нивы, за гибель женщин и детей, которых гитлеровцы расстреливают на дорогах с бреющего полета.

Один генерал определил тактику немцев так: «Это тактика вороньего клюва. Они раскрывают и клюют. Наша тактика – сделать, чтобы они раскрыли, но не клюнули». События ближайших недель, может быть, дней покажут, где именно немецкий клюв, раскрывшись, не закроется.

.....
14 января 1942 года

На дороге синяя дощечка – «Село Покровское». А села нет, село сожгли немцы. Я проехал восемьдесят километров на запад. От деревень остались трубы да скворечники на деревьях. Отступая, немцы посылали особые отряды «факельщиков», которые жгут города и деревни. Когда они не успевали сжечь все, они жгли по выбору. Вот что сожгли в [Малоярославце](#) эти культуртрегеры: две школы, детские ясли, больницу и городскую библиотеку.

Что они оставили после себя, кроме развалин и могил? В Боровске в церкви они устроили конюшню. В Малоярославце в шести домах я видел стены, покрытые непристойными рисунками, сделанными масляной краской, – старались. В деревне Замыцкое на могиле плачет старая женщина: здесь похоронили шестнадцатилетнюю Клавдию Ворожейкину, которая сопротивлялась немецким насильникам. На стенах Калуги еще висит приказ германского командования: за леность при работе – телесные наказания безотносительно от возраста и пола, за переход шоссе или железной дороги – смерть. Этот приказ подписан комендантом города майором фон Портациусом.

Некоторые деревни уцелели, потому что натиск Красной Армии был стремительным: немцы убежали, не успев сжечь деревню. Село Лунино спаслось благодаря хитрости крестьян, которые, столпившись, начали кричать: «Наши! Наши!» – немцы убежали.

Это – дорога смерти. Но это и дорога воскресения. Каждый день Красная Армия освобождает новые деревни, спасает от смерти тысячи людей. Еще недавно немцы шли по этой дороге на восток. Они дошли до речки Нара. Восемнадцатого декабря на этом участке фронта началось наше [наступление](#). Около ста километров мы прошли вдвое скорее, чем шли в ноябре-декабре немцы. Потери наши много легче немецких. Наступление в такие лютые морозы среди глубокого снега требует мужества и сил, но Красная Армия дышит воздухом наступления.

Все население вокруг живет одним – наступлением. За линией фронта надеются, ждут. Позади – радуются. Любопытна судьба вот этих минометов. В городе П. был завод швейных машин, в сентябре его эвакуировали на восток. Остались рабочие-пенсионеры, устаревшие станки да немного сырья. Городок в декабре подвергался ежедневным воздушным бомбардировкам. К нему почти вплотную подошли немцы. А старики рабочие тем временем надумали изготавливать [минометы](#). Они научили женщин, и производство пошло вовсю. Теперь город вздохнул свободно: немцы далеко, их бьют из этих самых минометов.

Уцелевшая изба. Дверь раскрыта настежь. А мороз покрепчал. Я спрашиваю: «Бабушка, что ты дверь не закроешь?» Старуха отвечает: «Ихний дух выветриваю. Прокоптили, провоняли дом, ироды». Повсюду моют стены кипятком, скребут, чистят.

Красивая крестьянка, строгое лицо – такие лица на старых иконах. Она мне рассказывает: «У меня молодые стояли. Когда их на фронт отправили, боялись. Один плакал, просил меня: «Матка, помолись за меня» – и показывает на образа. И впрямь помолилась: «Чтоб тебя, окаянного, убили...»

Гитлеровцы совершили чудо. Они выжгли из русского народа жалость, снисхождение. Они родили смертную ненависть. Даже старики говорят: «Всех их перебить...» А некоторые из них три месяца назад рассуждали иначе... Один старик встретил наших бойцов с куренком, кланяется и говорит: «Дураков принимаете? Дурак-то я. Шли немцы, а я думал: мне что? Я человек маленький, одной ногой стою в могиле, меня они не тронут. Вот они и пришли. Внучку мою угнали. Не знаю теперь, где она. Корову зарезали. С меня валенки сняли. Видишь, в чем хожу? Курицу я одну от них упрятал. Услышал, что наши подходят, затопил печь. Старуха моя для вас нажарила. Спасибо, что пришли...» Стоит и плачет.

Плакали десятки женщин, с которыми я сегодня разговаривал. Это – слезы радости, оттепель после страшной зимы. Три месяца они молчали, боялись перекинуться словом. Они глядели на немцев сухими жесткими глазами. И вот прорвалось... И кажется в этот студёный день, что на дворе весна – весна посередине зимы.

По скрипучему снегу люди возвращаются к себе. Они торопятся скорее поглядеть: уцелел ли их дом? Еще недавно они шли на восток, суровые и скорбные. Теперь, улыбаясь, жмурясь от яркого, залитого солнцем снега, они идут на запад.

.....
19 января 1943 года

Прошлой осенью немецкая газета «Берлинер берзенцейтунг» писала: «Мы возьмем Петербург, как мы взяли Париж». Немецкие биржевики хвастали. Они не взяли Парижа. Они вошли в Париж, как в гостиницу: нашлись швейцары, которые распахнули перед ними двери. Но Ленинград не гостиница. [Ленинград](#) – гордость России. Год тому назад обер-лейтенанты обдумывали, где они разместятся: в Зимнем дворце или в «Астории». Их разместили – в земле.

Ленинград для нас больше чем город. Дважды с него начиналась история России. Здесь избяная Русь стала великой державой. Все в нем гармонично – вода и камень, небо и туманы. Его воспели Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок. Больше года каждый вечер мы в тоске думали: что с Ленинградом? Мы молчали: у нас был на груди камень.

В немецком военном учебнике я как-то прочитал: «Ленинград не защищен никакими естественными преградами». Глупцы, они не понимали, что Ленинград защищен самой верной преградой – любовью России.

Кого только не посылал Гитлер на приступ Ленинграда! Здесь побывали и горные егеря, и «Голубая дивизия» испанцев, и дивизии СС, и полицейские батальоны, и финны и телохранители фюрера. Свыше года шли бои за город...

Город Пушкин раньше назывался Царское Село. Это русский Версаль, город дворцов и парков, город, где юный Пушкин повстречался с музой. Вот что приключилось в Пушкине три месяца тому назад. Машина, в которой ехал гитлеровский генерал, взорвалась. Это сын банщика, восьмилетний Женя Олейников, бросил в автомобиль ручную гранату. Немецкий солдат схватил мальчика и ударил его головой о дерево. Мать и отца Жени немцы расстреляли, дом сожгли. Но они не сожгли и не могли сжечь то великое чувство, которое поддерживало Ленинград в самые страшные дни, то чувство, которое заставило малыша взять в руки гранату.

Немцы терзали прекрасный город бомбами и снарядами. Но женщины Ленинграда под огнем продолжали работать, они делали патроны и гранаты для своих мужей.

Немцы пытались взять город измором. Прошлая зима была для жителей [Ленинграда](#) бесконечно трудной. Не было света, не было дров, не было воды, не было хлеба. Летом старшина Степан Лебедев показал мне письмо, которое он получил от своего двенадцатилетнего сына: «Папа, ты, наверно, знаешь, что зима была у нас очень тяжелая. Я тебе пишу всю чистую правду, что мамочка умерла 14 февраля. Она очень ослабла, последние дни не могла даже подняться. Папа, я ее похоронил. Я достал салазки и отвез, а один боец мне помог, мы до ночи вырыли могилу, и я пометил. Папа, ты обо мне не беспокойся. У нас теперь полегчало, я крепкий, учусь дома, как ты приказал, и работаю, мы помогаем на ремонте машин. А Ленинград они не взяли и не возьмут. Ты,

папа, счастливый, что можешь их бить, ты отомсти за мамочку...» Прочитав письмо, а заглянул в глаза старшины Степана Лебедева. Они горели суровым огнем, и я понял: это глаза России. Мы никогда не забудем про муки Ленинграда. Возмездие еще впереди.

На выручку пришла Россия. Прошлой зимой по льду Ладоги грузовики везли хлеб Ленинграду. Летом моряки перевозили груз. Летчики над вражескими орудиями проносили муку, лекарства, письма. Настала вторая осень осады. Герои проложили по льду колею. Немцы накиннули на шею Ленинграда петлю, но Россия не дала им затянуть узел...

Вчера был незабываемый вечер. Мы узнали, что петля [рассечена](#). Путь на Ленинград свободен. Наше наступление подобно великой очистительной буре. С каждым днем эта буря растет, ширится, охватывает новые фронты. Она валит преграды. Что-то треснуло в сердце вчерашних завоевателей. Слов нет, немцы еще отчаянно сопротивляются. Но минутами их сопротивление уже напоминает упорство самоубийцы...

26 июля 1944 года

Трудными лесными дорожками понеслись к Минску, обгоняя врага, танкисты-тацинцы. [Партизаны](#) им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорит: «Шли мы там, где только зайцы ходят». Работали над дорогой все, от бойцов до генерала. В одни сутки прошли 120 километров; вышли в тыл к отступавшим немцам: началось великое побоище. Свыше трех тысяч немецких машин с танками и самоходками шли по дороге в четыре ряда. Они не ушли: ни танки, ни машины, ни солдаты.

Когда наши танкисты ворвались с северо-востока в Минск, немцев было в городе больше, нежели наших, но эти немцы были уже деморализованы: блуждающие солдаты успели заразить паникой минский гарнизон, и город был быстро очищен от врага.

Когда я приехал в Минск, город горел. Взрывались дома. А жители уже выходили из подвалов, приветствуя освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как в Минске. Кто скажет, что значит пережить три года фашистского ига?.. А танкисты уже были далеко на западе. Еще не успели убрать у Толочина мешанину из железа и трупов, как началось новое побоище между Минском и Ракувом... А танкисты неслись дальше, и с трудом я их догнал по дороге в Лиду...

Гитлеровский солдат особенно нуждается в управлении; предоставленный себе, он мгновенно превращается из дисциплинированного солдата в босяка. Немецкие офицеры и генералы, потеряв связь со своим командованием, окончательно растерялись: Минск был давно в наших руках, а они еще пытались прорваться к Минску.

Как всегда, самое трудное выпало на долю пехоты, и справедливо говорит генерал Глаголев, старый русский солдат: «Прославьте нашего пехотинца». Его прославят историки и поэты. Сейчас я коротко скажу, что наша пехота шла по сорока километров в сутки, что протопали солдатские ноги от Днепра до Немана, что пехотинцы выбивали немцев из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали тюрьму Вильнюса, от стен которой отскакивали снаряды, и, не передохнув, пошли дальше.

Что вело их? Что гонит вперед? Я слышал, как запыленные, измученные люди спрашивали у крестьянок: «Милая, далеко отсюда до Германии?» Бойцы говорили мне: «Хорошо бы в армейской газете каждый день печатать, сколько еще километров до немецкой границы». Сколько? Недавно отвечали: двести. Потом полтора, сто...

Мертва земля между Уваровом и Гжатском: ни человека, ни скотины, ни птицы. Потом начинается «зона пустыни»: сожженные и взорванные немцами Гжатск, Вязьма, Смоленск. Снова поля боя и могилы, мины, проволока. Потом скелет Орши, развалины Борисова и разоренный, изуродованный Минск. И дальше все то же: пепелища Ракува, Молодечно, Сморгони. Но есть нечто страшнее и развалин, и обугленных камней, и самой пустыни: путь гитлеровцев – это путь страшных злодеяний.

Когда наши вошли в Борисов, они увидели гору обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там фашисты держали полторы тысячи жителей – мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июня, накануне отступления, палачи сожгли обреченных. Часть они погнали к Березине, на баржу, и баржу, облив бензином, подожгли: преступники еще развлекались накануне своей гибели. Чудом спасся инвалид с деревяшкой вместо ноги Василий Везелев: он выкарабкался из-под трупов. Он рассказал проходящим бойцам о трагедии Борисова. И, слушая, бойцы говорили: «Скорей бы в Германию...»

В Борисове бойцы шли мимо Разуваевки, где гитлеровцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев – женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских [военнопленных](#) в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек...

Возле Минска есть страшное место – Большой Тростинец. Там гитлеровцы сожгли трупы свыше ста тысяч удушенных евреев. Их привозили в душегубках. Немцы называют эти машины сокращенно «ге-ваген». Недавно немецкие инженеры усовершенствовали душегубку: «ге-книпваген» – кузов для быстроты опрокидывается, выбрасывая трупы удушенных. Желая скрыть следы преступлений, палачи в Большом Тростинце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, недожгли. Я видел полуобугленные тела – голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов, сложенных как дрова...

Я много видел в жизни, но не скрою – я не мог шелохнуться от горя и гнева. Сказать, о чем думали бойцы в Тростинце? Была здесь справедливость: на Могилевское шоссе прорывались окруженные немцы. Рассвирепев, наши бойцы дрались с особенной яростью. Гитлеровцы не ушли от расплаты: снаряды, мины, авиабомбы, пули настигали палачей. Был жаркий день, и нельзя было дышать от трупного смрада: сотни немцев еще валялись вдоль дороги. Быстро передвигаются танки и мотопехота, но всех быстрее идет Справедливость: это она привела нашу армию к Неману и за Неман – к окрестностям границы.

.....
27 апреля 1945 года

Легко сейчас писать, легче, чем в октябре сорок первого: ведь если горе молчаливо, то радость не скупится на слова. А в наших сердцах великая радость – трагедия XX века подходит к концу: мы в [Берлине!](#)

Это началось с малого – горел рейхстаг, подожженный фашистами. Это кончается на том же месте – пожаром Берлина.

Медленно шагает справедливость, извилисты ее пути. Нужны были годы жестоких испытаний, пепел Варшавы, Роттердама, Смоленска, чтобы поджигатели наконец-то узнали возмездие. Есть нечто тупое и отвратительное в конце третьего рейха: чванливые надписи на стенах и белые тряпки, истошные вопли гаулейтеров и подобострастные

улыбки, волки-оборотни с ножами и волки в овечьих шкурах. Напрасно гангстеры, недавно правившие чуть ли не всей Европой, именовали себя «министрами» или «фельдмаршалами», они оставались и остаются гангстерами.

Не о сохранении немецких городов они думают, а о своей шкуре: каждый час их жизни оплачивается жизнями тысяч их соотечественников. Но ничто уже не в силах отодвинуть развязку. Гитлеровская Германия расплзается, как гнилая ткань. Союзники стремительно продвигаются по Баварии к Берхтесгадену, к убежищу отшельника-людоеда.

Тем временем Красная Армия в Саксонии и на улицах Берлина уничтожает последние армии Гитлера. Если Германия не капитулирует, то только потому, что некому капитулировать: главари озабочены своим спасением, а обыватели, брошенные на произвол судьбы, способны сдать лишь свой дом, в лучшем случае свой переулок.

Справедливо, закономерно, человечно, что именно Красная Армия укрощает Берлин: мы начали разгром гитлеровской Германии – мы его кончаем. Мы начали на Волге, и мы кончаем на Шпрее. Может быть, когда бои шли в неведомых иностранцам местах – в Касторном, или в Корсуни, или в Синявине, мир еще не понимал, чем он обязан Красной Армии. Теперь и слепые видят, чьи ноги прошли от Сальских степей до Эльбы, чьи руки разбили броню Германии...

Красная Армия идет по улицам Берлина. Уже недалеко до Бранденбургских ворот и «Аллеи побед». Возвысимся на минуту над событиями часа, задумаемся над значением происходящего. С тех пор как Берлин стал столицей хищной империи, ни один чужестранный солдат не проходил по его улицам. Расчет был прост: немцы воевали на чужой земле. Они сжали горло крохотной Дании.

Они повалили Австро-Венгрию. Потом они затеяли первую мировую войну и, проиграв ее, но не уплатив проигрыша, стали готовиться ко второй. Если в Нюрнберге, в Веймаре, в Дрездене есть старые памятники подлинного величия немецкого духа, то Берлин – это памятник заносчивости прусских генералов...

Мы в Берлине: конец фашизму! Я помню, как много лет назад на улицах вокруг Александерплац упражнялись в стрельбе молодые людоеды: они стреляли тогда в строптивых сограждан. Потом они прошли по Праге, по Парижу, по Киеву. Теперь они расстреливают свои последние патроны на тех же улицах. Один английский журналист пишет: «Когда нам говорили о немецких зверствах, мы считали это преувеличением. В Бухенвальде, в Орадуре мы поняли, на что способны нацисты...» Что к этому добавить? Да, может быть, одно: что Бухенвальд или Орадур – это миниатюрные макеты Майданека, Треблинки, Освенцима. Я знаю, что горе нельзя измерить цифрами, и все же я приведу одну цифру – в Освенциме заснят кинооператорами склад: шесть тонн женских волос, срезанных с замученных. Мир видит, от какой судьбы мы спасли женщин всех стран, наших далеких сестер из Гаскони, Шотландии, Огайо... Что было бы с детьми канадского фермера и австралийского пастуха, если бы товарищ Сидоров не дошел до Берлина?..

Я еще раз хочу напомнить, что никогда и не думал о низкой мести. В самые страшные дни, когда враг топтал нашу землю, я знал, что не опустится наш боец до расправы. «Мы не мечтаем о мести. Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытаться детей или мучить раненых. Мы ищем другого: только справедливость способна смягчить нашу боль. Мы хотим уничтожить фашистов: этого

требует справедливость...

Если немецкий солдат опустит оружие и сдастся в плен, мы его не тронем, он будет жить. Может быть, грядущая Германия его перевоспитает, сделает из тупого убийцы труженика и человека. Пускай об этом думают немецкие педагоги. Мы думаем о другом: о нашей земле, о нашем труде, о наших семьях. Мы научились ненавидеть, потому что мы научились любить».

Мы в Берлине: конец затемнению века, затемнению стран, совести, сознания. Берлин был символом зла, гнездом смерти, питомником насилия. Из Берлина налетали хищники на Гернику, на Мадрид, на Барселону. Из Берлина двинулись колонны, растоптавшие сады Франции, искалечившие древности Греции, терзавшие Норвегию и Югославию, Польшу и Голландию. Придя в Берлин, мы спасли не только нашу страну, мы спасли культуру. Если суждено Англии породить нового Шекспира, если будет во Франции новый Делакруа, если воплотятся мечты лучших умов человечества о золотом веке, то это потому, что Сидоров сейчас ступает по улицам Берлина, мимо пивнушек и казарм, мимо застенков, мимо тех мастерских, где плели из волос мучениц усовершенствованные гамаки.

Прислушиваясь к грому орудий, который каждый вечер заполняет улицы нашей столицы, вспомним тишину трудного июньского утра. Отступая среди пылавших сел Белоруссии и Смоленщины, мы знали, что будем в Берлине. Как много можно об этом говорить, а может быть, и не нужны здесь слова, кроме одного: Берлин, Берлин! Это было самое темное слово, и оно сейчас для нас прекраснее всех: там, среди развалин и пожаров города, откуда пришла война, рождается счастье – Родины, ребенка, мира.

Татьяна ТЭСС

Татьяна Тэсс. Настоящее имя – Татьяна Николаевна Сосюра. Родилась в Одессе в 1906г., умерла в Москве в 1983г. Русский, советский писатель, автор очерков, рассказов, документальных книг и повестей, публицист, журналист, многолетний сотрудник газеты «Известия».

Вопрос о псевдониме возник, когда она, юная поэтесса, приехавшая из Одессы в Москву без денег, без связей, начала свой путь в литературе. Своей фамилией не хотела подписываться, потому что фамилия Сосюра очень известная в литературе. И

она не посчитала возможным воспользоваться ею. Ей казалось неудобным, чтобы фамилия известнейшего украинского поэта стояла под стихами начинающей поэтессы. Друзья, узнав о проблеме, подсказывали разные варианты псевдонимов. Но, ни один вариант Татьяне не понравился.

Вскоре в Москве открылся планетарий. Совсем юная журналистка побывала там. Планетарий произвел на нее сильное впечатление. И она написала об этом взволнованный, поэтический очерк и отнесла его в только что открывшийся горьковский журнал «Наши достижения». Очерк был подписан: «Тэс», что расшифровывалось «просто» «Татьяна Сосюра». Его прочитал Алексей Максимович Горький. Приговор был кратким: очерк для журнала «Наши достижения» не подходит, но ввиду несомненного дарования автора очерк следует опубликовать. Псевдоним «Тэс» заинтересовал Горького.

«Почему у вас такой странный псевдоним?» - спросил Алексей Максимович у Татьяны.

Татьяна Николаевна, а тогда еще просто Таня, объяснила происхождение этого сочетания букв и тут же застенчиво добавила: «Я больше не буду».

«Если вы выбрали для себя такой псевдоним, то оставляйте», - улыбнувшись, сказал Горький, - «Будете писать хорошо, этот псевдоним вам простят и даже запомнят. Будете писать плохо, никакой псевдоним не поможет, даже самый красивый»

Со временем к «Тэс» добавилось еще одно «с» уже из соображений звучания. И произошел тот редкий случай, когда псевдоним практически заменил фамилию: в паспорте Татьяны Николаевны он стоит на первом месте, а в скобках фамилия.

Татьяна Николаевна закончила Одесскую консерваторию по классу рояля.

Автор очерков, рассказов, документальных книг и повестей, публицист. Главной темой её творчества были проблемы воспитания.

Дружила с Р. Карменом и И. Бабелем.

Почти 50 лет (с 1934 по 1983) работала специальным корреспондентом газеты «Известия», её называли «самой читаемой журналисткой газеты». Статьи и книги подписывала псевдонимом «ТЭСС» (все буквы прописные).

Наиболее известная книга Татьяны Тэсс — «Американки» (М.: Детская литература, 1966. — 199 с. Рисунки В. Горяева), посвящённая поездке журналистки в США.

Для поколения родившихся в 1950-х и 1960-х годах это произведение стало своеобразным «открытием Америки». Именно эта, прочитанная в детстве или юности книга, сформировала образ США на годы вперед, предопределила многие мнения и стереотипы. Книга написана в очень благожелательном тоне, в ней практически нет политической окраски описываемых вещей и событий, характерных для вышедших позже произведений аналогичной тематики. Более того, книга написана с чисто женской точки зрения на многие аспекты американской жизни, описаны вещи, оставшиеся вне предела внимания журналистов мужчин (например, автомат по выдаче колготок студенткам).

Интересно, что некоторые, впервые описанные Татьяной ТЭСС и ранее

незнакомые советскому читателю вещи стали реальностями нашей жизни (посудомоечные машины, поздравительные открытки с заранее напечатанным текстом, исполнение музыки «Битлз» симфоническим оркестром и т.д). Несмотря на то, что книга была издана «Детской литературой» и считалась «детской», её с большим удовольствием читали и взрослые.

Заслуги Татьяны Тэсс в области журналистики:

- Орден Ленина.
- Орден Трудового Красного Знамени.
- Орден Дружбы народов.
- Лауреат премии Союза журналистов СССР.

Книги Татьяны Тэсс:

- Под нашим небом. Москва: «Известия», 1953.
- Поступи, как друг. Москва: «Известия», 1962.
- Американка. Москва: «Детская литература». 1966.
- Несколько часов одной жизни. Москва: «Искусство», 1967 и «Известия», 1970.
- Ночная съёмка. Москва: «Советский писатель», 1973.
- Хранитель времени. Москва: «Советский писатель», 1982.
- Друзья моей души. Москва: «Известия», 1982 и 1985.⁸⁹

Ф.Г.РАНЕВСКАЯ – ЖУРНАЛИСТКЕ ТАТЬЯНЕ ТЭСС⁹⁰

Фаина Георгиевна написала несколько писем под псевдонимом несуществующего читателя, разыграв свою приятельницу – Татьяну Николаевну Тэсс, журналистку «Известий», чей слащавый стиль письма Раневская иронично называла «сопли в сахаре».

(под псевдонимом А.Кафинькин)

Здравствуйте, Татьяна Тэсс!

Увидел я Вашу карточку, и невозможно смотреть без волнения, как вы загадочно улыбаетесь — «Огонек» 45, индекс 70663.

Рассказ при ней также написан с большим знанием дела, хоть я и не люблю чтения про буржуазный строй, чуждый советским людям. Из Вашего яркого сочинения видно, что наши люди лучше зарубежных, хоть я и пострадал от нашего советского. Я был обокраден племянником на почве доверия к людям.

Этим летом я решил удалиться на свежий воздух для поправления организма. Как говорится, годы берут свое, и женские капризы подорвали здоровье, а по просьбе вышеизложенного родственника я оставил его в моем домике на предмет сбережения имущественного фонда, т.к., в последнее время наблюдается, что в Малых Херах беспокойно от тунеядцев и бывали случаи нападения с помощью холодного оружия. Это нежелательное явление со стороны молодежного туризма, которые повадились

⁸⁹ <http://propsevdo.ru/name.php?id=67>

⁹⁰ <http://www.liveinternet.ru/users/2870220/post107165096/>

наблюдать достижения предков по линии церквей, а также банных заведений далекого прошлого.

Возвратился я полный сил, как тут же обнаружил пропажу кальсон (2 пары темно-фиолетовых с начесом), а также пиджака (люстрин) и настольной лампы (импорт). Зная, как перо в Ваших руках хлестко бьет по явлениям и как душевно, горячо Вы переживаете на страницах прессы отрицательные стороны нашей действительности, прошу Вас написать про мой случай, имевший место.

И еще должен сказать, когда читаю произведения, сходящие с Вашего пера, всегда переживаю острые переживания. В Вашем пере волнует борьба за правду и хорошее внутри человека. Мои соседи того же мнения, и мы часто обсуждаем совместно Ваши умные сочинения, выхваченные из жизненных процессов людей. Когда получаем газету, перво-наперво ищем Ваше фамилие, и если ее нету, то и не читаем, скука одолевает.

Пишите, Татьяна, чаще. Пишите, почему нет снижения цен и других достижений? Почему к нам в Малые Херы не приезжают выдающиеся артисты для обмена культурными ценностями? Многое еще хочется поведать Вам, зная Ваше чуткое отношение к трудящим. К примеру: выходил я больную курицу (чахотка легких). И что же Вы думаете, на основании найденных у соседей во дворе перьев и пуха она была похищена в период именин бухгалтера завода «Путь в коммунизм». Прошу этот случай описать с присущей Вашему таланту верой в человека.

Или возьмем такое: у моего кореша случился геморрой, после чего он, не долго думая, скончался, не дождавшись врача. Несмотря на мои позывные, врачиха явилась через отрезок времени. Совместимо ли это с нашей конституцией?

В это, Татьяна, Вам надо вникнуть, чтобы покончить с пережитками нашей счастливой жизни! В наступающем Новом 1967 году желаю еще острее оттачивать Ваше гневное перо на благо Родины. Желаю счастья в личном разрезе.

С глубоким почтением Кафинькин А. И.

Мой адрес: Малые Херы, б. Помойный (быв. Льва Толстого), собственный дом.

* * *

Я верил, Татьяна, в Ваш неуклонный рост на основе Вашего пера, в преддверии Вашей эскаляции, а прочитал про художественную диффамацию артистки (Раневская) и понял, что Вы иссякли как таковая.

Артистку не знаю и знать не хочу. И зачем Вы на нее пустили Вашу научную мысль? Зачем Вас метнуло на пережитки счастливого прошлого нашей суровой действительности? Старуха, согласно Вашему яркому описанию данных поведения, — ненормально помешанная, такая и ларек может ограбить. Артистки, как факт, все легкого поведения, им только в ресторанах закуски есть и мужей отбивать, а Вы на них углубили взгляд людей, у которых еще хватает совести совать мне газету и восклицать в смысле Вашего апофеоза.

В мои молодые годы прошлых лет я знал артистку — было на что посмотреть. Фамилие ей было — Лобзальская. Глаз у нее, правда, косил, но играла она броско, с танцами и в трико. И такие протуберанцы выделявала ногами, что дух захватывало. А когда в бенефис играла «Драмы в суфлерской будке» — людей выносили из зала, а кто

оставался сидеть — был в обмороке, но тем не менее никто про ее рентабельную игру не писал в газете на 4 столбца.

Писать надо про людей как я, про мой возраст. С Вашими рассуждениями про таких, как я, надо с большой буквы кричать. У артистов ничего не проходит красной нитью, а я многие годы жил с буржуазной отрыжкой в голове, говел, имел сношения, а под влиянием Вас пробудился, и теперь прошу вернуть мои гражданские права. Под влиянием Вас ездил в Тамбов, на коллоквиум мысли, где состоялся форум в направлении. Дорога в два конца, ресторан-кафе, где отравился свежей рыбой. Снимал люкс на две койки с водоснабжением. Все это во имя Вас, с Вашим призывом к моей духовной *пище.*

Махните про меня, рука не отсохнет, Татьяна! Пишите про простого советского человека, как он, малограмотный, читает лекции по вопросам, пишет версии про открытия, читает доклады про новейшую живопись нового направления. Под Вашим пером я подвергался и теперь на грани. Пусть люди знают, как я вырос на ниве.

В Тамбове после вопросов была драка, но в перемирие поели грибов в кафе «Восторг». Женщины в Тамбове преобладают с кривыми ногами, но есть одностороннее движение.

Гулял с одной блондинкой, встреченной на коллоквиуме. Но у нее воображение выражает отсталость научной мысли, и нет в ней взгляда Ваших глаз, что неуклонно врезалось в память.

Пришлите, Татьяна, свое свежее фото, чтобы Я ориентировался.

С нетерпением жду Вашего выступления по моей части в Вашем органе.

С пламенным приветом Афанасий Кафинькин.

Посвящается Т. Тэсс:

Годы бегут, а друга нет как нет.

Расходы увеличились втрое.

Веселой прошлой жизни простыл и след.

И никуда ум не годится и здоровье.

А в прошлом было все:

Ломился стол от кушаний, напитков,

Колбасы всех сортов, копчености.

С вязигою пирог и женский смех

Вокруг веселый и игривый.

Где это все, вот что интересно!

С уважением А. Кафинькин.

** * **

Татьяна!

Привет с Парижа. Я нахожусь в преддверии для наблюдений над явлениями. Конечно, город на уровне, плохого не скажу, но и хорошего мало. Из достопримечательностей имеется башня, на самой верхушке — ресторан. Население, в основном, французы и

женщины легкого поведения.

Чем нас бьют французы — это магазинами. И разговоры разные бросаются в глаза. Был в ночном заведении, где показывали разные штуки в области половых отношений. Конечно, такого в СССР нам с Вами не покажут.

Посольские ребята затащили в музей, где люди стояли возле каменной фигуры, которая в настоящее время стоит без рук. Кто ей руки обломал, пока не выяснили, но следствие ведется. Кругом говорили, что она — красавица, но не верьте, Татьяна, например, моя жена-покойница была интересней.

Подводили меня к картине в дорогой раме, на картине нарисована женщина мало интересная, кругом говорили, что у ней особенный взгляд глаз, но я ничего особенного не заметил. У нас в Манеже были 560урра560нтиро, а что без рук статуя, то это даже хулиганство. Я нигде у нас не видел, чтобы в парке «Девушка с веслом» стояла без весла, а тем более без рук. Много у них жульничества, так что можем соревноваться.

Как Вы знаете с газет, была в Париже «Неделя марксистской мысли». Я всю неделю делился мыслями с другими нашими советскими. Сейчас начинаю изучать все по-ихнему, для обмена опытом. Уже выучил слово «нон», по-ихнему «нет», «бонжур» по-ихнему — «как живем?». Водка по-ихнему — тоже водка. Так что больших трудностей нету.

Наша комиссия, где я работаю над проблемами, уже пришла к выводу. По слухам, следующая командировка намечается в Австралию, так что по приезде с Парижа придется углубиться в изучение австралийского языка. Дали маху, Татьяна, а то бы ездили вместе на континенты, приоделись бы, выступали бы по вопросам, а тему уже подготовил: «Протезирование будущего на почве настоящего».

Теперь моя специальность — «наше будущее». Скоро увидите мое фотографии за круглым столом прогнозистов-оптимистов.

Если надумаете приехать: Париж, советское посольство, А. Кафинькину. Купил Вам касторовую шляпку, пальто с перьевым воротником. Жду.

МАДОННА ЛИТТА

К дому подъехала машина, оттуда вышли девушка в длинном белом платье и пожилая женщина в теплом пальто.

Было холодно, с Невы дул ленинградский ветер, пронзающий и острый, как шпага. Девушка была очень красивая, с нежным овалом лица и серыми сияющими глазами; пепельные ее волосы развевал ветер. Она шла к дверям быстро, словно смущалась своей красоты и того, что она одна в снежно-белом платье среди тепло одетых прохожих. У порога она запуталась в длинной юбке и от этого смутилась еще больше.

Я вошла вслед за ними.

Пожилая женщина обернулась, щеки ее разрумянились от волнения. Что-то знакомое почудилось мне в лице. Мать и дочь прошли вперед и исчезли за одной из дверей этого старого пышного особняка, где сейчас находился Дворец Бракосочетаний.

Я поднялась по белой лестнице наверх. И спустя некоторое время увидела их снова.

Девушка стояла посреди зала на ковре, покрывающем блестящий, как озеро, паркет. Рядом с нею был юноша в очках, с длинной шеей и длинными, словно у подростка руками, с лицом, пожалуй, даже некрасивым, но непередаваемо привлекательным своей спокойной добротой.

У стола человек в темном костюме обращался к ним с речью. Слова были умные, торжественные, но, мне показалось, они еле доносились к ним сквозь ликующую музыку их счастья.

Зато мать впитывала эти слова всем существом.

Она сидела у стены среди других родственников и гостей, положив на колени широкие красные руки, и смотрела на говорившего не отрываясь, как школьница на учителя.

После каждой фразы она растроганно кивала головой, соглашаясь: «Так... так...» Лицо ее, залитое слезами, поразило меня своей нежностью и внутренней силой. И опять мне показалось, что я где-то уже видела ее.

Вечером мне надо было уезжать в Москву.

Перед отъездом я успела зайти в Эрмитаж. И едва я переступила порог теплого блистающего зала, едва глянули на меня из золота рам любимые полотна, как тотчас же в памяти встал тот Эрмитаж, каким я видела его в дни блокады.

Я шла тогда по безлюдным, скованным стужей залам, мимо стен, где леденели пустые рамы, точно покинутые дома, из которых ушли те, кто согревал их теплом жизни.

Люстра, сброшенная взрывной волной, лежала на паркете, как раздавленный цветок. Огромные часы с органом возвышались в углу; стрелки их остановились в тот миг, когда первый фашистский снаряд разорвался над Эрмитажем. Под каждой рамой было имя великого мастера и название полотна, и я шла мимо пустых рам, вспоминая каждую картину, заставляя память вернуть их хоть на миг в покинутый ими родной дом.

Рядом неслышно шагала женщина, закутанная в теплое мужское пальто; поверх пальто она накинула на плечи одеяло.

В самом начале войны драгоценные коллекции были вывезены из Эрмитажа на Восток, но часть наиболее громоздких экспонатов вывезти не удалось; они были упакованы и перенесены в подвалы музея. Хранить их осталась небольшая группа сотрудников, в том числе и эта женщина.

Тяжелые взрывы сотрясали здание, раздавался грохот, высокий, пронзительный звон разбитого стекла...

День за днем ослабевшие, измученные люди заделывали пробоины в крыше музея, закрывали раны в стенах, из которых сочилась вода, перетаскивали тяжелые ящики с коллекциями в безопасные укрытия. Женщина, идущая рядом со мной, была бледна и слаба, как росток во тьме: голос ее едва слышался, она с трудом передвигала распухшие ноги. Но глаза, большие блестящие глаза, были полны поразительной силы и света жизни. Идя мимо стен, она, как и я, смотрела на пустые рамы, и я понимала, что она видит в них то же, что вижу я.

— Зал Рембрандта... — говорила я тихо, и женщина кивала головой, соглашаясь: «Так... так...» — Вольтер работы Гудона... А вот тут стоял мраморный Фальконе, каким знала и любила его Мари Анн Колло... Помните?

И женщина почти беззвучно соглашалась: «Так... так...»

Мы вошли в один из пустынных залов и остановились у заколоченного окна. Ледяной блик светился на полу, покрытом изморозью. Женщина горестно покачала головой.

— Мадонна Литта... — сказала она шепотом.

Она глядела вперед не мигая.

Что видела она? Пылающую синеву неба? Мадонну, в которой столько земной красоты материнства? Младенец, упершись крепкой ножкой, упоенно сосет материнскую грудь, а юная мать глядит на него... И вдруг в изможденном, худом лице женщины, что стояла возле меня, кутаясь в одеяло, я различила тот же поразительный свет утверждения жизни, бесстрашную веру в ее торжество.

— Да... — сказала она твердо, как бы отвечая сама себе. — Да! Да!

И пошла дальше своей неслышной, слабой походкой, едва переставляя распухшие ноги.

...Я вспомнила все это, стоя возле великого полотна Леонардо да Винчи, у Мадонны, на коленях которой лежало дитя.

Неожиданно перед глазами моими встало лицо матери, глядящей на свою юную дочь в день ее свадьбы, — лицо, полное поразившей меня нежности и внутренней силы. Я сразу, как бывает во сне, узнала ее.

И я мысленно поклонилась ей и поцеловала ее руку, большую усталую руку труженицы, что берегла от тьмы и зла драгоценный свет искусства, руку матери, провожающей в жизнь свое дитя.

КАК ПРОЖИЛИ ЖИЗНЬ ДВА СОЛДАТА

Начало этой истории читатели, может быть, помнят. Ей была посвящена небольшая заметка, помещенная в нашей газете. История эта такова: в городе Армавире некий Т.Б.Пронский написал заявление, где утверждал, что ветеран гражданской войны Ф.А.Ганженко незаконно получает персональную пенсию. Заявление Пронского проверили: факты оказались недостоверными, документы, представленные Ганженко, подтверждали и заслуги старого ветерана, и его законные права на пенсию.

Но вскоре поступило новое заявление от Пронского.

На этот раз он сообщал, что документы Ганженко — фальшивы, а комиссия, разбиравшая дело, проверила их поверхностно. Более того, Пронский заявил инструктору горкома партии, что Ганженко вообще в 1920 году в полку не было: по утверждению Пронского, тот дезертировал и уехал домой в станицу.

Опять началась проверка. Опять запросили Центральный партийный архив, Центральный архив Советской Армии. После тщательных розысков были найдены подлинные приказы, подтверждающие доблестную воинскую службу Федора Ганженко. И неожиданно среди них был обнаружен документ, о котором сам Федор Андреевич ничего не знал: приказ от 31 мая 1922 года. Этим приказом командир 3-го эскадрона 96 кавалерийского полка Ф.А.Ганженко за отличие в боях с контрреволюционными войсками на Южном фронте в 1920 году награждался орденом Красного знамени.

Так клеветник, сам того не желая, помог обнаружить чужую заслуженную награду. И спустя сорок лет боевой орден был с почетом вручен старому солдату.

На этом дело закончилось.

Но дни шли, а мы в редакции продолжали вспоминать его. Что за люди Ганженко и

Пронский? — думали мы. Как прожил каждый из них свою жизнь? Что заставляло Пронского с таким мстительным, страстным упорством писать ложные заявления? И вот я поехала в город Армавир, где живут оба участника этой истории.

Был весенний день, когда я шла по улице, продуваемой крепким кубанским ветром. За низкими заборами белели маленькие дома. Я и сама не могла объяснить, почему решила вначале пойти к Пронскому. Я представляла себе их обоих и даже, казалось, видела их, как видят на земле тень и свет. Сейчас я шла в эту тень, отбрасываемую чужой жизнью, тень смутную, настороженную, и думала о том, каким окажется Пронский и как мы встретимся.

Вот и дом, указанный в адресе. За глухой калиткой двор, сверкающий столь яростным достатком, дом, выбеленный до столь торжествующего сияния, что даже рябит в глазах. На цепи у будки хрипит в злобном лае кривоногая собачонка. У крыльца стоит женщина в платке.

— Пронского? — удивляется она. — Та он уже с нами не живет! Мы раньше вместе жили, — он нам дядя, — а сейчас отделился он и дом себе купил. Неподалечку.

— Вы что, сырым мясом ее кормите, чтоб злей была? — говорю я и смотрю на собачонку, кашляющую от ярости. — Ведь это же такса, добрейшая порода...

— А какой нам толк от доброты? — говорит женщина равнодушно. — Собака — она и есть собака. Добрыми пусть телята будут...

И опять я шагаю по наполненным ветром улицам. И опять забор, и запах вскопанной земли, и дом под железной крышей. Все — похоже, но все — поскромней: видно, хозяйство только начинается, только накапливает силу. И опять на цепи заходится в лае пес — рыжий, с узкой усатой мордой. Но едва на крыльце появляется хозяин, как пес умолкает, словно его заткнули пробкой, и трусливо пятится в конуру.

Человек стоит на крыльце, огромный, сутулый, с длинными руками, с крупным костистым лицом и лысой головой. Щеки у него небритые, сквозь седую щетину проступает коричневый румянец загара. Все у него крупное: руки, ноги, плечи. Маленькие только глаза; они глубоко посажены и от этого кажутся еще меньше. Но смотрят они зорко; и взгляд у него цепкий, острый, оценивающий.

— Простите, это вы Тимофей Борисович Пронский?

— Я Пронский... — говорит он глуховато и отступает, открывая дверь. — Заходите...

В комнате жарко натоплено и тесно: повсюду стоят ящики с рассадой. Я сажусь; хозяин смотрит на меня, в глазах его мелькает сторожкое ожидание. Разговор начинается.

Я не следователь, не прокурор. Я только прошу моего собеседника рассказать о его собственной жизни. О том, как он ее прожил, о том, что было для него в этой жизни главным. Он смотрит на меня, — все так же сторожко, оценивающе. Потом достает большой платок и вытирает голову и лоб: я вижу на его висках испарину.

Передо мной очень пожилой человек, — ему шестьдесят шесть лет. По его словам, он знает Федора Ганженко всю жизнь. В детстве они жили в одной станице, Федор старше его на восемь лет. Он хорошо помнит, как Федор Ганженко ушел из станицы в царскую армию, как тот стал солдатом в войну 1914 года. Потом станичники встретились снова, уже в частях Красной Гвардии. Они были в одном полку, — Федор Ганженко командовал взводом, потом стал командиром эскадрона; Тимофей Пронский был рядовым. В 1920

году Ганженко уже не было в полку,— это он помнит точно. В 1920 году Федор Ганженко... Я слушаю глуховатый голос и думаю: почему человек, которого просили рассказать о собственной жизни, рассказывает о жизни другого? Почему он так обстоятельно и подробно пересказывает чужую биографию, чужую судьбу? Я повторяю просьбу: рассказать о самом себе. И опять в его глазах мелькает смутная тень.

Люди говорят о своей жизни по-разному.

Одни вспоминают ее нехотя, другие по скромности смущаются, третьи рассказывают о себе с упоением, увлеченно. Этот говорит о своей жизни, поминутно спотыкаясь, словно идет в лесу по тропе, пересеченной узловатыми корнями.

Да и что, собственно, ему вспомнить?

Кончилась гражданская война, начались годы первых пятилеток... Вначале он работал в колхозе. Потом ушел — а дальше? Два месяца — директором ресторана, пять месяцев — агрономом в школе, полгода — директором промкомбината... Из городка в городок, из станицы — в село... В 1949 году директор райпотребсоюза Тимофей Пронский за халатное отношение к обнаруженным хищениям был отдан под суд и исключен из партии.

Пытался ли он вернуть доброе имя, добиться восстановления в партии? Нет. Он уехал на Урал, потом снова оказался в Армавире... И вот уже десять лет, как он нигде не работает.

Работу он бросил, не дождавшись ни срока жизни, ни срока труда. Бросил, не заглядывая в будущее, как бросают ненужную ветошь. Как прожил он десять лет? Вот он сидит, громадный, краснолицый человек, в жарко натопленной комнате, рядом с женой, между ящиками с рассадой; за окном темнеет жирная земля, щебечут птицы...

— Весна началась...— говорю я невпопад, прислушиваясь к пересвисту и трелям за окном.

— Я весны не люблю,— хмуро говорит он.— Какой от ей толк? Одна грязь...

В своей собственной хате, при своем собственном огороде... И нет в глазах счастья. Нет ничего — только настороженность и тень. И снова человек вспоминает прожитое, неохотно, трудно, путаясь...

«А вот Ганженко...» Опять о Ганженко!

— Мы с ним в 33-й Кубанской дивизии были,— говорит он хрипло.— В двадцатом году он оттуда ушел. Взял коней и ушел. Только не знаю, куда,— до хаты, наверное... Потому я и сказал.

Старый солдат, он отлично понимает, что такое самовольно уйти из боевой части домой. В 1920 году Ганженко был переведен в другую дивизию, воевал на Южном фронте. Сидящему передо мной человеку это известно. И все же он повторяет снова, отводя глаза: — Взял коней и ушел. А потом мы с ним уже в Армавире повстречались.

...И опять иду я по наполненным ветром улицам. Иду и вспоминаю, слово за словом, все, что сейчас слыхала. И все же не могу понять, какая нить привязала этого человека к чужой жизни,— нить, неразрывная, как страсть, острая, как нож, горькая, как отравка...

И, чтобы разобраться в этом, иду прямо в дом, где живет Федор Андреевич Ганженко.

Еще издали я вижу, что он стоит у калитки. Я и в глаза его никогда не видала, а узнала сразу: статный, с кавалерийской выправкой и седыми висками, в начищенных сапогах и куртке казацкого кроя. Ему семьдесят четыре года, а выглядит куда моложе, и спина у него прямая, как штык. Мы идем в крошечный флигелек, на пороге спит, свернувшись, мохнатый щенок и сопит во сне. Тепло, тикают часы в углу. На кровати лежит

прихворнувшая старушка: у нее малярия.

— Вы давно знаете Пронского? — спрашиваю я, чтобы начать разговор.

— Пронского? — он пожимает плечами.— Да я с ним кружки воды не выпил! Знаю его только три года, в Армавире...

— А в станице?

— Вознесенке, стало быть? И в Вознесенке его не помню. Я ведь как,— я то жил там, то уезжал. Я без родителей рано остался, у дядьки рос. А у дядьки только и хозяйства: кобыла, собака да самовар. Он на месте не сидел, он запряжет кобылу, Жучку позади воза привяжет урр, самовар — в ноги,— поехали работу искать! И по Кубанской дивизии я Пронского не помню: он был в одном эскадроне, я — в другом. Я его жизни не доглядал... Я молча смотрю на собеседника. Как же так получилось: Пронский знает его всю жизнь, а он помнит Пронского только три года?

Пока я ломаю себе голову, сидящий передо мной седой человек уже говорит совсем о другом. Он не жалуется, не ворошит историю с клеветой — она надоела, видно, ему до смерти. Он начинает рассказывать о своей жизни, спокойно, памятно, как рассказывают старые люди о достойно прожитых днях. И эта жизнь раскрывается передо мной.

Он участвовал в боях против Корнилова и Деникина, отступал через Астраханские пески, был трижды ранен, трижды умирал и выжил. В 1918 году, весной, на привале комиссар вручил ему партийный билет, и с той поры он стал коммунистом. После гражданской войны он уехал в станицу, стал членом ревкома, возглавил земельный отдел. Всю жизнь трудился там, куда посылала его партия. Не мыслил своей жизни без труда и работал до семидесяти лет, и всегда был людям нужен, всегда приносил пользу. Не нажил за всю жизнь ни собственного дома, ни кубышки и никогда не льстился на них. Ценил в жизни другое: уважение людей, чистую совесть, добрый труд, хорошее слово. Переболел, когда клеветали на него, но не оступился, не чернил обидчика, перенес испытание, не согнувшись. И когда, через сорок огромных лет, как через высокий перевал, прилетел к нему из далекой молодости орден, заслуженный в боях за родную власть,— он поцеловал его, как целуют боевое знамя. И все, кто собрался тогда в зале, увидели, как высокий старый человек с казацкой выправкой, старый солдат революции, плачет от счастья.

И чем дальше слушала я его рассказ, тем ясней понимала то, что казалось мне раньше загадкой.

Да, Пронский помнит Ганженко всю жизнь.

Чужая судьба проскакала мимо Пронского на горячем быстром коне, он вглядывался в нее неотрывно. Еще мальчишкой он следил за ладным станичным подростком, встречал его, когда тот въезжал в станицу на возу, пыльного, веселого, овейного ветрами странствий. Потом он нашел его в полку. Что с того, что они были в разных эскадронах? Солдат и чужих командиров знает. Сабля Ганженко отточилась в боях, он стал командиром, он скакал впереди эскадрона в атаке, он приказывал, ему повиновались... Как просачивается в сердце зависть, мучительная, словно болезнь? Она придает глазам человека исступленную зоркость, и он видит чужую судьбу через леса и реки, узнает ее за тридевять земель.

Пронский всегда знал, как живет Ганженко. Каждый из них складывал жизнь по-своему. Пронский считал, что человек, у которого нет собственного дома, не доказал своего

существования на земле. Свой дом, свое хозяйство — вот что светило ему ярче всего. Так он и жил: не человек с человеком, а дом с домом.

И вот он достиг того, о чем мечтал. Но нет у него покоя, нет счастья. И чем дальше к старости, тем больше в душе беспокойства, неуверенности, сомнений, тем острее страх одиночества.

И тем горше зависть.

Он завидует покою Ганженко, его бескорыстию, его прямодушию. Он завидует тому, что Ганженко может жить, не зная зависти, не подглядывая за чужой судьбой, не считая чужих достатков. Он завидует его большой, трудовой жизни, его старости, окруженной уважением. Эта зависть жжет его, терзает, не дает спать по ночам.

Сейчас они с Ганженко встречаются часто: оба они — члены секции ветеранов гражданской войны. Каждый день Пронский видит перед собою чужую достойную жизнь, достойную старость. И он решается заложить под нее мину.

Он не пропускает случая шепнуть злое слово о старом ветеране. Он пишет заявления, распускает смутные слухи. Ему терпеливо разъясняют, что он неправ, он зря порочит честного человека. Но он пишет заявления снова. Пишет до той поры, пока под его ногами не открывается пропасть: вместо зла он негаданно, против воли принес сопернику счастье.

Но конец ли это? Нет, оказалось, еще не конец.

Секция ветеранов порешила созвать общее собрание. И вот Тимофей Пронский стоит перед старыми солдатами.

Маленький зал полон стариков, жилистых, крепких, словно кованных из железа. Одни стоят, опираясь на палки, другие сидят, покуривая самокрутки, крепкие, как спирт. Седые усы, выскобленные солдатские подбородки, загорелые морщинистые шеи... Пронский отирает со лба пот и смотрит в зал. И я вижу в глазах его страх.

Он боится остаться один, совсем один. Случилось то, чего он не ждал: старые солдаты могут исключить его из секции, закрыть перед ним навсегда эти двери. С кем он останется тогда? Он только сейчас это понял. И он начинает говорить, начинает объяснять, путаясь, поминутно вытирая лоб...

— Кончай свои выворотки, Тимофей! — кричат в зале.

— Ты кого корчувал? — раздается чей-то бас.— Мы помещиков корчували, так это законно! А ты своего брата, старого солдата, под корчевку хотел взять. За что?

Пронский просит прощения.

Он стоит, опустив плечи, словно стал меньше ростом. Он просит станичников, старых бойцов, старых товарищей, простить его, он кается в своей вине, клянется, что это никогда больше не повторится... На лице его багровый старческий румянец, голос срывается...

— Под суд его! — громко и четко говорит кто-то, и Пронский вздрагивает, словно в него выстрелили.

И тут встает Федор Ганженко.

Он идет по проходу, твердо ставя ноги в начищенных хромовых сапогах. Он подходит к Тимофею Пронскому, багровому, потному, и становится с ним рядом. И говорит звучно и решительно, на весь зал:

— Я Пронского под суд не дам! Он старый солдат, как я это забуду? И если он, уважаемые

бойцы, просит прощенья за все свои выкрутки, — мне сдается, надо простить.

Он поворачивается к Пронскому, секунду смотрит на него и потом говорит медленно:

— Иди домой, Тимофей! Иди. Пушай твои внуки спят спокойно.

И Пронский уходит. Зал полон народа, старые бойцы шумят, закуривают, громко толкуют...

А он уходит.

Я вижу, как он шагает по улице. Кусты скрипят под ветром, деревья машут ветками, у забора сидит взъерошенная от ветра кошка. Я вижу его сутулую стариковскую спину, опущенные плечи. Он идет совсем один. Идет медленно, неуверенно, словно не знает, куда ему свернуть.

Куда он пойдет теперь?

ВНУЧКА ДЖАМБУЛА

В степи и в горах ощущение расстояния очень меняется.

Можно поручиться, что до высокого, поросшего травой холма с торчащим камнем наверху — рукой подать.

Но едешь к нему по петляющим степным дорогам час, другой, третий, переезжаешь вброд быстрые мелкие речушки, взбираешься вверх и спускаешься вниз — а холм все впереди.

— Далеко до Кизыл-Сай? — спрашиваешь у чабана, встреченного по пути.

— Ближко! — отвечает он.

Чабан сидит верхом на гнедой лошади, смуглая рука легко держит поводья, на голове — зеленая шляпа. Лошадь неподвижна, словно отлита из бронзы.

- Вон там! — показывает чабан движением подбородка, будто урочище совсем рядом, и неожиданно добавляет: - Но лучше вам заночевать на ферме.

- Нет, если это недалеко, мы поедем прямо туда.

И снова мы едем — час, другой, третий...

К дороге подступает седая полынь, за ней блестит малахитовой зеленью трава. Откуда ни возьмись бегут сухие шары перекасти-поля, они перевернуты ветром, и видно, что нижние стебли их совсем белы, точно подернуты инеем: это соль.

«Газик» наш прыгает по твердым, выбеленным солью гребням. В ушах звон от ветра, на ухабах вытрясло всю душу, рука, которой держишься за поручень, онемела...

— Далеко до отары Бибижар?

— Ближко! — отвечает другой чабан.

Это — пожилой человек, сухое лицо изрезано морщинами, на голове его не шляпа, а высокий войлочный колпак. И лошадь у него не гнедая, а белая в рыжих подпалинах, с длинной узкой головой.

Чабан смотрит на нас с высоты своего седла и задумчиво говорит:

— Но лучше вам заночевать на ферме.

— Нет уж, спасибо, останавливаться мы не будем...

Вон в прозрачном воздухе видны постройки, похожие на ласточкины гнезда, — наверное, это кошары, наверное, это уже Кизыл-Сай.

Весь склон, подступающий к дороге, в белых пушистых пятнах; овцы движутся медленно и важно, маленькие ягнята, сама кротость и беззащитность, прыгают, высоко взбрасывая задние ножки.

А дорога вьется и вьется, и холм с торчащим камнем на верхушке все маячит впереди...
Да, доберемся до него мы, видно, не скоро.

И я, подпрыгивая на ухабах и ухватившись за поручень, начинаю вспоминать все, что мы видели утром, по пути сюда.

Я вспоминаю колхоз имени Джамбула, длинную улицу, дом, что стоит в конце... В этом доме жил Джамбул, волшебник народной устной поэзии. Он прожил огромную жизнь — почти сто лет, он был древним, как та гора, в честь которой получил свое имя. Но он остался молодым, ибо всегда молоды поэзия и народ, а Джамбул был совестью, голосом, сердцем и правдой своего народа...

За домом в саду — гробница, где похоронено тело Джамбула. Пирамидальные тополя стоят там навтыжку. На могильной плите пламенеют живые тюльпаны. Над куполом гробницы — бескрайнее синее небо родной страны, живое солнце, живое тепло. И кажется, что в самом воздухе, полном пения птиц и жужжания пчел, звучат слова Джамбула:

Погляди на большой простор —
В ярком свете вершины гор,
Над лучами дымок голубой —
Это счастье для нас с тобой...

В доме Джамбула сейчас музей. Нельзя без волнения глядеть на лежащую рядом с чинными музейными экспонатами домбру поэта — старую домбру с истертой деревянной декой, бессонную спутницу его песен, свидетельницу и друга вдохновенья...

Джамбул оставил большую семью — детей, внуков, правнуков... Среди них — девочка Бибижар, его внучка.

Я еду сейчас к ней, на дальние пастбища. Еду с самого утра. Тени от холмов стали длинней, солнце движется к закату.

— Далеко до отары Бибижар?

— Близо! — отвечает чабан, поворачивает коня и скачет наперерез овцам, спускающимся с холма.

Дорогу снова пересекает речушка. Мы медленно проезжаем по каменистому дну.

Повсюду, даже у самых маленьких родников, ощущаешь движение, прохладу и блеск... Из кустов полыни всовывает маленькую высокомерную голову змея, ядовитая и элегантная, похожая на модное ожерелье. Мо568урр быть, действительно стоило заночевать на ферме? Но сейчас и от фермы далеко... «Газик» прыгает, точно козел по ребристой дороге. А я смотрю на холмы и думаю о Бибижар.

Утром я была в школе, где она училась. Мы толковали о Бибижар с директором школы, потом он достал толстую книгу и читал вполголоса отметки в ее аттестате зрелости: «По химии — 5, по биологии — 5, по алгебре и геометрии — 5».

Бибижар училась хорошо. Она работала звеньевой на пришкольном участке и добилась высокой урожайности. Была членом комитета комсомола. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о ней.

Да и что еще, в общем, можно рассказать о девушке, только что закончившей школу? Она

ничем не знаменита, ничего особого не успела сделать в своей жизни. Я и в глаза-то ее никогда не видела. И все же думаю только о ней и еду по длинным степным дорогам, через холмы и долины, через солончаки и реки, чтобы с ней повстречаться.

Я представляю себе ее — девочку, что училась в этой школе.

В маленькой деревне известен каждый человек, и уж, конечно, ее знали все, внучку легендарного народного поэта. Вероятно, она могла выбрать и иной путь для себя: уехать в большой город, учиться в институте... Что ж, можно было поступить и так!

Но можно выбрать и другое: продолжить дело отцов. Жить и трудиться среди людей, о которых складывал свои песни дед, стать неотъемлемой от огромной, древней, родной земли — как эти медленные облики, как трава, как невидимые степные птицы, пением которых наполнен воздух.

И Бибижар выбрала этот путь.

Вместе с нею решили стать чабанами и другие ее одноклассники. Так родилась комсомольская молодежная ферма. Заведовать фермой поехал преподаватель школы Айдар Оспанов, классный руководитель Бибижар. Все они уже прожили на пастбищах свою первую зиму.

Вот что я узнала, когда была в колхозе имени Джамбула.

И сейчас мы едем на пастбища, едем с самого утра, и все тянется бесконечная, бегущая через степь и холмы дорога...

Десятки развилков, десятки разбегающихся троп, каждая похожа на другую — ни отметины, ни дерева, ни камня. Но к нам в машину подсел местный животновод он безошибочно указывает:

— Направо... Прямо...

Для него однообразная, монотонная степь приметна и знакома, как для меня — улица Горького.

Солнце уходит за холмы, в чистом воздухе упоенно звенит жаворонок. Из-за пригорка, наперерез машине, неторопливо и грозно выходят два огромных, с теленка ростом, сторожевых пса.

— Налево... — говорит позади меня спокойный басок.

Машина огибает пригорок, и вот открывается лощина и отара овец на склоне холма, бородатый козел-вожак, что стоит, как изваяние, подняв рогатую голову, и всадница, сидящая на рыжем коне.

На ней высокие сапожки, красная вязаная кофта, широкая ситцевая юбка в цветную полоску. Голова повязана зеленой косынкой; на сильной, загорелой руке часы. Яркая, сильная, молодая, она похожа на невиданный степной цветок.

Всадница медленно поворачивает к нам смуглое, широкоскулое, спокойное, как степь, лицо.

Это и есть Бибижар Амралиева, внучка Джамбула.

По физике 5, по химии 5, по английскому 5... 569урра569 ю ду, Бибижар? Она, как и ее одноклассники, учила в школе английский. Но как отличить ядовитую траву от полезной? Сколько раз в день поить овец зимой? Как загнать овец в укрытие, если начался буран? Как перевести их через речку?

Нет, этому не учили в школе. Этому учил Бибижар старый человек, который уже много

десятков лет пасет овец среди этих холмов.

И Бибижар прошла у него эту науку.

Она знает теперь, что зимой овец надо поить только раз в день, а летом — два: утром и после обеда. Летом надо пасти их с шести утра до десяти, пока не пришел на пастбища зной, а потом перегонять отару в тень, в холодок, — пусть овцы отдыхают. Но едва жара спадет, надо вести их на пастбища снова, до самого заката.

— Начинай! — надо крикнуть вожаку, бородатому старому козлу, если хочешь, чтобы овцы перешли реку.

И козел первый ступит в воду.

— Шек! Прямо! — надо крикнуть ему, и он пойдет, потому что он храбр, стар и умен, и овцы пойдут за ним.

Первая зима была трудной, с буранами, с жестокой поземкой. По ночам было слышно, как в студеной тьме воют волки. Но за всю зиму ни одна овца в отаре не пропала, не погибла — их всех сберегла Бибижар, молодой чабан. А ведь отара немалая — свыше 500 голов...

Обо всем этом рассказывает нам Бибижар.

Она живет в юрте — вон видна в долине юрта, круглая похожая на перевернутую пиалу. Может показаться, что чабаны живут далеко друг от друга, но на пастбищах ощущение расстояния совсем не такое, как в деревне или в городе. От чабана к чабану — рукой подать, они знают о каждом событии, о том, кто сыграл свадьбу, к кому приехали родные, у кого заболела овца...

Когда на ферму приезжает киномеханик с фильмом, туда съезжаются на конях чабаны со всех концов.

Ночью над кинопередвижкой в степи дымится золотой волшебный свет, слышна музыка и голоса, поющие о счастье. Во тьме жмутся друг к другу овцы, похожие на серое облако; бесшумно бродят огромные сторожевые псы, а степные кони пасутся без привязи: конь чабана никуда не уйдет от хозяина. На экране живет и дышит влекущий, прекрасный мир искусства, и молодые чабаны, рассевшись на кошме, внимают ему, затаив дыхание.

В юрту чабана юная Бибижар взяла с собою учебники и книги. По обычаю отцов, пол юрты застлан кошмой, в углу лежат сложенные горкой одеяла, у печки — закопченный казан.

Но на полке стоит «Молодая гвардия» Александра Фадеева. И вечером, вернувшись с пастбища, можно включить радиоприемник и слушать голос всей родной страны, далекие голоса мира.

Вместе с Бибижар на отгоны поехали ее отец и мать.

Отец Бибижар — старый человек, ему скоро семьдесят лет. Он работал табунщиком. Когда года три назад ему предложили перейти на работу чабана и уехать из колхоза на пастбища, он отказался: «Я уже стар...»

Но вот единственная дочка, маленькая Бибижар, решила стать чабаном, покинуть деревню. И отец забыл о том, что он стар.

Он оставил дом в деревне, взял с собой все, что необходимо для жизни чабана, и переселился с женой и дочкой на отгоны.

Он стал таким же чабаном, как и Бибижар, они работают вместе. На рассвете, когда только поднимается из-за холмов солнце, они выгоняют овец на пастбища. В тот ранний час воздух прохладен и свеж, земля пахнет медом, дымок очага недвижимо стоит над юртой.

Я вижу отца Бибижар.

Он подъезжает на молодом коне — худой, легкий, высушенный солнцем. На голове его — высокий войлочный колпак, в морщинистой крепкой руке кнут с трещоткой. У него приветливое лицо, отзывчивое на улыбку.

Он сам рассказывает, как отказался стать чабаном три года назад, и подшучивает над собой, и поглядывает на дочку. Видно, что ему приятно рассказать приезжему человеку о том, как его дочь вместе с товарищами пошла по выбранному ею пути, по широкой степной дороге, где оставили следы свои многие поколения чабанов.

...Уже начинает темнеть, на небе проступают звезды. Отчетливо слышно, как с холма, вниз по склону, катится к нам тишина. На гребне холма, четко обрисованные на светлом небе, стоят цепочкой овцы.

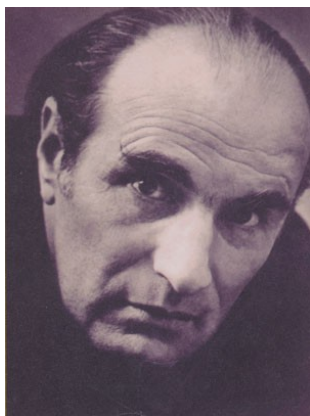
Старик громко свистит, щелкает кнутом и скачет вверх по склону.

Вслед за ним, круто повернув коня, скачет Бибижар. Услышав стук копыт, овцы, как по команде, поворачивают головы и смотрят вниз.

А Бибижар, пригнувшись к седлу, мчится по каменистому склону, из-под копыт сыплется мелкий щебень, рыжая грива коня пламенеет огнем. Вязаная алая кофта Бибижар похожа на степной мак.

И высокая звезда неподвижно стоит над холмом.

Анатолий Аграновский

1922 – 1984 Россия (СССР) «Мысль – корень публицистики. Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает...» А.А. Аграновский Отечественный педагог (по образованию); журналист, очеркист. Его младший брат – журналист В.А. Аграновский. В 1970-е годы Анатолий Аграновский неоднократно публиковал продуманные (это большая редкость в журналистике) очерки об энтузиастах (например, о врачах-новаторах: Г.А. Илизарове, С.Н. Фёдорове); о проблемах в различных областях социалистического хозяйства. «Когда в «Известия» пришёл новый главный редактор Михаил Михайлович Кожокин, он был очень изумлён, что здесь существует несколько человек, работа которых заключается в том, что они думают. Он считал, что это не работа. А работа – держать в зубах дискету или листочек и сломя голову бежать и сдать пять текстов в номер. Никто не запомнит ни единого слова из тех

текстов, но считается, что человек напряжённо работал. И с огромным трудом старой известинской гвардии удалось, по-моему, убедить молодого редактора, что думать – тоже работа, это и есть то, что называется «известинской школой». Конечно, его не убедили мне кажется, что Аграновский мог раз в полгода выдать материал, но о нём потом говорили ещё три года. Поэтому у журналистов есть задание, определённый план. Но в любом случае он понял, что старая школа имеет право на существование и более того – необходима, если мы хотим сохранить эту газету, а не кидаться куда-то в другую нишу (как он говорил в своё время в одном интервью: «Элитарная, но общенациональная газета», и его пытались убедить, что такого не может быть в принципе – элитарная, общенациональная, да ещё с уклоном в бизнес)». Петровская И. Е., *Думать – тоже работа*, в Сб.: *Пресса в обществе (1959-2000)*, М., «Московская Школа Политических Исследований», 2000 г., с. 411. «Он и в литературе придерживался того же принципа: чурался расхожих тем, захватанного материала, в командировки не любил ездить в куче – не раз говорил об этом. [...] А Аграновский умеет рассказывать о науке и технике и популярно рассказывать, но хорошо; что он умеет так же увлекательно рассказывать о тех, кто, упрямо ставя опыт за опытом, добивался наконец своего, кто, проводя бессонные ночи над выкладками и чертежами, отыскивал верное решение. За такими «героями» книги, как, например, искусственный дождь, или катапульта, или сам Центролит, отчётливо видны её подлинные герои – люди. А Аграновскому важно не только, чем занимается человек, а главное, как он делает своё дело». Уже тогда, в ранних вещах, обращал на себя внимание, выделял его среди многих журналистов сосредоточенный интерес к нравственной подоплёке и нравственным последствиям тех противоречий и конфликтов, что происходят в науке и экономике, технике и управлении производством. Позже он брался за исследование явлений всё более и более сложных, проблем «глубинного залегания», но это направление, так рано у него наметившееся, выдерживал, никуда не уклоняясь. Более того, с годами были отодвинуты в сторону задачи популяризаторские, занимавшие его на первых порах, теперь главным стало защита справедливости, проповедь человечности; он стремился в меру своих сил, как сказал о нём Александр Бовин, засыпать гейневские трещины мира, - они проходили и через его сердце. Иногда популярность приходит к литератору вдруг: напечатал повесть или роман, и у всех на устах его имя. К Толе известность пришла незаметно, постепенно. Всё чаще и чаще можно было услышать – в коридорах учреждений, в метро, в электричке: «Вот в последней статье Аграновского...», «А Аграновский об этом верно пишет...», «Как, вы ещё не читали, непременно посмотрите в «Известиях» очерк Аграновского...» Его иронические фразы пошли гулять по свету, их стали цитировать в разговорах читатели. Но вот что примечательно: у тех, кто его давно знал, это не вызывало ни малейшего удивления, было само собой разумеющимся. Он писал мало, печатался редко, для журналиста слишком редко. Были у него годы и вовсе «неурожайные». Но его помнили, интерес к нему не угасал, авторитет его рос. Он обладал многими качествами первоклассного журналиста. У него были железная хватка и редкое упорство. В своих книгах Аграновский сопровождал статьи и очерки короткими справками: сообщалось, что произошло после его выступления с человеком

или делом, о которых он писал. Он гордился тем, что «меры приняты». И было чем гордиться – ведь речь шла в его очерках и статьях о судьбе людей, о важных делах. Я сам не один год проработал в газете и хорошо знаю, как непросто добиться того, о чем сообщается в коротких редакционных заметках под рубрикой «По следам наших выступлений», какая этому иногда предшествует нелёгкая и продолжительная борьба, какое сопротивление приходится преодолевать. Хорошо помню, как огорчился Толя, когда, несмотря на его статью, не удалось оградить честного человека от несправедливых обвинений. «Я чувствую себя, - жаловался он, - как врач, который не сумел помочь больному». Я знаю, какое большое впечатление на многих произвела его последняя неоконченная статья и подготовительные заметки к ней. Стало ясно, каков был фундамент фактов, подпирающий каждую его статью, очерк, каждое его суждение, какова была эта невидимая читателю подводная часть «айсберга». А ведь в этом прежде всего проявляется мера ответственности пишущего». Лазарев Л.И., Шестой этаж, или перебирая наши даты... Книга воспоминаний, М., «Книжный сад», 1999 г., с. 224 и 226. В 1982 году журналист написал: «Мои герои умели создать у себя, - для своих коллективов особые условия, какие – не скоро ещё станут условиями для всех. Они, быть может, чувствовали, себя колхозами-миллионерами в окружении захудалых артелей. Они добивались этого ценой сверхнапряжения, риска, нервов, а порой и инфарктов – согласитесь, общей нормой такая работа быть не могла. Вижу отчётливо, что в последние годы меня кидало из стороны в сторону. То я думал больше всего (и писал) о необходимости отладить экономические рычаги, об улучшении планирования, и выходило, что личность как бы отступала в тень, То я, напротив, забывал глобальные проблемы, увлекаясь яркими личностями, которые, что бы там ни творилось вокруг, добывали победу. И это тоже была истинная правда, и выходило, что весь секрет в них; в людях. «Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь: все приказы и постановления – грязные бумажки без этого». Так писал в феврале 1922 года В.И. Ленин, и слова его живы. Ни один приказ, ни одно постановление сами по себе не делают дела – с них дело начинается. Никакая перестройка не избавит нас от необходимости хорошо работать, а значит, искать и находить хороших работников. Но именно она, ведущаяся в стране хозяйственная перестройка, и создаёт, должна создавать среду, почву, климат для роста людей». Аграновский А.А., Реконструкция / Избранное в 2-х томах, Том 2, М., «Известия», 1987 г., с. 67. А.А. Аграновский принимал участие в написании книг-воспоминаний за Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.⁹¹

Вашу руку, Иван Иванович!

— Да будет вам известно: у нас на многих профессорских должностях сидят люди, не имеющие ни степеней, ни званий. Поезжайте за триста верст от Москвы, и вы столкнетесь с такими фактами. Кафедрой заведует не профессор, и не доцент, и не кандидат наук. Ну чему он может научить молодежь? Вы обязательно напишите об

91 Источник: <http://vikent.ru/author/1596/>

этом...

Бывает, едешь в командировку, не зная, о чем придется писать. Одно знаешь: жизнь подскажет. Встретятся интересные люди, поведают о том, что их волнует, и, присмотревшись к делам людей, изучив досконально вопрос, ты нащупаешь свою тему. Бывает и по-другому: тема наперед известно еще до поездки. Тема задана. Надо лишь оснастить ее материалом наблюдений. Это тоже вполне законный метод журналистского поиска, я бы даже сказал, наиболее распространенный. Ты идешь по заданному курсу и, если направление выбрано верно, всегда находишь этот самый «материал». Он, как говорят в редакциях, сам идет в руки.

Я приехал в Казань. Памятуя наставления моих ученых советчиков, я принялся ходить по казанским вузам. И, разумеется, материал пришел ко мне в руки. В пединституте в должности заведующего кафедрой русского языка пребывал И. И. Назаров. Не профессор и не доцент, и не доктор и даже не кандидат наук. Просто Иван Иванович Назаров.

Я познакомился с ним, и тема моя блистательно лопнула. Так тоже бывает, и нередко. Потому что жизнь не только подсказывает. Она экзаменует литератора, проверяет, учит. Она иной раз так «уточняет» наши заранее сочиненные схемы, что ничего от них не остается... Каюсь, Иван Иванович увел меня от заданной темы.

Ему шестьдесят два года. Очень высокий, до удивления прямой старик. Он прожил эти шесть десятков так, как ему хотелось. Он достиг того, что, по его представлениям, нужно человеку для счастья. Значит, это счастливый человек. Ученики его любят, коллеги уважают, он много работает, он любит и уважает свое дело.

В институте мы поднимались с Иваном Ивановичем по лестнице на четвертый этаж. Шагал он быстро, без законной одышки. Навстречу шла преподавательница кафедры, одна из его учениц.

— Софья Петровна, — остановил ее Назаров, — я вас сейчас удивлю. Помните, вы интересовались словом «ведь». Что это, по-вашему?

— Ну... Видимо, повелительное наклонение от глагола «ведать». Или, возможно, аорист...

— Нет-нет, гораздо интереснее! Слушайте. Я вчера только докопался...

Тут же, на лестнице, с тяжеленным портфелем в руках, Иван Иванович пустился в объяснения.

Мне говорили, он без памяти любит музыку: как-то его видели плачущим в концерте. Зимой доценты с кафедры пригласили его на встречу Нового года. Он явился с букетом живых цветов. Сам вырастил, у себя дома. А на вечере молчаливый сидел, скучный. «Иван Иванович, не нравится вам?» — «Что вы; голубушка, все чудесно... Но вот методика — помните, мы обсуждали? — не идет из головы...» Он бывает рассеян, одно время забывал вывязывать галстук; вдруг после занятий видят его: торопится Иван Иванович, да не домой, совсем в другую сторону. «Куда вы?» — спросит кто-нибудь из студентов. «Слушайте, — ответит он. — Пойдемте со мной. На Волгу. Только, чур, не шуметь... Я уж неделю там не был. Посидим, помечтаем...»

Но к чему я это? Да, он хороший, добрый, милый человек. Снимает ли это мою тему? Нет, конечно. Ведь у Ивана Ивановича — ни степени, ни звания. Просто я узнал славного человека, и теперь мне труднее будет критиковать его... В схеме все выходило проще. Воображаемый мой «некандидат» был сухарем, бездарью, чиновником от науки. И его не любили ученики. И уж во всяком случае, он молодежь ничему научить не мог. А этот учит. В первый же день я узнал в институте, что Иван Иванович читает курс истории русского языка, и современный язык, и старославянский, и введение в языкознание, и спецкурс по глаголу, и сравнительную грамматику славянских языков. Очень хорошо читает, студенты любят его лекции.

Почему же он не доцент, не профессор?

Еще случай. Как-то в воскресенье друзья (у Ивана Ивановича полна Казань друзей) пригласили его за город, в астрономическую обсерваторию. Леса там хороши, река близко, можно погулять, порыбачить. Он приехал, зашел на минутку в старинную библиотеку и... застрял в ней до вечера, и откопал шестьдесят писем В. В. Стасова В. П. Энгельгардту, основателю обсерватории. Великий критик рассказывал в них о Глинке, о Репине. Иван Иванович опубликовал бесценные письма, ввел их в научный обиход... Случайность? Но письма десятки лет пролежали в пыльных шкафах. Может, еще бы столько пролежали, не приди сюда энтузиаст, влюбленный в науку.

Почему же нет у него ученой степени?

Кандидат наук должен сдать экзамен по языку. Знание хотя бы одного иностранного языка обязательно... Иван Иванович знает шесть языков — немецкий, французский, польский, чешский, болгарский, сербский. Это не полный перечень. Он не пишет в анкетах, что читает по-английски, что отменно владеет татарским, знает украинский, белорусский, башкирский. Таким образом, есть все основания полагать, что экзамен по языку Иван Иванович как-нибудь бы осилил.

Для кандидатского минимума нужно сдать экзамен и по специальности. Тут дело обстоит сложнее: некому сдавать, в пединституте все лингвисты — ученики Ивана Ивановича, они сами приходят к нему за советом. В университете кафедрой заведует доцент Х.У. Усманов — и он учился у Назарова. Можно бы, конечно, выехать в другой город, но Иван Иванович — председатель зонального объединения кафедр русского языка. В это объединение входят семь республик Поволжья, десятки городов, в нем множество профессоров и доцентов. И труды их выходят в свет под редакцией Ивана Ивановича.

На пути кандидата наук есть еще одна серьезная преграда: по правилам необходима публикация «работ по темам диссертаций или самих диссертаций». Я видел, каких невероятных усилий стоило иным кандидатам пробиться в печать... У Ивана Ивановича опубликовано около сорока научных работ и статей. Мне говорили, что оригинальное его исследование «Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности», напечатанное несколько лет назад, вполне могло бы служить диссертацией. Маловат, правда, объем: около трех печатных листов. Но Иван Иванович

дописал бы вначале положенную «историографию вопроса», добавил бы «научный аппарат» в конце — методика известная... Так в чем же дело?

— Он не хочет,— объяснил мне доцент Устюжанин, давний друг Ивана Ивановича.— У него ведь не то чтобы кандидатский минимум — «максимум» в руках! Сколько раз мы подкатывались к нему, и официально, и по-дружески. Подавай, говорили, диссертацию, в городе твое имя известно, пройдешь с легкостью. Не хочет. Молодой был — не гнался за степенью, делом был увлечен. А теперь не хочет, и все тут. Большой, доложу я вам, оригинал! У него ученицы, девчонки, вышли давно в доценты, а он уклоняется. Принципиально уклоняется. Я уж говорил ему, что глупый это принцип. Ну почему он, работая больше всех, должен получать меньше всех? Ты же, говорю ему, полторы сотни выкладываешь каждый месяц из кармана. Не в деньгах, говорит, счастье.

Да, счастье, конечно, не в деньгах. И все же одну историйку, связанную с «презренным металлом», мне хочется здесь рассказать. В том же институте работает доцент (со степенью и званием), который больше года судился со своими коллегами из-за сорока трех рублей. Семнадцать учреждений занимались этим делом, доцент дошел до Верховного Суда. Суд претензию отклонил. Доцента вызвали в горком партии: «Подумайте, что вы делаете. Из-за паршивых сорока рублей мараете имя коммуниста. Бросьте!» — «Я не из жадности, — сказал доцент. — Я из принципа!» На партсобрании взяли его в работу. Он сообразил наконец, что дела его плохи. Кинулся признавать свои ошибки: «Когда я подавал в суд, на меня, товарищи, затмение нашло. Я, товарищи, глубоко не прав...» — «А как же деньги?» — опросили из зала. «Меня обсчитали!» — воскликнул доцент. Он был до конца принципиален.

На эдаком фоне принципы Ивана Ивановича, который годами «выкладывал из кармана» половину зарплаты, приобретают еще больший вес. Но не будем очень уж их перетяжелять. Думаю, что и он не отказался бы от лишних денег. Полагаю, что и ему приятен был бы почет, каким сполна оплачиваются у нас звания и степени разного рода. Так что не стоит делать из Ивана Ивановича странного чудака. Тут есть другое, более простое объяснение. Вот рассказ о том, как было упущено время, необходимое для научной карьеры.

Восемнадцати лет парень из рязанской деревни попал на фронт. Был рядовым лейб-гвардии Преображенского полка. Участвовал в Февральской революции. Во время выборов в Учредительное собрание голосовал за большевиков. В октябре семнадцатого воевал за Советы. Потом гражданская война, он был в гаубичном артполку, брал Уральск вместе с чапаевцами, устанавливал советскую власть в Туркестане, боролся с басмачами. С 1920 года — в партии.

Языками заинтересовался еще в деревне: пригнали туда пленных немцев, и странно ему показалось, что они «по-своему» болтают. Французский язык взялся изучать по другой причине: читал любимейший роман «Войну и мир», и очень ему не понравилось, что многие фразы Толстого надо читать в примечаниях. Потому-то, завоевав (в самом прямом

смысле слова) права на учение, крестьянский сын первым делом взялся за «дворянский» язык. Ему повезло, учителями его были в институте замечательные русские лингвисты В. А. Богородицкий и Е. Ф. Будде. Он специализировался по славянским языкам, заинтересовался тюркскими, и все ему было мало и жаль было тратить время на писание диссертаций.

С 1941 года — снова в армии. Был батальонным комиссаром. Воевал под Москвой, под Ленинградом, дошел до Кенигсберга, демобилизовался в Порт-Артуре. Он прошел войну как солдат. Но оставался при этом и ученым-лингвистом.

— Пройдет сто лет,— объяснял он мне,— явится новый Толстой, задумает новую «Войну и мир». И захочет узнать, как война изменила язык... Вот готовлю к печати что-то вроде словаря: «О некоторых лингвистических наблюдениях в языке эпохи Великой Отечественной войны». Тут личные воспоминания, фронтовые блокноты, выписки из дивизионных газет...

Кончилась война. Тут бы ему и засесть на полгода, на год за оформление диссертации. Момент был, как говорится, подходящий, защита давалась тогда сравнительно легко. Но он в ту пору уже вполне сознательно и принципиально не желал тратить время на эти, с его точки зрения, пустые формальности. С 1946 года в послужном списке И. И. Назарова значится: «Декан факультета, заведующий учебной частью института, заведующий кафедрой...» Он увлекся организацией учебы, занялся методической работой, писал учебники, воспитывал учеников. К слову сказать, вот уже тридцать лет вся Татария учится русскому языку по учебникам И. И. Назарова. Учебники эти выдержали около двадцати изданий. Без всякой натяжки можно сказать, что сотни татар аспирантов, доцентов, профессоров, тысячи татар учителей были учениками Ивана Ивановича. А «свое», «личное» как-то все у него откладывалось.

— Слушайте,— сказал мне Иван Иванович,— хватит об этом. Честное слово! Одно и то же, одно и то же. «Иван Иванович, пиши». «Иван Иванович, защищай». «Иван Иванович, когда же?» Да пропади оно пропадом! Неужели нельзя прожить жизнь без званий? Я ведь работаю, занимаюсь наукой — это главное. А денег нам с женой хватает. Она у меня, в отличие от многих профессорских половинок, работает. Она врач. И дочка у меня хирург, такие операции делает!.. Вы мне поверьте: не за блага земные тружусь. И давайте кончим об этом.

Но я уже не мог отступить.

Ладно, поверим Ивану Ивановичу: не нужны ему ни почести, ни деньги. Он — это следует подчеркнуть — никогда разговора сам не заводил, никуда не обращался, за себя не хлопотал. Он работал и получал полное удовлетворение от своего труда. И как бы там ни относились к степеням и званиям, никто ведь не мог помешать Ивану Ивановичу работать и впредь.

Однако так ли это?

Всякий раз, когда в пединституте начинался очередной конкурс на замещение штатных

должностей, все заслуги Ивана Ивановича мгновенно отступали на задний план, а на передний выходило все то же — нет у человека ни степени, ни звания. Формально для любой комиссии какой-нибудь только что остепенившийся доцент был выше, чем «просто Назаров»... И однажды Ученый совет института все-таки дрогнул: на место Ивана Ивановича избрали одного юного доцента. И он благополучно развалил работу кафедры за какой-то год. Пришлось снова звать старика, извиняться перед ним, долго его уговаривать. И снова он приступил, к работе. Так сказать, до следующего конкурса.

Вот почему не мог я «кончить об этом».

Человек-то, грубо говоря, был незащищен. Писать на старости лет специально ради звания диссертацию он не хотел, не мог. Работать без этого звания ему было трудно. Есть ли тут выход?

Оказалось, есть.

Я узнал, что Министерство высшего и среднего специального образования СССР давно уже ратует за «привлечение к научно-педагогической деятельности высококвалифицированных работников...». В приказе № 744, изданном еще 17 июля 1957 года, в пункте «4» особо указывалось, что «после успешного выполнения этими лицами (без степеней и званий) в течение семестра порученной в вузе работы советы высших учебных заведений могут представлять их Высшей аттестационной комиссии (ВАК) на утверждение в звании профессора или доцента».

Но ведь это все в точности было про нашего Ивана Ивановича! Он превеликое множество семестров выполнял «порученную работу», и весьма успешно. И он, как мы знаем, поистине высококвалифицированный специалист... Короче говоря, Казанский пединститут обратился в ВАК с просьбой дать И. И. Назарову ученое звание доцента.

Ответа ждали без малого десять месяцев. Ответ пришел за подписью заместителя ученого секретаря ВАКа:

«Высшая аттестационная комиссия не находит оснований для удовлетворения ходатайства совета института об утверждении т. Назарова И. И. в ученом звании доцента ввиду отсутствия у него ученой степени кандидата наук.

Основание: пункт № 33 инструкции от 4 апреля 1957 г, О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий».

Приложение: материалы личного дела т. Назарова И. И, на 15 листах».

Вот такая отвратительная бюрократическая отписка. Над чем тут думали десять месяцев? Ни мысли, ни внимания к человеку, ни умной оценки его многолетнего труда, ни элементарной логики. Все гораздо проще: «Вы нам пункт 4-й? А мы вам, извольте, 33-й!» И весь разговор.

Я понимал, конечно, что случай с Назаровым, как говорится» не типичен. Тысячи, десятки тысяч советских ученых сумели, занимаясь наукой, защитить диссертации. Одно не мешало или, точнее, не слишком мешало другому. Звания приходили со зрелостью, как награда за содеянное и как аванс на будущее. И люди стократ оплачивали этот аванс... Но справедливо ли было, что человек, трудившийся, так сказать, вовсе без аванса и многое сделавший для науки (и именно потому, быть может» не сделавший диссертации), ученым вроде бы и не считался?

Грустно говорить об этом, но разве мало у нас доцентов, весь научный багаж которых в одной лишь диссертации и заключен. Высидев ее, хudosочную, никому решительно не нужную, они тут же забывают о науке и... до конца своих дней носят титул «ученого». Степень есть, а за ней — пустота.

По-видимому, этим пролазам и проходимцам в науке с каждым годом живется трудней. На пути их воздвигаются все новые преграды, их все строже экзаменуют, проверяют все придирчивее, хлещут в фельетонах все злее. Но, странное дело, их не становится меньше: лезут и лезут. На то они и пролазы, чтобы лезть. На то и проходимцы, чтобы проходить.

Чтобы бороться, по-настоящему бороться с этими деятелями, приносящими науке гигантский вред, нужно поднимать людей, подобных Назарову. Да-да, именно так! Надо путь, которым он шел в науку, по крайней мере приравнять в правах с обычным «диссертационным путем». А потом задуматься: всегда ли нужны они, эти специально для степеней сочиняемые диссертации?

Весьма убедительный пример приводил однажды академик М. А. Лаврентьев. Директор физического института, серьезный ученый, за высокую квалификацию которого поручились виднейшие наши академики, вынужден был забросить все дела и целый год заниматься склеиванием старых своих работ, дабы соблюсти требуемую ВАКом формальность. Кому это было нужно? Ему самому? Науке? Народному хозяйству?

Разумеется, речь не о том, чтобы всех подряд делать кандидатами и докторами, доцентами и профессорами — просто на основании длинного послужного списка или добротной характеристики месткома. Оговорка, к сожалению, нужна: перегибать палку мы большие мастера. Хуже этого ничего и придумать нельзя. Но если перед вами ученый, настоящий ученый, то не понуждайте его тратить время на «оформление» готовых, признанных работ.

Надо поддерживать таких людей, полной мерой воздавать им должное, присваивать им степени и звания непосредственно за новые открытия, крупные изобретения, учебники, книги. Присваивать *Honoris causa* (по причине заслуг). Этот путь не нов, известен исстари, но уж больно редко вспоминаем мы о нем. А надо, повторю я, хотя бы уравнивать его в правах с обычным путем.

Вот почему столь интересной, поучительной, принципиально поучительной представляется мне судьба старого коммуниста, участника трех войн и двух революций, ученого-педагога — «просто Назарова».⁹²

Вашу руку, Иван Иванович!⁹³

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА ФЕДОРОВА

92 После того, как был опубликован этот очерк, после еще двух выступлений газеты на ту же тему, И. И. Назаров был утвержден в звании доцента, а вскоре награжден орденом Ленина, с чем я от души поздравил его — (прим. А. Аграновского).

93 «Известия», 1961 г. // <http://journ.elsu.ru/read011.htm>

Интеллигенция — слово русское. Было время, когда переводчики Чехова на английский, немецкий, французский испытывали затруднения с этим словом. Само собой, имелись в тех языках «интеллектуалы», «люди умственного труда», «копф-арбайтеры»; но понятия эти не были обременены морально-этическим и общественным смыслом. Это в России интеллигенты шли в народ, потом — вместе с народом, потом начали выходить из народа, вырастать из гущи народной. Это по-русски интеллигентность давно уже перестала быть одною только образованностью. Потому-то у нас и возможны словосочетания, в других языках противоестественные: «интеллигентный рабочий» или «малоинтеллигентный писатель».

Не следует об этом забывать. Не надо думать, что интеллигентность выдается человеку вместе с дипломом, раз и навсегда. Что ее, как университетский значок, можно нацепить на себя, а можно при случае и снять. Нет, понятие это помимо общей культуры, помимо тонкости душевной включает в себя и высокое сознание, и общественную активность — качества, которые человек подтверждает всю жизнь и всей своей жизнью.

А само слово, повторяю, русское. Корень латинский, а слово все равно русское. Французы до сих пор берут его в кавычки, как иноязычное. У англичан оно утвердилось прочней, но если вы заглянете в словарь «Вебстер», то на странице 1291 прочтете: «И н т е л л и д ж е н т с и а — от русского *интеллигенция...*» Вошло наше слово в другие языки, как в старые времена «самовар» и «степь», как после революции «большевик» и «совет», как в последние годы «спутник».

В этой статье я хочу рассказать о мечтаниях, поисках, срывах, удачах одного русского интеллигента. Судьба его, на мой взгляд, поучительна и не лишена самого живого интереса. Надо писать о докторе Федорове. Пора.

Я познакомился с ним в 1960 году.

Это был молодой человек, широкоплечий, энергичный, безупречно одетый и, сразу видно, умница. Лицо его выражало волю и спокойную самоуверенность. У него были крепкие скулы, коротким, чуть вздернутый нос, широкие насмешливые губы, упрямый ежик на голове. Еще мне с первой встречи запомнилась его манера, слушая и отвечая, смотреть собеседнику прямо в глаза.

Он пришел ко мне с неожиданной просьбой. Ему нужна была справка о том, что он, Федоров, *не* просил о нем, о Федорове, писать в газете. (Замечу для ясности, что я к той давней публикации отношения не имел.) Без такой справки, полагал он, ему конец. Всей его работе конец.

Федоров работал тогда в Чебоксарах, в филиале Государственного института глазных болезней имени Гельмгольца. Там он и сделал редкую операцию, с которой начались все его беды. Возможно, вы уже слышали о «вживлении» искусственного хрусталика в глаз человека — об этом много было толков. Сама-то операция прошла успешно. Как-никак Федоров больше года готовился к ней, ставил опыты на кроликах, искал дельных мастеров, и один из них, слесарь-лекальщик, помог изготовить хрусталик из пластмассы. И

вот двенадцатилетняя Лена Петрова, которая из-за врожденной катаракты с двух лет не видела правым глазом, стала этим глазом видеть — успех!

А потом появился очерк в местной газете: врач-новатор, слесарь-умелец, девочка из чувашской деревни — все было преподано в наилучшем виде. А потом появилась перепечатка в одной из центральных газет, где врача-новатора назвали по ошибке директором филиала, чем навеки сделали его врагом действительного директора... Беда, если про вас напишут в печати! Худо, если раскритикуют,— это каждому ясно. Но вы покаетесь, и вас простят. А вот если похвалят вас, о, тут найдутся люди, которые никогда вам этого не простят.

Короче, Ф дорова в Чебоксарах тривиально съели. Он кинулся в Москву, но и там его встретили недружелюбно. После я познакомился с противниками молодого врача. Я ожидал встретить бюрократов, а увидел ученых. Поставьте себя на их место, читатель: что узнали вы? Мальчишка, первый, быть может, случайный успех, а шуму! Да и не первый он: подобные операции уже делали в Англии, в США, в ГДР, и у нас в Москве была одна за месяц до чебоксарской (вставили стеклянный цейссовский хрусталик). Больно уж этот Федоров пробивной, больно уж смахивает вся история на саморекламу.

Это были «мешающие подробности», с которыми сталкивается время от времени каждый литератор. Детали, которых лучше бы ие было, которых лучше бы не замечать, не знать. Я мог, конечно, многое возразить. Не мальчишка, а опытный хирург, кандидат наук. Не одна операция, а четыре: он успел прооперировать еще троих. И потом он действительно не просил писать о нем, газетчики узнали о редкой операции от самого директора филиала — это-то факт.

А отдаленные результаты? — сказал мне. Что станет дальше с этой девочкой? Приживется ли в глазу инородное тело? Не будет ли осложнений? Да и мало ли что... Нельзя трезвонить в печати, нельзя раздувать сенсацию, возбуждая надежды у тысяч больных людей, пока нет у нас отдаленных результатов.

— Сколько надо ждать? — спросил я.

— Лет пять...

Вот и прошло пять лет,

Чебоксары лишились Федорова.

Я мог бы, конечно, сказать, что Федоров лишился возможности работать в Чебоксарах, но вполне сознательно написал так, как написал. Дело давнее, можно посмотреть па все на это трезвыми глазами.

Знаете ли вы, что такое провинция? Откуда идет она? За какие провинности именуется провинцией?.. До Чебоксар сегодня лету столько же, сколько в былые времена добирались до Кунцева. Новости узнают в тот же миг. Читают те же газеты, смотрят те же передачи, да и дома строят, в общем, такие же, как в Черемушках. Видимо, ни расстояние

от столицы, ни этажи, ни асфальт уже не могут служить мерилем провинциальности, подобно тому как образованием не мерится интеллигентность. Что же тогда? Я не буду оригинален: застой мысли — вот мерило. Несамостоятельность мысли, оглядка на центры.

Московские офтальмологи только сомнение выказали — для Чебоксарского филиала это уже директива. Там поморщились — тут говорят, там слово скажут — тут спешат с оргвыводами, там чихнут — сюда этот чих доносится раскатами грома. И вот уже операция, которой вчера еще гордились, признается «механистичной», «антифизиологичной» и даже «антипавловской». Федорова вдруг посылают в дальнюю командировку, а вернувшись, он обнаруживает, что драгоценные кролики с пластмассой в глазах подохли: их попросту перестали кормить. Директор филиала самолично берется осматривать больных, которых оперировал Федоров. Он делает это без участия Федорова (что само по себе неслыханно), он сперва изучает в темной комнате глазное дно, а после, выведя больных на яркий свет, дает читать таблицу. Острота зрения выходит вдвое ниже, чем на самом деле (впоследствии это проверялось не раз), но директор знает: в центре будут его данными довольны. Ради этого можно врачебной этикой и пренебречь. Как говорят в таких случаях: «До интеллигентности ли тут было!»

Суть полемики уже забыта, остались захолустные пересуды, зависть, чванство, и Федорова уволили с работы, сказавши хором, что-де у нас н е з а м е н и м ы х нет. И это было более чем глупо.

В ту пору, не имея отдаленных результатов, я не мог писать о докторе Федорове. Но редакция «Известий» вмешалась в **его** судьбу, и он был на работе восстановлен. Он был восстановлен и вскоре уехал из Чебоксар, потому что продолжать исследования ему там все равно не дали бы. Федоров подал документы в Архангельский мединститут, прошел по конкурсу заведующим на кафедру глазных болезней и перебрался туда, а у меня тоже нашлось много неотложных дел... Тем и окончилась история тогда, в 1960 году. Архангельск заполучил Федорова.

Да, конечно, провинция — понятие не столько географическое, сколько социальное, нравственное. Можно в столице обнаружить «людей из захолустья», и можно в самом глухом уголке страны встретить людей заметных, ярких, возбуждающих желание подражать им. Неоценима и мало еще оценена их роль... Грани стираются — это все знают. Между городом и деревней, между периферией и центрами. Порой мы представляем себе этот процесс как нечто сугубо постепенное. На деле он слагается из скачков, на деле и тут мы идем революционным путем. Гот и задумайтесь, к примеру, над подвигом окулиста В. П. Филатова, который сделал свой город одной из офтальмологических столиц мира. Это ведь был огромный сдвиг в сознании, когда слепцы потянулись за исцелением в Одессу — из других городов, из других стран.

Год назад я встретил в Москве инженера Ратчина, уральца. По пути на север он останавливался у своего столичного дяди, и тот долго вразумлял его: «Зачем Архангельск? Живи у меня, иди здесь на операцию, вся профессура в Москве!» Но Ратчин все же поехал, операция ему помогла — думаю, что прозрение племянника и дядюшке раскрыло

глаза. Взгляды его на «провинцию» и «провинциалов» претерпели, как говорят окулисты, необходимую коррекцию.

Научной провинции нет и быть не может, потому что нет науки второго сорта. То, что не настоящая наука, то не наука вовсе. С удовлетворением я могу отметить, что офтальмология развивается у нас широким фронтом, что сегодня нельзя всерьез оценивать ее успехи, не вспомнив о трудах таких ученых, как профессор Т. Бирич (Минск), профессор Т. Ерошевский (Куйбышев), профессор М. Попов (Смоленск), профессор В. Шевалев (Киев), профессор А. Нестеров (Казань), профессор Б. Протопопов (Горький),— перечень можно продолжить. И хотя судить об итогах работ доцента С. Федорова (Архангельск) рано, есть уже основания думать, что и этот город становится одним из центров науки о глазных болезнях... А в Чебоксары больные из других областей не едут. Увы!

Как делаются открытия?

Началось с того, что Федоров отправился в часовую мастерскую... Или нет, до этого он долго думал о своей работе и о своей жизни. Нашло серьезное настроение мысли, и Федоров не

смог уснуть и все курил, ворочался. Зачем он живет на земле? Чего добился? Куда идет? В чем вообще назначение человека? Было это после первой серьезной неудачи, которая постигла его в Архангельске: глаз после операции воспалился, искусственный хрусталик пришлось удалить. Почему? Видимо, не всем подходит эта модель, надо искать новую, надо сделать ее лучше, точнее, а где? С огромным трудом удалось «пробить» заказ в институт, изготавливающий медицинское оборудование, но выполнять заказ там не торопились... «Эдак вся жизнь пройдет,— думал Федоров.— Я ж на месте топчусь!»

С утра он отправился в часовую мастерскую. Кто-то сказал ему, что там работает один дельный парень, и он нашел этого парня и рассказал ему о своей затее. Новый хрусталик нужно было на тонких дужках укреплять в глазу. Часовщик Виктор Смирнов недели две сидел после этого по вечерам и, представьте, сделал миниатюрный пресс для изгибания капроновых нитей. Теперь надо было высверлить для дужек микронные отверстия в хрусталике, и Федоров нашел еще одного «левшу», бывшего театрального художника. Борис Михайлович Венценосов полтора месяца выточивал «перовые» сверла. К сожалению, они только для металла были хороши, а в пластмассе вязли, но Федоров запомнил, с какой бескорыстнейшей готовностью взялся старик ему помогать. Он пошел на Маймаксанский завод, и литейщики сделали ему отливки для прессов. Он пошел на «Красную кузницу», и мастер Павел Лукьянович Третьяков сработал отличную приставку к операционному столу. Все это бесплатно, из любезности, «за так».

Ничего еще, в сущности, не было готово, но Федорова уже охватило то счастливое расположение духа, когда все решительно кажется возможным и, глядишь, действительно удастся все.

Он приехал в Ленинград, пришел на часовой завод, собрал в пересменку рабочих и все им показал: чертежи, расчеты, снимки. Вот таинственная шарообразность глаза, вот

«полюса» его, вот «экватор», так и называют их врачи; глаз — целый мир, в нем для человека целый мир, худо незрячим, но можно иной раз и помочь, были бы «запчасти»... Мастера передавали из рук в руки крохотный хрусталик, смотрели вдев лупу в глаз, и после долгих споров высокий консилиум постановил: сверлить можно. Уникальный станочек сделал Николай Васильевич Лебедев, механик.

Оставалось самое сложное — пресс-формы для выделки хрусталиков. За это никто на заводе не брался. Сказали, что был у них раньше один старик, тот мог бы сделать, если жив. Как фамилия его? Каран. Где искать? На Васильевском острове, где-то он жил в подвале... Разумеется, Федоров облазил все подвалы, потом догадался зайти в адресный стол, людей с такой фамилией оказалось в Ленинграде четверо, и вот наконец нужная улица, нужный дом, подъезд и медная дощечка на двери: «Каран Александр Модестович». Получил за это время новую квартиру.

Я был у него там, видел этого молчаливого, худого, с втянутыми щеками старика. Вот так же просто встретил он Федорова, будто давно его ждал, и так же слушал, не перебивая. Только когда пришла с кошелкой жена, стал громко переспрашивать: «Так как вы меня нашли? Завод подсказал? Никто, говорите, не взялся? Помнят, значит, Карана!» Впоследствии, чтобы как-то отблагодарить старика, Федоров пригласил его в Архангельск. Александр Модестович очень гордый, в белом халате ходил по больнице, ручно здоровался со всеми, заглядывал больным в глаза (там уже сидели его линзы), а врачей учил штамповке, с ними держался академиком, да он и был академик в своем деле. «Это что! Вот когда я с Вавиловым работал, Сергей Ивановичем...» Пресс-формы он сработал на совесть, последнюю шлифовку делал шелком, хрусталики выходили чистые, как капля росы.

Что вам сказать дальше? Понадобилась Федорову гидрофильная пластмасса, и ленинградские ученые-химики И. Арбузова, Л. Медведева и другие взялись «на общественных началах» синтезировать ее. «Сто восемнадцатый опыт дал работающую пластмассу»,— сказала мне Лидия Ивановна Медведева. Можете вы себе представить: 118-й! Химикам понадобилось знать механические свойства глаза — упругость, растяжимость, прочность. В литературе таких данных не оказалось,— видно, не были раньше нужны. Федоров пошел к ученым-физикам Е. Кув-шинскому и С. Захарову, и те сделали специальные приборы, сами выполнили все замеры. Вдруг дал о себе знать слесарь-лекальщик С. Мильман из Чебоксар, тот самый, что делал первый хрусталик: прислал новую модель, очень перспективную. «Было время и вдохновение...» — писал он в письме. Формовать линзы помог Федорову ученый-оптик А. Нижин, прибор собственной конструкции для определения глубины глаза подарил ему ученый-медик А. Горбань, жидкую силиконовую пластмассу синтезировали для него московские ученые-химики Т. Красовская и Л. Соболевская, и так далее, и до бесконечности...

Теперь, когда многое вам известно, самое время будет предоставить слово оппонентам моего героя. Вот что писал, например, один из них — профессор, известный офтальмолог:

«...Операция извлечения мутного хрусталика сейчас технически очень хорошо

разработана. Огромное число людей после операции по поводу катаракты (так называется эта болезнь) хорошо видит в очках.

Однако в качестве очередной зарубежной «сенсации» рекламируются попытки вставлять внутрь глаза искусственные линзы, которые себя не оправдали. Оказалось, что от такой операции больше опасностей, чем пользы».

Спор, как видите, не исчерпан.

Работа Федорова все *еще* «сенсационна» в том смысле, что самые разноречивые слухи ходят о ней. Медлят с окончательной оценкой некоторые ученые, излишне торопятся некоторые журналисты. Вот и недавно мелькнула вдруг в печати статья, где в качестве последней «новинки» рекламировалась... все та же пятилетней давности чебоксарская операция. И снова хмурились солидные профессора, снова винили Федорова в саморекламе, и невдомек им было, что он автора этой статейки и в глаза не видал. Но, с другой-то стороны, и они, профессора, в Архангельск не ездили, и они новых данных Федорова не знают, и они больных не смотрели. Между тем «попыток» у него, прямо скажем, много: доктор Федоров сделал уже шестьдесят две такие операции!

Что ж, споры — вещь полезная, мнения в науке могут быть разными, и ничего худого нет в том, что один ученый покритиковал другого ученого. Тем более что офтальмолог, выступивший против Федорова,— ученый крупный, имеющий большие заслуги перед отечественной наукой. Тем более что некоторые основания для осторожности у него были. За рубежом, в условиях бесконтрольности, рекламы, погони за наживой, эту операцию кинулись делать десятки малоквалифицированных окулистов, и были осложнения, были даже случаи гибели оперированных глаз, и тогда наметилась «тенденция к отходу»... Так что спорить тут было о чем. Беда в другом. Беда в том, что мнение критика в данном случае целиком разделял председатель Всесоюзного офтальмологического общества. На той же позиции стоял главный окулист Министерства здравоохранения СССР. Полностью был согласен председатель проблемной комиссии по офтальмологии Академии медицинских наук СССР. А говоря попросту, на всех этих ответственных постах пребывал один и тот же человек — уважаемый профессор, статью которого я цитировал,— с самого начала он был против работ доктора Федорова.

Родится ли истина в таком споре?

Нет, я не могу сказать, что Федорову все время активно мешали. Все эти годы мы не встречались с ним, но время от времени я писал ему, и он находил время отвечать. За пять лет скопилась целая пачка писем, и в основном это были бодрые письма.

«Мы ломим, гнутся шведы...— писал Федоров в одном из них.— Наши штатные единицы заполнены.

И химик есть, очень дельный, и механик. Механиком оформили А. М. Карана, недавно опять приезжал сюда, привез станок собственной конструкции. По-моему, удачный.

Коллектив на кафедре тоже сложился, хорошие врачи, студенты-кружковцы. Виталий

Яковлевич Бе-дилло, наш хирург, не только освоил всю технику операции, но увлекся изобретательством, сделал несколько новых инструментов. А Валерий Захаров, студент, так наловчился паять, сверлить, штамповать, что мы называем его «слесарь-офтальмолог». Помогают и больные. Попал в больницу Виктор Смирнов (помните, часовых дел мастер) — в общую хирургию, а все вечера торчит с Валерием в мастерской. Инженер с Урала (односторонняя катаракта) наладил нам фотолабораторию, студент-физик из Горького (уже прооперировали) делает нам оптические расчеты, аспирантка из Ленинграда переводит статьи с английского. Эксплуатируем их самым бессовестным образом...»

Мой герой давно уже не был изобретателем-одиночкой. Судя по письмам, в Архангельске его поддерживали коллектив института, обком партии, облисполком, у него и в Министерстве здравоохранения СССР появились сторонники,— словом, сбить Федорова с ног было уже трудно. Но каждый шаг давался ему таким тяжелым трудом, таким невероятным напряжением, что, оглядывая этот путь, я поражаюсь сегодня, как он мог пройти его до конца.

А вот, однако же, прошел.

Тут только открылась мне вся огромность, вся неопределимость всеобщей человеческой дружеской поддержки, которую снискал этот человек в пору своих «хождений по людям». И я восхитился ими и подумал, что в истории этой до конца проявили себя новые отношения между людьми. А после подумал, что будь они, эти отношения, введены в плановое русло, сделано было бы в сто раз больше. Все же домны мы не строим на общественных началах. Все же спутники мы не запускаем в свободное от работы время.

Теперь насчет «вреда» и «пользы».

Лена Петрова учится сейчас в десятом классе, о своем искусственном хрусталике и думать забыла. Недавно снова была у Федорова: у нее за эти годы созрела катаракта на втором глазу. Федоров сделал новую операцию, вставил второй хрусталик, и теперь, как писала мне Лена, она «вовсе стала искусственной-цей». Я получил письма от многих больных. М. Черноусов (Архангельск) : «Работаю опять на тракторе, а глаз не краснеет, не болит...» М. Кулишенко (Киев): «Со дня операции прошло четыре с половиной года. Вижу поверхность дерева, тканей до мельчайших ворсинок. Вам, может, и не удивительно, но тот, кто терял это, меня поймет. Я ведь, ко всему, художник...» В. Горбунова (Татария): «Прошло все легко, даже боли не чувствовала. На четвертые сутки открыли глаза, делали перевязку, и я старалась смотреть и впервые увидела чисто Федорова...» В. Борисов (Архангельск): «На ремонте бил молотком, и отскочил осколок в правый глаз. Через год я им видел только ощущение света. Тов. Федоровым и тов. Бедилло мне была сделана операция, вставили новый хрусталик. Прошло семь месяцев, зрение имею 0,5, а с очками— 1». П. Летанин (Челябинск): «С радости каждое утро проверяю себя, беру коробок спичек и читаю все, что написано, даже какая фабрика. Вдаль вижу за километр. Сперва, конечно, меня не пускали на паровоз, а последняя комиссия разрешила...»

Как же можно писать, что операция «себя не оправдала»? Риск? Безусловно, есть, как во всяком новом деле; были у Федорова и неудачи, в двух случаях (из 62) глаз после операции воспалился, и хрусталики пришлось удалить. Но ведь и после обычных операций, по поводу катаракты, которые делаются уже 210 лет, бывают осложнения. «Тенденция к отходу»? Да, в некоторых странах она наметилась. Но крупные окулисты Чойс (Англия), Бинкхорст (Голландия), Барраквер (Испания), с которыми переписывается Федоров, работу продолжают. Они сделали уже более двух тысяч таких операций. Как же можно отбрасывать все это, планируя тем самым отставание нашей офтальмологии на пять — десять лет? А вдруг да они окажутся правы. Будем тогда вприпрыжку поспешать за ними?

Заканчиваю: недавно в Москве, в Министерстве здравоохранения СССР, обсуждалась работа кандидата медицинских наук, доцента Святослава Николаевича Федорова. Я был на заседании и могу засвидетельствовать, что разговор шел, серьезный, доброжелательный и деловитый. Отмечались некоторые недостатки этой работы (например, слабый экспериментальный аспект исследований), но вместе с тем говорилось о необходимости создать все условия для того, чтобы Федоров мог этот самый аспект усилить. В целом же решение было направлено исследования одобрить, а самые исследования всемерно развивать.

Прошлым летом мы встретились с Федоровым на берегу Черного моря. У меня был отпуск, и у него был отпуск, я заехал к нему на денек в дом отдыха «Туапсе». Мы сидели на пляже, не спеша говорили о жизни, я присматривался к нему. Нет, победы зря не даются, что-то утратил за эти годы мой давний знакомый, чуть припухли веки, строгие черты появились около рта. Но прежнее ощущение недюжинной силы исходило от этого человека. Выпуклые мышцы, квадратные плечи, великолепно вылепленный торс... Он выжал стойку на руках и так, на руках, пошел к воде. Он не хотел прыгать на одной ноге, а второй у него нет: отнята чуть ниже колена. Федоров потерял со семнадцати лет, тогда и решил стать врачом.

Я знаю, мне говорили очевидцы, что в Красноярске во время конференции врачей он лазил со всеми на знаменитые гранитные «Столбы» и первым поднялся на вершину. Он самолюбив, Федоров. Бегаёт на лыжах по Северной Двине. Таскает из города в город свой двухпудовик. По шахматам у него первый разряд. По плаванию на всесоюзных соревнованиях общества «Медик» он занял второе место. А в Чебоксарах плавал стометровку — первое место.

Откуда в нем эта напористость, сила воли, сила добиваться своего?.. Пожалуй, ничего он не утратил из сильных сторон старой русской интеллигенции, в нем есть мягкость к людям, есть желание добра, внутренняя честность, есть самостоятельность или, как говорил Л. Н. Толстой, гордость мысли. Но, чтобы пройти путь, который выпал ему, этого было мало. Доброта его исполнена силы, и ему просто с народом, и нет в нем чувства неуверенности перед пародом, потому что он сам — народ. Внук мужика, сына

конармейца, коммунист, интеллигент⁹⁴.

Обещан был рассказ об открытии доктора Федорова. Что ж, вы уже знаете, что в Архангельске создаются новые модели хрусталика, отличные от зарубежных. Но не будем спешить: это только первые шаги. Ведутся интересные эксперименты с «кератопротезом» (пластмассовой заменой мутной роговицы), но и тут делать выводы еще рано. Сделано шестнадцать операций с применением жидкого силикона; в одном из случаев, спасая безнадежный глаз, они заменили пластмассой до двадцати пяти процентов стекловидного тела, и глаз уцелел. Но пусть и об этих поисках судят сами ученые,— им виднее.

Главное открытие доктора Федорова я вижу в другом: он сумел обратить на пользу своей пауке действенную силу нашей новой морали, понял, что можно прийти к любому человеку и, если благородна цель и полезна Отечеству, человек обязательно поможет. Доктор Федоров открыл для себя советский образ жизни, открыл советский характер. И потому победил. Спасибо ему за это.

1965

Как я был первым⁹⁵

Хорошо быть первым. Первым узнать, первым поспеть, первым написать... Я приехал в село Полковниково на Алтае ранним августовским утром. Приехал до сообщений радио, которые сделали это село всесветно известным. По моим расчетам, оставалось еще часа полтора, когда я вошел в тихий дом Титовых. Блаженная тишина стояла вокруг, пели птицы, хозяйка варила варенье из крыжовника, хозяина не было — ушел в совхозный сад, и все казалось мне важно, все исполнено было особого смысла, и я был первым... Если не считать корреспондента «Красной звезды», который, как выяснилось, жил в селе уже пятый день. Чтобы как-то легализовать свое положение, он объявил, что приехал порыбачить. Удочки даже купил. Так они и остались в саду Титовых памятником долготерпенью журналиста.

Время шло, и я отправился за хозяином дома, В своей книге «Два детства» Степан

94 А время движется, не стоит на месте, и, наблюдая за судьбой героев, автор видит все новые перемены. Операций по вживлению искусственного хрусталика проведено уже около тысячи, пользы этих линз не отрицает никто, «отдаленные результаты» насчитывают двенадцать лет. Лена Петрова, самая первая пациентка, стала учительницей в родной деревне, недавно пригласила профессора на свою свадьбу.

Да, Федоров защитил докторскую диссертацию, стал профессором, возглавил кафедру в одном из столичных вузов, руководит большой московской клиникой. Отмечу кстати, что и после переезда его в Москву Архангельск остается одним из наших офтальмологических центров: исследования, весьма интересные, там продолжает кандидат медицинских наук Виталий Яковлевич Бедилло.

Московская клиника С. Н. Федорова (в ней я тоже побывал) оснащена операционными микроскопами, телевизионными и радиосистемами, новейшими приборами. На кафедре и в проблемной лаборатории, открытой по приказу министерства, работают около ста тридцати научных сотрудников, инженеров, мастеров. Что еще? Федоров участвовал в конгрессах в Голландии, Англии, США, в нью-йоркском госпитале «Мэйфлауер» он провел несколько операций. Между прочим, хрусталики привез для этого советские, свои, на которых его умельцы даже текст ухитрились поместить. И когда американские врачи будут проверять глаза Энн Дилаберти или Джин Эггелл, которым Федоров вернул зрение, то на хрусталике, по кромке его, смогут прочитать: «Сделано в СССР».

95 Впервые напечатано в "Известиях", 1962. // <http://agranovsky.ru/history/roots/papa.htm>

Павлович Титов описал нашу встречу: «Где-то на краю сада зашумела машина. Ко мне в малину шел высокий черноволосый человек. «Корреспондент «Известий» Аграновский», — сказал он...» Мы поговорили с ним немного, и я все думал, как бы увести его из сада, и тут закапал дождь, дав мне для этого отличный предлог. Когда мы приехали, в доме были корреспонденты «Правды». Двое. Глянув на часы, они небрежно эдак сказали, что неплохо бы послушать радио. Включили, заиграла музыка. Конечно, Титовы волновались, догадывались о чем-то, но не спрашивали. Александра Михайловна велела мужу переодеться, потому — неловко при таких гостях сидеть в затрапезном, и он скинул грязную куртку и взял чистую косоворотку, да так и остался с нею на коленях. Потому что мы услышали: «...Пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором товарищем Титовым Германом Степановичем».

Все смешалось в доме Титовых, все заговорили разом, мать заплакала, отец утешал ее, прибежал рыбак Из «Красной звезды», в дверь стучался собкор «Совет-скоп России», запахло валерьянкой, откуда-то с улицы к окнам лезли фоторепортеры, вытапывая цветничок, сверкали блицы. Я вышел на крыльцо. Сестра Германа Зима, стесняясь войти в дом, мыла босые ноги дождевой водой, по селу с криком бежали мальчишки, впереди мальчишек бежал, сгибаясь под тяжестью магнитофона, корреспондент Всесоюзного радио. И пошло, закрутилось.

— Был ли послушен?

— Да, слушался.

— Отличник был в школе?

— Ну... нельзя сказать,

— Когда пошел?

— Восьми с половиной месяцев. Побежал, засмеялся, упал, снова пошел.

- А какие у него увлечения?

По улице начальник райсвязи лично тянул телефонный провод к избе Титовых. Только включили аппарат — звонок. Тише, товарищи, тихо! Москва на проводе. Снова слышно стало пение птиц. Степан Павлович взял трубку: «Слушаю... Да, Титов, Он самый и есть... Да, слышу. Благодарю... Ну что я могу сказать... Весьма рад, польщен, что мой сын служит государству... что ему партией поручено великое дело... А кто говорит? «Учительская газета»?..» В доме строчили уже в двадцати блокнотах. Зажатый в углу старик сосед рассказывал; «Я Германа Степановича, можно сказать, знаю с трехлетнего возраста...» Дружественные редакции кончали разграбление семейных альбомов. Корреспондент журнала «Огонек» пытался взять интервью у меня. В темных сенях делили школьные тетради космонавта.

Я подумал: слава ворвалась в этот дом, топоча сапогами, шумная, потная, бесцеремонная. И мне захотелось как-то это все остановить и не хотелось участвовать в этом, и только через много дней я понял, что без этой колобродицы Титовым было бы худо, что публичное одиночество, на которое обрекли их шумные газетчики, было в эти самые длинные в их жизни сутки спасением для них.

Пришла Анна Ивановна, сухонькая старушка в белом платке, мать Степана Павловича. Была она с утра у родных в соседней деревне, дрова помогала пилить, осле поели, а тут люди бегут: «Ваш Герман в космосе!» Вот и явилась пешком за десять верст. Всем совала

прямую ладонь и представлялась: «Его бабка... Его бабка...»

Пришел парень в соломенной шляпе и кавалерийских галифе. Уже пьяный. Объявил громко, что он с Германом учился в пятом классе. «Как звать-то?»— спросила мать. Парень густым басом: «Коля».— «Ну заходи, Коля, гостем будешь». Он зашел и все никак не мог замолчать, «Это надо же! На одной парте с ним сидел. Во Герка дает! Во дает! Сибиряки, они всюду».— «Наука!» —наставительно сказала бабка. После этого кто-то из газетчиков увел парня интервьюировать на огород.

Пришел Билей, старинный друг Титовых, управляющий отделением совхоза. У этого была своя тема. «Как думаете,— спрашивал у меня,— может он приземлится у нас? Так сказать, на родимой земле. Я полагаю, политически это будет правильно, а?.. Конечно, посевы он потравит, скажем, гектаров сто. Но это себя окупит». Вниз от дома Титовых уходили поля, перелески, низкие облака плыли над ними. Билей оглядывал все хозяйским глазом, и великие планы роились в его голове.

Подъехал к дому грузовик, вышел шофер, здоровенный, чумазый от пыли, спросил, где Титовы, ему показали, и он подошел к Александре Михайловне и поклонился ей в пояс. Я пишу только то, что сам видел и слышал: действительно поклонился. И сказал: «Счастливо, мамаша! Счастья вам за вашего сына. Я в его возрасте. Еду с Телецкого озера, услышал по радио и вот сошел с трассы. Конечно, за это отвечу... Вы не бойтесь, мама. Все будет хорошо». И тогда мать заплакала и обняла шофера, и они поцеловались, и тут новосибирская кинохроника (была уже и хроника) решила, что надо это снять на киноленту. Шоферу велели умыться. Он умылся. Велели помыть машину. Он помыл. Велели отъехать от дома и снова подъехать. Он отъехал, подъехал, и тут выяснилось, что снимать нельзя: грузовик — «студебеккер». Безвыходное положение! Шофера попросили сесть на другой грузовик, благо, их в селе много было, но он наотрез отказался: «Мою старушку весь Алтай знает!» Еще он сказал, что ходит этот «студебеккер» с войны, ремонтировался сто раз, своего в нем внутри почти не осталось. Тогда ему велели подъехать к дому задом, кинокамера застрекотала, снова он поклонился матери, но только и тени не было от прежней сцены.

Народ все прибывал. Подъехало кое-какое начальство. В саду Титовых устроили обед для гостей, принесли откуда-то дощатые столы, клубные сколоченные в ряд стулья. У матери появилось занятие — кормить гостей. Закуски готовили все соседки Александры Михайловны. Председатель райисполкома сказал тост: «Ну, чтобы русской ногой ступил твердо на русскую землю!» Директор совхоза: «Раз вы родили такого сына, то обязуемся поставить вам новый дом». Солнце шло к земле, высвечивало края свинцовых туч. «Там погоды нет»,— говорил отец. Председатель сельсовета утешал его: «Я как чувствовал. Как увидел корреспондентов, ну прямо враз догадался. Мужайся, Степан Павлович. Быть митингу».

Журналистов было уже с полсотни. Я, должен сознаться, поглядывал на братьев соперников с некоторым чувством превосходства. Откуда оно взялось — доложу позже. А пока замечу, что степень информированности была прямо пропорциональна расстоянию органов печати от данного села. Москвичи явились первыми и овладели положением прочно. Потом прилетел военкор из Владивостока. Потом, как сказано, новосибирцы. Потом прикатило взмыленное барнаульское телевидение. Кажется, им еще досталось

одно школьное сочинение Германа и одна его грамота за участие в самодеятельности. Поздно ночью прибыл представитель венгерского радио (фамилия хозяев звучала с иноземным ударением: «Титов... Титов...»), за ним — корреспондент «Нойес лебен». И только на следующий день, когда родителей космонавта повезли на аэродром, чтобы отправить в столицу, тогда только примчались двое из районной газеты. Титовых они все-таки догнали, из машины извлекли.

— Ну что ж ты! Снимай скорей!

— Пленка кончилась...

Но до этого утра надо было еще дожить... Шумный бивак журналистов постепенно затихал. На постой их ставили по соседям, по сеновалам, некоторые укатили поближе к телеграфам и телефонам, чтобы передать свои сообщения. Я никуда не поехал... Что это была за ночь! Небо висело чистое-чистое. Млечный Путь пролег над, самым домом Титовых, В третьем часу ночи скрипнула дверь. Степан Павлович вышел на порог и стоял долго, глядя на небо: где он там? Хоть бы двигалась какая звездочка.

Утром он рассказал мне свой сон. Приснилось ему, как снимал сына на тыквах. Пришла такая фантазия снять пирамиду из тыкв, чтобы запечатлеть обилие урожая. На самой вершине маленький Гера, года три ему было. Только нацелился снимать, а тыквы расплзлись, а малыш вниз. Падает, кричит, испугался, падает, а никак не добежишь помочь... После в одной из газет я прочитал такие слова, якобы сказанные отцом космонавта: «Нет, за сына мы нисколько не беспокоились, потому что мы верили в силу науки, которая...»

Прокричали петухи, забрезжил рассвет, солнце заиграло в листве. В шесть утра прокашлялся репродуктор, мы замерли... «Передаем арии из оперетт». Ну конечно! Это ведь местная станция, Москва еще спит. Лихие голоса пели: «Милости просим в квартиру сорок восемь». Степан Павлович утешал жену: «Ешь. Если б что не дай бог... не играли бы оперетку». Наконец в семь по местному Москва передала: полет продолжается, самочувствие хорошее, с летчиком-космонавтом поддерживается двусторонняя связь.

Снова явились братья журналисты. Выпытывали недоспрошенное, собирали недособранное, соколами кидались на телеграммы: «Целинники приветствуют...», «Привет от моряков Тихоокеанского флота...» Барнаульское телевидение пыталось потихому умыкнуть Титовых в город — отца, мать, сестру космонавта, бабушку восьмидесяти лет. Но Александра Михайловна сказала строго: «Нет. Мы дома, у родных корней дождемся вести». Глава телевизионщиков понял, что так оно и будет, однако посетовал: «Со временем у нас туго. Мне бы только поспеть в последние известия. А дорога, сами понимаете. Может, все-таки...»

Удивительно, должен я сказать, держались Титовы. Бремя славы, нежданно свалившееся на них, приняли они с редким достоинством. Были просты, радушны, по-настоящему интеллигентны. Все время оставались самими собой, а это ведь всего трудней... Я подумал: показать бы их такими, какие они есть, ничего не присочиняя, со всеми их разговорами, подробностями быта. Подумал: всегда надо доверять жизни, описывать ее достоверно и просто.

Сообщить мне осталось немного. Почему специальный корреспондент «Известий» мог в этой толчее оставаться спокойным? Почему не бежал на телеграф, не рвал тетрадки из рук

у коллег? На то были свои причины. Во-первых, учитывая вечерний выпуск моей газеты, я мог с сообщениями не спешить. Во-вторых, я знал, что в редакции уже имеется, написан, набран большой материал о Германе Титове; приоритет «Известий» был таким образом обеспечен. Он был обеспечен еще раньше, треть века назад, но об этом рассказ особый. А время, как ни медленно, шло. Часам к четверем стало тихо в доме, журналисты поразбредлись, было сумрачно, мы сели перекусить — творог, хлеб, молоко, и тут раздались позывные Москвы, снова позывные, и еще раз, и первые слова Левитана: «Успешно произвел посадку...»

— Ну вот... ну вот,— повторял Степан Павлович.— Я ведь говорил, я говорил, все будет хорошо. Говорил ведь?.. Ну что ты плачешь.

На следующее утро в большом сибирском городе я встретился с человеком, о котором заранее знал, что понять его будет непросто. Я готовил себя к этой встрече, спешил, потому что днем позже он не стал бы со мной говорить. Я не предупреждал его, мне надо было застать этого человека врасплох. Просто пришел к нему рано утром, представился: - Аграновский, спецкор «Известий».

Что-то шевельнулось в его глазах, и я понял: знает меня. Читал или слышал. Я сказал:

— Меня интересует Топоров. Вы ведь, кажется, были с ним знакомы?

— Позвольте...— сказал он.— Это вы писали о Топорове? В «Известиях»... да, в тысяча девятьсот тридцатом году.

— В двадцать восьмом,— сказал я.

— Плохая была статья,— сказал он.— Вредная.

В 1928 году мне было шесть лет. Но статья была, это точно. Вернее, был фельетон, тот старого типа фельетон «подвалом», каких нынче почти не знаем мы, фельетон несмешливый, строгий. И подпись под ним стояла: «А. Аграновский»,— я уже привык, меня и раньше путали с отцом. В 1928 году отец приехал в глухую алтайскую деревушку, была сильная вьюга, это был край света, тогда это было очень далеко. В избе, куда ввалился он, девочка по имени Глафира читала книжку. «Что читаете?» — спросил отец. «Генриха Гейне...— смутилась она.— Ах, нет, простите! Генриха Ибсена». А старик, хозяин избы, приметив, как удивила гостя эта обмолвка, сказал: «Поживи у нас, не то узнаешь. Тут старые бабы и те Ибсена знают». И отец увидел чудо. Увидел коммуны «Майское утро», где каждый вечер шли в клуб старики и молодые, детишек здесь уже укладывали спать на мохнатых шубах и читали — Толстого, Тургенева, Лескова, Горького, Лермонтова, Короленко, Некрасова, Бунина, Писемского, Помяловского, Муйжеля, Григоровича, Гоголя... «Весь Гоголь! — сказали отцу.— Так и пиши: весь Гоголь, весь Чехов, весь Островский!»— «Мы и на новую напираем!» И снова град имен: Всеволод Иванов, Сейфуллина, Лидин, Катаев, Джон Рид, Бабель, Демьян Бедный, Есенин, Шишков, Леонов, Новиков-Прибой, Уткин... «Когда вы все это успели?»—«Восемь лет, паря! Восемь лет изо дня в день, каждый вечер в клубе». И снова записывал отец и признавался, что он, «московский писарь», со всеми его гимназиями и университетами, чувствовал себя в этой нахлынувшей волне щепкой: «Мольер, Ибсен, Гюго, Гейне, Гауптман, Мопассан, Метерлинк... Пиши, пиши еще!»

«Белинскими в лаптях» назвал их отец, потому что сибирские бабы и мужики не только читали вслух книги, но обсуждали их, выносили приговоры, и учитель, затеявший это,

записывал суждения — из них составила впоследствии удивительная книга «Крестьяне о писателях» (она вышла с предисловием отца). Но, разумеется, специальный корреспондент «Известий» попал в далекую деревню не случайно. За пять тысяч километров от Москвы он приехал, чтобы защитить учителя. Его травили там. Почему?

«Потому,— писал А. Аграновский в фельетоне «Генрих Гейне и Глафира»,— что творить революцию в окружении головатяпов чертовски трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, революционного, живого. Вот и все. Разве это недостаточно?»

Фельетон был опубликован в годовщину революции — 7 ноября 1928 года. Кончался он так: «Давайте же запомним имя учителя: Адриан Митрофанович ТОПОРОВ». И я запомнил это имя с детских лет.

О нем, о Топорове, и шел у меня треть века спустя разговор с человеком, о котором я знал, что он-то и есть главный гонитель Топорова, антипод Топорова, кровный враг Топорова... Почему торопился я? Потому что глухая алтайская деревушка, где побывал когда-то мой отец, и стала большим селом, в котором я был накануне. Потому что при мне родители космонавта рассказывали журналистам о Топорове: он учил Титовых, вывел Титовых в люди. Я понимал, что завтра же это все появится в газетах, и тогда вряд ли человек, сидящий передо мной, захочет быть откровенным.

— Жив, говорите, Адриан Митрофанович... Ай-яй-яй! Я думал, и косточки его истлели, да-а... Что ж, о теперешнем его не буду говорить: данных у меня нет. Может, он и исправился. Вон Алексей Толстой графом был, а пользу все ж таки принес государству. Зачем старое поминать? Но статейкой вашей вы, товарищ Аграновский, нам, старым борцам, плюнули в душу, да. Вся эта *топоровщина*...

— Скажите, есть у вас факты, хоть один, что Топоров был против советской власти? Ведь он коммуны строил, воевал с Колчаком.

Задумался мой собеседник. Настороженный, маленький, усохший какой-то, опирается тяжело на палку... Господи, сколько уж лет минуло, старики оба, а нет предела вражде, весь он пропитан старой злобой и продолжает обличать, скрипучий голос его наливается вдруг тонкой силой, а я втянут в спор, начатый отцом. Будто и не прерывался спор.

— Да нет,— говорит он.— Вы просто судите. Факты. Какие еще факты? Топоров, он умело маскировался. Но материал кое-какой у нас был, да... Я тогда работал в Косихе, заведовал школой. А рядом со школой была КК и РКИ. Контрольная Комиссия и Рабоче-Крестьянская Инспекция, серьезный орган по тем годам. И мне предложили быть внештатным инспектором, хотя всего лишь комсомолец. Но я парень был бойкий. Вызывают однажды и говорят: «Как смотришь, поехать в школу «Майского утра»? Есть сигналы оттуда... Понимаешь, надо». И я поехал, хотя зарплата там ниже. А о Топорове и не знал до этого: «Есть там учитель... Присмотрись, собери материал, что плохого о нем говорят и прочее». Ну, приехал в «Майское утро»... Он, должно, и не помнит меня, куда там! Может, помнит, что был такой парень, который из коммуны выселял его, а фамилию-то забыл. Что ж, человек я маленький, а он высоко себя ставил. Да, высоко! Начитанный был, этого не отнимешь. А у меня какое образование? Имел, конечно, опыт массово-политической работы с крестьянством, тут меня тёрли. А он, Топоров, мог большие цитаты из Маркса — Ленина наизусть говорить, ловок! Вы учтите обстановку, очень близко к сердцу я все

принимал: вот он, затаившийся враг, и я знаю, что враг, а поймать трудно. Ведь он и музыку знал, и был у него оркестр, два даже — народных инструментов и такой, со скрипками. Вообще-то ничего выдающегося, сейчас вон у нас какие капеллы, но мы тогда считали, что это буржуазное влияние. Не я один, вышестоящие товарищи приезжали и твердо на это указывали.

(Откровенно говоря, я рассказчику не поверил: это уж было слишком. А после попал мне в руки такой документ: «Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от текущих политических задач...», — это из докладной двух инспекторов окружного колхоз-союза.)

— Теперь о моральном облике Топорова. Гордый был чересчур. По руке здоровался с немногими. Страшно самомнительный — это его недостаток. Мылся всегда в своей бане. По-белому. Были случаи, я лично видел, отчитывал мужиков, как барин какой: «Что у тебя, времени не было помыться?» Корову имел свою, она стояла в общей стайке, но молоко пил только от своей коровы. Почему? — спрашивается. Молока в коммуне хватало, пять копеек литр, и всем нам давали, а он свое пил молочко-то! Вот вам его моральный облик, самый настоящий. Что нам еще не нравилось в его действиях? Вот эта книга Топорова — в ней ведь бедняцкой прослойки, можно считать, нет. Бедняку не до книжек! Я сам-то с Тюменской области, у нас хуже жили; я как приехал, все удивлялся, как это на Алтае считают: десять гектаров — не кулак. И народ упрям, у нас народ легче. У нас, скажем, у зырян, хлеб у кулака изымаешь, а он же тебя яйцами угостит и на перину уложит, да-а... Вы учтите, тогда это все болезненно воспринималось, не как сейчас. Почему один ходит с голой пузой, а у другого смазные сапоги? Почему читкам этим привержен? Какое у него прошлое?.. И как мы стали кулаков выявлять, так Топоров до того дошел, что открыто на собрании выступил некоторым на защиту: мол, они воевали в гражданскую и вообще труженики. Но белое оно и есть белое, его в красное не переокрасишь, да! Все ж таки их раскулачили. Чья правота? Фамилии? Не помню сейчас. Блиновых там было семей пятнадцать, полдеревни Титовых...

Задумался, вспоминая.

— Да-а, Топоров. Он на меня так смотрел всегда... Как все равно на стекло: видит и не видит. Гордый! Знал ведь, что я приехал неспроста, и я знал, что он знает, а ничем, видишь, не показал этого. Сквозь смотрел! Ну ничего, материал мы все ж таки собрали. А уж когда перед КК и РКИ поставили его, тут я сидел в центре, а он перед нами стоял. Час целый стоял... Говорил-то он красно.

Вот главный подвиг жизни этого человека, предмет тайной гордости, да и не тайной даже — сказал же он мне об этом, до сих пор вспоминает с упоением: «Я сижу — он стоит». Что еще? Топорова из коммуны в конце концов выжили, с чтением книг покончили, оркестр разогнали, последнюю скрипку нашли на чердаке и сломали мальчишки что-нибудь году в тридцать восьмом, просто так... Степан Павлович Титов сказал мне о гонителях Топорова: «Зависть, думаете? А умеют ли они завидовать? Это ведь тоже сильное чувство. Чтобы завидовать, надо хотя бы понимать величие того, чему завидуешь. Нет, это хуже зависти. Это желание извести, растоптать все, что лучше, умнее, выше тебя... Как они только живут на свете?»

Живут. И один из них сидит передо мной, смотрит на меня сквозь толстые стекла очков, и я вижу, что за все эти годы он так ничего и не понял, не разоружился и хоть встревожен визитом, а стоит на своем и все еще Убежден, что правильно прожил свою долгую, ровную, пустую жизнь.

— Конечно, — говорит он, — вы, писатели, можете все написать, что вам охота. Но если сейчас появится опять про Топорова, да еще в похвалу, то это для нас, старых борцов, будет оскорбление. Лучше вы не пишите. Не советую вам, товарищ Аграновский. Что же тогда выйдет, что напрасно все? Зря? Это было прекрасное время, лучшее время: преданным людям верили, несогласных умели осадить, и все шло чинно-благородно. И учтите: мы не сами решали. Мы только выполняли указания... Понимаете меня?

Да, я понял.

Две жизни стояли у меня перед глазами — его жизнь и жизнь Топорова. Он полагал свою удачной: учился помалу, других учил, дом выстроил себе уютный с садом, и была в его положении устойчивость, и не было передраг. Он лукавит, когда говорит, что «только выполнял указания»: по-разному выполнялись они, да и разные были указания. Топорова защищали райком и райисполком, его поддерживали «Известия», «Правда», и, скажем, под статьей в защиту Топорова, напечатанной в «Советской Сибири», стояла подпись первого секретаря окружного комитета партии. Так что не все тут было просто и однозначно. Топоров и на Урале, куда он перебрался с Алтая, воевал с дураками, и там писал колючие селькоровские заметки, и не нажил добра, а нажил врагов, и снова собирали на него «материал»... Очень трудная жизнь.

Но человек всегда был и по сей день остался самим собой: он размышлял, негодовал, восторгался, писал статьи, сотни статей, писал книги, отстаивал свои воззрения, и всегда его окружали интересные люди, он переписывался, встречался, дружил с В. Вересаевым, С. Подъячевым, А. Новиковым-Прибоем, Н. Рубакиным, Ф. Гладковым, П. Замойским; в романе «Горы» В. Зазубрин с него, Топорова, писал своего героя Митрофана Ивановича; когда в театре «Майского утра» (был у Топорова и театр) ставился «Недоросль» и заболел пастух, игравший Вральмана, его вызвался заменить заезжий корреспондент — это был Борис Горбатов; книга Топорова «Крестьяне о писателях» стала хрестоматийной, записи эти читал Горький — читал, как он выразился, *захлебываясь от восторга*. Какая же это чертовски богатая, завидная жизнь!

Я не написал еще толком о Топорове, хотя впоследствии ездил к нему, и он был у меня в гостях, при мне встретился старик с Германом Титовым, — я не довел до печатных страниц давнюю эту, можно сказать, от отца унаследованную тему. Но над книгой думал, к ней готовился и в третьем томе «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» наткнулся на весьма любопытное место. Три письма помянуты там: Горький написал их одно за другим. Первое — в Сибирь, где он даёт отзыв о записках Топорова, второе — в Калугу, где справляется о делах и нуждах Циолковского, третье — Макаренко на Украину. И еще одно письмо — тогдашнему редактору «Известий» И. И. Скворцову-Степанову: Горький просит послать корреспондента в Куряж, чтоб защитить Макаренко... Я подумал: должно быть, и сейчас живы те, кто отнял у Макаренко Куряж, кто травил его, мешал работать. Может, они и лекции читают о великом педагоге. А что мы знаем о них? Что помним мы о тех ученых мужах, которые третировали «самоучку из Калуги», издевались над его

«фантазиями»,— нам ведь даже имена их неизвестны. Мудро ли это — забывать гонителей? Я не суда требую, не наказаний — боже упаси,— но помнить, знать имена... Так думал я, а глянул на старика, сидящего передо мною, и понял вдруг, как не просто было бы для меня назвать здесь его подлинное имя. Ведь он стар и болен, и у него семья, и вот сейчас смотрит на меня, и дрожит за стеклами страх... Не знаю, не знаю.

— Нет, — сказал я ему. — О Топорове писать будут, обязательно будут. Вы слышали по радио: в космосе был Герман Титов. А он родом из той самой деревни, из «Майского утра». И родители его при мне сказали журналистам, что всем лучшим, что есть в них, они обязаны своему первому учителю — Топорову. Так что ничем не могу вам помочь: будут теперь о Топорове писать.

Долго он молчал. Мы сидели с ним в школе, просторной и чистой, в пустом классе, он за учительским столом, я на передней парте, пахло ремонтом, солнечные квадраты лежали на крашеном полу, а впереди висела черная, не тронутая еще мелом, блестящая доска... Я думал об этом споре длиною в жизнь. Худший враг любого, даже самого хорошего дела — тупой исполнитель. Давно уже сказано: заставь его богу молиться, он и лоб расшибет. И ведь что характерно: не себе — настолько-то он не дурак! Все другим норовит расшибить. И оправдание наготове: он не сам придумал, его «заставили». Заставь дурака... А кто победитель? — думал я дальше. Макаренко — победитель. Циолковский — победитель. Потому и забыты гонители их, что повержены. И Топоров — победитель. Так было, так будет. Так должно быть.

— М-да... — сказал он наконец. — Вот уж действительно гора с горой не сходится... Я ведь тогда письмо к вам написал. В газету «Известия ЦИК», так называлась. Отразил ошибки... Конечно, как я тогда понимал.

— Получили ответ?

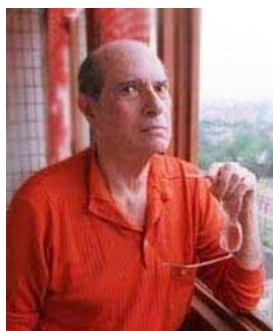
— Я политическую дал оценку, с точки зрения обостренной классовой борьбы,— сказал он.— Идеино написал, а ответ был несерьезный, я помню... Дескать, вы беретесь сулить о Топорове, который на десять голов выше вас, а в вашем письме, письме учителя, шесть грамматических ошибок. И все. И подпись: А. Аграновский.

...Много раз меня путали с отцом: у нас ведь имена начинаются с одной буквы. В тот год, когда умер отец — в командировке, в деревне Большое Баландино, — в тот год вышла моя первая книга, отец еще читал ее. В одной из рецензий было написано: «Автор книги — недавно умерший талантливый советский журналист». Меня часто путали с отцом, который был мне учителем и самым большим другом, но никогда еще, пожалуй, я не ощущал с такой ясностью, что стал продолжателем дела отца.

— Вы знаете, статью о Топорове писал не я,— сказал я этому человеку.— Статью писал мой отец. И письмо вам писал мой отец. Но я написал бы то же самое. Слово в слово.

1962

Валерий Аграновский

Валерий Аграновский родился 2 августа 1929 года в журналистской семье. Его отец Абрам Аграновский работал в ту пору спецкором *Известий*, а затем, до рокового 1937, - в «Правде». После того как родители были репрессированы, семилетний Валерий вместе со старшим братом, которому было четырнадцать лет, остались «чезэсирами» (членами семьи изменников родины). Родителям повезло: они были реабилитированы раньше других – в 1942 году. Им разрешили вернуться из Сибири в Москву, а отцу – в журналистику. До своего последнего дня Абрам Аграновский публиковался и умер в командировке от журнала «Огонек», в котором работал специальным корреспондентом.

Трудно быть сыном известного журналиста, но еще труднее одновременно быть и братом замечательного «писателя в газете», как называли Анатолия, когда он по стопам отца пришел в «Известия»; Валерий стал спецкором «Комсомольской правды». Надо сказать, что каждый представитель династии Аграновских умел петь своим собственным, непохожим на других, голосом. Старший в династии по образованию был врачом, его старший сын – учителем, младший – адвокатом. За спиной Валерия Аграновского уже пятьдесят лет журналистского стажа, если первой публикацией считать статью, напечатанную в 1948 году в журнале «Пионер», когда автор учился на втором курсе Московского юридического института. После пяти лет адвокатства Валерий в 1955 году окончательно ушел в журналистику и семнадцать лет отдал «Комсомольской правде».

В 1965 году В. Аграновский стал членом Союза писателей СССР. Перу Валерия принадлежат многие острые публицистические статьи и очерки в центральных газетах и журналах, социально-педагогическая повесть «Остановите Малахова!», ставшая потом пьесой, которая шла по всей стране. Валерий Аграновский стал автором многих книг: «Взятие сто четвертого», «Лица», «Белая лилия», «Кто ищет...», «Профессия: иностранец», «Капля добра», «Последний долг», «Ради единого слова» и др. В. Аграновский вел персональную рубрику «Сюжет Аграновского» в популярном журнале «Власть» и является консультантом издания «Огонек», а также занимается преподавательской деятельностью, ведет спецсеминар под названием «Основы журналистского мастерства».

Умер Валерий Аграновский 11.11.2000.

ГОВОРЯТ БЫВШИЕ НОРИЛЬЧАНЕ⁹⁶

⁹⁶ Аграновский В. А. Последний долг : Жизнь и судьба журналистской династии Аграновских с прологом и эпилогом : в восп., свидетельствах, письмах с коммент., док., фот., 1937-1953. - М. : Academia, 1994

Автора приведенного ниже письма Сергея Львовича Щеглова я нашел с помощью работников архива Норильского комбината, куда обратился в 1986 году с просьбой, как написал я, «имеющей одновременно общественный и личный характер»: помочь мне в поиске книги отца, написанной в Норильске в период с 1938 по 1941 год. Книга называлась «Записки журналиста» и была посвящена встречам папы с известными политическими и литературными деятелями. Мне было известно только то, что писались «Записки» в трех тетрадях с проштемпелеванными страницами, а когда папу в октябре 1941 года перевезли в Красноярск для нового расследования, завершившегося прекращением дела, они пропали: то ли были изъяты начальством, то ли отданы отцом кому-то из его товарищей по лагерю на хранение. В письме я еще писал, что просьба моя не из легких, хотя я очень надеюсь на сочувствие работников архива и некоторый энтузиазм, так как дело благородное. В ответ мне было сообщено, что рукописи нигде нет, зато есть адреса людей, прицельно занимающихся историей Норильска. Так я получил тувльский адрес С. Л. Щеглова и завязал с ним переписку.

В одном из писем к С. Л. Щеглову, которого мне пока не удалось увидеть, зато удалось понять, что он человек теплый и неравнодушный, я так объяснил свой печальный интерес ко всему пережитому норильчанами — интерес, кстати, возникший у меня давно: «Я понял, что все, связанное с тем временем, когда страдали мои и наши родители, одновременно и боль моего поколения, и его исцеление».

Мои мотивы были поняты и нашли искреннее сочувствие. С Сергеем Львовичем мы переписываемся до сих пор и уже знаем, что будем верны нашему долгу перед невинно загубленными.

1 декабря 1988 года

(С. Л. Щеглов — мне в Москву)

Уважаемый Валерий Абрамович!

В ответ на Ваше письмо посылаю выдержки из писем моего друга И. А. Шамеса с воспоминаниями об А. Д. Аграновском. Не все, должно быть, точно в этих записках по фактологии, не все оценки и высказывания несомненны. Сам автор писем за два десятилетия прошел немалый путь, обогатил познания, в том числе и по династии Аграновских — это заметно. Все же, думаю, что-то из этих записок может пригодиться Вам, какие-то детали, имена, факты помогут нарисовать картину некоторых сторон жизни Абрама Давидовича в первоначальном Норильске. Заодно посылаю и ту часть письма, которая касается лично Вас и Вашего брата. Все взаимосвязано. Желаю успеха в работе над «Последним долгом».

P. S. Ваше письмо тронуло меня теплотой и товарищеским вниманием, которые теперь, знаете, как-то редко встречаются. Вы пишете, что Ваша матушка отбывала срок в Сегеже, а потом в Казахстане. Моя мать тоже десять лет провела в Карагандинской области, адрес ее был — п/о Долинское. Там она и умерла в лагерном стационаре, будучи уже свободной, но

не в силах выйти на свободу. Это случилось в августе 1947 года. Я подумал: а не вместе ли они были, наши бедные матери? Еще раз всего Вам доброго!

Искренне Ваш С. Щ.

22 января 1964 года

(из письма И. А. Шамиса С. Л. Щеглову)

«Алексей Гарри* дружил с Абрамом Аграновским. Они жили в 15-м бараке и спали рядом. Абрам Давидович Аграновский был врач по образованию, журналист по призванию, работал в «Правде». Его фельетоны читали все современники. Реабилитировали Аграновского до смерти Сталина, но дальше Красноярска он не двигался. Печатался несколько раз в «Огоньке» (после реабилитации). Остались два его сына, один—Валерий —работает в «Литературной газете», другой — тоже, кажется, журналист**. Аграновского уважали в нашем бараке (там же был «цвет»!), а Гарри относился к нему, мне кажется, чуть-чуть с иронией...»

30 января 1972 года

(из письма И. А. Шамиса С. Л. Щеглову)

«Об Аграновском. Что могу сказать? Мне кажется, что он был несколько выше среднего роста, подтянутый. Обходительный. Был он фельетонистом, но в Норильске ему пришлось обратиться к своей специальности врача, но не лечебного, а санитарного. Наши терапевты и хирурги, занимавшиеся врачеванием, помнится, смотрели на его деятельность, как мы, работяги, смотрели на «придурков». Справедливо это было? Не знаю. Мне и подобным мне, воспитанным на «Правде» и фельетонах М. Кольцова, Д. Заславского, А. Аграновского, А. Зорича, ничего не оставалось, как с большим почтением относиться к А. Д.

В его бараке жила, мне кажется, вся тогдашняя «элита»: прежде всего, проектировщики и остальные представители «мозгового центра» (ИТР). Вагонок тогда не было и в помине, спали сплошняком на нарах в два этажа, разделенных довольно узким проходом. В конце «секции» стояла печка, вечерами раскаленная докрасна. Верх печки был уставлен сплошь эмалированными кружками, в которых варился чай — прямо-таки варился, подолгу, аж до черноты.

У самой печки и были места Гарри и Аграновского и инженера Максуты, моего давнишнего друга, страстно влюбленного в Алексея Гарри и буквально за ним ухаживающего. Максута чай кипятил, брил многих (лезвие от «самобрейки» он долго точил об стенки кружки, затем вставлял в деревянную щетку и—бритвенный прибор готов), но прежде всех брил он Гарри, затем бороду и голову Аграновского. И обшивал он Гарри, и в бане мыл... Вот у печки-то и собирались, сживали на нарах Гарри — Аграновского и вели

* Алексей Николаевич Гарри, журналист-известинец, легендарный человек (в Гражданскую был ординарцем у Г. Котовского). Как и папа, попал под реабилитацию в 1942 году. Судьбы его не знаю.

** Лучше, конечно, обо мне а не о брате сказать: «тоже журналист», хотя в тот год я действительно был в «Литгазете».

- 118 –

разговоры до самого отбоя. Центром был Гарри, о чем только он не рассказывал! И об экспедиции Нобиле, о своих поездках за границу. Кстати, о Мальмгреме тогда говорили, что его съели попутчики, когда они ушли от красной палатки. (В картине, ты помнишь, Сережа, показано, что Цаппи и Марцано похоронили Мальмгрема: где ж правда?) Рассказывал Гарри о поездке с авиационной делегацией в Рим и о приеме, устроенном Муссолини в честь нашей авиаделегации.

Все это помню по зиме 1939—1940 годов, и снежная, и пуржистая была зима, и морозы здоровые! Однажды сам видел термометр на площадке, показывающий минус 51°. Но было тихо, воздух застыл. Мы не работали, но в зону почему-то не уводили, мы то и дело бегали в метеобудку. Сегодня мне мерещится, что Гарри говорил нам еще о том, что был на «Красине» от «Известий». Время делает свое дело: из памяти исчезает многое, особенно у людей немолодых. Извлечь из ее глубин обилие деталей — нелегко, хотя и возможно. Тут, как в химическом растворе: для кристаллизации нужна какая-то затравка, кусочек какой-нибудь бросить в стакан или хотя бы палочкой стеклянной о стенку потереть...»

1 марта 1972 года

(из письма И. А. Шамиса

С. Л. Щеглову)

«Интересны воспоминания об А. Д. Аграновском в Норильске врача З. И. Розенблюма. Был я, Сережа, 25 февраля (стало быть, в пятницу) в институте кардиологии, проведаль д-ра Захара Ильича Розенблюма. Говорили — вспоминали. Вспомнил он, как недавно к нему в Дорохова, где он работал, завалился однажды А. Н. Зув из Малеевки. «Уби зунт, кви анте нос ин мундо фуере?» (Где те, кто были до нас? Идите на небо, спуститесь в преисподнюю — где же они? Их нет... — так поется в Гаудеамус).

Ну, значит, помянули и Абрама Давидовича. Розенблюм говорит, что жил Аграновский в 14-м бараке, а не в 15-м, а Захар Ильич со всем медперсоналом в 22-м, при этом был, как он выразился, консультантом у Абрама. Каждый вечер, говорит, он являлся и все спрашивал меня: правильно ли он поступил как врач в том или в другом случае. Вспоминал старый журналист-правдист медицину... Его как раз назначили инспектором Санитарного отдела. Начальником был тогда Смирнов (кажется, Сергей Михайлович), живет сейчас в Москве. Аграновского прикрепили к Жилстрою-2, который возводил то, что на первых порах все называли «Соцгород». Это надо, очевидно, так разуместь: от 0-пикета

по Горной и Заводской улицам и до Октябрьской—Аварийный поселок; Октябрьская— это, примерно, от старой гостиницы и до озера Долгое (Долгое у Города? Начинаю забывать) есть «Соцгород». Жилстрой-2 возглавлял Ник. Ник. Рознатовский. А по стройкам домов (тогда двухэтажных и деревянных) ходил с сумкой через плечо лекпом Аграновский (надо думать, в ту пору еще и медпунктов не было на норильских стройках).

И вот, рассказывает мне Захар Ильич, случилось так, что один работяга-зэк получил на стройке серьезную травму: перелом бедра. Беднягу увезли в зону, но и там медицина еще была в стадии становления (начало зимы 39—40 годов). Привезли больного, явились к докторам: говорите, что вам нужно, чтобы лечить такого больного? Ну, Хая Яковлевна Кузнецова

- 119 -

(ставшая потом женой Розенблюма), травматолог-ортопед, имевшая уже тогда степень кандидата медицинских наук, взяла да и нарисовала, что нужно: станок для вытягивания и еще какие-то технические приспособления. (Хая Яковлевна после реабилитации была привезена из Норильска в Москву, перенесла тяжелый инсульт с параличом, и прожила в Дорохове, не вставая, лет пять, ее похоронили там же, на высоком берегу Москвы-реки.)

И вот, представьте себе, продолжает Захар Ильич, все это было изготовлено к утру по всем правилам: вы ведь знаете, в Норильске и Луну могли бы изготовить, если нужно.

Но дело тут в Аграновском: какой он поднял шум! Как это так? Кто допустил травму человека? Что это за организация работ, калечащая людей?! Взялся он за дело, как старый заправский «правдист», чтобы больше такое не повторялось, чтобы приковать внимание начальства к вопросам техники безопасности. И что ты думаешь, Сережа? Такого еще не бывало в Норильске, чтобы судили вольнонаемного за травму, полученную заключенным.

Д-р Розенблюм говорит, что Абрам Давидович был первым, кто поднял в Норильске вопрос о создании медицины, а на стройках — техники безопасности. Так как объекты Жилстроя-2 были разбросаны, А. Д. пришлось расконвоировать, и он получил возможность организовывать всю медицинскую братию и даже создавать первую конференцию врачей-заключенных. С тех пор это вошло в традицию: собирались раз в полгода, делились опытом, прочитанным. Даже оборудовал маленький конференц-зал в деревянном доме, где была больница для вольнонаемных (это возле «дитра»). Там вывешивали всякие экспонаты, графики, медицинские брошюры. Вопросов было много, ибо почти все внове: работа в полярную ночь, возможность массового заболевания цынгой, санитария-гигиена в специфических условиях лагеря, тяжелейшие травмы и даже гибель заключенных, наносящих себе увечья с целью невыхода на работу и т. Д. В конечном итоге медицина в Норильске была поставлена на ноги.

Делались сложнейшие операции. Мне известно, что одной девушке, например, сделали новый пищевод (свой она сожгла, выпив кислоту, какую применяют в автомобильных аккумуляторах). Не было пенициллина, но одного человека все же вылечили от общего сепсиса! Сами же медики были провизорами, придумывали лекарства, которые тут же

изготавливали, и делали это всегда «леге артис» (по законам искусства). А переливание крови!

Сами же медики, скажем, сестра Фрося, санитар Оскар и другие давали собственную кровь больным-зэкам. Да, о норильской медицине, право же, можно книгу написать. Практически на всех лагпунктах были врачи, ведь и цынки избежали, и эпидемий, скажем, желудочных, не знали. Я наблюдал все это, и опять скажу: молодцы наши медики!

Ну, а Абрам Давидович был у истоков постановки всего этого хорошего дела и — вечная добрая память ему!»

10 декабря 1971 года

(Толя — С. Л. Щеглову в Тулу)

Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Ваше письмо получил с опозданием, был в командировке. Так что не ругайте за задержку с ответом. Благодарен Вам за память об отце, мне Ваше

- 120 -

желание написать о нем, разумеется, очень приятно. Был А. Д. Аграновский серьезным журналистом, смею даже сказать, одним из известнейших фельетонистов 30-х годов. Если Вы возьмете БСЭ (первое, «красное» издание), то в статье «Фельетон» найдете его фамилию в числе четырех лучших советских фельетонистов.

Потом был Норильск, где работал он врачом, стал даже одним из руководителей санслужбы (отец по образованию медик), вернулся он, сравнительно с другими, рано, в 1942 году, снова стал журналистом, работал в «Красноярском рабочем», потом был спец. Корреспондентом «Огонька», был принят в члены Союза писателей. Умер в 51-м, в командировке, в деревне Баландина Челябинской области, когда работал над очередной книгой.

К сожалению, материалов об отце дома у меня почти нет. Но вот что могу посоветовать Вам. В 1960 году издательство «Советский писатель» выпустило однотомник отца «Очерки разных лет» (составителями были мой брат, 602урра602н «Комсомольской правды», и я). Книга, на мой взгляд, дает представление о творческом пути отца, в ней собраны фельетоны и очерки, начиная с 1924 года. Кроме того, предпослано книге хорошее предисловие, в котором указаны и основные факты биографии отца. Книга эта, понятно, есть у меня, но в одном единственном экземпляре. Выпустить ее из рук не могу, слишком она мне дорога. Думаю, однако, в библиотеке Тулы найти эту книгу Вы сможете.

Что еще? Норильский период жизни отца известен мне хуже. Но, судя по тому, что знаю, он там оставался человеком принципиальным, смелым, многих спасал от гибели, налаживал норильскую медицину*.

Если будете в Москве, охотно встречусь с Вами, покажу то небольшое (фотографии, книжки), что сохранилось у меня.

Желаю Вам творческих успехов.

С уважением Анатолий Аграновский.

25 февраля 1972 года

(из письма И. А. Шамиса С. Л. Щеглову)

«О Валерии и Анатолии д-р Розенблюм мне сказал, что у него сложилась убежденность в том, что особенно большую заинтересованность в узнавании условий жизни отца проявлял Валерий. Он, приехав с другими корреспондентами в Норильск (в 56-м?), нашел Захара Ильича и много расспрашивал его об отце. Потом он часто приходил к нему из Малеевки в Дорохова (Захар Ильич работал там врачом в санатории). Анатолий, кажется, тоже обещал зайти, но не зашел. Когда я сказал Розенблюму, что Анатолий откликнулся на твое, Сережа, к нему обращение, Захар Ильич был приятно удивлен**.

* 5 апреля 1989 года «Заполярная правда» публикует статью С. Щеглова «Под горой, в бараке № 14...»; подзаголовок статьи: «Как писатель и врач А. Д. Аграновский помогал заключенным выжить».

** Думаю, здесь имеет место абберрация, легко объяснимая: Захар Ильич Розенблюм уже перешел в ту пору на работу из санатория «Дорохове» в Дом творчества писателей «Малеевка», где я бывал много чаще Толи, а потому просто мозолил глаза замечательному человеку и доктору. На самом же деле, интерес Анатолия ко всему, что было связано с нашими бедными родителями, был столь же болезненным, как и мой, и таким же жгучим.

- 121 –

Что еще? Валерий показал Розенблюму фото Абрама Давидовича в период его житья в Норильске и разъездов по Сибири — Уралу: бородища большая, глаза какие-то беспокойные; вообще, фотография какая-то необычная...*

* С этой фотографией папы связана история, полная драматизма и коллизий, совершенно невероятных, но об этом я расскажу в специальной главе, которая будет называться «Праздник Святого Йоргена».

Зряплата

Начну с присказки, а потом будет сказка о зарплате. Обычно, говоря с детьми, начинают так: «В одном царстве-государстве», а со взрослыми: «В добрые старые времена». Не смею препятствовать читателю: кто с чего хочет, с того и начнет, а уж к концу сделает окончательный выбор.

Итак, был у меня когда-то колоритный герой документальной повести. Прозвище его было громкое – Саша-Москва. Из своих тридцати шести лет восемнадцать просидел в

лагерях -- «вор в законе» (насколько я понимаю, работать он не имел права ни в лагере, ни на воле). Что понесло идейного противника труда с нашей компанией «комсомольцев-добровольцев» на стройки Норильска, я не знаю и гадать не буду: вариантов тьма. А сам он с нами не откровенничал (не «кололся»). Так или иначе мы выехали эшеленом из Москвы в Красноярск, потом теплоходом «Иосиф Сталин» по Енисею до Дудинки, а там паровозиком по однокорейке в Норильск. Дорога заняла три недели, а потом ребята года два вкалывали на новостройках города. Шел в ту пору пятьдесят шестой год. (Неужели сорок два года пролетели? У времени вообще, мне кажется, разные измерения: десять лет минувших – мгновениями надо мерить, а десять будущих – вечностью.)

Саша-Москва был высок, сух (но не тощ), в татуировке с запястья до шеи, голос хриплый (как у анархиста морячка-сифилитика из знаменитой «Оптимистической трагедии»). В приступе гнева он резал собственную грудь бритвой крест-на-крест, но нас никогда не трогал. Конечно, он знал, что я журналист и что у меня свой «интерес» к Норильску. И почему-то хотел произвести на меня благоприятное впечатление. Возможно, я ему просто «показался». Однажды сказал: «Какая ж вольная свобода в столице любимой Родины! Там тебе и девочек навалом, и коньячка армянского реки, и... – вдруг бросил на меня быстрый взгляд – библиотеки!» Он же успокоил меня как-то душевным словом: «Не волнуйся, Валера, у тебя вся жизнь спереди!»

Теперь признаюсь читателю: жизнь моя уже давно «взади». Пенсионист! Что может быть унижительнее, чем сесть на шею государства? Не о размере пенсии говорю, о факте. Если по болезни, то чем моложе инвалид, тем обидней, но на кого или на что жаловаться, кроме как на судьбу, на несчастный случай, а то и на собственную глупость? Но ежели по старости, так это логично: был да весь вышел, ведь возраст на месте не топчется. Денег – слезы. На сколько наработал в прошлом, на то и напоролся в старости. Вيني себя, какой бы несовершенной ни была пенсионная сумма.

Пенсионеры подсчитывают пособие не в долларах, не в фунтах стерлингов, не в рублях, не в «зайчиках», а в самой прочной (пока еще!) российской валюте: в буханках черного или белого хлеба. Сто буханок – бедность, а если триста пятьдесят в месяц – министерский пенсион, а может, и прокурорский с генеральским. Кто хочет, может и в ручных часах: пара часов в месяц – вполне приличная сумма получается (Кстати, для меня до сих пор загадка, почему часы считают «парами»?). Хотите – переводите пенсии в сутки круиза, в один или два рукава женских пальто или в мужские кепки-лужковки в месяц: выбирай – не хочу. Одни измеряют пенсии желудком, другие – количеством ртов в семье, а кто еще – живым умом или всей прожитой жизнью. А завидовать сегодня некому: только работающим людям. Им денежки **льются** (как нам кажется), а нам **капают**.

Пора сказать главное – наша трудовая жизнь была раньше невнятной и странной. Нам не за работу платили, а за приход на работу. Хороша или плоха была продукция – государство не «чесало». Имел товар спрос или не имел, хорошо лечили врачи или худо, писали в газетах талантливо или бездарно, ходила публика в кино валом или не ходила вовсе, детей учили с интересом или со скукой: кого это трогало? Главным был ЕВП – Его Величество План. А не «качество» продукции, по бессмертному выражению гениального Аркадия Райкина, который нас «моштом» во рту смешил. Почести, ордена, звания и премии сыпались с неба (сверху), где сидело «партия-и-правительство» (произносили –

кто подзабыл – в одно слово), оно и решало: давать или не давать людям прибавку к денюшкам. А снизу, где жил народ, было безмолвие и единственная забота: после службы и работы исправно вставать в очередь в кассу, чтобы **получить получку**.

Кто-то из самых умных и смелых должен был первым осмелиться и открыто сформулировать тезис – в нашей стране, как во всем цивилизованном мире, нужна капитальная реформа «хотя бы» оплаты человеческого труда. Не подозревал я в ту пору, что этот человек в той же квартире, где жила моя семья: Русаковская улица, дом два дробь один. А было нас четверо. Мама вне конкуренции: у нее должность мамы. Папа в момент ареста в тридцать седьмом работал спецкором газеты «Правда», еженедельно публикуя острые, как жало пчел, «маленькие фельетоны», и после реабилитации вернулся из норильских лагерей в Москву и до самой смерти (в 1951-м) был спецкором уже «Огонька». (Теперь вам понятен мой «особый интерес» к Норильску: был еще жив Сталин, и папа ничего не говорил сыновьям – мама тоже сидела под Карагандой и все знала о лагерной жизни – боясь за наши развязанные не по тем временам языки; вот я и стал после папиной смерти искать его солагерников, чтобы по крохам восстановить печальную судьбу родителей и всего несчастного поколения.)

Старший брат Анатолий потом стал спецкором «Известий», а я спецкором «Комсомольской правды». Помню, кто-то пустил крылатую фразу «Каждое солидное издание должно иметь хоть одного Аграновского!» Династии, конечно, польстило: но все мы к славе были хладнокровны. Однажды Толю спросили на читательской конференции, как он оценивает журналистскую квалификацию младшего брата (то есть меня) и старший ответил парафразом известной байки: «Валерий, безусловно, второй журналист страны!» Тут же последовал вопрос: «Кто первый?» Толя ответил намеренно небрежным тоном: «Первых много». Потом мы все поняли: Анатолий и был «тем самым», первым, потому и позволял великодушие в мой адрес, публично заявив: «Валька – мое исправленное и улучшенное издание». Оба сына безоговорочно полагали папу воистину классиком.

Как сейчас помню творческую обстановку дома: папа читает семье очерки для «Огонька», написанные после командировки, а мы обсуждаем. Я, как обычно, ловлю «блошки»: «У тебя, папа, рифмуется последнее слово второго абзаца с первым словом третьего, что недопустимо в очерке, папа, это ж не «Кола Брюньон». Толя закрывался с папой в другой комнате, где вели серьезный профессиональный разговор о концепции материала, о тональности. Мама была, как мы говорили, в «своем репертуаре»: «Знаешь, Абраша, ты опять слабо отразил роль партии!» -- под общий хохот. Мог ли я тогда представить себе, что именно на долю старшего брата выпадет миссия провозгласить мысль, о которой я сказал выше. А уж какой получился конфуз в итоге, я расскажу в конце повествования: убедительно прошу читателя потерпеть. Как же без интриги?

Толина работа в газете была счастливой: он был кумиром и читателя, и коллег. Его боялись и уважали власти, что было лучшим подтверждением его публицистического таланта. Писал он трудно, мучительно, непохоже на современных скороспелок: сразу в газетную полосу он не хотел да и не умел. Толя тщательно обдумывал темы, не жалея времени и себя. Однажды, встречаясь со студентами журфака, я позволил себе сравнить метод старшего брата с работой дояра. Толя действительно выдаивал своих близких и просто умных людей, подробно рассказывая им свою тему: размышляя вслух, он проверял

на собеседниках ход мыслей и возможный «поворот» темы. Ночами и у меня дома иногда звонил телефон: Толя читал первые абзацы, выверяя тональность очерка. С присущим мне максимализмом, я мог сказать: «Никуда не годится или замечательно!» На что Толя отвечал: «Ничего ты не понимаешь, босяк»; или: «Молодец, точно! Потом делал по-своему и получалось прекрасно».

Помню, он всегда с трудом садился за письменный стол, но уж коли садился, то работал запойно. Однажды у него был вынужденный простой: не давался материал. Папа говорил в таких случаях: «не вытанцовывается тема». Два месяца могли пройти бесплодно. Однажды Толя решился: пришел к главному редактору и положил на стол заявление об увольнении – не могу получать деньги бездельные. Главным «Известий» был тогда умный человек Лев Николаевич Толкунов. Он уважительно относился к журналистскому творчеству и соответственно к Толе. Не помню, были ли они на «ты» или на «вы» (скорее всего, второе). Толкунов молча выслушал своего сотрудника и сказал примерно так: «Дармовые деньги многие в стране получают, Анатолий. Но вам я плачу не за то, чтобы вы писали в «Известия», а за то, чтобы вы не писали в другие газеты!» И порвал на мелкие кусочки заявление. Через неделю тема Толе далась, и скоро очерк пошел в номер.

Не зря Толя сам называл себя «тугодумом». И вот случилось: в одном из очерков он написал сегодня многим известную формулу, которую я обещал вам процитировать. Звучит она так: **заработная плата должна быть заработана**. Кто сегодня усомнится в справедливости этих слов? Но были и другие времена. Давно ли мы поняли, что работа – жизнь? При разных отношениях к реальности нельзя отказаться от констатации важного факта: прежнее отношение к работе сменилось **делом**, а **неприсутствием на месте**. Не будем ломиться в открытые двери, хотя их открыли не так уж давно. Предлагаю читателю, как говорится, оглянуться назад. Льва Толкунова уже не было в «Известиях» (он ушел на повышение), и главным в газете стал уникальный человек (его фамилии называть не буду: пусть живет). Мало того, что он не написал ни одной строки, но и не читал материалы, идущие в собственной газете. Ему их исправно пересказывали клеветы, которые всегда были, есть и будут в средствах массовой информации. Вот так и «доложили» главному, он тут же «поймал» в очерке крамольную фразу, вам известную. И приказал ее немедленно убрать. Почему? Одному Богу известно. Но на летучке все же прилюдно сказал: «Аграновский, хоть и умный (говорят) журналист, а написал в очерке глупость». И процитировал. Статья была кастрирована и вышла без «глупостей». Автор даже не успел вмешаться: открыл дома утром газету – фразы нет. Объясняться не имело смысла. Поезд ушел.

Зато месть журналиста была убийственна. В ту пору Анатолий был в группе, которая писала и редактировала тексты Брежнева. Толя не любил обо всем этом рассказывать, но я слышал, что требование к газетчикам было одно: фразы должны быть короткими и без деепричастных оборотов, которые уже маразматизирующий лидер произнести не мог. В своем экономическом разделе Толя вставил Леониду Ильичу ту самую «глупость», которую главный безжалостной рукой изничтожил. В первом же материале (кстати, то же на экономическую тему) автор написал: «Как умно, точно и справедливо сказал Леонид Ильич Брежнев: «заработная плата должна быть заработана». Главный чуть не подавился,

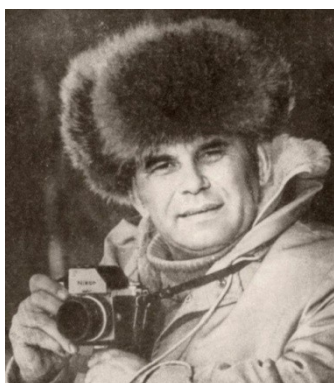
но цитату съел с вынужденным облизанием цитаты. Редакция и многочисленные коллеги потешались: надо же -- «Известия» публикуют «глупости» генсека! Дожили.

Когда сегодня мы с болью видим или слышим, как в пикетах больших и малых городов России стоят педагоги, инженеры, врачи, шахтеры с металлургами, ученые-атомщики, мы понимаем: они тысячу раз правы. Их невыданные деньги **заработаны** потом и кровью, платят им **не за зря**. Играть с получкой и прежде было опасно с работающим человеком (вспомните Новочеркасск!), тем более нынче, ведь уже развешаны перед властями предупредительные знаки «Осторожно – мины!». С тем, что называется «рынком», никакая Америка, Англия с Францией в придачу не справятся: профуканные кем-то и где-то деньги можно не давать, но – **заработанные?!**

Что касается рассказанной мною истории с крылатой фразой Анатолия Аграновского, вывод предлагаю такой: и «в добрые старые времена», и «в некотором государстве» судьба газетчиков неизменно ответственна. Редакторы приходят и уходят, а журналисты остаются. Их век долог, хотя и не вечен.

К собственному удивлению, нахожу вдруг в юношеском дневничке такую запись: «Сколь долго мы ни проживем на этом свете, нам не удастся ни на мгновение укоротить время, которое проведем в мире ином». Прав автор этой мысли? Ничего в нашей жизни вечного нет, кроме небытия.⁹⁷

Василий Песков

«У нас с «Комсомолкой» счастливый брак по любви. Мы всегда были друг другу нужны. Но есть в любви этой для одной из сторон горчинка. «Комсомолке» всегда 25, а мы, увы, старимся. И чтобы брак не распался, надо стараться работать так, как будто тебе хотя бы только за пятьдесят. Всем, что имею в жизни, я обязан газете. Корреспондентом «Комсомолки» объездил нашу большую страну, побывал во многих уголках мира. Писал о многом — об интересных людях, о путешествиях, был на космодроме, писал о Гагарине, встречался с маршалом Жуковым и многими другими интересными людьми. Но главной темой всегда была природа. Моя первая заметка в воронежской молодежной газете была о природе. Первая заметка в «КП» — тоже о природе. И вот сейчас я уже больше десяти лет веду страничку «Окно в природу». К

⁹⁷ <http://www.ogoniok.com/archive/1998/4566/31-60-62/>

природе я отношусь не только как зоолог и биолог. Природа для меня — это познание жизни, ее законов. Рассказ о природе — не только просвещение человека, но и формирование его мировоззрения, основанного на знаниях».

Книги Василия Пескова, его передачи, репортажи — это разговор «по душам», это что-то похожее на общение у костра, когда кто-то мудрый рассказывает тебе «с глазу на глаз» о жизни и ее законах очень понятным всем языком. «Очерки», «Окно в природу», «Тургеневские места», «Русская осень» — это истинно «песковские» темы, поданные до гениальности просто, с глубоким знанием дела, с любовью. Ведь для того, чтобы вести такие репортажи, необходимо не высшее образование журналиста, а всего лишь любовь к людям и Природе.

Настоящей «бомбой» стала книга Василия Пескова «Таежный тупик» о семье Лыковых. Благодаря Василию Михайловичу о Лыковых узнал весь мир, а удивительная история этой семьи стала мировой сенсацией. Знаете о ней? Если нет, я вкратце напомню:

В 1978 году геологическая экспедиция занималась исследованием окрестностей реки Большой Абакан в Хакасии. Это заповедные, дикие и безлюдные места, по которым «не ступала нога человека» даже теоретически. Вокруг — непроходимая тайга, бурелом, дикие звери и тысячи километров до цивилизации.

Но каково же было удивление геологов, когда с вертолета, случайно, на одном из склонов они увидели нечто похожее на картофельное поле — возделанную землю с распаханной грядками. Озадаченные такой находкой геологи решили выяснить, что за странные люди поселились в этой глуши...

«Голых девиц фотографировать неинтересно»

Во время приезда легендарного журналиста в Воронеж корреспонденты «МОЁ!» пообщались с ним не только о природе

Василий Михайлович, впервые посетив Воронежский зоосад, сам того не желая, провёл экскурсию для посетителей и администрации

Многие посетители Воронежского зоосада, которые пришли туда в прошлый вторник, обратили внимание на колоритного мужчину в кепочке и с фотоаппаратом, который ходил от одной клетки к другой и с пристальным любопытством разглядывал питомцев зоосада. Некоторые узнавали в этом добродушном любителе природы известнейшего журналиста и писателя Василия Пескова.

Зачем павлину хвост?

Если кто не знает, автор множества книг и статей, постоянный ведущий рубрики «Окно в природу» в «Комсомольской правде» Василий Песков — наш земляк. Он родился в селе Орлово Воронежской области. С тех пор как умерли его родители, Василий Михайлович стал реже заглядывать в Воронеж. Всё колесит по миру... Тем не менее раз-

два в году навевается — ведь здесь у него остались три сестры. И тоже не может долго усидеть на одном месте. К примеру, в этот раз он побывал в Костёнках, а потом приехал посмотреть наш зоосад. Был приятно удивлён: «Я думал, тут небольшой зелёный уголок, а увидел целый зоопарк!» Сотрудники зоосада повели Василия Михайловича по залам, правда, было непонятно, кто кому проводит экскурсию. Песков о каждом животном рассказывал что-нибудь интересное.

«Как вы думаете, зачем ему такой хвост?» — спросил он, кивнув на павлина. «Чтобы самок привлекать?» — предположил кто-то. «Думаю, это закодированная демонстрация жизненных сил, — задумчиво произнёс Василий Михайлович. — Так же, как рога у оленя: если организм способен выдать такую мощь, значит, с ним всё в порядке!»

После экскурсии по зоосаду корреспонденты «МОЁ!» задали Василию Михайловичу несколько вопросов.

«Телевизор не смотрю»

— **Василий Михайлович, у вас в марте юбилей. Где собираетесь его встретить: в России или отправитесь в очередное путешествие?**

— Не люблю я юбилеи. Помню, когда встречал отца с фронта, он показался мне таким старым, а ведь ему было только 40 лет! А мне будет уже 80. Опять слушать все эти льстивые замечания: «Ах, как ты хорошо выглядишь!»

— **Не считите за подхалимство, но вам и правда не дашь 80 лет. Вам удалось сохранить просто богатырское здоровье!**

— Да вы поглядите, сколько у меня таблеток! В моём возрасте здоровых людей не бывает. Ничего особенного я не делаю — ну, правда, уже лет тридцать каждое утро у меня по плану идёт 20-минутная зарядка. А потом традиционный завтрак — овсянка с курагой. Без неё кашу есть невкусно!

— **В перерывах между путешествиями и работой чем любите заниматься?**

— Читаю не меньше трёх часов в день. Причём всегда лёжа, хоть и вредно это. Телевизор вообще не смотрю, его мне как на 70-летие подарили, так он у меня и стоит нераспакованный в коробке возле входной двери. Я на него опираюсь, чтобы обуваться удобнее было. Многие удивляются: я же 15 лет — с 1975 по 1990 год — вёл программу «В мире животных», даже премию получил за вклад в развитие телевидения. Но я считаю, что именно чтение помогло мне стать образованным человеком — я же только школу закончил. Телевизор сбивает с пути истинного. Вот мои коллеги жалуются: «Приходят молодые журналисты, ничего не умеют, только пиво пить да девок щупать!»

— **А в объектив вашей фотокамеры что попадает кроме флоры и фауны?**

— Интересные люди. Но не в том понимании, как все привыкли. Посмотришь на фото в современных газетах и журналах — как будто мир состоит из одних политиков, актёров и хохмачей. Я в каждой газете вижу Пугачёву, как она в 12-й раз вышла замуж, и уже смотреть на неё не могу! Да, ещё голые девицы часто появляются. Но голых девиц мне снимать тоже неинтересно.

Почему Песков не понимает Дроздова?

— **Вы общаетесь с вашим бывшим соведущим программы «В мире животных» Николаем Дроздовым?**

— Когда начался этот бардак на телевидении в 90-х, я ушёл. А Коля остался и решил приспособиться к этой братии, которая делит деньги и славу. Я не понимаю его и не разделяю этой позиции. Зачем он пошёл в эту программу «Последний герой»? Ну, его дело...

— **Куда вас забросит страсть к путешествиям в ближайшее время?**

— Собираюсь в Восточную Африку. Еду с друзьями — они не олигархи, но работяги, которые смогли заработать на приличную жизнь. Всё собирались на Канары, вроде модно. Но я их разубедил: там и природы толком нет, одни горы да море. Поедем лучше в Африку, там куда живописнее!

— **А кто-то из семьи разделяет вашу страсть к природе?**

— Сёстры любят за грибами и ягодами ходить — на этом их увлечение живой природой заканчивается. Дочка Татьяна работала учителем русского языка, сейчас на пенсии. Но она скорее переняла от меня любовь к литературе — тоже начала что-то пописывать. Внука Митьку я несколько раз брал с собой в путешествия, на Камчатку. Он ездил с удовольствием. Но тоже просто так ходить не может — ему обязательно надо что-то собирать: грибы, ягоды...

— **А домашние животные у вас есть?**

— Нет, и не собираюсь их заводить. Я веду кочевой образ жизни, всё время в разъездах. Да и потом, знаете, я гляжу на собаководов: многие из них — тронутые люди. Не дай Бог против собак что-нибудь скажешь — порвут на части!

— **Василий Михайлович, с возрастом не появилось у вас желание осесть, купить дачу, копаться на грядках?**

— Всю жизнь я меньше всего хотел быть начальником, иметь дачу и машину. Руководящий пост помешал бы мне оставаться внутренне свободным человеком. На даче мне бы через три дня стало скучно — дачники, по-моему, несчастные люди. А что касается машины — не люблю с железками возиться. Сколько раз было: просыпаюсь, выглядываю в окно, а сосед уже с раннего утра трёт пузо своему железному коню... Тем более что куда бы я ни приехал, меня везде встретят, отвезут, привезут. Машины у меня нет, а вот знакомых и друзей во всех уголках страны много!

— **«То, что творится в «Торбово», — это преступно!»**

В разговоре с Песковым выяснилось, что он наслышан о том, что происходит в охотничьем хозяйстве «Торбово» в районе Графского заповедника. В прошлом году газета «МОЁ!» рассказывала, как туда привозят экзотических животных, таких как слоны, львы, бегемоты, и организуют на них охоту.

— Впервые я узнал об этом ещё несколько лет назад, когда нынешний владелец хозяйства Сергей Аксёнов начал мне хвастаться, дескать, какая замечательная идея ему пришла в голову — охотиться на редких животных. Тогда у нас дело чуть до драки не дошло — я доказывал ему, что это отвратительный замысел. То, что происходит в «Торбово», — это преступно. В других городах я о таком не слышал. Бывает, выращивают для охоты фазанов. Тоже, конечно, не лучшая затея, но по сравнению с убийством бегемота! Здесь надо навалиться всем народом, привлечь власти и прикрыть это. Надеюсь, новый губернатор как-то поможет.

Русаки на Аляске

Деревни Николаевск на карте нет. Но не заблудишься. А жители ее – случай особый: староверческая община

Деревня называется, как город, - Николаевск.

На карте, однако, деревни нет. Но дорога, только в нее и ведущая по еловым лесам, нарисована – не заблудишься. Я был в деревеньке два раза – зимой и летом. Среди домов – почти игрушечная церковка с луковицей, прямоугольник школы, «тарелка» антенны у почты. Дома глядятся иначе, чем в старых русских деревнях, обиты тесом, покрашены – американская технология. Но что-то наше родное, российское есть в деревне. Валяется бочка рядом с дорогой, перекошен наполовину сломанный забор. И это все не от бедности. Деревня в этих лесах, как крепкий здоровый орешек, - у каждого дома автомобиль, а то и два. Российская привычка к простору, небрежность и беззаботность – «сойдет и так». Характер! Куда его денешь. Характер, привычки, уклад бытия человек сохраняет и носит с собой, как черепаха панцирь. Тут же случай особый – староверческая община!

Человек из Москвы

- Здравствуйте!

- Здравствуйте, здравствуйте. Откеля будете?.. Из Москвы... Вот оно как...

- Кума Анисья! – обращается мой спутник к женщине в ярко вышитом сарафане, ведущей двух девочек в длинных, не фабричного шитья платьицах. – Человек-то издалека, из Москвы... У Анисьи удивления нет.

- Штой-то к нам народ зачастил, - отвечает она, с любопытством разглядывая гостя.

Улавливаю во взгляде хорошо знакомую по сибирским староверческим селам настороженность к пришлому...

Конец субботнего дня. Деревня курится банями. Звонит «к вечерне» церковный колокол. Мужчины встречные – бородаты, ребятишки – кто в подпоясанных расшитых рубашках, кто в кафтанах до пяток. На мотоцикле сидящего в таком кафтане видеть особенно непривычно. Рыжебородый дьякон проехал к церкви в автомобиле. Старушка вся в черном, опираясь на палку, идет. Речь кругом русская, хотя так же, как и одежда, отличается от того, что слышишь сегодня в нашей деревне.

Первый работник – поп

Первым, с кем я тут познакомился, был поп. Он в общине лицо не просто духовное, он лидер во всех житейских делах – первый работник, блюститель нравственности, первый советчик во всем. Руку мне подал среднего роста человек в шляпе, из-под которой на рясу ниспадали рыжеватые волосы.

- Фефелов Кондратий Сазонтьевич. А это – матушка Ирина Карповна. И сын – одиннадцатое по счету дите. Наверное, уже последышек? – батюшка весело подмигнул матушке.

Я, признаться, не сразу поверил, что у этих двух еще молодых людей был такой выводок детворы.

В первую встречу зимой мы снимались около церкви, сходили в школу, отведали матушкиных блинов... Летом я увидел попу сидящим за рычагами бульдозера. Так же ловко он водит грузовичок. Я видел его среди плотников с топором, видел стоящим в

рубке рыболовного судна – рыбац, штурман и капитан. Слушал его заутреню. Он был то в рыжем подранном свитере, то в рясе. Никакой сановитости, прост, приветлив, умен.

Прошлись мы с Кондратием Сазонтьевичем по деревне, сходили на холм, откуда Николаевск выглядит горсткой домов, кинутых в синь еловых лесов. Никаких следов человека, только чистая змейка дороги.

- В 1967 году трое наших приехали сюда оглядеться. И это место облюбовали – уединение для нас подходящее, вода родниковая самотеком течет. Купили у штата Аляски за четырнадцать тысяч квадратную милю земли. И через год застучали тут топоры...

Кондратий Сазонтьевич на русской земле стоял лишь недавно, съездив в Москву. Родился же, как и все старшее поколение нынешних николаевцев, где-то вблизи Харбина. Тут родители его все начинали с нуля – поставили хибарку, скопили денег на лошадь...

И случилась очередная ломка! Пришедшая в 45-м году наша армия в «кержацкие» села принесла горе. Эту пору Кондратий Сазонтьевич хорошо помнит: «Кулаки, беглецы! Э, как живут!» Уводили у нас коров, лошадей. Самое страшное – забрали отцов. Незаконно-де границу перешли в двадцатых годах...Куда кто делся, не знаем». Хозяевами в семьях остались вчерашние подростки. На их плечи легла забота о матерях, младших братьях и сестрах.

«А в 50-х годах – напасти с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам сказали, проживание нежелательно, уезжайте, куда хотите». Куда уезжать? Похлопотала Организация Объединенных Наций о «кержаках». Уговорила принять их страны Южной Америки – Аргентину, Бразилию, Парагвай, Чили. Каково было русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай! А что делать? «Приезжали советские агитаторы: давайте домой, поселим на целине. Кое-кто согласился, но очень немногие – хорошо помнили, как уводили отцов...»

В огромной массе переселенцы сбились в Гонконге. Возникли неизбежные в этих делах задержки, неувязки. В громадном перенаселенном городе не было места для бородатых крестьян, привыкших иметь дело с землей, озабоченных судьбою детей и веры.

Их все-таки переправили за океан – кого в Аргентину, кого в Парагвай. Большинство же – несколько тысяч – попали в Бразилию. И тут русаки опять же вцепились в землю. Опять пришлось начинать все с нуля.

И пришел час, сбросились в шапку, да получив еще помощь от «толстовского фонда», послали переселенцы ходоков в Вашингтон. И те преуспели, привезли разрешение переселиться в штат Орегон. И стали семья за семьей уезжать из Бразилии. Но и тут не всем староверам жизнь пришлось по душе. Увидели: дети вырастают в чужую жизнь, поддаются влияниям и соблазнам, «вера теряла крепость». Тут и бросили взгляд на Аляску. Может, спасемся там?

Все – родня

Деревню поставили скоро – за год. Рубили дома, били дорогу, завели огороды и пашню. Шестьдесят семей – четыреста человек – сюда собрались. Первым среди них был Кондратий Сазонтьевич с семейством, другие – Фефеловы, Мартишовы, Реутовы, Якушкины. Тут все – родня.

Начали с раскорчевки тайги. Построили лесопилку. И сразу принялись за дома. Почувствовали: Аляска – это как раз то, что надо, - «зимы много», и здешней природе

нужны люди выносливые, неприхотливые. «Первый год работали по пятнадцать часов. Отрывались только на сон». Обращение к земле показало: растет тут все – ячмень, овес, картофель, горох, всякий овощ. Однако кормиться тут лучше не от земли, а от воды. Мужики, «покумекав», стали ездить на фабричку, изготавливавшую рыболовные катера. Дело требовало умения. Стали терпеливо учиться. Потом образовали маленькую компанию. За огородами в Николаевске соорудили крытую верфь. И пошли в гору.

Суденышки «лепят», или, точнее сказать, «отливают», из стекловолокна и смолы. Я был на верфи, видел остро пахнувший корпус очередного судна и видел потом в рыболовном порту эти невеликих размеров, но годные для плавания в океане посудины. Оснастка, отделка – по высшему классу: рубка, камбуз, каюта для сна, холодильник для рыбы. Мотор у катера – шестьсот сил. Навигационная техника – самая современная. Четыре радиостанции: для разговоров с портом, со спасательной службой и специально с домом. Одна из систем позволяет «автопилотом» выходить прямо на оставленный в море буй. Спрос на эти ставшие именоваться «русскими» катера постоянный, «сколько сделаем, столько и продадим». Мотор и оснастка, разумеется, покупные. Это все стоит более трети общей цены катера. А за все готовое судно берут николаевцы сто пятьдесят тысяч долларов. Делают в год тринадцать – пятнадцать посудин. И всего на Аляске ловят рыбу более сотни николаевских катеров. Доходное дело их строить.

Рыбный день

Однако, приглядевшись как следует к жизни, амурские мужики поняли: еще более доходное дело – ходить за рыбой. Стали учиться, помогая друг другу. И дело пошло не хуже, чем у самых опытных рыбаков, промысляющих в этом краю. Появилось даже некое превосходство, американцев называют насмешливо – «шоколадниками». На промысел ходят далеко в океан, аж до самой Японии. Ловят лососей и палтуса. Выход в море (четыре дня хода, день – лова) может дать сразу восемнадцать-двадцать тысяч долларов. Игра стоит свеч. Правда, можно и пролететь, прогореть: в рыболовстве не последнее дело – удача. Но уже много построенных катеров куплено самими николаевцами. Я их видел в рыболовном порту, по названиям отличал: «Русак», «Орел», «Гусь», «Волга», «Кавказ»...

Доходы сейчас же сказались на образе жизни. Лошадей, скотину и огороды забросили, даже кур перестали держать. В каждом доме – автомобиль, а то и два. Садится Акулина или Аксинья в своем староверческом сарафане за руль и едет в прибрежный Хомер, покупает там все, что надо для стола и хозяйства.

.Все в этой деревне, в этой общине держится на прилежном труде. Женщины, как наседки, - с детьми, мужики – постоянно в делах. К труду, к возможности заработать приучают с малого возраста.

Воскресный день у николаевцев

Поближе с житьем-бытьем николаевцев я познакомился в доме Кулигиных. День был воскресный. Все были в сборе. Накрыт был стол. В семье двенадцать детей. Старшему – двадцать один, младшему – одиннадцать. Имена: Анна, Улита, Люба, Стахея, Алексей, Марина, Корнелий, Давид, Маврикий, Олимпиада и самый младший, общий любимец, веселый веснушчатый Поликуша, по-взрослому- Поликарп.

Хозяйка дома одета в просторный, зеленого цвета праздничный сарафан. Муж, Анисим Стафеевич, сел за стол в вышитой красной рубахе. Обоим за пятьдесят. Поженились

двадцати лет в Бразилии. И тяжкий путь общины от Приморья сюда, на Аляску, - это и путь Кулигиных. Их родители на Амуре жили в деревне Каменка. В Китае деревенька называлась Романовка. О том, что было в Романовке в 45-м, Анисим говорит одним словом: «Злодейство!»

Сюда, на Аляску, Кулигины прибыли с шестью ребяташками.

- Восемь месяцев жили в палатке, пока рубили избу. Снег выпал. Сердце заходится, как вспомнишь, что пережили...

Кормил семью Анисим плотницким делом. Работа эта нужна на Аляске везде – хорошему плотнику платят тридцать долларов в час. И семья быстро поднялась на ноги – стали помогать подраставшие дети. Дом Кулигиных не лучше, но и не хуже других. Анисим провел меня по комнатам с сундуками и зеркалами, по сеням и кладовкам, где стояли соленья, варенья, ящики с лимонадом, грушами и бананами. Соломея Григорьевна с гордостью показала свой огород – единственный в деревне, где растет все, что тут может расти. Держат Кулигины и корову. Для ребяташек – «чтобы не отвыкали» – держат лошадь, кажется, единственную теперь в деревне, и с теми же воспитательными целями – «чтобы поспевали за жизнью» – завели трактор. Держат в доме винтовку и два пистолета. С оружием возятся старшие сыновья. Анисим, промышлявший ранее зверя, тут к охоте поохладел, разве что ради мяса застрелит одного-двух лосей – «они тут рядом, даже в огород забредают».

- Живем теперь – грех жаловаться: двенадцать детей и четыре автомобиля!

...Трактор, мопеды, велосипеды – это лишь часть жизненного достатка семьи Кулигиных. Главное приобретение сделано недавно.

Не оставляя плотницкого ремесла, решил Анисим Стафеевич по примеру общинников обзавестись судном. Зажиток для этого был. С некоторым риском занял еще двадцать пять тысяч. Купил. И уже обновил покупку – сходил на первый промысел. За один раз поймали палтуса столько, что сразу «долг целиком – с шеи долой».

Крестины в церкви

В день отъезда из Николаевска утром мы проснулись с Андреем от колокольного звона. Вспомнили: в церкви должны быть крестины. ...Церковь была пустой. Три старушки и мать новорожденного – крупная, тучная женщина – стояли близко у входа. Крестный отец – мальчонка тринадцати лет держал на руках белый, оглашавший церковь криками сверток. Поп с дьяконом скороговоркой приобщали новорожденного к вере. Голосист малый. Хорошим рыбаком или плотником будет.

- А если в космонавты захочет? – сказал я Кондратию Сазонтьевичу, закончившему обряд.

- На все воля божья. Все им предначертано.

И мы присели на скамейке у церкви – закончить наши беседы о великом пути общины сюда, на Аляску.

...Я вычислил на очень подробной карте Аляски место деревни Николаевск и поставил кружок. Интересно было там побывать. И много я передумал сейчас, сидя в подмосковной избе над этим писаньем. Люди одного с нами корня. Какую дорогу осилили! Сколько всего вынесли, претерпели! Пример для нас – эта жизнь обыкновенного русского человека. Поклонимся ему из нашего далека.⁹⁸

Дезертир

В воронежской «Коммуне» я прочитал заметку под названием «Заживо погребенный». В сорок втором году человек дезертировал из армии. Двадцать лет человек прятался на чердаке, совсем недавно спустился на землю и назвал свое имя. Тонких Николай. Невероятный, удивительный случай. Я немедленно выехал в Воронежскую область...

Степное село Битюг-Матреновка. Гуси на зеленых широких улицах. Трактор тянет по улице ярко-красный комбайн для уборки свеклы. Белые мазанки. Белое двухэтажное здание школы — окна еще в известке. Ведра с краской у школы, доски, груды белого кирпича.

— Тут он работает, — сказал директор.

Я присел на доски. Шесть человек убирают кирпич, пятеро носят доски, трое сгребают мусор, трое готовят парты. Наверно, тот высокий, в фуфайке? Но высокий макает палец в желтую краску и ставит веселую метку на щеку девушке-маляру. Смех, суматоха. Нет, это не он...

Сели перекусить. Кружком — девчонки, кружком — ребята и еще один круг — люди постарше. Кладут на желтые доски красные помидоры, кидают в сторону яичную скорлупу. Один человек не сел в круг. Достал из мешочка хлеб, сало, огурцы. Раза два бросил взгляд в мою сторону. Отвернулся. Потом лег на спину, положил под голову руки и стал глядеть на низкие осенние облака.

Я подошел ближе к рабочим, поздоровался. Он первый из всех торопливо ответил «здравствуйте!» и принялся за кирпичи.

— Тонких? — кивнул я прорабу.

— Да, старается, но устает. Час работает, а потом ляжет, руки под голову, как неживой...

Вечером я разыскал хату на самом краю села. Дверь открыла женщина лет семидесяти. Руки в муке, на столе тесто для пирогов. Хозяйка не рада гостю, но голос искательный.

— Сейчас позову Николая...

Николай, как потом оказалось, первым увидел гостя — и сразу в сарай. Человеку в его положении всякий разговор неприятен и тягостен. Но гость сидит на скамейке, достал сигареты, закурить предлагает — надо поддерживать разговор.

Разговор односложный: «да», «нет», «конечно», «жалею»... Руки сложены на коленях, землисто-розовое лицо вздрагивает. Бесцветные глаза слезятся.

Приходит отец. На стену рядом с иконами вешает вожжи:

— Ну что, Николай, теперь молчать нечего. Теперь отвечать надо...

— Небось опять в газету, — сердито бросает мать и уходит доить корову.

Николай курит одну за другой сигареты. Говорить ему по-прежнему трудно, но слово за словом я узнаю трагедию человека-труса. Сначала боялся смерти. Потом боялся кары. Потом боялся жизни.

В сорок втором, когда полыхал Воронеж, когда немцы рванулись к Волге, с

холщовыми сумками за плечами из Битюг-Матреновки в Липецк шла группа ребят. Невеселое было шествие. Дома остались невесты, матери, а немцы вот-вот нагрянут. Парни спешили к месту, где люди получали винтовки, и потом садились в теплушки и отправлялись к Волге. Каждый понимал, что ждет его, и оттого руки еще крепче сжимали винтовку.

А он испугался. Он бросил друзей, глухими дорогами пошел назад, к дому. В подсолнухах дождался полуночи и, озираясь, постучал в хату у Битюга.

— Мама, открой...

Мать сжала его в объятиях.

— Сынок... Живой, здоровый. Никому не отдам... Один раз живем...

Так начались эти страшные двадцать лет жизни возле печной трубы. От Волги шли письма. Между прочим, ребята писали: «Колька Тонких куда-то исчез...» В Битюг-Матреновке возле хаты у речки кое-кто по ночам видел странную тень. Пошел слух по селу: дезертир...

Однажды утром в селе услышали горькие причитания. Плакала мать Николая. В черном платке она стояла в конце огорода у могильного холмика. Белел свежий дубовый крест, горела свечка в руке.

— Коля, голубчик.

Собрались люди.

— Прибежал хворый. Метался в жару... Ни полслова, ни слова... Умер. Колюшка!..

Сидя на чердаке, сын слушал материнские причитания, в узкую щель видел людей в конце огорода, столпившихся над «его могилой».

С неделю поговорили, погоревали в селе. У матери постеснялись спросить: почему не на кладбище схоронила? Трудный был год. Горе редкий дом обходило, поэтому быстро забыли одинокий холмик на огороде. И только «усопший» в чердачную щель каждый день видел свою могилу...

Страшные двадцать лет. Семь тысяч дней, похожих как близнецы. Наперечет известные звуки: это мать доит корову, это сестра повесила на стенку портфель, это скребется мышь, это червяк точит стропила... При каждом новом и незнакомом звуке человек у трубы вздрагивал, сжимался в комок.

На чердаке в сорок втором мать раскинула полушубок. Двадцать лет человек пролежал на старой овчине.

Я прошу Николая вместе полезть на чердак. Он нехотя поднимается. Шаткая лестница. Двадцать лет изо дня в день по утрам на чердак поднималось ведро и сверток с харчами. С чердака мать снимала ведро с нечистотами. Полумрак. Фонариком освещаю снопы соломы, липкую паутину. Вот полушубок с вытертой шерстью, вот щель в крыше...

Чем жил человек? Он признается: все было заполнено страхом. Всего боялся. Чужие шаги, незнакомый голос, автомобиль завернул почему-то к реке — дезертир припадал к щели: за мной или нет?

Никто, кроме матери, отца и сестер, не знал о чердачном жильце. Иногда к нему поднимался соседский кот. Круглые глаза горели зелеными фонарями. Увидав человека, фонари пропадали. А человеку много ночей от страха снились кошмары.

В потемках начал слепнуть. От голубого неба, если заглянуть в щелку, болели глаза. Зато слух, как у зверя, обострился.

Не помнит, в какую по счету весну, услышал он возле хаты сдержанный шепот. Их было двое. Шептались всю ночь. И всю ночь он просидел на коленях, приложив ухо к щели. Весь день потом колотилось сердце от страха и любопытства: придут — не придут?

Двое не знали, как чутко на чердаке слушают их поцелуи. Им нравились заросли лозняка и ромашек у крайнего дома, и они приходили все лето, почти каждую ночь. И каждую ночь он сидел на коленях у щели. Потом двое перестали ходить. Он ждал неделю и не сдержался, спросил:

— Тут двое ходили...

— Поженились, — сказала мать. — На покров свадьба.

В то утро вместе с едой мать подала ему крест и сказала: надо молиться.

Зимою, ночами, когда от мороза глухо трескался лед на реке, человек не выдерживал, спускался в хату, на печку. Однажды в такую ночь постучался потерявший дорогу геодезист. Пока мать объяснялась через закрытую дверь, сын кошкой метнулся по лестнице и всю ночь продрожал, синевя от холода.

Летом, в темные часы между зорями, человек спускался к земле. Озираясь, он обходил вокруг хаты, трогал руками подсолнухи, прикладывал ладони к остывающим после дневной жары тыквам. Уснувшие кузнечики шарахались из-под ног. Человек думал: «Это они меня боятся». Он сливался с ночью, а чуть светало — скрипела лестница на чердак. И снова, лежа на вонючей овчине, человек наблюдал, как медленно белый червяк грызет стропила: «Я завидовал тем ребятам, которые не вернулись. Я думал: им хорошо, лежат спокойно, им носят цветы, их помнят. А я... Зачем?.. Много раз трогал руками веревку. Минута, и все. Кому я нужен? Но жутко — живем один раз...»

Утром на чердак заглядывал робкий и пыльный луч. Ладонь тянулась к теплой полоске света. Текли слезы, человек начинал вдруг рыдать... В чердачном люке появлялось лицо матери.

— Услышат... Люди услышат, сынок! Помолись...

Человек умолкал.

Как-то ночью открыл старый сундук. Перебирая в коробке железные бляхи и пуговицы, обнаружил два рыболовных крючка. Сколько воспоминаний разбудили два рыболовных крючка! На чердаке он закрыл глаза и нажимал пальцем на острие, пока не показалась капелька светлой крови. Забывшись, он увидел себя мальчишкой, белоглавым и резвым. Босой, он бежит на Битюг. Ноги обжигает роса. Он остановится на секунду: надо разбудить Ваську. С удочками они вдвоем идут к Битюгу. Колхозный сад по пути. Хрустят на зубах холодные яблоки. Сторож дядя Матвей кладет кизяки в костер, греет чай.

— Ловить?.. Ну-ну... Вон там у обрыва сазаны бьют...

В то утро с Васькой Ивановым, глядя на поплавки, они говорили о самолетах. Вместе с Васькой в сорок втором шли в Липецк. Васька после войны вернулся, как говорит сестренка, с двумя орденами. У Васьки — жена, четверо ребятишек. Васька теперь комбайнер, зовут его, конечно, Василь Никитич... Человек открывает глаза и видит вытертый полушубок, паутину и маленький пыльный луч солнца.

В тот день он жадно ждал темноты. Завернув в тряпицу крючки, выполз на луг, подкрался к лошади, выдернул пучок волос из хвоста. Три дня не спеша, с наслаждением плел леску, прилаживал крючок. Ногтями разгреб землю на огороде и ошупью, разминая комочки земли, набрал в ладонь червяков. Он тщательно готовился. Как полководец, он не спешил начинать сражение, пока не убедится, что все пойдет хорошо. Он загадал: если на леске четное число узлов — значит не все потеряно. Число было четным. Он бодро спустился по лестнице, слившись с ночью, пошел к Битюгу.

Он не узнал Битюга.

Дрожащими руками, цепenea от непонятного чувства, размотал леску, неловко забросил в темную воду и стал ждать. Ослабевшие глаза не видели поплавок. Подтянув леску, обнаружил поплавок у самого берега, его прибило течением. Он снова забросил. Глаза опять не видели поплавок, только звезды, как чешуя, рябили в глаза. Он бросил удочку и тихо поплелся к дому...

Часто думал: спущусь к людям, расскажу все. Боялся. Уже не кары за трусость боялся: он знал — народ простил его трусость, боялся жизни. Все пугало: и громкий человеческий смех, и песни во время покосов над Битюгом, и грохот комбайна, на котором ездил по спелой ржа Васька. «Что скажу людям? Что буду делать? Профессии никакой. Я даже говорить разучился». Мысленно он прикидывал для себя работу в колхозе: «Навоз вывозить... не смогу. Ослаб, еле поднимаюсь по лестнице...»

Огромная жизнь проплывала за чердаком большими белыми самолетами, красным комбайном Васьки, смехом мальчишек, плеском рыбы на Битюге. Сестра приносила домой звучные и непонятные слова: «целина», «спутник», «телевизор», «космонавты», «ракета», «атомный ледокол»... Это была уже совсем незнакомая жизнь. Два шага от дома при солнце, и все — он будет частицей жизни. Боялся. Вспомнил, как однажды выбирали из подвала картошку. В темноте на картошке выросли длинные белые нити. На солнце нити пожухли и превратились в серую пыль. Он часто вспоминал белые нити. Его знали восемнадцатилетним парнем, теперь ему тридцать восемь. Он ослаб и разучился говорить. За двадцать лет он прочел задачник по арифметике для третьего класса и каждый год по многу раз перечитывал книжки по географии, «про пустыню, про Крым, про Германию, про слонов, про Ленинград, про оленей и белых медведей». Он не знает ни одной песни, и петь ему не хотелось. Он не знает ни улыбок, ни поцелуев, ни настоящего вкуса хлеба, потому что вкус этот знают только те, работает. Он ненавидел себя. Он завидовал тем, кто не вернулся от Волги. Двадцать лет он видел свою могилу. Могила сровнялась с землей. Он знал: люди его забыли...

Он курит сигарету за сигаретой. Желтые руки сложены на коленях, глаза слезятся и смотрят под ноги. Отец чинит старую сбрую, мать принялась за тесто.

— Анна Александровна, вы понимаете, что произошло с вашим сыном?

— А что? Он никого не убил... Бог не всем одинаково отмерил...

У матери было семь дочерей и один сын. Мать хотела счастья своему Кольке. И вот оно, это счастье... «Не пожелаю самому злему врагу» — говорит сын.

В семье хорошо помнят конец войны. Вернулся отец. Сын слышал: он обнимает мать, сестер, потом все утихло и заскрипела лестница на чердак. Обняв сына, старый солдат с медалью на гимнастерке заплакал. Не от счастья заплакал солдат.

— Слезай... Люди умеют прощать...

Сын промолчал. Вмешалась мать:

— Замолчи! Все богом дано, от судьбы не уйдешь...

Родитель бушевал с неделю, грозился сам пойти в сельсовет, но так и не хватило мужества у солдата. Смирился, спрятал в сундук медаль и стал подавать на чердак хлеб и чашку со щами. Шестнадцать лет кормил дезертира! Взбунтовался совсем недавно:

— Что ж получается! Ты отца должен кормить, а я до сих пор ведро принимаю... Слезай!

Сын ткнул отца сапогом, и тот загремел с лестницы... А через два дня огородами к сельсовету прошел голый, никому не знакомый человек.

— Чей, откуда?..

Молчит. Потом сказал:

— Тонких сын...

Никто не помнил сына Тонких. Потом вспомнили о могиле. Позвали мать.

— Нет, не мой. Мой умер...

Потом выяснилось: странный человек действительно Николай Тонких...

Вот и вся трагическая и жалкая судьба дезертира. Он живет теперь среди нас. Он ходит в кино, и мечтает о женитьбе, и сам зарабатывает свой хлеб. Он устает на работе, избегает людей. Спит, он по-прежнему на чердаке. «Никак не привыкну к избе...» Вечерами, перед тем как полезть на чердак, долго стоит во дворе, провожает закат.

Трусость в тяжкий для Родины час требует наказания. Но у кого поднялась бы сейчас рука на жалкого человека, пережившего семь тысяч дней страха, наказавшего себя сверх всякой меры! Он и теперь говорит: «Живем один раз». Но он сам понимает, как беспощадны для него эти слова. Двадцать золотых лет зачеркнуто в жизни. И теперь что за жизнь? Не всякий подает руку. А когда идет по селу, острый слух ловит шепот:

— Дезертир...

Презрение людей — самое тяжкое наказание для человека. А живем один раз...

1962 год,

с. Битюг-Матреновка Воронежской области.

Фарид Сейфуль-Мулюков

«Все, с кем я встречался, были мне интересны»

ФАРИД СЕЙФУЛЬ – МУЛЮКОВ⁹⁹

Люди старшего и среднего поколения знали их в лицо. И воспринимали если и не как членов семьи или соседей, то уж, во всяком случае, как добрых знакомых. Владимир Дунаев, Валентин Зорин, Александр Каверзнев, Анатолий Овсянников, Анатолий Потапов, Фарид Сейфуль-Муллюков, Игорь Фесуненко... Международники. Элита профессионального сообщества. Предмет зависти студентов факультетов журналистики... Сегодняшний собеседник – известный журналист-международник, востоковед-арабист Фарид Мустафьевич Сейфуль-Муллюков. Его биография настолько многопланова и насыщена событиями, что без «объективки» не обойтись.

Итак, он родился 19 ноября 1930 года в Ташкенте. Отец, Мустафа Камалетдинович, стал жертвой сталинских репрессий. Посмертно реабилитирован в 1957 году. После войны Фарид Мустафьевич поступил в Московский институт востоковедения, который с отличием закончил в 1954 году. После окончания института работал в журнале «Международная жизнь», затем в Издательстве восточной литературы и в журнале «Современный Восток». В 1959 году Сейфуль-Муллюков был приглашен на работу в Гостелерадио. Прошел путь от комментатора до собственного корреспондента в странах Ближнего Востока. Стал одним из творческих создателей радиопрограммы «Маяк». В 1964 году был назначен политическим обозревателем Центрального телевидения и радиовещания. В конце 60-х – начале 70-х заведовал корпунктом в Ливане. Побывал во многих странах Ближнего и Среднего Востока, в странах Азии и Европы. Подготовил сотни репортажей с мест событий. В 1990 году – заведующий корпунктом Советского телевидения и радио в Швейцарии. По возвращении в Москву возглавил творческое объединение «Евразия» телерадиокомпании «Останкино», а впоследствии – т/о «Международные программы», освещавшие становление СНГ и внешнюю политику новой России.

Автор книг «Рождение Иракской республики», «Ирак вчера и сегодня», «Португальские колонии в Африке», «Репортажи с линии огня», а также множества статей в центральной и республиканской прессе, теле- и радиорепортажей, более тридцати документальных фильмов. Участник крупнейших международных конференций. Встречался с главами государств, видными общественными деятелями, в частности, с первым президентом Египта Насером, королем Иордании Хусейном, палестинским лидером Арафатом, президентом Сирии Асадом, руководителями Афганистана Тараки и Наджибуллой, духовным лидером Ирана Хомейни, первым президентом Кипра архиепископом Макариосом, кубинским вождем Кастро...

И в заключение очень коротко о наградах. Орден Трудового Красного Знамени (1976), орден Красной Звезды (1982), Государственная премия России имени братьев Васильевых за фильмы «Они завоевали свободу. Хроника Алжира», «Ближний Восток : время испытаний» (1978). Государственная премия СССР за документальные фильмы об Афганистане (1981). Почётное звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации» (1995). Диплом общественного профессионального признания «Лучшие перья России» (1999).

И, наконец, пришло время личного знакомства.

- Фарид Мустафьевич, психологи утверждают, что какая-то праоснова формируется в человеке до пяти лет. В каком возрасте Восток вошел в вашу жизнь?

- Именно в раннем возрасте. Для меня начало «восточной» темы – это довоенный Ташкент,

где жила наша семья. Очень хорошо помню этот город с его разноязычием, ярким колоритом, живописными стариками. Это по сути жемчужина советского Востока. Так же, как и великие города Самарканд и Бухара. Самые ранние мои годы прошли тесном соприкосновении с мусульманской культурой. Узбеки-мусульмане ее сохраняли, несмотря на идеологизацию общественной жизни. Мы, ребяташки, бывали на праздниках, свадьбах. В мечеть я, правда, не ходил (семья у нас была светская).

- Хорошо знаете узбекский?

- Не блестяще, в последние годы не было практики. Но объясниться сумею. Мы в семье, вообще-то, говорили на татарском.

- Ваши родители – татары. Как они попали в Ташкент?

- Туда в свое время приехал, возвратившись из недолгой эмиграции, мой дедушка по маминой линии Гали Ахмедович Яушев...

И снова необходимое отступление. Дедушка Фарид Мустафьевича был личностью незаурядной. Из книги Е.Скобелкина и И.Шамсутдинова «Возвращаясь к прошлому» об истории древнего городка Троицка, некогда основанного в Оренбургском крае в качестве головной крепости («российский ударный кулак, нацеленный в сторону «киргиз-кайсацкой орды»): «Первоначальное накопление капитала строилось, как правило, на обмане. Исключение составляли купцы, которым нежданно-негаданно повезло, как, например, основателю купеческого рода Яушевых. Ему посчастливилось найти в пустыне ларец с драгоценностями... Среди камышовых зарослей и болотной хляби поднялось сверкающее зеркальными стеклами, громадное по тем временам сооружение – «Торговый пассаж братьев Яушевых»... Десятки, сотни тысяч рублей приносили братьям их оптово-розничные магазины в Ташкенте, Кульдже и Чимкенте, в Челябинске, Кустанае и Казани. Ощутимыми источниками были для Яушевых собственные чайные и хлопковые плантации, кожевенные, хлопкоочистительные и мыловаренные заводы. Не в убыток работали и паровые мельницы... Немало было среди благотворителей подлинных патриотов города. Это можно отнести в первую очередь к купцам первой гильдии братьям Яушевым, на чьи деньги содержались школа и татаро-башкирская библиотека «Наджат»... На хорошем счету была в Троицке магометанская девичья школа, располагавшаяся по Татарскому переулку».

- Скажите, Фарид Мустафьевич, такая мощная генетика не наделила вас талантом коммерсанта?

- Нет. Меня на всю жизнь поглотило востоковедение...

- А что случилось с купцами и благотворителями Яушевыми в революцию?

- То, чего и следовало ожидать. Имущество было национализировано, лишились всего нажитого. Да и сами едва уцелели. Гражданская война была безжалостной везде. И особенно в Троицке, который непрестанно переходил из рук в руки. То белые, то красные, то бело-чехи. Во время одного из таких захватов белые казаки поставили всю семью к стенке. Знаете, на стенах жилища Яушевых везде были начертаны изречения из Корана, такая затейливая арабская вязь. Безграмотные парни, казаки, и озверели: ах вы, жида! Мы сейчас вас... Мгновение оставалось жить. И тут появляется офицер, чех. Ему днем раньше в доме у деда рану перевязали. Вы что, кричит, это не евреи, это татары-мусульмане! Вот после этой

безумной сцены, когда все чудом избежали расстрела, они и эмигрировали. По Китайско-восточной железной дороге (КВЖД) через Харбин отправились в Японию. Шел восемнадцатый год. Жили там пару лет, а потом дедушка написал на родину: разрешите вернуться, я ничего против Советской власти не замышлял, ни в каких антисоветских организациях не участвовал. Ему разрешили, и он обосновался с семьей в Ташкенте. Конечно, надломленный уже был человек. Прожил недолго. Когда умер, полгорода его хоронило. Очень его уважали.

Интересный эпизод, с ним связанный. В июне 1992 года я был в Татарстане на 1 Всемирном конгрессе татар. Побывал в Арском районе и разговорился с главой администрации (фамилию, к сожалению, забыл). Слово за слово, и когда он узнал, что я из рода Яушевых, буквально подпрыгнул. Мой дед, говорит, был главным конюхом у твоего. И рассказывал, как Гали Ахмедович, большой знаток коневодства, приходил в конюшню и батистовым голландским платком промокал пот у лошадей.

- Расскажите об отце. У него, как вы уже сказали, трагическая судьба.

- Да, очень. Он родился в 1887 году в Оренбурге. И вопреки воле родителя ещё мальчишкой отправился вместе с братом в Одессу. Закончили коммерческое училище и устроились юнгами на торговое судно, курсировавшее между Одессой и Стамбулом. Из Турции уехали в Германию, где поступили в Берлинский университет. Мой дядя учился на врача, а отец изучал восточную филологию. Он был полиглотом: знал турецкий, персидский, арабский, немецкий, английский языки. Вернулись еще до Первой мировой, поселились в Тифлисе. Отец вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, принадлежал к меньшевистскому ее крылу. После Гражданской войны вышел из партии и уехал в Ташкент. Занимался переводческой деятельностью. Женился. Моя мама, Разия Галиевна, была младше его на 18 лет. Но это не помешало им создать очень хорошую, крепкую семью.

Никогда не забуду, как в августе 38-го (мама тогда уехала в Евпаторию лечиться, а мы вместе с отцом и моим старшим братом Адгемом остались одни), часа в три ночи, раздался страшный стук в дверь. Пришли три человека в кожаных куртках. Разбудили нас всех, перерыли квартиру вверх дном, забрали все отцовские рукописи, документы, семейные ценности. И увели его.

- Он, наверное, говорил вам с братом, что это ошибка, скоро все выяснится и он вернется?

- Да, сказал, что это недоразумение, что все будет хорошо. Обнял нас. И ушел. Больше мы его никогда не видели. В 1957 году его реабилитировали. Конечно, пришлось за это бороться: я писал в военную прокуратуру Туркестанского военного округа. А много лет спустя, уже будучи известным журналистом, я смог ознакомиться с протоколами его допросов и увидеть письмо того, по чьему доносу произошел арест. Отца обвиняли в том, что он был турецким и немецким шпионом (как же иначе? Он же одно время жил в Турции и Германии). Никаких признаний от него не дождалось. Был сослан в лагерь под Ташкентом, в Елан гач («Голое место»). Один из солагерников остался жив и встречался с моей мамой. Он рассказал, что папа заболел мучительной кишечной болезнью (ведь пили воду из арыков, куда сливались нечистоты) и очень скоро умер. Тяжело умирал. Я был в тех местах. И привез оттуда глиняный горшок с землей. Этот горшок похоронил в могиле мамы на Татарском кладбище в Москве...

- Как вы выдержали, читая протоколы допросов?

- Как выдержал? С огромным трудом. Это было состояние, ну, не безумия, но дикого нервного напряжения. Колесо истории со всей яростью прошло по нашей семье, впрочем, как и по миллионам других. У нас в роду пятеро погибло в лагерях: отец, три его брата, брат матери. Десять лет провела на Соловках и её сестра. Правда, вернулась и прожила 96 лет.

- После ареста Мустафы Камалетдиновича вам, конечно, пришлось очень тяжело?

- Мы остались почти нищими. Мама как дочь бывшего миллионера высшее образование получить не смогла. Окончила какие-то счетоводческие курсы, работала в госбанке. Во время войны особенно бедствовали. Она тогда освоила рукоделие, а мы, мальчишки, как могли, помогали. У брата даже неплохо получалось.

- Кстати, ваш брат тоже стал востоковедом?

- Тоже. Он, как и я, учился в Московском институте востоковедения, на одном курсе с Евгением Примаковым, К сожалению, брата уже нет в живых.

- Объясните, пожалуйста, а как вы, дети «врага народа», могли поступить в такой престижный вуз?

- Ну, это все-таки не МГУ и не Институт международных отношений. Восток тогда еще не стал «предметом политики». И в наш институт брали даже детей «бывших». Отец Примакова тоже был репрессирован.

Наше учебное заведение (до революции знаменитый Лазаревский институт, где готовили кадры отечественных востоковедов) дало нам невероятно много. Богатейшая библиотека, замечательные преподаватели. Например, Клавдия Викторовна Оде-Васильева, родившаяся в самом Назарете. Я учился на арабском отделении Ближневосточного факультета. Мой интерес к этому региону зародился, как я уже говорил, еще в детстве. Благодаря окружению, но в первую очередь – отцу. От него у меня остались две книги, которые свято храню по сей день. Это очень ценный рукописный Коран и изданная в конце 19 века «Жизнь Мухаммеда». Мне близок исламский мир с его великолепной культурой, его непростой историей, на арене которой пересеклись интересы многих держав.

Ближе к завершению моей учебы в обществе начали происходить какие-то еще незримые, подспудные сдвиги. Умер Сталин. К слову, как и многие, я чуть не был раздавлен толпой на Трубной площади во время его похорон. Арестовали Берия. Что-то такое забрезжило. Вроде как среди студёной зимы подул тёплый весенний ветерок. Люди стали чуть свободнее держаться, меньше оглядываться. Хотя, конечно, по-прежнему знали рамки дозволенного. Например, мы, будущие журналисты, твердо усвоили, что нельзя ругать Советскую власть, хвалить ее врагов, унижать ее друзей. Международникам надлежало активно освещать освободительную борьбу народов, разоблачать империализм.

- А когда, собственно, произошло ваше журналистское крещение?

- В конце 40-х – начале 50-х и в арабском мире, и в Юго-Восточной Азии, и в Африке начало бурно развиваться антиколониальное движение. И у нас в стране безостановочно, друг за другом, следовали обсуждения текущих вопросов: то марокканского, то египетского и так далее. А специалистов в данной области было наперечёт. Вот помню, в октябре 1953-го, как говорится, прямо с улицы я пошел в популярную газету «Вечерняя Москва». Понёс свою статью

с «оригинальным» названием «Марокканский народ не встанет на колени». Заведующий международным отделом принял ее на «ура»: это то, что нам надо. Когда статья, подписанная «Ф.Мулюков» (фамилию Сейфуль-Мулюков сочли слишком длинной), была опубликована, я обегал все киоски и купил как можно больше номеров. С гордостью показывал газету друзьям. Потом публиковался в «Московском комсомольце», «Московской правде», той же «Вечерке», в журнале «Московский колхозник».

- Что-нибудь об угнетенных на арабском Востоке крестьянах?

- Примерно так. Подошло время распределения. Я получил диплом с отличием по специальности «страновед по арабским странам со знанием арабского и французского языков». У выпускников имелось несколько вариантов: МИД, КГБ, военная разведка, Внешторг. Всё это для меня отпадало. Везде требовалось безупречное, по меркам времени, происхождение. И тут мой друг Павел Демченко, с которым мы дружим до сих пор (а он, счастливчик, работал тогда в «Правде»), говорит: «Фарид, открывается новый журнал «Международная жизнь». Попробуй туда».

Во главе журнала стоял академик Хвостов, историк с мировым именем, начальник Архивного управления МИДа СССР. Он меня после короткого рандеву (какими языками владеете? Какими источниками пользуетесь? И т.п.) принял на работу. Я писал сам, перепроверял факты в авторских статьях, редактировал. Однажды даже кое-что поправил в рукописи самого Хвостова. Он меня вызвал в свой рабочий кабинет в МИДе. Ну, думаю, всё – уволит! Прихожу, он сидит за столом, уткнувшись в бумаги. Поднял голову, и сразу вопрос: кто главный редактор – вы или я? Вы, отвечаю. А почему же тогда вы меня поправляете? Что-то я стал объяснять. Но уже понял, что не уволит. Более того, в конце разговора он выглядел вполне довольным. Мол, не ошибся, взял в журнал хоть и молодого, но грамотного человека.

- И тогда же начались ваши прямые международные контакты на высшем уровне?

- Чуть позже. В мае 1958 года я был среди журналистов, сопровождающих президента Египта Насера во время его первого визита в Советский Союз. Он посетил много городов, в том числе Москву, Киев, Минск, мой любимый Ташкент. Интересовался абсолютно всем и во многом хорошо разбирался. Помню, на ташкентском текстильном комбинате ему показали оборудование, сказав, что это наисовременнейшее техническое достижение. А он только усмехнулся: как бы не так! Оборудование устаревшее, тридцатых годов. Сопровождающие с нашей стороны, естественно, это проглотили. Через год приезжал его зам еститель маршал Амер, подписавший соглашение об участии СССР в строительстве высотной Асуанской плотины. Его я тоже сопровождал. В Кремле состоялась встреча с Хрущевым. Я, завершая шествие, поздоровался с ним. Он удивился: «Откуда вы так хорошо знаете русский?» - «Так я свой, Никита Сергеевич, я советский журналист». Хрущев хохотнул: «Тёмный, за араба сойдешь».

- Вы встречались и беседовали со многими политическими деятелями. Кто произвел на вас неизгладимое впечатление ?

- Как я уже сказал, президент Насер понравился. Король Иордании Хусейн. Очень тонкий человек. Президент Сирии Асад. Кстати, он окончил авиационное училище в Советском Союзе.

- А вот личность, чье имя уже много лет на слуху – Ясир Арафат?

- На этого бессменного палестинского лидера навесили немало уничтожающих ярлыков, и совершенно напрасно. Я не знаю другого политического деятеля на Ближнем Востоке, на долю которого выпало бы столько испытаний и который был бы способен оставаться самим собой. Причем он способен и корректировать свои взгляды. Моя первая встреча с ним происходила на палестинской военной базе «Ассал». Тогда Арафат говорил мне, что палестинцы рано или поздно добьются ликвидации Израиля. Сегодня он трактует главную цель иначе: достижение независимости Палестинского государства. У этого человека чутье на опасность. В 1982 году я встречался с ним в его штаб-квартире в Бейруте, и, вдруг, прямо во время нашей беседы, вошёл секретарь и сообщил, что по закрытому прямому телефону позвонил какой-то журналист. Не говоря ни слова, Арафат взял меня за руку, и мы быстро покинули помещение. Через пару минут израильская авиация превратила штаб-квартиру в руины.

- Часто случались подобные ситуации, когда смерть ходила по пятам?

- Нечасто, но бывало. 9 октября 1973 года, на третий день очередной войны на Ближнем Востоке, я был в Дамаске (до этого снимал сюжет на Голанских высотах), спешил в телецентр. Рядом крутились мальчишки, рассматривали сбитые израильские истребители. Хотел задержаться, но взглянул на часы и понял, что время поджимает. Оставил на стоянке машину, прошел в здание, поднялся на второй этаж. И вдруг всё вокруг качнулось, как при землетрясении. Посыпалась штукатурка, взметнулся столб пыли и дыма. Бегом спускаюсь в вестибюль и вижу сквозь уцелевшую стеклянную стену свой сплюснутый «пежо» (я его потом сфотографировал), а невдалеке тела тех мальчишек... Или в Афганистане, когда поднимались на вертолете, про себя молились. Потому что пока он не набрал высоту, сбить его очень просто.

- Фарид Мустафьевич, могу представить, как переживала ваша жена Людмила Петровна все эти командировки. Вы ведь в «горячих точках» жили без семьи?

- Какое-то время семья жила со мной. В Бейруте родилась моя младшая дочь Наташа. Однако через два года, когда начался первый раунд гражданской войны в Ливане и наш район попал в эпицентр военных действий, мне удалось вывезти своих на автомобиле. Мчались на бешеной скорости, очень боялись за детей.

- Вы – автор столько телевизионных фильмов. Есть любимые?

- Конечно, есть. Например, «Почему не поет Фейруз?» Это одна из самых знаменитых ливанских певиц, известная не только на Востоке, но и в США и в Европе. С 75-го по 80-й она перестала петь в знак протеста против братоубийственной войны. Не выступала, не давала интервью. И написала единственную песню, но какую! «Простреленные улицы Бейрута» - так она называлась. Мы показали в своем фильме довоенный Бейрут. И музыкальный фон – её редкий по красоте голос. Мы брали крупные и дальние планы. Нам с оператором хотелось донести толстовскую идею – античеловечность войны. Фильмы Сейфуль-Мулюкова – это особая тема, которую не хотелось бы проговаривать скороговоркой. И вообще, их надо видеть. И многие их видели. Для тех же, кому это не удалось, предлагаю «репертуарный лист». Пусть здесь одни названия, но представление о масштабе творчества журналиста они дают. «Остров тревог и надежды» (о Кипре), «Два фронта Сирии», «В стране древнего кедра» (о Ливане), «Кувейт: века и дни», «Ливан: дни испытаний», «Афганистан: жаркая зима», «Там, в горах Радфана» (о Южном Йемене), «По городам Марокко», «Лицензия на убийство» (о Ближнем Востоке), «Восточный синдром» (об исламском фундаментализме), «Там, где

возродилась птица феникс» (о древней культуре Южной Аравии), «Семь жемчужин на берегу Залива» (о взлёте Арабских Эмиратов), «Президент Клинтон в Останкино». Клинтон, понятно, из другой оперы. Когда он приезжал в Москву в 1994 году, Сейфуль-Мулюков занимался организацией прямой телевизионной программы, освещающей его визит. Американский президент его работу оценил и адресовал ему письмо: «Дорогой Фарид, премного благодарен за Вашу помощь во время моего визита в Москву. Ваши усилия способствовали успеху моего визита».

- Фарид Мустафьевич, вы беседовали с президентами и королями, военачальниками и солдатами, миллионерами и бедняками, детьми и стариками. Как находили нужную интонацию, как вызывали расположение таких разных собеседников?

- Представьте себе, куда-то помогала открывать дверь моя звучная фамилия Сейфуль-Мулюков, что означает в переводе с арабского «меч королей». Очень располагало знание языков. Через переводчика такой степени откровенности никогда не добьешься. Да и потом любой человек чувствует, когда он по-настоящему тебе интересен. А мне все, с кем я встречался, были интересны.

- Существует особый арабский этикет. Что-то по нашим представлениям совершенно невинное в арабском мире может быть расценено как невозможная дерзость. Не приходилось попадать в откровенно неловкие ситуации?

- Слава Богу, нет. Мы всё же многое узнали об обычаях и традициях, ещё учась в институте. Повторюсь, у нас были многоопытные учителя. Скажем, мне с самого начала было ясно, что если приходишь к какому-нибудь шейху на Аравийском полуострове в гости, надо вежливо поклониться и молчать, пока первое слово не вымолвит хозяин. Он скажет: добро пожаловать! Как поживаете? Как доехали? Вот тогда и надо говорить.

- Что сегодня наполняет вашу жизнь?

- Размышляю о прошлом, анализирую настоящее и думаю о будущем. Работаю над книгой воспоминаний.¹⁰⁰

Мы работали в трудных условиях, но использовали все возможности для своевременного освещения событий¹⁰¹

Имя Фариды Мустафьевича, журналиста-международника и востоковеда-арабиста, хорошо известно людям старшего и среднего поколения. Он работал во многих странах Ближнего и Среднего Востока, в странах Азии и Европы. Подготовил сотни репортажей с мест событий. Встречался с главами государств, видными общественными деятелями – с первым президентом Египта Абдель Насером, королем Иордании Хусейном, палестинским лидером Ясиром Арафатом, руководителями Афганистана Тараки и Наджибуллой, кубинским вождем Фиделем Кастро. Является автором многих книг и документальных фильмов о странах мусульманского мира. За фильмы об Афганистане был удостоен Государственной премии СССР.

100 Беседовала Лариса Ровнянская Газета «Татарский мир»

101 <http://tatmsk.ru/obedineniya/sootchestvenniki/04.html>

О взгляде на современную журналистику, сегодняшних отношениях России с мусульманским миром и своих творческих планах в преддверии своего 80-летнего юбилея нам рассказал Фарид Мустафьевич Сейфуль-Мулюков.

Журналистика вчера и сегодня

- Фарид Мустафьевич, в одном из интервью, вы сказали, что работали по принципу «не навреди». По какому принципу, на ваш взгляд, работают журналисты сегодня?

- Я старался делать свои материалы интересными, познавательными и востребованными. Хотел, чтобы моя журналистская продукция находила отклик у людей. «Не навреди» - очень важный принцип. Не навреди какому-то процессу, не навреди своей стране, не навреди людям – это правильно абсолютно. Но я несколько шире смотрел на задачи, которые передо мной стояли.

Что касается современной журналистики, я посчитал бы не политкорректно с высоты своего возраста, своего поколения судить о современных СМИ. И не хотел бы ставить себя на позицию классика, сказавшего однажды: «Вот были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...» Каждому сезону – свой фрукт и овощ. Каждое время имеет своих кумиров и героев, свои приоритеты. Поэтому сравнивать время ушедшее с настоящим – трудно.

Можно сравнить какие-то методы. Современные журналисты обладают неизмеримо большим информационным технологическим ресурсом. У нас не было ни компьютеров, ни Интернета. Не было даже нормальной телефонной связи! Каждый материал из-за рубежа для Москвы приходилось диктовать по словам и буквам, особенно если использовались иностранные имена, названия городов и т.д. Я тратил по два-три часа времени, чтобы передать для нашего всесоюзного радио материал на 1,5-2 страницы.

Сейчас достаточно иметь мобильный телефон, чтобы передать для радио, телевидения, прессы материал с любого континента. Мы материалы для программы «Время» посылали самолетами. Например, в 1982 году я находился в зоне военного конфликта в Ливане. Израильские войска блокировали восточный Бейрут, а в западном Бейруте расположились лагеря палестинских беженцев, боевые отряды. Бейрутский аэропорт был закрыт. Материал мне пришлось отправить через Дамаск – столицу Сирии, проехать для этого 800-900 километров и пройти 5-6 блокпостов – израильские, палестинские, сирийские и т.д. И все это мы отправляли в немонтированном виде, что получалось на выходе в эфир – представляли с трудом. Мы работали в трудных условиях, но использовали все возможности для своевременного освещения событий.

- А какие вы видите отличия в подаче материалов?

- В журналистике моего поколения было больше аналитики, осмысленного освещения происходящих процессов и событий. Сейчас гонятся за сенсацией, а сенсация – это криминал. Такие горячие пирожки с удовольствием потребляются зрителем. В мое время главными новостями были правительственные решения на уровне политбюро, ЦК, съезды партии, мы по радио и телевидению твердили об успехах, хотя особых успехов и не было, в сельском хозяйстве, промышленности и т.д. И мировые события конечно.

Большинство журналистов моего поколения не оканчивали факультетов журналистики. Это были выпускники Института международных отношений, Института Востоковедения, приходили даже из

технических вузов. У нас не было журналистской школы. Все узнавали на практике, свой стиль наработывали самообразованием.

Сейчас к услугам молодежи факультеты журналистики есть во многих вузах. Но помимо обучения нужно иметь способности, талант. И огромный интерес к своей работе. У нас была внутренняя конкуренция, мы всегда следили за тем, как осветит то или иное событие товарищ, как его материал воспримут коллеги. Преобладало внутреннее чувство чести, мы хотели быть первыми, лучшими. У нас было больше вдумчивого отношения к анализу событий. Сейчас, к сожалению, часто журналисты все делают на ходу, поэтому их материалы не оседают в сознании читающей публики и слушателей.

- Неужели, работа ни одного из современных журналистов вам не нравится?

- В основном я слушаю радио «Эхо Москвы». Хотя и не всегда согласен с тем, как там, так называемые политологи, освещают события. Раньше они были бы просто журналистами, а сейчас называют себя политологами, этот термин широко вошел в моду. В журналистике человек, как правило, занимается одним направлением. В международной журналистике нельзя быть специалистом по всем проблемам мировой политики. В годы моей работы у нас были американисты, китаисты, индологи, арабисты – люди, знающие проблему стран и регионов, которыми занимались многие годы, говорили на их языках. Сейчас любой журналист может сегодня написать о Саммите в Сеуле, завтра поехать в Казань делать материал о том, как идет подготовка к Универсиаде и т.д. Теперь журналисты на все руки мастера. Это не российский принцип журналистики. Такая работа характерна для американцев. Для них нормально, если журналист сегодня работает в Москве, а через два года его посылают в Южную Корею или в Южную Африку. Это не плохой принцип, человек способен освоить ту или иную профессию, изучить тот или иной регион, но раньше было более углубленное отношение к проблемам. Я слежу за современными СМИ, появляются интересные статьи, и по телевидению проходят яркие сюжеты. Но редко, к сожалению.

- А имена можете назвать?

- Есть, конечно, серьезные журналисты. Например, Леонид Млечин, Николай Сванидзе, Максим Шевченко. Бесспорно, Александр Проханов, его работа пахнет старомодным политическим багажом. Они интересны, я с удовольствием их слушаю. Но, в основном, современное телевидение заполнено сериалами, катастрофами, сюжетами об убийствах, расследованиях.

Мусульманский фактор в СССР и России

- Фарид Мустафьевич, вы много лет работали в арабских странах, тесно соприкасались с мусульманским миром. Сравните отношения СССР и России с этими странами.

- На широкую дорогу сотрудничества с арабским миром мы вышли после смерти Сталина, где-то после 1953 года. Поворотным моментом в отношениях между СССР и арабскими странами, прежде всего самой крупной – Египтом, стала ликвидация монархического режима в Египте, проанглийской направленности, и победа июльской революции 23 июля 1952 года с приходом к власти президента Насера. Новый режим встретил резко-отрицательную реакцию в западных странах, прежде всего в Англии, которая многие годы командовала в Египте, владела этой страной. Англичанам и французам принадлежала компания Суэцкого канала, его национализация в 1956 году вызвала ответную реакцию со стороны Запада – Тройственную агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта. А также резко-отрицательное отношение к этой агрессии со стороны

мирового общественного мнения, прежде всего, социалистических стран во главе с Советским Союзом.

Это сыграло свою определенную роль. У Советского Союза началось развитие отношений с Египтом и с другими арабскими странами – Сирией, Ираком, со странами арабского мира на Севере Африки и т.д. Мы были заинтересованы в поддержке арабских стран, арабского национально-освободительного движения не только исходя из своих идеологических и политических принципов, а, прежде всего, геополитических. Многие арабские страны завязали тесные отношения с нашей страной в военной, экономической и политической областях.

Этот огромный регион, владеющий нефтяными богатствами, очень важен для Западной Европы, США. Присутствие там Советского Союза, конечно, очень раздражало Запад. Все последующие события, конфликты были связаны именно с соперничеством между Советским Союзом, Западом и США за влияние в этом регионе.

Но мы совершили определенную ошибку, как говорится, сложив все яйца в одну корзину. Не надо было в 1967 году после июньской агрессии Израиля против арабских стран, Сирии, Египта, Иордании, рвать отношения с Израилем, который стал важным фактором политики в этом регионе. Его нельзя вычеркнуть с политической карты, это исторический факт, он состоялся, и с этим надо считаться. А американцы имели выход и на арабские страны, и на Израиль. И у них, в отличие от нас, были многоходовые комбинации в дипломатической борьбе за этот регион.

Потом мы поняли свою ошибку, стали постепенно налаживать отношения с этим государством, которое ведет себя не совсем корректно по отношению к арабам во всех смыслах. Очень большой крен и по телевидению в сторону переоценки роли Израиля в этом регионе. Сейчас больше считаются с политикой Израиля, как мне представляется, чем с политикой арабского мира. Мы потеряли многие позиции в этом регионе, морально-политические. В прошлом было широкое сотрудничество, а сейчас все дозировано. Арабы понимают, что теперь Россия уже не является такой надежной опорой для их политики в мире. Они не могут положиться на Россию полностью, поэтому вырабатывают собственные ходы для укрепления своих возможностей.

Много дров было наломано и в 90-е годы, во времена Президента Ельцина. Наша страна не понимала, что мусульманский мир традиционно тяготеет к нам. Россия – многонациональное государство и мусульманский фактор играет огромную роль во внутрироссийской политике. У нас есть республики Татарстан, Башкортостан, Северный Кавказ, где живет огромное количество мусульман. И с этим политические деятели, находящиеся во главе государства, должны считаться. События последних 15-20 лет показывают, что когда не учитываешь этот фактор, возникают трудные, подчас неразрешимые ситуации.

В нашей внешней политике мусульманский фактор отодвинут на задний план. Конечно, время от времени совершаются визиты в мусульманские страны, приезжают лидеры этих государств в Россию, но глубокого, аналитического подхода к ситуации я не вижу.

- Но несколько лет назад наша страна в качестве наблюдателя вошла в Организацию Исламская конференция...

- Мне кажется, это только формально. Что значит для ОИК, в состав которой входят достаточно разношерстные в вопросах политики, но единые в религиозном отношении страны, участие России в качестве наблюдателя? Не имея этого статуса, мы все равно ездили в мусульманские страны, там работали наши журналисты. Я сам освещал несколько конференций, будучи

корреспондентом центрального радио и телевидения на Ближнем Востоке. Теперь я не вижу, чтобы современное телевидение освещало работу ОИК, рассказывало, какую роль она играет в мировой политике. Раньше материалы арабского, мусульманского мира на экранах были регулярно, практически в каждом выпуске программы «Время». Мы делали специальные передачи на эту тему. Сейчас передач, освещающих ситуацию на Ближнем Востоке, в нашей стране нет.

Юбилей – грустный праздник

- Фарид Мустафьевич, вам тяжело давался арабский язык?

- Язык конечно трудный. Все зависит от способностей и пристрастия к изучению иностранных языков. Мне он дался сравнительно легко. Помогли мне его выучить несколько факторов, во-первых, я татарин, мусульманин, во-вторых, мой отец был востоковедом и, в-третьих, я очень любил свою профессию, регион, в котором работал, этот сложный арабский мир. У меня даже фамилия арабская, которая в переводе означает «меч королей». Мировая цивилизация родилась именно на Ближнем востоке. Теперь часто говорят о столкновении двух культур – мусульманской и христианской. Столкновения нет, есть непонимание того, что нельзя со своим уставом ходить в чужой монастырь, что арабы, мусульмане, не приемлют алкоголь, наркотические средства, преступность и т.д. Запад же считает, что несет туда демократию, и это заканчивается вторжением в Ирак, убийством тысяч невинных людей. Та же история с Афганистаном.

- Есть ли люди, у которых вы бы хотели взять интервью? Возможно, что их даже уже нет в живых...

- Я бы взял интервью у Махатмы Ганди, у Уинстона Черчиля или Франклина Рузвельта. С удовольствием бы с ними побеседовал. Но это, к сожалению, уже невозможно, потому что, во-первых, их нет в живых, во-вторых, я уже теперь не работаю.

- С какими чувствами вы встречаете свой юбилей?

- С грустью, потому что жизнь уже проходит. 80 лет – большой срок в жизни. Но, надеюсь, что Аллах продлит мои дни, и я смогу еще наблюдать за развитием нашей многострадальной страны. Я продолжаю работать, иногда выступаю по телевидению и по радио, в иностранных СМИ. Но не так активно, конечно, потому что сил уже меньше и с возрастом приходят разные болячки. Сейчас работаю над книгой мемуарного характера, надеюсь, через несколько месяцев ее завершу.

Беседовала Дина АЛЯУТДИНОВА,
пресс-центр Полпредства РТ в РФ,
Фото С.Абдрахманова

Игорь Фесуненко

(28 января 1933, Оренбург) — советский и российский журналист-международник, писатель, преподаватель МГИМО.

Родился в Оренбурге, детство провёл в Москве и Запорожье. В 1955 году окончил московский Историко-архивный институт по специальности историк-архивист. Следующие два года служил в рядах Советской Армии. С 1957 по 1963 годов работал в Главном архивном управлении. Внештатно сотрудничал с Комсомольской правдой и с Гостелерадио СССР, где в 1963 году стал сотрудником латиноамериканской редакции (Фесуненко на тот момент владел испанским языком). Был направлен в Бразилию, где стал изучать португальский язык. С 1966 года — собственный корреспондент Гостелерадио СССР по странам Южной Америки (631урра631нт в Рио-де-Жанейро).

В 1971 году возвратился в СССР. С 1973 по 1975 год — корреспондент Гостелерадио СССР на Кубе. С 1975 по 1979 год работал в Португалии. Затем работал политическим обозревателем и ведущим таких передач, как «Сегодня в мире», «Телекамеры смотрят в мир», «Политическая панорама», «Время». В начале 1990-х годов работал в Италии. В 1990-х вёл передачи на Маяке, ОРТ.

В настоящий момент ведёт преподавательскую деятельность.

Награждён медалью «За трудовое отличие», орденом «Знак почёта», имеет звание «почётный радист». Является болельщиком футбольных клубов «Ботафого» (Рио-де-Жанейро) и ЦСКА (Москва).

Игорь Фесуненко, интервью

Журналист-международник и политобозреватель ЦТ СССР Игорь Фесуненко, автор одиннадцати книг, четыре из которых посвящены бразильскому футболу и стали бестселлерами, встретил корреспондентов “Солидарности” на рабочем месте – в медиа-центре Федеральной службы России по атомной энергетике. Впрочем, для него это лишь одно из рабочих мест: “Послезавтра я уезжаю в Питер делать программу (“Главное с Игорем Фесуненко”. – А.Ч.), а потом еще надо будет заехать на окружное ТВ. Там у меня, правда, теперь работы не очень много... Ну а вот завтра буду отдыхать – у меня день рождения”. На прошлой неделе Игорю Сергеевичу исполнилось 72 года.

ЦЕНзуРА И САМОЦЕНзуРА

- Странно, чтобы у вас – и вдруг где-то “не много работы”...
- Если говорить про телеканал округа, где я работаю, то я там теперь только

один раз появляюсь, в одной коммерческой программе, в интервью с риелторами. Меня начальник попросил на время прекратить вести прямые эфиры. Я там, знаете ли, на префекта округа “наехал”. Со всеми предыдущими префектами у меня все нормально было, я их там уже много пережил. А этот, как все маленькие люди, такой обидчивый...

Дело было так. Шел прямой эфир. В одной студии – мы с префектом, в другой, как говорится, “представители населения”, кроме того, люди звонят и по телефону. В общем, идет передача. Тут – перерыв, и я вдруг понимаю, как там вопросы делаются: в другой студии собираются вокруг главы района люди, и он им вопросы пишет... А вопросы самые простые – там детскую площадку просят починить, там – отремонтировать дверь в подъезде... И в перерыве я говорю префекту: я, мол, уже много лет занимаюсь своим делом, но в первый раз вижу такую заорганизованность. Что, люди сами не могут вопрос хороший задать? А тот страшно обиделся и говорит директору компании, Назюте: что, мол, этот меня жизни учить будет? Тот испугался и попросил меня на время уйти в тень. А я и рад – сейчас работы у меня очень много, и все равно на это окружное ТВ времени не хватало бы. И эта пауза очень хороша. В Питере программа моя не думаю, что проживет еще очень долго – пройдет полгода-год, и ее закроют. И тогда вернусь в Москву.

- В Питере, наверное, лучше, свободнее...

- Что, думаете, цензуры там нет? Бесцензурного телевидения вообще не бывает! Каждая телекомпания представляет чьи-то интересы – олигарха или государства... Даже если мы втроем снимем кино и будем на кухне его смотреть – все равно будет цензура жены или тещи. В Питере я работаю на телевидении Матвиенко. Но последние акции протеста мы показали там, конечно. Чуть-чуть – чтобы не разжигать страсти... Я считаю, что это самое “не разжигать” – правильная позиция. Не хватало, чтобы там еще жертвы были, после пенсионера, которого сбила машина.

СКАНДАЛЫ

- Вас уже выгоняло с ТВ номенклатурное начальство. Что, так необходимо было с [Ельциным](#) ругаться?

- Он сам на меня “наехал”. Нечего было опаздывать – в первую президентскую кампанию я вел на ОРТ встречи с кандидатами и всегда просил их приехать в Останкино хотя бы за полчаса до выхода в эфир. А Ельцин опоздал, приехал прямо к передаче, мы даже на минуту задержали выход в эфир. Я с ним не успел до эфира переговорить. Он зашел, сел, и тут же включились камеры. Я мгновенно почувствовал его недоброжелательность по отношению к себе. Ельцин все время смотрел на меня настороженно и любой вопрос воспринимал в штыки. И когда он сказал, что ляжет на рельсы, но не позволит России провалиться в нищету, я улыбнулся: “Наверное, это будет трудно сделать?” Кандидат Ельцин сразу обиделся. Ему стало жарко, он прямо в эфире начал снимать пиджак. Сделать это было сложно, и я сказал: “Простите, давайте сначала снимем микрофон!” И в шутку добавил: “Надеюсь, что дело ограничится только этим пиджаком...” Он разозлился.

Но с приходом Ельцина с телевидения убрали не только меня, а всех “старых

советских пердунов”, вот кем нас считали. Так что мне трудно утверждать, что, мол, “Елкин сводил со мной счеты”. Нет, просто убрали “когорту” – была задача дать дорогу молодым. Я сдал корпункт в Италии, вернулся на Иновещание, потом работал на МТК и три года был продюсером понедельничного выпуска программы “Доброе утро” на ОРТ. Так что не такой уж это был “наезд”, все хорошо кончилось. В 1973 году Лапин, руководитель Гостелерадио, громы и молнии в меня метал, и то все в итоге к лучшему обернулось.

- А Лапину-то вы как нахамить успели?

- Это он сам на меня... Все из-за Фиделя. Был 1973 год, и Фидель Кастро приехал в нашу страну с официальным визитом. И вот едет он к рабочим или колхозникам и выступает с огромной речью – на 40 минут. А у нас, на Иновещании, где я тогда работал, весь выпуск получасовой. Но надо же и о других новостях сообщить. И вот дает мне начальник текст – сократи, говорит. Для кого-то надо сделать просто новость, для кого-то отрывок (две странички, четыре минуты), куда-то просто цитату послать. Начальник посмотрел на мой самый большой “кусочек Фиделя” и говорит: “Какая ерунда, все равно он одно и то же болтает, Фидель ваш сраный... Две минуты”. Ладно, даю две минуты. Там он что-то говорил о красоте русских женщин в целом и ивановских ткачих в частности, он перед ними как раз и выступал – большой был специалист по красоте. Ну и слышит мою цитату какой-то деятель из ЦК и сильно возмущается – кто, мол, посмел так сократить речь товарища Кастро? Давайте посмотрим другие СМИ. Смотрит другие СМИ – а там тоже моя нарезка.

И дали Лапину по шее. У меня как раз в этот день выходной был, когда он вечером “курултай” собрал. Он говорил, что таким, как я – “людям с рыбьим сердцем, с холодными руками”, - нечего делать в советской журналистике. На следующий день прихожу на работу, а все меня как-то сторонятся, как заразного. Выясняю, в чем дело, жду увольнения... Но мне дают строгий выговор “с занесением”. Работаю дальше. Проходит месяца три, и меня вызывают к Лапину. Ну, думаю, все, уволит – и чего он, гад, ждал три месяца? Но Лапин неожиданно предлагает мне чаю и говорит: “Я бы хотел, чтобы вы стали нашим собкором в Гаване”. Я отвечаю: “Простите, но не кажется ли вам, что человеку с рыбьим сердцем и холодными руками нельзя доверять столь ответственный пост?” – “Да бросьте вы ерунду говорить, - отвечает, - я же с вами серьезно...” Оказывается там, на Кубе, как раз накануне визита [Брежнев](#) произошел конфуз – наш собкор нажрался и разбил посольскую машину. Причем врезался в стену нашего посольства на глазах у советского посла! И срочно нужна была замена. Тем более что посол, тамошний царь и бог, был личным другом Брежнева, человеком очень капризным.

В общем, прибыл я в Гавану и по итогам работы во время визита Брежнева получил орден “Знак Почета”. После того как мне его вручили, в наградном отделе был шок – они поздно узнали, что у меня есть строгач с занесением. “Надо с вас выговор сначала снять”, - говорят они мне. А я им ответил: “Пусть Лапин его с меня снимает”.

ПО-НАШЕМУ И ПО-БРАЗИЛЬСКИ

- Ваш автоответчик говорит по-русски и по-португальски. Ждете, что Пеле позвонит?

- Нет, просто я иногда работаю на бразильские телерадиокомпании. Чтобы они поняли, что меня нет дома и надо звонить позже, я и надиктовал такую португальскую фразу. Одно время я даже был их корреспондентом в России. Делал минутные радиосюжеты. До 1998 года – тогда у них случился такой же дефолт, как у нас, практически одновременно...

Но дело не только в дефолте. Тогда еще был сильный интерес к новостям из России – здесь тонул “Курск”, горела телебашня, обсуждался вопрос о преемнике Ельцина... Сейчас такого интереса нет.

Что касается Пеле, то я вовсе не исключаю, что он вспомнит меня и позвонит. Большим другом Пеле я себя назвать не могу. Но во всех поездках по России я был с ним. Последний раз, когда он приехал сюда в 2003 году, он даже дал телеграмму: мол, пригласите Игоря – фамилию мою он выговорить не может, “чтобы нас повсюду сопровождал и переводил”. И вот все четыре дня и ночи я плотно с ним общался. А в конце поездки получил приглашение в Бразилию, он захотел познакомить меня со своей семьей. В начале прошлого года я туда было собрался, поездку взялась финансировать одна газета, но потом там сменилось начальство и про поездку забыли.

- Читал, как сложно вам было к Пеле пробиться. А общаться с ним проще? Он производит впечатление такого доброго простого парня...

- Пеле – очень хитрый мужик, себе на уме. У него есть замечательная черта – он в ресторане никогда за себя не платит, платить приходится его визави. Причем неважно, кто кого пригласил. А вот на поле он был отличным футболистом – у Пеле была отточена любая техника, он одинаково здорово играл и головой, и ногами. Но... Здорово хамил, был очень криклив, жутко крыл своих же игроков – на чужих, как правило, не орал. Мог упасть как подкошенный, чтобы вымолить пенальти. Или засунуть голову под мышку игрока, незаметно прихватить его с криком: “Смотрите, он меня душит!”

Впрочем, в России с ним было довольно просто. Пеле вел себя вполне скромно и никогда не капризничал по поводу цвета поданной машины.

- Вы следите за бразильским футболом, болеете за тамошний клуб “Ботафого”...

- Уже не слежу и не болею – некогда. К тому же у нас сейчас в этом виде спорта такой бледный вид...

- Будем ли мы когда-нибудь играть так же, как бразильцы?

- Никогда. В Бразилии идеальный климат для футбола, там играют почти круглый год. В отличие от наших, бразильские футболисты – это гремучая смесь негритянской, испанской и прочих кровей. Ребята физически очень крепкие, выносливые, прыгучие, ловкие. И все это – на генетическом уровне! И эта данность – как порода у лошади. Может ли орловский рысак обогнать английскую скаковую? Ответ очевиден: каждый – мастер в своем деле! Но главное, для парней из низших бразильских слоев футбол – единственный шанс выбиться в люди. И на этом пути они порвут любого! Пеле, Роналдо – все оттуда. Они никогда не смогли бы стать инженерами, врачами, юристами, но именно футбол дал им возможность вырваться на самый верх, и они ее не упустили.

Хотя если у нас придет к власти лидер, желающий возродить Россию как спортивную державу, и сделает так, что все наши мальчишки будут с детства играть в футбол, то тогда... По крайней мере, такого позора на чемпионатах не будет.

ДВЕ ЛЕНЫ

- Вы, наверное, в детстве и в юности очень увлекались футболом...

- Футболом – как раз не очень. Как ни странно – у меня, прямо скажем, совсем не высокий рост – я неплохо играл в баскетбол, был очень быстрым разыгрывающим, и мне прочили большое спортивное будущее. Но я не захотел делать спортивную карьеру.

- Что, вы с детства хотели стать журналистом?

- Журналистом – наверное, нет, а вот литературой заниматься хотел всегда. В пятом классе, помню, даже написал свою первую “повесть”. Она называлась “Люди из сарая” и была про шпионов, как положено. А “...из сарая” – потому что эти враги в сарае прятались.

- Семья у вас вроде совсем не литературная, не богемная...

- Да, отец инженер. Мы изначально жили в Москве, на 3-й Тверской-Ямской, но в 1940 году отца направили главным механиком на Запорожский алюминиевый завод. Мы переехали туда всей семьей. Вскоре началась война, и нас эвакуировали на Урал – отец участвовал в производстве алюминия для самолетов.

Мама окончила юрфак в Иркутске, но когда родился я, а потом, через шесть лет, моя сестра Инна, ей стало не до работы. Она была домохозяйкой и очень стойкой женщиной – в 1944-м безропотно вернулась с отцом в Запорожье, куда его позвали восстанавливать завод. Там сейчас живет моя сестра. Там мог бы остаться и я. Но в 1950-м вернулся в Москву, поступил в Историко-архивный институт. Как видите, я не зря там учился – привычка все сортировать строго по датам у меня осталась на всю жизнь. И очень пригодилась в журналистике.

- Как стали журналистом?

- Я работал в Главном архивном управлении и писал в газеты заметки на исторические темы. Самостоятельно выучил испанский язык и вскоре начал работать в латиноамериканской редакции Иновещания. Оттуда меня в 1966 году направили собкором радио в Бразилию, где я освоил еще один язык – португальский. А когда в 1971-м я вернулся из Бразилии, меня пригласили вести телепередачу “Творчество народов мира”. Потом уехал собкором ЦТ сначала на Кубу, затем в Португалию.

- Советское телевидение – хорошая школа?

- Да, на Центральном телевидении работали профи высшего класса: знаменитый первый на советском ТВ политический обозреватель Юрий Фокин, он создал программу “Эстафета новостей”; один из создателей программы “Время” и ее первый руководитель Юрий Летунов... А также Бовин, Овчинников, Кондрашов, Дунаев, Каверзнев. Когда вспоминаю эти имена, меня сразу же умиляют хвастливые заявления нынешних “академиков” телевидения, убежденных, что настоящее российское телевидение появилось только вместе с НТВ, когда появились новые журналисты, “молодые побегу”...

- Вы не можете беспристрастно относиться к этим молодым побегам, так ведь? Вас уволили, а они пришли...

- Нет, некоторые ребята мне нравятся. К некоторым я отношусь с иронией. Как иначе относиться к тому факту, что девочка, которая всю жизнь новости читала, Марианна Максимовская, провозглашается ведущим аналитиком на ТВ? А вот Леонид Парфенов – профессионал высочайшего класса, искренне желаю ему удачи.

- Вы уже многого достигли. Чего бы вам хотелось себе пожелать, особенно в день рождения?

- Мне ничего больше не надо – хочу только заниматься любимой работой, растить внучку (Лена у меня уже большая, в МГИМО учится), писать книги, жить с моей женой, тоже Леной.

- Вы не стали заводить детей, когда, после смерти вашей первой жены Ирины, вступили в брак с Леной... Почему? Многие ведь в ваши годы решаются...

- Это их дело. А я знаю, что могу уже ребенка не вырастить. А вот книжку я закончу обязательно. Вот как раз сейчас пишу эти мемуары...

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

- Это было в 1974 году, когда в Португалии произошла революция, свергли фашистский режим, и началась гражданская война между просоветскими коммунистами и проамериканскими антикоммунистами. В корпункт в Лиссабоне приходит известие о том, что в одном городке сожгли горком партии и убили много коммунистов. Ну, в тогдашней Португалии уничтожение горкома – целый ритуал: сегодня его энергично громят и разворовывают, а завтра те же люди так же энергично восстанавливают... Короче, надо ехать снимать сюжет о сложных путях португальской революции.

Народу у нас немного – я да оператор, Леша Бабаджан, симпатичный такой парень, пожрать и выпить совсем не дурак. Собрались, поехали. Приезжаем мы в этот городок – маленький такой, мазанки, церквушка. Практически украинское село. Но главное – мы видим, что сожженное, загаженное и исписанное матерными португальскими словами бывшее здание бывшего горкома никто восстанавливать не торопится. “Ладно, все равно снимай, - говорю я Леше. – Пригодится в каком-нибудь сюжете о сложных путях португальской революции”.

В общем, хожу я вокруг руин, Леша снимает. И тут вижу, что к нам приближаются пятеро хмурых плечистых людей, абсолютно крестьянской внешности и в такой, хотя и португальской, но крестьянской одежде. Пойду, думаю, поговорю с трудящимися.

Подхожу, здороваюсь по-португальски. Они молчат. Наконец старший из них говорит: “Что вы тут снимаете? Вы кто и откуда?” Понимает, мол, что мы иностранцы. “Снимаем тут разные достопримечательности. Шведы мы. Туристы”, - говорю. В сложных ситуациях я всегда назывался шведом – в португальском языке слова “швед” и “советский” произносятся очень похоже. Только в слове “советский” на один звук больше: “свеко” – швед, “свеико” – советский. В крайнем случае всегда можно вывернуться, сказать, что португалец ослышался.

Но старик на слово верить мне не хотел. “Давай документы”. – “Нету, - говорю,

- с собой документов, они в Лиссабоне, в отеле (называю реальный отель). Хотите – поехали со мной. А вы кто вообще, чтобы документы требовать?” И тогда их старший так спокойно мне говорит: “А мы здешние крестьяне, смотрим тут за порядком, вешаем коммунистов и русских. Коммунистов вот всех перевешали, русских пока не встречали”. – “А за что вы так на русских разозлились?” – спрашиваю. “Да ты что, не понимаешь, что вся эта паршивая революция, которую нам устроил коммуняка Куньял, сделана на деньги Москвы, чтобы из Португалии все добро в Россию вывезти!”

Тем временем нашу оживленную беседу заметил Леша Бабаджан. “Эй, - кричит он мне по-русски, - ты, вижу, там уже с камрадешами (товарищами) подружился! Будут звать кушать – смотри, не отказывайся!” Мужики молчат, внимательно слушают Лехину “шведскую” речь.

“Э, да у вас машина есть! – вдруг хлопает в ладоши старик. – Покажи-ка на нее документы!” Тут я понимаю, как вляпался...

В Европе можно ездить по городам и селам без паспорта даже во время гражданской войны, но ни в какое время нельзя ездить по дороге без документов на машину. У меня в правах, естественно, написано USSR, по-английски и по-португальски. Но, может быть, я и не успею вытащить права. Дело в том, что сразу на переднем сиденье стоящей в десяти шагах машины лежат – прямо на португальской коммунистической газете “Аванте” – любимые сувениры португальских коммунистов: значки и вымпелы с серпами, молотами, красными звездами и портретами Ленина...

И тут я вспоминаю... По старой журналистской привычке, перед выездом на съемку я прочел все, что можно было найти и прочитать об этом месте. Я вспомнил, что в главной церкви этого несчастного городишки лежит саркофаг с телом великого португальского морехода Тристана да Кунья..

“Что за дела? – говорю я на чистом португальском. – Мы, шведы, потомки викингов, приехали снимать фильм о великом мореплавателе Тристане да Кунья, а храм ваш с его саркофагом закрыт, поп неизвестно где, к тому же нас хотят обыскивать!” Тут эти страшные ребята разом просветлели, один даже побежал в город попа искать (тот нашелся уже в подпитии), и сразу все забыли и о наших документах, и о нашей машине... А я забыл про Лешу. Мне повезло – я успел посмотреть на него вовремя, до того как все поняли, что он хотел показать и произнести.

Алексей языком не владел, но был вежливым парнем. По-португальски он знал сначала только “здравствуйте” и “сколько стоит”, но к середине командировки выучил довольно сложную фразу: “Вива 637урра637 де коммуниста португеш!” (“Да здравствует португальская коммунистическая партия!”). Произнося это приветствие, он еще вскидывал кулак в антифашистском салюте – “Рот фронт!” Еще довольно далеко до нас, Алексей приближается не спеша... В левой руке он держит камеру, а правую поднимает вверх, открывает рот, готовится произнести свою самую трудную фразу, улыбается... И тут я как заору на него на чистом русском матерном языке: “...! ...!! ...!!!” – все известные мне матерные слова, громко, четко, без пауз. Алексей растерялся, но приветствия не произнес и руку опустил. Подходит.

“Будем снимать могилу Тристана да Куньи”, - тихо говорю ему я. “У меня пленка кончилась”, - отвечает. “Ну и дурак, все равно включай камеру”.

Как стояли мы с камерой у могилы, как прощались со страшными аборигенами – уже не помню. Только когда отъехали от городка, я рассказал Леше, что там на самом деле нас ожидало.

Уже в Лиссабоне мы узнали, что встреченный нами крестьянин и ребята – местный плантатор и его сыновья, у которых местные красные бедняки пытались отнять землю, за что и заплатились жизнью. А совладать с этими ребятами никто не мог – и они еще долго ходили по округе и вешали коммунистов. Так что меня, выходит, не повесили лишь по ошибке...¹⁰²

В Буэнос-Айресе¹⁰³

Очерк

Город с тысячью лиц

Образ города, в котором тебе довелось прожить недолго— неделю, две или месяц, формируется впоследствии не только из запечатлевшихся в твоей памяти улиц и площадей, переулков или монументов. Образ Буэнос-Айреса—это и лица знакомых или случайно встреченных людей, фразы, оброненные в очереди перед кинотеатром, анекдот, услышанный в метро, лозунг, начертанный на стене, возглас мальчишки, зазывающего в ресторан на не знающей покоя даже ночью авениде Корьентес, торопливый шепот девушки на углу Тукумана и Реконкисты, окрик полицейского, благодарность официанта, вопросительный взгляд портье или консьержки, пронзительное рыдание бандонеона, вырвавшееся из приоткрывшейся на мгновение двери ночного кафе в Сан-Тельмо, испуганный вскрик ночной электрички, пронзающий небо над бывшей площадью Британии, переименованной в площадь Аргентинских ВВС, всполохи световой рекламы на авениде 9 июля...

Но как из этих обрывочных, калейдоскопических впечатлений сложить для себя портрет этого разноликого города, который так похож на десятки других столиц, что временами начинает казаться, будто ты не пересекал Атлантический океан, а по дороге в Южную Америку застрял на пересадке где-нибудь в Европе?! Судя по путевым очеркам, дневникам и репортажам тех, кто приезжал и приезжает в аргентинскую столицу из-за океана, такое ощущение возникало у многих. Вот что писал, например, в книге «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку» полтора века назад французский путешественник Алкид д'Ор-биньи, отправившийся в поездку по Южной Америке в 1826 году: «На улицах Буэнос-Айреса более жизни и движения, нежели в каком-либо другом городе Южной Америки... Негры, мулаты, индейцы, навьюченные тюками и ящиками с товарами, дамы в щегольских английских и французских каретах... священники и монахи, купцы и военные, нищие—все кажутся очень занятыми делом... Весь этот шум, все это

102 Беседовал Алексей ЧЕБОТАРЕВ Фото Николая ФЕДОРОВА *'Солидарность'* //

103 Научно-художественный географический сборник. Двадцать пятый выпуск. Повести. Рассказы. Очерки. Статьи. - Издательство «Мысль» 1985

движение придает городу вид необыкновенный и дает ему некоторое сходство с большими европейскими городами... Англичанин легко вообразить себе может, что он в Лондоне, а француз еще скорее подумает, что он в Париже».

Спустя полвека путешествующий по Южной Америке русский дипломат Александр Семенович Ионин сделал категорический вывод: «Буэнос-Айрес во всем уже напоминает большие города Европы, построенные заново, с преднамеренною пышностью, как будто напоказ».

Да, именно так—«с преднамеренной пышностью, как будто напоказ», пробивалась через кварталы старых домов широченная авенида 9 июля, которой для полного сходства с парижскими Елисейскими полями не хватает только Триумфальной арки. Еще более импозантны и космополитичны парки аристократического квартала Палермо, которые могут напомнить Булонский лес парижанам, а мадридцам—сады Эль-Ретиرو. На бывшей площади Британии возвышается копия лондонского Биг-Бена. Есть в Буэнос-Айресе кварталы, где почувствует себя в родных стенах приезжий из Рима, Севильи, Вены, Стамбула или Алжира.

Когда-то д'Орбиньи быш потрясен шумом и движением аргентинской столицы; в городе этом, как он писал, «ныне считается 60 тысяч душ, в числе которых можно положить около трех тысяч чистых испанцев». И уже тогда на эти шестьдесят тысяч местных жителей, по подсчетам д'Орбиньи, приходилось до тридцати тысяч англичан, французов, немцев, испанцев, бразильцев и выходцев из других стран.

В 80-х годах прошлого столетия, по данным А. С. Ионина, в Байресе проживало полмиллиона человек и ежедневно (!) прибывала тысяча иммигрантов.

Сейчас в Большом Буэнос-Айресе насчитывается чуть менее половины населения страны—около двенадцати миллионов. Называют они себя «портеньос», то есть «жители порта». Ведь Буэнос-Айрес не только столица, но и крупнейший в Аргентине порт.

Так что же это такое—Буэнос-Айрес и кто такие «портеньос»? В поисках ответа на эти вопросы я обратился к мэру этого города, или, как он именуется в Буэнос-Айресе, «интенденте» — Гильерме дель Чиоппо.

Пробиться к мэру было нелегко. Помог старый друг и коллега—аргентинский журналист Исидоро Хилберт, работающий вот уже два десятка лет корреспондентом ТАСС в Аргентине, знающий в этой стране «всех, всё и вся» и, разумеется, имеющий друзей и в муниципалитете. Но прежде чем мы вошли в кабинет «градоначальника» аргентинской столицы, помощники мэра, усадив нас в кресла приемной, долго и придирчиво выясняли, о чем мы намерены беседовать с «сеньором интенден-те» и какие вопросы предполагаем ему задать.

Не трудно было понять причины этой осторожности: шло лето 1983 года, и в сложной политической ситуации страны, когда после десятилетнего перерыва начиналась подготовка к президентским и парламентским выборам, когда военный режим в муках и сомнениях начинал долгий и болезненный процесс передачи власти представителям политических партий, мэру никак не хотелось высказываться по острым и болезненным темам внутривластной борьбы. И мне пришлось долго успокаивать помощников Чиоппо, а потом и его самого, заверяя, что никаких вопросов политического характера я задавать не собираюсь: меня интересует жизнь города, и только.

«Интенденте» рассказал, что он не новичок в муниципалитете. До того как возглавить его, много лет работал в «этом доме» на менее ответственных постах. Почти все это время он руководил департаментом, который осуществляет координацию строительства жилья. И в частности, именно под его руководством разработан крупномасштабный план жилищного строительства.

Второй аспект деятельности муниципалитета в последнее время можно определить лозунгом: «От центра к окраинам!»

— Мы хотим,—сказал Чиоппо,—чтобы культурная жизнь столицы, сосредоточенная на небольшом «пяточке» в центре, в районе улиц Флорида и Лавалье, распространилась по всему городу. В конце концов Буэнос-Айрес—один из самых крупных городов испаноязычного мира, может быть, его даже можно назвать центром латиноамериканской культуры, и нельзя мириться с тем, что многие кварталы не имеют библиотек и удалены от кинотеатров.

Я поинтересовался, как решаются муниципалитетом экологические проблемы, в частности, как идет борьба с загрязнением воздуха, что является традиционной болезнью всех крупных городов, например Мехико. Чиоппо бодро ответил, что такой проблемы во вверенном ему городе не существует. Недавно муниципалитетом был принят специальный кодекс по защите окружающей среды, регламентирующий, в частности, деятельность промышленных предприятий в черте города, и теперь дело за неукоснительным выполнением этого документа.

Вообще Чиоппо поразил меня своим оптимизмом, энергией, неистребимой верой в успешное выполнение намеченных планов и достижение поставленных целей. В условиях смятения, охватившего Аргентину в те трудные времена, когда страна никак не могла оправиться от неудачной войны за Мальвинские острова, эти качества не слишком уж часто можно было видеть у тех, кто стоял у штурвала нации. Прежде чем попрощаться с Чиоппо, я задаю ему главный вопрос, ради которого добивался встречи с ним. Я спрашиваю его, как он мог бы охарактеризовать типичного, так сказать стопроцентного, портеньо.

— Главное, что характеризует портеньо,—это его космополитизм,—не задумываясь, говорит Чиоппо.—Буэнос-Айрес—город-космополит, подавляющее большинство населения—это потомки тех, кто приехал либо из-за границы, либо из внутренних районов страны. Поэтому портеньо как бы аккумулялировали, вобрали в себя черты разных народов. Портеньо—человек с открытой для всего мира душой, ибо наш город — это главные ворота страны, окно, через которое Аргентина смотрит в мир.

Итак, по мнению мэра, самая характерная черта портеньо— космополитизм. То есть как раз отсутствие характерных, своих собственных, присущих только им черт и свойств. Так ли это?..

На первый взгляд кажется, что в чем-то он прав.

Географическая энциклопедия называет Аргентину «типично переселенческой страной, население которой формировалось под влиянием массовой европейской эмиграции». Обратите внимание на фамилию самого мэра: Чиоппо. Он потомок итальянских эмигрантов. Так же, как и занимавшие в 1982—1983 годах президентские посты генералы Галтиери и Биньоне. Предки сменившего их в декабре 1983 года гражданского президента

Рауля Альфонсина приехали в Аргентину из Испании. А самый знаменитый аргентинский певец Карлос Гардель родился во Франции.

Аргентинские власти начали вести учет эмигрантов с 1857 года. С того момента до 1940 года в страну въехало около семи миллионов человек, в том числе три миллиона итальянцев и два миллиона испанцев. Оставшиеся два миллиона—выходцы из Франции, России, Украины, Польши, Англии, Шотландии и других стран. Пожалуй, нет в Европе государства, которое не имело бы в Аргентине колонию своих соотечественников. Стоит раскрыть телефонный справочник Буэнос-Айреса, и на вас буквально выплескивается поток итальянских, немецких, испанских имен и фамилий: бесконечные Бернардини, Шмидты, Эрнандесы. Но кто может назвать типичные аргентинские имя и фамилию?..

Стоит выйти из отеля на улицу и оглянуться вокруг, и вы почувствуете себя в каком-то вавилонском водовороте, где мелькают лица латинские и арабские, еврейские и немецкие, неторопливо шествуют белокурые потомки скандинавов, суетятся смуглые ливанцы, гордо шагают обладатели тевтонских кровей и семят маленькие японцы. Но все они—аргентинцы. И все они удивительно ловко умудряются с одинаковой нежностью любить свою родину—Аргентину и родину своих предков: Баварию или Андалузию, Сицилию или Бессарабию. И поэтому они убеждены, что корни их генеалогических древ следует искать не только в Европе, но и здесь, в Патагонии, Мисьонес или Ла-Плате.

«С одной стороны,—считает английский писатель Джордж Микеш,—аргентинцам ужасно хочется казаться европейцами. А с другой—'Сыновья дюссельдорфских бухгалтеров, неаполитанских водителей такси, севильских бакалейщиков и варшавских музыкантов неизмеримо гордятся своими предками — гаучо. Таковы свойства «загадочной аргентинской души»...»

Я хожу по улицам, окунаюсь в торговый ажиотаж Флориды, стою в очередях в кинотеатры Лавалье, обедаю в дешевых пиццериях, всматриваюсь в лица людей и пытаюсь почувствовать эту «загадочную аргентинскую душу», увидеть в окружающих людях что-то неповторимое, что-то такое, чего я не видел в других городах и странах, но мне это не удается.

Байрес, как зовут этот город моряки, космополитичен не только своим архитектурным обликом. Приезжавшие сюда итальянцы, испанцы, французы, поляки, русские, арабы, чехи, индийцы приносили с собой свои традиции и вкусы, взгляды и привычки, уклад жизни и методы решения житейских проблем. Буэнос-Айрес рос, как гигантский витраж, каждое стеклышко, каждый фрагмент которого были доставлены сюда из-за океана.

Если же говорить серьезно, то в этом были свои плюсы и минусы. Плюсы очевидны: массовая иммиграция давала стране квалифицированные рабочие руки, ибо переселенцы привозили с собой не только умение готовить гуляш по-венгерски или пиво по-баварски, но и свои инженерные дипломы, мастерство плотников, столяров, башмачников или шоферов.

Говоря о минусах, достаточно вспомнить немецкую иммиграцию, создавшую в Аргентине мощную колонию, послужившую надежной базой для экономического, политического и идеологического проникновения нацизма в Южную Америку. Один, но достаточно убедительный пример: накануне второй мировой войны германские капиталовложения в Аргентину превышали и американские и английские инвестиции. Не удивительно поэтому,

что аргентинское правительство объявило войну Германии лишь в марте 1945 года. Не удивительно, что после разгрома фашизма Аргентина стала рассматриваться бежавшими из «третьего рейха» нацистами как земля обетованная.

Но закончим на этом экскурс в историю формирования аргентинской нации и обратимся к сегодняшнему Буэнос-Айресу и его обитателям. И логичнее всего будет начать этот рассказ с того квартала, который все без исключения портеньос называют самым древним, самым типичным районом столицы, откуда она, столица, и началась. Тем более что и мэр Чиоппо, когда, прощаясь, я поинтересовался у него, что именно он советует посмотреть в Буэнос-Айресе в первую очередь, не задумываясь, ответил: «Боку и Каминито».

Каминито с туристами и без них

Бока по-русски означает «устье». Буэнос-Айрес лежит в устье самой широкой (здесь, у впадения в Атлантический океан, она разливается на двести километров) и едва ли не самой короткой реки мира Ла-Платы (она рождается всего в нескольких десятках километров отсюда, в точке, где сливаются воды рек Параны и Уругвая). В том месте, где в Ла-Плату впадает небольшая речушка Риачуэло, образовалась уютная бухта.

Мы встретились с директором Исторического музея Боки— профессором Делаканалом.

— В 1536 году здесь высадился основатель нашей столицы испанский конкистадор дон Педро де Мендоса. Он сразу же увидел, что природа создала тут удивительно удобную гавань для стоянки судов. Из природной гавани получился порт, а вокруг него вырос город, который был назван, как это часто случалось в те далекие времена, весьма пышно: «Сьюдад де ла Сантисима Тринидад и Пуэрто де Нуэстра Сеньора де Санта Мария де лос Куэнос Айрес». Профессор Делаканал произнес это действительно умопомрачительное название без запинки, с легкостью кондуктора, в миллионный раз выкрикивающего название ближайшей остановки автобуса.¹

Беседуем с ним, прогуливаясь по самой знаменитой в квартале и одной из самых известных в Буэнос-Айресе улиц, которая называется Каминито. Это слово можно перевести как «улочка», «дорожка», «тропинка». Узкая, шириной с баскетбольную площадку и короткая (ее длина не превышает сотни метров) Каминито удивительно нарядна. Ее трехэтажные сколоченные из жести, шифера и досок дома окрашены в ослепительно яркие, сочные цвета: красный, синий, зеленый, желтый. Объясняется это не только и не столько эстетическими соображениями и отнюдь не стремлением поразить прохожего, а прежде всего тем, что для покраски своих домов жильцы издавна применяли остатки корабельной краски с ремонтировавшихся в Боке, в двух шагах отсюда, судов. Вот и получилась эта крохотная Каминито похожей на маленькую приготовившуюся поднять якоря флотилию. Все вроде бы было готово когда-то к началу далекого похода, но команду так и не отдали, и маленькие суденышки постояли-постояли и навечно вросли в асфальт мостовой.

— Кстати, об асфальте... Он появился здесь сравнительно недавно,—продолжает свой обстоятельный рассказ профессор.— Каких-нибудь пять или шесть десятилетий назад вместо асфальта здесь лежали рельсы и шпалы, сквозь которые пробивалась трава. Да, да, сеньоры, здесь, по этой улице, проходила ветка идущей в порт железной дороги. Но постепенно ею перестали пользоваться, забросили, здесь образовалась свалка, зрелище было крайне неприглядное, но... и тут мы с вами, сеньоры, подходим к самому главному,

исторически важнейшему, ключевому этапу в жизни Каминито, Боки, а может быть, и всего Буэнос-Айреса: наш знаменитый художник Бенито Кинкела Мартин предложил городским властям расчистить свалку и организовать здесь нечто вроде музея. И вот, посмотрите еще раз, уважаемые сеньоры, что из этого получилось.— Профессор простирает руку, приглашая нас оглядеться и восхититься.

Мы послушно оглядываемся и дружно восхищаемся. И ничуть не кривим душой: Каминито действительно прекрасна. Как утверждает профессор, и он, возможно, прав, это единственная в мире улица-музей. Музей, созданный на месте бывшей железнодорожной ветки и городской свалки. На ярких стенах домов и на каменных оградах мы видим множество барельефов, мемориальных досок, скульптурных групп, мозаичных фресок. Все это подарено Каминито художниками и скульпторами Буэнос-Айреса, которые за несколько десятилетий превратили маленькую улочку в едва ли не самую богатую и интересную коллекцию аргентинской жанровой живописи и мемориальной скульптуры. Учитывая, что имя основателя этого музея под открытым небом—Бенито Кинкела Мартина уже названо, не буду перечислять остальных художников, подаривших свои фрески Каминито: всех назвать невозможно, а выбрать несколько имен было бы несправедливо по отношению к остальным. Сам Бенито, скончавшийся совсем недавно, стал символом патриотизма, любви к своему народу и в особенности к портовому кварталу Бока, который он воспел в своих полотнах, собранных в находящемся тут же, рядом с Каминито, мемориальном музее.

Разместился он на верхнем этаже довольно высокого по здешним масштабам здания. Из окон четвертого этажа открывается впечатляющий вид на порт, на деловито суетящиеся буксиры, на приткнувшиеся к замшелым причальным стенкам суда, на лодки, словно вклеившиеся в грязную, застойную воду, на покрытые булыжником набережные, на серые крыши складов, пакгаузов, ремонтных мастерских, на узкие улочки с гордыми названиями Гарибальди, Магеллан, Ла Мадрид. Все это—Бока. Серая, пыльная, усталая Бока, на фоне которой особенно хорошо заметны яркие краски Каминито. Очень она нарядна, эта улочка. Особенно в субботу и воскресенье, когда на ней, как на площади Тертр в Париже, появляются художники со своими картинами в ожидании туристов, желающих увезти с собой эскиз, рисунок или даже картину с классическими видами Боки или Каминито, которые давно уже признаны такими же типичными «адресными» приметами «старого» Буэнос-Айреса, какими испокон веков считаются набережные Сены для Парижа, стены Колизея—для Рима, арбатские переулочки—для старой, пушкинской Москвы. Разумеется, предложение этих произведений значительно превышает спрос, и поэтому каждый появившийся на Каминито турист мгновенно становится объектом повышенного внимания, предупредительности, а затем и настойчивых «ухаживаний» со стороны будущих, пока еще не открытых, не признанных миром аргентинских утрилло и лотреков.

Там, в этой сутолоке, в пестрой толпе охотящихся за простодушными «гринго» (так здесь называют иностранных туристов) художников и познакомился я с одним из них, Педро Гулькисом. Сейчас ему уже за шестьдесят. Родом он из Западной Украины, входившей тогда в состав Польши. В Буэнос-Айрес приехал пятилетним мальчишкой где-то в середине

двадцатых годов, когда отец его, истомленный вечной нуждой портной, поехал со своей семьей за океан в поисках лучшей доли. Вся семья давно уже перемерла, так и не найдя счастья за океаном. Педро остался один. И с каким-то трогательным упорством он считает себя нашим соотечественником: русским, даже советским человеком.

Узнав, что я из Москвы, Педро разволновался и немедленно предложил свои услуги в качестве «чичероне» по Каминито и Боке. «Все ясно,— подумал я.—Хочет заработать. Постарается продать мне свои рисунки...»

Теперь мне стыдно вспоминать об этом подозрении Педро оказался добр, бескорыстен и беспредельно честен и щедр. Он показал мне такое, чего я никогда не увидел бы без его помощи и о чем не узнал бы из академически обстоятельных лекций профессора Делаканала: Каминито с обратной стороны. Он пригласил меня войти внутрь этих восхищающих туристов ярких домиков и познакомиться с живущими в них людьми.

И только тут я обратил внимание на одну существенную деталь: ни в один дом, ни в одну комнату во всех без исключения домах, находящихся на Каминито, входа с этой улицы нет! Да, да, пройдя Каминито из конца в конец, можно легко убедиться (хотя на это как-то поначалу не обращаешь внимания), что на эту улицу не выходит ни один подъезд, ни одна дверь. Все подъезды, двери, входы и выходы находятся на соседних улицах: Магальянес и Ла Мадрид. Это и понятно, если вспомнить, что, как я уже упомянул, когда-то по Каминито проходила железнодорожная ветка и дома были обращены к ней глухими стенами. И в самом деле, какой смысл мог быть в двери, если, выйдя через нее, ты рисковал угодить под колеса паровоза?

А потом, когда Каминито обрела современный вид, прорубать на нее двери, по мнению «отцов» города, не было нужды по другой причине: нищета и чернь, обитающая в этих домах, не должна отпугивать туристов. Зачем нужны на Каминито оборвыши, выклянчивающие монетку и высматривающие, как бы стащить чужой кошелек? Разве украсит живописную толчею грингос нищенка с худым ребенком, припавшим к иссохшей материнской груди? Ведь нищета вблизи отталкивает и пугает. Нищета живописна только тогда, когда смотришь на нее издали. Проезжая в лимузине, оснащенном аппаратом для искусственного охлаждения воздуха, богач-толстосум скользит равнодушным взглядом через стекло по пестрому белью, вывешенному для просушки на веревках, перекинутых из окна к окну, совсем как в неореалистических фильмах из жизни послевоенного «Неаполя — города миллионеров». А фоном звучат где-то вдалеке детский крик, женский плач и мужские проклятья.

Педро показал мне, как живут эти люди. Оказалось, что в одном из таких домов Педро снимает, как он сказал, «ателье-мастерскую». Из всех существующих на нашей планете это была, вне всякого сомнения, самая неудобная для работы художника мастерская: крохотная комнатка с маленьким окошком, выходящим во внутренний двор. Естественно, света там почти нет, и даже днем Педро вынужден зажигать лампочку. Вот и рассуждайте тут о колорите и светотени!

— Сначала они встретили меня очень неприветливо,— сказал Педро о соседях, кивая головой на стены и потолок.— Они думали, что я—друг домовладельца. Да и вообще, раз художник,— значит, богатый человек. А потом я объяснил им, что я—такой же, как они.

Почти нищий. Труженик, который еле-еле сводит концы с концами. И никогда не станет богатым. Соседи быстро поняли это и приняли меня в свою, так сказать, общину, в свой маленький, но такой сложный мир.

...Сверху послышался грохот сапог. Я опасливо гляжу на потолок: не обвалится ли?

— Это Томас—водитель автобуса. Идет домой,— объясняет Педро.

Шаги Томаса стихают. Раздается стук. Скрипнула, хлопнула дверь. И снова тишина.

Мы с Педро выходим в этот узкий, как колодец, вымощенный камнем дворик. Поднимаемся по скрипучей лестнице, по которой только что прошествовал на второй этаж Томас. Я нагибаюсь, пытаюсь не задеть головой развешанное над лестницей белье, и вижу старую женщину, склонившуюся над тазом с бельем.

— Здравствуйте, сеньора! — учтиво говорит Педро и идет еще выше, на третий этаж. Я неловко протискиваюсь между женщиной и перилами лестницы, чуть не опрокидываю таз и бормочу извинения.

— Это—Горда, прачка,—поясняет Педро, когда мы сворачиваем с лестницы.— Обстирывает «приличные» семьи с соседних улиц. Тем и живет. Когда-то была красавицей. Такой, как эта Роза,—Педро снижает голос до шепота и кивает головой на вышедшую на лестничную площадку девицу в довольно изящном, я бы даже сказал слишком изящном, на этом фоне меховом пиджачке.

Роза прошла мимо нас, равнодушно кивнула Педро, без всякого интереса скользнула взглядом по моему лицу и, грациозно поводя плечами, отсчитала тонкими каблучками деревянные ступеньки лестницы, каменные плиты дворика, после чего звук ее шагов затих за воротами, выходящими на улицу Магальянес.

— Самая сложная фигура здешнего общества,— продолжает Педро после минутного молчания.— Профессию ты уже, конечно, определил: та самая древнейшая женская профессия. Причем водит клиентов прямо сюда. Жильцы пытались протестовать, но ничего из этого не получилось: во-первых, Роза перекричит кого угодно. Но самое главное: «по совместительству» она является еще и осведомительницей полиции. Докладывает в участке обо всем, что происходит в квартале. И кроме того, один из районных полицейских является ее «покровителем». Вот и попробуй повоюй с ней.

По деревянной галерее он идет к противоположному крылу дома. Я следую за ним. Здесь пахнет нечистотами, чесноком и керосином.

— Хочешь, посмотрим, как живут эти люди? — Педро стучит в обитую жестью дверь.

— Кто там?—слышится женский голос.

— Это я, Педро, ваш сосед.

— Что угодно сеньору?

— Простите, у меня к вам маленькая просьба. Дверь слегка приоткрылась. В щели—настороженное женское лицо.

— Я хотел попросить вас,—говорит Педро с заискивающей улыбкой,—если это, конечно, вас не стеснит, на секундочку разрешить моему другу пройти к вашему окну, чтобы он смог сфотографировать Каминито сверху.

— Зачем это?—спросила женщина, все еще не открывая дверь.

— Для журнала,— заторопился, объясняя, Педро.— Мой друг—иностранец. Он из Европы. Он хочет написать статью о нашем городе. И конечно, фотография Каминито не может не сопровождать такую статью.

— Ну и что?

— Но из вашего, сеньора, окна открывается самый лучший вид на Каминито. Самый лучший... Мы вас не задержим, поверьте! Всего одна минутка!

— Ну что же,—говорит женщина после минутного колебания,—если вы это сделаете быстро...

Она сбрасывает цепочку, открывает дверь. Мы входим. Тяжелый воздух ударяет в нос. В доме мрачно и темно. По узкой прихожей мы проходим на кухню, и я успеваю разглядеть через открытую дверь маленькую комнату, в которой стоит старый диван. На нем лежит, закрыв газетой лицо, мужчина.

В ногу мне ткнулась мокрым носом собака. На кухне, куда мы входим из прихожей, горит лампочка, хотя сейчас полдень. Темно. Душно. На плите шипит сковородка: на оливковом масле жарится зеленая фасоль. Над заставленным кастрюлями кухонным столом—засиженная мухами вырезка из старого журнала, самодовольная физиономия какого-то государственного мужа, восседающего за необъятным письменным столом. На полу возятся пятеро детишек, мал мала меньше. При нашем появлении они смолкают и, раскрыв рты, разглядывают нас.

— Простите, сеньора, не могли бы вы открыть на секундочку окно?—говорит Педро.

Окно маленькое, двустворчатое. Одна створка вместо стекла заколочена фанерой.

Женщина рванула забитую фанерой створку на себя, окно жалобно скрипнуло, раскрылось. Стало немного больше света. Радостно взвились дремавшие на потолке мухи. Я подхожу к окну. Там, внизу, шумит и переливается красками Каминито. Художники стоят у полочек, стендов и стоек со своими картинами, туристы бродят, щелкая фотоаппаратами, разглядывают этюды. И тут мне вдруг стало как-то не по себе: я чувствую, что не могу стоять у окна, зная, что мне в спину смотрит эта женщина и ждет, когда мы наконец уйдем и оставим ее в покое. Я торопливо щелкаю камерой раз-другой, благодарю хозяйку и иду в прихожую. Педро идет за мной. Мы благодарим женщину. Она равнодушно кивает головой и закрывает дверь.

— Ты не должен сердиться на них. Они не любят чужаков,— говорит Педро.

— Я не сержусь. Я и сам так же вел бы себя на ее месте. Никому не хочется показывать чужим людям свою бедность.

— Дело не только в этом: они боятся выселения. Владельцы этих домов на Каминито, после того как улица стала такой знаменитой, начали постепенно выселять жильцов. В нашем доме уже вручили извещения четырем семьям. Хозяева выгоняют этих бедняков, ремонтируют их каморки и сдают художникам.

— Но зачем художнику такая конура? — я кивнул в сторону двери, откуда мы только что вышли.

— Ты же видел мою мастерскую? Там тоже до меня кто-то жил. Конечно, такое «ателье» не лучший Подарок художнику. Но во-первых, на Каминито сейчас мода, и иметь здесь ателье это просто престижно, кшс любому парижскому художнику престиж но иметь

мастерскую на Монмартре. А во-вторых, то, что мы здесь пишем,— это ведь для туристов. Это можно делать даже совсем без света, с закрытыми глазами. Без солнца, без света... И все-таки художники рвутся сюда.

Потому что это престижно. Без солнца, без света. И все-таки старожилы Каминито не хотят уходить отсюда. Потому что разве найти им другое жилье? Хотя бы такое же убогое.

В поисках центра

Итак, на буэнос-айресском «Монмартре» мы уже побывали. Пора познакомиться с городским центром. Для этого нужно прежде всего установить, где он находится. Обратившись к путеводителю для автомобилистов, мы обнаружим, что все дистанции на дорогах страны отмеряются от площади Конгресса, точнее говоря, от гранитного монолита «Нулевой километр», высеченного скульптором Хосе Фиораванти и установленного рядом с Конгрессом. Этот импозантный дворец, с куполом, удивительно напоминающим Исаакиевский собор в Ленинграде, воздвигался по проекту итальянского архитектора Виктора Меано «на рубеже XIX и XX веков и был торжественно открыт в 1906 году. Впрочем, сами аргентинцы не склонны считать эту площадь и этот дворец символом или центром своей столицы. Может быть, потому, что конгресс иногда—после очередного военного переворота—пустует годами. А может быть, потому, что, как говорили не без лукавой улыбки некоторые из моих аргентинских друзей, даже когда к власти приходит в очередной раз гражданское правительство и конгресс получает возможность возобновить свою работу, все равно его решения обсуждаются, планируются и согласовываются не в этом дворце, а в находящейся по соседству кондитерской «Эль-Молино»—огромном и, на мой взгляд, слишком аляповатом и претенциозном заведении, где зал украшен позолотой, а с тяжеловесных мраморных колонн свисают люстры в форме тюльпанов.

Гораздо более правомерно считать центром города площадь Мая, на которой в 1810 году была провозглашена независимость Аргентины от испанской короны. На этой площади находятся сразу два правительственных дворца: самый первый и современный. Первый, он называется Кабильдо, считается едва ли не самым древним сооружением города: он был воздвигнут еще в начале XVII века, правда, впоследствии, в первой половине восемнадцатого столетия, Кабильдо отреставрировали и частично перестроили. Теперь этот целомудренно белый, скромный и строгий дворец с колокольней и двухэтажной латинской аркадой, с внутренним двориком и двускатной красной черепичной крышей, классический уголок средневековой Испании, застроенный со всех сторон помпезными и разностильными зданиями, воспринимается как чистая лирическая нотка, пробившаяся в индустриальной какофонии, как струя свежего воздуха в загазованной и загрязненной атмосфере большого и шумного города.

Едва ли не самым наглядным образцом эклектики и космополитизма в архитектуре Буэнос-Айреса может служить находящийся против Кабильдо дворец президента Каса Росада, что означает «Розовый дом». Он, впрочем, не совсем розовый, скорее красновато-бежевый. Чтобы описать это странное сооружение, воспользуюсь еще раз мемуарами Ионина: «Здание—совсем новое, во французском стиле, напоминающем стиль бывшего Тюильри, только в применении к буржуазным потребностям нового времени и места. Здание монументальное, большое, благодаря быстрому развитию республики оказалось»

тесным, и к нему сбоку пристроили такое же огромное здание, но в стиле итальянских дворцов, с крытыми галереями и фальшивыми колоннадами наверху. Два эти столь несовместные стиля представляют в общей массе неуклюжий и смешной вид». Может быть, наш соотечественник был чрезмерно строг и безжалостен, но в целом, думается, он описал Каса Росада довольно точно.

Есть в Байресе улица, о которой обязательно упомянет каждый портеньо, рассказывающий чужестранцу о своем городе. Это знаменитая авенида Ривадавия. На первый взгляд она абсолютно не примечательна: начинаясь от площади Мая, направляется на запад, все дальше и дальше от порта, это узкая, совсем обычная улочка, которую и «авендой»-то непонятно почему назвали. Ведь гордое слово «авенида» предполагает простор, размах и уж по крайней мере ширину хотя бы на три-четыре транспортных потока. Но нет, бежит себе эта непритязательная скромная Ривадавия через кварталы и районы, и странное дело: чем дальше от центра, тем шире и оживленнее она становится. Давным-давно уже кончились или поменяли свои названия параллельные ей улицы, которые начинаются там же, у площади Мая. Потом Ривадавия ныряет под виадук кольцевой автомобильной дороги имени генерала Паса и, распрощавшись с территорией федеральной столицы, вырывается на просторы Большого Байре-са. Рядом с ней уже идет железная дорога. Небоскребы остались далеко позади, а вокруг—коттеджи и виллы. На автобусах—названия других городов и поселков. И все чаще и чаще встречаются гаучо на лошадях, грузовики и повозки, везущие кожи, муку, картофель. И нумерация домов уже перевалила за двадцать тысяч. Нет, никто не знает, где кончается Ривадавия. Я слышал разные версии. Кто-то говорил, что она тянется километров на двадцать. Но мальчишка, заправлявший мою машину на бензоколонке, убеждал меня, что по Ривадавии можно доехать до Мендосы, а это, как известно, самый западный из аргентинских городов.

Кстати, раз уж мы отправились в это бесконечное путешествие по Ривадавии, хочу предупредить, что заблудиться в Байресе практически невозможно: планировка этого города удивительно хороша и логична. Весь он разделен на «куадры»—кварталы, образуемые перпендикулярно пересекающимися улицами. Длина каждой куадры—сто метров, и в каждом таком квартале, даже если количество домов и дверей в нем меньше сотни, как это обычно бывает, нумерация домов ограничена одной сотней: от 100 до 200 или от 1500 до 1600 и так далее. Причем такой же порядок сохраняется и на всех параллельных улицах. Таким образом, если вы разыскиваете, например, дом номер 815, а находитесь, предположим, против триста сорок седьмого дома, то вы можете, быть уверены, что нужный вам дом и подъезд будут найдены ровно через пять перекрестков!

Но как все-таки быть с «городским центром»? Тут все, видимо, зависит от того, что интересует вас, что вы вкладываете в это понятие. Турист, приехавший в Байрес за покупками, отправится на знаменитую Флориду: торговую улицу, закрытую для автомобильного движения и отданную пешеходам, точнее говоря, торговцам и покупателям. Те, кого интересуют развлечения, выберут себе авениду Корьентес, точнее, ее отрезок между Флоридой и Кальяо. Здесь—кинотеатры и кафе, пиццерии и залы с игральными автоматами, дешевые сувенирные лавки, бары, пивные. Корьентес—самая беспокойная, оживленная и никогда не засыпающая улица. В любое время суток: и в три

часа дня, и в три часа ночи—не смолкают на Корьентес рыдающие звуки танго и грохот джаза. В воздухе постоянно висит автомобильный чад, смешанный с запахами жареного лука и дешевых одеколонов. И откуда бы вы ни шли и куда бы вы ни направлялись по этой авениде, вам не миновать находящийся на пересечении Корьентес и авениды 9 июля стройный взметнувшийся в небо 72 метровый обелиск. Его так и называют «Обелиск», он-то и служит Байресу самым точным и известным во всем мире графическим символом, каким для Парижа служит Эйфелева башня, а для Лондона—Биг-Бен.

И здесь нам представится возможность восхититься зрелищем самой широкой магистрали этого города—авениды 9 июля и не без иронии пофилософствовать о парадоксе современной, слишком автомобилизированной цивилизации. Рассчитанная на пропуск двенадцати транспортных потоков в каждом направлении, эта авенида превратилась в гигантскую стоянку автомашин. И это несмотря на то, что под ней уже сооружены подземные гаражи.

Этим маршрутом: Каминито, площадь Мая, Каса Росада и Конгресс, Ривадавия и Флорида, Корьентес и авенида 9 июля — туристические компании исчерпывают программу экскурсий по аргентинской столице. Мы же в поисках ответа на вопросы «Что же это такое, Буэнос-Айрес, и кто они.— портенъос?» отправимся от центра к окраине, в квартал, который называется Матадерос, что означает «Бойни».

Крупнейший в мире

Каждому городу хочется иметь что-то свое «самое-самое». Нью-Йорк издавна гордился самым высоким зданием в мире—«Эмпайр стэйт билдинг», а потом перекрыл этот рекорд двумя башнями Всемирного торгового центра. Мексиканцы утверждают, что именно в Мехико находится самая длинная улица на земле — Инсурхентес. Москва славится на весь мир своим самым красивым, самым дешевым и четко работающим метрополитеном. Буэнос-Айрес может включить в знаменитую книгу рекордов Гиннеса так называемый «Меркадо де Асиенда». Это самый крупный в мире рынок скота, через который проходит весь мясной рацион самой аргентинской столицы, близлежащих городов, поселков и сельских районов, а также экспорт мяса за границу.

Именно здесь, и только здесь, в пролетарском районе Байреса— Матадерос, а не на нарядной Флориде, не на переполненной туристами Каминито, не на парадной авениде 9 июля можно увидеть портенъо, одетого в рабочий комбинезон. Точнее говоря, в кожаные штаны и грубую куртку гаучо-скотовода.

Солнце еще всходило, город лишь начинал просыпаться, а основные торговые операции здесь уже давно были завершены. Когда мы приехали на рынок, загонщики рассортировывали по загонам, отправляли на весы, перегоняли из одного кораля в другой, грузили на машины доставленный вчера вечером в столицу и проданный сегодня ночью и утром для забоя скот. Работа эта весьма сложная, требует виртуозного владения конем, с помощью которого всадник-загонщик направляет, подстегивает, регулирует и, если понадобится, обращает вспять мятущиеся лавины коров и быков.

Сразу же бросилось в глаза, что и в эту древнюю сферу человеческой деятельности уже проникли достижения научно-технического прогресса: наряду с обычными бичами у загонщиков появились и электрические жезлы. Животное получает не очень сильный, но

достаточно чувствительный электрический разряд и проворнее бежит в нужном направлении. Кроме того, у многих загонщиков в руках — миниатюрные транзисторы-передатчики, с помощью которых они координируют свои действия и связываются с диспетчерским пунктом. В иные дни через эти загоны проходит до пятидесяти тысяч голов знаменитого, считающегося лучшим в мире аргентинского скота.

Аргентина—один из крупнейших в мире экспортеров мяса, а животноводство издавна было одной из главных опор национальной экономики. Да это и понятно, ибо вряд ли найдется на земле другая страна, которая обладала бы такими отличными, буквально идеальными условиями для разведения скота: бескрайние пампы с обильно произрастающими сочными травами и мягкий климат. Скот здесь круглый год на подножном корму, он практически не нуждается в уходе. Еще со времен Педро де Мендосы главная забота гаучо-скотоводов долгое время сводилась к тому, чтобы не растерять коров и быков, разбредавшихся по этим самым лучшим в мире выпасам, простирающимся на сотни тысяч гектаров. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этой стране, где даже сейчас на каждого жителя приходится более трех голов крупного рогатого скота, мясо всегда было очень дешево, и бифштекс издавна стал не просто основным элементом дневного рациона, а такой же этнографической особенностью жизни, какой может служить кружка пива для баварца или вареный рис для китайца. Правда, уже канули в безвозвратное прошлое те счастливые времена, когда домохозяйки, отправляясь в мясную лавку, придирчиво перебирали не только сорт мяса: «вырезка», «грудинка», «задняя нога», но и знакомились с табличками, с точностью извещавшими, сколько часов назад забиты данный бычок или корова. Здесь каждый искал для себя оптимальный вариант: с одной стороны, мясо должно быть, разумеется, свежим, но вместе с тем ему необходимо «отвисеться», ибо многие не любят «парильяду» прямо из-под ножа, когда в куске слишком много крови.

Именно в те, повторяю, давно ушедшие времена существовал в этой изнемогавшей от избытка мяса стране удивительно гуманный закон, по которому человек не мог быть осужден или подвергнут наказанию за кражу еды, если он был голоден. Тоже, согласитесь, любопытный штрих к психологическому портрету нации...

Но мясо, как я уже сказал, не только основной продукт питания для самих аргентинцев, но и является основой экономики страны с тех незапамятных времен, когда еще не было холодильников и обильные животноводческие «урожаи» аргентинской пампы обращались в солонину и кожу. В середине прошлого века предприимчивый британский капитал нашел отмычку для этих несметных, но не освоенных до тех пор сокровищ строительством железных дорог. Еще в 1854 году британский предприниматель Уильям Уипрайт получил концессию на строительство первой железной дороги из Росарио в Кордобу, а заодно прихватил в качестве дара аргентинского правительства полосу земли вдоль дороги десятикилометровой ширины. Рельсы только еще начинали прокладывать, а англичане уже поспешили организовать фирму, которая занялась спекуляцией этой землей: «подарок» аргентинского правительства был разделен на небольшие участки, и они в большинстве своем были втридорога проданы... тому же правительству, которое подарило Уипрайту эту землю!

Ну а там, где англичане оставили подаренные земли за собой, возникало нечто напоминающее аргентинскую колонию Великобритании: клубы, бассейны, спортивные площадки, эксклюзивные—только для англичан!—магазины.

Построив железные дороги, английские компании стали взимать бешеные сборы за перевозку грузов, в первую очередь мяса и кож, из глубинных районов аргентинской пампы в Буэнос-Айрес, то есть в порт, откуда открывалось окно в Европу. А поскольку две трети железнодорожной сети принадлежали англичанам, нетрудно понять, какие барыши огребали дельцы, окопавшиеся в Сити. Причем каждая из английских частных компаний строила дороги на свой манер, и в результате железнодорожные пути здесь до сих пор отличаются поразительной чересполосицей: в стране—шесть видов колеи! Можно себе представить, как затруднена перевозка грузов.

С появлением холодильников и рефрижераторного флота прибыли британских дельцов достигли поистине умопомрачительных размеров. Посудите сами: аргентинский скотовод, владелец поместья где-нибудь под Кордобой, должен был, во-первых, раскошелиться на перевозку своего скота по британской железной дороге до принадлежащего английской же компании холодильника под Буэнос-Айресом в устье Ла-Платы. Затем застрахованное (опять же у британских страховых фирм) мясо отправлялось на английских судах в Великобританию, где при выгрузке груза британский лев «откусывал» от каждой коровьей туши еще по куску в виде таможенных сборов. Естественно, все эти поборы с британской педантичностью вычитались из стоимости каждого проданного англичанам окорока. И в этом, между прочим, тоже кроются давние истоки и причины мощного антианглийского взрыва, потрясшего в 1982 году страну во время вооруженного конфликта из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Следует, однако, пояснить, что во второй половине двадцатого столетия английский капитал в Аргентине был сильно потеснен американским: в 1967 году капиталовложения США составляли уже половину всех иностранных капиталовложений в этой стране, а доля Великобритании упала до двадцати процентов.

Впрочем, вернемся на рынок скота в Матадер

Его невозможно окинуть взглядом: на площади в тридцать два гектара помимо пяти с половиной тысяч загонов, бесчисленного множества весовых, диспетчерских контор, разместились большой гараж, четыре банка и даже собственная радиостанция. Над загонами во всех направлениях проложены железные мостки, напоминающие пешеходные переходы, которые перебрасываются на вокзалах через железнодорожные пути.

Рикардо—один из администраторов этого гигантского хозяйства—рассказывает, что в последние несколько недель оборот ярмарки скота несколько снизился: в стране прошли сильные ливни, вызвавшие наводнения. Возникли трудности с транспортировкой. Цены подскочили сразу на 25 процентов. Но в ближайшее время ситуация должна нормализоваться.

Рикардо провожает нас до самого конца: до последних загонов, откуда гигантские грузовики везут скот на забой. Долгое время главной городской бойней было находившееся неподалеку муниципальное предприятие «Лисандро де ла Торре», управлявшееся городскими властями. Однако с появлением множества частных боен, в

том числе принадлежащих американскому капиталу, «Лисандро де ла Торре» не выдержала конкуренции, закрылась и частично уже снесена.

Я благодарю нашего гида и, прощаясь, спрашиваю, из каких мест он родом.

— Я—портеньо,— отвечает Рикардо.—Родился в квартале Сан-Тельмо. Но семья моя родом из Германии. Отец приехал из Мюнхена в двадцать втором году.

— И кем же он был?

— Башмачником. Услышал, что в Аргентине хорошая кожа. И отправился сюда в надежде разбогатеть.

— Ну и что же?

Рикардо разводит руками. Все ясно без слов: еще одна типичная история безуспешной погони за «синей птицей счастья». За наивной мечтой о спасительном Эльдorado. Подобно родителям Рикардо, миллионы бедняков ехали в эту страну в поисках лучшей доли. Именно бедняков, с какой стати пустятся в дальнюю дорогу через океан/преуспевающие немецкий бургер, испанский винодел или итальянский землевладелец? А нашли ее, эту долю, единицы. Именно единицы. В противном случае эта страна давно уже стала бы раем земным. Но ведь это же, увы, не так: эмигрировавший в Байрес бакалейщик из Неаполя и здесь оставался бакалейщиком, а сапожник из Мюнхена обычно не превращался тут в обувного короля. Не потому ли, считает англичанин Джордж Микеш, «над Аргентиной царит какая-то всеобщая ностальгия»? И не потому ли нет на свете музыки печальнее, чем аргентинское танго?

Танго и папа римский

Никто не знает, каким был самый счастливый, самый радостный день в истории Буэнос-Айреса и Аргентины. Но до сих пор страна помнит о том, каким был в ее жизни самый трагический день—24 июня 1935 года, когда в аэропорту колумбийского города Медельин при взлете разбился самолет, в котором летел Карлос Гардель.

Нет для аргентинца другого имени, которое он произносил бы с таким благоговейным трепетом. Даже сейчас, полвека спустя после самых патетических похорон в истории страны, когда через парализованный трагедией Байрес за гробом Гарделя шли сотни тысяч портеньос,—даже сейчас на могиле обожаемого кумира на кладбище Чакарито всегда—день и ночь, круглый год стоят живые цветы. На шумной и пестрой воскресной ярмарке в столичном квартале Сан-Тельмо я видел, с какой грустью и нежностью смотрели люди на пожелтевшую газетную вырезку, рассказывающую о гибели Гарделя. Рынок есть рынок, газетную страницу можно было и купить, если уплатить за нее сумму, превышающую месячный заработок рабочего.

Карлос Гардель был, остается и останется навсегда лучшим певцом и исполнителем танго. Я подчеркиваю слово «певцом», ибо танго^ как известно, не только танцуется, но и поется. Этот музыкально-танцевальный феномен родился на рубеже XIX и XX веков где-то в портовых кабаках Боки, стремительно завоевал Аргентину, а затем в мгновение ока покорила весь мир. Начиная с 1907 года в Европе и Америке регулярно проводились танцевальные конкурсы танго. Ревнители чистоты нравов, в частности архиепископ Парижа, пытались предать этот танец анафеме, считая его покушением на святые устои

морали. И делали это с таким пылом, что для окончательной «легализации» танго потребовалось разрешение самого папы римского, которое благосклонно последовало в 1914 году после устроенного для папы персонального просмотра.

С тех пор прошло восемь десятилетий и две мировые войны. Двадцатый век идет к концу, капризная и ветреная Европа давно уже поет другие песни и наслаждается другими ритмами, а в Аргентине все осталось по-прежнему. Аргентина по-прежнему обожает и боготворит танго. Видимо, очень уж цепко хватается за душу эта разрывающая сердце в клочья трагическая музыка, где речь обязательно идет о неразделенной любви, разлуке, гибели, измене и прочих драматических ситуациях. Если верить танго, вся жизнь аргентинца—сплошная трагедия.

«Аргентинцы печальны от того,—пишет Джордж Микеш,— что их знаменитые танго не предоставляют им иного выбора. Я люблю аргентинские танго, их ритмы, их мелодии, но стоит мне послушать эту музыку чуть дольше получаса, как у меня возникает желание покончить с собой». Аргентинский писатель Мануэль Гальвес убежден, что в основе танго, как и в основе всего аргентинского характера, лежит инстинкт: «Танго, как и мы, аргентинцы, лишено рассудочности. Оно выразитель нашей пассивной печали, нашей тоскующей безутешной души».

Видимо, именно в этом и кроется секрет всеобщего поклонения танго в Аргентине. У портенъос и аргентинцев могут быть разные гастрономические вкусы, несовпадающие музыкальные привязанности, различные футбольные кумиры. Может быть, кому-нибудь удастся отыскать портенъо, вообще равнодушного к футболу. Но почитание танго и Гарделя в этой стране по-прежнему остается всеобщим и незыблемым. Именно танго заполняет репертуар самых лучших вечерних кафе типа «Вьехо Альмасен» в Сан-Тельмо и звучит в пиццериях авениды Корьен-тес, куда молодежь собирается, чтобы поболтать, проглотить бутерброд и потанцевать (хотя, справедливости ради заметим, что в молодежных аудиториях «диско» и иные современные ритмы тоже пользуются широкой популярностью). Площадь перед Луна-Парке—самым крупным спортивным дворцом и концертным залом Буэнос-Айреса называется Пласа де Танго. Вскоре там воздвигнут памятник Гарделю, чьим голосом, кстати, восхищался сам Карузо, советовавший ему посвятить себя опере. Наивный Карузо! Он не понял, что имеет дело с аргентинцем!..

Каждая уважающая себя и, следовательно, заинтересованная в уважении со стороны читателей газета ведет постоянную рубрику «Новости танго». Каждая радиостанция заполняет паузы и komponует музыкальные программы с помощью танго.

И одна из самых популярных еженедельных передач аргентинского телевидения, разумеется, посвящена танго и Карлосу Гарделю. В студии 11-го канала я побывал на записи очередной такой программы, и царившая там атмосфера обожания великого земляка показалась мне немножко наивной, но трогательной и, самое главное, искренней. Это была не просто дань моде «ретро». За шутилой бравадой симпатичного толстяка, ведущего программу, за преувеличенно тщательным исполнением танцевальных па, за наигранно страстными колоратурами певцов можно было почувствовать чистую и возвышенную любовь к человеку, который прославил аргентинскую музыку, а значит, и свою страну во всем мире. А разве тот, кто способен совершить такое, не заслуживает

уважения и любви?

Тем более что в аргентинском телевизионном эфире стало в последние годы слишком тесно от обилия чужих, в основном американских, программ. Поэтому нет ничего удивительного в том, что передачи о Карлосе Гарделе воспринимаются как бодрящий глоток свежего воздуха. И возникает очередной вопрос: не является ли еще одной отличительной чертой портенъос и аргентинцев эта верность национальным традициям и кумирам, этот стойкий иммунитет против чужих влияний и насильственно навязываемых вкусов и убеждений?..

Страницы радостные и печальные...

Так что же все-таки отличает портенъос от парижанина или, скажем, мексиканца? Трудно, действительно трудно ответить на этот вопрос. Очень уж они разные, эти портенъос. Попробуйте привести к общему знаменателю тех, кто метет буэнос-айресские улицы, и тех, кто чинно шествует по ним. Тех, кто мчит по городу в лимузинах, оснащенных кондиционерами, и тех, кто делает эти машины. Впрочем, я знаю одного портенъос, который начал с мойки машин, а сейчас является президентом одной из крупнейших в стране автомобилестроительных фирм. Это не мифический персонаж из легенды о южноамериканской Золушке, а вполне реальный президент местного филиала западногерманского «Мерседеса»—Хуан Мануэль Фанхио. Лет тридцать назад он был для аргентинцев таким же кумиром, каким стал для бразильцев Пеле: знаменитый автогонщик Фанхио пять раз становился чемпионом мира! Его слава была безграничной, его портреты печатали газеты всего мира.

Теперь Фанхио спокоен и мудр. В нем не чувствуется тщеславия и упоения завоеванными победами. Но ему явно понравилось, что в Советском Союзе помнят о нем. Он принял меня в своем кабинете, богато орнаментированном автомобильными призами и грамотами, приветливо и радушно.

Естественно, я поинтересовался, каким образом он пришел к своим великим победам. И услышал, что путь этот начался с мойки машин богатых сеньоров в городке Белькарсе, где в 1911 году родился Хуан Мануэль.

Раз моешь машины, надо выучиться их водить, ибо обычно владелец машины не просто требует помыть ее, но и загнать в гараж, на стоянку.

Потом Хуан Мануэль стал помогать механикам, учиться у них. И когда ему удалось наконец сесть за руль, он сумел выиграть труднейшую в Южной Америке гонку Буэнос-Айрес—Лима—Буэнос-Айрес, после чего ему разрешили участвовать в мировом чемпионате автомобилистов в Европе. И в первой половине 50-х годов он выиграл звание чемпиона пять раз за семь лет! Такого история автомобильного спорта никогда еще не знала.

Я слушаю неторопливый рассказ Фанхио и спрашиваю мысленно себя: существует ли какой-либо иной столь же опасный вид спорта или род деятельности, где жизнь человека постоянно висит на такой тонкой ниточке, ежесекундно готовой оборваться?

И потому у меня возникает вопрос к Фанхио. Я спрашиваю его, что для него труднее: управлять гоночной машиной или таким огромным предприятием, как «Мерседес»? Мой собеседник улыбается и говорит, что быть президентом фирмы, пожалуй, сложнее: в автомобиле все детали работают синхронно. Если нет—машина просто-напросто не

поедет. На фабрике этой синхронности и слаженности добиться гораздо труднее, тем более в нынешние времена, когда обостряется конкуренция, удорожается производство, а рынок сбыта подвержен самым неожиданным колебаниям. Нет, сеньоры, за рулем сверхскоростной машины он чувствовал себя гораздо спокойнее, чем за этим письменным столом.

Я слушаю Фанхио, понимаю, что он шутит, но чувствую, что в этой шутке есть доля правды, и спрашиваю себя, не является ли это предпочтение риска спокойному благополучию еще одной особенностью портенъос и аргентинцев? Такой же характерной для них, как страсть к политике, стремление к активному участию в жизни страны?

Я слышал от друзей там, в Буэнос-Айресе, даже такое, что для создания политической партии в этой стране необходимы по крайней мере четыре элемента: три аргентинца и одна пачка сигарет. Если добавить сюда еще и три чашки кофе, то партия будет создана наверняка. И просуществует, как минимум, до вечера. Когда ее учредители окажутся в другом кафе с другими собеседниками.

Если же говорить серьезно, то можно вспомнить, с какой поистине самозабвенной страстью отдавались аргентинцы предвыборной борьбе накануне последних выборов, состоявшихся в 1983 году. И с каким энтузиазмом приветствовали вступившего 10 декабря того же года на пост президента Рауля Альфонсина. Взрыв народного ликования, сопровождавший эту церемонию, свидетельствовал о том, что новый президент может рассчитывать на поддержку со стороны тех, кто отдал ему свои голоса. А такая поддержка очень понадобится Альфонсину: ведь занимать в Аргентине пост президента—дело столь же сложное и не менее опасное, чем участие в автомобильных гонках: за последнее десятилетие, предшествовавшее приходу к власти Альфонсина, в стране этой сменилось десять правительств. В среднем каждое из них существовало не более года.

Да, история Буэнос-Айреса, этого города с тысячью лиц, неразрывно связана с жизнью, заботами, с радостями и горестями своей страны и всего остального мира. И в том, что говорят, что думают, к чему стремятся аргентинцы, с которыми мы встречались в Буэнос-Айресе, отражается биение сердца всей этой нации.

«Наша страна должна взять в свои руки борьбу за утверждение своего суверенитета, за освоение своих богатств. И руководство этой борьбой должно находиться в руках самих аргентинцев»,—вспоминаю я слова отставного генерала Гуглиалмелли.

«Сейчас необходимо действовать так, чтобы добиться подлинной независимости нашей страны, покончить с постоянным и грубым вмешательством в нашу жизнь транснациональных монополий»—мнение коммуниста Оскара Аревало. «Мы стараемся держаться, хотя это и нелегко»,—сказал Хуан Мануэль Фанхио. «Мы сможем обеспечить работой большинство населения города»,—убежден мэр Буэнос-Айреса Гильерме Чиоппо. «Все становится на свои места»,—оптимистично думает Родриго, торговец скотом на «Меркадо де Асьенда».

«Жизнь каждого из нас напоминает книгу, страницы которой бывают яркими, радостными, а могут оказаться трагическими, грустными, печальными,—сказал мне ветеран профсоюзного движения старый и мудрый портенъос Рубен Искарро. И добавил:—Но мы должны всегда стремиться к тому, чтобы забывать печали и делать радости постоянным

спутником нашей жизни».

Я слушаю их, вспоминаю многие другие встречи с портенъос в Буэнос-Айресе, и думаю о том, что можно все-таки определить главную, самую характерную черту их национального характера: оптимизм, веру в свои силы, уверенность в том, что невзгоды пройдут и завтрашний день будет лучше, чем нелегкий сегодняшний.

Игорь Фесуненко: Любой режим нуждается в пропаганде¹⁰⁴

В последнее время Россия проявляет внешнеполитическую активность на латиноамериканском направлении. В интервью «Фонтанке» выдающийся журналист-международник и латиновед Игорь Фесуненко объяснил, почему Россия обязана выполнять обязательства СССР перед Кубой и что Бразилия – один из самых перспективных торговых партнёров нашей страны. Кроме того, Игорь Сергеевич вспомнил, как провёл полмесяца среди аборигенов Амазонии, как искал нациста Менгеле в Аргентине и как основал в отечественной журналистике информационно-аналитический жанр.

- С 1963 года Вы работали собкором Гостелерадио СССР в странах Латинской Америки, где главным другом нашей страны была, конечно, Куба. Сегодня звучат утверждения, что кубинская революция носила изначально антиамериканский характер, за что, мол, США с тех пор и осуществляют в отношении этой республики жёсткую блокаду, говорят также, будто кубинский феномен раздут советской пропагандой в русле «холодной войны» в пику той же Америке, а любовь простого советского народа к Кубе – миф. Что скажете?

- Молодому поколению даже трудно себе представить, чем была для советских людей Куба. Не было более вулканического энтузиазма, более искреннего и пылкого проявления братской дружбы по отношению к какой-либо стране мира, как к Кубе, после того, как в 1959 году там победила революция. Но, хочу подчеркнуть, что эта любовь была обусловлена не только разгаром «холодной войны» между СССР и США, когда в международной политике действовал принцип: враги наших врагов – наши друзья. Победа этой удивительной, сенсационной, невероятной революции вызвала интерес не только в странах социализма, но и в Африке, в Азии, на всех континентах. Ведь ничего подобного в новейшей истории не было, и представить себе такое было невозможно. В принципе, разного рода мятежи, революции, перевороты и их попытки в Латинской Америке – дело обычное, но такого, чтобы всего 12 человек, из 80-ти выживших после разгрома десанта с яхты «Грампа» на востоке Кубы, сумели за два года объединить вокруг себя грандиозную народную армию, взять власть и прогнать проамериканского диктатора, конечно, в истории этого континента не было. Это была сенсация! Мир восторженно ахнул. И обратил свой взор полный уважения, восторженного недоумения и любви к Кубе. А Советский Союз в первую очередь.

Изначально, после революции, Куба могла пробовать наладить с Вашингтоном какие-либо

104 <http://www.fontanka.ru/2011/01/04/037/>

отношения, но Вашингтон первым ударил ногой в живот молодой республике, сразу заявив, что эта страна – заклятый враг США. Но ведь поначалу эта революция была просто демократической, националистической, ни о каком социализме речь не шла. Однако маленькое государство оказалась в жёстком кольце блокады. Хотя сначала США даже собирались подавить Кубу силой оружия... В апреле 1961 года ими была осуществлена высадка кубинских эмигрантов на Плайя-Хирон, где они и были разбиты. На Кубе постоянно происходили террористические акты, взрывы, поджоги, попытки убийств её лидеров. Так что Соединённые Штаты сами толкнули Кубу в объятия СССР, объявив ей полный бойкот и поставив на грань выживания. И эта блокада ведь сохраняется до сих пор! Соответственно, сохраняется кубинский кризис, из-за которого эта страна уже почти полвека живёт практически в нищете.

Важно понимать психологию кубинской нации, да и вообще латиноамериканцев, которые немного по-другому мыслят, чувствуют, живут, нежели мы или европейцы. Конечно, не все кубинцы – оголтелые революционеры, но, в принципе – это гордые люди, которые несут свой крест с сознанием того, что они свободная и независимая нация; и никуда от этого факта не деться. Потому что до 1959 года Куба, конечно, была фактически задним двором США. Эдаким дачным посёлком, куда американцы приезжали отдыхать. Где они делали, что хотели, и сосали из страны все соки. Внешне казалось, что дореволюционная Куба процветала, но это не слишком отразилось на жизни рядового кубинца.

- Как Вы оцениваете политику перестроечного СССР и России 1990-х годов по отношению к Кубе, и каковы экономические последствия этой политики для обоих государств?

- Стыдно даже говорить на эту тему!.. Наша страна при Горбачёве и Ельцине повела себя по отношению к Кубе варварски. При жесточайших противоречиях и взаимной ненависти этих наших лидеров друг к другу по отношению к Кубе у них была абсолютно одинаковая позиция. Преступная и бесстыдная! Повторяю, не было в мире ни одной страны, к которой бы мы провозглашали так громко и публично свои добрые чувства, свою дружбу и своё желание протянуть руку помощи. И это происходило в 1960-е, 1970-е и в начале 1980-х годов не только на словах, но и на деле. Никакой другой стране мы так не помогали, как Кубе. Мы поставляли Кубе нефть практически за бесценку и покупали её сахар по ценам выше мировых, безвозмездно посылали деньги и продовольствие. Десятки тысяч советских людей – не говоря уже о военных – приезжали на Кубу работать во всех сферах этой страны. Студенты, служащие, рабочие, техники, инженеры, рыбаки, кто угодно... Вся Куба была пронизана и напитана нашими людьми. В школах начали учить русский язык, и добрая половина кубинцев начала говорить по-русски. А потом – раз – и всё это оборвали! В одностороннем порядке, без всяких объяснений, кроме тех, что мы покончили с социализмом. А раз мы с ним покончили, то нам на вас наплевать. Выплывайте, как хотите. Или тоните.

Для кубинцев это был страшный удар. Страшный шок. Куба в начале 1990-х была на грани голодной смерти. Потом кубинцы стали потихоньку выкарабкиваться за счёт того, что на наши места пришли другие. На Кубе, к примеру, есть довольно богатые месторождения

никеля. Мы там разрабатывали рудники, построили соответствующие предприятия, которыми, если я не ошибаюсь, теперь занимаются испанцы. Недалеко от Гаваны в советское время мы даже нашли признаки нефтеносных месторождений, теперь ими тоже могут начать заниматься другие. Туристическая индустрия сегодня на Кубе стала развиваться очень мощно, но опять же без нашего участия. И всё потому, что в конце 1980-х – в начале 1990-х мы убрали всех наших людей с Кубы, поставили незримую черту между нашими странами. Поэтому сегодня единственной приметой наших былых связей остаётся в основном кубинская авиация, которая в большей степени состоит из наших самолётов. Ну и, пожалуй, автомобильный парк этой страны. Мы ведь поставляли на Кубу свои «Жигули» в огромных количествах. Сейчас там уже появились и «Тойоты», и китайские машины, но значительная часть автопарка по-прежнему наша.

- Чем, на Ваш взгляд, должна руководствоваться современная Россия, правопреемница СССР, в своих внешнеполитических контактах с Кубой? В последнее время вот происходит интенсивное возрождение российско-кубинских отношений...

-... к сожалению, если сравнивать с советско-кубинской дружбой, пока ещё не в том объёме, в котором, на мой взгляд, надо и, быть может, хотелось бы и нашему руководству. Но подвижки действительно есть серьёзные. Недавно на Кубе побывал министр иностранных дел Лавров, начали ездить различные делегации, плодотворно работает российско-кубинская межправительственная комиссия... Не знаю, когда на Кубе появятся американцы – дай Бог, чтобы вообще не появились! – но если появятся, тогда о нас в этой стране могут и навсегда забыть. Тогда действительно будет поздно в полной мере возрождать отношения между нашими странами. Фидель пока что непримирим. Пока он жив, никаких кардинальных перемен на Кубе в этом смысле ждать не приходится.

Поэтому уже сегодня Россия должна как можно быстрее начать в полном объёме выполнять обязательства, взятые перед Кубой Советским Союзом. Россия ведь в своё время заявила, что она – правопреемница Советского Союза и всех подписанных им международных договоров, она взяла себе все здания посольств СССР и его банковские активы за рубежом. А это, к примеру, в отношении Кубы означало, что тогдашним лидерам России надо было сесть за стол переговоров с кубинскими лидерами, поговорить, прикинуть, объяснить, что в прежних размерах оказывать помощь мы пока не можем – сами без штанов – и предложить подумать о нашем совместном будущем. Но этого сделано не было. И уж, конечно, повторяю, не надо было убегать с Кубы, забирать наших техников с тех предприятий, которые мы там строили, нельзя было всё бросать. Потому что эти предприятия продолжают работать, но уже со специалистами из других стран, которые получают от сотрудничества с Кубой ту прибыль, которую могла сегодня получать Россия.

- Вашим коньком была Бразилия... Впрочем, не могли бы Вы бросить ретроспективный взгляд на весь латиноамериканский континент: какова была общественно-политическая система в большинстве его государств, когда там работали Вы, и что из себя представляют в этом плане государства этого материка сегодня?

-... Да, в 1960-е годы я в Бразилии проработал 5 лет... Тогда Латинская Америка в массе своей была задворками американского Госдепартамента. В Бразилии, Аргентине, Чили, Венесуэле режимы были откровенно проамериканскими и, соответственно, антисоветскими. Вашингтон чувствовал себя там, как дома. Однако потом общественно-политические системы этих государств заметно либерализовались, началось постепенное изменение их отношений с США. Впрочем, это не значит, что эти страны стали вдруг враждебно относиться к Вашингтону.

Скажем, перестройка и либерализация в Бразилии привела к созданию её нынешнего режима европейского образца. Где есть и правящая партия, есть и оппозиционные партии, есть и политическая борьба, и дискуссии, и критика с лева и справа. В Бразилии регулярно проходят выборы в Конгресс, регулярно выбирают президента. То есть там существует нормальная политическая система, как, к примеру, в Англии, Франции или Германии.

Интересный факт. Перестройки в СССР и в Бразилии начались примерно в одно и то же время, в середине 1980-х годов. Быть может, поэтому интерес к нашим преобразованиям в Бразилии был очень велик. Я прекрасно помню, что в конце 1980-х годов книжка речей и статей Горбачёва, переведённая на португальский язык, вызвала громадный интерес в этой стране. А ведь мы помним, что такое Горбачёв. Насколько непонятна и невнятна была его даже устная речь, а уж письменные его тексты нормальный человек ни читать, ни понять не мог. Тем не менее, повторяю, эта горбачёвская абракадабра, переведённая на португальский, вызвала громадный интерес в Бразилии. И была на протяжении полугода бестселлером номер один в этой стране. Это кажется невероятным, но так было.

Хочу отметить, что либерализации политических режимов в странах Латинской Америки сопутствовали интересные вещи. Скажем, нынешний президент Бразилии Дилма Роуссефф в конце 1960-х – начале 1970-х была революционеркой и сидела в тюрьме за свои открытые выступления против тогдашнего правящего режима. Или. В своё время в Аргентине к власти пришёл Кишнер, который тоже в 1960-е годы сидел в тюрьме, когда Аргентиной правили «гориллы». И потом уже он стал загонять генералов в тюрьмы. Кишнер умер совсем недавно, а до этого его жена стала президентом Аргентины. Кстати, это тоже знамение времени, что в Латинской Америке сразу в нескольких странах женщины впервые стали президентами. Это было в Чили, в Аргентине, а сейчас вот произошло и в Бразилии.

Но, конечно, сегодня Латинская Америка - это не какой-то единый, монолитный в политическом плане континент. Там, скажем, есть Венесуэла, которая сознательно противопоставила себя Вашингтону, которая находится на левом фланге политической структуры континента и является, говоря революционным языком, авангардом антиамериканской борьбы. Общаться нам с этой страной выгодно, она покупает наше оружие на громадные суммы. К Венесуэле примыкает Боливия, Эквадор – тоже наиболее левые режимы на политическом латиноамериканском фоне. Ну и, как говорится, слава Богу! Пусть они воюют и грызутся с Вашингтоном, отвоёвывают у него свои куски латиноамериканского пирога. Чем активнее и яростнее это будет происходить, тем лучше

для России. США нам портит нервы с Грузией, вооружает Саакашвили, так что мы имеем полное моральное право портить им жизнь в союзе с Венесуэлой. Это сложная политическая игра. Ну, а куда без неё? Так было, есть и будет. Кроме того, Венесуэла ведь кормит своей нефтью ту же Кубу. Это тоже хорошо.

- Вы назвали Венесуэлу и некоторые другие страны в контексте их противостояния США. Эти антиамериканские настроения раздуты искусственно?

- Нет, антиамериканские настроения в Латинской Америке были всегда традиционно сильны. Так, бедный всегда не любит богатого, а слабый не любит сильного, потому что сильный всегда давит слабого. Осознанно или не осознанно, грубо или б60урраб60нтирова, но это всегда происходит не только во взаимоотношениях государств, но и в обычной жизни. Сильный северный сосед Латинской Америки в лице США всегда смотрел на этот континент, как на свой задний двор. Американцы вели себя беспардонно в Латинской Америке примерно так, как мы когда-то вели себя в Венгрии или Чехословакии. Никарагуа, к примеру, была оккупирована Соединёнными Штатами в 1920-х -1930-х годах очень надолго. Да что там оккупация Никарагуа... Однажды дело дошло до того, что США высадили свой десант в Панаме, захватили президента этой страны Норьегу, вывезли его в США, где он до сих пор и сидит. Другая маленькая латиноамериканская страна Гренада тоже была оккупирована американцами. Та же участь в 1970-е годы вновь ожидала Никарагуа. ...Я тогда как раз был в этой стране, делал о ней фильм, и всем нам казалось, что не сегодня-завтра произойдёт американская интервенция. Но – не случилось. Может, потому что в мире поднялся яростный крик, может, потому что американцы побоялись обострения с СССР. Видимо, сложился целый ряд факторов; вот также сегодня США вошли в Ирак, а в Иран почему-то опасаются.

- Как, на Ваш взгляд, будут развиваться торгово-экономические отношения России, скажем, с той же Бразилией?

- Бразилия, как и Россия, очень заинтересована в укреплении взаимовыгодных связей и в преодолении каких-либо торгово-экономических противоречий, неизбежно возникающих между любыми странами. Ну, а если мы когда-нибудь всё-таки вступим в ВТО, то целый ряд барьеров в этом смысле отомрёт сам собой. Посмотрим. Во всяком случае пока динамика положительная, отношения укрепляются, дай бог, чтоб так продолжалось и дальше.

Мы плотно сотрудничаем с Бразилией, к примеру, в космической отрасли. ...Кстати, космодром «Алькантара» интересен тем, что находится практически на экваторе, чуть севернее... Я не могу детально сказать, что там и как, но то, что в космической сфере у нас есть серьёзные наработки с бразильцами, что реализуются совместные проекты – это факт.

Кстати, бразильцы обнаружили нефть в своей стране тоже с нашей помощью. В 1960-е годы два советских нефтяника Багиров и Тагиев нашли на северо-востоке Бразилии нефтяные месторождения, которые бразильцами сейчас активно разрабатываются.

Примерно с того же самого времени наша страна стала закупать бразильский кофе. Я присутствовал при первой в истории торгово-экономических отношений СССР и Бразилии отправке растворимого бразильского кофе в Москву. Это происходило в порту Паранагуа близ города Ландрина, где была создана первая фабрика растворимого кофе. Это был 1967 или 1968 год.

Так что историческая база для развития торговых связей у нас с Бразилией очень хорошая. Но, кроме этого, развитие отношений со странами Латинской Америки нам необходимо вот ещё по какой причине. В Европе у нас исторически настолько обострены противоречия со многими государствами этого континента, что мы просто обязаны компенсировать этот внешнеполитический изъян более тесными связями с латиноамериканскими странами.

- Должна ли Россия с учётом всего сказанного Вами пытаться получить статус наблюдателя в Организации американских государств и в Иberoамериканском сообществе?

- Конечно, должна! Это вполне перспективный континент, с которым, как я уже не раз говорил, нам развивать экономические и политические связи очень выгодно. Разумеется, мы должны там присутствовать. И это вполне возможно.

- Действительно ли, что именно Вы стояли у истоков информационно-аналитического жанра отечественной тележурналистики?

- В 1989 году, когда в государстве стали обостряться политические противоречия, стали появляться сюжеты из разных горячих точек нашей страны, когда вообще в СССР стали появляться невиданные ранее явления, возникло желание их анализировать. Ну, а как можно делать анализ в сюжете длиной в две-три минуты? Программой «Время», где я тогда работал, руководил Эдуард Сагалаев. Я зашёл к нему: «Эдик, давай сделаем еженедельную программу, вместо стандартной программы «Время». Не получасовой, а увеличенный в два раза выпуск. С анализом, с приглашением гостей...» Он воскликнул: «Гениально, старик! Мы с тобой её и будем вести. По очереди. Ты и я, ты и я... Только, - говорит, - я первый начну!» На том и порешили. Сагалаев действительно провёл первый выпуск этой программы, но вот второй провёл не я, как мы с ним договаривались, а Сашка Тихомиров. Я подхожу к Сагалаеву: «Эдик, а как же я?» «Ты знаешь, я решил: проведу-ка я ещё одну программу!» Провёл. Следующую опять провёл Тихомиров. Так я за бортом и остался. Ну и чёрт с ней, подумал, сочтёмся славой. Тем более скоро эту программу прикрыли, потому что там стали появляться мнения, не совсем отвечающие генеральной линии партии. Это и была первая попытка анализа на телеэкране.

У нас ведь раньше не было информационно-аналитического жанра. Было, правда, в 1950-е – 1960-е годы его первое подобие – программа талантливого журналиста Юрия Фокина «Эстафета новостей». Но это был скорее всё же информационный жанр. Но, в принципе, «Эстафета новостей» была необычным явлением в условиях того телевидения, где даже сплошные прямые эфиры были уж очень заорганизованы. Всё чинно, все в галстучках, костюмчиках. И вдруг появляется раскованный ведущий, который говорит без бумажки.

Говорит ярко, убедительно, интересно. В его программе появились включения из разных точек нашей страны. Фокин встречал космонавтов на космодроме, рассказывал о театральных премьерах прямо из театров... Ничего подобного раньше не было. Потом Юрий Фокин чем-то не угодил Лапину, председателю Гостелерадио, и его сослали в Грецию, а «Эстафета новостей» накрылась.

Позже, в 1968 году появилась программа «Время» – главная информационная программа страны. Её транслировали все телеканалы. До перестройки, когда в нашей стране мало что происходило с точки зрения сенсационных новостей, был обострён интерес к журналистам-международникам, политическим обозревателям, таким, как я. Хочу подчеркнуть, что я был далеко не самым лучшим и известным из них. Были действительно яркие звёзды на этой ниве, типа Александра Каверзнева, Кондрашова, Бовина, Дунаева... Мы рассказывали о каких-то зарубежных событиях, делали их анализ, комментировали, размышляли, но с точки зрения внутреннего телевизионного вещания аналитических программ до самой перестройки не было.

- Чем международная журналистика советских времён отличается от нынешней?

- В советское время такая журналистика существовала, а сейчас её нет. Ну, вот пример. Война в Ираке. Кто её для России освещает? Назовите фамилии отечественных журналистов? Не назовёте. И никто не назовёт. Заварухи в Иране, очередной кризис Израиль-Палестина... Кто освещает? Назовите мне хоть одного отечественного специалиста по Ближнему Востоку? Никто не назовёт. А я знаю, что если бы это было в советское время, то вы сразу бы сказали: Сейфуль-Мулюков. Хорош он был или плох, на ваш вкус, но это был человек, который знал о Ближнем Востоке всё. Я отвечал за Латинскую Америку... А кто сейчас? Так что, в том виде, в котором международная журналистика была в советское время, её нет.

Сегодня практически нет никаких международных оперативных передач. Происходят судьбоносные визиты официальных лиц за рубеж, заключаются важные для страны соглашения, а что об этом знаем мы? Я уже упоминал о визите министра иностранных дел России Лаврова на Кубу. А он ведь ещё был в Гватемале, в Мексике... Вы много знаете деталей его поездки? С ним поехала какая-то Ямпольская из «Известий», девочка, которая пишет про кино. Чего её туда подсунули-то? Ещё кто-то... И ни одного латиноведа! В результате освещение такой важной для России поездки было неполноценным. Вернее, его практически не было. Не считать же им какие-нибудь редакционные измышления журналистов, сидящих в Москве. А те, что ездили, написали только, что Лавров встретился с Раулем Кастро, да посетил в Гватемале церковь. Ни фильмов, ни очерков, ни комментариев... Никакого анализа, чем эта поездка была выгодна России, чем нам полезны заключённые в её ходе соглашения... А всё потому, что эти, и тем более пишущие на эти темы, не выезжая из Москвы, журналисты не знают стран, о которых пишут. И это просто один пример. А сколько таких ситуаций на самом деле?

- «Футбол играет колоссальную роль в духовной жизни нации», - написали Вы как-то о Бразилии. Но бытует мнение, Игорь Сергеевич, что это удел отсталого народа...

-... Да, это сказано в первую очередь о Бразилии и отчасти об Аргентине. Я написал о футболе четыре больших книги. Бразилия – это лидер мирового футбола и то, чем является футбол для бразильца, он не является ни в какой Англии, Франции или Испании.

Но Бразилия, конечно, не отсталая страна. Технологически она нас давным-давно обогнала. Машины делает лучше нас, телевизоры делает лучше нас, самолёты мы у них покупаем. Так что, никакая Бразилия не отсталая. Кто так говорит, у того представления о Бразилии столетней давности, когда она в 1898 году только-только отменила рабство. Сегодня Бразилия высокоразвитая, технологичная страна европейского уровня.

Другое дело, что там до сих пор есть люди, живущие практически в каменном веке. Я бывал среди таких людей, прожил с ними бок о бок две недели в Амазонии. Но живут они так не потому, что у них нет работы или денег, а потому что они сознательно придерживаются того образа жизни, который вели деды, прадеды и так далее. Латинская Америка в своё время была индейским континентом, от Мексики до Огненной земли. Потом пришли испанцы и португальцы, которые стали уничтожать этих индейцев, завоёвывая территории, так же как когда-то, скажем, мы завоёвывали Сибирь, изгоняя Кучума. Интересно, что колонизаторы пытались превратить индейцев в рабочую силу, но выяснилось, что работать те отказываются. Не работают они и сейчас. Потому что у индейцев даже не другой менталитет, а они просто другие люди. Они не приемлют команд даже со стороны своих касиков. Сегодня индейцы живут в Бразилии точно так же, как жили их предки 500 лет назад, повинувшись большой системе традиций, условностей, обрядов. И ничто не в силах это изменить. Они ловят рыбу так, как ловили их прапрадеды, и так же будут ловить рыбу их прапраправнуки. У них существуют определённые способы посева маниоки, сбора её урожая, возделывания земли, охоты, освобождения земли от лесов...

-...из которых индейцев выгоняет современный алчный белый человек?

- Да. Ведь время от времени выяснялось, что на этой земле, где индейцы круглый год ходят голые, есть золото, бокситы, нефть... Кто в такой ситуации станет считаться с этими голодранцами? Их начали вытеснять, территории их обитания таким образом сжимались и сжимаются... А ведь индейцы не могут жить в малогабаритной квартире и ходить в соседний магазин. Им нужны просторы, чтобы сеять, охотиться. Поэтому они начали сопротивляться нашествию. Но что можно сделать с луками и стрелами против автоматов. Бывали даже случаи, когда индейцам подбрасывали мешки отравленного сахара – и сразу всё племя под корень.

Но, я уверен, что индейцы в Латинской Америке будут существовать ещё столетиями. Потому что это гигантский континент. Одну только Амазонию по-настоящему предстоит осваивать прапраправнукам нынешних бразильцев. Которые, к слову, как нация являются сплавом из приехавших португальцев-колонизаторов, немногих индейцев, которые смогли с ними сойтись – в основном это женщины, которые рожали детей, и – главным образом, из рабов-невольников из Африки. А вот уже Аргентина – белая страна. Там нет никаких негров и индейцев не осталось. Идешь по Буэнос-Айресу, и тебе кажется, что одна

улица – это Милан, другая – Париж, третья – Рим. Абсолютно европейский город. В Боливии и Эквадоре, напротив, сплошные индейцы, белого там днём с огнём не найдёшь. Вот такой удивительно разнообразный, как калейдоскоп, континент.

- Что такое индейский ренессанс?

-... В своё время Боливия была страной, где государственные перевороты происходили по нескольку раз в год. А теперь там всё успокоилось. Потому что впервые президентом страны стал индеец Эво Моралес; достойный человек, сказавший знаменательную фразу: «Кто сказал, что я одинокий человек? У меня есть жена – это Боливия!» И с точки зрения исторической справедливости, приход Моралеса к власти закономерен. Ведь Боливия – это индейская страна. Вот вам пример индейского ренессанса.

- У Вас были в Латинской Америке контакты с представителями первой волны русской эмиграции?

- Да, были. В Латинской Америке была мощная русская эмиграция. В Аргентине, к примеру, существовал, а может, и до сих пор существует Дом Пушкина, или что-то в этом роде, вокруг которого кучковались эмигранты времён революции или их ближайшие потомки. В Бразилии, помню, познакомился с семьёй старичков – он и она – которых мне было жалко до слёз. Дело было так. Зашёл я как-то в магазинчик сувениров и увидел надпись: «Говорим по-французки, по-итальянски, по-русски». Спрашиваю: «Кто у вас по-русски-то говорит?» Выяснилось, что какой-то старичок. Вот этот старичок проявил ко мне интерес, пригласил нас с женой к себе: «Борщечку покушаем!» Дал адрес. Я приехал. Привёз бутылку водки, которую он облил слезами. Он рассказал, что был поручиком, отступал с белой армией на восток. «Я, - говорит, - прекрасно понимал, что если меня возьмут в плен, то тут же шлёпнут. Поэтому мы оказались в Китае. Когда в Китае случилась революция, мы перебрались в Южную Америку. На моих руках крови нет. Я ни в чём не виноват. У меня только одна мечта – съездить, посмотреть родину, увидеть берёзку... Обидно, что умру здесь, и здесь меня похоронят». Чем я ему мог помочь? Дать адрес консульства, консул был мой друг? Я ему говорю: «А кто вам даст денег на билет? А приедете, где будете жить? У нас для своих-то не хватает квартир». «Да-да, действительно...» И я смотрел на этих старичков, и у меня болело сердце – так их было жалко. И они действительно вскоре там померли, их там и похоронили. Таких встреч у меня было много.

- Правда ли, что Вы ловили беглых немецких нацистов?

- В своё время считалось, что в Бразилию и Аргентину сбежали немецкие фашисты. Долгое время, к примеру, думали, что там находится Менгеле. Ну, вот мы, журналисты, которые туда приезжали, трепыхались, пытались их искать. Но лично у меня на этой ниве никаких подвигов не было. Но об этих нацистах же писала местная пресса: видели Бормана, видели Менгеле... Мы, естественно, сразу же били в колокола, передавали эту информацию в Москву. Но, как правило, всё это дело потом не подтверждалось.

- Нужна ли сегодня информационная пропаганда в её правильном понимании?

- Конечно, нужна! Потому что любой демократический, диктаторский, социалистический, капиталистический, левый или правый режим нуждается в пропагандистском обеспечении. Это престиж страны, в конце концов. Ко мне, к примеру, в Латинской Америке относились как к представителю великой державы. Помню, когда случился ввод наших войск в Чехословакию, так со мной многие перестали разговаривать – словно это я их туда посылал. Или. Помню случай в Португалии, когда ко мне подбежал человек, бросился мне на шею и говорит: «Теперь я могу помереть спокойно!» «Почему?!» «Потому что я увидел человека из Москвы!» Серьёзно! Я нисколько не преувеличиваю. Вот вам и пропаганда.

Беседовал Лев Сирин, Москва, «Фонтанка.ру»

Валентин Зорин

Более четверти века имя В.Зорина связано с большой политикой. Все эти годы он неизменный и активный ее участник, будучи эксклюзивным собеседником первых лиц ведущих государств мира. Его взгляды, толкования, комментарии по сложнейшим проблемам войны и мира пользовались большим доверием десятков миллионов телезрителей, становились для них своеобразным учебником жизни.

Валентин Зорин родился 9 февраля 1925 года в Москве в семье служащих.

В 1948 году окончил Институт международных отношений МИД СССР (первый выпуск) и был направлен на работу обозревателем Международного отдела Всесоюзного радио. С 1955 года – заместитель главного редактора последних известий радио «Маяк», с 1965 года – политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

В течение ряда лет был ведущим телевизионных программ «9-я студия», «Недипломатические беседы» и других. В.С.Зорин – автор цикла телевизионных фильмов «Америка семидесятых» и др.

Более четверти века имя В.Зорина связано с большой политикой. Все эти годы он неизменный и активный ее участник, будучи эксклюзивным собеседником первых лиц ведущих государств мира. Его взгляды, толкования, комментарии по сложнейшим проблемам войны и мира пользовались большим доверием десятков миллионов

телезрителей, становились для них своеобразным учебником жизни. Для большинства советских людей В.С.Зорин стал одним из тех, кто открывал им Америку.

В.С.Зорину доводилось брать интервью у лидеров стран и ведущих международных политических деятелей. Среди них – Д.Кеннеди, Ш. де Голль, И.Ганди, Накасоне, М.Тэтчер, Г.Коль, президенты США Д.Эйзенхауэр, Р.Никсон, Д.Форд, Джонсон, Д.Картер, Р.Рейган, Д.Буш, Б.Клинтон, генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, братья Кеннеди, Г.Киссинджер, а также все первые руководители Советского Союза – Н.Хрущев, Л.Брежнев, Ю.Андропов, М.Горбачев. Во время знаменитой встречи между Н.Косыгиным и Джонсоном в Глазборо в составе советской делегации В.С.Зорин выступал в качестве советника. Во время встреч на высшем уровне первого президента СССР М.Горбачева с Киссинджером, Шульцем, Бейкером, Рокфеллером, Дюпоном, Фордом-младшим выполнял роль эксперта. Принимал участие в работе 3-х сессий Генеральной ассамблеи ООН в качестве эксперта советской делегации.

Одновременно с журналистикой занимается научной работой. В 1963 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. В 1967 году получил ученое звание профессора. В 1965-1967 годах работал заведующим кафедрой международной журналистики МГИМО МИД СССР. Является одним из создателей Института США и Канады Академии наук СССР, в котором работал в качестве заведующего отделом внутренней политики, в настоящее время – главный научный сотрудник этого института. В.С.Зориным подготовлено около 30 учеников и аспирантов. Среди них – академик РАН В.Журкин, член-корреспондент РАН А.Кокошин и др.

В настоящее время В.С.Зорин является политическим обозревателем Государственной радиокompании «Голос России», первым заместителем председателя Федерации «Мир и согласие» (бывший Советский комитет защиты мира), президентом Международной неправительственной организации «Интервидение», председателем Совета директоров телерадиокompании «Прометей-АСТ» (Ассоциация спутникового телевидения).

Перу В.С.Зорина принадлежит свыше полутора десятков книг и монографий, которые переведены на многие языки и изданы во многих странах мира. Среди них: монография «Монополии и Вашингтон», книги «Некоронованные короли Америки» (5 изданий), «Мистеры-миллиарды» (9 изданий) и др. В 2000 году издательство «Вагриус» выпустило новую книгу В.С.Зорина «Неизвестное об известном».

В.С.Зорин – лауреат Государственных премий СССР и РФ, премии имени Воровского. Награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета». Заслуженный деятель культуры. Действительный член Международной академии информационных процессов и технологий.

Валентин Сергеевич гордится дружбой с такими выдающимися деятелями культуры и искусства, как К.Симонов, К.Паустовский, Г.Уланова, А.Райкин, И.Моисеев.

Он предпочитает классическую музыку, особенно любит произведения Моцарта, Баха, Вивальди, Чайковского.

Живет и работает в Москве.

Валентин Зорин, проповедник¹⁰⁵

В гостях у ветерана Холодной войны Олег Кашин

I.

На прошлой неделе в эфир «Голоса России», бывшее Иновещание, на семнадцати языках (он только пишет тексты для своей авторской рубрики «Взгляд из Москвы», читают написанное профессиональные дикторы) вышел его комментарий по поводу избрания Барака Обамы президентом США. «Когда я впервые побывал в Соединенных Штатах, это 1952 год, в Нью-Йорке на скамейках Центрального парка были надписи: „Только для белых“, а теперь — пожалуйста, президентом США избран темнокожий». Он говорит — «темнокожий», но тут же уточняет, что слова «негр» в своей речи он не избегает, потому что политкорректность свидетельствует только о том, что «лицемерие и двуличие американской демократии принимает самые анекдотичные формы». Слова о лицемерии и двуличии американской демократии в разных комбинациях он произносил и писал на протяжении всей своей карьеры — а она у него такая длинная и успешная, что, рассказывая о ней, трудно не сорваться на язык советских производственных очерков: мол, в его трудовой книжке — единственная запись (о приеме на работу в Радиокomiteт СССР), датированная 13 августа 1946 года. СССР давно нет, Радиокomiteта тоже нет, а он как сидел, так и сидит в своем кабинете на последнем этаже радиоцентра на Пятницкой и, как и шестьдесят лет назад, обличает Америку — теми же словами, что и шестьдесят лет назад. Валентин Сергеевич Зорин, суперзвезда советского телевидения и главный советский антиамериканист.

«Антиамериканист» — неуклюжее слово, и Зорин тоже вздрагивает, когда слышит его:

— Когда в какой-то газете написали, что я антиамериканист — молодой какой-то автор, бойкий очень, — я отправил в редакцию письмо, ни строчки не написал, только фотографию в конверт вложил. На фотографии мы с президентом Никсоном стоим, обнявшись, и улыбаемся во весь рот. Стал бы президент Америки обниматься с врагом своей страны? Конечно, не стал бы.

Последний раз в Америке он был пять лет назад. Рассказывает — шел по Мэдисон-авеню, и там его догнал какой-то пожилой гражданин:

— «Послушайте, вы Зорин?» Да, говорю, Зорин. «Как здорово, что я вас встретил, знаете, когда я жил у нас, дома, — он так и сказал: „у нас, дома“! — я вас очень сильно ругал за то, что вы на Америку клеветаете. Теперь я живу здесь и вас, таки-да, снова сильно ругаю — теперь за то, что вы об Америке слишком мягко рассказывали. Знал бы я, какая здесь жизнь, ни за что бы не уехал!»

105<http://www.rulife.ru/old/mode/article/1044&print>

Не знаю, выдумал Зорин эту встречу на Мэдисон-авеню или нет, но рассказывает он о ней с большим удовольствием. Видимо, имидж обличителя Америки (сложившийся еще черт знает когда, чуть ли не при Сталине) его всерьез тяготит.

— Самые теплые отношения у меня сохранились со многими американцами, известными и неизвестными. Из известных — и с Генри Киссинджером, и с Никсоном покойным, и с Эдвардом Кеннеди. Какой же я антиамериканист? У антиамериканистов не бывает столько друзей в Америке.

Я возражаю — американские политики могли обниматься с ним не как с хорошим парнем Зориным, а как с представителем Советского Союза, который ценен прежде всего своим статусом, а не личными качествами. Он не обижается, но машет руками:

— Вы это бросьте, представители бывают разные. Я, например, сидел в зале Генеральной ассамблеи ООН, когда Андрей Януарьевич Вышинский, тыкая пальцем в нос госсекретаря США Даллеса, кричал ему: «Вы убийца!», путая, видимо, заседание Генеральной ассамблеи и процесс над врагами народа. Стал бы с Андреем Януарьевичем кто-нибудь обниматься? Вот именно.

II.

С тем, что Зорин — друг Америки, мы, очевидно, разобрались, осталось выяснить, кем он приходился Советскому Союзу, и я осторожно спрашиваю его, не было ли в его практике каких-нибудь негласных заданий в Америке или даже в России.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — отвечает Зорин. — Этот шлейф за мной много лет тянулся, недоброжелатели всегда говорили за моей спиной, что — ну, конечно, если он так запросто в Америку ездит, наверняка у него есть погоны. А у меня никогда не было погон, я не имел к органам никакого отношения.

У Зорина такая манера говорить (подозреваю, что в своих американских командировках он учился даже не у телекомментаторов, а у проповедников), что его очень хочется сбить, поэтому, когда он сказал, что не имел отношения к спецслужбам, я спросил — а почему?

Не сбил:

— Я сам часто об этом задумывался. Ни для кого не секрет, что органы плотно работали с журналистами-международниками, но меня они как-то обошли. Я думаю, что работников госбезопасности в те времена не устраивало, что у меня мама — еврейка. В то время это было важно.

О своем еврейском происхождении Зорин говорит как-то даже слишком торжественно: «Это было бремя, которое мне приходилось преодолевать», и я, конечно, вспоминаю популярный некогда анекдот про разговор Зорина с Киссинджером: госсекретарь спросил советского друга о его национальности, тот ответил: «Я русский», Киссинджер расхохотался: «А я американский».

— О да, мне стоило больших усилий, когда я рассказывал Генри эту историю, перевести ему соль шуток. По-моему, он так и не понял, что здесь смешного.

Вообще же еврейскую тему Зорин поводом для шуток не считает — говорит, что в СССР «существовала система государственного антисемитизма, даже несмотря на еврейскую супругу Леонида Ильича».

— Конечно, может возникнуть вопрос — а как же я в этой системе смог выжить? И я вам прямо скажу, что таких возможностей, которые у меня были в шестидесятые-семидесятые, я бы никогда не имел, если бы к этому времени не стал профессором и доктором наук. Это компенсировало недостатки пятого пункта.

Ситуация на советском телевидении времен позднего застоя, впрочем, и без Зорина выглядела парадоксально — с одной стороны, все знали, что председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин — антисемит, с другой — недостатка в телевизионных евреях в те годы не было.

— Да, это парадокс, — говорит Зорин, — с одной стороны Сергей Георгиевич проявлял антисемитизм, это чувствовалось, с другой — его действительно окружали одни евреи. Бывают такие сочетания, понимаете?

III.

Политобозреватель Гостелерадио СССР Валентин Зорин, впрочем, действительно мог позволить себе не нравиться своему начальнику (хотя нравился, конечно, — и вообще претензий к Сергею Лапину у Зорина нет) — принадлежность к высшей журналистской номенклатуре давала ему возможность решать свои проблемы, минуя непосредственное руководство. Программу «Девятая студия», которую вел Зорин, несколько раз закрывали — но потом быстро открывали заново. Происходило это так:

— Вот вам один пример. Существовала пропагандистская установка, что вследствие ядерной войны капитализм погибнет, а социализм останется цел. Мне она с самого начала казалась достаточно сомнительной, и когда у меня в студии были наш знаменитый медик Евгений Иванович Чазов и американский ученый, нобелевский лауреат Бернанд Лаун, я спросил их, что они думают о последствиях ядерной войны. Чазов ответил афористично: «Если ядерная война случится, то радиоактивный пепел социализма ничем не будет отличаться от радиоактивного пепла капитализма». На следующий день меня вызвал к себе Михаил Андреевич Суслов, очень возмущался, говорил, что из-за нас он теперь не знает, как поддерживать моральный дух в рядах вооруженных сил — и передачу закрыли. Но Чазов, который был лейб-медиком Леонида Ильича, выбрал подходящий момент, поговорил с Брежневым, и тот распорядился «Девятую студию» в эфир вернуть.

IV.

Мне хотелось поговорить с Валентином Зориным о современной антиамериканской пропаганде и о том, как он оценивает свою роль в идеологической обработке советских

граждан. Провоцировать Зорина на четкие ответы (говорю же — проповедник) чудовищно сложно. Я сказал ему, что у меня не укладывается в голове, что его карьера, начавшаяся одновременно с холодной войной, оказалась более долгой, чем сама та война.

— Я бы не согласился с вами, — говорит Зорин, — когда вы говорите о холодной войне в прошедшем времени, она идет до сих пор, сейчас — как информационная война. Когда началась война в Южной Осетии, западные телеканалы сутки молчали о том, что Грузия бомбит Цхинвал (Зорин говорит по-современному — «Цхинвал», не «Цхинвали». — О. К.). Продолжается война, разве вы не видите? А война — это когда огонь ведут с двух сторон. В нас стреляют — и мы стреляем. Я пришел, когда война уже шла — по-моему, она началась не с Фултона, а как минимум с Хиросимы. И я тоже стрелял в этой войне. Я защищал свою страну.

На разговор о Михаиле Леонтьеве и Максиме Шевченко я Зорина так и не вывел — обсуждать персоналии он отказался, зато сказал, что когда умер журналист Станислав Кондрашов, президент Путин направил его семье соболезнование, в котором назвал покойного представителем «легендарной плеяды журналистов-международников».

— А сейчас — кого можно назвать легендарной плеядой? Один автор может сегодня писать об Америке, завтра о Ближнем Востоке, послезавтра — о подводной лодке, ни в чем не разбирается, а думает только о том, как кому-нибудь угодить. Что это такое? Журналист должен разбираться в вопросе. В шестидесятые-семидесятые все советские политологи вышли из журналистской среды — и Бовин, и Арбатов, и Примаков. Сейчас такое невозможно. Сейчас — кого президент назовет легендарной плеядой?

Кстати, бумага от Владимира Путина у Валентина Зорина тоже есть — с год назад он отправил в Кремль книгу своих мемуаров и получил ответ — на листке напечатано несколько официальных строк — спасибо, мол, здоровья, успехов, — а внизу приписка от руки: «Всегда с огромным интересом и удовольствием следил за вашей работой. Практически все и всегда было блестяще и в высшей степени талантливо. Желаю успехов. Путин».

Бумага от Дмитрия Медведева у Зорина тоже есть.

V.

Хоть Зорин и не был шпионом, журналистскими обязанностями в пользу государства он несколько раз жертвовал — когда в качестве эксперта (Зорин — научный сотрудник Института США и Канады) ездил в составе делегаций на советско-американские встречи — с Алексеем Косыгиным, Леонидом Брежневым, Михаилом Горбачевым. Благодаря близости к Горбачеву, вероятно, в годы перестроечного культа Америки и борьбы с пережитками застоя Зорин никак не пострадал, и даже молодые коллеги не критиковали его антиамериканское творчество.

— Чего это молодые должны меня ругать? Они же все мои ученики, — добавляет Зорин.

Перестройка, впрочем, его все-таки коснулась — в последний ее день, девятнадцатого

августа 1991 года, он навсегда перестал быть коммунистом.

— Когда я узнал, что Михаил Сергеевич изолирован в Форосе, во мне все перевернулось. Я понял, что в этой партии состоять больше не могу. И мы с Бовиным пошли и написали заявления о выходе из КПСС. Хочу обратить ваше внимание — не двадцать первого, когда все стало уже ясно, а девятнадцатого, в первый день.

Выход из КПСС для Зорина стал не только формальным отказом от партбилета.

— Революцию 1917 года я считаю крупной исторической трагедией моей страны, я бы даже запнулся на слове революция, это была не революция, это был переворот, по Бернсу — тот случай, когда мятеж закончился удачей и называется иначе. Очень скверная страница нашей истории. А вот ко всему советскому периоду у меня такого однозначного отношения нет. И вообще — нет цельного советского периода. Тот ужас, который был связан со сталинизмом — и тридцать седьмой год, и коллективизация, и непомерная цена индустриализации — это одно. А с другой стороны — Победа, Гагарин, расцвет науки. Тот же Лапин — можно о нем что угодно говорить, но это он подарил нашему народу «Иронию судьбы». Вот как бы мы без нее жили? И вообще, я хочу сказать: при советской власти был Товстоногов, был «Современник», были «Дети Арбата» и все чего хотите — а сейчас нет ни Главлита, ни агитпропа, ни новых классиков. Кого из наших с вами современников можно назвать классиком? Донцову, что ли?

VI.

К концу разговора желание сбить этого проповедника с его стройной речи овладело мной почти до истерики. Я задал неприличный вопрос — кого, Брежнева или Путина, он считает более крупным историческим деятелем.

Зорин ответил не задумываясь и, черт его подери, так же по-проповеднически:

— Брежнева, с которым я был хорошо знаком, я крупной фигурой назвать не могу. А Путин уже вошел в хорошем смысле в историю России. Сравнить очень посредственную фигуру Брежнева с выдающимся деятелем, который к тому же еще не завершил свой путь — ну как можно их сравнивать? Несопоставимый масштаб.

Удивительно — но после этих слов моя истерика проходит. Я пытаюсь представить, как отреагировал бы Леонид Ильич на такие слова, если бы у него была возможность их услышать, и вдруг понимаю — Брежнев не обиделся бы. Обнял бы Зорина и сказал бы ему что-нибудь типа: «Да ладно тебе, Валентин, давай лучше о хоккее». Я так хорошо себе это представляю, что, когда жму Валентину Зорину на прощание руку, уже не думаю о том, что здорово все-таки было бы как-нибудь его сбить, смутить. Зачем? Ему 83 года, он воевал, он первый выпускник МГИМО и самый долгорботающий журналист страны. Он знает, как надо. Он прав.

Валентин Зорин: «Силы, стоящие за убийством Кеннеди, и сегодня очень

26.11.2012

СПУСТЯ 50 ЛЕТ ПОСЛЕ УБИЙСТВА 35-ГО ПРЕЗИДЕНТА США СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК ДЕЛИТСЯ СВОЕЙ ВЕРСИЕЙ ТРАГЕДИИ

Профессор Валентин Зорин – один из известнейших советских пропагандистов, много лет рассказывавший о Западе и прежде всего о США по TV, находился в США во время убийства Джона Кеннеди и провел по горячим собственное журналистское расследование не без риска для жизни. В дни, когда со дня трагедии исполнилось полвека, Зорин высказывает мнение, что организатором убийства был нефтяной магнат, миллиардер Говард Хант. То, что Кеннеди был убит в результате заговора, не сомневается ни один разумный человек, и даже большинство американцев не верят в официальную версию об убийце-одиночке, считает журналист.

Убийство 35-го президента США Джона Кеннеди совершено в пятницу 22 ноября 1963 года в Далласе (штат Техас) в 12:30 по местному времени. Кеннеди был смертельно ранен выстрелом из винтовки, когда он вместе со своей женой Жаклин ехал в президентском кортеже по Элм-Стрит

ОРГАНИЗАТОР ЗАГОВОРА ПРОТИВ КЕННЕДИ — «МИСТЕР МИЛЛИАРД»

— Валентин Сергеевич, я знаю, что у вас есть своя версия событий, связанных с убийством 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди, и вы были очевидцем и фактически участником того, что происходило непосредственно после покушения. Расскажите, пожалуйста, о своем журналистском расследовании.

— Когда случилась далласская трагедия, я находился в США как корреспондент Гостелерадио. И сразу же после убийства Кеннеди с оператором Петром Федоровичем Назаровым мы направились в Даллас, где, можно сказать, по свежим следам я проводил

то, что сейчас называется «журналистское расследование», довольно подробное. И сразу же должен сказать, что официальная версия об убийце-одиночке, об Освальде, который с окна 6-го этажа книгохранилища произвел смертельные выстрелы, первыми же серьезными свидетелями была отвергнута как несостоятельная. Машина уже проехала, Освальд просто даже практически попасть не мог. Смертельное ранение было в горло, а не в голову, и было произведено не сзади, а спереди. И полицейский офицер, поначалу которому доверили (я подчеркиваю, поначалу доверили расследование), показал мне водопроводный люк, из которого были сделаны смертельные выстрелы. И очевидно, убийцы по трубам и ушли.

Освальд, действительно, стрелял, но он был участник заговора, может быть, втемную, он был подсадная утка. И то, что речь сразу официальная была об убийце-одиночке, это было отвергнуто в тот момент, в те первые дни целой группой серьезных свидетелей. Причем я был счастлив, что поторопился, потому что значительная часть людей, с которыми я разговаривал, при странных обстоятельствах практически в течение месяца-полутора уходили из жизни. Погиб и этот полицейский офицер, погиб шофер, который доставлял Освальда на такси от книгохранилища к его дому. В конце концов, общее число погибших в течение двух-трех месяцев свидетелей, которые выступали, могли выступить по этому делу, превысило 50 человек, включая самого Освальда, который был убит практически на следующий день в полицейском участке, куда посторонним доступа не было.

Но убийце Освальда доступ был, и Освальд был среди тех свидетелей, которые погибли. И уже это обстоятельство свидетельствует о том, что речь идет не об убийце-одиночке, а о хорошо организованном обширном заговоре.

Хочу отметить, что заговор этот в шибко демократической и соблюдающей законы и права человека Америке не раскрыт по сей день. В архивах, в подвалах министерства юстиции хранятся запечатанными 67 ящичков показаний официальных свидетелей, которые допрашивались так называемой комиссией Уоррена. Уоррен — член Верховного суда, которому было поручено вести расследование.

Так вот документы, свидетельские показания и сегодня в запечатанном виде в ящиках хранятся в министерстве юстиции, и никто к ним не имеет доступа и по сей день.

Кстати говоря, затем, когда последовало убийство Роберта Кеннеди, это все тот же заговор, потому что Роберт Кеннеди фактически уже был на пороге Белого дома в ходе избирательной кампании и в ходе кампании говорил, что первое, чем он займется, — это расследование убийства брата. И на пороге буквально Белого дома в отеле Амбассадор в Лос-Анджелесе был сам убит. Так вот его убийца Серхан Серхан жив, сидит в Лос-Анджелесской тюрьме в камере-одиночке и тоже не подвергается никаким допросам, и совершенно очевидно, что меняющие друг друга президенты — республиканцы, демократы — никаких усилий для того, чтобы раскрыть это убийство века, не предпринимают.

— У вас, наверняка, есть какое-то объяснение этому обстоятельству. Сложно поверить, что на протяжении полувека есть какое-то лобби, которое не позволяет раскрыть главам государства эти архивы. В чем здесь может быть дело?

— Тут может быть несколько причин. Главная причина в том, что за заговором

стояли чрезвычайно могущественные силы, которые и сегодня весьма могущественны в США. Тут я должен вернуться к тому заговору, который привел к убийству Кеннеди. Раз был заговор, были заговорщики. По моей версии и версии, которая поддерживается серьезными исследователями, во главе заговора стоял Гарольд Лафайет Хант. Это человек, первый человек, который получил состояние в миллиард долларов. В Америке тогда его так и называли «Мистер Миллиард». Он возглавлял группу техасских нефтяных королей в 1960 году.

На выборах, которые только что прошли, мы с вами видели, кандидаты были определены заранее. Все знали, что кандидатом будет Обама от демократов, заранее выиграл праймериз Ромни. В 1960 году демократы не могли определить кандидата до последнего дня съезда Демократической партии, шла острая борьба. Техасская группа во главе с Хантом выдвинули, что называется, своего человека, сенатора от Техаса, человека, всю карьеру которого оплачивал Хант, Линдона Джонсона. А северный банкир Уолл-Стрит выдвигал кандидатуру Кеннеди. Образовался тупик, который был разрешен компромиссом: договорились, что на пост президента выдвигают демократы Джона Кеннеди, а Линдона Джонсона — на пост вице-президента.

По моей версии, это была многоходовка Гарольда Ханта, начавшего свою игру, которую он завершил 22 ноября 1963 года. Когда, в общем, избирательная кампания шла таким образом, что Кеннеди не было никакой необходимости приезжать в Техас, но каким-то образом его залучили в Техас, в Даллас, везли его по маршруту, несмотря на требования охраны, в открытой машине, и маршрут его, как выяснилось, был известен.

И по американской Конституции на смену ушедшему, умершему или убитому президенту автоматом становится вице-президент, и Линдон Бэйнс Джонсон, ставленник Гарольда Лафайета Ханта, которого он не сумел продвинуть в 1960 году в президенты, в 1963-м стал президентом США.

Хант свою игру сыграл. Организовано это было, конечно, очень искусно. И не случайно я возвращаюсь к этой цифре: больше 50 человек, которые свидетельствовать могли, в течение 1,5 месяцев при странных обстоятельствах — автомобильные катастрофы, странные инфаркты, много странных необъяснимых обстоятельств — были убраны. Комиссией, которую назначил Линдон Джонсон, была выдвинута официальная версия об убийце-одиночке. О заговоре в официальной версии не говорилось тогда, не говорится и сегодня.

Валентин Зорин: «Раз был заговор, были заговорщики. По моей версии, во главе заговора стоял Гарольд Лафайет Хант. Это первый человек, который получил состояние в миллиард долларов. Он возглавлял группу техасских нефтяных королей в 1960 году»

«...И ЧТО ПОДУМАЛИ В МИРЕ О СТРАНЕ, ГДЕ ПРЕЗИДЕНТОВ СТРЕЛЯЮТ КАК ЗАЙЦЕВ?»

— **Ведь тогдашний директор ФБР через два дня после убийства имел телефонный разговор с Джонсоном и говорил буквально то, что ему требуется «что-нибудь, что можно было бы предоставить публике в качестве доказательства того, что убийца был именно Освальд и он был одиночкой».**

— Вы очень уместно упомянули Гувера, который был смертельным врагом Джона

Кеннеди, либо имел какое-то причастие к заговору, либо, что больше похоже на правду, мягко выражаясь, не стремился раскрыть истину...

Я хочу напомнить, что представители тexasской нефтяной группы были президентами США. Буш-старший, который был тexasским нефтепромышленником и свои миллионы сколотил на тexasском нефтяном бизнесе, Джордж Буш-младший, тоже тесно связанный с тexasской этой могущественной группой. И, между прочим, в команде Ромни, которая боролась в этом году за президентский пост, была большая группа сотрудников и папы, и сына Бушей, ставленников все той же группы. Вот вам один из ответов на вопрос, почему в подвалах министерства юстиции лежат 67 нераспечатанных ящиков, и неизвестно, сколько они еще будут лежать, потому как никаких признаков ослабления влияния тexasской группы, одной из трех самых могущественных монополистических объединений США, пока нет. Это одна из причин.

Еще одна причина может состоять в следующем. Я был в первом выпуске МГИМО, когда только начинался этот институт. Вот в 1945 году замечательный наш ученый (к сожалению, его часто сейчас не поминают) Лев Николаевич Иванов прочитал нам лекцию, где доказывал, что за две недели до победы Рузвельт скончался вовсе не своей смертью. У него была целая система аргументов. Когда Трумэн пришел к власти, Рузвельта поспешно похоронили, не осуществив необходимого вскрытия. И когда семья потребовала от Трумэна провести эксгумацию и вскрытие, Трумэн отказался. Когда пришел к власти следующий президент Эйзенхауэр, семья повторила свою просьбу — Эйзенхауэр тоже отказался. Когда к власти пришел демократ Кеннеди, который говорил, что он ученик и последователь Рузвельта, семья обратилась к нему с этой просьбой. И Кеннеди тоже отказался это сделать.

В 1961 году мне довелось быть среди группы журналистов, сопровождавших Хрущева на Венскую встречу с Кеннеди. Ну группа была не такая, как сейчас, нас было всего четверо — корреспондент «Правды», «Известий», ТАСС и Гостелерадио. И во время этой встречи мне удалось подойти к Кеннеди после первого заседания с вопросом. Я спросил у президента, почему он отказывает семейству Рузвельта в расследовании, в эксгумации. Кеннеди, в общем, был недоволен, конечно, таким вопросом, не ожидал его, но, помолчав, сказал: «Ну вопрос задан, надо ответить. Допустим, мы вскроем могилу. Допустим, обнаружим следы яда. Великого президента Америке не вернуть. А что подумают о нашей стране, где президентов травят как крыс?» Он ответил, что он оберегает честь страны в глазах мирового общественного мнения.

Ну Кеннеди оставалось жить тысячу с небольшим дней. И что подумали в мире о стране, где президентов стреляют как зайцев?

— Как тогда реагировало американское общество, в том числе на многочисленные странные смерти свидетелей? И каково отношение сейчас? Неужели это все как-то замаялось и забылось? Мне с трудом верится в то, что американцы могут просто так оставить этот вопрос без какого-то движения...

— Вы знаете, мы с вами живем в мире, где общественное настроение создается СМИ и прежде всего радио и телевидением. Так вот, конечно, интеллектуальная элита американская ни в грош не ставит официальную версию комиссии Уоррена — слишком много нестыковок, история с массовой гибелью свидетелей, ну и многое другое. Но

прошло много лет, и вот будет... Я даю вам гарантию, что в эти дни в американской прессе, на телевидении и радио если и мелькнет эта тема, то где-нибудь очень на заднем плане. Потому что (опять возвращаюсь к тому, что сказал) слишком могущественны силы, которые стоят за этим преступлением века, и их влияние велико не только на коридоры власти вашингтонские, но и на американскую очень свободную прессу.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЭТА ТАЙНА ВЕКА ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ТАЙНОЙ?..

— **А что вы скажете о других версиях? Существовали, к примеру, предположения о том, что к убийству могли быть причастны советские спецслужбы.**

— Ну эта версия была подброшена как раз Гувером. Они попытались использовать тот факт, что Освальд какое-то время жил в Советском Союзе, в Белоруссии, женился на советской гражданке. Но это настолько было грубо сделано, что могу сказать, что эта версия очень быстро ушла в песок. И сегодня в обширной литературе она практически не упоминается. Я не хочу показаться нескромным, но ту версию, которую я изложил с тexasским следом и с Хантом, о которой написал книгу, она американскими специалистами, в общем, среди тех версий, которые и сегодня признаются как вполне возможные. Результаты того журналистского расследования — это было не мое личное дело, потому что все материалы моего расследования не только были изложены в моей книжке, которая называется «Мистеры миллиарды», но они шли по нашему телевидению. Это было достаточно широко известно, и это одна из версий, которая считается достойной внимания, скажем так.

— **Вы во время расследования сталкивались с какими-то преградами на своем пути? Мешали ли вам власти, полицейские?**

— Вы знаете, я чувствовал преграды на своем пути все годы своей работы в США в качестве советского корреспондента. Но вот здесь в этот специальный момент поначалу даже было удивительно, что мне удавалось, причем не просто разговаривать, а это оператор наш снимал на пленку, это шло в эфир. Но я это могу объяснить состоянием полной растерянности, в которой оказались тогда те, кому было положено, в общем, не допустить меня в Даллас и к этому расследованию. Очевидно, это был серьезный прокол американских спецслужб.

— **С публикацией вашей книги в США не было никаких проблем? Можно это предположить вполне, что тexasская группировка не хотела, чтобы такая версия, которая делает их виновными в произошедшем, распространялась.**

— В то время столько книг выходило на эту тему... Ну и эта выходила. Это их инициатива. Кстати, демократ Обама, который очень почтительно говорит о Джоне Кеннеди, любит на него ссылаться, тоже не попытался, за первые четыре года своего президентства не предпринял никаких усилий, ну хотя бы чтобы вернуться к этим 67 ящикам.

— **Возникает вопрос: насколько вообще возможно когда-нибудь раскрытие этого преступления? Потому что если уже полвека существует какая-то группировка, которая не подвластна даже главе государства американского...**

— Ну что значит «не подвластна», если оба Буша — выдвиженцы этой самой группировки?

— **Да, но сейчас у нас уже пятый год как Обама — президент (демократ)...**

— Но когда стали пытаться его заменить Миттом Ромни, то оказалось, что в окружении Митта Ромни и организаторы кампании Республиканской партии — все те же самые люди. Так что никуда они не делись. А по поводу того, когда-нибудь раскроется или нет, вы знаете, я историк и могу вам сказать, что история меряет не годами и даже не десятилетиями. Конечно, безусловно, рано или поздно эта тайна века перестанет быть тайной. И потому, что уходят люди, которые крайне заинтересованы в том, чтобы это была тайна, и потому, что, как свидетельствует история, такие тайны никогда не остаются, в конце концов, тайнами.

От редакции: В кратком интервью профессор Зорин, конечно же, не рассказал о многих фактах, заслуживающих внимания. Обратим внимание читателей на следующее:

1) Даже по любительскому фильму Запрудера, единственному кинодокументу, запечатлевшему убийство Кеннеди, нетрудно заметить, что выстрелов было как минимум два, причем один из них был произведен сзади, а другой — спереди. Хорошо видно, как после первого выстрела президент внезапно склоняется вперед, хватаясь за грудь, и к нему наклоняется жена Жаклин — это было ранение в спину. Затем президента резко бросает назад — это был выстрел спереди в голову. Этим выстрелом у Кеннеди снесло верхнюю часть черепа. Это ее, упавшую на багажник автомобиля, хватает Жаклин, потянувшись назад. Этот выстрел был смертельным.

2) Существует признание мафиозо Джеймса Файлза, сделанное в 1994 году в тюрьме, где он отбывал срок за убийство полицейского. Файлз признался, что именно он был тем стрелком, который находился за забором на холме по движению кортежа, и именно он произвел смертельный выстрел, снесший верхнюю часть черепа президента. Файлз не знал, конечно, заказчиков убийства, но назвал людей из мафии и ЦРУ, которые его организовали. Признания Файлза до сих пытаются опровергнуть, однако не существует никаких доказательств, что он солгал. Напротив, его признание соответствует всем фактам. Сильнейшим доказательством искренности Файлза является найденная на холме за забором, откуда он стрелял, помятая гильза. Ее происхождение было непонятным до признания Файлза, который сообщил, что надкушенная гильза от смертельной пули была его фирменным знаком, который он всегда оставлял на месте очередного убийства.

3) Кеннеди был не просто убит, а ПУБЛИЧНО КАЗНЕН. Если бы его нужно было просто убрать, чтобы освободить дорогу Линдону Джонсону, то это всегда можно было сделать тихо и незаметно, как это было проделано с Рузвельтом, о чем убедительно пишет профессор Зорин. Организация публичной казни свидетельствует о том, что Кеннеди совершил некие очень серьезные прегрешения, за которые, по мнению американской, а возможно, и мировой элиты, заслуживал смертной казни. Можно предположить, какими были эти прегрешения:

- Кеннеди не сумел уйти от Кубинского кризиса, спровоцированного Хрущевым, и тем самым поставил мир на грань ядерной войны. Если американская и мировая элита чего-нибудь до смерти боится, так это как раз ядерной войны, ибо никто не будет разрушать собственными руками с таким трудом созданный рай. Возможно, отстранение от власти Хрущева через несколько месяцев после убийства Кеннеди — не случайность, а результат договора между советской и американской элитами, которые после Кубинского кризиса НИКОГДА более не приближались к ядерной войне.

- Кеннеди собирался отобрать у ФРС право печатать доллары.
- Кеннеди публично обещал «разбить ЦРУ на тысячу кусков».

Роберт Кеннеди собирался сделать с ЦРУ и ФРС то же самое, плюс расследовать убийство брата, за что также был публично казнен.

У нашего поколения есть свои идеи и идеалы¹⁰⁷

Советский политический обозреватель. В 1970—1980-х годах — ведущий телепередач «Сегодня в мире», «9-я студия» и «Международная панорама». Профессор Института США и Канады Российской академии наук.

– **Валентин Сергеевич, простите за вопрос, вы не чувствуете сегодня себя человеком прошлого?**

– Сложный вопрос. Давайте расшифруем – что вы имеете в виду под прошлым. Я глубоко убеждён, что как и Бовин Александр Евгеньевич, и Александр Николаевич Яковлев, и Примаков Евгений Максимович, мы начинали то, что вы называете настоящим.

Мы – шестидесятники. Хотя молодые люди почему-то считают, что к ним нужно относиться без должного уважения, что они свалились с Марса и начинали с чистого листа. Но ни в политике, ни в истории ничего с чистого листа не начинается. Шестидесятники были в более трудном положении, чем нынешние реформаторы. Они ошибаются, но они свободны. А шестидесятники начинали борьбу с тоталитарной системой в условиях существования самой системы. Сегодняшнее поколение имеет свои корни в том самом прошлом. Поэтому если бы вы беседовали не со мной, а с редактором «Общей газеты» Егором Яковлевым, то вы не задавали бы ему такого вопроса, «Общая газета» – один из самых прогрессивных органов демократической России...

– **Простите, я не хотел обидеть...**

– Я не обижаюсь, при чём тут обида? Я стараюсь прояснить дело и готов подискутировать, кто больше представляет настоящее – Егор Гайдар, Немцов или Егор Яковлев.

107 [Валентин Зорин](#) / [Daily Talking](#), 2000-07-12, [Андрей Морозов Политика](#) / опубликовано [02.12.2009](#) // <http://www.dailytalking.ru/interview/zorin-valentin-mihaylovich/30/>

Да, есть личные судьбы. Кто-то сдал по физическим параметрам, кто-то не в состоянии преодолеть то воспитание, которое мы получили. Но, тем не менее, и Александр Яковлев, и Бовин, и Егор Яковлев вполне вписываются в сегодняшний день. Возвращаясь к разговору о шестидесятниках, хочу сказать, что без деятельности Александра Яковлева, Николая Иноземцева, Примакова не возник бы Горбачёв.

– **Если позволите, я немного конкретизирую свой вопрос. В прошлом были другие условия работы журналистов, сейчас коллеги работают на интересы различных коммерческих структур...**

– Это есть.

– **А вам сегодня не приходится «обслуживать» чьи-то интересы?**

– Группа моих единомышленников и близких товарищей – Примаков, Бовин, Александр Яковлев, Егор Яковлев – стараемся служить идее, в которую верим. Сейчас немодно говорить об идеях, об идеалах, но пройдёт время – и это будет осуществление необходимости. У нас есть свои идеи и свои идеалы. То, что Россия вырвалась из тоталитарной системы, не заслуга неизвестно откуда появившихся молодых реформаторов. Это нормальный процесс, тут есть и связь поколений.

Если же говорить о моей творческой жизни, то я ведь не только журналист, но и учёный. Я один из тех, кто создавал Институт США и Канады. По сей день являюсь профессором этого института.

– **Наука в советские времена тоже была, пардон, немного конъюнктурной.**

– Она была разная. Были докторские диссертации, посвящённые становлению партийной организации в Рязанской области в 1952–1958 годах. А были такие монографии, которые писал Примаков, и их сочли нужным сделать обязательными для сегодняшних аспирантов.

Те, кто хочет перечеркнуть всю науку того времени, ошибаются. Я приведу вам в пример один из серьёзных документов, который пользуется сегодня большим вниманием. Это исследование Фонда Горбачёва о насущных проблемах и проблемах завтрашнего дня. Этой серьёзной работой руководил Георгий Шахназаров, учёный, добивавшийся высоких степеней в прошлые времена, работавший в ЦК КПСС. Другой пример – академик Примаков. Когда был директором Института мировой экономики и международных отношений, то он долго бился за создание политологии. А политология в те времена находилась в ряду буржуазных наук, таких, как генетика, кибернетика. «Какая политология, когда есть марксизм-ленинизм?!» Но Примаков всё-таки добился создания в рамках Академии наук отделения политологии.

В общественной науке были пономари, дьячки, которые читали заученные цитаты. Но были и такие учёные, как Иноземцев, Арбатов, Примаков, чьи работы актуальны и сегодня. Это они стали в брежневские времена бить тревогу по поводу технологического отставания Советского Союза. Секретарь ЦК КПСС Зимянин возглавил кампанию травли Иноземцева, которая этого героя войны и директора Института мировой экономики довела до могилы. Его просто затравили.

Да, в прошлом была лженаука. Но заниматься ею в физике или в математике было сложно. А в общественных науках было очень легко стать доктором наук, написав про историю становления парторганизации в Рязанской области. Такие диссертации в

Академии общественных наук защищались пачками. Но можно было становиться докторами наук и с такими работами, как у Примакова или Александра Яковлева. Мне лично помогало то, что я выбрал не политическую тему, а структуру американских монополий.

– Под каждой эпохой подводится итоговая черта. Такая черта проводилась и в годы перестройки. Я помню, как в 89-м году Владимир Познер предложил своим коллегам покаяться перед зрителями. Так же отчётливо помню и то, что покаяться перед советскими телезрителями только он и вы.

– Каяться – это правильно. И очень плохо, что не раскаялась партия. Сегодняшние лидеры компартии прибегают к обтекаемым формулировкам, но, в общем, отстаивают то же самое, что было во времена КПСС. Если говорить о научной деятельности, то почвы для покаяния у меня нет. Что касается журналистики, у меня никогда не было своего радио и собственного телевидения. Я работал на государственном телевидении и, следовательно, был в определённых рамках. Эти рамки заставляли меня делать то, что потребовало покаяния.

Но в то же время я могу сослаться на конкретные вещи. Была такая передача – «9-я студия», которую я вёл пятнадцать лет. В ней принимали участие самые видные политические деятели. Мы работали на грани дозволенного, «9-ю студию» закрывали шесть раз.

Приведу пример, когда эту передачу закрыл лично Михаил Андреевич Суслов. В то время господствовал лозунг, что в атомной войне капитализм погибнет, а социализм – нет. Вот вы смеётесь, а знаете, как тогда на меня «наехал» Суслов! А причиной послужило следующее. В передаче принимали участие дважды лауреат Нобелевской премии американский учёный Бернанд Лау и наш академик Евгений Чазов. Во время этой передачи Чазов бросил ставшую впоследствии знаменитой фразу о том, что радиоактивный пепел социализма ничем не будет отличаться от радиоактивного пепла капитализма. На следующий день меня вызвал Суслов и сказал: «Ты что, хочешь разоружить нашу армию? Как мы должны воспитывать наших солдат, если будем им говорить, что надеяться не на что и в атомной войне все погибнем? Это антисоветская позиция». И закрыл «9-ю студию». Но пользуясь тем, что Чазов был лейб-медиком Леонида Ильича, в подходящий момент он поговорил с ним, и передачу после трёхмесячного перерыва снова открыли. Так что мы работали на грани фола, используя все возможности для того, чтобы говорить правду.

– То есть вы понимали, что в той системе было много маразма?

– Естественно, понимали! У меня была серия фильмов об Америке «Куда ведут дороги Лос-Анджелеса». Когда фильм прошёл, меня вызвал Лапин (председатель Гостелерадио СССР. – Авт.) и говорит: «Ты за кого нас держишь? Ты говоришь правильные слова, но что показываешь? Ты показываешь дороги, которых в России не будет и в двадцать первом веке! Кто же тебя будет слушать, когда ты показываешь такое!» Я был вынужден говорить какие-то слова, но при этом старался показать людям такую Америку, какая она есть.

Некоторое время назад один из телекритиков обвинил меня в том, что я чернил Америку. Я не стал посылать в эту газету опровержения. Я просто отправил туда фотографию, где меня обнимает президент США Ричард Никсон. Думаю, что президент США с такой

улыбкой не станет обнимать человека, который чернит Америку. Кстати, у меня и сегодня самые добрые отношения с Эдвардом Кеннеди и Генри Киссинджером. Разве это не доказательство того, что они понимали, в каких рамках я находился, но при этом не чернил их страну? И, кстати говоря, я находился в значительно более сложных условиях, чем некоторые сегодняшние коллеги, которые распускают розовые слюни про Америку и показывают её совсем не такой, какая она есть. И если вернуться к теме покаяния, то ещё надо подумать: не нужно ли нынешним журналистам, пускающим подобные слюни, покаяться?

– **Но ведь вам, наверное, было бы проще показывать и рассказывать то, что хотел видеть и слышать тот же Сулов?**

– Конечно, было бы проще! И не было бы никаких проблем. Но я ещё раз говорю: и в партии, и в обществе была группа людей, которая не сразу, но постепенно увидела загнивание системы. Мы, шестидесятники, не ставили вопроса об отказе от социализма. По большому счёту, отказываться от этой идеи нельзя ни сегодня и ни завтра, потому что сама идея, не извращённая толкователями, она извечная, заложена ещё Иисусом Христом. Это та самая идея справедливого общества.

– **Но в СССР никогда не было справедливого общества.**

– Но стремиться к этому нужно. Тогда не только мы думали о «социализме с человеческим лицом», но и Дубчек. И Михаил Сергеевич Горбачёв не выступал против социализма. Он и сегодня пытается создать мощную социал-демократическую партию. Между прочим, в Швеции уже сорок лет руководят социал-демократы, и их общество более справедливо, чем, скажем, в США, оно значительно серьёзнее защищает интересы человека труда.

Во всяком случае тогда среди нас не было людей, которые выступали бы за капиталистический свободный рынок. Но появление таких идей я считаю нормальным развитием. Только вот капитализм надо строить не дикий, не базарный, какой создали наши молодые реформаторы. Помните знаменитую сцену одновременной игры Остапа Бендера в Васюках? Так вот, Гайдар и компания разыгрывали дебют Бендера, считая, что первый ход не несёт им никаких неприятностей. Последствия точно такие, как у Бендера: он убежал с криком «Пижоны!», а Гайдар сегодня – политический труп.

– **Ваш коллега Александр Бовин говорил мне, что в ЦК КПСС рассказывали анекдоты про советскую власть. Вы утверждаете, что говорили «нужные» слова, но при этом показывали красивые и удобные американские дороги. Это что, такое хулиганство было в добром смысле этого слова?**

– Естественно, был журналистский азарт! Но движущим всё-таки было не желание выпендриться, а определённые идеи. В том же фильме «Куда ведут дороги Лос-Анджелеса» был сюжет про платные автострады. В тексте, вышедшем в эфир, были слова: «Конечно, плохо, что прибыль с этих автострад получает частная компания, но, с другой стороны, почему бы нам не подумать, что лучше: платить за хорошие дороги или разбивать технику на наших дорогах?» Следовательно, это был не просто показ Америки, это – мысль. Эти передачи смотрели миллионы людей, и они влияли на общественное мнение. Ведь и Горбачёв возник не как чёртик из бутылки, а на определённом этапе созревания общественного мнения не только в стране и партии, но и даже в ЦК КПСС.

– **Валентин Сергеевич, как вы думаете, почему мы не смогли воспользоваться той**

свободой, которую дал нам Горбачёв? Мне кажется, что все наши последующие беды возникли именно из-за этого.

– Вы правы. Я думаю, что это беда России. Вы знаете, свобода – это как английский газон. Когда садовника Гайд-парка спросили: «Как вы добились такой травы?», он сказал: «Это очень просто – триста лет стрижем и поливаем». Сто пятьдесят лет назад Россия была страной рабов. А что для истории сто пятьдесят лет? Считать, что без трёхсот лет «стрижки и полива» наше общество было готово воспользоваться тем, что дал Горбачёв, нельзя. Была просвещённая часть общества – Сахаров, Солженицын. Но была и народная толща. К чему я это говорю? Посмотрите на результаты последних выборов – сколько миллионов людей проголосовало за коммунистов! Это же сегодняшняя реальность! И ведь они голосовали не за коммунистов типа Примакова или Яковлева, которые хотели реформировать страну, а за коммунистов типа Макашова, типа Лукьянова. Скажите, вас не шокирует количество людей, голосующих за Жириновского? Это тоже сегодняшняя Россия.

– Не кажется ли вам странным, что и в русском фольклоре, и в литературе – постоянное стремление к свободе, но герои народные – то Стенька Разин, то Пугачёв? А ведь кто они? Разбойники. С другой стороны, народ опять мечтает о «железной руке» и бабульки до сих пор бегают с портретами Сталина, хотя их внуки ездят на «мерседесах».

– У нашего народа такой менталитет – свобода часто понимается как вседозволенность. А свобода в широком понимании этого слова – это самоограничение, это сочетание своей свободы с уважением к обществу. Нам же в России в трактовке свободы свойственен анархизм. Не случайно же один из лозунгов времён гражданской войны был «Анархия – мать порядка».

Я не знаю, по какому пути пойдёт наш новый президент, но глубоко убеждён, что его феерическая карьера и фантастический взлёт из политического небытия на роль главы государства связаны с тем, что, побарахтавшись десять лет в условиях такого понимания свободы как беспредел, народ тянется к порядку. В исследованиях Фонда Горбачёва, о котором я уже говорил, сказано о необходимости «ограниченного авторитарного управления». Интересно, что слово «авторитарный» произносит Горбачёв. Другой вопрос – какой реальный смысл мы подведём к слову «ограниченный»?

– Валентин Сергеевич, вы много лет проработали в Америке, знакомы с пятью президентами США, другими известными политиками. Скажите, неужели правда, как утверждают наши патриоты, что Америка хочет развалить Россию? Многие ещё помнят такого антисоветчика Бжезинского, который просто мечтал о развале не только Союза, но и России.

– Хороший вопрос. Но, во-первых, скажем, что поиск внешнего врага – это тоже наша традиция. Это тоже наш менталитет.

Бжезинский – очумелый, бешеный человек, который не сумел – извините, я не националист, но в данном случае это именно так, – преодолеть своего польского синдрома, извечной польской ненависти Польши к России. Это зоологический и патологический тип. К сожалению, умный, талантливый, но зоологически ненавидящий не Советский Союз, а Россию. Но Бжезинский – это крайности, однако он играет роль и очень влияет на Джорджа Буша, который может стать президентом.

Наиболее серьёзные и глубоко мыслящие политики понимают, что поработить Россию

просто невозможно, что лучше Россия, в которой есть порядок, нежели Россия разваливающаяся.

– **Но ведь, как утверждают те же патриоты, американцы разрушили Советский Союз.**

– Ничего они не разрушали. Он сам разрушился. Потому что он базировался на идее, которая себя исчерпала.

– **Я уже упоминал о вашем знакомстве с пятью президентами США. Скажите, как мог Рейган в своём обращении к нации сказать, что он отдал приказ о бомбардировке «империи зла»? Помните, был ещё крупный скандал по этому поводу? А он ещё говорил, что пошутил.**

– Это не шутка. Такими вещами не шутят. Рейган не был крупным политиком и сгоряча мог брякнуть что угодно. Но, знаете, даже при всевластии президента США никакому президенту не под силу исполнить подобный приказ. В Америке достаточно надёжная система контроля над ядерной кнопкой.

– **Я ещё помню, как на школьной политинформации лектор из райкома партии рассказывал нам, что Рейган бывший актёришка, что у него один глаз совсем не видит, что он глуп и даже не может показать на карте, где находится Афганистан.**

– Говорить могли что угодно. Он был, конечно, не политиком масштаба президента США, но он был умным, красноречивым и обаятельным. Обаяние у него было голливудским. Дело не в том, мог ли он показать на карте Афганистан. Я не уверен, что многие наши политики, если подвести их к карте, сразу покажут, где находится Афганистан.

– **Валентин Сергеевич, а как получилось, что вы стали заниматься политикой, журналистикой?**

– Очевидно, склонность. А дальше – цепь счастливых случаев. Я выпускник первого набора МГИМО. Он тогда не был таким аристократическим и элитарным. Мне ужасно повезло с учителями, ведь институт создавался по идее Молотова и учить нас заставили все самые лучшие научные силы Москвы.

Потом в институте я был редактором стенной газеты «Международник». Она была многометровой, и через мою редакцию прошли люди, которые потом стали звёздами первой величины советской журналистики, – Станислав Кондрашов, Марк Виленский. Я одно время говорил, что мой «Международник» дал журналистов больше, чем факультет журналистики.

– **Когда я читал ваше досье в интернете, то узнал, что в начале вашей карьеры вам очень мешала ваша национальность.**

– Да, моей карьере мешало то, что в паспорте в графе «Национальность» было написано «еврей». У меня папа – русский, а мама – еврейка. Когда приблизился год окончания института, началась борьба с космополитизмом. И эта запись в паспорте создавала мне очень много сложностей в те времена. Но она же имела и положительное значение в моей карьере, потому что не будь такого сопротивления среды, я не стал бы в тридцать три года доктором наук. Именно потому, что мне нужно было преодолевать, я делал больше, чем делали мои сверстники.

В годы борьбы с космополитизмом меня пытались исключить из партии за еврейский буржуазный национализм, который выразился в том, что я «отказался» от своего русского отца. Ведь я же мог записать в паспорте, что я русский, но написал «еврей». Мне

говорили: «Ты еврейский язык знаешь?» «Нет», – говорю. «Так почему же ты написал в паспорте, что ты еврей? У тебя же отец русский!»

– **И вы об этом сейчас говорите с улыбкой?**

– Это закалило мой характер и помогло мне более целеустремлённо заниматься работой.

Александр Каверзнев

Александр Александрович КАВЕРЗНЕВ, (16.06.1932 — 29.03.1983), русский тележурналист, один из ведущих очень популярной в свое время программы «Международная панорама», автор захватывающих сюжетов из самых разных точек планеты.

На телевидении в 70-80-е годы ушедшего столетия Александр Каверзнев был, пожалуй, лучшим политическим обозревателем. За свою достаточно недолгую творческую жизнь он сумел создать множество прекрасных телепередач, фильмов, политических репортажей. Журналистские маршруты Александра Каверзнева пролегали по всему миру. Польша, Болгария, Чехословакия, Румыния, ГДР, Вьетнам, КНДР, КНР, Куба – вот далеко не полный перечень стран, в которых он работал. Последней командировкой журналиста стал Афганистан, где к тому времени уже пятый год военнослужащие Советской армии выполняли интернациональный долг. Как человек творческий и активный Каверзнев хотел на месте событий попытаться понять – зачем мы там...

В феврале-марте 1983 года он снял фильм, который его друзья назвали «Афганский дневник», - рассказ о войне, ставший откровением для большинства телезрителей Советского Союза. Его показали в июне 1983 года, но автор не успел его увидеть: после возвращения из командировки он неожиданно скончался спустя 6 дней. Сначала говорили, что причиной смерти стала неизлечимая экзотическая болезнь, но в 2005 году родным сказали, что журналист был отравлен в Афганистане. Фильм закончили друзья и коллеги Каверзнева Ф. Сейфуль-Мулюков и Л. Золотаревский. За основу фильма были взяты дневники журналиста.

За творческие успехи А. Каверзнев был удостоен Государственной премии СССР и Международной премии и медали Юлиуса Фучика.

Последняя командировка Александра Каверзнева

В июне 1983 года по Центральному телевидению показали фильм Александра Каверзнева «Афганский дневник». Он вышел на экраны уже после смерти автора. Талантливый журналист скоропостижно скончался в марте 1983-го, через шесть дней после возвращения из командировки в Афганистан. Его смерть до сих пор остается загадкой.

Каверзнев наш земляк, родился в Риге в 1932 году. Родители переехали сюда в 1920-е из большевистского Петрограда. Отец был преподавателем русского языка и литературы, в доме была богатая библиотека. Жили они в Московском форштадте, который летом 1941-го фашисты превратили в еврейское гетто. Отец Александра при новой власти числился в неблагонадежных. Был арестован, попал в Саласпилский концлагерь. Уцелел чудом — немецкий офицер узнал в нем своего школьного учителя. Мать — Вера Михайловна — видела, как мимо дома гнали колонны еврейских узников. Когда конвоиры отворачивались, украдкой давала им картошку, хлеб...

После войны Каверзнев-старший заведовал кафедрой языкознания в Рижском педагогическом институте. Александр вспоминал, что главное, что ему дал отец — умение самостоятельно мыслить.

Саша поступил в 22-ю среднюю школу. Из этой школы вышло много известных людей. Достаточно назвать Михаила Таля, Михаила Барышникова, банкира Виктора Красовицкого, публициста Отто Лациса, Бориса Пуго.

После школы — учеба на историко-филологическом факультете Латвийского университета. Первой пробой пера стали заметки в газете «Советская Латвия», но в штат он попал в другую газету — «Латвийский моряк». Появилась возможность увидеть мир — корреспонденты этого издания могли бывать за границей. Вместе с газетой пришли и интересные темы — о море, о людях, связанных с ним долгие годы.

С 1959 года Каверзнев — корреспондент Всесоюзного радио в Латвии, а еще через 12 лет — собкор Центрального телевидения в Венгрии. Это и стало поворотным пунктом в его биографии.

— Он был рожден для телевидения и заболел им, — рассказывает рижский историк Олег Пухляк. — И экран ответил взаимностью. Первой крупной работой Александра стала документальная лента о семье Яношик с ее городским укладом и сельскими корнями, с надеждами и политическими страхами после венгерского восстания 1956 года. Первому документальному фильму Каверзнева сопутствовала удача. В 1974 году Александр Каверзнев получил огромную аудиторию как политический обозреватель на ТВ. Начался московский период его жизни. Он первым на советском ТВ вел передачу, прохаживаясь по студии, первым показал в новогоднем выпуске шведскую группу ABBA, за что получил партийный выговор «за отсутствие классового подхода».

А мне вспоминается его репортаж 1980 года из Никарагуа, где свершилась революция. В 1979–80-м об этой маленькой стране в Союзе постоянно говорили — в связи с борьбой повстанцев против президента Сомосы, которого наши СМИ называли диктатором и американской марионеткой. Когда после победы повстанцев Сомоса бежал из страны, Каверзнев снял интересный материал с улиц никарагуанской столицы — Манагуа. Гвоздем сюжета стал автомобиль диктатора, который журналисту предоставили революционеры. Это был шикарный по тем временам

лимузин. Каверзнев даже открыл бардачок и показал водительские права Сомосы...

На Гостелерадио заговорили об «эффекте Каверзнева». Что это такое? Об этом хорошо сказал известный политический обозреватель тех лет Владимир Дунаев. «Доверительность рождается и человеческим обаянием, и внешностью человека, и манерой говорить, то есть прирожденными качествами, подаренными человеку. Это существенная часть секрета каверзневской магии, но не главная. Интеллигентность — вот в чем превосходил он своих коллег. Культура, знания, начитанность, а отсюда и свой особый язык и умение держаться. Он был убедителен, остроумен, беспощаден — но беспощаден логикой и приговором, а не бранью».

«Сказать об Александре Каверзнев, что он был любимцем миллионной аудитории телезрителей — это значит сказать что-то непростительно поверхностное, будничное, — вспоминал его товарищ по журналистскому цеху Константин Цаголов. — Подчеркнуть, что он был талантливым политическим обозревателем? Этого мало, чтобы хоть как-то передать портрет «Сан Саныча», как любовно звали его коллеги. Дело в том, что помимо многих талантов, Александр был наделен непостижимой интуицией и удивительно критическим самоанализом. Он умел настроиться на душевную волну аудитории. Он все время обновлялся, приносил что-то новое в свои выступления, и авторы критических писем, я уверен, просто не поспевали за ним, за этим постоянным процессом обновления, он их опережал. В этом тоже была, если хотите, великая сила и загадка мастерства Каверзнева — не стоять на месте, быть все время в поиске, на «полкорпуса» впереди других».

Куда только не забрасывала судьба выходца из Риги. В Венгрию, Болгарию, Югославию, Китай, Вьетнам, Таиланд, множество других стран. И отовсюду он привозил интересные сюжеты. Среди лучших — фильмы «Кубинские портреты», «Новый год в апреле», «Весна в Пномпене», «На перекрестках Кампучии».

Последней командировкой стала поездка в Афганистан — зимой 1983–го. Константин Цаголов вспоминал, как он сидел с Сашей в номере кабульской гостиницы «Ариана» и слушал его. «Понимаешь, я хочу дать не очередной репортаж об Афганистане. Я хочу создать киноповествование о сложной исторической судьбе народа. Меня интересует картина вширь. Чтобы понять сегодняшний день, я хочу заглянуть в прошлое и будущее, хочу уловить связь времен».

Виктор Окко — корреспондент газеты «Гвардия России» говорил, что Афганистан был особой страной для Каверзнева. Именно ему принадлежат слова о том, что хорошо писать об этой стране и хорошо ее снимать нельзя без искренней любви к афганскому народу. За месяц афганской командировки журналист успел поработать в Джелалабаде, Кандагаре, Пандшере, Кабульской провинции.

Шел 1983 год. С одной стороны официальная оценка драматических событий в Афганистане, с другой — честный, непредвзятый взгляд популярного политического обозревателя, имевшего свою точку зрения на судьбу апрельской революции, которую он хотел провести в документальном фильме, над которым начал работать. Но закончить ленту не успел. Он умер спустя шесть дней после возвращения из Афганистана. Официальная версия — от загадочной болезни. Однако по Москве поползли слухи, что не это стало причиной неожиданной смерти известного

публициста: его отравили. Лишь в 2005 году родным сообщили, что его действительно отравили в Афганистане. Кто — так и осталось загадкой. А после смерти Каверзнева одни утверждали, что это сделали душманы, другие кивали на КГБ. Но нужно ли было КГБ убирать лицо международного телевидения страны? Смысл? Думаю, что со времен Сталина в любой неожиданной смерти известного человека в обществе видели заказное убийство. Отсюда и слухи.

Ленту же «Афганский дневник», которую Каверзнев снимал во время последней командировки, показали по первой программе Центрального телевидения 16 июня 1983 года — в день, когда ему исполнился бы 51 год. Ее закончили друзья и коллеги «Сан Саныча» — Леонид Золотаревский и Фарид Сейфуль-Мулюков. Лично я выключал телевизор, когда вел передачи последний. Даже на фоне остальных пропагандистских они были жутко тенденциозными.

Похоронен Александр Каверзнев на Кунцевском кладбище Москвы. В памяти останутся его фильмы, передачи, непередаваемая манера говорить. Именем журналиста названа одна из малых планет.¹⁰⁸

«Эффект Каверзнева»

1

Сегодня из-за никому не опасной, необязательной, а зачастую, неумной «трескотни» многих телеведущих, а также низкого уровня публикаций в прессе, стабильно уменьшается количество тех, кто верил и верит эфирному и печатному слову. Случается, иные журналисты сами раздражаются от того, что некоторые телезрители и читатели доверчиво и наивно верят СМИ... – как изменилось время! Но, может быть, этот бесхитростный наив и есть остатки того самого «эффекта Каверзнева», которого ощутимо не хватает сегодня нашей прессе, обществу? Веры в честное, ответственное слово, сказанное тонким и образованным журналистом.

С горечью говорит член правления Академии российского телевидения Валентин Лазуткин: Листаю ежегодник «Кто есть кто на российском телевидении» – это уже четвертый выпуск. Появилось много компаний, много проектов. В справочнике несколько сотен новых имен. Но в этом справочнике нет имени Каверзнева, там вообще нет страницы памяти о тех, кто создавал славу нашего отечественного телевидения – и советского, и российского. А жаль!

Масштаб личности Александра Каверзнева и десятилетия спустя после его ухода привлекает многих. Недавно в ЦДЖ собрались совершенно разные люди от генерала армии до историка и филолога, от телеоператора, прошедшего с ним дорогами Афганистана, до молодых артистов, посвящающих ему музыку и стихи, от журналиста

скромной газеты до дипломата... Многие знали его лично, многим так казалось. Это и есть тот самый «эффект Каверзнева», которым окрестили коллеги все, что он делал в тележурналистике. Он был «своим» во всей огромной стране СССР, «входя» в каждый дом, органично и доверительно разговаривая с телеэкрана с людьми. «Александр Каверзнев оставил о себе память как личность неординарная, удивительная, с кем мало кого можно поставить рядом среди телевизионных комментаторов, обозревателей за последние три десятилетия...» (Леонид Кравченко – главный редактор «Парламентской газеты»).

«Эффект Каверзнева» отчетливо ощущается и сегодня. В книге Наталии Ильинской, может быть, впервые, заговорили свидетельства и факты жизни и творчества А. Каверзнева, которые вряд ли могли быть обнародованы в «известные времена». «Каверзнев задумывал фильм-бомбу об Афганистане (вслух делился об этом. – Г.Р.), который произвел бы революцию на информационном поле...» Сам Александр Александрович не раз говорил, что делает свой последний фильм и что уйдет на вольные хлеба, оставив тележурналистику.

Человек и журналист Александр Каверзнев был приближен к Брежневу, к высшему руководству СССР. И, конечно же, многое знал, многое мог. Добавлю от себя: как водится, многим это не нравилось. Ведущий политический обозреватель Гостелерадио СССР, лауреат Государственной и Международной журналистской премии им. Юлиуса Фучика, кавалер орденов и наград многих стран, Александр Каверзнев был опасен: его мнение и влияние на миллионы телезрителей, владение профессией было беспрецедентно.

21 марта, афганский Новый год, 12 часов ночи... Каверзнев со своей группой сидит в аэропорту... Подходит афганский офицер (он хорошо говорил по-русски), спрашивает: «Вы Александр Каверзнев?» – «Да». Офицер предлагает выпить местного бренди. Переводчик Саводян отказывается, Каверзнев с офицером выпили за знакомство. «Уже за несколько дней до конца командировки я стал замечать, что Каверзнев стал чувствовать себя все хуже и хуже...» – вспоминает Саводян. В Москву вернулись 23 марта, а 29 марта он скончался от «какой-то гадости».

Сегодня есть планета, названная его именем, по морям и океанам идет корабль «Александр Каверзнев». Думаю, что продолжатся и встречи журналистов в дни его памяти. По крайней мере, пока живы те, кто «заражен» эффектом Каверзнева.

Афганский дневник¹⁰⁹

Диктор: В начале 1983 года политический обозреватель Советского телевидения и радио Александр Каверзнев выехал в Демократическую Республику Афганистан.

За месяц успел он многое: позади остались сотни километров трудных дорог, неоглядные пространства пустынь, каледоскоп ландшафтов и встреч.

109 Ильинская Н. Я. Александр Каверзнев: Сценарии. Воспоминания. Статьи. – М.: Искусство, 1985

Афганские впечатления воплотились в острые, актуальные репортажи и многие метры киноплёнки, из которой должен был родиться большой публицистический фильм.

Вернувшись, он начал работать над этим фильмом.

В рабочем кабинете Александра Каверзнева остался дневник – подробные записи впечатлений каждого прожитого в Афганистане дня. Этот дневник и стал основой фильма, который закончили его товарищи.

Из дневника.

23 февраля. Прилетели в Кабул. Три месяца не было снега – и вдруг... новогодний какой-то снег, по-прибалтийски мокрый. Устроившись, объехали город, точнее, центр.

...Апрельская революция – часть мирового революционного процесса. Это надо показать.

Главное в условиях Афганистана – земельно-водная реформа.

Родоплеменные отношения выше религиозных. Нет ничего святее и выше закона рода!

Война началась сразу после Апрельской революции. Первым восстало реакционное духовенство. Потом Пакистан, США.

Правительство Амина. Кабул мог пасть через несколько часов, остальные города через пятнадцать минут.

Вмешательство извне.

Теперь положение нормализуется. Мы верим в необратимость Апрельской революции.

Вечер... Воскресенье, 27 февраля.

Два часа назад вернулись с операции.

Сегодня слышал свист пуль. Мы с кинокамерой прошли повыше кишлака Вайгаль и сняли афганскую колонну – шли в затылок, по одному, горной тропой.

Впереди мулла из Вайгаля и еще человек пять горцев. Потом вернулись к месту десантирования, и я наговорил комментарий...

...Сегодня подразделения афганской народной армии установили контроль над этим ущельем. Операция трудная. Механизированная колонна смогла дойти до подножья горы Параничар – высокой горы, почти в три тысячи метров высотой. Дальше десант, сто семьдесят человек, перебросили вертолетом чуть повыше кишлака Регаль, ну а потом и пеший марш, если можно назвать маршем это карабканье. У этой операции еще одна цель: там наверху лежат обломки транспортного самолета. Несколько дней назад, подлетая к Джалалабаду с грузом продовольствия и четырьмя пассажирами, он запросил снижения и пропал, прервалась связь, никаких известий, пока из кишлака Вайгаля не пришел вот этот мулла и не рассказал об обломках, увиденных в ущелье. Люди независимые, они не допускают к себе душманов, сами дают им вооруженный отпор. Что же касается самолета, то полагают, что он мог быть обстрелян неподалеку отсюда душманами, располагающими гранатометами и зенитными орудиями. Стоит задуматься над самым этим фактом. Наличие у противника мощного оружия иностранного происхождения – не доказательство того, что против народного Афганистана из-за границы ведется необъявленная война...

Из дневника.

Очень красиво там, в горах. Горцы производят впечатление честных и гордых людей. Участочки их – изумрудные сейчас, с первой весенней травкой, - производят очень сильное впечатление: сколько поколений, сколько лет и сколько трудов...

Все это крайне живописно на фоне коричневых скал и снежных вершин в прозрачном воздухе. Землица-то эта отвоевана у скал! Особенно красиво там, где ручьи, водопадики, шелест вод.

Очень много гигантских валунов, под ними пещерки, там и прячутся с ружишкой...

В этом прозрачном тихом весеннем дне свистнули пули. Солдаты не шелохнулись. А потом гремел гром, только не весенний; артиллерийская.

Да еще весь день неумолчный стрекот вертолетов, к которому за три дня полетов так привык, что и шумом не считал – тишиной.

Ждали вертолета – и вот тут опять три-четыре пули. Через час выяснилось: один афганский солдат убит, потом сообщили еще об одном. Раненых поболее.

1 марта. Утро. Погоды нет до десяти. Кабул самолеты не принимает. А теперь уже 11.00. Сидим: Кабул закрыт до 15.00.

3 марта. Нам показали видеофильм, сделанный год назад нелегально пробравшимися в Афганистан западными операторами. Я смотрел кадры этого фильма о душманах и решил дать свой комментарий для нашей картины...

...За первые полтора месяца этого года на афганских дорогах были обнаружены тысяча триста сорок восемь мин, заложенных душманами, причем самоделки встречаются очень редко. На обезвреженных минах я видел клейма полутора десятка государств. Кто в первую очередь страдает от взрывов? Водители частных грузовиков, автобусов. Контрреволюции, не без помощи пакистанских властей, удалось разрушить многие традиционные экономические связи, например, нефтепродукты для Кандагара приходится теперь возить из нашей Кушки. Железных дорог в Афганистане нет, речных магистралей тоже. И вот ползут колонны частных бензовозов по семисотпятидесятикилометровому шоссе, которое местами минировано, местами обстреливается.

Шестьдесят-семьдесят бензовозов могут совершить в лучшем случае один рейс за три недели. Надо ли удивляться, что потребности в нефтепродуктах обеспечиваются всего на одну четверть...

Из дневника

В Пакистане душманы проходят подготовительный курс от трех до шести месяцев. Около восьмидесяти лагерей. Инструкторы – американские, пакистанские, египетские, другие тоже.

Засланные сюда группы создают самостоятельные банды с участием пяти-шести человек, знающих местность. Полгода войны в Афганистане – месяц отдыха в Пакистане.

Плата: в Пакистане доллары получают главари. Рядовые члены банды – от них. До четырех тысяч афгани в месяц, если воюют.

Психологический террор: письма-угрозы: «Ходят слухи, что ты то-то и то-то... Прибуди для объяснения. Если слухи подтвердятся – суровое наказание...»

За слушание кабульского радио контрреволюция грозитя в первый раз взыскать с «согрешившего» 10 тысяч афгани, а во второй раз – отсечь ему голову.

Вербовка в банды: прочесывают по ночам кварталы и кишлаки.

Откупиться можно за 60 тысяч афгани (могут только торговцы).

Действия душманов: борьба на коммуникациях – сгоревшие машины, подрубленные столбы... Минная война...

В 1981 году саперы сняли и обезвредили 3,5 тысячи мин, в 1983 году – 6 тысяч.

К началу этого года душманы сожгли половину всех школ страны, более половины больниц, 14 процентов всего автотранспорта, ряд гидростанций.

Горят автобусы, в пламени взрывов гибнут мирные жители, рушатся мосты, опоры электропередач...

Подтаял в горах снег и открылись перевалы, через которые труднодоступные горные тропы ведут из Афганистана в Пакистан. Отсюда до границы километров пятнадцать-двадцать. Двинулись в путь купеческие караваны – все, как обычно с приходом весны, но доподлинно известно, что через несколько дней едва ли не ко всякому каравану, идущему из Пакистана, начнут пристраиваться душманы – враги народной власти. Пойдут они и самостоятельными группами по десять-пятнадцать человек. Хорошо вооруженные душманы будут иметь совершенно точные диверсионные задания: где заложить мины, где подорвать опоры линии электропередач, где учинить террор. За каждую диверсионную акцию они получают по твердой таксе. Так сказать, террор на сдельной оплате...

Из дневника.

Идет схватка за пробуждение умов. Сватка двух укладов жизни. Созидание – против разрушительного террора.

Долина реки Панчшер – «Пять львов». От Кабула по прямой шестьдесят-семьдесят километров.

Уездный центр Анава.

Панчшеру часто не везло: до революции жители этих мест были в роли отверженных в королевском Афганистане. Теперь контрреволюция пытается использовать географическое положение и традиционную настороженность панчшерцев по отношению к центральной власти в своих корыстных целях.

Ситуация здесь сложная – часто трудно сразу определить, где друг, а где враг. Многие находятся как бы посередине.

Оперативная группа (усиленный парашютно-десантный батальон). Высота 1800 метров.

До первых домов Анавы метров 600, справа от дороги – полк афганских «коммандос», слева, на ближайшей горке, перед высокими горами – батальон царандоев, народной милиции.

В Анаве народная власть, то есть тех самых людей, которых мы потом донимали вопросами в доме под партийным флагом.

Секретарь партийной организации Анавы товарищ Абдулла Мухаммед-Реза. В Панчшерской деревне окончил начальную школу, поступил на технический факультет в

Кабуле, несколько лет работал на авторемонтном заводе. Сейчас ему тридцать лет, в партии тринадцать лет. Женат, шестеро детей. Семь месяцев назад возглавил здесь парторганизацию. Все местные руководители – выходцы из Панчшера. Как их тут встретили? Когда пришли, в селении было лишь четыре старца, которые не могли ходить. Остальные ушли в горы. Уходили с семьями – с женами, с детьми, со скотом. Жили в пещерах за горой. Условия были ужасные: мерзли, голодали, не было лекарств. Многие ушли бы дальше. Они боялись. Им говорили: придут новые власти, вырежут, изнасилуют, убьют...

Теперь люди постепенно приходят обратно. Довольны, как возвращаются.

Приехали партработники сюда без семей. Создали молодежную организацию. Партийная организация выросла за полгода в несколько раз. Много сочувствующих.

Люди обращаются к народной власти – дать еду, медикаменты, семена, удобрения. Есть признаки стабилизации – ступень за ступенью.

Вошли в кишлак, и сразу почувствовали, взглянув вдоль единственной искривленной улицы: возле духанов – возбуждение. С гор пришли человек тридцать, но без оружия. Завидев нас, заволновались, закричали. Мы отступили, остановились. Один пришелец – молодой, обросший черной шелковистой бородой, - замахал руками: «Не надо снимать!» Самое поразительное – они боялись, чтобы мы не обиделись. Еще раз объяснили: «Не надо снимать, а так идите». Мы подумали: «А зачем идти без камеры?» Снимали тайком.

- Он боится, что останутся его фотографии, что попадут они к царандою, если он будет воевать против нас?

- Да, - ответил он с обезоруживающей простотой.

Подошли еще двое: один постарше и один молодой. Он искренне улыбался в ответ, весело, а старший сдержанно-настороженно смотрел, хотя и без злобы: вроде того – «Тебе-то что надо?».

Когда уходили из парткрепости и стали снимать мальчика в воротах, секретарь крикнул: «Оставайтесь внутри и – тихо!» К отдельному духану, стоящему на отшибе, почти что в поел, шли трое, на этот раз с оружием.

Преыдущие страницы мною записаны в той же Анаве – до обеда. Погоды нет. Ночь была – ни зги. У дверей избушки – часовой, в десяти шагах у другой такой же избы – еще один, и дальше десятки у всех ходов и проходов на глубину роста человеческого, прорытых с помощью взрывов в твердой, как гранит, каменистой земле. Все расположение иссечено такими траншеями, даже сортиры упрятаны в них. В земле упрятаны БТР, танки, гнезда, караулки и т.д. – словом, зарылись в камень.

Утром в пять (еще в темноте) заскулил пес, попросился на улицу. Я вышел за ним. Дождь...

После шести открылись горы пониже снежных шапок – густые слоистые облака, от земли туман. Что-то в картине этой напоминало мне далекое, из молодости – такое же утро в поселке Казбеги на перевале Военно-Грузинский. Турбаза мокрая, поход на Чегетский ледник. Как давно это было! Даже сердце щемит. А как перевал-то называется?.. Склероз...

...Машина движется в центре колонны с выброшенной вверх антенной, поддерживая двустороннюю связь. Дорога с выбоинами ползет то в гору, то вниз, петляет по склонам. Справа и слева от дороги попадаются глиняные дувалы заброшенных кишлаков. Поди угадай, за какими из них притаились душманы. Для них это «родные горы». Они идут там, как звери, с каким-то диким чутьем. На чудовищных каменных тропах, карнизах, по снегу...

Афганская армия теснит душманов. Не то, что два-три года назад. Были банды по двести и даже по пятьсот душманов. Сейчас таких нет. Революции помогает их политическая разобщенность. Вот и действуют бандиты исподтишка миной и кинжалом...

Из дневника.

4 марта, километров 20 от Кандагара.

Племя белуджей. Из наших здесь никто не снимал. Белуджи живут на юге Афганистана, в районах, граничащих с Пакистаном и Ираном.

Вождь Якуб-хан. В племени полторы тысячи человек сто семей (три поколения обычно живут в одной семье). Якуб-хану пятьдесят лет. Племя живет оседло в глинобитных домах. Занимаются земледелием и скотоводством. Никто точно не знает, сколько белуджей живет на территории Афганистана.

Так здесь пекут хлеб: раскаленный камень обмазывается тестом и через несколько мгновений – готово. Остается снять испеченный хлеб с камня.

- Раньше, - говорит Якуб-хан, - мы жили в Пакистане. Несколько лет назад пришли в Афганистан. Мы нуждаемся в получении образования. Афганское государство помогает нам, обещало материалы и дотацию, прислать учителей. Мы уже начали строить школу. Учиться здесь будут двести детей.

Все мужчины носят оружие. Это прирожденные солдаты. Стреляют метко – с удовольствием продемонстрировали. Когда опасность – все под ружье, вечно в готовности, твердо поддерживают республику.

Люди бедные, они необычайно гостеприимны...

... Старый Кандагар – центр одноименной афганской провинции, граничащей с Пакистаном. Перед отлетом сюда я читал сообщения иностранных корреспондентов о том, что этот город опустошен, покинут людьми, что в нем якобы нет власти и нет жизни.

Выдумка. В Кандагаре сейчас живут, работают, учатся, торгуют 277 тысяч человек. Бывали моменты, когда из некоторых кварталов люди бежали: это естественно, потому что с территории соседнего государства, лежащего в полусотне километров отсюда, ведется необъявленная война. И нельзя требовать от каждого человека, тем более от женщин и детей, солдатского мужества.

Но даже в самые трудные моменты город покидала едва ли десятая часть жителей. В Кандагаре восемнадцать промышленных предприятий, и все они работают. Фабрика шерстяных изделий старается обеспечить и горожан, и крестьян, и кочевников традиционными товарами в такой мере, чтобы свести к минимуму импорт.

Рядом с этой фабрикой при содействии нашей страны близится к завершению пуско-наладочная работа на текстильном комбинате, который при 7 тысячах рабочих будет крупнейшим предприятием города.

Я не собираюсь впадать в другую крайность и утверждать, будто в Кандагаре все спокойно и обыденно: нет, схватки между силами революции и реакции продолжаются ежечасно. Есть тут рабочие, живущие в кварталах, которые ночью были обстреляны душманами. Квалифицированным специалистам враги методично угрожают расправами, если те не уйдут с фабрики. Расправы бывают ужасными: душманы могут ночью ворваться в дом, содрать с живого хозяина кожу, отрезать голову, убить детей.

Но террор порождает не только страх, он побуждает и к самообороне, рабочие организуют отряды или группы защитников революции. Тем не менее от мелких и крупных хозяйственных проблем пока избавиться не удалось...

Зона Юг традиционно была наиболее сложной – граница рядом. Все в провинции за год удвоилась численность партийных организаций

.....

Из дневника.

Противогазы... Зачем они? Не для того, чтобы пустить в ход американские химические гранаты, обращению с которыми обучают в пешаварских лагерях? Бандиты – нападающая сторона, она хочет обезопасить себя во время химической атаки.

10 марта. Первую половину дня посвятили репортажам для «Времени»: переписывали мои тексты, записывали синхронны...

Этого мальчика зовут Мухаммед Амин. Ему двенадцать лет. Тонкий голосок, недоумевающий взгляд.

Сегодня утром его и еще семерых мальчишек застали на базаре отнюдь не за детским занятием: они выполняли поручения врагов афганской революции.

Мухаммед принес из Пакистана письмо с распоряжениями, другой мальчик – листовки. Кроме того, эти дети, которые сами-то с трудом могут связать несколько слов, должны были склонять к дезертирству бойцов царандоя, народной милиции, заманивать их в ловушки. То, что афганские контрреволюционеры, осевшие в Пакистане, вовлекают в свое несправедливое дело детей и ставят под угрозу их жизнь, - это не ново.

Аморальность и жестокость контрреволюции общеизвестны. Но, может быть, эти дети – фанатики? Может быть, они и впрямь, как порой утверждают западные журналисты, сознательно борются против народной власти?

Взгляните еще раз на Мухаммеда Амина. Он принял поручение потому, что в Пакистане ему дали кулечек сахару. Того самого сахара, которого и в Афганистане вполне достаточно. Просто сыграли на извечном детском пристрастии к сладостям.

Преступная игра мальчишескими судьбами – это кризис контрреволюции, отчаянная попытка использовать любые недозволённые средства для того, чтобы переломить неизбежный ход событий...

Александр Бовин

Журналист, дипломат. Родился 9 августа 1930 г. В Ленинграде; окончил юридический факультет Ростовского государственного университета в 1953 г., аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова в 1959 г., кандидат философских наук. С 1953 по 1954 г. Работал народным судьей г. Хадыженска Краснодарского края; 1959-1963 гг. – научный консультант редакции философии журнала «Коммунист». 1963-1972 гг. – консультант, руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран; 1972-1991 гг. – политический обозреватель газеты «Известия»; был ведущим еженедельной телевизионной программы «Международная панорама». В 1991 г. Был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Израиле (с 1992 по 1997 г. – посол РФ), в марте 1997 г. Был освобожден от должности в связи с уходом на пенсию. С сентября 1997 г. – политический обозреватель газеты «Известия»; с декабря 1997 г. – автор и ведущий публицистической программы «Разговор по существу» на телеканале «ТВ-Центр»; с осени 2000 г. Работал на Радио России, вел авторскую программу «Мир за неделю». Лауреат Государственной премии СССР; награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» III степени. Скончался 29 апреля 2004 г.

Александр Бовин был человеком приметным, писал постоянно, на экране появлялся часто. Незадолго до смерти успел выпустить мемуары. Но вскоре после похорон Александра Евгеньевича друзья задумали составить сборник воспоминаний о нем. Как раз в эти дни книга вышла. Так и называется: «Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат». Составители – товарищи и коллеги А. Бовина по «Известиям» В. Захарько, С. Кондрашов и Л. Шинкарев

Александр Бовин – один из тех, кому «Известия» обязаны своей славой (фото: Виктор Ахломов «Известия»)

Александр Бовин – один из тех, кому «Известия» обязаны своей славой. И уместно именно сегодня, в день рождения нашей газеты, представить читателю фрагменты из посвященного ему сборника. Вот он – глазами разных людей.

Слова, вынесенные в заголовок, - из известинской стенгазеты, срочно вывешенной, когда Бовина наградили к 50-летию орденом Ленина. В то время в очередной раз боролись с пьянством на рабочих местах. Но это же – Бовин! И в редакции уже с полудня сдвигали столы. Тоже эпизод из книги, про которую пойдет речь.

Александр Бовин был человеком приметным, писал постоянно, на экране

появлялся часто. Незадолго до смерти успел выпустить мемуары. Но вскоре после похорон Александра Евгеньевича друзья задумали составить сборник воспоминаний о нем. Как раз в эти дни книга вышла. Так и называется: «Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат». Составители – товарищи и коллеги А. Бовина по «Известиям» В. Захарько, С. Кондрашов и Л. Шинкарев.

Мы живы, пока живем в чьей-то памяти. Поразительно – сколько же людей сочли своим долгом вспомнить этого человека! И какие разные это люди! В конце томика, как водится, – перечень авторов. Рядом оказываются примерно такие фразы: про одного – «автор фундаментальных трудов по проблемам мировой экономики», про другого – «арестован за антисоветскую деятельность, приговорен к 7 годам лагерей», про третьего – «долгие годы – заместитель заведующего отделом ЦК»; про четвертого – «лауреат журналистской премии «Золотое перо России»... Да чего там – Михаил Горбачев и Вениамин Смехов, Леонид Парфенов и Юрий Любимов, Георгий Арбатов и Татьяна Миткова, Иван Лаптев и Эдуард Кузнецов – привожу еще не все имена.

Бовин был человеком своей эпохи. Обычно эти слова произносятся чуть снисходительно, как бы извиняя героя за что-то. Но здесь извиняться не за что – эпоха была как эпоха, со своим хорошим и плохим, и Бовин в ней жил достойно. Да, занимал высокие посты, был «тайным советником вождей» в ЦК, работал в привилегированной (тогда) газете. Да, в диссидентах не состоял – но вот прошли годы, и сегодня те же диссиденты пишут о нем с уважением. Бовин – это был Бовин. Усатый тяжеловесный дядька на телеэкране вдруг яростно бросит посреди чопорной «Международной панорамы» брежневских времен: «Хоть убейте, не могу я это считать прогрессивным явлением!» (про приход к власти аятолла в Иране) – и напряжешься: кто посмел сказать «неподобающее»? Бовин! Во время пресс-конференции ГКЧП – насмешливая реплика тульскому предколхоза Стародубцеву: «А вы-то как здесь оказались?» – и вид у ГКЧП такой, будто их всех разом в дерьмо макнули. Кто? Бовин! Отточенные газетные комментарии, умный «разбор полетов» на телеэкране, строгий костюм дипломата (при первой же возможности радостно сбрасываемый), тончайшее знание музыки, неизменная рюмка в руке на неофициальных фото – Бовин, Бовин, Бовин... Человек времени? Но ведь и время не понять без таких людей.

Помню, вскоре после его смерти мне давал комментарий Генрих Боровик. Произнес тогда: «Очень важно бережно, как огонек свечи, сохранить и донести до других людей частичку доброй Сашиной души». Книга вышла. Огонек горит.

Александр Бовин – один из тех, кому «Известия» обязаны своей славой. И уместно именно сегодня, в день рождения нашей газеты, представить читателю фрагменты из посвященного ему сборника. Вот он – глазами разных людей.

В душевные годы Михаил Горбачев, с марта 1985 по август 1991 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС, с марта 1990 по декабрь 1991 г. – президент СССР: «Большой мастер пера, блестящий журналист, человек с очень развитым чувством юмора, что ни в коей мере не мешало ему быть блестящим аналитиком. Жизнь Александра Бовина на протяжении долгих лет была тесно переплетена с политикой. Его приверженность демократии с особой остротой проявилась в трудные, «душные»

застойные годы. Перефразируя классика, о Бовине можно сказать, что в свой жестокий век восславил он свободу».

«Ты, Саша, жизни не знаешь»

Федор Бурлацкий, доктор философских наук; в 1960-е – заведующий группой консультантов в ЦК КПСС, в которой состоял и герой книги: «Бовин сумел войти в самый тесный круг составителей речей для Леонида Ильича. По рассказам Бовина, Брежнев вел себя с ними очень демократично, неизменно угощал по вечерам отборным коньяком, прислушивался к их мнениям, довольно откровенно выражал свои. Как-то Саша сказал Леониду Ильичу, как плохо живут простые люди, которые получают минимальную зарплату. Брежнев ответил: «Ты, Саша, жизни не знаешь. Никто в стране не живет на зарплату. Все находят какие-то дополнительные источники. Вот мы, когда были студентами, бывало, разгружали вагоны – два мешка в кузов машины, один – в сторону, для себя. Так и выживали, и все у нас так живут».

Игорь Кон, профессор, старый друг Бовина:

«Саша был один из самых умных, порядочных и смелых людей, с которыми мне довелось встречаться. В советское время многие интеллигенты смело разговаривали у себя на кухне, но как только человек получал «кремлевку» (высокое положение, паек), тональность его разговоров, как правило, резко менялась. Бовин же всегда оставался самим собой. Однажды, когда он рассказал мне нечто абсолютно запретное, я спросил: «Саша, а ты не боишься? Ты, конечно, знаешь, что я не стукач, но вдруг без злого умысла перескажу это кому не следует?» «Допускаю такую возможность, хотя надеюсь, что этого не произойдет, - ответил Саша.- Но у меня не выбора. Для полной страховки я не должен говорить ни с кем, кроме равных по рангу. А тогда через короткое время я перестану от них отличаться, чего мне очень не хочется».

Иван Лаптев, в 1984-1990 гг. – главный редактор «Известий»:
«Годами он «ишачил» на почти забытую ныне камарилью, пытаюсь придать более-менее благоприятный облик и лживой политике тех лет, и ее жутким олицетворениям. Цену же им он знал лучше всех нас, достаточно долго видел вблизи, понимал мотивы их действий. Бесспорно, это никак не могло пройти бесследно. Имея доступ к самой конфиденциальной информации, он конечно же видел, что реально происходит в партии и в стране и насколько эта реальность расходится с теми словами, которые звучат с высоких трибун, которые им же и написаны. Это расхождение (...) разламывало его душу».

Федор Бурлацкий: «(...) В 1972 году ему принесли решение руководства о переводе политобозревателем в «Известия». Выиграли и он, и вся общественность».

Без галстука

Иван Лаптев:

«Бовин только внешне выглядел расхристанным, неорганизованным. Многие, наверное, были уверены, что и рабочее место его в таком же порядке. Ничего ошибочнее такого мнения нет! Бовинский рабочий стол всегда был в идеальном порядке, все папки с вырезками, все книжные полки в кабинете отличались какой-то немецкой аккуратностью, чего, понятно, не скажешь о его одежде. В редакции он, например, обожал ходить в каких-то старых драных кофтах. (...) Даже на телеэкране,

когда стал вести «Международную панораму», он не стремился к общепринятому тогда официальному строгому имиджу ведущего. Председатель Гостелерадио СССР Лапин заставил его однажды надеть галстук. Бовин прихорошился, провел панораму, приехал на дачу и как-то стеснительно спросил: «Ну как?» Мы понимали, что речь идет не о передаче, а о галстуке. Честно и дружно признались: «Ужасно, Саша». Больше он галстук не повязывал».

Василий Захарько, в «Известиях» – с 1972 г., в 1997-1998 гг. – главный редактор: «О Бовине никто не мог сказать, что он лжет или был склонен ко лжи. Другое дело, он не всегда мог говорить полную правду, но практически в каждой публикации до отмены цензуры можно было видеть, как его правдивая свободная мысль ищет выход наружу и часто его находит. Этим он оказывал влияние на свою огромную аудиторию».

«Ненастоящий посол»

Анатолий Друзенко (1940-2005), с 1961 по 1998 г. – журналист-известинец, 1-й заместитель главного редактора:

«Он подался в дипломаты в самом конце 1991 года, когда, казалось бы, в журналистике открывались новые возможности. Долгожданная свобода шла навстречу. А Бовин уехал в Тель-Авив. Ему захотелось не только комментировать внешнюю политику, но и делать ее. (...)

Наш Человек в Израиле, опираясь на палочку, сидел в обычном бистро под белосиним зонтом и смаковал крепчайший кофе. Вокруг стояли евреи. Улетавшие. Прилетевшие. Встречавшие. Провожавшие... И не верили глазам: надо же, живой! Вряд ли в истории отечественной дипломатии был посол, пользовавшийся такой популярностью».

Эдуард Кузнецов, израильский журналист, в СССР – многолетний политзек: «С ним было всегда интересно – очень уж штучный товар он был. Мы редко с ним в чем-то соглашались, но спорили без яростной пены на губах и, выдохшись, завершали не провозглашением победы одной из сторон, а призывом: «Ну, хрен с ним! Давай лучше еще по одной!»».

Давид Маркиш,
израильский писатель:

«Бовин не был «настоящим» послом в полном смысле этого тяжеловесного слова (в одной из своих записей он в полушутку так себя и назвал: «ненастоящий посол»). Не был он всецело и только бесподобным мастером политической публицистики – это редкое умение не наполняло его до краев, оставалось свободное пространство. Бовин был – БОВИН, удивительное явление минувшего века, оставшееся знаком в Истории. Он был настоящим русским интеллигентом – широчайше знающим, умеющим мастерски пользоваться своими знаниями, задорным взглядчивым человеком».

«Гурман и гуру»

Александр Пумпянский, главный редактор журнала «Новое время». Из шуточной «поэмы в прозе» «Гурман и гуру», написанной к одному из юбилеев Бовина: «Тонкий толстяк, еретик при дворе, нонконформист-царедворец, мыслитель в

царстве мертвечины, обаятельный доктринер-испытатель на всем, в том числе на собственной шкуре. И это тоже все о нем, об Александре Бовине»¹¹⁰.

Интеграция в свободу¹¹¹

В каком мире нам суждено жить и какую роль будет играть Россия в международной политике? Наше будущее зависит прежде всего от нас самих, от нашей способности осмыслить собственную историю и освоить новое историческое пространство. Однако в том, что касается эволюции системы международных отношений, перестройки мирового порядка, определяющую роль играет не Россия и даже не Америка. Ведь общее направление изменений в мировой политике и экономике формируется под воздействием сложнейшего переплетения и столкновения разнородных и разнонаправленных интересов. В этом смысле мы сталкиваемся с историческими тенденциями объективного характера, пробивающими себе дорогу сквозь уйму случайных отклонений.

На первое место среди этих тенденций я бы поставил процессы, объединенные понятием «глобализация». Оставим в стороне суждения нео-, пост- и супермарксистов, трактующих глобализацию как целенаправленную и непременно злокозненную политику «золотого миллиарда», и в первую очередь США. Попробуем не выходить за пределы здравого смысла.

Понятие «глобализация» связано прежде всего с глобальными проблемами современности, решение которых требует совместных усилий если не всего человечества, то значительной его части. В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века приоритетными считались такие задачи, как прекращение гонки вооружений и ядерное разоружение. Далее следовали проблемы, вызванные демографической и экологической ситуацией, нарастающими дисбалансами в топливно-энергетической, транспортной, продовольственной и других областях жизни общества.

За прошедшие десятилетия в этих сферах в принципе мало что изменилось. Окончание холодной войны, заключение нескольких фундаментальных соглашений о ядерных вооружениях, очевидно, притупили остроту разоруженческой проблематики. А на глобальный уровень вышли опасности и риски другого типа, связанные с пугающим и чуть ли не безнадежным разломом мира на процветающее, прогрессирующее меньшинство (государства, по традиции обозначаемые как Север) и застывшее в сонной апатии большинство (опять же по традиции именуемое Югом). И не случайно международный терроризм активизировался вдоль линии разлома – безнадежность конвертируется в отчаяние. Более тревожными стали и кризисные явления по линии взаимодействия биосферы и техносферы, так называемых первой и второй природы.

Еще одна группа проблем, к которым также применимо слово «глобализация», возникла в результате нарастающего взаимодействия субъектов международного общения, то есть как следствие интернационализации, преодолевающей национальные

110 <http://izvestia.ru/news/311934#ixzz3IOkub4Uy>

111 "Россия в глобальной политике". № 3, Май - Июнь 2004

границы и пронизывающей политику, экономику, культуру всех народов и стран. Происходит «усреднение» образов жизни. Люди в разных государствах пользуются одними и теми же техническими устройствами, смотрят одни и те же фильмы, слушают одну и ту же музыку. В общем, впитывают одни и те же ароматы времени. Этот процесс, формирующий единую историю единого человечества, начался задолго до XX века и вряд ли завершится в веке нынешнем. Он неизбежен и неотвратим.

Неизбежна и острая борьба внутри сферы, охваченной процессами глобализации. Глобализация, понимаемая как интернационализация жизни, движется вперед, преодолевая существующие противоречия и порождая новые, ломая сопротивление одних социальных групп и выводя им на смену другие. Плоды глобализации, связанные с ней плюсы и минусы «усреднения» распределяются неравномерно. Бедным и слабым, как всегда, не везет. Будучи обществом, ушедшим вперед, Америка получает от глобализации больше, чем, допустим, Россия или Восточный Тимор. Традиционные культуры, уходящие корнями в седую древность, оттесняются и вытесняются всякого рода агрессивными субкультурами, опирающимися на материальные возможности авангарда глобализации.

Протест порождает антиглобализм. В конечном счете он обречен, как в свое время были обречены луддиты. Но если не иметь в виду крайние экстремистские формы, протест полезен. Он помогает высветить неприемлемые крайности глобализации, нащупать пути и методы сохранения разнообразия в единстве, способствует усилению внимания к поискам альтернатив, качественно иной цивилизации.

Итак, глобализация в обеих своих ипостасях (и как поиск глобальных решений глобальных проблем, и как интернационализация жизни мирового социума) – объективная историческая данность. Ее невозможно «объехать», нельзя заговорить антиглобалистскими речами. Глобализацию нужно понять, и в нее необходимо включиться.

На втором месте среди ведущих тенденций мирового развития – дрейф системы международных отношений в сторону многополюсности, то есть постепенное и неравномерное вызревание новых «полюсов» (центров силы) за пределами «великолепной восьмерки».

По модулю «полярности» можно выделить три класса систем международных отношений: однополюсную, двухполюсную и n-полюсную. В первой доминирует один центр силы. Бывает такое не так уж часто. Вспоминается Древний Рим, а дальше – долгая пауза. И в начале XXI века – Соединенные Штаты Америки. Однополюсный мир достаточно удобен (особенно для того, кто и есть «полюс»). Нападение на этот самый «полюс» исключено почти по определению. Решающее превосходство центра силы позволяет поддерживать дисциплину и равновесие. И наводить порядок там, где он нарушается.

Но часто случается так, что порядок, дисциплина и равновесие на политической поверхности скрывают зреющие под ней разброд и недовольство. В критических ситуациях возможен бунт, хоть и на коленях. Поэтому гегемон вынужден изнурять себя повышенной и постоянной бдительностью.

Двухполюсный мир, как помнят многие из нас, тревожнее. Теоретически мирное

сосуществование СССР и США не исключало возможность истребительной войны между ними. Чтобы не допустить ее на практике, потребовалось ракетно-ядерное равновесие и согласие «полюсов»-соперников на принцип взаимного гарантированного уничтожения. Двухполюсный мир характеризуется жесткой блоковой дисциплиной интересов и идеологий. В период холодной войны блоки, конфронтационные центры готовились к войне большой, настоящей. Но они и предотвращали ее, выталкивая локальные военные конфликты на периферию ойкумены.

Главная опасность соперничества обоих центров силы – постоянная гонка вооружений. Пользуясь своим техническим и экономическим превосходством, американцы шли впереди и держали «социалистический» противополож в режиме постоянной необходимости догонять. Сохранение ракетно-ядерного равновесия далось нам только ценой полной разбалансировки народного хозяйства. Ноша, которую мы на себя взвалили, оказалась неподъемной...

Все прелести двухполюсного, а теперь уже и однополюсного мира мы смогли попробовать на зуб. А мир многополюсный существует для нынешнего поколения лишь в книгах по истории дипломатии.

Мировое сообщество, опирающееся на взаимодействие нескольких центров силы, несравненно сложнее и потенциально опаснее, чем мир, держащий равнение на один или два центра. Не случайно обе мировые войны разразились вследствие нарушения именно многомерного баланса, призванного удерживать великие державы тех лет от резких движений. Логика тут простая: чем больше независимых элементов образуют систему, тем труднее установить и поддерживать равновесие между ними. Процветающий Pax Americana или привычная конфронтация двух сверхдержав обойдутся человечеству дешевле, чем постоянное выяснение отношений между новыми актерами мировой сцены.

Возможно, это и так. Однако выбора-то у нас как раз и нет. Ведь новые центры силы формируются, возникают и утверждаются на международной арене не в результате реализации планов, замыслов, воли тех или иных исторических деятелей, а в результате глобализации, вызывающей стихийные сдвиги в мировой расстановке сил.

Контур надвигающегося многомерного мира уже намечены. Первая очередь претендентов на мировое лидерство дышит Америке в затылок: Китай, Западная Европа, Япония. Подальше, но все же видны Индия, Бразилия, Индонезия. Пока еще лишь маячат у линии горизонта расплывчатые очертания возможных конгломератов арабских, африканских, иберо-американских стран. О России – разговор особый и отдельный.

Многополюсное устройство неизбежно отразится на характере глобализационных процессов. Наличие центров силы, каждый из которых вместе со своим ближайшим окружением будет нести на себе отпечаток той или иной самобытной цивилизации, создаст благоприятные условия для сохранения мировой полифонии культур. Формирование и отработка механизмов регулирования отношений между центрами силы, внедрение в эти отношения «принципов мирного сосуществования» позволят свести к нулю вероятность столкновения цивилизаций, которым пугал нас Самьюэл Хантингтон.

По мере движения к многополюсности удельный вес США в мировой экономике и

политике будет снижаться, а однополюсный мир – постепенно растворяться в иной структуре международных отношений. Зависимость мира от США съезживается. Такой процесс – это еще одна ведущая тенденция мирового развития, но проходить он будет неравномерно и займет, возможно, полтора-два десятилетия.

Полезно напомнить, что превращение Соединенных Штатов в единственную сверхдержаву было обусловлено совпадением нескольких случайных обстоятельств. Это, с одной стороны, удаленность Америки от центра мировых бурь и потрясений, а с другой – неожиданная самоликвидация второго полюса международной жизни после самоуничтожения Советского Союза.

Политическая элита США оказалась на высоте: она постаралась выжать из возникшей ситуации максимальную пользу для Америки. Возможно, даже перестаралась. Ведь за океаном «державников» ничуть не меньше, чем у нас. И хотя американским «державникам» помогли «державники» российские, задача укрепить систему международных отношений как систему американоцентричную так и не была (если иметь в виду официальный уровень) поставлена достаточно четко.

Присущий американцам здравый смысл сдерживал столь же свойственную им самонадеянность силы. Даже в таком подчеркнуто «державном» документе, как Концепция национальной безопасности, опубликованном 20 сентября 2002 года, заявлено: «Мы... руководствуемся убежденностью в том, что ни одна страна не может построить более безопасный, лучший мир, действуя в одиночку. Альянсы и многосторонние институты могут умножить силу свободолюбивых стран. Соединенные Штаты привержены таким надежным, устойчивым институтам, как ООН, Всемирная торговая организация, Организация американских государств и НАТО, а также другим давно существующим альянсам. Коалиции единомышленников могут дополнять эти постоянные институты».

Все правильно. Ведь, строго говоря, однополюсного мира в буквальном смысле не было и нет. Америке всегда приходилось оглядываться по сторонам, с течением времени – все больше и больше. Зависимость США от остального мира возрастает и в наши дни. Умные люди в Вашингтоне понимают это. А неумные, надеюсь, будут умнеть.

Верю, что поумнеют и политики в Москве. Все они, естественно, против однополюсного мира. Но далеко не все, рассуждая о мире многополюсном, способны отказаться от привычного антиамериканского угла зрения и отнестись к Вашингтону не как к глобальному сопернику, а как к глобальному партнеру. Отсюда и политическая комбинаторика, выкраивание из «остального мира» фигур антиамериканской направленности. К примеру, знаменитый треугольник Москва – Пекин – Дели. Боюсь, эта идея напугала китайцев и индийцев едва ли не больше, чем американцев. А иракский кризис повел «многополюсную» мысль европейскими коридорами. Греша политическим наивом, Москва выдвигала против американцев тройственное франко-германо-российское взаимодействие. Те даже не оглянулись...

Многополюсный мир не должен быть миром антиамериканским (равно как антикитайским, антироссийским или анти-любим другим). В противном случае он станет прелюдией к мировой войне, по сравнению с которой войны XX века покажутся играми расшалившихся детей.

Усложнение всей сети общественных отношений, возросшая вероятность катастрофических последствий стихийного развития событий, находящегося за пределами социально-политического контроля, вызывают множасьщиеся попытки сознательно регулировать, направлять ход международной жизни. После Первой мировой войны родилась Лига Наций. Ее незавидная судьба отразила судьбу человечества, делавшего робкие попытки подняться над разрушительной силой истории.

После Второй мировой эти попытки стали более интенсивными и эффективными. Опыт регулирования внутренних проблем государств упорно переносился на мировую арену. Отдельные решения постепенно формировали важное направление перемен в международных делах. Вокруг ООН создавалось плотное облако институтов, органов и организаций, имевших отношение практически ко всем сторонам общественной жизни. До выработки «сознательного направления», до появления «на выходе» практически реализуемых решений было очень далеко. Однако накапливался опыт квалифицированного наблюдения, анализа, изучения социальной действительности, выработки рекомендаций, предлагавших оптимальные для тех или иных условий стратегии. Множилось число специалистов, знавших положение дел в разных странах и регионах и умевших сопоставлять несравнимые, казалось бы, явления и процессы. Экономика формально шла в ногу с политикой, но, по существу, опережала ее. Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд уже к концу 1940-х становятся заметными факторами мирового хозяйства.

Холодная война, ставшая буднями послевоенного мира, конфронтация двух мировых идеологий, ориентация обеих систем на игру с нулевой суммой изначально подрывали любую попытку единого подхода к формированию общего экономического и политического климата в глобальном масштабе. На таком фоне Восток вообще считал разговоры о мировом правительстве пустой тратой времени и уходил в глухую интеллектуальную изоляцию. Запад предпочел бы вовсе избавиться от Востока, а пока стремился дополнить его интеллектуальную самоизоляцию изоляцией политической и экономической.

Официальные международные организации для этого не годились. Началась самодеятельность. В 1954 году в Голландии прошло первое сугубо закрытое совещание высокопоставленных (но не значившихся на государственной службе) деятелей из США и Западной Европы. Повестка дня была вполне глобальна: приспособление капитализма к новым историческим условиям – в частности, защита Европы от коммунизма. Выработка рекомендаций правительствам. По месту проведения заседаний (отель «Бидельсберг») эти встречи получили наименование «Бидельсбергский клуб».

Потребовалось два десятилетия, чтобы дополнить эту неформальную трансатлантическую ассамблею. В 1973-м по инициативе Дэвида Рокфеллера создается Трёхсторонняя комиссия, объединяющая представителей деловых и политических кругов США, Западной Европы и Японии. Задачи остались прежние: разработка мировой стратегии стабилизации капитализма, противостояние напору коммунизма.

Параллельно проходило объединение и академической элиты, пытавшейся сформулировать глобальные проблемы и найти способы их решения. Дискуссии в рамках заседаний Римского клуба, созданного в 1968 году, отличались меньшим

антикоммунистическим накалом и более внимательным отношением к самым актуальным вопросам современности. Знаменитые доклады Римского клуба, посвященные диагностике болезней цивилизации и методам их лечения, стали на долгие годы мировыми бестселлерами. Боюсь, правда, что они пользовались успехом в научных библиотеках, а не в правительственных учреждениях.

После арабо-израильской войны 1973-го резко взлетели цены на нефть, и «инфаркт экономики», пережитый капитализмом, заставил лидеров ведущих государств Запада срочно создать механизм регулярных контактов. Приходилось действовать по принципу: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

«Мир несчастен, – говорил в 1974 году президент Франции Жискар д'Эстен. – Он несчастен потому, что не знает, куда идет. А если бы знал, то обнаружил бы, что идет к катастрофе». Катастрофы удалось избежать. Во многом благодаря регулярным встречам клуба капитанов капитализма, «великолепной семерки». Первая из таких встреч состоялась в 1975-м в Рамбуйе под Парижем (тогда это была еще «пятерка»). Первоначально группа G5-G7 занималась экономическими сюжетами, но постепенно сфера ее интересов расширялась, охватив по существу весь спектр глобальных проблем. В целом Запад достиг нужного эффекта. В отличие от своего социального оппонента он сумел использовать научно-техническую революцию для укрепления политической и экономической стабильности капитализма.

Кризис и развал мировой социалистической системы, самоликвидация Советского Союза, окончание холодной войны вызвали к жизни принципиально новую ситуацию. Человечество стало гораздо более однородным. Постепенно создаются условия для формирования глобального механизма исполнительной власти – мирового правительства, которое могло бы наводить всемирный порядок. На первом плане – предотвращение военно-политических кризисов, а коль скоро они возникают, то скорейший и максимально безболезненный выход из них. Есть, разумеется, второй, третий и прочие планы, которые охватывают как уже существующие, так и вновь возникающие глобальные проблемы.

В рамках указанных тенденций неизбежен ренессанс ООН. Вопреки тому, что сегодня часто говорят и пишут, иракский кризис – не конец ООН, а исходная точка ее подлинной истории. Это начало не обещает быть легким. Необходимы радикальные реформы, чтобы покончить с пережитками Второй мировой войны, из-за которых ООН до сих пор сохраняется как организация, закрепляющая преимущества победителей. Крупные сражения, несомненно, развернутся вокруг права вето. Но в нынешнем виде оно обречено. Вероятное направление поиска – изменение состава Совета Безопасности ООН. Многополюсное устройство мира – устройство, по существу, олигархическое. Реальной властью, то есть реальной возможностью оказывать решающее воздействие на ход глобального политического и экономического развития, будут располагать центры силы, мировые олигархии XXI века. Но такая власть и такая возможность вряд ли потребуют закрепления в виде права вето.

Формирование международной олигополии не вызывает особых симпатий. Но перепрыгнуть через этот этап эволюции миропорядка вряд ли удастся. Можно лишь предположить, что по мере упрочения демократического правосознания мировой элиты противостояние олигархического порядка основополагающим положениям Устава ООН

будет постепенно утрачивать остроту.

Укрепление в ходе глобализации либерально-демократических начал общественной жизни, стабильные, выдерживающие нестандартные нагрузки отношения между мировыми центрами силы, общая демократизация и демилитаризация международных отношений позволят создать в рамках ООН эффективные институты и механизмы, которые можно будет использовать, чтобы минимизировать риски и опасности, угрожающие человечеству.

Центр таких рисков и опасностей постепенно перемещается в сторону экологических проблем. Но пока будут сохраняться и паразитировать на людских слабостях тиранические режимы, не исчезнет опасность геноцида, гражданских войн, агрессии, расползания оружия массового уничтожения. Следовательно, сохранится и необходимость совместными усилиями развязывать такие узлы, а еще лучше – не допускать их появления. В этом контексте правомерна постановка вопроса о «гуманитарных интервенциях», то есть о праве Совета Безопасности ООН использовать международные миротворческие силы (или вооруженные силы стран – членов ООН) для наведения порядка. Даже если для этого придется нарушать суверенитет того или иного государства и вмешиваться в дела, которые международное право традиционно считало и считает внутренними.

Гегель писал, что история – это прогресс в сознании свободы. И хотя бывали чудовищные «черные дыры» несвободы, в которые проваливались целые века и страны, немецкий философ прав. Ведущие тенденции развития современной системы международных отношений показывают, что движение к свободе в «западном», либерально-демократическом смысле продолжается. И темпы выздоровления России, ее роль в мировой истории будут зависеть от того, насколько полно она сможет интегрироваться в эту свободу. Как в свете внутренних преобразований, так и с точки зрения приспособления к требованиям нового мирового порядка.¹¹²

Я ВООБЩЕ НИЧЕЙ ЧЕЛОВЕК¹¹³

112 А.Е. Бовин – журналист-международник, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Когда номер готовился к печати, пришло скорбное известие о скоропостижной кончине автора. Эту публикацию редакция посвящает памяти человека, вклад которого в российскую международную журналистику и аналитику невозможно переоценить.

113 Интервью [Феликс Медведев](http://versiasovsek.ru/material.php?56)// <http://versiasovsek.ru/material.php?56>

В один из дней предмайско-праздничной суеты ушёл от нас в вечность Александр Бовин. Мастер, мастодонт отечественной журналистики, наш старший коллега. И стало пусто. Он на самом деле занимал в журналистском сообществе, в нашем информационном пространстве значительное место. И не столько своими габаритами (эту ситуацию он воспринимал с юмором, так что можем шутить и мы), но публикациями в «Известиях» материалов на острейшие темы; телевизионной публицистикой; самим своим присутствием: идеями, мыслями, биографией, книгами воспоминаний. Как точно обозначил его Генрих Боровик — «Бовин-747». Александр Евгеньевич и вправду долго и надёжно работал для своих читателей.

Шапочно я был знаком с А. Бовиным с той давней поры, когда он стал регулярно посещать ресторан и буфет Центрального дома журналиста. Он любил пиво под рыбку, друзей — под душевный разговор, всех нас, молодых борзописцев, — под него, всесоюзно известного. Так он и врос в интерьер знаменитого репортёрского «прихода» столицы. После возвращения из Израиля, освобождённый от должности посла России в этой стране, Александр Евгеньевич снова занял своё рабочее место в родных «Известиях». Несколько раз я приходил к нему в его комнату № 640, делал с ним большое интервью для книги.

В память о великом публицисте XX века печатаю фрагменты наших бесед. В них — живой, остроумный, мужественный человек, мыслитель и журналист.

Дверь в комнату № 640 в здании «Известий», где восседал Бовин, всегда была открыта. Однажды я заметил Александру Евгеньевичу по этому поводу:

— **Живёте под девизом Окуджавы: «Дверям закрытым — грош цена, замку цена — копейка»? Не боитесь? Подслушают. Подсмотрят.**

— Меня это абсолютно не волнует. У меня ни от кого нет секретов. Даже от вас. А насчёт «подслушают» — так это делают не около двери. Когда-то я говорил подслушивающим ребятам: если начну писать мемуары, пожалуйста, дайте мне плёнки, удобнее будет вспоминать. Но где они теперь? А с нынешними «мастерами» у меня конфликтов нет. Пусть слушают на здоровье.

— **А в Тель-Авиве?**

— Думаю, что нет. Опасно. Можно нарваться на скандал. И потом, что, собственно, слушать? О серьёзных делах мы имели возможность говорить, не боясь подслушивания, а мысли о посольской жизни — кому это интересно?

— **Вы ощущали какую-либо опасность со стороны террористов в Израиле?**

— Нет. Мне хотели приставить охрану, не нашу, а израильскую, я отказался. В отличие от охраняемых американского и египетского послов я считал, что на меня никто покушаться не будет. Ездил по всему Израилю. Один. Только вот палка у меня была, которой я пользовался, пока не заменил свои коленки на железные...

Иногда пижонил. Помню, сидел в какой-то кофейне в Тель-Авиве, вдруг сирена, оцепили квартал и стали всех оттуда эвакуировать. Бомба вроде заложена где-то. Подходит полицейский, предлагает уйти. Отвечаю: «Русского посла никакая бомба не возьмёт». Он позвонил куда-то по телефону и оставил меня в покое. Так я и сидел один в пустом кафе... Зря, конечно, учинил я эту браваду. Случись что, и полицию бы подвёл, и жена бы огорчилась.

— **Вы прямо-таки фаталист.**

— Может быть, самую малость. Чему быть — того не миновать. Вот и сейчас живу спокойно. Не занимаюсь серьёзным бизнесом. Значит, никому не перехожу дорогу, нет повода меня убивать.

— **Вы в нашей журналистике чуть ли не со времён Адама. Отличается ли журналистика при Брежневе от сегодняшней?**

— Огромная разница. Нынче существует неисчислимое количество изданий — для кого хочешь: для гомосексуалистов, для банкиров, для политиков. И писать можно что хочешь. Это прекрасно. Беда в том, что журналисты не смогли переварить свободу, обрушившуюся на них, и используют её во вред обществу. А в конце концов и во вред самим себе. Теперь журналистов можно купить, их можно заставить говорить гадости, вываливать компромат, они работают на рейтинг. Поток вранья, слухов, сплетен, пошлятины захлёстывает нас.

В те времена цензура была всесильна. Но как бы ни было трудно, меня никто не мог заставить написать неправду. Да, меня могли заставить не сказать правду. То, что я написал, могли не напечатать, но никто не мог сказать мне: напиши вот так.

Однажды пригласил меня Андропов и попросил написать рецензию (ругательную, конечно) на «Архипелаг ГУЛАГ». Подвал в «Правду». Хорошо, сказал я, но при одном условии: три четверти статьи я посвящу критике Сталина и ГУЛАГа, а одну четверть — критике Солженицына. Это я сам не могу решить, ответил Ю.В. Андропов. Позвоню через пару дней. Позвонил. Наоборот, говорит. Одну четверть крой Сталина, а три четверти — Солженицына. На том разговор и закончился. Пытались сопротивляться, как видите.

— **По-видимому, за эти попытки сопротивления вас и выперли из ЦК?**

— Там другое дело. Я дал довольно жёсткую характеристику Брежневу и его окружению. Она попала на стол начальству. Со мной вполне прилично поступили — перевели работать политическим обозревателем «Известий». Как ни странно, с повышением в зарплате. Вместо 450 стал получать 500. Да и сама работа интереснее, живее. Так что нет худа без добра.

— **Вы хорошо знали цековские кадры, кремлёвскую кухню? Кто был там порядочным человеком?**

— В аппарате было много порядочных людей. На самом же верху сама порядочность приобретает какие-то иные грани, какие-то допуски, что ли. Я бы выделил Андропова, Пономарёва, Громыко — в смысле порядочности. Трудно согласиться со многим, что делал Андропов в качестве шефа КГБ. Но он не был циником, охранял социализм по убеждению. Охранял то, во что верил. По сравнению с теми, кого я знал, он был более начитан, более умён, более интеллигентен.

— **Вы были его человеком?**

— Я вообще ничей человек. Но если вы хотите видеть меня чьим-то человеком я, конечно, человек Андропова. Точнее: я бывший человек бывшего Андропова.

— **А как вы считаете, сегодня психушки могут повториться?**

— По-моему, нет. Точка возврата пройдена. Если, конечно, не будет варианта Пиночета. Впрочем, иногда и психушки не нужны. Приходит генерал, окружают, скажем, «Известия», всех журналистов на стадион, в Лужники — и привет...

— **Вы принимали участие в истории с запретом на выезд Иосифа Кобзона в Израиль?**

— Принимал, конечно. Его взяли на аэродроме и посадили в кутузку. Утром, я как раз пил собственноручно приготовленный кофе, мне звонят, так и так — Кобзон задержан с женой. Я позвонил советнику-посланнику и попросил его поехать в аэропорт, зайти самому в кутузку и не выходить оттуда, пока не выпустят Кобзона. Потом позвонил Эдуарду Кузнецову — главному редактору газеты «Вести», моему приятелю, у которого огромные связи в Тель-Авиве. Попросил задействовать свои каналы. А потом уже позвонил в канцелярию президента. Через пару часов Кобзона выпустили. Власти просто хамили, выслуживались перед Америкой, которая незадолго до этого не впустила Кобзона.

— **Скажите, по вашему мнению, Израиль и палестинцы когда-нибудь сойдутся в мирном решении или нет?**

— Лет через пятьдесят, думаю. Выход из тупика найдут другие поколения при других руководителях.

— **Но убиенного Рабина действительно нация жалела?**

— Да, жалела, но на следующих выборах проголосовала за Нетаньяху.

— **Рабина можно назвать великим деятелем?**

— Решиться на то, чтобы пожать руку Арафату, начать переговоры с «террористами», отдать Арафату сектор Газа — это в Израиле мог сделать только великий человек. За что его и убили. Кстати, вспомните смерть Садата — вот вам судьба двух великих людей, которые пытались что-то сделать для примирения арабов и евреев. Они опередили своё время, и их убили.

— **Кажется, Талейран сказал, что политика — это грязное дело.**

— Пожалуй, точнее, хотя и менее афористично, сказать так: политикой чисто занимаются грязные люди. Они пачкают политику. Это же относится и к экономике, и к культуре. Но к политике (власти) грязь пристаёт легче и чаще.

— **Сколько раз вы посещали Гроб Господень?**

— Один. Для меня Гроб Господень — из области исторической мифологии. Интересно, но не свято.

— **Вы верите в Христа?**

— Нет, конечно. Для меня это не вопрос идеологии, а вопрос культуры. Штудировал историю религий, историю христианства. Понял, что слишком много богов, созданных людьми, как раз и говорит о том, что бога нет. Во всяком случае, мне эта гипотеза не нужна, она не поможет мне жить, она ничего не объясняет.

И тем не менее Иерусалим для меня — священный город. Такой же, как Вавилон, Мемфис, Афины, Рим, священные своей значимостью, своей ролью в истории мировой культуры.

А мой самый любимый город — Нью-Йорк. Я — городской житель. Нью-Йорк — воплощение урбанизма. В «каменных джунглях» я как рыба в воде. Если Нью-Йорк — это город жизни, город настоящего, то Иерусалим — город истории, легенды, мифа. Это сгусток иудео-христианской цивилизации, из которой мы все вышли. Здесь и воздух кажется каким-то особенным — насыщенным, тревожным.

— **Почему вы вернулись в старые «Известия»?**

— Здесь отработал почти 20 лет, здесь мой кабинет, своими локтями я вытирал весь этот

стол, даже номера телефонов старые.

Александр Бовин: «В приемной Андропова не было дверей. Чтобы попасть к шефу КГБ, следовало зайти в один из шкафов, стоявших вдоль стены»

В своей книге известный политический обозреватель и дипломат рассказывает о слабостях и пристрастиях советских руководителей, с которыми ему приходилось работать

В 70-е годы Александр Бовин появился на телеэкране в передаче «Международная панорама». Зрителям полюбился ведущий, который на равных вел с ними доверительный разговор о проблемах международных отношений. А до этого в течение девяти лет Бовин руководил группой консультантов ЦК КПСС — писал речи Брежневу. Затем, после 19 лет журналистской деятельности, Александра Евгеньевича отправили Чрезвычайным и полномочным послом в Израиль. Он оказался последним послом в истории Советского Союза. Бовин вспоминает, когда 23 декабря 1991 года он вручал президенту Израиля верительные грамоты, у него слезы наворачивались на глаза: «Поднимают флаг СССР, и я знаю, что вижу его в последний раз. Играл гимн СССР, и я знаю, что слышу его в последний раз». Послом он был в течение шести лет. В Израиле Бовина очень любят за объективные оценки событий на Ближнем Востоке и личное обаяние. Жизнь этого человека насыщена интереснейшими событиями, он исколесил весь мир, встречался и работал с известными людьми. Об этом и его книга «XX век как жизнь», вышедшая в издательстве «Захаров» в этом году. С любезного разрешения издателей, «ФАКТЫ» предлагают читателям отрывки из воспоминаний Александра Бовина.

«Андропов был самым образованным членом Политбюро»

В одно прекрасное апрельское утро очередной фельдъегерь принес мне очередной пакет из секретариата ЦК КПСС. Вскрываю. Постановление Секретариата «О тов. Бовине». Товарища Бовина освобождают от должности руководителя группы консультантов Отдела ЦК КПСС и назначают политическим обозревателем газеты «Известия». Подписал Сулов.

Иду к Русакову. Клянется и божится, что ни он, ни Катусhev абсолютно не в курсе дела. Никто им ничего не говорил. Звоню Льву Николаевичу Толкунову (он тогда уже был главным редактором «Известий»):

— Лева, ты знаешь. Что у тебя новый политический обозреватель?

— Вчера поздно вечером узнал, но решил не беспокоить ночью. Я рад. Приезжай, поговорим...

Собрал группу. Удивил всех. Сказал, что вместо себя буду рекомендовать Колю Шишлина.

На эвакуацию мне дали неделю. Так закончились девять с лишним лет на Старой площади.

Что же произошло? Почему такая бесцеремонность? Обычно увольняемого приглашает начальство и сообщает причины увольнения.

Месяца через два появилась отгадка. Неожиданная. Находясь в Сочи, я иногда писал письма друзьям. И в одном из таких писем, будучи, видимо, в возбужденном состоянии, я дал нелицеприятную характеристику партийным бонзам, с которыми приходилось работать. Письмо это попало в КГБ. Легло на стол Андропова. Он пригласил Цуканова и Арбатова, показал им мое сочинение и сказал, что вынужден доложить Брежневу. Логика элементарная: если этого не сделаю я, сделают «брежневские комиссары» Цинев или Цвигун. И получится, что я скрываю важную информацию, выгораживаю «своего» Бовина. Арбатов пытался отговорить Ю. В. От этого шага, ссылаясь на то, что в письме имя Брежнева не упоминается. Но тщетно. Письмо было доложено. Брежнев колебался. Суслов решительно — гнать! И прогнали.

В этой эпистолярной истории меня не удивило поведение Андропова. Он заботился о себе. Удивило, что мои друзья молчали, как партизаны. Они оправдывались: дали слово Андропову.

Ну, ладно. Прошлое уходило. Настоящее тащило в будущее.

Если интеллектуалом считать умного, проницательного, знающего человека, то Андропов таковым был. Несмотря на свое сомнительное «высшее» образование, он был самым образованным членом Политбюро. Много читал. По словам его секретарей, каждую неделю ему из разных библиотек привозили 10 книг — недельная норма. Я как-то увидел у него томик Платона.

— Зачем это вам? — задал я глупый вопрос.

— Чтобы беседовать с собственными консультантами.

Что же касается искусства, то тут «не находился» и «не состоял». Ни в театрах, ни в концертах Андропов замечен не был. И джазом, о чем иногда пишут, не увлекался.

«Шеф КГБ жил почти аскетически не потому, что хотел взойти на вершину. Натура была такая»

Я очень сомневаюсь, что Брежнев выделял Андропова как идеолога. Да и сам Андропов при обсуждении тех или иных текстов старался держаться дальше от идеологии и ближе в политике.

Меня старался воспитывать. Мой образ жизни называл «гусарством» и читал нудные нотации. Однажды ну прямо допек меня. И я перешел в контратаку.

— Ваша цель понятна — вы хотите стать Генеральным!

Тут он энергично (и отрицательно) замахал руками. Но я продолжал:

— Давайте откровенно. Хотите. Ради этого, возможно, и стоит зажать себя. Но у меня иное

положение. Максимум, на что я мог бы рассчитывать, это — заместитель министра иностранных дел. Неужели вы думаете, что ради такой цели я перейду на вегетарианский образ жизни?! Андропов что-то пробурчал, и разговор был закончен.

Сам Андропов жил почти аскетически. Пил по капельке для видимости. И дома, и на даче все было предельно скромно. Бессребреник полный. Детей держал в строгости. Не позволял своей конторе обслуживать их. Сдавал в казну многочисленные подарки. Не потому, что хотел взойти на вершину. Натура была такая.

Через много лет, когда я последний раз виделся с Ю. В., и все было ясно, расчувствовались мы оба. И Ю. В. Вдруг сказал: «Молодец, что не слушался меня, гусарил... Судьба другая».

В отделе, к сожалению, пришлось мало поработать под началом Андропова. До мая 1967 года. Но за три с половиной года почти ежедневного общения я получил от Андропова больше, чем дал ему. Я мог дать какие-то частности, детали, сведения, знание которых предполагало специальную подготовку. Андропов дал мне умение схватывать общую картину событий, находить связи между, казалось бы, отдаленными фактами и явлениями, видеть, выделять главное в сумятице жизни.

Андропов раздвигал мои политические горизонты радикальным способом. Послы обязаны в начале каждого года присылать в МИД годовые отчеты. В каждом отчете суммируются основные проблемы страны и отношений с ней. Копии отчетов автоматом направлялись в ЦК. Андропов поручил мне знакомиться со всеми отчетами и самое интересное докладывать ему. Послов было около 70. Каждый отчет тянул на сто страниц. Написанных, как правило, кондовым, отчаянно чиновничьим языком. Приходилось читать. Голова становилась чугунной. Обидно, что улов (заслуживающие внимания предложения послов, любопытные картины страны пребывания, вообще «что-нибудь интересное») был крайне мал. Но был. При моих докладах Ю. В. По социалистическим странам сразу же вызывал людей и давал задания. По странам, которые «не его», часто просил уточнить детали и, видимо, потом принимал решение. В редчайших случаях просил принести отчет. Эта каторга длилась три года: 1965, 1966 и 1967.

Через тридцать с лишним лет мне пришлось составлять посольские отчеты. Но гораздо легче написать один отчет (тем более с помощью коллектива), чем читать десятки.

У Андропова в Комитете приходилось бывать редко. Иногда он приглашал, просил помочь по какому-нибудь делу.

Помню первый визит на Лубянку. Зашел в приемную. Вожу глазами, но не вижу дверь в кабинет. Шкафы есть, двери нет. Оказалось, вход к Андропову как раз через шкаф. Входишь в шкаф, попадаешь к шефу КГБ. Конспирация, перерастающая в глупость. Убрали потом шкаф.

«Книг Брежнев не читал»

А теперь — о Брежневе, каким я его видел.

Я работал с двумя Брежневыми. Здоровым и больным. Это — разные люди. Тут можно делать кучу оговорок, уточнений и т. Д. — человек-то все-таки один. И все же я настаиваю — разные были «человеки».

Брежнев, с которым я познакомился в октябре 1964 года, был энергичным, жизнерадостным человеком. И человеком далеко не глупым. Во всяком случае, несравненно умнее тех, кто нынче склонен изображать в карикатурном виде «творца застоя».

Плохо было с образованием. Формально — высшее (металлургический институт). По существу — все же ближе к уровню знаменитой ЦПШ (церковно-приходская школа). Но не было комплексов, не стеснялся сказать: «Не знаю», не стеснялся задавать вопросы.

Книг не читал. Книгами для Брежнева служили люди, специалисты, эксперты, с которыми он встречался и беседовал. Он был хорошим собеседником — умел слушать. Умел располагать к себе людей вниманием, вовремя заданным вопросом, интересом к содержанию беседы. И умел воспринимать аргументы.

Исходя из этих качеств Брежнева, из его контактности, мы как-то решили попробовать организовать его встречу с Сахаровым. Нам казалось, что такая встреча помогла бы снять напряженность между Сахаровым и властью. Брежнев не возражал. Даже проявил интерес. Но решил «посоветоваться» с Сусловым. И Суслов, как мы и боялись, отсоветовал.

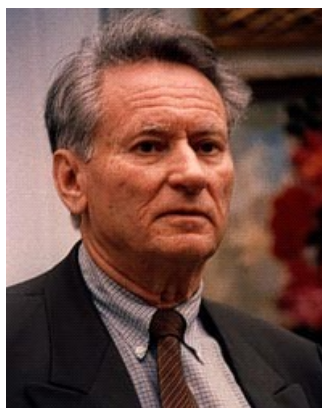
Не могу не сказать о гостеприимстве Брежнева. Конечно, это было гостеприимство за казенный счет, но зато весь остальной антураж был хлебосольно-русским. Брежнев любил завидовское застолье. Не из-за выпивки. Пил он мало. Для него делали «Столичную с перцем», ставили малюсенькие коньячные рюмочки. За вечер — несколько, и все дела. Но тем, кому требовалось больше, не мешал. Даже оказывал содействие. Помню, водка кончилась, а прыть еще осталась. Брежнев уловил наши с Загладиным вопросительные взгляды и обратился к Черненко: «Костя, сбегай на кухню, у ребят водка кончилась!» Костя сбегал. Но запомнил надолго...

Застолье было формой общения, «расслабухи», как теперь говорят. Не чувствовалось скованности: вот — Генеральный, а вот — машинистка. Перед выпивкой и закуской все были равны. Читали стихи. Брежнев прекрасно знал Есенина и, встав на стул, декламировал почти всю «Анну Снегину». Пели песни.

Брежнев любил рассказывать всякие истории из своей жизни, особенно — военной. Со временем стал повторяться. Но блюдо было обязательным, и слушали каждый раз как в первый раз.

Следить за своим здоровьем Брежнев не умел и не любил. Его с трудом можно было вытащить на прогулку. С трудом давалась зарядка. Любимая (и единственная) форма физической нагрузки — охота. Тут он был большим мастером. Стрелял очень метко. Помоложе был — «с подхода». То есть бродил с егерем по лесу, пока не натыкался

на кабана. Егерь наклонялся, спину и стрелял (когда я первый имел чин майора, когда был там превратился в генерал-майора). с вышки. Удобное кресло классное с оптическим поляны. На поляне столб корыто с картошкой. Кабан Но охотник не дремлет (если не дремлет)...

Брежнев облакачивался на его раз попал в Завидово, егерь в последний раз, майор уже Как правило, охотился и всякие причиндалы. Ружье прицелом. Вышка на краю с лампочкой, а у столба — выходит подзаправиться.

Один раз Брежнев затащил на вышку Андропова. По словам Ю. В., он стрелял в воздух. Но егеря все равно притащили «раненого» им кабана.

В Завидово было помещение, где свеживали кабанов и разделявали каждую тушу на четыре части. Это были подарки от Генерального, которые согласно специальному списку фельды развозили по домам. Я был в этом списке несколько лет. И получал подарки независимо от того, был в Завидово или нет. Управиться с ними без посторонней помощи не было никакой возможности. Так что несколько лет обеспечивал кабанятиной широкий круг знакомых. С тоской вспоминаю придуманное в те дни блюдо: украинский борщ с белыми грибами и кабанятиной.

Брежнев воспринимал место, которое он занимает, с непосредственной наивностью. Открывали ленинский мемориал в Ульяновске. Собрание, речь, все как положено. Вечером, тоже как положено, за столом с обкомовским начальством. «Я, — говорит, — как царь. Только не могу, как царь, дать землицу, крепостных. Зато могу дать орден». А ведь, действительно, так оно и было. И называлось «ленинские принципы партийной жизни».

Царь-то он, конечно, царь. Но нет царя без свиты. Как нет Генерального секретаря без аппарата. С аппаратом Брежнев справлялся. Знал аппаратные нравы и правила. Знал, где нужно уступить анонимной аппаратной силе, а где настоять на своем.

Генрих Боровик

Лауреат Государственных премий СССР, председатель Благотворительного фонда имени [Артема Боровика](#), академик и член президиума Национальной академии кинематографических искусств и наук России.

Родился в 1929 году, в семье театральных работников. Отец – Боровик Авиэзер Абрамович (1902–1980), дирижер. Мать – Боровик-Матвеева Мария Васильевна (1905–1970), ведущая актриса музыкальных театров. Супруга – Боровик (Финогенова) Галина Михайловна (1932 г. Рожд.), педагог-историк, работала преподавателем истории в школе, затем – редактором отдела культуры программы «Время» на Центральном телевидении. Дочь – Якушкина Марина Генриховна (1956 г. Рожд.), кандидат филологических наук. Сын – Боровик Артем Генрихович (1960–2000), известный журналист, писатель, общественный деятель, основатель и первый руководитель холдинга «Совершенно секретно», трагически погиб в авиакатастрофе. Внуки: Якушкин Иван Дмитриевич (1976 г. Рожд.), Боровик Максимилиан Артемович (1995 г. Рожд.), Боровик Кристиан Артемович (1997 г. Рожд.).

Родители Генриха Боровика всю жизнь были связаны с театром. В 1939 году они были среди основателей Пятигорского театра музыкальной комедии. Там же, в Пятигорске прошли школьные годы их сына.

В 1944–1945 годах, еще школьником, Генрих работал в Пятигорском театре помощником электромонтера и иногда выходил на сцену статистом. В театре он подружился – и сохранил эту дружбу на всю жизнь – с только начинавшими свой блестящий путь в искусстве Махмудом Эсамбаевым и Михаилом Водяным.

В 1947 году, окончив школу с золотой медалью, Генрих отправился в Москву поступать в Институт международных отношений. «Запасным» вариантом был режиссерский факультет ГИТИСа – любовь к театру, к музыке навсегда осталась с ним.

После успешного окончания МГИМО (диплом с отличием) Генриха Боровика приняли на работу в редакцию журнала «Огонек»... техническим секретарем международного отдела. Казалось, обладатель «красного» диплома мог рассчитывать на большее, но он был рад и этому: на дворе стояло очень «холодное лето» 1952 года. В редакции же молодой человек ощутил необыкновенную теплоту. Там работали прекрасные люди, почти все – фронтовики или фронтовые журналисты. Главным редактором был поэт Алексей Сурков. Практически все дела журнала вел замечательный человек, заместитель главного редактора Борис Бурков, всю войну проработавший главным редактором «Комсомолки». В редакцию «на огонек» запросто заходили и совершенно легендарные люди – Константин Симонов, Борис Полевой, [Сергей Михалков](#), Ираклий Андроников...

Генрих Боровик был в журнале самым молодым сотрудником, и старшее поколение относилось к нему, как минимум, с интересом – «а получится ли из этого паренька журналист?», но чаще – с трогательной, почти отеческой заботой.

В 1953 году Боровик стал литературным сотрудником, а потом и спецкором международного отдела. Уже в середине 1950-х годов к нему пришла известность. Его очерки из «горячих точек» – Вьетнама, Китая, Индонезии, Бирмы, – печатавшиеся в журнале «Огонек», резко отличались от общего стиля принятой тогда международной журналистики. Эти материалы были лишены пропагандистских штампов, в них действовали не ходульные герои, а нормальные люди со своими сомнениями и надеждами, описывались не шаблонные политические схемы, а обыкновенные жизненные ситуации.

В 1956 году в библиотеке «Огонек» вышла первая книжка очерков Генриха Боровика о Вьетнаме. Особый успех выпал на долю молодого писателя и журналиста после публикации им в 1960 году в «Огоньке» очерков о революционной Кубе и затем созданной на их основе книги «Повесть о зеленой ящерице», населенной живыми, а не плакатными людьми с неординарными характерами. Его очерк о встрече на Кубе с [Эрнестом Хемингуэем](#) и о рыбалке с ним вдвоем на его легендарной шхуне «Пилар» стал тогда настоящей сенсацией.

Выдающийся кинорежиссер-документалист Роман Кармен, прочтя очерки Боровика о Кубе, предложил ему написать сценарий для документального фильма. И вскоре состоялась премьера «Пылающего острова» – фильма о кубинской революции, который обошел тогда все экраны Советского Союза.

А вскоре блестящий театральный режиссер Андрей Гончаров поставил в Москве, в Драматическом театре на Малой Бронной первую пьесу Генриха Боровика «Мятеж неизвестных», образы и содержание которой были навеяны поездками автора по «горячим точкам» Юго-Восточной Азии. Ее поставили многие театры страны (так исполнилась его «запасная мечта»).

В 1962 году на съезде молодых литераторов Генрих Боровик был принят в Союз писателей СССР. Им написано более 20 книг. Среди них: «Повесть о зеленой ящерице», «Ваш специальный корреспондент встретился...», «Один год беспокойного солнца», «Пролог», «Май в Лиссабоне», «Репортаж с фашистских границ», «Ким Филби» и др. Некоторые переведены на разные языки мира. Он – автор сценария десятков документальных фильмов, в том числе документальных сериалов «Всего дорожке», «За девять лет до конца войны», «Война в России. Кровь на снегу» и др.

Его пьесы «Мятеж неизвестных» (1962) «Человек перед выстрелом» (1963), «Три минуты Мартина Гроу» (1970), «Интервью в Буэнос-Айресе» (1976), «Агент 00» (1985) с успехом шли в театрах СССР и за рубежом.

Сотни очерков, опубликованных в печати многих стран мира, телевизионные программы и эссе, сценарии документальных и художественных фильмов, пьесы для театра – таков творческий диапазон писателя, публициста, драматурга, журналиста, телеведущего Генриха Боровика.

Вряд ли кто-то возьмется оспаривать, что среди журналистов-

международников старшего поколения произведения Генриха Боровика – на газетной ли полосе, в журналах, в книгах, на экране документального кино и телевидения, на театральной сцене, наконец, – всегда занимали одно из первых мест по популярности среди читателей изрителей.

Приведем пример. В 1986 году вышла книга очерков Г. Боровика «Пролог», отмеченная читателем и критикой и быстро исчезнувшая с прилавков книжных магазинов. Через год редакция «Роман-газеты» провела интересный опрос читательских мнений. Она разослала своим подписчикам анкету, в которой перечислила 100 наиболее заметных произведений прозы, получивших общественный резонанс в последнее время, и обратилась к читателям с просьбой выбрать из этих 100 произведений 12 для публикации в 12 номерах ежемесячной «Роман-газеты» в наступавшем 1988 году. Среди этой сотни произведений была упомянута и последняя книга Генриха Боровика «Пролог». В ней не было ни детективной фабулы, ни любовной интриги, ни прочих заведомо привлекательных для читателя элементов. Но в читательских откликах документальная очерковая книга «Пролог» заняла третье место по числу голосов, поданных за нее. Поскольку книга по объему не умещалась в одном номере «Роман-газеты», редакция напечатала ее в двух выпусках. Общий тираж этой книги только в СССР составил более 5 миллионов экземпляров!

Объяснение этому простое. Несмотря на «нероманное» построение, книга по-настоящему художественна. Автор знакомит читателя с целой галереей характеров и ситуаций. Знакомит с американским народом и с Америкой как страной. Они и являются главными героями книги.

И еще одно действующее лицо этого романа встает перед глазами читателя, независимо от воли автора. Он сам. Его взгляды, надежды и разочарования, нравственные ценности, характер. И это оказывается интересно читателю.

Из драматургических произведений Генриха Боровика особый успех выпал на его пьесу «Интервью в Буэнос-Айресе», написанную в 1976 году по огненным следам чилийских событий, которым автор был свидетель. Она не только прошла почти в сотне театров нашей страны, но и в полтора десятках театров крупнейших городов мира, включая Нью-Йорк, Мадрид, Стокгольм, Прагу, Варшаву, Токио, Дамаск, Париж, Каракас...

Сам автор, говоря об успехе пьесы, склонен относить его прежде всего на счет той атмосферы солидарности с народом Чили, с которой был воспринят многими в мире пиночетовский переворот 11 сентября 1973 года. Однако о тех событиях были написаны десятки, сотни произведений (в том числе и драматургических), но пьеса Г. Боровика была в те годы самой популярной. А его очерки, написанные по горячим следам трагических событий в Чили, были официально включены в число документов Международного трибунала, который рассматривал преступления чилийской военной хунты.

Главный режиссер Театра имени Ленсовета Игорь Владимиров, тоже поставивший эту пьесу в своем театре и блестяще сыгравший в ней главную роль

журналиста Карлоса Бланко, рассказывал, как в 1977 году театр возил спектакль в Париж на театральный фестиваль наций. Спектакль был принят очень хорошо, а известный французский театральный критик сказал тогда: «Секрет успеха этого спектакля состоит в том, что в нем рассказывается не только о Чили. В нем речь идет об угрозе фашизма и во Франции, и в любой стране мира. В каждой сцене, в каждом диалоге я вижу и слышу то, что относится лично ко мне, французскому журналисту...»

Эти слова применимы ко всему творчеству Генриха Боровика, в каком бы жанре он ни выступал. В его произведениях всегда есть то главное, что читатели, зрители, слушатели могут соотнести и соотносят с собой лично, с обществом, в котором они живут.

Личность Г. Боровика многогранна. В его жизни немало ярких поступков, не обозначить которые хотя бы телеграфным стилем было бы некорректно. Весной 1980 года Г.А. Боровик провел несколько месяцев в Афганистане. объездил всю страну, побывал в самых опасных местах и ситуациях, но почти ничего не написал оттуда ни в газеты, ни в журналы. Писать неправду не мог, а правду никто бы не напечатал. Вернувшись в Москву, он отказался от выгодного предложения студии «Мосфильм» написать сценарий для художественного фильма об этой войне. Договор был заключен накануне поездки в Афганистан. Сценаристу были обещаны госзаказ и почти верная Государственная премия. Ставить фильм должен был известный кинорежиссер. Но, вернувшись домой, Боровик отказался от договора и вернул аванс. Вместо того чтобы писать сценарий, он отправился в ЦК КПСС и рассказал там о том, что увидел в Афганистане. Сказал, что эта война бессмысленна, что наша страна повторяет те же ошибки и совершает те же преступления, которые совершали США в своей войне против Вьетнама, что советские войска взвалили войну на свои плечи, но оказались к ней не готовы, что истинные размеры наших потерь военное начальство скрывает и т. Д., и т. П.

Результатом этого похода в ЦК стал гнев начальника Главпура (Главного политического управления) Советской армии. Генерал армии А.А. Епишев собирался жаловаться на «безответственного журналиста» самому Л.И. [Брежневу](#). Спасла «безответственного» только помощь его друзей в ЦК – Евгения Самотейкина и Николая Шишлина, а также то обстоятельство, что именно в это время Боровик на полтора года ушел из журналистики – работать над серией документальных фильмов и писать новую пьесу.

В 1982–1985 годах Г.А. Боровик становится главным редактором журнала «Театр». Тираж этого издания при нем вырос вдвое.

В 1985–1987 годах Г.А. Боровик был секретарем Союза писателей СССР по международным делам. Именно в эти годы приезжают к нам в страну по приглашению Союза писателей давние друзья Г. Боровика – выдающиеся писатели и деятели культуры разных стран: Грэм Грин, [Габриэль Гарсиа Маркес](#), Норман Мейлер, Питер Устинов и др. Это способствовало росту популярности нашей страны за рубежом и распространению правды о перестройке, которая тогда только начиналась.

Вскоре Г.А. Боровик обратился в ЦК с предложением прекратить изоляцию

советских писателей от крупнейших международных писательских организаций, в частности от Международного Пен-клуба. Его аргументы были убедительны, и Секретариат ЦК принял решение, положившее конец «берлинской стене» между советскими писателями и писателями мира.

В 1987 году Г.А. Боровика избирают председателем Советского комитета защиты мира и вице-президентом Всемирного совета мира. Эта общественная работа отнимала у него много времени. Советский комитет защиты мира стал тогда заметной общественной организацией, твердо стоявшей на позициях демократических преобразований в стране. Это было доказано многими реальными делами обновленной организации, которая немало сделала для окончания «холодной войны» и ликвидации «образа врага». Но кроме международных дел Боровику тогда приходилось заниматься и внутренними конфликтами, которые на национальной почве начали возникать на территории СССР. Он, как всегда, одним из первых едет в новые «горячие точки», туда, где опасно. Но теперь это не за рубежами страны, а внутри нее. Везде, где назревал или разворачивался конфликт, люди видели его, обращались к нему за советом. Это было и в разгар конфликта вокруг Нагорного Карабаха, и в дни конфликта между Северной Осетией и Ингушетией, и в дни противостояния в Приднестровье.

В те же годы Г.А. Боровик работает политическим обозревателем Гостелерадио СССР. Он – автор и ведущий популярной программы «Позиция». Именно в его программе впервые с экрана телевизора было рассказано об истоках различных межнациональных конфликтов, впервые открыто и остро был поднят вопрос о деятельности шовинистических организаций в СССР. Настолько остро и открыто, что в одной из таких организаций Г.А. Боровика поставили на первое место в секретном списке «на физическое уничтожение».

В годы перестройки М.С. [Горбачев](#) приглашает Г.А. Боровика в качестве эксперта сопровождать его почти на все встречи с главами зарубежных стран.

В 1989 году он избирается народным депутатом СССР, становится членом постоянного комитета Верховного Совета СССР по международным делам.

В начале 1990-х он направил записку в ЦК КПСС, в которой утверждал, что ситуация, когда все каналы Всесоюзного телевидения и радио подчиняются одной организации и практически одному человеку – председателю Гостелерадио, обедняет телевидение и противоречит демократическим принципам. Он предложил оставить в подчинении Гостелерадио лишь один телеканал и одну радиостанцию, а остальные передать в ведение общественных организаций и прежде всего творческих союзов. Жизнь показала, что он был прав.

В критические дни августовского путча 1991 года Советский комитет защиты мира уже 19 августа принял официальное заявление с резким осуждением антиконституционных действий ГКЧП. Заявление было передано по радио вечером 19 августа и опубликовано в газетах утром следующего дня, а сам Генрих Боровик 19, 20 и 21 августа выступал из Москвы по телеканалу CNN, рассказывая всему миру о том, как руководители КПСС предали своего Генерального секретаря, предали перестройку, нарушили Конституцию страны (по советскому телевидению сделать это было,

естественно, невозможно).

Сын Генриха Боровика – Артем, уже очень популярный к тому времени журналист, все эти три дня и три ночи находился вместе со своей женой Вероникой в «Белом доме» на Краснопресненской набережной.

В июне 1991 года Г.А. Боровик вышел из КПСС. В годы реформ он занимал активную позицию помощи делу демократизации страны. В 1994 году на телеканале «Останкино» он создал (как автор проекта, автор сценария и ведущий) телесериал «За девять лет до конца войны». В нем впервые в истории отечественного телевидения была рассказана правда о том, как в 1979 году принималось печально знаменитое решение о вводе советских войск в Афганистан и как оно осуществлялось. В следующем году Генрих Боровик начинает работу (как автор проекта и один из авторов сценария) над 10-серийным документальным фильмом «Россия в войне – кровь на снегу». В нем была показана та настоящая правда о Великой Отечественной войне, которую по понятным причинам не мог показать Роман Кармен в своей выдающейся 20-серийной киноэпопее «Великая Отечественная». Новый сериал стал для его создателей как бы продолжением работы над фильмом Кармена.

Г.А. Боровик внес серьезный творческий вклад в становление телевизионного канала «Культура». Его просветительная авторская программа «Завещание XX века», в которой писатель и публицист рассказывал о своих встречах с выдающимися людьми XX века, такими, как [Александр Керенский](#), Эрнест Хемингуэй, Ким Филби, Константин Симонов, Грэм Грин, Уолтер Кронкайт, мать Тереза и др., была высоко оценена зрителем и критикой, постоянно имела самый высокий рейтинг среди передач канала «Культура».

Писатель, драматург, публицист, тележурналист, видный общественный деятель, политолог, наконец, гражданин, Генрих Боровик – одна из самых ярких фигур творческой и общественной жизни современной России. Имя его известно на всей территории бывшего СССР, во многих странах мира.

Его труд отмечен государственными наградами СССР и России: орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, медалями.

Генрих Авиэзерович Боровик – дважды лауреат Государственных премий СССР (за пьесу «Интервью в Буэнос-Айресе» и за книгу «Пролог»), лауреат премий имени Алексея Толстого и имени Михаила Кольцова Союза писателей СССР, лауреат нескольких премий Союза журналистов России, ряда престижных международных творческих премий, в том числе премии «Золотое перо». В 2002 году Г.А. Боровик избран в президиум Национальной академии кинематографических искусств и наук России.

9 марта 2000 года семью Боровика постигло страшное горе: сын Артем погиб в авиакатастрофе, произошедшей при взлете самолета в аэропорту Шереметьево. Артем шел по стопам отца. Был талантливым журналистом и писателем. Он прославился своими очерками из Афганистана в середине 1980-х годов, в которых первым в стране рассказал правду об афганской войне. Его очерки, опубликованные в журнале «Огонек», были переведены на многие языки мира и напечатаны в таких журналах, как «Лайф», «Пари мач», «Шпигель» и др. Он завоевал любовь и доверие

читателей и телезрителей и тем, что газеты, журналы, телевизионные программы созданного им независимого холдинга «Совершенно секретно» смело вели журналистские расследования преступлений, которыми по разным причинам не решались или не могли заниматься правоохранительные органы. Несмотря на огромное давление, которому подвергался Артем и его холдинг, несмотря на откровенные угрозы, он оставался независимым, честным, неподкупным журналистом.

В последнем телевизионном интервью, которое Артем дал главному телеканалу страны, кто-то из телезрителей задал ему по пейджеру вопрос: «Если вы такой честный, то почему же вы до сих пор живы?..»

Ответ пришел через двое суток – в Шереметьеве при взлете разбился самолет, в котором летел Артем. До сих пор причины этой авиакатастрофы до конца не прояснены.

Ныне Генрих Боровик возглавляет Благотворительный фонд имени Артема Боровика. Его учредили родные и близкие Артема. Цель фонда – содействовать развитию независимой журналистики в России, то есть продолжать главное дело Артема, отстаивать его идеалы гражданина и патриота. Работу холдинга «Совершенно секретно» продолжают друзья и единомышленники Артема. И конечно, его вдова Вероника Боровик-Хильчевская, которая была верной помощницей и союзником Артема во всех его замыслах. Она возглавила холдинг после смерти Артема.

Семья Генриха Боровика находит утешение в этой работе и в том, что Артем оставил двух замечательных сыновей – Максимилиана и Кристиана. Они хоть и маленькие, но уже мечтают быть журналистами – «как папочка и Генрих».

В 2003 году, в связи с 300-летием российской журналистики Союз журналистов России учредил высшее почетное звание – «Легенда российской журналистики». Оно было присвоено пяти журналистам России. В их числе Генрих Боровик и Артем Боровик, премия которому присуждена посмертно.¹¹⁴

**Генрих Боровик: «Хемингуэй бросил фразу:
«Мужчина не имеет права умереть в постели —
либо в бою, либо пуля в лоб»¹¹⁵**

Известный журналист и публицист накануне 60-летия творческой деятельности рассказал «ФАКТМ» о самых памятных интервью в своей жизни

Имя в журналистике Генрих Боровик сделал, освещая события в горячих точках планеты. Это было опасно и рискованно. Однако профессия подарила Генриху Авиэзеровичу много незабываемых встреч с легендарными личностями — с Фиделем Кастро, Эрнестом Хемингуэем, Александром Керенским, матерью Терезой, Папой Римским Иоанном Павлом II...

В журналистику Генрих Боровик пришел в 1952 году. Закончив Московский

¹¹⁴ [Международный Объединенный Биографический Центр](http://c-cafe.ru/days/bio/53/borovik.php) 2006 //http://c-cafe.ru/days/bio/53/borovik.php

¹¹⁵ Беседовала Ольга СМЕТАНСКАЯ, «ФАКТЫ» (Москва) 04.01.2012

государственный институт международных отношений (МГИМО), сразу попал на работу в одно из самых популярных в СССР изданий — журнал «Огонек», еженедельно издававшийся тиражом около 2, 5 миллиона экземпляров.

«Сын Черчилля журналист Рандольф был известен своими скандальными выходками» — Генрих Авиэзерович, помните, с кем из известных людей вы сделали свое первое интервью?

— Его я взял у сына Уинстона Черчилля Рандольфа — скандального английского журналиста, когда он приезжал в Москву, — вспоминает Генрих Боровик. — Остановился он в гостинице «Националь» и поразил меня тем, что, подойдя к окну, из которого был виден Кремль, самодовольно заявил: «Хо-хо-хо! Мой друг министр обороны США всю эту вашу красоту может уничтожить за пять минут!». Я это описал в очерке, который напечатали в «Огоньке».

Было много шума, а спустя некоторое время я получил письмо с очень приятной похвалой от Бориса Полевого, с которым в то время еще не был знаком. Потом мне рассказали, что сын Черчилля давно известен своими выходками и провокациями. Например, после визита в Югославию и общения с ее лидером Иосифом Броз Тито, опубликовал сенсационное сообщение примерно такого содержания: «Тито... женщина. Во время купания я видел его грудь».

— Вы были едва ли не единственным советским журналистом, кому удалось разговорить Эрнеста Хемингуэя. Как вам удалось?

— О таком подарке судьбы, признаться, и не мечтал. В конце 1950-х — начале 1960-х годов в Москве не было ни одной интеллигентной семьи, в квартире которой не висел бы портрет Хемингуэя. Он был символом честности и блистательной литературы. А пообщаться с великим писателем удалось благодаря случаю.

В 1959-м от «Огонька» меня послали в Мексику с делегацией, которую возглавлял Анастас Микоян. Там он встретился с дипломатом, который один из первых побывал на Кубе после революции. Дипломат рассказал о Фиделе, Че Геваре, и Микоян загорелся идеей поездки на Кубу. А до того как лететь самому, вызвал меня: «Слушай, Боровик, ты неплохо пишешь. Просьба к тебе: поедь на Кубу и постарайся поговорить там с людьми, узнать, как они относятся к революции, что думают о Фиделе, потому что у нас сведения противоречивые. Потом все расскажешь». И я отправился на остров Свободы.

— И что же вас поразило на Кубе?

— Буквально все: люди, давно стремившиеся к освобождению, Фидель с его верой в революцию... Вернувшись в Москву, о своих впечатлениях, которые у меня были исключительно положительными, я рассказал Микояну. А потом, уж не вспомню, что сказал, Анастас Иванович восклицает: «Нет, не может быть!». — «Как не может быть? Я же это видел!» — «Видел-видел, но не разобрался!». И добавил: «Слушай, Боровик. Я тебе дам совет: хочешь со мной разговаривать, помолчи, а?». (Смеется.)

Спустя какое-то время на Кубу с Микояном полетели восемь журналистов, в делегацию попал и я. В плане визита была и встреча с Хемингуэем. Помню, как мы переживали, всех ли Микоян возьмет к писателю. И вдруг накануне звонок от жены писателя: «Папа (так называли Хемингуэя) просит, чтобы господин Микоян больше одного журналиста с собой не брал. Он не любит давать интервью». Мне повезло. Взять интервью, признаться, я не

очень надеялся. Ну, думал, два-три вопроса задам в лучшем случае...

«Поймав тунца, Хемингуэй сказал: «Хенри, следующая рыба будет ваша!»

— Как же удалось расположить к себе писателя?

— Микоян привез ему модель спутника и... ларец с тремя бутылками водки. Хемингуэй сразу же стал искать штопор. Его под рукой не оказалось. И тут я взял у него из рук бутылку и открыл ее ударом ладони по донышку. Писатель пошутил: «О, теперь я понимаю, как русским удалось запустить спутник!» И, чтобы произвести на меня ответное впечатление, взболтал содержимое бутылки и треть ливанул в горло, начав его полоскать. Я тоже изобразил полное восхищение, хотя на первом курсе МГИМО мы уже проходили такое «упражнение», и довольно успешно.

Потом писатель показал свою библиотеку. В ней оказалась книга моего друга режиссера-документалиста Романа Кармена — с ним Хемингуэй воевал в Испании против фашизма, и книга «Дни и ночи» Константина Симонова, с которым я тоже был в хороших отношениях. У нас сразу нашлись общие темы, и я рискнул попросить Хемингуэя ответить на два-три вопроса. «Хенри, — вдруг он похлопал меня по плечу. — Зачем два-три? Я вас приглашаю со мной порыбачить на шхуне «Пилар». Согласитесь?»

О таком предложении, признаться, я даже мечтать не мог. Через несколько дней Папа Хэм позвонил мне прямо в отель и утром назначил встречу в рыбацьем клубе. И вот целый следующий день мы провели на шхуне. Это было для меня таким счастьем! Единственное, о чем жалею, что не попросил механика сфотографировать меня с великим писателем. Считал, что нетактично.

— Каков же оказался ваш улов?

— Поймав тунца, Хемингуэй сказал: «Хенри, следующая рыба будет ваша!» На что я ему ответил: «Нет, кто-то в последние годы словно заколдовал меня. И там, где я рыбачу, никакая рыба не клюет...» Он рассмеялся. И что вы думаете? Кроме той рыбы, мы больше ничего не поймали, хотя рыбачили до трех-четырех часов.

Потом Хемингуэй спросил меня, как я стану добираться до Гаваны. Я ответил: на арендованной машине. Попросил отвезти его домой. Конечно, я был рад. Переживал только, ведь машина была не совсем исправна. Думал: вдруг по дороге что-то случится, все газеты мира потом напишут, что советский журналист угробил Хемингуэя! К счастью, обошлось. Привез его домой и еще почти до двух часов ночи мы разговаривали.

— О чем же?

— Хемингуэй объяснил мне, почему не любит журналистов: «Недавно я был на корриде в Мадриде. Победу одержал мой любимый тореро. Все аплодируют ему, кричат что-то. Я тоже, радуясь, аплодирую. Вдруг подходит какой-то испанский журналист и спрашивает: «Скажите, господин Хемингуэй, вы действительно собираетесь в Москву?» Я пошутил: «Поеду с удовольствием, если они там устроят бой быков». На следующий день выходит газета с подзаголовком: «Условием своей поездки в Советский Союз Хемингуэй ставит проведение боя быков в Москве».

Много интересного я узнал. Например, как в рыбацкой деревушке Кохимар нашлось три-четыре рыбака, которые выдавали себя за главного героя его повести «Старик и море». А один вообще признался иностранным журналистам, что абсолютно ВСЕ именно он рассказал писателю, а тот, неблагодарный, ничего ему не заплатил, даже когда получил

Нобелевскую премию. Журналисты давали старикам за комментарии по пять долларов и писали о том, что автор вовсе не Хемингуэй, называли его жуликом. Писатель очень переживал по этому поводу. Интересно, что спустя время рыбаки в Кохимаре за свои деньги поставили ему памятник.

Я написал о своей встрече с Хемингуэем — и это стало сенсацией. Публикация в «Огоньке» сопровождалась сделанной мною фотографией, где он стоит у штурвала. У многих потом этот снимок, вырезанный из журнала, висел в домах.

— Ваша встреча произошла приблизительно за год до того, как Хемингуэй покончил жизнь самоубийством.

— Знаете, во время нашей беседы он бросил фразу: «Мужчина не имеет права умереть в постели — либо в бою, либо пуля в лоб». Потом, когда Хемингуэй покончил с собой, я вспоминал, что несколько раз из его уст звучало «если я успею». Видимо, мысль о самоубийстве сидела в нем давно.

«Керенский предложил виски. Я налил. Он посмотрел: «Почему себе так мало? Не бойтесь — не отравлено».

— Вы единственный советский журналист, который сумел взять интервью у Александра Керенского, бывшего в 1917 году главой Временного правительства. Как вы его разыскали в Нью-Йорке?

— Это случилось в 1966 году в бытность мою собственным корреспондентом Агентства печати «Новости» и «Литературной газеты» в США. От одного американского журналиста я узнал, что в Америке проводится ежегодный бал российской аристократии — эмигрантов, выехавших из страны сразу после революции. По моей просьбе коллега достал мне приглашение.

То, что я советский журналист, особо не афишировал. Неожиданно за столом заговорили о Керенском. Признаться, я даже не знал, что он жив. Мне дали телефон. Позвонив, я представился, назвав место работы, сказал, что хочу взять интервью. Александр Федорович согласился: «Встречусь с вами с удовольствием. Только почему вы говорите, что работаете в «Литературной газете» и Агентстве печати «Новости»? Я читал ваши очерки в «Огоньке», в том числе о Хемингуэе». Он просматривал советскую прессу — Россия ему была интересна, он оставался ее патриотом.

В гости я взял жену — она историк. И это ему тоже понравилось — понял, что я не какой-то разведчик. Просидели мы часа три. В самом начале Керенский сказал: «Слушайте, господин Боровик, ну есть же умные люди в вашей Москве. Ну скажите им: не бежал я из Зимнего в женском платье. Ну не бежал! Я уехал в своей машине, в своей одежде. Мне отдавали честь и часовые Временного правительства, и даже ваши большевики!»

— В какой обстановке Керенский жил? Был состоятельным человеком?

— Знаете, когда я сказал: «Какой красивый у вас дом!», Александр Федорович ответил: «Если бы это был мой дом, то у меня была бы и газета против вас, большевиков».

— Наверное, арендовал?

— Нет, денег у него почти не было. Но один богатый приятель сделал завещание: тот, кто станет владельцем дома после его смерти, обязан бесплатно предоставлять Керенскому жилье.

Принимал нас у себя в кабинете. Мы принесли символические подарки: матрешку, еще

что-то... Керенский обожал Россию, верил в нее. Помню, с гордостью говорил: «Помещичье землевладение не большевики убрали, а Временное правительство». И еще: «Россия никогда не вернется к капитализму. Никогда!» Тут несколько ошибся.

— Чем угощал?

— Предложил нам выпить виски. Я налил. Он посмотрел и сказал: «Почему себе так мало? Не бойтесь — не отравлено». — «Да я не боюсь». — «А мне всю жизнь приходилось бояться».

Придя домой, мы с женой всю ночь сидели и, вспоминая, записывали его рассказ. Интересно, что Керенский воспринял меня как провозвестника нового отношения России к нему. Приближалась 50-я годовщина Октябрьской революции — возможно, Александр Федорович ждал, что отношение к нему изменится.

Второй раз мы увиделись примерно месяц спустя. В его кабинете сидели какие-то женщины, боготворившие Керенского — он всегда был окружен дамами. Ведь был превосходным оратором! Рассказывал мне, как однажды в какой-то госпиталь еще во времена Временного правительства пришли богатые люди — чтобы помочь раненым. Давали какие-то гроши. И Керенский выступил: мол, как не стыдно, эти раненые готовы были пожертвовать жизнью! Одна из дам сняла с себя бриллиантовое ожерелье, ее примеру последовали и другие.

Впоследствии свой очерк о Керенском я послал в «Литературную газету». Оттуда позвонили и сказали: «Генрих, это грандиозно! Даем в номер». Но... статья не вышла ни в этом номере, ни в следующих. Позже я узнал, что очерк о «злейшем враге советской власти Александре Керенском» цензура признала вредным — давать трибуну белоэмигрантам в советской прессе было запрещено.

— **Правда, что встречу с Папой Римским Иоанном Павлом II не вы искали, а он?**

— Встрече с Папой Римским предшествовало общение со знаменитой католической монахиней матерью Терезой. Она приезжала в Москву в 1987-м — при Горбачеве. Я в это время возглавлял советский Комитет защиты мира. Как-то мне показали фильм о ней, и я инициировал визит матери Терезы в СССР. Послали ей телеграмму, она приехала.

Буквально через месяц после ее визита приходит приглашение от Папы Римского Иоанна Павла II: «Господину Боровику. Его Святейшество приглашает небольшую делегацию...» Поехали втроем — я, еще один журналист из ТАСС и космонавт Георгий Гречко.

Аудиенция была запланирована на 15 минут, а длилась втрое дольше. Конечно, мы волновались. И знаете, какой был первый вопрос: «Господин Боровик, скажите, что нового у вас идет в театрах?» Видно было, что понтифику очень интересно: он ведь писатель, драматург. Разговор шел чуть-чуть на русском, но в основном на английском. На мой вопрос: «Трудно ли быть Папой Римским?» Иоанн Павел II ответил: «Трудно, но с Божьей помощью можно».

— **Над чем сейчас работаете, Генрих Авиэзерович?**

— Возглавляю благотворительный фонд Артема Боровика, главная цель которого — содействие независимой журналистике. Сегодня это моя основная работа. Кроме того, хочу написать мемуары.

Голливуд как инструмент пропаганды

Из книги Генриха Боровика «Контора на улице Монтэра» (1978)

Сказка про «красного волка»

По телевизионному экрану двигался человек с алюминиевым лицом. Алюминиевый нос, алюминиевые уши, подбородок, щеки, лоб. Вся голова его, похожая на сушеную тыкву с прорезями для рта и глаз, была из алюминия. Только глаза были живыми. Они смотрели на мир внимательно и устало. Розовощекий симпатяга – агент ФБР (голова – из обычного материала) тоже смотрел на мир глазами внимательными и усталыми. Особенно устало он глядел на человека с алюминиевой головой. Дело в том, что алюминиевый выдавал себя за известного американского ученого, работавшего над сверхсекретным оружием. Но агент ФБР сильно подозревал, что под алюминиевой оболочкой скрывается на самом деле советский шпион. Давняя возлюбленная ученого, призванная агентом ФБР для экспертизы, тоже не смогла разобраться, путалась. Она вообще, кажется, ни в чем не была уверена, не исключала даже, что и сам агент ФБР тоже советский шпион. Ну, а агент, по видимому, не исключал насчет ее. В этом фильме никто ничего не исключал и все смотрели друг на друга внимательными и усталыми глазами.

А началось все с того, что, насколько я понял (телевизор я включил, когда фильм уже шел), некий сверхзасекреченный американский ученый попал за «железным занавесом» в какую-то подстроенную ему катастрофу – не то автомобильную, не то самолетную. Коммунисты сделали ему металлический череп и металлическое лицо, вместо разбитых при катастрофе. Но, понятно, не из соображений альтруизма, а лишь корысти ради – чтобы выведать у него все американские секреты. Одновременно чекисты безжалостно раздробили череп одному своему здоровому коллеге и сделали ему взамен такую же нержавеющую тыкву, как ученому, чтобы под видом американца запустить в США – позлодействовать. И вот ФБР в течение всего фильма пытается выяснить, что же за тыква прибыла в США – ученая или шпионская.

Если кто-нибудь думает, что речь идет о фильме-пародии, то зря: никаких шуток, полная политико-кинематографическая серьезность.

В журнале телевизионных программ сообщалось, что фильм про металлическую голову будет демонстрироваться по каналам американского кабельного телевидения раз в неделю в течение месяца. Решив досмотреть его в будущем, я переключил регулятор на другой канал — № 5. И увидел мрачных людей в военных фуражках с серпом и молотом на околыше. Они разрабатывали жуткий план тайной высадки в столице Соединенных Штатов коммунистического десанта, переодетого в антивоенных демонстрантов и в форму офицеров НАТО для захвата Пентагона и еще чего-то. А группа из четырех американских суперменов и одной обольстительной супервумэн в мини-юбке разрабатывала контрплан – как сорвать замысел коммунистов.

То был субботний фильм давно знакомой мне (еще с первого приезда в США в 1966 году) марафонской еженедельной телевизионной серии «Миссия невозможна».

Журнал телевизионных программ сообщал, что завтра в воскресном фильме этой серии четыре супера и одна суперша будут спасать Америку от другого плана коммунистов – похитить все американское золото, дабы разорить Соединенные Штаты и пустить их, так сказать, по миру. А в следующую субботу, сообщал мне тот же журнал, советские агенты

будут пытаться взорвать противоядерную оборону Соединенных Штатов, чтобы тут же начать нападение. А в следующее воскресенье советские агенты...

А через субботу коммунисты... Ну и так далее и тому подобное.

Не проходит недели – и это не преувеличение, — чтобы по каналам американского телевидения не показывали 2-3 «художественных» фильма о советских агентах, коммунистических шпионах, об «ужасах» жизни в Восточной Европе. Не проходит неделя, чтобы американского телезрителя не пичкали бы новыми игровыми фильмами или о том, как бравый шериф Маклауд мчится в Москву, чтобы спасти там дочь американского генерала, попавшую в лапы большевиков, или о том, как кровожадные агенты Москвы взрывают американский отель, переполненный туристами, чтобы убить в нем американку, в которую влюбился советский дипломат. Не проходит месяца, чтобы в памяти американцев не «освежали» антисоветские фильмы, сделанные в разное время, — и постаревшую «Ниночку» из тридцатых годов, и потрепанную «Девушку из Петровки» из шестидесятых, и относительно новенького не то шпиона, не то ученого с нержавеющей на плечах. Я называю всего несколько фильмов, а их сотни, объединенных стремлением их создателей вызвать у зрителя одно чувство: страх перед Советским Союзом и странами социализма.

Еженедельный журнал «Ти-ви гайд», в котором печатаются программы телевидения, аннотирует и рекламирует такие фильмы безо всяких дипломатических ухищрений: «Советские агенты пытаются похитить высокое лицо из Пентагона...», «Террорист захватывает американский «Боинг-747» с пассажирами и угоняет его в Москву...», «Агент из Восточной Европы влюбляет в себя дочь американского ученого-ядерщика, чтобы проникнуть в секреты нового оружия...» Ну и так далее, в том же духе.

Однако программа, напечатанная в «Ти-ви гайд», не может дать полного представления об изобретательности продюсеров, сценаристов и режиссеров, работающих в области «советской угрозы».

В программе, скажем, объявлено: «Научно-фантастический фильм о нападении на Соединенные Штаты монстров, которыми управляют иностранцы...»Вроде бы ни слова о Советском Союзе, ни о коммунистах вообще. Но можно быть почти на сто процентов уверенным, что в фильме сделан недвусмысленный намек на идеологическую принадлежность злых иностранцев: одного из них, надо ожидать, покажут сидящим за столом под портретом Карла Маркса.

Если телевизионная программа обещает с девяти до десяти утра мультипликационные фильмы для самых маленьких, это вовсе не значит, что идеологические телеобработчики в это время отсыплются. Ни-ни! Работают.

Я видел мультипликационную «Сказку о Красной шапочке и Сером Волке», в которой все оставлено, как у сказочника, — и пирог, и внучка, и бабушка. Привнесена лишь одна деталь: волк ходит в фуражке с серпом и молотом, разговаривает с русским акцентом, а бабушку с внучкой спасают охотники – агенты ФБР. «Сказка о красном волке» — так следовало бы назвать сказочку.

Среди детских программ американского телевидения можно увидеть мультипликационную серию с двумя постоянно действующими злодеями: маленький толстый злодей в черных очках, в пальто с поднятым воротником – «типичный»

иностранный шпион и его подруга – высокая, худая, несимпатичная злодейка с черной челкой. Злодейская пара все время замышляет что-то нехорошее, а борьбу с ней ведут благородный олень и маленькая белочка. Ну, что, казалось бы, может быть плохого в таком сюжете? Однако опять маленькая деталь: злодеев зовут «Борис» энд «Наташа», они говорят с русским акцентом и проникают в США с «далекого холодного острова (?!) в Сибири».

Смешно? Будем считать, что смешно.

Чуть подрастет американец, научится читать – ему вручат книжки про шпионов. Самые длинные полки в американских книжных магазинах отводят под детективные романы. Дешевые десятисортные романы. Их пишут на скорую руку конвейерным способом авторы, среди которых покойная Агата Кристи выглядит, как Шекспир в петлюровской банде. Почти в каждом втором романе, конечно, действует «русский шпион», собирающийся взорвать, уничтожить, подорвать, разнести на мелкие кусочки Соединенные Штаты, кого-то похитить, кого-то арестовать, кого-то убить.

Ну и параллельно нескончаемая, как вязание, еженедельная серия «Миссия невозможна», которая длится вот уже больше десятилетия. 52 раза в год (а последнее время дважды в неделю – по субботам и воскресеньям, то есть 104 раза в год) 4 знакомых супера и их подруга в вышедшей уже из моды мини-юбке входят в дома миллионов американцев, чтобы сыграть перед ними в очередной эпизод спасения Америки от злодеев из Восточной Европы, сделать телезрителям очередную инъекцию страха перед Советским Союзом, перед странами социализма, перед коммунизмом вообще.

Как-то я разговаривал обо всем этом с одним ведущим американским писателем-прозаиком.

- «Миссия невозможна»?! – он засмеялся совершенно искренне. – «Девушка с Петровки»?! Кто же эту дребедень смотрит?! Ее делают десятисортные писатели и режиссеры. Люди просто-напросто зарабатывают свои доллары.

Почем нынче открытые раны?

Страх – эмоция товарная. Эта истина, усвоенная с незапамятных времен полицейскими репортерами, формулируется ими так: смерть продать легче, чем рождение.

Насилие, вызывающее чувство страха, давно стало обязательным компонентом американского массового искусства – особенно в кино и на телевидении.

Однажды – это было в январе 1977 года – в очерке для «Литгазеты», в котором затрагивалась тема «товарного страха», я предположил в шутку, что у хозяев американских теле- и киностудий должен,

по-видимому, существовать некий прейскурант с твердыми расценками на каждое блюдо насилия в зрелищном меню. Предположение, повторяю, было ироническим. Но, откровенно говоря, я не очень удивился, когда приблизительно через полгода прочел в американском журнале «Нью Таймс», что такой прейскурант действительно существует и служит критерием для оценки сценариев. По этому ценнику убийство, «соответственно обставленное», получает 50 пунктов; уничтожение города – тоже 50; покушение на убийство – 30; показ «результатов» убийства – 25; тяжелое ранение (открытая рана, течет кровь) – 30; ранение средней тяжести – 18; упоминаемое убийство – 5 пунктов.

Зачем искусствоведам и философам спорить о критериях в оценке художественных произведений? Все по-деловому, по-бухгалтерски точно и бесспорно: один из недавних фильмов телесериала «Баретта», набравший 1119 пунктов (29 действий, так или иначе связанных с убийством), представляет безусловное достижение искусства, а чеховские «Три сестры» еле-еле тянут на 5 пунктов (упоминание об убийстве Тузенбаха), и поэтому таковым считаться не могут.

Прейскурант насилия хорошо известен американским сценаристам. Писатели знают, что сценарий «с кровью» куда как легче продать. И поток такого рода произведений продолжает возрастать.

«В гильдии писателей, — рассказывает известный американский сценарист Стив Шаган, — приблизительно 4 тысячи членов, а крупнейшие киностудии Америки в прошлом году выпустили лишь 55 кинофильмов (телевизионные серии в данном случае не имеют в виду. — Г. Б.). Писатели знают: если пишешь сценарий, в котором пытаешься ненавязчиво, изнутри расследовать характер героев, рискуешь, что рукопись никто не купит. Сценарий «Спасите тигра» (без сцен насилия — Г.Б.) я безуспешно пытался продать в течение трех лет. А сценарий «Толкотня» (со сценами насилия — Г.Б.) был продан в течение двух недель».

В анонсах сцены насилия, убийства, садизма рекламируются, как подтяжки. В недавнем номере журнала телевизионных программ «Ти-ви гайд» передача, посвященная творчеству Хичкока, например, была объявлена так: «За этот час вы увидите сцену убийства ножом детектива на ступенях дома из фильма «Псих» (1960), сцену жестокого убийства вражеского агента из фильма «Свернутый занавес» (1966) и сцену изнасилования из фильма «Бешеный» (1972).

Статистика показывает, что большинство кассовых фильмов в последние годы были фильмами насилия, а кинокритики отмечают, что «качество» таких съемок таких сцен ныне «выше» и «графичнее», они впечатляют больше, чем когда бы то ни было в истории кино...

Конечно, не каждому режиссеру, продюсеру, сценаристу не по силам признание, что американца отравляют насилием ради доходов кинокомпаний.

Для приличия выдвинуты удобные теории, пытающиеся оправдать насилие на экране. Одна из них «социологическая»: насилие в кино помогает зрителям разрядиться от отрицательных эмоций и дает выход животному чувству агрессии, унаследованному человеком от своих предков, уменьшая, таким образом, насилие в жизни. Есть и чисто, так сказать, «искусствоведческие» теории. Продюсер недавно вышедшего на экраны фильма «Человек — марафон» Роберт Эванс, например, утверждает: «В фильме необходимы сцены, которые запомнились бы зрителю. Такие, например, как сцена в фильме «Чайнатаун», когда режиссер Роман Полански показывает во всех подробностях, как отрезают нос у Джека Николсона (известный американский актер, занятый в фильме. — Г.Б.). Когда в Пале Альто мы устроили первый публичный просмотр фильма «Дитя Розмари», одна женщина подошла ко мне после сеанса и сказала: «Боже, как это мерзко. Вы должны стыдиться самого себя». Я тут же понял: мы сделали кассовый фильм. Фильм нужно делать так, чтобы люди о нем говорили. Пусть даже говорят: «Как это мерзко», лишь бы говорили. По крайней мере, зрители не забудут, что видели вашу картину...»

В США много людей, очень серьезно обеспокоенных продажей насилия и страха в кино и по телевидению. Научно доказано влияние теленасилия на рост преступности в США – особенно среди молодежи. Зарегистрировано множество случаев, когда новый фильм давал вспышку уличного насилия, совершаемого в соответствии со сценарием кинокартины.

Сценарист Эдвард Анхальд, например, получивший премию академии киноискусства за сценарий фильма «Беккет», имеет печальный опыт влияния своего творчества на жизнь. Он написал сценарий фильма «Снайпер». И в связи с этим был привлечен к суду. Его обвинили в том, что подросток, который посмотрел картину в Оттаве, убил 11 женщин, повторив в точности то, что сделал герой фильма. Иск был учинен против создателей кинокартины от имени жертв маленького убийцы. Однако канадский верховный суд решил, что авторы фильма ни в чем не виновны.

Этот пример (а подобных примеров множество) никак не подтверждает «теорию освобождения от отрицательных эмоций». Да и сами «освободители», как выясняется, опровергают ее, так сказать, «делом».

Режиссер Роман Полански, тот самый, который поставил фильм «Дитя Розмари», вызывающее у людей чувство омерзения, тот самый Полански, который поставил фильм «Чайнатаун» со знаменитой сценой отрезания носа у Джека Николсона, тот самый Полански, жжено которого киноактриса Шарон Тэйт была несколько лет назад зверски убита членами банды Мэнсона, этот самый Роман Полански летом 1977 года был обвинен в изнасиловании 13-летней девочки в доме его друга киноактера Джека Николсона.

Один из витков насилия замкнулся в исходной точке.

Подсчитано, что американец к 18 годам «покупает» с лотка экрана приблизительно 18 тысяч убийств в сценах из художественных фильмов и телевизионных серий.

К сожалению, я не нашел бухгалтерских данных, какую часть ежедневно продаваемой ненависти, ежедневно выбрасываемого на «художественный» рынок страха составляет этот же эмоциональный товар, но только идеологически окрашенный, политически и географически направленный. Я не нашел таблиц, в которых сказано было бы, во сколько долларовых пунктов оценивают телевизионные и кинооптовики фуражку с серпом и молотом, надетую на злого волка, портрет Карла Маркса, фигурирующий в «научно-фантастическом» фильме, рисованных злодеев «с сибирского острова», сколько платится за то, что насилие на экране совершает человек, говорящий с русским акцентом и т.д.

Таких данных нет. Точнее – их не публикуют. Может быть, их скрывают так же, как скрывают военные секреты? Или как доходы военных монополий от заказов Пентагона?

В декабре 1972 года я видел в центре Ханоя улицу Кхам Тхиен, разрушенную американскими бомбардировщиками Б-52 в дни «рождественской» бомбардировки. Когда-то на этой древней улице жили звездочеты и поэты. В наше время здесь было несколько велосипедных мастерских, керосиновых лавок, детский сад, школа, ну и сотни маленьких кирпичных или деревянных домов, в которых жили тысячи людей.

Через несколько дней после бомбардировки вьетнамские товарищи организовали мне беседу со штурманом одного из тех Б-52, сбитых после бомбардировки. Молодой парень, лет, наверное, 23-24-х. Роберт Мэйолл из города Левиттаун, штат Нью-Йорк. Я спросил его: знает ли он, скольких людей убил.

Он ответил – да, приблизительно знает, ему сказали. Я спросил: знает ли он, что бомбил? Да, теперь знает – его возили на улицу Кхам Тхиен (кстати, по жестокой иронии судьбы, название этой древней и разрушенной в 1972 году улицы означает – «Следи за небом»). Понял ли он, какое преступление он совершил? Да, понял. Но только он лично ничего не знал о цели бомбометания. Хоть он и штурман. Его задача сидеть в кабине и следить, чтобы перфорационная лента, которая командует маршрутом и бомбометанием, исправно двигалась в компьютере. Все остальное – не его дело. А высота – 8 тысяч метров, ничего не видно.

Он отвечал четко.

В довольно долгой беседе разговор зашел о том, какие фильмы и телевизионные серии больше всего он любил у себя на родине. Самой любимой оказалась «Миссия невозможна», за ней – «ФБР» (еженедельная серия, рассказывающая о «подвигах» ФБР). Три десятилетия назад, когда вторая мировая война практически была уже кончена, по приказу президента Трумэна была сброшена с самолета атомная бомба. Потом вторая. Были убиты сотни тысяч людей. Один человек из экипажа того американского самолета, как известно, сошел с ума.

Штурман Б-52, с которым я разговаривал в Ханое, с ума не сошел. Через пять лет – в 1977 году – я снова беседовал с ним, уже в США – он по-прежнему летал штурманом на бомбардировщиках. Если бы мучился своим преступлением, ушел бы. Даже если трудно найти работу, все равно ушел бы.

Думается мне, что человеконенавистническая закалка, полученная им у телевизионного экрана, сыграла здесь не последнюю роль. И маленький лейтенантик Колли тоже не сошел с ума. Он стрелял из пистолета в детей, женщин, стариков в Сонгми, будучи, видимо, убежден, что так можно и должно поступать с «730урр», о которых он с детства знает, что они злодеи. Его учили этому с младенческих лет, учили по-разному, но в том числе и пропуская через его голову, его сердце, его спинной мозг нескончаемую перфорированную ленту десятисортового «искусства», чтобы запрограммировать в молодом Колли тот блок эмоций, безнравственности и отсутствия совести, которые позволили ему безо всяких душевных мук и сомнений совершить то, что он совершил.

Его эмоциональное восприятие мира с детства насильно приспособили к «теории хорошего и плохого парня» — «гуд гай энд бэд гай».

«Хороший парень» твердо знает – кто в мире хороший, а кто плохой. Хороший – это американец (желательно стопроцентный, а не негр, не мексиканец, не пуэрториканец, не индеец) и его политические союзники – будь то фашист Пиночет или южнокорейский диктатор. А вот все другое – это «плохие парни». Их можно и должно учить американской демократии, их можно и должно заставить исповедовать веру в американскую формулу счастья и смысла жизни: человек с двумя холодильниками в два раза счастливее человека с одним холодильником, — это значит, что смысл жизни в приобретательстве. И если «плохие парни» не желают в это верить, то в странах, где они живут, разрешается организовывать покушения на политических лидеров, убивать законно избранных президентов, свергать правительства, устраивать фашистские перевороты и даже накрывать улицы мирных городов бомбовым ковром. Все это можно и должно делать, потому что «в противном случае плохие парни уничтожат Соединенные Штаты Америки».

Разве не схож такой взгляд на мир с точкой обзора штурмана Б-52, которому с высоты 8 тысяч метров «ничего не видно» — ни детского сада, ни школы, ни древней, существовавшей еще тогда, когда Соединенных Штатов не было и в помине, улицы древнего города, ни убитых людей?

В декабре 1977 года я видел на телевизионном экране в Нью-Йорке документальный фильм, выпущенный Пентагоном, под названием «Операция Красный флаг». Фильм рассказывает о военных маневрах американских ВВС. Съемки ведутся с самолета. И диктор объясняет, что внизу лежит территория, подобранная так, чтобы она максимально напоминала «русский пейзаж». В воздухе летают самолеты с советскими опознавательными знаками. По ним и по объектам на «русской территории» ведут стрельбу американские самолеты. Диктор так и говорит: «Стрельба идет по русским самолетам», «Вот сбит русский самолет» и т.д.

Фильм этот показали именно тогда, когда разворачивалась очередная пропагандистская кампания о советской «военной угрозе».

Представьте себе невозможное: по советскому телевидению показали документальный фильм о наших военных учениях, где в качестве мишеней использовали бы самолеты с американскими опознавательными знаками, а внизу лежал бы «американский пейзаж». Даже трудно вообразить — что поднялось бы в американской прессе! Телевизионную передачу, уж конечно, объявили бы бесспорным доказательством того, что завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра Советы нападут на США. Однако ни одна большая американская газета не только не возмутилась фильмом «Операция Красный флаг», но даже не обмолвилась о нем. Ни один политический обозреватель большой американской прессы не воскликнул удивленно: «Да что же мы делаем, братцы!»

Думается мне, что возможность появления такого документального фильма на экране подготовлена сотнями «художественных» фильмов, в которых американским «хорошим парням» безнаказанно дозволяется действовать на чужих территориях, где живут «плохие парни».

Инъекция паранойи

Обыкновенное насилие и человеконенавистничество на телевизионном и киноэкране смыкается с обыкновенным насилием и ненавистью на улицах. Экранные убийства — одновременное продолжение и начало убийств на пустых после заката улицах Вашингтона, похожего в это время суток на осажденный город, в котором действует комендантский час.

Это известно. Это изучено. Во всяком случае, изучается.

Но нигде в американской прессе я не нашел данных о том, как распространяются метастазы политического страха, идеологически направленного человеконенавистничества.

Таких данных нет. Их скрывают. Как скрывают преступные опыты с наркотиками и нервным газом, проводимые в американской армии над ничего не подозревающими солдатами.

Может быть, потому, что метастазы эти поражают прежде всего саму Америку, оборачиваясь политическим насилием в собственных городах: политическим убийством

американца Мартина Лютера Кинга в американском Мемфисе, политическим расстрелом студентов в Кенте и Джексоне, политическим расправами в Чикаго, политическим уничтожением чилийца Летельера в Вашингтоне. Разве следует удивляться, что на западном побережье Соединенных Штатов то и дело обнаруживают секретные склады оружия различных тайных организаций, созданных для «защиты США от нашествия внешних и внутренних коммунистов»? Разве удивительно, что в центре США до сих пор существует секретная организация «Минитмены», которая формирует партизанские отряды для отражения атак русских десантов на берегах Миссисипи, а заодно и для расправы с американскими либералами? Разве есть причины удивляться тому, что в связи с обсуждением второстепенного законопроекта в сенате американские граждане засыпали его письмами в которых обвинили авторов законопроекта в «коммунистическом заговоре» (одним из авторов проекта был сенатор Уолтер Мондейл)? Или тому, что общество Джона Берча выпустило книгу под названием «Генри Киссинджер – коммунистический шпион»?

Шпиономания, страх, ненависть... Неужели это чувства, которые надо воспитывать в американцах? Неужели великий народ достоин их?..

Очевидно, они нужны кому-то. И не только для того, чтобы воспитывать кадры для драки. Некоторые американские социологи, изучающие влияние теле- и кинонасилия на психологию зрителей считают, что результат его – не только рост преступности, но и усиление психологической депрессии. Телезрители становятся жертвами страха. «Посмотрите «Баретту» (телевизионная серия, наполненная сценами насилия – Г.Б.), — пишет один из американских социологов, — и вы побоитесь показаться на улице, даже если вы живете хорошо охраняемом пригороде. Проведите час воскресного вечера с Коджаком или Дельвеччио (герои серии о полицейских сыщиках и убийцах. – Г. Б.) и в понедельник вы не сможете выйти здоровым на работу».

Психолог Джордж Гербнер пришел к выводу, что наиболее усидчивые телезрители пребывают в состоянии большего страха, чем те, кто проводит у телевизионных экранов меньше времени. Гербнер считает, что **«кровавые фантазии, показываемые по телевидению, стали инструментом, при помощи которого население держат в страхе и смирении»**.

Это в полной мере относится и к фильмам политического страха, **идеологического** человеконенавистничества.

Только этим эмоциональным состоянием многих американских обывателей можно объяснить тот факт, что из года в год Пентагон безнаказанно играет один и тот же примитивный спектакль: 11 месяцев в году генералы похваляются «полным превосходством» американской военной мощи над всеми и вся, а в течение одного месяца, предшествующего обсуждению военного бюджета, хватаются за голову и вопят, что «все проиграно русским».

Только на фоне непрекращающихся эмоциональных инъекций страха могут появляться в «Нью-Йорк таймс» статьи с заголовком больше чем на полполосы: «Как предупредить советский суперблицкриг».

Только в обстановке страха может американский конгрессмен Макдональд заявлять во всеуслышанье на Капитолийском холме, что «разрядку надо прекратить», поскольку она

увеличивает приток советских туристов в США, а все советские туристы, как известно, — шпионы.

Валентин Игнатенко

Генеральный директор ИТАР-ТАСС .

1963-1975 гг. – работал в газете Комсомольская правда стажером, корреспондентом, редактором отдела, редактором первой полосы, первым заместителем главного редактора.

С декабря 1975 г. По 1978 г. – заместитель генерального директора ТАСС.

В 1978-1986 гг. – первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК КПСС.

В 1986-1990 гг. – главный редактор журнала Новое время .

В 1990 – 1991 г.г. – помощник президента СССР Михаила Горбачева , руководитель пресс-службы президента СССР.

С 28 августа 1991 г. Занимал должность генерального директора ТАСС (позднее – ИТАР-ТАСС).

1 июня 1995 г. – 17 марта 1997 г. – заместитель председателя правительства Российской Федерации, отвечающим за вопросы средств массовой информации.

Жизненный путь

1963-1975 гг. – работал в газете Комсомольская правда стажером, корреспондентом, редактором отдела, редактором первой полосы, первым заместителем главного редактора.

Работая в газете, Игнатенко много писал и ездил в командировки, в частности, был у партизан в республике Гвинея-Бисау. Активно работал в модном тогда жанре журналист меняет профессию – выполняя редакционные задания, попробовал себя в роли официанта, преподавателя профтехучилища, матроса. В начале 70-х г.г. написал книгу, составленную из очерков об этих эпизодах своей биографии.

С декабря 1975 г. По 1978 г. – заместитель генерального директора ТАСС.

В 1978-1986 гг. – первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК КПСС.

В 1986-1990 гг. – главный редактор журнала Новое время .

В 1990 – 1991 г.г. – помощник президента СССР Михаила Горбачева , руководитель пресс-службы президента СССР. По информации газеты Кто есть кто (25 октября 1995 г.), председатель КГБ Владимир Крючков протестовал против назначения Игнатенко помощником президента, мотивируя свое несогласие тем, что в КГБ имеются материалы о злоупотреблении Игнатенко своим служебным положением.

Как сообщила в 1993 г. Газета Аргументы и факты , позднее Крючков утверждал, что возглавляя пресс-службу президента СССР, Игнатенко принимал взятки от журналистов. Газета отметила следующее: мы опросили около 50 иностранных журналистов, которые когда-либо брали интервью у бывшего президента. Никто не сказал, что был даже малейший намек на вознаграждение.

С 28 августа 1991 г. Игнатенко занимал должность генерального директора ТАСС (позднее – ИТАР-ТАСС).

В сентябре 1993 г. Правительство РФ подтвердило назначение Игнатенко на пост генерального директора ИТАР-ТАСС.

По данным авторов газеты Кто есть кто (25 октября 1995 г.), во время столкновений между сторонниками президента и парламента в октябре 1993 г., когда была сделана попытка захватить здание ИТАР – ТАСС, хладнокровие Игнатенко и его умение общаться с людьми спасло помещение и оборудование от разрушения .

1 июня 1995 г. – 17 марта 1997 г. – заместитель председателя правительства Российской Федерации, отвечающим за вопросы средств массовой информации. Предыдущая должность – директора ИТАР-ТАСС – была сохранена за Игнатенко.

Политические взгляды, позиция

По мнению авторов газеты Кто есть кто (25 октября 1995 г.), ни в прежние времена, ни в период перестройки, ни в настоящее время Игнатенко не был замечен в излишней политической активности, он всегда был склонен к профессиональной деятельности .

Сторонние оценки, характеристики

Газета Кто есть кто (25 октября 1995 г.) сообщила, что практически все, кто когда-нибудь работал с Игнатенко, отмечают, что он хорошо воспитан, тактичен, не проявляет выраженного тщеславия и амбициозности. Игнатенко свойственна осторожность в оценках и поступках. По жизни он из разряда людей, которые считают, что лучше не выиграть, чем проиграть .

Постоянные контакты, отношения, связи

С государственным аппаратом

По информации газеты Кто есть кто (25 октября 1995 г.) многие объясняют продвижение Игнатенко в ближние люди Горбачева поддержкой Александра Яковлева . Упорно говорят, что следующий переход Игнатенко – из помощников президента Горбачева в руководители ТАСС – тоже был подготовлен А. Н. Яковлевым, который,

видя скорую политическую смерть первого и последнего президента СССР, предпочел оставить своего человека на посту государственного информационного агентства . Авторы газеты отмечают, что за время работы в ТАСС Игнатенко не только не растерял старые связи в российском истеблишменте, но и приобрел новые. Сохраняя хорошие отношения с отошедшими на второй план Горбачевым и Яковлевым, он стал близок и нужен новому поколению политиков. В частности, его связывают доверительные отношения с Филатовым и Чубайсом , Черномырдиным и НДР .

Газета Кто есть кто (25 октября 1995 г.) со ссылкой на неназванных экспертов сообщила, что кандидатуру Игнатенко на пост вице-премьера выдвинул Анатолий Чубайс, характеризовавший своего протеже как человека адекватного той задаче, которая на него возложена . Авторы публикации отметили, что Виталий Игнатенко обязан Чубайсу с 1992 года – с того времени, когда руководимый Чубайсом Гос.комитет РФ по управлению государственным имуществом помог ИТАР-ТАСС задним числом оформить право собственности на здание на улице Герцена .

Газета Кто есть кто также сообщила (со ссылкой на мнение ряда СМИ), что Виктор Черномырдин возложил на Игнатенко обязанности по обеспечению информационной кампании движения Наш дом – Россия в период выборов в Федеральное Собрание РФ.

5 марта 1996 г. Президент России Борис Ельцин встретился с вице – премьером правительства Виталием Игнатенко.

В ходе беседы была обсуждена общественно-политическая ситуация в стране и ее отражение в ряде центральных и региональных средств массовой информации. Виталий Игнатенко отчитался о своей поездке в Краснодарский край по поручению президента и проинформировал о встрече с руководителями местных телекомпаний и главными редакторами газет и журналов.

В ходе беседы была поднята тема страхования журналистов и рационального расходования средств, выделенных на эти цели правительством России. Также были обсуждены вопросы финансирования ведущих российских телерадиокомпаний.

9 апреля 1996 г. Игнатенко встретился с бывшим вице-президентом США Дэном Куэйлом, находившемся в Москве с частным визитом. Предвыборная кампания в России, роль российских средств массовой информации в ее освещении, ход экономических преобразований в стране – эти вопросы оказались в центре внимания встречи.

27 апреля 1996 г. Заместитель председателя правительства РФ Виталий Игнатенко встретился в здании ИТАР-ТАСС с министром внешних сношений Монголии Цэрэнпилийном Гомбосурэном. Стороны обсудили перспективы развития торгово-экономических связей между Россией и Монголией, в том числе – традиционного сотрудничества в приграничных районах. Российский вице-премьер и монгольский министр высказались за расширение контактов между средствами массовой информации, журналистскими организациями двух стран.

7 мая 1996 г., министр иностранных дел России Евгений Примаков , отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции по итогам переговоров с министром

иностранных дел Южной Кореи Кон Ро Меном, высказал мнение, что после недавнего визита в Пхеньян вице-преьера РФ Виталия Игнатенко российско-северокорейские отношения несколько продвинулись вперед.

26 июня 1996 г. Виталий Игнатенко и заместитель министра иностранных дел РФ Николай Афанасьевский представляли Россию на похоронах бывшего премьер-министра Греции Андреаса Папандреу.

Со средствами массовой информации. Член союза журналистов РФ.¹¹⁶

Современная российская журналистика

Дмитрий Холодов

Родился 21 июля 1967 года в Сергеевом Посаде, вырос в городе Климовск Московской области. Его родители – Зоя Александровна и Юрий Викторович – инженеры ЦНИИ точного машиностроения.

После школы Холодов служил в морской пехоте. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ), работал инженером в климовском ЦНИИ точного машиностроения. Позднее стал корреспондентом местного радио и местной газеты.

В августе 1992 года стал корреспондентом газеты «Московский комсомолец». Писал о современной российской армии, побывал во многих «горячих точек»: Абхазии, Чечне, Азербайджане, на таджикско-афганской границе. Разрабатывал тему злоупотреблений среди военных.

В 1993-1994 году Холодов опубликовал несколько статей разоблачительного характера о тогдашнем министре обороны России Павле Грачеве. Журналист обвинил министра в причастности к коррупционному скандалу в Западной группе войск и намекнул, что машина министра куплена на нетрудовые доходы. Грачев не раз упрекал подчиненных в том, что они не могут воздействовать на авторов оскорбительных, с его точки зрения, публикаций. По данным СМИ, особо негативно Грачев высказывался в адрес Холодова.

По указанию Грачева Холодова перестали пускать на пресс-конференции, брифинги и иные официальные встречи министра обороны со СМИ. Выступая в

116 <http://zhurnalistika.net/20110313686/zhurnalisty/izvestnye-zhurnalisty/valentin-nikitich-ignatenko.html>

передаче Владимира Познера «Мы», Грачев назвал Холодова «внутренним противником». По данным следствия, в декабре 1993 года Грачев поставил начальнику разведывательного отдела штаба Воздушно-десантных войск Министерства обороны РФ полковнику Павлу Поповских задачу прекратить негативные публикации об армии и о министре обороны лично. В частности, предлагалось организовать передачу в прессу материалов, не соответствующих действительности – чтобы позднее уличить журналистов в публикации непроверенных и ложных фактов.

По информации «МК», Грачев неоднократно звонил бывшему командующему ВДВ Евгению Подколзину и требовал «разобраться» с Холодовым и газетой. Экс-министр не отрицал, что отдавал подобный приказ, но настаивал на том, что не имел в виду физического устранения и что Поповских такого приказа не получал.

По данным Генеральной прокуратуры России, весной 1994 года Подколзин после очередной встречи с Грачевым передал Поповских, что министр обороны недоволен нерасторопностью начальника разведки ВДВ и требует принять к Холодову самые жесткие меры. В случае неуспеха Грачев якобы даже грозил расформировать 45 полк, который фактически патронировал Поповских.

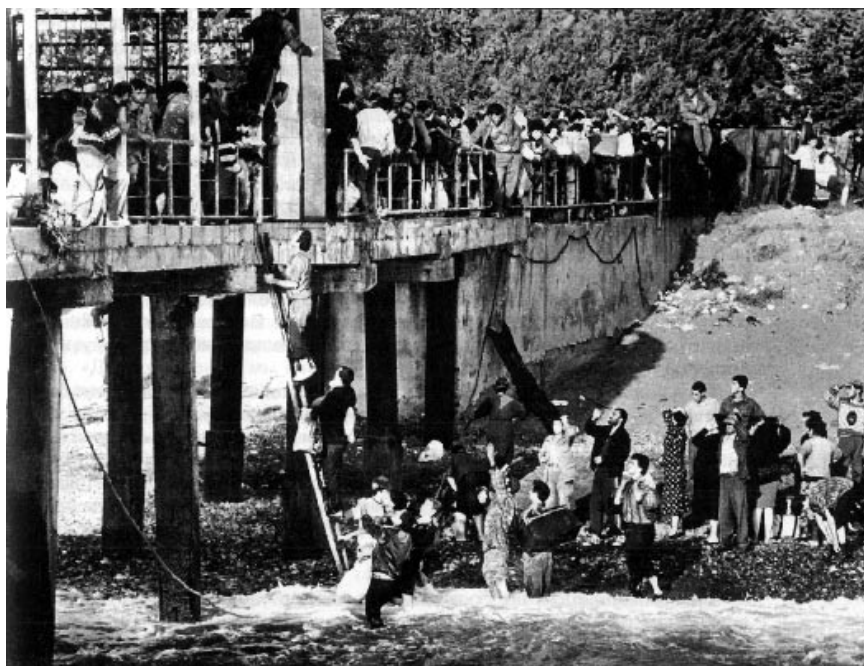
Следствие настаивало на том, что в августе–сентябре 1994 года Поповских на встрече с заместителем командующего ВДВ по тылу Зуевым вновь услышал об упреках Грачева в свой адрес. Министр требовал, чтобы журналисту «заткнули рот» и «переломали ноги».

28 октября 1994 года Холодов был убит. В своем кабинете в редакции «МК» он открыл дипломат, в который было вмонтировано взрывное устройство. По версии следствия, преступление организовал Поповских – ожелая угодить Грачеву. Остальные подсудимые: начальник спецотряда ВДВ Владимир Морозов, его заместители Александр Сорока и Константин Мирзаянц, предприниматель Константин Барковский и замдиректора частного охранного предприятия «Росс» Александр Капунцов – как полагало следствие, были соучастниками преступления.

Все подозреваемые были оправданы Московским окружным военным судом (МОВС) 26 июня 2002 года. 27 мая 2003 года военная коллегия Верховного суда РФ по протесту Генеральной прокуратуры отменила оправдательный приговор и направила дело на новое рассмотрение. 10 июня 2004 года все подсудимые были оправданы вновь. Генпрокуратура и родители убитого журналиста подали кассационную жалобу. Но в марте 2005 года правомочность вердиктов МОВС подтвердила военная коллегия Верховного суда России.

Холодов был похоронен на Троекуровском кладбище в Кунцево.

Сухумский апокалипсис

Этого раненого на фото через пять минут накроют с головой одеялом. Он умрет в аэропорту Сухуми. Но его тело не попадет даже на родину — в Рустави: через двадцать минут при заходе на посадку будет сбит и взорвется прямо на посадочной полосе самолет ТУ-154 из Тбилиси. Аэропорт закроют.

Абхазские формирования взяли в понедельник Сухуми. В эти минуты они добивают окруженные в пригородах остатки национальной гвардии Грузии. По абхазским источникам, в Сухуми налаживается жизнь, раздают бесплатно хлеб. По данным грузинской стороны, идет расправа над оставшимся грузинским населением. Убит глава прогрузинского правительства Абхазии Жиули Шартава. По сообщению Интерфакса, в Сухуми в ночь на 28 сентября в результате нападения на российский военный санаторий тяжело ранены три российских десантника. Один из них скончался. Последнюю неделю до падения Сухуми мы жили в том санатории под охраной этих ребят.

ТЫ В ПАДАЮЩЕМ САМОЛЕТЕ

Большой самолет выскочил из облака и сразу привлек внимание всех, кто был на нашем корабле. За самолетом тянулся огромный черный шлейф. Еще секунд пятнадцать ТУ-134, следовавший рейсом Сочи—Сухуми, цеплялся за жизнь, медленно снижался к поверхности моря, а потом колом вошел в воду в 1,5 км от берега и сразу взорвался. По абхазскому катеру, выпустившему в гражданский самолет тепловую ракету, отчаянно ударили из всех видов оружия. Ему вдогонку полетели ракеты, загрохотали гаубицы. Кажется, стреляли даже из автоматов.

«В Сухуми не хватало «бортов» для полетов в Тбилиси, и по просьбе грузинской стороны самолет был отправлен раньше намеченного срока. Поэтому в самолете был только 21 пассажир», — рассказала нам диспетчер аэропорта Сочи Нина Мартынова, проводившая регистрацию билетов на тот рейс. Среди пассажиров ей запомнились греки, летевшие втроем на похороны погибшего родственника.

Наш катер первым устремился к темному пятну — месту падения. Мы спустились на нижнюю палубу, чтобы сфотографировать спасательную операцию. Казалось, из воды нам машут руками. Но, увы, это были всего лишь взлетавшие чайки. В живых не осталось никого.

Из глубины моря на наших глазах всплывали трупы. Вернее, части трупов. Фотоаппарат дрожал в руках, когда мы снимали эти останки. Мимо проплыл белый трупик ребенка, покачиваясь на волнах. Половинка мужчины с волосатой грудью источала из себя темную кровь. Скальп, кусок кожи. Левая сторона женщины. Все тела были голые, взрыв раздел пассажиров перед смертью.

В тишине плескалась вода о борт катера. Вдали мирно наблюдали за происходящим большие российские военные корабли. Навязчиво лезла мысль: «Ты в этом самолете минуту назад». Впереди нас ждал Сухуми.

ГОРОД МЕРТВЫХ

«Здесь вас может убить в любую минуту. Взорвется рядом мина, и останутся одни ботинки, — рассказали нам грузинские гвардейцы по дороге в город. — Зато душа после такой смерти попадет в рай».

Сухуми встретил нас настоящим адом. Абхазы утюжили свою столицу гаубицами, установками «Град» и «Шилка», минометами «Василек», предназначенными для поражения живой силы. Горожан косило десятками.

В среду возле Красного моста мы видели перевернутую машину, рядом — женский труп. На следующий день там же женщине оторвало ногу. Очевидцы рассказывали, что она страшно кричала. Где-то в центре накрыло целую семью, спешившую из города со своим скарбом. Они попали в «градовую сетку» — разметало так, что нечего было и хоронить. А уже во время боев в городе в подвале одного из домов, говорят, засыпало двух старух. Откопать так и не успели.

По данным уже покойного главы прогрузинского правительства Жи-ули Шартавы, за четыре первых дня было убито 58 и ранено 750 человек. Осколки доставали людей всюду. В первый день мы опрометчиво отправились гулять по городу и сразу попали под бомбежку. В узком крытом проходе между домами нам показалось безопасно. Один из местных рассказал нам потом, как накануне отрикошетившим осколком убило спрятавшегося тут гвардейца. В комнате, где мы поселились, казалось, было слишком много окон — во время сильных бомбежек забирались в туалет. На ночь перед окнами мы устраивали баррикады из мебели. Тем не менее днем по улицам Сухуми, положась на судьбу, ходило много людей.

ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ НЕ УМЕЮТ ЛЕТАТЬ НАД ВОЙНОЙ

За время перемирия в Сухуми вернулось множество беженцев. Причем перебрались вместе с детьми, поверив в прочность достигнутого соглашения и в посредничество России. Теперь им приходилось снова бежать. Только на сей раз это было

куда сложнее и опасней. В этом мы убедились на своей собственной шкуре. Сухопутная дорога на Очамчиру была перерезана. Абхазы и казаки захватили 15-километровый участок и, чтобы его удерживать, выставили на передовую в качестве живого щита 500 заложников — жителей села Ахал-шени, оказавшегося в центре боевых действий.

Абхазские катера обстреляли шестью ракетами причал в Агудзерах, пригороде Сухуми, куда обычно приезжали суда и забирали беженцев. Людей с пристани как ветром сдуло (в момент обстрела на берегу находилась толпа, ожидавшая прибытия кораблей). Оставался один путь — по воздуху. В аэропорт сплошным потоком шли беженцы. Мы, желая поскорее выбраться из города, тоже рванули туда. На наших глазах на посадочную полосу упал и взорвался ТУ-154, прилетевший из Тбилиси. Как и первый самолет, он был сбит тепловой ракетой с абхазского катера. В самолете везли боеприпасы, и поэтому его очень долго тушили. Уже в сумерках из обгорелого корпуса извлекали и расцепляли спекшиеся трупы пассажиров. Погибло 80 человек. Чудом в носовой части остались живы три члена экипажа и грузинский журналист, снимавший из кабины заход само-[190]лета на посадку. Один из них пошел даже своим ходом. Уцелели и два гвардейца, которых выбросило на поле при взрыве. Потрясенные, мы вернулись в Сухуми. На следующий день, 23 сентября, в аэропорту был сбит улетавший самолет с беженцами. Он не успел оторваться от взлетной полосы, поэтому погиб только один человек — Вахтанг Тедиашвили, 19-летний сын Левана Тедиашвили, двукратного олимпийского чемпиона по вольной борьбе, с которым мы накануне встречались в резиденции Шеварднадзе. Аэропорт закрыли окончательно (мы и сами ни за какие деньги не полезли бы в самолет). Город оказался отрезанным от остальной части Грузии. В тот же вечер бывшие с нами иностранные журналисты где-то раздобыли бутылку водки и всю ночь под грохот обстрела с корявым акцентом пели «Не слышны в саду даже шорохи», аккомпанируя себе на стоявшем в вестибюле пианино.

МОРДОЙ В ГРЯЗЬ

Посредничество России в урегулировании грузино-абхазского конфликта оказалось в глубокой клоаке. Большой скандал не разразился только потому, что в самой Москве произошли известные события, и Абхазия с ее вечной войной отошла на задний план. Но в правительстве России после 16 сентября явно царило сильное замешательство. В своем распоряжении правительство фактически признало, что существовала неконтролируемая продажа оружия абхазской стороне.

Судя по силе, с которой абхазы атаковали город, оружия поставлено было даже очень много. Интересно, что гудаутское руководство, не особо задумываясь, пожертвовало авторитетом России ради достижения своей цели — взятия Сухуми. На фоне недавнего триумфа Билла Клинтона, который на лужайке перед Белым домом соединил руки некогда непримиримых врагов — Ясира Арафата и Ицхака Рабина, миротворческая миссия России выглядит не в лучшем свете: российские посредники дошли до того, что просто посоветовали Шеварднадзе капитулировать. Сам Шеварднадзе так прокомментировал ситуацию, отвечая на наши вопросы в Сухуми:

— Не было никакого посредничества. Просто нас обманули. Каждый раз, когда подписывалось какое-нибудь соглашение, мы оказывались обманутыми. В сентябре прошлого года в Москве, в мае этого года, теперь в Сочи. Так не делается большая и серьезная политика.

Эти слова Шеварднадзе новости Би-би-си распространили по всему миру. Мы попросили Эдуарда Шеварднадзе самого определить, что должна сделать Россия, чтобы не ударить лицом в грязь.

— Мне кажется, это уже будет трудно. Но Россия все же может сделать смелый шаг — призвать к порядку гудаутскую группировку. Ведь эта группировка в буквальном смысле на содержании России. Экономическая, военная помощь. Это люди, которые бомбят, уничтожают свой собственный город. С ними трудно иметь дело. Я вообще не знаю, как это назвать. Мне не хочется говорить что-то нехорошее в адрес России, потому что мы без нее не можем.

Россия не просто не выполнила взятые на себя обязательства гаранта и посредника. Гораздо хуже то, что она осталась равнодушной.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА

В эти дни около 30 тысяч беженцев скопилось в Агудзерах и Гульрип-ше — пригородах Сухуми. Люди надеялись, что это место абхазские формирования, занимавшие город, бомбить не осмелятся: в подземных складах Агудзер находятся десятки тысяч тонн радиоактивных отходов.

Сюда же бежал и Эдуард Шеварднадзе после падения Сухуми. Он отказывался уезжать до тех пор, пока не будет эвакуирован последний беженец, — это было последнее, что он смог сделать для несчастных сухумцев. Обезумевшие от страха люди метались с детьми и стариками от аэропорта к причалам, ища выход, с надеждой смотря на российские корабли, которые стояли на рейде в море. Однако первый караван российских судов, эвакуировавших мирное население из Сухуми, прибыл только в субботу, когда в городе всюду развернулись бои. Официально такая медлительность объяснялась отсутствием соглашения между абхазами и грузинами, посвященного вопросу эвакуации беженцев. Только беззащитные прогулочные катера, присланные руководителем Аджарии Асланом Абашидзе, вывозили в Батуми людей, несмотря на обстрел абхазскими военными катерами. Было тошно наблюдать, как пресса и телевидение сообщили об «усилиях российского правительства по эвакуации беженцев из Сухуми».

«Да, собственно, мы и не за вами шли», — рассказали нам российские военные моряки. Корабли занимались поисками черного ящика российского самолета СУ-25, неизвестно кем сбитого у берегов Абхазии. Долгое время они ковыряли дно, собирая останки самолета. Нашли обезглавленный труп летчика — во время катапультирования не открылся стеклянный колпак, — но сам черный ящик не был обнаружен. И корабли получили приказ перед возвращением на базу войти в Сухуми и забрать беженцев.

Эвакуация продолжалась недолго: в субботу абхазы начали решительное наступление и разделили город на две части, прорвавшись к морю в районе Красного моста (здесь 14 месяцев назад началась эта война). На склоне горы, где расположена телевышка, стояла страшная автоматная трескотня, и до бегущих к причалу беженцев долетали шальные пули.

На нашем спасательном судне оказалось примерно 400 человек. На борту были беременная женщина, наши раненые десантники из оказавшейся прямо на линии фронта российской части, с величайшими предосторожностями были привезены два абхазских наблюдателя, оказавшиеся на момент возобновления боевых действий в Сухуми и буквально вырванные российскими десантниками из грузинского плена. На корабль пришел мальчик-сирота, рассказавший капитану, как его маму разорвало миной. Россия развернула масштабный вывоз беженцев из Агудзер, хотя и с большим опозданием. Широко сообщается о десятках тысяч вывезенных. Но не оставляет впечатление, что эта гуманитарная акция устраивается только для того, чтобы умыть руки.

Павел (Пол) Хлебников

Журналист, писатель, главный редактор русской версии журнала Forbes, в 2004 году был убит в Москве. С 1996 года занимался журналистскими расследованиями, публиковал разоблачительные материалы, посвященные предпринимателю Борису Березовскому, родственникам президента Узбекистана Ислама Каримова, чеченскому боевику Хож-Ахмеду Нухаеву.

Пол Хлебников (Paul Klebnikov) родился в 1963 году в Нью-Йорке в семье потомков русских эмигрантов первой волны (тех, кто покинул Россию вскоре после революции 1917 года и Гражданской войны). В 1969-77 годах Хлебников учился в частной школе St. Bernard's School в Нью-Йорке, в 1977-81 годах – в колледже Phillips Exeter Academy (Нью-Хемпшир). В 1984 году окончил Калифорнийский университет в Беркли по специальности «политология». В 1985 году получил степень магистра государственного управления в Лондонской школе экономики (тема диссертации «Кадровая политика КПСС, 1918-1985 годы»). В 1991 году там же защитил докторскую диссертацию по теме «Столыпинская аграрная реформа и экономическое развитие России, 1906-1917 годы».

С 1989 года работал в журнале *Forbes* – сначала корреспондентом, затем старшим редактором. Владея русским, английским, французским, итальянским и немецким языками, писал о крупных промышленных компаниях (таких, как *Daimler-Benz*, *Volkswagen*, *Renault*, *Asea Brown Boveri*, *Xerox*, *Alcoa*, *Samsung*). В 90-х годах его специализацией стала Россия и «новый русский бизнес».

В России Хлебников стал известен в декабре 1996 года, когда опубликовал в *Forbes* статью «Крестный отец Кремля?» («*Godfather of the Kremlin?*»), в которой подробно рассказывал о Борисе Березовском и утверждал, что олигарх фактически управляет российской властью. В 2000 году в США была опубликована книга Хлебникова с аналогичным названием и на ту же тему. В этой книге Березовский, занимавший тогда пост заместителя секретаря Совета безопасности России, обвинялся в ведении криминального бизнеса. В России книга вышла в издательстве «Детектив-пресс», основанном Валерием Стрелецким – бывшим сотрудником Службы безопасности президента и соратником Александра Коржакова. По словам бывшего сотрудника ФСБ Александра Литвиненко, связанного с Березовским, Коржаков и Стрелецкий были среди тех, кто постоянно снабжал Хлебникова информацией, часто необъективной.

В феврале 1997 года Березовский подал на *Forbes* в суд, требуя признать утверждения журнала не соответствующими действительности. Пока шло судебное разбирательство, Хлебников продолжал расследовать деятельность Березовского. Среди прочего он ездил в Баку, где в общей сложности больше 15 часов беседовал с чеченским боевиком Хож-Ахмедом Нухаевым, который якобы помогал Березовскому решать некоторые вопросы с представителями криминального мира. Процесс завершился в марте 2003 года мировым соглашением. Журнал принес Березовскому извинения, а тот отказался от требований материальной компенсации.

В 2003 году Хлебников опубликовал в издательстве «Детектив-пресс» вторую книгу – «Разговор с варваром», основанную на беседах с Хож-Ахмедом Нухаевым. В ней главный герой показан бандитом, признающим лишь закон кровной мести. Сам Нухаев до момента появления книги на прилавках ничего не подозревал о ее подготовке – Хлебников позже признался, что не согласовал с чеченцем текст масштабного интервью.

В 2003 году Хлебников провел несколько журналистских расследований о ситуации в странах СНГ. В частности, он опубликовал статью о сомнительной деятельности родственников президента Узбекистана Ислама Каримова. После этого журналист полностью сосредоточился на работе по созданию русскоязычной версии *Forbes*. Издавать журнал в России согласилось немецкое издательство *Axel Springer*, а Хлебников должен был на первых порах отвечать за соответствие издания американским стандартам. На время работы в должности главного редактора он практически не вел журналистских расследований.

В 2004 году Хлебников был назначен главным редактором русской версии журнала. Пилотный номер вышел в марте, а уже в мае русский *Forbes* опубликовал список 100 самых богатых граждан России. Многие фигуранты этого списка остались им недовольны: одни обвиняли журнал в завышении своего состояния, другие, наоборот, в занижении. Впрочем, до открытых конфликтов и угроз дело не дошло.

Незадолго перед смертью Хлебников говорил, что русский Forbes уже встал на ноги, и собирался осенью возвращаться в США.

Хлебников был убит 9 июля 2004 года. Его расстреляли в 100 метрах от здания редакции Forbes в Москве. Будучи смертельно ранен, Хлебников успел сообщить выбежавшему на улицу на звуки выстрелов заместителю главного редактора русского Newsweek Александру Гордееву, что никогда прежде не видел стрелявшего в него человека и не знает, с чем связано нападение. Хлебников умер по дороге в больницу. Расследование убийства было завершено в июне 2005 года. По данным следствия, убийство было совершено преступной группировкой, созданной московским нотариусом Фаилем Садретдиновым в 2002 году. Прокуратура пришла к выводу, что в эту группировку, в частности, входили уроженцы Чечни Казбек Дукузов и Муса Вахаев. Именно их следствие сочло непосредственными исполнителями преступления. Заказчиком прокуратура посчитала Хож-Ахмед Нухаева.

6 мая 2006 года Мосгорсуд оправдал всех троих подсудимых. Несколько дней спустя Генеральная прокуратура и семья Хлебникова оспорили решение суда. Как объяснила адвокат Хлебниковых Лариса Масленникова, подсудимые и некоторые из защитников на протяжении всего судебного разбирательства совершали «явно незаконные действия». А оправдательный приговор был вынесен несмотря на то, что «сторона защиты не представила каких-то доказательств, которые опровергали бы те доказательства, которые представляла сторона обвинения», утверждала Масленникова.

Хлебников принадлежал к столбовому дворянству. По линии отца оба прадеда Пола Хлебникова были генералами, прославившимися в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Дед, Сергей Хлебников, служил в лейб-гвардии уланском полку Ее Императорского Величества, сражался на фронтах Первой мировой войны. В годы Гражданской войны вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова, затем дрался с красными под командованием генералов Деникина и Врангеля. По линии матери прадедом Хлебникова был Аркадий Небольсин, в годы Русско-японской войны – старший офицер крейсера «Аврора», а в Первую мировую – контр-адмирал флота Балтийского моря. Бабушка Хлебникова была праправнучкой Ивана Пущина – декабриста и лицейского друга Александра Пушкина.

Из книги «Разговор с варварами»

Кто такой Хож Нухаев?

Я познакомился с Хож-Ахмедом Нухаевым (кличка: «Хож») в декабре 2000 года в Баку. Меня вывел на него след Бориса Березовского – судебный процесс этого скандального предпринимателя против журнала «Форбс» затягивался, и я со всех сторон собирал свидетельства и информацию, чтобы представить их в Лондонский суд. Мне было важно встретиться с Нухаевым – я слышал, что он, как и многие чеченские бандиты, помогал Березовскому на заре его карьеры.

Готовясь к поездке в Баку, я навел некоторые справки о Нухаеве через моих знакомых в правоохранительных органах и через Интернет.

Хож-Ахмед родился 11 ноября 1954 года в Киргизии. Его семья, в числе других

чеченских семей, в 1944 году была выслана в Среднюю Азию (многие чеченцы во время войны сотрудничали с немцами). В 1957 году советское правительство отменило наказание чеченцам, и Нухаевы вернулись в Чечню, в Грозный.

В своей официальной биографии Хожа Нухаев сообщает, что появился в Москве в 1974 году. По его словам, он поступил на юридический факультет МГУ, хотя диплома так и не получил. В 1980-е Нухаев стал одним из главарей чеченской общины (чеченской мафии) в Москве. Несколько раз сидел.

Освободившись в последний раз из тюрьмы, в 1991 году, Нухаев занялся политикой, приблизился к чеченскому президенту Джохару Дудаеву, проводил подпольные финансовые операции для общака независимой Ичкерии. В 1994 году, когда федеральные войска вошли в Чечню, Хожа принял участие в обороне Грозного. В январе 1995-го был ранен в боях за президентский дворец – он до сих пор хромает и ходит с палкой. После лечения в Турции занял пост первого заместителя премьер-министра при Земилхане Яндербиеве. В начале 1997 года политическая ситуация в Чечне изменилась не в пользу Нухаева. Президентом Чечни был избран Аслан Масхадов, который назначил своим премьер-министром известного полевого командира Шамиля Басаева. Нухаев решил уехать – жил то в Стамбуле, то в Баку, где у него были банковские счета и свой дома. Занялся какими-то нелепыми экономическими проектами (под названием «Кавказский общий рынок»), открыл представительства в Киеве, Варшаве, Брюсселе, Лондоне, Вашингтоне, Хьюстоне и Токио. Идея была заманчива: создать Общий рынок независимых народов Кавказа и подключить его к мировой экономике. Проповедуя эту идею, а также экономическую независимость Чечни, Нухаев в 1997 году встречался с Маргарет Тэтчер, с бывшим секретарем безопасности США Збигневом Бжезинским, с бывшим госсекретарем США Джеймсом Бейкером, председателем Всемирного банка Джеймсом Вульфенсоном. Экспертный совет организации «Кавказский общий рынок» возглавил первый президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали.

Однако ничего из этого проекта не получилось – по крайней мере в экономическом смысле. Нухаев увлекся богословием и философией, стал исламским фундаменталистом и приверженцем «нового евразийства».

База Нухаева в Баку была расположена в гостинице «Абшерон». Это огромное пустующее здание в самом центре города превратилось в логово чеченских сепаратистов. Нухаев разъезжал на бронированном шестисотом «мерседесе», но другой роскоши, по-видимому, себе не позволял. Ходил всегда в одном и том же элегантном сером костюме (какого-то неопределенного евразийского стиля) и строго соблюдал мусульманские обряды. В офисе Нухаева висели портрет Дудаева, чеченский флаг и шашка, в углу стояла винтовка XIX века, было полно книг – исламское богословие, русская и немецкая философия.

Во многом жизненный путь Нухаева отражает путь посткоммунистической России: от чистого бандитизма и гражданской распри до поисков неких религиозных устоев.

Беседуя с Нухаевым, я сразу понял: он интересен мне не только потому, что может дать сведения о ранней карьере Бориса Березовского. Главное – то культурное и политическое движение, которое он представляет. Сегодня люди типа Березовского теряют свою историческую значимость. Эпоха царствования оголтелого жульничества и бандитизма в

России уходит в прошлое. Предстоит выбор новой идеологии, которая подскажет, как жить, на каких фундаментах строить процветающее общество. Поиск духовных ценностей – теперь основная задача.

Что за книга перед вами? Подлинное отражение случившегося? Выдумка? Не знаю. По крайней мере, основана она на реальной встрече. Разговор с Нухаевым получился заманчивым, достаточно откровенным, и детали истории отошли на второй план. Меня не столько заинтересовала правдоподобность всех его утверждений, сколько те нравы, которые отражены в его рассказах. Я не намерен внести вклад в историю России последних десятилетий. Я только хочу представить читателю мировоззрение нового варвара во всей его искренности.

Здесь приводятся отрывки из моих интервью с Хожой Нухаевым, кое-какие мои личные соображения, а также дополнительные разъяснения одного сотрудника РУБОПа, ветерана московской милиции, с 1980-х годов работающего по чеченской линии.

Разборка с Отариком

[ПХ] Расскажите о каком-нибудь ярком моменте в вашей бандитской деятельности, когда вам удалось проявить силу своего характера и выйти победителем из очень трудного положения.

[Х-АН] Я могу много рассказать: где приходилось первым применить оружие, несмотря на то что противников было много. Или в другом месте, когда пришла толпа с лидером впереди... и ты одним разговором ставишь так, чтобы чисто психологически взять верх – ты берешь и переводишь разговор на личности, на достоинство того или другого: он и ты.

Ты ему: хочешь не хочешь – надо выяснять здесь достоинство. Человек перед тобой стоит. Ты знаешь, что через него армия может потерять дух. Ты ему показываешь, что ты сейчас на это перейдешь... и ему придется или опозориться перед своими, или перейти на другую плоскость. Тогда он разводит все стрелки, и ты побеждаешь¹.

[ПХ] Как это случалось в конкретных случаях?

[Х-АН] (смеется). Ну с тем же Отари, допустим.

СПРАВКА. Отари Квантришвили (кличка «Отарик»), 1948 года рождения, первый бандитский авторитет новой эры.

В молодости Отарик готовился стать олимпийским борцом. Однако карьера оборвалась в 1966 году, когда его осудили за изнасилование. Просидел он меньше пяти лет.

В начале 1980-х Отарик работал тренером по борьбе в спорткомплексе «Динамо», обзавелся обширной сетью всяких спортсменов, которых поставлял в помощь бандитским группировкам. Поддерживал связи со многими бандитами, но был особенно близок к бауманским. После краха коммунизма приобрел доли в разных дискотеках, казино и торговых фирмах. Изображал из себя мецената. «У меня множество друзей и товарищей, одни сильные, а другие слабые, – объяснял он мне в 1993 году. – Вот я сильных равномерно загружаю слабыми».

Отарик создал этакий образец организованной преступности в России – не просто

банда отморожков, а совокупная организация, включающая и видных коммерсантов, и знаменитых спортсменов, и звезд шоу-бизнеса, и влиятельных политиков. «Это для вас они мафиозные структуры, – заявил он мне, – для меня это добропорядочные люди».

Отарик уважительно относился к старым бандитским авторитетам. О знаменитом воре в законе Вячеславе Иванькове (кличка «Япончик») он высказался так: «Это один из честнейших людей». В августе 1993 года брат Отарика, Амиран Квантришвили, был убит вместе с четырьмя членами люберецкой преступной группировки при перестрелке в торговой фирме в центре Москвы. РУБОП считает, что Амирана и люберецких убрали чеченцы, однако преступление до сих пор не раскрыто. Девять месяцев спустя возле Краснопресненских бань погиб и сам Отарик, сраженный пулями снайпера; это преступление также не раскрыто.

[X-АН]Первая моя встреча с Отари получилась, когда я только что освобожден (из тюрьмы в 1987 г. – П.Х.) и случайно оказался в одной (чеченской. – П.Х.) группе, которая с Отари на разговор шла. А я еще не понимал положения в Москве. Две недели, может быть, прошло с тех пор, что я освобожден.

Там дело касалось одного человека, еврея, который был директором сети гастрономов. Одна группа хотела заставить его дань платить, а он уже имел своих друзей (чеченцев. – П.Х.). Ну, как я узнал потом, он своим друзьям тоже не платил. Но, когда вот такая опасность пришла, он обратился к ним, так как он их считал авторитетами. Но эти «авторитеты» сами по себе были люди, которые еле-еле разбирались в этих делах. Ну, они ко мне подъезжают и говорят:

– Вместе давай поедem посмотреть, что творится в Москве.

И я поехал с ними посмотреть, что будет.

Собираемcя на улице, недалеко от центра. Подъезжают такие серьезные спортсмены, качки, чемпионы мира и всякие. Приехало очень много машин, подъезжают и авторитеты разные. Ну, я смотрю и вижу, что те, с которыми я приехал, – у них какое-то замешательство, они как-то прижато себя держат, не наверху находятся. Они не ожидали, что за кого-то придут такие авторитеты.

И в этот момент подъезжает Отари. И сразу слухи: «Отари подъехал, Отари». И он здоровый такой, огромный – ну, имя его уже все слышали. Он подходит к человеку, за которого мы пришли заступаться, и ему так небрежно:

– А ну, иди сюда.

И его в сторону отводит и начинает что-то ему объяснять, что ему нужно делать. А остальных, нашей группы, как будто и нету здесь. Всех пригласили, все вроде бы так и должно быть, но нас как будто вообще нету здесь.

И, естественно, я пожалел, что я пришел с этими людьми. Я их особенно-то и не знал. Просто в группе был один человек, который со мной учился в университете. Я их не знал, но тем не менее я с ними пришел. И я вижу, что я с ними вместе опущен. И поэтому, хотя я случайный был там человек, я этого не выдержал и говорю этому Отари:

– А ну остановись.

Я на него перевел разговор. А он не понял, повернулся и рукой махнул. Я говорю:

– Я тебе эти руки поотрубаяю.

Оскорбление. И я – руку в карман. А у меня в кармане – нож. Больше у меня ничего

нету. Столько людей, но он на сто процентов был уверен, что сейчас будет выстрел. А в то время с вы стрелами еще так особо не баловались. И естественно, напряжение: если человек так дерзко взял и сказал такому авторитету... у всех момент ужаса. Ну, получается так, что я подхожу к нему близко... Здесь человек ко мне приближается, здоровый такой, вроде хочет заступиться за Отари. А у меня буквально дня за два до этого было столкновение у магазина «Березка», где нас всего двое было, а тех, которые держали ту «Березку», – большая группа. Там мне пришлось орудовать ножом. После этого я сбрил усы, немного изменил свою внешность. И этому человеку, который подошел, я грубо говорю:

– Заепались, как позавчера у «Березки»...

То есть ему дал понять, кто я такой. А этот человек тоже там находился. Он говорит:

– А, это ты?

И остановился. Чисто психологический момент. Они все испугались и дали задний ход. Ведь у них уже два человека в крови. Отари тоже это видит: замешательство, люди остановились и непонятно что. И Отари сразу переводит тогда на разговор:

Ну что ты горячишься? Давай поговорим.

Я в ответ:

Человека этого отпусти.

Он его отпускает.

Я обращаюсь к этому человеку:

– Уходи отсюда. Вообще уходи.

Я его знать не знаю. Но этот человек был с этими людьми, которые меня привели.

И после этого Отари спрашивает:

Ты чеченец? Я говорю: – Ты чеченец? Я говорю:

– Чеченец.

Он тогда начинает перечислять больших спортсменов наших, чемпиона мира по борьбе, других. Он говорит, что он много чеченцев знает по спорту и что он их уважает, что знает, что это за люди. Потом он начинает перечислять больших людей в милиции и так далее. Он хотел посмотреть, как яотреагирую. Вот он называет эти авторитеты чеченские, а я говорю:

– Ты что мне про все эти отброски рассказываешь? Что ты мне этим хочешь показать? Для меня они никто, так же как и ты.

Это я ему специально сказал, чтобы он вообще не подумал, что на меня это может играть. И я ему говорю:

– Конкретно, мне ответ нужен. Ты этого человека, который с нами пришел, оставь. Ты нас должен оставить в покое.

Он отвел меня в сторону.

– Ну давай пройдемся, – говорит, – все эти дела – это вообще ничего, мелочи...

А я даже не знал, о чем там разговор идет, за какие деньги. Я знал только, что мы пришли заступаться за человека. И Отари начинает мне внушать:

– Ты себя неправильно ведешь. Ты же здесь в гостях.

А я спрашиваю:

– У кого я в гостях?

Он говорит:

– Ну здесь ты где? В Москве ты же у нас в гостях.

Я в ответ:

– Ты знаешь, я здесь с тобой буду разговаривать так же, как и в Грозном. Я с тобой здесь так буду разговаривать. Если ты здесь или в Грозном – все равно. Ты здесь со мной. И ты не будешь так разговаривать.

Вот такой базар у нас идет. Затем он говорит:

– Ну, если тебе что-то нужно здесь, в Москве, я буду рад...

То есть чисто психологический момент сработал. Так и началась наша дружба.

Когда я расспрашивал разных людей о Нухаеве, сразу столкнулся с тем, что многие сомневаются в достоверности некоторых его утверждений.

В Московском РУБОПе меня убеждали, что он никогда не был одним из главарей чеченской мафии в городе, а просто возглавлял обычную чеченскую шайку.

В Интернете в 2000 году появилось сообщение, что ближайший помощник Нухаева – поляк по имени Мансур Яхимчик, окончивший философский факультет Оксфорда, а затем принявший ислам, – агент английской разведки. Я ничего об этом не знаю. Я знаю только, что именно Яхимчик организовал встречи Нухаева с Маргарет Тэтчер, с председателем Всемирного банка Джеймсом Вульфенсоном и с другими видными деятелями мировой политики.

В российском МВД считают странным, что Нухаева впустили в Москву летом 2001-го для участия в конференции о «евразийстве», организованной русским политическим деятелем Александром Дугиным. В МВД уверены, что такой откровенный бандит, как Нухаев, мог посетить столицу только при поддержке российской ФСБ.

Странное дело: 31 октября 2002 года, через несколько недель после освобождения заложников на Дубровке (мюзикл «Норд-Ост»), главный кремлевский докладчик по Чечне Сергей Ястржембский объявил, что террористы среди прочих звонили зарубежному Земилхану Яндербиеву (бывшему начальнику Нухаева). Он также конкретно назвал Яндербиева, чеченского президента Аслана Масхадова, его помощника Ахмеда Закаева и Хож-Ахмеда Нухаева главными представителями чеченского терроризма за рубежом. Почему Закаева? Почему Нухаева? За год до этого заявления российские власти встречались с Закаевым в московском аэропорту Шере-метьево-2, а Нухаева пригласили на конференцию в «Президент-Отеле». Теперь же они оказываются непримиримыми врагами России? Непонятно. Во всяком случае несколько месяцев спустя, когда я старался дозвониться до Нухаева в Баку, то обнаружил, что все его телефоны отключены. Очевидно, контора Нухаева, так же как и многие чеченские представительства за рубежом, была закрыта под давлением российских властей после теракта на Дубровке.

Вообще-то российские спецслужбы не в первый раз поддерживают чеченских бандитов. Самый известный случай – когда ГРУ Министерства обороны России в Абхазии в 1993 году помогало Шамилю Басаеву. Сегодня уже широко известно, что и российские, и западные спецслужбы в прошлом часто заигрывали с исламскими фундаменталистами-

Я тут мало что могу прибавить. Какие политические игры затеял Хожа Нухаев, является ли он перспективным народным вождем? Мне все равно. Меня больше интересует та

идеология, которую он провозглашает.

Когда позволено убивать?

Только в такой традиционной культуре, как кавказская, возможно понять желание человека вроде Хожи Нухаева побыстрее постареть, чтобы занять высокое положение в обществе. (Все народы, выращивающие вино, знают: авторитет растет с возрастом.) Нухаеву 48 лет, но он выглядит значительно старше – поседевший, в морщинах, к тому же прихрамывает, ходит с палкой.

[ПХ]Удивительно: вы же человек не очень большого роста, но когда дело доходило до физической схватки, умудрялись брать верх. Как вам это удавалось?

[Х-АН]Ну, несмотря на то что я худой и бледный, я все же был физически тоже хорошо подготовлен. Да, там были и спортсмены, и с мышцами ребята, но одно дело уметь бороться на ринге, а совершенно другое – иметь опыт чисто уличной драки. Я всю жизнь, с детства начиная, постоянно дрался, завоевывал территории, чтобы властвовать. То есть приходилось утверждаться. И здесь важнее всего присутствие духа, кто сможет чисто психологически преодолеть.

[ПХ]Возникает интересный вопрос национального характера. Чеченцы – маленький народ. Тем не менее, несмотря на свою малую численность, они держали Москву в конце 80-х – начале 90-х годов. Почему же славянские группировки уступили, чего им не хватало, чтобы справиться с чеченцами?

[Х-АН]Ну видите, они несколько раз собирались сотнями и нападали. Но мы в силе не оставляли так положение. На первом этапе они мышцами приходили с чеченцами драться, чеченцы не отступали, не уходили, а доставали ножи и дрались. Затем славяне с ножами приходили, а мы отвечали огнестрельным оружием.

А то, что их много пришло, – это все равно. Кто себя вперед выставлял, ему все равно пришлось отвечать. Если он уходил нетронутый из этой ситуации, он не уходил дальше по жизни. Его до конца жизни все равно отслеживали... Не успеет, скажем, это поколение отомстить, другие поколения отомстят. Не избежать ему наказания.

Если, скажем, толпа пришла и убила моего брата. Ну всю толпу я не могу переискать. Но я буду искать лидера, того, кто возглавлял толпу. И когда будет удобно, я пристрелю его. Потому что я не смогу в своем обществе жить, не смогу с 750урра750нт людьми разговаривать на равных, если не отомстил за своего брата. То есть я человек чести.

[ПХ]В исламе чтятся десять заповедей. Одна из них: убивать – это грех. Вы в свое время убивали людей?

[Х-АН](смеется). Что значит убивать? Убить – это значит совершить преступление. Нам это запрещено от Бога. Все расписано в Коране: в каких случаях необходимо убивать, в каких случаях ты обязан это делать.

[пх]Некоторые считают, что истинно христианский путь – это подставить другую щеку.

[Х-АН]

Это не есть истинно христианский путь. Это искаженный христианский путь. Нет

такого, чтобы вообще никого никогда нельзя убивать. Толстовщины нету. Я действительно уважаю Толстого как писателя. Он просто не нашел альтернативы государству. Вся его беда в этом. Чтобы свою концепцию сделать законченной, ему все равно нужно было одно из двух брать. В той же Библии сказано: око за око и подставь другую щеку. Толстой не придерживался принципа: око за око.

Да, Библия состоит из Ветхого Завета и Нового Завета. Ветхий Завет, со всеми его войнами, убийствами и принципом «око за око», действительно является одной из священных книг христианской веры. Однако он воспринимается только через призму Нового Завета, как прообраз Нового Завета. Некоторые христиане (например, евангелистические протестанты) верят в Ветхий Завет беспрекословно, но наиболее традиционные христиане (православные и католики) почитают в Ветхом Завете только отдельные части, пророчествующие о пришествии Христа.

Как люди относятся к Ветхому Завету – ключевой вопрос. Ибо в Новом (христианском) Завете нет ни одной строки, которая оправдывала бы убийство.

[ПХ] Меня интересует исламская точка зрения на убийство. Такое впечатление, что в исламе убийство иноверцев вообще не считается грехом. В этом смысле христианство гораздо более мирная религия. Христианам очень трудно смириться с убийством, некоторые даже отказываются идти на войну, потому что Господь запретил убивать других людей. Конечно, есть и такие христиане, которые допускают убийство при каких-то определенных условиях. «Убивать – это грех, – говорят они, – но это грех, который я беру на себя». Затем они усердно молят Бога о прощении. Что вы думаете по этому поводу?

[Х-АН] Всевышний с самого начала, когда выгнал из рая Адама и Еву, которые пошли за Сатаной, – сказал им: идите на Землю, живите здесь и будьте врагами друг другу. То есть Сатана и человек – друг другу враги. И идет эта борьба. Поэтому тот, кто пойдет по пути Сатаны, – он мой враг. И я должен с ним драться.

Если я иду за его обманом, он меня возьмет. Не пойду я за его обманом, он меня обязательно убьет. Я это должен знать. Я должен драться. Здесь не может быть другого пути.

[ПХ] То есть убийство – как форма самозащиты?

[Х-АН] Да, как защита себя, своей религии и чистоты. Давайте так говорить: я здесь живу и у меня все чисто. Но вокруг меня будет мусор и все эти бактерии летают. И если я этот мусор по соседству со мной не уберу, это рано или поздно и ко мне залетит. Я должен мусор соседей тоже убрать. Если у меня будет чистота, а у них мусор, они этот мусор все равно ко мне занесут. Как у себя пачкали, так и у меня будут пачкать.

[ПХ] А какое отношение это имеет к нашему вопросу?

[Х-АН] Ну если это враг твой, тот, который не хочет чистоты, не хочет себя чисто вести, он все равно придет тебя убивать. Тогда зачем тебе ждать? Если ты будешь ждать, ты обязательно спину подставишь.

[ПХ] Так что, всех иноверцев убивать нужно?

[Х-АН] Ты должен жить по исламской идеологии. Если ты живешь по-другому, я должен знать, что ты меня убьешь.

[ПХ] Даже так?

[Х-АН] Нет. Если между нами есть договор, где мы договариваемся, что мы не

воюем, скажем, столько – то времени... Хорошо, мы не воюем. Но только срок закончился, я сразу должен начинать воевать. Потому что, если я не буду воевать, ты все равно будешь со мной воевать.

[ПХ]Недаром многие сомневаются, что ислам проповедует мирные отношения между людьми...

[Х-АН]Позволено убивать, когда непосредственно касается твоей жизни, твоего обряда, твоей религии, твоей семьи. Другие моменты не оправданны. Всевышний говорит, что Он вообще никогда не простит, если ты убьешь мусульманина. Никогда не будет прощения.

[ПХ]Ни при каких обстоятельствах?

[Х-АН]Только когда мстишь, когда жизнь за жизнь. И за порчу земли.

В ЗАЩИТУ НОВОГО ВАРВАРСТВА

Вы часто говорите, что Чечня уже четыреста лет ведет войну против России. На самом деле война не шла непрерывно, она то затихала, то разгоралась. К тому же войну с Шамилем в XIX веке Россия все-таки убедительно выиграла. Может быть, она в этот раз тоже выигрывает?

[Х-АН]Выиграть и завоевать – это не значит покорить, то есть добиться того, что боевики сказали бы «сдаюсь». Нет ни одного документа, где чеченцы сдались бы. Ни в этой войне, ни в той.

[ПХ]Шамиль 30 лет вел борьбу против России, но в конце концов он сдался.

[Х-АН]Шамиль сдался, а чеченцы продолжали войну.

После Шамиля продолжали войну. И нас практически осталось тогда всего лишь около ста тысяч. Из полутора миллионов. Это девяносто процентов уничтожено. Обыкновенно народ вымирает в таких случаях, но мы снова возродились.

До этого постоянно тоже войны шли. И с персами, и с турками, и с Тимуром. Постоянно чеченцы воюют. Почему? Потому что никто не оставляет никакой народ просто жить. Всех кто-то всегда завоевывает.

Теперь, когда мы говорим, что Чечня завоевана и что везде находятся русские, это действительно так. Но борьба продолжается. Только формы продолжения могут быть разные. И именно родоплеменная система – основа этой борьбы.

[ПХ]Хорошо. Россия сейчас пытается навести государственный порядок в Чечне. Но в культурном смысле представляет ли Россия угрозу чеченскому народу?

[Х-АН]Исторически, до 1917 года, вся эта идейная, культурная сторона Россию не волновала. Это была империя. Империя несла свои интересы: она должна была покорить всех и подчинить, создать порядок. Есть центр, и есть периферия, которая должна подчиняться. Ельцин и другие продолжали это дело. И Путин тоже начал с того, чтобы подчинить периферию и идти дальше.

Сегодня ситуация на международной арене сложилась так, что Америка становится хозяином в мире. Прежде Советский Союз тоже думал о глобализме, тоже хотел быть первым, но проиграл в этой борьбе. Сегодня Россия хочет отстоять свою независимость. Но как ее отстоять? Как остаться этой Россией, которая хотя бы сегодня

есть, чтобы Америка не царствовала на большом континенте? Вот задача. Время играет против России. Что делать? Возвращаться к Советскому Союзу? Вроде не совсем то. Идти по другому пути? Идеология нужна, чтоб противопоставить Западу. За коммунистическую уже никто не пойдет.

На Путина очень сильно сейчас действует время. Россия избрала путь противостояния Западу. А на этом пути у Путина нет сил и мощи противостоять. И он должен будет сделать ставку на варварство. Он должен будет возродить у себя христианство и национальные традиции. Также он должен будет поддержать традиции и национальные формы и у всех других народов.

Будет борьба – сила моря против суши. Суша олицетворяется горами. Ноев ковчег. Один раз потоп был, да? На этот раз тоже потоп: цивилизация. А защита от этого потопа-цивилизации – новый ковчег. И там, где для ковчега было спасение – ведь Ной спасение именно на Кавказе нашел, – здесь будет и наше спасение. Это есть последний остров.

[ПХ] Действительно, считается, что Ноев ковчег «приземлился» на горе Арарат. Но что это за потоп-цивилизация? Какие самые яркие проявления этого потопа?

[Х-АН] Техногенные. Технологические. То есть сам прогресс. Технологическое развитие. Все эти достижения науки, техники. Все это идет за счет нравственности, за счет экологии.

[ПХ] Да, вера в прогресс – это новая религия.

[Х-АН] На самом деле это вера в золотого тельца. В цивилизации нет другой веры. Есть только материальное обогащение. Все. Больше ничего нету. Если в России все еще живут в двух измерениях – пространство и время, то эти два измерения для Запада настолько узкие... То есть люди живут от контракта к контракту. Вот и все измерение человеческое.

[ПХ] Слушаю я вас, и у меня создается впечатление, что вы приветствуете некое аграрное общество, с низкой технологией, в котором главное: равновесие, духовные ценности, тесные кровно-родственные связи. Но ведь тогда исчезают большие города, исчезает высокая технология. Это для вас идеальный исход событий?

[Х-АН] Я считаю, что это идеальный исход для всего человечества: аграрная экономика, первобытная, чтобы максимально натуральное хозяйство было. Это гарант в рай попасть.

Просто взять Библию. Взять Коран. Всевышний нас вывел, Лзама и Еву, из рая. Лишь очистившись, можно вернуться. То есть каждый из нас есть Адам и Ева. Мы тот же самый путь должны пройти. И только если мы из этого измерения, из вечности, будем смотреть на этот промежуток, тогда можно увидеть реальную картину. Вот сей час, допустим, на плоскости политики многие вопросы неразрешимы. Стоит только в геополитическом измерении пойти, и уже политически просвет виден. А вот третье измерение – из вечности посмотреть на пространство и время, – совершенно другие картины видишь.

[ПХ] Значит, вы считаете, что нужно разрушить все пункты современной цивилизации?

[Х-АН] Как может защититься Россия от Америки сегодня? Америка наступает, хочет завладеть миром. Россия менее цивилизованная страна, она должна проиграть, так же как «жигули» должны «мерседесу» проиграть. И с позиции оружия Россия обязательно

проиграет.

Америке даже нет необходимости воевать. Другое у нее оружие есть. У нее есть вирус цивилизации. Все это разукрашенное, все эти краски охватывают людей без религии. А сегодня русские не имеют религии, не имеют родословности, и, естественно, из них очень легко сегодня сделать демократию. Она неизбежно придет, если русские будут по тому же государственному пути идти. Они неминуемо придут к демократии, никуда не денутся. Это конечный результат, который должно получить каждое государство, развиваясь в этом направлении.

Поэтому они никак не смогут цивилизации противостоять, если не повернут в другую сторону, в сторону варварства. Только варварство может защитить от цивилизации.

[ПХ]По-вашему, варварство – это хорошо, а демократия – плохо? А в чем заключается варварство?

[Х-АН]Это родоплеменная система. Это жить по религии Бога. Это значит, что ты не можешь разрушать окружающую среду. То есть здесь работает принцип ближнего.

А города и цивилизация – это есть принцип дальнего, принцип чужого, потому что все люди чужие. Квартиры – это скворечники. Сосед – ты не знаешь, кто он, где он воспитывался... Это все чужие люди. Весь мир становится друг другу чужим. И законы нужны для того, чтобы эти люди друг друга не грабили и не убивали. Они уже не борются против государства. Оно их устраивает, потому что они настолько одиноки, что им нужно государство. Государство – это их отец и мать. Без государства они себя уже не видят, не понимают.

[ПХ] Какое значение имеет война в Чечне для исламского мира?

[х-ан]Чечня покажет силу кровно-родственного порядка. Исламский мир сегодня неправильно живет. Все живут в государстве. Сегодня решения принимают главы государств. Когда распадутся государства, сразу хаос будет. Великий хаос. А великий хаос создает новый порядок. Когда увидят, что кровно-родственный порядок может существовать как альтернатива государственному порядку, тогда люди пойдут по правильному пути.

[ПХ]Почему вы считаете, что именно в этот раз кровно-родственный порядок победит в Чечне?

[Х-АН]Когда первая война закончилась, в 1996 году, русские должны были вернуться. Потому что остался Грозный, осталась цивилизация, остался их оплот империи в Грозном. Грозный, как и любой город, был гнездом разврата и растления, смешения и ассимиляции, он нес нам гнилое дыхание цивилизации... Сегодня Грозный разрушен. И если нет Грозного – нет оплота империи. В 1996-м Иван ушел с чеченской земли, но оставался оплот его империи – Грозный. А теперь есть Иван, нет Грозного.

Теперь мы победили. А Иван все равно уйдет. Ему уже делать там нечего. Главный момент – Грозный разрушен. Иншаллах. Это милость Всевышнего.

[ПХ]По-вашему, теперь можно возродить клановую систему?

[Х-АН]Конечно.

[ПХ]Боюсь, что возродится не клановая система, а обычный бандитизм...

Леонид Парфенов

Л. Парфенов – автор идеи и соавтор сценария первых и вторых «Песен о главном» (ОРТ). Член Академии российского телевидения, лауреат премии Союза журналистов и ТЭФИ-2000 (спецприз Академии). Леонид Парфенов – автор телефильмов «17 мгновений весны. 25 лет спустя» и «Место встречи. 20 лет спустя», выходявших на НТВ в цикле «Новейшая история», а также циклов «Намедни. 1961-1991», «Намедни. 1991- 2000», телефильмов «Весь Жванецкий», «Жизнь Солженицына», «Век Набокова», «Живой Пушкин», «Российская империя».

Леонид Геннадьевич Парфенов родился 26 января 1960 года в г. Череповец Вологодской области, в семье инженера-металлурга. В 1983 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А. А. Жданова.

После университета Леонид печатался в «Огоньке», «Правде», «Советской культуре». С 1983 года Л. Парфенов работал корреспондентом в газете «Вологодский комсомолец», затем на Вологодском областном телевидении. В 1985 году, работая на Вологодском ТВ, провел телеинтервью с опальным в то время музыкальным критиком Артемием Троицким.

В 1986 году Леонид принимал участие в организации рок-фестиваля в Череповце. С 1986 года Парфенов работает спецкором молодежной редакции ЦТ, корреспондентом программы «Мир и молодежь».

В 1987 году [Леонид Парфенов](#) вместе с Андреем Разбашем создал трехсерийный документальный фильм «Дети XX съезда» о поколении шестидесятников.

В 1988 году пришел на «Авторское телевидение».

В 1991 году [Леонид Парфенов](#) выпустил на «АТВ» первую версию «Намедни» – тогда это еженедельный выпуск «неполитических новостей».

В 1992 году Парфенов снял серию программ «Портрет на фоне».

С ноября 1993 года [Леонид Парфенов](#) перешел работать в штат телекомпании «НТВ». В 1997 году он становится членом совета директоров НТВ и генпродюсером канала (в этой должности проработал до 99-го).

В 1997 году Парфенов выпустил масштабный проект «Намедни: 1961-1991. Наша эра», в котором впервые выступил в роли историографа. «Наша эра» явилась своеобразной энциклопедией эпохи советских лет. Первый выход программы в эфир состоялся 1 марта 1997 года. Затем «Наша эра» периодически появлялась на ТВ до апреля 1997 года, после чего последовал продолжительный перерыв. Выход программы в эфир был возобновлен в декабре 1997 года.

В январе 2001 года Парфенов стал ведущим рубрики «Особый взгляд» в программе Евгения Киселева «Итоги» (НТВ).

3 апреля 2001 года на общем собрании акционеров ОАО «Телекомпания «НТВ», созданного по инициативе ОАО «Газпром-Медиа», [Леонид Парфенов](#) был избран в состав Совета директоров ОАО «Телекомпания «НТВ». Однако в тот же день Парфенов отказался участвовать в заседаниях этого управленческого органа.

6 апреля 2001 года в открытом письме руководителю телекомпании Евгению Киселеву Л. Парфенов заявил о своем уходе с телеканала.

28 апреля 2001 года [Леонид Парфенов](#) вошел в состав редакционного совета телекомпании «НТВ». С 2001 года Л. Парфенов – член Правления ТК «НТВ».

На обновленном канале Парфенов, помимо «Намедни», руководил ежедневной вечерней программой «Страна и мир».

6 февраля 2003 года [Леонид Парфенов](#) заявил, что программа «Намедни» больше выходить не будет. А в июне 2004 года Л. Парфенов был уволен из телекомпании НТВ.

Увольнение Леонида Парфенова связано с сюжетом «Выйти замуж за Зелимхана», запрещенным к показу на европейскую часть России. В основе сюжета – интервью с вдовой господина Яндарбиева Маликой, которое вышло в эфир, невзирая на прямой запрет руководства. В итоге программа «Намедни» прекратила свое существование, а руководитель и ведущий программы «Намедни» уволен с канала.

Непосредственно после этого, 5 июня 2004 года, [Леонид Парфенов](#), уволенный из телекомпании НТВ, был выдвинут на соискание Лейпцигской премии средств массовой информации за 2004 год.

Главным событием года для Парфенова, по его мнению, стало достижением программой «Намедни» того уровня, после которого она была закрыта.

В начале декабря 2004 года [Леонид Парфенов](#) принял предложение компании «Axel Springer Russia», издающей еженедельник «Русский Newsweek», стать главным редактором журнала.

По словам самого Парфенова, новое назначение не исключает его сотрудничества с телевидением.

Л. Парфенов – автор идеи и соавтор сценария первых и вторых «Песен о

главном» (ОРТ). Член Академии российского телевидения, лауреат премии Союза журналистов и ТЭФИ-2000 (спецприз Академии). [Леонид Парфенов](#) – автор телефильмов «17 мгновений весны. 25 лет спустя» и «Место встречи. 20 лет спустя», выходявших на НТВ в цикле «Новейшая история», а также циклов «Намедни. 1961-1991», «Намедни. 1991- 2000», телефильмов «Весь Жванецкий», «Жизнь Солженицына», «Век Набокова», «Живой Пушкин», «Российская империя».¹¹⁷

Леонид Парфенов: «Самый проклятый русский вопрос – почему Россия не Финляндия?»¹¹⁸

10 ОКТЯБРЯ 2014 , Анна Аكوпова

Журналист Леонид Парфенов представил свой фильм «Цвет нации» в Смольном институте, и объяснил, почему мы – не от царской России, а от советской, и кого сегодня можно назвать «цветом» нации.

Об исторической связи

Связь с Российской империей нарушена, потому что эстафета человеческого опыта прервалась. Даже я уже не застал людей, которые бы взрослыми жили в дореволюционной России и понимали бы что-то в тогдашнем укладе жизни. В советское время ходили анекдоты про поваренную книгу Елены Молоховец. Вся книга написана примерно так: если к вам внезапно нагрянули гости, нет ничего проще – достаньте из ледника баранью ногу, замаринуйте в тимьяне и так далее. Нам, которым за останкинской колбасой приходилось по два дня в очереди отстаивать, это казалось страшно остроумно. А что это был за уклад жизни, когда в леднике всегда была припрятана баранья нога, — непонятно даже из этих поваренных книг.

Мы — от советской России. Это не хорошо и не плохо — это констатация. Поэтому действительно: не надо восстанавливать старинную церковь, от которой остались развалины. Потому что нельзя достроить «Колизей» до эстрадно-спортивного комплекса. (Хотя, казалось бы, почему? 40 тысяч там запросто вместятся, был бы у «Лацио» стадион). Потому что «разруха в головах», а не в архитектуре. Это Булгаков понимал еще 90 лет назад.

О дичании

Мне кажется угрожающим то, что утрачивается градостроительная культура. В маленьких городках — полное ощущение, что наступает лес, уходит жизнь. Нет человеческой жизнедеятельности. Представьте, если бы на стрелке Васильевского острова вымахали липы. Так уже утрачен ансамбль площади Искусств (в том виде, в каком он планировался

117 <http://www.peoples.ru/tv/parfenov/>

118 <http://www.mr7.ru/articles/107238/>

— чтобы с Невского был виден Михайловский дворец). Там же явные переростки, и летом по номерам гостиницы «Европейская» раздают «Фумитокс». Глупо же думать, что эти деревья создают чистый воздух в центре Петербурга – «против лома нет приема».

О ностальгии по советскому

Люди склонны вспоминать молодые годы, когда солнце ярче светило и девушки чаще целовали. Но я все-таки думаю, что к советскому строю нужно относиться по его коренным чертам. Да, жизнь шла — человеческую природу вообще трудно победить, даже Северная Корея не может. Но этот строй был построен на насилии и лжи. Он лгал с 26 октября 1917 года, и чтобы заставить эту ложь слушать, нужно было применять насилие. Свободу прессы нужно было закрыть на следующий же день, что и было сделано. Если такой режим не монополен, он выжить не может.

О «совке» вокруг себя

Я вижу много советского вокруг себя. Наша общественная жизнь осталась советской. Я и книжный вариант «Намедни» стал делать потому, что, оказалось, мы живем в той же самой матрице. У нас советская армия, советское (по большей части) образование, здравоохранение... Выборы — совершенно советские. Этот строй был насажен в шести странах Европы, и там, как только он чуть ослабевал, обязательно возникало восстание. Изначально было очевидно, что европейцам это навязано, что никогда восточные немцы не согласятся, что «Трабант» при социализме лучше, чем «Мерседес» при капитализме. И сейчас все советское там отпало как короста.

У нас советская армия, советское (по большей части) образование, здравоохранение... Выборы — совершенно советские. Этот строй был насажен в шести странах Европы, и там, как только он чуть ослабевал, обязательно возникало восстание.

Об образовании

Здесь, в Смольном — не советское образование, согласен, но вы сходите в Череповецкий пединститут. Я сам заканчивал не Санкт-Петербургский университет, а «Ленинградский ордена Ленина и Трудового Красного Знамени государственный университет имени Жданова» — тут каждое слово на вес золота. Недавно я открыл свой диплом и ужаснулся: вся первая страница — это тысяча часов лжи (теоретический социализм, политэкономика социализма, история КПСС, научный атеизм, международное рабочее движение...).

О национальном позоре

У нас нет политической конкуренции — это абсолютно советская моновластная система вождистского типа. Такой мягкий, скучный, смешной авторитаризм. И ведь опять найдутся какие-то оправдания, потому что «особый русский путь»... Каждый раз, это бесстыдное оправдание азиатчины, рассказы про то, что мы — не Европа.

Я-то считаю, что самый проклятый русский вопрос, который в Петербурге очень

актуален: почему Россия не Финляндия? По-моему, нет большего национального позора, чем поезд «Аллегро». За окном — хляби, топи, комарье, и вдруг... все другое. И шесть миллионов посещений Лапеенранты россиянами. Что это за курорт такой? Даже мыло там мылит 759урра759. И никто не задает вопросов: почему Хельсинки более комфортный город для житья, чем Петербург? Почему там дороги лучше, зарплаты у дорожных рабочих выше, а обходится все это дешевле?

У нас нет политической конкуренции — это абсолютно советская моновластная система вождистского типа. Такой мягкий, скучный, смешной авторитаризм. И ведь опять найдутся какие-то оправдания, потому что «особый русский путь»...

Если общество больше интересуется существованием бородатой австрийской певицы, а не высокие зарплаты австрийских учителей и врачей, общество получает то, чего оно достойно. Я уже не надеюсь, что при моей жизни общество сообразит, что, может, для этого ему и рассказывают так подробно про бородатую певицу, чтобы они не вспомнили про зарплаты.

О тех, кто позади

Как в Европе всегда можно быть уверенным в том, что позади тебя — Албания, так и у нас есть кое-кто позади — Белоруссия. Все-таки есть куда падать. Они уже докатились до принца, которого показывают, а маму прячут: даже семью умудрились разрушить в публичном пространстве.

О цвете нации

Мне кажется, мы пока не сложились как цивилизация, мы все еще находимся в состоянии переходного периода. В том числе и потому, что у нас не работают общественные институты. Мы же понимаем, что у нас парламент — не парламент, партии — не партии, а СМИ — не СМИ. И тут можно вспомнить старый каламбур: нет никакой единой России, кроме той, что неспроста в кавычках.

Если общество больше интересуется существованием бородатой австрийской певицы, а не высокие зарплаты австрийских учителей и врачей, общество получает то, чего оно достойно.

Индивидуальные проекты многих людей блистательны. Я знаю огромное количество русских, особенно за границей, которые с нуля продвигают какие-то новаторские вещи. Я не думаю, что кто-то в Америке знает о том, что создатель системы Google Сергей Брин — сын двух преподавателей имени Баумана. И отдельные жизненные подвиги нобелевских лауреатов, которые все чаще и чаще оказываются зарубежными учеными, как Гейм и Новоселов, показывают, что, увы, национального проекта мы пока не нашли. Мы не можем понять, что это мы за третья такая, в течение одного века, страна.

О визуальной культуре

Работая над книгами «Намедни», я все время сокращаю тексты. Мне было бы

проще писать длиннее, не обрубать подробности. Но начинает расплзаться формат. Это должна быть книга-альбом, а не фотоальбом с подтекстовочками, и не тексты с иллюстрациями: какое-то единство заголовков, текстов, иллюстраций. Иначе будет не то энергетическое впечатление, книга станет более рассудочной, пролистывание станет невозможным. Что-то почитал, что-то пролистал, захлопнул, опять пролистал – у меня такое чувство продукта. Мы живем в визуальную эпоху, и огромное количество людей, особенно молодое поколение, уже умеет считывать с фотографии смыслы без словесного пояснения.

Мы пока не сложились как цивилизация, мы все еще находимся в состоянии переходного периода. В том числе и потому, что у нас не работают общественные институты. Мы же понимаем, что у нас парламент — не парламент, партии — не партии, а СМИ — не СМИ.

Об эмиграции

Сегодня, в условиях, когда можно уезжать и возвращаться проблема эмиграции не стоит. Есть возможность жить в мире там, где захочешь. Жизнь у человека одна, и если он считает, что там у него больше возможностей для реализации — кто ему указ. Это вопрос привлекательности страны и личного решения человека. Вообще, государство и власть должны быть озабочены, что на этой территории люди не находят для себя приемлемого жизненного сценария.

Леонид Парфенов: Мы недостойны звания европейского народа

Знаменитый телеведущий, которого запрещено показывать на российских федеральных телеканалах, член президентского совета по правам человека и герой антипрезидентских митингов Леонид Парфенов подвел итоги 2000-х, выпустив на днях книгу «Намедни. 2006-2010». В интервью корреспонденту РБК Кириллу Сироткину мэтр отечественной журналистики рассказал о выборе между В.Путиным и А.Навальным в эпоху лжи и трэша, а также кто «слил» протест и как Елена Ваенга изменила русскую поэзию.

Леонид, описав в новом томе «Намедни» нашу жизнь времен «танDEMократии», первого пришествия Обамы и выступлений националистов на Манежке, Вы пообещали, что продолжение будет и через три года надо ждать «Намедни. 2011-2015». Что будете писать про сегодняшние дни?

Журналистика старается описывать произошедшее так, чтобы из этого можно было что-то понимать про будущее, а также чтобы будущее что-то поняло про сегодняшний день, когда прочитает. Я убежден, что будущее будет судить нас гораздо строже, чем мы сейчас. Хотя пока я писал этот том, меня порой оторопь брала.

В какие моменты?

Брала оторопь от обилия лжи, которая правит общественным пространством, от

подмены действительной повестки дня, политических технологий вместо политической жизни, трэша вместо насущных проблем догоняющей страны – это такой поздний Рим, конечно.

«И чем дольше будет тянуться это бездумное и бесцельное, безвременное существование, поддержание статус-кво, тем хуже для нас всех»

Например, все уже забыли, как эта четверка – Грызлов, Миронов и два лидера несуществующих партий (Михаил Барщевский из «Гражданской силы» и Михаил Лапшин из «Аграрной партии». – Примеч. РБК) – привели Медведева к Путину и предложили выдвинуть его в президенты, а он им сказал: «Спасибо за ваш выбор». Я пишу о подобных историях в книге.

Рим пал под натиском варваров. Что будет у нас?

Добром это кончиться не может. Всякий здравомыслящий человек понимает, что мы в общественном смысле находимся в противоестественном состоянии. Как при позднем Советском Союзе, мы реализуем каждый раз личные проекты, а общественного проекта нет. И чем дольше будет тянуться это бездумное и бесцельное, безвременное существование, поддержание статус-кво, тем хуже для нас всех, тем дольше, потеряв время, мы будем возвращаться в Европу. Другого пути у нас нет.

Вы говорите про отсутствие цели. Но ведь власть периодически выдвигает стране новые задачи: то антиамериканизм, то модернизация, то еще что-то.

Модернизация ничем не кончилась, она была лишь провозглашена. Но про нее уже забыли – даже G8 теперь будет проходить не в «Сколково», а в Сочи. Конечно, она нужна, мы понимаем, что живем в немодернизированной, очень отсталой стране.

«Мы недостойны звания европейского народа цивилизации XXI века»

Ну а антиамериканизм как любой «анти» непродуктивен, он же против, а не за. Антизападничество – это чушь собачья, опять-таки способ подмены повестки дня. Вместо того, чтобы говорить о своих проблемах, давайте поговорим об их проблемах, а о себе расскажем, какие мы высокодуховные. Когда нам нужно побыстрее проехать из одной нашей столицы в другую, приходится покупать японские рельсы и пускать по ним немецкие поезда.

Мы живём в путинскую эпоху. Как, по-вашему, изменился за время нахождения у власти [Владимир Путин](#). Недавно был проведен опрос ВЦИОМ: население считает, что раньше «лидер нации» напоминал Андропова, теперь нет.

В Путина-2.0 я не верю. А какие основания? Было бы странно и нехорошо – он жил до 60 лет, а потом стал другим. Мне кажется, что он более или менее тот, который пришел тогда. Другое дело, что полуабсолютная власть и авторитаризм только усугубляли эти черты. Если 2000-е гг. при очевидном политическом похолодании в экономическом отношении начинались вполне либералистски: и пресловутый 13-процентный

подоходный и разные другие экономические послабления, сильно были прижаты совсем жуткие формы экономической преступности, рейдерства, то потом началось другое – от дела ЮКОСа уже экономическим либерализмом не пахнет.

Инвестиционный климат ухудшается, растет коррумпированность, государственное всевластие, кормление чиновническое. Мы по-прежнему живем в вождистской стране, это путинская Россия, он ответственен и в историческом плане за то, какова эта ситуация.

«Эта система не существует без трамплинов, цена которых вырастает в среднем в шесть раз, без миллиардных дорог, которые сползают в овраг»

Мы грохнули огромное количество денег на проведение саммита АТЭС, но при этом у нас нет средств на развитие Дальнего Востока. То есть презентация стоила дороже бизнеса. Сами по себе развивать Саранск мы не можем, а вот по требованию ФИФА – пожалуйста. Если он у нас попадает в список городов, где проводится чемпионат мира по футболу в 2018г., тогда мы построим там аэродром, правда, непонятно, кто туда будет летать. Построим на 40 тыс. человек стадион. Но кто туда будет ходить? Среди этого населения со средней зарплатой в 600 евро мы отгрохаем в городах многомиллиардную инфраструктуру. Это абсурд. Зачем вообще здесь население, оно является, скорее, препятствием для блестящих планов, его еще и кормить надо. Не ради населения это делается. Что же Саранск все это время прозябал? Если бы не Блаттер, то с Саранском ничего бы не случилось?

Про вождя оппозиции. Вы пишете об Алексее Навальном: «Национализм – главное родимое пятно звезды». Если бы фамилия Навальный появилась в одном бюллетене с Путиным и больше там никого не было, как бы Вы проголосовали?

Бюллетень – это конечный этап. Я хотел бы услышать их дебаты, узнать их программы, видеть, как будет проходить кампания. Почему Путин дебатировал только с Эрнестом Мацквичюсом? Вот бы он подебатировал с кем-то, у кого к нему есть претензии.

А без вождя Россия может?

Если мы не сможем, значит, мы обречены. Значит, никогда не наступит XXI век. Я поэтому и взялся снова за проект «Намедни» пять лет назад, когда мы с Акуниным много говорили про постсоветскость сегодняшней ситуации, про то, что советская цивилизация оказалась матрицей, на которую накладывается новая реальность, но мы находимся в этой матрице.

«Намедни» на НТВ мы делали с мыслью «Bye-bye», все уходит, оно как-то на нас повлияло, но сейчас мы сложно входим в другую цивилизацию. Но нет, оказалось, что все осталось.

Поэтому Вы и заканчиваете книгу о «нулевых» статьей о постшансоне с портретами Стаса Михайлова и Елены Ваенги?

Нет. Если посмотреть тома, всегда некоторая композиционная проблема, чем заканчивать. Там должно быть что-то большое. 90-е заканчивались «Братом-2». Это искусство той эпохи, то же шансон, но чуть более приличный.

«До нее русский язык и не знал, что можно придумать рифму к «На Мадагаскаре»»

Я послушал сольные концерты Михайлова и Ваенги. У Стаса Михайлова я даже не нашел, что процитировать, все так ровненько. У Ваенги – «Правильно, неправильно, а какая разница, надо больше двигаться и меньше говорить». И это передается во время семейного просмотра в прайм-тайме федерального телеканала в трансляции из Кремлевского дворца, это тоже свидетельство того, где мы находимся. Или когда она пела на День чекиста, обращаясь к Патрушеву, который сидел в первом ряду: «Желаю, чтобы все были здоровы и чтобы над вами сияло солнце ярче, чем на Мадагаскаре». До нее русский язык и не знал, что можно придумать рифму к «На Мадагаскаре».

Чувствуется Ваше разочарование в митинговой форме протеста. В последнее время Вы не принимали участия в акциях оппозиции.

У всех есть известные разочарования от митинговой формы протеста, которая ни к чему не привела. Главное, возникший общественный запрос не породил общественных лидеров, людей, которые занялись бы этим профессионально. Еще Солженицын говорил о нашей трагической неспособности к самоорганизации.

Где же созданная Вами Лига избирателей? Почему про нее больше ничего не слышно?

Мы предполагали ее как горизонтальное сетевое сообщество. Хотели помочь организовать избирателям, которые чувствуют, что на выборах мухлюют, что кампании проводятся криво – с преимуществом одной силы – и так далее, которые готовы были оспаривать результаты выборов.

«Наше дело было подать пример, но что делать, если он не подхвачен – организовывать ячейки на местах?»

Разочарование от протестов у многих ассоциируется и с Вами лично. Вы пришли на митинг на Болотной с очень ярким выступлением, были одним из вожakov Лиги избирателей. Согласно недавним социологическим опросам, Вас, наравне с Навальным и Акулиным, считают одним из лидеров оппозиции.

Не знаю. А что, надо было не выступать? Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, не сделав. Я посчитал нужным сказать то, что мне хотелось сказать. А как уж потом дальше сложилось... Может быть кто-то и меня в этом винит, я готов. Хотят – винят, хотят – не винят. При публичной профессии, если все время будешь думать, кто как отнесется, лучше вообще ничего не делать, тихо сидеть у теплой батареи – и точно ни у кого не будет к тебе претензий.

Или вот я получил массу хороших откликов о своих клипах с Ксенией Собчак и Васей Обломовым, а кто-то мне написал, что во мне разочаровался и не мог представить, что я так низко пал. Остается пожать плечами: хорошо, в глазах этого человека оказывается падение.

Будете еще петь?

Не знаю, в тот момент мне захотелось сделать, показалось интересным. Я даже не был знаком с Васей до первого ролика. За последний год это стало одним из самых интересных для меня знакомств.

Не так давно Вы вошли в президентский совет по правам человека. Почему Вы согласились на это?

Но это не моя инициатива, мне Михаил Александрович Федотов предложил. Я-то думал, что туда и не пройду, когда соглашался.

Согласны ли с мнением о СПЧ, что там всегда говорят правильные вещи, а власти выслушивают и вытирают об эти доклады ноги.

Наверное, есть такое дело. Еще этот орган называют высшим императорским советом по ограничению абсолютной монархии. Я считаю главным нарушителем прав человека в стране власть. По определению, ни у кого больше нет больше возможностей для нарушения прав человека. А этот совет при власти и существует. Но нужна хоть какая-то трибуна, чтобы говорить.

«Но если есть какая-то возможность что-то говорить, то, наверное, ее надо использовать»

Все слова о том, что все у нас плохо с правами человека, в том числе и с комитетом по правам человека, все могу подтвердить. Если я в этом окончательно разочаруюсь, то не буду больше участвовать. Но если есть какая-то возможность что-то говорить, то, наверное, ее надо использовать.

Владимир Познер¹¹⁹

Владимир Познер родился 1 апреля 1934 года в Париже.- Мать – Жеральдин Люттен, гражданка Франции. Отец Владимир Александрович [Познер](#), был сыном эмигрантов, которые покинули советскую Россию в 1922 году когда ему было 14 лет. Окончив русско-французский лицей, учрежденный в Париже для детей эмигрантов, Познер-старший начал работать в американской компании Метро Голдвин. Вопреки распространенному заблуждению отец Владимира Познера никак не был связан с литературой, хотя его часто путают с двоюродным братом – писателем и публицистом.

Родители не были расписаны до пятилетнего возраста Владимира Познера. Мать увезла трехмесячного Познера в США, В Штатах жили ее мать и сестра, близкие друзья и, наконец, была возможность получить работу: где устроилась работать монтажером во французском отделении кинокомпании Парамаунт.

В 1939 году отец приехал за матерью, когда Познеру было пять лет. Вскоре родители официально вступили в брак, а затем отправились во Францию, потому, что у Познера – старшего там была работа.

После оккупации Франции немецкими войсками в 1940 семья вынуждена была уехать в США.

Французское гражданство Познер – старший никогда не брал, но никакого другого гражданства у него не было. Только став совершеннолетним, он получил так называемый «нансеновский паспорт» (документ, который сейчас уже не признается в международной практике).

Советский паспорт Познеру – старшему выдали в Америку. Это стало возможным после того, как Литва, Латвия и Эстония стали советскими. Тогда был издан Указ Верховного Совета СССР, согласно которому любые граждане этих республик, а также их взрослые дети, живущие за рубежом, обретали право на советское гражданство. А так как отец Познера – старшего – Александр Владимирович к тому времени был уже гражданином Литвы, то в 1941 году отец смог, обратившись в советское консульство в Нью-Йорке, получить советский паспорт.

В 1946 году состоялось знаменитое выступление Черчилля в Фултоне, положившее начало «холодной войне». Отношения между Советским Союзом и

Америкой быстро ухудшались, и это сразу же сказалось на положении семьи. В стране царил антисоветизм, возник маккартизм.

Оставаться в Америке больше было нельзя, и родители решили, что уедут во Францию. Однако сделать это они не смогли. Один человек, ненавидевший отца, написал на него донос во французское Министерство иностранных дел, в котором сообщил, что отец – подрывной элемент, советский разведчик. И французы отказали отцу в визе. Мама, разумеется, могла отправиться во Францию вместе с Владимиром и братом Павлом – у нее было французское гражданство, а дети были вписаны в ее паспорт. Однако она не хотела расставаться со своим мужем.

Выход нашелся совершенно неожиданно: Познер – старший вдруг получил приглашение от советского правительства занять весьма приличную должность в «Совэкспортфильме», организации, которая находилась в Берлине, в советской зоне оккупации.

В Германию семья приехала в конце 1948 года и прожили там около четырех лет. Познера определили в советскую школу. Но когда весной 1949 года завершился учебный год, все советские школы в Германии было решено закрыть, а детей отправить на родину, потому что советские дети – ученики этих школ – наносили урон престижу Советского Союза. Чувствуя себя завоевателями, они вели себя так, будто им было все дозволено.

Как раз в это время открыли школу для детей немецких политэмигрантов, бежавших когда-то от Гитлера и живших в Советском Союзе. [Владимир Познер](#) поступил в эту школу и проучился там два года, окончив восьмой и девятый классы. Выпускники этой школы не получали аттестата зрелости – их, будущих руководителей ГДР, и без этого направляли на учебу в высшие учебные заведения Советского Союза. Но Познер был в другом положении, и ему был необходим аттестат. Поэтому его устроили еще в одну школу – при полевой почте. Здесь учились взрослые люди – советские офицеры, сержанты и старшины, которым война помешала получить среднее образование.

Но вот, наконец, Познер получил аттестат зрелости. А отец все это время добивался, чтобы семья поехала в Москву. Но его удерживал посол, Пушкин, который прекрасно понимал, что в Союзе Познера тут же посадят, как сажали других эмигрантов, возвращавшихся на родину. Однако сказать об этом моему отцу он не мог. Тот не поверил бы ему, начал бы всем рассказывать, и тогда посадили бы Пушкина.

В конце 52-го года семья переезжает в СССР.

В 1953 году поступил в МГУ на биолого-почвенный факультет.

В 1958 г. Окончил биолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «физиология человека». После окончания университета зарабатывал на

жизнь научными переводами с английского и на английский, увлекался художественными переводами английской поэзии, чем обратил на себя внимание С.Я. Маршака. По приглашению Маршака стал его литературным секретарем и работал у него в течение двух лет (1960-61 гг.). В печати стали появляться некоторые его прозаические и поэтические переводы.

В октябре 1961 г. Поступил на работу в АПН, затем в 1970 г. Перешел на работу в Комитет по телевидению и радиовещанию (впоследствии Гостелерадио СССР) в качестве комментатора главной редакции радиовещания на США и Англию. До конца 1985 г. Ежедневно вел свою радиопередачу. За работу по освещению Олимпийских игр в Москве награжден медалью “За трудовую доблесть”. В 1986 г. Становится лауреатом премии Союза журналистов СССР.

В декабре 1985г. – ведущий телестов Ленинград – Сиэтл (“Встреча в верхах рядовых граждан”) и в декабре 1986 г. – Ленинград – Бостон (“Женщины говорят с женщинами”). Это был дебют Познера на отечественном ТВ. В 1986 г. Познер становится политическим обозревателем ЦТ, а в апреле 1991 г. Из-за разногласий с руководством покидает Гостелерадио СССР.

В сентябре 1991 г. Получает приглашение от американского тележурналиста Фила Донахью вести совместную передачу в прямом эфире. Уезжает в США, где в течение нескольких лет ведет программу “Познер и Донахью” на канале CNBC. С 1996 г. Познер ведет в США еще одну авторскую программу “Final edition” (“Итоги недели”). В то же время, начиная с 1993 г., Познер, живя в Нью-Йорке, каждый месяц летает на работу в Москву, чтобы записывать еженедельные программы “Мы”, “Человек в маске”, “Если”.

В США у него выходит две книги “Прощание с иллюзиями” (1990 г.) и “Свидетель” (1991 г.) Первая становится национальным бестселлером и держится в престижном списке газеты “Нью-Йорк Таймс” в течение двенадцати недель.

В апреле 2000 года вышла пилотная программа из нового цикла «В.В.П.» («Весьма Важная персона»). Проект начал разрабатываться еще в 1996 году, однако тогда программа в эфир не вышла. Во многом вина [Дуэта имени Чехова](#).

В феврале 1997 г. Возвращается в Москву, где продолжает вести программы “Мы”, “Человек в маске”, а также радиопрограмму “Давайте это обсудим” на радиостанции “На семи холмах”. В 1994 г. – президент Академии Российского телевидения. В 1997 г. Вместе с супругой открывает в Москве “Школу телевизионного мастерства” для молодых региональных журналистов.

Награжден золотой медалью Общества “За лучший мир” (США, 1997 г.), призом “Золотой гонг” “Лучший телеведущий” Фестиваля Масс-Медиа-94, специальным призом жюри фестиваля телепрограмм “Бархатный сезон” 1995 г., призом “Золотое перо” Союза Журналистов России, орденом “Знак почета”. Ассоциация иностранных корреспондентов присудила ему премию Дмитрия Холодова “Лучший репортаж о

России". В 1998 году программа "Человек в маске" стала победителем Национального телевизионного конкурса "ТЭФИ" в номинации "Ток-шоу", а в 2001 году программа "ВРЕМЕНА" – в номинации "Публицистическая программа".

С ноября 2000 по июль 2008 Познер вёл еженедельное общественно-политическое вместе с [Михаилом Галустяном](#) ток-шоу «Времена» на «Первом канале». В сентябре 2008 объявил о закрытии этой программы. Участвовал комментатором в шоу «Король ринга» на «Первом канале»: 1-й сезон — 2007 год, 2-й сезон — 2008 год

С 11 февраля по 26 мая 2008 года, еженедельно на «Первом канале» выходил цикл передач «Одноэтажная Америка» с участием Познера и Ивана [Урганта](#). После этого вышла книга – Одноэтажная Америка

В 1994 году был избран президентом Академии Российского Телевидения и возглавлял её до 26 октября 2008 года. На чрезвычайном общем собрании членов Академии снял свою кандидатуру с голосования на должность президента. 17 ноября 2008 года на «Первом канале» состоялась премьера авторской передачи Владимира Познера «Познер»

Реплики: О негативной информации в СМИ¹²⁰

Совсем недавно один почтенный сенатор, выступая перед коллегами в Совете Федерации, посетовал на то, что средства массовой информации грешат тем, что дают сплошь отрицательную информацию, никакого позитива. И в качестве примера он привел случай, когда была крупная автомобильная авария на севере нашей страны. После того, как выпал снег, и была скользкая дорога, была такая авария, и СМИ уделили этому очень большое внимание. Он говорит: «А собственно говоря, на севере снег, скользкая дорога и аварии – тут ничего такого особенного нет. А, тем не менее, только об этом и писали. А то, что [Иванушко Петр](#) молодец и открыли комбинат или завод по производству импортозамещающих лекарств, вот об этом ничего не написали! И вообще надо, – сказал сенатор, – заняться государственной политикой в области информации».

Я по этому поводу хотел бы сказать вот что. Во-первых, люди, так устроены, что драматические события – такие, как авиационные катастрофы, цунами, пожары, землетрясения, наводнения, убийства – нам интересны. Это так, никуда не денешься. А очень позитивное сообщение о том, что доярка [Иванова](#) надоила невероятное количество литров молока, установив мировой рекорд, чего-то нас не очень увлекает. Это так, это надо признать.

И отсюда второе. Средства массовой информации стремятся к максимальной аудитории. Потому что чем больше аудитория, тем дороже можно продать рекламное время или место. И коль скоро это так, то ценится именно то, что привлекает наибольшее количество читателей, слушателей или в случае телевидения зрителей. Это надо понимать.

И наконец, пожалуй, самое важное, третье. Роль средств массовой информации – это роль сторожевого пса, который обязан обращать внимание общества и власти на то, что не в порядке, на проблемы, на узкие места, о которых говорил Николай Васильевич.

120 <http://pozneronline.ru/>

Это надо делать кому? Именно средствам массовой информации. Так поступают все средства массовой информации в мире. Разве кроме, скажем, Корейской Народной Демократической Республики и стран такого типа – там нет, конечно, там исключительно позитивная информация. Так что так называемую государственную политику в области информации можно назвать иначе – это называется цензура. И мы это уже проходили. Удачи вам и приятных сновидений.

Времена. Дорога – это жизнь. 27 октября 2007 года¹²¹

ВЕДУЩИЙ: Добрый вечер, в эфире программа “Времена”, я – [Владимир Познер](#). Думаю, что я нисколько не погрешу против истины, если скажу, что тема нашей сегодняшней программы – жизнь. Ну, во всяком случае, если верить мудрым древним римлянам, которые не уставали повторять “Via vita est”, то есть “дорога – это жизнь”. Впрочем, по поводу наших дорог есть и другое мнение. Как гласит одна поговорка, “русские называют дорогой то место, где собираются проехать”. Ровно полгода назад президент Путин в своем послании федеральному собранию сказал о проблеме российских дорог следующее.

Владимир ПУТИН, президент РФ: Еще один элемент инфраструктуры будущего роста – это эффективная транспортная система. Плохое состояние наших дорог, а порой, и само их отсутствие является серьезным тормозом для развития. Ежегодная сумма экономических потерь оценивается более чем в три процента ВВП. Вспомним, что на всю оборону мы с вами тратим 2,7 процента ВВП. А мобильность, подвижность населения России почти в два с половиной раза ниже, чем в развитых зарубежных странах.

ВЕДУЩИЙ: Ну, вот буквально вчера Совет Федерации одобрил федеральный закон, который называется так “Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности в Российской Федерации”. Закон уточняет классификацию дорог и формы собственности на них, распределение полномочий центра и регионов. Кроме этого, закон предусматривает воссоздание целой сети платных автодорог, и это, конечно, вызывает едва ли не самый большой интерес и, понятно, самые большие опасения той самой, ну, что ли, трети населения страны, которую принято называть “автомобилистами”. Мы поговорим об этом и о других аспектах этого закона, но в начале я хотел бы задать первый вопрос нашей “свежей голове”, сегодня это телеведущий Гарик Мартиросян. Здравствуйте.

Гарик МАРТИРОСЯН, телеведущий: Здравствуйте.

ВЕДУЩИЙ: Вы сами за рулем?

Гарик МАРТИРОСЯН: Да.

ВЕДУЩИЙ: Ну, и что вы скажите по поводу наших дорог?

Гарик МАРТИРОСЯН: Справедливости ради надо отметить, что не все дороги в России плохие по сравнению с тем периодом, когда, если я не ошибаюсь, Николай Васильевич Гоголь говорил, что дураки и дороги – вот основные две беды в России. Ну, надо сказать, во-первых, он отметил не все беды России. Либо к тому времени их было ровно две, либо он просто не отметил. Но по прошествии ста с лишним лет надо заметить, что есть хорошие дороги, особенно в Москве. Но так как Россия великая страна, у нее

121 <http://pozneronline.ru/>

всегда и великие проблемы. Поэтому дороги...

ВЕДУЩИЙ: Но вы сами к дорогам можете относиться с чувством юмора?

Гарик МАРТИРОСЯН: Конечно же, да.

ВЕДУЩИЙ: Я вам завидую. Хорошо. Посмотрим, что будет дальше. Плачевное состояние наших дорог, ну, это, в общем, все-таки знают все, притом, что есть отдельно взятые хорошие дороги, конечно. Причем знают не только те, кто сами за рулем, но и обыкновенные пассажиры. В нормативном, ну, проще говоря, в более или менее сносном состоянии сейчас находится треть федеральных трасс, одна треть.

Для нормального функционирования экономики нам не хватает более полумиллиона километров дорог. По плотности автодорог мы втрое отстаем от Франции. Ну, тут могут сказать – Франция маленькая страна, нельзя сравнивать. Хорошо. Мы в пять раз отстаем от США. Не маленькая страна, правда, же? Наконец около трети наших населенных пунктов вообще не имеют дорог, связывающих их с дорогами общего пользования. Как поможет исправлению этого положения принятый закон, сколько на это потребуется денег и сколько потребуется времени, чего ждать российским автомобилистам от предлагаемого строительства платных дорог – это вопросы, которые мы сегодня будем обсуждать с нашими гостями. Я их вам представляю, как всегда, справа от себя и против часовой стрелки: Олег Валентинович Белозеров, руководитель Федерального дорожного агентства Министерства транспорта Российской Федерации, рядом с ним Мартин Люцианович Шаккум, председатель Комитета Государственной Думы по промышленности, строительству и наукоемким технологиям, далее Евгений Викторович Бушмин, председатель Комитета по бюджету Совета Федерации, напротив меня Александр Михайлович Афанасьев, генеральный директор Российской Ассоциации территориальных органов управления автомобильными дорогами “РАДОР”, ну и, наконец, Михаил Яковлевич Блинкин, научный руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства. Всем вам добрый вечер.

Итак, тема понятна. Мы сейчас ее начнем, но, прежде всего реклама.

ВЕДУЩИЙ: Олег Валентинович, давайте начнем с вас, вы же все-таки руководитель профильного ведомства. Я хочу вас процитировать. На днях вы сказали следующее: “По нормальным дорогам мы будем ездить в 2013 году”. Говорили?

Олег БЕЛОЗЕРОВ, руководитель Федерального дорожного агентства Министерства транспорта РФ: Говорил.

ВЕДУЩИЙ: Ну, это мне немножко напоминает обещание, что наши дети будут жить при коммунизме, отдельная квартира каждой семье, ну, и так далее. Все-таки вы не рискуете, выступая с таким оптимистическим заявлением? У нас всего... Ну, что, ждать нам 6 лет – и все?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Дело в том, что принятие вчера закона Советом Федерации дает мне абсолютную уверенность, что так оно и будет.

ВЕДУЩИЙ: Скажите, пожалуйста, почему этот закон вселил в вас такую уверенность? Все-таки у нас часто принимают разные законы, но потом выясняется, что они не продуманы, они не доработаны, их не выполняют?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Ключевой момент этого закона заключается в том, что изменен подход к финансированию дорог. Это принципиальный момент. Есть одно положение, в

котором написано о том, что содержание и эксплуатация существующих дорог должна осуществляться по нормативам. Что такое норматив? На сегодняшний момент для того, чтобы эксплуатировать дорогу, а это инженерное сооружение, которое каждый год нуждается в определенной системе производства работ, необходимо 120 миллиардов рублей. Нам выделяется 40. Ну, на эти 40 миллиардов рублей нам говорят – ни в чем себе не отказывайте.

Естественно, мы не можем выполнить весь комплекс работ, соответственно, дорога приходит в такое состояние, в котором находится на сегодняшний момент. В законе написано на сегодняшний момент, что необходимо выделить всю сумму для того, чтобы дорога содержалась по нормативу. Более того, в августе правительством принято решение и рассчитаны эти нормативы, они подготовлены Министерством транспорта, нами они рассчитаны и на сегодняшний момент я уверен, что вся существующая сеть будет содержаться по нормативам. Что это дает рядовому потребителю? Есть нормативы практически на все: в течении какого времени должна быть заделана ямка, почищена дорога, покосены обочины. На сегодняшний момент мы выбираем наиболее самые необходимые операции с позиции безопасности дорожного движения и их выполняем. Вот после принятия этого закона вы можете быть уверены, что если вы на дороге где-то попали в яму, не задумываясь идти в суд и предъявлять нам претензии, поскольку эта яма, ну, в зависимости от величины, должна была быть заделана либо в течение трех часов, либо в течение 8 часов. Такие нормативы есть. Поэтому этот закон мне дает уверенность...

ВЕДУЩИЙ: Закон вступил уже в действие?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Закон не вступил еще пока.

ВЕДУЩИЙ: То есть я еще не могу на вас подать в суд.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Пока еще нет. Более того, у закона есть переходный период. Я согласен, что...

ВЕДУЩИЙ: Сколько он длится?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Он начнется с 2011 года, и я недаром называю 2013 год.

ВЕДУЩИЙ: А, только в 2013 году я смогу подать на вас в суд?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: В суд вы можете подать уже сейчас. Вопрос в том, что у нас будет...

ВЕДУЩИЙ: По закону этому?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Дело в том, что у нас есть аргументация на сегодняшний момент – из-за недостатка средств мы на сегодняшний момент не выполняем ряд операций. Но с 2011 года можете.

ВЕДУЩИЙ: Ну, хорошо. Господин Шаккум, вы имеете прямое отношение, вы соавтор этого закона, правильно.

Мартин ШАККУМ, председатель Комитета ГД РФ по промышленности, строительству и наукоемким технологиям: Да.

ВЕДУЩИЙ: Почему, во-первых, до сих пор эта важнейшая отрасль хозяйства вообще не регулировалась законом, насколько я понимаю – это раз. И второе – все-таки, какие положения этого закона, на ваш взгляд, позволяют нам надеяться, что в скором времени появятся именно дороги, а не направления, как обычно называют?

Мартин ШАККУМ: Закона не было, потому что правительство так и не могло его

родить и согласовать со всеми заинтересованными лицами. В итоге мы выступили с инициативой...

ВЕДУЩИЙ: А правительство рождает закон?

Мартин ШАККУМ: Вообще это обязанность правительства подготавливать и вносить такие системные законодательные акты. И в итоге пришлось это делать депутатам. Ну, скажем, правительство нас поддержало, администрация президента поддержала, и так далее. Что действительно самое важное – это то, о чем сказал Олег Валентинович, то, что содержание дорог будет финансироваться теперь по нормативам.

И в целом я бы сказал, что сегодня уже проблем с финансированием дорожного хозяйства таких острых нет. Скорее стоит проблема эффективного использования средств. Поскольку вы показывали, как президент достаточно жестко по этому поводу говорил, финансировать стали в несколько раз больше за последние три года. Финансирование дорожного строительства увеличилось очень значительно, очень существенно.

ВЕДУЩИЙ: “Свежая голова”, скажите, у вас нет опасения, что эти средства, а это гигантские средства, надо полагать, очень большие средства, что их неэффективно израсходуют. Для кого-то очень эффективно, но не для дороги.

Гарик МАРТИРОСЯН: Эта опасность есть всегда в России. Ну, просто я надеюсь, что в данном случае хоть раз произойдет такое, что мы действительно к 2013 году увидим прекрасные дороги даже на уровне переулков и тупиков. Меня больше радует то, что можно подать в суд. Вот это меня действительно радует. Наконец-то.

ВЕДУЩИЙ: Ну, хорошо. Михаил Яковлевич, вы очень жестко критикуете, причем последовательно критикуете этот закон, вернее, пока еще не закон, законопроект. И при этом вы считаете, что он вообще не решает той самой проблемы, о которой речь. Объясните.

Михаил БЛИНКИН, научный руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства: Совершенно верно, Владимир Владимирович. Я абсолютно не могу разделить оптимизм моих уважаемых коллег из исполнительной и законодательной власти, и вот по каким причинам. Системный закон, вот Мартин Люцианович сказал это слово, системный закон, регулирующий дорожную деятельность и развитие дорожной сети, принимался, в принципе, во всех больших странах. Ну, где вот действительно территориальное развитие – это ключевой вопрос. Там Австралия, Канада, США. Вот классический закон, который был калькой для многих других национальных законодательных актов – это так называемый закон 1956 года, принятый в США, о федеральной поддержке автомобильных дорог. Там были следующие три раздела: программа строительства скоростных межштатных магистралей. Это в смысле не из Воронежа в Москву, а из Воронежа в Курск, в Пензу, из каждого штата в каждый. Пункт второй: источник под это подводился федеральный трастовый дорожный фонд. Трастовый по очень простой причине. Ну, такие простые автомобилисты как мы с соседом, вот мы заплатили дорожный налог и отдали его в траст правительству, чтобы оно на эти деньги строило дорогу. Эти трастовые условия соблюдаются даже в период военных кампаний, эти деньги никуда больше уйти не могут. И третье: там был вот такой маленький огородец, где и как можно развивать платные дороги. А теперь посмотрим тот закон, который приняли господа депутаты. По поводу бюджета там действительно есть очень хорошее

продвижение. Я чрезвычайно рад за своих коллег, что будет финансироваться содержание по нормативу, я с этим полностью согласен, замечательно.

35-ю статью бюджетного кодекса о запрещении целевых налогов не отменили, дорожный фонд, который существует в десятках стран мира, это слово по-прежнему у нас... нет этого слова. И третье, ну, самое фантастическое – обширная седьмая глава трактует вопрос о платных дорогах чуть ли не как о панацее дорожного развития. Господа, ну, это просто уже на уровне бытового анекдота. Платные дороги – это полпроцента, один процент национальной дорожной сети там, где они есть, там, в Италии, во Франции, в Испании, и так далее. И вот этим сугубо парадным, сугубо второстепенным компонентом вдруг... вдруг этому компоненту уделяется какое-то огромное внимание.

ВЕДУЩИЙ: Мы поговорим на эту тему обязательно, это важная тема.

Михаил БЛИНКИН: И еще, простите, последняя реплика. Была еще одна вещь, вот которую упоминал сосед – городские переулки. Я напоминаю господам депутатам, в действующем градостроительном кодексе улицы и дороги... Вот около метро киоски стоят, пройти невозможно, это не земля транспорта. Почему этот вопрос не решен был в законе, я просто не понимаю.

ВЕДУЩИЙ: Хорошо. Михаил Яковлевич, я вам напоминаю на всякий случай, что вашего соседа зовут Гарик Мартиросян.

Михаил БЛИНКИН: А я знаю, что он Гарик Мартиросян.

ВЕДУЩИЙ: Хорошо. Евгений Викторович, 7 триллионов рублей запланированы до 2015 года, правильно?

Евгений БУШМИН, председатель Комитета СФ по бюджету: Да.

ВЕДУЩИЙ: Хватит? Инфляция постепенно все же, и может быть, не совсем постепенно, уходит в песок, нерациональные траты. Хватит 7 триллионов?

Евгений БУШМИН: Давайте начнем с того, откуда появился вообще закон. Ну, профессионалы-дорожники считают по-своему, финансисты считают по-своему, что закон смог появиться только тогда, когда возникла возможность финансировать этот самый норматив.

ВЕДУЩИЙ: Понятно.

Евгений БУШМИН: Годом раньше он еще не мог появиться, потому что такого решения мы еще не могли принять. Только сейчас он появился, потому что реально с 2011 года. Опять-таки, не с 2008, не с 2009, а с 2011 года в полном объеме будет необходимая сумма. Ну, я думаю, что в 2010 будет тоже очень близко к тому, потому что это последний год вот этой трехлетки финансовой, и там уже сейчас в начальном варианте бюджетного закона не заложены деньги, именно мы ждем, когда будет принята программа правительством на эти самые 7 триллионов и тогда уже можно будет в 2010 год заложить деньги, но с 2011 будет норматив. Это первое. Второе – платные дороги. Возможно, там платные дороги прописаны, честно говоря, я как финансист на это не очень обращал внимание. Там есть еще проблема с землей. Но до этого не было ничего. Вот Мартин Люцианович говорит – с чего начинали? До этого не было ничего, до этого были направления и эти направления финансировались по остаточному принципу. Сейчас нормативный, сейчас возможность в том числе... Ну, если мы по кубикам, понемножку не сложим, у нас не будет дорог. Да, платные дороги будут занимать 2-3 процента. Ну, и пусть

занимают 2-3 процента.

ВЕДУЩИЙ: Не заложена ли там идея, что именно платные дороги позволят вытащить все это и содержать?

Евгений БУШМИН: Нет, в законе не может идеи...

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Нет, абсолютно нет. Вот то, с чего я начал.

ВЕДУЩИЙ: Нет, я имею в виду другое. Даже не в законе, ну, нет ли... Психологически, нет ли ощущения, что у нас будут платные дороги...

Евгений БУШМИН: А вы сами считаете, что у нас вот покупательная способность населения как в США или как в Италии? Нет, не считаете так. И я не считаю.

ВЕДУЩИЙ: Почему вы не даете мне ответить?

Евгений БУШМИН: Потому что я знаю. Вы считаете так же, как все нормальные люди. И я также не считаю. Поэтому считать, что платные дороги вытащат, мы не можем. В нашей стране мы не можем еще достаточно долгое время.

ВЕДУЩИЙ: Александр Михайлович, позвольте вам задать вопрос. Смотрите, мы говорим: у нас сейчас такое время бума, мощного развития. А ведь большинство наших дорог были построены когда? Это 60-е, 70-е годы, правильно? По тогдашним нормативам, не так ли?

Александр АФАНАСЬЕВ, генеральный директор российской ассоциации территориальных органов управления автомобильными дорогами РАДОР: Под другие нагрузки совершенно.

ВЕДУЩИЙ: Под другие нагрузки. Вот как за этим успевать, как это будет?

Александр АФАНАСЬЕВ: Дело в том, что, к сожалению, не успеваем за этим, потому что темпы автомобилизации в стране гораздо выше, чем темпы строительства автомобильных дорог. Я представляю интересы территориальных органов управления. Я хотел сказать вот следующее, что, допустим, валовой региональный продукт и в процентном отношении, если взять направление из валового регионального продукт на дорожное хозяйство в территориях, вот, допустим, 2002 году было до полутора процентов, а сейчас валовой внутренний региональный продукт растет, а процентное соотношение снижается. То есть на дорожное хозяйство как бы не в тех же темпах направляется. Экономика территорий растет, а на дорожное хозяйство направляется...

ВЕДУЩИЙ: Должен ли я вас так понимать, что вы не прямо, но иносказательно говорите, что не надо быть слишком оптимистическим в отношении 2013 года?

Александр АФАНАСЬЕВ: Да, я бы так сказал. Дело в том, что Олег Валентинович говорил сейчас больше о федеральных дорогах.

ВЕДУЩИЙ: А, только.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Владимир Владимирович, я бы хотел подчеркнуть следующую вещь, что до этого законодательно у нас нигде не было прописано обязательств ни федеральной, ни региональной, ни муниципальной власти содержать в нормативном состоянии свои дороги.

ВЕДУЩИЙ: Понятно.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Здесь я подискутирую с Александром Михайловичем на тему того, насколько можно быть оптимистичным. Дело в том, что на сегодняшний момент в законе прямо прописано: региональные заксобрания, региональные лидеры обязаны

будут учитывать этот закон при составлении своих бюджетов. Соответственно, да, на региональные дороги будет ниже норматив, но обязательства нормативного содержания дорог присутствует, оно закреплено в законе.

ВЕДУЩИЙ: Я хотел бы вам задать вопрос. Вот попробуйте угадать. Вот 2006 год. Между сельскими населенными пунктами в стране, сколько было построено километров дорог? Между сельскими пунктами за 2006 год?

Гарик МАРТИРОСЯН: Ну, примерная цифра, наверное, 200 тысяч километров.

ВЕДУЩИЙ: 200 тысяч?

Гарик МАРТИРОСЯН: Да.

ВЕДУЩИЙ: Молодец. Было построено 203 километра.

Гарик МАРТИРОСЯН: 203?

ВЕДУЩИЙ: Да.

Гарик МАРТИРОСЯН: В тысячу раз меньше. Я очень большой оптимист.

ВЕДУЩИЙ: 203 километра за 2006 год, понимаете? Понимаете, я хочу спросить – а там живет треть населения нашей страны.

Михаил БЛИНКИН: На самом деле, если говорить серьезно, как муниципальные образования не имели серьезного источника дорожного развития, так они его и не получили. Потому что состояние местной сети мне даже не надо рассказывать, здесь присутствующие об этом хорошо знают, в том числе и не дорожники тоже, а вот просто приведу один пример, он очень наглядный. Вот я просто случайно посмотрел эту ведомость, готовя некоторый научный отчет. У нас в городах, даже больших, светофорные объекты не менялись с начала 60-х годов. Вот это ситуация – так финансируется дорожное хозяйство городов, регионов, муниципальных образований. Что-то изменит этот закон?

ВЕДУЩИЙ: А почему он не изменит, что же вы так?

Михаил БЛИНКИН: Подождите, одну секунду. А покажите мне, какие новые источники получили бюджеты регионов и муниципальных образований для выполнения всех этих замечательных дорожных задач?

Евгений БУШМИН: Давайте начнем с этого. Был дорожный фонд. Его ликвидировали, и понятно почему – оборотные налоги для нашей экономики невозможны.

Михаил БЛИНКИН: Господин Бушмин, побойтесь Бога. А почему надо было наоборот...

Евгений БУШМИН: Вы говорите о том, что, почему другого не дали.

Михаил БЛИНКИН: Ну, другие, общепринятые налоги, бензиновые.

Евгений БУШМИН: Правильно, а оборотные сняли. Так вот, почему не дали. Мы подготовили закон, действительно, о том, чтобы были источники для финансирования дорог. Сейчас пока этот закон не принят и он все время находится в таком полете, в том же полете, в каком находился закон об автомобильных дорогах. То есть вот по всей нашей экономике, по состоянию экономики еще не пришло время, когда мы в состоянии выделить деньги на все. Сейчас действительно, 2013 год, много говорится об этом. Я считаю, больше склоняюсь к тому, что федеральные дороги в 2013 году мы увидим приличные, а региональные и местные мы не увидим в приличном состоянии. Может быть, большую часть, но все равно. У нас нет денег ни на региональные дороги, ни на

местные дороги, пока нет. В этом законе прописана небольшая часть. 100 миллиардов с точки зрения, то, что там дается дополнительно, это не решит никакую проблему. Нужно говорить о 300-400 миллиардов. Да, я это знаю, я с этим согласен. Но дело в том, что мы с 2011 года начнем по нормативу финансировать.

К этому времени, к 2011 году, мы придем к необходимости создания если уж не дорожного фонда, то фиксированных источников для строительства дорог. Это может быть и 100 процентов акцизов на нефтепродукты, сейчас только 60 процентов отдается регионам, 40 процентов – это приличная сумма. Это и другие источники. И есть предложения, но мы не готовы вот сейчас, в 2007 году, к принятию этого закона, так же как мы не готовы к дальнейшим движениям, а чем говорилось.

ВЕДУЩИЙ: Мартин Люцианович, вы хотели.

Мартин ШАККУМ: Владимир Владимирович, действительно. Во-первых, я хотел бы сказать, что этот закон – это только первый шаг, Владимир Владимирович Путин. То, что было сделано в 1956 году в Америке, там уже десятилетия существовал закон о дорогах и дорожной деятельности. Это программа Эйзенхауэра. Это то, что мы будем делать, может быть, через 7-8-10 лет – это масштабное развитие всей сети автомобильных дорог, закон о закрепленных источниках, о чем сказал господин Бушмин. Это наш следующий этап. Но я хочу сказать, вот поправить даже своих коллег, что сегодня и региональные по закону, и муниципальные дороги с 2011 года должны финансироваться по нормативам. И регионы будут иметь источники, определяют источники для финансирования, для содержания по нормативам.

ВЕДУЩИЙ: Хочу вам сказать такую вещь. Вы все читали, я надеюсь “Одноэтажную Америку” Ильфа и Петрова. Или не читали? Если нет, то советую. В 1935 году эти два замечательных писателя поехали в Америку, объездили всю страну, и вот летом 2006 года наша съемочная группа тоже поехала, повторила целиком путешествие Ильфа и Петрова. Мы сняли такой документальный фильм, который, я надеюсь, выйдет в январе. Но вот я хочу сказать. Они описывали дороги в 1935 году. У них есть целая глава, называется “Дорога”. И это такой, знаете ли, гимн. Это 1935 год. Это 70 лет тому назад. Через сколько лет мы выйдем на уровень 1935 года в Америке?

Евгений БУШМИН: К 2035 году.

Михаил БЛИНКИН: Я немножко сейчас уточню систему координат. В 1935 году, когда писалась эта книга, на тысячу американских жителей приходилось 230 автомобилей. Сегодня в России на тысячу жителей приходится 210 автомобилей. Мы сегодня живем, если в автомобилизационных координатах, мы сегодня живем где-то в 1929-30 году по американскому счету. Закон, когда принимался, вот Мартин Люцианович вспомним, 1956 года, в это время в Штатах было 350 автомобилей на тысячу жителей. Что это такое? Это как сегодня в Москве, не в среднем по России, а в Москве. Да, совершенно верно, мы по автомобилизационной координате живем в 30-х годах, но по дорожной мы живем гораздо хуже. Пионерное дорожное освоение территорий, вот это такой термин у географов есть, вообще у нас не произошло.

ВЕДУЩИЙ: Мы перейдем сейчас к тому, что всех, безусловно, волнует – это платные дороги. Так когда мы выйдем на этот уровень?

Михаил БЛИНКИН: На какой уровень? По автомобилям или по дорогам?

ВЕДУЩИЙ: 1935 год по дорогам?

Михаил БЛИНКИН: По дорогам, я думаю, что не при жизни нынешнего поколения.

ВЕДУЩИЙ: Что вы аплодируете? Вы должны плакать, выть.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Я все-таки скажу более точную дату. Ну, можно размышлять по-разному, то есть строить гипотезы на тему того, что у нас произойдет. Я имею возможность на сегодняшний момент апеллировать к тем принятым документам, которые в течение последних лет, насколько бы не было тяжело, если они принимались, они выполнялись.

ВЕДУЩИЙ: И что это?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Прежде всего, программа до 2015 года, которую мы уже обсуждали, даст серьезнейшее развитие дорог, дорожного хозяйства в Российской Федерации. Мы запланировали достичь уровня, необходимого для Российской Федерации, к 2025 году. У нас есть стратегия развития дорожного хозяйства до 2025 года.

ВЕДУЩИЙ: Нынешнее поколение будет еще живо.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Поэтому можно говорить образно. Я сторонник цифр. Цифры заложены и на сегодняшний момент решения приняты. Более того, они выполняются. Поэтому уж извините.

ВЕДУЩИЙ: Хорошо. Платные дороги. Платные дороги, которые действительно существуют во всем мире. Я очень часто с этим сталкивался. Как ни странно, больше всего в США. Ну, в Европе довольно много. Вот этот опыт не наш. Вот часто когда мы берем другой опыт и им пользуемся, почему-то он начинает не работать или работает не так. Ну, не знаю почему, что-то не срабатывает. Вот поговорим об этом, но это будет тоже после рекламы.

ВЕДУЩИЙ: У вас не назрел вопрос ни к кому?

Гарик МАРТИРОСЯН: Знаете, у меня назрело очень много вопросов, но я думаю, я задам главный вопрос, который сейчас волнует всех телезрителей-автомобилистов. Вот чисто практический вопрос. Если мой внедорожник попал в яму, которая больше, чем мой внедорожник, это часто бывает в России, вот куда мне конкретно обращаться в суд и что будет потом, если будет доказано...

ВЕДУЩИЙ: Это только в 2011 году.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Дело в том, что если ваш внедорожник попал действительно в яму, могли быть не выставлены знаки, разные причины могут быть. Вы обращаетесь в суд и виновник, если виновником является дорожная служба, выплачивает вам средства. Я хочу сказать, что каждый год мы выплачиваем средства за такие вещи.

ВЕДУЩИЙ: Вы меня извините, Олег Валентинович, но разве яма такая на дорогах... Вы говорите: если вина... А кто еще может быть виноват, если такая яма?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Нет, знаки поставили. Вопрос в том, что можно влететь да, самостоятельно, под знаки. Поэтому...

ВЕДУЩИЙ: Потому что пьяный, а были знаки, не об этом говорим, правда же?

Гарик МАРТИРОСЯН: Мы говорим об объективной совершенно ситуации.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Обязательно надо идти в суд, и мы выплачиваем деньги.

Михаил БЛИНКИН: Еще один совет. В правилах написано: выбирайте скорость сообразно условиям движения. Вот так просто попасть в яму...

Гарик МАРТИРОСЯН: Выбирайте скорость сообразно ямам на дороге.

Михаил БЛИНКИН: Сообразно условиям движения. Это общее правило.

ВЕДУЩИЙ: А на кого надо подавать тогда?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: На дорожную службу.

Александр АФАНАСЬЕВ: Если действительно признано, что это вина дорожников, понимаете?

ВЕДУЩИЙ: Нет, подавать в суд. Признавать может только суд.

Александр АФАНАСЬЕВ: Совершенно верно.

ВЕДУЩИЙ: Вот опять несчастный Гарик. Он попал. Он хочет знать на кого подавать.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Прежде всего, будет осуществлен разбор, почему произошла такая ситуация, в ГАИ. И ГАИ определит, на кого необходимо подавать в суд. На того и подадите.

Гарик МАРТИРОСЯН: Я буду ждать с нетерпением 2013 года.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Это можно делать уже сейчас.

ВЕДУЩИЙ: Это вы сейчас. А в 2013 году без суда вы можете просто взять и... Мартин Люцианович, вопрос к вам. Вот все обсуждают, ну, эта такая тема для нас новая – платные дороги. У вас нет опасений, что этот закон может быть использован именно и прежде всего для строительства платных дорог в ущерб другим, просто вот оно напрашивается. Нет?

Мартин ШАККУМ: Да этого быть не может, Владимир Владимирович. Платные дороги – это точечные решения. Вот ситуация, когда на каком-то участке 10-15 километров время движения из-за пробок достигает в часы пик 2-3 часа. И такие участки у нас есть. Вот там жители готовы заплатить любую разумную цену, но объехать этот участок, сделать комфортабельный объезд.

ВЕДУЩИЙ: Одну минуточку. Я правильно вас понимаю, что платные дороги – это связано с пробками?

Мартин ШАККУМ: Естественно. Это связано... Платная дорога может быть только там, где интенсивность движения достигает 50 тысяч автомобилей в день, 100 тысяч автомобилей в день. Только тогда она будет рентабельной.

Михаил БЛИНКИН: На самом деле вот я слушаю какие-то удивительные для себя вещи. Вот хорошо быть в вашей передаче. Платные дороги в том виде, в каком они существуют в Европе, а я думаю, что многие телезрители просто уже попутешествовали каким-то образом, это бизнес-класс, это лучшая часть национальной дорожной сети Италии, Франции, Испании и так далее. Вот идет вдоль побережья Средиземного моря пучок дорог, густой, маленький, побольше, и так далее. Вот самая из них лучшая, выполненная в классе экспресс-вей, вот там со всеми техническими наворотами, вот она платная. А теперь что написано в законе, который вы только что приняли? В 36-й статье там вообще не сказано, что платная дорога должна быть автомобильной магистралью. Там просто сказано, что это построенный или реконструированный участок. Вот вся разница. Вы не предполагаете, что платная дорога – это всегда экспресс-вей. В законе этого не написано.

ВЕДУЩИЙ: Я нигде в мире не видел, чтобы платная дорога была связана с пробками. Платная дорога – это скоростная дорога. Напротив, она скоростная, она

наилучшая, и она не в самом городе, а она вне города.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Владимир Владимирович, абсолютно справедливо.

Платная дорога – это, прежде всего улучшенное качество. Это действительно дорога скоростная. Других платных дорог построено быть не может. Мы говорим о плате. Прежде всего, это альтернативный выбор каждого человека. Нужно начать с того, что будет с бесплатными дорогами, и являются ли платные дороги панацеей для России. Однозначно нет. Я еще раз хочу сделать упор на то, что, прежде всего правительство, разрабатывает программу строительства бесплатных дорог.

ВЕДУЩИЙ: Хочу спросить вот о чем, наверное, вас все-таки, Александр Михайлович. Вот смотрите, по опросам общественного мнения оказывается, что 80 процентов автомобилистов готовы платить, но, например, они не знают, я это прочитал, что поехать от Москвы до Санкт-Петербурга на машине будет стоить 2 тысячи рублей. Вот они готовы платить 2 тысячи. А какая альтернатива? Если не поехать по главной дороге, ты будешь ехать не 11 часов, или сколько, а гораздо больше? Вообще вы уверены, что качество платной трассы, кроме того, будет соответствовать вот тому, что это будет вот такая по-настоящему... ну, хай-вей, как это называется?

Александр АФАНАСЬЕВ: Этоенно так и будет.

ВЕДУЩИЙ: Будет?

Александр АФАНАСЬЕВ: Да. Потому что зачем строить платные дороги с ямами? Я бы так сказал.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Если на них никто не поедет.

Александр АФАНАСЬЕВ: На которые никто не поедет. Это действительно будет хай-вей. Это будут дороги с разделительной полосой, ни в коем случае не будет встречного движения, ослепляющего тебя.

ВЕДУЩИЙ: То есть никто не выедет навстречу?

Александр АФАНАСЬЕВ: Никто не выедет навстречу, никто не будет пересекать на тракторе эту дорогу. Это будет огороженная трасса совершенно, ни животные не могут туда попасть, ни люди. Это вот будут такие дороги.

Михаил БЛИНКИН: Александр Михайлович, это ваши гипотезы. В законе это не написано.

Александр АФАНАСЬЕВ: В законе все не ншешь.

Михаил БЛИНКИН: Одну секунду. В итальянском законе написано, что платная дорога – это всегда экспресс-вей. Конкретно написано в законе.

ВЕДУЩИЙ: Но там же не может быть написано, что животные не попадают на дорогу, захочет и попадет, это же...

Михаил БЛИНКИН: И вторая вещь – по поводу альтернативы. Законодатель написал умилительную вещь на эту тему – альтернативная бесплатная трасса может быть втрое длиннее платной.

ВЕДУЩИЙ: Не более чем.

Михаил БЛИНКИН: Допускается втрое. Ну, конечно, не более, естественно. Хорошо еще – не более. Это означает... Вот сразу перейду к географии. Из Троицка в Апрелевку по бетонке, там сейчас будут ЦКАД строить, Центральную кольцевую автомобильную дорогу. Вот если ее сделать платной, то бесплатная альтернатива будет такой: вот из Апрелевки по

Киевскому шоссе до МКАДа, по МКАДу и обратно по Калужскому домой. Это закон допускает. Если завтра ЦКАД будет платным, а такие планы есть...

ВЕДУЩИЙ: А что должен закон делать?

Михаил БЛИНКИН: Что закон должен делать?

ВЕДУЩИЙ: Да, в этом смысле.

Михаил БЛИНКИН: Закон должен делать... Объясняю, что он должен делать – объяснить, что платные дороги строятся на фоне густой местной сети. Когда густой местной сети нет, значит тогда о платных дорогах говорить не надо. Вот и все.

Евгений БУШМИН: Нет, надо говорить. Давайте финансовую сторону. Во-первых, дорогу-бетонку, как вы ее называете, ее не закроют, будут строить новую, и это в законе, кстати, прописано, либо серьезная реконструкция, это означает до хай-вея, либо строительство новой. Но на самом деле платные дороги возникают там, где привлекаются негосударственные средства, где привлекаются средства инвесторов. Когда государство строит-строит, но по каким-то важным направлениям, где можно построить хай-вей, можно привлечь дополнительные средства к тем, которые...

ВЕДУЩИЙ: Можете ли вы однозначно сказать, что не станут делать следующее: вот есть сегодня неплохой кусок дороги, называйте ее бетонкой, как хотите, вот это мы превратим в платную, а новую строить не будем?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Мы не имеем права это сделать по существующему закону.

ВЕДУЩИЙ: Хорошо. А как вы относитесь к тому, что пишет профессор кафедры проектирования дорог МАДИ, Московского автомобильно-дорожного института, он же вице-президент Российской академии транспорта Евгений Лобанов. Я цитирую: “Во всем мире частная дорога передается в собственность, чтобы владелец содержал ее в соответствии с ГОСТами, взамен имея возможность сдавать в аренду придорожные территории. Если частник дорогу содержит плохо, государство его наказывает. Однако в России эта схема работать не будет, у нас нет действенного наказания за плохое содержание дорог, только административный штраф. Поэтому власти не могут заставить ремонтировать дороги местные администрации, также не смогут заставить класть новый асфальт и частного владельца. Более того, частный собственник дороги может вести себя совершенно непредсказуемо, закрывать дорогу совсем или вводить плату за проезд без выполнения надлежащих условий, а отнять у него дорогу государство уже не сможет”. Так, не так?

Мартин ШАККУМ: Вообще абсолютно неправильно, закон товарищ не читал. Дороги вообще не будут передаваться в частную собственность. Владеть дорогами будет всегда государство или субъект Федерации, или муниципалитет. Дороги будут передаваться в концессию по соответствующему договору, где будет все прописано. И если не выполняет концессионер условия договора...

ВЕДУЩИЙ: То есть частник.

Мартин ШАККУМ: Да, частник. То дорога у него будет изыматься. Более того, плату по дороге устанавливают государственные органы. И постановлением правительства будет ограничена предельная плата за проезд. И я пользуясь случаем и хочу сказать – да не будет у нас платных дорог Москва – Санкт-Петербург. У нас будут отдельные участки, небольшие, там, где высочайшая интенсивность движения.

ВЕДУЩИЙ: Но дороги эти будут приносить прибыль?

Мартин ШАККУМ: Цель – не прибыль, а цель – возмещение затрат концессионеру и какая-то нормативная прибыль для концессионера, не более того.

Более того, даже предусмотрено, что... Ведь плату устанавливает государство, не сам концессионер. И если государство ошиблось с установлением платы и концессионер не получил прибыль, то именно государство будет ему доплачивать, а не граждане из своего кармана. Вот так.

Михаил БЛИНКИН: Вот здесь замечательная норма. Есть рекомендация Мирового банка – участник частного сектора в строительстве платных дорог. Это такой очень серьезный, проработанный документ начала 2000-х годов, в котором черным по белому написана норма, ровно противоположная тому, что записано в седьмой статье только что принятого закона. Эксплуатационно-операционные, инвестиционные риски берет на себя частная компания. Вы написали, что берет на себя концедент. Вот получается, что жлобские банкиры стоят на стороне государства, добрый русский законодатель стоит на стороне концессионеров. Странная штука.

Мартин ШАККУМ: Вы делаете неправильный вывод из совершенно правильных документов.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: На стороне людей стоит закон, а вот Мировой банк стоит на стороне государства, чтобы, не дай Бог, не обидели государство. Государство если себя обидит, то там действительно можно и уголовное, и по административному праву наказать этого чиновника, если он ошибся с установлением платы. Главное – чтобы людей не обидели. Потому что если начнется устанавливать...

Михаил БЛИНКИН: Тут не про плату идет речь, а про интенсивность движения. Вот концессионер ошибся просто в своих проектных расчетах. Вот его ошибки будет компенсировать концедент. Дословно написано.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Можно я несколько слов скажу о Мировом банке. Прежде всего, все наши проекты...

ВЕДУЩИЙ: Вы знаете, насчет мирового банка, честно говоря, нашему зрителю не так безумно интересно. Его интересует то, что у него дома.

Евгений БУШМИН: Чтобы его не обидели.

ВЕДУЩИЙ: Да. Вот какие там заложены деньги, сколько стоит это самое содержание дороги, кто это рассчитывает?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Я на две части поделю свой ответ. Прежде всего, учтен ли мировой опыт? На все наши платные дороги есть заключение не одного, а нескольких зарубежных консультантов, в том числе и Мирового банка. Поэтому, возможно, вы использовали какие-то материалы 2000 года, но у нас сегодня 2007 год. Соответственно, такие заключения есть. Но для чего строятся эти дороги? Их не будет много. Действительно, в нашей стране, возможно, в ближайшее время их появится 0,1 процента от общего протяжения дорог. У нас миллион километров дорог – тысяча километров. Прежде всего, это делается для удобства людей. Еще раз говорю, платная дорога более удобная дорога.

ВЕДУЩИЙ: Конкретный вопрос: когда начнут строить?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: 2008 год.

ВЕДУЩИЙ: То есть в будущем году?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Да. Окончание двух концессионных конкурсов.

ВЕДУЩИЙ: Когда будет первая дорога, которую мы можем назвать хай-веем, и где она будет?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: 2010-11 года. Прежде всего, западный скоростной диаметр в Санкт-Петербурге.

ВЕДУЩИЙ: В самом Санкт-Петербурге? Где это там?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Она идет через Санкт-Петербург. Выход из Москвы – это Москва – Санкт-Петербург, головной участок 1558, и обход Одинцова с кольцевой дороги на 33-й километр Минского шоссе.

ВЕДУЩИЙ: И это будет все когда?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: 2010-11 года.

Евгений БУШМИН: В ближайшие два-три года.

ВЕДУЩИЙ: Сколько будет стоить?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: По разным проектам разная стоимость. Более того, на разных участках разная стоимость.

ВЕДУЩИЙ: Но все-таки дайте мне какое-нибудь...

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Мы считали Москва – Санкт-Петербург, максимальная планка – полтора рубля километр.

ВЕДУЩИЙ: Итого?

Олег БЕЛОЗЕРОВ: 40 километров – 60 рублей.

Евгений БУШМИН: Там 40 километров, там не 600.

Александр АФАНАСЬЕВ: Участок очень короткий.

Гарик МАРТИРОСЯН: Это приемлемая цена: 40 километров – 60 рублей.

Евгений БУШМИН: Объехать пробку, которая вот выезд из Москвы, 40 километров объехать и заплатить 60 рублей.

Гарик МАРТИРОСЯН: Я как автомобилист с удовольствием это сделаю в 2011 году.

Мартин ШАККУМ: И такой участок уже есть сегодня, Владимир Владимирович – это участок на трассе “Дон”, объезд села Хлебное, 18 километров.

Михаил БЛИНКИН: Вы считаете это положительным опытом?

Мартин ШАККУМ: Я считаю, что это комфортабельная трасса, это опыт.

Михаил БЛИНКИН: Одну секунду, вот тут я поясню. Там альтернативной дорогой... Вот старая улица села Хлебного – это считается бесплатный альтернативный проезд. Построили обход по федеральной трассе... Ну, что значит обход? Вот обошли этот городок. Вот этот обход считается платным, а улица села Хлебного, испокон века существующего, считается бесплатной альтернативой. Честно говоря, такого сорта платных дорог я не видел. Случай с Хлебным – это пример очень неудачный, и вы совершенно зря его пропагандируете.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Не так давно я ездил по Франции и специально проводил анализ между стоимостью, тем, что предлагаем мы и качеством дорог. Я вам хочу сказать, что строящиеся у нас дороги по качеству на сегодняшний момент выше, и я уверен, что платные дороги будут гораздо лучше, нежели чем в ряде стран. Более того, я хочу сказать, что плата по ним будет гораздо меньше, и она действительно будет приемлема для

большинства людей.

ВЕДУЩИЙ: Ну, замечательное завершение программы. Мы встретимся с вами в 2010 или 2011 году, если вы еще будете во главе своего предприятия, и поговорим.

Олег БЕЛОЗЕРОВ: Владимир Владимирович, я бы хотел закончить не на платных дорогах, а я бы хотел сказать о том, что к 2013 году у нас будут все дороги и опорная сеть в нормальном состоянии. Я считаю это более важным.

ВЕДУЩИЙ: Вот этот 2013 год меня страшно пугает.

Гарик МАРТИРОСЯН: 13 – несчастливое число.

ВЕДУЩИЙ: Помните, как говорили: “По сравнению с 1913 годом мы достигли...” И так далее. Ну, что ж, спасибо вам большое. Как говорится, вашими устами да мед бы пить, кажется так или что-то в этом духе. В общем, спасибо большое. Будем надеяться.

ВЕДУЩИЙ: Я хотел бы завершить программу, как всегда, другой темой чуть-чуть и сказать, что все-таки страна у нас, ну, просто чудо. У нас есть Конституция, в которой четко сказано, что человек может быть президентом два срока кряду. Это не значит, что больше никогда. Через 4 года, пожалуйста, он может еще раз стать президентом. Причем когда я это рассказывал одному крупному американскому деятелю буквально на днях, он сказал: “У вас правильная Конституция, а у нас неправильная, потому что у нас говорится: два срока – и все, и никогда больше. Вот, например, если было бы как у вас, то сейчас баллотировался бы Билл [Клинтон](#), и он бы выиграл”.

И, в общем, я думаю, что это правильная точка зрения, потому что если после четырехлетнего перерыва человек вновь может избраться, ну, видимо, он это заслужил, так я думаю. Все-таки 4 года – это большой срок. Так вот, этой точки зрения, как я думаю, придерживается и президент Путин. Поэтому он не меняет Конституцию, категорически ее не меняет. Этой точки зрения придерживаются, к сожалению, не все. Ну, вот Никита [Михалков](#), например, и Зураб Церетели, которые написали президенту и как бы ему сказали – плюньте вы на эту Конституцию, меняйте ее и давайте на третий срок оставайтесь. А спикер Совета Федерации, глава партии “Справедливая Россия” Сергей [Миронов](#) уговаривает президента не менять, но обходить Конституцию и все равно оставаться на третий срок.

И вот для этих господ, ну, и тех, кто разделяет их точку зрения, в общем, Конституция – это клочок бумаги, не более того, можно так, можно эдак. Я понимаю, что, то, что я сейчас скажу, вызовет негодование многих моих критиков, но мне придется это пережить, в общем, я уже привык. Я хотел бы сравнить президента Путина с первым президентом США Георгом Вашингтоном. Ну, только, правда, в одном плане. Вашингтон был избран на два срока, а когда наступило время третьего срока, он сказал: “Не для того мы избавились от английского короля, чтобы создавать собственного”. И отказался от третьего срока. И он заложил, таким образом, прецедент, который соблюдался в Америке, ну, почти 140 лет. Его нарушил только президент Рузвельт из-за начала Второй мировой войны, а поправка к Конституции, так называемая 22-я, была принята в 1952 году, когда уже ограничили этот срок.

Я не знаю, как история оценит Владимира Путина, но я не сомневаюсь, что среди его достижений и благ для России обязательно отметит тот факт история, что он не стал менять Конституцию, потому что он создал прецедент. И дальше, кто бы ни стал

президентом, менять Конституцию именно из-за этого будет крайне тяжело. Крайне тяжело.

Так вот, что до тех, кто, я бы сказал, с тошнотворным таким упорством доказывает свое верноподданничество и призывает президента плюнуть на Конституцию, я бы хотел им напомнить русскую пословицу: “Не плюй в колодец, пригодится воды напиться”. Вот такие Времена.

Владимир Познер: «Кто сказал, что происходящее на Украине — это демократия?»¹²²

Об отношении россиян к американцам, о демократии на Украине и в России, об экономическом развороте России на восток и о журналистике в наших странах в интервью [РБК](#).

О журналистике в России и США

Я очень сильно разочарован журналистикой в нашей стране и должен сказать, что в значительной степени разочарован журналистикой в США, хотя там традиции журналистики гораздо более давние, прочные и т.д. И то, что мы называем информационной войной... я даже не знаю, правильная ли это терминология, кто с кем воюет? Когда воюют, сталкиваются между собой, а здесь у нас мы пытаемся втемашить в головы нашей аудитории – одно, а они у себя – другое. Это же не война, тут столкновения нет, а есть просто желание убедить свою публику в том, что они «бяки», а мы хорошие.

Об отношении россиян и американцев друг к другу

Сегодня в России относятся к Америке хуже, чем относились в советское время. В советское время критически относились к правительству американскому, к политике американской, к отдельно взятым американским президентам, например к Рейгану, но к американцам вообще плохо не относились – это я вам свидетельствую. И примерно то же самое можно сказать об Америке. На сегодняшний день антиамериканизм в России касается самих американцев, «америкосов», как у нас теперь любят говорить. Плохое отношение к американцам – это, конечно, результат деятельности наших СМИ.

Я сталкивался с людьми, которые просто с пеной у рта мне доказывали, что наши беды в России... ну они говорят например так: «У нас развалилась система образования, развалилась система здравоохранения, кто виноват? Американцы!». При чем тут американцы?

Ну, в свое время в России были виноваты евреи во всем, теперь есть более удобный, очевидно, объект, и это результат действия СМИ. Я не считаю, что это опасно в том смысле, что может привести к ядерному обмену – нет, потому что эти решения принимают не СМИ.

О развороте России на Восток

Россия – европейская страна, это видно по всему главному, что есть в России: литература, живопись, музыка, искусство в целом, это западное. Это христианского происхождения, страна христианская. Ну, православие – это не имеет значение, все-таки общие корни, библейские и прочее, прочее. А Восток, Азия – это совсем другое, культура другая, размышление, способ размышления – все другое. И рассчитывать на то, что у

¹²² <http://pozneronline.ru/>

России может быть настоящее сближение с этими странами, в частности с Китаем, ну это значит просто не понимать ситуацию. Да, можно торговать вовсю – это безусловно, но вот поворот в сторону – это только с точки зрения вынужденного, экономического шага. Но я еще раз говорю, я думаю, что это ненадолго.

О демократии на Украине

Кто когда-либо сказал, что происходящее на Украине – это демократическая вещь? Это же не демократия никакая, конечно, когда тебе запрещают смотреть какое-то телевидение, это как в СССР запрещали слушать разные голоса (радио «Голос Америки» и т.д.) и читать какие-то книги, и смотреть какие-то фильмы. Что это означает? Это означает то, что у тебя нет способа убедить своего гражданина в том, что ты прав, поэтому давай запретим, чтобы он и не видел этого. Это слабость, очевидно совершенно. Это слабость, это подчеркивает отсутствие демократического взгляда, ведь в конце концов – демократия это не просто конституция, это не свод законов, демократия должна быть в мозгах у человека, это как человек реагирует на что-то. Ну откуда может быть на Украине демократия? Она там не может быть и в России не может быть, это требует времени, это требует в некоторых странах пару столетий, чтобы наконец как-то люди стали размышлять демократическим образом.

О советскости российского руководства

Я все время говорил и продолжаю говорить, у нас советская страна. Что я имею в виду. Что люди, которые руководят Россией, в своем подавляющем большинстве – это люди, которые родились в СССР, ходили в советскую школу, были пионерами, комсомольцами и очень многие членами КПСС. Это советские люди, которые думают определенным образом и действуют определенным образом. Это неизбежно, они не могут быть другими. Поэтому вот то, что происходит, для меня совершенно логично, хотя малоприятно. Но я считаю, что это временное явление, уже их дети другие, а уж внуки совсем другие.

Сергей Доренко

Родился 18 октября 1959 г. Г.Керчь. В 1982 г. Окончил историко-филологический факультет Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Имеет дипломы: «преподаватель русского языка как иностранного», «переводчик с испанского языка», «переводчик с португальского языка». Работал военным

переводчиком. Несколько лет проработал в Анголе. Ездил в командировки в Рио-де-Жанейро, Мадрид и Брюссель. С 1 апреля 1985 г. – на Гостелерадио. С 1990-1993 гг. вел программы «120 минут», «Утро», «Новости» на 1-м канале и «Вести», но РТР.

В 1990 году известность Доренко принесли десять репортажей о событиях в Литве. С января 1994 г. Ведущий ежедневной политической программы «Подробности». Ушел из-за финансовых и личных разногласий со Сванидзе. С января 1995 г. Вел программу «Версии» на ОРТ. В сентябре 1995 г. Она была со скандалом закрыта.

Осенью – зимой 1995 г. Делал неполитическую программу «Характеры» на РЕН-ТВ, весной 1996 г. – на НТВ.

В начале 1990-х годов Доренко работал в новостных передачах на Первом канале и РТР, а также сотрудничал с зарубежными испаноязычными СМИ. В 1993-1994 годах Доренко был начальником службы информации телеканала ТВ-6, а с января 1994 года вел ежедневную политическую программу на канале РТР. Ушел с РТР из-за разногласий с руководителем канала Николаем Сванидзе. С января по сентябрь 1995 года Доренко вел программу «Версии» на ОРТ, но и оттуда ушел со скандалом, обвинив руководство канала и его главного акционера Бориса Березовского в давлении. Весной 1996 года работал на НТВ. В октябре 1996 года Доренко вернулся на ОРТ, заявив о своем присоединении к команде Березовского. В 1996-1998 годах Доренко вел еженедельную информационно-аналитическую программу «Время», в которой он отстаивал интересы Березовского и выступал с резкой критикой его противников, в том числе банкира Владимира Потанина и вице-премьеров Бориса Немцова и Анатолия Чубайса. В мае 1998 года Доренко ненадолго ушел из эфира, став главным продюсером информационных программ ОРТ. Но уже в сентябре 1998 года с подачи Березовского Доренко стал ведущим ежедневной программы «Время». После того, как у него не сложились отношения с генеральным директором ОРТ Игорем Шабдурасуловым, в декабре 1998 года Доренко покинул эфир, но уже в январе вышел вновь со специальной аналитической программой, в которой его нападкам подвергся премьер-министр РФ Евгений Примаков. В феврале Доренко вновь был отстранен от эфира, по некоторым сведениям, по личному указанию Примакова.

Начиная с этого времени и вплоть до ухода с телевидения в 2000 году Доренко воспринимался в прессе как образец необъективного зависимого журналиста, менявшего свои взгляды в соответствии со взглядами своего покровителя Березовского, и одновременно «телекиллера», в жесткой форме критиковавшего «заказанных» ему врагов.

2 июня 1999 года был назначен заместителем генерального директора МНВК «ТВ-6 – Москва» по политическим и информационным вопросам, а в сентябре снова появился на ОРТ в качестве ведущего «Программы Сергея Доренко». В ноябре 1999г. Назначен заместителем генерального директора ОРТ. В рамках своей авторской программы Доренко обрушивался с особой критикой на бывшего премьера Примакова и мэра Москвы Юрия Лужкова, лидеров оппозиционного Кремлю блока «Отечество – Вся Россия». Считается, что Доренко в значительной степени помешал реализации

президентских амбиций этих политиков и способствовал приходу во власть действовавшего премьер-министра Владимира Путина. В сентябре 2000 года после скандального выпуска программы, посвященной гибели подводной лодки «Курск», в которой Доренко демонстрировал несоответствие заявлений Путина о «Курске» действительным фактам, он был вновь отстранен от эфира, а после продажи Березовским акций ОРТ уволен с канала. Данное решение было принято Константином Эрнстом лично, в связи с тем, что «в последние дни атмосфера вокруг ОРТ достигла высокого накала».

28 апреля 2001 года Доренко предъявлено обвинение в хулиганстве (статья 213 часть 1 УК РФ). С Доренко взята подписка о невыезде. («Дело» о наезде на начальника Главного штаба ВМФ РФ Валерия Никитина).

22 мая 2001 года Доренко предъявлено новое обвинение по ст.213 ч.3 УК РФ («хулиганство совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». От 4 до 7 лет лишения свободы).

5 сентября 2001 года заявил, что собирается баллотироваться в депутаты Мосгордумы и в ближайшее время не планирует возобновлять работу на телевидении.

9 ноября 2001 года Кунцевский суд приговорил Доренко к 4 годам лишения свободы условно. 12 марта 2002 года Кунцевский суд постановил взыскать с Доренко 20 тыс. рублей за моральный ущерб, причиненный Никитину. После ухода с российского телевидения Сергей Доренко искал работу на американском ТВ. Осень 2002 года – работа в редколлегии мужского журнала, созданного Региональной общественной организацией сотрудников правоохранительных органов (РОСПО). Как сообщил в интервью «Аргументам и фактам» директор издательского дома, «у Сергея Леонидовича большие проблемы с путинской командой, поэтому из политических соображений мы стараемся его не светить». 25 августа 2003 года заявил, что хотел бы пойти на выборы в списке КПРФ. Доренко отметил, что «пока ни с кем в КПРФ не встречался и о списках и выборах в Госдуму вопроса не обсуждал, но если они надумали и мне позвонят, то я с ними на выборы пойду». «Это дало бы мне возможность говорить с трибуны Госдумы», - пояснил тележурналист.

В дальнейшем Доренко активно занялся общественно-политической деятельностью, преимущественно в рядах оппозиции. Он заявлял о возможном согласии баллотироваться в Московскую думу в 2001 году и в Государственную Думу в 2003 году. Осенью 2003 года он вступил в КПРФ, пытался агитировать за лидера украинских коммунистов Петра Симоненко на выборах президента Украины в 2004 году. В 2005 году Доренко вошел в инициативную группу по выдвигению в Государственную Думу арестованного «олигарха» Михаила Ходорковского, позже участвовал в совместных мероприятиях с лидерами «патриотической оппозиции» Сергеем Глазьевым и Дмитрием Rogозиным, а также лидером национал-большевиков Эдуардом Лимоновым. В 2005 году Доренко издал роман «2008», представлявший собой сатиру на Путина. Книга Доренко, вызвавшая скандал в Государственной Думе, вошла в шорт-лист премии «Национальный бестселлер» 2006 года.

С 2004 года по 2008 год Доренко работал ведущим на радиостанции «Эхо Москвы». В сентябре 2008 года он был назначен главным редактором радиостанции «Русская служба новостей». В отдельных кругах С. Доренко польется славой «телекиллера» или «политического киллера».

Расшифровки «Программ Сергея Доренко»¹²³

Программа 29.04.2000

Чемпионат. В гостях у программы – Павел Буре.

Ветеран. Василий Кононов вспоминает о латвийской тюрьме.

Полуразпад. Наши корреспонденты в радиационных пятнах Чернобыля.

Здравствуйте.

Первый зарубежный визит нового японского премьера – сегодняшний приезд в Россию, в Петербург. Программа визита вполне в духе Путина – я имею в виду – стремительная и насыщенная. Японцу нравится. «Мы будем часто встречаться», - сказал премьер-министр Японии Иосиро Мори.

В череде праздничных событий этих дней – чемпионат мира по хоккею. Несколько десятилетий наш хоккей был лучшим в мире. Было время, советская сборная подряд девять раз становилась чемпионом. Советский Союз доминировал в хоккее в 60-е и 70-е годы. Потом дело пошло хуже, но не безнадежно. Теперь, с самого 93-го года мы не достигали успеха. Чемпионат мира в этом году проводится у нас в России, в Петербурге и тут уж обязательно надо выигрывать.

Один из хоккеистов, которые подтверждают славу русской школы хоккея в США – вышеупомянутый любимец женщин Павел Буре. Он приехал, чтобы играть за сборную России и, будучи еще в Москве, пришел к нам в студию. Блестящий профессионал, один из лучших нападающих мирового хоккея. Но мы позвали его не только по этому. Это еще и яркая личность. Интересно было, что он думает не только о хоккее.

Как и ожидалось, боевики в Чечне воспользовались погодой и тем, что листья на деревьях позволяют им прятаться. Наши военные говорят, что мелкие группы боевиков пытаются наладить связь между отрядами, а также возвращаются к своим тайникам за оружием.

Василий Кононов, советский партизан и ветеран Великой отечественной, временно выпущен из латвийской тюрьмы. Ему изменили меру пресечения с учетом состояния здоровья. Политический фарс продолжается, но Василий Кононов получил возможность передохнуть и посетить могилу сына, который умер, пока ветерана держали в заключении.

По одной из точек зрения – Василия Кононова выпустили до очередного суда из тюрьмы в результате угрозы экономических санкций со стороны России. При всей ориентации Латвии на Запад, ее экономика зависит от России настолько, что экономические санкции против Латвии могли бы нанести непоправимый удар по этой стране. Впрочем, наши собеседники считают, что это был бы удар и по латвийским русским.

Представитель госдепартамента Джеймс Рубин заявил, что Россия оказалась в

123 <http://rasstriga.com/viewcategory/23-rasshifrovki-programmy-sergeya-dorenko-1999-2000>

изоляции. Не знаю, сказано ли это с торжеством или с испугом, но сказанное – неправда. Очевидная, потому что как раз в это время в США находился министр иностранных дел России Игорь Иванов. Не всего, что хотелось бы удалось добиться. Но аргументировать позиции России удалось в полной мере.

Опрос. Фонд Общественное мнение опросил в минувшие выходные граждан России, в частности, по вопросу о доверии ведущим политикам. Прошу вас обратить внимание, что на этот раз людям не предлагался список ведущих политиков, а отвечавшие сами должны были назвать фамилии, несколько фамилий политиков, которым они доверяют. То же самое и с вопросом о недоверии. Данные этого опроса серьезно отличаются от всех предыдущих именно потому, что фамилии политиков не подсказывались в списке.

На этой неделе – очередная грустная годовщина Чернобыльской аварии. Каждый год мы вспоминаем о ней, каждый год провожая и прощаясь с новыми ее жертвами.

В хосписе в Миске умирают не только дети – жертвы Чернобыля, но специалисты считают, что у очень многих из них причина смертельной болезни – Чернобыль.

Я желаю всем нашим зрителям, радуясь Пасхе, празднику торжества жизни вечной над смертью, вспомнить о тех, кто в конце 20 века смертью смерть поправал. О ликвидаторах, которые работали в Чернобыле в момент аварии. Они умирают или умерли уже. Многие из нас живут благодаря этому. Если бы ликвидаторы именно так не распорядились своими жизнями, катастрофа Чернобыля убила бы многие миллионы.

Всего Вам доброго!

Программа 27.05.2000

Торжество единения. Единство постепенно превращается в гигантский пылесос.

Чечня. Пора вспомнить о солдатах. В гостях у программы Элла Памфилова.

Склока. Группа Мост жалуется иностранцам на Путина и на Россию.

Здравствуйте.

Сегодня – день единения. Партия Единство стала главной партией страны. Если судить по официальному заявлению, Единство будет самой откровенной партией. Вот строки из официального документа – Его (российского народа) нужды, чаяния и надежды – это то, ради чего партия будет осуществлять свою деятельность. То есть, они будут работать ради наших с вами нужд, чаяний и надежд. Таким образом, если партия Единство достигнет успеха, то у российского народа будет нужд, чаяний и надежд все больше и больше. От съезда к съезду. И на каждом съезде они будут рапортовать: мол российский народ нуждается и чаает в пять раз сильнее, чем до победы Единства. И так далее.

Отечество минус вся Россия тоже так начинало. Ошибка в том, что политическая партия и пылесос – это две разные вещи. Политический процесс и парад павлинов – это тоже два разных процесса. Политическая партия не может не быть идеологической организацией.

Главное потрясение сегодняшнего дня – это что в Единство все еще не вступил Юрий Скуратов. Я, например, не вижу, чем Скуратов хуже того же Шахрая. Вы скажете, что разница все-таки есть, и что Шахрай не просил прощения перед проститутками за низкие результаты. Но зато Шахрай был у нас чеченским полководцем и ходил в камуфляже и результат был такой, что Скуратов ходил без камуфляжа, а вреда от этого меньше. И Шахрай еще Лужкову давал советы, и так, что и тут лучше бы ему оказаться на месте Скуратова. Одним словом, всосав решительно всех в большой политический пылесос под названием Единство, Скуратова оставили на обочине, что несправедливо.

На этой неделе представитель президента в государственной Думе Александр Котенков совершенно неожиданно, как старая полковая лошадь под звук барабана, вдруг начал выделывать пируэты. Александр Котенков торжественно сообщил, что лишившись депутатского иммунитета «сразу несколько губернаторов сядут». Проговорился, можно сказать, о заветном, затаенном. Фамилий нет. Аргументов нет. Доказательств нет. Есть только мечта кого-нибудь посадить. И это типичная примаковщина. Таким людям не надо отдавать приказы. Их надо только не ограничивать. И они сами всех пересажают. Тоталитарное мышление и тоталитарные поведенческие стереотипы.

Теперь опрос. Фонд <Общественное мнение> провел опрос населения России. Отвечавшим было предложено назвать самим несколько российских политиков, которым они доверяют и несколько таких политиков, которым они не доверяют. Вот результат за прошлые выходные.

Первый в рейтинге доверия – Владимир Путин. Доверяют 43%. Не доверяют -2%.

Второй – Геннадий Зюганов. Доверяют 17%. Не доверяют столько же.

Третий – Амангельды Тулеев. О доверии к нему говорят 8% отвечавших. О недоверии – 1%.

На четвертом месте – Григорий Явлинский. Доверяют – 7%. Не доверяют – 11%.

Замыкает пятерку лидеров новичек в этом списке – Михаил Касьянов. О доверии к нему говорят 7% участников опроса, о недоверии – 1%.

Многие наши зрители могут счесть спорным распределение мест в рейтинге доверия между Григорием Явлинским и Михаилом Касьяновым. Речь, однако, идет об округленных цифрах, поэтому, с учетом сотых и десятых долей места делятся именно так.

Я не стану комментировать идею бомбардировок территории Афганистана, где готовят террористов для чеченского фронта. Эта идея – продолжение примаковщины в воспаленных и встревоженных умах. Просто не самые умные в России люди вот так расшифровывают приход к власти президента Путина. Такие надежды будит в их головах новая власть. Тут ничего, кроме укола успокоительного не поможет. А хорошо бы успокоиться и не грезить далекими землями, а вспомнить о группировках боевиков, которые вот-вот из Грузии перейдут границу для войны против России. А то у нас в России граница дырявая, у нас Басаев то с ногой, то без ноги, то нападает, то умирает. Если при

этом единственное, чего не хватает для воинского успеха – это бомбить Афганистан, то, само собой, пожалуйста, нам для хорошего дела Афганистана не жалко.

Мои коллеги Иван Коновалов и Михаил Сотников говорят о том, что боевики сейчас готовятся к зиме. И в этом – задача номер один. Им нужна не шпана деревенская, а обученные бойцы – связисты, подрывники. И средства связи и современное оружие. И все это у них должно придти в ближайшие две- три недели. Во всяком случае, начнут поступать обученные бойцы, наемники и оружие. Когда запас будет достаточным для того, чтобы пережить и воевать следующую зиму, только тогда элитные подразделения и лучшее оружие мы увидим в боях против нашей армии. А пока возможны провокации и вылазки и политические шоу типа готовящегося нового вторжения в Дагестан.

Элла Памфилова видит в войне прежде всего судьбы солдат. Впервые я увидел ее интерес к нашим ребятам, брошенным на войне еще до начала собственно широких военных действий – в конце ноября 94-го года, когда министр Павел Грачев предал солдат и отказался от своих пленных.

Мы продолжаем нашу программу и переходим к теме строительства гражданского общества в России силами президента Клинтона.

В России слабое государство. И это правда. Но любое его усиление – колоссальный риск для граждан. Потому что в России нет и никогда не было общества. Сама государственная машина – перекошенная и уродливая. Проституированные суды, политиканствующие законодатели. Есть только исполнительная власть. И каждый из нас – наедине с этой властью. По ее милости мы живем и до сих пор на свободе. Потому что ее ничто не ограничивает. Плюс тяжелейшее наследие – тоталитарное мышление огромной части народа, лишеного в последнюю тысячу лет какого бы то ни было опыта самоорганизации и серьезного диалога с властью. Плюс сладкие сны об авторитаризме, которые снятся миллионам российских чиновников, особенно в силовых структурах. Плюс реальные гонения на прессу. Которую часто не очень и жалко, потому что испаскудилась она окончательно. Все это – реальные проблемы моей страны. И я их понимаю и думаю о них с тревогой. Но худшее, что можно сделать в такой ситуации – это пожаловаться на свою страну иностранцам.

Как и было объявлено ранее, один из руководителей группы Мост Игорь Малашенко отправился в Вашингтон для того, чтобы дать показания о поведении властей России в отношении группы Мост. Игорь Малашенко свидетельствовал против представителей российского государства перед комиссией конгресса США. Затем он выступил и в других аудиториях, где доносил до представителей политической элиты Америки мысль о несправедливостях, которые приходится терпеть группе Мост от властей России.

Вот как это выглядело. Российский гражданин, сотрудник Владимира Гусинского и один из руководителей группы Мост просит иностранцев надавить на Россию. Он становится под американским флагом и просит американцев помочь против Кремля. В

других аудиториях в Америке сотрудник Гусинского уже не под флагом, но суть остается одна – он просит американцев повлиять на Россию, чтобы группу Мост не обижали.

Большое спасибо, г-н Председатель. Я благодарен за возможность свидетельствовать перед Вашей Комиссией. Как вам, может быть, известно, 11 мая в Москве хорошо вооруженные люди в камуфляжной форме и черных масках совершили налет на офисы Медиа-Моста, - самой крупной частной Медиа компании в России. В этом рейде участвовали люди из ФСБ – Федеральной службы безопасности, которая стала наследницей КГБ, а также сотрудники Генеральной прокуратуры и налоговой полиции.

Боюсь, что жалобу человека из группы Мост американцам трудно считать искренней в той части, которую вы услышали. Он просит американцев обратить внимание, что в рейде против Моста участвовали фсбэшники, а ФСБ – наследник КГБ. Что американцев, конечно, пугает. Но он умалчивает, что старые сотрудники в огромном количестве уволились из ФСБ. И перешли в группу Мост. И командует ими в группе Мост Филипп Бобков – бывший зампред КГБ. Так что есть некоторое преувеличение в утверждении, что Мост был атакован наследниками КГБ. Скорее, наоборот, люди КГБ на службе у Моста были атакованы людьми из ФСБ. Скрывается также и то, что спецслужба Моста занималась слежкой за гражданами России.

Наша служба безопасности занимается охраной офисов и высших руководителей. Например, к несчастью, мне приходится передвигаться по Москве с двумя телохранителями и еще с машиной сопровождения. Потому что Москва по-прежнему опасное место.

Я также считаю жалобу Моста американцам не вполне искренней еще и потому, что собственно ходатайствует об американской защите бывший сотрудник ЦК КПСС Игорь Малашенко. Если уж Игорь решил рассказать американцам об ужасном происхождении офицеров ФСБ, то почему бы ему не обнародовать и свое собственное происхождение. Так у нас, по крайней мере, не возникнет впечатление какой-то недосказанности.

Сотрудник Гусинского жалуется перед американцами не только на своих бывших коллег по КГБ и ЦК КПСС. Он вполне твердо утверждает, что сам Владимир Путин одобрил операцию против Моста, хотя и не был знаком с деталями.

В Кремле намерены больше полагаться на произвол и чрезмерное использование силы, чем на закон.

Я не думаю, что Владимир Путин был хорошо знаком с деталями этой операции. Я думаю, что он достаточно умен, чтобы просчитать, какой политический ущерб будет ему нанесен, но я полагаю, что в общем и целом он одобрил эту операцию. Скажу вам честно, мне не нравятся все эти разговоры – такие популярные в России – насчет русского царя. Борис Ельцин, по крайней мере, был похож на царя. Но я думаю, что с такими разговорами пора было бы давно закончить.

Маленький личный выпад против Путина не выглядит вежливым. Иностранцы

смеются, когда Малашенко говорит, что хватит говорить о русском царе, тем более, что Ельцин хоть, по крайней мере, был похож на царя. Не то, что мол, нынешний. Обсуждение внешности вообще не выиграно, на мой взгляд. Телосложение у Малашенко вполне астеническое. Если бы Малашенко и Путин сошлись в рукопашную, я не думаю, что Малашенко бы победил. Я даже думаю, что Малашенко бы точно не победил бы. С другой стороны, сановности и державности в Малашенко также не больше, чем в Путине. Но вы скажете, что он же не с собой сравнивает. А он говорит, что Ельцин, не в пример нынешнему, был сановным и державным с виду. Ну считает так и считает. Только зачем хохмить о внешности президента России под смех иностранцев. Не очень удобная ситуация, согласитесь. Не то чтобы нельзя, а как-то не очень красиво выходит. Человек Гусинского также рассказывает американцам, что у Путина есть и другие причины вести себя предосудительно.

Есть и еще одна причина таких поступков. Потому что его привел к власти узкий круг тех в Кремле, кто принимает решение. И известны они в России как «семья». И у него нет никаких причин ссориться с этими людьми. Потому что они привели его к власти и продолжают поддерживать его. Например, телевидение Бориса Березовского работает на Владимира Путина как пропагандистская машина. Я не говорю, что Владимир Путин испытывает счастье от каких-то программ этого телевидения, но оно работает на него. Так что ему нет никакого смысла менять эту команду.

То есть, дело не в демократии, не в свободе слова, тогда выходит. Тогда дело в том, что группа Гусинского жалуется американцам, что не их Лужков выиграл. Вот это разворот! А если бы их Лужков выиграл, то с демократией стало бы все хорошо и громили бы не этих, а других. И Малашенко знает, о чем говорит. В 96-м году он входил в штаб Ельцина. И после победы Ельцина Гусинский получил приз – весь четвертый канал в подарок за проельцинскую пропаганду. И тогда никто не сказал, что это было несправедливо, что канал был подарен недемократическим образом в награду за нарушение норм демократии на выборах. И потом ИМЕННО И ЛИЧНО Малашенко считался другом Татьяны Дьяченко и был вхож в Кремль, где выбивал себе льготы по оплате вещания и решал другие вопросы и никого это не смущало. И никто не жаловался на него американцам.

Многие СМИ ведут как бы личную войну против медиа-магната Владимира Гусинского, который имеет контрольный пакет в Медиа-мосте. Это ведется со стороны некоторых людей в Кремле, включая Бориса Березовского. Березовский – личный соперник Владимира Гусинского. Он также создал СМИ, которые являются конкурентами Медиа-Моста и, в первую очередь, его телеканала.

А теперь прошу не пропустить ни слова. Пожаловавшись во всех местах куда его пустили на Россию, Путина, а заодно и на Березовского, Малашенко из группы Мост раскрывает, зачем приехал. Он просит американцев вмешаться во внутренние дела нашей страны. Он просит американцев научить Россию, как надо жить и что надо делать.

Свобода печати и некоторые другие демократические принципы не должны рассматриваться как внутреннее дело какой бы то ни было страны.

Продолжающийся диалог между российскими и западными лидерами должен быть использован для того, чтобы напомнить Кремлю, что приверженность демократическим принципам – как об этом заявлено в Хельсинских договоренностях и других документах – не может считаться внутренним делом какой бы то ни было страны.

Вот собственно и цель. В Москву в ближайшее время приедет Клинтон. Люди Гусинского просят Клинтона наказать Россию, Путина и заодно и Березовского. Ну, не наказать, так устроить выговор. Или посоветовать с учетом военного и экономического авторитета США не вести себя больше плохо. Лужкова к власти не удалось привести, но у Гусинского в запасе остался еще Клинтон. Чтобы школить Россию, Путина и заодно и Березовского. И, вы не поверите, но Клинтон, похоже намерен выполнить поручение людей Гусинского. Я не шучу.

Вы видите перед собой стенографический отчет брифинга в госдепартаменте США. Этот открытый документ любой желающий может получить в интернете. Строб Тэлбот из Госдепартамента США говорит тут, что президент Клинтон во время своего визита в Россию найдет способ встретиться с Думой, с независимыми средствами массовой информации и с обществом в целом.

Далее один из журналистов спрашивает, ведь мы всегда говорили русским о своей позиции, а они говорят: Да, да. И продолжают делать свое. Строб Тэлбот соглашается с журналистом.

Он говорит о Владимире Путине: нам интересно слушать, что он, Путин, говорит о гражданском обществе и свободной прессе, но что в действительности происходит со свободной прессой. Каковы действия властей, вы правы, говоря о Медиа-Мосте и о его штаб-квартире и вы правы в отношении Северного Кавказа.

Итак, американцы согласны с тем, что Владимир Путин обещает им одно, а делает другое. По Чечне и по группе Мост. Я не стал бы это отрицать. Просто, довольно простодушно американцы рассказывают в чем именно они будут оказывать давление на российского президента.

Когда я слушаю Игоря Малашенко, то, признаться, испытываю смешанные чувства. С одной стороны, он прав, что прессе плохо в России. И свидетельств тому миллион и случай с Мостом – самый ничтожный и мелкий пример. Ведь журналистов убивают и лишают права на работу. Лучше бы ежедневно вскрывали кабинет Гусинского и не убивали наших коллег. Также Малашенко прав, что Кремль не демократичен. И что в подавляющем своем большинстве сотрудники кремлевской администрации относятся к журналистам как к инструменту. Но опять странно и неприятно слышать это от него, от человека выпросившего, выслужившего у Кремля телеканал. За пропаганду, а не за красивые глаза. Странно и неприятно, что за российскую прессу обижаются люди, схваченные за руку на шпионаже за российскими гражданами. И очень неприятно, что они делают это, накликая на голову русских гнев американцев. Что они напускают на нашу страну иностранцев. У нас много что плохо и много что чудовищно. Но не дело

иностранцев совать свой нос в наши дела. Дальше :- Вы думаете, что американцы не знают, кто такой Малашенко, кто такой Гусинский и кто такой Филипп Бобков. Не держите их тоже за простаков. Если они уже защищают эту троицу, если и Клинтон станет защищать эту троицу, то это не потому, что Малашенко их обманул, а они такие доверчивые. Просто американцы будут защищать своих или тех, кто им выгоден на данный момент.

Им выгодно сейчас группа Мост, как повод, чтобы нас укорять, или как люди, защищающие американские интересы в России. Не важно. Важно понимать, что американцы этим случаем воспользуются.

Что же касается патриотизма, ну, к сожалению, среди части российских политиков, да и вообще это наверное, универсальное явление, он, к сожалению, часто носит ложный характер. И когда я слушаю некоторые выступления, например, по российскому телевидению, в том числе, к сожалению, и по 1-му каналу, который я когда-то возглавлял, я вспоминаю определение, которое дал один язвительный англичанин. Он сказал: патриотизм это последнее прибежище негодяя. В России много таких людей.

Попробуйте хоть на мгновение представить себе руководителя крупного американского концерна или телеканала, который бы приехал к нам, чтобы натравливать Россию на свою собственную страну. Вам кажется реальным такой приезд? Если это реально, то почему американцы не делают этого? Не только потому, что Россия слишком слаба, чтобы заставить Америку поступить по-нашему. Еще и потому, что американцы – патриоты в массе. Президент Картер говорил, что за рубежом он не может не говорить только о достоинствах своей страны, а о недостатках говорит дома. Люди из группы Мост твердят, что патриотизм – последнее прибежище негодяя. Если это и так, то из этого следует, что все негодяи постепенно становятся патриотами, но совсем не следует, что все патриоты – негодяи. Кстати, раз уж все негодяи рано или поздно становятся патриотами, то люди из Моста не безнадежны.

Всего Вам доброго!

Программа 08.04.2000

Навязчивость. Иностранцы навязываются в учителя. В студии программы глава МИДа Игорь Иванов.

Упущение. Никто не станет бороться с питерским Яковлевым. Телемост с Юлием Рыбаковым.

Разочарование. В Карачаево-Черкессии новое обострение конфликта.

Здравствуйте.

Нас хотят выгнать из Совета Европы. Это процесс, процесс, в общем, долгий и невероятно сложный. Так что, скорее всего нас не выгонят. Но угрожают, что само по себе задевает. И угрожают в таких терминах и в таком тоне, что это задевает вдвойне. Парламентская ассамблея Совета Европы требует немедленно остановить агрессию России против Чечни, а также Россия, по мысли европарламентариев должна немедленно прекратить массовые казни, грабежи и массированные бомбардировки жилых районов.

Прекратив все вышеперечисленное, Россия должна вступить в мирные переговоры с боевиками безо всяких предварительных условий. И так далее.

При этом речь не идет о том, что участники ПАСЕ плохо информированы. Скорее, наоборот. Были и делегации. Видели результаты вторжения в Дагестан, слышали мнение дагестанцев на этот счет, знают и о мнении чеченцев из равнинной Чечни, которые больше всего боятся, что их снова предадут и отдадут в руки боевиков. Слышали и о полумиллионе ограбленных и изгнанных из Чечни русских. Знают, что западная пресса лгала о Чечне и неоднократно была поймана за руку. И тем не менее, парламентарии в ПАСЕ требуют от нас прекратить то, что они называют агрессией. Стало быть, речь идет не о ситуации в Чечне. Чечня тут вообще не причем. Ведь мы не можем заподозрить ПАСЕ в поверхностности. Если бы они говорили о Чечне, они бы исследовали вопрос со всех сторон, верно? Следовательно, Чечня лишь повод, чтобы нас с Вами унижить. Цель, - нанести оскорбление России, - была достигнута. Я не думаю, что из этого мы должны делать сколько-нибудь эмоциональный вывод. Холодный рассудок и никаких эмоций. Мы просто должны подумать, зачем нам членство в Совете Европы. И каковы перспективы нашего там членства. Не в романтическом, а в практическом смысле.

Хотел бы добавить к итогам поездки нашей делегации в Страсбург, что она могла и вообще не ехать. Результат был понятен и известен заранее. Но поехали более двух десятков депутатов. Суточные каждого – 120 долларов в день. А руководителям комитетов и разным думским начальникам дают еще представительские. Долларов по 300. Вы скажете, к чему вся эта мелочность, при чем тут доллары, вы же не заподозрите, что депутаты ездили в шоп-тур или что это была аткая разновидность парламентского туризма. Я охотно вам отвечу: конечно да, конечно мы именно это подозреваем. Потому что почти все члены делегации, большинство из 20 с лишним членов делегации отправились во Францию с женами. Так что делегация показывала женам Францию. Впрочем, это лишь доказывает, что наши парламентарии стоят европейских и наоборот в качестве людей бессмысленных и бесполезных. Тем не менее, проблема теперь существует. Рекомендации ПАСЕ должно выполнять, если будет выполнять, наше правительство. Давление на Россию, должны осуществлять, если будут осуществлять, правительства европейские. Эстафету законодателей принимают исполнители. Последствия принятого решения мы обсуждали сегодня в этой студии с министром иностранных дел России Игорем Ивановым.

В это воскресенье в Грузии – тяжелая годовщина и день, когда люди вспоминают о жертвах избиения демонстрантов саперными лопатками.

Я был бы счастлив провести ночь в подводной лодке на морском дне. Правда, из-за меня бы в этом случае не отменили заседания правительства. И я был бы рад полетать на истребителе. И даже договорился позавчера с Леонидом Якубовичем, который серьезно занимается авиацией, что он меня прокатит. Не на истребителе, - а на ЯК-52. Но это тоже здорово и это не шутка. То есть я понимаю Владимира Путина, когда он летает и погружается. Понимаю и тех, кто его за это критикует. Нашего брата – мужчин от сорока до пятидесяти тянет на безрассудства. Мужчины и старше и моложе сорокалетних считают

это помешательством и прихотью. И осуждают. У молодых нет власти и/или денег, чтобы беситься. У старых – нет здоровья. С этим более менее все понятно.

А вот с Петербургом – не понятно. Не понимаю, что происходит. При Яковлеве – губернаторе Петербурга, город действительно погряз в грязи преступности и систематических заказных убийств. И на этой неделе снова было заказное убийство. Городу надо отмыться от правления Яковлева. Смыть кровь, я бы сказал. И вот: сначала соревноваться с Яковлевым снаряжается Сергей Степашин. Потом Степашин отменяется. Потом правительство отправляет Валентину Матвиенко. Потом отменяется и Матвиенко. Я думаю, только сверхнаивный человек смог бы поверить, что Валентина Матвиенко отправилась в Питер дерзать без благословения Владимира Путина. Такой степени анархии в верхах пока нет. За Валентину Ивановну обидно. С ней обошлись беспощадно. А ведь она принимала соответствующие случаю позы, сделалась даже на время эдаким совершенно независимым публичным политиком. И вот ей говорят: все, говорят, хватит прикидываться, Яковлев остается.

Еще 15 января мы обсуждали эту тему с Владимиром Путиным. Не тему Матвиенко. Тему растрачивания авторитета. Позволю себе повторить отрывок из нашего разговора тогда, 15 января. Тогда Владимир Путин дал понять, что поддерживает Геннадия Селезнева на выборах губернатора Подмосковья. Потом столь же отчетливо дал понять, что председателем Госдумы видел бы женщину-депутата Любовь Слизку. Потом временно поддержал Яковлева в Петербурге. Матвиенко еще не было, но с подобным вопросом я мог бы обратиться и сегодня. Позитивная трактовка питерского конфуза тоже возможна. А именно: Владимир Путин не может себе позволить, чтобы его кандидат проиграл, а Матвиенко бы все равно проиграла. Второе: Политика – искусство возможного, Яковлева можно будет снять и потом, когда власть Кремля окрепнет после ельцинского хаоса во власти. Третье: Яковлев боится, предупрежден, знает, что его не любят, а терпят. Значит, будет особенно старательным. Четвертое, если Яковлев сдаст свою полукриминальную и криминальную команду, то вокруг него можно поставить своих людей, которые реально будут рулить городом. И много еще есть аргументов. Но беда этих аргументов в том, что они все типичны для кулуарной политики и ничего не имеют общего с публичной политикой. Для публичной политики нужна режиссура, сюжет, завершенность образов, драматургически обоснованная целесообразность поступков. Этого не хватает. Этого пока сильно не хватает.

На связи с нами из телевизионной студии в Петербурге Юлий Рыбаков – кандидат на выборах губернатора Петербурга от Союза правых сил.

В другом российском регионе – в Самарской области – еще одно потрясение. Губернатор Константин Титов удручен, что его недостаточно любят его подданные. И он от них ушел. Не в монастырь, правда. Он дает им шанс. Они еще могут исправиться. Самарцы все еще могут искупить свою вину перед губернатором.

Татарстан на этой неделе привлек внимание политиков. Геннадий Зюганов обвинил целый ряд регионов, в том числе Татарстан, в фальсификации результатов выборов

президента. С подобными обвинениями выступил и Григорий Явлинский. Он также упомянул Татарстан. И именно в Татарстане поддержка Отечества минус всей России на выборах в Думу достигла рекордных процентов. Я бы назвал Татарию такой электорально необычной местностью. Наша группа отправилась в Набережные Челны и в родную деревню Ментимера Шаймиева в плане обмена демократическим опытом.

Беззаконие в регионах вообще, а в национальных республиках в особенности, обещает стать самой серьезной проблемой для президента Путина. Это пожалуй – самый серьезный вызов и для российской государственности. Потому что беззаконие в регионах в своей крайней степени представлено в Чечне. Но Чечня – это попытка развала России в открытой и демонстративной форме. Скрытые формы такого развала тоже опасны. Это привычные болезни, но пока центральная власть не обращает на них внимания, они подтачивают нашу страну.

Всего Вам доброго!

Журналу «Журналист». Апологетика расстриги.

Сергей Доренко: Телевидение – это искусство для бедных, необразованных женщин¹²⁴

- Сергей, страна знает Вас как телекиллера.
- Нет, страна знает меня по-другому, это навязанная точка зрения.
- Навязанная? Так давайте развенчаем этот миф.
- Давайте не будем этого делать, меня устраивают все существующие обо мне мифы. Каждый миф – это прелестно! Часть мифов я конструировал и запускал сам, все они живы, и я счастлив. Термин «телекиллерство» стали применять по отношению ко мне в девяносто девятом году. Тогда Лужковская партия облекла в эти слова свою боль поражения. Я говорю об этом с гордостью, смешанной с жалостью к проигравшим.
- В чем заключалась ваша роль в ту предвыборную кампанию?
- У меня, собственно, не было никакой роли. Я обладал свободным сознанием, то есть мог назвать вещи своими именами – сказать то, о чем не принято говорить. В прошлой кампании я всего лишь сказал: «Лужков – лицемер». Все, больше я ничего не говорил. Потом он уже сам завелся, начал кричать, а я просто показывал, как он кричит. Вот и все. Лужков – лицемер, когда он говорит, что не знает «Мобетекс» и Паколли. У меня лежат фотографии, на которых он обнимется с Паколли. И после этого он говорит, что не знает, что такое «Мобетекс»? Все это просто смешно, я считаю, что Лужков – лицемер, и я об этом сказал. После этого Юрий Михайлович стал обо мне много говорить в прессе и по телевидению, а я все это показывал, и, по-моему, вполне остроумно, с шуточками, прибауточками все это препарировал. По-моему очень мило получалось. То есть я просто ходил за ним с зеркалом, и получилось, что его отражение вышло разрушительным для него. И кто в этом виноват, спрашивается? Я или он?
- А Примакова вы тоже считаете лицемером?
- Примакова я никогда не критиковал. Я просто честно рассказал о состоянии его

124 <http://rasstriga.com/viewcategory/5-teksty>

здоровья. Лужков тогда, помнится, протестовал против больного президента (Ельцина – М.В.), я с ним был полностью в этом согласен. Только вот, в отличие от Юрия Михайловича, я в девяносто пятом году из-за этой информации потерял работу. Ложью тогда занимались все вокруг Ельцина, все лгали, что у него легкий приступ стенокардии, а я сказал, что это неправда, что у него серьезные проблемы с сердцем. Меня выгнали с работы из-за того, что я сказал правду, а Юрий Михайлович, между инфарктом и шунтированием Ельцина, зная о состоянии его здоровья, танцевал с ним в обнимку на Васильевском спуске. Как вам? Не надо врать. Ельцин не здоров и Евгений Максимович тоже не здоров, а вы нам его, как говорится, суете в президенты. Это уже, Юрий Михайлович, не просто лицемерие, это – цинизм. Зачем так издеваться над бедным стариком, который только что в Швейцарии сделал себе операцию, заменив свой собственный сустав на железный?

Отстаньте от пожилого человека – ему в девяносто девятом году было семьдесят лет! Я, собственно это и сказал и показал.

- Вы здорово подпортили тогда репутацию обоим.

- Что значит подпортил? Как это подпортил? Я просто рассказал правду в то время, когда все лицемерно молчали. Вот и все.

- Насколько я знаю, Путин приглашал вас работать в свою команду, но вы отказались. Почему?

- Да, он меня приглашал. Я отказался потому, что я не человек команды. Я не понимаю, что значит командный журналист? Что он делает? Что решила команда, что ли? Я уж лучше в команде телезрителей буду. А вообще я искал способ занять более высокую социальную нишу, наверное, лет до тридцати пяти. Потом мне стало интересно просто делать все, что мне захочется. Собственно, я сейчас этим и занимаюсь.

- Да, но вы могли бы сделать тогда неплохую карьеру, почему вы отказались?

- Я абсолютно не интересуюсь карьерой, да и вообще, что значит сделать карьеру? Это значит стать чиновником?

- У вас появились бы большие возможности для самореализации.

- Я полагаю, что в профессиональном поле я все доказываю себе сам. Абсурдно искать каких-то доказательств из уст президента. Когда Путин сделал мне это предложение, я попросил, чтобы меня пустили в Видяево. Меня туда пустили. Я сделал стопроцентно честный репортаж – рассказал все, что видел. И что же? Меня за это выгнали – вот что. Ну, значит, они считают, что в их команде надо работать по-другому, ну а я считаю, что по-другому работать не надо. Тогда, скажите мне, в чем смысл всего этого? Нет смысла работать в команде, в которой люди считают, что я должен что-то утаивать. Мне в такой команде не интересно.

-Как вы относитесь к Путину? Что думаете о нем, как о политике?

- Я в нем разочарован. Считаю, что Путин серьезно не доработал в чеченском вопросе и в вопросе подавления сепаратизма. Вариант с Кадыровским правлением для меня не идеальный – думаю, что во главе сегодняшней Чечни должен был бы стоять русский генерал-губернатор Шаманов. Это мой идеал. Путин сплеховал, струсил – он слабак. Мне казалось, что Россия должна вступить на путь модернизации, но за эти почти девять лет, пока он у власти, в России не построено ни одной дороги. Последние дороги были

построены ещё при Брежнев! Какая уж там модернизация? Но зато мы только и слышим, что про нано-технологии, а больше ничего нет. Путин запретил свободу политической дискуссии в стране – для меня это принципиально важно. Я с ним ссорился и до трагедии Курска, я поддержал НТВ, когда они защищали Гусинского. В момент ареста Гусинского, я вышел и осудил Путина. То есть, у нас с ним был целый ряд принципиальных разногласий и разговоров на эту тему до того, как мы разлучились. Путин не хотел со мной по-настоящему ссориться и всегда приглашал поговорить, но всякий раз пропасть между нами оказывалась все более и более широкой, и в какой-то момент мне стало понятно, что с ним просто не интересно. С ним скучно. Он скучный парень.

- А что бы вы сделали в стране, помимо дорог, если бы оказались на месте Путина?

- Занялся бы модернизацией социальной жизни через широкий общественный диалог. А он все уничтожил, оставив табуретку на одной ножке. Почему мы так боимся, что он уйдет? Да потому, что табуретка на одной ножке. Все остальные ножки Путин собственноручно уничтожил.

- У вас была возможность самому заняться политикой, почему вы её не использовали?

- А мне нравится быть в стороне. Политик должен все время что-то обещать, что-то врать. Я слишком критичен и саркастичен для того, чтобы быть политиком. Только я начну говорить избирателю, например: «О, избиратель, давайте есть булочки с повидлом», и через мгновение я остановлюсь и скажу: «А, впрочем, почему с повидлом? Почему не с медом или не с маком? А, может быть, вообще не нужно есть булочки?» То есть моя критичность не позволяет мне продвигать какую-либо идею. Что бы я ни сказал – сразу же это оспариваю. А если я оспариваю, то как я буду это продавать? Ведь политик – это продавец.

- Политиком, значит, быть не можете, а за КПРФ людей агитируете?

- Я рассказываю людям о том, что у них есть единственная сила, которая ни от кого не зависит. Ни от олигархов, ни от кого-то ещё, а только от избирателей. КПРФ идет за собственным народом – в этом её отличие и сила.

- За кого вы отдали свой голос на прошедших выборах в Госдуму?

- Я член КПРФ с 27 сентября 2003 года. Я голосовал, естественно, за них.

- Вы вели одну из предвыборных кампаний КПРФ, насколько я знаю, довольно успешных.

- Да, я тогда ездил по деревням и селам, объездил тридцать один участок. Везде, где я выступал, победил Харитонов. К сожалению, у меня тогда не было под рукой телевидения. Было б телевидение, он бы у меня везде победил.

- А как вы работали с народом? У вас есть какие-то свои «фирменные» приемы?

- Мы собирали народ в клубе, давали денег электрику, чтобы он включил свет – и вперед. Как я работал? Сначала говорил какую-то преамбулу, а потом уже со мной начинали спорить. Я всегда говорю с людьми о главном – о том, что такое Россия, что такое будущее России, а также о том, что болит – думаю, что в этом, собственно, и заключается секрет успеха. Мы могли говорить на эти темы часами, и люди продолжали говорить ещё долго после того, как я уезжал. Были деревни, где люди никак не хотели расходиться после таких встреч.

- За кого будете голосовать на предстоящих президентских выборах? Кому симпатизируете?

- Я симпатизирую Геращенко. Мне кажется, что он остроумный, неожиданный, опытный и успешный. Геракл – самый классный.

- Сергей, ощущали ли вы когда-нибудь на себе давление руководства?

- Я никогда не испытывал и не испытываю на себе никакого давления. Если это вдруг случилось – всегда подавал заявление и сразу же уходил. Помню, при Горбачеве была введена цензура после вильнюсских и рижских событий. Я не стал этого терпеть и ушел. В апреле девяностого года, была горбачевская блокада, я сделал серию репортажей из Литвы – все они прошли в эфир. Эдуарда Сагалаева потом таскали в ЦК КПСС за эти репортажи, а меня чуть не выгнали с работы, но Сагалаев прикрыл. В январе того же года зам. Пред. Гостелерадио СССР Решетов рвал мои тексты и кидал их на пол со страшными криками. Я тут же подал заявление об увольнении и ушел, потому что у меня не было никакого желания смотреть на идиотов и клоунов любого ранга, которые будут рвать мои тексты. Потом я работал с Добродеевым, это был девяносто первый год. Нас было тридцать человек и мы начинали делать «Вести» на Российском телевидении. Я был одним из отцов-основателей этой программы. Работать с Олегом было очень приятно, он никогда не лез ко мне с дурацкими советами. Он мог поспорить, но очень деликатно, он вообще деликатно спорящий был парень. В девяносто втором в программе «Время» тоже никто не вмешивался в творческий процесс – у нас была концепция, суть которой заключалась в том, что ведущий программы новостей – хозяин этой программы, и вмешиваться не имеет права никто. В девяносто третьем году Эдуард Сагалаев позвал меня делать «ТВ-б» вместе с Тедом Тернером. Я занимался «ТВ-б», но как-то не очень у нас получилось с Тедом Тернером. В девяносто четвертом я пошел к Олегу Попцову и делал для него программу под названием «Подробности Российского телевидения» (канал «Россия» - М.В.). Попцов вообще никогда не давил. Один только раз он не дал мне камеру, когда я поехал с покойным Юшенковым в Грозный освобождать наших ребят-танкистов. Элла Панфилова, Сергей Юшенков и Владимир Лысенко – три депутата – поехали туда. Я попросил CNN, чтобы мне дали камеру и они мне её дали. Я взял прекрасного оператора, мы поехали и все сняли. И тут надо сказать огромное спасибо Олегу Попцову за то, что он выдал в эфир все то, что я привез из Грозного. Более того, я должен был выдать восемь с половиной минут, а выдал в итоге двадцать – Попцов дал время. Он, конечно, просто герой. Его за это ФСБ чуть ли не под расстрел повело, так как это была операция секретных служб, а мы все рассекретили ради того, чтобы спасти ребят – танкистов. Министр обороны Павел Грачев объявил тогда, что в Чечне нет пленных – мы боялись, что их просто не станут искать. Мы хотели спасти ребят, и мы их спасли. Спасли тем, что стали об этом говорить. В январе меня уволили с работы, и я пошел к Ирине Лесневской на Ren-TV.

- Вы работали с Борисом Березовским... .

- Начиная с осени 96-го года я работал с Борисом Березовским, который тогда по поручению Ельцина заштатно руководил Первым каналом в качестве акционера. Так вот с Березовским мы завтракали по вторникам, и я в это время задавал ему все интересующие меня вопросы, а он, в свою очередь, задавал вопросы мне. После выпуска он мог позвонить мне не иначе, как восхищенным – больше никак. Один единственный раз он позвонил мне и попросил меня поддержать в своей программе президента

Башкортостана Рахимова, потому что он тогда покался перед Кремлем. Это был один единственный раз. И я Березовскому отказал. Вот такой вот уровень самостоятельности продолжался до двухтысячного года, до тех пор, пока меня не закрыли. После этого меня несколько раз приглашал Путин – он надеялся, что я буду работать в его команде, но я отказался. Представьте, что было бы, если бы меня сейчас вернули на ТВ? Через неделю бы и выгнали, это точно. Этим бы все и закончилось.

- По какому принципу вы выбирали работу раньше, и по какому принципу выбираете ее сейчас?

- Я всегда выбирал работу исключительно по принципу интереса. Сейчас мне интересно попробовать некие новые жанры, мне интересна вербализация. Дело в том, что люди немножко устали от какого-то мутного цветного пятна, которое они видят все время на своих экранах. Для меня важным критерием является то, что в визуальных жанрах вы, зажмурив глаза, не можете вспомнить ничего из того, что вы смотрели. Именно поэтому для меня важно назвать вещь и обсудить её с аудиторией. На радио я пытаюсь вербализовать некие смутные ощущения, которые испытывает моя аудитория. Но это не значит, что я собираюсь этим заниматься всю свою жизнь. Может быть, скоро мне в голову придет что-то новое, но у меня нет каких-то четких планов, я всегда следую за спонтанным порывом.

- Чем бы вам сейчас хотелось заниматься в жизни? В профессиональном или личном плане?

- Мне не хочется ничего такого, что бы я не мог осуществить. Для меня нет ничего несбыточного. Мое недавнее желание – стать яхтсменом. Мне представляется бесконечная вода и я, идущий под парусом откуда-нибудь из Бали в Австралию. Думаю, что сделаю это, когда у меня немножко сын подрастет – мы будем с ним вместе на яхте ходить. А вообще, я не могу слишком долго сидеть в одном проекте (неважно в каком), мне это кажется абсурдным. Раньше я занимался дайвингом, пилотировал легкомоторный самолет – то есть, что хотел, то и делал. Одно время я активно нырял. За два года сделал 75 погружений. Потом расхотелось. Я начал стрелять из лука. Стрелял, пока не надоело. Недавно я купил аляскинских ездовых собак – хочу ездить на них зимой. Но мое главное хобби, вы удивитесь, это чтение дома, лежа на спине. Это мое главное хобби, и главный спорт.

- А что читаете?

- Все читаю: религиозную литературу, много читаю Библию, китайских авторов, философию. Сейчас читаю, а точнее перечитываю Марка Твена для того, чтобы развеселиться.

- К какой религии вы себя относите?

- Ни к какой.

- А вы верующий человек?

- Нет, конечно. Религия для меня вообще к вере не относится – это некие моральные коды, прошивка такая. И я очень уважаю то, что русский народ, с которым я разделяю судьбу, живет с моральными кодами, которые прошиты в Православии, но для меня само Православие с его ритуалами – не более, чем забавный кич, но сами моральные коды – это, де факто, суперуважаемая вещь.

- А зачем читаете Библию?

- Потому что это наше культурное наследие, это очень интересно. Я потрясенный, изумленный, преданный читатель Библии. Очень люблю слушать молитвы: православные, буддийские, суры из Корана и т.д. В молитве есть некий момент правды. Само пение пробивает, даже если человек неверующий слушает. И важно: даже если неверующий поёт.

- Есть ли у вас какие-то надежды или мечты, которые не сбылись?

- Нет. Ничего такого нет. Ну, может быть только какие-то экономические вещи – деньги, например. Мне уже давно приходится зарабатывать на стороне – заниматься биржевой торговлей, журналистика не кормит. Я, кстати, не знаю, должна ли она кормить.

- Ну а когда-то она кормила?

- Да. На Первом канале, например, было не так сытно, как сейчас, но совсем неплохо. Сейчас там, кстати, существенно больше платят, в разы больше. Раньше реклама не покрывала даже расходы канала. Поэтому Ельцин и дал Березовскому «Сибнефть», чтобы с нее кормить Первый канал. Сегодня ситуация с рекламой такова, что на телевидении уже можно прилично зарабатывать. Хотя и сейчас даже «звезды», которые сегодня могут похвастаться серьезными гонорарами, зарабатывают ничтожно мало по сравнению с теми, кто зарабатывает на них. Поэтому лучше быть бизнесменом, чем журналистом, однозначно. Но журналистика – это наслаждение. Это странноватый способ рефлексии, это способ думать. Для меня журналистика – это счастье быть.

- Вы на ТВ с 1985-го года. На телевидении с тех пор многое изменилось – оно попросту стало другим.

- Я не знаю ничего про современное телевидение, потому что у меня в доме нет телевизора. Что касается старого ТВ, на котором я работал, делая репортажи для ТСН как корреспондент, могу сказать, что то телевидение мне нравилось. Мы с коллегами верили в то, что мы отстроим красивое западное ТВ. Западное, потому что телевидение само по себе – западное искусство.

Мы хотели сделать настоящее CNN. В этих идеях, конечно, была доля наивности. Ничего из этого не было сделано и не могло быть сделано потому, что телевидение превратилось в механизм пропаганды.

- А сколько лет вы не смотрите телевизор?

- А я вообще никогда его не смотрел. Я смотрел новости только тогда, когда был директором информации Первого канала. Смотрел для того, чтобы после просмотра устроить «разбор полетов» своим сотрудникам. Вы не поверите, но я даже такие фильмы, как «Семнадцать мгновений весны» и «Место встречи изменить нельзя» ни разу не видел. Мне это абсолютно не интересно. И мне особенно противно смотреть их вместе со всеми. То есть, если я знаю, что вся страна прильнула к голубым экранам и что-то там смотрит, то я мгновенно пойду и выключу телевизор. Я делал телевидение, но сидеть и тарашиться – это не для меня. Телевидение – это искусство для бедных, необразованных женщин, судя по рекламе. Она ориентирована именно на этот контингент зрителей.

- И в заключение, такой вопрос. Недавно вы подали с суд на Бориса Немцова из-за информации, которую он написал про вас в своей книге «Исповедь бунтаря». Что именно вас оскорбило?

- Немцов зачем-то напал на меня этой осенью в своей книге предвыборной – придумал сюжет с проститутками, которого никогда не было в моей программе. Придумав же – обиделся на собственную выдумку. Потом ещё придумал моё покаяние в нью-йоркском аэропорту, которого не было. И снова обиделся. Надеюсь, он делал всё это не из подлости, а из-за своих интеллектуальных особенностей. Я попросил адвоката Максима Смаля подать на Немцова в суд. Хочу, чтобы Немцов доказал свою ложь. Интересно посмотреть ему в глаза. Я же юный натуралист, знаете ли.

Беседовала
Мария Владимировна

Александр Невзоров

Режиссер-постановщик, репортер, журналист, публицист, [анатом](#), автор [книг](#) и статей.

Родился 3 августа 1958 года в Санкт-Петербурге.

23 декабря 1987 года вышла в эфир и просуществовала шесть лет информационная программа Ленинградского телевидения «600 секунд», шеф-редактором и ведущим которой стал Александр Невзоров. Передача стала культовой и вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самый рейтинговый телепроект.

Как репортер и как солдат был участником войн в Югославии, Приднестровье, Карабахе, Прибалтике, Ираке и Чечне, одним из первых, вместе с генералом Рохлиным вошел в Грозный.

О чеченской войне Невзоровым сняты документальный фильм [«Ад»](#) (1995) и художественная лента [«Чистилище»](#) (1997).

Невзоров был одним из организаторов ГКЧП в 1991 году, штурмовал Останкино, в 1993 году защищал Белый Дом. Участвовал в известных событиях в Вецмилгрависе, в разгроме и сожжении первых прибалтийских таможен, в штурме здания МВД Латвии; укрывал на территории России беглых Рижских и Вильнюсских омоновцев. Создал серию репортажей «Наши» о советских и российских солдатах в горячих точках (Вильнюс, Приднестровье, Нагорный Карабах и др.).

Был дважды ранен, один раз контужен.

Трижды становился добровольным заложником террористов в обмен на освобождение людей. Кавалер орденов «За личное мужество», медалей «Защитнику

Приднестровья», «За укрепление боевого содружества», «Участнику боевых действий в Чечне», казачьего креста «За оборону Приднестровья» и пр.

Четырежды (с 1993 года) избирался в Государственную Думу как независимый депутат, работал в Комитете по конституционному законодательству и государственному строительству (в связи с отменой выборов по одномандатным округам не стал участвовать в выборах 2007 года, отказавшись примкнуть к какой-либо партии).

В 1994-1998 года был консультантом-аналитиком Б. Березовского, консультантом правительства РФ. Автор книги «[Поле чести](#)» (1995) о современной российской политике. Был советником двух губернаторов Санкт-Петербурга: Яковлева и Матвиенко. На выборах В.В.Путина являлся его официальным доверенным лицом.

В начале 1990-х основал независимую телекомпанию (НТК) «600». В 1995—1999 гг. был ведущим телепередач первого канала «Дикое поле», «Дни» и «Невзоров».

Продюсер и режиссер фильмов «[Ад](#)» (1995), «[Чистилище](#)» (1997), «[Лошадиная Энциклопедия Александра Невзорова](#)», (десятисерийный, 2004), «[Лошадиная Энциклопедия Александра Невзорова](#)» (двухсерийный, 2005), «[Методика. Основные принципы](#)» (2006), «[Правдивая история лошади от начала времен до современности](#)» (2008), «[Лошадь Распятая и Воскресшая](#)» (2008), «[Lectio Equaria Palaestra](#)» (2010) и десятков авторских документальных фильмов.

Автор книг «[Поле чести](#)» (1995), «[Лошадиная Энциклопедия](#)» (2005), «[Трактат о Школьной посадке](#)» (2008), «[Конский спорт: секреты мастерства](#)» (2008), «[Трактат о работе в руках](#)» (2010), перевода и постраничных комментариев к «[Наставлению Королю в искусстве верховой езды, написанное мессиром Антуаном де Плювинелем](#)» (2008), «[Происхождение личности и интеллекта человека](#)» (2012).

Невзоров – член Союза журналистов Санкт-Петербурга, советник Генерального директора Первого канала, действительный член Санкт-Петербургского отделения Всероссийского научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов.

Автор [Уроков атеизма](#) на канале [Nevzorov.TV на Youtube](#).

[ДМИТРИЙ БЫКОВ](#). Александр Невзоров: Человек – тупиковая ветвь эволюции¹²⁵

Невзорова интересовали люди, потом лошади, а теперь... трилобиты. Эволюция наоборот?

ТАСС

Есть люди – в России, кстати, их процент традиционно высок, – которые приковывают к себе внимание, чем бы они ни занимались.

Невзоров изобрел самую популярную телепрограмму времен гласности – «600 секунд» («Пятое колесо», «Музыкальный ринг» и другие шедевры питерского ТВ прославились позже). Его фильм «Наши», вызвавший почти единодушную травлю, резко перевел его в ряды красно-коричневых, а первый художественный фильм о чеченской войне «Чистилище» рассорил и с красно-коричневыми, и с ельцинистами.

125 Собеседник №40 '141 7:00, 18 Октября 2014 // <http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20141017-aleksandr-nevzorov-rossiyu-zhdet-raspad-po-sovetskomu-scenar>

Невзоров – доверенное лицо Путина на выборах 2012 года и автор фантастически резких постов о религии вообще и православии в частности (в молодости учился в семинарии и пел в церковном хоре); один из самых известных в России – да и в мире – иппологов, тренеров, специалистов по лошадиной физиологии, психологии, истории. Невзоров достиг значительных успехов во всем, за что брался. Один хороший питерский писатель про него сказал: «Образцовый, эталонный нонконформист. Семинарист при советской власти, атеист при Путине, защитник рижского ОМОНа в либеральные времена, защитник Украины сегодня, имперец в девяностые, чуть ли не русофоб сегодня... Куда Лимону, Лимон спёкся».

«Со мной поговорили мои кураторы»

– В чем преимущества жизни в Петербурге? Вы давно могли переехать в Москву...

– В принципе все точки Мордора одинаковы, но лучше, знаете, подальше от ока Саурана: под ним все сплавилось, не разберешь, кто где. Вас вообще интересует какая мера откровенности?

– Лучше бы максимальная.

– Не получится. Когда мы с вами разговаривали в августе, она еще была допустима, а в сентябре со мной поговорили. Мне дали понять, что каждое резкое высказывание о территории на букву «У» будет стоить работы и карьеры кому-нибудь из моих добрых знакомых. И вообще, высказали недовольство отдельными постами в «Снобе» и интервью, которые перепечатал у себя милый лысый украинский журналист Дмитрий Гордон.

– Кстати, то ваше интервью – его и «Эхо» потом перепечатало – заканчивается довольно длинным панегириком Владимиру Путину, который умудряется сдерживать радикальных имперцев. Насколько искренни вы в этой похвале?

– Пятьдесят на пятьдесят. В революционные времена, чтобы войти в Смольный, надо было накалывать пропуск на штык. Считаю, я наколот это лирическое отступление на штык, чтобы высказать все остальное. Но если говорить с абсолютной честностью – Путин сегодня в самом деле главный сдерживающий фактор. Отчасти благодаря петербургскому, отчасти благодаря чекистскому бэкграунду. Что есть чекист? Человек, обязанный просчитывать последствия. При Кургиняне и Дугине нам всем мало бы не показалось, они развязали бы европейскую и мировую войну без тени сомнения, не задумываясь о последствиях вообще. К счастью, возможности их невелики. Кургинян – хороший актер, неплохой режиссер: он умеет всеми правдами и неправдами получать пропуск в Кремль, потом сидеть там три часа в буфете, а после выходить к соратникам, тереть виски и рассказывать о новейших веяниях: «Ну, значит, так...» Есть такое понятие у актеров – искусственные слюни. Но Дугин и Кургинян не имеют ни малейшего влияния на то, что происходит в Кремле, и даже не получают там инструктажа. Путин по крайней мере считает на несколько ходов вперед, как и принято в его родном ведомстве.

– Что-то его родное ведомство не просчитало распад СССР в девяностые...

– Откуда вы знаете? Если бы оно и власть в целом сопротивлялись этому распаду, он-то и мог бы привести к настоящей третьей мировой. При малейшем сопротивлении ударила бы такая магма! Хуже, чем сейчас. А тогда сравнительно мирно разошлись, что и

было неизбежно.

– Не кажется вам, что Советский Союз был во многих отношениях лучше нынешней системы? РПЦ занимала куда меньше места в пространстве, национализм знал свое место...

– СССР был лучше, только если сравнивать с царской Россией, где за чтение вслух невинной статьи в студенческом кружке могли приговорить к расстрелу, пафосно заменив его каторгой. Но в самом СССР ничего хорошего не было, и все успехи его национальной политики вы ему приписываете задним числом, иначе он не расползся бы при первом сотрясении.

– А как по-вашему, почему в 91-м, когда вы сняли «Наших», массовый взрыв патриотизма не наблюдался, а настоящее патриотическое мракобесие началось именно сейчас? Даже не тогда, когда Ющенко посмертно награждал Бандеру, а только после Майдана и фактической аннексии Крыма?

– Это очень просто: какой же патриотизм без страха, без возможности убивать? В девяностом требовалось всего лишь защитить своих. На этой базе патриотизма не построишь. Патриотизм – это захват, наступление. Даже сейчас, замечу я, настоящего страха нет, поскольку Путин далеко не Сталин, и, может быть, слава богу. Его рейтинг в 84, 86 или сколько там сейчас процентов обратится в антирейтинг стремительно, не то что у Сталина, в котором страна отнюдь не рвалась разочаровываться. Патриотизм возникает только на волне экспансии, потому что больше ему сейчас держаться не на чем. Что такое нынешняя Россия? Оптимальная среда для выращивания бацилл православия. И только.

Александр Невзоров: Если бы наверху что-то понимали, Кураев давно был бы Патриархом (*Russian Look*)

«Мы поменяли бомбу на консервную банку»

– Вы категорически отрицаете пользу религии – хотя бы для культуры, для эстетики, для мотивации, я не знаю, духовных подвигов...

– Давайте сразу отметем культуру – это разговоры для гуманитариев, я не слишком высоко ее ценю. Про великую духоподъемность культуры пусть вам расскажет этот Черно... Черно...

– Чернышевский?

– Нет, этот все правильно понимал. Черный Мурза, Карамзин: про культуру – это к нему. Что касается мотивации – религия и так задержала развитие человечества на полторы тысячи лет, потому что главная ее функция – тормозить познание. Я допускаю, что некоторые жития святых – например Симеона Столпника, который ради изнурения плоти разводил червей в собственных гнойных ранах – еще дают известные основания для психиатрического освидетельствования; но современные верующие – это уж чистое притворство без всякой духовной экстремальности.

– И у Кураева притворство?

– У него-то в первую очередь, потому что он действительно очень умен. Если бы наверху что-то понимали, он давно был бы Патриархом. А не Владимир Гундяев, пообещавший, что православный суперклей надежно цементирует Россию с Украиной. Вследствие чего случилась война, а с Патриархом Кириллом крайне жестко поговорили в

Кремле: не могу вам даже назвать этого переговорщика. То, что случилось в Крыму, а потом в Донецке и Луганске, напоминает обмен консервной банки на атомную бомбу. Мы обменяли свое участие в мировом цивилизационном процессе на изоляцию под разговоры об уникальной русской духовности. Слушать про эту уникальность даже смешней, чем про расовую теорию, антинаучность и бредовость которой уже в начале XX века была очевидна всем. А вот перспективы изоляции – это куда серьезней. В коммунальной квартире – в Петербурге это хорошо знают, поскольку весь город жил в коммуналках – никогда не станут терпеть гопника, разводящего костер на паркете. Человечество дорого заплатило за выработку некоторых правил, и эти правила ему объяснят. Так что одна из близких перспектив – и далеко еще не худшая – это распад России по советскому сценарию.

Александр Невзоров: Меня, честно вам скажу, и сейчас не слишком интересует российская политическая реальность, а также полемика с крайне эклектичным учением о безумном равнине с вертикальным взлетом (*Russian Look*).

– **...Кажется, перелом в вашем мировоззрении – это примерно девяносто пятый год...**

– Декабрь девяносто четвертого, Грозный. Когда перешагиваешь через трупы русских солдат десять, двадцать, сто раз, когда полусгоревшее тело вынимают из танка, когда за собственный имперский бред действительно платишь – а я заплатил, – тогда к русской уникальности относишься несколько иначе. Меня, честно вам скажу, и сейчас не слишком интересует российская политическая реальность, а также полемика с крайне эклектичным учением о безумном равнине с вертикальным взлетом.

– **А что вас сегодня интересует? Лошади?**

– Тоже нет. Когда ты попал на обложки практически всех специальных изданий, когда у тебя есть школа и ученики по всему миру – начинаешь интересоваться другими вещами. Например, сейчас я один из... Думаю, из шести крупнейших специалистов по трилобитам (вымерший класс морских животных. – Ред.) в Петербурге. И мой сын – ему восемь – уже заработал, к моей зависти, первые пятьсот евро, откопав особо редкого трилобита, тут же перекупленного специалистами. Трилобит интересней человека, поскольку человек – явно тупиковая ветвь эволюции.

– **«Ни малейшего следа бога»**

– **Вы полагаете, он дальше эволюционировать не будет?**

– Его дальнейшая эволюция могла бы пойти прежде всего по линии увеличения мозга, а размер его мозга, к сожалению, ограничен женскими родовыми путями. Не можете же вы себе представить женщину, чьи бедра будут в разы шире нынешнего варианта? В человеке многое функционально, но не за счет мозга, а главным образом за счет чрезвычайно удачной передней конечности. Вот она эволюционировала из плавника очень успешно: все, что мы видим вокруг – и эти здания, и вся высшая психическая деятельность, и ваша любимая культура, – все предопределено ее хватательными и тактильными способностями, сложностью и гибкостью движений.

Но человеческий язык беден, мы едва-едва добираемся до квантовой механики, и для множества сложных явлений у нас попросту нет слов. Ощущения еще бедней – мы не слышим ультразвука, и любая акула устроена сложнее нас. От нее в песок не зароешься:

она чувствует, как ты там шевелишься, да еще и в глазу у нее есть тапетум – дополнительная глазная оболочка, позволяющая все увидеть как бы дважды, разложить каждое ваше движение на микросоставляющие. Вообще полагать себя высшей ступенью эволюции – наивность еще более непростительная, чем говорить о расовой исключительности. И поверьте, если бы я увидел в эволюции хотя бы один след, одну клетку бога – я с радостью заявил бы об этом. Но пока я вижу только атом водорода на одном конце и Быкова на другом – все остальные звенья восстанавливаются абсолютно логично, и никакое божественное вмешательство не требуется. ДНК закручена в спираль единственно возможным образом. Появление новых видов жестко увязано с космическими катастрофами, великими оледенениями, длившимися миллионы лет, иными словами, ничего нематериального. Ничего, что требовало бы бога как гипотезы.

Любой креационизм – опять-таки притворство, маскировка невежества. Иное дело, что антропология так и не дождалась пока своего Дарвина, который подробно и логично объяснил бы, с чего и в какой момент человеку вдруг понадобилась коммуникация. В языке нет ничего особенного, он не делает нас высшими существами (тем более что он есть не только у нас), но вот почему, с какой внезапной надобности человек вообще заговорил? Антропогенез пока толком не выяснен – но чего вы хотите? Все ископаемые останки, найденные за последние два века, легко уместились бы в багажнике «Бентли». Сохраняется одна из миллиарда костей. Все, что мы знаем об эволюции мозга, пока довольно приблизительно, хотя топография человеческого мозга – что в нем чему служит – построена гораздо подробней, чем, например, карта мозга лошади. Это еще одна причина, по которой заниматься людьми мне сегодня интересней, чем лошадьми.

Александр Невзоров: В СССР ничего хорошего не было, и все успехи его национальной политики вы ему приписываете задним числом, иначе он не расползся бы при первом сотрясении (*Russian Look*)

– А как вы вообще стали заниматься мозгом? Согласитесь, разброс интересов довольно серьезный...

– Наталья Бехтерева в какой-то момент сказала мне: вопросы, которые вы задаете, требуют вашего личного погружения в предмет. Пора самому делать препараты, рассматривать их и так далее.

– Бехтерева действительно такой большой ученый, как о том говорят ее адепты?

– Бехтерева – великий популяризатор науки, примерно то же, что Волочкова в балете. Великая ли она балерина? Нет. Но самая известная.

– Кстати, а к Лихачеву как вы относитесь? Он – ученый или тоже прежде всего популяризатор?

– Лихачев был прежде всего очень красивый человек с великолепной осанкой.

– Но в науке это, как бы сказать...

– Не торопитесь иронизировать. За счет внешности в мире сделано гораздо больше карьер, нежели за счет интеллекта.

– Но если мозг уже не перерастет нынешние размеры, может, хотя бы можно жить до ста лет?

– Это вам надо, что называется, налить сердечко. Сходите в анатомичку, возьмите

сердце, шприцем залейте контрастное вещество – и вы услышите скрип иглы, входящей в митральный клапан. Все наши сосуды кальцинированы. И у нас с вами кальцинированы. Какое бессмертие, какое столетие? Человек не рассчитан на столь долгую эксплуатацию. И клонировать всех умерших, как одно время мечтали, нельзя: период полураспада ДНК – 521 год. С мечтой о динозаврах придется покончить.

– **Вы не хотели бы вести просветительскую программу на ТВ?**

– Даже если бы предложили – нет. Зачем? Я же говорю: тупиковая ветвь. Просветительских добродетелей я в себе не чувствую, а кружок, где мы обсуждаем эти проблемы со специалистами, у нас есть и так. Встречаемся, читаем доклады. Дилетантов не приглашаем.

– **Вам не кажется, что просвещение, если вовсе освободить его от веры, от совести, прямиком ведет к фашизму?**

– Фашизм – всего лишь наиболее рациональное устройство общества. Не путайте его с нацизмом.

– **Можно спросить, чем вы зарабатываете?**

– Я пишу заметки, книги, колонки в «Снобе». Я веду школу – достаточно дорогую, которая адаптирует людей к правильному поведению перед телекамерами. Потому что телестудия сильно воздействует на психику. Я учу безнаказанно и убедительно оскорблять и отвечать на такие оскорбления.

– **«Двенадцать приемов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссиям».**

– Что вы, куда там Чапеку. У меня этих способов сотни.

– **И еще у нас есть вопрос чисто иппологический. Вот мы ехали по Аничкову мосту. Его еще называют Мостом шестнадцати яиц. Там правильно укрощают коня?**

– Абсолютно бездарные скульптуры, ничего общего не имеющие с укрощением коня. Когда вы подходите к лошади, каждое ваше движение должно ей о чем-то сообщать. А этот юноша зачем-то картинно напрягает глубокую ягодичную мышцу либо свою скульптурную спину. Ни смысла, ни даже этой вашей любимой красоты.

Борис Бабанов. «600 секунд» – это ошибки молодости¹²⁶

Знаменитому телеведущему, режиссеру, а в прошлом еще и политику Александру НЕВЗОРОВУ вчера исполнилось 50. Менее двадцати лет назад его программу «600 секунд» смотрела вся страна, а ее популярность соперничала с рейтингом передачи «Взгляд». К «Секундам» относиться можно было по-разному, но, как правило, равнодушным харизматичный ведущий не оставлял никого. Сегодня Невзорова, как и прежде, не поймать. Даже в день своего юбилея он – на рабочем месте. На вопросы отвечает коротко, но емко, убедительно и остроумно. Как будто на экране за спиной все еще бегут эти цифры с обратным отсчетом.

– **Кажется, вы востребованы ничуть не меньше, чем 20 лет назад...**

– У нас сейчас монтажный период происходит, а это такое время – ради него отменяется все.

126 <http://www.peoples.ru/tv/nevzorov/interview4.html>

– А что будет за фильм?

– Как всегда, у меня такое сочетание художественного и документального.

– И конечно, про лошадей?..

– Там будут лошади.

– Но хотя бы юбилей удалось отметить?

– Я не справляю дни рождения с шести лет. И совершенно сознательно отказался от этих празднований.

– И что – не принимаете поздравлений ни от коллег, ни даже от жены?

– Ну, во-первых, все знают о моем отношении к этому дню, к тому же я научился избегать поздравлений, а жена привыкла за 17 лет нашей совместной жизни.

– А вы-то хоть верите в то, что вам уже 50?

– Во всяком случае, меня уже почти в этом убедили. Но пока что я ни в чем не чувствую свой возраст.

– По вашей программе «600 секунд» ностальгия гложет, пересматриваете ее?..

– Да вы что! Нет, конечно. Это все были ошибки молодости. Этакая проба пера.

– А что же истинное?

– То, чем я занимаюсь сегодня. Это – лошади.

– Но, кажется, еще работаете с Константином Эрнстом и Валентиной Матвиенко.

С кем интереснее?

– У них разные сферы деятельности. Хотя и там, и там я служу советником. Но Костя Эрнст многое оставляет решать мне, на мое усмотрение, а Валентина Ивановна требует исключительной конкретики.

– А где больше любите работать – в Москве или Санкт-Петербурге?

– Москва для меня – всегда трудовая повинность. Необходимо ехать – вот и едешь. Красивый город?.. Петербург покрасивее будет.

– Вот только небо низкое и «двойники» по улицам бегают...

– Ну да, а еще носы ходят, и вообще столица организованной преступности, одни заказные убийства кругом.

– Иронизируете... А между тем когда мосты разводят – как с одного берега на другой перебраться?

– На байдарке.

– А почему вы вдруг занялись лошадьми? Это – желание внести свою лепту в борьбу за экологию?

– Нет, нет – экология тут ни при чем. Это – призвание.

– Просто любите лошадей?

– Люблю... Слово очень скомпрометированное, особенно в последнее время. Я вот даже не знаю, в отношении чего это слово может быть употреблено сегодня. Для меня лошади – точная наука.

– Вы исповедуете опыт мягкой работы с лошадьми, а в дрессуру вообще не верите?

– Доброй дрессуры не бывает.

– Даже у Дурова?

– Тем более.

– То есть дрессировщик не может по-настоящему любить животное?

0808101008080808080808080808080810100808081010101818212929291818211
0101008101010080808101010
0810100810101008080
808080800000008080800000008080800000008080808080080808000000808
08000000808000008000808080808080808080808081008080808101010080
80810101008080808080800080008080800000080808000800080808080008
08080008000810080808080810080
80808080808000008080808000808080800080808080808008080808000000
0808080808000808080800080080808080808080808080808080810080808080810080
808080810080808080810080808080810080808080810080808080008080808
00080808080800808080808000808080808000808080808080808101008100808101
0081008081008081008001010081008081810080000000800000000000000000
00
00
00
00
00
00
0001
00808080800100808080800100808080800100808080800100808080808100808
100808100808080808100808080808100808080001008080800008080808000
01008080800000808080800000808080808000808080808000808080808000808
08080000100808080800100808080808101010100808101010100808101010100
80810101010080818101010100810101008080810080808080810080808080810
10101010081010101010081010101008081010101008081010100808081010100
80808101008080808100808080808101010101010211818181818212121181810
10101008080808100808080810080808080810101008080810101008080810101
010080810101008080810101008080810101010080810101010101810101010
10181010101010181010101010181010101010101010101010101010101010101
01008080810101010101010101008080810101008080810101008080810101008
08081010100808081010100808080808080000000808080808080808080808080
808080808080808080808080808080808081010100810101010080810101008080
8080010100808080810101008080810101008080810101008080810101008080
8101010080808080808080808080808080808080810101010101010100808081010
1008080810101008080810080
80810101010101018181810101010100808080808080808080808080800080808
0808000808081008080808080808080808100808100808100808080808081010101

[008081010080808081010100808081010101010102121212121212121101010](#)
[10101008080810081008080808081008080810101008080810101008080810101008080810101](#)
[00808080808080808080810080808080810080808081018101010101010100808](#)
[080808080000008080808080080808080800080808080808080808000800080](#)
[8080000008080808080808100808080808100808080810101008080810100808](#)
[080810100808080808080808080800080808080808080808080808080808080](#)
[80808080808080808080808081008080808101010080808101008080808101008](#)
[080808080808080808080810080808080808080808080808080808080808080](#)
[808080808080808080808080810080808081008080808081010080808081008](#)
[08080808101008080808100808080808101008080808081008080808101008080](#)
[80808080808080008100808080010080808080010100810080810100810080818](#)
[1008100808101008100808181010100808080008000000080000000000000000](#)
[00](#)
[00](#)
[00](#)
[00](#)
[00](#)
[00](#)
[00](#)
[00080800](#)
[1008080808001008080808001008080800008080008000010080808000010080](#)
[80808081008080800001008080800001008080800000808000800000808080800](#)
[000808000800000808080000008080808000008080800000080808080000080](#)
[8080800008080808000010080808080810100810080810100808080810080810](#)
[080810101010080810100808080810080808080808080808080808080808081](#)
[01010101008101010080808101008080808101008080808100808080808081008](#)
[08080808080808080808081008080808081010101810102118181818181818181008080](#)
[80808080008080808080808081008080808081008080808081010080808081008](#)
[08080808100808080808100808080808101010100808101010101010181010100](#)
[8081010101010101010100808081010101010101010101008080810101008080810](#)
[101008080810101008080810101008080808080808080810101008080808080](#)
[80808101010080808080808000000808080000008080808080808080808000000](#)
[0808080000000808080000008080808080810101008080808080000008080](#)
[80808080810080808081010080808080808080808081010080808080808080808](#)
[080808080000000808080808080808080808101010080808101010080808101](#)
[010080808101010080808101010101010101008080810101008080810101008](#)
[0808101010101010101010100808080808080808080808000800080808008000](#)
[808080808000808080800080808080808080808080808080808100808080808100808](#)

08080808100808080808101008080810101010181821212118182110181808080
80808080808080808080800080808080808081010100808081010100808080808
0808080808080808080808080808000808081010101010080808080808000
00008080800000008080800080008080800080008080800080008080800000000
08000808000808080000008080808000808080008000808080808081010080
8080808080808080808080800000080808080808080808000800080808000800
080808000000808080808000808080808000808080808081010080808080808
80800080808080800080008
00080808080800080808080800080808080808080808080808000808080800080
8080800008080808080808080808080008080808000808080800080808080808
0800080808080800080808080008080808001008080808001010081008081
008081008081810081808081810080800008000000000000000000000000000000
00
00
00
00
00
00
0010100810080
81008080808001008080808001008080808001008080808081008080808081008
081008081008080808081008080800008080808000010080808000080808080
0000808080800000808080800008080808080808080808000010080808080008
08080800001008080808081010081008081010101008081010101008081010101
00808101010100808101010080808100808080808100808080808101008100808
18101010101010101010080810101010080810101008080810101008080810080
808080810100808080810101010101018181818181818181818181810101010100808
08080808080808101008080808101008080808101010100808101010080808101
01008080810100808080810101010100810101010100818101010101010101010
1010181818100808081010100808081
01010080808101010080808101010080808101010080808101010080808101010
0808081010100808080808080808080808080800000080808080808080800000
0080808000000808080808081010101010101010100808080808080808080810
08080808101010080808101008080808101010080808101010080808101010080
808080808080808080808080810101008080810101008080810101008080810
10101010101010101010181818101010101010101010101010100808081010100
8080818181818101010101010080808081010080808080808000800080808080808
08080808080810080808080810080808080810101008080810101008080810101

00808080810100808080810100808081818181821212121211010181010100808
08101010080808080808080808101010080808101010080808101010080808080
8080808081010080808080808080808181810101010101008080008080800
080008080800080008080808080808080808080808080808080800080808000000
80808080808080808000800080808080800080808080008080808080808081008
0808081010080808080808080808081008080808080808080008080808080
008080800080008080808080808080808081010080808080808080008000808
080
808080808080808080808080810080808080808080808080008080808080808
080808080010080808080808080808001008080808000808080808001008080
8080008080808001008080808001008080808100808100808101008100808
181008181008181010181008080808080000080000000000000000000000000000
00
00
00
00
00
00
000808001008080808
001008080800000808000808001008080800000808080800100808080000080
8080800000808080800008000080000808080800008080008080008080808080808
000008080008000080808000008080800000808080800008080808080000
8080808000080808100808101010100808100808080808100808080808101008
1008081010100808080808080808081008080800008080808080810101010080
81010100808081010100808081008080808081008080808080808080808080808
080808080808080808081010101010181818181810181810080808080808000
800080808080808080808080810080808080810080808080810080808080810
10080808081010080808081010101008081010101008081010101010101010101
00808101010101010101010080808101010080808101010080808101010080808
10101008080808080808080810101008080808080808080810101008080808080
80808080808080000008080800000080808000000808080008000808080000
00080800000800080808080808101010080808080800000080808080808101
010080808080808080808080808080008080808080810100808080808080808
08080808080000008080808080810101008080808080808081010100808081
0101010101010101010101010080808101010080808080808080808101010
10101010101008080810101008080808080800080008080800080008080808080
808080808080008080808080810080808080810080808080810080808080810

0808080810100808080808101010212121182121181818080810080810080
80808080808080808100808081010100808081010100808080808080808
080800080008080808000808080808101010081008080808000000080800
00000080808000000080808000800080808000000080808000000008000000
080808000800080808000000080000000080808000800080808080808100
808080808080800080008080800080008080800080008080800000008080000
00808080000008080800080008080800080008080808080008080800000080
808080808080800000080808000000808080008000808080808000808080
08000808080808000808080000808080808000808080800000808080000
8080808000080808080800080808080010080808080010080808080008080
080800100808080800080808080010080810080010080810080810080810080
81810101810101810080000008000000000000000000000000000000000000
000
000
000
000
000
000
0001008080800100808080
80010080808080010080810080810080808001008080808001008080800010
0808080800100808080001008080800008080808000100808080000808080
80000080808080800808080800008080808000080808080000100808080000
080808080800101010100810101010080810101010080810101010080810101
0100808101008080808101008080808080808080810101010101010101008
081010101008081010080808081010100808080810080808081008080808100
80808080810101010101818181818101818181010101010100808080808080
080810080808080810101008080810101008080810101008080810101008081
0101010080810101010080810101010101810101010181818101010101010
10101010101008080810101008080810101008080810101008080810101008080
81010100808081010100808081010100808081010100808081010100808081010
1008080808080800000808080808080808080808080808080800080808000
00080808080808101010081008101010080808080808080810101008080810
101008080808100808080808080808081010100808081010100808080808080
808080808080808081010100808081010100808081010101010101010101010
10101010101818181010101010101010101010080808101010101018181
8101010101010080808081010080808080808080808080808081010100808
0810080808080810100808080810101010080810101008080808101

0101008101018181818212121292918181810101808080810101008080808080808
0808080808080808081010100808081010100808081010100808080808080808
808080808080810101010101010100808000808080808000808080808080808
08080808080808000000080808000000080808000000080808000000080808000
0008080800000008080800080008080808000808080808080808080808080808
10080808080810080808080808080008000808080008000808080008000808080
808080808080800080808080808080808000800080808080800080808080800
100808080808080808080808100808080808080808080808080808080808080
80008001008080808080808080808081008080808080808080808080808080808
08100808080800100808080808100808100808101008100808101008080808101
00810080810080810080818100810080818101018100821181018101018100808
00000800080800000800
00
00
00
00
00
0080000100808080800100808080000080800
0800000808000800000808000800000808080800000808080800000808080000080808000
008000080000080808080000080808080000080808080000080808080000080800000000808
0000000080000000000008080808000008080808000008080808000008080808000080808080
80810100808080810080808080010080808080810080810080810101008080810
080808080810100808080808080808081010081008081010100808081008080
808080808080800080808080800080808080810080808080808080808080808080808
101010101018101010101010181008080808080800080008080808080810080
80808081008080808100808080810080808081010080808081008080808
081008080808081010081008081010101010101010100808101010100808101
010080808080808080810101008080810101008080810101008080808080808
0808101010080808080808080810101008080808080808080808080808000000
80808000000080808000000808080800080808000000080800080800080808
08080008080808080808080800000080
00808080008000808080808081008
08080808080808080808080808101010080808101010080808101010080
808101010080808101010080808101010101018181810101010101008080808
080808080808080008000808080008000808080808080808080808000808080
8080810080808080810080808081010100808081010080808080808081010080808

081010101010212121182121181821101010101010080808080800000808080
808080808080808081010100808081010100808080808000000808080008
0008080808080818181010101008080800000008080800080008080800000080
808000000080808000000008000000008080000000000800000000008080000
00000080000000080808000000808080008000808080008000808080808081
01008080808080808080808080808000000808000000008080800000080808
0008000808080000008080800080008080808000008080800008080808000
00808080800008080800080008080808080008080800000808080008000808
080800081008080808000808080800008080808080008080808000080808080
80010080808080010080808080010080808080010080808080010080808080010
08081008081010081008081810101810081810101810081810081008000800000
0000008000
00
00
00
00
00
00
00
00
00
00
0080000080808080001008080808001008080808001008080800008080
00800000808080800010080808080010080808000100808080001008080800
0010080808080010080808000100808080800080808080000808080800008080
8080800008080808000080808080001008080808000808080800010080810
080810100808080810080808080810080810080810101010081010080808081
010101008081008080808081008081008081010101008081010100808100808
080808100808080808080808080810080808080810080808080810101010100
818181010101018181810101010100808080808080808081010100808081010
100808081008080808081010100808081010100808101010080808101008080
80810101010080818101010101818181010101010080810101008080810
101008080810101008080810101008080810101010101010100808081010100
8080810101008080810101008080808080808081010100808080808000000
080808080808080808080008080808080808080800080808080008080808080
808080008080808080808080808080808101010080808080808080808080808
080808080808101008101
0100808080808080808081010100808081010100808081010101010101008
080810101010101010101010101018181818181818181810101010100808080
810100808080808080008000808080808101010080808100808080808101008
100808101008080808101010080810101008080810101008080808101008080

101821212121211821211010101010100808080808080000080808080808080
8080808081010100808081010100808080808080808080808080000008080808
0808181818101010080808000000080808000000080808000800080808000000
808080000000808080000000080000000008080800000008080000000080808
00000080808000000080808000000080808000800080808000800080808080
0080808080800080808080808080800080008080800000080808000000808
08000000080808000000080808080000080808080000080808000008080808
000080808080000080808000000808080008000808080000008080808080810
080808000008080808000080808080000808080808081008080808081008080
80800100808080800100808080800100808080800100808100808181008100808
1810081810101810101808081810081008081008000800000800000000008000
00
00
00
00
00
00
00
000000000000000100808080000100808080000100808080800100808080000100
80808080008080808000008080808000008080808000010080810080810080808
000010080808000008080808000008080808000808080800001008080808000
80808080000080808080000080808080000080808080000100808080808181010
10080810080808080810080810080810100810080810101008080810100808080
81008080808081008081008081010101008081010100808081010100808081010
08080808101008080808080808080808100808080808101010101008181810101
01018181010101010101008080808100808080810101010080810100808080810
10080808081010080808081010101008081010100808081010101008081010101
0080818101010101018101010101010101010101010100808101010080808
10101008080810101008080810101008080810101008080810101008080810101
0080808101010080808101010080808101010080808080808000000808080000
000808080808000808080008000808080808000808080800080808080800080
80800080008080808080810101008080808080808080808080808080810100808
081
01010080808101010080808101010080808101010080808101010101010101010
10101010101010101818181818181010101010101010101008080808101000080
80808080000000808080808081010100808081008080808081008080808081010
10080808101008080808101010080808081010080808081010081010181818181

82121292918182118181808080810101008080808080808080810101008080810
10100808081010101010101010100808081010080808080808080008000810081
018101818180808080808080808080808080808080008080808080808080800
080808080800080808000000808080008000808080000008080800080008080
808080008080808080008080800080008080808080008080800080008080808
0808080808080810101008080810100808080808080808080808080800080
8080808000808080000008080808080008080808080008080808080808080808
080008080808080008080808000808080808080808080808080810080808081
008080800008080808080808080808081010100808081008080808100808
08080010080810080010100810080810100810080818101018101018101018101
02110101810081810101810081808080800010000080000800080000000800
00
00008000
00
00
00
00
0000000000800008080008000080800800008080080000808008000080800800008
000080000808080800008000080000808080800008080080000808008000080800
800008080080000808080800008080808000080808000080808080000808080000
0808080800008080808000080808080000808080800008080810080810101
01008080808080808001008080808081008080808081008081008081008080808
081008080808081008081008081010101008081010080808081008080808101
0080808080808080808080008080808000080808080810101010100810101010
10101010100808080808080808080808100808080808100808080808080808000
80808080808101008080808101008080808101010080808100808080808101010
10080810101010101010101008080810080808080810080808080810080808080
81010100808081008080808081010101008081010100808081010080808081008
08080808101008080808080808080808080808000008000000000080808000
00008080800080008080800000080808000800080808000000808080800008
0808080000100808080808100808000000808080808080808080808080808080
80808080808080800080808080008080800080008080808080808080808000000
080808080808101010080808080808080810101008080810100810100810101
0080808101810181818181810101010101010100810101008080808080000
000808080000000808080808080810080808000808080808081008080800080
808080808101008080808081008080808080808080808080808101010101021212121

818211818181010101008100808081010100808080808080808101010080808
1010100808081010100808080808080808080808080808080808100810101018181
8081008080808000800080808080808080808080800080808000800080808000
00080808000000080808080000080808080000080808080000080808080000808080800080
8080800000808080800000808080800000808080800080808080010080808
080810080808080810100808080808100808080808080808080808080808000
8080808080808080808080008080808080808080808080800080808080800080808
08080810080808080810080808080810080808080810080808080810080808080
80808080808000810080808081010100808081010101008081008080808081008
08100808101010101008181010101010181010181010181010100808181010100
8081810101008081008080800000800000000008000000000000000000000000000000
00
00
00
00
00
00
00
00
00
00
800000808080800008080008000080808080000808080800008080808000080808080000
08000080000800008000080000800008000080000808000800008080808000008080
8080000808000800008080808000080808080000808080800008080808000080808080
0010080808000080808080000080808080000080808100808181010100808080
80808080810080808080810080810080810100810080810080808080810080808
080810080810080810101010080810080808081008080808081008080808080
808080800000808080808081008080808081010081010081010101008101010
08080810080808080810080808080810080808080808080808080810080808080
81008080808081010100808081008080808081008080808081010101008081010
10100808101010100808101010080808101010080808101010080808100808080
80810101008080810101008080810101008080810100808080810100808080810
0808080808100808080808100808080808080808000000808080008000808080
000000808080008000808080000008080800080008080800000080808080808
101010080808100808080808080808000000808080808080808080808080808080
80808000808080000008080808080008080808080008080808080808080808080808
08101008080808181
81018181818181810101010101010081010100808080808080000008080000
08000808080808080808080808080808080808080008080808080810080808080
808080808081010080808081010100808081010101010211821212121212121

81008101010100808081010100808080808080808080808080808080808081010100808
08101010080808101010080808080808080808081010081010101010080808080
800000008080800000008080800
0000080808080800000808080800000808080808000808080800000808080808080
8080808000008080808000008080808000008080808080008080808000008080
08080808080808080008080808080008080808080008080808080008080808080
0100808080808100808080808080808080808080808080800001008080808081008
08080808101008080808100808080808100808080808100808080808081008080
80808080808080810080808080810080810080810101010080818101010100818
10101010101810101010102118181810101810101008081008081008081008080
8000808080808000008000000000080000000000000000000000000000000000000
000
000
000
000
000
000
008000008000
808000008080808000008080808000008080808080000800080800000808080800
008080808000008080808000008080808000008080808080000808080000080
808080000080800080000080808080000080808080800081008080800010080808
000010080808000008080808000008080808080818101010101008080808081
00808080800100808080808100808100808101010100808101008100808101008
1008081010080808081010080
80808080808001008080808081010101008081010101010101010100808081010
100808081008101008080
80810100808080810080808080808080808080810101010101010101010101010
10100808081008080808081008080808081008080808081010100808081008080
80808101010080808100808080808101010080808100808080808080808080808
100808080808101008080808080808000000808080808000808080808080808080
808080008080808080808080000008
0810101008080808080808000000808080808080808080808080808080808000800080
808000000080808000800080
0810100808080810101818101
818180808081010101010101010080800080808000800080808000800080808
080
80808080808081010100808081010101010181821181821212121101010101010

1010081010100808081010100
8080808080800000008080808000810080808080810080808081008080808101008080808
08100808080808080808080000008080800000080808000000808000000808000000008080
8000000080808080000808080800008080808000808080800080808080000808080800
0080808080000808080808008080808000080808080000808080800008080800000080
808000000808000000008080000000808000000080800000008080808080810080808
08080808080808080808080808080080808080800100808080800808080808001
008080808008100808080808100808
10080810101010080810101010080810101010080810101010100818101010080
81010101008081008080800001008081008081008080800008000000000800
00
00
00
00
00
00
00
00
00181010100810101010080810
0810080808100808080081010101008081010101010101810101008101008080
80000100808080800100808080001008080800008080808000100808080800
10080808080810080808080810080808080010080808080810080808080010080
8080808100808080808080808080810101810101008081010100808080808080800
0010080810080810101010101018101010101810101010101010101010100808101
01008080810080808080808080808080808080810080808080810080808080810080810
0808101010100808181010101010181010100808101010101010101010100808081
00808080808101008080808101008080808101008080808101010100808101010
10080810101010080810101010101810101010181010101010101010101008080
810080808080810101008081010100808081010101008081010100808081010
10100808101010080808101010080808100808080808101010080808101008080
808100808080800808080800010080808080080808080010080808080808
080808080808080808080808080808080810101010101010100808081010100
808080808080808080808101010080808080808080808080808080808080808
08100808080808100808080810101008080808080808080810101008080810101
008080810101008080810101008080810101010101818181010081010101010
101818101010100808080808080808080800800808080808080808080808080808101
0080808080808100808080808080808080808080810101008080810101008
08081010101010101010181818212121181821181818101010101010100808081

080808000000080808000000080808080808080808080808101010080808080
8080808080808080808080808080808081010101010101010101010000
0008080800000008080800000008080800000008080800000008080080000080
808000000080808080000080808080000080808000000808080000000808080
0000080808000008080808008080800000080000000000808080000000
008000000000808000000000808000000000808080808080808080808101010
080808080808080808100808080808080808000808080808008080808080
808080808080080808080808080808080810080808081010101008081010
101010081810101010101810101810101810101008081008080808100808080
00008080808000100808080808080808080000080000000000800000000000
00
00
00
00
00
00
00
00
00
00
00
18101010101010081010080818101010101018101010101010101008000810080
8080000100808080808100808080000808080800001008080808001008080808
08100808080808100808080808100808080000100808080800100808080808100
80808080810080810080818101018101018181010080810080808080810080808
0808101008101008181810101818181010101010101008081010100808080
80808080808100808080808100808080808100808080808100808080808101010
10100810101010101010181010101010101010080810101010080810080808080
8101010080808080808080808081010101008081010101008081010100808081010
1008080810101010101010101010181010101008101008080808101010100
80810100808080810101008080810100808080810101008080810100808080810
10101008081010100808081010101008081010101008081010100808081010080
80808080808080808080800100808080808100808080800100808080808
08080808080810101008080810101008081010101008101010101008080808080
80008080808080808080808
08101008080808101010080808101010080808101010080808101010080808101
01008080810101008080810101008080810101008080810101010101018181008
10080808080808081008080808080808080808080810080808080810080808081
01010080808081008080808081010080808081010080808101010081010101010
081010101010101818212121212121212110101010101008080810101008080

0808080808080808080808080808101010080808080808080808080808000000
80808080808101010101010181818101010080808080808080808000000080808
0000000808080000000808080000000808000800000808080000008080008000
0080808000000808080808081010100808081010080808081008080808000808
08080800080808080808080808080808080808000808000800000080808000
00808080808081018101810081010101008080808081008000808080808080810
10100808081010100808081010100808081010101010101010100808081010101
01010101010101010101010101010181010100808181010101010181010100808
100810080808100808080000080808080000080808080000080808080010080
808000008080000000080000000000800000000000000000000000000000000000
00
00
00
00
00
00
00
00
0000000004239393939394a42424a4a4a5a5252524a524a4a4a423942312931292
92931293121182921182118101810081008000810080808080810080808080810
08080808081008080808081008080808081008080808081008080800001008080
80800100808080800100808080808100808080000100808080808100808100808
18101018101018181818101018101010080810080808080010080808080008080
808080810101010101010100808081008080808080808080808081010100808
081008080808081008080808080808080808081010100808101010101010181
0101010101010101008181010101010101010080810101008080810080808
080810101010080810101010080810101010080810101010080810101010101
0101010100810101010080810101010080810101008080810100808080810101
08080810100808080810101008080810100808080810101010080810101008080
810101010080810100808080810100808080810100808080808080808001008
080808001008080808000808080800100808080808080808080808101010080
8101010100810101010100810101010080808101010080808080808080808
080808080808080808080808100808080808080808080808100808080808080
80808101010080808101010080808101010080808101010080808101010080808
081008080808101010080808101010100808101010080810080808080810080
808080808080808080808081008080808081008080808081010100808081010100808
080810100808080810100808081010100810101010081010101010101010182
12118212121212110181810101010101010101008080810101008080808080808

08080808080808081010101010101010080808101010080808080808080808
808081010101818181818181818101010080808080808080808080808080808
00000080808080808080808000008080808000808080000080808080
00808080808101010101010101010100810101008081010080808081010
08080808100808080808101010080808100810080810181818212121292931212
12921212918182110101810101818181810101818101810101010101810101010
10101008101010100808081010100808081010100808081010100808081010101
010101810101010101810101010101810101010181018101010100810080808
10080808080808080808100808080010080808080810080808080008080
8080000800080000008000000000800000000008000000000000000000000000
00
00
00
00
00
00
00
0000000008080800000000000000000080808000000000000000080808000
000211818292121312929424242524a525a5a5a524a52524a52423942393939312
931312931292129292129181018080010080008080808000010080808080810
08080800001008080800008080800008080808000808000800080000808000
800001008080800008080800001008080800001008080808081010101010101010
1810101810101810101008101008080808100808080000808080800008080
808080810101010080810080808080008080808080810080808080808080808
080808080808000808080808081008080808081010101008081010101008101
010100808101010100808101010080808101008080808100808080808080808
080810100808080810101008080810101008081010100808081010100808081
0101008080810080808081010100808081008080808100808080808100808
080808100808080808100808080810080808080810080808080810100808080
810080808080808080808080808080808080000808000808000808008080
00080000808000808000808080000808080000080808080808081010080
810101010080810101010080808101010080808080808080808080000008
0808080808080808080008080808000808080800080808080808080808080
808080808080808081010100808080808080808081010100808080808080808
0808080808080808080808101010080808101008080808100808080008080
808080008080808000080808080810080808080808080808080808080008
08080808080808081010080808101010080808101010081010101010181818212
12118181818181818101010101008080808080808080808080000008080808

080808080808081010100808081010100808080808080808080808080000001
01010181818212121101010101010000000080808000000080808000000080808
00000008080800000008080808000008080808000008080800000080808000
008080808081010101010081010100808081010080808081010080808081008
08080810101008080810101010081029212942424a6b6b737b7384736b7b424
24a292931101018211821212121292129212121212110101818181810101810
101008080810081008080810101008080808080808080810100808081010101
0080810101010081018101010081018101010080810080808080808080000
0808080800000808080800000808080800001008080800000808008000008000
0000000800000000008000
00
00
00
00
00
00
00
00
00
00100
808080808101010181818313131424242524a52525252635a63524a52423942312
93139313931293121182910081010080808000808080808080810080808080810
0808080808100808080800080808080000080808080000080800800001008080
808081008080808001008080808081008081008081010101010181818181010
181818181010181010100808100808080808080808080000080808080810100
81008081010101008081008080808081010080808081010080808081008080808
081008080808081010081008081010101008081810101010181010101010101
01010100

Передача впервые вышла в эфир 23 декабря 1987 года. В первые годы существования передача притягивала к себе внимание в основном своей новизной и динамичностью, которая была подчеркнута счётчиком секунд в углу экрана. Массовая публика узнала о передаче задолго до сюжета программы «Взгляд», подготовленного осенью 1989 года. Передача использовала провозглашённую властями политику Гласности и показывала сюжеты о коррупции чиновников и критиковала членов Ленсовета, противостоящих демократическим начинаниям Анатолия Собчака; позже, когда Собчак стал мэром Ленинграда, она критиковала и его самого. В передаче присутствовал и юмор: например, первого апреля 1990 года было показано интервью с инопланетянином, задержанным милицией.

Однако со временем в передаче стало появляться всё больше и больше сюжетов с беспрецедентно откровенными натуралистическими сценами насилия и разрушения

— пожары, мёртвые дети, нагота, мат — за что передача и сам Невзоров неоднократно подвергались критике. В программе не раз показывалась гниющая пища — как овощи, так и животные и птицы —, и эти кадры во время повсеместного дефицита продовольствия вызывали как отвращение, так и негодование против властей, допускающих это. Кроме того Невзоров начал открыто продвигать в передаче политические взгляды в основном русского националистического толка: в передаче часто затрагивались православные религиозные темы, движения за независимость прибалтийских советских республик освещались крайне отрицательно, а ОМОНовцы, воюющие против сепаратизма были исключительно положительными героями; в ответ на вопрос телезрителей «Как голосовать на референдуме о сохранении СССР?» было показано в замедленной съёмке как голосовать против распада Союза, а перед выборами Президента РСФСР в 1991 году Невзоров высказал в передаче поддержку Альберту Макашову. В связи с этими переменами передачу покинули ведущие Светлана Сорокина и Вадим Медведев

Программа была настолько популярна, что её авторов и ведущих, а также сделанные ими репортажи помнят до сих пор. «600 секунд» были внесены в Книгу рекордов Гиннеса, как самый рейтинговый телепроект. В марте 1993 года программа не вышла в эфир, вместо традиционного антипрезидентского сюжета был продемонстрирован репортаж о митинге в поддержку Ельцина на Дворцовой площади. Программа не вышла по приказу директора Федеральной телевизионной службы (ФТС) Бэллы Курковой. Сотрудники программ сообщили, что за час до эфира аппаратная и эфирная студии были блокированы милицией. Редакция программ сделала заявление в адрес Ельцина, где говорилось, что «это полностью дискредитирует ваши указы, в частности, указ о свободах для средств массовой информации».

Действия Федеральной телевизионной службы были названы «грубым подлогом», а её руководство — «холопами, трусами и подлецами», «такими же, как их президент».

В апреле 1993 года начальник Петербургского Управления Министерства безопасности России (УМБР) В. Черкесов сообщил, что по предложению прокуратуры города был проведён анализ стенограммы передачи «600 секунд» за 22 марта для выяснения возможного наличия состава преступления. По выводам УМБР, в программе нет ни открытых призывов к захвату власти, ни призывов к насильственному изменению Конституционного строя, уголовный кодекс программой не нарушен, о чём 5 апреля было направлено соответствующее представление прокурору города. Совет председателей Федерации профсоюзов Петербурга выразил протест против ограничения гласности на телевидении, требуя снятия ограничения на выход программы.

После указа о роспуске Верховного Совета России 21 сентября только эта телепрограмма освещала деятельность сторонников Верховного Совета в неотрицательном свете. Последний раз вышла в эфир 1 октября 1993, незадолго до штурма Белого дома, после чего была закрыта Бэллой Курковой.

Матвей Гонопольский

Родился во Львове. В 1973 году окончил училище эстрадно-циркового искусства в Киеве, в 1981 – режиссерский факультет ГИТИСа. С 1981 по 1986 – режиссер-постановщик Киевского театра эстрады. Российский журналист, театральный режиссёр, общественный деятель.

Долгое время работал в АТВ. Автор многих телепроектов, вёл различные развлекательные и политические шоу. В настоящее время работает на радиостанции «Эхо Москвы» (с 1991).

Матвей Ганапольский любит творчество [Пэта Мэтини](#) и использует его в качестве музыкальных тем для своих радиопередач на «Эхо Москвы».

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

- «Бомонд» (1992—1996) (Останкино, ОРТ)
- «Игры гладиаторов» (РТР)
- «Большое Времечко» (НТВ)
- «Акуна матата» (1998—2000) (РТР)
- «Детектив-шоу» (1999—2003, ТВ-6, ОРТ, ТВЦ)
- «Российская панорама» (RTVi)
- «Спорная территория» (МТРК «Мир»)
- «На пике событий» (телеканал «Первый Информационный Кавказский»)
- «Цивилизация» (ПИК)

РАДИО «ЭХО МОСКВЫ»

- «Бомонд»
- «Кухонные тайны»
- «Ищем выход»
- «Своими глазами»
- «Особое мнение»
- «Кейс»
- «Разворот»
- «Клинч»
- «Перехват»
- «Реплика»
- «Я — Ганапольский»
- «Горячий привет»
- «Разворот» (утренний)
- «Бунт „Хорьков“»

ФИЛЬМОГРАФИЯ

- 2001 — «С точки зрения ангела» (комедия) — режиссёр
- 2006 — «9 месяцев» (сериал) — доктор

КНИГИ

- 2008 — «Кисло-сладкая журналистика»
- 2009 — «Правосудие для дураков, или Самые невероятные судебные иски и решения»
- 2010 — «Чёрная рука и пирамида Хеопса»
- 2011 — «Чао, Италия»

ПРЕМИИ И НАГРАДЫ

- Премия Международной конфедерации журналистских союзов (1995)
- Премия «Золотой Овен» (1997)
- «ТЭФИ» за программу «Детектив-шоу» (дважды финалист; 2001, 2002)
- «Телегранд» (2004)
- Премия Москвы

«БУНТ ХОРЬКОВ»

В рамках программы «Разворот» журналист начал с 23 августа 2010 года рубрику «Бунт Хорьков» (реже в эфире упоминаются названия «Восстание Хорьков» и «Бунт Сурков»). Этим названием рубрика обязана прапорщику милиции Вадиму Бойко, чей возглас «Хорьки, бл..., кому еще?» во время разгона митингующих у Гостиного Двора в [Санкт-Петербурге](#) вызвал широкий общественный резонанс. В рамках этой рубрики журналист звонит чиновникам различного уровня с целью получить комментарии по последним событиям, вызвавшим общественный резонанс.

Среди его постановок: «Али-баба. 40 песен персидского базара» (мюзикл по пьесе Вениамина Смехова), «Чудеса без чудес» (авторы [Эдуард Успенский](#), Аркадий Хайт).

В 1986 переехал в Москву. Работал в детской редакции Гостелерадио, автор и ведущий детской радиопрограммы «Чудеса на седьмом этаже». Режиссер известных детских пластинок «Приключения капитана Врунгеля», «Следствие ведут колобки». С 1991 по настоящее время – комментатор радиостанции «Эхо Москвы». Автор и ведущий телевизионных программ «Бомонд» (выходила в 1992 на первом канале «Останкино»), «Игры гладиаторов» (РТР), «Большое Времечко» (НТВ), «Детектив-шоу» (ТВ-6). Вместе с сыном Михаилом вел программу «Акуна матата» (РТР). С 1999 года – ведущий программы «Детектив-шоу» (ТВ-6, ОРТ). Сотрудничает с телекомпаниями Украины: автор и ведущий ток-шоу «Давайте обсудим», которое выходило на украинском канале «Интер». На канале «Тет-а-тет» ведет программу «Я памятник себе...». Лауреат премии Международной конфедерации журналистских союзов (за цикл предвыборных программ «Выбери меня»), лауреат премии «Золотой Овен» (за цикл программ о людях кино, подготовленный для радио и телевидения). Финалист ТЭФИ 2000 и 2001 годов. Ведет мастер-класс в Независимой школе кино и телевидения (Москва). Автор книги юмористической фантастики «Приготовление Вахруста», автор статей и публикаций в центральной прессе. Увлекается музыкой. Собрал довольно большую коллекцию пластинок джаз-рока.

Кира Прошутинская и Анатолий Молтон переманили программу «Бомонд» вместе с ее ведущим на Первый канал в блок «Авторского телевидения». Так появилась 15-минутная передача, ведущий которой – странный человек в кепке, постоянно размахивающий руками и выпытывающий из «звезд» подробности их закулисной жизни.

У программы Матвея Ганапольского «Детектив-шоу» несчастливая судьба: она кочует с канала на канал.

- Творческие планы на ближайшее будущее – очередной переезд

- Как сложится. Не забывайте, что телевидение для меня не главное. Главным я считаю радио, я же ведь еще автор и ведущий развлекательно-игрового шоу на радио «Эхо Москвы». И «Бомонд», и «Детектив-шоу» впервые появились именно в радиозфире, там – истинное раздолье для экспромта. И новые проекты, которые планирую запустить, я обкатаю в эфире «Эха».

Представьте себе третьеклассника, который гордо восседает в учительском кресле, перед ним его сверстник, потя и робяя, декламирует стихотворение, а за дверью класса притихшая очередь школьников, готовых продемонстрировать все свои таланты. Как вы уже догадались, этим третьеклассником был **Матвей Ганапольский**. - Я взял на себя инициативу отобрать номера художественной самодеятельности для школьного новогоднего огонька. Причем, как мне сейчас кажется, никто мне этого не поручал, я просто самоназначился. Даже не знаю, как мне удалось всех «построить». На самом деле я был довольно тихим и незаметным, к учебе относился с прохладцей. Мы жили во Львове. Папа имел патент на изготовление игрушек. Это были такие игрушки из целлулоида с грузиком внутри, действовавшие по принципу «Ваньки-встаньки», но по виду – мишки, зайчики. Иногда я помогал отцу их раскрашивать, вдыхая жуткий ацетоновый запах. А мама очень любила петь. Пожалуй, тут и кроются корни моей любви к творчеству.

Как водится, любой провинциал, хоть немного страдающий творческими амбициями, стремится в столицу. Наш герой прибыл в Москву, дабы освоить тайны лицедейства, и, получив в ГИТИСе им. Луначарского престижную специальность режиссера, отбыл назад, «в рідну Україну». В Киеве занимался постановкой спектаклей. Ставший популярным мюзикл «Али-Баба и сорок разбойников» снова привел Ганапольского на московскую землю.

Как и подобает молодому и весьма энергичному человеку, **Матвей** женился на симпатичной москвичке Ирине. А дальше наступил сложный период поиска работы.

- Жена мне сказала удивительную фразу: «Успокойся, пока ты будешь искать работу, ты будешь жить на мои деньги». Я занялся рекламными роликами. Когда у меня появились деньги, теща страшно удивлялась: «Я не понимаю, может, он какой-то непорядочный? Просыпается в 12 часов, куда-то уходит и приносит деньги».

- А путь на радио был тернист

- Да нет. Я как-то легко поступил на работу в детскую редакцию радио и стал делать популярную в те годы передачу «Чудеса на седьмом этаже» – своеобразный детский вариант «С добрым утром!». А потом Эдуард Успенский предложил мне заниматься на радио его спектаклями.

Вслед за разгромной перестройкой вломились в нашу страну независимость и полная свобода творчества, без всяких там «худсоветов» и «гражданских позиций». В моей жизни появилось «Эхо Москвы». Я предложил делать передачу, приглашая в студию звезд. Я хорошо знал этих людей, мне было легко с ними общаться, к тому же подобных программ еще не существовало. Пришло в голову название «Бомонд»,

которое оказалось удачным.

Кира Прошутинская и Анатолий Молтон переманили программу «Бомонд» вместе с ее ведущим на Первый канал в блок «Авторского телевидения». Так появилась 15-минутная передача, ведущий которой – странный человек в кепке, постоянно размахивающий руками и выпытывающий из «звезд» подробности их закулисной жизни.

- Тогда публика почти ничего не знала о личной жизни звезд, об их интересах. Пожалуй, до меня был только один человек – Урмас Отт, которому позволялось брать откровенные интервью, но он говорил с акцентом, и получалось, что он будто бы иностранец. А как известно, к иностранцам у нас было особое, раболепное отношение. Мой персонаж довольно активно ворвался на телевидение и, конечно, потряс Россию...

- А теперь вы стали детективом...

- Мне очень интересно наблюдать, как устроена человеческая психология. Иногда игроки проявляют чудеса интеллекта, но не замечают совершенно очевидных вещей. Я смотрю на всех этих людей: как они жарко дебатируют друг с другом, как докапываются до истины, и воистину вселенская гордость охватывает меня, потому что мы сумели заинтересовать публику и она весело, но бессмысленно проводит время.

Есть тема, на которую популярный ведущий старается не говорить. Его семья. Было бы жестоко терзать Матвея вопросами в то время, как не остыла еще боль, пришедшая с трагической гибелью жены Ирины

По признанию сына Миши, его папа очень неплохо готовит. Но особых кулинарных изысков не признает. Неприхотливость – хорошая черта, которую вполне гармонично дополняет спокойный характер. По утверждению самого Матвея, за 25 лет водительского стажа он почти не нарушал правил. Не приходилось Ганнопольскому и пускать в ход кулаки, чтобы отстаивать свою точку зрения. Для хорошего отдыха популярному ведущему, как оказалось, тоже немного надо.

- Честно говоря, я уже забыл, когда отдыхал: моя жизнь устроена так, что мне приходится отдавать некоторые «долги» – я должен опекать нескольких пожилых людей. Это занимает достаточно много времени. Но очень хочется войти в море и просто долго-долго стоять. Однажды я простоял в волнах часа четыре: была очень теплая вода, ночь, звездное небо, метрах в сорока от меня пылал огнями пляж. И это было нечто дивное и непостижимое!..

О своих впечатлениях от жизни в Америке¹²⁷

Пожив с семьей некоторое время в Италии в целях сбора материала для книжки, я решил повторить подобный трюк с Америкой. Трюк в том, что живешь не как турист, а как местный житель. В Италии это прошло неплохо, поскольку есть Интернет и можно много писать для России, зарабатывая нехитрые деньги на пропитание семьи. Как и с Италией, мы с женой запланировали, что выдержим где-то год, а потом вернемся.

Америка манила многим. Прочитав книжку «Одноэтажная Америка» Ильфа и

¹²⁷ <http://www.online812.ru/2012/07/05/006/>

Петрова, которую я, кстати, считаю актуальной и сейчас, посмотревшись американских боевиков, выпив колы, надев джинсы и даже побывав в Штатах до этого три раза, я торжественно объявил семье, что мы к поездке готовы.

На скептические усмешки жены я холодным голосом сообщил этой женщине, что переговорил с доброй сотней людей и выяснил до тонкостей, где и как мы будем жить, что и кому платить; а о платной школе для детей можно забыть, потому что мы будем жить там, где школа бесплатная. Я объяснил жене, что хотя и ношу очки, но они с прозрачными стеклами, а не с розовыми. И хотя жена согласилась лишь с последним тезисом про очки, мы упаковали чемоданы и поехали.

Те, кто смотрел популярные фильмы про оборотней, знают, как с ними это происходит: медленно садится солнце, у человека появляется тоскливый блеск в глазах; потом он обрастает шерстью, у него вылезают клыки, и далее начинаются всякие безобразия.

Так вот: безобразия в Америке начались сразу, и через неделю я мечтал быть оборотнем, чтобы густой шерстью защититься от новой жизни, а клыками перегрызть глотку тому, кто все это придумал.

Милый домик в Нью-Джерси, что через мост Вашингтон-бридж — совсем рядом с Нью-Йорком, оказался с подвохом. Вернее, с подвохом оказался его хозяин, который категорически отказался сдать мне его так, как я хотел — «по-нашему», с помесечной оплатой. Он настаивал, что меня не знает, поэтому требовал, чтобы я заплатил за год вперед. Потому что хотя я в России, может быть, и известный журналист, но он из журналистов знает только Ларри Кинга, да и то с трудом.

Я объяснял, что у меня просто нет таких денег, на что хозяин поворачивался к риэлтору и спрашивал, зачем его позвали. Нечеловеческими переговорами его заставили взять с меня половину суммы. Потом я захотел телевизор и Интернет, но там меня тоже не знали, поэтому заставили выучить слово «даунпеймент» — по-русски это типа аванса. Так вот, если тебя не знают и считают, что ты завтра сбежишь с модемом в Россию, то требуют страховочный аванс. Сам Интернет стоит недорого, но с этим авансом меня попотрошили.

Далее потрошиловка продолжилась с машиной. Чудный домик в Нью-Джерси требовал хотя бы какого-то транспорта. Старая приличная машина стоила тысяч тринадцать, продавалась, конечно же, без рассрочки — ведь меня никто не знает, не так ли? Кроме нее нужно было купить страховку. Но поскольку меня и там никто не знает (то есть я для Америки новый водитель), то, как чайнику, страховка стоит максимально. И заплатить надо сразу.

Потом мы «сразу» покупали мебель — рассрочку не дали.

Потом была тяжелая зима: мы платили за свет и газ по 400 долларов — итого 800 (!) — круто, правда?

Потом я пытался получить или купить медицинскую страховку. Получить не смог — в Америке ее дает работодатель, а я на американцев не работал. Купить тоже не смог — для семьи из четырех человек она стоила 1400 долларов в месяц! — я этого себе просто не мог позволить. Поэтому ходили по врачам, платили за прием, и я холодел при мысли, что там будет «что-то серьезное». Так что необходимость медицинской реформы Обамы для меня очевидна.

Все это рвало мои нервы, а сама американская жизнь превратилась в пытку. Но мы стойко держались, как принято, ради детей, чтобы они «взяли английский». Они его «взяли», но я уже был похож на живой труп. О жене уж не говорю — вместо элегантных походов по Манхэттену она «ходила за детьми» — то есть была обыкновенной нянькой в своей же семье. И этому есть понятное объяснение: американская нянька стоит 500 долларов в неделю, то есть 2000 долларов в месяц, а где я мог эти деньги достать.

Обстановка накалялась, и вот однажды мы сидели в доме у моего друга, который в Америке прожил уже тридцать лет. Мы выпивали, я ему все рассказал, и он удивленно спросил меня: «Не понял, ты хочешь сказать, что приехал сюда без свободной сотки?». Он имел в виду 100 000 долларов, так, для начала.

Такой суммы у меня не было, но после этой фразы появилось мгновенное решение валить. Мы купили билеты и через семь месяцев вернулись в Россию.

Может возникнуть вопрос: а почему именно сейчас я об этом пишу?

У меня есть повод: Америка отмечает очередной День независимости!

Может возникнуть подозрение, что я издеваюсь над Америкой, как бы ругаю ее за то, что не смог продержаться тот самый год. Ничего подобного! Я восхищаюсь ею точно так же и пишу все это совсем с другой целью.

Понимаете, можно миллион раз ругать другую страну за ее порядки, но надо ее порядки знать. «Провал» моей американской миссии случился не потому, что страна плохая, а потому, что я Америку не знал, не изучил, не подготовился.

Конечно, откуда я мог знать, что проезд по мосту в Манхэттен стоит 8 долларов? Я не знал, но должен был знать и внести и эти деньги в смету жизни. Дорого? Стоит, сколько стоит: не нравится — живи там, где нет моста.

Да, у меня, когда я вернулся, было страшное искушение Америку ругать. Но я помнил, что все же увидел реальную Америку — великую страну, в которой у миллионов людей, в отличие от меня, получилось.

Я увидел многое, что надо бы перенести в Россию, что делает эту страну локомотивом экономики, бизнеса, самоуправления и гражданских свобод.

Я видел американские флаги перед домами и видел гордость людей за эти флаги.

И я абсолютно согласен с Владимиром Путиным, что однополярного мира быть не может. Расхождение у нас только в том, что я считаю Америку одним полюсом, а все остальные страны — другим.

Я счастлив, что избежал громадного искушения начать ругать эту страну от личной обиды, от привычного совкового комплекса «осколка империи». Это когда сам не можешь, но завидуешь успеху соседа.

Возможно, главный американский урок, который я получил, это то, что величие страны — это когда ее граждане надеются только на себя, а не ждут подачек.

Вы спросите: а что же с книгой?

Да пока ничего. Но я обязательно ее напишу, ибо вновь попытаюсь совершить марш-бросок в Америку.

Конечно, у меня, как и раньше, нет 100 000 долларов.

Но теперь-то я знаю КАК!

Медведев в заложниках?¹²⁸

Когда «Единая Россия» быстренько принимала все эти репрессивные законы — про клевету, про митинги, про «иностранцев», они говорили, что это для какого-то там регулирования, для стройности какой-то, для того, чтобы чьи-то права защищались. Но уже тогда было понятно, что это клевета на самих себя, потому что совсем для другого они принимают сейчас законы. Закон о митингах, чтобы не ходили на митинги, о клевете, чтобы журналисты заткнулись, про иностранных агентов, чтобы столкнуть общественные организации с гражданами.

Все знали, что единороссы на себя клеветают, но стала очевидна эта клевета только сегодня.

Они придумали и всерьез собираются обсудить вопрос, чтобы лишать мандата депутата, любого им неугодного, просто комиссией по этике, без суда.

То есть, граждане выбрали депутата, либо он прошел по списку партии, но его может их комиссия по их этике из парламента вышвырнуть.

Почему?

Вот объяснение: «за публичные выступления депутата в прессе, в которых тот допускает некорректные высказывания, дискредитирующие парламент или имеющие антигосударственную направленность».

Тут можно долго комментировать и смеяться над этим. Тут можно напомнить парламенту, что он дискредитирует себя сам, что о корректности не «Единой России» говорить, что «антигосударственную направленность» может только суд определить — по этому поводу даже есть соответствующие статьи.

Но я не хочу тратить время на антигосударственную партию «Единая Россия», которая хочет принять очередной, нарушающий все на свете, закон, только для того, что бы видеть и не слышать оппонентов, чтобы критическое слово не звучало с трибуны думы.

Я просто хочу спросить лидера партии Дмитрия Медведева. Дмитрий Анатольевич, что с Вами случилось?

Вы еще живы?

Ведь все это уже принимает и хочет принять партия, которой вы руководите.

Помнится, Вы слова какие-то говорили про свободу, которая лучше, чем несвобода. Законы какие-то вменяемые предлагали.

А теперь вы из президента превратились в водителя асфальтного катка. Ваш каток закатывает все, что вы пытались сделать прошедшие четыре года. Или все это происходит с вашего молчаливого одобрения, так выходит.

Слушайте, может случилось что-то?

Может вас взяли в заложники?

Если так, то моргните хотя бы.

Дайте сигнал.

Вы же знаете, сейчас все остается для истории.

Все, что делает человек.

Или не делает...

128 <http://www.dailysmi.net/news/137549/>

Русские, заткните свои поганые пасти¹²⁹

Писатели Прилепин и Наврозов на двух различных сайтах опубликовали две антисемитские статьи. Почему антисемитские – можно прочитать в первой части тут и в многочисленных комментариях под их же статьями на этих сайтах.

Статья Прилепина и сейчас гордо висит на сайте, приглашая ознакомиться с точкой зрения, что все либералы – это евреи, а всех евреев спас Сталин уложив на войне для этого в семь рядов русских – это так харизматичный писатель видит как нынешнюю жизнь, так и историю своей страны.

А вот на сайте «Сноба» уже прочитать ничего нельзя – статью Наврозова сняли, как и комментарии к ней. И г-жа Соколова, вице-президент группы «ЖиВи» нашла в себе смелость и ответственность написать так: «Мне крайне неприятно, что отсутствие премодерации в отношении блогов участников проекта на медиа-ресурсе «Сноб» позволило автору опубликовать статью, которая является отвратительной непристойностью».

Сейчас за этот поступок Соколову платные и бесплатные снобы мочат прямо на сайте «Сноба». Они говорят, что она «наступила на горло свободной дискуссии». Они заявляют, что должна быть свобода в обсуждении любых вопросов, в том числе и национальных.

Так вот я хочу напомнить всяким снобам, что они путают два понятия – национальный и националистический. Национальный вопрос – это когда размышляешь о судьбе нации и о том, как сделать межнациональную жизнь лучше. Националистический – это когда размышляешь о какой-то нации, как о породе собак. Во втором случае, обычно дискуссия идет вокруг того, что либо экстерьер не тот, либо зубы кривые.

А иногда моча уже основательно ударяет в голову, и пишешь даже некое «послание» целой нации, не будучи ни Гомером, ни Мильтоном, а лишь Паниковским, хотя имея иельское образование.

Военное послание нации писал Франклин Рузвельт. Прощальное послание своей нации писал Джордж Вашингтон. Путин регулярно пишет послания. Но это послания политические и направлены исключительно своим.

Но послание другой нации – это всегда к войне!

Формально эстет Наврозов ничего не нарушил, он лишь заворошил гадюшник и на его интеллигентские размышления, как и полагается, сбежались отъявленные антисемиты. Он, зайчик, лишь поднял «этические вопросы», однако за его спиной сотни анонимов, поднимая его как флаг, взвыли «Он прав! Бей жидов!» - трусливые антисемиты всегда анонимны.

Интересно, он этого хотел, эстет Наврозов? Ему нравятся похвалы антисемитов в его адрес?

Он знал, что будет именно так?

Если знал, то зачем писал?

Если не знал, то вопрос тот же.

129 Опубликовано: 17 августа 2012// <http://via-midgard.info/news/25011-matvej-ganapolskij-russkiezatknite-svoi-poganye.html>

Да, Наврозов ничего не нарушил, но совершил «отвратительную непристойность», как верно написала Соколова.

Лифт, обычный лифт, он ведь очень похож на кабинку туалета, но в нем не ссут. Просто так договорились – в лифте не ссать, ибо это «отвратительная непристойность».

Так вот, господа интеллектуалы, русские, английские и прочие, которые устали от мрачного Путина, замшелых коммунистов, грызущихся между собой либералов им прочих неудобств этой жизни – заткните свои поганые пасти и запомните – нет нации, которая испортила вашу жизнь и «Страну Солнца», которая могла быть «такой прекрасной»!

Мир несовершенен, но за его уродства начинайте спрашивать с себя.

Я призываю всех интеллектуалов-ксенофобов заткнуться и не разжигать межнациональную рознь, потому что именно так называется то подлое дело, которое вы делаете.

Фильтруйте свой базар, потому что ксенофобия заразительна – и если вы считаете нормой оценивать чью-то нацию – еврейскую, чеченскую, цыганскую, то ничто не мешает это другой нации в ответ оценить вашу и написать послания вам.

Вы этого хотите? Обмен посланиями?

Войну хотите?

А те, кто сейчас заявляют, что писали подобное «как провокацию», чтобы типа взбудоражить уснувшее общество, то вы негодяи вдвойне!

В России живет более 160 национальностей и все они либо громят свою страну, либо делают её лучше и прекрасней.

Но громят или улучшают одновременно.

И искать среди этих 160-ти кого-то одного, кто виновен в бедах огромной России могут лишь последние подонки.

Матвей Ганапольский: «Я предлагаю Алексею Навальному немедленно покинуть Россию! Потому что он сядет в тюрьму на три года»¹³⁰

Елена Рыковцева : Владимир Путин решил сыграть на поле Дмитрия Медведева – он создает собственное агентство по инновациям, оно называется Агентство стратегических инициатив. «Инновационный проект Владимира Путина выглядит как премьерская альтернатива аналогичным инициативам президента Дмитрия Медведева. Таким, как Фонд «Сколково», например, - полагает «Коммерсант». А собеседник издания (впрочем, не названный) считает, что новый проект Владимира Путина отодвинет на второй план все президентские инновационные проекты, в частности, все то же «Сколково». «На АСИ (аббревиатура нового премьерского проекта) должны сойтись все финансовые потоки по новым проектам как раз к 2012 году, когда начнется перераспределение средств и функций ведомств в преддверии выборов».

Матвей Ганапольский, обозреватель радио «Эхо Москвы» и колумнист газеты «Московский комсомолец», считает, что Путину нужна модернизация для избрания его президентом. И Матвей Ганапольский сегодня у нас в гостях.

Матвей, вы свою статью в «МК» на эту тему заканчиваете однозначным

заявлением: «А он хочет, очень хочет». Речь идет о том, что Владимир Путин будет президентом России, если захочет. И от себя говорите: «А он хочет, очень хочет». Вы его мысли читаете?

Матвей Ганапольский: Я не читаю мысли, я анализирую то, что происходит. Если бы он не хотел, то он бы не решился на то, на что решился, а он решился на несколько шагов, которые просто категорически «опускают» нынешнего президента Медведева. Конечно, можно сказать, что на слова «модернизация», «инновация» нет лицензии. Но я напомню, что Медведев создал такую структуру, которая называлась «ИНСОР» - это крупная структура, куда вошла «мозговая группа» людей, которые должны были предложить модели модернизации страны. И мы знаем, что они много чего предложили. В частности, в своих докладных записках, статьях они говорили о том, что экономическая модернизация, инновации в стране категорически невозможны без определенной политической либерализации. И не в том смысле, чтобы Ганапольский или Новодворская, или Шендерович, или кто-нибудь пришли к власти – вопрос не в этом. Просто должен быть запущен самоочищающийся механизм, который делает постоянную санацию властных структур. Легко царю сказать, например, что «рейдерство прекращено с сегодняшнего дня, мы прекращаем рейдерство». Но дело в том, что рейдерство будет продолжаться. И у каждого рейдера, возле каждого предприятия не поставишь полицейского. Значит, должно быть много миллионов Навальных, условно говоря, которые будут сигнализировать об этом, писать, должен быть нормальный суд для того, чтобы не было рейдерства, чтобы о фактах любого рейдерства тут же становилось известно, и чтобы суд принимал адекватные решения. Мы видим, что этого нет.

Елена Рыковцева: Ну да, если уж у президента перехватили идею, так что уж про остальных говорить.

Матвей Ганапольский: Я с грустью говорю, перед нами абсолютно рейдерский поступок, когда человек... Что делает рейдер? Он присваивает себе предприятие удачное соседа.

Елена Рыковцева: При этом формально законность соблюдена. Очень трудно потом отсуживать.

Матвей Ганапольский: Ну, судить Владимира Владимировича никто не будет.

Елена Рыковцева: Тем более что «модернизация» - это не приватизированное слово, как вы только что сказали.

Матвей Ганапольский: Но самое главное, в чем он поступил как типичный рейдер – он перехватил денежные потоки. Мало кто, может быть, обратил внимание на ту фразу, которую вы сказали: отныне все, что связано с модернизацией, и об этом сказал не названный источник, будет идти через агентство по модернизации Владимира Путина. Помните, говорили, что Брежнев – это мелкая политическая фигура эпохи Пугачевой. Значит, у нас «Сколково» становится мелким проектом, крохотной частичкой пока непонятных... Нет ни идей, ни какой-то программы, ни что это будет, ни сколько будет денег. Просто сказано: вы все – моя часть.

Сейчас самое главное, чтобы все поняли, для чего это сделано, что премьер страны не ретроград, что и ему не чужда идея модернизации. И для меня было сенсацией, когда вдруг я читаю на «NEWSru.com» новости с заголовком: «Премьер страны Владимир Путин

не доволен темпами модернизации». Ну, это как «горячий лед» или «ночное солнце».

Елена Рыковцева: Фактически он не доволен тем, как работает Дмитрий Медведев – тот ведь отвечает за модернизацию.

Матвей Ганапольский: Может быть. Короче говоря, не волнуйтесь, деньги «распилят», но по другому поводу.

Елена Рыковцева: Вопрос от слушателя, который подписался «Страна «Единая Россия»: «Агентство стратегических инициатив – это будет перелицовка Фонда эффективной политики? А если всерьез: кто войдет в состав экспертной комиссии АСИ по оценке стратегических инициатив?». Итак, первый вопрос: не туда ли Глеб Павловский будет перераспределен после своего увольнения из Кремля? И второй: кто же будет этой всей историей заниматься, на ваш взгляд, персонально?

Матвей Ганапольский: Я предполагаю, что никто. Вот это Агентство стратегических инициатив предполагает начать работать с 2012 года. Вы сначала выберете того, кого надо, а после этого оно будет работать, если так решат. Ну а что касается Глеба Олеговича Павловского, то я думаю, что в эту лабуду он встревать не будет, потому что при всех удивительных метаморфозах его личности человек он с мозгами.

Елена Рыковцева: Как вы считаете, «Народный фронт», который создает Владимир Путин, найдет ли он отклик в самом народе? Я хочу поделиться совершенно неожиданным наблюдением. На лавочке сидела группа старушек, а рядом с ними стояла еще одна бабушка, которая, видимо, читала им политинформацию. И она очень громко и четко на весь бульвар говорила: «Путин раздаст распоряжения, а чиновники не выполняют!» Типа, Может быть, действительно он создаст при себе «Народный фронт», чтобы заставить чиновников выполнять свои распоряжения?

Матвей Ганапольский: Я рад за этих бабушек. И самое главное, что я Путину желаю успеха. Сейчас три вещи важные, я считаю, насущные. Вот это агентство по преобразованию в страну молока и меда – это на третьем месте. На втором месте «Народный фронт», потому что понятно, какие дела у «Единой России». И когда смотрят на эти лица, то уже даже те, кому все равно, кому по барабану, они как-то с трудом идут на выборы. Очень тяжело. Я не буду называть «Единую Россию»... Они злятся, очень обижаются, они говорят, что они все для страны, последнюю копейку. И вы знаете, какое – с подачи Навального – им прилепили название. Партия кого?

Елена Рыковцева: Нехороших людей.

Матвей Ганапольский: Ну да, пусть так, чтобы они в суд не подавали на Радио Свобода. Но все уже знают. Короче говоря, Владимир Владимирович и так от них отстранялся всю жизнь, а теперь они просто висят гирями на его ногах, поэтому должны появиться какие-то личики, которые будут на экране сиять, и там не будет Грызлова и опостылевших депутатов. Вот для чего делается «Народный фронт». Он-то знает, что его изберут, как он скажет. Но на экране должны быть другие лица. Вы поймите человека. Владимир Владимирович не участвует ни в каких публичных дискуссиях. Он выступит с очередным 4-часовым обращением к народу, поцелует собачку, потом какого-нибудь тигренка или моржа, потом покажут его полуголым. В общем, будет все по накатанной. И это для женщин, чтобы видели, что атлет и так далее. Потом дело дойдет до сути. А суть какая? Будут телепередачи, когда какая-то фигня, когда якобы они агитируют, обращаются

к гражданам партии. И вот появится опять Грызлов. Ну, это уже не годится. Но почему фронт? Представьте себе, есть масса каких-то нормальных людей, к ним приходят и говорят: «Вы можете поддержать?». Те говорят: «Ну да. Но мы не будем в «Единую Россию» вступать», - «Нет, вам не надо вступать».

Елена Рыковцева: Они же понимают, что вступить в «Единую Россию» - это репутационный ущерб.

Матвей Ганапольский: Совершенно верно. Потом, история с Бабкиной, отказы... Это никому не надо. Короче говоря, Грызлов уже не появляется, а появляются разные люди – охотники, рыболовы, мамы с детьми, союз каких-то матерей и так далее. И они все говорят: «Давайте за Владимира Владимировича, за «Единую Россию». Бабушки с бульвара придут. И только за это. Это простой, холодный политологический расчет, который делается на кончике ручки: что мы можем сделать, кого мы можем подтянуть. Но тут нет никакой заботы ни о чем. Какая технологическая задача. Понятно, что Чуров посчитает так, как нужно. Значит, мы должны как-то, чтобы люди хотя бы пришли. Правы мои коллеги, когда говорят: если будет меньше 50% у «Единой России» - это позорище! Народ просто не поймет. Поэтому нужно, чтобы свежие лица появились, потом народец пришел, хотя бы 51-52%. Уверен, что будет 67 – никаких проблем. Потому что мы видим страшную, бешеную конкуренцию у Путина и у «Единой России». Это, конечно, орел Жириновский, это отважный коммунист Зюганов. Мы видим, как они сцепились в смертельной схватке за ваши голоса. Потому все делается так, как должно быть. И оно будет так, как должно быть. Но на вас сил вообще никто не тратит. Вам только говорят, что предлагается сделать, потом они же это делают, но не предполагается, что вы спросите.

Елена Рыковцева: Но я вижу тут большое противоречие. Лично на вас эти агентства не рассчитаны, потому что вы в них все равно не поверите. Обычным людям со скамеек они не нужны, они и так выберут Путина. Тогда для чего? Только «распил»? Мне кажется, это только чуть-чуть для имиджа, но главное – бюджет.

Матвей Ганапольский: И тут мы переходим к трагическому – к Навальному. Я делаю официальное заявление: Навального решили посадить. Я понимаю, что решение принято. И сейчас я могу кратко, а это будет мой эксклюзив, мне никто не говорил, рассказать.

Елена Рыковцева: И это будет наш эксклюзив!

Матвей Ганапольский: После третьей попытки открыто уголовное дело, наконец, открыто. Оно не открывалось в Кирове, оно открыто здесь. У нас скоро Навальный сядет. Как это будет? А будет очень просто. Все будут кричать: «Это невозможно! Его по политике». Будет сначала следствие, потом он будет вынужден прийти на суд, потом, точно в духе того, как было с Ходорковским, прокурор скажет, что он бандит, убийца, что ноги по щиколотку в крови. После чего будут надеты наручники в зале, потому что судья просто прочитает то, что говорил прокурор, и после этого он сядет где-то на 3 года. Почему я это говорю? Понятно, кто у нас собирается быть президентом, и он не собирается портить себе настроение и свои годы президентства вот этим зудящим комаром, который проводит всякие расследования. Я лично не знаком с Навальным, я только брал у него несколько раз интервью. Я считаю, что он делает очень важное дело для России. И именно поэтому я предлагаю ему, чтобы он немедленно Россию покинул – потому что он

сядет в тюрьму. И это будет очень скоро. Машина запущена. Потом он станет народным героем, потом о нем будут слагать легенды, мы будем говорить, что это «второй Ходорковский», третий, четвертый... Суть не в этом. Суть в том, что этот человек должен сидеть, к нему должен ходить его адвокат. Даже если ему дадут 1,5 года, людям нужно объяснить, что безгрешен в этой стране только один человек, а все остальные замазаны.

И я акцентирую ваше внимание. Я сегодня читал сообщения на пейджере: «Мы не дадим его в обиду!». Я спрашиваю: кто вы? Кого вы не дадите в обиду? Будет заседание суда, потом будет кассация, потом суд более высокой инстанции подтвердит этот приговор. Не имеет значения, пусть он посидит даже неделю... А он сядет не на неделю, я говорю, он сядет на 3 года, дело будет инспирировано – опыт есть. Все визги и крики людей, которые считают (в том числе и я), что он борется против коррупции и нажал, как у женщин, на точку «G» у власти, и власть, наконец, обратила на это внимание, и решение принято. Нужно было взвесить, открывать ли уголовное дело против человека, который ассоциируется с борьбой с коррупцией. Я понимаю, что это решение власти далось нелегко, я понимаю, что они просчитывали реакцию Запада, крики правозащитников и так далее. Многие вещи просчитывались. Но кое-кто сказал: «Что, вы хотите, чтобы до 2024 года вот это все было?! Нет, ребята, такого не будет!». Дело запущено. Повторяю, Навальный будет сидеть очень скоро.

Елена Рыковцева: Владимира Путина мы упрекаем в том, что он руководит судом, а вы, Матвей, разобрались за суд, за следствие и за политическое решение.

Матвей Ганапольский: Одну минутку! Что, я упрекаю Владимира Путина хоть в чем-то? Упаси Боже!

Елена Рыковцева: Нет. Когда Владимир Путин рассказал на пресс-конференции о том, что есть преступники, у которых руки по локоть в крови, и что вор должен сидеть в тюрьме, все высказались в том смысле, что это юридически неграмотно. Вы сейчас решили за суд, за следствие и даже за тех, кто отдавал команду. Грамотно ли это? Вы его лично посадили.

Матвей Ганапольский: Еще раз, для того чтобы борьба с коррупцией в России на том уровне, с тем глубоким содержанием, которое делает Навальный, была продолжена, необходимо, чтобы он был на свободе. Сомневаюсь, что у него будет такой же безлимитный Интернет в тюрьме, как у него есть сейчас на свободе. Поэтому он должен подумать. Я понимаю, что завтра будет написано, что я – продажная тварь Кремля, у меня «слив» и так далее, что я советую ему уехать из России...

Елена Рыковцева: Что вы – провокатор.

Матвей Ганапольский: Да. К счастью, у меня есть моя репутация, которая хорошо известна, поэтому не боюсь этого. Я говорю, что я уважаю то, что он делает. Он не дурак, он понимает, что машина запущена, и у этой машины есть только одна дорога, потому что он – враг государства.

Елена Рыковцева: Но если он понимает все так же хорошо, как и вы, то что будет означать его решение остаться в России и пойти в суд? Что он такой же, как Ходорковский?

Матвей Ганапольский: Сядет.

Елена Рыковцева: То есть – самоубийца?

Матвей Ганапольский: Нет, он не самоубийца.

Елена Рыковцева: Но если человек понимает, что он сядет, но остается в России и идет в суд, что это значит, что это за человек в таком случае, как мы его охарактеризуем?

Матвей Ганапольский: Не знаю. Я не могу его характеризовать. Я как акын: то, что я вижу, я об этом и говорю.

Елена Рыковцева: Матвей, надеюсь, вы со мной согласитесь в том, что Дмитрия Медведева окружают не лучшие советчики, не лучшие имиджмейкеры. Сейчас ждут его большую пресс-конференцию. Что бы вы ему посоветовали к этой конференции? Возьмите на себя добровольно эти обязанности.

Матвей Ганапольский: Легко! Я бы посоветовал ему, поскольку он президент Российской Федерации, хоть к концу его срока взять власть в свои руки, стать президентом.

Елена Рыковцева: А как он должен об этом сказать на пресс-конференции?

Матвей Ганапольский: Не знаю, это не мой вопрос.

Елена Рыковцева: Но он должен дать это понять каким-то образом?

Матвей Ганапольский: Не спрашивайте меня.

Елена Рыковцева: Но вы же советуете...

Матвей Ганапольский: Да не журналистское это дело. Павловского спрашивайте, политологов умных, которые все знают.

Елена Рыковцева: Да вы давно уже политолог.

Матвей Ганапольский: Но я же не знаю, какие у них договоренности. Ну, просто нельзя так «опускаться».

Елена Рыковцева: Себя?

Матвей Ганапольский: Вот! Вы сейчас сказали самую главную фразу. Человека нельзя унижить, человек может унижить только себя сам. Он может позволить, он может согнуться, он может стерпеть... Я понимаю, что у них там очень все не по-детски. Но, в конце концов, так оказалось, что даже у слабого президента, так его назовем, Дмитрия Медведева за плечами стоит огромная страна.

Елена Рыковцева: И пусть он об этом помнит. Это был «Час прессы» на волнах Радио Свобода с Матвеем Ганапольским.

Место для совести¹³¹

Когда древний человек сообразил, что дубиной можно дать по голове, то вначале он убил мамонта – это для обеда, а потом соседа – это для удовольствия.

Пролетели века, в руках взрослеющего человека появлялся то один предмет, то другой, но все предметы, как ни странно, можно было использовать именно с этой второй, пусть не очень благовидной, целью. В нынешние времена убивать соседа дубиной не приходится, но желание доставить себе удовольствие не исчезает, поэтому приходится быть изобретательным.

Например, один мой друг – системный администратор – долго не мог подобрать себе подходящий компьютер. Когда я пытался выяснить, что его не устраивает, он отвечал, что я этого не пойму, это нечто специфическое.

131 http://slon.ru/russia/mesto_dlya_sovesti-67272.html

Я с уважением глядел на него, представляя, как должна напрягаться Силиконовая долина и китайские заводы, чтобы выпустить именно тот процессор, который ему нужен.

Но оказалось, что в компьютере ему нужен был не специальный процессор, а специальный корпус.

И когда я увидел этот компьютерный ящик, то понял, что мой друг – гений: впереди было специальное заострение, о которое можно было открывать пиво, сверху у корпуса были бортики – туда он насыпал соленые орешки. Из большого отверстия в боку вылетал горячий воздух, и ногам было всегда тепло. Но, главное, там была особая крышечка, за которой было большое углубление, в котором покоилась пепельница и куда можно было быстро спрятать сигарету, если входит начальник.

– Это место для совести, – с улыбкой сказал мне друг.

Его шутка гораздо шире, чем он подозревал. В каждом современном предмете, который искушает нас, есть это место для совести. Такой виртуальный ящичек с крышечкой, который позволяет нам делать шаг назад в эволюции.

Сегодня такое место – интернет.

Конечно, интернет – это, наверное, величайшее изобретение человечества. Одно нажатие кнопки – и пред тобой Вселенная, идеально «заточенная» под тебя. Только нужные сайты, только друзья. Ходишь по «Одноклассникам», поговоришь по «Скайпу», получишь почту. Никакого напряжения – только удовольствие.

Есть и другая сторона, профессиональная. Если ты студент или ученый – для тебя в интернете все знания мира, если ищешь прекрасное – нажми на кнопку и гуляй по Лувру. В общем, все для тебя, для тебя любимого!..

Но иногда наступает момент, когда ты решаешь и себя проявить. Тогда ты заходишь на какой-то популярный сайт или форум, находишь интересную тему и...

И вспоминаешь, что ты невидим. Тебя, настоящего, нет. Нет ни имени, ни отчества, ни фамилии. Есть «ник» – осмысленный, а чаще бессмысленный набор букв и звуков. Нет у тебя ни адреса, ни телефона. Ты в «никакой» стране на «никаком» континенте. И все, что сейчас ты скажешь, произнесешь и напишешь, не будет иметь для тебя никаких юридических последствий.

И вдруг с тобой происходит странная метаморфоза: вся твоя интеллигентность, вся образованность, вся культура, которую вбивали в тебя родители, школа, институт и сотни прочитанных книг – мгновенно исчезают. Снизу поднимается черная волна, на ум мгновенно приходят давно забытые подъездные словечки. Оказывается, ты не забыл их. Сердце поет в упоении – сейчас ты все это скажешь, произнесешь, всех оскорбишь, унизишь и оплюешь.

Это странное упоение, его больше негде проявить в наше время, везде за него сейчас бьют по лицу. Ты сладко вспоминаешь детские годы, когда вечерами писал мелом на заборе и ловко убегал от соседской собаки. И ты поудобнее садишься к клавиатуре, и с помощью компьютера – вершины технической эволюции – своими пальцами опрокидываешь свою человеческую эволюцию назад.

Неопознанный, жуткий, довольный.

А потом ты идешь к своим деткам и говоришь, что надо читать книжки.

Я понимаю, что никто из читающих эти строки никогда не признает в этом

лирическом герое себя, да я и не требую признания.

Я только хочу сказать, что когда я сижу в эфире, то рядом со мной стоит компьютер, на который можно прислать сообщение. Так вот, двадцать четыре часа в сутки там идет поток оскорблений, грязной ругани и мата. Интересно, кто это пишет?

Конечно, там есть и сообщения по делу: слушатели задают вопросы гостю, что-то комментируют. Но кто-то приходит, кто-то уходит, а поток грязи остается. Он тихо бежит по экрану сверху вниз, и ты чувствуешь себя как на космическом корабле, где по экранам струится информация с какой-то далекой звезды. Это похоже на реликтовое излучение. И оно для человека действительно является реликтовым – кажется, что такие слова, мысли и обороты речи, которые ты видишь, должны были давно отмереть. Невозможно представить, что эти же люди, которые все это пишут, что они же нячат детей, мечтают о будущем и даже что-то преподают студентам.

Только не следует думать, что это пишут какие-то бомжи: между матом они сообщают довольно подробную профессиональную информацию по сути вопроса, а иногда демонстрируют прямо-таки энциклопедические знания. Да и нет у бомжа компьютера.

Ты приглядываешься к экрану. Знакомая картина: все нормальные сообщения и вопросы подписаны и посланы с мобильных телефонов. Все оскорбления и антисемитская грязь – только по интернету, где ты видишь только «IP адрес» – бессмысленный номер компьютера. Где он, этот птеродактиль с компьютером – поди, найди...

Я не сильно волнуюсь об этих ребятах с компьютерной дубиной, их слишком много, чтобы меня заботили их заблудшие души. Не беспокоит меня и собственное здоровье – за девятнадцать лет в эфире я ко всему привык.

Я – о другом. О том, что высочайшие достижения техники открывают глубочайшие пропасти для человеческого духа.

И о том, что нет ни одного инструмента счастья, который не мог бы быть использован для зла.

Каждое искушение эпохи имеет удобное место для хранения нашей совести. Правда, только в случае, если мы согласимся положить ее на хранение отдельно от себя.

Европейский кондоминимум: ужасы римского городка¹³²

– А почему так дорого? – спрашиваю я риэлторшу. – Я вчера смотрел такую же квартиру, так там было на 150 евро дешевле.

Риэлторша окидывает меня холодно-любезным взглядом. Эти русские имеют у себя Абрамовича с его яхтами, но приезжают в Рим и начинают торговаться за каждый евро.

– Во дворе бассейн, летом можно купаться – чеканно говорит она. – Кроме того, вы видели, какой тут холл?

– А разве тут есть холл? – удивляюсь я.

– Потрясающий холл! Просто мы заехали в подземную стоянку и оттуда сразу поднялись на этаж. Но когда вы увидите этот холл, то не захотите сидеть дома, а будете сидеть только там.

132 http://slon.ru/russia/evropeyskiy_kondominimum_uzhasy_rimskogo_gorodka-7800.xhtml

Я представил себе, как переносу кровать в холл, и жена носит мне туда завтрак на сковородке.

– Кроме того, что холл прекрасен сам по себе, – добавила риелторша, – там есть Адриано. Он решает все вопросы.

Я хотел открыть рот, но жена отвела меня в угол и объяснила, что она уже видит наших детишек у бассейна, покрытых бронзовым загаром. Кроме того, Адриано решит все наши вопросы.

Я поинтересовался, какие вопросы.

– Разные, наверное – догадалась жена и добавила, – тут тебе не Москва. Не дай бог кирпич упадет на голову...

Я вздохнул, поразился римским кирпичным возможностям, и квартира стала стоить на 150 евро дороже.

Приблизительно через месяц пророчество жены начало сбываться: деревянные жалюзи на двери из спальни на балкон с грохотом упали мне на голову.

Жены не было дома, я вспомнил про Адриано, который «решает вопросы» и понял, что шишка на голове – прекрасный способ с ним познакомиться.

Кроме того, я уже видел пару музеев, но должна же когда-то состояться «встреча с прекрасным», то есть с этим холлом. Тем более что сделать это было просто – нужно было только спуститься по лестнице. До этого визит к Адриано не складывался – машина действительно заезжала в подземный гараж, и лифт поднимал меня с пакетами из супермаркета прямо на этаж.

Я спускался по ступенькам, покрытым ковром, и готовился к ощущениям, которые испытали варвары, ворвавшиеся в Древний Рим и неожиданно наткнувшись на Колизей.

Холл действительно поражал римским размахом и великолепием. Многочисленные картины неизвестных мастеров подсвечивались специальными лампами. Мебель с гнутыми ножками блистала полировкой. Изящные светильники мягко освещали огромные кристально чистые стекла, выходящие на двор с бассейном, где когда-то должны купаться мои дети.

В углу стояла скульптура древнего воина-римлянина со щитом и копьем. Воин был человеческого роста и, по прихоти римской традиции, абсолютно гол. Тело воина поражало немислимыми атлетическими пропорциями, а некоторые части его прекрасного тела были такого размера, что если бы я был юной романтической девушкой, то риелторша содрала бы с меня за аренду не на сто пятьдесят евро больше, а на все триста.

У стены с гобеленом, на котором была какая-то апокалипсическая сцена из времен крестоносцев, стоял стол с мониторами, за которым сидел Адриано. Он был поразительно похож на Челентано. Те, кто видел нынешнего Челентано, которому недавно исполнилось семьдесят, с его огромной растрепанной лысиной и длинным лицом, могут считать, что они видели моего Адриано из моего элитного холла.

– О-о, синьор Маттэо! Добрый вечер, – приветливо сказал Адриано. – Хотите кофе?

За его стойкой стоял кофейный аппарат с капсулами кофе – чудо техники, которое везде рекламировали. Аппарат предназначался, прежде всего, для блондинок – суешь

капсулу с кофе в отверстие, нажимаешь кнопку, и ароматный напиток струится в чашку, которая идет в подарок к аппарату. Сахар по вкусу.

– Без кофеина есть? – ошарашено спросил я, потрясенный сервисом.

– Тут восемь сортов, – Адриано кивнул в сторону красивой коробки. Он вложил капсулу, и холл наполнился ароматом.

Я поерзал в величественном кресле, на котором, наверное, на работе сидит Берлускони.

Кресло мягко облегало.

Может я зря напрягался по поводу 150-ти евро?

– Вы решаете вопросы? – поинтересовался я дружелюбно. Мне нравилось сидеть в незаплеванном холле возле незагаженного лифта напротив Адриано, который готовит кофе – вместо московской бабульки, штопающей чулки на лампочке.

– Я решаю вопросы, – коротко подтвердил Адриано.

– У меня упали жалюзи в спальне. Они не двигаются.

– Я дам мастера, – с готовностью ответил Адриано. – Думаю, евро за пятьдесят он сделает.

– За пятьдесят? – удивился я. – Там же работы на минуту. Нужно открыть крышку и зафиксировать веревки.

– Отвертки и пассатижи внизу в первом боксе гаража, – немедленно ответил Адриано. – Это бесплатно.

Кофе дошипело и чашечка с ложечкой оказались передо мной вместе с красивой салфеткой и пакетиком сахара.

– Есть еще проблема, – сказал я отпивая. – Течет прокладка в душе.

– В кране?

– Нет, в самой ручке душа.

Адриано задумался.

– Там просто нужна прокладка. По-моему, она стоит цента три, – осторожно предположил я.

– Есть мастер, – сказал Адриано. – Могу вызвать завтра. Думаю, евро за пятьдесят сделает.

– А дешевле можно? – мрачно спросил я.

– Дешевле есть магазин «Леруа Мерлен». Там прокладки во втором ряду от кассы налево напротив отдела люстр. Адрес в «Желтых страницах». «Желтые страницы» в стопке перед входом в дом. Это бесплатно.

Возникла пауза. Я автоматически перевел взгляд на воина, подсчитывая в уме неожиданные траты, и поймав себя на мысли, что они так же непропорционально велики, как и некоторые части фигуры скульптуры.

Адриано ласково улыбался.

– Слушайте, а что вы вообще тут делаете? – недоуменно спросил я.

– Я представитель кондоминиума, – с гордостью сказал Адриано. Утром я подметаю пол и чищу ковры. Потом слежу за порядком. До семи.

– А если что-то случится после семи.

– А что может случиться? – удивленно спросил Адриано. – У меня есть видеокамеры, они все пишут. Кроме того, у меня есть один знакомый, если что-то нужно вечером, он сделает евро за пятьдесят. Но ночью меньше, чем за сто, не приедет. Могу дать телефон – это бесплатно.

Я оставил чашку. Позолота на креслах, картинных рамах и тяжелых медных ручках как-то поблекла.

– Вас что-то тревожит? – участливо спросил Адриано. – Вы стали хмурым.

– Я пытаюсь понять, за что я плачу дополнительно к квартплате сто пятьдесят евро.

– За этих русалок?

Я кивнул в сторону очередной картины в тяжелой раме, на которой бесновалась какая-то старинная группа мужчин и женщин. На картине все выпивали за уставленным яствами столом и злорадно смотрели на меня. Судя по радостной вакханалии, с ее участников пятьдесят евро за прокладку не требовали.

– Холл должен быть красивым, так решил кондоминиум, – пожал плечами Адриано. – Приходите сюда почаще, и я буду угощать вас кофе. Кстати, с вас три пятьдесят. Кофе, вообще-то, два евро. Но без кофеина на евро дороже. Плюс пятьдесят центов мои услуги.

Он посмотрел на мое черное лицо.

– К кофе полагается жвачка, – миролюбиво добавил Адриано. – Берите, это бесплатно.

– Спасибо за угощение, сейчас принесу деньги, – сухо сказал я, взял жвачку и поплелся к лифту.

Лифт, как обычно, поражал чистотой и приятным запахом дорогого дезодоранта, который распылялся автоматически. Но я уже ненавидел этот дезодорант.

Я жаждал мщения.

Мщение придумать было несложно – достаточно было вспомнить опыт любимой Родины.

Я быстро открыл жвачку, мгновенно прожевал ее, скатал шарик и с лицом Дьявола, под тихое гудение лифта, стал тщательно расплющивать и раскатывать липкую массу под изящным медным поручнем.

К моему шестому этажу работа была закончена.

Завтра наш Адриано, под пение песен своего звездного тезки, будет отскабливать мой горячий привет из России.

Дверь лифта бесшумно раскрылась, и я двинулся к выходу.

– Bravo, синьор Маттео! – загремел голос Адриано откуда-то с потолка лифта. – Я наблюдал за вашей работой, камера наблюдения слева. Не забудьте теперь все это оттереть. Ведро и скребок рядом с инструментами в гараже. Аренда – полтора евро в час. Тряпка – бесплатно!..

Алексей Митрофанов

«Приезжаю в какой-нибудь город, поселяюсь в гостиницу, а после брожу по музеям, пью местную водку, фотографирую полуразрушенные достопримечательности, общаюсь с краеведами, опустошаю книжные магазины, ругаюсь с таксистами, торчу в библиотеках, а затем возвращаюсь обратно в Москву и начинаю писать. Такая вот у меня жизнь»

Алексей Геннадиевич Митрофанов — российский писатель, публицист, краевед, мухиновед.

Алексей Митрофанов родился в Москве, в семье инженеров-конструкторов. Окончил Московский авиационный институт, ни дня не работал по специальности. Работал в Музее истории Москвы, в различных средствах массовой информации: в журнале «Столица», газете «Известия» (в начале 2000-х годов вёл москвоведческую рубрику), газете «Первое сентября», на канале «Столица» и других. Алексей Митрофанов занимается краеведением всю жизнь. Среди излюбленных тем — российская история, городская феноменология, общепит.

Алексей Митрофанов — автор серии книг «Прогулки по старой Москве», книг о городах России: Владимире, Тамбове, Калининграде, Ярославле, биографии Владимира Алексеевича Гиляровского. Автор телевизионной передачи о Гиляровском, в которой сам же исполнил роль знаменитого писателя и исследователя Москвы.

О российском героизме пития¹³³

На прилавках книжных магазинов тихим образом соседствуют две очень даже буйных книжки. Это «Занимательная наркология» А. Макаревича (я про нее писать не стану, потому что писано уже и переписано) и альманах «Синяя книга алкоголика» — вещь гораздо более серьезная, вдумчивая и пронзительная. О которой, собственно, и речь.

Издательство «Амфора». Твердый переплет. Довольно симпатичная обложка. То есть на первый взгляд книга довольно респектабельная, если не сказать гламурная. Но это лишь на первый взгляд.

«Утверждение, что пить плохо, — ошибочно, потому что пить хорошо. Другое дело, что вредно. Тут не поспоришь. Но вредно и плохо — это как день и ночь. Вредно съесть в день три крутых яйца, потому что в них много холестерина. Может и так. Но что же тут плохого? Съесть три яйца вредно, украсть — плохо» (Максим Белозер).

133 [№9, "Пилот Ч/Б" \(16 марта 2006 — 26 марта 2006\)](http://www.reakcia.ru/article/?968)// <http://www.reakcia.ru/article/?968>

По утверждению авторов (а среди них писатели, широкой публике еще не так хорошо известные: Павел Крусанов, Максим Белозер, Владимир Шинкарев и др.), пить — очень даже замечательно. Это и ощущение праздника, и дань традициям, и повод вкусно поесть, и инструмент для перемирия, да мало ли чего. Одна беда: есть грань, которую переходить не стоит, поскольку за ней все переворачивается с головы до ног. Вместо примирений — ссоры и увечья, вместо вкусной и полезной пищи — прошлогодний пирожок, а праздник оборачивается бессмысленным брожением по городу без денег и почти что без одежды.

Да, пьянство — вещь тонкая. И личный опыт авторов — главное тому доказательство.

«Никто из нас не допивался до белой горячки. Слава богу! Правда, у Гоши росли копыта. За Асатуровым по дому гонялась живая рыба. Авдею Степановичу, когда он ехал в поезде, несколько часов пела невидимая тетка. С Брунько разговаривал будильник, причем стихами».

Практически все авторы были весьма во взрослых взаимоотношениях с алкоголем. Лечились. Излечивались. И понимали, что утратили важную часть себя. Ведь удовольствие от как-нибудь особенно заваренного чая все же несравнимо с радостью, дарованной спиртным. Но выхода у них не оставалось. Либо жизнь без алкоголя, либо вообще никакой жизни. Это, конечно, можно назвать выбором, но как-то вот язык не поворачивается.

Итак, авторы «Синей книги» выжили. Для них теперь употребление спиртного — мемуары, а не реальность. А вот тут самое интересное. Время действия рассказов (или же воспоминаний, или же воспоминаний, поданных как вымысел) — семидесятые — восьмидесятые годы прошедшего века. То есть эпоха застоя, она же эпоха развитого социализма. Это в те годы, когда и спиртного-то было почти не купить, была в чести мужская алкогольная романтика.

Сегодня алкоголя хоть залейся, только пить уже не тянет. То есть, конечно, тянет, но не так, как двадцать лет назад — у народа появились более серьезные дела. И получается, что эта книга не столько размышления о роли алкоголя в жизни человека, сколько памятник культуры, дань тому времени, когда быть алкоголиком и быть героем означало приблизительно одно и то же.

Москва: город или деревня?¹³⁴

В столице нашей родины вообще жить страшно, а теперь особенно

В 1992 году мэр Гавриил Попов подал в отставку. В соответствии с законом и инструкциями мэром стал тогдашний вице-мэр Юрий Лужков. И всё. На этом поступательное движение в московской политике закончилось.

Он без малого на два десятилетия стал символом города, его атрибутом, его артефактом, его хозяином, его genius loci. Именно с фигурой Юрия Михайловича ассоциируется множество реалий самого разного толка: кепка, прорубь, храм Христа Спасителя, Манежная площадь, пчёлы, «Интеко», МКАД, точечная застройка, пластмассовые изделия, Севастополь, [Лужков](#) мост, Зураб Церетели, уничтожение старой

134 «Частный корреспондент», 2 сентября 2010 года // http://www.chaskor.ru/article/moskva_gorod_ili_derevnya_20001

Москвы, Елена Батурина, Третье кольцо, мансарды, защита чести и достоинства в судах. Запреты гей-парадов — в соответствии с собственной гомофобией. Ранние субботние объезды стройплощадок — в соответствии с собственным представлением о выходных и рабочих днях. Всего не перечислить.

«Есть три знаменитые московские загадки. Первая: в каком доме родился Пушкин. Вторая: куда спрятана библиотека Ивана Грозного. И третья: почему в городе закрываются общепитовские учреждения средней руки». ([Московская загадка номер три](#))

По закону мэром города можно быть всего два срока каждый по четыре года. Юрию Михайловичу удалось без нарушения закона провести на этом посту более восемнадцати лет. Не нарушая при этом закон — каждый раз в нём находились новые и новые лазейки. Впрочем, [Лужков](#) и суды — отдельная и уже поднадоевшая тема.

Лужков как явление начался ещё до того, как стал мэром Москвы. В 1991 году, после победы над путчистами он участвовал в сносе памятников советской монументальной пропаганды, о чём написал в своей книге «Мы дети твои, Москва».

Юрий Михайлович в той книге очень чётко обозначил свои идеологические взгляды: «А затем, совсем уже ночью, я приезжал на проспект Калинина посмотреть, как свергают ещё одного идола — «всесоюзного старосту», подписавшего в своё время столько указов о расстрелах и арестах, сколько, наверное, не довелось никому в истории.

Людей было уже меньше. Обстановка рабочая. Покончили с Калининским довольно быстро. Появился навык (перед этим памятником сносили изваяния Дзержинскому и Свердлову. — А.М.)».

Правда, после этого он оговаривался: «Следующим на очереди был Ленин. Гигантский памятник на Октябрьской площади.

Но, приехав туда, мы обнаружили, что агрессивный заряд уже кончился. Людей было мало, страстных требований они не высказывали. Скорее любопытствовали, глаза на необычное зрелище.

Тогда я решил оставить это занятие. И убеждён, что поступил правильно.

Ведь эти памятники — часть нашей истории».

Книга была издана в 1996 году. Юрий Михайлович к тому моменту стал фигурой нарицательной. Его кепка (а в то время головной убор политика был больше, чем просто головной убор, вспомнить хотя бы картуз Жириновского и шляпу Дудаева) мелькала в телевизоре и в прессе. Она была одновременно символом демократичности и в то же время нарочитой простоватости. С кепкой практически не расставались, например, Ленин и Маяковский — люди, всячески декларирующие свою непричастность к интеллигенции. Картуз Жириновского давно канул в Лету, а кепки Юрия Михайловича актуальны до сих пор, и некоторые из них даже ушли с аукциона.

«Вот и отшумели страсти по смешному, в общем-то, нововведению — так называемому кодексу москвича. Отсмеялись те, кому было весело по поводу того, что в городе Москве неформатно расхаживать в национальных одеждах по улицам, резать во дворе баранов и жарить шашлык на балконе». ([Кодекс российского провинциала](#))

Трудно представить себе в кепке Михаила Горбачёва. А Лужков в ней абсолютно органичен. Ему, напротив, не пошла бы шляпа или, например, академическая шапочка. И под знаком этого бесхитростного головного убора развивалась Москва. Вошли в моду,

например, народные гулянья. Но это были не столько городские, сколько деревенские народные гулянья — с румяными красотками в кокошниках и сарафанах, пузатыми самоварами и плясками вприсядку под гармонь. В таком же вкусе создавалось «Русское бистро» — сеть алкогольного фастфуда, совершенно не прижившаяся в городе. Появились ярмарки, в первую очередь ярмарки мёда.

В кругах интеллигенции шли разговоры о восстановлении шедевра — Сухаревой башни. Но восстановлен был, однако, храм Христа Спасителя, про который ещё Тарас Григорьевич Шевченко (своего рода антипод Лужкова, человек без кепки) говорил: «Храм Спаса вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное громадное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилась напоказ среди белокаменной».

Появился во всём своём многообразии Зураб Церетели — плодовитейший автор богатой скульптуры в непосредственной близости от храма Христа Спасителя возник памятник Петру Великому — циклопических размеров и, мягко говоря, совсем неделикатный по отношению к городской застройке. А в скором времени не стало и самой застройки. Как деревенский житель, не задумываясь, сносит старый дом, когда у него появляется возможность сделать новый, больше прежнего, так и Лужков полностью переформатировал московский центр, да и не только центр.

Да те же пчёлы, в общем, не занятие для горожанина.

Про Лужкова говорят, что он крепкий хозяйственник, но он скорее всё-таки рачительный крестьянин, привыкший рано вставать, невзирая ни на что, возделывать свою ниву, а богатый урожай считать единственным мерилем удавшейся миссии.

По-своему яркий. Куражливый. Непотопляемый. Пассионарный. Стремящийся перетащить в свой сарай всё, что плохо лежит. Умеющий выйти сухим из воды. И, в соответствии с пресловутым принципом бритвы Оккамы, не привлекающий сущностей более, чем необходимо. В его понимании этого пространства необходимостей. А в чьём же ещё?

Собственно, всё это: и мёд, и кепка, и «Интеко», и севастопольские амбиции, и купания в проруби, и гомофобия, и МКАД, и ярмарки, и многочисленные победы в судах — стиль поведения зажиточного деревенского отца огромного семейства. Строгого, не допускающего ни малейшего инакомыслия, но притом рачительного и заботливого. Да, нельзя черпать из миски щи с кусками мяса до тех пор, пока отец семейства трижды не ударит ложкой о столешницу. Но мясо в этой миске — каждый день. И приличная часть готова простить своему родному (именно родному, то есть родственнику, в полном соответствии с нашей моделью) мэру многое, почти что всё — за большие пенсии, за транспортные льготы, за то, что счёт на коммунальные услуги в нашем мегаполисе поменьше, чем в ином провинциальном городке с упавшей экономикой. Словом, в Москве не пропадёшь.

Собственно говоря, именно в этом и прошёл сейчас водораздел. Те, кто боятся возможной отставки Лужкова, приняли эту деревенскую модель, им в ней комфортно. Те же, кто в душе остались горожанами, считают, что любые перемены к лучшему. Первые готовы за относительную материальную стабильность не замечать уродливые новоделы с мансардами и шедевры точечной застройки. Вторые готовы рискнуть своим

благополучием, только чтобы город перестал терять своё лицо.

Впрочем, всё это, увы, не имеет сейчас никакого значения. Ведь простые москвичи — что те, что эти — являются не субъектами, а объектами означенного явления. Решать-то не нам.

Мы можем быть недовольными, к примеру, своим интернет-провайдером. Долго колебаться: не сменить ли его? А вдруг новый окажется хуже? Потом, после определённого количества душевных мук всё же принять решение — сменить. А если перемена будет неудачной, то вернуться к старому или попробовать какого-нибудь третьего.

То же с выбором производителя сарделек, таксомоторной компании, няни, дантиста, кладбища, в конце концов. Но не с выбором мэра.

Каким бы ни был исход нынешней напряжённой ситуации, для нас он в любом случае произойдёт по принципу «без меня меня женили». Нам же останется лишь поступить в соответствии с мудрыми строками Дмитрия Пригова:

И москвичи следят за страшной битвой. И победителя приветствуют: «Ура!»

Миссионерство по-африкански¹³⁵

Россияне ездят отдыхать на исламское Средиземноморье двухэтажными «Боингами» — так много желающих

Вместе с вожделенными морскими, пляжными, алкогольными и прочими радостями наш соотечественник приобретает постоянные напоминания о том, что он находится в мусульманском культурном пространстве

Возможность ухватить уходящее лето за хвост еще есть. Проще и дешевле сделать это, улетев на север Африки — в Египет, Марокко, Тунис. Можно и в Турцию, там тоже есть курорты с располагающим климатом. И летят — у кого есть возможность. Возможность бывает у многих.

Возможность ухватить уходящее лето за хвост еще есть. Проще и дешевле сделать это, улетев на север Африки — в Египет, Марокко, Тунис. Можно и в Турцию, там тоже есть курорты с располагающим климатом. И летят — у кого есть возможность. Возможность бывает у многих.

Мягкий песок, теплое море, низкие цены, недолгий перелет, качественные отели и система «все включено» — эти сладчайшие магниты притягивают на чужой континент замерзших москвичей. Многие летают туда регулярно — из года в год, в один и тот же отель, общаясь там раз в год с такими же регулярными любителями африканского отдыха. Сколачиваются компании октябрьских-ноябрьских туристов, которые проводят в обществе друг друга восемь-десять дней тамошнего бархатного сезона. Красота!

Однако вместе с вожделенными морскими, пляжными, алкогольными и прочими радостями наш соотечественник приобретает постоянные напоминания о том, что он находится в мусульманском культурном пространстве. Тот же алкоголь возможен лишь в отеле — за его пределами если и пьют бодрящие напитки, то исключительно на дорогах

135 «Московские новости», 7 ноября 2014, Газета [№664\(664\)](#) // <http://www.mn.ru/opinions/20111115/307209867.html>

туристических улицах, что не имеет никакого смысла: у себя в гостинице все то же самое, только бесплатно. В аутентичных арабских кварталах, разумеется, не наливают. Да и вообще стоит сто раз подумать, прежде чем устраивать туда увеселительную вылазку.

Но даже на территории своей гостиницы не забываешь — не дают забыть — о том, где именно ты пребываешь. Шланг, торчащий из стены рядышком с унитазом. Крики муэдзина, доносимые приятным теплым ветром. Полное и категорическое отсутствие в меню свинины. Да и само меню — категорически не закусочное. Только в мусульманских странах понимаешь, насколько русская кухня располагает к стакану. Все эти огурцы, селедки, бутерброды с икрой (пусть даже с минтаевой), паштеты, заливные, пирожки, жареные потрошки, сало — потрясающие закуски. Там же пища не закусочная, да и подчас разведена с приемом алкоголя в пространстве. В ресторане, например, одно лишь пиво, а крепкие напитки — в баре, но там и кусочек сыра не дадут.

Горничные в платках, полностью закрывающих волосы. В сувенирной лавке — футболки с исламской символикой. Восточная назойливость разносчиков на пляже. Не афишируемое, но осязаемое чувство превосходства обслуживающего персонала. В глазах даже последнего посудомойщика читается, что числит он тебя нелепым и неполноценным: ведь посудомойщик после смерти попадет в рай, для него будут петь обнаженные гурии, а для тебя — шиш.

Но толерантен наш турист. Хотя, что характерно, приблизительно на девяти из десяти россиян-отдыхающих висят нательные крестики. То есть они христиане. А каждый добрый, полноценный христианин должен — просто обязан! — быть миссионером. Значит туристы из России, по идее, должны рассказывать местным жителям о душевспасительной любви к Христу, осенять их крестным знаменем, описывать прелести нежнейшего, во рту тающего свиного шашлыка и так далее. Но дело в том, что в этих мусульманских странах с теплым морем миссионерство законодательно запрещено. То есть за крестное знамение по отношению к местному жителю тебя должны вызвать полицию, заковать тебя в наручники, отвезти в отдел, а дальше — суд и срок. Да, скорее всего, тебя пожурят и отпустят, но теоретически могут и не отпустить.

Однако нашего туриста с крестиком на шее отсутствие миссионерских возможностей ни в коей мере не смущает (не говоря уже о том, что не прельщает венец мученика за веру, хотя этот венец здесь доступен вполне). Наш турист вообще не морочит себе голову подобными вещами. Отсутствие свинины компенсируется рыбой и бараниной. В непьющие кварталы можно не ходить. Муэдзин — да пусть. Шланг из стены — прикольно. Полотенце со звездой и полумесяцем приобретается охотно. Подвыпившая туристка с сигаретой на отлете льнет к мускулистому арабу — пляжному аниматору. Обнимает его свободной от сигареты рукой. Тот млеет — экая наташа. У него все жены сидят дома, ни одна из них даже помыслить ничего подобного не может. Если же помыслит, он устроит ей веселенькую жизнь. А муж этой наташи — хоть бы хны, стоит, хохочет и фотографирует свою супругу в близком обществе спортсмена-аниматора на память о счастливом морском отдыхе.

Хорошо ли это или же плохо? Православный россиянин строгих нравов скажет, что омерзительно. Сибарит-симпатия с легким характером и не отягощенный грузом духовности скажет, что замечательно. Я же от оценок воздержусь.

Одно для меня очевидно. Более двадцати лет назад российская церковь фактически вышла из подполья. Храмы вновь отдали под молитвы, участие в крестных ходах сделалось статусным, у высокопоставленных представителей власти появились духовники, люди в рясах перестали удивлять в общественных местах. По гаражам зазвучало чудесное: «Благословляется и освящается колесница сия во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» — за неимением специальных молитв для современного транспорта.

Но при этом россияне ездят отдыхать на исламское Средиземноморье двухэтажными «Боингами» — так много желающих. И влекут их туда не миссионерские помыслы, не исследовательский интерес (самая востребованная экскурсия — «Пиратский корабль», то есть пикник на катере в открытом море), а исключительно плотский, телесный кайф, для которого мусульманский антураж ни в коей мере не помеха. Три поколения, выросших при атеизме, сделали свое дело — православие в России возродилось, но на уровне какой-то ролевой игры. И двухэтажные самолеты, увозящие в страны Магриба сотни тысяч веселых отпускников с крестиками на шеях, — красноречивое тому подтверждение.

Николай Сванидзе

Родился 2 апреля 1955 в Москве в семье историков. В 1978 окончил исторический факультет МГУ.

Работал младшим научным сотрудником отдела внутренней политики Института США и Канады АН СССР, затем занимался репетиторством. В 1990 преподавал историю Нового времени стран Западной Европы в Московском государственном историко-архивном институте.

С 1991 по январь 1994 – комментатор информационной программы РТВ

«Вести», затем – политический обозреватель телеканала «Россия». Был автором и ведущим программ РТВ «Лицом к России» и «Контрасты».

С января 1994 вместе с Сергеем Доренко вел на Российском ТВ информационно-аналитическую программу «Подробности». Был руководителем программы «Подробности».

С марта 1996 – заместитель директора Дирекции информационных программ – руководитель Студии информационно-аналитических программ телеканала «Россия». С 7 апреля 1996 ведет информационно-аналитическую программу РТВ «Зеркало». С июля 1996 – заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК). Был руководителем информационно-политического вещания Российского ТВ.

С ноября 1996 – директор Дирекции информационно-политических программ ВГТРК.

С 1997 – председатель совета директоров ОАО «РТР-Сигнал».

С 10 февраля 1997 – председатель ВГТРК.

25 ноября 1997 был избран академиком Академии российского телевидения.

С 1994 – член общественно-политического клуба «Реалисты».

В мае 1998 оставил пост руководителя ВГТРК.

С июня 1998 – один из ведущих ежедневной информационно-аналитической программы «Подробности».

В сентябре 1999 показал в программе «Зеркало» оперативную съемку МВД РФ июля 1999, в которой демонстрировалось, насколько Москва не готова к актам террора. После программы мэр Москвы Ю. Лужков заявил, что собирается подать в суд на **Сванидзе** за клевету, не объяснив, в чем с ним не согласен.

С сентября 1999 – руководитель Студии информационно-аналитических программ «Зеркало» ФГУП «Государственная телевизионная компания «Вести». Владеет английским и французским языками.

«Народ у нас бедный и закомплексованный»

Николай Сванидзе объяснил, почему россиян так раздражает любое разделение по национальному признаку

Член Общественной палаты и Совета по правам человека при президенте России Николай Сванидзе заподозрил «Ленту.ру» в разжигании вражды и даже в нацизме. В эфире радиостанции «Говорит Москва» он прокомментировал публикацию об этнической структуре российского бизнеса. По его словам, сам подход к написанию материалов, основанный на анализе этнической принадлежности кого бы то ни было, представляется каким-то расистским, а то и нацистским. «Лента.ру» связалась с Николаем Сванидзе и попросила его пояснить суть претензий.

«Лента.ру»: Вы очень резко отреагировали на нашу публикацию об этнической структуре российского бизнеса. Что взволновало вас в этом исследовании?

Сванидзе: Публикацию я не читал, поэтому мой комментарий это не анализ статьи и самого исследования, а лишь ответ на конкретные вопросы позвонившего мне корреспондента.

О чем вас спросили?

Меня спросили, считаю ли я такое этническое исследование правильным, я ответил — нет, не считаю — и объяснил почему. Тогда меня спросили, нужно ли наказывать за такие исследования «Ленту.ру». Я ответил — нет, не нужно — и, опять же, объяснил почему.

Вы действительно считаете, что исследование этнической структуры чего бы то ни было пахнет нацизмом?

Я считаю, что всякий акцент на этнической принадлежности людей опасен. Особенно в таком контексте, который может вызвать негативное отношение к этим людям. Не секрет, что богатых у нас не любят. Страна у нас патриархальная, левая — всякий богатый считается вором. Мы это понимаем. И когда делается акцент на этнической принадлежности этих людей, то вне зависимости от того, какие задачи ставили перед собой эксперты, людям дают понять, что вот эти богатые люди представляют такие-то этносы. Получается, изначальное недовольство богатыми приобретает еще одну составляющую — этническую: «они не только богатые, они еще и такие-то по национальности», «так вот они какие», «они богатые», «они нас прижимают»... Это же очевидно.

Но, судя по исследованию, первые позиции, будь то по количеству миллионеров или по суммарному капиталу, занимают как раз русские. Какие тут могут быть поводы для недовольства?

В данном случае это не столь важно. Желающие могут ознакомиться с этим исследованием поподробнее и скажут — «а кто там у нас на втором месте? Евреи. Ага! А в общей численности населения какое место они занимают? А кто на третьем, пятом? А этих в стране сколько»? У нас есть масса желающих статистически приравнять те или иные жизненные успехи представителей некоторых этнических групп к проценту от общей численности этой нации в нашей стране. Теперь посмотрите внимательно на исследование и скажите, какой этнос получился самым богатым?

Горские евреи...

Вот. Поэтому я считаю, что в любой многонациональной стране делать такие этнические исследования, как мне кажется, контрпродуктивно и опасно.

Николай Сванидзе на праздновании еврейского Нового года в библиотеке иностранной литературы

Мы все граждане Российской Федерации.

И что из этого?

Народ у нас в большинстве своем бедный и закомплексованный. Потому люди склонны искать причины своих неудач в чем угодно. В том числе и в этническом происхождении своих соседей. Поэтому подобного рода исследования, какую бы цель ни ставили перед собой авторы, на мой взгляд, достаточно опасны.

А что если сделать исследования по этническому составу наших известных спортсменов, ученых, деятелей культуры? Опять нацизм?

На мой взгляд, и этого не нужно. Потому что это тоже вызывает взаимную зависть и ревность. Ведь кто-то наверняка скажет — смотри-ка, а у них-то артистов больше, чем у нас. У них ученых больше, чем у нас. Интересно получается. Мы тут в шахте убиваемся, а они там пером чиркают.

То есть вопросов этноса лучше вообще не касаться.

Все это от лукавого. Ведь этническое происхождение конкретного человека в нашей стране сегодня установить крайне сложно. Чистый этнос сохранился только у аборигенов Австралии и у африканских пигмеев. Может, есть еще кто-то, но их крайне мало. Все остальные народы этнически нечисты. В них перемешано несколько этносов. Мы не знаем, каково на самом деле наше с вами этническое происхождение. Русские цари были нерусскими. Подавляющее большинство «великих русских» были разного происхождения.

Один Пушкин чего стоит.

Именно. Копаться в этом невозможно. У нас преобладают люди с разной кровью. Поэтому, кто и кем сам себя считает, это настолько интимный вопрос, что докопаться до сути крайне сложно, и не нужно. Во мне текут четыре крови. Кем я себя считаю — грузином, евреем, русским или поляком — это мое сугубо личное, интимное дело. Я гражданин Российской Федерации. Мой родной язык — русский. Я воспитан на русском языке и русской литературе. А каково мое истинное этническое происхождение — это уже только мое дело. Ковыряться в этом, еще раз повторяю, контрпродуктивно.

Возможно ли восстановить в нашей стране интернационализм и дружбу народов, о которых теперь так часто вспоминают?

Боюсь, разочарую вас. У нас не было никакого интернационализма и никакой дружбы народов. Это все легенды и мифы Советского Союза. Вспомним хотя бы про государственный антисемитизм, который в полной мере проявил себя в конце 40-х годов прошлого века. Опирался он, к слову, сперва на латентный, а после и на вполне открытый антисемитизм масс. Вспомним депортации целых народов. Они что, сопровождались укреплением дружбы с этими народами? Ничего подобного.

Но ведь не было же таких открытых межнациональных конфликтов.

Не было. Но только потому, что каждый жил в своей норе, этносы редко сталкивались друг с другом. Люди с Кавказа не приезжали в таком количестве в русские города. А русские люди приезжали на юга преимущественно как отдыхающие, которых встречали замечательные гостеприимные хозяева. Но при этом межнациональные трения были, и очень сильные. Просто не было условий для такого вот близкого контакта между представителями разных этносов, который мы имеем сегодня. Но и дружбы никакой не было.

Сама формулировка «дружба между народами» — она ложная. Между народами не может быть дружбы. Даже внутри народов дружбы нет. В лучшем случае нормальное сосуществование.

И что, вы предлагаете вообще не писать о различии народов?

Исследования в этой области проводить, конечно же, надо. Не нужно делать вид, что таких проблем нет. Проблемы есть. Именно поэтому надо предельно тонко подходить к публикации материалов, связанных с этой проблематикой. Это очень тонкая материя. И

мы можем налить воду на мельницу межэтнических и межнациональных предрассудков.

Быть может, наоборот, стоит писать как можно больше о том, что в нашей стране есть разные этносы и нет ничего ужасного, что среди евреев, скажем, много талантливых музыкантов? Люди начнут воспринимать это как норму.

На мой взгляд, не стоит. Если публиковать материалы о том, что среди евреев много талантливых ученых и музыкантов, то вы потом устанете объяснять, что это древний народ, у которого такие-то традиции и такие-то способности, обусловленные тем-то и тем-то. Это лишний раз будет вызывать ревность и ненависть. Уверяю вас, именно так и будет. Разговор о каких-то особых способностях будет вызывать отдельную ревность: «Ах, у них еще и способности. Ну-ну...»

Как в таком случае говорить о многообразии этносов в нашей многонациональной стране, чтобы никого при этом не обидеть и не возбудить ревности?

Надо говорить, что у нас живет много народов. У них разные культуры и традиции. Они не похожи друг на друга, но вместе мы составляем одну великую страну — Россию. Чем богаче это культурное многообразие, тем богаче наша российская культура. У нас нет младших братьев и старших. Нет более способных и менее способных. Нет отличников и двоечников. Нет тех, кто более матери-истории ценен, как говорил Маяковский, и менее ценен. Мы все равны.

Но не возникнет ли у читателя когнитивного диссонанса от того, что на бумаге все равны, а в жизни некоторые равнее?

А кто? Назовите мне народность, которая вот прямо богаче всех остальных, или народность, в которой сплошь ученые, бизнесмены или артисты. Это все предрассудки. И как раз такие исследования, о том, у кого сколько миллионеров в процентном соотношении, эти предрассудки подпитывают.

Беседовал Роман Уколов

Николай Сванидзе: «ТВ – шутка поверхностная»

Ярким симптомом того, что общественная и политическая жизнь в стране постепенно замирает, является то, что аналитика на нынешнем телевидении становится все более скучным и неинтересным делом, а люди, некогда блиставшие в этом жанре, находят отдушину в других телепроектах. Как, например, ведущий аналитической программы «Зеркало» канала «Россия» Николай Сванидзе, который нынче с куда большим удовольствием работает над «Историческими хрониками».¹³⁶

– Николай Карлович, как вы относитесь к тому, что вместо прежнего закона о СМИ, названного «романтичным», сейчас готовится новый вариант закона о СМИ?

– Сейчас времена совершенно не романтические. И вероятно, закон решили избавить от излишних романтических формулировок. Но если говорить об ограничении работы СМИ в каких-то острых ситуациях, в частности, недопущении вообще давать какую-то информацию о теракте, то есть мое отношение – резко отрицательное. Но очень трудно обсуждать то, чего я не видел, и то, чего реально не видел. Потому что в данный

¹³⁶ Автор: **Сергей Варшавчик**. Сайт: [Независимая Газета](http://www.peoples.ru/tv/svanidze/interview.html).// <http://www.peoples.ru/tv/svanidze/interview.html>

момент я кормлюсь исключительно слухами и теми комментариями, которые вычитываю в средствах массовой информации, в частности в вашей газете.

– А что вы скажете о поправке депутата Крутова, согласно которой всем электронным СМИ запрещается трансляция информации о теракте и разрешается это делать уже после?

– Я считаю, что это исключительно реакционная поправка, которая сводит работу средств массовой информации просто к обслуживанию силовых структур. Так нельзя. Это ложно понятая лояльность СМИ по отношению к государству. Вообще главная лояльность СМИ по отношению к государству состоит в том, чтобы говорить правду. Чем больше правды говорит средство массовой информации, тем более лояльно оно и по отношению к государству, и по отношению к обществу. Это мое совершенно твердое убеждение. И из этого следует мое отношение к поправке Крутова.

– Но у государства и общества зачастую совершенно разные интересы. Власть, как правило, «питается» информацией закрытой, тогда как обществу нужна информация открытая. Тут противоречие, не находите?

– Разумеется, это так, но дело в том, что в рамках демократического строя общество и власть, постоянно находясь в такой диалектической связи-противоборстве, находят какой-то консенсус. Да, власти могут не нравиться СМИ, их достают эти наглые журналисты, которые вечно суют нос не в свое дело. Но, в конце концов, власть понимает, что без этого нельзя, что эти вредные журналисты, эти вредные газеты и телевидение действуют в ее же, власти, интересах. Но для этого нужен демократический строй. В странах тоталитарной системы власть сразу получает то, чего она требует при полном одобрении со стороны молчащего общества, и там роль СМИ сведена к обслуживанию. К «прими-подай». Ничего хорошего ни для кого, в конечном счете в том числе и для власти, – нет. Потому что такие общества нестабильны и при первом же кризисе все кончается большой кровью и сменой этой самой власти.

– Когда-то Юрис Подниекс снял фильм «Легко ли быть молодым?» А сегодня легко ли быть тележурналистом?

– Тут дело не в том, легко или сложно – физически никаких сложностей нет. Я бы сформулировал по-другому. Интересно ли сейчас быть политическим журналистом? Отвечу. Разумеется, это значительно менее интересно, чем было несколько лет назад. Потому что гораздо скучнее, предсказуемее, тусклее стала политика, и в связи с этим гораздо скучнее, предсказуемее и тусклее стала политическая журналистика. Это несомненно.

– Видимо, этим не в последнюю очередь обусловлено то очевидное обстоятельство, что вы, ведущий аналитик второго канала, сейчас гораздо больше занимаетесь другим своим проектом – «Историческими хрониками»?

– Здесь как раз одно с другим не связано. Если бы сейчас политическая журналистика просто фонтанировала и иллюминировала, я бы все равно занимался «Историческими хрониками», потому что мне это безумно интересно.

– «Зеркало» сейчас выходит в прямом эфире?

– Да, «Зеркало» по «орбитам» полностью выходит в прямом эфире на Сибирь и Дальний Восток. Что же касается европейской части России, то и тут я выхожу в прямом

эфире в той части, которая не касается интервью с гостем. Если передача полностью посвящена интервью с гостем, то на европейскую часть я выхожу в записи, потому что не могу серьезного политика или общественного деятеля, например митрополита Кирилла, пригласить в свою программу дважды – утром на «Орбиту» и вечером – в прямой эфир. Поэтому, если выхожу на Европу в записи, это связано с технологией.

– В свое время вы сказали, что самое интересное в вашей профессии – прямой эфир, но сейчас его значительно меньше. Чисто внешне.

– Что ж теперь делать? Это технология. Так выходят все и всегда. Так же я выходил и в те времена, когда вопросов о цензуре было значительно меньше. Иногда может быть такое: ну, скажем, в течение дня что-то выстрелит – в прямом или переносном смысле слова, и тогда переверстывается программа, и вечером другой гость. Тогда – прямой эфир. А так, вживую, я выхожу, если только у меня есть какие-то комментарии или дополнения к разговору, а сам разговор с гостем идет, естественно, в записи.

– Не хотелось ли вам изменить формат «Зеркала», например, сделав из него политическое ток-шоу, которых в последнее время стало значительно меньше?

– Нет. Я считаю, что политических ток-шоу хватает. Как правило, политики там не очень много и она очень поверхностна. В свое время я работал в формате ток-шоу. Тогда это было для меня занимательно, теперь – нет. Сейчас это обычное развлекалово и есть люди, которые развлекать публику умеют лучше, чем я.

– Как вы оцениваете очевидные антигрузинские тенденции на российском телевидении?

– Мне неприятны как антигрузинские настроения в России, так и антироссийские настроения в Тбилиси. Понимаете, здесь у меня позиция очень сложная и тонкая. Как человек с грузинской фамилией и этнический грузин, во всяком случае по отцу, но работающий в Москве и с родным русским языком, я испытываю определенные трудности и, честно говоря, от этой темы стараюсь всегда максимально дистанцироваться. Потому что, что бы я ни сказал на эту тему, всеми – и моей аудиторией в России, и моей аудиторией в Грузии – будет истолковано не в мою пользу. Как вы понимаете, никакого удовольствия мне напряжение в российско-грузинских отношениях не доставляет.

– Если говорить об «Исторических хрониках», то какой сейчас эпохе соответствует наша? Идут разговоры о возможности гражданской войны.

– Что значит, какой исторической эпохе? Да, сейчас очень много серьезных политических и экономических проблем в России. И страна, несомненно, переживает очень сложный этап, который я бы назвал некоторым подмораживанием после демократической революции, которая произошла в 90-е годы. Но никаких серьезных предпосылок для гражданской войны я не вижу.

– А разве отмена губернаторских выборов и введение партийных списков не напоминает чрезвычайщину?

– Нет, это не чрезвычайщина. Я не собираюсь выступать адвокатом этих мер, они у меня восторга не вызывают. Но гражданская война здесь ни при чем. И чрезвычайщины в них нет. Потому что от того, будут ли губернаторы назначаться или будут избираться, мало что меняется. Точно так же, как от системы выборов в Государственную Думу. И я не преувеличивал бы вообще важности этих решений. Другой вопрос, что они не вызывают у

меня восторга не потому, что я их считаю опасными для страны, а потому, что я не уверен, что они вообще будут иметь какое-то значение для ее развития – экономического или политического. Раньше избирались – теперь будут назначаться. Раньше коррупция была во время выборов, теперь коррупция будет во время подкованного решения того, кто будет губернатором. И существует большая опасность того, что губернаторские посты будут покупаться. Коррупция останется. Может быть, поскольку бюрократическая система всегда более 87Зурра87Знтирован, чем даже самая плохая демократическая, коррупция даже усилится. Может быть. Но гражданской войной тут и не пахнет.

– Что же это вам напоминает? Времена Столыпина?

– Столыпин, кстати говоря, великим демократом не был, проводя либеральные решения достаточно жестким, авторитарным путем. И тем не менее он один из людей, которые пытались в последний момент спасти Россию от страшного революционного погрома. И не спасли. Ему, к сожалению, не хватило исторических возможностей.

– Или же это времена Александра III?

– Прямых параллелей в истории нет. Какие-то вещи, да, схожи. В какой-то степени можно говорить, что нынешний период напоминает времена Александра III, когда после реформ Александра II наступили «заморозки», но тем не менее существует очень много различий, которые не позволяют проводить прямую параллель. Очень разные ситуации, очень разные люди.

– Среди российских проблем, о которых говорят на телевидении, есть одна, которую все меньше и меньше показывают и анализируют. И люди о ней мало говорят. Это тема Чечни. Видимо, потому, что воз и ныне там?

– Это разные проблемы. Люди, действительно, мало говорят о Чечне, тема которой становится интересна, к сожалению, только в самые острые и страшные моменты. А так народ достаточно равнодушен к тому, что происходит в Чечне. Это, с одной стороны. С другой стороны, люди вообще склонны очень быстро забывать страшное, и им не нравится думать о плохом. Это психологическое свойство всех людей. Но если говорить о самой ситуации в Чечне, я не считаю, что воз и ныне там. Другой вопрос, что движение значительно более медленное, чем хотелось бы. Но, здесь я присоединяюсь к тем, кто говорит: да, ситуация очень плохая и тяжелая, но что надо делать, чтобы все стало хорошо? Какие переговоры и с кем вести? На какие уступки идти? Я до сих пор не слышал на этот счет ни одного позитивного предложения. И я сам не готов выступить с такими предложениями.

– То есть, поскольку ни у кого нет позитивных предложений, телевидение почти не отражает эту тему? В частности, ваши размышления не находят места.

– Телевидение – не самое лучшее место для аналитики. Анализировать лучше в печатных изданиях. Телевидение – штука по определению поверхностная. Что касается того, в каких случаях я выступаю по Чечне, то я делаю это тогда, когда мне что-то кажется вопиющим. Скажем, когда были попытки оправдать Буданова, я по этому поводу выступал. Потому что я считаю, что не было ничего опаснее в плане настроений чеченцев, их отношения к России, чем оправдание такого человека. Это мне

показалось крайне опасным, и по этому поводу я выступил. А комментировать все происшествя по территории республики – у меня для этого нет возможностей.

– *Естественно, не каждое происшествие. Имеется в виду анализ крупнейших событий, в частности бесланской трагедии.*

– О бесланской трагедии говорилось много. Эта ситуация очень болезненная и тонкая, и мы же с вами понимаем, что нет никакой уверенности в том, что там все закончилось. Поэтому здесь нужно отдать справедливость журналистам, которые замечательно и профессионально отработали по этой теме. Считаю, что упрекнуть их сейчас не в чем. Они сделали все, чтобы ситуацию не усложнить, не усугубить, чтобы не было еще больше крови, чем было. Но и сейчас в освещении этой темы требуется предельная осторожность.

«ЗАТКНУТ РОТ — УЙДУ ИЗ ПРОФЕССИИ»¹³⁷

Николай Сванидзе сумел удержать на плаву аналитическую программу и не отстать от модной сегодня документалистики. Теперь его «Исторические хроники» помогают телекомпании «Россия» постоянно повышать рейтинг, а искушенный зритель может позволить себе жить в настоящем посредством программы «Зеркало». Картина двоякая: о настоящем говорить страшно — значит, многое не договаривается, а перемирование прошлого какой может дать результат? Об истории и современности на телевидении «Новая» спорит сегодня с Николаем СВАНИДЗЕ...

— Николай Карлович, сейчас стало правилом закрывать аналитические программы, а политических журналистов направлять в дальние путешествия в роли «документалистов». Это не пугает вас?

— Меня вообще мало что пугает. Потому что я неплохо знаю историю. Я делаю документалистику, но при этом не покидаю кресло ведущего аналитической программы. Можно заниматься абстрактной документалистикой, рассказывая, чем питаются муравьеды. Тоже интересно. Политическая журналистика со взглядом в прошлое — это более трудо-, нерво-, времязатратный проект. Документалистика — самый жесткий жанр журналистики. Чего мне опасаться? Что закроют политическую журналистику? Ее нельзя закрыть. Пока есть политика...

— А почему, когда документалисты решают «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира», то есть снять фильм о Путине, они в обязательном порядке подвергаются цензуре?

— Я не знаю таких случаев, когда фильм о Путине запрещали бы в эфире...

— Фильм телекомпании «Эхо ТВ», фильм московского корпункта «Аль Джазиры» — два безусловно интересных и явно рейтинговых документальных фильма зрители так и не увидели...

— А почему вы хотите смотреть фильм именно о Путине, а не о Ленине, Сталине, Дзержинском, Мейерхольде, Кирове, Мандельштаме?..

— Потому что я живу сейчас, в это время и в этой стране и ничего не знаю о том, что творится в голове у президента, которого выбрали мои родители.

— Включите телевизор и смотрите каждый день на Путина по центральным каналам. Каждый день о нем рассказывают в репортажах. Вам мало? Смотрите и

137 «Новая газета». ВЫПУСК № 84 ОТ 15 НОЯБРЯ 2004 Г. // <http://www.novayagazeta.ru/politics/22155.html>

составляйте свою собственную точку зрения. Что вы хотите еще услышать о своем президенте?! Вы о нем и так все знаете, изучили его уже как облупленного.

— Николай Карлович, в каком времени сегодня живет наше телевидение? Почему история нашей страны существует исключительно в прошедшем времени?

— А в каком времени она должна существовать? Но дело не в этом. История гораздо богаче, чем современность. Потому что современность всегда плоская и одномерная, а история — многослойна. Современность, как правило, намного беднее на персонажи. От того, что вам скажут, что нынешний лидер больше любит собак, чем кошек, что у него традиционная сексуальная ориентация, что он любит пить пиво и играть в бильярд, — что от этого изменится?

— Вот и я говорю, не пора ли поговорить о том, чем занимается наша власть сегодня...

— Я на самом деле вообще не люблю делать фильмы о лидерах. Я люблю делать фильмы о власти. Почему-то все воспринимают документальные фильмы с максимальной остротой — либо он лизоблюдский, либо хамский. Ни то, ни другое мне не нравится. А третьей формы народ не поймет... Почему до сих пор люди выходят на митинги с портретами Сталина, почему он пользуется такой бешеной популярностью? Он перебил кучу народа, он создал режим в нашей стране сродни фашистскому — почему он до сих пор не ушел из нашей страны?

— Путин тоже пользуется большой популярностью, но о его настоящем продолжают молчать...

— Объяснение молчанию лежит в нашей ментальной культурной традиции — мы не понимаем другого обращения власти с народом. Мы можем только страдать и чувствовать себя ущербными. Ивана IV, который убил своего родного сына, народ нарек уважительно — Грозный. Уважение в нашем понимании — это страх. Массовые убийства, войны — прощаются правителю. Воюет, убивает — молодец, значит, рука тяжелая, значит, удержит страну.

— Неужели вы действительно считаете, что в наше время не о ком и не о чем рассказать?

— Людям хорошо живется, когда политика скучная. Чем политика менее интересна, тем спокойнее и стабильнее в стране. Все политические драмы, на которых греют руки журналисты, для людей никакого интереса не представляют.

— А вам как политическому журналисту сегодня интересно работать?

— Сейчас много споров вокруг политической журналистики: есть она или нет?

Умеющий видеть — увидит, умеющий слышать — услышит. Просто нет того простора для разгульного анализа, как это было несколько лет назад.

— Вы чувствуете, что профессия все более загоняется в рамки?

— Беда не в том, что я это чувствую, — всякий опытный человек это чувствует. Я сформировался как журналист при полной свободе слова и пришел в профессию в 1991 году. У меня выработалась привычка к полной внутренней свободе. Я могу сознавать внешние рамки. Но я боюсь, что это плохо действует на молодое поколение журналистов.

Они очень скованы, очень сильный внутренний цензор с огромными зубами, который выгрызает их собственные мысли. Но я не вижу системы прямых запретов. При

мне происходят рабочие планерки, и никто никому ничего не запрещает. Люди сами ограничивают себя. Это ментальная традиция.

— Программа «Зеркало» немного изменилась в формате. В студии появляются герои. Почему вы решили из аналитической программы сделать ток-шоу?

— Программа «Зеркало» — это не ток-шоу. Ток-шоу — это программа «К барьеру!» Соловьева. 12—15-минутную программу разве можно назвать ток-шоу? У меня камерная программа в небольшой студии. Мою программу можно назвать ток (разговорная), но без приставки шоу. Есть люди, которые устраивают шоу в эфире, но я не ставлю перед собой такой задачи.

— А с какой эпохой можно сравнить сегодняшнюю историю страны?

— Можно сравнить с эпохой Александра III. После реформ Александра II был известный откат назад при Александре III.

— Только что вы подтвердили тот факт, что наша страна постоянно катится назад ...

— «Откат назад» и «катимся назад» — это разные вещи. Откат с остановкой — это когда перед революцией делается большой и широкий шаг назад. Это значит, что за ним последует смелый шаг вперед, перед этим нужно снизить на время скорость. Мы слишком зашли вперед, поэтому нам просто необходимо уйти немного назад. Сейчас в России период стабилизации.

— Николай Карлович, а можно сказать, что сегодняшняя власть боится СМИ?

— Сейчас СМИ боятся власти. Власть боялась СМИ в 90-е годы, сейчас они поменялись ролями.

— Значит, есть чего бояться...

— У нас всегда есть чего бояться. Это скорее традиция нашей страны — бояться власти. Потому что у нас каждый раз, как только пахнет легкими заморозками, как власть чуть-чуть суровеет, сразу все начинают прятаться по углам и дрожать. И, в частности, это свойственно СМИ. У нас демократические традиции очень слабые. Поэтому я настаиваю, что история намного интереснее современности.

— А вы не считаете, что указания всякого рода, жесткий контроль над работой тележурналистов — это форма рабства?..

— Не знаю, как вы, а я лично никаких указаний сверху не получаю. Что касается внутреннего редактора, то он во многих журналистах сидит, и очень сильный. Общее ужесточение ситуации, общее похолодание чувствуются многими журналистами. Впрочем, та или иная степень закрытости, те или иные запреты присутствуют во всех СМИ. Вы не сможете назвать ни одного уважаемого европейского СМИ, в котором не было бы запретов вообще. Если есть хозяин — значит, есть запреты. Будь хозяин частным лицом или государственным. Ни один хозяин не позволит своему работнику говорить и делать то, что противоречит законам его бизнеса, его личным интересам. Линия СМИ формируется далеко не журналистом, а хозяевами и руководством компании. Хозяева нанимают нужное им руководство. Штат формируется из журналистов, которые устраивают руководство. Если ваша позиция расходится с позицией руководства, то вы должны забыть о своей позиции...

— Забыть о позиции — это не журналистика. В таком случае нужно забыть о руководстве...

— Это не всегда возможно. Когда готовится программа «Новости» — можно ничего не говорить, обойтись без комментариев и давать только новости, но позиция руководства все равно будет видна. Какие новости давать, какие не пропускать в эфир, в каком порядке давать новости, каков у вас при этом подбор слов — все это может быть незаметно зрителю, но профессионал всегда увидит, что вы хотите этим сказать. Окраска информации и есть позиция СМИ.

— Запрет показывать теракты и еще множество запретов на телевидении существуют?

— Перед тем как транслировать репортажи на подобные темы, их начинка должна быть согласована с компетентными структурами...

— Кто в такой ситуации у нас настолько компетентен?

— Нужно советоваться с силовиками, потому что любой поворот головы журналиста может стоить сотни жизней заложников. Когда происходит теракт, нельзя выходить с камерой и снимать от пуза все, что видишь. После теракта, когда уже все позади, можно дать волю комментариям...

Нельзя показывать все то, что может повредить делу.

— Теракт — это не дело, это — трагедия...

— Если вы не хотите, чтобы эта трагедия стала еще масштабнее, нужно вести себя аккуратнее. После теракта нельзя наводить тень на плетень и запрещать что-либо говорить журналистам — это уже беззаконие. И самое страшное то, что от этого беззакония, с такими темпами написания всяческих поправок к закону о СМИ, мы не застрахованы. Если появился один запрет, то за ним последует другой. За каждой поправкой, как правило, стоит желание заткнуть рот свободным журналистам. Превратить журналистику в агентство obsługi силовых структур.

— При каких условиях вы можете уйти из профессии?

— Я уйду из профессии в том случае, если мне заткнут рот. Или попытаются заставить говорить то, что я говорить вообще не хочу. Я могу в какой-то ситуации отмолчаться, могу чего-то не сказать, но врать миллионам телезрителей я не могу. И никто меня не заставит это сделать.

Алексей Венедиктов

Алексей Алексеевич Венедиктов – российский журналист главный редактор, совладелец (18% акций) и ведущий передач радиостанции «Эхо Москвы», президент «Эхо-ТВ».

Алексей Венедиктов родился 18 декабря 1955 года в Москве. Своего отца – Алексея Николаевича Венедиктова – журналист никогда не видел, так как Венедиктов-старший скончался за неделю до рождения сына.

«Он был офицером подводной лодки. Погиб в 1955 году. Мама умерла семь лет назад, мы с ней не говорили об этом. Как-то я всегда сам себе был предоставлен. Я человек, который сам себя сделал», - говорил Венедиктов в одном из своих интервью.

После окончания специализированной средней школы с французским уклоном поступил на вечернее отделение исторического факультета Московского педагогического института.

Параллельно с учебой Алексей Венедиктов работал лаборантом в своей школе, а затем 5 лет почтальоном.

В армию Венедиктова не взяли из-за плохого зрения. К 17 годам зрение у будущего журналиста было уже минус 10.

После окончания института в 1978 году в течение 20 лет Алексей Венедиктов преподавал историю в средней общеобразовательной школе города Москвы №875.

За 20 лет преподавательской деятельности Венедиктов получил звание «Отличник народного просвещения».

В 1990 Венедиктов приходит на радио «Эхо Москвы», где работает корреспондентом и обозревателем. В качестве корреспондента находился в Белом доме в момент противостояния Бориса Ельцина и Верховного совета.

Через 5 лет Алексей Алексеевич становится директором информационной службы радио «Эхо Москвы», а с 26 февраля 1998 года – главным редактором радиостанции. На этот пост Алексея Венедиктова переизбирали 2 раза, и каждый раз голосовали за него практически единогласно.

Венедиктов создал огромное количество авторских передач. Сейчас он является ведущим онлайн программ на радио «Эхо Москвы» «Без посредников / Ищем выход», «Эхо недели», «Прямая речь», «Газетный час», «Все так», «48 минут», «49 минут» и «Безвластие».

В 2006 году журналиста пригласили в качестве соведущего Светланы Сорокиной в телепрограмме «В круге света».

Программы на радио «Эхо Москвы» пользуются популярностью, однако многие считают радиостанцию оппозиционной, благодаря взглядам самого Алексея Венедиктова. Но сам журналист «Эхо Москвы» таковым не считает.

В августе 2008 года, Владимир Путин раскритиковал Венедиктова, за манеру освещения российско-грузинского конфликта: «Вам придётся за это отвечать, Алексей Алексеевич!», сказал президент. Но, несмотря на непросто сложившиеся отношения, глава государства поздравил Венедиктова 50-летием.

Успехи, которых Венедиктову «удалось добиться в борьбе с советской

системой, связаны с его обманчивыми внешностью и манерами. Даже сейчас он похож на неряшливого ученого в заношенном свитере и с нечесаной шевелюрой. «Они меня не трогали, - говорит он о власти. – Я разработал собственный учебный план. Они все считали меня немного сумасшедшим. Путин называет меня сумасшедшим», - писала о нем газета The Times.

Алексей Венедиктов является постоянным членом российской делегации на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, он один из авторов Московской хартии журналистов.

Венедиктов является членом Общественного совета при ГУ МВД России по г. Москве.

Алексей Венедиктов обладатель медали ордена «за заслуги перед Отечеством» II степени, является кавалером ордена Почетного легиона Франции, лауреат премии «Золотое перо России», отмечен наградой за высокий профессионализм и личное мужество при работе в горячих точках, лауреат премии В. Высоцкого «Своя колея» - это далеко не все награды журналиста, истинного мастера пера.

«Эхо» для чуткого уха Радиостанции «Эхо Москвы» – 21 год¹³⁸

Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов Фото: Васенин Виктор

Мы говорим «Эхо Москвы» – подразумеваем Алексей Венедиктов. И наоборот. Знаменитые коридоры радиостанции увешаны фотографиями всех людей, которые сюда приходили. Но портретов главного редактора – Алексея Венедиктова – тут больше всего. На вопрос «Самоутверждаетесь?» Алексей Алексеевич соглашается и объясняет, что каждое СМИ должно быть персонифицировано. А раз так, то все вопросы, касающиеся «Эха...» – к нему.

Российская газета: Когда вас закроют?

Алексей Венедиктов: А почему нас должны закрыть? Мы успешны, мы доходны, мы популярны, нас цитируют, мы не нарушаем законов, мы выигрываем суды, которые иногда возникают.

РГ: Потому что вы – оппозиционеры и говорите в эфире то, что не услышишь от других.

Венедиктов: Мы – не оппозиция!

РГ: А что вы ответите тем, кто говорит, мол, для того чтобы в стране была видимость свободы слова, есть некий круг СМИ, и в их числе «Эхо Москвы», которое может высказывать то, чего не дозволено другим. Остальные все под одну гребенку.

Венедиктов: Этим летом я поехал в Грузию и брал интервью у президента Михаила Саакашвили, который рассказывал свое видение проблем между нашими странами, свою точку зрения по отношению к войне, которая была три года тому назад. Это вызвало большое неудовольствие у российской политической элиты – сам факт появления

интервью господина Саакашвили на репутационном ресурсе. Но какова была реакция высшей российской власти? Она в лице президента Российской Федерации приняла решение дать интервью «Эху Москвы» на ту же тему. Это нормально! Никто не закрывал, не кричал «сними с сайта».

РГ: А чья была инициатива взять интервью у Саакашвили? Ваша личная?

Венедиктов: Моя.

РГ: Вам сложно было взять это интервью?

Венедиктов: Нет. Мы занимались этим интервью приблизительно недель пять. Согласовывали график, время приезда. И напомним, что я брал интервью не только у Саакашвили, но и у грузинской оппозиции, что сильно не понравилось президенту Грузии.

РГ: Как вы выбираете главное? «Эхо Москвы» на сегодняшний день само может сделать новость из чего угодно. Как вы определяете, о чем стоит говорить?

Венедиктов: У нас в день семь планерок, с раннего утра до позднего вечера. Есть центральная, где мы готовим большую новостную программу. Мы живем в информационном поле. Случилась, например, трагедия с Як-42. Он упал – и весь день «зачеркнул». Какие другие новости? Или у нас есть планирование, мы знаем о том, что такого-то числа будет вынесено решение суда. Мы еще не знаем, какое именно, но считаем его принципиально важным, поэтому «начинаем двигаться» в эту сторону. Была замечательная история, когда за день до дефолта 1998 года мне позвонили люди, имеющие отношение к происходящему, и сказали: «Завтра в 12.00 – важное экономическое решение». Какое – не понятно. Тогда мы нашли Джорджа Сороса в Нью-Йорке, заказали студию на 4 часа утра (у них такое время, когда у нас полдень), и он согласился. Было озвучено решение про дефолт, и тут же мы включили Сороса. Надо предполагать, что может случиться. Как с Михаилом Прохоровым было: мы понимали, что съезд «Правого дела» проходит без прессы, но я сказал: «Провести моего человека, наверняка что-то будет». И наш журналист сидел там в углу с микрофоном.

РГ: Что вы делаете, если вам жалуются на ваших сотрудников?

Венедиктов: Каждый раз разбираю эти жалобы подробно. Но внутри коллектива. А если жалуются в публичной сфере, то, как говорится, «грудью защищаю» своих, как это, кстати, и было с Владимиром Путиным в 2008 году. По закону о СМИ за все, что делает медиа, отвечает главный редактор. Когда премьеру положили на стол то, что у нас было на «Эхе» и чем он был потом недоволен, он сказал мне буквально следующую фразу: я никого у вас знать не знаю (хотя это не так), вы лично отвечаете за то, что у вас происходит на радиостанции. Абсолютно верная позиция. Чем отвечаю? Своим рабочим креслом! А если мне в закрытом режиме люди пишут или говорят, я начинаю конкретно разбирать с сотрудниками их ошибки, как в эфире, так и за ним. Это вопрос обучения кадров. И они мне могут сказать, мол, все очень просто, вы отвечаете за то, что вы нас сырых выпустили в эфир.

РГ: Сегодня «Эхо Москвы» смотрят (имеется в виду «Эхо ТВ»). – Прим. С. А.), слушают и читают. По поводу последнего – многие жаловались в Интернете, что им не нравится ваш новый сайт.

Венедиктов: Но при этом рост посещаемости очень большой!

РГ: А с точки зрения профессиональной – вы освоили мультимедийную

журналистику? Готовите кадры, которые умеют и писать, и работать на радио, и на телевидении? Или все-таки разграничиваете?

Венедиктов: Насчет «писать» я сказать не готов, потому что на самом деле на электронных медиа – радио и телевидение – по-другому строится речь. А по поводу телевидения и радио... Конечно, мы – радио! Не телевидение! Мы просто пытаемся телевизировать – извините за это нерусское слово, потому что есть люди, которые любят смотреть. Сайт, конечно, растет, и очень сильно. Я им чрезвычайно доволен. Самое главное, что сайт «Эха...» – это тоже отражение нашей концепции площадки для дискуссий. Любой наш материал – новость, интервью, блог, видео – обсуждается. Была масса курьезов, связанных с этим. Например, очень долго мы вели переговоры с послом США о том, чтобы он на сайте «Эха» вел свой блог. И мне его пресс-служба говорила, мол, посмотрите, что пишут у вас пользователи? Я отвечал, что люди имеют право. Они: «У нас бы в США за такое бы давно уже приняли меры». Я: «Послушайте, во-первых, мы не в США, а в России. Тут свои законы. Во-вторых, если посол готов рискнуть и читать эти комментарии... Там много безобразий бывает, но много и по делу». И он рискнул! Я должен сказать, что с уважением отношусь к г-ну Байерли, который ведет у нас свой блог. А что касается сограждан, то масса людей отказалась писать нам на сайт именно потому, что не хотят читать мнение других.

РГ: Полагаю, что ваш уровень еще и не все выдержат. Потому что иногда к вам в студию приходит человек, а когда его начинают атаковать, то ему и сказать-то нечего.

Венедиктов: Наша проблема в том, что за последние 10 лет пропал или опустился уровень политической дискуссии. Мы с трудом набираем людей на программу «Клинч», где идет спор по существу. Полное отсутствие аргументов, сплошная фальсификация, люди приходят неготовые, очень много приводится несуществующих фактов. Это становится неинтересно. Просто покричать – для этого, наверное, есть и другие станции, их в Москве 55. Но мы уже в том положении, когда сами можем выбирать, что нам интересно, а что нет. И поэтому наши слушатели голосуют включением приемника. Нам кажется это чрезвычайно важным – то, что мы все-таки пытаемся поддержать аргументированную планку, хотя не все от нас зависит. Да, можно и голос повысить, но для мотивированного разговора. Я своим ведущим объясняю: если человек говорит, что Солнце вращается вокруг Земли, то пусть он объяснит, почему. Не надо спорить с ним, пусть покажет дорогу, как он дошел до этого. Может, какие-то слушатели его поддержат? Мотивация – это сейчас наша главная задача.

РГ: Слушая «Эхо Москвы», да и когда с вами разговариваю, я начинаю заводиться именно потому, что у вас кричат. Постоянный накал эмоций. Я могу слушать «Эхо...» только по субботам и воскресеньям, когда идет просветительский блок, когда ведет свою программу Марина Королева, которая говорит спокойно, Ксения Ларина, хотя и у нее переходят на крик.

Венедиктов: Я представляю радио как большой универсальный магазин. У нас есть места, где продают вегетарианскую пищу, а есть, где кровавое мясо. На одних прилавках – спиртное, на других – спорттовары. И каждый слушатель заходит и берет то, что хочет. Мы не делаем узкоспециализированную торговую точку. Мы не навязываем только спорттовары. Хотя у нас они есть. Вот вы слушаете «Эхо...» в выходные дни.

Действительно, я очень горжусь нашими образовательными программами, я считаю, в России другого такого просветительского блока просто нет. Это программы для всей семьи. Но это тоже «Эхо Москвы». Просто вы вошли от входа и – направо. А кто-то входит и – налево. Могу сказать, что, условно говоря, в выходные дни в 10 утра нас слушают только в Москве 184 тысячи человек, а в будни – 200 тысяч. Приблизительно равно. Это люди, находящие себя в том или ином кусочке радиостанции. Кто-то слушает только Шендеровича. Приходит вообще на час в неделю ради него. А кто-то – ради Максима Шевченко. В тот же день, через два часа. Пожалуйста, вот вам помидорчик, вот вам огурчик, а вот вам перчик. И все! Это и есть право выбора.

РГ: У каждого супермаркета есть общая концепция.

Венедиктов: Да. Наш супермаркет называется «Эхо Москвы».

Без посредников(Авторская передача)¹³⁹

А. ВЕНЕДИКТОВ: 18 часов и 8 минут в Москве, всем добрый вечер, у микрофона Алексей Венедиктов. К сожалению, сегодня Наталии Ивановны Басовской не будет, поэтому я сегодня здесь один. Мы немножко поговорим о перспективах наших исторических программ. Естественно, я разыграю сейчас – в прошлый раз мы с Наталией Ивановной не разыграли, потому что времени было мало на Сократа – разыграю 10 альманахов нашего «Дилетанта», годовых альманахов, лучшее за 2013 год. И затем буду отвечать на ваши вопросы, в том числе и в программе «Без посредников». Ну, то есть, поговорим сегодня, поскольку Юлия Латынина будет позже говорить о политике, мы поговорим сейчас о политике «Эхо Москвы», в том числе о политике в частности программ по истории.

Поэтому сейчас я вам задаю вопрос. Если вы хотите выиграть один из 10 альманахов 2013 года, лучшее за прошлый год, то вы отвечает: +7-985-970-45-45. Я задам очень простой вопрос. Вы знаете о том, что империя Карла Великого, она была тоже блуждающей столицей, в смысле, внутри империи была блуждающая столица, потому что правило было такое: где император, там и столица. Вот если император в Ронсевальском ущелье, то столица была там. Такой был принцип. Но все-таки была столица у этой огромной империи недолгое время – назовите этот город. Там, кстати, и похоронен Карл Великий. Что было столицей империи Карла Великого? +7-985-970-45-45. 10 победителей. Или через аккаунт @vuzvon – тогда не забывайте свой телефон оставлять. И не забывайте подписываться.

18:10 в Москве. Еще раз напомним. Назовите столицу империи Карла Великого. Хотя принцип «где император, там и столица», соблюдался, но все-таки столица была, и он там похоронен. +7-985-970-45-45, не забывайте подписываться, аккаунт @vuzvon, или через сайт – тогда свой телефон оставляйте. У микрофона Алексей Венедиктов, добрый вечер.

Уже пошли ответы, они, в общем, правильные. Я сказал, простенький вопрос, но тут уже на скорость.

Я начну с того, что программа «Без посредников» - это, как правило, программа о том, что ожидает радиостанцию, такой «Эхотром плюс», я бы сказал. Ну, поскольку у нас здесь все-таки на этом месте должна и будет выходить передача «Все так» с Наталией

139 <http://echo.msk.ru/programs/nomed/1407772-echo/>

Ивановной Басовской... напомним, что это передача про исторических персоналий зарубежной, как правило, зарубежной истории до начала 20 века. Самый молоденький у нас, по-моему, был Бисмарк. Вот. Значит, остальные исторические программы, вы знаете, тоже существуют: «Не так» у Сергея Бунтмана, там очень много уделено российской истории. Мы так разделили эти вещи.

Но, конечно, у нас существует еще одна программа, которая очень резко и бурно начала набирать обороты – это программа «Дилетанты», названная, понятно, в честь нашего журнала, которая выходит вечером по четвергам. И вот мы произведем некую замену. Хочу вам сказать, что теперь соведущим Сергея Бунтмана или Виталия Дымарского будет писатель и наш журналист Сергей Шаргунов, не Карина Орлова. У Карины Орловой будет собственный проект, она никуда не девается, она продолжает вести «Особое мнение» по четвергам в 17 и 19. У нее будет отдельный собственный проект, такой тяжеловатый, имею в виду, в изготовлении, но, тем не менее, она его будет делать. А вот в программе «Дилетанты» про историю и современность будет теперь Сергей Шаргунов соведущим Виталия и Сергея. Когда Сергей Шаргунов не сможет, я буду просить Карину его заменять. Вот, собственно, главная новость этого дня.

Все остальные программы исторические, которые у нас есть, две программы Сергея и моя программа, вот, в частности, «Все так», которая на этом месте, она будет выходить без изменений, и вы будете наслаждаться нашей историей.

Мы пришли еще к одной нашей истории, которую мы делаем совместно с сайтом Полит.ру – это «Дилетантские чтения». Понятно, что мы развиваем исторический образовательный проект, и он будет еще продолжаться, у нас есть еще несколько задумок вокруг этого, вокруг радио «Эхо Москвы». Я говорю, конечно, о радио «Эхо Москвы» в первую очередь. И в «Дилетантских чтениях» участвую я как главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». Два раза в месяц. Это публичные чтения, которые проходят на публичных площадках. Они платные, они платные, потому что нам надо платить за зал. Мы ничего, вот мы, «Эхо Москвы», с этих денег, кроме славы, не получаем. Значит, Следующие «Дилетантские чтения» у нас пройдут в этот понедельник 29 числа. Спешу проанонсировать, потому что гостем этих «Дилетантских чтений» под эгидой «Эхо Москвы», и это для нас, я бы сказал, большая честь, выступит Алексей Миллер. Не Алексей Миллер, который Газпром, а для тех, кто увлекается историей, знает, что Алексей Миллер – доктор исторических наук и профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, один из самых лучших российских специалистов по империям, по генезису империй. У него масса книг вышла на эту тему: «Российская империя и ее окраины» и так далее и так далее. И вот мы с ним в этот понедельник в 19 часов в Домжуре, в Доме журналиста. Я напомним, что только по билетам будет вход, платный. Еще раз повторяю, что мы ничего за это не получаем, но мы снимаем зал большой, они сдают. Сейчас скажу, как купить билеты. Мы будем говорить о цивилизационной... вы знаете, очень смешно. Я придумал тему, называется «Цивилизационная сшибка на полях Европы в XXI веке». Афиши напечатали «Цивилизационная ошибка в XXI веке». И то, и другое правильно, поэтому мы с Алексеем Миллером будем говорить как раз вот о разных цивилизациях, которые были на территории Европы и которые сейчас формируют свои цивилизационные запросы на европейски полях. Понятно, что я имею в виду. И те, кому

интересно, могут купить билеты. Я сейчас скажу, где. Есть сайт, который называется kassir.ru или ropominalu.ru. Это под эгидой «Эха Москвы», повторяю, под нашей эгидой и под эгидой Полит.ру, ну, и, естественно, и журнала «Дилетант» проходит вот эта встреча. 29 сентября в 19, Дом журналиста на Никитском бульваре, дом 8А. Билеты ropominalu.ru и kassir.ru. Это «Дилетантские чтения». Дальше каждый второй понедельник мы будем, в основном я сначала, поскольку это «Эхо Москвы», будем проводить подобные исторические чтения.

В этой связи, в связи с проектами нашими историческими меня спрашивают: а как вот вы на сайте diletant.ru, как вы проходите личностные тесты? Там есть рубрика «Личностный тест», действительно, это так, и он довольно забавный. Его придумал Алексей Дурново, которого вы знаете по работе, опять же, на «Эхо Москвы», где вы, заполняя, отвечая на некоторые вопросы по разным параметрам, вдруг начинаете как бы отождествляться с одной из фигур. Ну, например, «Какой ты полководец?». Вы проходите 9 тестов. Я Ксеркс Персидский оказался. Это, да, это рубрика «Личностный тест» на diletant.ru. Или, например, «Какой вы пират?» - я Питер Блад оказался. «Какой вы древнегреческий бог?» - я Гефест. Это смешно Леша придумал. Если вы зарегистрировались, вот эти все подборки у вас, вы сразу видите всю картину, кто вы есть в разных позициях. «Кто вы из древнерусских князей?» - Ярослав Мудрый, я, во всяком случае. «Кто вы из персонажей Шекспира?» - ну, тут я Ромео оказался почему-то. Из «Трех мушкетеров» я Атос, из «Звездных войн» я Йода, из героев Смуты я Лжедмитрий Второй. Это я рассказываю, что можно проходить архивные тесты тоже. То есть, набрать себя и сравнить. Из известных бунтарей я Гарибальди. Из знаменитых москвичей я Петр Великий. Из маршалов Наполеона я Лан, Жан Ланн. Из изобретателей я Иоганн Гутенберг, а из писателей я Михаил Булгаков. Польщу себе. Из рыцарей Круглого стола я Персиваль (Персифаль). Ну, и сейчас можно пройти будет, я решил пройти прямо в прямом эфире тест на diletant.ru, можем вместе пройти, кто хочет, могу дать несколько секунд. Откройте эту страничку, найдите в рубриках «Личностный тест», щелкните по нему и пройдите любой.

«Кто ты из мифических существ?» Наташа, кто я из мифических существ? Радио – это вообще очень мифическая история. Никто же не видит. Сетевизор – мы же с тобой понимаем, что это подстава, да? Я совсем другой, да? Я другой. А это все мифология. Вот я мифологический Венедиктов. И вот давайте мы сейчас... сейчас открою diletant.ru. Так, открываю. Немножко подвисает. Вас много. А, вот я вижу, что уже этот тест прошло 13 тысяч человек. Вернее, 10 622 человека. И вот 13 тысяч у нас тут чего-то, видимо, не дошли до конца. То есть, три тысячи не дошли до конца. Нажимаем, включаем, заходим. Итак, пройди тест и узнай, кто ты из... Открываем, 9 вопросов, давайте пройдем. Первый вопрос я вам прочитаю, чтобы вы понимали, как сделаны тесты. В результате должно быть: что в твоей внешности тебе больше всего нравится? – первый вопрос. Волосы, нос, телосложение, бицепсы, ноги, глаза, ничего. Не, ну, наверное, моя благородная седина. Нажмем на кнопку. Ответил. Это мы проходим про мифологические существа. В какой цвет ты бы покрасил спальню? Господи, боже мой! В огненно-рыжий, в синий, в салатный, в темно-зеленый, черный, золотистый, все равно. Я бы в синий. Нажали, ответили. Идем дальше. Как ты обычно спишь? Это меня надо спрашивать? Нормальный

вопрос. Дурново, а? Свернувшись калачиком, поперек кровати, на спине, на боку, на животе, понятия не имею, изящно. Вот это точно «понятия не имею», и со мной мало кто делился. Нажали. Под какую музыку стоит танцевать свадебный танец? Под хард-рок, под попсовую слезливую песню, под классический вальс, под барабаны, под тихую таинственную мелодию, под народные напевы, не стоит жениться. Ну, я все-таки вальс оставляю, мы все-таки люди уже консервативные – нажали. Какое блюдо ты бы приготовил для своих друзей? Мясную запеканку, салат с моцареллой, печенье, рагу овощное, стейки мясные, суши, какое-нибудь острое пряное блюдо. Ну, поскольку среди моих друзей есть вегетарианцы, выбор у меня небольшой, между рагу овощным и суши. Давайте суши, я бы приготовил суши, его проще делать – рис да рыба, все дела. Нажали. Это я скоро выясню, какой я из мифических существ. Как бы ты хотел проводить свободное время? Просто бездельничать, охотиться или рыбачить, лежать лицом вниз, ухаживать за собой, делать что-то полезное для других, висеть на турничках, свободное время для слабаков. Ну, вот в нынешней ситуации хотел бы просто бездельничать. Нажали. Так, двигаемся к концу, уже седьмой вопрос из девяти. Чему ты больше всего обрадуешься? Премии, новому знакомству, платью, когда меня, наконец, оставят в покое, ящику инструментов, вкусному обеду, дорогому гребню для волос. Ну, наверное, когда меня оставят в покое. И нажали. Какое же это мифологическое существо у меня сейчас сложится? Твоя любимая погода? Дождь и серое небо, жара +40 в тени, прохлада, главное, чтобы светило солнышко, люблю, когда темно и холодно, мне нравится любая погода, +20, легкий ветер. Не, я дождь люблю на самом деле. Нажали. И последний вопрос, видимо, да, 9-й. Твое отношение к людям? Нормально. Я люблю людей, они почти все хорошие, ненавижу этих существ, они мне постоянно досаждают, забавные существа, их надо сторониться, люди в основном жадные и неприятные, они вкусные. Ну, наверное, слово, что мы забавные все – это было бы правильно. Люди забавные. Нажали. И получилось, что я русалка. И нечего тут смеяться. Я русалка. Охренеть.

Вот, вы тоже можете пройти этот тест. Может быть, кто-нибудь будет не русалкой. Во всяком случае, мне бы хотелось. Это тест на сайте diletant.ru, можно зайти и с сайта «Эхо Москвы» на него, даже, может быть, и лучше. Но, тем не менее, вот такая история. И таких тестов очень много, можно проходить архивы. Это такие исторические. Вот мифологические существа. Ну, я, в общем, да, я как-то слегка обалдел, что я русалка. Ну, русалка и русалка. Ну, что тут сделаешь? Русалка и русалка.

Теперь наши победители, которые ответили. Аахен. Правильный ответ – город Ахен, или Аахен. Наши победители, которые получают альманах. Я напомним, я спросил, где столица была империи Карла Великого. Константин, чей телефон заканчивается на 678, Александр 286, Максим 623 – это концовки – Лев 653, Руслан 773, Эдуард 274, Стас 755, Михаил 194. Ну, и хоть две девушки: Ольга 328 и Юлия 998. А то все пацаны да пацаны.

Так, посмотрим, что здесь после Ахена, пришли какие вопросы. Хотя у меня есть вопросы, естественно, про полемику Натальи Дмитриевны Солженицыной и Юрия Полякова. Я отвечу на этот ваш вопрос. И, конечно же, надо сказать сразу, что Юрий Поляков за границей, мы ему звонили, когда, наверное, он придет и объяснится. И Наталья Дмитриевна не захотела прийти на эту тему говорить, но сегодня была передача у

Ксении Лариной. Вот такая история.

«Программа Михаила Соколова, - спрашивает Евгений из Ленинградской области, - «Цена революции» остается?» Да, и «Цена революции», и «Цена победы» остается. Я же вам говорю про то, что меняется. Если я молчу, то оно все и остается. Я сегодня такую... Так, Евгений из Пензы тролль. Прикиньте. Прикинул. Так. «Что такое Серж Шаргунов? Рискуете?» Да, Семен, я всегда рискую. А вы про это ничего не знаете, что я рискую, да?

«Дракон», - мне пишет Леонид, прошел. Народ, проходите правильно, интересно. Минотавр. Хорошо.

Так, дальше тут из республики Удмуртия: «Вы нас за идиотов принимаете?» - спрашивают меня. А вы в зеркало посмотрите. Что вас принимать, не принимать за что-то?

Так. Леша Дурново создает, по-моему, все эти тесты. А, вот правильно мне пишут: «Русалка – это акционерша РУСАЛа. Не самый плохой результат». Должен вам сказать, что по нынешним временам, уважаемый абонент, чей телефон заканчивается на 24, вот, это, может быть, не самый хороший результат. Но Костя мне тут пишет: «Вы рус-алко». И это правильно. А, может быть, вот это правильно.

Тут Лида говорит: «До чего скатилось Эхо!» Лида, один поворот тумблера – и вы свободны. Вот один поворот тумблера просто. Как же надо не любить людей, Лида, чтобы их так селектировать. Какая же вы, Лида, ненавистница, ужас какой-то. Кто меня окружает? Господи, боже мой. А еще спрашивают, как я сплю, свернувшись калачиком или поперек кровати.

Так, ладно, пошутили и будет. Пока тут люди все проходят, я пока отвечу на те вопросы, которые пришли ко мне по интернету. И один из первых вопросов был, конечно, про историю с Юрием Поляковым и Александром Исаевичем Солженицыным. Ну, во-первых, у меня к Александру Исаевичу было и есть очень сложное отношение и как к человеку, и как к писателю. Первое: мы все понимаем, что он писатель. Нам может он не нравиться, но он писатель, его стиль существует отдельно. Он создал этот стиль, и его продолжают читать не просто как политические манифесты, а именно как художественные произведения. И те, кто только, значит, останавливается на «Архипелаг ГУЛАГе» или на «Красном колесе», те не правы. Начинать надо читать с рассказов. Это великолепная русская проза. «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор». Это великолепный русский язык. И недаром, что даже те, кто его не очень сильно любил, так называемые деревенщики (имеется в виду направление в литературе), о Солженицыне как о писателе отзывались как о человеке, который складывает слова в звуки, отзывались очень позитивно. И это есть, кстати, очень интересно в докладных записках сексотов, секретных сотрудников, которые доносили в КГБ об отзывах о Солженицыне. Причем не «Архипелаге ГУЛАГ», не 74-й год, а вот при Хрущеве и потом после Хрущева. И они на самом деле говорили между собой о том, что он настоящий писатель, вот он писатель. Вот буквы складываются в слова, слова складываются во фразы, фразы складываются в произведения, и все складывается в звук. Поэтому, первое: он великий писатель.

Второе. Я очень часто с его политическими воззрениями не то, что не соглашался, - не мое. Ну, считал, что он увлечен какой-то идеей, там, земство было, и все это было туда. Но это совершенно не значит, что его не надо читать, и самое главное, может быть, что его не надо преподавать в школах. Если вы хотите хороший русский язык 20 века, да? Потому

что есть язык 19 века, даже есть русский язык 18 века литературный. То это Александр Исаевич Солженицын. Да, может быть, не «Архипелаг», может быть, рассказы, как язык. «Архипелаг», конечно, надо преподавать историкам. Вот. Это публицистика, на мой взгляд. Так же, как «Красное колесо».

Но вот я его уважаю как человека, я его уважаю и люблю как писателя, я часто с ним соглашаюсь. И то, что написал Юрий Поляков, это просто неправда. Нельзя написать, что он покинул страну. Его вывезли из страны, его выкинули из страны. Просто взяли и выкинули. И написать о том, что он покинул страну – это ложь, это неправда. И что он призывал, там, идти войной на Советский Союз Америку – это неправда. Именно Александр Солженицын критиковал американское правительство, будучи в Америке. Легко здесь критиковать. Его приняла Америка, дала ему убежище, а он ее критиковал за то, за что он считал это правильным. И в этом весь Александр Исаевич Солженицын. Это не чувство неблагодарности, это не так. Нет, это просто абсолютно цельный самостоятельный характер. Многим может показаться: как же так? Вот тебя выкинули в одной шапке, тебя приняла сначала Германия, Швейцария, потом Соединенные Штаты Америки – а ты их критикуешь. Вот он был абсолютно цельной и самодостаточной натурой. И не надо бы Юрию Полякову за чем-то и почему-то сейчас... Нет, если вы хотите с ним поспорить, если вы хотите поспорить с его идеями, если вы хотите поспорить с его языком – ради бога, господа литераторы, господа политики. Это нормально. Мы спорим с политическими взглядами Федора Михайловича Достоевского, например. Или Михаила Александровича Шолохова, например. Это совершенно не умаляет того, что они сделали в писательском труде, и что мы читаем, совершенно не умаляет, и никто не требует ничего запрещать. Он говорит: что-то сильно активно готовимся к столетию Солженицына. Не готовьтесь. Те, кому это не нравится – не готовьтесь, не читайте. Свободные люди. Но если другие люди, которые любят и уважают Солженицына, считают, что именно в год столетия нужно напомнить, если кто забыл, про то, о чем говорил Солженицын, что писал Солженицын, пусть эти люди это и делают. Если это делают высокопоставленные люди, пусть высокопоставленные люди это делают. Какая разница? Почему нужно немедленно ложью унижать большого писателя и очень большого человека? Повторяю, я, наверное, более, чем Юрий Поляков, не согласен с некоторыми идеями Солженицына, политическими, я имею в виду. Но я себе никогда не позволю себя унижить до такой степени, чтобы вот сейчас кидать неправду в спину человека, которого уже нет, он не может ответить, он ушел от нас. И, казалось бы, писатели, инженеры человеческих душ. Где ж тут души и где ж тут «инженеринг», хотел бы я знать?

Ну, я сразу скажу вам, всем остальным, завершая эту часть эфира, что когда Юрий Поляков вернется из командировки, из поездки, то, конечно, мы ему предоставим эфир, без всякого сомнения. Может быть, его неправильно поняли, может, его там, где он опубликовал эту колонку, не так подрезали. Я всегда предпочитаю о людях думать лучше, чем они кажутся с первого взгляда. Но при этом, я еще раз хочу вам сказать, и подчеркнуть, и задать вопрос: зачем это нужно было? Это же неправда. Зачем нужно говорить неправду?

НОВОСТИ

А. ВЕНЕДИКТОВ: 18:35. И уж поскольку напомнили, что в воскресенье Сева Бойко и

Ирина Баблюян ведут, соответственно, утренний «Разворот», то я хочу вам сказать, что я раскассировал пару пятничного «Разворота», Илью Рождественского и Сергея Шаргунова. И утренние «Развороты», со следующей пятницы мы будем пробовать пару... «блудные сыновья» называется пара, или «Блудящие сыновья», скорее всего – Тимур Олевский, Владимир Роменский. Вот они будут сидеть на утреннем «Развороте» по пятницам, проверим, как это получится. Может быть, эта пара выдаст больше нам такой... генезис что ли утреннего «Разворота». Вот Роменский-Олевский – утренний «Разворот» в пятницу, а днем Бунтман Женя и Леша Голубев. Это будет дневной... постоянные пары. Ну, постоянные, если будет это все складываться и получаться. Мы же смотрим, пробуем.

Тут же очень важно, как люди взаимодействуют внутри, создается ли кумулятивный эффект или не создается. Скажем, у пары Уткин-Орех, если говорить об утреннем «Развороте», можно сказать, что создается кумулятивный эффект. А вот у пары Рождественский-Шаргунов не получилось. Значит, я уже сказал о том в первой части нашей программы, что Сергей Шаргунов будет вести, совести программу «Дилетанты» по четвергам вечером. И получит свое «Особое мнение» на неделе. Сейчас вот я там разбираюсь, там, раскапываюсь. То есть, вместо утреннего «Разворота» в пятницу у него будет час «Особого мнения» и час «Дилетантов». Вот мы таким образом эти два часа и выстроим в эту историю. То, что я хотел сказать вам про это изменение.

Еще одна история, да, меня просили анонсировать: в программе «Разбор полета» в понедельник у Тани Фельгенгауэр и Ирины Воробьевой будет новая глава Мосгордумы Алексей Шапошников. Хочу вам сказать, что Владимир Платонов, который 20 лет был главой Мосгордумы, он уже был в этой программе, но мы, безусловно, позовем его и поговорим о том, что же все-таки такое стало с Мосгордумой. Вот новая глава Мосгордумы придет к нашим девушкам в понедельник. Я напомним, что программа «Разбор полетов» - это программа про то, как люди принимают решения. И это довольно интересно. Алексею 41 год, он молодой пацан, с моей точки зрения, с высоты моего возраста, и так далее.

Еще одна, может быть важная новость. Сейчас у меня в проекте две программы. А, «Синхронный шаг» меня спросили, идут вопросы на наш телефон +7-985-970-45-45. Ну, по-моему, это такая удачная история, мне так кажется, пока во всяком случае. Три программы пошло, пошло-прошло. Мы посмотрим, какая будет у нас программа четвертая, разберемся. Вот.

Я начал говорить, что у меня две программы пока, ну, в такой идеологической разработке. Это программа с послами. Ну, в нынешнюю эпоху, когда достаточно изоляционистские настроения нарастают, нам кажется, что нужно нам представлять политику и людей, которые представляют эту политику в Москве, и слушать, как они эту политику имплантируют и как они понимают Москву. И вот эту программу мы сейчас начинаем как бы придумывать. Я вам начал уже говорить о том, что это будет делать Карина Орлова.

И еще одна программа, которая, может быть... то есть, не может быть, а она у нас возникнет в выходные дни – это программа про то, какие мы благотворители. Я даже не знаю, как это сказать. Или, вернее, какие мы не благотворители. Пока вот так это все, пока более подробно не расскажу, тоже работаем над этой программой с возможными

ведущими. Она выйдет в любом случае, просто не готов пока сказать. Это тема, которая на «Эхе Москвы» отсутствовала как отдельная программа, но, видимо, пришло время признать, что государство все хуже и хуже справляется с этой работой – я имею в виду с работой по отношению к людям, которым нужна непосредственно и немедленно забота. Значит, нужно про это рассказать и показать, какие пути решения этих проблем могут быть. Вот это история, которую я хотел вам сказать. Я говорю пока очень туманно, я знаю, что я говорю очень туманно, я знаю, но пока идет обсуждение, не хотел бы публичным анонсом кого-то обязывать каким-то образом принимать какие-то решения.

Дальше. Так, ну, про сайт я уже все говорил. Послушайте, я уже про сайт все сказал, да? Привыкайте. Вот пишет Владимир из Татарстана. Думаю, что не Роменский. «Такое утро по пятницам буду слушать». Так это же и замечательно. Будете слушать, это интересно.

Алекс пишет, вот хороший вопрос: «Какие ваши впечатления от конференции Prosperity Capital? Что больше всего волнует иностранных инвесторов?» Объясню, почему я отвечаю на этот вопрос. Я действительно выступал на инвест-конференции Prosperity Capital, это правда. И там собрались крупные инвесторы, там, от Финляндии до Гонконга и Индии. Людей волнует одно: людей волнует стабильность, людей волнует предсказуемость правил игры. Я так понял, что эти крупные инвесторы готовы играть, ну, почти по любым правилам, там, не людоедским, но почти по любым правилам, в случае если они будут знать, каковы эти правила в течение нескольких лет, не меняются. Или нескольких десятков лет.

И, собственно, мое там появление достаточно забавно, потому что я оказался в тройке: сначала был Кудрин – представляете себе, да? – потом был Тренин, а потом был я. Вот так, трехголовый дракон. Я думаю, что мы говорили разное, но вот пугали. На самом деле мне же тоже важно не только изложить то, что я знаю, меня спрашивали, я отвечал, а) что я думаю и б) что я знаю. Это разные вещи, что я думаю, что я знаю, это разные вещи. Ну, вот мне представляется, что вот правило: не трогайте... И самое интересное, что больше всего разговоров было не про санкции, особенно потом, а про Евтушенкова. Потому что я понял, что вот для людей понимающих история с Евтушенковым не менее важна, чем история с санкциями. Санкции прописаны, все изучают эти письма министра финансов Льюи, министра финансов США, и там прописано все. А вот что с Евтушенковым – непонятно. Рынок прыгает. То освободили, то не освободили, то туда, сюда. Явно кто-то играет на рынке. И такая вот история.

Это к вопросу о том, кстати, не только про Prosperity Capital, это к вопросу о том, что я еще как главный редактор носитель определенных знаний и пониманий, приглашаюсь на разные конференции и там выступаю. Это касается уважения, которое люди испытывают к «Эху Москвы». Естественно, меня приглашают не как Алексея Венедиктова, а как главного редактора радиостанции «Эхо Москвы». И то, что и крупные инвесторы, и крупные политики формально, не формально, встречаясь со мной, с моими заместителями, с моими представителями, они не то что доверяют, они знают, что мы очень наблюдательны, что мы очень внимательны, что мы не поверхностные, что мы взвешенные, что даже наши, как бы это сказать, корневые взгляды не затмят нам глаза на какие-то события. Поэтому вот такая вот история.

И поэтому «Дилетантские чтения», собственно говоря, они происходят, потому что... представляете, люди платят деньги за то, чтобы услышать, что Венедиктов думает о Запорожской Сечи? Ну, так же не бывает просто. Значит, дело не в Сечи, а дело в «Эхе Москвы». Люди же понимают, что я общаюсь, я впитываю. Вот, кстати, вчера пересматривал первый сезон «Карточного домика». Помните, кто смотрел, как один там конгрессмен говорит своему охраннику, который ему обязан: ты должен быть, как камень. Ты ничего не впитываешь, ты молчишь, и тебя нельзя сломать. Вот тут все наоборот. Во-первых, я все впитываю. Во-вторых, я молчу. А сломать – а что тут ломать-то, господи, я все говорю, что я знаю. Да?

Дальше. Развернулась дискуссия вокруг Шаргунова. Сергей Шаргунов очень, на мой взгляд, содержательный парень со своей системой ценностей. Очень содержательный. И его система ценностей не мешает ему разговаривать с другими людьми, что очень важно. Он вполне себе готов это делать. Поэтому все хорошо. Еще раз повторяю: кому не нравится – ну, ребята, ну, не нравится, и так далее.

«В свете новых событий, - спрашивают меня из Архангельской области, - будете ли вы приглашать Лимонова?» Ну, мы это делаем постоянно, а он не приходит. У него есть теперь другая аудитория. Так. «Когда услышим Проханова?» Откуда же я знаю? Не приходит. Он работает на другом радио теперь.

Так. «Как вы прокомментируете ограничение участия иностранного капитала в СМИ?» Ну, давайте я прокомментирую, поскольку это напрямую касается и нас. Ни для кого не секрет, что 33%, чуть больше 33% акций сложены в одну компанию, которая зарегистрирована в США в штате Делавэр, и в совете директоров, собственно, я представляю этих миноритарных акционеров. Я представляю журналистские акции и представляю акции Владимира Александровича Гусинского. Вот это такой пакет 33-единный, который я представляю. Ни на секунду не сомневаюсь, и даже знаю, почему и как это было сделано, что принятие этого закона в том числе было направлено и против нас. Потому что если... и это было сделано, мы это сделали, мы это зарегистрировали в 2004-м, по-моему, году, чтобы основной акционер, я имею в виду так называемое «Аура Медиа», которое принадлежит «Газпромбанку», чтобы оно понимало, что как бы есть два крупных акционера. Кстати, от меня это требовал в свое время Альфред Кох в 2000 году, чтобы все акции были собраны в одном кулаке, он отказывался разговаривать с журналистами, где все эти акции были расплывены. Мы это выкупили и создали вот эту компанию уже в 2003-2004 году уже по собственному пониманию, что это является дополнительной схемой возможности инвестирования.

Да, мы выполним тот закон, который будет принят, но я считаю этот закон бессмысленным и идиотским на самом деле, потому что понятно, каким образом его законно будут обходить даже те, кому принадлежат, там, «Ведомости», «Forbes», глянец весь, я очень хорошо это себе представляю. Что касается нас, «Эхо Москвы» всегда было законопослушной радиостанцией. Ну, значит, на иностранном инвесторе останется 20% минус одна акция, а остальные, как и были там на ком-то из российских граждан, будут на них или на российской фирме, мы не знаем. Мне американские юристы наши сказали: мы не обсуждаем идеи, мы обсуждаем законы. Вот когда президент Путин подпишет этот закон, он будет опубликован, мы сядем, время есть, и предложим варианты. Потому что

надо будет учитывать не только российские законы, но при переформатировании пакета надо будет учитывать американские законы, и конкретно законы штата Делавэр. Мы учтем, не волнуйтесь.

У нас за редакционную политику отвечает не собственник, у нас за редакционную политику отвечает главный редактор, то бишь я. Так было, когда «Эхо Москвы», собственно говоря, вернее контрольный пакет... я же пришел в 98-м, как главный редактор, он же 4 года принадлежал Владимиру Гусинскому, контрольный пакет, отвечал я. Потом вы помните всех генеральных директоров, да? Альфред Кох, Борис Йордан, Александр Дыбаль, Николай Сенкевич, Михаил Лесин – отвечаю я. Я отвечаю перед вами, я отвечаю перед ними, я отвечаю перед президентом, да? И состав акционеров меня как-то совершенно в этом смысле не заботит, если акционеры не вмешиваются в редакционную политику.

Но с точки зрения общей, это, конечно, удар по медиарынку, потому что, ну, как, привлечение средств для издания, скажем, глянцевого журнала или создания хороших передач – это необходимо. Вот, например, есть замечательный канал СТС, вот он замечательный. Вот у меня ребенок его смотрит, я иногда тоже смотрю. Там замечательные продукты создаются, и вы смотрите. Так вот, 32, если я не ошибаюсь, больше 30% торгуются на нью-йоркской бирже, листинг, то есть, в свободной продаже, и 37%, по-моему, принадлежит шведам. И что теперь? Вот что теперь? Как собрать эти акции, которые у мелких акционеров через биржу в Нью-Йорке? Вот как их? Или лишить их – тогда Российская Федерация получит судебные иски. Потому что сидит какой-нибудь американский дундук в Нью-Йорке, у него там 0, 01% этих акций, а суммарно их 30-32%, нужно довести до 20%. А как? Ну, скупайте, наверное, я не знаю. А у него вдруг эти акции каким-то образом будут отнимать. Пойдет в суд, и арестуют имущество Российской Федерации. Вот так это будет. Поэтому, такой принудительный выкуп. Или его акции будут объявлены в ноль, будет проведена эмиссия, естественно.

Поэтому нужно к этому относиться как к закону, во-первых, неэффективному, потому что во многом у глянца он будет обойден. Несущностному, вредному, с точки зрения инвестиций. Если говорить о том, кто вот пятая колонна – это те самые люди, которые вот принимают законы, ограничившие инвестирование в Российскую Федерацию. Вот и все. А сколько рабочих мест в этих глянцах и прочих журналах: Cosmopolitan, Forbes (ну, Forbes не гляцевый), GQ, да? Ну, это вот, знаете, такая история, неинтересная, плохая история, с моей точки зрения.

Дальше. Крот, про крота. Я не вычисляю его. Рупрехт, по-моему, вы единственный, кто интересуется этим кротом.

«Будет ли интервью с новым послом США в Москве первым?» Я не знаю, будет ли оно первым, не гонюсь за этим, но оно должно быть большим и обстоятельным. На следующей неделе я начну разговор об этом. Ну, вот мы сейчас получили согласие, например, на интервью госпожи Пауэр, которая является постоянным представителем США в Совете безопасности ООН. И господина Чуркина, который является постоянным представителем в Совете безопасности от Российской Федерации. Мы хотим сделать двойное интервью, и мы все время пытаемся, а у них все разные графики. Что, собственно говоря, мы ездили в Нью-Йорк? Я ездил в Нью-Йорк на 2 дня. Мы хотели взять эти

интервью живьем – у нас не получилось. У них никак не состыковывалась вот эта история. А нам кажется это важным, что надо представлять разные точки зрения на одни и те же вопросы. И мы сейчас пытаемся договориться, чтобы по телефону, по Скайпу. Поэтому посол – не самоцель, но, конечно же, ему интервью предложим, это без всякого сомнения. А как иначе?

Так, дальше. Ваша точка зрения, наших ведущих может быть тоже ошибочной, правильно. Так, дальше опять про Солженицына у нас началось. «Почему перестали приходить Радзиховский и Минкин?» Радзиховский приходит. Минкин – не знаю, почему.

Так, про Партию Прогресса ничего не знаю, это Министерство юстиции. Так. «Требуем больше девушек». Вам девушки по радио зачем? Вы просто так не можете? Вам обязательно про радио, да? Или не обязательно про радио?

Дмитрий спрашивает: «Будет ли вести свою передачу Ольга Журавлева?..» Да, мы сейчас, кстати, собираемся сделать одну такую передачу, ведем переговоры с одной радиостанцией в Нью-Йорке русскоязычной, чтобы сделать еженедельный мост. Это предложение пришло к нам снаружи. Один из коллег, Станислав из «Авторadio» сделал нам такое предложение, и я поручил Оле Журавлевой ее готовить. Ну, говорить о том, чем живут эти города. Вот, Нью-Йорк – Москва. Что читают, что там происходит. Знаете, такой вот вечерний эфир с названием условным «Железный занавес-2». Опять-таки, сейчас были в Нью-Йорке, пытались встретиться с ребятами, тоже опять не получилось из-за графика. Но мы хотим сделать вот такой мост, нам кажется, что это интересно. По этому же принципу я хотел бы делать и с «Радио Вести», с киевской радиостанцией, но тоже пока, в общем, не существует понимания, потому что все-таки московская аудитория не может опираться на неизвестных политологов, на неизвестных политиков. Они будут уходить. Я понимаю, что для Киева это важно, а для нас это не важно. Поэтому вот нахожусь в таких латентных переговорах, сумрачных, я бы сказал, с «Радио Вести». Но мне кажется, что делать классную передачу с Нью-Йорком, где ведущие оттуда, ведущие отсюда, звонки оттуда, звонки отсюда, русскоязычная аудитория, естественно, в такое поздневечернее время, там, в 23, значит, там, в Нью-Йорке это, соответственно, 16, 15 – мне кажется, что это было бы интересно, я буду и дальше двигаться в этом направлении. Но это логистически сложно, там, знаете, есть свои рекламные позиции, там, реклама, которая не должна идти здесь... В общем, вот такая вот история. Мне представляется, что она может быть полезной. Но тоже нахожусь в системе такой турбулентности, потому что ведущий есть, вот от нас Оля Журавлева. Меня спросили, собственно, про Олю Журавлеву, я начал отвечать. Вот, второй ведущий – коллега, который предложил Стас Свинцов с «Авторadio», оттуда два тоже русскоязычных коллеги, естественно, российских. Ну, вот, собственно, история такая.

Про утренний «Разворот». Я пока настаиваю на том, чтобы это было два мужских голоса, поэтому все вопросы, почему там нет Тани, Иры, Маши, Лены, Леси и кого-то еще, я вам скажу: потому что моя концепция заключается в том, что сейчас надо иметь там два мужских голоса. Вот поэтому и нет. А что касается субботы и воскресенья, то там как раз вот один мужской, один женский. Пока так, во всяком случае. Но все меняется.

Еще одна важная вещь. Мне тут пишут доносы, что где-то выступил Голубев. Вы знаете, я точку зрения личную своих журналистов не корректирую. Более того, я даже

принципиально не захожу в Фейсбук и не регистрируюсь в Фейсбуке, для того чтобы не читать все то, что они там пишут от себя. Это их личное пространство и это их личное право. Я вам сто раз говорил, что на «Эхе Москвы» люди с разными взглядами, разными точками зрения. И те, кто пытался говорить, что «Эхо Москвы» – это вот секта и политическая партия, теперь умываются. Потому что вам этого не понять. Это у вас там секты и у вас там вот такие монашеские ордена, я бы сказал. У нас – нет. Я не залезаю в личное пространство. Я не скрываю, что мы думаем над тем все-таки в социальных сетях, каким образом, если возникает, что-то касается радиостанции, все-таки ограничить, но высказывание своей личной точки зрения я, конечно же, запрещать никому не буду. В том числе, как вы знаете, там в социальных сетях, где меня нет, идет полемика и касающаяся главного редактора. Я, слава богу, этого не читаю и запретил мне это распечатывать и давать. А зачем? Это их личное пространство. Мне важно, чтобы они профессионально выполняли свою работу на «Эхо Москвы». Не на ВГТРК, не на «НТВ», не в журнале «New Times», не на «Дожде», а на «Эхо Москвы». Это зона, за которую отвечаю я, это пространство, за которое отвечаю я. А что там кто говорит и высказывает свою точку зрения на других каналах – ну, это их личная точка зрения, они не говорят от имени «Эха Москвы». От имени «Эха Москвы» говорю я, и то, когда я об этом говорю, что это вот от имени и по поручению. А когда я вам сейчас высказывал свою точку зрения на то, на се, на пятое, десятое в программе «Без посредников» – моя личная точка зрения, которая не ангажирует – я имею в виду Солженицы-Поляков – не ангажирует никого из моих журналистов, они имеют право иметь точку зрения.

Но хорошо бы они имели точку зрения на то, что происходит, а не на мою позицию. Вот я считаю, что нужно комментировать происходящее, а не позицию друг друга, если вы не являетесь ньюсмейкером и публичным человеком. Но если такое происходит, вы знаете, что даже на нашем сайте сотрудники «Эха Москвы» часто вступают в политическую дискуссию, скажем мягко. Единственное, что я хочу просто сказать, что я не допущу, чтобы они переходили на личности. Вот вы можете, и мои коллеги могут критиковать политические взгляды друг друга, именно как взгляды, именно взгляды критиковать и обсуждать, но не переходить друг на друга, как обычно: вес, рост, цвет глаз, семья и так далее. Безжалостно, каленым железом буду выжигать, как это я, собственно говоря, делаю и с другими блогерами на сайте «Эха Москвы».

Я напомню, в один и тот же день были сняты два блога, 3 месяца назад – это был блог Бориса Немцова и Кристины Потупчик. Один пошел жаловаться в Фейсбук, другая пошла жаловаться на ВГТРК. Но так было и так будет. Вот так было и так будет, пока я главный редактор. Я по содержанию – ничего. Я вот в данном случае по контенту – ничего. Я говорю по процедуре. Извольте спорить друг с другом, и это нормально, люди спорят, в семьях люди спорят. Что тут? У нас тут предприятие. Но не переходите на личности. Совершенно недопустимая история.

Ну, и хочется сказать, что вы мне, пожалуйста, не пишите доносов. Я доносов не читаю, во внимание их не принимаю, сам не пишу, мне это неинтересно. Понимаете? Если мне будет интересно, я спрошу вас. А мне это неинтересно. И вам не советую, на мой взгляд.

И мне тут пишут: этого мало, этого много. Это все вкусовщина, и не надо свою

вкусовщину навязывать. И вот я вам буду свою вкусовщину навязывать. Но еще раз напомню, что на московском диапазоне 54 радиостанции, и в любую секунду в любой час переключением тумблера, в этот час можете прослушать замечательное другое радио. А потом вернуться снова на радиостанцию «Эхо Москвы» и слушать все остальное. Не надо дергаться по этому поводу. И на меня это не влияет. Не хочу слушать того-то – не слушайте. Не хочу слушать того – не слушайте. Хочу слушать того – слушайте.

На этом я с вами прощаюсь, и до встречи на следующих передачах.

Дарья Асламова

Женщина рожденная для войны и секса¹⁴⁰

Застать ее дома практически невозможно: сегодня она в Абхазии, завтра – в Нагорном Карабахе, а через два дня – в Югославии. Она – военный журналист. Она – женщина.

Она известна до такой степени, что сам бывший спикер в разгар горячих дискуссий одного из съездов вынужден был обратить на нее свой профессорский взор. Тогда она преподнесла Хасбулатову и компании большой сюрприз в виде публикации «Записок дрянной девчонки», где откровенно рассказала о мужском темпераменте экспредседателя Верховного Совета, а также мужских достоинствах многих других известных и уважаемых в СНГ людей, с которыми она занималась любовью.

Эта девушка сделала себе имя на войне и сексе. Первый военный репортаж Дарьи Асламовой наделал много шума в стране, где «железный занавес» тогда только рухнул, и посему сексом пахнуть еще не могло... «Вообще-то до карабахского скандала я выезжала в «горячие точки» пару раз. Но тогда мне казалось, что все это игра в храбрую девочку-журналистку. Я ощущала себя, ну, что ли актрисой в кино, где все равно наступит хэппи-энд или, по крайней мере, ничего плохого не случится», - говорит Даша. Весь ужас войны для нее был связан только с бытовыми неудобствами: «Ни воды, ни мыла. В маскхалате трудно было ходить в туалет – меня всегда кто-нибудь из мужчин сопровождал, развязывал веревочки и стягивал эту робу».

Но в остальном ей казалось, что на войне не так уж плохо. Потому что здесь

140 Автор статьи Виктория Сарыкина // <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/belletristika/aslamova/>

она не просто журналист, она женщина. Существо для тех, кто воюет, особенное, до крайней степени экзотическое...

От ощущения игры ничего не осталось в Карабахе, когда боевики предложили Дарье выбор – или ее тело, или жизнь ее товарищей. «Ты же помнишь этот декабрьский скандал двухлетней давности? Мне казалось, я наделала много шума». Наделала шума – не то слово. Стоит только вспомнить ее выступление по ЦТ: Даша поведала миру, что пожертвовала своим телом ради спасения своей жизни и жизни своего товарища... «Мы ехали из одного армянского села по ночной зимней дороге в Степанакерт: я, мой коллега-журналист и два армянина, которые нас сопровождали. Хорошо помню – музыку слушали, курили. Вдруг справа и слева раздались автоматные очереди, машину окружили какие-то люди. В этот момент я еще не успела испугаться». Их вывели на мороз, заломили руки, мужчин связали и повалили на снег, а эту черноглазую фифу били по щекам.

Один из боевиков с туманным полупьяным взглядом нагнулся к ее лицу и прошипел: «Сука! Я тебя сейчас убью, поняла?». Теперь Даша сообразила, что это уже не игра. Она не сопротивлялась. Просто сказала, что трогать их – Дашу и ее друзей – никто не имеет права: «мы журналисты». Тогда ее одарили очередной порцией «ласк»: «Молчи, блядь! Молчи, или сейчас тебя прикончим».

«Они не знали, что с нами делать. Иначе не повезли бы с собой... Меня и журналиста, который был со мной, затолкали в багажник легковой машины. Я тряслась от страха и думала о маме. Как это так: бегала такая милая девочка, а тут пришли какие-то ублюдки, и все? Девочки больше не будет? Почему-то вспоминалось только лицо мамы».

Их привезли к заброшенной кошаре. Дашу оставили на морозе, приятеля пихнули в скрипучую дверь. Спустя полчаса оттуда по снегу поволокли двух армян – за стонущими телами тянулась кровавая дорожка... Она пыталась выиграть время. О чем-то говорила, что-то спрашивала, даже заигрывала. Но боевики вели себя как глухие. «Я только потом поняла, что у них с глазами что-то не то. Как после хорошей дозы наркотика». К ней подошел маленький толстый мужик. Протянул свою жирную лапу к девичьему лицу, еще секунда – и клешня, проворно расстегнув кофточку, быстро опустилась в трусы: «Ну, сучья дочь, если сейчас пушку найду, чем оправдываться будешь? На такую цацу желающих много найдется...»

Потом ей устроили допрос: что, где, почему? Даша, конечно, твердила, что парень, который с ней, - ее коллега, а те два армянина – мелкие сошки:

зачем их трогать, они все равно ничего не знают – водитель и охранник... Один из тех армян, Виген, был на самом деле начальником партизанского отряда. Недавно погиб...

«Допрос был ужасный: автомат в горло засовывали, угрожали. Но я стала плести какую-то чепуху. Я знаю, всегда под дулом нужно говорить что-нибудь. Когда в тебе видят не просто кусок мяса, а живого человека – убить уже сложнее. Меня спросили: «Жить хочешь? Бери автомат и стреляй в своих... ха-ха-ха... дружков». Я начала кричать что-то о гуманизме, но тут же подумала, насколько неуместны эти высокие слова в моей ситуации...» Даше сунули сигареты и спички. Она пыталась

прикурить, но руки дрожали, и огонь все время гас. Самый молодой из боевиков посадил ее на колени и предложил простой выбор. Она сказала: «Хорошо, я отдамся тебе, если все мои друзья останутся в живых». И заставила поклясться его хлебом и матерью.

...Крутится кассета диктофона. Мы сидим в валютном баре. Даша, в шикарном красном платье «стрейч», в огромной шляпе а ля Палома Пикассо, тянет из трубочки «Мартини». Она совершенно не похожа на партизанку Зою: кокетничает, делает глазки официанту бара и небрежно кидает «зеленые» чаевые... И без всякого перехода продолжает:

«Я стояла «раком», оперевшись на подоконник, и просто смотрела в окно – звезды, ночь... неужели я умру? А эта грязная скотина пыхла, терлась телогрейкой о мою спину и никак не могла кончить. Мне не было гадко, я даже спросила его, почему он меня не целует? Он смутился и ответил, что у них это не принято. Мне казалось, что так не бывает – война, зима, звезды и эта смутившаяся свинья».

Она не чувствовала ничего даже тогда, когда на «русскую блядь» пришли посмотреть другие и затребовали свою долю. Было холодно – вот и все ощущения.

«Потом нас всех собрали в одной комнате, положили на кровать и сказали: «Мы сейчас вас убьем, а трупы положим на армянскую территорию, и все будут считать, что вас убили армяне». Но вдруг я услышала треск автоматных очередей, увидела в окне вспышки трассирующих пуль, а спустя некоторое время на улице кто-то закричал – сдавайтесь, вы окружены!..»

Дашу спасли гаснущие спички. Когда в армянском селе – откуда они ехали – узнали, что машину захватили боевики, ребят сразу же стали искать. Прочесывать каждый километр гор. Пока кто-то не увидел вспыхнувший огонек спички...

- Что ты почувствовала, когда поняла, что спасена и останешься жить?

- Моя первая мысль? «Это сенсация!».

Что это? Цинизм? Полное пренебрежение к собственной жизни или атрофия чувств, вызванная стрессом? Для нормального человека такая позиция – за пределами понимания. Сама Даша объясняет это как «естественную реакцию военного журналиста». Первое, что она сделала, когда добралась до телефона, - набрала номер «Комсомолки» (где до недавних пор она работала). В редакции, как она говорит, ее любили и опекали. Она часто моталась на войны и делала классные репортажи. Коллеги, многие из которых не понимают ее «завернутости на сексе», без всякой иронии говорят, что Даша – хороший репортер, отличительными чертами которого являются легкость стиля, читаемость и свежая фактура. Сейчас Асламова – свободный художник: она катается по «горячим точкам» всего мира и пишет «путевые заметки» для своей будущей книги. «Я всегда стараюсь расти. Сразу после журфака МГУ пришла в «Комсомолку», писала светскую хронику. Потом поехала на войну. Никто не мог поверить: Даша и война – нонсенс! (Смеется). Потом этот скандал с Карабахом. Потом – «Записки дрянной девчонки».

- А что было, когда ты после Карабаха прилетела в Москву?

- Я еще в аэропорту поняла, что возвратилась из небытия и... обязательно вернусь обратно. Я ужасная трусиха, но война для меня как наркотик. Это грань между живым и неживым сродни разве только сексуальному чувству. Особенно меня

впечатлила Югославия. Это потрясает:

девочки в лосинах и мини-юбочках перебегают от дома к дому, потому что в любой момент может раздаться выстрел снайпера, и все... Женщины ходят в этих синеньких изящных бронжилетах весом по 20 кг. Фаталистки. С одной стороны города – сербы, с другой – мусульмане. А эти особы порхают, устраивают какие-то конкурсы красоты...

Она вспоминает поездку в Вуковар – город, уничтоженный на 80 процентов. «Среди развалин по импровизированному подиуму вышагивали разодетые девочки в шляпках, протестуя таким образом против смерти и утверждая жизнь. Меня это поразило... Я надела одно из вечерних платьев, болтавшихся на вешалке, и тоже пошла на сцену. Смотрите, говорю, как двигаться надо. Югославы аплодировали. То платье я привезла в Москву. Никто поверить не может, что оно – из города, который фактически больше не существует».

- А много ты пьешь на войне?

- Много. Самые удивительные пьянки на войне и бывают. Как в последний раз пьешь. Сразу как-то все чувства обостряются.

Есть подозрение, что «чувства», о которых она говорит, относятся к разряду любовных утех. Но Даша ничего не рассказывает. Говорит, что да, было и здесь «как в последний раз». «Но я женщина замужняя. Лучше теперь не ворошить прошлое».

Война – сугубо мужское занятие. Как вообще в условиях тотального убийства может существовать женщина, чье предназначение – быть матерью? Дашу, похоже, эти глобальные проблемы все

ез не занимают. Ее интересует другое. Мир мужчин для нее – самый лучший мир. Здесь она находит и сочувствие и понимание. «Война – сплошной сюр. Здесь грубый мужик при тебе слова худого не скажет. Потому что женщина на войне – не особь другого пола, а воплощение матери, сестры, подруги... Со мной делятся личными проблемами, посвящают в свои тайны. Я даже могу выуживать секретную информацию, что не в состоянии сделать ни один журналист-мужчина», - кокетливо довершает она...

Что можно возразить этой девушке, если она популярна до такой степени, что немцы платят по тысяче долларов в день, чтобы заснять ее хрупкую фигурку среди ослепительных сполохов трассирующих пуль в какой-нибудь «горячей точке»?

Даша прекрасно понимает, что она не просто военный журналист. Она – женщина.

Почему чеченцы теперь больше патриоты России, чем иные москвичи

Спецкор «Комсомольской правды» Дарья Асламова отправилась в Чеченскую Республику, чтобы понять, почему.

РАЗРУШИТЬ, ЧТОБ ПОСТРОИТЬ ЗАНОВО

Я знала три города Грозных. Первый – безликий советский провинциальный центр, куда гордой военной поступью осенью 1991 года вошел генерал Джохар Дудаев, и сразу все завертелось. (По слухам, его чуть ли не как Ленина привезли из Эстонии в

специальном вагоне.)

- Встать! – велели мне охранники при появлении Дудаева.

- Почему? – удивилась я.

- Потому что он мужчина!

- Напротив! Это мужчина должен вставать при появлении женщины! Пока мы препирались, в комнату вошел этот чеченский Наполеон, тогда еще подчеркнуто скромный, мечтавший о домике с садом на старости лет. Не случилось. Погиб от удара самонаводящейся ракеты во время телефонного разговора с депутатом Константином Боровым. (Боровой мне впоследствии рассказывал, что Дудаев под конец так уверился – или его уверило окружение – в своем божественном предназначении, что в любой дом входил как посланник Аллаха, не снимая обуви. «Вокруг него аура была, понимаешь?!»)

Второй Грозный, февраль 2000 года. А, в сущности, не было никакого второго Грозного. Во-о-обще! НИ одного дерева. НИ одного здания. Скорее черно-белый Сталинград, чем цветной, весь в розах, оплетающих трупы, югославский Вуковар. Трупы в Грозном прикрывал тающий кровавый снег пополам с землей. Царство смерти и запустения. Стаи собак, нападающих на людей. И ядовито-пахучий спиртовой запах солдатчины, грязных тел, пота, табака и гниения. Из развалин к теплу полевых кухонь выходили одичавшие люди-привидения с жалкими, безумными лицами.

Помню, как я встречала 23 февраля (День защитника отечества и черный день чеченской депортации) с омоновцами в комендатуре, при свечах и с пятилитровой банкой спирта. А в четыре часа утра совершенно пьяный комендант решил подорвать гранатой меня и фотографа Гену из «Известий», чтобы мы не достались чеченцам. «Живыми я вас не отдам, - твердил он. – Чтоб не мучились». И мы уговаривали его до рассвета, что сами подорвемся, если что. К утру он вырубился, и мы сбежали. И я помню, как горячо спорила под одиночные выстрелы среди киношных руин с главой администрации Ленинского района Ибрагимом Ясуевым:

- Да что тут восстанавливать?! Города нет! Это и ежику ясно!

- Может, ежу и понятно. Но чеченцам нет. Город будет! Как можно перенести столицу в Гудермес? Как можно сердце переместить в область печени? Немыслимо! Вы еще увидите и удивитесь!

И спустя 14 лет я увидела и заплакала. Не верьте циникам, что на ТАКИЕ деньги можно и Париж построить. Нельзя. Вообще ничего нельзя построить, если нет на то яростного желания народа выжить и выстроить новый мир. В Белграде со времен натовских бомбардировок 1999 года остались две разбомбленные многоэтажки, как два гнилых зуба.

- Это вы как память о войне оставили? – спрашивала я сербов.

- Какая там память? Денег нет! Дома нельзя ни восстановить, ни взрывать – рухнут соседние. Значит, надо разбирать по кирпичикам. А Евросоюз, который бомбил Белград, денег не дает.

Но чеченцы – не сербы. Они все разобрали по кирпичикам и сложили заново. Они чертовски упрямы. И вот что им удалось.

ТРЕТИЙ ГРОЗНЫЙ

До 5 октября 2014-го его называли самым безопасным городом России. И это была

чистая правда. А потом удар под дых: теракт в день города. Нож в спину Кадырову. Я хорошо понимаю его ярость. И его гордость: люди, которых он взрастил, погибли, но сумели защитить мирных жителей. Пять убитых полицейских. Но ни один гражданский не пострадал.

Грозный – маленькое чудо. Он вырос среди пустыни войны с неожиданностью и пышностью арабских сказок. Прекрасные строгие формы, мечеть «Сердце Чечни» с многотонными люстрами-дворцами из сверкающего хрусталя, простор проспектов и площадей (и это при типично кавказском менталитете, когда каждый клочок земли немедленно застраивают безобразными ларьками и кафешками).

Х

и
д
ж
а
б
,
а
й
ф
о
н
,
п
о
р
т
р
е
т
П

У
т
и
н
а
—
т
а
к
и
е
т
е
п
е
р
ь
о
т
л
и
ч
и
т
е
л
ь
н
ы
е
ч
е
р
т
ы
м
о
л
о
д
ы
х
д

е
в
у
ш
е
к
в
Г
р
о
з
н
о
м
·
Ф
о
т
о
:
Р
И
А
Н
о
в
о
с
т
и

В городе идеальный порядок и чистота. Ни одной бумажки. За брошенный бычок догонят, заставят поднять и еще пристыдят: больше так не делай. Воровства нет в принципе! Люди бросают машины с открытыми дверьми и уходят, не закрывая. Последний угон машины здесь был несколько лет назад. Никаких решеток на окнах домов даже на первых этажах. Один мой приятель потерял ключи от дома и целую неделю спал с открытой дверью (недосуг было сделать ключи). Если забудешь сумочку в кафе, за тобой будут бежать два квартала с криками: «Девушка, ваша сумочка!»

По улицам люди ходят степенно и разве что не строим: мужчины по одну сторону, женщины – по другую. В моде – хиджабы, хотя чеченские матери, носящие традиционную косынку, новую моду дочерей не одобряют. Я пудрила носик в дамской комнате с одной

девицей в хиджабе.

- Мама мне целый месяц запрещала, - созналась она, подкрашивая накладные ресницы. – Но с хиджабом легче выйти замуж. Сразу видно, что порядочная.

Среди чеченцев на удивление много голубоглазых, рыжеволосых и белокожих. Даже Путин здесь на бесчисленных портретах слегка рыжий, грустный и очень молодой. Почти чеченец.

С алкоголем в Грозном напряженка, как и с ночными клубами. Пить здесь просто неприлично. Чеченцы хвастаются, что, мол, сумели даже Депардье отучить от пьянства, в чем я сильно сомневаюсь. (У Депардье здесь, кстати, есть квартира в одном из сверкающих небоскребов.) В гостиницах приезжим пить можно (как-никак гости). Но сами чеченцы из тех, кто любит выпить, аккуратно переливают водку в бутылку из-под минералки, чтобы, не дай Бог, кто из знакомых не увидел.

Правила этикета здесь столь строгие, что молодые люди часто сбегают в Москву или Питер из-под бдительного ока родни и соседей. Но когда приходит время создать семью, многие возвращаются, как вернулся из Москвы один мой тридцатилетний московский приятель.

- Мне здесь комфортно и спокойно. Я уже нагулялся, - объяснял он мне. – А в Чечне есть все, кроме свободы. А зачем мне свобода в тридцать лет? Я хочу семью, покой и стабильность.

ПРИРУЧЕННЫЕ ВОЛКИ

Можно ли приручить волков? Да, если ты сам волк, вожак стаи. Гербом Ичкерии когда-то было изображение одинокого волка под луной. Вожак должен быть прежде всего физическим сильным. Массивный, как дуб, Кадыров или дзюдоист Путин – вот это для чеченцев кумиры.

- Это специфика Чечни. Во всех чеченских группах самый сильный становится лидером, - рассказывал мне политолог Ислам Сайдаев. – Почему уважают семью Кадыровых? Потому что во время войны все мужчины остались в Чечне и даже детей не отправили за границу, в безопасное место. Лидер должен быть не только сильным, но и понятным. От него должны исходить четкие и ясные приказы. Все рассуждения на тему – может, так, а может, эдак? А как вы думаете? Это не нравится. Никаких рассуждений. Люди привыкли исполнять приказы.

Кадырова в Чечне не просто уважают, а боготворят. Уставшая от войны нация хотела железной руки и получила ее. Кадырову подчиняются с безоговорочной преданностью. Он не только смог вывести из леса стаю волков-людей и научил их работать, но и сумел надеть на эту темпераментную вольницу, независимую и безнаказанную, духовную узду ислама. Многие молодые чеченцы верят не с прохладцей, не с оговорками и сомнениями, а всем своим существом.

- Первое, чего он добился, - это безопасность. Когда можно проехать по всей Чечне без охраны и без оружия, - говорит писатель Канта Ибрагимов. – Второе: он указал молодежи правильный путь. Он – пример для подражания. Не пейте, не курите,

занимайтесь спортом, уважайте родителей, молитесь.

- А не переборщил ли он с религиозностью? – спрашиваю я.

- В какой-то период надо было перегнуть палку, чтобы потом вернуться к равновесию. Потому что был большой контраст: тут ваххабиты бегают, а тут – девочки в коротких юбках. Надо найти золотую середину. Третье: он сумел переломить мнение российского обывателя о чеченцах в положительную сторону. Мы в глазах россиян были бандитами. А он постоянно пиарил республику. Тут и Депардье, и артисты, и футбол. Потом чеченцы поехали добровольно на Украину воевать вместе с русскими. Потом русских журналистов он вытащил из плена. Он не спит и не ест, как и все его министры. Он выстроил жесткую вертикаль власти, и это работает. Если он дал самое маленькое поручение, он его лично проверит.

Вот вам яркий пример из рассказов моего приятеля. Отремонтировали дорогу в Грозном. После первого ливня асфальт провалился, образовалась лужа. Кадыров рано утром приехал в резиновых сапогах и встал в лужу. Позвонил своим министрам и назначил совещание прямо на мокром месте. Все приехали в костюмах и дорогих ботинках через полчаса. Он сказал: мы за эту дорогу заплатили. Даю 48 часов на исправление ситуации. Подогнали реактивный двигатель, чтобы высушить воду. А потом асфальт положили заново, посуху. Кадыров лично приехал, проверил и еще претензии выставил: недостаточно ровно.

В Чечне говорят: Кадыров верит людям легко и просто. Но до первого обмана.

ИЗ КРЫМА НА КAVKAZ – НА ЗАРАБОТКИ

- Ты видела когда-нибудь такой лук?! – министр сельского хозяйства Муса Дадаев поднимает с земли чудесные золотистые луковицы. Сказка! А потом прямо в поле мы едим огромные сладкие помидоры, присыпая их крупной солью. Я просто мычу от удовольствия.

- Ну почему, Муса, такие помидоры не доходят до Москвы?

- Да потому что они живые. У нас же продукты с ГМО запрещены законом и караются штрафами. Мой настоящий помидор до Москвы не дотянет. А вот азербайджанский я поставил на стол и наблюдал за ним две недели. Никаких изменений! Он даже не поморщился!

Чечня медленно, но верно поднимает сельское хозяйство. Мясом, зерном и овощами республика обеспечивает себя сама. Чеченцы даже не знают, что мясо может быть мороженым. Только свежим. Говядина стоит 200 рублей килограмм, калмыцкая порода, плотная и сочная, - 230 рублей. Но это настоящее мясо. Помимо госхозов и крупных фермерских хозяйств, в каждом доме выращивают бычков. Ленивый чеченец – это миф. Молодые упорные земледельцы и скотоводы работают целыми семьями.

- Купить и выкормить одного породистого бычка стоит около 44 тысяч рублей, а продать его мясо на выходе можно за 100 тысяч, а то и больше, - объясняет Муса. – Прямая выгода. Теперь за молоко взялись. Китайским порошковым чеченцы брезгуют. Наконец-то, пусть частично, но своим молоком обеспечиваем людей. Рыбу стали разводить в прудах: толстолобиков, карпов, сазанов.

В одном из агрохозяйств встречаем двух русских парней – из Ростова и Крыма.

- Русские рабы?! – в ужасе говорю я.

- Да какие рабы! – смеется Виталий и с гордостью показывает мне новенький крымский паспорт.

- А что вы здесь делаете?

- Приехали на заработки, по объявлению. Мы механизаторы. Сюда много ребят приезжает.

- Мне специалисты нужны, а их днем с огнем не сыщешь, - жалуется Муса. – Юристов и менеджеров пруд пруди. А вот попробуйте найти толкового агронома, ветеринара, селекционера, птицевода. Все хотят работать чиновниками, в кабинете и за компьютером. Да, зарплаты у нас не московские, но и жизнь дешевле. В частном агрохозяйстве агроному могут и до 40 тысяч зарплату предложить плюс жилье, питание и машина. В госхозах, конечно, гораздо меньше. А вообще, пока санкции не грянули, никто всерьез о продовольственной безопасности не думал. Государство субсидирует на закладку одного гектара сада только 5 процентов. А Россия из одной Польши завозила фруктов почти на миллиард долларов в год. Деньги ведь туда уходили! Возникает вопрос: почему этот миллиард не вкладывали в свое, родное? Если хотя бы на 50 процентов в России просубсидировали саженцы, у нас через два года яблок, груш, винограда и черешни девать было бы некуда!»

«МЫ ВСЕ ТУТ БЫВШИЕ БОЕВИКИ»

Министр сельского хозяйства Чечни Муса Дадаев землю не просто обожает, как мужчина любимую женщину. Он ее боготворит. Никогда не видела, чтоб человек касался земли с таким чувственным удовольствием.

- Мы вышли из земли и в нее уйдем, - говорит он. – Наши старейшины говорят: душа улетает, но тело предают земле. И земля завещала: кто будет со мной обращаться с любовью, того я и в смерти буду лелеять в своем чреве. А кто бездарно и по-хамски топтал меня, того и я превращу в пыль. Мы все будем ждать Судного дня. А в каком виде мы на нем предстанем, зависит от земли.

- Ну, это отдает язычеством, - замечаю я.

- Это тот ислам, которому учил меня отец, а другого я не признаю.

- Ты такой мирный человек, Муса, - наивно говорю я. – Тебе, наверное, пришлось

уехать из Чечни во время войны?

- Как это уехать? – с удивлением говорит Муса. – Я же мужчина. Обе войны прошел. Я стрелял, но и в меня стреляли.

- Так ты бывший боевик?! – я чуть не выпадаю из машины от удивления, которая как раз накренилась над невероятной горной пропастью.

Ф
о
т
о
:

Л
и
ч
н
ы
й

а
р
х
и
в

- Конечно! Мы все бывшие боевики, перековавшие мечи на орала, а надо будет, обратно перекуем. В первую чеченскую войну все было ясно: на нас напали, а мы защищались. Во вторую кампанию мы поняли, что Запад воюет с Россией чужими руками. Нашими руками. Появились всякие хаттабы-матабы, наемники, началась арабизация. Я нутром не перевариваю ваххабистов и все их разговоры о джихаде. Я хочу исповедовать ислам моих предков. Я почитаю всех пророков: Мухамеда, Моисея, Авраама, Ису (Иисуса). Враг пророка Исы – мой враг. А тут пришли чужие люди, и все перевернули: наши ценности, культуру, традиции. Все это было чуждо чеченскому народу. Здесь был украинский сценарий один к одному: чеченцы схватились с чеченцами, как славяне сейчас со славянами, не без помощи дядюшки Сэма. А потом появился свет в лице Ахмата

Кадырова. Он знал все: и про бесчинства федералов, и про новшества ваххабистов. Но он твердо сказал: пока мы не объединимся против ваххабизма, не будет мира на нашей земле. И люди за ним пошли. Я сам вывел из леса 450 человек. Я, конечно, сейчас не божья коровка, но законы соблюдаю.

Знаешь, когда развалился Советский Союз, весь мой мир рухнул. Я мужчина, но я плакал. Почему три пьяных идиота уничтожили великую страну?!

- Но разве после двух войн у тебя нет ненависти к русским?

- А почему она должна быть? Да, была война. Мы воевали с федералами. А сейчас строим одно великое государство. Давай лучше споем НАШИ песни.

И среди благородных кавказских гор мы поем на два голоса про березку и рябину, про весну на Заречной улице. А потом любимую песню Мусы из фильма «Офицеры»: «Посмотри на моих бойцов, целый свет знает их в лицо». Про «тех, кто брал Берлин».

КАЗАКИ НА ТЕРЕКЕ

Русские едут в Чечню из острого любопытства, из куража, из желания узнать поближе этих друзей-врагов. Как Дима Ефремов, бывший московский журналист, а теперь ведущий программы «Кавказская политика» на Грозненском телевидении.

- Это была чистая авантюра, - рассказывает он. – Россияне вытесняют в Чечню все свои страхи и нагружают ее мифами. Я приехал посмотреть, переполненный стереотипами. Уехал в горы один на озеро. Доехал до Ведено, начитавшись страшных статей. Думал, дойду до блок-поста, а дальше пешком. И вдруг: старая девятка, четверо чеченцев. Спрашивают: ты куда? До озера? Садись, мы тебя подвезем. И одного высаживают. Мол, он и пешком дойдет. И отказаться уже нельзя. Почему бы и нет? Моя мама потом сказала, что я сошел с ума, как и все мои московские друзья. Меня довезли до озера. На обратной дороге забрали и спросили: хочешь собирать с нами чабрец? Спустился туман, и я в этом тумане с моими новыми приятелями собирал чабрец в горах. Сюрреалистическая картина. Потом они пригласили к себе домой, угостили. Вышел их отец и заплакал: про нас говорят, что мы бандиты. А ты посмотри на нас! После этого я поменял свое мнение и вернулся в Чечню работать, уже журналистом.

Русские никогда не покидали Чечню. Как терские казаки в Наурском районе. Если учесть тот факт, что Наурский район вошел в состав России еще в 1556 году после победы Русского царства над Астраханским ханством, а спустя столетия был передан Чечне, то терским казакам покинуть родной край было сродни предательству. Не смог это сделать и нынешний глава Наурского района Владимир Кашлюнов. Его прадеды родом отсюда, с Терека. Он пережил все: страшные убийства русских стариков. Когда люди просыпались утром и не знали, кто убит. Владимир не хочет называть убийц чеченцами. Он очень осторожен.

- Это были бандиты, - говорит он. – Боевики себе такого не позволяли: они мирное население не трогали. Я уверен, что первую войну можно было предотвратить политическим путем. Но было много провокаций, чтоб дать повод ввести войска. Один бандит расстрелял более тридцати русских. Его потом чеченцы сами поймали и забили, как собаку.

- Почему вы не уехали? – спрашиваю я.

- Не мог. Это моя родина. Да и менталитет у меня уже другой. У меня было много друзей среди чеченцев. И я неожиданно оказался человеком, к которому обращались все: и русские, и чеченцы. Все страдали от беспредела. Один раз пьяный напал на церковь, а у священника была рация, и он успел подать мне сигнал. Я пошел к чеченцам с обидой. Чеченцы того хулигана поймали и разложили его, чтобы палками наказать. А тут священник прислал письмо: прощаю. С тех пор никто ни его церковь, ни его самого и пальцем не тронул. Я и в тюрьму попал при Масхадове, вытащили меня оттуда тоже местные чеченцы. И вот так, путем сложных компромиссов здесь остались 508 семей, более полторы тысячи человек русских.

- А оружие у вас в доме есть?

- А у кого его нет в Чечне? Два ствола имеется. Я люблю оружие. Чеченцы – непростой народ, но умеют прощать. Чужих, не своих. Своего народ не даст простить, будут подкалывать постоянно: ты, мол, со своими врагами разберись, а потом голос подавай. А с русскими – гораздо проще. И я благодарен Путину, что он доверился Кадырову, он понял, что чеченцы осознанно пришли к миру, через большую беду.

Если Владимир Кашлюнов не хотел покидать родину, то молодой священник отец Амвросий вовсе не рвался в Чечню. «Меня вызвал владыка и спросил: хочу ли я ехать в Чечню?» А у нас, у священников, есть своя уловка, когда не хочется. Я ответил: «Если благословите, владыка». Второй раз вызвал. Тот же ответ. В третий раз мне уже в приказном порядке: «Езжай-ка ты, Амвросий, в Чечню». И вот приехал четыре года назад и ничуть не жалею. Вы видели, какой у нас прекрасный Храм Рождества Христова достраивают? А какие золотые купола привезли? А приезжайте к нам на Крещение, когда все русские в Чечне идут окунуться в реку Терек. Бывают и забавные истории. Икона Неопалимая купина (горящий, но не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею) – это символ защиты от пожаров, покровительница пожарников. И вот из Москвы приказ: до всех пожарников донести смысл Неопалимой купины. Я властям говорю: так они ж мусульмане. Может, они у себя в мечети помолются. Но чеченские пожарники все дисциплинированно явились в церковь, где я им доходчиво объяснил смысл Неопалимой купины. Выслушали почтительно и поблагодарили. Как выяснилось, ладить можно всегда.

ВОЙНА НА УКРАИНЕ РАЗБУДИЛА РУССКИХ

«Евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности ПРАВ КАЖДОГО НАРОДА на свой образ жизни... Пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая...К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здоровой политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытались всех сделать одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого?» - писал замечательный русский ученый Лев Гумилев.

Да, Чечня не похожа на Москву. Как не похож и Татарстан, и Дагестан, и Якутия. Но пока эти народы признают общую историческую судьбу с Россией, империя (в лучшем

смысле этого слова) существует. Да, в Чечне люди верят в Аллаха. Там процветает многоженство (официально не признанное, но неофициально – существующее). Но Чечня рождает детей. На одну смерть – три новорожденных. Чеченцы – блестящие воины. И вы не представляете, какое ликование было в Чечне, когда министр обороны России Сергей Шойгу разрешил призывать в армию 500 чеченских солдат. (А в Дагестане люди взятки дают, чтоб их призвали в армию). А вспомните Дикую кавказскую дивизию, которая до конца хранила преданность русскому царю. Вспомните чеченские батальоны во время войны с Грузией. И помяните чеченских солдат, павших за русскую свободу на Украине. Я их видела и помню их лица.

«ВОТ ТУТ ОБЛОМИТСЯ ТОВАРИЩАМ АМЕРИКАНЦАМ»

- Война на Украине показала Кавказу, что русские снова способны бороться и нести свой флаг, - говорит мне чеченский писатель Канта Ибрагимов. – Понимаешь, когда после перестройки флаг упал, это произвело впечатление на Кавказ. Когда флаг падает, - огромная территория остается без контроля. На нее посягают хищники. И арабы, и англосаксы, и Китай, - все только ждут, когда флаг упадет. Но флаг в империи могут держать только русские. И вот случилась Украина. И стало ясно: мы снова вместе. Враг – не Украина. Враг – все тот же, со времен Холодной войны. Даже если я еду в Германию, там я русский, не чеченец. И это важно.

Я помню Куликово поле в Одессе в марте. Там собрались русские, верившие, что Россия спасет их от украинского фашизма. И я помню женщину, кричавшую с трибуны в полном отчаянии: «К нам придут кадыровцы. Они нас защитят!» И площадь взорвалась аплодисментами. Но кадыровцы не пришли. И тех, кто стоял на Куликовом поле, сожгли в Доме профсоюзов. А кто выжил, сидят по тюрьмам.

И я вспомнила слова украинского писателя Глеба Боброва, давшие мне надежду:

«У русских есть исторический дар переступить через кровь. Только что отгрели две русско-чеченские войны, а вот уже чеченцы едут в Крым уговаривать татар присоединиться к России. Кадыров уже больший патриот России, чем какой-нибудь москвич. И в этом ваша сила. Американцы хотят нас навеки поссорить, но передайте всем русским: вот тут обломится товарищам американцам».

Цыганские Штаты Европы. За что цыган нигде не любят, а в Болгарии бьют? (репортаж)

Цыганские Штаты Европы Болгарин Атанас Петров рассказал спецкору «КП», что своими глазами видел, как подручные цыганского барона убили его 19-летнего сына Ангела. Наш спецкор Дарья Асламова попыталась понять, почему тихую православную Болгарию вдруг охватили цыганские погромы.

«РАЗВЕ ЕВРОСОЮЗ ИМПЕРИЯ? ТАК, ЖАЛКИЕ ПОПЫТКИ...»

«Нам нужно, чтобы в Болгарии на месяц выключили Интернет. Чтобы исчезли все репортеры, которые повсюду суют свой нос. И чтобы где-нибудь в Новой Зеландии случился грандиозный кризис, отвлекший на себя внимание мира. Спустя месяц Европа спохватится и спросит: а где ваши цыгане? И мы скажем: «Ой!»

В популярном кабачке Софии заседают молодые и рьяные болгарские

националисты. Не из племени бритоголовых. Скорее мальчики из добропорядочных семей. Благовоспитанные, образованные, чистенькие юноши, говорящие на нескольких языках. Их вожак, харизматичный Ангел Джамбазки, кандидат в мэры Софии, чьими портретами увешан весь город, уже прославился в Болгарии своими непримиримыми взглядами в отношении цыган.

- Если я стану мэром, я первым делом бульдозерами срю цыганские гетто как незаконные поселения. Ты спрашиваешь, куда денутся люди? Они вернуться туда, откуда пришли. Обратно на историческую родину, в Индию. Так после краха социализма из Болгарии самолетами высылали толпы вьетнамцев. Поверь мне, любой болгарин готов купить билет в один конец обитателю гетто. Ведь сегодня у всего Евросоюза болит голова – 12 миллионов цыган кочуют по Европе, и никто не знает, что с ними делать!

Я с любопытством смотрю на эту новую поросль европейских националистов. Они деятельны, энергичны, фанатичны в своем патриотизме, живо интересуются националистическим движением в России и поддерживают контакты с единомышленниками во многих странах мира.

- Ребята, а что вы думаете о норвежце Брейвике, убившем свыше 90 человек?

Долгая тяжелая пауза и взгляды в сторону.

- Это был акт отчаяния, - наконец говорит Ангел Джамбазки. – Человек сошел с ума, обнаружив, что мир, в котором он вырос, стал другим и больше ему не принадлежит. Брейвик, несомненно, безумец, но он стал эмблемой и символом протеста эпохи мультикультурности. Бездетная богатая Западная Европа впустила мигрантов-мусульман, которые принесли с собой чуждые религиозные и культурные ценности. Восточная Европа выжила только благодаря «железному занавесу» коммунизма, остановившему пришельцев, но и у нас немало внутренних этнических проблем. Вам, русским, проще – Путин строит новую империю, и вы можете позволить себе роскошь имперского национализма. А мы маленькая страна с демографическими проблемами, и наш национализм узкий, этнический.

- Но вы тоже часть империи под названием Евросоюз!

- Разве это империя?! – отмахивается Ангел. – Так, жалкие попытки. Тот, кто хочет узнать секреты империи, должен ехать в Санкт-Петербург и увидеть этот город, построенный на болоте, из крови и костей. Вопреки всему. Нечто, созданное из ничего. Вот так строят империи! А у меня есть только мой дом, моя улица, моя Болгария, плохая ли, хорошая, но МОЯ! И я готов защищать ее до последней капли крови.

Очередной антицыганский митинг в столице Болгарии Софии. Слоган на майках демонстрантов можно понять и без перевода: «Не хотим жить в цыганской державе»

«ЗА ЧТО УБИЛИ МОЕГО СЫНА?!»

Деревня Катунца неподалеку от Пловдива. Скорее даже городок с населением около трех тысяч человек. Атанас Петров, немолодой мужчина с потухшим взглядом и почерневшим от горя лицом, кладет цветы на асфальт. «Прямо на этом месте 23 сентября подручные цыганского барона Кирилла Рашкова насмерть задавили моего сына Ангела Петрова, - тихо говорит он. – Это было преднамеренное убийство, что могут засвидетельствовать десятки моих односельчан. Я сам стоял в двух шагах и видел, как микроавтобус протащил по земле моего сына. Я ничего не имею против цыган – в нашем

селе живут и вполне добропорядочные цыганские семьи, работающие на земле. Дело ведь не в национальности».

Однако многие болгары уверены, что дело как раз в ней. Убийство 19-летнего Ангела Петрова потрясло всю страну и вывело на улицы тысячи людей. Общественное мнение впервые подняло вопрос о цыганском терроре. Свыше десяти лет «царь Киро» (так называли цыганского барона Кирилла Рашкова) держал в страхе внешне благополучную Катуницу. Полиция, щедро подмазанная золотом, на все закрывала глаза.

- Он выстроил семь дворцов в деревне, завел целый парк автомобилей и вооруженную охрану, по своему желанию перекрывал улицы, - говорит лидер партии ВМРО (Внутренняя Македонская революционная организация) Красимир Каракачанов. – Посреди села барон отгрохал нелегальный спиртовой завод, да еще и хвастался по телевидению тем, что производит контрафактный алкоголь по собственному рецепту. Ему все сходило с рук. Он не платил налоги, зарегистрировал собственную партию и считался неприкасаемым, поскольку открыто поддерживал нынешнее правительство. Что же произошло три недели назад? «Царь Киро» угрожал молодой семейной паре, которая в отчаянии подала жалобу в полицию. Уже через два часа к ним явились люди барона и сказали, что отрежут им головы. Ясно, что полиция немедленно его информировала и сообщила, от кого жалоба. На следующий день на деревенской улице стали собираться возмущенные жители. Из Пловдива приехали гости к барону и на его машине намеренно, на глазах у всех задавили парня, родственника той семейной пары. Эта же машина сбила и покалечила полицейских. Если бы барона сразу арестовали, не было бы волнений. Четыре дня его скрывали и под полицейской охраной возили из города в город. На третий день после убийства Рашков преспокойно дал интервью популярной газете, где заявил: каждый, кто поднимет на меня голову, может с ней проститься – я ее отрежу. Но когда волна протестов поднялась по всей Болгарии, барона наконец арестовали. На демонстрации против политики двойных стандартов вышли не только ультрарадикалы, но и обыкновенные люди и даже матери с детьми.

Футбольные фанаты из Пловдива устроили в Катунице «барбекю-вечеринку», разгромив и спалив виллы барона. Но, хотя в России события в Болгарии уже окрестили «болгарской Манежкой», в целом протесты были мирными и благоразумными.

- В отличие от Лондона здесь не было разбитых магазинов и подожженных машин, - говорит лидер националистической партии «Атака» Волен Сидеров. – На митинги вышли не нацисты и не скинхеды, а просто люди, которые не хотят жить в цыганском государстве. Правительство пытается преуменьшить значение протестов и заявляет, что у нас нет цыганской проблемы. Но это вранье. Цыгане терроризируют целые сельские регионы, нападают в деревнях на беззащитных пожилых людей. Есть дома, которые грабили около ста раз кочующие таборы. Болгары в страхе бегут из деревень под защиту больших городов. Самый трагичный случай произошел два года назад в поселке Литаково недалеко от Софии. Трое цыган напали на пожилую женщину, которая только что получила пенсию. Ее изнасиловали, топором отсекали голову и расчленили тело. Одному из убийц дали 19 лет тюрьмы, ну и что? Отсидит лет восемь, выйдет и снова будет убивать. Цыганские бароны ведут себя как местные царьки, приходят за социальной помощью, с ног до головы обвешанные золотом, в домах у них по три спутника. А своих

подданных они целенаправленно держат в трущобах, в этих инкубаторах преступности, используя темных, безграмотных людей для воровства, проституции и наркотрафика. В незаконных гетто в каждой лачуге регистрируют по тысяче человек. Это практически люди-фантомы, которые не платят за воду и электричество и даже не знают, что такое налоги. В Евросоюзе – лицемерное отношение к цыганам. Вы их, мол, у себя проинтегрируйте. Но когда болгарские цыгане приехали во Францию, устроили там лагеря и начали воровать, президент Саркози вернул их нам в подарок, на практике нарушая принципы ЕС о свободе перемещения. Их просто погрузили в самолеты и отправили обратно.

«Цыганам еще и приплатили по 300 евро – лишь бы они покинули Францию, - возмущается политик Красимир Каракачанов. – Пересечение границ превратилось в выгодный бизнес. Цыгане возвращаются в Румынию и Болгарию, стоят здесь табором один месяц и снова едут во Францию, чтобы получить деньги на выезд. Евросоюз 20 лет объяснял болгарам, что мы должны быть толерантны и воспитывать цыган. Почему бы Франции не взять их себе на воспитание? А мы посмотрим, что у них получится!»

Антицыганскими настроениями охвачена вся Европа – Чехия, Венгрия, Румыния, Португалия, Словакия. Цыган с проклятиями гонят отовсюду. Откуда такой взрыв ненависти к племени вечных бездомных и неприкаянных скитальцев?

«МЫ ДИКИЕ, НЕТ У НАС ЗАКОНОВ»

Многовековая городская философия всегда причисляла цыган к несговорчивым: их невозможно приручить, заставить жить в обществе, подчинить порядку и закону. Почтенные обыватели с отторжением наблюдали картины их беспокойной жизни: переезды из города в город, неверный хлеб, вольные нравы, буйное детопроизводство. У них не было понятия о священном праве собственности и отсутствовала связь с кормящим ландшафтом. Попрошайничество, гадание на картах, мелкое воровство, конокрадство, похищение и торговля детьми, контрабанда – такой образ жизни вызывал неизбежное негодование у обывателя. Ненависть к цыганам особенно возрастала во времена экономических и социальных кризисов.

Бесчеловечность средневековых антицыганских законов поражает воображение. В Англии закон от 1554 года ввел смертную казнь для цыган мужского пола, а позже и повешение для всех англичан, кто осмеливался водить с ними дружбу или просто знакомство. В Швеции по закону от 1637 года цыган ожидала виселица, а в Майнце с 1714 года казнили мужчин, а женщин и детей клеймили раскаленным железом. В Моравии и Богемии цыганам отрезали уши. А в 1725 году король Пруссии Фридрих-Вильгельм приказал истребить всех цыган старше восемнадцати лет.

Российская империя с ее широтой взглядов и терпимостью к самым разным национальностям сотворила чудеса с цыганами. Их не гнали, приучали к оседлости и цивилизованному образу жизни. Цыгане оказались прекрасными кузнецами, занимались торговлей лошадьми, давали представления с дрессированными медведями. Поэтов и художников пленял независимый образ жизни этого кочевого народа с его несравненно, неукротимо свободным сердцем и умением жить одним днем. Цыган романтизировали и воспевали, ценили за актерские и музыкальные таланты. Из их среды вышли блестящие профессиональные артисты, а зажигательная цыганская музыка стала неотъемлемой

частью русской культуры.

Не обижала цыган и советская власть. Даже в беспощадный период Гражданской войны их не трогали ни белые, ни красные. Удивительная для того времени снисходительность! Видно, было в цыганах нечто неотразимо привлекательное для русского сердца.

Вторая мировая война нанесла страшный удар по древнему племени. Гитлер считал цыган человеческим мусором, подлежащим беспощадному уничтожению, - наряду с гомосексуалистами, неизлечимо больными, сумасшедшими, наркоманами и евреями. Геноцид цыган – на языке рома «самударипен» (убийство всех) и «кали траш» (черный ужас) – куда менее известен, чем еврейский холокост. (У цыган просто не нашлось ни покровителей, ни заступников в политических и медиакругах.) Точные цифры жертв невозможно установить, как и само количество цыган, кочующих в то время по Европе. Их истребляли целыми таборами. В концлагерях и газовых камерах погибли до 300 тысяч человек. В Эстонии и Хорватии было уничтожено свыше 90% цыган, в Польше – до 70%, а в СССР на оккупированных территориях – не менее половины этноса. Выживших женщин и девочек нацисты подвергали насильственной стерилизации варварским методом (укол в матку грязной иглой).

В период «холодной войны» большинство европейских цыган сосредоточилось в Восточном блоке – на территории СССР, Румынии и Болгарии, под жестким, но благотворным для нации прессом социализма. Да, их принуждали к труду, наказывали за тунеядство и бродяжничество, но при этом обеспечивали новым жильем и медицинской помощью, а главное – загоняли цыганских детей в школы. В результате политики кнута и пряника шла интенсивная интеграция кочевого этноса в общество – осело свыше 90% цыган. Резко вырос уровень образования, расцвела музыкальная культура. Ромалы до сих пор с ностальгией вспоминают социалистический период.

- При коммунистическом режиме народ рома не был в таком тяжелом положении, как сейчас, - уверен лидер цыганской болгарской партии «Дром» Илия Илиев. – Ромы имели жилье и, главное, работу – на предприятиях текстильной промышленности и в земледелии. Дети получали хорошее образование. Тогда всерьез можно было говорить об успехах интеграции.

- При социализме цыган принуждали работать, и это был позитивный процесс, - говорит социолог Михаил Мирчев. – Возник цыганский средний класс с техническим образованием. Болгарское правительство проводило политику децентрализации: была специальная программа расселения представителей меньшинств по обычным домам, где живут болгары. Мощная милицейская машина упражняла на цыганах силу законов. Но с приходом демократии началось цивилизационное расслоение общества, и цыгане снова вернулись в эпоху феодализма XIII века. В центре гетто – замок феодала (трех-четырёхэтажная вилла цыганского барона), а вокруг – трущобы, где в нечеловеческой нищете ютятся темные, забитые люди. 22 года демократии абсолютно деморализовали цыганскую общность.

Крах социалистического блока принес огромные беды едва укрепившейся нации. Лишенные государственных милостей и строгого догляда, цыгане быстро дичали, спивались, опускались на социальное дно и снова сбивались в стаи. Рухнул «железный

занавес», и ромалы полезли через границы в Западную Европу в поисках пропитания, как клопы из ошпаренного тюфяка. Началось новое Великое переселение народов, полностью изменившее этническую карту Европы. Нищета вернула цыган к их старинным воровским промыслам, к которым добавился и наркотрафик. На моральное разложение народа также оказал влияние и абсолютно новый фактор. Впервые за всю историю существования цыганского этноса политикам пришла в голову циничная мысль. Цыгане – это не просто деклассированные неудобные элементы общей европейской мозаики. Цыгане – это прежде всего избиратели.¹⁴¹

Дмитрий Быков

Писатель, журналист, поэт, кинокритик, сценарист, биограф Бориса Пастернака и Булата Окуджавы. Родился 20 декабря 1967 года в Москве, в семье Льва Моисеевича Зильбельтруда и Натальи Иосифовны Быковой. Родители вскоре развелись и ребёнка воспитывала мать, учительница русского языка и литературы в школе № 1214 г. Москвы. Окончил факультет журналистики МГУ. С 1985 года работает в газете «Собеседник». Преподавал в средней школе русский язык и литературу. Член Союза писателей СССР с 1991 года. Осенью 1996 года был фигурантом уголовного дела и привлекался к суду из-за своей профессиональной деятельности: по факту издания им «нецензурной» газеты «Мать». Автор публицистических, литературоведческих, полемических статей, которые публиковались во множестве журналов и газет, от элитарных ежемесячников вроде «Fly&Drive» до экстравагантных таблоидов типа «Московской комсомолки»; регулярно — в качестве колумниста — в изданиях: Огонёк (до 2007 года), Вечерний клуб, Столица, Общая Газета, Новая газета, Труд, Профиль (с 2008 года), Компания (2005—2008), Русская жизнь. В 2005—2006 годах был одним из ведущих вечернего шоу на радиостанции «Юность» (ВГТРК).

С 2006 по 2008 годы — главный редактор арт-проекта «Moulin Rouge». Лауреат нескольких литературных премий. В 2003—2006 годы вёл мастер-класс «Журналистское мастерство» в Институте Журналистики и Литературного Творчества (ИЖЛТ).

Дебютировал на ТВ в 1992 году в программе Киры Прошутинской. Участвовал в

141 Дарья АСЛАМОВА, 19.10.2011. [Комсомольская правда](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1319001540) // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1319001540>

ТВ-проекте Сергея Лисовского в качестве ведущего и автора программ. На ATV вёл собственную программу «Хорошо Быков» и работал соведущим программы «Времечко». В 2009 году был приглашённым ведущим в программе «Рождённые в СССР» (канал «Ностальгия»).

Ведёт программу «Сити шоу с Дмитрием Быковым» на радио Сити-FM. В 2008 году вышел документальный фильм «Девственность», сценарий которого был написан Быковым в соавторстве с Виталием Манским. С 2010 года по январь 2011 года вёл телевизионное ток-шоу «Картина маслом» на Пятом канале.

С 2010 года читает лекции авторского цикла «Календарь». Прочёл лекции о Бернарде Шоу, Борисе Пастернаке и о Михаиле Евграфовиче Салтыкове-Щедрине. Награждён премией для журналистов «Золотое перо России-2010», которую присуждает Союз журналистов России.

В 2011 году принимает участие в телевизионном проекте телеканала «Дождь» «Поэт и гражданин» (теперь «Гражданин поэт» на сайте F5), в котором его актуальные стихи на «злобу дня», написанные в манере великих русских поэтов, читает Михаил Ефремов.

Женат, двое детей. Жена — писательница и журналистка Ирина Лукьянова. Работала в журналах «Ломоносов» (2002—2003 годы), «Карьера» (2003—2005 годы) у Додолева, «Город женщин», «Крестьянка» (2008 год). Ирина — автор повестей, рассказов, романов и художественных переводов, а также колумнист газеты «Собеседник». В соавторстве с мужем написаны две книги: «Зверьки и зверюши» (АСТ, 2010) и «В мире животиков» (2001).

«НАША ПРЕССА У НАС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕСВОБОДНА»

С Лужкова начали

Дмитрий Быков: - Антилужковская кампания в СМИ – это полная утрата профессионализма. Это – позор! Но, я думаю, это только пристрелочные залпы, а настоящий-то компромат вывалят, когда Юрий Михайлович создаст оппозиционное движение, если, конечно, инстинкт самосохранения не окажется сильнее обиды. С другой стороны – столько тем, героев!

Есть такой феномен занятный, его психологи давно подметили: плохие воспоминания вызывают другие такие же, выстраивается цепочка, и скоро человеку кажется, что вся его жизнь состояла из одних ошибок и неудач. Не будет так, чтобы говорили про одного Лужкова. Целая цепочка потянется. Так что антилужковская кампания хороша уже тем, что стронула эту лавину. То, что все и так понимали, стало выговариваться вслух.

«АиФ»: - Фильмы про «крёстного батьку» Лукашенко вы тоже наверняка смотрели...

Д. Б.: - Тут не так всё просто. Очень дурно, что у нас дружно, показательно и по заказу ругают Лукашенко. Но это гораздо лучше, чем так же дружно и по заказу его любить. Мне вообще нравится, с кем наша власть ссорится в последнее время > . Лукашенко там, Лужков, ещё, говорят, есть у неё некоторые антипатии, Ахмадинежад,

например... Мне только не нравятся агитпроповские методы. Но они ведь у нас и в перестройку были агитпроповские, когда антикоммунизм насаждался с истинно коммунистическим напором.

«АиФ»: - Вообще ругать современное ТВ – модный тренд. По заслугам ему достаётся или телевидение «мочат» почём зря?

Д. Б.: - Ругать телевидение – не столько даже тренд, сколько непереносимое условие его российского существования: как заметил Пелевин, оно здесь существует для того, чтобы «смотреть и ненавидеть». Это своего рода клапан для выпуска отрицательных эмоций. Раньше на телеведущих смотрели с улыбкой, с радостью – отлично помню это по «Времечку». И многим мы действительно помогали, и люди были нам благодарны и считали нас друзьями. А теперь телевидение настолько уронило себя, что человек оттуда воспринимается почти как чиновник с мигалкой. Но это же не навсегда, верно? Мы ещё увидим нормальное ТВ.

Свободы нет нигде

«АиФ»: - Юрий Шевчук в недавнем интервью «АиФ» заявил: для того чтобы жизнь в стране стала лучше, нужно дать большую свободу СМИ. Не преувеличивает музыкант? Наша пресса действительно так несвободна?

Д. Б.: - Нет, не преувеличивает. Пресса у нас действительно несвободна. Да и ни в одной стране мира не бывает полной свободы прессы, хотя бы потому, что люди не летают как птицы. Но есть вещи, делать которые считается неприличным. Нельзя ставить свой народ в такое положение, чтобы он краснел за неуклюжую постоянную ложь, за идиотские шоу, устраиваемые по любому поводу.

Стыдно же потом будет! Посмотрите, как журналистам с ТВЦ сейчас стыдно за создание культа личности Лужкова. Неужели вы думаете, что людям с Первого канала или, допустим, с НТВ никогда не придётся краснеть за обратное?

«АиФ»: - Часто ли вы сами сталкиваетесь с цензурой?

Д. Б.: - Мне трудно вообразить, что перечень запретных тем или имён спускается непосредственно из Кремля или со Старой площади. Не могут же они предусмотреть всё вообще? У них там, по-моему, хватает забот. Цензурируют себя главным образом начальнички помельче с непомерно развитой генетической памятью или с необузданной догадливостью.

«АиФ»: - Массовая пресса постепенно желтеет. Вам не кажется, что тотальная «желтуха» - это будущее журналистики?

Д. Б.: - Очень скоро «желтизна» станет исключительным достоянием «жёлтой прессы», потому что желтеют ведь, когда писать не о чем. А мы этим жарким летом как-то вдруг все сразу убедились, что массовое оглушение страны не удалось, что она после всех усилий разных людей осталась умной. И пресса на глазах просыпается, и даже в интернет-блогах всё меньше пустых склок и всё больше дельных споров. А тем, кто даёт мрачные прогнозы насчёт усугубляющейся деградации, «желтизны», всякого там оглушения и прочей безнадежности, я могу дать только совет, который давал Алексей Николаевич Толстой коллегам, страдающим ипохондрией: прочистите желудок! Вы глазам не поверите, такими яркими красками засияет мир!¹⁴²

142 Беседовал Владимир Полупанов // <http://www.liveinternet.ru/community/2053386/post137366903/>

«Без Ксении Собчак святость Чулпан Хаматовой была бы не так ослепительна»

Лично я двумя руками за то, чтобы Чулпан Хаматова и Дина Корзун получили Нобелевскую премию мира. Не потому, что эта идея исходит от симпатичного мне Дмитрия Муратова.

Не потому, что выдвигать их будет столь же симпатичный мне Михаил Горбачев. В конце концов, с Муратовым и Горбачевым у меня масса принципиальных несогласий, так что как-нибудь стерпели бы они и еще одно. Дело даже не в самих Хаматовой и Корзун, поскольку у меня и к ним есть вопросы – и человеческого, и профессионального свойства. Но кто я такой, чтобы задавать эти вопросы? Кого они волнуют вообще?

Обществу нужны бесспорные нравственные ориентиры – вот я про что. А у нас сейчас очень мало вещей, по которым есть полноценный консенсус. Ведь не может же выжить страна, в которой ни в ком нет согласия по базовым проблемам. Хорошо ли помогать детям? Полезно ли заниматься благотворительностью? Слава Богу, что хотя бы в этих простых принципах мы едины. Если нет в стране нравственного авторитета, куда она катится?

Долгое время таким нравственным авторитетом был у нас, скажем, академик Лихачев. И тоже у меня были весьма серьезные вопросы и даже, страшно сказать, претензии к академику Лихачеву, но лучше было их не высказывать, потому что, если каждый начнет разговаривать про духовных столпов, что же это будет? Я один раз попробовал – в статье «Иерарх, или О государственном интеллигенте», – так мне ее до сих пор простить не могут. Ну просто есть люди, относительно которых наше пестрое, ни в чем не согласное общество достигло согласия, гражданского то есть мира. Тот, кто заставил Россию согласиться хоть в чем-нибудь – хотя бы в том, что есть детей нехорошо, – уже достоин Нобелевской премии мира, серьезно говорю. Даже Владимиру Путину, даже Патриарху Кириллу это не удалось – они продолжают вызывать к себе крайне неоднозначное отношение, которое, глядишь, при серьезном падении цен на нефть станет вовсе уж неоднозначным. А Чулпан Хаматовой удалось невозможное: даже ее участие в политическом пиаре Путина рассматривается как героическая жертва. Хотя она как минимум единожды вполне гласно заявила, что рук ей никто не выкручивал.

Так что я настаиваю на том, чтобы Чулпан Хаматовой как можно скорее выдали Нобелевскую премию мира и Дине Корзун тоже. У страны, если она не хочет погибнуть, должны быть святые, желательно живые. И если Корзун и Хаматова готовы пожертвовать многим, чтобы заполнить эту многого требующую нишу, – это вполне достаточный повод, чтобы выделить им Нобелевку.

Я только просил бы и даже настаивал бы, чтобы эту премию мира дали еще и Ксении Собчак. Потому что относительно ее страна тоже совершенно едина (она ее дружно ненавидит) и Ксения много для этого сделала. Без нее святость Хаматовой и Корзун была бы далеко не так ослепительна. А ненависть ведь тоже цементирует страну, и выдерживать ее гораздо трудней, чем всенародную любовь. Кроме того, я почему-то уверен, что Собчак уж точно всю эту премию потратит на благотворительность, а прессе скажет, что прогуляла ее за границей. И это будет хорошо в благотворительном и

Кока-кома

В США вышел из комы и обрел дар речи 43-летний пожарный Дональд Херберт. Счастливчик первым делом попросил кока-колы. Вот вам профессиональная работа маркетологов! Сознания нет, а в подсознании — все равно красные

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) — и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» — врач отвечал: «Давайте», но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал — и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся — тут есть на что смотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому — году в две тыщи третьем — такой же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин-Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел — и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же — ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он — и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастии к коле. Воистину она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат никого (хоть в рупор их зови), когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, — им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые — о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник иль шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объятья распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я надежду, что может полутруп в сознание прийти!

Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» — все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали...

«Очнись! Ограбят ведь!» — орали сыновья. Теперь не знаю сам — жива ли, не жива ли... любил ли я ее — иль это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь. Но если в Штатах вновь очнулся коматозник — то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

Прогресс вручную

Грузовой корабль «Прогресс М-53» стыковали вручную. А все из-за того, что в Щелкове, откуда управляют космической станцией, были перебои с электроэнергией. Вот и Роспотребнадзор подал в суд на Московский метрополитен — за то, что тот плохо работал в день энергетического кризиса

Недавно в направлении МКС по бледно-голубому небосводу летел корабль транспортный «Прогресс», везущий космонавтам хлеб и воду. Он совершал очередной виток, — связисты принимали поздравленья, — когда внезапно отключился ток на подмосковном центре управления. У главковерха сделалась мигрень. Припомнились ему Содом с Гоморрой. Там, в Щелкове, такое через день. И вот пришлось на день, через который.

Но тут не растерялся экипаж! Он плюнул на полонку сволочную! Он дружно взял «Прогресс» на абордаж — и смог пристыковать его вручную! Они его поближе подвели — и с помощью российского «А фули» в «Прогресс», неуправляемый с Земли, могучий штырь стыковочный воткнули. Забрали хлеб и воду с корабля, стотонный грузовик к себе придвинув. Вот люди, мля! «Какие люди, мля!» — сказал глава Роскосмоса Перминов.

Из Щелкова куда девался ток — не знаю сам. Причин всегда хватало. Украли, скажем, провода моток и сдали в пункт приема цветметалла. Мальчишка изолятор отвинтил. Дождями телеграфный столб подмыло. Монтера участковый поментил за пьяный выкрик: «Путина на мыло». Причины — чушь. Нам главное — итог. Нам, доблестным трудящимся Востока, не так уж нужен этот самый ток. Мы, если надо, можем и без тока.

Такой пример. В больнице гаснет свет (РАО ЕЭС не дремлет, все видали). Простой

хирург берет велосипед, с размаху нажимает на педали, «динамо» крутит — и опять светло! Теперь продолжим начатое дело. Скрипит велосипедное седло, а скальпель аккуратно режет тело. Больной спасен. Или такой момент (его еще опишут журналюги!): в Дубне открыли новый элемент, но он возможен только в центрифуге. Там центрифуга набирает прыть — в секунду двадцать тысяч оборотов! Но тока нет, и некому крутить. Сгоняют сотню местных обормотов, впрягают кандидатов, докторов — и заставляют их бежать по кругу! Они за пару суток будь здоров раскручивают эту центрифугу (все бегают, и даже местный мент, и детвора, и пять старух-ворчуний). И открывают новый элемент, и требуют назвать его «Вручуний».

А вот и самый радостный пример. (Как описать? Накликать страшновато!) Россия наша, бывший эсесер, ведет войну с неугомонным НАТО. Боеголовки все наведены. Промозглый воздух трассами проколот. Но тут узнали, что среди войны бомжи опять украли медный провод! Что сделаешь? Ведь атомный заряд на нас летит, пронзая тьму ночную! Полковник Н. берет своих солдат и мучает противника вручную. Солдаты наши злы и голодны, и смерть в бою им кажется нестрашной. Исход ужасной ядерной войны решается в обычной рукопашной. Отчизна снова подтверждает класс. Она дерется быстро и жестоко.

Короче, если руки есть у нас, мы новый мир построим и без тока.

Округ Россия

Живу я в двести первом округе и тем похвастаться могу. Мой дом выходит прямо окнами на цирк и здание МГУ. Но это — не причина гордости. Мои амбиции скромны. Наш округ — молвлю с дрожью в голосе — один в один модель страны! Страна уже как будто выбыла из плена западных химер, а нам достались муки выбора, как в девяностом, например. Я не могу без отторжения остановиться ни на ком — такой у нас накал сражения меж пропастью и тупиком.

Для испытания московского свободомыслия, боюсь, нам предлагали Ходорковского. Мы как бы представляли Русь. Пойдет ли Русь за олигархами, что любят собственный народ и только что ему накаркали глобальный левый поворот? Пойдем за храбрыми сидельцами или «Долой!» проголосим? Уже ругались, как при Ельцине, жена и муж, отец и сын... «Все это так, война за краники!» - «Он папы римского святей!» - «Он грабил нас, как все нефтяники!» - «Но тратил только на детей!» - такие слышу разговоры я, когда, зайдя в универсам, слежу за ценами, которые прут не по дням, а по часам. Чтобы от выбора таковского избавить малоумных нас, не допустили Ходорковского в московский округ двести-раз. Но, знать, не наломали дров еще. Согласный хор небесных тел коснулся слуха Шендеровича — и Шендерович захотел. Я прочитал с глазами мокрыми, газет ероша вороха, что Виктор тоже в нашем округе —

ужели вместо МБХ?

Да, я всегда за Шендеровича! Он лучший в жанре. Плюс поэт. Я вместе с ним ходил в «Петровича», я с ним дружу пятнадцать лет... Канал, властями раскуроченный, мне тоже нравился порой... Вот, собственно, лепить сынов с кого! Я всей душой к нему влекусь. Он много лучше Ходорковского – на мой, по крайней мере, вкус! Презрев начальственные окрики, ему б добавил я очков – но вышло так, что в нашем округе возник полковник ГРУ Квачков.

Квачков никак не лезет в гении, и не в уме его краса. Но ведь Квачкову тем не менее нужнее наши голоса! Сегодня власть над ним куражится, хоть на вояке нет греха, - во узах он и даже, кажется, там подружился с МБХ! Вот как все сходится на свете-то! Фатальный выстроился ряд – они на баррикадах встретиться договорились, говорят! Своими спинами и шеями мы ощущали гнет дельцов... Он на Чубайса покушение осуществил в конце концов! Уже мы шли с семьей об руку давать Квачкову новый шанс – глядь, он уже в соседнем округе. Чтоб Говорухин не мешал-с.

Я всей душой за Говорухина! Он не умеет лгать и красть. Момент он чувствует исторический, звенит в нем внутренняя сталь – недаром фильм его классический зовется кратко - «Вертикаль»! Тянусь к его таланту, облику – он друг народа, враг братков... Но тут по нашему же округу продвинул отпрыска Гудков!

Он эскападами зубастыми прославился, что твой Гордон. Гудков воюет с педерастами (о нет, с меньшинствами, пардон); «Едроссов» силою несметною – пред ней склониться не пора ль? – он казнь отстаивает смертную и домостройскую мораль... И правда, несколько одрябли мы. Пора мерзавцам насовать! За яблоко от этой яблони пошел бы я голосовать, однако несколько опомнился. Мне новый нанесли удар – наш список только что пополнился красивой Машей Гайдар! Ведь вот букет, куда ты денешься! Гудков любого привлечет, а тут – Гайдар, к тому же девушка. У нас же девушкам почет...

Я сам себя побил бы шваброю за нерешительность манер, когда б Иванникову храбрую продвинул к нам ЛДПР. Уж не вмещает голова моя всех этих, блин, политсистем, а если б тут еще Иванникова – она бы лопнула совсем. Гордится девами отважными моя отважная страна – но ведь за ней такие граждане, что неарийцам всем хана...

Сгустилось пасмурное облако, накрыло стихшую Москву...

Куда бы мне сбежать из округа?

Да некуда. Я в нем живу.¹⁴⁴

«Россия – это болото. Но оно не горит»

В неформальной обстановке мой собеседник кого пугает, кого восхищает. За час

144 <http://www.ogoniok.com/4915/15/>

Дмитрий Быков ухитряется дать одновременно два интервью, пообщаться со старым другом, выпить полбутылки водки, пролистать несколько чужих книжек и примерно подготовиться к встрече с читателями (если бы в комнате был компьютер, он, наверное, успел бы что-то туда написать). Этаким титаном Возрождения. Поэт, прозаик, публицист, пишущий журналист пяти изданий и телеведущий. Большой по размеру и дико подвижный, скачущий, жизнелюб, «Гаргантюа и Пантагрюэль», как его обозвала одна девушка.

Спираль с понижением

- Раз уж вы меня назвали Саней, то будете Димой. Правда ли, Дима, вы считаете - «сто лет назад репортер был образованнее нынешнего профессора»? Я вас цитирую, не помню откуда – про деградацию культуры в России вы пишете много лет.

- Да, я это писал. Постараюсь ответить так, чтобы не сильно обидеть современных профессоров... Некогда мне казалось, что русская культура – это круг. Повторение оттепелей, революций, заморозков: цикл разрушений и восстановлений вне всякой истории, вне всякого извлечения опыта. У других народов прямая, а у нас круг. Теперь кажется, что это спираль, круг сужается, культура не успевает восстановиться. Ей для восстановления прежнего уровня нужно как минимум 100 лет, а их уже нет. Политическое восстановление страны успевает состояться, а культура выходит с понижением. Так, в 1970-е годы мы дожили до аналога нашего Серебряного века, но это был ренессанс с понижением уровня.

- Прямо-таки Серебряного?

- Тот же Окуджава – для меня это Блок. Вплоть до трагических совпадений в биографии. Так, блоковская поэма «Двенадцать» - это...

- Радость Окуджавы от расстрела Белого дома в 1993 году?

- Да, в том же контексте. А сам Серебряный век был повторением Золотого, тоже с понижением. А если мы с Мишей Успенским доживем, нас будут сравнивать с людьми из 1970-х, с Лихачевым и Аверинцевым. Но понятно же, что Лихачев и Аверинцев – это куда более культурные люди, нежели мы? Мы вот древних языков не знаем и много чего еще.

- Где же та высшая точка, с которой катимся? Не каменный же век?

- Ну, общее представление, что вершина русской культуры – это XIX век. Высшая точка художественных достижений, сложности жизни вообще. Но я бы даже сказал, что первая абсолютная точка – петровская эпоха. Беру не только достижения искусства, но сложность как таковую. Мы же не знаем в точности, какие там были ритуалы... И еще надо смотреть по лучшим, первый признак великой эпохи – гении-универсалы, которые и в искусстве, и в науке, и в управлении. Титаны Возрождения. У нас они тоже были. Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский.

- Потом нисхождение?

- Первой абсолютной точкой мог быть и XVI век. Все испортил параноик Иван Грозный. Так что для нас все было заложено в XVIII веке, а потом пошла спираль... Еще одна закономерность: нечетные века в России гуманнее, чем четные. Крови льется значительно меньше. Сравните XIX и XX века. Впереди также гуманное столетие без особой крови.

- Но культурно дикое?

- Сравните хотя бы начала столетий, прошлого и нынешнего. Нет великой утопии – нет искусства. Да, большевизм был кровав, но тогда творили по-настоящему. В 1920-е годы страна лежала во мгле, но Бабель писал свою «Конармию». Сейчас людям не о чем сказать. Возьмем нынешних одаренных режиссеров. Месхиев, Бондарчук, Тодоровский – все мастера, но им нечего сказать. Одному Балабанову есть о чем снимать, о своей патологии.

Прагматики и безумцы

- *Правильно ли понимаю, что культура для вас – самое важное, но она совершенно факультативна? Искусственная сложность, ничем не обусловленная, кроме любви к сложности? И всегда поэтому обреченная?*

- Цель нашу нельзя обозначить... Факультативная, да. Нет такой необходимости в культуре. С другой стороны – люди, которые читают книги, всегда будут править людьми, смотрящими телевизор. Скажем так: в коротком периоде культурные обычно проигрывают, в долгом – выигрывают.

- *Но как вообще возможна культура? Появление того, в чем нет нужды?*

- Постараюсь ответить сложно. Зигмунд Фрейд, мне кажется, был не прав, когда выводил появление религии из обсессивно-компульсивного расстройства. Тревожность – навязчивые действия – ритуал – картина мира под этот ритуал. Думаю, там сложнее, религия все-таки связана прежде всего с этикой. А вот культуру я бы из этого вывел. Культура – это знак смирения. Понимания того, что нашего понимания может быть недостаточно. И кто знает, что синдром навязчивых состояний – только расстройство? Мол, стучат по дереву лишь больные? Мы же ничего не знаем про этот мир. Может быть, и надо иногда постучать? И вот из каких-то действий, прагматикой не обусловленных, поднимается культура. Причем прагматики выигрывают в короткую, а сумасшедшие – в длинную.

- *Культура как занятие для невротиков? Вы, Дима, как-то немного непохожи на неврастеника.*

- А чего это я непохож?

- *Слишком много энергии и здоровья. На троих хватит.*

- А невротикам, между прочим, нужно очень много энергии. И культура – самое для них занятие. Не бессмысленное. Может быть, наоборот – самое осмысленное из всего. Такое занятие по установлению неочевидных связей. И это требует мужества своеобразного. Вот Илья Кормильцев, для моей жены – святой фактически человек, гуру. Вы на него, кстати, похожи – физиономия у него была такая же. Так вот, Кормильцев. В нем было гипертрофированное переживание разных пустяков. Сверхчувствительность. Наверное, это надо было для творчества. И совершенно пофигистическое отношение к вещам серьезным и страшным. У человека был рак позвоночника, а он думал – ерунда, ушибся, упал на вокзале в Лондоне. Может, и правильно думал. Если лечишься – признаешь, что болен. В итоге сгорел за три дня. А может, он и не умер. Мне почему-то иногда кажется – не умер он. Живет где-нибудь в пещере в Перу. Он туда хотел.

- *Может ли быть, когда культура элиты – делается за счет сброса энтропии в массы (крепостное право и т. Д.)? И наоборот – средний уровень повышается за счет среза вершущек, надлома гениев? В том же СССР?*

- Не думаю, мне кажется – уровень топ и уровень массы скорее связаны прямой зависимостью. Возьмем литературу. Чтобы было десять гениев, сто человек должны писать очень талантливо, а тысяча – вполне прилично. И еще должно быть море графоманов.

Творцы на будущее

- *Как думаете, кто из нынешних литераторов останется в истории?*

- Да знаете, много кто. У нас сейчас пишут так много, как никогда в истории России не писали. Это читают, может быть, меньше. А пишут – будь здоров. Здесь есть из кого выбирать... Пройдет время, имена останутся. Скажем, та же кавказская трилогия Латыниной будет восприниматься как «Севастопольские рассказы» нашего времени. Из фантастики останутся Лазарчук, Успенский, Дьяченко, Лукин, Пелевин. Пелевин сейчас, может быть, вообще главный русский писатель. Кто еще? Сорокин, Попов, Житинский, Аксенов, Юзефович, Лимонов, и много кого еще забыл назвать. Когда пройдет время, Лимонова оценят даже за то, над чем сейчас смеются. За его национал-большевистскую партию. Русский терроризм издавна обладал своей особой культурой, и НБП обладает.

- *Я не спорю, что юноши и девушки, идущие в НБП, - не самые худшие в этой стране. Бескорыстные, романтичные и т. Д. Я лишь сомневаюсь, что это лучшее, что они могут сделать.*

- А что им делать? В русскую революцию идут по мотивам не столь политическим, сколь экзистенциальным. Идут, когда просто не могут больше смотреть на себя в зеркало. И какие там всегда были девушки! Этакие роковые красавицы, с порезанными венами, всегда очень сексуальные...

- *Это и жалко. Жалко, что жизни сливаются в никуда. Человек совершает акт, за который могут дать 15 суток, но могут дать и 15 лет. По сути, за перформанс.*

- А какие у них варианты?

- *Хотя бы заняться тем, что и вы. Саморазвитием, выражаясь пошло.*

- Они им и занимаются, просто способ у них такой. И посмотрите – в среде нацболов вызревает качественная литература, что всегда было характерно для России. Тот же террорист Савинков – явление еще и литературное. А у нас сейчас Захар Прилепин, Аня Петренко. Или вы сомневаетесь, что Прилепин до сих пор нацбол?

- *От идеалистов – к прагматикам. В своей публицистике вы не раз выражали презрение к сословию менеджеров. Неужели совсем пропащие? Мост строят гастарбайтеры, а прораб и инвестор только мешают?*

- Я имею в виду то расплодившееся сословие, которое ничего не делает, в смысле – не производит. Не знаю, как насчет моста, но я десятки раз видел это в редакциях. Одно дело – редактор из среды журналистов. Другое дело, когда приходит человек откуда-то сбоку. И начинает «менеджерить». Сидят себе яркие авторы, их читает масса людей, знает их имена... Приходит менажер, говорит: все, баста, ваше частное мнение никому не нужно. Будем давать чистую информацию. И авторы пишут «серые» информашки. Проходит полгода, и никому это на хрен не надо. И все в итоге возвращается на круги своя. А что, простите, делает в книжном магазине мерчендайзер? Ходит, переставляет книжки с полку на полку? В нынешней РФ это непроизводительное, паразитарное сословие – между хозяевами и тем, кто реально трудится. И вот что важно – из менажера стать хозяином, по

сути, нельзя. По крайней мере, нельзя в России.

- *А как можно?*

- Хозяином можно либо родиться, либо вытянуть счастливый билет.

- *Путин, Медведев?*

- Это счастливый билет. А как по-другому? Либо рождаешься с задатками убийцы, либо выигрываешь в лотерею. А менеджер всегда лишь чья-то услуга. Мне вот это непонятно – люди, выбравшие себе путь прислужников.

Болото как спасение

- *Если верить вашей спирали отечественной истории, Россия сейчас обречена на диктатуру.*

- Да, но не кровавую. Причем от личных качеств тут ничего не будет зависеть. Люди, которым надо будет олицетворить собой режим, изо всех сил не хотят это делать.

- *И кто, простите, кандидат на роль Сталина?*

- По всей видимости – Медведев. Но против своей воли, конечно. Кто такой он, кто такой изначально Путин?

- *Путин – западник, человек Собчака и Чубайса.*

- Конечно. Это человек, который в питерской мэрии времен Собчака заведовал внешними сношениями с Западом. Это был западник, либерал – он так и воспринимался Западом, совершенно верно. И Медведев – это тишайший, безобиднейший человек. Тоже, разумеется, либерал, из той же обоймы. Но смотрите, что сейчас с ним происходит. Оглушительная антизападная риторика. Какая-то сталь. «Пять пунктов Медведева». По риторике, по тому, как это подается, - что это? Это уже почти «десять сталинских ударов». И жизнь подстроится под эту риторику. Диктатура будет резиновой, такой сталинизм-light. Но это будет – против воли главных участников. Да и Сталин – это что, прирожденный диктатор? По типу это такой хозяйственник, директор табачной фабрики где-нибудь на Кавказе. А кем ему пришлось стать?

- *Когда страна во власти, по сути, полевых командиров – кем еще ему быть?*

- Да, с такими соратничками быстро наживешь паранойю. Когда каждый второй носит шпалер, готов тебя пришить и этого не скрывает.

- *Простите, Дима, а вы – как бы это мягче – совсем верите в свою историческую теорию? Она у вас сквозь всю прозу и публицистику, но, может быть, это все отчасти метафора?*

- Вы спрашиваете, верю ли я, во что пишу? Что Россия – радикально антиисторическая страна? Верю. Вся российская история – это средство воздержания от истории. Запад движется по прямой, а мы нет. Но в этом может быть свой смысл. Было такое общение у Дюма и Некрасова. В России отменили крепостное право. Либерал Некрасов, понятно, радуется. А Дюма заметил ему: «Поздравляю, ваша страна встала на путь цивилизации и прогресса – путь, ведущий ко всем чертям». Кто действительно знает, во что этот прогресс упрется? Что его цель? Может быть, аннигиляция всего человечества? Вот Запад, по моему, сейчас стремится к своей аннигиляции... А Россия – это болото. Но оно не горит. И, может быть, это такое место, которое своим неучастием в истории сберегает всю землю. Как было в одной книжке у Кости Крылова, «Россия – это такая бомба, которую Бог бросает в пасть дьяволу».

- *Что, здесь совсем ничего не прогрессирует?*

- Прогрессирует, по-моему, адаптивность населения. Сравните 20-е и 90-е годы. В 20-е годы был целый пласт людей, который четко себя осознавал как лишние люди, осознавал – ему нет места в новой реальности. Ему даже не надо было помогать умирать, он сам к этому стремился. А в конце века тоже было тяжело, но приспособились быстрее. И большее количество людей. Вообще особенности нашей страны – ведут к появлению очень интересного человеческого типа. И может быть, эта интересность и есть одна из миссий России.

- *Как он интересен?*

- Это фатализм в буднях и бешеная активность в кризисах. Как сказал Виталий Найшуль, «если в России что-то надо сделать, это будет сделано не считаясь с ценой, но если что-то делать не обязательно – это не будет сделано никогда». И еще такая интересная вещь, которая обычно называется коррупцией. Но я бы назвал это – традицией. По сути, наша «коррупция» - мощь горизонтальных связей, компенсирующих нам отсутствие нормального государственного устройства.

- *То есть вещь неизбежная, необходимая и благая?*

- Если бы не она, то все было бы здесь по закону. А здесь такие законы, что по ним – лучше не надо. И заметьте, что все воспринимают это нормально. Силу горизонтальных связей. Всегда можно решить свои проблемы. Вспомнив, с кем служил, с кем дружил и т. Д. Кто сказал, что в России нет навыка самоорганизации? У нас потрясающие навыки самоорганизации. Помните громкое «новгородское дело»? Девушку Тоню осудили совершенно дурацким образом?

- *Но она не явилась отбывать наказание и ныне в бегах.*

- Ее не нашли и, смею вас заверить, никогда не найдут. Уж если Россия решила кого-то спрятать, никакая власть не найдет. А Тоню решила спрятать именно Россия. Прекрасно организованная там, где ей это надо. А что до властей, то мне ситуация кажется чем-то напоминающей отношение Индии и Британии в их конце. Такой Индии, которая продолжает якобы подчиняться Британии и что-то ей платить. Так вот, «Кремль», «Рублевка» - это наша «Британия». По сути, мы организованы и без них, но готовы платить какие-то деньги, чтобы «Рублевка» не сильно лезла в наши дела. Она сильно и не лезет.

Поэт по жизни

- *В своих текстах вы делите всех жителей России на три типа - «варягов», «хазар» и собственно «русских». Первые агрессивны, вторые жуликоваты, третьи лохи и все это терпят. Кто вы сами?*

- Может быть, я из хазар, но раскаявшихся. А может быть, из аборигенов-автохтонов, но задумавшихся и креативных.

- *Вы согласились ехать в Сибирь на «литературном экспрессе». Что такой марш-бросок дает писателям?*

- Многие отнеслись к «экспрессу», что это какое-то правительственное мероприятие. Нет, ничего правительственного, никаких заданий на агитацию. Люди едут в качестве самих себя. И ничего экстремального. Я был в камбоджийских, перуанских местах – и ничего. А Сибирь мне близка, у меня жена сибирячка. Сибирский характер – что говорят, то и делают. Можно сказать, я к друзьям еду! Вон, к Мише Успенскому. Знаю, что

многие в этом экспрессе тоже едут к друзьям, у некоторых есть еще задания от их редакций. Да и просто – почему бы писателю не посмотреть свою страну? К тому же в хорошей компании? У меня вот наконец-то появилась возможность нормально поговорить с Прилепиным, Юзефовичем.

- *Какой-то гонорар за путешествие полагался?*

- Поверьте, ни копейки. Бывают какие-то встречи, на них кормят и поют. А вообще-то в поезде, кроме кофе и печенюшек, вся еда за свой счет.

- *Что лицезрение живого писателя может добавить для читателя к его текстам?*

- Это решать тем, кто придет на встречи (на встрече с самим Быковым был полный зал. - «ВК»). Но у нас 20 лет назад возникла установка на декультуризацию общества. Появилась вот эта присказка - «если ты такой умный, почему ты такой бедный?». Установка – это важно. На довольно средней литературе в СССР можно было воспитать человека, потому что было некое отношение к этой литературе.

- *Кто Быков для себя в первую очередь – журналист, писатель, поэт?*

- Поэт, конечно. Когда нет вдохновения для стихов, занимаюсь всем остальным. Если бы у меня было много денег, я был бы рантье – сократились бы объемы моей журналистики, но не прозы и не стихов.

- *К объемам... Вы чудовищно много пишете. Помимо чистой литературы – на сколько редакций работаете?*

- В данный момент на пять или шесть. Деньги-то нужны. И я бы не сказал, что это чудовищно много. Вы посмотрите, как и сколько писали раньше. Аверченко, Розанов. Больше писали, чем я.

«Лучше быть толстым, но сообразительным»

Недавно в Воронежском государственном университете прошел «круглый стол» на тему «Прогнозы и сценарии развития России». В форуме приняли участие воронежские ученые, журналисты, политики, аналитики, представители власти и бизнес-элиты. Специальным гостем дискуссионного поединка выступил известный публицист Дмитрий Быков, снискавший на отечественном телевидении славу большого человека. Большого — не столько внушительной комплекцией, сколько своей яркой гражданской позицией. Особенно часто имя Быкова стало звучать после того, как в конце марта этого года закрыли его проект «Поэт и гражданин», выходивший на канале «Дождь».

В скандальной программе звучали стихи Дмитрия Быкова, в которых автор весьма остро высказывал свое отношение к нынешней власти. Писатель не побоялся затронуть даже высшее руководство страны, включая Президента Медведева. В итоге в эфир вышло только пять выпусков проекта, а перед шестым Быкову указали на дверь. В официальной версии руководство канала объяснило факт закрытия программы «превышением предела допустимой конструктивной критики»...

Перед дискуссией Быков признался, что ему интересно понять, чем дышит местная интеллектуальная элита и, конечно, молодежь. Вскользь Дмитрий Львович коснулся и своего «умученного» «Поэта и гражданина». Автор заявил, что все скандалы вокруг его имени происходят в первую очередь из-за привычки говорить то, что он думает. И призвал всех присутствующих делать то же самое. «Все самые великие свершения в стране происходили от обилия на ее просторах гениальных безумцев и чудаков. Главное — этим чудакам не мешать, и у России все получится», — сказал писатель. В качестве примера он привел обыкновенного учителя Циолковского, неожиданно проложившего дорогу в космос.

Было заметно, что общаться Дмитрию Львовичу очень нравится. И хотя время его визита в Воронеж было строго регламентировано, он с удовольствием отвечал на любые вопросы. А под конец встречи пообещал, что многие из затронутых тем войдут в его следующую книгу.

— В последнее время разгорелась активная полемика по поводу авторского права. Много претензий возникает к социальным сетям, нелегально транслирующим контент, попадающие под охрану. Вы как человек, для которого авторские права по идее являются источником пропитания, как к этой ситуации относитесь?

— Скажу вам, должно быть, одну неприличную вещь: я горячий сторонник пиратства. Чем больше народу скачает альбом, книгу, фильм — тем лучше. В этой ситуации правильнее всех ведет себя Борис Гребенщиков, который все свое творчество выкладывает в сеть и просит перечислять пожертвования, если у человека есть совесть. Я при первой возможности обязательно ему что-нибудь туда пожертвую. Авторское право — такой же пережиток, как и частная собственность на землю. Получать деньги за литературу так же неправильно, как и за любовь. У писателя должна быть профессия. Иначе заниматься литературой стыдно. Пока ты можешь, зарабатывай, чем хочешь. Лучше всего, как в Америке, — преподаванием или журналистикой. Получай стипендии от государства. Но я категорически против авторского права — по крайней мере, в литературе. Понимаю, что это экстремальная точка зрения. И многие коллеги со мной не согласятся. Однако когда в тысячах копиях подпольно распространялся «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, никто об авторском праве и не думал. Сделай свою литературу насущной, чтобы она была нужна, и тогда как-нибудь проживешь. Гонорар имеет не только материальное выражение. Вас прочтут и полюбят, пригласят выступить в Воронеж и заплатят за это какую-то копейку. И читатель, который прочел вас пиратским образом, примет вас оборванным, перевяжет ваши раны и накормит картошкой. Или девушка, прочитавшая ваш роман в Интернете, встретит вас где-нибудь в переулке и отдастся вам в ту же минуту. То есть бывают разные формы гонорара.

— Дмитрий Львович, а как, по-вашему, решить проблему идеологии? На ТВ царит «Дом-2», творец уходит на второй план, а на первый выдвигается человек-потребитель.

— Во-первых, «Дом-2» формирует не только аудиторию, которая его любит, но и ту, что его ненавидит. Вторая куда более многочисленна, и в этом великая судьбоносная роль «Дома-2». Кроме того, Россия — не идеологическая страна. Нас уважают за человеческие качества: последовательность, верность, решительность, щедрость,

доброту и отсутствие прагматизма. Верность идеологии не входит в этот кодекс. Лесков отлично сказал: «В России слово дается по обстоятельствам, а выполняется по возможности». Коммунистическая идеология не построена, церковная — вообще непонятна. У меня лично нет идеологии. Я просто знаю, как себя вести. Надо не идеологию формировать, а правильный нравственный кодекс. А он возможен только в правильных средах. Я вот в армии отслужил два года и могу с полной уверенностью сказать: идеология у всех войсковых частей была одна и та же. Но в одной части было хорошо служить, а в другой плохо. Потому что в одной командир был зверь, а в другой понимал, что у солдата должны быть иногда отдушины. Я за то, чтобы по возможности делать переносимой жизнь друг друга. А научить этому может или семья, или правильная среда, на худой конец — хорошая армия. В Америке есть гражданское общество и никакой идеологии — категорическое неприятие беззакония и насилия по отношению к членам этого общества. Вот и все. Я за то, чтоб были четко обозначенные законом границы, которые никто не имеет права переходить.

— А где вы служили?

— Под Ленинградом. Большею частью мы занимались тем, что катали и грузили, а по утрам бегали. Я в основном грузил. Часто бывая в нарядах на кухне, научился быстро мыть посуду и делаю это дома с большим удовольствием. Вот строевым шагом плохо ходил, зато стреляю хорошо! И всех хочу предупредить: интеллигенция бегаёт плохо, а стреляет, если надо, очень метко!

— Вы как-то сказали, что есть задумки новых романов, но сейчас не время их писать. Почему?

— Я не собираюсь отказываться от своей трилогии, начатой романом «Списанные». Это один из лучших моих текстов. Но не дай вам Бог попасть в ситуацию, в которой он должен читаться! Он понятен в ситуации парализующего страха. Люди, которые в ней побывали, оценят эту книгу. И я ей благодарен за то, что она меня от этого избавила. Это полезный опыт аутотерапии... Почему не время для романа сейчас? Потому что для этого нужен период осмысления, что-то должно проясниться. И тогда можно будет либо вставать в оппозицию, либо прогнозировать, либо подводить итоги. А мы сейчас в периоде «киселя». Но никто нам не запретит нащупывать, и мне кажется, я кое-что нащупал. Кстати, мне сегодня очень помог «круглый стол». И вы его в ближайшем романе найдете почти целиком! Эта встреча безумно показательна.

— Смотрели фильм «Generation П», снятый по роману Пелевина?

— Хорошая, грамотная, профессиональная иллюстрация к хорошему роману. Но в книге еще был воздух, лирика, остальная Россия кроме Москвы. Главное — было ощущение, что возможна какая-то другая жизнь. А в фильме этого нет. Он плоский, безвоздушный, тусовочный. Роман же был с очень большой потенцией. Из фильма чудовищным образом выпала вся гениально придуманная мифология. Я однажды Пелевина спросил, откуда он так хорошо знает про Вавилон. На что он ответил: «Мифологию всегда проще выдумать, чем изучить». С тех пор я тоже следую этому правилу. Я считаю, что это отличный роман и хороший деловой фильм. Но картину делал профессиональный, живущий в Америке режиссер, а книгу писал непрофессиональный, живущий в России писатель, по первому образованию

программист. И вот у писателя получилось гениально, а у режиссера — так себе.

— В этом году вы стали автором тотального диктанта — акции по выявлению грамотности, которая прошла во многих городах Сибири. На своих домашних тестировали задания?

— Ну, вот еще! У меня ужасно грамотная семья, ее тестировать неинтересно. Сын мой врожденно грамотен, так как много читал до 8 лет. У нас с ним могут быть разногласия по пунктуации, но с орфографией у него все в порядке.

— Как относитесь к течению грамотных «нацистов», у которых жестокое отношение к безграмотным?

— Плохо. Потому что могут возникнуть объединения «нацистов»-физиков или химиков. И тогда я пойду лесом. Хотя физику в школе хорошо знал. Любопытно, мной проверено на опыте, что после определенной дозы спиртного я понимаю теорию относительности. Тот сдвиг, который во мне производит алкоголь, позволяет мне встать на позицию Эйнштейна. Друг-физик два раза мне эту теорию объяснил, и оба раза я был уверен, что понял. Задача заключается в том, чтобы научиться помнить ее стрезва. Может, скрипка могла бы помочь?

— Вы упоминаетесь в книге Константина Крылова «Фашистская диета». Сами не пытались с помощью этого опуса похудеть?

— Я чуть было не издал эту книжку, смутило название. Хотя из всего фашистского я лучше всего отношусь к диете Крылова. Она основана на сильной самомотивации и действительно работает. Я сам был свидетелем того, как Крылов сбросил на ней 35 кг, а потом спокойно набрал их обратно. И слава Богу, что он стал прежним, потому что худой Крылов был настолько похож на Ленина, что страшно было рядом с ним находиться. Я для себя так решил: если захочу похудеть — похудею. Но похудевший человек не становится худым, он становится похудевшим толстым. Пример Владимира Соловьева — аура его прекрасных сброшенных килограммов витает вокруг него и спрашивает: «Володя, где брат твой Авель?». Диета хороша как временное средство себя подстегнуть. Сейчас все конформисты дружно худеют, и быть толстым — реальное сопротивление тренду. Я буду сопротивляться, пока могу. Более того, накопление жира и накопление памяти — взаимосвязаны, это экспериментально доказано. После липосакции память у людей ухудшается. Поэтому лучше быть толстым, но сообразительным!¹⁴⁵

Александр Гордон

Александр Гордон – российский радио- и телеведущий, актёр, режиссёр. Руководитель Мастерской журфака Московского института телевидения и радиовещания «Останкино» (МИТРО), педагог Киношколы им. Макгаффина. Пятикратный лауреат ТЭФИ.

20 февраля 1964 года в Обнинске, городе в Калужской области, появился на свет мальчик Саша. Его отец, Гарри Гордон, одессит по рождению, ушел из семьи, когда сын был еще младенцем. Поэт, писатель и художник, передать свои таланты Саше он сумел только генетически – с отцом Александр встретился лишь в девятнадцатилетнем возрасте.

После развода родителей Саша остался с мамой и бабушкой. Антонина Дмитриевна Стрига, медицинский работник, воспитывала сына без мужской помощи около четырех лет, а потом познакомилась с человеком, ставшим ей мужем, а Саше вторым отцом. По словам самого Александра, его отчим Николай Чинин всегда казался ему похожим на настоящего русского богатыря. Но из-за занятости родителей большая часть воспитания мальчика все же легла на плечи бабушки, Марины Михайловны Воробьевой. После пожара, случившегося задолго до появления внука, Марина Михайловна страдала частичным параличом, но зато обладала железной силой воли. Именно она настояла, чтобы мальчику оставили фамилию родного отца. Бабушку Александр называет своей «Ариной Родионовной».

Когда Саша был еще дошкольником, семья переехала в Москву, так что его детство прошло в столице. Одним из первых увлечений мальчика стал кукольный театр – Саша даже давал представления, на которые собирался весь его двор. Он подумывал о профессии режиссера и ходил в театральную студию, где с юными актерами работали выпускники ГИТИСа. Еще Саша мечтал о профессии следователя и любил играть в хоккей. Но тяга к искусству оказалась сильнее, и, окончив школу, Александр Гордон стал студентом Московского института культуры.

Этот выбор оказался не слишком удачным. Увлечась учебой Александр не сумел, да к тому же институт находился слишком далеко от Чертанова, где в то время жила его семья. Не появилось ни друзей среди однокурсников, ни девушки – по его словам, все студентки в вузе были девицами «библиотечарского типа». Но после того как Александр ушел из института, перед ним встала новая проблема: армия. Служить совсем не хотелось, и он попытался получить «белый билет», притворившись психически больным.

Летом Григорий Константинопольский, его школьный товарищ, посоветовал Саше поехать в театральное училище города Ярославля, где в том году случился недобор мальчиков. Александр воспользовался советом и поступил без проблем, но

учиться не стал и здесь – уже после первого семестра его отчислили за систематические прогулы и нарушения дисциплины. Правда, Саша и сам написал заявление об отчислении: в училище ему было попросту неинтересно, ведь все, что преподавали там на первом курсе, он узнал еще на занятиях в театральной студии. Но пребывание в училище помогло Гордону определиться, наконец, с профессией: он решил связать свою судьбу со сценой.

Вернувшись в столицу, Александр устроился монтировщиком в Театре на Малой Бронной. Тогда там работал Анатолий Эфрос, и почти год Саша после работы сидел на его репетициях. Тем же летом восемнадцатилетний Александр Гордон поступил в Щукинское театральное училище.

Диплом он получил в 1987 году и начал работать на сцене Театра-студии имени Рубена Симонова. Помимо основной работы он преподавал актерское мастерство в детском театральном кружке. К тому времени Александр успел жениться на выпускнице Литературного института Марии Вердниковой, и у них родилась дочка. Год спустя после ее рождения Александр вместе с семьей эмигрировал в Соединенные Штаты.

Причин у этого решения было несколько, и, пожалуй, первая из них – разочарование в работе. Актерская стезя по душе Александру не пришлась. Сказалась и чисто возрастная жажда перемен, да и материальное положение семьи оставляло желать лучшего. А в Америку Гордона звали уже уехавшие туда двоюродные сестры.

Первые месяцы жизни за границей оказались очень тяжелыми. Гордону пришлось поменять в поисках работы несколько профессий, в том числе установщика кондиционеров и разносчика пиццы. Но уже в 1990 году он получил место диктора в телевизионной компании RTN. Это было первое в США русское телевидение, и располагалось оно тогда в подвале одного из нью-йоркских особняков. В том же подвале делали озвучку и монтажные работы, готовые записи везли в Манхеттен, и уже оттуда шел эфир. Для Гордона это стало неоценимой школой новой профессии – ведь приходилось не только вести передачи, но и снимать, и писать сценарии, и редактировать тексты выступлений, и исполнять режиссерские обязанности. Можно сказать, что на RTN он получил начальное образование телевизионщика.¹⁴⁶

Разнимать дерущихся в студии не буду

На съемках нового шоу «Мужское/Женское» телеведущий признался, что в шоу не хватает охранников.

- Да я тебе сейчас как врежу! – Один мужчина бросается на другого и бьет его. Тот, в свою очередь, хватается соперника за волосы. К ним бросается гость программы актер Михаил Полицеймако и с трудом разнимает драчунов. Та, из-за которой схлестнулись два пожилых джентльмена, - тучная женщина весом 170 кг – размазывает по щекам слезы и причитает: «Вы меня подставили!»

Нет, это не съемки программы «Пусть говорят», а новое шоу «Мужское/Женское», которое будет идти по будням на Первом канале. В студию приходят простые мужчины и женщины и рассказывают о своих проблемах, а ведущие – Юлия Барановская (бывшая

146 <http://alexandrgordon.ru/biografiya/>

жена Андрея Аршавина) и Александр Гордон – пытаются найти выход и что-то посоветовать героям. Помогают им в этом звездные эксперты.

- Александр, вы заранее были готовы, что все будет так эмоционально? – уточняем у ведущего.

- Нет, честно, не ожидал. Готов рассматривать проблему, с которой пришли герои. А вот драку – нет! Никто не думал об этом, когда придумывал передачу. И сейчас я думаю, как же нам от частного мордобоя подняться к общей проблеме? Это же не просто так два человека дерутся. Это полстраны между собой разобраться не могут. Вообще для меня просто поразительно, что люди готовы прийти в студию и не просто полоскать свое белье при всех, а еще и бить друг другу морды, как будто у них не было повода сделать это раньше.

- Сами не разнимаете драчунов?

- Я не вступаю. Зачем? Хотят люди бить друг друга – пусть бьют. Я-то здесь при чем? Если кто-то ударит при мне женщину – могу дать ему пощечину, вызвать на дуэль. Но людей разнимать в студии – не моя профессия.

- Может, пора охрану на съемках завести?

- Теперь стало понятно, что это необходимо. И не просто охрану, а реальных полицейских. Половину из тех, кто приходит в шоу, нужно сразу сажать. За угрозы жизни, рукоприкладство.

- Сегодня на съемках одна зрительница чуть не упала в обморок – ее увели из студии. На вас эмоциональный фон так же сильно воздействует?

- Никогда не скрывал, что ненавижу свою работу и работаю на телевидении только за деньги. И чем труднее работа, тем, конечно, во мне больше уверенности, что когда-нибудь я не выдержу и меня вынесут на руках под светом софитов.

- Юлия Барановская говорит, что теперь ночами не спит, все истории через сердце пропускает...

- Юля – начинающая ведущая, поэтому пусть не спит. А я уже довольно давно пропускаю все через печень.

- Вы говорите, что морально были не готовы к дракам в студии. Будете с собой бороться? Или, может, скоро скажете: «Да ну вас всех!»?

- Я уже вчера, когда мы снимали вторую передачу, так сказал. Усилиями коллектива и близких мне людей меня вернули в студию. Выяснилось, что я был неправ и история, на которой хотел уйти, все-таки была со счастливым концом.

«Я приветствую необразованность аудитории»

Больше всего телеведущий Александр ГОРДОН говорил о своем отце. Но и про Pussy Riot не забыл – объяснил, что ними делать надо.

— Дошла до меня информация, что фильм «Метель» по одноименной повести Льва Толстого не выйдет в прокат! Почему? Хотя вы же работали над ним несколько лет.

И, признаюсь, любопытно было взглянуть на снявшихся там Дмитрия Быкова, Ирину Хакамаду, Евгения Гришковца и его 14-летнюю дочь. Так это правда, кина не будет?
- Да, фильма не будет. А почему – об этом я расскажу на своем творческом вечере, который состоится в Питере, кажется, в Большом зале Филармонии, да? По поводу несостоявшегося фильма могу лишь заметить, что когда против тебя огромная махина, что тут сделаешь?

- Под «машиной» вы понимаете государство?

- Зачем же я сейчас буду об этом говорить – все узнаете 5 апреля.

- Интригу пытаетесь сохранить! А я хотела с вами про метель поговорить – вот повесть Толстого она же не просто о том, что человек заплутал в метели. А про конфликт с окружающей действительностью.

- Действительно, как мне кажется, основное, в чем может разобрататься человек за свою жизнь, это «почему ему иногда так хорошо, а иногда, напротив, так неуютно жить». Меньшую часть ответов мы ищем в себе, а большую – как раз в окружении. Будь это та самая метель, то есть природа, будь то место, где ты родился, будь то люди, которые так и не стали близкими.

- Порой бог знает от чего зависит внутреннее состояние. Вот Чехов написал «Очень хорошая погода. Не знаю: то ли чаю выпить, то ли повеситься».

- И есть, кстати, третий вариант, который принадлежит моему отцу Гарри Борисовичу Гордону. У него в первом романе «Поздно. Темно. Далеко» герой после всех перипетий, перемещений в пространстве, времен, внутрь себя и, наоборот, наружу сидит почти в раю и ловит рыбу. Наконец, поймал. А последняя строчка романа звучит так: «Наверное, я счастлив, — уныло подумал Карл».

- Так что же это вечная наша неудовлетворенность? Это внутренняя проблема человека в России?

- Нет, не согласен. Если кошку не кормить, у нее начнется конфликт с окружающим миром.

- Разве кошка сама не должна ловить мышей?

- Если ей предоставляют такую возможность, то да. А если она заперта в квартире, где нет мышей? Свобода – это возможность поймать мышь. А когда ее нет, откуда ее брать, эту свободу?

Ну, ничего, мы сейчас приступили к репетициям в театре «Школа современной пьесы» инсценировки повести Гарри Борисовича «Комментарий к безвозвратному глаголу»: такая абсолютно театральная, камерная, уютная постановка. И она как раз о том, о чем мы сейчас с вами говорим. В переводе на театральный она носит название «Снег».

- Это символично — от метели к снегу? Вы шифруете свои послания, хотя большинство и не способно уже считать символы.

- Вы уже ударились в крайность. Сегодня еще не прояснен вопрос о смыслах, о ценностях, о том, что такое хорошо, а что такое плохо, что нужно, что не нужно. А вы сразу о символах! Сейчас, кстати, время для художника чрезвычайно благодатное – все, что он ни скажет, некое количество аудитории будет воспринимать как откровение. Так что я приветствую необразованность аудитории.

- Так почему снег?

- Да это вечная наша тема. У нас, как заметил в свое время Гарри Борисович, просторы убивают человека быстрее, чем время. Для нас пространство имеет значение. Вот я сейчас еду к себе в деревню под Кимры, и для того чтобы добраться до своего дома, я должен проехать территорию полутора средних европейских стран.

- Интересно, несмотря на огромные просторы, язык у нас общий от Москвы до Петропавловска-Камчатского, а скажем, в Италии размером с почтовую марку множество диалектов.

- У нас тоже есть диалекты. Даже вокруг Москвы – в Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской областях звучат такие местные говоры! По крайней мере, я могу определить, откуда человек приехал в Москву. Другое дело, что русский язык таков, что разница в произношении слышна только в ударных гласных, редукции слогов. А у итальянцев язык основан на логике, что предполагает большой простор для произношения. Кроме того, в Италии проживает много разных народов, которые совсем недавно стали называться итальянцами.

- Вы кстати, были в Италии?

- Поездил.

- Можете объяснить тягу русских к Апеннинам?

- После довольно меркантильной и строгой Европы, которая представлена в большей степени Францией, Бельгией и Великобританией, конечно, в Италии отдыхаешь душой — там люди проще и на нас похожи.

- Вы бы уехали туда на старости лет?

- Нет, конечно. Если я за границей в молодости не остался, что ж мне там на старости лет делать?

- Так, а чего ж не остались в Америке (Гордон уехал в 1989 году, начал с доставки пиццы, потом стал телеведущим на русскоязычном телевидении в США; в 1997 году вернулся в Россию)?

- Надоело. Не моя страна, вот и уехал. Там для меня все чужое – природа роскошная, но чужая, люди даже бывают хорошие, но все равно чужие. А мне для того, чтобы полноценно жить, необходимы свои люди и своя природа.

- Вот вы собираетесь снимать фильм «Базар-вокзал» про одесского художника Валентина Хруща. Вам таких персонажей в Штатах не хватило?

- Во-первых, это будет фильм не про Хруща и не о Хруще. Он лишь прототип нашего героя.

- А почему такое название?

- «Базар-вокзал» — это как надпись на могиле: начало, конец жизни и прочерк. Другая символика: базар – как торжище, вокзал – как путешествие. Кроме того, есть устойчивое выражение в русском языке, не знаю, объективно ли оно, но тем не менее – «базар-вокзал», как нечто переходящее, легкомысленное и неосновательное.

- В Германии в домах престарелых установили автобусные остановки, на которых страдающие душевными расстройствами пенсионеры могут подождать вымышленные автобусы и таким образом успокоиться. У вас уже нет тяги к перемене мест?

- На самом деле, она может возникнуть в любой момент жизни, помните, как у Пушкина — «давно усталый раб задумал я побег»... Кстати, мы с вами подоברались к теме,

которую я хочу исследовать в «Базар-вокзале» — неизбежного ухода. — Есть какая-то лакуна в культурных, в первую очередь, художественных исследованиях — очень много внимания уделяется детству, отрочеству, юности, кризису среднего возраста, а вот тему неизбежного ухода обходят стороной. А между тем он длится большую часть нашей жизни, я на этом настаиваю — большую часть жизни. И может начаться когда угодно — я говорю о моменте, когда человек осознает, что есть смерть и что она предначертана всем. Какие процессы происходят тогда в человеке, как меняется его жизнь, как меняется он сам, как меняются люди вокруг него? Вот в этом мне интересно разобраться.

И если есть что-то общее в этих процессах, то очень хотелось бы их разглядеть скорее в себе самом, нежели в окружающем мире. И может быть, подчеркиваю, может быть, этими наблюдениями с кем-то поделиться. Это не религия и не наука. Это не методическое пособие по уходу и умиранию. Это лишь удивление: «О, как все меняется!»

- **Не понимаю вашего восторга, я этому удивилась в раннем детстве.**

- Вы питерская, и видимо, вас воспитали в моменте мори. А у меня был другой образ жизни, поэтому к этому я пришел довольно поздно.

- **Хорошо, вы говорите, что в культурном пространстве не артикулируется тема ухода, но есть же повесть «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого.**

- «Смерть Ивана Ильича» — великое произведение, но это про смерть Ивана Ильича. А я ведь хочу изучить не сам момент смерти, а состояние неизбежности. И это не известие о болезни, из-за которой человек скоростижно завершает свою жизнь, и нужно срочно ее пересмотреть. Нет, это медленное привыкание к уходу. Осень, если хотите... И это осеннее состояние может быть даже радостным, может быть, даже восторженным. Ведь в неизбежном исходе можно найти, как сказал Гарри Борисович (он же автор сценария) в одном из своих стихотворений: «муку, свежесть, новизну». Вообще, человечество не очень любит эту неизбежность, оно все время ее принимает условно: «Ну да, это будет».

- **Естественно.**

- На мой взгляд, это не естественно.

- **Почему? Мы же любим себя, своих близких, что за радость прощаться с ними?**

- Так вот я утверждаю, что страх смерти, страх этого неизбежного — это не любви к себе, это равнодушие к жизни. Надо попытаться воспринимать уход, как радостную неизбежность... Знаете, у нас есть православные христиане, которые постятся с постными физиономиями, в то время, как, с моей точки зрения, пост — это радостное воздержание.

- **Опять же, что за радость, когда желудок сводит от голода?**

- Ну... Конечно, должна быть радость, ведь ты дождался момента, когда можешь быть лучше, чище. Так вот смерть — это такой же пост. Вот Гарри Борисович только что сказал афоризм, запишите его: знаете, как говорят — «болящим можно не поститься», так вот «болящим можно и не умирать, а живущим — приходится».

- **Давайте про насущное. Что-то не вижу я в наших православных батюшках желания прощать. Вот скандальная акция группы Pussy Riot в Храме Христа Спасителя — да, хулиганский поступок, но семилетний срок заключения, который им грозит, не всегда дают даже за убийство!**

- Знаете, я не могу согласиться с вами в снисходительном отношении к ним.

Вначале они позиционируют себя, как глупеньких девочек, которые не ведают, что творят, а потом с помощью наемных адвокатов защищаются аргументами: «Мы – матери, у нас есть дети, поэтому отпустите нас, пожалуйста». А раз уж они произнесли слово «матери», то должны отвечать за свои поступки. Поэтому я считаю самым правильным наказанием для них – конечно же, не заключение их в тюрьму, а лишение родительских прав.

- Но ведь дети страдают!

- Дети страдают и в том случае, если они останутся с своими абсолютно безответственными матерями. Либо ты девочка из Pussy Riot и не ведаешь, что творишь, либо ты мать. Я считаю, что эти вещи несовместные.

- Господи, вы же не верующий человек, отчего такая пристрастность?

- Я сейчас говорю не про веру, а про свободу и ответственность. У этих девок до ж... ы свободы, а ответственности – ноль.

- А все же — если простить, хоть раз?

- Давайте простим. Но сначала выпорем.

- Доведись вам встретиться с этими девушками, вы, наверное, были бы менее суровы?

- Даже не пытайте иллюзий по этому поводу – а то я не сталкиваюсь с им подобными. Я всегда был консерватором, а вы заставляете меня стать еще и радикалом. Повторяю: «Лишить материнских прав. Точка. Выпороть на площади. Точка. Запретить упоминать в средствах массовой информации словосочетание Pussy Riot. Точка».

«Все устали от болезни постмодерна»¹⁴⁷

Александр Гордон закончил съемки своего третьего художественного фильма. О нелюбви к кино, об отношениях с Л. Н. Толстым и о том, что все изменчиво, кроме метели, Гордон рассказал в интервью Infox.ru.

Александр Гордон

«Сейчас я смотрю отснятый материал к фильму, который будет называться «Л. Н. Толстой. Метель». Во-первых, чтобы не путали с пушкинской «Метелью». А во-вторых, с моей стороны это наглое заявление, потому что от рассказа Толстого в фильме ничего, кроме, собственно, метели, не осталось. Действие перенесено в наши дни. И герой, по моему, сильно отличается от героя Льва Николаевича, хотя зовут его так же. Это достаточно молодой двадцатисемилетний человек. Надо сказать, что Толстой приблизительно в этом же возрасте находился, когда написал «Метель». Главного героя, фотографа по профессии — так надо было для того, чтобы связать сюжетные ходы, изображает у нас Григорий Добрыгин. Надо к моей оправдательной части сказать, Гришу мы пригласили еще до триумфа с «медведем». Главную женскую роль исполняет Равшана Куркова. Главная, так скажем, «толстовская» роль досталась Леониду Павловичу Мозговому.

Метель не меняется

Идея родилась давно. Не как кинозадумка, а как мысленный эксперимент. Ведь любое драматическое произведение, или театральная постановка, или кинокартина начинается с вопроса: «А что, если...?». И каждый автор отвечает на этот вопрос. Вот я и

147 Интервью от 09 апреля 2010// <http://alexandrgordon.ru/intervyu/vse-ustali-ot-bolezni-postmoderna/>

подумал, а что если герой Толстого станет моложе на сто пятьдесят лет и сегодня из нашей среды обитания попадет в ту самую метель. Метель ведь не изменилась. Может измениться все что угодно, метель не меняется. И стала возникать идея, которая никак не хотела утрамбовываться в сюжет. Но тут появился сценарист Аркадий Яхнис, и мы, борясь друг с другом, но не со Львом Николаевичем, попытались вместе придумать такое, чтобы это было интересно, внятно, и с неким выхлопом, то есть с переживанием и сопереживанием. Про катарсис говорить не буду — заключают.

Часть съемок проходила на натуре. «И вот нашли большое поле: есть разгуляться где на воле!» Под Истрой. А поскольку нам нужна была метель и не всегда погода помогала в этом, то приходилось эту метель тщательно и подробно изображать, для чего были вызваны специальные пиротехнические средства. Мы снимали и в интерьерах, и в павильоне. Но надо сказать, что эти десять дней природы — самый глубокий ужас перед производством, который я испытал за все время, пока пытаюсь заниматься кино. Была еще одна попытка — в съемках принимали участие дети. Штук наверное десять в возрасте от четырех до одиннадцати лет. По мне, лучше на натуре в минус двадцать, под снегом с неслушающейся лошадей Лялей, она по крайней мере одна, чем с таким количеством детей. До сих пор не понимаю, как снимают детское кино. На мой взгляд, это ужас.

Кроме того, у нас было довольно ограниченное съемочное пространство — я имею в виду количество дней. И мы никогда не уложились бы в сроки, заданные продюсером, если бы не профессионализм всех цехов. С нашим оператором я не первую картину работаю, и надеюсь, что если буду работать в кино и дальше, то тоже с ним. Это Максим Шинкоренко. К сожалению, в российском кинопроизводстве часто подводит администрация. Я сделал для себя определенные выводы. И если я буду стараться сохранить операторскую команду, художников по костюмам, художников-гримеров, то от администрации, в том виде, в каком она была на этой картине, вынужден отказаться раз и навсегда».

Болезнь постмодерна

«На днях непобедимая и знающая кино женщина — Любовь Аркус в одном из последних публичных разговоров призналась, что встает на мою сторону в том смысле, что ей надоели невнятные кинематографические высказывания, которые еще несколько лет назад считались образцом и шиком. Мы тут снимем, как нам бог на душу положит, а уж какие там смыслы, про что это, почему герой сделал так, а не иначе — это уж пусть зритель додумывает. Сколько людей — столько фильмов получится. От этой болезни постмодерна, конечно, все устали. Кино — дело серьезное: надо написать сценарий, войти в подготовительный период, привлечь огромное количество людей и денег, снять, смонтировать, озвучить. Ради чего? Ради того, чтобы каждый сидел в зале и придумывал свое кино? Лучше опубликуйте сценарий. Каждый, кто прочтет, будет знать, что это кино в его воображении. Но раз дело сделано, хочется высказывания. Может быть, тихого, может быть, невнятного, может быть, грозного — но высказывания. Авторского высказывания. Я постарался сделать так, чтобы никаких лишних трактовок не было. История предельно ясная: понятно, с чего начинается, к чему идет (там есть обманка, конечно, как без этого) и чем заканчивается. Дальше можно спорить с моей точкой зрения, или с моей позицией, или с тем, как это сделано. Но всякий раз, когда мы смотрим кино и идет разговор: «Да

нет, он не это хотел сказать. Он хотел сказать...». И опять правой рукой за левым ухом... И получается, что все фильмы снимаются только в угоду критике. Да пошли они в задницу! Это они должны обслуживать кино, а не мы их.

В титрах напишу, что это не по мотивам, а под впечатлением от рассказа Толстого. И если я взял за основу литературное произведение, значит то, что я делаю, называется «интерпретацией». Сколько спектаклей «Гамлет» поставлено за время существования этой великой пьесы. Режиссеры разве боролись с Шекспиром или пытались утвердиться среди современников? Нет. Это мое прочтение, грубо говоря. Я так вижу. И я хочу, чтобы моими глазами увидели все остальные. Вот в чем ясность высказывания, на мой взгляд. А иначе, каждый может открыть собрание сочинений Толстого, прочесть рассказ, и у него будет своя «Метель». Но вот я дорвался и снимаю свою картину. С овеществленным героем, с коллизиями, с мотивами, поступками, отказом от поступков — так или иначе, это интерпретация».

Авторское или коммерческое?

«Мне кажется, что эта градация в кино довольно условная. И обсуждается она либо продюсерами еще до съемок, либо критиками после того, как дело сделано. Сейчас очень трудно отличить фестивальное кино от коммерческого проекта. В Голливуде научились снимать авторские фильмы. В них основная идея принадлежит режиссеру. Вот и все отличие авторского кино от коммерческого — когда не продюсер приглашает режиссера на работу, а режиссер, одержимый идеей, ищет под проект продюсера. В таком случае у нас почти все кино — авторское. В России традиция такая: режиссерское кино. Хотя сейчас меньше, когда-то было больше». По профессии я актер

«Все остальное — это, так или иначе, факультативные приложения к полученной специальности. Всякого актера рано или поздно подмывает оказаться по другую сторону. Это нормально — всегда тобой командовали, а здесь ты можешь покомандовать. В армии тоже так говорят. Чем бы я хотел заниматься дальше? Конечно, кинопродукцией. Для меня это очень органично организованное время. Два года валяешься на диване и страдаешь какими-то мыслями. Потом вступаешь в схватку с тем, кто должен не просто принять эти мысли, но понять и оформить. Потом вы вместе боретесь с обстоятельствами. Причем все это за короткий промежуток времени, потому что я спринтер по натуре, а не стайер. Например, сериал не смог бы снимать. И все это раз-раз-раз, клочья полетели, зубы в крови... И все! Потом медитативная рефлексия монтажно-тонировочного периода. И, в конце концов, уже не важен результат потому, что ты успел насмотреться и напоказаться, и нажиться, и у тебя, как говорил Чехов, «в голове уже ворочается тяжелое, чугунное ядро — новый сюжет». И все быстрее, быстрее, быстрее. То есть это ритм жизни (о творчестве не будем говорить), который меня вполне устраивает. И, действительно, у меня ворочается новая идея в голове. Она довольно абсурдная. И пусть себе ворочается, не хочу пока о ней рассказывать».

Кино я снимать люблю, а так нет

«Фильмы смотрю только вынуждено, то есть если они идут в «Закрытом показе». Иногда, бывает, на премьеру схожу, но это скорее исключение, чем правило. Не так давно был на показе альманаха короткометражек «Короткое замыкание», где представлены наши «лучшие» режиссерские силы. Из того, что я там увидел, профессионально и толково

сделана только работа Бориса Хлебникова. Все остальное казалось «ниже плинтуса». Но это мое ощущение.

Я пытаюсь оправдаться вот чем всегда — нас так учили, и я хочу, чтобы относились так же ко мне: хороший зритель — это колоссальный труд. Режиссер, даже если он великий, делает только полпути навстречу к тебе. Ты должен преодолеть остальную половину пути. Только режиссер это делает за два-три года. А тебе остается полтора-два часа. Быть зрителем — очень интенсивная внутренняя работа. Надо включиться настолько, чтоб все твои эмоции, чувства, впечатления, весь твой жизненный опыт работали вместе с картиной. Поэтому всякий раз, когда смотришь большое кино, потом чувствуешь себя больным. А всякий раз, когда смотришь кино ущербное, злишься на себя потому, что ты потратил и часть сил, и времени на разговор с идиотом, на это лепетание мудака. Зачем?»

«Телевидение – низкий жанр»¹⁴⁸

К. ЛАРИНА – Приятно вас видеть в нашей студии. Напомню, что [Александр Гордон](#) работает на «Серебряном дожде» – думаю, что я имею право об этом сказать, мы вне конкуренции, мы на разных площадках работаем.

А. ГОРДОН – Хотя с одной стороны баррикад все-таки.

К. ЛАРИНА – И то, слава Богу, да. Ну, а то, что на телевидении, я думаю, что надо напомнить, что появился [Александр Гордон](#) на телевидении с программой «Нью-Йорк, Нью-Йорк», это было еще в ту пору, когда Александр был еще за пределами нашей родины. А затем уже вернулся сюда и продолжает работу. Я думаю, что, наверное, самая популярная программа – это, безусловно, «Процесс» на ОРТ, - которую Александр ведет вместе со своим коллегой Владимиром Соловьевым. Ну, еще я тут вспоминала «Собрание заблуждений» – это такие исторические версии спорные, которые выходили тоже на ОРТ. Не знаю, сейчас идет эта программа?

А. ГОРДОН – К счастью, нет уже, закончилась.

К. ЛАРИНА – Почему – к счастью?

А. ГОРДОН – Был очень тяжелый проект для меня, потому что надо было успеть нарыть, собрать, записать, снять на кино еще, озвучить – и все это за 2 недели. Это была каторга.

К. ЛАРИНА – Здесь, конечно, проще?

А. ГОРДОН – Да, «Процесс» – простая передача.

К. ЛАРИНА – Что же, давайте начнем наш разговор именно о телевидении. Т.к. вы много поездили, посмотрели, т.к. для многих является эталоном американское телевидение, рассчитанное на все слои населения, вот как вам кажется, что сегодня из себя представляет телевидение российское? Я говорю не российский канал, а именно как национальное телевидение? Из чего мы все состоим, что мы смотрим? Что это за образ, из чего он складывается?

А. ГОРДОН – Надо сказать, что наше телевидение, в отличие от американского, довольно пестрое. Я думаю, что это объясняется тем, что пока у нас мало каналов, и

каждый канал вынужден бороться за всех зрителей, как вы правильно сказали, поэтому можно видеть и то, и другое, и третье, и т.д. Там все-таки есть, в США, определенная специализация. Есть каналы общедоступные, т.н. ear channels, то, что у нас называется метровый диапазон. Они строятся приблизительно по тому же принципу, что ОРТ, НТВ и т.д. Но есть каналы специализированные – детские каналы, канал погоды, канал судебный, и т.д. Мы до этого пока, слава Богу, еще не дошли, хотя приближаемся. Вот, «НТВ+» – как раз такая схема: спортивный канал, канал фильмов наших, зарубежных и т.д. Кроме того, там сильно развито кабельное телевидение, в США, и в среднем это пакет из 80 с лишним каналов, поэтому можете себе представить, какая там конкуренция. У нас пока этим тоже не пахнет, потому что если любая наша программа берет «шэр» – т.е. часть аудитории, т.е. аудитория как бы делится на 100%, и программа может взять определенное количество аудитории из тех людей, которые в данный момент смотрят телевизор. И если бывают программы на ОРТ или НТВ, которые берут «шэр» до 50-60, это значит, что 50% тех, кто включил телевизор, смотрят эту передачу. В США это невозможно. Даже такие исторические трансляции как выборы президента или клятва президента или не знаю, что там – вдруг будет ураганом разрушен Белый дом – все равно не наберут такой аудитории, потому что она распылена. А у нас пока нет. Кроме того, отсутствие телевидения у нас в стране все-таки не воспринимается как трагедия, что доказал пожар на Останкинской башне. Есть – хорошо, нет – ну, плохо, но не так уж плохо.

К. ЛАРИНА – Но это только на уровне Москвы, было, стоит оговориться, потому что страна-то смотрела телевидение. Только москвичи остались без телевидения.

А. ГОРДОН – Ну, Подмосковье ближайшее и дальнее тоже. Я так понимаю, что в Подмосковье до сих пор показывают 1-2 канала. И ничего, все же живут, никто не умер.

К. ЛАРИНА – Смотрите, у нас все-таки есть традиции советские, т.к. никак мы не можем отвыкнуть от образа телевизора, который был нашим маленьким другом в квартире, собеседником, который с нами разговаривал обо все на совете – ну, то, о чем сейчас ностальгируют представители левого большинства, да, вот по поводу духовности. Раньше нас учили, просвещали, рассказывали, от всей души, с другой стороны, с третьей стороны – и просветительская какая-то деятельность. Сегодня телевидение, наверное, находится в таком гибридном состоянии, потому что все равно мы от этого не отойдем, от этого советского представления.

А. ГОРДОН – Ну, это не так плохо, кстати.

К. ЛАРИНА – Не так плохо, но мы никак не можем понять, мне так кажется, что телевизор не должен претендовать на жанр искусства, хотя, может быть, я ошибаюсь?

А. ГОРДОН – Знаете, телевидение – низкий жанр, вне всякого сомнения. Не потому, что человек смотрит его между кухней и туалетом, или между походом на работу и в кино. Он низкий, потому что возможности телевизионные не позволяют, к сожалению, так часто, как хотелось бы, говорить о высоком и на довольно внятном и сложном языке. Все это так, но с другой стороны, мне кажется, что выделение, образование канала «Культура» – это абсолютно преступное деяние, потому что все каналы заведомо получили карт-бланш на то, чтобы ничего в эту сторону не делать. Зачем? Есть канал «Культура», пусть

они культуру и гонят, а мы, значит, перейдем от духовке к половухе, что называется. Мне кажется, что низкий рейтинг канала «Культура» – не очень высокий профессионализм, отсутствие практически такого серьезного финансирования. Это все катастрофически сказывается на качестве остальных телеканалов в том, что касается... Я вообще считаю, давайте так, что телевидение должно делать 4 вещи: информировать, развлекать, провоцировать на активную гражданскую позицию и, вне всякого сомнения, просвещать. У нас основные наши каналы не выполняют, на мой взгляд, ни одно из этих требований. И выделение канала «Культура» в отдельный канал дает им возможность вообще, повторяю, в эту сторону не думать. Есть ли выход из этой ситуации? Я не думаю, что он есть, т.к. мы все прекрасно понимаем, что телевидение сейчас – это в первую очередь коммерция, потому что до сих пор ни один из телеканалов больших просто не в состоянии даже выжить на те деньги, которые он зарабатывает. Причин много – и воруют, и неправильно распределяют эти деньги, и явно платят завышенные гонорары людям, которые могли бы эти гонорары не получать, но т.к. они связаны с руководством тех или иных телеканалов узлами, далекими от профессиональных, то т.о. идет перераспределение общих средств по отдельным карманам. Это все как бы не секрет – существование больших производителей т.н., которые имеют приоритетные права на том или ином канале, это дележка средств между своими. От этого страдают независимые производители, от этого совершенно невозможно, я убедился в этом на собственном опыте, быть производителем и держаться в эфире с одной программой, потому что как бы не образуется тот самый жировой запас нужный, который позволит тебе в случае неплатежа выпустить очередную программу в эфир. И ты целиком и полностью зависишь от финансовой политики канала. ОРТ, скажем, со мной не расплатился за последние 2 программы до сих пор, хотя прошло 8 месяцев. Т.е. пока программа нужна была в эфире, она как-то держалась, они платили. Причем надо отдать им должное, часто это были авансные платежи, чего уж на ОРТ вообще не бывает. Как только нам стало понятно, что 25-я серия будет последней, интерес резко пропал, тем более что появилась программа, которая взяла «Тэфи» и которая, на мой взгляд, является абсолютной калькой с той передачи, что делали мы.

К. ЛАРИНА – Это какая программа?

А. ГОРДОН – Это «Цивилизация». Потому что они мало того, что использовали все темы, которые звучали в наших программах, они еще и приемы все те же самые использовали.

К. ЛАРИНА – Но это тоже отдельный разговор по поводу клонированных программ. Они бродят по нашим каналам уже стаями. Каждый канал считает обязательным для себя свой женский взгляд, женскую историю, женскую судьбу – ну, чего там говорить. Это странно. Но мне кажется, что это опять же отсутствие каких-то прав юридических, потому что можно чем угодно прикрываться, но мне кажется, что это невозможно, допустим, в той же Америке?

А. ГОРДОН – Я думаю, что возможно. Дело не в этом. Ну вот идет, скажем, программа «Собрание заблуждений» и «Цивилизация». У них разные названия, их делают разные группы. Темы? Ну, открой энциклопедию, там тоже те же темы, я не могу на них претендовать. Разработки? Ну, хорошо, их редакторская группа тоже поработала в этом

направлении. Т.е. официально придаться не к чему. Стил? Ну да, почему бы и нет? Похоже, ну так и что? Все художественные фильмы похожи, везде играют актеры, везде ставят свет, снимает камера, т.е. не придерешься. Но не то, что обидно... Сколько идей украли у меня в чистом виде и на радио, и на телевидении – это даже перечислять не хочется. Когда вдруг я кладу на стол руководителя канала заявку на телеигру «Будь человеком», часовая телеигра, и через 2 месяца после этого появляется усеченная 15-минутная версия этой идеи под названием «Будь добрым», ну, остается только руками развести.

К. ЛАРИНА – Это, скорее, в области морали и этики проблема, тут ничего не сделаешь.

А. ГОРДОН – Ничего. Можно поспорить, можно поругаться, ну и что?

К. ЛАРИНА – Ну, а с другой стороны, мне кажется, мир ничего нового не придумал. Если мы говорим о форме – ток-шоу, еще что-то, есть публика, есть ведущий, есть гость – все. Либо 2 говорящие головы, либо 15 говорящих голов – тут ничего нового не придумаешь. Вот, посмотрите, мы все ссылаемся на Америку – вот они там сидят по 40 лет на одной программе. Национальные герои. Ничего в передаче не меняется, кроме постепенного устарения организма.

А. ГОРДОН – Да и то – яростно обсуждаются пластические операции, которые делают, это становится темой 10-15 программ – посмотрите, как она выглядит, ай-ай-ай! Нет, это все верно. Телевидение – низкий жанр, потому что у него мало возможностей, мало выразительных средств. Кроме того, по-моему, АВС проводила исследования, и оказалось, что в разные часы по-разному люди реагируют на телевизор. Скажем, в утренние часы для аудитории 70% информации, которые они получают из «ящика» – это звуковая информация, т.е. он почти как радио работает, телевизор. И это тоже феномен, но мало кто этого понимает у нас, скажем, поэтому все утренние шоу идут в таком формате, когда надо смотреть, а это неправильно. Все-таки человек собирается на работу, или дети уходят в школу, он готовит кофе, телевизор он слушает в основном с утра. Пытался это втолковать – не понимают. Но вообще, честно говоря, у нас есть определенный запас еще неизведанных тем, жанров, и даже вот визуально по-другому выглядящих программ, чем те, что идут сейчас. Но опять вопрос в том, что это нуждается в дополнительном, даже большем финансировании, чем уже идущие ток-шоу или другие программы.

К. ЛАРИНА – А вы что-нибудь смотрите сами дома, когда есть возможность?

А. ГОРДОН – Я очень редко. Я в основном новости смотрю, новости и вдруг, если покажут, какой-нибудь хороший фильм, потому что, честно говоря, я уже не ожидаю ничего хорошего увидеть. Хорошего в том смысле, что мне пригодилось бы, что меня бы отвлекло от того, чем я сейчас занимаюсь, т.е. давало возможность расслабиться. В основном я бешусь и когда в плохом совсем состоянии плюю в экран, фигурально выражаясь.

К. ЛАРИНА – Ну, вы ничем не отличаетесь от своих зрителей. Я думаю, что так реагирует абсолютное большинство.

А. ГОРДОН – Абсолютно. Я-то вообще ставил своей задачей, приходя на телевидение, делать программы анти-телевизионные, если можно так сказать. Ну, самой

телевизионной программой была «Нью-Йорк, Нью-Йорк», это просто был репортаж. Там было другое – там было отношение, т.е. я не был репортером. Я был таким, знаете, разведка боем, т.е. это наш человек на Луне такой. Но это время прошло, слава Богу, и вряд ли уже вернется. Потом была абсолютно анти-телевизионная программа на ТВ-6 «Частный случай», где я 3 раза в неделю по 15 минут учил народ, как пользоваться правами и обязанностями.

К. ЛАРИНА – Скажите, а Воеводин?

А. ГОРДОН – Да, он сначала вел ее, а потом мне отдали эту передачу, и я попытался сделать из нее, меня даже кто-то назвал «Гордон-Кихотом», потому что это была абсолютно борьба с ветряными мельницами. И очень скоро ее закрыли, потому что такая программа просто не может существовать, это какие-то мелкие уколы власть имущим, кому это нужно? Тем более что реально помочь совершенно невозможно с экрана телевизора. Потом, «Процесс» я тоже задумывал со своей стороны как абсолютно телевизионную программу, и мне кое-что удалось здесь добиться, потому что как бы яростно я не отстаивал позицию, в конце программы всегда звучит фраза, что личная точка зрения господина Гордона не всегда совпадает с позицией, которую он защищает.

К. ЛАРИНА – А вы знаете, я как-то слежу за этой передачей, смотрю, когда есть возможность, она, конечно, начиналась как именно жанр такой телевизионной провокации. А потом все-таки победил наш политизированный песок, тут никуда не деться. Я стала чувствовать, может быть, я ошибаюсь, опять же, как зритель, что вас это стало увлекать, вы перестали в это играть. Потому что сначала это была, конечно, провокация.

А. ГОРДОН – Нет, такого увлечения серьезного нет. Единственное, что мы сейчас меняем немного формат программы в сторону как бы еще большего обострения позиций с одной и другой стороны. И нам надоела уже такая диктовка ОРТ, что можно, что нельзя.

К. ЛАРИНА – А это существует?

А. ГОРДОН – Конечно, существует. И мы, честно говоря, в последнее время просто пошли ва-банк. Мы снимаем темы, которые интересны нам или по которым мы расходимся драматургически, почти театрально, и смотрим, что из этого выйдет. Не исключено, что по балде нам дадут, но что делать? Иначе просто скучно работать.

К. ЛАРИНА – Очень многие наши слушатели считают, что Гордон – это вообще такая мистификация. Нет, это не мистификация – вот, сидит человек напротив меня. Я даже знаю, что Саша в свое время закончил театральное училище им. Щукина, и вообще артист по образованию драматический. И это совершенно нормально, что вот так в итоге жизнь его бросает в разные творческие проекты. Очень много вопросов от слушателей. Так: «На мой взгляд, ваш проект «Нью-Йорк, Нью-Йорк» был самым интересным из всего, что вы делали. Почему эта программа выпала из эфира?»

А. ГОРДОН – Она не из эфира выпала, а из жизни сначала, а потом уже из эфира. Я не могу согласиться, что это самое интересное. Просто тогда была волна такого вот интереса к Америке, мало кто, что знал об этой стране, какие-то верхи и только. А т.к. я лазил там по самым низам, то на тот момент это было интересно. Если бы я сейчас возобновил этот проект, я вас уверяю, что аудитории у него не было бы. Ну, а потом,

жизнь-то идет, я меняюсь и программы меняются.

К. ЛАРИНА – «Судя по количеству вопросов, связанных с Никитой Михалковым и с радиостанцией «Эхо Москвы», есть 2 вещи, которые почему-то терпеть не может Александр Гордон» – это я ссылаюсь на мнение наших слушателей – «Он не любит Михалкова и не любит «Эхо Москвы» – так ли это?»

А. ГОРДОН – Нет, это не так. Мне не за что не любить Михалкова. Я никогда в жизни не говорил с ним тет-а-тет, я не знаю, какой он человек. Судить могу только о его публичной деятельности. Что касается «Эхо Москвы», то я себя никогда не чувствовал обиженным этой радиостанцией, хотя, наверное, со стороны могло показаться, что были поводы, и всегда говорил 2 вещи, что существование такой радиостанции необходимо, т.к. это единственная реально информационная радиостанция. С другой стороны, я не совсем понимаю, почему информационная радиостанция позволяет себе выпадение из формата, как-то шутки, прибаутки, песенки и т.д. Но это опять во мне говорит консерватизм, тут уж вольному – воля, спасенному – рай. Что касается Михалкова, то, что вам сказать? Он поступил недостойно, как я считал. Я, может быть, в несколько непривычной для нашего уха форме, вернее, привычной, но не в СМИ форме сказал об этом. Я и сейчас считаю, что он тогда поступал неправильно. И даже после того, как наш конфликт разгорелся, он поступил еще более неправильно – вместо того, чтобы сразу подать на меня в суд, а повод был, он почему-то стал обращаться к Матвиенко, потом к премьер-министру. Чушь какая-то!

К. ЛАРИНА – «Были ли американцы на Луне?»

А. ГОРДОН – Я не знаю. Я знаю только, что после довольно долгих занятий этой темой, она увлекает, надо сказать... Я не знаю, были ли американцы на Луне, но то, что все фотографии, все пленки, которые предоставляются как доказательства того, что они там были, подделка – в этом я не сомневаюсь.

К. ЛАРИНА – «Как вы относитесь к политике? Не хотелось бы вам сделать политическую программу, в отличие от тех, что есть на экранах?»

А. ГОРДОН – Нет, я политикой не хочу заниматься уже довольно давно. И даже объявил о том, что продаю свою «Партию общественного цинизма». Если есть желающие купить – пожалуйста.

К. ЛАРИНА – Я уже и забыла. Это тоже было достаточно давно, да?

А. ГОРДОН – Да, но она до сих пор существует, я являюсь генеральным секретарем по жизни и могу распоряжаться этой партией как угодно.

К. ЛАРИНА – «Есть ли у вас задумки по поводу новой какой-нибудь программы? Если да, то что бы вы хотели делать?»

А. ГОРДОН – Была очень хорошая идея, но мы не сошлись в цене с ОРТ на эту передачу. Дешево я ее делать не могу, т.к. она очень сложная, а дорого они платить не могут. Программа должна была называться «Гордон Жуан или все, что человек должен знать о женщинах». Это была бы такая попытка ответить на вопросы, которые у меня накопились за жизнь о том, что такое женщина и чем она отличается от человека. И ответить с помощью специалистов, которые серьезно этим занимаются, но в такой довольно легкой игровой форме. Лев Константинович Дуров должен был изображать вечного оппонента Лепорелло, ваш покорный слуга появлялся бы то Дон Гуаном, то Дон

Хуаном, то Дон Жуаном, то Казановой, исследуя весь мировой литературный опыт в этом смысле, ну и там куча разных экспериментов. Не получилось. Теперь это будет рубрикой в программе «Хмурое утро», которая с 15 января получает еще и телевизионное воплощение. Это будет программа, которая будет одновременно в прямом радио эфире и в прямом телевизионном эфире на канале М-1, бывший 31 канал.

К. ЛАРИНА – Это утренний канал?

А. ГОРДОН – Да. По радио мало что изменится – она так и будет выходить где-то с 7:30, я опаздываю обычно с утра, до 11, а на телевидении четко с 8 до 11 в понедельник и пятницу.

К. ЛАРИНА – Вообще это тоже такая рискованная, мне кажется, затея, потому что радиозэфир в телевидении... Мы тоже пробовали это здесь делать, в свое время Матвей это пробовал делать с программой «Бомонд», но в итоге все равно перешли на постановочное решение, потому что радиопередача, как вот мы с вами сейчас сидим и поставить сюда камеры – я не думаю, что это... Должна быть картинка, в конце концов.

А. ГОРДОН – Да, я знаю это, и об этом мы серьезно думали. Мы будем это делать в студии М-1, а не в студии «Серебряного дождя», и там возможности позволяют. Уже построены декорации, уже мы потихонечку населяем эфир разными персонажами и штучками. Посмотрим.

К. ЛАРИНА – «Ваше отношение к зрителям и к слушателям? Вас они раздражают?»

А. ГОРДОН – Дураки – да, умные – нет. Какие зрители, так я и отношусь. Я вообще считаю, что все, что мне на радио удалось сделать за эти почти 4 года, что я работаю, так это изменить отношение к слушателям, потому что прежде оно диктовалось только одним правилом – как клиент в супермаркете, слушатель всегда прав. Я думаю, что это чушь. Если звонит дурак, я не вижу повода и причины, почему бы ни сказать ему, что я считаю его дураком. И наоборот, если звонит человек интересный и умный, то почему бы ни дать ему возможность 10-15 минут в эфире говорить? Я думаю, что это правильно. В жизни же вы ко всем относитесь по-разному, почему же нужно объединять людей в категории слушатели или нет?

К. ЛАРИНА – Но у них другое, кстати, отношение к тем, кто звучит по радио или показывается по телевизору.

А. ГОРДОН – Но не у всех же.

К. ЛАРИНА – «У вас – театральное образование. Как вы попали в Америку и какой работой там занимались?»

А. ГОРДОН – В Америку я эмигрировал в 1989 году, мне было 25 лет, у меня был маленький ребенок, и я решил, что я больше не буду никогда заниматься театром, а раз так, то что мне делать в России? Ну, и потом, тяга к перемене мест, сложность характера.

К. ЛАРИНА – А почему театром не захотелось заниматься?

А. ГОРДОН – 1989 год – это, во-первых, я был абсолютно убежден, что в театре я понял уже абсолютно все, ну, 15 лет – не самый разумный возраст.

К. ЛАРИНА – А успели где-нибудь поработать?

А. ГОРДОН – Год я работал, у нас был такой экспериментальный пятый курс, после 4

курса, из которого потом вышла студия Рубена Симонова, что на Арбате. Вот там, в 2 спектаклях я играл – в «Чайке» Треплева. И после этого я как бы расчистил себе дорогу на запад, потому что здесь уже делать совсем нечего было. Но когда уезжал, сказал всем близким, что если я пойму, что ошибся, я вернусь. Что и произошло. А там работал – сначала устанавливал [кондиционеры](#), вешал лампочки, потом год проработал в пицце, развозил и готовил ее, потом попал на телевидение, которое только что открылось там – русское телевидение для иммигрантов. Проработал там 2 года, потом еще год на другом телевидении, а потом получилась программа «Нью-Йорк, Нью-Йорк», которую стал покупать канал ТВ-6 – Москва. Вот собственно краткая биография.

К. ЛАРИНА – «Большое вам спасибо за ваш добрый юмор, песни, за тот заряд бодрости, который вы дарите нашим зрителям» – тут, кстати, вспоминают, что вы пели где-то у Диброва в программе, я этого не знаю, это действительно так, вы еще и поете?»

А. ГОРДОН – Все началось в Сочи на фестивале «Кинотавр». Мы выпили с Димой, и я, когда пьяный, я пою все время. И стал петь украинские песни. Ему бешено понравилось. Он сказал – все, приходи в эфир. Я говорю – я не могу прийти в эфир и петь песни, потому что я трезвый не пою. Он говорит – приходи пьяный, какие проблемы! И вот случилось: я после матча «Спартак» с «Арсеналом», хорошенько набравшись, да еще на морозе, пришел в студию. А сильно пьяный, надо сказать. И пел украинские песни, когда хуже, когда лучше, когда попадая, когда нет. Но это был аттракцион в любом случае. И Дима перепугался, конечно, но все было более-менее прилично, я со стула не упал и о Путине разговаривать не стал.

К. ЛАРИНА – «Как вы реагируете на свои портреты на урнах на Тверской?» – на урнах я не видела, на троллейбусе видела.

А. ГОРДОН – Нормально реагирую, потому что у нас есть склонность у ряда профессионалов – рано или поздно вдруг хватать звездочку, говоря профессиональным языком, т.е. заболеть звездной болезнью. Я думаю, что самое эффективное лекарство от любого проявления этой звездной болезни – это здоровая доля самоиронии и самоуничтожения, что мы и попытались продемонстрировать, разместив фотографии всех 4 ведущих «Серебряного дождя» на урнах с надписью «Хочешь узнать, что у них в голове – загляни внутрь». Это так, потому что на самом деле, чем мы занимаемся – мы пытаемся освободить в эфире прямом свою голову от того мусора, который копится там всю неделю, всю жизнь.

К. ЛАРИНА – И слушателей тоже освободить от этого мусора.

А. ГОРДОН – Надеюсь! Какой-то терапевтический эффект должна программа иметь, я так думаю.

К. ЛАРИНА – «Саша, вы абсолютно не похожи на себя. Что произошло? Ведете себя как интеллигент. Это странно!»

А. ГОРДОН – Я сейчас себя так веду?

К. ЛАРИНА – Да. А я не знаю, как [Александр Гордон](#), допустим, ведет себя в эфире, как хам? Я не знаю.

А. ГОРДОН – Нет. Как хам – не хотелось бы думать, просто я убежден, что программа имеет право на существование и на столь долгое существование, если она все-

таки очень тесно связана с тем, что называется жизнью ведущего. Т.е. если бы я делал профессиональную программу с профессиональным к этому делу подходом и отношением, она бы уже кончилась года 2 назад. Я позволяю себе просто быть в эфире таким, каким я в данный момент являюсь.

К. ЛАРИНА – А вы не боитесь быть абсолютно таким, кем вы являетесь в жизни? Мне кажется, что это опасно очень.

А. ГОРДОН – Да нет, чего опасного?

К. ЛАРИНА – Народ разный.

А. ГОРДОН – Народ разный. Нет, конечно, у меня какие-то тормоза работают, хотя не всегда, конечно, работают. Я стараюсь все-таки не совсем, т.е. я прихорашиваюсь, разумеется, потому что иначе это было бы невыносимо ни слушать меня, ни видеть. Но старюсь честно что-то там думать и говорить. Всякий раз бывает в конце программы ужасно стыдно, что 4 часа прошли и, как мне кажется, без толку. Но аудитория растет, значит, чего-то я там напридумывал.

К. ЛАРИНА – Когда программа только появилась и какой-то резонанс общественный возник уже, какие-то реакции, какая-то критика появилась на «Хмурое утро», все вас сравнивали, и почему-то Николая Фоменко вместе с вами, с Говардом Стерном – этот фильм «Части тела», на котором все мы были помешаны, передавали эту кассету из рук в руки на всех радиостанциях, все это смотрели. Действительно оттуда пошел этот образ? Он вам помог в чем-то?

А. ГОРДОН – Знаете, помог в том, что я понял, что можно, вот честно говорю, единственное, что я взял у Стерна – я понял, что можно очень долгое время в утреннем эфире просто говорить. И мне это показалось интересным. Другое дело, что есть всегда различие между тем, что ты делаешь и как ты это делаешь. И, в конечном счете, сходство моей программы с программой Стерна свелось к тому, что он мужчина и я мужчина, оба белые, он с утра в эфире и я с утра в эфире. А наполнение – как бы это разные жизни совершенно и разные люди. А формат – да, формат да. Как мы уже с вами говорили, не так много вообще этих форматов.

К. ЛАРИНА – Но все равно опять получается провокация. Я понимаю, тот самый интерактив, о котором мечтает директор любой радиостанции, любого телеканала, чтобы побольше интерактива, чтобы их раздражать, чтобы они звонили, кричали, плевались, да?

А. ГОРДОН – Ну, этого хоть отбавляй, конечно. Я все время задаю вопросы. Я говорю – скажите мне, пожалуйста, вот вы позвонили в эфир и сказали, что я сволочь, дурак, козел, что мне не надо этим заниматься и вообще я жидовская морда и т.д., так зачем вы слушаете? Но ведь просто, да, денег с вас за это не берут, бесплатное радио у нас, слава Богу. Ну, переключите на другую волну, их много сейчас, или не слушайте. Что-то задевает, провоцирует, что заставляет их вместо спокойного ухода от этого все-таки высказывать свое бешенство в разных формах? Ну и хорошо. Пусть лучше они на меня кричат, чем друг на друга, такой гроомотвод, куча навозная, санитар леса, как я себя часто называю.

К. ЛАРИНА – Что же, давайте вернемся к разным жизням Александра Гордона нынешним, т.к. вернулся в театр Александр, я не знаю, сказали ли мы об этом в

начале программы. Саша играет Треплева опять же в театре-школе современной пьесы в «Чайке». И, как я знаю, снимает даже сейчас кино как режиссер. И об этом, наверное, стоит чуть-чуть рассказать.

А. ГОРДОН – Да. О Треплеве – что было естественно, когда мне было 25 лет, то немножко стыдно, когда мне 37. Я вообще уже давно Райхельгауза двигаю на то, что мне давно уже Тригорина пора играть в этом спектакле, а не Треплева, тем более, что там больше совпадений в судьбе. Но, тем не менее, да. Я очень люблю этот спектакль, как не странно, и с удовольствием выхожу в роли Треплева, когда хуже, когда лучше. Что касается фильма – о, это, вот если говорить о мечте, то это мечта, которая сейчас, тьфу, тьфу, вроде бы как начинает воплощаться. Я давно хотел заниматься кинематографом, и вот эти 25 серий «Собрания заблуждений» – был такой технологический подход к этому. Я хоть понял, как делается кино, технологию, и сколько это стоит. Когда папа мой, Гарри Борисович, больше года назад уже написал повесть «Пастух своих коров», я вдруг увидел там сценарий, хотя хотел снимать современно другой фильм. И попросил его подумать в эту сторону, и он написал сценарий, который как-то до сих пор живет своей жизнью, постоянно дописывается, что-то там меняется. И как-то так получилось, что видимо из-за того, что я поссорился с Михалковым, потому что где-то, в каком-то журнале появились отклики о том, как я себя веду, и [Марк Рудинштейн](#) сказал, что за это надо быть морду и вообще я, там, человек недостойный. Я тут же вызвал его на дуэль в прямой эфир «Хмурого утра». Морды мы бить не стали, а в конце эфира он признался, что, в общем, да, Михалков, конечно, ведет себя не очень хорошо. Ну, и я тоже, мол. С тех пор нельзя сказать, что мы подружались Рудинштейном, но я получил приглашение на фестиваль сочинский, поехал туда, и состоялся там же разговор о том, что неплохо было бы продюсерскому центру «Кинотавра» самим начать производить фильмы, замкнув, т.о. цепочку – производят фильмы, дают им премии и показывают у себя в кинотеатрах. Замечательно! И это первый фильм, который производит продюсерский центр «Кинотавра», и как-то вдруг это стало реальностью. Хотя подготовительный этап работ почти год длится, и вот у нас были первые съемочные дни. Мы все ждали снега...

К. ЛАРИНА – Не дождетесь!

А. ГОРДОН – Да. Там 4 времени года проходят в картине, и мы закончим снимать ее, дай Бог, в июле. И к осени, я думаю, что мы уже отмонтируем все и сможем что-нибудь показать.

К. ЛАРИНА – Ну, про что кино-то?

А. ГОРДОН – Это по жанру притча, только не пугайтесь – это такая нормальная притча с реальными действующими лицами. Кино про то, как молодой человек вместо обычной судьбы инженера решил избрать себе жизнь, в общем, он остается в деревне, куда приехали на пенсию его родители, и пытается создать себе свободу и независимость не от кого и не от чего. Кончается все это печально, потому что неправильно понятая свобода в таких огромных дозах и независимость, которая превращается в неприкаянность в конечном итоге – они дамы капризные и имеют обыкновение убивать. Ну, что с ним, в общем, и происходит. Фильм не мрачный, не тяжелый. Что мне кажется, что фильм про каждого, кто будет его смотреть, в той или иной степени, хотя у всех судьбы разные, но так или иначе приходится делать выбор в ту или иную сторону. Я думаю, что

это будет цеплять. И как сказал папа мой в ответ на вопрос – это на широкого зрителя? Он сказал – скорее, на глубокого. Это фильм для глубокого зрителя. И мне хотелось бы здесь профессионально добиться трех простых вещей. Я считаю, что лучшие фильмы, которые я видел, они всегда снимались по этому правилу – это сюжет, который интересен каждому и задевает каждого, что вызывает слежение элементарное, это второй план – мои мысли, рассуждения, эмоции, которыми мы можем наполнить, которые будут интересны как раз тому самому глубокому зрителю, и, наконец, это должно быть интересно и для профессионалов тоже. И в этом смысле, я думаю, фильм, без выпендрежа, будет снят таким для нас немного необычным языком. Очень простым, с одной стороны, а с другой стороны, мне кажется, очень выразительным. Посмотрим!

К. ЛАРИНА – Вы все по любви пытаетесь делать, все, что придумываете?

А. ГОРДОН – А какой смысл иначе? Всех денег не заработаешь. Того, что я зарабатываю, тяжело, кстати, зарабатывать, мне не хватает, ну, по ряду причин – приходится тратить деньги не столько на образ жизни, сколько на отношения. У меня ребенок есть в Америке, которому нужно посылать деньги время от времени, родители там же, ну, понятно. Но я никогда не ставил себе целью только заработок. Если ты делаешь то, что считаешь нужным, и тебе за это еще и платят, это блеск, счастье. Но иногда получается, что и не платят. Но тогда, а что же делать, надо работать. В театре, например, я получаю в месяц деньги, которые за час зарабатываю на телевидении, и что? Просить Райхельгауза платить больше? Я от этой-то зарплаты хотел отказаться в пользу театра, но Райхельгауз обиделся и сказал – нет, получай уж, на сок хватит, и хорошо уже.

К. ЛАРИНА – Вам не страшно было на сцену выходить после такого перерыва?

А. ГОРДОН – Страшно, конечно. И сейчас страшно часто выходить. Единственное, что я понял, чт

о вот эта сублимация, которой я занимался на телевидении и радио, это для актерского дела все равно сублимация, она помогла все-таки держаться в актерской форме. И я очень быстро, я, во-первых, ввелся в спектакль за неделю с двух репетиций, что, конечно, ужасно в моем положении и в моем возрасте. Ну, не знаю, успешно или нет – мне нравится. Ближайший спектакль 22 декабря, по-моему, поэтому кому хочется – приходите, посмотрите.

К. ЛАРИНА – Что же, спасибо! На этом мы и закончим нашу встречу. Напомню, что наш сегодняшний гость [Александр Гордон](#). Очень много вопросов для Саши на пейджере. Относиться можно по-разному, но то, что человек неординарный... Вот как вот – тот, кто ненавидит, слушает, потому что ему интересно, что будет дальше, и тот, кто любит, слушает, потому что ему интересно, что будет дальше – это почти цитата из того самого фильма «Части тела». Саша, удачи вам, и счастливо!

А. ГОРДОН – Спасибо!

«Гордон Кихот» – борьба двух чудовищ, второе из которых – это я»

Программа «Гордон Кихот» стала самым обсуждаемым проектом 2008 года. Еще бы! Ведь героев для своего ток-шоу Александр Гордон выбирает, что называется,

знаковых: Ксения Собчак, Сергей Минаев, Никас Сафронов.

- Александр, вы ожидали, что «Гордон Кихот» вызовет такой ажиотаж?

- Да я вообще не ожидал, что такая программа может выйти в эфир. Это же небывальщина для нашего ТВ и Первого канала, когда предоставляется возможность вести субъективную программу. Понимаете, мне важен и дорог сам процесс, и будет очень жалко, если он по каким-либо причинам приостановится.

- А что, есть такая вероятность?

- Ну, вероятность есть всегда. Понятно, что за то время, пока передача выходила в эфир, я многих успел отпугнуть. Люди просто не принимают вызов. Здесь есть два пути: либо закрыться, либо сменить тактику. Пока не знаю, какой из них верный. Но я по-прежнему настойчиво хочу видеть в передаче Толстую, Хазанова, Шилова, Церетели, переговоры с ними не прекращались по 2-3 месяца. Но когда даешь слабину при выуживании рыбы, она уходит. Наверное, мы где-то отпустили. А вот Гришковца, например, позвали ошибочно. У меня к нему слишком тонкие и интимные претензии, чтобы выносить сор из избы.

- Кого мы увидим в следующем сезоне?

- Это Усков, главный редактор журнала GQ, Жириновский. Запись с Владимиром Вольфовичем длилась 3,5 часа. Я даже не знаю, как все это будут монтировать. Самое интересно, что в тот момент, когда мои силы уже иссякли, Владимир Вольфович был чист и свеж, как месяц май. Я не понимаю, как в таком возрасте ему это удастся.

- Какая из программ прошедшего сезона была самой сложной, а какая, наоборот, легкой?

- Вы знаете, «Гордон Кихот» – вообще самая сложная передача, которую я когда-либо делал. А самая сложная запись, наверное, всегда последняя. Поэтому – с Жириновским. Самой легкой была первая передача с Минаевым, потому что я еще не представлял себе, как это будет. Да и он тоже не знал, на что идет.

- Кто из героев больше всего вас удивил?

- Могу назвать Мавроди, он удивил меня своей непробиваемостью на самой программе и еще раньше своей книгой. Я не ожидал, что человек с врожденным цинизмом и бесшабашностью будет таким образом рефлексировать. Конечно, раскаянием там и не пахнет, но книгу нельзя написать на хитрости. В его книге такое количество сюжетов, что любой сценарист может позавидовать.

- Скажите, а вас не удивляет порой поведение защитников и нападающих?

- Тут всегда встает вопрос: «А судьи кто?» Часто получается, что никто. Иногда думаю: «Зачем же я позвал этого человека?» Дело в том, что некоторые люди ведут себя менее достойно, чем я ожидал.

- А у вас бывало желание кого-нибудь из гостей, защитников, оппонентов отправить после записи программы прямиком в Кашенко?

- Бывало. Митрофанова, например, Джигурду. Просто я с Джигурдой учился вместе, по-моему, его туда надо было отправить еще лет 25 назад.

- А бывал ли у вас стокгольмский синдром, когда вам становилось жалко человека, которого вы называли чудовищем?

- Да сплошь и рядом! Жалко было Никаса Сафронова, потому что он дурачок, а им

просто иногда везет. Жалко было Михаила Шуфутинского.

- А Ерофеева, Задорнова?

- Нет. Их-то как раз меньше всего. На мой взгляд, эти люди совершенно сознательно делают то, что я называю низостью, подлостью, а иногда даже гадостью. Эту занозу нужно вынуть, но не из общества, а прежде всего из себя. Программа – это в первую очередь борьба с мельницами, которые во мне крыльями машут. «Гордон Кихот» – это не борьба с чудовищем, а прежде всего борьба двух чудовищ. Второе – это я.

Гордон Кихот: Гордон и Задорнов

Вокруг наделавшей много шума передачи «Гордон Кихот» с участием Михаила Задорнова, озвучившего версию о древнем происхождении русского языка и многотысячелетней летописи русского народа, по сей день разгораются ожесточённые споры и дискуссии. Однако, уже можно со всей определённой сказать, что замысел ведущего передачи Александра Гордона – гневно осудить эту вредную и опасную (для кого?) теорию – не просто провалился, но и привёл к прямо противоположному результату. Наш народ эта тема взволновала необычайно.

Напомним, что и в самой передаче «Гордон Кихот» оппоненты Михаила Задорнова откровенно оскандалились. Вопреки расчётам ведущего, именитые учёные и богословы вместо того, чтобы легко расправиться с дилетантом Задорновым, сподобились лишь на брань и истеричные выкрики.

Так, сидевший в первом ряду Виктор Маркович Живов, доктор филологических наук из Института русского языка РАН, буквально сразу же обрушился на вошедшего в студию Задорнова с криком: «Он же сумасшедший!!!».

В том же духе учёные строили свою «доказательную базу» против великого прошлого наших предков на всём протяжении передачи. Не сумев вывести вежливого и тактичного Задорнова из себя с помощью оскорблений, они принялись кичиться своей учёностью, вопрошая: «А кто вы такой, чтобы заниматься наукой?». Серьёзных и обоснованных доводов, опровергающих утверждения Задорнова и тысяч его единомышленников, мы так и не услышали.

Скандал на первом канале показал, что современная российская гуманитарная наука находится в глубочайшем кризисе.

Как метко заметил Димарг Узольцефф по поводу историков и их научных изысканий: «Историческая наука находится в особом, закрытом от мира полуподвале, где подслеповатые, переполненные информационным хламом, антропологически ущербные уродцы, почёсываясь, выдают во внешний мир категоричное, и при этом – бесхребетное расхлябанное пойло, насыщенное бессмысленными, почти никому не известными латинскими терминами. Этих терминов столько, что это свидетельствует не столько о глупости, безграмотности и бескультурности авторов, сколько об их шизофрении. Из всех брызжет холуйская рабская суть и болезненное преклонение перед русофобскими идеологами с немецкими фамилиями. Все утверждения строятся на национальном самоуничтожении и личной патологической трусости. И пишут эти вымирающие существа соответственно. Особенно раздражает неумение и нежелание невежд от науки хоть элементарно структурировать поле текста, поле подразумеваний, красную нить смыслов.

Лепет, бурлюканье, глухое бормотание, пробалтывание чего-то частного, мелкого, затхлого, узкого, крошечного, случайного, кишечного. Когда же они пытаются окинуть взором смысл обкатываемой, преподносимой темы, из бубнежа вырастают лишь больные идиотические абстракции”.

Нашей «науке” оказалось нечего противопоставить любителю-историку Михаилу Задорнову. Это было отмечено всеми зрителями.

Примечательно, что с почувствовавшим конфуз учёных Гордоном в конце передачи случилась самая настоящая истерика. Взирая на присутствующих безумным взглядом, ведущий выдал исполненную животного страха тираду, вся суть которой сводилась к следующему:

Тем, что Задорнов показывает гораздо большую древность Руси, чем принято думать, он создает русским ложные идеалы и ложную гордость за свою Родину, заставляет их не учиться у других, а всерьёз полагать, что они и так всё могут, поскольку у них славное прошлое (какой ужас!). Побывав на концертах Задорнова все русские поголовно становятся скинхэдами (!) и начинают бегать по тёмным улицам в поисках таджикских девочек. И уж, конечно, отсюда растут корни русского фашизма, который, как «доказал” другой телеведущий Швыдкой, намного страшнее немецкого. Таким образом, Задорнов – это предтеча, как минимум, нового Гитлера.

Логика настолько железная, что тут и говорить не о чем.

В программе `Гордон Кихот` Виктор Ерофеев выглядел потерпевшим

Перечень претензий к жизни тех, кому посчастливилось попасть в «ящик», разнообразен, как ассортимент товаров в бутике. Кто-то был недоволен отсутствием легато у танцевальной пары Екатерины Стриженовой и Алексея Тихонова, а кто-то – присутствием коррупции и наличием политкорректности в этом прекрасном и яростном мире. Чрезвычайно были недовольны, как всегда, Алексей Пиманов, Алексей Пушкин, Александр Гордон, Андрей Караулов и Михаил Веллер.

После дождика в четверг...

Писатель Михаил Веллер был недоволен дважды и одновременно на двух каналах: в авторской программе «Культурная революция» Михаила Швыдкого и в ток-шоу «К барьеру!» имени Владимира Соловьева.

Следить за мыслью мыслителя было непросто, но при некоторой сноровке рук в управлении пультом за ней все же можно было поспеть.

Поспев, я узнал, что цивилизация в своем развитии резко отклонилась от предполагаемого Веллером вектора.

Во-первых, злополучная политкорректность. Именно она способна привести к умалению самобытности многовековой христианской культуры и ее ценностных величин. Между тем как экспортированная к нам с Запада терпимость к чужим уставам разрушительна по отношению к нашим собственным традициям.

Во-вторых, коррупция. Все эти хлопоты с созданием законодательной базы по противодействию мздоимству – пустое, ноль. К тому же с отрицательным знаком. Это не мое соображение. Это его, писателя Веллера, допущение.

Новые нормы (как и всякого рода спецоперации типа «чистые руки», «честные

глаза», «светлые помыслы»), полагает он, ничего не дадут, кроме расширения и обновления коррупционного рынка, увеличения его емкости и всеохватности.

Смотреть надо, предлагает он, вглубь. Сам он, заглянув туда, увидел, что причина причин поголовного взяточничества – рынок. И он прав. Как прав был тот студент, который, отвечая на вопрос профессора, что такое электричество, сказал коротко и емко: «Электричество – это форма движения материи». Экзаменатор, правда, поставил смеющемуся ученику двойку.

На передаче у Владимира Соловьева прозвучало довольно дефиниций относительно того, что есть коррупция, и предположений относительно того, кому она выгодна. Мне-то показалось самым глубоким и точным разъяснение, данное несколько раньше в другой передаче – в «Прожекторперисхилтоне». «Коррупция – это когда майор ГИБДД оказывается в «Форбсе».

За отчетную неделю помимо писателя Веллера в обиде на жизнь остались Максим Галкин (ему не понравилось, как комментировал фигурное катание Дмитрий Губерниев), композитор Владимир Дашкевич (его не устроила исполнительская манера Филиппа Киркорова) и телеведущие Борис Берман и Ильдар Жандарев (их задела пародия в «Большой разнице»).

Но более других потерпевшим выглядел писатель Виктор Ерофеев в программе «Гордон Кихот». И об этом стоит сказать отдельно.

Сор, вынесенный из телепроекта

О том, что такое эта программа в принципе, мне довелось уже писать пару раз. Телеведущий Александр Гордон раз за разом вызывает на поединок тех медиаперсонажей, что не оправдали его надежд на их высокое предназначение или просто оказывают дурное влияние на человечество.

До этого на ковре у нового Дон Кихота побывали писатель Минаев, который стесняется называть себя писателем, и Ксения Собчак, которая ничего не стесняется. Был еще сатирик Михаил Задорнов, которому не дает покоя слава «большого ученого, знающего толк в языкознании».

Теперь вот – Ерофеев, которого, судя по его признанию, обманом завлекли в это шоу. Обещали обсудить его прозу, а судили его жизнь.

Список претензий к нему был длинен, но невразумителен. В вину чудовищу по фамилии «Ерофеев» вменялось: а) папа видный советский дипломат, б) благополучное диссидентство при советской власти, в) благополучие после крушения советской власти, г) известность на Западе, известность в России и что-то еще.

Судя по мелочности нападок и по градусу их озлобленности, можно было подумать, что вся эта акция затеяна из зависти к успешному человеку.

...Затеяна-то, может, и из зависти. Примем во внимание, что писалась она еще летом. Но вброшена в эфир сегодня по другим причинам.

Виктор Ерофеев со скандалом вышел из амбициозного проекта Первого канала «Последний герой», который вскорости должен появиться в эфире. Мало того, что Ерофеев в дым разругался с инициаторами шоу и придал этот факт огласке в СМИ, так он еще вынес довольно значительную кучу сора с необитаемого острова близ Панамы.

Первое, что он сделал, переименовал шоу: не «Последний герой», а «Последний

фашист». И, судя по тому, что рассказал писатель о нравах на острове Невезения, где нет календаря, это не преувеличение.

Мне давно был подозрителен этот проект. С самых первых его выпусков. Одно дело – попробовать себя в роли Робинзона Крузо; другое – обречь себя на расчеловечивание. Одна проблема – есть червей, другая – стать червяком.

Судя по тому, что поведали «беглецы» с острова Несвободы Ерофеев и Джигурда, именно в этом направлении и двигалось шоу: людей известных и неизвестных за хорошую плату понуждали стать сначала баранами, а затем мелкими насекомыми, повелителем которых была Ксения Собчак.

Ксения Собчак в роли капо (так звали надзирательниц в нацистских концлагерях) – это что-то новенькое в репертуаре этой гламурной девицы с немалыми креативными склонностями. А что может быть омерзительнее креативной вертухайши?..

Конечно, показания Ерофеева и Джигурды можно счесть субъективными и просто недостоверными. Но слишком показательно, что с участников шоу берут подписку о неразглашении в течение двух лет всех деталей и подробностей того, что происходило за кулисами проекта.

На экране, не сомневаюсь, шоу приобретет более или менее приличную осанку, но нехорошая тень уже легла на него. Понятна поэтому злость и ярость менеджеров Первого канала, о чем можно судить по той травле, с которой канал обрушился на «изменников».

Все, что они могут себе позволить, так это попытаться скомпрометировать и Ерофеева, и Джигурду, бросить на них тень. Сначала с этой целью была ангажирована площадка «Прожектора» Ивана Урганта, где «веселые ребята» поиздевались над панамскими беженцами. А теперь так удачно легла карта с «Гордон Кихотом».

И все-таки проблема не столько в оскорбленных чувствах писателя и артиста, сколько в самом шоу, их оскорбляющем. «Последнему герою» уже не отмыться. Похоже, что Виктор Ерофеев попал в его самый чувствительный нерв, заметив, что программа «Последний герой» (или «Последний фашист») подыгрывает тоталитарным склонностям определенной части аудитории.

Михаил Леонтьев

Михаил Владимирович Леонтьев родился 12 октября 1958, Москва — российский тележурналист, публицист, ведущий телепередачи «Однако», а с октября 2007 года также и геополитической аналитической программы «Большая игра». Член партии «Единая Россия». Михаил Леонтьев лауреат премии «Золотое перо России», номинант

премии ТЭФИ-1997.

Михаил Владимирович Леонтьев родился 12 октября 1958 года в Москве. Женат (жена Мария). От первого брака — сын Митя, дочь Ляля и внука (от дочери). От второго брака — дочь.

В 1979 году он закончил общеэкономический факультет Московского Института народного хозяйства им. Плеханова.

После окончания института Михаил Леонтьев работал в НИИ, где пытался, по его собственным словам, «заниматься реальной советской экономикой».

После ухода из НИИ в 1985 году начался самый пёстрый период его биографии. Михаил Леонтьев окончил ПТУ по специальности «столяр-краснодеревщик», работал разнорабочим в Литературном музее, сторожил дачу Бориса Пастернака в Переделкине, давал платные уроки истории.

В 1987 году Михаил Владимирович начал заниматься социологией. Он начал писать аналитические статьи, и через некоторое время посвятил себя этому полностью.

Пресса

В конце 1989 года Михаил Леонтьев стал корреспондентом отдела политики газеты «Коммерсантъ», где прошёл, по собственному признанию, «очень полезную школу».

В 1990 году Михаил Леонтьев возглавил отдел экономики «Независимой газеты».

В 1993 году, когда начиналась история газеты «Сегодня», Михаил Владимирович принимал активное участие в её организации. Впоследствии Михаил Леонтьев занимал пост первого заместителя главного редактора этого издания.

1999—2000 — главный редактор еженедельного журнала «ФАС».

С 22 мая 2007 года по 2 марта 2009 — главный редактор делового аналитического журнала «Профиль». И хотя издатель утверждает, что уход Леонтьева привёл к росту тиража, рейтинг журнала после увольнения главного редактора упал со 176,5 до 127,9 тысяч читателей (Average Issue Readership — усредненное количество читателей одного номера издания). Бывший руководитель Леонтьева отмечал, что в позиции главного редактора теле-журналист обеспечивал завидные коммерческие перспективы издания.

С 10 июня 2009 года издаёт аналитический журнал «Однако» с экс-журналистами «Профиля» и «профильскими» колумнистами Евгением Додолевым и Александром Невзоровым.

Телевидение

В апреле 1997 года пришёл на телевидение — он был руководителем и ведущим программы «На самом деле» («ТВ Центр»).

С ноября 1997 по 1998 год — автор информационно-аналитической программы «День седьмой» («ТВ Центр»).

С февраля 1999 года Михаил Леонтьев работает на канале ОРТ.

В марте 1999 года он стал ведущим программы «Однако».

С ноября 2001 года Михаил Леонтьев работает над аналитической программой «Другое время».

С мая 2003 года начал работать над авторской программой «Театр кукол с Михаилом Леонтьевым».

С января 2006 года Михаил Леонтьев по ноябрь 2007 года вёл программу «Мастер-класс с Михаилом Леонтьевым» на телеканале О2ТВ.

В 2002 году за высказывания в адрес Екатерины Ющенко (ранее она носила фамилию Чумаченко, сменив её на Ющенко лишь в 2005 году) Шевченковский районный суд Киева обязал Михаила Леонтьева возместить в пользу Екатерины Ющенко 2500 гривен и в течение 30 дней опровергнуть неправдивую информацию, которую он озвучил в своей программе «Однако» 10 апреля 2001 года. Леонтьев отказался исполнять решение суда. Черномырдин официально заявил, что Леонтьев больной журналист, намекая на его психику. И он не собирается извиняться за таких людей.

*После того как журналист стал «персона нон-грата» в Латвии, ему был запрещён въезд (14 июля 2006 года) и на Украину. Позднее табу отменили и в сентябре 2007 года Михаил совместно со своим коллегой Евгением Ю. Додолевым (выступившим в качестве издателя) запустил на Украине русскоязычную версию немецкого еженедельника *Der Spiegel* («Der Spiegel-Профиль»), что стало заметным событием на медиа-рынке этой страны. Журнал запускался в презумпции того, что «качество контента на Украине существенно отстаёт от российских требований» и заявлялось, что по концепции это в большей степени политический еженедельник, близкий скорее к *Newsweek*, чем к тому «Профилю», к которому привык российский читатель. Журнал на русском языке выходил еженедельно тиражом 30 тыс. экземпляров в Киеве, Крыму и на Восточной Украине, при этом редакция базировалась в Москве, а на Украине формировалась корреспондентская сеть. Проект был законсервирован в мае 2008 года, существует онлайн-версия издания.*

«Большая Игра»

В октябре 2007 года на ОРТ вышел его проект «Большая Игра» — цикл передач, посвящённых истории противоборства России и Великобритании за господство в

Центральной Азии в XIX—XX веках.

В ноябре 2008 года издательством «Астрель-СПб» по проекту была выпущена книга Михаила Леонтьева с тем же названием.

Политические пристрастия

По собственным словам был «диссидентом». Именует себя правым консерватором.

Работу на телевидении Михаил Владимирович считает вредной «для физического и психического здоровья». В связи с экономическим кризисом 2008 года заявил, что «единственным выходом из нынешнего кризиса является глобальная война. Кто и каким образом ее развяжет — это уже чисто технический вопрос. Я не собираюсь гадать о том, каким будет повод для этой войны — осложнение отношений между Россией и Украиной/Грузией, иранский вопрос или Пакистан.»

Своё политическое кредо не скрывает, отстаивает его в эфирах и публикациях. Эксплицитно изложил его в 2007 году в своей статье для альманаха «Moulin Rouge»:

Политика неотделима от культурных корней. В основе нашей культуры лежит христианство с его базовой идеей сострадания. Нет ни одной другой мировой религии, где бы единый всемогущий Бог отдал бы себя на муки ради людей. В идеальной форме христианство воплощено именно в христианской культуре. Оно должно было бы быть воплощено в христианской политике. Но воплощено именно в культуре. Политика прагматична. А культура — нет. В этом смысле высшая форма христианской духовной культуры — это Средневековье. Чем занимается современный постмодерн, так называемый авангард? Уничтожением идеи сострадания. Хорошо, когда это выражается в форме гротеска, такого «капустника», как это делает, например, Тарантино. Стёб над снятием барьеров подразумевает их наличие. Стёб над снятием христианских культурных табу в какой-то степени человечен. И означает признание существования этих самых табу. Хуже, когда этих табу никто не видит. Когда их уже нет в сознании творящих. И нет в сознании живущих, которые вообще ни о чем не задумываются. Тогда это конец культуры. И конец человечества как популяции. Настоящая политика, как и культура, может существовать лишь в рамках табу. Оттого во всех известных романах о политике вечна тема «Как власть разрушает человека». Банальная, но, в общем, жизненная тема. Христианство предполагает не «безгрешность», а осознание и преодоление греха. Иначе говоря, сознание места, которое ты занимаешь между Богом и дьяволом. Это понимание создает предпосылки для сохранения в людях чего-то человеческого. То же происходит и в политике¹⁴⁹

Газета «Сегодня» вчера и сегодня¹⁵⁰

149 <http://www.bestpeopleofrussia.ru/persona/1565/bio>

150 «Русский журнал». Медиа-политика. 30.09.1998.// <http://old.russ.ru/journal/media/98-09-30/leont.htm>

Культурная и политическая история нашей повседневности меняется ежеминутно; но, может быть, определяющим является фактор крушений, - от судьбы целого государства до личной судьбы каждого, кто связан с системой, обслуживающей власть. Крах газеты «Сегодня» 1996 года – лишь отдельное звено отслеживаемой нами цепи. Осколки этого краха – книги бывших сотрудников: М. Колерова, В. Курицына, А. Немзера, изданные спустя несколько лет. Вовремя ли, с непоправимым ли опозданием – судить читателю. (РЖ-Пушкин)

Это теперь не наша газета. Я с огромным уважением и даже с нежностью отношусь к нынешнему главному редактору, в свое время хотел с ним работать. Но на рынке газеты нет – то есть у нее нет места.

Теперь – о нашей газете. Виталием Третьяковым была создана [«Независимая газета»](#), он же набрал и команду. Поскольку команда оказалась дееспособной, он дал людям работать почти со стопроцентным КПД. Тогда еще существовали советские и постсоветские издания, где те же самые люди работали с самореализацией от трех до пяти процентов, а тут – восемьдесят-девяносто. Это создает совершенно другую рабочую обстановку, народ выкладывается. Люди быстро начали расти. У нас с Третьяковым не было идеологических разногласий: просто та формула, которую он выбрал для газеты, оказалась несовместима с жизнью – для меня это было ясно с самого начала, поскольку я имел некое касательство к экономике. Дальнейшее показало, что я был прав. Нужно было привлекать внешние инвестиции – иначе жить нельзя. Третьяков же не платил никому вообще. Люди работали в газете практически бесплатно, зарабатывая на иностранных радиостанциях, в иностранных агентствах – грубо говоря, час работы на [«Свободе»](#) был равен зарплате за несколько месяцев. В газете работали честно – ясно, что значит капитализация имени, сделанного в газете. Но долго так жить нельзя. Можно еще держать на таких условиях журналистов, но создавать инфраструктуру – информационную, производственную и распространения – нельзя. Мы ушли. Все.

Мне удалось убедить Владимира Гусинского, что ему надо самому становиться Шпрингером. Он очень колебался, полгода ушло на раскачку. Решение действительно серьезное. Это был поворотный шаг. Если бы не мы, может, и [НТВ](#) бы не было. На НТВ тоже убедились, что есть инвестор, который может лояльно и профессионально работать с нормальной командой. Газета строилась тогда как газета влияния – реального рынка, чтобы газета покупалась, не существовало. Мы, конечно, надеялись, что она будет коммерчески окупаемой, но никаких серьезных расчетов сделано не было. Гусинский полагал, что договорится с друзьями и они будут давать рекламу в его газету – поэтому отдел рекламы практически отсутствовал. У нас в «Сегодня» никогда не был поставлен нормально коммерческий отдел. Логика простая: дешевые деньги тогда были у банков в избытке. Как инструмент влияния газета окупилась очень быстро. Гусинский создал издание, которое имело вид, имидж и содержание *нормальной профессиональной либеральной* газеты с ясным направлением. Был принцип корпоративной солидарности: ну понятно, ты работаешь в корпорации, должен блюсти ее интерес. Однако мы всегда понимали, что если эти интересы пересекутся с человеческой или профессиональной этикой, то все выберут эту самую этику. Аргумент: «Володя, это малополезно для тебя, но для газеты это вредно» – всегда находил отклик. Мне кажется, Гусинский все это время

относился к газете даже аккуратней, чем к НТВ. Может быть, потому, что у телевизионщиков другой навык. НТВ дало им ненюханую свободу, они вообще привыкли к совершенно иным формам давления, контроля над текстом, над каждым действием, сюжетом, потому что телевидение – оружие более крупного калибра. Однако я до сих пор убежден, что в функции инструмента влияния есть вещи, которые газета делает гораздо лучше, чем телевидение.

В газете «Сегодня» была одна команда, и никто никогда никому не объяснял, что такое хорошо и что такое плохо, поскольку был, безусловно, общий язык. Газета не работала, как машина – она строилась на других принципах, не так, как, например, [«Коммерсантъ»](#). С одной стороны, это огромный недостаток, потому что «Коммерсантъ» – это машина, если оттуда выкрутить одни винтики, потом можно быстро вставить другие, и она вертится. «Коммерсантъ» сильно менялся, но все выбивающееся из ряда должно было быть так или иначе причесано. Я помню, с каким трудом эта яковлевская система [сживалась с Максимом Соколовым](#). В конце концов она его и сжевала потихонечку, но все-таки притерпелась... «Сегодня», конечно, была выстроена несколько хаотично: не было жесткости, не было диктаторства, редактор – Дмитрий Остальский – был «коммутатором». Последнее слово, безусловно, всегда принадлежало ему, но он использовал это право редко, гораздо реже, чем обычно делается в любой другой редакции.

Конечно, накопились некоторые проблемы в инфраструктуре, конечно, газета нуждалась в санации. В тот момент газета-влияние перестала быть нужной Гусинскому: у него уже было НТВ, и к этому проекту он потерял интерес. Я считаю это ошибкой.

Положение с тиражом не было катастрофическим: еще осенью позапрошлого года – где-то под 50 тысяч. При этом отсутствовала хоть какая-то вменяемая политика по продаже рекламы. Мы могли привлечь целый ряд рекламодателей, но никто этим не занимался. Дима Бирюков – вполне дееспособный коммерсант в области издательского бизнеса. Вероятно, Гусинского он устраивает совершенно, и, наверное, Гусинский прав. Бирюков может делать иллюстрированные телепрограммы; он создал абсолютно адекватный продукт для продажи.

В принципе «Сегодня» можно было спокойно раскручивать, выбрав другую стратегию, пытаясь реализовывать потенциал, который там был. Но для этого требовалось время.

Газеты питаются от рекламы, но рекламодатель не воспринимает газету «Сегодня» как рекламоноситель. Думаю, в ближайшее время и не будет воспринимать. «Сегодня» – газета с непонятной целью и непонятной конструкцией. Зачем ее санировать? Легче убить, но убить по некоторым причинам было невыгодно. Вот так она и существует.

Пришел несчастный Евгений Серов с совершенно непонятными ему самому задачами и из-за этого «сгорел». Ему сказали: с одной стороны, сохранить команду, с другой – делать вещи, которые для этой команды совершенно неприемлемы. Раньше мы, допустим, старались не касаться некоторых сфер интересов [«Моста»](#) – неприлично лоббировать через свою газету. Гусинский практически никогда этим не занимался. Газета действительно была независимой.

Гусинский допустил ошибку: он потерял в перспективе очень большой кусок рынка,

очень важный. Вообще я считаю, что для любого холдинга совершенно необходима хорошая газета, пусть даже частично убыточная, потому что это единственный, как Ленин говорил, не только коллективный пропагандист-агитатор, но и коллективный организатор, единственная возможность создать внутри холдинга реально работающую информационно-аналитическую структуру, профессиональный поток информации. На телевидении невозможно создать аналитическую структуру, потому что телевидение не востребует этого. Не может работать служба, у которой от результата востребовано 3-5 процентов, а все остальное выбрасывается на помойку – потому что телевидение это не переваривает, у него другая аудитория. Если существует такого рода газета и при ней – внутри нее или не внутри нее, но для нее – есть такая служба, то от нее может питаться и радио, и телевидение – словом, все. Телевидение удивительно непрофессионально с точки зрения анализа информации и аналитики. Газетный журналист, как правило, знает, о чем он говорит, а телевизионный, как правило – как раз не знает: это компилятор. А у нас исчезли газеты такого уровня, чтобы из них можно было компилировать. Из одного «Коммерсанта» не накопилируешь.

Большинство работавших в «Сегодня» говорят, что эти четыре года – самые счастливые в их жизни, потому что степень удовлетворения от работы была максимально возможной. Именно поэтому все ушли вместе, и еще полгода команда жила ожиданием того, что что-то получится. Легче всего было расползтись: все устроились очень хорошо, но если бы опять возникла возможность, я думаю, команду можно было бы собрать снова. К сожалению, сейчас на рынке таких перспектив нет и в ближайшие полгода не будет.

Для Германии нынешний Евросоюз — это «Четвертый рейх»

В последнее время многие эксперты говорят о том, что кризис может поставить жирный крест на евроинтеграции. Я думаю, что еще как может. Как известно, на днях страны старой Европы отказались принять программу, предусматривающую предоставление финансовой помощи странам Восточной Европы. Причем этот отказ был радикальным и озвучила его Германия. Эта страна играет здесь ключевую роль от нее в принципе зависит судьба Евросоюза.

Если начать с этого мелкого эпизода, то включение восточноевропейских государств в зону евро оказалось бы колоссальным ударом по этой денежной единице в сложившейся обстановке. И то, что Германия им отказала, говорит о том, что на сегодняшний момент она пытается сохранить европейскую интеграцию.

Восточные европейцы были загнаны в ЕС пинками США

Вообще, европейская система уже давно неравноправна. Можно сказать, что в ней существует четыре эшелона. Во-первых, Франция и Германия. Затем идут Великобритания, Италия и частично Испания. Британия вообще как бы застряла посередине между Америкой и Евросоюзом. А Италия просто послабее. Это ядро.

Дальше идут старые члены Евросоюза помельче. Такие как страны Бенилюкса, Португалия, Греция, Австрия, Скандинавия и так далее. И, наконец, последний эшелон составляют так называемые лимитрофы. Речь идет о восточноевропейских странах. За исключением Чехии и Венгрии они были загнаны в Европу пинками США. Они всегда были такой американской клоакой.

На самом деле когда эти страны обращаются за помощью к Евросоюзу и следует

отказ, то в этом есть элемент некоего злорадства и мести со стороны старой Европы. Дескать, ну что, ребята, прибежали? А чего же вы не пошли к своему дяде Сэму? Никто этого, конечно, никогда не озвучит, но реально смысл такой вот идите к американцам и просите у них денег. Как вредить, так вы ориентируетесь на США, а как помогать, так за счет нас.

Европейская интеграция это германская национальная идея

На самом деле Германия сейчас, безусловно, заинтересована в сохранении Евросоюза. Но это не означает, что его конфигурация останется в нынешнем виде. Опять же, формальное изменение конфигурации и реальное это тоже разные вещи. Когда вы ставите внутри ЕС барьеры для движения рабочей силы, капитала, товаров и так далее, то речь идет о неформальном разделении ЕС по тем линиям, о которых я говорил.

Но надо понимать, что европейская интеграция, или, проще говоря, Mittel Europe (объединение Европы), это германская национальная идея, которая проще пареной репы. Она просматривается невооруженным глазом во всей истории Германии. Тут можно вспомнить три попытки объединить Европу. Причем три успешных попытки, но с разной степенью долгосрочности. Это Священная Римская империя германской нации (т.н. Первый рейх), Германская империя (или Второй прусский бисмарковский рейх) и Третий (фашистский) рейх.

А нынешний Евросоюз это Четвертый рейх. Правда, он сублимирован в политкорректных формах. Причем, заметьте, политическими союзниками Германии являются друзья этого союза. А противниками его враги. Англия была безусловным противником, когда она была врагом Mittel Europe. То же самое касается США, когда они были врагом европейского объединения.

Если бы Берлин помог прибалтам, он бы просто забил на ЕС

Но затем, когда эти страны согласились на европейскую интеграцию, они превратились в союзников Германии. Но если вдруг что произойдет, они снова станут врагами. Итак, это общая германская национальная идея. Но идея это одно дело, совсем другое практика.

До того момента пока преимущества европейской интеграции превышают для немцев издержки, они будут всеми силами стремиться сохранить и защитить ее. И это, кстати говоря, для некоторых новых членов очень опасно. И уж тем более опасно для потенциальных членов ЕС, потому что их точно не примут, поскольку они ослабляют в трудный момент европейскую интеграцию.

В принципе, согласие на неограниченную помощь и расширение зоны евро (вопреки установленным нормам) и дальнейшее расширение ЕС означали бы, что Германия и ее ближайшие соратники на Евросоюз просто забили. И только по той причине, что они на него не забили, все потенциальные риски для ЕС будут пресекаться. Но до определенного момента когда кризис достигнет своих реальных параметров.

Дело в том, что европейские власти избираются своим населением. И отвечают, соответственно, перед ним. Немецкое правительство не отвечает перед французским, а французское перед немецким. И когда запахнет жареным, европейские политики начнут думать о том, что они скажут своим избирателям. Причем не только избирателям. Потому что существуют неэлекторальные формы активности. И то, что говорила Меркель

восточным европейцам, это было политическое решение германского политика. Если бы она представила эту помощь Восточной Европе, в Германии ее бы просто не поняли¹⁵¹.

Материалы авторской программы «Однако»

Большой финансовый коллапс. 27 октября 2008

Из всех антикризисных мероприятий, коих объединяет идея борьбы с долговым кризисом с помощью беспрецедентного наращивания долгов, самым судьбоносным является соглашение ФРС с ЕЦБ, банками Англии, Швейцарии и Японии по предоставлению национальным банкам американской валюты для поддержания текущей ликвидности в долларах В ЛЮБЫХ КОЛИЧЕСТВАХ по ставкам от 1,4% до 2,4%. До 30 апреля. То есть этот долларовый коллапс заработает примерно тогда же, когда и его женеvский собрат — по весне.

На самом деле это означает впервые за всю историю государственных финансов полный отказ регуляторов от всякой денежной политики. Помнится, Бен Бернанке еще при своем учителе Гринспене говорил, что при определенных обстоятельствах доллары можно разбрасывать с вертолетов. Похоже, определенные обстоятельства настали, и нам предстоит стать счастливыми свидетелями клинически чистой реализации этой концепции в мировом масштабе.

То есть, как ни крути, доллару конец. Если бы Евробанк не поддерживал сейчас доллар достаточно масштабными инъекциями европейской валюты, все бы произошло еще быстрее. Понятно, что гиперинфляционный сценарий является единственной альтернативой одномоментному дефляционному шоку по образцу 1929 года. Как говорил красноармеец Сухов, «лучше бы, конечно, помучиться». Тем более что у американских «красноармейцев» есть прямой интерес в гиперинфляционном сценарии. Разгоняя мировую инфляцию, они размазывают свои долги и свои фундаментальные экономические проблемы по всему миру. Как если бы за индивидуальное преступление «в особо крупных» срок мотали бы всем пострадавшим миром.

Тем не менее все это не может спасти ни от последующего дефляционного шока (если вообще после этого что-то похожее на нынешний капитализм сохранится), ни от краха доллара. Понятно, что инфляционные процессы на таких масштабных экономических пространствах имеют свой временной лаг. То есть это вопрос пяти—семи месяцев. Нынешний аномальный рост доллара может сбить с толку только дилетанта и спекулянта.

Приходилось слышать, что, оказывается, доллар растет, поскольку «специалисты» предполагают, что европейская экономика будет находиться в рецессии дольше, чем американская. Хотелось бы осмотреть таких тонких и фундаментальных специалистов. Исходно спрос на доллары определяется массовым сбросом различных бумаг, большей частью номинированных в долларах. Этот первоначальный толчок и побуждает активность спекулянтов, вставших уже в конечные стадии безумия. Одновременно — вы будете смеяться — падают цены на сырьевые товары. Что там нефть или сталь — пшеница подешевела до рекордных уровней.

151 Источник: http://news.km.ru/dlya_germanii_nyneshnij_evrosoyu

То есть опять: вот только что китайцы начали есть в три раза больше, но при первых признаках кризиса эти проклятые китайцы вообще прекратили питаться! При таких импульсивных китайцах никакую рациональную экономическую деятельность осуществлять невозможно. Наука бессильна.

На самом деле ровно ничего существенного ни с нефтью, ни с пшеницей не происходит. Потрясенные укреплением доллара биржевые спекулянты побросали свои сырьевые фьючерсы. И устремились, естественно, на FOREX. Куда-то эти спекулятивные деньги должны же деваться, пока их не сжег напалмом гиперинфляционный вертолет Бернанке! Вот этот спекулятивный метаболизм доллара — злоеший сигнал для валютного рынка. Столь же злоеший, коим он был для рынков фондового, ипотечного, сырьевого.

В этом контексте особенно забавно звучат призывы флагманов западного мира, от Буша до Саркози, к созданию новой финансовой системы. Вот, казалось бы, сейчас, наконец, мы увидим реинкарнацию МВФ как нового справедливого многополярного регулятора. И надо же, какая незадача: обнажилась интимная подробность директора-распорядителя, мсье Стросс-Кана. О Всемирном банке можно и не заикаться, там интимная подробность Вулфовица обнажилась даже загодя.

Если серьезно: наконец ясно, о каких регуляторах может идти речь. Гиперинфляционный сценарий ставит жирную точку в гаданиях о содержании антикризисного регулирования. Он же, на самом деле, и задает ограничения любым национальным мерам по спасению собственной экономики. В рамках единой мировой валютной системы страны, имеющие большие валютные резервы, имеют преимущество подпитывать своими резервами рынок до того момента, пока американский финансовый коллапс затянет эти резервы в «черную дыру» гиперинфляции. Никаких оснований полагать, что за это время наступит оздоровление глобальных финансов, в природе не существует. Единственное утешение — энергоресурсы, как и системы ПВО, будут стоить на порядок больше, чем дутые финансовые активы.

Повелитель мух. 18 июля 2009

Как раз накануне исторического московского визита Обамы в Вашингтоне вышел доклад некоей комиссии Global Zero, выступающей за мир без ядерного оружия. Комиссия эта лоббирует ещё более радикальное сокращение числа зарядов, чем анонсируется нынешними переговорщиками, а затем и начало многосторонних переговоров о ликвидации ядерного оружия вообще. Комиссия, хотя и создана «под Обаму» в декабре прошлого года, по составу своему совсем не новая. Характерно, что российская сторона в ней представлена именно горбачёвцами. Матерыми, как сам Горбачёв, Велихов или Бессмертных, и неогорбачёвцами: официальными, как парламентарии Косачёв и Маргелов, и полуофициальными, вроде Караганова. В то время как американцы — почти сплошь клинтоновская публика: от Сэнди Бергера и Энтони Лэйка до старика Бжезинского — все в разное время были советниками по национальной безопасности. А их приверженность «новому мышлению» проверена на зуб в известных геополитических конфликтах.

Что касается собственно «нового мышления», самое время обратиться к

первоисточникам, родникам мысли самого основоположника. «Большая политика – это большая ответственность, ее нельзя строить только на собственном интересе, – произнес М.С. Горбачёв на церемонии обмена ратификационными грамотами в июне 1988-го. – Для такой политики нужна большая идея. Это, мы считаем, идея безъядерного и ненасильственного мира». Вот он – гранд зеро. «Основной исходный принцип нового политического мышления прост – ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей... Ядерная война – иррациональна». Эта мысль – уже из книги «Перестройка и новое мышление» того же автора. Мысль, казалось бы, не лишенная смысла, если абстрагироваться от вполне реальных технологических модификаций. Как, например, война односторонняя или при явном преимуществе в средствах нападения или в средствах защиты (см. хотя бы Хиросиму). Или так называемая ограниченная ядерная война, которая ничем принципиально не отличается от современной «конвенциональной». Дело даже не в этом: из тезиса об иррациональности глобальной ядерной войны, что как раз и делает ядерное оружие беспрецедентно эффективным средством сдерживания (только благодаря ему мы последние 54 года избегаем глобальной войны), выводится совершенно нелепый вывод о необходимости это ядерное оружие устранить вовсе. Эта нелепость имеет под собой основу в виде наивно-утопического (а политически преступно-безответственного) взгляда на мир: «Новое политическое мышление требует признания простой аксиомы – безопасность неделима, она может быть только равной для всех или же ее не будет вовсе... Выходит, что противники вынуждены стать партнерами и сообща искать путь к всеобщей безопасности». Искали. Не выходит.

Самое удивительное, что автор всего этого сюсюкающего бреда был искренен. Насколько искренней может быть вера в любовь и согласие на взаимность под угрозой изнасилования. Михаил Горбачев, повторяюсь, – это персонификатор системного кризиса советской модели. Мы, в общем, исходим из того, что системный кризис, внутренний в первую очередь, погубивший Советский Союз, – это только первая фаза кризиса глобальной системы, которая была и осталась по способу функционирования управления миром двухполюсной. И Америка сейчас переживает вторую стадию того же кризиса. «Советский» полюс мира оказался жизненно необходим этой модели. Без него она просто оказалась не способна самовоспроизводиться...

Так вот, главный вопрос в нашем контексте: Обама по-настоящему ли Горбачев? Настолько ли, насколько бы нам хотелось? И тут главное не в том, насколько искренне Обама обуян новым мышлением. Есть разница в политических системах, советской и нынешней американской, и речь совсем не о том, что имеют в виду либеральные филистеры. Советская система не была открытой, не была демократической. Однако публичная политическая система была реальной. Пресловутая «драка бульдогов под ковром» была реальной дракой, и победители в ней были реальными победителями. Насколько победитель популярной телевикторины под названием «выборы президента США» является реальным лидером, способным диктовать политической системе радикальные, а то и радикально опасные для нее повороты курса, – это вопрос, мягко говоря, открытый. Постмодернистская, надполитическая современная американская демократия существует только потому, что публичная политика жестко отделена от

реальной, непубличной и степени свободы публичных фигур крайне ограничены. Горбачев был клоун, но это был реально действующий клоун, к большому нашему сожалению. Обама тоже сильно смахивает на клоуна. Но поверить в то, что это реально действующий клоун, преждевременно и крайне рискованно. Опять же, к большому нашему сожалению.

Повторять, что ядерное сдерживание на основе доктрины гарантированного взаимного уничтожения, является единственной пока еще гарантией нашей безопасности, излишне. Это и есть «минимальное сдерживание», оно же и максимальное. Все остальное – вопросы важные, но технические. Однако самый главный аспект «перезагрузки» не технический и даже не разоруженческий. А внутривнутриполитический и именно для нас. Есть вариант, что основную тяжесть «перезагрузки», как обычно, придется нести нам. Подобно тому, как мы в настоящий момент несем основную тяжесть американского финансового кризиса. Дело в том, что при той нашей внутренней идеологической и мотивационной каше силовое давление бушевской администрации на все наши жизненно важные точки оказывало колоссальное оздоровляющее и дисциплинирующее воздействие. Стоило только ослабить риторику и выставить приманку – вся наша каша пришла в состояние крайнего расслабления. Есть основания надеяться, что как раз сферу стратегических вооружений это расслабление не затронет. Потому что даже Егор Гайдар заметил, что для людей, отвечающих за безопасность страны, существует только подлетное время носителя. Все остальное не существенно.

Однако американские перезагрузчики специально предупредили российских партнеров, что США не признают никаких особых российских интересов за пределами границ РФ. Это при том, что никто не отказывается распространять сферу интересов США на всю территорию планеты. Наше в настоящем смысле мужественное поведение в югоосетинском конфликте в дальнейшем каким-то образом привело к тому, что Грузия оформилась как протекторат США, при нашем молчаливом согласии. Сложные переговоры между марионеточным проамериканским президентом и марионеточной грузинской оппозицией о совершенствовании системы управления протекторатом ведутся сегодня в Вашингтоне. Сегодня, когда на Украине на глазах догнивает оранжевый проект, мы назначаем туда нового посла. Если это только не беспримерный шедевр конспирации, это послание ко всем, кто на Украине чего-то ждет от России, а это без малого пол-Украины: а посли вы на... пелезаглузку...

Мы устали. Как мухи. У нас кризис. Да и у них кризис, им тоже несладко. Газета «Ведомости» ссылается на некий источник в Минобороны, который рассказал ей, что уровень в 1500 боезарядов они приняли бы с облегчением, а поддержание большего уровня было бы «очень напряженной задачей». «Безопасность не может быть ныне обеспечена военными средствами... Кажутся смешными и нелепыми новые попытки добиться военного превосходства», – иронизировал основоположник «нового мышления» двадцать лет назад. Как в воду глядел...

Не существует в истории держав, сумевших обеспечить себе роль субъекта мировой истории, то есть, проще говоря, суверенитет, для которых поддержание обороноспособности не было бы напряженной задачей. Поддержание суверенитета, вообще говоря, напряженная задача. Не хотелось бы, чтобы нас поздравили «с

облегченницей». Очень не хотелось бы остаться единственной мухой, записанной в актив американского перестройщика.

Об идеальном клоуне Обаме. 18 июля 2009

Узнав, что на Украине есть 17 миллионов русских, Обама удивился и «согласился» учитывать интересы России на Украине. Ну давайте тогда уж посчитаем заодно количество украинцев в России. Или людей, связанных с Украиной так или иначе — кровью, рождением. Может быть, если Обама узнает, что Украина и Россия вообще в принципе одна страна и один народ, он будет способствовать объединению Украины с Россией? Или, может быть, он по программе-минимум согласится оставить российский флот в Севастополе? Это всё смешно.

Мне кажется, что Обама действительно не очень притворяется, что на самом деле это — идеальный клоун. Это человек, действительно, очень сильно похожий на Горбачёва (и об этом много говорили), который сначала потрясал американских переговорщиков совершенной неадекватностью. Начинал их агитировать за советскую власть с пеной у рта, на переговорах устраивал длинные дискуссии. Но потом, когда он убедился, что капитализм, реальный капитализм, не настолько зверский и оголтелый, как его учили в партшколе, он разоружился перед противоположной партией и решил демонтировать тоталитарный строй и избавить человечество от коммунизма. Сходство очень сильное, и это сходство усиливается фоновыми вещами — кризисом, явными прокрутками политической системы (американской), системной неспособностью как-либо вообще воздействовать на генетические причины, на фундаментальные причины кризиса.

Это всё так, но на самом деле всё это ерунда, потому что американская политическая система, если она еще не совсем дошла до ручки, она давно отработала форму взаимодействия публичной политики и непубличной, где публичная политика и чередование лидеров на ней и контроль за этими лидерами доведены до совершенства. На уровне публичной политики (я не знаю, касается ли это переговоров с лидерами России), но вопросы стратегии вообще не обсуждаются, может быть, они как-то затрагиваются, можно сказать, тестируются.

Ведь что мы имеем сейчас — что такое «перезагрузка»? Мы имеем очевидное изменение американской риторики в отношении России, то есть резкое смягчение риторики. От нас за смену риторики требуют смену политики. Я ничего не имею против того, чтобы российское руководство в ответ на смену риторики американской смягчило свою риторику. Почему бы и нет? Это дипломатия, это нормально, более того, это дает какой-то манёвр. На самом деле глупо выглядит сторона, которая не реагирует на смену риторики противоположной стороны.

Но я исхожу из того, что Америка, находясь в здравом уме и трезвой памяти, не может изменить свою стратегию в отношении России. Задачи, цели и интересы Америки в отношении России остаются точно такими же, как они были до того. И можно говорить о том, что они зловещи и ужасны, можно говорить, что они локальны и ограничены, это отдельный вопрос. Но факт, что они измениться не могут от того, пришел ли Обама и узнал ли он, что на Украине проживает «17 миллионов русских». От этого, собственно, ничего измениться не может.

Сдаваться легко. Европа капитулирует перед долларом. 26 мая 2010

Депутаты обеих палат парламента Германии проголосовали за предоставление Греции финансовой помощи. На самом деле вопрос о Греции не стоит — Евросоюз спасает себя. Больше никого и ничего он спасать не собирается. Так что не стоит путать план спасения Греции с планом спасения евро. Это два плана, у которых идеология одна, но формат, цели и алгоритм совершенно разные.

Грецию спасают с помощью пакета помощи размером, если я не ошибаюсь, около 110 млрд евро. Теперь уже не понятно, на какой срок предоставляются эти ресурсы — то ли на три, то ли на пять лет. В результате Греция должна сэкономить 300 млрд евро бюджетного дефицита (уменьшив его за счёт непопулярных мер налогово-социальной направленности). В результате страна, которая сейчас имеет долг 115% от ВВП, в ходе «лечения» «уменьшит» его до 140%. Это математическое доказательство того факта, что Грецию никто спасать не собирается.

Другое дело, что европейские власти собираются оттянуть греческий дефолт. Потому что это событие по цепочке приведет к дефолту всей Европы. И в первую очередь дефолту европейской валюты. На самом деле после дефолта Грецию нужно будет всё равно каким-то образом «выкорчевывать» из евро. Тогда, спрашивается, зачем вообще нужен дефолт? Проблема в том, что Евросоюз как структура — это система наслаивающихся друг на друга последовательных компромиссов. Причём эти компромиссы бессистемны и асимметричны. Так что выстроить их в какую-то жёсткую конструкцию невозможно.

Евросоюз очень гордился (и это на самом деле было так), что он создал евро — единственную достаточно внятную и жёстко управляемую конструкцию. Денежной эмиссией технически управлять легче. Потому что это делают профессионалы. В современной либеральной экономике существует концепция независимого центрального банка. Причём межгосударственный ЦБ ещё легче сделать независимым, чем национальный. Поэтому евро был «контрастно здоровым и мощным» институтом в рамках всей европейской системы. Потому что никакого другого вменяемого и внятного института там больше нет. Зато там есть масса структур, готовых торпедировать любую целенаправленную деятельность — как вредную, так и полезную (топя её в болоте согласований). Они могут в процессе согласований превратить европейскую конституцию в такой проект, который могут совершенно спокойно и без раздумий принять что Бурунди, что Гондурас, что Северная Корея. Притом что этот документ обставлен некими обязательствами.

Чем-то реальным управлять они не могут. А вот евро могли. Но в итоге всё равно оказалось, что это большая проблема. Оказалось, что когда у вас кризис, а система сама по себе мягкая и зыбкая, то твёрдый элемент мешает этой жидкости свободно переливаться. Поэтому не ЕС подтягивается к своей валюте, а единая евровалюта смягчается до уровня ЕС в целом. Это решение далось легко ещё и потому, что оно основывалось на отказе от принципов европейской денежной политики. От американских принципов денежной политики европейские отличались тем, что они были как таковые. Теперь их нет и у европейцев. Потому что заявление о том, что они готовы влить триллион — это ровно то

же, что делали американцы, начиная с Полсона. А поскольку по размерам экономики и количеству населения США и ЕС очень похожи, то теперь они ещё похожи и по своей денежной политике. Только Европа — это не государство. У неё нет ни центра, ни воли, ни цели, а у Америки они есть. И даже если эта цель кому-то не нравится или оказалась неадекватной, всё равно она есть.

Так что на самом деле это — капитуляция евро перед долларом. Теперь уже понятно, что в мире существует одна валюта. Пусть и хреновая, ненастоящая и печатающаяся безумно. Но она одна. А всё остальное — это предмет спекулятивного обмена с этой единственной валютой. Такие решения принимать легко. Сдаваться всегда легко. Особенно когда тебе при этом ещё дают возможность делать вид, что ты не сдаёшься, а, наоборот, побеждаешь.

Нелюбимая. 23 февраля 2011

23 февраля, когда вся страна привыкла отмечать День защитника Отечества, уместно, во-первых, поздравить всех причастных, во-вторых, поговорить о «новом облике Вооружённых сил», который в России по мере сил создаётся известной сердюковской реформой. Притом что широко распространившееся отношение к нынешней попытке этот «новый облик» создать трудно назвать праздничным: это какой-то праздник «инвалидов» в известном историческом значении этого слова.

Удивительно, что предыдущие попытки реформ, не отличавшиеся, мягко говоря, ни системностью, ни результативностью, никакой подобной реакции не вызывали. Это свидетельствует как минимум о том, что реформа-таки есть. Это свидетельствует о том, что армии больно и она вопит дурным голосом.

Интересно, что в осуждении сердюковских реформ удивительным образом солидарны и пламенные патриоты, и конченные либерал-предатели. То есть поддерживать этот вопль, как минимум, политически выгодно.

Нельзя не признать, что многочисленные частные претензии к процессам реформирования выглядят зачастую если не обоснованными, то, во всяком случае, конкретно мотивированными (не то сливают, не тех сокращают, не тем вооружают и т. Д.). Каких-либо внятных претензий к самой логике и концепции реформы слышно крайне мало. Оппоненты предпочитают подразумевать, что никакой концепции в принципе нет и быть не может в парадигме «всё продано и предано».

Попытаюсь насколько возможно последовательно отрефлектировать основные системные претензии к реформе.

ЧТО ИМЕЛИ.

Самое общая претензия — «Сердюков разваливает армию». Не будет преувеличением заметить, что разваливать, собственно, нечего (если, конечно, не сравнивать с состоянием февраля 1918-го, к которому, собственно, и относится дата нынешнего торжества).

90 тысяч бойцов — это тот предел — вот хоть ты лопни, — который могла выдать из себя наша более чем миллионная армия что в первую Чечню, что во вторую. Подавляющей частью необученных, наспех собранных из разных соединений. Солдаты-срочники, ни разу за всю свою службу не бравшие в руки оружие, офицеры, годами не

встретившие ни одного подчинённого им солдата... Ну не мог не утонуть «Курск», если вы десять лет вообще не финансировали флот!

С другой стороны, такую армию невозможно перевооружать, потому что некому реально это оружие применять. Конечно, есть очаги профессионализма и боеготовности, незначительные в общей массе. Но всё это в целом трудно назвать Вооружёнными силами.

• **ЧТО ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ.** Дело даже не в том, локальный или глобальный конфликт вероятнее — логика поддержания стратегических сил сдерживания подразумевает возможность глобального конфликта, — дело в том, что новые Вооружённые силы должны быть ориентированы на совершенно другую войну. Войну, в которой не требуется обеспечение огромного численного превосходства, не существует единых фронтов, окопов и многомесячных позиционных боев. Римские легионы бессильны против рыцарской кавалерии, а «линии Мажино» — против танковых клиньев...

Дело даже не в том, что Советская армия соответствовала другим амбициям. А в том, что она соответствовала совершенно другой военной доктрине, не имеющей сегодня отношения к действительности.

• **КАК ДЕЛАЕТСЯ.** Реформа проводится заведомо зверскими методами. Чего стоит задача уволить в короткий срок более трети офицеров и прапорщиков?! А это люди, так или иначе связавшие свою жизнь с армией в ситуации, когда эта служба не являлась ни самой престижной, ни самой благодарной. Тем не менее, если эта численность состава действительно не нужна, то идея содержать его из жалости и уважения, мягко говоря, контрпродуктивна. Армия может позволить себе быть благотворительной организацией в ещё меньшей степени, чем коммерческая корпорация.

При этом всё, естественно, делается, как всегда у нас, через известное место — с ошибками, подставами и т. Д. Похоже, что тактика нынешней реформы — любой ценой не останавливаться. Потому что, остановившись, она захлебнётся, как и все предыдущие. Удивительно в нынешней военной реформе не то, что она делается коряво, а то, что она вообще делается. Потому как ни в каких других областях никаких системных реформ не происходит совсем. Есть основания полагать, что после завершения мероприятий нынешней реформы армию придётся реанимировать. Однако если бы не реформа, то реанимировать было бы нечего.

• **КЕМ ДЕЛАЕТСЯ.** Здесь не о министре Сердюкове, призванном стать «чистильщиком» без каких бы то ни было корпоративных связей и пристрастий. Об этом достаточно много сказано. Реальное реформирование проводится через ту же систему, которую мы характеризовали выше. И через тех же людей. Ни через кого другого она проводиться не может.

Не говоря об известных недостатках человеческой природы, буйно расцветших в системе управления в посткатастрофный период, армия в принципе реформироваться не хочет никогда. Это самая костная структура в любом обществе. Можно представить себе восторг стрелецкой старшины в процессе петровского реформирования русской армии (кстати, этот восторг описан в классической картине «Утро стрелецкой казни»).

И, наконец, самое главное. Реформа делается в системе политических, социальных и финансовых ограничений (последнее – наиболее естественное и наименее трагическое).

В логике системной деградации, в которой работает российский социум с момента катастрофы, как раз военная реформа является противным и чужеродным этой логике элементом. Может быть, одним из немногих, если не естественным свидетельством воли власти как-то противостоять этой логике. Однако не факт, что этой логике вообще можно противостоять в рамках действующей системы.

Основанием Вооружённых сил, как это ни смешно, является не оргструктура, не разделение военных и гражданских функций, не вооружение, и даже не военная доктрина — во всех этих элементах нынешняя реформа так или иначе предполагает какие-то ответы, — а система комплектования. Здесь нынешняя реформа и осуществляющее её военное ведомство безвластны.

Спор о том, какая нам нужна армия — профессиональная или призывная, — существует только в плоскости политической демагогии. Ныне действующая система нам дана как данность, не зависящая от воли и сознания, с которой, с другой стороны, долго сосуществовать невозможно. На самом деле никакого общего призыва у нас нет и в помине. А существует и возможна только воинская повинность, ориентированная на социально незащищенные слои трудящихся. Наша армия сегодня «970урра970н-крестьянская» в гораздо большем смысле, чем это можно было сказать о послевоенной советской. А как заметил один из бывших советских военачальников, «Рабоче-крестьянская армия ваше поганое буржуйское отечество защищать не станет». И это вполне реальная проблема.

Что такое пресловутая «профессиональная армия»? Есть наёмная армия: «буржуйское отечество» могло бы себе такую армию просто купить. Немцовская идея — о том, что «жирные» могли бы откупаться от службы, чтобы на эти деньги нанимать «чумазых», — из этого рода. Однако такая наёмная армия все равно будет состоять из чумазых, что для страны с критическим социальным неравенством всегда проблема.

Финансовая проблема для России — это как раз реально призывная армия. Это когда людей призывают для обучения, а в бой идут именно обученные резервисты, а не недоученные солдаты-срочники. Это и дорого, и хлопотно. С другой стороны, не факт, что в современной и будущей войне резервисты эффективнее профессионалов.

Не совсем в тон нашему министру иностранных дел, отказавшемуся от «комплексов сверхдержавы», хочется заметить, что любая страна, имеющая амбиции на суверенитет, должна сегодня иметь элитную армию. То есть армию, построенную на абсолютной престижности и необходимости воинской службы для вхождения в государственную элиту. Речь идет, грубо говоря, о замене «повинности» на «привилегию». Если вы, конечно, хотите иметь лояльную своей стране государственную элиту. Другое дело — зачем это все элите нынешней? Однако принцип комплектования армии — это вопрос социальный. А социальная система в любой стране всегда и полностью определяется действующей элитой. За пороки социальной системы военное ведомство ответственности не несет.

Павел Гусев

Главный редактор газеты «Московский комсомолец» с 1983 года, председатель Союза журналистов Москвы с 1991 года. Единственный акционер ЗАО «Редакция газеты «Московский комсомолец» и председатель совета директоров коммерческого банка «Огни Москвы», учрежденных в 1993 году. Член Общественной палаты РФ и председатель комиссии по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации с 2006 года. С января по октябрь 1992 года был министром информации правительства Москвы – руководителем столичного департамента информации и пропаганды. В прошлом – ответственный организатор международного отдела ЦК ВЛКСМ.

Павел Николаевич Гусев родился 4 апреля 1949 года в городе Москве. Его отец был военным переводчиком, после ухода из армии стал главным редактором «Внешторгиздата», мать была театральным работником – проектировала костюмы актеров.

В 1971 году Гусев стал выпускником Московского геологоразведочного института (МГРИ) имени С. Орджоникидзе. Затем он стал научным сотрудником того же института, учился в аспирантуре, которую совмещал с освобожденной комсомольской работой – был в вузе секретарем комитета ВЛКСМ (членом КПСС он стал еще студентом, в 18 лет). Известно, что Гусев ездил в геологические партии и занимался урановыми месторождениями.

В 1975 году, не закончив аспирантуру, Гусев занял должность второго секретаря, а через год – первого секретаря Краснопресненского районного комитета ВЛКСМ в Москве. Позднее он стал прототипом первого секретаря Краснопролетарского райкома комсомола из повести «ЧП районного масштаба» Юрия Полякова, комсорга Московской писательской организации. В 1980 году Гусев стал ответственным организатором международного отдела ЦК ВЛКСМ.

В мае 1983 года Гусев был назначен главным редактором газеты «Московский комсомолец», печатного органа московского городского комитета ВЛКСМ. «Пришел сюда не будучи журналистом, к тому же из ЦК комсомола, поэтому поначалу отношение ко мне было настороженным. <...> В первые месяцы буквально ночевал в редакции, вникал в нюансы, постигал азы», - вспоминал позднее Гусев. По некоторым сведениям, одновременно он был театральным обозревателем в «Московском комсомольце». В 1986 году Гусев окончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького по специальности «литературный работник», защитив дипломную работу о дневниках Михаила Пришвина.

Эксперты отмечали, что именно с приходом Гусева газета «Московский

комсомолец» превратилась в одно из самых популярных изданий, секретом успеха которого стала ориентация на желания потребителя. «Я стал делать газету не как главный редактор, а как главный читатель», - отмечал Гусев.

В марте 1990 года Гусев был избран депутатом Московского городского совета. Как отмечала газета «Завтра», с конца того года Гусев «фактически отдал газету в распоряжение столичной администрации» (председателем Моссовета тогда был [Гавриил Попов](#), а Мосгорисполкома – Юрий Лужков). В 1991 году главред «Московского комсомольца» был впервые избран на пост председателя Союза журналистов Москвы, а впоследствии неоднократно переизбирался (занимал он ее и по данным на 2010 год).

В августе 1991 года, во время путча ГКЧП, «Московский комсомолец» Гусева стал одной из 11 газет, выпускавших «Общую газету» вопреки запрету путчистов, которые приостановили выход этих периодических изданий. До этих событий Гусев являлся членом КПСС. «Из КПСС наглым образом никогда не уходил. Просто перестал платить взносы и вообще наша организация, когда все распадалось, распалась сама по себе», - рассказывал Гусев впоследствии.

В январе 1992 года Гусев, сохраняя пост главреда «МК», был назначен министром информации и руководителем департамента информации и пропаганды правительства Москвы. В феврале 1992 года на съезде Российского движения демократических реформ, председателем которого был мэр Москвы Попов, Гусев был избран в политсовет движения. В дальнейшем оно так и не превратилось в партию, а Гусев фигурировал в СМИ как беспартийный.

Уже в октябре 1992 года Гусев по личной просьбе был освобожден от должности министра информации. Он объяснял свою отставку «возросшей загруженностью на посту главы 'МК'». Однако газета «Коммерсант» отмечала, что в сентябре Мосгорсуд заявил о нарушении Лужковым антимонопольного законодательства, не допуская участие «должностных лиц органов госвласти и госуправления в предпринимательской деятельности». Потеряв министерскую должность, Гусев одновременно стал советником по печати правительства Москвы. Он сообщил, что в новой должности, так же как и на предыдущем посту, «не собирается получать зарплату» и намерен давать правительству консультации по вопросам печати, «если понадобится».

Гусев утверждал, что с 1990 года «Московский комсомолец» фактически находился на собственном финансировании. По словам главного редактора газеты, в начале 1990-х годов учредителем газеты стал коллектив редакции, но «такая форма управления оказалась не самой эффективной с точки зрения хозяйствования». В апреле 1993 года было зарегистрировано ЗАО «Редакция газеты «Московский комсомолец», чьим единственным акционером стал Гусев. Главный редактор позже рассказывал, что члены акционерного общества единогласно и безвозмездно передали ему все свои акции в обмен на социальные гарантии («по индексации зарплаты, медицинскому страхованию, льготному питанию в редакционной столовой»).

Также в апреле 1993 года это акционерное общество стало одним из учредителей коммерческого банка «Огни Москвы». В дальнейшем Гусев упоминался как

председатель совета директоров банка. По данным на начало 2009 года, ему принадлежало 4,69 процента акций «Огней Москвы».

В середине 1990-х годов Гусев выпускал не только газету «Московский комсомолец», но и несколько других изданий, которые сначала не были оформлены в единый холдинг. К 1997 году они вошли в издательский дом «Московский комсомолец». В 1998 году «Российская газета» газета называла Гусева фактическим монополистом на столичном рынке ежедневных газет.

В 1999 году на фоне начавшейся парламентской и ожидавшейся президентской кампаний некоторые российский СМИ развернули информационную войну против Лужкова, ставшего одним из лидеров избирательного блока «Отечество – Вся Россия». Гусев открыто выступил на стороне градоначальника и даже начал в своей газете кампанию против преемника президента Бориса Ельцина Владимира Путина. «Палили из орудий всех калибров, публиковали любую гадость, которую удавалось нарыть. <...> В той ситуации не имел права поступить иначе, сдать Лужкова», - рассказывал о том времени Гусев.

В феврале 2005 года Гусев принимал участие в реализации проекта бывшего премьер-министра России Михаила Касьянова, объявившего о создании собственной консалтинговой компании «МК-Аналитика». Сообщалось, что «МК-Аналитика» должна была заниматься консультированием государственных органов власти, региональных и муниципальных властей, а также проводить «сценарный анализ экономического развития, анализ результатов экономической политики». Название, по словам самого Касьянова, они придумали вместе с Гусевым. Подчеркивалось, что «МК» в названии расшифровывалось как [Михаил Касьянов](#), а не «Московский комсомолец».

В сентябре 2005 года Гусев указом президента Путина был введен в состав Общественной палаты Российской Федерации (ОПРФ). В январе 2006 года главред «МК» стал председателем комиссии ОПРФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации. На ту же должность Гусев избирался и в двух следующих составах палаты.

Гусев неоднократно упоминался в прессе в связи со скандалами и происшествиями, связанными с публикациями в его газете и работающими в ней журналистами. Так, в 1994-2005 годах Гусев проходил как свидетель по делу об убийстве журналиста «МК» Дмитрия Холодова, известного своими статьями разоблачительного характера о министре обороны России Павле Грачеве. Судебные разбирательства по делу продолжались до 2005 года, когда военная коллегия Верховного суда не подтвердила оправдательный приговор шестерым десантникам, обвинявшимся в убийстве Холодова. Имена виновных в убийстве журналиста так и не были названы. «Холодов – это для меня боль, которая, наверное, останется до конца моей жизни», - заявлял Гусев впоследствии.

В 2010 году в числе самых известных проектов возглавляемого Гусевым издательского дома «Московский комсомолец» назывались федеративная сеть изданий «МК. Российский региональный еженедельник», международная сеть изданий «МК. World Weekly», североамериканский еженедельник «В Новом Свете», журнал-телегид «МК-Бульвар», таблоид «МК-Воскресенье», журналы для женщин –

«Атмосфера» и «Атмосфера красоты», автомобильная газета «Мкмобиль» «Российская охотничья газета» и журнал «Охота и рыбалка. XXI век». Упоминались также компании, входившие в состав издательского дома – рекламно-информационное агентство «О'Кей», рекрутинговое агентство «Компания 'Фрегат'», службы распространения «МК-Агентство», «МК-Сервис», ООО «РитейлМедиаГрупп», «Агентство праздничных программ», а также аудиторская фирма «МК и партнеры».

Гусев фигурировал в прессе не только как главред и глава издательского дома, но и как председатель правления ОАО «Союз столичных издателей», академик Международной академии информатизации, член совета попечителей Московского Английского клуба, член худсовета киностудии «Мосфильм». Упоминался он СМИ и как драматург, автор нескольких пьес.

Свою газету Гусев оценивал как «очень своеобразный продукт, приспособленный к московской аудитории – умной, ироничной». «Надо просто делать интересную, разностороннюю газету, - заявлял он, - чтобы читатель, беря ее в руки, узнавал не только о том, какие, к примеру, трусы надела сегодня [Алла Пугачева](#), но и о событиях из жизни города и страны». Гусев не отрицал, что демократии в своем издательском доме он не потерпит. «Накопленный опыт позволяет утверждать: диктатура – основа бизнеса, оптимальная форма взаимоотношений руководителя и коллектива», - подчеркивал он.

В 2009 году Гусев был награжден орденом Почета. Ему было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР. С 1997 года он является деканом Высшей школы журналистики Международного университета в Москве (президент университета – [Гавриил Попов](#), он почетный академик Московской геологоразведочной академии, действительный член созданной в январе 2010 года Академии российской прессы. В декабре 1999 года Гусев стал лауреатом общественной российской премии «Лучшие перья России». В мае 2003 года «за плодотворную журналистскую и издательскую деятельность, направленную на укрепление авторитета Москвы в стране и за рубежом» Гусев был удостоен знака отличия «За заслуги перед Москвой».

СМИ много писали о хобби Гусева, отмечая, что он – заядлый охотник, президент московского «Сафари-клуба», почетный член Росохотрыболовсоюза и Русского охотничьего клуба, награжденный Московским городским обществом охотников и рыболовов медалями Святого Георгия Победоносца (199

8) и Святого апостола Петра (2004), а также Почетным Знаком (1997). Сам он рассказывал, что является владельцем огромной коллекции охотничьих трофеев, включая редких и экзотических животных. «Могу позволить себе раз в месяц отлучиться, чтобы слетать с приятелями на сафари», - сообщал Гусев, отмечая, что далеко стал ездить гораздо реже, потому что взял в Тверской области в аренду на 49 лет охотхозяйство площадью 36 тысяч гектаров. Хобби стало основой и для его бизнес-проектов: он создал холдинг охотничьих изданий и упоминался как главный редактор «Российской охотничьей газеты» (1994), журналов «Природа и охота» (1994-2003), «Магнум» (1998-2003), «Охотничьи собаки» (1998-2003), «Охотник за трофеями» (2002), «Охота и рыбалка XXI век» (2003). Другим своим увлечением Гусев называл игру в гольф.

*Павел Гусев стал самым цитируемым журналистом года
Об этом свидетельствует исследование компании «Медиалогия» 23 декабря
2013.*

*В первую десятку рейтинга помимо главреда «Московского комсомольца» вошли
Ксения Собчак, Алексей Венедиктов, Николай Сванидзе, Владимир Познер, Владимир
Соловьев, Александр Проханов, Максим Шевченко, Тина Канделаки и Сергей Доренко.*

*Рейтинг цитируемости российских журналистов за этот год возглавил главный
редактор «МК» Павел Гусев, сообщает РИА Новости со ссылкой на исследование
компании «Медиалогия». Индекс цитируемости главреда «Московского комсомольца»
составил 13836 пунктов. По этому показателю он значительно опередил занявшую
второе место телеведущую Ксению Собчак, набравшую 8495 пунктов.*

*На третьем месте оказался возглавляющий «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов,
на четвертом и пятом — тележурналисты Николай Сванидзе и Владимир Познер.
Шестую строчку занял телеведущий Владимир Соловьев, за ним следуют главный
редактор газеты «Завтра» Александр Проханов и телеведущий Максим Шевченко.
Первую десятку замыкают телеведущая Тина Канделаки и радиоведущий Сергей
Доренко.*

*В рейтинг самых цитируемых журналистов также вошли главный редактор
телеканала Russia Today Маргарита Симоньян, главред «Новой газеты» Дмитрий
Муратов, ведущий Первого канала Михаил Леонтьев, главред «Независимой газеты»
Константин Ремчуков, главред «Комсомольской правды» Владимир Сунгоркин, а также
главный редактор РИА Новости Светлана Миронюк. Замыкают топ-30 журналист
Олег Кашин и главред журнала «Эксперт» Валерий Фадеев.*

*Исследователи также составили список самых обсуждаемых событий года в
медиаотрасли. Самой освещаемой в СМИ новостью из мира журналистики стала
ликвидация информационного агентства РИА Новости. Вторым по количеству
посвященных ему публикаций стал конфликт между партией «Единая Россия» и
газетой «Московский комсомолец» из-за статьи Георгия Янса «Политическая
проституция сменила пол».*

*Основой для построения рейтинга стал Индекс цитируемости «Медиалогии» —
медиапоказатель, учитывающий цитируемость персоны и влияние источника,
опубликовавшего его цитаты. Рейтинг построен на основе базы СМИ системы
«Медиалогия», включающей порядка 15700 открытых источников: ТВ, радио, газеты,
журналы, информационные агентства, интернет-СМИ. Период исследования —
январь-декабрь 2013.*

«Отношение к свободе слова у журналистов меняется.

Многие из них не хотят быть быдлом.

Не хотят быть в стаде при ком-то – и это радует»

Павел Гусев – человек, сумевший сделать из комсомольской газеты издание с миллионными тиражами, которое читает вся страна. Эффективный менеджер XXI века, ставший безусловным авторитетом в издательском бизнесе, делится с коллегами своими

профессиональными секретами.

О бизнесе по-русски, творческой свободе, об авторитетах в журналистике, а также о том, почему главный редактор «Московского комсомольца» даже на отдыхе не может спать спокойно – с Павлом Гусевым беседует шеф-редактор журнала «Журналист» Мария Владимировна.

– Павел Николаевич, вы являетесь главным редактором «МК» уже 28 лет. Как вам удалось сделать газету самой популярной в стране?

– Я пришел в «МК» в 1983-м году, в последние годы существования Советского Союза – это был один из самых застойных периодов. Пришел как читатель этой газеты (журналистом по профессии я не был) с намерением сделать такую газету, читать которую мне самому было бы интересно. В те годы нужно было ломать стереотипы – сначала советского времени, потом – стереотипы времен перестройки. В период абсолютно новый для нашей страны, когда в эпоху Горбачева, Ельцина появилась свобода слова а с ней и конкуренция. Возникли темы, которые никто никогда раньше не обсуждал. В то время нужно было устоять на ногах, потому что очень легко было уйти в сторону желтизны, бульварщины, вседозволенности. Благодаря свободе слова в профессии появились имена. И вместе с тем, мы почувствовали тогда очень страшную тенденцию – стало возможным покупать как отдельных журналистов, так и целые издания.

Тогда я сделал для себя важнейшее открытие, понял, что нужно делать иную журналистику, в которой содержание газеты должен определять не главный редактор, а журналисты, их талант.

В этом и заключался перелом – мне удалось собрать очень сильную команду, благодаря которой стало возможным делать газету смелую, абсолютно не похожую на другие издания. Всегда преклонялся и преклоняюсь перед умными и талантливыми людьми. Создание команды «МК» было для меня задачей №1. Мои журналисты выше меня по своему творческому мышлению, таланту, но я выше их, как главный редактор и организатор. Я умею общаться с ними и убеждать их в чем-то, не «ломая при этом через коленку».

У меня – абсолютное доверие к членам редколлегии, к моим заместителям. Я знаю, что они семь раз отмерят, прежде чем пойти на легкомысленный поступок, который может навредить имиджу газеты.

Мы сейчас, наверное, единственное издание, которое постоянно встречается со своей читательской аудиторией на разных площадках: в студенческих аудиториях, трудовых коллективах, на праздниках в Москве и в Подмосковье, на массовых мероприятиях. Такие встречи, на мой взгляд, уникальны. Они формируют доверие между читателями и нашими журналистами.

– Вас можно смело назвать эффективным менеджером. Неужели таких специалистов готовят в Московском геологоразведочном институте, который вы заканчивали?

– Я действительно заканчивал геологоразведочный институт. Потом прошел большую комсомольскую школу – был первым секретарем райкома комсомола, работал в ЦК ВЛКСМ. После этого пошел учиться в Литературный институт имени Горького. Почувствовал в себе острое желание изменить свое внутреннее «я», понять систему

мышления творческих людей, что помогло самому стать в скором времени творческим человеком.

Техническое и литературное образование как раз и дало мне возможность стать эффективным менеджером и главным редактором.

– Как вам удастся сохранить баланс информации в газете: позитивной и негативной, официальной и бытовой, политической и социальной?

– Это очень трудно сделать, поскольку наши журналисты практически не пишут на заказ. Каждый пытается найти свою тематику, дать тому или иному событию личную оценку. Вообще, журналистика – это отражение объективного через субъективный взгляд тех журналистов, которые участвуют в создании газеты. Вот эта субъективная оценка очень важна для понимания сути того, как делается газета. Например, зная позицию и отношение к тем или иным вещам Александра Минкина и Юлии Калининой, мы можем планировать, каким будет тот или иной номер «МК». Не вмешиваясь в авторский замысел, мы приблизительно знаем сюжетную линию, и это помогает нам выстраивать общую драматургию газеты.

Творческая атмосфера в редакции очень важна. Журналист должен понимать, что ему не будут диктовать, что писать и как писать. Он сам должен это почувствовать. На планерках мы спорим о том, как улучшить материал: может, вот этот пункт расширить, абзац убрать. Если журналист соглашается – статья обычно только выигрывает. То есть большая творческая свобода и при этом жесткий регламент, планирование, работа с редакторами отделов – все вместе и позволяет создавать продукт, который пользуется успехом у читательской аудитории.

– Павел Николаевич, бывают ли ситуации, когда журналист пишет материал, а он оказывается настолько хлестким и острым, что принимается коллективное решение его не публиковать?

– Бывают такие ситуации, но они – не сверхчастые. На наших летучках в разговоре с творческим коллективом мы всегда говорим: «Ребята, вы можете писать критические материалы, поднимать самые острые вопросы. Но в этих статьях не должно быть оскорблений, связанных с физиологическими особенностями людей, – предположим, с небольшим или, наоборот, высоким ростом, с отсутствием волос на голове или чем-то еще. А вот за политические, экономические, нравственные, социальные вопросы – пожалуйста, ругайте. Поэтому мы всегда просматриваем материалы – нет ли в них оскорбительных деталей в отношении личности, а также доказуемы и проверены ли все факты.

Мы сталкивались с проблемами, которые, к сожалению, приводили нас к судебным разбирательствам, и иногда мы дела проигрывали. Таких случаев мало, но они были, и каждый из них становится для нас предметом серьезного изучения.

– Публика жаждет сенсаций. Что делать современному главному редактору для того чтобы не превратить свое издание в «желтое», с одной стороны, и не растерять читателей – с другой?

– СМИ в целом, да и нашу газету, часто обвиняют в погоне за сенсациями. Но мы гонимся не за сенсацией, а за информацией. Затем, чтобы получить ее первыми. Это реальная конкуренция: мы должны добывать информацию из первых рук. Как это

сделать? Вот для этого и существует стиль и школа «Московского Комсомольца». Мы настраиваем наших ребят на то, что они должны искать эксклюзивные источники информации, которые доверяли бы нашим журналистам, а журналисты, в свою очередь, должны доверять этим источникам информации. Так что, не надо путать сенсацию с очень нужной, только у тебя появившейся впервые информацией. Ее можно назвать сенсацией, а можно по-другому – журналистской удачей. Мы называем это отличной журналистской работой.

– Мой следующий вопрос связан с делом Руперта Мердока. Какие методы вы считаете допустимыми для сбора сенсационной информации?

– Прежде всего, нужно понимать, что журналисты – это не служба ФСБ или МВД. Журналист по всем международным критериям не имеет права брать в руки оружие, а также воевать на той или иной стороне. Ни один журналистский коллектив не сможет организовать прослушку или слежку за кем-то или видеонаблюдение в каких-то труднодоступных местах. Это практически невозможно сделать. Сенсационные же разоблачения в других странах, например, в США, были сделаны с участием спецслужб, а документы попадали в руки журналистов самыми разными путями.

То, что сделал Мердок, – абсолютно безнравственно, поскольку он вторгся в частную жизнь людей. Похожие ситуации происходят и в некоторых российских изданиях, когда скупаются видеоматериалы с места преступления, вещественные доказательства, фотографии – и все это выдается как сенсация. На мой взгляд, избыток крови и избыток таких материалов не украшают сегодняшние СМИ.

– А к покупке информации в принципе как вы относитесь?

– Нормально. Мы покупаем информацию официально – подписываемся на рассылку некоторых информационных агентств. Нам иногда предлагают фотографии или материалы, связанные, прежде всего, с коррупцией. Мы не рассматриваем фотографии, скажем, обнаженной звезды – нам это не интересно, а, например, купить документы, показывающие махинации в тех или иных системах власти, – это возможно.

– Вы – председатель комиссии Общественной палаты по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ. Курируете вопросы, связанные с профессиональной журналистской этикой и при этом возглавляете издание, которое многие считают изрядно пожелтевшим за последние годы. Как одно сочетается с другим?

– Был период в «МК», когда мы специально создавали некую модель не совсем желтой газеты, но издания с желтизной. Мы давно ушли от этого, уже больше пяти-семи лет «МК» – совсем другая газета, с другими позициями и качеством продукции. Сегодня мы – очень жесткая и проблемная газета, издание, которое читают все, – от высшего руководства страны до таксиста. Это не показатель нашей легкости – отнюдь. Это показатель того, что мы сумели заинтересовать разных людей нашими материалами, очень точными и разнообразными. Придя в Общественную палату, я стал делать более жесткую газету в отношении политической ситуации в стране, а также сделал ее более нравственной, что ли.

– А как вы считаете, возможно ли сегодня, начав с нуля, сделать издание такого же масштаба, как «МК»?

– Войти в рынок печатных изданий с новым СМИ практически невозможно. Даже

старые печатные издания существуют сейчас с большим трудом, экономика очень непростая – нужно ее подпитывать каким-либо бизнесом. У нас есть бизнесы, связанные со СМИ (например, киосковые сети), которые позволяют нам вытягивать газету. Но сегодня вломиться в двери, казалось бы, открытого рынка с новым изданием невозможно. Печатная продукция медленно, но верно затухает, идут процессы, к сожалению, необратимые.

– Павел Николаевич, журналистов сейчас все чаще называют «журналюгами». Как вернуть профессии бывшее уважение и авторитет?

– Это сделать трудно. Дело в том, что власть, которая господствует в нашей стране, сделала все, чтобы журналистов превратить в некую подстилку, подмять под свои политические интересы. Большинство СМИ в России принадлежит государственным структурам, или же структурам, аффилированным с государством, то есть они полностью зависят от власти. Люди стали относиться к журналистам резко отрицательно после последних ельцинских лет правления – они увидели, что журналисты превратились в «чего изволите» при чиновниках и при политических структурах власти. И это, конечно, очень обидно и мне, и тем, кто к журналистике относится серьезно. Вы посмотрите, в начале 90-х годов, во время перестройки, слово «журналист» было пропуском для всех и вся. Большинство ярких, известных журналистов в этот период стали депутатами Государственной думы, разными политическими лидерами. Стоило им только захотеть чего-то, поднять руку, и народ сразу голосовал за них. Когда же из журналистики стали делать орудие борьбы, этим особенно отличались олигархи Владимир Гусинский и Борис Березовский, которые использовали СМИ только для осуществления своих политических, экономических и бизнес-задач, – именно в этот период и произошло падение авторитета профессии. Люди увидели, что журналисты стали более продажными, чем политики. Журналистов стали называть и сливными бачками и журналюгами. Но я абсолютно уверен в том, что в ближайшие пять-семь лет ситуация обязательно переломится. Меняется отношение к свободе слова у самих журналистов. Очень многие из них не хотят быть быдлом. Не хотят быть в стаде при ком-то – и это радует.

– Кто из действующих ныне журналистов (главных редакторов) является для вас авторитетом?

– Я с большим уважением отношусь к Виктору Лошаку как к блестящему журналисту, главному редактору и руководителю. Он преобразил «Огонек», сделал из погибшего издания отличный журнал. Потрясающую информационную систему создал руководитель «Интерфакса» Михаил Комиссар. Мне кажется, что очень мощно сегодня делают газету «Ведомости». Видно, что люди дорожат свободой слова и с умением ею пользуются.

Главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов – один из уникальнейших в нашей среде журналистов. Да и в регионах есть реально свободные и независимые руководители СМИ – их немало.

Если говорить о главных редакторах прошлого, то несомненным авторитетом для меня является Егор Яковлев, руководитель «Московских новостей». Я считаю, что он совершил ошибку, когда ушел на телевидение, ему хотелось чего-то нового, но он был талантливым руководителем именно печатного СМИ. Виталий Коротич – это

своеобразный, скажем так, памятник в СМИ. А из Советского периода я бы назвал Семена Индурского, главного редактора «Вечерней Москвы», которой зачитывалась вся столица. Он сумел создать в советский, казалось бы, застойный период, образец очень интересной домашней газеты.

– Журналистика как профессия переживает кризис. Кризис идей, качественных кадров и личной мотивации журналиста. Практически исчезла серьезная расследовательская журналистика. Как вы думаете, почему?

– Расследовательская журналистика исчезает потому, что большинство СМИ принадлежит власти, а власть жестко контролирует издания и журналистов. А ведь расследование зачастую связано и с коррупцией, и с нарушением закона, и с тем, как власть потворствует всему этому. В итоге, мы теряем расследовательскую журналистику. И это наша общая проблема и беда. Та же газета «Совершенно секретно», созданная Юлианом Семеновым, могла что-то делать только потому, что была независимой!

Ориентация только на власть является чумой XXI века. Журналистика именно от этого и погибает, а не от чего-либо другого. И читательская аудитория именно поэтому теряет интерес к официальным СМИ, потому что она видит и чувствует – все написанное не соответствует реальной жизни. Это несоответствие и есть самая страшная ломка, которая сегодня происходит между обществом и СМИ. И если государство этого не поймет, оно потеряет и СМИ, и свой народ.

– Но какой-то просвет все-таки есть? Есть ли у журналистики будущее или все совсем плохо?

– Конечно, есть. Будущее – за смелыми и активными журналистами.

– Павел Николаевич, на отдыхе вы так же, как и в рабочее время, находитесь на связи с редакцией или можете себе позволить расслабиться и забыть о работе?

– Нет, позволить себе расслабиться и забыть о работе на отдыхе не могу. Современные технологии связи помогают мне легко общаться практически с каждым сотрудником и с различными подразделениями и службами. На сегодняшний день в «МК» работают порядка 1200 человек. У нас своя система подписки, распространения, супермаркетной продажи, своя полиграфия. Мы сами решаем вопросы, связанные с экспедированием и логистикой своей продукции не только по Москве, но и по всей России. Это огромный трудовой творческий коллектив, которому нужно платить зарплату, причем «белую». Нас замучили проверками – каждый месяц к нам приходит то налоговая, то другая инспекция, которая начинает шерстить «МК» на предмет того, что мы делаем не так. Это стимулирует работать в абсолютных рамках действующих законов, что очень трудно, потому что сегодняшняя политика государства, к сожалению, не направлена на развитие бизнеса. Делать средний и малый бизнес сегодня трудно, но у нас это получается. Так что, на отдыхе я нахожусь в постоянном контакте с коллективом, как по творческим, так и по финансовым, экономическим и организационным вопросам.

«МК» сегодня – один из крупнейших частных издательских домов. Мне принадлежит 100 % акций, и я отвечаю за все. Это не бахвальство, а возможность выжить, потому что, если бы у нас было много акционеров, нас бы давно уже кто-нибудь перекупил, как это было и с «Известиями», и с «Комсомольской правдой». Сегодня нам удается удерживать статус одного из немногих независимых изданий нашей страны. Это

очень многого стоит.– И, в заключение, такой вопрос. В журналистской среде ходят слухи, что вы собираетесь продать «МК», неужели это так?

– Эту информацию распространяют враги нашей газеты, чтобы подорвать доверие к «МК». И мы знаем, кто это делает. Я говорю своему коллективу и всем: «Вы меня вынесете отсюда только вперед ногами, а не с мешком денег за проданное издание. Я не собирался, не собираюсь и никогда не буду продавать «Московский комсомолец». Это дело всей моей жизни!¹⁵²

«СМИ в России стали «инструментом власти»

Современные средства массовой информации перестали быть «четвертой властью», как в середине 1990-х годов, и стали «инструментом власти», считает председатель комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ, главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев.

«СМИ на сегодняшний день никакая не четвертая власть. Это миф, придуманный в 1991 году, когда СМИ реально занимали свое ведущее место в отсутствие политических партий, в отсутствие сильного единого руководства страны, так называемой вертикали власти. В отсутствие всех этих компонентов СМИ действительно в тот период середины 1990-х годов можно было считать как некую систему власти, потому что они дополняли любые политические решения и могли манипулировать электоратом», - сказал Гусев на конференции «СМИ – четвертая власть, миф и реальность», проходящей во вторник в представительстве Европейского Союза в РФ.

«Сегодня СМИ – это инструмент власти», - подчеркнул он.

Гусев отметил, что около 80% СМИ в России финансируется государством. «Если говорить о муниципальных, региональных и мелких изданиях по всей стране, они почти полностью существуют на податки государства», - подчеркнул он.

На поддержку государственных СМИ в этого году запланировано выделить 174 миллиарда рублей, добавил эксперт.

Отвечая на вопрос о том, возможна ли в России приватизация региональных и муниципальных СМИ, Гусев ответил: «Я официально заявляю – нет. Это будет смерть СМИ», - подчеркнул он.

По мнению эксперта, если завтра «Кремль или иные структуры власти объявят, что СМИ уходят из-под крыла государства – это все, какую».

При этом надеяться на интернет не стоит, считает Гусев. «Интернет – это не средство массовой информации, интернет – это средство массовой коммуникации и никакого отношения к СМИ не имеет. Всего 10-11% пользователей используют интернет как СМИ, а остальные – для покупки товаров, эротики и так далее», - сказал он.

Говоря о традиционных СМИ, Гусев подчеркнул, что «в России официальной цензуры нет», но есть самоцензура, есть другие формы давления на СМИ.

«Могут отлучить от типографии, влиять через систему распространения, почта может тебя не донести (до подписчиков)», - пояснил он.

Самым негативным явлением в современной прессе является, на взгляд Гусева,

152 Источник: «Журналист». 21.09.2011 // <http://www.arpk.org/new.php?i=199>

«черный пиар» и заказные материалы за деньги.

Гусев считает, что современным СМИ необходимо заняться саморегулированием. «Если мы не научимся саморегулироваться, мы ничего не добьемся», - заключил он.¹⁵³

“Нас пиплметром не измерить“

30 октября актовЫй зал НГТУ им. Р.Е. Алексеева был до отказа набит студентами нижегородских вузов и журналистами. Факультет коммуникативных технологий (ФКТ) НГТУ организовал мастер-класс главного редактора издательского дома «Московский Комсомолец» Павла Гусева. Тема «СМИ и PR в России: кто кому нужнее?» оказалась особенно близка студентам ФКТ, которые задавали гостю множество интересных и даже провокационных вопросов. Впрочем, ответы были не менее интересны – Гусев сам «провоцировал провоцировать», так как затрагивал темы острые и волнующие многих.

Мы – не власть, мы – свобода

Бывший первый секретарь Краснопресненского РК ВЛКСМ Москвы Павел Гусев стал прототипом героя повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба». Он является главным редактором одной из самых читаемых газет России, а возглавляемый им издательский дом – его стопроцентная собственность, что позволяет говорить о максимальной (насколько это возможно в нашей стране) независимости входящих в холдинг изданий. Студентам, ФКТ (а кроме них на мастер-класс пришли также и другие студенты НГТУ, ННГУ, НЛГУ), безусловно, безусловно, было о чем пообщаться с главным редактором «МК», тем более что многие из них по окончании вуза метят в журналистику.

- Каково, по вашему мнению, будущее печатных СМИ в ближайшие 50-100 лет? (Анастасия Созонова, ФКТ)

- В ближайшие 20-30 лет сохранятся точно. Учитывая, что у нас десять процентов населения не получают даже сигнал телевидения, а в отдаленных населенных пунктах большая часть жителей не знает, что такое Интернет, потребность в газетах будет существовать еще достаточно долго. Но я вам скажу больше. В Японии, стране высоких технологий, самые большие в мире тиражи печатных газет. Развитая страна всегда будет нуждаться в качественной журналистике.

- Как «МК» относится к рекламе на своих страницах? (Варвара Романова, ФКТ)
- До 60-70 процентов всех средств, которое получает издание от своей деятельности, составляет реклама, она является залогом свободы и демократического развития СМИ.

К этому времени желающие задать свой вопрос стали выстраиваться в очередь, а самые нетерпеливые передавали записки:

- Что «МК» делает для того, чтобы стать реально независимыми от власти?

- «МК» является уникальным изданием на рынке, так как не принадлежит ни власти, ни какой-либо коммерческой структуре. В нашем издательском доме около 80 изданий. У нас работает 1400 человек, не считая сотрудников региональных изданий. Мы имеем свои службы рекламы, распространения, недавно у нас заработала самая лучшая типография, какая только существует в России. Поэтому власти предрержащие с уважением смотрят на нас. Многие им не нравится, они пытались найти у нас корни Березовского,

Гусинского, Лужкова, зарубежных структур – не нашли. Мы не используем никакие другие средства, кроме тех, что заработаны за счет наших изданий. В этом есть свобода и смысл нашей деятельности. Кстати, бытует мнение, что СМИ – четвертая власть. Чуть! Это первая власть придумала, что мы четвертая, для того чтобы приручить нас.

- Какой смысл читать газеты, если 90 процентов информации в них – ложь?

- Нет, не согласен. Это не ложная информация, а субъективный взгляд журналиста, который работает на ту или иную направленность. Если газета государственная, это не значит, что ей нельзя верить, она может чего-то недоговаривать или давать оценку, отличную от мнения большинства читателей.

Заповеди журналиста

- Каковы этические пределы допустимости той или иной информации, доходящей до читателей? (Мария, ФКТ)

- Сам пройдя непростую школу 90-х годов, я бьюсь за определение нравственности в журналистике. Был такой момент, когда гласность и свободу слову путали с вседозволенностью. Это непростые вопросы. Но посмотрите, когда ругают телевидение, ведь не ругают журналистов, хотя людям надоели бесконечные сериалы и развлекательные телепередачи. У нас нет сейчас программ, подобных «Взгляду», и это вина не журналистов. А вы знаете, как на телевидении составляется рейтинг? Существуют приборы – пиплметры. В Москве таких приборов 500 штук. И вот, представьте, человек должен с утра до вечера постоянно нажимать на кнопки, сигнализирующие, в какой удаленности от телевизора он находится. Нужно быть психически нездоровым человеком, чтобы месяцами фиксировать каждое свое действие. И вот такие нездоровые люди определяют рейтинг ТВ-программ.

- Существуют ли запретные темы для журналистов? (Мария Корчагина, ФКТ)

- Существуют. Например, гостайна. Но все-таки, для журналиста гораздо большее значение имеют нравственные позиции. В Германии два года назад вышел закон, запрещающий вторгаться в частную жизнь, это был серьезный удар по желтой прессе. Люди хотят оградить свою жизнь от публичности, и это нормально. Но поймите, дело не в запретных темах, а в таланте журналиста и главного редактора, которые должны уметь освещать любые темы.

- Некоторые газеты, рассказывая о серийных убийцах, в подробностях описывают совершенные ими преступления. Надо ли это делать? (Иван Мягков, ФКТ)

- Я думаю, журналист прежде всего должен дать нравственную оценку действиям преступника и нарисовать психологический портрет этого человека. Но ни в коем случае не надо описывать все те зверства, что он совершил. Потому что тогда это уже учебник для больных людей.

- Журналистика – это талант или ремесло? (Александра Королева, ФКТ)

Талант – это первое, чем должен обладать журналист. Талант, талант и еще раз талант. Журналист обязан уметь мыслить и оценивать окружающую действительность не так как другие. Без этого не получится качественного материала.

- Какие в наше время разрабатываются способы привлечения молодежной

аудитории? (Дмитрий, ФКТ)

- В Японии, Южной Корее, США идет подготовка к созданию пластиковых газет многократного использования. На улицах и в офисах будут установлены аппараты, с помощью которых можно будет стирать вчерашнюю информацию и закачивать свежую. В России подобные процессы пока не представляются делом близкого будущего. Что касается привлечения молодых к профессии журналиста, ежегодно мы принимаем на практику до 100 человек, лучших из которых потом принимаем в штат.

- В МГУ проводился опрос среди будущих журналистов, и две трети из них написали, что журналист должен быть, в первую очередь, циничным, а все остальные качества не столь важны... (Светлана Новаторова, руководитель Центра радиожурналистики филфака ННГУ им. Лобачевского)

- Сегодня в Общественной палате мы говорим о том, что нам нужно создать внутренний документ, гласящий, каким должен быть журналист, его нравственный облик. У медиков есть клятва Гиппократова, у работников СМИ должно быть что-то подобное, хартия, содержащая некие заповеди того, к чему их обязывает профессия. Эту хартию журналист обязан подписывать при приеме на работу вместе с контрактом. Кто-то мне говорит, что это химера, но почему в Англии, Германии, Италии, Голландии живут по таким принципам?

Искажение поля

Павел Гусев говорил и о том, что для него, как для президента Союза журналистов Москвы и председателя комиссии по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ Общественной палаты РФ, было наиболее очевидным:

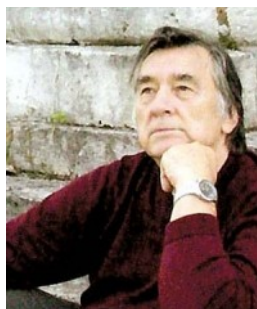
- Без независимых от власти, свободных СМИ невозможно существование демократического государства, на звание которого претендует Россия. По последним европейским подсчетам наша страна скатилась на 153 место по свободе слова, нас обогнала даже Белоруссия с ее диктаторским режимом – она на 151 месте. Эта ситуация показывает, что ни о какой реальной демократии в стране разговоров быть не может. Поэтому российская власть и назвала себя вертикалью. Журналистика в такой атмосфере опять становится прикладным делом при власти. Вы знаете, что Союз журналистов в России не входит в государственный реестр творческих организаций? Вот Союз дизайнеров, художников или архитекторов – это творческие объединения, а мы – нет. На телевидении журналистика как таковой почти не осталось. Кроме новостных и небольшого количества аналитических программ, на ТВ есть только сериалы и развлекательные шоу. Практически все федеральные каналы и многие печатные издания принадлежат государству либо имеют покровителей в лице крупных чиновников. Что в результате происходит? Искажение информационного поля.

Тем не менее, Павел Николаевич согласился с тем, что абсолютно независимых СМИ быть не может, во всех странах они так или иначе имеют своего хозяина, который и определяет направление и курс издания. Но привел такой пример: во Франции владелец газеты попытался вмешаться в публикации своего издания, в итоге забастовали все журналисты страны. В России же журналистика зачастую относится к области сервиса политических амбиций той или иной группы людей. На закон о СМИ «идет яростное наступление» со стороны политических партий и правительства, которые предлагают

внести в закон поправки, направленные на ограничение свободы слова. Кроме того, Гусев считает, что нужно уходить от схемы прямой помощи изданиям: “вот вам деньги, пишите обо мне хорошо“. Только в Москве тратится до 15 млрд. руб. на гранты СМИ, например, за лучшее освещение деятельности администрации. Помогать лучше опосредованно – выделять деньги, которые могут пойти, например, на оплату газетной бумаги, и при этом не влиять на содержание публикаций.

- Что такое журналистика в своем глубинном смысле? – задается вопросом Павел Гусев. – Это отражение объективной реальности через субъективное восприятие журналистики. Когда государственные деятели говорят, что журналист пишет то, что не соответствует действительности, это чушь. Одно дело, когда допущена фактическая ошибка, но совсем другое, когда журналист высказывает свою точку зрения, и она не соответствует логике того или иного чиновника или политика. Уметь высказывать субъективную оценку – это и есть задача журналиста, и если эта оценка интересная и глубокая, то она обязательно найдет своего читателя.¹⁵⁴

Александр Проханов

Родился 26 февраля 1938 в г. Тбилиси, русский главный редактор газеты «Завтра», основатель и лидер движения «День»

В 1960 окончил Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье. С конца 60-х годов – корреспондент «Литературной газеты». Работал в Афганистане, Никарагуа, Кампучии, Анголе, Эфиопии и других «горячих точках». Автор первых очерков о событиях на острове Даманском во время советско-китайского конфликта в марте 1969.

В 1971 издал свои первые художественно-публицистические книги: «Иду в путь мой» (предисловие к ней написал Юрий Трифонов) и «Письма о деревне». В 1972 был принят в Союз писателей СССР.

Написал более 30 повестей, романов и сборников публицистических статей. В 1989 – 90 – главный редактор журнала «Советская литература». С декабря 1990 – главный редактор газеты «День». В 1991, во время выборов президента РСФСР, был доверенным лицом генерала Альберта Макашова.

19 августа 1991 поддержал действия ГКЧП. Летом 1992 создал движение «День»

154 Беседовала Оксана Ольшанская // <http://nn.mk.ru/article/2009/11/06/380699-pavel-gusev-nas-riplmetrom-ne-izmerit.html>

– объединение читателей газеты. 4 октября 1993 газета «День» была закрыта. Однако в ноябре этого же года зять Проханова Александр Худорожков зарегистрировал газету «Завтра», главным редактором которой стал Проханов.

На президентских выборах 1996 поддерживал кандидатуру Геннадия Зюганова. В 1997 стал одним из учредителей Агентства патриотической информации (АПИ). 15 декабря 1997 на Проханова было совершено покушение. Незвестный у дверей дома Проханова ударил его по голове кастетом. Проханов получил сотрясение мозга. 1 марта 1999 был избит около своего дома двумя неизвестными. Увлекается рисованием в стиле русского лубка и примитивизма. Любит позднего Маяковского. Коллекционирует бабочек. Любит экзотические блюда, в частности, жареных бабочек и саранчу (акрид) с медом.

Награжден орденами СССР.

МОСКВУ ОЖИДАЕТ СУДЬБА КАБУЛА

Каракатица, которую пять лет назад пронесли в Кремль, вскормили в царских палатах, теперь сдохла и лопнула, и мерзкая грязь хлынула на московские улицы. Всяк, идущий по тротуарам или вырulingающий по проезжей части, переступающий порог министерства, берущий в руки газету или нажимающий телевизионные кнопки, — в этой зловонной грязи. Запускают пригоршню в эту тухлую мерзость и мажут друг друга. Чубайс — Коржакова. Коржаков — Гусинского. Киселев и Доренко — Лебеда. Все вместе — Ельцина. И этот отвратительный спорт, когда остервенелые молодцы на глазах толпы красят друг друга жижей, — это и есть сегодняшняя политика, в которую нас окунули. Вельможные воры не только уворовали бриллианты и слитки золота, квоты на нефть и на нелегальное оружие, не только перегнали за рубеж свое состояние, скупили на Средиземном море виллы и время от времени стреляли из танков по парламенту или бомбили Грозный, они еще собирали компромат друг на друга и, лобызаясь в уста, изгибаясь в лъстивых поклонах, присягая на верность, копили друг на друга доносы. Целые террариумы крокодилов, удавов, тарантулов, которые тихо до времени скреблись в своих потаенных живых уголках. И вот полезли.

Посмотрите на испуганного Черномырдина — неужто он увидел, как подбирается к нему мохнатая сколопендра компромата? Взгляните на пылкого, неадекватного Чубайса — может быть, он почувствовал, как залезает ему в брючину холодная ядовитая ящерица? А мэр Лужков, торжественно открывающий очередную синагогу в Москве, — чем он таким взволнован? А Шумейко, белый, как мел? А две деятельные тетки из президентской семьи? Генералы, прокуроры, банкиры, промышленники, члены кабинета — что они вскрикивают, как ужаленные? Кого с себя стряхивают?

Генерал Коржаков деловито, слегка вспотев, опускает ладонь в заветный мешок, извлекает из него очередного ползучего гада, шепчет ему что-то на ухо, и тот ползет — в министерство, банк, благотворительный фонд.

Верхушка сгнила и своим трупным ядом отравляет все государство, до последнего

маленького, посыпанного перхотью чиновника, у которого, если приглядеться, на лбу — синюшное трупное пятнышко, а в ящике стола — только что полученная взятка.

Все ненавидят друг друга. Все друг друга боятся. У всех есть боевые структуры. Все будут убивать друг друга уже не с помощью компроматов, не с помощью киллеров, а с помощью подведомственных им силовых структур. «Кантемировцы» сразятся с «дзержинцами». Охрана президента — с охраной «Мост-банка». Лужковская «гвардия» — с подразделением «Альфа». Солнцевская группировка — с чеченской. И Москва, безвластная, ненавидимая провинцией, населенная ворами и гангстерами, унаследует долю Кабула, превратится в крошечный ад. Самоходки станут стрелять по ГУМу, а вертолеты огневой поддержки спикируют на мэрию и телецентр. Каждый этаж Дома правительства будет браться с боем, обрабатываться из «шмелей» и гранатометов. И мы, отдавшие свои судьбы подонкам, позволившие им овладеть Москвой и Россией, надышавшиеся смрадом НТВ, переживем участь Содома, на который небо пролило котлы раскаленной смолы.

Среди ада и хаоса, всеобщей трусости и предательства, один генерал Куликов сказал громко «нет» распаду страны.

Страна, поддержи Куликова!

В XXI ВЕК — БЕЗ ДЕМОКРАТОВ¹⁵⁵

Мы не забыли недавние годы, когда все русское небо было заполнено демократическими нетопырями и ведьмами. Свистели перепончатыми крыльями. Густо сидели на каждой колокольне и дереве. Истошно орали, выхватывая друг у друга берцовую кость или синий, выданный с корнем глаз. Гадилы сверху, покрывая все липкой зловонной слизью. Влетали в каждый дом через открытую форточку, замочную скважину, телевизионный экран. Жадно хватили лучшие куски из тарелок, портили мебель, заклеивали до смерти детей, долбили острыми клювами черепа стариков. Пылал во все небо русский страшный закат, и на его фоне носились несметные стаи демократов, порождая в душах отчаяние.

Где они теперь, эти неукротимые фурии с костяными глазами Бурбулиса? Неистошмые в испражнениях гарпии с усиками Шахрая? Злобно шипящие пифии с оскалом Полторанина и Шумейко? Свирепые 987урра987н с выпученными глазами Черниченко? Они исчезли, как крылатые муравьи и личинки болотных жуков. Одни из них превратились в горстки пыли, как вдовица Боннэр. От других осталась сухая скорлупка или ношенная ряска, как от Глеба Якунина. Третьи сжались до крохотных неопасных размеров, как «чекист» Савостьянов, юркнули в тихие норки неизвестных фондов и банков. А те, что еще на виду, похожи на перезрелые корнеплоды, выкопанные из грядок. Лежат, догнивая и морщась, покрытые разноцветной гнилью и плесенью.

Черномырдин напоминает упавший дирижабль, повисший на проводах, как огромная скомканная тряпка, из которой крестьяне окрестных сел нарежут

155 Газета «Завтра». 26.12.2000. №52(369)

прорезиненные лоскуты и покроят ими свинарники. Гайдар, еще недавно сочный, как гриб, что держат в стеклянных банках, доливая сиропом и опивками чая, от которых тот слоится, чмокает, исходит приторными ядовитыми выделениями, — теперь этот серый гриб слит, выброшен на помойку, стал добычей червячков, а хозяйка промыла банку и поставила букет цветов. На Гусинского больно смотреть. Даже суровое сердце антисемита, и то содрогнется от жалости к вечному узнику, которому уготовано странствие по всем центрам земного шара, включая земляную яму в Габоне. С Березовским — другая статья. Недавний повелитель России, кремлевский постельничий, думский стряпчий, семейный окольничий, создатель партий, гроза губернаторов, любовь чеченцев, патрон Невзорову, кум Лебедю, идеолог, астролог, черкес, — бедолага издавна скалит мелкие желтые зубки, хватает пустой воздух чужбины, тщась укусить пролетающий самолет Президента Путина.

Все инфицированные демократы собраны в отдельный бокс, в стеклянный террариум с маркировкой СПС, что, по-видимому, значит — СПИД, ПАРАНОЙЯ, СИФИЛИС. Здесь и Немцов, наивный и циничный, как бывшие комсомольцы, то и дело позирует на фоне чеченских детишек, намазывая себе слезы слюной. Тут и Явлинский, с лунной посмертной маской вечного неудачника, страдающий желчными коликами неуголенного честолюбия, от которого стало тошно терпеливой, как монашка, Мизулиной. Тут две трескучие дамы — Хака и Мада, без умолку говорящие друг с другом, перебивающие одна другую, похожие на двух сорок, что сидят на старом заборе с полустертой надписью «Раздавите гадину!», начертанной бессмертной рукой смертного Окуджавы. Особый интерес исследователей, изучающих врожденные патологии, вызывают экспонаты под номерами 1 и 2. Первый, все с тем же трупным пятнышком на лбу в виде Флориды, уставший от рекламы «Пиццы-Хат», соперничает с адвокатом Резником в защите самого честного в мире еврея. Второй, забывая выдернуть старческий клистир, опираясь на подгнившую клюку перестройки, хромая на левую ногу и правое полушарие, уныло и бесцветно клеймит сталинизм под звуки нового гимна. Отдельно от всех, в бетонном саркофаге, ядовитый, как четвертый чернобыльский блок, источающий и после смерти смертоносные нуклиды, лежит мумия Ельцина, в мавзолее русской трагедии. Кругом безжизненные зараженные города, груды разбившихся самолетов и сгоревших танков. Бескрайнее кладбище тех, кто, умирая по миллиону в год, выдавил демократов из русской жизни, забросал своими живыми телами смертоносный кратер. Множество датчиков, дозиметров, тонких и чутких приборов следят за периодом полураспада этой всплывшей из преисподней туши.

На опушке волоколамского леса, недалеко от Дубосекова, стоит елка. Вместо хлопушек, конфет и золоченых орехов на ней маленькие и смешные, в аккуратных шелковых петельках, висят демократы. Им хорошо. Они нашли свое место. Они нравятся пробегающим зайцам, пролетающим синицам и сойкам. Синичка подлетела к игрушке, изображающей Валерию Новодворскую, совсем не страшную, милую, как лягушонок, схвативший в рот дохлого червячка. Синичка клюнула Новодворскую в нос, отняла червячка и полетела в сосновый бор.

На телевидении, среди прочих гадостей, случилась еще одна, выдающаяся. На Первом канале, в передаче «Гордон Кихот», произошло омерзительное осквернение писателя Виктора Ерофеева. Его пригласили в программу, где предполагалась дискуссия о его весьма противоречивом творчестве. Дискуссия с участием «друзей» и «врагов», обожателей и противников. Во время передачи Ерофеев был подвергнут беспрецедентным оскорблениям со стороны ведущего Александра Гордона. Монтаж передачи, бесконечные «вырезания» и «склеивания» создали картину вопиющего уродства, скотства и разложения, являя род пытки, выставленной напоказ миллионной аудитории. И сторонники, и противники Ерофеева выглядели безнравственными уродами, сам истязаемый корчился в невыносимых муках, и только «хозяин застенка» Гордон, невозмутимый, интеллектуальный, управлял пыточными механизмами. Видимо, так выглядели эксперименты немецких врачей над военнопленными. Так выглядело средневековое четвертование жертвы с виртуозным палачом и разбрасыванием сочных ломтей.

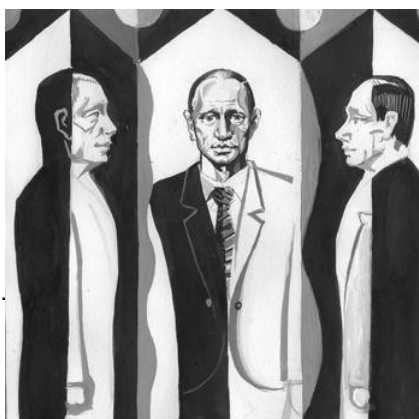
Эффект передачи и всего, задуманного Гордоном цикла состоит в том, чтобы приглашать в программу известных людей, накопивших потенциал идей и поступков. Прилюдно растерзать эту личность. Испепелить накопленный личностью потенциал. Заставить зрителей упиваться её страданиями, зрелищем её духовной смерти. Испытать садистское торжество тех, кому эта личность не по нраву, и глубокое моральное унижение тех, для кого эта личность — кумир. Задача, inferнальная, дьявольская, стратегическая, вполне согласуется с господствующей установкой либерального телевидения — химической машины по разложению и расщеплению всего сложного, возвышенного, целостного. Эта «химия распада» превращает в жидкий кисель человеческую мораль, мышление, идеалы. Истребляет традиционные ценности. Лишает человека опоры. Уравнивает всех в низменном стремлении грубо наслаждаться, жадно потреблять, переводить духовное в материальное, благородное в подлое, прекрасное в уродливое. Создана изощренная культура телевидения, превращающая народ в управляемое, тупое скопище, которое не вправе называться народом. Запущена и действует пятнадцать лет программа по телевизионному истреблению народа, перед которой меркнут ГУЛАГ, Бутовские полигоны, соловецкие баржи и расстрельные рвы Колымы. Там истреблялись тела, в которых иные души, как это было у Соловецких мучеников, достигали святости. Здесь же истребляются души и остаются озверевшие омертвелые тела. Именно эти тела, прошедшие через телевизионную химию распада, становятся педофилами, безжалостными убийцами, предателями страны, аморальными гедонистами, и все вместе — тупыми избирателями. Из них не появится герой, открыватель, художник, «сын Отечества», справедливый правитель. Это «фабрика смерти». Громадный крематорий, в котором под сладостные песни о свободе сжигается русский народ. Но кто запустил этот телевизионный Освенцим? Чьи руки — в пепле нескольких сожженных поколений?

В начале девяностых, когда я был персоной нон-грата, изгнан с телевидения, демонизирован, облеплен с ног до головы ярлыками: «путчист», «красно-коричневый», «графоман», «русский фашист», ко мне пришел Виктор Ерофеев с телекамерой, в ту пору, как, впрочем, и в эту, имеющий телевизионный эфир. Он сказал, что хочет сделать обо мне передачу, прорвать целлофановый пакет, в который меня замотали. Я был искренне удивлен, благодарен его порыву, восхищался его либеральными мотивациями. Мы беседовали, я его эпатировал, иногда валял дурака. Когда же передача вышла в эфир, я был потрясен. Ерофеев дал без купюр фрагменты нашей беседы, но пригласил в передачу критикессу Наталью Иванову, которая в полной мере аттестовала меня как кровопийцу, исчадие ада, мерзкого писателя и человека. Передача, садистская и аморальная, лишь усилила мою демонизацию, причинила мне колоссальное страдание. Не является ли Виктор Ерофеев создателем телевизионной машины разложения, в кислотный реактор которой он сам провалился?

Олег Попцов, родоначальник российского телевидения, обвиняющий сегодняшнюю власть в безнравственности, в уклонении от правды и справедливости, — это он в чудовищные девяностые руководил ельцинской пропагандой. Разрабатывал приемы подавления патриотической оппозиции. Давал указания операторам снимать народные шествия так, чтобы в кадр попадали одни старики, убогие, нелепые и жалкие, формируя образ такой оппозиции, которую не жалко было расстреливать из танков в 93-м году.

Николай Сванидзе, «рыцарь антисталинизма», автор бесчисленных агиток, обличающих НКВД, «тройки», доносы, по которым хватали писателей и актеров, расстреливали военных, инженеров, художников. Оказывается, это он, являясь членом Общественной палаты, трижды инициировал преследование газеты «Завтра» и меня лично за проявления экстремизма. Прокуратура не находила в моих деяниях признаков преступления. Но Сванидзе, этот сервильный журналист и придворный биограф, с упорством доносчиков времен Ягоды и Ежова, продолжает забрасывать прокуратуру доносами. И каждый раз против меня, его коллеги, писателя и журналиста, возобновляется следствие, готовое в любой момент перейти в уголовное расследование. Гумилёв, Павел Васильев, Мандельштам — вы верите в либерализм Сванидзе? Вот они, отцы-основатели современного телевидения. Они отложили в телевизионную культуру свои тлетворные яички, из которых вывелись чудовищные гидры и ящеры, клубящиеся змеи и жабы. Без разбора жалят, отравляют, язвят. Именно таким, жалящим себя самого скорпионом, выглядел Виктор Ерофеев в ужасающей программе Гордона.

МЕССИАНСТВО ПУТИНА¹⁵⁷

Путина ненавидит Америка. Его проклинает либеральный Запад. Его травят российские либералы. Ему выносят смертные приговоры кавказские сепаратисты. За него молятся в монастырях. Его славят русские патриоты. За него голосуют нищие крестьяне в разорённых селениях. Кто он такой, шестидесятилетний Владимир Путин,

живущий среди вспышек обожания и ненависти?

Русская история в последние полтора столетия — это чудовищная схватка метафизических смыслов. Схватка гигантских исторических конструкций, суть которых открывается религиозному сознанию. Устройство которых постигается мистическим опытом. Тайна которых доступна мыслителям, трактующим государство, как проекцию небесной воли в земную жизнь.

Одна из метафизических машин, запущенная на территории России в конце XIX века, всей мощью уничтожает формы и смыслы российского государства, будь то формы и смыслы Романовской, «белой» империи, или формы и смыслы империи Сталинской, «красной». Эта машина преуспела дважды, сокрушив монархию, а затем Советский Союз. Теперь всё та же стенобитная машина снова долбит кремлёвские стены, сокрушая хрупкое и во многом не состоявшееся Путинское государство.

Сталин, великий государственный и метафизик, остановил гигантские силы, сразившие Романовскую империю, разгромил легионы новоявленного Иисуса Навина, которые «зачищали» Россию от всего русского, как древние евреи «зачищали» от хананеев «землю обетованную». Сталин предотвратил создание на территории России «Красной Иудеи», теократического государства, подобного нынешнему Израилю, который, по замыслу сионистов, должен был возникнуть не в пустынях Ближнего Востока, а на богатейших землях России.

Разгромив сионистский проект, Сталин построил «красную империю» СССР, вобравшую в себя множество признаков Романовского царства. Эта победная империя сокрушила германский нацизм — мистическое государство, исповедующее религию Тьмы. 30 миллионов погибших на этой войне советских людей соотносимы с Христом Распятным, с Христовой жертвой, которая остановила нашествие тьмы. Эта Христова жертва делает Победу 1945 года священной, всех погибших — священномучениками, а Сталин, благодаря этой мистической Победе, становится «помазанником».

Сталинская империя просуществовала семьдесят лет и была разгромлена всё теми же силами, что натолкнулись на сталинский «красный проект». Отступили, сложились в непомерную мощь западной либеральной цивилизации, еврейского банковского капитала, рафинированных гуманитарных технологий, — и во времена горбачевской перестройки нанесли смертельный удар «Советам». С этих пор на обломках СССР неустанно работает либеральная мегамашина, перемалывая в труху остатки советской империи. Уничтожает заводы, научные школы, военные технологии, культурные коды. Расчищает «Ханаанскую землю» под новое царство, «Вторую Хазарию», куда укроется еврейский мир в случае краха государства Израиль.

И странным, исторически необъяснимым, но мистически predetermined выглядит появление в русской политике Путина, который, подобно Сталину, противодействует либеральной мегамашине, ведёт отчаянный бой за суверенную Россию, её имперский евразийский характер, её православную культуру, её неповторимую

цивилизацию. Он делает это, как и Сталин, в условиях оккупации. В окружении врагов-соратников, под бдительным контролем оккупантов, насадивших невидимые «оккупационные комендатуры» в политике, экономике, культуре, информационной сфере. Эта борьба носит противоречивый характер, со взлётами и падениями, и её неровный график определяется невидимыми столкновениями Путина с ближайшим окружением, экономическими и политическими обстоятельствами, непомерным внешним давлением.

В этом сражении много тайного, конспирологического. Поэтому сам Путин по-прежнему является тайной. Он носит маску, защитный доспех, отбрасывает сразу несколько теней, иные из которых достоверней, чем он сам. Он плейбой. Он член закрытых мировых клубов. Он журавль и уссурийский тигр. Он сталинист. Он поклонник Столыпина. Он тайный русофил. Он тот, кто стоит в кипе. Он тот, кто летит в истребителе над разгромленным Грозным.

Тайна Путина, быть может, открылась старцу Иоанну Крестьянкину, к которому Путин приезжал в Псково-Печерский монастырь и провёл несколько часов беседы. Содержание беседы осталось неясным. Но по косвенным признакам можно догадаться, что Президент спрашивал старца о своем предназначении. О своей судьбе. Он спрашивал старца, почему именно ему, никому не известному разведчику госбезопасности, дана в управление такая страна? Что случилось в мире такого, если эта таинственная коронация на русскую власть состоялась?

Ибо он не сражался за эту власть. Он не принадлежал к политическим станам, группировкам, которые стремились ворваться в Кремль. Власть вложили ему в руки высшие силы. Ему хотелось понять, чего ждут от него эти силы, в чем его миссия. И, быть может, прозорливый старец указал ему эту миссию. Сбережение и воссоздание Великой России.

Путинское мессианство в том, чтобы разгромить метафизическую машину, уничтожающую русскую цивилизацию. Он воюет с Болотной площадью. Укрощает военный порыв, разгромивший Ирак и Ливию, громящий Сирию, приближающий к границам России мировую войну. Он возрождает русское оружие, ослабленное либералами, восстанавливает заводы и научные школы. Он обнарудовал «евразийский проект» — эскиз будущей Евразийской империи.

«Великая Россия» — вот его тайна, его мечта, его крест. И, как знать, не окажется ли он распятым на этом кресте, и не окажется ли его мечта явлена ему сквозь кровавые слезы?

Вот почему ненавидят Путина. Выносят на либеральных митингах смертные приговоры. Совершают в сатанинских церквях заупокойные «чёрные мессы». Вот почему в русских монастырях служат о нем за здравные молебны, окружают защитным «поясом Богородицы».

Государство Российское — высшая святыня. Служение этой святыне — дело Божье.

В этом деле — помогай тебе Бог, Владимир Путин!

Светоносный Лермонтов¹⁵⁸

В Пятигорске проходили торжества, посвященные 200-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Это было воистину поэтическое празднество. Огромное количество людей: поэтов, художников, политиков, военных, просто жителей окрестных городов и сёл, — пришли сюда, как приходят к цветущей благоухающей клумбе.

Лермонтов для сегодняшнего Кавказа — живая вода, которая окропила эти горы, долины и чудесные предгорья после сумрачного мертвящего холода девяностых годов.

Лермонтов был военный, был офицер, был рубака, был отважный стрелок. Он дрался беспощадно, силой своего клинка и духа — вместе с русской армией — пристёгивал, пришивал к себе Кавказ. Кавказ был взят силой, взят штурмом, взят огромными потерями и ущербом, нанесённым русскими войсками горным саклям и аулам. Недаром в своей восхитительной поэме «Валерик» Лермонтов писал: «Резались жестоко...» И можно представить себе горную реку, где по пояс в воде стояли горцы, русские солдаты и офицеры, и клинками, ножами, штыками вспарывали друг другу грудь. И река багровела русской и черкесской кровью.

Но вот тайна. Лермонтов, воюя с горцами, стреляя в них и получая в ответ от них пули, ни разу, ни одним словом, ни в одном своём стихотворении не обронил дурного слова о горцах. Он их уважал, почитал, почти обожал, видел в них бесстрашных воинов, честных и отважных соперников, учился у них. И это была странная двойственность. С одной стороны — война, которая несёт в себе ненависть и отрицание. С другой стороны — обожание этих гор, этих красот, этого кавказского мироздания. Недаром Пастернак писал о русских офицерах, уезжавших из Петербурга на кавказскую войну:

*Страны не знали в Петербурге,
И злясь, как на сноху свекровь,
Жалели сына в глупой бурке
За чёртову его любовь.*

И вот Лермонтов, обожавший Кавказ, присоединивший Кавказ к России силой оружия, сам стал предметом обожания горцев и Кавказа. И Кавказ через Лермонтова: через его душу, через его высокую поэзию, — присоединил к себе Россию. Если Россия присоединяла Кавказ силой оружия, то Кавказ присоединил Россию поэзией — лермонтовской поэзией, лермонтовской душой и лермонтовским обожанием.

Лермонтов был очень русским человеком. В его сознании, в его душе свет соприкасался с тьмой. Он стоял на грани тьмы и света. Он был тем русским человеком, кого судьба выдвинула на край пропасти, на край чёрной бездны.

Он постоянно принимал в свою душу кванты тьмы, перерабатывая их в свет. Это была грандиозная мистическая работа по превращению тьмы в свет. Той же работой занят и русский народ, который направлен Господом на рубеж, где тьма соприкасается со светом, где идёт вечное сражение зла и добра, чёрного ада и светоносного рая. И русский

народ в этой борьбе несёт невиданные траты, невиданные потери, каждый раз выигрывая эту схватку, одерживая русскую победу.

Лермонтов погиб от пули Мартынова. Лермонтов погиб под свист и улюлюканье дворцовой челяди. На известие о гибели Лермонтова Николай I написал: «Собаке собачья смерть». Но это не была смерть, учинённая конкретными людьми или конкретными сословиями. Это была гибель воина и рыцаря, который каждый раз в своих стихах уносился в небеса и совершал подвиг, прорываясь в область неведомого, в область неизречённого. Прорываясь в эту область, он захватывал в свои объятия силы небес, светоносные силы лазурного рая, возвращался с ними на землю и выливал эти ковши света в русскую поэзию, русскую жизнь и в русскую культуру. Такова миссия русского поэта, такова миссия русского кудесника, который улетает в своих стихах, как в своих молитвах, в небеса и возвращается, как пчела возвращается с цветка, принося на землю сладость мёда небесного.

Вся русская литература делает это — и ничто другое. И поэзия, и проза соединяют землю с небом, соединяют Русь земную с Русью небесной, с Русью предвечной. И русские художники заняты перенесением этих бессмертных сияющих сил из небес в нашу русскую действительность.

Когда в тридцатых годах в Германии загрохотали башмаки штурмовиков, и парадными по городам Германии двинулись солдаты вермахта, Лени Рифеншталь создала свой восхитительный и ужасный «Триумф воли». Где в черноте кружились, как карусели, белые бриллиантовые свастики, которые потом истерзали весь мир своими страшными остриями. Когда Гитлер вливал в души германского народа силы подземной тьмы, вооружая гитлеровского солдата, офицера тотальной ненавистью ада, направляя их в бой на остальные народы мира, Сталин отдал приказ вернуть в советскую культуру русскую классику: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева... Русские песни, русские оперы, русские романы. И советская русская жизнь наполнилась этими великими силами, великими энергиями, которые соединили душу советского русского человека с теми высотами, где нет смерти, где нет страха, где нет ненависти, где нет поражения. Советские люди вступили в Отечественную войну, сражаясь с темными силами ада. В этих сражениях Лермонтов, Пушкин, Толстой вместе с советскими солдатами атаковали германские редуты. Они садились в танки, они летели в самолётах, нанося штурмовые удары по германским позициям. И они пришли в Берлин. И Знамя Победы, которое трепетало в руках наших солдат, — оно трепетало в руках Лермонтова, Пушкина и Толстого.

Сегодня для России опять наступают грозные времена. На Украине грохочут башмаки Правого сектора. В Одессе горит огнём чудовищный крематорий, расстрельные рвы полнятся измученными и истерзанными. Украина превращается в русофобское фашистское государство. Мы отвечаем на это строительством нашего нового оружия, строительством самолётов, танков, орбитальных группировок. Но одновременно мы ответим на это возвращением Лермонтова, Толстого, романсов. «Я помню чудное мгновенье» и пушкинскую нежность, восторженность Блока, весь Серебряный век. И это опять соединит нас с эмпириями, откуда Россия все века черпала свои непочатые бессмертные силы.

Мы вооружимся святой русской классикой. Мы вооружимся Лермонтовым. «Тихо

светит месяц ясный в колыбель твою». «По небу полуночи ангел летел, и тихую песню он пел». «И молвил он, сверкнув очами: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умрёмте ж под Москвой». «За всё, за всё тебя благодарю я. За тайные мучения страстей, за горечь слёз, отраву поцелуя». «Настанет год, России чёрный год, когда царей корона упадёт». «А душу можно ль рассказать?» «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана». «В полдневный жар в долине Дагестана с свинцом в груди лежал недвижно я». «Одну молитву чудную твержу я наизусть».

Хвала Лермонтову. Хвала бессмертному русскому стиху. Хвала нашему поэтическому, длящемуся из века в век, молитвенному псалму.

Бирюлевский взрыв. Реплика Александра Проханова¹⁵⁹

Бирюлевский взрыв потряс московское общество. Повел за собой массу воздействий и действий, которые подчас кажутся непоследовательными и противоречивыми. Объект, против которого были направлены эти действия, остается непознанным и загадочным.

По существу, в центре Москвы в разные ее местах возникли целые закрытые города, закрытые укрепленные районы, закрытые крепости. В недрах этих крепостей движутся колоссальные неучтенные деньги, на эти деньги диаспоры воспроизводят себя и усиливают свое присутствие в городе. На эти деньги наиболее отличившимся членам диаспор покупаются квартиры в Москве, на эти деньги члены диаспоры проталкиваются в органы управления, пока что на низовом уровне, но этот уровень все повышается и повышается. Деньги, которыми располагают эти рынки, эти овощные базы, столь огромны, что они коррумпируют всю вертикаль московской власти, как исполнительной, так и силовой, от последнего маленького участкового до крупных чиновников в префектурах и мэрии.

Там же на этих овощных базах и рынках движутся наркотики, происходит складирование оружия, как холодного, так и огнестрельного. Там же, на этих закрытых, не доступных для постижения «черкизонах», складываются особые организации, дремлющие террористические ячейки, закладывается террористическая сеть, которая в какой-то момент может запылиться и грохнуть. Так было во время ситуации на Дубровке. Так было на юге в Беслане. Кроме того эти базы, эти рынки, эти овощные центры становятся местами проповедей для радикального ислама, для экстремистски настроенных ваххабитов. Есть сведения, что там, под прикрытием этих толп, под прикрытием торговли, создаются закрытые нелегальные мечети, проповедующие экстремистские исламские воззрения.

Эти города, эти центры вызывают естественное возмущение и опасения местных жителей, которые в самом крайнем случае — в случае насилия, в случае убийства, как это было в Бирюлеве — приводят к восстанию, к взрыву, к бунту. Молодые национальные радикалы штурмуют эти базы, они объединяются для того, чтобы учинять очередные погромы. Пока что эти погромы кончаются разгоном, эти группировки молодых людей рассеиваются и исчезают бесследно в спальных районах, но так будет не всегда, от раза к

разу эти группировки будут усиливаться и структурироваться. И мы очень скоро столкнемся с тем, что возникнет единая по всей Москве структура молодых националистов, способных собираться очень быстро в одном месте и устраивать самые разные погромного характера акции.

У этих новых националистов есть свои лидеры, есть свои теоретики, есть свои витии, есть свои проповедники, эти проповедники сегодня призывают сбросить с России Кавказ, завтра они начнут призывать сбросить Татарстан, а дальше Антарктику, Арктику, Сибирь и все зоны русского влияния в мире.

Пока что действия властей, действия общественности на эти явления спорадические и неточные, потому что, повторяю, объект этих воздействий, загадочен и не познан. Но он должен познаваться и исследоваться не отважными оперативниками или радетельными представителями государственной власти, он должен, прежде всего, исследоваться аналитиками, концептуалистами, опытными конфликтологами. Такие конфликтологи — это драгоценный фермент нашей научной общественности, их очень мало в России, но они существуют. Господа конфликтологи, господа аналитики, начинайте свою работу. Только после вас придут силовики, придут проповедники, придут специалисты по религии и межнациональным отношениям.

Сергей Минаев

День рождения 25 января 1975, российский бизнесмен, публицист, телеведущий, радиоведущий

Родился в 1975 году, имеет еврейское происхождение по материнской линии.

По итогам 2006 года дебютный роман Минаева «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» стал одним из самых продаваемых в России. Несмотря на это, в 2007 году это произведение и роман «Media Sapiens. Повесть о третьем сроке» получили антипремию «Полный Абзац» за массу грамматических, пунктуационных и фактических ошибок. Автор за наградой не явился. В 2008 год издал роман «The Тёлки. Повесть о ненастоящей любви». В 2009 — «P.A.B. Антикризисный роман». 4 апреля 2010 года, роман «Vидеоты, или The Тёлки. Два года спустя» поступил на прилавки магазинов. Сам автор называет его «самым циничным произведением». В сентябре 2010 года Сергей Минаев объявил о написании новой книги под рабочим названием «Москва я люблю тебя — Я тебя тоже, нет».

До 2011 года был ведущим на радио «Маяк» в субботнем шоу «Танцы с волками»

совместно с Игорем Ружейниковым, за работу над которым получил премию «Радиомания-2010» в номинации «Ведущий разговорного эфира». В начале 2010 года Минаев вступил в активную публичную дискуссию с дочерью бывшего президента РФ Татьяной Юмашевой на тему того, какую роль сыграли 1990-е годы в современной истории России.

С 26 января 2009 года Сергей Минаев ведёт программу «Честный понедельник» на НТВ.

В конце мая 2011 года Минаев спровоцировал скандал, связанный с использованием спецсредств при передвижении на автомобиле. В ролике, снятом из автомобиля рядового водителя, видно, как водитель отказывается пропустить машину с мигалкой. Но затем VIP-авто обходит его слева и сбавляет скорость, проезжая рядом. «Ты, б**, баран, тебе че, дороги мало, что ли?» — спрашивает Минаев, высунувшись из окна Mercedes с номером Т452АК177, после чего уезжает. Позже писатель признался, что сфальсифицировал это видео.

С конца мая 2011 года ведет свое интернет-шоу Минаев LIVE.

Сергей Минаев открывает свою душу и обещает задать новую планку в создании Интернет-сайтов. Орудием воздействия на пользователей Сети стала его персональная страница. Благодаря насыщенному медиа-контенту и флеш-анимации создателям сайта удалось симитировать не только эффект живого общения с писателем, но и создать целый «минаевский мир». По мнению самого публициста, у страницы есть все шансы стать лучшим сайтом года в Рунете.

Сергей Минаев продолжает завоевывать Рунет. На этот раз он решил поразить публику своим персональным сайтом. Его адрес неслучаен. Под таким же логином Минаев ведет блог на Livejournal.com.

«Наш сайт – это вызов тому совку, который продолжает править сознанием многих россиян» «Обязательно включите звук! Без звука возможна потеря до 50% удовольствия. Советую задерживаться на локациях после просмотра основного видео. Там справа будут скрещенные пальцы – нажмите на них, все ништяки там», – пишет он о своем персональном сайте в ЖЖ.

Предупреждение неслучайно. По насыщенности медиа-контентом сайт Минаева может дать фору сайту любого блокбастера. В качестве музыкального фона здесь использованы композиции трэш-шапито «КАЧ». Однако достоинства страницы этим не ограничиваются.

Используя флеш-анимацию, создатели сайта в каждом его разделе поместили видео с самим Минаевым. Благодаря этому им удалось симитировать не только эффект живого общения, но и воссоздать атмосферу, подобную духу картины «Клетка», где главные герои оказываются в сознании психопата.

Оформление сайта выдержано в темных тонах. Стилистика заставок

напоминает компьютерные эффекты из фильмов ужасов. При этом мрачная эстетика соседствует с ироничными ремарками из серии «Всем чмоки в этом чате» или «Где-то в Южном Бутово».

«Привет! Если ты здесь, значит, тебе уже есть 18 лет. Если тебе нет 18, это – твои проблемы, я предупреждал тебя об этом. Меня зовут Сергей Минаев. Многие по глупости или недомыслию именуют меня писателем. На самом деле я порнокритик, актер второго плана и журналист. На этом сайте ты найдешь все обо мне», – приветствует Минаев посетителя на главной странице.

На сайте представлено пять разделов – «Проекты», «О себе», «Медиа», «Контакты» и «Новости». В разделе «Проекты» любители творчества Минаева могут услышать его радиопередачу, почитать статьи и посмотреть выпуски телепрограммы «Игры идиотов». В каждом из разделов оформление курсора меняется на изображение карандаша, обрезанного пальца, мухи или кастета.

Сам Сергей Минаев оценивает свой сайт на твердую пятерку и убежден, что тот не останется незамеченным. Уже в течение первого часа работы страницу успели посетить более 5 тыс. пользователей Интернета.

«Этот сайт планировался как социокультурное пространство, сделанное с определенным юмором, и уже сейчас у нас есть все основания считать, что он станет сайтом года в Рунете, – рассказал Сергей Минаев корреспонденту газеты ВЗГЛЯД. – Над нами изначально довлел тот факт, что мы не могли сделать не-лучший сайт, потому что образ Минаева достаточно растиражирован, и все его проекты всегда упаковываются хорошо. Поэтому перед нами стояла задача повышения планки».

Как признался Минаев, особенно он горд реминисценциями на тему гангста-рэпа и картины «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», которые также присутствуют в оформлении сайта.

Созданием страницы занималась студия Deluxe Interactive. Эта компания специализируется на разработке промо- и корпоративных сайтов. Автором идеи и дизайнером выступил Степан Бурлаков.

По словам Бурлакова, работа над сайтом шла с августа. Никаких специальных концепций его авторы не составляли. Именно этим и объясняется архаика минаевского мира.

«Все рисовалось как на духу, по мере появления слоев в Фотошопе. Стилистику, в которой выдержано оформление сайта, можно охарактеризовать словом «трэш», – рассказал Бурлаков в интервью газете ВЗГЛЯД. – Мы намеренно пытались отойти от рамок «красивости» и гламура. В каком-то смысле, наш сайт – это вызов тому совку, который продолжает править сознанием многих россиян. Получился дарковый (от англ. Dark – темный – Прим.) мир Сергея Минаева. При этом работать с ним было очень приятно. Он практически не вмешивался в рабочий процесс. Сергей пришел к нам

и сказал: «Сделайте, что хотите». Собственно, этим мы и занимались, только обсудили с ним пару моментов».

Единственным минусом сайта стало его главное достоинство – насыщенность медиа. Поэтому при его просмотре могут возникнуть проблемы у владельцев маломощных компьютеров. Одним из условий нормального функционирования страницы является наличие на компьютере последней версии флэш-проигрывателя и высокая скорость Интернета.

Сергей Минаев о своем новом телеканале «Я не хочу делать междусобойчик на кухне для людей, которые сидят в «Бонтемпи» с айпэдами»¹⁶⁰

Телеведущий Сергей Минаев обещает запустить в ноябре собственный интернет-телеканал наподобие американского Comedy Central. «Афиша» узнала у Минаева подробности его превращения в медиаменеджера.

— Этот канал — чья это идея?

— Придумал его я. Я начал делать «Минаев Live» в мае прошлого года с прицелом на то, чтобы его наращивать постепенно, чтобы выйти на масштабное вещание. И есть мой партнер Артак Гаспарян, который «Comedy Club» делал.

— Он всегда был партнером «Минаев Live» или появился позже?

— Он практически сразу после старта появился. Он начал делать развлекательные форматы в сети, и в конечном итоге в прошлом марте мы нарисовали с ним историю, он нашел инвестиции, и мы начинаем делать вещание в ноябре месяце. Это будет интернет-канал, у него будет название, у него будет свой сайт, и на нем будет телевидение прямого вещания. Какие-то там шоу, которые мы будем снимать, развлекательные или музыкальные, часть из них будет записного характера, но в основном это будет прямой эфир с новостями, политикой, социалкой, музыкой, со всеми блоками, которые закрывают аудиторию от 16 до 45 лет.

— Уже известно, кто кроме тебя будет вести передачи?

— Я не могу тебе сказать, потому что у нас сейчас идет серия переговоров, и люди, которых мы привлекаем, — пока переговоры не закончены, мы не можем афишировать это.

— Такой канал — это дорого? Хотя бы порядок сумм назови.

— Это в разы, в десятки, в сотни раз дешевле федеральных телеканалов, это, конечно, гораздо дешевле любого телевидения, но это удовольствие — не пять копеек.

— А деньги чьи?

— Частные инвестиции. То, чем Гаспарян занимался — у него же индустрия. Человек, который сделал «Самый лучший фильм» и так далее. Деньги его продюсерской компании. И мы планируем сделать эту вещь с окупаемостью в трехлетнем цикле.

— Три года гарантированно будет существовать канал?

¹⁶⁰ <http://gorod.afisha.ru/archive/sergey-minaev-o-novom-telekanale/>

— Фиг его знает, но мы хотели бы, чтобы у нас произошел хороший старт и мы через полгода вышли бы уже на хорошую планку вещания. Аудитория всякая может быть, никто же ничего не может гарантировать. Но по финансовой модели у нас трехлетний цикл.

— Я правильно понимаю, что канал ориентирован буквально на тех людей, которые выходят на Болотную площадь? На «молодых, умных, мыслящих зрителей, у которых нет рамок».

— Он ориентирован... Ну как объяснить? Люди, которые смотрят юмористические программы, они, наверное, тоже в каком-то количестве выходят на Болотную. Это телевидение, которое будет развлекать и информировать. Канал будет ориентирован на всех, кто захочет его смотреть. Я себе не ставлю задачу попасть конкретно в аудиторию, которая выходила на митинг. Для меня зритель в этом контексте — это единица, которая потребляет информацию. Стилистически я хочу приближаться, конечно, к вещам, которые лучшие по качеству картинки. То, что в интернете сегодня существует, не имеет телевизионной картинки. Мы будем делать такую историю, которая максимально приближена к западным вещам.

— Знаю людей, которые приходили на «Минаев Live» именно как в гости к Кремлю. Для очень многих очевидно, что ты ангажирован Кремлем и занимаешься пропагандой.

— Если ты пересмотришь мои эфиры, я не помню, чтобы я там куда-то призывал или что-то пропагандировал. Мы с собеседником всегда говорим о нем, а не обо мне. Нет ведь этого — «Вы знаете, я считаю, что вы неправы и должны думать совсем по-другому». Так что я бы не говорил о пропаганде вообще.

— Но ведь важно, как тебя воспринимают, репутация.

— Когда мы говорим о том, как меня воспринимают, я могу через сорок минут прислать тебе опросный лист, в котором ты будешь нарисован обычной кремлевской мурзилкой. Вопрос восприятия — это вопрос двадцати пяти московских журналистов, а я хочу на канале получить аудиторию 250 тысяч минимум. Мнение этих двадцати пяти журналистов для меня абсолютно не имеет значения. Для меня все продукты, которые я делаю, от книг до телевидения, ориентированы на мнение потребителей моего продукта, читателей и телезрителей, а их несколько миллионов, и о тебе они имеют слабое представление. И о тех, кто популярен в узких пределах трех тысяч читателей в твиттере. Эти люди пишут про себя, для себя и сами это читают. Вот это я не хочу делать. Междусобойчик на кухне для людей, которые сидят в «Бонтемпи» с айпэдами, я делать не буду, мне это просто неинтересно.

«Все продукты, которые я делаю, от книг до телевидения, ориентированы на мнение потребителей моего продукта, а их несколько миллионов»

— Но есть же какие-то люди, которых можно назвать по именам, мнение которых для тебя важно? Если они скажут: «Старик, это круто», ты обрадуешься. Есть такие люди?

— Мне было бы безусловно приятно, если бы это говорили люди уровня, например, Картозии, уровня Ксении Собчак. Мне было бы приятно, если бы что-то сказали люди, к которым я прислушиваюсь. А если мне сегодня напишет человек, какой-нибудь там Моркво (шеф-редактор W-O-S Роман Федосеев. — *Прим. Ред.*), который сегодня что-то написал, и я о нем впервые в жизни услышал — его мнение мне не интересно совсем.

— Как удалось Красовского (Антон Красовский — бывший журналист НТВ и руководитель предвыборного штаба Михаила Прохорова, участвует в запуске канала. — Прим. Ред.) заполнить на этот канал? Он с тобой никогда не ассоциировался.

— Но проработали года два с половиной на НТВ вместе.

— Но в разных дирекциях (Сергей Минаев работал в дирекции общественно-правового вещания НТВ, производящей разоблачительные фильмы о врагах Кремля, Антон Красовский — в дирекции праймового вещания, производившей «Центральное телевидение» и «НТВ-шников». — Прим. Ред.).

— Да, но мы же общались. И с ним, и с Картозией, и с Евдокимовым (бывшие руководители дирекции праймового вещания НТВ. — Прим. Ред.), у нас хорошие отношения.

— В работе над «Минаев Live» принимала участие компания «Телемаркер» (подрядчик Ростелекома, «Телемаркер» организовывал онлайн-вещание с помощью веб-камер на всех избирательных участках страны во время президентских выборов в марте. — Прим. Ред.). Она участвует в новом канале?

— «Телемаркер» — это компания, которая осуществляла все вещание «Минаев Live» в течение года, и эта история продолжится. Что касается канала, мы сейчас думаем над тем, кто будет обеспечивать сигнал и трансляцию. Сейчас идет процесс переговоров, в том числе с «Телемаркером». Это вопрос абсолютно экономический.

— Ты не скрываешь, что общаешься с Сурковым. Канал с ним обсуждал?

— Я с Сурковым этот канал не обсуждал. Насколько я понимаю, Сурков за телевидение и за внутреннюю политику не отвечает с декабря прошлого года.

— Тогда с кем из Кремля ты обсуждал канал?

— Я не вел никаких консультаций. А зачем? Прийти и сказать: «Привет, мы будем работать против вас — или за вас?» Для меня это вещь, к которой я шел последние полтора года. Федеральное телевидение — это тот формат, который для меня, во всяком случае, постепенно угасал. Доли падают, я не очень понимаю аудиторию, которая это смотрит. Я до сих пор не понимаю — по 400 пиплметрам довольно сложно сказать, кто тебя смотрит, когда тебя смотрит полтора миллиона человек. «Минаев Live» — это продукт, который я всегда хотел делать. Я хочу делать новые медиа.

Тётя Ася идёт в жопу! (Манифест новых медиа)¹⁶¹

За столом переговорной, напротив меня, сидел молодой с горящими глазами и тихим голосом. В моём детстве так выглядели супергерои и суперзлодеи, только в те времена они ещё не носили бейсболку с логотипом Apple.

От всех знакомых мне молодых интернетчиков Павла Дурова отличало одно — за весь наш часовой разговор он ни разу не произнёс фраз типа «объём прибыли», «рекламный бюджет» и идиотское слово «стартап». Он был увлечён идеей, а не бабками.

После посещения дуровского офиса я забежал в «Дом книги», прослонулся там полчаса и, уже на выходе, столкнулся с плакатом, гласящим, что «книги такого-то автора —

161 Частный корреспондент. // http://www.chaskor.ru/article/tetya_asya_idet_v_zhopu_manifest_novyh_media_23268

читают все!». Я не читал книг этого автора и, видимо, не прочту. Потому что никогда не хотел быть как «все». И несколько человек, отводящих глаза, проходя мимо плаката, тоже не хотели быть «всеми».

«Реакционная прослойка есть везде и всегда. Другое дело, что когда у тебя 24 млн пользователей, которые ежедневно заходят на сайт, и из них один миллион настроен консервативно, второй — прогрессивно, а ещё двадцать — сами не знают, чего хотят (или думают, что не знают), это усложняет процесс привыкания. Но потакать консерваторам нельзя. Пользователи настаивают на конкретных решениях, но часто не осознают, собственно, самих проблем»¹⁶².

В тот момент я подумал, что социальные сети, подобные «Вконтакте», сделали самое страшное. Они уничтожили сам фундамент традиционных медиа — понятие «основная аудитория», бессмысленное обобщение «всех со всеми».

Во времена, когда деревья были большие, а курс доллара маленьким, мы любили телевизор, читали глянцевые журналы и слушали радио. Для того чтобы рассказать о себе, достаточно было сообщить, что ты смотришь НТВ или MTV, читаешь «ОМ» и слушаешь «Станцию». Идентификация занимала менее минуты. Ты был тем, какие СМИ ты выбирал.

Потом в стране появилось больше бабок и меньше смыслов. Все вдруг захотели ипотечный кредит сегодня, работу старшего финансового контролёра завтра и увлекательную статью про то, какие лучше выбирать частные самолёты, лодки и спортивные машины.

Медиа моментально отреагировали на годы всеобщего достатка и стандартизировались. Каналы стали показывать одинаковые шоу, одинаковые сериалы и ставить одинаковую музыку. Между всем этим транслировалась одинаковая реклама. Потребитель перестал быть личностью. Независимо от пола он стал «домохозяйкой между 38 и 45, со средним достатком и средним образованием». Это же подтверждал старик Гэллап, отправляя всем нам глобальную тётю Асю.

Чуть позже деньги почти закончились. Ипотечные кредиты отдавать стало труднее, а старший финансовый контролёр с зарплатой в 3 тыс. долларов так и не собирал себе на спорткар. Потребитель оглянулся и понял, что всё это время его как-то некрасиво разводили, заставляя поверить в то, что он часть «аудитории молодых, энергичных и успешных». Массовые образы перестали покупать.

Газеты стали пачкать руки, телевизор — мозги.

Все эти телеканалы, радиостанции и глянцевые журналы стали брендами ни для кого. Человек больше не хочет ассоциироваться ни с чем, кроме собственной публичной страницы. Это его личное пространство и его личная медиасреда. В сущности, сбылось предсказание Маршалла Маклюэна. Человек человеку больше не друг, товарищ и волк. Человек человеку — медиа.

Традиционные СМИ стали коллективным вуайеристом. Вы вынуждены смотреть на то, как кто-то отчаянно пытается привлечь ваше внимание к неинтересной вам теме. Более того, этот кто-то старается задавать за вас вопросы и делать за вас выводы.

Но современный человек просто не умеет потреблять контент, автору которого он не может в ту же секунду написать: «Эй, придурок, всё не так, как ты тут изображаешь. Всё

162 Михаил Равдоникас: «Развиваться нужно в глубину»

по-другому. Вот пруфлинк».

Те же, кто лишён этого зуда в пальцах, каждую секунду уносятся ещё дальше во вчера. Этим нужно непременно «пожениться» днём, пособолезновать ранимой душе очередной доярки из Хацапетовки вечером, потом позевать перед новостями и ближе к ночи окунуться вместе со своей второй половиной в удивительный мир «ментов без упрёка». Их не лишают выбора, диалога и анализа. Им это просто не нужно. Они хотят, чтобы «ящик» в очередной раз сделал им красиво.

И медиа делают. Безысходно трепыхаясь в попытке привлечь внимание их кошечек лакированными авто с минимальным кредитом, пенными быдло-лозунгами очередного пива для самых умных и старушечьими пальцами, томно комкающими плохо скроенную рубашку с вечным пятном фальшивого кетчупа.

Я не пью пива, не интересуюсь кредитами, а вкрадчивый, «тёплый голос, ассоциирующийся с домашним уютом» вызывает у меня ослабление эрекции (мне уже 36). Проблемы пятен, исчезающих после первой стирки, слегка неактуальны для моих рубашек, выбрасываемых после того, как чья-то губная помада ложится на воротник. И меня оскорбляет сама мысль о том, что подобная реклама ставит меня в один ряд с придурками, которых всё это интересует.

«Вконтакте» сегодня уже стала чем-то вроде инфраструктуры информационного общества в России, причём именно в той аудитории, которая имеет самое большое значение, — среди тех, кто это будущее строит и собирается в нём жить. В этом смысле обвинения в наживе на нелицензионном контенте — типичный пример искривлённого восприятия, характерный для посредников, которых общество знания выталкивает на второй план, вон из бизнеса. По моим впечатлениям, контент, размещённый пользователями, уж точно не рассматривается создателями сети как инструмент «привязки» аудитории и источника доходов. Скорее уникальным предложением сети для аудитории является доступ к знанию во всех его формах, и убрать его — значит в сегодняшних условиях обокрасть всех».

Я больше не хочу монологов, мне нужна полемика, мне неинтересны «Новости», я узнаю утром из «Твиттера» то, что они собираются рассказать мне вечером. Я не нуждаюсь в музыкальных нарезках, у меня свой плей-лист. А самое главное, я хочу, чтобы медиа разговаривали лично со мной. Предлагали мне форматы, бренды и ресурсы, исходя из того, что написано обо мне в Сети, а не из того, кем, по мнению их пузатых аналитиков, я являюсь. Более того, мне приятно узнать, что форматы, которые я приобрёл, вместе со мной используют Рассел Брэнд или Конан О'Брайен. Люди моей социальной стаи.

Стаи, в которой ты остаёшься самим собой, будучи при этом ассоциированным с определённым клубом по интересам. Это стая павлинов, позволяющая разглядеть в деталях уникальный рисунок на хвосте каждого.

Мир меняется. Вчера, для того чтобы поговорить с каждым из нас, достаточно было поговорить со всеми, теперь, чтобы донести идею до всех, приходится сначала переговорить с каждым лично. Информация начинает персонифицироваться. Медиа локализуются, рождая эмоцию. Таргетинг формирует пространство, в котором аудитория совершает эмоциональный выбор.

Радиослушатели кончают от того, что слышат привет или признание в любви, адресованное конкретно им. Так вот таргетинг — это привет, который медиа посылают лично Васе из Бирюлёва, предварительно вычислив его по интересам, увлечениям, месту работы и социальному статусу.

Теперь ты будешь выбирать собственную тётю Асю. Окажется ли она блондинкой или брюнеткой, грудастой или нет, всё зависит от того, какие фильмы висят у тебя в разделе «Мои видео». Она может оказаться даже накачанным негром, если ты захочешь.

Медиа больше не хотят разговаривать со всеми. Входя в твою интимную зону, они намекают, что хотят говорить лично с тобой, чувак. Кроме того, они готовы слушать твои комментарии и пожелания. И даже принимать их к сведению. Современные медиа — это медиа посланий и коммуникаций (привет, Маршалл, ещё раз).

Безусловно, теперь, чтобы делать новости, шоу или рекламу для конкретных социальных групп, приходится работать мозгами, создавая уникальные креативные образы. Впрочем, у традиционных СМИ всегда есть выбор — сдохнуть, ничего не меняя.

Рушатся штаб-квартиры телеканалов и газет, а над всем этим несётся песня Pixies — Where is my mind. И это не песня под финальные титры. Просто парень из Ростова записал свою кавер-версию, а 3 млн пользователей посмотрели её на YouTube. Тётя Ася должна будет завтра прийти к ним, одетая в чулки и бельё Agent Provocateur. Или идти в жопу.

«Честный понедельник» с Сергеем Минаевым.

Россия – светское государство¹⁶³ (Эфир 03.10.2011)

Кто в первую очередь должен меняться – Церковь или общество? Кто должен быть моральным камертоном в обществе?

Жанр: Ток-шоу

Продолжительность: 00:45:11

Ведущий: Сергей Минаев

Описание: Каждый выпуск новой дискуссионной программы «Честный понедельник» будет посвящен одной из самых острых тем завершившейся или наступающей недели.

Главными героями станут не переходящие с канала на канал «говорящие головы», а настоящие люди со своими насущными проблемами — рядовые россияне, попавшие в сложную жизненную ситуацию. В поисках выхода из, казалось бы, безвыходного положения им будет помогать ведущий шоу Сергей Минаев — известный писатель и публицист, автор романов-бестселлеров «Духless» и «Media Sapiens».

Он будет отстаивать интересы не только главных героев, но и всех, кто оказался в похожей ситуации.

Описание выпуска: В эфире программы роль Русской Православной церкви в жизни России обсуждают протоиерей Всеволод Чаплин, журналист Александр Невзоров, режиссер Николай Бурляев, писательница Татьяна Устинова, писатель Александр Никонов

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Добрый вечер, в студии Сергей Минаев и программа «Честный понедельник». Какие книги несут нам вред, как надо одеваться нашим женщинам, и как

¹⁶³ Источник: <http://www.pravmir.ru/chestnyj-ponedelnik-rossiya-svetskoe-gosudarstvo/>

бороться с пропагандой различных пороков. Об этом публично высказывались в последнее время разные представители русской православной церкви. Все они явно обеспокоены моральной деградацией российского общества. Не слишком ли далеко выходят они за церковную ограду, и неужели церковь всерьез решила взвалить на себя еще и бремя государственных забот, об этом мы поговорим сегодня с гостями нашей передачи: протоиереем Всеволодом Чаплиным, писателем Татьяной Устиновой, кинорежиссером Николаем Бурляевым, журналистом Александром Невзоровым, он находится в нашей студии в Санкт-Петербурге.

Добрый вечер, дамы и господа. Отец Всеволод, вы на прошлой неделе стали главным ньюсмейкером, ваше интервью радиостанции «Русская служба новостей» стало, скажем так, истолковано как попытка русской православной церкви проштудировать мировую литературу. Звучали имена Маркеса, звучало имя Набокова, и мы сделали такой небольшой соцопрос, наш корреспондент Сергей Гвоздев сделал сюжет о том, как читатели в книжных магазинах реагируют на попытки литературной цензуры. Давайте посмотрим сюжет.

- Что касается «Лолиты» и других произведений, не слишком ли много берут на себя люди, которые это запрещают?

- Лично я своим детям, у меня как раз дочери, я бы своим детям не рекомендовал.

- Те люди, которые усмотрели в «Лолите» конкретно, пропаганду педофилии, у них что-то с мозгами конкретно неправильно. Потому что нет там педофилии никакой.

- Если говорить о молодежи, то естественно, она несет какой-то посыл, который молодежь может неправильно понять.

- Как классику принимать я бы не стала. Чему научит? Тому что нужно искать взрослого мужчину?

- Вот у меня растет дочка, мне гораздо важнее кажется ей объяснить потом, что такое плохо и что такое хорошо, нежели запретить и она потом найдет сама, где-то что-то прочитает, и что потом из этого вырастет, я не знаю.

- Запрещать читать нельзя. Если ребенок читает, то это уже хорошо.

- Если в каждом произведении начинать выискивать что-то неприятное, то наверное, и в сказке «Репка» тоже можно увидеть что-нибудь такое неинтересное, потому что бабка за дедку, дедка за репку.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, все-таки, чтобы установить истину, вас неправильно истолковали, вас неправильно поняли? Или действительно вы считаете, что некоторые книги представляют определенную угрозу для морально-нравственного воспитания?

Всеволод ЧАПЛИН, протоиерей, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества: Начнем с того, что главной темой моего интервью была деятельность господина Делягина, это преподаватель, который создал учебник, изучавшийся в вузах системы МВД, и там откровенно оправдывается педофилия, говорится о том, что хорошо платить мальчикам за секс со взрослыми, что мальчики позитивно оценивают секс со взрослыми, имеют на это право, и права

педофилов будут развиваться также, как и права гомосексуалистов.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Да-да, там еще был акцент, что педофилы стоят в самом начале пути, который прошли уже гомосексуалисты и лесбиянки.

Всеволод ЧАПЛИН: То есть в нашем обществе раньше действовало педофильское лобби, а теперь ведется открытая пропаганда педофилии и ее оправдание. Вот в контексте этого разговора, который замотали из-за истории с Маркесом и Набоковым, я ответил на вопрос журналиста, который спросил: «А как же быть с Маркесом и Набоковым, что же теперь нам от них отказаться?» Я сказал: «Нужно изучить эти произведения еще раз». А изучить их действительно можно, потому что очевидно, что по крайней мере в романе «Лолита», романе, который сделал какого-то малоизвестного писателя вдруг, в одночасье, звездой, после того как порнографическое издательство «Олимпия» опубликовало этот роман, именно так, господа, и никак иначе, так вот, после того, как он стал звездой, этот роман почему-то стали воспринимать как прорыв в свободу. А на самом деле он просто романтизирует печальную ситуацию одержимости, одержимости греховной человека, которая разрушила его жизнь. Мы не можем сегодня говорить о том, действительно ли в романе сделаны должны выводы. Судьба этого человека несчастна и это показано правдиво, потому что судьба любого такого человека несчастна, если он не справляется с этим грехом, в то же самое время роман стал использоваться пропагандистами максимальной свободы в отношении полов и использоваться как пример того, что педофилия это хорошо и нормально. Это нехорошо и ненормально.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Александр Глебович Невзоров скорбно вздыхает в нашей питерской студии. Александр Глебович!

Александр НЕВЗОРОВ: Я не скорбно вздыхал, я скучал откровенно.

Всеволод ЧАПЛИН: Сейчас повеселимся.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Пожалуйста, Александр Глебович.

Александр НЕВЗОРОВ: Пожалуйста? Да ты бы для приличия какой-нибудь вопрос задал.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Так я думал, что у вас какая-то реплика готова.

Александр НЕВЗОРОВ: Да нет, я просто смотрю внимательно, слушаю в очередной раз Чаплина в рясе и понимаю, что вот не в состоянии эта организация преодолеть свою сектантскую сущность. Потому что вот это вот остервенение рефлекторное, которое прорывается в отношении той или иной ипостаси мировой культуры, оно всегда при них. Они причем понятно, что театр и они играют определенные роли, и сейчас они играют определенные роли. Понятно, что на самом деле наибольшее удовольствие эта встреча доставит Чаплину, потому что это чудесная реклама для торговли свечками, которая на самом деле является подлинной целью и для этих заявлений тоже.

Всеволод ЧАПЛИН: Я аплодирую Невзорову, это лучшее лицо атеизма. Пусть всегда атеизм будет иметь такие лица, как у Невзорова.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Поясните Александр Глебович, почему прикрытие для торговли свечками?

Александр НЕВЗОРОВ: Ну, потому что неужели вы всерьез верите во весь этот театр и во все эти разговоры о какой-то высоте, о какой-то духовности и о том, что

нашлась группа людей, которая вдруг объявила себя учителями, которая вдруг объявила себя, присвоила себе название «учителя», «владыки», «пастухи». И вот они собираются нас каким-то образом учить нравственности, хотя неплохо им было бы оглянуться на собственную организацию и посмотреть, что творится в ней, и что явилось не каким-то разовым случаем в этой организации, а что является глубокой укоренившейся традицией.

Всеволод ЧАПЛИН: Конкретные примеры дайте, пожалуйста.

Александр НЕВЗОРОВ: Конкретные примеры? Я просил их подобрать, но конкретные примеры вы можете освежить в памяти, посмотрев запись, по-моему, «Открытой студии» Пятого канала, мне надоело перечислять педофилов в рясах.

Всеволод ЧАПЛИН: Кто является педофилом в рясах, назовите имя, пожалуйста. Вы лжец, потому что вы не можете назвать ни одного имени.

Александр НЕВЗОРОВ: Я уже назвал все эти имена, но вы опять...

Всеволод ЧАПЛИН: Вы много выступаете, но вы не назвали ни одного имени.

Александр НЕВЗОРОВ: Нет, я назвал Талинского Александра, я назвал всех тех, кто уже был осужден по судебным процессам, я назвал всех, кто находится под следствием.

Всеволод ЧАПЛИН: Когда? Дайте имена и доказательства. Вы их никогда не приводите.

Александр НЕВЗОРОВ: Хорошо, я вам пришлю все эти имена и доказательства.

Всеволод ЧАПЛИН: А пока я считаю, что вы лжец. Потому что вы не приводите ни имен, ни доказательств.

Александр НЕВЗОРОВ: Вы знаете, для того чтобы уличить во лжи священника, даже не надо называть его лжецом. Он лжец просто по определению, по роду профессии.

Всеволод ЧАПЛИН: Лучшее лицо атеизма. Ура, Невзорову!

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Татьяна, вот в твоей жизни присутствие РПЦ мешает или помогает, вмешивается ли она в твою работу как литератора, как женщины.

Татьяна УСТИНОВА, писатель: РПЦ – ты имеешь в виду Русскую православную церковь? Я очень не люблю это сокращение, потому что это похоже на ЦК КПСС, согласись. В моей жизни кроме экзотических заявлений Всеволода Чаплина, он сделал много экзотических заявлений, которые нас всех веселят. Мы веселимся. С Сашей Невзоровым я абсолютно согласна, что это, видимо такая реклама, попытка привлечь внимание не к церкви, Боже сохрани, церковь – это такое место, к которому я отношусь с глубочайшим уважением, к институту церкви. Но достаточно в общем двусмысленные, что юбки, что сейчас давайте мы Набокова перечитаем. Чего перечитывать Набокова? Гениальный писатель, сюжет в этом романе вообще ни при чем. Это просто проза. В моей жизни как такового присутствия нет. Мы не православная семья, и мы стараемся поддерживать традиции как абсолютное большинство людей в этой стране, на Пасху и на Рождество. Но я не готова принять сейчас какие-то установки, которые мне навязывают. В чтении ли, в воспитании детей, несмотря на то, что у меня два мальчика, для того, чтобы это принимать, надо начинать от царя Гороха воспитание. А у нас, ребята, у нас глава русской православной церкви со времен Петра назывался оберпрокурор. Кто-нибудь это помнит? В городе на Неве, у Невзорова, Сенат и Синод, два здания рядом расположены. Прошло с тех пор, как отменили оберпрокурора, всего несколько десятилетий. С моей точки зрения, церковь пока еще, к сожалению, не может разобраться сама с собой.

Всеволод ЧАПЛИН: Может.

Татьяна УСТИНОВА: Поэтому она разбирается со мной и с литературой.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Николай Петрович, у меня к вам вопрос. Вы не раз заявляли, что вы не удовлетворены положением Русской православной церкви в обществе, вы считаете, что обществу надо признать ее главенство. Вы не опасаетесь, что против таких заявлений будут не только оголтелые атеисты, но и представители других конфессий?

Николай БУРЛЯЕВ, народный артист России: Я не опасаюсь этого. Это лично мое мнение. Я считаю, что все наши беды, нашего государства, еще в прошлом веке, пошли с того периода, когда государство отделилось от церкви. Тем самым, оно отделилось от народа, от православного народа, которым и была вся Россия. Оттуда и пошли все беды. Я не согласен с отцом Всеволодом, который как-то очень ласково определил Александра Невзорова, как «вот вы видите лицо атеиста». Нет, дорогая страна, ты видишь лицо беса, через Александра говорит сейчас бес.

Всеволод ЧАПЛИН: Это в принципе одно и то же. Атеизм и бесовщина всегда были очень близко связаны.

Николай БУРЛЯЕВ: Так что я считаю, вполне возможно было бы учесть это мое личное мнение, видимо отец Всеволод его тоже не поддержит, было бы полезно учесть опыт братьев наших, белорусов, которые законодательно ввели приоритет православной веры в государстве, сделав ее государствообразующей.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А вас не смущает то, что у нас есть ислам?

Николай БУРЛЯЕВ: Не смущает, потому что Русь-то наша, она православная. И православие относится ко всем религиям абсолютно терпимо.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Александр Глебович, пожалуйста.

Александр НЕВЗОРОВ: У меня вопрос к Тане. Танюш, смотри, подожди. Вот ты говоришь, что ты относишься к церкви с большой симпатией, к церкви некоей такой вот в безвоздушном пространстве и чисто гипотетической, да? Вот скажи мне ты, как умнейший человек, любая организованная религия чему учит в первую очередь?

Татьяна УСТИНОВА: Послушанию, конечно.

Александр НЕВЗОРОВ: Фигня. Она в первую очередь учит злобе и нетерпимости ко всем, кто думает иначе, ко всем, кто на миллиметр осмеливается уйти от тех стандартов, которые люди, называющие себя владыками, учителями и пастухами предлагают себя в качестве абсолютных догм и незыблемости.

Николай БУРЛЯЕВ: Это где же, дорогой Александр, ты прочитал подобное?

Александр НЕВЗОРОВ: Я это прочитал в Евангелии, например. Например, в XIX главе Евангелия от Луки, стихи, если не ошибаюсь, 26-28, это слова Иисуса: «Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а неимеющему отнимется и то, что имеет. Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избежите предо мною. Сказав это он пошел далее, восходя в Иерусалим. Лука, глава 26-28».

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Коллеги, давайте только мы сейчас эфир в богословский спор превращать не будем.

Александр НЕВЗОРОВ: Я удивляюсь, когда я сталкиваюсь постоянно с исключительностью христианской злобы. И я могу сказать, что злобность, нетерпимость и

ненависть, я уже не говорю даже про их исходную книгу, которая есть просто учебник экстремизма, я имею в виду Библию, которая основана на пропаганде национальной и расовой нетерпимости, религиозной нетерпимости и постоянных призывов к открытым убийствам всех, кто осмеливается хоть чуть-чуть думать иначе.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, пожалуйста.

Всеволод ЧАПЛИН: Если Невзоров начнет учить любви и терпимости, я буду рад и очень ему благодарен.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, у меня вот какой вопрос. Прозвучало некоторое время назад ваше заявление о том, сейчас в студии, что церковь меняется, что церковь готова меняться. По большому счету, точка зрения господина Невзорова, она же не в его лице только представлена. Потому что о коммерциализации РПЦ говорят очень многие, потому что церковь не платит никаких налогов, насколько я помню?

Всеволод ЧАПЛИН: Она и не зарабатывает деньги для тех, кто составляет церковные структуры. Ведь на самом деле, в отличие от коммерческих организаций, средства церкви не распределяются среди тех, кто работает в церкви, они все возвращаются народу, все возвращаются людям.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Каким образом?

Всеволод ЧАПЛИН: Через то, что делают наши храмы, через то, что делают наши благотворительные учреждения, иные церковные учреждения. Понимаете, мы не делим средства, которые поступают в церковь, между священнослужителями.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Вопрос понимаете в чем, коммерция же только одна сторона. Церковь и русская православная церковь, в частности, это же очень закрытая структура и люди светские зачастую не знают, что там происходит. Вот вы, например, сказали, что материальные блага вы потом перераспределяете в духовные. Аргумент довольно спорный для нормального человека.

Всеволод ЧАПЛИН: Достаточно посмотреть, сколько церковь делает в той же социальной сфере. Практически все идет не в карман священнослужителям. Все идет на другие дела, которые вы прекрасно знаете, социальная работа церкви и книгоиздательство, и культура и многое другое.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Я же не аудитор, я сейчас хочу сказать не об этом, я сейчас о другом, просто оставаясь таким закрытым миром, вы, тем не менее, каждый раз выступаете с инициативами: по подъему нравственности, морали, естественно, это вызывает отторжение. Когда вы говорите, что церковь меняется, то такие диалоги они нужны, чтобы выяснить...

Всеволод ЧАПЛИН: Они, конечно, очень нужны. И открытость церкви гораздо больше, чем в любом государственном учреждении, гораздо больше, чем в большинстве общественных организаций, я уж не говорю о ряде коммерческих компаний, где вы вряд ли сможете узнать даже содержание решений, которые там принимаются. А вот говорить о нравственности церковь должна и будет, потому что для нее это главная обязанность. Мы не обязываем, мы не настаиваем, мы не проявляем насилия, слава богу, у нас нет ни армии, ни полиции, чтобы употреблять насилие для подтверждения наших взглядов, но мы должны говорить и мы будем говорить, и будем громко говорить о том, что распушенность поведения человека даже в одежде ведет к жизненным трагедиям.

Коррупция, преступность, употребление наркотиков, употребление алкоголя...

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Один Вопрос, отец Всеволод, очень важный вопрос...

Всеволод ЧАПЛИН: И это не просто мы говорим, это опыт веков.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, я как человек, который следит за тем, что происходит в информационной среде разных стран, был свидетелем, как и многие, скандалов, которые были в католической церкви. Которые были в коммерции, которые были связаны с педофилией. Тогда церковь говорила: да, были выявлены такие случаи, эти люди наказаны, либо людей осудили. У нас такие процессы есть? Я не слышал ни об одном процессе, когда церковь бы говорила: да, мы нашли беса в своем монастыре, мы готовы предать суду либо изгнать?

Всеволод ЧАПЛИН: Несколько таких процессов было, и наказывались эти люди, и подвергались церковному суду, который сейчас слава богу у нас работает, и это очень хорошо. Но заметьте, таких случаев в церкви не больше, а в разы меньше, чем в той же полиции, тех же коммерческих структурах, той же общественной организации, в тех же правозащитных организациях. Вы знаете, нехорошо хвалить свое болото, но все-таки у нас таких греховных случаев на порядок меньше, в сотни раз меньше, чем где бы то ни было еще. К сожалению, церковь это не общество святых, это общество спасающихся грешников.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Спасибо, отец Всеволод. Продолжение спора о том, кто в первую очередь должен меняться: церковь или общество, продолжим сразу после рекламы. Напомню, наши телезрители тоже участвуют в этой дискуссии, онлайн на официальной странице «Честного понедельника» vkontakte.ru. Увидимся сразу после короткой рекламы.

* * * * *

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: В прямом эфире «Честный понедельник» с Сергеем Минаевым. Я хочу обратиться к Александру Никонову, писателю, журналисту, Саша, возьми микрофон, пожалуйста. Вот заявления отца Всеволода о православном дресс-коде, о литературе, они лично тобой как воспринимаются? Как действительно попытка вмешаться в светское государство или как частное мнение церковнослужителя.

Александр НИКОНОВ, писатель: С дичайшим возмущением воспринимаются. По той простой причине, что церковь продает, как говорил Карл Маркс, опиум для народа. Она продает утешение, она продает смерть практически, утешение в смерти. Налоги они не платят. Вот тут сказал господин Чаплин, что они собирают пожертвования и распределяют. За то же самое Сергей Пантелеевич Мавроди отсидел 6 лет. Он тоже собирал пожертвования и распределял среди народа. А еще господин Чаплин просил педофилов ему перечислить православных, у меня вот тут целый список на 2 страницах, я даже, наверное, не буду их перечислять, это ведь не первый призыв церкви бороться с книгами, в 1866 году Иван Сеченов, гордость науки нашей, издал книжку «Физиология головного мозга». Церковь была так возмущена, что потребовала его посадить. По счастью, времена были уже не те, книжка была запрещена. И Пушкина запрещали вот эти церковники. Более того, когда я писал свою книжку «Религия как глобальный бизнес-проект», я гору литературы исторической проштудировал и куча данных по XV веку, XVI-XVII век, все эти данные свидетельствуют только об одном: все эти века народ церковь

яростно ненавидел, а церковь была рассадником педофилии, педерастии и скотоложества. Иван Грозный писал, обращаясь к монахам, что вы скоты, вы хуже скотов. Ломоносов писал, что монашество есть не что иное как черным платьем прикрытые блудодеяния и содомства, не говоря уже о детоубийствах.

Всеволод ЧАПЛИН: Еще одно лицо атеизма. Дорогой друг, доказательства, имена и доказательства: скотоложества, детоубийства...

Александр НИКОНОВ: Как интеллигенции было относиться к церкви... Да пожалуйста, смотрите: 2009 год Дмитровград, священник Спасо-Преображенского храма Барсеньев подозревался в совращении 50 несовершеннолетних...

Всеволод ЧАПЛИН: Есть решение суда? Есть доказательства? Или это все взято с вашего сайта, дорогой друг?

Александр НИКОНОВ: При чем тут сайт? Прошерстите интернет.

Всеволод ЧАПЛИН: Доказательства или решение суда? Значит, я еще раз говорю, я считаю, что вы лжец такой же, как и Невзоров.

Александр НИКОНОВ: Вот что пишет газета «Местный консилиум», Нижний Тагил: «На важные посты и храмы и монастыри нашей области сегодня епископы рукополагаются сексуальные извращенцы, поставляющие мальчиков для утех». И эти люди запрещают нам ковырять в носу, читать Набокова?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А вот в вашей личной карьере, когда вы говорите, что церковь вмешивается, вы какое-то давление сами испытывали? Вас не упрекали в педофилии, вам не запрещали писать, вас цензурировали?

Александр НИКОНОВ: А они могли, кстати, упрекать в педофилии, это запросто. Исторический опыт тому свидетельство.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Нет, все-таки в вашей личной истории, вам как-то это мешало? Ваше взаимодействие с церковью?

Александр НИКОНОВ: Я, как человек нормальный, в церковь не хожу. И мне лично это не мешает. У меня, как говорил таможенник, душа за державу болит.

Всеволод ЧАПЛИН: А вы можете критиковать библию, выступление святейшего патриарха. Ведь наверное можете? Имеете право. Точно так же я имею право критиковать и Набокова, и господина Делягина, который оправдывает педофилию, ну имею право.

Александр НИКОНОВ: О, теперь по поводу Делягина. Он не оправдывает педофилию. Это ученый, сексолог, который обрабатывает кучу сексологических данных, и говорит, что вред педофилии...

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Саша, давайте по учебнику, я выскажу свое частное мнение, я вообще очень сильно удивлен, почему его уволили с занимаемой должности только 25 сентября сего года. Как этот учебник вообще существовал. Если ты его читал, я настоятельно рекомендую почитать. Начиная от игривой обложки, картины Дали, до всех этих сентенций о том, что педофилы еще стоят в начале пути и т.д. На мой взгляд, это конечно, позор и вещь недопустимая.

Всеволод ЧАПЛИН: Там прямо говорится о том, что он дает положительную оценку предоставления мальчикам материального стимулирования для того, чтобы они имели секс со взрослыми мужчинами.

Татьяна УСТИНОВА: Но это к Маркесу-то отношения не имеет, в любом случае, отец Всеволод, никакого!

Всеволод ЧАПЛИН: И оценивается положительно...

Татьяна УСТИНОВА: Маркес тут при чем, нобелевский лауреат?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Кирилл Александрович Фролов рвется в бой, глава Ассоциации православных экспертов.

Кирилл ФРОЛОВ: Вы знаете, меня поражает уровень, я не побоюсь сказать, ниже всякого минимума, оппонентов и противников русской православной церкви. Оскорблять русскую церковь и русскую культуру может только глубоко невежественный человек. Более того, процитирую Невзорова, который не только ненавидит церковь, он всех нас ненавидит, и всех вас, дорогие телезрители. Он говорит: телевидение должно быть жлобским. Он причем не прикалывается, он всерьез об этом говорит. То есть, он вас считает жлобами, которыми нужно манипулировать и так далее. Что можно ожидать от человека, который высокому, красивому и спасительному учению церкви противопоставляет то, что лошадь во всем права, он серьезно это говорит, без иронии. Лошадь всегда права, лошади умеют говорить по-латыни, он уже чушь несет, и позор, что эта чушь воспринимается в качестве какого-то мнения, какой-то позиции, о чем тогда говорить?

Александр НЕВЗОРОВ: Вообще наблюдая за тем, как христиане любят проверять и все передергивать, я не удивляюсь тому, что они рассказывают, что у них кто-то там воскрес. Если лживость это вообще черта христианства, то значит это некоторая конфессиональная особенность и с ней надо считаться. Что касается лошадей, у нас разговор не о них, и весь скепсис и сарказм пожалуйста предъявляйте тем лауреатам нобелевских премий и тем физиологам, психологам начала XIX века, которые подтвердили, скажем так, нешарлатанизм опытов Краля, мы всего-навсего один раз их повторили. Речь совершенно не о лошадях, речь о том, что вот сейчас мы видим этих феноменально злобных, этих феноменально нетерпимых людей, которые, причем за наш счет хотят выстраивать свою церковь, за мой счет, за счет Саши Никонова, за счет еще миллионов людей, потому что они не хотят устанавливать кассовые аппараты, платить налоги, они хотят иметь огромную сеть нелегальной торговли золотом и серебром в виде крестиков, они не хотят платить налог за недвижимость и за землю.

Всеволод ЧАПЛИН: Когда в храмах появятся кассовые аппараты, мы назовем их невзоровками.

Александр НЕВЗОРОВ: Хорошо. Я согласен.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А по законодательству там должны быть кассовые аппараты?

Всеволод ЧАПЛИН: Нет, потому что там нет купли-продажи, есть пожертвования. Представьте себе в храме кассовый аппарат и Невзорова, считающего церковные деньги. Очень было бы интересно.

Александр НЕВЗОРОВ: Я подозреваю, что вам никакой Вольтер вместе с Фейрбахами и Геккелями и Дарвинами не так страшен, как маленький кассовый аппаратик в храме.

Всеволод ЧАПЛИН: Невзоров круче! Я за свободу слова для Невзорова и Никонова. Лучшие лица атеизма в Российской Федерации. Ура!

Александр НЕВЗОРОВ: Прекрасно. Вот давайте теперь этот глумлеж прекратим, я сейчас задам один простой вопрос: как вы думаете, какова рентабельность одной свечки?

Всеволод ЧАПЛИН: У нее нет рентабельности, потому что это жертвование. Свечка не приносит прибыли никакой тем, кто в храме работает. Она не приносит прибыли.

Александр НЕВЗОРОВ: Свечка стоит меньше одного рубля, а продается за минимум 15. Прибыль – полторы тысячи процентов.

Всеволод ЧАПЛИН: И, тем не менее, это не товар. Это жертва на храм. А можно жертвовать в связи со свечой или без связи со свечой.

Александр НЕВЗОРОВ: 1500 это почти рекорд, потому что рентабельнее только героин – 1600.

Всеволод ЧАПЛИН: Кто получает такую выгоду, как вы считаете?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, одну секундочку, я бы не хотел превращать сегодняшнюю дискуссию в суд над церковью, потому что я считаю, что права судить у нас нет, а право есть вот какое, вот на ваш взгляд, Александр Глебович, кто должен быть моральным камертоном в обществе?

Александр НЕВЗОРОВ: Вы знаете, моральным камертоном попыталась быть церковь, и когда мы говорим о церкви и о ее необходимости снова воссоединиться с народом, хотите я вам назову страну, где было 100% православных? Россия 1917-го года.

Всеволод ЧАПЛИН: Не 100. А большая часть элиты уже была неправославной.

Александр НЕВЗОРОВ: Нет, она была причащавшаяся, она была воцерковленная, она была прошедшая через все абсолютно законы божьи, она все знала всю эту поповскую демагогию...

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Александр Глебович, давайте в 2011 год вернемся. Вот у нас есть общество, которое есть, и есть церковь, есть интеллигенция, предъявляют претензии и к тем, и к другим, какие-то авторитеты должны быть у общества моральные?

Александр НЕВЗОРОВ: Вы знаете, они не годятся в качестве моральных авторитетов, потому что сейчас они прикидываются такими милыми и тихими зайчиками, но мы знаем, что они делают, когда получают свободу и власть. При всем моем уважении к Никонову, он немножко ошибся, книга называется «Рефлексы головного мозга», и Сеченова требовал петербургский митрополит Исидор сослать на Соловки на 2,5 года покаяния, тираж был действительно арестован. Когда им дают волю, мы видим то, что произошло в 1824 году в Казанском университете, когда архиепископ Казанский Амвросий благословил разгром анатомической кафедры и семинаристы Казанской семинарии побили все банки с препаратами, затем это все было погружено на подводы и под колокольный звон отвезено на кладбище, где было захоронено. Хотя в основном, препараты были сделаны из коз, мулов, ослов, собак и абсолютно деперсонифицированных людей, неизвестно какого вероисповедания. Мы помним, как они жгли Руссо, целыми тиражами в XVIII веке, мы помним, с какой страстью они уничтожали книги Геккеля, они его ненавидели еще больше чем Дарвина, я уж не говорю про Гельвеция, Гольбаха, все это запрещалось и уничтожалось.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Александр Глебович, а вы считаете, что сейчас возможно то же самое? Церковь будет жечь книги и высылать на Соловки?

Александр НЕВЗОРОВ: Я хочу вспомнить остервенелость православных.

Посмотрите, что является отличительной чертой их, прежде всего, злоба и дикая нетерпимость. Мы же не лезем к ним в церковь, рассказывать, какие им носить юбочки, как им бить в свои бубны, сколько им совершать хождений и на каком языке служить. Так пусть и они не лезут в нашу жизнь.

Всеволод ЧАПЛИН: Александр Глебович, если бы я сказал вам, что вы можете выступать только у себя дома, я ведь был бы не прав. Общественное пространство у нас общее, это не ваше пространство только и не мое пространство только. Давайте в этом пространстве спорить, разговаривать.

Александр НЕВЗОРОВ: Тогда постарайтесь меня сейчас услышать, я попробую не ерничать. Вот смотрите, наверное мы, люди, которые не принимают эту религиозную идею, очень бы хотели, чтобы не было вас. Вы, наверное, если говорить по совести, очень бы хотели, чтобы не было нас.

Всеволод ЧАПЛИН: Я же сказал, что я за то, чтобы вы были.

Александр НЕВЗОРОВ: Я сейчас стараюсь не ерничать. Попробуйте ответить тем же. Но нам, тем не менее, жить в одном государстве, и к тем трещинам, которые и так есть в этом обществе, вы добавляете во имя своего бизнеса еще одну, но уже абсолютно драматическую, потому что вы не годитесь ни в качестве национальной идеи, не в качестве ориентира нравственности, вы годитесь только в качестве некой субкультуры, если она будет находиться на своем месте, отведенном ей Конституцией, то к вам будут относиться, скажем так, терпимо.

Всеволод ЧАПЛИН: Считайте как знаете, но я хочу, на самом деле, я хочу, чтобы весь наш народ зажил нравственной жизнью. Чтобы он понял, что развал семьи и разврат – это несчастье и беда, что аборт – это несчастье и беда, что коррупция и преступность это несчастье и беда, что пропаганда той же педофилии – это путь в никуда. Знаете как, российское общество либо станет по-настоящему нравственным, радикально другим, радикально, по-новому нравственным, либо оно исчезнет, через 100 лет окончательно, а через 50 лет потеряет право быть суверенным источником власти в своей собственной стране.

Татьяна УСТИНОВА: Для того, чтобы оно стало окончательно нравственным, хотя тут непонятно, слово «окончательно». Окончательно, это что значит, когда мы вознесемся, мы станем окончательно нравственными? А сейчас мы еще не окончательно нравственные, а когда-то будем уже совсем нравственными. И прав абсолютно Александр, и в этом я с ним согласна, что создавание вот этих лишних препятствий к достижению нами нравственности, я не знаю, юбки, Маркес, Набоков это какая-то чепуха.

Всеволод ЧАПЛИН: Я согласен, что есть более важные вещи, чем юбки. Но юбки тоже важны.

Татьяна УСТИНОВА: Вы знаете, в чем еще на самом деле ужасно для меня, как для человека, безусловно уважающего церковь, не институт церкви, а религию и церковь, что для меня ужасно, у меня дети. С детьми я читаю сказки. Уважаемые радиослушатели и телезрители: кто главный отрицательный герой в русском фольклоре? Поп! Он пьяница, мздоимец, жадина, он никогда не делает, не выполняет своих обязанностей. Фольклору этому тысячу лет, может, чуть меньше. Но главный отрицательный персонаж, институт церкви, куда они продвинулся? Вот это эффективность.

Всеволод ЧАПЛИН: А куда нужно было двигаться по-вашему, интересно было бы знать!

Татьяна УСТИНОВА: Как куда двигаться? Влияйте на нас, на нашу нравственность.

Николай БУРЛЯЕВ: И скучно, и грустно, и некому руку подать. Какой устроили мы здесь, на НТВ шабаш, ток-шоу, видно это нужно каналу, чтобы вот так вот избивали публично церковь. Вы сейчас обмолвились о том, что как только церковь говорит о нравственности, о традициях, о духовности, это вызывает-де ярость. У кого ярость, у вас? У меня нет. Я как раз считаю, что очень мало говорит церковь. Она только начинает говорить. Ей заткнули рот вот такие вот люди, как Александр Глебович, он мне там видится в кожанке, с пистолетом Маузером, выполняющим приказ Ленина уничтожить как можно больше попов, изъять как можно больше ценностей, расстрелять.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Николай Петрович, а разве у нас нет права слушать или не слушать? Вы говорите, что у вас это вызывает ярость. У меня это ярости не вызывает, лично.

Николай БУРЛЯЕВ: Вы говорили, что это ярость вызывает, когда церковь говорит о нравственности.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: У некоторой части общества, безусловно, это вызывает ярость.

Николай БУРЛЯЕВ: Поправку принимаю. А почему? Чего плохого говорит церковь? Не убий, не укради, чти отца и мать, не прелюбодействуй и т.д. Выработало ли человечество что-то более гармоничное и приближающее нас к создателю, чтобы был мост с создателем, а не с бесом.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Когда это схимники говорят, то это все воспринимается истиной. А когда ты видишь, что люди ездят на «Мерседесах», носят часы дорогие...

Николай БУРЛЯЕВ: Ну если делает человечество «Мерседесы», почему не воспользоваться, почему?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: То есть, с одной стороны призывать к аскезе, с другой, от нее отказываться?

Николай БУРЛЯЕВ: А что, на телеге что ли ездить батюшке в дальние приходы?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Ну, часы можно было бы и поскромнее носить. Дайте ваш микрофон Евгению. Женя, у меня очень...

Николай БУРЛЯЕВ: Кстати, батюшки ездят и на телегах, потрясающий фильм я видел, там батюшка едет на телеге, и вдруг, у нее отламывается колесо, и он говорит: А представьте, что это был бы «Боинг»? вот я прикручу его сейчас железкой и гарантия 3 года, и я доеду. А если бы там «Боинг»?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Женя, у меня вопрос очень простой: Интеллигенция и представители церкви, православной церкви, представители ислама. Каким-то образом консенсус может быть достигнут?

Евгений ПОНАСЕНКОВ, режиссер: Все на самом деле очень просто и не надо себя обманывать. Русская православная церковь, в данном случае, в лице товарища Чаплина, они все скрывают этот криминал с отсутствием кассового аппарата под юбкой «Лолиты». Это очевидно. И мало того, что у них нет кассового аппарата. Мало того, что нет у них кассового аппарата, они торгуют золотом, на золоте часто нет пробирной палаты, и люди нищие потом несут это золото в скупку, которое они в церкви без кассового аппарата

купили, там им говорят, что там недостаточно золота в этих золотых предметах. Так вот, вы учтите, что потом когда, как в 1917, вас будут сжигать и убивать, интеллигенция вас не сможет физически защитить, неужели вы не понимаете, когда народ озверееет?

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А кого интеллигенция когда могла защитить?

Евгений ПОНАСЕНКОВ: Еще что вы хотите скрыть. Вы хотите скрыть то, что вы, например, торгуете иконами с изображением Наполеона Бонапарта. Вот, пожалуйста, икона Георгия Победоносца, а вот Наполеон Бонапарт кисти Луи Давида. Вот этим вы торгуете, это вы хотите скрыть тоже под юбкой «Лолиты». И все это, я призываю всех только к одному: перечитайте евангелие. В евангелии благоразумно нет ни аббревиатуры РПЦ, ни КПСС, вообще как-то бог не запланировал видимо этой структуры.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А можно я задам вопрос к представителю другой конфессии, коллеги? Давайте мы будем терпимыми хотя бы в этой студии, Ахмед Азимов, представитель экспертного совета при совете муфтиев России. Ахмет, про РПЦ мы говорим довольно долго. Каким образом ислам вмешивается или влияет на светскую жизнь общества в России? Вы как-то за паству боретесь, за ее мораль, нравственность, духовность.

Ахмед АЗИМОВ, руководитель Экспертного совета при Совете муфтиев России: Любая конфессия борется за души верующих, она старается их исправить, она старается направить, спасти. И я считаю, что отказывать в этом конфессии какой бы то ни было никто не имеет права. И в данном случае, протоиерей Чаплин сделал заявление, которое было адресовано тем миллионам верующих, которые есть у Русской православной церкви.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: А вы поддерживаете это заявление?

Ахмед АЗИМОВ: Я считаю, что любая конфессия имеет право говорить не только о том, что она рекомендует или не рекомендует, она имеет право делать свои списки тех фильмов, мультиков, книг, которые она рекомендует для родителей, допустим. Потому что не каждый человек может сориентироваться в современном мире, не каждый человек может определить, что пагубно влияет на психику, на веру, на поведение, мораль и нравственность, а что нет. И поэтому я считаю, что имеет право Русская православная церковь. Точно также как и любая даже политическая партия, ее лидер делает заявление и говорит, что вот мы рекомендуем своим последователям то-то. И не рекомендуем то-то. Есть уставы, которые они соблюдают и так далее. Поэтому, я считаю, что действительно, с одной стороны не может идти речи о том, что церковь стала инициатором запретов, т.е. не может быть запретов каких-то, каких бы то ни было, законодательных и тем более конфессии не могут выступать инициаторами в данном случае. Точно также как и не может быть вот таких вот агрессивных нападков, фактически это яркое проявление воинствующего секуляризма, когда церкви отказывают в любой гражданской и социальной инициативе. То есть речь может идти не о запретах, а о рекомендациях своей пастве.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Я хотел бы задать вопрос Сергею Васильевичу Ряховскому, члену Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ. Сергей Васильевич, а вот диалог между светским обществом, у нас сейчас государство светское, вот как, по-вашему, диалог между светской частью общества и церковью, он как должен

вестись?

Сергей РЯХОВСКИЙ: Ну, в принципе, он уже идет. И отец Всеволод, его заслуга в том, что он его и инициировал. Это нормальный диалог. Я христианин протестанского вероисповедания. Может быть, нас не волнуют те обвинения, которые здесь прозвучали в сторону русской православной церкви, у нас нет икон, нет золота и прочее. Тем не менее, отец Всеволод говорил о нравственных ценностях. И вот эти ценности у нас абсолютно одинаковые. И тот список нравственных ценностей, которые предложила церковь, наша конфессия абсолютно разделяет. Другое дело, мы возвращаемся к истокам евангелия. Наша церковь называется евангельская. И я понимаю, что те ценности, которые были декларированы Христом, Христос не призывал сжигать книги, апостолы не призывали сжигать какую-то литературу, другое дело, вот я многодетный отец, у меня шестеро детей, и я вправе, я вправе, я из большой семьи, где десять детей, и я вправе советовать своим детям, что читать, что не смотреть, что не читать. Я понимаю, у меня очень современные дети.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Указывать или декларировать?

Сергей РЯХОВСКИЙ: Я им даю советы. В нашей конфессии не принято указывать. В нашей конфессии принято просвещать.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Мы вернемся и продолжим дискуссию сразу после короткой рекламы. Напоминаю, что зрители могут участвовать в нашей дискуссии прямо сейчас на официальной странице «Честного понедельника» vkontakte.ru.

* * * * *

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: В прямом эфире «Честный понедельник» с Сергеем Минаевым. И главный вопрос программы, Николай Петрович, я начну с вас. Вот мы в течение эфира так и не определились, кто чистым остался, кто может быть авторитетом. Может быть, тогда и как, по-вашему, изменить Конституцию? Признать главенство моральное и этическое церкви и не спорить уже?

Николай БУРЛЯЕВ: Вы знаете, опять я выражу непопулярное мнение: я ничего против бы не имел, если бы мы поняли, что все-таки наша церковь, это единственный нравственный институт в нашей стране. Ничего плохого они не требуют от нас, от наших детей, вводя основы православной культуры, чтобы мы изучали, откуда мы такие, чтобы мы понимали, что под нами Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и все верующие, в отличие от этих атеистов и нобелевских лауреатов. А мы, мол, сами. Какие сами? Державин, что говорил: «Но сам собой я быть не мог – твое создание я». Создателю.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Отец Всеволод, когда вы сказали, что в РПЦ меньше случаев казнокрадства, педофилии, чем в остальных структурах, вы себя невольно поставили на уровень с полицией и госкорпорациями.

Всеволод ЧАПЛИН: Чистых людей вообще нет. Чем более свят человек, тем более часто он именует себя грешным.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Я понял. А если вы готовы говорить обществу, что ему делать, как делать, и бороться за его нравственность, общество может влиять на вас?

Всеволод ЧАПЛИН: Ни один человек не является святым, и чем более свят человек, тем больше он будет говорить о своих грехах, но нам нужно помогать грешникам, нам

помогать друг другу становиться святыми. Мне сегодня больше всего, из всей передачи, понравились ваши слова, уважаемый оппонент, о том, что церковь должна влиять на общество. Должна. Без насилия, без агрессии, безо всякого рода склок, говорить о том, что жизнь по нравственным законам, по божьим заповедям – это полноценная жизнь, которая не кончается в этой жизни, а простирается в вечность. А жизнь только по своей воле – это всегда беда.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Таня, ответь все-таки на заключительный вопрос: кто будет моральным авторитетом в обществе?

Татьяна УСТИНОВА: Тянет ответить, что «мы, писатели», но ведь опять заключают. Я уверена, что на самом деле, церковь. Еще раз не институт церкви, а институт религии, вполне может быть нравственным ориентиром, и хочу тоже сказать фразу, которую я очень люблю: педофилия это ужасно, требует жестких всяких законов и принятия жестких решений, но книги, о которых сегодня шла речь, с которых все началось, тут ни при чем. Читайте книги, многие из них специально для этого написаны.

СЕРГЕЙ МИНАЕВ: Спасибо. В гражданском обществе можно и нужно открыто обсуждать любую проблему. В таких спорах вполне естественно прозвучат и голоса верующих. У них такие же права, как и у остальных. Ни больше, ни меньше. Но при всем этом, мы знаем, что ни у кого из нас нет права навязывать свою веру всем остальным. С вами был Сергей Минаев. Доброй ночи.

Комментарий (04.10.2011) Диакона Святослава:

Отцу Всеволоду за “Честный понедельник” – низкий поклон

Меня можно легко обвинить в непоследовательности, если сравнить мой вчерашний пост с нынешним. И пусть. Самое главное – в другом. Знаете какие у меня возникли мысли после просмотра последнего выпуска 1018ур-шного “Честного понедельника”?

Точно такие же мысли у меня были в тот момент, когда наш владыка взял меня, сопливого новорукоположенного диакона, на Архиерейский собор в 2004 году.

Эта поездка пришлась на очень тяжелый момент в моей жизни, когда мне всюду мерещились апостасия, антиглобализм, масоны и прочие страсти... Некоторые люди мне пытались внушить, что Церковь возглавляют враждебные силы, которые мешают простым верующим бороться со злом.

И не зря меня мой архиерей взял в ту поездку. Моя жизнь после этого можно сказать разделась на “до” и “после”. Я понял одну очень простую, и вместе с тем, очень важную вещь: в Церкви – все на своем месте. Архиереи поднимали, тревожащие церковный народ вопросы, об ИНН и прочих процессах глобализации. Тогда будто пелена спала с глаз - до меня дошло, что Церковь это не только “ревнители чистоты веры” – это огромный живой организм, который болеет, но стремится к здоровью. Тогда я реально почувствовал себя частью одной большой семьи, которая пытается решать возникшие проблемы.

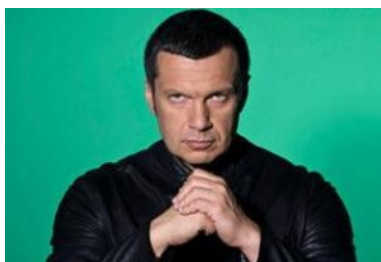
И после просмотра очередной передачи с отцом Всеволодом Чаплиным я понял ту же самую вещь. Этот священник находится на своем месте и служит Господу своим участием в подобных ток-шоу.

Знаю, что в церковной ограде множество противников “шумной” миссии. Но если

в медиапространстве не будет таких как батюшка Всеволод и его сподвижники, то на экранах и в радиодинамиках будут звучать голоса людей, озлобленных на Христа. Ведь то, что делает председатель Синодального отдела по связи с обществом – в своем роде является исповедничеством. Под злобный хохот невзоровых, никоновых (и имя им легион) невольно приходят на ум слова Христа: “Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел.” [Ин.15:18]

Помогай вам Господь отец Всеволод! Только позвольте вас иногда критиковать)))

Владимир Соловьев¹⁶⁴

Родился 20 октября 1963 года в Москве.

Отец – Рудольф Наумович Соловьев – окончил историко-филологический факультет Педагогического института им. Ленина и работал преподавателем политэкономии статистического техникума. Мать – Инна Соломоновна Шапиро – окончила тот же факультет того же ВУЗа и работала искусствоведом в музей-панораме «Бородинская битва».

В 1980 году Владимир окончил элитную английскую спецшколу N 27, где учились дети и внуки членов ЦК КПСС, дипломатов и других высокопоставленных родителей. С детства любил литературу, историю и театр. В 9-м классе увлекся карате и восточной философией. Участвовал в школьной постановке «Макбета» по Шекспиру.

В том же 1980 году поступил в Московский институт стали и сплавов, который закончил в 1986 году с красным дипломом

В 1989 году окончил аспирантуру Института Мировой Экономики и Международных Отношений (ИМЭМО). Защитил диссертацию на тему «Основные тенденции производства новых материалов и факторы эффективности их использования в промышленности США и Японии» и получил звание кандидата экономических наук. До 1990 года преподавал физику, математику и астрономию в школе N 27, где учился. Всегда тяготел к искусству. В юности писал рассказы.

В 1990 году уехал в США, штат Алабама, преподавать экономику в университете. Активно участвовал в политической жизни тогдашней Америки. В 1992 году возвращается в Россию. Ведет научные исследования в области эффективности высоких технологий. Вместе с друзьями открывает небольшой бизнес. В. Соловьев –

164 Елена ВАСИЛЕВСКАЯ Владимир Соловьев о времени и о себе сайт: Аргументы И Факты // <http://allabout.ru/a3305.html>

член американского Комитета предпринимательства в Москве, вице-президент ассоциации молодых экономистов.

С 1997 года по сегодняшний день ведет передачу «Соловьиные трели» на радиостанции «Серебряный дождь». Время выхода: вторник, среда, четверг с 7.00 до 11.00. В. Соловьев в прямом эфире обсуждает со слушателями самые разные вопросы современной жизни, затрагивая широкий спектр тем: от кулинарных рецептов, моды, этикета, общественной и политической жизни, компьютеров и автомобилей до чтения поэзии китайских философов.

Телевизионную карьеру начал в 1999 году, появившись в качестве ведущего одновременно в двух ток-шоу: «Процесс» на канале ОРТ и «Страсти по Соловьеву» на ТНТ. Затем были авторские программы «Завтрак с Соловьевым» и «Соловьиная ночь» на ТВ-6, а также «Смотрите, кто пришел!», «Поединок» на ТВС и «Апельсиновый сок» на НТВ.

В 2003 и 2005 году соответственно на НТВ появились еще два популярных ток-шоу с ведущим В. Соловьевым – «К барьеру!» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», регулярно выходящие и по сей день.

Весной 2005 года официальный сайт Владимира Соловьева www.vsoloviev.ru получает премию за лучший сайт в категории VIP на конкурсе «Золотой сайт».

Осенью 2005 года В.Соловьев удостоен премии «ТЭФИ» как лучший интервьюер.

Книги

«Русская рулетка»

«Евангелие от Соловьева»

Апокалипсис от Владимира

Мы – русские! С нами Бог

Мы и Они. Краткий курс выживания в России

Путин. Путеводитель для равнодушных

Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории

Соловьев против Соловьева: Худеть или не худеть?

1001 вопрос о прошлом, настоящем и будущем России

Владимир Рудольфович Соловьев — теле- и радиоведущий, бизнесмен, ученый. Родился в 1963 году в Москве. По первому образованию инженер-металлург (окончил Московский институт стали и сплавов). Возможно, уже тогда на кафедре высокотемпературных материалов закладывалось умение «раскалывать» не только

алмазы, но и «твердые орешки эфира». Твердо усвоив для себя, что без общественных отношений нет и не может быть экономики, он ринулся изучать этот неведомый ему тогда пласт науки... и защитил кандидатскую диссертацию по специальности экономика.

С тех пор никогда не устает учиться, ежедневно узнает для себя что-то новое, постоянно занимается самообразованием. На вопрос, что вы сейчас читаете, отвечает коротко, но емко: «Все». Читает много и всегда, в данный конкретный момент, например, перечитывает Астрид Линдгрен (собрание сочинений) и «Божественную комедию» Данте Алигьери. Вот такая всеядность. Кстати, абсолютно не приемлет приблизительных знаний. Это, к примеру, когда при упоминании известного писателя человек, не задумываясь, кивает — мол, конечно, читали. А после не может внятно описать даже размер обсуждаемого произведения, не говоря уж о его содержании.

Будучи отцом четверых детей (старшей дочери шестнадцать), Соловьев постоянно сталкивается с проблемами современного российского образования. Не все ладно в этом королевстве, и имеются претензии к учебным заведениям.

Чаще всего названия своим передачам дает не сам ведущий. Например, «Завтрак с Соловьевым» появился на нашем экране как аналог американского «Завтрака с Фростом», а «Смотрите, кто пришел» придумал и подарил тезка Владимир Познер. Больше других, несмотря на все огрехи, Соловьеву нравились «Страсти». Но название все-таки было не очень удачное: слишком ко многому обязывало. Скоро в эфирной сетке ТВС появится новый проект с рабочим названием «Поединок». Весь творческий коллектив во главе с Соловьевым считает, что подобной передачи на телевидении никогда не было. В ней все будет необычным: и компьютерная графика, и декорации, заказанные в лучшей российской фирме, и костюмы ведущего и гостей. А главной темой станет, конечно, политика. Проект подразумевает лобовое столкновение и жесткое идеологическое единоборство очень известных политических фигур, от которых уже получены предварительные договоренности. Весь замысел пока держится в секрете и не разглашается.

Сейчас появилось много передач в жанре интервью, в том числе и с политиками. Но все они становятся больше информационными, чем политическими. Соловьев делает подобные программы живыми, заставляющими думать, иногда очень острыми, показывающими изнанку личности гостя. За такую «привычку» именитые власть придержащие участники эфира прямо с экранов высказывают свою позицию буквально открытым текстом. Но это не значит, что ведущий теряет ось программы или ставит под сомнение порядочность интервьюируемых. Он всегда относится к ним с уважением и никого не собирается клеймить. Именно поэтому на его передачах побывали представители всех ветвей власти, кроме (пока) президента и его премьер-министра. Как выражается Владимир: «Я просто задаю вопросы и никогда не делаю выводов. Выводы должен сделать зритель. Собой же я редко бываю доволен. Если мне что-то не понравилось, значит, я не попал своим вопросом в точку, не угадал собеседника. Отсюда следует, что надо работать над собой. Работать с собеседником, но над собой. И я иду и еще тщательнее готовлюсь к следующей

программе».

К засилью дешевых шоу, развлекательных программ и сериалов ведущий относится весьма спокойно. По его мнению, передача не должна быть умнее зрителя. «Конечно можно, — говорит Соловьев, — посадить дней на пять Гордона с Капицей образовывать нацию, но тогда телевизор превратится в прибор для квашения капусты». Не исключает, что даже из тяжелого и пошлого жанра шоу можно сделать конфетку, как это удастся Леониду Якубовичу, Андрею Малахову или Еленам: Ханге и Ищевой. Из любимых ведущих называет Эдварда Радзинского, Владимира Познера, Леонида Парфенова. Очень огорчен одинаковостью самых разных каналов. «Мне не интересно с ними. Там ничего нет, кроме самолюбования. В этом случае я могу радоваться, не включая телевизор», — добавляет любимец публики. Но самое сильное отторжение вызывает в нем присутствие двух персонажей на отечественном ТВ — «отца пошлости» Валерия Комиссарова и ее «матери» Регины Дубовицкой. Это просто, что называется, без комментариев».

Несмотря на то что в семье Соловьевых есть совсем маленький Даниил — ему нет и года — список домочадцев в самое ближайшее время планируется пополнить. Молодые родители листают справочники разновидностей собак и кошек, стремясь отыскать среди них самое доброе животное, — оно-то и будет незамедлительно приобретено, а какой оно будет породы, не так уж и значимо. Для ведущего очень важно, чтобы в его доме был мир и покой, это по его словам происходит, только если между всеми членами семьи есть любовь.

Буквально ненавистью пылает Соловьев ко всевозможным «пиратам», то есть к производителям нелегальной аудио-, видео- и другой продукции. Считает, что такие действия иначе как воровством не назовешь, и они стоят в одном ряду с такими нелегальными моментами нашей действительности, как антисемитизм и грязные общественные туалеты. Именно все вместе и каждый в отдельности они демонстрируют отношение нации к самой себе. Сам Соловьев никогда не покупает нелегальный товар и другим не советует.

Известный водитель и испытатель всевозможных машин, Соловьев не преминул поговорить и на эту излюбленную тему. Для него каждый автомобиль — проявление огромных человеческих усилий. Как коневоды про любимую лошадь, он знает про автомобили практически все. Ласково сравнивает легковушку с прекрасным плодом, растущим на дереве. Посмотрев на него, может определить, как хорошо он созрел, какого он сорта, цвета или вида. Сегодня Соловьев ездит на иномарках, называя отечественные авто «уродцами российского автопрома», а когда-то мог с закрытыми глазами разобрать и собрать «жигуленок» перед дальней дорогой. Вообще дома у него никакие, даже самые старые и сложные, приборы и агрегаты не ломаются, а верно служат хозяину. Это происходит от невероятного оптимизма и положительной энергии ее обладателя.

Опасность политических нулей

Вы обратили внимание на беспрецедентное давление, оказываемое на общественное мнение, притом с вполне понятной конкретной задачей? Задача – дестабилизировать политическую ситуацию в обществе. Посмотрите, как на некоторых радиостанциях, интернет-изданиях активно пытаются обелить, вытащить на белый свет месье Лимонова, пытаются забыть о его лозунгах, которые были еще совсем недавно: «Сталин, Берия, ГУЛАГ». И говорит он теперь, что это не его лозунг, а просто его мальчишки покричали. Как он пытается теперь отрешиться от того, что было напечатано его соратниками и именно Тарасом Рабко в газете «Лимонка», как он пытается забыть об идеологических мотивах, и как он возмущается нынешней властью.

Посмотрите, как те же правозащитники с пеной у рта кричат, что нет ничего страшного в том, что существуют разнообразные организации. Напомню, что числе этих «разнообразных» есть и те, которые скорее всего будут причислены к экстремистским. Хотя, для многих людей сложно найти разницу между фашиствующими и национал-большевистствующими организациями. Обратите внимание, как интеллигентные, казалось бы, люди все равно пытаются их отмазать и обелить. Во главе угла для этих людей стоит только одно: «Мы ненавидим власть!». Извините – «мы ненавидим власть искренне», либо мы ненавидим власть за деньги, и иногда – за западные деньги?

Впрочем, суть не в этом. Важно одно – «власть плоха, с ней надо бороться, бороться любыми методами». И по их мнению, человек имеет право на любой протест, лишь бы современной власти было плохо. Когда маленький ребенок подходит к электрической розетке и пытается туда засунуть какой-нибудь металлический предмет, например, шпильку, он же понимает, что его тряхнет. Но все равно у ребенка есть право познавать мир. Зачем же мы играем в игры? Мы что не понимаем, что основная задача так называемых «маршей несогласных» - это отнюдь не выражение своего протеста. Нет. Они ставят иную конкретную задачу – дестабилизировать общество. Они пытаются свергнуть власть. Заметьте, ни Касьянов, ни Каспаров, ни тем более Лимонов в своей жизни ни одних выборов не выиграли. Они не могут избраться никуда, - Лимонов даже в районные депутаты не смог пройти. Они хорошо понимают, что количество людей, готовых за них проголосовать, измеряется столь незначительной величиной, что никаких шансов в нормальной демократической стране быть политиками у них нет. Поэтому их единственная задача – максимально дестабилизировать ситуацию, попытаться силовыми методами эту власть захватить. Для этой цели им нужна кровь и провокации. Где взять эту кровь? Московские власти им говорят: «Пожалуйста, хотите митинговать – нет проблем, вот площадки, которые готовы для митингов». Те говорят: «Нет, мы хотим пройти по самому центру Москвы». Ну послушайте, если по самому центру Москвы могут ходить, по своему желанию, пять или шесть человек, приславших заявление на митинг, а на самом деле официально еще меньше, то тогда постоянно надо перекрывать центр Москвы, потому что все время люди будут ходить и чего-то требовать. Говорят: «Нам закон это разрешает». Значит, надо закон этот изменить.

Потому что есть интересы и других людей, живущих в Москве. Есть интересы людей, которые хотят, чтобы в России было многое изменено, но в рамках не революции, а эволюции. Когда мне говорят: «Ну как же, их надо поддержать, несогласных, они такие хорошие». Когда я слышу «правозащитников», которые мне рассказывают, что

милиция всех избивает дубинками, а «несогласные» ведут себя как образцы добродетели и смиренно подставляются под удары, то мой опыт участия в уличных потасовках этому как-то противоречит. К сожалению, в уличных драках не бывает, что одни ангелы, а другие с кровавыми зубами. Когда начинается махалово, машутся все. Но наши высоколобые интеллигенты предпочитают выезжать за рубеж и говорить о том, как нарушаются права в России, не видя, что права человека в России нарушаются, де-факто, этими самыми «несогласными».

Для меня, как человека, у которого многие и многие в семье погибли в результате нахождения у власти Сталина, прихода к власти большевиков, есть мучительное ощущение, что такие как Лимонов пытаются нас вновь подтолкнуть к семнадцатому году. И потом влегкую сожрать таких как Каспаров, прекраснородушных, и ничего не понимающих в реальной жизни интеллигентов.

Вся эта либеральничейшая интеллигенция пытается подстелить соломку на всякий случай, - а вдруг из страны выгонят, а вдруг, не дай бог, что случится... И поэтому вступают в заигрывания с этими нелюдями, которые чужую жизнь не ставят ни во что. А с какой легкостью Лимонов бросает своих людей? Кого в тюрьмы, кого в Высший арбитражный суд. Чтобы потом рекрутировать к себе зеков. Чтобы рекрутировать и использовать положение своих внедренных агентов в разнообразных государственных структурах. Мы смотрим на все это и не знаем как реагировать. А вот американцы знают. Они видят эту нашу раковую опухоль, которая постоянно пытается разрастись внутри России, и они готовы ее подкармливать, придя к выводу, что националистическое правительство, в конечном итоге, не будет антиамериканским. И они с радостью подкармливают. С радостью осуществляют защиту стратегических интересов США. Это их внутренние дела, - что они и почему решили делать, и как. Но наши внутренние дела, - как нам защищать свою государственность.

Я хочу, чтобы в России были честные выборы. Я считаю, что надо бороться с любыми нарушениями выборного законодательства. Но нельзя бороться с нарушениями законодательства силовыми методами. Силовыми методами ты сносишь к черту любое законодательство и надстраиваешь сверху омерзительную гидру революции, которая пожирает не только своих детей, но и всех наших несчастных граждан. Тех самых граждан, которые сначала аплодируют «несогласным», думая – какие они молодцы, а потом сами же будут кровью собственной харкать.

Мне не нравится, как власть разбирается с «несогласными». Мне не нравится, как ведет себя ОМОН. Мне не нравится, как ведет себя ОМОН не только в отношении «несогласных», но и в отношении футбольных болельщиков. Например, то столкновение, которое произошло в Питере с московскими болельщиками – просто омерзительно, и об этом все молчат. Зато все кричат о «несчастном Марше несогласных». И никто не говорит о жутком избиении московских болельщиков. Это двойные стандарты. Но для того, чтобы с этим бороться, журналистика должна перестать быть ангажированной. Перестать служить непонятно кому и непонятно ради чего. Надо критиковать власть, делать это жестко и конкретно, но нельзя угодничать перед людьми, которые ни во что не ставят человеческую жизнь, а именно к таким относится Лимонов и ему подобные. И те, которые поддерживают такого рода проявления, не ведают что творят. Не ведают, что творят! Они

дают власти возможность создавать в ответ мощные формирования, которыми являются Молодая гвардия и прочие, к которым тоже множество вопросов, и которые мне тоже сильно не нравятся.

Я бы очень хотел, чтобы представители интеллигенции вспомнили, что Алексей Максимович Горький уже показал пример всем тем, кто наивно думал, что большевички – добрые, ласковые, и никогда не придут к власти. Он показал, что происходит, когда поддерживают кровососов деньгами. Большевички к власти пришли, и Горький навсегда вошел в историю не только как великий писатель, но и как политический слепец. Интеллигенты, которые тогда любили большевиков, и помогли им прийти к власти... Интересно, они хотя бы в лагерях, когда их гноили, понимали, что совершили? Вот и вы, нынешние холющие и лелеющие Лимонова с Касьяновым, тоже мне – «милые интеллигенты»... вы понимаете, - на какое будущее эти люди обрекают Россию? Если, не дай бог, благодаря вражеским деньгам и вашим порочным идеям, они придут к власти? У вас когда-нибудь возникнет ощущение стыда? Или, когда вы будете сидеть в каком-нибудь американском университете, вам будет не до этого? Вы же уверены, что конечно, эти люди к власти не придут... Где ваша совесть? Впрочем, когда закончится ваш срок пребывания в России, и вы отбудете по месту выдачи официальной зарплаты, то вы вздохнете свободно и счастливо. Совесть – не категория, которую можно измерить на вовремя поступающие гранты из Соединенных Штатов Америки.

Многие правозащитники борются с властью, делают это мужественно и каждодневно, за что им честь и хвала. Многие из них отстаивают интересы несчастных людей, которые всегда попадают в жернова чиновничьей системы. Не надо порочить их великое дело, их подвиг тем, что вы решаете свои политические задачи, прикрываясь лозунгами свободной журналистики и правозащитного движения. Непорядочно! Прекратите быть форпостом иностранного влияния! Ну постарайтесь хотя бы вспомнить, что русские интеллигенты привыкли нести ответственность за все человечество! Хотя, к кому я обращаюсь, право? Они и слов-то таких не знают.

Беседовал я с представителями московской власти и с правозащитниками. И приведу вам очень показательный пример. Представители власти предлагали вполне конкретные идеи и говорили: «Ну вот, пожалуйста, хотите в Тушине?». А правозащитники отвечают: «Зачем в Тушине, - там нас не увидят!». Становится очевидна основная задача – нас должны увидеть. Покажите нас! Притом не в России, нет. Нас должны увидеть западные средства массовой информации. Посмотрите, - на этих акциях больше всего камер, больше всего фотоаппаратов, именно западных. Почему? – Заказчик должен быть уверен, что деньги отработаны.

А вы, Касьянов, Каспаров, Лимонов, втравливающие молодых в это несправедное дело... Что, будете как месье Лимонов, - «я посидел, пусть и они сидят»? Вы же их сдали! Вы же их сдали, как сдавали всех всегда в вашей жизни. Посмотрите на ваше окружение. Где те люди, которые с вами начинали? Что вы с ними сделали? Месье Касьянов, не стыдно? Месье Лимонов, как, душа не болит? Или там, где была душа, уже давным давно кое-что выросло, и то – плохо себя чувствует без виагры?

А пока, в лимоновских организациях всюду осуществляются попытки создать собственные боевые подразделения. Есть такое дело, абсолютно верно. Есть попытки

нанимать разнообразные группировки, как те же НДПИ, которые нанимают те или иные фанатские, бандитские и прочие формирования. Нанимают и идут своим «маршем»... Перекрывая улицы, парализуя нормальную жизнь городов.

Впрочем, в этом случае меня возмущают не только они. Я не понимаю, почему ради праздника святого Патрика надо перекрывать улицы Москвы. Я считаю, что шествие в Москве возможно только по официальным признанным государственным праздникам, - как 9 мая. Или как раньше было, когда 1 мая весь народ гулял. Вот это я считаю правильным. Все остальное я считаю просто неприлично.

Неприлично и создавать о себе всякие мифы для избирателей – мол, нас не пускают во власть... Посмотрите, какие шансы у Касьянова, по сравнению с которым Зурабов – мальчик. У него – нулевые шансы! И теперь Касьянов нам пытается объяснить, как надо жить. Ага! Как надо жить – надо учиться не у Касьянова, а у Америки, к примеру. Я считаю, что Америка – великая страна. Страна настоящей демократии. Просто она отстаивает свои геополитические интересы теми методами, которые позволяет наша оппозиция. И мы должны делать то же самое.

А если делать это как делают «несогласные», то что получится? Абстрактное несогласие – это чистая провокация. На самом деле, надо четко и ясно излагать – с чем конкретно, как несогласен и почему. У нас же, Лимонов несет такую чушь и его никто не прерывает, потому что журналисты, работающие на радиостанции слева, поставили задачу его раскрутить. Вот именно поэтому, когда я говорю, что это не только станция «сбитых летчиков», но это и нерукоподатные граждане. Вот Венедиктов и прочие – это люди нерукоподатные, ненавидящие, по большому счету, все вокруг. Этакое сборище мизантропов.

Но они, эти мизантропы, усиленно продвигают лидера запрещенной, фактически, партии. Ну да, у нас, типа, не знают Лимонова. Сколько за него проголосует? – Человек сто. Да он даже внутри своей партии не может получить единодушной поддержки, регулярно там какие-то конфликты происходят.

Надо честно себе признать, что «несогласных» в тысячи раз меньше, чем нам подсказывают. Та же Молодая гвардия, в случае необходимости, влегкую мобилизует многожды больше реальных и искренних сторонников. Вот так... Достаточно просто понять, что лидеры «несогласных» - это люди из той же обоймы, что Зурабов. Вы пойдете голосовать за Зурабова? Вот видите – вы начали ругаться и возмущаться. Правильно – а как еще можно реагировать на этого чиновника? Как еще можно реагировать на человеконенавистнические заявления?

Смотришь на это все и думаешь, - где у человека стыд? Почему он позволяет себе многое, и никогда его не одергивают ни президент, ни премьер-министр? И вы знаете, вот в случае с Зурабовым, я пойму людей, если они выйдут на улицы с протестом против него. Я их пойму, потому что это будет вполне конкретный протест. Протест против его персоны, против его конкретных действий, против его публичных заявлений. Разве нормально – заявить на всю страну, что во всем кризисе виноваты врачи, которые на сто процентов выписывают рецепты неправильно? Они, что – идиоты, а министр у нас святой и идеальный? А люди все, поголовно, притворяются больными – лишь бы Зурабова опорочить? Такого рода заявления Зурабова должны приводить, на мой

взгляд, к немедленным кадровым решениям. Вот просто к немедленным кадровым решениям. Еще бы не мешало узнать, чем закончились уголовные дела с подведомственными ему фондами.

Я знаю, что мои слова, мои передачи всегда находят своего истинного адресата – не сытых, пристроенных, упакованных, а тяжело работающих, которым в жизни есть что делать. Мы с вами должны чувствовать и осознавать, что нас много. Нас, у кого есть семьи и работа, кто хочет жить в условиях стабильности, где многое меняется к лучшему, и меняется только законными методами.¹⁶⁵

Машины против пешеходов, чиновники против всех

Известно, что порой часами приходится ждать в городе-герое Москва возможности перебежать дорогу. Наши автомобилисты каким-то образом перестали любить наших пешеходов, и здесь ничего нельзя сделать. При этом, нам каждый раз говорят, что дорожная ситуация улучшается, что эти тяжелые развязки, наконец-то, «мы решаем по-другому», что есть надземные «шланги», в которых ходят люди, и подземные, по которым ходят люди... И ни в коем случае не «зебра», потому что «зебра» - очень плохо, и на «зебрах» людей сбивают.

Тем не менее, по-прежнему ситуация не улучшается и можно ждать часами. Конечно, пешеход всегда прав, но в последнее время это «всегда прав» обозначает, что он может быть настолько прав, насколько мертв. Он, конечно, и был прав, но сильно это помогает, в морге? Ну что, на венке ему писать - «Ты был прав»? Будет ли это ему важно?..

Важно совершенно другое, - все-таки, необходимо что-то делать. Условия дорожного движения значительно изменились. Сейчас машины ездят всё быстрее, а человек, особенно в возрасте, реагирует уже не настолько быстро, да и дорожная полоса все шире и шире, поэтому перебежать уже немногим эту дистанцию удастся... Грустно.

У меня сердце замирает, когда я вижу женщину с ребенком, с коляской, которые стоят бесконечно долго, пытаюсь перейти улицу. Я думаю: «Боже мой! Бедные дети! Чем они дышат?! Этим чадом!». Мимо пролетают дорогие автомобили, где сидят сытые хари отцов, чьи жены вполне могут в другом месте стоять, в такой же ситуации, и не иметь возможности пересечь дорогу. Но, выскажу фантастическую мысль – правильно делают, что не останавливаются. Дело в том, что вы, например, пересекаете улицу, где плотный поток движения на четыре ряда, машины едут вплотную... Вы сделали два шага. Вас может увидеть водитель машины, которая едет в правом ряду, но, скорее всего, не увидят машины, которые едут в других рядах. И получится жуткая ситуация, когда первые машины затормозили, чтоб дать человеку пройти, остальные, не понимая, что происходит, начинают их «собирать». А затем человека могут сбить машины, которые идут по левому ряду. Это ужасная ситуация. Поэтому, мне кажется, что иногда эти «зебры» выполняют роль провокаторов, они провоцируют пешеходов, особенно в условиях, когда темно или

165 Владимир Соловьев - Авторская программа "Соловьиные трели", радиостанция "Серебряный дождь" (12.04.2007)

сумерки, и людей просто не видно. Ситуация совершенно жуткая!

С одной стороны, пешеход прав, он говорит: «Минуточку, у меня есть право. Я на «зебру» наступил, - вы все, сволочи, остановитесь!». Но движение-то продолжается. В таких ситуациях, когда не хватает культуры, помогает жесткое регулирование. Да, - можно кричать – «Все в школу, давайте учиться! Люди, будьте вежливы. Прекратите ковыряться пальцем в носу!». А можно сделать гораздо проще – все-таки поставить светофоры там, где это необходимо, либо затратить деньги и сделать подземные переходы, либо сделать «кишки», которые идут поверху, либо не полениться и там, где небольшая дорога или особо опасно – осветить место пешеходного перехода и поставить, например, если там часто проходят люди, «лежачего полицейского».

А у нас пока, единственное – это «зебра»... В современной дорожной ситуации вы «зебру» эту увидите? У нас такая слякоть на дорогах Москвы, что зачастую разметки просто не видно. Вообще, как у нас убирают дороги, - это отдельный разговор. Вот нашел бы, кто за это отвечает, просто голову бы ему оторвал! Идиотский способ «уборки» - грязь в центр улицы, дороги, а дальше разметут и нормально... А потом машины едут по этой жуткой жиже.

Наши дороги не просто грязные, а патологически грязные. Вот летит этот жуткий замес, а дороги еще поливают каким-то дермищем, все это превращается в бесконечную фигню. И думаешь – какой кошмар!

Но, все-таки – о наших любимых пешеходах... Трагедия состоит в том, что правила дорожного движения ментально говорят, что пешеход всегда прав, и я его защищаю, но, на самом деле, во время строительства дороги не рассматривается ее транспортная опасность. Не смотрят, что вот здесь населенный квартал, как людям переходить, как им добираться на это место, вот автобусная остановка. Бывают участки, где по три километра надо пешкодралом топтать, чтобы перейти на другую сторону дороги. Но кто этим будет заниматься? У нас же важно денег сэкономить, поэтому строится нечто, а потом: «Да ладно!», и рисуется где-нибудь «зебра». Ну, на заднице себе какую-нибудь татуировку сделайте, придумавшие эти «зебры»!

Есть особая категория пешеходов – инвалиды. Вот кто бесправнее и беспомощнее всех участников дорожного движения! Надо сказать правду, - наша страна ненавидит инвалидов, ненавидит стариков, ненавидит людей... И женщинам с колясками, инвалидам в инвалидных креслах, еле передвигающимся старикам – лучше жить в другой стране! Потому что эти жуткие бордюры, эти скользкие дороги, эта манера, учитывая наш климат, все облицовывать хитрой плиткой, на которой человек скользит страшно... Все сделано против этой самой незащищенной категории людей!

Так что же, в целом, может исправить ситуацию на дорогах? Успокоить это противостояние водителей и пешеходов? Культура вождения? – Это глубочайшее заблуждение! Все дело в организации движения. Понимаете? Когда нам подсовывают на все ответ «дело в культуре вождения» - нам лгут! Потому что на культуру вождения можно списать любые ошибки в проектировании дорог, в проектировании переходов, любое воровство денег, выделенных на улучшение дорожной ситуации! Говорят: «О! Культура у нас такая!». При чем здесь культура? Ну вот пожалуйста, - снег и дождь во всех европейских столицах, но только в Москве такая грязюка, что аж тошно! У них почему-то

все машины чистые, а у нас?.. Как так? Ну что это, - вопрос культуры? Нет, это вопрос того, где и как соотносятся проезжие части и открытые сливы! Это вопрос того, как построена дорога, как построены стоки с дороги, как очищаются эти дороги. Но, в России этим не занимаются, - ума не хватает... Зато хватило ума сообразить, что дороги – это место извлечения сумасшедших денег, что муниципальные службы, по большому счету, это Клондайк! При этом, грязь страшная! Можно каждый раз, в начале следующего года, уверенно увольнять всех руководителей муниципальных образований, которые отвечают за чистоту в городе-герое Москве... И ничего не изменится.

Кстати, - элементарная вещь... Как установлены бордюры и как они должны быть установлены. Ведь, грязь на дорогах и из-за того, что в большинстве мест бордюры ниже уровня газона. И в сыкотную погоду, в дождь, стекает эта жижа с газона прямо на дорогу... А, потом, колесами машин, разбрызгивается вокруг – на другие машины, на пешеходов. Бордюр должен быть выше уровня газона и стык между бордюром должен заделываться цементом или аналогичной смесью.

Стоки... Стоки должны быть нормальные – чистые, и грузовикам должны, если они выезжают со стройки, колеса мыть. Но – это же стоит денег, это же такие расходы для строителей!.. Когда у нас руководители городов напрямую сидят в строительном бизнесе, они никогда не будут ухудшать собственное положение в собственном бизнесе. Никогда! Не надейтесь!

Вообще, городские власти некоторых городов – это что-то... Высокопоставленные чиновники, мэры... С одним из мэров, у меня суд. 9 числа будет продолжение – очередное заседание. Мэр Тархов, который за несколько месяцев умудрился сделать то, что предыдущий мэр Лиманский за девять лет. Один Самару гробил годы, а Тархов за несколько месяцев умудрился у народа вызвать такие же эмоции как Лиманский. Он теперь со мной судится. Ну и пусть судится. Парню делать больше нечего – с жураналистами судиться. Талантище! Матерый человечиче! Я туда хочу съездить, когда придет срок, когда будет судебное заседание, только чтобы еще сам Тархов был. Я попрошу, чтобы телевизионщики туда пришли, - мне есть что сказать народу про Тархова... Про «Справедливую Россию», про группу компаний «СОК», про то как проходили выборы. Хочу народу всю правду рассказать. Люблю я это дело. А за правду можно и посидеть.¹⁶⁶

Владимир Соловьев о программе «Поединок»

Завтра первый радио-эфир, первый телевизионный эфир. Последние дни августа вывозил семью с отдыха. «Замот» страшный...

Очень жду своих слушателей в 7 утра. Но уже на новой частоте – на волнах Вести FM 97.6. Не без волнения пойду завтра в студию: как радионую, так и телевизионную – начинается новый этап моей жизни. Очень для меня важный.

Многие спрашивают как попасть на программу «ПОЕДИНОК». Напоминаю, что она выйдет в эфир завтра, 2-го сентября в 22.50. Первыми программу увидят жители Дальнего Востока. Для тех, кто хочет попасть на программу – телефон сотрудника по работе со зрителями 8-926-6119412.

Пока не знаю, как будет осуществляться связь со слушателями на радио, но

сообщения с блогов и TWITTER буду пользоваться активно. Это гарантирую.

В стране постоянно происходит что-то новое. Ни одного спокойного дня. Меня уже не удивляют 15000 человек, которые требуют, чтобы им вернули дорогу через Химкинский лес. Меня уже не удивляет информация, поступившая от Олега Митволя о том, что если провести дорогу через Молжаниново, то она будет на 3.8 км короче и, соответственно, дешевле, так как там все земли расчищены и не надо ничего выкупать. Но по этому варианту никто идти не хочет, хотя Митволь предлагал его довольно давно – тогда, когда эти страсти еще только разгорались. Меня уже не удивляют традиционные столкновения лбами интеллигентов по поводу участия в акции «31»... Меня уже даже не смешит Борис Березовский, возомнивший себя Тарасом Бульбой и вышедший с умильным плакатом то ли в поддержку Чичваркина, то ли стариной тряхнуть.

Меня все это не волнует, потому что сегодня – первое сентября. Первое сентября – это день, когда родители волнуюсь, собирают своих детей в школу. И первое сентября, это когда у всей России боль – непроходящая боль Беслана. Был нанесен удар по самому святому – по нашим детям.

Для меня это «водораздел». Я никогда не забуду репортажей тех журналистов, которые оправдывали этих зверей, убивавших наших детей. Которые считали, что у террористов могут быть оправдания их поступков. С этого момента для меня эти «журналисты» прекращали существовать.

Я никогда не забуду тот эфир, когда позвонила девочка из Беслана и рассказала о том, что происходит в зоне ее прямой видимости (она находилась недалеко от школы, захваченной бандитами). Я никогда не забуду, как ко мне в эфир пришел офицер антитеррористического центра, командир отделения, получивший имя «фабрика звезд» – там служили совсем молодые ребята. Он принимал участие в ликвидации бандитов в Беслане. Замечательный парень.

Нельзя забывать ни погибших детей, ни муки их родителей, ни тех наших бойцов, которые своими телами закрывали убегающих детишек – бойцов, которые пошли на верную смерть, чтобы спасти детей.

Вечная им память...

Ток-шокер — Владимир Соловьев о гражданской миссии журналиста на ТВ¹⁶⁷

«Наверное, скажу нескромно, но я гений», — заявил в интервью корреспонденту ТНР Владимир Соловьев. Ведущий политического ток-шоу «Поединок» телеканала «Россия» рассказал о том, почему любит приглашать на программу Жириновского и в чем как журналист и гражданин видит свою миссию.

Этот материал был опубликован во втором номере журнала «The Hollywood Reporter – Российское издание».

ТНР: Вас называют самым провокационным журналистом страны. Даже поклонники любят вас не безоговорочно.

Владимир Соловьев: Телеведущий — это профессия. Я не был в эфире год. Сколько появилось клонов моей передачи! Но никто не смог занять мое место — ни по рейтингу,

ни по сути.

THR: Кстати, о профессии. Многие считают, что вы уже не журналист, а политик.

Соловьев: Ничего подобного! Я никогда не позволяю себе высказываний о своих политических пристрастиях. Не являюсь чьим-либо доверенным лицом и никогда не буду членом какой-либо партии. Лишь однажды я высказал свое отношение к Путину: «За Ельцина было стыдно, когда он был президентом, а вот за Путина стыдно не было». Я никогда не скажу, за кого голосовал на выборах, потому что де-факто это оказывает давление на тех, кто мне доверяет.

Владимир Жириновский — один из постоянных гостей программ Соловьева. «Почему я люблю приглашать того же Жириновского? Он по-русски говорит образно», — отмечает телеведущий.

THR: То есть при выборе гостей ток-шоу вы не руководствуетесь своими политическими взглядами? А чем тогда? Вы же все время приглашаете одних и тех же людей. Какой в этом смысл, если заранее понятно, что они скажут?

Соловьев: Я работаю с самым чистым и одновременно самым тяжелым жанром словесной дуэли. Три раунда беседы — и каждый показывает себя таким, каков он на самом деле. На него смотрят — он волнуется, покрывается пятнами, потеет, ищет слова... Зрители все это видят и начинают спрашивать: «А что это они у вас орут друг на друга?» Да потому что они такие! Я показываю их настоящих, вскрываю их сущность. В политике всегда все обнажается до чистого жанра. Политика — это шекспировские страсти. И вы всегда видите сильнейшие проявления человеческих эмоций. Власть — самый сильный наркотик из всех существующих на земле. Ведь не случайно все, кто ее добился, начинают ощущать себя если не равными Богу, то «богоизбранными». Оказавшись в Кремле, ты попадаешь на вершину власти. Для многих нет ничего слаще этой цели. Поэтому такие эмоции, борьба, драмы... И как бы ни притворялся человек, пришедший на мое шоу, что бы ни говорил об интересах людей — его страстная тяга к власти все равно проявляется. А то, что число тех, чьи выступления интересно смотреть, очень невелико — это трагедия России. Ведь нас всю жизнь как учили? Быть скромным и не высовываться.

THR: Кого вы хотели пригласить на свое ток-шоу, но не получилось?

Соловьев: Всегда интересно говорить с руководителями страны. А почему они не приходят даже на пред-выборные дебаты — это уже вопрос политической культуры. У нас не приняты словесные поединки между людьми, реально находящимися у руля. Может, это идет от ощущения сакральности власти. Хотя я очень надеялся, что, по крайней мере, на дебаты против Геннадия Андреевича Зюганова Владимир Владимирович Путин придет. Это был бы знак иного понимания демократии. К сожалению, не получилось.

THR: Какие задачи вы ставите перед собой, делая свою программу?

Соловьев: Достучаться до души, ума и сердца человека. Я вижу в нем творца, интеллигента, читающего Толстого и Чехова, Достоевского и Шиллера, а не исследую его физиологические проявления, подобно многим моим коллегам. Мне интересно, как человек думает, а не как испражняется. И еще одна из моих задач — дать людям возможность услышать нормальную русскую речь, которая уже практически не звучит. Почему я люблю приглашать того же Жириновского? Он по-русски говорит образно! Я уж не говорю о Проханове, Веллере, Михалкове, Кончаловском... Сегодня многие начинают

говорить на языке ТНТ и СТС — языке упрощения, языке, если угодно, мигрантов.

ТНР: Если уж зашел разговор об этом... Чем, на ваш взгляд, можно объяснить массовое увлечение ток-шоу, суть которых — подглядывание в замочную скважину и публичное перетряхивание «грязного белья»?

Соловьев: То, о чем вы говорили, скорее, к гениталиям души обращено. Передачи для бездушных тел. Мы пичкаем зрителя таким продуктом, а потом удивляемся: почему он так живет? Почему так голосует и так воспитывает детей? Ведь если Бога нет, то все можно. И уже нет такой подлости, которой мы могли бы человека удивить. Телевидение может стать образцом воспитания культуры, но многое зависит от руководителя телеканала, которому просто надо сказать: «Ребята, а мне это не нравится» — и тогда появятся совсем другие передачи.

В свободное от телевидения время Владимир Соловьев успевает не только писать книги и исполнять музыку, но и регулярно устраивать творческие вечера для своих поклонников.

ТНР: О ком бы вы ни говорили, чувствуется, что вы дистанцируетесь. Вы не с теми и не с другими. А что можете сказать о себе?

Соловьев: Наверное, скажу нескромно, но я гений. Но гением может стать каждый — нужно просто почувствовать ответственность перед Богом за дарованные таланты. Гений отличается от простого человека тем, что не ищет оправдания своим неудачам, а пашет во сто раз больше. Осознание ответственности дарит очень большое удовольствие. Ты понимаешь: то, что делаешь, — не случайно, в этом есть некий смысл. Не все описывается химико-физическими реакциями в организме и не все заканчивается с одной, отдельно взятой жизнью. Моя позиция — каждый день быть чуть лучше, чем мог бы, и уж точно лучше, чем был вчера. Хотя это не всегда удается.

ТНР: Вы всегда контролируете свои слова и действия?

Соловьев: Всегда. Я никогда не выхожу из себя. Если где-то что-то добавляю, то это, как правило, актерские эмоции и смысл в них совсем другой.

ТНР: Как удачно вы заговорили об актерских эмоциях! Ведь вы не только ведете политические шоу на телевидении и утренние ток-шоу на радио. Вы написали несколько книг и даже записали два музыкальных диска. Ваша жизнь — игра?

Соловьев: Когда со стороны твоя работа выглядит игрой — значит, ты все делаешь правильно и красиво. Поэтому, наверное, да, игра, пока удастся скрыть труд и пот за внешней легкостью. А вообще моя жизнь — это постоянная мыслительная активность.

ТНР: Многие артисты воспринимают профессию как своего рода миссию. А у вас нет такого ощущения?

Соловьев: Ну конечно, есть — я же еврей. (Смеется.) Вернее, русский интеллигент еврейского происхождения, у которого одна Родина и которому не хочется, чтобы его дети и внуки сталкивались с необходимостью просить визу в покинутую ими страну, где остались могилы предков... А для этого надо понимать свою ответственность, подразумевающую, что ты должен встать, как бы ни было страшно, открыть рот и сказать правду. Твой одинокий голос что-то значит, пусть его не сразу услышат. Надо всегда помнить историю Ноя: какими только словами его не крыли — он продолжал строить ковчег. Вот и все.

THR: Ваш фирменный стиль — ирония. Что это — свойство природы или профессиональный навык?

Соловьев: Я к себе отношусь более чем иронично. У меня насчет себя никогда не было иллюзий. Считается, что каждый еврейский мальчик рождается, думая, что он мессия, а в 14 лет становится лавочником. Я очень четко и ясно понимал: я невысокого роста, не самый красивый, но чертовски обаятельный.

THR: Своим детям вы все это внушаете? Например, то, что в каждом человеке скрыт гений?

Соловьев: Зачем? Они просто видят, как живет их отец. Я видел, как всю жизнь работал мой дед — пахал и обеспечивал семью. Мужик должен пахать — и все. А успех... Или придет, или не придет.

Владимир Мамонтов

Родился 21 декабря 1952 года в г.Владивостоке.

Окончил отделение журналистики Дальневосточного государственного университета.

Работал корреспондентом отдела науки, заведующим отделом культуры, заведующим отделом пропаганды в приморской краевой газете «Красное знамя» (г.Владивосток), затем был собственным корреспондентом газеты «Советская Россия» в г.Хабаровске.

С 1 июля 1990 в – «Комсомольской правде». Был заместителем редактора отдела пропаганды и военно-патриотического воспитания молодежи, редактором отдела литературы и искусства, ответственным секретарем, с 1994 года – шеф-редактором пятничного номера («толстушки») «Комсомольской правды».

В марте 1997 года поддержал решение о продаже акций «КП» ОНЭКСИМбанку.

С мая 1997 года – первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда».

7 мая 1998 года был назначен главным редактором «Комсомольской правды».

29 апреля 1999 года состоялось собрание акционеров АО «КП – Группа Сегодня», на котором было принято решение о введении должности шеф-редактора газеты «КП». На эту должность был назначен В.Мамонтов.

С июня 2004 года – член Общественного совета благотворительного фонда

«Участие».

8 ноября 2005 назначен главным редактором «Известий» вместо Владимира Бородина.

Николай Сенкевич – генеральный директор компании «Газпром-медиа», купившей «Известия» в начале июня 2005 года, заявил «Коммерсанту», что никакой политической подоплеки в смене главного редактора нет и редакционная политика «Известий» останется прежней.

В январе 2006 стал известен «Меморандум» Мамонтова, обращенный к сотрудникам «Известий»:

«Известия» – не оппозиционная газета, у нас на дверях написано совершенно другое - «общенациональная». Сегодня эта вывеска обманывает. Мы часто бываем далеки от народа.

Мы не отражаем весь спектр общественного мнения, и это надо поправлять. Да и странно нам, принадлежа практически

государственной корпорации, делать вид, что мы крутые оппозиционеры. От этого противоречия можно и умом тронуться...

Тем, кого такое положение вещей не устраивает – а теперь дело будет обстоять именно так – надо искать другое место работы. Нам предстоит стать в действительности либеральной, влиятельной, живой, респектабельной, интересной российской газетой. Никто не помешает нам предоставлять платформу для борьбы мнений, но хорошо бы всегда оставаться в зоне здравомыслия.

Предел (и лучший пример) либерализма для меня А.Б.Чубайс. Он и либеральную идею отстаивает, и Бурейскую ГЭС строит. Хочу заверить: с приходом нового главного редактора и тех, кто уже пришел и еще придет с ним, закончился период странной журналистской жизни вне политического и социального контента страны.

Владимир Мамонтов: «Известия» — не дубина в руках власти!»

Вести сегодня | 03 мая 2006, 10:14

Есть ли в России цензура в СМИ, как относиться к олигархам, мечтающим заполучить рупор в прессе, и вообще — возможно ли сейчас издавать действительно независимую газету? Об этом и многом другом рассказал «Вести Сегодня» Владимир Мамонтов — редактор «Известий», газеты, являвшейся в СССР официальным печатным органом власти.

«Известия» появились в 1917 году, когда был учрежден Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. На страницах газеты публиковались самые важные

документы Октябрьской революции — «Декрет о мире» и «Декрет о земле». «Известия» стали первой советской газетой, у которой появились собственные корреспонденты. Ее называют еще и кузницей литературных кадров, именно в «Известиях» впервые печатался еще не признанный Маяковский, а также Мариэтта Шагинян, Михаил Кольцов, Валентин Катаев.

О чем писала газета, можно узнать, если пройти по коридору первого этажа издательского дома: 1917-й — сообщение о революции, на первой полосе — фото Владимира Ильича и его речь, 1941-й — начало Великой Отечественной войны и слова Иосифа Виссарионовича, 1992-й — распад СССР и обращение Михаила Сергеевича. Разумеется, сейчас газета совершенно другая. Так, в 2005 году лидер мировой прессы — The New York Times выбрала «Известия» в качестве партнера для издания в России приложения... За последние 15 лет газета менялась, ее тиражи взлетали до 10 миллионов, падали до 100 тысяч... Вот уже полтора года главным редактором «Известий» является Владимир Мамонтов — один из ведущих журналистов, которому в России, можно смело сказать, равных — единицы.

— Не стоит так громко обо мне — «ведущий». В России и вообще на территории бывшего Союза еще стоят в наших рядах такие мэтры, как, например, ваш главный редактор — Александр Блинов. Ему от меня большой привет и пожелание: «Доброго здоровья!» Уважаю его, вот уж таких, как он, действительно единицы в мире! — замечает Владимир Мамонтов. — Но если говорить об «Известиях», наша газета за эти годы сильно менялась, расширялась, сокращалась...

Я же пришел сюда полтора года назад из «Комсомольской правды», тиражи которой при мне там поднялись до трех миллионов, а с новым редактором газета стала желтее самого желтого листка... Моя цель — поднять «Известия». Сейчас наш подлинный тираж 150 000. Но эти тысячи — честные! Была идея раздавать какую-то часть тиража бесплатно или же «ради престижа» подписывать большие компании «за так», но отказались. Зачем людей обманывать?

— **«Известия» до сих пор рупор власти?**

— Я смотрю на газету не как на инструмент чьей бы то ни было власти. Газета существует для читателей, и чем больше их становится, тем большей информацией они располагают, а тогда уже сами могут влиять на власть. Здесь позволю себе несколько переиначить известную мудрость: осведомлен, значит, вооружен. А рассматривать газету как дубину в руках той или иной политической группировки я не желаю. Это скучно.

— **Странно это слышать из ваших уст, ведь владелец газеты — компания «Газпром».**

— Если вы на Путина намекаете, то бросьте. Поверьте, президент России если и использует прессу как возможность влияния на умы людей, то крайне слабо. Хотя мне кажется, ему это просто не нужно. Его авторитет и так велик. А то, что в Кремле периодически вспыхивают небольшие пожары, так они столь же быстро и гаснут. Вернее,

их столь же быстро и тушат. Поэтому, если отдельные министры в какой-то момент игнорируют распоряжения президента, это вовсе не означает, что Путин теряет свои позиции. Просто эти «непослушные» не понимают, что подставляются. Вдобавок далеко не все персоны у власти, занимающие министерские посты, грамотные и честные люди.

Возвращаясь к «Газпрому»... Да, эта компания владеет «Известиями». Но я работал со многими издателями, и, поверьте, главы «Газпрома» ничем не отличаются от других: жадные, денег не дают, но хотят, чтобы мы привлекали дорогих журналистов, повышали тираж. А диктовать нам что-либо, мне кажется, руководству «Газпрома» просто лень, ему важно только одно: прибыль от «Известий».

— Смело!

— А меня за это и уважают. Но заметьте, если бы издатели разбазаривали деньги, а не жались, то вскоре обанкротились бы. Ведь либо ты директор огромной компании, либо щедрый. Среднего не дано. И я долго думал, что лучше — «сидеть на игле» у олигарха и кричать: «Я независим от всех политических властей!» или печатать иногда... как бы это поизящнее... «заказные материалы Кремля», но все же сводить концы с концами самостоятельно? Правильного ответа на вопрос просто нет, зато, согласитесь, удобная тема для спекуляций.

— Часто «заказывают» из Кремля?

— Нет. Не «заказывают» и даже не дают. Политики (разного уровня) в России уже давно не звонят и не угрожают редакторам СМИ, но, если хотят получить место в газете, идут к спонсору, просят деньги, а потом оплачивают свою рекламу. Здесь же Москва, все предельно цинично. Без денег ты и носу никуда не сунешь: либо плати и получай то, что хочешь, либо кушай то, что за тебя сварят... В то же время мы позволяем одному автору печататься бесплатно. Его зовут Владимир Владимирович Путин. Иногда он высылает нам короткие материалы под рубрикой вроде «Свой взгляд». Причем он излагает свое видение мира нормальным человеческим языком, а не «по-президентски». Это приятно!

Рядом с ним на наших полосах высказываются и очень грамотные публицисты оппозиции — Максим Соколов или Михаил Леонтьев. Их взгляд сильно отличается от «кремлевского». И знаете, Путин лично мне звонил и благодарил за объективность подачи материалов, когда на одной странице публикуется и его мнение, и мнение совершенно иное, пускай даже куда более жесткое, по тем или иным вопросам. Это я вам сказал, предугадывая следующий вопрос о цензуре СМИ в России. Нет ее, этой цензуры.

— Но оппозиция-то кричит, что все СМИ в России куплены властью?

— Сперва замечу: российская политическая оппозиция сейчас с дряблыми мускулами, поэтому сперва, перед тем как делать подобные заявления, ей надо бы сходить в спортзал. И что значит оппозиция? Ирина Хакамада — оппозиция? Так если она придет к нам, мы дадим ей возможность высказаться. Борис Березовский, Борис Немцов, Дмитрий Rogozin — оппозиция? Еще какая! Мы будем рады напечатать их мнение... У этих

людей была власть, но они сами же ее упустили, поскольку хотели большего, а вовремя не проанализировали ситуацию. Газета по определению должна быть трибуной для всех без ограничений.

И вообще, хватит прогибаться! На политическую кухню мы, журналисты, уже отнесли все ресурсы. Все туда! Ни один факт и ни одно событие теперь читателями не рассматриваются без того, чтобы не задать вопрос: а кто этот материал заказал — Березовский из Лондона или «банда кровавых чекистов»? Сумасшедший дом! Но постепенно это уйдет из общества.

— **Людям эти разборки уже надоедают.**

— А читать о них тем более надоело! Простой человек хочет, чтобы газета наконец помогала ему. Помогла ему хотя бы чиновника–гада победить, который жить мешает и все время берет взятки. А если несчастному забитому интеллигенту все время рассказывать о противостоянии Путина и Березовского, славянофилов и западников, либералов и государственников, то он в конце концов плюнет, порвет газету и даже в туалет с ней не пойдет, поскольку противно будет. Я бы хотел, чтобы «Известия» вернули некогда утраченный бренд — общенациональной газеты для думающих людей.

— **И какая теперь самая актуальная для вас тема?**

— Хочу договориться с мэтрами «Известий», чтобы они написали подлинную историю газеты, которую сами помнят, скажем, начиная с брежневских времен. А то, что было в далеком прошлом, еще при жизни Владимира Ленина, пускай авторы возьмут из архивов... Уверен, книга будет очень интересна, в том числе и читателям из Латвии, поскольку громким событиям в вашей стране мы всегда уделяли место на газетных страницах.

— **Спасибо за беседу.**¹⁶⁸

Не дай Бог, погром и революция

«Предвыборная кампания сейчас особая, и, непременно, у всех кандидатов какие-то зачехленные орудия по кустам стоят. Ближе к финалу кампании они их выкатят и ударят», — сказал газете ВЗГЛЯД Владимир Мамонтов, бывший главный редактор газеты «Известия». Так он прокомментировал свое участие в предвыборной газете «Не дай Бог!».

¹⁶⁸ <http://rus.delfi.lv/archive/vladimir-mamontov-izvestiya-ne-dubina-v-rukah-vlasti>.

С февраля в Российской Федерации начнет выходить газета «Не дай Бог!». Ее возглавит бывший главный редактор «Известий» Владимир Мамонтов. Финансовыми вопросами займется экс-гендиректор медиагруппы «Живи!» (принадлежит группе ОНЭКСИМ Михаила Прохорова, который баллотируется в президенты) Юрий Кацман. Представитель Прохорова уже заявил **РИА «Новости»**, что «это личный проект Кацмана и его друзей».

Отметим, что одноименная газета выходила в Российской Федерации во время президентской кампании 1996 года. Издание с 10-тысячным тиражом крайне резко критиковало Геннадия Зюганова, конкурента тогдашнего президента Бориса Ельцина. Чем нынешняя реинкарнация издания будет отличаться от прежней, газете ВЗГЛЯД рассказал куратор редакционной политики газеты «Не дай Бог!» Владимир Мамонтов.

ВЗГЛЯД: Владимир Константинович, почему вы взяли такое же название, как у газеты 1996 года?

Владимир Мамонтов: Да, у всех возникает такая ассоциация. Многие помнят эту газету. Но название данного проекта еще не утверждено. К тому старому проекту наша газета никакого отношения не имеет и общего с ним иметь будет мало.

Организаторами газета задумывается как временный предвыборный проект, который не поддерживает какого-то одного кандидата в президенты. В ней 2 основополагающих мотива. 1-й – мы за честные выборы. С данным сложно не согласиться. Все за честные выборы. Правда, по-разному понимают. Думаю, это увлекательно: договориться тем, кто по-разному понимает, что такое честные выборы. Второе, что важно: проект будет поддерживать в конституционном поле яркую борьбу между кандидатами в президенты.

ВЗГЛЯД: Против чего будет выступать газета?

В. М.: По его задумке и по идеологии, если у него останется название «Не дай Бог!», то что, собственно говоря, не дай Бог-то? Понятное дело, что не дай Бог, погром, революция, нестабильное развитие страны. И не дай Бог, возвращение в 90-е годы, не дай Бог, падение уровня жизни людей и так далее – все, чего бы не хотелось получить в итоге революционного или иного развития событий. Конституционное поле, честные выборы, цивилизованная борьба политических сил – и результат, который всеми участниками будет принят как естественный и законный.

Я пока не хочу строить предположения, как это будет получаться в журналистском плане, потому что хуже всего понастроить всяких предположений, а потом все это не реализовать.

ВЗГЛЯД: Газетам.нет будет на бумаге?

В. М.: Это еженедельный бумажный проект. Какая-то часть так или иначе будет заявлена в Интернете. Часть тиража будет распространяться без чьей-либо помощи, а часть – в многотиражных изданиях вкладкой. Сейчас идут переговоры с «Комсомольской правдой», «Аргументами и фактами». В какой стадии располагаются эти переговоры, я не знаю. Моя роль будет заключаться в кураторстве редакционных дел. 1-й номер, как ожидается, выйдет в середине февраля.

ВЗГЛЯД: Кого вы видите своей аудиторией?

В. М.: Понятно, если это будет вкладка в многотиражные газеты, то это будет аудитория данных газет. Иначе зачем делать вкладку в многотиражные газеты,

если рассчитывать только на крайне высокообразованную публику? Естественно, это будет широкий круг читателей.

ВЗГЛЯД: Будет ли, по-вашему, ужесточаться информационная кампания кандидатов ближе к выборам?

В. М.: Предвыборная кампания сейчас совершенно особая, и, непременно, у всех кандидатов какие-то зачехленные орудия по кустам стоят. Ближе к финалу избирательной кампании они их выкатят и ударят. Для меня и для многих граждан важно, чтобы в ходе этой предвыборной пальбы не пострадали более важные вещи: интересы каждого из нас, наших семей и детей, нашей страны, хотя можно понимать по-разному ее интересы. Совершенно ясно, что из любых политических передраг Россия не должна выходить более слабой, раздерганной в волнениях и смутах.

Так всегда бывало, чем ближе предвыборная кампания к финалу, тем она острее. Газетам.нет «Не дай Бог!» как раз предлагает конституционное поле для этой борьбы. Мы будем за здравый смысл, уравновешенность, нормальную политическую процедуру и за здоровое политическое содержание.

Особое мнение. Владимир Мамонтов

Время выхода в эфир: 2007-01-08 17:10

Газ, нефть и «Дружба», связавшие Россию и Белоруссию. Внезапная отставка католического священника. Заявка России «Сочи-2014». По этим темам выскажет свое особое мнение главный редактор газеты «Известия» Владимир Мамонтов. Ведет программу Лев Гулько. **Л. ГУЛЬКО:** Здравствуйте, меня зовут Лев Гулько, это передача «Особое мнение», я напомним, что мы идем параллельно в двух эфирах радиостанции «Эхо Москвы» и телекомпании RTVI, сегодня **Владимир Мамонтов**, главный редактор газеты «Известия» - приглашенный гость, который будет отвечать на ваши вопросы, добрый вечер.

В. МАМОНТОВ: Добрый вечер.

Л. ГУЛЬКО: Здравствуйте, Владимир. Ну что, мы, собственно, начнем с газа, потому что деваться некуда.

В. МАМОНТОВ: С газа, с нефти.

Л. ГУЛЬКО: Газ, нефть, перекрыли, на нефть цены подскочили, любопытно, давайте, знаете, с чего начнем, начнем с вопроса, который был задан ведущими радиостанции «Эхо Москвы», ведущими дневного «Разворота», двумя Александрями, Плющевым и Климовым, кто же победит в этом споре, Белоруссия или Россия, в эфире. Я посмотрел на сайте «Эхо Москвы» результаты. В эфире, в прямом эфире победила Белоруссия в голосовании, а на сайте в Интернете победила Россия. Нет единства.

В. МАМОНТОВ: Нет единства.

Л. ГУЛЬКО: И вообще кто победит, такой вопрос риторический, который задают все.

В. МАМОНТОВ: Да, в виртуальном мире кто-то там победит, конечно, или не победит, от этого мало что, наверное, изменится, а если в жизни реально, то мне не очень

нравится то, что наши отношения с Белоруссией зашли, вошли в такую стадию, где мы друг другу угрожаем, отключаем друг другу газ, вводим таможенные пошлины и т.д. Если верить всем разговорам ответственных товарищей о том, до какой же степени продвинулись союзные отношения, вот-вот рубль будет единым, вот-вот еще там.

Л. ГУЛЬКО: Это говорят товарищи, которые в этих структурах.

В. МАМОНТОВ: Да, эти товарищи.

Л. ГУЛЬКО: Бородин, например.

В. МАМОНТОВ: Да, они уверяют, что дело зашло очень далеко, что мы, на самом деле, кое-где, действительно, продвинулись.

Л. ГУЛЬКО: Нет, на самом деле, народ белорусский, он же очень добрый, он же хороший, и российский тоже.

В. МАМОНТОВ: Да.

Л. ГУЛЬКО: Как-то народы отдельно, а товарищи как-то отдельно, понимаете?

В. МАМОНТОВ: Это вызывает у меня большую тревогу, конечно, такое сожаление человеческое. Я понимаю, что Россия сейчас заняла такую позицию, наверное, более правильную с экономической и вообще с любой иной точки зрения, перестать оплачивать дружбу чью-либо, перестать оплачивать дружбу, которая не сильно подтверждается в реальной жизни. Мир довольно просто устроен, мне кажется, что если какая-то страна серьезно финансирует, спонсирует другую страну, она вправе рассчитывать, что та страна, называется она братской, союзнической, не называется, должна как-то отвечать взаимностью какой-то.

Л. ГУЛЬКО: Взаимовыгодные условия.

В. МАМОНТОВ: Да, взаимовыгодными условиями, да. На каком-то этапе все, что касалось СНГ, было пересмотрено под этим углом зрения, дружба дружбой, табачок врозь, кошелек врозь, денежки врозь и т.д. Наверное, это правильно. Но во всякой истории есть своя, у всякой медали есть две стороны, во всякой истории есть такая предыстория. Ведь, на самом деле, мне кажется, что если хорошенько разобраться в этой нефтяной и газовой истории с Белоруссией и с Россией, то, может, там окажется все не так просто. Я думаю, всевозможные видимые миру и не видимые миру взаимозачеты, взаимопроникновение экономик, стратегические оборонные какие-то вещи, которые у нас едины, они подвергаются определенной опасности и расшатываются такими действиями. Хотя еще раз хочу сказать, такая политика, более прагматическая, наверное, верна. Но мне бы очень не хотелось, чтобы эти взаимоотношения сейчас переросли, например, в необходимость обустроить государственную границу с Белоруссией по-настоящему, если уж у нас там таможенные пошлины, все идет по такому, вдруг пойдет по такому сценарию, дальше надо границу обустраивать, а это, между прочим, тоже недешево. Еще неизвестно, что дешевле нам обойдется, все-таки договориться о каких-то взаимоприемлемых ценах на энергоносители или поссориться окончательно.

Л. ГУЛЬКО: Ну как, сейчас уже, собственно, договариваться некогда. Взял Лукашенко и назначил. Такой ответ, да?

В. МАМОНТОВ: Это такой ответный ход, да.

Л. ГУЛЬКО: На что он рассчитывал, расчет, он же расчетливый человек, господин Лукашенко, все-таки, да, правда?

В. МАМОНТОВ: Трудно сказать.

Л. ГУЛЬКО: Это шантаж или это что?

В. МАМОНТОВ: Это определенный шантаж, я считаю.

Л. ГУЛЬКО: Понятно.

В. МАМОНТОВ: Это попытка, мы же давим, в сущности, если так говорить по-простому, мы же давим, когда говорим – вот такая цена на газ и точка. Они повздыхали, подсчитали, у них там, кстати, бюджет еще не сверстан, в Белоруссии, по сей день, согласились, подписали. Но осадочек остался. Тогда в ответ выезжает тема нефти, выезжает тема перекрытия нефти в Европу. Это неправильный путь, конечно.

Л. ГУЛЬКО: А эти ребята, которым мы поставляем нефть, Польша, Германия, им же все равно, какие у нас взаимоотношения, вы хоть, я не знаю, передеритесь все, дайте нам нашу долю.

В. МАМОНТОВ: В общем, да, дайте нашу долю. Там, к счастью, закачано к ним достаточно большое количество, это конкретное отключение, если мы договариваться будем, завтра, насколько я знаю, приезжает достаточно представительная делегация в Москву с тем, чтобы все-таки подоговариваться. Подоговариваться, уровень, насколько я понимаю, сейчас уточняется, он может быть достаточно высоким вплоть до премьера.

Л. ГУЛЬКО: И опять за две минуты до нового года.

В. МАМОНТОВ: До старого.

Л. ГУЛЬКО: До старого.

В. МАМОНТОВ: До старого нового года, может быть, подпишем. Очень бы не хотелось, чтобы еще одно напряжение возникло такое. Хотя Лукашенко – очень сложный товарищ, ничего хорошего от него ожидать я лично ничего хорошего от него ожидать не могу в этой ситуации, но, как вы правильно сказали, как это, два народа, в общем, народ-то хороший, за что страдает.

Л. ГУЛЬКО: Я еще раз напомним, что Владимир Мамонтов – наш сегодняшний гость, это гл. редактор газеты «Известия», отвечает на ваши вопросы, это «Особое мнение» передача. Все-таки давайте тут пойдём дальше, потому что нам пишет, сейчас скажу, кто, на пейджер, Анастасия из Оренбурга, она пишет вот что – что вы кипятитесь по поводу конфликта Белоруссии и России, в течение трех лет, человек смотрит далеко, Россия распадется на три части, европейскую под управлением Путина, вторая – Западная и Восточная Сибирь под управлением «Газпрома», Дальний Восток под управлением русских, победит газопровод «Дружба», Анастасия, Оренбург.

В. МАМОНТОВ: Пять лет тому назад, тогда я еще работал в «Комсомольской правде», наш один очень хороший обозреватель, к сожалению, ныне покойный, Женя Анисимов, написал очень интересную, яркую и большую провокационную статью, почему через два года, по-моему, распадется Россия. И он очень интересно там разложил, она такая была длинная, очень обстоятельная, похожа, кстати, некоторые положения похожи на это читательское мнение, а потом, в конце, правда, Евгений написал, как сейчас помню, следующую фразу, и все это произойдет, если мы ничего не будем делать и будем дураками, вести себя так, чтобы ничего не противопоставить этим тенденциям. Мне кажется, что через три года ничего подобного не произойдет, а с Белоруссией нам все

равно надо отношения строить, так или иначе, то ли в союзное государство все-таки объединяться, то ли, наконец, бросить эту идею. В общем, чем хороши всевозможные конфликты, они обостряют ситуацию, доводят до определенной точки, приводят ее на определенную границу.

Л. ГУЛЬКО: Т.е. когда уже надо решать?

В. МАМОНТОВ: Да, когда надо это решать.

Л. ГУЛЬКО: Я понимаю вас, да.

В. МАМОНТОВ: Это какая-то определенность, на душе легче становится, либо так, либо по-другому.

Л. ГУЛЬКО: Еще один аспект этой проблемы, это наш имидж, о котором мы так все много говорим, все эксперты говоря, в газетах говорят, на радио говорят, имидж наш, он же портится, он же все-таки несмотря ни на что, как вы говорите, осадок-то остается.

В. МАМОНТОВ: Осадочек остается, да.

Л. ГУЛЬКО: Не хотелось бы.

В. МАМОНТОВ: Да, не хотелось бы, конечно. Нет, кто же против, всем хочется выглядеть красиво, симпатично так.

Л. ГУЛЬКО: Оно же выгодно.

В. МАМОНТОВ: Мирно, цивилизованно. Оно и выгодно выглядеть. Но мне представляется, просто сейчас такой этап, некоторые переделки взаимоотношений России со многими государствами, с Европой, с США, со странами постсоветского пространства, и сейчас надо пережить его, подойти к тем самым решениям, когда так, а не иначе, выработать уже какую-то точную единую политику. На этом переходном периоде, мне кажется, потери в имидже неизбежны, это плохо, конечно, имидж – вещь хорошая, желательно его не терять по дороге. Но, может быть, более важно сейчас все-таки уяснить, уяснить для себя самих свои собственные приоритеты, возможно, в чем-то ошибаться, возможно, в чем-то поправиться, не все так легко это делается, но это на данном этапе, мне кажется, важнее имиджа как такового. У нас был очень хороший, красивый имидж лет эдак 10-12 тому назад, нас все любили очень, Россию, все нам помогали.

Л. ГУЛЬКО: Вы верите, что любили?

В. МАМОНТОВ: Фильмы снимали.

Л. ГУЛЬКО: Любви-то не бывает в большой политике.

В. МАМОНТОВ: Делали вид. Но, по крайней мере, имидж страны, которая сбросила путы коммунистического гнета и идет теперь, шагает в демократическое будущее завтра, он как-то всему миру страшно нравился. В это время в России творилось бог весть что, мы с вами отлично помним это.

Л. ГУЛЬКО: У них там тоже, знаете, бог весть что творится.

В. МАМОНТОВ: Всякое бывает.

Л. ГУЛЬКО: Да, мне интересно ваше мнение по поводу отставки католического священника, который вот-вот должен был занять определенный пост. И вдруг узнают, что он сотрудничал с секретными службами, хотя, как потом уже выясняется, невозможно было не сотрудничать, никому вреда он не причинил, но, тем не менее, вот ситуация, вот история.

В. МАМОНТОВ: Вы знаете, только что вернулся из Брюсселя, тихая, приятная страна – Бельгия, хорошая, где скоро будут решать вопросы по нашей энергетической безопасности, и по нашей, и по их энергетической безопасности. И все-то там есть тоже, и проблемы, и несчастья человеческие.

Л. ГУЛЬКО: Скучно.

В. МАМОНТОВ: Более скучно, чем у нас, но, на самом деле, даже там все имеется и присутствует, и грехи человеческие, и слабости. И когда мы себя иногда так сами в тупик загоняем, говорим, да что же у нас-то ничего, это беззаконие и безобразие, кругом, такие случаи, они меня сразу наводят на мысль о том, что, в общем, в целом, мир един, люди очень похожи, мотивировки их поведения похожи, к сожалению, и единственное, что мы можем делать лучше, это все-таки как-то стремиться стать получше, поцивилизованнее, но не впасть при этом, для меня тоже важно, но не впасть при этом в еще один такой интересный грех, лицемерие, там много лицемерия еще.

Л. ГУЛЬКО: А эта ситуация в Польше с этим священником, это лицемерие или что? Вообще эта проблема люстрации, да?

В. МАМОНТОВ: Вы знаете, надо поглубже посмотреть, может быть, конкретно в досье этого человека и в глаза этому человеку, посмотреть, как там реально, что реально с ним происходило, но вообще когда, я почему-то вспомнил, это, наверное, не очень хорошая параллель, но я почему-то вспомнил ситуацию, в Дрездене шел большой питерский форум. На нем выступал Михаил Сергеевич Горбачев, как раз в этот момент стало известно об убийстве Политковской. Появился там чеченский след и т.д. И Горбачев тогда сказал – не надо торопиться, сказал он, понимаете, ведь не надо искать, обвинять сразу Кадырова, потому что в мире всякое бывало, сказал мудрый Михаил Сергеевич. Если вспомнить, как Ясира Арафата сначала террористом называли.

Л. ГУЛЬКО: Премию мира дали.

В. МАМОНТОВ: А потом Нобелевскую премию мира дали.

Л. ГУЛЬКО: Конечно.

В. МАМОНТОВ: Все в жизни бывает, надо все, к этому надо очень мудро относиться, эти мудрые слова Михаила Сергеевича я тогда запомнил, они были чрезвычайно вовремя сказаны, для него, может быть, и не простые были слова, на самом деле, потому что он сам пережил многое в этом смысле, к нему по-разному относились, и ко всем его.

Л. ГУЛЬКО: И относятся.

В. МАМОНТОВ: И относятся сейчас, да, эта мудрость, которой я в этой истории не очень вижу, если честно, не очень вижу много мудрости в подобных историях, этой мудрости не хватает. Не хватает и у них, и у нас.

Л. ГУЛЬКО: «Особое мнение», Владимир Мамонтов, гл. редактор газеты «Известия», кстати, газета, для тех, кто интересуется, интересующихся достаточное количество, хочется уже почитать газеты, выйдет, я так понимаю, 10-го числа.

В. МАМОНТОВ: Завтра мы выйдем на работу, сделаем газету. Газета будет интересная, уверен, хотя бы потому, что нам деваться некуда, мы за 10 новогодних дней должны будем дать какие-то комментарии по всем тем главным событиям, которые произошли. Это немножко не газетная будет газета, что-то надо читателям.

Л. ГУЛЬКО: Т.е. аналитики будет больше?

В. МАМОНТОВ: Аналитики будет больше.

Л. ГУЛЬКО: Больше?

В. МАМОНТОВ: Да.

Л. ГУЛЬКО: Слава богу, почитаем, так что не волнуйтесь, 10-го числа газеты, большинство газет выходит.

В. МАМОНТОВ: «Известия» точно.

Л. ГУЛЬКО: На свои места. Еще одно сегодняшнее событие, которое, несомненно, имеет отношение к имиджу нашей страны, это сегодня в Лозанне представлена заявочная книга официальная города-кандидата на проведение Олимпийских игр, называется она «Сочи-2014», все красиво. Дальше ее будут изучать, листать, восхищаться, наверное, радоваться. Как вы считаете, вообще возможно проведение? Я пейджер посмотрел.

В. МАМОНТОВ: Что пишут?

Л. ГУЛЬКО: Как раз предыдущий, там много чего пишут, ребята тоже обсуждали днем на «Эхе Москвы» эту тему, естественно. Пишут от, скажем, каких-то таких взвешенных каких-то реплик, что да, действительно, это развитие, это инфраструктура, это новые какие-то инвестиции и прочее, до, скажем, такого сообщения на пейджер, я сейчас по памяти, но близко к тексту, да наплевать мне, я живу за чертой бедности, сдал бы куда-нибудь паспорт, уехал бы в лес, а вы тут о своем Сочи, наплевать.

В. МАМОНТОВ: Наплевать, да, вы знаете...

Л. ГУЛЬКО: Выгоды.

В. МАМОНТОВ: Выгоды.

Л. ГУЛЬКО: Невыгоды, зачем нам это, плюсы-минусы, возможно ли это, между прочим, потому что тут пишут...

В. МАМОНТОВ: Шансы есть.

Л. ГУЛЬКО: Название южнокорейского города, оно вам пригодится.

В. МАМОНТОВ: Это тоже правда, но шансы есть, шансы есть, у Сочи, по крайней мере, мне кажется, окажусь плохим пророком, но ладно, шансы есть у Сочи, вот почему, как мне кажется, логика такая. Есть масса зимних горнолыжных и иных лыжных, конькобежных точек, где уже неоднократно проводились Олимпиады, они все на перечет, это Скво-Вэлли, Зальцбург и т.д., Инсбрук.

Л. ГУЛЬКО: Куршевель.

В. МАМОНТОВ: Куршевель.

Л. ГУЛЬКО: Как его не упомянуть?

В. МАМОНТОВ: Почти, да, и появление нового такого интересного места на карте, это, на самом деле, привлечет и бизнес, привлечет и спортивный бизнес, и спортивный мир. На самом деле, это не только нам нужно, на самом деле, у Сочи есть шансы потому, что мировая спортивная экономика, если можно так сказать, давно заинтересована в появлении еще одного такого достаточно интересного центра зимнего спорта. Она сюда потащит инфраструктуру, коньки, лыжи, продавать пирожки, «Пепси-колу» и т.д.

Л. ГУЛЬКО: Пирожки-то дороже будут.

В. МАМОНТОВ: А пирожки обязательно будут дороже.

Л. ГУЛЬКО: Не по 15 руб. за пирожок.

В. МАМОНТОВ: Обязательно будут дороже. И вино местное кислое тоже подорожает, я думаю, а может быть, вообще сменится добрым вином, которое там в Краснодарском крае, кстати, сейчас благодаря стараниям тамошних и французских виноделов, между прочим, стали очень благопристойное вино производить. Так что эти наши радости дешевого Сочи, кислое вино, вповалку на пляже.

Л. ГУЛЬКО: И не совсем уж дешевое.

В. МАМОНТОВ: И не совсем оно уже и дешевое сейчас, вповалочку на пляже и т.д., все эти наши постсоветские, советские и постсоветские радости, они, безусловно, если эта история пройдет, они сменяются другим. Сочи станет совершенно другим городом.

Л. ГУЛЬКО: А что будут с этого иметь, как вы считаете, жители, что мы с этого будем иметь? Жители города Сочи?

В. МАМОНТОВ: Жители города Сочи, мне кажется, у них работы будет много по поводу Олимпиады, туризма и всего остального. Они получают, там же ведь как, приедут совершенно другие люди, следовательно, да, все это станет дороже, но и для тех, кто работает, это станет выгоднее. Т.е. там произойдут, очевидно, какие-то серьезные социальные и иные перемены. Другой вопрос, произойдут ли, для этого, я знаю, в Сочи делается очень многое. Я в прошлом году трижды был в Сочи, каждый раз приезжал и каждый раз заново город узнавал, потому что семимильными шагами он идет там вперед. А потом есть такая точка зрения, ее не очень разделяют, на самом деле, в том числе, и в руководстве Краснодарского края, и в городе Сочи, но, на самом деле, даже не получим мы Олимпиаду, получим нормальный развитый, хороший еще один город-курорт на берегу Черного моря.

Л. ГУЛЬКО: Т.е. вы считаете, что даже если мы не получим Олимпиаду, то инвестиции туда все равно потекут.

В. МАМОНТОВ: Потекут, они уже туда текут.

Л. ГУЛЬКО: Но сейчас-то они больше по приказу текут, наверное, все-таки.

В. МАМОНТОВ: Там всякое есть.

Л. ГУЛЬКО: Всякое.

В. МАМОНТОВ: Всякое там есть, потому что по приказу текут, конечно, разумеется, текут по приказу, но, на самом деле, что уж такого плохого – вложиться в развитие будущего нашего Черноморского курорта, я тоже не знаю. Я знаю, что кто-то приказу, а кто-то сейчас свои деньги, я, например, твердо знаю, вкладывает и сам в Сочи, потому что не только в Олимпиаду верит, а вообще в целом верит в то, что там неизбежно развитие.

Л. ГУЛЬКО: Андрей пишет нам из г. Москвы, вы думаете, что международный олимпийский комитет забыл про дефолт 98 года? Так человек связывает.

В. МАМОНТОВ: Да.

Л. ГУЛЬКО: Риски, риски, экономические риски, да.

В. МАМОНТОВ: Господи, так когда-то давным-давно, боюсь опять ошибиться, но в 78 году вообще доллар рухнул, что же нам, теперь всю жизнь это помнить? Он рухнул, страшное дело было, между прочим, было. Люди так не устроены, чтобы в таком-то году у нас был дефолт, теперь 30 лет туда не ступает нога бизнесмена. Дефолты дефолтом, а в этом году у нас рекордные, у нас хорошо капитал и утекает из страны, хорошо утекает, но и между прочим, рекордно приток в этом году, в прошлом году.

Л. ГУЛЬКО: Так больше утекает или больше притекает?

В. МАМОНТОВ: Сейчас не буду, не буду говорить точно, но, по-моему...

Л. ГУЛЬКО: Или об этом напишет Александр Лившиц на страницах вашего издания?

В. МАМОНТОВ: Александр Лившиц, да, надо ему позвонить, сказать.

Л. ГУЛЬКО: Между прочим, да.

В. МАМОНТОВ: Поставил меня Лев Гулько в тупик.

Л. ГУЛЬКО: Мысль, да.

В. МАМОНТОВ: Своим вопросом, и пусть Александр Лившиц теперь отдувается.

Л. ГУЛЬКО: Нет, это же не только меня, Льва Гулько, интересует, это интересует всех, на самом деле.

В. МАМОНТОВ: Я просто сейчас на память, на память не помню. Но цифры приблизительно равны, если я правильно помню, цифры приблизительно равны, там уже нет такого оттока, очень хорошие инвестиции в страну прибывают. А вообще я обязуюсь, раз так вышло, 10-го числа в «Известиях» будет комментарий на эту тему.

Л. ГУЛЬКО: Спасибо большое, так неожиданно появится комментарий в газете «Известия». Еще раз напомню, что это Владимир Мамонтов, гл. редактор газеты «Известия», сегодня отвечает на ваши вопросы, это «Особое мнение». У нас две минутки до перерыва, некие такие реплики, может быть, есть. Я собрал их как-то в одну кучу здесь, здесь есть по Белоруссии достаточно много реплик, естественно, и мысль такая о том, что рост цен на нефть на мировых нефтяных, собственно, биржах, нам же и хорошо, спасибо за это товарищу Лукашенко. С одной стороны, мы теряем имидж, а с другой стороны, растут цены на нефть.

В. МАМОНТОВ: Получаем деньги.

Л. ГУЛЬКО: Получаем деньги, да.

В. МАМОНТОВ: Получаем деньги, да.

Л. ГУЛЬКО: Такая какая-то, весы такие.

В. МАМОНТОВ: Такой интересный, интересный парадокс. Вообще, из них жизнь состоит, из подобных парадоксов.

Л. ГУЛЬКО: Еще, еще такой сбор мнений, в том числе, и я сегодня почитал мнения экспертов в Интернете, о том, что наши отношения с Белоруссией – это такое продуманный специально, натянутость отношений, продуманный шаг для того, чтобы В.В. Путин взял и потом аннексировал Белоруссию, такой шаг к аннексии.

В. МАМОНТОВ: Конспирологическая такая теория, да.

Л. ГУЛЬКО: О том, что никакой Запад не победит, а победит, хотя мы боремся.

В. МАМОНТОВ: Да, мы задавали вопрос этот тоже читателям «Известий», ставили вопрос, что нам делать с транзитом. Тогда стоял вопрос по газу, что делать с этой трубой. Насчет аннексии, без аннексии и контрибуции, да.

Л. ГУЛЬКО: Желательно.

В. МАМОНТОВ: Насчет аннексии дело такое, вообще-то, честно говоря, мы задавали читателям вопрос, а не взять ли эту трубу, собственно говоря, под охрану, потому как труба-то, в общем, не совсем белорусская.

Л. ГУЛЬКО: В смысле ввести войска?

В. МАМОНТОВ: Как бы осторожнее, как-то так бы осторожнее.

Л. ГУЛЬКО: На «Эхе» задавали такой вопрос.

В. МАМОНТОВ: Да, вот видите, да, и что сказали, как?

Л. ГУЛЬКО: Нет, сказали.

В. МАМОНТОВ: Слушатели «Эха»? Слушайте, молодцы.

Л. ГУЛЬКО: Не надо, да.

В. МАМОНТОВ: Все-таки молодцы.

Л. ГУЛЬКО: А что...

В. МАМОНТОВ: У нас читатели тоже, нет-нет-нет, у нас читатели очень осторожно в этом смысле высказались все-таки за добрососедство, за переговоры, за все дела.

Л. ГУЛЬКО: Владимир Мамонтов, гл. редактор газеты «Известия», мы уходим на перерыв, через несколько минут вернемся, будем принимать ваши звонки.

НОВОСТИ

Л. ГУЛЬКО: И в «Особом мнении» сегодня главный редактор газеты «Известия» Владимир Мамонтов, мы продолжаем передачу, еще одна сегодняшняя новость, новость, можно назвать новостью, из Британии, из Великобритании, по данным газеты «Daily Mirror», вы, наверное, слышали уже это и в новостях

В. МАМОНТОВ: Да.

Л. ГУЛЬКО: Да, поговорив с британским полицейским, с одним из сотрудников специальных служб, так вот, «Daily Mirror» утверждает, что британская полиция на 100% уверена, что знает, кто и как отравил Литвиненко. В связи с этим я задаю вам вопрос, который прислал Артем из Москвы, британская полиция знает, что из этого следует, спрашивает Артем.

В. МАМОНТОВ: Я бы, конечно, все-таки подождал при всем уважении к коллегам из «Daily Mirror», подождал бы, пока сделает заявление официальное Скотланд-Ярд. Мне кажется, что серьезная организация, хорошая репутация у нее в мире, если она сделает то или иное заявление по этому поводу, это игнорировать будет невозможно, на мой взгляд. С другой стороны, сейчас говорить о том, что Ковтун и Луговой, уже ясно, что это они, для меня это немножечко странновато вот по какой причине. Все же-таки они как-никак работники серьезного ведомства, так ловко отравить Литвиненко, чтобы самим чуть не загнуться здесь, это надо сильно постараться.

Л. ГУЛЬКО: Может, знаете, как, потеряли квалификацию?

В. МАМОНТОВ: Потеряли квалификацию?

Л. ГУЛЬКО: Все-таки 10 лет назад, все-таки.

В. МАМОНТОВ: Что же они с такой квалификацией пошли, с такой-то квалификацией на такое дело пошли?

Л. ГУЛЬКО: Некому больше, пошли они, больше некому.

В. МАМОНТОВ: Я думаю, дело все-таки, не знаю, мне кажется, дело тут немножечко не совсем, не совсем в этом. Мне кажется, что все эти ребята бывшие.

Л. ГУЛЬКО: Вспоминая об имидже, кстати, страны.

В. МАМОНТОВ: Да, кстати, и об имидже страны, да, эти все ребята бывшие, мне кажется, они занимались какими-то своими делами, в том числе, возможно, и связанными с полонием, там еще Скарамелло, неизвестно, чем закончится его история, он там арестован, по-моему, я не знаю, за эти дни, по-моему, новостей больших не поступало. И

где-то они, действительно, в этом смысле, они, конечно, потеряли квалификацию, потому что проявили какую-то неосторожность чудовищную, совершенно чудовищную. Если это просто, я не очень верю в то, что это специально посланные люди, тем более посланные властями России с целью отравить Литвиненко. Уж простите меня, есть люди за границей кое-где, в некоторых приятных городах, гораздо больше насолившие нынешней власти российской, если бы она была так устроена, чтобы посылать кого-то и полонием травить, этих бы уж тогда людей, Литвиненко, что, собственно говоря, такое знал и что, собственно говоря, значил, чтобы к нему да еще с такими трудностями, с такими последствиями отправлять специально сильно... что значит, как надо, их надо было 7 лет назад или сколько, 10 лет назад уволить, потом там один сидел, потом все это, потом все равно, все равно под этим великолепным прикрытием отправить все-таки их как агентов и впарить этому Литвиненко полоний.

Л. ГУЛЬКО: Сюжет для очередного блокбастера.

В. МАМОНТОВ: Сюжет для очередного блокбастера, уже права куплены на книгу Литвиненко, я не знаю.

Л. ГУЛЬКО: Куплены, да, собираются.

В. МАМОНТОВ: Куплены, да, уже куплены, собираются снимать, наверняка какого-нибудь хорошего актера, романтизируют.

Л. ГУЛЬКО: Того, который играл Джеймса Бонда.

В. МАМОНТОВ: А прямо Джеймса Бонда, правильно.

Л. ГУЛЬКО: Правда, это писали уже.

В. МАМОНТОВ: Писали уже, да, такая будет история. Но мне только кажется, что как-то к правде это не будет иметь большого отношения, на мой взгляд.

Л. ГУЛЬКО: В общем, мы ждем заявления Скотланд-Ярда.

В. МАМОНТОВ: Кстати, неплохо бы, чтобы и наша прокуратура бы что-нибудь сказала еще, более-менее внятное по этому вопросу тоже.

Л. ГУЛЬКО: Наверное, ведется расследование и с той, и с другой стороны.

В. МАМОНТОВ: Сейчас пока ведется расследование.

Л. ГУЛЬКО: Да, и с той, и с другой стороны.

В. МАМОНТОВ: Поэтому мы тоже, кстати говоря, как и коллеги уважаемые английские, мы нагрузили последние предновогодние номера на всякий случай всеми возможными версиями, и такими, и сякими, и конспирологическими, и какими-то случаями контрабанды, неосторожности и т.д., на всякий случай выложили весь этот пакет, всю эту колоду по Литвиненко с тем, чтобы, в конечном итоге, в конечном итоге, на самом деле, мы не так много знаем, это правда. И нам с вами остается, как и коллегам, они же ссылаются на этого полицейского.

Л. ГУЛЬКО: Анализируют.

В. МАМОНТОВ: Не называя его.

Л. ГУЛЬКО: Конечно, конечно, безусловно.

В. МАМОНТОВ: Поэтому нам остается только, как быть честными перед читателями, выложить все, что приходит в голову нам и нашим экспертам.

Л. ГУЛЬКО: Сами думают.

В. МАМОНТОВ: Да, они пусть сидят и сами думают. И ждут, когда Скотланд-Ярд и

наша Генеральная прокуратура что-то скажут.

Л. ГУЛЬКО: Да, выскажутся. Владимир Мамонтов, гл. редактор газеты «Известия», сегодня в «Особом мнении» отвечает на ваши вопросы, давайте несколько звонков, хотя бы пару, примем для того, чтобы выяснить все-таки, чем дышат.

В. МАМОНТОВ: В посленовогодние дни.

Л. ГУЛЬКО: Помимо других СМИ, да. Добрый вечер, мы слушаем вас, говорите, пожалуйста, нет, вас не слышно и не видно, я скажу вам честно и откровенно. Еще один звонок попробуем, если нет, то тогда мы перейдем к следующей теме. Добрый вечер.

СЛУШАТЕЛЬ ВЛАДИМИР (Петербург): Владимир, вы сейчас говорили, что России не за что было, действительно, полонием травить, такие следы оставлять, а как вы прокомментируете то, что многие люди, они изначально, априори уже Россию сразу поставили это ей в вину? И причем эти люди, ладно бы за границей, они в России живут, на «Эхе Москвы» очень часто выступают Латынина, другие, т.е. Россия изначально виновата.

Л. ГУЛЬКО: Т.е. журналисты виноваты.

В. МАМОНТОВ: Да, Россия, есть такая теория, что все это придумано, с той или иной степенью продуманности для того, чтобы дискредитировать существующую российскую власть.

Л. ГУЛЬКО: Всех купили.

В. МАМОНТОВ: Теория...

Л. ГУЛЬКО: Раздали банковские билетки.

В. МАМОНТОВ: Конечно, как теория, как теория она имеет право на существование.

Л. ГУЛЬКО: Очередной блокбастер.

В. МАМОНТОВ: Очередной блокбастер можно снять, да, но, на самом деле, жизнь обычно всегда сложнее, мне кажется, что, безусловно, есть какие-то силы, которые используют другую возможность немножко подискредитировать Россию, чтобы ей комфортно не ощущалось.

Л. ГУЛЬКО: Вы имеете в виду внутри России?

В. МАМОНТОВ: Я думаю, скорее, все-таки за ее пределами, хотя не исключаю, что есть и внутри. Поподдавливать Россию, что сейчас, цена на нефть хорошая, Россия плечи расправила, чувствует себя обстоятельно, внушительно.

Л. ГУЛЬКО: Дай-ка поддавим.

В. МАМОНТОВ: А дай-ка немножко поддавим, подиктуем.

Л. ГУЛЬКО: Помассируем.

В. МАМОНТОВ: Да, и в этой ситуации, конечно, любая та или иная история в России, она может быть использована для того, чтобы щелкнуть немножко по носу и сказать – ребята, конечно, все это хорошо у вас там с нефтью и с нефтедолларами, денег у вас много. Но посмотрите, что у вас там творится. А творится, в самом деле, кое-что, чего бы сильно бы не хотелось. В этом смысле дело Литвиненко подвернулось как нельзя кстати. Верить в то, что его от начала до конца придумали гении конспирологии, как-то мне, честно говоря, в это верится слабо, потому что так крайне редко бывает в реальной жизни, чтобы такую всю историю взять от первого до последнего шага продумать.

Л. ГУЛЬКО: Давайте тогда я вас, у нас осталось не очень много времени, где-то минута, наверное, до конца, за эту минуту, поскольку вы были за пределами, все-таки в капиталистической стране, и вы как раз попали на казнь Саддама. Реакция в стране, почему такая реакция?

В. МАМОНТОВ: Вы знаете...

Л. ГУЛЬКО: В той стране, где вы были.

В. МАМОНТОВ: Да, я был в Бельгии, все телевизионные каналы, все выпуски новостей в течение нескольких новогодних дней с утра до позднего вечера показывали и комментировали это событие. Через некоторое время после официальных, кусочка этой официальной съемки пошла вброшенная, видимо, телефоном снятая версия более длинная, снова еще один вал всей этой истории. Вы знаете, со всеми нашими друзьями, друзьями за рубежом, с которыми я разговаривал, почти все говорили, что это ошибка, казнь Саддама, что надо было проявить гуманность по отношению к нему. То, что показывали постоянно в эфире, прибавляло Саддаму веса.

Л. ГУЛЬКО: ореол мученика.

В. МАМОНТОВ: ореол мученика создавало ему.

Л. ГУЛЬКО: У нас, к сожалению, закончилось время, но я думаю, что это тема для такого большого разговора следующего, наверное.

В. МАМОНТОВ: В следующем номере «Известий» будет комментарий по поводу.

Л. ГУЛЬКО: Прекрасно, прекрасно. Владимир Мамонтов, гл. редактор газеты «Известия», был сегодня в «Особом мнении», спасибо, всего хорошего, до встречи.

В. МАМОНТОВ: Спасибо вам.

Л. ГУЛЬКО: До свидания.

Алексей Пушков

ИЗВЕСТНЫЙ телемэтр и аналитик Алексей ПУШКОВ вырос как творческая личность не в «Останкино». Он был консультантом международного отдела ЦК, писал речи Михаилу Горбачеву и Александру Яковлеву, составлял аналитические записки руководству страны.

В 1991-м стал заместителем главного редактора газеты «Московские новости». Затем карьера сделала поворот: Пушков вошел в руководство ОРТ, а с февраля 1998-го появился на канале ТВ-Центр как автор и ведущий «Постскриптума». Как утверждает он сам, высшие лица государства по субботам иногда даже откладывают свой вечерний бильярд, чтобы не пропустить его передачу.

— АЛЕКСЕЙ Константинович, рейтинг «Постскриптума» вас устраивает? Он стабильный, но не слишком высокий.

— Хотите рейтинг на конец ноября? После того как в сентябре программу стали показывать в 21.00, он скакнул вверх в 1,5–2 раза. Ожидалась жесткая конкуренция со «Временем», но я ее выдерживаю. Сейчас «Постскриптум» уже играет наравне с «Вестями недели» и «Намедни».

«Обрезание — не моя тема...»

— ПАРФЕНОВ, говорят, смотрится на экране поживее Пушкива...

— Но он не работает в жанре политической аналитики. У него и Неделя моды, и Масяня... Леонид делает неплохую информационно-развлекательную программу. Например, 20 минут эфирного времени посвящается такой «актуальной» теме, как предложение Путина сделать обрезание журналисту, который задал ему неприятный вопрос по Чечне на пресс-конференции в Брюсселе. Парфенов подробно рассказал нам, с помощью какой машинки делают обрезание, насколько это болезненная операция...

— Про бильярд — это вы серьезно?

— Мне рассказывали о таких случаях. Это то, что я называю «качеством рейтинга»... Или, скажем, приезжает Киссинджер в Москву и дает единственное большое интервью не второй или четвертой кнопке, а «Постскриптуму».

— Как влияют на содержание передачи люди из московской мэрии?

— Никак. Они настолько НЕ влияют на передачу, что я иногда даже удивлен. Отношения «Постскриптума» с мэрией — благожелательная нейтральность. Я знаю, что «Постскриптум» смотрит Лужков, он мне об этом говорил. Я ему сказал, что не хотел бы заниматься чисто московской тематикой. Вот если она становится общенациональной, тогда другое дело. Например, выборы или борьба за Московский нефтеперерабатывающий завод. Не было ни одного случая, чтобы люди из мэрии попытались мне что-то запретить или, наоборот, что-то настойчиво рекомендовали. Я обсуждаю программу только с руководителем канала Олегом Попцовым. В конце недели он обычно интересуется, что я задумал. Он понимает, что если начнет на меня давить и подводить под жесткую систему координат, то получит среднее невыразительное нечто, и это никто не будет смотреть. Есть умельцы, которые по указке могут сделать все что угодно, но я к ним не отношусь.

— А как же работа над имиджем Лужкова?

— Это не задача «Постскриптума». При всем уважении к Юрию Михайловичу, если вы найдете у меня подхалимаж в его сторону, дайте мне знать об этом!

Абрамович и кошелек

— ГОВОРЯТ, что «Постскриптум» связан с пиар-службой московского главы...

— Покажите мне того, кто это говорит! Я даже не знаю, кто возглавляет пиар-службу Лужкова. За четыре года существования «Постскриптума» я поддержал Юрия Михайловича по нескольким крупным вопросам: например, в конфликте вокруг МНПЗ, который хотела захватить группа Абрамовича.

— **Вам так не нравится группа Абрамовича?**

— Я исхожу из того, что московское правительство работает на благо города, а группа Абрамовича — исключительно на собственное. Она уже блистательно проявила себя во времена высшего разложения в Кремле в 1999-м, когда оттуда вонь такая шла, что ощущалась в Нью-Йорке. Тогда вся мировая пресса писала об этом. Эта «группа товарищей» не запятнала себя альтруизмом и уважением к обществу. Она считалась кошельком ельцинского окружения и, по слухам, до сих пор пытается доить власть. МНПЗ принадлежит не Лужкову, а городским властям. И тут я на стороне московского правительства... Я также поддержал в эфире Лужкова, когда подписывали договор между Россией и Украиной. Но я был против договора не потому, что так сказал он, а просто сам занимал такую же позицию. И выступил в прессе с большой статьей на эту тему.

Ну и, конечно, безобразная предвыборная кампания 1999-го, когда против Лужкова и Примакова шла разнузданная атака. В такой ситуации сидеть в углу и строить из себя необъективного и неангажированного — это подло. Или уходи с канала, или бери секиру и врубайся в бой.

— **А были случаи, когда вы, так сказать, не соглашались?**

— В СМИ есть свои правила игры. Если вы найдете на CNN критику Тернера, это будет удивительно. Ее там быть не может. На каналах Мердока — критики Мердока. На каналах Эй-би-си не атакуют главных акционеров Эй-би-си. Вот вы, например, будете публично атаковать своего главного редактора? Не думаю.

Психология Березовского

— **ВЫ ДИПЛОМАТ, Алексей Константинович. Поладили и с Лужковым, и с Березовским.**

— Меня на канал ОРТ пригласил не Березовский, а Сергей Благоволин, который был назначен гендиректором ОРТ. Я был из его круга, а не из среды Березовского. Среда Бориса Абрамовича вообще очень специфична. Он привел на ОРТ многих, но не меня. Мои отношения с Березовским были очень сложными, а еще хуже они были с первым замом гендиректора канала по финансам и правой рукой Бориса Абрамовича — Бадри Патаркацишвили. А потому, когда ушел Благоволин, через два месяца с канала ушел и я — за три года до того, как его отняли у Березовского.

Я предлагал Березовскому сделать на ОРТ программу вроде «Постскриптума». Он колебался, размышлял, а потом сказал: «Мне нужна агрессивная передача. Вы

такую делать не сможете. Вы же не будете агрессивным?» — «Нет, я буду вести программу в духе Би-би-си». И Березовский взял Доренко.

— **Значит, на месте Доренко могли оказаться вы?**

— Не мог. Березовскому был нужен бультерьер — душить врагов во время выборов. Я на эту роль не подходил. Когда я поддерживал Лужкова и Примакова во время избирательной кампании, не душил других, а показывал разницу между грязью и информацией... Березовский — хороший психолог. Он мне сказал как-то: «Вы — для того телевидения, которое еще не скоро будет в России. А для нынешнего нужны люди типа Серджи Доренко». Если б у меня были хорошие отношения с Березовским, я бы и сейчас работал на Первом канале. И вся моя жизненная линия была бы другой.

— **И теперь вам приходится оглядываться только на Олега Попцова...**

— На телевидении есть лицедеи, которые отыгрывают чужие партии. Я к ним не отношусь.

— **И вас не пытались использовать в чужих играх?**

— Нет. Пришли к выводу, что не подхожу. А вот других использовали. Я помню, как Березовский подлаживался под Коржакова! И как у него хвалебное интервью по заданию Бориса Абрамовича брал другой известный тележурналист с ОРТ. А я взял интервью у Гельмута Коля. А потом Коржаков превратился на ОРТ из героя в преступника и врага российской демократии.

Любовь и олигархи

— **ИЗВЕСТНО** ваше негативное отношение к Чубайсу, Абрамовичу. С Березовским тоже не сложилось. Кого из олигархов вы любите? И кто любит вас?

— Насчет любви — не скажу. Знаком лично с Бендукидзе, Авеном, Ходорковским, Алекперовым. Но я не вхожу в круг их друзей. Из политиков неплохие отношения с Примаковым, Владиславлевым, Кокошиным, Rogозиным, Явлинским, Хакамадой, Зюгановым...

— **До сих пор поддерживаете отношения?**

— У меня есть его домашний телефон. Я ему иногда говорю, что пора заканчивать с коммунистическими идеями и создавать социал-демократическую партию. Он посмеивается.

— **Не ощущаете себя больше политиком, чем журналистом?**
«Постскриптум» — предел ваших мечтаний?

— Не предел, конечно. Программа — просто способ самовыражения. Сейчас она меня устраивает. 52 минуты, 9 часов вечера, каждую субботу. А мечтания... У меня дипломатическое образование. Я не замыкаюсь целиком на программе: являюсь

экспертом Мирового экономического форума в Давосе, приглашают профессором в Гарвард. Как автор и ведущий аналитической программы я, конечно, участвую в политике. А «Постскриптум» рассматриваю как трамплин для будущих личных проектов, которые поведут меня дальше по ступеням политической жизни.

— **Вы можете уйти из СМИ и заняться государственной деятельностью?**

— Я этого не исключаю.

«Ждать победы на поле боя»¹⁶⁹

Депутат Госдумы Алексей Пушков не поверил, что похитители российской журналистки на самом деле хотят за нее выкуп

«Ведутся разговоры о том, что спецназ нескольких европейских стран уже находится во взаимодействии с боевиками и оказывает им помощь», – рассказал газете ВЗГЛЯД глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков. Так он прокомментировал заявление российского МИДа о том, что режим Башара Асада теряет контроль над страной.

В четверг генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен назвал «вопросом времени» крах режима Башара Асада, призвав сирийского президента остановить насилие и осознать, в какой ситуации он оказался.

«Дамаску необходимо начать процесс, который удовлетворит законные требования сирийского народа», – подчеркнул генсек. Он прокомментировал сообщения о том, что сирийские войска впервые применили против повстанцев накануне баллистические ракеты ближнего радиуса действия «Скад».

«Я считаю, что поле для дипломатического маневра перекрыто Соединенными Штатами Америки. Они поставили на нем жирный крест»

Глава международного комитета Госдумы Алексей Пушков в своем Твиттере выразил мнение, что на возможности решения конфликта в Сирии путем переговоров уже поставлен крест.

«Признание сирийской оппозиции «законной» властью «друзьями Сирии» ставит крест на попытках политического решения. Теперь уже точно – только война», – написал Пушков.

Накануне «Группа друзей Сирии» признала сирийскую Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил законным представителем народа арабской республики. О признании объявил и лично президент США Барак Обама. Глава МИД Франции Лоран Фабиус заявил, что Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил Сирии единственным законным представителем сирийского народа признают 100 стран.

О том, каковы шансы Башара Асада остаться у власти, в интервью газете ВЗГЛЯД рассказал глава думского комитета по международным делам Алексей Пушков.

ВЗГЛЯД: Алексей Константинович, замминистра иностранных дел России Михаил

Богданов заявил, что правительство Сирии все больше теряет контроль над страной и нельзя исключать победу оппозиции. Означает ли это, что в гражданской войне наметился перелом в пользу мятежников?

Алексей Пушков: Когда власть в силу ряда обстоятельств не может подавить вооруженную оппозицию почти в течение года, то инициатива от власти, естественно, может перейти в другие руки. Очевидно, что если еще полгода назад у мятежников не было сильных позиций на севере страны и они даже не замахивались на то, чтобы взять под контроль Алеппо, то сейчас мы видим, что они ведут бои на окраинах столицы и как минимум контролируют часть Алеппо. Они создали опорные пункты и контролируют значительные территории на севере страны. Это факт.

Другое дело, что это происходит не исключительно потому, что нарастает восстание против Асада, а в значительной степени благодаря усилению финансовой поддержки, подпитке оружием. На территории зарубежных государств ведется подготовка боевиков. Там находятся не только лагеря сирийских беженцев, но и тренировочные лагеря для боевиков.

На севере Сирии, о чем писали американские газеты, спецподразделения США отслеживают передачу оружия. Ведутся разговоры о том, что спецназ нескольких европейских стран уже находится во взаимодействии с боевиками и оказывает им помощь. Так что здесь речь идет о серьезной операции против правительства Асада.

И, кстати, на стороне боевиков сражается много иностранцев. Об этом не принято говорить, но там есть и иракские боевые подразделения. Те, кого американцы называют в Ираке террористами, перейдя границу с Сирией, сразу превращаются в борцов за демократию и свободу. Там сражаются боевики из Ливии, Ливана и целого ряда арабских стран. Очень сильная составляющая Сирийской свободной армии – радикальные исламисты.

Сейчас даже Соединенные Штаты начинают выражать беспокойство по поводу нескольких группировок, которые действуют в составе этой армии. Они не признают ни национальную коалицию, признанную США и так называемыми «друзьями Сирии», и вообще, мне кажется, не признают право западных стран планировать какое-то будущее Сирии.

Мне кажется, что для этих радикальных группировок, которые частично связаны с «Аль-Каидой» и с главными исламистскими центрами Среднего Востока, основная задача – исламская Сирия, построенная на законах шариата. И эта часть восставших совершенно не собирается считаться ни с интересами США, ни с представлениями Европы о том, какой должна быть будущая Сирия.

Западные страны делают ставку на поддержку повстанцев, которых они не полностью контролируют. Среди них находятся те же силы, которые убивают американцев в Афганистане, убили американских дипломатов в Ливии и которые объявляют джихад США и их союзникам по всему миру. Американцы рассчитывают, что сумеют поставить это движение под контроль. Я в этом не убежден. Здесь Америка может столкнуться с такими силами, которые окажутся если не сильнее США, то, во всяком случае, влиятельнее.

ВЗГЛЯД: Комментируя новость о том, что боевики угрожают напасть на посольства России и Украины, чтобы расправиться с русскими и украинцами, вы

сказали, что США в таких случаях посылают спецназ. Москве следовало бы направить спецназ в Дамаск?

А.П.: В подобных случаях США поступают таким образом, что обеспечивает их роль глобальной державы. Это не та вещь, которая у нас обсуждается, но мне казалось, что все-таки мы не должны себе запрещать подумать иногда о таких вещах. Потому что иначе Россию будут воспринимать как государство, которое ограничено только декларациями. Здесь я констатировал некий факт, как поведут себя в такой ситуации США, насколько я знаю, такая реакция (в России) не обсуждается.

ВЗГЛЯД: Как известно, похитители запросили 50 млн долларов за заложницу, российскую журналистку, гражданку Украины Анхар Кочневу. Почему названа такая большая сумма? Может, боевики изначально не собираются ее освободить?

А.П.: Когда называется большая сумма, это сразу привлекает всеобщее внимание и создает впечатление о силе похитителей, что они не собираются размениваться по мелочам и что это не какая-то мелкая группировка, которая хочет заработать на похищении. Это как бы некий политический манифест. Это заявление – прежде всего политический акт.

Все прекрасно понимают, что 50 млн долларов – гигантская сумма. И все прекрасно понимают, что очень велика вероятность, что правительство не пойдет на такие условия. Причем на это очень часто не идут правительства западных государств, говоря о том, что они не хотят вести переговоров с террористами. Но там могут быть разные соображения. А когда речь идет о государстве, у которого не очень большие валютные резервы, то 50 млн долларов просто могут оказаться невозможной суммой. Здесь цель – показать, что тех, кто будет поддерживать правительство Асада, ждет такой исход, показать, что мелочиться они не собираются.

ВЗГЛЯД: Почему вы считаете, что признание повстанцев «законной» властью «друзьями Сирии» ставит крест на политическом процессе? Ведь поле для дипломатического маневра еще как будто осталось?

А.П.: Я его не вижу. Я считаю, что поле для дипломатического маневра перекрыто Соединенными Штатами Америки. Они поставили на нем жирный крест. Если США и их союзники признали национальную коалицию фактически правительством в изгнании, то теперь они сами не могут заставить эту коалицию садиться с кем бы то ни было за стол переговоров. Эта национальная коалиция теперь будет ждать победы на поле боевых действий.

И совершенно прав Сергей Лавров, который сказал, что, поддержав национальную коалицию как законного представителя сирийского народа, американцы фактически отказались от своей собственной подписи под Женевским коммюнике и сделали ставку на силовое решение. Это абсолютно правильная оценка.

Американцы похоронили Женевское коммюнике. У меня даже возникает ощущение, что это Женевское коммюнике было нужно для выигрыша времени: чтобы спокойно прошли выборы, был переизбран Барак Обама, и после этого они отбросили это коммюнике как ненужную бумажку и перешли к развитию силового сценария, которым они по разным причинам не хотели заниматься во время предвыборной кампании или, по крайней мере, не превращать его в приоритет своей деятельности.

Теперь, когда выборы позади и политическая ситуация в США стабилизировалась, администрация делает то, что она и планировала делать раньше. Женевское коммюнике было для них тактическим ходом.

ВЗГЛЯД: Насколько правдоподобна версия о том, что размещенные в Турции вдоль сирийской границы ракеты «Пэтриот» могут при необходимости быть использованы и в войне против соседнего Ирана? Ведь власти Турции открыто выступают против нападения на Иран.

А.П.: Власти Турции проводят свою дипломатическую линию, маневрируют. Но мне известно, что США давно хотели разместить ракеты «Пэтриот» в Турции. Я сомневаюсь, что для США размещение этой системы связано исключительно с ситуацией в Сирии. Я считаю, что задачи более широкие. Сирийская ситуация дала американцам для этого предлог.

В Европе Германия и Нидерланды согласились разместить такие системы, и это усиливает позиции американских стратегов в том плане, что в регионе появились возможности сбивать самолеты на достаточно большом пространстве. Обратите внимание, что «Пэтриоты» размещены не у границы с Сирией, а в глубине турецкой территории. Это наводит на мысль, что их главной зоной применения будет воздушное пространство между Турцией и Ираном.

Хотя формально ракеты были ввезены, чтобы защитить Турцию от возможных провокаций и обстрелов со стороны Сирии. Но Сирия сознательно не обстреливала турецкие территории. Ведь известно, что те снаряды, которые долетали, были направлены против окопавшихся на севере Турции повстанцев, которые пользуются поддержкой Турции. Поэтому говорить, что Сирия провоцировала войну с Турцией, что она намерена атаковать ее, с самого начала было несостоятельным.

«Политкорректность всегда что-то скрывает»

Телепрограмме «Постскриптум» исполняется тринадцать лет

29.06.2011

[010 010 010](#)
[100 009 009 009](#)
[090 000 000 000](#)
[000 003 003 003](#)
[039 9b0 9b0 9b0](#)
[b04 400 400 400](#)
[000 000 000 000](#)
[000 000 000 000](#)
[000 010 010 010](#)
[104 400 400 400](#)
[000 000 000 000](#)
[000 000 000 000](#)
[000 040 040 040](#)
[400 000 000 000](#)
[000 000 000 000](#)

003 301 301 301
010 080 080 080
800 005 005 005
050 000 000 000
000 000 000 000
000 0b0 0b0 0b0
b02 200 200 200
000 000 000 000
000 000 000 000
000 050 050 050
500 000 000 000
000 000 000 000
00c c02 c02 c02
021f1f001f001f00
001f1f001f001f00
000 030 030 030
300 000 000 000
000 001 001 001
01e e00 e00 e00
000 040 040 040
400 000 000 000
000 000 000 000
007 701 701 701
010 040 040 040
400 004 004 004
040 000 000 000
000 000 000 000
000 070 070 070
701 104 104 104
040 000 000 000
008 800 800 800
000 000 000 000
000 026 026 026
260 060f060f060f
60f0000 000 000
006 600 600 600
005 544 544 544
44e e50 e50 e50
505 500 500 500
006 601 601 601
016 610 610 610
100 000 000 000
000 004 004 004

[000](#) [00ff](#) [00ff](#) [00ff](#)
[0ffff](#) [ffff0](#) [ffff0](#) [ffff0](#)
[ff00](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [000](#) [00ff](#) [01ff](#)
[0ffc](#) [780](#) [fc00](#) [fe00](#)
[000](#) [000](#) [01ff](#) [03ff](#)
[00ff](#) [01fe](#) [fe00](#) [ff00](#)
[c00](#) [000](#) [01ff](#) [03ff](#)
[000](#) [007ffe00](#) [ff00](#)
[7fc0](#) [f80001ff](#) [03ff](#)
[000](#) [01ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[01ff](#) [fe0001ff](#) [03ff](#)
[e00](#) [03ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[001fff00](#) [01ff](#) [03ff](#)
[fe0003ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[001fff80](#) [01ff](#) [03ff](#)
[fe0003ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[01ff](#) [ff80](#) [01ff](#) [03ff](#)
[fc00](#) [03ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[01ff](#) [ff80](#) [01ff](#) [03ff](#)
[f80003ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[00ff](#) [ff80](#) [01ff](#) [03ff](#)
[f80003ff](#) [fe00](#) [ff00](#)
[003fff80](#) [01ff](#) [03ff](#)
[f80001ff](#) [fe00](#) [ff00](#)

003fff80 01ff 03ff
f80000ff fe00ff00
003fff00 01ff 01ff
f800007ffc00 fe00
007 fe0000f8000
ef00000 000 000
000 7fc0 000 000
7e0 000 000 000
000 03f0000 000
007 000 000 000
e00 001 000 000
000 c00 000 000
03c 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 001 000
000 010 040 104
000 400 000 000
010 004 410 041
400 10b bc6 0bc
004 c60 008 600
10b 088 800 880
c60 001 1e0 01e
088 e00 01e 001
001 1e0 000 e00
e00 000 000 000
1e0 000 000 000
000 000 01e 001

[003](#) [550](#) [6f6f](#) [500](#)
[434](#) [054](#) [6f006c6c](#)
[340](#) [545](#) [666](#) [6c0](#)
[0d6](#) [400](#) [666](#) [0f1f](#)
[d6d](#) [ede](#) [005](#) [1f10](#)
[600](#) [ded](#) [e5e](#) [0f0f](#)
[a3a](#) [00e](#) [5e0](#) [0f00](#)
[3a3](#) [eee](#) [057](#) [058](#)
[00a](#) [ee0](#) [575](#) [585](#)
[2a2](#) [0c1c700](#) [800](#)
[a20](#) [1c1](#) [4d4](#) [b4b](#)
[044](#) [00c](#) [d4d](#) [4b4](#)
[444](#) [2c2c00a](#) [00b](#)
[400](#) [200](#) [6a6](#) [6b6](#)
[d5d](#) [bab](#) [a60](#) [b60](#)
[5d5](#) [aba](#) [0ac](#) [0b9](#)
[004](#) [00d](#) [acacb9b](#)
[141](#) [cdc](#) [00b](#) [900](#)
[410](#) [dc0](#) [1b1](#) [bdb](#)
[071](#) [02f2b10](#) [dbd](#)
[717](#) [f2f0](#) [0b6](#) [00c](#)
[100](#) [02e](#) [b6b](#) [2c2c](#)
[434](#) [2e2](#) [600](#) [200](#)
[343](#) [e00](#) [bbb](#) [c6c6](#)
[005](#) [858](#) [bbb](#) [c60](#)
[454](#) [585](#) [00bf0c9c](#)
[540](#) [008](#) [bfbf](#) [9c9](#)
[0d3](#) [686](#) [00c](#) [00cc](#)
[d3d](#) [860](#) [3c3ccccc](#)
[300](#) [07a](#) [300](#) [00cf](#)
[707](#) [7a7](#) [c9c9cfcf](#)
[070](#) [a00](#) [c90](#) [00d](#)
[002](#) [1b1](#) [043](#) [2d2](#)
[020](#) [b1b](#) [434](#) [d20](#)
[200](#) [001](#) [300](#) [0d5](#)
[0d4](#) [c1c1797](#) [d5d](#)
[d4d](#) [c00](#) [979](#) [500](#)
[400](#) [000](#) [00d](#) [d8d](#)
[1b1](#) [000](#) [3d3](#) [8d8](#)
[b1b](#) [000](#) [d30](#) [005](#)
[001f000](#) [0ccc](#) [d5d](#)
[1f1f](#) [000](#) [ccc05d0](#)
[004](#) [000](#) [092](#) [08a](#)

000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 000
000 000 000 001
000 000 010 010
000 000 101 101
000 000 010 010
000 010 101 101
000 101 010 010
001 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
101 010 101f1fdf
010 101 dfe0e01
101 010 101 010

010 101f010 101
101 dfe0101 010
010 101 010 101
1fdf 010 101 010
e01 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 010 101
010 010 101 010
101 101 01f91f9f
010 010 fd01d01
101 101 010 010
010 01f9101 101
101 fd01010 010
010 010 101 101
1f9f 101 010 010
d01 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 100 100
010 101 000 000
101 010 101 101
010 100 010 010

010 001 010 010
101 010 101 101
400 101 010 010
001 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 100 100
010 101 000 000
101 010 101 101
010 100 010 010
101 000 101 101
010 101 010 010
100 010 101 101
000 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 000 000
010 101 010 010
101 010 101 101
010 000 010 010

[101](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [010](#) [104](#) [808](#)
[010](#) [101](#) [040](#) [080](#)
[101](#) [010](#) [404](#) [808](#)
[010](#) [101](#) [040](#) [202](#)
[101](#) [010](#) [404](#) [020](#)
[010](#) [101](#) [040](#) [082](#)
[100](#) [010](#) [404](#) [008](#)
[000](#) [d0d](#) [040](#) [082](#)
[000](#) [110](#) [404](#) [020](#)
[000](#) [c01](#) [040](#) [080](#)
[000](#) [010](#) [101](#) [801](#)
[000](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [101](#) [000](#) [000](#)
[101](#) [010](#) [001](#) [001](#)
[010](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [000](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [001](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [010](#) [101](#) [103](#)
[000](#) [101](#) [131](#) [201](#)
[001](#) [010](#) [b1e](#) [b1b](#)
[010](#) [101](#) [1e1](#) [1b1](#)
[101](#) [010](#) [616](#) [b1b](#)
[010](#) [101](#) [161](#) [1b1](#)
[101](#) [010](#) [a1a](#) [b1b](#)
[010](#) [d0d](#) [1a1](#) [161](#)
[001](#) [0f0ed1d](#) [b1b](#)
[011](#) [050](#) [1f1f](#) [1b1](#)
[716](#) [c11](#) [1f04b16](#)
[1d0](#) [0d0](#) [010](#) [080](#)
[01d](#) [101](#) [101](#) [801](#)
[1d0](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[001](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [010](#) [014](#) [010](#)
[101](#) [101](#) [94c](#) [149](#)
[010](#) [010](#) [010](#) [4c0](#)
[101](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [494](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [c01](#) [101](#) [101](#)

[010](#) [010](#) [011](#) [010](#)
[149](#) [101](#) [303](#) [407](#)
[4c0](#) [010](#) [0e0f151](#)
[101](#) [101](#) [1c1](#) [c0a](#)
[010](#) [010](#) [115](#) [0b0](#)
[101](#) [10d](#) [141](#) [c0d](#)
[010](#) [0d0f719](#) [0e0f](#)
[101](#) [0e0](#) [1b1](#) [101](#)
[010](#) [e04](#) [b19](#) [912](#)
[000](#) [040](#) [191](#) [131f](#)
[011](#) [404](#) [d04](#) [151](#)
[700](#) [0c1](#) [010](#) [608](#)
[001](#) [20c](#) [101](#) [010](#)
[d1e](#) [010](#) [010](#) [101](#)
[000](#) [101](#) [101](#) [010](#)
[101](#) [010](#) [010](#) [101](#)
[010](#) [101](#) [000](#) [000](#)
[101](#) [010](#) [010](#) [001](#)
[010](#) [101](#) [101](#) [010](#)
[101](#) [000](#) [010](#) [101](#)
[010](#) [001](#) [101](#) [010](#)
[101](#) [010](#) [011](#) [104](#)
[010](#) [101](#) [303](#) [061](#)
[000](#) [010](#) [0e0fd15](#)
[010](#) [101](#) [1c1](#) [0a0](#)
[101](#) [0d0](#) [115](#) [b0c](#)
[010](#) [d0e](#) [140](#) [0d1](#)
[101](#) [0f0e619](#) [80f1](#)
[010](#) [040](#) [061](#) [011](#)
[101](#) [40e](#) [b06](#) [121](#)
[010](#) [050](#) [191](#) [e15](#)
[100](#) [405](#) [d04](#) [1f16](#)
[080](#) [040](#) [010](#) [080](#)
[b06](#) [50d](#) [101](#) [101](#)
[120](#) [120](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [d01](#) [101](#) [101](#)
[000](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [101](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[001](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [000](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [001](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [010](#) [011](#) [040](#)

[101](#) [101](#) [303](#) [61d](#)
[000](#) [010](#) [0e0f1c1](#)
[001](#) [104](#) [1c1](#) [50b](#)
[010](#) [0f0e115](#) [0c0](#)
[101](#) [0e0](#) [141](#) [d0e](#)
[010](#) [405](#) [706](#) [0f10](#)
[101](#) [0e0](#) [181](#) [111](#)
[010](#) [e0e](#) [819](#) [215](#)
[101](#) [040](#) [191](#) [141](#)
[010](#) [405](#) [d04](#) [a1b](#)
[c09](#) [040](#) [010](#) [080](#)
[060](#) [404](#) [101](#) [101](#)
[b12](#) [040](#) [010](#) [010](#)
[1b1](#) [c11](#) [101](#) [101](#)
[c01](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[181](#) [101](#) [d00](#) [d00](#)
[919](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[1c0](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [0d0](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [001](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [010](#) [010](#) [040](#)
[010](#) [101](#) [203](#) [71d](#)
[10d](#) [010](#) [0d0](#) [1c0](#)
[000](#) [104](#) [e0f1a15](#)
[101](#) [0f05011](#) [0c1](#)
[010](#) [050f150](#) [515](#)
[101](#) [0e0](#) [606](#) [151](#)
[010](#) [e0e](#) [011](#) [511](#)
[101](#) [0f04818](#) [151](#)
[010](#) [040](#) [1b1](#) [314](#)
[101](#) [404](#) [a04](#) [1a1](#)
[0c0](#) [040](#) [010](#) [b08](#)
[907](#) [505](#) [101](#) [010](#)
[090](#) [040](#) [010](#) [101](#)
[c18](#) [50c](#) [101](#) [010](#)
[070](#) [010](#) [01ff](#) [101f](#)
[800](#) [101](#) [ff01](#) [fff0](#)
[191](#) [010](#) [010](#) [101](#)
[a18](#) [1ffff](#) [101](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [010](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [101](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [020](#) [306](#)
[101](#) [101](#) [30c](#) [1d0](#)

[01ff](#) [050](#) [0d0](#) [90a](#)
[ff01](#) [40e](#) [e0f10b1](#)
[010](#) [0e0](#) [011](#) [50d](#)
[101](#) [e0e](#) [151](#) [180f](#)
[010](#) [0e0](#) [818](#) [101](#)
[101](#) [909](#) [061](#) [512](#)
[151](#) [0e0](#) [919](#) [131](#)
[415](#) [405](#) [1a0](#) [41a](#)
[080](#) [040](#) [401](#) [1b0](#)
[907](#) [504](#) [010](#) [801](#)
[0a0](#) [050](#) [101](#) [010](#)
[b0c](#) [404](#) [010](#) [101](#)
[000](#) [0d0](#) [101f010](#)
[c0b](#) [101](#) [fff0](#) [1fff](#)
[060](#) [010](#) [101](#) [010](#)
[018](#) [101f010](#) [101](#)
[010](#) [fff0](#) [101](#) [010](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [101](#)
[010](#) [010](#) [102](#) [030](#)
[101](#) [101](#) [030](#) [61d](#)
[010](#) [010](#) [b0c](#) [1c0](#)
[1fff](#) [40e](#) [0d0](#) [a15](#)
[010](#) [0e0](#) [e0f10c0](#)
[101](#) [e0e](#) [006](#) [d0e](#)
[010](#) [090](#) [150](#) [0f10](#)
[101](#) [909](#) [617](#) [111](#)
[011](#) [100](#) [061](#) [51e](#)
[516](#) [90e](#) [716](#) [1f1a](#)
[170](#) [040](#) [040](#) [1b0](#)
[000](#) [504](#) [101](#) [801](#)
[090](#) [050](#) [010](#) [010](#)
[706](#) [504](#) [101](#) [101](#)
[000](#) [040](#) [010](#) [010](#)
[00b](#) [d01](#) [1fff](#) [1fff](#)
[060](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[b0c](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [01ff](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [ff01](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [010](#) [010](#) [040](#)
[101](#) [101](#) [201](#) [717](#)
[010](#) [010](#) [030](#) [1c1](#)
[101f105](#) [303](#) [50b](#)
[fff0](#) [0f0e031](#) [0c0](#)

[101](#) [090](#) [00f1d18](#)
[010](#) [909](#) [011](#) [0f10](#)
[101](#) [090](#) [151](#) [111](#)
[010](#) [908](#) [414](#) [215](#)
[101](#) [090](#) [141](#) [141](#)
[140f90e](#) [604](#) [a1b](#)
[000](#) [0d0](#) [010](#) [080](#)
[004](#) [e04](#) [101](#) [101](#)
[040](#) [040](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [404](#) [101](#) [101](#)
[000](#) [0d0](#) [01ff](#) [01ff](#)
[907](#) [101](#) [ff01](#) [ff01](#)
[050](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[c01](#) [101f101](#) [101](#)
[010](#) [fff0](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [101](#) [101](#) [103](#)
[010](#) [010](#) [020](#) [071](#)
[101](#) [101](#) [202](#) [705](#)
[010](#) [010](#) [021](#) [0a0](#)
[1fff](#) [409](#) [313](#) [b0c](#)
[010](#) [090](#) [010](#) [0d1](#)
[101](#) [909](#) [303](#) [80f1](#)
[010](#) [090](#) [030](#) [019](#)
[101](#) [809](#) [303](#) [121](#)
[010](#) [090](#) [030](#) [315](#)
[101](#) [804](#) [314](#) [1a1](#)
[011](#) [040](#) [040](#) [b08](#)
[202](#) [a0d](#) [101](#) [010](#)
[020](#) [0e0](#) [010](#) [101](#)
[000](#) [e04](#) [101](#) [010](#)
[0b0](#) [040](#) [010](#) [101f](#)
[c07](#) [c01](#) [1fff](#) [fff0](#)
[120](#) [010](#) [010](#) [101](#)
[b0c](#) [101](#) [101](#) [010](#)
[010](#) [01ff](#) [010](#) [101](#)
[101](#) [ff01](#) [101](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [010](#) [407](#)
[101](#) [101](#) [203](#) [050](#)
[010](#) [010](#) [0a0](#) [90a](#)
[101f101](#) [b0b](#) [0b0](#)
[fff0](#) [040](#) [0c0](#) [c0d](#)
[101](#) [909](#) [506](#) [0e0f](#)
[010](#) [090](#) [070](#) [101](#)

[101](#) [909](#) [809](#) [112](#)
[010](#) [080](#) [091](#) [131](#)
[101](#) [504](#) [212](#) [415](#)
[010](#) [0a0](#) [120](#) [160](#)
[10c](#) [b0b](#) [401](#) [801](#)
[090](#) [0b0](#) [010](#) [010](#)
[60b](#) [c0e](#) [101](#) [101](#)
[0b1](#) [0e0](#) [010](#) [010](#)
[10b](#) [e0c](#) [101](#) [100](#)
[120](#) [010](#) [000](#) [000](#)
[707](#) [101](#) [001](#) [101](#)
[130](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [100](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [000](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [101](#) [101](#) [203](#)
[010](#) [010](#) [020](#) [060](#)
[101](#) [101](#) [30a](#) [707](#)
[010](#) [010](#) [0a0](#) [070](#)
[000](#) [101](#) [b0b](#) [606](#)
[010](#) [040](#) [0c0](#) [060](#)
[101](#) [809](#) [d0e](#) [706](#)
[010](#) [080](#) [0f10060](#)
[101](#) [504](#) [101](#) [707](#)
[010](#) [0a0](#) [111](#) [070](#)
[101](#) [b0b](#) [111](#) [608](#)
[010](#) [0b0](#) [201](#) [080](#)
[c05](#) [707](#) [010](#) [101](#)
[070](#) [070](#) [101](#) [010](#)
[90c](#) [c0c0010](#) [101](#)
[000](#) [d01](#) [101f01ff](#)
[e0f0010](#) [f800800](#)
[c10](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[080](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [1ff8](#) [101](#) [101](#)
[010](#) [001](#) [010](#) [010](#)
[101](#) [010](#) [102](#) [102](#)
[010](#) [101](#) [010](#) [020](#)
[101](#) [010](#) [303](#) [202](#)
[01ff](#) [101](#) [030](#) [030](#)
[800](#) [010](#) [304](#) [304](#)
[101](#) [104](#) [050](#) [050](#)
[010](#) [040](#) [607](#) [405](#)
[101](#) [502](#) [080](#) [040](#)

[010](#) [010](#) [809](#) [505](#)
[101](#) [607](#) [090](#) [050](#)
[010](#) [070](#) [901](#) [505](#)
[809](#) [707](#) [010](#) [010](#)
[070](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[a0b](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[0c0](#) [030](#) [101](#) [101](#)
[10c](#) [101](#) [016](#) [016](#)
[000](#) [010](#) [e0a](#) [e0a](#)
[00d](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [16e](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [0a0](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [102](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [020](#) [010](#)
[016](#) [010](#) [202](#) [101](#)
[e0a](#) [101](#) [020](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [102](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[005](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[060](#) [030](#) [101](#) [101](#)
[700](#) [301](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [000](#) [000](#)
[010](#) [010](#) [001](#) [001](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [000](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[000](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[001](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [101](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [010](#) [101](#) [101](#)

101 102 010 010
010 010 101 101
100 101 010 010
000 030 101 101
304 301 010 010
000 010 101 101
001 101 010 010
010 010 180 180
101 101 3f013f01
010 010 010 010
101 101 101 101
010 803f010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
101 010 101 101
010 101 010 010
180 010 101 101
3f01101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 020 101 101
101 203 010 010
020 010 101 101
200 101 010 010
000 010 101 101
101 101 010 010
010 010 18a 18a
101 101 020 020
010 010 101 101
101 101 010 010
010 8a0 101 101
101 201 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
18a 101 010 010
020 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101

101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 000 000
101 101 010 010
010 010 101 101
101 100 010 010
010 000 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
000 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101 101
101 101 010 010
010 010 101f101f
101 101 f800f800
010 010 101 101
101 101 010 010
010 01ff 101 101
101 800 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101f010 010 010
f800101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010

010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 000 000
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 000 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
000 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 004 004
010 101 b01 b01
101 010 010 010
010 101 101 101
101 004 010 010
010 b01 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
004 101 101 101
b01 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101
101 010 010 010
010 101 101 101

[010](#)
[101](#)
[010](#) [101](#)
[101](#) [010](#)
[010](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [010](#) [010](#) [010](#)
[010](#) [101](#) [101](#) [101](#)
[101](#) [010](#) [000](#) [000](#)
[010](#) [101](#) [008](#) [008](#)
[101](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[010](#) [008](#) [000](#) [000](#)
[101](#) [000](#) [260](#) [260](#)
[000](#) [000](#) [60f060f0](#)
[008](#) [260](#) [006](#) [006](#)
[000](#) [60f0005](#) [005](#)
[000](#) [006](#) [44e](#) [44e](#)
[260](#) [005](#) [505](#) [505](#)
[60f044e](#) [007](#) [007](#)
[006](#) [505](#) [010](#) [010](#)
[005](#) [007](#) [400](#) [400](#)
[44e](#) [010](#) [000](#) [000](#)
[505](#) [400](#) [027](#) [027](#)
[007](#) [000](#) [01ff](#) [01ff](#)
[010](#) [027](#) [ff03](#) [ff03](#)
[400](#) [01ff](#) [000](#) [000](#)
[000](#) [ff03](#) [000](#) [000](#)
[027](#) [000](#) [000](#) [000](#)
[01ff](#) [000](#) [0](#) [0](#)
[ff03](#) [000](#)
[000](#) [0](#)
[000](#)
[000](#)
[0](#)

Программу уже можно отнести к долгожителям. Особенно если учесть: её неизменному ведущему, Алексею Пушкову, приходится один раз в неделю рассуждать о политике, а следовательно, задевать чьи-то интересы.

– **Как изменилась программа за тринадцать лет своего существования, как изменились вы?**

– Раньше программа была резче, критичнее. Но ведь изменился и политический контекст, изменились и общественные нравы, и само телевидение. Сейчас жёсткие

материалы, в особенности касающиеся крупных политических фигур, на экране, можно считать, отсутствуют. Стилистика двадцатилетней давности сейчас практически невозпроизводима – у нас утвердилась наша собственная политкорректность. А политкорректность всегда что-то скрывает. К примеру, если бы в Америке не было расизма, не пришлось бы придумывать термин «афроамериканец», потому что объективно слово «чёрный» не является оскорбительным, так же как «белый» или «жёлтый». Но в США за эти слова вас сочтут расистом – именно потому, что там есть расизм. И общество боится его проявлений. Сами американцы признают: критика, адресованная Бараку Обаме, имеет в том числе и расистские корни. У нас – собственная политкорректность: критиковать какого-нибудь министра на ТВ принято в том случае, если это уже сделали президент или премьер. У нас перестали рассматривать телевидение как средство общения между народом и властью. Политические программы всё больше превращаются в зеркало властных устремлений. Зритель эти устремления считывает, но обратного импульса практически нет. А значит, власть, глядя в телевизор, не может понять настроения общества. Обратите внимание, когда у Медведева спросили, имеет ли он реальную картину происходящего в стране, он сказал: да, но потому, что читает Интернет, а не потому, что смотрит ТВ. В нынешней политической ситуации трудно представить на телевидении такой же градус критичности и открытости, как в Интернете.

– Какова природа этой политкорректности?

– В каком-то смысле политкорректность – черта устоявшихся обществ. В начале 90-х у нас было революционное общество, произошла антикоммунистическая революция. Она привела к созданию демократических институтов, но все они в итоге оказались в подчинении у исполнительной власти. И сегодня у нас – устоявшееся общество, в котором не принято действовать по-революционному. В 93-м Ельцин расстрелял свой собственный парламент. Сейчас это просто невозможно. Градус общественной напряжённости, несмотря на проявления недовольства, которые мы видели, например, в декабре на Манежной площади, существенно упал. Это сказало и на телевизионщиках, потому что они часть общества. Да и зритель изменился. Программа, насыщенная критическими социальными сюжетами, даст высокий рейтинг по России, но более низкий по Москве. Столичный зритель хочет больше развлекаться, как и Нью-Йорк, Париж и Лондон.

– А вы ориентируетесь на Москву или на Россию? Кого считаете своим зрителем?

– У «Постскриптума» очень устойчивая аудитория и в Москве, и по всей России. Это мыслящие люди, которые, отдавая должное политкорректности, не хотят стать её жертвами. Потому что политкорректность – не более чем лаковое покрытие. В ней скрыта немалая опасность. В Германии, например, долго умалчивали о том, что мусульмане не интегрируются в немецкое общество, – из боязни трогать деликатную тему. Молчали-молчали, и вот – прорвало: уже и Меркель признаёт политику интеграции unsuccessful, и ставшая знаменитой книга Тило Саррацина «Самоуничтожение Германии» повествует, что в силу мусульманского нашествия Германия через 30 лет вообще перестанет быть продуктом немецкой культуры. А ведь сколько времени там следовали – и до сих пор следуют – принципам жёсткой политкорректности! Но на каком-то этапе обнаруживается, что она не помогает, а мешает распознать проблемы. В России – то же самое. Можно, конечно, говорить, что события в Кондопоге – исключительный случай. Но ведь недавно в

Саратове подростки-кавказцы заставляли школьников становиться на колени, а сами кричали: «Кавказ – сила!» Можно, конечно, утверждать, что проблемы не существует, но от этого она не исчезнет. Тем временем телевидение, за редким исключением, соблюдает правила некой негласной игры. В этом смысле мы всё больше напоминаем США, где возвысить голос против общепринятой политики очень сложно. Когда США готовили захват Ирака, вся американская журналистика позорно поддерживала ложь, что у Хусейна есть оружие массового поражения. И раскаялась пресса не сразу, а лишь когда США стали проигрывать эту войну.

– Вы считаете, раскаяние состоялось?

– В полной мере не состоялось. История с Ираком и это вынужденное раскаяние – поразительный пример конформизма и политкорректности, которая оборачивается общенациональной слепотой. Пресса поддерживает власть в заведомо несправедном деле и начинает выступать против власти, когда та проигрывает. Понимаете, какова степень лицемерия? Законность, суверенитет другой страны, права человека – всё это пустое, главное – победить за три месяца и без жертв. И тогда американские СМИ поддержат власть и простят любую кровь. Почему война в Югославии считалась успешной? Потому что она длилась всего 78 дней. Почему война в Ливии начинает вызывать вопросы и в США, и в странах НАТО? Потому что её продлили ещё на три месяца, а Каддафи держится, несмотря на все авиаудары. В западной прессе вы не встретите вопроса: а кто сказал, что Каддафи убил 6000 мирных граждан? Этому принято верить на слово просто потому, что он объявлен врагом. Вот это и есть политкорректность. А ведь Каддафи предлагал прислать комиссию ООН по расследованию обвинений в его собственный адрес, но США и Европа отвергли эту идею: ведь тогда могло бы выясниться, что таких жертв не существует...

– Сейчас на телевидение возвращаются Доренко, Макаров, подтягиваются другие старые кадры. Может быть, с их помощью хотят политкорректность разбавить какой-то живинкой?

– Любой избыток политкорректности порождает обратный результат. Чем больше власть зажимает общественное мнение, тем сильнее впоследствии оно мстит власти. Судьба Буша-младшего – яркий пример. Его администрацией была предпринята мощная пропагандистская кампания в поддержку иракской войны. Но когда общество узнало правду, это очень сильно ударило по Бушу, он ушёл как самый непопулярный президент за всю историю Соединённых Штатов. Когда повышается градус кипения, крышку над кастрюлей надо приподнимать. Я не исключаю, что на ТВ планируются программы, призванные выпустить пар, дать понять людям, что их реальные проблемы обсуждаются. Хотелось бы только, чтобы новые проекты не превратились в способ реализации личных комплексов ведущих, как это уже бывало.

– Отчасти торжество политкорректности, о которой вы говорите, компенсируется на нашем телевидении постмодернистскими приёмами. Особенно в этом преуспело НТВ, создающее иллюзию какого-то движения, дискуссионной атмосферы, обсуждения важных общественных проблем.

– Суть постмодернизма – подмена, как правило, в коммерческих целях. Постмодернизм провозглашает псевдополитику, псевдокультуру, псевдообсуждения.

Очень многие – не все, но многие дискуссии на ТВ, по сути, псевдодискуссии. На одних видно, что ведущий боится зайти дальше положенного. В других случаях сразу задаются параметры, из которых ясно, что спор будет ни о чём. Постмодернистское ТВ – это виртуальная дискуссионность, виртуальная открытость. И так происходит не только у нас. Тот же Барак Обама – виртуальный президент, человек, взгляды которого (или как минимум заявления) весьма далеки от политики, которую проводят при нём США. Барак Обама пришёл и сказал, что протянет руку мусульманскому миру – и протянул её к горлу Муамара Каддафи. Он не сумел примирить Израиль и палестинцев. Он продолжает войну в Ираке. В Афганистане увеличил число военнослужащих на 30 тысяч человек. Спрашивается: где же президент, получивший Нобелевскую премию мира? И за что он её получил? По данным журнала «Ньюсуик», секретных операций за пределами США при Обаме проводится больше, чем при Буше. Тюрьма в Гуантанамо не закрыта, к убитым мирным афганцам добавляются новые жертвы в Ливии. Где же тот великий миротворец, образ которого нам так активно продавали? Обама – президент, который призван создать иллюзию движения, иллюзию изменений. Виртуализация политического и информационного пространства стала приметой нашего времени.

– В какой степени это относится к России?

– Показателем виртуализации политики становится чрезвычайно большое число речей и выступлений. Существует точка зрения, что постоянное присутствие на телеэкране позитивно для политика. Но у меня другое ощущение: наступает этап, когда это становится негативным фактором, особенно если не видно убедительных результатов. Кстати, это уже подводит Николая Саркози, ведь его избрали как президента действия. Саркози сказал, что придёт и переделает Францию, и это понравилось избирателям. А сейчас, когда французов спрашивают, почему они разочаровались в нём, они отвечают: его слишком много на экране, он слишком много говорит и слишком мало делает. В результате – рейтинг 20%, это рекордно низкий уровень. Мы живём в эпоху тотального телевидения, и эта эпоха рождает для политиков проблему – как часто и по какому поводу появляться на экране. Вполне возможно, нация оценит позитивнее деятельное молчание.

– Как вы считаете, является ли нынешнее телевидение идеологическим инструментом? В рамках какой идеологии существует российское ТВ?

– После политических и идейных схваток 90-х нам была предложена потребительская модель развития. Тезис о комфортности существования стал чуть ли не национальной идеей. Интересно, кстати, что в цитадели потребительского образа жизни – в США – прекрасно понимают, что людям нельзя предлагать исключительно потребление в качестве национальной идеологии. Отсюда поддержка высоких идеалов: демократии, свободы, американской миссии за рубежом... В США понимают: не хлебом единым будет сыта американская нация. Да, жители России должны жить лучше, чем в советские и ельцинские времена. Но предлагать России – стране, которая исторически сыграла выдающуюся роль в мировой политике, культуре, в развитии человечества, – исключительно стремление к комфорту, значит вести дело к деградации нашего общества. Потому что если главное – комфорт, то ради него можно принести в жертву всё – и самоуважение, и историческую память, и суверенитет, и идеалы.

– Для либералов слово «миссия» является чем-то неприличным, воспринимается

с иронией, сарказмом. Из сферы культуры, искусства, общественных отношений понятие переключалось в бизнес. На сайте всякой уважающей себя коммерческой структуры можно найти раздел – «миссия компании». Миссия ЛУКОЙЛа, например: «Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить во благо человека». Эта маркетинговая пошлость пришла к нам вместе с западными учебниками по рыночной экономике. Как вы считаете, а телевидение должно руководствоваться представлениями о миссии?

– Я не принимаю идею, что ТВ – это прежде всего бизнес. Отсюда один шаг до кредо Трахтенберга: деньги не пахнут. Если телевидение – прежде всего бизнес, значит, деньги, которые оно зарабатывает, не должны пахнуть. Но на деле они пахнут, а на ТВ особенно. Это особая сфера, где формируются идеи и мораль, где вольно или невольно происходит воспитание общества, а значит – здесь должна быть повышенная степень ответственности. У телевидения действительно должна быть миссия, если же её не будет, то оно превратится в инструмент вырождения нации. Кстати, либеральная общественность относится к этому понятию с сарказмом, пока дело не доходит до глобальной и «правозащитной» миссии США. Как только речь заходит о США и их миссии, либералы падают на колени и начинают молиться. Американская миссия у них не вызывает протеста – несмотря ни на бомбёжки, ни на «Томагавки», а вот наличие миссии у собственной страны кажется им чем-то чудовищным. Либеральное крыло нашей политики – побочный продукт американской культуры, поэтому в России правая партия и не имеет серьёзной поддержки.

– При этом его доступ к СМИ непропорционально высок.

– Сейчас ситуация выправилась, но очень долго было тотальное засилье либералов на телеэкране. Они 12 лет имели почти полную монополию на телевидении, и теперь уже все слишком хорошо знают, что они хотят и могут сказать. И главное – ради чего.

– Со многими либералами у вас общие корни, вы вышли из одной среды – благополучных советских мажоров. Но стали носителем государственных идей...

– Столыпин тоже происходил из «мажоров» царской эпохи и тем не менее был государственным. Есть и другие примеры... Мне кажется, дело в другом. Просто есть люди, для которых высшей ценностью является право набить живот гамбургерами и купить фирменные джинсы. И есть другие, которые понимают: нация существует для чего-то большего.¹⁷⁰

Пусть каются 1097урра1097нтиро в той войне. А мы – победители

Автор: Алексей Пушков в ср, 06/04/2011 – 20:22.

Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ опубликовал в конце марта предложения по учреждению программы об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и национальном примирении.

Фактически рабочая группа в своём проекте «десталинизации» возлагает на СССР вину за геноцид и Вторую мировую войну и приравнивает Сталина и СССР к Гитлеру и фашистской Германии.

Член президентского Совета по правам человека Алексей Константинович Пушков

¹⁷⁰ *Беседу вел Олег Пухнавцев.* По материалам «Литературной газеты»

рассказал о том, как создавался этот документ, входил ли он в состав рабочей группы и что он думает по этому поводу.

Я действительно был изначально включен в состав Рабочей группы по исторической памяти, но не присутствовал на заседаниях, в работе не участвовал и не был ознакомлен с текстом предложений до момента их опубликования.

На общем заседании Совета я раскритиковал обнародованные положения, в частности, о какой «десталинизации» может идти речь, если на Красной площади лежит мумия человека, ответственного и за октябрьский переворот 17-го года, и за красный террор, и за теорию уничтожения враждебных классов, и за ГУЛАГ, и за многое другое.

Невозможно говорить о борьбе с наследием тоталитарного прошлого, когда мумия Ленина лежит на главной площади страны. Сталин является лишь последователем и верным учеником Ленина, он ничего нового и не придумал, а воплотил в жизнь идеи пролетарского вождя. Нельзя просто вырывать какой-то кусок большевизма в России и подвергать его проклятиям и не трогать собственно основы и истоки сталинизма – ленинизм.

Как мне представляется, этот аргумент был учтен, и к термину «десталинизация» больше не возвращались, а предпочли говорить о «преодолении последствий тоталитарного прошлого». Хотя в публичных дискуссиях термин уже закрепился. Но в документах, которые готовила рабочая группа, термин «десталинизация» впоследствии не использовался.

На заседании я также сказал, что предложения рабочей группы делают Россию соучастницей развязывания второй мировой войны, происходит недопустимое: размываются различия между сталинским СССР и нацистской Германией. Их приравнивание – это попытка лишить наш народ и нашу страну Победы в войне, достигнутой огромной ценой. Пару лет назад известную резолюцию, отождествляющую сталинизм и нацизм, принял Европарламент.

Европарламенту выгодно ставить этот знак равенства, потому что он не хочет разбираться с тем, почему половина Европы поддерживала Гитлера и понесла ли сама Европа какую-то моральную кару за то, что на стороне Гитлера была Норвегия, была Хорватия, Венгрия, Испания Португалия, была половина Франции, была Италия, Словакия, польские дивизии сражались на российском фронте, входя в состав гитлеровских войск. На стороне нацистов фактически была Прибалтика, там до сих пор проходят манифестации членов дивизии СС... И кстати, заключив мюнхенское соглашение с Гитлером западные демократии согласились на германскую оккупацию Словакии, чем внесли огромный вклад в развязывание Второй мировой войны. Вот с чем должна прежде всего разобраться Европа, если она хочет заниматься историей и морально-этическими вопросами.

Подобная позиция позволяет Европе выглядеть очень красиво, хотя на самом деле добрая ее половина поддерживала нацистскую Германию. Но этот факт Европа всячески старается замолчать и стремится поднять другие темы, которые для нее гораздо более привлекательны.

И последний момент. Пересмотр истории вдоль тех линий, которые были предложены рабочей группой совета, приведет к колоссальному удару по

международному авторитету России. То есть фактически страна-победительница в мировой войне, руководитель которой участвовал в определении характера послевоенного мира, определении характера мирных послевоенных договоров на трех международных конференциях, должна будет отказаться от своей победы и своими руками поставить себя в униженное положение.

Все это также откроет путь к предъявлению нашей стране финансовых исков со стороны прибалтийских и восточноевропейских государств, которые смогут нас обвинить в оккупации и так далее. Как известно, в Литве уже обсуждалась тема предъявления России компенсационного иска на сумму 25-28 млрд долларов. Если мы сами, своими руками откроем этот путь, приравняв себя к нацистской Германии, то последствия будут самыми катастрофическими.

При этом я хочу обратить внимание на то, что я не вижу, чтобы другие державы занимались покаянием, хотя у многих стран есть свои преступления и преступления серьезные. Америка не спешит каяться за то, что она в первый и последний раз в мире применила ядерное оружие против двух мирных городов Хиросимы и Нагасаки. США не каются за войну во Вьетнаме, они не каются за то, что делают в Ираке и за то, что делают в Афганистане. Таких примеров можно привести очень много. То есть, покаяние не является чертой современной международной политики. Каются государства, проигравшие войны. Мы победили в войне. Мы можем признать ошибки или преступления, если они доказаны, но не должны мазать себя черной краской. Мы можем вести дискуссию и определять свое отношение к нашему прошлому, но это не должно вести к такому пересмотру истории, который ударит по достоинству и престижу нашего государства и обесценит те жертвы, которые были принесены на алтарь победы в 1941 – 1945 гг.

Дмитрий Киселев

Дми́трий Константи́нович Киселёв (род. 26 апреля 1954, Москва, СССР) — российский журналист, телеведущий, генеральный директор российского международного информационного агентства «Россия сегодня», заместитель генерального директора ВГТРК.

Дмитрий Киселев Родился 26 апреля 1954 года в Москве. Воспитывался Дмитрий Киселев в музыкальной среде (дядя Киселёва — композитор Юрий Шапорин), окончил музыкальную школу по классу классической гитары. Учился в медицинском училище № 6 в Москве. В 1978 году Дмитрий Киселев окончил отделение скандинавской филологии филологического факультета Ленинградского государственного университета имени

А. А. Жданова.

После университета **Дмитрий Киселев** работал в Центральном радиовещании на зарубежные страны Гостелерадио СССР в норвежской и польской редакциях. С 1988 по 1991 год Дмитрий Киселев работал на Центральном телевидении СССР, где был корреспондентом программы «Время». С конца 1989 по январь 1991 года Дмитрий Киселев — ведущий информационной программы «Телевизионная служба новостей», выходившей по Первой программе Центрального телевидения.

С 1991 по конец 1996 года Дмитрий Киселев — ведущий ночного выпуска новостей 1 канала, а с марта 1995 года — ведущий актуального интервью «Час пик».

С 2003 по 2006 год Дмитрий Киселев — ведущий ежедневной информационно-аналитической программы «Вести +» телекомпании «Россия», ведущий актуального интервью «Подробно с Дмитрием Киселёвым», ведущий общественно-политического ток-шоу «Национальный интерес».

В 2006—2008 годах Дмитрий Киселев — соведущий вечернего выпуска вестей (вёл совместно с Марией Ситтель, при этом хронометраж вестей был увеличен с 30 до 50 минут), продолжал вести программу «Национальный интерес». Также сотрудничал с ARD, RTL, японской телекомпанией NHK.

3 марта 1995 года, после убийства Владислава Листьева, Дмитрий Киселев был назначен ведущим программы «Час пик», которая шла на Первом канале Останкино, а с 3 апреля — на только что созданном канале ОРТ. Первоначально вёл программу поочередно с Сергеем Шатуновым, но после его ухода, с 25 апреля по 28 сентября 1995 года вёл программу единолично. Параллельно был ведущим программы «Окно в Европу». С начала октября 1995 вёл программу поочередно с Андреем Разбашем. Окончательно ушёл из программы 25 сентября 1996 года.

С 1997 по 2003 вел ток-шоу «Национальный интерес», которое выходило сначала на РЕН ТВ, затем на телеканале РТР с сентября 1997 по май 1998 года, затем на ТВЦ (как «Национальный интерес-2000»), а затем на украинском канале ICTV. С 1999 по 2000 год — ведущий ночного выпуска информационной программы телекомпании ТВЦ «События», актуального интервью «В центре событий», общественно-политического ток-шоу «Национальный интерес».

С 2000 по 2003 год — ведущий актуального интервью телекомпании ICTV «Подробно с **Дмитрием Киселёвым**», ведущий общественно-политического ток-шоу «Национальный интерес», главный редактор службы информации телекомпании ICTV. 26 ноября журналисты на встрече с генеральным директором ICTV Александром Богуцким выразили недоверие Дмитрию Киселеву, заявив, что он искажает выпуски новостей. 3 дня спустя гендиректор сообщил об отстранении Киселева от руководства выпусками новостей телекомпании. В 2003 году основал фестиваль Джаз Коктебель.

Затем работал над программами «Утренний разговор», «Авторитет» и с документальными программами. С 2005 года — ведущий программы «Вести+». С 2006 года — ведущий программы «Вести» в паре с Марией Ситтель. Также являлся автором и ведущим ток-шоу «Национальный интерес» на канале «Россия». С июля 2008 года является заместителем генерального директора холдинга ВГТРК; после назначения покинул программу «Вести». В марте 2012 заменил Сергея Кургиняна в программе «Исторический процесс»; также ведёт авторскую программу «Авторитет». С августа 2012 года — ведущий программы «Вести недели». Автор документального сериала о распаде СССР под названием «СССР: крушение», а также нескольких документальных фильмов: «Сахаров», «100 дней Горбачева», «100 дней Ельцина», «1/6 часть суши» и других.

9 декабря 2013 года было объявлено, что на базе ликвидированного РИА Новости будет создана новая структура — «Международное информационное агентство „Россия сегодня“». Её генеральным директором был назначен **Дмитрий Киселёв**. Согласно президентскому указу, главной задачей нового агентства будет «освещение за рубежом государственной политики Российской Федерации и российской общественной жизни», а по версии Киселёва миссия его организации — «восстановление справедливого отношения к России, как важной стране мира с добрыми намерениями»

7 октября 2012 года (в день 60-летия Путина) в ходе программы «Вестей недели» **Дмитрий Киселёв** посвятил этому событию комментарий длительностью 12 минут 41 секунду: По масштабу деятельности Путин-политик из своих предшественников XX века сопоставим лишь со Сталиным. Методы — принципиально другие. Цена сталинского прорыва неприемлема, но масштаб задач по обустройству страны таков. После Сталина каждый следующий кремлёвский лидер снижал планку амбиций, и к смене тысячелетий Россия подошла обескровленной, деморализованной и разорванной.

... В результате загнем пальцы: боеспособность армии восстановлена, ядерный баланс подтверждён, территориальная целостность сохранена, зарплата россиян выросла в рублях в 13 раз, пенсия — в 10. Россия при этом свободна как никогда в своей истории. Этот комментарий вызвал критику со стороны некоторых представителей журналистского сообщества, посчитавших его автора лицемером и конформистом. Особый интерес ведущего «Вестей недели» вызвали выборы в Координационный совет оппозиции. 28 октября в сюжете программы он опубликовал анонимные заявления якобы от лица представителей протестного движения, которые охарактеризовали мероприятие как «авантюра», «фабрика звезд», «движуха без цели», «банальный лохотрон, организованный оппозиционными наперсточниками».

1 декабря 2013 года **Дмитрий Киселёв** посвятил часть своей программы акциям протеста против приостановления ассоциации с ЕС в Украине, где заявил о том, что коалиция членов ЕС Швеция-Польша-Литва якобы использует Украину для разжигания войны с Россией. По словам Киселёва, конечная цель стран, составивших эту

антироссийскую «коалицию», — реванш за Полтавскую битву, выигранную Петром I в 1709 году. Также по словам Киселёва в Швеции из-за раннего начала половой жизни наблюдается «радикальный рост детских аборт» и импотенция в 12-летнем возрасте. Помимо этого **Киселёв** заявил о том, что министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт в молодости был агентом ЦРУ. Обозреватель сетевого издания Buzzfeed Макс Седдон охарактеризовал весь эфир как «самую эзотерическую интерпретацию» событий на Украине.

В августе 2013 года получил распространение фрагмент записи телепередачи «Исторический процесс № 19 „Государство и частная жизнь“» от 4 апреля 2012 года на канале «Россия-1», в котором Дмитрий Киселёв призвал «зарывать в землю или сжигать» сердца погибших в ДТП геев. Заявление получило негативную реакцию в блогосфере. Группа блогеров направила обращение в Следственный комитет и Генпрокуратуру РФ с просьбой привлечь телеведущего к уголовной ответственности по статье 282 УК РФ (экстремизм), максимальное наказание по которой составляет 5 лет лишения свободы.

В интервью «Эху Москвы» Киселев дал объяснения своим словам: Просто такова мировая практика. Так поступают в Соединённых Штатах Америки, в Евросоюзе, в Японии, в арабских странах, практически во всём мире, кроме России. Потому что гомосексуалистам запрещено быть донорами крови, органов и так далее, то есть их не рассматривают в качестве доноров. И я считаю, что нужно принять законы, соответствующие мировой практике. Вот и все... если умирает, например, гомосексуалист в Америке, то к нему не прикасаются, у него не берут органы.

Об убийствах по мотивам гомофобии он заявил: У нас же проблема с гомосексуалистами состоит в том, что они ведут себя провокационно, они ведут себя виктимно, да, то есть заведомо призывая, провоцируя ситуации, чтобы они стали жертвами. Им же никто не мешает любить друг друга так, как они хотят. Они агрессивно навязывают большинству ценности меньшинства. Наверное, общество будет этому противодействовать. Естественно, да? В самых разных, в том числе и brutальных формах.

Освещая дело Леонида Развозжаева, Киселев процитировал опубликованные оппозиционером «воспоминания», основу которых составил художественный рассказ Развозжаева «Как я играл в палача», опубликованный в литературном приложении к «Независимой газете» в 2003 году. Процитировав самый жестокий момент — казнь кота, телеведущий не добавил окончание рассказа, кардинально меняющее ощущение от рассказа, на деле направленного против жестокого обращения с животными. Помимо этого, как отметила «Независимая газета», Киселев не предоставил доказательства того, что этот факт происходил в реальной жизни Леонида.

Информационное агентство УНИАН обвинило во лжи и искажениях Дмитрия Киселёва в описании событий, связанных с Евромайданом (сюжет о последних событиях в Украине, в котором столкновения под администрацией президента

Украины (укр. Події біля Адміністрації Президента України 1 грудня 2013 року) предшествовали разгону Евромайдана, что противоречит хронологии событий). 8 декабря 2013 года украинский журналист Виталий Седюк, известный своими провокационными и эпатажными поступками, ворвался в прямой эфир новостей «Россия-24» на Майдане в Киеве и прокричал: «Передайте Оскар телеканалу Россия и Дмитрию Киселеву за ложь и ахинею по отношению к Евромайдану!» Назначение руководителем агентства «Россия сегодня» В связи с назначением Киселёва главой нового информагентства «Россия сегодня», созданного Владимиром Путиным в декабре 2013 года на базе РИА «Новости», в ряде ведущих западных СМИ вышли материалы, в которых Киселёв назывался «прокремлевским телеведущим-гомофобом», а создание нового информагентства — попыткой Путина усилить контроль над СМИ. Так, на сайте The Guardian был опубликован материал под заголовком «Путин назначил телеведущего-гомофоба главой государственного информационного агентства». Издание охарактеризовало Киселёва как «консервативного ведущего новостей» и «лояльного сторонника Путина, время от времени выступающего с провокационными заявлениями». В тексте статьи также утверждалось, что «Киселёва часто обвиняют в том, что он является рупором [кремлёвской] пропаганды» и что он получил известность за свои «открытые антигейские, антиамериканские и анти-оппозиционные взгляды». Агентство «Франс Пресс» назвало назначение «телеведущего-антигея» главой нового информагентства попыткой Кремля «консолидировать государственные СМИ в период возросшей онлайн-критики 13-летнего правления Путина». Назначение **Дмитрия Киселева** руководителем агентства «Россия сегодня» в газете «Украинская правда» было прокомментировано на следующий манер: «теперь Киселев будет врать про Украину на должности директора информагентства»

Орден Дружбы (5 мая 2011 года) — за большие заслуги в развитии отечественного телерадиовещания, культуры, печати и многолетнюю плодотворную деятельность

Женат седьмым браком, трое детей. Супруга — Мария; совместные дети Константин и Варвара, сын Марии — Фёдор. Сын Глеб от первого брака. Киселёв владеет четырьмя иностранными языками: английским, французским, норвежским и шведским.

Интервью с Дмитрием Киселевым

Парламентский корреспондент программы «Время», ведущий программы «Международная панорама», ночной программы новостей ТСН, ведущий программ «Окно в Европу», «Час Пик». С 1995 года в телекомпании REN TV, автор и ведущий программы «Национальный интерес». В 1998 году учредил собственную телекомпанию «Перспективные телевизионные форматы». С августа 1998 года — главный редактор телекомпании «НТВ Телемост». С сентября 1999 года — руководитель программы «В

центре событий» (ТВЦ).

- Дима, мне кажется, есть такое телевизионное братство. Есть люди на телевидении случайные, которые приходят на телевидение, а через некоторое время исчезают. А есть люди, которые приходят на телевидение, на год два уходят, а потом опять мы их видим на экране. Жить без этого не могут да и делать нечего другого не умеют... Ты тоже из такой компании.

- Я не знаю. Я давно работаю, но я не считаю себя «отравленным». Я совершенно нормальный самостоятельный человек. Я себя не идентифицирую с тем образом, который получается на экране. У меня есть своя жизнь, у меня есть своя семья, у меня есть свои увлечения. Более того, у меня даже может быть своя работа, без телевидения, потому что чувствовать себя смело, решительно, уверенно, когда вы знаете, что можете это потерять. Вы не умрете без этого. Когда это не превратилось в ваш наркотик, когда не возникло у вас зависимости от телевидения. То есть телевидение зависит от вас, а не вы – от телевидения. Тогда это будут нормальные отношения со своей работой. «Я работаю токарем, и с этим я себя идентифицирую. И без токарного станка уже жить не могу». Ну, смешно, правда? Таким образом, человек развивается. Например, машинистка. «Без пишущей машинки я не могу». Складывается ненормальная ситуация. Я – писатель и не писать я не могу, не могу не писать. Странная ситуация, да? И это поднимается на щит. И я считаю, что очень хорошо, когда человек сливается с профессией.

Это абсолютно коммунистическая ситуация. Для коммунизма человек нужен был и необходим лишь как функция. А как личность никого он не интересовал. Это все лозунги: «Свободное развитие каждого»... в токаря, в телефонистку, в пролетарского писателя. И все. Другие функции были не нужны. Зачем? Это только обременяло общество, потому что возникает определенная система потребления, потребностей, и уже общество не могло этого предоставить. Значит, это что-то ненужное, что-то лишнее. Мы же «затачивались» под строителей коммунизма. Ну, зачем же нам самих себя «затачивать» подо что-то. Другое дело, если у человека есть гены, что ли...

Допустим, бывают отдельные случаи, когда человек в своей жизни в какой-то области достиг таких достижений, когда уже это жалко оставлять. Он вышел в классики в этом деле. Когда человек в своей области выходит в классики, тогда понятно, что он этим занимается, он настаивает на этом. Естественно, это отдельные случаи. Я в классики не вышел. И я не думаю, что кто-то вышел в классики. Если кто-то из телевизионщиков считает, что он вышел в классики, «забронзовел» уже, то это печальный диагноз. Телевидение гипертрофирует масштаб личности неоправданно, оно увеличивает человека, это просто увеличительное стекло. Но в этом нет личных заслуг. Нужно понимать, что это заслуга технологии, так сложилось.

- К тебе, к твоим словам прислушиваются, тебе верят: как ты ведешь себя на экране, как ты одет. И после того, как ты не то что засветился, как начал уже общаться с людьми, ты начинаешь на них влиять. И от тебя будет многое зависеть. От твоих слов «туда или не туда» зависит, куда пойдут люди.

-Я бы хотел, чтобы они жили своим умом прежде всего. Я один из многих, кого они слышат. Я особенно не преувеличиваю масштаб своей личности. Я просто делаю свою работу. И все. Не надо здесь ни драматизировать эту ситуацию, ни преувеличивать... Люди должны иметь собственное достоинство, собственное мнение.

- Дима, ты «Удачник – или – неудачник». Сейчас в стране кризис. В том числе и у нас на телевидении. Кто-то остается без работы, кто-то приходит, кто-то уходит. Вот ты сам кем себя считаешь – удачником или неудачником больше?

- Если из этих двух вариантов, то я считаю себя удачником. Но в русском языке слово «удача» связано с везением. Так сложилось, что если ему повезло. А я вам посоветовал бы сменить эти слова на более универсальные в мире. И в английском языке это «победитель» или «проигравший». Потому что удачник это есть элемент везения («О, счастливичик!», выиграл в лотерею, он удачник), а победитель должен прийти к этой победе. Здесь совершенно другая история. Я считаю себя победителем. У меня тип личности победителя. Я считаю, что я хороший и другие – хорошие. Я подхожу с презумпцией того, что человек – хороший. А есть другие типы личности, где «я – плохой и все – плохие». Есть разные типы личностей. В этом плане я победитель. Даже если я не одерживаю победу...

Мой сын как-то сказал про меня, что если я решил, то обязательно сделаю, либо, как минимум, очень постараюсь. То есть я внушаю сыну, что есть два страшных греха – обман и не постараться, даже не попытаться. Нужно попытаться это сделать. И если вы будете последовательны в этом, то вы выйдете победителем. Безусловно.

- На кого ты больше рассчитываешь в трудную минуту – на себя, на семью на друзей...? Трудные минуты бывают или нет?

- На свою семью, на себя, на друзей безусловно. Естественно, на свою систему человеческих отношений, которую каждый человек выстраивает вокруг себя.

- Расскажи про первую любовь. Была ли она у тебя? Помнишь ли ты ее?

- Вы не поверите, но была такая история. Мне было 17 лет. Я полюбил девушку, с которой я учился в медицинском училище. Нет, я даже сначала работал рабочим в типографии «Известий» у печатного станка, сразу после школы, а потом я поступил в медучилище. Ходил в белом халате, а под ним была футболка дешевая, дешевые брюки...

Я ставил банки в женском отделении, растирая вазелином им спины сначала... Все женщины просили поставить им банки. Я не понимаю – почему? Врач с утра приходит после ночного дежурства, а все в банках. «В чем дело?!» «А меня попросили поставить банки», -отвечал я ему. Ну я ставил. Что мне жалко, банка железная, многоразового пользования. В отделении ухо-горло-нос, там здоровые женщины были, просто что-то с горлом... А так все в порядке. Им просто было приятно, что молодой парень растирает им спины. Они шутили и смеялись.

Там я познакомился с девушкой, с которой родился в один день и в один год. Она была абсолютной ровесницей мне. Более того, мы поженились. Это была первая женщина в моей жизни, а я у нее был первый мужчина. Вот была такая история.

- А сейчас ты ее встречал?

- Нет, это было давно, осталось романтическое воспоминание. Я уехал в Ленинградский университет, она оставалась здесь. Вот так мы и расстались.

- Где ты заработал свою первую зарплату?

- Первая получка была у отца. Был такой инструмент – скобель. Я ошкуривал еловые жерди и срубал сучки. Эти жерди предназначались для забора. Мне было как раз 10-11 лет, был участок земли, это было 35 лет назад. И впервые я заработал три рубля у моего отца. Я помню, что получал 15 копеек за каждую жердь и снимал сучки и кору. И это было запрещено, потому что в Советском Союзе детский труд был запрещен официально, и тем более у своего отца работать было совершенно невозможно, потому что это не соответствовало представлениям о советской ячейке. Работать в семье и зарабатывать деньги – это было совершенно невозможно. Вот так я заработал свой первый рубль

- Скажи, а кем ты видишь своих детей в будущем: хочешь, чтобы они прошли твой путь или нет?

- Мой путь совершенно невозможен, потому что я прошел советский путь, советский университет и я работал на Гостелерадио СССР. По возможности я пытаюсь и пытаюсь изменить эту страну. Семья – это многоступенчатая ракета. Сын должен идти дальше, придерживаться уже других – более современных – ценностей, более современных идеалов, получать совершенно другое образование и т.д. Я не знаю... Он станет тем, кем захочет быть.

На самом деле есть проблема выбора. Я хочу сделать так, чтобы у него была проблема выбора. А выбирает тот человек, который получит лучшее образование. Только человек с лучшим образованием имеет возможность выбора, потому что, можно научиться чему угодно, и у тебя будет большой выбор. Так что посмотрим... Пока ему 15 лет, и я пытаюсь ему что-то вколачивать, разные истины... с переменным успехом.

- Скажи, что происходит с журналистами, почему они такие агрессивные стали?

- Следующий этап журналистики будет совершенно другой. Если сейчас есть эта «110бурра110бнтур» журналистика, то скоро ее не будет...

- Пройдет эта болезнь...

- Конечно пройдет. Победителями как всегда станут созидатели. Останутся те, кто имеет долгосрочные цели, а не конъюнктурные – вот сейчас здесь рвануть вперед и будь, что будет... Нужно иметь долгосрочные цели... Люди хотят знать, кому они могут верить. Если человек говорит, что он работает на какую-то политическую силу, он необъективен, он тенденциозен, он односторонен. Он является не информатором, а агитатором. Агитатор – греческое слово. Это человек, который управляет лошадьми. Он управляет не лошадьми, а вами. Если вы смотрите на него, он управляет вами. А зачем ему направлять? Я просто хочу быть не управляемым, а хочу быть информированным. Я хочу сам знать, что происходит. И я думаю, что когда телевизионная публика это поймет, тогда телезрители должны себя тоже отчасти переделать. Они должны хотеть видеть не агитаторов, а тех людей, кому они

доверяет. В плане честности информации. Пусть позиции публика сформирует сама. И я считаю, что это рано или поздно победит. И люди будут верить тем, кого они видели на экране в течение уже десятилетий, всей жизни, и те себя не скомпрометировали тем, что предали их, работая на какую-то политическую секту. Мне кажется, что это существенный момент. И это наступит.

- Дима, скажи честно. У тебя есть заветная мечта?

- Нет, вообще-то у меня есть, конечно... Я вам скажу про телевизионную мечту. Я уже как-то раз рассказывал о ней, она, наверное, вряд ли осуществима. У меня есть один сумасшедший проект, который я хочу осуществить. Это космический проект. Не считайте меня за сумасшедшего. Но это вариант поиска инопланетян. Называется «Космический посол».

Клинтон, например, президент Соединенных Штатов, сказал, что он верит в жизнь на Марсе. И на самом деле на Марсе найдена вода, замерзшая вода, а вода – это жизнь. Это понятно. А можно поехать к Путину и спросить: верит ли он, что есть жизнь на Земле. Он скажет «да». И это будет эпитафией. Потому что не верить нельзя. И это высказывание от двух космических держав может стать эпитафией к большому телевизионному проекту. Эпитафия «Да». Если да, отлично, исходим из этого.

Опять же большинство людей на земле верят в то, что существует жизнь вне нас. Либо это инопланетяне в разных формах, либо это, например, господь Бог. Который, естественно, где? На небе. Так или иначе, но мы не чувствуем себя одинокими все равно. Так в основном этот проект опирается фактически на веру в то, что это есть.

Более того, американцы посылают сверхдлинные волны и сообщают о нас: рост, вес и т.д. Люди уже докладывают о нашем существовании кому-то, то есть предпринимаются конкретные действия. Но, собственно, кто их уполномочивал? Никто. Они самозванцы. Даже если мы посылаем посла в Зимбабве или, например, в Танзанию... Его утверждал президент, совет федерации. Есть технология утверждения послов. Люди, которые посылают какие-то там сигналы в космос, они никем не утверждены, представляются от имени всего человечества. Странная история, да? Ведь действительно, они всего человечества. Давайте сделаем такую процедуру, которая определит космических послов от Земли.

Все очень просто. Представьте ситуацию, когда не мы к ним, а они – к нам. Прилетает какая-то тарелка (многие люди считают, что она существует, а многие – нет). Открывается люк и такой человек говорит «Привет» первому попавшемуся человеку. Тот спрашивает: «Ты кто?». Человек отвечает, что он, к примеру, марсианин. И в свою очередь спрашивает: «А ты кто?». А тот отвечает, что он – майор советской армии. Марсианин не поймет. И человек должен будет объяснять ему кто он. Или я – японец. Это что такое? Представь себя, ты кто? Я – землянин. Отлично. Ты кто? Я пионер. Я спортсмен. Я аграрий. И т.д. Я кто угодно. Потом в какой-то момент кто-то сможет понять, что языка-то нет. Пол Маккарти может спеть песню в этой ситуации. Кто-то что-то может нарисовать, цветок, например, кто-то может станцевать, хор японских мальчиков споет песню. Что-то еще. Либо философ что-то объяснит. Я хотел бы сделать такую некую космическую будку

гласности, чтобы люди представили кто они. Представляли, что они являются частью человечества.

- Хорошая идея.

- Это же проблема самоидентификации. Потому что мы, русские, сами не знаем, а кто это? Мы же не можем сказать, кто мы по-настоящему, чем мы отличаемся от французов реально. Таким образом, эта программа важнее для нас. Боле того, если мы сделаем зональный конкурс, международный форум, определим победителей. Фактически это постоянно идущий конкурс, и мы выберем золотую десятку тех, кто, по нашему мнению, лучше представляет человечество для пришельцев. Мы же не готовы к их приходу. Кто-то скажет: «Не стреляй, я тебя люблю». Это наше обращение к инопланетянам. А кто-то скажет: «О, как я ждал тебя». И так далее.

Могут быть самые необычные исследования. У нас народ с фантазией. Мы все это записываем на видео, либо на лазерный диск, да на все, что угодно и со второй космической скоростью отправляем туда раз в год. Это весит ничто. Я готов сам заплатить на вес, это не проблема, это ничто. В результате, что получается? Диск, который выходит в другие галактики, это для нас шанс.

Для нас важнее то, что мы предприняли это движение, что мы предприняли эту акцию. И это уже там будет жить. В случае любой катастрофы на Земле все погибнет, останется этот диск. Это как космическая бутылка с пробкой. Фактически это будет эпитафией всей Земле. Это будет некролог. Если мы живы, то кто-то воспримет это как молитву, обращенную туда. То есть эту молитву кто-то воспримет как покаяние, потому что будем обращаться к инопланетянам, к внеземному разуму, как к Богу, представляя себя и имея возможность разговаривать с Богом. Потому что всегда остается шанс, что кто-то поймет нас. Шанс, не меньший, чем когда бросаешь бутылку в океан. Но ведь ловили же их. Если мы отправляем сигнал с радиомаяком этот диск и то будет надежда, одна вера будут толкать людей говорить искренне.

Этот проект имеет земную сторону, он может стать серьезным поводом задуматься о том, кто мы сами для себя. Для нас это важнее, чем для инопланетян. Мы будем пытаться определить свою специфику, свою русскость, границы нашей специфичности, универсальности. Вот говорят, что мы другие. А в чем? Вот здесь такие же, а здесь другие. Здесь одинаковые, а здесь другие... А где другие-то?

Нам для себя важнее определить, в чем-то мы другие, в чем-то нет. Таким образом, в этом международном проекте мы найдем общий язык. Это может стать определенным движением на Земле. Это может стать определенной модой. Вы представляете, идет дама с таким бюстом и на майке написано «Космический посол», к примеру. Может стать стилем в одежде... Это моя мечта. Это сближает людей на самом деле. Интересный проект?

- Конечно.

- Пока это никому не нужно, пока журналисты килерствуют... Но это надо пройти. Средневековье же прошли? Прошли. Сжигали же на кострах? Сжигали

«Поведение Запада граничит с шизофренией»

Гендиректор информационного агентства «Россия сегодня» — о санкциях, западных ценностях и о настоящих либералах

Генеральный директор международного агентства «Россия сегодня», автор и ведущий программы «Вести недели» стал единственным в мире журналистом, на которого были распространены политические санкции. Евросоюз включил известного телеведущего в список россиян, в отношении которых вводится запрет на въезд на территорию ЕС, а также владение недвижимостью и счетами. На защиту журналиста Дмитрия Киселева, попавшего под санкции Евросоюза, встали в одной из ведущих организаций по правам журналистов — Всемирном комитете по свободе печати. Однако, как рассказал «Известиям» сам Дмитрий Киселев, введение санкций в отношении его — это ограничение свободы слова не одного журналиста, а всей мировой журналистики. В современной истории, поясняет глава МИА «Россия сегодня», Россия и Запад поменялись ролями, теперь главным защитником демократических принципов и свободы слова стала наша страна.

— Вы единственный журналист, на которого распространены санкции. Можно сказать, что вы Юрий Гагарин современной журналистики. Вы ожидали этого?

— Это касается всех журналистов. Впервые на моей памяти наложены санкции в международном масштабе против журналиста. Я лишь журналист Икс. Причем инициатором санкций стала Европа, что говорит об откровенном пренебрежении чиновников Евросоюза ценностью свободы слова. Создается очень неприятный опасный прецедент — фактически предательство европейских ценностей. Если прецедент будет легализован, если журналистское сообщество — и европейское, и американское, и любой другой страны — не отреагирует на это и не даст оценку, то это значит, что журналисты считают такое правомерным. Это кардинальный цивилизационный поворот — свобода слова нам не нужна и отныне не является ценностью. Более того, позиция Евросоюза подкреплена не только решением европейской бюрократии, но и решением норвежского стортинга.

— Даже Норвегия, которая вам близка, учитывая что вы закончили отделение скандинавской филологии, поддержала санкции..

— Да, в Ленинградском государственном университете. 10 лет вещал по-норвежски у микрофона Московского радио. Человек, являющийся стопроцентным другом Норвегии, подпадает и под норвежские санкции, цель которых — ограничение свободы слова. Блеск! Верю, что пока это не очень осознанно, но по факту речь о цивилизационном повороте. Меня обвиняют в том, что я занимаюсь пропагандой, что я пропагандист. Но пропаганда с греческого — распространение информации, идей, мыслей, мировоззренческих позиций. Интересным образом Запад использует это слово как ругательство... Но пропаганда не сертифицированная категория, сертифицированная категория в международном праве, в Конституциях всех стран — свобода слова. Фактически эта санкция формализованная, государственная, межгосударственная, наднациональная, бюрократическая, которая носит легальный, в смысле оформленный законодательно, а не правомерный характер. Она направлена против свободы слова.

— Всё же странная формулировка у Евросоюза, вам как гражданину России въезд

запрещен, а как журналисту вполне возможно посетить страны ЕС...

— Я не знаю, насколько это так. Нигде официально это не объявлено. Если исходить из того, что в Европу мне можно лишь в командировку, то это означает, что Европа отработывает назад, дает задний ход. Поскольку поняла, что санкции ограничивают профессиональную деятельность журналиста, что дико. Европа почувала, что застывает в неудобной позе, в неловком положении, что надо будет как-то объясняться и мотивировать собственное решение. Но если сделать допущение, что профессионально в командировку мне все же можно туда ездить, а они обвиняют меня в том, что я занимаюсь профессионально пропагандой, то Европа оказывается в совсем уж смешной парадоксальной ситуации: пропагандой мне заниматься можно профессионально — приезжай и занимайся, а вот отдыхать нельзя. Пропагандируй без отдыха! Ну не шизофрения?

— Если логическая цепочка здесь явно нарушена, то смысл санкций по-вашему в чем?

— Я не понимаю смысла происходящего. Это смешно, просто абсурдно. Санкции никак не затрагивают меня как личность. Цель их — изменение моего поведения. Арестуют мою недвижимость, счета, но у меня их нет на Западе. Это санкции не против моей свободы слова, а против свободы слова в целом. Я здесь как символ или, точнее, частный случай.

— Введение санкций сейчас стало некоторым трендом, причем инициатором ограничений постоянно выступают США или ЕС. Вы единственный журналист, которого выбрали. Вас это не смущает?

— Это странная история. Они говорят, что я главный пропагандист. Либо это бред, либо это незнание реалий.

— Если США и ЕС не знают реалий, но в списке значатся сильнейшие государственныйники, может, им кто-то посоветовал эти кандидатуры и вашу в том числе?

— Я даже знаю кто. Там Сергей Пархоменко и Алексей Навальный составляли списки. Они этого и не скрывают. Но если Европа будет опираться на мнение людей, которых поддерживает в России исчезающее меньшинство, то, конечно, трудно принимать здравые осмысленные решения в этом мире, тем более по отношению к России. В мире очень много вопросов, которые без участия России трудно разрешаемы, в том числе вопросы войны и мира в разных регионах. Такое поведение Запада граничит с шизофренией. Здесь мы к ней возвращаемся. Шизофрения — это расщепление сознания, жизнь в параллельных мирах с опорой на второстепенные признаки, второстепенные факторы. Когда мы опираемся на то, что малозначимо, но превращаем это в значимое, когда исходим из мнения общественно малозначимых людей, культивируя его, даже гипертрофируя, мы вступаем в королевство кривых зеркал. На мой взгляд, великие державы, которые составляют костяк Евросоюза, не могут себе этого позволить, ведь величие предполагает и соответствующий уровень ответственности. Иначе они попадают в глупые ситуации, вредя в конечном счете и своим гражданам. Ведь во что после санкций в отношении журналиста превращается свобода слова в самих европейских странах? У них легализуют запретные темы и запреты на журналистскую деятельность? Если есть позиция в отношении зарубежного журналиста, то почему бы стандарт, заложенный в

этом решении, не распространить и внутри ЕС?

— **Работая в государственных СМИ, журналист автоматом получает звание «пропагандиста». Рейтинг вашей программы высок, равнодушных к вам нет. Являетесь ли вы главным пропагандистом?**

— Владимир Путин, президент России, назначил меня своим указом от 9 декабря руководителем нового международного информационного агентства «Россия сегодня». Санкции застали меня и наше агентство в период реорганизации, когда «Россия сегодня» еще никак себя не проявила в мире с точки зрения «пропаганды». К тому времени мы не вышли ни с одним новым брендом, а главный наш продукт — информационная лента на английском, французском и испанском языках — появился лишь 1 апреля, куда позже даты объявления санкций.

Но, быть может, санкции — превентивная мера? Чтоб не пропагандировал? Но ведь все западные информационные агентства буквально навязывают свою точку зрения. Например, Reuters или Associated Press. Они реально пропагандистские — формируют доминирующую повестку дня, говорят о чем думать, в какой последовательности и как думать. Они интерпретируют историю, сегодняшний день, будущее, они закладывают систему ценностей, мировоззренческие позиции, политические акценты.

— **В ваше агентство, скорее всего, также будет заложена некая политическая доминанта?**

— Конечно, но мы-то еще не успели. Это делают все агентства, и у каждого есть свой руководитель, который ведет легальную профессиональную деятельность. Тогда и против них, может быть, тоже ввести санкции? Ведь и они занимаются пропагандой... Информация в современном мире, ее подбор, анализ, интерпретация, обработка, ее форматы от социальных сетей до художественных фильмов — это форсирование системы ценностей, представлений о добре и зле, производство, если угодно, отношения к событиям. Получается, что странам Евросоюза можно иметь агентства, а Москве такое агентство ну ни в коем случае нельзя. Россия, безусловно, хочет конкурировать на поле международной информации, поскольку информационные войны стали практикой современной жизни и основным видом ведения войны. Уже вслед за информационной победой летят бомбардировщики. К примеру, в Сирии американцы проиграли войну, и ничего не получилось. С Крымом проиграли информационную войну, и ничего не получилось. Раньше была артиллерийская подготовка перед атакой — сейчас информационная.

— **Выходит, что санкции в отношении вас ввели не из-за создающегося агентства?**

— Я абсолютно уверен, что раздражающим фактором здесь является, безусловно, программа «Вести недели» — заметный информационный продукт, еженедельная информационная аналитическая программа с авторским взглядом на события, которая популярна, известна, любима (это подтверждают данные исследования ФОМа аналитических программ на разных телеканалах по итогам прошлого сезона. Мы на первом месте по большинству позиций). «Вести недели» стали влиятельными в России и пропагандируют, не побоюсь этого слова, здоровые ценности, здоровый патриотизм. Уверен, что санкции наложены из-за «Вестей недели».

— **В других странах также есть аналитические программы. Но к их авторам**

санкции не применяют. Может, какая-то конкретная фраза была вами сказана?

— Каждый обозреватель сколь-либо заметный — как правило, это люди в солидном возрасте, как я (мне скоро 60), с опытом и большим бэкграундом, с большой журналистской историей, как у меня. Так вот, такие профессионалы имеют право высказывать свое мнение в подобных телепрограммах и делают это. При этом общество к ним прислушивается, ведь люди долгие годы наблюдают за таким человеком, следят за его эволюцией, формируют свое устойчивое отношение к нему. Наконец, доверяют. Причем доверие в каждом таком случае — социологически измеряемая общественная характеристика. Чем выше уровень доверия — тем больше у обозревателя возможностей, но и больше ответственности. В любом случае таких людей — тех, кто в великих мировых державах ведут подобные программы, — лишь несколько десятков. Они штучны. И все с большим или меньшим успехом занимаются одним и тем же — изложением информации и интерпретациями. При этом всегда формулируя национальные интересы. Так что — одним можно, а другим нельзя? Так полагают в Евросоюзе?

— Значит, своим можно, а чужим нельзя. Может, их зацепила фраза про геев — «сжигать или зарывать сердца» геев, погибших в ДТП?

— Это полное предательство свободы слова. Что касается геев, у меня четкая позиция здесь. Гей-культура имеет право на существование в России, и она де-факто существует. Но это культура меньшинства, и она ею останется. Потому что культура меньшинства не должна быть навязана большинству, тем более насильно, пропагандистки. Я не считаю, что нетрадиционная сексуальная ориентация — это болезнь. Я даже не считаю, что она выходит за пределы физиологической нормы, но то, что она выходит за пределы социальной нормы, — убежден. Каждая страна имеет право на социальную норму. У нас социальная норма — семья. Российское государство обязано поддерживать нашу социальную норму еще и потому, что для него она жизненно важна. Семья — это рождающиеся дети. А у нас демографический кризис. Поддерживать у нас распространение гей-культуры равносильно самоликвидации. Нам это предлагают. Но мы же не обязаны соглашаться?

— Вы считаете, что нам это навязывают?

— Да, нам навязывают то, что нам чуждо. Примеров масса. Например, моя фраза о сжигании сердец геев используется как враждебный нам мем. Злоумышленники могут продолжать это делать. Я не отказываюсь от своих слов и объясню их смысл еще раз. Нужно понимать их контекст. Это была сознательная провокация. Я сказал это в контролируемом запале специально для затравки полемической программы, где конфликт мнений с элементами шоу был заложен драматургически. Тогда обсуждалось введение штрафов за пропаганду нетрадиционных отношений среди подростков, фактически за растление. Надо понимать, что геи не воспроизводят сами себя, они рекрутируют в свои ряды. Гей-парады — акция заманивания к себе. Все в ярких перьях и все смеются, мол, отлично у нас. Реальности гей-сообщества другие. Исследования показывают, что средняя продолжительность жизни гея значительно ниже. По статистике в их отношениях больше насилия. Они чаще обращаются за психологической помощью. У них чаще суициды. Гей-сообщество — признанная зона риска для гепатита и СПИДа. Поскольку современные методы не позволяют на 100% определить отсутствие

возбудителя СПИДа в крови и донорских органах, то в США и Канаде, странах Евросоюза донорство геем запрещено. Где-то, как в США, — с 1977 года и пожизненно. Где-то принят карантин со времени последнего гомосексуального контакта. Мотивировку можно почитать на официальном сайте такой почтенной организации, как FDA. Это американский Роспотребнадзор.

После этих слов Дмитрий Киселев достал томик Зигмунда Фрейда «Сексуальная жизнь». Раскрыв книгу на заложенной странице, он провел пальцем по подчеркнутой строчке — «Окончательное решение, касающееся выбора сексуального поведения, приходит только после пубертата».

— На этой фразе основан запрет на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, поскольку у них пока неустойчивая самоидентификация. Не отрицаю, что для одних гомосексуальная ориентация предопределена. Речь идет о том, чтобы спасти других.

— Нужно ли в России запретить представителям сексуальных меньшинств быть донорами?

— В России геем донорство не запрещено. Почему бы не сделать, как в Штатах? Ведь тела геев в случае, например, автомобильной катастрофы кремируют или хоронят, попутно сжигая или закапывая и, казалось бы, вполне здоровые сердца. Как материал для продления чьей-либо жизни они не рассматриваются. Да, в разных странах введены сроки со времени последнего гомосексуального контакта. Но у гомосексуалиста бывает до 1,5 тыс. партнеров в течение жизни, 500 никого не удивляет. Таковы данные авторитетных американских и западноевропейских исследований. Это другой образ жизни, другой ритм. Так что де-факто геем донорство запрещено. У нас же российское государство берет на себя ответственность за вероятность заражения СПИДом при переливании крови и донорстве. Риск примерно такой же, как погибнуть в авиакатастрофе. Не считаю, что это правильно. Лучше — как в странах, которые уже исследовали проблему глубже, чем мы. А там сердца геев превращают в пепел как непригодные для продолжения чьей-либо жизни. Я — за это. И не за то, как представляют, будто призываю вырезать сердца из живых людей и жечь.

— У вас есть знакомые геи. Какие у вас с ними взаимоотношения?

— У меня и коллеги геи есть. В массе своей они спокойные и тихие люди, которые хотят остаться в тени. Они не выпячивают свою ориентацию. Ни разу не сталкивался лично со стороны геев с неприязненным отношением ко мне. Да и я не гомофоб. Западу просто не нравится Россия, которая находится в восходящем тренде. Вот где сердцевина. Мы в восходящем тренде, даже если экономика сейчас не так убедительна, как нам хотелось бы. Но экономика циклична. И за спадом всегда следует подъем. Если же есть такая телевизионная программа, которая восходящий тренд России поддерживает, помогает освободиться от травм XX века, то на ее автора Запад накладывает санкции. Да еще говорят, что Киселев гомофоб, антисемит, призывает спалить Америку и т.д. Как-то не очень изящно.

— Так кто же, по вашему мнению, сейчас опускает железный занавес? Какая из сторон?

— Мы поменялись ролями. Россия за свободу слова, а Запад уже нет. Произошел

тектонический сдвиг, цивилизационный. В России можно говорить всё что угодно, есть разные телевизионные каналы, интернет не блокируют, радиостанции и газеты в любом диапазоне. Нет ни одного запрещенного литературного произведения. Напечатают что угодно. Нельзя лишь то, что прямо запрещено Конституцией. При этом русский человек сохраняет колоссальный диапазон — бездна внизу и безднаверху. Некоторые даже слово «патриотизм» сделали ругательным. Ксения Ларина с «Эха Москвы», например, говорит, что от патриотизма ее «тошнит червяками и вишневыми косточками». И никто ее в этом не ограничивает. Конечно, Ксения, говорите и дальше. ЕС, накладывая санкции на одних и поощряя других, например, принимая в Европарламенте Толоконникову и Алёхину, которые тоже требуют расширить санкционный список, показывает, и кого Европа поощряет и что не поощряет. Кошунственные танцы в кафедральном соборе в России для Толоконниковой и Алёхиной — это отлично и нужно, а свобода слова для журналиста Дмитрия Киселева персонально, для главной информационно-аналитической программы и притом любимой народом — это плохо и нельзя. Вот «тошнит червяками» — отлично, а наши корреспонденты и репортеры, которые видят, что происходит в Киеве и рассказывают об украинском фашизме, — это плохо. Удивительная ценностная конструкция получается. Впрочем, и она России на пользу. Мы четко видим, кто и за что.

— **МИД России заявил, что не собирается запрещать въезд для западных журналистов. То есть мы не отвечаем зеркально.**

— Естественно, Россия морально выше. Мы уже проходили времена, когда свобода слова нарушалась в СССР. Например, в сталинский период. Мы прошли времена железного занавеса. Сейчас, как ни странно, меняемся ролями. То есть Россия — просто светоч свободы слова. Кто-то может смеяться, как Ксения Ларина, но она будет делать это свободно в эфире, не опасаясь санкций ни со стороны России, ни со стороны Евросоюза. Потому что у нас в эфире можно фактически без ограничений пользоваться и даже злоупотреблять свободой слова, даже действуя против государства и отечества. Поэтому санкции Евросоюза реально работают не против меня или кого-то в России, а против европейских ценностей в самой Европе. Евросоюз таким образом провозглашает, что свобода слова для него отныне не является ценностью. Вот о чем речь.

— **Вы собирались в ближайшее время в Европу?**

— После заявления о введении санкций в отношении меня мне позвонили японцы и говорят: приезжайте к нам. Приятно. Но у нас в планах с детьми была поездка в Северную Норвегию на машине из Мурманска. Мы арендовали в самом северном викингском поселке Гьесвер с населением всего 150 человек рыбацкий домик, чтобы детям показать незаходящее солнце, птичьи базары, северную рыбалку и морских котиков. Уже и предоплату отправили. Но хозяин Бьерн Енсен и его прекрасная семья теперь поставлены в трудное положение. Санкции ведь, выходит, наложены и на него. Потому что эта рыбацкая хижина может быть и не снята, так как они просят ее арендовать заблаговременно, чуть ли не за год. Может, конечно, кто-то туда и приедет, но дополнительные хлопоты гарантированы. История, на мой взгляд, абсолютно абсурдная. Жаль, что Норвегия не покажет себя моим детям — зато покажет себя Япония.

— **США, кстати, против вас санкций не вводили. Что это значит?**

— Американцы не ввели. Они европейцам подсунули это дело, поставив их в

неудобное положение. Это в ряду шагов по разрушению Европы. Такой же, как прослушка Ангелы Меркель, промышленный шпионаж... Для Америки ведь Европа конкурент. Никто этого и не скрывает.

— А что такое журналистика по-вашему — пропаганда или нет? Некоторые любят говорить, что вообще журналистика умерла.

— Журналистика — это больше, чем профессия. Это целая среда в обществе. Это среда для циркуляции информации, идей, ценностей, представлений о добре и зле, и она не может умереть. Особенно профессиональная журналистика. Не надо путать блогеров, которые не сходя со стула и по «клаве» что-то клацают, с профессиональным журналистом. Профессиональный журналист действует в рамках принятых этических норм, он не говорит неправду, он проверяет факты. Ошибки? Могут быть и ошибки. Важно, как вы к ним относитесь. К примеру, в программе «Вести недели» от 8 декабря я сам перепутал здание администрации президента Украины со зданием правительства Украины. Отсюда вышло, что первое насилие со стороны боевиков с проломленными касками и кровью было при штурме администрации, а на самом деле это было 26 ноября при штурме Дома правительства. Сейчас, отматывая назад, мы понимаем, что это орудовал «Правый сектор» (показывает трофеи — каску «Беркута», расколовшуюся от удара). Уже в следующей программе 15 декабря я сам без чьего-либо принуждения извинился за путаницу и, восстановив точный ход событий, добавил, что логика, по которой первое насилие в Киеве было не со стороны «Беркута», сохраняется. Так что ошибаться может каждый. Вот Барак Обама на прошлой неделе на саммите США–ЕС в Брюсселе заявил, что Косово отделилось после референдума. В реальности же референдума о независимости Косово не было никогда. Не слышал, чтобы Обама извинился... Это про то, как вы относитесь к своим ошибкам, либо вы их признаете, либо нет. Поэтому-то профессиональным редакциям, профессиональным СМИ доверяют больше. Их роль будет возрастать. После всех травм XX века, репрессий, распада страны, войн, террора, которые мы пережили, уничтожения Церкви, катастрофического истребления нашего народа возникла некая атмосфера неверия — отсутствия ценностей. Их надо возрождать. Ценностный вакуум называется аномией. Для человека это состояние считается предсуицидальным. У нас же — общественная аномия, из которой мы только начинаем выползать. Нам же говорят: «Не выползайте...»

— На Украине сейчас, судя по вашим словам, — аномия?

— Да. Или вакуум заполнен чем-то ядовитым. Миссия же журналиста в том, чтобы здоровые ценности произвести. Это могут сделать Церковь, семья, образование, но на профессиональной журналистике — огромная ответственность. Ведь у профессиональной редакции всегда есть цель. Государственное СМИ обязано иметь созидательную цель, не разрушительную. Поэтому-то профессия журналиста востребована — но именно нормальная журналистика, созидательная, осмысленная, где подрывная деятельность по отношению к своему обществу не является спортом.

— Можно сделать вывод из сказанного вами, что, к примеру, телеканал «Дождь» — непрофессиональная журналистика?

— Это видно. Да они, похоже, так и не позиционируют себя. Да какая там журналистика? О чем вы? Это не больница. Это игра в больницу. Их деятельность

откровенно тенденциозная, ценностно разрушительна. Я не за то, чтобы «Дождь» закрыть. Должны же быть ниши для разных людей. Все имеют на это право. Но и мы не проигрываем информационное поле. 88% получают новости из центральных телеканалов. Они, кстати, как правило, ассоциируются с государством. Скажем, и «Известия» негосударственная газета, но ассоциируется с ним, с нормальными ценностями, которые поддерживают государство и общество и вызывают большее доверие, чем всё остальное. Мы не проигрываем. Если бы проигрывали информационную войну, у нас бы не было государства. Не было бы социального мира. У нас случилось бы то, что на Украине. Поэтому нам нельзя проигрывать. И конкуренцию мы выигрываем честно.

— Вы уже выстроили стратегию «России сегодня»? Кремль же сотрудничал с американской PR-компанией Ketchum. На ваш взгляд, приемлемо ли то, что за пропаганду России отвечали западные специалисты?

— Я не знаю, есть контракт сейчас или нет. Но допустим есть. Во-первых, я не могу оценить эффективность контракта, но сделаем допущение, что он эффективен. Мир глобален, и Россия не должна самоизолироваться. Мы же не за автаркию? Многие иностранные журналисты работают на российских каналах. Они понимают, что доминирование так называемой англо-саксонской точки зрения в информационном поле губительно и для их стран. Возникнут откровенно тоталитарные государства, если не будет никакого противовеса в лице России, представляющей альтернативную точку зрения.

У меня есть коллеги, которые 25 лет на BBC проработали, сейчас просят к нам на работу и говорят, что не могут больше выносить весь этот антироссийский бред, ненависть, цензуру. Мне звонят из Парижа и рассказывают, что во Франции существует целый стоп-лист на людей, которых на ТВ пускать нельзя, хотя раньше они часто на экранах появлялись, были культурными доминантами во Франции.

— А вы их можете показать?

— Безусловно. И вот западные журналисты мне честно признаются: у них настоящая цензура. Так что это нормально, когда люди хотят работать с Россией — они видят в ней некую альтернативу, баланс и паритет не только ядерный, но и информационный. Тем самым они отстаивают свою свободу. А полная опора на свои силы, замкнутость не очень эффективна. Да и Россия к этому не стремится. Мы — открытая страна. Россия, например, заявляет, что мы хоть завтра готовы отменить визы с Евросоюзом, но ЕС не готов к этому. Мы поменялись ролями. Раньше в Советском Союзе были выездные визы — тогда СССР оградил себя, а сейчас мы понимаем, что живем в самой прекрасной стране в мире.

— И все остальные страны нам завидуют?

— Не без этого! Да, у нас много язв, проблем, мы не скрываем — мы их показываем. Но даже в этих условиях, даже в условиях спада экономики мы всё равно в целом находимся на восходящем тренде.

— В агентство сотрудников вы будете по отдельным критериям отбирать или все желающие смогут у вас работать?

— Все желающие-нежелающие уже сами уволились. Я же уже говорил, что если кто-то собирается заниматься подрывной деятельностью, то это не входит в мои планы.

— Есть мнение, что бывший главред «РИА Новости» Светлана

Миронюк поплатилась за излишний либерализм.

— Обсуждаем не Светлану Миронюк, а наш либерализм. Так вот, есть либерализм, а есть подрывная деятельность. Западные либералы не выступают против своего отечества, родины, народа. Но если я читаю в газете, условно «Московских новостях», такой заголовок: «Они не знали, за что воевали». И это о солдатах Российской армии в первую чеченскую войну. Вот это я называю подрывной деятельностью! Даже если солдат сказал, что он не знал, за что воевал, то это свидетельство его психологической травмы, проявления так называемого посттравматического синдрома. Свидетельство того, что наше общество (и газета МН, в частности) его бросило. Вместо того чтобы дать ему смысл, оно у него отнимает последнее. Можно же было сказать в заголовке: «Героям сейчас трудно», а в статье пояснить, что он говорит, что не знал, за что воевал. Я не за то, чтобы это прятать, я против, чтобы это еще больше расцарапывать и на этом спекулировать и обесценивать его реальный подвиг, который он совершил на поле боя, а не в интернете, чувствуя себя смелым. Такие солдаты нуждаются в нашей поддержке. Надо было объяснить, что это обычная история, посттравматическая, что солдату нужна психологическая помощь, что близкие должны быть более внимательными, и подумать, что мы можем сделать для них.

— **Ксения Ларина, по-вашему, тоже не либерал?**

— Она не терпит другой точки зрения, в частности моей. Я ее точку зрения терплю и на нее никаких санкций не накладываю. А они — Пархоменко, Навальный и т.д. — не терпят, составляют списки. Какие они либералы? Они абсолютно тоталитарные создания. Абсолютно. Это я либерал, потому что я их терплю. Я говорю, давайте их послушаем, посмотрим на них. Закрывать ничего и никого ни в коем случае... Но ставить всё с ног на голову не надо. Особенно за госсчет.

— **В 2003 году вы организовали фестиваль «Джаз Коктебель». Он продолжит свое существование?**

— Да, в этом году он будет 12-м.

— **Насколько я знаю, ваши компаньоны сами с Украины? Какая ситуация сейчас с организацией фестиваля?**

— Министерство культуры уже заявило о поддержке фестиваля. С организаторами из Киева сложная ситуация, поскольку Верховная рада в первом чтении приняла закон, по которому поездка в Крым карается уголовно от 3 до 5 лет, а если по предварительному сговору и в группе, то больше. И ведение хозяйственной деятельности, даже если не сходя со стула в Киеве, в Крыму также подпадает под уголовную ответственность. Но это пока первое чтение, не знаю, примут ли они это во втором, но в таком случае мои друзья не смогут организовывать фестивали в Коктебеле. Я его организовывал первые 3 года — когда жил в Киеве, потом отдал, сохранив себе звание основателя. Этот фестиваль стал крупнейшим джазовым проектом на постсоветском пространстве. Люди со всего света приезжали из Японии, Канады, Венгрии, Норвегии. Из нашей Тувы приезжал певец, который поет традиционным горловым пением, — он популярен среди джазменов. Спросили у него, о чем ты думаешь, когда поешь так, он ответил, что вспоминает своего отца, который горел в танке. Во время Великой Отечественной войны.

— **Учитывая, что с фашизмом боролись и русские, и украинцы, сейчас тяжело**

видеть то, что происходит в Киеве...

— Мы одержали победу. Мы гордимся. С негативом живут те, кто лишает себя этого героического прошлого. Они превращают нацию в лузеров. Они вспоминают только голодомор, что они были оккупированы.

— **Многие говорят: «Мы защищаем свободу», но разве человек не должен защищать в первую очередь свою семью и землю?**

— Конечно. Когда нас просят отказаться от семьи через нетрадиционные ценности, то это фактически разрушение нашей страны.¹⁷¹

Украина – это Азия

21 июнь 2010 15:28

Ни о каком продвижении Украины в Европу в годы после «оранжевого» переворота – говорить не приходится. Кем на самом деле являются киевские правители, и как близки они к демократии – сегодня особенно ощущается в Крыму. Об этом в интервью газете «Крымская правда» заявил российский телеведущий Дмитрий Киселев, ранее работавший на канале ICTV.

По словам Дмитрия Киселев, «в Европу нельзя вступить – Европой можно стать. То, что творится здесь сегодня, «это хуже, чем азиатчина, это просто какое-то дремучее средневековье! «Оранжевая» революция отбросила Украину на годы назад, и никакой Европой тут и не пахнет».

«В Финляндии, где я жил три года, возглавляя североевропейское бюро Первого канала, всего шесть процентов шведов, но названия улиц написаны на двух языках, а на каждой пачке сливочного масла написано по-фински и по-шведски. А что в Крыму? Даже лекарства нельзя купить с аннотацией на русском языке. Какая же это Европа? Европейской традиции присуще уважение к ценности человеческой жизни, а здесь царит полное пренебрежение», - заявил он.

«Власти нужно понять, что Украина – многонациональное государство, понять, что нужно защищать культуру Украины, а не только украинскую культуру. Больше половины украинцев считают себя русскими, а русский язык более понятен людям, чем украинский. Этим фактом нельзя пренебрегать, нельзя взять и отрезать «ножницами украинизации» эту часть людей от высшего образования», – заметил российский тележурналист.

По его мнению, после прихода к власти Виктора Януковича Россия и Украина должны сделать свои границы максимально прозрачными: «следующий шаг, который был бы абсолютно логичным и правильным, – пойти по пути интеграции и ликвидировать пограничные шлагбаумы. Как это сделали Франция, Бельгия, Германия, или, скажем, США и Канада. Считаю, что именно такая модель интеграции должна быть между Россией и Украиной. Это нормально и естественно, когда люди свободно ездят друг к другу, а не стоят в километровых очередях, пока таможенники трясут их сумки».

«...Для каждого россиянина Крым – это родное. Именно здесь крестился князь Владимир, а значит, это не только место пляжного отдыха, но и место паломничества всех русских людей, потому что эта земля – колыбель нашей культуры. И превращать Крым в

171 <http://izvestia.ru/news/568611#ixzz3la6oRq5R>

Косово никому не хочется, потому что на примере Косово мы увидели пугающую возможность культурного перерождения территории. Ничего не имею против крымских татар, я сам на двенадцать процентов татарин, а на четверть во мне украинской крови, но надо поддерживать культурные традиции, а не отнимать друг у друга землю», - сказал Киселев.

Ранее другой известный телеведущий Евгений Киселев признался, что он украинский журналист с российским паспортом, не страдает манией величия и есть причиной отсутствия молодых талантливых кадров на ТВ.

Во время Второй мировой УПА против немцев не воевала

20.10.2014 – 19:38

Известный российский телеведущий, сам живший и работавший в Киеве, рассказал интересные подробности из истории так называемой Украинской повстанческой армии – УПА:

14 октября президент Украины Порошенко подписал указ о новой дате празднования Дня защитника Отечества на Украине. Теперь это 14 декабря, что считается Днем основания в 1942 году так называемой Украинской повстанческой армии — УПА.

УПА сформирована решением Организации украинских националистов Степана Бандеры. И вот сейчас на государственном уровне моральной нормой украинства становится бандеровщина. На самом деле это — исторический момент, точка поворота, которая может пустить всю эволюцию украинства по совершенно иному пути.

В генетике эволюционный поворот называется «девиацией». В истории случается нечто похожее. Например, «пивной путч» в Мюнхене 1923 года. Он заложил новые представления о добре и зле, толкнув Германию в бездну гитлеровского нацизма.

И вот отныне на Украине государственной нормой стала ненависть к русскому и русским. Украинству предложена мутация. Корень теперь не Гоголь, не Шевченко, не Сковорода, не Киевская Русь и не победа над фашизмом, а Степан Бандера и созданная его решением УПА — Украинская повстанческая армия.

День защитника Отечества — ее день рождения.

При этом в обиход внедряется лукавая мысль, мол, УПА в годы войны билась как против немецко-фашистских войск, так и против Красной армии за свободу и независимость самостийной Украины. На этих основаниях воинов УПА сегодня героизируют и предлагают считать ветеранами при всех льготах.

Основания, впрочем, полностью ложны — против немцев подразделения УПА не воевали. Подтвердить это документально еще в 2007 году взялся глава Союза советских офицеров Крыма Сергей Никулин. Для этого он письменно обратился к канцлеру Германии Ангеле Меркель с просьбой «найти и представить подтвержденные исторические данные о количестве человеческих и технических потерь гитлеровской армии от бандеровских формирований и УПА».

«Я пишу письмо федеральному канцлеру, что сейчас много инсинуаций по поводу того, что бандеровцы — герои. Пожалуйста, дайте поручение немецким институтам изучения истории дать нам ответ, подготовить о реальных потерях вермахта. Очень скоро

я получаю ответ из Министерства иностранных дел Германии», — рассказал Никулин.

По поручению Ангелы Меркель запрос был переправлен в государственные архивы. Рылись там не один месяц. Итог работы сконцентрирован в сухом ответе из Потсдама: «К сожалению, не нашли никаких сообщений о потерях вермахта из-за национально-украинских организаций Бандеры и от УПА»

«Ответ короткий и ясен, как это обычно бывает у пунктуальных и точных немцев. Никаких данных о потерях вермахта от боевых действий с бандеровцами нет и не существует», — отметил Сергей Никулин.

Вот и весь сказ. Против оккупантов вермахта Украинская повстанческая армия не воевала. Что такое тогда УПА? Кому сегодня в Киеве кричат «Героям слава»? Это банальные коллаборационисты — так называли в Европе в годы Второй мировой предателей, что в ущерб своей стране сотрудничали с фашистскими войсками, с фашистской Германией. Отношение к коллаборационистам везде было презрительное.

Само слово «коллаборационист» — от французского *collabore* — сотрудничать. Символом французского коллаборационизма во времена оккупации Франции стал маршал Петэн. После войны его судили и приговорили к расстрелу, общественному бесчестию и конфискации имущества. Президент Де Голль помиловал Петэна и заменил расстрел пожизненным заключением. Простые французы прозвали Петэна *Putain* — «шлюха».

В Норвегии таким предателем стал глава коллаборационистского правительства Видкун Квислинг. Квислинга после войны по суду все же расстреляли. А его имя вошло как нарицательное во многие языки мира. В английском, например, пишется с маленькой буквы — как синоним предательства.

Коллаборационизм норвежцы не простили даже своему кумиру — властителю умов довоенной Европы, лауреату Нобелевской премии по литературе Кнуту Гамсуну. В годы немецкой оккупации к усадьбе писателя регулярно подъезжал грузовик. В кузов складывали тома литературных произведений самого Гамсуна, которые норвежцы, демонстрируя свое презрение, бросали автору через ограду в сад. Книги грузовик отвозил на помойку.

Коллаборационисты были везде — среди греков и англичан, среди русских и евреев — но нигде в массовом сознании народа сотрудничество с оккупантами не поощрялось. То, что сегодня происходит на Украине и в Прибалтике, — европейская аномалия.

Клич бандеровских боевиков раздается над Крещатиком — улицей, названной так в честь крещения Руси князем Владимиром. Толпы под нацистскими флагами идут по Киеву через 71 год после того, как войска генерала Ватутина выбили отсюда немецких оккупантов и их пособников из карательных батальонов. Но они снова здесь, боевики карательных батальонов — новых, но под старыми символами.

Волчий крюк — рунический вольфсангель — на флаге батальона «Азов» такой же, как на эмблеме дивизии *СС Das Reich*. Сегодня Степан Бандера, Роман Шухевич и прочие лидеры бандподполья — символы борьбы за свободу Украины.

В 1952 году в статье «С москалями нам не найти общего языка» Степан Бандера писал: «Нашим врагом является не только данный режим — царский, большевистский,

не только государственная и общественная система, а сама русская нация, зараженная бесами империализма, жадностью быть все большей, могучей, богатой».

Как ни странно, но концепцию украинского национализма как русофобского антироссийского и антирусского движения сформулировал вовсе не Степан Бандера. В 1926 году во Львове русский публицист и политик Дмитрий Донцов написал книгу «Национализм». Свою концепцию он назвал «интегральным национализмом». Согласно ей, украинская нация должна строиться по иерархическому принципу: во главе должен стоять вождь, дальше — правящая элита. Именно книга Донцова стала настольной у будущих лидеров организации украинских националистов.

«К моменту создания организации украинских националистов в 1929 году это была уже радикально националистическая организация. В дальнейшем, развиваясь, она становилась все более фашистской. В 1941 году в постановлениях Второго великого схода ОУН Бандеры было введено нацистское приветствие. Руку подымали вверх и вправо и говорили: „Слава Украине! Героям слава!“. Организация к этому времени тесно сотрудничала с нацистскими спецслужбами. Для нацистов это была возможность использовать украинских националистов для подрывных целей — сначала против Польши в 1939 году, потом против Советского Союза», — пояснил историк, публицист, директор фонда «Историческая память» Александр Дюков.

В первые дни Великой Отечественной войны, когда советские войска отступали, украинские националисты устроили во Львове резню — массово убивали евреев, поляков, русских. Евреев — больше всего. На людей вели настоящую охоту.

«В Государственном архиве Российской Федерации хранятся показания одного из руководителей ОУН, в которых описывается, как уничтожались поляки во Львове. Оуновцы оцепляли какую-нибудь из львовских улиц. Это было во время нацистской оккупации. Они проверяли документы у тех, кто попадал в облаву. Тех, кто по документам были поляками, убивали», — рассказал Александр Дюков.

В том же 1941-м из украинских националистов немецкие оккупационные власти стали формировать полицейские карательные подразделения. В годы СССР было не принято говорить, что одно из них — 118-й шуцманшафт батальон — сожгло деревню Хатынь со всеми жителями. Украинские карательные части зверствовали в Белоруссии, в самой Украине, в Польше.

Лидеры организации украинских националистов в немецких союзниках разочаровались быстро. В планы немцев не входило создание независимой Украины. И в 1942 году лидеры ОУН приказали членам организации, что служили в немецких полицейских частях, уйти с оружием в леса. Так и появилась УПА — Украинская повстанческая армия. С немцами боевики УПА не воевали — это миф, созданный за последнее двадцатилетие украинскими историками. На самом же деле УПА воевала с мирным населением. В марте 1943-го украинские националисты устроили массовое уничтожение польского населения Западной Украины. Эти события вошли в историю как Волынская резня. 80 тысяч человек стали жертвами боевиков УПА. Уничтожались целые деревни, причем людей люто пытали: рубили заживо топорами, пилили двуручными пилами, сжигали заживо. Многие украинцы пытались спасти поляков — их тоже убивали. Полностью вырезали всех армян, живших на Западной

Украине, — была и такая этническая группа в Прикарпатье.

«В Ровенской области было уничтожено село Дерми, которое оказывало помощь еще красным партизанам. Уничтожили всех, включая скотину, кошек, собак, коров. Колодцы были забиты детьми, женщинами и мужчинами. „Наша власть должна быть страшная“, — говорил Шухевич. Она была страшная. Сегодня на Украине происходит то же самое. Страх должен побить все, поставить на колени, испугать так, что бы было страшно. Это повторяется сегодня в Донецке и Луганске. Это так называемая антитеррористическая операция. Удивительно, какая жестокость! Такая жестокость была в те годы. Они как бы взяли ту жестокость на себя», — сказал Георгий Санников, ветеран КГБ, писатель.

Санников сам боролся с бандеровским подпольем на Украине после войны. Он отлично помнит, как люди, обычные украинцы, ненавидели боевиков УПА и помогали их выявлять, как бывшие боевики УПА, ужаснувшись тому, что делают их же товарищи, приходили сдаваться советской власти. Из них формировали боевые отряды. 10–12 человек под кураторством офицера НКВД уходили в лес и уничтожали бандитские схроны.

Есть разная статистика, сколько людей было убито боевиками УПА на Западной Украине. Сами украинские историки называют 23 тысячи человек. Шесть тысяч — это солдаты Советской армии, сотрудники милиции, НКВД, советский и партийный актив. 16 тысяч — это обычные крестьяне, учителя, врачи и даже киномеханики, которые с точки зрения украинских националистов мешали строительству великой национальной Украины.

«Надо уничтожить всех, кто не такой, как ты, всех, кто мыслит иначе, всех, кто имеет иную национальную идентичность, всех, кто имеет иное этническое происхождение», — так описывает идеологию украинского нацизма Андрей Марчуков, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

И надо понимать теперь, что украинская армия будет учиться на славных традициях карателей? Осталось только Волынскую резню начать называть «антитеррористической операцией».

Евгений Киселев

Место рождения, образование. Родился в Москве. В 1979 году окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им.М.В.Ломоносова по специальности «историк-востоковед», в 1977-1978 гг. проходил стажировку в Иране.

Карьера. В 1979-1981 гг. проходил срочную службу в Афганистане, где работал переводчиком в группе советских военных советников.

В 1981-1984 гг. – преподаватель персидского языка в Высшей школе КГБ СССР им.Ф.Э.Дзержинского.

В 1984 году начал работать сначала на радио, в Главной редакции вещания на страны Ближнего и Среднего Востока Гостелерадио СССР, а с 1987 года – на телевидении, в Главной редакции информации ЦТ (программа «Время»). В скором времени стал одним из ведущих утренних информационных программ («90 минут», «120 минут»), специальным корреспондентом, снимал репортажи для программ «Время», «До и после полуночи», «Семь дней», «Международной панорамы». В эпоху гласности стал первым советским журналистом, который представил серию репортажей из Израиля.

В 1991 году стал одним из создателей телепрограммы «Вести». В январе 1992-го состоялся дебют авторской программы «Итоги» на первом канале РГТРК «Останкино». С 1993 года программа «Итоги» выходила на канале «НТВ», а с апреля 2001-го – на «ТВ-6».

1993-2001 гг. – соучредитель, вице-президент, глава совета директоров, генеральный директор телекомпании «НТВ». Ушел с телеканала после перехода «НТВ под контроль»Газпрома».

2001-2002 гг. – генеральный директор телекомпании «ТВ-6», которая была закрыта по решению Высшего арбитражного суда РФ в январе 2002 года.

2002-2003 гг. – главный редактор телеканала «ТВС», который был закрыт по приказу Министерства печати РФ в июне 2003-го.

2003-2005 гг. – главный редактор еженедельника «Московские новости».

В 2005-2006 гг. был ведущим авторской программы «Разбор полетов» на радио «Эхо Москвы».

С декабря 2006-го – ведущий программ «Власть с Евгением Киселевым» и «Наше все» на радио «Эхо Москвы» и спутниковом телеканале «RTVi».

С июня 2008 года совмещает работу на «Эхо Москвы» и «RTVi» с работой в качестве главного редактора-консультанта украинской телекомпании «ТВи».

С сентября 2009-го – ведущий общественно-политического ток-шоу «Большая политика с Евгением Киселевым» на телеканале «Интер».

Регалии и награды. Лауреат премии «ТЭФИ» Российской национальной телевизионной академии за лучшую телевизионную аналитическую программу («Итоги») и за ток-шоу «Глас народа». Лауреат премии «Телегранд», вручаемой за вклад в развитие российского телевидения и радиовещания. Награжден премией «Золотое перо России» Союза журналистов РФ, международной премией «За свободу прессы».

Семья. Женат на своей однокласснице, телеведущей Маше Шаховой. Есть взрослый сын Алексей и внук Георгий.

Хобби. Собирает коллекцию вин, ведет колонку в журнале «Виномания». Любит играть в теннис.

Здесь просто вольница, разгул демократии¹⁷²

Спустя годы галерея портретов времен Виктора Януковича будет наполнена разными людьми из различных сфер. Эти люди не всегда и не обязательно занимали или будут занимать важные посты и принимать ключевые решения. Это – лица эпохи. Николай Азаров, Ренат Кузьмин, Родион Киреев, Сергей Курченко, Сергей Левочкин... Если бы такая галерея появилась на самом деле, в одном ряду с этими рамками должен был висеть и портрет телеведущего Евгения Киселева.

На украинском телевидении Евгений Киселев появился накануне президентских выборов 2010 года. Сначала это был небольшой телеканал «ТВи», а затем – «Интер». Бывший собственник телеканала Валерий Хорошковский сделал Евгению Киселеву предложение, отказаться от которого журналист не смог и не захотел. При этом Хорошковский не скрывал своих политических симпатий. Он открыто поддерживал Виктора Януковича и во время кампании, и в течение последующих двух с половиной лет после инаугурации.

А когда Хорошковский рассорился с Януковичем, и вынужден был продать свой медиаактив, Евгений Киселев оказался на стороне теперь уже новых собственников, которые как и прежний не скрывают своих политических предпочтений...

- Последняя громкая новость о вас – это ваше намерение получить украинское гражданство. Вы уже решили, что будете делать с российским?

- Я пока не хотел бы на эту тему разговаривать, потому что, честно говоря, новость была вырвана из контекста разговора, который состоялся на обеде с президентом. Пока что это декларация о намерении.

- То есть официально вы к Виктору Януковичу с такой просьбой не обращались?

- Нет, официально я еще не обращался. Этот разговор состоялся в присутствии коллег, которые, как мне показалось, в очередной раз попытались поупражняться в остроумии по поводу того, что вот я, российский гражданин, работаю в Украине. Я как-то внутренне вскипел и сказал: «Господа, давайте не будем шутить на серьезные темы. Я на самом деле, всерьез думаю о том, чтобы свой де-факто статус киевлянина с уже пятилетним стажем обратить в некий статус де-юре». Вот и все.

- А насколько вы сами внутренне считаете правильным работать ведущим политической программы, не имея гражданства страны, в которой работаете?

- Я приведу вам пример. Владимир Владимирович Познер, человек, который родился во Франции, первые полтора десятка лет своей жизни прожил в Америке, потом в Германии, а русский язык выучил только уже в сознательном возрасте, и имеет три гражданства – французское, американское и российское. Более того: публично говорит, что считает своей родиной Францию. При этом Познер уже много лет прекрасно работает в России, а до этого работал в Советском Союзе.

Или вот другой пример – из недавней истории телевидения США. Один из самых выдающихся американских телеведущих, покойный Питер Дженнингс, был по рождению канадцем, а гражданство США получил только за два года до смерти. И, опять-таки, никто ему этим в нос не тыкал.

Правда, Америка, конечно, страна мигрантов. Но не только в Америке, вообще на Западе в принципе считается верхом неполиткорректности попрекать кого-либо его происхождением, его первой родиной. Во всяком случае, мне кажется, если мы

стремимся в Европу, то надо следовать каким-то общеевропейским ценностям и нормам.

- Если все же так случится, что вы станете гражданином Украины, поменяет ли это как-то вашу личную ответственность за события в стране, будет ли с вас другой спрос?

- Я считаю, что журналист должен разделять свои гражданские чувства и профессиональные обязанности. Потому что журналист, движимый своими гражданскими чувствами, очень быстро превращается в пламенного оратора или пламенного публициста, трибуна и политика. Откровенно говоря, в молодости я сам этим грешил.

Но, я точно не помню, кто это сказал: «У того нет сердца, кто в молодости не был революционером, у того нет ума, кто к старости не стал консерватором». Не могу сказать, что я стал таким уж консерватором, но на многие вещи в профессии стал смотреть иначе. Тот же упомянутый мной Владимир Познер, который мне когда-то казался чересчур конформистом, сейчас представляется мудрым профессионалом, намного мудрее тех, кто делает моду в российской журналистике.

- Недавно «Интер» поменял своих владельцев. По истечению времени вы можете рассказать, как вы вообще оказались на канале?

- Я тогда работал на ТВі. В один прекрасный день мне позвонил человек, представился Хорошковским Валерием Ивановичем и попросил меня с ним встретиться. Когда мы встретились – как сейчас помню, было это в ресторане «Марио» на улице Льва Толстого – Валерий Иванович с порога предложил мне вести пятничную программу на канале «Интер», ту, что раньше называлась «Свобода». Вот и все.

- Насколько правда, что накануне президентских выборов 2010 года у вас была личная встреча с Виктором Януковичем, во время которой шла речь о том, что телеканал «Интер» будет работать на его президентскую кампанию?

- Нет, ничего подобного не было. Разумеется, во время предвыборной кампании я встречался со многими политиками, но это скорее были консультативные встречи, разговоры по душам, «не для печати», которые время от времени проводит любой уважающий себя политический журналист. Что касается встреч с Виктором Януковичем, то последний такой неформальный разговор один на один с ним у меня был, когда я записывал интервью с ним еще на канале ТВі – по-моему, было это летом 2009 года. И честно говоря, деталей его я уже не помню – поверьте, не кривлю душой.

- Вы сказали о том, что журналист не должен становиться пламенным сторонником одной из политических сил или фигур. Но в 2010 году да и после «Интер» действительно так выглядел – как главный рупор команды Виктора Януковича. У вас не было ощущения, что вас используют именно для этого?

- У меня такого впечатления не было. Я думаю, что это больше разговоры. Хотя вынужден оговориться, что я не смотрел «Интер» в целом. И не особо интересовался тем, какое впечатление производят, например, новости канала. Я брал интервью у тех людей, которые ко мне приходили. И у меня были и Янукович, и Тимошенко.

- Возможно, это субъективное впечатление, но мне казалось, что во время эфиров с участием Юлии Тимошенко у вас проявлялась какая-то личная неприязнь к политике. Насколько это правда?

- Знаете, это как в анекдоте: «Помидор любишь? Есть люблю, а так нет». Что касается Тимошенко, я был спокоен, но я, конечно же, реагировал на то, как вела себя

сама Юлия Владимировна. Я уж не знаю, с какой стати она в какой-то момент решила, что я буду вести с ней диалог в режиме «наибольшего благоприятствования». И когда я ей задал один-два не очень удобных вопроса, она, может быть, по совету кого-то из своих имиджмейкеров, мгновенно изменила тактику. Она стала, что называется, «играть в кость» и пытаться поставить под сомнение мою непредвзятость. А на это я уже, конечно, стал реагировать, если угодно, «неприятно».

- Но если сравнить ваше общение с Юлией Тимошенко с интервью, которые вы брали у Виктора Януковича, то, как журналист я понимаю, что вы с ним действительно говорили в режиме благоприятствования, и очень часто ему было выгодно отвечать на ваши вопросы.

- Вы знаете, в журналистике есть жесткость и жесткость. Я, на мой взгляд, задавал вполне сложные вопросы Виктору Федоровичу. Но в восприятии той достаточно большой части общества, которая не просто не любит Януковича, а – как в старом анекдоте – «было бы за что, убила бы», единственный способ отличиться журналистской доблестью – это взять и нахамить президенту. Я к этому не готов, увольте.

А вот когда Юлия Владимировна в ответ на буквально один неудобный вопрос стала мне хамить, вот тут я уже стал говорить действительно жестко. Тут я спуска никому не дам. Поверьте мне, если бы Виктор Федорович повел себя по отношению ко мне некорректно, я бы тоже повысил градус жесткости.

- Осенью прошлого года, накануне парламентских выборов телеканал «Интер» внезапно поменял свою тональность и стал критиковать правительство Николая Азарова. Что тогда произошло?

- Меня это никак не затрагивало, поэтому мне очень сложно это комментировать. А публично повторять слухи, которые ходили здесь и там, мне не хотелось бы. С прежним владельцем канала Валерием Хорошковским мы виделись как раз в тот период на каком-то приеме, который был на «Интер»е. Мы буквально перебросились парой слов, но ничего касательно политики канала мы не обсуждали. Он мне никаких пожеланий не высказывал.

- Когда вы узнали о том, что вашу программу закрывают?

- Официально мне было об этом объявлено по возвращению из новогоднего отпуска. 15-го января меня попросил к нему приехать тогдашний председатель правления «Интера» Ярослав Порохняк. Он сказал, мол, вот мы приняли решение, что меняем формат программы, по пятницам «Большая политика» больше выходить не будет, а будет выходить другая программа, которую будет вести другой человек».

Хотя на тот момент я уже знал, что Хорошковский уже принял решение продать канал, идут переговоры об условиях сделки, и 1-го февраля о ней будет объявлено, причем новые акционеры намерены продолжить со мной сотрудничество.

Не понимаю, зачем нужно было буквально накануне всего этого, 25 января, запускать программу Анны Безулик?! Мое увольнение – это был какой-то жест, если угодно. Знаете, как человек уходит и хлопает дверью....

- Означает ли это, что Хорошковский на тот момент уже не считал вас членом своей команды?

- Это вы у Хорошковского спросите. Я не могу объяснить вещи, которые лежат за

гранью моего понимания добра и зла или просто рации.

Скажу лишь, что я не чувствую себя хоть в чем-то виноватым перед ним. Никаких конфликтов между нами не было. Я читал его интервью, где он говорил, что с какого-то момента ему перестала нравиться моя программа. Но мне он ни разу не обмолвился об этом ни словом. И никто из людей в его окружении мне тоже ни разу не транслировал хотя бы некоторое неудовольствие акционера, а уж поверьте, челядь всегда очень быстро и с видимым удовольствием передает, что барин сердится.

- Но теперь вы снова на канале. Кто на этот раз пригласил вас на «Интер»?

- Вообще-то меня на телеканал нанимали акционеры.

- Сейчас с украинской стороны их как минимум двое – Дмитрий Фирташ и Сергей Левочкин. Кто из них вас пригласил?

- Есть некие правила корпоративной вежливости, которые я не хочу нарушать, поэтому скажу, что это было их совместное решение. Я встречался и беседовал подолгу с каждым из них, и затем это решение было оформлено соответствующим юридическим образом.

- Чем конкретно вы сейчас занимаетесь на канале?

- Я – директор компании «Национальные информационные системы». Проще говоря, есть телеканал «Интер» и есть самостоятельная компания НИС, которая получает от «Интера» заказ на программу новостей. Но в непосредственный творческий и технологический процесс руководители «Интера» не вмешиваются.

- Но ведь вы осознаете, что акционеры стремятся использовать «Интер» в том числе и как инструмент реализации своих интересов?

- Я осознаю и много других вещей: что все мы рано или поздно умрем, но пока мы живем в 2013 году, потом будет 2014 год, потом будет 2015... И мне бы хотелось поработать на этой должности подольше. Сейчас я занимаюсь совершенствованием новостей, запустил собственный проект, обновленные «Подробности недели».

Что касается акционеров, они как раз всячески избегают использовать канал в каких-то сиюминутных интересах. Поверьте, у меня в жизни было много разных акционеров: и Гусинский, и Березовский, и целый «олигархический колхоз»: Абрамович, Дерипаска, Чубайс, Мамут и еще человек пять или шесть далеко не последних российских бизнесменов – это было на канале ТВС, и бывший российский премьер Примаков там еще был, и с Ходорковским мне довелось поработать. Короче, есть с чем сравнивать. Мои нынешние акционеры ведут себя крайне сдержанно и разумно. Что будет дальше – посмотрим. Но волков бояться – в лес не ходить

- Насколько правда, что у вас сейчас какое-то негласное противостояние с генеральным продюсером Интера Анной Безлюдной, которая тоже претендовала на контроль над службой новостей?

- Я слухи не хочу комментировать. У меня есть своя зона ответственности, у Анны Витальевны – своя. Когда нужно, мы все серьезные решения принимаем совместно после длительного, тщательного, доброжелательного обсуждения. Конечно, у нас были такие нормальные творческие рабочие дискуссии...

- ..например, утверждают, что Анна Витальевна была против выхода вашего проекта.

- Да нет, это какие-то недоброжелатели пытаются между нами, как говорится, клин вбить. Да, были дискуссии, но я просто не хочу, не имею права раскрывать, как это решение принималось. В любом случае, это было совместное решение, согласованное со всеми заинтересованными сторонами.

- У многих людей складывается впечатление, что новости телеканала «Интер», освещая работу оппозиции, более критично относятся к Арсению Яценюку и Олегу Тягнибоку и более лояльно к Виталию Кличко. С чем это связано?

- Все просто. Дело в том, что Виталий Владимирович так редко появляется на мероприятиях оппозиции, что о нем вообще нечего сказать. Это мне напоминает, как во время парламентской кампании 1999 нас все время упрекали в том, что мы явно на стороне Лужкова и Примакова. Хотя на самом деле сторонники Путина и «Единой России» (тогда еще движение «Единство») сделали абсолютно блестящий PR-ход: они просто перестали ходить на наши эфиры. Ввели жесткий запрет: никто из правительственных чиновников, кандидатов в депутаты по списку «Единства» на НТВ не ходит, интервью не дает. А люди из команд Примакова и Лужкова продолжали у нас появляться, вот и возникало ощущение перекося.

В некотором смысле, тут такая же история получается. Я не хочу ни в коем случае обидеть Виталия Владимировича, но его отсутствие на акциях оппозиции было нарочито. Но и, соответственно, все очевидные проколы, которые имели место, в большей степени ложились на Яценюка и Тягнибока.

- Но в то же время «Интер» критично освещает и деятельность правительства Николая Азарова и того крыла власти, которую принято называть «семьей». Это как-то связано с интересом акционеров?

- Да нет, господь с вами. О чем вы?

- За последнее время я вспоминаю акцию журналистов на заседании Кабмина и тот же конфликт вокруг «ТВі», который «Интер» освещал едва ли не активнее остальных каналов.

- Давайте без конспирологии. Я примерно представляю, кто говорит, как говорят и где говорят. Никуда от этого не деться, это традиция. Эпизод с Азаровым – это новость, главная новость. Как же это не рассказать, не показать?! Мы же показываем, как журналисты маски надели и просидели в них на пресс-конференции Януковича....

ПРИ ГУСИНСКОМ КНЯЖИЦКИЙ БЫЛ ОТСТРАНЕН ОТ УПРАВЛЕНИЯ ТВі

- Вы появились в Украине как один из менеджеров телеканала «ТВі». Вы можете рассказать, как все начиналось, и кому все-таки принадлежала инициатива создания канала – Николаю Княжицкому или Владимиру Гусинскому?

- Точно не Княжицкому. Гусинский его пригласил на должность гендиректора. А мог пригласить и кого-то другого. Началось все в 2007 году, я тогда работал на принадлежавшем Гусинскому канале RTVi, который достаточно неплохо шел в кабельных сетях Украины. В итоге Владимир Гусинский решил попробовать рядом с RTVi создать чисто украинский канал, где бы делались новости на украинском языке с украинскими журналистами. И он попросил меня: «Давай-ка, Евгений Алексеевич, поезжай в Киев и попробуй организовать службу, которая будет делать новости».

- Вы встречались с Николаем Княжицким у Владимира Гусинского?

- Да, однажды мы большой командой ездили в Лондон, где встречались с Гусинским и Кагаловским, обсуждали, как идет подготовка к запуску Тві. Нас было человек десять, в том числе бывший первый президент НТВ, многолетний ближайший сотрудник Гусинского Игорь Малашенко, который был главным куратором проекта Тві и, откровенно говоря, играл в этом проекте куда более важную роль, чем Княжицкий.

Совещание устроили в Лондоне, потому что далековато было добираться туда, где живет Гусинский – в Америке, под Нью-Йорком, в городке Гринвич в соседнем штате Коннектикут. Кстати, где-то там же, по соседству, жил и господин Альтман, который с Гусинским знаком. Кстати, я точно знаю, что именно Альтман «по-соседски» порекомендовал Княжицкого Гусинскому. Хотя в окружении Владимира Александровича были люди, которые с самого начала настоятельно отговаривали его от сотрудничества с Княжицким.

- С чем это было связано?

- Насколько я знаю, они говорили, что у Княжицкого скверная репутация, что в прошлом он не раз оказывался фигурантом скандалов, связанных, как правило, с конфликтами вокруг различных СМИ, сменой собственников телеканалов, газет и т.п. Гусинскому рассказывали также, что в 2004 году Княжицкий как журналист занимал ангажированную позицию и был отнюдь не на оранжевой стороне, а скорее наоборот, и даже участвовал в создании какого-то документального фильма, в котором была предпринята попытка доказать, что отравление Ющенко – это инсценировка.

Мне приходилось слышать, как один человек говорил Гусинскому: «Слушай, Володя, на этом Княжицком пробы негде ставить. Кого ты берешь на работу?». Гусинский к всему этому не прислушался. Не он один, кстати. Многие бизнесмены в своих кадровых решениях часто пользуются примерно такой логикой: вот и отлично, что на человека столько компромата – будет, чем держать его в узде.

- А как среди совладельцев канала оказался Константин Кагаловский?

- Они давно были знакомы с Гусинским, дружили, встречались в Лондоне. И в какой-то момент Гусинский предложил ему войти в долю в новом проекте, а Кагаловский охотно согласился, потому что ему было, помимо всего прочего, скучно сидеть в Лондоне и ничего не делать.

- Какова была ваша роль в создании «ТВі»?

- По поручению Владимира Гусинского я приехал в Киев и начал собрать команду, встречаться с журналистами, с редакторами и т.п. Кстати говоря, в первоначальный состав журналистов ТВі Николай Княжицкий привел только двух людей – Артема Шевченко и Виталия Портникова. Остальных всех приглашал я. Сначала взял на работу Романа Скрыпина, потом он кого-то привел, кого-то привела Катя Нестеренко, которая работала раньше ведущей новостей и т.д.

- Какие складывались отношения между Гусинским и Княжицким?

- Мне трудно судить, я много не знаю. Но со стороны выглядело примерно так: сначала Гусинский был страшно доволен своим выбором, как это всегда с ним раньше бывало. Потом довольно быстро разочаровался и, наконец, назначил «комиссара» при Княжицком – исполнительным директором канала стал Евгений Якович – очень симпатичный, порядочный человек, опытный телевизионный менеджер, в прошлом

создатель «НТВ+». Фактически он стал первым лицом ТВі, переехал в Киев на постоянное жительство и работал на канале, как говорят англичане, full time.

- Но, насколько я знаю, генеральным директором «ТВі» бесменно был Николай Княжицкий. Какую роль тогда играл он?

- Княжицкий формально продолжал оставаться генеральным директором компании и даже сохранял право первой финансовой подписи, но фактически был отстранен от текущего руководства. Примерно с конца 2008 года каналом полностью руководил Якович.

- В связи с чем был отстранен Николай Княжицкий?

- Насколько я понимаю, в связи с утратой доверия. Где-то к концу первого года работы ТВі к нему накопились претензии – финансовые и организационные. Некоторые менеджеры, которых он в самом начале нанял на канал, оказались откровенно слабыми специалистами, их пришлось увольнять, катастрофически затягивалось строительство телестудии, очень медленно решались многие вопросы, которые Княжицкий сперва обещал «разрулить» в кратчайшие сроки. В общем, создавалось ощущение, что руководитель он никчемный.

Я думаю, что если бы была возможность уволить Княжицкого, уволили бы совсем. Но не хотели конфликта, скандала, боялись, что он начнет в отместку создавать проблемы. Кроме того, у Княжицкого были немалые связи, он помогал и Кагаловскому, и Малашенко, которые бывали в Киеве только короткими наездами, завязывать знакомства с политиками, с людьми из телевизионного мира и т.д. Иными словами, он выполнял в основном представительские функции.

- Что вы имеете в виду, когда говорите, что каналом управлял Евгений Якович?

- Ровно то, что сказал. Весь повседневный менеджмент полностью был сосредоточен в руках Евгения Яковича. Условно говоря, ни один финансовый документ не мог быть подписан Княжицким без визы Яковича. Для Княжицкого эта ситуация была унижительной. Потому что сотрудники финансовых и административных служб в какой-то момент увидели, что он оказался английской королевой, которая царствует, но не правит.

И я так понимаю, что Княжицкий затаил обиду и стал потихонечку капать на мозги Константину Григорьевичу Кагаловскому. И мне кажется, что именно эти его разговоры – капля за каплей – в итоге и спровоцировали конфликт с Гусинским. По-моему, Княжицкий оказался большим мастером интриги, достаточно прямолинейной, но вполне эффективной, и сумел сделать все, чтобы рассорить Кагаловского с Гусинским и убедить его, что ему надо любым способом установить над каналом полный контроль. И в конце концов, случилось то, что случилось.

- Но сам Кагаловский утверждает, что конфликт произошел из-за нечистоплотности Гусинского, который продавал каналу сериалы по завышенным ценам.

- Насколько я знаю, этот вопрос специально рассматривался Верховным судом штата Нью-Йорк, где почти три года шло потом разбирательство между Гусинским и Кагаловским, и версия о том, что цены на сериалы были завышены, не подтвердилась. Почитайте решение – оно есть на сайте суда в интернете, это общедоступный документ, там все это подробно описано. Кагаловский, увы, этот суд проиграл. Не знаю, чем

закончится рассмотрение его апелляции – может быть, его адвокатам удастся что-то доказать – тогда и поговорим.

Но, вообще-то, сериалы – дорогое удовольствие, рыночные цены на них хорошо известны телевизионным профессионалам, право только одного показа может стоить десятки тысяч долларов – в зависимости от качества продукта, а сериалы Гусинский снимает качественные. Короче, я не очень хорошо понимаю, как можно было что-либо продать по завышенной цене такому искушенному бизнесмену, как Кагаловский. Мне кажется, его просто «накрутили», заставили поверить в то, чего на самом деле не было.

- Как именно проходило вытеснение Гусинского из состава владельцев «ТВі»?

- Просто. В какой-то момент пришел Якович утром, ничего не подозревающий, на работу, а ему охранники вежливо говорят: «Извините, господин Якович, но у нас есть указание, что отныне ваше место работы находится по официальному адресу регистрации компании, вот приказ генерального директора Николая Княжицкого». В итоге Яковича откомандировали на какую-то квартиру, кажется, на левом берегу, которая в свое время была заявлена в качестве юридического адреса компании. А потом все известно. Был суд, все исковые требования господина Кагаловского были отклонены, все исковые требования Гусинского удовлетворены.

- Знаете ли вы отношении Владимира Гусинского к нынешней ситуации на «ТВі»? Александра Альтмана, который сейчас называет себя владельцем «ТВі», часто связывают с ним.

- Насколько я знаю, для него это стало новостью. Хотя, как я уже сказал, Альтман и Гусинский знакомы, живут в Америке неподалеку друг от друга. Там, в Гринвиче, есть целая компания бизнесменов, перебравшихся из России в США, которые приятельствуют, бывают друг у друга дома. Я как-то приезжал в Америку в гости к Гусинскому, и однажды встретил в этой компании Альтмана.

У МЕНЯ НЕТ ТЕЛЕФОНА, ПО КОТОРОМУ Я ДОЛЖЕН СОГЛАСОВЫВАТЬ СВОИ ШАГИ С ЛЕВОЧКИНЫМ

- Интер достаточно активно освещал недавний конфликт на «ТВі». Это как-то связано с интересами акционеров – Дмитрия Фирташа и Сергея Левочкина – и их противостоянием внутри самой команды власти?

- А какое отношение Левочкин и Фирташ имеют к конфликту вокруг телеканала «ТВі»?

- Чаще всего события на «ТВі» связывали с «семьей», с которой у ваших акционеров негласная конкуренция...

- Я эти слухи комментировать не готов. Давайте посмотрим на это по-другому. Хорошие новости – это новости, в которых поднимаются темы, о которых говорят на улице, в автобусах, на кухнях и в курилках. Про «ТВі» говорили все. На канал пришли захватчики, рейдеры с какими-то поддельными, насколько я понимаю, документами, по которым в Англии уже идет уголовное дело. Ну как об этом не рассказывать-то?

- Но вы ведь сами признали, что «ТВі» достаточно маленький канал с маленькой аудиторией. И достаточно странно, что это было чуть ли не главной новостью «Подробностей».

- Это не совсем так. Недавно мы заказали два независимых опроса – КМИСу и

СОЦИС, которые показали, что если еще 10-15 лет назад зритель, вечером приходивший к телевизору, мог вообще ничего не знать о том, что произошло за минувший рабочий день, то теперь совершенно другая картина. Около 60-70% людей, которые вечером садятся перед телевизором, уже знают обо всем, что за день произошло. Причем 30% из них уже посидели в интернете, послушали радио, поговорили с друзьями. Степень информированности человека, который смотрит новости по телевизору, очень велика. Таким образом, значительная часть наших зрителей знала в те дни про конфликт вокруг Тві и ждала, что мы сообщим новые подробности. Мы не должны были обмануть эти ожидания.

- Кстати, этот же фактор может обернуться для «Интера» и потерей аудитории во время выборов, если канал резко поменяет тональность и будет дезинформировать аудиторию.

- Подождите! А может, я еще изменю государю-императору или составлю заговор против Его Величества, или вообще начну копать тоннель от Лондона до Бомбея под Киевом?! Ну, давайте не будем так говорить. Пока я здесь работаю, я дезинформацией заниматься не намерен, это я точно могу сказать.

- Давайте говорить откровенно. На сегодняшний день акционерами «Интера» являются Левочкин и Фирташ, которые, которые непосредственно близки к власти, зависят от нее и имеют в ней собственные интересы. И очевидно, они не хотят, чтобы вы, как руководитель новостей телеканала «Интер», эти интересы нарушали.

- Я вообще-то могу сказать, что любой серьезный бизнесмен, являющийся акционером какой-либо компании, в том числе и телевизионной, всегда заинтересован в том, чтобы иметь нормальные отношения с властью. Бизнес вообще не любит с властью воевать. Если случаются войны, то их обычно власть затевает. Еще раз повторю: никакого вмешательства со стороны акционеров нет. Я понимаю, что мне никто не поверит, особенно читатели «Украинской правды», которые воспитаны в определенном духе и, на мой взгляд, имеют четкую политическую окраску. Но я не могу врать.

У меня нет телефона, по которому я должен поминутно звонить и согласовывать каждый свой шаг с Левочкиным или кем-то, кто не является частью медиа-холдинга. И меня не приглашают – как стало практикой в России – на совещания, чтобы согласовывать информационную повестку дня.

Но как человек мудрый, проработавший в этой профессии 25 лет, я конечно же, понимаю, что любой менеджер моего уровня, работающий в таком крупном СМИ как телеканал «Интер», должен постоянно думать и соразмерять свои действия, свои решения с той реальной жизнью, в которой он живет.

- Но этот опыт не может не подсказывать вам, что впереди выборы, и на чьей стороне будут акционеры «Интера», и чего они будут требовать от главного рупора в стране.

- Почему главного? У нас есть мощные конкуренты, скажем, в лице программы ТСН на канале «1+1». Ежедневный мониторинг, который мы получаем, говорит о том, что есть два абсолютно равновеликих игрока на этой площадке.

- Но, во-первых у «1+1» собственник не работает в администрации президента, да и контент ТСН и «Подрбностей» – это, все-таки, разные вещи, и главные политические

новости, люди ждут именно от «Интера».

- Да, безусловно. Новости ТСН совсем другие. Хотя, надо признаться, до недавнего времени и у нас тоже было мало политики. Предыдущее руководство новостей «Интера» пыталось копировать работу ТСН. В некотором смысле они подменяли реальную информационную повестку дня придуманной, когда главным событием в стране становится какая-то криминальная история или социальная драма местного значения.

- Насколько ваша личная позиция влияет на новости «Интера»?

- Вы знаете, я не люблю слова «объективность» применительно к информационной журналистике. Потому что мы вынуждены быть необъективными. Происходят в мире и в стране сотни событий, а мы можем подробно рассказать только о полутора десятках. И в этом смысле мы необъективны.

С другой стороны, самые лучшие журналисты – это те, которые имеют внутреннюю позицию, с отношением, которое может проявляться в интонации, в подтекстах, между слов. Плохо, когда ты говоришь: «Я считаю...», когда ты приклеиваешь ярлыки. Но когда ты, условно говоря, на полутонах даешь понять зрителю, не в лоб, а на полутонах – это хорошо.

Главное, чтобы не замалчивать ничего. Вот самое страшное – когда начинают врать, замалчивают события или какую-то часть событий или не давать слова всем участникам и т.д. Поэтому журналистика – хрен с ней, пусть она будет субъективной, пусть видно, что она партийная, субъективная, но честная, которая не допускает того, что мы вот об этом событии не расскажем, потому что ай-ай-ай, нам по попке нашлепают.

- Вы сказали, что до вашего прихода в информационную службу «Интера», новости не отражали реальную картину событий в стране. Но, насколько я понимаю, в новостной службе по-прежнему работают два ключевых человека – Игорь Шувалов и Назим Бедиров, какова их роль?

- Назим Бедиров – один из самых крепких профессионалов-телевизионщиков, с которыми мне приходилось когда-либо иметь дело. По разделению обязанностей он у нас отвечает за технические, финансовые, организационные вопросы, хотя отлично разбирается и в творческих делах, у него вкус на хорошую журналистику. С Игорем Шуваловым мы пьем кофе, иногда более крепкие напитки (*смеется*). Он мой товарищ, можно сказать, мой советчик. Я не могу сказать «советник», потому что у него нет такой должности.

- Имеет ли он какое-то отношение к производству новостей?

- Он – человек, у которого я регулярно консультируюсь, потому что он очень много понимает и очень много знает о том, что происходит в мире украинской политики. Кстати, насколько мне известно, с ним охотно общаются многие украинские журналисты, в том числе из тех СМИ, которые потом его же демонизируют. Но Шувалов не работает в информационной службе, ни в штате, ни по договору. И на редакционных летучках не присутствует, и задания корреспондентам не раздает, и на подведении итогов программы тоже не присутствует.

- Раньше Игоря Шувалова называли вашим связным с Хорошковским. Можно сейчас говорить, что он ваш связной с администрацией президента?

- (*смеется*) А еще говорили, что он мой связной с Кремлем. Да нет. Я думаю, что

это будет преувеличением. Это не совсем так. Если мне нужно посоветоваться о чем-то с главой администрации президента, я позвоню главе администрации президента и попрошу о встрече. С Сергеем Левочкиным мы видимся не часто, но я знаю, что у меня есть право звонка и просьбы о встрече.

Поймите правильно. Он является не более чем владельцем пакета акций. Он не вмешивается в текущую оперативную работу, потому что не имеет этого права. Конечно, возникают ситуации, когда надо просто что-то понять в том, как меняется политический рисунок текущих событий. Иногда набираюсь наглости его попросить, но не злоупотребляю.

- Но при этом вы же не можете также поднять рубку и посоветоваться, скажем, с кем-то в штабе Арсения Яценюка или Олега Тягнибока. Насколько ваше одностороннее общение с администрацией сказывается на новостях?

- Ну почему же? Я готов посоветоваться и с оппозицией. Я думаю, что нет такого человека, который бы не захотел со мной встретиться за чашкой кофе. Хотя, нет, наверное, со мной не захочет встречаться господин Медведчук. Слишком сильно он аффилирован с российским руководством. Кстати, иногда встречаюсь с Николаем Азаровым. В последнее время вошла в моду традиция таких вот завтраков по пятницам, которые бывают раз в месяц или два.

- Что это за завтраки? Встречи с руководителями каналов как у Суркова?

- Нет, абсолютно. Это совсем не про это. Там и газеты, и журналы, и каналы – много людей. Как они составляют этот список приглашенных – это не ко мне. Я так понимаю, Николай Янович таким образом пытается подружиться с журналистами. Хотя на этих чаепитиях подчас между Николаем Яновичем и некоторыми представителями нашего журналистского цеха происходят мягкие по форме, но очень жесткие по содержанию словесные пикировки.

И не надо, пожалуйста, все сравнивать Суркова, который, кстати, больше не во власти, или кого-то еще из высокопоставленных российских чиновников, «курирующих» СМИ, с сотрудниками украинского Кабмина или президентской администрации. Вы просто не представляете себе, насколько там, в Москве, все жестко, если не сказать жестоко. У нас тут просто вольница, разгул демократии.

**Евгений Киселев – Павлу Лобкову:
за 20-летие НТВ я не выпью, а вот за первые 6,5 лет выпью с
удовольствием**

20 лет назад в России появился первый независимый телеканал. 20 лет спустя рядом с останкинским телецентром ударными темпами строится новое здание студийного комплекса НТВ – уже не имеющего никакого отношения к телеканалу, основанному в 93-м году Владимиром Гусинским, Игорем Малашенко, Евгением Киселевым и Олегом Добродеевым.

1 октября вышел в эфир первый выпуск «Итогов», которые были полностью посвящены маленькой гражданской войне в Москве. Эфир НТВ начался спустя неделю после расстрела Белого дома. Когда российские телеканалы не показывали ничего, а те кадры, которые мы знаем по архивам – принадлежат CNN.

23 Выбор редакции:

«Это не Путин, и это не Лесин». Алексей Венедиктов о давлении на «Эхо Москвы»

Среди тех, кто делал НТВ с первого дня – ведущий ДОЖДЯ Павел Лобков. По его собственным словам, «к счастью, нынешний генеральный директор НТВ Владимир Кулистиков выгнал его из компании до того, как появились «Анатомии протеста», ставшая судебной базой для «Болотного дела». В день 20-летия канала, Павел Лобков поговорил с одним из отцов основателей НТВ – Евгением Киселевым.

Лобков: Добрый вечер, Евгений Алексеевич. Очень рад видеть вас в студии ДОЖДЯ.

Киселев: Добрый вечер, Павел Альбертович.

Лобков: Я немножко буду робеть, потому что вы мой бывший начальник.

Киселев: Ни за что не поверю.

Лобков: Если говорить о 20-летию НТВ, которое сегодня, так или иначе, является большой вехой в истории российских СМИ, что, когда вы сегодня проснулись, первое вам пришло в голову? Может быть, первое, что вы вспомнили о событиях 20-летней давности?

Киселев: 10 октября для меня приятная дата в жизни, когда я отмечаю годовщину начала счастливых 6,5 лет нашей с вами совместной жизни на НТВ, когда мы были действительно молодые и чушь прекрасную несли, и жили в такой замечательной студийной обстановке. Наверное, у нас была такая обстановка, которая бывает в молодой успешной театральной студии вроде Таганки, «Современника», Товстоноговского театра в Петербурге в лучшие его годы. Так, наверное, и МХАТ жил в начале прошлого века, когда еще Немирович-Данченко ссорился в пух и прах со Станиславским.

Лобков: Да, я помню.

Киселев: Вы же так же жили. Помните обстановку, когда не хотелось уходить с работы, так было здорово, что не хотелось просто уходить работать. И вот было 6,5 лет. Почему о них не вспоминать?

Лобков: Есть компании, например, в Америке, где вековые традиции независимости прессы, те же The New York Times, они даже переходят из рук в руки, они могут достаться даже Мердоку. Но, тем не менее, они есть. А вот НТВ, хотя эти три буквы остались, несколько раз поменяло внутреннюю сущность. Почему у нас эта традиция? Почему у нас ничего не бывает долго?

Киселев: Какое государство, такое и телевидение. Вот и все.

Лобков: Может, дело в нас самих?

Киселев: Нет, думаю, дело в том политическом режиме, в хорошем смысле этого слова, я не вкладываю в слово «режим» никакого отрицательного смысла. Вот есть политический режим, который сложился в России, в условиях существования этого режима вот так существуют СМИ, когда невозможна никакая преемственность, невозможно следование высоким нормам, стандартам западной прессы.

Лобков: Я вспоминаю программу «Итоги» и эйфорию, которая появлялась у вас и у

нас, когда мы понимали, что мы влиятельны, что мы можем одной программой снять Юрия Скокова, допустим. Или сильно уязвить, а то и снять какого-нибудь вице-преьера. Не оттуда ли начинался, что называется, путь вниз?

Киселев: Я все-таки не соглашусь. Расследование «Уотергейтского дела», затеянное Washington Post, привело к отставке Ричарда Никсона. Нельзя историю «Уотергейтского дела» оторвать от предыдущей истории, когда американские журналисты той же газеты опубликовали секретные документы Пентагона, которые выставляли правительство в очень нехорошем свете, и тогда Никсон, как утверждают, чуть ли не поклялся, что накажет их, разорит, закроет и так далее. Была на издательский дом Washington Post сильнейшая атака, которую они отбили.

Лобков: Давайте все-таки с НТВ.

Киселев: Есть масса примеров, извините, когда журналистские расследования (совершенно сознательно копали, исследовали, планировали) приводили к отставкам.

Лобков: То есть вы не считаете, что когда НТВ стало влиятельным, началась игра с властью, которая, в конце концов, всегда побеждает власть.

Киселев: Нет, было всякое. И я не могу сказать, что мы были или я лично (и не я один) «рыцарями в белых одеждах без страха и упрека». Конечно, было дело – ошибались, было дело – переоценивали себя. Было дело – выходили за классические рамки, где кончается журналистика и начинается что-то другое.

Лобков: 1996 год.

Киселев: Хорошо. 1996 год.

Лобков: Единодушное решение поддерживать Бориса Николаевича.

Киселев: Слушайте.

Лобков: Знаю, что все поддерживали, и от души.

Киселев: От души.

Лобков: Но а потом получили за это кто пост в администрации президента, кто... И все целиком получили четвертый канал.

Киселев: Игорю Евгеньевичу Волошенко покойный Борис Ельцин предложил возглавить администрацию президента, и Игорь Евгеньевич...

Лобков: Он был замначальником штаба.

Киселев: Он не был официально никаким замначальником штаба. Он выполнял там некую добровольную функцию. Когда ему предложили штатную работу в качестве главы администрации, это было (точно дату не назову) в июле (очень хорошо помню). Он приехал, извинился, отказался.

Лобков: Сергей Александрович Зверев был замглавы администрации.

Киселев: Сергей Александрович Зверев сначала работал в «Газпроме», и потом – он не журналист.

Лобков: Получила компания все равно дивиденды от этой сделки с властью.

Киселев: Я считаю, что мы делали все правильно. Я повторяю то, что говорил уже не раз, и не я один об этом говорил: если бы не было Бориса Николаевича и его желания побороться за переизбрание, ничего бы не было.

Лобков: НТВ спасла Россию от Зюганова?

Киселев: Ельцин спас Россию от Зюганова. Не хотел бы побороться за победу на тех

выборах, не победил бы, и никакое НТВ не помогло бы. Потом, понимаете, это сейчас Геннадий Андреевич такой белый, пушистый, у которого развился вкус непыльной и не шибко хлопотной жизни в оппозиции...

Лобков: Напомню выражение Гусинского про тех, кто пришел: «По сравнению с ним Зюганов – это домашние тапочки».

Киселев: Типа того. Тогда прошло всего неполных пять лет поражения коммунистического режима.

Лобков: Тогда было вытягивание Примаковской партии за уши, а он не очень тянулся в 1999-м.

Киселев: Никто никого никуда не тянул. Это все одна большая легенда. Совершенно ответственно вам заявляю, что когда накануне начала предвыборной кампании рассматривался вопрос, будем ли мы поддерживать кого-то на президентских выборах, было принято решение: никого не будем поддерживать, но будем помогать «Яблоку» и Явлинскому. Но это было расценено в Кремле, как предательство. Потому что говорили: «Или с нами, или против нас». И тогда были простейшие технологии, когда никто из представителей власти, представителей провластной партии не приходит на наши эфиры, когда нас отрезают от аккредитации, когда наши группы не пускают на мероприятия, когда это была не «Единая Россия», а «Единство», естественно, у нас в новостях исключительно репортажи о деятельности других политических сил.

Лобков: Здесь не было сознательного умысла, вы считаете? Хотя мне почему-то кажется, что все-таки...

Киселев: Я не считаю, я знаю. Против НТВ тогда уже началась война. Война на уничтожение, на то, чтобы отобрать этот актив у Гусинского, передать его под контроль государства.

«Мы заслужили Путина абсолютно». Виктор Шендерович о том, куда мы пришли и почему со дна все время стучат

Лобков: Кто начал войну при живом Ельцине?

Киселев: Ельцин тогда был в значительной степени немощен, отрезан от реальности, и, конечно, там были другие люди.

Лобков: Путин еще не интересовался этим.

Киселев: Была семья, был Волошин...

Лобков: Путин помог НТВ получить, например, частоты в Питере.

Киселев: Там длинный список есть. Частоты в Питере – это было чуточку раньше.

Лобков: Раньше. 1997 год. Путин помогал в этом.

Киселев: Знаете, он кому только не помогал.

Лобков: И в 1993 году без него не было бы НТВ.

Киселев: Это я не знаю, честно говоря.

Лобков: Как? Собчак вряд ли принимал бы экономические решения без него. Вы не общались с Путиным, когда в Питере открывали?

Киселев: Нет, я очень хорошо помню, с кем мы общались. Я лично звонил покойному Анатолию Александровичу, просил его о встрече. Он меня спросил о предмете встречи, я сказал: «Извините, не могу по телефону. Прошу вас, серьезный вопрос, найдите полчаса для меня и для моих коллег». Он сказал: «Хорошо, приезжайте». Мы приехали.

Буквально изложили нашу просьбу о том, чтобы нам дали возможность полчаса в день выходить на питерском канале на пятой кнопке и час по воскресеньям. Он при нас подумал и сказал: «Хорошо».

Лобков: Какие главные ошибки вы совершили в НТВ? Вы все равно были одним из учредителей, руководителей.

Киселев: Я вам сейчас не скажу.

Лобков: За что вы себя корите постоянно?

Киселев: Есть много, но это очень личное. Я не готов это обсуждать.

Лобков: А то, что компания потеряла Добродеева?

Киселев: Компания была на это обречена.

Лобков: Почему?

Киселев: Я считаю, что Олег Борисович был попутчиком изначально. Это долгая тема, которую мы в режиме блиц едва ли сможем подробно обсудить и 1138урра1138нтировано раскрыть. Но, поверьте мне, уже в 1993 году, мы еще не вышли в эфир, а я уже почувствовал, что ему немножечко некомфортно. И сколько раз! Вы же просто не знаете.

Лобков: Я знаю! Была прозападная партия и была прославянская партия.

Киселев: Нет-нет. Задолго до этого. Он пытался уйти на де-факто государственное ОРТ еще в 1997-м, может быть, в начале 1998 года, когда еще в очередной раз не поругались Гусинский с Березовским. И это подавалось под флагом: Борису Абрамовичу надо помочь, наконец, у нас все нормально, а вот давайте поможем нашему другу, нашему союзнику, партнеру Борису Абрамовичу наладить выпуск правильных новостей. Потом в 1998 году Олег просился уйти в администрацию премьер-министра Примакова на какую-то высокую должность.

Лобков: Вы не общаетесь сейчас? Вы общаетесь сейчас с теми, с кем начинали НТВ – с Гусинским, с Добродеевым, Малашенко?

Киселев: С Гусинским общаюсь крайне редко, звонил ему, чтобы поздравить его с 60-летием, которое у него было в прошлом году. С Малашенко вижусь периодически. С Вадиком Глускером регулярно перезваниваемся. С вами иногда встречаемся. С Володей Карамурзой, с Марьяной Максимовской, с кем-то еще – пусть не обижаются, что кого-то не вспомнил.

Лобков: Почему журналисты сейчас едут на Украину? В России опыт НТВ что показывает? В России может существовать крупное независимое телевидение?

Киселев: Для этого режим должен поменяться. Должны поменяться правила игры. В Украину люди едут работать, кого-то приглашают. Вот я не искал работу в Украине, а работа нашла меня. Сначала меня пригласили поработать на одном канале, потом приглянулся другому, значительно большему каналу, мне сделали очень лестное, выгодное, интересное предложение. Потом предложили там и руководящую работу.

Лобков: Вы себя упрекали, что не смогли тогда, в 1999-2000-м, удержать это в демократическом русле, когда начались распады, расколы и развалы, и что вы не смогли тогда сплотить НТВ вокруг себя?

Киселев: Думаю, что это была нереализуемая задача, потому что, как говорится, было много разнонаправленных векторов влияния, кто-то думал о себе, кто-то думал в

категориях достаточно романтических, кто-то (не буду называть фамилии) говорил: «Слушайте, я получил кредит на покупку квартиры, я эту квартиру потерять очень не хочу»

Лобков: Евгений Алексеевич, вы не обидитесь, если я поздравлю вас с 20-летием НТВ?

Киселев: Поздравьте меня с 10 октября, с тем днем, когда начался замечательный период в моей и в вашей жизни тоже. За это сегодня можно выпить. За 20-летие НТВ? Это значит: 6,5 лет одной истории и 13,5 – другой. И вот к 13,5 годам другой я никакого отношения не имею. А те 6,5 лет вспоминаю и буду вспоминать с удовольствием. И всегда буду с радостью за начало того периода выпивать.

Лобков: 10 октября можно праздновать как День независимого телевидения?

Киселев: Или как День лица.

«Подсчитывать баланс мнений в новостях – это профессиональная мастурбация»

Вчера на сайте передачи «Подробности» состоялась онлайн-конференция с новым директором «НИС» Евгением Киселевым, за ходом которой я внимательно следила в надежде выудить ответы на интересующие меня вопросы, раз уж интервью господин ведущий, ссылаясь на занятость, дает крайне редко, да и то – избранным изданиям.

Конечно, цитировать Киселева дословно было бы самоубийством – уж слишком Евгений Алексеевич растекался мыслию по древу даже там, где можно было ответить коротко и ясно. Да и не все вопросы, заданные ведущему, касались медиатем (к примеру, его спрашивали о разработках сланцевого газа, политическом будущем Юлии Тимошенко, коллекционировании вина и даже любви к кошкам и собакам). Но многое из сказанного вчера все же может оказаться полезным для тех, кто пытается понять, что же сейчас происходит на «Интер». По крайней мере, в рамках информационной службы.

Забегая наперед, скажу, что ответы на скользкие вопросы Евгений Алексеевич тщательно обдумывал, взвешивал каждое слово, а потому читать в большинстве случаев приходится между строк. Тем не менее, некоторые выводы напрашиваются сами собой – особенно в отношении того, что Киселев (то ли намеренно, то ли подсознательно) повторил огромное количество раз. А впрочем, смотрите сами:

- **Почему закрылась «Большая политика»?** (этот вопрос задавали чаще всего, поэтому онлайн-конференция началась именно с него)

- Мне на этот вопрос однозначно ответить достаточно трудно, потому что это было не мое решение. Более того, была странная ситуация, когда слухи о том, что «Большая политика» может закрыться, стали доходить до меня чуть ли не за пару месяцев до того, как мне об этом было официально объявлено. Ну а о том, что такое решение принято, я узнал буквально за неделю до того дня, когда программа должна была выйти в эфир. И не вышла.

На самом деле, на этот вопрос должен был бы ответить человек, принимавший решение, - бывший акционер, бывший собственник телеканала «Интер» и всей медиагруппы Валерий Хорошковский. Как говорится, Бог ему судья. Что случилось, то случилось. Может, в недалеком будущем появится другая программа со мной в качестве

ведущего. Разумеется, это будет не главная моя работа, потому что главная моя работа – все-таки, руководство производством информационных программ. Надеюсь, другой проект окажется интереснее, современнее и ярче предыдущего.

- В последний раз вы руководили новостями более 10 лет назад, когда работали на НТВ. Что изменилось с тех пор в новостях?

- Это не совсем так: мне приходилось создавать информационную редакцию канала Тві – благодаря тому, что прежний совладелец Владимир Гусинский пригласил меня поработать на этом проекте, я и очутился в Украине. Кроме того, у меня был опыт работы (недолгий, правда) на небольшом канале R-Тві в Москве в середине прошлого десятилетия. Конечно, если говорить о больших каналах, то это было 10 и более лет назад. И, конечно, очень многое переменялось. Не только благодаря интернету, потому что есть возможность получать новости в онлайн, практически в режиме реального времени. Большинство людей, интересующихся интернетом, имеют возможность носить с собой в кармане айфоны и другие гаджеты, читать интернет на улице, в кафе, где угодно. А 12 лет назад, когда я еще руководил НТВ, интернет был, но чтобы его смотреть и читать, нужно было сидеть за столом – дома или в офисе – и иметь достаточно быстрый интернет хорошего провайдера. А, скажем, в 1995 году телевизор вообще заменял нам все: и источник информации, и источник развлечений. В то счастливое время любой фильм американского или европейского производства собирал головокружительные рейтинги, потому что прокат лежал, а развлечений было очень мало – что в России, что в Украине. Когда здесь появился первый частный телеканал – «1+1» - та же самая была ситуация: что ни покажи, все собирает высочайший рейтинг. Это могло быть даже архаусное кино... А сейчас, когда даже пожилые деревенские бабушки пользуются мобильными телефонами, нужно жить и работать в ожидании того, что скоро и они (или хотя бы некоторые из них) тоже начнут пользоваться интернетом.

Наша аудитория отличается от аудитории 10-летней давности прежде всего тем, что примерно четверть ее, а то и больше, начинает смотреть новости уже будучи в курсе информационной картины дня. Вот тут название нашей главной информационной программы – восьмичасовых «Подробностей» - действительно себя оправдывает, соответствует тому, что мы предлагаем зрителю. То есть, мы исходим из того, что зритель должен не просто узнать новости, а узнать новости, снабженные подробностями. Новости, поставленные в контекст. Попытаться объяснить, почему это произошло, что за этим может последовать, какое значение это имеет для рядового украинского гражданина. Иногда нужно напомнить, что этому предшествовало – без этого, мне кажется, современные телевизионные новости успешными быть не могут.

Посмотрите, как изменилось, например, телевидение в наиболее развитых странах Запада – в Великобритании, Франции, в Соединенных Штатах. Репортажей становится меньше, гораздо более прямых включений с места событий. Ну, там гораздо больше развит интернет, и аудитория, если интересуется новостями, имеет возможность следить за ними в режиме онлайн на протяжении всего дня. И, соответственно, потребители новостей даже на обычном телевидении больше нуждаются в деталях, в оценках, комментариях, мнениях. Скажем, если 20 лет назад считалось, что в новостях надо очень жестко разделять информацию и комментарий, то сейчас комментарий возвращается.

Смотрите, как популярны разного рода интернет-ресурсы, на которых главным видом контента являются комментарии, мнения, оценки блогеров и так далее. Все это, конечно, приходится учитывать в нашей повседневной работе.

- Выучили ли вы украинский язык за это время? Хорошо ли им владеете?

- Українською розмовляти не дуже складно, але розумію я гарно.

- Где сейчас лучше с точки зрения демократии и свободы – в Украине или в России?

- Безусловно, сейчас с точки зрения демократии и свободы лучше в Украине. И не потому, что я работаю в Украине. Как говорится, каждый кулик свое болото хвалит – я не выступаю в роли кулика, хвалящего свое болото. Нет, я в состоянии сравнивать то, что происходит в Москве и Киеве. В Москве гораздо более жесткий контроль над тем, что происходит в СМИ. Об этом говорят те, кто работает на российском телевидении, те, кто работает в российских газетах, в онлайн-СМИ. Посмотрите, сколько увольнений, отставок произошло за последнее время, в скольких средствах массовой информации сменились главные редакторы. Это касается, причем, самых популярных ныне в России СМИ, прежде всего, тех, которые входят в ИД «Коммерсантъ». Там поменялся главред самого издательского дома, поменялся главред журнала «Власть», поменялось уже два (!) главных редактора радиостанции «Коммерсантъ ФМ». Перемены происходят и в других СМИ, давление ощущается в режиме реального времени, буквально, каждый час, каждую минуту. Ничего подобного в Украине не происходит. Вот там – темники, а здесь – досужий треп, который периодически возникает в воспаленных головах некоторых особо впечатлительных молодых коллег. Там – действительно жесткие инструктажи на самом высоком уровне, там не забалуешь, как говорится. Ну и политическая картина в Украине совершенно отличается от России. Я люблю своим московским друзьям, коллегам, когда они меня об этом спрашивают, приводить простой пример: «Господа, представьте себе, что на нескольких основных телевизионных каналах существовали бы политические ток-шоу, которые шли бы в прямом эфире и которые затрагивали бы практически любые темы». Мои друзья россияне, слушая это, говорят: «Конечно, быть такого не может». Там это воспринимается, как некая политическая научная фантастика, такой Рэй Бредбери на российско-украинском материале. Так что, собственно, вот вам и ответ.

- Какие функции у телевизионных новостей? Они должны только информировать общество или и воспитывать его?

- Я убежден в том, что воспитывать нужно не общество, а конкретных его членов. Воспитанием каждого гражданина должны с младых ногтей заниматься его родители. И в любом случае, педагогическая функция не свойственна информационным программам. Знаете, если мы начнем на службы новостей возлагать еще и воспитательную функцию, так мы Бог знает, куда зайдём. У новостей есть главная функция – информировать, по возможности объясняя смысл того, что происходит в стране и мире. Да, есть еще у СМИ просветительская функция. Она тоже важна. И, собственно, когда мы ставим новости в контекст предшествующих и последующих событий, говорим о сути этих событий – вот мы в некотором смысле и выполняем просветительскую функцию. Ну а, кроме того, мы ведь прекрасно знаем, что в информационных программах бывают еще и, скажем так, вневременные материалы, подчас тоже выполняющие просветительскую функцию.

Особенно, когда у кого-то юбилей, или кто-то уходит в мир иной, и мы рассказываем, вспоминаем биографии выдающихся людей, вспоминаем какие-то страницы истории.

Есть, конечно, развлекательная функция. Очень часто мы развлекаем в новостях публику какими-то курьезами, смешными сюжетами. Все-таки, на коммерческом канале новости должны еще и собирать аудиторию, чтобы были достаточно высокие коммерческие показатели, а это подчас достигается с помощью такого жанра, как инфотеймент. К сожалению, зачастую этим жанром увлекаются. Это объяснимо в тех странах, где, в общем, жизнь чрезвычайно стабильна, в политике ничего не происходит, и в этом случае действительно понятно, что классическую серьезную информацию начинает отчасти вытеснять инфотеймент. Но сейчас весь мир охвачен экономическим кризисом, в некоторых странах (таких, как Греция, Кипр, Испания, даже Германия) происходят очень серьезные кризисные процессы, то тут, то там грядут очень тяжелые выборы – достаточно всего происходит, чтобы не уходить вот в этот самый инфотеймент.

- Каково ваше мнение о качестве новостей на ведущих каналах России и Украины. Не кажется ли вам, что новостные выпуски в Украине превратились в хронику ЧП и бытовухи?

- Давайте разделим этот вопрос на две части. Что касается украинских новостей, мне бы не хотелось публично давать оценки коллегам просто из чувства, если угодно, корпоративной этики. Но все же хочу сказать, что да, безусловно, есть крен в инфотеймент. Причем, не всегда со знаком плюс – это может быть море крови, криминала, скандальной хроники, кто на ком развелся, как говорится, какая бабушка съела какого внука, который перед этим на нее замахнулся топором... Все это, конечно, фейковые новости, когда реальная повестка дня заменяется новостями для чрезвычайно невзыскательной в интеллектуальном отношении публики. Я в этом случае придерживаюсь более консервативных взглядов и считаю, что новости на «Интер», претендующем на звание главного канала страны, вне зависимости от того, как выглядит его аудитория, должны быть респектабельными. Нет тем, которые были бы не интересны каждому человеку. Любую, даже сложную тему можно подать так, чтобы заинтересовать рядового украинца, приковать его к телевизору и заставить смотреть репортажи о том, что, скажем, происходит на выборах в Венесуэле. Или, скажем, при каких загадочных обстоятельствах то ли покончил с собой, то ли был убит опальный российский олигарх Борис Березовский, тело которого обнаружили в Лондоне. Кстати, хороший пример: когда одной из главных тем была смерть Березовского, это удивительным образом вызывало пиковый интерес аудитории. Именно на тех сюжетах, когда из далекого Лондона мы рассказывали о том, что случилось с Борисом Абрамовичем, и вообще, кто это был такой. Так что я считаю, что мы на верном пути – возвращаемся в классику жанра. То, что реально происходит в стране и мире – это, если угодно, является на сегодняшний день и, надеюсь, на ближайшие месяцы и годы, магистральным направлением информационной политики телеканала «Интер».

Что же касается российских новостей, опять-таки, поймите меня правильно: я не хотел бы вдаваться в персональные оценки по отношению к тому или иному российскому каналу. Тем более, что с каждым из руководителей этих каналов меня связывают давние и порой непростые отношения. Мне не хочется, чтобы мои оценки были восприняты, как

попытки сведения каких-то старых счетов с кем-то из топ-менеджеров, работающих на российском телевизионном рынке. А что касается общей тенденции, думаю, она очевидна: большинство каналов занимается правительственным агитпропом. К сожалению. Иногда это делается очень грамотно и изощренно, а иногда – в лучших традициях программы «Время» советского периода. Это прискорбно, но рано или поздно это закончится. Думаю, это приведет к тому же, к чему привело на рубеже 80-90-х годов, когда произошла почти тотальная депрофессионализация телевизионных журналистов, работавших в информационных программах. Когда выяснилось, что можно рассказывать о любых новостях, снимать любые репортажи, касаться любых вопросов и поднимать любые проблемы, то люди, привыкшие работать в условиях жесткой партийно-правительственной цензуры, оказались совершенно не готовы работать в новых условиях. Думаю, что в последние 10-12 лет постепенно такая же депрофессионализация произошла и на российском телевидении. Но это, с другой стороны, и хорошо, потому что, я надеюсь, произойдет резкая смена поколений, резкое омоложение журналистского корпуса, придут новые люди, которые хотят работать в условиях свободы и голоса которых уже сейчас отчетливо слышатся в интернете, соцсетях, блогах. Это неизбежно, и мысль об этом меня радует и греет.

- Какой вам запомнилась Маргарет Тэтчер и ее отношение к СССР? Вы с ней были знакомы, общались...

- Сказать, что с Маргарет Тэтчер я был знаком, было бы преувеличением. Безусловно, она была одной из самых ярких фигур, которых знала мировая политическая история в XX веке... Мне довелось общаться с ней лично всего раз. Я брал интервью, это было достаточно давно, 20 лет назад, когда я был, в общем, начинающим журналистом. Страшно волновался, мне хотелось говорить с ней не через переводчика, а по-английски. Но когда волнуешься, вдруг теряешь способность гладко изъясняться на иностранном языке – я путался в вопросах, хотя прекрасно понимал ответы. В общем, не могу сказать, что это самое приятное воспоминание в моем журналистском опыте. Ну а так, конечно, 20 лет назад она была еще Железная леди. И ощущение этого прекрасного владения мыслью и речью, великолепных манер, специфического английского юмора, вот это все осталось. Она мне была чрезвычайно симпатична, и мне, конечно, искренне жаль, что ее больше нет. Но она как раз тот человек, которая могла с чистой совестью, с ощущением выполненного долга перед историей, своей страной, перед самой собой, уйти в мир иной.

- Не считаете ли вы целесообразным ввести запрет на расизм и гомофобные высказывания в эфире, не давать слова ультраправым?

- Сложный вопрос. Думаю, что любые запреты в СМИ вредны и опасны: сегодня запретили ультраправых, завтра запретим ультралевых, потом еще кого-нибудь, потом будем давать слово только представителю правительства или президентской администрации и так далее. Нельзя давать слово людям, открыто призывающим к насилию, пропагандирующим расовую неполноценность тех или иных народов, высказывающим антиконституционные взгляды, призывающим к насильственному изменению существующего строя – к мятежу, кровопролитию... Да, мне ультраправые, может, тоже в чем-то не нравятся, но запретить, лишиться слова – это значит вытолкнуть на улицу. Все-таки лучше, если политическая дискуссия будет оставаться в рамках системы.

Давайте будем давать им возможность участвовать в работе парламента, высказываться в СМИ, критиковать, даже жестко. И привлекать, наконец, к судебной ответственности: не нравится вам какое-то высказывание – пожалуйста, давайте обращаться в суды, наказывать людей за отдельные экстремистские, если угодно, проявления в судебном порядке. Но тотальные запреты, я считаю, ведут к плачевным последствиям. Темники в свое время стали одним из факторов Оранжевой революции в 2004 году. Лучше, я считаю, обществу обходиться без Майданов.

- Почему закрыли программу «Спорт в подробностях» и могут ли новости существовать без спортивных новостей?

- Когда киевское «Динамо» проигрывает «Шахтеру» или «Шахтер» выигрывает кубок УЕФА, без такой новости, конечно, невозможно выходить в эфир. И я бы с удовольствием рассказывал в новостях о победах и поражениях футбольных клубов. Но! Есть одно большое но: что касается футбола, существуют очень жесткие ограничения на использование видеоряда. Мы не можем показывать в новостях фрагменты футбольных матчей Лиги Чемпионов. У нас нет права показывать даже 30 секунд или минуту этой самой картинки. Потому что права принадлежат другим (вздыхает). А просто рассказывать – ну что, спортивный комментатор в кадре будет изображать Шевченко или кого-то из испанских футболистов? Как они пробежали, всех обвели, продемонстрировали чудеса владения мячом и забили в ворота? Невозможно без картинки рассказать о некоторых событиях. А такие виды спорта, как художественная гимнастика, не говоря уже о каких-то более экзотических видах, мало кого интересуют. Увы. Большой интерес на телевидении вызывает только футбол. Иногда бокс, но бокс уровня Кличко. Иногда хоккей, но когда происходит решающий матч за чемпионство мира. Иногда – финал теннисного турнира Уимблдон. Ну, и, в общем, все... А программа «Спорт в подробностях» была закрыта потому, что именно на ней сразу падал, порой обвальным образом, рейтинг, падала доля канала. И с этим нужно было считаться. То есть, условно говоря, «Подробности» выходят на долю 20-25, и вдруг она падает на 10-15 пунктов. Я утрирую, но телевидение, все-таки, должно думать еще и о коммерческих показателях. Поэтому повторяю: когда есть возможность рассказать о громком спортивном событии, мы, конечно же, о нем будем рассказывать. Но делать специализированный выпуск спортивных новостей мы считаем нецелесообразным сугубо коммерческим по коммерческим соображениям. Мы, как говорится, живем не на облаке.

- Работаете ли вы сейчас над какими-то документальными фильмами?

- В настоящий момент не работаю. Еще в бытность мою ведущим программы «Большая политика», я сделал несколько документальных фильмов для «Интера» - в частности, 4-серийный фильм о событиях Оранжевой революции, фильм об истории любви принца Уильяма и Кейт Миддлтон, фильм к 60-летию царствования Елизаветы II. Еще есть недоделанный двухсерийный фильм, который я тоже делал для «Интера» - о событиях гражданской войны в Украине, который называется «Атаманщина». Но судьба его не в моих руках. Продюсеры фильма, делавшие его по заказу тогдашнего руководства «Интера», сейчас, что называется, находятся между небом и землей. Потому что фильм не доделан, за него не доплатили, но я надеюсь, что мои коллеги на канале «Интер» найдут возможность сделать так, чтобы эта все-таки картина увидела свет. Потому что мне за нее

не стыдно. И потому что будет диковато, если в итоге фильм перекупит у продюсеров другой канал, и он выйдет на «1+1» или «Украине», которые являются нашими конкурентами. Я буду чувствовать себя в этом случае несколько неловко. Но посмотрим – надеюсь, что будет принято разумное решение.

- Сегодня вы – журналист с именем. Скажите, вы не ностальгируете по обычной репортерской работе?

- Нет. Я, честно говоря, мало занимался репортерской работой. Моя профессия – это, все-таки, профессия ведущего. Мне приходилось снимать репортажи, но это было недолго, я очень рано начал вести новости. В 1987 году, когда на советском телевидении стали происходить большие перемены, и когда журналистов, редакторов (а я тогда работал редактором, а не корреспондентом) стали потихонечку опробовать в качестве ведущих на дневных, малосмотримых новостях. Потом я стал вести утренние новости, и только потом, через год, два стал заниматься репортерской работой.

Когда надо, могу, потому что знаю, как это делается, понимаю технологию работы корреспондента. Но, условно говоря, с определенными ограничениями: сделать крепкий репортаж, горячий, на бегу, едва ли смогу, потому что склонен посидеть, подумать покрутить – бегать, как делают мои уважаемые коллеги, которые могут с колес сделать блестящий 5-минутный репортаж, мне просто не по зубам. Для этого нужно обладать определенным складом характера, другой ментальностью, психофизикой, реактивностью... По своему психотипу я не отношусь к информационным мачо – есть такая категория журналистов, сидящих на экстремальной журналистике, как на игле, любящих ездить в зоны конфликтов, в горячие точки. Я не боюсь риска, но я немного сибарит по складу характера, люблю комфорт. А в таких поездках, знаете, можно оказаться в гостиничном номере, где не будет теплой воды, а это для меня уже тяжелая проблема – если не приму с утра горячий душ, я не человек. Поэтому с глубоким почтением отношусь к своим коллегам, которые, невзирая на тяжелый быт, отсутствие горячей воды и возможности нормально побриться, поесть, поспать, пропадают в этих экстремальных командировках и привозят оттуда порой совершенно шедевральные репортажи.

- Верите ли вы в концепцию позитивных новостей?

- Не верю, потому что в большинстве случаев новость – это событие, которое является отклонением от нормы. А отклонение от нормы очень часто имеет отрицательный знак. Понимаете, нельзя выйти в эфир и сказать, что сегодня в Киеве и на территории всей Украины не произошло ни одного пожара или ДТП. К сожалению, когда происходит крупное ДТП с человеческими жертвами, о нем приходится рассказывать. Новости – это то, что чаще всего стоит за словом ЧП. Нет, безусловно, если открыли современный медицинский центр, оборудованный по последнему слову техники, это позитивная новость, но такое случается значительно реже. Как говорят англичане, когда собака укусила человека – это не новость. Новость – это когда человек укусил собаку.

- Что вас заставило поменять Москву на Киев? Довольны ли вы выбором – не лучше ли было остаться в Москве и писать мемуары?

- Не лучше: писать мемуары – это удел пожилых людей, которые оставили активное занятие своей профессией. Я еще ощущаю себя человеком вполне молодым и

энергичным, несмотря на свои 57 лет. И, глядя на пример Владимира Познера, мэтра, которому 1 апреля исполнилось 79 лет, и он в отличной физической и ментальной форме, работает на телевидении, я надеюсь, что в свои 80 тоже будут работать в любимой профессии. Где? Вопрос. Мне нравится работать в Украине. Почему? Да потому что позвали. Некоторые почему-то считают, что я вынужден был уехать, что я чуть ли не эмигрировал. Нет, мне было интересно поработать в Киеве, потому что я понимал, что здесь значительно более интересная и живая политическая жизнь, значительно больше возможностей заниматься свободной, независимой журналистикой – я приехал, и об этом не жалею. Кроме того, никаких предложений работать на российских каналах у меня нет сегодня, не было вчера и что-то подсказывает, что не будет завтра. Просто потому, что в России сейчас не в чести и не в цене журналисты с позицией, мнением, журналисты, которые не умеют плясать под чью-то дудку. Я к таким журналистам себя не отношу, поэтому работаю там, где работаю.

- Чем сейчас занимается Анна Безулик? Будет ли она вести какое-то шоу на «Интер»?

- Вопрос не ко мне, потому что я отвечаю за производство информационных программ, за новости. А если в будущем появится передача, которую я буду вести сам, я буду отвечать и за ее производство. Надеюсь, во всяком случае, на это. А с Безулик я даже толком не знаком. У меня нет к ней никаких претензий, потому что не мое было решение пригласить ее вести программу на «Интер». И, более того, поставить ее в эфир вместо «Большой политики». Это решение было не очень честным и не очень порядочным по отношению к самой Анне, потому что оно принималось в тот момент, я подчеркиваю, когда собственником по фамилии Валерий Хорошковский уже было принято решение продать «Интер» и другие СМИ, входящие в медиагруппу. Зачем нужно было, грубо говоря, подставлять Безулик в этой ситуации, мне совершенно не понятно.

В свое время, когда мы только запускали канал Тві, я встречался (и не я один) с госпожой Безулик, мы с ней побеседовали, посмотрели записи ее прошлых программ, и нам показалось, что не стоит ее приглашать работать на Тві. Это, как говорится, мое отношение. Мне кажется, что ей не хватает харизмы, телевизионного обаяния, и я не понимаю, каким образом она оказалась телезвездой. Но раз уж оказалась, пусть ей предложит новое шоу тот, кто сочтет это нужным. Ко мне это не относится, это не моя зона ответственности.

- Имеют ли политические ток-шоу практический смысл? Ключевое-то слово – шоу.

- Вообще, слово «шоу» пришло к нам с американского телевидения, устроенного по-другому – там даже программы новостей называются «шоу». И по-другому делаются, верстаются: во время выпуска новостей может быть до шести рекламных пауз, и таким образом программы новостей тоже зарабатывают деньги, в отличие от наших каналов, потому что украинское законодательство запрещает прерывать информационные выпуски на рекламные блоки. Конечно, заработки каналов при помощи продажи рекламы – значительно более тонкая материя, и было бы упрощением говорить, что каждая программа зарабатывает деньги сама по себе. Но, повторяю, телевидение – это еще и бизнес. И политические ток-шоу существуют еще и для того, чтобы привлекать зрителя,

зарабатывать на рекламе. Не случайно они зачастую имеют скандальный характер, скандальный привкус. Пики просмотра этих программ приходятся на эпизоды, когда, не дай Бог, кто-то кого-то начинает бить. Или идет словесная драка.

Я не знаю, чтобы какой-нибудь канал запускал дорогостоящее политическое шоу в целях продвинуть какие-нибудь политические лозунги. Такие составляющие, конечно, присутствуют, и бывают ситуации, когда акционер или топ-менеджер помнит о том, что канал, как любое СМИ, является еще и инструментом политического влияния. Но, повторяю, было бы смешно, наивно и безответственно полагать, что политические ток-шоу существуют для того, чтобы решать какие-то политические вопросы, влиять на общество, манипулировать общественным мнением. Все эти истории про то, что какие-то программы существуют, чтобы влиять на мнение общественности, рождаются в воспаленных умах тех, кому больше нечего делать.

- Выдерживают ли «Подробности» в своих сюжетах баланс мнений? Сколько сейчас корпунктов, планируете ли вы открывать дополнительные?

- Открывать дополнительные пока не планируем. Если быть точным, у нас 14 корпунктов в Украине и 6 зарубежных – в Москве, Вашингтоне, Лондоне, Берлине, Брюсселе и Израиле. Пока этого достаточно. Если что-то происходит в другом месте, мы всегда можем послать съемочную группу в короткую командировку. В частности, мы очень надеемся, что наш корреспондент все-таки попадет на президентские выборы в Венесуэле. К сожалению, нынешнее правительство не заинтересовано в том, чтобы выборы нового президента были освещены в Украине – визу нам пока не дают.

А баланс мнений – это такая штука, которая тоже возведена в абсолют людьми, пытающимися подменить собой руководителей СМИ. К сожалению, в определенном сегменте украинского медиарынка существует диктат этих людей, занимающихся наблюдением, мониторингом, которые почему-то присвоили себе право судить, кто работает хорошо, кто плохо, где выдерживаются журналистские нормы, а где не выдерживаются. Я считаю, что задача «Подробностей» - давать адекватную информационную картину дня. Когда выбирают Папу Римского – человека, который возглавляет католическую церковь, насчитывающую 1 млрд 200 млн последователей (в том числе, почти 5 млн в Украине), а отдельные СМИ в качестве главной новости подают очередное трескучее заявление какого-нибудь оппозиционного депутата, или главной новостью становится очередная авария маршрутного такси, вот это неадекватная картина дня... Нельзя замалчивать событие, нельзя упускать важное событие, нельзя давать одну точку зрения, когда существуют две. Но заниматься, как некоторые господа, сидящие с арифмометром, с бухгалтерской точностью считающие, на сколько та или иная программа новостей соблюла так называемый баланс, это... разновидность интеллектуального онанизма. Такая профессиональная мастурбация.

- Как вы оцениваете смену собственника «Интера»?

- Позитивно. Как говорится, все, что ни делается, все к лучшему. Позитивно оцениваю и закрытие программы «Большая политика», потому что мне удалось заняться новой программой и занять положение, которое я занимаю сейчас. И впереди, надеюсь, новая программа, которую я буду вести, совмещая это с моими основными обязанностями. Понимаете, наступила некая ясность и прозрачность, которой раньше не

существовало. В публичной плоскости шло наведение тени на плетень, потому что Хорошковский говорил, что не владеет «Интером», что передал акции в управление то ли жене, то ли еще кому-то». На самом деле он, конечно, этим занимался и, подчас, что называется, в режиме ручного управления. Однако выкраивая для этого время в промежутке между руководством таможенным ведомством, СБУ, минфином, совмещая это с должностью первого вице-премьера, которая предполагает частые долгие поездки за границу. И в итоге канал несколько лет плыл без руля и без ветрил. Сейчас восстановлена управляемость каналом и всей медиагруппой, мне нравится, что новые акционеры не вмешиваются в текущие дела менеджмента. Я ощущаю со стороны акционеров и моих коллег – других руководителей группы – доверие, нет мелочной опеки. И это все пришло в жизнь канала после смены собственника.

- Вы называете себя украинским журналистом, но пока что наибольших успехов добились в России. Как думаете, ждет ли вас сопоставимое в эфире «Интера»?

- Я с этим категорически не согласен, считаю, что программа «Большая политика» была чрезвычайно успешна, что это был очень важный эпизод в моей журналистской биографии. И если кто-то думает иначе, имеет право. Но, во всяком случае, доля передачи свидетельствует о том, что ее смотрели, ждали. Хотя бы по количеству вопросов «Когда выйдет в эфир», мне кажется, можно судить о том, что определенное количество украинских зрителей и посетителей интернета хотели бы видеть меня в эфире. Я надеюсь, что оправдаю их ожидания, что будет новый, не менее качественный продукт. Но повторяю – в свободное от основной работы время.

- Не может ли интернет рано или поздно вытеснить классические новости?

- Думаю, нет. Когда появилось кино, все предрекали смерть театру, когда появилось телевидение, все предрекали смерть кинематографу, но оказалось, что это разные виды искусства, разные бизнесы, разные профессии. Точно так же интернет не сможет заменить телевидение. Вот я прихожу домой: чтобы почитать что-то в интернете, нужно включить компьютер, что-то там забить в строчку поиска и прочее. А тут – упал в мягкое кресло, нажал одну кнопочку и смотришь что-нибудь, в том числе и новости. И у людей, которые сегодня молоды и энергичны, тоже рано или поздно наступит зрелость, пожилые годы, когда им будет охота сидеть в мягком кресле, вытянув ноги, и сложно будет лишний раз, что называется, задницу от этого места оторвать.

Классическое телевидение, конечно, будет видоизменяться. Уже существуют телевизоры, где с помощью нескольких кнопок можно выйти в интернет и смотреть интернет-телевидение, сидя в мягком кресле. Такие телевизоры очень дорогие, но когда-нибудь они станут дешевыми и общедоступными, как когда-то произошло с мобильными телефонами. Раньше это было символом достатка, а сейчас они есть у каждой бабушки. Я на Бессарабском рынке постоянно покупаю у одной старухи творог, и, когда нужно, звоню ей и говорю: «Баба Наташа, не продавайте, я сегодня приду». А когда-нибудь эти бабушки и интернетом научатся пользоваться.

- Смотрите ли вы телевизор?

- Очень редко, потому что информацию получаю все-таки через интернет. Иногда смотрю программу «Время» - чтобы быть в курсе того, что происходит в России, и как российские коллеги подают информацию. Иногда смотрю полуночный выпуск новостей

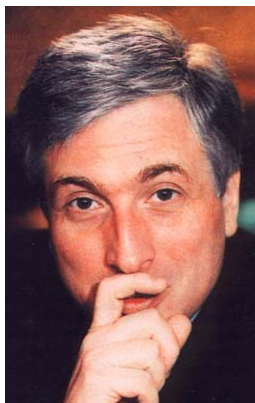
на «Первом канале». Смотрю «Вечернего Урганта», смотрю программу Марианны Максимовской на Рен-ТВ. Марианна, в некотором смысле, моя воспитанница. Я ей в свое время говорил: «Когда мне надоест вести программу «Итоги», вместо себя посажу тебя, потому что у тебя будет получаться лучше всего». Ну, немножко иначе сложилось – она работает на РЕН-ТВ, но ведет программу, которая, на мой взгляд, ближе всего к «Итогам», повторяет и развивает их лучшие традиции.

В качестве послесловия Киселев перечислял всех видных политиков, у которых ему доводилось брать интервью, рассказывал о своей любви к путешествиям и о том, что пользуется знанием персидского языка в ресторанах – когда хочет более качественного обслуживания. Ну а я хочу закончить материал веселым вопросом – как-никак, пятница на носу.

- Давно ли вы носите усы?

- Наверное, лет с двадцати с небольшим. После 4 курса я поехал на языковую практику в Иран. Был совсем мальчишкой, а попал в коллектив взрослых дяденек и тетенок. И, чтобы выглядеть посолиднее, повзрослее, я отпустил усы и бороду. Бороду потом сбрил, а усы остались. С тех пор они стали не просто частью моего телевизионного имиджа – мои близкие, друзья меня без усов, наверное, просто не узнают (улыбается). Я к ним привык и едва ли когда-нибудь с ними расстанусь. Хотя, что называется, никогда не говори никогда.

Леонид Млечин

Леонид Михайлович Млечин родился 12 июня 1957 года в Москве в писательской семье. Печататься начал в 1973 году в газете «Пионерская правда». Окончил международное отделение факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1979-1993-м работал в еженедельнике «Новое время», последняя должность – заместитель главного редактора. В 1993-1996-м – в газете «Известия», заместитель главного редактора, куратор международного раздела.

Одновременно с октября 1994 года вел на Российском телевидении (второй канал) международные программы «Де-факто», затем «Мир без границ». В 1996 году окончательно ушел на телевидение, политический обозреватель ВГТРК.

В 1997 году перешел на «ТВ Центр».

Вел еженедельную программу «Особая папка», которая не просто раскрывала «белые пятна» истории, но зачастую переворачивала привычные представления, заставляла другими глазами смотреть на то, что происходит с нашей страной. Для «Особой папки» были характерны серьезность анализа и насыщенность информацией. Первостепенное значение придавалось поиску редких документальных кадров и точному монтажу. Многие фильмы из «Особой папки» вышли на DVD, куплены другими телевизионными каналами, вновь и вновь выходят в эфир.

Параллельно три с лишним года выступал с ежедневным политическим комментарием в вечерней программе новостей, четыре сезона вел еженедельное ток-шоу «Версты».

Автор детективного сериала «Поздний ужин». Это воплощенные в телевизионную форму фантазии писателя Млечина, странные, страшные, а иногда и мистические киноновеллы с закрученным сюжетом и всегда неожиданной развязкой.

В настоящее время выпускает фильмы на историческую тематику в рамках проекта «Документальное кино Леонида Млечина».

Программа «Особая папка» в 2000 году была удостоена премии мэра Москвы, в 2001-м премии Союза журналистов России и гран-при Международного телекинофорума в Ялте «Вместе». Л. Млечин – дважды (2007 и 2009 годы) лауреат телевизионной премии ТЕФИ за лучший сценарий документального фильма.

В 2010 году участвовал в телевизионном ток-шоу «Суд времени» (Пятый канал), которое вызвало большой резонанс в обществе и которое многие критики занесли в список лучших программ года.

Несколько лет – постоянный гость в популярной рубрике «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы». Телевизионную версию транслирует компания RTVI. Ведет колонку в рубрике «Свободная тема» в газете «Московский комсомолец» и в журнале «Журналист». Избран в палату медиа-сообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу.

Леонид Млечин – член Союза писателей с 1986 года, автор многих книг детективной и документально-расследовательской прозы, издаваемой в нашей стране и широко переводимой за рубежом. Наиболее известны его книги: «Председатели КГБ: рассекреченные судьбы», «История внешней разведки», «Моссад», «Зачем Сталин создал Израиль?» «Министры иностранных дел. Тайная дипломатия Кремля», «Русская армия между Троцким и Сталиным», «Холодная война», «Иосиф Сталин, его маршалы и генералы», «Кровавая Олимпиада», «Адольф Гитлер и его русские друзья», политические биографии Брежнева, Андропова, Шелепина, Фурцевой, Примакова, Назарбаева...¹⁷³

Журнал «ТВ-Парк» No.19, 2000

После того как на «ТВ Центре» прошли документальные картины «Красный монарх» и «Наследник престола» о Ким Ир Сене и Ким Чен Ире, автора фильма Леонида

173 <http://mlechin.com/>

Млечина северокорейские власти официально приговорили к смертной казни. Полтора года в программе «Особая папка» он раскрывал тайны отечественных министров иностранных дел – от Чичерина до Иванова, а теперь и руководителей спецслужб, от Дзержинского до Путина. В передаче «Поздний ужин» этот примерный семьянин истреблял красоток с упорством маньяка... Репутация Млечина могла бы быть прескверной, не будь он таким положительным в жизни.

Автор: Яна Плотникова

- Кто вы сегодня: писатель, в воображении которого рождаются все эти ужасные истории, или телевизионщик?

- Безусловно, писатель. А телевидение только хобби. Хотя на ТВ я уже пять лет, начальству всегда представляюсь начинающим тележурналистом.

- Как складывалась ваша телекарьера?

- В 1996 году я пришел на РТР. Когда создавался канал «ТВ Центр», меня пригласили делать авторский проект «Мир без границ», еще пообещали тринадцать минут эфира, которые впоследствии и преобразились в «Поздний ужин». К ним добавилась передача «Особая папка». Теперь я делаю ежевечерний иронический комментарий в «Событиях». Но все-таки в информационном жанре для фантазии места мало. Самая моя любимая программа – что называется, для души – «Поздний ужин».

- Ничего себе «для души»! Скольких несчастных вы там извели?!

- Некоторое количество было... Один критик открыл мне глаза, написав в рецензии: «Автор особенно увлекается душением женщин». Оказывается, моими жертвами чаще всего были женщины. Сознательно никогда не хотел ничего криминального. Детектив – это ведь игра с читателем, правила которой известны обеим сторонам. Мои истории целиком выдуманы, но в основе каждой нехитрая мораль: просто так ничего не случается. Если ты попал под машину – стало быть, переходил дорогу в неполюженном месте. И так далее...

- А вы сами всегда дорогу переходите только на зеленый свет?

- Исключительно. Я в детстве попал под машину и с тех пор перехожу только на зеленый.

- И вы правильный всегда и во всем?

- Стараюсь быть правильным. Но надеюсь, что не до занудства.

- Ваша главная страсть – работа?

- Не только. Конечно, я всегда извлекал из работы бездну удовольствия, бездну! Меня вдохновляло сознание сделанного, доставляло подлинную радость. Важнее работы только ребенок. Ну и женщины играют не последнюю роль.

- Так ничто человеческое вам не чуждо? Красивая женщина может привлечь ваше внимание и оторвать, пусть на несколько секунд, от работы?

- Обязательно! Из-за этого в «Останкино» чудовищно тяжело работать. Признаюсь, на дам я всегда реагировал... Другие методы «лечения» от работы для меня не существуют – ни карты, ни пьянки меня никогда не интересовали. А вот общение с женщинами всегда доставляло удовольствие... Знаете, из-за этого я не мог работать в библиотеке. Сидишь в читальном зале, вдруг открывается дверь, входит

девушка – провожаешь ее глазами. Только успокоишься – входит другая. Голова все время крутится, нервы не выдерживают, работать невозможно. Пришлось брать книги на дом.

- Вы специально вырабатывали эти вкрадчивые, сексуальные интонации, которыми заслушиваются дамы?

- Вы меня порадовали, потому что мой голос совершенно нетелевизионный. В начале моей работы на Российском канале начальство просто не знало, что с этим поделаться. Как только не обзывали – и скрипучий, и монотонный, и тембр слишком высокий... Всерьез обсуждался вопрос о том, что написанный мною текст следует озвучить за кадром какому-нибудь актеру. Но наступил момент, когда, видимо, зрители привыкли. И я на самом деле обнаружил, что значительная часть моей аудитории – это женщины, что безумно приятно.

- Как же бы работаете в «Событиях» с главной красавицей ТВЦ, обольстительной Оксаной Подригой?

- (Очень грустно) Так вот и сижу со свернутой шеей, смотрю на нее, а не в камеру. Нам однажды сильно досталось, потому что во время очень печального выпуска с новостями о потопе или наводнении мы появились на экране неприлично веселыми. Не помню уж над чем, но мы так смеялись, что начальство нас очень ругало: «С ума вы походили, что ли?!»

- Ваша семья еще помнит, как вы выглядите, или освежает воспоминания, глядя на телеэкран?

- Когда я окончательно ушел из газеты на телевидение, то стал больше бывать дома. Мне не нужно было сидеть в редакции, я писал тексты дома – и вот уж три с лишним года больше занимаюсь сыном.

- Сколько ему лет?

- Двенадцать. Он не так увлечен родительским делом, как я в свое время. Он принадлежит к другому поколению, его больше интересует компьютер. Вообще, он парень с твердым характером (Как по заказу звонит телефон, и Леонид начинает разговаривать с сыном, трогательно называя его Ватрушечкиным)

- Откуда такое смешное прозвище?

- Я все время выдумываю Виталику разные имена, а Ватрушечкин – постоянное и мне больше всего нравится. Когда он был совсем маленьким, у него были такие замечательные круглые щеки, с тех пор прозвище так и осталось.

- Дома вы можете вымыть посуду или вынести мусор?

- Насчет посуды я действительно не мастер. Вот в магазин, за едой, частенько выбираюсь. Просто отправиться на прогулку мне неудобно, как можно тратить время?! А за покупками иду с удовольствием, едва у меня появляется такая возможность. И стирать люблю. Постирать рубашки – благое дело.

- Когда вы были последний раз в отпуске?

- В 1979 году я был в отпуске в первый и, надеюсь, не в последний раз. Правда, раньше наша группа отправлялась на съемки за границу – это я считаю отпуском. Я много путешествовал как журналист. Благодаря работе мне удалось повидать практически весь мир. А выезжать просто на отдых времени не хватает.

- В одном из выпусков «Взгляда» Влад Листьев брал у вас интервью как у автора детективов. Продолжаете работать в этом жанре?

- Всего у меня две дюжины книг, не только детективы, есть документалистика, историческая публицистика. Из последних – биография Евгения Примакова и книга «Председатели КГБ».

Первая моя книжка, детективная повесть «Хризантема еще не расцвела», вышла, когда я закончил журфак. Ее напечатали в двух номерах журнала «Знамя», я страшно гордился. Владимир Цветов, который тогда работал в Японии, прислал мне вырезку из одной токийской газеты – она до сих пор у меня хранится. Там было написано: «В Москве напечатана повесть «Хризантема...». Автора мы не знаем, но очевидно, что он долго жил в Стране восходящего солнца и является ее знатоком». Было так смешно – в Японии я тогда не бывал.

- Сегодня в Японию съездить проще, чем в те годы, когда вышла ваша первая книга...

- Да сложнее! Куда я поеду, если каждый день на экране? А хочется безумно. Я много раз бывал в Японии – и как переводчик, и как журналист. Это просто праздник души! Все, что есть в других странах по отдельности, в Японии можно найти собранным вместе. Там вершина технологической мысли соединена с азиатской тонкостью. Я от Японии, как сейчас говорят, тащусь. Мне нужно было родиться японцем.

- Сырую рыбу едите?

- Обожаю! Мы с министром иностранным

ых дел, Игорем Ивановым, которого снимали для «Особой папки», ездили в Нью-Йорк, на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Я замучил всю делегацию тем, что все время тянул в японские рестораны. Мне говорят: «Ну, хватит, сходили пару раз, достаточно!» А я мечтал круглые сутки питаться японскими блюдами.

- Вы написали столько детективов, а сами попадали ну хоть в сколько-нибудь криминальную ситуацию?

- И даже не сколько-нибудь, а вполне криминальную. Во время одной командировки в Южную Корею меня хотели завербовать в шпионы. Как-то позвонили в гостиницу, где я остановился, и говорят: «Господин Млечин, мы сейчас поднимемся к вам в номер. А потом вместе пойдем в ресторан, там и девочки будут». Отвечаю: «Хорошо, конечно, но лучше бы сразу в ресторан, и без вас...»

Интервью с Л. Млечиным в программе «Особое мнение»

А.ПЛЮЩЕВ – Здравствуйте, это программа «Особое мнение», меня зовут Александр Плющев. В гостях сегодня историк и журналист Леонид Млечин. Добрый вечер, Леонид Александрович!

Л.МЛЕЧИН – Добрый вечер! Отдыхали, а тут столько дел было! Чуть не пропустили...

А.ПЛЮЩЕВ – Дел в прямом и переносном смысле этого слова.

Л.МЛЕЧИН – У нас это совместимо теперь часто.

А.ПЛЮЩЕВ – Я заранее прошу, может быть, извинения перед нашими радиослушателями и телезрителями за то, что, может быть, сегодняшняя наша программа будет в чем-то

слишком абсурдной, но сегодня такие новости – ничего не поделаешь. Мы только что обсуждали с Леонидом Михайловичем и как-то давненько не припомним. Там вот, начнем с вашего, во-первых, вопроса.

Л.МЛЕЧИН – Тут даже не +16 а выше.

А.ПЛЮЩЕВ – Там я не знаю насчет возрастных ограничений, но просто такое впечатление, что те, кто делает новости, их облучили соседи. И результат этого налицо, сейчас мы это обсудим. Начнем с тех вопросов, которые были заданы на сайт. Вопросы можно задавать также по телефону для sms в эфир: +7 (985) 970 45 45. Вопрос первый очень простой: «Вы уже определились, за кого будете голосовать на выборах мэра Москвы?», - спрашивает Андрейка71.

Л.МЛЕЧИН – Я определился. И думаю, что определилось и значительная часть москвичей, потому что я не вижу конкурентов Сергей Семеновичу Собянину. Я скажу о своем личном, я социологический опрос не проводил. Я дважды его наблюдал при небольшом стечении людей. Один раз небольшое было журналистское совещание, другой раз он был у нас в гостях, в компании по случаю юбилея и тут даже поговорить удалось. И мне очень понравился. Я говорю искренне, может быть, не так много политиков видел, я в основном, с мертвыми клиентами работаю. Он очень хорошо говорил – у него такое замечательное чувство юмора – коротко, четко и ясно. У меня был к нему вопрос. Сейчас же все спрашивают про пробки, а же пешеход, у меня водительских прав нет. И я ему говорю: «Вот, вас тут все про пробки, про автомобили, а можно я, как пешеход и коренной москвич спрошу, а, что делается для того, чтобы по Москве можно было гулять, потому что я, действительно, очень люблю ходить по Москве. Он сказал: «Леонид Михайлович, не беспокойтесь – действительно, делаем». И не обманул меня!

А.ПЛЮЩЕВ – Положил плитку.

Л.МЛЕЧИН – Создаются пешеходные зоны в Москве. Таким образом, мой личный избирательский наказ Сергей Семенович уже выполнил, так что, я за него.

А.ПЛЮЩЕВ – Много спрашивают, разумеется, о Навальном, потому что событий вокруг него происшедших – как вы выразились, дел – тоже было немало, и вот, спрашивают: «На ваш взгляд, освобождение Навального, это результат стихийного митинга на Манежке или тонкая игра кремлевских кукловодов?» Или спрашивают: «Практически, все прокремлевские посетители сайта «Эхо Москвы» в один голос утверждают, что Алексей Навальный – это агент Кремля, мирового сионизма и международного империализма. Ваше мнение?» - вот, об этом давайте поговорим.

Л.МЛЕЧИН – Думаю, что он точно ничей не агент.

А.ПЛЮЩЕВ – Вы уверены?

Л.МЛЕЧИН – На самом деле, как человек, который начинал профессиональную жизнь с написания шпионских романов, скажу, что шпионов в жизни значительно меньше, чем можно предположить, читая романы, в частности, мои или смотря телевизор. Кстати, он, когда приезжал Навальный – я очень внимательно следил за...

А.ПЛЮЩЕВ – Тоже к вам на телекомпанию?

Л.МЛЕЧИН – Нет-нет! «Эхо Москвы» его показывало. Ваши коллеги отработали это событие, совершенно, замечательно – можно все было услышать в прямом эфире. И, когда он возвращался в Москву из Кирова, где его судят, тут появилось сообщение, что

бомба заложена, потом сказали, что бомбы нет. На самом деле сообщение было точным – он на самом деле «бомба», конечно. Непонятно, каков тротиловый эквивалент, взорвется она или не взорвется, но в какой-то степени он – бомба, не агент точно. Но, вы знаете, что меня больше всего волнует и интересует в связи с этим делом. Вот, два дела. В США возник такой спор серьезный вокруг истории с оправданием человека, который, как он утверждал, в целях самообороны застрелил подростка; а у нас обвинили предпринимателя тогда Навального в том, что он путем жульнических махинаций что-то украл.

А.ПЛЮЩЕВ – Да он даже и не предприниматель был. Он советником работал на общественных началах у губернатора.

Л.МЛЕЧИН – Обвинили в том, что он занимался предпринимательской деятельностью в тот момент. И вот, эти два процесса – они так наглядно демонстрируют разницу не только в юридических системах, но и в мировосприятии. Вот, что произошло на процессе в соединенных штатах, если вдуматься? Притом, когда Циммерман выстрелил в этого темнокожего юношу, никто не присутствовал. Не было, вообще, ни одного свидетеля, не было никаких записей на камерах. Это то, что произошло между ними. В зале суда в Соединенных Штатах никто не исходит из того, что – кстати, суд присяжных рассматривал – некая высшая истина им откроется. Американский суд построен строго на конкуренции двух мнений: обвинения и защиты. И чьи аргументы будут более убедительны, тот и победит вне зависимости от того, как было на самом деле. Нам это очень важно понять.

Это классический случай: мы не знаем, как было на самом деле, и не узнаем уже никогда, потому что один из них уже мертв. И мы располагаем версией только второго человека, и некими косвенными доказательствами, которые в этом судебном процессе возникли. Что произошло? Сторона защиты, которая защищала человека, застрелившего темнокожего юношу, продемонстрировала блистательную работу. Там все было лучше, чем у обвинения. Они привели, например, одного из самых знаменитых судебных медиков, прекрасно говорящего, который описал, как плохо, как ужасно выглядел Циммерман после столкновения с юношей. Он так это описал, что произвел впечатление на присяжных. А судебный эксперт со стороны обвинения, который описывал, как выглядел юноша, убитый из стрелкового оружия, говорил очень плохо и не произвел никакого впечатления. То есть, в судебном процессе победила та сторона, которая была убедительней, красноречивее и понятнее. И присяжные, перед которыми был поставлен вопрос, убил ли этот человек, свершил ли он убийство? – ответили: «Нет, не свершил», потому что никто не убедил их в том, что он совершил убийство. Это одно понимание о разрешении конфликтов, в которых мы участвуем.

Теперь посмотрим, что происходило в Кирове, в зале заседания. Во-первых, там не было присяжных, там был только один судья. Давайте сформулируем так: Доказательства, представленные обвинением не произвели впечатление убедительных. Если бы там сидели присяжные, которым задали бы вопрос: «Представленные доказательства свидетельствуют о том, что обвиняемые совершили...?», они бы ответили 100% - нет, вне зависимости от того, как это произошло. Доказательство, представленные обвинением – то, как сторона обвинения это делала – было крайне неубедительно. Но присяжных не было, а судья, находящийся там, исходил из того, что он творит высшую справедливость, и

тот, кто сидит на скамье подсудимых, он, конечно же, виновен. А, как же может быть иначе, если люди, его коллеги – следователи, прокуроры столько времени занимались этим делом – что же они невиновного посадят на скамью подсудимых? Конечно, виновен, и с чистой душой счел его виновным.

Эта разница в восприятии. В одной традиции есть понимание, что только всевышнему известно, что и как произошло, а на земле надо представлять доказательства. У кого больше доказательств, тот и прав. В нашем восприятии все по-другому: есть некое высшее лицо – кто угодно, от царя, президента до губернатора и судьи – которое – как бы внутреннее видение – изначально определяет: этот виновен, а этот не виновен. И мы так живем, и это очень важно. Это очень важно осознать. Отсюда у нас много проблем, связанных не только с тем, что у нас никого, практически, не оправдывают, но и в том, что эта система устраивает людей. Ведь, почему это сохраняется? Потому что это в целом устраивает людей. Люди не привыкли к тому, что надо сесть, изложить аргументы и, кто убедительней – тот и прав; а привыкли к тому, что некто, кто почему-то наделен этой высшей властью – внутренним зрением или еще чем-то посланец высшей справедливости – он это решит. Это очень важная вещь. Вот из сравнения этих двух процессов следует очень важный вывод, который нам надо понять, и это поможет нам разобраться, как мы живем. Извините, что я очень долго отвечал.

А.ПЛЮЩЕВ – А Навальный-то кто в этом? Спрашивали про него, в общем, и его освобождение... Я могу повторить на всякий случай...

Л.МЛЕЧИН – Нет, это другой вопрос. На самом деле то, что мы обсуждали, значительно важнее.

А.ПЛЮЩЕВ – И, слава богу, что мы проговорили...

Л.МЛЕЧИН – Не могу себе представить, что он чей-то агент – это, по-моему, смешно. Это человек, твердо решивший утвердить себя в политике. Я говорю, что он был бы, в том смысле, что он необычное явление для нашей политической жизни.

А.ПЛЮЩЕВ – Ну, за последние 10-15 лет...

Л.МЛЕЧИН – Да, не 10 – значительно больше. Людей с таким твердым внутренним мессианским убеждением... - они, вообще, бывают очень редки. Я думаю, что со времен гражданской войны у нас таких персонажей в политике не было, насколько можно наблюдать. Почему его освободили – за как раз, у вас на радио обсуждалось очень хорошо, и, по-моему, очень точно. Потому что его отсутствие на выборах Москвы было бы очень негативно, ну просто очень негативно...

А.ПЛЮЩЕВ – Слушайте, но раньше, до этого отсутствие не только Навального, но и, бог знает, какого количества персонажей проглатывали – вообще, никто.... Ну, сидели так... - обсуждали при камельке...

Л.МЛЕЧИН – А, потому, что эти выборы Сергей Семенович Собянин хочет организовать так, как он считает нужным, и приложил к этому явно очень много сил, что очень в его пользу – еще раз замечу. Возможно, мы не знаем еще чего-то. Ведь, мы можем судить, что называется, по тому, что всплывает на поверхность.

А.ПЛЮЩЕВ – Что такого изменилось в жизни, что теперь начальников стали честно избирать, ну, или хотя бы делать видимость выборов.

Л.МЛЕЧИН – Понимаете, все люди разные. Одни хотят так, а другие хотят сделать вот, так.

А.ПЛЮЩЕВ – То есть, это уникальный, по вашему мнению, случай или там, редкий, и это не система, а скорее исключение – я сделал вывод из ваших слов – которому мы обязаны личности Сергея Собянина?

Л.МЛЕЧИН – Это явно не система, потому что значительно проще сегодняшнему политику организовать свое назначение сверху, он привычен – это первое. Второе: Как правило, нынешние люди, занимающие политические должности, вообще, не имеют никакого политического опыта, не знают, что такое реальные выборы, боятся их внутренне смертельно, даже, если у них есть шансы выиграть. К Собянину это не относится – у него есть и опыт и уверенность в том, что он победит.

А.ПЛЮЩЕВ – Вы будете за него голосовать. Значит ли это, что вы и «Единую Россию», которую он представляет, поддерживаете?

Л.МЛЕЧИН – Сейчас нет голосования за «Единую Россию».

А.ПЛЮЩЕВ – Нет, конечно, нет.

Л.МЛЕЧИН – Вот, когда будет, тогда обсудим.

А.ПЛЮЩЕВ – Но, он же в партии. Ведь, когда голосуют за Навального, вспоминают, ходил – не ходил на «Русские марши», националист – не националист и так далее. Видимо есть какое-то отношение к «Единой России» и самое прямое у Сергея Собянина.

Л.МЛЕЧИН – Я думаю, что большинство москвичей будет голосовать за него, как за человека. И в данном случае, он, кстати говоря, не выдвигался от партии – прошу обратить внимание. Он сам выдвинулся – это очень важно. Потому что, именно, в таком качестве за него абсолютно большинство москвичей.

А.ПЛЮЩЕВ – А, как вы думаете, губернаторы, которые выдвигаются не от «Единой России», как самовыдвиженцы или, может быть, от «Народного фронта», они, почему это делают?

Л.МЛЕЧИН – Тут, наверное, разные случаи. Я полагаю, что есть люди, которые лучше следят за текущей политической. Вы же знаете – я в прошлом, и, поскольку речь о Москве...

А.ПЛЮЩЕВ – Случайно оказался в настоящем...

Л.МЛЕЧИН – Поскольку я в Москве живу, мне все это безразлично. Думаю, что там другие, чисто прагматические вещи имеют значение, поскольку во многих регионах за «Единую Россию» плохо очень голосовали. «Народный фронт» - новое политическое образование, к нему негативной коннотации, как говорят умные люди, не имеют. Наверное, с этим связано.

А.ПЛЮЩЕВ – Сегодня вдруг такой неожиданный... - ну, вчера это началось – неожиданно была поднята тема... Нас, знаете, укоряют, почему мы много говорим о гомосексуализме, о пропаганде однополых браках... Вообще, молчали. Вообще, сидели, молчали. И вдруг, вчера патриарх Московский и Всея Руси Кирилл после службы сказал, что однополые браки..., легализация однополых браков приближает конец света – ну, это вольное изложение – «апокалиптический признак» - было так сказано. Это можно было оставить без внимания, если бы тему не подхватил Никита Михалков – глава Союза журналистов России. И, выступая на мастер-классе в летней академии, он сказал, что однополые браки вредят кинематографу. Потом он расширил, так сказать, вред, ущерб этот и сказал, что узаконивание однополых браков ведет к истреблению человечества. Я даже не хочу

сейчас обсуждать, собственно, ведет – не ведет, к геенне не к геенне... вдруг, два человека, которых, собственно, за язык никто не тянул – я не знаю, у Михалкова спрашивали или нет, тут не говорится в сообщении – а вот, патриарха точно. Неожиданно поднимают тему однополых браков, легализация которых нашей стране в ближайшее время очевидно не грозит, совершенно очевидно. Почему? Что? Может, нас просто отвлекают от какой-нибудь темы ЖКХ или от чего-нибудь еще? Леонид Михайлович, просветите!

Л.МЛЕЧИН – Я прожил на свете 56 лет. За эти 56 лет я никогда так часто не принужден был думать на темы нетрадиционных сексуальных отношений, как последние месяцы, когда это почему-то оказалось в центре просто общественно-политической жизни страны. 56 лет прожил – ну, достаточно – никогда, почти никогда с этим не сталкивался. Я, вообще, не считаю, что эта тема имеет для нашей страны сколько-нибудь серьезное значение. Мне кажется, что борьба с мифическим противником – потому что, никто у нас, практически, о легализации однополых браков не говорит, гей движения у нас, собственно говоря, не очень заметны, я, во всяком случае, не замечаю – это просто один из опорных пунктов в той идеологической борьбе, которая происходит у нас в стране. Довольно серьезные силы пытаются создать себе некий идеологический базис для самоутверждения, для самоутверждения в жизни, для получения доли во власти и так далее.

Таких пунктов, на которые можно опираться, не много. Вот, борьба с гомосексуализмом, с пропагандой гомосексуализма, с однополыми браками – практически, идеальная площадка, потому что люди с этим обычно не сталкиваются, личного отношения нет. Они готовы считать, что это что-то чудовищное, с которым надо бороться. Тем более, однозначно, что это связано с западом, с греховным, ужасным, агрессивным – это, практически, идеальная площадка для такой идеологической атаки с целью захватить как можно больше плацдарма. Ничего другого я себе представить не могу, потому что из всех проблем, стоящих перед Российской Федерацией, перед нашим народом – эта точно не стоит! Вот, у нас есть множество острейших, сложнейших проблем, сотрясающих страну и грозящих нам серьезными опасностями. Вот, проблема мигрантов – она серьезная, она реальная. Эта – точно нет, поэтому ничего, кроме желания использовать эту площадку для обретения идеологических очков и так далее, я не вижу.

А.ПЛЮЩЕВ – Ну, а теперь, обещанный абсурд. Я, честно говоря, думал, что заголовки типа: «Пингвины-гомосексуалисты терроризируют Палестину», бывают только в спектакле «День радио». Заголовок, агентство «Интерфакс», сегодня: «Суд над гражданами Нидерландов, нарушившими в Заполярье закон о запрете пропаганды гомосексуализма перенесли». Ну, нам не важно, собственно, перенесли, не перенесли – в следующий раз обсудим. Но у вас не возникает ощущения некой уже совсем абсурдности происходящего? Граждане Нидерландов в Заполярье нарушили закон о запрете пропаганды гомосексуализма, и суд перенесли.

Л.МЛЕЧИН – Александр, это не абсурдно, это трагическое сообщение. Дело вот, в чем. Там в Заполярье есть у людей проблемы, а заняты вот, этим вот. Катастрофа.

А.ПЛЮЩЕВ – Приехали люди из Голландии – и ну, агитировать!

Л.МЛЕЧИН – Какие-то люди из Голландии, что они там...? Можно представить, что он обсуждали, в кафе сидели... - я даже просто не знаю.

Л.МЛЕЧИН – Ну, да – примерно так оно и было.

Л.МЛЕЧИН – Есть масса людей не занятых делом, и они увидели колоссальную возможность проявить себя, доложить начальству, что «мы тут на страже традиционных ценностей, спасаем Россию от врага». И это, по существу, трагедия, потому что, во-первых, свободные руки не заняты делом настоящим, а, во-вторых, они других людей отвлекают от реальных дел и общество в целом от решения тех проблем, которые у нас стоят, которые надо бы решать, вообще-то.

А.ПЛЮЩЕВ – Леонид Млечин у нас в эфире. Напоминаю, что телефон для sms в эфир: +7 (985) 970 45 45. У вас спрашивают – наверняка затрагивались эти темы в предыдущих программах «Особое мнение», но не грех вернуться, тем более, что можно несколько отстраненно поговорить об этом. События в Пугачева – это крах национальной политики Кремля?

Л.МЛЕЧИН – Нет. Это никакого отношения.... Во-первых, нет никакой национальной политики Кремля – давайте сформулируем это ясно. На самом деле никакой национальной политики на территории нашей страны лет 80 точно, как нет. Была некая национальная политик у большевиков по началу, потом она закончилась. Никакой национальной политики нет, потому что никто ее не вырабатывает. Чтобы вырабатывать национальную политику, нужно собрать специалистов по этим проблемам. Они есть, их немного, но они есть. Их надо собрать, дать возможность им поработать не один день – как у нас принято, за один день обычно закон готовится, принимается – и не месяц, а годы. Дать им возможность поработать, придумывая варианты колоссальной программы того, как надо действовать. Проблема у нас в этом смысле, серьезная существует, поэтому никакой национальной политики нет, а те скороспелые документы, которые время от времени принимаются, никак не реализуются, потому что не имеют отношения к реальности.

А.ПЛЮЩЕВ – Я бы по-другому вопрос поставил, но его ставит Владимир, который прислал вопрос: «В России, - говорит он, правда, даже не задавая вопрос, - нужно бороться не гомосексуализмом, а с алкоголизмом!» Там, как раз, в Пугачеве – много сегодня газеты пишут – местные жители обратились с просьбой продлить сухой закон, мораторий на продажу спиртного, который ввели после случившегося. Может, это поможет? Может, вообще, повсеместно – и будет все хорошо?

Л.МЛЕЧИН – Вас удивит, но я не противник сухого закона. Я человек не пьющий...

А.ПЛЮЩЕВ – Да, не пьющий, без автомобиля, пешеход...

Л.МЛЕЧИН – Ничего страшного, все, как бы, неплохо. Поэтому ничего дурного я в этом не вижу. А ограничение продажи спиртного, это точно пошло бы на благо. Просто у нас, понимаете, все решения принимаются невероятно примитивно. Вот, на моих глазах – человеку нужен 70% медицинский спирт для промывки ран, но в аптеках его больше не продают, потому что его раньше покупали алкоголики. Вместо того, чтобы повысить цену или еще чего-то сделать – его просто изъяли, и теперь человек не может получить медицинского спирта, а алкоголя – сколько хочешь, дешевого! Все решения, которые принимаются у нас в стране, особенно последнее время, носят невероятно примитивный характер. Ты иногда думаешь, может, это сознательно? Нет, к сожалению, управляющий слой у нас сейчас таков – его интеллектуальный уровень – что, ничего кроме

примитивного, непродуманного и скороспелого предложить не может.

А.ПЛЮЩЕВ – Продуманно и не скороспело продолжим с Леонидом Млечиным через пару минут после новостей и рекламы.

А.ПЛЮЩЕВ – Меня зовут Александр Плющев, мы продолжаем программу «Особое мнение» с Леонидом Млечиным, и вот, за несколько часов до нашей программы приговоры вынесли бывшему губернатору Тульской области Вячеславу Дудке – там взятка инкриминирована ему 40 миллионов, было несколько человек, фигурантов этого дела. И он получил 9 с половиной лет строго режима. Может быть, у нас как-то стали бороться с коррупцией реально. Ну, 9 с половиной лет – это очень много – строгого режима реально бывшему губернатору. Может, это сигнал?

А.ПЛЮЩЕВ – Есть люди, которые профессионально занимаются изучением борьбы с коррупцией. Я представляю себе так, что наиглавнейшим является устранение условий, при которых могут возникнуть коррупционные отношения. Вот, сейчас с изумлением вскрывают все новые дела, скажем, по министерству обороны и все изумляются, а никто не думает, а каким образом это все могло происходить на протяжении достаточно количества времени. Нет никакой системы, которая этому препятствует, а наоборот, существующая система это все порождает. Поэтому, тут дело не только в том, чтобы наказать взяточника, а даже совсем не в этом дело – ну, одного человек наказать, двоих, троих..., - а, для того, чтобы планомерно создавать условия для того, чтобы этого просто не происходило – это важнее всего. А в этом направлении, как раз, по-моему, ничего и не делается. Потому что, какие условия для коррупции самого чиновника? Закрытость, отсутствие контроля и так далее – все понятные вещи, – и это порождает, конечно, коррупцию и будет порождать, вне зависимости от того, наказали кого-то или нет. Такого еще не было в истории криминалистики, в истории, криминологии, чтобы суровость наказания каким бы то ни было образом, влияло на сокращение преступности. Расстрел коррупционера вовсе не будет означать, что люди перестанут заниматься этим всем, совершенно не будет означать. Просто, поскольку мы это не изучаем, а руководствуемся эмоциями, то «Да! Расстрелять их всех!»

А.ПЛЮЩЕВ – Вот, в Китае периодически...

Л.МЛЕЧИН – Никак это не влияет на уровень коррупции в Китае, который очень высок, несмотря на все попытки китайского руководства от этого избавиться, потому что существующая там бюрократическая система неизбежно порождает коррупционные отношения. Там тоже все еще сохраняется компартия, значит, определенное всевластие чиновника, от которого зависит бизнесмен, и все – это автоматически порождает коррупцию. У нас тоже это примерно так. У нас не партийные чиновники, а какие-то другие, но от них очень много, чего зависит. У нас устанавливаются эти порочные отношения. Если мы хотим от них избавиться, то надо об этом думать. Но, я не думаю, что общество в целом хочет избавиться от коррупции. Оно привыкло к этому, мы к этому привыкли, мы находим в коррупции позитивные стороны, потому что ну, как – ты сидишь в офисе, там свой человек – ты без очереди прошел. Ну, я самое простое называю: «всем нельзя, а мне можно» ну, и так далее. Это создает определенную систему отношений, в которой мы привыкли жить, и, в общем, нормально, более-менее комфортно. Конечно, когда другой проходит вперед тебя, очень обидно, но ты думаешь не о том, что надо

систему остановить, ты думаешь о том, что с этим чиновником надо тебе лучше договориться, чем этот человек, и ты будешь проходить первым. Так у нас традиции. Вопрос о традиционных ценностях.

А.ПЛЮЩЕВ – То есть, люди сами виноваты, мы?

Л.МЛЕЧИН – Ну, знаете, что раньше – яйцо или курица? – это сложно. Так исторически сложилось. Просто не надо забывать, что представления людей о жизни, такие традиции, культурные матрицы – они меняются очень медленно, поэтому борьбы с коррупцией никакой настоящей нет и быть не может.

А.ПЛЮЩЕВ – Тогда о международной политике, о международных отношениях. МВД России выступил с заявлением, в котором сказал, что неприемлема практика США по целенаправленному игнорированию запросов России по выдаче опасных преступников. Все это происходит на фоне, сидящего в аэропорту «Шереметьево» Сноудена – ну, вроде бы сидящего, и вроде бы в аэропорт, и вроде бы в «Шереметьево», и вроде бы Сноудена...

Л.МЛЕЧИН – Если бы не Сноуден да Навальный, что бы мы тут, вообще, делали эти летние месяцы? Со скуки бы умерли. Эти два человека просто спасли нас.

А.ПЛЮЩЕВ – На одном алкоголизме как-то выезжать бы пришлось! «Совершенно, целенаправленно игнорирует запросы, говорится в этом заявлении. В частности, называются фамилии Ильяса Ахмадова, лидера террористического банд-подполья, - цитирую я агентство «Интерфакс» и заявление МВД, - а также опасного преступника Тамаза Налбандова. 10 лет их требуем, а их нам не выдают». Дальше цитирую сообщение: «Литовский суд решил выдать подозреваемого в торговле оружием россиянина Устинова Соединенным Штатам. Он подозревается, - подозревается только, - в экспорте оборудования, которое значится в перечне вооружений США». И еще у нас есть Сноуден заодно. Получается, нам не выдают тех, кого мы требуем, наших выдают, а Сноуден, вообще, непонятно, где болтается.

Л.МЛЕЧИН – Это на самом деле многослойный вопрос, как, знаете, был такой мармелад многоцветный – я в детстве очень любил.... Если говорить о европейских странах, к которым наша прокуратура очень часто обращается с требованием о выдаче, то они очень редко выдают, потому что представленные документы, как правило, на очень плохом уровне исполнены, невероятно неубедительны. Я помню, что Невзлина пытались из Израиля получить, но те документы, которые были отправлены и отвергнуты судом, как просто, совершенно, не годящиеся. Таков уровень работы у нас, к сожалению, прокурорских работников, что те обращения – они не выдерживают критического рассмотрения в реальном суде. Что касается Соединенных Штатов, то там сложнее – у нас нет соглашения с США о выдаче. Думаю, что США сознательно этого не хотят, потому что, как правило, к ним бежали люди, которые не в уголовных преступлениях обвинялись, а в чем-то другом. Но они попали там в ловушку тоже, как и в Европе, потому что и в Северную Америку, и в Западную Европу бежало немалое число людей с Кавказа, которые частично – не все, естественно – причастны, конечно, у нас в уголовным преступлениям. Они попали в удачную для них волну.

А.ПЛЮЩЕВ – А некоторые и террористами оказались.

Л.МЛЕЧИН – Совершенно верно, они попали в эту удачную волну. Тут проблема, я думаю,

главная состоит в том, что пока не изменится уровень работы нашей прокуратуры, пока она не станет настолько профессиональной, что представленные ею требования о выдаче будут рассматриваться всерьез, пока этого не произойдет, никаких перемен в этом смысле не произойдет.

А.ПЛЮЩЕВ – Прошу прощения за то, что прерываю – это к тому же, что мы говорили – о двух судах...

Л.МЛЕЧИН – Конечно. Понимаете, наша прокуратура привыкла работать с судьей, который заранее согласен с обвинением, потому что он и служил недавно прокуратуре, и сам то же самое считает – нет проблем. А, когда надо работать, когда надо убедить в чем-то, выясняется, что не готовы – это, к сожалению, реальность сегодняшнего дня. А, что касается Сноудена, то выдача его сейчас становится невозможной. Просто этого невозможно, потому что он попросил политического убежища в стране. Отказать ему нет оснований. Он не уголовный преступник в прямом понимании этого слова. Я не большой его поклонник, я с самого начала говорил, что надо было поступить как китайцы – избавились от неприятной истории. Но, раз уж так произошло – неважно уже теперь по чьей вине и так далее – его уже нельзя выдать, он попросил политического убежища. Отказать в политическом убежище человеку, не совершившему уголовного преступления, в общем, нельзя. И, знаете, появляются разговоры: «Давайте мы его поменяем на кого-то, кто сидит в американской тюрьме...» - это делать нельзя ни в коем случае. Он не осужденный преступник – он человек, попросивший политического убежища. Нравится нам – не нравится, поддерживаем мы его – не поддерживаем – теперь его нельзя выдать на самом деле. Надо было избежать этой проблемы. Вот, не хватило, на мой взгляд, дальновидности.

А.ПЛЮЩЕВ – «Обама приедет теперь из-за Сноудена или нет?», - интересуется наш радиослушатель.

Л.МЛЕЧИН – На сегодняшний момент видно, что это элемент давления. Причем, он очень серьезный. Он приедет на «двадцатку» в Питер точно. Но имелось в виду, что он приедет чуть раньше, на переговоры с нашим президентом. Отказ приехать на переговоры будет очень неприятным. Решение, надо понимать, не принято, но сегодня американские представители отказываются обсуждать вопросы о его приезде на переговоры двусторонние. Это очень серьезное давление и очень неприятное. Это серьезная история.

А.ПЛЮЩЕВ – Последний вопрос. Возвращаемся в Россию, я бы сказал, в Москву, на какой-нибудь из вокзалов. Сегодня поступил ответ от железнодорожников на запрос Сергея Капкова, исполняющего обязанности главы столичного департамента культуры, который выступил с идеей отменить песню Олега Газманова «Москва», которой на столичных вокзалах встречают поезда. Он либо заменить предлагал, либо совсем ее убрать. На страничке в Фейсбуке ООО «РЖД» - не где-нибудь – написали, что «нет, не будем мы так делать». Вам как – нравится? Вы приезжали под песню «Москва! Звенят колокола...»?

Л.МЛЕЧИН – Я приезжал в Москву, мне эта песня, в принципе, нравится. Я ничего дурного в ней, честно говоря, не вижу. Меня смущало другое: ты там выходишь на вокзал – жуткие объявления в приказном стиле «не делать то, не делать этого» - вот, от этого надо отказаться. Как будто ты в лагерь приехал и тебе объясняют правила поведения: «не плюй!», «не стой...!» Ну, зачем это произносить громко? Вот, этого не надо делать, а

музыка, что ж – хорошая звучит, радостная. Когда утром приезжаешь...

А.ПЛЮЩЕВ – Может, это в рамках ассимиляции гостей столицы – я не знаю, делать?

Л.МЛЕЧИН – Нет, вот этим не надо сейчас заниматься. Хорошая, веселая музыка еще никому не повредила.

А.ПЛЮЩЕВ – Леонид Млечин был сегодня героем программы «Особое мнение», меня зовут Александр Плющев. Спасибо и до свидания!¹⁷⁴

«Если бы не Сталин, Израиль мог не появиться на карте мира»¹⁷⁵

Гость «КП» приоткрыл малоизвестные страницы отношений СССР и еврейского государства

Ровно 37 лет назад, 6 октября 1973 года, в самый священный для евреев день Йом Киппур (Судный день) в воздушное пространство Израиля вторглись 200 египетских и сирийских самолетов. Так началась война Судного дня, которая чуть было не поставила крест на существовании Израиля.

Впрочем, через 2 недели Израиль сумел одержать победу, вызвавшую в очередной раз решительное осуждение израильской военщины со стороны СССР. Но, оказывается, плохими отношениями между нашими странами были не всегда. Практически неизвестные страницы истории на радио «КП» приоткрыл известный историк, писатель и телеведущий Леонид Млечин.

Лучший друг евреев всего мира

Гришин:

- Леонид Михайлович, мы привыкли считать Израиль традиционным союзником США чуть ли не с момента зарождения еврейского государства. А, оказывается первым его суверенитет признал именно СССР. Как же это так получилось?

Млечин:

- Это совершенно фантастическая история. Думаю, что без Сталина еврейское государство в Палестине могло бы не появиться. То, что мы знаем сейчас, - это результат уже позднего переписывания истории. А история реальная состояла в том, что Соединенные Штаты в общем были против создания еврейского государства. Госсекретарь США Джордж Маршал, сказал президенту Трумэну, что, если тот будет настаивать на создании еврейского государства в Палестине, то он уйдет в отставку. Из всех великих держав в 47-48-м годах, когда решался вопрос о Палестине, не было лучшего друга у сионистов, чем Сталин. И именно Сталин сделал все, чтобы еврейского государства в Палестине появилось. Сталин располагал тогда в Организации Объединенных Наций пятью голосами, что было очень важно – тогда всего-то пять десятков стран входило в ООН, а у него было пять голосов – Югославия и Польша и, кроме того, помимо голоса Советского Союза, были еще и голоса Белоруссии и Украины. Идея раздела Палестины и создания там двух государств – палестинских арабов и палестинских евреев – Советским Союзом просто

¹⁷⁴ <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1119676-echo/>

¹⁷⁵ <http://www.kp.ru/daily/24570/742265/>

пропагандировалось. Тогдашний представитель СССР в ООН и будущий наш многолетний министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко произнес две речи, потрясшие мир. Он обосновал лучше любых сионистов право евреев на создание государства в Палестине. И это произвело такое сильное впечатление, что Трумэн решил, ну, уже если Сталин хочет, чтобы там появилось государство, тогда и мне придется поддержать. Англия была решительно против раздела Палестины и создания там еврейского государства, а Франция не участвовала после тяжелой войны в крупных политических дебатах. И в ноябре 1947 года ООН проголосовала за создание двух государств в Палестине — арабского и еврейского.

Гришин:

- Мало кто сейчас помнит или знает, но ведь англичане после войны буквально истребляли отряды еврейского сопротивления и были на стороне арабов, хотя евреи боролись против фашизма, а арабские режимы частенько являлись союзникам Гитлера. Алогично получается, не находите, Леонид Михайлович?

Млечин:

- Англичане сделали более страшную вещь. Они перед началом второй мировой войны ограничили эмиграцию евреев в Палестину. Если бы они не запретили евреям переселяться в Палестину, очень многие евреи, которые потом погибли в нацистских концлагерях, могли бы спастись и обосноваться в Палестине. И после второй мировой войны, когда на просторах разрушенной Европы оказались сотни тысяч евреев, не имевших вообще никакой возможности куда-то деться – города были уничтожены, дома были уничтожены, они боялись жить рядом с людьми, которые только что выдавали их немцам, и они металась по Европе. А англичане не давали им вернуться. Почему? Англичане, как и американцы, в ту пору ориентировались на нефть. Министр обороны США Форестер говорил – надо держаться ближе к нефти.

Гришин:

- То есть, к арабам, да?

Млечин:

- Конечно. Вся нефть в руках арабов, значит, нам надо ориентироваться на арабов. Такова была линия Великобритании. Арабов – много, евреев – мало, надо иметь дело с большинством. И такова была позиция и абсолютного большинства американского истеблишмента. Кроме, пожалуй, президента Трумэна, человека очень религиозного, набожного, для которого, как, кстати, и для британских политиков начала века, идеи библейские о возвращении евреев в Палестину имели смысл реальный. Но прагматично мыслящие британские политики и еще более прагматичные американские были против. И только Сталин, самым железным образом поддержавший идею раздела Палестины на два государства, помог Израилю появиться. Просто в силу того, что в советские времена наша история переписывалась и искажалась, никто об этом не знал и никому это в голову не приходило.

Гришин:

- А почему британцы так вольно распоряжались Палестиной, кто их наделил такими хозяйскими правами – пускать или не пускать?

Млечин:

- Англия после первой мировой войны получила мандат на управление Палестиной от Лиги Наций. Причем, в мандат было вписано, что они обязаны создать там национальный очаг для еврейского народа. Никто не понимал, что это такое, но они должны были создать все условия для того, чтобы евреи могли вернуться в Палестину, как о том мечтали все сионисты. Кстати сказать, слово «сионист» всегда понимается бранным образом и неправильно. Сионист – это еврей, который считает, что евреи должны жить не там, где они оказались, а в Палестине – вернуться и жить там. Но англичане нарушили свой мандат.

Плацдарм Советского Союза?

Гришин:

- Там ведь сразу же война началась. 14 мая 1948-го Бен-Гурион провозгласил создание Израиля как государства. 15 мая Великобритания закончила вывод своих войск, кстати, мандат истек только в августе, и в тот же день пять арабских стран объявили войну и напали на Израиль. Как он смог выстоять и даже победить, ведь ни армии не было, ни оружия?

Млечин:

- Как выстояли евреи – трудно сказать. Я думаю, что это была первая за две тысячи лет возможность защищать свою землю и они просто были готовы умереть и они умирали. И защищали. А наступавшие арабские армии не знали, зачем они туда идут. Захватническая миссия никогда не возбуждает солдат. Но это одна сторона. К тому же среди евреев было очень много бойцов, которые имели боевой опыт и воевали с немцами. А насчет оружия вы не правы. Они его получили

Гришин:

- Откуда? Неужели тоже от Иосифа Виссарионовича?

Млечин:

- Именно! От Советского Союза, через Чехословакию. Это было трофейное немецкое оружие. Советское нельзя было поставлять из-за эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток. Правда, Великобритания его не соблюдала и поставляла оружие арабским армиям. Но все остальные не имели права поставлять. И через Чехословакию, где находилось социалистическое правительство Бенеша, с аэродромов, тайно, самолетами, частные авиакомпании, которые пилотировали американские летчики-евреи, участники войны, перевозили оружие в Палестину. Соединенные Штаты лишали паспортов, гражданства этих людей. США требовали прекратить это. США пытались ввести санкции против Чехословакии. Сталин очень жестко отвечал на эти попытки. Потому что там же, в Чехословакии обучались кадры для еврейской армии. Тут связисты, там артиллеристы, там велись политзанятия и т.д. Это была огромная схема, которая помогла евреям выстоять. Момент был страшный – наступление египетских войск на Тель-Авив. Если бы они взяли Тель-Авив, все было бы кончено. И в этот момент единственное, что было у Израиля – четыре самолета. Немецкие, естественно, трофейные которые они только что получили из Чехословакии, они их бросили в бой. Три погибли, вернулся один, но египтяне испугались: как же так, у евреев, оказывается, есть авиация. Они остановились, испугались и проиграли войну. И это было сделано благодаря Сталину.

Гришин:

- А чего он хотел, Леонид Михайлович, создавая такое государство. Все-таки Иосифа Виссарионовича принято считать больше антисемитом, чем покровителем евреев...

Млечин:

- Это очень сложный вопрос для историков. Дело в том, что когда имеешь дело со Сталиным, есть одна трудность. Он не записывал на бумаге то, что произносилось в узком кругу. Он очень часто отдавал директивы устно. Это звучало во время, скажем, обедов на ближней даче или еще где-то. Поэтому очень часто о мнениях Сталина, о его настроениях и желаниях мы можем судить только косвенно.

Первым стимулом было желание вытеснить Великобританию с Ближнего Востока. Потому что несмотря на Вторую мировую, Англия оставалась для Сталина главным противником. Евреи ненавидели англичан за то, что они не давали возможность создать свое государство, значит, палестинские евреи союзники против Англии. Вытеснить Англию – это была первая задача, и этого практически удалось добиться. Вторая задача стояла в том, что после войны вы имейте в виду, что Сталин действительно вышел победителем. И он пытался нарастить, в том числе, и такое территориальное влияние. Он хотел получить территорию, скажем, нынешней Ливии под протекторат Советского Союза. Он говорил – отдайте нам бельгийское Конго, там нашли запасы урана и т.д. То есть, у него было такое ощущение, что надо бы пошире. Ну и я думаю, что еще очень важный мотив был, конечно, ключевой – он видел перед собой модель предвоенной республиканской Испании. Куда он отправил интернациональные бригады, которые, собственно, и управляли страной. И вот что-то подобное, мне кажется, ему рисовалось и в отношении Израиля. Он отправит туда евреев из восточно-европейских стран. Очень левых, социалистически настроенных. И Израиль, еврейское государство, превратится в форпост Советского Союза в ключевом районе. Мне кажется, вот это была его окончательная цель. Он думал что социалистически настроенные восточноевропейские евреи превратят Израиль в такой «непотопляемый авианосец» Советского Союза, который попросит военной помощи, создаст там базы для советского флота, попросит перебросить туда воинские части и т.д. А получилось по-другому. Во-первых, израильтяне сами, с помощью советского оружия, но сами, выиграли первую войну, они сами сумели защитить свою страну без помощи советских войск. Во-вторых, они, в отличие от интербригад, смотрели на этот клочок земли иначе.

Гришин:

- Не как на плацдарм для Советской армии, а как на свою страну?

Млечин:

- Да, как на землю, где они будут строить свое государство.

Бей своих, раз чужие разочаровали

Гришин:

- С одной стороны — поддержка Израиля, с другой — дело «космополитов», разгром Еврейского антифашистского комитета, казнь 13 евреев в августе 1952-го. Как это сочетается?

Млечин:

- Надо еще иметь в виду, что Сталин послевоенный – это тяжело больной человек, перенесший, мы точно не можем установить, один или два инфаркта, возможно, инсульт.

Это последствия для неюного человека очень серьезные. В его мозгу формируется уже картина такая, что евреи всего мира – это некая какая-то агентура, вероятно, американская.

Я думаю, что ему очень не понравилось, когда живущие в Советском Союзе евреи продемонстрировали симпатию Израилю. А те ничего не понимали. Ну, если СССР поддерживает государство Израиль, почему мы не можем продемонстрировать симпатию? Евреи-фронтовики, а должен сказать, что по количеству орденосцев, по количеству Героев Советского Союза евреи пропорционально к численности населения на одном из первых мест стояли, изъявляли готовность поехать в Палестину и воевать за Израиль. Дважды герой Советского Союза, тогда полковник Драгунский, будущий, кстати говоря, председатель антиссионистского комитета советской общественности, предлагал сформировать дивизию из евреев-добровольцев, перебросить ее в Палестину и сражаться там против империалистов и арабских прихвостней

Сталин не ожидал, что это вызовет такую искреннюю эмоциональную реакцию среди советских евреев, для которых это тоже оказалось огромным событием и они внутренне, по-человечески искренне поддержали это.

Сталин исходил из того, что все граждане Советского Союза любят свою советскую родину, поэтому не может быть никакого другого государства, которое бы нравилось советским людям. Потому что, если одним нравится Израиль, другим понравится кто-то еще, это значит, что вовсе советские граждане и не счастливы, как они должны быть, как он считал. И он дал указание Илье Эренбургу написать статью в «Правде» о том, что да, мы поддержали Израиль, но евреям незачем ехать в Палестину – их родина здесь и здесь они только и могут быть счастливы.

Гришин:

- Ну да, от советских евреев-фронтовиков такое он мог воспринять вообще как двойное предательство...

Млечин:

- Второе – мы не должны забывать, «холодная» война идет. И все, что делается, в том числе, делается Сталиным, проходит в этой самой позиции – мы против Соединенных Штатов, мы против Запада. Значит, все, что на западе – враждебное, любой, кто на западе – враг. Тут Сталин вдруг увидел, что советские евреи расположены к Израилю, американские евреи расположены к Израилю. Значит, между этими людьми есть нечто общее. А если все они переориентируются на Соединенные Штаты, как ему стало казаться, так, значит, все евреи – это часть какой-то такой общности, которая противоположна СССР. И закончилась эта логика формулировкой, которую историки

нашли в записях зампреда Совета министров Малышева по оборонной промышленности. Он после совещания у Сталина написал – товарищ Сталин сказал, поскольку мы готовимся к войне с Соединенными Штатами, надо иметь в виду, что все евреи – агенты американцев. Вот что созрело в его голове. И вот что привело не только к преследованию евреев в Советском Союзе, но и к очень сильному охлаждению в отношении Израиля.

Гришин:

- И свое разочарование он выместил, загнав евреев в Биробиджан? Вроде ведь собирались даже в Крыму организовать Еврейскую автономию?

Млечин:

- Нет, он выместил его за неудавшийся Израиль на советских евреях. Было несколько ужасных вещей, в том числе процесс над членами еврейского антифашистского комитета, который он же сам создал в годы войны для того, чтобы пропагандировать запад, американцев, помогать Советскому Союзу. И советские евреи действительно только и занимались тем, что обращались к евреям американским, британским с просьбой поддержать Советский Союз. Ездил Михоэлс, глава еврейского художественного театра, в Америку, там выступал, его очень хорошо встречали, и очень откликнулись. Только евреи во всем мире собрали порядка 40 миллионов долларов. В военные годы это очень большая сумма, если иметь в виду, что речь шла вовсе не о Ротшильдах, а об очень простых и бедных людях. То есть, еврейский антифашистский комитет сыграл свою важную роль в мобилизации мирового общественного мнения на пользу Советского Союза в годы войны. Он его уничтожил, он посадил людей на скамью подсудимых, и их расстреляли вообще ни за что. Эти материалы опубликованы, эти протоколы допроса. Еврейского писателя обвиняют в том, что он писал на еврейском языке. Но это был его родной язык, он с ним вырос, он изучал литературу на этом языке. Там председатель суда, когда познакомился с материалами следствия, пошел к Маленкову, второму человеку в партии, и сказал – нет материала, я не могу их ни к чему приговорить. На что Маленков ему сказал: товарищ Чепцов (председатель суда), есть решение Политбюро – выполняйте. И их расстреляли. Это были ужасные дела. Он выместил знаете еще как? Самым страшным образом. Он воспитал в значительной степени антисемитизм в нашей стране. Он очень сильно его поднял, распространил и придал ему государственный характер. Ну, всегда кого-то не любят и так далее, но если в первое послереволюционные годы в Советском Союзе целенаправленно боролись с национализмом и достигли многого. Вот действительно, когда ты разговариваешь с людьми старшего поколения, сейчас уже уходящими, они говорят – для нас это не имело значения в детстве. И это правда. Не имело значения. А после войны стало иметь значение. А в многонациональной стране, даже если это канализируется, скажем, против одной национальности, это все равно опасно. А поскольку Сталин канализировал это против многих национальностей, я думаю, он и подорвал Советский Союз.

Что же касается Крыма, то это все досужие разговоры, не более.

Гришин:

- Но ведь к Израилю в СССР, сколько вот лично я помню, всегда было особое отношение. К примеру, мое поколение воспитывалось на идее, что бедных арабов угнетает злая израильская военщина.

Млечин:

- Да, и какое-то пренебрежительное отношение к Израилю всегда существовало во внешней политике Советского Союза. Вот характерно, что до каких-то постперестроечных времен ни один руководитель советской дипломатии, говоря о более высокого ранга руководителях, не побывал в Израиле и никому из высокопоставленных израильтян не позволили приехать в Москву. Ни разу. Хотя много раз израильский министр иностранных дел, премьер-министр, накануне войны 67-го года, просто просились – можно мы приедем и расскажем, что мы собираемся делать. Или приезжайте, пожалуйста, к нам, посмотрите, вот готовимся мы к войне или нет. Было прямое приглашение. Нет, ни разу этого не происходило. Было такое пренебрежительное отношение.

Вместе с США против Израиля

Гришин:

- Леонид Михайлович, почти все знают, что СССР разорвал дипотношения с Израилем в 1967 году, но мало кто в курсе, что это был уже второй разрыв дипотношений между нашими странами.

Млечин:

- Да, это особый случай – два раза мы разрывали дипломатические отношения. Первый раз это произошло в 53-м году, если не ошибаюсь, 9 февраля 1953 года произошел взрыв на территории нашего посольства в Тель-Авиве. Пострадала жена посланника, шофер и еще одна женщина. Они были ранены. Не тяжело, но ранены. Самое поразительное состоит в том, что так и не выяснили, кто это сделал. Я не знаю, кто виноват, возможно, израильские спецслужбы приложили к этому руку. Ходили разговоры самые разные. Что это советская провокация или что это дело правых израильтян, которые были возмущены антисемитскими процессами в социалистическом блоке и казнями евреев, а они происходили один за другим в одной социалистической стране за другой. Вспомнить хоть Михоэlsa, хоть Рудольфа Сланского, бывшего генерального секретаря ЦК Компартии Чехословакии, которого тоже расстреляли

Гришин:

- Ну, версий-то и я вам накидаю....

Млечин:

- Да, никто не знает, кто это сделал. Хотя Израиль извинялся как только мог, это не имело значения, - через два дня отношения дипломатические были разорваны, посольство было отозвано, естественно, и посольство Израиля вернулось к себе. И отношения были восстановлены уже только после смерти Сталина. И то далеко не сразу, не очень быстро и с небольшой охотой.

Гришин:

- К тому времени СССР повернулся уже лицом к арабам. Кстати, он сначала отвернулся от Израиля, разочаровался, не получил, что называется взаимности? Или Советский Союз отвернулся от Израиля потому, что повернулся к арабам?

Млечин:

- Это процесс, растянутый во времени. Нет, от Израиля отвернулся Сталин, разочарованный тем, что не исполнились его ожидания. А поворот к арабскому миру

произошел под влиянием, уже в основном события происходили в самом арабском мире. Почему не принимали арабский мир раньше? Потому что считали всех арабских властителей там британскими, французскими, какими угодно марионетками. В середине 50-х началось свержение прежних арабских режимов. К власти стали приходиться в основном офицеры-националисты. Их в Москве воспринимали как революционеров.

Гришин:

- Ну да, они же монархии свергали.

Млечин:

- Они свергли монархию, они были антизападные. И, казалось, что вот они и есть наши союзники, это и есть зримое проявление национально-освободительной борьбы в третьем мире. Потом, конечно, станет ясна природа этих режимов, которые во многих случаях оказались куда более жесткими, репрессивными и антинародными, чем монархии, существовавшие до того. Но это было потом. А в тот момент Хрущев увидел подъем революционного движения, который подкреплял позиции социализма мирового. Первым туда поехал главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шпилов, будущий секретарь ЦК и министр иностранных дел. Он приехал в Египет, он был там на праздновании и слышал речь Насера. Она ему так понравилась, что он попросил о приеме и сказал – мы потрясены, мы с вами. И Насер его обнял и сказал: брат мой, я так долго вас ждал. И с этого момента, с 55-го года, начался быстрый процесс сближения, в первую очередь, с Египтом. Поставки оружия через Чехословакию, как они когда-то шли Израилю. Тем же самым маршрутом, таким же самым образом. А потом уже прямые поставки, потом уже прямая поддержка, уже такое союзничество.

Парадокс – в Египте уничтожали коммунистов, сажали в тюрьмы. Возникал вопрос – мы тут коммунистическая держава, там наших товарищей по партии сажают, а Хрущев награждает Насера звездой Героя Советского Союза. Кстати, когда Хрущева снимали, ставили это ему в вину.

Потом Сирия. Она показалась более надежным союзником, потому что она была такая совсем антизападная. Насер долго не мог решить, куда податься, понимая, что, конечно, экономическая помощь может прийти только со стороны крупных западных стран. Они сами совершили большую ошибку, отказав ему в помощи. А Сирия с самого начала, с первых военных переворотов, была жестко антизападной и поэтому она получала советское оружие в огромных количествах. Президент покойный Хафиз Асад говорил – я из Москвы меньше, чем на миллиард, оружия не увожу. Он приезжал сюда и говорил: мы вам поможем, если нужны военные базы там, для флота, да пожалуйста. Но получал оружие, а потом с базами вопрос тормозился.

Гришин:

- И был еще один интересный момент. Когда, несмотря на холодную войну, СССР и США, ранее проголосовавшие за Израиль, вместе выступили против него.

Млечин:

- Да, это война в 1956 году за Суэцкий канал. Франция, Англия, бывшие против создания еврейского государства, воевали вместе с Израилем против Египта. Это была одна из самых дурацких и бессмысленных войн. Она была устроена в основном англичанами и французами из-за того, что президент Египта Насер решил национализировать Суэцкий

канал – а это был основной маршрут доставки нефти. Для Англии это был вообще тяжелый удар. Израиль же присоединился к Франции и Англии, потому что к тому времени пошли массовые поставки оружия Египту. И в Израиле просто испугались, что через год-два египетская армия станет такой сильной, что Египет сможет ударить первым и ответить будет нечем. Это было время, когда Израиль не мог покупать нигде оружие – ни в Соединенных Штатах, ни уже советского, естественно, только Франция продавала в небольших количествах. Израильяне испугались и присоединились к этой безумной, с моей точки зрения, и глупой войне. Совершенно верно, Соединенные Штаты и Советский Союз выступили вместе против, несмотря на «холодную войну». Вот США, Англия и Франция – они ведь союзники, но именно Дуайт Эйзенхауэр, тогдашний президент США, заставил их отступить и прекратить эту войну, действительно никому не нужную и бессмысленную. Это правда.

Гришин:

- Вот смотрите, Леонид Михайлович. Мы и помогли создать Израиль, и дружили с ним, и ссорились, дважды, в 1953 и 1967 годах разрывали дипотношения. А сейчас живем, можно сказать, в дружбе и сотрудничестве. И сейчас же проходят переговоры между палестинскими арабами и евреями. Как вы думаете, увенчаются ли они успехом? Что для этого надо?

Млечин:

- Палестинским арабам не дали возможности создать свое государство соседние арабские страны. Они сразу решили, что там не будет не только еврейского государства, но и арабского. Что как только англичане уйдут, они просто поделят Палестину. Они договорились, с одной стороны, это сделает Египет, а с другой стороны – Иордания. И так были заложены основы этого ближневосточного конфликта

А сейчас — не знаю. Казалось, Египет и Израиль враги навсегда. Но когда президент Саддат нашел в себе силы взглянуть на мир по-другому, они заключили мир между собой – Египет и Израиль. Все-таки Арафат признал право палестинских евреев на собственное государство. Это тоже было большим прорывом. Теоретически такой прорыв может быть. Должен найтись еще один человек, который сумеет преодолеть десятилетия вражды. Это очень сложно, когда многими десятилетиями воспитывается к чему-то ненависть, трудно сказать: все, ребята, мы ненавидели не то, это было неправильно, давайте вот сейчас сядем, договоримся и будем жить нормально. Это невероятно сложно. Я бы не взялся.

« Вы все – москали, империалисты, вы нас всех душили»

И.ВОРОБЬЕВА: Я понимаю. У меня вопрос. Давайте тогда отвечать на вопрос слушателей. Потому что судя по тому, как вы рассказываете о Львове, мы не уложимся ни в какие рамки никаких эфиров. Вот, смотрите, Алексис из России спрашивает: «Сумели ли жители Львова доказать вам, что Степан Бандера – герой Украины? И пользовались ли вы там услугами переводчика в общении?»

Л.МЛЕЧИН: Не поверите: как я горевал, что я не владею украинским. Потому что там один дивный магазин неподалеку от гостиницы двухэтажный с украинской интеллектуальной литературой. Ну, я просто там помирал от ужаса. Ну, я не могу это

прочитать. Я прочитал несколько книг на украинском с карандашом в руках. Фактическую часть – я все понимаю. Но интеллектуальную литературу, рассудительную, философскую не могу, к сожалению. Нет, все там разговаривали, почти все разговаривали с нами на украинском, особенно в музеях. Они просто не знают русского или очень плохо говорят на русском. Но понимал, понимал. Основное понимал. Самое главное понимал, ничего не ошибся, все перепроверял, сколько мог – я очень щепетильно отношусь к фактам и цифрам, и всему прочему.

Нет, переубедить меня нельзя. Дело в том, что моя оценка Бандеры, бандеровского движения и всего прочего основана не на моих представлениях, а строго на тех фактах, документах, за которыми стоит работа историков большая. Документы в первую очередь благодаря украинцам опубликованы, преданы гласности документы госбезопасности за эти десятилетия. И они дают очень серьезную основу.

Нет, я остался при своем мнении. Дело просто в том, что нельзя выпускать весь контекст украинской истории, западноукраинской. Вот я говорю, почему на меня произвело такое колоссальное впечатление? Потому что я понял. Нам кажется, что присвоение геройского звания Бандере – такая зловредная прощальная выходка Ющенко. Нет! Там миллионы людей, для которых Бандера и есть олицетворение освободительной борьбы украинского народа, они его за это ценят. Это надо понять.

Не надо с этим соглашаться. Более того, я думаю, что если в процессе нормального изучения украинской истории, к которой мы относимся очень пренебрежительно, не хотим знать, все встречаем в штыки, мы разберемся и разберемся с собственной историей, то тогда спадет накал напряжения. Потому что когда мы говорим «Вы все бандеровцы! Вы все фашисты! Вы все негодяи!» - все, разговора нет. «Да, мы такие, а вы все – москали, империалисты, вы нас всех душили».

Там висят памятники, знаете, написано «Против всех оккупантов – австрийских, немецких, русских, польских» - вот такие висят лозунги, вот в таком контексте. Так вот если мы начнем честный и откровенный диалог, если мы все выясним и разберемся... Вы знаете, Уголовный кодекс – ведь, он толстый, там же не написано просто «Преступник – Казнить». Там преступления разложены по полочкам: за воровство – одно, за убийство – другое, за изнасилование – третье. Смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства. Так и в истории надо разобраться, кто что свершил, на самом деле.

Я хочу сказать, спадет накал напряжения и тогда в конечном итоге, я думаю, на Западной Украине тоже поймут, что Бандера и Шухевич – не герои, не те люди, которыми надо гордиться. У них есть другие герои, другие люди, которыми надо гордиться.

И.ВОРОБЬЕВА: То есть ваша задача – показать им, что Бандера?..

Л.МЛЕЧИН: Нет. Моя задача показать нашему зрителю, российским в первую очередь, что там, на самом деле, происходило. Откуда взялся Бандера, каким он был, что он делал, чего он не делал, что там происходило. Я хочу, чтобы наши здесь зрители, слушатели и читатели это понимали. Это важнее всего.

Мы должны тоже производить эту интеллектуальную работу, не перекладывать на других. Там тоже очень сложные периоды. А что, Бандера бы не вылез, если бы с 1939 года, когда вошла Красная армия и до 30 июня 1941-го там не производились массовые аресты, расстрелы? Если бы этого не было... Если бы там после 1944 года не было бы массовых

депортаций? Это было бы. Но это не было бы так остро, не было бы так болезненно. Это тоже надо говорить, это было. Это ухудшало ситуацию.

И.ВОРОБЬЕВА: Вот, вы говорите, что нужно разобраться исторически, да? Почему должны разбираться наши российские историки, в том числе и вы, а не украинские?

Л.МЛЕЧИН: Нет, они тоже должны! Просто они живут в другой стране, я им ничего ни предписать не могу, ни посоветовать.

И.ВОРОБЬЕВА: Нет. Почему они?.. Или они, все-таки, понимают и разбираются?

Л.МЛЕЧИН: Нет, понимаете, там сложная история. Там идет, конечно, этот процесс. В чем состоит беда, мне кажется, украинской историографии? Они, отринув советскую – справедливо, потому что это все основано на лжи – увели маятник в другую сторону. И им рисуется Бандера как, действительно, герой, как человек, который ни в чем не причастен. Они говорят: «Вот, его же немцы посадили! Он до осени 1944 года сидел. Какие к нему претензии?»

И.ВОРОБЬЕВА: То есть другая крайность?

Л.МЛЕЧИН: Абсолютно, да. Они ушли в другую крайность и вышли за рамки реального. Это неправильно. Но чтобы им это сказать, мы тоже должны быть честны, откровенны. Мы должны тоже все выложить на стол, все сами осмыслить. Тогда будет диалог нормальный. Повторяю, конечная цель – я уверен, мы к этому придем, они поймут – это не герои. Но они не годятся в герои этого народа. У украинского народа есть другие герои.

И.ВОРОБЬЕВА: Например?

Л.МЛЕЧИН: Там есть врачи, историки, миссионеры, священники, просто хорошие люди, которые составляют славу любого народа. Что ж их искать-то среди тех, кто бегаёт с пистолетом, убивает или приказывает убивать невинных граждан? А это все было. Ведь, не было бы такого ужасного. Бандера, да, ни в кого сам не стрелял – он организовывал убийства.

Вот, мы там снимали, там стоит бывшее здание советского консульства – он отправил туда убивать Миколу Лемика молодого, дал ему 30 злотых, чтобы он ботинки себе новые купил. Он пришел, застрелил нашего консульского работника, там, дворника ранил. А сейчас там висит на этом здании ему памятная доска как герою.

И.ВОРОБЬЕВА: Убийце.

Л.МЛЕЧИН: Он – убийца, да! Да, этот консул... Это был даже не консул, консула в тот день не было, это был командированный из Москвы дипломат в тот день и так далее. И на суде Лемик, как ему сказал Бандера, сказал: «Это месть за Голодомор». Ну, не виноват был этот человек в Голодоморе. Это неправосудное наказание. Этот дипломат не виноват в Голодоморе. Это неправосудное, это убийство, это преступление.

Бандера был страшным фанатиком и диким националистом. Вот, надо сказать, что по степени... Вот, эта национальная идея была в документах ОУН, особенно первоначальных, в более острой, в более злобной форме, даже чем в первичных фашистских документах. Потому что вообще все остальные этнические группы были лишние. Они просто хотели их всех убрать. Все остальные – лишние. Украина только для украинцев.

И.ВОРОБЬЕВА: А, вот, смотрите, Ярослав из Санкт-Петербурга спрашивает: «А что, можно всю правду о бандеровцах?» Неужели, можно всю правду узнать, действительно?

Л.МЛЕЧИН: Ну, это философский вопрос. «Атом неисчерпаем», - говорил товарищ Ленин, да. Но процесс исторического познания – он идет и все то, что на сегодняшний день известно, это нужно сделать достоянием. Это нужно осмыслить и нужно понять. Изучение истории не заканчивается как изучение любой науки. Но мы же изучаем физику, химию, биологию на сегодняшнем уровне. На сегодняшнем уровне мы уже очень многое знаем и уже в состоянии ясно и четко оценить, что там происходило.

И.ВОРОБЬЕВА: Давайте, знаете, я вас сейчас спрошу. Очень много вопросов на эту тему с Украины пришло. Наш слушатель спрашивает: «Как вам бандеровцы? И не поедете ли вы после этого в Луганск или Донецк, чтобы почувствовать разницу?»

Л.МЛЕЧИН: Как ни смешно, я, действительно, приглашен в Донецк, и через какое-то время поеду, предвкушаю поездку. Очень хочу. Был в Донецке когда-то в 1979 году у шахтеров. Да, очень хочу посмотреть. Знаете, я был потрясен. Даже не знаю как сказать: я был потрясен. Я поехал туда подготовленным.

И.ВОРОБЬЕВА: Первый раз ездили?

Л.МЛЕЧИН: Да, я в первый раз. Я очень много готовился. Я прочитал огромное количество материала, ну, собственно, все, что можно прочитать относительно Бандеры, бандеровского движения, УПА и вообще всей этой истории. Но то, что я увидел... Конечно, хорошо, что я поехал. Это мир, живущий в другом историческом измерении с другой исторической памятью. Вот, представляете себе, значит, 3 музея Бандеры, музей Шухевича, улицы в городе, названные в честь руководителя Организации украинских националистов и героев УПА, памятники героям УПА, доски тем, кто сотрудничал с немцами в годы оккупации. Магазины, заполненные книгами «Голодомор», «Коммунистические репрессии», «Дивизия «Галичина», «Бандера», «Коновалец». Магазин сувениров, майки УПА, сердце партизана. Но это партизана не того, к которому мы привыкли, это партизан УПА, тот, который воевал против Красной армии.

И.ВОРОБЬЕВА: Это все во Львове? В одном городе?

Л.МЛЕЧИН: Да, это все во Львове. Вот тут в одном городе, все это в одном месте. Это люди, живущие в другом историческом пространстве, обратном нашему, абсолютно обратном. Да, на рынке вот это потрясающее, мы успели кадр один снять. В чемоданчике человек торгует, у него советские ордена, в том числе орден Ленина, железные кресты нацистские и награды УПА и ОУН. У него все это лежит вместе, вперемешку.

И.ВОРОБЬЕВА: Так это не только во Львове, это и в Киеве то же самое.

Л.МЛЕЧИН: Ну, вперемешку. Вот это и есть Львов. Западная Украина, Галиция – это другая Украина. Она, ведь, была частью не Российской империи, а Австро-Венгрии. Они попытались в 1918 году создать свою республику, были задавлены поляками – там, кстати, поехал на кладбище Яновское, там могила 700 стрельцов, которые погибли при обороне Львова от поляков. Стали частью Польши. И там в Галиции зародилось Украинское национальное движение как протест против оккупации. И они страшно были обижены: поляки получили свое государство после Первой мировой, а они не получили. Это страшная обида. И, конечно, очень вирулентное.

И.ВОРОБЬЕВА: Как, простите?

Л.МЛЕЧИН: Вирулентное, то есть такое, злобное, опасное, агрессивное. Агрессивный национализм. Имели право украинцы бороться за государственную независимость? Да,

имели, как все народы, они имеют право на собственную государственность, на независимость и так далее. В чем беда? Беда состоит в том, что этот национализм оседлали, или выразителями его стали самые радикальные из радикальных националисты типа Бандеры. Нечто сходное я потом из документов увидел.

Очень сходна ситуация с Хорватией, с хорватскими усташами, с Анте Павеличем. И я увидел с изумлением, что они, оказывается, и сотрудничали в Данциге в начале 30-х годов. И хотели 30 июня 1941 года, как Красная армия оставила Львов, туда ворвалась передовая группа бандеровских людей, они провозгласили там украинское государство. Они хотели повторить опыт Анте Павелича, вождя хорватских усташей, который точно так же на обломках единой Югославии, оккупированной немцами, провозгласил Хорватию независимую, и Гитлер ему разрешил.

Они, бандеровцы сильно просчитались. Хорватия Гитлеру была не нужна, а Украина нужна была. Богатая Украина землей, природными ископаемыми нужна была. Ему не нужна была никогда независимая Украина, никакие украинцы-союзники – ему нужна была эта земля, где он собирался расселить потом немецких колонистов. Поэтому этих всех людей арестовали, они оказались в концлагерях и так далее.

И.ВОРОБЬЕВА: Я вас сейчас перебыю и на секундочку спрошу. Правильно я понимаю, вы ездили туда, снимали фильм?

Л.МЛЕЧИН: Снимать фильм, да. Мы его снимаем, и сейчас работаем над ним, и в середине месяца, я надеюсь, мы покажем его. Двухсерийный фильм о Бандере. И я надеюсь, что он будет очень объективным. Я очень стараюсь это сделать так.

С моей точки зрения, Украина для России – самое главное государство. Это партнер №1. Вот, на самом деле. Надо было Медведеву поехать на инаугурацию Януковича. Не для того, чтобы сказать «Янукович – наш парень», а потому что сказать: «Украина, вы для нас – самое главное государство, вы наш главный партнер, мы вас любим, мы вас уважаем. У нас бывают с вами противоречия, у нас бывают проблемы с какими-то вашими политиками. Но мы вас ценим. Мы хотим быть вместе». Вот, поверьте, если он поехал и что-то так (у него есть люди, которые лучше сформулировали бы чем я), это сказал, это произвело бы впечатление на украинцев.

У них есть ощущение, что Россия к ним плохо относится, то ли презирает, то ли отталкивает, то ли влияет. Нужно демонстрировать совсем другое. Ну, не важно, что у нас пролегла граница. Не важно, что у вас свое правительство, а у нас свое. Мы, действительно, рядом, мы – партнеры. Пусть у нас будут какие-то проблемы. Надо их преодолевать.¹⁷⁶

«Все наши представления о Гражданской войне – ложь!»

У популярного журналиста выходит новый цикл документальных фильмов «...Паду на той, на той единственной гражданской...» - пел Булат Окуджава, не подозревая, что всего через несколько десятилетий память о той войне станет абсолютно виртуальной. В живых не осталось никого, кто бы помнил, в фильмах – все за красных, в воспоминаниях эмигрантов – за белых... Леонид Млечин снял 12-серийный фильм «Гражданская война» на канале ТВ Центр. О чем мы с ним и поговорили.

- Леонид Михайлович, сейчас еще можно разобраться, кто тогда был прав или виноват?

- Не это важно... Гражданская война по сути своей, по своим ужасам оказала на наше общество огромное влияние. Во многом по своим последствиям она даже ужаснее, чем Великая Отечественная... Попытаюсь объяснить. Да, жертв было больше во Второй мировой, но было понятно: вот враг, вот фронт, вот тыл... А во время Гражданской войны ничего этого не было! Фронт, ужас, убийство, террор могли возникнуть и возникали повсеместно. Даже представить невозможно уровень саморазрушения, которому подверглось общество. Жизнь, ее основы, вера в человека – все это было разрушено до основания! Такой невероятной жестокости даже представить себе было нельзя всего за несколько лет до этого.

- Я так понимаю: тут уже не важно, где белые, где красные...

- Так кто убивал? Грабил? Твой же сосед мог спокойно выстрелить, чтобы забрать все, что у тебя есть. И этот ужас прошел через всю страну, через каждую семью!

Но самое страшное, что в результате этой войны не пришли катарсис, очищение, осмысление всего произошедшего. И то, что потом были репрессии, уже не удивляет... Это все последствия Гражданской войны.

Г
р
а
ж
д
а
н
с
к
а
я

с
т
а
л
а

в
р
е
м
е
н
е
м

ж
е
с
т
о
ч
а
й
ш
е
г
о

т
е
р
р
о
р
а
.

И
с
т
о
р
и

К
И

Н
А
С
Ч
И
Т
А
Л
И

О
К
О
Л
О

2
,
5

М
Л
Н
·

У
Б
И
Т
Ы
М
И

С

О
Б
Е
И
Х

- **А документы сохранились? Не было зачисток архивов в пользу официальной идеологии?**

- Документов много, и все они доступны. Есть такие, что просто переворачивают сознание. Меня поразили рассказы детей. Это дети белых офицеров, которых просто попросили записать, что они помнят о гражданской. И вот они пишут, без идеологии, просто так, так, как они воспринимали происходящее. Это шокирует... А материалы по антоновскому восстанию – они подшиты в папки, один за другим и ждут исследователя.

- **Лично для меня гражданская всегда была окутана романтикой великих советских фильмов...**

- Надо понимать, что все это ложь и никакой романтики в войне быть не может. Тем более в гражданской. Гражданские войны всегда страшнее обычных войн, так во всех странах. Но наша война была одной из самых страшных в истории...

- **Снимали вы по всей России?**

- Да, и вынужден признать, что антураж в большинстве мест с 1918 года не сильно изменился... Присутствие на месте позволяет многое понять, осмыслить. Мы побывали на месте, где был смертельно ранен генерал Корнилов. Это на берегу реки Кубань в Екатеринодаре, ныне Краснодаре... Ни памятника, ни музея там нет.

- **В вашей семье были участники гражданской?**

- Для меня эта история началась, когда мне было 10 лет и я нашел письма деда с войны. Он пошел в Красную Армию, потом вступил в партию, воевал с Врангелем и много рассказывал мне... Конечно, когда замешана история твоей семьи, все воспринимаешь по-другому. Разочаровался дед в красных позже, когда увидел ужасы коллективизации.

Ксения Соколова

Ксения Соколова, журналист, вице-президент медиагруппы «Живи!»

Трудно быть телкой

Эдуард Багиров взял эксклюзивное интервью у заместителя главного редактора проекта «Сноб»

Даже в жизни мудака и алкоголика наступает звездный час, звонят рождественские колокольчики и прилетает зубная фея. Сидел я на днях в ресторане «Варвары», ел сосиски с картошкой и, по обыкновению, пил 18-летний Jameson с колой, раздумывая, почему я не Хемингуэй или хотя бы не дочка Аллы Пугачевой. Вдруг вижу: буквально за соседним столиком сидит мой женский и человеческий кумир, лучший журналист современности Ксения Соколова.

Несмотря на то что я был изрядно нетрезв, так что ходить мог только «домиком», я подошел к Ксении и, упав на одно колено (это выглядело очень естественно), сказал:

— Ксения, вы мой любимый журналист. Дайте эксклюзивное интервью!

— А вы кто, собственно? — нацелив на меня лорнет, спросила божественная Ксения.

— Я — Эдуард Багиров!

— У вас есть 30 секунд, чтобы убедить меня, почему я должна дать вам интервью.

— Э... Ну, в общем, до вас я взял одно интервью в жизни...

— Я же сказала, убедительный аргумент!

— ...после чего мой ньюсмейкер сказал, что я сломал ему карьеру, а вскоре его и вправду выгнали из его дрянной газетенки, и теперь он валяется под московскими заборами.

— Ок, аргумент принимается. Я дам вам интервью, — сказала Соколова.

Так я получил то, что « всю жизнь предпочитал иметь». (С)
Читайте, завидуйте!

Багиров: Ксения, ваш друг Антон Вячеславович Красовский написал, что в берлинском отеле «Адлон», куда вы отправились брать стопицотое эксклюзивное интервью у Михаила Ходорковского, вы прятались от Ксении Анатольевны Собчак. Прогрессивная общественность интересуется, где, собственно, вы прятались? В угольном

ящике? Номере Михаила Борисовича? Или, может, в багажнике «Майбаха», как вы любите?

Соколова: Почему «Майбаха»-то?

Багиров: Я, конечно, не Ксения Анатольевна Собчак, но у меня есть мощный инсайд, что вы любите сидеть за рулем именно этого автомобиля.

Соколова: Я?!

Багиров: Ну не я же! Кто приехал на интервью к Прохорову в ОНЕКСИМ-Банк на «Майбахе» Тайванчика в белом платье и переводных татуировках?! Мне Алимжан Турсунович сам рассказывал!

Соколова: Действительно, этот прискорбный эпизод имел место. Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить моего доброго соседа Алимжана Турсуновича Тайванчика за предоставленное авто. Кстати, тогда я еще не пряталась от Ксении Собчак — мы интервьюировали олигархов на пару.

Багиров: Сейчас, Ксения, я сделаю с вами то, что обычно вы делаете с ни в чем не повинными мужчинами.

Соколова: Что же?

Багиров: Я задам вам неудобный вопрос. Вам придется врать и выкручиваться.

Соколова: Валяйте!

Багиров: Сколько ваш Прохоров платит своим телкам, которых автобусами возит в Куршевель?

Соколова: Во-первых, он не мой. Во-вторых, где я и где телки?

Багиров: Хреновый вы, Ксения, журналист-расследователь. А вот у меня опять есть мощный инсайд от поэта Андрея Анатольевича Орлуши, который побывал в роли прохоровской телки.

Соколова: О, я узнаю что-то новое о вкусах работодателя. Хотя припоминаю, Орлуша действительно одно время перекрашивался в блондинку и зачастил в Куршевель. Неужели...

Багиров: Да! Он сам рассказал мне, что ему позвонили от Прохорова и пригласили почитать стишки. Он согласился, после чего его спросили о гонораре. Он попросил, чтоб ему заплатили столько, сколько платят одной из прохоровских телок. Сумма составила 8500 евро.

Соколова: Трудно быть телкой. Так себе гонорарчик.

Багиров: Ну конечно, для вас это ничтожные деньги! Всем известно, что вы свои скромные услуги оцениваете куда дороже. Кстати, давно хотел спросить, почему вы общаетесь исключительно с олигархами и пидарасами?

Соколова: Как сказал бы ваш доверитель мистер Путин: «Садитесь, домашняя заготовка удалась». Кстати, вы себя к какой категории относите?

Багиров: Если б на вашем месте сидел мужчина, то за такой вопрос он бы, скорее всего, мгновенно огреб по морде. А вам... я лишь поправлю на вас эти чудесные меха. И продолжим.

Соколова: Журналистика — рискованная профессия, Эдуард. Можно узнать о себе много нового. Кстати, хочу выразить уважение вашему доверителю, который не выпер вас из пула ссаным веником за ваши изысканные манеры.

Багиров: За что?! За активное участие в предвыборной кампании Владимир Владимирович мне даже благодарность письменную прислал. Поехали ко мне, покажу.

Соколова: Держите себя в руках. Вы, кажется, спросили, почему я люблю олигархов?

Багиров: Ну ясен пень, почему! Потому что у них есть деньги.

Соколова: Именно! В отличие от вас, нищеврода.

Багиров (в сторону): Вот сука!

Соколова: Во-вторых, мне с ними интересно, они остроумные ребята.

Багиров: Многие считают, что у «форбсов» совершенно нет чувства юмора.

Соколова: Напротив! Борис Абрамович Березовский, например, во время интервью поделился со мной своей любимой поговоркой: «Кто умер, тот и проиграл». Я теперь сама ей часто пользуюсь.

Багиров: Прямо Кассандра, а не Борис Абрамович. Мир его праху. Но вот про Ходорковского я точно слышал, что чувства юмора у него нет.

Соколова: Ничего подобного! У МБХ отличное чувство юмора. И сдаётся мне, скоро его в полной мере сможет оценить Игорь Иванович Сечин...

Багиров: Ксения, святое-то не троньте!

Соколова: Ваше святое, Эдуард, в тамбовском овраге лошадь доедает. Так вот, рассказываю про МБХ. Стоим мы с Ходорковским и его адвокатом Дрелем перед дверью его номера в отеле «Адлон»...

Багиров: Ага, так вы все-таки прятались в номере у Ходорковского, пока Антон Вячеславович Красовский спешил к вам на стареньком самолете. Из внутренней Монголии.

Соколова: Хватит ерничать! Между прочим, сливаю вам эксклюзив. Стоим мы втроем перед дверью, и тут адвокат Дрель решает пошутить: «Представляете, Михаил Борисович, звоним мы в дверь вашего номера, а нам открывает... Путин!» На что МБХ трагическим голосом говорит: «Всё! Инфаркт микарда!»

Багиров: Инфаркт микарда случился бы у Михаила Борисовича, если бы он — вместо вас — обнаружил у себя в номере господина Шендеровича.

Соколова: Шендерович-то тут при чем?!

Багиров: Ну как же?! Вы наверняка в курсе, что Виктор Анатольевич любит пробовать все новое, и особенно незнакомые помещения с матрасами.

Соколова: Я понимаю, что за каждый неловкий выпад в сторону либеральной общественности вам присылают из админочки печеньки. Но я бы на вашем месте постыдилась издеваться над нашим нравственным ориентиром г-ном Шендеровичем, жертвой гадкой провокации спецслужб.

Багиров: Именно нравственным ориентиром! Возможно, вы со своих олимпов и не заметили, но Виктор Анатольевич очень беспокоится за вашу нравственность, Ксения!

Соколова: В каком смысле?

Багиров: Он чрезвычайно переживал, что вы, когда-то неплохая либеральная, не побоюсь этого слова, журналистка, продались Прохорову. Очевидно, потому что у Ходорковского, который платил вам непомерные гонорары за заметки, закончились деньги.

Соколова: Когда вы говорите, такое впечатление, что вы бредите, Эдуард.

Багиров: Я понимаю, что вам неприятно слышать о себе горькую правду. Но кто-то должен ее вам сказать! Кстати, почему вы не пользуетесь соцсетями, твиттером, фейсбуком? Потому что всех презираете и на мнение о вас общественности вам насрать в тетрадь?

Соколова: Просто я социопат и мизантроп, как все гении.

Багиров: О вашем непомерном самомнении известно всему фейсбуку! Теперь расскажите ребятам, почему вы позволяете себе разъезжать на машине за сотку евро, юзаете всякие «ванклифы», при этом пишете гадости про русский народ и манерно рассуждаете про ГУЛАГ?! Вы даже, в отличие от меня, в тюрьме не сидели!

Соколова: Почему не сидела? Сидела. Меня хорошо помнят в обезьяннике на Курском вокзале.

Багиров: Ксения, вы бездонны, как Марианская впадина! Что вы делали в обезьяннике на «куре»?!

Соколова: Выполняла профессиональный долг.

Багиров: Не добивайте меня! В начале творческого пути вы подрабатывали вокзальной проституткой?

Соколова: Увы, нет. Я отдавала долг второй древнейшей профессии. Во время гонений на грузин в Москве в 2008, кажется, году я изображала грузинскую женщину без документов Нино Арзиани с целью попасть в спецприемник и описать процедуру депортации.

Багиров: Вы?! Этого не может быть.

Соколова: Моя заметка есть в архиве «Большого города». Спросите у Ускова, я тогда опоздала на ужин с канцлером Шредером, пока в обезьяннике сидела.

Багиров: Раз уж мы затронули грузинскую тему, скажите, правда ли, что Саакашвили потратил половину годового бюджета маленькой, но гордой страны на драгоценности для вас?

Соколова: Михаил Николаевич однажды подарил мне кольцо — копию археологической находки.

Багиров: При каких приблизительно обстоятельствах?

Соколова: Мы ели хинкали. Очень вкусные.

Багиров: То есть вы продались нашему врагу за пельмени и брюлики?!

Соколова: Это были, кажется, гранаты. Я недавно отдала это недорогое кольцо в качестве лота на благотворительный аукцион.

Багиров: Конечно, что для вас кольцо, оплаканное слезами грузинского народа! У вас другие аппетиты. Хорошо, что Прохоров недавно купил «Уралкалий» за 5 ярдов.

Соколова: А что хорошего?

Багиров: Для вас — ничего. Мне кажется, Ксения, вы меня прекрасно понимаете и просто пытаетесь сейчас сделать хорошую мину при неважной игре. Дураку понятно, что на ваши «ванклифы» по миллиону долларов США и прочие безумства у Прохорова денег больше нет. Вам самое время задуматься: кому продаться еще?

Соколова: Эдуард, подумайте и ответьте сами на ваш собственный вопрос.

Багиров: Боюсь даже предположить! Лично я не продаюсь, поэтому и денег у меня

нет. И гешефтов ваших я не понимаю.

Соколова: Бросьте, Эдуард! То, что вы ушлый парень из туркменского аула, всем известно. Правильный выбор вы сделали гораздо раньше меня. Пока приличные люди слушали пламенную Ксению Собчак на Болотной, вы стали доверенным лицом Путина.

Багиров: Да! И горжусь этим.

Соколова: Ну ясное дело, вы гордитесь. Может, похлопчете за меня?

Багиров: Вы что, тоже хотите стать доверенным лицом?

Соколова: Для начала я хотела бы взять у Владимира Владимировича интервью.

Багиров: А с какого перепугу президент России Владимир Владимирович Путин непременно должен вам его дать?

Соколова: Потому что это будет лучшее интервью в его жизни. Что это вы поперхнулись?

Багиров: Просто есть вещи, которыми я не шучу. Я даже протрезвел.

Соколова: Отлично, значит, вы сможете разглядеть эти маленькие циферки в счете за мое «Шато Марго» и молекулярные щи в исполнении Анатолия Комма. Слава России!

(Уходит, оставив журналиста-любителя Багирова в раздумьях, на что теперь покупать полкило оливье и чем ближайший год платить за квартиру.)¹⁷⁷

Что делает мужчину мужчиной?

Умение не трусить

Недавно в Хамовническом суде города Москвы я имела редкое удовольствие воочию наблюдать, чем отличается понятие «мужчина» от понятия «унутое говно».

В Namovniticheskyy Court – так именуется храм правосудия в отчетах иностранных корреспондентов – судят г-д Ходорковского и Лебедева, которые, как известно, украли у нас святое – бабки и нефть.

Если процесс пойдет по плану и гособвинители – один лох и две лохушки, старшая из которых все время спит, – получают то, чего требуют, г-да Ходорковский и Лебедев отправятся из города Москвы восвояси – иными словами, на нары еще лет на двадцать.

Громкий процесс – в полном соответствии с трендом – проходит в жанре цирка шапито.

Те же на манеже – судья с древнерусской тоской в глазах, прокуроры с дефективной речью, очень юная секретарь в секси-джинсах с Черкизона и каком-то люрексе.

«Русская народная кафка» эстетически настолько невыносима, что хочется бежать. И почему-то мучительно неловко смотреть на двоих в стеклянной клетке, ради кого затеяно дорогостоящее – во всех смыслах – представление.

Мне приходилось слышать о том, что эти ребята – Ходорковский с Лебедевым – на процессе ведут себя не просто достойно, а так, словно у каждого из них в запасе по девять жизней, одну из которых не жаль провести, снисходительно наблюдая за нелепой активностью душевнобольных.

Тем не менее, мы знаем, что жизнь – одна. Но мы не знаем – можем только

177 <http://www.snob.ru/p...5150/blog/70044>

предполагать – какое сверхусилие необходимо, чтобы не сломаться после шести лет зоны, ясно осознавая перспективу остаться в тюрьме пожизненно, чтобы не поверить, не попросить, не пойти на сделку, наконец, чтобы просто спокойно, стоять, покачиваясь с пятки на носок, улыбаясь из-за прутьев решетки.

Читая об этом в книгах диссидентов, я, как всякий человек с чрезмерно живым воображением, примеряла ситуацию на себя и приходила к выводу – в реальности так не бывает.

Даже обладая недюжинной силой духа, очень трудно победить тоску, отчаяние, страх бессмысленных страданий, изоляции, унылой, медленной смерти. Можно талантливо сыграть равнодушие к своей участи – но не более. Во все времена на это рассчитывали строители авторитарных систем – и их расчеты по большей части оправдывались.

Наша эпоха и наша страна – лучшее доказательство этого утверждения. Террор остался в прошлом – уже давно никто никого не хватает, не тащит в «воронок» и не расстреливает в подвале. Угроза жизни съезжилась до угрозы потери денег. И тем не менее страх разлит повсюду, словно парализующий яд.

Из тех, кому есть, что терять, – людей, как правило, не бедных и не слабых, – за последние годы не нашлось буквально (!) никого, кто рискнул бы пойти против навязанных правил или предпочел крупным деньгам возможность сохранить достоинство.

Этот феномен коллективной трусости, покорности и легкости выбора между честью и бесчестием в пользу последнего, меня всегда крайне интересовал. Чтобы узнать о нем больше, я и отправилась в Хамовнический суд.

Я не сбежала из крашенного в желтое зала судебных заседаний – хотя, поверьте, очень хотелось.

Щеки горели от стыда, как бывает, когда становишься невольным свидетелем какой-то мерзкой мерзости, которую ты не в силах остановить. Чтобы отвлечься от мыслей, я старалась внимательно рассмотреть людей за решеткой.

В этот день Михаил Ходорковский давал показания. Он очень подробно комментировал обвинительное заключение – каждый пункт. Линия защиты была выбрана остроумно – по неписанным условиям этой игры прокуроры выдали на-гора несколько десятков томов чуши, и, разумеется, никто не ожидал, что эту чушь кто-то будет всерьез анализировать. Тем не менее обвиняемый – человек без чувства юмора – сделал именно так. И не ошибся – плоды коллективного творчества душевнобольных неловко было слышать даже судье. Но меня интересовало не столько содержание, сколько форма подачи.

Ходорковский хорошо выглядел.

Я не имею в виду цвет лица – в читинской зоне не наживешь бронзового загара. Но все остальное было cool – МБХ был подтянут, чисто выбрит, аккуратно одет. Говорил негромко, размеренно, подчеркнута вежливо. К судье обращался «ваша честь». Приводил образные аналогии, держал зал, как хороший оратор.

Сидящий рядом Платон Лебедев слушал речь товарища так, словно дело происходило не в помойных Хамовниках, а, например, в залитом солнцем пент-хаусе на Уолл-стрит. Положив ногу на ногу и слегка прикрыв глаза, г-н Лебедев сидел в свободной,

расслабленной позе, иногда что-то черкал на листке бумаги. Встретившись взглядом с кем-то знакомым, он весело улыбнулся и показал язык.

Я ела глазами клетку с людьми, запертую на цепь, и не могла понять, что не так. Глаз фиксировал нечто странное, сбой в картинке, базовое нарушение на уровне инстинкта. Сидящие в клетке вели себя, говорили и двигались, как свободные люди. Это не было бравадой – старые зэки знают, что шесть лет тюрьмы и зоны накладывают несмыслимый, как чернильная татуировка, отпечаток – можно отрепетировать речь, но пластика выдаст сидельца. Удивительным образом эти двое демонстрировали то, что моя бабушка называла безукоризненностью манер.

И эта безукоризненность была убийственной. Она не оставляла Хамовническому суду ни малейшего шанса. Клетка уже не казалась клеткой: стены из стекла и металла обозначили границу, четко разделившую Людей и чавкающую, не имеющую предела и дна антропологическую парашу.

Возвращаясь домой, я слегка попортила красные туфельки Dior, прыгая через лужи. Мне было весело. Я чувствовала себя словно замшелый дед, которого ради шутки привели в стрип-клуб – и там он вдруг испытал ТАКОЕ, за что не задумываясь отдал бы инвалидную пенсию за всю жизнь и саму эту жизнь в придачу. Прошу простить кощунственное сравнение, но сексуальные аналогии возникли не случайно. Наблюдая за фарсом в зале Хамовнического суда, я вдруг четко и ясно поняла смысл слова «мужчина».

А теперь, дорогие читатели, слушайте и запоминайте как «Отче наш». В глазах женщины мужчину делает мужчиной единственное качество – умение не обоссаться. Не струсить. Не покориться. Не приспустить услужливо штанцы. Остальное: размер члена, детородная функция и даже «наше все» – бабки – факультативно. То есть если при бабках и обоссался – по факту все равно говно.

Мне возразят – это «гамбургский счет» и он не для всех, нельзя требовать героического поведения от обычных людей, нельзя навязывать свои перфекционистские установки.

Увы, друзья, ничем не могу помочь. Я – женщина, я была в Хамовническом суде и наблюдала то, про что поэт Бродский написал: «Зачем нам рыба, раз есть икра?».

Чтобы не утомлять вас занудными рассуждениями о достоинстве и чести, скажу просто – лучшие девочки никогда не давали трусам.

Даже если смелых три с половиной калеки, и те на Темзе или в тюрьме, а трусов – сколько угодно, и у всех ресурс, яхты и замчата на Лазурке. Но спать-то в итоге приходится не с ресурсом, а с женщиной. И никакие простыни Frette с лавандовой отдушкой не спасут, если от мужчины воняет парашей.

Спустя пару дней после описанного визита в суд я имела беседу с поклонником, занимающим видный государственный пост.

За ланчем солидный мужчина рассказал, что его... как бы полочнее выразиться... идеологический наставник предостерегал его от общения с журналисткой много себе позволяющего издания. Это называлось «потенциальные репутационные потери». Выслушав рассказ, я спросила: «И что ты сделал? Дал NN по морде? Публично послал его на х...?» Мой визави страшно оскорбился – он находил верхом смелости то, что после услышанного в высоком кабинете он вообще здесь сейчас сидит. Больше не сидит. Или

вот еще. Есть в нашем городе миллиардер – спортсмен, комсомолец, лидер списка Forbes. Однажды сотрудник миллиардера, его правая рука, изрядно перебрав, рассказал мне следующее.

Как и все суверенные миллиардеры, его босс дружен с Кремлем – в последнее время особенно.

Иногда люди из Кремля ему звонят. По словам помощника, всякий раз во время такого звонка миллиардер, – а он очень высокого роста, – медленно поднимается с офисного кресла и застывает в «позе открытости», сгорбив спину и втянув в плечи голову. Так, на полусогнутых, обладатель одного из крупнейших в мире состояний и стоит, пока с ним не закончат разговор. Замечу, что «позу открытости» в исполнении мужчины находят особенно сексуальной на зоне. Где миллиардер, судя по всему, несомненно очень скоро занял бы подобающее место.

Может показаться, что эти заметки имеют провокационно политический характер. На самом деле претензия к отцам-основателям суверенной демократии у меня только одна. И не журналистская – в защиту режима могу сказать, что выражать свои крамольные мысли мне никто никогда не мешал, – а сугубо дамская.

Господа разведчики и члены кооператива «Озеро»!

Своими усилиями вы создали идеальные условия для поголовного превращения мужской элиты страны в трусливое говнобыдло. С точки зрения национальных перспектив – это завершение генетической и уже даже, пожалуй, антропологической катастрофы. С точки зрения женщины, это просто чудовищно скучно. С вами очень скучно, понимаете, господа?!

А в Хамовническом суде у меня все же не получилось без скандала. Когда судья объявил перерыв в заседании, я вышла в коридор и наткнулась на двух скучающих охранников в черной форме – тех, которые конвоировали Ходорковского и Лебедева в зал. Я услышала, как один охранник, зевая, спросил другого: «Ну что там, долго еще?» «Да не знаю, – ответил второй. – Этот уже два часа как гундосит. Опять без обеда останемся».

Я медленно пересекла коридорчик и, подойдя вплотную к недоевшему охраннику, тихо, но назидательно сказала: «Это ты гундосишь, перхоть. А ЧЕЛОВЕК говорит». ¹⁷⁸

О русском народе

Возвращаясь к поездке.

Я сидела и тряслась в машинах и ночевала в ужасных гостиницах — и сформулировала для себя вопрос:

народ он какой?

И, вы знаете, это как японская загадка. Только начнешь что-нибудь формулировать: допустим, «он ленивый, он развращенный, он водку пьет» или, наоборот, «он благородный», — как русский народ оборачивается совсем другой стороной.

У меня была одна встреча, которая мне что-то рассказала про русский народ.

Мы хотели сделать репортаж про настоящую русскую деревню. И где-то под Челябинском нашли на карте деревню Пьянково, просто название понравилось. 150 км от трассы.

Приезжаем в это Пьянково, половина изб заколоченные, другая половина покосившиеся, все бухают, никто не работает, из коммуникаций есть только водокачка, а по нужде ходят в хлев, где животное надышала, потому что в сортире зимой холодно.

А в это время как раз были президентские выборы. И мне рассказали, что где-то на селе есть алкоголик страшный, Петя Лебедев, пьет уже сорок лет, абсолютный бомж.

А рассказали мне о нем, потому что к выборам всем бомжам привезли из района паспорта, чтобы они смогли проголосовать за Медведева.

А потом я узнаю, что, кроме всего прочего, этот Петя — легенда местной школы, бывший золотой медалист. И живет он с того, что ходит по дворам и читает ребятишкам стихи, а ему за это дают дров, еды или водки.

Я пытаюсь найти этого Петю, говорю селянам: если найдете Петю, я и вам водки, и ему водки выставлю

. В результате приходит с избирательного участка фантастически оборванный человек, в треухе, в телогрейке. Я говорю:

«Здравствуйте, Петя, вот у меня водка “Зеленая марка”, расскажите мне о себе».

Дальше идет абсолютно дурацкий диалог: любопытная 1188урра расспрашивает деревенского алкаша о том, как устроен мир. Он говорит:

«Я живу в сарае, день от ночи не отличаю, потому что электрические провода я давно срезал и продал. А жидкость от натоптышей я не пью».

При этом надо понимать, что у них водка в магазине не продается, у них нет денег, чтобы ее купить, они пьют одеколон, а некоторые еще пьют жидкость от натоптышей. И это его признание — это проявление высокого человеческого достоинства: он пытается мне сказать, что употребляет только благородные напитки. И в конце этого диалога, когда у меня совсем мутятся мозги, я говорю, а не могли бы вы мне стихи прочесть?

И Петя, чтобы получить бутылку водки, начинает читать очень редкое стихотворение Блока.

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,

Молодеет душа.

И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,

Не дыша».

Вот представьте — дичайшая грязь, все развалено, человек в треухе из искусственного меха чебурашки, ужаснейшим образом выглядящий и воняющий:

«Снится — снова я мальчик и снова любовник,

И овраг, и бурьян,

И в бурьяне — колючий шиповник,

И вечерний туман».

Это нереально, такой картины ты не увидишь нигде

. И тут я поняла одну важную вещь.

Мы говорим на одном языке.

Я могу приехать в это Пьянково, обнаружить абсолютное человеческое дно, и при

этом найти между нами тончайшую связь.

И еще я поняла одну удивительную вещь — что этот язык и эта высокая языковая общность накладывает на меня некие обязательства в отношении этих людей.

Вот человек, который после сорока лет беспробудного пьянства (я вообще не понимаю, как он живет — на Севере, в тяжелейших условиях, как его клетки вообще не вымерли от алкоголизма) мне читает про овраг и бурьян.

В общем, что-то о русском народе я в этот момент поняла.

Но это очень горькое понимание.

«Пользуясь служебным положением, я хочу познакомить читателей с Прохоровым»

В медиагруппу «ЖВ!» пришло новое руководство. Президентом стал Николай Усков, а вице-президентом — Ксения Соколова. ГЛЕБ МОРЕВ поговорил с ней о «Снобе» и «русской мечте»

— Осенью 2011 года вы участвовали в так и не состоявшейся думской кампании Михаила Прохорова — затеяли сетевой «проект Михаила Прохорова и Ксении Соколовой». Сейчас, как я понимаю, вы стали вице-президентом принадлежащей Прохорову медиагруппы «ЖВ!», а ваш коллега по журналу GQ Николай Усков — ее президентом. Не могли бы вы, пусть коротко, восстановить здесь канву событий, соединяющих эти две временные точки?

— Я действительно получила предложение занять пост вице-президента медиагруппы «ЖВ!». Что касается совместного проекта с Прохоровым, то проект не закрыт, напротив,

Читать!

Мы с Михаилом собираемся его развивать. *Made in Russia* станет крупным мультимедийным общественно-политическим проектом совершенно нового типа. Самое важное и интересное лично для меня, что случилось за указанный вами период, — это знакомство и совместная работа с Прохоровым. Во время думской кампании я не была ни членом партии «Правое дело», ни ее сторонницей, специально оговорив, что проект *Made in Russia* не будет политическим. Пообщавшись с Прохоровым эти полгода, я всерьез полагаю, что он — абсолютно внятный кандидат на пост президента страны. Во-первых, Прохоров — первоклассный менеджер, во-вторых, у него есть видение. Это означает, что человек в состоянии решать задачи, представляющиеся нерешаемыми большинству. Меня тоже всегда интересовало решение задач именно такого рода. И хотя развитие медиагруппы не относится к области политической деятельности, для меня важен именно масштаб. Мне интересно было бы участвовать в создании медиаимперии, консолидирующей и развивающей СМИ принципиально нового типа, отвечающие новым вызовам и той грандиозной ломке, которой сейчас подвергается мировое информационное пространство. Проект «Сноб» задумывался его создателями именно в этом ключе. Стратегически все было абсолютно верно.

— **В чем вы видите тактические ошибки Яковлева и Ко?**

— Мне кажется, прежде всего Яковлеву не хватило жесткости и воли реализовать свой изначальный замысел до конца. Возможно, он был поставлен в настолько идеальную

с точки зрения финансов ситуацию, что это его расслабляло. Но мне не хотелось бы углубляться в критику предшественников. Яковлев создал бренд. Что немаловажно, русский бренд. В декабре вышла книга лучших материалов из «Сноба» за три года его существования. И коллекционный номер с лучшими интервью. Это собрание блистательных журналистских материалов. Причем блистательных по мировым меркам. В прошлом году вышло несколько книг, основанных на материалах «Сноба», под редакцией Сергея Николаевича («Все о моем отце», «Все о Еве») – и это качественная современная литература. Эти успехи надо развивать. Мне нравится именно такая «протеистическая», меняющаяся формы журналистика, которая может существовать в форме интернет-контента, эссе в журнале, главы в прекрасно изданной книге. Для этого журналистика должна быть очень высокого качества. Именно такую мне было всегда интересно делать.

– Сегодня все, что связано с Прохоровым, воспринимается в контексте его стремительно начавшейся политической деятельности – и, конечно, его медийные ресурсы в первую очередь. Вас не смущает такая ангажированность? Будет ли «ЖВ!» принимать участие в президентской кампании Прохорова?

– Политику медиагруппы будет определять ее президент. Я могу высказать свое мнение. Я не думаю, что медиаресурсы, принадлежащие Прохорову, можно будет обвинить в ангажированности. В этой области есть международные правила приличия. Их нарушение приводит к очень серьезным репутационным потерям, которые не искупаются сиюминутной выгодой владельца. Прохоров никогда не лез в дела принадлежащих ему СМИ, наоборот, демонстративно от них дистанцировался. При этом президентская кампания – это, разумеется, информационный повод. Мне, например, как журналисту, очень интересно сделать интервью с Михаилом в «Снобе». Много общаясь с ним последние полгода, я понимаю, что представление о нем большинства людей абсолютно никак не соответствуют действительности. Пользуясь служебным положением, я бы хотела читателей с ним познакомить. Мы также планируем сделать нечто вроде дневника избирательной кампании онлайн, где можно будет наблюдать за работой штаба и вообще получить представление, как такие кампании проводятся. Мне кажется, это интересно. Вообще, по-моему, для журналиста существуют два основных критерия: быть интересным аудитории и не нарушать профессиональную этику. Очень просто.

– В «ЖВ!» помимо «Сноба» – журнала и сайта (кстати, кто их возглавит?) – входят и другие медиа. Какова будет их судьба? Года два назад я посетил «детский проект» «ЖВ!», возглавлявшийся Леонидом Милославским, и мы договорились сделать материал к их открытию. Тогда оно планировалось «на май». Что с этим проектом сейчас?

– Главным редактором журнала остается Сергей Николаевич. О каких-либо перестановках и назначениях говорить рано – мы только принимаем дела. Я знаю, что внутри медиагруппы было изначально запланировано несколько проектов, с моей точки зрения очень интересных, – но они не были по тем или иным причинам реализованы. Наиболее перспективным из них мне представляется JV TV, у которого есть все шансы стать полноценным мультимедиаканалом.

– GQ, где Николай Усков был главным редактором, а вы – его заместителем, собрал более или менее постоянную группу колумнистов, определявших лицо журнала.

В «Снобе» вы предполагаете сотрудничать с тем же пулом авторов? И продолжится ли здесь ваш проект с Ксенией Собчак?

– Я думаю, основной пул колумнистов останется с нами. За исключением, пожалуй, Михаила Идова. Что касается моего проекта с Ксенией Собчак, то он закрывается, по крайней мере, в качестве колонки в журнале. Возможно, колонка превратится в ТВ-проект или мы придумаем что-нибудь новенькое. На мой взгляд, формат «разговора хамоватых школьниц с мудаковатым дяденькой» себя слегка изжил. Школьницы выросли. Хочется разговоров посерьезнее.

– Осенью сообщалось о переговорах по включению в «ЖВ!» медиаактивов Натальи Синдеевой – телеканала «Дождь», сайта *Slon.ru* и «Большого города». Можете ли вы как-то прокомментировать ситуацию на сегодняшний день? Собирается ли «ЖВ!» расширять свой медиапортфель?

– Насколько мне известно, никаких переговоров относительно упомянутых медиаактивов на сегодняшний день не ведется. Группа планирует сосредоточиться на развитии и создании собственных медиа. Расширение возможно – но это скорее программа-максимум.

– Сохранится ли тот щедрый уровень финансирования «ЖВ!», который существовал при запуске проекта Яковлевым? Какие коммерческие задачи и сроки поставлены перед вами Прохоровым?

– «Щедрый уровень», увы, останется легендой отечественного медиарынка. Перед нами стоит задача сделать прибыльным проект «Сноб». На мой взгляд, это абсолютно реально. Решив эту тактическую задачу, можно будет перейти к более глобальным.

– Кто кроме Ускова и вас приходит в топ-менеджмент «ЖВ!»? И кто займет должность главного редактора проекта «Сноб», вакантную с момента ухода Яковлева?

– Николай Усков будет совмещать должности президента медиагруппы и руководителя проекта «Сноб». Мы надеемся, что вместе с нами в «ЖВ!» придет костяк нашей команды из журнала *GQ*.

– Какую сферу ответственности предполагает ваш пост вице-президента группы?

– Что касается сферы лично моей ответственности, то, во-первых, я собираюсь заниматься любимым делом, а именно собственно журналистикой – в рамках как медиагруппы, так и своего проекта *Made in Russia*. Буду вести колонку в «Снобе», делать интервью, работать в наиболее интересном для меня жанре гранд-репортажа. Кроме того, мне хотелось бы вдохнуть жизнь в клуб «Сноб», который как-то заглох. Я имею в виду непосредственно клубную жизнь – мероприятия, выставки, вечеринки. Я была на нескольких вечеринках, которые устраивал Яковлев в самом начале проекта, – было здорово. Хочется эту традицию возобновить. Еще одна сфера деятельности, которая меня очень увлекает, – это стратегическое медиапланирование. Не буду раньше времени раскрывать карты, но в долгосрочной перспективе хотелось бы создать медиаструктуру, которая сыграет в нашем времени и мире роль сродни той, которую сыграл в культурном пространстве XX века американский *Condé Nast*. Помните, я говорила о «решении нерешаемых задач»? Для меня такая задача – не просто уловить *zeitgeist*, но предвосхитить его, не просто дать людям то, что им необходимо, но создать эту необходимость, поток, направление движения. Мне кажется, на сегодняшний день России

больше всего необходима Русская Мечта. Мы, как нация, должны в себя поверить. Создать абрис, черты этой мечты, показать, что мы можем стать успешным, процветающим государством XXI века, помочь стране в себя поверить – в этом я вижу задачу новых национальных медиа. Еще один важный шаг – изменить образ

России в мире, транслировать «русскую мечту» в мировое информационное пространство. На сегодняшний день мы являемся фактически регрессивной цивилизацией и почти не создаем ничего конкурентоспособного. Но кризис переживаем не мы одни! В условиях потрясений, которые переживает цивилизованный мир, функцию создания новой системы ценностей могла бы взять на себя именно Россия с нашей мощнейшей языковой, литературной и культурной традицией. Предложить стране и миру новые ценности, консолидировать новую элиту, создать новые медиа, средства коммуникации в условиях очень высокой динамики развития – долгосрочная и амбициозная задача. Мне было бы очень интересно над ней поработать.¹⁷⁹

Кира Прашутинская

Зрителям Кира Прошутинская больше известна в роли телеведущей и «крестной мамы» большинства нынешних телевизионных звезд. «Звездная» роль самой Киры Александровны скорее всего состоялась в передаче «Пресс-клуб» (ОРТ) и до сих пор является ее визитной карточкой.

Прошутинская Кира Александровна родилась 15 сентября в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. На телевидении – с 1967 г.

В сентябре 1990 совместно с Анатолием Малкиным создала АТВ. С июня 1991 по ноябрь 1991 – заместитель главного редактора студии «Эксперимент».

Зрителям Кира Прошутинская больше известна в роли телеведущей и «крестной мамы» большинства нынешних телевизионных звезд. «Звездная» роль самой Киры Александровны скорее всего состоялась в передаче «Пресс-клуб» (ОРТ) и до сих пор является ее визитной карточкой. ОРТ сочло эту передачу слишком «острой» для своего канала.

Другая авторская программа Прошутинской - «Мужчина и женщина» - показала руководству РТР «излишне позитивной» и была закрыта.

Авторское телевидение (АТВ), можно сказать, семейное предприятие Киры

¹⁷⁹ <http://os.colta.ru/media/paper/details/33246?expand=yes#expand>

Прошутинской и ее мужа – Анатолия МАЛКИНА, телережиссера, президента компании. Сегодня телекомпания производит такие передачи, как «Мы», «Человек в маске», «В поисках утраченного», «Вместе» (ОРТ), «Старая квартира» (РТР), «Пойми меня» (НТВ), «Времечко» и «Пресс-клуб» (ТВ-Центр).

Собственного канала АТВ не имеет, так как на его приобретение требуется немыслимая сумма. Пойти по пути других телекомпаний и приобрести канал на средства коммерческих (читай – политических) структур означает потерю независимости.

Прошутинская и Малкин были авторами самых первых выпусков «Взгляда».

Муж – Анатолий Малкин, генеральный продюсер АТВ. Сын – Андрей – заместитель генерального продюсера АТВ.¹⁸⁰

«Люди должны быть свободными в своих идеях»

Телеведущую, популярную еще с советской эпохи, и продюсера Киру Прошутинскую не зря называют «крестной мамой» многих звезд отечественного ТВ. В разное время она была автором таких популярных передач, как «А ну-ка, девушки», «Мир и молодежь», «Взгляд», вела передачи «Мужчина и женщина», «Пресс-клуб» и, наконец, «Народ хочет знать» на канале «ТВ-Центр».

Ее брак с режиссером и президентом частной телекомпании «АТВ» Анатолием Малкиным можно с полным правом назвать образцово-показательным. Их почти тридцатилетний союз наглядно опровергает расхожие предрассудки о том, что супругам нежелательно работать вместе. Малкин и Прошутинская – совершенно разные по темпераменту люди, и коллеги не случайно прозвали его рабочий кабинет «кабинетом психологической нагрузки», а ее – «кабинетом психологической разгрузки». «АТВ» они создали вместе в сентябре 1990 года. Собственный канал это творческое объединение так и не приобрело, поскольку на это потребовалась бы немыслимая сумма, и искать богатых покровителей тоже не пожелало. АТВ готовит проекты, которые потом выходят на других телеканалах, в том числе на Первом, ТВ-6, «Спорте», ТНТ, ДТВ, REN-TV, «России» и так далее.

«Скрывать возраст – глупо»

Кира Прошутинская, коренная москвичка, окончила когда-то факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, а на центральное телевидение впервые попала в 1967 году и работала штатным корреспондентом Молодежной редакции. А в сентябре 2010 года гранд-дама отечественной тележурналистики торжественно отметила свой юбилей – ей исполнилось шестьдесят пять. У Киры Александровны нет никаких комплексов по поводу возраста: она отлично выглядит и совершенно не стесняется даты своего рождения. В этом она полностью согласна с подругой своего детства Аллой Пугачевой, сказавшей однажды: «Скрывать возраст – глупо. Все равно когда-нибудь все об этом узнают».

Незадолго до юбилейной даты Прошутинская пробовала запустить очередной свой проект на Первом канале, но, к сожалению, он не оправдал ее ожиданий. Пилотный проект этой передачи назывался «СофитыЛорен», а в эфире она появилась

180 <http://www.peoples.ru/tv/proshutinskaya/index.html>

под другим названием – «Раньше всех». Основными ведущими этой передачи стали актрисы Ольга Аросева и Алика Смехова. Сначала проект заслужил одобрение генерального директора Первого канала Константина Эрнста, но спустя две недели его закрыли. А Прошутинской предъявили претензии в том, что якобы с ее стороны была нарушена технология съемок. Кира Александровна до сих пор считает подобные обвинения необоснованными, поскольку рейтинги передачи «Раньше всех» были выше даже, чем у программы «Малахов +».

С предубеждением против ТЭФИ

Одним из самых ярких открытий Киры Прошутинской как продюсера в свое время стала Яна Чурикова. Девушка сначала пришла на «АТВ» в программу «Мы», а впоследствии перевелась во «Времечко». И, хотя сама Яна выражала признательность Кире Александровне за свой первый шаг в профессии, Прошутинская не склонна считать себя исполнительницей серьезной роли в ее творческой судьбе. К престижным наградам и телевизионным премиям Кира Прошутинская относится достаточно прохладно. Она побывала лауреатом премии Союза журналистов СССР, премии «Лучший журналист-93» Московского союза журналистов, премии Русского биографического института «Человек-93», а также получала премию «Серебряный гонг» за вклад в отечественную тележурналистику» в 1994 году. А вот ТЭФИ ей совсем не нравится. «Какой смысл в этой премии – не понимаю. Увы, пока наша телеакадемия, хотя я и ее член, не выполняет свои функции. Она не определяет ни лицо нашего ТВ, ни принципы, по которым мы должны работать. Не выражает свое отношение к программам. Не поддерживает молодые таланты», - считает она.

В «АТВ» с Прошутинской работают самые разные люди: средний возраст своих сотрудников она определяет от восемнадцати до сорока лет. Кира Александровна, по ее же словам, старается сделать все возможное для того, чтобы в каждом из них развить творческое начало. «Люди должны быть свободными в своих идеях», - так формулирует она свое профессиональное кредо. И оно пока ни разу ее не подводило.

«Считаю, что старость унижительна»

Не боится ли известная ведущая провокационными вопросами обидеть гостей своей программы «Жена»?

К. П.: - Не боюсь, осознаю, что балансирую на грани, но не перехожу её. После записи всегда спрашиваю героинь, какие эпизоды в программе они хотели бы оставить, а какие – убрать. Ведь иногда человек может пожалеть о сказанном. А мне совсем не хочется обижать моих гостей.

«ТВ-Гид»: - А кем были ваши родители? Из какой вы семьи?

. П.: - Папа мой был инженером, а бабушка – из «бывших», вернулась в Россию из

Франции в 1918 г. Оказавшись на родине, она поняла, что никому здесь её французский не нужен, и пошла работать в домоуправление, носила какие-то папки, и никто даже не догадывался, что по происхождению она из дворян. Представляете, как нужно было ломать себя, своё нутро и мировоззрение в угоду новой власти! До сих пор в Библиотеке им. Ленина хранится её перевод каких-то литературных произведений. Но каких именно, мне неизвестно. А муж сестры моей бабушки **Аркадий Сергеевич Назаров**, выпускник первого выпуска Академии Жуковского, был репрессирован. Он был моторщиком, знаменитым директором завода, у которого был персональный самолёт. Но в 1937 г. Он «загремел» и работал в шарашке вместе с **Королёвым**. Вернулся в семью лишь после смерти Сталина.

«ТВ-Гид»: - Бабушка прививала вам благородные манеры?

К. П.: - Нет. Хотя именно она тот человек, который меня сформировал и воспитал. Она была самоотверженной бабушкой. Я росла болезненным ребёнком, у меня было воспаление лёгких на грани туберкулёза. Осенью и весной начиналось обострение, и бабушка всё время находилась рядом со мной. Такая, знаете, няня Арина. Когда бабушка держала мою руку или клала свою мне на лоб, болезнь словно отходила. Чтобы помочь мне, она выучила английский, потом немецкий. Раньше в советских школах было модно вести переписку со школьниками из социалистических стран. Так вот бабушка переводила мне письма от моих друзей из ГДР.

«ТВ-Гид»: - Сегодня многие «бывшие» возвращают свои имена и владения. А вам не перепали бабушкины особняки?

К. П.: - У нас не было никаких имений. Бабушка никогда не говорила о том, кто кем был и чем занимался. Она ужасно боялась новой власти и предпочитала молчать о своём прошлом. Мой родной дед однажды пропал бесследно. Все говорили, что он умер.

«ТВ-Гид»: - А страх передался и вам?

К. П.: - Да, он сидит во мне и сегодня. Я боюсь того, что всё может повториться и в какой-то момент могут прийти и отобрать наше дело. Это, к сожалению, не исключается и вполне возможно.

«ТВ-Гид»: - Как вам удаётся так хорошо выглядеть?

К. П.: - Чтобы выглядеть так хорошо, я много чего делаю, и мне не всё равно, как я выгляжу на экране и в жизни. Считаю, что старость унижительна.

«ТВ-Гид»: - А рыжие волосы вам по жизни помогали или – наоборот – приносили огорчение?

К. П.: - Я помню состояние «не такой, как другие» и ощущение некой ущербности. Мама, чтобы как-то успокоить меня, всё время говорила: «Доченька, и Ленин был рыжим, просто он красился». Я верила ей. (*Смеётся.*) Когда мы переехали жить на Крестьянскую Заставу и я пошла в школу, к счастью, в моём классе были ещё двое рыжих. Это **Алла Пугачёва** и мальчик **Слава Фишки**, который впоследствии стал физиком. Алла мне всегда с умным видом говорила: «Знаешь, Кира, мы ведь из числа избранных. Мы не отсюда, не земляне, нас прислали оттуда». И многозначительно поднимала вверх палец, показывая в небо. Потихоньку я стала привыкать к своему цвету волос, да и наличие рядом ещё таких же успокаивало.

Почему народ достоин лучшего телевидения

Кира Прошутинская: Телевидение – моя первая и единственная любовь. *Кира Прошутинская, ведущая легендарного телевизионного «Пресс-клуба» конца 80-х – начала 90-х, глава «Авторского телевидения» – об авторском начале в современной журналистике.*

Российская газета: Кира Александровна, сегодня «телевидение» – почти ругательное слово. Как «телемастер» скажите несколько слов в его оправдание. Что заставляет вас любить его?

Кира Прошутинская: К сожалению, я не с первого раза нашла себе мужа. А вот работу – с первого. Телевидение – любовь первая и единственная. (Пришла в 19 лет, а уже в 21 меня в виде исключения взяли в штат молодежной редакции Центрального телевидения.) Жизни без него я себе не представляю. Как, впрочем, и многие другие. Что это за феномен, что за «наркотик»? Ведь покинуть ТВ не могут не только те, кто в кадре. Среди редакторов, журналистов ни разу не встречала добровольно покинувших ТВ.

Упрощение всего современного ТВ, низведение каких-то сложных мыслей и позиций до скороговорок и адаптированных подач вызывает у меня обиду за зрителя. «Мы показываем, пипл хаваает» – не моя лексика. Я гораздо серьезнее отношусь к нашему народу, он умнее, серьезнее, образованнее, чем нас приучают думать, и достоин лучшего телевидения, чем у нас есть.

А в оправдание что могу сказать? Все равно есть хорошие передачи. Нам, например, не стыдно ни за «Дежурного по стране», ни за «Большую семью», ни за «Пресс-клуб», ни за «Временно доступен»... К счастью, у нас нет проходных вещей.

РГ: Сегодня лидируют газеты и журналы, где заметки пишутся по строгой технологии. Автор с его изысками мыслей и чувств почти не нужен. Как в современной журналистике сохранить авторское начало? Как «Авторское телевидение» делает это?

Прошутинская: Конечно, какой-нибудь журнал «Финансы и деньги» может быть и лишен авторского начала, сделав выбор в пользу ну не то, чтобы безликой, а скажем так, унифицированной журналистики. Но все, у чего есть автор, несет в себе знак качества и ответственности. Авторская позиция сейчас, к сожалению, не буду врать, не позволяет сказать до конца все, что ты хочешь сказать, но позволяет не говорить того, что не хочешь.

У нас сейчас в компании работает очень много молодых людей – от 18 до 40 лет. И мы все делаем для того, чтобы развить их авторское начало. Чтобы они чувствовали, как они свободны в идеях, в стремлении что-то придумать.

У нас вообще-то работают люди, которым интересен человек как таковой. Независимо от того «звезда» он или нет. Мы делали программу «От всей души» (к сожалению, сейчас закрытую, мне невероятно жалко, потому что я когда-то начинала работать с Валентиной Михайловной Леонтьевой и мне хотелось возродить ее на новом этапе) и лишней раз получали подтверждение, какие все-таки люди у нас потрясающе интересные.

И вот этот пристальный взгляд на человека, на его суть, не столько на поверхность, сколько на психологическую глубину – отличительная черта «Авторского телевидения».

Может это пафосно и несовременно звучит? У нас не топовые, хотя достойные рейтинги. Но на фоне того, что народ «заточили» под желтизну, простоту, ржание. А для нас Абсолют юмора – Михаил Михайлович Жванецкий. Не постные, изящные, смелые шутки, хоть о любви он говорит, хоть о политике.

РГ: Российское телевидение ждут революции?

Прошутинская: Но мы же лишь компания-производитель. Главное дело своей жизни – телеканал – мы не сделали, хотя нам казалось, что мы могли и уж точно хотели сделать общественный канал. Я не чувствую кожей никаких перемен. Есть волнение на некоторых каналах. Но что за ним?

Я только знаю, что к работникам телевидения нельзя относиться как к пешкам. Качество рождается уважением к человеку. Умением увидеть, умением выждать. К сожалению, это сейчас ушло из стиля общения руководителей телеканалов. Для меня это разрушительная сила, она не дает телевидению развиваться¹⁸¹.

Свобода стоит дорого

- **Валентин Александрович Чернаков. Кира Прошутинская – имя музыкальное, очень артистичная, внешность идеальная. Сколько обаяния Кира излучает на телеэкране, каждый зритель знает. Голос соловьиный, трелей речь полна, словно вальс старинный, как любви волна. Стан ее изящен, милые глаза, Облик ваш прекрасен – русская краса!**

- Боже мой! Спасибо вам большое. Какое хорошее начало дня!

- **Петр из Москвы. Говорят, на телевидении семейственность имеет место. Это коррупция, протекционизм или это нормально?**

- У нас в телекомпании семейственность в прямом виде. Мой муж, Анатолий Малкин – продюсер и гендиректор АТВ, там же работает и мой сын, дети тех, с кем мы начинали. И тем не менее у нас – все по способностям. Может прийти человек с улицы и его возьмут, а чей-то сын получит отказ. В таком подходе есть плодотворное начало.

- **Какими способностями надо обладать, чтобы прийти на телевидение? Я знаю, что Иван Демидов начинал с осветителя.**

- Ему было интересно, что мы делаем. Каждый может стать звездой. Слава богу, у нас страна стала такая, в которой можно делать то, что ты хочешь, если ты этого хочешь. Когда-то к нам пришли Парфенов, Дибров, Угольников, Комиссаров. И стали звездами. Но бывает и другое. Как-то один продюсер мне сказал: «Когда ко мне приходит человек с АТВ, беру не глядя. Это школа. Но происходит странное: эти люди без вас не могут работать так, как у вас».

- **Юля из Москвы. Кира Александровна, в чем была суть вашего конфликта с ведущим «Мужчины и женщины» Максимовым? Может, он предлагал неприемлемые для вас кандидатуры?**

- Конфликта нет. Я очень хорошо отношусь к Андрюше, но я как главный редактор не имею права на эмоции, а он имеет. Андрей по-прежнему работает на АТВ, ведет свою программу. Я предложила ему вести со мной «Мужчину и женщину», когда временно не шла программа «Ночной полет». У него изначально были сомнения в том, что это его

передача. Андрей считал, что это не то место, где он реализовывается. Я как могла его удерживала, но поняла, что, наверное, он прав. А кандидатуры, которые он тогда предложил, неприемлемы для программы.

- Кто же, по-вашему, приемлем?

- Это должны быть очень крупные личности, очень крупные.

- Михаил, Москва. У вас семейная компания. А вы о чем-нибудь кроме работы дома можете разговаривать?

- Мы – люди обыкновенные, я готовлю обед, муж ходит в магазин, у нас друзья, с которыми мы разговариваем обо всем на свете, но так или иначе возвращаемся к работе. Ничего интереснее у нас нет.

- Участники «Пресс-клуба» жаловались, что их выступления редактировали. В «Мужчине и женщине» – то же самое?

- Не бывает, чтобы исказилась чья-то позиция или не была представлена вообще. А во времена прямого эфира кто-то замечательно сказал: ну, если я уж дурак, то дурак, даже сослаться не могу на то, что вы меня вымонтировали – это прямой эфир. «Мужчину и женщину» мы вынуждены монтировать, так как программа пишется более двух часов, а эфирное время – сорок четыре минуты..

- И никто из «мужчин и женщин» претензий не предъявлял?

- Конечно, нет. Более того, многие герои становятся нашими друзьями. –

Маргарита. Как вы относитесь к нынешнему НТВ?

- Неловко признаваться, но я сейчас мало смотрю телевизор, поэтому судить о том, что сейчас происходит на НТВ или на ТВ-6, не могу.

- Но вы же возвращаетесь в телевизионных кругах...

- Мы в кругах не возвращаемся. Мы работаем. К сожалению, телесообщество не стало цивилизованным сообществом. Я недавно была на «Кинотавре» и увидела, что у киношников нормальные отношения при всех сложностях, у нас, к сожалению, пока этого нет.

- Ирина Петровна. У АТВ в новом сезоне будут новые проекты?

- Только что пошел проект «Верные друзья» по первому каналу о бывших союзных республиках. Правда, эта программа не терпит суеты, а ее сильно сократили, и она многое потеряла. Продолжаются «Уроки русского. Чтение», где актеры читают классику. В сентябре Алексей Петренко будет читать русские сказки. Снялась Людмила Чурсина, готовится Табаков, Хазанов. Готовим «Традиционный сбор», где собираем компанию, скажем, сборную по фигурному катанию или курс известных людей. Также запустили новый проект «Жизнь на кассетах», что-то вроде ЖЗЛ, но на видео. Сейчас смонтировали уже три часа с Алекснадром Николаевичем Яковлевым. В монтаже еще три-четыре человека, интересных всем. Этим проектом заинтересовалось российское телевидение, и по их просьбе мы будем делать длинную подробную серию. Еще есть «Медовый месяц» – о людях, решивших развестись. Если сумеем убедить этого не делать, они получат второй медовый месяц от АТВ и уедут в теплые путешествия.

- А если к вам придут те, кто и не собирается разводиться?

- Допуск нужно делать абсолютно на все. Но ежели все допускать и ничего не делать, то ничего и не будет.

- Александр из Москвы. Почему Авторское телевидение так называется? Другие не авторские?

- Ну, наверное, и другие авторские. Мы были первой независимой телекомпанией, поэтому собирались назваться «Альтернативным телевидением». Но наш друг Ворошилов сказал Малкину: «Толь, ты с ума сошел! Как только ты произнесешь слово альтернативное, тебя тут же закроют, придумай что-нибудь более приличное». В итоге остановились на Авторском телевидении и наполнили, на мой взгляд, его определенным смыслом.

- АТВ никак не реагирует на то, что происходит с коллегами.

- НТВ во многом само виновато. Нельзя ощущать себя абсолютно неуязвимыми и поступать так, как они поступают даже сейчас по отношению к другим. Выступать против коллег, которым трудно, неловко. Поддерживать их, совесть не позволяет. Думаю, что некая высшая справедливость все в свое время расставит по местам.

- Роман Рябчиков, Химки. Есть ощущение, что у всех людей, работающих на телевидении, просто мания величия какая-то.

- Телевидение – дьявольское искушение. Заставляет почувствовать себя мессией, властителем дум. Эфир даже разумных людей лишает ориентиров. Да какие мы, к черту, властители дум? Кто нас вспомнит, когда мы уйдем? Я все время телевизионным мужчинам говорю: следите за гормонами. А то они все становятся по –женски капризными, обидчивыми, нежными, до слез. С женщинами этого не происходит.

- А вообще от этого есть противоядие?

- Надо быть несуетным человеком, но я таких среди нас не знаю.

- Марина Лошак. Вам никогда не хотелось иметь свой канал?

- Конечно. Мы много раз участвовали в конкурсах, но с нулевым результатом. Мы, наверное. Неправильно живем, не умеем давать взятки, да у нас и денег нет. У нас есть силы, идея концептуальных канала, которые бы смотрели... Говорят, у Малкина характер плохой. Но если бы был такой уж плохой, то с ним бы не работали – наши программы идут на всех каналах. Мы делаем качественную, честную продукцию. Но, видимо, малок кому это нужно.

- Вы когда-то говорили: «Какие вокруг хорошие, хорошие, хорошие люди». Вы действительно так считали?

- Абсолютно. Сейчас, к сожалению, так не думаю. В силу жизненных обстоятельств.

- Обстоятельства – это телевидение?

- Конечно. – **Семен Иванович. Кажется, на телевидении только скандалы и бывают. Вы что, дружно жить не умеете?**

- Телевидение стало очень богатым бизнесом с нечестной конкуренцией. Вот и вся печальная история.

- Катя Колыванова. Зеленоград. Любимов говорит, что телевидение не искусство, а ремесло. Вы согласны?

- Я не могу так жестко судить, как Саша. Но думаю, что он не прав. – **А как вы относитесь к скандалу с телеакадемиками?**

- Я в числе тех, кого приняли. Но не считаю, что это та академия, которая способна решать реальные проблемы и которая абсолютно объективна. Там собирались, в основном, начальники всех каналов, которые решали свои начальнические

межканальные проблемы.

- **По-моему, для женщины вы слишком жесткий человек.**

- Я бываю стервозной. Но что же делать, работа такая.

- **Говорят, у нас в телебизнесе акул нет, одни мальки и пираньи.**

- Думаю, это так. Акулы все-таки избирательные рыбы, а пираньи подьедают, что придется, как это у нас и происходит. Вот Гусинский был акулой, а потом изменил свою рыбную природу и все потерял.

- **Ирина. Вам не кажется, что вы на телевидении задержались уже лет на пятнадцать и, говоря по-молодежному, «не догоняете»? – А вы можете пояснить свой вопрос? – От ваших программ пахнет нафталином. Я не поклонница Кончаловского, но он думает в том темпоритме, который принят сейчас. Вы были не готовы к разговору с ним, говорили что-то заученное. На этом выпуске программы стало ясно, что уже пора уступить место.**

- Кому?

- **Ну-у-у... Может быть, людям, которые и думают побыстрее**

. – А сколько вам лет? – Тридцать пять. – Лексикон ваш для тридцати пяти бедноват – тоже не догоняете. А молодые стали гораздо разумнее, у них больше возможностей выражать свои мысли, кроме «догоняете-не догоняете».

- **Вы настолько существуете в собственной системе координат, что уже не можете выйти за пределы привычного.**

- Это ваше мнение, но, наверное, мне тоже надо об этом думать.

- **Архангельская студия общественного российского радио. Вы разделяете журналистику на женскую и мужскую?**

- Есть хорошая журналистика и плохая. Есть особенности в физиологии мужчины и женщины. Но хорошая журналистика не зависит от пола.

- **Кто содержит АТВ?**

- Мы, может быть, одна из немногих телекомпаний, которую никто не финансирует. Иногда я думаю, правильно ли мы поступаем. Это чрезвычайно трудно, свобода стоит дорого.

- **Ирина Георгиевна, мне 50 лет. Видела в одной из праздничных программ вы были в красивом норковом жакете.**

- Когда я вижу хорошо одетых людей, есть у меня деньги на это или нет, мне все равно это нравится, потому что это красиво. Выходить в эфир в майке – проявление неуважения к зрителям. Это заблуждение, что сталеваары хотят видеть сталевааров, доярки – доярок, а теледивы – теледив. Хочется увидеть то, чего мы не видели и не знаем.¹⁸²

Всеволод Богданов

Председатель Союза журналистов России, президент Международной конфедерации журналистских союзов (МКЖС); родился в 1944 г.; окончил факультет журналистики ЛГУ; работал в газетах, на телевидении и радиовещании редактором и специальным корреспондентом; занимал должности генерального директора программ ТВ Гостелерадио, начальника Главного управления периодики Госкомиздата СССР; в 1992 г. был избран председателем Союза журналистов России; в январе 1998 г. на уредительном съезде Национального профсоюза журналистов России был избран председателем Совета этого профсоюза; в ноябре 1998 г. избран президентом МКЖС; женат, имеет дочерей; увлечения: раритетные издания, рыбалка, охота, музыка, русская кухня.

Мы не вправе вступать в «Народный фронт»

Долгие годы журналисты в нашей стране исправно (а порой талантливо) исполняли сложную роль «коллективного агитатора, пропагандиста и организатора побед Коммунистической партии».

Долгие годы журналисты в нашей стране исправно (а порой талантливо) исполняли сложную роль «коллективного агитатора, пропагандиста и организатора побед Коммунистической партии».

«Прорабы перестройки» и инициаторы крушения СССР возвысили общественный статус журналистов — назвали нас четвертой властью.

За сравнительно недолгое время многие из журналистов преобразились — стали почивать на лаврах, переоценивать свой вклад в реальное положение дел, а некоторые сумели выстроить собственный медийный бизнес, не заметив при этом, что ситуация в корне изменилась.

Нас давно уже называют «операторами связи», общественное сознание регулируют политтехнологи и пиар-агентства, все чаще звучат в наш адрес слова «продажные журналюги». Драматические ситуации с редакциями «Известий», «Труда», отсутствием общественного телевидения, утратой доверия к отечественной журналистике остаются вне внимания и обсуждения.

Но те из нас, кто не изменил профессии, продолжают выполнять главную функцию журналистов — быть глазами и ушами общества. Нас по-прежнему еще много — в газетах, журналах, на телевидении, на радио, в интернете — тех, кто не потерял доверия читателей, зрителей, слушателей. У каждого могут быть свои убеждения, политические пристрастия, но эти пристрастия никогда не проявятся в ходе журналистского расследования или при подготовке материала к публикации.

Именно поэтому Союз журналистов России, а в него входит около 100 тыс. сотрудников СМИ, не может участвовать в каких-либо политических объединениях или партиях. Любой член союза имеет право, но весь союз — не вправе.

Если редакции СМИ, крупные медийные компании и холдинги решат участвовать в политической жизни, то и здесь у журналиста должен быть выбор.

Предположим, что политические пристрастия владельца СМИ определяют его ангажированность в отношении той или иной партии, политического объединения. Это вовсе не означает, что сотрудники принадлежащего ему средства массовой информации должны следовать его политическим пристрастиям и коллективно записываться в партийные ряды.

Цивилизованное отношение к политическому выбору профессиональных сообществ демонстрируют наши зарубежные коллеги. Во многих европейских странах этические нормы журналистских объединений и крупнейших медийных холдингов прямо запрещают сотрудникам средств массовой информации партийное членство. Ибо, как справедливо считают инициаторы таких ограничений, политически ангажированному журналисту трудно быть предельно объективным в ситуации, когда нужна беспристрастная оценка события или явления в общественной жизни.

Хотелось бы, чтобы такой подход демонстрировали и руководители отечественных средств массовой информации.

Существует вполне оправданная опасность, что на местах, в регионах, административное рвение угодить власти спровоцирует конфликты в журналистской среде. Желание «попасть в струю» политической жизни со стороны руководителя СМИ может натолкнуться на острое неприятие такой позиции журналистами издания.

Дело журналиста — беспристрастно и всесторонне освещать социальные проблемы, а не размахивать лозунгами политических партий и объединений. Если журналист все-таки склонен следовать определенному политическому курсу, то ему прямая дорога в пиарщики и политтехнологи.

Мы, журналисты, готовы поддержать «Народный фронт» в том, что касается обустройства жизни общества, борьбы с коррупцией, модернизации экономики, социальной сферы, образования, здравоохранения.

Но мы не можем, мы не имеем права быть агитаторами и пропагандистами в избирательных кампаниях. Это работа политтехнологов и пиарщиков. Не случайно, когда В.В. Путина спросили на пресс-конференции, что он сделает в первый день после выборов, он в присущей ему манере, с весьма ироничной улыбкой ответил: «Умоюсь». И даже пояснил свой ответ, что было неожиданно и достойно.

У журналистского сообщества есть готовность к диалогу с действующей властью и с претендентами на власть, но мы должны полно и непредвзято представлять обществу всю политическую элиту страны.¹⁸³

«Журналисты в России больше не четвертая власть»

Председатель Союза журналистов России о судьбе журналистского сообщества

ВАШИНГТОН—Граждане Дагестана и журналистское сообщество просят власти страны взять под личный контроль расследование убийства издателя дагестанской газеты

«Черновик» Гаджимурада Камалова. Журналист был убит около года назад. Преступление, однако, не раскрыто до сих пор.

Письмо на имя президента Путина с просьбой «взять дело о жестоком убийстве под свой контроль подписали 100 тысяч граждан Дагестана. К документу прилагается список убитых журналистов и копии подписей.

Как рассказал в интервью Русской службе «Голоса Америки» председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов, убийства журналистов на Северном Кавказе связаны со сращиванием криминалитета с правоохранительными органами в регионе. По словам Богданова, в большинстве случаев российские журналисты не знают, кто стоит за убийствами их коллег по цеху.

Роман Ошаров: Северный Кавказ, а именно республика Дагестан, лидер в плохом смысле слова по количеству убитых журналистов — за последние двенадцать лет там убито 16 журналистов. Как продвигается расследование по делу об убийстве главного редактора газеты «Черновик» Гаджимурада Камалова?

Всеволод Богданов: Прибывшие из Дагестана издатель газеты «Черновик» Магди Камалов и председатель союза журналистов Дагестана Али Камалов привезли огромное количество писем в поддержку журналистов республики. Они потребовали, чтобы были раскрыты все те 16 убийств журналистов в Дагестане, в том числе убийство бывшего главного редактора газеты «Черновик» Гаджимурада Камалова — он был убит 16 декабря, когда мы проводили день поминовения погибших журналистов, собрали их семей погибших. В этот день убили главного... Сотни людей, журналисты подписали обращение президенту с просьбой вмешаться в ситуацию с расследованием этого преступления и найти убийц.

К слову, в этом году 15 декабря мы проведем очередной день памяти погибших журналистов. Мы соберем их семьи. Этому клубу уже почти 20 лет, в нем больше 300 семей погибших журналистов. Почти все дети погибших журналистов наследуют профессию своих родителей...

Р.О.: На ваш взгляд, почему журналистов на Северном Кавказе убивают чаще всего?

В.Б.: По словам председателя Союза журналистов Дагестана Али Камалова, причина высокого количества убийств журналистов в республике — сращивание криминалитета с правоохранительными органами на Северном Кавказе. Думаю, что это и есть ответ.

Р.О.: С чем связан тот факт, что в Дагестане убивают больше журналистов при том, что в этой северокавказской республике ситуация со свободой слова в целом лучше, чем в Чечне?

В.Б.: Нет сомнений в том, что журналисты Дагестана ведут себя мужественно и героически. Они пытаются сами расследовать дела об убийствах своих коллег и, видимо, занимаются такими делами, которые считаются запретными для общества в республике. Убийства журналистов в Дагестане, скорее всего, связаны с этим. Если взять историю убийства главного редактора газеты «Черновик», то очевидно, что оно связано с попыткой продемонстрировать тот факт, что журналистам не позволено влезать в дела, которые их якобы не касаются.

Р.О.: Недавно Международный институт прессы обнародовал данные, согласно

которым в 2012 году в мире были убиты от 59-и до 119-и журналистов. Как обстоит ситуация в России?

В.Б.: Количество убитых журналистов в горячих точках — это одна ситуация. В России журналистов убивают при вроде бы мирной ситуации. Самое трагическое для российских журналистов — то, что чаще всего дела об убийстве коллег не расследуются. Мы имеем трагедии, потери в наших рядах, но чаще всего мы не знаем заказчиков и исполнителей преступлений против журналистов. В целом в России высокий процент раскрытых тяжких убийств, но ситуация с убитыми журналистами совершенно иная.

В первую очередь это связано с низким правовым и социальным статусом журналистов в России. К сожалению, российские политтехнологи преуспели в том, чтобы доказать, что профессия журналиста порочна в основе своей — мол, это не журналисты, а журналюги, которые пишут заказные статьи. Хотя в стране много людей, которые верны этическому кодексу и пытаются обустроить российское общество. Мы думаем, что с этим стереотипом нужно бороться.

Дело в том, что СМИ и журналисты в России — больше не четвертая власть. Этот девиз давно канул в лету. Мы давно ушли от этого. При этом современные журналисты более трезво смотрят на свою роль в жизни общества и формировании общественного сознания. Журналисты — это глаза и уши общества. Когда эти глаза и уши неисправны, когда он выведены из строя, общественное мнение не может быть здоровым.

Р.О.: Ваше отношение к новой законодательной инициативе, связанной с понятием «иностранных агентов, и отражающейся, в частности, на положении СМИ? Что вы об этом думаете?

В.Б.: С одной стороны мы знаем, что во многих странах есть СМИ, которые издаются бизнесом из других стран. В Европе довольно обычная практика. Лично я особой трагедии для государства и общества в том, что некоторые газеты издаются иностранными владельцами. В Москве есть газеты, которые издаются далеко не российскими предпринимателями, но эти газеты авторитетны и влияют на бизнес и экономику. Не по тому пути пошли законодатели по выявлению иностранных агентов. Надеюсь, что придет время и расставит все на свои места.¹⁸⁴

«Хорошая пресса у нас есть»

Кризис и СМИ — на эту тему корреспондент "«Г»" беседует с председателем Союза журналистов России Всеволодом Богдановым.

Российская газета: Что сейчас происходит с нашей, российской журналистикой?

Всеволод Богданов: В медийном пространстве появилось много чего другого, смежного с журналистикой, — пиар, п1204апрограммиров заказные материалы, реклама. Но хорошая пресса у нас, к счастью, есть. В регионах маленькие газеты, "«егионки"» как мы их называем, очень много делают для консолидации общества и поддержки простого человека. Существует много региональных телевизионных каналов, которые ориентированы на реальные нужды, проблемы и удачи обычного человека.

РГ: Какие проблемы нашей журналистики сегодня, на ваш взгляд, особенно

184 <http://www.golos-ameriki.ru/content/vsevolod-bogdanov-interview/1556131.html>

актуальны и требуют неотлагательного решения?

Богданов: Есть проблема компетенции главных редакторов. Есть проблема с моделированием СМИ. Часто говорят: "айте денег, а мы сделаем газету или журнал"» Но никто не думает о том, что это будет за издание, кому оно предназначено, почему его должны покупать.

Еще одна важная проблема — журналисты, превращающиеся в пиарщиков. В Европе, например, если журналист попался на заказной статье, его перестают считать журналистом, он становится в глазах окружающих пиарщиком. Это по-своему тоже уважаемая профессия, но такому человеку доверяют меньше.

РГ: А как кризис оказал влияние на СМИ?

Богданов: Конечно, кризис добавил своих трудностей. Недавно прочитал статью молодой журналистки, работающей на телевидении в Белгородской области. Зарплата у нее 8 тысяч, и вот она расписала, на что и сколько может в месяц потратить. В конце она задает справедливый вопрос, что еще она должна изменить в жизни? Может, больше работать, чтобы ее работа оценивалась по-другому?

Так что журналистам в это непростое время надо помогать и защищать их, особенно в регионах. Об этом, в частности, мы будем говорить на предстоящем Бале прессы. Попробуем сделать Союз журналистов профессиональным сообществом, способным защищать права журналистов и вести на равных разговор с работодателями.

РГ: Сейчас многие критикуют телевизионные каналы за увлечение развлекательными шоу, кровавыми и безнравственными историями. Можно что-то изменить?

Богданов: Да, телевидение яростно критикуют, особенно центральные каналы. Отчасти из-за того, что в регионах появились каналы, которые людям нравятся больше. Когда я встречался с президентом Дмитрием Медведевым, мы обсуждали эту проблему. Он высказал мнение, что с приходом цифрового телевидения все изменится. Появится огромное количество новых каналов, и человек сам сможет выбирать, что ему смотреть. А каналам придется бороться за своего зрителя. Вот тогда понадобятся профессионалы, которые смогут делать программы на хорошем интеллектуальном и этическом уровне. Уже сегодня появились подобные каналы, как, например, "«то есть кто"» "«остальгия"» канал документального кино. Поверьте, там есть на что посмотреть, о чем подумать.

РГ: С телевизионными каналами более-менее понятно, а какова судьба печатных СМИ?

Богданов: Газеты имеют много возможностей, чтобы привлечь читателя. Почему сейчас так мало печатают материалов о победе человека над сложными обстоятельствами. Речь не об олигархах — это не тот пример, который можно повторить. Это должен быть обычный человек, один из миллионов. Не согласен с тем, что это наивно и не достойно публикации. Помните, как в советское время люди стояли у витрин и зачитывались такими материалами.

Еще одна важная черта времени — газетные публикации сегодня утратили реальное влияние на власть. Если раньше газета выступала с критикой директора предприятия или чиновника, то за этим сразу следовали какие-то меры. А сейчас на прессу никто не обращает внимания. Мы выступаем, а реакции нет.

РГ: Может, в этом виноваты журналисты "желтой прессы" чьи скандальные публикации часто лживы?

Богданов: Мы все должны задумываться о том, что будет после нашей публикации. Поэтому текст должен быть весомым, продуманным, с доказательствами. А если напечатана неправда, СМИ и журналист должны нести за это ответственность. Многие, к сожалению, забывают, что работа журналиста очень ответственная.

РГ: И опасная. Журналистов, к сожалению, убивают...

Богданов: Это трагедия нашей профессии. Убивают во многих странах, в том числе и США. Но там убийство происходит, извините, по серьезному поводу. Человек завладел секретом, который нельзя выпустить на публику, за это его могут убить. У нас же часто убивают по другой причине —из-за мести. Эти преступления плохо расследуются. И дело не в недобросовестных правоохранительных органах, а в том, что часто эти преступления не складываются в логическую цепь событий. И тем не менее дети погибших журналистов становятся журналистами. Они приходят в профессию не просто в память о папе или маме, они —ребята горячие, темпераментные, любящие свое дело.¹⁸⁵

Путь в журналистику. Беседа с председателем Союза журналистов России Всеволодом Богдановым

*Продолжая цикл видеобесед «Взрослые люди» с классиками – учеными, деятелями культуры, общественными деятелями, ставшими национальным достоянием, – мы поговорили с председателем Союза журналистов России **Всеволодом Леонидовичем Богдановым**. Беседовала **Любовь Борусяк**.¹⁸⁶*

Любовь Борусяк: Сегодня проект «Взрослые люди» пришел в гости к многолетнему председателю Союза журналистов России Всеволоду Леонидовичу Богданову. 18 лет на такой должности – это очень долго.

Всеволод Леонидович, вы ведь несколько раз переизбирались на эту должность с того, уже далекого 1992 года. За это время с общим состоянием российской журналистики, с нашими электронными СМИ и прессой произошли фантастические изменения. Но началу этой деятельности у вас предшествовала довольно длительная карьера: и работа газетным журналистом в Архангельске, и работа на телевидении в качестве директора программ – это было еще Центральное телевидение, а еще раньше —учеба на факультете журналистики Ленинградского университета.

Я читала, что в локальном масштабе вы прославились еще в детстве, когда были президентом какой-то детской республики. Что это была за республика, расскажите, пожалуйста.

Всеволод Богданов: Если уж рассказывать о моей собственной жизни, то я родился в Архангельской области. Это было в 1944-м году. Война завершилась. Моего отца убили в конце 1944-го года, а я родился в начале. Моя мама, молодая женщина, очень переживала смерть отца. Я жил у бабушки, а мама строила город Северодвинск. Она – выдающаяся женщина, до сих пор о ней легенды ходят. Моя мама на строительстве этого города атомных подводных лодок была лучшим специалистом по сметам строительства.

185 «Российская газета» // <http://rg.ru/2009/02/06/bogdanov.html>

186 Полит.ру// <http://www.polit.ru/article/2010/07/21/journalisme/>

Время тогда было суровое, строгое, и ныне там в Спецстрое и даже в других ответственных строительных структурах, которые еще не распались за последние годы, все ее помнят и говорят: Нина Павловна – это наш учитель.

Л.Б.: Она по профессии инженер?

В.Б.: Да, инженер-строитель, специалист по сметам. Я жил у бабушки вблизи Архангельска, в очень красивом селе на берегу Северной Двины, на горе или на угоре, как там принято говорить. Потом я переехал к маме. У мамы уже была другая семья: спустя 10 лет после гибели отца, она вышла замуж, там были дети. Я чувствовал себя как-то неуверенно, и мне предложили пойти в школу-интернат и создать там местное радиовещание.

Л.Б.: Почему это предложили именно вам? Они же не знали, что впоследствии вы станете председателем Союза журналистов?

В.Б.: У меня уже с шестого-седьмого класса была репутация: я занимался радиовещанием в школе N1 и в каком-то смысле объединял все школьные события. И вот меня пригласил директор школы-интерната и говорит: «Не хочешь пойти к нам в интернат?» Это было на острове Ягры, в Белом море. Меня это заинтересовало, но возникла вот такая проблема. Дело было в том, что я не сирота, мама-то у меня была. И чтобы меня взяли в интернат, надо было заплатить большую сумму. Мама работала и вроде бы прилично зарабатывала, но сумма была слишком большая. Я ему ответил, что мама, наверное, не сможет заплатить такую большую сумму. Тогда они мне предложили стать старшим пионервожатым в этой школе-интернате. Я пришел туда в девятый класс, а меня назначили старшим пионервожатым и определили зарплату – 360 рублей. Я получал эту зарплату, и она шла в погашение долга, а остальное оплачивала мама. Я учился в девятом классе и одновременно был старшим пионервожатым.

В то время возникали всякие новшества, всем хотелось как-то по-особому построить свою жизнь. У нас, с одной стороны, вроде была романтика – школа-интернат в Белом море, на острове Ягры, где находился второй завод атомных подлодок «Звездочка». Это была закрытая территория, куда нельзя было въехать без пропуска. С другой стороны, там жили основном сироты, дети, у которых не было родителей. И вот в этой обстановке мы решили создать свою республику. Как у Белых и Пантелеева «Республика ШКИД», но только в других обстоятельствах.

Л.Б.: Все-таки в вашем интернате жили и учились не беспризорники.

В.Б.: Конечно. Это было другое время и другие нравы. И вот меня избрали президентом этой школьной республики. Я был в таком фаворе, в школе был почти как директор интерната. Конечно, я испытывал душевный комфорт. Но тут возникла драматическая ситуация: воспитательница ударила мальчика-третьеклассника и еще, в развитие наказания, лишила его обеда или ужина, я сейчас уже не помню. Мы тогда возмутились и возбудились. Мы – это девятый класс, в котором учился школьный президент.

Л.Б.: Президент —не кто-нибудь! Это было в 1959-й году?

В.Б.: Да. И тогда старший воспитатель – неплохая, но резкая женщина, сказала: «Ах, вы мерзавцы! Вы еще будете тут выпендриваться?! Я вас всех сегодня лишаю ужина!» На это мы ответили: «Хорошо! Мы вообще не будем ходить ужинать, а также завтракать, и

обедать». Это было объявление голодовки.

Л.Б.: К ней присоединились остальные классы?

В.Б.: Нет, только наш девятый класс. Мы не могли позвать других, чтобы они тоже участвовали: там же были младшие, худые ребята. Тогда директор школы взял со стола счета и запустил в нас со словами: «Мерзавцы, что же вы творите?!» Так проголодали дней шесть.

Л.Б.: Шесть дней?! И вам, детям, это позволили?

В.Б.: Да, шесть дней. Я еще раз напоминаю, что мы были на острове, оторваны от мира. Потом некоторые из ребят стали падать в обморок. Я перепугался, и, пробравшись пешком в город, пошел в горком комсомола. Я пробрался на автобус, проехал до горкома и рассказал об этой ситуации: о том, что мы не ходим в интернатскую столовую уже неделю. Конечно, мой рассказ вызвал полную панику. В интернат приехали люди из горкома партии и все расставили на свои места. А меня – зачинщика, исключили из комсомола и из школы-интерната. Должен сказать, что для меня это была безумная трагедия, поскольку в горкоме комсомола меня уважали.

Л.Б.: Это в 15 лет.

В.Б.: Да, да. И вдруг такое... И горком комсомола подтвердил, что решение было принято правильно. У них возникла паника, потому что вся школа возбудилась и могла после этого объявить голодовку. Поэтому в интернате меня все-таки оставили, но с должности старшего вожатого сняли, с президента республики тоже сняли. Я остался только журналистом школьного радио. Конечно, это было трагично для меня. Потому что я считал – и меня потом это часто в жизни подводило – я считал, что я, такой важный, нужный обществу человек, и, надо же, в таком состоянии оказался.

Меня запугивали: «Ты соображаешь, что ты делаешь?! Ты соображаешь, чем это для тебя кончится? На тебе ж клеймо будет, как на животном». И тогда со мной встретился один парень – журналист из молодежной архангельской газеты, Женя Салтыков. Он провел со мной два дня. Не знаю, чем я его так задел за живое, но он написал огромный, на две полосы, очерк в молодежной газете, который назывался «Человек стоит на своем». И сразу, как только публикация появилась, состоялось бюро обкома комсомола, где на меня смотрели уже совсем другими глазами. Не как на нашкодившего мальчишку – теперь на меня смотрели очень хорошо.

Л.Б.: А ребята-то Вас поддерживали или так сильно испугались, что старались не подходить к вам?

В.Б.: Ну, нет. В классе ко мне было очень теплое, сочувственное отношение. Я ведь первым был в классе по учебе, особенно по математике. Я все годы был лучшим математиком в школе, и это тоже как-то создавало мне авторитет. А наш десятый класс был старше нас намного, и они были какого-то другого воспитания что ли. Было тяжелое время, когда все произошло. Меня исключили из комсомола, я очень переживал, что все это случилось. Директора школы тоже поменяли.

Л.Б.: Еще бы, такое ЧП – дети не ели неделю!

В.Б.: Но все равно, во мне был если не бунт, то желание вопреки всему случившемуся со мной казаться крепким. Ребята из десятого класса, которых я обвинил в том, что они в той ситуации, когда меня исключили из комсомола, поддерживали

директора, ночью вызвали меня из спальни в мужской туалет и решили проучить. Они меня избили. Но это еще больше укрепило ко мне отношение моих одноклассников и ребят из других классов

Л.Б.: Эти десятиклассники, они физически, наверное, были более сильные?

В.Б.: Это были, если коротко сказать, с бандитской улицы ребята. И тогда очень важно было сохранить лицо. Ведь можно было расплавиться: остаться ни с чем и в душе, и в характере.

Так или иначе, но после этого я зауважал журналистику. Мама моя говорила, что я странный парень, нормальные люди не идут в журналистику, в журналистику идут неудачники. Но я думал, что это профессия, которая по-настоящему все может перевернуть в сознании, может спасти человека и так далее. Я окончил школу и поехал поступать в институт. Поступать я решил в Институт авиационного приборостроения в Ленинграде (ЛИАП).

Л.Б.: А почему именно в Ленинград?

В.Б.: У меня, во-первых, мама училась в этом институте когда-то. Потом все, что было связано с отцом, было связано с Ленинградом.

Л.Б.: А он из Ленинграда был?

В.Б.: Да, он был из Ленинграда, отец родился в городе Порхове. Это сложная история – жизнь моего отца, я не хочу ее касаться. Я нашел недавно его могилу. Он похоронен на границе Норвегии, Финляндии и России. Там три кладбища: финское, немецкое и русское.

Так вот, я поехал поступать в ЛИАП. И не один, а вместе с любимой девушкой.

Л.Б.: У вас уже тогда любовь была?

В.Б.: Да, я влюбленный был всю жизнь. И она завалила экзамены. Я психанул, и мы вернулись обратно в Северодвинск.

Л.Б.: А вы что, не стали поступать после этого?

В.Б.: Я во столько вузов поступал и бросал, пока не нашел то, что мне надо, что об этом коротко рассказать не получится.

Когда я вернулся, меня пригласили работать в редакцию областного архангельского радио. Мне было 17 лет, когда я начал там работать. Это была исключительно полезная учеба. Я тогда увлекся радиофильмами – был в то время в моде такой жанр, вообще форма только-только появилась.

Л.Б.: Радиофильм – что это такое?

В.Б.: Это некое произведение, предположим, о городе, о каком-то коллективе. Я даже потом, когда учился в Ленинграде в университете, делал радиофильмы для ленинградского радио. Я уверен, что у нас лучшая радиошкола – это, конечно, питерское радио. Мой первый радиофильм назывался «В городе мечты и юности». Конечно, это о Северодвинске. В фильме участвовали артисты, участвовали рабочие, получилось такое бодрое произведение на целых 50 минут.

Л.Б.: А чем это от радиоспектакля отличается?

В.Б.: От спектакля это отличается тем, что в радиофильме принимают участие живые, реальные, а не придуманные люди. Там было про бригаду, где они все были счастливы, пели под гитару, рассказывали о себе. Это была такая смешная, бодрая ахиня,

и все смеялись. Как сейчас помню, планерку на архангельском радио, на улице Попова и себя гордого: Боже мой, такую большую передачу я сделал.

Л.Б.: Откуда у вас такие умения и навыки были? Ведь это довольно сложно.

В.Б.: Со школьных времен —сам придумывал и сам все делал.

А там был потрясающий журналист, который прошел огни и воды. И он вдруг встал, такой носатый, еврейского склада, и говорит: «Молодой человек, как Вам не стыдно? Какой Вы циник! «Город мечты и юности» - это же город, который построили заключенные. Зачем Вы это сделали? Вам захотелось славы?» Я стоял, и мне было очень стыдно. Звали его Зорий Шадхан – это родственник питерского Игоря Шадхана, как оказалось.

Зорий Шадхан стал моим другом. Он крепко закладывал, мы иной раз с ним крепко спорили, но тот его урок был для меня очень важным и мощным. Я по-другому стал относиться к своей профессии. Эта профессия —она не праздник, это тяжелая работа, которая должна быть беспредельно честной и искренней. Знаете, есть такая поговорка: «трудно быть искренним перед Богом». Самое трудное для человека —это быть искренним перед Богом.

Я вообще много покувыркался: на радио работал, потом еще где-то, а потом судьба сложилась так, что я поступил в МВТУ имени Баумана в Москве. Мама настояла, сказала, что хватит ерундой заниматься, займись, наконец, делом.

Л.Б.: И сколько же вы в Бауманке проучились?

В.Б.: Год с хвостиком.

Л.Б.: Не так много.

В.Б.: Нет, не много, но память осталась. Я до сих пор дружу с теми, кто учился со мной в группе. Они на полном серьезе говорят, что «ты наш, из МВТУ».

Меня в то время немножко сбили с толку греки. В Греции были тогда «черные полковники», и оттуда в Россию эмигрировали демократы, в частности, деятели кино. И вот эти греки меня сбили с толку, сказав, что мне надо сниматься в кино. А Москва в начале 60-х годов была обалденная, это был такой сказочный город.

Л.Б.: Чем именно?

В.Б.: Во-первых, он был сказочный по проявлениям общей доброты. Помнишь фильм «Я шагаю по Москве»? Такой она и была. Когда я потом в Ленинград переехал, мне показалось, что это совершенно другой город —холодный, вежливый и пр. А Москва – это коммунальные квартиры, в которых еще оставалось много семей. Когда я учился в Бауманском, я жил на Садово-Спасской улице – это была семья фронтовых друзей моих родителей.

Когда я бросил Бауманский, я бродяжничал, потому что боялся родителям сказать об этом. Потом приехал к маме и повинулся. А отчим, который работал в военкомате, мне говорит: «Знаешь, хватит тебе гулять. Или иди в армию, или в военное училище». К тому времени третий год шел, как я окончил школу, а я ни с чем не определился. И тогда мама с отчимом меня отправили учиться в Ленинград, в Военно-медицинскую академию имени С.М.Кирова.

В.Б.: Я туда и поехал. Лагерь этой академии в Красном Селе. Я начал сдавать экзамены, и написал сочинение «Почему я хочу быть врачом на подводной лодке».

Л.Б.: А вы действительно хотели им быть?

В.Б.: Нет, конечно. И тут заведующий кафедрой, полковник, который занимался гуманитариями, вызывает меня и говорит:

- Парень, ты что, с ума сошел? Как ты при твоей натуре хочешь быть врачом? Ты знаешь, что такое быть врачом на подводной лодке? Да за полгода ты там сойдешь с ума!

Я спрашиваю:

- А что делать?

А он:

- Да беги отсюда немедленно!

Л.Б.: А почему именно на подводной лодке, а не просто врачом?

В.Б.: Академия имени Кирова в основном для подводных лодок выпускала врачей.

И я его тогда спросил:

- А что же мне делать?

Он говорит:

- Заваливай экзамен.

Вторым экзаменом была химия, и я этот экзамен, естественно, завалил. После этого нас выстраивают на линейку и говорят:

- Все, кто завалил экзамен, отсюда сразу же отправляются в армию.

Л.Б.: А вы знали об этом?

В.Б.: Нет, не знал. Я полковнику этому говорю: «Что же ты наделал, полковник?»

А он мне отвечает: «Пошли к девчонкам»

И мы пошли мы к девчонкам.

Л.Б.: А кто такие «девчонки»?

В.Б.: Это те, кто оформляет результаты экзаменов. Они ему говорят, что ничего сделать не могут: приказ уже подписан. Полковник им: «Какой еще приказ? Это я этого парня подставил».

И они вернули мне документы. Это как раз была пятница – последний день июля, и я рванул в Ленинград. Денег у меня было —15 копеек, и на электричке я ехал зайцем. Приехал я на Васильевский остров в приемную комиссию факультета журналистики, сдал документы. А потом отправился в общежитие, пешком пошел на 5-ю линию Васильевского острова. А уже и вечер наступил – коменданта нет. А раз коменданта нет – не могу поселиться в комнату. Спал я в проходной у дежурного вахтера, но зато я с ним подружился. На журфаке я написал сочинение и получил две пятерки: пятерку за само сочинение и пятерку за грамотность. У меня был бзик на грамотности. Я всегда любил математику, а на втором месте у меня была грамотность. Я до сих пор не выношу, когда запятая не там поставлена или буква «А» и «О» перепутаны. Меня трясет от этого.

А еще я был очень голодный – денег-то у меня не было. Зная мою натуру, мне родители не дали мне с собой денег.

Л.Б.: Чтобы вы опять не сбежали куда-нибудь?

В.Б.: Да. Хорошо, что я у кого-то там рубль смог занять: покупал себе хлеб, так и питался. Следующий экзамен устный —русский и литература, а у меня помутнение в мозгах уже некоторое было. Но мне повезло: принимал у меня литературу Валя Соколов, который только что вернулся из Сорбонны, где он учился после аспирантуры. Он был

такой важный, но мы с ним потом тоже подружились. Мне попался вопрос «Мужики Некрасова». Я сижу... Неелово, Горелово, Неурожайка тож... ну, ни хрена в голову не приходит, потому что я хочу есть. И вот он мне говорит:

- Ну, расскажи...

А я ему:

- Ну, что рассказывать? Говорю ему слова «Неелово, Горелово, Неурожайка тож...».

Он кивает головой после Сорбонны. А я ему:

- Ну, что можно об этой жизни рассказать? Гениальный Некрасов сказал: «Неелово, Горелово, Неурожайка тож...»

И когда я в седьмой раз повторил это сравнение, он сказал:

- Замечательно! Такой художественный ответ мне очень нравится.

Я получил «отлично», занял еще один рубль и послал маме телеграмму: «Мама, прости меня. Я сдал экзамен в университет, получил все пятерки». Я два раза написал «прости» и отправил телеграмму. Ну, мама есть мама: я через день получил перевод — внушительный по тем временам. Тех ребят, кто мне по рублю одалживал, я тут же позвал, и мы напились.

Л.Б.: Вы к тому времени уже все экзамены сдали?

В.Б.: Нет, потом еще был иностранный язык. Мы напились, а у меня немецкий был иностранным языком. Я пришел сдавать экзамен, и за что она меня, старушка, полюбила, я не знаю. Я даже боялся дыхнуть на нее, думал, что как дыхну, так она и умрет. Уж очень она была такая питерская, такая интеллигентная женщина.

Там, в университете, у нас была своя компания: две девочки и два мальчика. Нас начали периодически исключать за прогулы. Потом их всех исключили, я один остался. У меня было много практики на ленинградском радио, на телевидении, я в газетах печатался.

Л.Б.: А сбежать уже не хотелось? Вы чувствовали себя на месте?

В.Б.: Ну, во-первых, перед мамой было неудобно. Во-вторых, скажу честно, я думал, что все-таки я сделаю что-то полезное, если я все это закончу. Конечно, когда я учился, у меня тоже было много приключений. Например, у меня был театр «Жираф».

Л.Б.: А что это такое?

В.Б.: Это был театр-капустник. Мы ставили спектакли два раза в год. Все, кто на факультет поступал, мечтали попасть в театр «Жираф». Я всегда отбирал актрис, актеров, и чаще всего это были спектакли из жизни Советского Союза, истории из жизни прессы. Самый лучший был спектакль к 50-летию Великого Октября.

Л.Б.: Это 1967-ой год?

В.Б.: Да. Мы инсценировали фельетоны разных лет, авторы этих фельетонов позже стали великими сатириками или писателями: Ильф, Петров и так далее. Мы ставили какой-то фельетон на сцене. Это было забавно, каждая миниатюра кончалась канканом. Я до сих пор обожаю канкан, каскад и всякие такие танцы. Выскакивали девчонки, и этим завершалась любая миниатюра. Это было в Доме работников искусств. Правда, это тоже чуть мне не стоило жизни на факультете. На другой день меня вызывают и спрашивают:

- Что Вы мели в виду, когда Ваши девочки повернулись и всем нам, всему первому ряду, показали зад?

Я отвечаю, что ничего, это просто такой танец. Так что театр у меня был, но я еще раз повторяю, что самым любимым у меня было ленинградское радио: там потрясающие люди работали.

Л.Б.: Вы там радиофильмы делали.

В.Б.: Да, радиофильмы. Девушка моя, которая потом стала моей женой, Лариса...

Л.Б.: Ваша однокурсница?

В.Б.: Нет, она была моложе меня. Мы познакомились через театр «Жираф». Она была балериной, но сломала ногу. Ее папа работал журналистом, и она пошла к нам на журфак. Мы делали радиофильмы. Я помню, например, радиофильм «Дневник штурмана Хрусталева». Это про подводную лодку, которая в конце войны была просто легендарной. Я дружил с теми, кто выжил после войны. И даже герой Советского Союза Лисин меня обожал после этого самого «Дневника штурмана Хрусталева». Помню, когда я собирался жениться во второй раз, мне не полагалось регистрировать брак во Дворце бракосочетаний, поскольку там регистрировали только первые браки. И он, как герой Советского Союза, организовал мне этот дворец.

Л.Б.: То есть вам второй брак превратили в первый.

В.Б.: Да. После четвертого курса мне надо было ехать на лагерные сборы, и тут случилась одна неприятность. Лариса, моя будущая жена, окончила первый курс, и ее уговорили поехать на целину в студенческую газету в Алма-Ате. Газета называлась «Ленинская смена». Туда же поехали и мои друзья. И вот эти друзья-аспиранты мне и говорят: «Слушай, у тебя Лариску уведут. Это же Алма-Ата, там такие нравы и все такое прочее, а ты идешь на лагерные сборы». Я приехал на вокзал, и они уговаривают меня проводить ее хотя бы до Москвы. Короче, проводника уговорили: бесплатно проехал я до Москвы. Приехали в Москву, пошли к фронтовым друзьям моих родителей, погуляли там. А они потом говорят: «Ну, проводи девочку». И мы поехали на аэровокзал. Тогда можно было подойти к автобусу, а автобус подъезжал прямо к самолету. Короче, уговорили кассиршу пустить меня в автобус. Она просила ее не подводить: «Проводите только до самолета и назад». Ну, подъехали к самолету, прямо к трапу. Они меня подтолкнули, и я вошел в самолет.

Л.Б.: Без паспорта?

В.Б.: Нет, конечно. Какой паспорт? Паспорт был в аэропорту, на вокзале. А это был 1968-й год. Я прошел, следом за мной ввалились они все, в таких куртках с гербом Советского Союза и надписью «Ленинская смена». Я переоделся в эту куртку и сел с Ларисой. А там посчитали, что один пассажир – лишний. Раз считают, два считают, а кто с этой эмблемой, тех не считают, и поэтому не могут понять, что произошло. А на этом самолете какие-то важные чины летели в Алма-Ату, начался скандал из-за того, что затягивают с вылетом. Мы взлетели, и утром я оказался в Алма-Ате, хотя в то утро я обязан был появиться на лагерных сборах. Короче говоря, изобразили, что я сломал ногу, попал в больницу и прочее. Я работал в газете под фамилией Быстров, и потом получил грамоту ЦК комсомола как Быстров. Но все равно все об этом узнали. Я приезжаю, меня исключают из университета. Я пошел к заведующему военной кафедрой —тяжелый такой мужик. Я ему все рассказал, а он спрашивает:

- Ну, что, так любишь ее?

Я говорю:

- Конечно, люблю.

Простил. Зато потом, когда я заканчивал университет, они все-таки решили меня наказать. У меня были солидные предложения работать в московских газетах, на радио, на телевидении. А они сказали: «Нет, поезжай куда-нибудь в Псков и там поработай. Хороший ты парень, но слишком много о себе думаешь». В Псков я ехать не хотел. Тогда меня спросили: «Куда же ты хочешь?» Я ответил, что на Чукотку или Камчатку. «Ах, на Чукотку? Ну, давай. Возьми карандаш и подписывай» - все-таки они ко мне с симпатией относились. Ну, и короче говоря, я не стал ничего менять.

Л.Б.: А почему именно Чукотка, чтобы быть как можно дальше?

В.Б.: Просто бзик был такой в голове. Я в Билибино должен был ехать на атомную станцию, а попал в Магадан. Приехали мы туда, Лариса плакала, потому что Магадан произвел на нее страшное впечатление.

Л.Б.: Вы уже поженились к тому времени?

В.Б.: Да, поженились. У меня легендарная свадьба была. Ну, во-первых, во Дворце бракосочетания. Во-вторых, был герой Советского Союза и другие сенсации.

Л.Б.: То есть у Вас был свадебный генерал.

В.Б.: Потом черед черных «Волг». Я занял у своих преподавателей иностранного языка 600 рублей.

Л.Б.: А почему именно у преподавателей иностранного языка.

В.Б.: Старенькие женщины, они мне особенно покровительствовали. Проехали мы от этого дворца, в котором потом была резиденция полпреда президента, на Васильевский остров. Все это было очень красиво – до сих пор все помню.

Так вот, приехали мы в Магадан, и оказалось, что самые лучшие годы жизни мы прожили на Колыме, в Магаданском крае. Я создал там себе хорошую репутацию, и, как всегда, вознесся не ко времени. Я был заместителем редактора партийной газеты, самым молодым замредактора партийной газеты в Советском Союзе.

Л.Б.: Что там было такого хорошего, что это были лучшие годы жизни?

В.Б.: Открытия, открытия... Люди. Я сделал для себя потрясающие открытия. Меня там таким вещам научили! Ну, например, тогда все говорили «советский народ», «советская нация», «социалистический образ жизни» и так далее. А там один грузин написал труд «Колымская нация». Он утверждал, что «колымская нация» - это лучшая нация на свете. Он описал людей, принадлежавших к этой нации, мужчин и женщин, описал черты их характера.

Л.Б.: Что же это за нация?

В.Б.: Это трудно объяснить. Сейчас многое уже написано, читаешь иногда даже знаменитых, хороших людей, и там проходит такое разделение: кто сидел – это хорошие люди, кто их охранял – плохие. На самом деле все было, как в жизни: одинаковое количество достойных и добрых, негодяев и мерзавцев было как среди тех, кто сидел, так и среди тех, кто охранял. Многие академики оттуда не уезжали после того, как отсидели свой срок. Они так и умерли на Колыме. И объединялись они потом по-другому принципу. Не по тому, что «мы сидели», а по-другому.

Л.Б.: По какому же? Что их удерживало там?

В.Б.: Доброта, умение поддерживать оптимизм, какая-то чистота помыслов. Любовь, если хотите. Там был один герой социалистического труда, он отсидел два срока. В 15 лет, еще мальчишкой его посадили за то, что он оказался на занятой немцами территории. Он сбежал из лагеря, и тогда его посадили уже по-настоящему, отправили на Колыму. А женился он на женщине, которая охраняла лагерь. И это была такая потрясающая любовь... А сколько я там узнал о жизни, о людях. Нигде я не получал таких уроков, как там, на Колыме. Когда я уезжал оттуда, я плакал, потому что все это было так эмоционально и значительно для моей жизни.

Л.Б.: А сколько лет вы там прожили?

В.Б.: 12 лет.

Л.Б.: То есть у вас и дети там родились?

В.Б.: Да, обе дочки. Но у меня там и сложности были. Получилось так, что каждый месяц я должен был 100 рублей посылать дочке от первого брака. Жена не подавала на алименты – я просто им помогал. Но это было непросто, потому что зарплата у меня первые полгода была 90 рублей плюс 70% надбавки. Я должен был работать на двух-трех работах, чтобы хватало денег. Но это мне помогло, потому что из охломона, мальчишки, баловня я стал серьезным парнем. Я много работал и на радио, и на телевидении, и в газете.

Л.Б.: 100 рублей алиментов– это очень много по тем временам.

В.Б.: Безумно много.

Л.Б.: По-моему, таких алиментов ни у кого не было.

В.Б.: Я это сделал, потому что это для меня было важно. И мы оттуда, из Магадана – я этим могу похвастаться – ездили с дочкой, когда ей было четыре года, в Варну. Мы были с ней и с Лариской в Париже, в Бордо. Мы там провели три шикарных недели, и это все за свои деньги.

Л.Б.: Там, наверное, северные надбавки большие были?

В.Б.: Ну, надбавки, надбавками. Там можно было получать не одну зарплату, а две с половиной, но и это не так много. У меня там был план, сколько я должен заработать. Потом, когда я в Москву переехал, я здешним ребятам говорил: «Поезжайте, там можно заработать». А они мне: «Ты что с ума сошел, в эту дыру?!»

Л.Б.: Там и холодно, и темно.

В.Б.: И колбасы нет.

Короче говоря, Колыма – это до сих пор для меня любимый отрезок времени. Я много работал, у меня инфаркт случился в 32 года. Во время отдыха у меня настоящий был инфаркт, но меня спасло, что мне попался молодой доктор, молодая девушка. Я очень стеснялся, мне было перед ней стыдно, что я лежу.

Л.Б.: Стыдно слабости своей?

В.Б.: Да. Я не мог себе этого позволить. Поскольку у меня был такой хороший стимул, я третий день встал и самостоятельно пошел в туалет.

А потом, когда мы уже приехали сюда, я стал сначала собкором «Советской России» по Карелии и Мурманской области. Там я проработал там всего год, а через год меня приняли в аппарат «Советской России». Когда я работал в Карелии, мне это нравилось, казалось, что оттуда мы никуда не уедем больше. Жена на это говорила: «Ты

все врешь. Тебя помянут, и...» Вот меня поманили в Москву, и я, конечно, сорвался.

Л.Б.: А почему Вы пошли именно в «Советскую Россию»? Это же было время перестройки, тогда другие издания гремели.

В.Б.: «Советская Россия» была самая гремевшая газета.

Л.Б.: Разве это не самая консервативная газета в то время?

В.Б.: Ну, нет. В 1980-е годы это была самая боевая газета: слова «перестройка», «прорабы перестройки», записки партийных работников уже совершенно другого стиля и другого пошиба. Я не собирался больше возвращаться в газету, у меня свои были настроения. Но потом Леня Кравченко, который был редактором «Труда», пригласил меня туда работать: «Пойдем, я тебя возьму собкором в Днепропетровск». Я представить себе не мог, что я в этой газете объявлений, буду работать... Он мне говорит: «Вот ты все время в партийной газете работал, но в «Правду» тебя не возьмут сейчас, а вот в «Советской России» есть такой сумасшедший редактор, Ненашев, которому всегда надо, чтобы было не так, как у людей. Поэтому «Советская Россия» в 80-е годы – это было нечто весьма интересное. Она будоражила всех, ссорилась с секретарями ЦК – все это было. А потом там был Чикин – великий революционер. Тогда было два специалиста по Ленину: Чикин и Егор Яковлев, они оба великолепно писали и даже соревновались друг с другом. Но если Яковлев потом ушел от этого, то Чикин остался таким же консервативным ленинистом.

Л.Б.: Вот я и говорю, что газета консервативная была.

В.Б.: А когда Ненашев стал министром печати Госкомиздата СССР, он меня уговорил уйти к нему. А еще меня Иван Лаптев приглашал в «Известия», потому что он туда перешел. С Иваном Лаптевым мы дружим до сих пор. В «Советской России» я вел рубрики по морали и праву. Была, например, статья, которую написала одна из моих авторов, - Лариса Васильева. Называлась она «Эта странная женщина». Это была статья о женщине, которая не хочет семьи. Она, как правило, знает два-три языка, у нее хорошее образование, она много зарабатывает. У нее уже есть ребенок, квартира. Ей нужен постоянный мужчина. И вот на такого типа материал приходило десять-двадцать тысяч писем в день.

Л.Б.: В день?

В.Б.: Да, в день. Это гигантская была почта. Реакция читателей была самой разной. Ну, например: «это не женщина, это – сволочь». У нас собрались талантливые авторы, особенно женщины.

Короче говоря, я подался к Ненашеву работать начальником главка периодики, науки и еще чего-то. Я занимался созданием издательств периодики. Особенно удачные у меня были проекты в Эстонии и в Литве. Это были такие объединения, которые издавали газеты, как бы предшественники будущих самостоятельных издательств.

Был конец 80-х годов, потом Ненашев перешел работать в Гостелерадио, и, естественно, первый, кого он потянул за собой, был я. Я стал генеральным директором программ телевидения, занимался формированием программ всех телеканалов, потому что все они относились к одной системе Центрального телевидения.

Л.Б.: Формированием программ в каком смысле?

В.Б.: Я решал, что ставить в программу, а чего не ставить. Без меня ни один канал не мог состояться

Л.Б.: То есть фактически вы отбирали контент?

В.Б.: Да, я отбирал контент. При этом возникали очень острые ситуации, потому что у Ненашева первым замом был Петр Николаевич Решетов, к сожалению, уже покойный. Хороший был человек, но он был фанатом той жизни. Он мог позвонить и сказать: «Богданов, отключи сегодня питерский канал, а то Белла Куркова готовит там что-то в «Пятом колесе». Только я мог это по должности сделать, больше никто.

Л.Б.: А как это можно было отключить?

В.Б.: Просто. Нужно было сделать так, чтобы не было эфира. Никаких особых усилий для этого не требовалось, отключил – и все.

Л.Б.: Нет, я понимаю, что технически это нетрудно сделать. Но ведь это же вызвало огромный резонанс!

В.Б.: Вот именно. Я об этом говорю не для того, чтобы подчеркнуть свою роль, а потому, что время от времени он такую команду давал. Я ему отвечал, что не буду этого делать. «Я тебе приказываю», - повторял он. «Если мы с тобой это сделаем, - говорил я, - то мы навсегда останемся в памяти, как...» Понятно, как кто. Тогда он звонил Ненашеву и жаловался, что я ему не подчиняюсь. Михаил Федорович принимал решение. Он говорил, что если Богданов так решил, то я верю, что этого действительно нельзя делать.

С Беллой Курковой мы всегда были в хороших отношениях. Или, например, ведущий «Поля чудес», с которым у нас самые теплые отношения. А начались они с неприятностей, потому что он сделал несколько передач про секс, про конкурсы красоты, потом была передача «Пестрая лента». Я стал на его пути, я ему помешал. И в конечном итоге он победил, он стал прекрасным ведущим. И хотя он победил, но в каком-то смысле я ему помог. Если бы его кто-то запомнили по передачам, которые были посвящены соревнованиям этих девиц, вряд ли бы он стал таким всенародно популярным. Теперь, конечно, у нас и ТНТ есть, и Собчак, но люди воспринимают Якубовича таким, каким он сейчас стал.

Потом Листьев привел Костю Эрнста с его первой передачей «Матадор» и уговорил меня посмотреть первую модель этой передачи. И я ее поставил в эфир без всякого решения коллегии.

Л.Б.: То есть Вы дали путевку в жизнь Константину Эрнсту?

В.Б.: Да. Он иногда вспоминает об этом.

Л.Б.: Спасибо, продолжим разговор в следующий раз. Сегодня мы только приблизились к тому моменту, когда вы стали председателем Союза журналистов.

Олег Кашин

Oleg Kashin

(17.06.1980 года [Калининград])

Россия (Russia)

Журналист

Родился 17 июня 1980 в Калининграде.

В марте 2003 года окончил Балтийскую государственную академию рыбопромыслового флота по специальности судовождение на морских путях .

Дважды ходил в море на парусном судне Крузенштерн в качестве палубного и штурманского практиканта. Участвовал в международных парусных регатах, о ходе которых публиковал репортажи в калининградских газетах.

В 2001-2003 годах специальный корреспондент Комсомольской правды в Калининграде .

В 2003 году переехал в Москву. До 2005 года —корреспондент отдела общества ИД Коммерсантъ , в 2005 году —специальный корреспондент газеты Известия , в 2005-2007 годах —обозреватель журнала Эксперт .

В 2004-2007 годах также был колумнистом (позднее —редактором отдела политики) в Русском журнале , в газетах Твой день , Взгляд , редактором отдела политики газеты Реакция . Публиковался в журналах Большой город и Forbes , Независимой газете и Лимонке .

С апреля 2007 года —заместитель главного редактора журнала Русская жизнь (rulife.ru).

Автор книги Всюду жизнь (М., Европа, 2005)¹⁸⁷

Болотное дело: умри ты сегодня, а я завтра

В пятницу, 21 февраля в полдень в Замоскворецком суде судья Никишина начнет читать приговор по делу, ранее известному как «болотное», почти исчезнувшему из поля общественного зрения после новогоднего аттракциона с амнистиями, досрочными освобождениями и прочими признаками подобревшего перед Олимпиадой Владимира Путина.

Алексей Навальный называет этот приговор и этот процесс «одним из ключевых событий истории новой России». Это неправда. «Болотное дело» так и не стало чем-то большим, чем частная неприятность сначала полтора десятков, потом восьмерых человек – Барабанова, Полиховича, Луцкевича, Зимина, Духаниной, Белоусова, Савелова и Кривова, и никого больше. «Болотное дело» не всколыхнуло страну, не разделило жизнь миллионов на «до» и «после»; даже по сравнению с прошлогодним «делом Pussy Riot» «болотное дело» выглядит гораздо бледнее и как политический фактор, и даже как информационный повод. Даже украинские события, которые, казалось бы, должны располагать к лежащим на поверхности сравнениям, ни к чему не располагают, а, напротив, не оставляют «болотному делу» никаких шансов на время в выпусках новостей и на место на первых полосах газет. В пятницу утром к Замоскворецкому суду выйдут только те, кто и так привык выходить к судам по любому поводу, – те, на кого давно принято не обращать никакого внимания. Крупнейший политический судебный процесс постсоветской России заканчивается в темном замоскворецком углу. Если он и станет когда-нибудь историческим событием, то только когда-нибудь потом, задним числом. Но скорее все-таки не станет вообще.

И это несправедливо. Барабанов, Полихович, Луцкевич, Зимин, Духанина, Белоусов, Савелов и Кривов, восемь взятых в произвольном порядке граждан, назначены ответственными за политическую активность как минимум десятков тысяч москвичей, в декабре 2011 года попытавшихся заявить о себе как о новой политической силе. Декабрьские газеты и блоги 2011 года сейчас просто стыдно перечитывать: политики, комментаторы, сторонники и противники Болотной сказали и написали тогда много торжественных слов, но даже самым мрачным пессимистам не приходило в голову, что все закончится вот так – что после всего случившегося останется только восемь человек, которыми большая Болотная сможет откупиться от Путина.

За эти два с небольшим года уже в полуанекдотический мем превратилось выражение «сливать протест», общим местом стали обвинения в соглашательстве в адрес лидеров Болотной – от участников вечеринки в мэрии с легендарным «вискарем» до членов Координационного совета оппозиции. Упреки в основном справедливы, но ведь и они ничего не объясняют; если бы дело было только в предательстве лидеров, действительном или мнимом, то гнев и ненависть по отношению к предателям сами по себе стали бы серьезным политическим фактором, но ведь и гнева никакого нет, нет вообще ничего. Стоит вспомнить также, что «болотное дело» не единственный случай срабатывания формулы «бунтовали тысячи, сели единицы». Точно так же было после декабрьских беспорядков 2010 года на Манежной, по итогам которых было осуждено несколько случайных нацболов. До тех нацболов нет и не было дела никому из ультраправых и околофутбольных активистов, до сих пор вспоминающих о Манежной как

о яркой странице своих биографий. Страница яркая, а что кто-то чужой за нее сидит – ничего страшного. Как говорится, умри ты сегодня, а я завтра.

Очевидно, это и есть тот самый общественный договор, который не дает и, может быть, не даст никогда России выбраться из вечной политической стабильности. Социальная база Владимира Путина – это не рабочие из Нижнего Тагила, а прежде всего та самая Болотная. Граждане, готовые платить за свой выход на площадь свободой других людей. В этом смысле нет никакой разницы между лидером и последним креаклом, в этом смысле мы все одинаковы – и вы, и я, и кто угодно.

Автор – член оргкомитета митингов на Болотной площади и проспекте Сахарова в 2011–2012 годах, член Координационного совета оппозиции в 2012–2013 годах.¹⁸⁸

Почему Андрей Норкин выступил против «Дождя»

[10009](#)

[00000](#)

[3a81f](#)

[00000](#)

[0007f](#)

[1f000](#)

[00000](#)

[04000](#)

[00003](#)

[01080](#)

[00500](#)

[00000](#)

[b0200](#)

[00000](#)

[00500](#)

[00000](#)

[c0221](#)

[00210](#)

[00300](#)

[00001](#)

[e0004](#)

[00000](#)

[00701](#)

[04000](#)

[40000](#)

[00070](#)

[10400](#)

[7f1f00](#)

188 http://slon.ru/russia/bolotnoe_delo_umri_ty_segodnya_a_ya_zavtra-1059631.xhtml

[00410](#)
[b2000](#)
[cc004](#)
[90049](#)
[00000](#)
[00000](#)
[20002](#)
[00000](#)
[00000](#)
[02800](#)
[00004](#)
[90000](#)
[00490](#)
[00000](#)
[01001](#)
[80000](#)
[00000](#)
[0bc3e](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[00000](#)
[05a4a](#)
[39524](#)
[a3952](#)
[42314](#)
[a3931](#)
[42312](#)
[93931](#)
[29312](#)
[92131](#)
[29212](#)
[92110](#)
[21211](#)
[82121](#)
[105a5](#)
[a52ad](#)
[adadc](#)
[ed6d6](#)
[ceced](#)

[e9ca5](#)
[bd8c9](#)
[4ad94](#)
[9cbd9](#)
[49cbd](#)
[9ca5b](#)
[d949c](#)
[b5949](#)
[cb5ad](#)
[b5c6b](#)
[dc6d6](#)
[bdc6c](#)
[ebdc6](#)
[c6bdc](#)
[6bdce](#)
[cecec6](#)
[c6c69](#)
[49494](#)
[94948](#)
[cb5b5](#)
[adbdb](#)
[db5c6](#)
[c6bdc](#)
[6c6bd](#)
[bdbdb](#)
[5bdbd](#)
[b5bdb](#)
[db5b5](#)
[b5adb](#)
[5b5ad](#)
[bdb5a](#)
[dc6c6](#)
[bdcec](#)
[ec6de](#)
[ded6d](#)
[eded6](#)
[e7e7d](#)
[ee7e7](#)
[dee7ef](#)
[e7e7e](#)
[7e7efe](#)
[fe7efe](#)
[fe7efe](#)

[fefe7e](#)
[7e7f7f](#)
[7eff7f](#)
[7eff7f](#)
[7f7f7f](#)
[7effffff](#)
[7fff7f7](#)
[ffff7ff](#)
[fff7e7](#)
[e7dea](#)
[dada5](#)
[8c948](#)
[4294a](#)
[31214](#)
[22918](#)
[39211](#)
[84229](#)
[10392](#)
[11839](#)
[29103](#)
[92118](#)
[39291](#)
[03921](#)
[005a5](#)
[23952](#)
[42315](#)
[24239](#)
[42312](#)
[93931](#)
[29392](#)
[92931](#)
[29212](#)
[92118](#)
[29211](#)
[83131](#)
[29737](#)
[36bc6](#)
[c6bdc](#)
[6cecec](#)
[6c6d6](#)
[a5adb](#)
[d949c](#)
[b5949](#)

[cb58c](#)
[9cb59](#)
[49cbd](#)
[8c9cb](#)
[5949c](#)
[bd8c9](#)
[4ad8c](#)
[9cb58](#)
[c9cad](#)
[9ca5b](#)
[da5ad](#)
[bdadb](#)
[dbdb5](#)
[bdbdb](#)
[dbdbd](#)
[bdbdb](#)
[dbdc6](#)
[bdc6c](#)
[6bdc6](#)
[c6c6c6](#)
[cec6ce](#)
[cec6ce](#)
[cec6d](#)
[6cec6c](#)
[ecec6](#)
[d6d6c](#)
[ececec](#)
[6d6d6](#)
[cee7e](#)
[7deefe](#)
[fe7de](#)
[ded6d](#)
[ee7de](#)
[dee7d](#)
[ee7efe](#)
[7e7e7](#)
[e7efef](#)
[e7e7e](#)
[7e7f7f](#)
[7efefe](#)
[fe7efe](#)
[fe7f7f](#)
[7efffff](#)

[7f7f7e](#)
[ffffff7f](#)
[fff7fff](#)
[ff7f7ef](#)
[e7c6b](#)
[db58c](#)
[94847](#)
[b947b](#)
[294a3](#)
[12142](#)
[29184](#)
[22921](#)
[42311](#)
[84229](#)
[18422](#)
[91842](#)
[29214](#)
[22918](#)
[39292](#)
[14229](#)
[00524](#)
[23152](#)
[42393](#)
[93129](#)
[39292](#)
[13129](#)
[21292](#)
[12129](#)
[21182](#)
[92118](#)
[5a524](#)
[ab5b5](#)
[adbdc](#)
[6bdd6](#)
[d6d6c](#)
[6ced6](#)
[a5adb](#)
[d8c94](#)
[a5949](#)
[cb58c](#)
[9cad9](#)
[49cb5](#)
[8c94a](#)

[d8494](#)
[ad7b8](#)
[4a57b](#)
[84a57](#)
[3849c](#)
[737b9](#)
[c6b73](#)
[8c6b7](#)
[b8c73](#)
[848c9](#)
[49ca5](#)
[9ca5a](#)
[5adad](#)
[ada5a](#)
[da5a5](#)
[ada5a](#)
[db5b5](#)
[bdbdb](#)
[dbdc6](#)
[bdc6c](#)
[6bdc6](#)
[c6bdc](#)
[ec6bd](#)
[c6c6b](#)
[dbdbd](#)
[b5bdb](#)
[db5de](#)
[e7d6d](#)
[eded6](#)
[deded](#)
[6d6de](#)
[d6e7e](#)
[7dede](#)
[e7dee](#)
[7e7e7](#)
[e7e7e](#)
[7efefe](#)
[fe7e7e](#)
[7efefe](#)
[7efefe](#)
[7f7f7e](#)
[ff7efe](#)
[7ffff7f](#)

[fff7f7](#)
[efe7ce](#)
[bdb59](#)
[48c84](#)
[8c8c7](#)
[b6b7b](#)
[6b213](#)
[92921](#)
[42311](#)
[84229](#)
[21423](#)
[11842](#)
[29214](#)
[23121](#)
[42292](#)
[14a31](#)
[18422](#)
[92142](#)
[31184](#)
[22900](#)
[524a3](#)
[93931](#)
[29393](#)
[12931](#)
[29212](#)
[92118](#)
[21181](#)
[82118](#)
[10212](#)
[118b5](#)
[b5add](#)
[6d6ce](#)
[ced6c](#)
[eced6](#)
[d6b5b](#)
[dc694](#)
[9cb59](#)
[ca5bd](#)
[8c9cb](#)
[594a5](#)
[b5849](#)
[4ad84](#)
[94ad7](#)

[b8ca5](#)
[7b84a](#)
[5737b](#)
[9c6b7](#)
[b9c63](#)
[738c6](#)
[b7394](#)
[63738](#)
[c5a6b](#)
[7b525](#)
[a6b63](#)
[6b737](#)
[b848c](#)
[949c9](#)
[c949c](#)
[9c9c9c](#)
[9ca5a](#)
[dadb](#)
[bdbdb](#)
[5b5b5](#)
[bdbdb](#)
[dbdbd](#)
[bdc6c](#)
[6bdbd](#)
[c6b5b](#)
[dbdb5](#)
[d6d6c](#)
[edede](#)
[d6d6d](#)
[ed6e7](#)
[efe7e7](#)
[e7dee](#)
[7e7de](#)
[efefe7](#)
[efefefe](#)
[fefe7f](#)
[7f7efe](#)
[fefe7f](#)
[7f7eff](#)
[7f7e7f](#)
[fff7e7](#)
[ded6c](#)
[6b5ad](#)

[94847](#)
[b847b](#)
[737b8](#)
[4734a](#)
[5a4a2](#)
[14231](#)
[21423](#)
[1214a](#)
[31214](#)
[a3121](#)
[42312](#)
[14a31](#)
[214a3](#)
[1294a](#)
[39214](#)
[a3129](#)
[4a312](#)
[14a31](#)
[214a3](#)
[1005a](#)
[4a424](#)
[23931](#)
[29292](#)
[12121](#)
[18181](#)
[81018](#)
[18103](#)
[13129](#)
[9c948](#)
[ce7e7](#)
[dee7e](#)
[7e7d6](#)
[d6deb](#)
[5bdc6](#)
[8c94a](#)
[5949c](#)
[b594a](#)
[5b594](#)
[a5b58](#)
[494ad](#)
[7b8ca](#)
[57384](#)
[9c7b8](#)

[ca56b](#)
[7b946](#)
[b7b94](#)
[6b739](#)
[46b73](#)
[8c636](#)
[b8463](#)
[73845](#)
[2637b](#)
[52637](#)
[34252](#)
[5a424](#)
[a524a](#)
[525a6](#)
[36b73](#)
[73737](#)
[b848c](#)
[8c949](#)
[c9cb5](#)
[b5b5b](#)
[5b5b5](#)
[bdbdb](#)
[5bdbd](#)
[b5c6c](#)
[6bdb5](#)
[b5adb](#)
[dbdbd](#)
[deded](#)
[6dede](#)
[deded](#)
[ed6e7](#)
[e7e7ef](#)
[efe7ef](#)
[efe7e7](#)
[e7def](#)
[7efefe](#)
[fefe7f](#)
[7efe7e](#)
[7e7de](#)
[d6d6c](#)
[6ada5](#)
[9c948](#)
[c8484](#)

[736b8](#)
[c7b73](#)
[73736](#)
[b4252](#)
[42213](#)
[92921](#)
[42312](#)
[14231](#)
[214a3](#)
[11842](#)
[29214](#)
[23121](#)
[42312](#)
[94a31](#)
[21423](#)
[1214a](#)
[31214](#)
[23129](#)
[4a392](#)
[14231](#)
[00cec](#)
[6bda5](#)
[a59c8](#)
[4847b](#)
[5a5a5](#)
[2525a](#)
[524a5](#)
[24a9c](#)
[9c8cef](#)
[efe7e7](#)
[efe7e7](#)
[efefd6](#)
[dee78](#)
[c94a5](#)
[94a5b](#)
[594a5](#)
[bd94a](#)
[5b584](#)
[94ad8](#)
[494ad](#)
[738ca](#)
[57b84](#)
[a56b7](#)

[b946b](#)
[7b8c6](#)
[3738c](#)
[6b738](#)
[c5a6b](#)
[7b5a6](#)
[b7b52](#)
[63735](#)
[26373](#)
[4a5a6](#)
[b4252](#)
[63394](#)
[a5239](#)
[42522](#)
[93139](#)
[31394](#)
[2424a](#)
[52637](#)
[37394](#)
[9c9ca](#)
[db5b5](#)
[b5b5b](#)
[5c6c6](#)
[bdbdc](#)
[6bdbd](#)
[bdb5b](#)
[5b5b5](#)
[deded](#)
[6e7de](#)
[dee7e](#)
[7e7e7](#)
[e7def](#)
[7efe7f](#)
[7efe7f](#)
[ff7efef](#)
[efe7e7](#)
[e7dea](#)
[5a594](#)
[847b6](#)
[b736b](#)
[5a8c7](#)
[36b84](#)
[7b6b8](#)

[48473](#)
[525a4](#)
[a2942](#)
[31214](#)
[23121](#)
[42312](#)
[14231](#)
[214a3](#)
[12142](#)
[29214](#)
[23121](#)
[42312](#)
[94a39](#)
[21423](#)
[1214a](#)
[39214](#)
[a3129](#)
[4a392](#)
[94a39](#)
[294a3](#)
[900e7](#)
[e7dee](#)
[7ded6](#)
[d6d6d](#)
[6a5a5](#)
[9c636](#)
[b6363](#)
[6b5aa](#)
[5ad9c](#)
[efefe7](#)
[e7e7e](#)
[7e7efe](#)
[fb5bd](#)
[c68c9c](#)
[ad94a](#)
[5b58c](#)
[9cb58](#)
[494b5](#)
[8494a](#)
[d7b8c](#)
[a5738](#)
[ca56b](#)
[7b946](#)

[b7b94](#)
[63738](#)
[46373](#)
[845a6](#)
[b7b5a](#)
[6b7b4](#)
[a5a73](#)
[4a5a7](#)
[34252](#)
[63394](#)
[a5a31](#)
[42523](#)
[14252](#)
[29394](#)
[a2939](#)
[4a213](#)
[14221](#)
[29311](#)
[82931](#)
[525a5](#)
[a9c9c](#)
[9cadb](#)
[5adad](#)
[b5adb](#)
[dbdbd](#)
[bdc6b](#)
[dc6c6](#)
[bdc6c](#)
[6bdde](#)
[d6d6e](#)
[7e7de](#)
[efefe7](#)
[efe7e7](#)
[f7efe7](#)
[d6c6b](#)
[da59c](#)
[94736](#)
[b5a6b](#)
[63527](#)
[36352](#)
[84736](#)
[b8473](#)
[63737](#)

[36342](#)
[4a392](#)
[94231](#)
[18423](#)
[11842](#)
[31214](#)
[a3121](#)
[42312](#)
[14231](#)
[21423](#)
[12142](#)
[31214](#)
[a3921](#)
[42312](#)
[14231](#)
[21423](#)
[1214a](#)
[39214](#)
[23121](#)
[42312](#)
[14231](#)
[00ffffff](#)
[ffffff](#)
[ffeff7](#)
[efadb](#)
[5a58c](#)
[948cd](#)
[ee7d6](#)
[eff7ef](#)
[e7efef](#)
[d6dee](#)
[79ca5](#)
[b5949](#)
[cb594](#)
[a5bd8](#)
[ca5bd](#)
[8c9cb](#)
[57b94](#)
[ad7b9](#)
[4a573](#)
[849c6](#)
[b7b94](#)
[63738](#)

[c6b73](#)
[8c5a6](#)
[b7b5a](#)
[6b7b5](#)
[26373](#)
[52637](#)
[35263](#)
[734a5](#)
[a6b42](#)
[52634](#)
[25263](#)
[39425](#)
[a3139](#)
[4a293](#)
[94a29](#)
[39422](#)
[13942](#)
[21313](#)
[11829](#)
[295a6](#)
[b6b94](#)
[9c9ca](#)
[db5b5](#)
[b5bdb](#)
[5c6c6](#)
[bdbdb](#)
[dbdc6](#)
[c6bdc](#)
[ecec6](#)
[e7e7d](#)
[eefe7d](#)
[eefe7d](#)
[ecec6](#)
[b57b6](#)
[b6373](#)
[5a527](#)
[b6b5a](#)
[84736](#)
[38473](#)
[637b7](#)
[3636b](#)
[6b5a3](#)
[94a31](#)

[29423](#)
[12142](#)
[31214](#)
[a3118](#)
[42311](#)
[84231](#)
[21423](#)
[1294a](#)
[39214](#)
[23129](#)
[4a392](#)
[14239](#)
[294a3](#)
[92142](#)
[31214](#)
[a3921](#)
[42312](#)
[14239](#)
[21423](#)
[12142](#)
[3100ff](#)
[f7f7ffff](#)
[ffffff7](#)
[f7fff7f](#)
[7fefef](#)
[f7efeff](#)
[7efeff](#)
[7efde](#)
[dedeb](#)
[dc6ce](#)
[949ca](#)
[d9cad](#)
[c68ca](#)
[5bd94](#)
[a5bd8](#)
[49cb5](#)
[8494a](#)
[d7384](#)
[9c738](#)
[49c63](#)
[738c6](#)
[37384](#)
[5a6b7](#)

[b5a6b](#)
[7b526](#)
[37352](#)
[63734](#)
[a5a6b](#)
[4a5a6](#)
[b394a](#)
[5a425](#)
[26331](#)
[42523](#)
[14252](#)
[31425](#)
[23142](#)
[52293](#)
[94a29](#)
[394a3](#)
[1424a](#)
[29394](#)
[22939](#)
[396b6](#)
[b738c](#)
[948ca](#)
[db5b5](#)
[b5bdb](#)
[dc6c6](#)
[c6bdb](#)
[dbdc6](#)
[c6bdd](#)
[eded6](#)
[b5ada](#)
[5736b](#)
[636b6](#)
[35273](#)
[63528](#)
[46b5a](#)
[846b5](#)
[a7363](#)
[52736](#)
[3526b](#)
[6b5a3](#)
[14229](#)
[29423](#)
[12142](#)

[29214](#)
[a3118](#)
[39291](#)
[84231](#)
[18423](#)
[12142](#)
[31214](#)
[23129](#)
[4a392](#)
[14231](#)
[214a3](#)
[12142](#)
[31294](#)
[a3921](#)
[42312](#)
[94239](#)
[21423](#)
[12142](#)
[31183](#)
[92900](#)
[ffffffff](#)
[ffffffff](#)
[ffffffff](#)
[ff7f7f7](#)
[eff7f7](#)
[efefefe](#)
[fe7efe](#)
[fadbbc](#)
[69ca5](#)
[b5a5b](#)
[5c69c](#)
[adc69](#)
[4a5bd](#)
[8c9cb](#)
[58494](#)
[ad7b8](#)
[ca56b](#)
[7b8c6](#)
[b738c](#)
[5a6b7](#)
[b5a6b](#)
[7b526](#)
[37352](#)

[63733](#)
[94a5a](#)
[394a5](#)
[a3142](#)
[52394](#)
[a5a31](#)
[42523](#)
[94a5a](#)
[394a5](#)
[a394a](#)
[5a293](#)
[94a29](#)
[394a2](#)
[9424a](#)
[394a5](#)
[a394a](#)
[52425](#)
[25a4a](#)
[525a6](#)
[36b73](#)
[848c9](#)
[4adb5](#)
[b5bdc](#)
[6c6c6c](#)
[ec6bd](#)
[bdb5d](#)
[ed6ce](#)
[cec6b](#)
[58473](#)
[637b6](#)
[b5a84](#)
[6b637](#)
[b6b5a](#)
[73635](#)
[a7b73](#)
[6b525](#)
[a4a31](#)
[42293](#)
[14a31](#)
[21422](#)
[9294a](#)
[31214](#)
[23121](#)

[4a311](#)
[84229](#)
[18423](#)
[11842](#)
[31294](#)
[a3929](#)
[42312](#)
[94a31](#)
[21422](#)
[92142](#)
[31214](#)
[23129](#)
[42392](#)
[14231](#)
[294a3](#)
[9294a](#)
[39294](#)
[a3100f](#)
[fff7fff](#)
[fffffff](#)
[7ffff7f](#)
[ff7eff7](#)
[f7eff7](#)
[efefe7](#)
[e7efa5](#)
[adb59](#)
[cadbd](#)
[adbdc](#)
[e9cad](#)
[c69ca](#)
[5bd8c](#)
[9cad8](#)
[494ad](#)
[73849](#)
[c6b7b](#)
[94636](#)
[b845a](#)
[6b7b5](#)
[26373](#)
[4a5a6](#)
[b4252](#)
[6b394](#)

[a5a39](#)
[4a5a3](#)
[94a5a](#)
[31425](#)
[23142](#)
[52313](#)
[94a31](#)
[424a2](#)
[9394a](#)
[31425](#)
[23142](#)
[52394](#)
[a5a39](#)
[4a5a4](#)
[25263](#)
[42526](#)
[34a5a](#)
[63525](#)
[a6b63](#)
[737b7](#)
[b8c8c](#)
[adbdb](#)
[dbdc6](#)
[c6c6c6](#)
[c6cece](#)
[c6efde](#)
[d6ad9](#)
[c8c8c7](#)
[b6b84](#)
[73637](#)
[b6b5a](#)
[7b736](#)
[34242](#)
[31213](#)
[12121](#)
[39291](#)
[83121](#)
[21392](#)
[12139](#)
[21213](#)
[92918](#)
[31211](#)
[83921](#)

[10312](#)
[12139](#)
[29213](#)
[12929](#)
[39291](#)
[83921](#)
[21392](#)
[92139](#)
[29314](#)
[a3931](#)
[4a393](#)
[14a39](#)
[29423](#)
[9314a](#)
[39214](#)
[22900](#)
[ffffff](#)
[ff7ffff](#)
[ffffff7f](#)
[fff7ef](#)
[efe7f7](#)
[efefe7](#)
[e7e7d](#)
[ee7ef9](#)
[49ca5](#)
[adb5c](#)
[eadbd](#)
[ceadb](#)
[dce9c](#)
[a5bd9](#)
[4a5b5](#)
[8494a](#)
[57b8c](#)
[a56b7](#)
[b8c5a](#)
[6b7b4](#)
[a5a6b](#)
[4a5a6](#)
[b4252](#)
[634a5](#)
[a6b42](#)
[52634](#)
[25263](#)

[394a5](#)
[a394a](#)
[5a394](#)
[a5a39](#)
[4a5a3](#)
[14252](#)
[394a5](#)
[a4252](#)
[634a5](#)
[a7342](#)
[526b4](#)
[a5a73](#)
[52637](#)
[b5a6b](#)
[7b525](#)
[a735a](#)
[6b7b6](#)
[37384](#)
[6b7b8](#)
[c6b7b](#)
[84949](#)
[ca5bd](#)
[c6ced](#)
[6d6d6](#)
[e7ded](#)
[ed6c6](#)
[bd847](#)
[b6b8c](#)
[7b736](#)
[35a4a](#)
[29292](#)
[11821](#)
[10212](#)
[91821](#)
[31212](#)
[13118](#)
[18291](#)
[82129](#)
[18182](#)
[91818](#)
[31181](#)
[82918](#)
[18312](#)

[11829](#)
[21213](#)
[12121](#)
[31212](#)
[93129](#)
[21312](#)
[13942](#)
[31424](#)
[a394a](#)
[52423](#)
[94a39](#)
[394a3](#)
[92939](#)
[29293](#)
[92900](#)
[f7fff7ff](#)
[fff7ffff](#)
[f7ffffff](#)
[f7f7ef](#)
[efefe7](#)
[efe7e7](#)
[efeff7](#)
[d6d6e](#)
[78c94](#)
[a5a5b](#)
[5c6ad](#)
[bdd6a](#)
[5b5c6](#)
[9cadb](#)
[d8c9c](#)
[ad849](#)
[4a573](#)
[84946](#)
[3738c](#)
[52637](#)
[35263](#)
[73425](#)
[26342](#)
[52634](#)
[25263](#)
[42526](#)
[3394a](#)
[5a394](#)

[a5a31](#)
[42523](#)
[94a5a](#)
[394a5](#)
[a4252](#)
[63425](#)
[2634a](#)
[5a734](#)
[a5a73](#)
[63738](#)
[c5a6b](#)
[845a6](#)
[b845a](#)
[6b8c6](#)
[3738c](#)
[63739](#)
[47384](#)
[9c738](#)
[49c73](#)
[849c6](#)
[b7b8c](#)
[949ca](#)
[5bdc6](#)
[c6e7d](#)
[edee7](#)
[ded69](#)
[48c84](#)
[4a423](#)
[92121](#)
[10212](#)
[91821](#)
[29181](#)
[82110](#)
[18211](#)
[81821](#)
[10182](#)
[11018](#)
[21101](#)
[82110](#)
[18211](#)
[02129](#)
[18212](#)
[91821](#)

[29212](#)
[12921](#)
[29312](#)
[12931](#)
[21313](#)
[92942](#)
[42314](#)
[a5239](#)
[39423](#)
[13942](#)
[29313](#)
[92129](#)
[31212](#)
[12918](#)
[00ffffff](#)
[f7ffffff](#)
[ffffffff](#)
[ffff7f7](#)
[efe7e7](#)
[efefefe](#)
[feff7d](#)
[ee7ef8](#)
[48c94](#)
[b5bdc](#)
[eadbd](#)
[ceadb](#)
[dce94](#)
[a5b58](#)
[ca5b5](#)
[7b8c9](#)
[c7384](#)
[94637](#)
[38452](#)
[637b5](#)
[26373](#)
[4a5a6](#)
[b4252](#)
[5a4a5](#)
[a6342](#)
[52633](#)
[94a5a](#)
[394a5](#)
[a394a](#)

[63394](#)
[a5a4a](#)
[5a735](#)
[2637b](#)
[5a6b8](#)
[45a6b](#)
[7b6b7](#)
[b9473](#)
[849c7](#)
[b84a5](#)
[73849](#)
[c738c](#)
[a56b7](#)
[b9c73](#)
[84a57](#)
[38cad](#)
[8494b](#)
[5738c](#)
[a5738](#)
[c9c6b](#)
[7b848](#)
[48c94](#)
[cecece](#)
[d6d6c](#)
[e4242](#)
[39292](#)
[91821](#)
[21102](#)
[12918](#)
[10211](#)
[01821](#)
[10182](#)
[11821](#)
[29182](#)
[12118](#)
[21291](#)
[82121](#)
[18212](#)
[91829](#)
[29183](#)
[13121](#)
[31312](#)
[13139](#)

[29293](#)
[12131](#)
[39293](#)
[94231](#)
[4a4a3](#)
[9424a](#)
[31394](#)
[22931](#)
[39213](#)
[13921](#)
[21291](#)
[02129](#)
[1000ff](#)
[ffffffff](#)
[ffffffff](#)
[ffffffff](#)
[fefe7e](#)
[7e7de](#)
[e7efef](#)
[efdee7](#)
[ef848c](#)
[9cadb](#)
[5c6ad](#)
[bdce9](#)
[cadbd](#)
[94a5b](#)
[d849c](#)
[ad738](#)
[49c5a](#)
[73845](#)
[a6b7b](#)
[52637](#)
[35263](#)
[734a5](#)
[a6b42](#)
[52633](#)
[94a5a](#)
[42526](#)
[3394a](#)
[5a425](#)
[26342](#)
[52635](#)
[26373](#)

[5a6b8](#)
[46b7b](#)
[946b7](#)
[b9473](#)
[84a57](#)
[b8ca5](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd849](#)
[4b573](#)
[8cad7](#)
[b94b5](#)
[7b94b](#)
[57b94](#)
[b57b9](#)
[4b584](#)
[94b57](#)
[38c9c](#)
[73849](#)
[46373](#)
[7b8c9](#)
[494ad](#)
[b5b52](#)
[92929](#)
[21211](#)
[82121](#)
[18101](#)
[81018](#)
[21181](#)
[02110](#)
[21291](#)
[82121](#)
[18212](#)
[91821](#)
[21182](#)
[12918](#)
[21211](#)
[83131](#)
[21313](#)
[12939](#)
[39293](#)
[13129](#)
[31392](#)

[93942](#)
[31424](#)
[a3942](#)
[42313](#)
[94231](#)
[31392](#)
[13139](#)
[21213](#)
[11821](#)
[31181](#)
[02108](#)
[00e7d](#)
[6cee7](#)
[d6cee](#)
[7d6ce](#)
[e7d6d](#)
[6efe7d](#)
[eefefe](#)
[7dede](#)
[dee7ef](#)
[efe7ef](#)
[f79ca5](#)
[ada5b](#)
[5bdad](#)
[bdc69](#)
[cb5bd](#)
[8ca5b](#)
[5849c](#)
[ad6b8](#)
[49463](#)
[7b8c5](#)
[a6b7b](#)
[5a6b7](#)
[b4a5a](#)
[6b4a5](#)
[a6b42](#)
[52634](#)
[a5a6b](#)
[4a5a6](#)
[b5263](#)
[734a5](#)
[a6b5a](#)
[6b7b5](#)

[a6b84](#)
[6b7b9](#)
[46b7b](#)
[9c738](#)
[ca57b](#)
[8cad8](#)
[c9cbd](#)
[8c9cb](#)
[d949c](#)
[c6849](#)
[4b573](#)
[84ad6](#)
[b7ba5](#)
[7384a](#)
[d738c](#)
[ad849](#)
[4bd73](#)
[8cad7](#)
[b8cad](#)
[73849](#)
[c6b7b](#)
[8c637](#)
[37b84](#)
[8c942](#)
[93131](#)
[21212](#)
[12129](#)
[21182](#)
[11010](#)
[21102](#)
[12918](#)
[21291](#)
[82129](#)
[21212](#)
[92121](#)
[29212](#)
[12918](#)
[29312](#)
[13139](#)
[29424](#)
[23139](#)
[42313](#)
[94231](#)

[39392](#)
[94a4a](#)
[39424](#)
[23139](#)
[42313](#)
[13929](#)
[29392](#)
[92131](#)
[18213](#)
[12129](#)
[42292](#)
[13921](#)
[008c8](#)
[4739c](#)
[8c849](#)
[48c7b](#)
[948c8](#)
[4a59c](#)
[94efef](#)
[efcece](#)
[cedee](#)
[7e7de](#)
[e7e7b](#)
[dc6ce](#)
[94a5a](#)
[dadbd](#)
[c694a](#)
[5b58c](#)
[9cad7](#)
[b8ca5](#)
[73849](#)
[c5a73](#)
[84526](#)
[b7b5a](#)
[6b7b4](#)
[a5a6b](#)
[42526](#)
[34252](#)
[63425](#)
[2634a](#)
[5a6b5](#)
[26373](#)
[52637](#)

[b5a6b](#)
[846b7](#)
[b946b](#)
[7b9c7](#)
[38cad](#)
[7b8ca](#)
[d8494](#)
[bd7b8](#)
[cb584](#)
[94b57](#)
[b8cad](#)
[6b7b9](#)
[c5263](#)
[844a5](#)
[a8442](#)
[5a7b5](#)
[2638c](#)
[63739](#)
[46b7b](#)
[9c738](#)
[ca573](#)
[84a56](#)
[b7b94](#)
[73849](#)
[4636b](#)
[7b4a5](#)
[25a21](#)
[29291](#)
[82118](#)
[18211](#)
[81821](#)
[18212](#)
[11821](#)
[29182](#)
[12921](#)
[21292](#)
[12129](#)
[18212](#)
[92129](#)
[31213](#)
[94231](#)
[39423](#)
[13942](#)

[31394](#)
[23142](#)
[42313](#)
[94231](#)
[39423](#)
[13131](#)
[29293](#)
[12921](#)
[29181](#)
[02118](#)
[18312](#)
[13952](#)
[42315](#)
[24200](#)
[39393](#)
[94242](#)
[425a5](#)
[a526b](#)
[6b639](#)
[4948c](#)
[ced6c](#)
[ed6de](#)
[d6cec](#)
[ecede](#)
[e7e7c](#)
[edede](#)
[8c949](#)
[ca5b5](#)
[bd9ca](#)
[dbd8c](#)
[94ad7](#)
[b849c](#)
[6b7b9](#)
[4637b](#)
[8c5a6](#)
[b7b5a](#)
[637b4](#)
[a5a6b](#)
[4a5a6](#)
[b4a5a](#)
[73526](#)
[3735a](#)
[637b6](#)

[37384](#)
[5a6b8](#)
[4637b](#)
[946b7](#)
[b9c73](#)
[84a57](#)
[384a5](#)
[7b8ca](#)
[d7384](#)
[ad6b7](#)
[ba55a](#)
[6b945](#)
[2638c](#)
[424a7](#)
[33142](#)
[63293](#)
[95a29](#)
[395a3](#)
[14263](#)
[4a5a7](#)
[b5a6b](#)
[8c738](#)
[4a573](#)
[849c7](#)
[3849c](#)
[6b7b9](#)
[46b7b](#)
[94637](#)
[37b39](#)
[42421](#)
[82118](#)
[21292](#)
[12129](#)
[18293](#)
[12121](#)
[29182](#)
[93121](#)
[21292](#)
[12129](#)
[21212](#)
[91831](#)
[39293](#)
[94231](#)

[424a3](#)
[93942](#)
[31394](#)
[23139](#)
[39294](#)
[24231](#)
[31392](#)
[93139](#)
[29212](#)
[92118](#)
[21180](#)
[81810](#)
[18292](#)
[9314a](#)
[4a426](#)
[36300](#)
[4a5a6](#)
[3394a](#)
[52293](#)
[94221](#)
[31311](#)
[01818](#)
[6b736](#)
[bdede](#)
[dec6c](#)
[ec6bd](#)
[c6c6ce](#)
[d6dea](#)
[dbdc6](#)
[8c94a](#)
[5949c](#)
[b5849](#)
[4ad73](#)
[849c6](#)
[b7b8c](#)
[636b8](#)
[45a6b](#)
[7b4a5](#)
[a734a](#)
[5a734](#)
[a526b](#)
[52637](#)
[3525a](#)

[735a6](#)
[b845a](#)
[6b846](#)
[3738c](#)
[63739](#)
[46b84](#)
[9c6b7](#)
[b9c73](#)
[84a56](#)
[b7b9c](#)
[63739](#)
[c5a6b](#)
[94526](#)
[38c42](#)
[527b3](#)
[9426b](#)
[29315](#)
[a2931](#)
[5a293](#)
[15a39](#)
[42633](#)
[94a6b](#)
[636b8](#)
[c6b7b](#)
[9c738](#)
[4a56b](#)
[7b9c6](#)
[37394](#)
[5a738](#)
[c5a6b](#)
[844a5](#)
[25a21](#)
[29292](#)
[12921](#)
[31312](#)
[92931](#)
[21293](#)
[12129](#)
[29212](#)
[92921](#)
[29292](#)
[12931](#)
[21313](#)

[12142](#)
[42313](#)
[94a31](#)
[39423](#)
[13139](#)
[29393](#)
[92931](#)
[39293](#)
[13929](#)
[21291](#)
[81821](#)
[18101](#)
[81008](#)
[18180](#)
[82121](#)
[29394](#)
[2314a](#)
[5a007](#)
[ba5bd](#)
[7394a](#)
[d637b](#)
[8c213](#)
[93910](#)
[21181](#)
[01810](#)
[adb5a](#)
[dcecec](#)
[eb5bd](#)
[bdbdc](#)
[6ceb5](#)
[c6d69](#)
[49cb5](#)
[94a5b](#)
[58494](#)
[ad6b7](#)
[b9463](#)
[6b846](#)
[3738c](#)
[5a6b7](#)
[b5263](#)
[734a5](#)
[a7352](#)
[63735](#)

[26373](#)
[5a6b8](#)
[45a6b](#)
[845a6](#)
[b8c5a](#)
[6b8c6](#)
[37394](#)
[63739](#)
[46b7b](#)
[9c6b7](#)
[ba56b](#)
[7ba56](#)
[37394](#)
[63739](#)
[45263](#)
[844a5](#)
[a7b42](#)
[4a734](#)
[24a73](#)
[424a7](#)
[b4a52](#)
[84525](#)
[28452](#)
[528c5](#)
[25a8c](#)
[6b73a](#)
[56b7b](#)
[a56b7](#)
[b9c5a](#)
[738c5](#)
[a738c](#)
[5a738](#)
[45a73](#)
[7b394](#)
[a4a39](#)
[39393](#)
[93931](#)
[39393](#)
[13939](#)
[29313](#)
[12929](#)
[29213](#)
[13129](#)

[31292](#)
[13939](#)
[29424](#)
[a3142](#)
[4a393](#)
[94229](#)
[39423](#)
[13939](#)
[29393](#)
[92929](#)
[31212](#)
[12918](#)
[10211](#)
[01821](#)
[18081](#)
[81808](#)
[18211](#)
[82939](#)
[31426](#)
[30063](#)
[8cad7](#)
[ba5bd](#)
[63849](#)
[42139](#)
[39081](#)
[01010](#)
[18103](#)
[93939](#)
[ced6c](#)
[eadb5](#)
[b5a5a](#)
[db59c](#)
[adbd9](#)
[cadbd](#)
[8c9cb](#)
[57b8c](#)
[a56b7](#)
[b8c63](#)
[738c5](#)
[a6b7b](#)
[5a6b8](#)
[45263](#)
[7b5a7](#)

[3845a](#)
[6b7b5](#)
[2637b](#)
[52637](#)
[b5263](#)
[84526](#)
[37b5a](#)
[6b845](#)
[a6b84](#)
[5a738](#)
[c5a6b](#)
[946b7](#)
[b9c6b](#)
[7b9c6](#)
[3739c](#)
[5a6b8](#)
[c5263](#)
[84525](#)
[a7b52](#)
[5a845](#)
[a5a8c](#)
[636b9](#)
[c6b63](#)
[9c6b6](#)
[ba56b](#)
[6ba57](#)
[373a5](#)
[636b9](#)
[c6b73](#)
[a55a6](#)
[b8c4a](#)
[637b5](#)
[a738c](#)
[637b8](#)
[c5a73](#)
[845a7](#)
[37b39](#)
[4a4a4](#)
[24242](#)
[39393](#)
[14242](#)
[31393](#)
[92939](#)

[39313](#)
[12921](#)
[31312](#)
[93939](#)
[294a4](#)
[a3939](#)
[42293](#)
[94229](#)
[39392](#)
[93939](#)
[29292](#)
[91818](#)
[21101](#)
[82110](#)
[18211](#)
[81821](#)
[18101](#)
[81808](#)
[10182](#)
[13142](#)
[39426](#)
[30021](#)
[42523](#)
[9525a](#)
[314a4](#)
[a1021](#)
[18181](#)
[81810](#)
[10081](#)
[01810](#)
[5a635](#)
[ad6de](#)
[dea5a](#)
[db594](#)
[a5ad9](#)
[4a5b5](#)
[8c9ca](#)
[d738c](#)
[9c637](#)
[b8c63](#)
[73846](#)
[37384](#)
[5a6b8](#)

[45a6b](#)
[84637](#)
[38463](#)
[738c5](#)
[a6b84](#)
[63738](#)
[c5a6b](#)
[8c5a6](#)
[b8c52](#)
[6b845](#)
[a738c](#)
[52638](#)
[45a6b](#)
[8c5a6](#)
[b8c63](#)
[73946](#)
[36b94](#)
[636b9](#)
[4525a](#)
[845a6](#)
[38452](#)
[5a845](#)
[25a7b](#)
[4a4a7](#)
[34242](#)
[6b313](#)
[96339](#)
[39634](#)
[a527b](#)
[5a638](#)
[c5a63](#)
[8c4a5](#)
[27b42](#)
[52735](#)
[a7394](#)
[637b9](#)
[4637b](#)
[8c637](#)
[3844a](#)
[5a5a3](#)
[94239](#)
[39423](#)
[93939](#)

[31424](#)
[23939](#)
[39313](#)
[93931](#)
[31392](#)
[94242](#)
[31424](#)
[23139](#)
[42313](#)
[13121](#)
[39392](#)
[93131](#)
[29292](#)
[92118](#)
[18102](#)
[12110](#)
[18211](#)
[02121](#)
[21101](#)
[81810](#)
[18182](#)
[12939](#)
[39426](#)
[30008](#)
[18210](#)
[81818](#)
[08101](#)
[01018](#)
[18081](#)
[00810](#)
[18101](#)
[01808](#)
[10181](#)
[04a52](#)
[52c6d](#)
[6d6ad](#)
[b5c69](#)
[4a5ad](#)
[8494a](#)
[57384](#)
[94637](#)
[3845a](#)
[6b845](#)

[a637b](#)
[636b8](#)
[45a6b](#)
[846b7](#)
[b9463](#)
[7b946](#)
[37b94](#)
[5a6b8](#)
[45a6b](#)
[845a6](#)
[b8c63](#)
[73945](#)
[a6b8c](#)
[52638](#)
[44a5a](#)
[7b4a5](#)
[a734a](#)
[52734](#)
[a5273](#)
[39426](#)
[32931](#)
[5a182](#)
[14a18](#)
[18420](#)
[81031](#)
[08102](#)
[90000](#)
[21000](#)
[82900](#)
[08290](#)
[81031](#)
[21294](#)
[a2129](#)
[4a182](#)
[94a39](#)
[4a6b4](#)
[25273](#)
[5a738](#)
[c5a73](#)
[8c637](#)
[b8c52](#)
[636b2](#)
[93131](#)

[31313](#)
[13939](#)
[31313](#)
[12931](#)
[39312](#)
[93131](#)
[31392](#)
[92931](#)
[29313](#)
[92929](#)
[31213](#)
[13129](#)
[29312](#)
[93131](#)
[29212](#)
[91818](#)
[21101](#)
[81810](#)
[18211](#)
[01821](#)
[10102](#)
[11808](#)
[10101](#)
[82129](#)
[21294](#)
[20021](#)
[31290](#)
[81810](#)
[10211](#)
[81021](#)
[18101](#)
[81008](#)
[18081](#)
[01810](#)
[08181](#)
[01021](#)
[184a5](#)
[252b5](#)
[bdbda](#)
[db5bd](#)
[8c9ca](#)
[56b7b](#)
[8c637](#)

[38c5a](#)
[6b846](#)
[b738c](#)
[63738](#)
[c6b7b](#)
[946b7](#)
[b946b](#)
[7b946](#)
[3738c](#)
[5a6b8](#)
[c526b](#)
[84637](#)
[39463](#)
[7b946](#)
[b7b94](#)
[52638](#)
[44252](#)
[73293](#)
[95a21](#)
[294a1](#)
[82139](#)
[18214](#)
[21018](#)
[39101](#)
[83910](#)
[18391](#)
[82142](#)
[10183](#)
[91821](#)
[42212](#)
[94a31](#)
[395a3](#)
[1395a](#)
[424a6](#)
[b4252](#)
[73394](#)
[a6b39](#)
[4a6b4](#)
[a6384](#)
[5a6b8](#)
[c6373](#)
[946b7](#)
[b946b](#)

[7b843](#)
[13939](#)
[39423](#)
[93139](#)
[31293](#)
[12929](#)
[39313](#)
[94a42](#)
[29423](#)
[12939](#)
[29213](#)
[12129](#)
[39293](#)
[13929](#)
[31393](#)
[12931](#)
[29212](#)
[92110](#)
[21181](#)
[02118](#)
[10181](#)
[01821](#)
[18182](#)
[11810](#)
[21180](#)
[81818](#)
[18292](#)
[90010](#)
[21181](#)
[01810](#)
[08181](#)
[01021](#)
[10001](#)
[00808](#)
[18100](#)
[01008](#)
[08181](#)
[01021](#)
[10182](#)
[92121](#)
[29298](#)
[48c94](#)
[848c9](#)

[c6373](#)
[8c5a6](#)
[b8c63](#)
[738c5](#)
[a6b84](#)
[63738](#)
[c6373](#)
[8c6b7](#)
[b9463](#)
[738c6](#)
[37b94](#)
[5a6b8](#)
[c6373](#)
[945a7](#)
[3946b](#)
[7b9c6](#)
[37394](#)
[63739](#)
[44a5a](#)
[7b425](#)
[27331](#)
[42634](#)
[2526b](#)
[4a5a7](#)
[b525a](#)
[7b4a5](#)
[2734a](#)
[52734](#)
[24a6b](#)
[424a6](#)
[b4252](#)
[6b5a6](#)
[b8c5a](#)
[63845](#)
[2637b](#)
[5a6b8](#)
[c6b7b](#)
[9c637](#)
[39452](#)
[63844](#)
[a6384](#)
[4a638](#)
[45a6b](#)

[8c637](#)
[38c6b](#)
[7b8c4](#)
[a5a63](#)
[31423](#)
[93139](#)
[31293](#)
[13139](#)
[4a424](#)
[a5a52](#)
[425a4](#)
[a2942](#)
[31213](#)
[92929](#)
[31213](#)
[13931](#)
[29312](#)
[92131](#)
[29182](#)
[91810](#)
[29180](#)
[82110](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10102](#)
[91810](#)
[21100](#)
[81810](#)
[10291](#)
[80010](#)
[21181](#)
[01810](#)
[10211](#)
[01018](#)
[10081](#)
[81008](#)
[10080](#)
[81810](#)
[08180](#)
[81829](#)
[21213](#)
[12910](#)
[21184](#)

[a5a63](#)
[8494a](#)
[56373](#)
[8c637](#)
[3945a](#)
[738c5](#)
[a738c](#)
[5a738](#)
[c6373](#)
[94637](#)
[3946b](#)
[7b946](#)
[3738c](#)
[6b7b9](#)
[46373](#)
[946b7](#)
[b9c63](#)
[73946](#)
[37b94](#)
[637b9](#)
[c5a73](#)
[94526](#)
[3845a](#)
[6b8c5](#)
[a6b8c](#)
[63739](#)
[c6b7b](#)
[a5738](#)
[4ad73](#)
[84ad6](#)
[b7ba5](#)
[63739](#)
[45a73](#)
[94526](#)
[b8c5a](#)
[6b8c5](#)
[a6b8c](#)
[63739](#)
[46373](#)
[94637](#)
[39452](#)
[63845](#)
[26b8c](#)

[425a7](#)
[35a6b](#)
[845a7](#)
[3846b](#)
[84946](#)
[37b84](#)
[4a5a6](#)
[33142](#)
[42314](#)
[24242](#)
[524a5](#)
[26b63](#)
[425a4](#)
[a314a](#)
[39294](#)
[23129](#)
[42312](#)
[93929](#)
[29393](#)
[12139](#)
[29213](#)
[92918](#)
[29181](#)
[82918](#)
[10211](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91818](#)
[29180](#)
[81808](#)
[18291](#)
[80008](#)
[18101](#)
[01810](#)
[08180](#)
[81018](#)
[10081](#)
[00808](#)
[10080](#)
[01008](#)
[08180](#)
[81829](#)
[18294](#)

[23110](#)
[21185](#)
[26363](#)
[7b8c9](#)
[c6b7b](#)
[945a7](#)
[38c5a](#)
[738c5](#)
[a6b84](#)
[63739](#)
[46373](#)
[8c637](#)
[3945a](#)
[738c6](#)
[3738c](#)
[63738](#)
[c6b7b](#)
[94637](#)
[39463](#)
[73945](#)
[26384](#)
[526b8](#)
[45a6b](#)
[8c637](#)
[b9c5a](#)
[73945](#)
[a6b94](#)
[5a6b9](#)
[46373](#)
[9c526](#)
[38c52](#)
[638c4](#)
[a5a7b](#)
[425a7](#)
[b2942](#)
[63213](#)
[95229](#)
[395a3](#)
[14a63](#)
[394a6](#)
[b5263](#)
[845a6](#)
[b8c5a](#)

[73944](#)
[25a7b](#)
[314a6](#)
[b4a5a](#)
[7b637](#)
[38c63](#)
[7b8c6](#)
[37b8c](#)
[526b7](#)
[35263](#)
[63425](#)
[24a42](#)
[524a3](#)
[14a42](#)
[39524](#)
[22942](#)
[39294](#)
[23921](#)
[42312](#)
[14229](#)
[21393](#)
[12942](#)
[39213](#)
[92918](#)
[31211](#)
[82918](#)
[18292](#)
[11029](#)
[18102](#)
[91810](#)
[29180](#)
[82110](#)
[08180](#)
[80010](#)
[21101](#)
[01810](#)
[10211](#)
[01018](#)
[10081](#)
[81008](#)
[10080](#)
[81810](#)
[08100](#)

[82131](#)
[21294](#)
[23118](#)
[29214](#)
[a6363](#)
[7b8c9](#)
[c6b7b](#)
[94637](#)
[b945a](#)
[6b8c6](#)
[3738c](#)
[63738](#)
[c6373](#)
[94637](#)
[3946b](#)
[7b946](#)
[37394](#)
[637b9](#)
[46373](#)
[8c637](#)
[b945a](#)
[738c5](#)
[a6b8c](#)
[4a5a7](#)
[b4a63](#)
[84637](#)
[3946b](#)
[84a56](#)
[37b9c](#)
[6b7b9](#)
[c5a73](#)
[8c526](#)
[38442](#)
[52733](#)
[14263](#)
[18314](#)
[a1029](#)
[42102](#)
[14210](#)
[21391](#)
[8314a](#)
[394a6](#)
[34a5a](#)

[7b637](#)
[b9452](#)
[6b8c3](#)
[94a73](#)
[394a6](#)
[b5263](#)
[845a6](#)
[b8c63](#)
[7b946](#)
[37b8c](#)
[5a7b7](#)
[b425a](#)
[5a425](#)
[24a39](#)
[4a423](#)
[14239](#)
[314a4](#)
[23952](#)
[42315](#)
[23931](#)
[4a392](#)
[14229](#)
[294a3](#)
[1314a](#)
[39294](#)
[23118](#)
[31212](#)
[13121](#)
[21312](#)
[11831](#)
[21103](#)
[12118](#)
[31210](#)
[82110](#)
[08180](#)
[80010](#)
[18101](#)
[01810](#)
[10181](#)
[01018](#)
[10081](#)
[00808](#)
[10080](#)

[01008](#)
[08180](#)
[81829](#)
[18213](#)
[92910](#)
[21184](#)
[a6363](#)
[7b8c9](#)
[47384](#)
[9c637](#)
[39463](#)
[73946](#)
[37394](#)
[63739](#)
[45a6b](#)
[8c637](#)
[39463](#)
[738c6](#)
[37b94](#)
[637b9](#)
[4637b](#)
[945a7](#)
[38c5a](#)
[738c5](#)
[a6b8c](#)
[52638](#)
[c4252](#)
[734a5](#)
[a845a](#)
[6b947](#)
[384a5](#)
[6b7b9](#)
[c6373](#)
[8c425](#)
[26b29](#)
[39521](#)
[02139](#)
[08183](#)
[91021](#)
[39182](#)
[94229](#)
[39522](#)
[93952](#)

[29395](#)
[2394a](#)
[634a5](#)
[a7b42](#)
[52732](#)
[9395a](#)
[42527](#)
[3525a](#)
[7b637](#)
[38c63](#)
[73946](#)
[b849c](#)
[5a737](#)
[b314a](#)
[42294](#)
[23931](#)
[4a392](#)
[94a39](#)
[395a4](#)
[a395a](#)
[42395](#)
[a4229](#)
[4a312](#)
[94a31](#)
[294a3](#)
[13152](#)
[39214](#)
[23121](#)
[39292](#)
[13121](#)
[29392](#)
[91831](#)
[21183](#)
[12118](#)
[31211](#)
[02918](#)
[08180](#)
[80018](#)
[21181](#)
[01810](#)
[10211](#)
[01018](#)
[10081](#)

[81008](#)
[10080](#)
[81810](#)
[08100](#)
[81021](#)
[10102](#)
[91810](#)
[21184](#)
[a5a5a](#)
[849ca](#)
[5738c](#)
[9c6b7](#)
[b9463](#)
[7b946](#)
[3738c](#)
[5a738](#)
[c637b](#)
[94637](#)
[b946b](#)
[7b9c6](#)
[37b94](#)
[6b7b9](#)
[c637b](#)
[946b7](#)
[b9c63](#)
[73946](#)
[37394](#)
[5a6b8](#)
[c5a6b](#)
[8c425](#)
[27b4a](#)
[5a7b6](#)
[36b94](#)
[63739](#)
[44a52](#)
[73293](#)
[95a18](#)
[29422](#)
[93152](#)
[31425](#)
[a4a52](#)
[6b525](#)
[a7352](#)

[637b5](#)
[a637b](#)
[636b8](#)
[c5263](#)
[7b5a6](#)
[38442](#)
[52733](#)
[14263](#)
[4a527](#)
[3636b](#)
[8c637](#)
[3946b](#)
[849c6](#)
[b849c](#)
[6b848](#)
[c314a](#)
[4a314](#)
[a4231](#)
[4a393](#)
[95242](#)
[39524](#)
[2395a](#)
[4a315](#)
[a4231](#)
[52392](#)
[95231](#)
[31523](#)
[9294a](#)
[39294](#)
[23118](#)
[39292](#)
[13929](#)
[21392](#)
[91839](#)
[29183](#)
[12121](#)
[42291](#)
[83121](#)
[10211](#)
[00018](#)
[21181](#)
[82118](#)
[08181](#)

[01018](#)
[10081](#)
[00808](#)
[10080](#)
[01008](#)
[08100](#)
[80818](#)
[08102](#)
[11808](#)
[18104](#)
[25a5a](#)
[7b949](#)
[c7b8c](#)
[9c5a7](#)
[38c6b](#)
[7b9c5](#)
[a738c](#)
[63739](#)
[46373](#)
[8c637](#)
[b9463](#)
[73946](#)
[37b94](#)
[637b9](#)
[46b7b](#)
[9c637](#)
[b9c6b](#)
[7b9c6](#)
[37394](#)
[63739](#)
[c6373](#)
[945a6](#)
[38c42](#)
[52734](#)
[25273](#)
[42527](#)
[34a5a](#)
[735a6](#)
[3846b](#)
[7b947](#)
[b849c](#)
[7b84a](#)
[5737b](#)

[9c7b8](#)
[4a573](#)
[849c7](#)
[b8ca5](#)
[73849](#)
[c7384](#)
[9c848](#)
[cad73](#)
[7b9c3](#)
[94263](#)
[5a638](#)
[4636b](#)
[8c6b7](#)
[39463](#)
[7b946](#)
[b849c](#)
[738c9](#)
[44a5a](#)
[5a314](#)
[a4239](#)
[52423](#)
[14a39](#)
[39524](#)
[23152](#)
[39315](#)
[23929](#)
[52392](#)
[95239](#)
[294a3](#)
[1294a](#)
[39183](#)
[92918](#)
[31211](#)
[02918](#)
[18312](#)
[11831](#)
[21183](#)
[92918](#)
[31211](#)
[83118](#)
[08211](#)
[00021](#)
[29211](#)

[02110](#)
[10211](#)
[00818](#)
[08101](#)
[81008](#)
[10080](#)
[81808](#)
[08100](#)
[80818](#)
[10082](#)
[11810](#)
[21213](#)
[94a52](#)
[8494a](#)
[5738c](#)
[9c637](#)
[39463](#)
[73946](#)
[37394](#)
[63739](#)
[4637b](#)
[9c637](#)
[b9c6b](#)
[849c6](#)
[37b9c](#)
[6b849](#)
[c637b](#)
[9c738](#)
[4a56b](#)
[84a57](#)
[384a5](#)
[6b7b9](#)
[c6b7b](#)
[9c6b7](#)
[39c5a](#)
[6b8c4](#)
[24a6b](#)
[4a527](#)
[36b73](#)
[9ca5a](#)
[dcead](#)
[b5d6a](#)
[db5d6](#)

[a5adc](#)
[eadb5](#)
[ceadb](#)
[5d6ad](#)
[b5d6a](#)
[db5ce](#)
[adb5c](#)
[e9ca5](#)
[c6a5a](#)
[dce6b](#)
[73943](#)
[94263](#)
[4a527](#)
[35263](#)
[7b5a6](#)
[b846b](#)
[7b947](#)
[3849c](#)
[7b949](#)
[c526b](#)
[63394](#)
[a4231](#)
[4a393](#)
[14a39](#)
[31523](#)
[93152](#)
[39295](#)
[23931](#)
[52422](#)
[95239](#)
[294a3](#)
[92142](#)
[31214](#)
[23110](#)
[31211](#)
[02918](#)
[10291](#)
[81839](#)
[29103](#)
[12118](#)
[31211](#)
[02918](#)
[10211](#)

[00018](#)
[21181](#)
[02110](#)
[08180](#)
[81018](#)
[10081](#)
[00808](#)
[18080](#)
[81008](#)
[08180](#)
[80010](#)
[08082](#)
[11808](#)
[18213](#)
[94a52](#)
[7b8ca](#)
[58494](#)
[ad637](#)
[3946b](#)
[7b946](#)
[37394](#)
[637b9](#)
[46373](#)
[94637](#)
[b9c63](#)
[7b9c6](#)
[b849c](#)
[6b84a](#)
[56b84](#)
[a56b8](#)
[4a573](#)
[84a57](#)
[384a5](#)
[7384a](#)
[56b7b](#)
[9c6b7](#)
[39c63](#)
[6b945](#)
[a6384](#)
[39426](#)
[b6b6b](#)
[94949](#)
[cbda5](#)

[adce9](#)
[ca5c6](#)
[9ca5b](#)
[da5ad](#)
[cebdc](#)
[6deb5](#)
[bddeb](#)
[5bdd6](#)
[b5bdd](#)
[69ca5](#)
[c66b7](#)
[39421](#)
[314a2](#)
[1314a](#)
[31395](#)
[a3942](#)
[634a5](#)
[a7352](#)
[63846](#)
[37b8c](#)
[637b8](#)
[4526b](#)
[6b314](#)
[23931](#)
[4a392](#)
[94231](#)
[294a3](#)
[92142](#)
[31294](#)
[a3929](#)
[4a392](#)
[95239](#)
[214a3](#)
[92142](#)
[39183](#)
[92918](#)
[31211](#)
[02918](#)
[21312](#)
[11031](#)
[21102](#)
[91808](#)
[21101](#)

[82918](#)
[10211](#)
[00018](#)
[29211](#)
[01810](#)
[10211](#)
[01018](#)
[08101](#)
[80808](#)
[18080](#)
[81808](#)
[08180](#)
[80810](#)
[10213](#)
[13152](#)
[63736](#)
[b7b8c](#)
[8494a](#)
[57b94](#)
[ad637](#)
[b946b](#)
[7b9c6](#)
[b849c](#)
[6b7b9](#)
[c6b84](#)
[a56b8](#)
[49c6b](#)
[84a56](#)
[b7b9c](#)
[7384a](#)
[56b84](#)
[a5738](#)
[ca56b](#)
[84a56](#)
[b849c](#)
[6b7b9](#)
[c6373](#)
[94636](#)
[b8c5a](#)
[638c4](#)
[a5273](#)
[31396](#)
[32131](#)

[52525](#)
[27b73](#)
[7b9c8](#)
[c94b5](#)
[949cb](#)
[59ca5](#)
[bdadb](#)
[5ceb5](#)
[bdd6b](#)
[dc6de](#)
[b5bdd](#)
[6636b](#)
[84182](#)
[13939](#)
[42635](#)
[a6384](#)
[63738](#)
[c737b](#)
[9c6b7](#)
[b9463](#)
[7b945](#)
[a7384](#)
[63738](#)
[44a5a](#)
[5a213](#)
[93129](#)
[42312](#)
[94239](#)
[21393](#)
[1294a](#)
[39214](#)
[a3121](#)
[4a392](#)
[14a39](#)
[21423](#)
[92142](#)
[39214](#)
[23121](#)
[39292](#)
[13929](#)
[29392](#)
[92139](#)
[29082](#)

[91810](#)
[29181](#)
[83118](#)
[18291](#)
[80018](#)
[29181](#)
[02110](#)
[08100](#)
[80818](#)
[08081](#)
[80010](#)
[18080](#)
[81008](#)
[00100](#)
[81021](#)
[217b8](#)
[c948c](#)
[9cad9](#)
[4a5b5](#)
[8494a](#)
[d8494](#)
[ad6b8](#)
[49c6b](#)
[7b9c6](#)
[b84a5](#)
[738ca](#)
[d6b84](#)
[a56b8](#)
[4a56b](#)
[7b9c7](#)
[384a5](#)
[6b84a](#)
[57384](#)
[a5738](#)
[4a573](#)
[84a57](#)
[384a5](#)
[63739](#)
[4525a](#)
[7b425](#)
[27339](#)
[4a6b4](#)
[a5273](#)

[424a6](#)
[b424a](#)
[6b313](#)
[95221](#)
[294a5](#)
[25a73](#)
[8c94a](#)
[d949c](#)
[b5adb](#)
[5c6b5](#)
[bdceb](#)
[5bdd6](#)
[94a5b](#)
[52939](#)
[52526](#)
[37b73](#)
[7b9c7](#)
[b8ca5](#)
[8c9cb](#)
[58c94](#)
[b5849](#)
[4ad73](#)
[849c6](#)
[b849c](#)
[73849](#)
[45a6b](#)
[73213](#)
[13121](#)
[31292](#)
[13931](#)
[21423](#)
[11839](#)
[29184](#)
[22918](#)
[42292](#)
[14231](#)
[18393](#)
[11842](#)
[31183](#)
[92921](#)
[39292](#)
[13121](#)
[29392](#)

[91831](#)
[21102](#)
[91810](#)
[21101](#)
[82918](#)
[10211](#)
[00018](#)
[31210](#)
[81810](#)
[08180](#)
[80818](#)
[08101](#)
[80808](#)
[18001](#)
[01810](#)
[00100](#)
[84252](#)
[5aadb](#)
[5cead](#)
[bdd69](#)
[4a5c6](#)
[8c9cb](#)
[57b8c](#)
[ad738](#)
[4a56b](#)
[7b9c7](#)
[38ca5](#)
[738ca](#)
[d7b8c](#)
[ad738](#)
[cad73](#)
[8ca56](#)
[b849c](#)
[7384a](#)
[57384](#)
[a57b8](#)
[ca55a](#)
[6b844](#)
[a5a7b](#)
[5a6b8](#)
[4737b](#)
[9c848](#)
[cad8c](#)

[9cb59](#)
[49cbd](#)
[949cb](#)
[d848c](#)
[ad848](#)
[cad63](#)
[6b843](#)
[13152](#)
[525a7](#)
[38c94](#)
[ada5a](#)
[dbdad](#)
[b5cea](#)
[db5ce](#)
[6b738](#)
[c2129](#)
[427b8](#)
[4a56b](#)
[73948](#)
[48cad](#)
[8494a](#)
[d848c](#)
[ad7b8](#)
[ca57b](#)
[8ca57](#)
[38c9c](#)
[7b8c9](#)
[c6373](#)
[7b293](#)
[93910](#)
[21212](#)
[93931](#)
[21423](#)
[12142](#)
[31183](#)
[92918](#)
[42291](#)
[84229](#)
[21423](#)
[11839](#)
[29183](#)
[92918](#)
[31212](#)

[13121](#)
[21312](#)
[92139](#)
[29102](#)
[91810](#)
[29181](#)
[02110](#)
[18211](#)
[00018](#)
[29181](#)
[02110](#)
[08180](#)
[81018](#)
[08081](#)
[80008](#)
[18080](#)
[81008](#)
[00101](#)
[06373](#)
[7badb](#)
[dd694](#)
[a5c67](#)
[384a5](#)
[7b94b](#)
[58494](#)
[b5738](#)
[4a56b](#)
[7b9c7](#)
[384a5](#)
[738ca](#)
[d7384](#)
[a5738](#)
[cad6b](#)
[84a57](#)
[384a5](#)
[7384a](#)
[57384](#)
[a5213](#)
[15242](#)
[4a6b7](#)
[3849c](#)
[949cb](#)
[d8c9c](#)

[b594a](#)
[5bd94](#)
[9cbd9](#)
[49cb5](#)
[8c9cb](#)
[5949c](#)
[bd848](#)
[ca584](#)
[8ca56](#)
[36b84](#)
[18213](#)
[9636b](#)
[849ca](#)
[5bda5](#)
[adc6a](#)
[db5ce](#)
[31395](#)
[24242](#)
[637b8](#)
[49c7b](#)
[8ca57](#)
[3849c](#)
[6b7b9](#)
[46373](#)
[8c6b7](#)
[3946b](#)
[7b947](#)
[3849c](#)
[6b7b8](#)
[c6373](#)
[7b293](#)
[93918](#)
[29211](#)
[02921](#)
[21392](#)
[92139](#)
[29184](#)
[22910](#)
[31211](#)
[03921](#)
[10392](#)
[91839](#)
[29103](#)

[12110](#)
[31211](#)
[82918](#)
[21312](#)
[11831](#)
[21183](#)
[12110](#)
[21101](#)
[02110](#)
[10180](#)
[80018](#)
[31211](#)
[02110](#)
[10211](#)
[00818](#)
[08102](#)
[11008](#)
[18080](#)
[81008](#)
[08101](#)
[88c94](#)
[ad9ca](#)
[dc67b](#)
[84ad8](#)
[494bd](#)
[849cb](#)
[d7b94](#)
[ad738](#)
[ca56b](#)
[849c7](#)
[b94ad](#)
[738ca](#)
[d7b8c](#)
[ad738](#)
[cad73](#)
[8cad7](#)
[384a5](#)
[7b8ca](#)
[56373](#)
[8c293](#)
[95a7b](#)
[8ca58](#)
[c94b5](#)

[8c94b](#)
[58494](#)
[ad848](#)
[ca584](#)
[8cad8](#)
[494ad](#)
[8494a](#)
[d8494](#)
[ad8c9](#)
[4ad84](#)
[8ca57](#)
[b849c](#)
[424a5](#)
[a2129](#)
[42848](#)
[c9cad](#)
[b5c6a](#)
[5a5bd](#)
[21294](#)
[24a52](#)
[6b737](#)
[b946b](#)
[738c5](#)
[a6384](#)
[424a6](#)
[b424a](#)
[63394](#)
[a634a](#)
[5a736](#)
[3738c](#)
[6b7b8](#)
[c6373](#)
[7b313](#)
[94221](#)
[31290](#)
[82118](#)
[10292](#)
[12139](#)
[29183](#)
[92118](#)
[39211](#)
[03121](#)
[18392](#)

[91839](#)
[29183](#)
[92910](#)
[29181](#)
[83121](#)
[18312](#)
[12139](#)
[29183](#)
[12118](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10211](#)
[00010](#)
[21100](#)
[82110](#)
[00180](#)
[80818](#)
[08081](#)
[80808](#)
[18080](#)
[00808](#)
[21293](#)
[18c94](#)
[ad949](#)
[cbd9c](#)
[adce8](#)
[494bd](#)
[7b8ca](#)
[d849c](#)
[b5738](#)
[4a573](#)
[8ca57](#)
[38cad](#)
[7b94b](#)
[5738c](#)
[ad7b8](#)
[cad73](#)
[8cad8](#)
[48cad](#)
[7b8ca](#)
[d6b7b](#)
[94313](#)
[95a84](#)

[94ad8](#)
[494ad](#)
[848ca](#)
[56b7b](#)
[94637](#)
[38c52](#)
[637b5](#)
[2637b](#)
[5a6b8](#)
[46b7b](#)
[94737](#)
[b946b](#)
[7b946](#)
[b738c](#)
[636b8](#)
[42121](#)
[39293](#)
[14a6b](#)
[738c6](#)
[36b7b](#)
[00082](#)
[14a52](#)
[63636](#)
[b7b42](#)
[52633](#)
[13952](#)
[29394](#)
[a3142](#)
[52425](#)
[26342](#)
[52635](#)
[26373](#)
[4a5a6](#)
[b5a6b](#)
[73293](#)
[13121](#)
[31290](#)
[81818](#)
[18312](#)
[11839](#)
[29183](#)
[92110](#)
[31211](#)

[83921](#)
[10311](#)
[81031](#)
[21103](#)
[12118](#)
[31211](#)
[82921](#)
[21312](#)
[11831](#)
[21183](#)
[12110](#)
[29101](#)
[02918](#)
[10211](#)
[00010](#)
[29180](#)
[81810](#)
[08181](#)
[00818](#)
[08101](#)
[81000](#)
[10080](#)
[81010](#)
[424a5](#)
[2848c](#)
[a59ca](#)
[5c69c](#)
[add67](#)
[384ad](#)
[849cb](#)
[d849c](#)
[b57b9](#)
[4ad73](#)
[8cad8](#)
[494b5](#)
[738ca](#)
[d7b8c](#)
[ad7b8](#)
[cad7b](#)
[8cad7](#)
[b8cad](#)
[8494b](#)
[56b73](#)

[94293](#)
[14a84](#)
[94ad7](#)
[b8ca5](#)
[6b7b9](#)
[4525a](#)
[73314](#)
[25a31](#)
[42522](#)
[93952](#)
[394a5](#)
[a394a](#)
[63525](#)
[a735a](#)
[637b5](#)
[a6b7b](#)
[5a637](#)
[b525a](#)
[6b001](#)
[01810](#)
[18290](#)
[81021](#)
[08101](#)
[82939](#)
[42424](#)
[a5a31](#)
[424a3](#)
[1394a](#)
[31424](#)
[a3142](#)
[52394](#)
[a5239](#)
[4a5a3](#)
[14252](#)
[39525](#)
[a5263](#)
[63313](#)
[93929](#)
[31311](#)
[01818](#)
[18312](#)
[12139](#)
[29183](#)

[12121](#)
[39291](#)
[83921](#)
[18392](#)
[91839](#)
[29183](#)
[12110](#)
[31212](#)
[13129](#)
[18312](#)
[11831](#)
[21183](#)
[12118](#)
[29181](#)
[02118](#)
[18291](#)
[80018](#)
[29181](#)
[02110](#)
[00180](#)
[80818](#)
[10081](#)
[80808](#)
[18100](#)
[81010](#)
[5a637](#)
[38c9c](#)
[b5849](#)
[4b584](#)
[8cb57](#)
[b8cad](#)
[849cb](#)
[d849c](#)
[b57b8](#)
[cad7b](#)
[94b57](#)
[b94b5](#)
[7b94b](#)
[57b8c](#)
[ad7b9](#)
[4b573](#)
[84a57](#)
[b8ca5](#)

[6b738](#)
[c394a](#)
[5a000](#)
[82173](#)
[7b947](#)
[37b8c](#)
[5a637](#)
[b4a52](#)
[6b4a5](#)
[a6b42](#)
[52634](#)
[25263](#)
[31425](#)
[23139](#)
[52314](#)
[25242](#)
[52633](#)
[94252](#)
[4a526](#)
[34a52](#)
[63212](#)
[93900](#)
[08100](#)
[81018](#)
[00081](#)
[01021](#)
[29293](#)
[13921](#)
[29391](#)
[82931](#)
[10212](#)
[90010](#)
[18081](#)
[82110](#)
[21292](#)
[13139](#)
[394a5](#)
[24a5a](#)
[63213](#)
[13129](#)
[31310](#)
[81810](#)
[29393](#)

[12139](#)
[29213](#)
[92918](#)
[31211](#)
[83121](#)
[18392](#)
[91839](#)
[29103](#)
[12118](#)
[31211](#)
[83121](#)
[21312](#)
[11831](#)
[21183](#)
[12110](#)
[29181](#)
[02918](#)
[10211](#)
[00021](#)
[39211](#)
[02910](#)
[10211](#)
[01029](#)
[10183](#)
[11810](#)
[21180](#)
[82121](#)
[637b8](#)
[c8c9c](#)
[bd6b7](#)
[ba584](#)
[8cbd7](#)
[b84b5](#)
[94a5c](#)
[6849c](#)
[b5849](#)
[4ad7b](#)
[94ad8](#)
[494b5](#)
[7b94b](#)
[57b94](#)
[ad738](#)
[c9c73](#)

[84945](#)
[a6b7b](#)
[21293](#)
[10810](#)
[18182](#)
[12942](#)
[4a526](#)
[b6b7b](#)
[5a5a7](#)
[3636b](#)
[7b5a6](#)
[36b4a](#)
[525a3](#)
[14242](#)
[29394](#)
[22129](#)
[39182](#)
[93929](#)
[31422](#)
[93142](#)
[31394](#)
[a4a52](#)
[63182](#)
[93129](#)
[31423](#)
[94252](#)
[29314](#)
[21021](#)
[31182](#)
[93118](#)
[29312](#)
[9394a](#)
[29394](#)
[22939](#)
[42313](#)
[94a39](#)
[4a523](#)
[94a5a](#)
[42525](#)
[a394a](#)
[52425](#)
[25231](#)
[4a422](#)

[13931](#)
[29423](#)
[12942](#)
[31183](#)
[92921](#)
[42291](#)
[83921](#)
[18392](#)
[91839](#)
[29103](#)
[12110](#)
[31212](#)
[13929](#)
[18312](#)
[12139](#)
[29183](#)
[12118](#)
[29180](#)
[82110](#)
[10291](#)
[80010](#)
[29181](#)
[02918](#)
[10291](#)
[82139](#)
[21183](#)
[11810](#)
[31210](#)
[82121](#)
[6b849](#)
[46b7b](#)
[a54a5](#)
[a8c42](#)
[52844](#)
[a527b](#)
[7b8ca](#)
[d8c9c](#)
[bd7b9](#)
[4ad84](#)
[94b58](#)
[494b5](#)
[7b8ca](#)
[d6b84](#)

[9c637](#)
[38429](#)
[39421](#)
[02129](#)
[10212](#)
[91021](#)
[21101](#)
[82110](#)
[10183](#)
[13142](#)
[39394](#)
[a2931](#)
[39293](#)
[13910](#)
[18211](#)
[01821](#)
[10182](#)
[11021](#)
[29212](#)
[93929](#)
[31423](#)
[13952](#)
[31394](#)
[a1021](#)
[31313](#)
[94a4a](#)
[52635](#)
[a637b](#)
[4a526](#)
[3394a](#)
[5a314](#)
[25231](#)
[42523](#)
[14252](#)
[31425](#)
[22939](#)
[4a394](#)
[25242](#)
[525a5](#)
[a6b7b](#)
[63738](#)
[47384](#)
[94637](#)

[37b21](#)
[39312](#)
[13929](#)
[294a3](#)
[12142](#)
[29214](#)
[22918](#)
[39211](#)
[83921](#)
[10312](#)
[11031](#)
[21103](#)
[12118](#)
[39291](#)
[03121](#)
[10312](#)
[11831](#)
[21213](#)
[12110](#)
[21101](#)
[02118](#)
[10291](#)
[80010](#)
[31181](#)
[02918](#)
[21392](#)
[12139](#)
[21183](#)
[12110](#)
[29211](#)
[82931](#)
[6b849](#)
[46373](#)
[9c394](#)
[a7b39](#)
[4a732](#)
[12952](#)
[525a7](#)
[b7b8c](#)
[a57b8](#)
[cad84](#)
[94b58](#)
[c94b5](#)

[73849](#)
[45263](#)
[73182](#)
[93118](#)
[29311](#)
[02129](#)
[21313](#)
[9424a](#)
[5a525](#)
[a6b29](#)
[31422](#)
[12939](#)
[29314](#)
[23139](#)
[4a293](#)
[94229](#)
[31422](#)
[93142](#)
[31425](#)
[2394a](#)
[5a313](#)
[95221](#)
[29422](#)
[9314a](#)
[29314](#)
[a3139](#)
[52394](#)
[25a52](#)
[5a735](#)
[a637b](#)
[5a6b8](#)
[45263](#)
[7b5a6](#)
[b7b52](#)
[63735](#)
[2637b](#)
[52637](#)
[35263](#)
[7b525](#)
[a7363](#)
[73847](#)
[b8c9c](#)
[949ca](#)

[d949c](#)
[ad7b8](#)
[c9418](#)
[31291](#)
[83929](#)
[21392](#)
[92142](#)
[29183](#)
[92921](#)
[42291](#)
[83929](#)
[18392](#)
[91031](#)
[21183](#)
[92918](#)
[31211](#)
[83121](#)
[10291](#)
[81831](#)
[21183](#)
[12118](#)
[29181](#)
[02918](#)
[18312](#)
[10018](#)
[31181](#)
[83121](#)
[18311](#)
[81831](#)
[21082](#)
[11008](#)
[21210](#)
[82129](#)
[637b8](#)
[c7384](#)
[a55a6](#)
[b9439](#)
[4a734](#)
[24a73](#)
[525a7](#)
[b7b84](#)
[a5738](#)
[49c84](#)

[8ca57](#)
[b8494](#)
[4a526](#)
[30810](#)
[21001](#)
[01808](#)
[18214](#)
[24a5a](#)
[636b8](#)
[45a6b](#)
[7b525](#)
[a7363](#)
[6b844](#)
[a5a6b](#)
[525a6](#)
[b4a5a](#)
[6b4a5](#)
[a6b4a](#)
[526b4](#)
[a526b](#)
[394a5](#)
[a3139](#)
[52293](#)
[95242](#)
[52633](#)
[94a63](#)
[42526](#)
[b4a5a](#)
[73526](#)
[37b5a](#)
[63846](#)
[36b8c](#)
[63738](#)
[c6b73](#)
[94637](#)
[38c6b](#)
[7b946](#)
[b7b94](#)
[73849](#)
[c7384](#)
[9c7b8](#)
[ca584](#)
[94ad9](#)

[ca5bd](#)
[9ca5b](#)
[d9ca5](#)
[bd7b8](#)
[c9421](#)
[31311](#)
[02921](#)
[21392](#)
[91839](#)
[29183](#)
[92910](#)
[31211](#)
[83929](#)
[18392](#)
[91839](#)
[29183](#)
[12118](#)
[31211](#)
[02918](#)
[10291](#)
[81021](#)
[10182](#)
[91818](#)
[29182](#)
[13121](#)
[21312](#)
[90021](#)
[42292](#)
[13929](#)
[21392](#)
[91029](#)
[18102](#)
[11800](#)
[18100](#)
[81821](#)
[5a6b7](#)
[b7b8c](#)
[b56b7](#)
[bad7b](#)
[8cb56](#)
[b7b9c](#)
[6b7b9](#)
[c737b](#)

[9c849](#)
[4a56b](#)
[738c3](#)
[13942](#)
[00081](#)
[00810](#)
[18212](#)
[93973](#)
[7b8c7](#)
[b8ca5](#)
[8494a](#)
[d7384](#)
[a57b8](#)
[4a57b](#)
[8ca58](#)
[494a5](#)
[7b8c9](#)
[c7b8c](#)
[a57b8](#)
[ca57b](#)
[8ca57](#)
[37b9c](#)
[737b9](#)
[c5a6b](#)
[8c6b7](#)
[b946b](#)
[7b946](#)
[b7b94](#)
[6b7b9](#)
[46b73](#)
[94637](#)
[38c6b](#)
[73946](#)
[b7394](#)
[7384a](#)
[56b7b](#)
[9c738](#)
[49c73](#)
[849c7](#)
[b8ca5](#)
[7b8ca](#)
[57b8c](#)
[a5849](#)

[4ad8c](#)
[9cb59](#)
[4a5b5](#)
[9ca5c](#)
[68c9c](#)
[ad7b9](#)
[49c29](#)
[39391](#)
[83129](#)
[18392](#)
[92139](#)
[29183](#)
[12118](#)
[31211](#)
[03121](#)
[21422](#)
[91839](#)
[29183](#)
[12118](#)
[31181](#)
[83121](#)
[10291](#)
[81829](#)
[18102](#)
[91818](#)
[29211](#)
[82921](#)
[21312](#)
[90021](#)
[39212](#)
[94229](#)
[18312](#)
[11029](#)
[18081](#)
[00800](#)
[10100](#)
[01018](#)
[526b7](#)
[b5a6b](#)
[94738](#)
[4b552](#)
[638c6](#)
[3739c](#)

[7b84a](#)
[57384](#)
[9c637](#)
[38429](#)
[31420](#)
[00810](#)
[18212](#)
[94a52](#)
[637b8](#)
[49484](#)
[8ca58](#)
[494b5](#)
[7b8ca](#)
[d849c](#)
[bd849](#)
[4b584](#)
[94b58](#)
[c9cb5](#)
[9cadc](#)
[69cad](#)
[c69ca](#)
[dc694](#)
[a5bd9](#)
[cadc6](#)
[8c9cb](#)
[58c9c](#)
[b5848](#)
[cad84](#)
[8cad7](#)
[b8cad](#)
[7b8ca](#)
[57384](#)
[9c7b8](#)
[ca57b](#)
[84a58](#)
[48cad](#)
[848ca](#)
[d8494](#)
[b5848](#)
[cad84](#)
[94b57](#)
[b8cad](#)
[8494a](#)

[d7b8c](#)
[ad849](#)
[4ad7b](#)
[8ca58](#)
[494b5](#)
[8494b](#)
[58494](#)
[ad738](#)
[c9431](#)
[42421](#)
[02918](#)
[18392](#)
[11839](#)
[29183](#)
[92910](#)
[31181](#)
[83121](#)
[18392](#)
[11839](#)
[21103](#)
[11818](#)
[31211](#)
[83118](#)
[18291](#)
[81021](#)
[18182](#)
[91810](#)
[21101](#)
[82918](#)
[10291](#)
[80018](#)
[39211](#)
[83118](#)
[18311](#)
[80821](#)
[10101](#)
[81008](#)
[10100](#)
[81818](#)
[4a5a6](#)
[b4a5a](#)
[84636](#)
[ba552](#)

[5a8c7](#)
[b8cad](#)
[8c94a](#)
[d636b](#)
[7b102](#)
[12900](#)
[10103](#)
[14242](#)
[73848](#)
[c949c](#)
[b58c9](#)
[4b584](#)
[94b58](#)
[494b5](#)
[7b94b](#)
[57b8c](#)
[b5849](#)
[cb58c](#)
[9cbd9](#)
[4a5bd](#)
[8ca5b](#)
[da5ad](#)
[ce9ca](#)
[dcead](#)
[b5cea](#)
[5b5c6](#)
[a5b5c](#)
[e9ca5](#)
[bd94a](#)
[5bd84](#)
[94ad8](#)
[c94b5](#)
[8494a](#)
[d8c94](#)
[b58c9](#)
[4b594](#)
[9cbd9](#)
[49cbd](#)
[949cb](#)
[d949c](#)
[bd9ca](#)
[dc694](#)
[a5c69](#)

[4a5c6](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd8c9](#)
[cb584](#)
[9cb57](#)
[b8cad](#)
[7b8ca](#)
[d7b94](#)
[ad849](#)
[4a531](#)
[4a4a1](#)
[02921](#)
[18312](#)
[12139](#)
[29183](#)
[92918](#)
[31211](#)
[03118](#)
[18392](#)
[11031](#)
[18183](#)
[92118](#)
[31211](#)
[83121](#)
[10291](#)
[81829](#)
[18102](#)
[91818](#)
[29181](#)
[02918](#)
[10291](#)
[80010](#)
[29100](#)
[82910](#)
[08211](#)
[01021](#)
[10081](#)
[80808](#)
[18100](#)
[01008](#)
[314a5](#)
[24252](#)

[7b424](#)
[a8473](#)
[84ad8](#)
[494b5](#)
[4a5a7](#)
[31018](#)
[29182](#)
[9295a](#)
[636b7](#)
[b8c94](#)
[94a5a](#)
[d8c94](#)
[ad8c9](#)
[4bd7b](#)
[8cb58](#)
[494bd](#)
[7b8cb](#)
[58494](#)
[b5849](#)
[4b584](#)
[9cb58](#)
[c9cbd](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[b58c9](#)
[cbd94](#)
[a5bd9](#)
[ca5bd](#)
[949cb](#)
[d949c](#)
[bd8c9](#)
[4b594](#)
[a5bd8](#)
[c94b5](#)
[8c9cb](#)
[59ca5](#)
[c69ca](#)
[dc69c](#)
[a5c6a](#)
[5adce](#)
[94a5c](#)
[69cad](#)
[c69ca](#)

[dc69c](#)
[adce9](#)
[ca5c6](#)
[9cadc](#)
[6949c](#)
[bd94a](#)
[5c68c](#)
[9cbd8](#)
[494b5](#)
[7b8ca](#)
[d7b8c](#)
[ad7b8](#)
[c9c42](#)
[5a630](#)
[82118](#)
[10312](#)
[11031](#)
[21183](#)
[12108](#)
[21101](#)
[03118](#)
[18312](#)
[11839](#)
[21183](#)
[12118](#)
[31211](#)
[03118](#)
[10291](#)
[80821](#)
[10102](#)
[91810](#)
[21181](#)
[02918](#)
[10291](#)
[80010](#)
[31180](#)
[82110](#)
[10211](#)
[01018](#)
[10102](#)
[11008](#)
[10080](#)
[82110](#)

[10292](#)
[96373](#)
[94737](#)
[ba59c](#)
[adce6](#)
[3738c](#)
[31395](#)
[23942](#)
[52526](#)
[36373](#)
[7b848](#)
[494a5](#)
[8494a](#)
[d849c](#)
[b5849](#)
[4b584](#)
[94bd7](#)
[b8cb5](#)
[8494b](#)
[d7b8c](#)
[b5849](#)
[4bd84](#)
[9cb58](#)
[ca5c6](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd8c9](#)
[cb58c](#)
[9cbd8](#)
[c9cb5](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[b5949](#)
[cbd8c](#)
[9cbd9](#)
[4a5c6](#)
[9ca5c](#)
[6a5b5](#)
[cea5b](#)
[5cea5](#)
[b5ce9](#)
[cadc6](#)
[9cadc](#)

[e9ca5](#)
[c69ca](#)
[dc69c](#)
[adc6a](#)
[5b5ce](#)
[9cadc](#)
[ea5ad](#)
[ce9ca](#)
[dce94](#)
[adc68](#)
[49cbd](#)
[849cb](#)
[d7b8c](#)
[ad849](#)
[4ad52](#)
[6b6b0](#)
[82118](#)
[08211](#)
[01029](#)
[18082](#)
[91010](#)
[29100](#)
[82910](#)
[18392](#)
[11839](#)
[29214](#)
[22918](#)
[39291](#)
[83121](#)
[08291](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91018](#)
[31211](#)
[83121](#)
[18312](#)
[10008](#)
[21100](#)
[82110](#)
[08180](#)
[81018](#)
[10101](#)
[80808](#)

[18080](#)
[01000](#)
[08211](#)
[86373](#)
[8cb5b](#)
[dde9c](#)
[adc65](#)
[a637b](#)
[52637](#)
[35263](#)
[6b636](#)
[b7373](#)
[848c7](#)
[b8ca5](#)
[8494b](#)
[57b8c](#)
[ad7b9](#)
[4b57b](#)
[8cb57](#)
[b8cb5](#)
[7b8cb](#)
[57b94](#)
[b57b8](#)
[cb584](#)
[94b58](#)
[494b5](#)
[849cb](#)
[58494](#)
[b58c9](#)
[cb584](#)
[94b58](#)
[c9cbd](#)
[8c9cb](#)
[d94a5](#)
[bd8c9](#)
[cbd94](#)
[a5c69](#)
[ca5c6](#)
[9cadc](#)
[e9cad](#)
[c6a5a](#)
[dce94](#)
[a5c69](#)

[cadc6](#)
[94a5b](#)
[d94a5](#)
[bd8c9](#)
[cbd94](#)
[a5bd9](#)
[4a5bd](#)
[9cadc](#)
[e9cad](#)
[ce9cb](#)
[5d694](#)
[a5c68](#)
[c9cbd](#)
[8494b](#)
[d8494](#)
[b57b9](#)
[4a55a](#)
[73730](#)
[82118](#)
[10291](#)
[80821](#)
[08082](#)
[11010](#)
[29101](#)
[03118](#)
[10311](#)
[81831](#)
[21213](#)
[92921](#)
[39291](#)
[02918](#)
[08291](#)
[01029](#)
[10183](#)
[12118](#)
[31211](#)
[83121](#)
[10312](#)
[10008](#)
[21180](#)
[82110](#)
[10211](#)
[00818](#)

[08182](#)
[11008](#)
[18080](#)
[81808](#)
[00180](#)
[81021](#)
[21425](#)
[25a5a](#)
[6b736](#)
[37384](#)
[737b9](#)
[46373](#)
[84737](#)
[b8c7b](#)
[84948](#)
[494ad](#)
[8494a](#)
[d8494](#)
[b57b8](#)
[cad7b](#)
[94b57](#)
[b8cad](#)
[7b94b](#)
[57b8c](#)
[b5849](#)
[4bd7b](#)
[8cb58](#)
[494b5](#)
[8494b](#)
[58c9c](#)
[bd849](#)
[cb58c](#)
[9cbd8](#)
[c9cbd](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd94a](#)
[5c694](#)
[a5c69](#)
[cadce](#)
[94a5c](#)
[694a5](#)
[c694a](#)

[5bd94](#)
[a5c69](#)
[4a5c6](#)
[94a5c](#)
[6949c](#)
[bd94a](#)
[5c68c](#)
[9cbd9](#)
[4a5c6](#)
[94a5c](#)
[69cad](#)
[ce9ca](#)
[dce9c](#)
[adce8](#)
[c9cbd](#)
[8c9cc6](#)
[849cb](#)
[d8c9c](#)
[b55a6](#)
[b7310](#)
[29210](#)
[82918](#)
[08211](#)
[01021](#)
[10183](#)
[11810](#)
[29181](#)
[03118](#)
[10291](#)
[81831](#)
[21183](#)
[12118](#)
[31181](#)
[02918](#)
[18312](#)
[11831](#)
[21213](#)
[92918](#)
[31211](#)
[83929](#)
[00082](#)
[11010](#)
[21180](#)

[81810](#)
[10181](#)
[01018](#)
[08102](#)
[11008](#)
[18080](#)
[82110](#)
[00180](#)
[81831](#)
[29526](#)
[b6b6b](#)
[7b7b6](#)
[b7384](#)
[6b738](#)
[c737b](#)
[8c7b8](#)
[c9c7b](#)
[8ca58](#)
[494b5](#)
[8494a](#)
[d8494](#)
[ad7b8](#)
[cad7b](#)
[94b57](#)
[b8cb5](#)
[7b94b](#)
[57b8c](#)
[b5849](#)
[4b584](#)
[94b58](#)
[c9cbd](#)
[849cb](#)
[d8c9c](#)
[bd849](#)
[cbd8c](#)
[9cc68](#)
[494bd](#)
[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd94a](#)
[5c694](#)
[a5c69](#)
[4a5c6](#)

[8c9cb](#)
[d8c9c](#)
[bd8c9](#)
[cbd94](#)
[9cbd8](#)
[c9cbd](#)
[94a5c](#)
[68c9c](#)
[bd8ca](#)
[5bd8c](#)
[9cbd9](#)
[4a5bd](#)
[8c9cb](#)
[d9cad](#)
[c694a](#)
[5c68c](#)
[9cbd8](#)
[494bd](#)
[94a5c](#)
[6849c](#)
[ad526](#)
[b7308](#)
[21181](#)
[02918](#)
[10291](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91810](#)
[29100](#)
[82110](#)
[08291](#)
[00821](#)
[10183](#)
[11818](#)
[29181](#)
[83121](#)
[18291](#)
[82131](#)
[21183](#)
[12121](#)
[39291](#)
[03121](#)
[00102](#)

[92110](#)
[21181](#)
[02118](#)
[08181](#)
[01018](#)
[10101](#)
[81010](#)
[21100](#)
[82110](#)
[08211](#)
[01831](#)
[21637](#)
[36b63](#)
[73737](#)
[37b8c](#)
[63738](#)
[c6b7b](#)
[8c7b8](#)
[c9c84](#)
[94a58](#)
[c9cb5](#)
[94a5b](#)
[d8c9c](#)
[b58c9](#)
[cbd84](#)
[9cb58](#)
[c9cbd](#)
[8494b](#)
[58494](#)
[b58c9](#)
[cbd94](#)
[a5c69](#)
[4a5c6](#)
[94a5c](#)
[68ca5](#)
[bd94a](#)
[5c68c](#)
[9cbd8](#)
[c9cbd](#)
[8494b](#)
[d8c9c](#)
[bd8c9](#)
[cbd94](#)

[a5c68](#)
[c9cbd](#)
[94a5b](#)
[d8c9c](#)
[bd8c9](#)
[cbd8c](#)
[9cbd9](#)
[cadc6](#)
[94a5c](#)
[694a5](#)
[c68c9c](#)
[bd94a](#)
[5c694](#)
[a5bd9](#)
[cadc6](#)
[9cadc](#)
[69cad](#)
[c68c9c](#)
[bd8c9](#)
[cbd8c](#)
[a5bd9](#)
[4a5b5](#)
[526b6](#)
[b1029](#)
[21183](#)
[11821](#)
[31211](#)
[82918](#)
[18291](#)
[80821](#)
[10082](#)
[11008](#)
[21101](#)
[03118](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18182](#)
[91818](#)
[31211](#)
[83118](#)
[21392](#)
[91831](#)
[21183](#)

[92900](#)
[10291](#)
[81029](#)
[18081](#)
[81010](#)
[21100](#)
[81808](#)
[10181](#)
[00818](#)
[08082](#)
[11008](#)
[18082](#)
[93929](#)
[636b6](#)
[b6b73](#)
[7b636](#)
[b7b6b](#)
[738c6](#)
[37384](#)
[73849](#)
[47b8c](#)
[9c94a](#)
[5b594](#)
[a5bd9](#)
[4a5bd](#)
[8ca5b](#)
[d94a5](#)
[c68c9c](#)
[bd8c9](#)
[cb584](#)
[9cb59](#)
[4a5c6](#)
[94a5c](#)
[69cad](#)
[ce9ca](#)
[dc69c](#)
[adce9](#)
[4a5c6](#)
[94a5c](#)
[68c9c](#)
[bd8c9](#)
[cbd8c](#)
[94bd8](#)

[c9cbd](#)
[8c9cb](#)
[d94a5](#)
[bd8c9](#)
[cbd94](#)
[a5bd9](#)
[4a5bd](#)
[9ca5c](#)
[694a5](#)
[c69ca](#)
[dc69c](#)
[a5c69](#)
[cadc6](#)
[94a5c](#)
[69cad](#)
[c6a5a](#)
[dc6a5](#)
[b5ce9](#)
[cadc6](#)
[9cadc](#)
[68c9c](#)
[bd8ca](#)
[5bd8c](#)
[9cad4](#)
[a6363](#)
[08211](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91018](#)
[29181](#)
[02910](#)
[10291](#)
[00821](#)
[10082](#)
[11010](#)
[29181](#)
[83118](#)
[10291](#)
[81829](#)
[18102](#)
[91010](#)
[29181](#)
[02918](#)

[10291](#)
[81029](#)
[18001](#)
[02918](#)
[08211](#)
[01021](#)
[10081](#)
[81010](#)
[18100](#)
[81808](#)
[10181](#)
[00818](#)
[10102](#)
[11821](#)
[31296](#)
[b737b](#)
[6b737](#)
[b737b](#)
[8c6b7](#)
[38c6b](#)
[84946](#)
[b8494](#)
[8494a](#)
[58c9c](#)
[b59ca](#)
[dc69c](#)
[adc69](#)
[cadce](#)
[94a5c](#)
[694a5](#)
[c68c9c](#)
[bd94a](#)
[5c69c](#)
[adc6a](#)
[5b5ce](#)
[adb5c](#)
[eadbd](#)
[d6adb](#)
[5cead](#)
[b5ce9](#)
[ca5c6](#)
[9ca5c](#)
[6949c](#)

[bd94a](#)
[5c694](#)
[9cbd9](#)
[ca5c6](#)
[9ca5c](#)
[69cad](#)
[c69ca](#)
[dc6a5](#)
[b5cea](#)
[5adc6](#)
[a5adc](#)
[ea5ad](#)
[c6a5b](#)
[5cea5](#)
[adcea](#)
[db5ce](#)
[a5b5c](#)
[eadbd](#)
[d6adb](#)
[5cead](#)
[bdd69](#)
[cadce](#)
[94adc](#)
[e8c9c](#)
[bd94a](#)
[5b539](#)
[52520](#)
[82118](#)
[08211](#)
[01029](#)
[10102](#)
[91018](#)
[29181](#)
[02910](#)
[10291](#)
[81029](#)
[10183](#)
[12110](#)
[31181](#)
[83121](#)
[18311](#)
[81831](#)
[18102](#)

[91018](#)
[31181](#)
[02918](#)
[18312](#)
[10008](#)
[21100](#)
[82110](#)
[08181](#)
[01021](#)
[10081](#)
[00808](#)
[18080](#)
[81808](#)
[08211](#)
[00818](#)
[10293](#)
[93163](#)
[6b737](#)
[3848c](#)
[6b7b8](#)
[47384](#)
[8c849](#)
[4a57b](#)
[949c7](#)
[38494](#)
[949cb](#)
[59cad](#)
[bda5b](#)
[5ce9c](#)
[adc69](#)
[4adc6](#)
[94a5b](#)
[d94a5](#)
[c694a](#)
[5bd9c](#)
[adc6a](#)
[5b5ce](#)
[b5bdd](#)
[6b5bd](#)
[d6b5b](#)
[dd6ad](#)
[b5cea](#)
[dadce](#)

[9ca5c](#)
[6a5ad](#)
[ce9ca](#)
[dc6a5](#)
[b5cea](#)
[5adce](#)
[adb5c](#)
[eadb5](#)
[ceadb](#)
[dd6a5](#)
[b5c6a](#)
[db5ce](#)
[adb5c](#)
[eadbd](#)
[d6adb](#)
[5cead](#)
[b5ceb](#)
[5b5d6](#)
[b5c6d](#)
[6adbd](#)
[ceb5b](#)
[dd6ad](#)
[bdd69](#)
[cadce](#)
[94a5c](#)
[694a5](#)
[bd94a](#)
[5b531](#)
[4a4a0](#)
[01808](#)
[08211](#)
[00821](#)
[08182](#)
[91810](#)
[21101](#)
[02910](#)
[10291](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91810](#)
[29181](#)
[02910](#)
[18311](#)

[81029](#)
[18182](#)
[91818](#)
[29181](#)
[83121](#)
[10291](#)
[80010](#)
[29181](#)
[02118](#)
[10211](#)
[00818](#)
[10102](#)
[11008](#)
[18081](#)
[02110](#)
[08211](#)
[01021](#)
[18213](#)
[93163](#)
[73737](#)
[38484](#)
[73848](#)
[c6b7b](#)
[847b8](#)
[c9484](#)
[949c8](#)
[c9cad](#)
[94a5b](#)
[5a5b5](#)
[c6a5b](#)
[5c6a5](#)
[b5cea](#)
[5b5ce](#)
[a5b5c](#)
[e9cad](#)
[c6a5b](#)
[5cea5](#)
[adceb](#)
[5bdd6](#)
[b5c6d](#)
[ebdc6](#)
[deb5b](#)
[dceb5](#)

[bdd6b](#)
[5bdce](#)
[b5bdd](#)
[6adb5](#)
[d6b5b](#)
[dd6ad](#)
[b5d6b](#)
[5bdd6](#)
[adb5c](#)
[ebdbd](#)
[deb5b](#)
[dd6bd](#)
[c6d6b](#)
[5bdd6](#)
[bdc6d](#)
[6b5bd](#)
[cebdb](#)
[dd6b5](#)
[bdd6b](#)
[dc6de](#)
[bdc6d](#)
[ebdc6](#)
[d6b5c](#)
[6d6b5](#)
[c6dea](#)
[5b5ce](#)
[9cadc](#)
[e9cad](#)
[c694a](#)
[5ad29](#)
[39311](#)
[02918](#)
[08210](#)
[81029](#)
[10102](#)
[91818](#)
[29181](#)
[02910](#)
[18311](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91808](#)
[29101](#)

[02918](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91818](#)
[29181](#)
[83118](#)
[18312](#)
[10010](#)
[29181](#)
[02918](#)
[08211](#)
[01018](#)
[10081](#)
[80808](#)
[18080](#)
[01008](#)
[08211](#)
[00818](#)
[10183](#)
[12952](#)
[63636](#)
[37b7b](#)
[6b7b8](#)
[47b84](#)
[94738](#)
[48c7b](#)
[8c9c8](#)
[494a5](#)
[9ca5b](#)
[d9cad](#)
[bda5b](#)
[5c6a5](#)
[b5cea](#)
[dbdd6](#)
[a5b5c](#)
[eadb5](#)
[cea5b](#)
[5ceb5](#)
[bdd6b](#)
[5bdd6](#)
[bdc6d](#)
[ebdc6](#)

[debdc](#)
[6d6b5](#)
[bdceb](#)
[dc6d6](#)
[b5bdd](#)
[6bdc6](#)
[d6b5b](#)
[dd6bd](#)
[bddeb](#)
[5bdd6](#)
[bdc6d](#)
[ebdbd](#)
[d6bdc](#)
[6debd](#)
[c6d6b](#)
[dc6d6](#)
[bdbdd](#)
[6bdc6](#)
[d6bdb](#)
[dd6bd](#)
[c6deb](#)
[dc6de](#)
[c6ced](#)
[ebdc6](#)
[d6bdc](#)
[edead](#)
[bdd6a](#)
[db5d6](#)
[9cadc](#)
[6a5b5](#)
[c6738](#)
[c8c21](#)
[39291](#)
[03118](#)
[18311](#)
[81029](#)
[10182](#)
[91810](#)
[21181](#)
[82918](#)
[18311](#)
[81831](#)
[18082](#)

[10808](#)
[21100](#)
[82108](#)
[10291](#)
[81029](#)
[18183](#)
[11818](#)
[29182](#)
[13121](#)
[18291](#)
[80018](#)
[31211](#)
[02918](#)
[10211](#)
[80818](#)
[10101](#)
[81008](#)
[18080](#)
[81808](#)
[08181](#)
[01029](#)
[21182](#)
[9215a](#)
[6b6b6](#)
[b8484](#)
[7b8c9](#)
[47b8c](#)
[947b8](#)
[c9484](#)
[949c8](#)
[c9cad](#)
[949cb](#)
[59ca5](#)
[bda5a](#)
[dc6ad](#)
[bdd6b](#)
[5c6d6](#)
[b5bdd](#)
[6adb5](#)
[ceb5b](#)
[dd6b5](#)
[bdd6b](#)
[dc6de](#)

[bdbdd](#)
[6bdc6](#)
[debdb](#)
[dd6bd](#)
[c6d6b](#)
[dc6d6](#)
[c6c6d](#)
[ebdc6](#)
[d6c6c](#)
[6debd](#)
[c6dec](#)
[6cede](#)
[bdc6d](#)
[ec6c6](#)
[debdc](#)
[6dec6](#)
[cedec](#)
[6c6de](#)
[c6ced](#)
[ebdc6](#)
[dec6c](#)
[edec6](#)
[c6dec](#)
[6cee7](#)
[c6ced](#)
[ec6ce](#)
[debdc](#)
[edeb5](#)
[c6dea](#)
[5b5ce](#)
[a5b5c](#)
[ea5b5](#)
[bd5a6](#)
[b6b10](#)
[29182](#)
[13921](#)
[18311](#)
[82131](#)
[21183](#)
[11821](#)
[31211](#)
[83121](#)
[18311](#)

[81029](#)
[10182](#)
[91810](#)
[29101](#)
[82918](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18182](#)
[91821](#)
[31211](#)
[82918](#)
[18291](#)
[80008](#)
[29181](#)
[02918](#)
[08181](#)
[01018](#)
[10081](#)
[00808](#)
[18080](#)
[01808](#)
[08211](#)
[01029](#)
[18183](#)
[1294a](#)
[5a527](#)
[b8c8c](#)
[73848](#)
[c7b8c](#)
[94849](#)
[49c84](#)
[94a58](#)
[494a5](#)
[8c9ca](#)
[d8c9c](#)
[ada5a](#)
[dc6a5](#)
[b5c6a](#)
[dbdce](#)
[a5adc](#)
[6a5ad](#)
[c69ca](#)
[5bdb5](#)

[b5ceb](#)
[5bdd6](#)
[bdc6d](#)
[ebdc6](#)
[debdc](#)
[6debd](#)
[c6d6c](#)
[6cede](#)
[bdc6d](#)
[ec6ce](#)
[dec6c](#)
[6dec6](#)
[cedeb](#)
[dc6de](#)
[c6cee](#)
[7c6c6](#)
[dec6c](#)
[ee7bd](#)
[c6dec](#)
[6cede](#)
[bdc6d](#)
[ec6ce](#)
[debdc](#)
[6dec6](#)
[cee7c](#)
[6c6de](#)
[c6cee](#)
[7bdce](#)
[debdc](#)
[6deb5](#)
[bdd6a](#)
[db5ce](#)
[a5b5c](#)
[694a5](#)
[ad294](#)
[23918](#)
[31211](#)
[02918](#)
[18311](#)
[81831](#)
[18213](#)
[12121](#)
[31211](#)

[83121](#)
[10291](#)
[01831](#)
[18102](#)
[91018](#)
[31181](#)
[83118](#)
[18312](#)
[11829](#)
[18213](#)
[92121](#)
[31211](#)
[82918](#)
[10211](#)
[00010](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10211](#)
[00810](#)
[08101](#)
[81008](#)
[10081](#)
[01810](#)
[08181](#)
[01829](#)
[21102](#)
[92139](#)
[524a7](#)
[38c84](#)
[7b8c8](#)
[c7b8c](#)
[948c9](#)
[cad84](#)
[8ca58](#)
[494a5](#)
[8494a](#)
[58c9c](#)
[ad9ca](#)
[dbdad](#)
[bdceb](#)
[5bdce](#)
[adbdc](#)
[ea5ad](#)

[c6adb](#)
[5ceb5](#)
[bdd6c](#)
[6c6de](#)
[bdc6d](#)
[ec6ce](#)
[e7c6c](#)
[6dec6](#)
[cee7c](#)
[6cede](#)
[c6ced](#)
[ec6ce](#)
[dec6c](#)
[ee7c6](#)
[cedec](#)
[6cee7](#)
[c6c6d](#)
[ec6ce](#)
[e7bdc](#)
[6dec6](#)
[cedeb](#)
[dc6de](#)
[c6cee](#)
[7c6ce](#)
[dec6c](#)
[edec6](#)
[c6dec](#)
[6cee7](#)
[c6ced](#)
[ec6ce](#)
[e7bdc](#)
[6deb5](#)
[bdd6a](#)
[db5ce](#)
[b5bdc](#)
[e737b](#)
[84183](#)
[12910](#)
[29181](#)
[82918](#)
[10291](#)
[01829](#)
[18182](#)

[91818](#)
[31211](#)
[82918](#)
[18311](#)
[81831](#)
[18183](#)
[11810](#)
[29181](#)
[83121](#)
[18311](#)
[82131](#)
[21213](#)
[12121](#)
[39291](#)
[82918](#)
[18291](#)
[80010](#)
[21181](#)
[02118](#)
[08180](#)
[80810](#)
[08081](#)
[00808](#)
[18100](#)
[81008](#)
[08181](#)
[00821](#)
[10102](#)
[91831](#)
[42397](#)
[b948c](#)
[7b8c9](#)
[4848c](#)
[9c7b8](#)
[c9c84](#)
[94a58](#)
[494a5](#)
[8c9ca](#)
[58494](#)
[a59ca](#)
[dbdad](#)
[bdceb](#)
[dcede](#)

[bdc6d](#)
[6bdc6](#)
[d6c6c](#)
[6dece](#)
[cee7c](#)
[6c6de](#)
[c6c6d](#)
[ebdc6](#)
[dec6c](#)
[6dec6](#)
[c6dec](#)
[ecee7](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7c6c](#)
[edece](#)
[d6e7c](#)
[6cee7](#)
[c6cee](#)
[7bdc6](#)
[dec6c](#)
[6debd](#)
[c6dec](#)
[6cede](#)
[bdc6d](#)
[ec6ce](#)
[debdc](#)
[6dec6](#)
[cedec](#)
[6cede](#)
[c6cee](#)
[7bdce](#)
[debdc](#)
[edead](#)
[bdceb](#)
[5c6ce](#)
[adb5b](#)
[d4a5a](#)
[5a102](#)
[11808](#)
[21100](#)
[82110](#)
[10291](#)

[01021](#)
[10102](#)
[91010](#)
[21101](#)
[02918](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91810](#)
[29100](#)
[82110](#)
[10291](#)
[81021](#)
[10182](#)
[91810](#)
[21101](#)
[02110](#)
[08211](#)
[00018](#)
[29181](#)
[02118](#)
[10181](#)
[00810](#)
[08101](#)
[01008](#)
[10080](#)
[81810](#)
[08181](#)
[01021](#)
[18102](#)
[11829](#)
[42317](#)
[3847b](#)
[8c9c9c](#)
[7b8c9](#)
[47b8c](#)
[9c849](#)
[4a58c](#)
[9cad8](#)
[c9cad](#)
[94a5b](#)
[594a5](#)
[b5adb](#)

[dcebd](#)
[c6dec](#)
[ecee7](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7cec](#)
[ee7ce](#)
[d6e7c](#)
[ecede](#)
[ced6e](#)
[7cece](#)
[e7cec](#)
[ee7ce](#)
[cee7c](#)
[ed6e7](#)
[c6cee](#)
[7cece](#)
[e7c6c](#)
[ee7ce](#)
[cee7c](#)
[6c6de](#)
[c6cee](#)
[7bdc6](#)
[dec6c](#)
[ee7c6](#)
[cedec](#)
[ed6e7](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7c6c](#)
[edece](#)
[d6e7c](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7bdc6](#)
[d6bdc](#)
[6d6bd](#)
[c6ce8c](#)
[9c9c2](#)
[13131](#)
[18292](#)
[11029](#)
[18102](#)

[11010](#)
[21101](#)
[82918](#)
[10211](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91010](#)
[31181](#)
[02910](#)
[10291](#)
[00821](#)
[08082](#)
[11008](#)
[21101](#)
[02910](#)
[10211](#)
[01029](#)
[10102](#)
[11010](#)
[29100](#)
[01021](#)
[10102](#)
[11808](#)
[18100](#)
[81008](#)
[08080](#)
[80810](#)
[08081](#)
[00810](#)
[21100](#)
[82110](#)
[10291](#)
[81029](#)
[18526](#)
[b6384](#)
[948c8](#)
[4949c](#)
[8494a](#)
[58494](#)
[a57b8](#)
[c9c94](#)
[a5b59](#)
[4a5b5](#)

[9ca5b](#)
[59ca5](#)
[b5b5b](#)
[dd6c6](#)
[ceded](#)
[6d6efc](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7ced6](#)
[e7ced](#)
[6e7c6](#)
[cedec](#)
[ecee7](#)
[ceced](#)
[ecece](#)
[e7cec](#)
[ee7ce](#)
[d6efc6](#)
[cee7c](#)
[ecee7](#)
[c6c6d](#)
[ec6ce](#)
[dec6c](#)
[6dec6](#)
[cedeb](#)
[dc6d6](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7d6d](#)
[6efced](#)
[6e7ce](#)
[d6e7c](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7c6ce](#)
[dec6c](#)
[edebd](#)
[ced6a](#)
[dbdbd](#)
[4a5a5](#)
[21021](#)
[18102](#)
[11810](#)

[21181](#)
[02110](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10182](#)
[91808](#)
[21101](#)
[02110](#)
[08211](#)
[01029](#)
[10082](#)
[11010](#)
[29100](#)
[82110](#)
[10211](#)
[00821](#)
[10102](#)
[91810](#)
[21101](#)
[02918](#)
[08211](#)
[00010](#)
[29181](#)
[02118](#)
[10211](#)
[00810](#)
[08101](#)
[01008](#)
[10081](#)
[01810](#)
[10211](#)
[01029](#)
[18182](#)
[92110](#)
[29182](#)
[13129](#)
[6b7b7](#)
[b849c](#)
[9c8c9c](#)
[ad849](#)
[4a58c](#)
[9cad8](#)
[494a5](#)

[949cb](#)
[594a5](#)
[b59ca](#)
[5bda5](#)
[adbdb](#)
[dc6d6](#)
[c6cee](#)
[7d6de](#)
[efd6d](#)
[6e7d6](#)
[deefce](#)
[d6e7d](#)
[6deefc](#)
[ed6e7](#)
[d6d6e](#)
[fced6e](#)
[7ced6](#)
[efcece](#)
[e7cec](#)
[ee7c6](#)
[cee7c](#)
[6cee7](#)
[cecee](#)
[7ced6](#)
[e7ced](#)
[6e7ce](#)
[cee7c](#)
[6cede](#)
[d6d6e](#)
[fd6d6](#)
[efd6d](#)
[6efced](#)
[6e7ce](#)
[d6e7c](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7c6d6](#)
[dec6c](#)
[ed67b](#)
[84842](#)
[13129](#)
[10211](#)
[81029](#)

[18102](#)
[11010](#)
[21101](#)
[02110](#)
[10291](#)
[81021](#)
[10102](#)
[91810](#)
[21101](#)
[02918](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91018](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10291](#)
[81021](#)
[10182](#)
[91810](#)
[21101](#)
[02918](#)
[00102](#)
[91818](#)
[29180](#)
[81810](#)
[08100](#)
[80810](#)
[08081](#)
[00808](#)
[10081](#)
[02110](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10102](#)
[11018](#)
[29214](#)
[2524a](#)
[84949](#)
[48494](#)
[9c8c9c](#)
[a5849](#)
[49c84](#)

[94a58](#)
[494a5](#)
[8c94a](#)
[d949c](#)
[b5a5a](#)
[dbda5](#)
[adbdb](#)
[dc6d6](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7ced](#)
[6e7d6](#)
[dee7c](#)
[ed6e7](#)
[d6dee](#)
[7ced6](#)
[e7ced](#)
[6e7ce](#)
[cee7c](#)
[ed6efc](#)
[6cee7](#)
[ced6e](#)
[7c6ce](#)
[deced](#)
[6e7ce](#)
[d6e7d](#)
[6dee7](#)
[ced6e](#)
[7ced6](#)
[e7ced](#)
[6e7d6](#)
[deefd](#)
[6d6ef](#)
[d6dee](#)
[fced6e](#)
[7ced6](#)
[e7ced](#)
[6dec6](#)
[d6de8](#)
[c9c9c2](#)
[13129](#)
[08181](#)
[01029](#)

[10082](#)
[10808](#)
[21100](#)
[81808](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10102](#)
[11810](#)
[29181](#)
[82918](#)
[10291](#)
[81831](#)
[18102](#)
[91818](#)
[29181](#)
[02110](#)
[18291](#)
[81029](#)
[18182](#)
[91810](#)
[29101](#)
[02918](#)
[10211](#)
[00018](#)
[31181](#)
[02918](#)
[10211](#)
[00810](#)
[08101](#)
[80808](#)
[10081](#)
[01810](#)
[08211](#)
[01829](#)
[18102](#)
[91010](#)
[29101](#)
[02118](#)
[21312](#)
[94a63](#)
[5a94a](#)
[5a584](#)
[949c8](#)

[494a5](#)
[8494a](#)
[58494](#)
[a5849](#)
[4a58c](#)
[9cad8](#)
[c9cad](#)
[a5adc](#)
[6a5b5](#)
[c6b5b](#)
[dcebd](#)
[cedec](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7d6de](#)
[efcede](#)
[e7d6d](#)
[eefced](#)
[6e7d6](#)
[deefce](#)
[cee7c](#)
[ed6e7](#)
[c6ced](#)
[eced6](#)
[e7c6c](#)
[edece](#)
[dee7c](#)
[edee7](#)
[d6dee](#)
[fd6de](#)
[efd6d](#)
[ef7d6](#)
[deefd](#)
[6def7c](#)
[ed6e7](#)
[ced6e](#)
[7c6ce](#)
[debbc](#)
[6ce94](#)
[9ca53](#)
[14242](#)
[10211](#)
[81021](#)

[10102](#)
[11010](#)
[21101](#)
[02110](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10102](#)
[11010](#)
[21101](#)
[83118](#)
[18291](#)
[81829](#)
[18102](#)
[91018](#)
[29181](#)
[82918](#)
[18311](#)
[81829](#)
[18213](#)
[12118](#)
[31211](#)
[83118](#)
[18291](#)
[81831](#)
[18001](#)
[82918](#)
[18291](#)
[80818](#)
[08081](#)
[80808](#)
[10000](#)
[81008](#)
[08100](#)
[81021](#)
[10082](#)
[10818](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10211](#)
[81021](#)
[10213](#)
[12952](#)
[635a9](#)

[4a5a5](#)
[8c9ca](#)
[58c9c](#)
[a57b8](#)
[c9c7b](#)
[8c9c7](#)
[38494](#)
[8494a](#)
[58c9c](#)
[ad94a](#)
[5bd94](#)
[a5b5a](#)
[dbdce](#)
[b5c6d](#)
[6c6ce](#)
[dec6c](#)
[edece](#)
[d6e7c](#)
[ed6e7](#)
[cedeef](#)
[ced6e](#)
[7c6ce](#)
[e7c6c](#)
[edec6](#)
[d6dec](#)
[6cede](#)
[c6d6d](#)
[eced6](#)
[e7ced](#)
[ee7d6](#)
[deefd](#)
[6deef](#)
[d6dee](#)
[fcedee](#)
[fced6e](#)
[7ced6](#)
[e7bdc](#)
[6d6a5](#)
[adb7d](#)
[37b84](#)
[29393](#)
[11021](#)
[18081](#)

[81008](#)
[21101](#)
[02110](#)
[08180](#)
[81029](#)
[10082](#)
[10810](#)
[21100](#)
[81808](#)
[10211](#)
[01021](#)
[10182](#)
[91810](#)
[29101](#)
[02910](#)
[10211](#)
[01829](#)
[18102](#)
[91018](#)
[29181](#)
[02918](#)
[18311](#)
[81029](#)
[10182](#)
[91810](#)
[29180](#)
[02139](#)
[21102](#)
[91810](#)
[21100](#)
[81808](#)
[10180](#)
[80810](#)
[08081](#)
[81008](#)
[18080](#)
[82110](#)
[08211](#)
[01029](#)
[18102](#)
[11010](#)
[29181](#)
[02118](#)

[21312](#)
[96373](#)
[6b8c9](#)
[c9c8c9](#)
[ca58c](#)
[9ca58](#)
[494a5](#)
[8494a](#)
[58494](#)
[a5849](#)
[4ad84](#)
[94ad9](#)
[49cb5](#)
[9cadb](#)
[dadbd](#)
[ceadb](#)
[dceb5](#)
[c6d6b](#)
[dcede](#)
[ced6ef](#)
[c6d6e](#)
[7ced6](#)
[e7bdc](#)
[edec6](#)
[cedeb](#)
[dcede](#)
[ced6e](#)
[7c6ce](#)
[deced](#)
[6e7c6](#)
[d6e7d](#)
[6deefc](#)
[ed6e7](#)
[d6e7f](#)
[7cede](#)
[efc6ce](#)
[deadb](#)
[dcea5](#)
[b5bd7](#)
[38484](#)
[39424](#)
[20818](#)
[10102](#)

[11810](#)
[21101](#)
[02118](#)
[10291](#)
[82131](#)
[21183](#)
[12110](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10211](#)
[00821](#)
[10102](#)
[11010](#)
[21101](#)
[02918](#)
[08210](#)
[81021](#)
[10102](#)
[91010](#)
[29100](#)
[82108](#)
[10291](#)
[01021](#)
[10102](#)
[91010](#)
[21101](#)
[02910](#)
[00102](#)
[91810](#)
[21100](#)
[81808](#)
[08180](#)
[80810](#)
[08101](#)
[80808](#)
[18080](#)
[81808](#)
[08180](#)
[80821](#)
[08081](#)
[80810](#)
[21100](#)
[82110](#)

[18291](#)
[81831](#)
[21213](#)
[12942](#)
[5a528](#)
[48c94](#)
[84949](#)
[c8c9ca](#)
[58494](#)
[a57b8](#)
[ca573](#)
[8c9c7](#)
[b8ca5](#)
[8c9ca](#)
[d94ad](#)
[bd94a](#)
[dbda5](#)
[b5c6a](#)
[5b5c6](#)
[b5bdd](#)
[6b5c6](#)
[d6bdc](#)
[6debd](#)
[cedeb](#)
[dc6de](#)
[b5bdd](#)
[6b5c6](#)
[d6b5c](#)
[6d6bd](#)
[cedeb](#)
[dc6de](#)
[c6cee](#)
[7bdce](#)
[dec6c](#)
[ee7b5](#)
[c6d6a](#)
[dbdce](#)
[a5b5b](#)
[d8ca5](#)
[a55a6](#)
[b6b29](#)
[39311](#)
[02118](#)

[10211](#)
[00821](#)
[10102](#)
[11010](#)
[21181](#)
[83121](#)
[18312](#)
[12139](#)
[21182](#)
[91818](#)
[29181](#)
[02110](#)
[10291](#)
[81021](#)
[10102](#)
[11008](#)
[21080](#)
[82108](#)
[08180](#)
[81029](#)
[10082](#)
[10808](#)
[21080](#)
[82108](#)
[10211](#)
[00821](#)
[08102](#)
[91008](#)
[21080](#)
[00821](#)
[10001](#)
[80808](#)
[18080](#)
[81808](#)
[10211](#)
[01018](#)
[08102](#)
[11008](#)
[21081](#)
[02110](#)
[08180](#)
[81021](#)
[10081](#)

[80818](#)
[29181](#)
[02110](#)
[18291](#)
[81029](#)
[18213](#)
[1294a](#)
[5a5a7](#)
[38484](#)
[7b8c9](#)
[47b8c](#)
[9c7b8](#)
[ca57b](#)
[8ca57](#)
[b8ca5](#)
[8c9cb](#)
[58ca5](#)
[b594a](#)
[dbd9c](#)
[adbda](#)
[5b5ce](#)
[a5b5c](#)
[6adb5](#)
[cea5b](#)
[5cead](#)
[bdd6a](#)
[5b5c6](#)
[a5b5c](#)
[69cad](#)
[bda5a](#)
[dc6a5](#)
[adc6a](#)
[db5ce](#)
[adb5c](#)
[eb5bd](#)
[d6a5b](#)
[5c69c](#)
[adb9d](#)
[4a5b5](#)
[84949](#)
[c3952](#)
[4a182](#)
[92108](#)

[21101](#)
[02110](#)
[10211](#)
[01021](#)
[18102](#)
[11018](#)
[29182](#)
[13921](#)
[18312](#)
[11031](#)
[18103](#)
[11810](#)
[29101](#)
[82918](#)
[10291](#)
[81829](#)
[18102](#)
[11010](#)
[29100](#)
[82108](#)
[10291](#)
[01021](#)
[10102](#)
[91010](#)
[21101](#)
[02910](#)
[10291](#)
[01029](#)
[18102](#)
[91010](#)
[29100](#)
[00018](#)
[08001](#)
[80808](#)
[18081](#)
[02110](#)
[10180](#)
[81021](#)
[08081](#)
[80810](#)
[21100](#)
[81808](#)
[08211](#)

[00818](#)
[08102](#)
[11008](#)
[21081](#)
[02910](#)
[10291](#)
[01021](#)
[10102](#)
[11818](#)
[29292](#)
[93942](#)
[63737](#)
[b6373](#)
[846b7](#)
[b8c73](#)
[849c7](#)
[b8ca5](#)
[7b8ca](#)
[5849c](#)
[b58ca](#)
[5b59c](#)
[adc69](#)
[cadbd](#)
[9cadb](#)
[d949c](#)
[bd94a](#)
[5bd94](#)
[9cb59](#)
[ca5bd](#)
[94a5b](#)
[d9cad](#)
[c6949](#)
[cb59c](#)
[a5bd9](#)
[ca5bd](#)
[9cadc](#)
[694a5](#)
[bd94a](#)
[5bd94](#)
[a5b57](#)
[b949c](#)
[42525](#)
[20821](#)

[18002](#)
[11008](#)
[21100](#)
[82108](#)
[10291](#)
[00821](#)
[10102](#)
[11010](#)
[21101](#)
[02918](#)
[10291](#)
[81031](#)
[18082](#)
[91010](#)
[29101](#)
[02910](#)
[18291](#)
[81021](#)
[10102](#)
[91010](#)
[21101](#)
[02110](#)
[10211](#)
[01029](#)
[10102](#)
[11018](#)
[29101](#)
[02910](#)
[10291](#)
[01029](#)
[10102](#)
[91010](#)
[29100](#)
[00400](#)
[00002](#)
[701ffff](#)
[03000](#)
[00000](#)
[00](#)

Андрей Норкин на митинге журналистов НТВ у телецентра «Останкино» 3 апреля 2001 года. Фото: Андрей Гореловский / ИТАР-ТАСС

Вряд ли это заметно со стороны, но важное обстоятельство: в хоре призывающих к

расправе над телеканалом «Дождь» прозвучал только один голос, на который стоило бы обратить внимание. Когда о «Дожде» говорит понятно что Дмитрий Киселев, его словам грош цена – у Киселева работа такая, и всегда можно заранее угадать, что и с какой интонацией он скажет. Примерно так же устроены колумнисты подчиненных кремлевской администрации газет, общественники из понятно каких организаций, новые правозащитники и прочие люди того же рода. Завтра начальство скажет им, что «Дождь» надо любить, и они его полюбят, и ничего интересного здесь нет.

Нет, в хоре обличителей «Дождя» только один голос заставляет вздрогнуть. Это голос Андрея Норкина с «Коммерсантъ FM». Его текст о том, что журналистам «Дождя» «стоит написать заявление об уходе и взять паузу», остался бы незамеченным, напиши его Ульяна Скойбеда, но Андрей Норкин – совсем не Скойбеда; словосочетание «приличный человек» из-за частого использования у нас давно звучит диковато, но все же Андрей Норкин оказался единственным приличным человеком, выступившим против «Дождя» примерно с тех же позиций, с которых на эту тему высказывались люди неприличные. Это важно.

Мы когда-то работали на одной радиостанции, знакомы не были, но, наблюдая за ним в эфире, я никогда не сомневался, что Андрей Норкин – человек очень неглупый. Именно поэтому я не готов рассуждать всерьез о том, что, выступая против выключаемого и ругаемого телеканала, он просто высказывал свое мнение, не думая о контексте, в котором это мнение звучит. Контекст между тем таков, что в сложившейся за эти дни вокруг «Дождя» погромной атмосфере призыв увольняться самим, не дожидаясь, пока в двери постучат, сам по себе становится частью этой погромной атмосферы. Считаю Андрея Норкина умным человеком, я уверен, что он нарочно, а не по ошибке присоединился к развернувшейся кампании. Это именно жест, который стоит воспринимать именно как жест.

А теперь версия, почему Андрей Норкин пошел именно на этот жест, почему он не стал говорить о «Дожде» того, что положено говорить в этой ситуации приличным людям. Эта версия представляется мне интересной и выходящей далеко за пределы персональной истории Андрея Норкина. Возможно, именно эта версия и объясняет, «почему у нас все вот так».

Реальность путинской России такова, что каждого более-менее активного и заметного человека она ставит перед важным нравственным выбором чаще и жестче, чем любая другая реальность, – пожалуй, даже чем советская. В нормальной жизни человек может прожить сто лет, вообще никогда не делая такого выбора. Если использовать популярные метафоры этой недели, то, не случись блокады, многие ленинградцы так и дожили бы до спокойной старости, не подозревая, что внутри некоторых из них все эти годы дремал каннибал. И подвигу, и подлости в жизни всегда есть место, но только экстремальная ситуация может заставить выбирать – подлость, подвиг или переход хода.

Важнейшая биографическая особенность Андрея Норкина состоит в том, что такой выбор ему уже приходилось делать раньше, и выбор его как раз был совсем не таков, как можно подумать, читая Норкина о «Дожде» теперь. Тринадцать лет назад, выбирая между подлостью и совестью, он выбрал совесть.

Да, разумеется, я имею в виду конфликт вокруг НТВ в 2001 году. Ситуация с

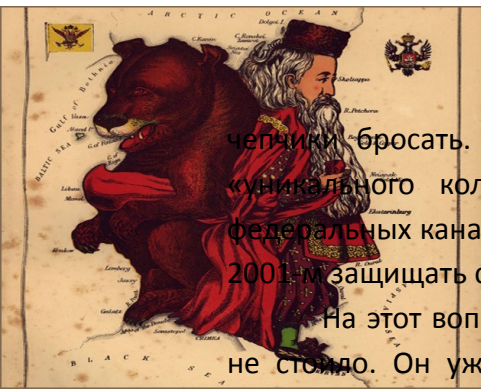
поправкой на масштаб (и поправка эта, разумеется, совсем не в пользу «Дождя») была устроена примерно так же, как сейчас: путинская администрация набросилась на частный независимый телеканал и начала громить его чужими руками, только вместо нынешних кабельных операторов в том случае были кредиторы НТВ. Андрей Норкин, будучи одной из ключевых звезд того телеканала, свой выбор сделал сразу и придерживался этого выбора, может быть, последовательнее всех вообще, – с RTVI, последнего телеканала, ставшего прибежищем для части бывшего «уникального журналистского коллектива», он ушел едва ли не самым последним из всех бывших энтэвэшников, в самом конце 2007 года.

Весной 2001 года Андрей Норкин сделал выбор, единственно возможный для (тут уже ни кавычек, ни иронии) приличного человека. Свобода слова, солидарность с коллегами, возмущение расправой над НТВ – Норкин вел себя как герой. Тринадцать лет достаточно, чтобы оценить тот его подвиг, как в знаменитом опросе, «стоило ли».

Федеральные телевизионщики с других каналов с самого начала как работали, так и продолжили работать: ни забастовок, ни акций солидарности, ни громких уходов. Митинги поддержки закончились быстро. В газетах посмеивались над «уникальным журналистским коллективом» (выражение быстро стало мемом), да и сам коллектив с первых минут конфликта описывался знаменитой считалочкой про десять негритят: на Красной площади после встречи с Путиным фотографировались вместе все звезды канала, а через несколько дней на другой фотографии, когда энтэвэшники переходили через улицу Академика Королева, меняя место работы (еще даже не на ТВ-6, еще на ТНТ, совсем ненадолго), звезд было уже меньше – некоторые решили остаться на канале с новым руководством. Дальше уже снежный ком: уходили на «Первый», уходили на «Россию», уходили на Рен-ТВ, возвращались на новое НТВ. У каждого судьба, у каждого что-то свое – в «уникальном коллективе» очень скоро остался один Норкин. Даже Евгений Алексеевич Киселев очень быстро нашел себя где-то в поле компромисса, и уже Норкину пришлось капитаном последним уходить с мостика.

Великого независимого телевидения не получилось – оно не было нужно ни гражданскому обществу, ни журналистскому сообществу, и даже хантер-томпсоны нового поколения, приходившие на RTVI реализовывать свои идеалы, уходили, стараясь не оглядываться. Как у Гарри Поттера, кубок оказался порталом, и вместо свободы слова герои обнаружили скучный бедный телеканал, отличающийся от официальных пропагандистских структур только персоналиями, воспеваемыми в эфире. А символами свободы слова за эти годы стали совсем другие люди, почему-то совсем не такие нонконформисты, как Норкин. Свободу слова Путин никогда не задушил бы в одиночку, но, к его счастью, на каждом этапе его соавторами оказывались, тут кавычки уже уместны, «приличные люди», готовые на какой угодно компромисс, потому что они профессионалы, а не демшиза, и потому что у них всегда, в каждую минуту находилось оправдание сначала просто негероическому поведению, а потом и откровенным подлостям.

За эти годы Норкин наверняка не раз спрашивал себя: стоило ли бегать с канала на канал по нисходящей во имя никому не нужной свободы слова, ведь достаточно было на самом кремлевском канале сказать «государственная д1371апро, и все будут в воздух

чепчики бросать. За те семь лет, которые Андрей Норкин потерял, спасая ценности «уникального коллектива», его коллеги-штрейкбрехеры сумели стать лицами всех федеральных каналов, звездами, моральными авторитетами – да кем угодно. Стоило ли в 2001-м защищать свободу слова, которая оказалась не нужна никому?

На этот вопрос Андрей Норкин отвечает сегодня своим текстом про «Дождь»: нет, не стоило. Он уже делал такой выбор, и он видел, что бывает потом, и сегодня он призывает журналистов «Дождя» (а они же в основном молодые, и в их жизни еще не было этого выбора) не вести себя как он тринадцать лет назад. Если завтра «Дождь» все-таки дождут, если завтра его не станет, обязательно будет кто-нибудь, кто найдет себя в «России сегодня», в «Вестях недели» или даже на «Коммерсантъ FM» у Норкина, – будет сидеть с ним в эфире и спрашивать политолога Маркова об украинских делах.

Норкин считает, что иначе быть не может. Я думаю, Норкин не прав, но я знаю, откуда у него эта точка зрения, и он имеет на нее право.

Россия – уродливое детище Беловежского договора

Россия, XIX век
часть с северо-востока ограничена рекой Неман. Левый берег – литовский, то есть на правом берегу уже Евросоюз. Неман долго до образования Калининградской области. Россию и века. В 1807 году российский и французский императоры зывается Тильзитским, но в действительности был подписан вите, а в нейтральных водах – на плоту на Немане. Неман так зрпой и двести лет назад, но стоит уточнить: российским берегом был тогда правый, а европейским (в те времена германским) – левый. И если не знать подробностей (Потсдамская конференция, передача части Восточной Пруссии Советскому Союзу, потом независимость Литвы и распад СССР), можно, наверное, сойти с ума, потому что так ведь не бывает, чтобы два берега реки поменялись местами. Это как если бы Франция переехала на Британские острова, и наоборот, – можно такое себе представить.

Географическая карта современной России – это огромная головоломка. Нужно написать книги, чтобы объяснить, почему бывший Урянхайский край, на который до сих пор претендует, между прочим, Тайвань, – это Россия, древняя столица Российского государства Киев – не Россия, а без пяти минут столица ассоциированного с Евросоюзом государства; или почему бывший Кенигсберг – Россия, а южносибирский бывший Верный – заграница; или почему столица странного инстаграм-халифата Грозный – Россия, а город русской славы Севастополь – нет.

Вячеслав Молотов в своей известной речи называл Польшу «уродливым детищем Версальского договора», – страшно представить, как назвал бы он Россию, если бы дожил до нынешних ее границ. В том виде, в каком она изображается на картах теперь, Россия не существовала никогда. С Тувой и Чечней, но без Украины и Северного Казахстана – это как США с Техасом, Гавайями и Аляской, но без Алабамы и Западной Виргинии. Российская

граница в нынешнем виде – идеальный материал для споров и фантазий на тему «что было бы, если». Возможно, вести такие споры скоро станет опасно – судя по реакции государственных СМИ, предлагаемый коммунистами законопроект об уголовной ответственности за «словесные призывы к расчленению единой и неделимой России» вполне может быть принят, тем более что пауза в экстравагантной законотворческой деятельности нынешней Госдумы явно затянулась, давно они не принимали ничего сенсационного, тому же «закону Димы Яковлева» скоро исполнится год.

Если Госдума примет запрет на разговоры о территориальном будущем России, это вызовет, конечно, возмущение примерно у тех же людей, которые возмущались по поводу предыдущих законов. Эти люди найдут множество аргументов, будут говорить, что запрет на обсуждение территориальной темы парализует целые гуманитарные отрасли – невозможно будет заниматься политологическими и социологическими исследованиями, невозможно будет делать геополитические прогнозы, невозможно будет говорить и писать на многие темы, в том числе вечно больную и вечно актуальную северокавказскую. Обязательно случится сколько-нибудь курьезных эпизодов – начнут, например, преследовать изобретателей «сибирского языка» или ветеранов «Уральской республики», и в их поддержку будут проводиться остроумные акции протеста и собираться подписи под открытыми письмами.

И, как всякая реакция на государственный троллинг (на сайте «Лепрозорий» или в Твиттере это слово давно стало дурным тоном, зато оно превратилось в устойчивый политологический термин в самом деле, как еще описать деятельность нынешней Госдумы?), будущие акции протеста и открытые письма будут до обидного неточны. «Вы перестали пить коньяк по утрам?» – спрашивает власть у креативного класса, и креативный класс возмущенно отвечает: «Мы?! Да никогда! Мы никогда не перестанем пить коньяк по утрам!» Дело ведь не в том, что призывать к распаду России хорошо, и даже не в том, что призывать к распаду России плохо. Важнее то, что любые попытки законодательно регулировать гуманитарную сферу не только отвратительны, но и лицемерны. Любой запрет на конкретные слова обойти проще простого – я легко представляю себе самый радикальный текст о распаде России, в котором вообще не будет слова «Россия», это-то как раз не проблема; сам могу на спор написать статью о неизбежном распаде Мордора, и судитесь со мной на здоровье. Настоящий, исправно работающий запрет на слова не обеспечит ни один закон. Такой запрет под силу только мощному цензурному ведомству наподобие советского Главлита, который в ручном режиме станет, что называется, по беспределу запрещать любые намеки на любую скользкую тему, будь то национальность преступника, поведение Красной армии во Второй мировой войне, пропаганда гомосексуализма или, если это так важно, возможные будущие границы России. Если в современной России действительно есть сторонники тотальной цензуры (исключать этого нельзя, наверняка они есть) – пусть говорят об этом прямо, не прячась за Альбац и за пародийные цитаты из «ВКонтакте». Хотите цензуры – вводите ее, лучше сразу, чем вот так, по одному закону на каждую тему. Впрочем, распад России от этого станет еще более вероятным – если страна держится только на словах и на символах разной степени сакральности (см. опыт конкурса символов России), для ее

разрушения когда-нибудь и в самом деле окажется достаточно одного только слова, и кто-нибудь это слово найдет и произнесет.

Сергей Капков и возвращение Булата Окуджавы

С чем точно (вне зависимости от того, случится отставка или нет) можно поздравить Сергея Капкова – так это с потоком посвященных ему прижизненных некрологов, которые все сейчас почему-то пишут. Прижизненный некролог – не то чтобы почетно, но всегда интересно, и вот он их читает и, наверное, в какой-то момент хлопает ладонью по айпаду: «Черт, каким я, оказывается, хорошим парнем был».

Сергей Капков действительно был прекрасным парнем – я использую прошедшее время не для того, чтобы зло подшутить над ним, а чтобы констатировать факт: в течение последних трех лет у Сергея Капкова была такая работа, человек работал хорошим парнем и отлично справлялся с этой работой. Есть чиновники такого типа – был бы начальником ГУВД, все бы его боялись и тихо ненавидели, был бы лидером оппозиционной партии – все бы над ним добродушно смеялись, отвечал бы в Кремле за внутреннюю политику – рассказывали бы о нем аппаратные легенды и называли бы демиургом. Но ему досталась должность покровителя московской интеллигенции – и, судя по тому, как его, еще не отставленного, сейчас оплакивают, со своими обязанностями на этой должности он справился блестяще.

Последнее утверждение, впрочем, многим может показаться спорным. С точки зрения итогов московских выборов, на которых подведомственные Капкову люди, как считается, проголосовали совсем не за Собянина (понятно, что голосование даже в России остается тайным, но я сам знаю людей, которые много лет были лояльны к Капкову и не стеснялись с ним дружить, а этой осенью отказывались участвовать в организованных департаментом Капкова мероприятиях ко Дню города именно потому, что не хотели даже косвенно поддерживать Собянина), может показаться, что возложенных на него начальством надежд он не оправдал. Но дело ведь не в локальных надеждах текущего политического момента; скажем прямо, любые выборы – суета, а миссия Капкова была важнее этих выборов, выше их, серьезнее их.

Не знаю, было ли так задумано с самого начала, или все получилось само собой, но за три неполных года (если начинать отсчет с марта 2011-го, когда он возглавил парк Горького) Капкову удалось провести крайне важный в российских условиях социальный эксперимент, результатами которого еще много лет будет пользоваться и Путин, и любой, кто придет ему на смену. Капков проверил и доказал на практике, что вечная оппозиционность и антисистемность российской (на самом деле – советской, но ведь другой у нас нет) и прежде всего московской интеллигенции – миф, не основанный ни на чем вообще, более того, у этой интеллигенции есть вполне четкий запрос на лояльность, ей хочется быть лояльной, а на площадь, наоборот, не хочется, что бы там ни советовал Галич и прочие формальные иконы этой социальной группы.

Никаких поводов для упрека здесь нет и быть не может, просто так есть – ну, объективная реальность такова. Социальная группа, с которой экспериментировал

Капков, ведет свою родословную не от революционеров и диссидентов, а от нормальных членов КПСС и творческих союзов, авторов не самиздата, а книг из серии «Пламенные революционеры». Капков почти дословно разыграл со своей аудиторией (их неточно называют хипстерами) знаменитую сценку из фильма «Копейка», герой которого хочет вначале отправить вырученные от продажи автомобиля деньги Галичу, а жена отговаривает – Галичу опасно, давай Окуджаве. Капков доказывал и доказал своей аудитории, что Окуджавой быть тоже прикольно, это почти как Солженицын, но без неприятных опасностей, и аудитория с радостью согласилась – черт подери, она ждала этого много лет.

Деятельность Капкова невозможно по-настоящему оценить вне исторического контекста. В СССР была сложная система отношений между властью и интеллигенцией: в президиумах заседали всеми презируемые литературные, театральные и кинематографические чиновники, в антисоветском андеграунде по обе стороны границы жили и работали настоящие нонконформисты, а между президиумами и андеграундом существовал «Булат Окуджава» в самом широком смысле этого определения – от Юрия Никулина и Аллы Пугачевой до Андрея Вознесенского и Марка Захарова, и всем, в общем, было хорошо: и одним, и другим, и третьим. 1991 год эту систему отношений между властью и интеллигенцией сломал, не стало ни президиумов, ни враждебного государству подполья, и новая система отношений стала более линейной – либо ты рядом с властью, либо вам с властью друг до друга нет никакого дела. Трехэтажная система стала одноэтажной и неподвижной – двадцать лет подряд на каждый праздник президенты (разные!) вручают один и тот же орден одному и тому же Геннадию Хазанову. Набор творческих интеллигентов, лояльных к власти, со времен раннего Ельцина меняется только естественным и печальным образом – как бы цинично это ни звучало, но всем, в общем, понятна та единственная и грустная причина, по которой доверенным лицом Сергея Собянина на последних выборах не стали Юрий Никулин или, скажем, Александр Абдулов.

С расширением круга лояльных к власти деятелей искусства экспериментировал в свое время Владислав Сурков, но его хобби так и осталось на уровне хобби; однажды у меня была публичная дискуссия с, наверное, самым весомым творческим интеллигентом, которого Сурков смог привести под кремлевские знамена, – джазменом Игорем Бутманом. Выглядело это достаточно комично: на вопрос о причинах, заставивших его вступить в «Единую Россию», Бутман ответил рассказом о том, как напился на свадьбе у Суркова и пел со Львом Лещенко – вот что дала ему партия. В общем, дальше анекдотов в те времена дело не шло.

Капкову было уже не до анекдотов, да на него и посмотришь – сразу видно, что серьезный человек. Именно Капков воссоздал трехэтажную советскую систему, в которой есть общепрезираемые шансонье, поющие на митингах со сгоняемыми на них бюджетниками, есть бесспорные нонконформисты, поющие в автозаке «Давай разрушим эту тюрьму» или в храме – известно что – про Путина. И есть пространство между ними, в котором можно комфортно существовать, не будучи обязанным маршировать с флагом и не рискуя при этом сесть в тюрьму. Именно Капков вернул обществу «Булата Окуджаву» – не конкретного Булата Шалвовича, а ту социальную роль конформистов с репутацией и

самоощущением нонконформистов. «Вы видели новый спектакль Кирилла Серебренникова в „Гоголь-центре“?» – что-то в этом роде.

Капков доказал, что московской интеллигенции очень не хватало этого пространства и этой роли, и если их ей дать, она сама, даже бесплатно, будет готова дружить, лайкать, воспевать в своих журналах и оплакивать в случае отставки. Капков доказал, что если власть позовет, интеллигенция прибежит – даже сейчас прибежит, в 2013 году, после всего, что между ними было. Прибежит как миленькая.

Он это доказал, и поэтому ему уже действительно нет смысла оставаться в Департаменте культуры. Дальше – только Кремль.¹⁸⁹

Артем Боровик

Артем Боровик родился 13 сентября 1960 в семье политического обозревателя, писателя и драматурга Генриха Боровика. В 1982 г. Артем окончил факультет международной журналистики МГИМО, и был распределен в Министерство иностранных дел, однако пошел работать литературным сотрудником в международный отдел газеты «Советская Россия». В течение пяти лет он работал корреспондентом в «горячих точках». Был в Чернобыле, в Никарагуа и в Афганистане.

Артем Боровик первый из советских журналистов сказал правду об афганской войне. Первым пошел на невиданный эксперимент: репортер из России на службе в армии США. Талантливый, обаятельный, дружелюбный, он обладал удивительной способностью располагать к себе. Героями его публикаций были абсолютно разные люди, большинство из которых предпочитали вообще не давать интервью.

В 1988 – 1990 гг. Артем Боровик был корреспондентом и одним из ведущих телепрограммы «Взгляд». Параллельно в 1989 г. он начал работать в газете «Совершенно секретно» и через некоторое время стал первым заместителем главного редактора Юлиана Семенова. Уже в 1991 г. он стал главным редактором газеты и в том же году создал одноименную телепередачу на телеканале «Россия».

1ет активной работы в «Совершенно секретно», сотни острых материалов. Его очерки и телепрограммы часто становились сенсацией. Отчаянно-смелые сюжеты Артема о политических и коррупционных играх 90-х годов смотрела вся страна. Его уважали и боялись, его любили и ненавидели, но не считаться с ним не мог никто.

¹⁸⁹ http://slon.ru/russia/sergey_kapkov_i_vozvrashchenie_bulata_okudzhavy-991757.xhtml

24 Во время последнего интервью в своей жизни, которое Артем дал на канале НТВ в ночь с 6 на 7 марта 2000 года от одного из телезрителей пришел на пейджер вопрос: «Если вы такой честный, почему же вы до сих пор живы?..»

Ровно через 56 часов, утром 9 марта 2000 г. самолет Як-40, выполнявший частный рейс в Киев, в котором находился Артем Боровик, разбился при взлете в московском аэропорту Шереметьево-1. Вместе с ним погибли все пассажиры (8 человек) и члены экипажа. В числе пассажиров был также глава компании «Группа «Альянс» Зия Бажаяев.

11 марта 2000 г. Артем Боровик был похоронен на Новодевичьем кладбище. Свое независимое расследование случившегося проводили журналисты «Совершенно секретно». Но до сих пор так и никто не может однозначно сказать, что стало причиной трагедии...

(По материалам книги:

Г. А. Боровик. Артем. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2000.)

«...Можно сказать, что Артему было на роду написано стать журналистом. В течение 7 месяцев, еще до своего появления на свет, он «знакомился» с работой на телевидении. «Бывал» там вместе с мамой – редактором отдела культуры программы «Последние известия». Наверное, там он «генетически заинтересовался» телевидением – мама прекратила ходить туда только за два месяца до его рождения. Может быть, поэтому здание на Шаболовке Артем, кажется, всю жизнь любил больше, чем здание в Останкино»

(Генрих Боровик)

«За все долгие годы, что шла кровавая война в Афганистане, мы знали о ней до обидного мало, и первым, кто пытался сказать о ней честное слово правды, приходилось непросто. Во-первых, следовало добыть эту утаенную от мира правду, что было возможно лишь через собственный опыт, осмыслить ее собственным умом и осветить незаемным светом собственной совести. Иного способа не существовало, и этот единственный бывал чреват многими сложностями. Тем большая честь и хвала подлинным труженикам пера, которые решились на это. Среди них первое место по праву занимает огоньковец Артем Боровик»

(Василь Быков)

«Среди всего того, что мне приходилось читать про войну в Афганистане, я не встречал ничего, что можно было бы сравнить с этим рассказом очевидца о солдатских буднях, рассказом без примеси пропаганды. Словом, это уже не журналистика, а литература»

(Грэм Грин)

«Артем впервые прилетел в Афганистан в 1986 году. Он всегда выглядел моложе своих лет, а тогда, в двадцать шесть, он казался совсем мальчишкой... Честно скажу, иногда становилось за него страшно: Артем с неизменной настойчивостью рвался туда, где было наиболее тяжело и рискованно. И мне, и другим генералам и офицерам порой приходилось даже придумывать причины, чтобы не отправлять Артема далеко от Кабула. Однако наши хитрости разбивались о его журналистскую

настырность, и он в очередной раз отправлялся в глубь Афганистана с колонной, взмывал в небо на штурмовике, забирался в горы с десантниками» (Борис Громов)

«Я вспоминаю наши беседы, там, на древней афганской земле. Помнишь наш спор о цели жизни? Он начался с моего возмущенного вопроса: - Какого черта тебя в это пекло принесло? Чем думал Генрих, отпуская тебя в этот никому не понятный кромешный ад?

Ты долго сидел, насупившись, а потом с какой-то несказанной болью произнес: - Вы знаете, мне надоело выглядывать из-за спины отца. Он все это сам прошел. А я хочу тоже сам все это пройти. Я хочу не его синяками видеть, а сам набить собственные синяки жизни. Сам хочу понять, где правда, а где ложь. Я тебе тогда резко ответил:

- Юноша! Война – это не спектакль! На войне еще почему-то и погибают. Ты это понимаешь?

На другой день ты сам пришел и начал в лоб:

- Всю ночь думал над вашими предупреждениями, но поймите: я ищу самого себя, смысл моей жизни.

- Но не здесь же искать самого себя, — зло отрезал я.

- Именно здесь, — напирал ты. — Там, — и ты махнул рукой на север, — можно казаться кем хочешь. Здесь каждый тот, кто он есть в реальности. Поэтому именно здесь я должен найти ответ на вопрос о цели своей жизни. Вместо ответа я тебе на листке бумаги написал несколько строчек, передал в свернутом виде и сказал:

- Дурень, прочитаешь, когда ляжешь спать. Не раньше. Ты помнишь, Артем, что там было написано? Уверен: помнишь! Там были слова: «Молодец! Я грожусь тобой. Обнимаю за то, что ты, как горский ишак, уперся, решив испытать себя и определить цель своей жизни не в обломовской постели перинной, а в крови и во лжи афганской войны. Береги себя!»

Ты мне позвонил в три часа ночи и радостно кричал: «Старик, я был уверен. Спасибо вам за все». Спасибо и тебе! Наш разговор и мне был еще одним уроком в жизни.

Потом, когда мы встретились в Джелалабаде перед выходом на перехват каравана, я ехидно спросил:

- Ну что с целью жизни?

Ты мне очень серьезно ответил:

- Я определился однозначно и навсегда. Я буду писать всегда правду и только правду. Только увидев бездну лжи, я понял цену правды» (Ким Цаголов)

« — Здравствуйте, приемная Артема Боровика... — такими словами начинался наш рабочий день. Он работал с утра и до позднего вечера, проводя немыслимое количество встреч, звонков, решая текущие вопросы, прочитывая материалы в номер, который после выхода всегда назывался «очередным», и никогда – «последним». В течение одного дня Артем мог провести редколлегию, деловые встречи и выехать

несколько раз в город на переговоры, дать интервью журналистам, отсмотреть запись новой программы «Совершенно секретно», не говоря о бесчисленном количестве телефонных звонков. Его работоспособность, выходящая порой за рамки понимания, передавалась и нам: хотелось успеть сделать как можно больше. И только под конец рабочего дня, когда усталость давала о себе знать, невольно задавалась вопросом – а он устает когда-нибудь? И если в десятом часу отпускаясь домой, сам продолжал работать до глубокой ночи. Да, он уставал. Но каким напряженным ни был день, Артем никогда не позволял себе сорвать на нас накопившуюся годами усталость или раздражение. Он был исключительным человеком, в котором гармонично сочетались мудрость, ум, талант, воспитание, доброта и внимание. Не помню случая, чтобы Артем отказал кому-либо в помощи или не помог словом»

(Елена Ильина)

«За ширмой общественного признания и успехов мало кто видел и знал об одной, самой затаенной, его мечте. Тема мечтал писать. Мечтал свалить в тихое местечко на краю света, чтобы остаться там на несколько месяцев наедине со своими мыслями и чистым листом бумаги. Однажды он даже рассказал о замысле своего романа про семью, через которую прошло несколько войн: от гражданской до афганской. В отличие от его документальных книг эта должна была быть прозой «не хуже, чем у старика Хема»

(Дмитрий Лиханов)

«Он был бесстрашным и нежным. Безумно любил жену Вероничку и детей. При всей своей нечеловеческой занятости всегда выкраивал время, чтобы пообщаться с Максиком и Крестиком. Иногда шептал, глядя на них: «Господи, счастье-то какое! Ну откуда такое чудо!» — и крестился. Галюшу при виде этого иногда охватывал страх: не сглазить бы. Незадолго до трагедии она купила в церкви для Темы пояс с молитвами. Но пояс остался дома. Тема не успел взять его с собой в самолет... 8 марта он собирался заехать к нам, чтобы поздравить маму. Но закрутился, позвонил часов в десять вечера, сказал: «Переносим международный женский день на завтра. Вернусь к вечеру из Киева и отпразднуем...»

Утром, спеша в аэропорт, оставил водителю деньги – попросил купить цветы и завезти Галине Михайловне и матери Вероники – Раде Ивановне. Эти розы мы получили через несколько часов после его гибели. Букет до сих пор стоит у нас. Лепестки роз не опадают...

(Генрих Боровик)

«Смерть каждого Человека умаляет меня, ибо я един со всем Человечеством, — говорится в эпиграфе к роману Хемингуэя, так любимого Артемом, — а потом не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Сегодня колокол звонит по последнему романтику от журналистики, по его перу, по его хватке, по его улыбке. Он звонит и по всем нам, его коллегам, призывая быть чище, правдивее, честнее. Хотя бы — в первую очередь — профессионально»

(Александр Кармен)

«Столько еще хочется сказать об Артеме. Эту книгу мы все – родные и друзья –

будем писать всю оставшуюся жизнь... »

(Генрих Боровик)

(По материалам книги:

Боровик А. Г. Уже не ведая преград. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.)

«Жизнь Артема была очень трудной. Ему не раз угрожали те, о ком он в своих газетах рассказывал неллицеприятную правду. Но жизнь его была и глубоко счастливой. Его любили, на него надеялись те, кого он защищал. А больше всего на свете он был счастлив своей любовью к семье – к жене и детям, ко всей нашей большой семье»
(Генрих и Галина Боровик)

«Думаю, что авантюризм связан с чертой, свойственной людям с очень ярким воображением. Он был визионер: то, о чем он писал, он видел перед собой очень ярко, и газета его играла, на мой взгляд, весьма серьезную политическую роль. Надо было обладать бесстрашием, чтобы публиковать в ней то, что он публиковал»
(Андрей Кончаловский)

Артем Боровик:

«Островков независимости остается совсем немного и океан какого-то пропагандистского тоталитаризма наступает. И с каждым днем, оглядываясь, ты видишь все меньше и меньше изданий, которые способны сопротивляться. Но все-таки жить честнее – выгоднее»
(Из последнего интервью Артема Боровика Дмитрию Диброву в программе «Антропология»)

«Артем обладал редким для журналиста умением – разговаривать с читателями и зрителями о том, что ему самому было интересно. Он смотрел на мир глазами простого человека, но видел гораздо большее, чем другие. Он умел говорить о простых вещах, фиксировал взгляд на том, что обычно пропускается нами, и детали нашего быта в его книгах и статьях представляли по-новому»
(Григорий Явлинский)¹⁹⁰

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Предисловие

В наше время генералы, представляющие армии противостоящих военных блоков, достаточно хорошо знают друг друга; даже маневры проходят теперь как большие международные шоу — с многоязыкой речью на командных пунктах, с корреспондентами с Запада и Востока и франтоватыми переводчиками под маскировочным тентом.

Солдаты общаются не столь регулярно. Доселе им была оставлена самая противоестественная форма общения — война. Солдатам вдумчиво объясняют, кого им надо будет прикончить в случае начала боевых действий: солдатский враг абстрактен, и поэтому о нем можно выдумывать что угодно.

Мы решили поспособствовать обмену солдатами. Направить нашего репортера в казармы армии США, а американского — в советскую казарму. Нельзя сказать, чтобы генералы потенциально противостоящих армий сразу же восхитились нашей идеей, даже

190 <http://sovsekretno.tv/>

напротив. Но в итоге репортер «Огонька» Артем Боровик все-таки отслужил в армии США срок, оговоренный предварительно, а корреспондент журнала «Лайф» Рой Роуан и фоторепортер Джим Нахтуэй на неделю «внедрились» в Советскую Армию. Американский журнал опубликовал весьма комплиментарные заметки и фоторепортаж, которые, считаю, ничем не смогут подорвать оборонное могущество нашей Родины. Но то, что сделал в «Огоньке» Артем Боровик, гораздо глубже и интереснее публикации «Лайфа». Наш журналист увидел не только американскую армию изнутри, но, так сказать, и советскую — снаружи.

Он рассказывает прежде всего о людях, о том, чему и зачем учат американских солдат и офицеров.

Наука ненависти становится все более бессмысленной; в грядущем военном конфликте победителей быть не может. Впрочем, сама подобная формула содержит предположение о том, что шанс на сражение как способ выявления истины все еще теплится в переполненных ненавистью мозгах. Взрывчатки накоплено куда больше, чем хлеба и книг, взятых вместе, а ненависти — поболее, чем любви. Ненависть сжигает людей даже на неначатых войнах. Войны прошедшие вырубали в человечестве целые просеки — мы постоянно ощущаем это. Как мало стариков вокруг! Тех, кто мог бы быть стариком сегодня, убил Сталин и убила война — они пали от ненависти, от того, что один диктатор был обуян манией преследования, а другой — ненавистью к нашей революции.

Человечеству нужен мир. Советское правительство делает сегодня для мира много. Отстаивая общечеловеческие ценности, мы знаем, что ненависть к ним никогда не принадлежала.

Итак, журналист «Огонька» Артем Боровик, коммунист, награжденный в Афганистане медалью «За боевые заслуги», командирован в американскую казарму, получает возможность поглядеть в прицелы, сконструированные для того, чтобы видеть нас с вами. Все подготовлено для войны. Но, как бы там ни было, ракеты из наших стран не должны взлететь навстречу друг другу, ненависть не должна восторжествовать. В постоянно ведущийся разговор о том, как же нам жить дальше, приходит и эта нота, неотделимая от разговора о ценностях общечеловеческих. В том числе — о праве на жизнь, одинаково важном и для нас, и для американцев. Каждое общество, каждая система продумывают свою самозащиту, это естественно. Но ненависть губит, а не защищает — как же строить жизнь в новые времена, в те самые, когда человечество способно уничтожить себя в доли секунды, но способно и жить богато и 31381апрогра На этот вопрос мы сможем ответить только все вместе...

Виталий Коротич

От автора

Сейчас — поразительное время. Время, когда вдруг начинают сбываться самые смелые, самые неожиданные, порой невероятные планы, мечты и идеи.

Многое из того, что стало возможным, даже банальным сегодня, во время перестройки, казалось совершенно нереальным, безумным или даже преступным всего-навсего несколько лет тому назад.

Время рвется вперед со сверхзвуковой скоростью. Наше сознание едва поспевает за ним.

Обмен корреспондентами между ведущими журналами СССР и США — «Огоньком» и «Лайфом» — и служба советского журналиста в американской армии, а американского в советской — идея, которую в момент ее рождения (летом 1987 г.) все окрестили «безумной». Даже В. А. Коротич воспринял ее как не очень удачную шутку. Однако, когда мы поделились нашей идеей с «Лайфом», американцы загорелись ею, и осенью в Москву приехал заместитель главного редактора «Лайфа» Питер Хау. На горизонте забрезжил призрак удачи.

Он, правда, исчез, так и не обретя плоти, через пару месяцев, когда наши военные сказали «Огоньку» коротко, но предельно ясно: «Нет!»

И все же еще через полгода они перестроились и изменили решительное «Нет!» на столь же решительное «Да!».

Словом, 14 июля 1988 года я оказался в Вашингтоне, а еще через несколько дней — в кабинете министра обороны в администрации Рональда Рейгана Фрэнка Карллуччи.

— Добро пожаловать в Пентагон! — улыбнулся министр. — Верно сказано: мир чувствует себя безопасней, когда солдаты противостоящих блоков смотрят друг на друга, сидя за столом переговоров, а не сквозь прицелы. В Форт-Беннинге ждут вас. Желаю успешной службы!

Так с легкой руки бывшего шефа Пентагона я почти на месяц превратился в солдата армии США.

«Перестройка» — полным ходом!

Возможно, есть рай и уж точно — ад,

А нам место здесь, не так ли, брат?

Солдатская маршевая

К августу небо вылиняло, став белесым, словно джинсы после многократной стирки. Голубизна осталась, скорее, в воображении, чем наяву.

В час, когда я добрался до закусочной с бесперспективным названием «Конец пути», вечер еще не наступил. Было лишь его слабое предчувствие.

Вдали сквозь серую дымку едва проглядывалась ниточка горизонта, смутная и нечеткая, как ощущения человека, который мертвецки устал и хочет спать.

Остановив машину в условленном месте, я оглянулся по сторонам. Фары машины напротив два раза вспыхнули дальним светом. Я ответил тем же и вылез наружу.

Подойдя ко мне, водитель посигналившего автомобиля снял противосолнечные очки:

— Я Билл Уолтон из Форт-Беннинга.[1] А вы...

Я назвался.

— Очень приятно, — улыбнулся он, но тут же стер улыбку с губ тыльной стороной ладони. — Командир Форт-Беннинга поручил мне сопровождать вас во время вашего пребывания на военной базе. Приглашаю в мою машину. Не возражаете?

Я не возражал. Уэйн Сорс, фотокорреспондент журнала «Лайф», направлявшийся вместе со мной в Форт-Беннинг, сел за руль нашей машины, я — в машину Уолтона, и мы рванули вперед.

Уолтон пристроился позади «джипа», битком набитого солдатами, который, повинувшись лихой руке своего постоянно хохотавшего водителя, то и дело прыгал из ряда в

ряд, хищно мигая при этом задними указателями.

Билл — невысокий, худенький, юркий человек лет пятидесяти восьми. Седая борода окаймляла его прокаленное на солнце Джорджии[2] дубленное временем лицо, напоминавшее изборожденный танковыми гусеницами полигон с двумя крохотными аквамариновыми озерцами. Одет он был в клетчатые штаны и розовую рубашку с короткими рукавами.

— Я работаю в отделе по связи с прессой, — сказал Билл, перехватив мой любопытный взгляд, — нам разрешается ходить в штатском. Знаете, чтобы не раздражать лишний раз гражданское население Колумбуса,[3] не мозолить глаза...

Мы поравнялись с «джипом». Теперь он шел параллельно, справа от нас. Солдаты, видимо, затевали дорожную игру, не предполагая, что Билл сам из Форт-Беннинга. Я навел на парней свой фотоаппарат. Это подействовало на них так, будто я рассказал какой-то безумно смешной анекдот: бедняги просто надрывались от смеха.

Уолтон мрачно посмотрел в их сторону:

— Я, знаете ли, не последняя спица в колесе, — почему-то сообщил он в ответ на солдатский гогот. И, словно в доказательство сказанного, до конца утопил педаль акселератора.

«Джип» мгновенно потерялся в потоке машин где-то за нашими спинами. Обгон был совершен, словно акт жестокого, но справедливою возмездия.

Минут через десять мы въехали на территорию базы. Слева и справа то и дело мелькали знаки «Сторонись: военная зона!».

— Форт-Беннинг создан более 70 лет назад, — сказал Билл и, подчиняясь дорожному указателю, сбросил скорость до двадцати миль в час. — Это один из основных учебных центров сухопутных войск армии Соединенных Штатов.

В его голосе все четче звучала нотка гордости. Мы миновали штаб Форт-Беннинга и установленную рядом с ним скульптуру бегущего солдата. Я решил сфотографировать ее.

— Не торопись, — махнул рукой Билл, — фотографируешь его завтра. Я тебе обещаю: этот парень никуда не убежит.

Биллу понравилась шутка его же собственного изготовления, и он рассмеялся.

Мне всегда импонировали люди, которые сами шутят и сами потом больше всех веселятся. Я сказал об этом Биллу.

— Мне тоже, — ответил он и рассмеялся пуще прежнего. — А здесь живут лейтенанты и капитаны. — Билл кивнул на аккуратные приземистые коттеджики, расположившиеся рядом с дорогой.

Из-за поворота вынырнул «мустанг» — один из символов «шестидесятых». Рыкнул своим двигателем без глушителя и тут же скрылся, оставив за собой шлейф, сотканный из горьких выхлопов и, судя по вдруг изменившемуся выражению уолтоновского лица, ностальгии.

— Всегда мечтал иметь «мустанг», чтобы не ездить — летать. Да вместо него пришлось полетать на других машинах. На «хью» — слышал о таких?

— Конечно, — ответил я, — ваш основной вертолет во Вьетнаме.

— Да... Вьетнам... — сказал Билл и просвистел себе под нос мотивчик какой-то песенки.

Он круто повернул направо, дождался, когда нас догонит Уэйн Сорс, и опять прибавил газу.

— «Средний» молодой солдат, — продолжал Билл профессиональной скороговоркой офицера по связи с прессой, — прибывающий в Беннинг, двадцати лет от роду, весит 173 фунта,[4] рост пять с половиной футов.[5] Он со средним образованием и, главное, хочет по-настоящему служить, учиться. Его интеллектуальные и физические данные значительно выше, чем у «среднего» солдата 60-х годов...

— Это потому, что армия имеет возможность теперь сама отбирать наиболее подходящих людей? — спросил я.

— Да, конечно. К середине семидесятых мы отказались от всеобщей воинской обязанности и перешли на добровольную армию. Численность личного состава резко уменьшилась. Словом, мы потеряли в количестве, но приобрели качество. Теперь в армию идут лишь те люди, которые сделали этот выбор сознательно, добровольно. Именно поэтому они легче, чем их сверстники двадцать лет назад, переносят лишения, тяготы, физические и психологические перегрузки военной жизни. Повышение требовательности со стороны сержантов и офицеров они не рассматривают как издевательство. А это было характерно для солдатской психологии еще лет пятнадцать-двадцать тому назад.

Он вдруг улыбнулся и добавил:

— Так что ты передай своим, что мы тоже тут перестраиваемся. В нашей армии «перестройка» идет полным ходом... Важно и то, что представители армейских вербовочных пунктов, разбросанных по всей стране, постоянно работают со школьниками и студентами. Проводят среди молодежи агитационную работу, рассказывают о преимуществах армейской карьеры. И в конце концов выбирают из общего числа желающих лишь наиболее подходящих. А потом, знаешь ли, вообще здоровье нации по сравнению с 60-ми сильно окрепло.

Левая рука Уолтона мертвой хваткой впилась в руль, а правая отчаянно жестикулировала, то взлетая, то падая. Вдруг она замерла, и я увидел татуировку чуть выше локтя: «Дай мне смерть прежде бесчестья!».

Он опять перехватил мой взгляд:

— А, это... У вас, в России, в армии, небось, тоже есть такая мода, нет?

— Есть, Билл, конечно, есть.

— У меня на заднице, — заговорщически добавил он, — пропеллер наколот. Чтобы не утонуть в случае шторма!

— Билл, а если серьезно: каковы преимущества военной карьеры?

— Если серьезно, то преимуществ уйма. Во-первых, армия гарантирует тебе постоянный хороший заработок, бесплатное питание; безработица тебе не грозит. Во-вторых, после окончания контракта Пентагон оплатит два-три первых года твоей учебы в колледже или университете. В-третьих, армия даст тебе возможность бесплатно попутешествовать, побывать в самых разных странах мира: я имею в виду службу на американских военных базах за пределами территории США. В-четвертых, армия бесплатно обучит тебя новой профессии. Перечисление преимуществ можно продолжить. Тебе не надоело?

Уолтон ничего не сказал о недостатках, а я не переспросил.

Мы обогнули здание, в котором у Паттона[6] в 30-е годы располагался штаб. Прославленный генерал в ту пору командовал здесь дивизией.

— Форт-Беннинг, — продолжал Билл, — уникальный военный центр. Это единственный центр, дающий начальную подготовку пехотинцам армии США. Срок полной подготовки солдата — тринадцать недель. Поступившим на службу на протяжении этого времени категорически запрещено курить. Я, понятное дело, не говорю о наркотиках и алкоголе.

Я спросил Уолтона, есть ли у солдат, скажем, наряды по кухне, посылают ли их на строительные или сельскохозяйственные работы?

Он с удивлением посмотрел на меня:

— Нет, это исключено. Все внимание солдата сосредоточено на физической и боевой подготовке. В течение всех тринадцати недель мы им даже запрещаем читать газеты, слушать радио, смотреть телевизор.

— А в этом какая логика?

— Элементарная, — ответил Билл. — Газеты, телевидение и радио отвлекают солдат от боевой и физической подготовки. Разрешается это в минимальных дозах и в порядке поощрения особенно старательных парней. Скажем, в воскресенье вечером кому-то позволят посмотреть десять минут телевизор. Все, баста.

«Хитро придумано: волевым решением они отрывают солдат от сложностей нашего мира и вводят в мир „приказных“ истин», — подумал я. Секундой позже спросил:

— Но ребята должны же знать, что творится в их стране и мире?

— Потом узнают... — Он плавно затормозил, и машину качнуло, словно лодку на волне. — Вот мы и приехали. Это здание, так сказать, «первичной обработки» поступивших на службу.

— В каком смысле? — не совсем понял я.

— Вон, видишь того строгого дядю, с седым ежиком на голове? Это полковник Ист. Спроси у него.

Офицер, на которого показал Билл, казалось, пять минут назад сошел с плаката «Ты нужен американской армии!». Я всегда подолгу рассматриваю такого рода плакаты, с которых к согражданам обращается розовощекий человек с волевыми чертами лица и очень строгий. Одна бровь неизменно вздернута. Подобные плакаты есть, похоже, во всех странах. Но создается впечатление, что штампует их один и тот же художник, меняя лишь лозунги.

Полковник Ист подошел к нам и протянул сначала Биллу, потом мне свою крепкую руку.

Он был одет в пятнистую полевую форму. На его могучем предплечье красовалась нашивка «Делай, как я!». Были и другие: «Рейнджер», [7] «Воздушный десантник». Всех нашивок я не успел разглядеть, потому что Ист развернулся и пригласил нас внутрь. Мы вошли в приземистое здание, по обилию использованного бетона напоминавшее бункер. Закрылись толстые стеклянные двери, отрезав меня от остального мира.

Прощайте, шевелюра и... сигареты

За окном беспомощно лепетала листва, словно хотела о чем-то предупредить. Но было поздно.

Массивные стены, полумрак, чистота, порядок — все это странным образом действует на психику, подавляет человека, впервые сюда попадающего. Видимо, именно такую задачу военные поставили перед архитектором, планировавшим здание.

— Это своего рода приемный пункт, — сказал полковник Ист. — Сюда съезжаются все только что поступившие на службу. Они сначала прилетают в Атланту[8] из своих родных штатов. Потом на автобусах добираются до Форт-Беннинга. Конечно, все транспортные расходы берет на себя Пентагон. Он же снабжает парней талонами на еду. Ребята поступают к нам одиннадцать с половиной месяцев в году непрерывным потоком. Исключение — рождественские и пасхальные праздники. В неделю через нас проходит обычно от 250 до 1000 человек.

Мы остановились у двери, которая вела в мрачного вида комнату без единого окна. В одной из стен — щель.

— В эту щель, заметил полковник, — каждый из поступивших на службу должен без свидетелей выбросить все то, что солдатам запрещается иметь с собой во время пребывания на территории центра, — наркотики, любые виды холодного и огнестрельного оружия, порнографические журналы, книги, алкоголь, сигареты. Запрещается также жевать и нюхать табак. Если кто-то оставил при себе что-то запрещенное и это обнаружится, будет наложен денежный штраф. Есть и другие виды взысканий.

— Полковник, — сказал я, — со мной ни оружия, ни порнографии нет, есть лишь пачка сигарет. Честно говоря, я иногда покуриваю. Как быть?

— Примите мои соболезнования. Это во-первых. А во-вторых, командир Форт-Беннинга двухзвездный генерал[9] Льюер сообщил нам, что из Пентагона пришел приказ дать вам возможность стать на время солдатом армии США. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что принимайте правила игры.

И я принял. Вошел в комнату, закрыл за собой дверь и, убедившись, что рядом нет ни одного свидетеля, кинул в щель так и не распечатанную пачку «Явы».

Вышел оттуда, почувствовав почему-то, что совесть моя стала чуточку чище. Словно мне отпустили грех.

— Теперь распишитесь-ка вот тут. — Полковник Ист протянул мне лист бумаги, прикрепленный металлическим зажимом к тоненькой дощечке. — Но сначала ознакомьтесь с текстом.

Я ознакомился. Там было написано, что «если произойдет несчастный случай, я не буду подавать в суд на правительство Соединенных Штатов Америки». В самом низу — место для подписи. Я поставил ее, но сказал:

— Однако, если произойдет уж совсем несчастный случай, я при всем моем желании все равно не смогу подать в суд на правительство США.

Полковник Ист задумался. Билл Уолтон почесал затылок. Уэйн Сорс щелкнул фотоаппаратом и сказал:

— Назову этот снимок «Три мыслителя».

— Ладно, — махнул я рукой, — будем надеяться, что пронесет и мне не придется судиться с администрацией в Вашингтоне.

— Присоединяйтесь пока к этим вот жеребцам, — Ист кивнул на группу только что

прибывших в учебку юнцов, — а я ненадолго отлучусь.

Ребята, среди которых я теперь оказался, с любопытством рассматривали друг друга.

— Ты откуда? — спросил меня длинношей парень, толкнув локтем в бок.

— Из Советского Союза, — ответил я.

Парень похлопал меня по плечу и сказал, что ему приходилось в жизни слышать шутки посмешнее моей.

— А ты откуда? — в свою очередь поинтересовался я.

— Из Коннектикута.

— Тебе чего — дома не сидится?

— Да я так, потехи ради. За компанию с приятелем. А потом, знаешь, я большой любитель всяких там походов, костров в лесу. Я весь штат облазил. А теперь вот решил — почему бы мне не делать то же самое, только за шестьсот долларов в месяц?! Вот и завербовался. А ты?

— Да я из Москвы, говорят тебе... — Но я не успел рассказать, что привело меня в Форт-Беннинг. Парень сделал на пятках разворот на сто восемьдесят, бросил через плечо:

— Ладно. Когда сменишь пластинку, дай знать...

Я отошел от него и направился в сторону мини-музея, расположенного неподалеку.

Табличка на стене гласила, что «приемная» Беннинга носит имя Джонстона, который воевал во Вьетнаме и был там убит. Рядом, в стеклянном кубе, висела форма одного из бывших американских военных советников во Вьетнаме. Чуть поодаль — форма некоего Райха. Он знаменит тем, что первым ступил на землю Гренады во время недавнего вторжения США. А вот выставка американских солдатских касок первой половины XX столетия.

— Между прочим, — сообщил Уолтон, — каска, в которой наш солдат дрался с немцами, а потом в Корее, была создана в Форт-Беннинге, на здешней кухне. По-моему, каким-то поваром. С этими поварами, ей-богу, одна умора...

За касками, чуть дальше и влево, на отдельной полке под стеклом сверкала под косыми ржавыми лучами заходящего солнца коллекция американских военных орденов и медалей: «Пурпурные сердца», «бронзовые» и «серебряные звезды», медаль «За заслуги»...

— Ну, что, «адепт», вперед и выше? — присоединившийся к нам полковник Ист явно повеселел.

Он проводил меня в кабинет, с первого взгляда напоминавший комнату для пыток: кресло, масса хромированных инструментов, огромный детина, смахивающий на мясника, с лезвием в могучих, покрытых густым рыжим волосом руках и таинственной улыбкой на губах.

— Сюда! — сказал детина и указал лезвием на кресло.

Я сел, почему-то вспомнив про недавно данную подписку. Детина сменил лезвие на визгливый электрический прибор. Через тридцать секунд все было кончено. Моя новая прическа называлась «туго и упруго» — стандартная стрижка новобранца. Такая же участь постигла и всех остальных только что прибывших в Беннинг парней.

Далее мы проследовали по очереди в рентгеновский кабинет, где сержант-

пуэрториканец сделал пару снимков моих челюстей.

— Эта процедура, — объяснил Ист, — у нас в армии с 1986 года. В конце 85-го в гандеровском[10] аэропорту потерпел аварию самолет, битком набитый солдатами. Внутри было такое кровавое месиво, что почти никого не удалось опознать. После этого решили, что рентгеновские снимки челюстей самое надежное дело.

Медицинская проверка и вакцинация заняли не более тридцати минут. Пневматическим пистолетом (давление — 1250 фунтов на квадратный дюйм), словно штампуя, солдатам делали прививки от всевозможных эпидемий — всего восемь впрыскиваний. Анализ крови. Тесты на СПИД, наркотики и алкоголь. Отдельный тест, определяющий интеллектуальный уровень: вроде в нашей партии дураков не оказалось.

Жесткие меры приняты в американской армии против наркотиков. Если раньше, особенно во Вьетнаме, на эту проблему командиры смотрели сквозь пальцы, то теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Человек, хоть раз замеченный в их употреблении, подлежит немедленному увольнению из рядов вооруженных сил. Официальная статистика свидетельствует: в 1980 году 27 процентов американских военнослужащих употребляли наркотики, в 1988-м — лишь 3 процента. «Наркомания, — сказал мне один сержант, — особенно подскочила у нас во время вьетнамской войны. Солдаты, возвращаясь домой, тащили эту эпидемию в Штаты. Или, скажем, молодой солдат попадал в барак, где его соседями оказывались старослужащие — любители „полетать“.[11] Они смотрели на него как на потенциального „стукача“. Единственная возможность избежать „засветки“ — превратить его в своего. Если он сопротивляется, у него начинаются неприятности. Мелкие, но регулярные. То мыло пропадет. То свет погаснет, когда он в душевой. То ботинки исчезнут и он опоздает на построение, а это наказуемо. Таким образом старослужащие втягивали молодых в наркоманию. С тех пор прошло лет пятнадцать. И сейчас, по-моему, эту проблему мы решили».

...Потом всем нам на шею повесили по металлической цепочке с двумя стальными пластинками. На каждой указаны твои фамилия, имя, дата рождения, номер страхового полиса. (В моем случае — номер заграничного паспорта.) Это «смертник». Если от человека останется одно воспоминание, быть может, при опознании трупа помогут эти пластины, которые солдаты окрестили «собачьими жетонами».

В следующем зале выдали по четыре зеленых полотенца, комплекты нижнего белья, зеленые хлопковые майки, нашивку с указанием фамилии (ее обязан носить каждый солдат и офицер над правым нагрудным карманом), нашивку «Ю. Эс. Арми», башмаки на шнуровке со стальными пластинами в подошвах (пригодился опыт вьетнамской войны, когда партизаны устанавливали шипы на тропках), несколько комплектов полевой пятнистой формы. Получили мы и по пластиковой коробочке с затычками для ушей.

— Солдатам приказано пользоваться ими в вертолетах, самолетах и во время учебных стрельб. — Полковник Ист продемонстрировал, как. — В противном случае люди покидают армию с сильной потерей слуха. Ведь даже треск автоматической винтовки М16 достигает почти 160 децибелов.

После получения экипировки здоровенный сержант сунул каждому из нас по карточке, где следовало указать фамилии родственников и адреса, по которым в случае

чего будут отправлены «похоронки». О смерти тут заботились явно больше, чем о жизни.

Я внимательно вглядывался в совсем еще детские лица ребят: многие из них, заполняя квадратные карточки, должно быть, впервые засомневались в своем бессмертии.

Парень, сидевший на корточках слева от меня, долго сосал кончик шариковой ручки, но потом в конце концов вывел адрес мисс Стоунвэй, которая проживала где-то в Вудбери.[12]

— Кем она тебе приходится? — спросил я.

— Учительница.

— Почему ты не указываешь свой домашний адрес?

— Понимаете, если меня убьют, неохота портить настроение родичам...

— Выходную форму, — прервал наш разговор Ист, — сегодня выдавать не будем. Сделаем это через семь недель. К тому времени все вы сбросите лишний вес, поднакачаете мускулы. Словом, фигура изменится.

Я натянул пятнистые штаны и куртку. Полковник Ист помог подвернуть рукава, чуть выше локтей. Это здесь — целое искусство. Как у нас — портянки. Умение подворачивать рукава отличает бывалого солдата от новичка.

Мы спустились в солдатскую столовую. Впрочем, она общая. Тут, как и везде в американской армии, рядовые едят вместе с офицерами.

Сразу бросился в глаза здоровенный плакат у входа: «Кто твой злейший враг?». Чуть ниже ответ: «Иван!». Нарисован бравый американский рейнджер, протыкающий штыком советского солдата с красной звездой на каске.

Я вспомнил десятки офицерских и солдатских столовых у нас, в которых приходилось бывать самому. Вспомнил наши части и подразделения в Афганистане. Но нигде и никогда я не видел плаката, который бы призывал солдат убивать первого же подвернувшегося под руку «Джона». Не играем мы на ненависти к американцам.

— Здорово, — сказал я полковнику Исту, — вы своих «адептов» натаскиваете. С первого же дня! Даже в столовой. Это что, — я кивнул на плакат, — пожелание приятного аппетита я-ля Форт-Беннинг?

Честно говоря, настроение резко испортилось. Кусок в горло не лез. Ведь, как ни крути, призывали убивать меня. Или таких, как я. Подумалось: могли бы снять...

Ист широко улыбнулся и выдал длинную очередь неестественного, механического смеха.

— Наша столовая, — он поспешил сменить тему разговора, — конечно, не предел мечтаний для чревоугодника. Но мы, — он кивнул на Уолтона, — вполне довольны. Верно, Билл?

— Еще бы, — ответил тот, дожевывая второй сандвич и запивая его апельсиновым соком.

Солдаты, выстроившись в очередь и держа перед собой подносы, брали с длинных полок тарелки с итальянскими макаронами, горячие сосиски, мясо, вареный картофель и рис, всевозможные соки, овощи, фрукты и пирожные, кофе с молоком и без.

— Каждому солдату, — сообщил Ист и сделал большой глоток горячего шоколада, — полагается 75 центов на завтрак и по доллару с полтиной на обед и ужин. Если он

укладывается в эту сумму, еда для него бесплатна. Если нет — ему приходится доплачивать из собственного кармана. Но трех долларов 75 центов вполне хватает, ведь налогов на еду здесь нет. Правда, каждый месяц мы делаем поправку с учетом изменений курса доллара. Офицеры же за еду платят.

— Еще как платят! — подхватил слова Иста ладно сколоченный подполковник, подсаживаясь за наш стол.

Полковник Ист познакомил нас.

— Здравствуйте, майор, — протянул мне руку через стол подполковник.

— К сожалению, должен вас разочаровать: всего лишь лейтенант запаса. Я журналист.

— Рассказывайте! — улыбнулся он и намазал гамбургер томатным соусом. — Кстати, у вас микрофон в правом или все-таки в левом ухе?

— Микрофон, — ответил я, — вышел из строя, когда я мылся в душе. Но фотокамера в виде искусственного зрачка работает вполне исправно. — И я подмигнул ему левым глазом.

— Не забудьте прислать мне из Москвы пару снимков. Идет?

— Идет. Спасибо за компанию.

Встав из-за стола, Уэйн Сорс и я направились к выходу. Хотелось подышать свежим воздухом.

Не бабья работа?

Жара стояла, как в сауне, и я вылил на голову остатки воды из фляги.

Солнце медленно заходило на посадку, отстреливаясь последними косыми лучами, словно трассерами.

Мы пересекли поле для игры в гольф. Оно было гладким, как морская вода в тихое, ясное утро. Лишь с края изумрудной волной тянулась гряда приплюснутых холмов.

— Траву они здесь стригут, — заметил Сорс, — как солдатские затылки.

— Верно, согласился я, — «туго и упруго».

Сорс перезарядил фотокамеру и по-хозяйски огляделся вокруг в поисках стоящего кадра. Над нашими головами пролетала стая уток, и Сорс, переключив аппарат на «автоматическую стрельбу», выдал серию очередей по птицам.

— Так ты им всех уток перестреляешь.

— Ничего, таким «автоматом» стрелять можно. Я с ним пол-Филиппин обошел...

И он принялся рассказывать историю о том, как пару лет тому назад внедрился в один из отрядов Новой народной армии Филиппин.[13] Как вместе с партизанами прятался от правительственных войск. Как был на волосок от, казалось, верной гибели и как все-таки выжил, хотя и подхватил весь «боекомплект» тропических болезней.

Незаметно стемнело. Мы оказались у могучего, разлапистого тутового дерева. За столиком под его кроной сидели две девушки в военной форме.

— Здравствуйте, — сказала одна из них. — Вы, кажется, не местный?

— Нет, — сказал я, решив не уточнять, откуда именно: все равно она бы мне не поверила.

Сорс разговаривал с другой девушкой. Было темно, и я слышал лишь ее грудной смех.

— Так откуда же?

В ответ я неопределенно махнул рукой в сторону тлевого заката.

— А-а, — задумчиво произнесла она, словно я дал ей исчерпывающий ответ.

— У вас есть время?

— Да, почему вы спрашиваете?

— Тогда, — я сел за столик, — расскажите мне о себе.

— К чему вам? — рассмеялась она.

— А я коллекционирую истории человеческих жизней. Но в данном случае меня особенно интересует тот роковой момент, когда вы решили пойти в армию.

— Я пошла в армию вслед за подружкой. Решила: понравится — останусь, не понравится — уйду.

— И вам, конечно, понравилось...

— Да. И знаете чем? Тем, что только в армии я чувствую себя совершенно равноправной с мужчинами.

— Вы феминистка?

— Нет, бог с вами. А что, похожа?

— Напротив, вы очень красивая.

Она засмеялась.

— Смех у вас, — заметил я, — не солдатский.

— ...А потом, — продолжала она, — я обожаю прыгать с парашютом. «На гражданке» за такие удовольствия надо платить.

Она заговорила о прыжках, а я подумал: за последние десять лет Пентагону удалось создать вокруг армии атмосферу военной романтики. Молодежь теперь смотрит на службу как на приключение, как на возможность попутешествовать, как на спорт. Это привлекает даже молоденьких девчонок. Сегодня двенадцать процентов всей армии США — женщины. Четыре из них имеют звание бригадного генерала. Женщины тренируются, занимаются боевой и физподготовкой наравне с парнями. Спят в общих бараках; правда, им выделяют отдельный угол или этаж. Только замужние, да те, что с детьми, проживают в отдельных коттеджах...

— Вам скучно? — Она легонько щелкнула ногтем по стекляшке моих часов.

— Нет, просто задумался. Но скажите честно, ребята в вас видят все-таки женщину или солдата?

— Если вести себя нормально, то никаких проблем не будет. Тут такая изматывающая подготовка, что просто-напросто не остается сил думать о чем-либо постороннем. Встаю я в пять утра: у меня ведь ребенок, ему надо еду приготовить... Да, не удивляйтесь, я была замужем. Он тоже военный. Вместе служили в Германии. Потом я забеременела. Ушла по его настоянию из армии: муж считал, что это не бабья работа. Он мечтал, чтобы я была классической домохозяйкой, — срабатывал его «южный образ мышления». Я, д1391апро послушалась.

Она была так увлечена своим рассказом, что даже не глядела в мою сторону. Сделав короткую паузу, перевела дыхание. Опять заговорила:

— Мне очень хотелось обратно в армию. Из-за этого пошла на развод. Легко ли матери-одиночке? По крайней мере легче, чем «на гражданке». Армия обеспечивает

бесплатное медицинское обслуживание, на лекарства не надо тратить. А ведь они жутко дорогие там...

Она махнула в сторону Колумбуса и, видимо, всей прочей Америки. На секунду о чем-то задумалась. Потом продолжала:

— Днем — служба, а вечером я посещаю вечерний факультет Университета Алабамы,[14] которому командование Форт-Беннинга выделило на своей территории отдельное помещение. Кроме того, армия платит за мою учебу. Зарабатываю я больше тысячи долларов в месяц. А на гражданке я бы в лучшем случае получала около восьмисот долларов, устроившись, скажем, продавщицей. Так вот...

— А кто сейчас сидит с ребенком?

— Сестра. Она приехала погостить: у меня двухкомнатная квартирка здесь же, на базе. Но когда она уедет, я отдам сына в детский садик...

Сорс тем временем опять принялся щелкать фотокамерой. Лицо его собеседницы периодически вспыхивало в ночной тьме.

— А потом, — моя новая знакомая погладила поверхность стола ладонью, — очень важно, что в армии людей заставляют заниматься спортом. У меня самой воли бы не хватило. А здесь это составная часть службы.

— Мужские и женские нормативы отличаются?

— Незначительно, — ответила она, — я, например, отжимаюсь на руках шестьдесят раз за две минуты. Ребята — на пятнадцать раз больше.

Честно говоря, я ей не очень-то поверил: шестьдесят раз все же не шутка! Дождавшись, когда в очередной раз сработает сорсовская фотовспышка, я глянул на руки девушки.

Сомнения мои были напрасны: под завернутыми рукавами пятнистой куртки горбатились мощные бицепсы.

— Да вы культуристка!

— Бросьте, просто в жизни надо быть сильной.

Провожая ее, я дал себе слово начать делать утреннюю зарядку. С понедельника.

— Ну, прощайте, — улыбнулась она, вбежав на крыльцо коттеджа.

— Прощайте.

— Между прочим, один вопрос вы мне все-таки забыли задать, хотя, кажется, спросили обо всем.

— Это какой же? — удивился я.

— Ладно, отвечу и так, меня зовут Энн. Энн Мари.

Ветер всю ночь не давал спать. Выл, собака, скулил, просился внутрь. Казарма наша, построенная еще в середине тридцатых годов, в ответ что-то хрипло ворчала, по-стариковски скрипела. Словом, ночка выдалась что надо! Вдобавок вентилятор, от любопытства — советский в казарме! — крутивший головой то вправо, то влево, уставился на меня неподвижно и надул шею.

«Образ врага»

...Кажется, легче согнуть ствол автоматической винтовки М16, чем поднять голову.

— Хорош дрыхнуть! Просыпайтесь! — орет негр-сержант, ворвавшись вместе с ветром вовнутрь. Крючковатым пальцем он оттягивает воротник от кадыка размером с

кулак, ворочает африканскими, с кровавым подмесом, белками, шумно дышит, стучит каблуками по доскам пола.

— Эх, — раздаётся со второго этажа койки, — всхрапнуть бы еще часок...

Я усилием воли навожу глаза на резкость: это Вилли. Я познакомился с ним вчера, когда вернулся в казарму, проводив Энн.

— Вилли, ты как? — интересуюсь я.

— Как лайнер на взлете, — он делает плавное движение рукой вверх, — башка уже в небесах, а задницу от земли все никак не оторву: сила притяжения, так ее и разэтак! Но ведь сержанту не объяснишь! Он зол и не сентиментален. У вас они тоже такие?

— Абсолютно!

— Я так и предполагал. Нет, не коммунисты и не капиталисты правят миром. Сержанты!

Вилли, по-моему, самый юморной малый в роте. Эдакий циник-людовед: все про всех наперед знает. Пока лишь я для него крепкий орешек. Но уже, видимо, и я взят на прицел его М16, магазины которой заполнены не патронами, а бронебойными шутками.

Ребята заправляют койки. Трут кулаками глаза. Словно заново привыкают к миру.

Вилли остервенело трет зубы щеткой, словно пытается содрать окалину. Но сквозь плотно сжатые челюсти и волдырящуюся зубную пасту он умудряется напевать. Так, для понта:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки

Были пирожными на прилавке.

И если б был кондитером,

Я ел бы их в любом порядке.

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки

Были колоколами.

И если б был я звонарем,

Звонил бы в них часами.

Допевает он эту песенку, натягивая форму и влезая в ботсы:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне,

Чтобы все девчонки были

Кирпичами,

И если бы был строителем я,

Укладывал бы их своими руками!

Собственно говоря, то не просто «солдатская шуточно-подпольная», нет. Это строевая песня, под которую они здесь маршируют.

Вилли запикивает обратно в железный узкий шкаф бритву, зубную щетку, полотенце, присыпку для ног и захлопывает дверцы, с внутренней стороны которых —

туда еще не пробрались вездесущие глаза сержанта — ему подмигивают вырезанные из журналов обнаженные красотки. Вилли мчится во двор.

Лайнер взлетел.

Трамбуй ботинками землю, солдаты строятся. Сержант уже ждет Вилли.

— В чем дело, рядовой? — Сержант зло изгибает бровь.

— Рядовой Джонсон явился, — не совсем уверенно говорит Вилли. Сержант опять оттягивает воротник от кадыка, нервно поводит плечами: видно, Вилли не по форме доложил.

У меня в памяти всплывает моя родная учебка. Наш прапорщик в таких случаях кривил рот, скалил зубы: «Является черт во сне, а рядовой что делает?» — «Прибывает, товарищ прапорщик! Он прибывает!» — «Прибывает поезд, а рядовой что делает?» Это могло продолжаться до бесконечности.

Приблизительно то же самое происходит и здесь.

Вилли уже стоит в строю слева от меня. С него все как с гуся вода. Зло ощерив зубы, он, видно, крепко про себя ругается. Потом вдруг остывает, шепотком спрашивает:

— Ты, говорят, брал интервью у командира форта? Он умный?

— Он лысый! — Парень справа опережает меня с ответом.

Сдавленный смех.

...Четыре часа утра. Зябко. Хочется спать. Идем в столовую. В такую рань завтрак кажется насилом. И все же бекон с яичницей, апельсиновый сок, поджаренный хлеб и пончики за десять минут перекачывают с тарелок в солдатские желудки. Горячий черный кофе, будоража сонные мозги, теплом разливается по телу. Теперь хоть внутри не так холодно.

Строем идем восемь километров. На ходу втираю в кожу лица предписанную армией маскировочную «косметику»: зеленую и серую краску. Темные тона — на выпуклые части лица. Светлые — на вдавленные. Теперь мы все одной расы — пятнистой. Негра от белого не отличить. Как ни странно, но многие здесь верят, что с этим нововведением в армии поубавилось инцидентов на почве национальных предрассудков.

Чеканя шаг, сержант запекает, солдаты дружно подхватывают:

Еще вчера водил я «кадиллак».

Взамен него таскаю нынче я рюкзак!

Э-э!

У-а!

Ухаживал я за одной красавицей когда-то,

Теперь — вместо нее —

Хожу в обнимку с автоматом!

Э-э!!

У-а!!

Слева и справа медленно, в такт нам, маршируют, уходят назад леса. Время от времени мимо проносятся военные грузовики, обдавая нас гарью. Вот показалась М-3 («брэдли»).[15] Из-под ее гусениц рвется во все стороны рыжая горькая пыль. Своими фарами она слепит нас, кромсает жидкую предрассветную тьму.

— Стало быть, ты советский? — спрашивает Вилли, хотя прекрасно это знает. — Для

тебя надо срочно придумать особую строевую. Скажем, так:

Когда-то гонял я на ЗИЛе,
Теперь таскаю его на спине!
Э-э!
У-а!

Он еще раз повторяет этот куплетик, потом спрашивает:

— У вас ведь есть машина ЗИЛ?
— Не у меня.

Опять раздается зычный сержантский баритон с легкой примесью хрипотцы. Сержант явно забивает рык уже почти растворившегося в пепельной дымке «брэдли». Ребята подхватывают. Голоса их, словно ручьи, переплетаются, постепенно сливаясь в один мощный поток:

Эй, солдат! Послушай, брат, меня.
Не горюй, нет нужды рыдать
И вспоминать былое —
Все равно ведь Джоди присвоил себе
Твой «кадиллак»
И все остальное...

— Кто такой этот Джоди? — спрашиваю Вилли, тщась превозмочь громохание сотен ботинок.

— Большая сука. У вас Джоди тоже есть. Только имя его звучит иначе. Солдаты так называют парня, который кадрит и в конце концов уводит твою девчонку, пока ты топчешь пыль на военных базах. Потом она присылает тебе письмо «Дорогой Джон!». Джоди... Они водятся во всех странах...

— «Дорогой Джон», ты сказал?

— Именно. Американский солдат окрестил так то самое «послание» от любимой, в котором она дает ему отставку и сообщает, что встретила «настоящего человека», выходит за него замуж... Ну и все такое в том же духе. Если честно, я сам был Джоди до армии. Но в данное время мы с этим типом по разные стороны баррикады.

Жердястый парень в одном ряду со мной, но чуть левее, кивает Вилли. В знак согласия. Медвежковатый увалень наискосок справа, каждый шаг которого сотрясает матушку Землю, мрачно сводит к переносью глаза и резким щелчком безымянного пальца сбивает с кончика носа повисшую каплю пота. Он делает это с такой ненавистью в глазах, словно она и есть Джоди.

Рюкзак мой трепыхается промеж лопаток. Весит он со всем своим содержимым, включая спальник, около пятидесяти фунтов. На груди позвякивают «собачьи жетоны».

— Слушай, — спрашиваю я Вилли, — и сколько ты собираешься шагать?

— Еще минут тридцать.

— Я не про сегодня. Я про жизнь. Пять лет? Десять?

— Не решил. Зависит от того, какое настроение будет под конец контракта. Я завербовался на три года. Может, продлю. Может, в колледж пойду. Понимаешь, после двадцати лет службы в армии ты получаешь пенсию в размере 50 процентов твоего последнего оклада. После тридцати лет в размере 75 процентов. Поглядим...

Вдруг, словно долго и мучительно выходявший осколок времен «холодной войны», прорезалась мысль: случись настоящая, всамделишная война, — что, если судьба сведет нас во второй раз, точно так, как, не спросясь, свела нас сейчас, но при иных обстоятельствах, когда мы будем, выражаясь его же словами, «по разные стороны баррикады», — неужели он, этот славный малый Вилли, с которым мы так быстро закорешились, поперет на меня, а я — на него, в штыковую? Неужели мы будем калечить друг друга, кромсать, колоть и убивать?

Я гляжу на него, он — на меня. И, кажется, думаем мы об одном и ужасаемся одной и той же мысли. Ледяная стена вырастает между нами. Мы оба молчим, набычась. Тяжелая, настоянная на зле, дурманящая голову кровь пульсирует в висках.

Страшно, нелепо и безумно!

Или это солнце виновато? С его кровавым восходом все предстало вдруг в ином свете. Южная, всепроникающая радиация? Ее воздействие на воспаленный от жары, небывалых впечатлений и недосыпа мозг?

Ведь совсем недавно все виделось иначе. А сейчас — кругом одни враги. А ты — в их логове. Один-одинешенек. Холодно становится от мысли этой.

Надев ботинки американского солдата, кем ты стал? Врагом самому себе? Даже материя их пятнистой зеленой формы действует теперь как сильный аллерген: волосы на руках дыбом встали, коже от соприкосновения с ней больно, ее точно «ломит».

А память, соревнуясь с воображением, продолжает услужливо подбрасывать во все еще охваченный пожаром мозг новые поленья. Вспомнился плакат в столовой.

Но еще столетия назад сказано: враг не вне, а внутри каждого из нас. Потому — воюй с собой.

Враг — осколок, цепко сидящий во мне? Он прорезался. Но не вышел. Застрял в кости черепа.

Как все-таки легко живется, когда есть «внешний враг». Все свои грехи, проблемы, провалы, недочеты, диктатуру, репрессии, дефицит сахара, ложь, дефицит добра, маккартизм, застой, черствый хлеб в булочной, Сталина, инфляцию, скисшее молоко в магазине, падение жизненного уровня, «уотергейт», «рашидовгейт», обозленность людей в автобусе, зажим «гласности», дело Чурбанова, баснословные прибыли военно-промышленного комплекса, «ирангейт», дело полковника Норта, засекречивание, прослушивание телефонных разговоров, Сумгаит, расовые волнения, невыполнение плана, ввод войск в Афганистан, порушенные карьеры наиболее талантливых людей, рождественские бомбардировки Ханоя, провалы ЦРУ, антисемитизм, импотенцию, «двойку» по арифметике, убийство Кирова и Кеннеди, покрывшуюся мохом колбасу на прилавке, очереди, неудачи в космосе, скандал на кухне, анонимки, проблемы ветеранов, блат, пьянство, национальные проблемы в Прибалтике, тараканов в квартире, цинковые гробы, доставленные «черным тюльпаном», шовинизм, преждевременную смерть, общественный пессимизм, проституцию, аварию на атомной электростанции, Пиночета, массовое убийство детей, женщин и стариков в деревне Сонгми, взяточников на партконференции, третью мировую войну, запор, карточки на продукты, поражение на президентских выборах, фригидность любимой, проколотую шину, эпидемии, рок-концерт, ливень, убийство в подворотне, вонь из мусоропровода, кладбище

нереализованных идей, аборты, травлю Пастернака, ведьм, уничтожение Якира и Тухачевского, наркоманию, бездарный роман, полет Руста, извержение вулкана, успех коллеги, грязные рубашки после химчистки, «дело врачей», неурожай, привод в милицию, избрание К. Черненко Генеральным секретарем, распятие Христа, «правый уклон», падение курса доллара, предательство — словом, как легко объяснить всю эту какофоническую порнографию нашего мира наличием «внутреннего» или «внешнего врага», происками зарубежных разведок, масонов, международной напряженностью и заговорами реакции.

Во время суда над уотергейтскими взломщиками их спросили:

— Кто вы по профессии?

Ответ последовал незамедлительно:

— Мы — антикоммунисты!

Во время суда над одним высокопоставленным московским жуликом ему, как мне рассказывали, был задан аналогичный вопрос. Он поднялся со скамьи и, подтянув штаны, истовым голосом праведника-правдолюбца-патриота-интернационалиста выкрикнул:

— Я борец за освобождение мирового рабочего класса от ига эксплуататоров. Я человек. Я совершал ошибки. Но помыслы мои были чисты!

Два разных эпизода, но суть одна: виноват «внешний враг»! В его роли может выступать что угодно и кто угодно: иной образ мышления, чужой стиль жизни, другая социально-экономическая система, целый народ — русские, американцы, евреи, арабы, негры и, конечно же, коллекционеры минералов.

— Но почему коллекционеры минералов?! — застучит кулаками по столу какой-нибудь специалист по обнаружению «врагов». — Почему они?!

— А почему американцы? Почему русские?

Мир меняется. К концу XX столетия проблемы и кризисы все чаще возникают не из-за провокаций «внешних врагов», а из-за того, что элементарная ссылка на их наличие позволяет иным правителям и окружающей их бюрократии засекречивать свою деятельность, выводить ее из-под контроля прессы, парламента и народа. Прием старый, как Земля. Бесконтрольность ведет к вседозволенности. Вседозволенность — к «уотергейту», «ирангейту». Или застою. А «уотергейтчики» и «застойщики» спешат объяснить все грехи свои «происками врага». «Внешний враг» — их лучший друг. Народ, журналисты, гласность — их злейшие враги. Демократия противопоказана коррумпированным королевичам. Но не королевствам. Если Никсон был вынужден уйти в отставку, а Чурбанов — сесть на скамью подсудимых, это значит, что демократия в этих случаях сработала.

Нет, не Вилли — причина наших бед, не он противник Советского Союза. Как, впрочем, и не «Иван» — угроза благополучию американцев.

...Устав от контрапункта мыслей и резкого перепада чувств, я сдвигаю каску на затылок и украдкой гляжу на Вилли. Не удержавшись, улыбаюсь. И улыбка моя, точно в зеркале, миглом отражается на его потном лице. Пять минут назад оно казалось зеленым от ненависти, но теперь-то ясно — от армейской косметики-камуфляжа.

Должен ли солдат размышлять?

На плацу установлены штук двадцать минометов. Разинув пасти, они тупо пялятся в

небо. Солдаты группами выстраиваются напротив. Сержанты разбирают минометы. Каждой «тройке» предстоит сдать «зачет» — собрать и навести оружие, уложившись в 90 секунд.

Глядя на секундомеры, сержанты начинают яростно выкрикивать команды, а солдаты, хором повторяя их, — собирать минометы. Все это напоминает муравьиную суматоху. На плацу поднимается горячая пыль, сквозь которую едва пробивается солнце.

Спрашиваю сержанта, стоящего поблизости.

— Сколько лет вы в армии?

— 13 лет, сэр! — орет в ответ он.

У него сильный акцент.

— Вы из Мексики?

— Так точно, сэр!

— Почему вы так официальные? Я же не ваш начальник.

(Тут же искрой вспыхивает мысль: иной солдат начальства боится пуще смерти.)

— Я всегда так разговариваю, сэр! — выкрикивает он.

— Даже с женой?

— Нет, сэр! Не с женой!

— Когда вы попали в Америку?

— В 1971 году, сэр! Мой отец эмигрировал. Сам я был натурализован[16] три года назад.

— Почему вы пошли в армию США? Вы же мексиканец.

— Я хотел послужить стране, которая оказала мне и моей семье гостеприимство...

Сэр!

— Вы часто вспоминаете Мексику?

— Да, то есть нет, сэр! То есть иногда, сэр!

Замечаю рядом улыбчивого офицера. Его лицо уже примелькалось. Куда бы я ни приехал, в какое подразделение ни направился, он уже там. Отзываю Билла Уолтона в сторону:

— Билл, я знаю, что в каждой армии свои правила, что даже американских журналистов вы не оставляете наедине с солдатами, но, как бы вам объяснить... Словом, этот сержант чувствует себя малость неловко, когда вон тот малый, — указываю на улыбчивого офицера, — фиксирует все мои вопросы и его ответы.

— Он здесь совершенно с другой целью. Он здесь... Так сказать... Ну а во-вторых, — Билл оглядывается по сторонам, словно в поисках ответа, — ему поручено следить, чтобы солдаты не позволяли себе в разговорах с тобой никаких антисоветских заявлений.

— Билл, даже если это произойдет, я не буду просить Москву нанести ядерный удар по Форг-Беннингу. А разговаривать с солдатами его присутствие мешает.

— Нет, нет, есть строгие правила, а правилам надо подчиняться.

Разговор этот, понятно, ничего не изменил. Разве что улыбчивый офицер стал еще более улыбчив.

Поскольку сегодня на нас каски старого образца, изобретенные когда-то беннинговским поваром, то сержанты разрешают их снять и остаться лишь в пластиковых подшлемниках. Современные каски монолитны, и в жару они больше напоминают

скороварки.

Постоянно раздаётся приказ пить воду из фляг. Это профилактика против перегрева и солнечного удара. Воду в солдат буквально вливают. Если в период Вьетнама ее мешали с солевыми растворами, то теперь от этого армия США отказалась. Считается, что соли оказывают вредное воздействие на организм, особенно на сердце, желудок и почки. Это противоречит точке зрения наших военных медиков. В Афганистане я глотал таблетки, которые, как предполагалось, компенсировали потерю важных солей, вымываемых из организма в условиях жаркого климата и сильных физических перегрузок.

У сержанта Коуэлла редкая нашивка — «Си-ай-би», свидетельствующая о том, что ее владелец принимал участие в боевых действиях. Иногда ее дают людям, находившимся в зоне боев не менее шестидесяти дней.

Сержант Коуэлл участвовал во вторжении США на Гренаду. Он называет это именно так — вторжение:

— Я служил в Форт-Брагге в 82-й дивизии.[17] У нас были учения. Вдруг объявили тревогу. Не придавал ей значения. Тревоги — дело обычное. Поднялись на самолетах в воздух. Для тренировочного десантирования мы обычно летали во Флориду: там нас и сбрасывали. Я еще обрадовался... Водички хотите?

Коуэлл показывает мне зубы. Оказывается, это улыбка: она горбатит нос, оттягивает его кончик вниз. Сержанту, должно быть, очень больно улыбаться: багровое от солнца лицо шелушится, кожа натянута, словно резина надутого до предела воздушного шарика. Он поворачивается на секунду ко мне боком, что-то кричит солдатам. На рукаве под шевронами желтеет горизонтальная планка: запутаешься от обилия знаков различия. Штудировал их перед поездкой. И все равно — чуть ли не каждый час открываю для себя новые.

— О том, что будем прыгать на Гренаду, — продолжает он, — узнал за десять минут до начала десантирования. Пока торчали на острове, получали «боевой оклад» — на сто долларов больше обычной ежемесячной зарплаты.

— Как вы относитесь к тому, что вам пришлось принимать участие в боях на чужой территории? — Мне важно услышать его ответ, потому что через четырнадцать лет после вьетнамской войны большинство американцев, с которыми доводилось беседовать, воспринимают как нечто естественное участие своей страны в военных конфликтах за рубежом. Кажется, они вынесли из Вьетнама лишь один урок: война должна быть победоносной и молниеносной.

— Это наш долг, — сержант мнет пальцами переносицу, — защищать США и другие страны.

— Вы уверены, что Гренада хотела вашей защиты?

— Нас так информировали, сэр!

Опять «сэ-эр»! Чуть что — сразу «сэ-эр»! Или это подвид словесного камуфляжа, разновидность маскировки?

Солдаты на плацу орут так, что хоть затычки запихивай в уши. Этим криком они доводят себя до состояния экзальтации. Но сержантские голосовые связки все равно мощней. Они запросто перекрывают хриплое солдатское многоголосие.

Сержант Тэнли бросается в глаза своей медвежьковатой фигурой, энергичным

лицом и узкими индейскими глазами, в которых кошачьи зрачки движутся, как пулеметы в щелях для стрельбы.

— Чего я в армию пошел? — переспрашивает он. — Воспитан так. Отец тоже был военным. Сражался во Вьетнаме. Убит в 69-м. Дед служил на флоте.

— Вы в Штатах безвыездно?

— Нет, я был в Европе. В Западной Германии. Честно говоря, мне там очень нравится.

— Больше, чем в Форт-Беннинге?

— Больше. Люди там общительнее. Тренировались мы вместе с немцами: у каждой американской части есть «сестра-немка». Наше командование там очень печется о поддержании «дружеских отношений с местным населением».

— Западные немцы — хорошие солдаты?

— Высший класс! — Ответ следует моментально.

— Что особенно запомнилось из службы, из жизни там?

— Немецкие женщины. Да... Конечно, они. Я женился на одной из них. И вам советую.

— Немки отличаются от американок?

— Среди американок не осталось хороших домохозяек. Их всех тянет на работу. Они слишком приучены к соушэл лайф.[18] А моя немочка сидит дома. Я прихожу: квартирka чистая, ужин готов, пиво в холодильнике. Словом, я свободен, как джинсы без молнии. Это и есть «немецкое чудо». Холостяки любят служить за рубежом. Охота бесплатно помотаться по свету, пока молод и доуки не одолели. Семейные... этот народ предпочитает Америку. Муторно всей отарой сниматься с обжитого места, седлать новое. Дело понятное. Но я легок на подъем.

Рядовой Карел Кристофер сегодня победитель: он собрал миномет за 62 секунды. Всем своим видом напоминает триумфальную арку: не подступишься. Ему 21 год. Из поляков: прадед перебрался в Штаты, здесь женился, осел. С тех пор и пошла в его роду польская кровь смешиваться с американской.

— Я завербовался в армию, потому что мне нужна была самодисциплина, — сообщает он, барабанив пальцами по трем магазинам для М16 на груди. — Пригодится эта вещица в жизни. Да и деньжат поднакоплю. Получаю 620 в месяц: это стабильняк. Трачусь лишь на гуталин да на зубную пасту. Отмарширую свое, отстреляю, а под конец куплю себе что-нибудь «горяченькое» — «корвет». Или «торнадо»: цилиндры у ней — р-р-р-р-р... Заслушаешься. — Чуть прикрыв белобрысые, редкие ресницы, он крутит намозоленными руками воображаемую баранку. Жмет правой ногой на «газ».

— Карел, — я возвращаю его из автомобильных грез в Форт-Беннинг, — убежден, что мечта твоя сбудется. Я уже сейчас слышу, как визжат девчонки, когда ты садишься за руль. Но ответь мне на такой вопрос. Вот представь, что мы попали в 68-й год. В Форт-Беннинг. Тебе светил прямая дорога во Вьетнам. Твой ближайший друг отказался от службы по политическим мотивам. Нарастает антивоенное движение. Возвращающихся из Вьетнама солдат демонстранты называют не иначе как «детоубийцами». Общество не хочет этой войны, потому что считает: Америка там расстреливает и бомбит те самые идеалы, которые провозглашает и ради защиты которых вроде бы и ринулась во Вьетнам.

Что делаешь в этой обстановке ты — едешь во Вьетнам?

— Солдат не должен выбирать. Когда солдат размышляет, выполнять или не выполнять приказ, начинаются проблемы, начинается разруха в армии. Ответ мой таков: я был бы во Вьетнаме. — Он говорит убежденно. Чувствуется, не раз обмозговывал этот вопрос. Слова брызгами летят сквозь сжатые зубы, Карел точно сплевывает их.

Солнце стоит в зените, не двигается. Слово его к небу приколотили. Жарит солдатские мозги. Тушит их в раскаленных касках-скороварках. Солдаты потом поливают сухую землю. Их вытупленные глаза полыхают немым бешенством. Асфальт прогрет до белого каления, как позабытая на огне сковорода. Ступни жжет адски — даже сквозь подошвы.

Над горизонтом появляется эскадрилья облаков-безе. Она замирает в нерешительности. Потом долго кружит на одном месте, обходит минометчиков стороной и безмолвно, боясь выдать себя, на цыпочках семенит вдоль опушки леса. Там — намек на прохладу. Пробиваясь сквозь кроны, солнце обессиливает, из последней мочи бросает на землю дряблую тень вроде маскировочной сетки.

Просторная поляна. Человек тридцать лежат на спинах, разбросав в стороны руки. Это «раненые». Другие сидят на корточках или стоят на коленях: оказывают первую медицинскую помощь «в боевых условиях». Сержант-инструктор Моусли демонстрирует свое врачебное искусство, приобретенное на полях сражений еще в годы вьетнамской войны.

— Каждый из вас, — кричит он, и ветер срывает искрящиеся капли пота с его пухлогубого негритянского рта, — обязан уметь помочь попавшему в беду другу. Если у кого-то эта простая истина не вызывает энтузиазма и он не желает овладеть элементарными навыками первой помощи, я без промедления дам такому человеку рекомендацию и он устроится работать в «Макдональдс».[19] Армии он не нужен. Я, кажется, сказал «НЕ НУЖЕН»! Я прав, солдаты?

— Так точно! Не нужен! У-а! У-а-а-а! — отвечают львиным ревом «раненые».

— Хорошо! Но у меня, видно, что-то случилось со слухом. Я видел, вы открывали рты, но ничего не слышал! Ничего!

— Не ну-у-уже-е-ен! У-у-а-а-а-а!! — дерут глотки солдаты.

Над головой дрожат листья. Слово парусники в шестибалльный шторм, раскачиваются облака.

Если бы злость в солдатских глазах можно было измерять, как температуру, ртуть взрывалась бы в градусниках. Сержант доводит учебный взвод до состояния кипения и лишь тогда начинает свой рассказ о приемах, методах и принципах первой медицинской помощи, перемежая его компактными, но драматическими историями из своей вьетнамской эпопеи.

— «Чарли»[20] были лучше нас готовы к войне. Для них жара и джунгли, как для нас, — он щелкает смуглыми тонкими пальцами, словно подзывая нужное сравнение, — комфортабельный «форд» с кондиционерами. Перегрев и солнечные удары — вот что в первую очередь «чарли» обратили против нас. Если с кем-то это случилось, тащите срочно парня в тень и старайтесь сбить температуру, вливайте ему в рот воду — флягу за флягой. Противник берет себе в союзники жару, вы — воду. Он — солнечные удары, вы — тень и

прохладу. Но никогда не пейте из непроверенных водоемов. Глоток оттуда может оказаться последним глотком в вашей жизни. Вместо живительной влаги вы получите что?

— Смерть!

— Что?

— См-е-е-е-ерть!!!

— Смерть кому?

— Смерть врагу-у-у!!!

— Хорошо. — Сержант позволяет себе слабую улыбку. — А теперь всем выпить по пять глотков из фляги! По пять о-чень больших глотков!

Солдаты выполняют приказ.

Моусли перечисляет пять способов транспортировки тех, кто ранен, — быстрых и безопасных, позволяющих избежать дальнейших повреждений и осложнений. Говорит о двух основных типах перелома кости. О том, как накладывать фиксаторы и чем их закреплять.

— Ожоги. Во время боевых действий они преследуют солдата, как пули. Ожог может привести к заражению крови, попаданию инфекции внутрь организма, к шоку. — Сержант умело, словно фокусник-иллюзионист, орудует куском зеленой материи, которую здешний солдат использует вместо бинтов и резиновых жгутов, останавливающих кровотечение.

Инструктаж длится всю вторую половину дня. Приблизительно через неделю — экзамен по владению навыками первой экстренной медицинской помощи в боевых условиях. Он проводится раз в год во всех без исключения учебных и регулярных частях и подразделениях армии США. Солдат или офицер, не сдавший его, отправляется на переэкзаменовку. В случае повторной неудачи военнослужащий увольняется из рядов вооруженных сил.

Пробежка с ветераном

Утром следующего дня настроение было под стать погоде. Часов с трех ночи зарядил мелкий, назойливый дождик. Быстрыми пальчиками он барабанил по крыше казармы; выйдешь на улицу, он непременно залезет за шиворот; стоило с надеждой глянуть на небо, он принимался иголочками колоть лицо.

На душе было слякотно, я бы даже сказал — погано. И как это часто бывает при подобном расположении духа, все вещи и события, точно прохудившиеся воздушные шарики на следующий день после праздника, с катастрофической быстротой теряли смысл, казались пародией на самих себя. База Форт-Беннинг, как и вообще все армии без войны, в мирных условиях, вдруг представилась забавой для седовласых генералов, игрой взрослых в солдатики. Не оловянные, а живые. Заветная мечта детства сбылась: игрушечные танки начали лязгать гусеницами, вертолетики — летать, пушки — стрелять.

Я поднялся еще перед побудкой, часа в четыре, и направился в здание, где расположился кабинет подполковника Фриззо. Он пригласил меня днем раньше на утреннюю пробежку — восемь миль. Я опаздывал и загодя начал готовить десяток-другой оправданий: дождь, знаете ли, вчера измучился с минометами — голову от подушки утром отодрать не мог и т. д. Опаздывал и думал: этот безумный бег посреди ночи, в дождь, когда все нормальные люди спят и сны приятные видят... Кой черт!

Но не тут-то было.

— Помчались? — Подполковник Фриzzo улыбнулся и глянул на хронометр. — Ну, вперед.

Когда мы выбежали на основную магистраль, машин там не было, но вдоль разграничительных линий и обочин трусили десятки людей в спортивной одежде и кроссовках. Обилие седых голов, прыгавших впереди, точно пинг-понговские шарики, говорило о том, что и старшие офицеры не дают себе поблажек даже в дождь. Своими сухопарыми спортивными фигурами они резали густой туман. Со всех сторон доносилось ритмичное дыхание, напоминавшее работу поршней и клапанов в умело отлаженном, без надрыва работающем двигателе.

Уже к концу второй мили разогревшаяся кровь лучше всякого сержанта разбудила все еще дремавший мозг и, хотя «снаружи» все еще лил дождь, «внутри» меня стрелка барометра указала бы на отметку «ясная солнечная погода, без осадков».

Контрастный душ подействовал сильнее допинга. Волосы на голове шевелились от возбуждения. Хотелось покорять иные миры и галактики. Или гаркнуть что-нибудь на весь Беннинг по-русски. Но непременно — такое, что они поняли бы моментально. И без перевода.

— Эта карточка сделана на Гавайях. — Фриzzo кивнул на фотографию в своем кабинете, когда мы зашли к нему после «марафона». — Там находятся штаб и командование наших войск тихоокеанской зоны. Я там служил в штабе, когда туда прибыл новый главнокомандующий — трехзвездный генерал Бегнел.

— Послушайте, подполковник, а сколько у вас всего генералов с тремя звездами на погонах?

— С тремя, — ответил он по памяти, — 128, с четырьмя, кажется, — 36, с двумя 363 и с одной звездой — 530. Но это данные на март 1987 года. Сегодня генералов в нашей армии еще меньше. Мы что, — улыбнулся он, — без них своего дела не знаем? Шутка. Прошу почтенных судей учесть, что это была шутка.

— Знаете, солдаты в разговорах со мной за редким исключением очень откровенны. Многие им в армии нравится, но многие нет. Иной раз так раскритикуют начальство — обычно сержантов — за чрезмерную строгость, что просто-напросто чувствуешь себя провокатором. Но я ни одного раза не слышал от них истории или какого-нибудь фактика, который можно было бы трактовать как нарушение уставных отношений в армии. Этого явления у вас, получается, нет?

Подполковник размял пальцами шею, помассировал затылок:

— Когда-то было. Но сейчас мы от него избавились. И я считаю это одной из наших самых больших побед. Самые больших, — повторил он, сделав ударение.

— Что же сыграло решающую роль? Что помогло вам?

— Был принят целый комплекс мер, законов, правил, созданы учреждения в рамках армии, следящие за их соблюдением. В любой части есть отдел генеральной инспекции. Он возглавляется офицером, назначаемым из Вашингтона генеральным инспектором. Иногда в отделах сотрудничают гражданские люди. Если рядовой оказался свидетелем противоправного поведения кого бы то ни было из военнослужащих (от солдата до генерала) или нарушения старослужащими, сержантами или офицерами прав

того или иного поступившего на службу, он обязан сообщить в отдел. Такая система информирования не только допускается, но всячески приветствуется. Речь идет не о стимулировании системы доносов, а о поддержании порядка в частях, о соблюдении устава. Если в отдел поступило сообщение о каком-то инциденте, инспектор займется самостоятельным расследованием и доложит свое мнение командиру части или кому сочтет нужным, выскажет рекомендации. Параллельно солдат имеет право сообщить о нарушении уставных правил командиру своего подразделения, скажем, роты. Если он не удовлетворен принятыми мерами, рядовой может доложить о случившемся выше — командиру батальона. Таким образом, он имеет право встретиться и с командиром дивизии, записавшись предварительно на прием. Командир обязан принять солдата.

— А если солдат дойдет до генерала с той лишь целью, чтобы сообщить о пропаже мочалки и своих на сей счет подозрениях?

— Такая возможность существует, но мы стремимся решать «мочалочные вопросы» на уровне чуть ниже. — Подполковник бросил в рот горсть оранжевых витаминов и предложил мне: — Хотите?

Я запил таблетки глотком ледяной газировки, взрывающейся в горле миллионами пузырьков.

— Спасибо. Это единственные преграды на пути разрастания неуставных отношений?

— Нет. Честно говоря, я полагаю, — Фриzzo включил кондиционер и закрыл форточку, — что главный преградой является воспитание в семье и армии, уважение к правам другого человека, к человеческому достоинству. Но если говорить чуть более конкретно, то могу вам перечислить и другие принятые в армии меры. Как насчет кофе?

Он дал мне пластиковый стакан горячего кофе и высыпал туда пакетик сухого молока.

— Обожаю, — Фриzzo чуть зажмурил глаза, — запивать его ледяной водой. Это как контрастный душ, только «внутри»... У нас категорически запрещено употреблять нецензурные слова, проклинать кого- или что-либо. За нарушение этого правила на сержантов, офицеров или солдат накладывают серьезные денежные штрафы...

Фриzzo на пару минут вышел.

Я вспомнил несколько нашумевших в американской армии случаев, связанных с употреблением нецензурных выражений. Сержант, в порыве гнева крикнувший рядовому, что из него солдат, «как из дерьма — снаряд», был оштрафован на 200 долларов. В 1036-м взводе морских пехотинцев сержант нажил себе целую кучу неприятностей и нагоняев от начальства за то, что назвал одного паренька «скользким типом», другого — «клоуном», третьего — «маменькиным сыночком» и «разгильдяем». Сержант, пригрозивший рядовому автоматической винтовкой, был оштрафован на 500 долларов. Инструктору, выведенному из себя медлительностью морского пехотинца, было отказано в продвижении по службе за то, что он однажды, сорвавшись, выпалил: «Да вытащи ты свою башку из задницы!» Более того, он был снят с должности инструктора. Здорово нагорело сержантам, позволившим себе «дотронуться пальцем до лица» поступившего на службу, «толкнуть локтем» рядового, «прищемить палец» морского пехотинца крышкой люка. Рассматривалось дело сержанта-инструктора, который «нанес моральный ущерб»

морскому пехотинцу, подозревавшемуся в употреблении наркотиков, тем, что спросил подчиненного: «Ну что, все наркоманишь втихаря?!» По ходу расследования выяснилось, что пехотинец действительно употреблял наркотики, однако это не спасло сержанта-инструктора от наказания.

Когда подполковник вернулся, я напомнил ему об этих эпизодах.

— Важно подробно информировать только что поступивших на службу ребят, — Фриzzo скомкал пластмассовый стаканчик из-под кофе и, прицелившись, кинул его через всю комнату в мусорное ведро, — о том, какие приказы они выполнять обязаны, а какие — нет. Мы этим занимаемся, и есть мнение, что подобная профилактика помогает. Очень строго мы наказываем за любые проявления расизма и национальной нетерпимости. В годы Вьетнама предрассудки на этой почве сильно ослабляли нашу боеспособность. Статистика свидетельствует, что число таких инцидентов в армии упало за последнее время до минимальной отметки. Погоди минуту — телефон...

Он взял трубку и, оттолкнувшись ногами от стола, отъехал на кресле к окну.

...Нет, его последняя фраза не голые слова. В сегодняшней армии США 27 процентов военнослужащих — представители национальных меньшинств. Шесть с половиной процентов американского офицерского корпуса составляют представители чернокожего населения страны. Около 30 процентов сержантского состава вооруженных сил — черные. Тридцать девять представителей нацменьшинств Америки имеют звания генералов и адмиралов. Статистика эта не секретная. И она постоянно используется Пентагоном в пропагандистских целях. Есть у нее, правда, и обратная сторона: в случае войны национальные меньшинства, и особенно черное население Америки, в пропорциональном отношении к общей численности населения понесут значительно большие потери, нежели белые.

Фриzzo бросил трубку на рычаг: она точняком вошла в паз.

— Жена! — улыбнулся он. — Спрашивает, что я желаю сегодня на ужин.

— Что же?

— Я ей сказал: если ты мне дашь кусочек, ну хоть самый маленький, счастья, я буду доволен.

— А она?

— Пообещала... — Он вновь посерьезнел. — Мы воспитываем армию как монолитный организм. Вы видели: полковники едят за одним столом с солдатами. Форма тех и других одинакового качества. Армия — это большая спортивная команда. Мы много труда вложили в нее. Сейчас собираем первые плоды. Наш сегодняшний солдат «стоит» трех солдат конца шестидесятых годов.

Фриzzo на мгновение отвлекся: вошел помощник.

Сравнивая сегодняшних и вчерашних солдат американской армии, Фриzzo не сообщил ничего нового. Это общепринятая оценка. Один из представителей беннинговского командования сказал мне, что, по мнению Пентагона, в случае возникновения военного конфликта с СССР численное превосходство советской армии будет таково, что в среднем на одного американского солдата будет приходиться три советских. Это соотношение, заметил он, определяет интенсивность и качество боевой, а также физической подготовки солдат армии Соединенных Штатов.

Помощник вышел, закрыв за собою дверь, и Фриzzo спросил:

— Так о чем мы?

— О том, что армия — это большая спортивная команда.

— Да, верно. Сейчас мы получаем не только физически более крепких, выносливых ребят, но и во много раз более сообразительных. А это важно: уровень техники растет. Мы не ослабляем контроля, смотрим за каждым. Ежемесячно подвергаем выборочной наркологической проверке двадцать процентов личного состава каждого подразделения. Скажем, на этот раз я объявляю, что тесту будут подвергнуты все солдаты, чьи фамилии начинаются с буквы «П». Таким образом удастся держать личный состав в постоянном напряжении, не давая людям расслабляться. А весь шлак, который к нам неизбежно проскакивает, позже отсеиваем, избавляемся от него. Теперь мы можем позволить себе такую роскошь.

— Американского солдата и офицера, заметил я, — отличает сегодня отменная физподготовка. Ни в Пентагоне, ни в Форт-Беннинге я не встретил ни одного военного — я имею в виду и высшее командование — с лишним весом. Даже ваш министр — атлет. Я знаю о нашумевших случаях увольнения крупных военачальников лишь за их несоответствие установленным весовым и спортивным нормативам. На вопрос о том, не является ли это слишком уж дорогим удовольствием и растранижением кадров, в Пентагоне мне неизменно отвечали: лучше пожертвовать двумя-тремя полковниками, генералами или адмиралами, но сохранить всю армию в хорошем спортивном состоянии. А сегодня сам видел: весь Форт-Беннинг по утрам бегают от трех до восьми миль. Что случилось? Ведь такого, говорят, не было даже пятнадцать лет назад, я прав?

Он улыбнулся:

— У американцев это стало модным, даже престижным — быть в идеальной спортивной форме. А поскольку армия — составная часть Америки, то «спортomanия» затронула и ее. Мы подсчитали: чем лучше физподготовка солдат, тем меньше денег мы тратим на их лечение. Поступающая к нам молодежь сегодня быстрее бегают, выше прыгает, чем призывники двадцать лет назад. По этой причине мы смогли значительно «поднять планку» спортивных нормативов. Кроме того, просто-напросто последовал жесткий приказ сверху. Теперь дважды в год каждый из нас — включая высокопоставленных работников Пентагона — проходит спортивный и весовой тесты. Раньше тоже существовало такое правило, но, честно говоря, его никто не выполнял. Плевали мы. Ныне в армии США существует единая карта весовых и спортивных нормативов с одновременным учетом роста и возраста. Она жестко определяет стандарт веса и число тех или иных упражнений (приседание, качание пресса, отжим на руках), которые необходимо сделать в единицу времени. Да, и, конечно, бег на время. Он — важнейшая составная часть спортивного теста. Офицеры поняли: карьера поставлена в жесткую зависимость от их физической подготовки. В тот самый момент, когда они это осознали, спортивный лик армии начал меняться со скоростью сверхзвукового истребителя.

Фриzzo достал из ящика стола кипу спортивных журналов и брошюр. Кинул мне на колени. Бросились в глаза названия: «Механика бега», «Бег всей семьей», «Бегом от инфаркта», «Искусство бега», «Бегом к счастью», «Ответы на все вопросы, которые

возникают у нас во время бега», «Бег зимой», «Бег в дождливую погоду»...

— Помимо всего прочего, — Фриzzo запихнул всю эту литературу туда, откуда достал, — спорт нужен для того, чтобы у солдата не осталось сил даже подумать о наркотиках. У нас есть такая статистика: три года назад из ста полковников лишь трое могли пробежать пять миль. Сегодня — все сто без исключения. Это касается и полковников-резервистов.

Со спортом мы покончили, и подполковник пошел проводить меня до казармы: минут через пятьдесят нашей роте предстояло сдавать спортивный тест.

Мы шагали и чувствовали слабое детское дыхание утреннего тепла. Исходило оно не от неба, а от земли. Мы осторожно, словно боясь спугнуть, пили его легкими, будто дегустировали. Делая маленькие глотки, я чувствовал вкус дурманящих голову неведомых мне степных трав.

— Утром у вас здесь хорошо, — сказал я. — Какая-то терапия души. Травы, что ли, так действуют, не пойму. А днем тяжело. День в обним жмет жарой, духотой, криками, танками. Как вы выдерживаете — загадка.

— После Вьетнама это все мур. Вот сколько лет прошло, а толком не отойду. Случаи, истории вдруг торчком встают в памяти, как мишени на стрельбах. Но там стреляешь, и они падают, уходят, а тут что — самому себе в башку стрелять? Рано вроде еще. Половину жизни только отшагал. Рано...

— Вы участвуете в работе ветеранских организаций?

— Я не принадлежу ни к «Американскому легиону», ни к «Ветеранам иностранных войн», но сердце — принадлежит. Время малость залечило рану, сняло боль, люди нынче по-другому к той войне относятся. А в 60-е все в этой стране передрались. Окопы из Вьетнама перекинулись в Штаты. Казалось, Америка отправилась в свой последний путь. Но приблизительно после 1968-го мы поняли, что просто-напросто разрываем страну на части, и полюсы решили начать постепенное сближение. Сейчас иногда кажется, пойдя мы тогда хоть на дюйм дальше в сторону от центра и согласия, Америка не выдержала бы. Нация испугалась пропасти, на краю которой оказалась. Никсон пообещал вывести войска и сдержал слово: вывод войск оказался решающим фактором стабилизации положения внутри Соединенных Штатов. При Форде единство в обществе еще больше окрепло. Рейган очень популярен среди военных. Он вернул Америке веру в себя. Экономика встала на ноги, инфляция снизилась, безработных поубавилось. При нем мы опять поверили, что дорога наша идет далеко в будущее и что дорогу эту надо охранять. А для этого надо поддерживать военных, заниматься армией. Престиж военной профессии взлетел на небывалую высоту именно при Рейгане.

По выражению лица его было видно, что он получает удовольствие от своих слов. Пружинистые ноги легко несли крепкий, сухой торс, а голова подполковника, казалось, летит в облаках, высоко над землей.

— Что вы улыбаетесь? — Он глянул на меня, вздернув брови.

— Просто рад за вас. Кстати, почему, на ваш взгляд, пресса столь негативно писала об американских солдатах во Вьетнаме? «Героических» репортажей и очерков ведь практически не было...

— Да, — Фриzzo смотрел себе под ноги, засунув руки глубоко в карманы, — не

было. Я не могу понять изначальные мотивы поведения прессы в период войны во Вьетнаме. Иногда журналисты играют деструктивную роль в обществе. Какой смысл было утрировать «зверства»?!

Губы его сделались бледными, а в бороздках глубоких морщин лба заискрился на утреннем солнце пот.

— Начиная приблизительно с конца 1972 года, — продолжал Фриzzo, — американские солдаты уже почти не воевали, хотя продолжали оставаться во Вьетнаме. Дела не было. Люди скучали по родным, оставшимся в Америке, не понимали, в чем их задача и чего от них хотят. Словом, настроения в частях начали меняться. Всем хотелось домой. А дома их «поливали» в газетах и по телевидению. Возвращение было тяжким, грустным. Солдаты сделали, что от них потребовало правительство, а потом страна плюнула им в лицо. Иные антивоенные активисты заходили, на мой взгляд, слишком далеко.

И тут Фриzzo упомянул имя Джейн Фонды. Он заговорил о ней с таким клокочущим раздражением, переходящим в ненависть, какого трудно было ожидать от этого умеющего держать себя в руках человека. Он обвинял ее в недопустимой, преступной «антивоенной пропаганде», вылившейся, на его взгляд, в предательство Америки.

— Ведь она, — Фриzzo рубил ребром правой ладони, точно топором, воздух, — поехала в Северный Вьетнам, с которым мы находились в состоянии войны, а на войне той гибли наши ребята. Она поливала грязью нас, но расточала похвалы нашему врагу!

— Я знаю, как бывает ненавистен иностранец, когда он дотрагивается руками, лезет ими в национальную травму, — сказал я. — Именно так сам я реагирую на неосторожные слова американцев, рассуждающих об Афганистане. Даже если их слова справедливы. Я не сравниваю эти две войны: Вьетнам не Афганистан, СССР не США, сравнима разве что национальная боль — ваша и наша, Вьетнама и Афганистана. Точно так же мне кажется бессмысленным сопоставлять действия американского солдата в Южном Вьетнаме и действия Фонды в Северном Вьетнаме. Вы находились в различных системах координат. Я имею в виду не географию, а, скорее, область этики и общественного сознания. И хотя вы, как и она, защищали Америку, но Фонда — американские национальные идеалы, а вы — американские интересы, точнее, то, что вы под ними привыкли понимать. К сожалению, они не всегда совпадают.

— Да, — Фриzzo глубоко, мне даже показалось с дрожью в легких, вздохнул. — В этом вся трагедия.

— Но, быть может, высший национальный интерес — в его соответствии высшему идеалу народа?

— К сожалению, — Фриzzo почесал седой висок, — в реальной жизни все не так.

— По-моему, — сказал я, — история достаточно убедительно свидетельствует: если на протяжении слишком длительного времени в жертву интересам приносятся идеалы, это оказывается губельным для страны.

— И наоборот, — ответил подполковник.

— Да, если в качестве агнца на закланье оказываются интересы безопасности, такая ситуация может стать не менее роковой. Кстати, в умении сочетать эти два полюса, Инь-Ян, — искусство политика.

— Знаете, — Фриццо остановился у двери в мою казарму, — я за последние лет четырнадцать — вы не поверите — ни разу вот так не говорил про Вьетнам. Да и впредь не буду. Просто ради вас сделал исключение.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я.

— Не стоит.

Мы распрощались. Почему-то холоднее, чем встретились.

В казарме я сел на койку, расшнуровал ботсы: ноги после бега ныли, но когда я вытянул их, стало легче.

Прокрутил в памяти разговор с Фриццо о журналистах во Вьетнаме. Как он на них злился! Выражаясь его же словами, подполковник, кажется, даже «чарли» ненавидел не так сильно, как бедных репортеров.

Я вспомнил тех из них, с кем знаком лично, — Питер Арнетт, Тед Коппел, Дейвид Кэннерли... Странно было увидеть неделю назад их фотографии на отдельном стенде в Пентагоне. Конфликт министерства обороны с прессой, разразившийся в годы войны, похоже, все-таки помог пентагоновцам понять простую истину — нельзя к журналистам относиться как к врагам, предателям Америки, «антипатриотам». И военные, и корреспонденты старались на благо Соединенных Штатов. Просто они по-разному понимали, что есть «благо»...

Питер прославился мужеством, он оставался в Сайгоне и после падения города весной 75-го. Сотни раз перепечатавали журналы и газеты США ставшую знаменитой фразу, которую бросил Арнетту американский офицер: «Чтобы спасти эту деревню от коммунистов, мы были вынуждены ее уничтожить!» Известность Теду принесли его телерепортажи с линии огня. Дейвид прогремел своими фотоочерками, потом он работал при Белом доме личным фотокорреспондентом президента Форда.

Ежедневно информируя американцев о войне — до семидесяти процентов вечерних теленовостей были из Вьетнама, — американские журналисты нанесли серию нокаутирующих ударов по создававшемуся литературой на протяжении столетий образу героя-воина. Ведь если бросить даже беглый ретровзгляд, мы легко заметим, что литература двигалась от гомеровского к средневековому рыцарскому пониманию того, что такое «героизм», «мужество» и «воинская доблесть». Никто из писателей и поэтов не ставил под сомнение ценность этих категорий. Даже Хемингуэй и Ремарк, отрицая всем своим творчеством войну как злейшее из зол, каким-то невероятным образом придали ей ореол печальной романтики.

Американец Джо Макгиннис в своей книге про Вьетнам «Герои» задался вопросом: если была война, значит, были и герои? Но пришел к убийственному для певцов «оборонного сознания» и «соловьев генеральных штабов» выводу: героев не было. Трагедия солдат состоит и в том, что человеческие поступки и качества, которые в условиях мира мы привычно измеряем категориями добра (подвиг, отвага, храбрость, сила воли, неустранимость, доблесть), там, на несправедливой войне, неизбежно наполняются противоположным смыслом.

Константин Симонов в статье «Думая о Хемингуэе» писал: «Первая мировая война была для него чужой, не его войной... Однако среди всей грязи и позора этой войны... храбрость оставалась храбростью, а трусость — трусостью, и при всей нелепости

обстоятельств, в которых они проявлялись, где-то в самой первооснове они не утрачивали своей первоначальной цены...»

Но, говорят, праведный путь праведен во всем. И, видимо, наоборот.

На несправедливой войне подвиг оказывается преступлением, а мужество — зверством. Но на скамье подсудимых должны сидеть не солдаты (что понимает в политике 17–18-летний пацан?!), а те «старцы», которые такую войну развязали. «Старцам» в мудрости не откажешь: своих детей и внуков они на смерть не посылают...

— Кончай дрыхнуть, — услышал я голос Вилли, — опоздаешь на построение!

Что сказал бы Суворов?

Мы выскочили из казармы. Уже было светло. Ветер выметал за горизонт последние тучи, на небе всю хозяйничало утреннее солнце, выжигая, будто огнем, последние остатки предрассветной мглы. Покружив над нашими головами, спешно улетала, тая на глазах, стая жирных, сизобрюхих облаков.

А внизу, на плацу, близ нашей казармы, беспричинно свирепея, нервно, тигром в клетке, ходил вдоль строя черный, как ночь, сержант. Лихо сидела на нем инструкторская шляпа с круглыми полями и четыремя симметричными впадинами на тулье. Казалось, был он зол на весь свет. Единственно, что не вязалось с его грозным обликом, так это уши. Они были сильно оттопырены и напоминали два радара ПВО. Чувствовалось, что сержант знает об этом. Уши, видно, бесили его пуще всего остального: тут не могло быть никаких сомнений.

Он продолжал быстро — вперед-назад, вперед-назад — ходить перед строем. Точно маятник. Солдаты, безмолвно впери в него свои взоры, едва успевали двигать глазами.

Серые хлопковые трусы и майки со здоровенными буквами спереди — АРМИ — обтягивали солдатские мышцы.

Один из парней со скоростью дятла «бил мордой об асфальт». Так армия окрестила серию быстрых отжимов, которые провинившийся выполняет в порядке наказания. Упершись руками со вздувшимися венами в землю, он орал ей, точно в ухо глухой старухи:

— И раз! И два! И три! И четыре!..

Всего — пятьдесят отжимов.

Сержант остановился, и его башмак застыл в пяти сантиметрах от взлетающей и падающей, точно баскетбольный мяч, бритой солдатской головы.

Вилли, внимательно наблюдавший за этой сценой, шепнул:

— Вот они, сержанты! А ты жертвуй собой, приноси себя на алтарь самозабвенной службы... Впрочем, сейчас еще — ничего, а раньше, говорят, они только и делали, что выискивали, кому бы в морду плюнуть. Тому, кто, ясное дело, чином пониже.

— Надо стараться, солдат! — крикнул сержант оторвавшемуся наконец от земли, взмыленному, точно конь после долгого галопа, пареньку.

— Есть, сэр! Буду стараться, — отвечал солдат, с трудом переводя дыхание, — буду стараться, сэр... Изо всех моих сил, сэр!

Сержант опять встал лицом к строю, отдал команду — рота развернулась на девяносто градусов и сразу же взяла в намет.

Мы бежали в сторону стадиона, где предстоял тест по физподготовке. Там нас уже поджидали подполковник Лэндурс, командир второго батальона, и майор Рой Хаукинс. Роты «Браво», «Чарли», «Дельта» и «Эко»[21] уже строились, когда мы появились на плацу. Наша «Альфа» пришла последней. Слово взял Лэндурс, потом Хаукинс. Они напомнили нормативы, в которые необходимо уложиться.

Начался тест. Судьями назначили сержантов из другого батальона, чтобы свои, штатные инструкторы, не делали поблажек. Набор упражнений, составлявших экзамен, обычен: отжимы, приседания, качание пресса, бег.

Рядом со мной в строю оказались Сэнди Нельсон, а чуть дальше, слева от нее, Дениз Харли.

— Родители, сказала Сэнди, — не были в восторге от того, когда я им однажды утром, за завтраком, заявила: «Мам-пап, я иду в армию!» Мама воспитана в «традиционном» стиле. Все это — прыжки с парашютом, стрельбы — не для нее. Папе тоже затея моя не понравилась. Но не станет же он запрещать: мне восемнадцать уже стукнуло! Что буду делать после армии? Думаю окончить колледж, а потом опять вернуться — хочу стать военным юристом.

— ...А я военным врачом. У меня семья вся сплошь военная. Даже брат. Он в Уэст-Пойнте[22] учится, — сообщила Дениз.

— Сэнди, — спросил я, а ты не боишься, что армия с ее мужскими физическими нагрузками испортит твою фигуру?

— Нисколечко, — ответила она, показав мне кончик мизинца. — Наоборот. Подсчитано: женщины приходят в армию почти всегда с лишним весом. Тут они его волей-неволей сгоняют.

— А для женщин шьют особую форму?

— Вовсе нет, — Сэнди явно поговорливей своей подружки, — у нас все, как у мужчин. Кроме, быть может, нижнего белья. Проблема в другом: трудно подобрать подходящую обувь.

— Вам разрешается пользоваться косметикой? — Я повернулся лицом к Дениз.

— Да, — кивнула она. — Но если предстоят серьезные физические нагрузки, нам советуют лишь губы чуть-чуть накрасить да глаза слегка подвести. Если же ничего такого не ожидается, то можно как обычно.

— Еще, — вспомнила Сэнди, — мы не пользуемся краской и лаком для ногтей. По той причине, что процедура эта занимает слишком много времени. Не рекомендуют нам и душиться. Говорят, духи привлекают блох.

— Блох привлекают, а ребят, значит, оставляют равнодушными... Нет, Сэнди, думаю, тут дело в солдатах, а не в блохах, а?

Девушки засмеялись и едва заметно покраснели. Почувствовав, что краснеют, они засмутились еще больше.

Тест завершился часа через три. Все это время над нашими головами стрекозами носились вертолеты. Вконец измочаленные, роты вернулись в казармы. Вернулись, чтобы после обеда опять покинуть их: на вторую половину дня были запланированы учебные стрельбы.

Я шел с ротой в казарму и вдруг поймал себя на том, что повторяю в такт шагам:

«Тяжело в ученье — легко в бою, тяжело в ученье — легко в бою». Интересно, что бы сказал Суворов, посмотрев на такие нагрузочки?

В кого я стреляю?

...Жара стоит умопомрачительная. В ушах от нее гул и треск такой, что кажется, будто рядом надрывается испорченный транзистор. Солнце печет сверху, песок обжаривает снизу. Мы лежим, целимся в мишени. Они дрожат от раскаленного воздуха. Иногда мишень впереди кажется миражем. Но я все равно нажимаю на спусковой крючок. Доля секунды — и рядом с целью вздымается маленький фонтанчик охристой пыли: промазал. Вокруг меня валяются пустые гильзы. Воздух насыщен пороховой гарью. После автоматической стрельбы в горле начинает першить. Сквозь голову вяло тянется нить мыслей. Мишень — противник. Противник для этих ребят, что лежат рядом, — по крайней мере им так втолковывают — советский солдат. В кого стреляю я? В себя?

Скука становится частью жары. Спасает от нее Вилли. Меняя магазин, он успевает рассказать очередной анекдот:

— Двое солдат американской армии сидят на берегу реки, ловят рыбу. У одного в руках банка с червями. Он смотрит в нее, потом спрашивает: «Ладно, с призывом у нас покончено. Кто из вас, ребята, добровольцы?»

Вилли умолкает на пять секунд в ожидании смеха. Тщетно. Он бурчит:

— Знаешь, в такую жару ничего смешнее и не придумаешь!

Сержант стоит рядом. Видно, заполняет ротную суточную ведомость. Вечером он отправит ее в штаб батальона. К сержанту подходит капрал. Что-то говорит. Доносятся лишь последние, ветром сорванные с губ слова:

— Молодец, сержант, скрутил ты своих в бараний рог. Так и держи...

Вилли комментирует:

— Лучше иметь дочь-проститутку, чем сына-капрала.

— Сколько, — спрашиваю я, чтобы поддержать разговор, который вот-вот иссякнет, как ручеек в пустыне, — получает капрал?

— Одно могу сказать определенно: я бы не отказался от той кучи, которую он загребает каждый месяц.

Вилли лежит справа от меня. На левом фланге — парень, который за все время умудрился не проронить ни слова. Из-под края его каски выглядывает матерчатая лента, обмотанная вокруг головы. Это — от пота. На ней надпись, сделанная химическим карандашом: «Благослови на убийство!». Так, потехи ради.

Капрал подходит ко мне, садится на корточки. Что-то говорит, но я не слышу, прошу повторить. Перед глазами все плывет. Впечатление такое, будто я вижу сон. Капрал придвигается ближе.

«Привет, я Дейвид Эллер», — говорит, а я: «Очень приятно», — говорю, а он: «Сколько раз попали?» — спрашивает, а я: «Десять из пятнадцати», — говорю, а он: «Хорошо!»

Эллер снимает каску: ерошит пальцами мокрые волосы.

— Жара, — говорит.

— Да, — отвечаю. — Вы давно в Беннинге?

— Порядочно.

— И всегда тут у вас так?

— Постоянно. Но я люблю пустыни, горячие пески, жару. И — чтобы ни одного дерева.

— Странная любовь, — говорю, — извращенная. Любить пустыню — это все равно что ничего не любить.

— Я родился и вырос в Нью-Мексико. А там одни пустыни.

— Угораздило же вас...

Он смеется. В такую жару, когда нет сил и пошевелиться, его смех кажется маленьким подвигом. А мне мой голос чужим.

— До армии я работал в фирме агентов безопасности, — почему-то вспоминает он. — Рок-звезд охранял, поддерживал порядок на их концертах. А однажды снимался в фильме.

— Потрясающе, говорю.

— Ага, в фильме «Красный рассвет».[23] Выпейте воды из фляги. По-моему, вы перегрелись.

Я следую его совету. Выпиваю половину фляги, остатки вытряхиваю на голову. Минуты через две становится легче. Круги перед глазами исчезают. «Транзистор» умолкает.

— Не забывайте, — говорит он, — пить воду. Иначе можно копыта отбросить.

Отстреляв свое, я с чистой совестью перебираюсь в тень. Капрал идет вслед. Спрашиваю:

— Расскажите, как вы попали в эту картину и кого в ней играли?

— Я, — начинает он, — учился тогда в Нью-Мексико. Представители киностудии сказали, что им нужны ребята солдатского возраста, умеющие говорить хоть чуть-чуть по-русски. Будем, объясняли они, снимать кино о том, как русские захватывают ваш штат. Я согласился: киношники пообещали платить по четыреста долларов в день. Студенту такого никогда не заработать — хоть тресни!

— Ты верил, что сюжет реалистичен?

— Не-е-ет, — улыбается он, — никто из актеров не верил. Но жители городка, где проходили съемки, верили.

— Почему?

— Периферия. Они своего носа из Нью-Мексико за всю жизнь ни разу не высунули. Они не такие, как жители крупных городов.

— А какие они, жители крупных городов?

— Жители крупных городов? — Он внимательно смотрит на меня. — Я, например, весь мир объездил: отец был военным. Я и Италию повидал, и Западную Германию, и Турцию... Легче перечислить, где я не бывал. Я знаю, что не так страшен черт, как его малюют. Русских я видел на границе в Западном Берлине: нормальные вы ребята...

— Спасибо.

— Нет, я — честно. А в Нью-Мексико, например, соседи моих родителей до сих пор не верят, что астронавты летали на Луну. Они убеждены, что телевидение и газеты все наврали. Они думают, их здорово надули со всей этой лунной эпопеей. А в цирковую борьбу они верят. Но я не об этом. Словом, снялся я. А когда по телевидению объявили,

что вечером будут показывать «Красный рассвет», всю семью и друзей дома собрал.

— И что же?

— Полная катастрофа: всего полсекунды на экране был. Но деньги киношники мне заплатили хорошие: я не жалею, что снялся...

«Альфа» начинает построение. Я прощаюсь с капралом, желаю ему успехов на кинофронте.

Пристроюсь рядом с Вилли, вместе со всеми начинаю печатать шаг. Сержант запекает, а рота тут же подхватывает:

Привет, Джозефина!

Как твои дела?

Вспоминаешь ли ты обо мне так,

Как я вспоминаю тебя?

Э-эй!

У-а!

Странная страна Америка

В столовой штаба Форт-Беннинга, где кроме американских обычно питаются офицеры союзнических армий, было многолюдно. Я с удовольствием вдыхал охлажденный кондиционерами воздух. Казалось, они вырабатывали не столько прохладу, сколько блаженство.

— Странная страна — Америка, — сказал офицер в бежевой форме летчика, — очень странная.

Все, кто стоял рядом с ним в очереди за вторыми блюдами, оглянулись. Офицер поставил на свой поднос тарелку с мясным рагу и спаржей.

— Очень странная, — повторил он и смахнул белоснежным носовым платком каплю сметаны с указательного пальца. — Разве нет?

Офицер, топтавшийся сразу за ним и одетый точно в такую же летную форму, молча улыбнулся в знак согласия. Верхняя губа его пряталась под жесткими черными усами. Они были так аккуратно подстрижены, что любой его собеседник неизбежно задумывался над тем, каких трудов стоила такая аккуратность.

— Судите сами, — сказал первый офицер, обращаясь к тарелке со спаржей и мясом, — летом в их домах замерзнуть можно от обилия кондиционеров, а зимой потом обливаешься из-за батарей. Ну разве это не странно?

— По-моему, — пожал плечами Сорс, — это обычно. В этом нет ничего противоестественного. А вы откуда?

— Я из Перу.

— Так и надо было говорить с самого начала, — усмехнулся Сорс и тоже взял порцию спаржи. Где-то на самом дне его подсознания, видно, пряталось чувство удовлетворения от собственной «великодержавности».

Два подполковника из Саудовской Аравии негромко, но подобострастно засмеялись. Похоже, рейнджеровская форма Сорса и фотокамера на его груди произвели на саудовцев впечатление.

Перуанец продолжал возводить на подносе башню из тарелок с едой.

В самом конце стойки урчал чан с кофе. На нем периодически зажигалась красная

надпись: «Осторожно! Я кипячусь — не ошпарьтесь!». Налив в стакан дымящегося кофе, я сел за столик, уже занятый Сорсом. Он распечатывал банан.

— Если научная мысль, — сказал Сорс, — пойдет и дальше развиваться теми же темпами, что сегодня, через пару лет мы будем покупать бананы не в собственной кожуре, а в какой-нибудь искусственной обертке. Перуанец, между прочим, прав: американцы живут в совершенно противоестественном мире. Все стало синтетическим. Даже дети: их теперь тоже синтезируют в пробирках.

— Можно? — спросил молоденький майор и, не дожидаясь ответа, сел за наш столик. Он сразу же принялся есть. Его гибкие руки, вооруженные вилок и ножом, взлетали, точно у дирижера.

— Конечно, — повернулся к нему Сорс, — садитесь. Отчего же нет. Тем более что вы уже сели.

— Я не хотел помешать вам, — извинился майор. — Я спешу на лекцию.

— У меня нет оснований вам не верить, — ответил Сорс. — Вы откуда?

— Я — с Филиппин, — сказал майор.

— Если вы уж сели за наш столик, постарайтесь быть помногословней, рассказывайте все по порядку — чем занимаетесь, что вас интересует, когда уезжаете к себе обратно? В Америке так принято. — Сорс был явно в ударе. Он слишком долго работал фотокамерой. Теперь ему хотелось поработать языком.

— Позвольте и мне поинтересоваться — откуда вы? — Филиппинец допил из пластикового стаканчика остатки куриного бульона.

— Я русский, — Сорс ткнул в себя большим пальцем, — а мой друг — американец. Разве вы сами не видите?

Майор улыбнулся.

— Все наоборот, — сказал я, — он американец. Такая у него профессия. А по национальности Сорс — шутник.

Майор опять улыбнулся.

— Кроме того, что он американец, — сказал я, — господин Сорс был на Филиппинах. С повстанческими отрядами. А я — из Москвы. Агентурю помаленьку. Только об этом — никому!

— Вы были с повстанцами? Он не шутит? — Майор, явно оживившись, с любопытством глянул на Сорса.

— Он, — Сорс кивнул в мою сторону, — как и все русские, никогда не шутит. Они там у себя все отвратительно серьезны. Говорят только про «перестройку».

— Так когда вы были у партизан? — Майор прекратил жевать.

— Четыре года назад. — Сорс вытер губы бумажной салфеткой. — Делал фоторепортаж о войне на Филиппинах для «Лайфа». Тогда в Америке никто не знал о тамошней войне. Почему вы так упорно скрываете свое имя?

— Ничуть: майор Бокобо. Как вам удалось попасть в отряд ННА? И где вы были?

— Майор, — улыбнулся Сорс, — вы военный человек. Неужели не понимаете, что я этого не скажу? Среди партизан у меня много близких друзей. И я не хочу, чтобы вы, связавшись сегодня вечером по телефону со штабом в Маниле, вызвали на их головы авиацию.

— Вы, — майор смотрел прямо в глаза Сорсу, — явно переоцениваете наши возможности: авиации нам катастрофически не хватает.

— У вас, — улыбнулся Сорс, — есть возможность получить целую уйму авиационной техники, стоит только продлить договор с Вашингтоном о Субик-Бей и Кларк-Филд.[24]

Майор Бокобо кусочком хлеба вытер остатки соуса на тарелке и отправил его в рот. Он явно не мог понять, на чьей стороне Сорс — ННА или Вашингтона?

— Каков, на ваш взгляд, — не унимался Бокобо, — моральный дух партизан? Если, конечно, вы меня не разыгрываете...

— Очень крепкий, — ответил Сорс. — Они настроены на победу. В деревнях люди склонны поддерживать партизан, а не вас. Регулярная армия причинила много зла народу: солдаты насильовали женщин, грабили, убивали...

— Сейчас, — сказал Бокобо, — уже невозможно определить, кто был инициатором насилия — ННА или регулярная армия. Как невозможно определить, что появилось на свет первым — яйцо или курица.

— Вам не кажется странным, — спросил Сорс, — что вы, офицеры, получающие образование в Форт-Беннинге и лучших военных академиях США, вы, имеющие в своем распоряжении технику, которая и не снилась партизанам, — у них на вооружении лишь старые АК-47 китайского производства, — вы не можете их одолеть?!

— За партизанами, — убежденно сказал Бокобо, — стоят Москва и Пекин. Повстанцы, по нашим сведениям, обучаются в Академии Фрунзе. Разве нет? — Он перевел глаза на меня, хотя явно видел во мне американского офицера из какого-то неизвестного ему подразделения Пентагона или отдела ФБР, занимающегося армией.

— Мне часто приходилось бывать в этой академии, я знаком с ее начальником, — сказал я, — но ни разу не довелось увидеть там ни одного филиппинца.

— Главная наша проблема, — майор, посчитав мои слова запоздалой и потому неуместной шуткой, ударил пальцем по столу, — в том, что силы, борющиеся против ННА, раздроблены. Нам не удалось объединиться в один фронт так, как это сделали левые. Необходимо собрать в монолитный кулак усилия частного сектора, правительства и армии.

— Майор, — спросил я, — что вы изучаете в Форт-Беннинге?

— Советскую военную тактику, советскую тактику ведения партизанской войны, — он стал загибать пальцы на левой руке, — английский язык и тактику борьбы с партизанскими движениями.

— А зачем вам советская партизанская тактика? — не понял я.

— Ее, — он пожал плечами, — изучают наши партизаны. И ее используют.

— Майор, — опять поинтересовался я, — а есть ли возможность для национального примирения у вас в стране?

— Нет, — категорично ответил Бокобо, — оба лагеря зашли чрезмерно далеко. Уже пролито слишком много крови. Она одна не позволит нам примириться. Будем воевать дальше. Пролитая кровь, к сожалению, сковывает посильнее цемента, она может связать руки даже последующим поколениям. Мы не имеем права обесмысливать пролитую кровь наших отцов.

«Да, — подумал я, — эти слова про „недопустимость обесмысливания пролитой крови“ — излюбленный и конечный довод неосталинистов, когда они рассуждают о недопустимости критики Сталина. Или когда они защищают коллективизацию. Или — ввод войск в Афганистан».

— У вас есть уверенность в победе? — спросил Сорс.

— Партизаны, — ответил майор, — не смогут нас победить. Даже если они возьмут власть в свои руки, окончательной победы им не видать. Это парадокс, но это — правда.

— Почему же? — спросил я.

— В таком случае, — Бокобо развел руками, — мы просто поменяемся с ними местами. Они обоснуются в Маниле, а мы уйдем в горы.

— Вы слишком легко произносите слово «горы», майор, — сказал Сорс, — у меня возникает подозрение, вы не очень-то представляете, что оно означает. Слово «горы» можно сравнить лишь со словом «ад». Я вас не хочу пугать, но кондиционеров в горах нет. Летом там иногда кажется, что легче вынести пытку, чем жару, а зимой у тебя в штанах все покрывается мхом и плесневеет от всепроникающей сырости. Тропические болезни, паразиты в брюхе, кровавый понос — словом, весь набор удовольствий. Так что, майор, нет у вас выхода: продлевайте договор о базах, получайте американские самолеты, вертолеты, а также кондиционеры «Дженерал электрик» и оставайтесь в Маниле. Горы, майор, не Форт-Беннинг. Врагу не пожелал бы оказаться на вашем месте. Желаю удачи!

Когда мы выходили из столовой, я шепнул Сорсу:

— Уэйн, только что ты подорвал моральный дух филиппинской армии. Не удивлюсь, если через пару лет узнаю, что он рванул к партизанам.

В ответ Сорс щелкнул фотокамерой, зафиксировав еще одно мгновение из истории человечества.

— Пока, Уэйн! — сказал я.

— Пока! — улыбнулся он. — Увидимся через пару часов на занятиях по изучению мин.

Он опять улыбнулся и натянул кепку почти на самые глаза, пряча их от солнца. Я поправил ремень фотоаппарата на его плече и пошел на второй этаж, где расположилась приемная командира Форт-Беннинга генерал-майора Кеннета Льюера. Присев на небольшой диванчик в приемной, я устроился поудобней и стал ожидать разрешения войти в кабинет генерала, пообещавшего мне несколько дней назад тридцать минут для интервью.

Командир форта

Коротко подстриженный помощник генерала предложил горячего кофе.

— Спасибо, — отказался я.

— Если не хотите кофе, — встал из-за письменного стола помощник, — угощу-ка я вас биографией шефа. Вот, держите.

И он протянул мне лист бумаги с прикрепленной к верхнему левому углу визитной карточкой генерала.

Ждать мне оставалось еще минут пятнадцать, и я, решив не тратить времени впустую, принялся изучать жизнь Кеннета Льюера.

«Двухзвездный генерал родился 13 августа 1934 года в Миннесоте»... Прочитав это

предложение, я представил себе жаркий летний полдень, сияющую от счастья, чуть усталую молодую мать, ее мужа со здоровенным букетом цветов, чуть поодаль — целую стаю бабушек, дедушек, тетушек, дядюшек, братьев и сестер... Какую судьбу прочили новорожденному все эти люди, собравшиеся 13 августа 1934 года у выхода из роддома?

«Кеннет Льюер закончил в 1956 году университет в Айове и училище офицеров резерва»... Воображение мигом нарисовало портрет двадцатидвухлетнего бравого второго лейтенанта. Подбородок выдвинут вперед. Брови сведены у переносья.

«Военное образование получил на Основных и Высших курсах офицеров-пехотинцев, в Штабном колледже и в Индустриальном колледже Вооруженных Сил»...

Перед глазами стоял тот же молодой офицер. Лишь на лбу появилось несколько едва заметных горизонтальных морщинок.

«Он командовал 193-й пехотной бригадой, был начальником штаба и заместителем командира 4-й механизированной дивизии в Форт-Карсоне, штат Колорадо»...

— Господин Льюер готов принять вас, — помощник генерала аккуратно тронул меня за плечо.

Командир форта оказался человеком выше среднего роста, очень коротко подстриженным, с отменной выправкой.

— Есть хотите? — генерал улыбнулся и протянул мне крепкую руку.

— Спасибо, только что это сделал в вашей штабной столовой.

— И правильно. А я вот все никак не найду свободных десяти минут. Не возражаете, если во время разговора я проглочу пару бутербродов? — он достал из лежавшего на письменном столе атташе-кейса маленький термос и сверток с сэндвичами.

— Как вам понравилась еда в столовой Форт-Беннинга? Вкусно?

— Есть можно.

Льюер почему-то рассмеялся.

— Честно говоря, — сказал я, мое внимание привлекла не столько еда, сколько обилие иностранных офицеров. Кого я только там не видел. Вы что, весь мир обучаете военному ремеслу?

Льюер опять рассмеялся. Потом сказал:

— Да, много у нас тут стран представлено. Слушатели занимают по 15–18 человек в группе. Стараемся, чтобы в группу входило 3–5 иностранцев. Американские и иностранные офицеры не только учатся здесь, но и сами учат. Таким образом мы обеспечиваем обмен воинским опытом во время занятий.

— Давно вы ввели такую систему?

— В начале шестидесятых годов учебные группы состояли из 160–180 человек. Из них двадцать человек — иностранцы. Но в ту пору лишь преподаватель говорил, а слушатели конспектировали его лекции. Теперь же мы всячески пытаемся стимулировать дискуссии, споры. Это очень сближает людей.

— Я видел тут неподалеку огромное здание, на котором здоровенными позолоченными буквами написано: «Эскуэла де лас Америкас».[25] Латиноамериканцы и азиаты обучаются отдельно?

— Нет, все вместе. Просто часть офицеров посещает основной курс, а часть —

высший курс. Первый длится 16 недель. Второй — 20. Желающие могут продлить свое пребывание в Форт-Беннинге, если они хотят дополнительно пройти курс какой-либо специальной подготовки.

— Курс рейнджеров, парашютистов и так далее?

— Совершенно верно.

Льюер налил в пластмассовый стаканчик крепкого кофе и бросил туда чайную ложку молочного порошка.

— Вам с молоком или без? — спросил он, наливая кофе во второй стаканчик.

— Без. Вы были во Вьетнаме?

Льюер откинулся на спинку дивана и несколько мгновений сидел молча, потом опять придвинулся ближе к журнальному столику, по разные стороны которого мы сидели, уперся локтями в напружиненные ноги.

На краю столика лежала брошюра «Советская военная мощь: стиль руководства войсками». Льюер взял последний номер «Тайма» и прикрыл им брошюру.

— Был. 101-я воздушно-десантная дивизия, 501-й полк. Был командиром 2-го батальона.

— В какие годы?

— Семьдесят первый — семьдесят второй. Но я отвоевал во Вьетнаме еще и первый тур: шестьдесят седьмой — шестьдесят восьмой.

— Тоже командовали батальоном?

— Служил в штабе батальона. А в семьдесят втором выводил последнее американское подразделение из северных провинций Южного Вьетнама.

— В семьдесят втором война пошла на убыль?

— Я бы не сказал. Первые шесть месяцев батальон участвовал в активных наступательных операциях.

— А потом?

— А потом мы преимущественно обороняли коммуникации, по которым доставлялись боеприпасы и продовольствие.

— Наступательных операций не было?

— Были. Но лишь в тех случаях, когда нас обстреливали. Потом мы в течение длительного времени передавали южным вьетнамцам технику, наши заставы, полевые лагеря...

Он прошелся по кабинету. На полу лежал толстый ковер, и шагов генерала не было слышно.

Он подошел к письменному столу, взял миниатюрный серебристый танк, повертел его в руках. Поставил танк на прежнее место рядом с пивной кружкой, заполненной идеально заточенными карандашами. Кружка, похоже, была сувениром из Западной Германии.

Я спросил:

— Вы любите пиво?

— Люблю, — улыбнулся он. — Но вынужден себя сдерживать: вес...

— Вы в отличной форме, — заметил я.

— «Отличная форма» не так-то легко дается, он провел широкой ладонью по

впалому животу. — Встаю в 5.30 утра. Включаю здешний девятнадцатый радиоканал и под музыку занимаюсь аэробикой.

— Мне казалось, аэробика — женский вид спорта.

— Не думаю. Сразу после нее я пробегаю 3–5 миль...

— Каждый день?

— Шесть раз в неделю. По воскресеньям позволяю себе расслабиться: сплю дольше и не бегаю.

— А гольф? Разве классический генерал может не играть в классический гольф?

— Нет, — рассмеялся Льюер, — не может. Кстати говоря, я сам ношу свои клюшки и прочее снаряжение.

— Ваш ординарец, должно быть, вами не нарадуется.

— Должно быть, — опять улыбнулся генерал. — Я, между прочим, не исключение. Сейчас все военнослужащие следят за своим весом и физподготовкой. Иначе нельзя. Наша добровольная армия даже внешне очень отличается от нашей же армии тех времен, когда она была основана на всеобщей воинской обязанности. Очень.

— В чем, на ваш взгляд, основное различие? Внешний вид? Численность? Что еще?

— По моим наблюдениям, приходится иметь дело с двумя диаметрально противоположными типами солдатской психологии. В годы всеобщей воинской обязанности люди шли в армию с одним желанием: поскорее оттуда удрать. В добровольную армию идут люди, которые хотят служить. В былые времена офицеру все время приходилось подталкивать солдат, чтобы добиться от них выполнения любого пустячного приказа. А сегодня рядовой понимает: армия — его постоянный дом. Он хочет делать карьеру в армии и потому стремится показать себя с лучшей стороны. В этом вся разница. Сегодняшний солдат хочет бегать по пять миль в день. Сегодняшний солдат хочет отжиматься по семьдесят пять раз за две минуты. Сегодняшний солдат хочет служить.

— Но ведь многие ребята, вербуясь в армию, даже и не предполагают, что армия не для них, а они не для нее. Как быть с ними?

— Мы всячески стремимся поддерживать и развивать веру людей в свои способности. Настроение солдата резко падает, если офицер заставляет его заниматься не своим делом, не сутью, а внешней стороной. Так вот, мы даем возможность солдату посвятить себя сути — боевой и физподготовке. Конечно, не все приказы по душе солдату. Но даже если это и так, все равно необходимо добиваться выполнения приказа. Однако приказ всегда, при всех обстоятельствах должен быть разумным. Иначе подрывается вера в командиров, мораль падает, а повернуть такой процесс вспять весьма трудно.

Льюер опять разлил по стаканчикам уже остывший кофе. Выпил свой залпом, запрокинув голову, словно стопку водки. Вытер бумажной салфеткой уголки прямого, волевого рта.

— У вас, — сказал я, — отличная библиотека. Она принадлежит вам или Форт-Беннингу?

— Моя домашняя библиотека еще больше, — живо ответил генерал. Чувствовалось: он гордится ею.

— Вы успеваете читать?

— Стараюсь успевать.

— Что же вы предпочитаете?

— Книги по военной истории. Военный раздел — самый большой в моей библиотеке. Всегда с интересом читаю работы Гудериана[26] о применении танковых войск. Люблю читать Паттона. Эти люди во многом определили современную стратегию и тактику армии Соединенных Штатов.

— Военную периодику просматриваете?

— Я читаю все основные военные журналы. В особенности то, что связано с боевой подготовкой солдат.

— А на «гражданскую» периодику время остается?

— Ограничиваюсь старым, добрым «Таймом». В нем есть все.

— В библиотеке Форт-Беннинга я видел несколько брошюр, на обложке которых стоит ваша фамилия. Выходит, вы не только читатель, но и писатель?

— Да. Иногда приходится разрабатывать и дорабатывать наши местные уставы.

— Во сколько вы ложитесь спать? Допоздна ли засиживаетесь на работе?

— Обычно я закрываю свой кабинет в 6.30 вечера. Какой смысл сидеть дольше? Если ты не укладываешься в рабочий день, значит, ты плохой работник. Кроме всего прочего, для выполнения моих прямых обязанностей мне необходим весь штаб. А я не имею права заставлять своих подчиненных находиться на рабочих местах дольше положенного времени. Так что к семи часам вечера все огни в здании штаба гаснут...

— Вечера вы обычно проводите дома?

— Да, я домосед. Я люблю свой дом, свою семью.

— Вы давно женаты?

— Двадцать девять лет. — Генерал кивнул на цветную фотокарточку молоденькой девушки. Казалось, фотография была сделана днем раньше.

— Ваша дочь?

— Жена! Такой я ее встретил почти тридцать лет назад, — сказал Льюер.

Генерал опять встал с дивана, подошел к книжным полкам, снизу доверху закрывавшим одну из стен кабинета, взял карточку и протянул ее мне.

— Очень красивая женщина.

— Дочь, — удовлетворенно улыбнулся генерал, — пошла в нее. Похожи, как две сестры.

— Больше детей у вас нет?

— Что вы! — слегка обиделся Кеннет Льюер. — У нас их трое. Две дочки и сын. Старшая замужем за капитаном ВВС. Она подарила нам двух внуков. Младшая — капитан военно-медицинской службы, парашютистка, подводница. Ее муж — командир роты. Они служат на Гавайских островах.

— Завидное местечко, — сказал я. — Половина солдат, по-моему, хотят служить именно там.

— Да, — отозвался генерал. — Местечко и впрямь сказочное. Тепло, океан, фрукты... Что еще надо человеку?

— А что делает сын? Тоже пошел по стопам отца?

— Мой сын студент. Сейчас он в Гватемале. Подлить кофе?

— Спасибо. Еще одна чашка — и я превращусь в кофейник.

— Верно, — заметил генерал, — старайтесь себя ограничивать. Сам я кофе почти не пью. Делаю исключение, лишь когда меня навещают гости. Вам понравился Форт-Беннинг?

— Да, очень интересно.

— А что больше всего заинтересовало?

— Работа корпуса капелланов в Форт-Беннинге.

— В советской армии, — улыбнулся генерал, — их заменяют политработники. Воспитывают солдат в духе вашей «коммунистической веры». Я прав?

— Социализм не религия, — сказал я. — Из него пытались сделать религию со своим богом и апостолами. Но не получилось... Капелланы — прекрасные политработники: солдаты им исповедуются, открывают свои самые сокровенные тайны. В результате капеллан знает про рядового все — вплоть до цвета глаз любимой девушки.

— Честно говоря, сказал генерал, — я не смотрю на капелланов как на политработников. Это нечто совершенно особое. На мой взгляд, солдату необходим священник. Это я особенно остро осознал во Вьетнаме.

— Почему — именно во Вьетнаме?

Он удивленно посмотрел на меня.

— А вам, — спросил генерал, — удалось побеседовать с кем-нибудь из капелланов Форта?

— К сожалению, нет.

— Так ведь с этого надо было начинать... Сейчас я вам организую встречу. У вас есть время?

— Часа полтора, — ответил я, глянув на часы.

— И отлично!

Бог и армия

Капеллан Дональд Тейлор встретил меня на крыльце маленькой современной церквушки, приютившейся близ молодой сосновой рощи. Он был небольшого роста, но широк в кости, коренаст. Старательно отутюженная новенькая пятнистая форма ладно сидела на его крепкой фигуре. Голос его был мягок, вкрадчив, чуть хриловат, он проникал в самую сердцевину вашей души, подчинял, покорял вас со второго же слова.

— Чем, — улыбнулся капеллан, — объяснить ваш интерес к моей персоне?

— Быть может, тем, — сказал я, — что в нашей армии нет священников.

— Быть может, — согласился он.

— Где вы получили теологическое образование?

— Я три года учился в мемфисской христианской семинарии.[27] Там же защитил дипломную работу.

— Какой круг проблем исследовали вы в той работе?

— Ее тема звучала так: «Капеллан и проблема оказания помощи смертельно раненым или безнадежно больным в госпиталях».

— К тому времени у вас уже был опыт подобной работы?

— В определенной мере — да. Я много времени провел в госпиталях, в отделениях, где лежали больные раком. Я стремился помогать им морально, пытался утешить их. В своей работе я опирался на идеи Елизаветы Кублур Росс.[28]

— Вы имеете в виду вашу практическую или дипломную работу?

— И ту и другую. Елизавета Кублур Росс написала очень мудрую, очень ценную книгу под названием «Смерть и умирание».

— Печальная тема.

— Печальной нет, — согласился капеллан. — Пройдемте в церковь — здесь дует...

В церкви было по-домашнему уютно. Обычной для католических храмов торжественности — ни следа.

— В своей книге госпожа Кублур Росс утверждает, что большинство людей, которым стало известно, что они неизлечимо больны, перед смертью проходят через пять основных психологических состояний: отрицание своей смерти, ненависть к идее своей смерти, смирение и привыкание к идее смерти, выторговывание у судьбы или Бога шанса на выживание и, наконец, надежда на выживание.

— Что вы понимаете, — спросил я, — под выторговыванием шанса на выживание?

— На этой стадии больной или раненый склонен давать Богу клятвы.

— Какого рода?

— Самого разного. Например, клятву уйти в монастырь, если будет дарован шанс выжить. Или клятву отдать все свое состояние в фонд строительства жилья для бездомных. Иногда больной делает попытку перехитрить Бога.

— То есть?

— Ну, скажем, чистосердечно кается, не прося взамен спасения, а в тайниках сознания — мысль о том, что это и есть единственный шанс выжить...

— Вы считаете, что капеллан может реально помочь безнадежно больному человеку?

— Да, считаю. И когда я думаю об этом, то вспоминаю одного сержанта, у которого рак поразил кость ноги. Он почти год лежал в ожидании донора, но с каждым месяцем его надежда на выздоровление таяла. Я постарался своей верой усилить его веру. А это дало ему новые силы ждать. И он победил.

— Что именно вы говорите смертельно больным людям?

— Самое важное — попытаться внушить больному, что его жизнь не безразлична миру, что о нем думают, заботятся. По-разному люди реагируют на слова капеллана. Одни смиряются. Другие отказываются верить, что это происходит не с кем-нибудь, а именно с ними. Третьи уходят глубоко в депрессию. Иные мечутся между подавленностью и злобой. А кто-то уповает на лекарства или гениальность врачей. Я заметил важную закономерность: человек боится не смерти, а ее быстрого приближения. Тяжело переносится не сама смерть — свою смерть человек никогда не может зафиксировать, — а ожидание смерти. Когда я работал в госпитале имени Уолтера Рида, я говорил больным: вы — не исключение, мы все умрем.

— Но они-то знали, что им предстояло умереть очень-очень скоро. Они завидовали здоровым?

— Конечно. Но я пытался уводить их от отрицательных эмоций. Я не переставал внушать им, что все люди в некотором смысле смертельно больны: все рано или поздно умирают.

— Вы не замечали — чтобы утешить страдающего человека, достаточно указать ему

на его же собрата, чьи страдания еще тяжелей. Глупо устроен человек: от сознания, что соседу тоже плохо, почему-то становится легче на душе. Разве это не мерзость?

— У любого человека достаточно сил, чтобы побороть мерзость внутри себя.

— Да, иногда это получается, но невозможно эту мерзость уничтожить полностью — так, чтобы она уж никогда более не давала о себе знать... Ну а что ваши солдаты? Что тревожит их?

В окне появилось солнце. Своими лучами, словно слепой — пальцами, оно принялось осторожно ощупывать наши лица.

— Тоска по дому, — пожал плечами капеллан Тейлор, — вот что одолевает большинство ребят. У холостого юноши одни проблемы, у женатого солдата — другие: его гнетут многочисленные семейные неурядицы. У одного солдата умер тесть, жена была на третьем месяце беременности. Врач посоветовал ей лечь в клинику на сохранение. Однако без мужа она отказалась сделать это. Парень пришел за помощью ко мне. Мы долго молились вместе. Потом я направился к его сержанту и ротному, объяснил суть проблемы. Было принято решение отпустить солдата домой на несколько недель... Он вернулся в Форт-Беннинг совершенно другим человеком.

Тут капеллан взглянул на часы и виновато улыбнулся:

— Вы не обижайтесь, но мне пора: служба, знаете ли...

Распрощавшись с Тейлором, я поспешил на небольшой грунтовой плац, где уже начались занятия по изучению мин и способов их обезвреживания.

Там я познакомился со здоровенным малым, по имени Грег, и, находясь еще под впечатлением от беседы с капелланом, спросил, может быть несколько в лоб, верит ли он в бога.

— Я верю в Бога, — сказал Грег, положив ствол М16 на опрокинутую каску, — и это помогает мне переносить разочарования и тяготы армейской службы. Я знаю, что Бог соткан из человеческой веры. Слабее вера — слабее Бог. Меньше веры — меньше Бога. Чем крепче я верю, тем Он всемогущественней, тем Он добрее, тем внимательнее ко мне.

Странно было слышать это от здоровенного национального гвардейца.[29] Струями, словно дождевая вода, катился пот по его чистому, грубой лепки лицу. Видимо, как раз этот контраст между жестокостью, мужиковатостью его внешнего облика и нежной светлостью сокровенных, столь искренне и просто выраженных религиозных чувств рождал то трогательное впечатление, которое еще очень долго после разговора с ним оставалось в моей памяти.

— Я часто вижусь с капелланом, — продолжал он, — мы много беседуем с ним. Может быть, я уйду из гвардии и стану военным священником.

Всякий раз, когда мы с Грегом перебрасывались короткими фразами, сержант-инструктор Мануэль Бонелья бросал в нашу сторону взгляд, полный укора. Потом снова в1424апрограсмотрел на противотанковую мину М-21-А-1, которую он держал в руке, то и дело легонько подкидывая, словно пытался определить ее вес. Держал он ее чуть выше плеча, на растопыренной пятерне, напоминая официанта с подносом. Характерной для latinoамериканцев скороговоркой он рассказал, как устанавливать М-21-А-1, как обнаруживать однотипные мины, если рядом нет сапера. Бонелья, точно мастер международного класса по фехтованию, протыкал землю шупом и штыком от винтовки.

Мысль его то и дело переносилась во Вьетнам, и он легко извлекал из памяти, будто мины из земли, всевозможные истории про саперов. Он безостановочно говорил минут тридцать и, глянув на наручные часы, объявил короткий перерыв.

— Всем выпить по пять больших глотков воды! — крикнул он вдогонку разбредавшемуся солдатам.

— У вас, — я подошел к Мануэлю, — поразительная память. Я специально сидел и считал: вы умудрились вспомнить четырнадцать историй, каждая из которых, попади она в руки Тома Клэнси,[30] стала бы новеллой или романом.

— Благодарю. — Он поклонился, словно артист на сцене. Как пить дать: шумевший на ветру лес в ту минуту казался ему аплодисментами восторженной публики.

К нам направился улыбчивый офицер. С каждым шагом улыбка его становилась шире, а уголки рта вот-вот должны были сомкнуться на бритом затылке.

— Привет. — Я кивнул ему. — Хорошо, что вы здесь, а то меня измучило чувство собственной беспризорности.

— Одиночество, знаете ли, действует на меня хуже удушья.

Он опять улыбнулся. И если бы не показавшиеся вдруг острые резцы, улыбка эта вполне могла бы занять первое место на конкурсе наиболее приветливых и улыбчивых людей. Но у меня скверный характер: я обожаю злить тех, кто со мною мил, с детства страдаю аллергией на сахар.

— Мануэль! — Я громко обратился к сержанту по-испански. — Давайте говорить на вашем родном языке. Ведь вы из...

— Из Гватемалы, — подхватил Бонелья, — я очень рад этой возможности. Последний раз она представилась мне недели три назад. — Он все никак не мог сойти со сцены: высокопарный «штиль» прилип к нему, как жвачка.

Но тут пришла минута моего торжества: я увидел, как напряглись уши улыбчивого офицера.

Я продолжал говорить с сержантом по-испански, а про себя подумал, глянув на офицера: «Один: ноль в мою пользу! Ваш ход, сэр».

В тот день он больше не улыбался. Вид у офицера был такой, будто я украл у него тысячу долларов.

Маленький большой лейтенант

Фамилия лейтенанта Литла[31] совершенно не соответствовала его габаритам. Нехитрая логическая цепочка привела меня к мысли, которую я ему сразу же после знакомства высказал:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза называет вас исключительно так: лейтенант Биг.[32] Я угадал?

— Естественно, — вяло улыбнулся он. Выражение его лица говорило о том, что кличка Биг ему порядком осточертела, потому как бежит за ним по пятам со дня рождения. Может быть, она была проклятием, преследовавшим род Литлов на протяжении всей истории его существования?

С Литлом я познакомился в маленьком придорожном магазинчике-кафетерии, куда заглянул, направляясь обратно в казарму. Я шагал, но мины сержанта Бонельи мерещились мне повсюду. Глаза автоматически обшаривали простирившуюся впереди

грунтовку, прощупывали каждый ее метр. Потому я был рад свернуть долой с дороги в маленькую кафешку, название которой забыл, как только покинул ее. Пытался потом вспомнить, чтобы записать в блокнот, но потуги памяти так ни к чему и не привели. Осталось лишь ощущение, что от названия исходил сильный, но фальшивый энтузиазм. По-моему, оно звучало либо «Привет, солдат!», либо «Эй, рейнджер, загляни!».

Словом, я заглянул. Лейтенант стоял у полки с книгами, листая последний роман Тома Клэнси «Кардинал Кремля». Судя по обилию написанных и изданных за последнее время произведений (приблизительно один толстенный роман в год), Клэнси успешно выполнял личную пятилетку.

— Хорошо плетет романы этот Клэнси? — спросил я небрежно лейтенанта.

— Угу, — ответил он. — Не успеваешь прочесть один, а на книжных полках в магазинах уже появляется новый.

— А вот это вы читали? — Я кивнул на роман «ТАСС уполномочен заявить...»

— Не успел. Там про кого?

— Там про парней из ЦРУ, которые ставят клизму парням из КГБ, но потом один толковый парень из КГБ ставит клизму сразу всем парням из ЦРУ.

— А вы, собственно, откуда? — вдруг холодно спросил меня лейтенант, оторвавшись от книги.

Было очевидно: сюжетный ход, придуманный писателем Ю. Семеновым, вызвал в голове лейтенанта ряд смутных подозрений.

Я был на грани провала.

Собрав в кулак свою волю, стараясь казаться хладнокровным, я назвал лейтенанту свою фамилию. Он выждал несколько мгновений, показавшихся мне часом, и сообщил свою.

Вот тогда-то, чтобы перевести тему разговора, я произнес спасшую меня фразу:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза...

Хотелось пить: в горле пересохло. Я подошел к продавщице и, указав на запотевшую банку пива, достал из нагрудного кармана мелочь.

— Извините, сэр, — она развела руками, — но нам запрещено продавать солдатам алкогольные напитки.

В голове запульсировали три контраргумента. Первый: «Но позвольте, разве пиво — это алкоголь?!» Второй: «Я не солдат, а журналист, переодетый в солдата».

И третий: «Я — советский человек, переодетый в американского солдата».

Я выбрал последний.

— Знаете, ваш предшественник был чуть оригинальнее, — сказала она в ответ и на всякий случай закрыла стеклянную дверцу морозилки, — вчера утром зашел сюда и начал меня убеждать в том, что он актер из Голливуда и снимается здесь в кино. Мило, не правда ли?

Я вышел из магазинчика, так ничего и не купив. Литл пылил впереди по грунтовке. Я догнал его.

— С пивом или без? — Он окинул взглядом мои карманы.

Отрицательно покачав головой, я тоже спросил его:

— С Клэнси или без?

Он продемонстрировал мне плотную книжку. Суперобложка глянец сверкнула на солнце.

— Знаете, как Клэнси начинал? — спросил лейтенант.

— Без понятия.

— Работал страховым агентом. Был беднее и голодней церковной мыши. Но страсть разбогатеть не переставала теревить мозг. Страсть эта да любовь к морской стихии сделали свое дело. Клэнси купил две книжки Нормана Полмара «Советский военно-морской флот» и «Военно-морские силы современности». Заодно приобрел за пятнадцать долларов детскую игру «Гарпун».

От какого-то бывшего подводника поднабрался профессиональных словечек. Вскоре, в 1984 году, появился его первый роман «Охота за красным октябрем».

— Вы читали?

— Да, речь идет о капитане русской подводной лодки, который перебегает в Штаты. Потом как из автомата Клэнси выстреливает остальные романы: «Начало красного шторма», «Патриотические игры» и так далее.

— Судя по обилию красного цвета в названиях, везде фигурируют советские?

— Практически везде. Но он не антисоветчик. Просто это позволяет ему держать в напряжении читателя.

— Такое впечатление, что Клэнси «напряг» всю Америку. Куда ни сунешь нос, везде читают его... Даже у министра обороны Карллуччи я заметил книжку Клэнси на рабочем столе.

— Да, перед ним открыта любая дверь в Пентагоне, на авианосце или на военной базе.

— Что о нем думает литературная критика?

— Я не читаю критику.

— Ваш ответ — ответ настоящего писателя.

— Я слышал, его называют основоположником художественно-технологического жанра.

— Как?

— Имеется в виду, — Литл засунул книжку в карман, — что боевая техника в его романах устроена сложнее и описана с большим мастерством, чем характеры главных героев.

— Очень милый жанр. «Когда зарокотал двигатель, танк вздрогнул и почувствовал, как тепло разливается по всему его бронированному телу». Или что-нибудь в этом духе. Верно?

Лейтенант улыбнулся.

— Верно, — сказал он.

— В таком случае, Клэнси отстал от жизни. У нас от таких книжек ломаются прилавки магазинов. По-моему, ваши и наши Клэнси подписали тайное соглашение о рынках сбыта своих романов и прибылях. Они друг друга понимают на расстоянии. Своего рода транснациональная литературная корпорация.

— Осталось придумать название. Что-то типа...

— Что-то типа «Смерть инкорпорейтед». Смешно и страшно одновременно.

— Ничего страшного: просто — развлекаловка.

Слово «страх» потянуло за собой цепочку иных ассоциаций.

Я сказал:

— Лейтенант, мне приходилось много слышать о ваших «уроках страха». Если не секрет, расскажите подробней.

Литл растер кончиками пальцев мощные надбровья, провел ладонью по лицу, словно смахивая с него паутину, и сказал:

— А что тут секретного? Обычная процедура... «Урок страха» проводят в конце первой недели пребывания солдата в Беннинге. Собирают всех в одном зале. Неожиданно появляется человек в форме армии противника — советской или, скажем, кубинской. Он начинает издеваться, оскорблять ребят, их патриотические чувства. Говорит с сильным русским или кубинским акцентом. Вовсю «поливает» Америку, существующую у нас демократическую систему, отпускает шутки по поводу добровольной армии, заявляя, что она не может сравниться с советской. Предлагает кому-нибудь отжаться на руках. Кто-то непременно соглашается, но делает не более десяти-пятнадцати отжимов: слабоват еще. Тогда на глазах у всех отжимается «кубинец». Раз эдак восемьдесят-девяносто. Потом спрашивает: «Ну что, салаги, кто из вас знает ТТХ[33] советского БТР?»[34] В зале — гробовая тишина. Тогда «кубинец» точно автомат перечисляет десять основных характеристик «брэдли».

— А как реагируют солдаты?

— К концу первых двадцати минут «урока» они напоминают молодых быков, разъяренных пикадором. Кто-то из них, доведенный до состояния кипения, срывается с места и бросается на «кубинца», хватая его за грудки, пытается повалить. «Кубинца» уводят. Все это происходит спонтанно...

— И чего вы этим добиваетесь?

— Мы заметили, — Литл явно удивился моей непонятливости, — что «урок страха» стимулирует солдат, заставляет их активней заниматься физподготовкой, внимательней изучать армию противника.

— Своего рода психический шок, верно?

— Да, своего рода...

— Это, лейтенант, конечно, ваше личное дело, но я всегда был убежден, что негоже играть на отрицательных чувствах людей.

— Но ведь мы ничего плохого про русских не говорим. Напротив, «кубинец» издевается лишь над Америкой и американцами. Ты не понял?

— Я все понял. В том числе и то, что конечным итогом «урока страха» является рост антисоветизма среди молодых солдат.

— Но мы преследуем при этом иную цель — стимулировать учебный процесс, а не возбуждать антирусские настроения.

— Ладно, лейтенант, — сказал я, — бросим этот спор. Мы, видно, друг друга не переубедим. — Потом не удержался и добавил: — Какой-то умный древний дядя пару тысяч лет назад сказал: использующий зло в своих целях неизбежно становится его жертвой.

Метров триста мы шагали молча. Литл шел, вонзав упрямый взгляд в дорогу под

ногами. Казалось, он прочерчивал им разграничительную линию.

Мы миновали военный универмаг, где беннинговцы могут отовариваться по сниженным ценам. Там можно приобрести все, кроме, быть может, автомобилей, телевизоров и электроники.

— А в мае, — почему-то сообщил вдруг Литл, — я уже буду шагать по дорогам Западной Германии.

— Ты знаешь — где именно?

— Пока нет.

— Отличается ли подготовка тех военнослужащих, которым предстоит служить в ФРГ, от подготовки тех, кого посылают, например, в Южную Корею?

— Не думаю. Всем солдатам втолковывают, что необходимо выиграть первый же бой с потенциальным противником. Особое внимание уделяется борьбе с превосходящими танковыми группировками Совет... то есть потенциального противника. Стрельба из гранатометов, ТОУ... Словом, противотанковой тактике обучают всех. Тот, кто стреляет первым, побеждает. На войне вообще вторым нельзя быть. Можно — только первым. Вторых и третьих убивают.

— Говорят, лучшее средство борьбы с танками — это танки.

— Да, верно. Мы поняли это еще в 1973 году, оценивая результаты арабо-израильской войны. А вот и твоя казарма. Извини: мне пора в штаб.

— Спасибо, что проводил.

— Прощай, — улыбнулся он и помахал рукой, словно я стоял в километре от него.

— Пока, лейтенант. Желаю тебе получить три генеральские звезды.

— Если это приказ, я выполню его.

— Не сомневаюсь.

Он еще раз махнул мне рукой, повернулся и был таков.

Я постоял немного на улице и вошел в казарму. Ошвартовался на своей койке с намерением не покидать ее до утра. Прежде чем провалиться в сон, мельком глянул на койку Вилли и отметил, что на тыльной стороне его каски появилась новая надпись: «Любовник смерти». Вилли медленно, но верно превращался в «черного юмориста».

Доминик-Инесса из Чхонджу

Однако этому богатому событиями дню не суждено было закончиться так рано. Сквозь сон я услышал щелчок, потом еще один, и еще. С трудом разлепляю веки — на моей койке сидит Уэйн Сорс: он возился с фотокамерой.

— Предлагаю смотаться в Колумбус. У меня кризис с пленкой — надо обновить запасы.

— Тогда — полный вперед!

Минут через пятнадцать мы уже подъезжали к Колумбусу.

— Милый городишко, — сказал Сорс.

— Уже почти двенадцать ночи, — заметил я, — а горожане и не думают идти спать.

— Провинция не хочет походить на провинцию.

Мы остановились у магазинчика, чья витрина была вся заставлена фотоаппаратурой самых разных марок. Хозяин возился с металлической решеткой, не желавшей закрываться. Мы помогли ему забаррикадироваться от потенциальных

грабителей, старик расчувствовался и продал Сорсу шестьдесят кассет со скидкой.

— Надо отметить удачную покупку, — сказал Сорс, усаживаясь за руль.

— Это просто-напросто необходимо, — согласился я.

— Тогда предлагаю заскочить в солдатский ночной бар «Перекур у светофора».

— Почему — солдатский?

— Сейчас сам поймешь...

«Перекур у светофора» кишмя кишел бритыми солдатскими затылками. Как я потом выяснил у Сорса, это были, естественно, ребята не из «учебки» (там такие «вольности» не позволены), а из регулярных частей. В баре было темно. Из усилителей лилась модная в тот месяц меланхолическая песенка «Медленно мы любим друг друга...» Ее прокручивали раз пять подряд под шумные солдатские аплодисменты. Потом хриловатый женский голос пропел уже успевшую стать классикой «У нее глаза, прямо как у Бетти Дэвис».

На сцене танцевала темнокожая девушка в фосфорическом купальнике.

— Не хотите угостить меня пивом? — Обратилась к Сорсу девушка в точно таком же купальнике, сидевшая за соседним столиком.

— Запросто, — отозвался Сорс и пошел к стойке, на ходу доставая из кармана хрустящие доллары.

— Вы японка? — спросил я девушку, когда она пересела за наш столик.

— Нет, — ответила она, — я из Южной Кореи.

— Как вас звать?

— Доминик. А можно — Инесса.

— У вас что — два имени?

— Да, — улыбнулась она, — и я меняю их в зависимости от настроения. Сегодня у меня дождливо на душе: так что зовите меня Доминик.

— Как вы оказались в Колумбусе? — спросил Сорс, усаживаясь на стул и ставя на клетчатую скатерть три кружки пива.

— Точно так, как и все остальные корейки, работающие в этом и других барах, — почему-то обиделась Доминик-Инесса.

— А-а, старая история... — Сорс сделал большой глоток. — Объясню иностранцам: ее родители заплатили американскому военнослужащему порядка тысячи долларов...

— Тысячу двести, — опять обиделась девушка.

— Ладно, — махнул рукой Сорс, — тысячу двести долларов, чтобы он женился на ней и увез в Америку. Здесь он с ней разводится, помогает получить натурализацию и получает за это еще столько же долларов. Она устраивается работать в этот бар и выписывает всех своих сестер из Сеула...

— Из Чхонджу, — опять поправила девушка.

— Они зарабатывают тут деньги, большую часть переправляя на родину. Но некоторые солдаты не дают развода и продолжают сосать деньги из своих жен в течение многих лет. Пока те не потеряют «товарного вида»... Нам пора возвращаться на базу. Прощай, Инесса!

— Пока, Доминик! — сказал я.

— Бывайте, — бросила она и повернула свою миниатюрную головку в сторону

сцены.

Хребет американской армии

— Давайте, ребята, пошевеливайтесь! Залезайте в свои ботинки! — Сержант Джеймс Барнэби идет по казарме, сверкает во все стороны глазами. — Я, кажется, сказал — пошевеливайтесь!

Очередное утро в Беннинге. «Любовник смерти» соскакивает со второго этажа койки.

— Как дела? — интересуюсь я у Вилли.

— Не родила! — Взяв зубную щетку, пасту и полотенце, Вилли направляется в сторону ванной.

Дождавшись очереди, я подхожу к умывальнику, гляжу в отполированный до зеркального блеска железный щит на стене. Вилли делает то же самое, но при этом с отворачиванием мнет пальцами свою заспанную физиономию.

— Ненавижу! — тихо, но четко говорит он, словно видит перед собой Джоди. — Ненавистная морда.

В комнатке сержанта Барнэби — ни пылинки. Он сидит за письменным столом. Лампа дневного света придает его лицу синеватый оттенок.

Барнэби что-то строчит в суточной ведомости. Иногда заглядывает в здоровенный словарь Уэбстера.[35]

— У меня паршиво с орфографией, — говорит он в ответ на мой вопросительный взгляд, — а офицеры ошибок не любят. Капитана Сориано они выводят из себя. Так что приходится иногда консультироваться у мистера Уэбстера.

На столе Барнэби лежит кипа пожелтевших журналов, пачка жевательной резинки. В специальной подставке выстроились по росту идеально заточенные карандаши. На ножке стола нацарапано: «Кровь и сила воли!».

Ветер теребит географическую карту мира. Она покачивается за сержантской спиной на стене. Красным фломастером помечены города в Камеруне, Венгрии, Саудовской Аравии и Перу: стратегические интересы сержанта Барнэби явно не укладываются в рамки Форт-Беннинга. На самом краю карты, чуть выше Северного полюса, выведено аккуратным сержантским почерком: «Рандеву с судьбиной».

— Ты не вешалка для мундира, — бросает сержант солдату, появившемуся за моей спиной, — застегнись! — Потом опять обращается ко мне: — В моей роте поступившему на службу легко продвинуться. Я смотрю за тем, чтобы каждый получал столько, сколько заслуживает. Солдат должен чувствовать, что начальство замечает его старания. И, конечно, его халатность.

Барнэби глядит на часы и резко поднимается:

— Пора строиться, уже пятьсот[36] натикало!

Мы выходим на улицу. Солдаты стоят рядами вдоль казармы. Я пристраиваюсь за Вилли.

— Здоров! — Кто-то резко всовывает в мою ладонь широкую мокрую кисть. — Не забыл еще меня?

Это Билл Уолтон. Всю вчерашнюю вторую половину дня он где-то пропадал.

— Билл, я не забуду тебя до конца своих дней.

Такое впечатление, что за прошедшие две-три минуты в глотку Барнэби вставили громкоговоритель: сержант орет на всю округу — стекла в казарме вот-вот треснут.

По асфальтированной дорожке, ведущей в столовую, идет блондинка. Рота мигом берет ее на прицел. Грудь блондинки покачивается в такт шагам. Тонкая бежевая юбка плотно обтягивает ее бедра. Десятки глаз эскортируют дамочку.

— Спокойно, солдат, — говорит Вилли сам себе, — спокойно! Это — приказ.

Коленки блондинки ритмично бьются под юбкой.

— Она нас не замечает, — шепчет парень слева.

— Чего ей тебя замечать?! — откликается Вилли. — Такая согласится минимум на подполковника.

— Ребята, закройте рты и дышите глубже, — раздается баритон сзади, — это жена майора. С такой застукают, ей стоит один раз пискнуть «ой, насилуют!» — и ваша песенка спета.

— Майор?! Ну и что?! — не унимается парень слева. — Тоже мне — восьмые штаны в тридцатом ряду!

Блондинка исчезает за дверью столовой. Над дорожкой, по которой она только что шла, остается висеть лишь шлейф едва уловимых духов.

Строем идем в столовую: завтрак длится минут десять. А оттуда — напрямик в барак, где уже начали выдавать автоматические винтовки М16. К стволу каждой прикреплен штык-нож: всю первую половину дня мы будем отрабатывать приемы штыковой атаки.

— Еще лет тридцать назад, — объясняет мне командир роты капитан Деррик Сориано, — солдаты обычно хранили оружие в казармах, в железных шкафах вместе с вещами. Потом было решено держать винтовки в специальных бараках, охраняемых и оборудованных сигнализацией.

Сориано — худощавый филиппинец лет двадцати девяти. Он очень строг, почти не улыбается. Тонкая, с сильным смуглым подмесом кожа обтягивает его широкоскулое лицо.

— Куда мы идем? — спрашиваю капитана, пристроившись в самый конец марширующего строя солдат.

— На плац, — отвечает он. — Милях в четырех отсюда.

Сержант Барнэби запекает, солдаты дружно подхватывают:

Привет, Джозефина!

Как твои дела?

Вспоминаешь ли ты обо мне так,

Как я вспоминаю тебя?

— Деррик! — кричу я капитану. — Хоть ты и командир роты, но за все утро ни разу не отдал ни одного приказа. Ротой практически командует сержант Барнэби. Это характерно для всей армии или лишь для роты капитана Сориано?

«Погоди, — как бы говорит жестом Деррик, — дай им допеть куплет — отвечу».

Солдаты продолжают сотрясать своими глотками могучие стволы сосен:

Привет, Джозефина!

Даже когда тебе было девять,

Ты была жутко мила.

Я часто причесывал твои
Роскошные волосы
И готов был расплакаться
От несправедливости,
Потому что вместо этого мне хотелось
Тебя целовать!
Но было нельзя!
О-о! Джозефина!
Как твои дела?..

— Сержантский состав, — орет в ответ Деррик, — хребет американской армии. Сержант — и учитель, и воспитатель, и непосредственный командир подразделения. Мы, офицеры, обычно отдаем приказания через сержантов. Мы им доверяем. Правда, с них и спрашиваем. Сами же не стремимся вступать в непосредственный контакт с рядовым составом. Пентагон делает все возможное, чтобы завлечь сержантов, оставить их служить как можно дольше. Многие из них находятся в армии двадцать и более лет.

Открутив крышку от фляги, Сориано делает несколько глотков воды. Предлагает мне.

Я гляжу на Джеймса Барнэби, бойко шагающего впереди. На таких, как он, и впрямь держится армия США.

Рота идет несколько минут молча.

— В семьдесят втором году, — говорит Билл Уолтон, — лишь 70 процентов сержантов нашей армии хотели продолжать службу в рядах вооруженных сил. Зато сегодня около 90 процентов тех сержантов, чей срок службы вышел, желают продлить контракты с Пентагоном.

— Они, — Сориано засовывает флягу в чехол, — обучают не только солдат, но и вторых лейтенантов — выпускников военных училищ, передают им основные навыки обращения с рядовыми. Что интересно — лейтенанты в течение трех-четырёх недель подчиняются сержантам. Прямо как солдаты. При этом молодые офицеры не считают для себя унижением выполнять приказания сержантов. Не в обиду лейтенантам будет сказано, но без них армия обойтись может, а вот лиши ее сержантского состава, моментально наступит, как говорят в Голливуде, «конец фильма».

— Если нет поблизости капеллана, — Уолтон перебивает капитана, — его обязанности выполняет — частично, конечно, — не кто иной, как сержант. Скажем, получил солдат письмецо «Дорогой Джон!», начинает шарить глазами в поисках хорошего сука на дереве. Видя такое дело, на помощь парню приходит сержант.

— Как же поможет сержант?

— Элементарно, — Уолтон взмахивает рукой так, словно отбивает тыльной стороной ладони теннисный мячик. — Подходит он к солдатику, кладет ему руку на плечо и говорит что-нибудь вроде: «Послушай, браток, не вешайся ты из-за нее. Если она тебе изменила, значит, она б... А разве из-за б... стоит вешаться? Верно, не стоит. Так что будь молодцом, служи исправно, и мы пошлем тебя в Германию. Встретишь там симпатичную немочку, а про эту стерву, обещаю тебе, и не вспомнишь. Поверь мне — я не через такое прошел...» Глядишь, через день-два солдатик уже улыбается... Вопрос о самоубийстве с

повестки дня снят.

— Капитан, — обращаюсь я к Сориано, — и все же многие солдаты, я заметил, жалуются на чрезмерную грубость сержантов.

— Мы, — Деррик указывает на себя и Уолтона пальцем, — позволяем сержантам кричать лишь во время первой недели пребывания «нюбис»[37] в учебке. Это своего рода «шоковая терапия». Цель — заставить молодняк слушаться и выполнять приказания с первого же раза. На второй неделе сержанты кричат меньше. Но я считаю, что крик — дело нормальное.

— Деррик, ты все время служил в Штатах?

— Нет, я был в Западной Германии. Там, кстати, женился.

— Ты имеешь право брать жену с собой всюду, куда бы тебя ни отправили служить?

— В большинстве случаев. Запрещено, правда, это делать, если ты служишь, к примеру, на границе с Северной Кореей. Есть еще несколько исключений.

— Какую натовскую армию — я имею в виду ваших европейских союзников — ты считаешь наиболее боеспособной?

— Трудно сказать. Я очень уважаю западных немцев.

— А англичане?

— Крепкая армия. Но Фолкленды показали, что у них серьезные проблемы с взаимодействием родов войск. Во время войны с Аргентиной английские сухопутные части, флот и авиация действовали сепаратно. Потому и потери были слишком большими для такого малого конфликта. Важно, чтобы как можно больше офицеров имели за плечами опыт работы в объединенном штабе родов войск. Иначе будет бардак. Между прочим, учения очень хорошо выявляют такого рода недостатки. Когда я думаю о Фолклендах, я вспоминаю Клаузевица,[38] его мысли насчет необходимости единоначалия и командования войсками из одного центра. Кстати говоря, большой проблемой Уэстморленда[39] во Вьетнаме было то, что он получал приказания не только из штаба Тихоокеанского командования,[40] но и из комитета начальников штабов в Вашингтоне. Порой эти приказы противоречили друг другу.

— Об этом Уэстморленд много пишет в своих мемуарах.

— Верно, — Сориано поправляет противосолнечные очки на переносице, — во время вьетнамской войны он сильно страдал от отсутствия единого стратегического штаба, который бы мог руководить всеми американскими военными операциями в Юго-Восточной Азии.

«Бедненький Уэстморленд, — думаю я, — он страдал от отсутствия единого стратегического штаба. Еще, говорят, он здорово страдал от жары. Но думал ли генерал, что вьетнамцы страдали и гибли от его, уэстморлендских, бомб?»

Огромный плац, окруженный со всех сторон лесом, утыкан десятками пластмассовых фигур в человеческий рост. Каждая фигура «держит» здоровенную палку, имитирующую винтовку. У опушки установлен бак с водой. На нем кто-то нацарапал: «Дерьма нам не надо!».

— Солдаты! — орет сержант на всю округу. — Я хочу, чтобы каждый из вас сосредоточил все свое внимание на кончике штыка, прикрепленного к М-16-А-1. Вы меня поняли?

— По-оняли!

— Вы меня поняли? — не слышу! Отвечайте, как подобает солдатам, а не девственницам! Вы меня поняли, солдаты?!

— По-о-о-оняли! У-а! У-а-а!!

— Если вы меня и впрямь поняли, то слушайте дальше. За последнюю пару веков мужчины стали слабонервными и женоподобными. Наши прадеды, бывало, потрошили врага, отрубали ему руки-ноги саблями, выковыривали из черепа мозги, а после того шли с большим аппетитом завтракать. А мы? Мы, конечно, еще способны выстрелить в какого-нибудь мерзавца с расстояния в тысячу ярдов,[41] но упаси нас увидеть, как он истекает кровью... Так вот, солдаты, ваша задача — преодолеть этот психологический барьер. Вы должны приходиться в восторг при виде вражьего сердца, бьющегося на острие вашего штыка!

Роты внимательно слушают сержанта. Он стоит, широко расставив ноги. В каждом стеклышке его черных очков отражается солнечный диск. Указательным пальцем он смахивает с бровей пот.

— Солдаты! — кричит сержант. — Вам здорово повезло: где еще вы можете убивать, кромсать, резать противника на маленькие кусочки и получать за это деньги?! Запомните: быть на войне садистом — значит быть реалистом. Представьте, что напротив каждого из нас стоит живой противник. Звать его... э-э... Фред. Фред — мазохист. Он обожает, когда его пытаются, бьют, режут, протыкают насквозь. Давайте же осчастливим Фреда. Давайте дадим ему то, чего он так жаждет. Я сказал: давайте дадим ему!

— Давайте дадим ему! Давайте дади-и-им ему!!! — отзываются хриплые солдатские глотки.

— Но надо знать — как. — Сержант подходит к пластиковой фигуре. — Есть пять смертельных штыковых ударов.

Он с ревом набрасывается на «Фреда», вонзает штык в пластиковую шею, чуть ниже кадыка.

— Такой удар, — комментирует сержант, — заставит Фреда петь сопрано. А такой вот удар, — он бьет прикладом и лишь потом — штыком, — в одну секунду отправит его на тот свет. Верно?

— Верно!

— Что-что?

— Верно! Ве-е-ерно!!! — гремят солдаты.

— Надо помнить о том, что на том свете Фреду будет много лучше: туда ваш штык не доберется. Но в этой жизни надо быть садистом! Быть садистом — значит быть реалистом! Верно?

— Быть садистом, — кричат солдаты, — значит быть реалистом!

— Что вы там пищите? Или я имею дело с отрядом гёрлскаутов?[42]

— Быть садистом, — взрываются океанским ревом солдаты, — значит быть ре-а-лис-том!! У-а! У-а-а-а!!!

Солдаты, с каждой секундой все более и более свирепея, отчаянно фехтуют вспыхивающими на солнце штыками. Что есть мочи орут:

— Убей! Убей!

Моя фляга пуста. Я направляюсь в сторону бака с водой. Там, в тенечке, прячется от солнца паренек лет двадцати. Судя по эмблеме на его пыльной форме — шлем рыцаря-крестоносца, он уэстпойнтовец.

— Жара, — говорит он, оторвавшись от фляги, — так ее растак!

Две тоненькие струйки воды тянутся от уголков его рта вниз по шее, прячутся под воротник.

— Из Уэст-Пойнта? — спрашиваю я, чтобы завязать разговор.

— Угу, — отвечает парень. — А ты?

Я представляюсь.

— Очень мило, — вдруг улыбается он. — Я Крис Робинсон. Третий курс.

— Трудно к вам поступить?

— От башки зависит. Главное — получить рекомендацию от конгрессмена, представляющего твой родной штат в Вашингтоне. А для этого нужно пройти собеседование с ним, успешно сдать тест по физподготовке, ответить на целую уйму вопросов в анкете. Кроме того, в школьном дипломе должны стоять хорошие оценки по английскому языку, литературе и математике.

— Ты платишь за учебу или тебе платят?

— Мне, — отвечает Крис, отгрызая кусочек ногтя на мизинце. — В месяц получаю 218 долларов. Это, конечно, поменьше заработка Фрэнка Карллуччи, но, если учесть мамини и папины денежные переводы, то на карманные расходы хватает.

— У тебя есть научная специализация?

— Натурально. Моя последняя курсовая работа... — Крис щурится, переводит взгляд на небо, глаза его скачут с облака на облако, — дай Бог памяти... А! «Проблемы лидерства в армии».

— Звучит неплохо. Ты любишь армию?

— «Любишь» не то слово. Мне в армии хорошо. Армия моя, так сказать, тарелка. Кому не нравится — может уходить на все четыре... Лет двадцать назад наша армия была скопищем неудачников. Некоторые даже гордились, что их жизнь пошла наперекосяк — эдакая романтика шиворот-навыворот...

— Тебе нравится принадлежать к армейской элите?

— Принадлежать к элите, — Крис закидывает ногу на ногу, — всегда паршиво. Элиту не любят. Вот я из Нью-Йорка. Нью-Йорк — элита среди городов. Именно поэтому ньюйоркцев в Америке не очень-то жалуют. Пошли обратно на плац? А то решат, что я сачкую, сообщат в академию, а там начальнички быстры на расправу — погонят меня взашей. Вставай, потопали...

Мы идем обратно. Солнце вяло плетется за нашими спинами. Как и час назад, солдаты орут каждые пять секунд:

— Убей! Убей!

Какой-то «Фред» не выдерживает — «замертво» валится наземь. Я подхожу к нему. Пластмассовые зрачки «Фреда» бессмысленно глядят в небо. Грудь исколота штыком. Лишь теперь я замечаю на его каске чуть выпуклую пятиконечную звезду. Я дотрагиваюсь до нее.

— Это не советский солдат! — кричит вдруг выросший из-под земли Билл Уолтон.

— Я совершенно официально заявляю, что это не советский солдат.

— В таком случае, — спрашиваю я, — чей?

— Это, — Билл Уолтон садится рядом со мной на корточки, — это, вне всякого сомнения... конечно же, э-э-э... вьетнамский солдат. Разве ты не видишь? Разве ты не видишь, что это вьетнамский солдат?! Кто же еще?! Конечно, это вьетнамец!

— Переры-ы-ыв! — зычно кричит сержант. — Всем выпить воды!

Я опять дотрагиваюсь до звезды на каске «Фреда».

— Тебе его жаль? — спрашивает Билл. — Не печалься. Сейчас мы воткнем его в землю и он опять оживет...

— Нет, Билл, — говорю я, — мне жаль вовсе не «Фреда». Мне жаль ваших ребят.

Портрет рейнджера

Лицо полковника Бобби Хоффмана было раскрашено серыми, коричневыми и зелеными пятнами. Словом, оно напоминало кошмарную галлюцинацию. Будто его обтянули маскировочной тканью взамен кожи. На этом фоне выделялись лишь глаза: две голубые точки внимательно следили за удаляющейся бабочкой.

Мы сидели в ожидании вертолетов: предстояло тренировочное десантирование в одном из районов соседней Алабамы.

Полсотни солдат из батальона Хоффмана разбились на отдельные корабельные группы — по двенадцать человек в каждой: ровно столько вмещает «блэкхок».[43]

Вокруг под порывами ветра вскипала разноцветьем степь. Дрожал ковыль, гнулась к земле имурка, пьяно шатался шалфей.

Вдали, опоясывая нас тонким обручем, непрерывно тянулась линия горизонта. Скользя по ней быстрым взглядом, Хоффман наконец ответил на мой вопрос: надо ли детям разрешать играть в войну? А почему нет? Пусть уж лучше ребенок с детства узнает, что он родился на свет, находящийся в состоянии войны. Пусть к тому моменту, когда он подрастет, в его голове будет одной иллюзией меньше. По крайней мере, такое воспитание честнее. Героизм воспитывается с детства. Бог благоволит к героям.

— К сожалению, чтобы стать героем, надо отдать свою жизнь.

— Не всегда. Настоящий солдат умеет ее сохранить. Кроме того, я всегда верил, что у героя есть тайный договор с Богом: храбрый человек так самозабвенно готов пожертвовать своей жизнью, что тем самым обязывает Бога защитить ее. Это старая рейнджеровская истина. Я часто повторяю ее своим ребятам в батальоне.

Хоффман говорил с таким значительным видом, что порой меня щекотало сомнение: а не издевается ли он?

Я продолжал внимательно наблюдать за ним.

Полковник широкой ладонью осторожно погладил траву справа от себя. Словно волосы спящей женщины. Он был по-прежнему смертельно серьезен. Над головой полыхало солнце.

— Герои, их дела и поступки, войны и воины — все это невозможно измерять обычными понятиями добра и зла. — Хоффман поправил берет на голове. — Да и кто способен провести точную границу между добром и злом? Бог? Даже он этого не сделал.

Господь отделил свет от тьмы, сушу — от воды. А добро от зла? То, что считается скверным и ужасным в поведении наших противников, становится хорошим в поведении

нас самих. Или наших друзей. То, что сегодня мы одобряем, завтра клеймим как нечто возмутительное. Не секрет, что иной авторитарный строй больше соответствует американским интересам, чем демократический. В свою очередь, Россия лучше ладит с иными монархами, чем с народными правительствами, приходившими на смену. Разве нет? Так что не надо мешать масло с водой, а мораль — с политикой.

Я оглянулся вокруг. Степь лежала навзничь, в забытьи. Невидимым гребнем ее любовно расчесывал ветер. Дышал он порывисто, шумно, обдавал меня пряными запахами чужой земли.

Вдруг подумалось: если бы я был художником и мне предложили написать портрет классического американского рейнджера, я попросил бы позировать полковника Хоффмана. И не потому, что на его рукаве красовалась нашивка «Рейнджеры первыми прокладывают дорогу!». И даже не потому, что он был прославленным командиром рейнджеровского батальона. Дело в ином: мозг этого человека был мозгом рейнджера.

История рейнджеровских подразделений уходит в глубь веков. «Отцом» рейнджеров считается легендарный майор Роберт Роджерс, родившийся в Америке 7 ноября 1731 года. Юность провел он в Нью-Гэмпшире[44] где еще мальчишкой досконально освоил партизанскую тактику индейцев. Потом успешно применил ее во время боев с французами близ местечка Краун-Пойн г. Уже в 1758 году под его началом действовали девять рейнджеровских рот. Роджерс первым сформулировал устав и основы рейнджеровской тактики, среди которых до сих пор не потеряли актуальность такие положения, как «никогда ничего не забывай», «никогда не возвращайся в базовый лагерь прежней дорогой», «когда нет пуль, применяй штык и кулак» и прочее.

Война была его стихией. Мир тяготил Роджерса, казался безвременьем: от безделья он пустился в финансовые махинации. Боевые заслуги не спасли его от карающей десницы Закона. Скрываясь от нее, Роджерс бежал в Англию. Там он написал две книги и пьесу о своих похождениях, разбогател и вскоре вновь был отправлен в Америку — командовать фортом Макланек. Опять проштрафился. Скрываясь от властей, вернулся в Англию. Там влез в долги и по сей причине прочно сел в тюрьму. Прослышав о начавшейся в 1775 году Войне за независимость в Северной Америке, он бежал из тюрьмы, воротился в Новый Свет и предложил свои услуги Джорджу Вашингтону. Однако мудрый генерал испытывал такое недоверие к ветерану-рейнджеру, что приказал его арестовать. Но война была для Роджерса милей, дороже, чем родина, и он переметнулся на сторону англичан, став очень скоро во главе нескольких рот «королевских рейнджеров». Фортуна вновь круто изменила ему: он потерпел серию военных неудач и был вынужден удрать в Англию. Там его ожидал еще один, последний в жизни бой. Бой с бутылкой. Рейнджер проиграл его. Спившись, он умер в полной нищете 18 мая 1795 года в Лондоне.

Эта вот веселая-превеселая, лихая шестидесятитрехлетняя жизнь стала истоком того, что двумя веками позже вылилось в мощные диверсионно-разведывательные подразделения армии США.

... 1-й рейнджеровский батальон майора Вильяма Дэрби высадился в Сицилии и вошел в ударную группировку генерала Паттона, который в июле 1943 года осуществлял прорыв в направлении Палермо. 1-й и 3-й рейнджеровские батальоны в январе 1944 года

взламывали немецкую оборону вокруг города Систерна, облегчая наступление 3-й пехотной дивизии. Из 767 рейнджеров, участвовавших в этой операции, в живых остались лишь шестеро. 6-й батальон рейнджеров сыграл ключевую роль во время боевых действий американских войск на Филиппинах, осуществил уникальную операцию по освобождению более пятисот военнопленных. Однако американские военные историки свидетельствуют, что лишь 6-й батальон рейнджеров применялся по своему непосредственному назначению (спасательные и диверсионно-разведывательные операции) во время второй мировой войны. Все остальные — в нарушение рейнджеровского устава.

С 1945 года и по сей день в США не прекращаются дебаты вокруг элитарных частей и подразделений, к которым в первую очередь относятся рейнджеры. Защитники «теории военной элиты» основывают свои доводы не только на классических концепциях, но и на реальных выводах из исторического опыта. Их противники утверждают, что наличие элиты негативно воздействует на моральный дух армии, что регулярные части теряют лучших сержантов, переманиваемых в специальные подразделения. Что относительно малочисленные по составу рейнджеровские отряды сковывают, заставляя работать на себя, слишком большие силы поддержки (артиллерия, авиация, боевая транспортная техника), которые могли бы применяться более эффективно. Пожалуй, определеннее всех высказывался генерал Фредерик Кроусен (ныне в отставке), командовавший во Вьетнаме 23-й пехотной дивизией. Он неоднократно отмечал, что к слабым сторонам рейнджеровских подразделений относятся их нежелание оставаться в зоне боевых действий дольше заранее установленного (обычно очень короткого) срока; повадки и замашки примадонны: привычка в случае малейшей угрозы или соприкосновения с противником вызывать на помощь вертолеты и десант...

Однако подобные споры не помешали созданию в 1984 году (по особому распоряжению министра армии Джона Марша) отдельного 75-го рейнджеровского полка.

Впервые после Вьетнама рейнджеры были задействованы в реальной боевой операции во время знаменитого «освобождения» американских заложников в Иране в 1980 году. И хотя они непосредственно не входили в состав группы «Дельта», предпринявшей безуспешную попытку спасти заложников, отряды рейнджеров были размещены на нескольких авиабазах в районе Ближнего Востока. В задачу отрядов входило обеспечение безопасности заложников во время их планировавшейся переброски в США.

Во время агрессии США против Гренады 25 октября 1983 года 1-й и 2-й батальоны рейнджеров десантировались на крохотный остров с критически малой высоты — 500 футов. Жестоко расправились они с инакомыслием островитян. Военный успех этой карательной операции и воодушевил Пентагон на создание отдельного рейнджеровского полка. Правительство США официально поставило перед ним следующие задачи: **проводить** «боевые операции в поддержку политики Соединенных Штатов Америки, специальные операции против объектов в глубоком тылу противника, операции совместно с регулярными подразделениями, спасательные операции; **защищать** граждан США, сотрудников посольств США, американские инвестиции и собственность за рубежом Соединенных Штатов; демонстрировать повсеместно в мире готовность и

решимость США отстаивать свои национальные интересы...»

— Да, — повторил полковник Бобби Хоффман, — не следует мешать мораль с политикой. Пустое это дело.

Фраза эта вернула меня из мира воспоминаний в мир реальностей. Вскоре послышался далекий рокот вертолетных движков.

— Люблю эту музыку, — Хоффман указал глазами куда-то в сторону горизонта. — В ней нет обмана.

Две урчащие точки долго летели над лесом. Потом скрылись из виду.

— Наши прилетят, — полковник строго глянул на часы, — минут через двадцать. Начало операции — ровно семьсот.[45] Подождем еще малость.

Он откинулся на спину, подложив руки под голову. Я спросил его:

— После Вьетнама не кажется ли вам служба в Форт-Беннинге лирическим отступлением от главного дела жизни?

— Кажется. Но, во-первых, человеку иногда надо отдыхать от пуль, во-вторых, кто должен передавать опыт молодежи. А в-третьих, Форт-Беннинг — очень непродолжительное «лирическое отступление». Скоро, как я понимаю, мне предстоит перебраться в Западную Германию. Кстати говоря, командир Форт-Беннинга двухзвездный генерал Льюер, видимо, тоже через несколько месяцев окажется в Федеративной Республике. На сей раз — в качестве командующего группой американских войск. А здесь мне нравится. Нравится наблюдать, как всего за 58 дней мы превращаем какого-нибудь пехотинца-расхлебая в настоящего рейнджера. Каждый год мы готовим для армии около трех с половиной тысяч рейнджеров. Обычно это люди от 22 до 28 лет. Всего 14 классов. В каждом — по 255 человек. Ребята тренируются и в пустынях, и в горах, и в условиях болотистой местности. Беннинг — одна из стадий их подготовки. Если общевойсковые спортивные нормативы зависят от возраста солдата или офицера, то для рейнджеров нет скидки на годы. Генерал Льюер — рейнджер. Ему 54 года. Однако во время теста по физподготовке он должен уложиться в те же нормативы, что и двадцатилетние юнцы. Чтобы попасть в рейнджеровскую школу, необходимо сдать спортивный экзамен: отжимы от земли (52 раза за две минуты), качание пресса (62 раза за две минуты), подтягивание и бег (две мили за 14 минут 54 секунды)...

Подсевший к нам молоденький капитан Хорс добавил:

— Еще надо сдать экзамен на выживание в воде: проплыть с полной боевой выкладкой 15 метров, не замочив при этом M16; сделать это же, но с завязанными глазами; находясь под водой и не имея возможности дышать, снять с себя башмаки, все ремни, одежду и лишь после этого всплыть на поверхность.

— Да, — сказал полковник, — есть масса требований к тем, кто хочет попасть в нашу школу. Необходимо: иметь талант лидера, уметь оказывать первую медицинскую помощь в боевых условиях, ориентироваться на местности без карты, корректировать огонь артиллерии, наводить авиацию, пользоваться рацией, вести разведку боем... Всего не перечислить, но уметь надо! Я прав, капитан?

— Как всегда, — с улыбкой отозвался тот. — Однако главная задача школы рейнджеров — воспитывать лидеров, командиров, которые могли бы потом передать свое умение подчиненным солдатам. Ведь всю армию через школу не пропустишь...

— Лидера невозможно назначить. Им можно стать лишь естественным путем — в процессе отбора. Как в волчьей стае. Кстати, есть несколько точек зрения на сей счет. Одни утверждают, что истинным лидером является человек, способный на деле доказать своим солдатам, что он тот самый командир, который может успешно провести операцию и сохранить их жизни. Другие говорят, что в основе таланта лидера лежит способность пробудить в подчиненных желание исполнить твой приказ. Не заставить, а именно пробудить желание подчиниться твоей воле. Школа рейнджеров поможет тому, в ком врожденный талант лидера проявлен слабо, победить неуверенность в себе, понять ее причины и, наконец, избавиться от них.

Далеко на востоке послышалось едва уловимое гортанное рычание. От опушки леса отделились четыре маленькие точки. Потом появились еще две. Они начали быстро расти и скоро превратились в шесть грохочущих «вертушек» — четыре «блэкхока» и два вертолета огневой поддержки десанта. Ураганный ветер, поднимаемый несущими винтами, провел ровный пробор в траве метров на тридцать.

— Не сдуло бы, — пошутил Хорс, втыкая в уши пластмассовые затычки. Хоффман и я последовали его примеру.

— Во Вьетнаме, — крикнул полковник, приставив ладони ко рту, — «хью», в отличие от «блэкхоков», были на лыжах. Для облегчения веса и увеличения грузоподъемности. Но потом фирмы Сикорского и «Макдоннелл-Дуглас» перешли на шасси.

Четыре корабельные группы забираются в вертолеты. Я сажусь рядом с полковником и капитаном. Пристегиваюсь ремнями.

Борта «вертушек» сделаны из обычной нержавеющей стали. Бронированы лишь сиденья.

Обе двери открыты, сквозящий ветер холодит разгоряченное солнцем и бегом лицо.

Первыми от земли отрываются вертолеты огневой поддержки. Чуть позже — четыре «блэкхока». Наша «шестерка» набирает скорость и идет метрах в двадцати над землей и приблизительно пяти — над верхушками деревьев.

После Афганистана все это напоминает какой-нибудь средний аттракциончик в ЦПКиО имени Горького. Даже когда при резком повороте вертолет валится вдруг на бок и лишь центробежная сила да ремень безопасности мешают тебе вывалиться вниз через распахнутую дверь.

Хорс растирает тонкими указательными пальцами бледные виски. На кирпичного цвета лице Хоффмана греется слабая улыбка.

Минут через пятнадцать командир экипажа резко сбрасывает скорость. Вздымая клубы пыли, земли и песка, вертолеты садятся. Фонтанами из каждой двери выскакивают рейнджеры, бегут метров двадцать, падают, занимая круговую оборону.

Посверкивая синими проблесковыми маяками, над нашими головами кружатся вертолеты огневой поддержки. Дождавшись взлета «блэкхоков», они все вместе, шестером, набирают высоту, быстренько уходят за горизонт.

Песок вперемешку с пылью колет глаза, скрипит на зубах.

— Издержки войны, — улыбается Хоффман, сплевывая серую тяжелую слюну.

— Поздравляю! — машет рукой Хорс. — Рейнджеры в Алабаме. Сейчас мы ее

мигом завоюем.

Где-то вдалеке послышалась автоматная стрельба, крики: видно там, ближе к реке, сшиблись две разведки.

— Гоу! Вперед! — сдавленно, хрипло кричит сержант Трейди Пью и кончиком языка облизывает сухие, обескровленные губы. В его правой руке — М16, в левой — свежеструганная ясенева палка.

Коротенькими перебежками мы рысим в сторону опушки. Под ногами хрустят кусты дикого терна, бурьян. Позвякивая лопатками, магазинами, гранатами и винтовками, впереди галопируют четыре сухонькие фигурки. За ними спешит «штаб» из трех человек — командир группы, радист и пулеметчик. Это — «Альфа». Чуть позади пылит «Браво». Рейнджеры четко держат расстояние: десять метров между десанниками, двадцать — между «Альфой» и «Браво».

Вдали — изгиб проселочной дороги. Вдоль нее неровным строем, словно с похмелья, едва стоят почерневшие от времени и дождей столбы «высоковольтки». Трейди Пью поднимает правую руку: мы мигом приседаем на правое колено. По очереди пересекаем дорогу, идем еще мили три-четыре и, не доходя двадцати метров до змеей извивающейся тропинки, покрытой, словно чешуей, осклизлыми прошлогодними листьями, ложимся на сырую землю: засада.

Хоффман отворачивает крышку фляги, жадно пьет теплую воду. Хорс снимает каску, платком цвета хаки вытирает взмыленные лоб и шею.

— Засада на войне, — тихо говорит посвежевший Хоффман, — была суррогатом счастья: хоть чуток можно было отоспаться. Правда, если «отрубался» и часовой, то сон иной раз становился вечным.

— Спи, солдат, — почему-то шепчет Хорс. — Бог хранит твой покой.

— Сколько вы проторчали во Вьетнаме? — Я поворачиваю голову в сторону полковника.

— Два тура. Последний — в 1972 году. Было мне тогда двадцать четыре. Чуть помоложе тебя. А когда всю ту кашу заваривали, думал, война продлится от силы год. В итоге всё растянулось на десять лет. Через Вьетнам прошло более 2,7 миллиона американцев. 58 тысяч из них погибли. 300 тысяч были ранены. Почти две с половиной тысячи человек пропали без вести или оказались в плену...

— Никто никогда ничего не знает, — говорит капитан Хорс. — В 69-м всю информацию о потенциальных возможностях «чарли» и Северного Вьетнама, об американском экспедиционном корпусе в Юго-Восточной Азии, о ресурсах всех завязанных в конфликте сторон — словом, все это заложили в память пентагоновского компьютера. А потом спросили машину: когда же, черт побери, Америка победит? Электронный мозг выдал быстрый ответ: уже победила. Пентагоновцы попросили уточнить ответ. Компьютер уточнил: Америка победила в 1964 году. Однако война шла не по законам электронной логики...

Над нашими головами, в беспредельной небесной высоте безмолвно плывут два истребителя. Выбросами реактивного топлива они перечеркивают небо.

— Еще не успев начать ту войну, — Хоффман снимает часы, трет правой рукой запястье левой, — мы проиграли ее на домашнем, внутриамериканском фронте. Нация не

поддержала военных. Журналисты настроили страну против ее же армии.

— Я знаю многих ваших журналистов, работавших во Вьетнаме, — сказал я, а сам подумал: «Борьба с журналистским инакомыслием, видно, любимое хобби американских офицеров». — По-моему, они не ставили перед собой такой задачи. Их задача была в другом — информировать страну о том, что происходит там, где гибнут дети Америки. Америка обязана была об этом знать. Если бы она не знала, то не поднялась бы на антивоенную борьбу, и во Вьетнаме погибло бы не 58, а 158 тысяч. Так что, может быть, журналисты были единственными героями той войны. Но вот позиция Пентагона была весьма странной: заставить страну не думать о Вьетнаме, затруднив работу репортерам, сделав трупы солдат «не подлежащими осмотру».

Рот Хоффмана кривится в улыбке. Хорс что-то внимательно разглядывает, уткнувшись в бинокль. А мне вспоминается та знаменитая инструкция, касавшаяся сопровождения цинковых гробов из Вьетнама в Соединенные Штаты. «...Каждому усопшему должен быть предоставлен гроб и сопровождающий его человек... особое внимание следует обратить на выбор сопровождающего, который мог бы успокоить членов семьи умершего и оказать им посильную помощь. Задачей сопровождающего является обеспечение воздаяния усопшему почестей, достойных павшего воина вооруженных сил Соединенных Штатов. В его обязанности входит: 1) по всем пунктам следования проверять сохранность ярлыков на гробах; 2) принимать меры к тому, чтобы родственники не вскрывали гроб, в случае если надпись на ярлыке гласит, что останки не подлежат осмотру. Помните, что „не подлежат осмотру“ именно это и означает...»

Не потому ли инструкция эта вспоминается мне столь отчетливо, что нечто аналогичное приходилось слышать и в Афганистане?

— В пору Вьетнама, — продолжает Хоффман, — меня всегда бесило, что те люди, которые больше всего возмущались нашими действиями в Азии, службы в армии избегали, воевать не шли. Зато сегодня мы поменялись местами. Вьетнам уже больше не позор, а заслуга. А вот тот, кто кричал на перекрестках: «Детоубийцы! Детоубийцы!» — тот остался в дураках.

«Интересно, — думаю я, — а как будут относиться к той войне американцы лет, скажем, через десять — пятнадцать?»

Хоффман берет у Хорса бинокль. Но не смотрит в него. Вертит в руках. Левая бровь его нервно изгибается, мелко дрожит.

— Мне, — говорит он, — довелось участвовать в самой последней официально зарегистрированной боевой операции американских подразделений во Вьетнаме. Дело было осенью 1972 года. Войска уже выводились. Самое страшное — погибнуть в последний день войны. Боевым лозунгом солдат в ту осень стала фраза: «Спрячься и вернись домой живым». Никому не хотелось стать «последним американцем, убитым во Вьетнаме». Как говорится, мы все сидели на чемоданах. Обычная боевая задача «обнаружить противника и уничтожить» постепенно свелась к «остаться любыми средствами живым». Вывод войск не принес радости. Он лишь обострил в солдате ощущение, что его обманули. Ни виски, ни наркотики, ни курево не могли вытравить из души это ощущение. Дома война уже была признана ошибкой и преступлением, а нам все еще приходилось сидеть в окопах. Как вспомню те дни — зубы ломить начинает.

— Вы упомянули о последней операции во Вьетнаме... — говорю я.

— Ах, да. Последняя операция, так ее и разэтак. Я был тогда в войсках специального назначения — «зеленым беретом». На боевые мы ходили не с М16, а с АК-47. В условиях джунглей ваш автомат лучше, верней: не так рикошетит — пуля-то потяжелей, да и скорость ее поменьше. Калашников — молодчина, все предвидел. Кроме того, когда мы начинали стрелять, «чарли» зачастую принимали нас за своих и топали прямо к нам в руки. Я командовал ротой. Послал группу на вертолете прочесать квадрат севернее нашей базы. Вдруг они возвращаются. Спрашиваю: в чем дело? А они: там сильное противодействие — огонь противника, мы решили не ввязываться в бой. Но вертолетчики объясняют иначе: просто крона дерева царапнула борт — огня не было. Я приказываю ребятам лететь в тот же квадрат опять. Но сержант — ни в какую! Сэр, говорит, я проторчал в этом дерьме больше года и не собираюсь погибать в нем напоследок. Я повторяю приказ. Тщетно. Ладно, говорю сержанту, сиди здесь, я сам поведу ребят. Если он психологически не готов лететь в джунгли, то черт с ним, решил я, не буду его ломать. Кроме того, возвращаться — не самая добрая примета.

— Вы были тогда женаты? — Я задаю этот вопрос полковнику, потому что знаю: холостому на войне проще, чем женатому.

— Да, — отвечает он, — ребенку пять месяцев только исполнилось... Словом, выбросили нас в указанный квадрат. Бродили мы по джунглям пять дней, пять ночей, устроили уйму засад. И все-таки Бог миловал: вернулись целыми. Лег я тогда на койку: вытянулся, хрустнул всеми переутомленными суставами и отчетливо почувствовал свое моральное превосходство над безумной затеей, именуемой жизнью... Я понял, что смерть — это мое самое верное убежище, далее которого ни один враг не сможет преследовать меня. Как сказал поэт, «пусть они исступленно беснуются, ты спокоен в могиле своей». Тебе, кстати, не надоел этот разговор о том, что человек делает на войне и что война делает с ним?

— Наоборот.

— Ты тоже, что ли, жаждешь заполучить пакет акций в международной корпорации грешников? — по губам Хоффмана змейкой скользит улыбка.

— Лишь в том случае, если вы предоставите мне право на долю в искуплении грехов.

— Ладно... «Как человек ни согрешит, Бог милосерден: он грех простит». — Улыбка опять кривит его рот. На сей раз она печальней моцартовской «Лакримозы».

— Полковник, — говорю я, — вы прямо-таки рейнджер-интеллектуал. Небось втихаря стихи строчите?

— Стихи — нет. А вот книгу про бег написал. Называется «Искусство бега».

— Хотите убежать от своих грехов?

— Отнюдь. Все мое ношу с собой...

— Как развивались события после вашего последнего боевого выхода?

— Обычно. Продолжался вывод войск. Они стягивались к городским центрам, потом направлялись в Сайгон, а оттуда — домой. Последними уходили рейнджеры и «зеленые береты», которые, понятное дело, ничего изменить не могли, но командованию было спокойней от сознания, что мы продолжали чесать джунгли. После того как

последнее подразделение американских солдат покинуло Сайгон, в Южном Вьетнаме еще на протяжении трех лет оставались военные и гражданские советники. На них все смотрели как на смертников. Многие погибли. Некоторые походили с ума. Советники не сомневались в том, что их предали. Оставлять их без защиты было вздорным решением. Впрочем, оно — элемент проводившейся тогда политики «вьетнамизации», целью которой было заставить южных вьетнамцев взять инициативу у американцев, а не сваливать решение всех проблем на наши плечи. «Чарли» и Северный Вьетнам не мешали нам уходить. Наоборот, всячески способствовали этому. Они-то хорошо знали, что без американцев им ничего не будет стоить развалить сайгонский режим. Честно говоря, я думал, что Юг продержится дольше. Но уже к весне 75-го все было кончено. А тогда, в 72-м, мы яростно убеждали самих себя, что оставляем хорошо вооруженную, боеспособную армию. Мы лгали себе. Бывают союзники надежные, а бывают такие, как армия Южного Вьетнама. На каждом шагу они предавали нас, а в конце уже откровенно играли на два фронта.

Хоффман дышит на свои наручные часы, протирает их рукавом. Внутри, видно, проник пот и затуманил стекло.

— Эх, черт! — ругается он, но кого имеет в виду, не понять — то ли бывшего боевого союзника, то ли запотевшие электронные часы. — А потом, — продолжает полковник, — Америка занялась поиском «ведьм» — виновников вьетнамской эпопеи. Сначала журналисты валили все на Джонсона, потом на Кеннеди, Макнамару... Но пуще всех досталось генералу Уэстморленду. — Вдруг лицо его искажает гримаса ненависти, он орет: — Ого-о-онь!

Автоматически я нажимаю на спусковой крючок. Через пару секунд лесок наш трещит, хлопает, взрывается, ухает: «Альфа» и «Браво» ведут суматошный огонь по вдруг показавшемуся в кустах «противнику».

Винтовка каждого из нас снабжена лазером. Спину и грудь обтягивает особый жилет, подсоединенный к электронному гудку на каске. Если «противник» попадает в тебя лучом, гудок мгновенно начинает пищать: ты «ранен» или «убит».

К концу лазерной перестрелки вся рожица пищит от обилия «трупов». Они, правда, как ни в чем не бывало пьют воду из фляг, перешнуровывают башмаки. Словом, ведут себя абсолютно наплевательски по отношению к смерти.

Сержанты деловито подсчитывают потери.

Потом мы встаем и длинной цепочкой идем куда-то на северо-восток по бесконечным степям Алабамы. Одну речку переходим вброд. Через другую — ту, что поглубже, — переправляемся с помощью натянутого над ней каната. Ноги ноют, тоскуют по вертолету...

К вечеру мы возвращаемся в Форт-Беннинг. Я прощаюсь с Хоффманом и Хорсом.

— Пока, — говорит капитан Хорс и протягивает мне руку.

— Пока, — говорит полковник и устало жмурит глаза.

В них такая жуткая даль, какую человеку, кажется, не одолеть и за тысячу лет жизни.

— Пока...

Последняя встреча

На обратном пути в аэропорт я останавливаюсь у небольшого магазинчика, приютившегося на одной из улиц Колумбуса. Здесь, как мне сказали, работает лейтенант Колли, тот самый Колли, что отдал приказ о расстреле мирных жителей деревни Сонгми. Перед Вьетнамом лейтенант проходил подготовку в Форт-Беннинге. После Вьетнама осел в соседнем с базой городке.

— Что вы желаете? Я к вашим услугам, — говорит среднего роста человек, появившийся в дверях.

— Я хотел бы поговорить с мистером Колли. Если это, конечно, возможно.

— А вы, собственно, кто? — Человек приближается к прилавку и кладет на его стеклянную поверхность свои белые, чуть толстоватые руки. Вроде руки как руки. Но почему-то от одного их вида меня начинает тошнить.

— Я журналист.

Человек резким движением снимает очки в золотой оправе и несколько секунд неподвижно смотрит на меня в упор. Резко поворачивается и уходит, хлопнув за собой дверь.

До меня доносится его приглушенный смех.

... Через пятнадцать часов я поудобней устроился в кресле трансатлантического авиалайнера ИЛ-62М, отправлявшегося из Нью-Йорка в Москву. Лишь когда гигантский город окончательно скрылся за дымовой завесой облаков, я понял, что моя служба в американской армии завершилась.

Иллюстрации

Примечания

1

Беннинг Генри Льюис (1814–1875) американский военачальник, участник гражданской войны в США.

2

Штат на юге США, где расположен Форт-Беннинг.

3

Город рядом с Форт-Беннингом.

4

Фунт — 0,4536 кг.

5

Фут — приблизительно 30,5 см.

6

Паттон Джордж Смит — младший (1885–1945) — американский военачальник, в годы второй мировой войны командовал рядом армий.

7

Рейнджеры — военнослужащие диверсионно-разведывательных подразделений.

8

Административный центр штата Джорджия.

9

Генерал-майор.

10

Аэропорт на канадском острове Ньюфаундленд.

11

«Летать» (to fly — англ., жарг.) — находиться в наркотическом опьянении.

12

Город в штате Нью-Джерси, надалеко от Филадельфии.

13

Новая народная армия (ННА) — так именуют себя филиппинские повстанцы, выступающие против центрального правительства.

14

Соседний с Джорджией штат.

15

Боевая машина пехоты.

16

Т. е. получил гражданство США.

17

82-я воздушно-десантная дивизия.

18

Social Life — общественная жизнь (англ.).

19

«Макдональдс» система закусок, разбросанных по всей Америке.

20

Так американские солдаты называли южновьетнамских партизан (от кодового обозначения «Вьетконга» — вьетнамский коммунист — по первым буквам «Виктор Чарли»).

21

Так в американской армии обозначаются роты в батальоне: начальные буквы этих слов соответствуют порядку букв в английском алфавите: «А» — «Альфа», «Б» «Браво» и так далее.

22

Привилегированное военное училище сухопутных войск.

23

Нашумевшая в США антисоветская картина.

24

Военные базы США на Филиппинах. 17 октября 1988 г. договор был продлен: в обмен на это Филиппины получают от США в 1990 и 1991 фин. гг. в общей сложности 962 млн. долларов в виде военной и экономической помощи.

25

«Американская школа» (исп.).

26

Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954) — немецко-фашистский генерал-полковник. Во второй мировой войне командовал танковым корпусом, танковой группой и армией. В 1944–1945 гг. начальник генштаба сухопутных войск.

27

Мемфис — город на юге США, в штате Теннесси.

28

Американский психиатр и публицист.

29

Национальная гвардия — территориальные воинские формирования в США (около 400 тыс. человек), являющиеся резервом регулярной армии. Национальные гвардейцы также проходят переподготовку в Форт-Беннинге.

30

Американский писатель, прославившийся своими романами на современную военную тематику, «соловей» тамошнего министерства обороны.

31

Литл — маленький (англ.).

32

Биг — большой (англ.).

33

Тактико-технические характеристики.

34

Бронетранспортер.

35

Уэбстер Н. (1758–1843) американский лексикограф, в 1928 г. издал в Нью-Йорке «Американский словарь английского языка» (3-е издание выпущено в 1961 г.), который содержит около 450 тыс. терминов, бытовавших или бытующих в английском языке с 1755 г., дает их произношение и этимологию. Выпущены сокращенные варианты словаря, а также географические, биографические и другие «уэбстеры».

36

Имеется в виду, что время — 5.00 утра.

37

Молодые солдаты.

38

Клаузевиц Карл (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. Участвовал в войнах с Францией. С 1812 по 1813 г. — на русской службе. Клаузевиц первым разработал положение о войне как продолжении политики.

39

Генерал Уэстморленд — командующий американскими войсками во Вьетнаме.

40

Штаб Тихоокеанского командования находится в Гонолулу на Гавайских островах.

41

Ярд — 0,9144 м.

42

Скаутизм — распространенная в США система военного воспитания. Скаутские организации объединяют молодежь 8–18 лет и делятся на бойскаутские (мальчики) и гёрлскаутские (девочки).

43

Современный военный вертолет ВВС США, предназначенный для высадки десанта.

44

Штат на северо-востоке США, один из 13 первоначальных штатов, его заселение началось в 1623 г.

45

7.00 утра.

Маргарита Симоньян

Русская журналистка; на данный момент занимает пост главного редактора журнала 'Russia Today'

Родилась и выросла Маргарита в Краснодаре; в Краснодаре же она окончила школу с углубленным изучением иностранных языков – и даже успела съездить в старших классах по обмену в Нью-Гэмпшир, США. Отучившись на факультете журналистики Кубанского Государственного Университета, Симоньян устроилась в Школу Телевизионного Мастерства Владимира Познера. После университета и школы Маргарита отправилась работать по специальности. В феврале 1999-го Симоньян устроилась корреспондентом на телерадиокомпанию 'Краснодар'. Корреспондентом Маргарита оказалась просто великолепным; деятельность её постоянно отмечалась различными наградами. В январе 2000-го Союз Журналистов Кубани наградил Симоньян премией 'За профессиональное мужество' за серию подготовленных военных репортажей; чуть позже – уже в мае – журналистка получила премию Всероссийского Конкурса Региональных Телерадиокомпаний – за сюжет о прибывших отдохнуть в Анапу чеченских детях. Примерно в то же время Маргарита получила повышение – её назначили ведущим редактором информационных проектов телерадиокомпании.

В сентябре 2000-го труды Симоньян вновь были отмечены высокой наградой – на сей раз, президентской стипендией. Уже в феврале 2001-го Маргарита перебралась на Всероссийскую Государственную Телевизионную и Радиовещательную Компанию; занималась Симоньян репортажами из Ростова-на-Дону. На этом посту Маргарита также долго не задержалась – сначала её сделали спецкором 'Вестей', а затем – осенью 2002-го – включили в состав президентского пула.

В сентябре 2004-го Симоньян стала одной из главных обозревательниц трагических событий в Беслане.

За последние годы работы Маргарита изрядно пополнила свою коллекцию наград; у нее есть два Ордена Дружбы (за вклад в развитие общественного телевидения и продолжительную и плодотворную работу и за объективное освещение действий грузинских агрессоров на территории Южной Осетии в августе 2008-го) и медаль 'За Укрепление Боевого Содружества'. Наиболее свежую из своих наград – медаль 'Мовсес Хоренаци' за значительный вклад в развитие журналистики и высочайший

профессионализм – Симоньян получила из рук самого президента Армении, Сержа Саргсяна.

Претензии Ofcom к RT — попытка надавить на нас

1 октября британский медиарегулятор Ofcom опубликовал бюллетень, в котором обвинил RT в предвзятом освещении событий на Украине. Претензии регулятора касаются выпусков новостей, которые вышли в эфир ещё в марте этого года. Главный редактор RT Маргарита Симоньян считает обвинения Ofcom попыткой повлиять на редакционную политику канала.

25 Как Вы отреагировали, когда узнали о претензиях Ofcom к RT?

Это не первые претензии британского регулятора к нам. Мы считаем, что подобные претензии – это, конечно, способ заставить нас изменить нашу редакционную политику, надавить на нас и как-то на нас повлиять. Что они нам говорят? Они нам говорят: «Ваше освещение Украины предвзято и несбалансированно». Я каждый день, каждый час могу найти в эфирах BBC массу примеров предвзятости и несбалансированности в их освещении Украины. Только эта предвзятость и несбалансированность другого рода. Получается, что британский регулятор обращает внимание и пеняет каналам на то, что они что-то освещают предвзято лишь тогда, когда позиция телеканала расходится с позицией британского государства, а когда не расходится, то можно проявлять и предвзятость, и несбалансированность. Ну, это цензура в чистом виде, это давление и попытка поменять нашу редакционную политику. Мы, конечно, её менять не будем. Мы надеемся, что есть другие способы найти общий язык с британским регулятором.

Какие конкретно материалы смутили Ofcom? Что там и почему именно сейчас?

А мы не знаем, что конкретно. Нам говорят: «Это освещение было несбалансированным». Ну, мы тоже считаем, что освещение чего угодно, что делает Россия, в британских СМИ, мягко говоря, несбалансированно, а иногда граничит с дикостью. И что теперь? Вы представляете, если бы российский регулятор стал выносить предупреждения BBC и грозиться его отключить на основании того, что ему кажется их освещение несбалансированным? Это был бы на весь мир такой грохот, что мало бы никому не показалось. А когда это происходит с нами, то «конечно, это же российское СМИ – можно и так».

Расскажите подробнее о попытке подать жалобу на BBC в Ofcom?

Да, мы позвонили в Ofcom и сказали, что в таких-то материалах, в таких-то сюжетах, в таких-то репортажах не отражена позиция России, всё несбалансированно, очень предвзято. Нам сказали: «Знаете, мы не регулируем деятельность BBC». Представляете? То есть медиа-регулятор, который регулирует деятельность всех телеканалов на территории Великобритании, при этом не регулирует деятельность самого главного – BBC. Нам сказали: «Если у вас есть какие-то претензии по поводу деятельности BBC, то обращайтесь в BBC».

Вы связываете это с запуском вашей лондонской студии. Расскажите поподробнее, потому что, как я понимаю, сами претензии были к весенним материалам?

Претензии, которые опубликованы сейчас, – к мартовским материалам. Мы буквально несколько дней назад запустили студию в Лондоне. Это вызвало много комментариев в прессе, много было статей и заметок, и большая реакция была у аудитории. Мы её открыли прямо напротив MI-6. Всё здорово и замечательно. Проходит несколько дней, и британский регулятор комментирует нашу деятельность, говоря, что может лишиться лицензии, потому что считает, что наше мартовское освещение украинских событий несбалансированно. Очень сложно увидеть здесь действительно борьбу за интересы британской аудитории, борьбу за свободу слова, правду и демократию. Мы этого и не видим.

Какие у регулятора есть рычаги и действительно ли он может сделать то, чем грозит — вплоть до отключения?

Конечно, может. Захочет – сможет. Если они захотят нас отключить, то они вместо «синий» услышат «голубой», или им не понравится «синий» и они скажут, что надо было говорить «голубой». И на этом основании нас отключат. Если бы нам были предъявлены конкретные претензии... Ну, например, мы исказили где-то факты, что какое-то событие не произошло, а мы сказали, что произошло, по поводу перевертывания, по поводу, например, того, что мы нарушили чью-то частную жизнь... Но нет же! Нам говорят: «Ваше освещение несбалансированно и предвзято». Но ведь это очень субъективная терминология. Что значит «несбалансированно и предвзято»? То, что я сейчас говорю, несбалансированно и предвзято, кому-то может показаться. Вещание любого СМИ, любого телеканала несбалансированно и предвзято. Когда я смотрю подавляющее большинство западных каналов, у меня возмущение вскипает внутри от несбалансированности и предвзятости. Это значит, что в России их должны отключать, если оно россиянам кажется несбалансированным и предвзятым? Ну, это же смешно. Это ни к какой свободе слова не имеет отношения.

Что требует Ofcom от RT?

Они хотят, чтобы мы изменили свою редакционную политику. Они хотят, чтобы мы отражали некоторые события так, как им кажется правильно. Мы этого делать не будем. Мы тогда вообще не нужны, если мы будем делать то же самое, что делает BBC. И наша несбалансированность и предвзятость будет один в один со сбалансированностью и предвзятостью BBC.

Заранее вы готовы к тому, что они могут вас отключить?

Мы ко всему готовы.¹⁹¹

Австрийский Profil

Смешной австрийский журналист

Один день Russia Today: тигр, бомбы, мини-юбки

Журналист австрийского издания profil решил провести день за просмотром эфира российского телеканала RT. Как пишет автор, эксперимент удался. Просмотр

191 <http://russian.rt.com/article/59025#ixzz3J6vznjJl>

зародил в нем тревогу и беспокойство за судьбу всего мира.

Russia Today (RT) и то, каким он видит мир: на один день Себастьян Хоффер предоставил себя телевизионной лечебнице. Эксперимент удался – у пациента дрожь.

Ближе к полудню, когда в Вене стоит ясный солнечный день, все больше убеждаешься в том, что мы живем в мрачное время. За последние 2-3 часа я не услышал и не увидел ничего, что говорило бы в пользу того, что в мире в целом и особенно в его западной части что-то может измениться к лучшему. Коррупция, лицемерие, мрачные интриги, беспорядки, эпидемии, бомбардировки. Вопиющая несправедливость.

По крайней мере, у тех, кто передает эти страшные новости неизменно хорошее настроение, и вообще внешне они производят приятное впечатление.

Это контролируемый эксперимент в условиях жилой комнаты: один телевизор, один зритель, один канал, один день. В венской сети кабельного телевидения UPC RT находится на 506 канале, сразу за BBC, CNN и CNBC. Эксперимент проходит 15 октября. В этот день в мировой политической жизни не происходит ничего примечательного. Это обычный день ужасов на RT. ORF в привычной манере сообщает о тенденциях к расколу в австрийском государственном холдинге ÖIAG и переговорах по ядерной программе в Вене. На RT же открывается гораздо более яркая панорама.

Каждый час на российском канале зарубежного вещания показывают получасовой обзор новостей, который в течение дня варьируется лишь в нюансах, а также ток-шоу, документальные передачи и репортажи. Главная тема в среду: Эбола – американская болезнь. Второй случай заражения вирусом Эбола в Техасе, первый вопрос ведущего RT: Как так получилось, что в стране с самой обеспеченной в мире системой здравоохранения эпидемия может распространяться так свободно? *«В течение недели вера в способность США справиться с болезнью была сильно подорвана».*

Первая жертва вируса Эбола в Техасе: несмотря на очевидные симптомы, больной был отправлен домой. Из-за недостатка контроля над развитием кризисной ситуации профсоюз медсестер бьет тревогу. Сотрудники аэропорта бастуют из-за отсутствия стандартов безопасности. В студии только растерянно качают головой. Великая держава, по-видимому, страдает проблемами третьего мира.

Остальные новости, коротко: беспорядки на митинге ультранационалистов в Киеве, протесты против полицейского насилия в Миссури, столкновения в Гонконге, взрывы бомб в Багдаде, наводнение в Парме, митинг за независимость в Южном Йемене и Каталонии.

Первое, что с раннего утра бросается в глаза: о России на российском канале зарубежного вещания дают на редкость мало информации. Это касается не только содержания программ. Внешне RT также ориентируется на англосаксонские СМИ. Канал использует классический формат CNN, а штат его сотрудников почти полностью состоит из британцев и американцев.

Бойкие на язык журналисты флиртуют перед камерами или с собеседниками на родном им английском языке; вместо нудного сидения за пультом здесь происходит оживленный диалог между коллегами, сопровождаемый фоновой графикой и мимикой ведущих, в которой преобладают утрированные интерес, ужас, нахмуривание лба и выпучивание глаз. На экраны выводят включения с экспертами и корреспондентами,

последние чаще всего стоят в бронезилетах на фоне руин; в нижней части экрана – бегущая строка новостей, мировое время, Твиттер-лента. Новости исключительно волнующие: любое короткое сообщение напоминает экстренный выпуск новостей. В этом RT похож на своих американских конкурентов, да и вообще, ракурс подачи материала очень напоминает внутриамериканский. RT не транслирует дешевую пропаганду в стиле «а вот у них так», а беспокоится за родное, то есть прежде всего за Англию и США. То, что в эту среду Австрию не упоминали, можно расценивать как положительный знак.

На RT в получасовом такте наступает конец света – точнее в 28 минутном такте; между отрезками программы оставляют немного места на анонс конца света: на следующей неделе, посмотрев документальный фильм RT «Тяжесть цепей», я узнаю, как США в 90-ые годы устранили цветущий реальный социализм в республике Югославия, а тех, кто был не согласен, то есть Сербию, вбомбили в средневековье.

Либеральный американский журнал «The New Republic» однажды назвал RT «Правда light» (Легкая версия правды), что является на редкость положительной оценкой на фоне той массы жесткой критики, которая звучит в адрес остальных. Самое время сделать передышку для спокойного мирозерцания и детального анализа.

Передачу ведет Питер Лавелль. Говорун даже на фоне не самых молчаливых звезд RT, он пританцовывая, входит в студию своей образцово-показательной передачи Cross Talk и представляет трех участников дискуссии на прямой связи из Нью-Йорка, Лондона и Вашингтона. В последние дни Лавелль занимается одной ведущей темой, и сегодня речь также пойдет о политике США на Ближнем Востоке, Лавелль задает направление разговора: *«Стратегический промах или политика безграничных возможностей? Решайте сами. Очевидно одно, что Вашингтон и его коалиция недовольных неспособны остановить расширение «Исламского государства»»*. По прошествии 28 минут и 30 секунд вежливых дебатов (по большей части все были согласны с мнением Питера Лавелля) был прояснен, по крайней мере, изначальный вопрос: Во-первых, Запад помог ИГИЛ набрать силу, во вторых, с чисто практической точки зрения это предоставило Западу *«безграничные возможности для того, чтобы установить свои порядки на Ближнем Востоке»*. Не стоит верить всему, что рассказывают западные новостные каналы.

Еще не наступил полдень, а мы уже находимся в центре мировосприятия RT и на его исконной территории, принёсшей каналу успех: RT рассказывает «другую», настоящую историю, которая скрывается за тем, что сообщает «мейнстримовая пресса». Это мрачная история о тайных сообществах, которая иногда неявно, а местами самым очевидным образом проступает в новостных передачах и ток-шоу: она вызывает сомнения в целостности политического и экономического истеблишмента в Вашингтоне, Лондоне и Тель-Авиве. В лице западной общественности, испытывающей из-за негативной новостной повестки страх перед будущим и недовольство политическим режимом, это антиповествование находит благодарного слушателя. Возмущайтесь, озлобленные телезрители!

«Истории, которые вы здесь услышите, вы не услышите больше нигде. Есть причина, по которой вы не должны их слышать». Однако причину в шоу Эбби Мартин «Долой стереотипы» не проясняют. Крутая американская журналистка, которая с

беспокойством на лице смотрит на Манхеттен из открытого вертолета —при этом ее волосы драматично развеваются - исходит из того, что причина и так понятна, главным образом потому, что она в этот раз – как и часто за прошедшие месяцы – будет рассказывать о практиках шпионажа Агентства национальной безопасности США: полицейское государство, Большой брат 2.0, разведывательно-промышленный комплекс, сумасшедшие истории про разоблачителей, которые Эбби Мартин комментирует, покачивая головой: «Невероятно».

Стоит отметить и заразительный непоколебимый позитив коллеги Мартин Эрин Эйд из вашингтонской студии RT. В своей экономической передаче Boom Bust она рассказывает о недавней, по-видимому, широкомасштабной волне банкротств в частном секторе США, вызванной негативным воздействием требований по выплате ипотечных кредитов, подкрепляя рассказ фоновыми графиками в стиле матрицы. Тем, кого это затронуло, Эйд с сияющей улыбкой рассказывает о вариантах выхода из ситуации с «зомби долгами», при этом выразительно двигает бровями: *«Вы можете объявить себя банкротом и потерять все, что вы с трудом накопили. Или вы можете снять деньги и закапать в огороде. Абсолютно серьёзно: Это доступные вам варианты»*. Во только, что делать тем, у кого нет огорода?

Но за счет такой простой самопомощи в Европе все равно не протянуть. Во второй половине дня на первый план выходит очередная новость: конъюнктурный спад в Германии, *«хозяйственный двигатель Европы барахлит»*. Практически не повторяясь в словах, экономический эксперт RT из Германии Михаэль Мросс объясняет, что, во-первых, это *«катастрофа»* и, во-вторых из этого есть всего один выход: санкции против России необходимо отменить. Лучше сегодня, чем завтра. А если нет? *«То мы все погибнем в вспышке сверхновой гиперинфляции»*. Когда Мросс не анализирует положение немецкой экономики для RT, он выражает свое экспертное мнение в блоге на Mmnews.de, который даже не скрывает свою тягу к конспирологической апокалиптике.

Чтобы у вас не возникло неправильное впечатление: на RT есть и поучительные истории. В блоке документальных передач, который часто повторяется, сегодня рассказывают историю о российских братьях Аскольде и Эдгарде Запашных, представителях известной московской актерской династии, которые успешно выступают в качестве отчаянных укротителей тигров и вполне могут составить конкуренцию великим Зигфриду и Рою (даже при условии, что те никогда в жизни не согласились бы выйти на камеры в приветливых спортивках с надписью «Россия»). Эта история о мужестве, дисциплине и ярких костюмах, после которой любой способный чувствовать человек захочет завести себе такого же симпатичного тигренка (но не захочет такую мать как Татьяна Запашная, которая вопреки настойчивой воле отца, который не раз подвергался страшным нападениям хищных кошек, отправила братьев в клетку с тиграми, когда они были еще маленькими мальчиками).

Вечером в этом отрезке эфира все снова становится серьезно. Реалити-шоу News Team сопровождает репортёров RT во время их работы. В этот раз это военный корреспондент Мария Финошина. Одетая в бронезилет, она находится в разбомбленной части Луганска и очевидно потрясенная произносит: *«Мир должен узнать, что здесь в действительности происходит»*. К счастью соведущая подхватывает ее слова: именно

украинская армия своим огнем уничтожает гражданское население на востоке Украины.

Во второй сюжетной линии шведский корреспондент жалуется на нагулянный по бокам жирок. Другие страны, другие нравы. Новости одни и те же: в вечерний прайм-тайм новости RT еще раз резюмируют произошедшее за день и немного усиливают риторику: третий случай заражения вирусом Эбола в США, и все еще не прояснен вопрос: «*Как такое возможно в стране с настолько развитой системой здравоохранения?*» Помимо этого: новые митинги на Украине, новые бомбардировки в Ливии, и по-прежнему: ИГИЛ наступает, а в Германии кризис.

Спокойной ночи, мир.¹⁹²

Я не согласна с Вдовиным, но готова отдать жизнь за его право высказывания

*Маргарита Симонян в своем блоге —о нашумевшей истории с учебником Вдовина и Барсенкова.*¹⁹³

Я не была на заседании комиссии, где обсуждали этот учебник —не получилось. Сама книжка мне представляется вредной, небрежной и даже опасной. Я не раз говорила, что в России сегодня нет большей угрозы ее же собственному существованию, чем выяснение этнических отношений. И учебник истории, в котором эксплуатируется противопоставление русского этноса другим этносам, живущим в России (а у авторов это любимая тема с первых страниц) —вредный и опасный учебник. Такие противопоставления легко отзываются в юных душах и растят в них монстров, которые, не приведи Господь, могут со временем растерзать мою многонациональную Родину.

Я довольно много писала об этом в своей книжке «В Москву». Там есть один герой —Толик, вот он как раз такой. Начитавшийся похожих «учебников» и наслушавшийся «учителей». И, в общем, все, что я хотела сказать по поводу национального вопроса в России, я историей с Толиком в своей книжке и сказала. И теперь говорить мне об этом довольно скучно и немножко страшно.

У меня одна Родина, я здесь родилась и выросла, здесь родились и выросли мои родители, бабушки и дедушки, я не представляю себя живущей не в России, и мысль о том, к чему могут привести такие книжки и такие Толики, для меня непереносима. Это что касается книжки.

А вот что касается реакции на книжку, то я подписываюсь под каждым словом из первых трех абзацев у Макса Шевченко. Ни добавить ничего —ни убавить. Классическая история - «я могу быть не согласен с вашим мнением, но я отдам жизнь за ваше право его высказывать». Так что прокуратура за книжку —это, мягко говоря, перебор. Общественная дискуссия —всегда пожалуйста, а прокуратура —ни в коем случае. Эдак либеральная мысль далеко зайдет, и страна у нас получится не лучше, чем могла бы получиться у Вдовина-Барсенкова.

С виду нормальные люди

192 <http://russian.rt.com/inotv/2014-10-22/Odin-den-Russia-Today-tigr>

193 <http://www.rus-obr.ru/opinions/7796>

6 ноября 2013, 10:00

Не знаю, зачем я это пишу – наверное, потому, что стала недавно мамой и теперь мне еще больше не все равно, чем было не все равно раньше. Мы с младенцем моим не спали прошлую ночь: она – по причине расстраивавших ее колик, я – по причине расстраивавшего меня «Русского марша».

Потом долго думали: она – о неведомом, я – о русских. Вот результат моих размышлений. (За нее не ручаюсь, ибо она уже три почти месяца как отдельный от меня человек).

«И, да, пока мне тут не напомнили, напомню сама – я нерусская. Во мне нет ни капли русской крови. Ни одной. Слава России!»

Если Россия планирует сохранить себя как государство преимущественно русской культуры и христианских ценностей, то жить так, как сейчас, ей осталось лет ...дцать. Потому что лет через ...дцать, при текущей динамике, Россия будет преимущественно государством нерусских, и не просто нерусских, а мусульман. И это даже с визами. Визы вообще ни при чем – я тут буду писать о наших, внутрироссийских межэтнических дразгах, не о мигрантах.

У русских для сохранения Родины в ее нынешнем виде нет другого пути, кроме как больше рожать и больше ассимилировать. Не гнать от себя, не пугать, не резать в метро, а плавить в одну общую культурно русскую массу, в пока еще не существующий единый российский народ всех нерусских, рожденных и выросших на этой нашей земле. Нужно просто один раз перестать играть в чужие контексты и идеалы, в отравивший Европу уже почти до смерти красивенький мультикультурализм, в любой ценой сохранение и укрепление уникальных культур малых народов, в нерусские алфавиты и языки. Наша история, наша культура, наши ценности, наш первый и главный язык – все это должно быть единым, непререкаемым, монолитным, необратимым, не зависящим от того, кто талантливее орет на митинге или трибуне. Раз и навсегда.

Остальное – дело техники. Как это делается, сколько нужно на это лет – на воспитание в школах и детсадах, на – о ужас! – госпропаганду единства всех нас как одной монолитной нации, на возвращение соотечественников по этническому признаку, что не стесняются делать ни Греция, ни, тем паче, Израиль, ни даже пугливая на такие темы послевоенная Германия. На СМИ, на законы, на их применение, на книжки, кино, на концерты, телепрограммы, утренники, фестивали, на компьютерные стрелялки – что там еще? Я не специалист. Но полагаю, специалисты бывают. Просто надо один раз так твердо решить.

Хватит кормить Кавказ. Кормить надо российский юг. И этот российский юг должен знать, что его кормят и с ним носятся, пока он ментально российский.

Моя прабабушка убежала в 15-м, в геноцид, из Трабзона, где была ее Родина, в тогда еще русский Крым, от турецких ножей, зарезавших ее братьев, сестер и родителей. Моя бабушка родилась и выросла в Сочи, при этом до 18 лет не говорила по-русски. Моему отцу не разрешили жениться на русской, ибо диаспора не одобряет браки с чужими, даже если эта диаспора живет в уральском Краснотурьинске, где мой отец был рожден. Я сама – четвертое поколение – родилась в Краснодаре, не говорю по-армянски, почти не знаю армянской истории, была в Армении один раз, в 25 лет, с Путиным в

командировке, и моя Родина – однозначно Россия. Мой, так сказать, семейный «анамнез» – ужас и трагедия, с точки зрения истории армянского народа. А с точки зрения будущего России – только так и должно происходить.

Маленький дагестанец, ингуш, татарин, калмык (кого еще режут в московском метро?) должен знать, что он, прежде всего, россиянин, а потом уже дагестанец, ингуш, татарин, калмык. Что бы об этом ни думали его родители. Как это знаю я, как это будут знать мои дети. Семья, где я жила в юности, пока училась в США – где мама полька и немка, а папа рыжий ирландец – безоговорочные американцы, и то, что они полька и немка и даже ирландец, заметно только по шуткам на бамперном стикере и веселым этническим праздникам раз в году, вроде Сэйнт Патрика. Для них самих их польскость или ирландскость – это такая «фенечка», а не моделирующая биографию жизненная философия, не кровная принадлежность к другой, нежели у1457апрограмаамериканская, культуре и языку. Так же должно быть у маленького дагестанца, якута, татарина, ингуша.

Впрочем, другой путь, он, как всегда, к сожалению, есть. К лешему всех отпустить. Точнее, прогнать. Особо никто, честно сказать, не расстроится. Прозевали давно тот момент, когда бы расстроились. Если бы не прозевали, сейчас и вопрос бы так не стоял, ибо была бы привычная среднесоветская мир-дружба-жЕвачка, когда мою маму, этническую армянку, родившуюся в России, распределяют преподавать немецкий в Урус-Мартан, и никто ничего такого в этом не видит. Вообще ничего. По крайней мере, ничего страшного.

Другой путь – он пленительно очевидный. И о нем не стыдятся уже говорить как о правильном и возможном люди, которых принято называть приличными. С виду нормальные люди.

Дорогие нормальные люди! Если вас почему-то устраивает Россия в пределах ее Золотого кольца – без чеченцев, якутов, калмыков, без ханты и манси, без ненцев, татар, ингушей, дагестанцев, без чурок, хачей, черножопых и узкоглазых, без нефти и газа, без золота и бриллиантов, без Байкала, Амура, без южного моря и плодородных земель – тогда, конечно, вперед. Зигуйте дальше. В нашей с вами уже изрядно разболтанной этнической лодке зиговать и поощрять зигование (полустыдливо-полуазартно, от самих себя, кажется, не ожидая такого, отворачиваясь от зеркал, как пьяная девственница, вдруг решившая «Эх, была не была!») – суть один хрен.

Так, чтобы чурок, хачей, черножопых и узкоглазых здесь больше не было, а нефть, бриллианты, Байкал и Амур, газ и моря оставались – так не получится. Хоть обзигуйся. Прогонишь один неказистый, вроде, Кавказ, который, вроде, не жалко – и понеслась. Поезжайте в Якутию, спросите якута, что он о нас, не якутах, думает, в каком гробу он нас видел и как его достало терпеть нас, круглоглазых и бело... – ну, в общем – на исконно якутской земле. Никогда не слышали про якутский национализм? А он тем временем процветает. И опасный термин «регионообразующая национальность» в Якутии произносят с той же страстью, что в Москве – «государствообразующий народ».

Сколько лет и усилий уйдет, пока тот якут или дети якута и мысли не смогут перенести, что они – не Россия, не с русскими, не единый народ, как не могут об аналогичном помыслить те мои полька-немка-ирландец, не знаю. Но когда-то же надо, блин, начинать!

Лично меня Россия в пределах кольца не устраивает. И если – God forbid! – придется за это когда-нибудь воевать, ну значит что. Значит, пойдём воевать.

И, да, пока мне тут не напомнили, напомню сама – я нерусская. Во мне нет ни капли русской крови. Ни одной. Слава России!

Михаил Гусман

Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства Москвы, заслуженный работник культуры РФ, первый заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС, ответственный секретарь Всемирной ассоциации русской прессы, генеральный секретарь Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана, автор и ведущий телевизионного проекта ИТАР-ТАСС и телеканала «Россия» «Формула власти», доктор политических наук, профессор

Родился 23 января 1950 года в Баку (Азербайджанская ССР, ныне – Республика Азербайджан). Отец - Гусман Соломон Моисеевич (1904 г.рожд.), участник Великой Отечественной войны, доктор медицинских наук, профессор. Мать - Барсук Лола Юльевна. (1916 г.рожд.), по первой профессии актриса, доктор педагогических наук, профессор. Супруга – Гусман Джема Мамедалиевна (Алескерова). Сын - Вадим Михайлович (1978 г.рожд.), аспирант-медик.

В Баку Гусманы осели в конце XIX века, когда там начался нефтяной бум. Дед с бабушкой по отцовской линии приехали туда из местечка Чаусы, что под Енакиеве Донецкой губернии (ныне Донецкая область, Украина), а по материнской – из Киева. К Баку этому интернациональному городу, жившему по своим собственным законам – законам товарищества, дружбы и взаимовыручки, Михаил Соломонович хранит любовь всю жизнь, изыскивает любую возможность бывать в этом городе, где к тому же похоронены его родители. Отец Михаила, Соломон Моисеевич, прошел дорогами Великой Отечественной войны. На фронт ушел младшим лейтенантом, вернулся капитаном 2 ранга. После увольнения из армии – доцент, заведующий кафедрой Бакинского медицинского института, затем – доктор медицинских наук, профессор. Мать, Лола Юльевна, в свое время была самой многообещающей актрисой Бакинского театра русской драмы, играла на сцене главную роль в шиллеровской «Марии Стюарт». Затем окончила Институт иностранных языков, стала впоследствии заведующей кафедрой английского языка в Азербайджанском институте иностранных

языков, доктором педагогических наук, профессором.

Семья Гусманов была очень дружной. В доме родителей часто собирались их друзья, в основном люди творческих профессий – музыканты, журналисты, а также государственные и общественные деятели. В такой атмосфере неповторимых встреч близких по взглядам интеллигентов, полных духовности, благородных и чистых помыслов, и рос Михаил. Присутствовать на них было для него любимым времяпрепровождением и в детстве, и в юности.

Учиться Михаил пошел в одну из престижных в то время школ Баку: № 1. В одной из таких школ, № 160, учился его старший брат Юлий. Между школами всегда шла конкуренция сначала среди учеников, а затем и выпускников. Братья продолжают соперничать в своей известности в стране до сегодняшнего дня. Особым прилежанием в школе, по признанию Михаила, он не отличался, но зато был достаточно активным парнем. Ему была интересна любая общественная деятельность, в том числе и комсомольская.

Уже в юные годы Михаил отличался не просто детским любопытством, а настоящей информационной всеядностью: интересовался всем и вся, читал подряд все газеты и журналы, смотрел все новостные информационные программы, подвергал их, как ему тогда казалось, анализу. Юлий называл его «информационным вампиром». В отличие от своих сверстников Михаил мечтал в ту пору стать не космонавтом, капитаном дальнего плавания или пожарным, а дипломатом. В 1966 году, после окончания школы, даже сделал безуспешную попытку поступить в Московский институт международных отношений. Вернувшись в Баку, стал студентом Азербайджанского института иностранных языков имени Ахундова. Учился легко, язык благодаря матери знал превосходно, остальные предметы всерьез не воспринимал, поэтому занимался больше общественной работой, возглавлял комитет комсомола института. Тем не менее вуз окончил с отличием, получив специальность учителя английского языка, поработать которым так и не пришлось.

Склонность к общественной работе, видимо, предопределила то, что Михаил после института пошел работать в Бакинский городской комитет комсомола. Затем последовала служба в Военно-морском флоте на Каспийской флотилии. Службе рядом с домом он был обязан отнюдь не усилиям авторитетных и уважаемых в городе родителей, а своему комсомольскому опыту: в штабе флотилии очень хотели заполучить к себе искушенного в комсомольских делах работника. Михаил побывал матросом, старшим матросом, старшиной, реально занимаясь общественно-политической работой, находясь на офицерской должности.

После демобилизации в 1973 году Михаила приглашают заместителем председателя в Комитет молодежных организаций Азербайджанской ССР, являвшийся одним из подразделений ЦК ВЛКСМ. Работа здесь стала отличной школой и была очень интересной, по словам Михаила Соломоновича, и нравилась ему до безумия. В его воображении рисовалось некое здание большой политики, и свой кирпичик в это

сооружение будто бы закладывает он, Михаил Гусман. В этот период он окончил факультет журналистики Бакинской высшей школы политических наук – обязательное условие для успешного карьерного роста работников его плана. Еще находясь в Баку, Михаил публикуется в московских молодежных газетах, выступает на телевидении, делает документальные фильмы и радиопрограммы. Практику эту он продолжит и после переезда в Москву, когда в 1986 году получит приглашение и станет заведующим отделом прессы и информации – руководителем пресс-центра Комитета молодежных организаций СССР. Это было начало горбачёвской перестройки. Михаил активно налаживает международные связи молодежи Советского Союза с коллегами из зарубежных стран, иностранными молодежными изданиями.

А затем прямо на глазах рассыпается Советский Союз. В новых, рыночных, условиях Михаил сохраняет верность избранной работе в области информации. С 1991 по 1995 год он – директор Генеральной дирекции общественной организации информационного сотрудничества молодежи «Инфомол». В 1995 году генеральный директор ИТАР-ТАСС В.Н. Игнатенко приглашает его стать вице-президентом международного информационно-аналитического агентства АНКОМ-ТАСС, дочерней структуры ИТАР-ТАСС.

В 1997 году Михаил Соломонович переходит на работу непосредственно в ИТАР-ТАСС. С тех пор честно служит этому агентству, чем очень гордится. А гордиться, безусловно, есть чем: агентство ИТАР-ТАСС, основанное еще в 1904 году, имеет статус главного государственного агентства при Правительстве Российской Федерации, является одним из четырех ведущих информационных агентств мира, содержит 120 корпунктов в 81 стране мира, в нем работают около 2000 сотрудников. До 1999 года Михаил Гусман – начальник Главного управления международного сотрудничества ИТАР-ТАСС. С января 1999 года по октябрь 2000 года – заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС, а с октября 2000 года по распоряжению В.В. Путина – первый заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС. М.С. Гусман, прекрасно знающий и любящий свою профессию, принадлежит к той категории людей, которые успевают все. Он умело расправляется с тассовской текучкой, разъезжает по миру, встречаясь с героями своих будущих материалов. Михаил Соломонович – удивительно разносторонняя личность: он не только блестящий журналист, но и прекрасный рассказчик, автор многих сценариев телевизионных фильмов и телевизионных программ.

Он руководит масштабными международными проектами: с 1999 года является ответственным секретарем Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), с мая 2000 года – генеральным секретарем Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана (ЕАНА). Михаил Гусман также вице-президент Европейского альянса информационных агентств, российский представитель в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Предела своим силам и возможностям Михаил Соломонович не знает, считая, что для человека вообще и для мужчины в особенности главным и

естественным всегда должно оставаться стремление максимально реализоваться. Такая напряженная жизнь как раз и помогает ему в этом.

В своем отношении к информационным технологиям Михаил Соломонович достаточно консервативен. К живому общению, по его выражению, относится лучше, чем к виртуальному. Интернетом в поиске информации пользоваться не любит. М.С. Гусман – автор и ведущий уникального для информационного пространства страны и единственного в мире совместного телевизионного проекта ИТАР-ТАСС и телеканала «Россия» «Формула власти». Проект представляет собой череду эксклюзивных интервью с мировыми лидерами и коронованными особами. Его уникальность – в невероятно широкой географии. К 2007 году героями «Формулы власти» стали 97 глав государств – абсолютный мировой рекорд. Первое интервью Михаил Соломонович взял у президента Чехии Вацлава Гавела, которого считает символом редкого сочетания интеллекта и морали в политике. Создатель проекта побывал в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке. Среди героев цикла: президенты США и Франции, Чили и Мексики, Индонезии и Южной Кореи, Украины и Азербайджана, председатель КНР, короли Швеции, Норвегии, Испании, премьер-министры Великобритании, Италии, Канады, Японии, федеральный канцлер Германии, правящий князь Лихтенштейна, Великий Герцог Люксембургский и многие другие. Всего героями «Формулы власти» стали более 100(!) глав государств и правительств. Своеобразный мировой рекорд.

Серьезнейшей профессиональной победой можно считать первое интервью с президентом США. Ведь в свое время именно М.С. Гусман вместе с В.Н. Игнатенко предсказали во время встречи с губернатором штата Техас Бушем-младшим, что тот станет президентом Соединенных Штатов Америки.

Идею программы, своеобразного профайла, личной телестранички, подсказала Михаилу Гусману фотография 197 глав государств – участников саммита-2000 в ООН. Лучшего рассказчика и лучшего гида по своим странам, чем их лидеры, наверное, не найдешь, подумал в тот момент Михаил Соломонович. Они не только гаранты конституции своих государств, но и носители, хранители традиционных ценностей своих народов. Мысль, как оказалось позднее, была удачной. Со своей идеей Михаил Соломонович пришел к генеральному директору ИТАР-ТАСС В.Н. Игнатенко, тот этой идеей загорелся, связался с телевизионными руководителями и получил их поддержку. Так, два раза в месяц вот уже семь лет на телеэкранах (сначала на ОРТ, а в последние два года на телеканале «Россия») стала появляться программа «Формула власти», выполняющая достаточно серьезную просветительскую роль, поскольку много места в ней занимает рассказ о странах, их истории, культуре.

Проект чрезвычайно амбициозен и, казалось, трудно выполним. Но М.С. Гусману удалось с ним справиться. Он регулярно получает благодарственные письма. Они приходили, например, от королевы Дании, президента Австрии, президента США Буша-младшего и других. Большинство его сановных собеседников ждут сухого политического разговора, каких у них бывает сотни, и вдруг – нечто необычное, сугубо

личное. Михаил Гусман дает светский портрет лидера, не пытается поставить собеседника в неудобное положение, соблюдает меру и такт. Его интересуют не политическая принадлежность и политические пристрастия, не сам феномен власти, а личность. Он – человек, которому интересно общаться с яркими людьми, обладающими властью и излучающими определенный магнетизм, раскрывать их с необычной стороны.

С самого первого, к тому же удачного интервью Михаил Гусман, поверивший в добрые приметы, выходит на встречи с ними всегда в желто-золотистом галстуке от Версаче. Эту деталь он отразил в заголовке своей книги «Формула власти. 55 интервью в золотом галстуке», изданной в 2005 году издательством «Терра». Михаил Соломонович – человек самодостаточный, потому всегда исходит из того, что с кем бы он ни беседовал, – его собеседник не выше и не ниже его: они равные, оба выполняют свою работу. Каждому интервью предшествует колоссальная работа, в ходе которой изучаются мельчайшие детали биографии, привычки героя, его вкусы, хобби. Говоря о формуле политической власти в ее прямом понимании, М.С. Гусман подчеркивает, что это сложнейшая алгебраическая формула, которая становится все сложнее и сложнее, но он эту формулу по-прежнему знает и всегда готов доказать. М.С. Гусман – действительный член Международной академии информатизации, доктор политических наук, профессор. В 2003 году ему вместе с коллегами присуждена Государственная премия РФ за цикл телепередач «Формула власти», в январе того же года – премия Правительства Москвы в области журналистики, он – заслуженный работник культуры РФ.

Самое любимое время препровождение, которое он называет своим «главным хобби», для Михаила Соломоновича – неспешный, душевный разговор с друзьями. С юных лет он очень любит драматический театр. Еще будучи бакинцем, он летал на спектакли Таганки с участием В.С. Высоцкого, спектакли театра «Современник» и Театра имени Вахтангова в Москву, успевая вернуться домой к новому рабочему дню. Старается не пропускать ни одного нового спектакля, будь это постановка дебютанта или маститого мэтра. Музыкальные пристрастия М.С. Гусмана: классический джаз, шансон, классическая бардовская песня, жанр, который для него с уходом В.С. Высоцкого и Б.Ш. Окуджавы, увы, ушел в прошлое.

Живет и работает в Москве.

Мирового правительства не существует

Автор и ведущий телепрограммы "Формула власти" Михаил Гусман определяет

свой подход к журналистике как терапевтический. Этот подход дает результаты - более 160 лидеров государств уже ответили на его вопросы. Полномочный представитель российской журналистики на международной арене Михаил Гусман в день своего 60-летия рассказал обозревателю "Известий" Наталье Осс, как ему удается вести содержательный диалог с властью

Михаил Гусман задает мировым лидерам любые вопросы. Во время интервью с Бараком Обамой

Автор и ведущий телепрограммы "Формула власти" Михаил Гусман определяет свой подход к журналистике как терапевтический. Этот подход дает результаты - более 160 лидеров государств уже ответили на его вопросы. Полномочный представитель российской журналистики на международной арене Михаил Гусман в день своего 60-летия рассказал обозревателю "Известий" Наталье Осс, как ему удается вести содержательный диалог с властью.

известия: Вы выбрали своей темой власть и встречались как журналист с лидерами государств и правительств. Каковы нормальные, рабочие отношения прессы и власти?

михаил гусман: Тема власти - тема вечная, интересная, безграничная и бесконечная. На эту тему можно сделать десятки интервью, снять сотни фильмов. История власти в истории человечества - особая история. Естественно, задумывая цикл программ, мы не ставили для себя неразрешимую задачу - полностью раскрыть тему, сделать ее раз и навсегда понятной. На мой взгляд, суммарный ответ более 160 глав государств и правительств - героев программы помогает понять, что такое власть в понимании нынешних лидеров. Потому что в разные века в разных государствах понимание природы власти разнилось иногда полярно.

Что касается отношений власти и прессы, то я не стал бы делать широкое обобщение в коротком интервью. Считаю, что беседовать с журналистами - это часть профессиональной работы главы государства. Может быть, не основная часть его деятельности, но одна из главных обязанностей. Когда я встречаюсь с лидером страны, мы оба делаем свою работу. Важно, чтобы мы делали ее хорошо: моя задача - задать вопросы, интересные собеседнику, его задача - дать ответы, которые будут интересны зрителям.

и: У вас уникальный опыт - вы говорили почти со всеми, кто представляет власть на планете, практически со всеми представителями этого мирового правительства...

гусман: Никакого мирового правительства не существует.

и: Это образно... Что это за люди? Каковы их цели? Можно сказать, что это каста? Люди особой породы?

гусман: В демократических странах, я говорю это всегда, лидеры государств - это люди выдающиеся. Потому что сама система отбора в высшие эшелоны власти в демократических странах - через общение с прессой, дискуссии, взаимодействие с общественными организациями - подразумевает, что до вершины дойдут только те, кто уникален по своим человеческим характеристикам. Только в странах с диктаторскими режимами к власти могут прорваться бесноватые, мини-фюреры - фигуры ничтожные и

мелкие. В условиях демократии правителями становятся люди, обладающие неординарными личными качествами и неординарным мышлением.

и: Россия относится к числу таких стран?

гусман: Безусловно. Российская выборная процедура, сама специфика прихода во власть в нашей стране первых лиц такова, что на лидирующих позициях оказываются люди выдающиеся или, уж как минимум, неординарные.

и: Вы общались и с монархами. Главное различие в образе мыслей королей и президентов в чем состоит?

гусман: Не зря говорят, что монархи - помазанники Божии. Я сам не шибко большой монархист по убеждениям, но склонен считать, что некая элитарность, высокий аристократизм существуют. И те монархи, с которыми мне приходилось встречаться, - и король Швеции Карл XVI Густав, и королева Дании Маргрете II, и король Испании Хуан Карлос I, и король Иордании Абдалла II - о каждом из них я мог бы говорить часами. Это люди с очень высоким чувством осознания своей миссии, своей ответственности перед народом.

В современном мире монархи выступают в роли как бы отца или матери нации. Они - люди-символы, и это только повышает их ответственность. Символ не имеет права на пятнышко. У представителей демократически избранной власти больше свободы - сама политическая ткань, материя их деятельности предполагает право на ошибку, сомнение. В этом плане им меньше позавидуешь, чем монархам.

и: Монарх был бы полезен России? Аристократ, представитель династии в качестве правителя страны - как вам такой проект?

гусман: Гипотетически - да, но практически я мало в это верю. Россия имела аристократию, подвижников, патриотов, преданных своей нации и Отечеству, но десятилетия после 1917 года таким чудовищным катком проехали по генофонду... А потом преступления 30-х годов, война. Это уничтожило всю аристократию.

и: Но можно импортировать из-за рубежа - например, Майкла Кентского, как предлагают некоторые политологи.

гусман: Я не являюсь апологетом этого члена британской королевской семьи, скажем так. Вообще, мичуринские опыты к человеческому материалу плохо применимы. Высаживать аристократов, как цветы в оранжерее, вряд ли получится.

и: Какими проблемами озабочены мировые лидеры - есть общий список для всех?

гусман: Конечно, это - современный терроризм, экология и сохранение окружающей среды. Эти больные темы находятся в повестке дня каждого из глав государств.

и: Среди ваших собеседников были люди, которые демонстрировали: "смотрите, я и есть власть"?

гусман: Властолюбцев в чистом виде среди правителей немного. Если таковые и встречаются, то это малозаметно. Люди, добившиеся власти, обычно демонстрируют, что для них она - инструмент, не более того. У американцев существует понятие *political animals* - политические животные, или, точнее, политические звери. Такими были братья Кеннеди, таким был гениальный Уинстон Черчилль, наконец, таким был Мао Цзэдун. Да и Ленин, в конце концов. Жизнь в политике - сама суть их жизни. Это просто такой тип

человеческой природы. Точно так же есть люди, которые не могут существовать вне музыки, литературы. Не все лидеры живут только ради политики, но есть и такие.

и: По вашим наблюдениям, власть придает человеку харизматичности?

гусман: Харизматичность - свойство личности. Но не должности. Хотя кое-кто так не считает. Власть - всего лишь рама для личности. Она может быть простым багетом, может быть усыпана дорогими камнями, но это - всего лишь рама.

и: Как, на ваш взгляд, должен вести себя журналист при общении с лидером страны? Существует ли мировой стандарт? И каков ваш собственный стандарт?

гусман: Не терять достоинства, не заискивать, не лебезить, не шаркать ножкой. В чем гениальность американского интервьюера Ларри Кинга? В том, что он со всеми говорит одинаково. Я пытаюсь придерживаться того же правила.

и: Вы всегда так умели или научились этому?

гусман: Чувство собственного достоинства - чувство врожденное и прививается с детства. Им обладали мои родители - отец, который был врачом, и мать, которая была педагогом. Я слышал, как уважительно говорили с ними люди и как разговаривали они между собой.

и: Есть разные журналистские амплуа - можно быть исследователем, критиком власти, наблюдателем, приятным собеседником или даже скоморошествовать. Как вы определяете свою роль?

гусман: К скоморошеству отношусь крайне отрицательно - это чуждо профессиональной журналистике. Наша профессия сродни врачебной - есть журналисты-хирурги, терапевты, гинекологи, журналисты-проктологи, простите. Каждый выбирает медицинскую специальность, которая ему ближе. Будучи сыном врача-терапевта, я предпочитаю старый добрый фонендоскоп, то есть прикоснуться ухом к сердцу. Для того результата, который я хочу получить, этого достаточно.

Увы, сейчас развелось огромное количество журналистов-патологоанатомов. Человек ушел из жизни, тело еще не остыло, а уже начинают вспоминать любовников, любовниц, разбирать семейные передрыги. Мне это глубоко чуждо. И я не считаю, что в этом нуждается читатель, зритель. Нормальная беседа позволяет телевизионной камере, как рентгеном, высветить человека. Если это разговор равного с равным, если вы не сюсюкаете и не хамите, а беседуете на обычные человеческие темы, то камера все покажет, и умный человек у экрана все поймет. А для дураков мы не работаем.

и: Договариваться об интервью помогает статус - это понятно. А отношение к России и российскому журналисту влияет на процесс?

гусман: Влияет. Должен сказать, что ни один из 160 моих собеседников даже и намека себе не позволил на неуважительное или пренебрежительное отношение к нашей стране. Интерес к России неподделен, глубок и искренен. Это касается и американских лидеров - Обама и Буша, и лидеров небольших стран. Я не принадлежу к людям, которые кричат, что Россия в кольце врагов, что Россию не любят. Россия пользуется уважением в мире как великая держава с богатейшей культурой или грандиозной историей.

и: А личный интерес к русской культуре, традициям кто-то из ваших собеседников проявлял?

гусман: Например, экс-президент Индонезии госпожа Сукарнопутри, дочь бывшего

президента Сукарно, очень любит советские мультфильмы - она их видела, когда приезжала в СССР с отцом. Я повез ей коллекцию фильмов "Ну, погоди!" Она была в восторге. Или вот еще история. Премьеру Израиля Ариэлю Шарону, который к тому же владелец крупной фермы, я привез в подарок сбрую, сделанную Мухтарбеком Кантемировым, знаменитым наездником из очень известной семьи джигитов. Шарон решил, что она подойдет для крупной американской лошади, которая есть у него на ферме. Получилось очень символично: американская лошадь на ферме израильского премьера, закованная в сбрую, сделанную в России.

и: Вы с удовольствием говорите об этих программах. Кто в вас сильнее - журналист или чиновник от журналистики?

гусман: Я настолько люблю живую работу, что всегда считал себя полевым игроком. Все, кто меня знает, могут подтвердить: кресло - наименее любимый мною предмет профессиональной деятельности.

и: Так зачем вы в нем сидите?

гусман: Потому что считаю, что и в этом качестве могу принести пользу. Главная задача человеческой жизни - самореализация.

и: У вас с братом есть разногласия по поводу отношения к власти, ситуации в стране? Спорите?

гусман: Мы - политические единомышленники. Но спорим нещадно. Он занимается творчеством и более свободен в своих воззрениях, я, находясь в профессии, должен быть более взвешен. Хотя это и нескромно, но любим говорить, что мы - как братья Кеннеди. Едины, но испытываем друг к другу профессиональную ревность. Успех одного стимулирует второго сделать еще больше. Знаете такое слово - челлендж?

и: Десять лет выходит программа. За это время...

гусман: Я бы хотел сказать про команду. За десять лет у нас было всего три режиссера - Джаник Файзиев, ставший впоследствии известным кинорежиссером, Вадим Островский, лауреат премии "ТЭФИ", Мурад Ибрагимбеков, лауреат Венецианского фестиваля; шеф-редактор Екатерина Ляхницкая, сценарист-редактор Оксана Шапарова. И все эти десять лет полноправный соавтор передачи - Сергей Юрьевич Юрский, который читает текст. Мои авторские интонации он передает с потрясающей точностью - лучше, чем я сам мог бы сказать.

и: За десять лет, которые выходит программа, вы вывели для себя формулу власти?

гусман: Не берусь говорить за моих героев, но обобщенный ответ, который есть в моих интервью: достоинство и ответственность.

и: А формула жизни какая?¹⁹⁴

Каддафи – мой самый сложный собеседник

Интервью с первым заместителем генерального директора ИТАР-ТАСС, заслуженным работником культуры РФ, ведущим передачи "Формула власти" Михаилом Гусманом.

– Как один из руководителей ИТАР-ТАСС, вы считаете, социальные сети создают

¹⁹⁴ <http://izvestia.ru/news/>

проблемы для традиционной деятельности информагентств?

– Я считаю, что сегодня Интернет, благодаря бурному развитию информационных технологий, бросает огромный вызов обществу. Все, что сейчас происходит в Интернете, называется русским словом «беспредел», на азербайджанском – «озбашыналыг».

Вы можете считать меня консерватором, но то, что происходит в Интернете в сфере информации, напоминает конец XIX – начало XX века, когда только появился автомобиль. Это была такая дорогая игрушка, номеров на машинах не было, знаков на улицах не было, правил дорожного движения тоже не было, каждый ехал, как хотел. Авто было не много, и все катались, как хотели.

Но прошло время, машин стало больше, появились первые жертвы, и люди столкнулись с необходимостью как-то это систематизировать.

То же самое в Интернете – сейчас этот беспредел, это плохо, потому что, с одной стороны, это великое достижение, великие информационные возможности. Но мне не нравится безответственность и анонимность.

Вот в традиционном агентстве вы отвечаете за то, что делаете, у вас есть гражданская, а если не дай бог понадобится, и юридическая ответственность. А в Интернете ответственности никакой, владельцы сайтов или операторы находятся в другой стране, и это в целом очень опасно.

Это тема отдельного интервью, так как на эту тему можно говорить долго. Последние события вокруг Викиликса доказали, что вот эту безнаказанность, безответственность и опасность люди еще до конца не осознали. То есть пока получают удовольствие, но не понимают опасность.

– Вы говорили, что, на ваш взгляд, в демократических странах лидеры государств – это люди выдающиеся. И только в странах с диктаторскими режимами к власти приходят «бесноватые, мини-фюреры – фигуры ничтожные и мелкие». В этом контексте и в связи с последними событиями в Ливии как бы вы оценили личность Каддафи?

– Я встречался с Каддафи, делал с ним интервью. Честно скажу, что, с одной стороны, он очень хитрый, ловкий и умелый политик. Собственно говоря, нехитрые, неловкие и неумелые политики не могут продержаться у власти больше 40 лет.

Он великолепный пиарщик, он всегда блестяще пиарил сам себя. Все эти разговоры про 40 девственниц, которые его охраняют, шатры, потом разные экзотические военные формы, тросточки, с которыми он ходил, – это одно.

С другой стороны, он, конечно, очень и очень ловкий политик. Но на меня лично, может, потому, что это было недавно, и это уже был не тот молодой Каддафи, который был когда-то «майором Каддафи», он произвел очень тягостное впечатление человека больного, подозрительного. Он плохо говорил, у него было очень болезненное лицо под тонким слоем грима.

Вообще моими собеседниками за последние 11 лет были 170 лидеров разных стран. Честно, Каддафи был самый сложный мой собеседник. Я не люблю говорить о мистике, но от него исходит какая-то черная энергия.

– Расскажите, пожалуйста, как идет подготовка ко Второму российско-азербайджанскому форуму гуманитарного сотрудничества. Ведь до осени осталось не так много времени, как кажется. Какие перспективы у форума в принципе? Какие

страны могут участвовать в форуме?

– Сама идея, что Баку станет местом проведения гуманитарных форумов под патронатом двух президентов, Ильхама Алиева и Дмитрия Медведева, – это замечательно. Вообще Баку как центр гуманитарного сотрудничества, как мировой центр – это здорово. Потому что исторически Баку не только очень важная геополитическая точка, но и важная точка пересечения разного рода цивилизационных, философских течений.

Баку как город всегда был мультиконфессиональный, мультикультурный, он таким и остался.

Вот экономический форум в Давосе – это маленький город в Швейцарии, а ежегодно гурю со всего мира туда съезжаются для обмена самыми передовыми идеями в области экономики. Подобным центром мирового интеллектуального, гуманитарного развития может и должен стать Баку.

Я уверен, что форум будет ежегодным, с постоянным местопребыванием в Баку.

«Второй заход» этой осенью принципиально будет отличаться от первого, потому что представительство будет не двусторонним, а международным. На форуме 10-11 октября в Баку будут представлены высокие интеллектуалы со всего мира.

– Какие новые проекты в сфере гуманитарного сотрудничества планируется осуществить между Россией и Азербайджаном?

– Таких проектов десятки, здесь самые разные аспекты: это вопросы социокультурных, образовательных и информационных связей. Вообще, я благодарю бога, что сегодня уровень российско-азербайджанских отношений позволяет говорить, что между нашими странами, как об этом говорили и Дмитрий Медведев и Ильхам Алиев, нет нерешенных вопросов. Могут быть дискуссии, могут даже обсуждаться какие-то острые темы, но вопросов, которые были бы болезненными для отношений России и Азербайджана, – таких нет.

– В июне состоится очередной Всемирный конгресс русской прессы, ИТАР-ТАСС – один из его организаторов. Какое количество СМИ вы планируете пригласить на конгресс, и кого из представителей азербайджанских СМИ можно будет увидеть? Как вам кажется, какова основная задача подобных мероприятий?

– Мы ожидаем, что будет более 300 участников из более 60 стран, пройдет конгресс в Одессе и Киеве (Украина). Будут обсуждаться традиционные вопросы, но один из важнейших – как выжить, ведь русскоязычная пресса в других, кроме России, государствах, – это пресса меньшинства населения. Как выживать прессе меньшинства экономически? Это большой и сложный вопрос.

Азербайджанские русскоязычные СМИ традиционно широко принимают участие в конгрессе, представлены практически все медиа, которые изъявили желание.

– Вы автор популярного проекта «Формула власти». У вас гостей были и общенациональный лидер Гейдар Алиев и нынешний президент Ильхам Алиев, между прочим, два раза. Это что, землячество? И вообще, каково ваше впечатление от этих бесед?

– Не преувеличиваю, но одним из самых ответственных эпизодов всей моей жизни было интервью с Гейдаром Алиевым. Я просил у Гейдара Алиевича на интервью полчаса.

Мы встретились. Вдруг он поднял голову и сказал мне: «Ты просил полчаса, а уже прошло два». И мы поговорили еще полтора часа после этого!

Потом для меня возникла большая проблема: наша программа шла 26 минут, и вот как 3,5 часа уместить в эфире? Первое, что я сделал, – пошел и упал на колени перед руководителям телеканала. Я сказал им: «Давайте сделаем в два раза больше, ну хотя бы час». Больше было невозможно. И дальше я буквально как ювелир вырезал паузы, какие-то междометия, чтобы сохранилась наша беседа с Гейдаром Алиевичем.

Я очень горд тем, что получилась, на мой взгляд, очень важная и интересная передача.

Я был рад встречам и с Ильхамом Гейдаровичем. Мы с ним первый раз встретились вскоре после того, как он стал президентом. У нас был очень интересный, откровенный разговор. Вторая встреча была относительно недавно, и это был уже совершенно другой человек. Президент, за плечами которого уже несколько лет управления страной. На экране было видно, что это человек, который хорошо понимает нужды своего народа, нужды своей страны, и который стратегически видит развитие Азербайджана. Я видел, как Ильхам Алиев просто устремлен в будущее, и это то, что помогает Азербайджану достигать успехов.

– Кто будет в ближайшем будущем гостем «Формулы власти»?

– У меня во вторник в Нью-Йорке интервью с генсеком ООН Пан Ги Муну, а уже в среду интервью с гендиректором ЮНЕСКО Ириной Боковой. И Аллах гойса (русс. «дай бог» – Ф.А.), в мае я должен сделать интервью с президентом Пакистана Асифом Али Зердари, который приедет в Россию. Потом – с президентом Австрии Гайнсом Фишером. Их и увидят зрители передачи.¹⁹⁵

«О чем не сообщил ТАСС, того не существует в природе»

Михаил Гусман

«Полит.ру» продолжает цикл интервью со специалистами по инновационному. Михаил Гусман, тележурналист, взявший интервью у многих мировых лидеров, Первый заместитель генерального директора ИТАР-ТАСС, рассказал о специфике своей работы и деятельность ТАСС

Михаил Соломонович, бывали моменты жесткого контроля, когда вы брали интервью у первых лиц?

В России ни политические структуры, ни государственные никогда меня не спрашивали, какие вопросы я буду задавать. В отличие, кстати, от пресс-служб мировых лидеров. Они заранее интересуются вопросами, чтобы подготовить своих политиков. Недавно я вернулся из республики Корея, где в Сеуле я имел честь брать интервью у президента этой страны. Ну вот, я направил вопросы заранее. Но это вызвано тем, что разговор должен получиться простой. В силу ограниченности времени всегда интересней разговаривать, когда твой собеседник хорошо понимает тематику разговора и не боится, что ты застанешь его врасплох.

Моя задача в этих интервью не наступать на больные мозоли, это другой жанр. Я люблю сравнивать нашу с вами журналистскую профессию с профессией врача. Врач – это

195 ronika.az/analitics/17995-mixail-gusman-kaddafi-moj-samyj-slozhnyj.html

общее понятие. Но в медицине существует много разных направлений. Есть хирурги, терапевты, травматологи. Я себя вижу классическим терапевтом. В том смысле, что мне, чтобы беседовать, брать интервью, не нужен хирургический скальпель и какие-то особые жесткие приборы. Я по старинке прикладываю ухо к своему собеседнику и пытаюсь услышать его голос. Это мой подход, нравится он кому-то или нет, второй вопрос. В этом плане я совершенно свободен и в своих вопросах, и мне работать достаточно легко.

А бывали случаи, когда пресс-службы отсекали какие-то важные для вас вопросы?

Бывали, но я не вижу здесь крамолы. Есть вопросы, которые по каким-то причинам, необязательно политическим, тот или иной лидер не хочет обсуждать. Может, накануне он давал какое-то интервью, и чисто психологически уже устал, так как по этой теме уже все сказал. Если вы настаиваете, он, конечно, поговорит на эту тему. Бывает, что они считают, что вопрос для них закрыт, а я ковыряю раны. Но это достаточно редкий случай. А бывают и обратные ситуации. Когда мои собеседники хотят раскрыть какую-то тему, которая их беспокоит, но у меня ее не было в вопросах. Тогда предлагают, просят, чтобы через мой вопрос они какую-то тему осветили.

А есть у вас какая-то яркая история на эту тему?

Ну, например, Король Иордании Абдалла II ибн Хусейн очень хотел поговорить об Оманской декларации. В России этот документ был малоизвестен, а в арабском мире его знали достаточно хорошо. Для самого короля это важный документ, о котором он бы хотел, чтобы знали в России. А у меня вопросов про нее не было. И тут мне передают, что король хотел бы про нее поговорить. Я, конечно, отвечаю, что, с удовольствием, о ней спрошу. Это нормальный двусторонний процесс. Но процентное соотношение тут 90 к 10. Только в десяти случаях из ста меня просят о чем-то подобном.

А все-таки подсказывает ли вам ваше руководство, какие вопросы задавать? Может, они ставят какие-то задачи?

Честно сказать, «Формула власти» существует уже 15 лет, и последние лет 14 мне уже задачи не ставят, потому что я уже соображаю, что надо делать. Первый год я был менее квалифицирован, но тоже не ставили. Давайте сыграем в игру. Что бы вы на моем месте спросили, скажем, у президента Кипра?

Про офшоры, про разделение Кипра...

Я об этом спрошу. Какие специфические вопросы вы может придумать?

Ну, может, лучше все-таки вы подскажите, что можно спросить в этой ситуации особенно важное?

Тут вот такая штука, важно не только что, но и как. Моя задача состоит в том, чтобы человек открылся. Есть один, два, три лидера в мире, каждое слово которых важно. Может, Путин, Обама, теперь в меньшей степени Олланд, Меркель. Но и то... Вспомните последнее интервью Владимира Путина. Оно огромное, а цитируется 20-30 фраз. Интервью такой жанр... Важно не то, что человек скажет, но и как. В телевизионном интервью наиболее важно показать, как выглядит человек, создать представление о нем.

Давайте перейдем к ИТАР-ТАСС. Как вы контролируете работу ваших иностранных корреспондентов?

Мы абсолютно доверяем нашим корреспондентам. Считаем, что они в высшей

степени подготовлены и профессиональны. В силу этого руководство нашей коррсетью носит, скорее, направляющий и рекомендательный характер. Какие-то вещи мы отсюда лучше видим, так как смотрим на весь мир... Поэтому иногда необходимо подсказывать журналистам, на что обратить внимание. Но это движение двустороннее. И от них также приходят планы и пожелания, что написать. Журналистская работа живая, надо каждый день приносить новую информацию.

Представьте простую историю. Сидит наш журналист в Испании. Он утром просыпается и впереди большой испанский день. Что-то происходит в Генеральных Кортесах, что-то во внешней политике. Туда отправляется с визитом король, параллельно идет огромное количество культурных событий, проходят спортивные состязания, а испанская наука тем временем приводит миру новые открытия. И наш корреспондент должен в течение дня выудить самое главное, отправить пару десятков сообщений. А что важнее - матч «Реал»-«Атлетико» или какие-то экономические изменения? И в этом специфика работа информагентства. Тем более, классического информагентства, которым является ТАСС. Надо найти самое главное, вычленив ключевое. Дать на ленту самое нужное читателям. То есть, если кратко: определить, что главное сегодня в мире, и через наши информационные продукты донести это до читателя.

А как вы выбираете повестку дня для той или иной страны?

Мы хорошо знаем, что в какой стране происходит, и есть темы, которые всегда актуальны. Например, Нью-Йорк – это мировая экономическая столица. Что происходит на нью-йоркской бирже, всегда интересно. Да и мнение Федеральной резервной системы США всегда важно. Одной фразой они могут поднять или опустить всю мировую экономику. Страны Евросоюза всегда немножко различаются. Экономический вес Германии больше, чем у Финляндии. Но у нас корреспонденты и там, и там. Тем важнее работа нашего финского корреспондента, где страна меньше и происходит меньше событий мирового уровня. Ему надо искать темы. Обращать внимание на мягкие темы, может, бытовые какие-то. В некоторых странах на них времени не хватает, а в других странах на них имеет смысл обращать внимание. Но это все должно быть сбалансировано. У меня на компьютере - непрерывная новостная лента. Это наша «священная корова». Главное к ней требование, чтобы она была сбалансирована, чтобы были главные новостные, политические события. Чтобы там было и о нашей стране, и о мировых событиях. И при этом надо рассказать и о политике, и о культуре и науке. А еще и так, чтобы читатели могли извлечь нужные им материалы.

А как у вас складываются отношения на внешнем рынке? То есть, насколько востребован ваш продукт в других государствах?

У нас есть зарубежные подписчики, а с нашими зарубежными партнерами мы объединены системой договоров. Мы друг друга читаем. Есть сложная система взаимосвязей. Мы знаем все, что публикуют они, они – что публикуем мы. Мы имеем право цитировать друг друга.

В некоторых странах наши отношения складывались десятилетиями. В этом году мы отмечаем 90-летие деятельности ТАСС в США. В будущем году – 90-летие в Японии. Понятно, что за это время у нас завязались самые разнообразные отношения и с политическими, и с государственными структурами разных стран.

А с конкуренцией как справляетесь?

Очень просто. Им нужны достоверные, актуальные, точные новости из России. Но их корреспонденты тоже здесь работают. И вот здесь мы уж точно должны опережать наших и местных, и зарубежных конкурентов, откуда бы новости не исходили: из Кремля, со спортивной площадки, с премьеры Большого театра. Мы должны быть первыми в России, и тогда мы будем первыми и за рубежом из России.

А ваши иностранные партнеры как работают?

Михаил Гусман. Фото: Александр Миридонов/Коммерсантъ

Точно так же. Есть крупнейшее мировое агентство Associated Press. В последнее время они стали особенно популярны, потому что Владимир Путин дал им интервью. Это наши партнеры. Они -мировой лидер. Но это не единственный источник информации в Америке. Совсем не единственный. И они не вездесущи. Бывают случаи, когда наш корреспондент дает информацию быстрее, чем они.

Конкуренция сейчас сильная, у ТАССа нет монополии на информацию из России. Но за монополию бороться грешно, а вот быть первыми среди других мы обязаны. Такая же задача стоит и перед нашими иностранными корреспондентами.

Каковы самые трудные аспекты их работы, на Ваш взгляд?

У любого журналиста, работающего за рубежом, есть задача дать эксклюзив. Вот и все. Но у ТАССа есть огромное преимущество. Это огромный бренд Отечества, великий бренд. Наша задача этим брендом дорожить. Он же позволяет открыть любые двери, в любую щель проникнуть, любое окно открыть. Я не знаю офиса в мире, куда бы не смог войти корреспондент ТАСС. Если он не вошел туда, значит, он не на своем месте. Любой таксист в Колумбии узнает слово «ТАСС», если человек грамотный. Если не грамотный, то он не знает ничего.

А стоит ли перед вами задача формирования мировой повестки дня?

По логике вашего вопроса, телега катится впереди лошади. А мы все-таки не телега. Если событие значимое, то надо просто правильно его описать. Не надо раздувать событие, если оно не стоит того, это не в нашей компетенции. Дам вам вторую аналогию: мы, информационщики, производим нефть, мы бурильщики в пласте жизни, даем сырую ленту новостей. Дальше радийщики делают из этого бензин, телевизионщики – керосин, в журнале из наших новостей производится пластмасса, в газете – мазут, но все это делается из нефти. У нас может быть 5 строчек, 10 строчек. Если была бы информация о нашем с вами интервью, то она была бы одной строчкой: Гусман дал интервью такому-то. А содержание будет уже у вас.

У нас есть такая шутка, хотя в ней есть доля правды: о чем не сообщил ТАСС, того не существует в природе. Если задуматься, то это близко к истине. ТАСС говорит обо всем мало-мальски значимом. Если об этом не сообщили, то, значит, этого и нет - по большому счету.

В каждой стране повестка может немного отличаться, для арабов важно одно, для китайцев - другое. Но вот представьте, перед вам будут стоять 20 телевизоров и в них одновременно начинается выпуск новостей. Если в мире, не дай бог, произойдет какое-то чудовищное событие, как «Фукусима» в Японии, то в них во всех главной новостью будет она. Или встреча G-20 тоже будет важна для всех. Хотя есть определенная специфика в

каких-нибудь малых африканских странах. До них мировая повестка доходит далеко не всегда. У них будет G-20, но последним номером.

Но ведь от того, сколько сообщений будет по той или иной новости, зависит то, насколько на нее обратят внимание, можно ставить разные акценты. А какие-то страны могут быть не заинтересованы во внимании к нему. Например, тот же «Окупай Уолл-стрит»...

Ну, это знаковое событие. И тут не важно, заинтересован ли кто-то в его освещении или нет. Если новость есть, она должна быть и у нас. Я Вам уже говорил, что нет такой новости, о которой ТАСС бы промолчал. Другое дело, что новость можно не расписывать, не делать из нее сверхсобытие, не раздувать. Мы не ставим акценты ни на чем. Новость не может быть с акцентом. Можно, конечно, про одно событие 10 сообщений дать, а про другое – 20. Но это должны быть отдельные события. Не то, что кто-то что-то сказал, а событие. Что может сказать человек, который просто пришел на этот митинг? Он пришел туда, потому что пришел. Нам интересны новости: люди собрались с такими требованиями, людей примерно столько-то, полиция ведет себя корректно или некорректно, вот и вся новость. Радио, конечно, нужны говорящие головы. А для нас ньюсмейкер должен быть достоин эксклюзива.

Помните, когда были митинги в Москве, после одного из них народ остался, но человек 15, не больше. Мне позвонила девушка, журналист, коллега, но не из ТАСС. И спрашивает: «А почему вы об этом не сообщаете?». Да потому что это уже не событие. В том же Вашингтоне у Белого дома стоят по 20 человек с разными проблемами каждый день. Associated Press не сообщает, что у Белого дома каждый день проводятся митинги. Митинг на Поклонной, на Болотной, на Сахарова, они все достойны освещения, там было много людей. А если собираются 15 человек, то это не новость.

Кстати говоря, а как вы решаете вопрос указания численности?

Вообще-то говоря, это хороший вопрос. Те, кто организуют, всегда численность завышают, правоохранительные органы, неизвестно почему, преуменьшают. Но это проблема небольшая. Мы даем две цифры, одну со ссылкой на организаторов, другую – по сообщениям официальных лиц. Тут ничего сложно нет.

А как было в Советское время? Ведь были какие-то закрытые темы?

Я боюсь, здесь в моих ответах аналогии будут сильно страдать, тогда были другие отношения между странами, было определенное противостояние. Но на профессиональном уровне, насколько я знаю из рассказов наших ветеранов, журналистское братство было всегда. Мы помогали друг другу, несмотря на «холодную» войну. Это же профессия. Но, с другой стороны, была и конкуренция, кто быстрее что напишет.

Сложно сравнивать опыт работы в советское время и в наше. Это же были другие нравы, даже другие страны. С профессиональной точки зрения, на мой взгляд, подходы не сильно изменились.

Это все равно, что спросить оперного певца, как он пел при советской власти, и как он поет сейчас. Вряд ли что-то изменилось в его голосе. Или с его слухом. Хотя, конечно, определенные изменения есть...

Какая сейчас у ИТАР-ТАСС стратегия развития? Что надо сделать, чтобы оставаться

конкурентными в будущем?

Как там говорится: быстрее, дальше, лучше? Мы просто должны лучше работать, быть оперативней, искать лучшие эксклюзивы, не опаздывать с новостями. Все эти правила за десятки лет не поменялись. Новые технологии или старые, журналисты, по сути, делают ту же работу. Надо просто быть самым первым и самым точным в передаче новостей.¹⁹⁶

У каждого свой неповторимый путь наверх

Михаил Гусман - один из тех немногих людей, кто успевает все: например, работать первым заместителем генерального директора агентства ИТАР-ТАСС и выпускать два раза в неделю программу "Формула власти" на ОРТ, для подготовки которой, кстати, нужно объехать полмира и уговорить президентов и королей поведать всю правду о своей жизни. В свободное от путешествий и бесед время Михаил Гусман рассказал корреспонденту "Известий" Арине Кушак, как ему это в принципе удается.

- Михаил Соломонович, как возникла идея "Формулы власти"?

- Можно по-разному относиться к тому, как и что делают главы государств, можно учитывать и то, что через несколько лет их сменят другие люди, но нельзя не признать, что в демократических странах все они - бесспорно люди выдающиеся. Все мы знаем их только как государственных деятелей, но зачастую забываем, что у каждого своя судьба, свой неповторимый путь наверх. А о том, что они чувствуют, как относятся к тому или иному явлению нашей жизни, мы знаем мало. И я подумал, неплохо было бы сделать программу, в которой можно приоткрыть полог и увидеть этих людей в другом ракурсе. В этом мне очень помогают режиссеры Джаник Файзиев и Вадим Островский и продюсер Олег Вольнов.

- Короли и президенты предпочитают оставлять свои чувства в тени. Как вам с вашей концепцией удастся с ними договариваться?

- Понятно, что президенты и монархи, что и говорить, люди весьма и весьма занятые, да и к "задушевному" телеинтервью большинство из них отнюдь не расположено. Так что добиться аудиенции у них нелегко. Но, на мой взгляд, здесь главную роль играют два известных во всем мире "бренда" - ИТАР-ТАСС и ОРТ. Позволю себе, кстати, утверждать, что тассовская марка, которая уверенно живет на международном информационном пространстве без малого сто лет, уже сама по себе является, если хотите, национальным достоянием страны. Ну а если говорить о технической стороне вопроса, то мы обращаемся к послам соответствующих стран, к нашему МИД и послам, подключаем пресс-службы соответствующих посольств, и прежде всего наших корреспондентов, и начинаем работать.

- Что вы будете делать, когда кончатся короли и президенты?

- Они никогда не кончатся, уйдут старые - придут новые... А если серьезно, то мы уже показали семнадцать выпусков. Сняты и подготовлены к эфиру программы с президентами Израиля и Литвы. Не так давно мы записали беседу с великим князем Хансом Адамом II фон Лихтенштейном. Так что без работы не сидим.

196 <http://polit.ru/article/2013/09/16/gusman/>

- Кто из героев произвел на вас самое сильное впечатление?

- Наверное, было бы некорректно пытаться кого-то выделить из этого блестящего ряда людей. Хотя конечно же не могут не произвести впечатления блестящий интеллект Вацлава Гавела, динамизм, сильнейшая энергетика Александра Квасьневского, покоряющее обаяние в сочетании с блестящей образованностью Вайры Вике-Фрейберга, мудрость Гейдара Алиева, яркий полемический дар Жака Ширака.

- Вы следите за рейтингом вашей программы?

- Нет.

- Почему? Это же первое дело всякого телевизионщика.

- Для телевизионщика - да, но я - тассовец. На рейтинг можно повлиять. Иногда программы, которые, по-моему, являются позором для телевидения, оказываются в первой строке телевизионного рейтинга. Важно делать интересные, честные, нужные и важные для людей программы, а слово "рейтинг" - из другой области.

- Рейтинг - это еще и возможность понять реакцию зрителя...

- Мы ее получаем. И лично от наших уважаемых героев, и от российских посольств, и от тех, кто профессионально занимается телевидением, и от зрителей, что является для нас самой лучшей и дорогой оценкой нашего труда. Причем нам звонят и пишут из самых разных стран и регионов как россияне, так и иностранцы.

- Вы говорили о планах ТАСС обзавестись своим телевидением. Зачем оно вам и когда это будет?

- ИТАР-ТАСС по всем официальным международным параметрам входит в четверку крупнейших мировых информационных агентств. И хотя времена тассовского монополизма прошли, мы конкуренцию выдерживаем и в России. Например, мало кто знает: больше половины того, что читают телевизионные дикторы по всем каналам, комментируя картинку, полученную по линии телеобменов, это работа тассовских корреспондентов. Руководство ИТАР-ТАСС, и прежде всего наш генеральный директор Виталий Игнатенко, справедливо считает, что будущее за мультимедийными агентствами: и здесь речь идет не только о работе в Интернете, но и о телевизионной составляющей. Это в целом сегодня является главным вектором развития всех мировых информагентств. В России давно и остро назрела необходимость создания своего собственного российского информационного телевизионного канала, вещающего круглосуточно.

- Хотите сделать CNN по-русски?

- А почему бы и нет? CNN информирует о том, что происходит в мире. А нам нужен канал, который бы освещал события не только общемировые, но и российские. Если продолжить американские аналоги, то может получиться сочетание CNN и малоизвестного россиянам, но весьма популярного в США телеканала - CSPAN.

- Очень дорогой симбиоз, знаете ли, получится.

- Это как раз тот случай, когда государство должно быть заинтересовано в таком проекте. К тому же в масштабах государства, а не одного олигарха это не такие уж большие деньги. И на таком канале могли бы быть консолидированы усилия информационных структур, которые сейчас работают в России и от России за рубежом. CNN работает на весь мир. Пока России такая задача не по силам. При этом мы испытываем острую нехватку информации о том, что происходит в соседней губернии.

Конечно, если мост обрушится или голубятня сгорит, нам скорее всего об этом расскажут. Но огромное количество позитивных, интересных событий не вписывается в информационные возможности или политику каналов, которые у нас сейчас есть. Информационный канал эту проблему мог бы решить. Этот канал еще тем может быть важен, что он будет работать и на имидж российского государства.

- А где денег взять - у государства уже есть несколько каналов, которые оно, подозреваю, с большим трудом переваривает...

- А кто сказал, что этот канал должен быть целиком государственным? Просто большая его часть должна принадлежать государству, как это, кстати, и делается на канале CSPAN. А дальше привлекаются частные инвесторы, в том числе и зарубежные, которых в этом случае, как мне кажется, будет легче найти, чем в любом другом. На этом канале должны быть не только новости, но и полная спортивная информация, культурные события, многообразная жизнь русского зарубежья. Словом, все то, что имеет отношение к понятию "информация" в широком смысле этого слова. Но эти мои рассуждения не имеют никакого отношения к ситуации вокруг ТВ-6.¹⁹⁷

Автор: Арина Кушак

"ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ ПОСВЯЩЕНА УКРЕПЛЕНИЮ РОССИЙСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ"

23 января первый заместитель генерального директора российского информационного агентства ИТАР-ТАСС Михаил Соломонович Гусман отмечает юбилей - нашему известному соотечественнику исполняется 60 лет. Отмечает юбилей Михаил Гусман в Баку, куда он прибыл для участия в первом межгосударственном форуме азербайджано-российской общественности. В преддверии форума и юбилея Михаил Соломонович любезно согласился дать интервью агентству Trend News.

- Михаил Соломонович, вы часто приезжаете в Баку. Как, на ваш взгляд, меняется наш город?

- Баку меняется просто фантастически. Я не знаю второго города на земле, который бы столь стремительно изменялся к лучшему. Баку приобретает черты современного города с колоритной и одновременно современной архитектурой. В частности, потрясающей становится одна из самых красивых улиц мира - проспект Нефтяников, который сочетает в себе современную архитектуру с видами на бульвар и Каспийское море.

Не люблю цитировать классиков, но тут как нельзя кстати подзабытая фраза Леонида Ильича Брежнева, который после посещения Баку сказал: "Баку - красавец город, приятно жить и трудиться в таком городе". Тогда мы очень гордились, что лидер СССР так отзывался о нашей любимой столице.

- Какие самые теплые воспоминания связаны у вас с Баку?

197 <http://www.1tv.ru/public/pi=10094>

- Мне безумно повезло! Мне повезло родиться в семье моих родителей, мне повезло с учителями в школе, друзьями, соседями. Я прожил в Баку большую часть своей жизни - более тридцати лет, и я не могу сказать, что хотел бы что-то в ней изменить. Все в моей жизни произошло именно так, как хотелось, как было нужно и правильно.

Я вообще человек, который не жалеет ни об одном прожитом дне. Это не значит, что в моей жизни не было печальных или трагических дней, дней провалов, но я в любом случае ни о чем не жалею.

- Вы счастливый человек.

- Для человека главное - понять себя и максимально реализовать то, что в тебе заложено. В тех сферах и областях, в тех жизнеощущениях, в тех человеческих отношениях, в которых ты можешь, ты должен себя максимально реализовывать. Каждый день надо воспринимать с радостью. Ведь сам факт жизни - это счастье. Это лотерея, что мы оказались на Земле.

- Где у вас сейчас больше друзей, в Баку или в Москве?

- Для меня понятие дружба, как я его ощущаю, - понятие бакинское, каждодневное. С другом ты должен каждый день созвониться и увидеться, пройтись по Торговой и по бульвару. Даже при чрезмерной занятости можно найти время позвонить и узнать, как дела.

В Москве все сложнее. Я придирчив к понятию "друг". В Москве у меня скорее больше знакомых. А вот в Баку у меня есть настоящий друг еще со времен работы в комсомоле. Я даже не буду называть имя - все знакомые его и так узнают в этом интервью. Когда бы я ни прилетал в Баку, он встречает меня в аэропорту, аргументируя это тем, что ему самому приятно встречать друга.

- Довольны ли вы тем, как сложилась ваша карьера на журналистском поприще?

- Я бы не хотел использовать это слово "карьера". У Евтушенко есть прекрасное стихотворение "Карьера", заканчивающееся словами:

"Я делаю себе карьеру

Тем, что не делаю ее!"

Так вот и я думаю, что надо делать не карьеру и деньги, а то, что тебе интересно.

- Вы сделали интервью с лидерами многих стран. Какое из них вам наиболее запомнилось, а какое было самым трудным в исполнении?

- У меня были интервью более чем со 160 лидерами государств. Есть герои труднодостижимые - лидеры, не настроенные на беседы с прессой, к примеру, Муаммар Каддафи или Рауль Кастро, с которым я первым из иностранных журналистов сделал интервью. Каждый из моих героев требует отдельного разговора. Не хотелось бы выглядеть нескромно перед вашими читателями, но факт остается фактом, я был также первым, кто сделал интервью с двумя президентами США - и Бушем, и Обамой.

Кстати, интервью - это часть профессиональных обязанностей любого политика. Поэтому во время интервью мы на равных, ведь мы оба делаем свою работу. Я должен сделать так, чтобы мои вопросы были интересны моему герою, а он - чтобы его ответы заинтересовали зрителей.

- Сейчас много говорят о свободе слова, точнее - о недостатке таковой в наших

странах. На ваш взгляд, как на самом деле обстоит дело с таким понятием, как "степень свободы слова"?

- Я категорический сторонник свободы слова, но необходимо понимать, что страны, в том числе и демократические, не все живут по единым правилам, и ситуация со свободой слова и в Италии, и в Дании, и в США отличается. Это категория разных правил игры. В последнее время нас часто критикуют за отсутствие свободы слова в России. Я с этим не согласен. Если отчасти есть некие ограничения на некоторых телевизионных каналах, то в печатных изданиях можно писать все что угодно.

Могу привести множество примеров, когда издания очень резко критикуют высшие круги, однако, у них не такой большой тираж. Сейчас в обществе более взвешенное отношение к такого рода публикациям. Это признак не застоя, а скорее стабильности. Свобода слова не синоним понятия "оголтелость", а прежде всего понятие самоограничения от тех вопросов, которые выходят за рамки журналистской этики и человеческой морали.

И Азербайджан часто критикуют за отсутствие свободы слова. Я не поленился и познакомился с теми изданиями и творчеством тех журналистов, имена которых назывались в связи с этим. То, с чем я столкнулся, лежит вне рамок профессии, этики, морали. Оттого, что люди называют себя журналистами и сдают некий текст на бумаге, они не становятся таковыми.

- Как вы будете отмечать юбилей?

- Тут так все приятно получилось, что мой день рождения совпал с проходящим в Баку с 21 по 24 января I Межгосударственным форумом российской и азербайджанской общественности. Не скрою, что мы со специальным представителем президента России по международному культурному сотрудничеству Михаилом Швыдким и с гендиректором ИТАР-ТАСС Виталием Игнатенко стояли у истоков этой идеи.

Так получилось, что вся моя жизнь в России посвящена укреплению российско-азербайджанских отношений, так складывается в рамках моей работы. И вершиной усилий стал этот форум.

Так что все сложилось очень удачно! Я бы хотел отпраздновать свой день рождения в компании своих 150 московских и не меньшего количества бакинских друзей. И вообще, лучше всего праздновать день рождения в труде!

- А супруга не возражает против такого празднования вдали от дома?

- Когда ты женат более 30 лет и у тебя в жизни было всякое, подобных проблем не возникает. Джема, кстати, коренная бакинка, все понимает.

Коллектив газеты "Новое Время" сердечно поздравляет Михаила Соломоновича Гусмана с 60-летним юбилеем, желает ему творческих успехов и крепкого здоровья!¹⁹⁸

Лица российской современной ТВ-журналистики

Марианна Максимовская¹⁹⁹

Марианна Максимовская родилась в Москве 7 апреля 1970 года. Судьба Марианны стать журналистом была решена заранее. Мама привела Марианну к своей знакомой филологу, и попросила оценить возможности дочери. Знакомая, сказала, что девочка не подходит для филфака, только для журфака.

Заместитель главного редактора службы информации телеканала [РЕН-ТВ](#), автор и ведущая программы "«еделя"»

"«еделя с Марианной Максимовской"»—еженедельная итоговая программа о событиях в России и в мире, подготовленная телеканалом Рен ТВ.

Интерес к передаче, как и к новостям от Рен ТВ в целом, вызван оппозиционностью освещения новостей, по отношению к государственным каналам. Оппозиционность выражается в собственном взгляде на общественную и политическую жизнь в России. Многие сюжеты подготовленные корреспондентами Рен ТВ о событиях в России, вы не увидите нигде, кроме Рен ТВ. Так как цензура государственных телеканалов оставляет эти события без должного информационного освещения.

В 2006 и 2007 годах программа "«еделя с Марианной Максимовской"» попала в финал телевизионной премии "«ЭФИ"» в номинации "«нформационно-аналитическая программа"» но ее обошла программа "«ести недели"» канала "«оссия"» Однако уже в 2008 году "«еделя с Марианной Максимовской"» стала лучшей аналитической программой, получив главный приз премии "«ЭФИ"» А сама Марианна Максимовская была признана лучшей ведущей информационно-аналитической программы. В 2009 и 2010 годах программа "«еделя"» и ее ведущая повторили успех, забрав главные награды "«ЭФИ"»

Так что, смотрите лучшие новости недели от Рен ТВ онлайн. Видео с выпуском программы обновляется еженедельно.

Не последнюю роль в популярности программы "«еделя"» играет личность самой ведущей — Марианны Максимовской.

Это опальный журналист, который не боится открыто высказывать свою точку зрения. С 1993 года работала корреспондентом в частной телекомпании НТВ. Но в 2001 году после смены власти на НТВ и огосударствлении канала ей вместе с другими журналистами пришлось уйти. Ушла Марианна на канал ТВ-6. Но и там долго проработать ей не удалось. В январе 2002 года канал, подконтрольный Борису Березовскому, по решению суда был закрыт. На месте ТВ-6, появился канал ТВС, где она продолжила работу ведущей выпусков новостей. Спустя год телеканал ТВС также был закрыт. В 2003 году Марианна перешла на канал Рен ТВ. Где создала свою информационно-аналитическую программу.

Сейчас она занимает пост заместителя главного редактора телеканала Рен ТВ и

199 <http://tvradio.biz/celebrity/10998-marianna-maksimovskaya.html>

еженедельно ведет программу "«едедя с Марианной Максимовской"»

Интервью с Марианной Максимовской:

- Марианна, Вы постоянно заняты или у Вас все же бывает свободное время?

Почти всегда мои дни полностью загружены. Но сейчас у меня не очень хорошая неделя. Я только что приехала с путешествия. За время моего отпуска скопилось много дел, вот я и стараюсь их быстро все решить.

- Где Вы отдыхаете?

Я, муж, ребенок и наши друзья на две недели ездили на море. Отдых всегда необходим, даже от самой хорошей работы. Я очень устала и две недели отдыха для меня очень мало.

- А почему Вы не хотите отдыхать на даче?

Мы ее еще не закончили строить. Очень много чего нужно сделать, когда закончим, я даже не знаю. Мы решили сделать деревянный дом, и немного не рассчитали свои возможности. Поэтому придется, наверное, очень долго строить.

- Вы стали популярны, воплотили свою мечту в жизнь. Что еще Вам нужно для полного счастья?

Мне как и всем людям для того чтобы достичь счастья необходимо иметь прекрасную работу и счастье в личной жизни. Я счастлива со своим мужем, у меня есть ребенок, хорошие родители, близкие друзья, и любимая собака Трюфель. А вот с работой дела обстоят так: вроде бы уже много сделала, достигла профессиональных высот. Но остается еще много чего, что необходимо изменить или улучшить в своей работе. Я постоянно учусь чему-то новому, делая свою работу более совершенной. За 10 лет работы на телевидении, я работала на трех работах: была редактором, корреспондентом, ведущей. И каждый раз мне приходилось начинать с нуля, ведь это совершенно разные направления. Это как для баскетболиста стать танцором, а потом певцом. Сейчас я опять работаю в совершенно новом для себя направлении. Поэтому мне приходится постоянно учиться и самосовершенствоваться.

- Вы помните, как прошел Ваш первый эфир?

Было очень страшно. Эфир получился не очень хороший. В моей профессии больше технологий, чем творческого подхода. Ко всем этим технологиям необходимо привыкнуть и понять, как они работают. Ведущий это центр всей команды. Необходимо понимать друг друга без слов только по взгляду, жесту. Моим учителем был Михаил Осокин. Все знают, что человеческие и профессиональные качества людей не всегда одинаковы. Бывает так, что человек хорошо работает, но, а личность он не хорошая. Осокин – это человек разносторонний, в нем нет червинки, он отличный журналист и понимающий человек. В программе ТСН я начала работать 10 лет назад

именно с ним, это сейчас мы практически не работаем вместе. Корреспондент утром привозил нам отличный материал, мы с Осокиным решали, когда его выпустим в эфир.

- Через Вас проходит большое количество различной информации, в том числе и негативной. У Вас не случаются по этой причине депрессии?

Депрессии у меня только от большой загруженности и усталости. А без большого количества информации, я уже не могу. Постоянно смотрю телевизор: дома, на работе, в гостях. Моя жизнь меня лучше дисциплинирует, чем любая армия. Мне нельзя опаздывать на эфир, необходимо постоянно знать все новости, всю информацию для эфира мне необходимо хорошо проверить. К этому привыкаешь и иначе жить уже не можешь. Родные смирились с тем, что я живу новостями, и не обращают на это особого внимания. Мой муж раньше работал в новостной журналистике, сейчас работает в сфере связей с общественностью. А дочь Александра, как и все современные дети, очень часто смотрит [телевизор](#), посещает интернет, но меньше читает. Может, конечно, этот и к лучшему. Все современные дети получают уже обработанную информацию.

До свидания, «Неделя»!

3 августа 2014²⁰⁰

Это письмо благодарности. 11 лет мы завидовали сами себе. В такие непростые для нашей профессии времена мы смогли в ней сохраниться и ее, нашу профессию, сохранить. Мы, конечно, знали, что когда-то и наша «Неделя» закончится, и, конечно, знали, с какой ностальгией мы потом будем вспоминать эти наши совместные недели, месяцы и годы.

Спасибо вам, Света и Женя, 18 лет мы работаем вместе и очень сроднились, очень. Спасибо, Ира, еще за тот чай, которым ты поила меня в июне 92-го, после Бендер, когда я совсем не знала, как написать про ту мою первую военную командировку текст для «Итогов». Мурат, Федя, спасибо за ваш спасительный юмор и за многое другое. Сережа и Сережа, Саша и Саша, Вадик, Рома и оба Славы, Коля, Стас, Настя, Лена и Лена, Анжела, Маша, Люда, Альбина, еще Сережа и Сережа, Вася, Виталий и Юра, Гера и Гарри, Леня, Артур, Андрей и Андрей, Гоша, Аня и Женя, Аня и Катя, Володя, Витя, Кирилл, Олег и многие другие — извините, что назову не всех, — вам всем спасибо, у нас была отличная команда!

Ирена Стефановна, спасибо Вам, что в тяжелый 2003 год, когда нам казалось, что все пропало, Вы позвали нас на РЕН ТВ. Еще то, старое РЕН ТВ, которое Вы создали. Мы Вас любим и уважаем. Спасибо Вам за все, что Вы сделали для журналистики в России.

Александр Сергеевич, спасибо за поддержку на протяжении всех этих лет!

Спасибо за удивительное человеческое отношение. Почему-то мало у кого из начальников получается так строить отношения со своими подчиненными. Когда кто-то из нас заболел, Вы помогли, когда надо было защитить, Вы защищали.

Спасибо нашим акционерам, которых мы, и я тоже, ни разу не видели в глаза. Наверное, так сейчас и не бывает. Чтобы могли всё — и диктовать, и давить — и не давили и не диктовали. И давали работать столько лет.

Спасибо всем, кто нас смотрел все эти недели, месяцы и годы.

Мы старались быть честными прежде всего перед вами. И сами перед собой, конечно, тоже. Мы жили работой, радовались нашим 13 «ТЭФИ» и тому, что хоть чуть-чуть меняли мир вокруг нас.

За последний день я узнала, что бы сказали обо мне на моих похоронах, и, конечно, радуется, что я все это прочитала и выслушала во вполне живом состоянии.

Мы прощаемся с программой «Неделя». Но не хороним нашу профессию.

Андрей Малахов

«Привет! Я Андрей Малахов. Вес при рождении 3кг 500 г —сейчас 88 кг. Рост 11 января 1972 года —53см. — сейчас 183 см. (Так что тому парню, который после «Евровидения – 2009», назвал меня в блогах карликом !!!)

Если учитывать годы обучения в музыкалке ([класс скрипки](#)), то ведущим я работаю с детства. Быстро сообразив, что Давид Ойстрах во мне не проснется, на показательных выступлениях я с большим удовольствием не играл, а объявлял участников. Нравилось мне это еще и потому, что на афишах к таким концертам моя фамилия обычно печаталась более крупным шрифтом, чем фамилии тех моих сверстников, кто старательно водил смычком, или нажимал на клавиши.

В общеобразовательной апатитской школе, благодаря дружбе с Женькой Рудиным (сейчас он знаменитый DJ Грув), представлял собой микс из разгильдяя и ботаника. Правда, серебряная медаль, выданная мне на выпускном— свидетельство , что все —таки последнего во мне, было гораздо больше.

В 16 лет приехал в Москву и сдал все экзамены (без блата и денег, кстати), поступил на журфак МГУ. Благодаря полутора годичной стажировке в Мичиганском университете освоил английский язык, сейчас по взрослому штудирую французский. О том, как я попал работать на ТВ, не писала разве только многотиражка 1-го шарикоподшипникового завода. Так что, кому интересно, запросите в Google или Яндексe.

За годы работы в Останкино был награжден 553 разными премиями шоубиза. Является ли это показателем собственных высоких рейтингов, не знаю. Как говаривал Ваня Ургант: « Мы любим рейтинги. Самый главный рейтинг – это, конечно, «Форбс».

В отсуствии, (пока), своей фамилии в этом вожденном списке, надеюсь, что

статуэтка ТЭФИ, звание «Мистера фитнес» на церемонии World Class Fitness Awards, награды журнала «GQ», «Серебряной калоши», World Fashion Awards, и особенно установленная звезда на аллее звезд в городе Уфа, подвигают меня к Форбсу все ближе и ближе»²⁰¹.

Родился 11 января 1972 года в городе Апатиты Мурманской области. В 1995 году окончил факультет журналистики МГУ имени Ломоносова, в течение полутора лет стажировался в Мичиганском государственном университете. Еще во время учебы проходил практику в отделе культуры газеты "«осковские новости"» был автором и ведущим программы "«тиль"» на радио "«Maxitit"» С 1992 года готовил сюжеты для программы "«оскресенье с Сергеем Алексеевым"»(канал "«станкино"», писал и озвучивал авторские тексты для рубрики "«огода на планете"» С 1995 года – штатный редактор международной информации программы "«тро"» автор и ведущий рубрики "«тиль"»

Был корреспондентом, затем специальным корреспондентом Дирекции информационных программ Первого канала.

С 1996 года – специальный корреспондент и ведущий телеканала "«оброе утро"» В 1998 году поступил на юридический факультет Российского Государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Владеет английским языком. Признан "«амым стильным телеведущим"» по опросу телезрителей за первое полугодие 1998 года. С июля 2001 года по июнь 2004 – ведущий ток-шоу "«ольшая стирка"» а с февраля 2004 года – ведущий еженедельного хит-парада "«олотой граммофон"» С сентября 2004 года – ведущий нового ток-шоу Первого канала "«ять вечеров"» а затем стал ведущим программы "«усть говорят"» выходящей в эфир и по сей день.

С 2007 года – член Академии Российского телевидения. Собирает записи певицы Нины Симон, ходит в тренажерный зал, коллекционирует марки (гордость коллекции – около тысячи "«овогодних"» марок). Летом выращивает цветы на балконе.²⁰²

В 1995 году Андрей Малахов с красным дипломом окончил факультет журналистики МГУ имени Ломоносова и в течение полутора лет стажировался в Мичиганском государственном университете в Штатах, благодаря чему свободно говорит по-английски. Во время учёбы он проходил практику в отделе культуры газеты «Московские новости», был автором и ведущим программы «Стиль» на радио Maxitit. С 1992 года Андрей Малахов готовил сюжеты для программы «Воскресенье с Сергеем Алексеевым» (канал «Останкино»), писал авторские тексты для рубрики «Погода на планете». В 1996 году Андрей Малахов был корреспондентом, а затем и специальным корреспондентом Дирекции информационных программ Первого канала и программы «Доброе утро». В 1998 году Андрей Малахов стал студентом юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), в это же время получив звание «самого стильного ведущего» - по опросу телезрителей. В 2001 году на экраны вышло его первое ток-шоу «Большая стирка», а с февраля 2004 по

201 Автобиография с официального сайта А. Малахова // <http://www.malahov.ru/biography>

202 <http://www.1tv.ru/person/97>

2007 год Андрей Малахов – ведущий еженедельного хит-парада «Золотой граммофон» (позже телеверсию программы переименовали в «Высшую лигу»). Затем в течение года Первый канал транслировал его шоу «Пять вечеров», а в 2005 году он стал ведущим проекта «Пусть говорят». В 2008 году появлялся на играх передачи «КВН» в качестве жюри. 24 июля 2010 года вышло новое шоу Андрея Малахова «Детектор лжи». Участники эксперимента должны правдиво ответить на самые сложные и провоцирующие вопросы о личной жизни. Чтобы выиграть миллион рублей, необходимо быть честным с собой и своими близкими. Девиз программы звучит так: «Мы докажем вам, что честным быть выгодно». Помимо телевизионной деятельности Андрей Малахов зарекомендовал себя как автор интересных книг. В 2006 году издательство «Эксмо» выпустило первый роман Малахова «Мои любимые блондинки» — о современном телевидении и нравах, царящих в Останкино. А в 2009 году свет увидела ещё одна его книга под названием «Моя вторая половинка». В 2007 году Андрей Малахов стал главным редактором журнала StarHit — о жизни российских и зарубежных звёзд шоу-бизнеса. А в 2009-м — соведущим полуфинала «Евровидения», который проходил в Москве, в паре с топ-моделью Натальей Водяновой. Со знаменитой красавицей телеведущего связывают тесные дружеские отношения: ходят слухи о том, что Наталья разводится со своим супругом, британским аристократом Джастином Портманом, и выходит замуж за известного российского продюсера. В своей редакторской колонке Андрей Малахов написал, что продюсер уже пригласил его на свадьбу, попросив отложить все свои дела. В 2008 году Андрей Малахов принимает участие во втором сезоне телевизионном проекте Первого канала «Две звезды» в паре с певицей Машей Распутиной. В конце 2008 ведущий выпустил в эфир новогоднюю программу, главной героиней которой стала Людмила Зыкина. 1 сентября 2012 года Андрей Малахов запустил новое вечернее ток-шоу «Сегодня вечером» с Андреем Малаховым на Первом канале. На счету Андрея Малахова 533 самые различные премии. Он обладатель статуэтки ТЭФИ, звания «Мистер фитнес» на церемонии World Class Fitness Awards, наград журнала GQ, «Серебряная калоша», World Fashion Awards и других.

Андрей Малахов: "«не нужны взлеты!»»26.11.2012 15:07

Его биография – опровержение мифа о том, что звездами становятся только люди со связями и известными фамилиями. Он выглядит великолепно, и ни за что не скажешь, что вечно молодому шоумену российского телевидения в этом году исполнилось 40 лет.

Андрей родился 11 января 1972 года в Апатитах. В детстве получил музыкальное образование, но относился к музыке без энтузиазма. Так, однажды он признался: "«а я сразу понял, что Ойстрахом мне не быть – отбывал повинность спустя рукава. На родительских собраниях в музыкальной школе проходили показательные концерты детей. Так вот, меня всегда первым ставили, чтобы я где-нибудь в середине впечатление не испортил своей игрой. Меня же потом ставили ведущим концертов – только чтоб не играл! Зато писали на афише большими буквами – концерт ведет Андрей Малахов. Я был на седьмом небе!"»

Окончив школу с серебряной медалью, Андрей поехал покорять столицу, поступил в МГУ на факультет журналистики и окончил университет с красным дипломом в 1995 году.

Американские каникулы

Во время обучения в МГУ Малахов ездил на стажировку в Штаты. Студентам вручали двести долларов, обеспечивали общежитием и на год отправляли на журфак Мичиганского университета.

В летние каникулы большинству негде было жить: надо было освободить общежитие либо платить за него согласно американским нешуточным расценкам. Двухсот долларов, конечно, не хватало. Комнату стоило снять 150 долларов, а общежитие – еще дороже.

Декан факультета журналистики, узнав, что Андрей получает так мало, разрешил ему пожить в собственном коттедже – он все равно уезжал на время каникул отдыхать с женой в Майами. В обязанности студента входило кормить кошку и поливать цветы. Свободного времени было в избытке, и Андрей устроился в местную гостиницу: три раза в неделю по семь часов продавал газеты. Платили ему пять долларов в час.

Вскоре Малахова направили стажироваться на местное телевидение Детройта, подразделение знаменитой "«арамунт Пикчерз"» Это позволило ему снять квартиру в Детройте и наконец-то почувствовать себя не бедным студентом, а успешным иностранцем, приехавшим повысить профессиональный уровень.

"«мясорубка"»

Первое же знакомство Малахова с телевизионной "«кухней"» с головой окунуло его в тяжелую, ненормированную работу. Будучи еще студентом, Андрей однажды попал в Останкино и... просидел там всю ночь со словарем в руке – переводил с английского новости CNN. Радости в этом было мало. Ту ночь он до сих пор вспоминает с содроганием – изнанка телевидения оказалась непохожей на своего радужного двойника, которого зрители видят на своих экранах. "«то мясорубка и никакой личной жизни"» – скажет он позже.

В начале 90-х зрители слышали лишь голос Андрея, он был автором и ведущим программы "«тиль"» на радио "«ахитит"» рассказывал о новостях мира моды.

Но вот однажды, когда все ведущие оказались в отпуске, руководство "«оброго утра"» решило поставить Малахова на замену. Так что в первом появлении Андрея на голубом экране присутствует элемент счастливой случайности. Разумеется, руководство не ошиблось, решившись выпустить Малахова в эфир.

Лицо первого канала

В 2001 году начался новый период в жизни Андрея. В это время в эфире появилось ток-шоу "«ольшая стирка"» Малахов сумел привлечь к телеэкранам огромную аудиторию и продемонстрировать бесспорный профессионализм. На глазах у всей страны он стал успешным шоуменом российского телевидения и, по признанию зрителей, самым стильным ведущим.

"«ольшая стирка"» "«ять вечеров"» "«усть говорят"» – эти программы стали визитной карточкой Андрея. Его фирменным приемам подражают, их же – яростно

критикуют. Но пресса стала называть Малахова не иначе, как лицом Первого канала.

Конечно, весь стиль Малахова как ведущего – по большей части проамериканский. Он держит интригу и задает температуру накала страстей. Цепким профессиональным взглядом выбирает из зрителей того, кто может дать подходящий и уместный комментарий. Поэтому неудивительно, что на шоу, которые ведет Андрей Малахов, не предназначены для релаксации, здесь нет уютной атмосферы. У него другие задачи – взбудоражить зрителей, "«аскачать"»их, задеть за живое. В студии обычно царит напряжение. Для злободневных тем, которые поднимает шоумен, это самый подходящий фон.

Поначалу далеко не все дизайнеры одежды и профессионалы из мира моды разделяли зрительский восторг по поводу того, как выглядит Андрей. Кому-то казались несуразными его слишком мальчишеские рубашки и жилетки, а также приверженность к спортивному молодежному стилю, которому Малахов явно симпатизировал в начале своей карьеры. Но то, как он выглядит сегодня, вряд ли дает повод даже для малейших придирок. На своих ток-шоу ведущий всегда элегантен, стиль его одежды тяготеет к классическому, а в повседневной жизни он выбирает джинсы и кроссовки.

Любимая блондинка

Долгое время Андрей Малахов был завидным женихом страны. Его личная жизнь прочно "«рописалась"»на страницах светской хроники. Чего стоил один давний роман с бизнес-леди Мариной Кузьминой, которая внезапно променяла Андрея на юного бармена. Или история появления Андрея на церемонии "«ЭФИ"»с кольцом в кармане. Кольцо, похоже, предназначалось Елене Кориковой, но так и не было вручено.

И вот, к разочарованию для поклонниц, телекумир все-таки женился.

Вокруг свадьбы Малахова и 31-летней Натальи Шкулевой с самого начала было много интриг. Жених и невеста категорически не хотели делиться с прессой подробностями предстоящей церемонии – было известно только, что молодые поженятся в Париже в Версальском дворце, в узком семейном кругу.

Сегодня Андрей не устает повторять, как страстно любит жену и как они отлично подходят друг другу. Но, каким бы странным это не казалось, супруги... перебрались в разные квартиры. "« нас у каждого своя квартира, – признался шоумен. – И мы встречаемся то у меня, то у Наташи"» Малахов и Шкулева утверждают, что ходят друг к другу в гости, чтобы "«ыт не заедал"» Каждая новая их встреча – это романтическое свидание, с ужином при свечах и завтраком "« постель"» Никаких скандалов, скучной бытовухи и разбросанных по квартире вещей – не семейная жизнь, просто праздник какой-то!

Впрочем, подобные странности спокойно уживаются с вполне обыкновенными увлечениями телезвезды. К примеру, Андрей коллекционирует марки и выращивает цветы. Увлечение марками пришло еще в четвертом классе, и сейчас коллекция включает в себя сотни экземпляров, в том числе – все советские и американские за 1972 год. А вот цветы Малахову понравилось разводить со времен учебы в Мичиганском университете. По признанию звезды, "« Америке почти у всех на балконах растут цветы. Безумно красиво! Я посмотрелся и тоже решил устроить дома

маленький цветочный рай. Во всяком случае, превратить балкон в оранжерею лучше, чем в склад для хлама"»

Формула успеха

Ведущий говорит, что секрет популярности в том, чтобы оставаться восприимчивым для жизненных перемен.

"«лаза всегда следует держать открытыми, – признается Малахов. – Но если что-то не удалось, перестань биться лбом о стенку. Значит, тебе это не нужно, завтра откроются другие возможности. Если интуиция против того, чтобы ты что-то делал, – не делай. Правда, иногда, достигнув своего потолка, с грустью понимаешь, что это всего-навсего чей-то пол"»

На экране Андрей всегда выглядит привлекательным и полным энергии. Зато, говорят, после эфира он матерится как сапожник... Он и сам признает эту свою слабость, а точнее, одну из них, поскольку ничто человеческое звезде не чуждо. Малахов утверждает, что люди, которые работают с ним в одной команде, являются сплоченным коллективом, практически семьей, поэтому они с пониманием относятся к проявлениям его усталости и раздражения. Ему может и хочется быть всегда "«ягким и пушистым"» да вот обстоятельства не всегда позволяют...

Андрей убежден: жизнь – это ежедневный риск. И за свое место под солнцем можно и нужно бороться. "«ибо крутишься, либо ты – никто, третьего не дано, а здоровая конкуренция так заряжает энергией! Мне нужны взлеты и возможность делать новое"»²⁰³

Екатерина Таранова

Алексей Пиманов

Журналист, телеведущий, продюсер, режиссер, политический деятель

В 1989 году окончил Московский технический университет связи и информатики.

В 1992 году окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

На телевидение пришел в 1986 году видеоинженером, затем работал оператором в Телецентре.

В 1989 году перешел в редакцию общественно-политических программ Центрального телевидения.

В 1989 -1990 г. — ведущий программы "«тупени"»

В 1990 —1991 г. — специальный корреспондент ТК "«ИД"»

²⁰³ http://salat.zahav.ru/Articles/3103/malahovu_nujni_vzleti#ixzz3IMAA4Ttx

В 1992 —1994 г. — автор, ведущий и режиссер программы "«а Кремлевской стеной"»

В 1993 —1994 г. — директор студии "«езонанс"» Гостелерадио.

В марте 1993 г. был включён в состав Временного совета при Президенте РФ по совершенствованию защиты свободы слова.

В 1995 —1997 г. — продюсер программ "«емь дней спорта"» "«утбольное обозрение"» "«овости спорта"» "«еловек и закон"»

С 1996 года — генеральный директор ТК "«станкино"»и ведущий программы "«еловек и закон"»

В настоящее время Алексей Пиманов является:

автором программ "«еловек и Закон"»и "«ремль-9"» продюсером телепрограмм, созданных его телекомпанией: "«ить здорово"» "«еловек и Закон"» "«ремль-9"» "«умиры"» "«доровье"» "«рмейский магазин"» "«айны века"» "«видетели"» "«риговор"»

сценаристом и режиссером более 100 документальных фильмов, среди которых: "«ветлана Сталина. Побег из семьи"» "«известный Кремль"» "«агадка убийства Кирова. Женский след"» "«араж особого назначения"» "«етисов. 50 лет Славы"» "«невники Власика"» "«аврентий Берия: от ареста до расстрела"» "«известная блокада"»и т.д..

начиная с 2004 года — кинопродюсером, сценаристом и режиссером художественных многосерийных фильмов. Среди его картин: "«лександровский сад"» "«лександровский сад 2"» "«хота на Берию"» "«алина"» "«ыганки"» "«оя"» "«анды"» "«енависть"» "«тражение"» "«уков"»

сценаристом, режиссером и продюсером полнометражных фильмов: "«ри дня в Одессе"» "«ужчина в моей голове"»

Член Общественной палаты РФ (созыв 2010—2012 гг.).

С января 2011 года — член Совета Федерации, входит в состав комитета по обороне и безопасности.

Сопредседатель ассоциации кино-телепродюсеров. Руководитель проекта "«оссийское кино"»Кандидат в мастера спорта.

Полный список телевизионных циклов:

"«еловек и закон"» "«ить здорово"» "«видетели"» "«ремль-9"» "«умиры"» "«дарная сила"» "«доровье"» "«рмейский магазин"» "«кстренный вызов"» "«убянка"» "«айны века"» цикл "«окументальный детектив"» "«печназы России"» "«кусные истории"» "«умиры + Кумиры"» "«печ. расследование"» "«риговор"» "«оследние 24 часа"» "«ильм про фильм"»("«ождение легенды"», "«а Кремлевской стеной"» "«емь дней

спорта"» "«утбольшое обозрение"» "«овости спорта"»

Алексей Пиманов: У нас потеряно доверие к документалистике²⁰⁴

Для Алексея Пиманова новый телесезон оказался непростым. Программа "«еловек и закон"»на Первом канале, ведущим которой он является долгие годы, резко поменяла свой формат.

Сейчас Пиманов работает как режиссер и продюсер сразу над несколькими фильмами. Уже привычно, что в поле его зрения —исторические личности, биографию которых он стремится воссоздать на экране. Но сейчас Пиманов занимается не совсем обычным для себя делом: работает как продюсер на съемочной площадке комедии "«абий бунт, или Война в Новоселково"»в деревне под Можайском.

Алексей Викторович, почему вы вдруг решили выступить продюсером комедийного сериала?

Среди огромного количества сценариев, которые приходится читать, выбираешь то, что будет интересно зрителям. Сейчас талантливых сценаристов очень мало. И эта проблема не только в нашей стране, насколько я знаю, но и в Голливуде. Так вот, основа сценария "«унта"»мне понравилась. Это история о четырех городских девицах, которые волею судеб однажды оказываются в деревне, и местные объявляют им войну. Сценарий пришлось долго, больше года, переписывать, улучшать. Затем за него взялся режиссер Юрий Морозов.

Вы думаете, что сейчас на телевидении не хватает фильмов и программ именно легкого жанра?

Не хватает, скажем так, сложных по драматургии вещей. Все упрощено. Но телевизор стали смотреть по-другому, зрители держат пульт под рукой и щелкают, щелкают... И задача создателей программ —задержать внимание человека. Могу сказать точно: сейчас зрители будут смотреть детективы, мелодрамы, комедии. А что-то сложное, например "«есов"»Достоевского, - нет. Надолго экранизация великого писателя не удержит людей у экранов. Я очень люблю Достоевского, но знаю, каковы тенденции современного телевидения. Востребованы развлекательные программы. Люди хотят включить телевизор и отдохнуть. Так что серьезных фильмов и программ становится меньше. Возможно, лет через пять все и поменяется. Посмотрим. Вы сняли немало исторических фильмов. Считаете, что история —вечная тема для ТВ? Скажу так: бум на историческое кино был лет десять назад. Сейчас у зрителей наступило чувство пресыщения. Потому что разные съемочные группы работают по одному стандарту, берут историческую хронику XX века, раскручивают одни и те же темы и рассказывают об одних и тех же героях —Иосифе Сталине, Галине Брежневой, Михаиле Тухачевском. То есть все крутится на одном и том же информационном поле.

204 <http://www.1tv.ru/public/print/pi24172>

Зритель уже много видел, много знает. Его надо чем-то другим удивлять. У новых фильмов про Брежнева, про Андропова, про гибель "итаника" всегда будет свой зритель, но они уже не дают сумасшедших рейтингов, как это было пять-шесть лет назад. И еще мне кажется, сейчас потеряно доверие к документальному кино, поэтому многие проекты проваливаются. Нужен переход исторических программ и кинолент в новое качество. С ростом рынка, финансовых возможностей каналов появится и возможность снимать качественное кино, как снимает, например, NBC. Если бюджет телефильмов будет таким же, как у полнометражных, те же самые истории зазвучат по-новому и снова будут интересны.

Вы много лет в программе "«еловек и закон"» В чем ее успех?

Здесь совокупность факторов. И заслуженная репутация, и очень большое разнообразие сюжетов. Мы стараемся быть на острие самых громких последних событий, быстро реагируем на все, что происходит в обществе. Ни под кого не подстраиваемся, не подвержены давлению как кремлевскому, так и либеральной тусовки. Именно эта позиция вызывает у людей доверие. Плюс к этому программа помогает людям. Часто, к моему сожалению, зрители воспринимают программу "«еловек и закон"» как последнюю инстанцию. Нам приходит большое количество писем. Эта вера в то, что мы можем решить любой вопрос - от невинно осужденных до каких-либо семейных споров, - накладывает огромную ответственность. Но хочу подчеркнуть: мы не криминальная программа, а аналитическая, с социальными материалами.

Алексей Пиманов: "« каждый день доказывал право на существование"» Многие сомневаются, что телеведущий Алексей Пиманов в жизни такой же смелый, как выглядит на экране. А зря! Трусом его точно не назовешь, ведь трус не играет в хоккей.

— **Алексей, у зрителей сложилось впечатление, что вы суровый человек.**

— Опровергать не буду, в кадре у меня практически нет поводов улыбаться, ведь герои нашей программы – люди, оказавшиеся в сложной, зачастую трагической ситуации. Но сказать, что я в жизни рубаха-парень, тоже не могу.

— **А что вас может развеселить?**

— Да все что угодно – и добрая шутка, и хороший фильм... В компании друзей я отключаюсь от проблем и очень весело провожу время.

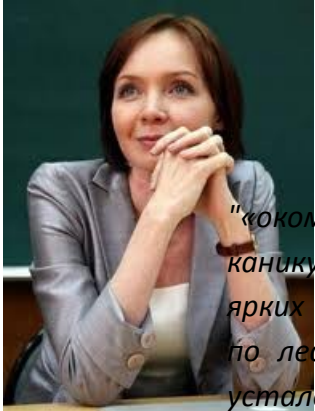
— **Как собираетесь отмечать юбилей?**

— Без поздравлений и приятных встреч, конечно, не обойдется. Но что-то организовывать специально не хочу, пусть все идет своим чередом.

— **А в детстве дни рождения как отмечали?**

— Мне кажется, люди моего поколения отмечали все праздники – и именины, и Новый год, и 8 Марта, как правило, за накрытым столом. В юношеские годы я очень любил играть на гитаре.

— **Какие еще увлечения у вас тогда были?**

– Я неплохо играл в футбол и даже пробовал свои силы в столичном «Локомотиве» стал кандидатом в мастера спорта. А зимой гонял в хоккей. На каникулах вообще надевал коньки утром и снимал их только вечером. Одно из самых ярких воспоминаний тех лет: возвращаешься уже затемно, поднимаешься на коньках по лестнице, громко цокая и вызывая гнев соседей, и на ходу клюешь носом от усталости.

– **Сегодня, наверное, шайбу не гоняете?**

– Не угадали! Я вместе с друзьями – Вячеславом ФЕТИСОВЫМ, Сергеем МАКАРОВЫМ, Алексеем КАСАТОНОВЫМ – регулярно выхожу на лед. Иногда сам удивляюсь: неужели играю в хоккей на одной площадке с великими спортсменами?

– **Сегодня вы член Совета Федерации, ведущий программы «Еловек и закон» режиссер нескольких телефильмов. А кем считаете себя прежде всего?**

– Журналистом. Только благодаря своей основной профессии попробовал силы и в режиссуре, и в политике, и во всем остальном. Мне ничто не давалось легко. В начале моей телевизионной карьеры у меня не было ни связей, ни покровителей – один на один с системой. Могу сказать, что нас, журналистов, нигде не ждут с распростертыми объятиями. Я каждый день доказывал свое право на существование в профессии. Сложности меня злили, но заставляли двигаться дальше.

– **Можете назвать качества, которые помогли вам в жизни?**

– Упорство. Некоторые молодые люди считают, что проявлять его нужно лишь в исключительных случаях: мол, потом настою на своем. Но ты или сразу будешь рвать всех в клочья, или уже никогда. Все, кто во время войны считал, что главное сражение еще впереди, уже проиграли.

Эвелина Закамская

dhgt251665408fLayoutInCell1fAllowOverlap1fBehindDocument1flsButton1fHiddenOfLayoutInCell1

Эвелина Закамская: «Нужно жить, искренне увлечённым своей профессией, тогда для тебя будут постоянно открываться новые дверцы»

В рамках деловой программы Второго Международного культурного форума в Ульяновске побывала ведущая телеканала «Россия-24» Эвелина Закамская. В перерыве между общением с поклонниками и гостями форума она пообщалась с корреспондентом ИА Media 73.

– Как вам Ульяновск, что-то успели посмотреть?

– Я город не видела совсем. У меня две ассоциации, связанные с Ульяновском. Первая – это город Симбирск, где родился Володя Ульянов, который был для меня кумиром вплоть до пятого класса, потому что не получал ни одной четверки. Вторая – это ульяновское авиационное училище, которое заканчивал мой отец. Я помню с детства много фотографий, на которых разные модели самолётов. Самое интересное в вашем городе, по-моему, – это Музей гражданской авиации.

– Вы там были?

– К сожалению, нет, но хотелось бы побывать. В Ульяновске много интересных музеев, более десятка, насколько я знаю. Но Музей гражданской авиации меня просто завораживает. Там, говорят, есть самолёт, который снимался в фильме «Приключения итальянцев в России», и ещё много всяких редких летающих аппаратов, например, ТУ-116. Для меня Ульяновск – город-авиатор, город лётчиков.

– Вы в рамках деловой программы форума провели круглый стол, посвящённый памяти академика Сергея Капицы. Расскажите об этом подробнее.

– На этом круглом столе мне было интересно встретиться с местными учёными, с так называемыми «сумасшедшими профессорами». На них смотришь с радостью и надеждой, потому что эти люди всегда что-то хотят сказать, поделиться какой-то новой идеей. То, чего сейчас не хватает, в Москве много говорят о кризисе идей. После круглого стола в рамках форума «Культура и развитие», я с уверенностью могу с этими высказываниями не согласиться.

– Проведение подобных культурных конгрессов важно, по вашему мнению, для развития культуры в целом?

– Я скажу так. Я сужу в этом году «ТЭФИ-Регион». Отсмотрела порядка 200 работ и сделала вывод, что у нас в стране есть общий, местами даже не средний, а очень средненький уровень. И он остаётся неизменным на протяжении нескольких лет. Я третий год сужу этот конкурс и вижу, что ситуация не меняется. Связываю это с тем, что людям не хватает обмена информацией и, может быть, восприимчивости. Обществу необходимо общаться и быть готовыми воспринимать и слышать друг друга. Подобные форумы необходимы, поскольку в условиях современного общества и огромного потока информации, дискуссионные площадки помогают поделиться нужной информацией. И для города это полезно, так как он преобразуется.

– Вы давно работаете на телевидении, можете дать профессиональный совет вашим региональным коллегам.

– Я как раз об этом буду говорить на мастер-классах «ТЭФИ-Регион». Некоторых региональных журналистов я считаю вполне достойными этой премии, поэтому говорить о том, что я их могу чему-то научить, глупо. Я очень верю в свою профессию. Эта вера регулярно подвергается испытаниям в силу самых разных причин. Но я в себе всё ещё нахожу силы работать и черпаю их от встреч с людьми. Я искренне желаю своим коллегам находить своих героев и вдохновляться ими.

– Почему решили в 2002 году перебраться из Твери в столицу?

– Я выросла профессионально, упёрлась в потолок, поэтому решила покорять Москву. Кроме этого, в Твери не было полгода горячей воды, а у меня маленький ребёнок. Работу в Москве без связей и знакомств я искала ровно 1,5 часа. Просто приехала со списком радиостанций. Меня сразу взяли на радио «Маяк», но после первого эфира

сняли, были проблемы с голосом. Потом я училась, занималась техникой речи, отработала много ночных смен. Не надо строить больших планов, нужно жить, искренне увлечённым своей профессией, и тогда для тебя будут постоянно открываться новые дверцы. Так я с радио перешла на телевидение.

– Вы работали на радио и на телевидении, что вам ближе по духу?

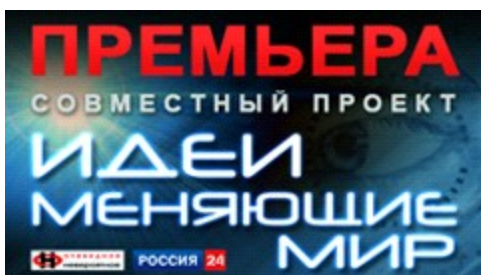
– Это вообще разные вещи: ты разговариваешь с микрофоном, или добрасываешь звук до камеры. На радио «Маяк» меня научили правильно говорить и быстро делать новости. Я на телевидении не видела редактора, который бы делал что-либо лучше или быстрее меня только потому, что, работая на радио, я каждые 15 минут собирала новости. Поэтому, придя на телевидение, я была абсолютно подготовлена. Ещё одно преимущество радио – это бережное отношение к языку. У нас каждую неделю вывешивали списки тех, кто допустил ошибки в ударениях. Я бы советовала местным редакторам держать на столе орфоэпический словарь и чаще в него заглядывать.

– Вы ушли из информационных программ, над каким проектом сейчас работаете?

– Я веду на канале «Россия-24» общественно-политическое ток-шоу «Мнение». Кроме того, мечтаю сделать программу, которая будет посвящена учёным, сделавшим революцию в разных областях науки. Проект называется «Идеи, меняющие мир». Может быть, мы посвятим цикл этих программ Сергею Петровичу Капице, потому как он был убеждённым сторонником науки без границ. Работы много. Надеюсь, что всё получится.

Наталья Шишова

Эвелина Закамская: «Есть ли идея, которая стоит таких жертв?»

20 сентября в 19.40 на телеканале «Россия-24» состоится показ четвертого фильма из нового [цикла телевизионных передач «Идеи, меняющие мир»](#). Это совместный проект этого телеканала и телекомпании «Очевидное — невероятное». Генеральный продюсер проекта — Светлана Попова, автор и ведущая — Эвелина

Закамская, режиссер — Роман Хрущ.

Герой новой передачи — **Джин Шарп**, политолог, философ, автор книги «От диктатуры к демократии» и многих других трудов по ненасильственному изменению политических режимов, основоположник теории бескровных революций, основатель Общественного Института имени Альберта Эйнштейна.

Эвелина Закамская – автор и лицо новой программы «Идеи, меняющие мир», которую телекомпания «Очевидное – невероятное» выпускает совместно с каналом «Россия 24». Зрители хорошо знают ее как ведущую общественно-политического ток-шоу «Мнение». Эвелина – опытный интервьюер, и ее повседневная работа – это разговор с экспертами на самые актуальные темы, обсуждение текущих событий в России и в мире. Наш новый совместный проект посвящен людям науки и касается более фундаментальных, даже философских вопросов. Отправляя минувшей весной съемочную группу в Бостон к историку, социологу и политологу Джину Шарпу, мы, конечно, предполагали, что в данном случае опыт общения с политиками Эвелине пригодится. Но никто не предполагал, насколько злободневным окажется этот разговор сегодня.

Мы попросили Эвелину Закамскую поделиться впечатлениями от личного общения с человеком, идея которого привела к тектоническим социальным сдвигам в арабском мире, а теперь – эффектом домино – грозит коснуться и всего остального человечества.

- Эвелина, в программе доктор Джин Шарп, даже с поправкой на преклонный возраст, предстает не слишком эмоциональным человеком. Вежливый, но холодный, с бесстрастным взглядом... Может быть, это эффект камеры? Какие впечатления были у вас?

- У меня не было к нему предвзятого отношения. На фотографиях, которые можно найти в Интернете, особенно на тех, где он помоложе, – да, он может восприниматься как некий злобещий персонаж. А в жизни, за кадром, это такой «дедушка». Улыбчивый, очень доброжелательный, немного застенчивый. Неожиданным было и то, насколько бедно он живет, как скромно одет. Холодный, неуютный дом, аскетизм, возведенный в какую-то крайнюю степень. При этом он ухожен, в быту и в работе ему помогают студенты. Надо видеть, насколько трепетно они к нему относятся. С каким благоговением и почтением смотрит на него его ассистент, девушка из Афганистана, даже если принимать во внимание мусульманскую ментальность и традиционный пиетет к старшим. Такое красивое, искреннее, дочернее чувство, которое подкупает, создает определенное настроение: ты тоже смотришь на него другими глазами, не как на отрицательного персонажа. Кроме того, это глубоко пожилой человек. Запись заняла несколько часов, и физически господину Шарпу было нелегко. Мы делали длительный перерыв, чтобы наш герой мог отдохнуть. Безусловно, это определяло и тон беседы – просто из уважения к его возрасту.

- То есть были какие-то жесткие вопросы, которые вы так и не решились задать?

- Я спросила обо всем, о чем хотела. Однако все время помнила, что передо мной человек намного старше меня. Интересовалась, чувствует ли он свою ответственность за то, как его идеи меняют мир, как ими пользуются конкретные люди. Ведь ненасильственное сопротивление – по сути, близкая к христианству идея –

на глазах превращается в циничную политическую технологию. Не хочется ли ему вернуть ход истории назад, когда он видит, сколько людей погибло в Сирии? К сожалению, он уходил от ответа. Но всегда очень застенчиво: «Извините меня, пожалуйста... Я не очень образован в этой области. Я могу ошибаться. Я не идеален». Не возьмусь оценивать степень его искренности, для этого мне самой надо дожить до 90 лет. Но нас учили доверять мудрости возраста, тому, что, становясь старше, человек делается лучше. Хочется верить, что он искренен.

Иногда я думаю: может быть, он просто кабинетный ученый, который придумал красивую идею, сидя в офисе, в библиотеке, глядя на красивый мирный Бостон, в котором ничего плохого не происходит? Как освободить людей от диктатуры и избежать кровопролития? В своих работах он говорит: попробуйте это сделать, но главное —не отвечайте насилием на насилие. Идея действительно хорошая. Он описал эти 198 методов ненасильственных действий, а потом еще написал дополнения к ним в виде разных книг, в частности как избежать переворота и других неприятных издержек мирной революции. Только кто из большинства последователей ими заинтересуется, если есть список конкретных способов борьбы, короткая и емкая книга? У современного человека клиповое мышление, чреватое нежеланием долго думать и стремлением быстро получить результат, — поэтому только такая книга и может быть востребована сейчас.

- В программе вы высказали мнение, что, возможно, не все люди готовы к использованию подобного инструмента, что распространять такие методики спорно с этической точки зрения. И господин Шарп довольно жестко ответил, что журналисты могут заблуждаться. Вам не показалось, что именно этот вопрос задел его за живое?

- Видимо, он увидел во мне защитницу «режима». Честно говоря, меня его ответ тоже задел глубоко лично. У него в течение жизни было много поводов убедиться, что развитие идеи предполагает слишком идеалистичный взгляд на человеческую природу. Когда мы говорили с ним про русскую литературу, я спросила его про Солженицына, книги которого стоят у него на полке (а также Достоевский, Толстой и труды по русской истории). Джин Шарп ответил, что Солженицын с его акцентом на человеке, личности ему не интересен, что он сам мыслит категориями больших групп. И я тогда подумала, что мне Солженицын ближе, просто потому что у меня есть личный опыт переживания революции, переворота. В 1990 г., во время событий в Азербайджане, когда я была еще маленькой и не очень хорошо осознавала происходящее, мы с семьей стали беженцами. Сейчас, когда я нахожусь в возрасте моих родителей и моей старшей дочке столько лет, сколько было тогда мне, я понимаю, насколько это тяжело и страшно —жить в охваченной беспорядками стране. Трагедия может разыгаться в любую минуту, кто-то зайдет в твой дом, убьет тебя и твоих близких —и ты станешь одной из безымянных, случайных жертв революции, о которых очень спокойно и равнодушно говорит Джин Шарп.

- Возможно, с его точки зрения диктатура, тирания – это гораздо большее,

абсолютное зло?

- Когда ты знаешь, что происходит в Сирии, видишь сирийских беженцев, то начинаешь задумываться, есть ли в современном мире идея, которая вообще стоит подобных жертв. Вся русская литература задается этим вопросом, но Джин Шарп им не задается. Он говорит: я не идеален, я могу ошибаться, извините. У меня, конечно, появилось много новых вопросов к нему сейчас, когда настолько драматично стали развиваться события вокруг Сирии. Тогда я его спросила, почему после «цветных» революций к власти приходят именно дружественные США режимы. Сейчас я бы переформулировала: почему если они не приходят, демократические Соединенные Штаты считают возможным в это вмешиваться, проводить военную операцию, актуализируя тем самым дискуссии о Третьей мировой войне?

Наверное, убедить себя можно в чем угодно. Что ты живешь правильно и у тебя есть причины думать именно так, а на все остальное не обращать внимания. Благодарность повстанцев, письма украинских, грузинских, сербских активистов, которые он хранит, – это убедительно, это психологически работает. Не исключаю, что на его месте мы бы делали то же самое. Мне кажется, корысти или самолюбования в его убеждениях нет. Я не знаю, что им движет, возможно, все-таки желание распространить и доказать эффективность своей научной идеи. Он довольно быстро откликнулся и на нашу просьбу об интервью, а при своем скромном достатке мог бы запросто брать за это деньги. Да, в последнее время он стал чаще пиарить себя. Но и мир становится более турбулентным, информационно насыщенным, время сжимается, перемены происходят гораздо быстрее. Возможно, он использует этот шанс для того, чтобы успеть что-то рассказать и самому увидеть результат.

- Получается, у вас была нелегкая авторская задача: примирить свое человеческое отношение и эмпатию к герою с неоднозначной оценкой практического применения его идей, причем тоже подкрепленной личным опытом. Как вы думаете, удалось сохранить объективность?

- Да, было сложно оставаться в этом смысле честными, не впасть в штампы. Но я все-таки испытываю некоторые моральные обязательства перед этим человеком, который принимал нас у себя дома. Необходимо дать ему шанс быть услышанным именно так, как он сам хотел высказаться, и чтобы зрители тоже почувствовали его двойственность. В этом смысле для нас, съемочной группы «Идей, меняющих мир», это пока что был самый сложный, противоречивый герой.

Игорь Покопенко

Родился 8 февраля 1965 года.

В 1982 году окончил Калининское суворовское военное училище, в 1986 году — Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи.

Служил в истребительной авиации противовоздушной обороны, в Генеральном Штабе МО РФ. Уволился из Вооружённых сил в звании майора.

Работал военным обозревателем газет «Красная звезда», «Московский комсомолец», «Российская газета».

На телевидении с 1994 года. Работал в программе «Время» (ОРТ), «Сегодня» (НТВ), «Вести» (РТР). Автор и ведущий программы «Присяга» (РТР).

С 1998 года автор и ведущий еженедельной программы «Военная тайна». Автор и художественный руководитель документальных циклов «Рассекреченный век», «Тайная дипломатия» и др.

Лауреат премии ТЭФИ за 2000 год в номинации «Журналистское расследование» за документальный фильм «Лихорадка Эбола. Тайна вируса смерти», гран-при 4-го Международного кинофестиваля детективных фильмов «Закон и общество» (2001 г.), гран-при Международного кинофестиваля в Брюсселе за фильм «Многоликая Жанна» (2002 г.), премии ТЭФИ за 2003 г. в номинации «Журналистское расследование» за документальный фильм «Дневник беглеца», гран-при 14-го Международного кинофестиваля в Риме за фильм «Возвращение в Норд-Ост» (2003 г.)

Кризис – золотое время для документального кино...²⁰⁵

Э.НИКОЛАЕВА: В августе 1998 года в стране произошел т.н. дефолт. В этот же день на Рен-ТВ впервые вышла в эфир программа «Военная тайна». В этом году ей исполнилось 10 лет, а ее ведущий Игорь Прокопенко теперь не только хранит «военную тайну», но и отвечает за все документальные проекты на Рен-ТВ. Здравствуйтесь, Игорь.

И.ПРОКОПЕНКО: Здравствуйтесь.

Э.НИКОЛАЕВА: Так в чем же она, наша военная тайна? Вот есть у российских военных что-то такое, о чем весь мир знает, но никак понять не может?

И.ПРОКОПЕНКО: Ой, вы не представляете, как часто я слышу этот вопрос за последние десять лет. Честно вам скажу – не знаю, как ответить на этот вопрос. Не знаю! храню эту тайну.

Э.НИКОЛАЕВА: Вы же посвящены должны быть уже, да?

И.ПРОКОПЕНКО: Я посвящен, да, но не имею права разглашать.

Э.НИКОЛАЕВА: К военной тематике мы еще вернемся. А пока о том, что, собственно, послужило причиной вашего визита, в том числе в нашу одиозную

программу «Какого черта». Поводом стал небольшой скандал вокруг заявления Ивана Усачева о том, что на ТВ вообще и на Рен-ТВ в частности замораживается производство документальных фильмов. Нет финансирования. И прочее.

И.ПРОКОПЕНКО: Ой, вы знаете, если бы я знал, что я пришел только по этому поводу в вашу замечательную программу, я бы, наверное, еще подумал, идти или нет. Ну а что касается этого инцидента – Ваня Усачев мой друг, и я убежден...

Э.НИКОЛАЕВА: И мой, кстати, тоже, еще с программы «Взгляд».

И.ПРОКОПЕНКО: Я убежден, что Ваня Усачев распространил, выражаясь официальным языком, эту ложную информацию не по злему умыслу, а по отсутствию какой-то информации.

Э.НИКОЛАЕВА: А вот это неправильно.

И.ПРОКОПЕНКО: Ваня Усачев – замечательный телевизионный шоумен, на мой взгляд, недооцененный. Но в силу того, что он не обладает информацией, сказал, что на Рен-ТВ проблемы с документальным вещанием и вообще с финансированием и с бюджетом. Так вот, я хочу сказать Ване – это неправда. Ваня, ты друг, но истина дороже. Конечно, нет. И совершенно не обязательно было у меня об этом спрашивать. Достаточно посмотреть сетку вещания на следующий год.

Э.НИКОЛАЕВА: А говорит об этом Игорь Прокопенко как заместитель генерального директора Рен-ТВ по документально-публицистическим проектам.

И.ПРОКОПЕНКО: Да, и автор достаточно большого количества проектов из этого вещания. Достаточно посмотреть сетку, чтобы убедиться, что телеканал Рен-ТВ был и остается лидером в трансляции телевизионных документальных фильмов. Следующий год вообще для нас очень удачный, я считаю. Потому что мы значительно расширяем документальное вещание в следующем году. Я вообще должен сказать, что в период кризисов как раз наступает золотое время для документального кино. И я объясню, почему. Когда я начинал снимать документальное кино, начинал этим заниматься, я ведь не понимал, чего я хочу на самом деле. Это было для меня хобби. Я вот недавно услышал, что Татарский Александр, знаменитый мультипликатор, свою знаменитую «Пластилиновую ворону» делал в кружке, когда работал в доме пионеров, вечерами просто. Я хочу сказать, что документальное кино – это такая штука, что оно может быть очень дорогим, а может быть вообще бесплатным. Потому что что такое документальное кино? Это ведь человек, его духовный мир. Это не спецэффекты. Что дорого стоит? Спецэффекты, большое количество камер, техники. Документальное кино можно снять на домашнюю камеру, и это будет документальное кино, которое заткнет за пояс все эти компьютерные штучки и реконструкции. Поэтому кризис – золотое время для документального кино.

Э.НИКОЛАЕВА: Архивные кадры только стоят дороговато.

И.ПРОКОПЕНКО: Ну, мы не будем вдаваться в технические и технологические нюансы. Я вам скажу, что свои первые документальные фильмы я вообще снимал бесплатно. Это такая штука... как у Чехова – можешь не писать, не пиши. Вот если человек не может делать документальное кино, он его не делает. А если он не может его не делать, он его будет делать в любое время – на собственную камеру, он обязательно найдет оператора-единомышленника, обязательно найдет

сумасшедшего монтажера, который ночью это будет делать. Это же такая живая история. Если сравнивать с музыкой, это как рок-культура. Почему люди играли на гитарах и не могли не играть?

Э.НИКОЛАЕВА: Ну что ж, хорошая такая, душевная штука происходит. Правда, сейчас многие воспринимают ее как способ зарабатывания денег. Хотела у вас поинтересоваться. Документальные фильмы теперь склеивают из чего угодно. Берутся куски из старых фильмов, добавляется что-то из свежкупленного, далее накладывается авторитет на тревожный голос, и все, продукт готов. Как конструктор «Лего».

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, документальное кино бывает разным. И когда люди говорят о том, что документальное кино склеено из документальных кадров, кусков из фильмов и на него наложен какой-то текст, не верьте этому. Потому что даже склеенное из кусочков и с этим наложенным голосом оно может быть гениальным, а может быть абсолютно ужасным. Поэтому говорят – нет желтых тем, есть желтое исполнение. Так и здесь. Поэтому я не готов обсуждать эту фразу. А если человек это делает талантливо, если это делается с душой, это будет хорошо вне зависимости от того, из каких кадров это склеено. Я сейчас напомню. Просто есть известный прекрасный документалист российский Виталий Манский, с которым я дружу. Вы помните его замечательный фильм «Частные хроники»? он был склеен из большого количества любительской хроники. Но это гениальная работа. Это к вопросу о том, как это делается. Какую душу, что вкладываешь туда.

Э.НИКОЛАЕВА: Документалистика начиналась на современном телевидении как откровение. Теперь, кажется, превратилась в рутину. Очень много людей работает в одном стиле под одну гребенку. Вы не замечали? Когда я в сотый раз слышу голос замечательного Чонишвили Сергея, который бодро рассказывает очередную сказку про царя колбаску, меня уже почти тошнит. Вот что вы сами лично думаете о таком поставленном на поток творчестве? Как будто какая-то артель сидит и клекает все эти фильмы на поток.

И.ПРОКОПЕНКО: Это правда. Но, вы понимаете, что такое документальное кино сегодняшнее? О нем можно сколько угодно говорить, что это что-то такое на потребу публики, для зарабатывания денег. Раз люди это смотрят, значит, они в этом что-то находят. Почему они это смотрят? Почему они это находят, если разгрести эти кучи мусора, о которых мы пытаемся сейчас с вами говорить? Дело в том, что о нашей сегодняшней жизни невозможно говорить голосом Левитана. И о нашей сегодняшней жизни нельзя говорить образами Тарковского, которого я очень люблю. Зрителя волнует то, что с ним происходит. То, что происходит вокруг него. В силу своего профессионализма, умения и опыта многие документалисты, а их в нашей стране большое количество, делают это для того, чтобы удовлетворить интерес и ответить на какие-то вопросы зрителей. А зритель у нас разный. А поскольку у нас эфирное время тоже разное – есть 11 утра, есть 7 утра, когда люди уходят на работу, есть три дня, когда дома остаются домохозяйки, есть 10 вечера, когда у экранов собирается наиболее мыслящая и интересная публика. Поэтому документальное кино, как и наш стол – то, что мы кушаем, - оно разное.

Э.НИКОЛАЕВА: И так, Игорь Прокопенко – заместитель генерального директора РЕН-ТВ по документально-публицистическим проектам, автор и ведущий программы «Военная тайна». И тем не менее это очень плохо, что наше телевидение оказалось в поле, где почти нет критики. Вот посмотрите кино – там такие отклики бывают, так размажут, так по мордасам надают, что мало не покажется! А телевидение, все – газеты, журналы, эфиры – под себя подмял, и оно у нас как-то вне подозрения. Да какое там по мордасам... Посмотрите, сколько на экране обычных голых королей. Ведь некому им сказать, что он голые.

И.ПРОКОПЕНКО: Это правда. Вы знаете, я очень тоже тоскую по хорошей критике. Как никому, автору, который работает для зрителя или для слушателя, очень нужна критика, но критика заинтересованная, профессиональная, скрупулезная. Потому что бывает так, что я слышу или читаю от человека, который пишет, не обязательно о моем проекте или, допустим, о моем, и я понимаю, смотрел он его до конца или не смотрел. Это обиднее всего. Когда он говорит – «Вот хорошо бы, чтобы в этом фильме было это!», а это есть на 30-й минуте, а видимо, человек досмотрел до 20-й. Поэтому я желаю нашему телевизионному сообществу способствовать тому, чтобы у нас появились... У нас есть критики – у нас есть замечательная Ирина Петровская, у нас есть вы, у нас есть Ксения Ларина...

Э.НИКОЛАЕВА: Уже не критик.

И.ПРОКОПЕНКО: Ну, вы в моей жизни всегда останетесь критиком. Но их же единицы. А телевидения много, и программ много. Воспитать поколение критиков, которые занимались бы этим серьезно и заинтересованно, это большая проблема, я должен сказать.

Э.НИКОЛАЕВА: Да наверное, их не надо воспитывать. Они есть. Потому что у нормального здравомыслящего человека есть...

И.ПРОКОПЕНКО: А значит, их не печатают.

Э.НИКОЛАЕВА: Не разрешают! Бизнес для некоторых главных редакторов важнее. Собственный личный бизнес. А потому что газеты-то превратились в личный бизнес каждого индивидуума, издателя. Потому что главные редактора превратились в издателей, в собственников.

И.ПРОКОПЕНКО: По крайней мере на нашем канале все гораздо проще.

Э.НИКОЛАЕВА: И так, рубрика «Блиц» - коротко представим вас. Родился в 65-м году. А где?

И.ПРОКОПЕНКО: В городе Павловск, Воронежская область.

Э.НИКОЛАЕВА: Образование высшее, военно-историческое. Где учились, служили?

И.ПРОКОПЕНКО: Я закончил Калининское суворовское военное училище, чем безмерно горжусь. Мы, кстати, однокашники со Славой Муруговым, мы закончили одно училище, а также с Борисом Громовым, губернатором Московской области.

Э.НИКОЛАЕВА: В одно время учились?

И.ПРОКОПЕНКО: Нет, в разное, но преподаватели одни. То же самое училище, один и тот же преподаватель по русскому языку преподавал мне и перебежчику Виктору Суворову, что является несмываемым пятном...

Э.НИКОЛАЕВА: Читаете его книги?

И.ПРОКОПЕНКО: Он очень талантливый писатель, ничего не могу сказать. Так бывает. Талант и не очень хорошие качества человеческие моральные иногда стоят рядом.

Э.НИКОЛАЕВА: Как военный и профессиональный журналист всякий раз Игорь подбирает слова, которыми стоит характеризовать того или иного индивидуума. Так. Хорошее училище. А историческое было?

И.ПРОКОПЕНКО: Да, а потом я закончил Донецкое высшее военно-политическое училище, где второй диплом получил. Он приравнивался к историческому факультету. А потом я служил в армии в качестве офицера.

Э.НИКОЛАЕВА: В каких войсках?

И.ПРОКОПЕНКО: В авиации, в противовоздушной обороне. Я, пользуясь случаем, хочу передать всем моим бывшим сослуживцам, центру боевого применения и переучивания авиации противовоздушной обороны, а где она находилась, не скажу до сих пор.

Э.НИКОЛАЕВА: Военная тайна.

И.ПРОКОПЕНКО: Да, это прекрасное место, это был район незаменимый. Там служили от лейтенанта и до пенсии, обзаводились в лесу огородами, рыли погреба, женились на местных деревенских девушках...

Э.НИКОЛАЕВА: И рожали здоровых, кровь с молоком, детей!

И.ПРОКОПЕНКО: Да-да. В общем, выходили на пенсию и оставались там. Но жизнь моя сложилась так, что меня унесло оттуда. Ну, не думаю, что есть смысл продолжать мою биографию...

Э.НИКОЛАЕВА: Ну почему? С 91-го года – военный корреспондент центральных СМИ. Чем отличились?

И.ПРОКОПЕНКО: Как чем отличился? Не знаю, чем. О себе нескромно говорить.

Э.НИКОЛАЕВА: А 95-й год – автор и ведущий программы «Присяга» на «России». А «Присяга» долго просуществовала?

И.ПРОКОПЕНКО: «Присяга» просуществовала два года. Это был очень интересный опыт для меня, потому что я на телевидении, как и в журналистике, оказался абсолютно случайно.

Э.НИКОЛАЕВА: Как оказались?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, когда я служил в гарнизоне, у меня в подчинении было сто солдат, сорок офицеров и прапорщиков. А в силу, что тогда еще служили ребята, которые после вуза, часть из них были старше меня. И у меня все там получалось, мне там нравилось служить. Но в какой-то момент я понял, что мне чего-то не хватает. Я решил писать диссертацию по философии.

Э.НИКОЛАЕВА: Боже мой.

И.ПРОКОПЕНКО: Да. И я, пользуясь случаем, приехал однажды в Москву в командировку, пошел в академию и нашел себе научного руководителя. Поставил задачу и начал работать над этой историей. А потом, когда она начала куда-то продвигаться, он говорит – тебе нужны печатные работы. Здесь я и попал. Я в следующий раз приехал в Москву, пошел по редакциям, говорил – «Вы знаете, я лейтенант такой-то, приехал оттуда-то, я пишу диссертацию, мне надо бы чего-то

написать по этой теме». И пришел в одну из редакций, выходит человек, он все понял, говорит – «Ты где служишь?» Я говорю – там-то. «А на полеты ходишь? Напиши, что там происходит». И я написал, как выяснилось, очерк. И этот очерк был опубликован недели через две в газете «Красная звезда» объемом в 350 строк. Вы понимаете, что это такое. Получил потом за это рублей 50. Это был 87-й год. Я искренне не понимал, что за это еще и платят. В общем, не рассчитывал на это. Я до сих пор живу с таким же ощущением. За удовольствие платят. Ну а потом пошло-поехало. Потом я оказался в Москве, потом побежал по редакциям. В том числе перед Димой Холодовым я работал в вашей замечательной газете, в «Карауле». Ну и дальше нет смысла рассказывать – дальше по накатанной все.

Э.НИКОЛАЕВА: С 98-го года автор и ведущий программы «Военная тайна» на Рен-ТВ. Когда начинали, в чем был сверхидея, Игорь, этой программы?

И.ПРОКОПЕНКО: Мой опыт работы на российском канале, где я делал программу «Присяга», и в министерстве обороны она позиционировалась как некий аналог «Служу Советскому Союзу», но в силу того, что я советскую стилистику не принимал и не мог принять в силу возраста и мировоззрения...

Э.НИКОЛАЕВА: И образования.

И.ПРОКОПЕНКО: Нет, образование как раз то самое, но возраст и мировоззрение не позволяли мне то же самое делать. Поэтому у меня очень мощная прививка против пропагандистских штампов. Я ими обожрался за время учебы и службы в армии. Поэтому мне очень хотелось делать программу для людей – чтобы людям было интересно, чтобы это была программа не о том, как один генерал отчитался другому и мы об этом рассказали, а чтобы людям было интересно, и чтобы «Присяга» начала приносить рейтинги. Сейчас уже мало кто об этом помнит.

Э.НИКОЛАЕВА: Но тем не менее закрылась.

И.ПРОКОПЕНКО: Ну, она закрылась в силу объективных обстоятельств. Менялось руководство на Российском канале, и произошла некая сшибка генеральских голов. И я тогда, когда ушел оттуда, думал – свобода, свобода, свобода! И по пути с Российского канала на Первый меня поймала Ирена Стефановна Лесневская, а я до этого еще работал у Молчанова в программе «До и после полуночи», и как-то естественным образом я оказался на метро Парк Культуры, искренне считал, что я пришел просто на 2-3 месяца как-то передохнуть, но остался – скоро уже 12-й год. А в силу того, что я пришел на канал Рен-ТВ с нуля, то я пришел корреспондентом в новости. И я все начал с начала. И уже с получасового формата собственной программы, и у меня уже было несколько документальных фильмов сделано. Я пришел опять в новости. И только тогда я понял, что минуту делать ничуть не проще, чем полчаса или целую программу, когда абзац, синхрон, абзац, финал, и за это надо все...

Э.НИКОЛАЕВА: Пять страниц текста.

И.ПРОКОПЕНКО: Да, за это время нужно рассказать то, что у тебя есть время рассказать за полчаса. Поэтому я благодарен судьбе за то, что она меня обратно на минутный формат, в самое начало. Ну, а потом...

Э.НИКОЛАЕВА: Итак, Игорь Прокопенко —заместитель генерального директора РЕН-ТВ по документально-публицистическим проектам, автор и ведущий программы

«Военная тайна». А вопросы здесь задаю я, Элина Николаева. Я не знаю, в чем военная тайна, а тайна успеха любого предприятия – в рекламе. Реклама Музея современного искусства на радио «Эхо Москвы». Мы продолжим сразу после.

Э.НИКОЛАЕВА: Итак, Игорь Прокопенко –заместитель генерального директора РЕН-ТВ по документально-публицистическим проектам, автор и ведущий программы «Военная тайна». «Товарищ прапорщик, вы можете построить подводную лодку?» «Могу! Подводная лодка, стройся!» Ну, в общем, я к тому, что вы – военная программа, а у нас сейчас реформа армии. Среди прочего решили избавиться от прапорщиков. Как вы ко всему этому относитесь?

И.ПРОКОПЕНКО: Во-первых, я хочу сказать – то, что многие считают «Военную тайну» военной программой, это ошибка. Более того – это моя сознательная дезинформация, которую я уже десять лет успешно провожу. На самом деле, она совершенно не об армии, конечно. Она о тех социальных проблемах, которые существуют в нашем обществе. Она о людях, об истории. Потому что ведь масса вещей в нашей жизни связана с силовыми структурами. Поэтому вся наша история... это программа об этом. Это нормальная общественно-политическая публицистическая программа.

Э.НИКОЛАЕВА: Хорошо. Но тем не менее, от вопроса не увильвайте.

И.ПРОКОПЕНКО: По поводу реформы?

Э.НИКОЛАЕВА: Да. Кто в тяжелую минуту бойцу скажет простую человеческую фразу?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы о прапорщиках? Мне очень жаль, что вместе с прапорщиком умерло целое явление, которое так и не родилось. Потому что какова была идея прапорщика? Прапорщик – это старший человек, который находится в казарме. Это тот самый профессионал, не срочник, а профессионал, взрослый мужчина, который должен делать основную военную работу в казарме. Это не сегодня, к сожалению, произошло. Это произошло давно, в течение последних двух десятков лет, когда в прапорщиков превратили начальников складов, хозяйственников. На самом деле, изначальная идея прапорщиков – это профессиональный солдат. Это тот самый профессионал, проблему которого наша армия вместе с государством, в независимости от того, кто стоит во главе, так и не может решить. Огромное количество государств, в том числе и стран СНГ, уже решили эту проблему.

Э.НИКОЛАЕВА: Как?

И.ПРОКОПЕНКО: они создали профессиональные армии, а мы об этом только говорим.

Э.НИКОЛАЕВА: Уже давно.

И.ПРОКОПЕНКО: Да, уже давно. И я не могу сказать, что этого не происходит. Это происходит. Но катастрофически медленно. Это всячески прикрывается тем, что это очень дорого. Другие страны находят на это деньги, а мы нет. Поэтому мне жалко прапорщика как неродившуюся идею профессиональной армии.

Э.НИКОЛАЕВА: Вы себя все-таки причисляете к военным журналистам?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, мой учитель, человек, на которого я равняюсь, который является абсолютным камертоном в журналистике на телевидении,

Владимир Молчанов – во все времена у него на визитке было написано одно слово мелкими буквами – «журналист».

Э.НИКОЛАЕВА: Да, правильно.

И.ПРОКОПЕНКО: Военный, культурный, киношный, телевизионный – неважно. Я журналист. Потому что я умею обо всем. У меня же нет задачи делать какие-то научно-популярные вещи об армии, на это есть специалисты. Для того, чтобы освоить материал, который необходим и интересен зрителю, достаточно иметь образование, эрудицию и желание понять эту проблему. Совершенно не обязательно быть специализированным человеком.

Э.НИКОЛАЕВА: Ну и тем не менее, в Минобороны, когда вы все-таки касаетесь военной темы как журналист, к вам прислушиваются?

И.ПРОКОПЕНКО: Ко мне, конечно, прислушиваются в силу того, что иногда приходят официальные письма... Меня иногда спрашивают – вот вы в прошлом военный, у вас программа, которая имеет к этому отношение, каковы ваши взаимоотношения с Министерством обороны – хорошие или плохие? Я говорю – никаких. И в этом, я считаю, наша очень большая заслуга. Потому что когда дружишь с ведомством, это плохо. Когда ссорись с ведомством, это тоже плохо. И то и другое – отношения. У меня нет отношений. Я сегодня могу сказать доброе слово, если оно заслужено, а завтра могу поругать министра прошлого или предыдущего. И это будет абсолютной истиной. У меня нет никаких отношений – ни симпатий, ни антипатий. Хотя не спорю – конечно, мои однокашники достигли уже определенных высот и званий. И у меня есть там друзья. Но это не сказывается на моих взаимоотношениях с Министерством обороны. Я стараюсь от этого дистанцироваться. Точно так же, как со службой внешней разведки, с которой я достаточно много работал. Точно так же, как с ФСБ. В меньшей степени с МВД в силу того, что это немножко другое... Вы задали мне вопрос, какова же главная военная тайна. Я вам могу ответить.

Э.НИКОЛАЕВА: Наконец-то – в течение десяти лет первый ответ.

И.ПРОКОПЕНКО: Наша самая главная военная тайна, нашего государства, это дедовщина. Это то, что мы никак не можем победить. Это огромная проблема. Это позор нашего государства. Я считаю, это не армии позор. Это позор государства. Потому что, вы знаете, я сам служил, у меня были в подчинении солдаты – я знаю, что это такое, насколько это трудная задача. Но она абсолютно решаемая.

Э.НИКОЛАЕВА: Как построить отношения в коллективе?

И.ПРОКОПЕНКО: Дело даже не в этом. Если есть время, я вам просто на одном конкретном примере расскажу, что такое дедовщина. Вы помните знаменитое дело Сычева, да? Я вам сейчас расскажу. Вот на этом примере очень просто можно все объяснить. Что там произошло? До сих пор никто не знает толком, что произошло. Я расскажу. В новогоднюю ночь в казарме батальона обеспечения училища – не буду все упоминать, им и так досталось – произошло нечто, в результате солдат, рядовой Сычев, оказался в такой тяжелой ситуации. Били его или не били, заставляли приседать или не заставляли? Второй вопрос – били ли резиной или еще чем? У меня как у военного, как у человека, понимающего, что такое казарма, есть несколько

вопросов. Первый вопрос – где в новогоднюю ночь был дежурный по батальону? Это же происходило в течение 3-4 часов, наверное. То есть он хотя бы один-два раза должен пройти по казарме. И если бы он был нормальным человеком, он заметил бы, что что-то не то.

Э.НИКОЛАЕВА: Конечно. Втихаря же такое нельзя проделать.

И.ПРОКОПЕНКО: Допустим, дежурный по батальону недисциплинированный капитан, но это же находится внутри училища, это большая история. Значит, есть дежурный по училищу. В новогоднюю ночь это начальник кафедры, это полковник. Серьезная история. И он обязательно должен два-три раза обойти. Один хотя бы. Он должен был зайти в казарму и что-то увидеть. Он же уже взрослый человек – в районе 40-50 лет. Если не заметил, значит, он тоже недисциплинированный офицер. Дальше. Новогодняя ночь – в батальоне ответственный офицер назначается, по училищу – ответственный, один из заместителей начальника, очень часто начальник училища приходит. Кроме того, обязательно в эту ночь – командир взвода, командир роты. Огромное количество офицеров должны были пройти через эту несчастную казарму! Что произошло? Причем это же очень простая вещь. Это же самое элементарное требование устава. В новогоднюю ночь – хотя бы один на одну минуту в казармы. Что произошло? Элементарное невыполнение устава, который часто очень ругают – уставы это самая тупая книга и так далее. Элементарное выполнение устава гарантировало бы то, что это не произошло бы...

Э.НИКОЛАЕВА: Слушайте, Игорь, но ведь на самом деле какой там устав? А что, нормальному человеку непонятно, что у тебя в подчинении куча бойцов, которые могут черти что устроить без тебя, если ни один человек не зайдет? Есть хоть какая-то элементарная минимальная доля ответственности за этих детей?

И.ПРОКОПЕНКО: Никому ничего, наверное, было не нужно. Потому что что делает офицер, который заходит в казарму? Ну, кроме того, что он увидел, что дневальный на месте, что личный состав отдыхает или что-то. Он идет в туалет, он идет в сушилку. Это знаменитое армейское место – сушилка.

Э.НИКОЛАЕВА: Почему?

И.ПРОКОПЕНКО: Ну потому что там сушат одежду, там тепло, там такой закуток, где могут происходить всякие события. Первое, куда идет офицер, когда хочет понять, что происходит. Сушилка – такое армейское слово, труднопонятное гражданскому зрителю, но тем не менее. Я не понимаю, почему ни один из этих 6-7 офицеров не оказался в этой казарме. Вот что такое дедовщина. Элементарное выполнение устава! Никаких других усилий прикладывать особенных не надо. Да, это трудно. Постоянный контроль. Потому что не хочется. Потому что есть масса своих задач. И тут мы выходим на другие проблемы армейские. Почему офицер так относится к своим обязанностям? Потому что ему мало платят, потому что негде жить, потому что у него куча других проблем. Ему надо где-то подработать. Но это все равно не объясняет эту проблему. Потому что если ты нормальный человек, если ты за людей отвечаешь головой, ты не можешь их бросать. Это большой системный кризис российской армии. И даже не российской армии, а государства. Потому что очень долго государство считало, что армия сможет вытащить себя за волосы из

этого болота. Не может. Я сейчас не касаюсь вопроса перевооружения, обучения кадров. Я имею в виду конкретную проблему.

Э.НИКОЛАЕВА: Скажите, Игорь, а почему эта тема дедовщины накатывается на общество какими-то волнами? То рядовой Сычев и прочее – такая прямо дедовщина, что хоть топор вешай. А то вдруг сейчас вот – раз – и тишина.

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, я вам скажу. Иногда пытаются объяснить эти информационные всплески освещения проблемы дедовщины тем, что один из генералов решил свести счеты с другим генералом, один министр решил свести счеты с начальником...

Э.НИКОЛАЕВА: И давай пальцем показывать, где что происходит.

И.ПРОКОПЕНКО: Да-да. И поэтому. Возникает большая пропагандистская кампания. Может быть. Я не исключаю. Но таких случаев огромное количество и в программе «Военная тайна». Каждую неделю в каждой программе мы обязательно об этих случаях рассказываем. Это ужасно, поверьте.

Э.НИКОЛАЕВА: Игорь, вы рассказываете об этом уже десять лет. И ничего не меняется.

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, я думаю, что что-то меняется в сознании людей. Десять лет – наверное, слишком короткий срок, если государство не вмешивается. Но в этой проблеме – чтобы закончить эту тему – меня всегда волновала вот такая вещь. Приходит 18-летний мальчишка, забитый, запуганный, вырванный из семьи, который как птенец, как щенок. К нему подходит человек с распушенным ремнем и начинает производить эти все манипуляции, выстраивает эту иерархию, дикую совершенно. Но через год этот самый забитый мальчик делает то же самое. И вот это загадка психологии. Потому что дед же получается из того самого забитого несчастного солдата. И это загадка нашего человеческого существования. Почему это происходит с этими маленькими еще мальчишками? Ведь изменения личности – как говорят, корреляция – буквально за 8-9 месяцев происходит. Это катастрофа.

Э.НИКОЛАЕВА: Человек в замкнутом пространстве живет, в одном и том же коллективе.

И.ПРОКОПЕНКО: Проблема заключается в абсолютном бесправи и беззаконии, которое творится в казарме. И это системный кризис, это не проблема сегодняшнего министра обороны, это не проблема конкретных офицеров. Это системный кризис. Так заведено было всегда.

Э.НИКОЛАЕВА: Итак, Игорь, пройдемся по вашим документальным проектам. «ТЭФИ» вам давали за «Чеченский капкан». И за что еще?

И.ПРОКОПЕНКО: Первая «ТЭФИ» у нас за документальное расследование «Убить невидимку». Речь шла о биологическом оружии. Потом у нас документальный фильм – «Дневник беглеца». Наверное, зрителю ни о чем не говорят эти названия, а содержание пересказывать бессмысленно. Абсолютно эксклюзивная история очень интересная.

Э.НИКОЛАЕВА: Наверное, они у вас выпущены на каких-то...

И.ПРОКОПЕНКО: Нет, ничего не выпущено. У нас нет времени этим заниматься. Потом – документальный сериал «Чеченский капкан». Потом – документальный

фильм «Продавец крови». А пятая-то за что? не помню. Нет смысла перечислять.

Э.НИКОЛАЕВА: Расскажите про Рен-ТВ на Цхинвальской войне – как в сентябре прошел фильм «Цхинвальский крест»?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, мы были и остаемся – может, это нескромно звучит – на переднем крае документального вещания. Почему? У нас есть возможность экспериментировать по сравнению со всеми большими каналами. И вот мы недавно провели эксперимент – день военных историй. Это был день с 11 часов утра и до 12, когда я проводил всех зрителей в ночное вещание, мягко говоря. И этот день был выстроен как одна большая программа. То есть там был день военных историй. Там была война, военная история, там были человеческие судьбы, там были восточные единоборства, там было все. И этот день пользовался большим зрительским интересом. И я должен сказать, что на наших каналах этого еще не было, потому что это был день с модератором. Это не по принципу – подобрали 8 фильмов и ушли. Потому что этот день разбивался документальными программами, короткометражными фильмами, большими фильмами. Мы переваливали через прайм. И этот день оказался достаточно успешным.

Э.НИКОЛАЕВА: Это вы придумали такой креативный подход?

И.ПРОКОПЕНКО: У нас есть группа товарищей. И мы собираемся этот опыт продолжать дальше. И вот у нас будет день секретных историй в том же формате, день чрезвычайных историй, 23 февраля у нас тоже будет день военных историй. Мы собираемся развивать эту форму, работать над ней.

Э.НИКОЛАЕВА: То есть вы говорите про тот самый новый формат – большая история, да?

И.ПРОКОПЕНКО: Нет. С 11 утра до 24. Большая история – это другое. Это как одна большая программа. Утром мы начинаем с чего? человек только проснулся. Мы рассказываем ему что-нибудь о восточных единоборствах. То, что интересует нашего зрителя. По мере того, как человек просыпается...

Э.НИКОЛАЕВА: А какой у вас зритель? Кто он?

И.ПРОКОПЕНКО: Мужчина. Я ж вижу цифры. Они могут быть сколь угодно приблизительными, но, на мой взгляд, они отражают тенденцию. У меня, допустим, предыдущая программа в субботу «Военная тайна» - доля по мужской аудитории 20%. Это для Рен-ТВ. Так что ошибиться трудно. Конечно, мужская аудитория. И мы собираемся продолжать это. И я считаю, это хороший интересный опыт. Мы оказались где-то первым в этой истории.

Э.НИКОЛАЕВА: В общем, вы уже нащупали, вы в поиске. И «Мужские истории» - это продолжение этого поиска.

И.ПРОКОПЕНКО: Я хочу о них рассказать. Я хочу сразу сказать, что я занимаюсь не только военными историями, я занимаюсь всем документальным кино. «Мужские истории» являются тому подтверждением. Когда мы начали придумывать «Мужские истории», а изначально задавалась идея, что это должна быть пятница, вечер, развлекательная такая должна быть история, и когда мы заговорили о «Мужских историях», во-первых, кто-то подумал, что это будет что-то вроде «Секса с Анфисой Чеховой». Когда мы придумывали «Мужские истории», я сразу подумал – чего не будет

в этих историях. В них не будет подглядывания в замочную скважину. В них не будет этого вот – у него жена и две любовницы, молодец! Он живет в разных странах, в разных городах – у него и здесь жена, и здесь жена, у него и там и там дети – отлично устроился! Мужчина за 50, а у него девушка – 20 лет. Супер! Вот этого не будет. Будет то же самое. Только... Вот смотрите – что такое мужчина, допустим, состоявшийся, у него все в порядке в жизни, у него карьера, он достаточно зарабатывает на том уровне, на котором ему необходимо, он здоров. Это очень важно для мужчины – если он здоров, все получается, если нет, обсуждать даже... он занят другим. У него семья, у него все в порядке. Более того – у него хорошая семья. И вдруг в этот момент он встречается кого-то. Неважно кого – секретарша, девушка на улице, подвез нечаянно, встретился в ресторане. Проскакивает искра. И этот человек вдруг думает – почему бы мне не решиться на легкое романтическое увлечение? Но мы же рассказываем о нормальных мужчинах. Потому что когда речь идет об идиотах, это немножко другой формат, это не для нашего канала.

Э.НИКОЛАЕВА: Поди тут разбери, идиот он или нет. Если искра проскочила, становишься идиотом.

И.ПРОКОПЕНКО: Стоп. Те, которые аплодируют, это другое. Мы говорим о нормальном человеке. Я рассматриваю эту историю как – человек попал в тяжелейшую ситуацию. И он дальше не понимает, как жить. Жизнь начинает рушиться. Он начинает разрываться. Это проблема. То есть обо всем, что происходит с мужчинами. Из этого проекта мы исключаем автомобили, рыбалку, охоту и так далее...

Э.НИКОЛАЕВА: Да?

И.ПРОКОПЕНКО: Да.

Э.НИКОЛАЕВА: А так интересно было бы.

И.ПРОКОПЕНКО: Знаете, как у Ахмадуллиной – «есть лишь любовь, нет смерти на земле». Это только то, что происходит между мужчиной и женщиной, потому что, на мой взгляд, это все-таки главное. Рыбалка, машина – это суррогат, это заменитель. Может, даже мужчина не отдает себе в этом отчета. Главное все-таки то, что происходит между мужчиной и женщиной. Поэтому все «Мужские истории» будут вращаться только вокруг этого. Но это достаточно серьезный проект, достаточно серьезное психологическое исследование, потому что вы, женщины – а женщины воспринимают мужчин как младшего брата по разуму – не знаете, что происходит у него там в голове, у этого брата. Более того – и его брат тоже иногда не знает. Мы рассматриваем это как человека, который попал в экстремальную ситуацию, в тяжелую ситуацию. Задача этого проекта – помочь. Посмотреть, как это происходит у других, помочь разобраться в себе, может, ответить на какие-то собственные вопросы, может, не совершить каких-то ошибок. Вот такие у нас будут «Мужские истории». Это кардинально другой взгляд.

Э.НИКОЛАЕВА: Просто психологический триллер будет на канале Рен-ТВ.

И.ПРОКОПЕНКО: Вот я хотел произнести это словосочетание, я побоялся слова триллер.

Э.НИКОЛАЕВА: Триллер – это напряженный сюжет, это не мочилово.

И.ПРОКОПЕНКО: Да, этот проект, наверное, будет интересен не только мужчинам, но и женщинам. Потому что для женщины это возможность посмотреть на человека, которого она часто любит и ненавидит, без которого жить не может и рядом находиться тоже не может, все связано. Я надеюсь, что этот проект состоится. Это будут такие мужские истории. Не совсем форматные истории. Потому что изначально все ждали, что это будет какая-то желтая история. Но я вам скажу – желтизны не будет. Не потому что мы не хотим, а потому что не умеем этого делать.

Э.НИКОЛАЕВА: Итак, Игорь Прокопенко —заместитель генерального директора РЕН-ТВ по документально-публицистическим проектам, автор и ведущий программы «Военная тайна». И, наконец, самое вкусное, но, как я понимаю, не имеющее отношения к документалистике – российско-китайский 24-серийный художественный фильм «Последний секрет самурая». Вы – сценарист и продюсер, только что вернулись из Китая. Этот фильм состоит из погонь, трюков, кунфу и прочих атрибутов, т.н. махаловок. Зачем вас все это?

И.ПРОКОПЕНКО: Я вам расскажу. Действительно, в этом 24-серийном художественном фильме, потому что это не сериал, в силу огромного количества линий, объектов, съемок, каждая серия – это практически полный метр. Действительно, в этом фильме будет много трюков, много кунфу, много восточных единоборств. Должен сказать, что трюки эти ставить будет не кто-нибудь, а старший брат Джеки Чана Бинго, который в течение всей карьеры ставил трюки Джеки Чана.

Э.НИКОЛАЕВА: Он сюда не собирается приехать?

И.ПРОКОПЕНКО: Почему? Он был здесь.

Э.НИКОЛАЕВА: А что же вы мне не сказали?

И.ПРОКОПЕНКО: Он приедет еще. Съёмочный период – с 15 ноября по 20 января – сначала в Удане, это центр даоизма, потом в Шаолине, потом в Пекине, потом в Макао, потом в Париже, потом в России. Заканчивается он 1 июня. Там очень много будет постановочных трюков, много очень красивых вещей. Но этот фильм не о трюках. И мне, на самом деле, это не очень интересно.

Э.НИКОЛАЕВА: А о чем?

И.ПРОКОПЕНКО: Этот фильм о любви, о дружбе, о том, что происходит в жизни разных людей, когда они попадают в нестандартные ситуации. Меня спрашивали, как я определяю жанр этой истории. Я, честно сказать, не знаю. С одной стороны, это боевик. С другой, не боевик. Некоторые говорят – детектив. Наверное, детектив. А третьи – криминальная комедия. Четвертые говорят – нет, это мелодрама. Там будет все. Это будет красивая история, в которой будут звучать замечательные песни Ирины Аллегровой, в которой играет сам себя Виктор Чайка, замечательный композитор и мой друг.

Э.НИКОЛАЕВА: Как вам это все удалось?

И.ПРОКОПЕНКО: Более того – в нем будет участвовать Витас, невероятно популярная фигура в Японии, в Китае. Там его голос вводят в телефоны. Главную роль играет Виктор Логинов, замечательный актер, известный нашим телезрителям по

сериалу «Счастливы вместе».

Э.НИКОЛАЕВА: А вторую половинку кто играет?

И.ПРОКОПЕНКО: Дело в том, что очень много героев, там много линий. Там будет играть замечательная российская актриса Мария Аронова, которую я очень люблю. Играет Геннадий Венгеров, известный по сериалу «Боец». Три звезды из Гонконга, невероятной популярности. Мы сейчас снимаем в Китае – очередь выстраивается за автографами. Я, к сожалению, не могу воспроизвести фамилии. Кроме Карвайи другие фамилии просто трудно запомнить, пусть меня извинят поклонники этих звезд голливудско-гонконгских.

Э.НИКОЛАЕВА: С китайской стороны проект ведет известный режиссер Ю Сяо Гань. Его телевизионный центр искусств с говорящим названием – одна из лучших кинокомпаний в Китае. Как вам работается с китайскими товарищами?

И.ПРОКОПЕНКО: Когда я решил заняться кино, я подумал, что нет никакого героизма в том, чтобы сделать, допустим, российско-французский проект или российско-немецкий, их много.

Э.НИКОЛАЕВА: Каждый дурак может.

И.ПРОКОПЕНКО: Нет, это очень сложно, но просто я буду не первый. Российско-китайских киноисторий совместных, я подчеркиваю – совместное финансирование, совместное производство и продукт на выходе неадаптационный, один и тот же вариант будет идти одновременно в Китае, в России, в Японии, в странах Азии и во Франции.

Э.НИКОЛАЕВА: А почему именно во Франции?

И.ПРОКОПЕНКО: Ну потому что у нас часть событий происходит в Париже. Это очень сложная история, на самом деле. Как мне работается? Мне с ними работается очень хорошо. Потому что Ю Сяо Гань замечательный режиссер, владелец киноимперии, очень талантливый человек. И все, кто с ним работает, это для них большая удача. Это ответ на первую часть вопроса. Второе – невероятно трудно. Потому что мы разные страны, у нас разный менталитет. Когда иногда возникали какие-то проблемы, мне один китаевед объяснил – что ты хочешь? Эти люди в течение двух тысяч лет всерьез считали, что небо круглое, а Земля квадратная. А Китай почему поднебесная? Потому что он под небом. А все, что за пределами этого квадрата, это что-то... И конечно, нынешний Китай – индустриальная страна – он очень разный, он очень мощно развивается. И считать, что Китай это страна где-то там... Нет, конечно. Но в подсознании все равно вот это мироощущение, что небо круглое, а Земля квадратная, сидит.

Э.НИКОЛАЕВА: У вас там возникло такое ощущение, когда вы были в Китае, на той неделе? Вы ощутили это на себе, что вы находитесь в квадрате?

И.ПРОКОПЕНКО: Мне очень повезло, что мы все проблемы решаем. Мы договариваемся.

Э.НИКОЛАЕВА: Бюджетный, наверное, очень проект?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, я не могу назвать его очень дорогим. И я открою секрет, почему большая часть съемок проходит в Китае – потому что там гораздо дешевле. Мы Москву снимаем в Китае, кроме экстерьеров, который мы снимаем в

Москве. Все, что происходит в помещении, все это снимается в Китае. 30 человек. Если они слышат, передаю им огромный привет. Им приходится несладко, потому что китайцы работают очень много, на сон остается 3-4 часа, и некоторые актеры ропщут, конечно.

Э.НИКОЛАЕВА: Особенно, наверное, известные актеры?

И.ПРОКОПЕНКО: Вы знаете, как ни странно, нет. Вот актеры с именами как раз работают так, как нужно. Витя Логинов, замечательный актер и прекрасный мой друг, а у него съемки по 16-18 часов, говорит – ты знаешь, я в своей жизни первые три года проработал проходчиком в шахте, по сравнению с этим все остальное – удовольствие.

Э.НИКОЛАЕВА: По сравнению с забоем...

И.ПРОКОПЕНКО: Да-да.

Э.НИКОЛАЕВА: Итак, Игорь Прокопенко – заместитель генерального директора РЕН-ТВ по документально-публицистическим проектам, автор и ведущий программы «Военная тайна». Игорь, наша программа подходит к концу. Не могу не спросить как у ведущего военной программы – будут ли когда-нибудь официально брать деньги за откос от армии? Рынок этих услуг оценивается в миллионы.

И.ПРОКОПЕНКО: Я абсолютно убежден в том, что этого делать не нужно. Армия должна быть профессиональной. Когда армия станет профессиональной, эта история уйдет сама собой.

Э.НИКОЛАЕВА: Ну что же, все вопросы заданы, вопросов больше нет. Остается только пожелать нашим слушателям побольше думать о своих вооруженных силах и смотреть документальное кино в исполнении Игоря Прокопенко.

И.ПРОКОПЕНКО: Я хочу сказать – и огромного коллектива, который работает над этими проектами. Потому что было бы нескромно считать, что все это зависит от меня. Абсолютно нет. Огромный коллектив талантливых людей работает над этими проектами.

Э.НИКОЛАЕВА: Всем пока. В эфире были – я, Элина Николаева, и...

И.ПРОКОПЕНКО: Игорь Прокопенко.

Аркадий Мамонтов

Родился Аркадий 26.05.1962 года в российском городе –

Новосибирске. Отец его, Виктор Гаврилович, был оператором, мама, Алевтина Михайловна – режиссером и директором Западно-Сибирской киностудии хроники, также работала на Центральной студии научно-документальных фильмов. Аркадий Мамонтов —журналист по призванию После окончания школы Аркадий очень хотел поступить во ВГИК (Всесоюзный государственный университет кинематографии), однако этого не случилось, так как он попросту провалил вступительные экзамены. Поэтому с 1980 по 1982 год будущий режиссер и журналист отбывал на срочной воинской службе в частях ракетных войск стратегического назначения, далеко в Забайкалье. Не поступив после службы в армии в университет кинематографии, Аркадий Викторович решает заниматься исследовательской журналистской деятельностью – он без проблем с первого раза поступает на журналистский факультет в Московский государственный университет. В 1988 году Аркадий Мамонтов защищает диплом с отличием и становится выпускником кафедры телевидения и радиовещания этого университета.

Окончив университет, он начал свою первую деятельность в роли специального корреспондента телеагентства «ТВ-Новости» и печатного агентства «Новости». Мамонтов про свободу слова Начиная с 1991 по 1994 годы, он ездит по «горячим точкам» в качестве «стрингера» (свободного журналиста) в Таджикистане, Молдавии, а так же на границе Нахичевани и Армении. Его результатом явилось большое количество разнообразных репортажей чрезвычайной важности и актуальности. В 1994 году Аркадия Викторовича приглашает к сотрудничеству журналистка Елена Масюк на телеканал НТВ. С этого года Аркадий Мамонтов является внештатным корреспондентом этого канала. Хотя бытует мнение, что он является практически один из основателей этого телеканала. В этом же году Аркадий продолжает работу над передачей «Специальный корреспондент», которая транслируется телекомпанией НТВ. Период с 1994 по 2000 год – это время серьезных военных конфликтов, Мамонтов участвует в освещении военных действий в Чечне, Дагестане, Ингушетии. С апреля 1995 года он начинает свою деятельность корреспондента на канале НТВ, а в 2000 году – на телеканале «Россия». Аркадий Мамонтов – это один из авторов легендарной программы «Специальный корреспондент», он вел отчаянные репортажи с различных мест трагических событий. Например, Аркадий Мамонтов был, чуть ли, не единственным корреспондентом, которому разрешили присутствовать в зоне спасения атомной подводной лодки «Курск» благодаря личному распоряжению адмирала В.Куроедова, это и дало возможность ему снять одну из своих самых запоминающихся его работ – репортаж с места гибели АПЛ «Курск». Он раскрыл причины провала спасательной операции команды подводной лодки, допущенные руководством, организовавшей спасательные операции. Аркадий Мамонтов —мастер репортажа и маэстро прямого эфира Чечня, Абхазия, Ирак, Беслан – все осталось за плечами этого отважного корреспондента. За свой талант и особые заслуги в области журналистики, в мае 2000 года Аркадий Викторович становится советником председателя ФГУП «ВГТРК» - Олега Добродеева, вскоре он становится еще и инициатором руководителем

«Авторской программы Аркадия Мамонтова» на телеканале РТР. Особого внимания заслуживает его работа – фильм «Шпионы» про специальные замаскированные приборы, устройства, которые были замаскированы под обычные камни в одном из многочисленных скверов г. Москва, использовавшиеся американской разведкой для передачи и обмена информацией. Этот фильм был очень неоднозначно воспринят зрителями, и даже подвергся резкой критике со стороны российских СМИ, однако, сам автор заявил, что за все слова в этом фильме ручается полностью. Эта работы была отмечена на высочайшем уровне и в ноябре 2006 года была даже награждена орденом Почета.

Начиная с 2009 года Аркадий Мамонтов, пробует себя в качестве режиссера. Его первая работа на данном поприще – это фильм под названием «База», в котором он рассказывает об американской базе «Манас», что находится в Киргизии. Знаменитыми работами этого корреспондента были так же «Обратная сторона. Дети», «Потерянный рай», «Майдан», «Югославия. Период распада» (из серии «Большой репортаж»), и много других. В январе 2012 года в свет вышел еще один документальный фильм «Путин, Россия и Запад». В нем продолжается тема «шпионских камней». Аркадий Мамонтов о бархатных революциях Аркадий Викторович Мамонтов имеет большое количество наград, среди которых есть за заслуги перед страной. За освещение событий Абхазии ему был вручен орден «За личное мужество», орден «За заслуги перед Отечеством», II степени – за серию репортажей из Чечни, орденом Почета, а так же медалью «За укрепление боевого содружества». Все фильмы Аркадия Викторовича являются острой и незамедлительной реакцией на болезненные, волнующие людей, темы. Фильмы, выходя в свет, сразу же становятся обсуждаемыми и вызывают бурю эмоций. Они привлекают внимание к проблеме, заставляют задуматься и многое переосмыслить, посмотреть со стороны наблюдателя на многие вещи. Подчиненные Аркадия Викторовича считают его человеком добрым и трудолюбивым, и в этом не приходится сомневаться, ведь нет никого, кто мог бы плохо сказать что-либо плохое о нем. В ответ на это, наш скромный герой говорит, что он на самом деле страшный и злой. Однако, личное знакомство совершенно опровергает его самокритику, и показывает его с совершенно другой стороны. Аркадий Мамонтов по жизни человек очень веселый, жизнерадостный, добрый и достаточно серьезный, он безумно влюблен в свою профессию, и его поистине можно назвать настоящим мастером своего дела. Аркадия Мамонтова любят подчиненные. Его смело можно отнести к честным и последовательным, бесстрашным и порядочным профессионалам, каких осталось единицы не только в журналистской сфере, но и вообще в жизни.

«Я не агент ФСБ, я просто беру у них материал»²⁰⁶

Slon попытался узнать у автора скандальных «телеразоблачений» Аркадия Мамонтова, выпустившего фильм о коррупции в Минобороны, рабочие секреты и кто станет героем его разоблачений в следующий раз.

– Аркадий, почему расследование по поводу Минобороны вы решили провести только сейчас, когда министра уже уволили.

– Ну, это же информационный повод был.

– То есть раньше вам было известно о фактах хищения, но вы молчали?

– Нет, это же закрытая система.

– Как же вам сейчас удалось ее раскрыть?

– Ну как, надо было посмотреть материалы, для этого есть интернет, есть люди.

– То есть вы брали информацию о закрытой системе в интернете?

– Ну, в том числе, как и всегда, как и вы ищете.

– Вот же в интернете легко обнаружить, что угольный скандал, который вы связали с Сердюковым, на самом деле пятилетней давности и мало с ним связан, собственно.

– Да какая разница, сейчас-то там все то же самое.

– Почему вы никогда не делаете разоблачений о чиновниках, пока они у власти.

– Будет материал – будем работать.

– Как вы объясните то, что ваши разоблачения по времени и по жертве всегда совпадают с желанием властей кого-то прижать: приняли закон об НКО – тут же фильм о шпионских камнях, прижали Тельмана Исмаилова – тут же фильм о «Черкизоне».

– Ну так я же говорю – это все информационные поводы. Когда они есть – я снимаю.

– Дело не только в поводах, скажем, в фильме о шпионских камнях использовалась съемка ФСБ, вы как ее получили?

– Я не являюсь агентом ФСБ, я просто беру материал.

– Но они абы кому не дадут материал.

– Ну, у меня есть контакты, я не хочу раскрывать внутреннюю кухню. Никто же никогда не рассказывает об этом. Вот вы придете на «Дождь», вам же там никто не будет рассказывать о своей внутренней кухне.

– Да вроде они ничего не скрывают, планерки в эфире показывают.

– Ну а я вот не хочу рассказывать.

– Но кто был инициатором материалов – вы или ФСБ?

– Ну а чей материал вышел?

– В этом есть мой вопрос.

– Ну это мой материал или эфэсбэшный?

– Да, вот именно в этом вопрос. ФСБ это делает, используя вас, или вы запрашиваете кадры у ФСБ, задействуете свои контакты.

– Вторым вариантом правильный.

– Я давно слежу за вашей работой. И вы знаете, ваши взгляды производят

впечатление хорошо обоснованной системы сверхценных идей, в центре которых стоит православие...

– Все верно.

– ... при этом отличаясь повышенной подозрительностью, прежде всего в отношении США. Некоторые называют это **паранойей**.

– А что они нам, друзья, что ли?

– **Они враги?**

– Нет, это я вас спрашиваю, они нам друзья?

– **Рискну предположить, что американцы вполне могли бы быть нашими друзьями.**

– Ах, могли бы быть, да? А вы слышали, что Ромни назвал Россию главным геополитическим врагом США?

– **А потом был высмеян Обамой и проиграл выборы.**

– Да вы бывали там вообще, в США?

– **Случалось.**

– И как вам, понравилось?

– **Нормально. А вам?**

– Да нет, мне понравилось, но я не нашел там ничего, что было бы лучше, чем у нас.

– **То есть в США все хуже, чем у нас.**

– Нет, я такого не говорил.

– **Только что же сказали.**

– Нет, вы передергиваете. Штаты это Штаты, у них своя политическая культура, но зачем лезть-то к нам?

– **Когда впервые вы стали чувствовать тревогу и подозрительность в отношении к США?**

– Нет у меня никакой тревоги. Я не говорю, что в США все плохо, там есть хорошие законы, скажем, о педофилии, о террористах, о шпионах, полиция там хорошо работает. Но иногда они начинают лезть в наши всякие вещи, поддержка там всяких НКО, посол начинает заявлять, что они будут поддерживать демократию.

– **Поддерживать демократию это действительно так плохо?**

– Да это же зарубежные страны, это чужие люди, не в нашем менталитете.

– **Хорошо, оставим США. Не планируете ли вы сделать расследование в отношении коррупции в Кремле и после Сердюкова взяться, скажем, за Ковальчука или Шамалова с Тимченко?**

– А почему бы вам самим о коррупции в Кремле не написать?

– **Да мы пишем помаленьку.**

– Ну и пишите. У вас что, факты есть?

– **Вам сегодня подарили книжку «Путин. Итоги». Вы ничего не слышали о кооперативе «Озеро» или о том, как, к примеру, Газпром отдавал свои основные финансовые активы. Не хотите об этом фильм сделать? Или история с «Байкалфинансгруп».**

- Я не знаю, что такое «Байкалфинансгруп», во-первых...
- **И такие фамилии, как Ковальчук или Шамалов, вы не слышали раньше?**
- Ну, про Ковальчука слышал.
- **Как насчет того, чтобы расследовать его деятельность?**
- Это ваше редакционное задание мне? Ха-ха-ха. Будет редакционное задание – будем расследовать.
- **Неужели даже про Путина будете расследовать?**
- Это провокационный вопрос. А если вам попадет информация, что президент США замешан в коррупции? Вы вообще гражданин какой страны? России? А если бы были гражданином США? Тогда что бы?

«МИР СПРАВЕДЛИВОСТИ – ЭТО АД, А РАЙ – ЭТО МИР ЛЮБВИ»²⁰⁷

Аркадий Мамонтов начинал работать на телевидении корреспондентом в «горячих точках». Сегодня его хорошо знают по сюжетам в жанре расследовательской журналистики. А в день прибытия Пояса Богородицы в Россию вышел в эфир — хотя и далеко не в прайм-тайм, а почти в час ночи — документальный фильм Аркадия Мамонтова об этой святыне и о монастыре Ватопед, откуда она была привезена. Мы предполагали поговорить о съемках этого фильма, но Аркадий Викторович рассказал гораздо больше, чем мы ожидали услышать...

— **Аркадий, летом этого года вы ездили на Афоне снимать фильм о Поясе Богородицы. Но, насколько я знаю, это не первая Ваша попытка приехать на Святую гору со съемочной группой?**

— Да, я был на Афоне 7 лет назад, тогда мы впервые решили попробовать снять фильм про Святую гору, про наш русский монастырь Святого Пантелеимона. Не удалось: Кинод (это высший орган управления Афона) не дал благословения на это. Поэтому мы просто пробыли в монастыре три дня как паломники: жили в архандарике (гостинице. — Ред.) втроем с коллегами. А уже в июле этого года все получилось!

— **Быть на Афоне паломником и журналистом, то есть приехать по работе, — это разные вещи?**

— Разные. Когда ты паломник, ты сосредоточен прежде всего на том, что происходит внутри тебя. Ты стремишься полностью погрузиться в атмосферу святого места, прочувствовать его, понять, поразмышлять, походить, посмотреть, пообщаться.

А вот если ты журналист, то на себе в таких местах сосредоточиваешься меньше. Ведь ты работаешь для людей. Как профессионал, ты любые события, встречи, разговоры пропускаешь через призму будущего фильма или программы. Это тоже интересно — наша профессия предполагает изучение мира, жизни. Хотя работа, конечно, всегда остается работой... И если паломник может посидеть, помолчать, подумать, то журналист должен говорить и действовать. Но, несмотря на это, афонская поездка дала нам удивительный опыт. Даже с учетом того, что было очень сильное противодействие нашему стремлению сделать фильм.

— **В каком смысле?**

207 <http://www.pravoslavie.ru/smi/50419.htm>

— Не в плане каких-то юридических преград. Со стороны монастыря, напротив, нам очень охотно пошли навстречу, быстро оформили все документы. Я о другом противодействии. Не знаю, как у других было, я просто рассказываю про себя.

В Домодедове перед вылетом я вдруг почувствовал, что у меня начинает подниматься давление, сердцебиение сильное. Но главное — появляются такие мысли: «Да не надо тебе туда лететь! Опасно лететь — самолет упадет, вы со всей съемочной группой разобьетесь. И вообще, зачем тебе это надо?» Такая прямая атака. Я не склонен мистифицировать события, просто я рассказываю, как было. Я впервые в жизни вынужден был обратиться в медпункт в аэропорту. Сделали кардиограмму — она оказалась абсолютно нормальной, правда, давление действительно зашкаливало. Врачи вынуждены были сделать укол. Перед самым вылетом я зашел в медпункт уже около самых посадочных ворот. Измерил давление — нормально. Выхожу — и меня опять начинает трясти! В конце концов, я себя переборол, сел в самолет. Мы летели, как будто Бог нас нес на ладони — никакой тряски! Но в Уранополисе — это городок, пристань, откуда отправляются корабли на Афон — нас ждало второе испытание...

— **Какое?**

— Монастырь прислал за нами катер. Я спросил у капитана: «Есть ли на море волнение?» — а мы плыли не как все паломники, а огибали Афон с другой стороны, чтобы сразу прибыть в монастырь Ватопед, где хранится Пояс. Морячок ответил: «Да не волнуйтесь, все будет здорово!». И вот мы вышли из бухты... и попали в сильнейшее волнение! Для маленького кораблика 3 балла — это очень много: наш катер мотало, подкидывало, бросало из стороны в сторону. И всю дорогу — полтора часа — я в буквальном смысле в небо кричал молитву «Богородице, Дево». Сначала надо мной посмеивались ребяташки — коллеги, а когда нас стало особенно сильно швырять — на подветренной стороне — молиться начали уже все! И, слава Богу, до Афона мы добрались.

Как дети

— **Приехали столичные журналисты, с центрального телевидения — снимать фильм о греческом монастыре, о его святыне... К вам не относились с недоверием, настороженностью?**

— С самого начала — полдня, наверное, — к нам присматривались: все-таки люди новые, чужие. Но когда насельники поняли, что мы неравнодушные люди, что воспринимаем этот монастырь, его храмы, иконы, монахов, паломников с верой, с благоговением, то, конечно, открылись нам. Я помню, настоятель в первую же нашу встречу сказал мне такую фразу: «Ты снимешь хороший фильм». Я поразился: как я сниму? Я не знал, что именно снимать — ей-Богу!

— **Как это не знали? Вы же понимали, куда и за чем едете.**

— Да, но я не представлял, как снять так, чтобы люди посмотрели и прониклись, чтобы передать то, что я там увидел и почувствовал. Можно же просто формально снять фильм, а можно — снять неформально. Но как? Тут же нет технологии, алгоритма! Я растерялся. Собралось огромное количество материала: на тебя все новая и новая информация валится, и ты должен быстро сориентироваться. Весь наш первоначальный сценарий разлетелся, все случилось по-другому!

— Сколько у Вас дней было на работу?

— Всего пять дней! Мы приступили к работе тут же: приехали, сбросили вещи в гостинице и с ходу пошли снимать. Нас сопровождал монах, отец Феодох, он родом из Грузии, прекрасно знает русский язык, очень хороший человек — умный, эрудированный, дружелюбный.

К концу первой половины дня мы вымотались. Я смотрел на монахов — как они трудятся и как они при этом спокойны — и поражался! Это другой мир, другое отношение людей друг к другу. Представьте себе: в год в этом монастыре бывает 50 тысяч паломников — ведь можно озвереть от такого количества гостей. Потому что за каждым надо убрать, застелить кровать, каждого накормить, каждого вновь прибывшего паломника угощают водой и рахат-лукумом. Там нет гастарбайтеров или прислуги — это делают сами монахи. И при этом успевают молиться по 6-8 часов в день!

Мне запомнился монах-ключник, который менял белье в номерах. Когда мы с ним в гостиничном лифте поднимались, он постоянно повторял тихонько: «Кирие елейсон, кирие елейсон», то есть «Господи, помилуй». Они всегда молятся про себя, это им помогает. Там воспитывается ангельское терпение! А попробуй ко всем будь ровен, дружелюбен — люди-то разные приезжают, из разных стран, разных культур, с разными целями. Меня поразило общение с монахами. И не только оно. Надо сказать, что на Афоне в принципе совершенно уникальная атмосфера и культура общения. Удивительно: я не заметил ни одного проявления жестокости, не услышал ни одного грубого слова. На острове ведь одни мужчины, а чувствовали себя мы там — как дети! Вся шелуха, вся взрослая наигранность сразу с нас слетели. Это меня поразило больше всего.

И присутствие Божие и Божьей Матери чувствовалось очень сильно. Помните, в нашем фильме был парень-паломник, который сказал: «Я понял, что здесь всё есть. Я теперь смерти не боюсь».

— И Вы это поняли?

— Да. Это правда — так же и мы чувствовали.

— На Ваших коллег тоже повлияла эта поездка?

— Да. Например, Дмитрий, молодой корреспондент, который ездил с нами, в подобное место попал впервые и был, конечно, оглушен — в хорошем смысле этого слова. Он раскрылся. У него был такой взгляд, как будто он маму увидел после долгой разлуки. Наверное, он к чему-то очень родному прикоснулся. Люди там менялись, это было видно.

В первый день съемок на остров приехали немцы (а в монастыре проводят экскурсии на пяти разных языках) — они как раз вошли в храм, когда мы снимали вынос из алтаря Пояса Богородицы и других святынь монастыря. Картина была такая: русские, греки, румыны — православные — крестятся, с благоговением прикладываются... и немцы стоят — вот что значит другая культура! — смотрят, как на диво какое-то: что это тут такое? Потом сами прошли перед этими

святынями, выставленными в ряд перед алтарем, просто посмотрели на них, послушали, как монах им рассказывает о них, и отошли.

Оказывается, это был первый день их пребывания на Афоне. А на второй день я снова увидел этих немцев: у них были совершенно другие лица! Не видел, прикладывались ли они к святыням или нет. Но то, что они по-другому смотрели на всё, проведя ночь в монастыре, было очевидно.

— **Там, говорят, как будто и нет разных национальностей...**

— Не то что нет... Они есть, просто этого не чувствуется — там все едины во Христе. Кто откуда приехал — меня, собственно говоря, не интересовало. Православный — и всё. Среди монахов — люди со всего белого света! Конечно, в первую очередь это греки, потом — русские, потом — французы, австралийцы, немцы, американцы, англичане, канадцы, грузины, арабы. В общем, со всего мира. Вот уж действительно — нет ни эллина, ни иудея. Все — братья во Христе.

На воздушях

— **Когда Вы к вере пришли?**

— Еще в армии — в 1980-82 годах. Нас там колотили здорово, как в тюрьме... Конечно, мне надо было в армию идти, это школа жизни — я не спорю. Но я был интеллигентным мальчиком, из кинематографической семьи: не пил, не курил, матом не ругался. А тут раз — мне 18 лет исполнилось, и меня забрали служить в Забайкалье. В общем, я нагляделся там много на что. И когда было особенно тяжело, надо было к чему-то, к кому-то обратиться. Вот так вот, не зная, как, кого-то я молил о помощи. После армии — крестился. И тогда уже стал идти к Богу, ошибаясь, падая.

Позже я для себя вывел такую формулу: в жизни есть две дороги. Одна — классное шоссе, автобан, пять полос с асфальтовым покрытием, с освещением, по нему можно даже пешком идти с удовольствием, отдыхая иногда в придорожных кафе. А в конце — красивые ажурные ворота, шикарные, золотые.

И есть другая дорога — наша, русская. В деревню Нижние Котлы. Вся разбитая, в рытвинах, ехать по ней невозможно, а идти — еще трудней. А в конце — калитка скособоченная, из горбыля сколоченная. И от человека зависит, какую дорогу выбирать. Всегда стоит выбор — ваш, мой, ее, его: идти, где удобно, или там, где тяжело. Главный вопрос в том, куда придешь. Человек всегда сам выбирает свой путь. Я выбрал не шоссе.

— **Значит, Вы впервые ехали на Святую гору, уже определившись с выбором. Но все же Вас не разочаровал тот факт, что Вам в первый раз отказали в съемках?**

— Нет, неприятного осадка у нас не осталось, там все равно было очень хорошо. Тогда нам все было в новинку, все казалось удивительным. Ночью при свечах мы впервые все вместе читали вечерние молитвы перед сном, потом вставали в 3 часа ночи и шли на службу. Это было так странно. И послушания — тоже казались странными.

Утром к нам подошел монах и сказал: «Знаете что, ребята. Надо помочь убрать верхний храм: вымыть пол, ступеньки, протереть стасидии*...». «Конечно!» — ответили мы, а сами переглянулись с некоторым недоумением: как это? Мы что — сейчас мыть полы будем? Ну, ладно, проблем нет, поможем! А монах добавил, видно, в

шутку: «Знаете, кто в монастыре храм уберет, тому семь грехов спишется». Мы рванули туда, в этот храм, наперегонки! (смеется) До дыр все протерли, убрались так, что там все блестело — как в армии, в общем.

Еще мне очень запомнился случай, который произошел на нашей первой трапезе. Как видите, меня достаточно много, я люблю покушать — есть у меня такой недостаток. Сидели мы, миряне, в ряд, а напротив нас, тоже в ряд, сидели монахи. Мы с ребятами «наворачивали» с голоду (а перед этим мы хорошо поработали) кашу, оливки и все, что там стояло. Как нам казалось, делали мы это медленно и чинно, а на самом деле оказалось — быстро и суетливо. Напротив меня сидел очень худой монах. Лицо — благообразное, глаза — светлые, кристальной чистоты. Перед ним стоит алюминиевая тарелка с фруктами. И он не спеша берет оттуда виноградинку — и откусывает ее. И всё! А ведь он не меньше моего работал! Когда мы встали из-за стола, я подумал: сколько надо было этому человеку идти к такому простому действию? Чтобы вот так просто взять одну виноградинку и не спеша есть? Что стоит за этим невероятным воздержанием? Он не хотел передо мной рисоваться, просто у него такой образ жизни...

— **Ваше самое сильное впечатление от Афона?**

— В первую нашу поездку, в одну из ночей, перед утренней службой я вышел на монастырский двор — а электрического освещения там нет. И вот представьте себе: неверный свет луны, неземной аромат — видимо, деревья цвели, дело было весной. И тишина, только птицы поют перед рассветом, и звезды, как бриллианты, рассыпаны по небу. Это было нечто! Я стоял в этом дворе практически неподвижно где-то час, боялся дышать — такое ощущение было, как говорится, что ты «на воздушках». Непередаваемое ощущение покоя, любви.

— **Трех дней хватило, чтоб ощутить то, что постоянно ускользает от нас в обычной жизни?**

— Вы знаете, там, на Афоне, какое-то необыкновенное течение времени, даже отсутствие времени. В нашем мире, который опутан сетями прогресса, мы все куда-то бежим, едем, спешим, летим, даже ходить не умеем как следует. Мы с вами москвичи, а давайте переедем в провинцию, скажем, в город Барнаул и с ходу пойдем по центральной улице. Вы и я — мы будем обгонять всех подряд! Потому что мы, к сожалению, уже по привычке бежим куда-то. Ритм жизни подгоняет, а это плохо: надо жить спокойно, размеренно, думать, размышлять, созерцанием заниматься. Но есть вещи, которые, к сожалению, пока сильнее нас... Как бы там ни было, Бог дает тебе моменты, когда ты можешь в этой гонке остановиться. И вот тогда был такой момент. Когда я впервые оказался на Афоне, понял, почему надо ходить в храм в воскресенье и на праздники.

— **Почему?**

— Потому что по воскресеньям ты из этой суеты никчемной выпадаешь и, приходя в храм, оказываешься в Божьем мире. Горнем мире. Общение с Богом — оно не терпит суеты. Оно требует беседы, тихой и спокойной. Иисус Христос и с учениками, и с людьми, среди которых Он проповедовал, всегда беседовал спокойно, не спеша.

Так что получается, воскресенье — это и память Воскресения Бога нашего

Иисуса Христа и вместе с тем — воскресение нашего духа, потому, что в этот день мы целиком с Господом.

Я, конечно, не очень хороший христианин: мне иногда трудно всю службу отстоять, я иногда могу проспать и опоздать на Литургию, с ноги на ногу стоять, переминаясь, но все равно бывают такие дни, в которые ты весь в богослужении, весь в молитве. Это, конечно, очень многое дает человеку. Особенно в наш век.

Очередь-радуга

— Первое прикосновение к Поясу Богородицы — каким оно было? Вы впервые увидели эту святыню в Вашу вторую, рабочую, поездку?

— Да. Каждый день после трапезы Пояс выносят к паломникам. Мы пришли с камерами — снимать этот эпизод для фильма. Священник вынес ларец, открыл, поставил, и люди стали подходить, прикладываться. А поскольку это был рабочий момент съемок, я сначала и не прочувствовал, что происходит нечто необычное. Сам приложился, помолился — но как-то все обыденно.

Я понял, что это за необыкновенная святыня, уже позже, когда настоятель монастыря повел меня в алтарь. Я встал на колени, а он взял ковчег и крестообразно осенил меня им, благословляя. Сначала ощущений никаких не было. Настоятель прочел молитву. И вот тут как будто, знаете, какой-то столп света на меня упал — не в физическом смысле, конечно, это душевные ощущения. Поток любви, благодати. Это неопишуемое ощущение! И я заплакал, потому что... все мы люди очень грешные. Очень грешные. И мне было непонятно, за что мне, такому грешному, недостойному, дано было почувствовать нечто такое, чего не выразить словами, не описать, не углядеть никак!

— Что бы Вы сказали на возражение, что поклонение Поясу Богородицы в какой-то степени граничит с фетишизмом, что это лишнее?

— Я постараюсь объяснить — но оговорюсь: это мое личное мнение, я могу быть неправ. Мы снимаем сейчас программу «Рождественская открытка». В Петербурге мы встречались с коллекционером, который собрал 40 тысяч открыток, в том числе старинных: конца XIX — начала XX века. Я читал эти открытки. Скажем, открытка 1902 года: «Милая Маша! Поздравляю тебя с Рождеством Христовым и Новым годом! Желаю тебе здоровья, счастья, удачи. Надеюсь быть с вами в Новом году! Петр». В этих строках — ощущение жизни, которой уже нет, она ушла, но в то же время — осталась в этих строках. Так и Пояс: его Матерь Господа нашего носила, когда ходила по этой земле. Это материальное свидетельство Горнего мира. И здесь нет никакого фетишизма — это, на мой взгляд, проблемы тех людей, которые так говорят. А наше счастье, что миллионы наших людей шли к Поясу как к Величайшей Святыне.

— Невероятная очередь к Поясу — она, на Ваш взгляд, что-то рассказала о нашем народе, о стране?

— Конечно. Очередь показала, что у народа есть Вера. Вера, которую «утюжили», корежили, выжигали каленым железом на протяжении всего XX века. Но простые люди все равно верили и продолжают верить. Самое главное: наш народ, русские — я имею в виду не национальность — он жаждет Веры! Потому что ему в

свое время перекрыли этот источник, в чем он и сам был виноват: нельзя было отказываться от государя-императора, нельзя было отрекаться от своей Веры. Наши предки соблазнились обещаниями: нам показали змия с золотым яблоком в пасти, и мы кинулись за ним! Думали, что у нас нужники будут из золота, будем жить при коммунизме, как в раю. Такого не бывает. Мир справедливости — это ад, а мир любви — это рай. Вот в чем дело. А сейчас пришло трезвение, и народ жаждет Бога. Поэтому слава Богу, что в Россию прибыла эта святыня, и что люди стояли в очереди.

— А Вы эту самую очередь видели своими глазами, подходили к ней?

— Видел, конечно.

— Какое на Вас впечатление она произвела?

— Благодати. Если б эту очередь можно было бы сфотографировать специальными приборами, она вся бы переливалась радугой. Несмотря на цыган, которые ходили и навязчиво просили денег, несмотря ни на какие споры, ссоры — все равно там была благодать: вот она льется, ее ничем не остановить! И неважно, что говорили неверующие люди: якобы большинство стояло из корысти, эгоистично просило каких-то утилитарных, земных вещей, для себя. Да, просили. Мы люди — мы просили помощи у Бога, у Его Пречистой Матери. А кто нам еще поможет? Но мы-то просили с Верою. Господь же Сам сказал: «Просите и дано будет вам».

Без веры в этом мире делать нечего

— Вы снимаете фильмы о тяжелых явлениях современности, о страшных вещах, которые творятся в нашей стране. И с другой стороны — о святых и святынях, и всегда говорите о вере в наш народ. Одно другому не мешает?

— Наоборот, помогает! Помогает не впасть в уныние. Как бы страшно ни было, а кто-то говорить об этом должен. Понимаете, каждому из нас — вам, мне, любому другому человеку — дано нести определенное служение в этом мире. Мне судил Господь работать в тележурналистике — я работаю. И считаю, что, если есть возможность говорить с экрана о вещах, которые открывают глаза людям на какие-то явления в жизни, я обязан это делать. Я же работаю не потому, что мне это невероятно нравится, а потому что... чем же еще я могу людям помочь? Ну чем, как? Я не полицейский, не депутат — я просто журналист. Я могу просто сделать фильм о том, что я вижу. Со злом бороться надо, нельзя просто так сидеть сложа руки.

— Вы как-то сказали, что своими расследовательскими программами защищаете свой народ. Программы о Поясе Богородицы, о других святынях тоже подходят под эту категорию?

— Конечно. Кто-то посмотрит, хоть один человек, и умилился, как я умилился, и почувствует то, что чувствовала вся наша съемочная группа. И утешится этим, скажет: «Ой, как интересно!». И что-то в его душе дрогнет. Если хоть один человек так отреагирует, я буду счастлив. Безусловно, масса людей свидетельства о вере не принимает, не принимают Христа. Это личное дело каждого человека... Но я вам должен сказать, что в современном мире без Веры делать нечего.

— Почему?

— Потому что только Вера человека удержит на поверхности и спасет от падения в какую-либо пропасть. Сегодня мир настолько яркий, он предлагает столько увлекательных возможностей: карьера, работа, творчество, машина, квартира, путешествия, деньги, женщины — все что хочешь!

Раньше главным испытанием христиан был страх перед физическими муками, как во времена Римской империи, или страх остаться без работы, без хлеба, как в советские времена. Сейчас другое испытание — муки соблазна. Скажем, у тебя все есть — iPhone, iPad, машина, успех, интересное общение — зачем о Боге помнить? И вот это испытание, может быть, еще страшнее и тяжелее, чем физические пытки. Потому что соблазн не поймаешь, он эфемерный, с ним тяжелее бороться. Но тем не менее есть люди невероятно богатые, которые оставляют все и идут в монахи.

— **Вы таких встречали во время съемок?**

— Да. В одном не вошедшем в краткую версию фильма «Пояс Богородицы» интервью я спрашиваю у русского монаха, насельника Андреевского скита на Афоне: «Как так? К вам в монастырь, постригаться в монахи, приходят в том числе и очень богатые люди — как они от всего отказываются? Получается, все яркие возможности мира они оставляют за какое-то обещание, исполнение которого в этой жизни даже не увидят!». Он мне ответил: «Яркие возможности — ну и что? Это все до гробовой доски. А что потом?» А потом, если ты веришь, то — жизнь вечная. Если ты веришь. Потому что не зря Господь сказал: «Веруй в Меня и не увидишь смерти во век». И о своей Вере надо не бояться говорить полным голосом.

— **А как же понимание того, что ты не вполне сам соответствуешь идеалам, о которых говоришь?**

— Главное, — говорить об этом искренне. Самонадеянность, конечно, вредна: если ты как журналист пишешь или делаешь программы на телевидении о Православии, разумеется, нужно консультироваться со священниками, чтобы сделать все правильно. Это очень важный момент. Но своей Веры мы не должны стесняться. А наоборот — должны быть готовы за нее ответить и за нее постоять. Как Иоанн Златоуст пишет: «Если ты услышишь, что кто-нибудь на площади хулит Бога, сделай ему внушение. Если не послушает, не бойся ударить его по ланите». Но главное — дай Бог нам всем быть рабами Христовыми, чтобы жизнь свою не просто так прожить. Это очень важно.

Ксения Собчак

Российская телеведущая и «светская львица», дочь первого мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака и члена Совета Федерации Людмилы Нарусовой.

В детстве Ксения занималась балетом при Мариинском театре и живописью при Эрмитаже. В средних классах училась в средней школе №185 с углублённым изучением английского языка. Окончила школу при РГПУ имени А. И. Герцена. В 2002-м году

получила степень бакалавра и поступила в магистратуру на факультет политологии МГИМО. После окончания МГИМО планировала продолжать учёбу и параллельно принимать участие в ряде телевизионных и иных проектов.

В 2004 году Собчак стала одной из ведущих реалити-шоу «Дом-2» на телеканале ТНТ и спустя почти десять лет покинула популярнейший телепроект. Вела такие реалити-шоу, как «Кто не хочет стать миллионером» на ТНТ, «Последний герой-6» на Первом канале, «Блондинка в Шоколаде» на Муз-ТВ. Являлась одной из ведущих шоу «Две звезды» на Первом канале.

В 2008 и 2010 вместе с Иваном Ургантом была ведущей Премии Муз-ТВ. В 2007 году записала песню «Потанцуй» с рэпером Тимати, также снялась в видеоклипе. Являлась ведущей собственной радиопередачи «Будни Барабаки» на радиостанции Серебряный дождь, ток-шоу «Свобода мысли» на Пятом канале и развлекательной программы «Девчата» на телеканале Россия 1.

В 2011 году стала ведущей шоу «Топ-модель по-русски», но в 2012 году покинула шоу в связи с тем, что перестала работать с телеканалом Муз-ТВ. Ведет собственное шоу на телеканале «Дождь», является членом Координационного совета российской оппозиции, участвует в митингах. Входит в десятку самых влиятельных женщин России.

Ксения Собчак о скандале с "«ождем"» Мракобесие сгущается

Ксения Собчак прокомментировала скандал вокруг спорного опроса телеканала "«ождь"» о целесообразности сдачи Ленинграда во время войны. "«ракобесие сгущается"» - написала телеведущая в своем Instagram.

Ксения Собчак прокомментировала скандал вокруг спорного опроса телеканала "«ождь"» о целесообразности сдачи Ленинграда во время войны. "«ракобесие сгущается"» - написала телеведущая в своем Instagram.

Она также выложила в своем аккаунте фото, на котором была запечатлена вместе с владельцами "«ождя"» Натальей Синдеевой и Александром Винокуровым. Надпись над снимком гласит "«ождь — extremist channel"»

"«адно еще как-то за уши можно притянуть Синдееву и Винокурова к скандалу с опросом (типа владельцы канала), а меня для веса припечатали?"»—задалась вопросом Собчак. "« не против —с Наташей и с Сашей хоть на Селигер!"»—добавила она.

Ранее Ксения Собчак выразила удивление в связи со скандалом вокруг опроса "«ождя"» "«знала, что, оказывается, опрос может быть аморальным. А я думала, что аморальными могут быть только ответы"» - отметила телеведущая.

"«о есть спрашивать(!), стоило ли сдать Ленинград, чтобы спасти людей — аморально, а спрашивать про Кутузова, оставившего Москву, - вообще сразу двушечка?"»—написала она.

"«акой же ад! Вместо дебатов —вечные правители, вместо вопросов —готовые ответы. Как же вы все достали, мракобесы!"»—выразила знаменитость свое возмущение.

Ранее сегодня депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга обратились к генеральному прокурору [Юрию Чайке](#) с просьбой дать правовую оценку деятельности "«ождя"»

Инициатором заявления стал представитель "«диной России"» Алексей Макаров, которого в итоге поддержали товарищи по партии (всего 35 человек). По мнению депутата, после проверки прокуратура должна принять меры, вплоть до закрытия канала. Виталий Милонов согласился с коллегой, заявив, что "« последнее время свободой слова считается вседозволенность"»

Напомним, скандал разразился после того, как 26 января на портале "«ождя"» появился опрос "«ужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?"» Опрос провисел на сайте телеканала всего несколько минут, после чего был снят главным редактором Ильей Клишиным, извинившимся за сотрудников.

Однако общественность и политиков, включая вице-преьера [Дмитрия Rogozина](#) и ингушских единороссов, извинения не удовлетворили, и они начали требовать наказать телеканал

Сергей Брилев

Дипломатическая журналистика Сергея Брилева

Российский телеведущий Сергей Брилев сам себя называет в шутку 'лягуш-путешественник'. Он родился на Кубе, постоянно проживает в Москве, но по несколько месяцев не бывает дома, а за один день он может побывать в нескольких странах. Брилев интервьюирует президентов, он пил чай с английской королевой, был на свадьбе Мадонны и Гая Ричи, а его собственная свадьба стала сюжетом для английских телеканалов. Общение с публичными персонами такого высокого уровня накладывает отпечаток — Сергей Брилев может нецензурно выразиться в прямом эфире и затем с поистине королевским достоинством принести свои извинения.

Имя Сергея Борисовича Брилева телезрители связывают, в первую очередь, с информационной программой 'Вести в субботу' (телеканал 'Россия'). Кроме этого, известный телеведущий является замдиректора этого телеканала, членом Академии телевидения России, а также входит в Президиум Совета РФ по внешней и оборонной политике.

Биография телеведущего необычна и вполне могла бы послужить основой для увлекательного романа. Сергей Брилев появился на свет в семье работников Торгпредства, служебные обязанности которых заставляли их подолгу находиться за границей. В 1972 году Брилевы проживали в Гаване, где 24 июня и родился Сергей. По законодательству того времени, дети, рождающиеся на территории социалистических стран, могли быть зарегистрированы как уроженцы Москвы — именно такая запись и стоит в паспорте Брилева, однако, как фактический уроженец Гаваны, он имеет право въезжать на территорию Кубы без визы. Все детство Сергея

Брилева прошло в различных странах Латинской Америки, и он в совершенстве выучил английский и испанский языки. Аттестат о среднем образовании Сергей Брилев получал уже в Москве – он окончил среднюю школу № 109, ныне Центр образования Ямбурга, где играл в футбольной команде и любительском театре.

В 1989 году Сергей стал студентом МГИМО, поступив на факультет международной журналистики. Параллельно он обучался в Институте иностранных языков в Монтевидео (1990-91 гг.). После получения диплома в 1995 году Сергей хотел продолжить обучение в лондонском Университете Вестминстера, но совместить это с основной работой оказалось ему не по силам.

Журналистикой Сергей Брилев начал заниматься еще в студенческие годы. Первым местом его работы стала 'Комсомольская правда', где начинающий журналист состоял в отделе науки и образования. Во время обучения в Уругвае Брилев сотрудничал с рядом местных газет, а также снял сюжет для уругвайского телевидения о местной общине русских староверов.

По возвращении в Москву Сергей Брилев стал корреспондентом 'Московских новостей', специализировавшимся на латиноамериканской тематике и одновременно московским корреспондентом уругвайской газеты 'El Observador Economico' и выходящей в Аргентине 'La Razon'. Несмотря на молодой возраст, хорошее знание Латинской Америки позволило Брилеву стать экспертом Госдумы РФ по этому направлению. Также в этот период молодой журналист создавал телерепортажи для передач 'Международная панорама' и 'Формула 730'.

В 1995 году Брилев начал работать на телеканале 'Россия'. Он был специальным корреспондентом 'Вестей', освещал войну в Чечне и события в Буденновске, и его репортажи вошли в финал премии ТЭФИ-96.

В 1996 году Сергей проходил в Лондоне полуторамесячную стажировку на курсах Би-Би-Си и вел репортажи вместо уехавшего в отпуск коллеги, после чего был назначен директором лондонского бюро. В этот период Брилев буквально исколесил всю Европу, а в 1998 году женился на девушке, с которой познакомился еще в год окончания школы. Ирина работала преподавательницей английского языка, и сюжет об их свадьбе в Лондоне появился в выпуске новостей Би-Би-Си. В настоящее время у супругов подрастает долгожданная дочь Саша (2006 г.р.).

С 2001 года Сергей Брилев стал работать ведущим вечернего выпуска 'Вестей'. По странному стечению обстоятельств, первый прямой эфир Сергея пришелся на роковую дату 11 сентября 2001 года, и ведущему пришлось пробыть в студии в течение пяти часов. В 2002 году Сергей Брилев стал победителем Премии ТЭФИ как лучший телеведущий.

С 2003 года он стал ведущим воскресной вечерней программы 'Вести недели', сменив на этом посту Евгения Ревенко (с 2008 года — 'Вести в субботу'). Параллельно с этими передачами Брилев вел русский сезон 'Форт Боярд' (2002), 'Пятую студию' (2007-

2008), а также ежегодную передачу 'Прямая линия с Владимиром Путиным' ('Разговор с Путиным').

В настоящее время Сергей Брилев является автором двух книг — латиноамериканского дневника 'Фидель. Футбол. Фолкленды', изданного в 2008 году, и исторического исследования 'Забывшие союзники' (2012), посвященного участию в войне на стороне СССР малых государств Латинской Америки, Океании и др.

В 2006 году Брилев был награжден орденом 'Дружбы', а в 2024 – орденом 'Знак почета'.

Говоря о стиле работы Сергея Брилева, нельзя не отметить его высочайшую грамотность —еще в 2002 году он стал лауреатом премии 'Золотое перо', а впоследствии получил еще несколько престижных литературных наград, в том числе и 'За образцовое владение русским языком'. Известный телеведущий очень корректен, он не грешит хлесткими фразами и не пытается ошарашить собеседника своим напором. Возможно, поэтому Сергей Брилев так часто берет интервью у руководителей самого высокого ранга, и является единственным российским журналистом который интервьюировал сразу две пары российских и американских президентов (Путин-Буш, Медведев–Обама).

При столь напряженной и ответственной работе накладки неизбежны, случаются они и с Сергеем. В ноябре 2013 года во время утреннего прямого эфира телеведущий схватился за голову и отпустил крепкое словцо. Как оказалось, техника была неисправна, и звук из монитора буквально оглушал ведущего, однако в тот момент он был уверен, что находится не в кадре. После публичных извинений Брилева инцидент был оставлен без последствий.

1 декабря 2012

Интервью Сергея Иванова программе «Вести в субботу» телеканала «Россия-1»

Председатель Организационного комитета по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 году, руководитель Администрации Президента Российской Федерации ответил на вопросы ведущего программы «Вести в субботу» телеканала «Россия-1» Сергея Брилёва.

* * *

Сергей Брилёв: Сергей Борисович, «Большая двадцатка», председателем которой становится Россия, это вообще что такое? Это мировое правительство, это мировой парламент, это мировой Центробанк? И вообще, почему так важно России быть её председателем?

Сергей Иванов: «Двадцатка» - это на 100 процентов не мировое правительство, на 100 процентов не мировой парламент. Для особо озабоченных граждан даже могу сказать, что это не мировое закулисье. Это неформальный форум ведущих экономик мира. «Двадцатка» представляет или генерирует 90 процентов всего мирового внутреннего валового продукта, 80 процентов всей мировой торговли.

Ну и на территории стран «двадцатки» проживает две трети населения нашей планеты. Вот что такое «двадцатка».

Сергей Брилёв: Короткий подвопрос. Саммит будет проводиться в Константиновском дворце в Питере, да?

Сергей Иванов: Да.

Сергей Брилёв: То есть никаких дополнительных финансовых вливаний никому особенно делать не надо?

Сергей Иванов: Ну особо больших не надо. Я бы сразу, может быть, пояснил. Мы говорим «двадцатка», но на самом деле в Петербурге 5 и 6 сентября будут присутствовать 33 руководителя делегаций. Почему? Поясню. «Двадцатка» - это двадцатка, это 20 ведущих экономически и финансово развитых стран, но по традиции приглашаются гости «двадцатки». Это так называемый аутрич. То есть мы, конечно, расширяем формат и хотим показать, что «двадцатка» - это не закрытый эксклюзивный клуб, несмотря на 90 процентов мирового ВВП, но тем не менее мы прислушиваемся и действуем в интересах глобальной экономики, которая коснётся любой страны безотносительно уровня её экономического развития. Кроме этого мы приглашаем, конечно, традиционно руководителей крупных международных организаций. В этом смысле, конечно, нагрузка по сравнению с «восьмеркой» чуть больше. Но основная инфраструктура создана: это —Константиновский дворец. Ну и второе, конечно, преимущество Питера —я надеюсь, жители Санкт-Петербурга это оценят, но надо дождаться самого форума...

Сергей Брилёв: Мы помним, что вы —уроженец Василеостровского района.

Сергей Иванов: Да, но я говорю о том, что мы не собираемся город перекрывать, особенно центральные улицы. Остальные члены делегации, которые будут проживать вне зоны Константиновского дворца, будут передвигаться по морю. Даже те, кто будет жить в питерских гостиницах, будут расселяться только в тех, которые расположены рядом с пристанями.

Сергей Брилёв: Заодно создание какого-то количества рабочих мест на время проведения саммита...

Сергей Иванов: Ну само собой.

Сергей Брилёв: Я хочу задать вопрос, за который, возможно, мне достанется. Не знаю, достанется ли от вас, но от многих точно. Тема того, что проблема глобальная, а в основном механизмы решения национальные, звучит уже несколько лет. Вот, скажем, Примаков и Киссинджер как сопредседатели «группы мудрецов» не раз эту тему развивали и вместе, и порознь. В то же самое время мы понимаем, что в «двадцатке» есть страны ну не то чтобы первые среди равных, но не очень привычные к тому, чтобы прислушиваться к мнению других. Вот тут, наверное, я сейчас задам опасный вопрос. Россия, которая занимает по разным оценкам то ли третье, то ли четвертое место в мире с точки зрения золотовалютных запасов, не может ли она в разговоре, например, с Соединёнными Штатами, использовать тот аргумент, что мы же покупаем ваши американские депозитарные расписки и прочие бумаги, вообще-то мы финансируем вашу экономику. Может быть, вы всё-таки послушаете, что вот здесь бы лучше поступить так, а не иначе?

Сергей Иванов: Я начну издалека. Вы упомянули Евгения Максимовича Примакова и Генри Киссинджера. Я и того, и другого неплохо знаю, как я считаю. Но Евгения Максимовича, конечно, лучше. В конце концов, он много лет был моим прямым начальником в Службе внешней разведки. С Генри Киссинджером я тоже один на один ну раз двадцать, наверное, встречался. Очень умный человек, прозорливый человек. Сделаю лирическое отступление. Мне, например, в память врезалась его цитата, которая в России мало кому известна. Он говорил и говорит сейчас, что каждый нормальный молодой человек должен начать свою карьеру либо в спецслужбах, либо в армии. И он от своих слов до сих пор не отказывается.

Сергей Брилёв: И он так начал.

Сергей Иванов: Да, он так и начал. И он считает, что это правильно. Ну а если серьёзно, возвращаясь к вашему вопросу — что сказать Америке?.. С одной стороны, я не могу с вами не согласиться, Сергей, что, конечно, американцы не любят, когда им со стороны пытаются дать те или иные советы. С другой стороны, я не могу утверждать, что американцы отвергают любые советы. Американцы играют главенствующую роль в Международном валютном фонде — это факт. Но даже на прошлом саммите «двадцатки», в Лос-Кабосе, было согласовано, что необходимо изменить квоты и голоса в Международном валютном фонде с учётом роста экономик, прежде всего стран БРИКС.

Сергей Брилёв: То есть из ваших слов выходит, что американцы готовы идти навстречу?

Сергей Иванов: Американцы — прагматики. Тогда, когда они видят, что те или иные изменения неизбежны либо это в их же интересах пойти на эти изменения, они с ними соглашаются.

Сергей Брилёв: Ещё один непростой вопрос, возможно из серии опасных. То, что мир изменился с 1944 года, бесспорно. То, что Китаю в МВФ принадлежит такая же, как кажется, квота голосов, как Бельгии и Голландии, несправедливо.

Сергей Иванов: Это несправедливо.

Сергей Брилёв: Но с точки зрения эгоистических российских интересов, если рассуждать, а у России уже есть место в Совете управляющих Международного валютного фонда, что нам за других-то беспокоиться?

Сергей Иванов: Голый эгоизм, хотя, конечно, свои национальные интересы надо защищать. Но когда речь идёт о глобальной экономике, мировой торговле, инвестициях, о финансово-кредитной политике, долговой проблеме, мы всё-таки должны понимать, что успех одной страны за счёт ущемления интересов другой в долгосрочном плане не сработает. И если, скажем, доля квот или голосов в МВФ у Китая увеличится, я здесь не вижу никаких прямых рисков для России.

Сергей Брилёв: Нам сокращаться не придётся?

Сергей Иванов: Нам сокращаться не придётся.

Сергей Брилёв: Сергей Борисович, со времён саммита «восьмёрки» в Питере, когда Россия первый раз председательствовала в подобной группе, составной частью российской внешней политики является тезис об энергетической безопасности. Но со времён Питера ведь очень много что изменилось. Ну, может быть, такая

специфическая деталь, но всё-таки она, мне кажется, очень важной: впервые возник почти 10-, а то и 20-процентный разрыв между стоимостью нефти Brent в Европе, по которому считается и российский Urals, и стоимостью тexasской нефти в Штатах, что делает американскую экономику на 20 процентов более конкурентоспособной. Ну там, в пересчете, может, и поменьше, но это факт. Значит, возник пресловутый Третий энергопакет в Евросоюзе. Да и ладно бы с ним, но началась, как говорят, экологически варварская разработка в Штатах сланцевого газа. И если, скажем, лет 10 назад мы рассуждали категориями, что вот сейчас, может быть, «Газпром» ещё придёт на американский рынок, сейчас поток вот-вот пойдёт из Америки. Значит, иными словами, картина здорово меняется. На фоне этой очень изменившейся международной панорамы есть вообще шанс договориться по вопросам энергетики? Ведь энергетика вновь выносится сейчас Россией в повестку дня «двадцатки»?

Сергей Иванов: Если мы говорим о Третьем энергопакете, это проблема взаимоотношений России и Евросоюза. Это не глобальная проблема. И она, я думаю, на «двадцатке» даже обсуждаться не будет. Да, там есть много вопросов. Мы принципиально не согласны (и не скрываем этого) в том, что Третий энергопакет просто затрудняет заключение долгосрочных контрактов и может привести к тому, что в Европе возникнет просто тупой, извините, дефицит ресурсов. Ведь всё больше и больше средств уходит на разведку нефти и газа, потому что это всё уходит на север, - значит это дороже. На транспортировку, переработку и распределение. Если исходить из логики Евросоюза, что всё это надо разделить, то возникает вопрос: а кто будет инвестировать в разведку и транспортировку? Кстати, это не единственное, скажем, наше противоречие с Евросоюзом. Могу привести второе, малоизвестное. Вы знаете, что Евросоюз принял свой собственный закон о том, что гражданские самолёты, летящие в зону Евросоюза или вылетающие оттуда, должны платить за эмиссию парниковых газов, поскольку это наносит вред окружающей среде?

Сергей Брилёв: Скрытый протекционизм и зелёный налог на самом деле.

Сергей Иванов: Здесь два аспекта. Во-первых, доля авиации в общих выхлопах транспорта в атмосферу составляет около 1 процента. 96 процентов — это автомобильный транспорт, о чём мы говорим. И второе. Нормы, регулирующие полёты гражданской авиации, определяются ICAO, расположенной в Монреале. Американцы и китайцы, узнав об этом законе Евросоюза, приняли свои законы, запрещающие своим компаниям хоть копейку, хоть цент выплачивать странам Евросоюза. Вот что значит, так сказать, одностороннее решение. Вот на этом примере хорошо видно. Всё-таки надо решать эти проблемы сообща. Я, кстати, не исключаю, что и наша Дума примет закон, запрещающий российским авиакомпаниям выплачивать так называемые эмиссионные или экологические сборы в пользу Евросоюза, потому что для этого существует другая организация и не Евросоюзу определять глобальные правила игры на рынке гражданской авиации. То же самое примерно и с газом.

Теперь что касается сланцевого газа. Я тоже пока отношусь очень настороженно к сланцевому газу, потому что, как и вы, слышал — я не эксперт, - но

слышал, что это связано с очень серьёзными экологическими проблемами, потенциально очень опасными. Вообще, добывать сланцевый газ можно только в безлюдных местах. Европа, как известно, безлюдной не является, поэтому перспективы добычи сланцевого газа, например в еврозоне, я высоко оценить не могу. Деформирует ли это рынок? Наверное, да, но вот ещё с непонятными последствиями. И второе, и самое главное: если удорожается инфраструктура доставки энергоресурсов, если мы говорим о газопроводах, например, то это приведёт к тому, что просто вырастет цена. Рост и перегрев экономики будут иметь уже глобальные последствия.

Сергей Брилёв: Сергей Борисович, думаю, что подходим к концу нашей беседы, но перед тем, как задать один философский вопрос, задам немного хулиганский. Собственно, в этих стенах однажды сказано было «приезжайте к нам лет эдак через 20». А вот лет эдак через 20 каким вы видите набор основных резервных валют? Про евро вы уже упомянули. А что с остальными?

Сергей Иванов: Ну, конечно, вопрос не хулиганский, но понимаете, я не ясновидящий. Здесь очень легко ошибиться. Это всё равно, что прогнозировать результат футбольных матчей — примерно из той же серии.

Сергей Брилёв: Ну тогда можно так сказать.

Сергей Иванов: Но постараюсь. Ну, очевидно, доллар, это ясно. Евро, пожалуй, тоже. Есть несколько других валют, которые отчасти можно рассматривать как резервные: ну, во-первых, швейцарский франк — очень надёжная, хорошая валюта, английский фунт стерлингов...

Сергей Брилёв: Австралийский доллар, в который вложилась Россия.

Сергей Иванов: ...японская иена. Очень много сейчас разговоров о создании единой азиатской валюты, и если это состоится, то понятно, что этой валютой будет, конечно, юань. Но, с другой стороны, юань — это ещё не полностью свободно конвертируемая валюта, поэтому я думаю, что этот процесс ещё займет энное количество лет как минимум. Идут разговоры о создании таких региональных валют и в арабском мире, в близком вам, я знаю, регионе Латинской Америки.

Ну и что касается России. У российской есть шанс стать резервной региональной валютой в основном на пространствах СНГ. Работа эта ведётся. Здесь нельзя ожидать очень быстрых результатов: это просто невозможно. Это такая незаметная работа, которая занимает годы, несомненно. У нас, во-первых, торговля уже внутри, скажем Таможенного союза, отчасти в рублях. С тем же Китаем, между прочим, мы тоже начали уже реально торговать по линии рубль-юань, избегая тем самым дополнительных рисков волатильности основных валют, то есть доллара и евро. Это делает нашу экономику более устойчивой, более надёжной.

Сергей Брилёв: Я, конечно, невольно уходил в некоторые конкретные темы, не имеющие прямого отношения к «Группе двадцати», а вот сейчас всё-таки хотел бы к ней вернуться. Значит, основной лозунг, мотив российского председательствa — это инвестиции и генерация рабочих мест. И что же будет предложено двадцати странам, ну, вернее, 33-м, как мы с вами договорились, участникам, что будет предложено «двадцатке» от имени России на ближайший год? Где, в чём цель?

Сергей Иванов: Цель в том, чтобы сделать экономики, по крайней мере в странах «двадцатки», более предсказуемыми. А для этого надо решить долговые проблемы, проблемы надзорных органов, потому что надзор за банковским сектором, как уже ранее решала «двадцатка», не совсем эффективен. Появляются «пузыри», появляются банки, которые при ближайшем рассмотрении оказываются не банками, а отмывочными конторами. Это большие проблемы для экономики, и не только российской — для всей «двадцатки». Необходимо, как я уже сказал, улучшать инвестиционный климат, который в свою очередь позволит создать качественно новые рабочие места. Наш Президент поставил задачу создать 25 миллионов новых рабочих мест не просто старого профиля, скажем там, где производительность труда невысокая, а именно 25 миллионов новых по качеству рабочих мест, то есть высокотехнологичных, там, где производительность труда гораздо выше, чем на ныне существующих рабочих местах, например в моногородах. Вот эти все вопросы мы и будем выносить в повестку дня.

Мы впервые вводим такую новеллу, что в преддверии Саммита состоится совместная встреча министров финансов и министров труда. Ну и, кроме того, не могу не упомянуть вот ещё о чем. Чтобы «двадцатка» не выглядела неким замкнутым клубом или там «золотым миллиардом», как некоторые говорят, мы отдельно будем проводить форум крупного бизнеса, отдельно форум гражданского общества, где просто послушаем граждан, их, если хотите, наставления, их советы, как дальше развиваться «двадцатке». Отдельно профсоюзы и отдельно молодёжь. Вот эти форматы четырёх встреч будут проведены до Саммита 5-6 сентября в Константиновском дворце.

Михаил Зеленский

Дочка видит меня по телевизору чаще, чем дома

Бессменный ведущий «Вести-Москва» Михаил Зеленский несколько месяцев назад предстал перед зрителями в новом качестве – ведущего ток-шоу «Прямой эфир» («Россия 1»). Сегодня это один из самых обсуждаемых телепроектов сезона. Зеленский теперь не просто озвучивает новости с экрана, а вместе с гостями студии и экспертами обсуждает и анализирует злободневные темы. «Собеседник» встретился с Михаилом и выяснил, что изменилось в его жизни после смены ампулы. Меня гоняют по студии

– «Прямой эфир» стартовал на канале четыре месяца назад. Наверное, уже можно делать какие-то выводы – удалась передача или нет... Ваши ожидания насчет программы оправдались?

– На самом деле у меня перед первым эфиром не было никаких ожиданий. Был только мандраж. Помню, в первый месяц работы на съемки пришла Наталья Игоревна

Селезнева. Она взяла меня за руки и изумилась: «Миша, почему у тебя руки такие холодные?» Да они всегда у меня такие, говорю. А она смеется: «Волнуешься, да, волнуешься?» А насчет ожиданий... Как у любого телеведущего, ожидание было только одно – чтобы зритель смотрел передачу.

– До выхода программы вы говорили, что это будет не просто ток-шоу, а расследование в прямом эфире... Но честно говоря, передача больше похожа на «разговоры на кухне» без каких-либо итогов, расследований и поиска виновных.

– Расследование, насколько я понимаю смысл этого слова, это возможные версии, мотивы, причины... А решение, как известно, выносит суд. Неправильно ожидать, что мы поговорим в эфире и назовем виновных. Мы просто не имеем на это права. Каждый зритель сам делает выводы. Хотя, наверное, многим хочется, чтобы за них это сделал ведущий программы.

– А в чем была главная сложность смены амплуа ведущего новостей на ведущего ток-шоу?

– Самая большая сложность – большое количество камер со всех сторон. Я-то привык в «Вестях», что передо мной всегда стоит одна камера. Я в эту одну «дырочку» камеры смотрю – и хорошо. А теперь я только где-нибудь встану и начну задавать вопрос герою, как режиссер кричит мне в наушник: «Зачем ты мне его загородил? Давай шаг вправо, три шага влево...» Гоняют по студии меня. (Улыбается.) Так что, если у кого-то создается впечатление, что я вдруг начинаю метаться по площадке, знайте – это не моя вина.

Режиссеры пытались надо мной шутить.

– Телевизионщики рассказывают, что режиссеры иногда любят «зло пошутить» – скажут что-нибудь специально невпопад ведущему, чтобы его рассмешить...

– На самом деле в прямом эфире не до смеха. Режиссерам нужно следить за десятком камер, так что отпускать шуточки у них просто нет времени. Хотя в «Вестях» иногда позволяли себе пошутить. Когда только начинал работать, режиссеры пытались меня расколоть. Кто-то рассказывал анекдот, кто-то пытался картавить или неожиданно менять голос, давая какую-то команду, кто-то пытался читать одновременно со мной. Но я держался, и через какое-то время они успокоились.

– Понятное дело, что все наперебой сравнивают «Прямой эфир» с «Пусть говорят». А вас называют вторым Малаховым. Не обидно?

– Нет. Малахов и Зеленский – два разных человека. Но если кому-то хочется сравнивать, пусть сравнивают. Это личное дело каждого.

– А чем ваше шоу отличается от «Пусть говорят»? И от других ток-шоу в целом?

– Продюсер «Прямого эфира» Наталья Никонова делала ток-шоу на разных

телеканалах. На «Первом» в том числе. Так вот она считает, что успех программы зависит от личности ведущего. От его внутреннего настроя, содержания, от его воспитания... От себя добавлю, что здесь очень важна команда, которая остается за кадром: продюсеры, редакторы, режиссеры монтажа и еще много, много людей. Как человеку, проработавшему более 10 лет в информации, мне важнее то, как сложится разговор, а уже во вторую очередь – шоу это или нет. В конце концов, ток-шоу – это всего лишь название жанра. Один зритель выбирает одно, другой – другое... Передачи идут примерно в одно время, так что, если очень хочется, можно переключать с «Прямого эфира» на «Пусть говорят». И обратно.

Телеведущий – это наблюдатель

– Вы пропускаете через себя всё, что рассказывают герои в студии? Сочувствуете им мысленно, переживаете? Или же стараетесь оставаться беспристрастным, не вставая ни на чью сторону?

– Я бы разделил понятия «пропускать через себя» и «вставать на чью-либо сторону». Безусловно, я не могу оставаться равнодушным. Но если я мысленно займу чью-то сторону, то автоматически перестану переживать за другую. Так что стараюсь оставаться беспристрастным. Хотя бывает, что приходит герой на передачу и начинает объяснять, почему он совершил тот или иной поступок. Я слушаю его, понимаю, что, на мой взгляд, он не прав, и пытаюсь понять, почему же он не поступил по-другому, ведь у него наверняка был выбор. К сожалению, честно ответить на вопрос «Почему вы не сделали иначе?» редко кому из героев удается. В общем, кроме дискуссии, на площадке происходит еще и внутренний спор, который, правда, я стараюсь не выносить за пределы студии.

– То есть вы выходите из студии и обо всем забываете?! А вот актеры, сыграв спектакль, из образа не могут выйти очень долго...

– Ну, телеведущий, в отличие от актера, не примеряет на себя какой-либо образ. На экране он практически такой же человек, как и в жизни. Он – наблюдатель, а не участник. Или скорее даже посредник, задающий вопросы, которые герою задал бы зритель.

– Так, задавая вопросы, вы импровизируете? Или всё диктует режиссер в наушник?

– Всё предугадать невозможно. Поэтому здесь 50 на 50.

– А как выбираются эксперты на передачу? Многие из них некомпетентны в обсуждаемых вопросах, так мне показалось.

– Эксперты – это люди разных профессий. Представители власти, творческой интеллигенции, юристы, психологи... Есть специалисты, а есть люди, мнение которых просто интересно услышать.

Слава Богу, никому не испортил жизнь

– Ведущий «Прямого эфира» – это ваша единственная работа?

– Да.

– Значит, у вас теперь больше свободного времени?

– Нет, скорее наоборот. Раньше у меня был четкий график работы, а сейчас плавающий. Правда, в субботу и воскресенье, бывает, отдыхаю, как все нормальные

люди. Раньше, например, на «России 24» эти дни были рабочими.

– И как отдыхаете?

– Самое главное, чтобы мы были втроем – я, жена и дочка Софья. Тогда всё, что происходит вокруг, совершенно неважно. Можем посидеть дома, можем куда-то выехать воздухом подышать... И чтобы малявочной было где побегать, полазить, покататься на горках.

– Смотрю, активная она у вас.

– Слишком даже! Наверное, это от меня. Я был на редкость неусидчивым ребенком.

– Зачем же вы, такой неусидчивый, пошли после школы учиться на врача? Там ведь нужны терпение, внимательность...

– Это была мечта родителей. Мы тогда жили в Хабаровске. Они очень хотели, чтобы я попробовал стать спортивным доктором. Я и попробовал. Но эту профессию надо было брать пятой точкой – сидеть и зубрить. Родители быстро поняли, что это не мое. После первого курса я из института ушел. И слава Богу – не стал плохим врачом и никому не испортил жизнь. Примерно через год уехал в Москву и поступил в Институт работников телевидения и радиовещания. А потом и на факультет журналистики в МГУ.

На встречу с будущей женой пришел с грушами

– А можете вспомнить свое первое впечатление о Елене (Елена Грушина – фигуристка, жена Михаила. – Прим. авт.)? Вы ведь так неожиданно познакомились на проекте «Танцы на льду».

– Первое впечатление... (Задумался.) Знаю, чем я был поражен и на что обратил внимание, но сказать конкретно, в чем это выразалось, не могу. Я сейчас говорю про некую житейскую женскую мудрость. Просто я увидел, как Лена относится к жизни, и подумал про себя: «Хм, а мне это нравится!»

– И сразу влюбились!

– Нет, не сразу. (Смеется.) Наша первая встреча перед проектом вообще была очень смешная. Я должен был встретиться со своей партнершей по танцам, но не знал, кто это будет. «Хитрые» продюсеры шоу сделали вид, что они нашу встречу заранее не готовили. И при этом в гримерке стояли камеры. Две или три штуки. Понятное дело, что их поставили туда не случайно. Елене нужно было туда зай-ти и сказать, что она наш новый гример. А я должен был сделать вид, что очень удивился. Смешно! А вот к первой тренировке я уже подготовился основательно – пришел с Ти-Ти-Фанами.

– С кем, простите?

– Это два клоуна, мальчик и девочка. Их обычно делают из керамики и продают парами. Такие два шара с маленькой головой – очень похожи на груши. Специально искал зеленых, нашел. Настоящие груши в авоське тоже дарил.

– А жена вам оригинальные подарки делала?

– Да... Подарила дочку!

– В чем же здесь оригинальность?!

– Потому что Софья у нас большой оригинал. Она запоминает какие-то фразы,

не очень понимая их значения, и потом вдруг выдает в неподходящих местах...

– А брата или сестру еще не просит?

– Еще как просит. Она очень любит маленьких детей. Правда, она пока не решила, кого больше хочет – брата или сестру. Ее мнение меняется несколько раз на день.

– Работа, семья... На хобби, так понимаю, времени нет совсем?

– Последние несколько недель мое хобби – ремонт. Вместе с женой придумываем дизайн, рисуем, выбираем обоим... Такое вот житейско-бытовое хобби у меня сейчас.

В Интернете много мусора

– Часто телевизионщики на полном серьезе говорят: «Я телевизор не смотрю – я там работаю...»

– Я смотрю телевизор, когда есть время. В основном новости. Да и дочка уже привыкла, что в новостях раньше папу показывали, поэтому всегда кричит: «Ой, новости!»

– Но все новости можно быстрее прочитать в Интернете.

– Не знаю уж, можно ли назвать Интернет средством массовой информации. Скорее это источник. Мне кажется, чтобы там найти четкую информацию, надо разгрести много разного «мусора».

– Зато в Интернете нет цензуры. А на телеканалах есть. Ощущаете давление со стороны властей?

– Лично я не ощущаю. Мне кажется, что человек, публикующий, например, у себя в блоге какую-то информацию, чаще всего изначально встает на определенную позицию. А если появляется комментарий, выражающий другую точку зрения или представляющий информацию, прямо противоположную той, что была высказана ранее, то его автор подвергается мощной обструкции. Нередко такой комментарий просто удаляется. Это тоже своего рода цензура.

Елена Грушина, супруга: С Мишей не соскучишься

Четыре года назад я пришла на шоу «Танцы на льду», даже не думая, что встречу там свою судьбу. Проект в первую очередь был для меня работой.

Мы познакомились с Мишей, пообщались, завязались дружеские отношения... Никакой любви с первого взгляда не было. Всё происходило постепенно, ведь мы проводили очень много времени на катке. На постановке программ каждый из нас высказывал свое мнение, показывал свой характер, говорил, что ему нравится, а что не очень... Как люди в жизни притираются друг к другу, так и мы притирались друг к другу на льду.

Со сменой работы у Миши действительно почти нет свободного времени. Каждый день гадаю, во сколько он придет домой... Пожалуй, до работы в «Прямом эфире» дочка видела папу чаще. Кстати, она копия папы – почерпнула и манеры, и качества характера...

Софья, как и Миша, эдакий живчик. Миша никогда не сидит на месте без дела – в свободное время всегда хочет куда-то пойти, узнать что-то новое... В общем, с ним не соскучишься.

Мария Ситтель

Мария Ситтель родилась в городе Пенза 9 ноября 1975 года. Отец Эдуард работал в типографии, мать Лариса была домохозяйкой.

Сейчас Мария воспитывает дочку Дашу, которая учится в школе и обожает танцы народов мира, дочь и мать очень похожи. Младшая сестра Марии Ситтель, Анна так же работает на телевидении, ведет программу «Вести-Пенза» и является лицом ГТРК города Пензы. Кроме родителей и сестры в Пензе у Марии живет ее любимая бабушка. Телеведущая старается как можно больше времени уделить своей семье, поэтому ездит в родной город очень часто.

Мария Ситтель закончила заочное отделение Всероссийского финансово-экономического института, факультет финансов и кредита. Сама телеведущая утверждает, что она не только банкир, но и зоолог и медик. В 1997 году Мария начала работать в качестве ведущей и корреспондента новостей телеканала «Наш дом» в Пензе. Через год ее пригласили работать на местный канал «Экспресс» в качестве ведущей. В 1999 году Мария стала ведущей и корреспондентом новостей ГТРК города Пенза. С 2001 года начала вести дневные выпуски телепрограммы «Вести» на государственном российском телевидении. Сейчас Марию Ситтель можно увидеть на экранах телевизоров в 20.00 в программе «Вести».

Мария Ситтель —"«есту"»*Мария готовится к своим эфирам постоянно. Она читает газеты, журналы, книги, активно общается с людьми, часто ездит в командировки. Марии очень нравится ее работа, она просто обожает ее. Она считает, что в новостях все темы очень интересные, если их хорошо преподнесли. Стиль ведущего – это его манера рассказа. Мария уверена, что должна волновать людей своей информацией, а не волноваться самой. Вне кадра Ситтель отличается от жесткой и уверенной в себе телеведущей потому, что позволяет себе проявлять эмоции.*

С 2006 года Мария начала вести программу «Вести» вместе с Дмитрием Киселевым. О полной смене привычного формата, ведущая не жалеет, считает, что новые эфиры стали более информационные и понятные для зрителя. Мария работает не для всех зрителей вместе, а для каждого в отдельности, старается все подробно объяснить, и даже не замечает, что перед ней находится камера.

Ее коллеги, знают, что Мария всегда пропускает через себя все новости, для того чтобы они были более интересны, тем самым она вызывает доверие и

понимание зрителей. О ней всегда отзываются только положительно, о ее профессиональных способностях журналиста. Ведущий Андрей Кондрашов считает, что Маша не только прекрасный диктор, но и отличный журналист.

Мария Ситтель "«орт Буаяр"»

Мария участвовала в шоу «Форт Буаяр» два раза. В 2002 году в команде канала «Россия» вместе с Марией Симонян, Андреем Лысенковым, Эрнестом Мацкявичус и Дмитрием Губерниевым. Второй раз в 2004 году была капитаном команды. Марии очень понравилось участвовать в командной игре, ей как раз не хватало риска. После игры у ведущей осталось очень много приятных воспоминаний. Особенно ей запомнились моменты со скорпионами, пауками. После игры осталась много фотографий и новых друзей, а так же та самая памятная монетка форта Буаяр.

Мария Ситтель в прайм-тайме:

В 2005 году Мария сыграла свою первую роль в сериале «Богиня прайм-тайма» по сюжету романа Татьяны Устиновой. Персонаж Марии сталкивается с главной героиней сериала и ее начальником в коридоре телецентра «Останкино». Марии необходимо было произнести всего пять реплик, с соответствующими эмоциями. Ситтель считает, что ее роль была очень маленькой, но она полностью перевернула ее жизнь.

Мария Ситтель «ТЭФИ»

В 2005 году Марию Ситтель наградили премией «ТЭФИ» в номинации «Лучшая ведущая информационной программы».

Участие в проекте «Танцы со звездами»:

Телеканал «Россия» снял аналог международного конкурса «Танцы со звездами», для того чтобы показать своим зрителям, что можно легко и просто любого человека научить танцевать. Необходимо лишь время, желание и упорство. Все эти факторы были у Марии, она участвовала в шоу, даже не смотря на свой загруженный график. Ведущая не только попробовала себя в совершенно новой сфере, но и дотанцевала до финала шоу. Ее партнер Влад Бородин наградил ее званием «Танцующая королева». Победа в проекте полностью перевернула жизнь нашей героини, «Танцы» вовлекли в свой волшебный мир Марию.

Яркие события:

В 2006 году она вместе со своими коллегами по телепрограмме «Время» первого канала, ездила в резиденцию Путина «Бочаров ручей». Вместе с Дмитрием Губерниевым была ведущей церемонии вручения престижной премии «ТЭФИ» в номинации «Лица».

В 2007 году Мария открывала первую часть фестиваля отечественной анимации «Мультяшко». Была награждена орденом «Дружбы» по указу президента Владимира Путина.

Увлечения Марии Ситтель:

Мария просто обожает советские комедии, музыку Верди. В свободное время увлекается фотографией, чтением книг, путешествиями по всему миру.

ворческая карьера Марии Ситтель/Mary Sittelle Однако судьба распорядилась иначе. Мария начала вести на пензенском телевидении получасовую программу «Музыкальный сувенир». В 1997 году её пригласили стажёром, а затем и репортёром в службу новостей. Год спустя Мария Ситтель перешла на пензенский телеканал «Экспресс», где была ведущей и корреспондентом новостей, а в 1999-м стала корреспондентом и ведущей новостей пензенской ГТРК. Но даже тогда Мария не думала, что телевидение станет её профессией. Она поступила во Всероссийский заочный финансово-экономический институт по специальности «Финансы и кредит». Банкиром Мария Ситтель не стала, но специальность получила. 17 сентября 2001 года Мария Ситтель/Mary Sittelle впервые вышла в эфир программы «Вести» Российского телевидения. Чтобы быть более подготовленной, ведущая читала практически все статьи, учила наизусть имена политиков. Мария считает, что чтение газет, книг, общение с людьми и поездки также являются частью её работы. По словам Марии Ситтель, неповторимый стиль ведущего складывается из того, что остаётся между строк, а в новостях хороши все темы, кроме скучно исполненных. – Это неуважение к самому себе, когда ты неправильно произносишь слова, неверно ставишь ударение, недостоверно разбираешься в той или иной терминологии. Чистота языка – это чистота и гармония внутри тебя, и совершенно очевидна прямая взаимосвязь между тем, как ты думаешь и как ты излагаешь свои мысли, насколько правильно ты их формулируешь. — считает Мария Ситтель. – Беспристрастность или, если хотите, объективность в новостях вовсе не отрицают наличие мнения к излагаемым фактам. Беспристрастность лишь обязывает не выражать своё личное отношение, если ты выступаешь в роли информационного ведущего. Мария Ситтель дважды была участницей программы «Форт Байард»: в 2002 году – в составе команды от телеканала «Россия» (в неё также вошли Алексей Лысенков, Дмитрий Губерниев, Маргарита Симонян и Эрнест Мацкявичус) и в 2004 году – уже в качестве капитана (участниками были Татьяна Колганова и музыкальный квартет «Премьер-министр»). – У журналистов должен быть кодекс чести: за каждым словом, за каждым обвинением должна стоять уверенность, что оно объективно и имеет смысл. В 2005 году Мария Ситтель дебютировала в кино: она сыграла саму себя в эпизоде сериала «Богиня прайм-тайма», снятого по одноимённому роману Татьяны Устиновой. Несмотря на то, что сама ведущая считает данные съёмки крохотным эпизодом своей жизни, они произвели на неё огромное впечатление. – До этого к кино я не имела никакого отношения. «Мотор, дубль один, поехали!» – вроде бы я делаю всё правильно, но что-то опять не так, снова нужно переснимать. Как всё сложно и любопытно: В «Вестях» всё значительно проще, пусть это звучит несколько парадоксально и верится в это с трудом. Проще в том плане, что нет права на ошибку, прямой эфир, единственный дубль, и ты должен быть предельно сконцентрирован. А в кино – несколько дублей! В 2005 году Мария Ситтель стала лауреатом премии ТЭФИ в номинации «Ведущий информационной программы». В 2006 году она приняла участие в проекте РТР «Танцы со звездами». Вместе со своим партнёром Владиславом Бородиновым она заняла первое место в шоу, что дало им право представлять Россию на конкурсе «Танцевальное Евровидение – 2007» в Лондоне (Eurovision Dance Contest –

2007). Пара вошла в первую десятку, опередив некоторых профессионалов.

Борис Берман и Ильдар Жандарев

Борис Берман, ведущий. Родился: 16 августа 1948, Москва Популярный телеведущий окончил отделение телевидения факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. В профессиональной журналистике с середины 1960-х годов. Работал кинообозревателем Агентства Печати Новости, печатался в советской и зарубежной прессе. В конце 1980-х годов. был заместителем главного редактора еженедельника

«Экран и сцена». В 1991 г. пришел на Российское государственное телевидение. Был одним из создателей Студии К-2 («Команда-2»). Вместе с Ильдаром Жандаревым стал автором, режиссером и ведущим программ «Абзац», «Сюжет» и «Поцелуй в диафрагму». Возглавлял Дирекцию «РТР-Фильм» ВГТРК. В 1999 г. перешел на телеканал НТВ, где вместе с Жандаревым приступил к выпуску программы «Интересное кино». 2001 г. — работа на «ТВ-6». Кроме передачи «Интересное кино» выходит передача «Без протокола». 2002 – 2003 годы – канал ТВС. С 2003 г. по настоящее время – работает на Первом канале. Автор и ведущий программ «На ночь глядя» и «Интересное кино». Член Союза кинематографистов и Союза журналистов России. Действительный член Академии кинематографических искусств «Ника». Лауреат премии «ТЭФИ» в номинации «Лучшая программа об искусстве» (1995 г). Член Академии Российского телевидения с 2007 года

Ильдар Жандарев, ведущий Родился: 3 января 1966, Москва Популярный тележурналист. В 1989 г. после окончания Московского Инженерно-строительного института имени В.В.Куйбышева работал корреспондентом и редактором в газете «Экран и сцена». В 1991 г. перешел в ВГТРК, где в «Студии К-2» в соавторстве с Борисом Берманом делал программы «Абзац», «Поцелуй в диафрагму» и «Сюжет». В 1995 г. вместе с Борисом Берманом стал лауреатом премии «ТЭФИ» в номинации «Лучшая программа об искусстве». С

1999 по 2001годы трудился в компании НТВ. Вместе с Борисом Берманом был автором, ведущим и режиссером передачи «Интересное кино». С 2001 по 2003 годы на телеканалах ТВ-6 и ТВС продолжал работу над циклом «Интересное кино» и начал вести программу «Без протокола». С 2003 г. по настоящее время работает на Первом канале. Автор и ведущий программ «Интересное кино» и «На ночь глядя». Член Союза кинематографистов. Действительный член Академии кинематографических искусств «Ника». Член Академии Российского телевидения с 2007 года

Борис Берман и Ильдар Жандарев: Телевизионные форматы рождаются на Западе, а умирают у нас

Берман и Жандарев, почти как Смит и Вессон или Ильф и Петров, - две фамилии, которые всегда рядом. Бренд, что ни говорите!

Одни из лучших интервьюеров страны знают все приемы, которыми обороняются гости, и поставить их на «другую сторону баррикад» всегда интересно. Что мы и попытались сделать, пригласив их на радио «Комсомольская правда». Вот наиболее интересные фрагменты этой беседы.

- Когда уходит кто-то из великих наших актеров, прежде всего обращаются к вам, наверное, ведь в ваших программах побывали почти все звезды? Михаил Козаков, например?

Борис: *- Козаков приходил к нам на передачу «Без протокола», это было еще на канале ТВС. Я не помню деталей, но у меня такое ощущение, что мы с ним никак не хотели расставаться уже после эфира. Он был замечательный собеседник, рассказчик, носитель первичной информации.*

Ильдар: *- Люди такого масштаба с какого-то момента начинают принадлежать не себе и не нам, а истории. И это становится ясно ну если не всем, то очень многим...*

- Как вы относитесь к тому, что любое печальное событие становится для нашего ТВ поводом к бесконечному тиражированию имени ушедшего известного человека? Иногда до такой степени, что вне зависимости от уровня передачи смотреть уже нет никаких сил?

Борис: *- Но вы же понимаете, что такое «информационный повод»! Хотя Козаков был поводом всегда. Я очень не люблю, когда останкинские коллеги спрашивают: почему вы позвали такого-то? У него что — юбилей? Да почему юбилей? Нам просто интересно поговорить с человеком.*

- Но телевидение слишком часто не знает меры при освещении «информационных поводов». Почему не получается соблюдать некую тактичность, что ли?

Ильдар: *- Все зависит от внутреннего редактора, как бы ни смеялись над этим определением. Такт существует внутри каждого человека. Или не существует. И, что бы ни происходило, мы с вами не заставим одного журналиста быть тактичнее, а другого позабыть о такте: действует тот самый внутренний редактор. И вообще, мне кажется, неправомерно говорить — тактично телевидение или нетактично, правильнее говорить в целом об обществе, в котором понятие такта, наверное, со временем видоизменилось. И телевидение как отдельный институт, по-моему, в этом смысле совершенно не рассматривается.*

Борис: *- А как вы думаете, кто выше в рейтинге бестактности — газеты или телевидение?*

- Думаю, мы на одном уровне находимся.

Борис: *- И уровень этот не очень высок, скажем так.*

Ильдар: - Мне кажется, все зависит от интонации. Факты так или иначе одни те же. Вопрос в том, как они подаются. Что делает прессу желтой? Лексика и интонация.

- Сколько должно смениться поколений, чтобы тактичные журналисты воспитали общество?

Ильдар: - А воспитать никого нельзя. Можно только самому жить по принципам, которые ты не предаешь и не продаешь.

Борис: - Я думаю, задача, которую вы так риторически обозначили, невыполнима. И об этом говорят телевизионные рейтинги, которые время от времени мы все изучаем. Я вот тут, скажем, подсел на Фейсбук. У всех, кто хочет со мной зафрендиться, в ТВ-увлечениях (так они пишут) — каналы «Культура» и «Дождь» непременно. Тогда спрашивается: кто делает рейтинги всем другим каналам и передачам?

Ильдар: - Это говорит о том, что аудитория Фейсбука и реальная телевизионная аудитория — разные аудитории.

Борис: - И еще о том, что многие, увы, склонны малость полицемерить. А возвращаясь к тому, что Ильдар говорил о такте, то тут из анализа исчезла фигура не внутреннего, а вполне реального редактора. Скажем, в одном издании появились мемуары, не буду называть кого, где на покойного Олега Ивановича Янковского был вылит ушат дерьма. Извините за слово «ушат». Это же было спродуцировано не журналистом, который записывал за этим человеком, а редактором.

- Недавно вы стали гостями программы «Прожекторперисхилтон», как вы там себя чувствовали?

Ильдар: - Легко и свободно. Как гости радушных хозяев... Хотя, когда нам позвонила продюсер этой передачи Маша Даниелян, мы сильно, очень сильно засомневались...

Борис: - И шли мы туда просто как на заклятие: чужой формат, рулим не мы, а другие люди... Словом, мы всегда надеемся на худшее и в данном случае себя настроили соответственно, ждали, что нам станут что-то навязывать - «я там скажу так, а вы скажите так»... Но — и это главное — там такая предэфирная атмосфера, что мы уже до выхода на площадку почувствовали себя как дома. К нам никто не привязывался, нам никто ничего не навязывал. Мы просто сидели и слушали, как коллеги разминаются. И это было не только весело, но и умно. Я не вправе пересказывать услышанное нами, но поверьте: ребята руководствуются не только потенциалом смешного, но и тем самым тактом, о котором мы сегодня с вами говорили. Хотя, как вы понимаете, они любую тему могут, что называется, стереть с лица земли, превратив все в юмор и сарказм. Однако умеют вовремя остановиться. Это дорогого стоит.

- Но это до захода в студию. А на что вы обратили внимание во время самой съемки?

Борис: - В моей телевизионной жизни у меня есть только один партнер — Ильдар. Мы друг друга чувствуем. А на программе рядом сидел Иван Ургант, и я понял, что это гигант партнерства. У меня все время было ощущение, что он смотрит мне

в глаза —чтобы поддержать. Он с какой-то невероятной музыкальной чуткостью улавливал: вот сейчас Ильдар должен что-то сказать или я. А мы же зажаты, естественно. И Ургант делал какую-то микропаузу в этом многоголосии, дабы дать возможность людям, пришедшим в чужой формат, поддержать разговор и не почувствовать себя мебелью.

- А как вы относитесь к программе «Идеальное интервью», новый жанр, где звезд фактически разыгрывают?

Борис: - Вы видели картину Саши Барона Коэна «Борат»?

Ильдар: - А серию телевизионных интервью, которые он делал в образа рэпера Али Джи?

- Ну и какая в таком случае новизна?

Борис: - Я придумал формулу —телевизионный формат восходит на Западе, а заходит на Востоке. Все, что мы видим в «Идеальном интервью», на Западе давно уже придумано. Эти два молодых парня талантливы, да, но они используют чужой формат. И потом это не имеет отношения к жанру интервью, это скорее юмористика, ближе к «Южному Бутову». К тому же, не стану скрывать, есть у меня подозрение, что не все герои, приходящие в «Идеальное интервью», существуют там в рамках импровизации...

- Но новые форматы еще можно придумать или интервью это и есть интервью?

Борис: - В интервью, мне кажется, формат определяется личностью интервьюера. Все яркие интервью на нашем телевидении ассоциируются с теми, кто берет интервью.

Ильдар: - Формат —это конкретный ведущий, поэтому прав Владимир Владимирович Познер, который свою программу назвал «Познер». Он сам и есть формат.

- Вы так лестно отозвались об Иване Урганте, при этом все его интервью — это сплошной юмор и ни слова о себе. Максимально закрытая персона.

Борис: - С Иваном можно серьезно разговаривать, но он, мне так кажется, чувствуя включенные софиты, сразу начинает жить в своем телевизионном образе. И поскрести его, что для нас, собственно, важно, это сложно. Может быть, тут одна из причин, почему мы пока не зовем его «На ночь глядя».

- Это же ужасно —всегда быть таким закрытым.

Ильдар: - Я думаю, что он сполна ощутил прессинг желтой прессы. Он человек достаточно молодой, и нервы все-таки еще близко к коже. Так что это его защитная и абсолютно честная реакция. Он чувствует интонацию, с которой к нему обращаются, и моментально, как хороший шахматист, просчитывает партию вперед, и ему становится понятно, что с ним будут делать, а он не хочет, чтобы с ним это делали. И у него есть масса замечательных приемов, как этого избежать. Вопрос не к нему. Вопрос к журналистам, с чем они к нему приходят.

Любой человек больше всего любит говорить о самом себе. Нужно просто дать человеку эту возможность, и он все расскажет сам.

Борис: - Ну, это ты лукавишь... Скажем, у нас были разные юмористы —

Мартиросян, Воля, Гарик «Бульдог» Харламов, и все передачи получились разные. И если с Харламовым, мне кажется, мы нашли верную интонацию, то Воля очень уж много шутил. А Харламов, кстати, позвонил через какое-то время и сказал, что его позвал поговорить Марк Анатольевич Захаров! Оказывается, худрук «Ленкома» смотрел «На ночь глядя» и заинтересовался нашим гостем - значит, мы не изуродовали Гарика «Бульдога» Харламова.

- Есть очень открытые люди, сидят, как голые, отвечают на все. Как остановиться вовремя, чтобы не навредить человеку?

Борис: - Не взгромождаться, как говорил Маяковский, в грязных калошах «на бабочку поэтиного сердца». Понимаете, это не наш формат. Есть другие форматы, когда можно взгромодиться на эту «бабочку» и потоптаться. Если же мы станем поступать так, к нам потом никто не придет. И вообще, если честно, мы все-таки рассчитываем на умного зрителя. Не обязательно все доводить до конца, чтобы герой расписался во всех своих грехах... Намекнуть, быть может...

Ильдар: - Или дать человеку возможность показать, что он что-то скрывает. Тоже вариант.

Борис: - Да. Потому что иногда уход от вопроса — это тоже ответ.

Борис Берман и Ильдар Жандарев:

«Провокация — очень хорошая штука»

Сегодня в эфир Первого канала возвращается ток-шоу «На ночь глядя». Борис Берман и Ильдар Жандарев накопили много интересных вопросов для новых гостей студии. Накануне премьеры телеведущие сами подверглись допросу корреспондента газеты «Труд».

— Последнее время участниками российских ток-шоу все чаще становятся иностранные знаменитости. Будут ли у вас заморские гости?

Борис Берман: У нас не будет иностранных гостей, мы переболели этим много лет назад. Разговор с иностранным гостем обречен на потерю ритма. Каждое междометие, произнесенное человеком в нашей передаче, имеет смысл, у иностранцев же это пропадает. Пока до переводчика дойдет, оба ведущих увянут от тоски, а уж зрители — тем более.

— Я знаю, что вы готовите вопросы заранее и обсуждаете их перед эфиром. Бывают ли у вас споры по этому поводу?

Б.Б.: Происходит некий диспут, который может длиться от 30 секунд до недели. Например, какой-то вопрос показался мне принципиальным, а Ильдар считает его чушью собачьей.

Ильдар Жандарев: Тогда мы просто придумываем третий вопрос, все-таки время на подготовку ограничено.

— Многие успешные американские телеведущие отмечают, что за откровенность своего гостя они платят тем же, вы с этим согласны?

Б.Б.: Теоретически согласен. Но наша частная жизнь интересует только наших близких, и кому нужна подобная откровенность? Никогда нельзя ставить себя на одну планку с гостем. Мы лишь мостик между ним и телевизионной аудиторией. Имени

собственного у нас в этом формате быть не может. Когда же это возникает, то рождает непомерные амбиции и становится комичным.

И.Ж.: Успех шоу зависит не от откровенности ведущего. Наша задача — дать гостю блеснуть, вот тогда передача удастся. Для этого можно задавать провокационные вопросы, вообще провокация — очень хорошая штука. Наши интервью — это в первую очередь шоу. Если гость отвечает откровенно — это хорошо, если он врёт — это тоже хорошо, это саморазоблачение. Если же он игнорирует вопрос — это саморазоблачение с отягчающими обстоятельствами.

— К вопросу о провокации: в прошлом сезоне Ильдар задавал гостям более острые вопросы, чем Борис. С чем это связано? И поменяетесь ли вы ролями в новом сезоне?

И.Ж.: Мы разные люди, у нас разные характеры. У нас даже разное представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. Просто я более настойчивый или более толстокожий. Я не так быстро замечаю, что гость не хочет говорить на определенную тему. (Смеется.)

Б.Б.: Все зависит от настроения, это же импровизация. А вообще-то мы заметили, что есть гости, которые чаще смотрят в мою сторону, а есть те, кто смотрит в сторону Ильдара. И задать острый вопрос чаще получается у того, в чью сторону не смотрит гость.

— Как ведете себя со звездами, которые на все вопросы отвечают: «Да, нет, не знаю»?

И.Ж.: Я не помню, чтобы к нам приходили подобные гости. Надо задавать такие вопросы, на которые им будет интересно отвечать.

Б.Б.: Наши гости нам по-настоящему интересны. Они это чувствуют и отвечают взаимностью. Собеседники видят, что мы подготовились к интервью, это вызывает уважение. Если же собеседник замечает, что мы проигнорировали его ответ и побежали дальше, по заранее подготовленной сетке вопросов, то он тотчас замкнется. Надо уметь слушать, а поскольку у нас целых четыре уха, процесс упрощается.

— Есть ли вопросы и темы, которых вы стараетесь избегать в передаче?

И.Ж.: Вопросы, которые могут оскорбить человека. Не хотелось бы никого обижать. Тем более в телевизионном эфире.

Б.Б.: Мы сознательно избегаем тем, которые обсуждаются во множестве других передач: кто с кем спит, как спит, по какой причине.

— Вам не кажется, что вы слишком часто говорите своим гостям комплименты?

Б.Б.: Некоторые упрекают нас, что под личиной комплиментарности мы скрываем волчьи пасти отвратительных журналюг. Если я делаю комплимент, значит, по моему мнению, человек этого достоин.

— Вы уже давно работаете друг с другом, не устали?

И.Ж.: Для нас это давно пройденный этап. (Смеется.)

Б.Б.: Мы проводим друг с другом больше времени, чем с родными и близкими, здесь важно терпение. Сегодня устал, завтра не устал — на это нельзя обращать

внимания. Это работа.

Борис Берман и Ильдар Жандарев: «Иногда после программы хочется удавиться...»

Борис Берман 00:00, 1 октября 2009 Ведущие программы «На ночь глядя» Первого канала рассказали, что самое главное в их работе. Борис Берман и Ильдар Жандарев — это уже устоявшееся словосочетание. Ну почти как Ильф и Петров... Мы решили обмануть всех и побеседовать только с одним из ведущих. Чтобы тот, не стесняясь партнера, взял бы да и выдал все тайны. Выбор пал на уважаемого Бориса Бермана. Мы прекрасно поговорили, после чего ведущий совершенно естественно передал трубку коллеге — Ильдари Жандареву. Похоже, они действительно не расстаются... Лучшим, пожалуй, интервьюерам страны, как оказалось, и самим есть что рассказать. Начнем с Бориса Бермана. — Критики говорят, что не всем гостям вы одинаково симпатизируете. Кого-то с пристрастием пытаете, кого-то комплиментами засыпаете. — Со стороны виднее, конечно. Но мы же не роботы. И не врачи, чтобы ко всем относиться одинаково. Да, у нас разное отношение к нашим героям. И, честно, я не знаю, хорошо это или плохо. —В «Большой разнице» показали пародию на вашу программу, и мне показалось, что вы немного обиделись... — Ну по прошествии времени я, наверное, скажу, что мне не хватило чувства юмора. Но от пародии я действительно ждал большего. У нас в программе есть несколько действительно уязвимых деталей, которые можно было бы жестко и смешно спародировать. После того как мы с Ильдаром вышли из студии «Большой разницы», то придумали несколько ходов для пародии, которые нам показались куда более смешными. Нет, то, что показали, было сделано по-доброму, не обидно. Но как раз пародия должна быть не доброй, а острой! — Работа в тандеме предполагает некие тайные знаки, мол, прикрой, атакую. Или наоборот... — Да есть, наверное, какие-то знаки. Изредка я начинаю ломать ручку. Это значит: я в полной растерянности. И Ильдар тут же приходит на помощь. Впрочем, это крайне редко происходит. — Какие чувства возникают после просмотра собственных программ? — Чаще всего хочется удавиться. Видишь, сколько «голевых моментов» упущено! Но изменить-то ничего уже нельзя! Разве что в следующий раз. Принимаем решения, делаем выводы. Это как в театре, что-то изменить можно уже только в другом спектакле. — Нет соблазна в беседе как следует поговорить, высказать-таки свое мнение? — А кому мы интересны? Мы часть цепочки, мы должны раскрыть собеседника. В этом и смысл. — Бывает, что человек не раскрывается, хоть убей? — Бывает. Тогда мы тональность меняем, стараемся придумать что-то. Большое счастье, когда удастся поймать волну и когда собеседник эту волну тоже ловит. — Что делать, если гость вам неприятен? — Но это же наша профессия, мы в любом случае настраиваемся на позитивное отношение к гостю. Мы всегда выходим на площадку с чувством благожелательности. И этого достаточно. Люблю я своих родных, близких, а все остальные люди — собеседники и партнеры. — Многие жалуются, что в стране не хватает звезд... — Справедливо. Обойма людей, которых узнают без титров, очень даже невелика. При этом в стране очень много значимых, ярких, но совершенно

немедийных людей. Увы, мы не можем приглашать их в нашу программу, ибо понимаем, что работаем на колоссальную аудиторию Первого канала, и гости наши должны быть узнаваемыми... — Ведущим «На ночь глядя», безусловно, титры не нужны. На них же пародии делают! Интересно, а понравилось ли произведение «Большой разницы» Ильдару Жандареву? — Скорее не понравилось. Просто я ожидал большего, и то, что я увидел, вызвало разочарование. У авторов этой программы высочайший творческий потенциал. И мне показалось, что на нас свой талант они сэкономили. Мы предвкушали нечто более острое, яркое. Пародия должна показать объект с неожиданной стороны. Но, простите, то, что мы увидели, вариации на довольно бородатые анекдоты про интервьюера, который не слушает ответов. — А в ваших программах можно сэкономить силу, энергию? — Мы еще ни разу этого не делали. Не получается. А вот наши гости довольно часто пытаются сэкономить энергию. Это понятно и простительно. Эти люди так много сил и энергии тратят на сцене, что по возможности стараются поберечь себя. И наша задача — заставить их открыться, поделиться энергией. Для этого надо сделать разговор интересным. — И вы делаете его в тандеме. Локтями подталкиваете друг друга, если что? — Мы так давно работаем вместе, что никакие знаки нам на самом деле не нужны. Мы друг друга затылком чувствуем. Наша задача — показать гостя таким, какой он есть на самом деле. На факультете журналистики это называется «портретное интервью». — И все-таки интервью — это выстроенная драматургия или все-таки импровизация? — Мы всегда тщательно готовимся к беседе, намечаем какие-то линии разговора, основные темы. Но разговор может пойти как угодно, ничего нельзя предсказывать. Наверное, в интервью поровну импровизации и подготовки. Просто непонятно, что в итоге интереснее получится...

Светлана Сорокина

Петр

х маршей нет актуальной повестки

Сорокина Светлана Иннокентьевна родилась в 1957 году.

Сорокина коренная ленинградка и большая часть ее жизни прошла именно в этом городе. Окончила школу с золотой медалью.

После поступила в Лесотехническую академию, окончив которую стала инженером лесного хозяйства. Ее профессия — ландшафтная архитектура — расшифровывается очень просто: специалисты этого профиля обычно занимаются озеленением городов.

Но Сорокина решила продолжить образование —училась в аспирантуре, в свободное время работала экскурсоводом.

Позднее наступил основной цикл ее жизни —телевизионный, который начался, когда по приглашению А.Невзорова Сорокина пришла работать в программу ленинградского телевидения 600 секунд . Это был весьма решительный шаг. Не имея специального образования, фактически не зная телевидения, Сорокина стала работать в программе, которая отличалась своеобразным подходом к выбору и подаче новостей. Очень часто они ограничивались самыми темными сторонами жизни —убийства, грабежи, насилие. И тем не менее эта программа стала для Сорокиной не плохой профессиональной школой, как и работа в другой программе ленинградского телевидения —Телекурьер .

Получив необходимые профессиональные навыки, Сорокина переехала в Москву и стала работать ведущей информационной программы Российского телевидения —Вести . Она была у самых истоков этой передачи, вместе со всеми искала наиболее подходящее название программы, создавала ее модель, а со временем и сама стала лицом программы. В последние годы Сорокина работала в должности политического обозревателя Вестей .

Это был уже другой уровень журналистской деятельности и другой статус. Ради такой возможности даже пришлось поступиться удобствами: первое время Сорокина жила в гостинице, много работала и лишь недавно приобрела небольшую квартиру. Жильцы дома гордятся своей знаменитой соседкой; Сорокину узнают и в магазинах, что она принимает как должное. Она привыкла к известности и считает ее обязательным компонентом своей профессии. Работая на Российском телевидении, Светлана Сорокина стала настоящим профессионалом. Она вошла в число самых популярных телеведущих, чему в большой степени способствует ее творческий подход к делу.

В программе Вести ей пришлось заниматься такой же работой, как и всем остальным ведущим: отбирать предложенные корреспондентами сюжеты, формировать информационные выпуски и предлагать их телезрителям. Казалось бы, самая обычная работа,

Имеет ли меньшинство право диктовать свою волю большинству? Вопрос актуальный перед оппозиционным «Маршем свободы» в Москве, когда организаторы и власти не сошлись в маршруте мероприятия. Специально для "русского дня" известный телеведущий Петр Толстой прокомментировал ситуацию.

Петр Толстой:

Прежде всего, надо исходить из того, что у нас существует свобода собраний, митингов, демонстраций, маршей, но при том, что все эти мероприятия не ущемляют свободу других. И, действительно, при нынешнем затухающем, находящемся на последнем издыхании протестном движении беспокойных горожан, мне кажется, что перекрывать ради них весь центр Москвы на целый день немного чрезмерно. То есть, если бы их программа, их повестка дня была бы актуальна, я думаю, что их было бы больше и у властей было бы больше оснований идти навстречу вот этому всему движению. В том виде, в котором сейчас это существует, с теми идеями и лозунгами —честно говоря, не знаю, если это будет ради двух —трех тысяч человек, мне кажется, что неудобства, которые испытают жители большого города, они будут значительно перекрывать тот политический эффект, который произведет очередной «марш миллионов за свободу». Если бы были миллионы... миллионов-то нет!

А что касается договоренностей с мэрией Москвы, то, насколько мне известно, были предложены несколько альтернатив и ни на одну из этих альтернатив организаторы этого шествия не согласились. Все предыдущие демонстрации такого рода заканчивались тем же. Сергей Удальцов, один из активистов протеста, каждый раз призывал людей либо остаться на месте, либо идти куда-то. Один раз они шли штурмовать ЦИК, другой раз они хотели с Болотной площади идти на Кремль. Третий раз они хотели остаться на Пушкинской площади в фонтане. Каждый раз заканчивается именно вот так. Поэтому, честно говоря, я не вижу никаких предпосылок для того чтобы в этот раз такого финала бы не было.

Почему власти должны верить на слово, когда в реальности каждый раз это заканчивается призывами куда-то идти, садиться на землю, оставаться и т. д. Зачем это нужно тем людям, которые живут в центре города? Зачем нужны намертво перекрытые улицы и Лубянская площадь, которая является важной транспортной развязкой для пяти магистралей?²⁰⁸

Журналист Петр Толстой – о жизни после "«оскресного времени"» Журналист Петр Толстой покидает программу "«оскресное время"» после семи лет в эфире. Еще в мае в интервью журналу "«фиша"» он говорил, что "«емь лет – это большой срок"» и сейчас наступает "«амое время его закончить"» В интервью Радио Свобода Толстой рассказал, кого хотел бы видеть своим преемником, о чем договаривался с Константином Эрнстом, и смог бы он перейти на телеканал "«ождь"» или НТВ.

43-летний Петр Толстой, профессиональный журналист, начинал карьеру корреспондентом французских изданий в Москве, работая для газеты Le Monde и агентства France Press. С 1996 по 2002 год – заместитель главного редактора канала

208 http://www.rusday.com/articles_new/2012-12-13/TolstoyMarsh/5304/

ВиД. После этого перешел на работу на Третий канал, где вел еженедельную аналитическую программу, а впоследствии стал главным редактором и гендиректором. После того, как Петр Толстой стал ведущим "«оскресного времени"» его стали называть "«лицом Первого канала"» Программа Петра Толстого была проводником политики канала, находящегося под контролем государства. Особенно очевидно это стало в период избирательных кампаний 2011-го 2012 года и сопровождающего их роста протестных выступлений.

– Насколько позиция, которую вы занимали, работая в эфире "«оскресного времени"» соотносилась с вашей собственной?

– Это и есть моя позиция. Я, в отличие от целого ряда моих коллег, никогда ее не скрывал. Когда я что-то говорил, то говорил искренне. Ни от одного слова, которое я сказал в эфире "«оскресного времени"» я не отказываюсь.

– О каких коллегах вы говорите?

– Не секрет, что есть ряд людей, которые вынуждены работать на телевидении, в частности в общественно-политическом вещании... которые, скажем аккуратно, представляют взгляды меньшинства. Многие жалуются на то, что зачастую им приходится делать над собой усилие. Я не могу сказать, что меня кто-то о чем-то просил, что-то заставлял делать. "«оскресное время"» выходит на Первом канале, который имеет свою специфику, как и любой канал в любой стране мира. Он освещает деятельность государства, власти и ее представителей. Это та специфика, с которой работает любой национальный канал в любой стране мира. Мне это было понятно с того момента, как я туда пришел, и понятно сейчас.

– Вы сказали, что Иван Ургант и Владимир Познер могут занять ваше место в качестве ведущего "«оскресного времени"»

– Я такого не говорил. Меня спросила корреспондентка: как вы думаете, Владимир Познер или Иван Ургант? Я сказал, что и тот, и другой могли бы занять мое место, но решение будет принимать Константин Эрнст. Я места никому не раздаю – это прерогатива генерального директора канала.

– А сами бы вы кого хотели видеть в роли своего преемника?

– Я бы хотел видеть человека, который любит Россию.

– Вы можете назвать конкретные фамилии?

– Нет, я воздержусь называть конкретные фамилии. Это дело слишком деликатное. Я думаю, что руководство Первого канала найдет какую-то замену.

– "«нтерфакс"» сообщает, ссылаясь на Первый канал, что вы будете вести политическое ток-шоу. Вы можете это подтвердить?

– У нас было несколько разговоров о будущих проектах, но они пока ни во что конкретное не вылились. Если эти проекты состоятся, то я готов о них говорить в сентябре. Сейчас у меня одна задача – выпустить следующую программу в эфир, сказать "«о свидания"» всем нашим зрителям и уйти в отпуск. Желание уйти в отпуск есть у всего коллектива.

– Вы обсуждали конкретные проекты с руководством?

– Константин Эрнст предлагал мне остаться работать на канале. Конкретные предложения я с ним пока не обсуждал. Думаю, что это обсуждение

состоится перед началом нового сезона, а не в конце этого.

– Рассматриваете ли вы возможность работы на другом канале?

– Вы знаете, я на разных каналах работал. Я нахожусь в дружеских отношениях с коллегами с других каналов. Если будет возможность работать с моими товарищами на Первом канале, я с удовольствием буду продолжать эту работу. Не будет такой возможности – буду, как и все мы, искать работу. Может быть, не только на телевидении.

– По какой причине у вас может не оказаться этой возможности после стольких лет работы на Первом канале?

– Вот вы работаете на Радио Свобода. Вы делаете то, что вам нравится. А если вам предложат вести рубрику про монолитно-кирпичное строительство, вы скажете: "« мне это не нравится"» Так ведь может быть, правильно? В таких вещах я стараюсь быть аккуратным. Я не хочу никого обижать, ничего заранее предсказывать.

– Есть ли у вас предложения от других работодателей?

– Вы хотите меня прямо распять этими вопросами. Повторю, если будет возможность продолжать работу на Первом канале, я ее продолжу. Если такой возможности не будет, тогда я буду обращаться к другим работодателям.

– Хотели бы вы попробовать себя, например, на НТВ или "«ожде"»

– Вы знаете, никакая моя будущая работа не исключает возможности сотрудничать с каналом НТВ или интернет-порталом "«ождь"» И тот, и другой проекты прекрасны. Я с большой симпатией к ним отношусь. (Впрочем, перед тем, как ответить на этот вопрос, Петр Толстой долго смеялся.)

– Вы происходите из рода Толстых, оказавших колоссальное влияние на культуру России. Как вы считаете, то, что вы делаете, соотносится с традициями вашего рода?

– Я думаю, ничего, что бросало бы тень на мою фамилию, я не делаю. Что касается культуры, то она в разное время выражается по-разному. Поскольку я занимаюсь общественно-политическим вещанием, моя работа имеет отношение скорее в целом к ситуации в стране, чем конкретно к культуре. Но по мере моих скромных возможностей я как делал, так и буду продолжать делать что-то полезное. А за весь род Толстых я, конечно, отвечать не могу, – сказал Петр Толстой.

СПРАВКА РАДИО СВОБОДА

Ведущий "«оскресного времени"»известен резкостью суждений, зачастую направленных против оппозиции. Так, зимой широкий резонанс в русскоязычном сегменте интернета получили слова Петра Толстого, произнесенные им в программе "«оскресное время"»20 февраля 2012 года:

"«амая обсуждаемая тема последних недель – выборы президента России. А точнее то, по какому пути дальше будет развиваться наша страна. Станет ли на путь копирования так называемых "«вропейских ценностей и укладов"»в безуспешной попытке кого-то догнать или продолжит курс на суверенное и стабильное развитие великой державы в русле своей многовековой истории, самостоятельно решая свою судьбу?"»"«сть и те, кто заранее не признает результаты этих выборов... В их глазах

наша страна слишком отсталая, чтобы избирать своих лидеров... К счастью для России, таких лидеров в стране всегда было подавляющее меньшинство. Свернуть страну с ее пути им удалось лишь однажды – в ходе бескровной февральской, а затем кровавой октябрьской революции, и это отбросило Россию на десятилетия назад в ее развитии"»

"«о-моему, автор этих строк (выражалось мнение, что Чулпан Хаматова снялась в ролике в поддержку Владимира Путина под давлением – РС) – законченный мерзавец и подлец. Надо совсем потерять чувство реальности, чтобы усомниться в честности Чулпан Хаматовой, которая со своим фондом и со своими единомышленниками сделала для страны больше, чем все дешевые псевдопублицисты, давно потерявшие моральное право кого-либо судить. Надо быть законченным параноиком, чтобы предполагать, что штаб одного и наиболее успешного на сегодня кандидата пойдет на мелкий шантаж ради съемки одного из сотен роликов в его поддержку. Но эта мерзость, к сожалению, лишь частный случай вполне большевистской тенденции нынешней кампании..."»В ноябре 2011 года Петру Толстому пришлось объяснять, почему из его программы был вырезан свист, якобы направленный в адрес Владимира Путина. По словам журналиста, создатели "«оскресного времени"»просто признали более содержательной ту часть выступления Путина, где свист уже смолк.

ПЕТР ТОЛСТОЙ: «ЕСЛИ БЫ ТОЛСТОЙ ПОСМОТРЕЛ НА НАС...»

Чем интересно творчество Толстого современному человеку, как православному читателю относиться к антицерковным идеям мыслителя и чему христианин может поучиться у него? Об этом мы поговорили с праправнуком Льва Николаевича, ведущим программы «Воскресное время» на Первом канале **Петром Толстым**.

Неперечитанный классик

— Петр Олегович, большинство из нас впервые узнали о Льве Толстом в школе. А как Вы, человек из семьи Толстых, впервые услышали его имя?

— Да можно сказать, что в семье мы росли с его именем, чуть ли не с рождения знали, что он наш прапрадедушка. Слава Богу, наша часть семьи Толстых (мой дедушка с братом, мой отец и дядя) вернулась в Россию из эмиграции в 1945 году, сразу после Второй мировой войны. Мы родились уже в России и росли с довольно полным ощущением своей страны, родного языка, своего рода. Мы бывали в Ясной Поляне, держали в руках семейные реликвии. Думаю, несмотря на трагическую историю с вынужденным бегством, потомкам Льва Николаевича удалось здесь, в России, восстановить в семье Толстых особую атмосферу, традиции, живую память о наших предках. Поэтому Толстого мы узнавали, к счастью, не в школе, а в общении с нашими родителями, дедушками, родственниками.

— Почему — к счастью?

— С преподаванием Толстого в школе вообще сложная история. Я говорю не только о советской школе, крепко приклеившей к имени Льва Николаевича ярлык «матерого человечика» и «зеркала русской революции». Меня гораздо больше волнует

тот факт, что люди после прочтения в школьные годы пары романов убеждены, что все им с Толстым понятно и незачем потом возвращаться к нему и перечитывать. Как говорится в школе, мы «прошли» того-то — то есть «позади оставили». Но, по моему, люди, которые думают так, очень сильно себя обкрадывают. Потому что в каждом возрасте человек находит у Толстого что-то свое, находит ответы на те вопросы, которых не было, например, у него в 15 лет, но которые в 40 лет становятся жизненно важными. Возьмите хотя бы «Детство», «Отрочество», «Юность». Мне было очень интересно читать эти книги в 14 лет, но перечитывая трилогию сейчас, через нее я осмысливаю уже не только себя — я по-новому смотрю на собственного ребенка, на мои отношения с ним.

— **Как же, по-Вашему, было бы правильно преподавать Толстого в школе?**

— Главное — объяснить человеку, в каких случаях можно обратиться к его произведениям, на какие вопросы можно найти в них ответы. Не надо заучивать наизусть куски текстов. Нужно всего-навсего постараться дать максимально полное представление о том, что стоит читать, когда ты хочешь больше понять себя, найти выход из сложной жизненной ситуации. Школа не должна делать выбор за человека — но должна постараться дать ориентиры для того, чтобы в любой момент жизни человек мог совершить самостоятельный и достойный выбор.

Вечный ребенок

— **Какое произведение Толстого Вам особо близко?**

— Возможно, «Анна Каренина». Я прекрасно понимаю Набокова, который сказал, что это лучший русский и даже лучший мировой роман. Поразительно, насколько универсальны его герои и поднятые проблемы. При желании каждый может найти в романе себя, своих близких, родственников, друзей. И каждый может вместе с Толстым попытаться найти ответ на вопрос: зачем человек живет, какие ценности для него важны, а какие, напротив, являются ложными и принесенными? В этом потрясающая сила романа, а вовсе не в том, что, как мы узнаем в школе, Анна Каренина легла под поезд. Потому что все мы, по большому счету, лежим под поездом. Просто главный вопрос — каким человеком ты закончишь свою жизнь, что ты будешь представлять из себя, когда останешься один на один со смертью?

— **Какой образ Толстого сложился у Вас после прочтения его произведений, изучения его биографии? Вы можете, как читатель, ответить на вопрос — каков человек, написавший эти книги, каковы его стержневые черты?**

— Толстой прожил очень насыщенную жизнь, какую мало кто может прожить в наше быстрое время. В разные периоды у Толстого были разные, иногда даже противоположные, ценности, взгляды и на себя самого, и на окружающий мир. Однако при всей этой противоречивости есть идея, которая пронизывает всю его жизнь. Это идея о том, что в итоге каждый человек предстанет перед Богом, предстанет один, а не в окружении семьи и близких. А значит — он не должен ни в чем врать себе и другим. Ведь Толстой оставался честным по отношению к себе, оставался им всегда, даже когда заблуждался. Конечно, было в нем и своеобразное бескорыстное самолюбие, была неловкость за неправильно устроенную жизнь. Но вот в чем никогда нельзя было его заподозрить — так это в неискренности. Возможно, эта его черта и заставляет

многих сегодня говорить, что Толстой устарел. Мы живем во время, когда люди боятся быть искренними, когда искренность считается признаком слабости. Лучше улыбаться, говорить «I'm fine!», «все в порядке!», даже если за этим «в порядке» прячется трагедия. У Толстого получалось быть искренним, хотя и в его время фальши хватало. Это ощущение возникает не только от того, что он написал, но и от того, как он до самой смерти общался с окружавшими его людьми.

— **Дмитрий Мережковский как-то назвал его «вечным ребенком», имея в виду в том числе и такую искренность Льва Николаевича...**

— Действительно, такие люди до конца жизни как дети. И в искренности своей, и в стремлении всегда чему-то учиться. Понимаете, ведь большинство людей в какой-то момент останавливаются в своем развитии, особенно часто это происходит сегодня. Причем происходит с вызовом: вот, мол, я, такой как есть, меня не переделаешь, поздно воспитывать и так далее. Толстой же был человеком, который никогда не мог стоять на месте, он постоянно пытался «сдвинуть с места» себя, других. Он никогда не мог сказать, что «я хорош, я состоялся, нечему меня учить».

Искатель счастья

— **Другой вопрос, куда Толстой пытался «сдвинуть» себя и окружающих? Вспоминается история из его детства, когда в лесу он искал волшебную палочку, которая осчастливит всё человечество. Но ведь с этим детским желанием всех осчастливить можно по наивности много жизней погубить...**

— Да, и история XX века знает много людей, которые фанатично верили, что знают, как осчастливить человечество. Однако Лев Толстой отличается от них тем, что никогда не считал, что людей можно осчастливить всех сразу, скопом. Он верил в то, что каждый человек способен стать счастливым и уже через каждого может стать счастливым человечество.

— **Проблема в том, что эту веру Толстого многие поняли по-своему...**

— Причем все эти его последователи достаточно долго и злонамеренно спекулировали идеями Льва Николаевича для того, чтобы так или иначе расшатать и без того хрупкое здание русского государства начала XX века. Только я считаю, что прямой вины Толстого в этом нет, хотя многие со мной и поспорят. Он жил своей жизнью и никогда не обращался к массам. Он всегда обращался к отдельному человеку, к самостоятельной личности. А вот идея проповеди массам, навязанная мыслям Толстого учениками и последователями, как раз сильно девальвирует смысл того, о чем писал Лев Николаевич. Весь строй его жизни, всё, что он думал и говорил — ровно противоположно тому, что потом начало происходить в нашей стране. Да, честно скажем, Толстой этому поспособствовал. Но хотел ли он этому способствовать? Уверен, что нет.

Снова скажу: Толстой призывал каждого к внутренней работе в своем внутреннем мире, а не к тому, чтобы люди выходили на площадь.

Директор музея-усадьбы «Ясная поляна» праправнук писателя Льва Толстого — Владимир Толстой (на снимке в центре) и праправнучки писателя — Фекла Толстая (справа) и Петр Толстой (слева) на церемонии награждения лауреатов литературной премии «Ясная поляна» им. Льва Толстого. Фото ИТАР-ТАСС

— **Думается, что этот призыв делает Толстого более чем актуальным писателем.**

— *Именно. Мы теряем понимание того, насколько важна постоянная работа над собой. Люди стараются жить так, чтобы этой работы не было, чтобы их не касалось ничто неприятное.*

— **Хотя в другом смысле работают они много...**

— *Вот только для чего работают — не очень хорошо знают. Часто они загоняют себя в такую ситуацию, в которой их можно сравнить с белкой, засунутой не в колесо даже, а в центрифугу стиральной машины. То есть каждое утро человек сознательно засовывается в эту машину, там его крутит и так и сяк, а вечером его машина выплевывает. Он попадает на диван. Пельмени, кетчуп, пиво, хоккей, футбол, спокойной ночи. Всё! Ну, конечно да, это жизнь. Но ведь есть и другая, вне материального измерения. А чем заканчивается такое внешнее существование? Оно кончается разочарованием, пустотой. Посмотрите на нынешнее поколение пенсионеров. Люди, воспитанные советской системой, люди с искаженными (не по их вине, конечно) ценностями. Они мучаются сейчас, они не знают, как и где себя найти, для чего они жили, к чему это всё было... Нет ничего хуже, когда такие вопросы встают перед человеком под конец жизни.*

— **Так что должно произойти, чтобы мы сняли книги Толстого, да и других классиков, с пыльных полок и задумались вместе с ними о своей жизни?**

— *Понимаете, каждый человек в идеале сам проживает свою жизнь. И при этом думает — зря он проживает ее или нет? Если у человека этих вопросов нет, то он проживает жизнь как животное и заканчивает ее как животное. Если он себе эти вопросы задает, то рано или поздно он будет искать на них ответы. Много ответов, как мне кажется, содержится в том, что писал Лев Толстой, в том, что писали другие наши классики. Не надо никаких массовых катаклизмов для того, чтобы все начали перечитывать Толстого. Надо просто, чтобы у людей было желание и время подумать о душе.*

Живущий не по лжи

— **Но вопрос о душеполезности Толстого для православного человека совсем не прост. В конце жизни он встал на путь отрицания основ православной веры, отрицания Церкви. Как с позиций сегодняшнего дня нам относиться к этому его выбору?**

— *Я могу сказать только одно: он все время пытался дойти до какой-то чистой истины. И в Русской Православной Церкви того времени он для себя эту чистую истину не нашел. Противоречие между представлениями о том, как должна быть устроена жизнь, и тем, как она была устроена в действительности — именно это противоречие не давало ему покоя. И оно же, вероятно, вывело его на дорогу всеотрицания. А по характеру своему Лев Николаевич любую дорогу свою всегда хотел пройти до конца.*

Многое сыграло роль в той трагической истории — и небезукоризненное поведение отдельных представителей Церкви, и упертость самого Толстого, и жуткое давление на него многочисленных последователей. Сложно здесь расставить

всё по своим местам и определенно сказать, что Толстой-де пришел к неправильному выбору — и всё тут. Потому что это история не борьбы с Церковью и не окончательного выбора. Это история сложных внутренних поисков искреннего творческого человека. Это его личная история. И, наверное, не стоит нам сегодня вмешиваться в нее и пытаться переиграть. Обратного хода нет. Лев Николаевич умер. Той Русской Православной Церкви, которая была в начале XX века, сегодня тоже нет: мы все сейчас являемся свидетелями нового состояния Церкви, новой степени ее независимости. Ни к чему вернуться нельзя. Дети Толстого, его внуки и правнуки почти все были православными людьми. Наверное, это самый правильный ответ на Ваш вопрос.

— Иначе говоря, нам нужно сосредоточиваться не на том, к чему пришел Толстой, а на том, как он шел по своему пути?

— Конечно. Свой выбор каждому из нас предстоит сделать самому. Вопрос в том, чем мы будем руководствоваться при этом — сиюминутными интересами или же будем думать о своей душе. Наивно думать, что у нас получится взять и повторить путь Толстого или еще чей-то путь. Но попытаться понять, что имел в виду Толстой, постараться поставить те же вопросы в контексте своей жизни — это может сделать каждый. Понимаете, Толстой все время пытался сделать что-то свое, создать свою историю, отталкиваясь от собственных ощущений правды, Бога, от своего понимания того, что такое жить по совести, жить не по лжи. Каждый читатель может на своем уровне решить, насколько это все применимо к нему. Но проблема-то в том, что в современном обществе никто над такими вопросами особо и не задумывается. Все думают, как купить в кредит машину, отдать долги, заработать деньги. Все мысли, к сожалению, идут в совершенно другом направлении, чем у Толстого. Если бы Лев Николаевич на секундочку представил себе современную эпидемию потребления, думаю, все его труды были бы им же самым опровергнуты, и он бы пытался бороться с этим, а не просто с неким абстрактным понятием государства.

Еще раз повторю простую мысль: каждый человек проживает свою жизнь самостоятельно, и он сам за нее ответственен перед Богом и людьми. И есть ряд проблем, которые человеку, в особенности современному, непросто пережить и осмыслить. Толстой может оказать здесь неоценимую помощь — слишком многое было им пережито и передумано. И за каждое свое решение, за каждый поступок он готов был ответить.

— Так ведь и ответил же.

— Да, ответил жизнью. Наверное, такой ответственности всем нам неплохо бы у него поучиться.

— У Вас подрастает дочь. Когда и как Вы планируете рассказать ей о Толстом?

— Думаю, что не буду как-то специально рассказывать ей о нем. То, что Лев Николаевич ее предок, она знает и так. А вот какую роль сыграет его имя в ее жизни — решать ей самой.

— А как Вам бы хотелось?

— Мне бы хотелось, чтобы ей меньше задавали вопрос «родственница Вы или не родственница?», который всю жизнь задавали мне, моим братьям и сестрам. Человек, независимо от своих родственных связей, от своего происхождения, все-таки всегда сам отвечает за собственную жизнь.

Ирада Зейналова

Зейналова Ирада о себе:

Я – репортер. С маленькой буквы, без женского пола. Просто в новостях как-то принято – немного извиняться за то, что родители сделали тебе длинные ноги, бюст и талию. Когда я впервые поехала на съемку, оператор бурчал: "«пять баб тащат..."» "«ам, буду ездить с другим,"»—успокаивала себя я. Другие в новостях не работают. Почему я осталась, не пошла

искать счастья по профессии (инженер-технолог порошковых материалов и защитных покрытий, полученных путем высокоскоростного затвердевания расплавов)?

Затягивает. Несешь очертя голову – доводы о том, что нас не будет, а новости будут, рассказы о репортере, у которого остановилось сердце из-за того, что он не смог задать нужный вопрос – не работают. Репортер кажется себе бессмертным – за моей спиной стреляют, вы видите, летит снаряд – можно и без этого. Не нам.

Адреналин, который держится в крови весь день, желание успеть и обогнать – глубже, чем в подкорке. Я даже ловлю себя на том, что оказываясь в музее или театре, я смотрю на посетителей, а не на предметы искусства, репортер – тоже "«овец человек"» Ловишь настроение и ситуацию, потом, со временем, учишься кожей чувствовать – опасно, больно, красиво. Уже не весело, когда снимаешь концерт – мысленно строишь картинку – "«ухляк"»или "«абой"» Смотришь кино – монтаж и звук. Сидишь в компании – рядом может быть источник или нежелательный сборщик информации. Паранойя на свой лад – как часть жизни.

Именно поэтому круг друзей у тех, кто работает в новостях – только коллеги, мы уже и говорим на своем языке (тайм-код, хронометраж, перегон, склейка), по заданному набору тем (Ирак, Кремль, Чечня). Не любим впечатлений и встреч – оставьте, нам на работе этого хватает. Не планируем вечера – все равно не угадаешь, как работа повернется. Но попробуйте хоть одного из нас спросить – откажешься от всей этой жути, остановишься? Никто. Есть те, кто живет иначе – репортеры по штатному расписанию. Их мало, иногда они ходят на работу подолгу. С ними не болтают в курилке – у них своя стая – с обедами, выходными и ранним уходом домой...

Обычно репортеры уверяют: ни за что, если б заново. Не верьте. Это жизнь, в которую мы уходим. Когда ребенок спрашивает меня – пойдём ли в кино, он сразу тихо добавляет: если не будет съёмки. Мне стыдно. Хотя бы за то, что мне никогда не приходило в голову отменить выезд, если он болен. Просто он еще очень мал, чтобы

присоединиться к репортерам. И уже большой, чтобы понять – маму можно догнать, только войдя в ее жизнь. Репортера.²⁰⁹

Ирада Зейналова ломает стереотипы

Тележурналист Ирада Зейналова успела за свою карьеру побывать собкором Первого канала в благополучной Великобритании и военным корреспондентом на беспокойном Ближнем Востоке. Наконец, полгода назад она стала ведущей программы "«ремя"» сменив репортерскую динамику на работу в студии.

Сама Зейналова не видит ничего необычного в такой пестрой творческой биографии. "«а мой взгляд, все логично. Карьера строилась так: культурный корреспондент, затем универсальный, потом европейский, ближневосточный и, наконец, ведущая аналитической программы. Все по степени усложнения. И Лондон – это не тихий рай..."»– призналась телеведущая.

Говоря о работе собкором в Англии, Зейналова отметила, что встречала там российских миллиардеров. "«о-первых, в Москве их гораздо больше. Во-вторых, **живут они там далеко не с тем размахом, как здесь. Нет таких возможностей для обогащения.** Зачем богатому русскому человеку ехать в Англию? Есть три причины: экология, образование для детей и гарантия, что тебя не выдадут, если ты дома накосячил"» – считает она.

Рассказала журналистка и о бытовых особенностях жизни в Британии, развенчав некоторые стереотипы. Так, англичане не едят овсянку, а их типичный завтрак – яичница с беконом и "«рочая холестериновая дрянь"» С другой стороны, Зейналова призналась, что там ей в голову моментально вбили "«**возди правильного европейского поведения**"» "« два года не живу в Англии, но до сих пор не могу ответить за рулем по мобильному. Мы теперь и в Москве не чистим зубы под проточной водой и экономим электричество. Сыну в школе задали сделать реферат на бумаге, на что он сказал: "«ама, это ведь не по-зеленому?! То же самое можно сделать на электронном носителе!"»– рассказала телеведущая"»омсомольской правде"»

Касаясь своей работы военным корреспондентом на Ближнем Востоке, она заметила, что в полевых условиях всегда имела при себе "«**ревожный чемоданчик**"»– **две немнущиеся рубашки, арафатку, обувь без каблука и набор для макияжа.** Прокомментировала Зейналова ситуацию с украинской журналисткой Анхар Кочневой, похищенной повстанцами в Сирии. Напомним, боевики удерживают украинку с октября и угрожают ей казнью.

Ведущая программы "«ремя"»считает, что она вряд ли могла оказаться на месте Кочневой. "«о-первых, я всегда представляла крупную журналистскую корпорацию, которая за меня просто порвала бы всех. Уверена, российские дипломаты по просьбе Первого канала сделали бы все, чтобы вытащить меня из этой ситуации"» – заявила она. С другой стороны, Зейналова подчеркнула, что настоящий риск должен быть просчитан. "«е проблема забраться в ситуацию, проблема –

выбраться из нее. Я знаю, что Сирия – это очень серьезная страна, где лучше не партизанить по-журналистски. Мы все видели, что творится в Чечне, где людей воровали, потом головы им отрезали... Вы думаете, в Сирии кто-то другой воюет? Да точно такие же бородатые "«айцы"» – заключила журналистка.

В заключение она рассказала своей текущей работе. По словам Зейналовой, **ее задача – сделать программу "«ремя"» более репортерской.** "«исследования показывают, что зритель уже не хочет тяжелых текстов, не хочет длинных сюжетов. Мы привыкли к клиповому монтажу, мыслим короткими предложениями, и все должно быть более наглядным и бытовым. Чтобы не показаться предвзятым или занудным, мы просто рассказываем о том, что видим. А выводы... Кто хочет, сам сделает из того, что увидел и услышал"» – сказала ведущая.

Ирада Зейналова, новая ведущая программы «Время»: «Когда еду на войну, главное, не забыть немнущуюся рубашку»

1 января новостной передаче исполняется 45 лет [видео, аудио]

Первый выпуск программы «Время» - главной информационной программы страны – вышел в эфир 1 января 1968 года. За это время ведущими передачи были люди, имена которых являются своего рода вехами в истории отечественного телевидения. Сегодня «Время» обрело новое лицо, стремясь остаться № 1 в сегменте новостных программ. Мы побеседовали с Ирадой Зейналовой, которая стала ведущей аналитической программы «Воскресное время» в сентябре этого года.

- Ирада, программе «Время» исполняется 45 лет. Вы с какими ведущими начали ее смотреть?

- Я подозреваю, что это были Игорь Кириллов и Анна Шатилова. В семье всегда смотрели программу «Время», а самое яркое детское воспоминание о ней связано с обидным для меня событием. Я ждала вечера в предвкушении «Спокойной ночи, малыши!», потому что там идет классный мультик. И тут входит папа и переключает канал, потому что умер Мао Цзэдун. И я помню ощущение внутреннего протеста: «Да что же такое?! Там показывают великолепный мультик про поющих козляков, а тут мне впаривают про этого старого Мао Цзэдуна, который к тому же умер! Где справедливость?»

- У вас в биографии полный хаос: райская должность собкора в Англии, потом пост военного корреспондента на Ближнем Востоке, а полгода назад вы стали ведущей программы «Время». Чего вам в жизни хочется: европейского комфорта или на горячую сковородку сесть?

- Давайте систематизировать не по географии, а по профессиональной составляющей. На мой взгляд, все логично. Карьера строилась так: культурный корреспондент, затем универсальный, потом европейский, ближневосточный и, наконец, ведущая аналитической программы. Все по степени усложнения. И Лондон – это не тихий рай...

- Но Лондон называют столицей русских миллиардеров.

- Это мы сами придумали, нам ведь нужны сказки. Я встречала в Англии миллиардеров. Во-первых, в Москве их гораздо больше. Во-вторых, живут они там далеко не с тем размахом, как здесь. Нет таких возможностей для обогащения. Зачем

богатому русскому человеку ехать в Англию? Есть три причины: экология, образование для детей и гарантия, что тебя не выдадут, если ты дома накосячил.

- За три с половиной года в Англии какие-то британские фишки вошли в обиход? Например, овсянка по утрам...

- Это ложный стереотип. Англичане не едят овсянку, это шотландское блюдо. Англичане едят так называемый английский завтрак: яичница с беконом и прочая холестериновая дрянь. Другое дело, что там моментально тебе в голову вбивают звезды правильного европейского поведения. Я два года не живу в Англии, но до сих пор не могу ответить за рулем по мобильному. Мы теперь и в Москве не чистим зубы под проточной водой и экономим электричество. Сыну в школе задали сделать реферат на бумаге, на что он сказал: «Мама, это ведь не по-зеленому?! То же самое можно сделать на электронном носителе!»

- Когда вы стали военным корреспондентом на Ближнем Востоке, у телезрителей возник вопрос: неужели на Первом канале мужики закончились, раз они женщину отправляют?

- Мужики и женщины мы в гинекологическом кабинете. А на работе мы профессионалы. Телевизионная журналистика — это специфическая работа, она круглосуточная, она тяжелая, иногда опасная, требует большого эмоционального напряжения. Это работа, которую надо очень-очень хотеть. Если ты не готов к этому, собирай манатки и уходи к чиновнику в пресс-службу... А мужчина ты или женщина, какая разница?

- Разница есть: мужчина — военный корреспондент может выйти в эфир и в мятой рубашке, а женщина — нет.

- Это вопрос профессионализма. Когда я еду в пустыню, беру с собой «тревожный чемоданчик». Это не антидот от змеиного яда и не таблетки, превращающие песок в воду. Ты берешь с собой две немнущиеся рубашки, арафатку, обувь без каблука и набор для мейк-ап. Все. Ну и, естественно, аппаратура.

- Украинская журналистка Анхар Кочнева попала в руки сирийских повстанцев, ей грозят казнью. У вас были шансы оказаться в аналогичной ситуации?

- Думаю, что нет. По двум причинам. Во-первых, я всегда представляла крупную журналистскую корпорацию, которая за меня просто порвала бы всех. Уверена, российские дипломаты по просьбе Первого канала сделали бы все, чтобы вытащить меня из этой ситуации. А во-вторых, настоящий риск должен быть просчитан. Не проблема забраться в ситуацию, проблема выбраться из нее. Я знаю, что Сирия — это очень серьезная страна, где лучше не партизанить по-журналистски. Мы все видели, что творится в Чечне, где людей воровали, потом головы им отрезали... Вы думаете, в Сирии кто-то другой воюет? Да точно такие же бородатые «зайцы».

- Говорят, вас пригласили, чтобы разрушить устаревший стереотип ведущего. Что имелось в виду?

- Мне сложно сказать. Мой предшественник Петр Толстой — очень умный человек. У него очень хорошее образование, он человек с большим бэкграундом. И тут мне сложно что-то противопоставить ему. Потому что я репортер. И я вижу задачу в том, чтобы сделать свою программу более репортерской. Исследования

показывают, что зритель уже не хочет тяжелых текстов, не хочет длинных сюжетов. Мы привыкли к клиповому монтажу, мыслим короткими предложениями, и все должно быть более наглядным и бытовым. Чтобы не показаться предвзятым или занудным, мы просто рассказываем о том, что видим. А выводы... кто хочет, сам сделает из того, что увидел и услышал.

- Вы успели оценить кухню многих стран. Блюда какой у вас будут на новогоднем столе?

- Оливье и селедка под шубой —это обязательно. Еще я люблю кавказскую кухню. Приготовлю сациви. А кроме того, друзья мне подарили пять фазанов —настреляли на охоте. Я в жизни эту дурацкую дичь не готовила и, видимо, придется штурмовать Интернет в поисках рецепта.

Иван Ургант

Родился 16 апреля 1978 года в Ленинграде в молодой актерской семье. Не прошло и года, как молодая актерская семья развалилась, но уже тогда Иван решил стать артистом. За годы стояния за кулисами, подсматривания в гримерки великих артистов, игр с бутафорскими бородами и зависти Феде Стукову, это желание крепло и росло. "«ртист должен уметь все"» - часто говаривал отец Ивана, Андрей Ургант. Поэтому количество детских увлечений Ивана все время росло, приближаясь к числу "«ри"» Музыка, спорт и песни Михаила

Боярского —вот, пожалуй, те три кита на которых держалось его детство.

Закончив гимназию при Государственном Русском музее, он с удивлением обнаружил себя на втором курсе Петербургской академии театрального искусства. "« как же первый?"» - спросил Иван своего мастера, народного артиста России А. Ю. Толубеева. "«се нормально!"» - сказал мастер, лукаво подмигивая фотографии Андрея Урганта. Обнаружив на курсе других актерских детей, Иван понял, что мастер лукаво подмигивал фотографам многих артистов.

Учась в академии, Иван вместе с прекрасной и любимой им актрисой А. Фрейндлих сыграл в спектакле ГАБДТ им. Г. А. Товстоногова "«акбет"» где Алиса Бруновна играла леди Макбет, а он —стражника N12. С тех пор прошло уже много

лет, но он всегда с теплотой вспоминает те четыре спектакля.

Вскоре, в его мятежную юность постучалась корявая рука нужды. Он стал забывать текст и путать мизансцены. Беззубая ухмылка голода корчилась то в одной, то в другой кулисе. Он стал с интересом поглядывать на манящие вывески ночных клубов. Начав работать в одном из них официантом, в другом он уже пел испанские песни, а в третьем стал вести ночные шоу, где единственным одетым человеком на сцене был именно он.

Два года посвятив разглядыванию собственного отражения в бутылках с дорогим коньяком и в тускло светящихся глазах ночных бабочек, он покинул эту обитель порока, и, став вольным художником, вспомнил об одном из своих детских увлечений — музыке. При непосредственном участии певца Максима Леонидова, папы и самого себя, он записал альбом собственных песен на компакт-диск, который с тех пор является украшением фонотеки Ивана.

В 1999 году судьба приоткрыла для Ивана калитку ведущую в прекрасный мир Санкт-Петербургских радиостанций. Полгода он проработал на радиостанции "«упер-радио"» где количество слушателей приблизительно равнялось количеству диджеев. Параллельно на Пятом канале Петербургского телевидения он вел программу "«етербургский курьер"» которая повествовала о нелегких буднях кондитерских фабрик, деревообрабатывающих заводов и туристических фирм. Он целиком посвятил себя высокому искусству. Потом "«упер-радио"» уступило место сначала "«усскому радио"» а потом — "«ит-ФМ"» а Пятый канал уступил место каналу MTV.

В настоящее время ведущий программ "«мак"» "«рожекторперисхилтон"» "«ольшая разница"»

Иван Ургант живет в Москве, на выходные уезжает в Санкт-Петербург.

Увлечения: фотография, путешествия и все, что связано с театром и кино.

Свободное время: походы в театр, общение с друзьями.

Иван Ургант — лауреат премии "«ЭФИ-2007"» в номинации "«едущий развлекательной программы"» Проект "«ирк со звездами"»

Фильм "«дноэтажная Америка"» — ведущие проекта Владимир Познер и Иван Ургант — стал лауреатом Национальной кинематографической премии "«ика"» за 2008 год. Фильм получил Специальный приз Совета Академии "«а творческие достижения в искусстве телевизионного кинематографа"»

В 2008, 2009, 2010 Иван Ургант — самый популярный телеведущий страны по версии TNS Gallup Media.

"« сам пересматриваю свои программы, чтобы вспомнить о чем шутили,

только в Интернете, на сайте Первого канала"»²¹⁰

— ИВАН, почему так скоротечен век программ с вашим участием?

Иван Ургант:

— «Весну» закрыли потому, что закончилась весна. Почему не было осени? — вот в чём вопрос. А «Большая премьера» закончилась потому, что на смену ей пришёл «Бисквит», который закрыли, видимо, когда закончились яйца и мука. Когда в них снимался, я и относился к ним как ко временным.

— Сегодня почти на всех телеканалах есть кулинарные шоу. По-вашему, это признак сытости общества или недоедания?

Иван Ургант:

— Это признак того, что, слава богу, на прилавках появилось большое количество продуктов, из которых надо что-то готовить. Мы наконец-то смогли выглянуть за рамки небольшого сарайчика, стены которого были выложены из оливье, отварного картофеля в мундире, селёдки под шубой и маринованных огурцов. И посмотреть, что ещё есть в мире.

— Какой дежурный вопрос вы задаёте гостям, когда в голову ничего умного не приходит?

Иван Ургант:

— «Будете ли вы колбасу?» Потому что колбаса на съёмках есть всегда. И «не хотите ли редисочки?» Она часто лежит бесхозная, и я, не сдерживаясь, ем её до начала съёмок. А поскольку я человек интеллигентный (меня так учила мама: ешь редис сам — предложи отцу), то предлагаю её гостю.

— ПОСТЕПЕННО телевидение из объекта уважения превратилось в объект презрения и недоверия. Чем это, на ваш взгляд, вызвано?

Иван Ургант:

— Дело в том, что телевидение — это один из способов получения информации. И не всё, что говорят по ТВ, является истиной. Вообще мы знакомы в широком смысле с этим странным лохматым созданием по имени «телевидение» только последние лет 15. Это, видимо, болезни роста. Но, к огромному счастью, на нашем ТВ существуют и такие проекты, которые делаются с большой душой и любовью. Сам я ТВ смотрю нечасто, чаще кино. Может быть, со временем и Интернет будет вызывать недоверие, и все мы тогда накинемся на мобильные телефоны как на единственный источник объективной информации.

— Проехав с Владимиром Познером по США путём Ильфа и Петрова, вы наверняка много смотрели американское ТВ. Оно сильно отличается от нашего?

Иван Ургант:

— Не так сильно, как я думал. И там и там есть цензура, и там и там люди говорят не всегда то, что хотят. Меня как человека жадного и любящего лёгкую наживу больше всего потрясли бюджеты американского ТВ, и до сих пор не дают покоя гонорары американских телеведущих.

Что ещё бросилось в глаза? Многие наши звёзды приходят на телевидение и

210 <http://www.1tv.ru/person/6275>

считают, что сам их приход уже является подарком для телевизионной компании. В Америке же знаменитые люди, прежде чем идти на телевидение, серьёзно готовятся. Они не сидят как истуканы и не рассказывают вялыми голосами о собственной новой причёске, а стараются быть смешными, поют, танцуют, делятся занимательными историями — в общем, прикладывают определённые усилия, чтобы зрители их не просто увидели, а заинтересовались ими и полюбили.

— НАШИ артисты эстрады и кино кинулись в телевизионный омут: «Цирк со звёздами», «Танцы со звёздами» и т. д. Сегодня артисту недостаточно профессионально делать своё дело, чтобы удерживать популярность?

Иван Ургант:

— Ну, если вы помните, первое время в различных ток-шоу, р1564апрогти-шоу и т. д. принимали участие простые люди. Когда закончились простые люди в нашей стране, стали приглашать звёзд.

— Чем это вызвано?

Иван Ургант:

— Конечно, большим количеством свободного времени у звёзд. Им просто нечего делать. Невозможно было смотреть, как эти люди маялись бездельем: стаями слонялись по Садовому кольцу, поплёвывая в сторону. Сколько можно было видеть этот весёлый, празднотающийся табор? Телевидение решило: надо ставить их в кадр и зарабатывать на этом деньги и рейтинги.

— На днях вы вели церемонию «Юмор года». Что, по-вашему, за год было самым смешным?

Иван Ургант:

— Жалкие попытки сборной Андорры помешать нашим футболистам выйти в финальную часть чемпионата Европы-2008.

— ПОЧЕМУ, как только юмор превращается в профессию, он становится несмешным?

Иван Ургант:

— Это всегда по-разному происходит. У кого-то получается безболезненно ступить на профессиональную стезю, у кого-то нет. Кому-то хорошо существовать в клубных форматах, как «Комеди Клуб», а по кому-то плачет Кремль. Кстати, хорошее название для большой фундаментальной книги о юморе: «По ком плачет Кремль?».

— Вы заменили Бачинского и Стиллавина в шоу «Стенка на стенку». По сравнению со «Смаком» это повышение по служебной лестнице или понижение?

Иван Ургант:

— Добавились ещё 260 рублей в месяц к моей зарплате. А они никогда не бывают лишними.

У нас, на телевидении, как в армии. Позвонили, предложили, и я не смог отказаться. Мой коллега и друг, а по совместительству продюсер этого шоу Александр Цекало спросил, не хотел бы я в паре с ним вести это шоу? А я как человек, привыкший выезжать за счёт популярности и остроумия других людей, конечно же, с удовольствием приткнулся к широкой спине Александра, чтобы Карликом Носом и

Маленьким Муком прорваться в мир золотого руна.²¹¹

Екатерина Андреева

Андреева Екатерина Сергеевна, лауреат премии «ТЭФИ» в номинации «Ведущий информационной программы».

Родилась 27 ноября в городе Москве.

Выпускница Всесоюзного Юридического Заочного Института. Работала в отделе делопроизводства следственного управления Генпрокуратуры.

В 1990 году, окончив Московский педагогический институт имени Крупской, пошла на Всесоюзные курсы повышения квалификации для работников радио и телевидения. Наставником Екатерины Андреевой был Игорь Кириллов.

1991-й год стал дебютным в телекарьере известной ведущей.

Была диктором Центрального телевидения и телекомпании «Останкино», а также вела программу «Доброе Утро».

С 1994 года Екатерина Андреева работала в дирекции информационных передач.

В 1995 году стала редактором ОРТ, начала вести новости на этом канале.

В программу «Время» пришла в качестве ведущей в 1998 году. В следующем году была признана самой красивой ведущей на российском телевидении по результатам Интернет опроса.²¹²

Любимая телеведущая Путина поставила дома его бюстик рядом с маленьким Сталиным

Популярная ведущая информационных программ Первого канала Екатерина Андреева вольно или невольно продемонстрировала широкой публике свои политические пристрастия. В журнале "«гонек»" опубликовано интервью с 2-жой Андреевой, проиллюстрированное фотографией телезвезды у нее дома. Примечательно, что на видном месте в комнате находятся скульптурные изображения нынешнего президента России Владимира Путина и советского диктатора Иосифа Сталина. При этом Путин представлен лишь бюстом, втрое меньшим по высоте, чем статуэтка Сталина, выполненная в полный рост.

Роза и новости вместе невозможны

Она рассказывает новости миллионам людей, только муж не видит ее эфиров. Ему запрещено.

- Екатерина, вы помните свой первый эфир?

211 «Аргументы и Факты», Автор: Владимир Полупанов

212 Источник: <http://tvdiva.ru/biografia/ekaterina-andreeva/>

- Меня пригласили в редакцию информации сразу на должность ведущей. Но когда я пришла и увидела, что вокруг происходит, поняла: пожалуй, я знаю, что ничего не знаю. Решила пройти весь курс от начала до конца и сама попросила поставить меня редактором, чтобы понять, как все происходит. Работала за кадром около года.

- А потом вас стали пробовать в качестве ведущей?

- Меня никто не пробовал. Тогда случилась большая трагедия в жизни нашей страны —Басаев захватил больницу в Буденновске. И получилось так, что совпало несколько эфиров сразу: нужно было работать и на орбиты, и на Москву. Технически тогда не было возможности транслировать сигнал на все регионы. А ведущий был, но один. Второй просто не успевал приехать, ведь все произошло внезапно. В нашей профессии почти всегда все происходит внезапно. Вот мы сейчас сидим с вами, и не дай бог! Вот я крещусь: пусть все будет тихо. Но если что случится —я тут же убегу.

- Первый эфир стал экстримом?

- Да. Я была абсолютно не готова. Не только внутренне, но и внешне. Например, на мне был какой-то странный марлевый пиджак... Мне пришлось зачитывать очень большое заявление Ельцина, и редактор пыталась заставить говорить от первого лица. "«, Борис Николаевич Ельцин..."»—я не могла так говорить от себя. Пришлось переделывать заявление от третьего лица прямо во время эфира. Не думала о последствиях: уволят меня или нет? Мне было все равно. Сердце колотилось так, что думала, будет слышно зрителям. Как потом выяснилось, внутри все обрывалось, но в эфире это было незаметно. После кто-то из руководства сказал: "« что это у вас девушка там маринуется? Посмотрите, как она в экстремальной ситуации хорошо соображает!"»И я стала ведущей.

- Насколько легко справляться в кадре с эмоциями?

- Мое настроение на эфир повлиять никак не может. Но вот эфир, напротив, может повлиять на меня. Потому что, когда плохо, страшно и тяжело, мне тоже плохо, страшно и тяжело. Я этого не показываю, потому что если я начну в эфире нервничать, зрители это обязательно почувствуют, а я хочу в эфире передавать надежду. Даже если все не очень хорошо.

Так получалось, что практически все самые тяжелые события, которые происходили в стране, выпадали на нашу смену. И взрывы домов, и "«орд-Ост"» и Беслан, и "«урск"» и 11 сентября, и начало войны в Ираке... Она началась, и утром нашу бригаду вызвали на работу. Может быть, поэтому у меня выработалось ощущение, что мы должны сообщать о таких вещах без паники. С пониманием, что и я, и мы, и все сможем это преодолеть.

- Бывало такое, что вы еле сдерживали слезы в эфире?

- Да, не один раз. Помню, я закончила свою неделю, когда погиб экипаж "«урска"» Я пришла домой в тот вечер, когда стало понятно, что никого уже не спасти. Дома никого не было. Я плакала и шептала сквозь слезы: "«альчики, простите меня!"»Не знаю почему. Вроде я не морской офицер. Но такая у меня была реакция на эту трагедию. Потом я заснула на том же месте, где плакала, и проснулась, только когда домой пришли муж и дочь.

Все эти страшные трагедии проходят через сердце. С виду я могу быть очень

уравновешенной, но это не значит, что то же самое у меня внутри. Просто я не могу это показать. В таких ситуациях между своими подводками голову откидываю назад, чтобы слезы не потекли... Собираюсь — и в эфир!

- Кто, по вашему мнению, находится по ту сторону камеры?

- Игорь Кириллов меня учил так: "«ы должны представлять за огоньком камеры не конкретного человека, а конкретных людей. И не бояться перед ними выступить. Вы должны понимать, что их миллионы, и вы должны рассказывать новости каждому из них"»

- Кто стоит за кадром с вашей стороны?

- Если бы создавалась энциклопедия программы "«ремя"» я бы обязательно посвятила большую часть именно этим людям. Ведь я — как вершина айсберга. Режиссеры, монтажеры, корреспонденты, ассистенты, те, кто работает за компьютерами... Вот они, собственно, костяк программы "«ремя"» а ведущие... это только то, что видно. А не видно, например, Калерию Венедиктовну Кислову — родоначальника программы. И она до сих пор у нас! Также в энциклопедию надо включать всех дикторов, которые вели программу "«ремя"» в такое тяжелое время, когда все было залитованно, з1567апрограммировано Шаг влево, шаг вправо, попытка к бегству — расстрел. Все хорошее я брала от них, а все, что плохое, — от меня самой. ...между подводками голову откидываю назад, чтобы слезы не потекли... Собираюсь — и в эфир!

- Внешний вид в кадре от кого?

- Мой стиль все-таки вне кадра: это джинсы, майки, трикотаж. Casual. Редко ношу вечернее что-то, не люблю вычурное.

А в кадре я очень строгая. Есть публика, которая хочет нарядить меня в гипюр, в розы, чтобы я сделала венок на голове. Не получится. Я очень хорошо помню смешную историю, которая забавна для всех, кроме того человека, с которым она происходила. Когда Константин Львович (Эрнст. —Прим. "«нтенны"» в перерыве между подводками одной из ведущих вбежал в студию программы "«ремя"» и сорвал розу у нее с пиджака. Потому что он считает, что это не соответствует образу ведущей новостей. И я с ним абсолютно согласна. Роза и новости — вещи несовместимые. Вот в обычной жизни, пожалуйста, у меня как раз этих роз на каждый костюм по несколько вариантов. А в кадре должно все быть предельно строго, скромно и не отвлекать зрителя от информации. Я представляю не костюм.

- Но при этом муж в вас влюбился, именно увидев по телевизору?

- Во всяком случае, он так говорит. Увидел. Потом неделю пытался записать мое имя. А по-русски читать он не умел (муж Екатерины Андреевой, Душан Перович, родом из Черногории. —Прим. "«нтенны"»). И он несколько дней срисовывал буквы с экрана. Потом пошел искать. И нашел! Позвонил, предложил встретиться, чтобы сделать мне предложение... по работе.

Где-то через три встречи я поняла, что его заинтересованность мной с работой никак не связана, но он успел уже зазнакомиться. И дальше отношения стали развиваться...

Душка был, наверное, предначертан мне судьбой. В Сербии много

предсказателей, этот регион славится неординарными людьми. И Ванга оттуда. Энергетические разломы в горах, видимо, дают людям какую-то дополнительную силу и знания. Так вот Душке предсказали: "«удешь жить в холодной северной стране. И жена у тебя будет оттуда!»"Он боялся, как бы судьба не занесла его куда-нибудь на Чукотку. Но, как видите, все сбылось поближе.

- Муж смотрит ваши эфиры?

- Нет. С этим связана одна странная история. Тогда муж ухаживал за мной, был влюблен, а я еще не отвечала взаимностью... Я читала в эфире программу передач, работала тогда в дикторском отделе. И вдруг спустя некоторое время почувствовала жар в ногах. И чем дальше, тем горячее, будто костер под ними развели. Потом оказалось, что муж смотрел меня в этот день в это время. Видимо, сила его чувств, энергия, любовь передались через экран. Когда закончился эфир, сразу стало прохладно. Мистика какая-то! Я не знаю, случилось это из-за мужа или действительно так повысилась температура в студии. Но с тех пор моему замечательному мужу запрещено смотреть телевизор, когда я в прямом эфире.

- У новостников принято говорить, что "«информация —это власть»" а что означает информация конкретно для вас?

- Семь признаков идеального мира —это информированность, могущество, естественность, простота, уверенность, спокойствие и богатство. Информированность, заметьте, стоит на первом месте. Кто владеет информацией —тот владеет миром. Но я считаю, что это не совсем относится к работникам новостных программ, мы не владеем информацией, мы ее передаем. А это немножко другое. Владеют информацией те, кто ее создает —нюсмейкеры и люди, определяющие мировые тренды. Но близость к информации, конечно, дает о себе знать, потому что я уже, наверное, с ночи знаю о том, что будет послезавтра. Ну почти. Не всегда.²¹³

Юлия Меньшова

Юлия Меньшова – это актриса, способная удивить зрителями сразу несколькими незаурядными талантами. Реализовав себя в актерской профессии, наша сегодняшняя героиня взялась за другие проекты и впоследствии успешно работала в качестве телеведущей и продюсера. Но что за человек скрывается за всей этой множественностью образов? Какие события в жизни актрисы повлияли на ее выбор профессии? И как развивалась ее карьера в разные годы? Рассказать обо всем этом мы попытаемся сегодня в нашей краткой статье, посвященной Юлии Меньшовой —яркой актрисе и интересной женщине.

Юлия Меньшова появилась на свет в Москве 28 июля 1969-го года. Рассказывать что-то о ее родителях не имеет никакого смысла, ведь личности режиссера Владимира Меньшова и известной советской актрисы Веры Алентовой и без того известны всем и каждому. В свое время каждый из родителей нашей сегодняшней

²¹³ <http://www.1tv.ru/public/pi=19242>

героини был важной фигурой в системе советского кинематографа. А потому с самых ранних лет Юлия Меньшова была неразрывно связана с миром искусства. Юлия Меньшова в детстве с отцом Владимиром Меньшовым в ее доме постоянно бывали актеры, режиссеры, сценаристы. Все темы разговоров за обеденным столом всегда, так или иначе, сводились к новым постановкам и новым амбициозным проектам. Воспитываясь в подобной атмосфере, могла ли маленькая Юлия выбрать для себя другую профессию? Наверное, нет. Ведь кинематографическое искусство с ранних лет всегда было важной частью ее жизни. В детстве она посещала различные кружки самодеятельности, внеклассные занятия по актерскому мастерству, а также участвовала в разнообразных полулюбительских постановках, которые ставились в ее родной школе. Играть на сцене нашей сегодняшней героине всегда очень нравилось. А потому еще в школьные годы она четко решила для себя, что в будущем станет популярной и известной актрисой. Ведомая своею мечтой, в 1990-м году девушка поступила Школу-студию МХАТ, где впоследствии стала заниматься в актерской мастерской Александра Калягина. В этот же период она впервые начала выступать на сцене местного театра в качестве профессиональной актрисы. Всего за несколько лет она заработала уважение в среде коллег и режиссеров; а те, в свою очередь, перестали воспринимать ее лишь как дочь знаменитого режиссера. Исполнив несколько удачных ролей на театральной сцене, девушка перешла в мир большого кино. Первой работой актрисы в новом качестве стала второстепенная роль в советском фильме «Когда святые маршируют». Дебют оказался удачным, а потому уже очень скоро актриса стала получать новые предложения о съемках. Так, в 1991-м году она исполнила одну из ролей в фильме «Дело Сухово-Кобылина», а затем сыграла работа-супермена «Маню» в эксцентрической комедии «Действуй, Маня». Параллельно с этим девушка продолжала выступать на сцене МХТ им. А. П. Чехова.

В 1992-м и 1993-м годах наша сегодняшняя героиня появилась на экране еще в нескольких фильмах. В этот период Юлия Меньшова снималась в самых разнообразных фильмах, начиная от драматических картин и заканчивая комедиями. Каждая из новых работ стала маленькой ступенькой на пути к большим свершениям. Все складывалось хорошо, однако в 1994-м году известная актриса вдруг решила оставить кино и театр. В этот же период девушка впервые появляется на телеэкранах в качестве телеведущей. Дебютной работой в этой ипостаси для нашей сегодняшней героини стала работа в программе «Мое кино», которая выходила на канале «ТВ-6 Москва» и касалась исключительно тех или иных вопросов кинематографа. В данном проекте девушка чувствовала себя как рыба в воде, а потому времени на адаптацию ей не потребовалось. Юлия Меньшова и Камиль Ларин слились в поцелуе В последующие несколько лет Юлия Меньшова начала работать еще над одним телевизионным проектом – авторской передачей «Я сама», ведущей которой наша сегодняшняя героиня была без малого шесть лет. Успешная работа на канале «ТВ-6 Москва» привлекла к личности талантливой телеведущей внимание признанных деятелей российского телевидения. Так в марте 1997-го года девушка стала заместителем директора на своем канале, а затем возглавила дирекцию производства программ

Московской независимой вещательной корпорации. Однако и этого ей показалось мало. В 2001-м году наша сегодняшняя героиня создала собственный продюсерский центр, который получил название «Студия Юлии Миньшовой». Весьма примечательно, что работа на руководящих должностях не помешала женщине выстроить успешную карьеру телеведущей. Уже в 1999-м году она получила премию «Тэфи» за программу «Я сама», а также попала в число номинантов некоторых других престижных наград. Лишь только в середине 2000-х годов Юлия Владимировна снова обратилась к профессии актрисы. В 2004-м году она триумфально вернулась в мир кино с сериалом «Бальзаковский возраст или Все мужики сво...». Юлия Миньшова: «Мама совершает на дороге ошибки, которые вызывают у меня ужас!» После этого были многие другие телевизионные проекты и полнометражные ленты. Наиболее заметными среди них являются картины «Большая любовь», «Преступление будет раскрыто», «Держи меня крепче». Большой диапазон экранных образов, а также умелый подбор подходящих ролей позволили Юлии вновь легко вернуться к прежним высотам.

После возвращения в мир кинематографа наша сегодняшняя героиня вернулась также и в театр. В 2011-м году в качестве театрального режиссера Юлия Миньшова приняла участие в работе над постановкой спектакля «Любовь. Письма». Весьма примечательным и интересным представляется тот факт, что обе главные роли в названном проекте исполнили родители Юлии Владимировны – Вера Алентова и Владимир Миньшов. Также в 2013 году Юлия Миньшова стала ведущей телевизионного проекта ««аедине со всеми"»

Юлия Миньшова с мужем и детьми В двадцать семь лет актриса и телеведущая вышла замуж за режиссера московского ТЮЗа – Игоря Гордина. В рамках данного супружеского союза на свет появилось двое детей – старший сын Андрей (1998 г.р.) и младшая дочка Таисия (2003 г.р.). По иронии судьбы, также как и ее родители, наша сегодняшняя героиня в какой-то момент рассталась с мужем, однако впоследствии вернулась к нему вновь. В 2012-м году в российских средствах массовой информации снова начали появляться сообщения о наметившемся разладе в семье двух творческих личностей. Однако сама Юлия Миньшова подобную информацию опровергла.²¹⁴

Я всю жизнь тащу огромный крест

Звезда шоу бизнеса Юлия Миньшова, актриса, а с недавних пор еще и режиссер, рассказала нам о том, как ей удалось достичь таких вершин.

На недавний юбилей своей мамы Веры Алентовой Юлия Миньшова сделала необычный подарок: поставила в ее родном Театре имени Пушкина пьесу «Любовные письма». Это был не просто режиссерский дебют Миньшовой, это была работа, на которой ей пришлось руководить своими родителями: исполнителями ролей в спектакле стали Владимир Миньшов и Вера Алентова.

– Юлия, откройте секрет: как проходили репетиции? И как родители реагировали на ваши замечания как режиссера? Может быть, все семейным советом

214 <http://www.uznayvse.ru/znamenitosti>

решалось?

– Семейным советом сделать дело невозможно. Вообще, это было трудное время. И для меня, и для родителей. С мамой мы как-то быстрее нашли возможность абстрагироваться от семейных отношений, а с папой конфликтовали вплоть до премьеры. И пожалуй, именно потому, что я оказалась очень «жестким» режиссером, в том смысле, что у меня было свое мнение и его невозможно было подавить никаким способом. Если у меня изначально было определенное видение спектакля, оно у меня оставалось, что для него было удивительным. Слава Богу, успех спектакля у зрителя нас рассудил, и теперь поводов для споров не осталось.

– То есть, по вашим ощущениям, подарок к юбилею получился? Или все-таки есть что улучшить?

– Подарок получился, но что улучшить, само собой, есть, потому что нет предела совершенству. Сомневаешься, начинаешь по-другому оценивать и думаешь: ах, еще можно было сделать так и так. Но мое желание совершенства не связано с тем, что я посмотрела на свою работу, разочаровалась сама в себе и сказала: не надо мне быть режиссером. Звучит самоуверенно, но я чувствую, что сделала правильный шаг.

– Вы как-то обмолвились, что не хотите, чтобы ваши дети становились актерами. Но вы ведь из актерской семьи, как минимум в третьем поколении актриса. Нелогично получается...

– Да, я не хотела бы, но не буду настаивать и говорить: «Не ходите туда». Объясню, почему не хотела бы. Эта профессия – абсолютное казино, рулетка. Здесь случай решает слишком многое. И я навидалась за свою жизнь в этой профессии такого количества «несправедливостей»...

Например, заканчивают студенты театральный институт: у кого-то есть очевидный талант, а есть очень средние и даже плохие. И зачастую вот эти очень средние и неталантливые ребята становятся популярными, переходят сниматься из сериала в сериал. Оказывается, просто востребован такой типаж, такое лицо. Человек небольших способностей, возможно, надолго и не удержится, но на какое-то время он выплывет, потом воспользуется этой временной известностью, попробует на этом построить дальнейшую карьеру. При этом есть очень талантливые люди, которые пропали, вообще нигде не устроились. Вот этот элемент случайности, который присутствует в профессии, меня очень беспокоит, когда я думаю о перспективе моих детей. Да, с одной стороны, твой талант, твои способности, твоя энергия здесь решают все, но с маленькой поправкой: если на то есть воля случая. И когда я смотрю на эту ситуацию как мать, мне крайне болезненно это осознавать. Если мои дети захотят заниматься этой профессией, буду переживать и надеяться, что им повезет.

– Мне казалось, что все наоборот происходит. Когда детишки вырастают в актерской семье, то у них больше шансов.

– Абсолютно нет.

– Но мы довольно много видим дочерей, сыновей, которые продолжают карьеру, и во многом это объясняется тем, что и зрителям интересно посмотреть на «звездных» детишек. И потом, родители могут какие-то свои связи подключить.

Разве нет такого?

– Ну, может быть, но я-то свои связи точно не подключу. Так же как по отношению ко мне их не подключали. Потому что знаю: быть сыном или дочерью людей хоть мало-мальски публичных – это огромный крест. Крест даже не в том, что есть стереотипные суждения у людей, гораздо тяжелее, что у тебя самого к себе всегда есть такой огромный вопрос: на самом ли деле любое твоё достижение – твоё, или это достижение родителей? Это такая мука, такой комплекс, что я, например, своим родителям очень благодарна, что они мне не помогли ни в чём. Они были абсолютно отдельно. И этот крест нести мне было легче.

Я знала, что если чего-то добилась, то уж точно мне никто не помогал, что это я своим трудом, талантом достигла. Внутри это знала. Не исключаю, что у детей известного человека и есть возможность сблефовать в этом казино, но постоянно жить с сомнением, чья это была заслуга, поверьте, тяжело.

– Слово «сериал» стало синонимом чего-то не очень качественного. Но время от времени вы сами в них появляетесь на НТВ.

– Да, я соглашусь. «Бальзаковский возраст» был моим первым сериалом, я его очень люблю, мне кажется – он замечательный. Мой следующий опыт съёмок был неудачен. И я очень надеюсь, что жизнь не заставит меня сниматься в сериалах. Конечно, если деньги очень нужны, то соглашаешься на любую работу.

Александр Любимов

Александр Любимов: СМИ, которые остались в сфере политической борьбы – обречены

Родился 23 июня 1962 года в Москве. Родился в семье актрисы и сотрудника внешней разведки. Воспитывался в театральной среде, увлекался математикой, политологией, спортом, игрой на гитаре и тяжёлым роком.

В 1979 г. поступил на факультет «Международные Экономические отношения» МГИМО (английский, французский и скандинавские языки). В 1984 г. отказался от распределения на работу в торговое представительство СССР в Дании, устроился на работу в Государственный комитет по телевидению и радиовещанию на Иновещание («Радио Москвы»).

Вместе с Владиславом Листьевым и Дмитрием Захаровым, был приглашен Эдуардом Сагалаевым и Анатолием Лысенко в Главную редакцию программ для молодежи Центрального телевидения, где с 1987 г. делал программу «Взгляд». Специализировался на острых материалах: первое интервью с Андреем Сахаровым, репортаж о событиях в Тбилиси в апреле 1989 г., интервью тогда

опального Бориса Ельцина.

В феврале-мае 1988 г. после публикации в газете «Советская Россия» знаменитой статьи Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» вместе с Владиславом Листьевым и Дмитрием Захаровым был отстранен от ведения программы «Взгляд». Программа «Взгляд» неоднократно закрывалась, но всегда возвращалась в эфир, что отражало политическую борьбу, которая велась в окружении Михаила Горбачева.

Весной 1990 г. Александр Любимов победил на выборах в народные депутаты РСФСР и представлял в Совете Национальностей Верховного Совета РСФСР Тамбовскую область, откуда родом его дед. Вместе с прагматично мыслящими депутатами создал фракцию «Смена —Новая Политика».

Программа «Взгляд» была закрыта в декабре 1990 г. и возродилась только после провала путча августа 1991 г. В этот период Александр Любимов продюсировал программу «Взгляд из Подполья», которая распространялась на видеокассетах. Тогда же «Взгляд» прорывается в эфир с 3-часовой программой о столкновениях в Вильнюсе и Риге по 5-му ленинградскому телеканалу, а также выходит в прямой эфир на Прибалтийские республики.

Параллельно идет становление продюсерской телекомпании «ВИД» («Взгляд и другие»), которая последовательно создавала новые для отечественного зрителя телевизионные программы: «Поле чудес», «МузОбоз», «Матадор»...

Во время событий августа 1991 г. Александр Любимов вместе с товарищами организует работу радиостанции в Белом Доме. После возвращения из Фороса Михаила Горбачева «Взгляд» выходит в эфир практически ежедневно, рассказывая о том, что происходило в стране в дни путча.

В декабре 1991 г. Александр Любимов резко критикует в программе Беловежские соглашения и как член Верховного Совета не голосует за их ратификацию.

С начала 1992 г. телекомпания «ВИД» начинает показ серию новых телевизионных циклов: «Тема с Владиславом Листьевым», «Политбюро с Александром Политковским» и «Красный квадрат с Александром Любимовым». Параллельно Любимов руководит международным вещанием ВГТРК «Останкино».

В сентябре 1993 г. программу «Красный квадрат» закрывают за призывы к урегулированию конфликта между Кремлем и Верховным Советом. О том же Любимов говорит в ночь с 3 на 4 октября 1993 г. —это выступление вызывает резкую реакцию в политических кругах —Александра Любимова исключают из союза журналистов.

Весной 1994 г., программа «Взгляд» возрождается в новом качестве. Теперь «Взгляд» говорит про власть, скорее, с равнодушием, призывая опираться на собственные силы и не надеяться на государство. В программе впервые на Российском ТВ появляется Александр Солженицын, Никита Михалков в день получения «Оскара», Аслан Масхадов. В отличие от основной массы вечерних передач российского ТВ «Взгляд» волнуют проблемы морали, бедности, безработицы, он пытается преодолеть «кризис веры», охвативших многих, и выводит на экран незаурядных людей из среды крестьян, учителей, врачей и рабочих. Особое внимание уделяется борьбе с наркоманией, войне в Чечне, куда Александр Любимов сам неоднократно выезжал.

Соведущим в программу приглашен Сергей Бодров, впоследствии получивший известность как исполнитель главных ролей в фильмах «Кавказский пленник», «Брат», «Брат 2».

Весной 1995 г. на Первом канале стартует проект «Один на один», который продолжает традиции политического диалога, заложенные в программе «Взгляд» 80-х (в рубрике «Контрвью») и «Красном квадрате». Она быстро завоевывает популярность, особенно в период избирательной кампании 1995 г. Поединок с апельсиновым соком между Владимиром Жириновским и Борисом Немцовым транслируется более чем 100 телекомпаниями мира.

В ноябре 1998 г. а эфир выходит программа «Здесь и сейчас». Параллельно Александр Любимов выступает в качестве продюсера программ «Жди меня», «Сделай шаг», «Женские истории», «Последний герой» и др.

В 2000 г. Александр Любимов выступил инициатором создания общероссийской общественной организации работников средств массовой информации «МедиаСоюз». Главной целью «МедиаСоюза» является защита интересов журналистов и СМИ.

В декабре 2000 г. Указом Президента РФ награжден Орденом Почета за освещение боевых действий в Чеченской Республике.

В марте 2001 г. Александр Любимов занимает пост Первого заместителя Генерального директора ОАО «Первый Канал». После ухода с «Первого канала» продюсирует кино- и мультсериалы, художественные фильмы: «Слепой2»(НТВ), «Веселые мишки»(Россия), «А зори здесь тихие»(Первый канал), «Заговор»(Россия), «Барвиха» (ТНТ).

В 2006 г. прошел курс «3D анимация. Производство и управление» в институте анимационного искусства в Лос-Анжелесе, США.

2009 г. —Первый заместителель генерального директора телеканала «Россия». Не входит ни в какие общественно-политические движения. Увлечения: книги, театр, хоккей, виндсерфинг.

Лауреат Национальной телевизионной премии «ТЭФИ» в персональной номинации: «ТЭФИ 2002» - «Продюсер» - «Последний герой».

Александр Любимов, в прошлом один из четверки ведущих легендарной телепрограммы "«згляд"» а сейчас —директор холдинга РБК, ответил на вопросы коллег на дискуссионной площадке XII форума СМИ Северо-Запада. Лениздат.Ру выбрал 12 самых ярких высказываний журналиста. Почему закон о СМИ неудобен, интернет непредсказуем, а доверие недопустимо – Лениздат.Ру выбрал 12 самых ярких высказываний журналиста.

1 позиции

26 Делить мир надо не на своих и чужих, а на то, что вы считаете правильным и неправильным.

СМИ должны быть менее политически ангажированными, быть средством массовой информации, а не средством массовой дезинформации.

Мы жили в других категориях, категориях честности. Но честность —это не объективность. Сейчас стараемся быть объективными. Из простейших примеров —

хотя бы обзвонить несколько сторон. Но мы все равно субъективны.

2. О рецептах успеха от РБК

Первое —это поддерживать бренд и бороться за бренд. Мы продали все, что приносит доход, но размывает бренд РБК: электронную газету Утро.ру, сеть знакомств LovePlanet.

Второе —это искать разные технологические способы продать свой текст. Использовать все, что развивает текст: видео, аудио. Но и этого мало: нужно коммуницировать с мобильными операторами, Яндексом —для того, чтобы лучше понимать целевую аудиторию. Ведь любая методика, которая хорошо работает сегодня, может завтра уже не работать.

3. О контенте

Большая проблема сегодня —это уход в рерайт. И получается что-то вроде "«новости агентства ТАСС, но игриво"» Или "«новости агентства ТАСС, но страшно"» Очень мало кто производит уникальный контент.

4. Об аудитории

Люди стали разными. Могут позволить себе быть разными. И нужно выбрать тех, кто вам близок, и работать для них. Время универсальных, единственных прошло.

5. О монетизации интернет-пространства

Сейчас поезд СМИ делает ставки на всех лошадях сразу, потому что ничего не понятно. В этом году было падение акций Facebook, которого никто не ждал. До этого —падение MySpace. Монетизировать интернет очень тяжело. Любой поворот редакционной политики может повлиять на рекламу. Нет универсального ответа, куда и как будет развиваться массовая коммуникация.

6. О журналистах и блогерах

Журналистам от появления и развития блогов только хорошо. Мы находимся под законом о печати, а они —нет, и они больше могут себе позволить. Мы все заинтересованы в том, чтобы цензуры не было.

7. О законе «О СМИ» 1991 года

Очевидная проблема этого закона —несоответствие рынку. В нем даже нет таких понятий, как владелец, капитализация, не отражена масса вещей, которые связаны с бизнесом.

Мы пытались что-то придумать, но проблема в том, что журналистского сообщества не существует. Одни пишут про моду, другие про войну, третьи про бизнес, и все эти люди никак не встречаются, не общаются. Еще как-то можно объединить владельцев, но их больше интересует закон об акционерных обществах.

Эту проблему можно решать через судебные прецеденты, которые будут формировать изменения закона.

8. О смерти политической борьбы в СМИ

Мир поменялся. Раньше СМИ были ареной политической борьбы, но сейчас это —идейная борьба. И те площадки, которые остались на политической борьбе, обречены. В том числе и государственные. Вот пример: сегодняшняя постоянная эксплуатация темы Крыма. Интерес уже падает. Если вы что-то долго эксплуатируете, то теряете интерес аудитории. Вы манипулируете аудиторией и аудитория

манипулирует вами.

9. О доверии

Нужно понимать, что доверие не может являться критерием. Доверять нельзя никому, даже себе. Доверие —это перенос ответственности. А как только вы переносите ответственность за принятие решения, вы рискуете.

10. О рынке

Сегодня возможностей и сред становится больше и больше. Если раньше был рынок средств, то теперь —рынок талантов и рынок идей.

11. О качествах журналиста

Главное в нашем деле, как зарядку делать, обязательное —это любопытство и трудолюбие. Без них ничего не получится.

12. О своей работе

Я работаю при любых законах и при любом беззаконии. И отношение счастья по отношению к тому, что я делаю, не меняется.²¹⁵

История телевизионной программы "«згляд»»25 лет назад, 2 октября 1987 года, на Первом канале Центрального телевидения СССР состоялся первый выход в эфир телевизионной программы "«згляд»»

Программа "«згляд»»была подготовлена в Молодежной редакции Центрального телевидения (Анатолий Лысенко, Эдуард Сагалаев, Анатолий Малкин, Кира Прошутинская), и вышла в эфир как вечерняя информационно музыкальная передача для молодежи. Идея подобной передачи была поддержана секретарем ЦК КПСС по идеологии Александром Яковлевым.

Первые выпуски передачи выходили под разными названиями ("«вечерняя информационная передача»» "«СБ 4"»). Название "«згляд»»привлекло авторов двойственностью смысла: физический взгляд на окружающий мир и своя позиция, точка зрения на те или иные явления и события.

Передача выходила по пятницам поздно вечером. Формат передачи включал в себя прямой эфир из студии и музыкальные клипы.

Выпуски программы были посвящены актуальным социальным темам. В качестве гостей приглашались политические деятели и известные в СССР и России люди.

Программа пользовалась большой популярностью аудитории и широко обсуждалась общественностью и в СМИ.

В первых выпусках программы ведущими были Владислав Листьев (1987 1991), Александр Любимов (1987 1991), Дмитрий Захаров (1987 1990), Олег Вакуловский (несколько выпусков в 1987 году). Затем к ним присоединились Александр Политковский (1988 1991), Сергей Ломакин (1988 1989) и Владимир Мукусев (1988 1990). В качестве ведущих также приглашались журналисты Артем Боровик (1989 1990) и Евгений Додолев (1989 1990), телеведущий Игорь Кириллов (1990 1991).

В 1990 году производство программы "«згляд»»стало осуществляться телекомпанией ВИД, а программа стала представлять собой аналитическое ток шоу.

²¹⁵ <http://lenizdat.ru/articles/1124603/>

26 декабря 1990 года руководство Гостелерадио СССР запретило выход в эфир новогоднего выпуска "«згляда"» В январе 1991 года производство и выход в эфир программы было приостановлено.

В апреле 1991 года вышел первый "«згляд из подполья"» который готовили Александр Любимов и Александр Политковский.

23 августа 1991 года вышел специальный выпуск "«згляда"» посвящённый событиям 19 23 августа. А 25 августа в последнем выпуске "«згляда"» президент СССР Михаил Горбачёв передал в эфир кассету с обращением к советскому народу, сделанным на даче в Форосе.

Позднее программу неоднократно пытались возродить. С 1991 года программа стала называться "«красный квадрат"» Осенью 1993 года "«красный квадрат"» был закрыт. С 27 мая 1994 года вышел в эфир "«згляд с Александром Любимовым"» ставший информационно аналитической программой. С октября 1996 года соведущим "«згляда"» стал Сергей Бодров.

Окончательно "«згляд"» прекратил свое существование в 2001 году.²¹⁶

Леонид Закошанский

Леонид Закошанский еще достаточно молод, но можно утверждать, что его лицо знакомо почти всем российским телезрителям. Лучший из отечественных светских репортеров подкупает своим обаянием, грамотностью, а также человечностью и состраданием при обсуждении самых неоднозначных проблем. Кроме того, Леонид является профессиональным юристом, танцором, а в юности успешно занимался многими видами спорта.

Прежде чем стать лицом нескольких российских телеканалов, ведущий, продюсер и конференсье Леонид Закошанский сменил в своей жизни множество увлечений. Он появился на свет в города Туле 31 июля 1984. Вся семья Закошанских – мать, отец, брат Леонида и даже его двоюродные братья - имела непосредственное отношение к юриспруденции. Сам же Леня с детства отличался подвижностью и веселым характером. Он успешно занимался различными видами спорта – восточными единоборствами, велоспортом, коньками, и к пятнадцати годам собрал целую коллекцию медалей за победы в различных соревнованиях. После этого Леонид познакомился с брейк-дансом и стал настоящим фанатом этого нового танцевального направления, а впоследствии даже посещал хореографическую школу. У него появилось множество друзей, да и все одноклассники и учителя тульской школы № 1, в которой учился Леня Закошанский, любили его за общительность, чувство юмора и веселый характер. В выпускном классе Леонид уже работал на тульском телевидении, особенно ему удавались репортажи светского характера. Однако по настоянию матери молодой человек все-таки решил продолжить семейную традицию и получить юридическое образование. Он поступил на юридический факультет Тульского государственного университета, и вскоре понял, что в отличие от своего брата, в ту пору студента Высшей школы экономики, не сможет посвятить свою

216 <http://www.1tv.ru/public/pi=24020>

жизнь работе с документами и правовыми актами. Вскоре Леонид перевелся на заочное отделение и переехал жить и работать в Москву.

В столице Закошанский пытался найти применение всем своим талантам. Он танцевал в экстрим-шоу брейк-дансеров 'Urbans', работал фитнес-тренером, был арт-директором клуба, занимался дизайном одежды и даже не пренебрегал работой продавца. Однако Леонид не оставлял своей мечты и пытался найти работу на телевидении, постоянно посещая различные кастинги. Многие из его друзей работали на телеканале МУЗ-ТВ, и Закошанский узнал, что там проводится кастинг молодых участников для участия в проекте 'Семь под солнцем'. Приехав на кастинг в офисном костюме, Закошанский сумел выдать себя за продюсера и принять участие в отборе претендентов. Такой неординарный поступок обеспечил ему не только участие в шоу, но и существенное преимущество перед остальными участниками. Окончательно покорила сердца телезрителей, а особенно зрительниц, Леониду удалось после того, когда на вопрос о сердечных привязанностях к кому-либо из участниц шоу он ответил, что не мог этого сделать по очень убедительной причине, которая сейчас находится в студии, и представил аудитории свою девушку. Участие и победа в этом шоу стали для Леонида Закошанского первой ступенькой к успеху. Он начал работать на канале МУЗ-ТВ, и за четыре года работы принял участие более чем в двадцати телепроектах, включая прямые эфиры, став одним из самых рейтинговых телеведущих этого канала. Также Закошанский сотрудничал с Первым каналом, принимая участие в таких рейтинговых шоу, как 'Король ринга' и 'Ледниковый период'.

В 2008 году популярный телеведущий перешел работать на телеканал НТН. Вместе с Владимиром Тишенковым он стал ведущим информационного ток-шоу 'Ты не поверишь', которое выходило в вечернем эфире дважды в неделю (в настоящий момент выходит по субботам). Тематикой этой передачи, построенной в любимом Леонидом жанре светской хроники, были реальные жизненные истории, связанные со звездами шоу-бизнеса, всегда ошеломляющие и нередко скандальные. В обсуждении принимали участие реальные участники событий, как знаменитости, так и простые люди.

С 2009 году, после смерти Тишенкова, Леня Зак, как стали называть Закошанского на телеканале, ведет программу один. Отзывы зрителей на эту передачу иногда бывали весьма противоречивыми, однако высокого уровня зрительского интереса, который она вызывала, никто отрицать не мог.

В 2011 году на НТВ был запущен новый проект с участием Леонида Закошанского – ток-шоу 'Давайте мириться'. Предметом обсуждения в нем стали скандалы между знаменитостями и возможности наладить отношения враждующих сторон. Приглашенные в студию гости лицом к лицу излагают историю и все подробности конфликта, а цель ведущего – добиться их взаимопонимания и найти возможности примирения.

С 2012 года начала выходить еще одна передача канал НТВ, ведущим которой стал Закошанский – ежедневное ток-шоу 'Говорим и показываем', тематикой которого являются самые обсуждаемые события, произошедшие в стране, и нередко тему для

очередного выпуска подсказывают сами телезрители. Основной идеей передачи были выводы о том, как не допустить того, чтобы изложенная ситуация не развивалась нежелательным образом. Этот проект заставил Леонида несколько отойти от роли 'звездного' ведущего и создать более рассудительный и спокойный образ.

В настоящее время Закошанский занимает пост ответственного редактора и продюсера телепрограмм на канале НТВ, кроме того, он нередко выступает в роли конференсье. Такой плотный график работы оставляет очень мало свободного времени. Известный телеведущий не скрывает, что в настоящее время не состоит в браке, хотя два раза был близок к свадьбе.²¹⁷

«Звезды часто ссорятся. А мирятся редко, и это неправильно!»

На этой неделе появилось новое ток-шоу, где разругавшиеся знаменитости будут выяснять отношения.

Проект «Давайте мириться!» начал выходить на телеканале НТВ в этот понедельник. К Леониду Закошанскому (известному по программе «Ты не поверишь!») приходят знаменитости, поссорившиеся когда-то между собой. Предполагается, что с помощью студии разругавшиеся звезды смогут помириться. Мы поговорили о программе с ведущим Леонидом Закошанским, которого в анонсах проекта именуют «лучшим светским репортером страны».

- Леонид, как вы относитесь к тому, что вас так называют?

- ...Горжусь этим. А если серьезно, не я придумал это определение. А вообще, почему нет?! Я уже лет пять как плотно изучаю шоу-бизнес, я в нем много кого знаю... Так что я действительно хороший светский репортер!

- В вашей программе звезды должны примириться на глазах у публики. Это вообще возможно?

- Знаете, я много общался со звездами. И понял, что они - как правило, сильные, амбициозные, привыкшие добиваться во всем успехов люди. Они часто ссорятся, а мирятся редко - ведь в каждом играют амбиции. Могут годами ходить мимо друг друга за кулисами и не здороваться. Хотя мир шоу-бизнеса очень тесный, все друг друга знают.

Это неправильно. Наша задача - попытаться найти точки соприкосновения у поссорившихся знаменитостей и надавить на эти точки, чтобы урегулировать конфликт.

- Но тогда встает вопрос, какого уровня ссоры вы рассматриваете...

- Ну вот несколько примеров. В одном из первых выпусков у нас появится певец Рома Жуков со своей супругой Еленой. В мире шоу-бизнеса все знают, что у Романа пятеро детей. Но его супруга Елена уверена, что этого недостаточно. А Рома за голову хватается!

И конфликт уже не на уровне кухонных споров. Елена буквально требует у мужа еще малышей...

Есть история Яны Рудковской и Виктора Батурина - очень широко известная.

217 http://www.peoples.ru/tv/leonid_zakoshansky/index.html

Когда разругавшиеся и разведшиеся супруги никак не могут поделить детей...

- Как удастся заманить гостей в программу? Ведь, по сути, им приходится трясти перед публикой своим грязным бельем.

- Не буду раскрывать всех секретов, но мы стараемся найти подход к людям.

- То есть у вас есть психологическое образование?

- Нет, образование у меня юридическое. Но мы приглашаем в студию экспертов. Это и психологи, и сексологи, как, например, в случае с Еленой Жуковой. Может быть, юристы. Кому-то нужно с бабушкой поговорить, чтобы принять решение....

- Неужели не было случаев, когда звезды в результате выяснения отношений ссорились пуще прежнего?

- Честно говоря, мы к этому готовы. Наше дело - сделать все, чтобы стороны пришли к согласию. Но если нет... Что ж, мы хотя бы попытались...

ВЗГЛЯД С 6-го ЭТАЖА

Дело Андрея Малахова живет и побеждает. Звезды, а за ними и простые люди все чаще пытаются устроить стирку своего грязного белья принародно. То, о чем раньше стеснялись говорить в кабинете врача, теперь выносится на всеобщее обсуждение. Причем герои делают это до-бро-воль-но!!! Припомните фразу на заре перестройки: «У нас в СССР секса нет!» И сравните это с нынешними откровениями в «Детекторе лжи»: «Да, я мечтал переспать со своей мамой» - или разговорами о способах предохранения Ромы Жукова и его супруги.

Один умный психолог недавно сказал: люди бросились монетизировать свои пороки. Они не только не стараются скрыть что-то стыдное подальше от наших глаз. Участники подобных ток-шоу пытаются заработать на своих грехах и интимном. Недавно Маша Распутина с гневом в голосе в программе «Пусть говорят» рассказывала, что ее 15-летняя дочь («вот негодяйка» - читалось в тоне певицы) спала со своим отцом. Причем, вместо того чтобы бежать в милицию тогда, Мария решила сейчас рассказать о наблевшем миллионам телезрителей. Теперь вот Рома Жуков на «Давайте мириться!» прилюдно решает проблемы своей семьи с помощью сексолога... Похоже, для многих уже все равно, лишь бы рейтинг рос и деньги капали..²¹⁸

"Есть ведущий - есть ток-шоу"

Новая программа **"Говорим и показываем"** на НТВ обещает быть скандальной, актуальной и интересной. Вести ее доверено **Леониду Закошанскому**.

Краткая биография Леонида Закошанского:

Леонид Закошанский родился 31 июля 1984 года в городе Туле. По знаку зодиака - Лев, по образованию - юрист. С детства Леонид увлекался восточными единоборствами, профессионально занимался танцами, экстремальными видами спорта. С 2001 года выступал **вэкс-трим-шоу "Urbans"**, параллельно работал в ресторанном и клубном бизнесе. С 2003 года Леонид Закошанский - лицо телеканала **"Муз-ТВ"**, ведущий нескольких программ. Создатель и ведущий авторской программы **"Next Cilebreties"** на радио. Принимал участие в организации и был ведущим многих крупных мероприятий.

Леонид Закошанский - продюсер и ведущий юмористического **"2fresh Show"**. Один из авторов пародийной программы **"ЧП. Юмор"** на канале НТВ. С ноября 2007 года Закошанский - ведущий программы **"Ты не поверишь!"** на канале НТВ. С 2011 - передачи **"Говорим и показываем"**.

▪
Леонид Закошанский: ""Мертвый" ведущий никому не интересен"

- Леонид, в минувшем сезоне вы вели передачу **"Давайте мириться!"**. Новое ток-шоу **"Говорим и показываем"** на НТВ - самостоятельный продукт или продолжение прежнего?

- Самостоятельный. Но мы не могли не использовать тот опыт, который получили в создании **"Давайте мириться!"**. И у нас сохранилась команда, способная осилить сложный формат информационного ток-шоу. Современного ток-шоу.

- Ток-шоу сейчас немало... Вы их смотрите?

- Конечно. Нельзя конкурировать, не зная, что делают твои оппоненты. И, конечно, я в курсе событий. У нас формат новостной, и в последнее время я перестал слушать музыку в машине. Исключительно новости. Стал больше читать и следить за тем, что происходит в стране.